ДЭВИД БРИН

ВОЗВЫШЕНИЕ

КНИГИ 1-7

Сборник "Возвышение". Калькуляция. книги 1-7

Дэвид Брин

Аннотация
Дэвид Брин. Прыжок в солнце
  ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    Глава 1. ЗА ПРЕДЕЛЫ МЕЧТЫ
    Глава 2. РУБАШЕЧНИКИ И ШКУРНИКИ
    Глава 3. ГЕШТАЛЬТ
  ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    Глава 4. МНИМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ
    Глава 5. ПРЕЛОМЛЕНИЕ
    Глава 6. ФАЗОВЫЙ СДВИГ И ДИФРАКЦИЯ
  ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
    Глава 7. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
    Глава 8. ОТРАЖЕНИЕ
    Глава 9. ВСПОМИНАЯ БОЛЬШУЮ БЕСКРЫЛУЮ ГАГАРКУ
  ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
    Глава 10. ТЕПЛОТА
    Глава 11. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ
    Глава 12. ГРАВИТАЦИЯ
    Глава 13. ПОД СОЛНЦЕМ
  ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 14. БЕЗДОННЫЙ ОКЕАН
Глава 15. О ЖИЗНИ И СМЕРТИ…
Глава 16. …И О ВИДЕНИЯХ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
Глава 17. ТЕНЬ
Глава 18. ФОКУС
Глава 19. В ГОСТИНОЙ
Глава 20. СОВРЕМЕННОЕ СРЕДСТВО
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
Глава 21. DEJA PENSE – УЖЕ ПРОДУМАНО
Глава 22. ДЕЛЕГАЦИЯ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
Глава 23. ВОЗБУЖДЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
Глава 24. СПОНТАННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ
Глава 25. СВЯЗАННОЕ СОСТОЯНИЕ
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
Глава 26. ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ
Глава 27. ВОЗБУЖДЕНИЕ
Глава 28. ВЫНУЖДЕННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ
Глава 29. ПОГЛОЩЕНИЕ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
Глава 30. НЕПРОЗРАЧНОСТЬ
Глава 31. РАСПРОСТРАНЕНИЕ
Дэвид Брин. Звездный прилив
СЛОВАРЬ И ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
ПРОЛОГ. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛАВУЧЕСТЬ
Глава 1. ТОШИО
Глава 2. ГАЛАКТЫ
Глава 3. ТАККАТА-ДЖИМ
Глава 4. КРАЙДАЙКИ
Глава 5. ТОМ ОРЛИ
Глава 6. ГАЛАКТЫ
Глава 7. ТОШИО
Глава 8. ГАЛАКТЫ
Глава 9. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
Глава 10. МЕТЦ
Глава 11. КРАЙДАЙКИ И ОРЛИ
Глава 12. ГАЛАКТЫ
Глава 13. ТОШИО
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТЕЧЕНИЯ
Глава 14. ДЭННИ
Глава 15. СТЕНОС
Глава 16. ГАЛАКТЫ
Глава 17. ТОМ ОРЛИ
Глава 18. ДЖИЛЛИАН
Глава 19. КРАЙДАЙКИ
Глава 20. ГАЛАКТЫ
Глава 21. ДЭННИ И ТОШИО
Глава 22. КРАЙДАЙКИ
Глава 23. ДЖИЛЛИАН
Глава 24. ГАЛАКТЫ

Глава 25. ТОМАС ОРЛИ
Глава 26. КРАЙДАЙКИ
Глава 27. ОСТРОВ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДИССОНАНС
Глава 28. САХОТ
Глава 29. ТАККАТА-ДЖИМ
Глава 30. АККИ
Глава 31. СВЕССИ
Глава 32. ГАЛАКТЫ
Глава 33. ТОМАС ОРЛИ
Глава 34. КРАЙДАЙКИ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛЕВИАФАН
Глава 35. ДЖИЛЛИАН
Глава 36. АККИ
Глава 37. СВЕССИ
Глава 38. ЧАРЛЗ ДАРТ
Глава 39. МАКАНАЙ
Глава 40. КРАЙДАЙКИ
Глава 41. ТОМ ОРЛИ
Глава 42. ТОШИО
Глава 43. АККИ
Глава 44. КРАЙДАЙКИ
Глава 45. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. СОТРЯСЕНИЕ
Глава 46. САХОТ
Глава 47. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Глава 48. ТАККАТА-ДЖИМ
Глава 49. ПСИ-БОМБА
Глава 50. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 51. ТОМАС ОРЛИ
Глава 52. АККИ
Глава 53. МОКИ
Глава 54. КИПИРУ
Глава 55. ЧАРЛЗ ДАРТ
Глава 56. САХОТ
Глава 57. ДЭННИ И ТОШИО
Глава 58. ГАЛАКТЫ
Глава 59. КРАЙДАЙКИ
Глава 60. ДЖИЛЛИАН
Глава 61. ХИКАХИ И СВЕССИ
Глава 62. ИЗГНАННИКИ
Глава 63. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. РАЗБРОС
Глава 64. КРАЙДАЙКИ/САХОТ
Глава 65. ДЖИЛЛИАН
Глава 66. АККИ
Глава 67. КИПИРУ
Глава 68. ТОМ ОРЛИ
Глава 69. ТОШИО
Глава 70. ХИКАХИ
Глава 71. ЧАРЛЗ ДАРТ
Глава 72. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ПИЩЕВАЯ ЦЕПОЧКА
Глава 73. АККИ
Глава 74. КИПИРУ
Глава 75. ХИКАХИ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. «ТРОЯНСКИЙ МОРСКОЙ КОНЕК»
Глава 76. ГАЛАКТЫ
Глава 77. ТОШИО
Глава 78. ТОМ ОРЛИ
Глава 79. ГАЛАКТЫ
Глава 80. ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
Глава 81. ЧАРЛЗ ДАРТ
Глава 82. ТОМ ОРЛИ
Глава 83. ДЖИЛЛИАН БАСКИН
Глава 84. ХИКАХИ/КИПИРУ
Глава 85. ДЖИЛЛИАН
Глава 86. ТОШИО
Глава 87. ДЖИЛЛИАН
Глава 88. ТОШИО
Глава 89. ДЖИЛЛИАН
Глава 90. КРАЙДАЙКИ
Глава 91. ТОМ ОРЛИ
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ПОДЪЕМ
Глава 92. ДЭННИ/САХОТ
Глава 93. ТАККАТА-ДЖИМ/МЕТЦ
Глава 94. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Глава 95. ТОШИО
Глава 96. ТОМ ОРЛИ
Глава 97. СКИФ
Глава 98. ТОМ ОРЛИ
Глава 99. ДЖИЛЛИАН
Глава 100. ТОШИО
Глава 101. ГАЛАКТЫ
Глава 102. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 103. ТОМ ОРЛИ
Глава 104. ГАЛАКТЫ
Глава 105. СКИФ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ВОСТОРГ
Глава 106. ТОШИО
Глава 107. ТАККАТА-ДЖИМ
Глава 108. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 109. ТАККАТА-ДЖИМ
Глава 110. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 111. ТОМ ОРЛИ
Глава 112. ТАККАТА-ДЖИМ
Глава 113. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 114. ГАЛАКТЫ
Глава 115. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 116. ГАЛАКТЫ
Глава 117. ТАККАТА-ДЖИМ
Глава 118. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 119. ГАЛАКТЫ

Глава 120. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 121. ГАЛАКТЫ
Глава 122. «СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
Глава 123. ГАЛАКТЫ
Глава 124. ТОМ ОРЛИ
Глава 125. СКИФ
ЭПИЛОГ
ПОСТСКРИПТУМ
Дэвид Брин. Война за возвышение
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ
СЛОВА И ГЛИФЫ ТИМБРИМИ
ПРОЛОГ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВТОРЖЕНИЕ
Глава 1. ФИБЕН
Глава 2. АТАКЛЕНА
Глава 3. ГАЛАКТЫ
Глава 4. РОБЕРТ
Глава 5. ФИБЕН
Глава 6. УТАКАЛТИНГ
Глава 7. АТАКЛЕНА
Глава 8. ФИБЕН
Глава 9. УТАКАЛТИНГ
Глава 10. РОБЕРТ
Глава 11. ГАЛАКТЫ
Глава 12. АТАКЛЕНА
Глава 13. ФИБЕН

Глава 14. УТАКАЛТИНГ
Глава 15. АТАКЛЕНА
Глава 16. ХАУЛЕТТС-ЦЕНТР
Глава 17. ФИБЕН
Глава 18. УТАКАЛТИНГ
Глава 19. АТАКЛЕНА
Глава 20. ГАЛАКТЫ
Глава 21. ФИБЕН И РОБЕРТ
Глава 22. АТАКЛЕНА
Глава 23. ИЗГНАНИЕ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПАТРИОТЫ
Глава 24. ФИБЕН
Глава 25. ГАЛАКТЫ
Глава 26. РОБЕРТ
Глава 27. ФИБЕН
Глава 28. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 29. РОБЕРТ
Глава 30. ФИБЕН
Глава 31. ГАЛАКТЫ
Глава 32. АТАКЛЕНА
Глава 33. ФИБЕН
Глава 34. АТАКЛЕНА
Глава 35. РОБЕРТ
Глава 36. ФИБЕН
Глава 37. ГАЛАКТЫ
Глава 38. ФИБЕН

Глава 39. ГАЙЛЕТ
Глава 40. ФИБЕН
Глава 41. ГАЛАКТЫ
Глава 42. РОБЕРТ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГАРТЛИНГИ
Глава 43. УТАКАЛТИНГ
Глава 44. ГАЛАКТЫ
Глава 45. АТАКЛЕНА
Глава 46. ФИБЕН
Глава 47. АТАКЛЕНА
Глава 48. ФИБЕН И ГАЙЛЕТ
Глава 49. ГАЛАКТЫ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПРЕДАТЕЛИ
Глава 50. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 51. УТАКАЛТИНГ
Глава 52. АТАКЛЕНА
Глава 53. РОБЕРТ
Глава 54. ФИБЕН
Глава 55. УТАКАЛТИНГ
Глава 56. ГАЛАКТЫ
Глава 57. АТАКЛЕНА
Глава 58. РОБЕРТ
Глава 59. ФИБЕН
Глава 60. УТАКАЛТИНГ
Глава 61. АТАКЛЕНА
Глава 62. ГАЛАКТЫ

Глава 63. ФИБЕН
Глава 64. ГАЙЛЕТ
Глава 65. ФИБЕН
Глава 66. ГАЙЛЕТ
Глава 67. ФИБЕН
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. МСТИТЕЛИ
Глава 68. ГАЛАКТЫ
Глава 69. ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ
Глава 70. РОБЕРТ
Глава 71. МАКС
Глава 72. АТАКЛЕНА
Глава 73. УТАКАЛТИНГ
Глава 74. ГАЙЛЕТ
Глава 75. ГАЛАКТЫ
Глава 76
Глава 77. ФИБЕН И СИЛЬВИЯ
Глава 78. ГАЛАКТЫ
Глава 79. ГАЙЛЕТ
Глава 80. РОБЕРТ
Глава 81. АТАКЛЕНА
Глава 82. УТАКАЛТИНГ
Глава 83. ФИБЕН
Глава 84. УТАКАЛТИНГ
Глава 85. АТАКЛЕНА
Глава 86. ГАЛАКТЫ
Глава 87. ФИБЕН

Глава 88. ГАЙЛЕТ
Глава 89. ГАЛАКТЫ
Глава 90. ГАЙЛЕТ
Глава 91. ФИБЕН
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ГРАЖДАНЕ
Глава 92. ГАЛАКТЫ
Глава 93. РОБЕРТ
Глава 94. ГАЛАКТЫ
Глава 95. АТАКЛЕНА
Глава 96. СИЛЬВИЯ
Глава 97. ГАЛАКТЫ
Глава 98. УТАКАЛТИНГ
Глава 99. ГАЛАКТЫ
Глава 100. АТАКЛЕНА
Глава 101. ГАЛАКТЫ
Глава 102. МАЙОР ПРАТАЧУЛТОРН
Глава 103. АТАКЛЕНА
Глава 104. ГАЛАКТЫ
Глава 105. РОБЕРТ
Глава 106. ГАЙЛЕТ
Глава 107. ГАЛАКТЫ
Глава 108. АТАКЛЕНА
Глава 109. ГАЛАКТЫ
Глава 110. АТАКЛЕНА
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ВОЛЧАТА
Глава 111. ФИБЕН

ПОСТСКРИПТУМ И БЛАГОДАРНОСТИ
Дэвид Брин. Риф яркости
Аскс
Прелюдия
I . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
II . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Семья Нело
Аскс
Двер
Аскс
Сара
III . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
IV . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Двер
Аскс
Ларк
Аскс
Сара
Незнакомец
V . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина

VI . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Двер
Аскс
Сара
Аскс
Двер
VII . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
VIII . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Парк
Аскс
Двер
Незнакомец
IX . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
X . КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Аскс
Двер

Аскс
Ларк
Рети
XI . КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара
Аскс
Двер
Незнакомец
XIII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Ларк
Аскс
Рети
XV. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Сара

Аскс
Двер
Аскс
Ларк
Незнакомец
XVII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Рети
Аскс
Сара
XIX. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XX. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Аскс
Ларк
Незнакомец
XXI. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXII. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Двер
Аскс
Сара

XXIII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Сара
Аскс
Ларк
Аскс
Сара
Аскс
Незнакомец
XXV. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды
Двер
Рети
Двер
Рети
Двер
Аскс
Сара
Аскс
XXVII. КНИГА МОРЯ
Рассказ Олвина
XXVIII. КНИГА СКЛОНА

Легенды
Сара
Ларк
Аскс
Сара
Эпилог
Дэвид Брин. Берег бесконечности
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
НЕЗНАКОМЕЦ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СУНЕРЫ
ОЛВИН
АСКС
РЕТИ
ОЛВИН
АСКС
САРА
ОЛВИН
АСКС
ЛАРК
ЭМЕРСОН
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА
СУНЕРЫ
ОЛВИН
АСКС
РЕТИ
ОЛВИН
АСКС
САРА
ОЛВИН
АСКС
ЛАРК
АСКС
ЭМЕРСОН
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
ХАННЕС
ДЖИЛЛИАН
СУНЕРЫ
ЭВАСКС
ОЛВИН
ДВЕР
САРА
ЛАРК
ЭВАСКС
ДВЕР
ОЛВИН

САРА
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
ТШ'Т
СУНЕРЫ
НЕЛО
ЭВАСКС
ЛАРК
ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ
ДВЕР
ОЛВИН
ЭВАСКС
САРА
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОЛЕЗНОМ ИНСТРУМЕНТЕ/СТРАТЕГИИ, ОСНОВАННОЕ НА НАШЕМ ОПЫТЕ НА ДЖИДЖО
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
МАКАМИ
ХАННЕС
СУНЕРЫ
ЭМЕРСОН
ЭВАСКС
ЛАРК

ЭВАСКС
ЛАРК
ДВЕР
ОЛВИН
САРА
НЕЛО
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
ХАННЕС
ТШ'Т
СУНЕРЫ
ЭМЕРСОН
ЛАРК
ОЛВИН
САРА
ЭВАСКС
ЛАРК
НЕЛО
ЛАРК
ДВЕР
ОЛВИН
ЭВАСКС
ДВЕР
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПРИТЧА

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
ДЖИЛЛИАН
ЭВАСКС
ТШ'Т
КАА
СУНЕРЫ
ЛАРК
ОЛВИН
ЭВАСКС
САРА
БЛЕЙД
ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ
ФАЛЛОН
НЕЛО
РЕТИ
Уф!
ДВЕР
РЕТИ
САРА
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
ДЖИЛЛИАН
КАА
ДЖИЛЛИАН

КАА
СУНЕРЫ
ЭВАСКС
ВУББЕН
БЛЕЙД
ВУББЕН
БЛЕЙД
ЛАРК
БЛЕЙД
ЭВАСКС
БЛЕЙД
ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ
ЛАРК
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
КАА
СУНЕРЫ
ЛАРК
БЛЕЙД
ЛАРК
НЕЛО
ЭВАСКС
САРА
ЭВАСКС
ДВЕР

ЭВАСКС
ДВЕР
САРА
ДЖИЛЛИАН
ЛАРК
ЭМЕРСОН
КАА
ОЛВИН
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ВУББЕН
КАА
РЕТИ
ДВЕР
ОЛВИН
ЭВАСКС
САРА
ДВЕР
ЛАРК
ДЖИЛЛИАН
РЕТИ
ЭВАСКС
ДЖИЛЛИАН
ДВЕР
ДЖИЛЛИАН
МУДРЕЦЫ
РЕТИ

ДВЕР
ЛАРК
РЕТИ
ДЖИЛЛИАН
ДВЕР
МУДРЕЦЫ
ЭВАСКС
ДВЕР
САРА
ДВЕР
ДЖИЛЛИАН
МУДРЕЦЫ
СКЛОН
ЛАРК
ЛАРК
ДЖИЛЛИАН
САРА
РЕТИ
ЭВАСКС
ЭМЕРСОН
ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ
Дэвид Брин. Небесные просторы
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
Часть первая. Пять Галактик
ГАРРИ

САРА
ДЖИЛЛИАН
ГАРРИ
ЛАРК
ДВЕР
ГАРРИ
САРА
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ЛАРК
ЭМЕРСОН
РЕТИ
ЛАРК
Часть вторая. Порядки жизни
ГАРРИ
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ЛАРК
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ДЖИЛЛИАН
ТШТ
ЛАРК
ЭМЕРСОН
ДЖИЛЛИАН
ЭМЕРСОН
ДЖИЛЛИАН
ЛАРК

ЭВАСКС
ДНЕВНИК ОЛВИНА
Часть третья. Великий Сортировщик
ГАРРИ
САРА
ГАРРИ
ОЛВИН
ГАРРИ
ЭВАСКС
ГАРРИ
Часть четвертая. Кандидаты в трансцендентность
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
ГАРРИ
САРА
ЛАРК
ДВЕР
ЭМЕРСОН
ГАРРИ
КАА
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН
ЛАРК
САРА
ДНЕВНИК ОЛВИНА
ЛАРК
ГАРРИ

ДЖИЛЛИАН
ЛАРК
ЭМЕРСОН
ДЖИЛЛИАН
«Х»
Часть пятая. Время Перемен
ГАЛАКТИКИ
ПРОСТРАНСТВО Е
СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА
ГИПЕРПРОСТРАНСТВО
ЗЕМЛЯ
ДЖИДЖО
ДОМ
СУДЬБА
ПОСЛЕСЛОВИЕ
БЛАГОДАРНОСТИ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ (РАЗВЯЗКА)
ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ
Дэвид Брин. Искушение
Об авторе
ПРЕДИСЛОВИЕ
АВТОРА. ВСЕЛЕННАЯ ВОЗВЫШЕНИЯ
МАКАНАЙ
ПИПОУ
МАКАНАЙ

ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
МАКАНАЙ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ДАРИТЕЛИ ЧУДЕС
РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУШЕНИЕ
ТКЕТТ
ПИПОУ
ТКЕТТ
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Аннотация

Возвышение — процесс включения старшими космическими расами младших в галактическую культуру с помощью обучения и генной инженерии. Образующаяся при этом раса клиентов служит своим патронам определенное договором время. Прародители — мифическая первая раса, основавшая галактическую культуру и Библиотеку несколько миллиардов лет назад. Галакты — представители старших космических рас, которые образуют сообщество пяти галактик. Большинство из них являются патронами, участвуя в древнем процессе возвышения. Клиент — раса, достигшая стадии разума благодаря генной инженерии, осуществленной расой патронов. Договорный клиент — раса, выплачивающая свой долг патрону согласно договору. Перед вами сага о Возвышении. Сага о борьбе землян за собственное место в многоликом Сообществе Пяти Галактик.

Содержание:

1. Прыжок в солнце *(Перевод: Игорь Алюков)*

2. Звездный прилив *(Перевод: А. Грузберг)*

3. Война за возвышение *(Перевод: А. Грузберг)*

4. Риф яркости *(Перевод: Д. Арсеньев)*

5. Берег бесконечности *(Перевод: А. Грузберг)*

6. Небесные просторы *(Перевод: А. Грузберг)*

7. Искушение *(Перевод: А. Грузберг)*

Дэвид Брин
Прыжок в солнце

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Есть все основания надеяться, что не в столь отдаленном будущем мы будем в состоянии понять такую простую штуку, как звезда.

А.С.Эддингтон, 1926

Глава 1
ЗА ПРЕДЕЛЫ МЕЧТЫ

— Макой, ты готова?

Затаив дыхание, не замечая тихого гудения двигателей в стальном коконе, Джейкоб ждал ответа. Корабль-дельфин мягко покачивался на легких волнах.

Джейкоб взглянул на индикаторы информационной панели — полный порядок. Радио тоже в норме. Партнер внутри второго такого же кокона должен слышать каждое слово.

Вода сегодня поражала чистотой и прозрачностью. За иллюминатором, лениво помахивая хвостом, проплыла леопардовая акула. Джейкоб удивился: встреча с огромной рыбиной на таких

глубинах, вдали от берегов, считалась маловероятной.

— Ты готова, Макой?

Он не хотел выдавать нетерпение. Где-то в области затылка постепенно нарастало напряжение. Джейкоб прикрыл глаза и постарался расслабиться.

— Ддд-да… Ддавай попробуем! — наконец донесся вибрирующий тонкий голосок, словно с натугой выдавливающий звуки. Весьма длинная речь для Макой. Джейкоб скосил глаза. На волнах возле корабля покачивался необычный аппарат: устройство для обучения молодого дельфина. В зеркалах, прикрепленных к шлему Джейкоба, металлически поблескивал серебристый хвостовой плавник, колышущийся в такт волне. Боковые плавники машины вяло шевелились под водой. «Ну вот и славно, — подумал Джейкоб, — долгожданный момент наступил. Если техника способна развеять дельфиньи грезы, она это сделает. Самая пора». Он коснулся подбородком кнопки микрофона.

— Ладно, Макой. Как устроен аппарат, ты знаешь. Каждое твое движение будет автоматически усиливаться, но если захочешь включить двигатели, то придется подать команду на английском.

А чтобы все было честно, я должен тебя дублировать на тринари.

— Дддда! — просвистела Макой.

Серебристый хвост выгнулся вверх и, глухо шлепнув по воде, взметнул сноп сияющих брызг. Джейкоб, вознеся молитву Всевышнему Мечтателю, включил усилители в обоих, аппаратах и медленно повел руками, пробуя боковые плавники, но потом неосторожно согнул ноги в коленях. Повинуясь вызванному этим движением импульсу, массивный хвост резко дернулся, и в следующую секунду обтекаемый кокон, клюнув выпуклым носом, круто пошел ко дну. Джейкоб попытался выправить положение, но перестарался. Аппарат беспорядочно закувыркался, вода взбурлила, и понадобилось несколько минут, чтобы сориентироваться и стабилизировать кокон. Джейкоб снова заработал плавниками, на этот раз куда осторожнее, затем изогнулся всем телом и резко оттолкнулся ногами. Металлический дельфин взмахнул хвостом и выпрыгнул из воды. Макой была уже далеко. В верхней точке траектории Джейкоб увидел ее изящный нырок.

Он опустил голову, тут же навстречу понеслась стена зеленой морской воды. От удара зазвенело в ушах. Стайка золотистых гарибальди испуган-

но шарахнулась в сторону: он слишком круто вошел в воду. Джейкоб выругался и дважды сильно махнул хвостом, выправляя аппарат. Массивный хвост с силой рассекал воду в такт движениям ног. При каждом ударе Джейкоб чувствовал дрожь, бегущую вдоль позвоночника, и старался как можно плотнее прижаться к упругой внутренней обшивке. Улучив момент, он подобрался и резко разогнул ноги. Аппарат устремился вверх. В левый иллюминатор ворвался ослепительный солнечный свет, в сиянии которого мгновенно исчезли тусклые огоньки приборной панели. Следующий прыжок вышел куда удачнее — Джейкоб с радостным возгласом мягко нырнул в воду. Брызнул в стороны стремительный косяк маленьких серебристых анчоусов. Руки, скользнув вдоль рычагов управления, нащупали регулятор реактивной тяги. В вершине новой дуги Джейкоб просвистел условную фразу на тринари. В ответ послышался шум, и по бокам аппарата выдвинулись небольшие крылья. С громким хлопком включились двигатели, шлем вдавился в затылок. Сверкающая изумрудная гладь стремительно уносилась назад.

Джейкоб догнал Макой и, подняв фонтан брызг, плюхнулся рядом. Дельфиниха приветствовала

его пронзительным свистом. Он выключил ракеты и снова занялся акробатикой.

Теперь человек и дельфин двигались слаженно. Макой, похоже, вполне освоилась со своим коконом и уже научилась делать пируэты и сальто в воздухе. А во время одного особенно высокого прыжка даже ухитрилась просвистеть на тринари куплет довольно сомнительного содержания. Самую двусмысленную строку Джейкоб не разобрал и от души понадеялся, что на катере успели записать все.

Остальная группа шла за ними на небольшом исследовательском судне. Ненадолго воспаряя в воздуху Джейкоб видел белый корпус, подрагивающий в раскаленном мареве. Потом удар о зеленую стену уничтожал все вокруг, и некоторое время Джейкоб мог слышать, лишь как бурлила рассекаемая вода и как попискивает Макой. За стеклом шлема все сливалось в фосфоресцирующем сиянии.

Он взглянул на часы. С начала тренировки прошло десять минут. Джейкоб понимал, что сможет продержаться наравне с Макой не больше получаса. Мускулатура и нервная система человека не предназначены для непрестанных взлетов и падений.

— Макой, пора включать двигатели. Когда будешь готова, сообщи. Давай запустим их, когда снова прыгНем. Они погрузились в море. Джейкоб с силой ударил хвостом своего аппарата, чтобы выпрыгнуть как можно выше, и вот они снова парят в воздухе, подобно странным фантастическим птицам.

— Макой, я не шучу. Ты готова?

Они достигли высшей точки траектории. Он скосил глаза и разглядел круглый блестящий глаз. Аппарат Макой изогнулся и ринулся навстречу морской пучине. Через мгновение Джейкоб устремился вслед за подопечной.

— Ладно, Макой. Если не ответишь сию минуту, мы возвращаемся.

Он толчками двигался рядом со своей ученицей, а мимо в изумрудной воде проносились бесчисленные воздушные пузырьки. Макой изогнулась, но вместо того, чтобы вынырнуть, нырнула еще глубже. Джейкоб услышал быструю фразу на тринари — слишком быструю, чтобы как следует понять… Кажется, она пробормотала что-то о занудстве.

Джейкоб медленно всплыл на поверхность.

— Ну, милая, давай! Одна правильная английская фраза, и все дела!

Если хочешь, чтобы твои дети когда-нибудь открыли для себя космос, ты должна это сделать. К тому же английский так выразителен! Давай же, скажи дядюшке Джейкобу, что ты о нем думаешь.

Несколько секунд в наушниках царила полная тишина. Потом он вдруг увидел промелькнувшую под ним стремительную тень. Тень пронеслась мимо, и уже возле самой поверхности прозвучало насмешливое вибрато:

— Лови меня, зззануда! Я лечуууууу!

Металлический хвост яростно шлепнул по воде, и дельфиниха на столбе пламени вырвалась из плена родной стихии.

Джейкоб рассмеялся, отплыл в сторону и, запустив двигатели, помчался вдогонку за ученицей.

Он еще допивал кофе, когда Глория принесла таблицу последних данных. Джейкоб попытался сосредоточиться на них, но качка помешала, строчки плясали перед глазами, и он отложил листки в сторону.

— Потом посмотрю. А пока не могли бы вы изложить выводы вкратце?

Кстати, я не успел позавтракать и, если позволите, съем-ка еще сэндвич. Она глянула на него сверху вниз и, крепко ухватившись за поруч-

ни, уселась напротив. Качка усиливалась. Как обычно, Глория обошлась минимумом одежды. И надо сказать, молодой и очень привлекательной биологине это шло. Ее наряд состоял в основном из великолепной гривы буйных черных волос.

— Джейкоб, мне кажется, теперь у нас есть вся необходимая информация, и можно двигаться дальше. Не знаю, как вам это удалось, но время, в течение которого Макой способна сосредоточиться на английском, теперь стало по крайней мере вдвое дольше обычного. Манфред полагает, что он обнаружил достаточное количество синаптических кластеров, чтобы наметить направление следующей серии экспериментальных мутаций. Есть несколько узлов в левой доле головного мозга, которые он хочет развить у потомства Макой. Что касается моей группы, то мы вполне удовлетворены существующим положением. Обращение Макой с искусственным аппаратом определенно доказывает, что уже нынешнее поколение дельфинов способно управлять машинами.

Джейкоб вздохнул.

— Если вы надеетесь, что эти результаты убедят Совет Конфедерации отменить дальнейшие эксперименты, то вы ошибаетесь. Они напуганы.

И больше не желают рассматривать поэзию и музыку в качестве доводов в пользу разумности дельфинов. Им нужны существа, способные мыслить аналитически, а то, что мы имеем, — управление запуском двигателей при помощи английских фраз — не в счет. Ставлю двадцать к одному, что Манфред продолжит свои опыты.

Глория покраснела от гнева.

— Продолжит?! Но это же разумный народ, народ, у которого есть прекрасная мечта! А мы собираемся уничтожить племя поэтов, превратив их в заурядных инженеров!

Джейкоб бросил на тарелку корку от сэндвича и смахнул крошки с груди.

Он уже пожалел о том, что начал этот разговор.

— Знаю, знаю. Я и сам был бы рад не гнать так быстро. Но попробуйте взглянуть на все чуть-чуть с другой точки зрения. Вам не приходило в голову, что, может быть, эти механические плавники помогут дельфинам облечь в слова свою мечту? И тогда нам больше не понадобятся ни тринари, чтобы поболтать о погоде, ни ломаный английский для обсуждения философских проблем. И когда это произойдет, дельфины присоединятся к шимпанзе и начнут бороздить Галактику своими

любопытными носами. А мы будем играть роль умудренных опытом взрослых.

— Но…

Джейкоб вскинул руку, останавливая ее.

— Давайте продолжим разговор позже. Сейчас мне хотелось бы отдохнуть, а потом надо будет взглянуть на нашу девочку.

— Извините, Джейкоб, должно быть, вы действительно устали. Но по крайней мере сегодня все прошло удачно. Джейкоб мягко улыбнулся.

— Да, — он встал, — сегодня все сработало.

— Кстати, пока вы работали с Макой, позвонил какой-то Внеземной.

Джонни так потрясла его наружность, что он чуть не забыл спросить, что вам передать. Записка лежала где-то здесь.

Глория красивыми длинными пальцами сдвинула в сторону блюдца с чашками и торжественно вручила Джейкобу обнаруженный клочок бумаги. Он пробежал записку глазами и нахмурил гладкий лоб без единой морщинки. Кожа Джейкоба была смуглой и упругой, что объяснялось и наследственностью, и долгим воздействием солнца и морской воды. И даже привычка щурить глаза в минуту задумчивости не привела к появлению морщин. Джейкоб потер

жестким натруженным пальцем крючковатый индейский нос.

Почерк радиста оставлял желать лучшего.

— Все, конечно, знают, что вы работали с Внеземными, — сказала Глория, — но я никак не ожидала, что кто-то из них позвонит сюда! Он просто неописуем! Похож на гигантскую брокколи, а манеры словно у церемониймейстера на торжественном приеме.

Джейкоб оторвался от бумаги.

— Так это был кантен? Он назвал свое имя?

— Не знаю, может быть, там написано. Значит, это и есть кантен? — Она вздохнула. — Боюсь, я не очень разбираюсь в чужаках. Наверное, я узнала бы синтианина или тимбрими, но такого мне видеть не доводилось.

— Хм… Так, мне нужно позвонить. Посуду я потом ополосну, не смейте к ней прикасаться. Сообщите Манфреду и Джонни, что я попозже спущусь взглянуть на Макой. Еще раз спасибо.

Джейкоб улыбнулся девушки и слегка коснулся ее плеча, но когда отвернулся, на его лицо вновь набежало выражение крайней озабоченности. Скомкав записку, он направился к люку и исчез внизу. Глория несколько секунд с тоской смотрела ему вслед, потом принялась убирать таблицы

с данными, меланхолически размышляя о том, чем, интересно, можно привлечь внимание этого человека. Да лучше не на час, а на целую ночь.

Каюта Джейкоба напоминала скорее шкаф, в который по недоразумению поставили узкую складную кровать. Но, несмотря на размеры помещения, только здесь Джейкоб чувствовал себя вполне комфортно. Из еще более крошечного стенного шкафчика он вытащил портативный телик и установил его на койке.

Вообще-то для беспокойства не было оснований. Фэгин мог позвонить, чтобы просто поболтать. В конце концов, он всегда интересовался работой Джейкоба с дельфинами. Но в памяти Джейкоба были свежи те случаи, когда звонки этого чужака создавали множество проблем. С минуту он раздумывал, стоит ли отвечать на нежданный звонок. Потом все-таки набрал код и уселся поудобнее, прислонившись к стене. Он никогда не мог отказаться от соблазна пообщаться с В.З. На экране замелькали символы текущих координат вызываемого абонента. Резервация для чужаков Баха. «Осторожней, — сказал он себе, — в Бахе находится Библиотека». Затем последовало стандартное предупреждение: поднадзорные не имеют права вступать в контакт с чужаками.

Джейкоб скорчил гримасу. Прошло несколько секунд. Воздух перед экраном так сильно наэлектризовался, что в нем начали проскакивать маленькие искры. И вот в нескольких дюймах от Джейкоба возникло изображение Фэгина. Чужак и впрямь напоминал гигантскую брокколи. Синие и зеленые побеги сплетались в симметричные сферические шары вокруг шишковатого бородавчатого ствола. То здесь, то там ветви венчались крошечными кристаллическими чешуйками. Особенно много кристалликов было в верхней части, вокруг невидимого дыхательного отверстия. Побеги тихо шелестели в потоке воздуха, едва слышно позвякивая кристалликами: существо дышало.

— Привет, Джейкоб. — Голос отдавал какой-то металлической мелодичностью. — Рад приветствовать тебя без всяких формальностей, на коих ты, к великому моему сожалению, обычно настаиваешь. Джейкоб подавил невольную усмешку. Странным акцентом и витиеватыми оборотами Фэгин напоминал ему китайского мандарина.

— Приветствую тебя, дружище Фэгин, и от всей души желаю всех благ. А теперь, прежде чем ты скажешь хоть слово, я хочу, чтобы ты заранее знал мой ответ: нет, нет и еще раз нет.

Кристаллики тихо звякнули.

— О Джейкоб, ты так молод и так проницателен! Я поражен твоей интуицией! Восхищен! Угадать цель, с которой я звоню… Джейкоб покачал головой.

— Ни лесть, ни даже хорошо скрытый сарказм не помогут тебе, мой дорогой друг Фэгин. Кроме того, я настаиваю на разговоре по-английски — при общении с тобой это единственный способ не оказаться сбитым с толку. Чужак качнул побегами, словно пожал плечами.

— Ах, Джейкоб, я вынужден склониться перед твоей волей и прибегнуть к столь высоко почитаемой вами, людьми, честности, коей так гордятся представители вашего вида. Действительно, речь идет об одном одолжении, о котором я намеревался попросить тебя. Но теперь, когда ты дал мне ответ… продиктованный недавними неприятными происшествиями… хотя большинство из них, тем не менее, в дальнейшем могут обернуться к лучшему… Но не буду продолжать. Позволь поинтересоваться, друг мой, как обстоят дела с вашими подопечными — представителями вида бурых дельфинов?

— Работа продвигается очень неплохо. Как раз сегодня произошел определенный сдвиг. — Пре-

восходно! Уверен, что без тебя, друг мой, здесь не обошлось. Я слышал, ты просто незаменим.

Джейкоб тряхнул головой. Каким-то образом Фэгину все-таки удалось вновь захватить инициативу.

— Мне и правда посчастливилось найти подход к решению проблемы водного сфинкса, но в остальном мое участие в проекте не требует выдающихся способностей. То, что я делаю, вполне по силам каждому.

— Честно говоря, в это трудно поверить.

Джейкоб нахмурился. К несчастью, он не лукавил с Фэгином. А в будущем работа в Центре Развития обещала стать еще будничнее. Своей очереди ждут сотни экспертов, и многие из них куда лучше разбираются в психике дельфинов. Возможно, Центр, хотя бы из чувства благодарности, оставит его в штате, но хочет ли этого он сам? Как ни любил Джейкоб дельфинов и море, в последние дни он чувствовал нарастающую необъяснимую тревогу.

— Фэгин, прошу прощения за резкость. Я все-таки хотел бы услышать о причине твоего звонка… При условии, что мой ответ по-прежнему отрицательный.

Фэгин зашелестел кроной.

— Я хотел пригласить тебя на небольшую дружескую встречу с несколькими достойными представителями различных видов для обсуждения одной весьма важной проблемы чисто интеллектуального свойства. Встреча состоится в четверг в Центре Гостей в Энсенаде в одиннадцать часов. Твое присутствие на ней не накладывает на тебя никаких обязательств. Джейкоб задумался.

— Ты говоришь, там будут Внеземные? Кто именно? И чему посвящена встреча?

— Увы, дорогой мой друг, я не имею права распространяться на эту тему, во всяком случае по телефону. Придется набраться терпения, подробности ты узнаешь в четверг, сразу по прибытии, если, конечно, приедешь.

Джейкоб сразу заподозрил неладное.

— Надеюсь, проблема не политическая? Слишком уж таинственно.

Ствол собеседника замер, тогда как зеленая масса медленно колыхалась.

Фэгин размышлял.

— Я никогда не понимал, Джейкоб, — послышалось наконец металлическое журчание, — почему человек твоего происхождения проявляет так мало интереса к тому переплетению эмоций

и желаний, которое вы, люди, именуете «политикой». Будь здесь уместна метафора, я сказал бы, что политика «у меня в крови». И наверняка у тебя тоже.

— Оставим в покое мое происхождение! Не понимаю, почему нужно ждать до четверга, чтобы узнать, о чем будет идти речь. Кантен вновь замешкался.

— В этом деле имеются… определенные аспекты, которые не стоит обсуждать в эфире. Кое-какие подозрительные представители противоборствующих фракций вашей культуры могут неправильно воспользоваться полученными сведениями, если им удастся… подслушать. Однако позволь тебя уверить, что твое участие будет носить чисто технический характер. Нам нужны твои знания, а также опыт, который ты приобрел в Центре Развития.

«Черта лысого! — подумал про себя Джейкоб. — Вы вовсе не намерены этим ограничиться».

Он хорошо знал хитреца Фэгина. Если Джейкоб все-таки решит поехать на эту встречу, кантен наверняка попытается воспользоваться его присутствием, чтобы вовлечь в какую-нибудь очередную сомнительную и опасную авантюру. В прошлом этому чужаку уже трижды удава-

лось втянуть Джейкоба в свои захватывающие игры. В первых двух случаях он, собственно, и не возражал. Но тогда Джейкоб был совсем другим человеком, ему нравились авантюры и опасности.

Но потом… потом наступила очередь Шпиля. Душевная травма, полученная в Эквадоре, перевернула всю его жизнь. И сейчас он не испытывал никакого желания снова пережить нечто подобное. Но при всем том Джейкобу не хотелось и разочаровывать старого приятеля. По большому счету, Фэгин никогда ему не лгал и, кроме того, был единственным среди Внеземных, кто без всяких задних мыслей искренне восхищался человеческой историей и культурой. Не похожий на людей куда больше, чем все прочие чужаки, кантен тем не менее изо всех сил пытался понять землян.

«Все будет в порядке, если я просто скажу ему правду. Если Фэгин начнет на меня давить, расскажу ему об экспериментах с самогипнозом и странных результатах, которые я получил. Он не будет слишком настаивать, если я взову к его чувству справедливости».

— Ладно, — вздохнул Джейкоб, — ты победил, Фэгин. Я приеду. Только не жди, что я стану гвоз-

дем программы.

Смех Фэгина напоминал пение деревянных флейт.

— Об этом можешь не беспокоиться, дружище Джейкоб. Никому не придет в голову считать тебя гвоздем этой программы!

Солнце еще не зашло за горизонт, когда Джейкоб вышел на верхнюю палубу. Надо было проведать Макой. Закат поражал странной красотой — тускло-оранжевый диск в обрамлении клочьев розовых облаков. Чтобы насладиться этим великолепием, Джейкоб на мгновение остановился. Свежий морской ветер упруго обдувал лицо. Солнце, забывшее полуденную ярость, ласкало кожу. Он прикрыл глаза. Потом тряхнул головой, перекинул ноги через поручень и спрыгнул на нижнюю палубу. Дневная усталость была забыта, и он принялся напевать — фальшиво, но с чувством. Когда Джейкоб появился у бассейна, Макой утомленно подплыла к краю и поприветствовала его очередной стихотворной строкой на тринари. Джейкоб не успел разобрать ее дословно, уловив лишь довольно дружелюбное настроение, ну и, конечно же, непристойный смысл — что-то насчет его половой жизни. Дельфины, весьма склонные к грубоватому юмору,

целое тысячелетие с успехом рассказывали людям двусмысленные истории на тринари, пока те не разобрались в дельфиньем языке.

Джейкоб плеснул в дельфиниху водой.

— Ну-ка угадай, у кого сегодня день был тяжелее?

Она в ответ обдала его целым фонтаном брызг и прокричала что-то вроде «Черт с тобой!». Джейкоб опустил руку в воду, и дельфиниха ласково ткнулась ему в ладонь твердым блестящим клювом.

Глава 2
РУБАШЕЧНИКИ И ШКУРНИКИ

Много лет назад для того, чтобы взять под контроль передвижение людей из Мексики и обратно, правительство Северной Америки снесло все постройки на старой пограничной полосе, и там, где когда-то соприкасались два города, возникла пустыня.

После Переворота и свержения Бюрократии власти Конфедерации разбили на этом месте парк, и со временем на пограничной полосе между Сан-Диего и Тихуаной, к югу от Пендлтона, разросся один из крупнейших лесных массивов.

Но и эта эпоха уже уходила в прошлое.

Ведя взятый напрокат автомобиль по шоссе, Джейкоб повсюду видел признаки постепенного возврата к былым временам и нравам. По обе стороны дороги бригады рабочих устанавливали столбы для забора из колючей проволоки. Этот забор должен был протянуться с востока на запад на огромное расстояние. Ужасное зрелище! Джейкоб отвернулся. В глаза бросился огромный транспарант, установленный на обочине:

НОВАЯ ГРАНИЦА БАХА, РЕЗЕРВАЦИЯ ДЛЯ ВНЕЗЕМНЫХ.
ЖИТЕЛЯМ ТИХУАНЫ, НЕ ИМЕЮЩИМ СТАТУСА ГРАЖДАНИНА,
СЛЕДУЕТ ОБРАТИТЬСЯ В АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ КОМПЕНСАЦИЮ ЗА ПРИНЯТОЕ ВАМИ БЛАГОРОДНОЕ РЕШЕНИЕ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ!

Джейкоб покачал головой и выругался сквозь зубы. «Oderint dum metuant» — пусть ненавидят, лишь бы боялись… Что с того, что человек родился в этом городе, прожил здесь всю свою жизнь? Если у него нет права голоса, он должен убраться с дороги прогресса. С того момента, как вновь начали практиковать резервации для Внеземных, одинаковая участь ждет Тихуану, Гонолулу, Осло

и еще пять городов. Пятидесяти-шестидесяти тысячам проживающих в них поднадзорных — как постоянных, так и временных — придется сняться с насиженных мест, чтобы обеспечить «безопасность» нескольким сотням чужаков. Разумеется, это не коснется основной части населения Земли. Планета в целом по-прежнему закрыта для Внеземных. И для неграждан городов тоже найдется пристанище. К тому же им полагается компенсация, и немалая. И тем не менее на Земле снова появились беженцы.

Джейкоб вздохнул.

По бокам шоссе замелькали постройки. Город еще жил. Кое-где угадывался староиспанский колониальный стиль, но в основном преобладали архитектурные эксперименты, типичные для современных мексиканских городов. Преобладающими цветами зданий были белый и голубой. Воздух звенел на высоких тонах — выли электродвигатели многочисленных машин. По всему городу бело-зеленые таблички возвещали о грядущих переменах. Одна, ближе к шоссе, была заляпана черной краской. Джейкоб успел разобрать наспех написанные сверху слова: «Оккупация. Вторжение». Дело рук постоянного поднадзорного.

Гражданин вряд ли станет заниматься такой чепухой, когда есть сотни законных способов выразить свой протест. Да и временно попавший под надзор за какое-нибудь преступление вряд ли захочет продлить себе срок. Несомненно, это кто-нибудь из несчастных — постоянных поднадзорных — дал волю своим чувствам, забыв о последствиях. Джейкоб от души посочувствовал ему — бедняга скорее всего уже за решеткой.

Джейкоб происходил из семьи потомственных политиков, хотя сам и не испытывал к ней никакого интереса. Оба его деда были героями Переворота, членами небольшой группы технократов, сумевшей свергнуть Бюрократию. Но к Закону о надзоре его семья не имела отношения. В последние годы Джейкоб научился не вспоминать прошлое. Сейчас же он ничего не смог поделать с собой — воспоминания нахлынули мощной волной.

Летняя школа клана Альварес располагалась на одном из холмов, раскинувшихся вокруг Каракаса, в том самом доме, где в свое время Джозеф Альварес с друзьями разрабатывал планы Переворота. Дядя Джереми читал свою лекцию, а Джейкоб и его многочисленные кузены и кузины слушали с минами всепоглощающего внимания

на лицах и смертной тоской в душе. Джейкоб беспокойно вертелся в самом дальнем углу класса, страстно мечтая оказаться в своей комнате, где его ждало «секретное устройство», которое он собрал со сводной сестрой Алисой.

Учтивый и немного наивный Джереми Альварес тогда еще только вступал в пору политического расцвета, только начинал завоевывать авторитет в Ассамблее Конфедерации. Вскоре он станет главой клана Альварес, оттеснив на задний план старшего брата Джеймса.

Джереми рассказывал о том, что Бюрократия издала закон, по которому каждый человек должен был проходить проверку на «склонность к насилию». И тот, у кого данную склонность обнаружат, обязан находиться всю свою жизнь под надзором.

События того утра навсегда врезались Джейкобу в память. Даже сейчас, столько лет спустя, он мог слово в слово повторить речь Джереми в момент, когда в класс незаметно прошмыгнула Алиса, сияя, словно вспыхнувшая сверхновая.

— …Они потратили огромные усилия, дабы убедить население, — раскатистым басом вещал дядя Джереми, — что этот закон раз и навсегда покончит с преступностью. И в этом смысле за-

кон действительно оказался очень эффективен — человек с вживленным передатчиком сто раз подумает, прежде чем решится причинить неприятности своему ближнему. Граждане тогда одобрили закон. Они с удивительной легкостью забыли о своих конституционных правах. Тем более что большинство из них жили в сельской местности, где никогда и не знали подобной роскоши. Когда же лазейки именно в этом законе позволили Джозефу Альваресу и его друзьям свергнуть саму Бюрократию, ликующие граждане вновь и бесповоротно отдали ему свои сердца. Руководители Переворота не посмели поднять вопрос об этичности и правомерности Закона о надзоре. К тому же у них и без того хватало в те дни проблем с организацией Конфедерации… Джейкобу тогда подумалось, что он не выдержит и закричит от смертной тоски и нетерпения. Дядя Джереми все бубнит и бубнит об этой древней чепухе, а Алиса, счастливица Алиса тайком наслаждается сигналами из глубокого космоса по «секретному устройству», рискуя навлечь на себя гнев взрослых. Эх, что-то она в этот раз услышит!

Нет никаких сомнений, сигналы подает космический корабль! И это явно всего лишь третье тихоходное судно, вернувшееся назад! Чем еще

объяснить странную суматоху, поднявшуюся в восточном крыле здания, где находятся лаборатории и кабинеты взрослых? Да еще по тревоге подняли космических резервистов…

Дядя Джереми все продолжал свои разглагольствования, но Джейкоб его уже не видел и не слышал. Алиса возбужденно выпалила ему в ухо:

— Чужаки, Джейкоб! Чужаки! Люди везут с собой чужаков! Внеземные на своих собственных кораблях следуют за земным кораблем! О Джек, «Везариус» обнаружил В.З.!

Так Джейкоб впервые услышал это слово. Впоследствии он не раз спрашивал себя, уж не Алиса ли ввела его в обиход? В свои десять он частенько размышлял, не означает ли слово «Внеземные», что кого-то намерены съесть? <игра слов: «eatee» (англ.) — внеземные, «eat» (англ.) — съесть>

И теперь, проезжая по улицам Тихуаны, давно уже повзрослевший Джейкоб вдруг подумал, что все еще не знает ответа на свой детский вопрос. Угловые здания на основных перекрестках были снесены, и вместо них, переливаясь всеми цветами радуги, красовались «пункты отдыха для В.З.». У входов замерли новенькие автобусы с открытым верхом, оборудованные для пере-

возки как людей, так и чужаков. Возле одного из «пунктов отдыха» Джейкоб увидел пикет. Где-то с десяток шкурников. По крайней мере похожие на шкурников — разряжены в звериные шкуры, размахивают игрушечными пластиковыми копьями. Кто бы еще мог так выглядеть?!

Он прибавил громкость радио и нажал кнопку голосового управления:

«Местные новости, ключевые слова: шкурники, городская администрация, пикеты».

Через мгновение раздался надтреснутый металлический голос. Джейкоб раздраженно скривился: могли бы наконец подобрать подходящий тембр. «Краткая сводка новостей. — Искусственный голос, несмотря на дребезжание, обладал оксфордским произношением. — Сегодня двенадцатое января две тысячи двести сорок восьмого года, сейчас девять часов сорок одна минута. Доброе утро. Тридцать семь человек на законных основаниях пикетируют здание городской администрации Тихуаны. Официально зарегистрированные требования сводятся к сокращению числа резерваций для Внеземных. Пожалуйста, прервите сообщение, если желаете получить факс или устное изложение их официального манифеста».

Механический голос выжидающе замолк. Джейкоб начал терять интерес. Он был хорошо знаком с сутью протеста шкурников. Она состояла в том, что люди, по крайней мере некоторые, не желают или неспособны сотрудничать с чужаками.

«Двадцать шесть из тридцати семи членов группы имеют передатчики поднадзорных, — вновь задребезжал голос, — остальные являются гражданами. В целом соотношение жителей Тихуаны следующее: на сто двадцать четыре гражданина приходится один поднадзорный. Поведение и одежда пикетчиков позволяют отнести их к приверженцам так называемой неолитической этики, в просторечии именуемым шкурниками. Поскольку никто из граждан города не воспользовался своим правом не регистрироваться, можно с уверенностью сказать, что тридцать человек — жители Тихуаны, остальные приезжие…» Джейкобу стало неинтересно, в сцене у административного корпуса не оказалось ничего нового. Он выключил радио. Однако полемика о резервациях для В.З. напомнила ему, что уже почти два года он не навещал дядю Джеймса в Санта-Барбаре. Старик наверняка по уши увяз в тяжбах, которые вел по поручению половины

поднадзорных Тихуаны. И все же дядя Джеймс, уж конечно, возьмет на заметку, что племянник Джейкоб отправился в дальнюю поездку, не удосужившись попрощаться ни с ним, ни с прочими своими родственниками из многочисленного клана Альварес.

«Дальняя поездка? О чем это я? — Джейкоб дернул головой. — Я никуда не собираюсь».

Но в уголке его мозга, отведенном для подобных вещей, засела какая-то заноза, связанная с предстоящей таинственной конференцией. Предвкушение чего-то важного боролось в душе с желанием повернуть назад. Ситуация могла бы показаться очень забавной ему самому, если бы не была слишком знакомой. Какое-то время Джейкоб ехал в тишине — город уступил место бескрайним просторам, и поток машин превратился в тоненький ручеек. Солнце пригревало руки, лежавшие на руле, а сомнения все больше и больше одолевали душу. Несмотря на свои тревоги, он все еще не хотел признать, что для него настала пора покинуть Центр Развития. Работа с дельфинами и шимпанзе была просто замечательной и куда более спокойной (исключая первые суматошные недели занятий с водным сфинксом), чем его прежняя профессия крими-

нального исследователя. Сотрудники Центра были по-настоящему преданы своей работе и, в отличие от множества иных современных земных ученых, обладали высокой этикой. Их работа имела огромное и непреходящее значение. Она не потеряет смысл и тогда, когда в Ла-Пасе в полную силу заработает земной филиал Библиотеки.

Но гораздо более важным представлялось Джейкобу, что в Центре он нашел друзей. Именно они оказывали ему неоценимую поддержку весь минувший год, в течение которого шел медленный процесс соединения воедино распавшихся частей его мозга. Особенно участливой была Глория. «Если я останусь, с ней придется что-нибудь решать». Джейкоб понимал, что дружескими отношениями тут не ограничишься, чувства девушки проявлялись все более явно.

До катастрофы в Эквадоре, которая и привела его в Центр в поисках покоя, Джейкоб знал бы, как поступить в подобной ситуации, и имел бы мужество сделать решительный шаг. Но теперь… Теперь он потерял прежнюю твердость, стал подвержен сомнениям. Сможет ли он решиться когда-нибудь на нечто большее, чем мимолетная интрижка?

Со смерти Тани прошло два года. Два долгих

года! Временами ему бывало очень одиноко. Не помогали ни работа, ни друзья, ни даже увлекательные игры со своим мозгом.

Ландшафт постепенно становился все более безжизненным. Яркая зелень исчезла. Провожая глазами проносящиеся мимо одинокие шишковатые кактусы, Джейкоб откинулся назад и расслабился, наслаждаясь медленным и плавным ритмом езды. Тело его слегка покачивалось в такт движению машины, словно он все еще находился в море.

За выжженными холмами блеснула синь океана. Чем ближе извилистая дорога подводила его к месту встречи, тем сильнее и сильнее Джейкобу хотелось оказаться на борту ставшего родным судна, ждать, когда вдали мелькнет черная спина первого дельфина, когда раздастся щелкающий свист вожака стаи… Вот-вот должна начаться ежегодная миграция дельфинов. Машина обогнула холм, и Джейкоб с удивлением обнаружил, что все места парковки по обе стороны от шоссе заняты компактными электромобилями — собратьями его собственного. Он поднял голову: на вершине холма толпились люди. Джейкоб перестроился на правую полосу, где движение регулировалось автоматически и не было нуж-

ды следить за дорогой. Тут на левой стороне остановился вновь прибывший автомобиль. Из него вылезли двое взрослых и несколько детей. Все держали в руках по корзинке для пикника и по биноклю. Компания вполне походила на типичное городское семейство, выбравшееся на уик-энд, если бы не серебристые одеяния и золотые амулеты. Большинство людей на холме были облачены в те же серебристые одежды. Многие смотрели в личные мини-телескопы куда-то за соседний холм. На этом холме тоже толпились люди, одетые «в пещерном стиле». Правда, убежденные кроманьонцы пошли на некоторый компромисс: наряду с каменными топорами и копьями в их арсенале имелись телескопы, часы, радио и мегафоны. Две группы символично расположились на противоположных холмах. Но было у них и нечто общее: и шкурники, и рубашечники ненавидели все ограничения на общение с В.З., дружеское или враждебное. В ложбине между холмами, пересекая шоссе, красовался гигантский плакат:

КАЛИФОРНИЙСКАЯ РЕЗЕРВАЦИЯ ВНЕЗЕМНЫХ БАХА.

Въезд поднадзорным без специального разрешения запрещен. Просьба ко всем, кто приезжает

впервые, обращаться в информационный центр. Амулеты и неолитические одеяния не допускаются, Просьба о появлении шкурников сообщать в информационный центр.

Джейкоб улыбнулся. Пресса изрядно повеселилась по поводу последнего требования. На всех каналах то и дело появлялись карикатуры, изображавшие посетителей центра, вынужденных сдирать с себя не только экзотические одеяния, но и кожу — под одобрительными взглядами змееподобных существ. Стоянка на вершине соседнего холма также была забита до отказа. Автомобиль Джейкоба медленно взобрался наверх. Отсюда он наконец смог увидеть пресловутый барьер.

Посредине широкой полосы, лишенной какой бы то ни было растительности, тянулась линия столбов с натянутой колючей проволокой. На многих столбах краска успела поблекнуть, а фонари на их верхушках покрылись пылью.

Вездесущие детекторы действовали подобно ситу, позволяя гражданам свободно входить в резервацию и покидать ее, тогда как поднадзорные не могли проникнуть внутрь, а чужаки, напротив, оказаться снаружи. Этот забор являлся грубым напоминанием того факта, который

большинство людей старалось не замечать: значительная часть человечества носила вживленные передатчики только потому, что другая, большая часть, попросту не доверяла им. И это большинство не желало, чтобы Внеземные и те, кого на основании психологического теста сочли «склонными к насилию», вступали между собой в контакт.

Барьер, судя по всему, неплохо справлялся со своей задачей. Скопления людей по обе стороны шоссе становились все плотнее, а их одеяния — все экзотичнее, но перед самой линией столбов оставалась узкая полоска свободного пространства. Кое-кто из рубашечников и шкурников относился, вероятно, к гражданам, но они оставались вместе с товарищами то ли из солидарности, то ли из чувства протеста.

Перед барьером толпа была особенно плотной. И шкурники, и рубашечники провожали автомобили угрозами и оскорбительными жестами. Джейкоб продолжал неторопливо двигаться по полосе с автоматической регулировкой движения, прикрывая рукой глаза от слепящего солнца и наслаждаясь зрелищем. Молодой человек, с ног до головы закутанный в серебристую ткань, потрясал над головой плакатом:

«Человечество — продукт Развития! Пусть наши внеземные братья выйдут из резерваций!»

С другой стороны шоссе женщина размахивала копьем, к которому был прикреплен лист, гласивший:

«Земляне достигли всего сами! В.З., убирайтесь с Земли!» Эти два плаката со всей полнотой выражали суть спора. Весь мир жаждал узнать, кто прав: сторонники Дарвина или последователи фон Даникена. Шкурники и рубашечники представляли собой всего лишь наиболее фанатичные течения двух философских лагерей, на которые людей разделил этот спор. Суть спора состояла в сакраментальном вопросе: каким образом вид гомо сапиенс стал самим собой?

Но рубашечники и шкурники обсуждением этого вопроса не довольствовались. У первых любовь к чужакам достигла почти религиозного экстаза. Ксенофилия в стадии истерии. Что касается неолитиков с их любовью к нарядам кроманьонцев и пещерным ритуалам, то не скрывается ли за их призывами к «независимости от В.З.» нечто большее — страх перед чуждым разумом? Своего рода космическая ксенофобия?

В одном Джейкоб не сомневался: и тех и других объединяли гнев и возмущение, вызванные

осторожной, основанной на компромиссах политикой Конфедерации по отношению к В.З., а также возмущение Законом о надзоре, который многих из них выкинул на обочину общества. В итоге — гнев по отношению к миру, в котором никто не мог сказать наверняка, каково его происхождение.

Внимание Джейкоба привлек пожилой небритый человек в куртке из шкуры и самодельных кожаных штанах. Он сидел на корточках у шоссе, смешно подскакивая, что-то яростно крича в облаке пыли, поднятой множеством ног, и указывая пальцем на землю. С каждым мгновением его отрывистые выкрики становились все более громкими и неистовыми.

— П-пе! — Странные звуки вылетали из его горла, яростные, словно проклятия. Пена пузырилась на губах. Узловатый палец с силой тыкал в землю. — П-пе! П-пе!

Изумленный странным зрелищем, Джейкоб приостановил автомобиль. И сразу что-то со свистом пронеслось у него перед лицом. Что-то с грохотом разбилось о дверцу. По крыше автомобиля забарабанил град камней. У Джейкоба заложило уши. Он быстро поднял стекло и резко съехал с автоматической полосы. Автомобиль

разогнался. Непрочная коробка салона сотрясалась — рядом с машиной Джейкоб увидел злобные лица парней, неистово колотивших по ней кулаками.

За несколько метров до барьера Джейкоб вдруг развеселился. Он решил выяснить, что же им нужно. Слегка отпустил акселератор и приоткрыл окно, чтобы задать вопрос ближайшему к нему человеку — юноше, словно сошедшему со страниц научно-фантастического романа двадцатого века. Тем временем толпа у обочины шоссе превратилась в мешанину плакатов и разномастных одеяний. И прежде чем он успел раскрыть рот, ветровое стекло треснуло и вдоль щеки Джейкоба что-то вжикнуло. Кабина наполнилась гарью. Он бросил машину к барьеру. Мимо пронеслись столбы с колючей проволокой, и толпа отстала. В зеркало он видел, как яростно кричат молодые люди, потрясая кулаками, торчащими из рукавов фантастических одежд. Джейкоб снова рассмеялся, опустил стекло и, высунув руку, помахал им на прощание.

«Интересно, что я скажу в компании по прокату? — подумалось ему, и он снова рассмеялся. — Может, сказать, что на меня напали войска Империи Минь? Ведь ни за что не поверят они в

такую нелепую правду». Вызывать полицию не имело никакого смысла. Местные полицейские не сделают и шагу без предварительной проверки на поднадзорность. А несколько П-передатчиков без труда затеряются среди огромного числа себе подобных. Кроме того, Фэгин просил его не афишировать свое появление.

Он до конца опустил стекло, чтобы свежий ветер разогнал гарь.

Просунул палец в дыру от пули в ветровом стекле и виновато улыбнулся.

«Тебе все это понравилось, не так ли?»

Одно дело, когда кровь начинает бежать быстрее от хорошей дозы адреналина, и совсем другое, когда опасность веселит тебя. Восторг, который он испытал во время стычки у барьера, встревожил его куда больше, чем странная агрессивность толпы.

Вдруг приборная панель негромко пискнула. Джейкоб поднял взгляд. Любитель автостопа? Здесь? Впереди, примерно в полукилометре, у обочины стоял человек, выставив циферблат своих часов так, чтобы он попал в поле зрения автомобильного локатора. У ног человека лежали две огромные сумки. Джейкоб пребывал в нерешительности. Но, в конце концов, только

граждане могут попасть на территорию резервации. Он притормозил, проехав немного вперед. Ему показалось, что он уже где-то видел этого краснолицего толстяка в темно-сером деловом костюме. Пока человек торопливо семенил к автомобилю, согнувшись под тяжестью сумок, Джейкоб отметил, как колышется его объемистый живот. Человек наклонился и заглянул в машину, лицо его было усеяно капельками пота.

— Боже, ну и жара! — простонал он. Говорил толстяк на стандартном английском, но с сильным акцентом. — Неудивительно, что никто не едет по автоматической полосе, — он отер пот со лба, — все несутся на максимальной скорости, ловят ветерок. Но ваше лицо мне знакомо, должно быть, мы где-то встречались. Меня зовут Питер Ла Рок, или Пьер, если вам угодно. Я из «Монд».

Джейкоб вздрогнул.

— Ну, конечно, Ла Рок. Мы с вами действительно встречались. Я Джейкоб Демва. Садитесь. Я еду только до информационного центра, но там вы можете сесть на автобус.

Он от души надеялся, что его лицо осталось невозмутимым. И как он не узнал этого невыносимого толстяка?! Ни за что бы не остановился. Нельзя сказать, что у него была какая-то осо-

бая причина для неприязни… если не считать непомерного самодовольства этого человека и его неистощимого запаса собственных мнений по любому поводу, при каждом удобном случае высыпаемых на собеседника. Во многих отношениях Пьер Ла Рок, возможно, даже был очаровательнейшим человеком. Похоже, он занимал видное место в прессе. Джейкоб читал кое-какие его статьи, и ему нравилось если не содержание, то, во всяком случае, перо автора. Но Пьер Ла Рок был как раз одним из тех самых настырных представителей прессы, кто преследовал Джейкоба в течение нескольких недель после решения загадки водного сфинкса. Возможно, самым назойливым из всех. Да, последняя статья в «Монд» была вполне благожелательной, к тому же прекрасно написанной. Но это отнюдь не компенсировало причиненного беспокойства.

Джейкоб был рад, что журналисты не сумели отыскать его после трагедии, случившейся на Ванильном Шпиле в Эквадоре. В то время он просто не вынес бы Ла Рока.

Как и прежде, Джейкоба покоробил явно нарочитый «национальный» акцент журналиста. Этот акцент стал даже сильнее со времени их последней встречи.

— Ну, конечно же, Джейкоб Демва! — воскликнул Ла Рок. Он закинул сумки назад и уселся в машину. — Бог афоризмов! Охотник за тайнами! И вы здесь. Наверное, собираетесь принять участие в конкурсе по разгадыванию головоломок вместе с нашими благородными инопланетными гостями? Или, быть может, решили заглянуть в Великую Библиотеку в Ла-Пасе? Джейкоб снова перестроился на автоматическую полосу, мимолетно подумав, что неплохо было бы знать, кто вообще ввел моду на «национальный» акцент. Было бы чем уязвить этого болвана.

— Меня пригласили сюда в качестве консультанта. Среди приглашавших действительно есть Внеземные, если вы об этом хотели спросить. Но вдаваться в подробности я не имею права.

— О, да-да-да, это, наверное, совершенно секретно! — Ла Рок игриво взмахнул пухлыми ручками. — Но нельзя же так интриговать журналиста! Вы делаете свое дело, я — свое! И вас наверняка волнует, что же привело лучшего репортера «Монд» в эту пустыню. Я угадал?

— Меня больше интересует, почему вам пришлось ловить машину в этой пустыне. Ла Рок горестно вздохнул.

— Да, воистину пустыня! До чего печально, что

именно здесь должны жить наши благородные гости. Здесь или в других столь же пустынных местах. На вашей Аляске, например.

— Про Гавайи, Каракас и Шри Ланку вы, судя по всему, забыли, — саркастически отозвался Джейкоб. — А что касается вашей цели…

— Моей цели? О, у меня нет никаких секретов, дорогой мистер Демва! Но давайте немного повеселимся и еще раз испытаем ваш талант к дедукции. Угадаете или нет?

Джейкоб чуть не застонал. Он резко дернул рычаг, и машина съехала с автоматической полосы. Нога с силой надавила на акселератор.

— У меня есть идея получше, мистер Ла Рок. Раз вы не хотите объяснить, почему оказались без машины в столь пустынной местности, то, быть может, вы раскроете мне один маленький секрет? Джейкоб описал сцену перед барьером, опустив эпизод с выстрелом, понадеявшись, что Ла Рок не заметит отверстия в стекле. Особое внимание он уделил описанию странного человека, сидевшего в пыли.

— Конечно же! — с энтузиазмом воскликнул Ла Рок. — Нет ничего проще!

Вы, разумеется, знаете, как в просторечье именуют постоянных поднадзорных? Этот ужасный

ярлык, который лишает человека всех прав, в том числе и права иметь детей, права…

— Да, я все это знаю, не тратьте попусту слов! — Джейкоб помолчал. — Кажется, я начинаю понимать.

— Да, этот несчастный платил вам той же монетой. Вы, граждане, именуете его пе-пе… так что справедливо, что и он вас называет так же, правда, вкладывая в эти звуки. другой смысл. Вы ведь знаете, что граждан они именуют послушными и прирученными?

Джейкоб не выдержал и рассмеялся. Впереди показался поворот.

— Но почему они собрались у барьера? Такое впечатление, что все они кого-то ждут.

— У барьера? Ах да. Я слышал, что такое происходит каждый четверг. В.З. из центра приходят к барьеру, чтобы поглазеть на неграждан, а те, в свою очередь, собираются, чтобы полюбоваться на чужаков. Забавно, не правда ли? Никто не знает, кто первый положил этому начало. Дорога обогнула очередной холм, и впереди показалась цель их путешествия. Информационный центр, расположенный в нескольких километрах к северу от Энсенады, представлял собой огороженную территорию с разбросанными по ней

жилыми домиками для В.З. и общественными зданиями. За деревьями виднелись казармы пограничников. Рядом с просторной автостоянкой высилось основное здание, в котором впервые прибывающие посетители получали инструкции галактического протокола. Здание стояло на небольшом плато между шоссе и океаном. Из окон открывался великолепный вид. Джейкоб припарковал машину у центрального подъезда. Ла Рок молчал, о чем-то напряженно размышляя. Наконец он поднял глаза.

— Знаете, я сказал неправду, когда говорил, что не знаю, кто первый начал все это. Считайте это неудачной шуткой. Джейкоб удивленно кивнул. Что вдруг нашло на репортера? Странно…

Глава 3
ГЕШТАЛЬТ

Джейкоб помог Ла Року дотащить сумки до автобусной остановки и поспешил распрощаться с репортером. Он обогнул здание, надеясь найти уголок, где можно было бы провести в уединении имевшиеся у него в запасе десять минут.

Со стороны океана он обнаружил небольшое патио с тенистыми деревьями и керамическими

столиками. Лег на один из них, протянув ноги на спинку скамьи. Холодок глиняной поверхности и легкий ветерок с океана приятно ласкали кожу. Несколько минут он лежал неподвижно, поочередно напрягая и расслабляя мышцы спины — требовалось снять напряжение от долгого сидения за рулем. Его глаза бездумно следили за маленьким суденышком с грот-мачтой и кливером. Ярко-зеленый корпус корабля отчетливо выделялся на синей глади океана. Постепенно он расслабился настолько, что позволил себе впасть в транс.

Джейкоб внимательно выслушал все свои органы чувств и отринул от себя внешние ощущения. Усталость постепенно отступала. Тело мягко покачивалось на легких волнах, мало-помалу он перестал его чувствовать. Сохранился лишь зуд в левом бедре, но через несколько секунд исчез и он. Теперь Джейкоб не ощущал ничего, кроме слабого морского запаха. Соленый йодистый аромат был приятен, но отвлекал. Джейкоб отключил обоняние. Несколько мгновений он напряженно прислушивался к стуку сердца, пока тот не отдалился и не исчез совсем.

В последние два года Джейкоб обычно доводил транссостояние до заключительной стадии, той

очистительной фазы, когда перед внутренним взором с болезненной ясностью проносятся давние образы, а две расщепленные половины мозга вновь пытаются слиться в единое целое. Этот процесс, однако, никогда ему не нравился.

Он был один, почти один. Остался лишь далекий гул людских голосов, едва различимые обрывки фраз, смысл которых он не мог разобрать. На мгновение Джейкобу показалось, что он слышит, как спорят Глория и Джонни, затем затараторила что-то непотребное Макой.

Он терпеливо убирал все эти звуки в ожидании того единственного, который всегда возникал с предсказуемой внезапностью — откуда-то издалека что-то кричал ему голос Тани, неудержимо, мимо его подставленных рук падавшей в бездну. Ее уже не было видно, а голос все звучал и звучал, эхом отдаваясь в двадцатимильной пропасти. На этот раз послышался не крик, а приглушенный шепот. Но Джейкобу он причинил нестерпимую боль. Вдруг в голове вспыхнула карикатурная, гротескная версия происшествия у барьера. Джейкоб снова был среди поднадзорных, без машины. Бородатый человек в одеянии пиктского шамана протянул ему бинокль и властно кивнул. Джейкоб послушно взял бинокль и взглянул в

том направлении, куда указывал ему бородач. Его глазам предстал силуэт автобуса, подрагивавший в потоках раскаленного воздуха. Автобус подъехал к остановке по ту сторону линии пограничных столбов, тянувшейся в оба конца до горизонта и за горизонт. Казалось, она упирается в само солнце.

Картина исчезла так же внезапно, как и появилась. С натренированным безразличием Джейкоб подавил искушение обдумать увиденное. На смену ярким образам пришла абсолютная пустота.

Тишина и тьма.

Он пребывал в глубоком трансе, полагаясь на свои внутренние часы, которые в нужный момент возвестят о том, что пора выплывать наружу. Медленно бродил меж очертаний, не имевших никакого значения, неподвластных ни описанию, ни воспоминаниям. Терпеливо искал ключ, который, как он знал, спрятан среди безликих теней и который он когда-нибудь непременно найдет. Наконец наступил такой момент, когда исчезло абсолютно все, исчезло пространство, исчезло время, все поглотила безмерная пустота.

Внезапно эту спокойную пустоту пронзила острая боль, протаранившая все защитные слои,

которые он возвел вокруг мозга. Потребовалось мгновение, сравнимое с вечностью, чтобы понять, что случилось. Боль явилась в виде ослепительной вспышки голубого света, ударившей по зрачкам даже сквозь плотно сомкнутые ресницы. Но уже в следующее мгновение, прежде чем он успел как-то отреагировать на нее, она исчезла. Какое-то время Джейкоб боролся с замешательством. Он пытался сосредоточиться исключительно на возвращении в сознание, но вместо этого в мозгу пульсировал поток панических вопросов. Что вызвало эту голубую вспышку? Если нервные окончания вынуждены столь яростно защищаться, значит, что-то явно не в порядке! Где кроется и чем объясняется страх, на который наткнулось его подсознание? По мере того как он выходил из транса, сознание медленно возвращалось к нему. Где-то над головой послышались шаги. Джейкоб выделил их на фоне шума ветра и моря. Пока он пребывал в трансе, они казались ему легким шорохом. Словно бы страус, выряженный в мягчайшие мокасины, осторожно вышагивал по траве.

Спустя несколько секунд после того, как боль отступила, Джейкобу наконец удалось выйти из состояния глубокого транса. Он открыл глаза.

В нескольких метрах перед ним возвышалось странное существо. Прежде всего в глаза бросились гигантский рост и огромные ярко-красные глаза на белом лунообразном лице.

Мир раскачивался перед глазами.

Пальцы судорожно сжали края керамического столика, голова, словно налитая свинцом, тяжелой гирей упала на грудь. Джейкоб закрыл глаза. Что за чертовщина? Голова была столь тяжелой, что ему казалось: еще секунда, и шейные позвонки не выдержат и надломятся.

Он осторожно протянул руку, коснулся закрытых глаз и с трудом поднял голову. Чужак все еще был здесь. Значит, он и в самом деле существует Джейкоб старательно удерживал голову в поднятом положении. Перед его глазами покачивался гуманоид двухметрового роста. Большую часть его тела скрывало светлое серебристое одеяние. Руки, сложенные на груди в жесте почтительного ожидания, поражали длиной и какой-то светящейся белизной. Огромная круглая голова на несоразмерно тонкой шее слегка подалась вперед. Красные глаза, лишенные век, казалось, занимали половину лунообразного лица. Другая половина была отведена огромным складчатым губам. Между глазами и ртом затерялось еще

несколько органов, предназначение которых для Джейкоба оставалось непонятным. Этот вид В.З. он встречал впервые.

Глаза чужака светились умом.

Джейкоб откашлялся, головокружение еще не прошло.

— Прошу прощения... Мы не знакомы, но, наверное, вы здесь, чтобы встретиться со мной?

Белая голова склонилась в глубоком почтительном кивке.

— Вы из той группы, с которой я должен встретиться по просьбе кантона Фэгина? Снова последовал молчаливый кивок.

"Надо думать, это означает согласие, — мелькнуло в голове у Джейкоба.

— Интересно, может ли он говорить?" Джейкоб попытался вообразить речевой механизм, скрывавшийся за этими огромными губами, и не смог. Но почему этот тип все еще торчит здесь и ест его глазами? Не означает ли эта поза...

— Осмелюсь предположите: вы представитель подопечного вида и ждете разрешения заговорить?

«Губы» слегка раздвинулись, и Джейкоб заметил, как в глубине мелькнуло что-то ослепительно белое. Чужак снова кивнул.

— Тогда, прошу вас, говорите! Как вам, наверное, известно, люди не стремятся к строгому соблюдению протокола. Как вас зовут? Голос был удивительно низким. Джейкоб отметил сильную шепелявость.

— Мое имя Кулла, шэр. Шпашибо за ражрешение. Меня пошлали убедитьшя, что вы не потерялишь. Вше уже шобралишь, и вы можете пойти шо мной. Но ешли вы еще не жакончили, то продолжайте швою медитацию.

— Нет-нет, пойдемте, и поскорей.

Джейкоб встал на ноги, его все еще пошатывало. Чтобы окончательно прийти в себя, он на мгновение закрыл глаза. Рано или поздно он обязательно выяснит, что же с ним произошло, но сейчас нужно было заняться тем, ради чего он здесь.

— Что ж, ведите меня.

Кулла повернулся и медленно поплыл к одному из боковых входов центра. По всем признакам, он принадлежал к подопечному виду, чей период ученичества под руководством опекуна еще не закончился. В галактической табели о рангах такая раса котировалась очень невысоко. Джейкоб, все еще плоховато разбиравшийся в этих сложных галактических отношениях, был рад,

что по счастливой случайности человечество занимало в этой иерархии куда лучшую позицию, хотя статус его и отличался двусмысленностью и неустойчивостью.

Кулла, а вслед за ним и Джейкоб поднялись по каменным ступеням и подошли к большой дубовой двери. Кулла без стука распахнул ее и первым вошел внутрь. Из-за его спины Джейкоб увидел, что в комнате находятся еще два человека и два чужака. Один из чужаков, сидевший у ветвистого фикуса, напоминал небольшого лохматого медведя, другой походил на маленького ящера.

Джейкоб надеялся, что успеет разобраться в своих впечатлениях от необычной парочки раньше, чем они его заметят. Но уже в следующее мгновение кто-то окликнул его по имени:

— Джейкоб, мой дорогой друг! Как любезно с твоей стороны, что ты выбрался к нам!

Джейкоб узнал певуче-металлический голос Фэгина. Он с удивлением огляделся.

— Фэгин? Но где…

— Я здесь, друг мой.

Джейкоб взглянул на сидевших у окна. Люди и мохнатый чужак зашевелились. Ящер продолжал хранить каменную неподвижность. Джейкоб пригляделся повнимательнее и только сейчас

сообразил, что фикус у окна и есть его приятель Фэгин. Серебристые листочки тихо звякнули, словно раздался легкий смешок.

Джейкоб улыбнулся. Всякий раз при общении с Фэгином у него возникала одна и та же проблема. У гуманоидов принято смотреть собеседнику в лицо, или по крайней мере на то место, что призвано заменять лицо. Обычно это место даже у самых неописуемых чужаков отыскивалось почти сразу. Всегда находился такой орган, посредством которого его обладатель познает мир, и именно к этому органу все привыкли обращаться. У большинства чужаков, так же, как и у людей, эту роль играли глаза. Но у кантена попросту не было глаз. Джейкоб догадывался, что сверкающие серебристые листочки, то и дело позвякивающие мелодичными колокольчиками, являются световыми рецепторами Фэгина. Но от этой догадки было мало проку. Всегда приходилось смотреть на Фэгина целиком, а не концентрировать свое внимание на каких-то там выступах или впадинах его персоны. Джейкоб гадал, что же более странно — то, что он искренне привязан к этому чужаку, или то, что он, несмотря на долгие годы дружбы, все еще испытывает неловкость при общении с ним? Темный, покрытый листвой ствол

Фэгина двинулся от окна навстречу Джейкобу короткими поворотами, передвигаясь с помощью корней-присосок. Джейкоб слегка наклонил голову, приветствуя своего давнего приятеля. Фэгин говорил отчетливо, но удивительно напевно. Эта напевность, хоть и отдававшая металлом, в чем-то походила на шведскую или кантонскую речь. Из-за нее тринари давался кантену куда лучше английского.

— Фэгин, а-Кантен, аб-Ликтен-аб-Сикул-уль-Ниш, Миорки Кифу, мне приятно видеть тебя вновь.

— Эти почтенные существа явились сюда, чтобы обменяться с тобой крупицами мудрости, дружище Джейкоб, — пропел Фэгин. — Надеюсь, ты готов к формальному знакомству.

Джейкоб постарался сконцентрироваться — ему предстояло запомнить целую кучу сложных видовых имен каждого из чужаков. Многочисленные имена опекунов и подопечных раскроют их статус. Он кивком попросил Фэгина продолжать.

— Позволь официально представить тебе Буббакуба, а-Пил, аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пуберуль-Гелло-уль-Прингл из Института Библиотеки. Один из В.З. сделал маленький шаг вперед. Первоначальное гештальт-представление, возникшее

у Джейкоба: четырехлапый медвежонок серого цвета. Но широкая морда и густые ресницы смазывали это впечатление. Так это Буббакуб, директор земного филиала Библиотеки! Филиал Библиотеки, расположенный в Ла-Пасе, потреблял почти все доходы от того скудного товарообмена с другими мирами, который Земля сумела наладить со времени Контакта. Но этих средств не хватало. Значительная часть работ по приспособлению крошечного провинциального филиала к нуждам людей осуществлялась все же за счет гигантского галактического Института Библиотеки. Институт оказывал эту поддержку в форме благотворительной помощи «отсталой» человеческой расе. Будучи директором земного филиала, Буббакуб являлся одним из самых значительных чужаков на Земле! Его видовое имя также указывало на высокий статус, даже более высокий, чем у Фэгина! Четыре частицы «аб» означали, что соплеменники Буббакуба стали разумными благодаря иной расе, которую, в свою очередь, взрастила еще одна раса, и так далее. Следы терялись в мифической эпохе прародителей. А все четыре «родительские» расы продолжали свое автономное существование на просторах Галактики. Столь длинная цепочка

неоспоримо указывала на высокий статус этого вида в многоликой галактической культуре. Двойная частица «уль» свидетельствовала о том, что сами пилы поставили на ноги две новые культуры. Этот факт еще добавлял им веса. Полностью «сиротскому» человечеству опуститься на самый низ иерархической структуры Галактики не позволяло единственное счастливое обстоятельство. Людям удалось воспитать на Земле две разумные расы еще до того, как «Везариус» вернулся с известием об установлении контакта с внеземной цивилизацией.

Чужак слегка поклонился.

— Меня зовут Буббакуб.

Искусственный голос исходил из небольшого диска, висевшего на шее пила.

Это же водор! Так, значит, пилам для общения на английском требуется помощь искусственного аппарата! Джейкоб пригляделся. Судя по размерам прибора, который был гораздо меньше, чем те, что он видел у чужаков, абсолютно не способных к человеческой речи, Буббакуб все-таки мог говорить, но только в недоступном для человеческого уха частотном диапазоне. Джейкоб решил, что чужак должен слышать его напрямую.

— Меня зовут Джейкоб. Приветствую вас на

Земле.

Буббакуб важно кивнул. Губы чужака беззвучно зашевелились. Через мгновение загудел водор.

— Спасибо, — слова выходили какими-то обрубленными и рваными, — я счастлив находиться здесь.

Джейкоб поклонился, постаравшись проследить за тем, чтобы поклон вышел не глубже, чем у чужака.

— Я полностью к вашим услугам как житель этой планеты.

Чужак, судя по всему, вполне удовлетворенный, отступил назад. Фэгин продолжал представлять незнакомцев:

— Эти достойные существа относятся к представителям вашей расы.

Ветка с позвякивающими кристалликами склонилась в направлении людей, стоявших поодаль. Седовласый человек, облаченный в твидовый костюм, и высокая смуглая женщина среднего возраста, не лишенная приятности.

— Позволь представить их тебе, — провозгласил Фэгин, — не столь официально. Джейкоб Демва, познакомься с Дуэйном Кеплером, руководителем экспедиции «Прыжок в Солнце» и доктором Милдред Мартин с факультета пара-

психологии университета Ла-Паса.

Основным украшением физиономии Кеплера являлись пышные обвислые усы. Он приветливо улыбнулся и что-то сказал, но Джейкоб был слишком изумлен, чтобы понять, что ему говорят.

«Прыжок в Солнце»! Экспедиция, проводившая исследования на Меркурии и в солнечной хромосфере, в последнее время вызывала жаркие споры в Ассамблее Конфедерации. Фракция «Приспособление и Выживание» заявила, что не имеет смысла тратить огромные суммы на то, о чем можно узнать в Библиотеке. Тем более что эти средства здесь, на Земле, нужны ученым, мающимся без работы. Они с радостью возьмутся за куда более реальные проекты. Фракция «Самодостаточность», однако, продолжала гнуть линию солнечных исследований, несмотря на нападки прессы. Джейкобу сама идея отправки кораблей с людьми внутрь звезды казалась абсолютно безумной.

— Кантен Фэгин очень настойчиво вас рекомендовал, — сказал Кеплер.

Руководитель «Прыжка в Солнце» улыбался, но улыбка не скрывала усталости на его лице. Припухшие глаза выдавали тревогу. Он порывисто встряхнул руку Джейкоба. Его голос внезапно

дрогнул:

— Мы прибыли на Землю совсем ненадолго. Нам крупно повезло, что Фэгин сумел убедить вас приехать на эту встречу. Я очень надеюсь, что вы согласитесь отправиться с нами на Меркурий. Нам бы так пригодился ваш опыт межвидовых контак-тов!

Джейкоб вздрогнул. Нет, только не это! Господи, и как он мог поверить этому шелестящему чудовищу! Он собрался было уже наградить Фэгина гневным взглядом, и лишь нежелание обижать двух ни в чем не повинных людей остановило его. Он взглянул на Кеплера, затем перевел взгляд на его спутницу. Так, значит, Меркурий.

Лицо доктора Мартин расплылось в любезной улыбке, хотя, когда Джейкоб пожимал ей руку, вид у нее был более чем скучающий. Ему захотелось спросить, какое отношение имеет парапсихология к физике Солнца, но он сдержался, не желая выдать заинтересованности. Однако Фэгин опередил его.

— Разрешите мне вмешаться, как это принято у людей при неформальном общении, — важно объявил чужак, — я не представил дорогому Джейкобу еще одно достойное существо.

«Вот это да! — подумал Джейкоб. — Надеюсь,

этот В.З. не слишком чувствительный». Он повернулся к ящерообразному существу, по-прежнему восседавшему на диване под огромным мозаичным панно. Ящер поспешно поднялся и засеменил к ним, смешно перебирая всеми пятью лапами. Он оказался очень маленьким, длиной около метра, а рост не превышал и двадцати сантиметров. Не обратив никакого внимания на Джейкоба, он продефилировал мимо и начал тереться о ногу Буббакуба.

— Нет-нет, — зашелестел Фэгин, — это всего лишь домашнее животное.

Достойное существо, которое я хочу тебе представить, ты уже видел. Это многоуважаемый подопечный, который проводил тебя сюда.

— О, прошу прощения, — улыбнулся Джейкоб, но тут же постарался придашь лицу серьезное выражение.

— Джейкоб Демва, а-Человек, уль-Дельфин-уль-Шимпанзе, познакомься с Куллой, а-Прингл, аб-Пил-аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер. Помощник Буббакуба и представитель Библиотеки в проекте «Прыжок в Солнце». Как и предполагал Джейкоб, и это имя состояло лишь из имен прародителей. Подопечных у принглов не было, хотя свое происхождение они вели по линии

пубер-соро. Когда-нибудь они получат новый статус как члены древнего и могущественного рода. Джейкоб отметил, что Буббакуб тоже из пубер-соро, и попытался вспомнить, не являются ли пилы опекунами принглов. Чужак шагнул вперед, но руки не протянул. Конечности у него были длинные, похожие на щупальца, каждая заканчивалась шестью пальцами, весьма хрупкими на вид. От Куллы исходил слабый запах. Слегка напоминавший аромат свежескошенного сена, запах был приятен.

Огромные глаза вспыхнули. Кулла поклонился. «Губы» чужака раздвинулись, обнажив пару огромных, белых, блестящих зубов, даже не зубов, а перемалывающе-перетирающих органов. Один — сверху, один — снизу. Раздался шорох треснувшего фарфора — Кулла улыбнулся. Вряд ли там, откуда он родом, эта гримаса выражает доброжелательность. Джейкоб содрогнулся. Скорее всего чужак просто подражал человеческой улыбке. Складчатые губы, созданные для сокрытия страшноватых челюстей, так и притягивали взгляд. А для чего, собственно, предназначены эти «зубы»? Ему вдруг захотелось еще раз увидеть, как лицо Куллы «озарится улыбкой».

Он слегка поклонился.

— Меня зовут Джейкоб.

— Меня зовут Кулла, шэр, — прошепелявил чужак. — Ваша Земля очень приятное мешто.

Громадные глаза потухли, и Кулла отступил назад. Буббакуб развернулся, и вся компания направилась к диванам. Мохнатый коротышка небрежно развалился на мягких подушках, безвольно свесив все четыре руки. «Зверушка», последовав за ним, вскарабкалась, на диван и тут же свернулась калачиком рядом со своим хозяином. Затем расселись все остальные.

Кеплер поклонился и, запинаясь, начал:

— Прошу у вас прощения за то, что мы отняли ваше время, мистер Демва.

Я знаю, вы очень занятой человек… И все-таки я очень надеюсь убедить вас в важности нашей проблемы. Поверьте, она достойна вашего внимания и ваших талантов. Кеплер нервно сцепил руки на коленях.

Доктор Мартин серьезно слушала несколько напыщенную речь Кеплера, но Джейкоб видел, что ситуация ее забавляет. Здесь явно все было не так просто, и это беспокоило Джейкоба.

— Доктор Кеплер, должно быть, Фэгин рассказал вам о смерти моей жены.

С тех пор я отошел от разгадок вселенских тайн.

К тому же сейчас я действительно очень занят, настолько, что вряд ли могу позволить себе длительное межпланетное путешествие…

Лицо Кеплера погасло. Его огорчение было столь искренним, что Джейкобу стало совестно и он поспешил подсластить пилюлю:

— …Однако, поскольку старина Фэгин имеет нюх на серьезные проблемы, я с радостью сначала выслушаю всех, кого он рекомендует, и лишь потом стану взвешивать все «за» и «против».

— О! Вы не пожалеете! Я всегда был уверен, что нам крайне необходим взгляд нового человека. А сейчас, когда попечители разрешили привлекать экспертов, приток свежих сил становится особенно актуальным и…

— И все-таки, Дуэйн, — перебила его доктор Мартин, — вы не совсем точны в обрисовке положения. Шесть месяцев назад я поступила к вам консультантом, а Кулла еще раньше разрешил вам пользоваться услугами Библиотеки. Сейчас и Буббакуб любезно согласился поддержать проект. Он лично отправляется с нами на Меркурий. Я думаю, попечители проявили настоящую щедрость.

Джейкоб вздохнул.

— Я буду очень признателен, если кто-нибудь

все-таки объяснит мне, о чем, собственно говоря, идет речь. Доктор Мартин, может быть, вы поведаете, в чем состоит ваша работа… на Меркурий? Он с удивлением отметил, что избегает названия проекта.

— Я консультант, мистер Демва, мне поручено проведение психологического и парапсихологического анализа взаимодействия экипажа и окружающей среды.

— Это имеет отношение к проблеме, упомянутой доктором Кеплером?

— Да. Поначалу предполагалось, что наблюдаемое связано с массовой галлюцинацией. Я исключила эту возможность. Теперь ясно, что неизвестные явления действительно происходят в солнечной хромосфере. В течение последних месяцев я разрабатываю схемы экспериментов, которые будут проводиться при погружениях в Солнце. Ну и, кроме того, я выполняю роль психотерапевта экспедиции. Напряжение, неизбежное при проведении подобных исследований Солнца, влияет на здоровье участников проекта. Доктор Мартин говорила очень убедительно, но что-то в ней настораживало Джейкоба. Быть может, легкомысленность, хорошо скрываемая за маской профессионала? Интересно, в каких отношени-

ях они находятся с Кеплером? Не является ли она также и его личным психотерапевтом? «А если дело обстоит именно так, не нахожусь ли я здесь просто по прихоти больного человека, нуждающегося в поддержке?» Эта мысль выглядела не очень-то привлекательной. Так же, как и перспектива оказаться вовлеченным в политическую игру.

А Буббакуб, глава земного филиала Библиотеки, он-то почему ввязался в этот туманный проект землян? В каком-то смысле коротышка пил — самый важный В.З. на Земле, если, конечно, не считать посла с Тимбрими. Рядом с Институтом Библиотеки, который представлял Буббакуб, крупнейшей и влиятельнейшей галактической организацией, Институт Прогресса Фэгина выглядел, словно ансамбль ударных инструментов рядом с симфоническим оркестром. Неужели доктор Мартин вправду сказала, что Буббакуб собирается на Меркурий? Или ему это послышалось?

Буббакуб бездумно уставился в потолок, явно не желая принимать участия в разговоре. Губы его двигались, словно он напевал в недоступном для людей частотном диапазоне.

Блестящие глаза Куллы не отрывались от ма-

ленького руководителя Библиотеки. Возможно, заслушался «пением» Буббакуба, а возможно, ему просто наскучил разговор.

Кеплер, Мартин, Буббакуб, Кулла… Джейкобу никогда и в голову не могло прийти, что он может оказаться в компании существ, среди которых Фэгин будет наименее странным!

Сбоку от Джейкоба послышался шелест. Он обернулся. Фэгин пребывал в явном возбуждении. Джейкоб спросил себя, что в этой эксцентричной экспедиции могло вывести из равновесия добродушного кантона. Впрочем…

— Доктор Кеплер, не исключено, что я смогу выкроить время для помощи вам… В какой-то мере… — Джейкоб пожал плечами. — Но сначала я все-таки хотел бы уяснить суть проблемы.

Кеплер расцвел.

— О, разве я вам не сказал? Ну надо же! А мне казалось, что я ни о чем другом и думать не могу в последние дни. — Он выпрямился и глубоко вздохнул. — Мистер Демва, такое впечатление, что на Солнце кто-то завелся.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В доисторическую и раннеисторическую эпохи Землю посетили пришельцы из космоса. Эти существа путем направленной генетической мутации создали человеческий разум. Внеземные наделили гоминидов «своим собственным образом». Поэтому мы похожи на них, а не они на нас.

Эрих фон Даникен «Колесницы Богов»

Возвышенные проявления человеческого духа, такие, как религия, альтруизм и нравственность, не являются неизменными и имеют под собой материальную основу.

Эдвард О.Уилсон «О человеческой природе»

Глава 4
МНИМОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

«Брэдбери» оказался кораблем нового по-

коления. Он создавался на основе куда более совершенных технологий, чем его предшественники, курсировавшие на коммерческих линиях. «Брэдбери» стартовал с уровня моря с помощью собственных двигателей, в отличие от кораблей предыдущего типа, которые предварительно транспортировались специальными воздушными шарами на одну из вершин экваториальных Шпилей. Он представлял собой сферу и значительно превосходил размерами старые корабли. Джейкоб впервые летел на галактическом корабле, созданном в результате миллиарда лет развития науки. В иллюминатор каюты первого класса он видел, как медленно удаляется Земля. Полуостров Калифорния превратился сначала в коричневую полоску, затем в узкую линию, вытянувшуюся вдоль материка. Зрелище было и захватывающим, и разочаровывающим одновременно. В путешествиях на ревущем реактивном лайнере или неторопливом и величавом прогулочном дирижабле романтики было куда больше. Джейкоб мог наблюдать за другими кораблями, то деловито подплывавшими к Силовой станции, то исчезавшими во внутренней полости Шпиля.

Огромный Шпиль никогда не мог ему наскучить. Тонкие керамические стенки, удерживав-

шие двадцатимильную башню при нормальном атмосферном давлении, покрывала огромная роспись — гигантские птицы парили над панорамой космической битвы, навеянной фантастическими романами двадцатого века. Вблизи Шпиля Джейкобу дышалось как-то особенно легко и свободно. И все же сейчас он был рад, что находится на борту «Брэдбери», а не старомодного лайнера. Когда-нибудь, поддавшись ностальгии, он, быть может, и посетит Шоколадный Шпиль на вершине горы Кения. Что же касается эквадорского Ванильного Шпиля, то Джейкоб от души надеялся, что никогда больше не увидит его.

Не имело никакого значения даже то, что от Ванильного Шпиля до Каракаса было рукой подать. Там его бы приветствовали как героя, спасителя шедевра человеческой мысли, сооружения, производящего впечатление на всех обитателей Галактики. Все это не имело никакого значения. Слишком велика была цена, которую он заплатил: жизнь Тани и часть его разума. Когда Земля превратилась в небольшой голубой диск, Джейкоб решил поискать бар. Ему вдруг страстно захотелось оказаться среди людей, хотя когда он поднимался на борт «Брэдбери», то был очень далек от подобных настроений. На Земле ему

пришлось выдержать немало неприятных минут, объясняясь с Глорией и своими друзьями из Центра Развития. Макой и та закатила грандиозную истерику. Но сейчас Джейкобу не терпелось услышать разговоры о его внезапном присоединении к экспедиции. Да и вообще ему нечем было заняться — материалы по физике Солнца, заказанные им перед стартом, еще не прибыли.

Джейкоб наугад брел по центральному коридору корабля, пока не обнаружил плохо освещенный и битком набитый бар. Чтобы добраться до стойки, пришлось протискиваться сквозь плотную толпу галдящих посетителей. На крошечном пятачке перед стойкой собралось не меньше сорока человек. В основном это были рабочие, нанятые на Меркурий по контракту. Многие уже основательно набрались и теперь либо ожесточенно спорили, либо осоловело кивали, уставившись в одну точку. Для некоторых разлука с Землей оказалась нелегким испытанием.

В углу, отделенные невысокой ширмой, на специальных подушках восседали несколько В.З. Один из них, синтианин с густой блестящей шерстью и темными очками на заросшем лице-морде, что-то оживленно говорил Кулле, чья большая голова согласно покачивалась. Кулла

не без изящества посасывал соломинку, зажав ее меж страшноватых челюстей. В стакане, судя по всему, была водка.

Неподалеку от чужаков Джейкоб заметил нескольких человек, по наружности явных ксенофилов, ловивших каждое слово из беседы В.З. и, похоже, жаждавших самим пообщаться с чужаками. Джейкоб хотел было пробраться в угол, где расположились Внеземные — синтианин мог оказаться его знакомым, — но плотная толпа, преградившая ему путь, заставила его отступить. Тогда он решил остаться у стойки, выпить и послушать разговоры. Вдруг кто-то и выдаст что-нибудь занятное. Вскоре Джейкоб присоединился к группе, внимавшей красочно-неправдоподобному рассказу горного инженера о чудовищных авариях на меркурианских шахтах и спасателях-героях. Джейкобу приходилось напрягаться, прислушиваясь к словам рассказчика. Он чувствовал, как головная боль подбирается все ближе и ближе. До этого момента ему без труда удавалось не обращать на нее никакого внимания, и он надеялся, что сможет до конца дослушать завиральную историю. Но тут чей-то палец с силой ткнулся ему под ребро. От неожиданной боли Джейкоб едва не подпрыгнул. Он

обернулся.

— Демва! И вы здесь! — Пухлое лицо Ла Рока сияло, как начищенный медный таз. — Вот так удача! Мы опять путешествуем вместе! Теперь мне нечего бояться, что не с кем будет поболтать на досуге! Ла Рок, облаченный в свободную блестящую хламиду, держал в руке трубку, которой и затягивался с важным видом. Джейкоб попытался улыбнуться, но тут чей-то каблук с силой опустился ему на ногу. Улыбка вряд ли получилась особенно любезной.

— Здравствуйте, Ла Рок. Вы-то что здесь делаете? Зачем вам Меркурий?

Я думал, что читателей вашей газеты больше интересуют истории о перуанских раскопках или…

— Или о найденных неопровержимых свидетельствах того, что наших любезных предков вынянчили древние астронавты? — оборвал его Ла Рок. — Да, Демва, эти свидетельства могут оказаться столь убедительны, что даже самые яркие скептики-шкурники, заседающие в Ассамблее Конфедерации, должны будут признать ошибочность своих убеждений!

— Вы, как я погляжу, уже облачились в другое одеяние. — Джейкоб скептически оглядел сереб-

ристую хламиду Ла Рока.

— В последний день пребывания на Земле я решил надеть платье Общества фон Даникена в честь тех, кто дал нам силу и открыл перед нами просторы космоса! — провозгласил журналист и небрежным жестом поправил золотой медальон, болтавшийся у него на груди.

Джейкобу подумалось, что репортер переигрывает. Платье и золотое украшение, делавшие его похожим на женщину, резко контрастировали с грубоватыми манерами уроженца Франции. «Однако, — признал Джейкоб, — его наряд хорошо сочетается с невыносимо утрированным акцентом».

— Бросьте, Ла Рок, — улыбнулся он, — даже вы должны признать, что в космос мы отправились самостоятельно, а вовсе не наоборот.

— Не собираюсь ничего признавать! — взвизгнул репортер. — Когда мы докажем, что достойны наших опекунов, подаривших нам разум в далеком прошлом, когда они сами признают нас, тогда-то и выяснится, что все эти годы нам тайком продолжали помогать!

Джейкоб пожал плечами. В споре рубашечников и шкурников уже давно были исчерпаны все аргументы и предположения. Одна сторона

настаивала на том, что люди должны гордиться положением уникальной саморазвившейся расы, получившей разум из рук самой Природы. Другие же без устали твердили, что гомо сапиенс, как и любая другая известная раса софонтов, является звеном в цепочке генетического и культурного развития, уводящей в глубины легендарного начала Галактики, к мифическим прародителям. Многие, подобно Джейкобу, хранили в этом конфликте нейтралитет, но все человечество, так же как и его подопечные, с огромным интересом ждало разрешения этого вопроса. Археология и палеонтология с момента Контакта стали весьма актуальными науками.

Однако аргументы Ла Рока уже давным-давно зачерствели настолько, что их впору было грызть, как гренки. Джейкоб слегка поморщился: головная боль все усиливалась.

— Все это очень интересно, любезный Ла Рок, — отмахнулся он от журналиста и вновь попытался продраться сквозь толпу, — но, может, мы обсудим это в другой раз…

Но Ла Рок, похоже, еще не закончил.

— Да космос просто переполнен неандертальскими сантиментами. Люди на земных кораблях предпочитают щеголять в звериных шкурах и

вести себя подобно обезьянам! Они отвергают наших старших братьев и с пренебрежением относятся к тем немногим разумным представителям своей расы, что исповедуют смирение!

С этими словами Ла Рок, просыпав пепел, ткнул своей трубкой в Джейкоба. Тот отпрянул, постаравшись сохранить остатки вежливости. Это ему не очень-то удалось.

— Ла Рок, мне кажется, вы зашли слишком далеко. Уж не имеете ли вы в виду астронавтов? Эмоциональная и политическая устойчивость — основные критерии, по которым производится отбор…

— Да что вы можете в этом смыслить! Может, вы шутите? Уж я-то кое-что знаю об «эмоциональной и политической устойчивости» астронавтов. Как-нибудь расскажу вам об этом. Рано или поздно план Конфедерации изолировать значительную часть человечества от старших рас и их наследия всплывет наружу! Но скорее слишком поздно!

Ла Рок картинно затянулся и выпустил облако очищенного дыма в лицо Джейкобу. Джейкоб почувствовал легкое головокружение.

— Как бы там ни было, Ла Рок, со своим рассказом вам придется подождать до следующего раза.

Он повернулся и решительно втиснулся в толпу. Репортер нахмурился, затем широко улыбнулся и крикнул ему вслед:

— Да-да, я расскажу, обязательно расскажу! А пока вам лучше прилечь!

Вид у вас неважный.

Джейкобу удалось добраться до одного из иллюминаторов. Он прижался лбом к стеклу. Холод чуть облегчил пульсирующую боль. Через несколько секунд Джейкоб открыл глаза. Земли уже не было видно, она затерялась в космической тьме среди сияний бесчисленных звезд. Наиболее яркие были окружены лучистым ореолом. Джейкоб прищурился. Зрелище очень напоминало ночное небо в пустыне, разве что звезды сияли немного ярче, а чернота казалась более глубокой. Но это были те же самые звезды и то же самое небо.

Джейкоб знал, что его ощущения должны быть иными. Звезды из открытого космоса видятся более загадочными, более… «философскими», что ли. Он вспомнил звездные ночи, что обрушивались на него в детстве, ночи, поглощавшие его целиком. Те детские ощущения нисколько не напоминали состояние самогипноза. Скорее они походили на полузабытые сны об иной жизни.

Доктора Кеплера, Буббакуба и Фэгина он нашел в комнате отдыха. Кеплер приветливо взмахнул рукой.

Вся компания расположилась на подушках возле иллюминаторов. Буббакуб в мохнатой лапе-руке держал чашку с каким-то мерзким вонючим пойлом. Фэгин медленно переваливался на своих корнях вдоль стены. Сплошной ряд иллюминаторов, тянущийся по всему периметру корабля, прерывался в комнате отдыха огромным, во всю стену, черным диском, на фут выступавшим из стены.

— Мы рады вашему решению лететь с нами, — дружески протявкал искусственный голос Буббакуба.

Чужак вальяжно развалился на подушке. Произнеся приветственную фразу, он, судя по всему, счел свой долг выполненным и погрузил морду в чашку, начисто забыв как о Джейкобе, так и обо всех остальных. Джейкоб спросил себя, прилагает ли Буббакуб усилия, чтобы быть любезный, или же вежливость у него в крови.

Хотя про себя Джейкоб и именовал Буббакуба «он», но в действительности половая принадлежность чужака оставалась для него полнейшей загадкой. Буббакуб не носил никакой одежды,

если не считать одеждой водор и небольшой мешочек на шее, но доступные глазу подробности его анатомического строения лишь еще больше запутывали дело. Например, Джейкоб выяснил, что пилы относятся к яйцекладущим и не выкармливают детенышей. У чужака от горла до промежности тянулся ряд неких пуговиц, весьма сходных с сосками. Сколько Джейкоб ни размышлял, чем бы это могло быть, в голову ему не приходило ни одной сколько-нибудь правдоподобной догадки. В справочниках по В.З. не упоминалось ни о чем подобном. Джейкоб заказал в Библиотеке более подробный обзор, а пока оставалось теряться в догадках.

Фэгин и Кеплер беседовали об истории солнечных кораблей. Голос Фэгина звучал приглушенно — верхушка его кроны и дыхательное отверстие почти касались звукопоглощающей панели потолка. Джейкоб надеялся, что его приятель кантен не подвержен клаустрофобии. Но, честно говоря, в глубине души он сильно сомневался, способны ли овощи вообще бояться, ну разве что быть обгрызенными… Джейкоб уселся на одну из подушек, меланхолически размышляя о сексуальных понятиях расы, которой для занятий любовью требуется посредничество шмеля.

— Так, значит, великолепные достижения позволили вам без какого-либо участия извне послать свои приборы прямо в фотосферу?! — восторженно шелестел Фэгин. — Это весьма впечатляет! Странно, что я ничего не слышал об этом величайшем событии вашей доконтактной истории! Кеплер просиял.

— Вы должны понять, что проект «батисферы» находился в самой начальной стадии. Когда разработали лазерные двигатели, стал возможен запуск автоматических аппаратов, способных зависать в одной точке, а появление высокотемпературных лазеров позволило разработать системы охлаждения для внутренних помещений корабля.

— Получается, вы находитесь всего в одном шаге от пилотируемой экспедиции?! Кеплер грустно улыбнулся.

— Возможно. Уже появились подобные планы. Но отправка людей на Солнце и возвращение их сопряжены с куда более серьезными проблемами, чем тепло и гравитация! Эх, было бы здорово выяснить, смогли бы мы сами решить эту задачу! — Глаза Кеплера вспыхнули и тут же погасли. — Но планы у нас все-таки были.

— Да, но к тому времени «Везариус» обнару-

жил на Цигнусе корабли тимбрими, — заметил Джейкоб.

— Да, и теперь нам уже никогда не узнать, на что мы были бы способны.

Я тогда был ребенком. Возможно, все сложилось к лучшему… Были бы потери, гибель людей… Без экранов, замедляющих время, нам не удалось бы этого избежать… А в основе проекта «Прыжок в Солнце» лежит именно управление временем. У меня нет причин о чем-либо сожалеть. — Лицо ученого вдруг помрачнело. — Я хотел сказать, не было до недавнего времени. Кеплер замолчал, глаза его уставились в какую-то точку на полу.

Джейкоб терпеливо подождал, затем негромко кашлянул и заговорил:

— Поскольку мы коснулись этой темы, я хочу заметить, что не обнаружил никаких упоминаний о Солнечных Призраках ни в сети данных, ни даже в отчете, который получил на свой запрос в Библиотеку. А ведь у меня допуск 1-АВ. Нельзя ли взглянуть на ваши доклады на эту тему? Я хотел бы поближе познакомиться с проблемой за время полета.

Кеплер нервно глянул на Джейкоба.

— Мы не рассчитывали на то, что эти сведения покинут Меркурий, мистер Демва. У нашего от-

крытия имеется политический аспект… Так что вам придется отложить знакомство с докладом до прибытия на базу. Уверен, там вы получите ответы на все ваши вопросы.

Его смущение выглядело столь искренним, что Джейкоб решил на время оставить эту тему. Но это был сигнал, и сигнал неприятный.

— Я мог бы взять на себя смелость кое-что добавить, — вмешался Фэгин.

— Накануне нашей встречи, Джейкоб, состоялся еще один прыжок. И в тот раз наблюдались только первоначально обнаруженные и самые обычные соляриане, а вовсе не их другая разновидность, которая так тревожит доктора Кеплера. После сумбурных объяснений Кеплера относительно двух типов обнаруженных солнечных существ в голове у Джейкоба воцарилась полная неразбериха.

— Как я понимаю, первый тип и является вашим травоядным?

— Не травоядным, — серьезно поправил Кеплер, — а магнитоядным. Они питаются энергией магнитного поля. По правде говоря, этот тип мы понимаем асе лучше и лучше, однако…

— Одну минуту! — Верхушка кроны Фэгина беспокойно заколыхалась. — Питая искреннюю

надежду, что мне простится мое недостойное вмешательство, я призываю к осторожности. Приближается посторонний. — Фэгин тревожно зашелестел.

Джейкоб обернулся, несколько потрясенный поведением Фэгина. Что могло заставить любезного кантона оборвать кого-то на полуслове?! Джейкоб почувствовал тревогу — похоже, он вступал в напряженную политическую игру, правила которой до сих пор ему неизвестны.

Он прислушался, но не смог уловить ничего подозрительного. С следующее мгновение на пороге возник Пьер Ла Рок собственной персоной. Лицо его раскраснелось еще больше прежнего. В руке он сжимал стакан. Когда он увидел Фэгина и Буббакуба, заготовленная улыбка стала еще шире. Репортер резво приблизился к компании и фамильярно хлопнул Джейкоба по спине, требуя немедленно представить его присутствующим. Джейкобу захотелось послать его ко всем чертям, но вместо этого он с любезной улыбкой стал выполнять неторопливый ритуал официального представления. Совершенно потрясенный Ла Рок склонился перед Буббакубом.

— Аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер! Демва, как называются две подопечные расы? Джелло и…

Я счастлив лично познакомиться с софонтом, ведущим свое происхождение по линии Соро! О, я изучал язык ваших предков, которые, быть может, в один прекрасный день окажутся и нашими предками! Язык соро очень похож на протосемитский, а также на протобанту! Ресницы вокруг глаз Буббакуба ощетинились. Из водора пила полилась путаная, неразборчивая речь. Затем челюсти чужака несколько раз быстро и резко щелкнули, послышалось пронзительное рычание. Фэгин за спиной Джейкоба вдруг зачастил на щелкающе-урчащем языке. Буббакуб повернулся к кантену, глаза его пылали, из горла вырывалось высокое утробное рычание. Он резко махнул коротенькой лапкой в направлении Ла Рока. От раздавшейся в ответ трели кантона у Джейкоба по спине пробежал холодок.

Разъяренный Буббакуб вскочил со своих подушек и быстро вышел из комнаты. На людей он даже не взглянул.

Некоторое время в комнате висела напряженная тишина, молчал даже совершенно ошарашенный репортер. Через несколько секунд он повернулся к Джейкобу с самым жалким видом.

— Демва, что я сделал не так?

Джейкоб вздохнул.

— Быть может, ему не понравилось, что вы объявили его своим кузеном, дорогой Ла Рок.

Он повернулся к Кеплеру, собираясь переменить тему. Ученый теперь не отрывал взгляда от двери, минуту назад захлопнувшейся за разъяренным Буббакубом.

— Доктор Кеплер, если на борту нет соответствующих данных, то, быть может, вы могли бы предоставить мне какие-то основополагающие работы по физике Солнца, а также работы по предыстории проекта «Прыжок в Солнце»?

— С большим удовольствием, мистер Демва. — Кеплер устало кивнул. — Я пришлю их вам еще до обеда.

Казалось, его мысли блуждают где-то далеко-далеко.

— И мне! Мне эти документы тоже нужны! — воскликнул пришедший в себя репортер. — У меня официальная аккредитация, и я требую всю информацию относительно того позора, что вы творите здесь, доктор Кеплер! После секундного замешательства Джейкоб лишь пожал плечами. Надо отдать должное Ла Року — наглость легко можно выдать за решительность и непоколебимость.

Кеплер улыбнулся, словно не расслышал.

— Прошу прощения?

— Какое преступное тщеславие! Этот ваш хваленый «Прыжок в Солнце» сжирает огромнейшие суммы, которые могли бы пойти на освоение пустынь на Земле или на создание еще более великой Библиотеки! Какая наглая самонадеянность! Вы пытаетесь исследовать то, что было известно нашим старшим братьям еще тогда, когда мы не были даже обезьянами!

— Видите ли, сэр. Конфедерация финансирует наши исследования… — Кеплер густо покраснел.

— Исследования?! И вы называете это исследованиями?! Все эти знания давным-давно есть в Библиотеке. Вы позорите нас, выставляете все человечество на посмешище!

— Ла Рок… — начал Джейкоб, но репортера понесло:

— А что касается вашей Конфедерации! Какая гнусность! Запереть наших старших братьев в резервациях, словно вернулись времена американских индейцев! Простым людям недоступен филиал Библиотеки! И Конфедерация поддерживает этот абсурд, эту претензию на самопроизвольное зарождение разума! Над нами смеется вся Галактика!

Кеплер не устоял перед напором Ла Рока. Крас-

ка сошла с его лица, он начал заикаться:

— Я… Я не думаю…

— Ла Рок! Прекратите!

Джейкоб схватил репортера за плечо, резко развернул к себе и быстро прошептал:

— Не стоит позорить нас в присутствии почтенного кантена Фэгина.

Глаза журналиста расширились. Джейкоб услышал, как за спиной осуждающе зашелестела листва. Ла Рок мгновенно сник. Два недоразумения за столь короткое время — слишком много даже для журналиста. Промямлив извинения чужаку и бросив на прощание многозначительный взгляд на Кеплера, Ла Рок поспешно ретировался.

— Спасибо за спецэффекты, дружище Фэгин, — поблагодарил Джейкоб, когда за репортером закрылась дверь. Ответом ему был короткий нежный свист.

Глава 5
ПРЕЛОМЛЕНИЕ

С Земли Солнце виделось хотя и ослепительным, но благодатным шаром, воспринимаясь людьми как нечто само собой разумеющееся, на

что и внимания-то тратить не стоит. С расстояния в сорок миллионов километров Солнце казалось адом, закованным в цепи. Опасное и жестокое, оно свирепо бурлило в черном провале космоса, простиралось на миллионы миль во все стороны, притягивая взгляд, маня полыхающим чревом. В какой-то момент свечение стало столь ярким, что на «Брэдбери» уже нельзя было обойтись без фильтров. «Взглянуть одним глазком» на этот пылающий ад означало попросту обречь себя на мгновенную слепоту. Капитан отдал приказ включить поляризационные защитные экраны. Обычные иллюминаторы задраили. Открытым осталось лишь окно Лиота, через которое пассажиры могли любоваться «животворным светилом», не опасаясь за свое здоровье. Как-то бессонной ночью, бредя к автомату с кофе, Джейкоб задержался у этого необычного окна. Он еще не до конца стряхнул с себя остатки тревожного полузабытья и не слишком хорошо соображал. Несколько минут он тупо смотрел на Солнце, не вполне сознавая, что именно видит перед собой. Вдруг совсем рядом послышались знакомые шепелявые звуки. В голове Джейкоба несколько прояснилось.

— Вот так выглядит ваше Шолнце ш афелия

орбиты Меркурия, Джейкоб.

Оказывается Кулла сидел поблизости, за одним из карточных столов. Джейкоб взглянул на часы, висевшие как раз над стулом чужака. Четыре тридцать. Сонный язык еще плохо повиновался ему.

— Что… мы уже так близко?

Кулла кивнул.

— Да.

Резцы чужака надежно скрывались за толстыми складчатыми губами. В огромных глазах плескалось красное сияние.

— До прибытия ошталошь два дня.

Длинные руки Куллы неподвижно покоились на столе, свободное одеяние крупными складками ниспадало с бесформенных плеч. Джейкоб, слегка покачнувшись, повернулся к окну. Солнечный шар колыхался прямо перед глазами.

— Ш вами вше в порядке? — В голосе прингла прозвучала тревога. Он привстал.

— Нет, нет, прошу вас! — Джейкоб остановил его легким взмахом руки. — Легкое головокружение, и только. Бессонница. Надо бы выпить кофе. Он поплелся к автомату, но на полпути остановился и снова взглянул на пылающее Солнце.

— Красное! Оно красное! — В его хриплом голо-

се послышалось изумление.

— Ешли пожволите, я мог бы дать вам некоторые объяшнения, пока вы будете пить кофе.

— Да, пожалуйста.

Джейкоб повернулся к едва различимому в темноте ряду автоматов с напитками и бутербродами.

— Окно Лиота монохроматично, — начал Кулла. — Оно шоштоит из огромного чишла круглых плаштин, одни из которых поглощают швет, а другие полярижуют. Плаштины вращаютшя отношительно друг друга, что пожволяет наштроить окно на определенную длину волны. Это очень тонкое и ишкушное уштройштво, хотя и вешьма ущтаревшее по галактичешким штандартам… вроде тех швейцаршких чашов, что некоторые люди вше еще предпочитают другим. Когда люди познакомятшя ш Библиотекой поближе, подобные вещи они очень шкоро начнут вошпринимать как архаижм.

Джейкоб наклонился, пытаясь разглядеть содержимое ближайшего автомата. Вроде бы кофе. За прозрачной дверцей угадывалась небольшая решетчатая площадка. Если он нажмет вот на эту правую кнопку, то на площадку опустится чашка, а затем по механической артерии в нее устремит-

ся струя горьковатого черного напитка. Джейкоб вздохнул почти сладострастно. На голос Куллы, шуршавший у него в ушах, Джейкоб реагировал неопределенными вежливыми замечаниями.

— Да, да, я понимаю… Ах, вот как… Ясно…

Слева от него, на расстоянии протянутой руки, зажегся призывный зеленый огонек автомата. Повинуясь безотчетному порыву, Джейкоб нажал на светящуюся кнопку. Затуманенными глазами он следил за аппаратом. Ну же! Что-то зажужжало, затем щелкнуло. Вот и чашка! А теперь… Что за черт?! В чашку шлепнулась большая желто-зеленая таблетка. Он открыл дверцу и взял чашку в руки. Секундой позже на пустую решетку хлынула струя горячей жидкости.

Джейкоб с сомнением разглядывал таблетку в чашке. Что бы это ни было, а на кофе непохоже. Левой ладонью он протер глаза. Затем с укором взглянул на злополучную кнопку. И только теперь рассмотрел над ней отчетливую надпись: «Синтез питания для В.З.» В прорези под кнопкой торчала пластиковая карточка. Джейкоб разобрал текст: «Прингл: диетическая добавка, кумарино-протеиновая смесь».

Он быстро взглянул на Куллу. Чужак продолжал свои объяснения, не отрывая взгляда от окна

Лиота. Вот он взмахнул рукой в направлении Дантова полыхания.

— Это крашная альфа-линия водорода. Очень полежная шпектральная линия. Вмешто того, чтобы быть захлештнутыми огромным потоком бешпорядочного швета шо вшей поверхношти Шолнца, мы теперь видим только те облашти, где водород ижлучаетшя или поглощаетшя с интеншивностью, отличной от нормальной.

Длинным, гибким пальцем Кулла указал на неоднородную поверхность Солнца, состоявшую из красноватых пятен и изогнутых перьеобразных линий. Джейкоб когда-то читал об этих перьях. «Перья» на самом деле были плазменными струями. Из космоса они виделись протуберанцами, которые во время затмения люди наблюдают с тех пор, как был изобретен телескоп. Кулла, кажется, сейчас пытался объяснить, почему эти объекты наблюдаются не по краю Солнца, как обычно, а прямо по курсу. Джейкоб задумался о другом. В течение всего полета Кулла избегал принимать пищу на виду у всех. Единственное, что он позволял себе публично, так это стакан пива или водки, который обычно и потягивал весь вечер. Хотя прингл и не распространялся на эту тему, Джейкоб решил, что стыдливость

его объясняется культурными традициями расы, запрещавшими принимать пищу на публике. Но сейчас ему пришло в голову, что Кулла попросту стесняется своих давилок. «По всей видимости, я вломился сюда во время его завтрака, а он со своей патологической вежливостью не решился попросить меня оставить его одного».

Джейкоб взглянул на таблетку, быстро вытряхнул ее из чашки в руку.

Сунул таблетку в карман, а чашку швырнул в мусорную корзину. Еще раз окинув взглядом автомат, он заметил наконец кнопку, приветливо поблескивавшую надписью: «Черный кофе». Джейкоб уныло улыбнулся. Может, лучше обойтись без кофе, а то ненароком обидишь Куллу. Хотя чужак и не выказывал никаких отрицательных эмоций. Он продолжал смотреть в окно.

Джейкоб подошел к нему. Чужак поднял глаза. Губы раздвинулись, и на мгновение сверкнула фарфоровая белизна.

— Вы уже не ишпытываете головокружения? — участливо осведомился чужак.

— Да, шпасибо, ох, простите, спасибо. И благодарю за объяснение. Я всегда считал Солнце довольно однородным объектом, не считая солнечных пятен и протуберанцев. Но, как я понял

из вашего рассказа, в действительности Солнце — довольно сложная штука. Кулла кивнул.

— В этом шпециалишт доктор Кеплер. Он вам вше лучше объяшнит, когда вы отправитешь ш нами шовершать прыжок.

Джейкоб вежливо улыбнулся. Как отлично вымуштрованы эти посланцы Галактики! Значил ли кивок Куллы что-нибудь для самого прингла? Или же его просто научили, как обращаться с людьми в той или иной ситуации? Прыжок?! Отправитесь с нами совершать прыжок? Джейкоб решил не уточнять. Не стоит торопить события Ему вдруг ужасно захотелось зевнуть. Но он тут же понял, что этого делать не стоит — кто знает, что означает подобный жест на родине прингла, — и подавил зевок.

— Что ж, пожалуй, мне стоит вернуться в постель и попытаться заснуть.

Спасибо за интересную беседу, Кулла.

— Вшегда готов вам помочь, Джейкоб. Шпокойной ночи.

Едва Джейкоб рухнул в кровать, как тут же погрузился в глубокий сон.

Глава 6
ФАЗОВЫЙ СДВИГ И ДИФРАКЦИЯ

Мягкий жемчужно-серый свет лился сквозь иллюминаторы на лица зрителей, наблюдавших за несущейся навстречу поверхностью Меркурия. Почти все, кто был свободен от дел, собрались в гостиной, прилепившись к иллюминаторам, не в силах оторвать глаз от суровой красоты планеты. Разговаривали шепотом, в салоне витало какое-то торжественное благоговение. Вскоре и вовсе повисла тишина, нарушаемая лишь легким потрескиванием, происхождение которого Джейкоб не мог определить. Поверхность Меркурия испещряли кратеры и длинные каньоны. Из-за отсутствия атмосферы на планете тени, отбрасываемые неровностями ландшафта, казались абсолютно черными, резко контрастируя с яркими серебристыми красками пейзажа, во многом напоминавшего лунный. Во многом, но не во всем. Следы древних катаклизмов виднелись повсюду. От рваных шрамов тянулись глубоко трещины, испещрившие солнечную сторону планеты.

Протоны, рентгеновские лучи пробивали магнитосферу планеты, смешиваясь с ослепительным солнечным светом и рождая настоящую вакханалию излучений!

Планета походила на обитель неприкаянных душ. На Чистилище. Джейкобу пришли на ум строки из древнего японского стихотворения, написанного еще до эпохи хайку.

«Издавна слышал я о дороге, которой мы напоследок пойдем… вчера иль сегодня — не думал…»

— Вы что-то сказали?

Джейкоб пришел в себя и обернулся. Рядом стоял Кеплер.

— Нет-нет, ничего. Тут на стуле не ваш пиджак?

Он передал доктору свернутый в подушку велюровый пиджак. Кеплер улыбнулся.

— Прошу прощения, но в жизни встречаются и весьма неромантические происшествия. Даже космическим странникам время от времени все-таки приходится принимать душ. Естественно, оставляя пиджак за дверью. А Буббакуб, видимо, не может устоять перед искушением. Всякий раз по возвращении из душа я обнаруживаю Буббакуба спящим на моем пиджаке. Когда вернемся

на Землю, куплю ему такой же. Так о чем мы с вами говорили? Джейкоб указал на мчащуюся на них снизу поверхность.

— Теперь я понимаю, почему Луну астронавты называют «спортивной площадкой». Здесь-то не порезвишься. Кеплер кивнул.

— Да, но все-таки летать сюда гораздо лучше, чем работать над каким-нибудь тупым «прикладным» проектом на Земле! Кеплер умолк, словно сдерживая едкие слова. Затем, как-то сразу сникнув, повернулся к иллюминатору и пустился в новые объяснения:

— Первые исследователи, Антониоди и Скиапарелли, назвали этот район Область Харит. А вон тот огромный старый кратер носит имя Гете. Кеплер указал на темные нагромождения скал, отчетливо различимые на фоне слепящей равнины.

— Это окрестности северного полюса. Вот под теми скалами имеется сеть пещер, которые и позволили основать базу «Гермес». Кеплер выглядел очень солидно. Разве что обвислый ус, то и дело попадавший ему в рот, несколько смазывал это впечатление, внося в облик ученого карикатурные черточки. Нервозность, постоянно им владевшая, сейчас словно бы отпустила

его. «Влияние Меркурия!» — подумал Джейкоб. Несколько раз в течение полета, когда разговор касался Библиотеки или Развития, на лице Кеплера появлялось странное выражение. Будто ему хотелось в чем-то открыться, но он никак не решался. Исполненный замешательства взгляд, растерянность жестов… Ученый словно боялся чьих-то упреков, страшился выдать свое мнение. По некотором размышлении Джейкоб решил, что догадался о причине загадочного поведения Кеплера. Глубокая религиозность! Веская причина для молчания. После Контакта в результате длительного противостояния рубашечников и шкурников религия оказалась буквально разорванной на две части.

Сторонники фон Даникена придерживались веры в некую высшую (но не всемогущую) расу, которая когда-то уже оказала влияние на человечество и может сделать это еще раз. Последователи неолитической этики считали, что божественным началом является сам человек.

Само существование тысяч бороздящих космос рас, среди которых не было ни одной, исповедовавшей, хоть что-то, отдаленно напоминавшее земную религию, нанесло непоправимый ущерб земной идее всемогущего антропоморфного

Бога.

Большинство последователей оформленных новых вероучений либо примыкали кто к рубашечникам, кто к шкурникам, либо ударялись в философский теизм. Основная же масса верующих по-старому давно уже старалась затаиться, не выделяться во всеобщем гвалте. Джейкоб часто спрашивал себя, не ждут ли они знамения. Но для современного общества настоящий позор в том, что человек вынужден скрывать свои взгляды! Было бы любопытно узнать мнение Кеплера на этот счет. Но Джейкоб и не пытался расспрашивать ученого, уважая его нежелание касаться подобных вопросов. С профессиональной же точки зрения Джейкоба интересовало, каким образом подобное отстранение от остального мира повлияло на психическое состояние Кеплера. Ученый испытывал нечто большее, чем обычные философские затруднения, и это нечто не могло не наложить отпечатка на его психику. Не случайно рядом с Кеплером постоянно находилась доктор Мартин, то и дело подсовывая ему какие-то таблетки.

Джейкоб заметил, как к нему возвращаются его старые привычки, подзабытые за спокойные месяцы, проведенные в Центре Развития. Любо-

пытство, например. Ему вдруг захотелось узнать, что за лекарства принимает доктор Кеплер и в чем заключается настоящая работа доктора Мартин.

Милдред Мартин все еще оставалась для него совершенно загадочной фигурой. За время полета ему ни разу не удалось проникнуть сквозь броню ее отстраненного дружелюбия. Ее насмешливая снисходительность явно была наигранной, как, впрочем, и нескрываемое доверие доктора Кеплера. Джейкоб мог сказать лишь одно: мысли этой худощавой привлекательной женщины явно были заняты чем-то далеким от окружающего.

Он взглянул на Мартин, сидевшую рядом с Ла Роком. Странная парочка была полностью поглощена беседой. Мартин увлеченно рассказывала о своих исследованиях о влиянии цвета и интенсивных излучений на психосоматическое поведение. Джейкоб уже слышал об этом на встрече в Энсенаде. Присоединившись к экспедиции, доктор Мартин первым делом максимально изолировала участников проекта «Прыжок в Солнце» от психогенного воздействия окружающей среды, дабы убедиться в том, что неразгаданные «явления» — всего лишь изощренные галлюцинации, вызванные состоянием

стресса.

Ее дружба с Ла Роком за время полета, похоже, окрепла. Она охотно слушала разглагольствования репортера о сгинувших цивилизациях и древних пришельцах, посетивших Землю в незапамятные времена. Ла Рок, воодушевленный ее вниманием, пустил в ход все свое красноречие, по части которого был большой мастер. Порой их беседы в общей гостиной собирали толпы слушателей.

Джейкоб по-прежнему чувствовал себя неловко с Ла Роком. Он предпочитал общество более прямолинейных существ, например, Куллы. Этот чужак определенно начинал ему нравиться, несмотря на устрашающие зубы и зловещего цвета глаза. Как выяснилось, вкусы прингла во многом совпадали с его собственными. Кулла изливал на Джейкоба поток бесхитростных вопросов о Земле и ее обитателях. Его вопросы крутились в основном вокруг одной темы — отношения людей к своим подопечным. Когда же он узнал, что Джейкоб сам принимал активное участие в проектах развития шимпанзе, дельфинов, а с недавних пор собак и горилл, то его уважение к землянину возросло безмерно. Кулла никогда не отзывался о технике людей как об

архаичной, хотя ни для кого не было секретом, что земные технологии — уникальный реликт, чудом сохранившийся в Галактике. Но, в конце концов, ни одна раса не достигла всего, что имеет, сама, без посторонней помощи, начав с нуля. И в Библиотеке этот факт был прекрасно известен. Кулла с энтузиазмом рассуждал о пользе, которую может принести Библиотека его новым друзьям — людям и шимпанзе.

Как-то раз чужак увязался за Джейкобом в гимнастический зал, где с нескрываемым интересом, так и светившимся в гигантских блюдцах его красных глаз, следил за тем, как Джейкоб изводит себя марафонской дистанцией. К тому же Джейкоб смог убедиться, что чужак охотно откликается на грубоватый юмор. Должно быть, сексуальные нравы принглов не слишком разнились от человеческих. Именно обмен непристойными шутками в большей степени, чем что-либо еще, помог Джейкобу осознать, как далеко занесло этого долговязого представителя цивилизации принглов от родного дома. Ему было бы интересно узнать, так же одиноко Кулле, как на его месте было бы одиноко человеку?

А во время бурной дискуссии, какой сорт пива — «Туборг» или же «L-5» — лучше, Джейкоб

поймал себя на впечатлении, что перед ним не В.З., а хорошо воспитанный человек со странным дефектом речи. Но все встало на свои места, когда совершенно внезапно между ними раскрылась непреодолимая пропасть.

Джейкоб рассказывал Кулле о классовой борьбе, сотрясавшей Землю в прежние времена. Но чужак, похоже, не понимал ни слова. Джейкоб хотел проиллюстрировать суть китайской поговоркой: «Крестьянин всегда вешается у дверей своего хозяина». Внезапно глаза чужака полыхнули красным огнем, послышалось возбужденное поскрипывание гигантских зубов. Джейкоб изумленно взглянул на своего нового приятеля и поспешил сменить тему. Кулла примостился у иллюминатора рядом со своим опекуном Буббакубом.

На фоне возбужденной толпы оба поражали полной невозмутимостью. Кеплер легко похлопал Джейкоба по руке, привлекая его внимание к собственному иллюминатору.

— Капитан вот-вот включит замедляющие экраны, и скорость потока пространства-времени начнет падать. При этом возникает очень интересный эффект. Не пропустите!

— Кажется, корабль в этот момент как бы

заставляет скользить мимо материю космоса, уподобляясь доске, на гребне волны, скользящей к берегу.

— Нет, мистер Демва, это распространенная ошибка Космический серфинг — лишь красивая метафора, используемая популяризаторами. Когда я говорю о пространстве-времени, я имею в виду вовсе не материю. Пространство и время не являются веществом. По мере приближения к планетарной сингулярности — то есть искривлению пространства, создаваемому планетой — мы должны приспосабливаться к изменению набора параметров для измерения пространства-времени. Природа словно хочет, чтобы, приближаясь к массивному телу, мы постепенно меняли длину своих линеек и ход своих часов. — И, как я понимаю, капитан управляет кораблем при приближении таким образом, чтобы это изменение протекало медленно и незаметно?

— Совершенно верно! В прежние времена процесс посадки, конечно же, носил куда более резкий характер. Приспособление к новой пространственно-временной масштабности либо происходило при непрерывном торможении корабля с помощью реактивных двигателей, либо он попросту врезался в поверхность планеты,

мгновенно попадая в новую систему измерений. Теперь же мы свертываем пространство-время подобно старому ковру. Ох, — Кеплер тихо рассмеялся, — опять меня занесло на «материальную» аналогию. — Он помолчал, затем продолжил:

— Один из побочных продуктов этого процесса — получение нейтрония в промышленных масштабах. Но основная цель все же — безопасная посадка.

— Так что же мы увидим, когда пространство начнут запихивать в мешок?

Кеплер показал на иллюминатор.

— Смотрите, уже началось.

За окном исчезали звезды: яркие точки, в изобилии разбросанные по черному бархату, медленно тускнели. Вскоре их осталось совсем немного — туманные пятнышки цвета охры на фоне абсолютного мрака. Планета тоже изменилась. Свет, отраженный от поверхности Меркурия, потерял резкость. Жар ослаб. Сама поверхность, потеряв былую ослепительность, сильно потемнела.

Кроме того, она стала ближе. Медленно, но совершенно явно горизонт терял кривизну. Объекты на Меркурии, прежде едва различимые, становились по мере приближения «Брэдбери» все более и более отчетливыми. Внутри огромных

метеоритных кратеров обнаружились кратеры поменьше, идеально круглой формы.

Вот линия горизонта совсем скрылась за горной грядой, и Джейкоб уже не мог определить расстояние. Снижение продолжалось, но картина поверхности больше не менялась. На какой мы высоте? Что там внизу, гора или выбоина? Или же через секунду-другую мы коснемся абсолютно ровной поверхности? Неизвестно.

Он чувствовал, что корабль вот-вот сядет. Серые тени и ярко-оранжевые скалы мелькали так близко, что, казалось, их можно коснуться рукой. Джейкоб ждал — еще секунда, и корабль замрет в неподвижности. Каково же было его изумление, когда вдруг прямо по курсу возникла огромная черная дыра и в мгновение поглотила «Брэдбери».

Пока шла подготовка к высадке, Джейкоб пытался прийти в себя. Его потрясли не столько неожиданные впечатления, сколько собственная реакция на них. В тот момент, когда «Брэдбери» нырнул в провал, ведущий к базе, Джейкоб, вцепившись в рукав пиджака Кеплера, внезапно впал в легкий гипнотический транс. И в следующую секунду он проделал то, во что сейчас никак не мог поверить. Его рука, словно живущая

своей собственной жизнью, умелой хладнокровно обшарила карманы Кеплера, конфисковав по таблетке из каждого пузырька и не оставив при этом ни одного годного для идентификации отпечатка.

Теперь награбленное имущество покоилось в боковом кармане куртки Джейкоба.

Он прикрыл глаза. Началось! Он стиснул зубы, чтобы не застонать от отчаяния.

На этот раз я справлюсь! Я обязан с этим справиться сам! Мне не нужна твоя помощь, проклятый двойник! Мне надоело расщепляться и снова обретать целостность! Я хочу быть самим собой и только! Он с силой ударил костяшками пальцев по твердой поверхности подлокотника, чтобы унять в руке зуд удовлетворения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Переходная область между короной и фотосферой во время затмения имеет вид ярко-красного кольца вокруг Солнца и потому называется хромосферой. При более внимательном исследовании хромосферы становится ясным, что она представляет собой не однородный слой, а быстро меняющуюся нитевидную структуру. Для ее описания используется термин «горящая прерия». Многочисленные короткоживущие струи, именуемые «спикулами», непрерывно выстреливают на высоту в несколько тысяч километров. Красный цвет является следствием преобладания в спектре излучения альфа-линии водорода. Вопросов, связанных с пониманием того, что происходит в столь сложной области, великое множество...

Гарольд Зирин

Глава 7
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Доктор Мартин вышла из своей комнаты и, нырнув в один из коммуникационных туннелей, направилась к отсеку с микроклиматом для В.З. «Столь извилистый путь, — объяснила она себе, — не скрытность, а обычная осторожность». Вдоль шершавых темных стен тянулись трубы и кабели связи. На каменной поверхности блестела роса, пахло сыростью. Шаги гулко отдавались под каменными сводами.

Доктор Мартин подошла к герметичной двери, тускло освещенной зеленой сигнальной лампой — черный ход в одно из жилищ для чужаков. Она нажала на кнопку, дверь медленно отъехала в сторону.

В лицо хлынул поток яркого, режущего глаза зеленого света.

Прикрываясь рукой, Мартин достала из сумки защитные очки. На стене напротив двери висел гобелен ручной работы: висячие сады и город чужаков, прилепившийся к краю обрыва. Казалось, гобелен отделен от зрителя сверкающей

стеной водопада. Мартин словно бы услышала пронзительную музыку чужой планеты. Она с трудом, учащенно дыша, отвела взгляд от гобелена. Необъяснимое возбуждение внезапно охватило ее. Буббакуб неторопливо поднялся с мягких подушек, в изобилии разбросанных по комнате. Переваливаясь на коротких ножках, он подошел к Мартин. Его серая шерсть поблескивала. В ирреальном для земного глаза свете и в условиях полуторного земного притяжения Буббакуб уже не казался милым безобидным медвежонком. Теперь доктор Мартин чувствовала, как от коренастой кривоногой фигуры исходят сила и какая-то скрытая угроза. Губы чужака зашевелились, спустя мгновение из висящего на груди водора полилась странная округло-звучная речь. Слова у Буббакуба выходили какими-то короткими, обрубленными, словно отделенными друг от друга.

— Хорошо. Вы пришли. Рад.

Возбуждение доктора Мартин вдруг спало. Представитель Библиотеки, похоже, был настроен вполне доброжелательно.

— Приветствую вас, пил Буббакуб. Я пришла спросить, нет ли каких-либо сведений из филиала Библиотеки.

Буббакуб открыл рот, обнажились тонкие острые зубы.

— Входите. Садитесь. Хорошо, что спросили. Есть новые данные.

Входите. Угощайтесь.

Доктор Мартин переступила порог, лицо ее исказилось — пересечение границы гравитационного поля всегда вызывало крайне неприятные ощущения. Теперь ей казалось, что она весит не меньше семидесяти килограммов. — Спасибо. Я только что пообедала. Я присяду.

Она углядела стул, предназначенный для гостей-людей, и осторожно села. Семьдесят килограммов это все же слишком! Пил небрежно развалился на подушках напротив нее. Его медвежья голова оказалась ниже ее колен. Она чувствовала на себе пристальный, изучающий взгляд маленьких черных глаз.

— Я связался с Ла-Пасом. Сведений о Солнечных Призраках нет. Совсем ничего. Возможно, они фигурируют под другим именем. Возможно, земной филиал слишком мал. Я всегда говорил об этом. Кое-кто из официальных лиц на Земле может из-за отсутствия данных о Солнечных Призраках в филиале Библиотеки сделать далеко идущие выводы.

Мартин осторожно пожала плечами.

— Меня это не волнует. Этот факт лишний раз подтвердит, как мало внимания уделяется у нас развитию Библиотеки. Более крупный филиал, за который выступает моя группа, безусловно, смог бы нам помочь.

— Я сделал запрос по сквозьвременной связи. В Главном Отделении подобных недоразумений возникнуть не может.

— Хорошо, — кивнула доктор Мартин. — Однако меня тревожит Дуэйн. Он постоянно твердит о каких-то полубезумных идеях. О контакте с Призраками. Боюсь, если он станет упорствовать, возникнет серьезная опасность. Мы можем так сильно обидеть пси-существа, что не хватит всей мудрости Библиотеки, чтобы загладить эту оплошность. А ведь Земле жизненно необходимо поддерживать добрые отношения со своими ближайшими соседями! Буббакуб поудобнее пристроил лохматую голову на подушке.

— Вы прилагаете усилия для того, чтобы остановить доктора Кеплера?

— Разумеется, — натянуто ответила Мартин. — Меня, честно говоря, очень беспокоит, что он всякий раз уклоняется от проверки на поднадзорность. У Дуэйна в голове жуткий хаос, но,

думаю, его коэффициент все-таки находится в пределах нормы. Он ведь прошел на Земле психологический тест. Полагаю, сейчас мне удалось стабилизировать состояние. Но я так и не разобралась, в чем же кроются причины нестабильности. Частая маниакально-депрессивная смена настроения напоминает помешательство, характерное для конца двадцатого и начала двадцать первого века, когда общество чуть не погибло в результате психического воздействия окружающего шума. Эпидемия безумия, охватившая человечество, почти полностью разрушила индустриальную культуру именно тогда, когда эта культура находилась в самом расцвете. Это же безумие привело к эпохе репрессий, которая сейчас стыдливо именуется «эпохой Бюрократии».

— Да. Я читал о том, что вы чуть не довели себя до самоубийства. Мне кажется, последовавший за этим период, о котором вы упомянули, был эпохой порядка и спокойствия. Но меня это не касается. Вам очень повезло, что даже в самоубийствах вы ничего не смыслите. Но не будем отвлекаться. Что с Кеплером? — В монотонном голосе водора не было и следа вопросительных интонаций, и изменившееся лицо чужака не оставляло в этом никаких сомнений.

У Мартин по спине пробежал холодок. Ну и высокомерие! И его считают абсолютно безобидным?! Неужели люди совсем слепы и не видят, что одно лишь присутствие на Земле этого существа таит в себе огромную угрозу для ее обитателей? Она очень надеялась, что ее лицо осталось невозмутимым. Маленький человекоподобный медведь, такой милый и забавный! Ей стало зябко. Неужели только несколько человек в Ассамблее Конфедерации сумели распознать за этой симпатичной наружностью настоящего демона, прибывшего на Землю из открытого космоса с одной лишь целью — прижать людей к ногтю? И именно ей предстоит ублажить этого демона, найти ключ к его душе, если таковая, конечно же, имеется, и попытаться нащупать разумный способ установления контакта с Солнечными Призраками. Да еще Дуэйн с его неосторожными разглагольствованиями. Ифни, помоги своей сестре! Она взяла себя в руки. Буббакуб все еще ждал ответа.

— Ну, я знаю, что доктор Кеплер полон готовности решить проблему Солнечных Призраков без помощи Внеземных. Кое-кто из его сотрудников настроен весьма радикально. Не будет преувеличением, если я скажу, что некоторые из них

являются убежденными шкурниками. Но на этот раз их гордость зашла слишком далеко.

— Вы можете удержать Кеплера от опрометчивых поступков? — монотонно вопросил Буббакуб. — Он очень непоследователен.

— Вы имеете в виду привлечение в экспедицию Фэгина и его друга Демву?

Они совершенно безобидны. Опыт Джейкоба Демвы в общении с дельфинами, вполне возможно, пригодится, но очень нескоро. А Фэгин имеет огромную практику установления контак-тов. Все дело в том, что Дуэйну необходим человек, на которого он мог бы выплескивать свои параноидальные фантазии. Я думаю, мне удастся уговорить Демву проявлять побольше сочувствия к бредням Дуэйна.

Буббакуб приподнялся и посмотрел Мартин прямо в глаза.

— Эти двое меня абсолютно не волнуют. Фэгин — ленивый романтик, а Демва выглядит полным дураком. Как, впрочем, и все друзья Фэгина. Меня беспокоят другие. Когда я летел сюда, я не знал, что среди сотрудников есть шимпанзе. Именно он, а также журналист — основной источник неприятностей. От репортера слишком много шума. А шимпанзе так и вертится около Куллы,

пытаясь «освободить»…

— Кулла проявил непослушание? Я полагала, что его отношения с вами…

Буббакуб с резким шипением вскочил на ноги. Острые белые зубы сверкнули в угрожающем оскале.

— Не перебивай, человек!

Впервые в жизни доктор Мартин услышала настоящий голос Буббакуба: пронзительный визг перекрыл бормотание водора. У нее заложило уши. Какое-то время она пребывала в полном ошеломлении. Но вот фигура чужака обмякла, поднявшаяся дыбом шерсть улеглась.

— Прошу прощения, человек Мартин. Мне не следовало так распаляться из-за столь незначительного нарушения этики представителем младенческой расы.

Мартин перевела дух, стараясь не выдать свой испуг слишком уж явственно.

Буббакуб снова опустился на подушки.

— Я отвечу на ваш вопрос. Нет, Кулла не вышел за рамки дозволенного.

Он не знает, что согласно праву опеки его раса еще в течение длительного времени будет находиться в подчинении у моей. Потому-то и плохо, что этот доктор Джеффри твердит ему о правах и

обязанностях. Вы, люди, должны призвать к порядку своих подопечных, ибо только по милости старших рас их вообще стали называть подопечными софонтами. А если бы они не получили статус софонтов, то каково было бы ваше положение, человек? Снова сверкнули острые клыки. У Мартин пересохло в горле. Облизав губы, она заговорила, стараясь тщательно подбирать слова:

— Я прошу простить меня, если я вас чем-то обидела, пил Буббакуб. Я поговорю с Дуэйном, и, быть может, он сумеет повлиять на Джеффри.

— Журналист?

— С Пьером я поговорю сама. Уверена, он не хотел причинять никакого вреда. Он больше не станет досаждать вам.

— Хорошо. — Искусственный голос Буббакуба был абсолютно безразличен.

Чужак уютно свернулся на подушках. Казалось, еще мгновение, и он замурлычет.

— У нас общие цели. Я надеюсь, мы сумеем наладить деловые отношения.

Но знайте, пути достижения этих целей могут разойтись. Прошу вас сделать все возможное для нашего взаимопонимания. В противном случае я буду вынужден, как вы выражаетесь, убить одним выстрелом двух зайцев. Доктор Мартин

вяло кивнула.

Глава 8
ОТРАЖЕНИЕ

Ла Рок болтал, не умолкая ни на секунду. Джейкоб его не слушал. Журналист смертельно надоел ему нескончаемыми разглагольствованиями. Но сейчас Ла Рок перенес основной огонь на беднягу Фэгина в надежде произвести на того как можно лучшее впечатление. Джейкоб усмехнулся про себя, не перебирает ли он со своими человеческими эмоциями, жалея В.З. за необходимость выслушивать идиотскую болтовню? Джейкоб, Фэгин и Ла Рок мчались в маленьком автомобиле по нескончаемому туннелю. Автомобиль непрерывно швыряло из стороны в сторону, пассажиров нещадно трясло. Узловатыми корневищами Фэгин вцепился в скобу у пола машины, люди держались за поручень под потолком. Джейкоб прислушался. Ла Рок продолжал разглагольствовать на тему человеческих опекунов, начатую им еще на борту «Брэдбери». Репортер с жаром, достойным лучшего применения, уверял беднягу Фэгина, что мифические опекуны, сотни тысяч лет назад взявшиеся за развитые человека, обяза-

тельно должны быть связаны с Солнцем. Ла Рок в который раз повторял, что, возможно, Солнечные Призраки и есть опекуны.

— Возьмите любую земную религию. Каждая так или иначе считает Солнце священным! Эта черта объединяет все культуры. Абсолютно все! Ла Рок отпустил поручень и широко развел руками, стремясь подчеркнуть, насколько всеобъемлющей является эта идея, и чуть не упал.

Нисколько не смутившись, репортер продолжил:

— Эта гипотеза вовсе не так уж и фантастична, она прекрасно объясняет, почему Библиотека никак не может обнаружить следы наших предков. Безусловно, расы солнечного типа были известны и раньше. Потому-то подобные исследования совершенно бессмысленны. Странно, что никому не пришло в голову связать между собой эти два вопроса! Ведь это же так очевидно!

Джейкоб вздохнул. Вся трудность состояла в том, что эту теорию чертовски трудно было опровергнуть. Безусловно, многие примитивные цивилизации на Земле исповедовали культ Солнца. Солнце служило им источником тепла, света и жизни, обладало чудодейственной силой! Должно быть, солнцепоклонничество было общим

этапом в развитии всех примитивных народов. Но в том-то и крылась проблема. В Галактике практически не было «примитивных народов», с опытом которых можно было бы сравнить опыт человечества. Животных, охотников-собирателей доразумного типа и, наконец, софонтов имелось предостаточно. Но промежуточных случаев, когда опекуны покинули бы своих подопечных, подарив им разум, но не обучив их, как пользоваться столь щедрым подарком, история Галактики почти не знала. В тех же редчайших случаях, когда опекуны бросали своих детей, обретший силу разум стремительно вырывался из экологической ниши; возникали странные, непоследовательные культуры с причудливыми причинно-следственными связями, культуры, основанные на предрассудках и фантастических мифах. Без направляющей руки опекунов такие расы дичали и, как правило, вскоре погибали. Настороженное отношение к человечеству в большой степени было вызвано его уникальностью: лишенное опеки, оно продолжало жить и вполне успешно развиваться. Отсутствие рас со сходным опытом не позволяло провести хоть какой-нибудь сравнительный анализ, что, в свою очередь, создавало благоприятную почву

для появления равновероятных и трудноопровержимых теорий. Поскольку в фондах земного филиала не нашлось даже упоминания о столь широко распространенном на Земле культе Солнца, Ла Рок с легкостью мог рассуждать о том, что солнцепоклонническое прошлое человечества — всего лишь память о незавершенном развитии, память об опекунах Земли. Джейкоб, решив, что ничего нового репортер больше не скажет, снова погрузился в размышления.

С момента посадки минуло два долгих дня. Нужно было приспособиться к гравитационным колебаниям при переходе с базы, где притяжение регулировалось, на открытую поверхность Меркурия. Джейкоба представили персоналу базы, довольно многочисленному. Большинство имен он тут же забыл. Затем один из сотрудников показал ему его новое жилище. Главврач базы «Гермес», оказалось, был шишкой в проекте по развитию дельфинов. Он ужасно обрадовался Джейкобу и принялся вываливать на него груды ненужной информации. С восторгом говорил о Кеплере, хотя и признался, что не всегда понимает руководителя солнечного проекта. Не слушая никаких возражений, потащил Джейкоба на вечеринку, где каждый счел своим долгом засы-

пать его расспросами о Макой. Между тостами, разумеется. К счастью, последнее обстоятельство заметно снизило уровень досужего любопытства.

Автомобиль остановился, раздвинулись двери входа в огромную подземную пещеру, служившую ангаром для солнечных кораблей. На какое-то мгновение Джейкобу почудилось, что с пространством опять творится что-то неладное. Казалось, каждый предмет вдруг обрел двойника, а ближайшая к Джейкобу стена пещеры как-то странно изогнулась. Прямо напротив себя Джейкоб увидел ветвистого чужака двух с половиной метров роста, маленького неприятного толстяка с багровым лицом и смуглого человека, смотревшего на него с самым идиотским выражением лица.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джейкоб осознал, что смотрится в обшивку солнечного корабля, представлявшую собой самое совершенное сферическое зеркало в Солнечной системе. А недоумевающий тип, накануне, похоже, изрядно перебравший, — это он собственной персоной. Сферический звездолет, имевший двадцать метров в диаметре, столь хорошо отражал свет, что его форма угадывалась с большим трудом. Лишь

отражения искаженных форм внешнего мира от оболочки корабля позволяли реально обнаруживать его.

— Довольно смешно, — нехотя признал Ла Рок. — Чудесный, превосходный, обманчивый кристалл.

Репортер извлек из кармана мини-камеру и самозабвенно принялся снимать.

— Очень впечатляюще, — добавил Фэгин.

«Да, — подумалось Джейкобу, — действительно впечатляет. Зеркальный дом».

Но каким бы огромным ни был корабль, гигантские размеры пещеры скрадывали его величину. Необработанный каменный потолок дугой выгнулся над головой, теряясь в тумане испарений. В том месте, где они находились, пещера была довольно узкой, но можно было видеть, что она уходит вправо по меньшей мере на километр, исчезая за поворотом. Они стояли на платформе, находившейся на уровне экватора корабля. Люди, толпившиеся у нижней точки серебристой сферы, отсюда казались карликами.

В двухстах футах слева в пещере имелась пара массивных, герметически закрывающихся дверей шириной не менее ста пятидесяти футов каждая. Джейкоб предположил, что это — часть

шлюза, за которым скрывается туннель, ведущий к враждебной поверхности Меркурия. В огромных пещерах этого туннеля покоятся гигантские межпланетные корабли, подобные «Брэдбери». С платформы вниз вел металлический трап. Внизу Кеплер разговаривал с людьми в комбинезонах. Неподалеку в компании хорошо одетого шимпанзе стоял Кулла. Шимпанзе, взобравшийся на стул, чтобы быть одного роста с чужаком, самозабвенно играл с собственным моноклем. Подопечный человека подпрыгивал на согнутых ногах, едва не ломая стул. Прингл наблюдал за ним с тем выражением, которое Джейкоб, уже отчасти научившийся распознавать душевное состояние Куллы, обозначил как дружеское участие. Но в позе Куллы он увидел и что-то новое: не было той напряженности, которая никогда не оставляла его при общении с людьми, кантонами, синтианами и тем более пилами.

Платформа опустилась. Кеплер, поклонившись Фэгину, обратился к Джейкобу:

— Рад, что нашли время осмотреть корабль, мистер Демва. — Твердость рукопожатия ученого приятно удивила Джейкоба. Кеплер подозвал к себе шимпанзе.

— Познакомьтесь, это доктор Джеффри, пер-

вый представитель вида шимпанзе, ставший полноправным исследователем космоса, и, надо сказать, прекрасным исследователем. Сейчас мы приступим к осмотру именно его корабля.

Джеффри улыбнулся кривой обескураживающей улыбкой, характерной для сверхшимпанзе. Два века генной инженерии изменили форму черепа и таза, приблизив их к человеческим. Да и вообще Джеффри походил скорее на маленького смуглого человека, изрядно заросшего волосами, с непомерно длинными руками и огромными выступающими вперед зубами, чем на представителя отряда человекообразных обезьян. Еще один результат генной инженерии выявился, когда Джейкоб пожимал шимпанзе руку. Большой палец, далеко отстоявший от всех остальных, с силой надавил на ладонь, словно напоминая, что без вмешательства человека здесь не обошлось.

На груди у шимпанзе висел не водор, как у Буббакуба, а небольшой экран с кнопками по краям. Джеффри нагнул голову и начал перебирать клавиши. На экране загорелись буквы:

«РАД ПОЗНАКОМИТЬСЯ С ВАМИ. ДОКТОР КЕПЛЕР ГОВОРИЛ МНЕ О ВАС КАК О ПРЕКРАСНОМ ЧЕЛОВЕКЕ». Джейкоб рассмеялся.

— Большое спасибо, Джефф. Стараюсь быть та-

ким, хотя я до сих пор не понимаю, каким образом мои чудесные качества могут здесь пригодиться.

Джеффри пронзительно рассмеялся и воскликнул:

— Вы скоро поймете!

Слова походили скорее на воронье карканье, чем на человеческую речь, но тем не менее Джейкоб был поражен. Для этого поколения шимпанзе речь все еще являлась крайне болезненным процессом, хотя Джеффри говорил вполне отчетливо.

— Вскоре после окончания осмотра доктор Джеффри отправится на этом корабле в очередной прыжок, — вступил в беседу подошедший к ним Кеплер. — Сразу после возвращения разведывательного корабля командира де Сильвы. Она просила меня извиниться перед всеми за то, что не смогла встретить «Брэдбери». Когда мы соберемся на совещание, Джефф скорее всего уже отправится в полет. Первые сообщения от него поступят завтра днем, сразу после совещания.

Кеплер покрутил головой.

— Я никого не забыл представить? Джефф, я знаю, что вы уже встречались с кантоном Фэгином. Пил Буббакуб, похоже, отклонил наше приглашение. А с мистером Ла Роком вы зна-

комы? Шимпанзе поджал губы. Весь его вид свидетельствовал о крайней степени отвращения. Он тихо заворчал и уставился в зеркальную поверхность корабля. Ла Рок побагровел от замешательства и гнева.

Джейкоб с трудом подавил смешок. Неудивительно, что у сверхшимпанзе репутация забияк! Оказывается, нашелся кто-то еще, у кого такта не больше, чем у Ла Рока. О вчерашней стычке в столовой между этими двумя уже ходили легенды. Джейкоб от души пожалел, что не видел уникального зрелища. Кулла положил на плечо Джеффри тонкую хрупкую ладонь.

— Пойдем, дружище. Давай покажем миштеру Демве и его дружьям твой корабль.

Шимпанзе свирепо глянул на Ла Рока, затем перевел взгляд на Куллу и Джейкоба и тут же расплылся в широкой добродушной улыбке. Он схватил их за руки и потянул ко входу в корабль.

Вся компания вскоре оказалась на верхней площадке трапа у короткого мостика, перекинутого внутрь зеркального шара. Какое-то время глаза Джейкоба привыкали к темноте. Он смог разглядеть плоскую палубу, словно парившую в воздухе, — круглый диск из темного упругого материала. Единственным нарушением идеаль-

но плоской поверхности были несколько кресел, предназначенных для пассажиров. Часть из них была оборудована небольшими приборными панелями. В самом центре выделялся шарообразный купол метров семь в диаметре.

Кеплер склонился над одной из панелей, и через мгновение стена корабля обрела частичную прозрачность. Внутренность корабля озарил тусклый свет пещеры. Кеплер пояснил, что освещение корабля сведено к минимуму, чтобы не допустить опасных отражений от внутренней поверхности сферической оболочки.

Внутренность идеальной оболочки солнечного корабля структурой напоминала твердотельную модель системы Сатурна. Широкая палуба играла роль кольца, а две полусферы сверху и снизу палубы олицетворяли саму планету. В верхней полусфере Джейкоб разглядел несколько люков. Он уже знал, что там находится почти все оборудование, отвечающее за управление кораблем, включая устройство регулировки времени, генератор гравитационного поля и охлаждающий лазер.

Наконец Джейкоб ступил на край палубы. Силовое поле удерживало ее на весу в четырех-пяти футах от обшивки. Его окликнули. Все уже нахо-

дились у открытого люка центрального купола. Кеплер помахал ему рукой.

— Мы собираемся осмотреть приборную полусферу, здесь ее называют «обратной стороной». Будьте осторожны, вы вступаете на гравитационные дугу.

У самой двери Джейкоб задержался, чтобы пропустить вперед Фэгина, но кантен дал понять, что предпочитает остаться снаружи. Двухметровому чужаку вряд ли было бы уютно в семифутовом помещении. Джейкоб последовал за Кеплером, но в следующее мгновение, совершенно ошарашенный, чуть не выскочил обратно. Кеплер, опередивший его всего на несколько шагов, сейчас находился прямо над головой Джейкоба. Он взбирался по поверхности, напоминавшей склон крутой горы, ограниченной с двух сторон переборками. Казалось, Кеплер вот-вот опрокинется — под таким немыслимым углом находилось его тело. Джейкобу стало не по себе. Но ученый двигался по эллиптической поверхности как ни в чем не бывало и вскоре скрылся из вида. Джейкоб уперся обеими руками в переборки и несмело шагнул вверх.

Ничего не произошло. Его тело чувствовало себя абсолютно уверенно. Еще шаг. Джейкоб оглянул-

ся. Дверь находилась внизу. По всей видимости, купол настолько плотно удерживал псевдогравитационное поле, что радиус гравитационной области составлял всего лишь несколько ярдов. Генератор поля работал столь совершенно, что Джейкоба подвело даже его внутреннее чутье. В проеме люка мелькнуло ухмыляющееся лицо одного из техников. Джейкоб захлопнул разинутый в изумлении рот и продолжил путешествие по гравитационной петле, стараясь не думать, что мало-помалу переворачивается вверх ногами. Чтобы отвлечься от этой неприятной мысли, он внимательно читал надписи на пластинах, прикрепленных на стенах и на полу к люкам, ведущим в блок управления. На середине пути ему попался закрытый люк, надпись на котором гласила: «ДОСТУП К УПРАВЛЕНИЮ СЖАТИЕМ ВРЕМЕНИ».

Теперь он двигался по пологому склону. Замешательство прошло. Оказавшись у двери, он уже был готов увидеть то, что увидел. Но все же не смог удержаться от стона:

— О нет!

На мгновение закрыл глаза, затем осторожно открыл и осмотрелся. Над его головой завис пол ангара, и на нем, подобно мухам на потолке,

копошились люди, осматривая перевернутое подножие корабля. Смиренно вздохнув, Джейкоб по полупотолку подошел к Кеплеру. Кеплер разглядывал блок какого-то сложного устройства. Ученый посмотрел на Джейкоба и улыбнулся.

— Пользуюсь привилегией руководителя везде совать свой нос. Конечно, корабль прошел полную проверку, но мне нравится все осматривать самому. Он любовно погладил машину и поманил Джейкоба за собой. Они подошли к краю палубы. Здесь ощущение, что стоишь на голове, было особенно сильным. Потолок пещеры терялся в дымке далеко «внизу».

— Это одна из мультиполяризационных камер, которые мы установили, когда впервые увидели Призраков. Призраки излучают когерентный свет. — Кеплер ткнул в один из совершенно одинаковых аппаратов, вы строившихся вдоль кромки палубы через равные промежутки. — С их помощью мы можем выделять Призраков из спектра некогерентного излучения. Вне зависимости от плоскости поляризации излучения Призраков мы можем теперь подстроиться под любую и убедиться, что когерентность действительно существует и постоянна во времени.

— Почему все камеры здесь? Наверху я не заме-

тил ни одной.

— Мы обнаружили, что живые наблюдатели и аппараты мешают друг другу, если находятся в одной плоскости. По этой и некоторым другим причинам приборы расположены здесь, а наш курятник — на другой половице. Можно обеспечить хороший обзор и для приборов, и для наблюдателей, сориентировав корабль таким образом, чтобы этот край палубы был направлен на объект наблюдения. Это оказалось прекрасным компромиссом: поскольку с гравитацией нет никаких проблем, можно поворачивать плоскость палубы на любой угол, позволяя живым наблюдателям и приборам следить за интересующим объектом с общей точки обзора. Полученные результаты подвергаются потом сравнительному анализу.

Джейкоб попытался представить себе, как пассажиры и экипаж с увлечением наблюдают за пресловутыми Солнечными Призраками, не обращая внимания ни на накренившуюся палубу, ни на бушующие плазменные бури, так и швыряющие корабль из стороны в сторону, и обреченно вздохнул.

— Но с недавних пор в оборудовании у нас возникли неполадки, — продолжал Кеплер. — На этом корабле, а он поменьше других, внесен ряд

изменений, так что надеюсь... А! Вот и наши друзья. В проеме люка появились Кулла и Джеффри. Обезьяно-человеческое лицо Джеффри искривилось в гримасе презрения. Шимпанзе быстро забарабанил по клавишам своего устройства.

"ЛА РОКУ СТАЛО ПЛОХО. ТОШНОТА ПРИ ПРОХОДЕ ПО ПЕТЛЕ.

УБЛЮДОК-РУБАШЕЧНИК".

Кулла что-то тихо сказал шимпанзе. Джейкоб едва смог разобрать:

— Будь поуважительнее, дружище Джефф. Ведь мистер Ла Рок человек.

Задетый за живое, Джеффри снова забарабанил по клавишам. С бесчисленными ошибками шимпанзе сообщил, что он так же уважает людей, как и любой другой представитель его вида, но при этом он вовсе не собирается пресмыкаться перед человеком, особенно если тот не имеет никакого отношения к развитию шимпанзе.

«НЕУЖЕЛЕ ТЫ ДЕЙСТВИТЕЛНО ДОЛЖИН ЛИЗАТЬ ЗАДНИЦУ БУББАКУБУ, ПОТОМУ ШТО ЕГО ПРЕДКИ ОКОЗАЛИ МИЛОСТЬ ТВОИМ ПРЕДКАМ ПОЛМИЛИОНА ЛЕТ НАЗАД?» Глаза прингла вспыхнули. Меж складчатых губ сверкнул белый фарфор.

— Прошу тебя, дружище Джефф. Я жнаю, что

у тебя шамые лучшие намерения, но Буббакуб — мой опекун. Люди ошвободили твою рашу. Моя раша должна находитьшя в услужении, так уштроен мир. Джеффри возмущенно фыркнул.

— Посмотрим, — прокаркал он.

Кеплер отвел Джеффри в сторону, попросив Куллу сопровождать Джейкоба. Чужак провел Джейкоба к другой стороне полусферы и показал устройство, позволяющее кораблю плавать в полужидкой плазме солнечной атмосферы подобно батискафу. Кулла последовательно снял панели, за которыми находились ячейки голографической памяти.

Стасис-генератор управлял потоком времени-пространства, протекающим через корабль. Мощные бури хромосферы казались легким волнением. Фундаментальные физические законы, лежащие в основе принципа работы генератора, лишь отчасти были поняты учеными Земли, хотя правительство настояло, чтобы генератор был собран руками людей. Глаза Куллы зажглись, в его голосе зазвучала гордость за те новые технологии, которыми Библиотека наделила землян. Логические элементы, управляющие работой генератора, напоминали хаотическое переплетение стеклянных нитей. Кулла объяснил, что эти

стержни и волокна позволяют надежно хранить оптическую информацию и обладают высоким быстродействием. По ближайшему к Джейкобу стержню пробегали голубые интерференционные картинки — пакеты информации хранились в световом виде. Джейкобу устройство показалось живым организмом. Лазерный луч ввода-вывода, повинуясь руке Куллы, качнулся, и Джейкоб стал свидетелем того, как перекачивается световая информация, кровь этого удивительного прибора.

Хотя Кулла наверняка сотни раз видел этот процесс, но казалось, что и он зачарован им не меньше Джейкоба. Яркие, немигающие глаза не отрывались от бегущего информационного сияния.

Наконец Кулла закрыл панель. Джейкоб заметил, что чужак выглядит уставшим. «Должно быть, было много работы», — про себя посочувствовал он В.З. Они почти в полном молчании проделали обратный путь вокруг купола и присоединились к Джеффри и Кеплеру. Те спорили по поводу калибровки одной из камер. Джейкоб с интересом прислушивался, хотя почти ничего не понимал. Чуть позже, сославшись на дела внизу, Джеффри ушел, вскоре за ним последовал Кулла. Люди еще несколько минут постояли, беседуя об

устройстве корабля, затем Кеплер жестом предложил Джейкобу двигаться назад. На этот раз Джейкоб пошел по гравитационной петле первым. Когда он преодолел половину пути, сверху раздались шум и возня. Послышался гневный крик. Забыв, что находится на вершине крутой гравитационной петли, Джейкоб попытался ускорить шаг. Но петля не была предназначена для беготни, и на Джейкоба тут же нахлынула ошарашивающая смесь ощущений, вызванная сложным воздействием различных участков псевдогравитационного поля.

Он поскользнулся на незакрепленной пластине. В сторону отлетело несколько болтов. Пытаясь удержать равновесие, Джейкоб пошатнулся. Когда он наконец добрался до люка, ведущего на верхнюю палубу, Кеплер успел догнать его.

Крики раздавались за стеной корабля. У трапа возбужденно размахивал ветвями Фэгин. Несколько сотрудников бежали к Ла Року и Джеффри, сцепившимся в драке.

Побагровевший от натуги Ла Рок пыхтел и, напрягая все мышцы, пытался отодрать от своей головы руки Джеффри. Он колотил кулаками и лягался, но его действия не производили ни-

какого эффекта. Шимпанзе время от времени пронзительно кричал, скаля зубы и изо всех сил стараясь пригнуть голову репортера. Оба не обращали никакого внимания ни на собравшуюся толпу, ни на попытки разнять их.

Джейкоб быстро спустился вниз. Он увидел, как Ла Рок, высвободив одну руку, нащупывает на поясе какой-то кожаный футляр. Не медля ни секунды, Джейкоб протиснулся сквозь толпу и одной рукой резко и сильно ударил Ла Рока, а другой схватил шимпанзе за шкирку. Футляр выскользнул из рук Ла Рока, повиснув на ремне. Джейкоб с силой оторвал шимпанзе от репортера и толкнул его в руки подоспевших Кеплера и Куллы. Джеффри яростно вырывался, сильные руки шимпанзе так и мелькали в воздухе.

Джейкоб стремительно обернулся на шум у себя за спиной. Ладонь его уперлась в грудь репортера, рвавшегося вперед. Пол выскользнул у Ла Рока из-под ног, и тот, ойкнув, рухнул. Джейкоб схватил камеру, но его противник мертвой хваткой вцепился в кожаный футляр. Ремень с резким хлопком порвался. Кто-то помог репортеру подняться на ноги. Джейкоб поднял руки вверх.

— Прекратите!

Он стоял так, чтобы Джеффри и Ла Рок не могли

увидеть друг друга. Ла Рок поглаживал ушибленную руку, не обращая внимания на уговоры державших его людей. Глаза его яростно сверкали.

Джеффри все еще пытался высвободиться, но Кулла и Кеплер держали его крепко. Сзади отчаянно посвистывал Фэгин.

— Шимпанзе Джеффри, послушай меня! Меня зовут Джейкоб Демва. Я эксперт проекта Развития. Я говорю тебе, что твое поведение совершенно неподобающе. Ты ведешь себя как животное!

Голова Джеффри дернулась, словно ему дали сильнейшую пощечину. Мгновение он неотрывно смотрел на Джейкоба, из горла вот-вот готово было вырваться рычание, но вот напряжение в его глубоко посаженных глазах исчезло. Шимпанзе обмяк. Джейкоб потрепал его мохнатую голову, пригладил вставшую дыбом шерсть. Джеффри дрожал.

— Успокойся, — голос Джейкоба был ласков, — постарайся взять себя в руки. Позже мы обязательно выслушаем тебя, ты расскажешь, что произошло. Все еще дрожа, Джеффри поднес руку к своему экранчику. Он не сразу смог набрать короткое слово: «ПРОСТИТЕ». Взглянул на Джей-

коба, чтобы тот убедился в его искренности.

— Прекрасно, — ответил Джейкоб, — готовность извиниться — первый признак воспитанности.

Джеффри выпрямился. С нарочитым спокойствием он кивнул Кеплеру и Кулле. Те отпустили его. Несмотря на успехи в общении с дельфинами и обезьянами, Джейкоб испытывал некоторый стыд, оттого что разговаривает с Джеффри покровительственным тоном. Он использовал прием наудачу, и тот сработал. Из разрозненных высказываний Джеффри Джейкоб знал, что шимпанзе в глубине души глубоко уважает своих опекунов, но это уважение распространяется далеко не на всех людей. Джейкоб был рад, что смог задеть эту струну Джеффри, но гордиться тут было особенно нечем. Удар ниже пояса! Как только Кеплер увидел, что Джеффри успокоился, он тут же взял инициативу в свои руки.

— Что, черт побери, здесь происходит?! — Громовым голосом вскричал он, обратив грозный взгляд на Ла Рока.

— Это животное напало на меня! — взвизгнул Ла Рок. — Я, еле живой от страха, с трудом выбрался из этого ужасного места и вот стоял, разговаривал с уважаемым Фэгином, а эта

тварь ни с того ни с сего вдруг как набросится на меня! Я уверен, он хотел убить меня! «ЛЖЕЦ. ОН СОБИРАЛСЯ УСТРОИТЬ ДИВЕРСИЮ. Я ОБНАРУЖИЛ, ЧТО ПАНЕЛЬ СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ ОТВИНЧЕНА. ФЭГИН СКАЗАЛ, ЧТО ЭТОТ ПОДОНОК ВЫСКОЧИЛ ИЗ КОРАБЛЯ КАК РАЗ В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПОСЛЫШАЛИСЬ ШАГИ».

— Прошу прощения, но я должен внести поправку! — пропел Фэгин. — Я не употреблял уничижительное существительное «подонок». Я просто ответил на поставленный вопрос…

— Он там целый час провел! — каркнул Джеффри, перебивая Фэгина. Лицо его скривилось от усилия. «Бедный Фэгин», — пожалел кантона Джейкоб.

— Я уже говорил, — снова завизжал Ла Рок, — это страшное место напугало меня! Я стоял, вцепившись в пол, не менее получаса. Ты, обезьяна, ты нагло врешь, ты хочешь оклеветать меня! Прибереги свои грязные обвинения для сородичей, до сих пор не слезших с деревьев! Шимпанзе яростно заверещал и бросился на репортера. Кулла с Кеплером снова вцепились в него. Джейкоб подошел к Фэгину, не зная, что сказать.

Перекрывая поднявшийся гвалт, Фэгин мягко зашелестел:

— Такое впечатление, что ваши опекуны, кем бы они ни были, дружище Джейкоб, были весьма своеобразными созданиями. Джейкоб молча кивнул.

Глава 9
ВСПОМИНАЯ БОЛЬШУЮ БЕСКРЫЛУЮ ГАГАРКУ

Джейкоб взглянул на собравшихся у трапа. Кулла и Джеффри вели неторопливую беседу с Фэгином. Несколько человек из персонала базы держались неподалеку, избегая назойливого репортера. Ла Рок, как ни в чем не бывало, продолжал слоняться по пещере, всячески надоедая занятым предстартовой суетой техникам. Какое-то время он так и дымился от ярости, но постепенно успокоился. Правда, апоплексическая багровость не сходила с его лица.

Джейкоб достал из кармана трофей — камеру журналиста.

— И сам не знаю, зачем я ее отобрал у него, — сказал он Кеплеру.

Миниатюрная камера выглядела совершенным инструментом для добывания информации, компактным, многофункциональным и явно

дорогим.

Джейкоб протянул ее Кеплеру и, словно оправдываясь, добавил:

— Мне показалось, он хочет достать оружие.

Кеплер сунул камеру в карман.

— Мы ее проверим, так, на всякий случай. А пока я хотел бы поблагодарить вас. Вы действовали просто превосходно! Джейкоб пожал плечами.

— Ерунда. Ко всему прочему я, похоже, нанес урон вашему авторитету, так что прошу меня простить. Кеплер рассмеялся.

— Вы меня просто выручили! Я бы наверняка не знал, как поступить в подобной ситуации.

Джейкоб улыбнулся, но на душе у него было неспокойно.

— Что сейчас на очереди? — спросил он.

— Нужно снова проверить систему сжатия времени на корабле Джеффри.

Хотя я не думаю, что с ней могло что-нибудь произойти. Даже если Ла Року удалось проникнуть внутрь, вряд ли он смог ее повредить. Для этого ему понадобились бы специальные инструменты, а у журналиста их, разумеется, не было.

— Но когда мы проходили по гравитационной петле, панель и в самом деле была открыта.

— Да, но скорее всего Ла Рок сунул туда нос

просто из любопытства.

Честно говоря, я не слишком удивлюсь, если окажется, что Джефф сам снял панель, чтобы иметь повод сцепиться с журналистом. Кеплер взглянул на изумленного Джейкоба и рассмеялся.

— Не смотрите на меня так! Мальчишки всегда остаются прежде всего мальчишками. Вы ведь знаете, что даже самые развитые шимпанзе частенько ведут себя, как шкодливые дети.

Джейкоб знал. И все же он не понимал, почему Кеплер так снисходителен к невыносимому репортеру, которого, без сомнения, презирает. Неужели ему так нужны хорошие отзывы в прессе?

Кеплер еще раз поблагодарил его и, прихватив с собой Куллу и Джеффри, направился к люку корабля. Джейкоб отошел в сторонку и присел на какой-то ящик.

Устроившись поудобнее, он достал из кармана пачку бумаг. Утром поступили лазерограммы с Земли. Джейкоб вспомнил, как Милли Мартин и Буббакуб, лично явившийся в рубку за предназначенным для него шифрованным посланием, обменялись заговорщицкими взглядами, и едва удержался от смеха.

Во время завтрака доктор Мартин сидела меж-

ду Буббакубом и журналистом, наводя мосты между болезненной ксенофилией землянина и надменной подозрительностью представителя Библиотеки. Но вскоре объявили о получении лазерограмм. Буббакуб в сопровождении психолога важно удалился, а бедный Ла Рок остался доедать завтрак с самым несчастным видом. Покончив с завтраком, Джейкоб решил было зайти в медицинскую лабораторию, но завернул в рубку за своей почтой. В его комнате на столе уже лежала толстая пачка материалов, полученных накануне из Библиотеки. Прежде чем заняться поглощением информации, следовало ее как-то упорядочить.

Информационное поглощение, или информационный транс, представляло собой усвоение информации на подсознательном уровне за очень короткое время. Эта штука не раз выручала Джейкоба, но у информационного транса имелся один существенный недостаток — терялась способность мыслить критически. Информация усваивалась мозгом, но для того, чтобы ее можно было активно использовать, следовало прочитать материалы еще раз, самым обычным способом.

Забрав очередную порцию лазерограмм,

Джейкоб вернулся к себе. Все бумаги лежали аккуратной стопкой слева. Джейкоб уже переварил содержащуюся в них информацию, и сейчас она хранилась в дальнем уголке его мозга. Отдельные фрагменты новых знаний время от времени всплывали в голове, не складываясь в единое целое. В течение недели ему предстояло узнавать все заново, непрерывно испытывая болезненные чувства неофита. И начинать надо незамедлительно.

И сейчас, устроившись на пластиковом ящике, Джейкоб быстро просматривал захваченные с собой бумаги. Обрывки информации словно дразнили его смутным ощущением чего-то давно известного.

…Раса киза, только что освободившаяся от покровительства расы соро, обнаружила планету Пила в ходе победных завоеваний галактической культуры в этом квадранте пространства. На планете были найдены свидетельства обитания исчезнувшей около двухсот миллионов лет назад расы. Подняли галактические архивы и прочитали, что планету Пилу в течение шестисот тысячелетий населяли представители вида меллин (см. вымерший вид меллин). Планета Пила, пребывавшая в необитаемом состоянии

дольше положенного срока, была подвергнута тщательному исследованию и в соответствии со стандартной процедурой зарегистрирована как колония расы киза, класс С (допускается минимальное воздействие на существующую биосферу). На Пиле обитал дософонтный вид, которому кизы дали имя планеты — пилы…

Джейкоб попытался представить себе, как выглядела раса пила до прибытия кизов. Несомненно, примитивные охотники-собиратели. Остались бы они такими же и поныне, если бы не появились кизы? Или же смогли бы эволюционировать, как продолжают утверждать некоторые антропологи на Земле, в совершенно иную разумную культуру?

Ссылка на вымерший вид меллин давала ясное представление о временных масштабах галактической цивилизации и размерах Библиотеки. Двести миллионов лет! В столь давние времена планету Пила колонизировала раса космических странников. Они прожили там шесть тысяч веков, в течение которых предки Буббакуба были всего лишь мелкими зверушками, рывшими норы. Весьма вероятно, меллины уплатили взнос и основали собственный филиал Библиотеки. Без сомнения, они оказывали надлежащее уважение

(быть может, скорее словами, чем делами) своим опекунам, подарившим им разум задолго до колонизации Пилы. Вероятно также, что меллины, в свою очередь, подвергли развитию какой-нибудь подающий надежды вид, обнаруженный на планете, каких-нибудь кузенов Буббакуба, давно уже, наверное, вымерших. Внезапно до Джейкоба дошло. Он понял суть галактических законов Местопребывания и Миграции. Они принуждали любой разумный вид рассматривать собственную планету как временное жилье, которое нужно будет передать в руки будущим цивилизациям, в руки рас, находящихся сейчас в неразвитом и неразумном состоянии. Нет ничего удивительного в том, что многие в Галактике были столь недовольны привязанностью человечества к Земле. Только влияние тимбрими и других дружественных рас позволило человечеству сохранить три свои колонии на Цигнусе, получив соответствующее разрешение в назойливом и фанатичном Институте Миграции. Счастье еще, что вернувшиеся на «Везариусе» успели предупредить человечество, и люди смогли скрыть следы некоторых своих преступлений! Джейкоб был одним из сотен тысяч людей, знавших, что когда-то на Земле существовали такие живот-

ные, как морская корова, гигантский ленивец и орангутанг. И он лучше многих осознавал, что эти жертвы человечества могли когда-нибудь обрести разум. Джейкоб искренне скорбел об исчезнувших с лица Земли видах. Он вспомнил о Макой. Ведь дельфины и киты тоже стояли над самой пропастью небытия.

Он вздохнул и снова принялся за бумаги. Его глаза остановились еще на одном куске сообщения, повествовавшем о расе Куллы…

…Планета, колонизированная экспедицией с Пилы. (Пилы, пригрозив своим опекунам кизам, что потребуют от соро объявления джихада, добились освобождения от опеки.) Получив разрешение на колонизацию планеты Прингл, пилы, нарушив рекомендацию оказывать минимальное воздействие на биосферу планеты, вмешались в естественный ход ее развития. Инспекция из Института Миграции обнаружила, что пилы предприняли недюжинные усилия для сохранения лишь тех местных видов, на чье развитие были получены достаточно реалистичные прогнозы. А среди обреченных на вымирание находились даже и генетические предки принглов, чьим именем была названа планета…

Джейкоб пометил, что надо бы побольше узнать о джихаде, который чуть что объявляли пилы. В своей галактической политике пилы всегда были крайне агрессивны и консервативны. Джихады, или священные войны, считались последним доводом для убеждения галактических рас придерживаться традиций. Институты исповедовали приверженность традициям, но следить за соблюдением принципа приходилось либо сильнейшим, либо представителям мнения большинства.

Джейкоб совершенно точно знал, что хранящиеся в Библиотеке компрометирующие сведения о священных войнах дают право запрещать их силой. Оттого очень редко встречались упоминания о «прискорбном» случае развязывания войны под предлогом следования традициям. Историю пишут победители. Джейкоб спросил себя, на что же могли пожаловаться пилы, потребовав снятия над ними опеки со стороны кизов? И как выглядят эти самые кизы?

Звон колокола, гулким эхом прозвучавший под сводами пещеры, заставил его вздрогнуть.

Рабочие отложили инструменты и повернулись к огромной двери в туннель, соединявший базу с поверхностью Меркурия. С тихим шоро-

хом двери начали раздвигаться. В открывшемся провале сперва не было видно ничего, кроме абсолютной черноты. Затем на неспешную дверь налетело нечто ослепительное и огромное: удивительный объект, словно нетерпеливый щенок, пытался протиснуться в ангар. Это был еще один солнечный корабль, еще один сверкающий зеркальный шар. Он парил над полом пещеры и нематериально сиял. Наконец двери полностью открылись, и корабль словно бы внесло в ангар ворвавшимся снаружи ветром. В идеальном зеркале прибывшего корабля отражались шершавые стены пещеры, оборудование, люди. Рабочие собрались у причальных опор. Корабль, негромко жужжа и потрескивая, завис над ними.

Мимо Джейкоба вихрем пронеслись Кулла и Джеффри. Шимпанзе на ходу широко улыбнулся ему и жестом предложил следовать за ними. Джейкоб, не удержавшись от ответной улыбки, устремился вслед, на ходу запихивая бумаги в карман куртки. Корабль, несколько минут поманеврировав над опорами, начал медленно опускаться. Трудно было поверить, что он лишь отражает окружающий свет, а не излучает его сам — так ярко сияла его зеркальная поверхность. Джейкоб пристроился рядом с Фэгином чуть в

стороне от толпы встречающих. Они вместе увлечение глазели на посадку корабля.

— Мне кажется, ты поглощен какими-то мыслями, — пропел фэгин. — Прошу простить мое вмешательство, но, полагаю, мне позволительно поинтересоваться их природой?

Джейкоб стоял к Фэгину так близко, что мог уловить слабый запах орегано, исходивший от чужака. Листва Фэгина тихо шелестела.

— Да вот, думаю о том, где побывал этот корабль, — ответил Джейкоб. — Я попытался представить себе, на что должна быть похожа та местность, и не смог. — Не расстраивайся, дружище Джейкоб. Я тоже испытываю благоговейный ужас и не могу постичь того, что вы, земляне, совершили. Со смирением и покорностью ожидаю своего первого погружения. «Ох, опять ты сумел пристыдить меня, зеленый ублюдок, — беззлобно подумалось Джейкобу. — Я только и думаю, как избежать этого безумия. А ты без умолку трещишь о том, как тебе не терпится прыгнуть в адово пекло!»

— Не хочу называть тебя *лжецом*, Фэгин, но твои восхваления проекта — дипломатический трюк. Ведь проект основан на технике, близкой к эпохе неолита! Неужели никто в Галактике не

совершал прыжка в звезду? Софонты существуют миллиард лет, и все, что имело смысл сделать, сделано уже по меньшей мере триллион раз!

Он не смог скрыть за шутливым тоном горьких нот и поразился силе собственных эмоций.

— Безусловно, это так, дружище Джейкоб. Но я и не утверждал, что «Прыжок в Солнце» — проект уникальный. Он уникален именно для меня. Разумные расы, с которыми мне лично доводилось общаться, удовлетворялись изучением своих светил с расстояния, сравнивая полученные результаты с данными Библиотеки. Для меня этот прыжок — настоящее приключение. От солнечного корабля отделился прямоугольник, опускаясь, он постепенно преобразовался в трап.

Джейкоб нахмурился и упрямо продолжил:

— Не могло не быть управляемых погружений! Ведь очевидно же, что надо изведать все тайны и возможности. Я не могу поверить, что мы первые в таком грандиозном деле!

— Конечно, совершать такое могли и раньше, — медленно пропел Фэгин. — Как гласит пословица, прародители совершили все, прежде чем удалиться. Но так много разного совершалось столь разными расами, что очень трудно знать что-либо наверняка.

Джейкоб не ответил, обдумывая слова кантена.

Трап уже коснулся причальной платформы. Рядом с ними возник Кеплер.

Он улыбался.

— А! Вот вы где! Впечатляет, не правда ли? Все участники проекта собрались здесь. Так всегда встречают солнечный корабль даже после короткого разведывательного полета, как в данном случае.

— Да, — согласился Джейкоб, — весьма впечатляет. Кстати, доктор Кеплер, я, помнится, уже спрашивал вас, не посылали ли вы запрос по поводу Солнечных Призраков в филиал Библиотеки в Ла-Пасе. Ведь наверняка кто-то сталкивался с подобным явлением, и я уверен, нам очень помогло бы… Он остановился, не договорив. Улыбка исчезла с лица Кеплера.

— Наш запрос стал основной причиной, по которой к нам отрядили Куллу, мистер Демва. Предполагалось, что это будет эксперимент, который покажет, насколько мы, земляне, способны сочетать независимые исследования с ограниченной помощью со стороны Библиотеки. Этот план прекрасно работал, когда мы строили корабли. Должен признать, галактические технологии

— это что-то невероятное. Но с тех пор Библиотека не оказывала нам никакой помощи. Все это очень сложно. Я надеюсь коснуться этого вопроса завтра, после совещания, но, видите ли…

Со всех сторон раздались приветственные крики. Толпа подалась вперед.

Кеплер автоматически заулыбался.

— Потом! — бросил он Джейкобу и поспешил к кораблю.

На причальной платформе показались пять человек — трое мужчин и две женщины. Они приветственно помахали толпе. Одна из женщин, высокая стройная блондинка с коротко остриженными волосами, нашла глазами Кеплера, улыбнулась ему и начала спускаться вниз. Остальные последовали за ней. По всей видимости, эта красотка и была командиром базы «Гермес». Джейкобу о ней все уши прожужжали. На вчерашней вечеринке один медик назвал ее лучшим из всех комендантов этого форпоста Конфедерации на Меркурий. Какой-то новичок непочтительно перебил старожила, заявив, что в прошлой жизни она наверняка была лисой. Джейкоб увидел в этом намек на изворотливость ее ума. Но, глядя, как эта женщина, нет, скорее молодая девушка, грациозно спускается по тра-

пу, он понял и второй, лестный для внешности командира смысл.

Толпа расступилась. Женщина подошла к Кеплеру, протянула ему руку.

— Они там! Мы спустились до уровня тау-два в первой активной области.

Там и обнаружили их. От одного нас отделяло не больше восьмисот метров! У Джеффа не будет никаких проблем! Это самое большое магнитоядное, которое я видела!

Ее низкий, страстно-мелодичный голос показался Джейкобу удивительно красивым. Этот голос вызывал доверие. Он не смог опознать ее легкий акцент, старомодный, что ли.

— Прекрасно! Прекрасно! — закивал Кеплер. — Там, где есть овцы, должны быть и пастухи, верно?

Он взял ее за руку и повернулся, чтобы представить Фэгину и Джейкобу.

— Уважаемые софонты, это Хелен де Сильва, комендант Конфедерации на Меркурии и моя правая рука. Я без нее ничего не смог бы сделать. Хелен, это мистер Джейкоб Альварес Демба, тот самый джентльмен, о котором я сообщал вам. А с кантеном Фэгином вы, конечно, встречались на Земле несколько месяцев назад. Как я пони-

маю, с тех пор вы успели обменяться не одной лазерограммой. — Кеплер ласково тронул женщину за плечо. — Мне надо идти, Хелен. Нужно просмотреть поступившие с Земли сообщения. Я и так слишком задержался. Вы уверены, что все прошло гладко и экипаж не слишком устал?

— Все отлично, доктор Кеплер. Нам удалось поспать на обратном пути.

Мы сегодня еще увидимся во время старта Джеффа. Кеплер тепло попрощался с Джейкобом и Фэгином и довольно сухо кивнул Ла Року, который, разумеется, болтался неподалеку. Репортер находился достаточно близко, чтобы слышать разговор, но недостаточно, чтобы продемонстрировать хорошие манеры. Кеплер еще раз кивнул и направился к лифтам.

Хелен де Сильва уважительно поздоровалась с Фэгином. Ее легкий поклон был куда теплее предписанного хорошим тоном. Она явно искренне радовалась встрече с чужаком, о чем многословно и оповестила всех. Потом взглянула на Джейкоба.

— Так, значит, вы и есть мистер Демва? — Она пожала ему руку. — Фэгин рассказывал мне о вас. Вы тот самый отважный молодой человек, что спрыгнул с самой верхушки эквадорского Шпиля.

Я настаиваю, чтобы герой лично рассказал мне о своих подвигах!

Как всегда, когда упоминали Шпиль, у Джейкоба все внутри сжалось от боли. Стараясь скрыть свое состояние, он рассмеялся.

— Поверьте, я вовсе не специально прыгал! Но если всерьез, я скорее соберусь отправиться в одну из ваших прогулок на Солнце, чем решусь повторить это снова!

Хелен рассмеялась, но в глазах ее не было веселья, она смотрела определенно оценивающе. Джейкоба ее взгляд смутил, хотя он и нашел его весьма лестным для себя. Неожиданно он обнаружил, что ему не хватает слов. — Ммм… во всяком случае странно слышать, что меня называет «молодым человеком» столь юная особа. Вы, должно быть, необыкновенный специалист, раз вас назначили комендантом до того, как ваше лицо избороздили морщины. Она рассмеялась снова.

— Весьма галантно! Очень любезно с вашей стороны, сэр, но и впрямь шестьдесят пять лет моей жизни стоят не одного десятка морщин. Я была младшим помощником на «Калипсо». Вы, может быть, помните: мы вернулись в Солнечную систему пару лет назад. Так что теперь мне за девяносто!

— О!

Космолетчики были очень своеобразным племенем. Вне зависимости от их субъективного возраста, по возвращении на Землю они всегда могли выбрать себе работу по душе. Конечно, если вообще желали работать.

— В таком случае я действительно должен относиться к вам с почтением, приличествующим вашему возрасту, уважаемая бабушка. Она отступила и прищурилась.

— Не перегните палку в другую сторону, сэр! Я очень много работала, чтобы стать женщиной, не меньше, чем человек из самых низов общества, решивший добиться высокого положения. Если первый за много месяцев привлекательный мужчина, не находящийся под моим началом, решит, что я недотрога, то мне придется всерьез подумать, не заковать ли его в кандалы. Ее речь была полна архаизмов, но смысл Джейкоб сразу уловил. Он улыбнулся и поднял руки вверх, признавая свое поражение. Впрочем, сделал он это весьма охотно. Хелен де Сильва неуловимо напомнила ему Таню. Он никак не мог понять, чем именно. Это ускользающее сходство вызвало в нем ответную, и тоже непонятную, дрожь. Он уже давно не испытывал ничего подобного.

Усилием воли Джейкоб взял себя в руки. Надо кончать с философско-эмоциональным дерьмом. Он всегда, теряя над собой контроль, был склонен к сентиментальности. Но факт оставался фактом — комендант базы оказался чертовски привлекателен.

— Быть посему, — ответил он женщине. — И будь проклят тот, кто первый скажет «довольно!».

Хелен рассмеялась. Она подхватила его под локоть и повернулась к Фэгину.

— Пойдемте, я хочу вас обоих познакомить с экипажем. А потом нужно будет заняться подготовкой Джеффа. О, увидите, он прощается невыносимо долго! Даже когда отправляется в такой короткий полет, как этот. Прощальные объятия, поцелуи… — Она не докончила и снова рассмеялась.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Только солнечный анализатор позволяет получить данные о распределении массы и углового момента внутри Солнца... изображение с высоким разрешением... зарегистрировать нейтроны, излучаемые в результате ядерных процессов на поверхности Солнца и вблизи нее... выяснить, каков механизм образования солнечного ветра.

Наконец, при условии создания соответствующих средств связи и слежения, а также, возможно, бортового водородного мазера солнечный анализатор окажется наилучшей базой для поисков низкочастотных гравитационных волн, создаваемых космическими источниками.

Из доклада на предварительном рабочем совещании НАСА по проблемам солнечного анализатора

Глава 10
ТЕПЛОТА

На мглисто-розовом фоне празднично колыхалось на невидимых нитях темно-желтое боа из перьев. Или то были старинные витые конфеты из жженого сахара. Цепь тонких темных арок — газообразных согнутых антенн — уходила вдаль, теряясь в клокочущем водовороте.

Джейкоб обнаружил, что не может сосредоточиться на какой-нибудь одной детали голографического изображения. Темные нити и полосы, из которых состояла видимая топография средней части хромосферы, производили крайне обманчивое впечатление как формой, так и структурой. Ближайшая нитеобразная дуга почти полностью заполнила левый угол объемного экрана. Тонкие пряди более темного, чем светящийся фон, цвета обвились вокруг незримой оси магнитного поля, изогнувшегося над солнечным пятном. Явление наблюдалось за тысячу миль от Солнца. С этой позиции, вблизи источника энергии, нескончаемым световым потоком текущей во мрак космоса, можно было охватить взглядом поверхность

Солнца, его пейзажи протяженностью в десятки тысяч миль. Но даже вполне осознавая этот факт, Джейкобу было трудно смириться с огромностью видимого. Магнитные дуги размерами превосходят, например, Норвегию. А ведь это лишь крошечные звенья цепи, опоясывающей группу солнечных пятен. Цепь периметром в двести тысяч миль.

Но это были сущие пустяки по сравнению с тем, что приборы зарегистрировали несколько месяцев назад. Дуга над активной областью длиной более четверти миллиона миль! Эта дуга вскоре пропала, а автоматический корабль, записавший ее изображение, почему-то поспешил убраться с наблюдательного пункта. Причина стала ясна чуть позже, когда вершина вновь появившейся дуги внезапно разродилась самым поразительным событием на Солнце — вспышкой.

Солнечная вспышка была и прекрасна, и ужасна одновременно — вспененный кипящий водоворот ослепительного сияния, этакое короткое замыкание во вселенских масштабах. Даже солнечный корабль не смог бы выдержать подобного всплеска нейтронов высокой энергии. Поток частиц, невосприимчивых к электромагнитным полям корабля, был столь интенсивен,

что погасить его не смогла бы даже система сжатия времени. Руководитель «Прыжка в Солнце» не уставал повторять, что обычно вспышки можно предвидеть, а значит, и избежать их разрушительного воздействия. Для Джейкоба эти заверения звучали бы убедительнее, если бы в них отсутствовала оговорка «обычно».

Во всем остальном совещание оказалось вполне заурядным мероприятием. Кеплер сделал краткий обзор по физике Солнца. Джейкоб уже свободно ориентировался в ней — самообразование на борту «Брэдбери» не прошло даром. Но зато изображение реальных погружений в хромосферу оказалось первоклассным наглядным пособием. А если ему и трудно было приспособиться к масштабам происходящего, то винить он мог лишь самого себя. Кеплер кратко коснулся основных динамических процессов внутри Солнца, в структуре которого хромосфера составляла лишь тонкий слой. В ядре Солнца невообразимое давление звездной массы порождало непрерывную цепь ядерных реакций, результатом которых являлся поток энергии, излучаемой в космос. Кроме того, термоядерные процессы не давали возможности этому гигантскому сгустку плазмы сжаться под действием собственных гравитаци-

онных сил. Давление внутри ядра удерживало Солнце в «накачанном» состоянии.

Энергия, высвобождаемая в результате происходящих в ядре процессов, выбирается наружу либо в виде излучения, либо путем теплового конвекционного обмена, когда нагретое вещество снизу замещается более холодным слоем сверху. Таким образом энергия постепенно достигает слоя толщиной всего в несколько миль, известного под названием фотосферы. Здесь солнечный свет наконец обретает свободу и навсегда покидает родную обитель, отправляясь в бесконечное путешествие во мраке. Плотность вещества внутри звезды столь велика, что внезапный катаклизм, происшедший внутри солнечного ядра, проявится в виде световой вспышки только через миллионы лет.

Но Солнце не заканчивается фотосферой. Плотность вещества постепенно падает с расстоянием. А если включать в состав Солнца ионы и электроны, непрерывным потоком устремляющиеся в космос в виде солнечного ветра и являющиеся причиной полярных сияний на Земле и огненных хвостов у комет, то можно даже сказать, что Солнце не имеет границ и касается других звезд. Свечение этой короны окружает Луну во вре-

мя солнечного затмения. Протуберанцы, столь мирные на фотопластинах, в действительности представляют собой электронную плазму, разогретую до температуры в миллионы градусов. Но эта плазма столь же разрежена, как и солнечный ветер, а значит, совершенно не опасна для солнечных кораблей. Между фотосферой и короной и находится хромосфера — «сфера цвета». Здесь Солнце наводит на световое излучение последний глянец, придает ему спектральную структуру, привычную для глаза землян. В хромосфере температура резко падает до каких-то нескольких тысяч градусов. Пульсации ячеек фотосферы вызывают в хромосфере гравитационную рябь, едва заметные колебания пространства-времени, распространяющиеся на многие миллионы миль. А заряженные частицы на гребне альфвеновских волн вырываются вовне в виде могучего ветра.

Именно в эту область и проникали солнечные корабли. В хромосфере магнитные поля Солнца играют роль реперов, а простые химические соединения крайне эфемерны. Поэтому, если выбрать верный диапазон, можно разглядеть, что происходит на огромных расстояниях. А посмотреть там есть на что.

Кеплер, похоже, оседлал своего любимого

конька. В темной комнате, освещенной лишь мерцанием объемного экрана, седая шевелюра и усы ученого приобрели жутковатый красный оттенок. Доверительный голос тихо плыл в тишине, а тонкая деревянная указка ласково касалась то одного, то другого участков объемного изображения.

Кеплер упоенно повествовал о солнечном цикле, о чередовании периодов высокой и низкой солнечной активности, которые повторяются каждые одиннадцать лет. Магнитные поля «выпрыгивают» из Солнца, образуя в хромосфере сложные петли. Эти петли иногда можно обнаружить, наблюдая за темными нитями, что становится возможным, если выделить из солнечного спектра одну лишь линию водорода.

Эти нити обвивались вокруг силовых линий и светились, поскольку в них наводился электрический ток. При ближайшем рассмотрении они выглядели не столь перьеобразными, как первоначально показалось Джейкобу. Светлые и темные красные полоски сплетались друг с другом по всей длине дуги, образуя порой сложнейшие узоры, пока какой-нибудь стягивающийся узел не сжимался совсем и не разлетался во все стороны яркими каплями подобно кипя-

щему на сковороде маслу.

Картина была поразительной красоты, но у Джейкоба от монохроматического света и напряженного вглядывания вскоре заболели глаза. Он отвел взгляд от экрана и принялся рассматривать стены. Два дня, минувшие с того момента, как Джеффри, попрощавшись, отправился к Солнцу, оказались для Джейкоба наполненными как радостными открытиями, так и разочарованиями. Можно было утверждать: время он провел не без пользы.

Накануне Джейкоб осматривал герметианские шахты. В огромной пещере, к северу от базы, его потрясли — дикой красотой гигантские слоистые эффузивные образования, покрытые пленкой чистого металла. Он с ужасом наблюдал, как машины, управляемые людьми, вгрызаются в прекрасные природные творения Меркурия. Он знал, что навсегда в его памяти останется это чувство изумления как красотой гигантских вулканических скульптур, так и дерзостью ничтожных существ, посмевших потревожить покой Меркурия ради обладания его богатствами. Полдня Джейкоб провел в обществе Хелен де Сильвы и получил от этого огромное удовольствие. В гостиной своей квартиры Хелен

откупорила бутылку произведенного чужаками бренди, о стоимости которого Джейкобу страшно было подумать. Они вместе, не долго думая, распили его. Комендант базы, эта женщина, все больше нравилась ему своим острым умом и широтой взглядов, а старомодное женское кокетство попросту очаровало его. Они рассказали друг другу о своей работе, не касаясь, впрочем, по молчаливому соглашению, главной темы, словно приберегая ее для более подходящего момента. Джейкоб с воодушевлением рассказывал Хелен о Макой, о том, как ему удалось убедить молодую дельфиниху гипнозом, уговорами, но прежде всего любовью сосредоточиться на абстрактных мыслях, характерных для людей, а не на своей Мечте (или, скорее, в дополнение к ней). Он описал, как эта Мечта, в свою очередь, становилась все более и более понятной ему самому; как философия индейцев племени хопи и австралийских аборигенов помогли перевести этот совершенно чуждый людской цивилизации взгляд на мир в нечто относительно приемлемое для развитого разума. Хелен обладала даром слушать, и Джейкоб не мог остановиться. Когда же он закончил свой рассказ, ее лицо так и светилось искренней радостью за него и за его подопечную. А затем

она сама рассказала ему о некой темной звезде, и от ее истории у Джейкоба по спине пробежал мороз. Она говорила о «Калипсо» так, словно этот корабль был для нее матерью, ребенком и любимым одновременно. «Калипсо» и экипаж корабля составляли мир Хелен в течение трех лет, а по возвращении на Землю они стали для нее связующим мостом с прошлым. Из тех, кого она оставила дома, отправляясь в свой первый полет, только самые юные дожили до возвращения «Калипсо». Но и они теперь были глубокими стариками. Когда Хелен предложили принять участие в проекте «Прыжок в Солнце», она согласилась не раздумывая. Научная ценность этой экспедиции и уникальная возможность приобрести опыт командования солнечным кораблем выглядели достаточно вескими причинами для такого решения. Но Джейкобу казалось, что дело тут совсем в другом.

Хотя Хелен и старалась не показывать этого, она, судя по всему, очень неодобрительно относилась к обеим крайностям, в которые обычно впадали вернувшиеся из дальних космических полетов: крайняя замкнутость или неудержимый гедонизм. Истинная суть ее натуры проглядывала за маской хладнокровного профессионала, с

одной стороны, и игривой кокетки — с другой. Главной чертой Хелен оказалась детская застенчивость. Джейкоб решил для себя, что, пребывая на Меркурии, он должен узнать как можно больше об этой удивительной женщине.

Но пока с этим пришлось повременить. Доктор Кеплер устроил официальный банкет, положенный по регламенту. Как и следовало ожидать, Джейкоб весь вечер не имел ни малейшей возможности располагать собой. То и дело ему приходилось отвечать на вежливые и льстивые замечания. Но самое большое разочарование прошедших дней было связано с самим проектом «Прыжок в Солнце». Когда Джейкоб требовал разъяснений у Хелен, Куллы, Кеплера, у инженеров и техников, от него неизменно отмахивались:

— После совещания, мистер Демва!.. Тогда все станет более ясным…

Все, напротив, становилось более подозрительным.

Стопка полученных из Библиотеки документов по-прежнему лежала у него на столе. Если Джейкоб чувствовал себя в силах, то читал их по-нескольку часов подряд. При внимательном чтении ранее выученные отдельные куски

всплывали у него в памяти как нечто до боли знакомое.

…Также остается неясным, почему принглы обладают бинокулярным зрением, поскольку ни один местный вид не имеет более одного глаза. Общепризнано, что те или иные изменения являются результатом генетического вмешательства со стороны пилов, хотя сами пилы не склонны отвечать на чьи-либо запросы, если они не исходят от официальных представителей институтов. Они признают, что превратили принглов из животных, обитавших на деревьях, в софонтов, способных передвигаться на задних конечностях и прислуживать пилам.

Необычная конструкция зубов принглов связана с их предыдущим, дософонтным, состоянием, когда пищей им служила высокопитательная кора деревьев. У многих растений на планете Прингл органом, распространяющим оплодотворенное семя, служила кора…

Так вот почему у Куллы такие странные зубы! Теперь прингловские давилки казались Джейкобу не такими отвратительными. Тот факт, что они изначально служили для растительной пищи, несколько успокаивал. Перечитывая заметку,

Джейкоб с интересом отметил, сколь хорошо поработал над этим докладом филиал Библиотеки. Оригинал скорее всего был написан за сотни световых лет от Земли и наверняка задолго до Контакта Семантические дешифраторы, которые он видел в филиале в Ла-Пасе, явно преуспели в преобразовании чуждых слов и значений в разумные английские конструкции. А это было непросто.

Институт Библиотеки, потерпев неудачу при попытке сконструировать дешифраторы сразу после Контакта, обратился за помощью к людям. Мысль об этом была не лишена приятности. В.З. привыкли переводить понятия в пределах языков, находящихся в русле одной, общей для всех внеземных рас традиции. И никак поначалу не могли совладать с «изменчивой и неоднозначной» структурой человеческих языков. Чужаки стонали (или щебетали, или щелкали, или скрипели) от отчаяния по поводу того, до какой степени английский (особенно английский!) язык поражен беспорядком и хаосом. Они не уставали жаловаться на то, как тяжело в этом странном языке уловить хоть какой-нибудь смысл! Их гораздо больше устроил бы латинский, а еще больше — индоевропейский периода позд-

него неолита, с его строгой системой спряжений и склонений. Однако люди наотрез отказались сменить свой lingua franca в угоду Библиотеке (хотя и шкурники, и рубашечники начали изучать новый язык). А вместо того они послали своих лучших сыновей и дочерей на помощь незадачливым благодетелям.

Принглы работают в городах и на фермах почти всех планет, населенных пилами, за исключением родной планеты своих опекунов. Солнце планеты Пила, карлик F3, слишком ярко для этого поколения принглов (у планеты Прингл — солнце F7). Именно поэтому пилы решили продолжить генетические исследования, связанные со зрительной системой принглов, несмотря на то что срок разрешения на развитие истек…

Позволили принглам колонизировать только планеты класса A, лишенные жизни и требующие окультуривания, так как на них не распространяются ограничения Института Традиции и Института Миграции Взяв на себя руководство в нескольких джихадах, пилы, по всей видимости, не желали, чтобы подопечные поставили их в неловкое положение, совершив ошибки по отношению к старому живому миру…

Данные о соплеменниках Куллы давали массу информации обо всей галактической цивилизации. Однако подача фактов вызывала у Джейкоба странную тревогу. Необъяснимым образом он чувствовал себя ответственным за то, о чем сейчас читал.

Именно на этой стадии перечитывания уже знакомых материалов его вызвали на долгожданную лекцию доктора Кеплера. И теперь Джейкоб сидел в лекционном зале и гадал, когда же перейдут к сути вопроса. Кто такие магнитоядные? И что имеется в виду, когда говорят о втором типе солнечных обитателей, которые играют в прятки с солнечными кораблями и, принимая антропоморфный облик, показывают недвусмысленно угрожающие жесты? Джейкоб вновь перевел взгляд на экран. Одна из нитей, заполнявшая его целиком, вдруг разверзлась, и зрители словно бы погрузились в пористую вспененную массу Стали отчетливы детали: клубки скоплений, означавшие сгущение магнитных линий, какие-то струйки, появляющиеся и исчезающие, когда горячие газы, подчиняясь эффекту Допплера, либо попадали в видимый камерой диапазон, либо уходили из него, превращаясь в сгустки ярких линий, пляшущие вдали.

Кеплер продолжал вдохновенный монолог, временами увлекаясь непонятными Джейкобу техническими подробностями, но тут же поспешно возвращаясь к простым метафорам. Голос его обрел твердость, Кеплер явно наслаждался своей лекцией.

Указка ткнулась в один из плазменных следов: толстый, скрученный жгутом ярко-красный пучок, обвившийся вокруг ярчайших, режущих глаз точек.

— Поначалу мы думали, что это самые обычные компрессионные горячие пятна, — сказал Кеплер, — но затем, вглядевшись повнимательней, обнаружили, что их спектр существенно отличается. Он защелкал кнопками на рукояти указки. Яркие точки стали увеличиваться, проступили какие-то новые детали.

— Как вы помните, — продолжал Кеплер, — до сих пор горячие пятна имели красный цвет. Это вызвано тем, что в момент регистрации этого изображения фильтры корабля были настроены на очень узкий спектральный диапазон с центром в альфа-линии водорода. Но даже при этих условиях вы можете разглядеть объекты, которые привлекли наше внимание. «Действительно», — подумал Джейкоб.

Яркие точки приобрели изумрудный оттенок.

— Имеется пара диапазонов в зеленой и голубой областях, которые отсекаются фильтрами с меньшей эффективностью. Но обычно альфалиния забивает все эти цвета полностью. Кроме того, этот зеленый оттенок попросту не попадает в наш диапазон! Вы можете представить ужас, который Мы испытали, получив эту картинку. Ни один тепловой источник не может преодолеть спектральные фильтры! Чтобы пробиться сквозь них, свет должен не только иметь невероятную интенсивность, но и быть абсолютно монохроматичным. Такой интенсивности должна соответствовать температура в миллион градусов!

Джейкоб выпрямился. Наконец что-то интересное.

— Иными словами, — продолжал Кеплер, — это лазеры. — Существуют условия, при которых лазерное излучение возникает в звезде естественным образом. Но на Солнце до сих пор ничего подобного не наблюдалось, так что мы занялись исследованием этого явления. И то, что мы обнаружили, оказалось самой невероятной формой жизни, какую только можно вообразить. Кеплер нажал кнопку на указке, и изображение поплыло

в сторону. Где-то в первых рядах раздался негромкий звонок. Джейкоб увидел, как Хелен подняла телефонную трубку.

Кеплер был полностью увлечен своим рассказом. Яркие точки медленно увеличивались в размерах, пока не превратились в крошечные световые кольца, слишком маленькие, чтобы можно было разобрать детали. У Джейкоба появилось тревожное предчувствие. Хелен очень тихо говорила по телефону. Кеплер замолчал, слушая, как она о чем-то спрашивает своего собеседника. Но вот Хелен положила трубку, на лице — каменная маска полного самообладания. Джейкоб не отрывал от нее взгляда. Она встала, подошла к Кеплеру, нервно теребившему указку, и, слегка наклонившись, зашептала ему на ухо. Кеплер закрыл глаза. По его лицу медленно разливалась смертельная бледность. Когда он снова взглянул в зал, в глазах его Джейкоб увидел лишь мертвую пустоту.

Внезапно поднялся оглушительный гвалт. Кулла вскочил со своего места в первом ряду и подошел к Хелен. Джейкоб почувствовал дуновение — мимо стремительно пронеслась доктор Мартин. Он приподнялся в кресле и взглянул на Фэгина, сидевшего неподалеку.

— Пойду выясню, что происходит, дружище. Подожди меня здесь.

— В этом нет нужды, — пропел кантен.

— То есть?

— Я сумел подслушать, что передали командиру. Плохие новости.

Внутри у Джейкоба все похолодело. «Господи, этот овощ сведет меня с ума своей невозмутимостью!»

— Так что, черт побери, произошло?!

— Я искренне сожалею, дружище Джейкоб. Похоже на то, что солнечный корабль, пилотируемый шимпанзе Джеффри, разрушился в хромосфере вашего Солнца.

Глава 11
ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Милдред Мартин уже стояла рядом с Кеплером, застывшим возле тускло мерцавшего объемного экрана. Пытаясь растормошить, она звала его по имени, резко встряхивая за плечо. Но Кеплер ничего не слышал и не видел. Мартин принималась в отчаянии взмахивать ладонью перед пустыми глазами руководителя проекта. Бесполезно! Вокруг уже собрались все, кто находился в

этот момент в конференц-зале. Шум стоял невыносимый. Джейкоб продрался сквозь толпу и остановился рядом с принглом.

— Кулла… — Тот пребывал почти в таком же ступоре, что и доктор Кеплер. Огромные красные глаза безжизненно уставились на экран. Джейкоб слышал отчетливое постукивание фарфоровых зубов чужака. Красный свет от экрана начинал раздражать. Джейкоб быстро подошел к неподвижному Кеплеру и мягко вынул из его руки указку. Доктор Мартин, словно заводная игрушка, продолжала повторять имя Кеплера, периодически встряхивая его, будто тот был тряпичной куклой. На Джейкоба она не обратила никакого внимания.

После недолгой возни Джейкобу удалось выключить экран и зажечь верхний свет. Сразу же стало легче. Гвалт мгновенно смолк — похоже, все присутствовавшие в конференц-зале испытывали дискомфорт от длительного пребывания в неестественном освещении.

Хелен, не отрываясь от телефона, взглянула на Джейкоба и вымученно улыбнулась. Через мгновение в зале появились санитары с носилками. Под руководством Мартин они уложили Кеплера и осторожно понесли его сквозь расступившуюся

толпу к выходу.

Джейкоб повернулся к Кулле. Фэгин успел уже притащить стул и теперь терпеливо уговаривал пригла присесть. Джейкоб вопросительно взглянул на приятеля, шелест тут же стих.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — тревожно пропел кантен, — но у принглов очень высокая способность к сопереживанию, и я боюсь, как бы известие о гибели Джеффри не было чрезмерным для Куллы. Младшие расы часто бывают слишком впечатлительны, особенно если речь идет о близких им существах.

— Мы можем ему чем-нибудь помочь? Он слышит нас?

Взгляд Куллы, казалось, блуждал где-то далеко-далеко. Но в конце концов, гигантские красные глаза пригла никогда ничего не говорили Джейкобу. Он прислушался: стук зубов явно усилился.

— Полагаю, он в состоянии нас слышать. — Джейкоб осторожно коснулся руки пригла. Она оказалась такой мягкой и хрупкой, словно была лишена костей — Кулла, — негромко позвал он чужака, — позади вас стоит стул. Вам стало бы легче, если бы вы присели.

Чужак попытался ответить. Огромные складчатые губы чуть раздвинулись, стук стал громче.

Через мгновение губы снова сомкнулись. Кулла неуверенно кивнул и позволил усадить себя. Голова прингла безвольно свесилась на грудь.

Было что-то сверхъестественное в том, с какой силой переживал этот В.З. смерть существа иной расы, существа, чуждого ему во всем, вплоть до химического состава тела.

— Прошу внимания! — Хелен де Сильва подняла руку. — Для тех, кто еще не слышал новости, сообщаю: по предварительным данным, мы скорее всего потеряли корабль доктора Джеффри в активной области J-2, вблизи солнечного пятна Джейн. Повторяю, это всего лишь предварительные данные. С окончательными выводами придется подождать до получения обработанных телеметрических данных.

В дальнем конце зала замахал руками вездесущий Ла Рок. В руке у него блеснула камера, совершенно не похожая на ту, что отобрал у него Джейкоб.

— Мисс де Сильва, — пронзительный голос репортера легко перекрыл поднявшийся шум, — позволят ли прессе присутствовать при просмотре данных телеметрии? Их ведь не станут держать в секрете? Манерный акцент Ла Рока исчез, и старомодное обращение «мисс» прозвучало

довольно нелепо.

Хелен ответила не сразу. Закон о праве на информацию недвусмысленно запрещал отказывать в получении каких-либо сведений без специальной резолюции Секретного агентства. СА, ответственное за то, чтобы честность всегда главенствовала над законом, весьма неохотно шло на подобный шаг. Ла Рок явно загнал коменданта базы в угол, но, судя по всему, пока не стремился дожать ее. Пока…

— Хорошо. На смотровой галерее, расположенной над центром управления, могут присутствовать все желающие… за исключением, — она быстро взглянула на столпившихся в дверях постоянных сотрудников базы, — тех, у кого есть свои дела. — И нахмурилась, давая понять, что собрание закончено. В зале тут же поднялась суета. — Мы соберемся через двадцать минут, — прокричала Хелен, перекрывая шум.

Сотрудники базы поспешно покидали конференц-зал, но обладатели зеленых комбинезонов — контрактники и приглашенные участники проекта — расходились куда неохотнее. Джейкоб оглянулся. Ла Рок исчез: вне всякого сомнения, поспешил на лазерную станцию — передать сообщение на Землю. Только сейчас Джейкоб понял,

что в зале нет Буббакуба. Он видел, как перед совещанием пил беседовал с Милдред Мартин, но потом чужак исчез, на лекции его тоже не было. Странно.

Хелен подошла к ним.

— Бедный Джефф! — Она взглянула на прингла. — Кулла всегда так мило шутил по поводу своей дружбы с ним, — она вздохнула, — говорил, что они потому так близко сошлись, что оба совсем недавно слезли с деревьев. До чего все это теперь далеко! — Она мягко тронула чужака за плечо.

— Печаль — привилегия юности, — пропел Фэгин, и его листва утешающе зашелестела. Хелен повернулась к Джейкобу.

— Мистер Демва, доктор Кеплер оставил письменное указание: в случае, если с ним что-нибудь произойдет, я должна советоваться с вами и с кантоном Фэгином.

— Что?! — уставился на нее Джейкоб.

— Именно так, сэр. Разумеется, эта инструкция не имеет никакой юридической силы. Все, что я могу сделать, это допустить вас двоих на совещания руководства. Но ваши советы в любом случае могут оказаться очень полезными. Надеюсь, вы придете на просмотр телеметрических данных?

Джейкоб хорошо понимал ее положение. Будучи комендантом базы, Хелен де Сильва отныне вынуждена нести все бремя ответственности за любое принятое здесь решение. И это в обстановке открытой враждебности Ла Рока и не слишком доброжелательного отношения к проекту доктора Мартин. Что же касается Буббакуба, то его намерения покрыты непроницаемым мраком, а ведь мнение именно этой троицы имеет решающее значение. Если Земля потребует отчета, Хелен понадобятся друзья, способные сказать веское слово в ее защиту.

— Конечно, — просвистел Фэгин, — мы оба сочтем за честь оказать вам любую помощь.

Хелен повернулась к Кулле и мягко поинтересовалась его самочувствием. После долгой паузы чужак медленно поднял голову и вяло кивнул, давая понять, что с ним все в порядке. Стук зубов наконец прекратился, но огромные красные глаза все еще казались абсолютно безжизненными. Кулла выглядел больным и несчастным.

Хелен ушла, ей еще нужно было подготовить к просмотру данные телеметрии. Почти сразу в дверях появилась коренастая фигура. Блестящая шерсть на шее Буббакуба встопорщилась, приобретя сходство с поднятым воротником.

Увидев Джейкоба и Фэгина, он быстро подошел к ним, смешно переваливаясь на коротких ногах, и быстро заговорил. Из водора полилась отрывистая речь:

— Я только что узнал новость. Крайне необходимо, чтобы вы присутствовали при просмотре данных с корабля. Я провожу вас. Он подошел ближе и неожиданно обнаружил сидевшего с отсутствующим видом прингла.

— Кулла!

Тот поднял глаза на своего опекуна. На миг совершенно растерялся, затем вяло взмахнул тонкой рукой. Джейкоб не понял, что он хотел сказать — то ли просил оставить его в покое, то ли что-то отрицал. Буббакуб ощетинился, стремительная щелкающая трель пронзила тишину конференц-зала. Кулла вскочил как ошпаренный. Буббакуб замолчал, повернулся и быстро направился к выходу, не обратив ни малейшего внимания на Джейкоба и Фэгина.

После мгновенного замешательства все последовали за ним. Кулла уныло плелся последним. Над кроной Фэгина витала чуть слышная странная мелодия.

Глава 12
ГРАВИТАЦИЯ

Полностью автоматизированная лаборатория телеметрии располагалась в узкой и длинной комнате. Два десятка мониторов выстроились вдоль стены, сверху над ними нависал большой обзорный экран. На галерее, вытянувшейся вдоль лаборатории и отделенной от нее огромным стеклом, собрались все, кто получил разрешение ознакомиться с доставленными данными. Время от времени кто-нибудь из стоявших на галерее наклонялся вперед, вглядываясь в обзорный экран, словно надеясь обнаружить солнечный корабль целым и невредимым.

Хелен де Сильва стояла у двух ближайших к галерее мониторов. Именно с них на обзорный экран выводились последние сообщения с корабля Джеффри. По экрану бежали строки, написанные несколько часов назад в сорока миллионах миль отсюда:

«ПОЛЕТ
ПРОХОДИТ НОРМАЛЬНО. АВТОМАТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ. В ЗОНЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СКОРОСТЬ

ТЕЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ СЖИМАЕТСЯ В ДЕСЯТЬ РАЗ. НА ОБЕД МНЕ ХВАТИЛО ДВАДЦАТИ СЕКУНД».

Джейкоб невольно улыбнулся. Джеффри явно пребывал в приподнятом настроении.

«СПУСКАЮСЬ
В ОБЛАСТЬ ТАУ-ОДИН. ВПЕРЕДИ СГУЩЕНИЕ СИЛОВЫХ ЛИНИЙ. ПРИБОРЫ РЕГИСТРИРУЮТ НАЛИЧИЕ СТАДА, КАК И ГОВОРИЛА ХЕЛЕН. ИХ ОКОЛО СОТНИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ».

Внезапно напряженную тишину нарушил хриплый голос шимпанзе:

— Мои соплеменники не поверят! Первое соло на Солнце! Куда до меня Тарзану!

Послышался каркающий смех, завершившийся чем-то похожим на всхлип.

Джейкоб вздрогнул.

— Он что, был там один?!

— Я думала, вы знаете, — удивилась Хелен. — Управление кораблем полностью автоматизировано. Только компьютеру по силам управлять стасис-генератором так быстро, чтобы пассажира не раздавило всмятку. В распоряжении Джеффа… — она запнулась, но справилась с волнением, — имелось два генератора: один непосредственно на борту и один здесь, на базе. Пилот может внести лишь незначительную коррекцию.

— Но к чему такой риск?

— Это идея доктора Кеплера, — ответила де Сильва, словно оправдываясь. — Он хотел понять, как станут реагировать Призраки на пси-структуру шимпанзе.

— Я ничего об этом не слышал, на совещании не прозвучало ни слова.

Она откинула со лба светлую прядь.

— Во время наших первых встрече магнитоядными никаких Пастухов не наблюдалось. Впервые столкнувшись с Призраками, мы предпочли не подходить к ним слишком близко. Когда же мы все-таки решили приблизиться, то пастухи мгновенно исчезли. Попросту сбежали. Но так было лишь в первый раз, впоследствии их поведение изменилось коренным образом. В то время как основная масса удалялась от корабля, некоторые из Призраков, наоборот, устремлялись нам навстречу, взмывая над кораблем и тем самым уходя из зоны регистрации. И приближались вплотную!

Джейкоб покачал головой.

— Что-то я не совсем понимаю…

Хелен взглянула на ближайший монитор. Ничего нового, лишь обычные сообщения о ситуации на Солнце.

— Так вот, Джейкоб, корабль представляет собой плоскую палубу, заключенную в сферическую оболочку, идеально отражающую свет. Генераторы гравитации, генераторы стасис-поля и охлаждающий лазер находятся внутри маленькой сферы в центре палубы. Регистрирующие приборы расположены по краю на «нижней стороне», тогда как живые исследователи занимают «верхнюю» половину палубы, так что и те, и другие имеют возможность беспрепятственно наблюдать любое явление. Но мы никак не рассчитывали, что кто-то станет намеренно избегать зоны регистрации!

— Но если Призраки избегают приборов, отсиживаясь у вас над головами, то почему попросту не перевернуть корабль? Ведь никаких проблем с гравитацией при этом не возникнет.

— Мы пробовали. Но Призраки исчезали снова! Или, хуже того, оставались у нас над головой, как бы быстро мы ни маневрировали. Они всегда находились сверху! Зато после нашего вращения нам впервые показали антропоморфного Призрака.

Внезапно снова раздался каркающий голос Джеффри:

— Эй, да тут целая стая овчарок расталкивает

тороиды! Пойду поиграю с ними. До чего ж милые собачки! Хелен пожала плечами.

— Джефф был настроен очень скептически. Ему-то никогда не чудились человеческие силуэты, а Пастухов он упорно называл овчарками, считая, что в поведении Призраков нет и следа разумности. Джейкоб усмехнулся. Своим несколько высокомерно-презрительным отношением к собачьему племени шимпанзе всегда напоминали ему подростков, снисходительно поглядывающих на резвящуюся под ногами мелюзгу. Шимпанзе попросту ревновали собак, живущих рядом со своими опекунами уже не одну тысячу лет. Оттого, наверное, шимпанзе сами частенько держали собак в качестве домашних животных, обращаясь с ними подчеркнуто снисходительно и добродушно.

— Почему он назвал магнитоядных тороидами?

— Они похожи на гигантские бублики. Вы бы увидели сами, если бы… если бы лекция не прервалась столь внезапно.

Она печально покачала головой. Джейкобу захотелось обнять ее.

— Я уверен, что никто не смог бы… — начал он, но тут же запнулся.

Утешения здесь были абсолютно неуместны.

Хелен кивнула и повернулась к монитору.

Рядом со стеклянной стеной развалился на подушках Буббакуб. Полностью поглощенный каким-то электронным фолиантом, он не обращал на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Когда раздался каркающий голос Джеффри, он оторвался от книги и бросил загадочный взгляд на Ла Рока. Глаза репортера лихорадочно поблескивали. Время от времени он что-то возбужденно бормотал в свой диктофон.

— Осталось три минуты, — глухо прошептала Хелен.

Джейкоб перевел взгляд на экран. В течение еще одной минуты не происходило ровным счетом ничего. Затем на экране снова вспыхнуло сообщение Джеффри:

«ОНИ ПРИБЛИЖАЮТСЯ КО МНЕ! ИХ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ДВОЕ. ПЕРЕКЛЮЧАЮ КАМЕРЫ НА КРУПНЫЙ ПЛАН… ЭЙ! ЧТО ПРОИСХОДИТ? КОРАБЛЬ ТЕРЯЕТ УСТОЙЧИВОСТЬ! ОТКАЗАЛА СИСТЕМА СЖАТИЯ ВРЕМЕНИ!»

— Все кончено! — Каркающий голос Джеффри прорезал звенящую тишину. — Скорость растет. Крен все увеличивается. Коэффициент сжатия времени падает! В.З…. Они…

Оглушительный треск перекрыл последние слова Джеффри, внезапно сменившись громким шипением. Оператор усилил звук, но все было кончено. На галерее повисла гнетущая тишина.

Какое-то время никто не решался заговорить. Наконец один из операторов поднялся со своего места.

— Получено подтверждение о взрыве.

Хелен устало кивнула.

— Спасибо. Пожалуйста, подготовьте резюме для Земли.

Джейкоба переполняло горькое удовлетворение. Как штатный сотрудник Центра Развития он не мог не заметить, что в последнее мгновение своей жизни Джеффри отверг услуги клавиатуры. Вместо того, чтобы сжаться от страха и замереть в ожидании смерти или же, напротив, впасть в истерику, Джеффри, превозмогая ужас и боль, заговорил вслух! Джейкобу захотелось крикнуть об этом во всеуслышание. Но здесь вряд ли кто сумел бы его понять. Разве что Фэгин. Он оглянулся. Кантен покачивал ветвями на другом конце галереи. Фэгин заметил возбуждение приятеля и печально зашелестел. Джейкоб начал было пробираться к нему, но остановился, пораженный выкриков, Ла Рока.

— Глупцы! — Репортер даже не кричал, а скорее шипел. — Глупцы! — Он не сводил с Хелен ненавидящего взгляда. — И самый большой глупец на свете я сам! Уж я-то должен был знать, как опасно в одиночку отправляться на Солнце! — Все глаза, как по команде, устремились на Ла Рока. — Разве вы не видите?! Слепцы! Слепцы! Слепцы! Если Призраки являются нашими предками — а сомневаться в этом уже невозможно, — то ведь ясно как день, что они обижены на нас! Ведь это очевидно! Тысячелетиями Призраки избегают людей! И лишь сохранившаяся привязанность к своим неблагодарным детям заставляла их до этого удерживаться от насильственных действий! Они ведь предупреждали вас! Они не хотят, чтобы вы лезли к ним! Но вы, вы, самонадеянные ничтожества, не желали замечать очевидного, вы упорно продолжали вмешиваться в жизнь наших опекунов! Как, скажите на милость, должны реагировать могущественные существа, когда их покой тревожат жалкие представители расы, которую когда-то они взрастили собственными руками? И что им оставалось делать, когда к ним заявился даже не человек, а тупая и наглая обезьяна и…

Несколько человек в ярости вскочили со своих

мест. Хелен жестом попросила их остановиться и сохранять спокойствие. Она повернулась к Ла Року, по-прежнему холодная и невозмутимая.

— Сэр, не будете ли вы так любезны изложить вашу гипотезу на бумаге?

И, пожалуйста, постарайтесь использовать как можно меньше обличительных выражений. Я полагаю, все сотрудники базы с удовольствием рассмотрят вашу интересную гипотезу.

— Но…

— Прошу меня простить, но сейчас мы не можем позволить себе подобных дискуссий. Поговорим об этом позже, когда у нас появится свободное время.

— У нас больше нет времени!

Все разом обернулись. В дверях застыла доктор Мартин.

— Думаю, лучше обсудить этот вопрос прямо сейчас.

— Как себя чувствует доктор Кеплер? — спросил Джейкоб.

— Я только что от него. Мне удалось вывести его из шокового состояния. Сейчас он спит. Но прежде, чем заснуть, доктор Кеплер весьма настойчиво потребовал немедленно совершить еще один прыжок.

— Немедленно? Но зачем? Почему не подождать до выяснения причин катастрофы?

— Мы уже знаем, что произошло с кораблем Джеффри! — резко ответила Мартин. — Я слышала, что сказал мистер Ла Рок, и мне абсолютно не понравилось, как вы отнеслись к его идее! У вас всех словно шоры на глазах! Вы так самоуверенны, что неспособны даже воспринять свежий взгляд на случившееся!

— То есть вы хотите сказать, что Призраки являются нашими опекунами?

— Хелен на мгновение потеряла невозмутимость, не сумев скрыть недоумения.

— Этого я, конечно же, не знаю. Но во всем остальном слова мистера Ла Рока не лишены смысла! В конце концов, разве Призраки не угрожали нам и раньше? А сейчас они попросту осуществили свои угрозы! Возникает вопрос, почему? Уж не потому ли, что с их точки зрения жизнь представителя младшей расы вовсе не является бесценным даром? — Она печально качнула головой. — Знаете, пройдет не так много времени, и люди наконец начнут сознавать, что надо приспосабливаться! Хотим мы того или нет, но каждая кислородная раса занимает свое место в иерархической лестнице Галактики… Это стро-

гий порядок, основанный на старшинстве, силе и покровительстве. Многим из нас это не нравится, но дело обстоит именно так! Если мы не хотим пойти по пути неевропейских народов девятнадцатого века, то нам необходимо научиться, как следует вести себя с другими, куда более могущественными, чем мы, земляне, расами!

Джейкоб нахмурился.

— Вы хотите сказать, что гибель шимпанзе и недружелюбие Призраков означают, что…

— …что соляриане, возможно, просто не желают иметь дела с детьми и домашними животными… — Один из операторов в сердцах треснул кулаком по терминалу. Хелен выразительным взглядом велела ему взять себя в руки. — Но, быть может, они захотят поговорить с делегацией, составленной из представителей старших рас? В конце концов, мы ничего не можем утверждать наверняка, и нам остается только попробовать.

— Кулла принимал участие в большинстве наших прыжков, — подал кто-то голос, — а ведь он представляет Библиотеку!

— Я очень уважаю прингла Куллу, — Мартин слегка наклонила голову, — но его раса почти столь же молода, как и человечество. Очевидно, соляриане не считают ни его, ни нас достой-

ными внимания. Я предлагаю воспользоваться тем счастливым обстоятельством, что сейчас на Меркурии находятся представители двух очень древних и очень почтенных рас. Нам следует смиренно просить пила Буббакуба и кантона Фэгина присоединиться к нашей последней попытке установить контакт с обитателями Солнца! Буббакуб медленно поднялся Он неторопливо оглядел всех собравшихся, прекрасно зная, что учтивый Фэгин уступит ему слово.

— Если человеческие существа считают, что я нужен на Солнце, то, несмотря на очевидную небезопасность примитивных солнечных кораблей, я склоняюсь к мысли принять это предложение. — И пил с довольным кряхтением снова опустился на свою подушку.

Фэгин взволнованно зашелестел:

— Я также буду рад отправиться с вами, друзья мои! Честно говоря, я бы предпринял любые усилия, чтобы получить место на вашем солнечном корабле. Я плохо представляю себе, чем могу быть полезен, но буду счастлив составить вам компанию.

— Черт побери, я против! — Хелен окончательно перестала сдерживаться.

— Я не желаю, чтобы исключительно из поли-

тических соображений пил Буббакуб и кантон Фэгин отправились с нами совершать прыжок именно сейчас, после катастрофы! Вы говорите о необходимости добрых отношений со старшими расами, доктор Мартин, но неужели при этом вы не отдаете себе отчет, что произойдет, если уважаемые Буббакуб и Фэгин погибнут на корабле землян?!

— Все это полнейшая чепуха! — резко возразила Мартин. — Если кто и может предотвратить подобные обвинения, то прежде всего сами софонты. В конце концов, Галактика полна опасностей! Я нисколько не сомневаюсь, что уважаемые софонты не станут возражать против расписок или чего-нибудь подобного.

— Что касается меня, то такие документы давно уже готовы, — нежно пропел Фэгин.

Буббакуб с важным видом также не преминул заявить о великодушном желании подвергнуть свою жизнь риску и отправиться в опасный полет на примитивном аппарате землян. Ла Рок тут же рассыпался целым фонтаном трескучих благодарностей. Даже Милдред Мартин была вынуждена попросить его прекратить этот поток словоизвержений.

Хелен взглянула на Джейкоба. Тот пожал пле-

чами.

— Думаю, у нас все-таки, есть немного времени. Пусть сначала обработают данные, полученные во время прыжка Джеффа. Надеюсь, вскоре понравится доктор Кеплер. А мы тем временем можем обратиться на Землю за поддержкой.

Мартин вздохнула.

— Если бы все было так просто! Вы не до конца продумали ситуацию.

Посудите сами, если мы хотим попытаться помириться с солярианами, то нам нужно установить контакт именно с той самой группой, которую мы обидели.

— Разумно, хотя я не убежден в необходимости немедленного прыжка.

Вопросы посыпались со всех сторон:

— Но как вы собираетесь найти эту группу в солнечной атмосфере?

— Может быть, нужно просто вернуться в ту же активную область?

— В том-то и дело, — улыбнулась Мартин. — Ведь не существует никакой постоянной «солографии», а потому нельзя составить карту. На Солнце активные области угасают за какие-нибудь недели. Там есть лишь различные уровни и плотности. Даже экватор на Солнце вращается

быстрее, чем остальные широты! И как иначе обнаружить ту же самую группу, если не отправиться сразу в то же самое место? Медлить нельзя. Джейкоб взглянул на Хелен.

— Что вы думаете по этому поводу? Милдред права?

Де Сильва пожала плечами.

— Кто знает? Может, и так. Во всяком случае, подумать стоит. Но я точно знаю, что мы не сделаем и шагу, пока доктор Кеплер не придет в себя и не сможет высказать свое собственное мнение. Мартин шагнула вперед.

— Я ведь уже сказала! Дуэйн согласен, что следующая экспедиция на Солнце должна стартовать немедленно!

— Я должна услышать это от него сама, — холодно возразила де Сильва.

— Что ж, я здесь, Хелен.

Все обернулись.

В дверях, опершись о косяк и поддерживаемый главврачом Лэрдом, стоял руководитель «Прыжка в Солнце».

— Дуэйн! Зачем вы встали? Вы что, хотите заполучить сердечный приступ? — Разъяренная Мартин кинулась тут же увести Кеплера. Но тот властным жестом остановил ее.

— Со мной все в порядке, Милли. Я слегка разбавил твою микстуру, в небольших дозах она приносит гораздо больше пользы. Не обижайся, я знаю, ты хотела как лучше. Так что на этот раз твое пойло не смогло свалить меня с ног, как обычно! — Кеплер негромко хихикнул. — Во всяком случае, я очень рад, что не проспал твою блестящую речь. А знаете, иногда очень полезно подслушивать под дверью. — Он снова хихикнул. Доктор Мартин густо покраснела.

Джейкоб облегченно вздохнул: Кеплер, похоже, не собирался распространяться о его роли в этом деле. После посадки и получения доступа к лабораторному оборудованию Джейкоб решил, что будет очень глупо, если он не проведет анализ таблеток, извлеченных им из карманов Кеплера. К счастью, никто не поинтересовался, что это за таблетки и откуда они взялись. Все лекарства оказались стандартными средствами, применяемыми при лечении легких маниакальных синдромов. Все, кроме одного. Этот загадочный препарат не давал Джейкобу покоя Что за болезнь может быть у руководителя проекта, если ему необходимы столь большие дозы сильного антикоагулянта? Главный врач базы Лэрд, узнав о лекарстве, пришел в ярость. Зачем доктор Мар-

тин прописала Кеплеру варфарин?!

— Вы уверены, что чувствуете себя достаточно хорошо? — Хелен подошла к Кеплеру и помогла ему добраться до стула.

— Я в порядке, Хелен. И кроме того, есть дела, которые не терпят отлагательства. Во-первых, в отличие от Милли, я вовсе не убежден, что Призраки встретят пила Буббакуба и кантона Фэгина с большим энтузиазмом, чем нас. Я не стану взваливать на себя ответственность и брать их с собой в прыжок, пока существует хотя бы малейшая опасность! Ведь если они погибнут, то виноваты в этом будут вовсе не соляриане, а… Черт возьми, вы же прекрасно понимаете, что вся вина ляжет на людей! Еще один прыжок, безусловно, нужен, но без наших почтенных внеземных друзей. И совершить его необходимо как можно скорее, чтобы попасть в ту же самую область. В этом Милли абсолютно права.

Хелен выразительно покачала головой.

— Не могу с вами согласиться, сэр! Либо Джеффа убили Призраки, либо что-то произошло с кораблем. Я склоняюсь к последнему предположению, как бы мне ни хотелось уверить себя в обратном… Конечно же, следует все тщательно проверить, прежде чем…

— Нет никаких сомнений, все дело в корабле, — резко прервал ее Кеплер. — Призраки не убийцы!

— Да что вы там несете? — взвизгнул Ла Рок. — Вы что, совсем ослепли?! Как можно отрицать очевидное?!

— Дуэйн, — с мягкой вкрадчивостью вмешалась Мартин, — вы слишком устали для столь серьезного разговора. Кеплер нетерпеливо отмахнулся от нее.

— Простите меня, доктор Кеплер. — Джейкоб решил расставить все точки над "i". — Я правильно вас понял, вы считаете, опасность исходит отсюда, с базы? Комендант полагает, что вы, вероятно, имеете в виду чью-нибудь халатность при подготовке корабля к прыжку. Но, может быть, вы хотели сказать что-то другое?

— Я просто хочу узнать одно, — устало ответил Кеплер. — Позволяют ли данные телеметрии утверждать, что корабль Джеффа разрушился в результате исчезновения стасис-поля?

Уже знакомый Джейкобу оператор шагнул вперед.

— Да, сэр, со всей определенностью. Но как вы догадались?

— Сам не знаю, — слабо улыбнулся Кеплер, — но

это первое, что пришло мне в голову, как только я подумал о диверсии.

— Что?! — Возглас изумления и ужаса эхом прокатился под потолком.

До Джейкоба вдруг дошло.

— Вы имеете в виду, что во время осмотра…

Он резко повернулся в сторону Ла Рока. Боковым зрением увидел, как помертвело лицо Милдред Мартин.

Ла Рок пошатнулся, словно кто-то наотмашь ударил его.

— Да как вы смеете?! — прошептал он побелевшими губами. — Вы совсем обезумели! Как бы я смог вывести из строя генераторы?! Да ведь я едва на ногах держался!

— Послушайте, мистер Ла Рок, — успокаивающе ответил Джейкоб, — я вас ни в чем не обвинял. Да и доктор Кеплер лишь высказал предположение. Кеплер отрицательно качнул головой.

— Боюсь, Джейкоб, тут не до шуток. Мистер Ла Рок провел целый час у стасис-генератора и, заметьте, в полном одиночестве. Перед стартом мы проверили генератор, его никто не трогал. Я имею в виду, не трогал руками. И слишком поздно пришло мне в голову проверить камеру, которую, вы, Джейкоб, отобрали у этого чело-

века. В камере я обнаружил мини-глушитель. Вот он! — Кеплер извлек из кармана крошечный блестящий предмет. — Вот он, поцелуй Иуды!

Ла Рок побагровел.

— Да ведь такие штуки таскают с собой все журналисты! Это же всего лишь средство самозащиты! Я думать о нем забыл! Да и невозможно с его помощью повредить такую махину! Почему вы все молчите?! Ведь это же шовинист, религиозный фанатик! Я знаю о ваших убеждениях, доктор Кеплер, знаю, что вы ведь всегда ненавидели наших внеземных друзей! И это вы во всем виноваты — вы специально подстроили, чтобы мы лишились всяких шансов установить контакт с Призраками! Вы же просто боитесь их! И как вы смеете обвинять меня в смерти этого глупого шимпанзе? Меня, человека, у которого не было никаких мотивов для убийства! Да вы сами убили эту жалкую обезьяну, а теперь вам просто Понадобился козел отпущения!

— Немедленно Заткнитесь, Ла Рок! — ровным голосом приказала де Сильва. Она повернулась к Кеплеру. — Сэр, вы сознаете степень своих обвинений? Гражданин неспособен совершить убийство просто из неприязни. Только поднадзорный в состоянии убить живое существо без

крайней на то необходимости. Вы можете назвать причину, побудившую мистера Ла Рока пойти на такое злодеяние?

— Не знаю, не знаю, — Кеплер не сводил пристального взгляда с репортера, — но гражданин, совершивший даже вынужденное убийство, не может не испытывать сожаления и угрызений совести. А мистер Ла Рок, если судить по его виду, ни о чем не сожалеет. Так что он либо невиновен, либо прекрасный актер… либо поднадзорный!

— Поднадзорный?! В космосе?! — вскричала Мартин. — Это невозможно, Дуэйн! Вы же сами прекрасно знаете! Всекосмопорты просто напичканы П-приемниками Кроме того, детекторы имеются на всех межзвездных кораблях без исключения! Мне кажется, Дуэйн, вам следует извиниться перед мистером Ла Роком.

Кеплер широко улыбнулся.

— Извиниться? Да мистер Ла Рок лжец! Я совершенно точно знаю: он лжет, утверждая, что при осмотре солнечного корабля у него закружилась голова. Да еще так сильно, что он шагу ступить не мог. Ложь от начала и до конца! Я запросил досье на этого господина, и на Земле с готовностью согласились помочь мне. И вы знаете, что выяснилось? Мистер Ла Рок, организм которого

не выносит искусственной гравитации, на самом деле опытнейший астронавт! Более того, этого человека отстранили от полетов по «медицинским показаниям». А вам ведь наверняка известно, что означает такая формулировка! Ее используют в тех случаях, когда тест на поднадзорность повышается до предельного значения, и человек вынужден оставить деятельность, разрешенную только для граждан! Возможно, мистер Ла Рок и не является поднадзорным, и тот тест был лишь досадной случайностью, вызванной неблагоприятным стечением обстоятельств. Но тогда к чему вся эта ложь? У него слишком большой космический опыт для того, чтобы «до смерти перепугаться» безобидной гравитационной петли. Я очень сожалею. Мне следовало разобраться во всем раньше, и тогда бедняга Джефф был бы сейчас жив.

Джейкоб видел, что симпатии присутствующих, несмотря на энергичные протесты Ла Рока и увещевания Милдред Мартин, явно не на стороне репортера. Де Сильва так и сверлила Ла Рока холодными глазами. Джейкобу стало не по себе — выражение лица Хелен не сулило ничего хорошего.

— Подождите, — он поднял руку, стараясь при-

влечь к себе внимание, — а почему бы нам не проверить, есть ли среди нас поднадзорные? Человек мог избавиться от своего передатчика, но мы можем послать на Землю изображения наших сетчаток. Если мистер Ла Рок не внесен в списки Центра Надзора, то доктор Кеплер обязан будет взять назад свои обвинения.

— Отличная мысль, Демва! — вскричал репортер. — Но ради Кулкулкана, не стоит с этим тянуть! И я требую, чтобы все прошли эту процедуру. Джейкоб заметил, как в глазах руководителя проекта мелькнула неуверенность. Кеплеру явно стало хуже. Хелен, желая облегчить его страдания, приказала уменьшить гравитацию на базе до меркурианского уровня. Из центра управления ответили, что на это уйдет не меньше пяти минут. Кеплер вяло поблагодарил коменданта за заботу и попросил не тратить на него время. Оставив его на попечении Милдред Мартин, Хелен объявила по радио о поголовной проверке на поднадзорность и распорядилась подготовить все необходимое.

Присутствовавшие в комнате телеметрии, оживленно переговариваясь и бросая косые взгляды на репортера, потянулись к лифтам. Ла Рок стоял неподалеку от Кеплера и Мартин, гордо

демонстрируя решимость опровергнуть выдвинутые против него обвинения. Скорбная мина великомученика комично контрастировала с его пухлой физиономией.

В зале кроме этой троицы оставались еще лишь Джейкоб и двое сотрудников базы. Все молча стояли у дверей в ожидании лифта. Вдруг величина гравитационного поля резко изменилась. Джейкобу, успевшему забыть о распоряжении Хелен на этот счет, на мгновение показалось, что пол уходит из-под ног. Перепады гравитации не были так уж необычны — на многих участках базы искусственной гравитации вообще не было. Но переход обычно осуществлялся при пересечении границы области, контролируемой стасис-полем, что само по себе было привычно, хотя и не слишком приятно. И не так обескураживало. Сейчас же все произошло слишком неожиданно. Джейкоб с трудом устоял на ногах.

В этот момент Ла Рок вдруг кинулся к Кеплеру, все еще не расставшемуся со злополучной камерой. Мартин пронзительно вскрикнула. Один из сотрудников попытался перехватить репортера, но, получив сильный удар в лицо, отлетел в сторону. Ла Рок в акробатическом прыжке выхватил камеру из рук ошеломленного Кеплера и

помчался по коридору. Джейкоб и второй сотрудник кинулись вслед.

На мгновение Ла Рок обернулся. Острая боль пронзила плечо Джейкоба. Он резко нырнул вниз, уходя от второго выстрела глушителя. В голове вдруг что-то лопнуло, и знакомый голос деловито сообщил:

— Не лезь, приятель, теперь это моя игра.

Он стоял и ждал. Им владело сильнейшее возбуждение, но чувствовал он себя просто отвратительно. Пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание и прийти в себя.

В тускло освещенном туннеле он был совершенно один. Плечо саднило. Глубочайшее удовлетворение, владевшее им еще мгновение назад, постепенно уступало место растерянности. Он огляделся и глубоко вздохнул.

— Итак, дружок, ты решил, что можешь обойтись и без меня? Ты заявил, что это твоя игра? — Он не узнавал свой голос. Плечо болело все сильней. Джейкоб не понимал, каким образом его второй половине удалось вырваться на свободу. Более того, произошло нечто совсем из ряда вон выходящее: его второе "я" попыталось действовать самостоятельно, без поддержки основной личности. Но что-то помешало мистеру

Хайду, и он оставил свою затею, вновь укрывшись в дальнем углу подсознания Джейкоба. Джейкоб внезапно почувствовал себя оскорбленным Что ж, похоже, мистер Хайд не очень-то любит, когда намекают на ограниченность его возможностей. Придется смириться, приятель, ничего не поделаешь. Но что теперь делать? Воспоминания о последних десяти минутах потоком хлынули на него. Джейкоб хрипло рассмеялся. Его аморальное и самоуверенное "я" наткнулось на непреодолимый барьер.

Пьер Ла Рок исчез за дверью в конце разветвлявшегося туннеля. В суматохе, последовавшей за нападением репортера на Кеплера, только Джейкоб сохранил самообладание. И только он с его опытом был способен не сбиться со следа. Но тут и явился миру его двойник, в своем самозабвенном эгоизме решивший поиграть с жертвой в кошки-мышки.

Мистер Хайд играл с Ла Роком, как рыбак играет с форелью, то отпуская лесу, то снова натягивая. Он даже направил по ложному пути сотрудников базы, подбежавших слишком близко к укрытию репортера. А тот, наверное, уже и не сомневался, что ему удалось ускользнуть от преследователей. Сейчас Ла Рок находился в камере, где хранились

скафандры, и скорее всего облачался в один из них. Он пробыл там уже минут пять и явно не спешил выходить наружу. Оставалось лишь ждать. А вот ожидание и оказалось непреодолимым барьером для нетерпеливого мистера Хайда. Он абсолютно не умел ждать, поскольку был не полноценной личностью, а всего лишь набором побуждений. Терпение было свойственно Джейкобу, но отнюдь не его двойнику. Джейкобу удалось подавить подступающее из глубин его личности непреодолимое отвращение к происходящему. Это чувство всегда жило в нем, выходя наружу только вместе с двойником. Джейкоб хорошо понимал, какие муки претерпевает сейчас это жалкое искусственное создание, требовавшее немедленного удовлетворения своих чувств и желаний. Прошло еще несколько томительных минут. Вжавшись в стену, Джейкоб не сводил глаз с двери, за которой скрылся Ла Рок. Он уже полностью контролировал себя, но и для него ожидание становилось нестерпимым. Но вот ручка двери начала медленно поворачиваться. Джейкоб замер. В приоткрывшуюся щель высунулся блестящий шар. Голова в шлеме повернулась направо, затем налево. Ла Рок увидел Джейкоба. Дверь распахнулась, неповоротливая

фигура шагнула вперед. В руках тускло блестел металлический стержень.

Джейкоб поднял руки.

— Остановитесь, Ла Рок! Я всего лишь хочу поговорить. Вы ведь понимаете, что вам отсюда не выбраться?

— Я не хочу причинять вам вреда, Демва. Убирайтесь с дороги! — В голосе репортера слышалась истерика. Он угрожающе вскинул оружие. Джейкоб покачал головой.

— Это ни к чему не приведет. Я испортил шлюз, Ла Рок, а до следующего вам в этом костюме не добраться. Лицо репортера за стеклом шлема исказилось.

— Почему?! Ведь я ничего не сделал! Клянусь!

— Мы все выясним, Ла Рок, а пока давайте поговорим. У нас мало времени.

— Да, я поговорю! — взвизгнул Ла Рок и, размахивая стержнем, как дубинкой, кинулся на Джейкоба.

Джейкоб постарался схватить его за запястья, совершенно забыв о парализованном плече. Левая рука не слушалась. Он вскинул правую, чтобы блокировать удар. Ла Рок с неожиданным проворством уклонился в сторону. Джейкоб резко ушел вниз, дубинка просвистела над самой его го-

ловой, опустившись на правое плечо. Он быстро откатился в сторону и вскочил. Теперь не работала и другая рука. Ла Рок оказался куда подвижнее, чем полагал Джейкоб. Что там говорил Кеплер о большом космическом опыте репортера?

А Ла Рок уже снова наступал, яростно размахивая дубинкой. Если бы у Джейкоба действовали руки, справиться с репортером ему не составило бы никакого труда. Джейкоб шагнул вперед и, стремительно нырнув вниз, с силой ударил противника головой. Ла Рок ойкнул и выпустил из рук оружие. Джейкоб пинком отбросил его в сторону и отскочил назад.

— Прекратите, Ла Рок! Вы с ума сошли. Я всего лишь хочу поговорить с вами, поймите наконец, глупый вы человек! Улик явно недостаточно, чтобы обвинить вас в убийстве Джеффа. А вот бегство будет свидетельствовать не в вашу пользу. К тому же бежать здесь некуда!

Ла Рок тоскливо качнул головой.

— Извините меня, Демва, я не могу.

Манерный акцент совершенно исчез. Вытянув руки, он ринулся вперед.

Джейкоб начал отступать большими прыжками, медленно считая про себя. При счете пять он остановился, глаза его сузились. На мгновение

Джейкоб Демба вновь стал единым целым. Он сделал еще один шаг назад и мысленно провел линию от носка своего ботинка к подбородку противника. Так, в самый раз. Нога взметнулась вверх. Джейкоб внимательно следил, как медленно движется навстречу ей круглая голова. Удара он не почувствовал, лишь легкое прикосновение чего-то пушистого и мягкого. Ла Рок взвился в воздух. Джейкоб следил, как нелепая фигура плавно опускается на каменный пол. Ему было искренне жаль этого нескладного человека.

Сделав небольшое усилие, он вышел из состояния транса. Тряхнул головой, отгоняя остатки наваждения, и опустился рядом с распростертым на полу репортером. Он помог Ла Року снять шлем и усадил его, прислонив к стене Ла Рок тихо плакал.

Джейкоб заметил у него на поясе какой-то пакет, разрезал скреплявший его шнурок и принялся вскрывать, мягко, но решительно отстранив репортера, вяло попытавшегося помешать ему.

— Вот как, значит, вы не решились применить глушитель? Похоже, камера представляет для вас слишком большую ценность. Интересно, почему? Что ж, посмотрим. — Он сунул камеру в карман, поднялся и помог подняться Ла Року.

— Пойдемте. Нужно найти считывающее устройство. Но, может быть, вы хотите что-нибудь сказать?

Ла Рок отрицательно покачал головой и покорно поплелся за Джейкобом. Они шли по центральному туннелю, и Джейкоб уже собирался свернуть к фотолаборатории, когда на них наткнулась группа, возглавляемая самим доктором Кеплером. Даже в условиях пониженной гравитации ученый передвигался с большим трудом, его поддерживал санитар.

— Вы поймали его! Прекрасно! Теперь думаю, ни у кого не осталось никаких сомнений! Убийца!

— Посмотрим, — успокаивающе сказал Джейкоб. — Бегство еще ничего не доказывает, человек мог просто испугаться. А как известно, в панике даже стопроцентный гражданин способен на насилие. Вот только куда он хотел бежать? Ведь вокруг нет ничего, кроме скал! Может, имеет смысл послать наружу группу для обследования территории вокруг базы? Кеплер рассмеялся.

— Не думаю, что он имел в виду что-то определенное. С поднадзорными всегда так — они сами не знают, куда стремятся. Ими движет инстинкт. Ла Рок просто хотел выбраться наружу. Вполне

объяснимое поведение, свойственное загнанному животному.

Джейкоб взглянул на репортера. Лицо Ла Рока было совершенно бесстрастно, словно происходящее его не касалось. Но когда упомянули о территории на поверхности, Джейкоб почувствовал, как напряглась рука задержанного.

— Так, значит, вы считаете, что гражданин не мог совершить убийство?

— спросил он Кеплера, после того как передал своего пленника в руки сотрудников базы и они медленно поплелись к лифтам.

— Но мотив! Бедняга Джефф и мухи не мог обидеть. Такой воспитанный и доверчивый! Да я и не припомню случая, когда бы гражданин пошел на убийство. Это такая же редкость, как и золотые метеориты. У Джейкоба на этот счет имелись сомнения. Подобная статистика скорее свидетельствовала об отличной работе полиции, чем о чем-либо еще. Но возражать он не стал.

У лифта Кеплер подошел к переговорному устройству. Почти тотчас появились еще несколько человек.

— Кстати, вы нашли камеру? — вспомнил Кеплер.

Джейкоб сделал вид, что не слышит. Ему поче-

му-то не хотелось расставаться с камерой. Что-то тут было не так.

— Ma camera a votre oncle! — выкрикнул Ла Рок, яростно сопротивляясь попыткам затолкнуть его в лифт.

К Джейкобу подошел один из сотрудников и требовательно протянул руку. Тот нехотя вытащил из кармана камеру и вручил ему. Рука слушалась все еще не очень хорошо.

— Что он кричал? — спросил Кеплер с любопытством. — Вы знаете этот язык?

Джейкоб пожал плечами. Тут подошел еще один лифт, двери раскрылись, и в коридор вывалилась целая толпа. Были здесь и Хелен, и доктор Мартин. Он повернулся к ученому.

— Это всего лишь ругательство. Он не слишком-то высокого мнения о ваших предках. Кеплер расхохотался.

Глава 13
ПОД СОЛНЦЕМ

Купол связи напоминал пузырь воздуха, навеки застывший в гигантском куске янтаря. Полусферу из стекла и стасис-экранов окружало однородное золотистое сияние. Казалось, что находишься

внутри хрустального шара, погруженного в сияющую трясину. Тягучий солнечный свет, отраженный от поверхности Меркурия, усиливал это ощущение.

Вблизи скальные нагромождения на поверхности планеты поражали воображение. Высокая температура и солнечный ветер способствовали образованию крайне необычных материалов. Ландшафт Меркурия напоминал старинные полотна сюрреалистов. По не совсем понятным причинам человеческий глаз с большим трудом привыкал к этому удивительному кристаллическому пейзажу. Фантастичность картины довершали то и дело попадавшиеся странные лужи. Джейкоб предпочитал не задумываться над тем, откуда они берутся.

Вблизи линии горизонта еще один фантастический объект притягивал внимание. Солнце. Сквозь мощные защитные экраны оно светило довольно тускло. Бледно-желтый шар казался безобидным одуванчиком, чудом занесенным на мертвые просторы Меркурия. Темные солнечные пятна расходились к северои юго-востоку от экватора. У самой поверхности Солнца улавливалась какая-то тонкая структура.

Джейкоб не мог оторвать взгляда от застывшего

светила, словно находился в наркотически-отрешенном состоянии. Тускло-желтое сияние омывало прозрачный купол, защищавший людей и механизмы. Потоки света мягко, почти нежно ласкали лица. Джейкоб казался себе древним ящером, что нежится под лучами Великого Повелителя космоса и вместе с теплом впитывает энергию и силу Солнца. Ощущение было сладким и тревожным одновременно.

Джейкоб встряхнул головой. У него вдруг появилась неприятная уверенность: там, в этом адском пекле, было что-то живое. Очень древнее и очень надменное.

Купол окружал круглую платформу из силикатного железа, на которой и располагался пункт связи. Джейкоб задрал голову, разглядывая гигантскую колонну, терявшуюся в мареве желтого сияния. Она пронзала стасис-экран, подставляя свою верхушку жарким солнечным лучам. Венчала колонну небольшая площадка, на которой находились мазеры и лазер. Они служили для связи базы «Гермес» с Землей, а также управляли спутниками, синхронно вращавшимися на высоте пятнадцати миллионов миль. Эти спутники сопровождали солнечные корабли в пучину Гелиоса. В данный момент лазер как раз работал.

Одно за другим изображения глазных сетчаток со скоростью света уносились к земным компьютерам. Джейкобу вдруг нестерпимо захотелось оседлать один из этих информационных лучей и вернуться домой, к спокойному земному небу, теплому, ласковому океану и умиротворяющей зелени лесов. Он вздохнул и опустил голову. Считыватель сетчаток представлял собой небольшое устройство, соединенное с лазерной системой компьютера, разработанного Библиотекой. По сути дела, считыватель был обычным окуляром. Остальное осуществляла тончайшая оптика. Хотя В.З. и не подвергались проверке на поднадзорность (одна из причин — отсутствие критериев для оценки психики чужаков, другая — недоступность для землян каталога образцов сетчатых оболочек обитателей Галактики), Кулла настоял, чтобы он также прошел проверку. Будучи другом погибшего Джеффри, он считал свои долгом принять участие (пускай даже символическое) в расследовании обстоятельств смерти шимпанзе.

Высокий чужак с трудом примостился у окуляра, не рассчитанного на гигантские глаза принглов, и на несколько секунд замер в полной неподвижности. Наконец, дождавшись музыкального сигнала, он распрямился и, чуть

покачиваясь, отошел в сторону.

Его место заняла Хелен де Сильва. Затем подошла и очередь Джейкоба. Он подождал, пока изменится размер окуляра, затем прижался щекой к холодной поверхности аппарата и широко открыл глаза. В далекой темноте мерцала голубая точка Больше не было ничего. Этот огонек что-то напоминал Джейкобу, но что именно, он никак не мог понять. Голубая точка мерцала и вращалась, словно не давая возможности разглядеть себя получше.

Резкий музыкальный сигнал возвестил о том, что сеанс окончен. Джейкоб отступил назад. К аппарату, поддерживаемый Милдред Мартин, подошел Кеплер. Он слабо улыбнулся Джейкобу.

«Бог мой, так вот на что это похоже! — догадался Джейкоб. — На блеск в глазах! А собственно, что в этом странного? Ведь компьютер практически уже научился мыслить самостоятельно. Считается, что у него есть даже чувство юмора. В таком случае, почему бы не наделить его и душой? Научить бросать многозначительные или убийственные взгляды, улыбаться и прочее? Почему бы этим искусственным творениям постепенно не принять образ тех, кого они малопомалу поглощают?»

Во время процедуры Ла Рок хранил абсолютную невозмутимость. Когда очередь дошла до него, он надменно продефилировал мимо Хелен и Кеплера, фальшиво насвистывая модный шлягер.

Всякий раз, когда наступал черед кого-нибудь из тех, кто был связан с солнечными кораблями, Хелен пыталась разрядить обстановку, предлагая всем напитки. Многие техники недовольно ворчали, что их оторвали от работы. Джейкоб был не на шутку изумлен — ему в голову не могло прийти, что Хелен захочет проверить всех без исключения.

Когда все было кончено, он попытался узнать у нее причины такого решения. Хелен тщательно проследила за тем, чтобы Ла Рок и Кеплер не оказались в одной лифтовой кабине, с облегчением вздохнула, когда ее усилия увенчались успехом, и улыбнулась Джейкобу.

— Одно меня смущает, — начал он.

— Только одно? — На этот раз улыбка у Хелен вышла не совсем искренней.

— Ладно, я никак не могу понять, почему доктор Кеплер возражает против участия Буббакуба и Фэгина в следующем прыжке. Ведь если он подозревает Ла Рока, то, значит, следующий прыжок будет совершенно безопасен поскольку у репор-

тера попросту не будет никакой возможности устроить подобную аварию еще раз.

С минуту Хелен задумчиво рассматривала его.

— Джейкоб, если я кому и могу доверять здесь, то только вам. Я вам скажу, что думаю на этот счет. Доктор Кеплер всегда противился участию В.З. в этом проекте. То, что вы сейчас узнаете, должно остаться строго между нами. Я очень боюсь, что баланс между гуманизмом и ксенофилией, обязательный для большинства космических путешественников, у Кеплера сильно нарушен. Его происхождение способствовало неприятию философии сторонников фон Даникена, и, как я полагаю, это неприятие частично переросло в недоверие к чужакам Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что после ввода в строй филиала Библиотеки многие ученые на Земле лишились работы. Для Кеплера, глубоко преданного науке, это должно было явиться тяжелым ударом. Я вовсе не утверждаю, что доктор Кеплер — шкурник! Он прекрасно уживается с Фэгином и неплохо скрывает свои чувства, общаясь с другими В.З. Но сейчас Кеплер вполне способен заявить, что если на Меркурии объявился один преступник, то почему бы не оказаться и второму, а значит, полет для чужаков сопряжен с

огромным риском.

— Но ведь Кулла принимал участие почти во всех прыжках!

Хелен пожала плечами.

— Кулла не в счет. Он подопечный. Одно я знаю точно — если мои опасения подтвердятся, то мне придется действовать через голову доктора Кеплера. Каждый человек на базе пройдет проверку на поднадзорность, а Буббакуб и Фэгин отправятся в следующий прыжок, даже если придется применить силу! Я не допущу распространения слухов о ненадежности персонала, целиком состоящего из людей!

Хелен решительно вздернула подбородок. Джейкобу ее решимость показалась несколько нарочитой. И хотя он хорошо понимал ее чувства, ему было неприятно наблюдать, как на прекрасном женственном лице внезапно проступили резкие мужские черты. В то же время он вовсе не был уверен, искренна ли сейчас Хелен, откровенна ли она с ним в объяснении мотивов своего поступка.

Вахтенный пункта лазерной связи вручил коменданту только что полученное сообщение. В комнате повисла напряженная тишина. Закончив читать, Хелен де Сильва решительно

направилась к охранникам.

— Арестуйте мистера Ла Рока. Он должен вернуться на Землю с ближайшим кораблем.

— По какому праву? — взвизгнул Ла Рок. — Вы… вы не можете этого сделать! Это неслыханное оскорбление!

Хелен взглянула на него так, словно он представлял собой редкую и не слишком приятную разновидность насекомого.

— Я должна арестовать вас по обвинению в незаконном уничтожении передатчика Надзора. Возможно, к этому обвинению позже добавятся и другие.

— Ложь! Наглая ложь! — Ла Рок вскочил.

Один из сотрудников схватил его за руки и изо всех сил толкнул в сторону лифта.

Де Сильва повернулась к Джейкобу.

— Мистер Демва, солнечный корабль будет готов через три часа. Я должна сообщить новость всем сотрудникам базы. Выспаться придется уже на борту. Еще раз спасибо за помощь.

Прежде чем он успел ответить, она уже отвернулась и стала раздавать указания собравшимся вокруг нее сотрудникам. Хелен отлично удалось скрыть гнев. А ведь было отчего прийти в ярость: произошло неслыханное — поднадзорный в

космосе!

Какое-то время Джейкоб бездействовал, отстраненно наблюдая, как пустеет купол связи. Погоня за Призраками, преступление, смерть… Господи, но ведь доказан на данный момент лишь один-единственный поступок, такой естественный и объяснимый. «Если бы я был П.П., то, не задумываясь, постарался бы избавиться от ненавистного передатчика». Джейкоб покачал головой. Но этот поступок вовсе не доказывает, что Ла Рок виновен в гибели Джеффри.

Несмотря на неприязнь к репортеру Джейкоб был совершенно уверен, что тот неспособен на умышленное убийство. Размахивать дубинкой — это одно, а убить живое существо — совсем другое.

Он чувствовал, как где-то в дальнем уголке его мозга веселится и потирает руки его безнравственный двойник, ненавистная вторая половина. Как он рвется на волю, чтобы броситься в омут предстоящих событий! Забыть!

Надо обо всем забыть!

У самого лифта Джейкоба догнала Милдред Мартин. Она не могла скрыть потрясения.

— Мистер Демва… Джейкоб, неужели вы думаете, что Пьер мог убить это несчастное глупое

создание? Ведь ему всегда так нравились шимпанзе!

— Мне очень жаль, доктор Мартин, но факты свидетельствуют об обратном. Закон о надзоре мне нравится не больше, чем вам. Но люди, которые получили подобный статус, и в самом деле способны легко перейти от слов к действию, к насилию. Кроме того, мистер Ла Рок избавился от своего передатчика, а это — преступление по земным законам. Но вы не беспокойтесь! Думаю, на Земле во всем разберутся. Я уверен в честном ведении дела мистера Ла Рока.

— Но… но он уже подвергся несправедливому и подлому обвинению! — выпалила Мартин. — Он не поднадзорный и не убийца! Я могу это доказать!

— Прекрасно! И какие доказательства вы можете представить?

Она закусила губу и отвела взгляд.

— Сообщение подделано.

Джейкобу стало жалко ее. И это психолог высочайшей квалификации! Трясется, заикается, не находит слов. Унизительное зрелище! Ему захотелось уйти.

— У вас есть доказательства ложности этого сообщения? Я могу их услышать?

Мартин затравленно взглянула на него. Ему показалось, что она также хочет прекратить этот разговор.

— Персонал… Вы видели сами сообщение? Эта женщина… Ведь она сама прочла его, никому не показав. Здесь все ненавидят Пьера… Теперь она говорила очень тихо, словно сознавала слабость своих аргументов. Джейкобу стало не по себе. Неужели комендант базы де Сильва могла прочесть не то, что содержалось в лазерограмме? Ерунда, она ведь знает, что обман раскроется. Неужели неприязнь к Ла Року могла зайти так далеко, и Хелен решила поставить на карту свою карьеру и материальное положение? Только для того, чтобы насолить зловредному журналисту? Полнейшая чушь! Но, быть может, у Милдред Мартин припасено что-то более весомое, чем столь абсурдное обвинение?

— Милли, почему бы вам не спуститься к себе и не отдохнуть? — мягко спросил Джейкоб. — Еще рано беспокоиться о мистере Ла Роке. Улик явно недостаточно, любой суд на Земле вынесет ему оправдательный приговор, уверяю вас.

Он подтолкнул Мартин к лифту, та не сопротивлялась. Прежде чем нажать кнопку, Джейкоб оглянулся. Хелен по-прежнему раздавала указа-

ния своим сотрудникам. Доктор Кеплер едва стоял на ногах, судя по всему, он был уже совершенно недееспособен. Кулла и Фэгин застывшими изваяниями возвышались над людской суетой. Гигантский желтый диск заливал прозрачный купол бодрящими лучами, так контрастировавшими с последними событиями. Двери лифта захлопнулись. Путешествие на Солнце оборачивалось не самой лучшей стороной.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Жизнь – это продолжение материального мира.
Биологические системы обладают уникальными свойствами, но они тем не менее должны подчиняться ограничениям, накладываемым физическими и химическими свойствами среды и самих организмов… Эволюционные решения биологических проблем находятся под влиянием физико-химической среды.

Роберт Э.Риклерс, «Экология», Хирон-Пресс

Глава 14
БЕЗДОННЫЙ ОКЕАН

Проект получил название «Икар». Это была уже четвертая космическая программа с таким названием. Но первая, для которой оно было стопроцентно оправданным. Задолго до рождения родителей Джейкоба, еще до Переворота и Договора, до создания Лиги энергетических

спутников, еще даже до расцвета Бюрократии в кулуарах старушки НАСА решили, что было бы интересно послать искусственные автоматические аппараты на Солнце. Наугад, не зная, что из этого получится.

Выяснилось, что с аппаратами по мере их приближения к Солнцу происходит нечто весьма оригинальное — они попросту сгорают. В те времена, когда американская цивилизация переживала свое «бабье лето», казалось, на свете нет ничего невозможного. Американцы строили в космосе целые города. И никто не сомневался, что проблема долговечного корабля, способного долететь до Солнца, рано или поздно будет решена. Создали материалы, выдерживающие неслыханное давление и имеющие почти идеальную отражающую поверхность. Магнитные поля должны были отклонять от корпуса корабля разреженную, но разогретую до огромной температуры плазму солнечной короны. Разработали мощные лазеры связи, позволяющие обеспечить двустороннюю передачу команд и данных.

Но аппараты все равно продолжали гореть. Как бы хороши ни были зеркала и системы термоизоляции, как бы равномерно ни распределялось тепло по поверхности корабля, законы термоди-

намики тем не менее брали свое Рано или поздно тепло переходило из области с более высокой температурой в область с более низкой.

Специалисты по физике Солнца так и продолжали бы сжигать аппараты в обмен на короткие обрывки информации, если бы не знаменитая Тина Мерчант. Удивительная женщина, выдающийся ученый и необыкновенная красавица, все в одном лице, выбрала иной путь.

— А почему вы их не охлаждаете? — резонно спросила она своих коллег. — Ведь для этого есть все возможности Почему бы не запустить охлаждающую установку, способную быстро перераспределять тепло? Ее коллеги снисходительно улыбнулись и ответили, что благодаря сверхпроводникам с равномерным распределением тепла нет никаких проблем.

— Речь идет вовсе не о равномерном распределении тепла, — возразила признанная красавица Кембриджа. — Нужно отводить тепло от той части корабля, в которой находятся приборы, туда, где их нет — Но ведь тогда произойдет возгорание! — вскричал один из ее оппонентов. — Да, но мы можем создать целую цепочку таких тепловых сгустков, — вмешался другой участник этой дискуссии, соображавший чуть получше. — А

затем поочередно сбрасывать их…

— Нет-нет, вы не совсем правильно поняли меня.

Будущий трижды нобелевский лауреат подошла к доске и начертила кривоватый круг, а внутри него еще один.

— Сюда! — Она ткнула пальцем во внутренний круг. — Сюда вы качаете тепло до тех пор, пока оболочка не окажется горячее окружающей плазмы. Но такое состояние должно продлиться очень недолго. Прежде чем тепло успеет нанести вред, вы сбрасываете его обратно в хромосферу.

— И каким образом, — ядовито спросил один известный физик, — вы предполагаете сделать это?

Тина Мерчант улыбнулась так, словно уже предвкушала, как ей вручают Астрономическую премию.

— Вы меня удивляете! У вас на борту имеется лазер связи с температурой в миллионы градусов! Используйте его, и все! Так началась эпоха солнечной батисферы. Поддерживаемые на плаву как своей конструкцией, так и реактивной силой охлаждающих лазеров, аппараты теперь зависали над Солнцем на довольно длительное время, фиксируя малейшие изменения на светиле, определяющие погоду на Земле. Но эта

идиллическая эпоха закончилась в ту самую минуту, когда стало известно о Контакте. Тем не менее вскоре был создан новый тип солнечного корабля. Джейкоб улыбнулся, представив себе, что сказала бы несравненная Тина, если бы смогла увидеть, как горделиво и спокойно бороздит пучину огненного океана современный солнечный корабль, неподвластный ужасным бурям этой вспыльчивой звезды. Скорее всего: «Разумеется!» И ослепительно улыбнулась бы. Но что почувствовала бы эта великая красавица, узнай она, что достижения чуждой науки соединились в этом корабле с ее собственными открытиями?

Джейкобу этот симбиоз почему-то не внушал никакого доверия. Он, конечно же, знал, что корабль совершил уже более двух десятков успешных погружений и не было никаких оснований полагать, будто именно это путешествие окажется последним в биографии корабля и его экипажа. Но память услужливо подсказывала свежие факты. Корабль Джеффа теперь скорее всего представлял собой облако из распавшихся металлокерамических обломков и ионизированного газа, рассеявшись на миллионы кубических миль в солнечной пучине. Джейкоб попытался представить себе, как выглядели хромосферные бури,

когда аппарат Джеффа лишился защиты пространственно-временных полей, и содрогнулся. Он прикрыл глаза рукой. Слепящий солнечный свет не могли задержать даже мощные современные фильтры. Со своего места Джейкоб мог видеть почти всю солнечную полусферу. Половину видимого пространства заполнял медленно перемещающийся бело-красно-черный шар с бахромой по краю. В водородном спектре все приобретало неприятный малиновый оттенок. Тонкая, изящная дуга протуберанца отчетливо выделялась у края диска: темные, сплетающиеся в клубки нити и вогнутые, почти черные солнечные пятна. Топография Солнца поражала бесконечностью разнообразия. Все вокруг то мерцало, слишком быстро и коротко, чтобы это мог зафиксировать человеческий глаз, то величаво, медленно вращалось. Все находилось в непрерывном движении.

Основные черты солнечного ландшафта менялись очень медленно, и изменения нельзя было зафиксировать. Но более мелкие движения горячей плазмы читались с компьютера вполне отчетливо. Быстрей всего пульсировали заросли высоких и тонких спикул по краям больших пестрых ячеек. На каждый импульс приходилось

несколько секунд. Джейкоб знал, что каждая спикула покрывает площадь в несколько тысяч квадратных миль. Он много времени проводил у телескопа на обратной стороне солнечного корабля, следя, как мерцающие струйки перегретой плазмы фонтанчиками вырываются из фотосферы, высвобождая из-под власти солнечной гравитации огромные волны звездного вещества, превращающегося в корону светила и в солнечный ветер.

За оградой из пульсирующих спикул подрагивали огромные грануляционные ячейки — это тепло, завершая свое путешествие, длившееся миллионы лет, вырывалось наконец на волю в виде световой энергии. Гранулы, в свою очередь, сцеплялись в гигантские ячейки, чьи колебания представляли собой основную гармонику почти идеально сферического Солнца — этакий солнечный колокол.

А над этим бескрайним и бездонным огненным океаном бурлила хромосфера. В этом океане вихревые области над спикулами играли роль коралловых рифов, а ряды величественных распущенных нитей, повторявших контуры магнитных полей, казались побегами гигантской ламинарии, плавно колышущейся в волнах при-

лива. Правда, самая маленькая «водоросль» во много раз превосходила размеры Земли!

Джейкоб отвел утомленные глаза от удивительного зрелища. Если подолгу пялиться на эти чудеса, то в два счета можно превратиться в ни на что не годного инвалида. Интересно, как выдерживают остальные? Со своего места он мог видеть почти все наблюдательные кушетки, кроме тех, что находились за центральным куполом.

Внезапно в куполе образовался проем, и на призрачно-малиновую палубу хлынул поток желтого света. Появились два силуэта. В одном Джейкоб без труда узнал Хелен.

Она опустилась на соседнюю кушетку, мило улыбнувшись.

— Доброе утро, мистер Демва. Надеюсь, вы хорошо отдохнули ночью? Днем будет много работы. Джейкоб рассмеялся.

— Вы говорите так, словно здесь и впрямь есть день и ночь. Зачем поддерживать эту земную иллюзию, имитируя восход и заход? Он кивнул в сторону Солнца, закрывавшего половину неба.

— Чтобы прибывшие с Земли зеленые юнцы могли как следует выспаться.

— О, не стоило так беспокоиться. Некоторые юнцы способны заснуть в любое время суток и

в любом месте. Это мой самый ценный талант. Улыбка Хелен стала еще шире.

— Очень удобный талант. Но раз уж об этом зашла речь, открою маленький секрет: у гелионавтов вошло в традицию перед окончательным погружением поворачивать корабль вокруг оси, вызывая на борту ночь.

— У вас уже появились традиции? И всего за два года?

— О, эта традиция значительно старше! Она возникла в те времена, когда нельзя было даже вообразить, что можно попасть на Солнце, иначе как… — она запнулась.

Джейкоб продолжил:

— Иначе, как ночью, когда не так жарко!

— Как вы догадались?

— Элементарно, Ватсон!

— А если серьезно, у нас все-таки появилась одна традиция: мы основали Орден Пожирателей Огня, членом которого становится каждый, кто хоть раз совершил погружение в Гелиос. Вас посвятят в рыцари этого ордена, как только мы вернемся на Меркурий. К сожалению, я не могу сказать вам, в чем состоит обряд посвящения… но надеюсь, вы умеете плавать?

— Не вижу смысла уклоняться, мой комендант!

Для, меня большая честь стать Пожирателем Огня.

— Отлично! И не забудьте, что вы должны мне историю о Ванильном Шпиле. Вы даже представить себе не можете, как я была рада снова увидеть это старое чудовище, когда возвращалась домой на «Калипсо». Так что мне не терпится услышать рассказ человека, спасшего моего старого знакомого. Взгляд Джейкоба скользнул мимо Хелен. На мгновение ему показалось, что он слышит рев ветра и чей-то слабый крик… Он попытался улыбнуться.

— О, я приберегу эту историю специально для вас. Она слишком личная, чтобы рассказывать ее за общим обедом. Своим спасением Шпиль обязан еще одному человеку.

В глазах Хелен что-то мелькнуло, видимо, она уже знала о трагедии в Эквадоре.

— Я буду ждать, Джейкоб. А за мной дело не станет. Я уже приготовила для вас свою историю. О «певчих птицах» на Омнивариуме. Эта планета оказалась столь безмолвна, что земляне-колонисты вынуждены были соблюдать предельную осторожность, в противном случае птицы начинали подражать любому звуку. Жизнь в таких странных условиях произвела

интересный эффект на сексуальное поведение колонистов, особенно на женщин. Им пришлось выбирать — афишировать способности своего партнера или же заниматься этим делом в абсолютной тишине! Но мне пора возвращаться к своим обязанностям. К тому же моя история требует более расслабляющей обстановки. — Она рассмеялась. — Я сообщу вам, когда мы достигнем первой турбулентности. Джейкоб поднялся вместе с Хелен и не сводил с нее глаз, пока она не скрылась в командном пункте. Хромосфера, возможно, и не лучшее место для любования женской походкой, но Джейкобу было все равно. Он пришел в неописуемое восхищение от удивительного изящества и той необыкновенной гибкости, какую члены межзвездных экипажей умеют придавать своим конечностям.

Черт, неужели она намеренно дразнит его? Когда дело не касалось работы, Хелен де Сильва всячески подчеркивала свою сексуальность. Но при всем этом в ее отношении к нему было что-то странное. Похоже, она доверяла ему больше, чем от нее можно было бы ожидать. Незначительная услуга, которую он оказал ей на Меркурии, и несколько дружеских бесед вовсе не казались Джейкобу достаточным основанием для подоб-

ной близости. Может, ей что-то нужно от него? Если так, то что? С другой стороны, Хелен много лет провела в открытом космосе, где люди гораздо легче сходятся друг с другом. Тот, кто вырос в колонии О'Нила в эпоху политических балаганов, когда человек предпочитал жить в собственном мире, возможно, склонен доверять своим инстинктам больше, чем дитя крайне индивидуалистской Конфедерации.

Он усмехнулся. Интересно, что ей наболтал о нем проклятый овощ?

Джейкоб подошел к центральному куполу, где, кроме всего прочего, имелась и компактная душевая кабина. На гладкой поверхности купола выделялся небольшой прямоугольный выступ. Джейкоб нажал на кнопку и шагнул в открывшуюся дверь. Вернулся он посвежевшим. После секундного раздумья Джейкоб направился к автоматам для раздачи пищи, находившимся по другую сторону купола. Там он обнаружил Милдред Мартин в обществе двуногих чужаков. Мартин слабо улыбнулась ему, красные глаза Куллы дружески блеснули, и даже Буббакуб прохрипел в свой водор что-то приветственное. Джейкоб заказал омлет и апельсиновый сок.

— Знаете, Джейкоб, — обратилась к нему Мар-

тин, — вы напрасно вчера слишком рано ушли спать. Пил Буббакуб весь вечер развлекал нас удивительнейшими историями!

Джейкоб слегка поклонился Буббакубу.

— Приношу свои извинения пилу Буббакубу. Вчера я очень устал, иначе бы непременно остался послушать рассказы о величайших галактических цивилизациях, в особенности о славных пилах. Я уверен, что историям этим нет конца.

Он почувствовал, как напряглась Мартин. Но Буббакуб, явно польщенный, лишь самодовольно надулся. Джейкоб хорошо понимал, что не стоит обижать этого чужака, но он уже давно раскусил сверхтщеславного пила. Директор земного филиала Библиотеки был абсолютно нечувствителен к подобным намекам, принимая их за чистую монету, и Джейкоб не мог устоять перед возможностью лишний раз уколоть напыщенного пила. Он получил свой заказ, и Мартин настояла, чтобы он присоединился к их столику. Джейкоб оглянулся. За соседним столом сидели свободные от дежурства члены экипажа. Кантена он нигде не обнаружил.

— Кто-нибудь видел Фэгина? — спросил он.

Мартин покачала головой.

— Нет, боюсь, он уже больше двенадцати часов находится на обратной стороне корабля.

Джейкоб удивился. Подобная скрытность была совсем не в характере Фэгина. Несколько часов назад Джейкобу удалось перекинуться с кантоном парой слов. Но теперь де Сильва и вовсе закрыла доступ на другую сторону корабля, предоставив ее в полное распоряжение ветвистому чужаку. «Если к обеду Фэгин не объявится, придется потребовать у Хелен объяснений», — подумал он.

Милдред Мартин и Буббакуб о чем-то мирно беседовали. Время от времени в разговор вставлял слово Кулла. Вид у него был самый что ни на есть подобострастный. Соломинка, намертво приросшая к складчатым губам прингла, казалась каким-то диковинным органом. Пока Джейкоб расправлялся с завтраком, Кулла методично опустошал содержимое многочисленных тюбиков, лежавших перед ним на столе.

Буббакуб неторопливо рассказывал историю одного из своих предков, представителя могущественной расы соро. Этот достойный софонт около миллиона лет назад принимал участие в одном из немногих мирных контак-тов между цивилизацией кислорододышащих и таинственной параллельной культурой водорододышащих.

С незапамятных времен между кислородниками и водородниками отсутствовало какое-либо взаимопонимание. Всякий раз, когда возникал конфликт, погибала планета, а подчас и не одна. К счастью, у этих двух культур было очень мало общего, так что пересекались они нечасто. История Буббакуба была длинной и запутанной, но Джейкоб не мог не признать, что пил отменный рассказчик. Буббакуб, когда хотел, мог быть неожиданно остроумным, и обаятельным. Пил так живо и ярко рассказывал о событиях, свидетелем которых посчастливилось стать крошечной горстке землян, и с таким вдохновением описывал бесконечное разнообразие и красоту звезд, что Джейкоб в этот момент от души позавидовал Хелен де Сильве и ее товарищам-космолетчикам.

Покончив с лирическими описаниями галактических красот, Буббакуб очень четко изложил причину возникновения Библиотеки. Она явилась носителем знаний и традиций, объединявших всех, чья жизнь основывалась на поглощении кислорода. Библиотека обеспечивала преемственность и непрерывность цивилизаций. Не будь этого института, все галактические виды продолжали бы вести неза-

висимое существование; в космосе царили бы хаос и бесконечные войны, рано или поздно уничтожившие бы все живое. А уцелевшие попросту погибли бы от нехватки энергетических ресурсов. Именно Библиотека и подчиненные ей институты, возникшие в результате объединенных усилий всех разумных видов, не допустили геноцида в Галактике. Буббакуб замолчал. Повисла благоговейная тишина. Выдержав паузу, пил добродушно поблагодарил своих слушателей и неожиданно попросил Джейкоба рассказать о чем-нибудь.

Тот смутился. С точки зрения человека, его жизнь, возможно, и была наполнена захватывающими событиями, но, в сущности, она не представляла собой ничего выдающегося. Что он мог бы рассказать? Судя по всему, ему следовало поведать историю из собственного опыта или, на худой конец, из опыта своих предков, Джейкоб чувствовал, что его замешательство становится явным. Можно было бы рассказать о дедушке Альваресе, сыгравшем значительную роль в Перевороте, но в этой истории было слишком много политики, да и вряд ли она понравится Буббакубу. Джейкоб лихорадочно пытался вспомнить что-нибудь занятное из собственной жизни, но

в голову ничего не шло. Ничего, кроме случая на Шпиле. Но эта история была слишком личной, будила слишком много болезненных воспоминаний. Да и, кроме того, он уже обещал ее Хелен. Джейкоб почувствовал на лбу жаркую испарину Эх, был бы здесь Ла Рок! Уж он сумел бы всех уморить своей трескотней. Джейкоб в отчаянии хотел было уже начать рассказывать о Марко Поло или Марке Твене, как вдруг в голову ему пришла шальная мысль. Ведь имелась реальная историческая личность, прямым потомком которой был он сам, Джейкоб Демва. И история этого человека полностью удовлетворяла неписаным требованиям. Но самое смешное состояло в том, что толковать ее можно было двояко. Для одних она будет абсолютно прозрачной, другие же не поймут скрытого в ней сарказма.

— Ну что ж, — начал он, — я расскажу вам об одном реальном историческом лице. Этот человек представляет немалый интерес, поскольку принимал участие в установлении Контакта между примитивной культурой и цивилизацией, ушедшей далеко вперед. Думаю, вы уже догадались, о чем пойдет речь. Ведь с момента Контакта об этом не устают толковать. Судьба американских индейцев представляет собой пьесу нравов

той эпохи. Старые киноленты двадцатого века, прославлявшие «благородного краснокожего», сегодня могут вызвать лишь улыбку. Из всех земных культур именно индейцы в наименьшей степени стремились приспособиться к европейцам-завоевателям. Их гордость долго не позволяла им воспользоваться достижениями белого человека. Когда же они опомнились, было уже поздно. К примеру, японцы повели себя совсем иначе: в конце девятнадцатого века им удалось включить в свою культуру достижения европейской цивилизации. На этот пример постоянно ссылается фракция «Приспособление и Выживание». Джейкоб на мгновение замолчал и обвел взглядом своих слушателей.

Похоже, ему удалось захватить их таким вступлением. За соседним столиком прекратили болтать, внимательно слушая его рассказ. Глаза у Куллы так и сверкали. Даже Буббакуб, обычно совершенно не интересовавшийся людскими разговорами, не отрывал от него колких глазбусинок. Лишь Милдред Мартин недовольно поморщилась, когда он упомянул о фракции «Приспособление и Выживание».

— Но безусловно, в том, что индейцы не смогли приспособиться к новой жизни, виноваты не

только они одни. Многие современные ученые полагают, что культуры западного полушария в момент прибытия европейцев находились в состоянии временного кризиса. Так, например, бедняги майя только что покончили с гражданской войной; их чудесные города были разрушены, а династия правителей полностью уничтожена. Население некогда великого государства рассеялось по бескрайним просторам. Когда на Американский континент прибыл Колумб, храмы майя, эти очаги удивительной культуры, пустовали, все более ветшая. Конечно же, можно возразить, что далее последовал так называемый Золотой век майя, во время которого благосостояние народа и товарооборот возросли в четыре раза. Но вряд ли с помощью подобных показателей можно измерять уровень культуры. Джейкоб остановился.

«Осторожней, друг мой, осторожней, не переусердствуй с иронией». Он заметил, как Дубровский, один из бортинженеров корабля, сидевший за соседним столиком, встал и отошел к автомату с кофе. На лице Дубровского играла легкая ироничная улыбка. Джейкоб взглянул на остальных — все слушали с огромным интересом, словно не подозревая о скрытом смысле этой истории.

Правда, в отношении Куллы и Буббакуба он не мог сказать ничего определенного.

— Так вот, мой далекий предок был индейцем. Звали его Секвойя, он принадлежал к племени чероки. В те времена чероки жили в основном на территории штата Джорджия, на восточном побережье Северной Америки. Поэтому они не располагали достаточным временем, чтобы подготовиться к встрече с белым человеком. Тем не менее чероки в определенном смысле попытались это сделать. Конечно же, их попытка была далеко не столь всеобъемлющей и основательной, как у японцев, но они ее все же предприняли. Чероки сумели довольно быстро подхватить технические достижения своих новоявленных соседей. Бревенчатые дома пришли на смену вигвамам, а железные орудия и кузнечное ремесло стали частью их быта. Они по достоинству оценили порох и европейские методы ведения сельского хозяйства. Одно время племя чероки даже использовало труд рабов, хотя многим индейцам подобное новшество пришлось не по душе. Джейкоб замолчал, давая слушателям возможность усвоить услышанное, а затем продолжил:

— К тому времени, о котором пойдет речь в

моем рассказе, чероки дважды потерпели поражение в войнах. Они совершили ошибку, поддержав французов в тысяча семьсот шестьдесят пятом году, а затем выступив на стороне английской Короны во время первой американской революции. Но даже после этого чероки сохраняли за собой самоуправление на довольно приличной территории — во многом благодаря тому, что новое поколение индейцев, получив от европейцев достаточное количество знаний, ввело у себя законодательство. Вместе со своими северными соседями, ирокезами, чероки преуспели в составлении договоров с белыми. Именно в этот момент на сцене и появляется мой достопочтенный предок. Секвойю совершенно не привлекала ни одна из перспектив, открывавшихся перед его племенем: остаться благородными дикарями и тем самым обречь себя на верную смерть, либо полностью перенять образ жизни европейцев-колонистов и исчезнуть как самобытный народ. Секвойя хорошо сознавал силу печатного слова, но полагал, что индейцы всегда будут находиться в невыгодном положении, если их вынудят принять английский язык.

Джейкоб обвел взглядом своих слушателей. Он не понимал, улавливают ли они связь между

историей племени чероки и нынешними взаимоотношениями человечества и галактической Библиотеки.

Милдред Мартин, похоже, была удивлена столь подробным историческим экскурсом. Но откуда ей было знать, что после окончания школы Джейкобу и его многочисленным кузенам и кузинам пришлось прослушать курс истории и ораторского искусства. Хотя Джейкоб слыл в своей семье белой вороной и всегда сторонился политики, тем не менее определенные навыки в этой области у него остались.

— Так вот. Секвойя нашел устраивавшее его решение проблемы. Он попросту взял и изобрел письменность индейцев чероки. Это был воистину титанический труд, стоивший ему немалых мучений. Более того, в глазах большинства соплеменников он выглядел настоящим безумцем. Но, несмотря на все препятствия. Секвойя достиг цели — отныне печатное слово стало доступно не только горстке интеллектуалов, годами изучавших английский, но и тем, кто вовсе не блистал способностями. Вскоре даже сторонники ассимиляции признали усилия Секвойи. Это была великая победа человеческого духа, вдохновлявшая все последующие поколения индейцев

чероки. Надо заметить, чероки оказались единственным коренным американским народом, выбравшим себе в герои не воина, не охотника, а мыслителя. Единственным! И вот это-то и явилось главной ошибкой чероки. Если бы индейцы позволили местным миссионерам превратить себя в некое подобие колонистов, то со временем они смогли бы влиться в класс землевладельцев и занять свое место в американском обществе.

Но вместо этого чероки решили стать современными индейцами: сохранить основные элементы своей культуры и одновременно воспринять европейскую цивилизованность. Здесь кроется явное противоречие. И все же некоторые историки до сих пор полагают, что такой поворот дела не был так уж невозможен. Все шло замечательно, пока в один прекрасный день отряд белых колонистов не обнаружил на земле чероки золото. Европейцы, разумеется, пришли в крайнее возбуждение. Они быстро провели через законодательное собрание Джорджии постановление о конфискации этих земель. Тогда чероки совершили очень странный поступок. Аналогов ему не нашлось даже сто лет спустя. Индейское племя подало в суд на законодательное собрание штата Джорджия, обвинив его в

незаконном захвате земель! Чероки получили определенную поддержку от сочувствующих индейцам белых и сумели довести дело до Верховного суда Соединенных Штатов Америки. И самое странное, суд постановил, что земля принадлежит племени чероки! Но вот здесь-то и проявилась относительность приобщения индейцев к европейским социальным институтам. Поскольку чероки особо не стремились внедриться в общественную структуру колонистов, то они не обладали никакой политической силой. Индейцы с удивительной наивностью доверились высшим и на бумаге очень справедливым законам новой нации. Они вполне успешно освоили правила законодательных игр, но не учли одной-единственной малости — общественное мнение всегда являлось куда более влиятельной силой, чем любой закон.

Для большинства своих новых соседей они так и остались всего лишь еще одним индейским племенем. Когда Энди Джексон послал Верховный суд к черту и отправил войска, чтобы занять земли чероки, индейцы внезапно выяснили, что им некуда больше обратиться. И тогда народ Секвойи вынужден был собрать скудный скарб и отправиться Дорогой Плача к новым «индейским

территориям» в западных землях Соединенных Штатов Америки. История Дороги Плача — это гимн человеческому мужеству и терпению. Невозможно описать, что пришлось испытать людям из племени чероки на этом скорбном пути. Страдания и горе послужили основой для выразительнейших по силе и глубине литературных памятников. И, кроме того, именно в это время у чероки возникла традиция черпать силу в лишениях, что и поныне остается характерной чертой этого народа.

Изгнание оказалось не последним ударом, обрушившимся на чероки. В Соединенных Штатах разразилась гражданская война. Индейцы также не остались в стороне. И брат стал убивать брата, когда войска Конфедерации столкнулись с отрядами индейцев. Индейцы сражались даже неистовее белых, а уж дисциплина в их рядах всегда была несравненно лучше. Но в то время как мужчины проливали кровь на полях сражений, их дома подверглись новым разорениям. Болезни и бандитские шайки во все времена сопутствовали войнам.

А потом начались новые захваты земель очередными колонистами. За стоицизм племя чероки даже прозвали «американскими еврея-

ми». Другие племена не выдержали лишений, не сумели выстоять перед натиском несправедливых ударов судьбы, смирились. Но чероки выжили как самобытный народ, и помогла им в этом традиция во всем полагаться только на себя. Память о Секвойе не умерла. Быть может, из уважения к мужеству индейцев чероки одно из калифорнийских деревьев назвали секвойя. Это самое высокое дерево в мире.

— Но я отклонился от рассказа о безрассудстве чероки, — продолжал Джейкоб. — Гордость помогла им выжить в девятнадцатом веке, веке насилий и грабежей на Американском континенте, выстоять перед равнодушием двадцатого столетия. Но именно гордость не позволила им принять участие в Возмещении двадцать первого века. Чероки отвергли «культурные репарации», предложенные им американским правительством накануне эпохи Бюрократии. Отвергли богатства, которыми власть попросту завалила остальные индейские племена, дабы успокоить слишком чувствительную совесть просвещенного и образованного американского общества.

Индейцы чероки отказались участвовать в создании культурных центров и изучать там танцы и ритуалы предков. Многие индейцы занимались

тем, что возрождали доколумбовы орудия труда, «устанавливая контакт со своим прошлым». Чероки же решили создать собственный, ни на что не похожий вариант американской культуры двадцать первого века. Заразив своим энтузиазмом племя могавков и отдельных индейцев из других племен, чероки занялись собственным «Возмещением», начав с того, что половину своих доходов вложили в Лигу энергетических спутников. Теперь их гордость сублимировалась в строительство городов в открытом космосе. Примерно так же, как некогда она заставила их возвести величайшие города Америки. Чероки отказались от богатства в обмен на свою долю неба. Но на этом история не заканчивается. Чероки еще раз пришлось заплатить за свою гордость. Когда Бюрократия начала политику всеобщего подавления. Лига спутников восстала. Блестящие молодые люди, истинный цвет человечества, шли на смерть бок о бок со своими космическими братьями. Построенные в космосе города были уничтожены. Тем же, кто выжил, разрешили остаться на орбите только потому, что кто-то должен был научить людей Бюрократии обращению со сложным оборудованием. Но война шла не только в космосе. Многие индейцы чероки при-

няли участие в Конституционном мятеже. Они оказались единственным индейским племенем, подвергшимся гонениям властей. Вторая Дорога Плача была не менее печальна, чем первая. Однако на этот раз у чероки были товарищи по несчастью.

Но вот наступила эпоха подлинной Бюрократии. Гегемония больше заботилась о повышении производительности, чем о мщении противникам Лигу спутников восстановили, правда, под строгим контролем, и в колониях О'Нила расцвела новая культура.

Представителей чероки и поныне можно встретить на Земле, в то время как большинство индейских племен либо бесследно растворились в современной космополитической культуре, либо ведут жизнь музейных экспонатов. Чероки же все еще пытаются жить самостоятельно. Они так и не усвоили уроков судьбы. Последняя их безумная затея — совместный с вьетнамцами и курдами проект по окультуриванию Венеры. Но все это, конечно же, лишь очередное нелепое прожектерство.

Впрочем, современная история племени чероки уже не имеет никакого отношения к этому рассказу. Если бы Секвойя и его народ полностью

переняли образ жизни белого человека, то им удалось бы выжить и даже занять определенное место в европейской культуре, заплатив, правда, за это полной ассимиляцией. Если бы чероки встали на путь упорного сопротивления, подобно большинству индейских племен, то после бесчисленных страданий их ждала бы в конце концов участь пыльных музейных экспонатов. Но чероки попытались найти третий путь, они вознамерились соединить преимущества западной цивилизации и собственное культурное своеобразие. Это племя оказалось весьма упорным в своих экспериментах. В течение шестисот лет его перемалывало, как в жерновах. На долю чероки выпало куда больше страданий, чем на долю любого другого индейского народа.

— Мораль этой истории очевидна, — заключил Джейкоб. — Мы, люди, стоим сейчас перед выбором, сходным с тем, что был предложен в свое время индейцам чероки: либо до конца воротить нос, либо полностью раствориться в древней галактической культуре. Так что всякому, кто решит выбрать особый путь, я советую вспомнить историю этого индейского племени. Его путь был долог, и, быть может, он еще не кончен.

Джейкоб закончил рассказ. Все молчали. Ни-

кто не спешил заговорить. Кулла неподвижным взглядом уставился куда-то в пространство Милдред Мартин, нахмурив брови, пристально разглядывала стол. Около кофейного аппарата по-прежнему маячил Дубровский. Казалось, он едва сдерживает смех. Возможно, это убежденный сторонник Лиги, ведь космос буквально кишит ими. Джейкоб от души надеялся, что Дубровскому удастся сдержаться. Риск и без того был слишком велик. У него пересохло в горле — то ли от длительного монолога, то ли от волнения. Он залпом выпил остатки апельсинового сока.

Наконец Буббакуб взмахнул короткими лапами и привстал. Мгновение он молча рассматривал Джейкоба.

— Хорошая история, — отрывисто гавкнул водор на его шее. — Я прошу вас записать ее для меня, когда мы вернемся на базу. Это отличный урок для людей. Но у меня есть вопросы, некоторых моментов я не понял.

— Как вам будет угодно, пил Буббакуб. — Джейкоб слегка склонил голову. Надо бы побыстрее сменить тему, пока Буббакуб не вцепился в него мертвой хваткой, выуживая подробности.

— Мне тоже понравилась история моего друга Джейкоба, — раздался сзади мелодичный

свист. — Я старался не шуметь и очень рад, что мне удалось не помешать столь чудесному рассказу.

Джейкоб вскочил.

— Фэгин!

Навстречу кантону поднялись и все остальные. В рубиновых отблесках хромосферного сияния Фэгин выглядел черным силуэтом какого-то экзотического растения. Он медленно покачивал ветвями.

— Примите мои извинения, любезные софонты! Но мое отсутствие было необходимым. По любезному разрешению коменданта был увеличен поток излучения сквозь экраны, чтобы я мог немного подкормиться. Но, как вы сами понимаете, для этого пришлось изолировать необитаемую сторону корабля.

— Очень разумно! — рассмеялась Мартин. — Нам бы совсем не хотелось поджариться на солнце!

— Я так и думал, — нежно пропел Фэгин, — но мне там было очень одиноко, и сейчас я счастлив вновь оказаться среди вас. Все расселись. Фэгин устроился прямо на полу. Джейкоб с радостью ухватился за возможность выбраться из затруднительного положения.

— Мы тут в ожидании входа в хромосферу обмениваемся историями. Может быть, ты тоже что-нибудь расскажешь, например, об Институте Прогресса?

Кантон зашумел листвой:

— Увы, дружище Джейкоб. В отличие от Библиотеки, Институт Прогресса не стал влиятельной организацией. Его название не очень верно переведено на английский. В вашем языке попросту нет слова, которое могло бы передать суть. Наше небольшое общество было основано ради одного-единственного мелкого предписания, которое прародители завещали старейшим расам перед тем, как покинуть Галактику. Грубо говоря, на нас возложена задача оберегать и лелеять все новое. Расам, подобным вашей, своего рода сиротам, не знакомым с прелестями опекунства, трудно понять врожденный консерватизм галактической культуры. И подобный консерватизм не так уж и плох, ибо верность традиции и общему наследию среди великого разнообразия рас и цивилизаций подчас оказывает благотворное влияние. Молодые расы внимают опыту старых, учатся у них мудрости и терпению. Можно сказать, что мы питаем глубокое уважение к нашим корням.

Джейкоб отметил едва уловимое волнение Фэ-

гина. Короткие узловатые щупальца, служившие ему подобием ног, чуть заметно подрагивали. Джейкоб быстро взглянул на остальных, но, похоже, никто ничего не заметил. Он постарался не выдать своего удивления.

— Но при всем уважении к традиции необходимо смотреть вперед, а не назад, — продолжал Фэгин. — И безгранично мудрые прародители наказали старейшинам Галактики не чинить препятствий новому. Джейкоб покачал головой.

— Так вот, значит, почему, узнав о том, что обнаружено сообщество дикарей, вы поспешили на Землю?

Послышался легкий шелест:

— Очень живописное сравнение, дружище Джейкоб, но, в сущности, ты прав. Для Библиотеки задача сводится к тому, чтобы научить землян премудростям выживания. У моего Института куда более скромная миссия: мы хотим понять, что нового вы принесли в галактическую культуру. Милдред Мартин, как школьница, подняла руку.

— Кантен Фэгин, а есть ли у вас сведения о подобных случаях в прошлом? Я имею в виду, встречались ли в Галактике виды, не сохранившие память о своих предках и о Развитии, жившие сами по себе, подобно нам, землянам?

— Да, уважаемая доктор Мартин, несколько раз такое случалось, ведь космос столь огромен. Во время своих миграций как кислородные, так и водородные расы покрывают огромные расстояния. Но даже обитаемые области далеко не всегда оказываются полностью исследованными. Зачастую во время таких перемещений какой-нибудь крошечный осколок расы, едва расставшейся с животным состоянием, оказывается покинутым опекунами и остается наедине с самим собой. Цивилизованные народы обычно мстят за подобные действия… Кантен запнулся. Джейкоб понял причину его заминки, и внутри у него все похолодело. Фэгин же продолжал:

— Но поскольку такие случаи встречаются крайне редко, возникает еще одна проблема. Из остатков технологий опекунов осиротевшая раса, конечно же, может создать примитивный ракетоноситель. Но к тому времени, когда она окажется способной начать осваивать межзвездное пространство, эта часть Галактики может попасть под запрет или же стать добычей водорододышащих. Тем не менее время от времени подобные расы обнаруживаются. Но обычно сироты сохраняют вполне отчетливые воспоминания о своих опекунах либо непосредственно в виде фактов,

либо в легендах и мифах. Но почти всегда Библиотека способна установить истину, потому что именно в ней все наши истинные знания.

Несколько ветвей почтительно склонились в сторону Буббакуба. Пил ответил самодовольно-дружеским кивком.

— Вот почему, — продолжал Фэгин, — мы с таким большим нетерпением ждем, когда же выяснится причина отсутствия в наших архивах упоминаний о вашей Земле. Ведь в Библиотеке не найдено никаких сведений о том, что она была заселена в прошлом, хотя с того момента, как прародители покинули Галактику, через эту область прошло пять миграций. Буббакуб внезапно застыл. Маленькие черные глазки с ненавистью стрельнули в сторону кантена. Но Фэгин, казалось, ничего не замечал.

— Насколько мне известно, человечество впервые подтверждает большую вероятность разумного саморазвития. Без сомнения, вы знаете, что подобная идея нарушает некоторые устоявшиеся принципы нашей биологической науки. И все же некоторые аргументы ваших антропологов очень убедительны.

— Это весьма эксцентричная идея! — фыркнул Буббакуб. — Хвастливые существа, именуемые

шкурниками, носятся с ней, словно с вечным двигателем. Всякие теории «естественного» развития разума служат источником для зубоскальства, человек Джейкоб Демва. Но скоро Библиотека преподнесет вашей непочтительной расе то, в чем она так нуждается! Надеюсь, вы успокоитесь, когда узнаете истину о вашем происхождении! Внезапно почти неслышный до этого шум двигателей усилился, и через мгновение Джейкоб почувствовал, что теряет ориентацию.

— Всем внимание! — раздался голос Хелен де Сильвы. — Мы только что проскочили первый риф. С этого момента возможны толчки. Я извещу вас, когда мы подойдем к интересующей нас области. Пока все. Солнечный горизонт стал уже почти совершенно плоским. Во все стороны тянулись красно-черные изогнутые очертания. Количество нитей, находившихся на одном уровне с кораблем, возросло. Они вспыхивали протуберанцами на фоне того, что некогда представляло собой абсолютный мрак открытого космоса, и исчезали в огненном мареве.

Компания передвинулась поближе к краю палубы, откуда можно было заглянуть в хромосферу. Какое-то время все молчали, прислушиваясь к толчкам, сотрясавшим солнечный корабль.

— Доктор Мартин, — нарушил молчание Джейкоб, — вы и пил Буббакуб готовы к эксперименту?

— Здесь есть все, что нам нужно. — Мартин указала на два контейнера, стоявших рядом с креслом Буббакуба. — Я взяла с собой пси-оборудование, которое использовала во время предыдущих прыжков. Но в основном моя задача — ассистировать пилу Буббакубу. Усилители мозговых волн и Q-устройства — это настоящий хлам по сравнению с тем, что имеет в своем распоряжении уважаемый Буббакуб, но я постараюсь быть ему полезной.

— Я буду рад вашей помощи, — довольно любезно отозвался Буббакуб.

Джейкоб захотел взглянуть на оборудование пила, но тот вскинул четырехпалую лапу.

— Не сейчас. Позже, когда мы все подготовим.

Джейкоб почувствовал знакомый зуд в руках. Интересно, что может быть в этих контейнерах? В земном филиале Библиотеки нет почти ничего, касающегося пси-исследований. Так, немного сведений из феноменологии, но никаких упоминаний о методах и оборудовании. Насколько глубоки знания галактической культуры о фундаментальных принципах существования

разума, по-видимому, общих для всех видов? В этой области явно известно еще далеко не все. Галактические цивилизации до сих пор действуют лишь по эту сторону реальности. Более того, Джейкоб абсолютно точно знал, что способности к телепатии у большинства представителей других рас не превышают его собственных. Он взглянул на Буббакуба. Ходят слухи, что древние расы периодически пропадают из Галактики. Обычно цивилизации исчезают в результате естественной смерти, войны или же попросту из-за накопившегося за миллиарды лет безразличия к жизни. Но порой та или иная раса вдруг «сходит с дистанции». Такое исчезновение всегда связано с поисками и экспериментами, не имевшими никакого смысла для всех остальных. Почему в земном филиале нет никаких упоминаний о подобных событиях? Да что там, в филиале не найти даже сведений о практическом применении пси!

Вновь зазвучал голос Хелен де Сильвы:

— Мы подойдем к интересующей нас области через тридцать минут.

Желающие могут собраться на командном пункте. Отсюда открывается прекрасный вид на место нашего назначения.

Когда глаза привыкли к ослепительному блеску выделенной области, Джейкобу показалось, что остальная часть Солнца потускнела. Далеко внизу ярко вспыхивали и тут же гасли хромосферные факелы. Где-то вдали вытянулась большая группа солнечных пятен, ближайшее из которых напоминало открытый карьер, своего рода яму в неровной «поверхности» хромосферы. Наиболее темные участки пятна были совершенно неподвижны. Но вокруг него наблюдалась беспрерывная рябь, будто какой-то досужий бездельник развлекался, без устали швыряя в солнечный океан громадные камни. Граница вокруг пятна выглядела размытой, вибрируя, словно гитарная струна. Выше проступали очертания гигантского клубка. Это была одна из самых поразительных картин, которую Джейкобу когда-либо приходилось видеть. Следуя линиям магнитного поля, плыли гигантские облака, то и дело скручиваясь в беспокойные спирали. Вдруг буквально из ничего возник огромный огненный сполох, через мгновение рассыпавшись миллиардом сверкающих искр.

Повсюду можно было видеть суетливые движения более мелких объектов, превращавших уютную черноту космического пространства в

волнующее душу розовое сияние.

Джейкоб пожалел, что некому запечатлеть красоту и величественность солнечных ландшафтов. Как бы ни был несносен Ла Рок, но стилем он обладал отменным. Джейкоб читал кое-какие его статьи и нередко от души восхищался точностью и яркостью его описаний. Здесь, на Солнце, поэтическое мастерство Ла Рока пришлось бы как нельзя кстати.

— Наши приборы зарегистрировали источник аномально поляризованного излучения. С этого момента мы приступаем к исследованиям. Кулла поднялся и подошел к краю палубы, напряженно всматриваясь в направлении, указанном одним из членов экипажа. Джейкоб спросил у подошедшей к ним Хелен:

— Что он делает?

— Кулла способен определять цвет гораздо точнее, чем мы, — ответила Хелен. — Он способен уловить разницу в длине волны с точностью до одного ангстрема. И кроме того, он каким-то удивительным образом запоминает фазу излучения. Это совершенно удивительно! Кулла с легкостью способен найти источник когерентного света. Ему почти всегда удается вычислить этих лазерных бестий.

Мощные давилки Куллы глухо клацнули. Он взмахнул тонкой рукой.

— Вон там, — уверенно сказал он, — вон там много ишточников швета.

Это большое штадо, и я уверен, паштухи тоже где-то рядом. Хелен де Сильва улыбнулась, и корабль устремился навстречу своей цели.

Глава 15
О ЖИЗНИ И СМЕРТИ...

Солнечный корабль мчался внутри светового волокна, словно рыба, увлекаемая стремительным потоком. Вот только поток этот был электрическим, а волна, омывавшая зеркальную сферу, представляла собой намагниченную плазму с невообразимо сложной структурой.

Во всех направлениях проносились огненные вихри и сполохи ионизированного газа, причудливо изгибаясь под действием сил, создаваемых их собственным движением. Струи светящейся материи то вдруг вспыхивали, то исчезали вследствие эффекта Допплера, когда спектр излучения газа попадал в полосу пропускания фильтров или выпадал из нее. Корабль, используя для движения энергию плазмы, лавировал меж огненных

айсбергов, подгоняемый турбулентными хромосферными ветрами. Магнитные потоки надували паруса, созданные на основе математических принципов, обретших вдруг материальную природу. Мгновенное свертывание и усиление полей магнитных экранов, позволяя использовать толчки противоборствующих вихрей только в одном направлении, помогали устранять качку, неизбежную при подобной буре.

Те же самые экраны блокировали большую часть тепла, преобразуя оставшуюся часть в более приемлемые формы. А та тепловая энергия, что все-таки проникала сквозь экраны, отсасывалось в камеру и направлялась к охлаждающему лазеру — своеобразной почке корабля. Его отфильтрованный отработанный энергетический пучок представлял собой поток рентгеновских излучений, способный смести на своем пути даже плазму. Все эти устройства основывались на изобретениях землян. Но безопасными и комфортными солнечные корабли сделала галактическая наука. Гравитационные поля позволяли преодолевать властное притяжение Солнца, так что корабль мог свободно передвигаться, маневрировать и даже неподвижно зависать в одной точке. Силы, действующие внутри элек-

тромагнитного волокна, либо поглощались, либо нейтрализовались, а временной масштаб изменялся системой сжатия времени.

Корабль мчался вдоль линии солнечного магнитного поля со скоростью в несколько тысяч миль, но это по отношению к воображаемой неподвижной точке на Солнце. Относительно же окружающих плазменных облаков он еле двигался, вслепую нащупывая путь к мельком увиденной цели.

Джейкоб почти не следил за погоней. Все его внимание было сосредоточено на Кулле. На солнечном корабле чужак играл роль впередсмотрящего. Прингл неподвижно замер рядом с рулевым, его огромные глаза сверкали, указующий перст направлял корабль в слепящем солнечном мраке.

Это направление почти точно совпадало с показаниями приборов. Джейкоб был не в состоянии разобраться во всех этих цифрах, мелькавших на панелях управления, и потому был очень доволен, что ему просто указывали, куда следует смотреть.

Около часа корабль преследовал световые пятна, маячившие вдали. Пятна были очень слабыми, хотя Хелен и приказала приоткрыть

диапазон сине-зеленого излучения. Но время от времени пятна ослепительно вспыхивали, заливая палубу зеленым сиянием, словно чей-то прожектор на мгновение освещал корабль, а затем уходил в сторону. Вспышки повторялись все чаще. В поле зрения наблюдателей находилась по меньшей мере сотня объектов приблизительно одинакового размера. Джейкоб взглянул на дальномер. Семьсот миль.

Когда расстояние сократилось до двухсот, стала отчетливо различима форма объектов. Магнитоядные имели форму правильных тороидов. Издали стадо представлялось скоплением крошечных обручальных колец голубого цвета. Все кольца имели одну и ту же ориентацию — вдоль электромагнитного волокна.

— Они выстраиваются вдоль магнитного поля на том участке, где напряженность поля максимальна, — пояснила Джейкобу Хелен, — и вращаются вокруг своей оси, генерируя электрический ток. Трудно сказать, как они перебираются из одного активного региона в другой, когда конфигурация магнитного поля начинает меняться. Сейчас нас больше интересует, что заставляет их держаться вместе.

Несколько крайних тороидов, не переставая

вращаться, вдруг начали раскачиваться. Зеленое сияние залило солнечный корабль, исчезнув через мгновение.

Один из пилотов взглянул на Джейкоба.

— Мы только что прошли сквозь лазерный шлейф одного из тороидов. Кратковременные вспышки, подобные этим, не могут нанести, нам вред, но если мы окажемся сзади или снизу стада, то у нас могут возникнуть проблемы.

Темное облако плазмы, то ли более холодной, то ли более быстрой, чем окружающий газ, прошло прямо перед кораблем, на несколько секунд полностью перекрыв обзор.

— Для чего им нужен лазер? — спросил Джейкоб.

Де Сильва пожала плечами.

— Кто знает. Для динамической устойчивости. Или в качестве двигателя.

Возможно, как и нам, для охлаждения. Тогда в их структуре должно иметься твердое вещество. Но в любом качестве лазер обладает мощностью, способной пробить своим зеленым лучом наши экраны, настроенные в основном на красный диапазон. Только поэтому мы и смогли их обнаружить. Ведь как бы огромны ни были эти создания, здесь они всего лишь иголки в стоге сена. Мы

могли бы искать их миллионы лет, да так и не обнаружить. В области альфа-линии водорода магнитоядные абсолютно невидимы. Поэтому для наблюдения мы приоткрыли пару диапазонов в зеленой и синей областях. Разумеется, длина волны их лазера в этот диапазон не попадает! Выбранные нами линии вполне спокойны и оптически слабо прозрачны. Непонятно, откуда берутся эти голубые и зеленые огоньки. Но, надо признаться, они вносят приятное разнообразие.

— Да, сейчас мне, пожалуй, понравилось бы все, что отличается от этой проклятой красноты.

Корабль наконец прошел сквозь темное облако, и тут выяснилось, что они почти у цели.

Джейкоб судорожно сглотнул слюну и на мгновение прикрыл глаза. Открыв их, он издал возглас изумления и восторга.

Если говорят, что рыба плывет косяком, а львы образуют прайд, то здесь подошло бы только одно слово — вспышка. Свечение было таким ярким, что солнечная хромосфера могла показаться чернотой открытого космоса. Ближайшие к кораблю тороиды поблескивали свежей зеленью распустившейся листвы. Вдали лазерный луч, пройдя сквозь плазменное яблоко, рассыпался суматошным темно-зеленым мельканием. Каждый

тороид искрился ореолом.

— Синхротронное излучение, — сказал кто-то за спиной Джейкоба. — Эти младенцы действительно вращаются. Есть мощный поток частиц с энергией свыше ста киловатт!

Особенно бешено вращался тороид поблизости, на расстоянии не более двух миль. По его внешнему краю, как своеобразное ожерелье, кружился геометрический хоровод. Темно-синий восьмигранник сменялся пурпурными прямоугольниками и снова возникал перед глазами. Полный оборот вокруг блестящего изумрудного кольца занимал у него несколько секунд. Хелен, стоя у командного пульта, не сводила глаз с приборов. По ее бесстрастному лицу мелькали отблески сине-зеленого сияния, превращая коменданта в персонаж средневековых карнавалов. Всякий раз, когда Хелен поднимала голову, из глаз вылетал сноп изумрудных искр, придавая ее облику нечто совсем уж демоническое.

Внезапно все вокруг окуталось синей хмарью. Очередная световая вспышка высветила на теле кольцеобразного существа причудливый узор. Он явно напоминал сплетение нервных и кровеносных узлов. Зеленые артерии пульсировали, сплетаясь с искрящимися небесной голубиз-

ной венами. Зеленые и синие линии бились в противофазе, то набухая, подобно созревшей виноградной лозе, то сжимаясь и испуская облака крошечных световых треугольников. Невероятный цветок стряхивал двумерную пыльцу, рассеивавшуюся мельчайшими трехчастичными столкновениями вокруг неевклидова тела тороида. Внезапно все геометрические фигуры одновременно обрели совершенную правильность, а обод бублика ощетинился бесчисленными углами и гранями крошечных двумерных созданий. Похоже, это была кульминация. Узор Вокруг обода потускнел, а сам тороид словно бы отступил, стремясь затеряться в гуще себе подобных. Зелено-голубое свечение ослабло. Красный цвет снова заливал палубу.

— Они приветствуют нас, — сказала Хелен. — На Земле еще хватает скептиков, которые уверяют, что магнитоядные представляют собой лишь некие искажения магнитного поля. Им бы следовало взглянуть на это зрелище. Мы наблюдаем несомненные проявления жизни. Создатель не знает пределов в своем творчестве.

Она легко тронула пилота за плечо. В следующее мгновение корабль отклонился в сторону.

Джейкоб был согласен с капитаном, хотя логи-

ку Хелен вряд ли можно было назвать научной. Он тоже не сомневался, что тороиды — живые существа. Их действия, будь то и впрямь приветствие, или же просто реакция на появление чужеродного объекта, были действиями живого организма. Возможно, даже разумного.

Старомодное имя Верховного Божества, упомянутое Хелен, словно осенило всю эту красоту.

Палуба корабля медленно поворачивалась, стая магнитоядных постепенно уходила вниз, Хелен склонилась над микрофоном.

— Отправляемся на поиски Призраков. Помните, мы здесь для изучения не магнитоядных, а их Пастухов. Чтобы их заметить, необходимо вести постоянное наблюдение. Поскольку во всех предыдущих погружениях мы обнаруживали Призраков лишь по счастливой случайности, то я прошу всех присутствующих быть предельно внимательными и сообщать мне обо всех необычных явлениях.

Де Сильва поманила к себе Куллу, и они начали тихо совещаться. Прингл время от времени кивал круглой головой, фарфоровое сверкание меж складчатых губ выдавало сильное возбуждение. Выслушав капитана, Кулла направился по гравитационной петле на обратную сторону

палубы, где находились приборы. Сейчас там тоже не по мешал бы живой наблюдатель. Лазерные существа могли появиться снизу, вне досягаемости расположенных по краю палубы детекторов. — Несколько раз они объявлялись прямо над головой, — напомнила Хелен Джейкобу. — И, как правило это были самые интересные случаи. Именно тогда мы наблюдали антропоморфные фигуры.

— И что, они исчезали всякий раз, прежде чем корабль успевал повернуть? — спросил Джейкоб.

— Исчезали или же поворачивали синхронно с кораблем, все время оставаясь над головой. Настоящие бестии! Было от чего прийти в ярость. Но такое поведение позволило нам предположить, что здесь замешано пси. В конце концов, вне зависимости от их побуждений, откуда они могут знать, что приборы у нас расположены по краю платформы? И как, скажите на милость, они могут достигать такой синхронности, если им неизвестны наши намерения?

Джейкоб задумчиво смотрел на Хелен.

— Но почему бы не установить несколько камер здесь? Ведь это, наверное, не так уж и сложно?

— Нет, совсем не сложно, — согласилась Хе-

лен. — Но инженеры не захотели нарушать симметрию корабля. Пришлось бы прокладывать кабель сквозь палубу. Кулла убедил нас, что в этом случае была бы уничтожена последняя возможность для маневра в случае разрушения стасис-экранов… Хотя эта возможность и так достаточно эфемерна. — Она помолчала. — Бедняга Джеффри! Его корабль, тот самый, что вы осматривали на Меркурии, с самого начала был оборудован записывающими устройствами, сориентированными и вверх, и вниз. Это был единственный корабль подобной модификации. Так что нам придется обходиться приборами, расположенными по краю палубы, собственными глазами и несколькими переносными камерами.

— И пси-оборудованием, — напомнил Джейкоб.

Хелен выразительно взглянула на него.

— Да, конечно. Мы надеемся установить дружеский контакт.

— Прошу прощения, капитан.

Пилот оторвался от приборов и протянул Хелен наушники.

— Кулла сообщает, что северный край стада начал менять цвет. Может быть, они начали телиться? Хелен серьезно кивнула.

— Хорошо. Двигайтесь по касательной к потоку магнитного поля.

Обогните стадо с севера, но не приближайтесь слишком близко, чтобы не вспугнуть их.

Корабль накренился. Слева появилось Солнце, превратившееся вскоре в бесконечную стену. В сторону фотосферы тянулась искрящаяся изумрудная линия, строго параллельная плоскости, в которой располагались тороиды.

— Это ионизационный след от нашего охлаждающего лазера, — пояснила Хелен, заметив вопросительный взгляд Джейкоба. — Его длина около двух сотен миль.

— Неужели у лазера такая мощность?

— Нам же приходится избавляться от огромного количества тепла. Вся суть его работы в том, чтобы нагревать небольшой участок Солнца. Иначе мы заживо сгорим. Кстати, это еще одна причина, почему мы так стараемся, чтобы стадо не оказалось впереди или позади нас. Джейкоб пристально посмотрел на капитана.

— Когда мы сможем увидеть… отел, я правильно понял?

— Правильно. Нам очень повезло. До сих пор нам лишь дважды удавалось наблюдать это явление. И оба раза в присутствии Пастухов. По-

видимому, в подобной ситуации они приходят на помощь тороидам. Поэтому представляется логичным начать поиски именно здесь. Что же касается времени, которое нам понадобится, чтобы добраться до них, то все зависит от того, насколько бурные процессы будут происходить на нашем пути. А значит, от степени сжатия времени. На дорогу может уйти день. Но если повезет, — она взглянула на панель управления, — то хватит и десяти минут. К ним подошел бортинженер с какой-то схемой.

— Пойду предупрежу Буббакуба и Милдред, — сказал Джейкоб.

— Я сообщу, когда мы определим точное время прибытия.

Джейкоб поспешил к центральному куполу, спиной ощущая пристальный взгляд Хелен.

Буббакуб и Милдред Мартин отнеслись к новости совершенно спокойно.

Джейкоб помог им перенести к пульту управления ящики с оборудованием. Инвентарь Буббакуба ошеломлял. Один прибор просто поражал загадочностью. Бесчисленные прозрачные спирали плотно теснились в ящике, всем своим видом намекая на тайну. Из двух других ящиков Буббакуб извлек круглый шлем, похоже,

специально подогнанный под голову пила, и странный предмет, вроде обломка метеорита. Одна из сторон этого «обломка» поблескивала темным стеклом.

— Существует три способа обнаружения пси-поля, — прохрипел Буббакуб.

С несвойственной ему любезностью он предложил Джейкобу сесть. — Первый основан на том, что пси-поле очень чувствительно и способно воспринимать мозговые волны на очень большом расстоянии. Вот эта штука, — мохнатая лапа ласково погладила шлем, — и помогает мне поймать и расшифровать такие волны.

— А вот это что за устройство? — Джейкоб посмотрел на загадочные спирали.

— Оно позволяет регистрировать искривление пространства-времени, возникающее по воле софонта. Подобные действия вполне возможны, хотя и крайне редки. Их называют словом «пингрли». Аналога в земных языках для него не существует. Большинству рас, в том числе и людям, совершенно незачем знать о подобных вещах. Библиотека предоставила кангрл, — Буббакуб похлопал прибор, — каждому филиалу на тот случай, если кто-нибудь решит применить пингрли.

— Это устройство способно нейтрализовать то самое уникальное явление?

— Да.

Джейкоб покачал головой. Все это ему очень не нравилось. Так, значит, существует целый класс сил, к которым для человека закрыт доступ. Одно дело — техническая отсталость, но совсем другое — осознание собственной неполноценности. Он почувствовал себя уязвленным.

— Конфедерации известно об этом ка… ка…?

— Кангрле. Да. Я получил разрешение на то, чтобы взять его с собой в экспедицию. Если он будет утерян, на Землю пришлют новый. Джейкобу стало спокойнее, ему даже начало казаться, что странный прибор выглядит довольно симпатично.

— А это что? — Он взглянул на «обломок метеорита».

— Это порк, — резко каркнул Буббакуб и быстро спрятал обломок обратно в ящик.

Джейкоб пожал плечами и подошел к Милдред Мартин.

— Он очень скрытен относительно этой штуки, — прошептала Мартин. — Я знаю лишь, что это реликвия, доставшаяся им от летаней, пятой расы в веренице предков пилов. Эта штука отно-

сится к тому периоду, когда летани еще не ушли за грань реальности.

Она постаралась резко сменить тему разговора, ослепительно улыбнувшись и громко спросив у Джейкоба:

— Ну как вам понравился инвентарь алхимика?

Джейкоб рассмеялся.

— Да, у нашего друга пила и впрямь есть философский камень. А что предложите вы для вызывания и изгнания огненных духов?

— В основном обычные устройства. Регистратор мозговых волн, датчик безынерционного движения, но он здесь скорее всего окажется бесполезен… Тахископическая камера трехмерного изображения с проектором…

— А можно взглянуть?

— Конечно, она вон в том углу ящика.

Джейкоб запустил в ящик руку и извлек довольно увесистый прибор.

Поставил перед собой, осмотрел записывающие головки.

— А знаете, — прошептал он Мартин, — ведь возможно, что…

— Что? — Она тоже понизила голос.

Джейкоб в упор взглянул на психолога.

— Если к этой штуке приспособить считыватель сетчаток, то получится отличное устройство для определения психических наклонностей.

— Вы хотите сказать, что тогда… можно будет провести тест на поднадзорность?

— Именно. Если бы я узнал об этом пораньше, то мы могли бы проверить Ла Рока прямо на Меркурии. Не пришлось бы отправлять лазерограммы на Землю и запрашивать ответ, который, возможно, действительно является фальшивкой. Мы достаточно точно смогли бы сами установить степень склонности к насилию.

Мартин неотрывно смотрела на Джейкоба, затем покачала головой.

— Не думаю, чтобы это могло что-нибудь изменить.

— Но вы ведь сами уверяли меня, что полученный ответ ошибочен! Если вдруг оказалось бы, что вы правы, то мистеру Ла Року не пришлось бы сейчас сидеть в изоляторе. Он даже мог бы отправиться с нами. И тогда у нас было бы куда больше оснований полагать, что опасность исходит от самих Призраков!

— Но ведь он пытался бежать! Вы ведь сами сказали мне, что он совершил насильственные действия!

— Насилие в состоянии паники не делает человека поднадзорным. Милли, да что с вами произошло?! Я был уверен в ваших симпатиях к Ла Року. Мартин вздохнула и отвела глаза.

— Боюсь, на Меркурии мое состояние было близко к истерике.

Навыдумывала черт знает что! Какой-то заговор против Питера… Я до сих пор не могу поверить, что он поднадзорный, но при этом я уже не считаю, что все было подстроено. В конце концов, не могу представить, кому выгодно обвинять Питера Ла Рока в убийстве несчастного шимпанзе?! Джейкоб с интересом разглядывал непривычно смущенное лицо Мартин. Он не понимал, почему изменилась позиция психолога.

— Ну, например, истинному убийце, — негромко сказал Джейкоб и в ту же минуту пожалел о своих словах.

— Что вы такое говорите? — испуганно прошептала Мартин и судорожно оглянулась. На Буббакуба они не обращали внимания: пил не мог воспринимать шепот.

— Хелен де Сильва, несмотря на сильнейшую неприязнь к мистеру Ла Року, полагает маловероятным, что он мог повредить стасис-механизм на корабле Джеффа. Она склонна считать, что

в случившемся повинна недобросовестность техников, готовивших корабль к прыжку. Но…

— Так, значит, Питера выпустят за недостаточностью улик?! Это было бы прекрасно! Мы выясним правду о солярианах, и Питер напишет книгу. Все будут счастливы! Если нам удастся установить с Призраками добрые отношения, в чем я ни на минуту не сомневаюсь, то это ужасное происшествие быстро забудется! Беднягу Джеффа объявят мучеником науки, а все разговоры об убийстве прекратятся раз и навсегда! В конце концов, все это так отвратительно!

Джейкоб начал находить, что разговор с Милдред Мартин становится не менее отвратительным. Почему она так изворачивается? Куда делась ее железная логика?

— Может, вы и правы… — Он пожал плечами.

— Конечно же, я права! — Она через силу улыбнулась. — Почему бы вам не поискать Фэгина? У меня сейчас хватает дел, а ведь он еще, наверное, не знает про отел.

Джейкоб кивнул и направился на поиски кантона. По дороге он пытался выспросить у своей второй половины, что она обо всем этом думает Его собственная оговорка об истинном убийце не на шутку встревожила Джейкоба.

Фэгина он нашел на обратной стороне палубы, откуда открывался вид на фотосферу. Куст неподвижно замер перед фантастической панорамой: в красном мареве раскручивалась теряющаяся вдали спираль подокна, по которому и мчался корабль. Слева и справа, сверху и снизу колыхались заросли спикул, отдаленно напоминавшие поля слоновьей травы.

Джейкоб опустился на кушетку рядом с Фэгином. Какое-то время оба молчали, не глядя друг на друга.

Мимо проплыла очередная струйка ионизированного газа. Джейкобу в который раз пришла на ум ламинария, колышущаяся в волнах прилива. Он улыбнулся, представив, как Макой, облаченная в костюм из металлокерамики и стасис-экранов, резвится среди фонтанов пламени, оглашая солнечные ландшафты потоками сомнительных острот.

Неужели пресловутые Призраки пробездельничали целую вечность, подобно нашим дельфинам? Интересно, чем они занимались все это время? Хоровым пением? Машин у них, похоже, нет. Во всяком случае, никакой суеты, сопутствующей всякого рода механизмам, нигде не видно. Никакой организации пока тоже не наблюдается.

Только вот дельфины лишены огня. У Призраков же этого добра навалом. Зато с твердыми веществами туговато. Хорошо это или плохо? Надо будет поинтересоваться при встрече.

— Вы как раз вовремя. Я собиралась послать за вами.

Грациозная фигура капитана красиво вырисовывалась на фоне розовой дымки.

Совсем близко от корабля наблюдался живописный хоровод тороидов. Эта группа отличалась от остальных. Вместо пассивного дефилирования в огненном океане бублики явно старались протиснуться в центр их скопления. Когда один из них чуть отодвинулся, Джейкоб увидел то, к чему они стремились. Этот магнитоядный был значительно крупнее остальных. На его поверхности вместо уже знакомого мельтешений геометрических форм лениво колыхались плавные тайные и светлые полосы. Тороиды поменьше теснились вокруг, сохраняя некоторую дистанцию, будто их удерживала какая-то внешняя сила.

Де Сильва что-то тихо приказала пилоту. Тот склонился над пультом, корабль начал медленно поворачиваться вправо, так, чтобы фотосфера оказалась внизу. Джейкоб почувствовал облегчение: как бы ни старались гравитационные

устройства, он никак не мог избавиться от ощущения, что ползет по стене.

Магнитоядный, которого Джейкоб уже окрестил про себя Гулливером, вращался так, словно рядом с ним никого не было. Его движения были ленивы, он чуть раскачивался из стороны в сторону.

Светлый нимб, окутывавший другие тороиды, у Гулливера был едва заметен, тускло мерцая у самой поверхности тела. Темные и светлые полосы пульсировали, разбегаясь волнами неправильной формы. Каждая такая вспышка эхом отдавалась в толпе тороидов. Геометрические фигуры на их телах застыли сплетением ромбов и спиралей, полыхая изумрудным сиянием в такт нарастающему ритму Гулливера.

Внезапно один из тороидов-спутников, засияв зеленым пламенем, рванулся к гиганту. В то же мгновение навстречу ему вылетел сноп сверкающих синих брызг. Сгустки света небесного оттенка заплясали около тороида, словно отталкивая дерзкого наглеца. Сияющие точки, подпрыгивая, будто капли воды на раскаленной сковороде, образовали эскорт вокруг него, постепенно оттесняя назад. Через несколько секунд нарушитель скрылся под палубой.

Корабль, повинуясь командам пилота, начал разворачиваться в сторону ближайшего светового сгустка, до которого было не больше мили. И вот тут Джейкоб отчетливо увидел существо, о котором столько слышал. Солнечный Призрак казался совершенно бесплотным, движения его были плавны и уверенны. Буря, бушевавшая в хромосфере, была для него легким ветерком, из-за которого не стоило суетиться. Он так же сильно отличался от весьма материальных тороидов, как порхающая бабочка отличается от неуклюжего детского волчка.

Джейкоб рассматривал это странное создание, и в голову ему приходили какие-то неуместные сравнения: Призрак напоминал ему то медузу, то пляжное полотенце, забытое на солнце, выбеленное до прозрачной голубизны и полощущееся на ветру, то осьминога, резвящегося в родной морской стихии. Но больше всего он напоминал солнечный луч на поверхности моря — такой же невесомый и эфемерный.

Призрак слегка пульсировал. Какое-то время он медленно двигался в направлении корабля, затем остановился.

«Он смотрит на нас, — понял Джейкоб. — Смотрит так же, как мы смотрим на него». Мгновение

создание из огня и существа, состоявшие в основном из воды, пристально разглядывали друг друга.

Затем Призрак заколыхался, и палубу вдруг озарила ослепительная многоцветная вспышка, полностью растворившая красную хмарь. Глазам стало больно. Джейкоб вскинул руку, защищаясь от невыносимого сияния. Так вот как выглядит радуга изнутри!

Световая феерия прекратилась столь же внезапно, как и возникла. В красном мареве плавали вращающиеся тороиды. Отчетливо различалась структура волокна. Призраки исчезли. Нет, не исчезли, они лишь вернулись к своему Гулливеру — едва заметные искры плясали вдоль его тела.

— Он… выстрелил в нас! Это же лазер! — Пилот первым пришел в себя.

— Они никогда еще так не поступали!

— Да, но они никогда и не приближались к нам так близко, — откликнулась Хелен, — и вообще, нельзя утверждать ничего конкретного. Откуда мы можем знать, что все это означает?

— Вы полагаете, он хотел причинить нам вред? — нерешительно спросила Мартин. — Может быть, это предупреждение?

— Не знаю. Возможно, и так…

— А может, он просто вернулся к своему подопечному? Обратите внимание, все его спутники вернулись к магнитоядному одновременно. Хелен покачала головой.

— Не знаю, но думаю, что мы можем остаться здесь и продолжить наблюдение. Посмотрим, что они станут делать, когда закончат с этим тороидом.

Гулливер, продолжая вращаться, раскачивался из стороны в сторону все сильней и сильней. Полосы на его поверхности стали отчетливее, причем темные линии становились все тоньше, а светлые, наоборот, с каждой пульсацией набухали. Еще два раза пастухи яростно отгоняли слишком ретивых подопечных. Они напоминали овчарок, загоняющих настырных баранов. Тороид раскачивался все быстрее, темные полосы превратились в едва заметные линии. Ореол вокруг тороида окончательно потускнел. Призраки сгрудились вокруг Гулливера. Когда угол колебаний достиг почти ста восьмидесяти градусов. Призраки накинулись на беднягу и резко перевернули. Теперь гигант вращался вокруг оси, перпендикулярной магнитному полю, постепенно замедляясь. А затем вдруг распался на части, подобно порванному ожерелью. Родительское

тело все еще вращалось, одна из темных полос разорвалась, и как только очередная белая полоса доходила в своем вращении до точки разрыва, на свободу вырывался самостоятельный бублик. Новые тороиды выкидывались вверх, вдоль оси невидимого магнитного поля, и немедленно уносились прочь. А от Гулливера не осталось уже и следа. Около пятидесяти маленьких бубликов яростно вращались под присмотром небесно-голубых сияющих Пастухов. Движения тороидов были неустойчивы, в центре каждого из них неуверенно мигал зеленый огонек. Нескольким младенцам удалось ускользнуть от бдительных стражей. Один, самый ретивый, вырвавшись из охраняемого круга, направился в сторону притаившихся взрослых тороидов. Джейкоб надеялся, что ему удастся подойти вплотную к кораблю. Только бы взрослые пропустили новичка! Словно услышав его мысли, один из взрослых тороидов сжался, застыв чуть ниже возможной траектории младенца. Когда новорожденный, не подозревая ничего дурного, приблизился, на поверхности взрослого тороида бешено запульсировали ярко-зеленые ромбы. В следующее мгновение тороид взмыл вверх на столбе изумрудного пламени. Юнец попытался удрать, но было слишком позд-

но. В отчаянии он выпустил в направлении своего обидчика слабенький зеленый лучик. Взрослый, не обратив на это никакого внимания, настиг младшего собрата, в мгновение ока затянул его в пульсирующую дыру, выпустив напоследок облачко пара.

Джейкоб обнаружил, что стоит, затаив дыхание. Он глубоко вздохнул.

Пастухи перестроили ряды своих подопечных и потащили их в сторону. Несколько Призраков остались удерживать нетерпеливых взрослых. Джейкоб завороженно наблюдал за вполне осмысленными действиями сияющих существ, пока толстое волокно не закрыло обзор.

— Пора начинать отрабатывать затраченные на нас средства, — пробормотала Хелен. Она повернулась к пилоту. — Держите оставшихся Пастухов в плоскости палубы. И попросите Куллу смотреть в оба. Мы должны знать, не приближается ли кто-нибудь снизу.

Смотреть в оба? Джейкобу понадобилось не меньше секунды, чтобы сообразить, что имеется в виду. Из какой же далекой эпохи эта женщина?

— Пора! — скомандовала она тем временем. — Начинаем приближаться!

— Вы полагаете, они поймут, что мы специаль-

но дожидались, когда они закончат со своими делами? — спросил Джейкоб. Хелен пожала плечами.

— Кто знает? Может быть, они и вовсе считают нас какой-нибудь робкой разновидностью тороидов, а о наших предыдущих сообщениях даже и не помнят.

— А Джефф?

— Возможно, они и о Джеффе ничего не помнят. Это не так уж невероятно. У меня нет причин сомневаться в словах доктора Мартин о наличии разума, зарегистрированного ее прибором. Но что это значит? Зачем в подобной среде, куда более простой, чем земной океан, нужны семантические навыки? Или память? Угрожающие жесты, которые мы наблюдали во время предыдущих прыжков, не обязательно свидетельствуют о хорошо развитом интеллекте. Вполне возможно, что Призраки находятся на уровне земных дельфинов, не подвергшихся Развитию. Хорошие умственные способности и полное отсутствие желания развивать их. Давно следовало привлечь человека, имеющего отношение к Центру Развития!

— Вы рассуждаете так, словно эволюционирующий разум — это единственно возможный

путь, — улыбнулся Джейкоб. — Даже если вы решили проигнорировать галактическую точку зрения на этот счет, почему бы просто не рассмотреть иную гипотезу?

— Вы хотите сказать, что Призраки сами могут, оказаться продуктом Развития? — Хелен потрясенно взглянула на него, но уже через секунду, осознав скрытый подтекст, пришла в себя. Глаза ее сверкнули. — Но если это так…

Она не успела договорить — пилот взмахнул рукой.

— Они начали движение.

В облаке раскаленного газа порхали Призраки. Они лениво парили над фотосферой на высоте в сто тысяч миль. Призраки двигались медленно, сократив расстояние лишь настолько, что стал виден их бледный ореол. Послышался шелест. Джейкоб оглянулся. К ним подошел Фэгин.

— Будет очень прискорбно, — тихо пропел кантен, — если окажется, что такая красота запятнала себя преступлением. Мне было бы очень неприятно. Джейкоб кивнул.

— Ангелы чисты… — начал он.

Кантен певуче подхватил:

— Ангелы чисты…

— Кулла сообщает, что они к чему-то готовят-

ся. — Пилот поправил наушники.

Прядь темного газа быстро перемещалась перед кораблем, на какое-то время скрыв Призраков. Когда облако рассеялось, вблизи корабля осталось лишь одно световое создание, остальные быстро удалялись. Оставшийся Призрак не двигался, явно выжидая, когда корабль сам приблизится к нему. Он отличался от своих собратьев: его тело не было таким прозрачным, он выглядел как-то солиднее и весомее, движения его были неторопливы и осмотрительны. Он ждал.

«Посол», — промелькнуло в голове у Джейкоба.

— Держите его в плоскость корабля, — отрывисто приказала де Сильва. — Не дайте ему ускользнуть из поля зрения приборов. Пилот бросил на нее мрачный взгляд. Корабль начал медленное вращение. Призрак пришел в движение. Казалось, его трепещущее веерообразное тело отталкивается от плазмы. Он был похож на птицу, готовую вот-вот взмыть вверх.

— Он играет с нами, — пробормотала Хелен.

— Почему вы так решили?

— Потому, что ему не нужно предпринимать столько усилий, чтобы оставаться у нас над головой.

Она приказала ускорить вращение. С правой

стороны стеной выросло Солнце. Призрак продолжал подниматься все выше и выше. Солнце уже дошло до верхнего положения и снова скрылось из виду. Затем все повторилось снова. Существо умудрялось двигаться совершенно синхронно с кораблем, все время оставаясь чуть выше плоскости палубы.

Скорость вращения корабля росла.

День и ночь сменялись на корабле за какие-то считанные секунды. Джейкобу стало жарко. Призрак продолжал игру. Фотосфера освещала палубу с частотой стробоскопической лампы.

— Хорошо, прекращаем, — процедила сквозь зубы де Сильва. Вращение замедлилось. В момент остановки Джейкоб с трудом удержался на ногах. Ему вдруг показалось, что по кораблю пронесся холодный ветерок. Сначала жар, потом озноб… Неужто он заболевал?

— Он победил, — ровным голосом произнесла Хелен, — как обычно, но попытка не прошла впустую. Иногда мне хочется проделать то же самое, но не отключая охлаждающий лазер. Интересно, что с ним станет, когда скорость приблизится к световой?

— Вы… вы хотите сказать, что, пока корабль вращался, охлаждение не работало? — На этот

раз Джейкоб не выдержал и слегка оперся о ствол Фэгина.

— Конечно, — ответила Хелен, — не думаете же вы, что мы стремимся поджарить несколько десятков ни в чем не повинных тороидов и Пастухов? Именно поэтому мы и ограничены во времени. В противном случае мы могли бы до скончания века играть в прятки!

Последнюю фразу Джейкоб не понял. Ох, уж эти архаизмы! На досуге он решил поразмыслить над интересной проблемой, в чем кроется очарование этой женщины: в ее хладнокровии и решительности или же в удивительной старомодности? Джейкоб облегченно вздохнул. Так или иначе, но никакой простуды нет и в помине. Просто на несколько мгновений Солнце допустили на борт Приятно сознавать, что все это уже позади.

Глава 16
...И О ВИДЕНИЯХ

— Нам удалось получить только очень размытое изображение. Видимо, внесли искажения стасис-экраны. Призрак выглядит сильно искривленным. Но во всяком случае, — бортинженер протянул снимки капитану, — нам удалось его

зафиксировать.

Де Сильва взглянула на фотографию. Карикатура на человека: тощее тело, тонкие рахитичные ноги, длинные руки, несоразмерно большие, неловкие кисти, готовые вот-вот сжаться в кулаки.

Хелен передала снимок Джейкобу. На снимке вместо глаз — зияющие провалы, рот распахнут в беззвучном крике. Дыры на лице выглядели черными, но в действительности они светились темно-красным сиянием хромосферы. Джейкоб поежился, вспомнив дьявольский огонь, полыхавший в глазах этого странного существа.

— Нужно отметить, — продолжал бортинженер, — что существо прозрачно.

Лучи альфа-линии водорода свободно проникают сквозь его тело. Это хорошо видно в области глаз и рта, так как в этих местах собственный синий спектр Призрака не забивает красную область. Но, насколько мы можем судить, остальные части тела Призрака также не являются преградой для красной линии.

— Что ж, будем считать это установленной характеристикой Призрака, если таковая вообще возможна. — Джейкоб вернул снимки. В сотый раз глянув вверх, он спросил:

— Вы уверены, что он вернется?

— Они всегда возвращаются, — кивнула Хелен, — еще ни разу не ограничивались одним выпадом.

В креслах неподалеку расположились Мартин и Буббакуб, готовые в любой момент облачиться в свои пси-шлемы. Кулла, освобожденный наконец от дежурства, без сил откинулся на кушетке, посасывая какой-то голубоватый напиток. Глаза прингла устало поблескивали.

— Полагаю, нам всем следует отдохнуть, — решительно сказала Хелен, — не то рискуем повредить себе шею, непрерывно задирая голову. А шея нам еще пригодится, ведь Призрак наверняка появится сверху. Джейкоб опустился в кресло рядом с Куллой. Отсюда он мог наблюдать за Милдред Мартин и Буббакубом. Когда Призрак появился в первый раз, эти двое мало что успели. Как только солнечный сгусток оказался в высшей точке над кораблем, с ним произошла удивительнейшая метаморфоза. Световой блик в мгновение ока обрел очертания человеческой фигуры, более того, возникший «человек» явно угрожал кораблю. Но едва Мартин успела надеть шлем, как существо, бросив прощальный злобный взгляд, погрозило кулаком и растаяло без следа.

Но Буббакуб, успев проверить в работе свой кангрл, важно объявил, что солярианин не применял страшное пси-оружие, противодействовать которому и предназначен был аппарат пила. «Что ж, и на том спасибо», — мелькнуло в тот момент в голове у Джейкоба, все еще не пришедшего в себя после удивительной метаморфозы, происшедшей с безобидным, казалось бы, солнечным зайчиком. Буббакуб на всякий случай не стал выключать кангрл. Джейкоб с наслаждением откинулся в кресле и опустил спинку, устроившись поудобнее. Прямо перед глазами сияло розовое небо, полное перистых облаков нежнейших оттенков. Было приятно сознавать, что сила таинственного пингрли не вышла наружу. Но почему Призрак так странно себя повел? Джейкобу вдруг пришло в голову, что, может, Ла Рок в самом деле прав… и солярианe прекрасно знают, как надо себя вести с людьми, знают с незапамятных времен… Люди, разумеется, никогда прежде не бывали на Солнце, но где гарантия, что эти странные огненные существа сами не навестили старушку Землю? И не взрастили там цивилизацию гуманоидов? Звучит, конечно же, чересчур фантастично, но ведь и сам проект «Прыжок в Солнце» поначалу тоже казался полным абсурдом.

Да, но если в гибели Джеффа виновен не Ла Рок, а Призраки, то история может повториться снова.

Джейкоб надеялся, что если все обстоит именно так, то Ла Рок прав и в остальном: соляриане могут оказаться более сдержанными, имея дело с людьми, пилами и кантенами. Джейкоб решил, что при следующем появлении Призрака стоит попробовать свои силы в телепатии. Однажды он уже делал подобную попытку, но не обнаружил у себя никаких талантов к пси. Что было довольно странно, учитывая необычайные гипнотические способности и отличную память, которыми он обладал. Что ж, стоит попробовать еще раз. Слева от себя он уловил легкое движение. Джейкоб скосил глаза. Кулла, не отрывая красных глаз от сияющей хромосферы, поднес к губам микрофон.

— Капитан, по-моему, он приближается. Координаты сто двадцать на тридцать градусов. Прингл устало уронил тонкую руку, гибкий шнур микрофона быстро втянулся в подлокотник кресла.

В эту минуту корабль окутала прядь темного газа, и красное свечение на палубе ненадолго ослабло. А когда корабль вынырнул из облака, вдали снова маячил Призрак. Солярианин

стремительно двигался навстречу кораблю. На этот раз Призрак светился значительно ярче, а очертания его тела выглядели еще более причудливыми. Вскоре голубое сияние начало резать глаза. Призрак неумолимо приближался. Джейкоб почувствовал, как нарастает напряжение, и прикрыл глаза. Когда он снова взглянул на солнечную панораму, световой блик исчез. Вместо него колыхалась высокая человеческая фигура, глаза и рот удивительного существа полыхали раскаленными углями. Синий человек угрожающе парил прямо над кораблем, вне зоны регистрации приборов. Прошло несколько томительных минут. От странного создания исходила явная недоброжелательность. Джейкоб чувствовал ее! Внезапно сзади раздалось проклятие. Он резко обернулся. Милдред Мартин в ярости сорвала с головы пси-шлем:

— Черт бы его побрал! Слишком сильные шумы! Только мне показалось, что я что-то нащупала, как тут же все потонуло в каком-то грохоте!

— Не мешайте! — Буббакуб сверкнул на нее агатовыми бусинами.

Водор пила лежал на подлокотнике кресла. Сам Буббакуб напряженно всматривался в маневрирующего над головой Призрака.

— Пси этого существа отличается от человеческого. Ваши старания, похоже, вызвали у него боль, а, может, и ярость! Джейкоб вскочил на ноги.

— Вы установили с ними контакт? — хором воскликнули они с Мартин.

— Да, — прохрипел черный диск с подлокотника кресла. — Не мешайте! — Буббакуб прикрыл глаза. — Сообщите, если он начнет двигаться. Повторяю, только если начнет двигаться. Помолчите.

Джейкоб переводил взгляд с Призрака на Буббакуба и обратно. Интересно, о чем они беседуют? О чем вообще можно разговаривать с пламенем свечи?

Внезапно солярианин начал лихорадочно взмахивать прозрачно-голубыми «руками», огненно-красный «рот» задвигался. На этот раз изображение Призрака было более четким, не наблюдалось никаких искажений. Похоже, он сумел приспособиться к стасис-экранам. Джейкоб не думал, что означает этот факт для безопасности корабля.

Внезапно слева что-то ослепительно блеснуло. Джейкоб судорожно нащупал микрофон и рывком вытянул шнур из паза.

— Хелен, взгляните на точку сто восемьдесят на шестьдесят пять.

По-моему, нас стало больше.

— Вижу, — раздался спокойный голос де Сильвы. — Пока он вполне обычного вида. Посмотрим, что будет дальше.

К кораблю осторожно приближался второй Призрак. Его волнисто-аморфные очертания напоминали нефтяное пятно, разлившееся на поверхности воды. В новичке не было ничего человеческого.

Милдред Мартин тихо вскрикнула и быстро натянула на голову шлем.

— Как вы думаете, стоит сказать Буббакубу? — быстро спросил ее Джейкоб.

Она взглянула на дремлющего, казалось, пила, затем перевела взгляд на Призрака-"человека". Тот все еще размахивал «руками», но с места так и не сдвинулся. Мартин отрицательно качнула головой.

— Нет, он ведь подчеркнул, что только когда начнет двигаться его подопечный. — Она нетерпеливо взглянула на новичка. — Пожалуй, мне стоит заняться вот этим, а Буббакуба не будем тревожить. У Джейкоба такой уверенности не было. На данный момент только пил получил

положительный результат. Желание Милдред Мартин скрыть от Буббакуба появление второго Призрака выглядело довольно подозрительно. Неужели она завидует успеху чужака?

Он пожал плечами. Пускай сами разбираются.

Второй Призрак очень осторожно, часто останавливаясь, приближался к собрату, полностью поглощенному своим театрализованным представлением. Джейкоб оглянулся на Куллу. Ему-то по крайней мере можно сообщите об открытии? Казалось, прингл загипнотизирован «человеком». Но почему Хелен не объявила новость во всеуслышание? И где Фэгин? Будет очень обидно, если старина что-нибудь пропустит в этом захватывающем спектакле. Где-то над головой опять сверкнула ослепительная вспышка. Кулла зашевелился. Джейкоб вскинул глаза. Второй Призрак бесследно исчез, а первый быстро удалялся, растаяв вскоре в красном мареве хромосферы.

— Что произошло? — Джейкоб был удивлен и отчасти разочарован. — Я отвернулся буквально на секунду и…

— Не жнаю, друг Джейкоб. Я пыталшя понять, нельжя ли в поведении этого шущештва найти ключ… и тут появилшя второй. Первый атаковал его пучком швета и жаштавил отштупить, а по-

том и шам обратилшя в бегшство!

— Вам следовало сообщить мне о втором Призраке, — недовольно буркнул Буббакуб. Он уже встал, и снова нацепил водор на шею. — Хотя сейчас это и не так важно. Я уже знаю все, что нужно. Надо рассказать человеку де Сильве.

Он повернулся и вперевалку направился к командному пульту. Джейкоб вскочил и последовал за ним Фэгин оказался рядом с Хелен.

— Ты видел? — шепотом осведомился у приятеля Джейкоб.

— Да-да, дружище, — возбужденно зашелестел кантен, — я все отлично разглядел и сейчас с нетерпением жажду услышать, что удалось узнать нашему уважаемому другу пилу.

Буббакуб театрально взмахнул коротенькой лапкой, дабы привлечь всеобщее внимание, что сейчас, впрочем, было совершенно излишне.

— Призрак сообщил мне, что их раса очень стара. Как я и предполагал.

Да, это очень старая раса. — В хрипе водора слышалось явное удовлетворение.

«Уж это-то, — подумал Джейкоб, — ты выяснил в первую очередь».

— Соляриане утверждают, что это они убили шимпанзе. Так же, как и человек Ла Рок. Если

люди не оставят Призраков в покое, то их тоже убьют.

— Что? — воскликнула Хелен. — Как такое может быть? Как Ла Рок и Призраки могут быть одновременно виновны в убийстве Джеффа?

— Прошу вас сохранять спокойствие! — Даже в искусственных интонациях водора Джейкоб явственно уловил угрозу. — Солярианин сообщил мне, что это они вынудили человека совершить убийство. Они дали волю его ярости. Они внушили Ла Року мысль об убийстве. И это они раскрыли ему правду.

Милдред Мартин, пропустившая примечательную сцену, напряженно внимала рассказу Джейкоба.

— ...В конце концов Буббакуб сказал, что существует только один способ, с помощью которого Призраки могли оказать влияние на Ла Рока на таком огромном расстоянии. И если они и впрямь прибегли к нему, то, как заявил наш друг пил, становится понятным, почему в Библиотеке отсутствуют какие-либо упоминания о солярианах. На применение этой силы наложен строжайший запрет. Исключений нет ни для кого. Буббакуб предполагает оставаться здесь до тех пор, пока, не удастся получить подтверждения этому от-

крытию. Ну а потом надо будет уносить ноги.

— Что же это за сила? — Мартин судорожно вертела в руках несовершенный пси-шлем землян.

Джейкоб заметил, как Кулла из своего кресла внимательно прислушивается к их разговору.

— Не знаю. Но это не пингрли, о котором нам с вами рассказывал Буббакуб и который частично разрешен. Кроме того, радиус действия пингрли не столь уж и велик. Мне кажется, Буббакуб собирается воспользоваться своим философским камНем. — Вы имеете в виду реликвию летаней?

— Да.

Мартин покачала годовой и попыталась отломать застежку шлема.

— Все так запутано. Я ничего не понимаю. С того момента, как мы вернулись с Земли на Меркурий, все пошло наперекосяк. Словно все вдруг решили разом сбросить маски.

— Что вы имеете в виду?

Парапсихолог замялась, зябко поведя плечами.

— Никто ни в ком не уверен… Я была убеждена, что нелепые наскоки Питера на Джеффри столь же безобидны, сколь и искренны. Теперь же выясняется, что все совсем иначе… Поступки Питера оказались не такими уж безобидными, но действовал он при этом вовсе не по своей воле. И

его бредовые идеи насчет соляриан обернулись вдруг правдой, но и они, как выясняется, были навязаны ему извне.

— Вы считаете, что Призраки — это наши исчезнувшие опекуны?

— Кто знает? Если это так, то мы окажемся в очень неприятном положении. Нам ведь вряд ли удастся установить с ними непосредственный контакт.

— Значит, вы принимаете рассказ Буббакуба без всяких оговорок?

— Конечно! Ведь только он сумел вступить с ними в контакт. Кроме того, я неплохо изучила Буббакуба. Он ни под каким видом не стал бы вводить нас в заблуждение! Истина — дело его жизни! Джейкобу стало теперь совершенно ясно, что значила ее предыдущая фраза. Доктор Мартин попросту была перепугана. И перепугана очень сильно.

Он сделал новую попытку:

— Милли, вы абсолютно уверены, что только Буббакубу удалось вступить в контакт с Призраками? Она вздрогнула и резко отвела взгляд.

— Судя по всему, здесь только он способен был сделать это.

— Тогда почему вы остались сидеть здесь в

пси-шлеме, когда Буббакуб отправился хвастать своими успехами?

— Похоже на допрос с пристрастием! Да если хотите знать, я осталась, чтобы сделать еще одну попытку! Меня просто одолела черная зависть, и захотелось попробовать еще раз! Но все безрезультатно. — Она поникла. Но Джейкоба ее горячность не убедила. Ему было абсолютно ясно, что Милдред Мартин чего-то недоговаривает.

— Доктор Мартин, позвольте задать вам один вопрос. Что вам известно о лекарстве под названием «варфарин»?

— И вы туда же! — Она покраснела. — Я уже говорила главврачу базы, что не имею ни малейшего понятия об этом препарате. Каким образом оно оказалось в аптечке Кеплера, я не знаю. И я не уверена, что оно там вообще было.

Она отвернулась.

— Думаю, мне стоит отдохнуть. Если вы, конечно же, не возражаете, мистер Демва. Мне понадобятся силы, когда соляриане появятся вновь.

У автоматов с напитками Джейкоб нашел Куллу. Огромные красные глаза сочувственно поблескивали.

— Вы чем-то раштроены, друг Джейкоб?

— Вовсе нет. Но почему вы спрашиваете?

Кулла выглядел очень усталым. Узкие плечи поникли, большая голова вяло покачивалась на тонкой шее-стебельке, лишь глаза горели все так же ярко.

— Надеюшь, вы не приняли ближко к шердшу новошть?

Джейкоб оперся об один из автоматов и заглянул чужаку в лицо.

— Что я не должен принимать близко к сердцу, Кулла? Утверждения Буббакуба — всего лишь констатация факта Вот и все. Я буду очень разочарован, если это открытие повлечет за собой свертывание проекта «Прыжок в Солнце». Мне хотелось бы проверить истинность слов уважаемого Буббакуба. Тогда и только тогда я смогу сказать, согласен ли с ним или нет… И уж, конечно же, надо как следует порыться в Библиотеке. Сейчас же меня прежде всего одолевает любопытство.

Вопрос Куллы вывел его из себя. Внезапно заболели глаза — начинало, по-видимому, сказываться слишком долгое пребывание в красном диапазоне. Кулла медленно покачал головой.

— Мне кажетша, это не шовшем так. Прошу проштить мою нажойливошть, но вы и в шамом

деле выглядите раштроенным, друг Джейкоб. Джейкоб разозлился.

— К чему вы клоните? — Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос прозвучал ровно.

— Джейкоб, вы вшегда прикладывали макшимум ушилий, чтобы шохранять нейтралитет в прешловутом шпоре между предштавителями вашей рашы. Но ведь у вшех шофонтов вшегда имеетша швое мнение. Вас шильно уяжвило, что Буббакубу удалошь уштановить контакт ш шолярианами, а люди потерпели неудачу. Хотя вы никогда не вышкажывали швоего мнения по проблемам проишхождения, я жнаю: вы вряд ли будете рады открытию, что у человечештва вше-таки были опекуны.

Джейкоб пожал плечами.

— Верно, Кулла, меня до сих пор не убедили в том, что соляриане, в туманном прошлом начав Развитие человечества, затем взяли и бросили своих подопечных на произвол судьбы. Странное поведение, лишенное всякого смысла.

Джейкоб устало потер висок. Он чувствовал приближение головной боли.

— На протяжении всей экспедиции люди ведут себя крайне странно.

Кеплер страдает какой-то необъяснимой исте-

рией и находится в слишком большой зависимости от Мартин. Ядовитость Ла Рока превзошла все мыслимые границы. Сама Милли Мартин то страстно защищает журналиста, то отступается от него, словно опасаясь сказать что-то, способное задеть Буббакуба. Никак не могу взять в толк… — он замолчал.

— Возможно, во вшем этом как раж и повинны шоляриане. Ешли они шмогли вынудить миштера Ла Рока шовершить убийштво, то им вполне по шилам выжвать и другие отклонения в поведении людей.

Джейкоб сжал кулаки. Он уже едва сдерживал гнев. Взгляд красных глаз Куллы угнетал, ему вдруг захотелось немедленно уйти.

— Прошу вас не прерывать меня, прингл Кулла, — жестко сказал он, заставив себя смотреть прямо в полыхающие глаза чужака. Кулла съежился под его яростным взглядом. Что-то здесь было не так. Но что? У Джейкоба закружилась голова, ему хотелось сказать что-то очень важное, но мысли путались. Он встряхнулся, туман в голове немного рассеялся. Взглянул на Куллу, тот немного отодвинулся в сторону, по-прежнему не сводя с него пристальных изучающих глаз. Джейкоб оглянулся.

Мартин и Буббакуб снова сидели рядом. Оба смотрели в его сторону.

Мартин что-то быстро говорила.

Вот дрянь! Небось рассказывает напыщенному глупцу об их разговоре. Ну и подхалимка!

К ним подошла Хелен де Сильва и отвлекла их внимание от Джейкоба. На мгновение ему стало лучше. Общество Куллы становилось все более нестерпимым. Как это ни прискорбно, но придется вспомнить о своем положении представителя старшей расы. Пора поставить этого подопечного на свое место!

Де Сильва теперь направлялась прямо к автоматам с напитками. Черные глаза-бусины Буббакуба снова уставились на Джейкоба. Он бесцеремонно повернулся к пилу спиной. «А пошли бы они все куда подальше! Я хочу пить и вовсе не желаю устраивать из этого представления. Уроды!» Автомат с напитками поплыл перед глазами. Внутренний голос яростно кричал о надвигающейся опасности, но Джейкоб предпочел сделать вид, что ничего не слышит, с деланной беззаботностью рассматривая пластиковый корпус автомата. «Какое странное устройство. Надеюсь, оно отличается от своего подлого родственника с „Брэдбери“. Какие удивительные кнопки… но

почему они висят в воздухе… и где…» Джейкоб протянул руку, чтобы дотронуться до кнопки, но в следующее мгновение резко отдернул. «Нет! Нет-нет-нет! Надо прочитать надпись! Так, что я хотел? Кофе?» Едва слышный внутренний голос высказался в пользу гировида. «Гировид? Что ж, прекрасное питье! Приятно на вкус, и на ногах буду стоять тверже. Отличный напиток для путешественника в мир галлюцинаций».

Джейкоб снова неуверенно потянулся к кнопке. Палец покачивался из стороны в сторону, но никак не мог попасть. Внутренний голос хихикнул. «Скотина, ты что, издеваться вздумал? Да кто ты вообще такой? Откуда ты взялся?» Джейкоб решительно надавил на красную кнопку. Послышался звук льющейся жидкости.

Ну и компания здесь собралась? Даже поговорить не с кем! Не с этим же выскочкой Куллой! И не с этим напыщенным мохнатым снобом илисто холодной, точно выловленная форель, подружкой-докторшей! Уж с ними-то точно не захочется разговаривать! А Фэгин тоже хорош, затащил в такую дыру. Ну и пекло!

Джейкоб пошатнулся, но все-таки удержал стакан и быстро глотнул прохладной жидкости.

Время то неслось вскачь, то почти останавли-

валось. Он чувствовал необъяснимую и такую приятную легкость во всем теле, словно тяжелая ноша на плечах внезапно исчезла. Джейкоб широко улыбнулся подошедшей Хелен и повернулся к Кулле. Позже надо будет извиниться за грубость. Он приветственно взмахнул стаканом, расплескав половину его содержимого.

— …Они зависают вот над этим местом, как раз у самой границы зоны видимости наших приборов. — Джейкоб понял, что Хелен обращается к нему. — Мы готовы к такому обороту, так что вам, быть может, лучше…

— Джейкоб, оштановитешь, — вскрикнул неожиданно высоким фальцетом Кулла.

Хелен рванулась вперед и схватила Джейкоба за руку. Кулла попытался отобрать у него стакан.

«Вот грубияны», — добродушно подумал Джейкоб, легко оттолкнув тщедушного прингла. Сейчас он покажет этой девяностолетней старушенции и инопланетному дохляку, что такое настоящий мужчина. С веселым смехом он отражал наскоки Хелен и Куллы, упорно пытавшихся лишить его амброзии. Нет, правда, что за чудесный напиток! Джейкоб снова рассмеялся. Ну до чего же они назойливы! Он отбил пару довольно подлых ударов капитана и торжествующе поднес

к губам стакан. Внезапно в ноздри ударило ужасающее зловоние. Обоняние, об утрате которого Джейкоб и не подозревал, вернулось с ошеломляющей внезапностью, погрузив его в пучину нестерпимого смрада. Он резко отдернул голову, с ужасом глядя на отвратительную пенящуюся жидкость в стакане, которую только что собирался проглотить с таким наслаждением. Рука с омерзением отшвырнула стакан. Коричневая пузырящаяся субстанция расплескалась по полу. Джейкоб растерянно оглянулся. Глаза присутствующих были устремлены на него Кулла сидел на полу, что-то умоляюще бормоча. Прекрасные волосы Хелен разметались, лицо ее раскраснелось. Откуда-то сбоку доносились нежные звуки флейты, явно чем-то огорченной. Где Фэгин? Джейкоб шагнул вперед и рухнул на палубу у ног неподвижного Буббакуба.

Он медленно, очень медленно приходил в себя. В затылке чувствовалась тупая ноющая боль. Лоб горел. Что-то прохладное и влажное коснулось лица. Джейкоб застонал и поднял руку. Чья-то теплая ладонь мягко отстранила ее. Он открыл глаза. Над ним с полотенцем в руках склонилась Милдред Мартин. Отложив полотенце в сторону, она поднесла к его губам стакан. Джейкоб от-

прянул, но в следующее мгновение потянулся к стакану. Это оказался обычный лимонад. И вкус у него был просто божественный. Он даже застонал от наслаждения. Высосав последние капли, Джейкоб оглянулся. Все кушетки были заняты. Палуба напоминала сонное царство. Он взглянул вверх, глазам предстала почти абсолютная чернота.

— Мы возвращаемся, — прошептала Мартин.

— Сколько… — Он был удивлен хриплостью своего голоса. — Сколько времени я пробыл без сознания?

— Около двенадцати часов. — Я буйствовал?

Она кивнула, подарив ему свою неизменную профессиональную улыбку. Впрочем, на сей раз в ней было что-то человеческое. Джейкоб осторожно потрогал голову. Боль не отпускала.

— Значит, мне все это не приснилось? Что я выпил?

— Аммиачную смесь, предназначенную для Буббакуба. Доза не смертельная, но выпей вы чуть больше, последствия могли бы быть очень серьезными. Вы можете объяснить, зачем вам это было нужно? Джейкоб уронил руку и попытался улыбнуться.

— В тот момент мне показалось, что это отличная идея. — Он качнул головой. — А если

серьезно, то не знаю. Что-то со мной не так, но будь я проклят, если осознаю, в чем тут дело.

— Мне следовало догадаться, что с вами неладно, когда вы заговорили об убийствах и заговорах, — кивнула Мартин. — Отчасти здесь есть и моя вина. Я должна была распознать симптомы. Это всего лишь ориентационный шок. Во время погружений на солнечном корабле есть от чего потерять голову.

Он потер глаза.

— Наверное, вы правы, но ведь кое-кто может решить, что это результат внешнего воздействия.

Мартин вздрогнула, пораженная тем, как быстро вернулась к Джейкобу способность мыслить критически.

— Да. — Она неохотно кивнула. — Комендант действительно полагает, что ваш приступ — также дело рук Призраков, решивших продемонстрировать свою силу Она даже предложила ответить им тем же. У этой теории, безусловно, есть свои достоинства, но я предпочитаю собственную.

— Я сошел с ума?

— О нет, вовсе нет! Всего лишь обычное помрачение сознания в результате дезориентации.

Кулла сказал, что за несколько минут до происшествия ваше поведение было… не совсем нормальным. К этому можно добавить и мои собственные наблюдения…

— Да, — кивнул Джейкоб, — мне нужно извиниться перед Куллой… Он не пострадал?! Нет? А Хелен?

Джейкоб попытался встать. Мартин удержала его.

— Нет, нет, со всеми все в порядке, не беспокойтесь, все озабочены только вашим состоянием.

Джейкоб со вздохом облегчения откинулся на кушетке, взгляд его скользнул по пустому стакану.

— Можно еще?

— Конечно, сейчас принесу.

Мартин исчезла. Он слышал мягкий шорох ее шагов. «Происшествие». Джейкоб сморщился от стыда и отвращения. Где-то внутри засел тревожный вопрос: ПОЧЕМУ?

В стороне послышались приглушенные голоса. Наверное, Мартин кого-то встретила у автоматов. Джейкоб знал, что рано или поздно, но ему придется погрузиться в транс, только таким путем удастся разобраться, что же произошло на самом деле. Транс скорее всего окажется очень глубо-

ким, но он необходим. Единственный вопрос, когда? Столь глубокий транс может оказать разрушительнейшее воздействие на мозг, поэтому стоило бы подождать до возвращения на Землю, где ему в нужную минуту на помощь придут опытные врачи. Но тогда полученные ответы не будут нужны ни ему самому ни «Прыжку в Солнце».

Снова послышались мягкие шаги. В поле зрения появилась Мидли Мартин и протянула ему стакан. Вслед за Мартин подошла Хелен, присела на краешек кушетки. Джейкоб поспешил уверить коменданта, что с ним все в порядке, и рассыпался в извинениях. Де Сильва сочла их совершенно излишними.

— Я и не предполагала, что вы столь хорошо владеете ББО, Джейкоб.

— Что еще за ББО?

— Борьба без оружия, — она улыбнулась, — я сама не плохо знакома с ее основами, правда, давненько не тренировалась. Но с вами мне не сравниться. Убедилась в этом на собственной шкуре. Вы были неподражаемы. Джейкоб с изумлением обнаружил, что покраснел от такого комплимента, словно юноша.

— Спасибо. Я плохо помню, что произошло, но,

по-моему, вы тоже в грязь лицом не ударили.

Они взглянули друг на друга и негромко рассмеялись.

Мартин деликатно кашлянула.

— Я полагаю, мистеру Демве сейчас нужен длительный отдых.

— Прежде чем подчиниться вам, доктор, я хотел бы кое-что выяснить.

Прежде всего скажите мне, где Фэгин? Я его не вижу.

— Он на обратной стороне корабля, — ответила Хелен, — решил подкормиться перед возвращением на Меркурий.

— Он очень обеспокоен вашим состоянием, — добавила Мартин, — и будет обрадован, когда узнает, что с вами все в порядке. Джейкоб расслабился. Он почему-то очень тревожился за своего ветвистого друга.

— А теперь расскажите, что произошло после того, как я отключился.

Женщины переглянулись. Хелен пожала плечами.

— Нас еще раз навестил солярианин. Несколько часов он порхал на границе видимости. Стадо тороидов с остальными Призраками маячило очень далеко. По правде говоря, нам была на руку

его неторопливость. У нас тут какое-то время царила суматоха из-за…

— Из-за представления, которое я вам устроил, — смущенно закончил за нее Джейкоб. — Неужели никто не попытался вступить с ним в контакт? Хелен взглянула на парапсихолога. Та едва заметно качнула головой.

— Ничего особенного не предпринималось, — поспешно продолжила Хелен, — мы еще не успели толком прийти в себя. Он вскоре исчез, а потом снова появился, на этот раз опять в своем маскарадном костюме. Джейкоб сделал вид, что не заметил, как женщины обменялись взглядами.

Внезапно ему в голову пришла неожиданная мысль.

— А вы уверены, что это один и тот же Призрак? Может, это два совершенно разных существа?! Мартин на мгновение задумалась.

— Это могло бы многое объяснить, — начала она, но тут же замолчала.

— Мы их больше не называем Призраками, — поспешно добавила Хелен. — Буббакуб уверил нас, что им это определение очень не нравится. Волна внезапного раздражения захлестнула Джейкоба, но он сумел подавить его, прежде чем

женщины успели что-либо заметить. До чего же бесплодный разговор!

— Так что же произошло, когда он снова начал угрожать?

Де Сильва нахмурилась.

— Буббакуб поговорил с ним еще раз. Затем рассердился и прогнал прочь.

— Что он сделал?!

— Он пытался вразумить солярианина. Цитировал книгу о правах опекунов и подопечных. Даже торговался. Но тот продолжал угрожать. Говорил, что отправит на Землю пси-луч, который вызовет там неописуемые катаклизмы. Наконец Буббакуб заявил солярианину, что его терпение кончилось. Он велел нам всем лечь на пол, извлек свой кусок метеорита, приказал закрыть всем глаза, произнес какое-то заклинание и все.

— Что все?

Хелен снова пожала плечами.

— Вспышка ослепительного света, жуткий грохот, аж уши заложило. Когда мы пришли в себя, солярианина и в помине не было. Он исчез! Мы вернулись туда, где паслось стадо тороидов, но и оно тоже исчезло. Нигде не было видно и следа живого.

— Совсем-совсем никого?

Джейкобу стало жалко безобидных прекрасных тороидов и их сияющих Пастухов. — Да, совсем никого. Никого и ничего, — вздохнула Мартин, — все разбежались. Но Буббакуб уверил нас, что никто не пострадал. Джейкоб пошевелился.

— Что ж, по крайней мере у нас теперь есть защитник. Сможем общаться с солярианами с позиции силы. Хелен грустно покачала головой.

— Буббакуб говорит, что никакого общения не получится. Соляриане таят в себе только зло, и если бы они могли, то уничтожили бы нас, не задумываясь.

— Но…

— А на Буббакуба мы не можем больше рассчитывать. Он сообщил этим существам, что если с Землей что-нибудь случится, их постигнет кара. Но больше он не собирается нам помогать. Реликвия летаней должна возвратиться на Пилу. — Она опустила голову и хрипло добавила:

— С «Прыжком в Солнце» все кончено.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Мера душевного здоровья – гибкость, умение учиться на собственном опыте… открытость на разумные аргументы… обращение к эмоциям… и, особенно, умение вовремя остановиться. Сущность заболевания – замороженность поведения в неизменности и ненасытности.

Лоуренс Кьюби

Глава 17
ТЕНЬ

Верстак был пуст. Инструменты, обычно разбросанные повсюду, сейчас аккуратно висели на местах. Поверхность рабочего стола так и сияла чистотой. Разобранные приборы, скинутые на пол, взирали на Джейкоба с немым укором. Главный механик с явным неодобрением наблюдал за тем, как Джейкоб хозяйничает в его святилище. Джейкобу же было не до него. Вопреки, а может, и благодаря неудаче с «Прыжком в Солнце» никто не стал возражать, когда он решил заняться

своими собственными исследованиями. Для этих целей мастерская представлялась самым удобным местом. Кроме того, только здесь Джейкоб мог укрыться от назойливого внимания Милдред Мартин. Мастерская располагалась в одной из тех огромных пещер, что напрямую соединялись с ангаром, где покоился солнечный корабль. Своды пещеры терялись далеко вверху, скрытые от глаз туманом подземных испарений. Джейкоб расчистил стол, уселся на табурет, извлек из кармана два листа бумаги и с легким вздохом положил их перед собой.

На левом листе было написано:

«Б. ПРАВ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРИЗРАКОВ?»

Предположение на правом листе выглядело более сложным:

«Я РЕХНУЛСЯ?»

Каждый лист Джейкоб разделил на две колонки, которые, в свою очередь, кратко озаглавил: «ДА» и «НЕТ».

Именно на эти вопросы Джейкоб и собирался дать ответы. Но без чьего бы то ни было вмешательства. По возвращении на Меркурий он старательно избегал как Мартин, так и всех остальных участников погружения. Он лишь ненадолго навестил доктора Кеплера, а затем

превратился в настоящего отшельника.

Ответить на вопрос на левом листе Джейкоб считал своей прямой обязанностью. Хотя он и не исключал возможной его связи с предположением на правом листе. С этим вторым вопросом все обстояло значительно сложнее. Джейкоб не знал, сумеет ли правильно и честно ответить на него. Он вытащил из внутреннего кармана куртки пачку бумаги и после минутного раздумья написал на чистом листе:

«ПУНКТ I. РАССКАЗ Б. ПРАВДИВ».

Ниже он перечислил все, что могло свидетельствовать в пользу этого утверждения. Список получился довольно солидным. Прежде всего Джейкоб отметил, что пил точно объяснил поведение Призраков. С самого начала было ясно, что эти создания используют какой-то тип пси-энергии. Угрожающие антропоморфные образы со всей очевидностью подразумевали знание человеческой природы. При этом погиб «только» представитель самой младшей расы — шимпанзе. И только представитель высшей расы — Буббакуб — смог установить контакт с солярианами. Все это четко согласовывалось с теорией Ла Рока. Сам же Ла Рок, как утверждал тот же Буббакуб, находился тогда под влиянием Призраков. И уж

конечно, на редкость убедительно выглядел трюк Буббакуба с реликвией летаней. Трюк неоспоримо доказывал: да, он общался с солярианином.

Вполне возможно, Призраков отпугнула простая вспышка света. Хотя Джейкоб сильно сомневался в том, что обитатель хромосферы смог вообще заметить тусклый по сравнению с окружающим сиянием огонек, пущенный с корабля назойливых пришельцев. Но исчезновение целого стада магнитоядных и остальных Пастухов наводило на мысль, что пил и в самом деле должен был воспользоваться каким-то мощным видом пси.

Каждое из этих утверждений необходимо подвергнуть тщательному анализу. Но на первый взгляд пункт I выглядел вполне правдоподобно. В таком случае пункт II был трудным орешком, ибо попросту отрицал пункт I. Джейкоб вздохнул и вывел ниже:

"ПУНКТ II. РАССКАЗ Б. ЛОЖЕН:

II-А. Б. ЗАБЛУЖДАЕТСЯ.

II-Б. Б. ЛЖЕТ".

Пункт II-А выглядел крайне проблематичным: убежденность Буббакуба не поддавалась никаким сомнениям. Разумеется, его могли ввести в заблуждение сами Призраки… Джейкоб сделал

пометку. Он совершенно не представлял, каким образом можно доказать или опровергнуть эту гипотезу, не совершая нового прыжка.

Буббакуб, горячо поддержанный Милдред Мартин, настаивал на том, что дальнейшие эксперименты без защиты реликвии летаней бессмысленны. И даже обречены. И, как ни странно, доктор Кеплер не стал им возражать. Он распорядился поставить солнечный корабль на прикол. Более того, посовещавшись с Землей, Кеплер прекратил обработку полученных данных. Мотивы руководителя проекта были совершенно непонятны Джейкобу. На новом листе он написал:

«ПОБОЧНЫЙ ВОПРОС — КЕПЛЕР?»

В течение нескольких минут Джейкоб рассматривал эти три слова, затем выругался и, скомкав лист, отшвырнул его. Очевидно, у Кеплера имелись чисто политические причины для того, чтобы ответственность за свертывание проекта целиком возложить на Буббакуба. Джейкоб вернулся к пункту II-Б. Итак, предположим, что Буббакуб лжет. Джейкоб решительно не желал отныне делать вид, что души не чает в мохнатом представителе Библиотеки. Он честно и открыто заявил самому себе, что относится к пилу с явным предубеждением и будет только рад, если пункт

II-Б окажется правдой. У Буббакуба, несомненно, имелись мотивы для лжи Тот факт, что в Библиотеке не обнаружено никаких упоминаний о солнечных формах жизни, основательно ударял по авторитету как этого уважаемого галактического института, так и самого пила. Кроме того, Буббакуб всегда противился самостоятельным исследованиям «сиротской» расы — человечества. Если бы удалось закрыть экспедицию, то обе эти проблемы разрешились бы сами собой. Авторитет галактической науки останется незыблемым, а наглые выскочки-люди получат хороший щелчок по носу.

Но в связи с этой гипотезой возникало слишком много вопросов. Во-первых, в каких пропорциях правда и ложь соединены в рассказе Буббакуба? Ясно, что трюк с реликвией летаней сработал. В чем же тогда обман?

Во-вторых, Буббакуб мог солгать только в случае, если был уверен, что не будет схвачен за руку. Галактический институт и особенно Библиотека пользовались репутацией абсолютно честных организацией. Если обман раскроется, то Буббакубу не поздоровится.

Что-то подсказывало Джейкобу: в пункте II-Б имелось зерно истины. Но перспективы в этой

области выглядели безрадостно. Итак, либо нужно доказать, что пил врет, либо с «Прыжком в Солнце» будет покончено раз и навсегда.

Джейкоб покачал головой. Ну и задача! Любая теория, основанная на утверждении, что Буббакуб лжет, должна будет объяснить и смерть Джеффа, и странное поведение Ла Рока, и его статус поднадзорного, и удивительные метаморфозы Призраков, и еще многое.

Джейкоб придвинул к себе листок с пунктом II-Б и приписал: «ДВА ТИПА СОЛНЕЧНЫХ ПРИЗРАКОВ?». Он вдруг вспомнил, что на самом деле никто не наблюдал, как «обычные» Солнечные Призраки превращаются в антропоморфных полупрозрачных созданий. Так что существовала вероятность подмены. Он быстро начал писать: «КУЛЛА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО СОЛЯРИАНЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ПСИ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ ПОВЕДЕНИЕ Л.Р. И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ОЧЕНЬ ХОРОШО». Подумав, он аккуратно переписал это утверждение в колонку «НЕТ» на листок «Я РЕХНУЛСЯ». Что ж, пора набраться смелости и взяться за вопрос о собственном душевном здоровье. Он вздохнул и принялся методично перечислять все случаи, когда с ним что-то было не так.

1. Приступ боли в Бахе. После встречи в информационном центре Джейкоб больше не прибегал к глубокому трансу. Боль вспышкой голубого сияния пробила все защитные экраны его психики и по сей день не давала ему покоя. Джейкобу было трудно разобраться в своем тогдашнем состоянии, так как его внимание тогда отвлекло появление Куллы.

2. Неуправляемый мистер Хайд. Джейкоб прекрасно понимал, что расщепление сознания на две части — лишь временное решение его застарелой проблемы Пару сотен лет назад ему, не задумываясь, поставили бы диагноз «шизофрения». Считается, что с помощью гипноза можно добиться мирного сосуществование частей расколотого сознания под контролем доминантной части личности Но Джейкоб-то хорошо знал, как часто его дикая, необузданная половина вырывается из-под власти своего добропорядочного близнеца и сама начинает играть ведущую роль. В такие минуты на свет появляется холодный, крайне самоуверенный, невероятно любопытный человек, каким когда-то и был Джейкоб Демва.

До недавнего времени выходки двойника не столько беспокоили, сколько просто смущали

Джейкоба. Например, случай, когда он стащил у Кеплера образцы лекарств, казался ему вполне логичным, поскольку в тот момент любопытство было обострено до крайности. Мистер Хайд попросту прибегнул к привычным для него методам.

Но вот разговор с Милдред Мартин наводил на мысли куда более серьезные. Либо в подозрениях, таящихся на дне его подсознания, есть доля истины, либо он и впрямь сходит с ума.

3. Случай на корабле. Что это было? Покушение на самоубийство? Как ни странно, это происшествие не особенно напугало его. При воспоминании о нем Джейкоб испытывал скорее чувство неловкости и гнева. Страха не было и в помине. Его не оставляла мысль, что кто-то решил сыграть с ним злую шутку, выставив на всеобщее посмешище.

Конечно же, это ощущение могло означать все что угодно, в том числе и отчаянную попытку самооправдания. Но вновь и вновь размышляя над происшествием, Джейкоб все больше убеждался, что ему нечего стыдиться — сцена на корабле не вызывала у него никакого внутреннего сопротивления. Но вопрос так и оставался открытым. Случившееся вполне укладывалось в общую кар-

тину душевного распада. С другой стороны, это и впрямь мог быть случай дезориентации. Диагноз доктора Мартин, преследовавшей Джейкоба даже на базе своими советами и таблетками. Ну и, наконец все это могло быть вызвано некой внешней силой.

Вместе с табуретом Джейкоб отъехал от верстака. Потребуется время. Единственный плодотворный путь — набраться терпения и ждать. Ждать, пока то, что таится на дне подсознания, не всплывет на поверхность.

Существовали и другие способы узнать правду. Но Джейкоб понимал: сначала надо решить вопрос о собственном психическом состоянии.

Он встал, пора было заняться расслабляющей гимнастикой Тай Джи Джуан. После долгого сидения на неудобном табурете затекла спина. Легкая куртка сковывала движения плеч. Он скинул ее и оглянулся, куда бы ее пристроить. У двери в кабинет главного механика увидел вешалку. Рядом тихо журчал фонтанчик с питьевой водой.

Когда Джейкоб шел мимо двери, из-за нее высунулась голова хозяина кабинета и с нескрываемым неудовольствием уставилась на него. Джейкоб вежливо улыбнулся. Голова исчезла, дверь с грохотом захлопнулась. Постоянный пер-

сонал базы после достопамятного прыжка явно не испытывал теплых чувств к приглашенным консультантам.

Джейкоб повесил куртку и склонился над фонтанчиком воды. И отчетливо услышал стук. Он поднял голову. Звуки доносились со стороны ангара, где покоился солнечный корабль. Стараясь производить поменьше шума, он направился к выступу, за которым начинался ангар. То, что он увидел, заставило его замереть. Клиновидная дверь корабля медленно отодвигалась. Внизу топтались Кулла и Буббакуб. В руках они держали какой-то длинный цилиндрический предмет. Джейкоб поспешил укрыться за выступом. Что эти двое здесь делают?

Послышался шорох выдвигающегося трапа. Он снова выглянул, чужаки со скрежетом втаскивали непонятный предмет внутрь корабля. Джейкоб прижался к стене и как следует встряхнул головой. Это уж слишком! Если придется ломать голову еще над одной загадкой, то так и в самом деле недолго свихнуться…

Послышался новый звук: заработал то ли компрессор, то ли пылесос.

Раздался грохот, как будто внутри корабля что-то передвигали. Джейкоб не выдержал и уступил

снедавшему его любопытству. Буббакуб и Кулла находились внутри корабля и не могли его видеть. Впрочем, изрядно подмоченной репутации Джейкоба уже ничто не могло повредить. В несколько прыжков он достиг трапа и неслышно подобрался к люку. На верхней площадке лег на пол и осторожно заглянул внутрь. Это и в самом деле был пылесос! Буббакуб, стоя спиной к Джейкобу, усердно толкал его вперед, а Кулла орудовал длинной насадкой. Прингл ритмично покачивал головой, тихо постукивали его фарфоровые челюсти. Буббакуб исторг из себя длинную серию тявкающих звуков. Кулла заработал энергичнее.

Джейкоб был вне себя от изумления: неужели странная парочка решила устроить генеральную уборку?! Кулла усердно водил щеткой между палубой и изогнутой стеной сферического корабля. Что он там ищет? Ведь в промежутке не могло быть ровным счетом ничего! Ну, за исключением, конечно, силового поля. Продвигаясь вдоль края палубы, Кулла и Буббакуб вскоре скрылись за центральным куполом. В любую минуту они могли появиться с другой стороны и обнаружить слежку. Джейкоб отполз немного вниз по трапу, вскочил на ноги и быстро вернулся к своему верстаку.

Если бы у него был запас времени! Джейкобу наверняка удалось бы добраться до проема между палубой и стеной корабля и взять образец пыли, которую столь усердно уничтожали чужаки. Стоило все-таки рискнуть? Эх, была бы у него камера? Но что же все-таки это значило? Похоже, у теории II-Б появились какие-то шансы… Джейкоб придвинул к себе листок и быстро начал писать: «ПОРОШОК У Б.… ГАЛЛЮЦИНОГЕН НА КОРАБЛЕ?» Он сложил листки со своими записями в аккуратную стопку и поспешил в кабинет главного механика.

Тот не выразил никакого восторга, когда Джейкоб вежливо попросил его составить ему компанию. Механик заявил, что именно в данную минуту он очень занят. На вопрос, где можно найти камеру, инженер лишь недоуменно пожал плечами. Надо было как можно быстрее найти камеру. Джейкоб вспомнил, что где-то на стене ему попадался на глаза телефонный аппарат. Не обращая больше внимания на механика, Джейкоб выскочил из кабинета. По дороге к телефону он понял, что совершенно не представляет, кому он будет звонить и что он, собственно, может сказать.

Кеплеру? Алло, доктор Кеплер? Это Демва, вы

еще помните меня? Я тот самый парень, что пытался покончить с собой на борту солнечного корабля. Да… так вот, вы не хотите полюбоваться, как пил Буббакуб занимается уборкой?.. Нет, не пойдет! Кулла и Буббакуб успеют исчезнуть. А звонок лишний раз докажет его полную невменяемость!

От такой мысли он вздрогнул. Так, может, ему и в самом деле все привиделось?! Джейкоб прислушался. Из ангара не доносилось ни звука. Так…

Внезапно из-за угла раздались пронзительные хрипы. Джейкоб узнал нильское наречие. В следующее мгновение послышался грохот. От наслаждения он даже прикрыл глаза — эти звуки были сейчас слаще любой, самой чудесной музыки. Встряхнувшись, он осторожно выглянул из-за угла ангара. Буббакуб стоял у подножия трапа, в руках он держал шланг от пылесоса. Шерсть на шее пила встала дыбом, агатовые бусины так и сверлили Куллу, суетившегося с контейнером для пыли. На полу красовалась горстка красноватого порошка. Буббакуб снова захрипел. Кулла испуганно присел и принялся быстро сгребать просыпавшуюся пыль и засовывать ее в карман своего серебристого одеяния. Джейкоб довольно улыбнулся. Буббакуб злобно

оттолкнул подопечного и затоптал остатки пыли. Затем внимательно оглядевшись (Джейкоб успел быстро втянуть голову за угол), он что-то коротко пролаял и направился к лифтам.

Вернувшись к верстаку, Джейкоб с удивлением обнаружил там главного механика, с интересом рассматривавшего его записи. Услышав шаги, инженер поднял голову:

— Что там за шум? — Он кивнул в сторону солнечного корабля.

— Ничего особенного, так, парочка В.З. решила прогуляться по кораблю.

— По кораблю? — Главный механик выпрямился. — Так вот почему вы ко мне приставали! Какого же черта вы ничего не объяснили?! — Он рванулся в сторону ангара.

— Успокойтесь, — остановил его Джейкоб. — Они уже ушли. Да и, кроме того, тут требуется деликатность. Странность — вообще характерная черта В.З.

Инженер внимательно посмотрел на него.

— Да, — медленно проговорил он, — в этом есть резон. Ну, хватит секретничать, давайте выкладывайте, что вы там видели. Джейкоб пожал плечами и подробно рассказал об увиденном.

— Ничего не понимаю, — почесал затылок

инженер.

— Не стоит тревожиться на этот счет. Потребуется не одна улика для того, чтобы расставить все по своим местам.

Джейкоб опустился на табурет и придвинул к себе чистый лист.

"ПОРОШОК У К. МОЖНО ЛИ ПОПРОСИТЬ ЕГО ОТСЫПАТЬ НЕМНОГО?

К. — ДОБРОВОЛЬНЫЙ СООБЩНИК?

ПОРОШОК!!!"

— Эй, что вы там пишете? — с любопытством спросил главный механик, уже не скрывая интереса.

— Так, охочусь за уликами.

После минутного молчания инженер снова заговорил:

— Ну у вас и выдержка! Если бы мне казалось, что я вот-вот свихнусь… На что это было похоже? Я имею в виду тот случай, когда вы попытались выпить яд.

Джейкоб поднял на него затуманенный взгляд. Этот вопрос отозвался в памяти ярчайшей вспышкой — перед его глазами вспыхнул гештальт-образ случившегося. Едкий запах нашатырного спирта щекотал его ноздри, в голове стучало. Ощущение было такое, словно он много часов

провел на слепящем свету. Джейкоб медленно восстанавливал в памяти события вчерашнего дня. Последнее, что он видел перед тем, как потерять сознание, были глаза Буббакуба. Маленькие черные бусины пристально смотрели на него из-под пси-шлема. Пил сохранял абсолютную бесстрастность. Единственный на корабле. В следующее мгновение Джейкоб пошатнулся и рухнул у его ног. Он пришел в себя и принялся записывать, но на бумаге все выходило как-то путано и нескладно. Джейкоб в сердцах перечеркнул записи и быстро начертил несколько знаков на компактном тринари.

— Прошу прощения, — он взглянул на своего собеседника, — вы что-то сказали? Тот покачал головой.

— Мне, наверное, не следует совать нос не в свое дело. Просто любопытство одолело. — Он помолчал. — Вы… вы ведь пытаетесь спасти проект, не так ли?

— Да.

— Тогда вы самый отчаянный парень в мире. — В голосе инженера прозвучала горечь. — Извините меня. Я больше не стану вам мешать.

Он повернулся, чтобы уйти. Джейкоб, поколебавшись, спросил:

— Вы не хотите мне помочь?

Инженер стремительно развернулся.

— К вашим услугам!

Джейкоб улыбнулся.

— Для начала мне нужны щетка и совок.

— Я мигом! — Добровольный помощник исчез в мгновение ока. Джейкоб в задумчивости побарабанил пальцами по столу, затем решительно собрал разбросанные листы и сунул их в карман.

Глава 18
ФОКУС

— Знаете, начальник лаборатории никому не позволяет входить туда без его разрешения. Джейкоб оторвался от своего занятия.

— Ну надо же, — он скорчил гримасу, — а я об этом и не знал! Дорогой Дональдсон, я всего лишь хочу вскрыть замок, чтобы найти нужное мне лекарство.

Добровольный сообщник, нервно прохаживаясь за его спиной, продолжал бубнить о том, что никогда в жизни ему и в голову не могло прийти, что он окажется втянутым в кражу со взломом.

Джейкоб чуть отодвинулся От двери. Комната качнулась перед глазами, ему даже пришлось

ухватиться за стену. В сумраке лабораторного коридора глаза, уставшие после возни с замком, с трудом различали предметы.

— Я уже говорил вам, Дональдсон, — несколько раздраженно сказал он, — у нас нет выбора. Какие улики мы можем предъявить? Пыльное пятно и бестолковую теорию? Пораскиньте-ка мозгами, дружище! В нынешней ситуации нас играючи обведут вокруг пальца, а к настоящим уликам и близко не подпустят. А улики нам нужны, как воздух! — Джейкоб потер шею. — Нет уж, нам все придется делать самим и только самим… разумеется, если вы все еще хотите помогать мне.

Главный механик откашлялся и обиженно прохрипел:

— Вы же прекрасно знаете, что я вас не брошу.

— Хорошо, — кивнул Джейкоб, — приношу свои извинения. Не подадите ли мне вон ту штуку? Нет-нет, ту, что с крючком на конце. Отлично. А теперь вам лучше отправиться к входным дверям и понаблюдать за туннелем. Я должен успеть спрятать инструменты, прежде чем меня кто-либо увидит. И осторожней, я натянул там веревку!

Дональдсон встал у входа и, прислонившись к стене, уставился на Джейкоба, то и дело стирая пот со лба.

Этот Демва выглядит очень рассудительным и логичным, но его фантазии… Дональдсон поежился. Но самое страшное, что и новые, и прежние факты точно выстраиваются в безумную теорию парня. Что ж, охота за уликами весьма увлекательна! А вдруг все-таки парень чокнутый? Он вздохнул и выглянул в туннель. Все тихо. Да, прогнило что-то на Меркурии. И нужны решительные действия. Иначе придется навсегда забыть о Солнце и солнечных кораблях.

Замок оказался самым обычным, из тех, что открываются старинными ключами с бородкой и выемками. Словом, не было ничего проще. Джейкоб давно уже заметил, что на Меркурии очень мало современных конструкций. На планете, где магнитное поле Солнца проникает везде и всюду, пришлось бы экранировать все электронные устройства. Хотя особых затрат и не понадобилось бы, на Земле подобное мотовство сочли бы совершенно излишним. Да и кому могло прийти в голову проникать в фотолабораторию тайком? Причем со старинными отмычками?

Джейкоб усмехнулся: похоже, его познания медвежатника на сей раз не слишком ему помогают. Подрастерял он былую сноровку. Инструменты не слушались, пальцы были как деревянные. Он

ругнулся про себя. При таких темпах и за ночь не управиться.

«Позволь мне».

Джейкоб скрипнул зубами и медленно вытащил отмычку из замка. «Спокойствие! Не надо персонифицировать самого себя. Ты, набор асоциальных привычек! Я же тебя усыпил. Если ты станешь действовать как полноценная и независимая личность, то доведешь нас… доведешь меня до полноценной шизофрения».

«Ну и кто тут персонифицирует?»

Джейкоб невольно улыбнулся.

«Мне следовало остаться на Земле. Еще три года покоя и тишины, и мой разум был бы полностью очищен от всякой дряни. А теперь придется пробудить все те навыки, которые я хотел… вынужден был подавить». «Ну так не тяни же».

Джейкоб вздохнул. Когда создавалась схема для подавления определенных психологических качеств, предполагалось, что она не будет жесткой. Иначе у него и в самом деле возникли бы проблемы. А получилось так, что аморальный и хладнокровный мистер Хайд, проявляясь то тут, то там, постоянно напоминал о себе. Правда, он находился под неусыпным контролем. Врачи считали, что в случаях чрезвычайных Джейкоб

может обращаться за помощью к своему двойнику.

Но специалисты не учли одного момента: Джейкоб не только подавлял и контролировал темные стороны своей натуры. Он еще и персонифицировал их. Эта способность скорее всего и явилась причиной его тяжелых психологических проблем в прошлом. Он совершил ошибку, попытавшись полностью отсечь ненавистного двойника, тогда как требовалось лишь усыпить его на самом дне подсознания.

«Так ты позволишь попробовать мне?»

Джейкоб схватил другую отмычку. Сталь на ощупь был а гладкой и очень холодной.

«Заткнись. Ты не личность, ты всего лишь талант, связанный, к сожалению, с совершенно определенной реакцией нервной системы… подобно хорошо поставленному певческому голосу, способному проявить себя только на сцене».

«Ну и прекрасно, воспользуйся же этим талантом. Ведь дверь уже почти открыта!»

Джейкоб осторожно отодвинул от себя инструменты. «Правильно ли я поступаю? А если тогда, на корабле, у меня и в самом деле был приступ безумия? Ведь моя гипотеза вовсе не бесспорна. И эта вспышка синей боли в Бахе… Как я могу

выпускать на волю этого ублюдка, если внутри у меня что-то разладилось?»

Джейкоб чувствовал, что вот-вот впадет в транс. Усилием воли он попытался предотвратить приступ. Но воли хватило ненадолго. Он постарался расслабиться и начал отсчет. Иглы иррационального ужаса пронзили мозг. Барьер страха. Джейкоб привычно преодолел его, продолжая считать.

При счете двенадцать он скомандовал себе: «Назад!» В мгновение ока мозг одолел обратный путь к реальности. Джейкоб открыл глаза, внимательно, прислушался к собственным ощущениям. Легкое покалывание пробежало по ладоням, осторожно подобралось к кончикам пальцев, словно собака, вернувшаяся в старый дом и обнюхивающая забытые вещи.

Все хорошо. Джейкоб почувствовал облегчение. «Этическое начало во мне не уменьшилось. Я — по-прежнему я. И руками управляю я сам, а не какая-то посторонняя сила». Все хорошо.

Он взял в руки отмычку. Пальцы послушно прильнули к прохладному металлу. Джейкоб вставил отмычку в замок и мягко повернул. Послышался легкий щелчок. Дверь открылась.

— Надо же, удалось! — Удивление Дональдсона

немного задело Джейкоба.

— Разумеется. — Раздражение тут же схлынуло. Он с удовлетворением отметил, что без труда смог удержаться от резкости — на сей раз мистер Хайд, похоже, пребывал в благодушном настроении. Джейкоб толкнул дверь и вошел.

Слева вдоль стены выстроились стеллажи с многочисленными выдвижными ящиками. Напротив располагались столы с фотоаналитическим оборудованием. В дальнем конце лаборатории виднелась приоткрытая дверь в кладовку с химикатами.

Джейкоб принялся внимательно изучать надписи на ящиках, жестом пригласив Дональдсона присоединиться. Механик отошел к противоположному концу стеллажа. Уже через несколько минут он приглушенно воскликнул:

— Я нашел их!

Джейкоб поспешил к инженеру. Тот рассматривал содержимое ящика рядом с проектором. В нишах, обитых мягкой тканью, покоились кассеты с фотозаписями. На каждой из кассет имелась этикетка с указанием даты и времени съемки и номера прибора. Около десятка углублений пустовало. Джейкоб вытащил одну из кассет и взглянул на своего помощника.

— Это все не то. Кто-то уже побывал здесь. Нужные нам записи исчезни.

— Исчезли? Вы имеете в виду, что их украли?! Но как?

Джейкоб пожал плечами.

— Вполне вероятно, похитители проникли сюда тем же способом, что и мы. Хотя у них мог быть и ключ. С уверенностью можно сказать лишь одно: все последние записи исчезли.

— Значит, у нас нет никаких доказательств?

— Никаких. Но мы можем попытаться добыть их.

— Уж не хотите ли вы сказать, что нам нужно вломиться еще и в жилище Буббакуба? Черт! А вы уверены, что эти записи вообще существуют? Что их не уничтожили? Зачем их хранить? У меня есть предложение: давайте выбираться отсюда, и пусть доктор Кеплер и доктор де Сильва сами убедятся в исчезновении кассет. Это будет хоть какой-то довод в пользу вашей теории. Джейкоб, подумав, кивнул.

— Хорошо. Покажите-ка ваши руки.

Дональдсон послушно выставил ладони. Тонкий слой пластика, покрывавший руки механика, был цел. Затем Джейкоб внимательно осмотрел свои ладони.

— Так, оставляем все как было. Задвиньте ящики, но больше ни к чему не прикасайтесь.

И вдруг снаружи раздался грохот, затем послышалась какая-то приглушенная возня. Сообщники замерли. Похоже, сработала нехитрая ловушка — в коридоре, у входа, Джейкоб натянул веревку на случай неожиданных посетителей. Путь к отступлению был отрезан.

Они бросились к кладовке с химикатами. Едва Джейкоб успел прикрыть дверь, как послышалось металлическое позвякивание: кто-то пытался открыть замок. Дверь тихо скрипнула. Джейкоб сунул руку в карман. Так и есть! Он забыл отмычки в лаборатории! Пальцы нащупали маленькое круглое зеркало. Мягкие шаги раздавались уже всего в нескольких футах от двери в каморку. Не колеблясь, Джейкоб вытащил зеркальце. Стараясь не шуметь, он опустился на колени и, пристроив зеркало под нужным углом у довольно большой щели между дверью и полом, попытался разглядеть, что происходит в лаборатории.

Доктор Мартин стояла у стеллажа, перебирая связку ключей и время от времени кидая быстрые взгляды в сторону входной двери. Джейкобу показалось, что она очень возбуждена. Хотя по

изображению в крошечном зеркальце, да еще в таком ракурсе, трудно было сказать что-либо определенное.

Дональдсон попытался из-за плеча Джейкоба заглянуть в зеркало. Тот раздраженно взмахнул рукой, требуя не мешать, но Дональдсон, внезапно потеряв равновесие, всем телом навалился на него сверху. Джейкоб заскрипел зубами, стараясь удержаться и не вывалиться из кладовки прямо к ногам изумленной Милли Мартин. Ценой невероятного усилия ему удалось не упасть, но зеркальце, выпав из ослабевшей руки, с негромким звяканьем покатилось по полу.

Дональдсон, тяжело сопя и чересчур усердно стараясь не шуметь, отполз назад. Джейкоб криво улыбнулся. Надо быть абсолютно глухим, чтобы не услышать этот чудовищный шум.

— Кто… кто здесь? — Голос Мартин дрогнул.

Джейкоб поднялся на ноги и принялся отряхиваться с нарочитым шумом. Снаружи послышались быстрые удаляющиеся шаги. Кинув уничтожающий взгляд на Дональдсона, скорчившегося в углу с самым несчастным видом, он открыл дверь и шагнул в лабораторию.

— Милли, постойте.

Доктор Мартин застыла на месте. Съежившись,

она медленно обернулась. При виде Джейкоба маска страха, обезобразившая красивые черты ее тонкого лица, исчезла, уступив место смеси облегчения и стыда. Мартин густо покраснела.

— Какого черта вы здесь делаете?!

— Наблюдаю за вами, Милли. Подобное времяпрепровождение и само по себе не лишено приятности, но в данную минуту оно особенно увлекательно.

— Вы что, шпионите за мной?!

Джейкоб направился к ней, от души надеясь, что у Дональдсона хватит ума не выползать из укрытия.

— И не только за вами, моя дорогая Милли Я шпионю за всеми. На Меркурии творится что-то неладное. Здесь каждый предпочитает дуть в свою дуду, да еще с такой фальшью! К примеру, вы, Милли. Мне давно казалось, что вы знаете куда больше, чем говорите.

— Я не понимаю, о чем вы, — холодно ответила Мартин, уже полностью придя в себя. — И неудивительно. Ни в ваших словах, ни в ваших поступках нет и следа разумности, вам требуется серьезная медицинская помощь, мистер Демва. — Она повернулась, чтобы выйти из лаборатории.

— Возможно, что и так, — серьезно кивнул Джейкоб, — но, быть может, вам также требуется сейчас помощь, например, для того, чтобы объяснить, зачем вы здесь.

Мартин окаменела.

— Я получила ключ от Дуэйна Кеплера. Что вы на это скажете?

— А упомянутый Дуэйн Кеплер поставлен о том в известность? — саркастически осведомился Джейкоб.

Мартин, ничего не ответив, снова густо покраснела.

Джейкоб улыбнулся.

— Несколько кассет с данными, полученными во время последнего прыжка, исчезли… Все они относятся к тому отрезку времени, когда уважаемый Буббакуб развлекался с реликвией летаней. Милли, вы, случайно, не знаете, где они?

Мартин пристально взглянула на него.

— Вы шутите… Но кто… Нет, этого не может быть… — В полном замешательстве она покачала головой.

— Это вы взяли их?

— Нет!

— Тогда кто?

— Я не знаю. Откуда я могу знать?! И по какому

праву вы устраиваете этот допрос?!

— Я прямо сейчас могу позвонить Хелен де Сильве и сообщить ей все, что здесь произошло, — с угрозой сказал Джейкоб. — Дверь в фотолабораторию была открыта, внутри я обнаружил вас, Милли. У вас в кармане ключе вашими отпечатками. Я ни секунды не сомневаюсь, что комендант прикажет назначить расследование. Сразу же выяснится, что пропали кассеты с записями. Как вы полагаете, что скажет комендант базы? Милли, вы кого-то прикрываете. Если вы прямо сейчас не выложите все, что знаете, то даю вам слово, в самое ближайшее время у вас будут серьезные неприятности. Вы знаете не хуже меня, что на базе у многих так и чешутся руки, и если найдется козел отпущения…

Мартин с шумом втянула в себя воздух.

— Я… я не знаю…

Джейкоб мягко взял ее за локоть и подвел к стулу. Затем вернулся к двери и защелкнул замок.

Джейкоб прикрыл глаза и, стараясь успокоиться и обрести равновесие, досчитал до десяти. Затем вернулся к Мартин. Та сидела, прислонившись спиной к стеллажу и спрятав лицо в ладонях. Краем глаза Джейкоб заметил, как из каморки с химикатами выглянула голова

Дональдсона. Он резко махнул рукой, голова Дональдсона мгновенно исчезла.

Джейкоб подошел к ящику, который собиралась открыть Мартин перед тем, как услышала шум. Вот оно что! Он вытащил из ящика мини-камеру Ла Рока и отнес к столу с аппаратурой. Подключив камеру, он быстро просмотрел ее содержимое. Большая часть записанной информации не представляла никакого интереса. Зарисовки Ла Рока по разным поводам. На звуковое сопровождение Джейкоб не обращал никакого внимания. Наедине с самим собой репортер оказался даже еще более многословным, чем обычно. Внезапно неторопливые планы солнечного корабля с нескончаемыми комментариями Ла Рока прервались. Мгновение Джейкоб с недоумением вглядывался в новую картинку. Затем откинулся на стуле и громко расхохотался.

Это столь удивило Милдред Мартин, казалось, полностью погруженную в свои страдания, что она подняла на Джейкоба покрасневшие от слез глаза. Он добродушно кивнул ей.

— Вы хоть знаете, что здесь искали?

— Да, — хрипло ответила она, — я хотела вернуть Питеру его камеру, чтобы он мог записать свой рассказ. Мне казалось, что после того, как

соляриане столь жестоко поступили с ним…

— Он все еще под замком?

— Да. Посчитали, что так будет безопаснее. Раз соляриане воздействовали на него один раз, то могут и повторить.

— А чья идея насчет камеры?

— Питера, конечно. Он очень хотел записать свои мысли о случившемся.

Я решила, это вряд ли кому повредит…

— А как насчет того, чтобы передать подозреваемому оружие?

— Нет-нет! Глушитель должен был быть выведен из строя. Бубб… — она замолчала.

— Договаривайте уж, раз начали.

Мартин опустила глаза.

— Буббакуб пообещал встретиться со мной в комнате, где заперт Питер, и вывести глушитель из строя. Он хотел тем самым показать, что не держит зла на Питера.

Джейкоб вздохнул.

— Зло терзает его, — пробормотал он.

— Что?

— Покажите-ка ваши руки.

Мартин замялась. Джейкоб нахмурился, и она покорно выставила изящные ладони. Длинные тонкие пальцы мелко подрагивали.

— Объясните же…

Джейкоб, проигнорировав ее просьбу, принялся расхаживать вдоль стеллажей. Да уж, ловушка и впрямь великолепна! Если ее удастся осуществить, то на Меркурии не останется никого с незапятнанной репутацией. Лучшего нельзя и желать. Оставался один вопрос: сколько времени в запасе?

Он повернулся в сторону кладовки. Голова Дональдсона быстро юркнула за дверь.

— Все в порядке, инженер, выходите и помогите доктору Мартин уничтожить отпечатки ее пальцев. Мартин лишь тихо ойкнула, когда в следующее мгновение, застенчиво улыбаясь, появился главный механик базы.

— Что вы намерены предпринять? — робко поинтересовался он у Джейкоба.

Вместо ответа тот снял трубку телефона.

— Алло, Фэгин? Да. Я готов к «сцене в гостиной». Что? Не стоит радоваться раньше времени. Все зависит от того, насколько удачлив я окажусь в течение следующих нескольких минут. Пожалуйста, пригласи всех собраться через пять минут в комнате, где содержится Ла Рок. Да, прямо сейчас. И, пожалуйста, будь понастойчивей. Доктора Мартин можешь не искать, она рядом со мной.

Мартин на мгновение перестала вытирать ручку ящика, пораженная интонациями Джейкоба Демвы.

— И в первую очередь пригласи, пожалуйста, уважаемого Буббакуба и доктора Кеплера. Уговори их, я ведь знаю, как хорошо ты умеешь уговаривать. Все, мне пора бежать. Да, спасибо.

— Так что теперь? — повторил свой вопрос Дональдсон.

— А теперь, дорогие выпускники школы взломщиков, пора вам применить на практике полученные знания. Через несколько минут доктор Кеплер покинет свою комнату, и будет очень некрасиво, если вы появитесь на общем сборе намного позже всех остальных.

Мартин замерла, уставившись на него.

— Джейкоб, да вы, наверное, шутите. Уж не думаете ли вы, что я стану обыскивать комнату Дуэйна?

— А почему бы и нет? — проворчал Дональдсон. — Давали же вы ему крысиный яд! И ключи выкрали! Ноздри у Мартин гневно раздулись.

— Никакого крысиного яда я Дуэйну не давала!

Джейкоб вздохнул.

— Варфарин, Милли, варфарин. В прежние времена его использовали в качестве крысиного яда.

Но потом крысы выработали к нему иммунитет, как, впрочем, и ко всему остальному.

— Я уже говорила вам, мистер Демва, что никогда прежде не слышала о варфарине! Вы совсем обезумели! Почему, почему все думают, что я отравительница? Бред какой-то!

— Я вовсе так не думаю, Милли. Но если вы хотите узнать, что за всем этим кроется, вам лучше помочь нам У вас же есть ключи от комнаты доктора Кеплера, не так ли?

Мартин закусила губу и кивнула.

Джейкоб объяснил Дональдсону, что следует искать у Кеплера. Затем, кивнув своим сообщникам, побежал в сторону отсека, где жили В.З.

Глава 19
В ГОСТИНОЙ

— Похоже, Джейкоб решил над нами подшутить, — сказала Хелен, стоя в дверях и оглядывая собравшихся, — созвал общий сбор, а сам не явился. Странно.

— Не стоит беспокоиться, дорогая Хелен, — зашелестел Фэгин, — он обязательно придет. Не было еще случая, чтобы мой любезный друг созвал совещание, не обдумав как следует время

его проведения.

— Вот уж воистину! — рассмеялся Ла Рок. Репортер развалился на огромном оранжевом диване, водрузив ноги на маленькую скамеечку. Он усиленно дымил трубкой, так что его голос доносился непривычно глухо. — Почему бы нам и не собраться? Что нам еще остается? С исследованиями, — он ядовито улыбнулся сквозь клубы дыма, — как я понимаю, покончено. Башня из слоновой кости рухнула под грузом собственного высокомерия. И настала пора длинных ножей. Так что Демва может не торопиться. Время у нас есть. И потом, что бы он ни сказал, все будет куда занимательнее, чем лицезрение ваших кислых физиономий!

На другом конце приметного дивана скривился Дуэйн Кеплер. Пальцы Кеплера нервно теребили одеяло, в которое руководителя проекта заботливо укутала сестра-сиделка. Она вопросительно взглянула на врача, но тот лишь пожал плечами.

— Заткнитесь, Ла Рок, — устало попросил Кеплер.

Ла Рок осклабился, выпустил очередной клуб дыма и громогласно заявил:

— Я по-прежнему думаю, что нам не помешало бы какое-нибудь записывающее устройство.

Вполне возможно, наш друг Демва и впрямь сообщит что-нибудь историческое.

Буббакуб негромко хмыкнул и отвернулся. Пил неспешно прохаживался по комнате. На этот раз он почему-то старательно обходил разбросанные на полу подушки. Остановился рядом с Куллой, понуро подпиравшим стену, и, сложив четырехпалые лапы наживете, что-то прохрипел. Кулла кивнул и заговорил:

— Мне поручено шообщить, что причиной трагедии пошлужило как раж жапишывающее уштроиштво миштера Ла Рока. Кроме того, пил Буббакуб прошил меня передать, что не намерен ждать больше пяти минут. Кеплер не обратил на это заявление никакого внимания. Он методично растирал шею. За последние недели руководитель проекта заметно сдал. Ла Рок лишь вздернул плечи. Фэгин, как и полагается всякому благовоспитанному дереву, продолжал хранить вежливое молчание. В комнате повисла тишина. Все ждали. Казалось, замерли даже стрелки серебристых настенных часов. Тишину нарушил главный врач базы:

— Хелен, что вы стоите в дверях, входите и присаживайтесь. — Он гостеприимно указал на оранжевый диван. — Уверен, скоро соберутся и

все остальные. — Его глаза сочувственно блеснули: войти в эту комнату было равносильно погружению в ледяную и не слишком чистую воду. Де Сильва предпочла стул поодаль от всех остальных. Судя по всему, она не ждала от предстоящего разговора ничего хорошего. Хелен надеялась, что Джейкоб не станет поднимать вопросы, терзавшие всех на базе «Гермес». Если что и объединяло всех собравшихся здесь, то это отвращение к словосочетанию «Прыжок в Солнце». Эта публика готова вцепиться друг другу в глотки, но заговор молчания не будет нарушен ни под каким видом. Она покачала головой. Какое счастье, что этот раунд закончился так быстро. Ну что ж, остается надеяться, что следующие пятьдесят лет окажутся повеселее. Хотя Хелен и не питала на этот счет особых иллюзий. Впрочем, пессимизм давно уже поселился в ее душе. Мелодии «Битлз» теперь можно услышать только в исполнении симфонического оркестра. При этой мысли она поморщилась. А что уж говорить о джазе, которого вообще не существует за пределами музыкальных хранилищ.

Зачем было покидать свой дом? Ну и тоска…

В комнату вошли Милдред Мартин и главный механик базы Дональдсон. На взгляд Хелен, их

старания выглядеть безразличными были уж очень нарочитыми. Однако, кроме нее, никто этого не заметил. Интересно, что у этих двоих общего? Странная пара осмотрелась и начала пробираться в дальний угол комнаты, устроившись за спинкой чудовищного дивана. Ла Рок глянул на Мартин и улыбнулся. Заговорщики чертовы. Мартин отвела взгляд, лицо Ла Рока вытянулось. Хелен немного удивилась: неужели поссорились?

— С меня довольно! — гавкнул водор на шее Буббакуба.

Пил вперевалку направился к двери, но не успел он протолкнуться к выходу, как на пороге возник Джейкоб Демва. На плече у него висел белый холщовый вещевой мешок, а сам он весело насвистывал, Хелен не верила своим ушам. Мелодия до ужаса напоминала «Хей, Джуд!». Ну конечно… Джейкоб подбросил свой мешок вверх. Торба шмякнулась на кофейный столик. Милдред Мартин от неожиданности подпрыгнула. Кеплер нахмурился еще больше. Хелен больше не могла сдерживаться. Приятная старинная мелодия и необычное поведение Демвы разбили стену напряженности. Она весело рассмеялась.

Джейкоб игриво подмигнул ей.

— Вы что, пришли сюда развлекаться? — рявкнул Буббакуб. — Вы отняли у меня время! Вам придется возместить эту потерю! Джейкоб улыбнулся.

— Непременно, пил Буббакуб. Надеюсь, вы почерпнете немало полезного из моего сообщения. Но для начала я попросил бы вас присесть. Челюсти Буббакуба опасно щелкнули. Маленькие глазки-бусины на мгновение вспыхнули черным огнем. Презрительно хмыкнув, пил плюхнулся на ближайшую подушку.

Джейкоб обвел взглядом собравшихся. На лицах читалось либо смущение, либо неприкрытая враждебность.

— Когда доктор Кеплер пригласил меня на Меркурий, я испытывал определенные сомнения насчет проекта «Прыжок в Солнце». Но тем не менее после некоторых размышлений я решил принять участие в экспедиции. Мне казалось, что проект обещает, быть может, самое волнующее событие со времен Контакта. Я очень надеялся, что нам удастся решить сложную проблему межвидового общения с нашими ближайшими и наиболее необычными соседями. Я имею в виду Солнечных Призраков. Но вместо установления контакта с обитателями Солнца мы оказались в

центре запутанных космических интриг, катализатором которых послужило убийство пилота Джеффри. Кеплер взглянул на Джейкоба глазами, полными упрека.

— Прошу вас, Джейкоб, мы все знаем о вашем нервном срыве. Милли уговорила нас всех быть с вами помягче, но есть же пределы… Джейкоб вскинул руку.

— Если под мягкостью подразумевается потакание моим капризам, то я прошу вас проявить ее именно сейчас. Вы должны понимать, как тяжело на душе, когда окружающие полностью игнорируют твое мнение. Если вы не станете слушать меня, то мне придется искать поддержки на Земле. Улыбка застыла на лице Кеплера. Он без сил откинулся на спинку дивана.

— Что ж, продолжайте, я вас слушаю.

Джейкоб вышел на середину комнаты.

— Во-первых, замечу, что Пьер Ла Рок был очень упорен, отрицая обвинения в убийстве шимпанзе Джеффри и в диверсионных действиях на солнечном корабле. Кроме того, мистер Ла Рок отрицает, что является поднадзорным, и утверждает, что сообщение с Земли — фальшивка. С момента нашего возвращения он отказывается пройти контрольный тест на поднадзорность, который

мог бы стать отправной точкой в доказательстве его невиновности. По всей видимости, мистер Ла Рок опасается, что результаты этого теста также могут оказаться фальсифицированными.

— Совершенно верно! — вскричал журналист, энергично замахав пухлыми ручками.

— Вы будете упорствовать, даже если результаты теста проверят три человека: доктор Лэрд, доктор Мартин и я? Ла Рок хмыкнул.

— Все решит суд.

— Ну зачем же доводить дело до суда? У вас ведь не было никаких мотивов для убийства Джеффри. Даже если вы и вскрыли панель доступа к системе сжатия времени…

— Я этого не делал!

— …то только поднадзорный способен убить живое существо просто из неприязни. Если же вы таковым не являетесь, то зачем вам продолжать сидеть под замком?

— Наверное, ему здесь уютнее, — хихикнула сиделка Кеплера.

Хелен нахмурилась — дисциплина на базе в последние дни совершенно расшаталась.

— Он отказывается от теста потому, что знает: результат окажется положительным, — выкрикнул кто-то из сотрудников базы.

— Именно поэтому его и выбрали соляриане, — прохрипел Буббакуб, — они сами мне сообщили это.

— Так мне остается признаться, что я поднадзорный? — истерично взвизгнул Ла Рок. — Я вижу, тут кое-кто полагает, что Призраки могут заставить совершить еще и самоубийство?!

— У вас нервный срыв. Так утверждает доктор Мартин. Верно? — Буббакуб повернулся к психологу.

Мартин стиснула руки так, что побелели костяшки пальцев. — К этому вопросу мы перейдем чуть позже, — продолжил свою речь Джейкоб, — но прежде я хотел бы поговорить наедине с доктором Кеплером и мистером Ла Роком.

Доктор Лэрд и сиделка без возражений отошли в сторону. Буббакуб, яростно сверкнув глазками, недовольно заворчал, но последовал за ними. Вокруг дивана образовалась пустота. Джейкоб зашел за спинку, оказавшись между Кеплером и Ла Роком. Держа одну руку за спиной, он наклонился к ним. Дональдсон, сидевший у стены, незаметно сунул ему в руку какой-то предмет.

Джейкоб переводил внимательный взгляд с журналиста на ученого.

— Думаю, пора кончать со всем этим. В особен-

ности вам, доктор Кеплер.

— О чем вы?

— Мне кажется, вы присвоили себе нечто, вам не принадлежащее. И не имеет значения, что и мистер Ла Рок, владея этой вещью, преступает закон. Она крайне необходима ему, доктор Кеплер. Настолько необходима, что он согласился терпеть беспочвенные обвинения и, может быть, даже смягчить тон своих будущих статей. Но теперь, мне кажется, эта сделка не состоится. Эта вещь у меня.

— Моя камера! — хрипло прошептал Ла Рок. Глаза его вспыхнули.

— Да, крошечная камера. Совершенный звуковой спектрограф. Она у меня.

Как и копии сделанных вами записей, спрятанные в комнате доктора Кеплера.

— П-предатель, — заикаясь, просипел Кеплер, — а я вас считал своим другом…

— Заткнись, ублюдочный рубашечник, — яростно прошипел Ла Рок. — Кто уж предатель, так это ты!

Казалось, Ла Рок сейчас лопнет от переполняющего его негодования.

Джейкоб с силой сжал плечи противников. — Если вы сейчас не попридержите свои языки,

то в самом скором будущем вас ждут большие неприятности! Вам, дорогой Ла Рок, могут предъявить обвинение в шпионаже, а вам, доктор Кеплер, — в шантаже и сокрытии факта упомянутого шпионажа! А так как факт шпионажа служит косвенным доказательством того, что Ла Рок невиновен в смерти Джеффри, поскольку попросту не имел достаточно времени для повреждения генератора стасис-поля, то подозрение автоматически падает на того, кто последним осматривал корабль Джеффа. О, я вовсе не думаю, что это сделали вы, дорогой мой доктор Кеплер, но на вашем месте я вел бы себя поосторожней. Ла Рок молчал, переваривая услышанное. Кеплер с силой дернул себя за ус и хрипло спросил:

— Что вы хотите, Демва?

Мистеру Хайду, несмотря на яростное сопротивление Джейкоба, время от времени все-таки удавалось вылезти наружу. Вот и на этот раз Джейкоб не смог устоять перед соблазном сблефовать по-крупному.

— Пока не знаю. Надо подумать. Но я советую вам воздержаться от опрометчивых поступков. Моим друзьям на Земле все известно. Разумеется, это было неправдой, но осторожный мистер Хайд решил перестраховаться.

Джейкоб оглянулся.

Хелен де Сильва отчаянно пыталась подслушать, о чем беседует эта троица. Ей показалось, что в этих людей, которых она изучила уже довольно хорошо, вселились бесы. Мягкий доктор Кеплер, такой молчаливый и скрытный после последнего прыжка, сейчас был похож на взбешенного колдуна, потерявшего вдруг свою магическую силу. Вечно болтливый и несдержанный Ла Рок выглядел непривычно задумчивым и сосредоточенным, словно решал какую-то вселенскую задачу. Что же касается Джейкоба Демвы… Ей и раньше порой казалось, что под его спокойствием и хладнокровием тлеет бесовская искра. Но сейчас эта искра превратилась в настоящее пламя.

Джейкоб выпрямился и громко объявил:

— Доктор Кеплер снимает все свои обвинения с мистера Ла Рока.

Все разом зашумели.

Буббакуб резво вскочил с подушек.

— Вы с ума сошли! Мне все равно, одобряют люди или нет убийства своих подопечных, но соляриане могут заставить его совершить новое преступление!

— Соляриане тут ни при чем, — чеканя каждое

слово, сказал Джейкоб.

Все замерли. В наступившей тишине Буббакуб отчетливо щелкнул зубами.

— Вы и впрямь сошли с ума. Я лично разговаривало солярианами. Они не могли мне солгать.

— Как вам угодно! — Джейкоб шутовски склонил голову. — С вашего позволения, я продолжу обзор.

Буббакуб презрительно фыркнул и снова опустился на подушки.

— Сумасшедший, — пробормотал он и прикрыл глаза.

— Во-первых, — начал Джейкоб, — я хотел бы выразить благодарность доктору Кеплеру за любезное разрешение изучить записи, полученные во время последнего прыжка, в чем мне помогли Дональдсон и доктор Мартин. Буббакуб открыл глаза и уставился на Джейкоба. Так вот как выглядит огорчение у пилов! Джейкоб от души посочувствовал чужаку. Ловушка и впрямь была задумана отменная, но увы, увы…

Он рассказал, как обнаружил исчезновение кассет с записями из фотолаборатории, опустив наиболее щекотливые подробности. В комнате висела напряженная тишина, лишь нежно позвякивали колокольчики на ветках бесстрастного

растения.

— Какое-то время я раздумывал над тем, куда могли спрятать кассеты. Я догадывался, кто их взял, но не знал, уничтожил ли похититель записи или же предпочел припрятать. В конце концов я решил, что тот, кто по натуре является настоящей «канцелярской крысой», вряд ли решился бы расстаться со столь драгоценными данными. Я обыскал жилище одного из софонтов и обнаружил пропавшие бобины.

— Как вы посмели! — зашипел Буббакуб. — Да вас следует наказать за подобную наглость! Хелен изумленно покачала головой.

— Так, значит, вы признаете, что похитили и спрятали у себя записи, пил Буббакуб?! Но почему?! Джейкоб улыбнулся.

— Не торопитесь, Хелен. Скоро все разъяснится. По правде говоря, это дело поначалу казалось мне куда более запутанным. Но, к счастью, все значительно проще. Дело в том, что эти записи со всей очевидностью уличают пила Буббакуба во лжи.

Буббакуб глухо зарычал, но не двинулся с места.

— Так где же эти кассеты? — требовательно спросила Хелен. Джейкоб поднял свой мешок.

— У меня теперь должок перед дьяволом. Толь-

ко по счастливой случайности я сообразил, что кассеты прекрасно помещаются в пустые емкости из-под газа.

Он извлек из мешка какой-то предмет и поднял его над головой.

— Реликвия летаней! — воскликнула Хелен.

Фэгин не смог сдержать удивленной трели. Милдред Мартин вскочила, испуганно прикрыв рот рукой.

— Да, реликвия летаней. И, глядя на вас, я понимаю, что пил Буббакуб все рассчитал: если кому-нибудь и пришло бы в голову обыскать его комнату, то уж вряд ли бы кто решился прикасаться к реликвии летаней, объекту почти религиозного поклонения древней и могущественной расы. Тем более, если эта штука очень похожа на обычный метеоритный обломок! Джейкоб повернул предмет обратной стороной.

— А теперь смотрите!

Другой рукой он крутанул одну сторону «реликвии», и та вдруг раскрылась. В одной из половинок обнаружился небольшой контейнер. Джейкоб потянул контейнер за крышку. Внутри что-то перекатывалось. Внезапно контейнер раскрылся, и по полу покатились маленькие черные цилиндры. Отчетливо клацнули давилки Куллы.

— Кассеты! — удовлетворенно объявил Ла Рок и как ни в чем не бывало задымил трубкой.

— Да, кассеты, — подтвердил Джейкоб, — а на внешней поверхности этой реликвии при внимательном рассмотрении можно обнаружить кнопку, раскрывающую контейнер. Внутри остались следы того, что хранилось в нем раньше. Готов побиться об заклад, что это то самое вещество, образец которого мы с Дональдсоном передали вчера доктору Кеплеру, так и не сумев убедить его, что… — Джейкоб махнул рукой. — Это высокомолекулярное вещество некий софонт очень умело распылил в верхней полусфере солнечного корабля, сопровождая сей фокус громом и молнией, словно настоящий Зевс. Хелен резко выпрямилась. В комнате повис частый и довольно громкий стук: Кулла никак не мог взять себя в руки. Джейкоб повысил голос:

— И это вещество, тонким слоем покрыв всю внутреннюю поверхность полусферы, полностью экранировало зеленую и синюю линии спектра, а ведь только в этих диапазонах мы могли выделить Солнечных Призраков из окружающего фона!

— Приборы! — возбужденно крикнула Хелен. — Ведь…

— Да, да, да, дорогой мой капитан, на пленках есть и тороиды, и Призраки, и их там сотни! И что самое интересное, нет и следа человекоподобных фигур, но, быть может, их и вовсе не было? Вы только представьте, какой переполох должен был подняться среди безобидных тороидов и их Пастухов, когда мы, не разбирая дороги, начали удирать. Ведь мы ничего не видели!

— Да ты чокнутый, В.З.! — Ла Рок погрозил Буббакубу пухлым кулачком.

Пил зашипел, по-прежнему не двигаясь с места и не сводя с Джейкоба пристального взгляда.

— К тому времени, когда мы покинули хромосферу, структура вещества уже разрушилась. Лишь тонкий слой пыли осел вдоль линий силового поля у края палубы. Ну, а когда мы прибыли на базу и вся суета улеглась, Кулла под руководством своего опекуна и при помощи пылесоса ликвидировал следы этого маленького обмана. Верно, Кулла?

Тот кивнул с самым несчастным видом.

Джейкоб с радостью отметил, что сочувствие далось ему без всяких усилий. Он ободряюще улыбнулся чужаку.

— Все в порядке, приятель. У меня нет никаких данных о том, что вы замешаны в чем-нибудь

еще. Я просто видел, как вы вдвоем с пилом Буббакубом усердно пылесосили палубу корабля. Мне было ясно, что удовольствия от этого занятия вы отнюдь не получаете. Глаза прингла благодарно блеснули. Он еще раз кивнул, стук начал затихать. Сердобольный Фэгин придвинулся поближе к Кулле. Дональдсон подобрал кассеты и поднялся с колен.

— Наверное, следует вызвать охрану? — неуверенно спросил он. Хелен кивнула ему, снимая телефонную трубку.

— Я как раз этим и занимаюсь, — тихо прошептала она.

Милдред Мартин осторожно подобралась к Джейкобу и, дотянувшись до его уха, зашептала:

— Джейкоб, подобные вопросы находятся в компетенции Комитета внешних сношений. Нам следует передать им это дело. Тот качнул головой.

— Нет, Милли. Еще не время. Нужно кое-что выяснить.

Де Сильва повесила трубку.

— Они скоро будут здесь. Что же вы замолчали, Джейкоб? По-моему, вы хотели еще что-то сказать нам?

— Да. Есть кое-что. Сначала вот это. — Он

вытряхнул из своего мешка пси-шлем Буббакуба. — Полагаю, это приберегалось на крайний случай. Я не знаю, помнит ли кто-нибудь, но, когда со мной случился так называемый приступ безумия, уважаемый пил Буббакуб: был облачен вот в эту штуку и не сводил с меня пристального взгляда. Довожу до вашего сведения, любезный В.З., что, когда меня пытаются к чему-либо принудить, я имею привычку впадать в бешенство. Вам не следовало этого делать. Буббакуб неопределенно взмахнул коротенькой лапой.

— И, наконец, о гибели Джеффри. Честно говоря, это самое простое.

Только Буббакуб знал все, что касается галактических технологий, примененных при создании солнечных кораблей: двигатели, компьютеры, системы связи. Земные специалисты к этим устройствам даже не прикасались. Есть лишь косвенные доказательства, подтверждающие, что в момент взрыва корабля Джеффри пил Буббакуб находился в куполе лазерной связи. Этого недостаточно для привлечения его к суду. Но необходимости вести расследование нет. Так как пилы обладают статусом неприкосновенности. И мы можем лишь выслать Буббакуба на родину.

Джейкоб взглянул на пила и добавил:

— Еще кое-что будет очень трудно доказать: я лишь предполагаю, что Буббакуб ввел ложные сведения в космическую систему идентификации, связанную с филиалом Библиотеки в Ла-Пасе. В результате чего мы и получили сообщение, подтверждающее, что Пьер Ла Рок — поднадзорный. И хотя это только мое предположение, мне оно представляется весьма вероятным. Ничего не скажешь, отличный трюк. Все уверены, что смерть Джеффри — дело рук Ла Рока, и не слишком внимательны при проверке телеметрических данных с корабля Джеффа. Теперь-то я припоминаю, что неприятности у Джеффа начались в тот момент, когда он включил камеры с сильным увеличением — отличный спусковой механизм замедленного действия. Но в любом случае нам этого уже не выяснить никогда. Телеметрические данные скорее всего уже уничтожены. Звякнули колокольчики. Все обернулись к Фэгину.

— Джейкоб, Кулла просит тебя остановиться. Я тоже прошу тебя больше не смущать пила Буббакуба. Теперь это не имеет никакого смысла. Послышался шум, и в комнату вошли три вооруженных охранника. Они вопросительно взглянули на коменданта. Хелен велела им по-

дождать.

— Еще одну минуту, — попросил Джейкоб, — мы ведь так и не обсудили, какие мотивы двигали Буббакубом. Зачем столь высокопоставленному софонту, представителю самого престижного галактического института, заниматься подделками, кражами и убийствами? Я попытаюсь изложить свою точку зрения на этот вопрос. Начну с того, что Буббакуб имел личные причины для неприязни к Джеффри и Ла Року. Джеффри относился к нему с нескрываемым отвращением, всячески дерзил, что совершенно недопустимо со стороны представителя расы, которая получила статус софонтов какую-то сотню лет назад. А дружба Джеффа с подопечным пила Куллой только усиливала ярость Буббакуба. Но мне кажется, что основная причина ненависти к шимпанзе таится совсем в ином. Ведь именно шимпанзе и дельфины позволили людям занять в галактической иерархии довольно высокое место. Пилы боролись почти полмиллиона лет, чтобы получить то, что досталось без всякого труда дикой, нецивилизованной расе. Полагаю, Буббакуб не любит нас, людей, именно по этой причине. Что же касается Ла Рока, то неприязнь к нему со стороны Буббакуба не нуждается в особых объяс-

нениях. Болтливый и бесцеремонный…

Ла Рок презрительно фыркнул.

— А может быть, Буббакуба обидело предположение Ла Рока о том, что соро были нашими опекунами? Ведь в Галактике всегда хмуро посматривали на расы, бросающие своих подопечных.

— Но все это очень личные причины, — возразила Хелен. — Их недостаточно.

— Джейкоб, — заволновался Фэгин, — прошу тебя…

— Разумеется, у Буббакуба имелась и другая причина, — ответил Джейкоб. — Ему ужасно хотелось раз и навсегда покончить с проектом «Прыжок в Солнце», опорочив при этом саму идею независимых исследований и упрочив авторитет Библиотеки. Он заставил всех поверить в то, что ему, пилу, удалось установить контакт там, где земляне потерпели неудачу. Ну а дальше оставалось лишь сочинить складную историю о возможной катастрофе в случае продолжения экспериментов с погружениями и подделать сообщения Библиотеки так, что они подтверждали его слова. Вероятно, более всего Буббакуба раздражало то, что в Библиотеке отсутствуют упоминания о солнечных формах жизни. И имен-

но подделка сообщения Библиотеки станет по возвращении причиной самых крупных неприятностей. Кара за это преступление окажется куда более страшной, чем то наказание, которому могли бы подвергнуть его за убийство Джеффа.

Буббакуб зашевелился. Он тщательно пригладил встопорщившуюся шерсть и сцепил на животе коротенькие лапы.

— Очень, очень ловко, — прохрипел он, — но вы строите слишком смелые утверждения на слишком шатком фундаменте. Люди навсегда останутся недорослями и выскочками. Я отказываюсь говорить на вашем дурацком языке!

— Он аккуратно снял с шеи водор и лениво швырнул его на стол.

— Я прошу извинить меня, пил Буббакуб, — вмешалась Хелен, — но, судя по всему, нам придется ограничить вашу свободу передвижения до получения указаний с Земли.

Джейкоб ожидал, что пил равнодушно пожмет плечами или безразлично кивнет, но Буббакуб, не обращая больше на людей никакого внимания, гордо вздернул круглую голову и с удивительным достоинством вышел из комнаты, сопровождаемый дюжими охранниками.

Хелен взяла со стола одну из частей «реликвии

летаней» и задумчиво взвесила ее на руке. Затем внезапно развернулась и с силой швырнула злополучную «реликвию» в дверь.

— Убийца!

— Это послужит мне хорошим уроком, — Мартин потерла ладонью лицо, — никому нельзя доверять.

Джейкоб чувствовал себя совершенно опустошенным. Возбуждение спало, уступив место подавленности и равнодушию. Возвращение к рациональности происходило за счет потери целостности. Он знал, что вскоре начнет спрашивать себя, не ошибся ли, выложив все сразу в буйном припадке дедуктивной логики.

Слова Мартин заставили его поднять голову.

— Никому?

Фэгин заботливо усадил Куллу на стул. Джейкоб подошел к чужакам.

— Прошу прощения, Фэгин, мне следовало прежде все обсудить с тобой.

Возможны осложнения. — Он потер лоб.

Фэгин тихо засвистел:

— Ты просто дал волю своим способностям. В последнее время ты был слишком сдержан. Но в данном случае твои таланты оказались как нельзя кстати. Не терзайся, дружище Джейкоб.

Истина слишком важна, и ей не может повредить ни избыток усердия, ни использование скрытых навыков. Джейкоб покачал головой. Если бы кантен только знал! «Навыки», о которых упомянул Фэгин, могли взорвать Джейкоба Демву, принеся куда больше вреда, чем пользы.

— Что, по-твоему, дальше? — устало спросил он приятеля.

— Полагаю, человечество поймет, что отныне у него есть могущественнейший враг. Ваше правительство вынуждено будет заявить протест. Пилы, конечно же, поспешат откреститься от Буббакуба, но сделано это будет скорее для виду. Эта раса всегда отличалась спесивостью и раздражительностью. Надеюсь, ты простишь мне столь нелестный отзыв о родственной вам расе софонтов. То, что случилось здесь, — лишь звено в длинной цепи. Тебе не надо мучить себя, дружище Джейкоб. Твоей вины нет. Ты лишь позволил человечеству осознать опасность. Рано или поздно, но это должно было случиться. Так всегда происходит с сиротскими расами.

— Но почему?!

— Вот это, мой друг, я и пытаюсь выяснить. Возможно, это и слабое утешение, но очень многие в Галактике хотят, чтобы человечество выжило. И

некоторые из нас… очень обеспокоены.

Глава 20
СОВРЕМЕННОЕ СРЕДСТВО

Джейкоб прижался щекой к резиновому ободу окуляра и погрузился в таинственную черноту. В глубине ее тревожно мерцала одинокая голубая искра. На этот раз он решил не обращать внимания на ее провоцирующие намеки. Не его дело рассуждать о разумности металлического ящика. Его сознание полностью парализовал ярчайший гештальт-образ. Пасторальная сценка в однообразных коричневых тонах словно бы сошла со старинной английской гравюры. По извилистой дороге, исчезавшей за мягко очерченными холмами, навстречу Джейкобу быстро шла высокая полногрудая женщина. Длинная темная юбка развевалась на ветру. Судя по всему, женщина только что покинула небольшой опрятный домик, уютно примостившийся у дороги. С мягкостью пейзажа резко контрастировали угрюмые низкие тучи, нависшие над покатой вершиной холма. Вдали, чуть левее, улавливалось какое-то мельтешение. Джейкоб всмотрелся. Люди. Танцуют… нет… дерутся. В форме. Солдаты.

Лица возбужденные или испуганные. Он перевел взгляд на женщину. Похоже, она тоже чего-то боится. Женщина уже не шла, а бежала, нелепо размахивая руками. Двое солдат в мундирах семнадцатого века отделились от остальной группы и теперь быстро нагоняли ее. Мушкеты с примкнутыми штыками наготове. Что…

Картина исчезла. Снова из черной глубины игриво подмигивала голубая искра. Джейкоб зажмурился и оторвался от окуляра.

— Ну вот и все, — раздался за спиной ободряющий голос Милдред Мартин.

Джейкоб повернулся и только тогда открыл глаза. Мартин склонилась над пультом, рядом с ней стоял доктор Лэрд. Оторвавшись от компьютера, Милли взглянула на Джейкоба.

— Через минуту результаты вашего П-теста будут готовы.

— Вы уверены, что этого достаточно? — По правде говоря, Джейкоб испытывал огромное облегчение оттого, что все закончено. — Всего три картинки?

— Да, хотя у Питера мы взяли пять, дабы исключить возможность ошибки.

Ваш тест просто контрольный. Присядьте и отдохните. Джейкоб опустился в ближайшее

кресло и отер рукавом проступившую на лбу испарину. Весь тридцатисекундный тест показался ему настоящей пыткой. На первой картинке он увидел мужское лицо со скорбными глазами, изборожденное многочисленными морщинами. За секунды оно поведало Джейкобу историю целой человеческой жизни, а затем исчезло, надолго впечатавшись в память, как часто случается с лицами, увиденными мельком. Второй образ представлял собой беспорядочное мельтешение абстрактных фигур, сталкивавшихся друг с другом… Похоже на солнечного тороида! Правда, фигуры не столь яркие и лишенные строгой красоты обитателей Солнца.

Третья картинка, та, что в коричневых тонах, скорее всего действительно была навеяна какой-то старинной гравюрой на тему Тридцатилетней войны. Явно сцена насилия. Джейкоб знал, что подобные образы при П-тестировании обычны и легко прогнозируемы. После трагифарсовой «сцены в гостиной» у него начисто отсутствовало желание впадать для успокоения нервов даже в очень неглубокий транс. Из-за этого он так и не смог расслабиться и как следует отдохнуть. Джейкоб поднялся и подошел к компьютеру. По другую сторону купола, неподалеку от стасис-экранов,

неторопливо прохаживался Ла Рок. В ожидании результатов теста он бездумно разглядывал причудливо вздыбленные скалы северного полюса Меркурия.

— Я могу взглянуть на предварительные данные? — спросил Джейкоб.

— Конечно. Какой образ вас интересует?

— Последний.

Мартин защелкала клавишами, и через пару секунд из щели под монитором вылез лист бумаги. Джейкоб взял его и отошел в сторону. Сцена и впрямь напомнила ему английскую гравюру восемнадцатого века. Конечно же, Джейкоб уже разобрался в ее истинном значении, но ему хотелось бы выявить свое первое впечатление, отделить его от уже аналитически осмысленной картинки.

Изображение покрывала частая сеть цифр, соединенных ломаной линией.

Линия показывала, как переключалось внимание с одной детали на другую. Цифра один находилась в самом центре картинки. До цифры шесть центр внимания перемещался довольно плавно, затем следовал резкий скачок. Цифра семь красовалась на довольно пышной груди женщины. И вообще внимание к этой детали

гештальт-образа оказалось особенно стойким. Ломаная линия то и дело возвращалась к женским прелестям, почти полностью испещренным многочисленными цифрами. В какой-то момент центр внимания все же покинул облюбованный объект, метнувшись к низко нависшим тучам, затем запрыгал по группе дерущихся. Некоторые номера в этом месте были обведены кружком или рамкой. Под каждой цифрой имелась надпись, указывавшая степень расширения зрачка, глубину фокусировки хрусталика, изменение кровяного давления. Судя по всему, модифицированный считыватель сетчаток Стэнфорда-Пурнинье сработал вполне успешно. Пригодились тахистоскоп Милдред Мартин и несколько железяк из запасов Дональдсона.

Джейкобу хватало знаний в этой области, чтобы не смущаться и не тревожиться по поводу своей рефлективной реакции на женскую грудь. Будь он женщиной, эта реакция оказалась бы иной: внимание в большей степени было бы сконцентрировано на облике в целом, на лице, одежде, прическе. Куда больше его могла бы обеспокоить собственная реакция на саму сцену. В левом углу, рядом с группой дерущихся людей, целая группа цифр была обведена рамкой. Имен-

но в этот момент он и осознал, что перед ним отнюдь не безмятежная пастораль, а сцена насилия. Джейкоб удовлетворенно кивнул. Линия от этих номеров метнулась в сторону, вернувшись назад лишь через несколько мгновений. Свидетельство о здоровом отвращении к увиденному и о последовавшем затем явном, а не скрытом любопытстве. На первый взгляд выходило, что он выдержал тест. Хотя Джейкоб в общем-то и не сомневался в подобном исходе проверки.

— Интересно, сможет ли кто-нибудь научиться обманывать П-тест? — спросил он, возвращая листок Мартин.

— Возможно, когда-нибудь такое и случится, — откликнулась она, собирая бумаги, — но для подобного трюка требуется очень хорошая подготовка. Ведь надо изменить реакцию человека на мгновенное воздействие… на образ столь быстрый, что только подсознание успевает отреагировать на него. В любом случае может возникнуть много побочных эффектов, которые так или иначе проявятся во время теста. Вы ведь знаете, как он анализируется. Коэффициенты внимания в каждой точке изображения попросту суммируются. Если полученный результат больше нуля, то тестируемый является граждани-

ном, если меньше, то человек имеет склонность к нездоровым удовольствиям. В этом вся суть теста. — Мартин повернулась к Лэрду. — Ведь так, доктор?

Тот пожал плечами.

— Вы же специалист.

Он все еще не мог простить ей того, что она не посоветовалась с ним относительно лечения Кеплера.

Теперь-то все подозрения с Милдред Мартин были сняты. Она никогда не прописывала своему пациенту варфарин. Джейкоб припомнил привычку Буббакуба на борту «Брэдбери» засыпать на пиджаке руководителя проекта. Подобная привязанность к предмету верхней одежды и позволяла ему подкладывать в переносную аптечку Кеплера средство, отнюдь не служившее для укрепления здоровья.

В поведении пила прослеживалась определенная логика. В результате махинаций с лекарственными препаратами Кеплер оказался отлученным от последнего прыжка. Обладая немалой проницательностью, руководитель проекта мог бы разоблачить трюк с «реликвией летаней». Да к тому же взбалмошное и непредсказуемое поведение Кеплера сильно ударяло по

авторитету всего проекта. Словом, все сходилось один к одному. Но, на взгляд Джейкоба, доводы отдавали вкусом протеиновых хлопьев. Они убеждали, но были лишены аромата натуральности. Тарелка, полная муляжей. Некоторые из преступлений Буббакуба уже доказаны, другие же скорее всего навсегда останутся в области спекуляций и досужих рассуждений. Представителя Библиотеки, обладающего дипломатическим иммунитетом, нельзя подвергнуть дотошному перекрестному допросу.

К ним подошел Ла Рок. Репортер выглядел несколько подавленным.

— И каков ваш вердикт, доктор Лэрд?

— Совершенно очевидно, что мистер Ла Рок никоим образом не является асоциальной личностью и нет никакой надобности подвергать его надзору, — медленно ответил Лэрд. — Его индекс социальной сознательности довольно высок. Возможно, именно это обстоятельство и служит причиной многих проблем мистера Ла Рока. По всей видимости, у него очень значительна степень сублимации. По возвращении домой мистеру Ла Року следует обратиться за профессиональной помощью. — Он замолчал и сурово взглянул на репортера.

Ла Рок смиренно опустил голову.

— А что вы скажете по поводу контрольных тестов? — спросил Джейкоб.

Он проходил тест последним, вслед за Кеплером, Хелен и еще тремя членами экипажа. Хелен не стала дожидаться подробных результатов и удалилась вместе со своими помощниками — ведь на базе царила предстартовая суета. Доктору Кеплеру о результатах теста Лэрд сообщил конфиденциально. Тот хмуро выслушал главврача и ушел, гневно тряся головой. Лэрд, проводив взглядом руководителя проекта, задумчиво потер переносицу.

— Итак, — заговорил он после паузы, — поднадзорных на базе нет. Но выяснилось кое-что, не вполне мне понятное, связанное с мыслями и взглядами некоторых из тестируемых. Знаете, такому провинциальному лекарю, как я, очень непросто вспомнить, чему его в свое время учили. И если бы не помощь доктора Мартин, я скорее всего упустил бы немало деталей. Честно говоря, не слишком приятное занятие копаться в мыслях и чувствах людей, которых хорошо знаешь и которыми восхищаешься.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Ну, в этом случае вы бы не собирались сейчас

в столь скоропалительный прыжок! А Дуэйну я не разрешил участвовать по очень простой причине — у него обычная простуда. — Лэрд покачал головой. — Простите меня! Для меня все это не слишком привычно. Повода для беспокойства нет, Джейкоб. В вашем тесте имеется несколько странных особенностей, хотя в целом тест соответствует норме. И все же кое-что меня смущает. Я не стану вдаваться в детали, поскольку они могут встревожить вас куда в большей степени, чем того заслуживают. Но я был бы весьма признателен, если бы вы и Хелен по возвращении как-нибудь зашли ко мне. Джейкоб поблагодарил его и направился к лифту. К нему присоединились Ла Рок и Мартин.

Высоко над головой пилон связи протыкал острием стасис-поле. За прозрачными стенами тускло блестели расплавленные скалы Меркурия. Солнце раскаленным ярко-желтым шаром зависло над невысокой грядой пузырчатых холмов. Подошел лифт, Мартин и Лэрд зашли внутрь. Джейкоб уже собрался последовать за ними, как его схватил за руку Ла Рок. Дверь лифта закрылась, и они остались вдвоем.

— Демва, мне нужна моя камера!

— Разумеется, Ла Рок. Комендант обезвредит

глушитель, и вы сможете забрать ее в любое время.

— А записи?

— Они у меня. Меня они тоже интересуют.

— Они вас не касаются!

— Перестаньте, Ла Рок, — простонал Джейкоб. — Почему вы хотя бы раз в жизни не можете допустить, что другие тоже обладают каким-никаким умом? Я хочу знать, зачем вы снимали звуковое изображение стасис-осциллятора на корабле Джеффа? И кроме того, мне интересно, с какой стати вы решили, что они могут понадобиться моему дяде?

— Я у вас в долгу, Демва, — медленно проговорил Ла Рок. Нарочитый акцент мгновенно исчез. — Но прежде чем я отвечу вам, я хочу узнать, насколько совпадают ваши политические взгляды со взглядами вашего дяди.

— Какого именно, Ла Рок? Дяди Джереми, что является членом Ассамблеи Конфедерации? Нет, вы вряд ли стали бы с ним сотрудничать. Дяди Хуана? Он хороший теоретик, но никудышный практик… А, вы, наверное, имеете в виду дядю Джеймса! Вот уж кто настоящий экстремист! Что ж, по многим вопросам я с ним полностью согласен. Но не собираюсь помогать ему, если он

замешан в шпионаже… Особенно если его план так же неуклюж, как и ваш. Вы не убийца, Ла Рок, и не поднадзорный. Вы шпион! Вот только на кого вы работаете? Но разрешение этой загадки я оставлю до возвращения на Землю. Там вы вместе с моим дядюшкой придете ко мне, и я решу, стоит или нет сдавать вас властям. Идет?

Ла Рок кротко кивнул.

— Я подожду, Демва. Только вы не потеряйте мои записи. Хорошо? Они слишком дорого Мне стоили. Можно сказать, я в аду из-за них побывал. Не лишайте меня шанса убедить вас.

Джейкоб посмотрел на Солнце.

— Ла Рок, избавьте меня от ваших причитаний. В аду вы не побывали… пока.

Он повернулся и вошел в кабину прибывшего лифта. До старта оставалось несколько часов. Надо было выспаться.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

В истории эволюции ни одна метаморфоза, ни один «квантовый скачок» не могут сравниться с этим феноменом. Никогда прежде образ жизни одного из видов не изменялся столь быстро и радикально. Каких-то пятнадцать миллионов лет назад представители семейства Homo ничем принципиально не отличались от других животных. Дальнейший ход событий носил взрывной характер… Первые земледельческие поселения… Города… Мегаполисы. Все это спрессовано на временной шкале эволюции в одно мгновение, равное каким-то десяти тысячам лет.

Джон Э.Пфайфер

Глава 21
DEJA PENSE – УЖЕ ПРОДУМАНО

— Вы когда-нибудь задавались вопросом, почему экипажи большинства звездолетов процентов

на семьдесят состоят из женщин? Хелен протянула Джейкобу пластиковую банку с горячим кофе и вернулась обратно к автомату с напитками, чтобы выбить из него еще одну банку, теперь уж для себя. Кофе был таким горячим, что пальцы не спасал даже тонкий слой термоизоляции, покрывавший стенки банки. Джейкоб осторожно поставил ее на подлокотник кресла.

Хелен, похоже, снова решила поиграть в свою любимую игру. Провокаторша! Он улыбнулся. Едва они оказывались друг с другом наедине (если уединение вообще возможно на абсолютно открытой палубе), как Хелен де Сильва тут же старалась втянуть его в весьма двусмысленные разговоры. Джейкоб, правда, нисколько не возражал. Благодаря этой игре он чувствовал себя сейчас значительно лучше, чем в первые часы после старта.

— Во времена моей юности мы не сомневались в том, что полеты к звездам — чисто мужское занятие. Впрочем, подобная убежденность была скорее всего лишь одним из симптомов полового созревания. Вы читали об этом у Джона-Два-Облака? Он родился в Верхнем Лондоне. Быть может, вы даже знали его родителей.

Хелен с упреком взглянула на неге. Джейкоб в

который уже раз подавил желание сообщить ей, что женщине с таким лицом следует покорять мужские сердца, а не космические просторы. Нет, все-таки, наверное, не стоит указывать профессиональному звездолетчику на то, что ямочки на щеках прелестны и совершенно неотразимы. Уж слишком велик риск.

— Хорошо, хорошо… — Он не выдержал укоряющего взгляда и рассмеялся.

— Постараюсь не отвлекаться. Полагаю, такой численный перевес женщин в космосе связан с тем, что они лучше мужчин переносят большое ускорение, перепад температур, обладают лучшей координацией и отменной выдержкой. Благодаря этим качествам они становятся прекрасными космическими путешественниками.

Хелен отхлебнула кофе и сморщилась.

— Все верно. Кроме того, женщины, судя по всему, меньше подвержены болезням во время дальних перелетов. Но, видите ли, все эти различия не столь ужи значительны. Во всяком случае, их явно недостаточно, чтобы объяснить, почему гораздо больше мужчин, чем женщин, жаждут отправишься в космос. Корабли, курсирующие внутри Солнечной системы, более чем наполовину состоят из мужчин. А на военных кораблях и

вовсе преобладает мужской пол.

— Не могу сказать ничего определенного относительно коммерческих или исследовательских кораблей, но думаю, военные отбирают людей по их склонности воевать. Разумеется, не доказано, что… Хелен рассмеялась.

— Не стоит прибегать к столь дипломатичным выражениям, Джейкоб.

Конечно, из мужчин получаются лучшие воины, чем из женщин… в статистическом смысле. Амазонки вроде меня — редкие исключения. Собственно говоря, это и есть один из критериев отбора. На борту звездолета не должно быть слишком много воинов!

— Но это же бессмысленно! Ведь зачастую звездолеты оказываются в той части Галактики, которую даже Библиотека исследовала не до конца. Астронавты сталкиваются с бесконечным разнообразием чуждых рае, многие из которых чересчур темпераментны. Галактические институты не наложили запрет на межрасовые войны. А судя по словам Фэгина, они и не смогли бы этого сделать, даже если бы захотели. Институты Галактики пытаются лишь загнать войны в определенные рамки.

— Так вы полагаете, земные звездолеты долж-

ны быть готовы к столкновениям? — Хелен по-прежнему улыбалась. В красном мерцании хромосферы ее волосы отливали странным сиянием, притягивали взгляд. — Вы правы, мы действительно должны быть готовы к военным действиям. Но поразмыслите, в какой мы находимся ситуации. Земляне вынуждены иметь дело с сотнями различных видов, объединенных одной единственной общей чертой, той, что у нас как раз отсутствует. Все галактические расы связаны цепью общих традиций. Развитием, корни которого уходят в прошлое на два миллиарда лет назад. Все они знакомы с достижениями Библиотеки, привнося туда и что-то свое. Большинство из них капризны и тщеславны, они кичатся своими привилегиями и оберегают их как зеницу ока. И подавляющее большинство с большим подозрением относится к глупой и дикой расе, обнаружившейся в глухой солнечной провинции.

— И что же прикажете нам делать, если какая-нибудь занюханная раса с примитивным разумом, который в ней развили давно почившие опекуны, вдруг решит бросить вызов земному кораблю? Что нам делать, если эти существа, начисто лишенные честолюбия и чувства юмора, вздумают задержать наш корабль и потребовать

невероятную пошлину? Ну, к примеру, в виде сорока дельфиньих песен?

Хелен нахмурилась.

— Стоит ли в такой ситуации ввязываться в драку? Как-то раз «Калипсо», корабль-красавец, до краев заполненный ресурсами, необходимыми для жизнедеятельности небольшого сообщества землян, был остановлен парочкой крошечных доисторических кораблей. Неповоротливые и медлительные, как улитки, они были явно приобретены где-то на стороне в незапамятные времена. — Голос Хелен зазвенел. — Вы только представьте себе! Новый и красивый корабль, построенный исключительно руками и разумом людей, останавливают два допотопных чудовища, ведомые «разумными» верблюдами. Но корабли ведь созданы теми, кто всю свою жизнь пользовался достижениями Библиотеки! — Голос ее прервался, и она отвернулась. Джейкоба тронуло ее волнение. Одновременно он почувствовал, что ему оказана большая честь. Он уже достаточно хорошо знал Хелен, чтобы понять: никому и никогда она не рассказывала ничего подобного. Да, их отношения крепнут прежде всего благодаря Хелен. Именно она проявляет инициативу, расспрашивая его о прошлом, о семье, о чувствах.

Сам Джейкоб почему-то не отваживался на расспросы. Понимал, что за его нерешительностью кроется не просто нежелание подпускать к себе Хелен слишком близко, а нечто большее…

— Значит, ввязываться не стоит? И мы обречены на поражение со всей неизбежностью? — спокойно спросил он.

Она кивнула, так и не повернув головы. Он откашлялся.

— Правда, у нас все еще припрятана парочка приемов, которые способны кое-кого удивить. О нас ведь, в сущности, мало что известно даже Библиотеке. Но козыри приберегают на крайний случай. А пока мы лебезим, подхалимничаем, славословим и уговариваем. Когда же это не помогает, то попросту… удираем. — Он представил себе встречу с кораблем пилов. — Впрочем, этот способ, наверное, не самый легкий.

— Да, но зато нам известен секрет хладнокровия. — Хелен снова повеселела. Ямочки заиграли в уголках губ. — Вот именно поэтому в экипажах и преобладают женщины.

— Постойте, постойте! Ведь женщины куда мстительнее мужчин!

Преобладание женских экипажей вряд ли гарантирует нам покой.

— В обычной ситуации — нет.

Хелен снова улыбнулась. Джейкоб ждал продолжения, но она лишь пожала плечами. Помолчав, Хелен вдруг придвинулась к нему и тихо прошептала:

— Пойдемте.

Она подхватила его под локоть и повела за купол, к краю палубы. Здесь не было ни души.

Пурпурное сияние хромосферы теряло однородность там, где стасис-экран изгибался. Узкая полоска, часть Большого Пятна, общая конфигурация которого со времени последнего прыжка существенно изменилась, слегка пульсировала. Хелен опустилась на колени и осторожно подобралась к самому краю платформы. Несколько мгновений она не отрывала глаз от этого мерцания. Затем оперлась ладонями о палубу и медленно опустила ноги в стасис-поле.

Джейкоб затаил дыхание.

— Вы просто сумасшедшая, — прошептал он, облизнув пересохшие вдруг губы.

Хелен неторопливо поболтала ногами. Казалось, они движутся в густом сиропе. Облегающая ноги ткань комбинезона, будто живая, покрылась рябью. Хелен взглянула на него и втянула ноги на палубу без видимого усилия.

— Похоже, с ними все в порядке, Джейкоб. Но глубже опускаться, наверное, не стоит. По всей видимости, масса моих ног вызывает искажения в удерживающем поле. Во всяком случае, при погружении туда у меня не возникло ощущения, что мои ноги вдруг взяли и перевернулись вверх тормашками.

Она снова свесила их в стасис-поле. Джейкоб почувствовал, как у него внезапно ослабли колени.

— Вы хотите сказать, что прежде ни разу не проделывали ничего подобного?! Она взглянула на него и улыбнулась.

— Вы спрашиваете, не рисуюсь ли я? Отвечаю: да, мне хочется произвести на вас впечатление. Но головы я отнюдь не потеряла. После всего того, что вы вчера рассказали о Буббакубе и его манипуляциях с пылесосом, я внимательно перепроверила все уравнения. И с удивлением выяснила, что подобные фокусы совершенно безопасны. Присоединяйтесь! Он вяло кивнул. После чехарды удивительнейших событий последних дней подобное предложение уже не казалось ему верхом безумия. Весь секрет состоял в том, чтобы просто не думать о том, что собираешься сделать. Он опустился на палубу рядом с Хелен.

Стасис-поле действительно напоминало густой сироп, вязкость которого возрастала с глубиной. Нельзя сказать, чтобы ощущения были уж очень неприятными. Единственное, что не понравилось Джейкобу, так это поведение брючин, решивших вдруг зажить своей отдельной жизнью. Какое-то время они молча сидели рядом, меланхолически болтая ногами. Хелен не спешила заговорить, а Джейкоб не хотел ее торопить. Она явно ушла в свои мысли.

— Эта трагедия с Ванильным Шпилем случилась на самом деле? — наконец тихо спросила она, не поднимая глаз.

— Да.

— Она, наверное, была чудесным человеком.

— Да.

— Нужно быть очень храброй, чтобы прыгать с одного шара на другой на высоте двадцать миль, но…

— Она пыталась отвлечь их внимание, пока я обезвреживал осветитель. Я не должен был ей разрешать. — Джейкобу казалось, что говорит кто-то другой, так изменился его голос. — Я почему-то был уверен, что успею… что смогу защитить ее… Понимаете, у меня имелось одно устройство…

— Наверное, она и во всем остальном была такой же отчаянной. Как жаль.

Джейкоб понял, что вслух он не сказал ни слова.

— Да, Хелен, вы с Таней понравились бы друг другу. — Он тряхнул головой. Нельзя раскисать. — Впрочем, мне казалось, что разговор у нас совсем о другом. Мы, кажется, обсуждали тему женщин и мужчин на космическом корабле?

Она по-прежнему не отрывала глаз от своих ног. — Мы об этом и говорим, Джейкоб.

— Разве?

— Разумеется. Помните, я как-то сказала вам, что существует способ заставить женский экипаж быть особенно осторожным при встрече с чужаками?

— Да, но…

— А знаете ли вы, что человечеству удалось основать целых три колонии? Но транспортные расходы не позволяют сделать их жизнеспособными. Проблема увеличения человекофонда в изолированной колонии — одна из острейших. — Она выпалила информацию смущенной скороговоркой. — Когда мы вернулись на Землю, то обнаружили, что конституция восстановлена А вскоре Конфедерация объявила о приглашении

женщин в космос. От желающих отбоя не было.

— Я… я не понимаю…

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Может, еще рано понимать. Знайте только, что через несколько месяцев я отправляюсь в новую экспедицию на «Калипсо». Мне предстоят кое-какие приготовления, в том числе и отбор членов экипажа. Ну вот! — Хелен вытерла пыльные руки о костюм и втянула ноги на палубу. — Пора возвращаться. Мы уже совсем рядом с активной областью. И я должна быть на посту.

Джейкоб поспешно вскочил и помог ей подняться. Поступок не показался архаичным им обоим.

По пути к пункту управления Хелен и Джейкоб решили проверить параметрический лазер. Заслышав их шаги, из-под сплетения проводов, выглянул Дональдсон.

— Привет! Думаю, эта штука готова к работе. Хотите взглянуть?

— Конечно. — Джейкоб присел на корточки.

Лазер покоился на платформе, привинченной прямо к палубе. Вытянутый многоствольный корпус слегка покачивался на шарнирном креплении. Джейкоб почувствовал, как колено Хелен слегка коснулось его щеки. Не отвлекайся!

— Этот малыш, — важно провозгласил Дональдсон, — мой скромный вклад в усилия по установлению контакта с Солнечными Призраками. Я пришел к выводу, что раз с пси у нас ничего не вышло, то надо устанавливать непосредственную, то есть визуальную связь. Большинство лазеров работает только в одном-двух очень узких спектральных диапазонах, как правило, соответствующих атомным или молекулярным переходам. Ну а этот малыш способен выдать любую длину волны. Надо лишь установить нужный режим. — Дональдсон ласково похлопал по ручкам на лицевой панели платформы.

— Да, — кивнул в ответ Джейкоб, — я уже наслышан о вашем детище.

Насколько я понимаю, он должен обладать такой мощностью, чтобы луч смог пробить экраны и остаться при этом достаточно интенсивным.

— В прошлой моей жизни, — иронически заметила Хелен, которая о своей жизни до полета на «Калипсо» всегда говорила в отстраненно-язвительной манере, словно защищая и оберегая воспоминания о безвозвратно ушедшем времени, — мы умели изготавливать многоцветные лазеры, настраиваемые с помощью оптических красителей. Они обладали приличной энергией,

были весьма эффективны и невероятно просты в обращении. — Она ласково улыбнулась воспоминанию. — Правда, краситель очень быстро рассыпался, и достоинства такого лазера мгновенно исчезали. Какой же тогда поднимался переполох! Тот факт, что мне больше никогда не придется отмывать пол от родамина G6, заставляет меня склонить голову перед прогрессом!

— Неужели вы действительно могли настроить его на любую длину волны с помощью одного-единственного красителя? — с недоверием спросил Джейкоб. — И как же вы накачивали ваш… «акварельный лазер»?

— Иногда при помощи стробоскопических машин, но чаще всего химическим способом, высвобождая энергию органических молекул, например, сахара. Для заполнения всего спектра требовалось несколько красителей. Полиметил кумарин использовался для получения синего и зеленого диапазонов. Родамин и несколько других соединений позволяли настроиться на красный цвет. Да ладно, — она махнула рукой, — это все уже пыльные древности! Расскажите-ка лучше, что за дьявольский план вы двое состряпали на этот раз?! — Она уселась на палубу рядом с Джейкобом. Оценивающе поглядела на него, не

обращая внимания на Дональдсона. Джейкобу стало неловко.

— Ну, — осипшим голосом начал он, — все довольно просто. Еще на «Брэдбери» я записал несколько дельфиньих песен. Вдруг Призраки окажутся поэтическими натурами? Когда же Дональдсон предложил использовать визуальную связь, я передал ему свои записи.

Дональдсон вмешался:

— Кроме того мы улучшили версию математического контактного кода. Эту идею тоже он мне подбросил. — Дональдсон расплылся в улыбке. — Я вряд ли узнаю ряд Фибоначчи. А Джейкоб утверждает, что это древний способ установления контакта.

— Верно, — кивнула Хелен. — Но после «Везариуса» мы никогда больше не пользовались математическими приемами. Библиотека убедила нас, что в космосе все и так друг друга давно понимают, и нет смысла копья ломать. Она легко толкнула лазерную трубу, та свободно повернулась.

— Надеюсь, включенный, он не так болтается?

— Нет, конечно! Мы его закрепим, сориентировав луч строго по радиусу корабля. Исключим внутренние отражения. Не стоит тревожиться,

капитан! К тому же во время работы лазера запрещается снимать защитные очки. — Дональдсон извлек из ящика темные очки с толстыми стеклами. — Доктор Мартин сказала, что лично проследит за выполнением. Она буквально помешана на влиянии интенсивного излучения на здоровье вообще, и на зрение в особенности. Всю базу подняла на ноги, когда признала источником яркого света безобидные лампы. Обвинила всех в «коллективной галлюцинации».

— Мне пора возвращаться к своим обязанностям. — Хелен поднялась. — С вами хорошо, но я и так уже задержалась. Мы вроде бы уже близко от цели. Надо расставить людей по местам.

Мужчины вскочили вслед за ней, она ослепительно улыбнулась каждому из них и удалилась, покачивая бедрами, словно профессиональная обольстительница. Джейкоб не мог оторвать от нее глаз.

— Знаете, Демва, поначалу я думал, что вы настоящий чокнутый. Но потом вы так ловко все вычислили, что мне пришлось изменить свою точку зрения. А сейчас я, похоже, опять начинаю думать, что у вас не все дома. Джейкоб рассеянно взглянул на него.

— Как это?

— Ясное дело, всякий мужчина готов распустить хвост, когда женщина делает ему авансы. Но этот случай не похож на прочие. Вы не потеряли голову, старина? Разумеется, это не мое дело…

— Вот именно, дружище. Не ваше.

Джейкоб встревожился не на шутку. Неужели так заметно? Он твердо пообещал себе, что, как только они вернутся на Меркурий, он вплотную займется Хелен. А пока Джейкоб лишь пожал плечами. С тех пор, как они покинули Землю, все чаще и чаще он ловил себя на том, что этот жест — единственное, что ему остается.

— Сменим тему. Вернемся к вопросу о внутренних отражениях. Вам не приходило в голову, что кто-то решил устроить грандиозную мистификацию?

— Мистификацию?

— Именно! С Солнечными Призраками. Ведь для их появления и требуется-то всего лишь компактный голографический проектор…

— Невозможно, — покачал головой Дональдсон, — на борту нет голографических проекторов. Мы все проверили несколько раз. Да и вообще очень уж неправдоподобно. Призраку еще туда-сюда, но такие сложные картины, как стадо тороидов… В любом случае камеры на обратной

стороне раскрыли бы обман очень быстро.

— Хорошо, но что вы скажете о Призраках гуманоидного типа? Их размеры невелики, форма проста, а камер они старательно избегают, вращаясь быстрее, чем мы, и все время оставаясь у нас над головой!

— Знаете, что я скажу, Джейк? Все оборудование на борту перед каждым стартом тщательно проверяется не один раз, так же как и личные вещи экипажа и пассажиров. Да и где, скажите мне, можно спрятать проектор на абсолютно открытой палубе? Честно говоря, подобная мысль мне и в голову не могла прийти. Нет, мистификация исключена.

Джейкоб задумчиво кивнул. Доводы Дональдсона вполне разумны. Притом мистификация не укладывалась в один ряд с трюком Буббакуба. Идея соблазнительная, но невероятная.

Дальний лес спикул то и дело выбрасывал вверх фонтанчики раскаленного газа, образуя огненный частокол по периметру медленно пульсирующей суперграунляционной ячейки. Она уже закрывала полнеба. В центре ячейки чернел зрачок Большого Пятна. Вокруг зрачка прослеживались области повышенной яркости.

Он оглянулся. Возле пульта управления толпи-

лись темные силуэты. Непосредственно у панели командной связи выделялись две фигуры. Высокий узкий силуэт принадлежал Кулле. Прингл то и дело вскидывал руку, указывая направление движения. Корабль постепенно приближался к длинному волокну, зависшему над самым Пятном. Другая тень, очень напоминавшая ветвистый куст, покачивалась рядом с принглом. Вот она отделилась, явно двигаясь в сторону Джейкоба.

— Вот где можно спрятать проектор! — Дональдсон без всякого стеснения ткнул пальцем в приближающееся дерево.

— Что?! Фэгин? — Джейкоб от изумления даже присвистнул. — Это несерьезно! Ведь он принимал участие всего в двух прыжках!

— Да, — задумчиво протянул механик, — но все эти его ветки и прочее… Я уж скорее начну рыться в нижнем белье Буббакуба в поисках контрабанды, чем рискну заглянуть в это воронье гнездо. Джейкобу показалось, что он уловил в голосе Дональдсона язвительные интонации. Он быстро взглянул на механика. В ответ получил лишь безмятежно-наивный взгляд. Впрочем, это было бы слишком уж невероятно — остроумие отнюдь не было коньком механика базы «Гермес». Они

поднялись, приветствуя подошедшего Фэгина. Кантен весело засвистел в ответ. Интересно, слышал ли он, о чем они тут говорили?

— Комендант де Сильва считает, что погодные условия на Солнце на редкость благоприятны. Она сказала мне, что можно будет заняться важными проблемами солнечной физики, не связанными с Призраками. Необходимые измерения займут совсем немного времени. — Фэгин склонил ветку в сторону Дональдсона. — Иными словами, мой любезный друг, в вашем распоряжении всего двадцать минут.

Дональдсон присвистнул и, не теряя времени даром, начал лихорадочно укреплять лазер. Джейкоб присоединился к нему. Неподалеку доктор Мартин копалась в своем ящике, то и дело извлекая из него мелкие предметы. Пси-шлем уже красовался у нее на голове. Джейкоб улыбнулся. Судя по всему, Милли настроена весьма решительно. Ему казалось, что он даже слышит, как она грозит, загадочным Призракам, обещая на этот раз вывести их на чистую воду, чего бы ей это ни стоило!

Глава 22
ДЕЛЕГАЦИЯ

"Вы спрашиваете, в чем смысл существования этих световых созданий? Но с таким же успехом вы можете спросить: «В чем смысл существования человека?» Я могу ответить лишь общими фразами. Человек рожден для того, чтобы снова и снова разбивать себе лоб в стремлении забраться все выше и выше. Неолитики как раз и твердят нам, что приспособляемость — главный признак человеческого рода. Человек, мол, бегает, может, и не столь быстро, как гепард, но зато куда быстрее многих других земных видов. Никогда не выиграет заплыв у выдры, но на воде держаться способен. Его глаза не столь остры, как у орла, но видит он куда лучше многих обитателей Земли. Природа не наградила его способностью прятать запасы за щеку, но и тут человек решил проблему, научившись строить жилище и разводить огонь. Со временем это странное двуногое научилось и бегать стремительнее гепарда, и плавать быстрее выдры, и видеть лучше орла. Человек пересек арктическую пустыню, забрался на са-

мые высокие вершины, освоился в джунглях, покорил океаны. Он научился всему, что умеют прочие обитатели этой планеты, и теперь ему остается лишь лениво покачиваться в любимом кресле, хвастаясь своими успехами и гордясь собой. Но этого не происходит. Человека гнетет вечная неудовлетворенность. Всегда что-то заставляет его двигаться все дальше и дальше. Он постоянно стремится вперед. В этом-то и есть его суть. И в своем стремлении человек обречен на полное одиночество. О, он всегда хотел лишь одного — узнать и понять, зачем явился в этот мир! Он кричал от тоски и отчаяния, надеясь, что найдется хоть кто-нибудь, кто услышит его. Но в ответ Вселенная по-прежнему улыбается ему своей двусмысленной звездной улыбкой. Человек сгорает от желания познать смысл и суть мироздания. И, получив отказ, он выплескивает свое разочарование на тех, кто всегда рядом с ним. Все вокруг, живое и мертвое, знает свое место. И вот человек начинает ненавидеть окружающий мир за это знание. Обитатели Земли становятся его рабами, безропотными и покорными поставщиками протеина, жертвами его неистовой ненависти, ненависти к самому себе. Человеческая «приспособляемость» обернулась

оглушающим эгоизмом. Сотни животных видов, чьи потомки могли бы со временем добиться величия, превратились в пыль под ногами своего старшего брата. Только по счастливой случайности незадолго до Контакта человечество решило заняться сохранением оставшихся в живых животных. А может, поворот в мыслях вовсе и не был случаен? Странно, что экологический припадок, в котором внезапно забилось человечество, почти точно совпал по времени с получением первых достоверных сообщений о Контакте…

И сейчас, как и тысячи лет назад, мы продолжаем спрашивать себя, что составляет смысл нашего существования. Быть может, мы созданы для того, чтобы стать примером для всех живущих в Галактике? В чем бы ни заключался первородный грех наших опекунов, побудивший их бросить нас, сейчас он оборачивается жалким фарсом.

И лишь одна надежда согревает нам душу: возможно, наши соседи, наблюдая за теми, кем движет гордыня и тщеславие, извлекут немало полезного из трагикомедии, называемой жизнь человека".

Ла Рок остановил запись и хмуро взглянул на камеру. Нет, последний кусок никуда не годится. Надо подбавить яду, да и весь текст ни к черту. Где

знаменитая непринужденность известного мастера пера? Где легкость стиля? Он поморщился. Все как-то вымученно, напыщенно… Ла Рок глотнул из пластикового стаканчика, стоявшего на подлокотнике кресла, и, рассеянно поглаживая щегольские усики, глянул в иллюминатор. Корабль уже успел развернуться, и прямо по курсу сияло и переливалось стадо тороидов. На рассуждения о скорбной участи человечества времени больше не оставалось. В конце концов, этим можно заняться и попозже. Он включил запись. «Парочка замечаний. Больше иронии, не забыть упомянуть о тимбрими — их приспособляемость куда выше человеческой. Не акцентировать проблему объединения человечества».

Он опять выключил диктофон и положил его на пол рядом с креслом.

Стадо из маленьких обручальных колец находилось уже в пятидесяти милях. Внезапно из-за прядей темного газа вынырнули особи покрупнее. Ближайший тороид выглядел настоящим монстром. Зеленые блики вихрем проносились по его выпуклым массивным бокам. Тонкие голубые линии сплетались в запутанный узор. Вокруг тороида мерцал молочный нимб.

Ла Рок вздохнул, разглядывая это чудо. Вот он,

последний довод его теории! Когда голограммы этих существ разлетятся по всей Галактике, враги будут посрамлены раз и навсегда. И все же что-то подтачивало правоту Ла Рока. Чем глубже корабль погружался в Солнце, тем отрешеннее и задумчивее становился репортер. Нереальный мир... Он улыбнулся. Впервые в жизни Пьер Ла Рок не стыдился признаться себе, что ему страшно. По-настоящему страшно.

"Жемчужины спокойствия, нанизанные на ожерелье из сверкающих изумрудов. Быть может, в этих местах в незапамятные времена затонул какой-нибудь галактический галеон, навеки похоронив сокровища своих трюмов среди перистых пылающих рифов? И никогда ни один охотник за драгоценностями не похитит эти чудесные диадемы! Они бросают вызов логике и здравому смыслу. Они бросают вызов самой истории, ибо о них во Вселенной не осталось никаких воспоминаний. Они бросают вызов могуществу не только приборов землян, но и могуществу галактической науки.

Они невозмутимы и равнодушны. Им нет дела до мышиной возни водородников и кислородников. Ведь их питает самый неисчерпаемый источник. Помнят ли они о своем начале?.. Может, они

знали самих прародителей? Мы все еще надеемся, что нам удастся задать им эти вопросы. Но не тщетны ли наши надежды?"

Когда на горизонте появилось стадо сияющих тороидов, Джейкоб на несколько мгновений оторвался от работы. Сейчас зрелище уже не произвело на него такого ошеломляющего впечатления, как в первый раз. Ненасытный человеческий разум требовал новых впечатлений. И все же Джейкоб не мог не восхититься красотой открывшейся картины. А при мысли о ее значении его охватил благоговейный страх.

На полу, у ног Дональдсона, работала компьютерная панель. На экране монитора медленно колыхался узор из плавно изогнутых линий — очертания Призрака, повстречавшегося кораблю час назад. Эту встречу вряд ли можно было назвать контак-том. Корабль, вынырнув из плотного скопления волокон у самого края стада, внезапно столкнулся с одиноким солярианином. Тот мгновенно бросился наутек. Удалившись на несколько миль. Призрак завис, явно наблюдая за нежданным пришельцем. Хелен приказала развернуть корабль, чтобы Дональдсон мог сориентировать свой П-лазер на порхающее существо.

Призрак вновь стремительно отпрянул. Дональдсон выругался и опять принялся настраивать лазер. Необходимо промодулировать сигнал в соответствии с записями Джейкоба.

На этот раз Призрак повел себя иначе. Казалось, он услышал сигнал. Его аморфные крылья-щупальца внезапно протянулись к кораблю, равномерное голубоватое сияние сменилось радужной рябью. Какое-то время он пульсировал разноцветными бликами, словно отвечая, а затем последовала вспышка изумрудного света, и солярианин исчез.

Джейкоб пододвинул к себе компьютерную панель. Как раз сейчас шел анализ поведения Призрака. Камеры запечатлели солярианина во всех подробностях. Джейкоб уже выяснил, что мерцание Призрака совпадает по фазе с басовым ритмом мелодии дельфина. Теперь предстояло выяснить, не содержится ли в сложном наборе частот, испущенном солярианином перед тем, как исчезнуть, некоего ответа.

Джейкоб решил, что мелодию и ритм песни дельфина следует искать по всей поверхности солярианина в трех режимах: цветовом, временном и яркостном. Если вдруг обнаружится что-то определенное, то во время следующей встречи

компьютер сможет запустить лазер в режиме реального времени. Если, разумеется, подобная встреча вообще состоится. Песня дельфина являлась всего лишь прелюдией к серии математических последовательностей, но Призрак явно не пожелал дослушать остальную часть световой симфонии.

Джейкоб отложил компьютер и опустил спинку кресла. Теперь можно наблюдать за тороидами, не задирая головы. Парочка бубликов покачивалась прямо перед его глазами, под углом в сорок пять градусов к поверхности палубы. Джейкоб отметил, что движения тороидов значительно сложнее, чем ему представлялось в первый раз. Быстро проносившиеся по ободу картинки скорее всего таили в себе сведения о внутренней структуре этих существ. В какой-то момент тороиды касались друг друга, но вращающиеся узоры не претерпевали никаких изменений. Столкновения тороидов в стаде становились все чаще. Им явно было не по себе. Хелен высказала догадку, что переполох вызван ослаблением магнитных полей — активная область оказалась умирающей, магнитные поля рассеивались все более и более. Тороидам приходилось подстраиваться под постоянно меняющееся направление поля.

На кушетку рядом с Джейкобом опустился Кулла. Отчетливо клацнул фарфор. Джейкоб уже немного научился распознавать состояние чужака по звуку его зубных пластинок. Он далеко не сразу понял, что этот стук является столь же фундаментальным признаком состояния принглов, как и мимика у людей.

— Я могу ждешь немного пошидеть, Джейкоб? — робко поинтересовался Кулла. — Мне только шейчаш предштавилашь вожмошношть поблагодарить вас жа помошь на Меркурии.

— Кулла, вам вовсе не нужно благодарить меня, — мягко ответил Джейкоб. — Требование о неразглашении в течение двух лет — довольно суровое наказание всем за мою прыть. Никто из нас не сможет вернуться домой, если хотя бы один человек не подпишет соответствующий документ.

— И вше же вы имели полное право рашкажать вшему миру о том, что ждешь проижошло. Библиотека обяжательно уштыдилашь бы дейштвий Буббакуба. Очень благородно ш вашей шторoны, што вы, обнаружив… ошибку Буббакуба, решили проявить шдержанношть и дать им вожмошношть ишправить положение.

— Что собирается предпринять Библиотека…

кроме наказания Буббакуба?

Кулла глотнул из своей неизменной банки с соломинкой. Глаза его засветились.

— Вероятно, Жемле шпишут вше долги и выделят шредштва на ражвитие филиала. А ешли Конфедерашия и дальше шоглашитшя молчать, то шредштва штанут поштупать поштоянно. Желание ижбежать шкандала очень велико. А ваш, Джейкоб, наверное, наградят.

— Наградят? — Джейкоб оцепенел. Для «дикого» землянина любая галактическая награда представлялась чем-то вроде волшебной лампы Аладдина. Он едва верил своим ушам.

— Да-да, не шомневайтешь, хотя в Библиотеке и шожалеют о том, что вам не удалошь поведать о швоем открытии более ужкому кругу. Штепень их щедрошти будет, по-видимому, обратно пропоршиональна той оглашке, которую получит дело Буббакуба.

— Понимаю.

Мыльный пузырь лопнул. Одно дело принимать знак благодарности от власть предержащих, и совсем другое, когда хотят купить твое молчание. Разумеется, ценность награды не изменится, а может, окажется даже и выше. Впрочем, не спешит ли он с выводами? Ведь образ мышления

чужаков никогда не совпадал с человеческим. Логика дирекции Библиотеки всегда представлялась людям абсолютной загадкой. Единственное, что Джейкоб понимал совершенно отчетливо: Библиотека изо всех сил старается избежать плохой прессы. Его интересовало, говорит ли Кулла сейчас как официальное лицо, или же просто решил поделиться с ним своими догадками? Внезапно круглая голова прингла резко дернулась. Красные глаза вспыхнули, провожая проходящее мимо стадо тороидов. Из-за толстых складчатых губ послышалось низкое гудение. Прингл нащупал на подлокотнике кресла шнур микрофона.

— Ижвините меня, Джейкоб, но мне кажетша, я что-то увидел. Нужно шообщить коменданту.

Он забормотал в микрофон, не сводя глаз с точки в небе справа от себя. Что происходит там, под углом градусов в двадцать пять к палубе? Джейкоб напряг зрение, но не увидел ничего примечательного. Из кресла Куллы донесся далекий голос Хелен. Новый приказ! Через мгновение палуба чуть дрогнула. Корабль начал разворачиваться. Джейкоб взглянул на свой компьютер. На мониторе появились первые результаты. Ничего, что можно было бы интерпретировать как ответ на их сигнал. Жаль, жаль.

— Уважаемые софонты, — раздался голос Хелен, — прингл Кулла вновь обнаружил соляриан. Просьба всем занять свои рабочие места. Звонко клацнули давилки Куллы. Джейкоб вскинул глаза. Под углом в сорок пять градусов быстро росла сияющая точка. Вот уже можно было различить пять симметричных отростков Приблизившись к кораблю. Призрак остановился.

Прямо перед солнечным кораблем кривлялась вторая, зловещая ипостась солярианина. Утрированная карикатура на человека свирепо сверкала красными провалами глазниц и разинутого рта. На этот раз на корабле решили даже не пытаться поймать видение камерами. Ставку сделали на параметрический лазер.

Джейкоб подал знак Дональдсону. Тот защелкал кнопками.

— Внимание! Всем немедленно надеть защитные очки! Мы включаем лазер.

Дональдсон первым надел очки и, оглядевшись, убедился, что все выполнили его приказ. Исключение составил лишь Кулла, ему на слово поверили, что лазерное излучение безвредно для его глаз. Дональдсон склонился над своим детищем.

Даже сквозь стекла защитных очков Джей-

коб различил тусклое свечение на внутренней поверхности защитного экрана. Интересно, окажется ли этот «человек» более склонным к общению, чем его аморфный собрат? Скорее всего это то же самое существо. Возможно, оно и исчезало лишь навести марафет. Лазерный луч пробил Призрака насквозь. А тот продолжал свое бесстрастное порхание. Джейкоб услышал, как неподалеку чертыхается Милдред Мартин.

— Черт знает что! — яростно шипела она. Джейкоб оглянулся на нее.

Из-под массивного пси-шлема и нацепленных сверху очков высовывался лишь кончик носа. — Не то, не то, черт возьми! Что-то есть, но не там! Да что же случилось с этой проклятой штуковиной! — Она в сердцах хлопнула ладонью по шлему.

Внезапно видение спикировало и, словно гигантская бабочка, опустилось на обшивку корабля. «Лицо» подернулось полосатой рябью, существо начало растекаться по обшивке корабля, постепенно превращаясь в неровный прямоугольник, некое подобие экрана. На его поверхности то там, то здесь замелькали зеленые искры. Они беспорядочно мельтешили по «экрану». И внезапно сложились в слова!

— О Боже! — прошептал Джейкоб.

Где-то поблизости раздался дрожащий свист флейты. Сбоку Кулла громко молотил своим фарфором.

Прямо перед глазами ошарашенных и испуганных наблюдателей сияла надпись на правильном английском:

«ОСТАВЬТЕ НАС. НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ».

Джейкоб с силой вцепился в подлокотники кресла. Тишина, нарушаемая лишь учащенным дыханием людей и звуковыми эффектами В.З., становилась невыносимой.

— Милли! — Он изо всех сил старался не сорваться на крик. — Милли, ради Бога, вы что-нибудь уловили? — Джейкоб даже не заметил, как уже во второй раз за последнюю минуту изрекает лексический архаизм. Мартин застонала.

— Да… Нет! Нет! Я что-то поймала, но это абсолютно бессмысленно! Ни с чем не сообразно!

— Попробуйте спросить его! Спросите, получает ли он ваш пси?

Мартин сгорбилась, спрятав голову между вскинутых рук. Буквы тут же перестроились.

«СОСРЕДОТОЧЬТЕСЬ. ГОВОРИТЕ ВСЛУХ».

Джейкоб оцепенел. Он чувствовал, как внутри у него зашевелился мистер Хайд. Что же, черт

побери, заинтересовало этого пройдоху?!

— Спросите, почему он только сейчас решил заговорить с нами?

Мартин отчетливо повторила вопрос вслух.

«ПОЭТ. ОН ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС. ОН ЗДЕСЬ».

— Нет! Нет! Я не хочу! — в ужасе взвизгнул Ла Рок.

Джейкоб резко обернулся Репортер, прикрыв голову руками, скорчился в кресле рядом с автоматами для раздачи пищи.

«ПОЭТ ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС».

Изумрудная надпись не оставляла никаких сомнений.

— Доктор Мартин, — раздался спокойный голос Хелен, — спросите солярианина, почему нам не следует возвращаться. Через несколько мгновений надпись изменилась.

«МЫ ХОТИМ БЫТЬ ОДНИ. ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВЬТЕ НАС».

— А если мы все-таки вернемся? Что тогда? — хрипло спросил Дональдсон. Мартин угрюмо повторила вопрос.

«НИЧЕГО. НАС ВЫ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИТЕ. ТОЛЬКО НАШИХ МЛАДШИХ БРАТЬЕВ. НЕ НАС».

«По крайней мере выяснили, что существует два типа соляриан», — невесело подумал Джей-

коб. Должно быть, «обычная разновидность» — это их молодежь, которой поручаются простые задачи, например, сопровождение тороидов. Где же тогда обитают взрослые? Какая у них культура? Как вообще, скажите на милость, создания из ионизированной плазмы могут общаться с существами из воды, незванно заявившимися к ним в гости?! Мысли путались. Итак, взрослые соляриане могут избегать встречи с солнечным кораблем, да что там, с целой флотилией солнечных кораблей, столь же легко, как орел уворачивается от воздушного шарика. Если сейчас они прервут контакт, то никогда уже люди не смогут заставить их возобновить общение. Бессильная ярость овладела им.

— Пожалуйшта, — раздался голос Куллы, — шпрошите, обидел ли их Буббакуб? — Глаза прингла так и полыхали огНем. «БУББАКУБ НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ. ВСЕ ЭТО МЕЛОЧИ. ОСТАВЬТЕ НАС».

Солярианин начал таять. Неровный прямоугольник уменьшался на глазах.

— Постойте! — Джейкоб вскочил на ноги. Вскинутые в отчаянии руки поймали пустоту. — Не бросайте нас так! Мы ведь ваши ближайшие соседи! Мы всего лишь хотели поделиться с вами

информацией! Скажи хотя бы, кто ты?! Призрак неумолимо удалялся. Вот налетело облако темного газа, скрыв солярианина из виду. Но прежде чем Призрак окончательно исчез, наблюдатели смогли прочесть последнюю фразу, блеснувшую сквозь разрыв в плазменных тучах:

«ПОЭТ ОТВЕТИТ ВМЕСТО НАС».

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

В глубокой древности два пионера-воздухоплавателя создали первые летательные аппараты, представлявшие собой обычные крылья. Один из них, Дедал, взлетев невысоко, и полет прошел благополучно. После приземления его окружили должным почетом и уважением. Икар же взмыл к самому солнцу, которое своим жаром растопило воск, скреплявший крылья, и полет смельчака закончился катастрофой. Классические авторитеты осудили Икара за его «лихачество». Я же предпочитаю считать, что он своим поступком выявил серьезный недостаток в конструкции современных ему летательных аппаратов. Сэр Артур Эддингтон. Из книги «Звезды и атомы».

Оксфорд-Юниверсити-Пресс, 1927

Глава 23

ВОЗБУЖДЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Пьер Ла Рок сидел на полу, прислонившись спиной к эксплуатационному куполу. Пухлые дрожащие руки обхватили колени, отрешенный взгляд уткнулся в палубу. Никогда в жизни журналист еще не чувствовал себя столь несчастным. Как утопающий за последнюю соломинку, Ла Рок хватался за надежду, что, может, Милли все-таки сжалится над ним и сделает укол. И он проспит выход корабля из хромосферы.

К сожалению, такой поворот дела совершенно не согласовывался с его новой ролью пророка. Ла Рок никак не мог справиться с дрожью, сотрясавшей его тело. Впервые за свою карьеру журналист осознал совершенно ясно и отчетливо, в чем состоит разница между комментатором событий и их творцом. Солярианин навлек на него проклятие. За что?! Вдруг это странное существо просто решило подшутить над ним? А может, слова запрятаны глубоко-глубоко и всплывут лишь после возвращения домой, вызвав на Земле всеобщие шок и замешательство? Вряд ли Призрак имел в виду собственное мнение журналиста… Ла Рок в отчаянии начал раскачиваться из стороны в сторону. Нет… одно дело, когда передаешь чьи-то

идеи и мысли, пропуская их через собственную личность, и совсем другое — вещать самому, обрядившись в одежды пророка.

Все остальные собрались у командного пункта, чтобы обсудить дальнейшие действия. Он слышал их гомон, от которого ему становилось еще хуже. За что?! За что?! Он чувствовал их взгляды на себе. Он знал: они говорят о нем. Впервые в жизни Пьер Ла Рок хотел умереть.

— А я говорю, его нужно убрать, — твердил Дональдсон, возбужденно размахивая руками. Картавость, прежде почти незаметная, стала сейчас отчетливой. Джейкоб прекрасно понял, что имеет в виду главный механик, и ему стало не по себе. — Неприятностям не будет конца, если он доберется до Земли, — мрачно добавил механик.

Милдред Мартин кусала губы.

— Нет! Это неразумно! Надо запросить Землю, как только мы вернемся на базу. Власти Конфедерации могут принять решение о его изоляции. Но никому не удастся выйти сухим из воды, если мы решимся на физическое уничтожение Питера.

— Довольно неожиданная реакция, Милли, — сухо заметил Джейкоб. — Я-то думал, что вам будет противна сама идея насильственного устранения. Но никак не ожидал такого прагматизма.

Мартин пожала плечами.

— Теперь-то уж, наверное, все вы поняли, что я представляю одну из фракций в Ассамблее Конфедерации. Питер мой друг, но если мне станет ясно, что долг перед Землей требует убрать его с дороги, я не задумываясь пойду на это. — Она надменно вскинула голову.

Впрочем, удивление Джейкоба было не совсем искренним. Маски скинуты, и вот-вот наступит развязка! Если даже добродушный Дональдсон решился высказаться за физическое устранение репортера, то чего уж ждать от остальных. Милдред Мартин с ее профессиональной бесстрастностью вполне способна подвести хорошую идейную базу под любое самое немыслимое предложение. Он оглянулся на репортера. Ла Рок тоже оставил свое притворство. Страх, похоже, полностью парализовал беднягу. Дональдсон вскинул указующий перст.

— А вы заметили, что солярианин даже не упомянул о нашем лазерном луче? Луч прошел сквозь него, а ему хоть бы хны! А ведь тот, другой…

— Юнец.

— Ну да, так вот юнец определенно прореагировал.

Джейкоб дернул себя за ухо.

— Загадкам нет конца. Почему взрослое существо избегает приборов? Ему есть что скрывать? Зачем во время предыдущих прыжков надо было угрожать нам? Почему он оставил политику запугивания? Почему вообще он не сразу пошел на общение с нами? Ведь доктор Мартин никогда не расстается со своим пси-шлемом.

— Может, как раз параметрический лазер и помог установить контакт?

Своего рода недостающее звено… — предположил один из членов экипажа. — Или он ждал кого-то с более высоким статусом… Мартин презрительно фыркнула.

— Мы уже выдвигали эту гипотезу во время предыдущего прыжка, но она, как вы знаете, не сработала. Буббакуб контакт симулировал, а Фэгин потерпел неудачу, несмотря на все свои старания… О! — Глаза ее внезапно расширились. — Вы имеете в виду Питера?!

На палубе повисла столь плотная тишина, что, казалось, ее можно резать ножом.

— Джейкоб, как жалко, что у нас не нашлось хотя бы захудалой камеры, — криво ухмыльнулся Дональдсон. — Она могла бы решить все наши проблемы.

Джейкоб невесело улыбнулся в ответ.

— Deus ex machina <бог из машины>, так что ли, механик? Вы не хуже меня знаете, что ждать особых милостей от Вселенной нам не приходится.

— У нас есть еще один путь — попросту смириться, — снова заговорила Мартин. — Возможно, нам больше никогда не удастся увидеть взрослых Призраков. На Земле наши рассказы об «антропоморфных фигурах» воспримут скорее всего крайне скептически. Доказательства — лишь размытые фотографии да утверждения двух десятков софонтов, которые с легкостью можно списать на счет массовой галлюцинации.

Она понуро опустила голову.

Джейкоб только сейчас осознал, что рядом с ним, почти касаясь его руки, стоит Хелен. Все это время она молчала.

— Что ж, во всяком случае, «Прыжку в Солнце» ничто отныне не угрожает, — заметил Джейкоб. — Можно смело Бог из машины продолжать исследования Солнца, изучать тороиды. Соляринин ясно дал понять, что они не станут нам мешать.

— А что с ним? — Дональдсон ткнул пальцем в скорчившегося на полу Ла Рока.

— Сейчас для нас важнее решить, что делать

дальше. Мы находимся у нижней границы стада. Я предлагаю подняться и порыскать над стадом. А вдруг соляриане так же сильно отличаются друг от друга, как и люди? Возможно, наш приятель просто был не в духе. — Джейкоб вопросительно взглянул на остальных.

— Я об этом как-то не думала, — равнодушно откликнулась Мартин.

— Пускай П-лазер работает в автоматическом режиме и выдает закодированные английские фразы. На то время, пока мы будем неторопливо продвигаться вверх, сориентируем лазер на стадо в надежде, что он привлечет более благосклонного взрослого солярианина.

— Если таковой обнаружится, надеюсь, я не наложу в штаны от страха, — грубовато заметил Дональдсон. — В прошлый раз я здорово перепугался. Хелен обхватила себя за плечи, словно ей внезапно стало холодно.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? Нет? Тогда разрешите мне подвести итог. Я не позволю, — продолжала она, чеканя каждое слово, — никаких опрометчивых действий в отношении мистера Ла Рока. А сейчас объявляю перерыв. Подумайте о том, что нам делать дальше. Пусть кто-нибудь минут через двадцать пригласит

Куллу и Фэгина на общее собрание. Пока все. Джейкоб почувствовал, как ее ладонь робко коснулась его руки.

— Вы в порядке, Хелен?

— Все отлично… — Но улыбка у нее вышла не слишком убедительной. — Просто я… Джейкоб, я хочу с вами поговорить.

— Хорошо.

Хелен покачала головой, казалось, едва сдерживая слезы. Она потянула его к крохотному закутку, прилепившемуся к центральному куполу. Ее кабинет. Задвинув за собой дверь, Хелен расчистила место на небольшом письменном столе и предложила ему сесть. Сама же Хелен прислонилась к двери.

— О Боже, Джейкоб, — выдохнула она, откинув со лба светлую прядь.

— Хелен… — Он рванулся к ней, но она жестом остановила его.

Глаза ее сверкнули.

— Джейкоб, — он видел ее отчаянные усилия взять себя в руки, — я прошу вас об одной любезности. Обещайте мне, что вы никогда и никому не расскажете о том, что сейчас услышите. Я не стану говорить, пока вы не пообещаете мне.

Ее глаза молили.

— Конечно, Хелен. Только…

— Обнимите меня… — Она судорожно всхлипнула и в следующее мгновение уткнулась ему в грудь.

Джейкобу ничего не оставалось, как крепко обнять ее. Он медленно баюкал ее, бормоча какие-то бессмысленные успокаивающие слова. Крупная дрожь сотрясала ее гибкое тело.

— Шшшшш… все в порядке, все в порядке, Хелен, все в порядке…

Мягкие волосы щекотали ему шею, нежный запах старинных духов заполнил все крохотное пространство «кабинета». Он чувствовал, что пьянеет от ее близости. Он ласково гладил ее по спине, по плечам и чувствовал, как расслабляются под его ладонями напряженные мышцы. Постепенно Хелен перестала дрожать, тело ее обмякло. Честно говоря, Джейкоб уже не знал, кто кому тут оказывает любезность. Он много лет не чувствовал себя таким умиротворенным. Его до слез тронуло ее доверие. Он был счастлив, да-да, именно счастлив. Где-то внутри скрипучий голос ворчливо жаловался на судьбу. Но причитания мистера Хайда были напрасны. Да и существовал ли вообще этот неприятный субъект? Джейкоб чувствовал, как губы его расползаются в идиоти-

чески-блаженную улыбку.

Через несколько мгновений Хелен подняла голову, смущенно улыбнулась и хрипло заговорила:

— Я напугана, Джейкоб. Никогда в жизни мне еще не было так страшно.

Но все равно нельзя так распускаться. Мне казалось, я смогу оставаться Железной Леди до конца полета, но… но вы… вы были слишком близко… Простите меня.

Джейкоб отметил, что она не делает никаких попыток отстраниться. Он по-прежнему крепко сжимал ее в объятиях.

— Пустяки, не переживайте, — коснулся он губами ее лба, — когда-нибудь я расскажу вам, как это было прекрасно. А ваш страх очень естествен. Я сам чуть рассудка не лишился, когда увидел эти надписи. А ведь любопытство и бесчувственность — суть моей натуры. Реакцию всех остальных вы видели. Просто на вас лежит ответственность за всех. Хелен не ответила. Она высвободила руки и положила ему на плечи.

— Во всяком случае, — он поправил ей выбившуюся прядь, — во время ваших межзвездных странствий у вас было куда больше причин для страха. Хелен сверкнула глазами.

— Мистер Демва, вы невыносимы! Вы и ваши навязчивые напоминания о моем опыте! Вы что, полагаете, я всегда была трусихой? Сколько же мне лет, по-вашему?

Джейкоб улыбнулся. Она по-прежнему не делала никаких попыток вырваться из его объятий.

— Ну, с релятивистской точки зрения… — начал он.

— К черту релятивизм! Мне двадцать пять! Запомните это раз и навсегда! Возможно, я и повидала больше вашего, но в реальном мире у меня куда меньше опыта, чем у вас, дорогой мистер Демва. И мой профессиональный уровень никак не влияет на мои чувства! Но я боюсь того, что нужно сохранять выдержку, отвечать за жизнь людей… В этом я не похожа на вас! Вы, с вашей вечной невозмутимостью, удачливый и бесчувственный, этакий герой-дурачок из народных сказок, вы… Капитан Бэлок на «Калипсо» был таким же. Когда мы прорвали безумную блокаду на J-8… А теперь я допущу еще одно нарушение закона и попрошу вас поцеловать меня, поскольку по собственному почину вы, похоже, этого делать не собираетесь! Она вызывающе взглянула на него. Джейкоб рассмеялся и привлек ее к себе. Какое-то мгновение она сопротивлялась, но

затем ее руки обвили его шею, и она приникла к его губам.

Джейкоб снова почувствовал, как она дрожит. Но на этот раз все было иначе. Внезапно с мучительной ясностью он осознал, что прошло больше двух лет с того момента, как… Он резко отшвырнул от себя все воспоминания. Таня мертва! А Хелен так восхитительно жива. Он сжал ее еще крепче и ответил на ее страстный призыв единственно возможным способом.

— У вас превосходные методы лечения, доктор, — лукаво заметила она. — Я словно родилась заново. А вот вы будто не один день провели в центрифуге.

— В центрифуге? Это что еще за зверь? Впрочем, неважно. Надоели мне ваши анахронизмы, мадам! Хочу заметить, вы очень тщеславны. Взгляните только на себя, так и светитесь от гордости, что заставили меня почувствовать себя слитком на наковальне.

— Угу.

Джейкоб не выдержал и рассмеялся.

— Замолчите, вы, невежа, разве вам неизвестно, что к старшим надо относиться с уважением и почтением? Кстати, сколько у нас еще времени? Он взглянул на часы.

— Около двух минут.

— Черт! Проклятое совещание! Вы только-только начали проявлять ко мне интерес. И кому это пришло в голову назначить столь неудобное время?

— Вам.

— Мне? Ах да! Действительно, мне. В следующий раз я отведу вам не меньше получаса, и мы сможем обсудить наши вопросы более подробно. Джейкоб неопределенно кивнул. Порой было очень трудно понять, говорит она в шутку или всерьез.

Прежде чем открыть дверь, Хелен обернулась и нежно поцеловала его.

— Спасибо, Джейкоб.

Он ласково коснулся ее щеки, и Хелен на мгновение прижалась к его ладони. Слова тут были излишни.

Она отодвинула дверь и выглянула наружу. Поблизости находился лишь пилот, внимательно следивший за своими приборами. Все остальные, по всей видимости, уже собрались в буфете.

— Пошли, — позвала она Джейкоба, — проголодалась — страсть! Лошадь бы проглотила.

Джейкоб вздрогнул. Лошадь?! Если он хочет узнать эту женщину получше, его воображение

должно быть готово к подобным упражнениям. Лошадь… Надо же!

Он шел вслед за Хелен, любуясь непринужденным изяществом ее походки. Джейкоб был настолько поглощен этим зрелищем, что не заметил, как мимо корабля скользнул гигантский тороид. Его вращающиеся бока были украшены замысловатыми звездами и молочно-белым нимбом.

Глава 24
СПОНТАННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Джейкоб и Хелен присоединились к остальным. Кулла, привстав на цыпочки, извлекал пустую банку диетического напитка из-под листвы Фэгина. Шаря одной рукой в зарослях разумного куста, другой прингл сжимал еще одну банку.

— Еще раз приветствую вас, друзья мои, — пропел кантен. — Прингл Кулла любезно согласился помочь мне принять диетическую добавку. При этом, боюсь, он совершенно забыл о собственном питании.

— Вше в порядке, шэр, — прошепелявил Кулла.

Джейкоб вытянул шею. Это был очень удобный случай узнать побольше о физиологическом

устройстве Фэгина. Кантен как-то сказал ему, что у представителей его вида отсутствует какая-либо стыдливость. Так что теперь он, наверное, не станет возражать, если его старый приятель проявит несколько чрезмерное любопытство.

Что же там орошал Кулла? Джейкоб попытался заглянуть через плечо прингла, но тот резко дернул рукой, освобождая зацепившийся за ветку рукав своего просторного одеяния. Удар пришелся прямо в глаз. Джейкоб вскрикнул и, не удержав равновесия, отлетел в сторону.

Громко застучали фарфоровые пластинки. Банки выпали из рук испуганного Куллы и покатились по палубе. Джейкоб поспешно вскочил на ноги и яростно взглянул на Хелен, тщетно пытавшуюся сдержать душивший ее смех. Затем перевел взгляд на трясущегося прингла.

— Не беспокойтесь, Кулла, — он поднял руку, — ничего страшного не произошло. Я сам виноват. Кроме того, у меня в запасе есть еще один глаз. Он подавил желание потрогать саднящую бровь. Кулла поднял на него засветившиеся глаза. Стук постепенно стих.

— Вы очень любежны, друг Джейкоб, — с трудом выговорил он, — в подобных иншидентах между подопечным и предштавителем штаршей

рашы именно подопечный нешет ответштвенношть. Шпашибо вам, вы очень добры.

— Да будет вам, дружище! — Джейкоб махнул рукой и постарался улыбнуться как можно натуральней. Далось это ему нелегко, он так и чувствовал, как заплывает глаз. И все же надо поскорей сменить тему, иначе бедняга совсем растеряется. — А что касается глаза, так я читал, что большинство видов, обитавших прежде на планете Прингл, вполне обходились одним органом зрения. До тех пор, пока не появились пилы со своими генетическими программами.

— Да, Джейкоб. Пилы наделили наш двумя глажами иж… эштетичешких шоображений, ведь большинштво двуногих в Галактике имеют бинокулярное жрение. Они не хотели, чтобы другие младшие рашы дражнили наш. Джейкоб нахмурился. За всем этим явно что-то скрывалось… Мистер Хайд наверняка уже во всем разобрался, но предпочитает отмалчиваться исключительно по причине дурного нрава. Вот скотина! И где это чертово подсознание?! Когда не нужно, оно так и прет наружу, когда же необходима его помощь…

— Но, дружище Кулла, я также читал, что представители вашего вида жили на деревьях, и… даже были брахиатами, если я ничего не путаю…

— Что это такое? — оглушительным шепотом осведомился за его спиной Дональдсон.

— Они предпочитали проводить время, повисну в на дереве, — так же шепотом ответила Хелен, — тише вы!

— Но если у ваших предков имелся только один глаз, то каким образом они могли оценивать расстояние при прыжках с дерева на дерево? Не успел Джейкоб договорить, как его охватило ликование. Вот оно! Что, любезный мистер Хайд, не только вы чего-нибудь стоите? Это все Хелен, все ее благотворное влияние. Теперь ответ Куллы его нисколько не интересовал. Джейкоб упивался победой над своим ловким соперником.

— Я думал, вы жнаете, друг Джейкоб. Я шлышал, как комендант де Шильва объяшняла перед первым прыжком, что мое вошприятие отличаетшя от вашего. Мои глажа шпошобны определять не только интеншивношть ижлучения, но и его фажу.

— Вот как? — Разговор и в самом деле становился чрезвычайно интересным. «Надеюсь, Фэгин даст мне знать, когда я коснусь болезненной для Куллы темы». — Но ведь излучение солнечного света, если на пути его распространения имеются препятствия, непостоянно. Подобную систему

используют дельфины в звуковом диапазоне. Они также воспринимают фазу волны, но при этом сами обеспечивают когерентность, издавая сигналы через строго определенные промежутки времени. — Джейкоб отступил назад, выдерживая паузу, словно умелый актер. Под ногой что-то треснуло, он рассеянно подобрал одну из упавших банок. — Так что, если даже ваши предки и воспринимали фазу излучения, то в отсутствие когерентного источника эта способность была абсолютна бесполезна. — Джейкоб чувствовал, как внутри него нарастает возбуждение. Он облизнул внезапно пересохшие губы. — Лазер! Природный лазер! Неужели в ваших лесах есть источники лазерного излучения?!

— Черт побери, это становится интересным! — проворчал за его спиной Дональдсон. Кулла кивнул.

— Да, Джейкоб. Мы нажываем их, — фарфоровые давилки начали выбивать сложный ритм, — раштениями… Прошто не веритша, что вы шмогли догадатша о них на ошновании штоль малого количештва данных. Ваш можно пождравить. Когда мы вернемша на Меркурий, я обяжательно покажу их изображения. Джейкоб взглянул на Хелен, как-то странно улыбавшуюся

ему. Где-то в глубинах его мозга раздался отдаленный рокот, но он не обратил на него внимания.

— Мне было бы очень интересно, Кулла.

В руке Джейкоб по-прежнему сжимал банку. В воздухе стоял аромат свежескошенной травы.

— Вот, Кулла, ваш завтрак. — Он протянул принглу банку, рассеянно взглянув на надпись на этикетке. И тут же почти вырвал банку из руки чужака.

— Милли, идите скорее сюда! Взгляните! — Он протянул банку Мартин, ткнув пальцем в этикетку.

— Алкалоидная смесь?.. Альфа-ацетонил-бензил-гидроксикумарин? — Она подняла на него непонимающий взгляд, затем глаза ее расширились. — Варфарин! Это же варфарин! Так, значит, он служит диетической добавкой в питании принглов! Но каким образом она попала в аптечку Дуэйна? Джейкоб смущенно улыбнулся.

— Боюсь, недоразумение возникло исключительно по моей вине. Как-то на «Брэдбери» мне не спалось, и я решил выпить кофе, но по рассеянности заказал питание Куллы. В тот момент я был настолько сонным, что начисто забыл об этом происшествии. И таблетка, по-видимому, попала в один карман с лекарствами Кеплера. В итоге и

возникла вся эта путаница. Ситуацию усугубило то, что диетическая добавка Куллы оказалась идентична старому земному яду. Сколько же я наделал ошибок! Я ведь решил, что это Буббакуб подсунул доктору Кеплеру яд, но, честно говоря, уже тогда эта теория мне не нравилась.

Он виновато пожал плечами.

— Что касается меня, то я рада, что все наконец выяснилось, — рассмеялась Мартин. — Всеобщая подозрительность не самое приятное на свете!

Конечно же, открытие это не имело уже никакого значения, но разрешение загадки, изрядно попортившей всем крови, существенно подняло настроение.

Лишь Ла Рок не присоединился к всеобщему ликованию, предпочитая прохаживаться в стороне, что-то бормоча себе под нос и загадочно улыбаясь. Мартин позвала его, но он лишь покачал головой и продолжил прогулку по периметру корабля.

Хелен коснулась руки Джейкоба, все еще сжимавшей банку Куллы.

— Кстати, о совпадениях… Вы внимательно прочли формулу пищевой добавки Куллы? — Она бросила на него многозначительный взгляд. В этот момент прингл, вежливо отступивший в

сторону, снова придвинулся к нему.

— Джейкоб, ешли вам больше не нужен мой жавтрак, то можно, я жаберу его?

— Что? Ах да! Конечно же, вот держите. Так что вы там говорите, Хелен?

Он любовался ее прелестным лицом, не слыша, что она говорит. Типичный признак начальной стадии влюбленности — никак не можешь сосредоточиться на смысле слов объекта обожания.

— …Я говорю, что, когда доктор Мартин зачитывала вслух формулу диетической добавки, я заметила очень интересное совпадение. Помните, мы недавно говорили о лазерах на органических красителях? Так вот… Голос Хелен снова отдалился. Джейкоб видел, как движутся нежные губы, но ничего не слышал. Одно лишь слово стучало в мозгу раскаленным молотом: кумарин. Кумарин.

Он чувствовал поднимающуюся изнутри дрожь. Нервные окончания не выдерживали напряжения. Мистер Хайд мощно и настойчиво стремился на волю, не давая сосредоточиться на словах Хелен. Он мог лишь понять, что она отправляется в полет на «Калипсо» и хотела бы взять его с собой. Неужели мистер Хайд ненавидит Хелен? Догадка выглядела просто ошеломляющей. Впервые после смерти Тани он

может попытаться полюбить, и… Жгучая боль стиснула череп раскаленным обручем. Откуда такая ненависть?! Мистер Хайд нарушил их соглашение! Он давно уже знает все, но таит свои знания в темном болоте подсознания. Невыносимое ощущение.

— Джейкоб, с вами все в порядке? — пробился сквозь пелену голос Хелен.

Он поднял на нее затуманенный взгляд. В глазах Хелен читалась нескрываемая тревога. Из-за ее плеча на него в упор уставился Кулла.

— Хелен, — резко сказал Джейкоб, — пожалуйста… рядом с панелью я оставил коробочку с таблетками от головной боли… Вы не могли бы принести ее? — Он сморщился от нового приступа.

Паника билась внутри, готовая вот-вот выплеснуться наружу.

— Хорошо, я мигом! — Хелен быстрым шагом направилась к пульту управления.

Джейкоб вздохнул с облегчением Ушла. Он скользнул взглядом по остальным. У всех на поясе болтались защитные очки. Лишь комендант, опытнейшая и осмотрительнейшая де Сильва, напрочь забыла о мерах безопасности.

Направляясь к пульту управления, Хелен

никак не могла справиться с охватившими ее сомнениями. Джейкоб не оставлял никакой коробочки с лекарствами! Она бы знала об этом. Он просто хотел избавиться от нее. Но почему? Она оглянулась. Джейкоб извлек из пищевого автомата протеиновый шарик и непринужденно направился к П-лазеру. У люка в гравитационную петлю стоял Кулла, не сводя с него пристальных светящихся глаз. Джейкоб совершенно не походил на человека, испытывающего приступ головной боли! Хелен почти обиделась. Что ж, раз этот чертов индеец не хочет, чтобы она была рядом с ним, тем лучше! Надо сделать вид, что она ищет проклятые таблетки! Она уже собиралась отвернуться, как вдруг Джейкоб споткнулся об один из корней Фэгина и растянулся на палубе. Протеиновый шарик покатился, остановившись у основания П-лазера. Прежде чем Хелен успела что-либо сообразить, Джейкоб с глупейшей улыбкой вскочил на ноги и бросился подбирать свою дурацкую подкормку. Хелен внимательно следила за его непонятными манипуляциями. Вот он наклонился, чтобы поднять шарик, неуклюже при этом задев ствол лазера.

В следующее мгновение синее сияние залило палубу. Раздались испуганные крики. Хелен,

инстинктивно прикрыв глаза одной рукой, другой потянулась к поясу за защитными очками. Но их там не было! Кресло! Она забыла их там! Вот дура!

Кресло находилось футах в трех от нее. Не открывая глаз, Хелен прикинула, в каком направлении ей следует двигаться, и, не теряя времени, одним прыжком-падением, преодолела расстояние. Слава Богу, очки здесь! По-прежнему не открывая глаз, Хелен натянула очки, и только тогда решилась оглядеться.

Повсюду мелькали яркие блики. Луч, потерявший строго радиальное направление, отражался от вогнутой поверхности оболочки, накрыв палубу лазерной сетью. Свет, промодулированный «кодом для установления контакта», мерцал на палубе и на поверхности центрального купола. Возле пищевых автоматов на полу скрючились человеческие тела. Никто не делал попыток подобраться к П-лазеру и отключить его. Черт побери, где же Джейкоб и этот увалень Дональдсон?! Неужели их ослепило в первое же мгновение?!

У люка в гравитационную петлю толкалось несколько фигур. В стробоскопическом мельтешений Хелен с трудом узнала Демву, главного механика и… Куллу. Что… что они, черт возь-

ми, там делают?! Она не верила своим глазам — Джейкоб, похоже, пытался нахлобучить на голову Куллы мешок!

Времени на размышления больше не было. Впрочем, как и особого выбора. Первым делом надо отключить лазер, а потом уже разбираться. Уворачиваясь от синих лучей, Хелен метнулась к П-лазеру и ударила по переключателю. Световая чехарда разом прекратились, если не считать какой-то странной запоздавшей вспышки, мелькнувшей у люка в гравитационную петлю. За вспышкой последовал леденящий душу вопль. В наступившей тишине отчетливо послышались стоны, раздававшиеся со всех сторон.

— Капитан, что это?! Что происходит? — загремел по внутренней связи встревоженный голос пилота. Хелен схватила ближайший микрофон.

— Хьюз, — быстро произнесла она, — что с кораблем?

— Все нормально. По счастью, я заранее надел защитные очки. Но что случилось, командир?!

— П-лазер сместился. Действуйте, как обычно. Держитесь неподалеку от стада. Я скоро подойду. — Она бросила микрофон.

— Чен! Дубровский! Кто-нибудь! — Она пыталась разглядеть в красном полумраке, что делают

все остальные.

— Я здесь, командир! — Это был голос Чена.

Вместо ответа Хелен выругалась и сорвала с лица мешающие очки. Чен склонился у люка над скорчившейся на палубе фигурой.

— Дубровский мертв, командир. — Он поднял на нее глаза. — Ему выжгло глаза.

Доктор Мартин скрючилась у основания ствола Фэгина. Заметив Хелен, кантен тихо свистнул.

— С вами все в порядке? — быстро спросила она.

Фэгин издал протяжный звук, отдаленно напоминавший утвердительный ответ. Мартин приподнялась на коленях, тряся головой. Очки на ее лице перекосились. Хелен помогла ей подняться и осторожно сняла очки.

— Давайте, доктор, у вас появились пациенты. — Она потянула ее за руку. — Чен! Быстрее аптечку! Давайте же, доктор, шевелитесь! У Мартин внезапно подкосились ноги, и она беспомощно опустилась на пол.

Хелен стиснула зубы и резко дернула ее за руку, рывком подняв на ноги. Мартин пошатнулась, но устояла.

Хелен с размаху ударила ее по щеке.

— Очнитесь, Милли! Или вы сейчас же зай-

метесь пострадавшими, или я выбью вам все зубы! — Она поразилась собственной ярости. Мартин вяло кивнула, и, как сомнамбула, двинулась к лежавшим без движения Джейкобу и Дональдсону.

Джейкоб застонал и слегка пошевелился. Хелен почувствовала, как силы оставляют ее. Она опустилась на колени и осторожно отвела его руку, прикрывавшую лицо. Ожоги выглядели незначительными, глаза не пострадали. Глубоко вздохнув, она поднялась и подвела беспомощную Мартин к Дональдсону. Главному механику опалило всю левую половину лица. Левое стекло защитных очков было разбито.

Появился тяжело дышащий Чен. В руках он держал аптечку. Доктор Мартин вздрогнула, словно приходя в себя, и подняла глаза на Чена.

— Вам нужна помощь, доктор?

Мартин покачала головой и протянула руку за аптечкой.

— Справлюсь.

Она опустилась на палубу около Дональдсона и принялась раскладывать инструменты.

Хелен повернулась к Чену.

— Найдите Ла Рока и Куллу! Как только кого-нибудь из них обнаружите, немедленно сообщите.

Джейкоб снова застонал и попытался приподняться. Хелен вытащила из кармана платок и, смочив в ближайшем питьевом фонтанчике, уселась на пол рядом с Джейкобом. Бережно положив его голову к себе на колени, она принялась осторожно промывать раны. Он скривился от боли.

— Ох… — он снова застонал, — надо было учесть… Его предки лазали по деревьям… Сил у него не меньше, чем у наших шимпанзе. А на вид такой дохляк!

— Может, объяснишь мне, что ты тут устроил? — тихо спросила она, не прекращая своего занятия.

Джейкоб замычал от боли. Левую руку он сунул за спину и попытался что-то выдернуть из-под себя. После пары неудачных попыток ему удалось вытащить большой мешок из-под защитных очков. Он изумленно взглянул на него и отшвырнул в сторону.

— Голова просто раскалывается, — пожаловался он Хелен и с ее помощью привел себя в сидячее положение.

— Кулла, случайно, не валяется где-нибудь здесь без сознания? Мне казалось, что ударил я его как следует.

— Я не знаю, где Кулла! — в сердцах воскликнула Хелен. — Так что же…

По внутренней связи зазвучал голос Чена:

— Командир! Я нашел Ла Рока. С ним все в порядке, он все это время просидел с другой стороны от купола и ничего не знает о случившемся! Джейкоб на четвереньках подполз к Мартин и быстро заговорил. Хелен поднялась и подошла к ближайшему креслу. Вытянув микрофон, она спросила:

— Чен, вы видели Куллу?

— Нет, его нигде нет! Должно быть, он на обратной стороне корабля. — Чен запнулся. — У меня такое впечатление, что здесь кто-то дрался. Вы не знаете, что все-таки случилось?!

— Нет, Чен, но как только что-нибудь выясню, сразу сообщу. А пока лучше помогите Хьюзу.

Джейкоб уже поднялся и, прихрамывая, подошел к ней.

— С Дональдсоном все будет в порядке, но глаз ему понадобится новый.

Хелен, я собираюсь отправиться на поиски Куллы. Мне нужен в помощь кто-нибудь из твоих людей. А ты как можно быстрее выводи нас отсюда! Она в ярости взглянула на него.

— Да ты только что убил моего человека! Дуб-

ровский мертв! Дональдсон потерял глаз! И ты требуешь, чтобы я помогла тебе охотиться на Куллу?! Да ты не в себе!

— Я никого не убивал, Хелен.

— Не убивал?! Да я собственными глазами видела, как ты толкнул П-лазер! Ты во всем виноват, только ты! Зачем ты напал на Куллу?

— Хелен, — Джейкоб сморщился и схватился за голову, — нет времени объяснять. Я хочу, чтобы ты поняла: главное сейчас — выйти из хромосферы! Ты должна вывести нас. Теперь, когда я раскрыл его, он способен на все.

— Объясни!

— Я… я намеренно толкнул лазер… я…

Космический костюм так плотно облегал фигуру Хелен, что, казалось, спрятать глушитель нет никакой возможности, но тем не менее в руках коменданта откуда ни возьмись появился миниатюрный предмет.

— Продолжай, — ровным голосом приказала она.

— Кулла следил за мной. Если бы я объявил о своей догадке, он тут же ослепил бы нас всех! Я намеренно отослал тебя подальше, а сам постарался добраться до мешка с защитными очками. Лазер я толкнул, чтобы запутать Куллу.

— И убил ни в чем не повинного человека!

Джейкоб едва справился с подступившим приступом гнева.

— Послушай, ты, идиотка! Я направил луч вниз! Вниз, ты понимаешь?! Он мог ослепить, но никак не выжечь глаза! Если ты мне не веришь, то давай, стреляй! Свяжи меня по рукам и ногам! Делай, что хочешь, но только выводи нас отсюда! Иначе он нас убьет.

— Кулла?

— Да, черт побери! Испепелит нас своими дьявольскими глазами! У него же вместо глаз лазеры! Кумарин! Ты же сама мне рассказывала! Его «диетическая добавка» — это лазерный краситель! Кулла убил Дубровского в тот момент, когда мы втроем набросились на него! Он лгал, рассказывая о существовании лазерных деревьев на своей планете! У принглов имеется собственный источник когерентного света. Во всем виноват Кулла! Это он пугал нас изображениями гуманоидных Призраков! И это… О! — Джейкоб в отчаянии махнул рукой. — Какой же я идиот! Ведь если его глаза являются настолько тонким инструментом, что способны создавать изображения Призраков на внутренней поверхности оболочки корабля, то, значит, он может вмешиваться и в работу

оптических компьютеров Библиотеки! Это он так запрограммировал компьютеры, что они определили Ла Рока как поднадзорного, и это он… А я… я ведь в этот момент находился рядом с ним! Я лично наблюдал, как Кулла перепрограммировал корабль Джеффа! Пока я любовался световыми потоками, это чудовище… — Джейкоб застонал. Хелен отшатнулась и затрясла головой.

— Нет! Нет!

Джейкоб умоляюще взглянул на нее.

— Почему именно Кулла всегда первым обнаруживал появление гуманоидных Призраков? Почему никто не наблюдал их во время того прыжка, когда он вместе с Кеплером находился на Земле? И как я не сообразил, зачем он настоял на том, чтобы и у него тоже взяли изображение «сетчатки»! Хелен лихорадочно пыталась собраться с мыслями. Это невозможно!

Чудовищно!

— Хелен, ты должна мне поверить! — Джейкоб устало взглянул на нее и отвернулся.

Какое-то мгновение она в упор разглядывала его, затем с проклятием кинулась к микрофону.

— Чен! Немедленно уходим! Никаких предупреждений, никаких задержек!

Уходим! Включайте двигатели на полную

мощность и вперед! Систему сжатия времени переведите в максимальный режим! Я хочу как можно скорее увидеть над головой черное небо!

— Слушаюсь, командир!

Корабль дернулся. Хелен и Джейкоб едва устояли на ногах.

Она снова заговорила в микрофон:

— Внимание всем! С этого момента запрещено снимать защитные очки!

Постарайтесь как можно быстрее занять свои места и пристегнуться. Хьюз, немедленно сообщите, что происходит за люком гравитационной петли! Корабль быстро набирал скорость. Тороиды стремительной чередой неслись навстречу. Каждый раз, когда очередной обитатель хромосферы оказывался ниже плоскости палубы, он ярко вспыхивал, словно прощаясь с пришельцем.

— Мне тоже следовало догадаться, — потерянно сказала Хелен. — А я вместо этого отключила лазер и, наверное, позволила ему уйти. Джейкоб быстро поцеловал ее.

— Ты не могла знать. На твоем месте я бы тоже прежде всего занялся лазером.

Она перевела взгляд на тело Дубровского. Губы ее задрожали.

— Ты отослал меня, потому что…

— Командир, — раздался голос Чена, — у меня проблемы. Система сжатия времени выходит из-под контроля. Мне нужна помощь Хьюза. Кроме того мы потеряли связь с базой.

Джейкоб сжал кулаки.

— Сначала лазерная связь, затем система сжатия времени, потом система управления гравитацией и наконец стасис-экраны. Все очень логично. Хелен поднесла к губам микрофон.

— Нет, Чен, Хьюз мне нужен здесь. Придется вам действовать в одиночку.

Она отключила связь и твердо взглянула на Джейкоба.

— Я иду с тобой.

— Нет. — Джейкоб надел защитные очки и подобрал пустой мешок. — Если Кулла выведет из строя все системы, то мы изжаримся в буквальном смысле. Но если мне удастся задержать его хоть ненадолго, то у нас есть шанс выбраться отсюда. И вывести нас сможешь только ты. Пожалуйста, дай мне твое оружие. Вдруг пригодится.

Хелен послушно протянула ему глушитель. Она понимала: спорить сейчас глупо, оставалось лишь безропотно передать бразды правления Джейкобу Демве.

Спокойное гудение двигателей сменилось низким тревожным воем. Джейкоб вопросительно взглянул на нее.

— Отключилась система сжатия времени, у нас его почти не осталось, — спокойно ответила Хелен.

Глава 25
СВЯЗАННОЕ СОСТОЯНИЕ

Джейкоб скорчился в тесном проеме люка, готовый в любой момент выскочить наружу. Пока все шло хорошо. В гравитационной петле, по счастью, Куллы не оказалось.

Петля, связывавшая две стороны корабля, была идеальным местом для засады. Но Джейкоба отсутствие Куллы не слишком удивило. На то имелись две причины. Прежде всего Кулла не стал устраивать здесь засады из чисто практических соображений. Оружие прингла действовало лишь в зоне прямой видимости, петля же круто изгибалась, так что преследователь имел возможность продвигаться незаметно. Кроме того, любой предмет, брошенный вдоль петли, пролетал ее всю, не снижая скорости. Когда они с Хьюзом начали подъем по петле, то на всякий

случай решили метнуть несколько ножей. Ножи они подобрали на обратной стороне неподалеку от выхода из петли в луже нашатырного спирта, которым усердно орошали свой путь, продвигаясь вперед.

Разумеется, Кулла мог поджидать их сразу за люком. Но имелась еще одна причина, которая заставила прингла забыть о безопасности тылов. Он спешил. Кулла мог рассчитывать на успех, только пока солнечный корабль не удалился достаточно далеко. Выйди они в открытый космос, и хромосферные бури тут же потеряют опасность. Прочная зеркальная оболочка достаточно хорошо отражает тепло, так что они смогут продержаться до прибытия помощи. Поэтому Кулле необходимо как можно скорее покончить с ними. Впрочем, и с самим собой. Джейкоб нисколько не сомневался, что прингл уже добрался до компьютера и сейчас с помощью своих лазерных глаз пытается вмешаться в работу защитных программ. Зачем Кулла все это затеял, гадать было некогда. Хьюз подобрал ножи, пополнив боевой арсенал преследователей, в который входили также пластиковый мешок, несколько баллончиков с нашатырным спиртом и миниатюрный глушитель Хелен. По классической схеме один

из них должен был пожертвовать собой, выманив Куллу, а другой тем временем прикончил бы врага. Существовало два варианта: либо им нужно приблизиться к Кулле одновременно с разных сторон, либо один должен двигаться чуть впереди, отвлекая внимание прингла. Другой же, с индейским воплем выпрыгнув из-за спины своего героического друга, пустил бы в ход глушитель.

Но, к сожалению, ни один из этих планов не годился. Проблема заключалась в том, что их противник в прямом смысле убивал взглядом. Правда, положение несколько облегчалось одним обстоятельством: если для создания «взрослых» Призраков энергии требовалось скорее всего немного, то использовать лазерные глаза в качестве оружия Кулла наверняка долго не мог. Джейкоб не помнил, сколько раз прингл выстрелил на верхней стороне… Хотя, возможно, это и не имело решающего значения. Ведь у Куллы было целых два глаза и всего лишь два противника. Достаточно и по одному выстрелу из каждого глаза.

Кроме того — и вот это Джейкобу уж совсем не нравилось, — они не имели никакого понятия, как далеко простираются способности прингла. А вдруг Кулла может следить за ними по отражени-

ям от внутренней оболочки? Убить их с помощью отражений он, конечно, не сумеет. Слабое утешение! Если бы многократные отражения не столь сильно ослабляли излучение параметрического лазера, то был бы шанс поразить чужака, пустив пучок по всему кораблю. Люди и Фэгин могли бы пока укрыться в гравитационной петле. Джейкоб чертыхнулся про себя. Почему они так медлят с запуском лазера? Рядом с ним Хьюз что-то тихо бормотал по внутренней связи. Закончив говорить, он взглянул на Джейкоба.

— Они готовы.

Защитные очки хотя и выполнили свою функцию, но резкий свет, заливший стенки внешней сферы, все же бритвой полоснул по глазам. Хелен и доктор Мартин скорее всего подтащили П-лазер к самому краю палубы. По расчетам коменданта, луч должен был отразиться от купола как раз против компьютера. К сожалению, узкий промежуток между палубой и оболочкой не позволял направить луч напрямую. А отраженное излучение скорее всего не нанесет Кулле никакого вреда. Тем не менее внезапная вспышка, похоже, изрядно напугала Куллу. В тот самый момент, когда наверху включили лазер и Джейкоб с Хьюзом зажмурились, со стороны компьютера донесся

громкий стук фарфора. Потом возник шум. Когда глаза немного привыкли к слепящему сиянию, Джейкоб смог различить в воздухе тонкие яркие линии. Это луч П-лазера рассеивался по висящей в воздухе пыли. Очень удачно. Теперь хотя бы не надо думать о том, чтобы не напороться на него.

— Внутренняя связь на максимуме? — громко спросил он.

Хьюз вскинул вверх большой палец.

— Хорошо, тогда пошли!

П-лазер беспорядочно менял оттенки, не выходя за пределы сине-зеленого диапазона. Джейкоб рассчитывал, что в этом случае Кулла не сможет уловить отражения от внутренней оболочки.

Он скомандовал:

— Раз. Два. Три. Вперед!

Стрелой проскочив открытый промежуток, Джейкоб нырнул за одну из огромных телекамер на краю палубы. В следующее мгновение он услышал, как Хьюз тяжело приземлился у соседней камеры.

Он оглянулся. Пилот взмахнул рукой.

— Ничего нет! — хрипло прошептал Хьюз.

С помощью зеркальца из аптечки Джейкоб постарался рассмотреть, что находится за углом камеры. Хьюз на своем месте проделывал те же

манипуляции, пустив в ход зеркало из косметички Милли Мартин. Куллы нигде не было.

Вдвоем они могли видеть больше половины всей палубы. Компьютер находился по другую сторону купола, чуть за пределами поля зрения Хьюза. Джейкобу предстоял долгий путь по кругу от одной камеры к другой. На стенках корабля вспыхивали и тут же гасли сине-зеленые блики параметрического лазера, полностью перекрывая красное сияние хромосферы. Призрачная дымка мерцала в воздухе. Несколько минут назад корабль покинул большое волокно, стадо тороидов осталось в сотне миль внизу. Внизу, то есть как раз над их головами. Джейкоб поморщился. Фотосфера с Большим Пятном отсюда представлялась бесконечным бурлящим потоком, с которого живыми сталактитами свисал лес колеблющихся спикул. Он продолжал Двигаться вперед, неслышной ящерицей извиваясь меж обзорных телекамер. Внезапно прямо перед собой Джейкоб увидел яркую синюю полосу. Он резко вскочил и, перепрыгнув через смертоносный луч, кубарем покатился к следующему укрытию. Отдышавшись, он достал из кармана зеркальце. Куллы по-прежнему нигде не было видно. Хьюза тоже. Джейкоб дважды коротко свистнул, давая

знать, что перед ним все чисто. Хьюз ответил.

Со следующим лучом Джейкоб решил не рисковать и осторожно прополз под ним. Всякий раз, преодолевая открытое пространство, он чувствовал, как натягивается кожа в ожидании прожигающей насквозь вспышки. Надо бы успокоиться. Он прислонился щекой к холодному корпусу очередной телекамеры. Что-то здесь не так. Он тяжело дышал, сердце с силой бухало в груди. «Почему я так устаю?! Что со мной? Что-то здесь не то». Джейкоб судорожно сглотнул и осторожно выставил зеркальце. Боль резкой вспышкой пронзила пальцы. Вскрикнув, он выронил зеркальце и затряс обожженной рукой.

В следующее мгновение мозг автоматически погрузился в легкий транс. Искры в глазах гасли по мере того, как боль отделялась от него. Но вот волна облегчения схлынула, словно невидимый противник набрался сил и с новой энергией потянул канат на себя, таща его в черную пропасть нестерпимой боли. Надо остановиться. Удовлетвориться достигнутым уровнем, иначе можно потерять все.

Чертов мистер Хайд и его проделки! Нашел время для своих игр! Джейкоб взглянул на руку. Боль чуть отступила Указательный и безымянный

пальцы были обожжены очень сильно, остальные пострадали меньше. Ему удалось подать Хьюзу условный сигнал. Что ж, пришла пора привести в действие их план. Единственный план, который имел хоть какие-то шансы на успех.

А он состоял в том, чтобы успеть вывести корабль в открытый космос. Система сжатия времени не работала — ее Кулла вывел из строя в первую очередь. В результате субъективное время почти совпадало с реальным. Поскольку нападение на Куллу вряд ли будет успешным, то лучший способ оттянуть гибель корабля — это поговорить с принглом. Облокотившись о голографическую камеру, Джейкоб сделал два глубоких вдоха, внимательно прислушиваясь к каждому звуку. Кулла всегда передвигался очень шумно. Именно на это обстоятельство Джейкоб и рассчитывал в том случае, если пригл решит напасть на них. Только бы выманить его на открытое пространство! Уж тогда он не упустит шанса, и глушитель Хелен исполнит свою миссию, благо пучок у него широкий и прицеливаться особо не надо.

— Кулла! — негромко позвал он. — Вы не считаете, что зашли слишком далеко? Почему бы вам не выйти и не поговорить со мной? Джейкоб

замолчал и прислушался. Откуда-то донеслось слабое жужжание, словно прингл изо всех сил старался сдержать стук фарфоровых давилок. Во время драки на верхней палубе им с Дональдсоном приходилось, помимо всего прочего, то и дело уворачиваться от этих ослепительных молотилок.

— Кулла! — снова позвал он. — Я знаю, что глупо судить чужака по законам своего вида, но я искренне считал вас другом. Вы обязаны хотя бы объясниться! Поговорите с нами. Если вы действуете по приказу Буббакуба, то не надо бояться. Я обещаю вам, что вы не будете слишком наказаны! Жужжание усилилось. Послышалось усталое шарканье. Раз. Два. Три…

Шаги смолкли. Слишком мало, чтобы определить направление!

— Джейкоб, я прошу у ваш прощения. — Шелестящий голос Куллы заполнил палубу. — Прежде чем мы умрем, я хочу ш вами поговорить, но шначала я прошу выключить лажер. Мне очень больно.

— Кулла, моя рука тоже болит.

В голосе Куллы послышалось раскаяние.

— П-п-проштите меня, Джейкоб. Пожалуйшта, проштите. Вы мой друг. Отчашти я делаю это для

ваш и вашей рашы. Это прештупление необходимо. Как хорошо, что шмерть уже так ближко, и я ошвобожушь от швоей памяти. Софистика чужака потрясла Джейкоба. Уж чего-чего, а подобных стенаний недоученного студента он от Куллы никак не ожидал. Он обдумывал ответ, как вдруг по внутренней связи раздался негромкий голос Хелен:

— Джейкоб! Ты слышишь меня? Гравитационные двигатели теряют мощность.

Скорость падает.

Она замолчала. Да продолжения и не требовалось — все и так было яснее ясного. Если немедленно не предпринять решительных действий, то им предстоит долгое падение на Солнце. Дорога, ведущая в никуда. Когда корабль окажется в пределах досягаемости конвекционной ячейки, его затянет внутрь солнечного ядра. Если к тому времени от корабля, конечно же, хоть что-нибудь останется.

— Видите ли, Джейкоб, — снова зашепелявил Кулла, — тянуть время нет уже никакого шмышла. Вше кончено. Я жнаю, что вы уже ничего не шможете ишправить. Но, пожалуйшта, поговорите со мной, Джейкоб. Я не хочу умереть вашим врагом.

Джейкоб не отрывал глаз от перистых облаков хромосферы. Потоки раскаленного газа двигались «вниз», в направлении, противоположном движению корабля, но это могла быть просто особенность конвекционных процессов в ограниченной области. И несомненно, это движение замедлилось. Возможно, корабль уже начал падение в ад.

— Вы очень пронишательны, Джейкоб. Вы шмогли рашкрыть мою миштификашию, ошновываяшь лишь на кошвенных швидетельштвах. И вы блештяще разобралишь в иштории моей рашы! Шкажите, ваш не поражает, что фантомы иногда появлялишь наверху, когда я находилша на обратной штороне? Джейкоб напряженно размышлял. Он никак не мог ухватить ускользающую суть.

— Наверное, вы просто перегибались через край палубы и посылали свой луч сквозь удерживающее поле. Это, кстати, хорошо объясняет, почему изображение иногда выглядело искаженным. На самом же деле мы наблюдали его отражение от внутренней оболочки.

Внезапно его осенило. И как он раньше не догадался! Яркая вспышка в Бахе. Ведь открыв глаза, он тогда увидел перед собой именно Куллу!

Должно быть, в тот момент прингл снимал его голограмму. Отличный способ запомнить незнакомца с первой же встречи!

— Кулла, — медленно продолжил он, — не хочу выглядеть злопамятным, но все-таки мне было бы интересно узнать, почему я так странно повел себя во время предыдущего прыжка? Это ваши шутки?

Кулла молчал. Пауза затягивалась. Дробно выстукивал фарфор. Когда прингл наконец заговорил, его шепелявость усилилась настолько, что Джейкоб с трудом разбирал слова.

— Я ошень шожалею, но вы штановилишь шлишком любопытным, нужно было шкомпрометировать ваш. Но мне это не удалошь. — Круглая голова Куллы печально поникла.

— Но каким образом…

— Как-то доктор Мартин рашкаживала о влиянии направленного швета на человечешкую пшихику. — Впервые на памяти Джейкоба сверхпочтительный прингл решился прервать своего собеседника! — Я нешколько мешяшев проводил экшперименты над доктором Кеплером. И над Ла Роком, и над Джеффом, и… над вами, Джейкоб. Я выяшнил, что наиболее эффективен ужкий полярижованный луч. Человечешкий глаж не

шпошобен зарегиштрировать его, но швет путает мышли, мешает шошредоточитша. Я не жнал, какая у ваш окажетша реакшия, но надеялша, что она вше же шмутит вшех и поштавит под шомнение вашу вменяемошть. Проштите меня, Джейкоб! Это было необходимо.

Корабль определенно приближался к Солнцу. Большое волокно, которое они только что покинули, снова надвигалось на них. Взметающиеся вверх плазменные струи тянулись к кораблю хищными скрюченными пальцами. Джейкоб лихорадочно пытался найти выход. Но все было впустую.

Воображение отказало ему в самый ответственный момент. Черт с тобой! Сдаюсь. Оставалось последнее средство — обратиться за помощью к ненавистному двойнику. Он знал, что сейчас мистер Хайд может взять реванш за все свои предыдущие поражения, но выбирать не приходилось. Джейкоб заранее был согласен со всеми условиями, который выдвинет его двойник. Настало время пустить в ход главный пункт их договора. В случае смертельной опасности Джейкоб Демва и мистер Хайд должны слиться в единую личность. Что-то подобное имело место на Меркурии вовремя охоты на Ла Рока.

Джейкоб сконцентрировался.

— Но ради всего святого, зачем?! Кулла, зачем?!

Впрочем, ответ не слишком его интересовал. То, что он упустит, запомнит Хьюз. Да и Хелен наверняка ловит каждое слово. Перед ним же сейчас стояла куда более важная задача.

Он методично просеивал чувства и гештальт-образы сквозь сито неортодоксальных координат своего разума. Прежние полузабытые навыки должны быть пущены в ход.

Мало-помалу он отбросил все лишнее, оказавшись лицом к лицу со своей второй половиной.

Мощные крепостные стены, непреодолимые во время предыдущих осад, стали, казалось, еще неприступнее. Земляные брустверы сменились каменными, ощерившись острыми, словно иглы, шпилями. На вершине самой высокой башни развевался флаг. Полотнище украшал краткий девиз: «Будь верен!» Чуть ниже флага торчали две человеческие головы, насаженные на копья. Одну он узнал тотчас. Голова Джейкоба Демвы. Свежая кровь, стекавшая по древку копья, искрилась на ярком солнце. На мертвом лице застыло выражение раскаяния и печали.

Он перевел взгляд на другую голову и вздрогнул. Хелен! Прекрасное лицо изуродовано до

неузнаваемости. Внезапно ресницы дрогнули. Голова все еще жила! Нечеловеческое страдание сквозило в прекрасных глазах. Почему?!! Почему проклятый Хайд так ненавидит Хелен?! И к чему этот намек на самоубийство?.. Откуда такое сильное нежелание соединиться с ним?.. Почему Хайд отказывается слиться с Джейкобом Демвой в едином Ubermensch? <сверхчеловек (нем.)> «Джейк! Главное сделать первый шаг! Первый шаг…» Внезапный крик стих. Джейкоб был в полном недоумении. И это все?! Он столько лет пытался разобрать последние слова Тани. А оказалось, что она смеется, смеется, как всегда.

Хотя… Ну, конечно же! Это не Таня! Это Хайд! Это все его проделки.

Проклятый двойник решил напоследок отомстить ему. Но где же сам мерзавец?

И за что он, собственно, так ненавидит свою реальную половину?

Сознание вины.

Джейкоб всегда знал, что после трагедии на Шпиле он несет бремя вины, но только сейчас осознал, насколько велика тяжесть. Теперь он ясно видел всю неестественность их соглашения с мистером Хайдом. Соглашения, с которым он жил все эти годы. Вместо того, чтобы постепенно

залечивать душевные травмы, он замкнулся в себе, переложив вину за смерть на искусственное, выморочное существо… Он выдумал себе двойника и наградил его своими пороками. Это Хайд в тот страшный день возомнил себя суперменом на высоте в двадцать миль, это… О Боже…

В своем высокомерии он вообразил, что непогрешим… Да и его нелепая вера в то, что он сам сумеет справиться со своей бедой… Сверхчеловек, отринувший путь страдания и боли, отказавшийся от дружбы, от людей… Глупец!

Глупец, попавший в ловушку. Теперь-то он понимал, что значил девиз на знамени. Опять обман… Верностью искупить вину за смерть Тани… Он не смог ее спасти, так будет верен ей вечно! Какая иллюзия! Верность, сводящаяся к нежеланию сближаться с людьми. Правильнее назвать ее высокомерием!

Неудивительно, что Хайд так ненавидит Хелен! Неудивительно, что он желает смерти Джейкобу Демве. Несчастный двойник болезненно привязан к призраку Тани, он ревнует к Хелен. Он не желает делить Джейкоба Демву ни с кем! Ни с кем… кроме Тани. Обман. Все обман! Да Таня бы полюбила Хелен! Они не могли бы не понравиться друг другу!

Но у мистера Хайда своя логика! Логика слепца.

Напрасно. Все напрасно. До него не достучаться. Барьер непробиваем.

Джейкоб открыл глаза.

Красное марево сгустилось. Корабль вновь вошел внутрь недавно покинутого волокна. Вспышка света за бортом заставила Джейкоба обернуться. Это был тороид. Корабль снова оказался в гуще стада магнитоядных. Тороиды вращались как сумасшедшие, словно забыв об опасности, исходящей от солнечного корабля.

— Джейкоб, почему вы не отвечаете? — Монотонный голос Куллы доносился словно сквозь вату. Джейкоб встрепенулся.

— Конечно, я понимаю, что у ваш швое мнение отношительно моих мотивов, но ражве вы не видите, что я хочу принешти пользу не только швоей, но и вашей раше. И вашим подопечным.

Джейкоб энергично тряхнул головой. Хватит рефлексии! К черту Хайда!

Сами справимся. Вот и рука перестала ныть. Еще поборемся!

— Кулла, я могу немного подумать? Может, нам стоит уединиться с вами и все спокойно обсудить? Я мог бы принести вам немного еды.

Повисла долгая пауза. Затем Кулла очень медленно заговорил:

— Вы очень ижобретательны, Джейкоб. Я почти поверил вам, но нет! Не двигайтешь ш мешта! Я не шучу. Ешли кто-нибудь иж ваш шевельнетша, я вжгляну на него!

Джейкоб попытался понять, что же такого изобретательного в том, что он предложил Кулле подкрепиться. А собственно, почему ему вообще пришло в голову кормить прингла?!

Корабль падал все быстрее. Большинство тороидов уже остались наверху, отчаянно сигналя изумрудными вспышками. Открывающаяся картина поражала мрачной красотой. На фоне зловещей линии горизонта фотосферы искрились и мигали сотни обручальных колец. А вокруг тускло мерцало красное марево хромосферы.

Ближайшие к кораблю тороиды вдруг засуетились. Они ускорились и, опережая корабль, ринулись вниз. Ослепительная зеленая вспышка залила корабль, когда один из магнитоядных случайно полоснул по нему своим лазерным лучом. Защитные экраны все еще действовали. Откуда-то сбоку неожиданно выпорхнул Призрак, затем появился еще один. Они зависли совсем рядом с кораблем, но быстро скрылись из виду. Зрители

собираются. Наверное, падение солнечного корабля возбудило их любопытство. Корабль уже миновал большую часть стада. Но прямо по курсу кружилась группа самых крупных магнитоядных. Рядом бешено плясали пастухи. Джейкоб надеялся, что корабль не нанесет им вреда. Но раскаленный луч охлаждающего лазера приближался.

Джейкоб собрался. Оставался лишь один путь — напасть на Куллу. Он коротко свистнул. В ответ также раздался короткий свист. Хьюз готов. Джейкоб ждал. Хьюз находился к Кулле ближе и должен был первым напасть на прингла. Джейкоб напряженно вслушивался в тишину, предельно сконцентрировавшись, готовый в любое мгновение ринуться в атаку. Потная ладонь крепко сжимала глушитель.

На палубе что-то зашумело. Джейкоб стремительно выпрыгнул из-за укрытия и нажал на спуск. Куллы не было. Бесценный заряд пропал впустую. Не теряя времени, Джейкоб, уже не прячась, бросился к компьютерной стене.

Если Кулла сейчас занят Хьюзом, то…

Палубу вдруг залил ослепительный синий свет. Продолжая бежать, Джейкоб взглянул вверх: за оболочкой корабля теснились тороиды, готовые

вот-вот столкнуться с ним.

Взревел сигнал тревоги, следом за ним зазвенел голос Хелен, предупреждавшей всех о возможных толчках.

Джейкоб перепрыгнул лазерную нить и в следующее мгновение оказался в двух метрах от спины Куллы. Перед Куллой, подняв руки, замер Хьюз. Повсюду на палубе валялись ненужные уже ножи.

Джейкоб вскинул глушитель, но Кулла, уловив шорох за спиной, стремительно обернулся. Джейкоб нажал на спуск, и на какое-то мгновение ликование охватило его.

Но уже в следующий момент левую руку пронзила жгучая боль. Оружие выпало. Прорвавшись сквозь пелену боли, Джейкоб открыл глаза. Кулла стоял перед ним совершенно невредимый, уставившись перед собой ничего не выражавшим потухшим взглядом. Фарфоровые давилки больше не прятались за толстыми складчатыми губами, опасно выдвинувшись вперед. Джейкоб, словно загипнотизированный, не мог оторвать от них взгляда.

— Проштите меня, Джейкоб. Так нужно.

Неужели он собирается разделаться с ним своими чудовищными резцами?! Охваченный

страхом и отвращением, Джейкоб попятился. Кулла медленно надвигался. Челюсти мерно и мощно клацали в такт его шагам. Джейкоб чувствовал, как смерть мягкой лапой сжала его сердце. Все кончено. Он отступал и отступал. Боль в руке исчезла, испуганная близостью небытия.

— Нет! — хрипло прошептал он и, нагнув голову, бросился вперед.

В этот момент снова раздался голос Хелен. Голубое сияние стало еще ярче. Мощный толчок сотряс палубу.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Жил когда-то человек столь добродетельный, что боги пообещали выполнить любое его желание. Он захотел стать на один-единственный день возничим солнечной колесницы. Лишь Аполлон воспротивился этому желанию, предрекая ужасные последствия, но остальные боги лишь посмеялись над его страхами. Говорят, что Сахара – это след, оставленный неопытным возничим, задевшим одним из колес поверхность Земли. После того случая боги предпочитают больше не связываться с людьми.

М.Н.Плано

Глава 26
ТУННЕЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ

Джейкоб упал на противоположную сторону компьютерной стены, сильно ударившись спиной об пол. К счастью, упругий материал палубы в значительной степени смягчил удар.

Он быстро вскочил на ноги. Голова гудела, во рту чувствовался привкус крови. Корабль сотрясался, магнитоядные продолжали удерживать его своими телами, заливая палубу слепящим синим светом. Тороиды облепили сферическую оболочку, не давая кораблю продолжить падение в раскаленную пропасть. А вверх устремлялся смертоносный луч накопленного солнечного тепла. Охлаждающий лазер продолжал исправно работать. Раздумывать, чем там занимаются тороиды: помогают или же попросту решили поиграть, — времени не было. Надо было максимально эффективно использовать неожиданную передышку.

Он оглянулся. Хьюз, сидя неподалеку на палубе, потирал ушибленную руку. Джейкоб помог ему подняться.

— Давайте, Хьюз, нам надо поторапливаться! Если Куллу удалось оглушить, у нас есть хороший шанс обезвредить его! Хьюз кивнул. Несмотря на полученные ушибы он все еще был полон желания выиграть эту гонку. Однако двигался пилот не слишком уверенно. Джейкобу пришлось поддерживать его. Они обогнули центральный купол. Кулла беспомощным кулем привалился к массивному прибору. Увидев людей, он попы-

тался встать на ноги. Казалось, еще несколько мгновений, и прингл рухнет бездыханным. Но тут он вскинул глаза, и Джейкоб понял, что игра окончена. Один глаз чужака полыхнул огнем. В воздухе запахло паленой резиной. Джейкоб схватился за глаза. Вместо защитных очков пальцы коснулись расплавленного пластика.

Не медля ни секунды, он толкнул Хьюза под прикрытие купола. Осечка! До люка, ведущего в гравитационную петлю, они добирались, казалось, целую вечность. Из проема люка им навстречу вытянулись корневища Фэгина. Цепляясь за них, Джейкоб и Хьюз забрались внутрь. Силы были на исходе.

Фэгин возбужденно зашелестел:

— Джейкоб! Вы живы! Я уже предполагал самое худшее!

— Как… — Джейкоб с трудом перевел дыхание. — Как давно мы падаем?

— Пять-шесть минут. Как только я пришел в себя, то сразу же последовал за вами. Кулла не сможет пробить мое тело. — Кантен издал пронзительную трель, по-видимому, означавшую издевательский смех. Джейкоб невольно улыбнулся. Интересная мысль! А каким вообще энергетическим запасом располагает прингл?

Он где-то читал, что средняя мощность, которую может развить человек, не превышает ста пятидесяти ватт. Предел Куллы наверняка значительно выше, да к тому же он очень экономно расходует свою энергию.

Будь у него запас времени, Джейкоб бы методично все подсчитал. В последний раз Кулла потратил на свои фальшивки не меньше двадцати минут. После чего «антропоморфные Призраки» быстренько утратили к кораблю всякий интерес, а Кулла внезапно зверски проголодался. Тогда это приписали нервному перенапряжению. На самом же деле принглу надо было пополнить запасы кумарина и, вероятно, высокоэнергетических веществ, чтобы обеспечить достаточную мощность своим лазерам.

— Ты ранен? — обеспокоенно пропел Фэгин. Ветви кантена взволнованно дрогнули. — Вам обоим надо подняться наверх и обработать раны.

— Хорошо, — кивнул Джейкоб, хотя ему не хотелось сейчас оставлять Фэгина одного. — Кроме того, нужно кое о чем спросить доктора Мартин.

Кантен издал протяжный свист:

— Джейкоб, ни в коем случае не надо сейчас беспокоить доктора Мартин!

Она общается с солярианами. Это наш единственный шанс!

— Что?!

— Их привлекло мерцание П-лазера. Когда солярианe приблизились, доктор Мартин надела свой пси-шлем и установила с ними связь! Они отрядили несколько десятков магнитоядных толкать наш корабль снизу, именно благодаря им скорость падения существенно замедлилась. Сердце у Джейкоба застучало. Он ощутил себя приговоренным к смертной казни, которому вдруг сообщили об отсрочке.

— Так, говоришь, существенно? Значит, мы все-таки падаем?

— К сожалению, да. Мы падаем, но очень медленно. Трудно сказать, сколько времени смогут удерживать нас тороиды. От осознания того, что удалось сделать Милдред Мартин, по спине у Джейкоба пробежал холодок. Есть контакт с солярианами! Это одно из самых эпохальных свершений всех времен, но никто об этом никогда не узнает. Никто и никогда.

— Фэгин, я постараюсь вернуться как можно скорее! А пока не мог бы ты сымитировать мой голос, чтобы ввести Куллу в заблуждение?

— Постараюсь.

— А потом сам поговори с ним. Своим собственным голосом. Делай, что хочешь, но держи его все время в напряжении. Отвлеки его! Не дай заняться компьютером!

Фэгин согласно свистнул. Джейкоб повернулся и, поддерживая Хьюза, ступил на гравитационную петлю.

На этот раз на петле, к которой уже успел привыкнуть, он чувствовал себя не слишком уютно. Гравитационное поле заметно флуктуировало. Джейкоб двигался с огромным трудом. Никогда еще его вестибулярный аппарат не подвергался столь чудовищным нагрузкам. Каждый шаг давался ценой невероятных усилий. С огромным трудом им все-таки удалось достичь верхней половины корабля.

Здесь по-прежнему полыхал пурпур хромосферы. Но кое-что все-таки изменилось: сине-зеленые соляриане плясали совсем близко, их «крылья» почти касались оболочки корабля. Над палубой повсюду протянулись нити параметрического лазера. Джейкоб устало опустился на пол и огляделся. Лазер был установлен на самом краю.

Эх, если бы только у них были камеры! Он усмехнулся. Какой смысл теперь жалеть о том, что не можешь зафиксировать факт установле-

ния контакта! Уворачиваясь от лучей, он дотащил Хьюза до ближайшего кресла, осторожно уложил и пристегнул ремнями. Пора поискать аптечку. Она обнаружилась рядом с пультом управления. Милдред Мартин нигде не было видно. Джейкоб решил, что психолог уединилась, чтобы полностью погрузиться в светские беседы со сгустками пламени. В креслах у пульта управления лежали Ла Рок и Дональдсон. Немного в стороне от них Джейкоб заметил прикрытое тело Дубровского. Лицо Дональдсона почти полностью скрывали какие-то белые наросты. Джейкоб пригляделся — пена от ожогов. Хелен де Сильва и единственный оставшийся невредимым член экипажа склонились над приборами. Заслышав шорох его шагов, она подняла глаза.

— Джейкоб?!

Он быстро спрятал руки за спину. Не стоит пугать ее своими болячками.

От резкого движения Джейкоб покачнулся. Так, стой спокойно!

— Ничего не вышло! Хотя мне удалось поговорить с ним…

— Да, мы здесь все слышали. А потом раздался дикий грохот. Я пыталась предупредить тебя о том, что тороиды пытаются остановить падение

корабля, но вы не слышали нас.

— Толчок нам здорово помог. В тот момент, когда я уже приготовился отправиться к праотцам, нас как следует тряхануло, и все обошлось. На этот раз. — Он постарался беззаботно улыбнуться.

— А что Кулла?

Джейкоб пожал плечами.

— Он по-прежнему внизу. Я думаю, у него еще осталось достаточно сил.

Здесь, наверху, он выстрелил в Дональдсона и Дубровского. Внизу же он стрелял крайне редко, маленькими порциями, старательно прицеливаясь, и даже попытался пустить в ход еще одно свое оружие. Он рассказал, как Кулла набросился на него, клацая давилками.

— Боюсь, запас энергии у него истощится нескоро. Если бы нас было больше, то мы могли бы провоцировать его, пока он не исчерпает ресурс. Но увы! Хьюз уже не боец, а вам с Ченом ни в коем случае нельзя покидать пост.

На пульте замигал сигнал тревоги. Хелен отключила его и потерянно взглянула на Джейкоба.

— Ничего не получается, ты уж прости. Сейчас мы пытаемся проникнуть в компьютер, возбуж-

дая датчики модулированными сигналами, но все безрезультатно. Боюсь, нам не выкарабкаться. Корабль слушается все хуже. Она снова повернулась к пульту. Джейкоб отошел в сторону. Хелен явно было не до разговоров. — Демва, я могу чем-нибудь помочь?

Он обернулся. В кресле приподнялся Пьер Ла Рок. Пристегнутые ремни не давали ему возможности освободиться. Джейкоб начисто позабыл о репортере. Он заколебался. Поведение Ла Рока перед всей этой заварухой не слишком-то впечатляло, и Хелен с Милли Мартин пристегнули его к креслу, чтобы он не путался под ногами.

Но выбирать не приходилось. Джейкобу вспомнилось, как отчаянно действовал Ла Рок на Меркурии. Может, он и не слишком надежен, но в критической ситуации журналист, похоже, способен на многое. Сейчас Ла Рок выглядел очень сосредоточенным. Джейкоб, кивнув ему, подошел к Хелен, чтобы спросить, что она думает на этот счет, но та лишь пожала плечами.

— Хорошо. Но если он приблизится к приборам, я убью его. Так и передай.

Этого не требовалось. Ла Рок, соглашаясь, кивнул со своего места. Джейкоб быстро подошел к нему и освободил ремни здоровыми пальцами

правой руки.

Хелен за его спиной сдавленно вскрикнула:

— Джейкоб, твои руки!

Он покосился на нее. Хелен рванулась было к нему, но он взглядом остановил ее. Не время для сентиментальности, хотя приятно, черт возьми, когда женщина так за тебя переживает. Хелен, постаравшись улыбнуться как можно бодрее, повернулась к приборам. Теперь все зависело только от нее одной, и она хорошо это понимала.

Ла Рок встал, разминаясь, подхватил аптечку и иронически улыбнулся Джейкобу.

— Ну-с, кто первый на очереди? Вы, Хьюз или Кулла?

Глава 27
ВОЗБУЖДЕНИЕ

Хелен нужно было выкроить время, чтобы спокойно обдумать положение. Неужели ничего нельзя сделать?! Она не привыкла опускать руки даже в самой безнадежной ситуации. Все системы, основанные на галактических разработках, одна за другой выходили Из строя. Отказали система сжатия времени, гравитационные двигатели и еще несколько не столь важных устройств.

Если к ним добавится управление внутренним гравитационным полем, то корабль окажется совершенно беззащитным перед неистовыми хромосферными бурями.

Тороиды все еще боролись с солнечным притяжением, удерживая корабль от стремительного падения в фотосферу, но, судя по всему, они начинали уставать. Скорость падения мало-помалу возрастала. Большая часть стада уже осталась наверху, теряясь в розовом мареве хромосферы. Остальные тоже долго не протянут.

Вновь запульсировал сигнал тревоги. Что на этот раз? В структуре внутреннего гравитационного поля появилась положительная обратная связь. Хелен машинально подкорректировала параметры и откинулась на спинку кресла.

Бедный Джейкоб, как он устал. Хелен чувствовала себя дезертиршей. Почему она не настояла и не отправилась вниз вместе с ним?! Хелен ничего не могла поделать с угрызениями совести, хотя отлично понимала, что ее участие вряд ли что-нибудь изменило бы.

Но теперь наступил ее черед. Она обязана что-то придумать! Но что?! Что можно сделать, когда все компоненты корабля один за другим выходят из строя?

Хотя нет! Не все! Хелен резко выпрямилась. Если не считать системы лазерной связи с базой, все оборудование, основанное на земных технологиях, работает безупречно. Судя по всему, устройства, созданные людьми, Куллу нисколько не интересовали. Система охлаждения корабля в порядке; электромагнитные поля вокруг оболочки корабля стабильны, хотя и не очень хорошо слушаются регулировки, что, впрочем, сейчас не так уж и важно.

Корабль вздрогнул. Еще раз. И еще. Толчки следовали один за другим. Край палубы внезапно вспыхнул голубым сиянием. В поле зрения появилось тело тороида, трущегося об обшивку корабля. Рядом метались Призраки. Толчки прекратились, сменившись неприятной мелкой дрожью. Отчетливо раздался жуткий скрип. По телу тороида побежали пурпурные пятна. Бублик пульсировал, содрогаясь под наскоками мучителей. Затем, внезапно вспыхнув, тороид исчез. Солнечный корабль, лишенный поддержки, резко накренился. Хелен попыталась выправить положение.

В какой-то степени ей это удалось. Она устало подняла глаза. Тороиды удалялись в сопровождении соляриан. Она горько улыбнулась. Спасибо,

друзья! Вы сделали все, что могли. Она проводила взглядом тороидов, быстро поднимавшихся вверх на столбах изумрудного пламени. Затем опустила глаза на приборы. Высота стремительно падала. На обзорном экране хищно пульсировала грануляционная ячейка. Даже соляриане, наверное, не приближались к фотосфере столь близко. Первые люди на Солнце! Она чуть не рассмеялась, вспомнив, что читала в детстве роман с похожим названием, но только речь там шла о Луне.

Краткое мгновение славы. Огонь, сжигающий все.

Она снова взглянула на солярианы, превратившихся уже в сияющие точки.

Может, стоит созвать всех и… попрощаться… Хелен подумала о Джейкобе.

Неужели они больше никогда не увидятся? Ей стало горько. Крошечные зеленые огоньки продолжали притягивать взгляд. Каким образом тороиды способны передвигаться столь быстро? Проклятие! Хелен вскочила на ноги, чуть не оборвав шнур микрофона.

Чен изумленно взглянул на нее.

— В чем дело, командир? Что-то с защитными экранами?!

Ликующий индейский клич огласил корабль.

Хелен стремительно застучала по клавишам основного компьютера.

Какая жалость, что она не может сообщить на Меркурий! Ведь даже если они сгорят в пламени Солнца, их опыт будет иметь уникальнейшее значение для всей Галактики!

Пульсирующая боль в руке не утихала. Более того, к боли добавился неприятный зуд. Левую руку почти полностью покрывал толстый слой противоожоговой пены. Да и на правой действовали лишь три пальца. Джейкоб скрючился за люком гравитационной петли, время от времени выглядывая на обратную сторону палубы. Фэгин немного посторонился, освобождая для него место. Джейкоб наблюдал в зеркальце, приделанное к длинной указке, на всякий случай также обильно покрытой противоожоговой пеной.

Кулла не показывался. В слабом сиянии тороидов сумеречно поблескивали массивные телекамеры и регистрирующие приборы. Повсюду протянулись лазерные нити.

Джейкоб сделал знак Ла Року. Тот послушно опустил свою ношу в проем люка. Вымазавшись с головы до ног противоожоговой пеной, они облачились в защитные очки, залепив на всякий случай промежуток между очками и открытыми

участками лица мягким пластиком.

— Вы, конечно, понимаете, что это очень опасно? — ворчливо спросил Ла Рок. — Эта штука защитит нас от лазерного луча, но не спасет от огня. Единственное горючее вещество на корабле! Если бы не его уникальные медицинские качества, оно никогда бы не попало на борт. Джейкоб кивком поблагодарил репортера за популярную лекцию. Если он выглядит так же, как Ла Рок, то у них неплохие шансы до смерти напугать прингла.

Он приподнял баллон и пустил струю пены в люк. Какое-никакое, но все-таки оружие!

В этот момент корабль резко дернулся. Еще раз и еще. Джейкоб высунул голову из люка. Палуба накренилась. Магнитоядный, поддерживавший корабль, быстро удалялся. Навстречу стремительно неслась полыхающая фотосфера. Конец. Это конец. Если уж не выдержали аборигены…

Корабль задрожал, затем выпрямился.

Джейкоб вздохнул. Если удастся немедленно обезвредить Куллу, может, еще есть шанс.

— Знаешь, Фэгин, я здорово изменился! Похоже, от прежнего Джейкоба Демвы не осталось и следа. Тот парень давно бы уже скрутил Куллу и вывел бы корабль из этого ада. Ты ведь знаешь,

на что он был способен! А я… я ужасно устал.

Фэгин сочувственно зашелестел:

— Знаю, дружище Джейкоб. Именно ради такой перемены я позвал тебя принять участие в «Прыжке в Солнце». Джейкоб изумленно взглянул на него.

— Не делай таких круглых глаз, — нежно пропела флейта, — я ведь не предполагал, что ситуация окажется столь серьезной. Я звал тебя исключительно ради тебя самого. Мне очень хотелось, чтобы ты выполз из своего кокона, в который спрятался после прискорбного происшествия в Эквадоре. И еще я очень хотел познакомить тебя с Хелен де Сильвой. Должен признать, план мой удался на славу. Чему я очень рад. — Куст приосанился. Джейкоб растерянно потряс головой.

— Но, Фэгин, мое сознание… — он замолчал.

— Друг мой, с твоим сознанием все в полном порядке. Просто у тебя слишком буйное воображение. Только и всего. Честно говоря, любезный Джейкоб, твои фантазии всегда отличались удивительной изощренностью. Никогда не встречал большего ипохондрика, чем ты, мой дорогой друг! Джейкоб пытался разобраться в том, что происходит. Либо проклятый овощ решил до самого конца сохранить свою старомодную веж-

ливость, либо он ошибается, сам того не сознавая, либо… он прав. Фэгин никогда не лгал даже из соображений любезности и уж тем более не стал бы этого делать на пороге смерти, да еще в столь деликатном вопросе. Неужели и в самом деле мистер Хайд — всего лишь игра?! Неужели он, Джейкоб Демва, подобно маленькому ребенку, создал свой игрушечный мир, но мир столь правдоподобный, что он оказался неотличим от реальности? Такое и раньше с ним случалось… Врачи же лишь улыбались и разводили руками, констатируя сильное, но отнюдь не патологическое воображение… Да и тесты всегда твердили: он осознает, что это игра, всего лишь игра… Излишек воображения не пугал его… прежде.

Так, может, и мистер Хайд — такая же выдуманная реальность, что и прежние? Джейкоб только что осознал, что до сих пор его двойник не причинил никакого вреда, он всего лишь раздражал и только. А эти «несанкционированные» поступки… Ведь всегда находилась достаточно веская причина, вынуждавшая решаться на них…

— Дорогой мой Джейкоб, когда я только познакомился с тобой, ты и в самом деле был не совсем здоров. Шпиль излечил тебя. Но катастрофа еще и напугала тебя, и ты попросту спрятался в

свою игру. Я не знаю ее правил — ты всегда был так скрытен на этот счет, — но мне совершенно ясно: сейчас ты полностью пробудился. Минут двадцать назад… Джейкоб уже не слушал его. Прав Фэгин или нет, в данный момент не имеет никакого значения. В его распоряжении всего лишь несколько минут, чтобы спасти корабль, а времени для психологической болтовни нет Если… если еще не поздно.

Вокруг по-прежнему полыхал пожар хромосферы. Но вверху зияла пропасть фотосферы. П-лазер все так же простреливал плоскость палубы. Джейкоб поднял руку и сморщился от острой боли.

— Ла Рок! Бегом наверх, мне нужна зажигалка. Живо!

Ла Рок жестом фокусника извлек зажигалку из кармана.

— Держите, босс! Но зачем…

Джейкоб его не слушал. Он снял трубку внутренней связи. Если у Хелен есть в запасе хоть немного мощности, то самое время пустить его в ход. Но прежде чем он сумел сказать хоть слово, взвыла сирена.

— Софонты! — зазвенел голос Хелен. — Приготовьтесь к резкому ускорению. Мы покидаем Солнце! — Ликующие интонации в голосе капита-

на в ситуации полной безнадежности выглядели довольно эксцентрично. — Ввиду специфики старта я настоятельно рекомендую всем облачиться в пальто и шубы, если, конечно же, вы не забыли их по рассеянности дома! В это время года на Солнце обычно бывает довольно прохладно!

Глава 28
ВЫНУЖДЕННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Из вентиляционных каналов, расположенных вокруг охлаждающего лазера, тянуло ледяным воздухом. Джейкоб и Ла Рок съежились у крошечного костерка.

— Ну давай же, давай же! — шептал Джейкоб.

Застывшая противоожоговая пена разгоралась неохотно.

Джейкоб вдруг хрипло расхохотался.

— Тот, кто когда-то был пещерным человеком, навсегда им и останется, не так ли, Ла Рок? Люди забрались на Солнце, но и здесь им приходится греться у костра!

Ла Рок слабо улыбнулся, энергично подкармливая разгоревшееся пламя. Вечно словоохотливый журналист сейчас не раскрывал рта. Разве что время от времени что-то сердито бормотал себе

под нос. Джейкоб сунул в огонь факел из все той же противоожоговой ленты.

Шлейф вонючего черного дыма выглядел очень впечатляюще. Джейкоб довольно улыбнулся. Хорошо быть пещерным человеком! Вскоре задымило еще несколько факелов. Едкий дым щипал глаза, становилось трудно дышать, так что пришлось подобраться поближе к холодным потокам воздуха. Фэгин, следивший за их действиями из люка, втиснулся поглубже в гравитационную петлю.

— Все, хватит! — скомандовал Джейкоб. — Вперед!

Он первым выскочил на открытое пространство и швырнул коптящий факел к противоположному краю палубы. За спиной раздался сдержанный шелест. Он обернулся. Кантен выглядывал из люка.

— Все ясно, — тихо пропел Фэгин. — Куллу так не выманишь.

Новость была и хорошей и плохой одновременно. С одной стороны, стало совершенно ясно, где в данный момент находится Кулла но с другой — она означала, что чужак сейчас изо всех оставшихся у него сил старается повредить охлаждающий лазер.

Джейкоб зябко передернул плечами.

Становилось ХОЛОДНО!

План коменданта был просто великолепен! Поскольку защитные экраны продолжали исправно функционировать — неопровержимым доказательством чего служил тот факт, что люди все еще живы, — Хелен могла регулировать количество тепла, поступающее внутрь корабля. Это тепло откачивалось на охлаждающий лазер и сбрасывалось обратно в хромосферу вместе с теплом энергетической установки самого корабля. Словом, все как обычно. За небольшим отличием. Чудовищный поток тепловой энергии, вырывающейся из корабля, сейчас был направлен строго вниз. Великолепный реактивный двигатель. Корабль поднимался!

Естественно, при таком режиме работы автоматическая система, контролирующая температуру внутри корабля, потеряла свою точность. Хелен, должно быть, запрограммировала автоматику так, чтобы больший разброс приходился на диапазон низких температур. В этом случае ошибки легче исправить.

Блестящая идея! Джейкоб очень надеялся, что ему все-таки удастся выразить Хелен свое восхищение. Но прежде необходимо обеспечить

условия для осуществления этой замечательной идеи.

Джейкоб, прижимаясь к центральному куполу, начал пробираться вперед, пока не оказался вне поля зрения Фэгина. Замерев на мгновение, он прицелился и швырнул один за другим еще три факела. Палубу окутала завеса черного дыма.

В темно-сером мареве ярко сияли нити П-лазера. Более слабые вторичные следы исчезли, поглощенные частицами дыма.

Джейкоб отступил назад. В запасе у него оставалось еще три факела. Он осторожно подобрался к краю палубы и перебросил их через центральный купол. Ла Рок, находившийся чуть в стороне, проделал то же самое. Один из факелов репортера, попав в створ рентгеновского луча охлаждающего лазера, мгновенно испарился.

Джейкоб чертыхнулся про себя. Оставалось лишь надеяться, что это происшествие несильно отклонило луч в сторону. Когерентный рентгеновский луч не был рассчитан на прохождение через твердые объекты.

— Все будет хорошо! — подбодрил себя Джейкоб.

Махнув рукой Ла Року, он стрелой метнулся к куполу, в котором, кроме всего прочего, имелся

небольшой шкаф, где хранились запасные детали к записывающим устройствам. Ла Рок, не отставaвший от него ни на шаг, быстро забрался внутрь шкафа и протянул руку Джейкобу. Теперь их положение было весьма уязвимо. Кулла обязательно должен что-то предпринять, не может же он пренебречь столь явной угрозой, как горящие факелы! Дым ел глаза, вонь стояла такая, что Джейкобу казалось: еще немного, и они задохнутся. Ла Рок, цепляясь за полки с приборами, взобрался повыше и, упершись ногами в дверной косяк, подставил сцепленные руки. Джейкоб, оттолкнувшись от них, вскарабкался ему на плечи. Купол сужался довольно полого, но поверхность была слишком гладкой, а у Джейкоба имелось всего три действующих пальца вместо десяти. Спасала все та же противоожоговая пена. Она отлично липла к стенкам купола, так что онемевшие пальцы исполняли роль присосок. После двух неудачных попыток Джейкобу удалось оттолкнуться от плеч Ла Рока. Репортер закряхтел, но равновесие удержал. Стенки купола скользили под руками, словно их покрывал слой льда. Джейкоб, вцепившись ничего не чувствующими пальцами в упругий пластик, с трудом преодолевал каждый дюйм.

Задача осложнялась еще и тем, что вблизи вершины следовало быть предельно осторожным — здесь царствовал охлаждающий лазер. Джейкоб уже видел выходное отверстие. Чуть ниже мерно гудела лазерная установка, дымный воздух ощутимо подрагивал под напором мощного потока энергии. При виде смертоносного жерла Джейкоб поежился. Не слишком приятная штука! Он поспешил отвернуться. Нечего забивать себе голову подобной ерундой.

Подать сигнал Фэгину, не привлекая внимания Куллы, он не мог. Оставалось положиться на превосходный слух кантена, тот сам должен был выбрать момент для отвлекающего маневра. Тянулись томительные секунды. Джейкоб перевернулся, уперся спиной в стену купола и постарался расслабиться.

Всюду, куда ни глянь, царило Солнце. Жестокое и неумолимое. Фотосфера угрожающе пульсировала. Заросли спикул неровным частоколом устремлялись навстречу, огненные буруны закручивались вокруг их колышущихся стеблей.

Джейкоб смотрел прямо в огненное око звезды. Фотосфера игриво подмигивала Большим Пятном. На какое-то мгновение Пятно исказилось, обернувшись лицом всеведущего старца.

Рев, стоявший вокруг, зазвучал вдруг раскатами жутковатой песни. Песни, услышать и понять которую дано лишь звездам.

Солнце было живым. Оно дышало. Оно пело. Оно видело его. Зови меня животворным, ибо я дарую тебе энергию. Мой огонь — это твоя жизнь. Я неизменно, и потому я — твой покой. Но космос темными тропами: подбирается к тайнам моего строения. И время кует свою косу небытия на моем горниле. У нас с тобой один враг. Энтропия. Она везде и всюду. Великий Разрушитель сущего. Ты еще слишком мал и не успел ощутить ее властную руку на своем челе. Ты лишь мотылек жизни, летящий навстречу буре Энтропии.

Зови меня животворным, обреченный на смерть. Я сгораю, даруя жизнь, и сгорая, дарую смерть. Ты все еще припадаешь к моему источнику, но он скоро иссякнет. Но иссякнув, я уступлю место своему собрату, который тоже иссякнет. И так будет всегда.

Зови меня животворным, обреченный на радость жизни. Ты живое создание, в тебе мой голос. Он говорит с тобой. Но кто поговорит с нами?! Плачь о нас, обреченный на жизнь. Помни о нас! Мы поем, и песнь наша полна огня и пепла.

Мы ждем, когда крошечный эмбрион жизни достигнет зрелости и бросит вызов безжалостной Энтропии. Мы ждем тебя.

Джейкоб рассмеялся. Да, Фэгин, как всегда, прав! Ну и воображение! Он закрыл глаза в ожидании продолжения. С того момента, как Джейкоб добрался до вершины купола, прошло семь секунд.

— Джейк… Джейк… — Его звал женский голос.

Он снова взглянул вверх.

— Таня…

Она стояла в своей лаборатории, облокотившись о детектор пионов. Темно-русые волосы перехвачены красной лентой. Веселая улыбка. В уголках глаз затаились морщинки. Таня. Мягкие губы. Руки, сильные и нежные.

— Ты вовремя!

— Таня…

— Неужели я не падаю, Джейк?! Так странно и хорошо! Почему ты вспоминаешь только мое падение? Ведь у нас было столько счастливых мгновений!

Джейкоб знал: она права. В течение двух лет он вспоминал лишь бесконечное падение Тани, начисто забыв обо всем остальном. Таня падала,

падала и снова падала!

— Но знаешь, Джейк, для тебя это оказалось довольно полезно. — Она улыбнулась. — Наконец-то ты избавился от проклятой самонадеянности! Джейк, ты думай обо мне, просто думай. Не забывай меня, Джейк!

— Нет, Таня, я не забуду тебя. Никогда. Обещаю.

— Взгляни на эту звезду! Она говорит с тобой! Говорит, Джейк! Это не твоя выдумка, это реальность! Голос ее отдалился.

— А она мне очень понравилась, Джейк, она подходит тебе, поверь. Я очень рада. Будь счастлив, Джейк!

Он открыл глаза. Над головой бесстрастно пульсировала фотосфера. Большое пятно и в самом деле смотрело на него. Колебания грануляционной ячейки напоминали удары сердца.

Неужели ты существуешь?

Ответ просверлил его насквозь, проник в душу, очистил разум от последних сомнений. Нейтрино как лекарство от неврозов. Оригинально, ничего не скажешь!

Снизу раздался свист. Джейкоб машинально заскользил вправо, в направлении, откуда донесся звук. Он старался не шуметь и не делать лишних

движений.

Внезапно показалась круглая голова прингла. Кулла, а-Прингл, аб-Пил-аб-Киза-аб-Соро-аб-Хул-аб-Пубер стоял к нему боком. Тонкие руки быстро перебирали клавиши на открытой панели компьютера. Сквозь густой дым тускло просвечивал П-лазер.

Слева послышался громкий шелест, и в следующее мгновение справа раздался топот. Ла Рок и Фэгин приступили к отвлекающему маневру. Вот слева из-за купола показались веточки с серебристыми кристалликами. Кулла немедленно полыхнул огнем, и один из световых рецепторов Фэгина задымился. Кантен издал пронзительный свист, ветки скрылись. Кулла резко обернулся, поджидая нападения справа. Джейкоб достал из кармана флакон с противоожоговой пеной. Рассчитанным движением он поднял его и нажал на распылитель. Кулла, почуяв неладное, поднял голову, но тут же тонкая струя пены брызнула в направлении полыхающих глаз прингла. Почти одновременно из-за поворота появился Ла Рок. Нагнув голову, репортер с диким воплем бросился на чужака. Кулла отшатнулся. Струя пены, не достигнув прингла, вспыхнула в воздухе. Кулла закрыл лицо тонкими руками, а Ла Рок,

проскочив сквозь догорающий след, врезался в прингла.

Кулла зашатался и вцепился в репортера, чтобы удержать равновесие. Тонкие пальцы мертвой хваткой сжали шею Ла Рока. Журналист захрипел, лицо его посинело.

Джейкоб выдержал паузу. Дым был таким густым, что без фильтра дышать становилось все труднее и труднее. Кулла ни в коем случае не должен заметить момент прыжка! В противном случае они с Ла Роком обречены. Он сконцентрировался и прыгнул.

Его способность к сжатию времени превратила полет в медленное, неторопливое парение. Знакомый прием из арсенала прежнего Джейкоба Демвы. Преодолев уже почти треть пути, он заметил, как очень медленно начала поворачиваться голова Куллы. Джейкоб не видел, что там чужак делает с Ла Роком. Густая завеса дыма скрывала все, кроме смертоносных глаз прингла. Глаза медленно поднимались. Джейкоб хладнокровно прикинул диапазон, который Кулла может охватить своим лучом. Ему вдруг стало смешно… Во всей этой ситуации было что-то очень комичное — замедленное парение в точности напоминало выходки супермена из древних фильмов. Вволю

насмеявшись, Джейкоб решил ускорить течение времени и посмотреть, что из этого получится.

В следующее мгновение последовала яркая вспышка, затем клацание фарфора и, наконец, резкая боль в предплечье в тот момент, когда он ударил Куллу. Вцепившись онемевшими пальцами в свободное одеяние чужака, Джейкоб повалил прингла на пол. Сцепившись в борцовском захвате, они покатились по палубе.

И тут обоих охватил приступ кашля. Беспорядочно размахивая руками, чужак и человек возились на полу, сотрясаемые судорогами удушья. Каким-то чудом Джейкобу удалось на несколько мгновений обхватить тонкую шею прингла. Кулла заметался с удвоенной силой, пытаясь укусить его фарфоровыми резцами или испепелить лазерным лучом. Стараясь не попасть в поле зрения прингла, Джейкоб немного ослабил хватку. Тонкие, хрупкие на вид руки, обернувшись мощными щупальцами, с удивительным упорством пытались ухватить его за шею. Джейкобу никак не удавалось провести один из своих коронных приемов, который положил бы конец этому нелепому и смертельному фарсу. Противники катались по палубе, кашляя и отплевываясь столь усердно, что очень быстро

оказались довольно далеко от центрального купола. Джейкобу наконец удалось оседлать Куллу, но в следующее мгновение острая боль пронзила ему колено.

— Давай, сволочь, давай же, стреляй! Надолго тебя не хватит!

Спрятав лицо за выставленным коленом, он прижал руки Куллы к палубе, лишив его возможности маневра. Кулла снова выстрелил, потом еще. Джейкобу казалось, что колено вот-вот вспыхнет. Невероятным усилием воли он подавил боль, ни на мгновение не ослабляя хватку. Он очень надеялся, что запас энергии у Куллы подходит к концу.

Но Кулла, оставив попытки выжечь ему глаза, внезапно резко дернулся, высвободив одну руку, и ударил Джейкоба по раненой ноге. Тот вскрикнул, и возня на палубе возобновилась. Кашель становился нестерпимым. Кулле он давался, похоже, тяжелее. Казалось, в стеклянной бутылке перекатывается с полдесятка металлических шариков. Дьявол! Надо во что бы то ни стало добраться до его шеи! Других уязвимых точек у прингла, судя по всему, нет. Джейкоб постарался успокоить дыхание. Обожженные едким дымом легкие пылали. Всякий раз, втягивая в

себя воздух, он немедленно терял преимущество, достигнутое с таким трудом в предыдущее мгновение, и Кулла тут же оказывался наверху. Дым ел глаза. Внезапно Джейкоб осознал, что на нем нет защитных очков! Либо Кулла снова пережег резинку, либо очки слетели во время драки. Где же, черт побери, Ла Рок?!

Руки дрожали от напряжения. Мышцы, не выдерживая заданного темпа, посылали мозгу панические сигналы. Кашель Куллы звучал все более надрывно, Джейкоб отвечал ему сдавленным бульканьем. Силы стремительно покидали его. Еще немного, и все будет кончено. Страх ледяными щупальцами проникал в мозг. Неужели этот ужас не кончится никогда?! Жгучая боль в спине заставила его подпрыгнуть. Боль была столь сильной и внезапной, что Джейкоб не сумел ее подавить. Кулла вырвался из его рук, стремительно откатившись в сторону. Джейкоб вскочил, кинув быстрый взгляд на палубу. Дьявол! На полу тлели остатки противоожоговой пены.

Примерившись, он прыгнул на Куллу, но промахнулся. Кулла быстро отполз в сторону и повернулся к нему лицом. Джейкоб зажмурился и прикрыл глаза обожженной рукой. Он попы-

тался встать, но с легкими происходило что-то неладное. Приподнявшись на одном колене, Джейкоб почувствовал, что еще мгновение, и он без сил рухнет на пол. Воздуха не хватало. Спина, казалось, превратилась в хорошо прожаренный бифштекс. Почему Кулла не стреляет? Чего он ждет?!

Совсем рядом раздалось клацание фарфора. Джейкоб обессиленно уронил руку и открыл глаза. Прингл находился меньше чем в метре от него. Сквозь зловонную завесу тускло светились глаза.

— Ну… — выдохнул Джейкоб, — давай же, приятель… Это твой последний шанс…

Он усмехнулся. Ну и цирк! Тане это представление наверняка бы понравилось. Уж она-то знала толк в хорошем театре. Заключительный выход! Надеюсь, Хелен ничего не упустила.

Заключительный выход? Больше эффекта, приятель! Сейчас не время для халтуры. Даже если Кулла перекусит ему горло или прожжет дырку в башке, он успеет преподнести ему прощальный подарок.

Он выхватил из-за пояса забытый было распылитель пены. Они славно порезвились, славно и закончат! Какая разница, обезглавят тебя или же просто сожгут? Мучительная боль пронзила

левый глаз. Ощущение было таким, словно молния, попав в глазницу, вышла с другой стороны головы. Не дожидаясь продолжения, он вскинул распылитель и направил струю пены туда, где, по его предположениям, находился Кулла.

Глава 29
ПОГЛОЩЕНИЕ

Хелен взглянула вверх. Мимо корабля проносилось стадо тороидов. На таком расстоянии зеленосинее сияние было едва заметно. И все-таки она смогла разглядеть, что крошечные светящиеся колечки — изумрудные клочки жизни в океане огня — выстроились одно на другим, образовав миниатюрную колонну. Они прощались.

То здесь, то там вспыхивали голубые искры — пастухи дирижировали своей паствой. Стадо зашло за темную прядь газа и скрылось из вида. Хелен горько улыбнулась. Эх, если бы у нас осталась лазерная связь! А так никто не узнает об упорстве и стойкости земного корабля. Никто никогда не узнает и о том, что соляриане вовсе не собирались убивать пришельцев, а совсем даже наоборот, изо всех сил пытались им помочь. И, наконец, никто не узнает, что люди установили

контакт с обитателями Солнца! Что ж, выход один — выжить и самим сообщить обо всем Галактике. Взвизгнул сигнал тревоги. Хелен быстро перевела взгляд на приборную панель. Вот дурато, нашла время мечтать!

За ее спиной нервно прохаживалась Милдред Мартин. Действия психолога, хотя и вполне разумные, особой последовательностью не отличались. Мартин только что вернулась с противоположной стороны купола, где оказывала помощь Хьюзу и Дональдсону. Сейчас она, что-то бормоча себе под нос, мерила шагами палубу.

Слава Ифни, у Милли хотя бы хватает здравого смысла не мешать им! Но пристегнуться к кушетке психолог решительно отказалась. Хелен не решилась послать ее на обратную сторону корабля в помощь Джейкобу, Ла Року и Фэгину. Состояние Мартин не внушало ей доверия. В воздухе пахло зловонной гарью. Камеры, установленные на обратной стороне корабля, давали лишь панораму густого дыма. Хелен не отключала внутреннюю связь, ловя каждый звук, доносящийся снизу. Время от времени раздавались крики и звуки борьбы. Пару раз ей показалось, что она уловила стоны. А несколько мгновений назад душераздирающий вопль заставил ее вздрогнуть. После

этого в корабле повисла гнетущая тишина. Хелен, не позволяя эмоциям взять над собой верх, бесстрастно следила за приборами. Сейчас она не имела права на чувства. Лишь гордость владела в эти минуты комендантом базы «Гермес». Несмотря ни на что, они все еще были живы!

Разумеется, шансы на спасение с каждой минутой становились все призрачней. Если бы Кулла был обезврежен, Джейкоб тут же дал бы о себе знать. Она вздрогнула и поспешила взять себя в руки. Становилось по-настоящему холодно. Температура на борту упала до пяти градусов Цельсия. Накопившаяся усталость давала о себе знать, и Хелен уже не успевала поддерживать достаточно высокую температуру внутри корабля, корректируя защитные поля. Просто же поднять температуру означало снизить мощность охлаждающего лазера, что могло повлечь за собой катастрофу. Хелен подрегулировала конфигурацию магнитного поля. Не хватало только, чтобы вышли из строя фильтры жесткого ультрафиолетового излучения. Слава Ифни, хоть здесь все в порядке!

Охлаждающий лазер работал на пределе мощности, выкачивая тепло из хромосферы и посылая его вниз потоком жесткого рентгеновского из-

лучения. Корабль поднимался, но поднимался мучительно медленно. Снова взвыл сигнал тревоги. Но на этот раз он сообщал не об очередном отклонении параметров. Это был крик умирающего корабля.

К едкому дыму теперь добавился еще и ледяной холод. Джейкоб слышал, как кто-то рядом стучит зубами, заходясь при этом от надрывного кашля. Ему потребовалось усилие, чтобы осознать: это он сам. Кашель рвал легкие, холод сводил судорогами тело. Джейкоб приподнялся на локтях, не чувствуя ничего, кроме тупого удивления. Неужели он все еще жив?!

Дым понемногу рассеивался, распадаясь на отдельные пряди и струйки, вытянувшиеся в направлении вентиляционных отсеков. Джейкоб равнодушно отметил, что зрение не отказало ему. Он поднес руку к левому глазу. Цел. Зажмурил глаз, снова открыл. Глаз не видел, но, судя по всему, цел. Он ощупал голову. Похоже, и тут все в порядке. Значит, у Куллы не хватило энергии на полноценный выстрел. Кулла! Джейкоб быстро оглянулся. Дурнота волной подкатила к горлу. Он замер, пережидая приступ, затем снова принялся озираться. В двух футах от себя Джейкоб увидел тонкую белую руку, резко выделявшуюся

на фоне закопченной палубы. Джейкоб пригляделся. Лицо Куллы обгорело до неузнаваемости. Черная корка тлеющей противоожоговой пены покрывала то, что когда-то было смертоносными глазами прингла. Из разбитой головы сочилась синяя слизь. Сомнений не оставалось — Кулла был мертв. Опираясь на руки, Джейкоб пополз по палубе в сторону центрального купола. Прежде всего надо найти Ла Рока и Фэгина. А потом добраться до петли и позвать кого-нибудь, кто сможет разобраться в компьютере… если еще не Поздно… Рядом послышался стон. Ла Рок, обхватив голову руками, сидел в нескольких метрах от Куллы. Джейкоб осторожно тронул его за плечо. Репортер поднял на него затуманенный взгляд.

— Ооооо… Демва, это вы? Нет, молчите! У меня голова и так раскалывается.

— С вами все в порядке?

Ла Рок кивнул.

— Наверно, раз я жив. Но если живы еще и вы, то Кулла должен быть мертв, так? И если я все еще не хочу умирать… Mon Dieu! <О Боже! (франц.)> Демва, у вас такой вид, словно вы побывали в мясорубке! Неужели я выгляжу так же?!

Похоже, помимо всего прочего, драка вернула Ла Року склонность к многословию.

— Вставайте, Ла Рок, нам нужно спешить. Вставайте и помогите мне.

Один я не справлюсь. Нам еще нужно кое-что сделать. Ла Рок со стоном поднялся и тут же пошатнулся. Стремясь удержать равновесие, он ухватился за Джейкоба. От резкой боли тот на какое-то мгновение потерял сознание. Ла Рок, извергая потоки слов, помог ему подняться.

Остатки пены, судя по всему, окончательно выгорели. Дым быстро рассеивался, распадаясь на отдельные пряди.

Они очень медленно начали продвигаться вдоль купола, огибая его по часовой стрелке. Один раз дорогу им пересек луч П-лазера. Не в силах перешагнуть через сияющую нить, они двинулись напрямую. Джейкоб лишь поморщился, когда луч бритвой распорол ему ногу. Фэгин был плох. Из дыхательного отверстия доносился лишь тоненький жалобный свист. Джейкоб, останавливаясь после каждого слова, спросил кантона, может ли тот двигаться. Но в ответ лишь печально звякнули серебряные колокольчики. Выдвинувшиеся из корней острые когти намертво вцепились в упругий материал палубы. Фэгину требовалась срочная помощь. Они обошли кантена и направились к люку. На глаза

Джейкобу попалось переговорное устройство. Он набрал в легкие побольше воздуха.

— Хел. Хелен…

Он замолчал, не в силах продолжать. Хелен не отвечала. Лишь слабое эхо доносилось из динамика. Судя по всему, внутренняя связь в порядке. Так в чем же дело?!

— Хелен, ты слышишь меня?! Кулла мертв… Нас изрядно потрепало…

Нужно срочно исправить…

Судорога свела лицевые мышцы, и Джейкоб замолчал. Опираясь на Ла Рока, он доковылял до люка и рухнул на наклонный пол гравитационной петли. Жесточайший приступ кашля окончательно лишил его сил. Спать. Ему так хотелось спать. Невыносимо болела обожженная спина, обгоревшие руки саднили. Боль волнами прокатывалась по телу, не давая сконцентрироваться на каком-нибудь отдельном участке. Отчаянно ныл бок — наверное, сломано ребро. Но все это было сущими пустяками по сравнению с пульсирующей тяжестью над левым глазом. Казалось, какой-то шутник вскрыл ему череп и высыпал туда гореть раскаленных углей. Джейкоб понимал: во что бы то ни стало надо встать на ноги и подняться по петле. Медлить нельзя.

Он попытался ползти, подтягиваясь на руках. За спиной надрывно постанывал Ла Рок. Лежа на покатом полу, Джейкоб испытывал довольно странное чувство. Он всегда считал, что гравитационное поле должно иметь равномерное распределение вдоль всей петли, но вместо этого чувствовал, как мягкие волны перекатываются через него, нежно покачивая израненное тело. При этом одни участки тела наливались свинцовой тяжестью, другие же становились почти невесомыми. Без всякого сомнения, с полем творилось что-то неладное. Гравитация баюкала, ласково покачивая его на своих волнах, рябью пробегая по спине. Спать… как хорошо…

— Джейкоб! Слава Богу! — Голос Хелен взорвался в голове тысячей раскаленных искр.

— Что…

— Не до разговоров, милый! Вставай же! Гравитационные поля слабеют! Я послала Милдред, но… — Голос оборвался, сменившись каким-то дробным стуком.

— Хелен… Как хорошо… — Джейкоб поудобнее пристроил голову и погрузился в глубокий сон.

Ему снился Сизиф. Человек, приговоренный богами вечно вкатывать камень на гору. Джей-

кобу стало жаль беднягу — он-то на месте этого простака поступил бы куда хитрее. Зачем мучиться и вкатывать камень по отвесному склону, когда можно заставить гору стать плоской, как блин? И какое имеет значение, что в реальности ничего не изменится? О, мистер Хайд в подобных фокусах всегда был большим специалистом. Но на этот раз гора пребывала явно не в духе. Бесчисленные муравьи, живым ковром покрывавшие ее склоны, то и дело впивались в него челюстями. Осы устрашающих размеров решили устроить в его глазнице гнездо и отложить яйца. С каждым шагом камень становился все тяжелее. Гора играла с ним. Она выпускала липкие щупальца, опутывая ими ноги и не давая сдвинуться с места. Склоны внезапно покрывалась слизью, и он беспомощно скатывался вниз. Время от времени гора начинала вздыматься неровными волнами, от чего тошнота комом подкатывала к горлу, и он мгновенно терял ориентацию.

Джейкоб никак не мог вспомнить, дозволяют ли правила игры ползти. Решив, что столь нехитрый способ вряд ли возбраняется, он прижался к горе и пополз. Хитрость удалась на славу.

Камень, словно живое существо, помогал ему. Он двигался сам, и Джейкобу лишь приходилось

слегка подталкивать его. Это было прекрасно. Единственное неудобство состояло в том, что камень стонал. Его жалобные стенания немного раздражали. Джейкоб, утешал себя тем, что тот хотя бы воздерживается от болтовни на французском языке. Момент для практики в иностранных языках и в самом деле был не слишком удачным. Джейкоб очнулся. С усилием оторвав чугунную голову от пола, огляделся Он находился совсем рядом с люком. Но какой это люк, Джейкоб не знал. Дым исчез.

Джейкоб заглянул в люк. На палубе было темно. Красное марево хромосферы потеряло былую прозрачность, налившись густым мраком. Что это? Линия горизонта? Край Солнца?! Он не мог оторвать глаз от открывшейся картины Впереди простиралась плоская фотосфера, перистый ковер из красных и черных сполохов. Океан огня все так же пульсировал, но форма волокон на его поверхности изменилась — замысловатые узоры вытянулись вдоль ярких качающихся струй.

Взад и вперед. Солнце игриво раскачивалось перед глазами. Взад.

Вперед. Взад. Вперед.

В проеме люка показалось лицо Милли Мартин. Увидев его, Мартин испуганно вскрикнула.

Джейкобу захотелось успокоить ее. Сказать, что все будет в порядке.

Что все уже позади. Что мистер Хайд мертв, и больше не о чем тревожиться. Он вдруг вспомнил, что видел мерзавца на горе. Лицо обгорело до неузнаваемости, левый глаз выжжен. Труп издавал отвратительное зловоние. Джейкобу стало смешно.

Сзади что-то вдруг с силой дернуло его за ноги. Люк! Ему надо к люку!

Он начал сползать. Как он добрался до палубы, Джейкоб уже не помнил.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Как дивно созерцать галактику в отверстие бумажного листа.
Кобуяши Исса (1763-1828)

Глава 30
НЕПРОЗРАЧНОСТЬ

Член Комиссии Абатсоглу:

— Так вы утверждаете, что все системы, разработанные Библиотекой, вышли из строя задолго до прибытия спасателей?

Профессор Кеплер:

— Да, именно так. Дееспособными остались лишь устройства, разработанные на Земле. Я мог бы добавить, что пил Буббакуб и многие другие официальные лица неоднократно заявляли о бесполезности земных технологий.

Ч.К.А.:

— Вы намекаете, что Буббакуб заранее знал…

П.К.:

— Нет, конечно, нет! В каком-то смысле Буббакуба одурачили так же, как и всех нас. Его

возражения основывались исключительно на эстетических соображениях. Образованному пилу ужасно не нравилось, что галактические системы сжатия времени и управления гравитацией станут соседствовать с архаичной системой охлаждения и доисторическими тепловыми экранами землян. Впрочем, его можно понять: ведь отражающие поля и охлаждающий лазер основывались на принципах, известных людям еще в двадцатом веке. Естественно, Буббакуба покоробила настойчивость людей в их желании построить корабль прежде всего по земным технологиям. Он возражал, и возражал очень упорно, пытаясь убедить их в том, что рядом с галактическими системами земные устройства абсолютно излишни. Ну и, кроме того, Буббакуб попросту презирает доконтактную земную науку, высокомерно полагая, что она представляет собой жалкую смесь полуистин и суеверий.

Ч.К.А.:

— Однако эти суеверия оказались куда надежнее, чем новейшие разработки галактической науки.

П.К.:

— Надо признать, нам очень повезло. Ведь Кулла, также как и Буббакуб, считал, что от земных

систем мало что зависит, и поначалу даже не пытался вывести их из строя. Когда же он понял свою ошибку, было уже поздно.

Член Комиссии Монт:

— Доктор Кеплер, я никак не могу понять одного. И думаю, кое-кто из моих коллег разделяет мое недоумение. Насколько я знаю, Хелен де Сильва использовала охлаждающий лазер в качестве двигателя. Но, чтобы вывести корабль из хромосферы, необходимо преодолеть притяжение солнечной массы. Пока действовали гравитационные двигатели, ничего невозможного в этом не было, но что же произошло после того, как они вышли из строя? Почему корабль не смяло в лепешку?!

П.К.:

— Гравитационные двигатели отказали не сразу. Сначала испортилась тонкая настройка полей внутри гравитационной петли, ведущей на приборную полусферу. Затем отказала система автоматического слежения за турбулентностью, и, наконец, исчезли сами поля, компенсировавшие внутри корабля притяжение Солнца. Но когда это произошло, солнечный корабль уже добрался до нижних слоев солнечной короны. Командир де Сильва была готова к такому повороту.

Она хорошо понимала, что после отключения внутреннего компенсационного поля продолжать подъем — чистейшее самоубийство. Хотя на крайний случай, стремясь сохранить если не жизни членов экипажа, то хотя бы полученные уникальные данные, она оставила и этот вариант. Но Хелен нашла выход: она предоставила корабль свободному падению, лишь слегка притормаживая двигателями с ускорением, не превышающим три "g". К счастью, существует способ довольно безопасного падения в гравитационную воронку, надо лишь двигаться по гиперболической орбите относительно гравитационного центра. Хелен и попыталась перевести корабль на такую орбиту, направив лазер по касательной к ней. По сути дела, она всего лишь повторила управляемый прыжок доконтактного периода. Разница состояла в том, что на этот раз прыжок был вынужденным, а орбита не столь высока.

Ч.К.А.:

— Как близко корабль подошел к Солнцу?

П.К.:

— Вы уже знаете, что корабль до этого падал дважды: сначала, когда отказали гравитационные двигатели, и потом, когда соляриане,

какое-то время удерживавшие корабль своими телами, вынуждены были оставить это бесплодное занятие. Так вот, во время третьего падения корабль подошел к Солнцу наиболее близко. Он в буквальном смысле коснулся поверхности фотосферы.

Ч.К.А.:

— Но как же турбулентность?! Почему корабль не раздавило?!

П.К.:

— В результате этого вынужденного погружения мы получили много новых сведений о физике Солнца. Хромосфера оказалась куда менее турбулентной, чем мы предполагали. Впрочем, и среди нас имелись провидцы, которым я сейчас с огромным удовольствием приношу свои извинения. Но думаю, что решающим элементом явилось все-таки мастерство пилота. Хелен де Сильва совершила невозможное. Люди из службы спасения изучили данные бортовых датчиков и пришли в неописуемый восторг, омраченный лишь невозможностью немедленно склонить колени перед мужеством и мастерством Хелен де Сильвы.

Генерал Уэйд:

— Да уж, спасатели, подоспевшие на помощь,

испытали настоящий шок от увиденного. Экипаж напоминал армию Наполеона во время отступления из Москвы. На борту стоял жесточайший мороз. Никто не подавал признаков жизни. Вы можете понять, в каком недоумении находились мы, пока не просмотрели данные.

Член Комиссии Нгуен:

— Могу себе представить! Никто не ожидал, что из раскаленного ада вылетит снежный ком! Доктор Кеплер, а вы понимаете, почему командиру корабля понадобилось увеличить скорость отвода тепла?

П.К.:

— Честно говоря, не совсем. Мне кажется, что Хелен намеренно понизила температуру на борту корабля с одной-единственной целью — сохранить в целости полученные данные. Она боялась, что они могут сгореть. Наверное, Хелен все-таки верила в то, что корабль выберется из этой переделки. Но вряд ли она задумывалась над биологическим эффектом столь резкого понижения температуры. Видите ли, во многих вопросах Хелен оставалась совершенно наивной. В своей области де Сильва достигла совершенства, но не уверен, что она знала о достижениях криогенной хирургии. Полагаю, очнувшись, она

будет очень поражена. Да и остальные наверняка удивятся не меньше. За исключением, быть может, мистера Демвы. Этого человека ничем не проймешь. Боюсь, что даже сейчас, когда его сознание пребывает в небытии, он продолжает свои аналитические игры.

Глава 31
РАСПРОСТРАНЕНИЕ

По весне киты устремляются на север. Когда он в последний раз стоял на берегу океана, наблюдая за миграцией серых китов, многие из тех, что вспенивал сейчас морскую гладь, не появились еще на свет. Ему было любопытно узнать, поют ли нынешние поколения «Балладу о Джейкобе и Сфинксе».

Наверное, нет. Серым китам песня всегда не слишком нравилась. Не то что чувствительным белугам. Серые киты славились снобизмом, но Джейкоб все равно любил их.

Негромко ревели буруны, разбиваясь о скалы у его ног. Воздух, пропитанный соленой влагой, наполнял сердце радостью и безмятежным покоем. В госпитале Санта-Барбары его попытались усадить в инвалидное кресло, но Джейкоб отка-

зался, предпочтя трость. Хотя такой выбор сильно ограничивал свободу передвижения, зато постоянная физическая нагрузка шла на пользу. Все три месяца, прошедшие с момента пробуждения в боксе госпиталя, Джейкоб отчаянно пытался встать на ноги. Он вспомнил, как изменилась после возвращения на Землю Хелен. И куда только исчезли ее надменность и чопорность! Лексикон уроженки эпохи расцвета Бюрократии заставлял заливаться краской благонравных граждан Конфедерации. Джейкоб улыбнулся. Когда Хелен почувствовала, что находится среди друзей, ее речь обрела выразительность языка опытного космолетчика, повергая всех в полнейшее изумление. Но Хелен лишь смеялась, ссылаясь на издержки своего воспитания. Джейкоб, весьма интересовавшийся жизнью Хелен, был очень настойчив в расспросах. А если не помогали обычные методы убеждения, то переходил к менее традиционным. На Хелен в таких случаях нападал приступ безумного хохота, она обзывала его развалиной и требовала, чтобы он прекратил нелепые попытки совершить то, к чему далеко еще не готов. Ну и язва! Как будто она готова! Джейкоб снова улыбнулся. Только через месяц врачи прекратят пичкать их гормональными

препаратами. Сначала должны полностью восстановиться все клетки организма. Еще месяц потребуется на подготовку к столь серьезному испытанию, как космический полет. Хелен, опережавшая Джейкоба на пути к выздоровлению, постоянно дразнила его, подчас довольно жестоко. Доктора жена его просьбы оградить от нападок этой «нахалки» лишь улыбались и отвечали, что разочарование обостряет желание выздороветь. Ну и чушь! Если Хелен не прекратит провокаций, то вскоре ему придется как следует удивить и ее, и этих болтунов в белых халатах. Джейкоб не очень доверял всяким там графикам, больше полагаясь на собственные ощущения. Ифни! Как же здесь хорошо! Как чудесен океан воды, а не огня! Джейкоб с наслаждением втянул в себя соленый воздух. Пора идти. Его ждет лечение, куда более эффективное, чем таблетки и самовнушение. Он повернулся и медленно направился к хаотичному строению, экстравагантному жилищу его дядюшки Джеймса. Он с удовольствием ощущал под ногами твердую землю, а не упругий материал, служивший полом на Меркурий и солнечном корабле.

Дядя Джеймс, по своему обыкновению, упоенно флиртовал с Хелен. Она же бесстыдно поощряла

его.

— Мой мальчик! — Дядюшка Джеймс приветственно вскинул руку. — А мы уже собирались разыскивать тебя! Джейкоб лениво улыбнулся.

— К чему спешить, дядя Джим! Уверен, у нашей покорительницы межзвездных миров в запасе имеется еще немало историй. Дорогая, ты уже рассказала моему родственнику о черной дыре?

Хелен криво улыбнулась и одарила его ироничным взглядом.

— Джейк, по-моему, ты хотел сам поведать своему дяде эту историю.

Джейкоб ответил безмятежной улыбкой. Она права — он должен сам заняться обработкой дядюшки. На дипломатические таланты Хелен особо рассчитывать не приходилось.

Хелен де Сильва была великим пилотом, а за последние недели она стала еще и превосходным конспиратором. Но Джейкоба немного пугали ее упорство и сила. Он не знал, как сложатся их отношения в дальнейшем. Узнав после пробуждения, что корабль «Калипсо» уже отправился в межзвездный полет, Хелен тут же записалась в группу «Везариус-2». На робкие попытки Джейкоба узнать, чем же она там занимается, Хелен лишь нагло отвечала, что сначала она должна

как следует выдрессировать его в полном соответствии с системой доктора Павлова, дабы выработать необходимые условные рефлексы. Курс дрессировки займет не меньше трех лет, добавляла Хелен, и в конце означенного периода, она, так уж и быть, сжалится над ним и позвонит в колокольчик, приглашая его отправиться с ней в межзвездный полет.

У Джейкоба, правда, имелись свои соображения на этот счет, хотя он обреченно понимал, что деятельность его слюнных желез находится под полным контролем Хелен де Сильвы.

Дядя Джеймс нервничал. Джейкоб не мог припомнить случая, когда дядя выглядел бы столь обеспокоенным. Куда-то вдруг подевалось знаменитое ирландское обаяние, которым всегда славился клан Альварес. Живые зеленые глаза смотрели неестественно печально.

— Джейкоб, мой мальчик! Прибыли наши гости. Они ждут в кабинете, ими занимается Кристиан. Я очень рассчитываю, что ты будешь благоразумен. Ох, не стоило приглашать этого парня из правительства! Мы сами могли все уладить. Но теперь, насколько я понимаю…

Джейкоб помахал свободной рукой.

— Дядя, пожалуйста! Мы уже все с тобой обсу-

дили Ты же понимаешь, что принять решение необходимо. Если ты откажешься от услуг Комиссии по регистрации секретов, то я буду вынужден созвать семейный совет и вынести это дело на его суд. Ты же знаешь дядю Джереми, он скорее всего потребует, чтобы это дело немедленно предали огласке. Пресса, разумеется, примет твою сторону, но у Департамента судебных преследований появится отличный предлог, чтобы навесить на тебя маленькую пищащую штучку. Только представь, милый дядюшка, ходишь ты себе и попискиваешь, словно полевая мышь: пи-ип, пи-ип, пи-ип, пи-ип…

Джейкоб оперся о плечо Хелен, не столько потому, что устал, сколько в поисках моральной поддержки в этом бесконечном споре с дядей Джеймсом. Аристократическое лицо дядюшки побледнело. Хелен тщетно пыталась сдержать смех, странно всхлипывая и издавая не слишком приличное бульканье.

— Прощу прощения, — выдавила наконец она.

— Тебе бы все насмехаться над беспомощным инвалидом! — Джейкоб ущипнул ее и снова оперся на трость.

Кабинет дяди Джеймса производил не столь внушительное впечатление, как кабинет в Аль-

варес-холле в Каракасе. Он выглядел куда более уютным и располагающим к приватным беседам. Джейкоб надеялся, что ему удастся серьезно поговорить с дядюшкой еще сегодня.

Лепные стены и декоративные колонны подчеркивали испанский стиль. Среди книжных полок выделялись закрытые ящики, в которых хранилась коллекция самиздатовских изданий времен Бюрократии. Над мраморным камином красовался девиз:

«КОГДА НАРОД ЕДИН, ОН НЕПОБЕДИМ».

Фэгин, замерший декоративным растением у одной из колонн, приветственно свистнул. Джейкоб, церемонно поклонившись в ответ, приступил к длительной процедуре формального приветствия. Ему хотелось сделать приятное другу. Фэгин регулярно навещал его в госпитале. Поначалу они испытывали немалые трудности в общении, поскольку каждый считал себя в неоплатном долгу перед другим. После долгих и церемонных препирательств они наконец пришли к единому мнению, то есть каждый остается при своем. …Когда гиперболическая орбита вынесла солнечный корабль достаточно далеко от Солнца, к нему смогла подобраться спасательная команда. Проникнув на борт корабля, спасатели

с изумлением обнаружили, что люди попросту заморожены. Тело прингла, находившееся на обратной стороне корабля, было расплющено всмятку перегрузками, не пощадившими нижней части корабля. Но больше всего спасателей поразил Фэгин. Уцепившись острыми шипами за палубу, он болтался вверх ногами. Параметрический лазер продолжал исправно работать, придавая картине совсем уж абсурдный вид. Холод повредил живучему кусту меньше четверти клеток, так что кантен вышел из всей этой заварухи, можно сказать, без потерь. В итоге Фэгин из Института Прогресса, привыкший всегда быть лишь сторонним наблюдателем, сам очутился в центре всеобщего внимания. Он оказался единственным софонтом во всей Галактике, кто испытал, что значит лететь вверх тормашками сквозь плотное пламя звезды. Теперь и у него появилась своя собственная история, которую он мог с гордостью рассказывать пораженным слушателям. Но самое печальное состояло в том, что бедняге Фэгину никто не верил. Пока не просмотрели данные с корабля.

Закончив с приветственным церемониалом, Джейкоб дружески кивнул Ла Року, восседавшему, за столиком с многочисленными блюдами.

Со времени их последней встречи к журналисту вернулись и его цветущий вид, и, разумеется, аппетит. Сейчас Ла Рок с волчьей ненасытностью поглощал кулинарные творения Кристиана. Будучи все еще прикованным к инвалидному креслу, он лишь молча кивнул Джейкобу и Хелен, приветственно взмахнув пухлой ручкой. Джейкоб заподозрил, что подобная сдержанность объясняется очень просто: у репортера настолько набит рот, что он не в состоянии приветствовать старых друзей трескучей тирадой. Кроме Фэгина и Ла Рока, в кабинете находился еще один человек. Высокий мужчина с длинным благородным лицом. Пронзительные светло-серые глаза. Во всем облике нечто аскетическое. Он поднялся из кресла навстречу вошедшим и протянул Джейкобу руку.

— Хан Нильсен, к вашим услугам, мистер Демва. Я много слышал о вас и теперь горд, что могу пожать вашу руку. Разумеется, Комиссия по регистрации секретов в курсе всего, что известно правительству. Поэтому я вдвойне восхищаюсь вами. Но сегодня мы собрались, чтобы обсудить вопрос, о котором правительству не следует знать.

Джейкоб и Хелен расположились на диване

у окна.

— Совершенно верно, мистер Нильсен. Речь пойдет о двух вопросах.

Во-первых, мы хотели бы получить формальное одобрение Совета Всех Землян.

Нильсен нахмурился.

— Вы должны сознавать, что в данный момент Совет пребывает в зачаточном состоянии. Делегаты от колоний не прибыли. Бюр… чиновникам Конфедерации, — Нильсен едва удержался от ругательства, — не по душе существование Комиссии по регистрации секретов, ставящей честность превыше закона Совет Всех Землян еще менее популярен.

— Может, оно и к лучшему. Но чего ждут от нас и Совет, и ваша Комиссия? Ведь потребуются годы, чтобы Совет приобрел легитимность. Зачем вам рисковать, вмешиваясь в эту проблему?

Какое-то время все молчали. Потом Нильсен пожал плечами и достал из портфеля записывающее устройство.

— Содержание этого разговора не подлежит разглашению без санкции Комиссии по регистрации секретов. Кто первый? Может, вы начнете, доктор де Сильва?

Хелен кивнула.

— Хорошо. Первое. Мы знаем, что пил Буббакуб совершил преступление с точки зрения как Библиотеки, так и собственной расы. Он подделал доклад Библиотеки и совершил подлог на борту солнечного корабля, а именно: фальсифицировал контакт с солярианами и устроил представление с «реликвией летаней». Мы полагаем, что нам теперь известны мотивы его поступка. Во-первых, Буббакуба смутило отсутствие в Библиотеке каких-либо упоминаний о солнечных обитателях. И во-вторых, он уже давно мечтал поставить на место зарвавшуюся «сиротскую расу».

Подумав, Хелен добавила:

— Мы понимаем, что, действуя в русле галактической традиции, и Библиотека, и пилы попытаются подкупить Землю, пообещав всевозможные блага за вечное молчание. Конфедерация, возможно, и удовлетворится подобным предложением. Но надо помнить, что в будущем людям неизбежно придется столкнуться с враждебностью лилов, гордость которых уязвлена. Уже сейчас ходят разговоры о том, чтобы лишить наших подопечных, шимпанзе и дельфинов, статуса кандидатов в софонты. Более того, человечеству могут придать статус «приемных подопечных», дабы обеспечить «сложный

переходный период». Не говорю уже о том, что начнется, если пилы активизируются в своих антипатиях к землянам. Я правильно обрисовала ситуацию? Джейкоб кивнул.

— Прекрасно. Ты только не упомянула о моей глупости. Я совершил огромную ошибку, обвинив Буббакуба на Меркурии в присутствии довольно большой аудитории. Подписанное нами двухлетнее обязательство о неразглашении никем всерьез не воспринимается. Власти же Конфедерации слишком долго выжидали, прежде чем наложить запрет на информацию об этих событиях. И теперь, наверное, половина галактики перемывает нам косточки. В результате мы утратили шанс оказывать давление на лилов с помощью шантажа. А пилы не остановятся ни перед чем в стремлении превратить землян в приемышей. Под предлогом «возмещения» за преступление Буббакуба они навяжут нам разнообразную, но ненужную помощь, примутся нас направлять и контролировать. Мы полностью окажемся во власти расы, ненавидящей нас. Он замолчал и знаком попросил Хелен продолжать.

— Итак, второе. Теперь мы знаем, что в неудаче Буббакуба виноват Кулла. Думаю, в намерения прингла не входило разоблачение людьми его

опекуна. Кулла сам собирался шантажировать лилов. Надо сказать, что он проявил редкую изобретательность. Поощряя попытки Джеффри «освободить» его, он тем самым спровоцировал гнев Буббакуба. Последовавшая смерть шимпанзе привела всех в смятение. Буббакуб возомнил, что отныне поверят любым его утверждениям. Возможно даже, что Кулла учел и проницательность руководителя проекта доктора Кеплера. Именно Кулла вывел его из строя с помощью своих удивительных глаз. Но самая важная часть плана Куллы состояла в имитации антропоморфных Призраков. Эта затея удалась ему с блеском. Он обманул всех без исключения. Нетрудно понять, что, обладая столь изощренным умом и столь редкими талантами, прингл считал себя вправе требовать независимости для своей расы. Мне нечасто доводилось слышать о столь одаренных существах.

— Но если пилы являются опекунами принглов, — возразил дядя Джеймс, — то почему Буббакуб не догадался о том, что Призраки — дело рук его подопечного?

— Позвольте мне ответить на этот вопрос, — пропел Фэгин. — Принглам разрешили самим выбрать помощника, который бы сопровождал

Буббакуба. Моему Институту известно из независимого источника, что Кулла был незаурядным актером, очень популярным на одной из планет принглов. Кроме того, среди самодовольных пилов бытовало мнение, что их подопечные — существа недалекие и не отличающиеся особыми талантами.

— А в чем заключались способности принглов?

— Ну, во-первых, в умении создавать голографические изображения с помощью своих лазерных глаз. Не забывайте, что в этом искусстве принглы совершенствовались все сто тысяч лет разумного существования, причем делали это в тайне от опекунов. Я преклоняюсь перед их упорством и самоотверженностью.

Нильсен присвистнул.

— Да, наверное, они и в самом деле очень тяготились статусом подопечных. Но все-таки я не понимаю, почему Кулла все это затеял! Каким образом имитация псевдосоляриан, смерть Джеффри и давление на Буббакуба могли помочь расе принглов освободиться?

Хелен взглянула на Джейкоба. Тот кивнул.

— Продолжай, это же в основном твои выводы.

Она глубоко вздохнула.

— Видите ли, в планы Куллы не входило раз-

облачение Буббакуба на Меркурии. Он вынудил своего опекуна солгать и проделать трюк с «реликвией летаней», но никак не ожидал, что мы начнем сомневаться в правдивости пила. Если бы его план полностью удался, то Библиотека получила бы сообщение, содержащее два пункта. Во-первых, Буббакуб — глупец и лжец, и от неминуемого конфуза его спасла лишь расторопность самого Куллы. И во-вторых, люди представляют собой сборище жалких идиотов, и на их россказни не стоит обращать внимания. Совершенно очевидно, что, получив такое сообщение, никто бы не поверил в странные рассказы землян о «человекоподобных Призраках», порхающих вокруг звезды. Недоверие усугублялось бы еще и отсутствием в Библиотеке упоминаний о солярианах. Так что, я думаю, вы без труда сможете представить себе, как отреагировала бы Галактика на рассказы о плазменных существах, потрясающих кулаками и чудесным образом избегающих регистрации! Услышав подобные утверждения, никто не взял бы на себя труд даже ознакомиться с полученными нами изображениями тороидов и настоящих соляриан. Галактика и так смотрит на земные «исследования» со снисходительным презрением. Думаю, Кулла хотел добиться, чтобы

«Прыжок в Солнце» подняли на смех, даже не выслушав его участников. Джейкоб заметил, как густо покраснел Ла Рок, в свое время также весьма пренебрежительно отзывавшийся о «земных исследованиях».

— Из краткого объяснения Куллы, — продолжала Хелен, — можно заключить, что он устроил всю эту катавасию с Призраками ради нашего же блага. Если бы нас сочли глупцами, то никто не обратил бы внимания на наше заявление об открытии. И землянам оставалось спокойно догонять другие расы.

Нильсен нахмурился.

— В этом есть определенный смысл.

Хелен пожала плечами.

— Теперь-то об этом поздно рассуждать. Во всяком случае, Кулла скорее всего собирался убедить Библиотеку в том, что люди — безвредные идиоты, на которых не стоит обращать внимание. Для него гораздо важнее было то, что активным участником людского идиотизма оказался бы и пил Буббакуб, поверивший в так называемых Призраков. В результате он и решился на такую мистификацию! — Хелен повернулась к Фэгину. — Я верно изложила суть наших обсуждений, кантен Фэгин?

Кантен тихо свистнул.

— Абсолютно, дражайшая Хелен. Полностью доверяя Комиссии по регистрации секретов, я хочу сообщить, что мой Институт получил данные, касающиеся принглов и пилов. Очень важные в свете этого рассказа. Судя по всему, принглы оказались втянуты во всегалактическую кампанию по дискредитации пилов. Для человечества здесь открываются как новые возможности, так и новые опасности. Возможности заключаются в том, что ваша Конфедерация имеет доказательства предательства Куллы. Пилы узнают, что ими манипулировали, и скорее всего тут же начнут кампанию против принглов. Расу Куллы вынудят найти себе покровителя, их понизят в статусе. Колонии принглов ликвидируют, а население «сократят». Человечество, может, и получит при этом небольшую выгоду. Но она не перевесит враждебного отношения пилов к землянам. Психология пилов не знает, что такое благодарность. Да, они могут отложить на некоторое время попытки придать человечеству статус «приемной» расы. Но не более. Возможно, пилы также с готовностью воспримут послабления для землян в качестве возмещения ущерба, нанесенного одним из пилов. Но все равно люди никогда не

смогут завоевать доброго расположения соплеменников Буббакуба. Сознание того, что они в неоплатном долгу перед человечеством, лишь усилит ненависть пилов к сиротской расе.

Кантен умолк, собираясь с мыслями, но поспешил добавить новые аргументы:

— Кроме того, многие либерально настроенные расы, на чью поддержку до сих пор человечество полагалось, отнесутся крайне неодобрительно к тому, что люди предоставят пилам casus belli <повод к войне (исп.)> для новых джихадов. Тимбрими скорее всего отзовут свое консульство с Земли. И, наконец, имеются еще и этические соображения. Я не стану вдаваться в их тонкости, поскольку многое, вероятно, вам покажется непонятным. Скажу лишь, что Институт Прогресса заинтересован в том, чтобы принглы не подверглись санкциям. Это молодая и импульсивная раса, подающая очень большие надежды. И будет несправедливо, если на нее обрушатся жестокие репрессии только за то, что некоторые из ее представителей оказались замешаны в заговоре с целью освобождения своего вида от стотысячелетнего рабства. По перечисленным причинам я предлагаю наложить на преступления Куллы гриф полной секретности. От слухов

в среде людей, безусловно, никуда не деться. Но надменные соро никогда не станут прислушиваться к человеческой болтовне.

Колокольчики тихо звякнули, и Фэгин замолчал.

Нильсен хмуро смотрел в окно.

— Неудивительно, что Кулла попытался уничтожить корабль, когда Джейкоб вычислил его. Если бы пилы получили официальное подтверждение о его действиях, принглы были бы обречены.

— А что, по вашему мнению, намерена предпринять Конфедерация? — спросил Джейкоб.

— Предпринять? — Нильсен горько рассмеялся. — О, они, разумеется, поспешат на поклон к пилам, подобострастно выложив все, как есть. В результате нам не навяжут полноценный филиал Библиотеки со штатом в десять тысяч сотрудников! И нас не станут заставлять перейти на современные галактические корабли, в которых не способен разобраться ни один человек и которыми можно управлять лишь с помощью «советников»! Такой шаг даже отсрочит на неопределенный срок получение этого проклятого статуса «приемной расы»! — Нильсен махнул рукой. — С другой стороны, власти Конфедерации

не станут церемониться с расой принглов, представитель которой убил нашего подопечного, чуть не погубил лучший земной проект и попытался выставить землян полными идиотами в глазах всей Галактики! И, положа руку на сердце, разве можно их за это осуждать? Дядя Джеймс кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Мы обязательно должны засекретить эту историю. Я пользуюсь некоторым влиянием в определенных кругах. Если я замолвлю словечко…

— Ты не можешь замолвить словечко, дядя Джеймс, — прервал его Джейкоб, — ты замешан, пускай и незначительно, в известной нам интриге. Если ты попытаешься вмешаться, то сразу же засветишься.

— О чем идет речь? — спросил Нильсен.

Джейкоб хмуро взглянул на дядю, затем на Ла Рока. Француз невозмутимо уничтожал очередной кулинарный шедевр.

— Эти двое входят в некую группу заговорщиков, решивших взорвать Закон о надзоре. Это еще одна причина, по которой я попросил вас приехать. Нужно что-то делать, и я решил, что лучше обратиться в вашу Комиссию, чем в полицию.

При слове «полиция» Ла Рок замер и с отвраще-

нием положил замысловатый бутерброд обратно на тарелку.

— Что еще за группа заговорщиков?

— В основном поднадзорные и сочувствующие им граждане. Эти безумцы задумали тайком построить космический корабль и отправиться в космос. Нильсен резко выпрямился.

— Что?!

— Ла Рок отвечает за подготовку астронавтов. Кроме того, он исполняет функции главного шпиона. Наш поэт пытался снять калибровочные параметры генератора гравитации на солнечном корабле.

— Но зачем им это нужно?

— А почему бы и нет? Прекрасная форма протеста. Если бы я был поднадзорным, то ни в коем случае не остался бы в стороне. Этот идиотский закон нравится мне не больше, чем самим поднадзорным. Но я реалист. Поднадзорные объявлены неполноценными. И в результате у них выработался устойчивый психологический комплекс. Вот они и пытаются объединиться, чтобы сообща ненавидеть «послушное и приручённое» общество. Они словно говорят: «Вы полагаете, что мы склонны к насилию? Что ж, придется оправдать ваши ожидания!» Большинство под-

надзорных не способны причинить вред живому существу, что бы там ни показывали П-тесты. Но после того, как на них навесили ярлык, они и вести себя стали соответственно.

— Может, так, а может, и нет, — ответил Нильсен. — Но позволить поднадзорным отправиться в космос, да еще в данной ситуации… Джейкоб вздохнул.

— Тут вы, разумеется, правы. Этого нельзя допустить ни в коем случае.

Пока нельзя. С другой стороны, нельзя позволить и Конфедерации развязать истерию по этому поводу. Она лишь усугубит ситуацию и вызовет еще более резкие формы протеста.

Нильсен выглядел встревоженным.

— Не хотите ли вы сказать, что в спор о Законе о надзоре может ввязаться Совет Всех Землян? Это было бы настоящим самоубийством! Общественное мнение никогда не простит этого Совету!

Джейкоб весело улыбнулся.

— Вы правы. Даже мой дядя Джеймс вынужден будет с вами согласиться.

Нынешние граждане даже в мыслях не допускают изменения статуса поднадзорных, а Совет Всех Землян в настоящее время совершенно не пользуется авторитетом. Ведь чем сейчас

занимается Совет? Управляет колониями, находящимися за пределами Солнечной системы. И рано или поздно, но он начнет контролировать все проекты землян в космосе. И вот тогда Совет сможет влиять, хотя бы символически, на Закон о надзоре.

— Я не очень понимаю, что вы имеете в виду.

— Вы, наверное, не знакомы с книгами Олдоса Хаксли? Когда Хелен была студенткой, его романы еще пользовались популярностью. Я же со своими кузенами обязан был изучать их в нашей семейной школе. Временами это было совсем нелегко, но труды стоили того. Этот человек обладал редкой проницательностью и удивительно острым умом. У старика Хаксли есть такой роман «О, дивный новый мир…»

— Я что-то слышал о нем. Антиутопия, не так ли?

— В каком-то смысле. Советую почитать. Вы знаете, там есть совершенно невероятные по точности предсказания. Хаксли сконструировал общество с весьма непривлекательными чертами, но при этом самосогласованное и имеющее собственное понятие о чести. Этакий улей со своей этикой. Поскольку человечество то и дело порождает личности, которые никак не вписы-

ваются в установленные общественные рамки, то как, по вашему мнению, поступает с ними государство в романе Хаксли?

Нильсен сдвинул брови, не понимая, к чему клонит Джейкоб.

— В государстве, устройство которого напоминает улей? Наверное, отклоняющихся от нормы уничтожали? Джейкоб вскинул указующий перст.

— Нет, не совсем так. Государство у Хаксли обладает определенной мудростью. Его лидеры сознают, что их система лишена гибкости и не способна выдержать внезапные потрясения. Они хорошо понимают, что неординарные личности — это резерв, к которому можно обратиться в трудные времена, но в то же время не могут оставить их на свободе.

— И что же?

— Всех, кто отклоняется от нормы, попросту ссылают на острова, где им дозволяется осуществлять собственные культурные эксперименты.

— На острова? — Нильсен почесал голову. — Впечатляющая идея. Но в действительности она обратна идее резерваций для Внеземных. Мы выслали поднадзорных с небольших территорий, предоставив их В.З.

— Ужасно, — пробормотал Джеймс, — и для поднадзорных, и для В.З.

Фэгин, к примеру, очень хотел бы посетить Лувр, Агру или Йосемитскую долину!

— Всему свое время, друг Джеймс Альварес, — пропел Фэгин. — Сейчас я очень благодарен за разрешение посетить этот уголок Калифорнии. Я не заслужил такой милости.

— Не уверен, что идея с островами так уж хороша, — задумчиво протянул Нильсен. — Но, безусловно, она достойна обсуждения. Все ее плюсы и минусы мы рассмотрим как-нибудь в другой раз. А сейчас меня интересует совсем другое: при чем тут Совет Всех Землян?

— А вы Проведите параллель, — откликнулся Джейкоб. — Ведь проблема поднадзорных в значительной степени была бы ослаблена, если бы в их распоряжение были предоставлены острова, где они могли бы жить по своему разумению, не подвергаясь постоянному контролю. Но и этого мало. Многие поднадзорные считают, что их с самого начала лишили чего-то очень важного. Речь идет не только о родительских правах, но и о космосе, самом великом достижении человечества. Небольшой заговор, в который вовлечены и мой дядя Джеймс, и мистер Ла Рок, — первый симп-

том подобных настроений. Нам вскоре предстоит всерьез столкнуться с проблемой поднадзорных, если, конечно, не будет найдена ниша, где они смогут ощутить себя полноправными людьми.

— Ниша… острова… космос! Демва, вы можете быть хоть изредка серьезным? Купить еще одну колонию и передать ее поднадзорным? И это когда мы с трудом справляемся с имеющимися тремя? Должно быть, вы большой оптимист, если полагаете, что подобный план хоть сколько-нибудь реален. Джейкоб почувствовал, как рука Хелен коснулась его руки. Он быстро взглянул на нее. В лице — обычная смесь надменности и готовности вот-вот рассмеяться. В ответ он сжал ее пальцы.

— Вы правы, в последнее время я стал оптимистом. И уверен, что мой план не так уж безнадежен.

— Но средства?! Где взять средства? И что вы собираетесь делать с возмущенными гражданами, которые сами рвутся осваивать новые колонии? Черт побери, места все равно всем не хватит! Даже «Везариус-2» может принять не более десяти тысяч человек. А поднадзорных почти сто миллионов!

— Но ведь далеко не все захотят отправить-

ся в полет, особенно если в их распоряжении будут острова на Земле. Кроме того, я уверен, что для них важнее само право на космос. Хотя отсутствие средств — это действительно проблема. — Джейкоб улыбнулся. — Но почему бы не попросить Библиотеку помочь нам в этом деле? Колония четвертого класса и несколько кораблей типа «Орион», приспособленных специально для земных экипажей.

— И как вы собираетесь убеждать? Библиотека, безусловно, обязана возместить нам ущерб, причиненный Буббакубом. Однако она постарается сама получить выгоду от сделки Не упустит момент! Да еще поспешит поставить нас в полную зависимость от галактических технологий. И уж в этом Библиотеку поддержат все расы. Как вы собираетесь заставить их изменить форму возмещения?

Джейкоб развел руками.

— По-моему, вы забыли о том, что у нас кое-что есть. Настолько ценное, что Библиотека обязательно согласится на наши условия. Знание! — Он достал из кармана клочок бумаги. — Это зашифрованное сообщение с Меркурия, которое я получил от Милли Мартин. Хотя Милли до сих пор прикована к инвалидному креслу, она от-

правилась в экспедицию, поскольку соляриане пока соглашаются общаться только с ней. Так вот, Милли сообщает, что уже совершено несколько полноценных прыжков. И она приняла участие в одном из них. Милли до сих пор умудряется уклоняться от доклада властям Конфедерации. Сначала она хотела бы посоветоваться со мной и Фэгином. Контакт установлен. Соляриане с ней говорили. Они разумны и имеют очень долгую историю.

— Невероятно, — выдохнул Нильсен. — Но каким образом это открытие может иметь политические последствия?

— Судите сами. Пускай Библиотека по-прежнему верит, что может заставить нас принять возмещение ущерба на ее условиях. Но если действовать умело, мы вынудим ее пойти на значительные уступки. Тот факт, что соляриане обладают речью и помнят отдаленное прошлое — а Милли дает понять в своем сообщении, что они помнят прыжки в Солнце древних софонтов, быть может, даже самих прародителей, — означает, что нам неожиданно выпал настоящий подарок судьбы. Библиотека, безусловно, захочет как можно больше узнать о наших таинственных предшественниках. В результате открытие

землян получит большую огласку. — Джейкоб усмехнулся. — Конечно, дело непростое. Сначала нам надо закрепить сложившееся впечатление того, что «Прыжок в Солнце» потерпел крах. Затем с упрямством истинных идиотов получить у Библиотеки патент на исследование Солнца. Чинить препятствий нам не станут, поскольку решат, что дальнейшие исследования лишь выставят людей еще большими дураками. Когда же Библиотека поймет, чем мы обладаем, ей придется выкупить у нас это знание по нашей цене! Здесь нам потребуется помощь Фэгина. Пригодятся и политический опыт клана Альварес, и энергия Совета Всех Землян. Думаю, что мой план не так уж нереален. Дядя Джереми наверняка не откажет мне, когда узнает, что я наконец ввязался в «грязную политику».

Дядя Джеймс рассмеялся.

— Слышали бы тебя твои братья! Я уже предвижу панику в их рядах!

— Передай, что им нечего опасаться. Конкурировать с ними я не собираюсь. Впрочем, я сам все расскажу своим многочисленным родственникам, когда дядя Джереми соберет семейный совет. По моим прикидкам, мы можем уложиться в три года. После чего я навсегда удалюсь от политики.

Видите ли, друзья мои, у меня возникло желание совершить длительное путешествие. Хелен с силой ущипнула его за ногу. Джейкоб серьезно взглянул на нее.

— Но я ни за что не отступлю от одного условия. Мы обязательно должны взять с собой дельфиниху. Несмотря на пристрастие к похабным песням, она может нам очень пригодиться в решении многих проблем!

Дэвид Брин
Звездный прилив

Моим собственным прародителям...

СЛОВАРЬ И ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Акки — дельфин, корабельный гардемарин с Калафии. Акцептор — представитель расы клиентов танду. Телепат с исключительными способностями к восприятию.

Би Чохуан — синтианский разведчик.

Баскин, Джиллиан — врач, представитель Совета Земли. Результат генной инженерии.

Библиотека — информационный банк данных, который обеспечивает единство галактического сообщества; архив знаний, накопленных со времен прародителей.

Братья Ночи — галактическая раса патронов. Брошенный флот — обнаруженная «Стремительным» флотилия гигантских космических кораблей, давно забытых и блуждающих в космосе.

Брукида — дельфин-металлург.

Ватгасети — сержант-неофин.

Возвышение — процесс включения старшими космическими расами младших в галактическую культуру с помощью обучения и генной инже-

нерии. Образующаяся при этом раса клиентов служит своим патронам определенное договором время.

Галакты — представители старших космически рас, которые образуют сообщество пяти галактик. Большинство из них являются патронами, участвуя в древнем процессе возвышения.

Губру — псевдоптичья галактическая раса, враждебная Земле.

Д'Анит, Эмерсон — инженер «Стремительного», человек.

Дарт, Чарлз — планетолог, неошимпанзе.

Ивашика, Тошио — гардемарин с Калафии.

Ики — древний остров смерти и уничтожения.

Ифни — «Бесконечность», или госпожа Удача.

Калафия — колонизованный мир, населенный людьми и неодельфинами.

Кантен — одна из немногих галактических рас, дружески относящихся к Земле.

Карранк — (человек не может произнести правильно) — галактическая раса, настолько измененная в процессе служения по договору, что превратилась в расу безумцев.

Кикви — земноводные предразумные существа, туземные обитатели планеты Китруп.

Кининк — философская школа, объединяющая

логику человеческой мысли с наследием «сна китов».

Кипиру — первый пилот «Стремительного». Уроженец планеты Атласт.

Клиент — раса, достигшая стадии разума благодаря генной инженерии, осуществленной расой патронов. Договорный клиент — раса, выплачивающая свой долг патрону согласно договору.

Крайдайки — капитан исследовательского корабля «Стремительный».

Крат — командующая эскадрой соро.

Кта-Джон — особая разновидность неодельфина-стенос. Один из младших офицеров «Стремительного».

Маканай — корабельный хирург «Стремительного»; фем-неофин.

Мел — термин языка англик, обозначающий человека-мужчину.

Мелкое скопление — редко посещаемое ненаселенное шаровое скопление, в котором был обнаружен брошенный флот.

Метц, Игнасио — эксперт по возвышению, приписанный к «Стремительному».

Моки — неофин-стенос.

Нисс — псевдоразумный компьютер, переданный Томасу Орли агентом тимбрими.

Орли, Томас — агент Совета Земли, результат незначительной генной инженерии.

Пила — галактическая раса патронов, входящая в клан соро и враждебная Земле.

Праймал — полуязык, которым пользовались дельфины Земли до возвышения.

Прародители — мифическая первая раса, основавшая галактическую культуру и Библиотеку несколько миллиардов лет назад.

Сахот — неодельфин-стенос. Гражданский лингвист на борту «Стремительного».

Свесси, Ханнес — инженер, человек.

Синтианин — член одной из трех галактических рас, дружески настроенных по отношению к Земле.

Соро — одна из старших рас патронов, враждебно настроенная по отношению к Земле.

Стенос — профессиональное название неодельфинов, у которых есть гены естественных дельфинов вида Stenos bredanensis.

Stenos bredanensis — вид естественных дельфинов на Земле, дельфин крупнозубый.

Судман, Дэнни — экзобиолог, человек.

Такката-Джим — неофин-стенос, помощник капитана «Стремительного».

Танду — воинственная галактическая раса,

враждебная Земле.

Теннанинцы — воинственная галактическая раса.

Тимбрими — галактическая раса, дружески относящаяся к Земле; известна своим умом.

Турсиопы — профессиональный термин, обозначающий неодельфинов без генов стенос.

Tursiopus amicus — современный неодельфин. В переводе — «дружественная афалина».

Tursiopus truncatus — естественный дельфин Земли, афалина.

Тшут — неофин, самка, четвертый офицер «Стремительного».

Фем — термин языка англик, обозначающий женщину.

Фин — профессионализм, неодельфин.

Хаоке — неодельфин-турсиопа.

Херби — мумия древнего астронавта неизвестного происхождения.

Хикахи — неодельфин, самка, третий офицер «Стремительного».

Хеурка-пит — неодельфин-стенос.

Эписиарх — член расы клиентов, служащий по договору танду. Телепат.

ПРОЛОГ
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

«Стремительный» хромает, как пес на трех лапах.

Вчера наудачу мы прыгнули в овердрайв, чтобы уйти от преследования галактов. Единственная уцелевшая после Моргранской битвы вероятностная обмотка стонала и скрипела, но все-таки доставила нас сюда, к источнику слабой гравитации, звезде-карлику, которая называется Ктсимини.

Библиотека указывает на наличие одного пригодного для жизни мира — планеты Китруп.

Говоря «пригодный для обитания», я выражаюсь очень мягко. Мы с Томом, Хикахи и капитаном провели много часов в поисках альтернативы, и в конце концов Крайдайки решил привести нас сюда.

Как врач, я страшусь высаживаться на такой коварной и опасной планете, но Китруп — океанический мир, а нашему экипажу, состоящему в основном из дельфинов, необходима вода, чтобы передвигаться и ремонтировать корабль. Кит-

руп богат тяжелыми металлами, на нем есть все необходимое.

К тому же еще одно преимущество — его редко посещают. Библиотека утверждает, что планета очень давно не возделывалась. Может, галакты не догадаются искать нас здесь.

Я сказала об этом Тому вчера вечером, когда мы, взявшись за руки, смотрели, как вырастает планета в иллюминаторе каюты. Обманчиво красивый голубой шар, перевитый белыми лентами облаков. Ночная сторона тускло освещается действующими вулканами и молниями.

Я сказала Тому:

— Уверена: здесь нас никто преследовать не будет.

Конечно, я поделилась этой догадкой только с ним, и поэтому никого не пришлось обманывать. Том улыбнулся и промолчал: пощадил мое желание надеяться только на лучшее.

Конечно, они не оставят нас в покое. «Стремительный» мог уйти только по нескольким пространственным линиям, не пользуясь пунктом перехода.

Вопрос лишь в том, сумеем ли мы отремонтировать корабль и улететь прежде, чем появятся галакты.

Впервые за последние дни мы с Томом смогли несколько часов побыть наедине. Мы ушли в свою каюту и занимались любовью.

Сейчас он спит, а я пишу эти строки. Не знаю, когда смогу их продолжить.

Только что позвонил Крайдайки. Он вызывает нас обоих на мостик.

Вероятно, чтобы фины видели и знали, что патроны-люди рядом. Даже такой опытный астронавт, как Крайдайки, время от времени испытывает подобную потребность.

Если бы и у нас, людей, было такое психологическое убежище!

Пора заканчивать писать и будить моего уставшего спутника. Хочу еще кратко изложить, что сказал мне Том вчера, когда мы смотрели на бурные моря Китрупа.

Он повернулся ко мне, улыбнулся своей необычной улыбкой — как всегда, когда мыслит иронично, — и просвистел на дельфиньем языке тринари краткую хайку:

Звезды дрожат от бури,
Вода ревет от грома –
Но разве мы промокли, любовь моя?

Я рассмеялась. Иногда мне кажется, что Том

наполовину дельфин.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПЛАВУЧЕСТЬ

Все ваши лучшие дела должны быть записаны на воде…

Фрэнсис Бомонт и Джон Флетчер

Глава 1
ТОШИО

Фины тысячелетиями смеялись над людьми. Люди всегда казались им ужасно смешными. То, что люди вмешались в их генетику и научили инженерии, нисколько не повлияло на это отношение.

Фины по-прежнему наглецы.

Тошио смотрел на маленькую инструментальную панель своих морских саней, делая вид, что проверяет показания глубиномера. Сани двигались на глубине десять метров. Никаких поправок вносить не нужно, но Тошио сосредоточился на панели, когда к нему подплыл Кипиру — несомненно, собираясь отпустить новую шутку.

— Маленькие Руки, свистни! — Гладкий серый дельфин сделал справа от Тошио «бочку» и подплыл поближе, небрежно взглянув на него. — Насвисти нам мотив о кораблях, и космосе, и возвращении домой!

Голос Кипиру, резонируя во множестве полостей его черепа, напоминал звук фагота. Но дельфин с таким же успехом мог имитировать гобой и саксофон.

— Ну, Маленькие Руки? Где твоя песня?

Кипиру говорил так, чтобы слышали все остальные. Прочие дельфины плыли тихо, но Тошио знал, что они слушают. Он радовался, что Хикахи, командир экспедиции, находится впереди, в разведке. Было бы гораздо хуже, если бы Хикахи оказалась рядом и приказала Кипиру оставить юношу в покое.

Слова Кипиру ничто по сравнению с позором — его, Тошио, защищают, как беспомощного ребенка.

Кипиру лениво перевернулся вверх брюхом около саней и легкими движениями плавников удерживался рядом. В хрустально чистой воде Китрупа все странно преломлялось. Похожие на кораллы вершины металлических островов-холмов мерцали, как горы, сквозь дымку в конце

длинной долины. С поверхности свисали длинные нити водорослей.

Серая шкура Кипиру фосфоресцировала, острые как иглы зубы в его длинной узкой V-образной пасти блестели с насмешливой жестокостью, которая кажется преувеличенной… если не водой, то воображением Тошио.

Как фин может быть таким злым?

— Споешь нам, Маленькие Руки? Спой нам песню, на которую мы могли бы купить рыбной похлебки, когда наконец улетим с этой так называемой планеты и окажемся в дружественном порту! Свисти, чтобы спящим приснилась Земля!

В ушах Тошио, перекрывая негромкий гул очистителя воздуха, загудело от замешательства и неловкости. Он был уверен, что сейчас в любой момент Кипиру перестанет звать его Маленькие Руки и пустит в ход другое придуманное им прозвище — Великий Мечтатель.

Жаль, что он уже допустил ошибку, начал насвистывать, участвуя в исследовательской экспедиции с дельфинами, и те приветствовали его свист насмешками; но чтобы его издевательски величали титулом самых великих музыкантов среди горбатых китов… такого он выдержать не

сможет.

— Мне не хочется сейчас петь, Кипиру. Почему бы тебе не попросить кого-нибудь другого? — Тошио понял, что одержал победу над собой: ему полностью удалось унять дрожь в голосе.

К его облегчению, Кипиру только просвистел что-то высокое и быстрое на гортанном тринари, почти на дельфиньем праймале, — хотя это можно было воспринять и как оскорбление. Потом дельфин изогнулся и устремился к поверхности за воздухом.

Вода везде чистая и голубая. Быстро проплывают блестящие китрупские рыбы; их чешуйчатые спины отражают свет, как плывущие замерзшие листья.

Все вокруг разнообразных металлических оттенков. Утреннее солнце проникает в чистое спокойное море и отражается от своеобразных живых организмов этого странного и неизбежно смертоносного мира.

Но Тошио некогда смотреть на красоты китрупских вод. Он ненавидит эту планету, ненавидит искалеченный корабль, который принес их сюда, ненавидит дельфинов, своих товарищей по несчастью. Он плыл и наслаждался ядовитыми ответами, которыми смог бы парировать Кипиру:

«Если ты так хорош, Кипиру, почему бы тебе не насвистеть нам немного ванадия?» Или: «Не вижу смысла насвистывать человеческую мелодию для дельфинов, Кипиру».

Эти воображаемые ответы казались очень эффектными. Но Тошио знал, что на самом деле никогда ничего подобного не сказал бы.

Прежде всего, пение именно китообразных, а не антропоидов принималось как законная плата во многих портах галактики. Конечно, высоко ценились печальные баллады китов, двоюродных братьев дельфинов, но все же Кипиру и его сородичи могли в большинстве портов купить вышивку, просто поработав своими легкими.

И вообще было бы ужасной ошибкой пытаться «качать права» по отношению к экипажу «Стремительного». В самом начале пути, после того, как они оставили Нептун, Тошио предупредил об этом старина Ханнес Свесси, один из семи людей, членов экипажа.

— Попробуй, и увидишь, что получится, — сказал механик. — Они будут ужасно смеяться, и я тоже, если окажусь в это время рядом. И скорее всего кто-нибудь из них ущипнет тебя. Если дельфины чего-нибудь не любят, так это людей, которые, не имея права, напускают на себя

важность патронов. — Но протоколы… — начал возражать Тошио.

— Подумаешь, протоколы! Они придуманы для того, чтобы люди, и фины, и шимпы вели себя правильно в присутствии галактов. Если «Стремительный» будет остановлен патрулем соро или запросит у пиланского библиотекаря данные, вот тогда доктор Метц или мистер Орли… или даже ты и я… сделаем вид, что мы здесь старшие, потому что никто из этих ити [1] и не подумает разговаривать с такой молодой расой, как дельфины. Но в остальное время мы подчиняемся приказам капитана Крайдайки.

— Да уж и так плохо — получать выговор от соро и делать вид, что радуешься, потому что эти проклятые ити признают, что мы, люди, по уровню чуть выше фруктовых мух. Представляешь, каково бы нам было, доведись нам действительно вести корабль? Попытались бы превратить дельфинов в послушных, покорных клиентов-рабов? Тебе бы это понравилось?

Тогда Тошио яростно покачал головой. Мысль о том, чтобы обращаться с финами, как обычно в галактике обращаются с клиентами, вызывала

---

[1] notes: 1

ИТ, «ити», от англ. ET — extra-terrestrial — внеземной, общепринятое название разумных существ с других планет

отвращение. Его лучший друг Акки — фин.

Но иногда, в такие минуты, как эта, Тошио мечтал о какой-нибудь компенсации за то, что оказался единственным молодым человеком на корабле, экипаж которого — в основном взрослые дельфины.

На корабле, который в данный момент никуда не направляется, напомнил себе Тошио. И негодование из-за насмешек Кипиру тут же сменилось тревогой: сможет ли он вообще когда-нибудь покинуть этот водяной мир Китруп и снова увидеть дом?

Замедли ход – юноша на санях
Исследовательская группа – соберись
Плывет Хикахи – мы ее ждем.

Тошио оглянулся. К нему приближался Брукида, пожилой дельфин-металлург. Тошио просвистел ответ на тринари.

Хикахи плывет — мои сани останавливаются.

И потянул назад дроссель.

На экране сонара Тошио видел отражение звука, идущего спереди и с боков. Возвращаются разведчики. Он поднял голову и увидел играющих на поверхности Тшут и Кипиру.

Брукида перешел на англик. Хоть говорил он за-

пинаясь и слишком высоко, все же гораздо лучше, чем Тошио на тринари. В конце концов дельфины получили генетически усовершенствованный речевой аппарат, чтобы пользоваться звуками человеческой речи, а не наоборот.

— Ты не нашел следов нужных веществ? — спросил Брукида.

Тошио взглянул на молекулярное сито.

— Нет, сэр. Пока ничего. Невероятно, вода почти чистая, учитывая содержание металлов в коре. В ней вообще нет никаких солей тяжелых металлов. — И ничего при глубоком сканировании?

— Никакого резонансного эффекта на тех полосах, которые я проверил, хотя общий уровень шума очень высок. Не уверен, что смогу засечь даже насыщенный никель, не говоря уже о других нужных нам элементах. Все равно что искать иголку в стоге сена.

Наблюдается парадокс. Планета перенасыщена металлами. И это одна из причин, почему капитан Крайдайки выбрал ее убежищем. Но вода относительно чистая… настолько чистая, что дельфины могут свободно плавать, хотя жалуются на чесотку, а по возвращении на корабль нуждаются в приеме медикаментов. Объяснение поблизости — растительность и рыбы.

Кости живых организмов Китрупа состоят не из кальция, а из других металлов. Вода проходит через биологические фильтры и очищается. Вот море и сверкает яркими цветами металлов и окислов. Блестящие грудные плавники рыб, серебряные стебли подводных растений — все это контрастирует с обычной хлорофилловой зеленью листьев. И преобладают в этой картине металлические холмы, гигантские губчатые острова, созданные миллионами кораллоподобных существ, чьи металлорганические экзоскелеты превратились в огромные горы с плоскими вершинами, поднимающимися на несколько метров над уровнем воды.

А на островах растут деревья-сверла, они пропускают сквозь металлический холм свои корни с металлическим покрытием и высасывают снизу органику и силикаты. Деревья создают неметаллический слой на каждом острове и пещеру под металлическим холмом. Странное сочетание. Библиотека на «Стремительном» не смогла дать никакого объяснения.

Инструменты Тошио обнаружили чистое олово, холмы из хромовой рыбьей чешуи, коралловые колонии из разнообразных сплавов бронзы, но пока никаких удобных, легкодоступных источни-

ков ванадия. А также нужной им разновидности никеля.

Вообще-то нужно чудо — что-нибудь этакое, что помогло бы экипажу из дельфинов с помощью семи людей и одного шимпанзе отремонтировать корабль и убраться из этой части галактики, прежде чем преследователи их догонят.

В лучшем случае в их распоряжении несколько недель. Альтернатива — пленение десятком не совсем нормальных рас ити. А в худшем случае — межзвездная война, в масштабах, не виданных галактикой миллионы лет.

От всего этого Тошио казался себе маленьким, беспомощным и очень юным.

Тошио слышал очень высокие звуки — эхо сонаров возвращающихся разведчиков. Каждый далекий крик отражался точкой на экране его сканера.

Потом на востоке показались два крупных силуэта, они выныривали к собравшимся наверху, прыгали, ныряли, кусаясь понарошку.

Наконец один из дельфинов изогнулся и нырнул прямо к Тошио.

— Хикахи возвращается, она хочет, чтобы ты поднял сани, — быстро, почти неразборчиво прощелкал Кипиру. — Постарайся не заблудиться по

пути наверх.

Тошио сморщился, продувая балласт. Не стоит Кипиру так явно показывать свое презрение. Даже нормально говоря на англике, дельфины словно осыпают слушателей градом насмешек.

Сани поднимались в сонме крошечных пузырьков. На поверхности вода мощными ручьями стекала с боков машины. Тошио выключил двигатель и повернулся, чтобы отстегнуть лицевую пластику.

Наступившая тишина принесла облегчение. Вой двигателя, щелчки сонара, писк дельфинов — все вдруг исчезло. Свежий ветер взъерошил мокрые прямые черные волосы, охладил пылающие уши. Он принес запах чужой планеты — аромат вторичной растительности на старом острове, тяжелый маслянистый запах дерева-сверла в пору его расцвета.

И во всем легкий металлический привкус.

На корабле говорят, что это не вредно, особенно Тошио в его водонепроницаемом костюме. Образующиеся хелатные водородные кольца абсорбируют тяжелые металлы, которые могут усвоить разведчики. Хотя, конечно, никто не знает, какие еще опасности таятся на этой планете.

А если им придется провести тут месяцы? Го-

ды?

В таком случае медицинское оборудование «Стремительного» не справится с медленным накоплением металлов. И со временем придется просить йофурские, теннанинские и соро корабли взять их — для допросов или чего-нибудь похуже, просто чтобы убраться с этой прекрасной планеты, которая исподволь убивает их.

Не очень веселая мысль. Тошио обрадовался, когда к саням подплыл Брукида.

— Зачем Хикахи велела мне подняться на поверхность? — спросил он у пожилого дельфина. — Я думал остаться под водой, на случай, если меня уже засекли спутники-шпионы.

Брукида вздохнул.

— Вероятно, она решила, что тебе нужен перерыв. К тому же разве можно обнаружить такую маленькую машину, когда вокруг столько металла?

Тошио пожал плечами.

— Очень любезно со стороны Хикахи. Мне и правда нужен отдых.

Брукида поднялся в воде, удерживаясь ударами хвоста.

— Слышу Хикахи, — провозгласил он. — А вот и она.

С севера быстро приближались два дельфина — один светло-серый, другой с темными пятнами. В наушниках Тошио услышал голос командира группы:

В пламени плавников — я, Хикахи, обращаюсь к вам Грудные слушают — брюшные делают Смейтесь над моими словами — но повинуйтесь им Соберитесь у саней — и слушайте!

Хикахи и Саттатта сделали круг и остановились перед собравшимися членами экспедиции.

Наряду с другими дарами человечество дало дельфинам широкие возможности мимики. Конечно, за пятьсот лет генной инженерии невозможно достичь того, чего достигла природа за миллионы лет эволюции. Фины по-прежнему выражают свои чувства звуками и движениями. Но они уже утратили то застывшее выражение мордочки, которое люди считали (отчасти справедливо) постоянной насмешливой улыбкой. Теперь фины умеют выглядеть встревоженными. И Тошио мог считать мимику Хикахи классическим проявлением дельфиньего недовольства и беспокойства.

— Фиппит пропал, — объявила Хикахи. — Я слышала его крик к югу от меня, потом ничего. Он искал Сассию, которая немного раньше исчезла

там же. Придется на время оставить картографирование и поиски металлов и пуститься на поиски. Всем вооружиться.

Послышался общий ропот несогласия. Из-за того, что дельфинам придется надеть доспехи, которые они с удовольствием сняли, выйдя из корабля. Но даже Кипиру понимал, что это необходимо.

Тошио уже сбрасывал доспехи в воду. Они сделаны так, чтобы дельфин легко мог их надеть, но кому-то обязательно понадобится помощь, чтобы подсоединить усилитель нервных импульсов к специальному гнезду над глазом.

Тошио закончил работу быстро, с неосознанным изяществом, которое вырабатывается долгой практикой. Его тревожило отсутствие Сассии, вежливого дельфина; она всегда доброжелательно разговаривала с ним.

— Хикахи, — обратился он к проплывавшей мимо руководительнице, — мне связаться с кораблем?

Маленькая турсиопа поднялась в воде перед Тошио.

— Нет, Поднимающийся-по-Лестницам. Мы исполняем приказы. Над нами уже могут висеть спутники-шпионы. Установи на санях возврат по

автопилоту на всякий случай — если на юго-востоке нам не уцелеть.

— Но никто не видел больших животных…

— Это только одна из возможностей. Я хочу, чтобы на корабле получили информацию, как бы ни сложилась наша судьба… даже если нас всех охватит «лихорадка спасения».

Тошио похолодел при упоминании о «лихорадке спасения». Конечно, он об этом слышал. Но видеть не имел никакого желания.

Двинулись на юго-восток в засадном строю. Фины по очереди плыли по поверхности, потом ныряли к Тошио. Дно океана казалось длинным рядом змеиных следов, усеянных странными оспинами — дырами, похожими на глубокие угрожающе-зловещие кратеры. В долинах глубиной сотни метров Тошио видел дно, покрытое темно-синими щупальцами.

Длинные подводные хребты с интервалами увенчивались сверкающими металлическими вершинами, похожими на замки в губчатой броне. Многие поросли густыми зарослями похожих на иву растений, в которых плодились и кормились китрупские рыбы. Один металлический холм стоял на самом краю пропасти — пещеры, вырытой его собственным деревом-

сверлом; когда сверление закончится, пещера поглотит весь холм.

Гипнотически гудел двигатель саней. Следить за инструментами слишком просто, и потому Тошио невольно начал размышлять. И вспоминать.

Когда его впервые пригласили в космос, все смахивало на приключение.

Он уже дал клятву астронавта и готов был забыть о прошлом. А на новом дельфиньем корабле нужен был человек-гардемарин для ручной работы.

«Стремительный» — небольшой исследовательский корабль необычной конструкции. В космическом пространстве редко встречаются разумные, дышащие кислородом и снабженные плавниками существа. Тех, что есть, используют в качестве мастеров и рабочих-клиентов, а для удобства вводят искусственное тяготение.

Но первый корабль с экипажем из дельфинов должен быть совсем другим.

Он сооружался по принципу, которым больше двух столетий руководствовались земляне: «По возможности выбирайте простые решения. Не пользуйтесь наукой галактов, если не понимаете ее».

Через двести пятьдесят лет после первого контакта с галактической цивилизацией человечество по-прежнему пытается догнать ее. Галактические расы использовали древнюю Библиотеку задолго до того, как на Земле появились первые млекопитающие, и с ледяной медлительностью пополняли новым это универсальное собрание знаний. Людям, в их ранних неуклюжих космических кораблях, они казались богоподобными. Теперь у Земли есть своя ветвь Библиотеки, гипотетически дающая ей доступ ко всей мудрости, накопленной за галактическую историю. Но только в последние годы она стала реально помогать и больше уже не сбивала с толку.

«Стремительный», с его сложной системой бассейнов, удерживаемых центробежной силой, с его мастерскими и лабораториями в невесомости, должен был показаться чужакам, наблюдавшим за первым стартом, невероятно архаичным. Но для неодельфиньей цивилизации Земли он стал предметом необыкновенной гордости.

После прощального круиза «Стремительный» остановился в небольшой человеческо-дельфиньей колонии Калафии и забрал нескольких лучших выпускников местной крохотной акаде-

мии. Так началось для Тошио первое и, вероятно, последнее посещение старой Земли.

«Старая Земля» — по-прежнему дом девяноста процентов человечества, не говоря уже о других разумных земных расах. Галактические туристы по-прежнему толпятся здесь, чтобы поглазеть на родину enfants terribles, вызвавших за несколько столетий такие перемены. И все еще заключаются пари, сколько же продержится человечество без покровительства патрона.

Разумеется, все расы имели патронов. Никто не достигал стадии космического разума без вмешательства другой космической расы. Разве люди не так же поступили с дельфинами и шимпанзе? Со времени прародителей, мифической первой расы, все виды, обладающие разумом, речью и умением подниматься в космос, делали это с помощью предшественников. Ни одна раса не выжила с того отдаленного времени, но цивилизация, основанная прародителями вместе с Библиотекой, развивается.

О судьбе самих прародителей существует множество легенд; о ней говорится в разных противоречивых религиях.

Тошио, как и все за последние триста лет, гадал, какими были патроны человечества. Если,

конечно, они существовали. Может, они как раз среди тех фанатичных видов, которые подстерегли ничего не подозревающий «Стремительный» и сейчас охотятся на него, как псы на лисицу?

Весьма неприятная мысль, учитывая то, что обнаружил «Стремительный».

Совет Земли отправил корабль вслед за многими другими, проверяющими истинность положений Библиотеки. До сих пор найдено всего лишь несколько небольших неточностей: в одном месте указана неверно звезда, в другом — пропущена в каталоге раса. Все равно что пересчитывать песчинки на берегу.

И за тысячу жизней их не пересчитать, но можно попробовать случайное выборочное тестирование.

«Стремительный» исследовал небольшой гравитационный приливной бассейн в пятидесяти тысячах парсеков от местоположения галактики, когда обнаружил флот.

Тошио вздохнул, сознавая несправедливость случившегося. Сто пятьдесят дельфинов, семь человек и шимпанзе; откуда мы знали, что найдем?

Почему мы это нашли?

Пятьдесят тысяч кораблей, каждый размером с

Луну. Вот что они нашли.

Дельфины пришли в ужас: величайший брошенный флот из когда-либо найденных, по-видимому, невероятно древний. Капитан Крайдайки связался с Землей по пси-каналу, чтобы получить инструкции.

Черт возьми! Зачем он вообще обратился к Земле? Неужели нельзя было подождать с отчетом до нашего возвращения? Зачем сообщать всей подслушивающей галактике, что обнаружено Саргассово море древних корпусов в самой середине пустоты?

Совет Земли прислал закодированный ответ:

— Скройтесь. Ждите приказов. Не отвечайте.

Крайдайки, конечно, послушался. Но к этому времени половина патронов галактики отправили свои боевые корабли на поиски «Стремительного».

Тошио замигал.

Неужели наконец ответное эхо? Да, магнитный определитель руды показывает слабое эхо к югу. Юноша сосредоточился на приемнике, радуясь, что у него появилось занятие. Ему наскучило жалеть себя.

Должно быть, хорошее месторождение. Сказать Хикахи? Естественно, сначала нужно искать

исчезнувших товарищей, но…

На него упала тень. Отряд огибал массивный металлический холм. Масса медного цвета покрыта толстыми щупальцами какого-то зеленого растения.

— Не подходи близко, Маленькие Руки, — просвистел слева Кипиру.

Только он и сани возле холма. Остальные фины огибали его издалека.

— Мы ничего не знаем об этой флоре, — продолжал Кипиру. — А Фиппит потерялся где-то здесь. Тебе нужно оставаться под нашей охраной. — Кипиру лениво проскользнул мимо Тошио. На поверхности сложенных механических рук его доспехов отразилась медь металлического холма.

— Тем более важно взять образцы, — раздраженно ответил Тошио. — Мы здесь для этого! — И, не дав Кипиру возможности среагировать, Тошио круто накренил сани, направляя их к металлическому острову.

Он нырнул в тень: остров закрывал от лучей солнца. Мелькнула стая рыб с серебристыми спинками. Тошио приближался к поросшей растительностью стене.

Кипиру удивленно окликнул его, выругался на

дельфиньем праймале.

Значит, фин был расстроен. Тошио улыбнулся.

Сани гудели, холм возвышался справа. Тошио еще раз накренил машину и ухватился за свисающие ветви. Что-то оборвалось, и образец остался у него в руках. Ни один фин на такое не способен! Тошио сжал и разжал пальцы, потом повернулся, собираясь положить ветви в сетку для образцов. Подняв голову, он увидел, что зеленая масса над ним сгустилась и приблизилась. Громче стал крик Кипиру.

«Плакса! — подумал Тошио. — Ну, выпустил я на мгновение приборы. И что? Вернусь в конвой раньше, чем ты закончишь свою поэму проклятий».

Он круто наклонил машину, одновременно поднимая плоскости. И тут же понял свою тактическую ошибку. Потому что движение саней замедлилось и ветки-щупальца дотянулись до них.

Очевидно, на Китрупе есть большие морские животные: щупальца, упавшие на Тошио, рассчитаны на крупную добычу.

— О, Конно-Анти! Что я наделал! — Тошио включил максимальную тягу и приготовился справиться с рывком.

Двигатель взвыл, но ускорения не последовало. Сани застонали, натянули длинные зеленые веревки. Потом двигатель замер. Тошио почувствовал, как его ног коснулось что-то скользкое. Щупальца начали сжиматься и тянуть.

Тяжело дыша, он сумел развернуться и дотянулся до ножа в ножнах на бедре. Щупальца узловатые и крепкие. Узлы прилипали к любой поверхности, и когда один коснулся открытой руки Тошио, юноша закричал от острой боли.

Фины кричали друг другу, по доносившимся звукам ощущалось быстрое движение поблизости. Но Тошио только на мгновение подумал, что, может, больше никто не пойман: все его внимание занимала борьба.

Наконец он высвободил нож, блестящий, как надежда. Надежда окрепла, когда две нити распались под его ударами. Вот еще одна, толще.

Потребовалось несколько секунд, чтобы перепилить ее. Но почти сразу же ее заменили две другие.

И тут Тошио увидел, куда его тянут.

В боку металлического холма виднелся глубокий разрез. Внутри ждала бьющаяся масса щупалец. А еще глубже, в десяти метрах, в путанице обманчиво неподвижных ветвей висело

что-то серое и блестящее.

Дыхание затуманило лицевую пластину Тошио. На неподвижной фигуре Сассии отразились его собственные расширившиеся от потрясения глаза.

Мягкий, как жизнь, прилив раскачивал ее тело.

С криком Тошио снова принялся рубить щупальца. Он хотел было позвать Хикахи — руководитель группы должен знать о судьбе Сассии, — но лишь кричал от ненависти и отвращения к этому китрупскому хищнику. Он рубил, во все стороны разлетались ветви и листья, но это мало что меняло — вокруг смыкалось еще больше щупалец; его тащило к расселине.

Поднимающийся-по-Лестнице — остроглазый рифмоплет Отзовись — чтобы ищущие слышали Оживи сонар — листва мешает смотреть.

Это Хикахи.

Теперь Тошио слышал шум работающих дельфинов. Быстрые трели на тринари, не разложимые на отдельные слова для человеческого слуха, скрип доспехов. — Здесь! Я здесь! — Он перерубил лозу, протянувшуюся к его воздушному шлангу, чуть не повредив при этом сам шланг. Облизал губы и постарался просвистеть на тринари:

Держусь – клюв у моллюска
Крепкий – и мрачный
От него погибла Сассия.

Конечно, ритм и форма никуда не годятся, но фины воспримут его лучше, нежели бы он крикнул на англике. Уже сменилось сорок разумных поколений, но в чрезвычайных ситуациях дельфинам по-прежнему более понятен язык свиста.

Тошио слышал приближающийся звук схватки. Но тут, словно почувствовав угрозу, щупальца потянули его быстрее. Сосущая ветвь неожиданно обернулась вокруг его правой руки. Прежде чем он среагировал, жгучий узел коснулся ладони. Тошио закричал и оторвал щупальце, но нож выпал из его руки.

Клубок щупалец обрушился на него. И в этот момент Тошио понял, что кто-то говорит с ним, говорит медленно, на англике:

— …появились корабли. Помощник капитана Такката-Джим спрашивает, почему Хикахи не послала подтверждение…

Голос Акки, с корабля! Тошио не мог ответить другу. Ему не дотянуться до переключателя радио, к тому же он немного занят.

— Не отвечай на это сообщение, — тут же лю-

безно сказал Акки. Тошио застонал от нелепости своего положения, пытаясь оторвать щупальце от лицевой пластины, не подставляя в то же время руки. — Передай только монопульс. И немедленно возвращайтесь, возвращайтесь все. Мы считаем, что над Китрупом разворачивается бой в космосе. Вероятно, спятившие ити последовали за нами сюда и теперь дерутся за право захватить нас, как и у Морграна.

— Я должен заканчивать. Объявляется радиомолчание. Возвращайтесь как можно быстрее. — Акки закончил.

Тошио почувствовал, как сжало его воздушный шланг. Теперь щупальце было толстое.

— Конечно, Акки, старина, — хмыкнул он, отрывая присоски. — Отправлюсь домой, как только вселенная меня отпустит.

Воздушный шланг пережат, и он ничего не может сделать. Лицевую пластину затуманила испарина. Тошио чувствовал, что теряет сознание. Ему показалось, что появились спасители, но он не знал, наяву это или галлюцинация. Он, например, никогда бы не подумал, что первым появится Кипиру и будет сражаться так свирепо, не обращая внимания на жгучую боль от присосок.

В конце концов Тошио решил, что видит сон. Лазерные вспышки слишком яркие, звуки слишком громкие. И отряд приближается к нему под развевающимися знаменами, как кавалерия, которую человек всегда ассоциирует со спасением.

Глава 2
ГАЛАКТЫ

На центральном корабле флота наступила фаза отрицания.

Гигантские крейсеры выныривали из трещины в пространстве и устремлялись к яркой точке — непримечательному красноватому солнцу. Один за другим с ревом вырывались они из светящегося разрыва. Вместе с ними приходил рассеянный звездный свет за сотни парсеков отсюда.

Существовали правила, предотвращающие это. Туннель — неестественный способ перемещения из одного места в другое. Нужна сильная воля, чтобы вызвать такое отверстие в пространстве.

Эписиарх в своем воинствующем отрицании реальности создал для своих хозяев танду проход. Отверстие держалось на его непреклонной воле, на отказе признавать все, относящееся к действительности.

Когда прошел последний корабль, эписиарха намеренно отвлекли, и отверстие коллапсировало с беззвучной яростью. И только через мгновение приборы могли показать, что оно существовало. Нарушение физических законов прекратилось.

Эписиарх привел армаду танду к звезде-цели задолго до других флотов, тех, которые оспаривали у танду право захватить земной корабль. Танду послали хвалебные импульсы в центры удовольствия эписиарха. Он взвыл и благодарно закивал большой мохнатой головой.

А для танду эта загадочная и опасная форма перелета снова доказала свои преимущества. Хорошо оказаться на поле битвы раньше противника, это дает тактическое преимущество.

Эписиарх хотел только отрицать существующее. Теперь его работа завершена, и он возвращался в пространство иллюзий, чтобы изменять бесконечную цепь воображаемых реалий, пока его гнев снова не понадобится хозяевам. Его волосатая аморфная фигура высвободилась из сенсорной паутины, и в сопровождении бдительных стражников он удалился.

Когда путь расчистился, на своих паучьих ногах вошел акцептор и расположился в середине

сети.

Некоторое время он восхвалял реальность, воспринимая ее. Акцептор зондировал этот новый участок пространства, касался его, ласкал своим далеко простирающимся восприятием. И при этом орал от удовольствия.

— Такая утечка! — радостно провозгласил акцептор. — Я слышал, что преследуемые — неуклюжие разумные, но, даже скрываясь от опасности, они дают столько информации! Они прячутся на второй планете. Края их психических щитов застывают слишком медленно, чтобы скрыть от меня их точное местонахождение. Кто их хозяева, научившие этих дельфинов так прекрасно изображать добычу?

— Их хозяева — люди, они сами не завершены, — ответил главный сталкер танду. Его ответ прозвучал серией щелчков и хлопков из храпового соединения на суставе ноги богомола. — Земляне испорчены неправильными представлениями и стыдом от того, что их бросили. Когда их съедят, стихнет шум, который держится уже три столетия. И наша охотничья радость будет, как у тебя, когда ты видишь новый предмет или новое место.

— Это большая удача, — согласился акцептор.

— А теперь подробности, — приказал сталкер. — Скоро мы сразимся с еретиками. Я должен сообщить другим клиентам их задачи.

Сталкер ушел, а акцептор завернулся в паутину и раскрыл свои чувства этой новой тропе реальности. Все хорошо. Он сообщал, что видит, и хозяева соответственно переводили корабли, но большая часть его мозга была занята восприятием… маленького красного солнца, всех его планет, а также великолепной местности, которая вскоре превратится в поле битвы.

Скоро акцептор ощутил приближение других военных флотов, каждый возникал по-своему, и занимал чуть худшую позицию, из-за раннего появления танду.

Акцептор воспринимал пыл воинственных клиентов и холодную расчетливость старших патронов. Он ласкал жесткие мозговые щиты, воздвигнутые против него, и гадал, что таится за ними. Он оценивал открытость других воинов, которые с небрежением посылали свои мысли, чтобы слушатели восприняли это.

И в том числе мысли об уничтожении самого акцептора, когда огромные флоты устремились друг к другу и начали вспыхивать яркие разрывы.

Акцептор все это воспринимал с радостью. Разве можно чувствовать что-то другое, если во вселенной столько подобных чудес?

Глава 3
ТАККАТА-ДЖИМ

Высоко в левой четверти большой сферической контрольной рубки «Стремительного» пси-оператор билась в упряжи. Ее плавники взбивали воду, она кричала на тринари.

Чернильный восьмирукий спрут нашел нас!

Отряды сражаются!

Сообщение оператора подтверждали показания детектора нейтрино, полученные несколько минут назад. Вдохновенно оператор продолжала излагать поток дурных новостей.

Они кричат и вожделеют –

Хотят победить и захватить…

С другой стороны послышался спокойный отчет на англике с дельфиньим акцентом.

— Мощное гравитонное излучение, помощник

капитана Такката-Джим.

Гравитационные нарушения означают большое сражение над планетой.

Дежурный офицер «Стремительного» молча выслушал отчеты, позволив себе слегка отплыть в циркулярном течении командного центра. Поток пузырей вырвался из его дыхала, когда он вдохнул особую жидкость, заполнявшую корабельный мостик.

— Принято, — сказал он наконец. Под водой его голос звучал глухо.

Согласные смазывались. — Далеко ли ближайший контакт?

— Пять астрономических единиц, сэр. Сюда доберутся не раньше чем через час, даже если полетят сломя голову.

— Гм… Хорошо. Оставайтесь в состоянии готовности. Продолжай наблюдения, Акикемаи.

Помощник капитана необычайно велик для неофина, у него мощное мускулистое тело, он не похож на остальных, стройных и гладких. Неровная серая окраска и щербатые зубы выдавали его принадлежность к субрасовой линии стенос и вместе с несколькими другими на борту отличали от большинства турсиоп.

Человек рядом с Такката-Джимом встретил

дурные новости бесстрастно.

Они лишь подтверждали его подозрения.

— Надо сообщить капитану, — сказал Игнасио Метц. Слова его, произнесенные под лицевой маской в шипящей воде, были усилены. От редких седых волос высокого мужчины поднимались струйки пузырьков. — Я предупредил Крайдайки, что так случится, если мы попробуем скрыться от галактов. Надеюсь, он будет благоразумным в этой безвыходной ситуации.

Такката-Джим раскрыл и закрыл пасть по диагонали, что воспринималось как энергичный кивок.

— Да, доктор Метц. Теперь даже Крайдайки вынужден будет признать, что вы были правы. Мы загнаны в угол, и капитану останется только прислушаться к вам.

Метц благодарно кивнул.

— А что слышно об отряде Хикахи? Им сообщили?

— Я уже приказал исследовательской группе возвращаться. Даже сани теперь — слишком большой риссск. Если ити уже на орбите, у них есть средства обнаружения.

— Инопланетяне… — автоматически, по профессиональной привычке поправил Метц. — Тер-

мин «ити» нельзя назвать вежливым.

Такката-Джим не изменил выражения. В отсутствие капитана именно он командует кораблем и всем экипажем. Но этот человек обращается с ним, как с только что отнятым от груди младенцем. Это раздражало его, но Такката-Джим очень старался, чтобы Метц не заметил, как реагирует на такое обращение помощник капитана.

— Да, доктор Метц, — сказал он.

А тот продолжал:

— Отряду Хикахи вообще не следовало покидать корабль. Я предупреждал Тома Орли, может произойти нечто подобное. Юный Тошио… и все эти фины, они так долго не связываются с нами. Будет ужасно, если с ними что-нибудь случится!

Такката-Джим считал, что понимает, о чем на самом деле думает Метц.

Человек, вероятно, думает, как ужасно будет, если кто-то из экипажа «Стремительного» погибнет не у него на глазах… и он не сможет судить о его поведении для своих бихевиористских и генетических штудий.

— Если бы только Крайдайки прислушался к вам, сссэр, — повторил он. — Вам всегда есть что сказать.

Рискованно; но если человек за невыразитель-

ной маской Такката-Джима разглядел сарказм, то не подал виду.

— Что ж, приятно это слышать, Такката-Джим. Очень проницательно. Я знаю, у вас много дел, поэтому я найду свободную линию связи и сам разбужу Крайдайки. И как можно мягче сообщу ему, что преследователи двинутся за нами к Китрупу.

Такката-Джим почтительно кивнул с высоты своего роста.

— Вы очень добры, доктор Метц. Сделайте одолжение.

Метц похлопал лейтенанта по боку, словно успокаивая. Такката-Джим перенес этот покровительственный жест с напускным спокойствием и посмотрел вслед уплывающему человеку.

Мостик представляет собой заполненную жидкостью сферу, которая слегка выступает из цилиндрического корпуса на носу корабля. Из большого иллюминатора командного центра открывается вид на неясную картину океанских хребтов, осадков и плавающих морских животных.

Огражденные сетями рабочие места членов экипажа освещаются лампами.

Но большая часть помещения находится в глу-

бокой тени, а отборный персонал выполняет свои задачи быстро и почти беззвучно. Единственные звуки кроме всплесков и шипения рециклированной оксиводы — перемежающиеся щелчки сонаров и краткие профессиональные реплики операторов. "Надо отдать Крайдайки должное, — сказал себе Такката-Джим. — Из своего экипажа он создал отлично работающий механизм.

Конечно, дельфины менее последовательны, чем люди. Невозможно заранее предугадать, что подействует на неодельфина, но не успеешь оглянуться, а он уже работает в состоянии стресса. На корабле это лучший из возможных экипажей, но достаточно ли этого?

Если допустить хоть одну радиационную или пси-утечку, ити набросятся на нас быстрее, чем касатка на тюленей".

Такката-Джим с горечью подумал, что фины исследовательского отряда находятся в большей безопасности, чем их товарищи на борту. Метц дурак, что беспокоится о них. Они, наверно, отлично проводят время.

Такката-Джим постарался вспомнить, каково плыть в открытом океане, без доспехов, и дышать свежим воздухом. Каково глубоко нырнуть в воду, как могут только стеносы, где большеротые

боящиеся удаляться от берега турсиопы редки, как дюгони.

— Акки, — обратился он к оператору электронного искателя, молодому фину гардемарину с Калафии, — ты получил подтверждение от Хикахи? Ей передан приказ об отзыве?

Гардемарин из колонии — небольшого роста, разновидность турсиоп с желтоватой окраской тела. Он все еще не привык дышать и говорить в оксиводе. И ответил на странном диалекте подводного англика:

— Прос-стите, помощник капитана, но ответа не было. Я проверил монопульссс на всех… канналах. Ничего.

Такката-Джим раздраженно мотнул головой. Хикахи могла решить, что ответ даже монопульсом рискован. Но все же подтверждение избавило бы его от необходимости принять неприятное решение.

— Сэр? — Акки опустил голову и уважительно свесил хвост.

— Да?

— Мож-жет, повторить ссообщение? Может быть, они отвлеклись и пропустили его в перс… первое время…

Как все колонисты с Калафии, Акки гордился

своим правильным англиком.

Очевидно, его смущало, что он говорит простыми фразами.

Но это устраивало помощника капитана. Одно из слов, которые легко переводится с англика на тринари, — глупец. Такката-Джиму не хотелось, чтобы его гардемарины были глупцами.

— Нет, оператор. Мы получили приказ. Если капитан захочет попробовать снова, когда поднимется на мостик, это его право. А ты оставайся на своем посссту.

— Есть, сэр. — Молодой дельфин развернулся, возвращаясь на свое место, где можно дышать в воздушном пузыре, а не глотать воду, как рыба. И говорить тут можно нормально, ожидая вести от ближайшего друга, гардемарина-человека, который сейчас где-то в безбрежном океане.

Такката-Джим хотел, чтобы капитан пришел поскорее. Командная рубка казалась ему тесной и мертвой. Он всегда уставал к концу смены, если приходилось дышать шипящей, насыщенной газом оксидированной водой. Ему казалось, что такая вода дает недостаточно кислорода. Вспомогательные жабры-легкие ныли из-за подавленного инстинкта, а таблетки, повышающие усваиваемость кислорода из воды, всегда вызы-

вали у него сильное сердцебиение.

Он снова увидел Игнасио Метца. Седовласый ученый держался за переборку, сунув голову в пузырь коммуникатора. Говорит с Крайдайки.

Закончив, вероятно, захочет остаться здесь. Этот человек всегда поблизости, наблюдает… и всегда возникает такое чувство, будто тебя экзаменуют.

— Мне нужен человек-единомышленник, — напомнил себе Такката-Джим.

«Стремительным» командуют дельфины, но экипаж повинуется охотнее, если слово офицера поддержано кем-нибудь из расы патронов. У Крайдайки есть Том Орли. У Хикахи — Джиллиан Баскин. Человеческий компаньон Брукиды — инженер Свесси.

А у Такката-Джима будет Метц. К счастью, этим человеком легко манипулировать.

На информационных дисплеях появлялось все больше сообщений о битве в космосе. Над планетой развертывалось настоящее сражение. В нем участвовало по меньшей мере пять больших флотов. Такката-Джим подавил внезапное желание укусить кого-нибудь, резко ударить плавниками. Как ему хочется подраться! Видеть перед собой осязаемого противника, а не это зрелище ужаса!

После недель полета «Стремительный» оказался в западне. Какую хитрость придумают на этот раз Крайдайки и Том Орли, чтобы вырваться на свободу?

А если ничего не придумают? Или еще хуже: придумают какой-нибудь безумный план, который всех погубит? Что он будет делать тогда?

Такката-Джим размышлял над этим, чтобы чем-то занять свой мозг, ожидая появления капитана, чтобы сменить его.

Глава 4
КРАЙДАЙКИ

Первый настоящий глубокий сон за несколько недель. Естественно, его должны были прервать.

Крайдайки привык отдыхать в невесомости и влажном воздухе. Но пока они в укрытии, антигравитационные койки запрещены, и дельфину приходилось спать только в воде.

Целую неделю Крайдайки пытался в течение отдыха дышать оксиводой.

Результат — кошмары, сны, в которых он задыхался.

Корабельный врач Маканай предложила, чтобы он спал старомодным дельфиньим способом,

плавая на поверхности воды.

Крайдайки решил последовать совету Маканай. Он убедился, что в верхней части каюты есть большой воздушный пузырь, трижды проверил, исправен ли прибор, контролирующий уровень кислорода. Наконец сбросил доспехи, выключил свет, поднялся на поверхность и вытолкнул оксиводу из жабер-легких.

Это было здорово. Но вначале он лежал на поверхности воды, напряженный, кожа чесалась с непривычки без доспехов. Он знал, что это ощущение обманчиво. Наверно, люди в своем докосмическом прошлом так же относились к наготе.

Бедные Homo sapiens! История человечества полна страданий в те тяжелые тысячелетия, когда оно медленно прогрессировало до первого Контакта. Тогда люди были невежественны и отрезаны от галактического сообщества.

«А вот дельфины, — думал Крайдайки, — были почти счастливы, занимая свой угол „сна китов“. Когда человек повзрослел и стал возвышать животных Земли, дельфины легко переместились из одного почетного состояния в другое».

«Впрочем, и у нас есть свои проблемы», — напомнил он себе. Ему очень хотелось почесать

основание гнезда усилителя импульсов, но добраться туда без доспехов невозможно.

Он плавал в темноте на поверхности, ожидая сна. Приятно плескались легкие волны. И настоящий воздух, конечно, гораздо лучше оксиводы.

Но он немного боялся утонуть… как будто ему повредит, если он погрузится в оксиводу… словно миллионы дельфинов не спали всю жизнь таким образом.

Сбивала с толку и привычка астронавта постоянно смотреть вверх.

Переборка потолка всего в нескольких дюймах от окончания его спинного плавника. Даже когда он закрывал глаза, сонар предупреждал его о преграде.

Он не может спать, не посылая эхолокационные импульсы, как не может спать шимпанзе, не почесываясь.

Крайдайки фыркнул. Пора выбрасываться на берег, если корабельные условия вызывают у него бессонницу! Он усиленно выдохнул и принялся считать щелчки сонара. Начал с тенорового ритма, потом стал добавлять другие элементы песни-сна, создавая фугу.

Импульсы исходили из его лба и распространялись по помещению, отдаваясь эхом. Ноты

перекрывали друг друга мягкими завываниями и басовыми отголосками. Создавалась сонарная картина, модель другой комнаты.

Крайдайки знал, что правильная комбинация звуков заставит стены исчезнуть.

Он сознательно отказывался от строгой дисциплины кининка, приветствуя верный «сон китов».

Когда рисунок
Чешуи
Зовет шепотом –
Позволяет вспомнить
Тихо навевает
Сны о рассвете
И о луне –
О морском приливе
Тогда рисунок
Чешуи
Зовет шепотом –
Позволяет вспомнить…

Стол, шкафы, стены — все покрылось ложной сонарной тенью. Песня продолжалась, из искусных отражений создавалась богатая и настоящая

поэзия.

Вокруг плавали маленькие стайки созданий сна. Эхо раскрывало пространство вокруг, воды уходили все дальше.

И море сна
Вечное море
Зовет шепотом –
Позволяет вспомнить

Вскоре Крайдайки почувствовал, что из отражений что-то формируется.

И когда его сознание инженера уснуло, рядом с ним плыла тень богини.

Это плыла Нукапай… призрак из ряби. Черное гладкое тело ушло во тьму, и переборка, которая словно растворилась, не помешала ему.

Видения исчезали. Вода вокруг Крайдайки потемнела, и Нукапай перестала быть просто тенью, пассивным слушателем его песни. Блеснули ее зубы-иглы, и она запела сама.

В близости
Воды
В бесконечных
Слоях сна
Где горбатый кит

Старый родич
Поет песни
Серьезным рыбам
Там найдешь меня
Блуждающий брат
Даже в этом
Человеческом ритме
Где люди
И другие прямоходящие
Развлекают
Сами звезды…

Сердцебиение Крайдайки блаженно замедлилось. Он уснул рядом с богиней сна. Она немного посмеивалась над ним за то, что он инженер, за то, что стихи его на жестком четком тринари, а не на хаотичном праймале его предков. Она приветствовала его на Пороге Моря, где сойдет и тринари, где он лишь слегка слышит гнев «сна китов» и древних богов, живущих здесь. Именно так может воспринять океан его сознание инженера.

Каким неуклюжим кажется иногда тринари! Рисунок перекрывающих друг друга тонов и символов почти по-человечески точен… и по-че-

ловечески ограничен.

Он вырос, считая эти условия обязательными. Часть его мозга генетически преобразована и напоминает мозг человека. Но время от времени прорываются хаотичные звуковые образы, насмешливо намекая на древнее пение.

Нукапай сочувственно защелкала. Улыбнулась…

Нет! Ничего такого обезьянье-сухопутного она не сделала! Из всех китовых только неодельфины умеют улыбаться пастью.

Нукапай сделала нечто иное. Она погладила его по боку, ласковейшая из богинь, и сказала:

Пребывай в мире
Это Суть
И инженеры
Далеко от океана
Все еще ее слышат.

Напряжение последних недель наконец покинуло его, и он уснул. Дыхание Крайдайки сверкающими каплями конденсировалось на потолочной переборке.

Ветер из ближайшего вентиляционного отверстия сдувал эти капли, и они падали в воду мягким дождем.

Когда в метре от него появилось изображение Игнасио Метца, Крайдайки не сразу воспринял его.

— Капитан… — сказало изображение. — Я звоню с мостика. Боюсь, галакты обнаружили нас раньше, чем мы ожидали…

Крайдайки не обращал внимания на этот ничтожный голос, возвращающий его к делам и битвам. Он лежал в вяло раскачивающихся водорослях и слушал звуки ночи. И лишь сама Нукапай разбудила его. Исчезая, она мягко напомнила:

Долг, долг – и честь
Честь, Крайдайки
Проснись и раздели ее.

Лишь Нукапай могла себе позволить безнаказанно разговаривать с Крайдайки на праймале. Он не мог игнорировать богиню сна, как не мог не обращать внимания на свою совесть. Один его глаз сфокусировался на голограмме назойливого человека, смысл слов наконец дошел до его сознания.

— Спасибо, доктор Метц, — вздохнул Крайдайки. — Передайте Такката-Джиму, что я сейчас буду. И, пожалуйста, пошлите за Томом Орли. Я

хотел бы видеть его на мостике. Конец связи.

Он глубоко вдохнул, позволил помещению стать отчетливее. Потом нырнул за своими доспехами.

Глава 5
ТОМ ОРЛИ

Высокий темноволосый мужчина висел, ухватившись одной рукой за ножку койки. Койка была привинчена к полу перевернутой вверх дном каюты. Пол шел наклонно над головой мужчины. Левая нога касалась ящика, вытащенного из перевернутого стенного шкафа.

Когда неожиданно вспыхнул тревожный желтый свет, Том Орли повернулся и свободной рукой схватился за кобуру. И уже наполовину выхватил свой игольник, когда понял причину помехи. Медленно выругался и вернул оружие в кобуру. К чему такая спешка? Он с ходу мог придумать десяток причин. Но когда он висит вот так, на одной руке, в самой неудобной части корабля!

— Я установил контакт, Томас Орли.

Голос, казалось, исходит откуда-то сверху. Том переменил хватку и повернулся. В метре от него появился абстрактный рисунок, похожий на рой

разноцветных мошек в урагане.

— Вы хотели бы знать причину тревоги. Верно?

— Ты чертовски прав! — выпалил Том. — На нас напали?

— Нет. — Цветные точки мельтешили. — На корабль пока не напали, но помощник капитана Такката-Джим объявил тревогу. В окрестностях Китрупа появилось по крайней мере пять флотов. И как будто они сражаются друг с другом недалеко от планеты.

Орли вздохнул.

— Прощай, быстрый ремонт и бегство. — Он не думал, что охотники позволят им ускользнуть. Поврежденный «Стремительный» оставил за собой шумный след, когда выскользнул из засады у Морграна.

Том помогал ремонтировать в машинном отделении стасис-генератор «Стремительного». Они только что закончили модуль, требующий осторожной ручной работы, и он умудрился улизнуть в безлюдную часть сухого колеса корабля, где спрятал компьютер Нисс.

Сухое колесо — это длинная лента лабораторий и кают, которые свободно вращаются, когда корабль находится в космосе, создавая необхо-

димое людям псевдотяготение. Но сейчас колесо неподвижно. И часть с перевернутыми вверх дном помещениями оставлена из-за тяготения планеты.

Это одиночество устраивало Тома, хотя, конечно, то, что все стоит вверх ногами, раздражало.

— Ты не должен объявляться, пока я не включу тебя вручную, — сказал Том. — Жди моего отпечатка пальца или голоса, прежде чем дать понять, что ты не простой корабельный коммуникатор.

Вихрь точек превратился в рисунок кубистского стиля. Машина невозмутимо ответила:

— В данных обстоятельствах я позволил себе свободу принятия решения.

Если ошибся, готов принять наказание на уровне три. Наказание на более высоком уровне является несправедливым и должно быть отвергнуто как предвзятое.

Том иронично усмехнулся. Машина будет водить его кругами, и он ничего не добьется, если станет настаивать на своем праве хозяина. Тимбримийский шпион, передавший ему Нисса, ясно дал понять, что полезность машины связана с ее гибкостью и инициативностью, хотя временами это и бесит.

— Я подумаю об уровне твоей провинно-

сти, — сказал Том Ниссу. — Теперь обрисуй мне ситуацию.

— Вопрос некорректный. Я могу связаться, с боевым компьютером корабля. Но это рискованно.

— Нет, пока не нужно. — Если Нисс попытается обольстить боевой компьютер во время тревоги, экипаж на мостике может заметить. Том допускал, что Крайдайки знает о присутствии Нисса на борту, точно так же, как капитан знал и о тайном проекте Джиллиан Баскин. Но командир-дельфин молчал об этом, предоставив людям заниматься своим делом.

— Ну хорошо. Можешь связать меня с Джиллиан?

Голограмма замигала голубыми точками.

— Она в своем кабинете. Вызываю.

Точки неожиданно исчезли. Их сменило изображение светловолосой женщины лет тридцати. Она удивленно подняла голову, и ее лицо сразу озарилось ослепительной улыбкой. Женщина рассмеялась.

— Я вижу, ты навещаешь своего механического друга. Том, что же есть у этой саркастической машины чужаков, чего нет у меня? Ради меня ты никогда не вставал буквально с ног на голову.

— Очень забавно. — Но все же ее поведение

успокоило: значит, тревога не очень серьезная. Он опасался, что им придется немедленно вступить в бой. Через неделю «Стремительный» сможет постоять за себя, прежде чем будет взят в плен или уничтожен. Сейчас же у него силы столько, сколько у опьяневшего кролика.

— Значит, галакты еще не высадились.

Джиллиан покачала головой.

— Нет, хотя мы с Маканай на всякий случай дежурим в лазарете. На мостике говорят, что по крайней мере три флота выскочили из пространства поблизости. И тут же начали сражаться друг с другом, как у Морграна. Мы можем только надеяться на их взаимное истребление.

— Боюсь, надежды на это мало.

— Ну, ты ведь в нашей семье тактик. Но все же может пройти много времени, прежде чем победитель высадится за нами. Начнутся переговоры и возникнут союзы, заключенные в последнюю минуту. У нас есть еще время придумать что-нибудь.

Том хотел бы разделять ее оптимизм. Его дело, как семейного тактика, «придумать что-нибудь».

— Ну, если положение не такое критическое…

— Думаю, нет. Можешь еще немного пообщаться со своим приятелем — моим электронным

соперником. А я вступлю в интимную близость с Херби.

Том только покачал головой на эту шутку. Херби — это труп, их единственная реальная добыча из брошенного флота. Джиллиан уверена, что трупу чужака не менее двух миллиардов лет. У корабельной мини-Библиотеки каждый раз случался приступ, когда ее спрашивали, к какой расе принадлежал когда-то Херби.

— Ну хорошо. Передай Крайдайки, — я сейчас буду.

— Конечно, Том. Его как раз будят. Скажу ему, что видела тебя поблизости. — Она подмигнула и отключилась.

Том смотрел на то место, где было ее изображение, и в который раз думал, чем заслужил такую женщину.

— Из чистого любопытства, Томас Орли, я хотел бы расспросить о некоторых подтекстах вашего последнего разговора. Я прав, считая, что легкие оскорбления доктора Баскин — на самом деле выражение любви? Мои тимбримийские хозяева, разумеется, телепаты, но иногда они тоже этим развлекаются. Это часть процесса спаривания? Или какой-то тест на дружбу?

— И то и другое понемногу, вероятно. Неуже-

ли тимбрими тоже… — Том встряхнулся. — Ну неважно! Мои руки устали и мне нужно быстро спускаться.

Есть еще что-нибудь важное?

— Ничего существенного для сохранения вас и экспедиции.

— Значит, тебе не удалось уговорить мини-Библиотеку выдать что-нибудь о Херби и брошенном флоте.

Голограмма приобрела отчетливые геометрические очертания.

— В этом ведь главная проблема? Доктор Баскин задавала мне точно такой же вопрос, когда в последний раз, тринадцать часов назад, связалась со мной.

— И ей ты дал такой же прямой ответ?

— Найти доступ к информации корабельной мини-Библиотеки — главная цель моего пребывания на борту. Я сказал бы вам сразу, если бы добился успеха. — Бестелесный голос звучал предельно сухо. — Тимбрими давно заподозрили, что Институт Библиотеки вовсе не нейтрален; продаваемые им ветви несовершенны и тем самым ставят вызывающие тревогу расы в худшее положение.

— Тимбрими бьются над этой проблемой еще

с тех времен, когда ваши предки носили шкуры животных, Томас Орли. И никто не думает, что в этом путешествии мы достигнем чего-нибудь большего, чем просто соберем какие-либо новые данные и, возможно, устраним некоторые несущественные ограничения.

Орли понимал, что машина-долгожитель может позволить себе такое терпеливое выжидание. Но он отвергал это. Приятно думать, что из всех бед «Стремительного» и его экипажа удастся извлечь что-нибудь полезное.

— После всех неожиданностей наш полет может добавить кое-что большее, — предположил он.

— Способность землян совершать ошибки и учиться на них была главной причиной согласия моих владельцев на это безумное предприятие — хотя, конечно, никто не ожидал, что на корабль выпадет столько неприятностей. Мы недооценили ваши способности.

Ответа не последовало. Руки Тома начинали болеть.

— Что ж, я, пожалуй, вернусь. При чрезвычайных обстоятельствах свяжусь с тобой через корабельный коммуникатор.

— Конечно.

Орли отпустил руку и приземлился у закрытой прямоугольной двери на круто наклоненной стене.

— Доктор Баскин только что передала мне, что Такката-Джим приказал исследовательской группе вернуться на корабль, — неожиданно сказал Нисс. — Она считает, что вы должны это знать.

Орли выругался. К этому, должно быть, приложил руку Метц. Как им отремонтировать корабль, если не будут найдены необходимые материалы?

Крайдайки выбрал Китруп прежде всего из-за обилия чистых металлов и больших океанов, удобных для дельфинов. Если исследователи Хикахи отозваны, опасность велика… или кое-кто паникует.

Том повернулся, собираясь выйти, но потом остановился и поднял голову.

— Нисс, нам нужно узнать, что, по мнению галактов, мы обнаружили.

Точки слегка угасли.

— Я тщательно обыскал все открытые файлы корабельной ветви мини-Библиотеки, чтобы пролить свет на загадку брошенного флота, Томас Орли. Но ничего, кроме отдаленного сходства рисунков на корпусах этих гигантов с некоторыми

древними культовыми символами, не нашел. Ничто не подтверждает гипотезу о связи флота с известными прародителями.

— Но ничего противоречащего этой гипотезе ты тоже не нашел?

— Совершенно верно. Но корабли могут быть связаны, а могут и не быть связаны с легендой, объединяющей все кислорододышащие расы пяти галактик.

— Похоже, мы нашли обломки, не имеющие никакой исторической ценности.

— Верно. Но, с другой стороны, вы, возможно, совершили величайшее археологическое и религиозное открытие эпохи. Именно это обстоятельство объясняет битву, развернувшуюся в этой солнечной системе. Отказ мини-Библиотеки сообщать подробности говорит о том, что расы галактики очень интересуются древними событиями. И до тех пор пока корабль остается единственным обладателем информации о брошенном флоте, исследовательское судно «Стремительный» будет величайшим призом, и все фанатики будут домогаться его.

Орли надеялся, что Нисс раздобудет доказательства безобидности их открытия. С их помощью можно было бы убедить ити оставить корабль

в покое.

Но если этот брошенный флот действительно так важен, «Стремительному» нужно найти способ доставить информацию на Землю, и пусть тогда головы поумнее решают, что с ней делать.

— Продолжай обдумывать, — сказал он Ниссу. — А я постараюсь, чтобы галакты от нас отвязались. Не скажешь ли теперь…

— Конечно, скажу, — прервал его Нисс. — Коридор снаружи пуст.

Думаете, я позволил бы вам выйти, не предупредив?

Том покачал головой. Он был уверен, что машина специально запрограммирована делать это снова и снова. Типично для тимбрими. Лучшие друзья землян известные мастера розыгрышей. А когда неприятности кончатся, Том собирался сунуть в компьютер гаечный ключ и объяснить тимбримийским друзьям, что произошел «несчастный случай».

Дверная панель скользнула в сторону, Том ухватился за край и приготовился спрыгнуть на тускло освещенный потолок коридора. Дверь за ним автоматически закрылась. На стенах дугообразного коридора горели красные тревожные огоньки.

«Ну ладно, — подумал Том. — Надежды на быстрое бегство не оправдались, но у меня начинают вызревать комбинации планов посложнее».

Кое-что он уже обсуждал с капитаном. Один или два оставил при себе.

Пора претворять их в жизнь, подумал Том, хорошо зная по опыту, что случай вечно меняет все планы. И вполне возможно, что подвернется что-то совершенно фантастическое и станет для них последней реальной надеждой.

Глава 6
ГАЛАКТЫ

Первая фаза битвы стала всеобщей свалкой. Два десятка воюющих групп накидывались друг на друга, проверяли, искали бреши в защите. На орбитах уже появилось несколько взорванных корпусов, разбитых, покореженных, зловеще светившихся. Вокруг клубились облака плазмы, блестели обломки раскаленного металла.

В своем флагманском корабле кожистая королева смотрела на экраны, показывающие ход битвы. Она лежала на широких мягких подушках и задумчиво поглаживала широкие чешуйки на животе.

На дисплеях, обступивших ложе Крат, было видно множество опасностей.

На одном изображении была нанесена сеть линий, показывающих аномальные вероятности. На других показаны были зоны опасной пси-депрессии.

Видны были огни других флотов, перегруппировывавшихся после первой фазы. На краях по-прежнему бушевала схватка.

Крат облокотилась на подушку влетуровой кожи. Перегруппировалась, чтобы уменьшить давление на третий живот. Боевые гормоны всегда ускоряли ее внутренние процессы. В древности это было очень неудобно, ибо вынуждало ее предков по женской линии оставаться в гнезде, а битвы предоставлять глупым самцам.

Но теперь все иначе.

К ней подошло маленькое птицеобразное существо. Крат взяла с протянутого подноса лингсливу. Откусила, наслаждаясь соком, который потек по языку и усам. Маленький форски проникновенно запел балладу о радостях битвы.

Разумеется, птицеподобные форски возвышены до полного разума.

Поступить иначе с расой клиентов означало бы нарушить Кодекс Возвышения.

Но, хотя они умеют разговаривать и даже летать в космических кораблях, у них напрочь отсутствует честолюбие. Они слишком незаменимы в качестве домашней прислуги и развлечения, чтобы сделать их специализированными. И способность адаптироваться могла бы помешать им прекрасно выполнять свои функции.

Неожиданно погас один из маленьких экранов. Уничтожен истребитель в арьергарде соро. Крат почти не обратила на это внимания. Пока потери несущественны.

Командная рубка разделена на секции. Со своего места в центре Крат может заглянуть в любую из них. Там суетятся многочисленные клиенты соро, каждый готов исполнить ее волю согласно своему узкому профилю.

В секциях навигации, обнаружения и боевой оживление наконец стихало.

Зато в секции планирования суета усилилась, экипаж оценивал возможности, включал вероятные союзы с силами воспринимающих и нарушителей.

Из секции обнаружения высунулся младший офицер паха. Полуприкрыв глаза, Крат видела, как он метнулся к пищевой станции, схватил кружку дымящегося амоклаха и торопливо вер-

нулся на пост.

Паха разрешалось больше видового разнообразия, чем форски, чтобы увеличить их численность, как ритуальных воинов. Крат управляла ими с трудом, но такова цена, которую приходится платить за настоящих воинов. Поэтому она решила не выказывать никакой реакции. Слушала песню маленького форски о грядущей победе, о славе, которая ожидает Крат, когда она захватит землян и выведает их тайны.

Рявкнули клаксоны. Форски в тревоге подпрыгнул и убежал в свою нору.

Показались бегущие отовсюду паха.

— Рейдер танду! — крикнул офицер из секции тактики. — Между кораблями два и двенадцать прямо в середине нашего строя! Необходим срочный маневр!

Быстро!

Флагманский корабль вздыбился, избегая линии снарядов. На экранах Крат эти снаряды видны, как гневно пульсирующие синие точки: отчаянный крейсер танду проник в самый центр ее флота и ведет огонь по кораблям соро.

Будь прокляты эти вероятностные двигатели! Крат знала, что никто не передвигается быстрее танду, потому что ни один корабль не отважится

на такое!

Крат раздраженно дернула брачным когтем. Корабли соро так старались увернуться от снарядов, что не вели ответного огня.

— Глупцы! — засвистела Крат в свой коммуникатор. — Шестой и десятый корабли, оставайтесь на месте и ведите огонь по этому убожеству!

И прежде чем ее слова достигли капитанов, прежде чем соро начали стрелять, ужасный корабль танду стал саморазрушаться. Только что он был здесь, свирепый и смертоносный, сражаясь со множеством растерянных противников. И вот его уже окружило облако бесцветных искр. Защитные поля не выдержали, и крейсер сложился, как карточный домик.

С яркой вспышкой танду исчез, оставив только облако пара. Сквозь защитные экраны своего корабля Крат услышала страшный пси-рев. «Повезло нам, — подумала Крат, когда пси-шум начал стихать. — Не зря другие расы не пользуются методами танду. Но если бы этот корабль продержался еще некоторое время…»

Но пока никакого вреда не причинено, и Крат отметила, что экипаж сыграл свою роль. Однако некоторые не очень-то торопились и придется их наказать…

Она подозвала главного тактика, высокого могучего паха. Воин подошел к ней. Он пытался сохранить гордую осанку, но опущенные реснички сказали Крат, что тактик понимает, что его ждет. Крат низко зарычала.

Начала говорить, и в этот момент командующая флотом соро почувствовала сильное давление внутри. Крат задергалась, тяжело дыша, а офицер паха бежал. Наконец Крат взвыла и почувствовала облегчение. И через минуту снесла яйцо.

Взяла его, на время забыв о наказании и битвах. Следуя инстинкту, который сохранился еще с того времени, когда два миллиона лет назад ее раса была возвышена робкими хулами, Крат вдохнула запах феромонов и начала слизывать родовую слизь с трещин, покрывающих кожистую поверхность яйца.

Крат лизала долго, продлевая удовольствие. И покачивала яйцо, подчиняясь древнему неослабевшему чувству.

Глава 7
ТОШИО

Разумеется, участвовал и корабль. С девятилетнего возраста все сны Тошио связаны с

кораблями. Вначале корабли из пластила и джаббера в проливах и архипелагах Калафии, позже корабли в космосе. Тошио мечтал о кораблях всех модификаций, даже кораблях могучих галактических патронов, которые он надеялся когда-нибудь увидеть.

Сейчас ему снилась корабельная шлюпка. Вместе с Акки по поручению небольшой человеческо-дельфиньей колонии его родной планеты он выходит в море на аутригере. Значок Калафианской академии ярко сверкает под лучами Альфы. Плавание начинается в прекрасный, полный ароматов день.

Но скоро погода портится, все вокруг становится под цвет воды, море — мрачным, черным, потом сменяется вакуумом, и неожиданно повсюду вспыхивают звезды.

Тошио заботит воздух. Ни у него, ни у Акки нет скафандров. Трудно дышать в вакууме!

Он уже собирается поворачивать домой, когда видит преследователей.

Галакты, всех цветов и форм, с длинными мускулистыми руками или с маленькими цепкими клешнями, и — что гораздо хуже — все мощно гребут к нему. И гладкие носы их лодок сверкают, как звезды.

— Что вам нужно? — кричит он, гребя изо всех сил, чтобы уйти. (А нет ли на лодке мотора?) — Кто твой хозяин? — кричат они на тысяче разных языков. — Он рядом с тобой?

— Арки фин! Фины наши клиенты! Мы возвысили их и освободили!

— Значит, они свободны, — отвечают галакты, приближаясь. — Но кто возвысил тебя? Кто освободил тебя?

— Не знаю! — кричит он. — Может, мы сами это сделали! — И все больше напрягается, слыша хохот галактов. Пытается дышать жестким вакуумом. — Оставьте меня в покое! Я хочу домой!

Неожиданно впереди показывается флот. Корабли кажутся больше луны, больше звезд. Они темные и тихие, и даже галакты их пугаются.

И тут передний из огромных шаров начинает раскрываться. И Тошио замечает, что нет Акки. Нет и его лодки. И галакты исчезли.

Ему хочется крикнуть, но надо беречь воздух.

Пронзительный свист вызвал боль, но привел его в себя. Тошио резко сел и почувствовал, как закачались сани. Смутно виден горизонт, свежий ветер обвевает лицо. В ноздрях запах Китрупа.

— Вовремя, Поднимающийся-по-Лестницам. Мы уже испугались за тебя.

Тошио увидел плывущую рядом Хикахи, она поглядывала на него одним глазом.

— Как дела, остроглазый малыш?

— Кажется… все в порядке.

— Тогда займись своим шлангом. Нам пришлось перекусить его, чтобы ты мог вздохнуть.

Тошио потрогал ровный, словно отрезанный ножом край. Заметил, что обе его руки аккуратно перевязаны.

— Кто-нибудь еще ранен? — спросил он, одновременно отыскивая сумку с инструментами.

— Несколько небольших ожогов. Убедившись, что ты жив, мы наслаждались битвой. Спасибо за то, что рассказал о Сассии. Мы никогда бы не заглянули туда, если бы тебя не поймали. Сейчас ее освобождают.

Тошио знал, что должен быть благодарен Хикахи: она представила его неудачу в таком выгодном свете. На самом деле его следовало бы отругать за то, что он самовольно и безрассудно покинул строй и чуть не погиб.

Но Тошио был слишком опустошен, чтобы чувствовать благодарность к лейтенанту-дельфину.

— Фиппита еще не нашли?

— Никаких следов. Медленное вращение Китрупа привело солнце в положение, соответ-

ствующее примерно часам четырем на Земле. На востоке собирались низкие облака. Вода, недавно такая гладкая, покрылась рябью.

— Может быть небольшой шторм, — сказала Хикахи. — Возможно, глупо следовать земным инстинктам на другой планете, но, кажется, опасаться нам нечего…

Тошио взглянул вверх. Что-то на юге. Он прищурился.

Снова. Вспышка, еще, несколько подряд. Две вспышки в быстрой последовательности, почти невидимые в блеске моря.

— Как давно это продолжается? — спросил он, показывая на юг. — О чем ты, Тошио?

— Вспышки. Это молнии?

Глаза Хикахи расширились, рот слегка искривился. Она забила в воде плавниками, повернулась к югу.

— Я ничего не вижу, Остроглазый. Расскажи, что видишь ты.

— Многоцветные вспышки. Огни. Много… — Тошио перестал чинить свой воздушный шланг. Смотрел вдаль, стараясь вспомнить.

— Хикахи, — медленно сказал он. — Мне кажется, во время схватки с водорослями меня вызывал Акки. На ваш приемник не поступила

информация?

— Нет, Тошио. Ты знаешь: мы, фины, не способны на абстрактное мышление во время схватки. Постарайся вспомнить, что он сказал.

Тошио коснулся лба. Ему совершенно не хотелось вспоминать о встрече с хищной водорослью. Все сливалось в кошмар, в путаницу цветов, звуков, движений.

— Мне кажется… он что-то сказал о радиомолчании… о возвращении назад… о космической битве.

Хикахи свистнула и ударила плавниками по воде, откидываясь назад. Тут же вернулась, мощно забила хвостом.

Всем собраться

Всем вверх

Повернуть и вверх!

Плохой тринари. В дельфиньем праймале есть оттенки, которых Тошио, конечно, не понимает. По его спине пробежал холодок. От Хикахи он меньше всего ожидал праймала. Сворачивая шланг, он подумал, что им может дорого обойтись его забывчивость.

Тошио плотно закрыл свою лицевую пластину и нажал клапан плавучести на санях, одновре-

менно поглядывая на огоньки по краям своего шлема. Со скоростью калафианца четвертого поколения он проделал всю проверку перед спуском.

Нос саней начал медленно погружаться, и море взорвалось справа. В пене и потоках выдыхаемого воздуха возникли семь дельфинов. — С-с-сассия привязана к твоей корме, Тошио. Можешь поторопиться? — спросил Кипиру. — Не время мечтать и сочинять мелодии.

Тошио поморщился. Как мог Кипиру отчаянно сражаться за жизнь человека, которого так презирает?

Он вспомнил, как ворвался Кипиру в водоросль, какой отчаянный был у него взгляд и как обрадовался дельфин, увидев его. Но сейчас он по-прежнему жесток и насмешлив. На востоке ослепительно вспыхнуло, все небо осветилось. Дельфины, как один, закричали и мгновенно нырнули — все, кроме Кипиру, который остался рядом с Тошио, а на востоке из-за туч на полуденное небо лился огонь.

Наконец сани погрузились, но в последнее мгновение Тошио и Кипиру увидели битву гигантов. Огромный стреловидный космический корабль в огне и пробоинах летел на них. Из тре-

щин по бокам у него вырывались столбы дыма, которые ветер относил в узкую полосу сверхзвукового фронта. Ударная волна заставила дрогнуть даже защитные поля огромного корабля, разрывы гравитации и плазмы сверкали с невероятной перегрузкой.

Не более чем в четырех корпусах за гигантом неслись два истребителя крючкообразной формы. Из каждого трилистника вырывались потоки антиматерии, с громом они дважды достигли цели.

Тошио находился на глубине пяти метров, когда до него долетел звуковой удар. Сани перевернулись и продолжали вертеться в таком грохоте, словно обрушился дом. Вода превратилась в кипящий водоворот пузырей и тел.

Сражаясь с санями, Тошио поблагодарил Ифни за то, что не задержался на поверхности. У Морграна они видели, как гибнут корабли. Но не так близко.

Шум наконец перешел в долгое ровное ворчание. Тошио удалось выровнять сани.

Труп Сассии по-прежнему был привязан к корме. Остальные фины, слишком испуганные или благоразумные, чтобы подниматься на поверхность, по очереди подплывали к небольшим

воздушным куполам, расположенным под санным днищем.

Тошио должен был удерживать сани в равновесии. В кипящей воде сделать это было нелегко, но он выполнял все необходимое не задумываясь.

Они находились у западного склона большого серого металлического острова. Разделенные промежутками, со склона свисали водоросли. Не похожие на странного хищника, но никакой гарантии.

Тошио все больше и больше не нравилось это место. Он хотел вернуться домой, где опасности известны, где с ними легко справиться: ядовитые водоросли, островные черепахи и тому подобное — и нет никаких ити.

— Как ты? — спросила подплывшая Хикахи. Лейтенант-дельфин излучала спокойствие.

— Нормально, — ответил Тошио. — Хорошо, что я успел рассказать о сообщении Акки. У вас есть все основания сердиться на меня.

— Не глупи. Мы возвращаемся. Брукида устал, и я привязала его под воздушным куполом. Поплывешь впереди с разведчиками. Мы следом. Давай!

— Есть, сэр. — Тошио посмотрел на приборы и включил двигатель. Винты загудели, сани начали

ускоряться. Несколько самых сильных пловцов держались рядом, склон острова медленно уходил направо.

Через пять минут они пустились в путь. И не успели они удалиться, как ударило цунами.

Не очень большая волна, первая из ряда кругов, разошедшихся оттуда, куда упал булыжник. Только булыжником оказался космический корабль длиной в полкилометра, который упал со сверхзвуковой скоростью всего в пятидесяти километрах.

Волна швырнула сани вверх и в сторону, чуть не сбросив при этом юношу. Морские отбросы, растения, мертвые и живые рыбы закружились, как листва в урагане. Рев оглушал.

Тошио отчаянно вцепился в руль. Несмотря на очень сильное сопротивление, ему удалось поднять и направить сани против волны. Как раз вовремя он ушел из направленного ко дну потока, маленькое судно двинулось на восток.

Слева пронеслась пепельно-серая фигура. Тошио узнал Кипиру, который пытался удержаться в разбушевавшейся воде. Дельфин крикнул что-то непонятное на тринари и исчез.

Какой-то инстинкт вел Тошио. А может, помогал экран сонара, который, хотя и покрылся

рябью, сохранил смутные исчезающие очертания местности, всего несколько мгновений назад вырисовывающейся так четко. Тошио старался как можно круче повернуть сани влево.

Рев двигателей, работавших на пределе, усилился: Тошио отчаянно свернул. Впереди возвышался огромный мрачный металлический остров! Уже ощущалось встречное течение, начала формироваться огромная волна.

Тошио хотел закричать, но борьба отняла у него все силы. Он стиснул зубы и стал в ужасе считать секунды.

В облаке пузырей сани пролетели мимо северной оконечности острова.

Тошио находился под водой; посмотрев вниз, он увидел метрах в десяти справа береговую растительность. Он летел на гребне высокой волны.

И пролетел мимо острова. Океан раскрылся перед ним: глубокие борозды на дне, темные и словно бездонные. Тошио наклонил носовые лопасти и продул баки. Сани быстро начали погружаться.

Опасно накренилась корма. Тошио миновал груду обломков, за ней начинались тьма и холод, но Тошио приветствовал их как убежище.

Внизу, в спокойной глубине, перед ним откры-

лась долина. Он по-прежнему чувствовал, как вверху перекатываются волны цунами. Водоросли вокруг раскачивались необычайно сильно. Со всех сторон падал медленный дождь обломков, но во всяком случае вода больше не пытается забить его насмерть. Тошио выровнял сани и направился к центру долины, подальше от всего. И позволил себе расслабиться, реагируя выбросом адреналина на ощущение боли избитых мышц.

Он благословлял крошечных созданных человеком симбионтов, которые как раз сейчас избавляют его кровь от избытка азота, предотвращая наркотическое опьянение глубиной.

Тошио уменьшил тягу двигателя, и машина облегченно вздохнула. Как ни удивительно, но после такого обращения с машиной огоньки на приборах в основном зеленого цвета.

Он обратил внимание на один из них, который показывал работу воздушного купола. И тут же Тошио услышал негромкое пение. Терпеливо и почтительно прозвучало:

Океан есть… есть…
Как бесконечный вздох спящего
Есть и другие моря… есть…
И в них другие спят…

Тошио схватил гидрофон.

— Брукида! Как вы там? Хватает ли воздуха?

Послышался вздох, дрожащий и усталый.

— Привет, Быстрые Пальцы! Спасибо за то, что спас мне жизнь. Ты плаваешь не хуже турсиоп.

— Корабль, который мы видели, должно быть, упал. От такого удара поднимется сильное волнение. Может, нам лучше немного побыть на глубине. Я позову сонаром, чтобы остальные смогли найти нас и прийти за воздухом, пока не улеглись волны. — Тошио нажал выключатель сонара, и сразу в воде послышались щелчки. Брукида застонал.

— Они не придут, Тошио. Разве ты их не слышишь? Они не ответят тебе.

Тошио нахмурился.

— Но они должны! Хикахи знает об этих волнах. Они, наверно, как раз сейчас нас ищут. Может, лучше поплыть назад… — Он протянул руку, собираясь продуть балласт. К Брукиде он относился с опасением.

— Не надо, Тошио! Твоя смерть будет напрасной. Подожди, пока волны ссстихнут. Ты должен выжить и рассказать Крайдайки.

— О чем вы говорите?

— Слушай, Остроглазый. Слушай!

Тошио покачал головой, выругался и потянул за дроссель, пока двигатель совсем не стих. И снова протянул руку к гидрофонам.

— Слышишь? — спросил Брукида.

Тошио наклонил голову и прислушался. В море мириады звуков: рев уходящей волны, панический шум стай рыб, грохот падения камней, удары волн о берега.

И тут он услышал. Резкие звуки праймала. Ни один современный дельфин, владеющий собой, на это не способен.

Да, дурные новости.

В одном из криков Тошио отчетливо различил базовый тревожный призыв. Самый первый сигнал дельфиньей речи, который поняли люди.

Но другие звуки… по меньшей мере три голоса. Звучат странно, как-то очень зло и неправильно.

— Это «лихорадка спасения», — простонал Брукида. — Хикахи выбросило на берег, она ранена. Она должна прекратить звать, но сейчас она в бреду и не контролирует положение.

— Хикахи…

— Подобно Крайдайки, она глубоко постигла кининк… науку логичной дисциплины. Она смогла бы заставить остальных не обращать внимания на крики выброшенных на берег, за-

ставила бы их нырнуть и переждать.

— Но разве они не знают об ударных волнах?

— Дело не в волнах, Остроглазый! — воскликнул Брукида. — Без посторонней помощи они могут выброситься на берег! Ты калафианец. Почему ты не знаешь этого о нас? Я бьюсь изо всех сил, чтобы освободиться и умереть, отвечая на этот зов!

Тошио застонал. Конечно, он знает о лихорадке спасения, при которой паника и страх смывают налет цивилизации и оставляют у китообразных только одну мысль: каков бы ни был личный риск, надо спасти товарищей.

Периодически трагедия повторялась даже среди цивилизованных дельфинов Калафии. Акки рассказывал ему, что иногда это как зов моря о помощи.

Некоторые люди утверждают, что тоже чувствуют это — особенно те, что принимают дельфинью РНК в обрядах культа спящих.

Некогда турсиопы, бутылконосые афалины, меньше других китообразных подвергались риску выброситься на берег. Но генная инженерия где-то нарушила равновесие. В базовую модель турсиопы были внедрены гены других видов, и кое-что вышло из-под контроля. Уже три по-

коления земных генетиков работают над этой проблемой. И все равно дельфины живут, словно ходят по лезвию бритвы: над ними постоянно довлеет опасность впасть в безумие.

Тошио прикусил губу.

— У них есть доспехи, — неуверенно сказал он.

— Будем надеяться. Но смогут ли они правильно воспользоваться ими, если уже сейчас говорят на праймале?

Тошио ударил кулаком по саням. Руки уже онемели от холода.

— Я поднимаюсь, — объявил он.

— Нет! Не нужно! Ты должен оставаться в без-опас-сности!

Тошио стиснул зубы.

«Всегда обо мне заботятся. Заботятся и насмехаются. Фины обращаются со мной, как с ребенком, и это надоело!»

Он передвинул дроссель на четверть и приподнял нижние плоскости.

— Сейчас я вас развяжу, Брукида. Сможете плыть?

— Да. Но…

Тошио взглянул на сонар. На западе возникла неясная линия.

— Плыть сможете? — снова спросил он.

— Да. Я могу хорошо плыть. Но не отпускай меня около лихорадки спасения. И сам не рискуй на волнах.

— Я вижу одну. Их разделяет несколько минут, и они слабеют.

Поднимемся сразу после этой. И вам придется вернуться на корабль.

Расскажите, что тут случилось, и попросите помощи.

— Это должен сделать ты, Тошио.

— Неважно. Вы сделаете то, о чем я прошу? Или мне оставить вас привязанным?

Последовала почти незаметная пауза, голос Брукиды изменился.

— Я выполню все в точности, Тошио. Приведу помощь.

Тошио проверил крен, потом скользнул с саней, держась рукой за боковую переборку. Брукида смотрел на него через прозрачную стенку воздушного купола. Плотная пузырьковая мембрана окружала голову дельфина.

Тошио разорвал крепления, удерживавшие Брукиду на месте.

— Вам придется взять с собой дыхатель.

Брукида вздохнул, а Тошио потянул за рычаг. Отделился шланг, один его конец накрыл дыхало

дельфина. Десять футов шланга, как змея, оплели тело Брукиды. Дыхатель мешает говорить, но с ним Брукиде не нужно будет подниматься за воздухом. Дыхатель поможет престарелому металлургу игнорировать крики в воде, будет постоянно напоминать о его причастности к технологической культуре.

Брукида оставался привязанным одним креплением. Тошио приблизился к поверхности, наблюдая за волной.

Сани наклонились, но на этот раз он был готов. Они находились достаточно глубоко, а волна прошла удивительно быстро.

— Пора! — Тошио переключил двигатель на максимум и продул балласт.

Скоро появилась стена металлического острова. Крики товарищей в сонаре стали слышнее. Преобладал тревожный призыв лихорадки спасения.

Тошио проплыл мимо острова на север. Он хотел как можно дальше увести Брукиду.

И тут у него над головой мелькнуло гладкое серое тело. Тошио сразу узнал его и понял, куда направляется дельфин.

Он перерезал последнее крепление.

— Двигайте, Брукида! Если снова вернетесь к

острову, я сорву с вас доспехи и перекушу хвост.

И, не глядя на Брукиду, резко развернул сани. Нажал на акселератор, пытаясь догнать Кипиру. Быстрейший пловец экипажа «Стремительного» направлялся к западному берегу. И кричал на чистом дельфиньем праймале.

— Черт возьми, Кипиру! Остановись!

Сани быстро плыли под самой поверхностью воды. День клонился к концу, облака подернулись красноватым, но Тошио отчетливо видел, как впереди Кипиру перепрыгивает с волны на волну. Он не обращал внимания на призывы Тошио и направлялся к острову, на берегу которого без памяти и в бреду лежали его товарищи.

Тошио чувствовал себя беспомощным. Через три минуты снова накатит волна. Если она не выбросит дельфина на берег, это сделает сам Кипиру.

Кипиру родом с Атласта, относительно новой сельской колониальной планеты.

Сомнительно, чтобы он изучал дисциплину мысли, как Крайдайки или Хикахи.

— Стой! Если рассчитаем верно, сможем действовать сообща и избежим волн. Подожди меня! — кричал он. Бесполезно. Фин намного опередил его.

Бесполезная гонка раздражала Тошио. Как он мог жить и работать с дельфинами всю жизнь и так плохо знать их? Подумать только: Совет Земли отобрал его для этого полета из-за опыта в обращении с дельфинами! Ха!

Тошио всегда доставалось от дельфинов. Они смеялись над всеми человеческими детьми, в то же время изо всех сил защищая их. Но, став членом экипажа «Стремительного», Тошио надеялся, что с ним будут обращаться как со взрослым и офицером. Конечно, легкая пикировка будет продолжаться, как бывает между людьми и финами у него дома, но при взаимном уважении. Так не получилось.

И хуже всех оказался Кипиру, с самого начала он без устали издевался над Тошио.

«Почему же я пытаюсь спасти его?»

Тошио вспомнил, как храбро сражался Кипиру, освобождая его от хищной водоросли. Тогда никакой лихорадки спасения не было. Фин полностью контролировал свои доспехи.

«Итак, он считает меня ребенком, — с горечью подумал Тошио. — Неудивительно, что и сейчас он меня не слышит».

Однако это подсказало выход. Тошио прикусил губу, тщетно пытаясь придумать что-то еще.

Чтобы спасти жизнь Кипиру, ему придется пойти на сильное унижение. Нелегко решиться на это, особенно после постоянных насмешек.

Выругавшись, Тошио потянул назад дроссель и поставил носовые плоскости на спуск. Включил гидрофоны на максимум и закричал на искаженном тринари:

Ребенок тонет – ребенок в опасности!

Ребенок тонет – он в отчаянии

Человеческий ребенок – ему нужен спаситель

Человеческий ребенок – спаси его!

Он снова и снова повторял этот призыв, насвистывая пересохшими от стыда губами. Всех детей Калафии учат таким песенкам. Но любой ребенок старше девяти лет, который воспользуется этим призывом, вынужден будет проситься на другой остров, чтобы избежать постоянных насмешек. Взрослые зовут на помощь достойно.

Но эти достойные призывы Кипиру не услышит.

С горящими ушами Тошио повторял призыв. Конечно, не все калафианские дети дружили с финами. Только четверть человеческого населения планеты тесно связана с морем. Но эти взрослые

умеют обращаться с дельфинами. Тошио всегда считал себя одним из них.

Теперь все кончено. Если он вернется на «Стремительный», придется прятаться в своей каюте… несколько дней или недель, пока не явятся победители Китрупа и не предъявят свои права.

На экране сонара с запада приближалась еще одна неясная линия. Тошио опустил сани чуть глубже. Продолжал свистеть, но чувствовал, что готов расплакаться. где… где… где ребенок… где ребенок, где…

Дельфиний праймал! Поблизости! Тошио забыл о своем позоре. Нащупал веревку, которая удерживала на месте Брукиду, и продолжал насвистывать.

Мимо промелькнула серая полоса. Тошио подобрал колени и взял веревку в обе руки. Он знал, что Кипиру обогнет снизу и появится с противоположной стороны. И когда увидел поднимающееся серое пятно, прыгнул с саней.

Пулеобразное тело дельфина изогнулось в панической попытке избежать столкновения. Тошио закричал, когда хвост китообразного ударил его в грудь. Но скорее это был крик радости. Он все рассчитал верно!

Когда Кипиру снова повернул, Тошио бросился

в сторону и позволил фину проплыть между собой и веревкой. Сжал ногами скользкий дельфиний хвост и натянул веревку, словно затягивая удавку на Кипиру.

— Поймал! — крикнул он.

И в этот миг ударила новая волна.

Тошио потащило в глубину. В него ударили обломки, от движений обезумевшего дельфина его тело бросало из стороны в сторону.

Но на этот раз Тошио не боялся волны. Боевая ярость переполняла его.

Горячим потоком струился в жилах адреналин. Ему нравилось спасать Кипиру, одновременно расплачиваясь с ним за недели унижений.

Дельфин извивался в панике. Когда волна прокатилась над ними, Кипиру испустил базовый призыв — на поверхность, за воздухом. Он отчаянно пытался подняться.

Они выскочили из воды, и Тошио едва увернулся от струи из дыхала Кипиру. Кипиру несколько раз подпрыгнул, пытаясь избавиться от своего нежеланного всадника.

Каждый раз погружаясь под воду, Тошио пытался позвать.

— Ты разумный, — кричал он. — Черт побери, Кипиру… ты… ты пилот звездного корабля!

Он знал, что ему следовало уговаривать на тринари, но это совершенно бесполезно, он и так едва держится.

— Ты безмозглый… фаллический символ! — кричал он под ударами воды.

— Рыба-переросток! Ты меня убиваешь!.. Ити захватят Калафию, потому что вы, фины, не можете прикусить язык! Нам не следовало брать вас в космос!

Слова были полны ненависти. Презрения. Но наконец, Кипиру как будто услышал. Приподнялся в воде, как рассерженный жеребец. Тошио почувствовал, как отрывается от дельфина и летит, словно рваная кукла. Он с плеском ударился о воду.

За сорок поколений возвышения дельфинов известно только восемнадцать случаев, когда фины нападали на людей с целью уничтожения. В каждом случае все фины, родственники преступника, были стерилизованы. Но Тошио все равно ожидал, что в любое мгновение будет раздавлен. Ему стало безразлично. Он наконец понял причину своей депрессии, когда боролся с Кипиру.

Не собственные способности и не перспектива возвращения угнетала его в последние недели. Нет, другое, о чем он запретил себе думать с самой

битвы у Морграна.

Ити… инопланетяне… галакты всех видов и религий… те, что сейчас преследуют «Стремительный»… они не ограничатся охотой на корабль с его смешанным экипажем.

Хотя бы одна раса ити догадается, что «Стремительный» сумел надежно спрятаться. Или решит ошибочно, что он успел передать информацию на Землю.

В любом случае следующий логичный шаг наиболее аморальной или победоносной расы ити будет принуждение.

Земля может защитить себя. Вероятно, смогут и Омнивариум и Гермес.

Тимбрими защитят Кааанскую колонию.

Но такие планеты, как Калафия или Атласт, будут захвачены немедленно.

И его семья, знакомые превратятся в заложников. И Тошио понял, что винит в этом финов. Очередная волна. Тошио все равно.

Поблизости проплыли какие-то обломки. В километре Тошио видел металлический остров. Как будто тот же самый. Но Тошио не мог сказать, на его ли берег выбросились дельфины.

Прибивало большой кусок. Тошио потребовалось несколько мгновений, чтобы понять

— Кипиру.

Он забился в воде, открывая лицевую пластину.

— Ну, гордишься собой? — спросил он.

Кипиру чуть повернулся, и на Тошио уставился один большой глаз. Из утолщения на голове — здесь люди сформировали голосовой аппарат из прежнего дыхала — послышался длинный негромкий дрожащий звук.

Тошио не был уверен, что это вздох. Может быть, извинение на дельфиньем праймале. Одна мысль об этом рассердила его.

— Прекрати! Я хочу знать только одно. Должен ли я отправить тебя на корабль? Или ты можешь оставаться разумным настолько, чтобы помочь мне?

Отвечай на англике и соблюдай правила!

Кипиру болезненно застонал. Спустя несколько мгновений, тяжело дыша, он наконец ответил — очень негромко.

— Не отсссылай меня. Они зовут на помощь! Я ссделаю, что ты сскажешь!

Тошио колебался.

— Ну хорошо. Отправляйся за санями. Найди их и надень дыхатель. Тебе должно хватить воздуха, и к тому же он будет постоянно напоминать тебе,

кто ты.

— Потом приведи сани к острову, но не очень близко!

Кипиру резко кивнул большой головой.

— Да! — воскликнул он. Подпрыгнул и ушел под воду. И очень хорошо, что не стал ни о чем спрашивать.

Фин мог бы помешать планам Тошио.

Километр до острова; есть только один способ добраться туда быстро и при этом не пораниться о жесткую как металл коралловую поверхность. Тошио снова сориентировался, и тут опускающийся уровень воды подсказал ему, что приближается очередная волна.

Эта волна казалась самой мягкой. Тошио знал, что это ощущение обманчиво. Он слишком глубоко в воде, чтобы испытать всю силу волны. Она приближалась не как гора, увенчанная пеной, а как небольшое возвышение.

Тошио нырнул в этот горб и некоторое время проплыл в его течении, прежде чем подняться на поверхность.

Он рассчитал правильно. Отплыл бы назад дальше, не успел бы добраться до острова, и откатывающаяся волна оттащила бы его назад; остался бы впереди — мог удариться о поверх-

ность, испытать всю силу прибоя и обратного течения.

Все произошло очень быстро. Тошио плыл изо всех сил, но не мог сказать, миновал ли он гребень волны. Оглянулся и понял: что-то менять уже поздно. Снова повернулся лицом к высокому, покрытому растительностью острову.

В ста ярдах перед ним начинался прибой, и расстояние это быстро сокращалось. Вершина волны сдвинулась в сторону Тошио, и его бросило на берег. Юноша напрягся, когда вершина накрыла его. Он готов был заглянуть в пропасть и больше ничего не видеть.

Но увидел водопад белой пены, и волна начала спадать. Тошио закричал, чтобы прочистить слуховые каналы, и поплыл изо всех сил, стараясь держаться на уровне потока пены и морских отбросов. Неожиданно он оказался в окружении зелени. Деревья и кусты, выдержавшие предыдущие удары, дрожали от нового наступления. Как раз когда Тошио проплывал мимо, некоторые из них вырвало с корнем. Другие держались и били его своими ветвями.

Но ни одна острая ветвь не проткнула его, ни одна лоза не задушила.

Наконец ему удалось ухватиться за ствол

дерева, остановиться, переждать, пока волна отступит.

Как ни удивительно, он встал на ноги — первый человек, ступивший на поверхность Китрупа. Тошио ошеломленно оглядывался, все еще не веря, что жив. Потом торопливо открыл лицевую пластину и также стал первым человеком, извергнувшим на почву Китрупа свой завтрак.

Глава 8
ГАЛАКТЫ

— Убить их! — потребовал верховный жрец йофуров. — Уничтожить изолированный теннанинский крейсер в нашем шестом квадранте!

Начальник штаба склонил свой двенадцатиколечный корпус перед верховным жрецом.

— Теннанинцы наши временные союзники! Как мы можем напасть на них, предварительно не исполнив тайного ритуала предательства? Их предки не будут умиротворены!

Йофурский жрец раздул шесть своих верхних соковых колец. Он высоко поднялся на своем помосте в тыльной части командной рубки.

— Нам не до ритуалов! Теперь, когда наш союз очистил этот сектор пространства! Теперь, когда

наш союз стал сильнейшим! Теперь, пока все еще бушует битва! Теперь, когда эти глупые теннанинцы раскрыли перед нами свой фланг. Теперь мы можем причинить им большой вред.

Начальник штаба возбужденно запульсировал, от сильных переживаний его внешние соковые кольца обесцветились.

— Согласен, мы можем отказаться от союза. Согласен, мы можем предать своих союзников. Согласен, мы должны делать все, чтобы победить. Но мы не можем делать это, не исполнив соответствующих ритуалов! Именно ритуалы делают нас сосудами, наполненными волей предков! Ты сведешь нас до уровня еретиков!

Верховный жрец так затрясся от гнева, что под ним задрожал помост.

— Мои кольца решают! Мои кольца — жреческие кольца! Мои кольца…

Операционный верх конусообразного тела жреца взорвался гейзером горячего разноцветного сока и залил липкой янтарной жидкостью весь мостик флагманского корабля йофуров. — Продолжать сражение. — Взмахом боковой руки начальник штаба вернул свой штат к работе. — Позвать квартирмейстера религиозности. Пусть отправит кольца для изготовления нового жреца.

Продолжать сражение, пока не будет исполнен ритуал предательства.

Начальник штаба склонился к главам секций.

— Вначале умиротворим предков теннанинцев, а потом обрушимся на них.

— Но постарайтесь, чтобы теннанинцы не узнали о нашем намерении!

Глава 9
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

"Прошло много времени от последней записи в этом дневнике. После Мелкого скопления у нас постоянная лихорадка. То мы совершаем открытие тысячелетия, то отбиваемся в засаде у Морграна, то стараемся спасти свою жизнь. Я почти не вижу Тома. Он пропадает у двигателей или в арсенале. А я либо здесь, в лаборатории, либо помогаю в лазарете.

У корабельного врача Маканай хлопот полон рот. Фины всегда были склонны к ипохондрии. Каждый пятый член экипажа уже обращался с психосоматическими жалобами. Невозможно понять, что творится у них в голове, поэтому мы гладим их, говорим, какие они храбрые, и успокаиваем их.

Я думаю, если бы не капитан, половина экипажа уже впала бы в истерику. Но им он кажется героем из «сна китов». Крайдайки расхаживает по кораблю, присматривает за ремонтом и дает уроки логики кининка. И фины взбадриваются, видя его рядом.

По-прежнему приходят сообщения о продолжающейся битве в космосе.

Битва становится все ожесточеннее.

И мы все больше беспокоимся об отряде Хикахи".

Джиллиан отложила ручку. Небольшой кружок света, падавший от настольной лампы, освещал лабораторию. Другое освещение проникало только с дальней стены помещения. И на фоне этого свечения смутно виднелась гуманоидная фигура, лежащая на столе стасиса.

— Хикахи, — вздохнула Джиллиан — Где ты, именем Ифни?

Всех очень тревожило, что отряд Хикахи не подтвердил по монопульсу получение приказа об отзыве. «Стремительный» не мог позволить себе потерю этих членов экипажа. Несмотря на некоторую неровность поведения за пределами мостика, Кипиру все же лучший пилот. И даже Тошио Ивашика подает большие надежды.

Но самую сильную боль вызывает утрата Хикахи. Справится ли без нее Крайдайки?

Хикахи ближайший друг Джиллиан среди дельфинов, они близки так же, как Том с Крайдайки или Тшут. Джиллиан в очередной раз удивилась, почему помощником капитана был назначен Такката-Джим, а не Хикахи. Это не имеет смысла. Можно только предположить, что решение было принято из политических соображений. Такката-Джим — стенос. Вероятно, к отбору экипажа приложил руку Игнасио Метц. Он еще на Земле выступал активным сторонником некоторых видовых разновидностей дельфинов. Джиллиан не стала записывать эти мысли. На праздные рассуждения у нее нет времени.

И вообще — пора вернуться к Херби.

Она закрыла дневник, встала и подошла к столу стасиса, где в поле замедленного времени плавало высохшее тело.

Древний труп улыбался сквозь стекло.

Это не человек. Когда он жил, дышал и управлял космическими кораблями, на Земле еще не было даже многоклеточных организмов. Но чем-то он напоминает человека. У него прямые руки и ноги, похожие на человеческие голова и шея. Челюсти и глазные впадины выглядят необычно,

но улыбка у черепа все же человеческая.

"Сколько тебе лет, Херби? — мысленно спросила Джиллиан. — Сколько миллиардов лет? Один? Два?

Почему твой флот, все эти древние корабли, ждал так долго и оставался незамеченным, пока не появились мы? Мы, группа волчат, неизвестно как возникших людей, и лишь недавно возвышенных дельфинов? Почему именно мы нашли тебя?

И почему одна-единственная твоя голограмма, переданная на Землю, свела с ума половину рас патронов галактики?" Микро-Библиотека «Стремительного» ничем не помогла. Она наотрез отказывалась узнавать Херби. Может, она что-то утаивает или слишком мала, чтобы помнить так много лет назад существовавшую расу.

Том просил Нисса заняться этим. Но саркастической тимбримийской машине пока не удалось добиться ответа.

Выкраивая время от занятий в лаборатории и лазарете, Джиллиан находила ежедневно по несколько часов, чтобы незаметно осматривать останки, надеясь понять, что привело в такое возбуждение ити. Если она не поймет, не поймет никто.

И заняться этим надо сегодня.

«Бедный Том, — с улыбкой подумала Джиллиан. — Он появляется вечерами, выжатый, а я прихожу в возбуждение. Он молодчина, что еще замечает меня!» Она взяла пионный микрофон.

«Ну ладно, Херби, нельзя ли установить, какой у тебя был мозг?».

Глава 10
МЕТЦ

— Простите, доктор Метц, капитан с Томасссом Орли в оружейной секции. Я могу быть чем-то полезен?...

Такката-Джим неизменно вежлив. Его англик даже в оксиводе оставался почти безупречным. Игнасио Метц не смог сдержать одобрительной улыбки.

Такката-Джим его очень интересовал.

— Нет, помощник капитана. Я заглянул на мостик, чтобы узнать, вернулась ли исследовательская группа.

— Нет. Мы можем только ждать.

Метц сочувственно зацокал. Он был уверен, что группа Хикахи погибла.

— Ну ладно. Галакты не предлагают вступить

в переговоры?

Такката-Джим повернул свою большую пятнисто-серую голову слева направо.

— К сожалению, сэр. Их больше интересует взаимное убийство. Похоже, каждый час в системе Ктсимини появляется новый военный флот и вступает в схватку. Много воды утечет, прежде чем настанет черед дипломатии.

Доктор Метц нахмурился: нелогичность его смущала. Если бы галакты были благоразумны, они позволили бы «Стремительному» передать свое открытие в Институт Библиотеки и покончить с этим. И все получили бы равные возможности!

Но галактическая цивилизация едина больше на словах. И слишком у многих воинственных рас есть большие корабли и оружие.

"И вот мы оказываемся в самом центре, — подумал он, — и все от нас чего-то хотят.

Сомнительно, чтобы им был нужен только древний флот. Что-то более важное движет ими. Джиллиан Баскин и Том Орли что-то нашли в Мелком скоплении. Интересно, что?"

— Не пообедаете ли со мной сегодня, доктор Метц?

Метц мигнул. Какой сегодня день? Кажется,

среда.

— Разумеется, помощник капитана. Ваше общество и беседа, как всегда, весьма желательны. Скажем, в шесть с чем-нибудь?

— Может, в девятнадцать ноль-ноль будет удобней, сссэр? Я в это время сдаю вахту.

— Хорошо.

Такката-Джим кивнул. Повернулся и поплыл на свое место.

Метц оценивающе смотрел ему вслед.

«Он лучший из моих стеносов, — подумал Метц. — И не знает, что я его крестный отец… геноотец. Но я им горжусь».

Все дельфины на борту относятся к виду Tursiopus amicus. Но некоторым добавлены гены Stenos bredanensis, глубоководного дельфина, наиболее близкого к афалине по разуму.

Дикие bredanensis имели репутацию исключительно любопытных животных, пренебрегающих опасностью. И Метц настоял на том, чтобы в генетический бассейн неофинов добавили ДНК этого вида. На Земле большинство стеносов развивались вполне удовлетворительно, проявляя необычайную инициативу и ум.

Но несдержанность и буйный темперамент стеносов вызвал жалобы земных береговых общин.

Метцу пришлось очень напряженно работать, чтобы убедить Совет доверить нескольким стеносам ответственные посты на борту первого космического корабля с дельфиньим экипажем.

Такката-Джим стал его аргументом. Холодно-логичный, неизменно вежливый, он почти никогда не пользуется тринари, только англиком, и кажется недоступным для «сна китов», который так сильно действует на другие виды — типа Крайдайки. Такката-Джим наиболее человекообразный из всех знакомых Метцу дельфинов. Метц наблюдал, как помощник капитана управляет командой мостика — без всяких кининкских притч, как Крайдайки, с точностью и краткостью англика.

Без лишних слов. «Да, — подумал он. — Этот получит хороший отзыв, когда вернемся домой».

— Доктор Метцссс?

Метц повернулся и отшатнулся от незаметно приблизившегося дельфина.

— Что?.. О, Кта-Джон. Вы меня испугали. Чем могу быть полезен?

Необыкновенно рослый дельфин улыбнулся ему. Тупая морда, пятнистое темное тело, выпуклые глаза — это о многом рассказало бы Метцу, если бы он не знал всего и так.

«Feresa attenuata, — с удовольствием подумал человек. — Такой прекрасный и свирепый. Мой самый тайный проект. И никто, даже ты сам, Кта-Джон, не знает, что ты не просто стенос».

— Прошу прощения, доктор Метцсс, но ученый шимп Чарлззз Дарт-т попросил поговорить с вами. Я думаю, маленькая обезьяна снова хочет поворчать.

Метц нахмурился. Конечно, Кта-Джон всего лишь боцман, он не должен быть таким рафинированным, как Такката-Джим. Но все же есть определенные границы, особенно учитывая тайну его происхождения.

«Надо будет поговорить с ним, — решил Метц. — Такое отношение может все испортить».

— Пожалуйста, предупредите доктора Дарта, что я немедленно отправляюсь к нему, — сказал Метц дельфину. — Здесь я с делами покончил.

Глава 11
КРАЙДАЙКИ И ОРЛИ

— Итак, мы снова вооружены, — вздохнул Крайдайки. — Некоторым образом.

Томас Орли оторвал взгляд от отремонтированного орудия и кивнул.

— Лучше, чем ничего, Крайдайки. Мы ведь не ждали никаких неприятностей, когда оказались в самом центре битвы у пункта перехода Морган. Нам повезло, что нас не очень повредили.

Крайдайки согласился.

— Именно так, — мрачно подтвердил он. Только бы я действовал бысс-т-трее.

Орли заметил настроение своего друга. Поджал губы и засвистел. Его дыхательная маска усилила картину псевдозвуков, слабое эхо отпрыгивало от углов заполненного оксиводой помещения и плясало, как сошедшие с ума эльфы. Работавшие в оружейной секции дельфины подняли свои чувствительные морды, следя за исчезающим сонарным изображением, насмешливо пощелкивая.

Когда отдаешь приказы, Как тебе завидуют Но какова тяжесть ответственности!

Отзвуки исчезли, но смех продолжался. Команда оружейной секции пищала и булькала.

Крайдайки подождал, пока веселье уляжется. Потом из его лба раздалось пощелкивание. Оно наполнило помещение, очень напоминая гром грозовых туч, послышался звук дождевых капель, которые несет ветер. Том закрыл глаза, чтобы впечатление было полным.

Они стоят у меня на пути,
Эти древние, безумные,
Отвратительные существа
Прикажите им уйти!

Орли наклонил голову, признавая поражение. Никто не мог побить Крайдайки в хайку на тринари. Восхищенные фины подтверждали это.

Разумеется, ничего не изменилось. Покидая оружейную секцию, Орли и Крайдайки знали, что вызывающее поведение экипажа не выход из кризиса. Но надо надеяться.

Но надежда редкий гость. Том знал, что Крайдайки очень беспокоится о Хикахи, хотя не подает вида.

Когда их никто не мог услышать, капитан спросил:

— Джиллиан чего-нибудь достигла, изучая эту штуку, которую мы нашли?.. Причину всех наших неприятностей?

Том покачал головой.

— Последние два дня я видел ее не более часа, поэтому не знаю. Когда я спрашивал в последний раз, микро-Библиотека корабля по-прежнему утверждала, что ничего о нем не знает.

Крайдайки вздохнул.

— Интересно бы знать, что, по мнению галактов, мы нашли. Ну ладно.

Их остановил неожиданный свист сзади. Тшут, четвертый офицер корабля, влетела в помещение в облаке пузырей.

— Крайдайки! Том! Сонар обнаружил дельфина далеко на востоке, он очень быстро плывет к нам!

Крайдайки и Орли переглянулись. Том кивнул на невысказанный приказ капитана.

— Можно мне взять Тшут и двадцать финов?

— Да. Пусть готовятся. Но не выходите, пока мы не установим, кто это.

Тебе может понадобиться больше двадцати. Или это вообще безнадежно.

Том видел боль во взгляде капитана. Следующий час ожидания будет очень трудным.

Орли знаком пригласил лейтенанта Тшут следовать за собой, повернулся и на большой скорости поплыл по заполненному водой коридору к выходному шлюзу.

Глава 12

ГАЛАКТЫ

Быть патроном, отдавать приказы — большая радость. С таким чувством соро Крат следила за джелло, паха, пила и другими клиентами, которые снова вели флот соро в битву.

— Госпожа, — провозгласил офицер джелло из секции обнаружения. — По твоему приказу мы приближаемся к водному миру со скоростью, равной одной четвертой скорости света.

Крат ответила на сообщение легким подергиванием языка, но втайне она была счастлива. Ее яйцо здорово. Когда они победят, она сможет вернуться домой и снова спариться. И экипаж флагманского корабля работает, как хорошо налаженный механизм.

— Флот на один пактаар опережает расписание, госпожа, — объявил офицер из обнаружения.

Из всех рас клиентов соро Крат особенно ценила джелло. Это первые клиенты ее расы, возвышенные соро очень давно. Джелло, в свою очередь, стали патронами и привели в клан еще две расы. Соро гордились ими. Цепь возвышения не прерывалась.

В далеком прошлом остались прародители, установившие Галактический Закон. С тех пор

одна раса помогала другой возвыситься до уровня разума. И в качестве благодарности принимала на службу по договору.

Много миллионов лет назад древние льюберы возвысили пьюберов. Так, во всяком случае, утверждает Библиотека. Льюберов давно уже нет. Пьюберы еще где-то живут, хотя регрессировали и пришли в упадок. Но до этого они успели возвысить хулов, которые, в свою очередь, сделали клиентами предков соро. Вскоре после этого хулы уединились на своей планете и превратились в философов. Теперь у самих соро много клиентов. Самые удачные — джелло, паха и пила.

Крат слышала высокий голос тактика-пила Куббер-кабуба, который распекал своих подчиненных в планирующей секции. Он предлагал утроить усилия, чтобы получить от корабельной мини-Библиотеки информацию, которую она затребовала. Голос Куббер-кабуба был испуганным. Это хорошо. Если будет ее бояться, работать станет еще лучше.

На борту только пила-млекопитающие, приземистые двуногие с планеты с мощным тяготением. Во многих бюрократических организациях галактики они стали очень влиятельны. В том числе в самой важной из них — в Институте

Библиотеки. Пила, в свою очередь, возвысили клиентов, прославив клан.

Жаль, конечно, что пила не являются больше клиентами по договору.

Неплохо было бы снова повозиться с их генами. У маленьких пушистых разумных неприятный запах.

Конечно, совершенных клиентов не бывает. Всего двести лет назад земляне сильно озадачили пила. Это происшествие оказалось трудно замять.

Крат не знала всех подробностей, но это было связано с солнцем землян. С тех пор пила люто ненавидят землян.

При мысли о землянах брачный коготь Крат заныл. За триста лет они стали такой же помехой, как лицемерные кантены или дьявольски хитрые тимбрими!

Раса соро терпеливо ждала возможности восстановить свою поруганную честь. К счастью, земляне весьма невежественны и уязвимы. Может, сейчас и представилась такая возможность.

Как приятно было бы получить землян клиентами по договору! Это вполне может произойти! Какие трансформации были бы совершены! Как можно было бы переплавить этих людей!

Крат смотрела на свой экипаж и жалела, что нельзя вмешиваться в развитие уже взрослых рас: менять, лепить по своему усмотрению, уничтожать. А сколько всего можно было бы сделать! Но это потребовало бы изменения правил.

Но если возвышенные водные млекопитающие с Земли действительно таковы, как она считает, можно попытаться изменить правила… если действительно возвращаются прародители. Какая ирония, что этот брошенный флот нашла самая молодая раса! Крат почти простила людям их существование и их статус патронов. — Госпожа! — провозгласил высокий джелло. — Союз йофуров и теннанинцев распался. Они сражаются друг с другом. Значит, теперь у них нет превосходства.

— Продолжайте наблюдение, — вздохнула Крат. Не следовало бы джелло поднимать такой шум из-за небольшого предательства. Союзы создаются и распадаются, пока одна сторона не получит превосходства в силе. И она намерена добиться, чтобы этой стороной были соро. Когда кончится битва, она получит награду.

Дельфины должны принадлежать ей! После побоища она извлечет этих безруких из их подводного убежища и заставит все рассказать!

Ленивым взмахом левой лапы она вызвала из ниши библиотекаря пила.

— Найди данные об этих обитателях вод, которых мы преследуем, — сказала она библиотекарю. — Мне нужно больше знать об их обычаях и привычках. Говорят, связь их с человеческими патронами непрочна. Дай мне козырь, чтобы обратить этих… дельфинов. Библиотекарь поклонился и исчез в своей секции, над которой виднелся иероглиф — спираль с лучами — знак Библиотеки.

Крат чувствовала дыхание судьбы. Это место в пространстве — нужная точка приложения сил. И без помощи приборов она знает это.

— Я получу их! И правила будут изменены!

Глава 13
ТОШИО

Тошио нашел Саттатту у ствола гигантского дерева-сверла. Фина бросило на чудовищное растение и раздавило. Его доспехи были полностью разбиты.

Пробираясь через густой подлесок, Тошио изредка насвистывал призыв на тринари. Но в основном просто старался удержаться на ногах.

С момента вылета с Земли ему не часто приходилось ходить. А ушибы и головокружение задачу отнюдь не облегчали.

К'Хит лежал на мягкой постели из травянистой растительности. Доспехи его были целы, но дельфин-планетолог умер от потери крови. На животе виднелись три больших разреза. Тошио постарался запомнить место и пошел дальше.

Подходя к берегу, он нашел Сатиму. Маленькая самка потеряла много крови и впала в истерику, но была жива. Тошио залепил ей раны пеной из медицинской сумки. Потом взял механические руки ее доспехов и как можно глубже закопал в глину. Ничем другим закрепить Сатиму перед пятой волной он не мог. Эта волна больше напоминала наводнение. Тошио ухватился за дерево; вода дошла до горла; он ждал отлива.

Когда волна начала спадать, он отцепился и подплыл к Сатиме. Нащупал зажим доспехов, расстегнул их и помог дельфинихе поплыть в отступающей волне. Сам держался сзади.

Он как раз пытался затолкнуть Сатиму в кусты, чтобы ее не смыло, когда краем глаза уловил движение на дереве. Ему показалось, что это не просто раскачивание ветвей. Тошио посмотрел вверх и встретился взглядом с парой маленьких

черных глаз.

Течение мгновенно затянуло их с Сатимой на вновь образовавшееся болото. И Тошио неожиданно оказался слишком занят, чтобы смотреть по сторонам.

Он подтащил Сатиму на несколько ярдов по скользким растениям, оберегая ее раны. Ему показалось, что она пришла в себя. Дельфиньи крики превращались в слова на тринари.

Свист заставил Тошио поднять голову. Кипиру направлял к берегу сани, их разделяло несколько ярдов. На дельфине был дыхатель, но он мог сигнализировать.

— Сатима! — закричал Тошио раненой самке. — Плыви к саням! Плыви к Кипиру!

— Привяжи ее к воздушному пузырю, — крикнул он Кипиру. — И следи за сонарным экраном. Отплывай, когда увидишь приближающуюся волну.

Кипиру кивнул. Когда Сатима отплыла на сто футов, он начал уводить ее на глубину.

Итак, пятеро. Остаются Хист-т и Хикахи.

Тошио взобрался по водоросли и снова углубился в подлесок. Голова его казалась такой же опустошенной и разрушенной, как этот остров. Слишком много трупов, слишком много мертвых

друзей он увидел сегодня.

И понял, что был несправедлив к финам.

Нет смысла винить их в насмешках: так уж они устроены. Если не учитывать генной инженерии, дельфины всегда относились к людям с добродушной иронией — с тех самых пор, как в море было спущено первое каноэ. И устоялась привычка, которую возвышение могло только завуалировать, но не устранить.

И зачем ее устранять? Теперь Тошио понимал, что люди на Калафии, работавшие с дельфинами, были особыми личностями: прямота в них соединялась с чувством юмора. С дельфинами невозможно работать, если они тебя не уважают.

Он заторопился к серому телу в подлеске. Нет. Это опять Саттатта. Ее передвинула последняя волна. Тошио зашагал дальше.

Дельфины отлично понимают, что сделали с ними люди. Возвышение — болезненный процесс. Но никто из них не захотел бы возврата к «сну китов», если бы это от них зависело.

Также фины знали, что законы галактических рас, законы существующих эпох позволяли людям требовать на протяжении тысяч лет службы своих клиентов. Человечество содрогалось от этой мысли. Самому Homo sapiens меньше

лет. И если бы у человечества был свой патрон — достаточно сильный, чтобы подкрепить это звание, — в качестве поощрительной премии он мог бы претендовать и на Tursiopus amicus.

Нет дельфинов, которые не знали бы отношения человечества к этому.

Дельфины теперь члены Совета Земли, как и шимпанзе.

Теперь Тошио знал, как он обидел Кипиру во время схватки в море.

Больше всего сожалел он о своих словах про Калафию. Кипиру с радостью умер бы тысячу раз, чтобы спасти земляков Тошио.

Он скорее вырвет себе язык, нежели когда-нибудь произнесет нечто подобное.

Тошио выбрался на поляну. Здесь, в неглубокой луже, лежал дельфин турсиопа.

— Хикахи!

Дельфин был исцарапан и избит, с кровоподтеками на боках, но в сознании. И когда Тошио направился к ней, она позвала.

— Оставайся на месте, Остроглазый! Не двигайся. У нас есть общество!

Тошио застыл. Приказ Хикахи совершенно ясен. Но ему необходимо подойти к ней. Ему не понравились эти царапины. Если у нее под кожей

обломки металла, их нужно извлечь как можно скорее, чтобы яд не проник в кровь. И ему нелегко будет оттащить Хикахи в море.

— Хикахи, скоро новая волна. Она может добраться сюда. Надо подготовиться к ней!

— Стой, Тошио! Волна сюда не дойдет. Оглянись, видишь, насколько это важнее?

Впервые Тошио внимательно разглядел поляну. Лужа в неглубоком бассейне, явно только что выкопанном. И тут он увидел, что на доспехах Хикахи нет рук-манипуляторов. Кто же тогда?.. Тошио перевел взгляд. Увидел спутанные ветви, раскиданные стволы, узнал в них остатки деревни.

В постоянном мерцании китрупского леса он увидел грубые изорванные сети, разбросанные покрытия крыш, острые металлические обломки, привязанные к деревянным древкам. И легкое движение в кроне. Потом появились маленькие расплющенные пальцы с перепонками, сверкающие черные глаза, которые смотрели на Тошио из-под низкого зеленоватого лба.

— Або! — прошептал Тошио. — Я видел одного раньше, но совершенно забыл. Эти аборигены кажутся предразумными.

— Да! — вздохнула Хикахи. — И это делает

сохранение тайны еще необходимее. Быстрее, Остроглазый! Расскажи мне, что случилось!

Тошио пересказал, что сделал после удара первой волны, опустив только подробности своей схватки с Кипиру. Трудно было сосредоточиться под взглядами этих черных глаз. Когда он поднимал голову, аборигены исчезали в листве. Не успел он закончить рассказ, как накатила очередная волна.

Ниже по склону видны были пенные буруны. Но Хикахи оказалась права.

До нее волна не дошла.

— Тошио! — свистнула Хикахи. — Ты хорошо поступил. Спас вместе с нами и этих малышей. Брукида справится. Он приведет помощь. Поэтому мной пока можешь не заниматься. Делай то, что я скажу! Пусть Кипиру немедленно нырнет. Он должен незаметно искать тела. Похорони Ссаттатту и К'Хита и собери обломки их доспехов. Когда придет помощь, мы должны уйти как можно быстрее.

— Вы уверены, что выдержите? Ваши раны…

— Все будет в порядке. Мои друзья смачивают меня водой. А деревья скрывают от наблюдения сверху. Следи за небом, Остроглазый! Не позволяй, чтобы тебя увидели. Пока ты будешь

заканчивать, я попробую уговорить своих друзей здесь, чтобы они доверяли тебе.

Голос ее звучал устало. Тошио разрывался. Наконец вздохнул и повернул в лес, заставив себя бежать вслед за уходящей водой к берегу.

Когда он вышел на берег, Кипиру только вынырнул. Фин снял дыхатель, теперь на нем был воздушный пузырь. Он сообщил, что обнаружил тело Фиппита, того самого, которого, как они думали, захватила хищная водоросль. Должно быть, волны цунами вырвали его избитое тело.

— Какие-нибудь следы Хист-та? — спросил Тошио.

Кипиру ответил отрицательно. Тошио передал приказ Хикахи и смотрел, как сани снова погрузились.

Несколько мгновений постоял на берегу, глядя на запад.

Садилось красноватое солнце Китрупа. Над головой показалось несколько звезд. Тучи на востоке приобретали зловещие очертания. Ночью пойдет дождь.

Тошио решил не снимать костюм, хотя и сбросил прорезиненный капюшон. Ветер холодный, но он приносит облегчение.

Тошио посмотрел на юг. Если битва в космосе

продолжается, он не увидел ее следов. Вращение планеты увело их от облака плазмы и обломков. Тошио не хватило сил, чтобы погрозить кулаком, но он мрачно посмотрел на южную часть неба, надеясь, что галакты уничтожат друг друга.

Маловероятно. Победители будут. И когда-нибудь они спустятся в поисках людей и дельфинов. Тошио расправил плечи и, несмотря на усталость, решительно направился в лес, под защиту раскидистых деревьев.

Вскоре после высадки группа отыскала юношу и дельфина. Они жались друг к другу в грубом убежище, пропускавшем ручейки дождя. Молнии поглощали тусклый желтый свет фонарей спасателей. При первой вспышке Томасу Орли показалось, что он видел вокруг Хикахи и Тошио маленькие мохнатые фигурки. Но когда он с партнерами пробрался через подлесок, этих животных — или кем они еще могут быть — не оказалось.

Опасение, что это стервятники, прошло, когда он увидел, как пошевелился Тошио. Но все же Орли держал в руке игольник, а в другой руке был фонарь, которым он освещал Ханнесу Свесси дорогу в подлеске. Орли внимательно оглядел поляну, воспринял ее запахи, звуки, постарался

запомнить подробности.

— Как они? — спросил он через несколько секунд.

— Тшш, все в порядке, Тошио. Это всего лишь я, Ханнес, — услышал Орли слова инженера. Тот говорил очень заботливо. — Да, мистер Орли, — отозвался Свесси. — Оба в сознании, но им пока не до разговоров. Томас Орли еще раз осмотрел поляну, потом поставил фонарь рядом со Свесси.

— Эта молния все прикроет, — сказал он. — Я вызову роботов, чтобы быстрее убрать их отсюда. — Он коснулся края своего шлема и засвистел на превосходном тринари. Свист продолжался шесть секунд. Говорят, Томас Орли владеет и праймалом, хотя никто этого не слышал.

— Будут через несколько минут. Им приходится заметать свои следы. — Он присел рядом с Тошио, который теперь, когда Свесси передвинулся к Хикахи, сел.

— Здравствуйте, мистер Орли, — сказал юноша. — Простите, что оторвал вас от работы.

— Все в порядке, сынок. Мне все равно хотелось выглянуть наружу. И у капитана появился повод послать меня. Отправим тебя на корабль, а потом пойдем взглянуть на затонувший корабль.

— Сможешь отвести нас к Саттатте и К'Хиту?

Мы хотим прочесать весь остров. Тошио кивнул.

— Да, сэр. Я смогу ходить. Вы не нашли Хиста?

— Нет. На корабле начали беспокоиться, но сильно растревожились после рассказа Брукиды. Большую часть потом нам рассказал Кипиру. Знаешь, он очень высокого мнения о тебе. Ты тут хорошо поработал.

Тошио отвернулся, словно стыдясь похвалы.

Орли с любопытством посмотрел на него. До сих пор он не думал об этом гардемарине. На первой стадии полета юноша казался сообразительным, но немного безответственным. После находки брошенного флота он почему-то стал мрачен и все больше мрачнел по мере того, как уменьшались их шансы на возвращение.

Но теперь в нем что-то изменилось. Трудно сказать, что будет потом, но, очевидно, Тошио прошел ритуал посвящения.

На берегу раздалось гудение. Скоро показались два паукообразных механизма, каждый нес дельфина в доспехах.

Тошио слегка вздохнул, когда Орли помог ему встать. Потом старший мужчина нагнулся и поднял с земли какой-то предмет. Взвесил его в руке.

— Мотыга, а? Из позвоночника металлической рыбы, приклеенного к деревянной ручке…

— Наверно.

— Язык у них есть?

— Нет, сэр; вернее, зачатки. Они, похоже, стабилизировались. Охотники и собиратели. Хикахи считает, что в таком состоянии они уже находятся полмиллиона лет.

Орли кивнул. На первый взгляд, раса кажется вполне созревшей для возвышения. Чудо, что какой-нибудь галактический патрон еще не обнаружил ее и не привлек в клиенты и на тысячелетия службы.

Теперь у людей и финов «Стремительного» есть еще одно обязательство, и сохранение тайны становится еще необходимее.

Орли положил артефакт в карман, потом опустил руку на плечо Тошио.

— Что ж, сынок, остальное сможешь рассказать по пути на корабль. И заодно подумай.

— Сэр? — Тошио недоуменно посмотрел на него.

— Не всякому удается обнаружить расу будущих астронавтов. Фины ожидают от тебя, что ты сложишь об этом песню.

Тошио смотрел на старшего мужчину, пытаясь

понять, не шутит ли он. Но на лице Томаса Орли было обычное загадочное выражение.

Орли взглянул на дождевые тучи. За Хикахи подошли роботы, он отошел назад и улыбнулся в занавес, который временно закрыл сцену в небе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТЕЧЕНИЯ

Взгляну ли в море – вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг –
Но трупы вкруг лежат.
С.Т.Колридж

Глава 14
ДЭННИ

Чарлз Дарт оторвался от поляризационного микроскопа и выругался. По привычке, которую он всю жизнь старался изжить, Чарлз с отсутствующим видом заложил руки за голову, ухватился за волосы и потянул. Этот обезьяний жест никто на корабле повторить бы не мог. Если бы Дарт заметил, что делает, немедленно прекратил бы.

Из экипажа в сто пятьдесят астронавтов только восемь на борту «Стремительного» имели руки… или выступающие наружу уши. И один из таких астронавтов делил сухую лабораторию с Чарлзом Дартом.

Дэнни Судман и в голову не приходило следить за жестами Чарлза Дарта.

Она давно перестала замечать его раскачивающуюся походку, скрипучий хохот шимпанзе или шерсть, покрывающую все тело.

— В чем дело? — спросила она. — По-прежнему неприятности с этими образцами из хоры?

Чарли кивнул, глядя на экран.

— Да.

Голос у него низкий и скрипучий. В лучшем случае похоже на речь человека, у которого гравий в горле. Если приходилось излагать сложную мысль, Дарт бессознательно начинал жестикулировать, как в юности.

— Ничего не пойму в этой концентрации изотопов, — проворчал он. — И минералы не на месте… металлоподобные без металлов, сложные кристаллы на глубине, где их не должно быть. Глупые запреты капитана Крайдайки не дают мне работать! Мне нужны сейсмическое сканирование и глубокий радар. — Он повернулся в кресле и выжидательно посмотрел на Дэнни, словно ожидал разрешения от нее.

Дэнни широко улыбнулась. Ее миндалевидные глаза забавно сузились.

— Конечно, Чарли. Почему бы и нет? Мы в ис-

калеченном корабле на дне океана смертоносной планеты, десятки флотов высокомерных и могучих патронов сражаются за право захватить нас, а вы хотите всего лишь произвести искусственное землетрясение и распространить всюду гравитационные лучи. Замечательная мысль!

— Послушайте! У меня есть идея еще лучше. Возьмем большой лист, напишем на нем «Привет, чудища! Приходите и ешьте нас!» И станем размахивать им в поднебесье. Как?

Чарли искоса взглянул на нее и косо улыбнулся, что с ним случалось крайне редко.

— О, я обойдусь лишь несколькими маленькими сейсмографическими взрывами. Ити их даже не заметят.

Дэнни рассмеялась. Чарли хочет заставить планету звенеть, как колокол, чтобы увидеть, что у нее внутри. Маленькие-премаленькие землетрясения! Скорее взрывы в несколько килотонн! Иногда Чарли казался ей таким ограниченным, что это тревожило. Но сейчас он, по-видимому, тоже развлекался.

Чарли рассмеялся, испуская короткие хриплые раскаты, которые отражались эхом от голых белых стен лаборатории. Постучал по своему столу.

Улыбаясь, Дэнни складывала бумаги в кейс на молнии.

— Знаете, Чарли, на некотором расстоянии отсюда все время извергаются вулканы. Если вам повезет, извержение может начаться поблизости.

Чарли с надеждой посмотрел на нее.

— Вы так думаете?

— Конечно. А если ити начнут бомбить планету, чтобы добраться до нас, вы получите кучу данных, зафиксированных при близких попаданиях. Если, конечно, бомбардировки будут не настолько сильными, чтобы изучение геофизики Китрупа потеряло всякий смысл. Завидую вашему положению: и в плохом вы можете найти хорошее. А сейчас я хочу забыть о собственных исследованиях и немного поесть. Пойдете?

— Нет, спасибо. Я принес с собой. Поработаю еще немного.

— Как хотите. Но вам не помешало бы познакомиться с кораблем, вместо того чтобы сидеть все время в каюте или лаборатории.

— Я все время разговариваю с Метцем и Брукидой по видеофону, и мне совсем не нужно ходить глазеть на это детище Рюба Голдберга, которое теперь даже летать не может.

— К тому же… — подтолкнула она.

Чарли улыбнулся.

— К тому же я терпеть не могу сырость. Мне все же кажется, что вам, людям, следовало заняться собаками, после того как мы, из рода Pan, были очарованы вами. Дельфины, конечно, хороши; многие фины мои лучшие друзья.

На странно превращать их в астронавтов. И он, умудренный печалью, покачал головой. Очевидно, считал, что весь процесс возвышения на Земле проходил бы гораздо лучше, если бы им занимались шимпанзе.

— Ну, они прекрасные космические пилоты, — возразила Дэнни. — Чего стоит космический жокей Кипиру.

— Да, и посмотрите, как дергается этот фин, когда не пилотирует.

Честно, Дэнни, этот полет заставил меня задуматься, пригодны ли фины к космосу вообще. Вы заметили, как ведут себя некоторые из них с тех пор, как у нас начались неприятности? Они распустились под давлением, особенно большие стеносы Метца.

— Вы не очень милосердны, — посмеивалась Дэнни. — Никто не ожидал таких осложнений. Мне кажется, большинство финов держится ве-

ликолепно. Вы только вспомните, как Крайдайки увел нас из западни у Морграна.

Чарли покачал головой.

— Не хочу. Все равно я предпочел бы, чтобы на борту было больше людей и шимпов. Шимпы всего на столетие раньше дельфинов вышли в космос. Дэнни подумала, что и через миллион лет они будут относиться к финнам покровительственно.

— Ну, что ж, если вы не идете, я ухожу, — сказала Дэнни. Она взяла свой кейс и коснулась ладонью пластины у двери. — Пока, Чарли.

Прежде чем дверь закрылась, шимп ее окликнул.

— Кстати! Если встретите Тхаата или Сахота, попросите позвонить мне.

Мне кажется, эти скрытые аномалии могут быть палеотехническими. Археологи могут заинтересоваться!

Дэнни, не отвечая, закрыла дверь. Если не отзовется, то потом она скажет, что не расслышала. Ни за что не станет разговаривать с Сахотом, что бы там Чарли не обнаружил!

И так слишком много времени отнимают у нее попытки избежать встреч с этим дельфином.

Сухие секции звездного корабля «Стремитель-

ный» обширны, хоть и используются только восемью членами экипажа. Сто тридцать дельфинов — на тридцать два меньше с момента старта с Земли — могут посещать сухое колесо только в механических устройствах — «пауках».

Некоторые помещения нельзя заполнять оксиводой или подвергать гравитационным изменениям, как в центральном стволе в свободном полете: кое-какие запасы должны оставаться сухими, кое-где ведется горячая обработка материалов при нормальной силе тяжести. И просто нужны жилые помещения для людей и шимпа.

Дэнни остановилась на перекрестке. Посмотрела вдоль коридора, в который выходили каюты людей, и подумала, не постучать ли в дверь, вторую от нее. Если Том Орли там, она смогла бы попросить у него совета, как справиться с проблемой, которая с каждый днем становится все неприятней… как устранить необычное… внимание Сахота.

Мало кто смог бы лучше Томаса Орли разобраться в поведении нелюдей.

Его официальная должность — консультант по чуждой технологии, но, совершенно очевидно, он присутствовал здесь как психолог, который должен был помочь доктору Метцу и доктору

Баскин оценить работу объединенного экипажа дельфинов. Он знает китообразных и может объяснить ей, чего хочет от нее Сахот.

Том сказал бы, но…

Обычная нерешительность охватила Дэнни. Существует много причин, по которым не стоит беспокоить Тома сейчас. Конечно, то же самое можно сказать об остальном экипаже, но опыт и реноме подсказывали, что если кому-то удастся увести «Стремительный» отсюда и не дать ити захватить его, то именно Орли.

Дэнни вздохнула. Другая причина — ее смущение. Не так-то легко молодой женщине советоваться с таким человеком, как Томас Орли. Тем более просить совета насчет притязаний влюбленного дельфина.

Как бы ни был Том вежлив, он обязательно рассмеется — и попытается подавить смех. Дэнни понимала, что ситуация покажется забавной всем, кроме нее.

Дэнни быстро пошла к лифту.

«Зачем мне вообще понадобился космос? спросила она себя. — Конечно, это неплохо для карьеры. И на Земле у меня никак не складывалась личная жизнь. Но чего же я добилась? Исследование китрупской биологии не продвига-

ется. Над планетой кружатся тысячи пучеглазых чудищ, которые хотят спуститься и захватить нас, а возбужденный дельфин пристает ко мне с предложениями, от которых покраснела бы Екатерина Великая».

Конечно, это нечестно, но разве жизнь бывает честной?

«Стремительный» является модификацией исследовательского корабля класса «Снарк». Сейчас используется мало «Снарков». Познакомившись с новейшими технологиями Библиотеки, земляне научились объединять старое и новое — древние галактические конструкции и прогрессивную земную технологию. Когда строились первые «Снарки», этот процесс только начинался.

Корабль выполнен в виде цилиндра с утолщениями на концах и выступающими из корпуса гребнями реальности — пять полос по пять гребней вдоль всего корпуса. В космосе эти гребни создают вокруг корабля поле стасиса. Сейчас это просто посадочные опоры; поврежденный «Стремительный» лежит на них в каньоне на дне чужого моря на глубине восемьдесят метров. Между третьим и четвертым рядами гребней корпус раздувался, образуя сухое колесо. В открытом космосе это колесо вращается, создавая

примитивное искусственное тяготение. Люди и их клиенты научились создавать такие поля, но почти все земные корабли по-прежнему снабжены центробежными колесами. Некоторые усматривают в этом символ: земляне и их клиенты должны держаться незаметно; как подсказывают дружественные расы, эти волчата, «сироты» с Земли, отличаются от остальных.

В колесе «Стремительного» кают на сорок человек, хотя людей сейчас всего семеро и один шимпанзе. Здесь также помещения отдыха для дельфинов, бассейны, в которых можно плескаться, прыгать и предаваться сексуальным играм в свободное время.

Но на поверхности планеты колесо вращаться не может. Большая часть его помещений наклонена и неудобна. А центральный отсек корабля заполнен водой.

Дэнни поднялась в лифте по одной из спиц, соединяющих сухое колесо с центральным жестким позвоночником корабля. Этот позвоночник поддерживает открытые внутренние помещения «Стремительного». Дэнни вышла из подъемника в восьмиугольный коридор с дверьми и панелями под всеми углами и дошла до входа в центральный отсек, в пятидесяти метрах от

сухого колеса по направлению к носу.

В невесомости она проплыла бы по этому коридору. Тяготение делало его странно незнакомым.

В шлюзе центрального отсека, вдоль стены в прозрачных шкафах находились космические скафандры и снаряжение для ныряния. Дэнни выбрала в своем ящике бикини, маску и ласты. В «нормальных» обстоятельствах она надела бы комбинезон, небольшой поясной ракетный двигатель и, может быть, пару широких крыльев на руки. И, прыгнув туда, могла бы долететь во влажном воздухе до любого нужного места; только, конечно, необходимо внимательно смотреть за вращающимися спицами сухого колеса.

Но теперь колесо неподвижно, а отсек заполнен чем-то влажнее воздуха.

Дэнни быстро переоделась. Потом остановилась перед зеркалом и оправилась. Она знала, что у нее хорошая фигура. Знакомые мужчины часто говорили об этом. Но чуть широковатые плечи всегда давали ей повод для недовольства.

Она улыбнулась в зеркало. Крепкие белые зубы прекрасно уравновесили темно-карие глаза.

Дэнни нахмурилась. Ямочки на щеках делают ее такой юной. Этого впечатления нужно избегать любой ценой. Она вздохнула и тщательно

упрятала свои черные волосы под резиновую купальную шапочку.

Ну, с этим покончено.

Дэнни еще раз проверила замки своего кейса и вошла в шлюз. Когда она закрыла его изнутри, из отверстий в полу начала подниматься шипящая соленая вода.

Дэнни избегала смотреть вниз. Возилась с маской, закрывая лицо.

Прозрачная мембрана прилегает плотно, но пропускает воздух. Девушка несколько раз быстро и глубоко вдохнула. Многочисленные гибкие пластинки по краям маски помогали извлекать достаточно кислорода из перенасыщенной оксиводы, а маленькие экраны сонаров помогают преодолевать глухоту людей под водой.

Теплая пузыристая влага поднималась по ногам. Дэнни несколько раз поправляла маску. Локтем прижала к боку кейс. Когда вода достигла плеч, девушка погрузилась с головой, закрыла глаза и сделала несколько вдохов. Маска работала. Конечно, так было всегда. Словно дышишь густым туманом, но воздуха хватает. Чуть стесняясь этого своего ритуала и страха, Дэнни выпрямилась и ждала, пока вода скроет ее с головой.

Наконец дверь открылась, и Дэнни выплыла в большой цилиндр, где в нишах аккуратно лежали «пауки», «ходоки» и прочее дельфинье снаряжение. На полках хранилось множество небольших двигателей, которыми дельфины пользуются на корабле в невесомости. Эти двигатели позволяют совершать удивительные акробатические прыжки, но на поверхности планеты, когда почти весь корабль заполнен водой, они бесполезны.

Обычно один-два фина всегда возятся со снаряжением. Удивленная пустотой, Дэнни подплыла к отверстию в дальнем конце помещения и выглянула в центральный отсек.

Большой цилиндр достигал двадцати метров в поперечнике. Не такое внушительное зрелище, как из центра одного из космических городов в поясе астероидов Солнечной системы. Но все же первое впечатление Дэнни от корабля — обширное заполненное пространство. От центральной оси к стенам отходят длинные радиальные стойки, они обеспечивают корпусу прочность и передают энергию гребням стасиса. Между этими колоннами рабочие отсеки дельфинов, огороженные гибкой сетью.

Дельфины, даже Tursiopus amicus, не любят работать в тесных помещениях. В космосе экипаж

работает в невесомости в центральном отсеке, перемещаясь во влажном воздухе с помощью двигателей. Но Крайдайки вынужден был посадить поврежденный корабль в океан. А значит, корабль пришлось затопить, чтобы дельфины могли подобраться к своим рабочим местам.

Многочисленные струйки выделяющихся пузырьков поднимались к потолку.

Воду Китрупа тщательно фильтровали, насыщали кислородом, добавляли растворители и она превращалась в оксиводу. Неодельфины генетически приспособлены к тому, чтобы дышать ею, хотя им это не очень нравится.

Дэнни растерянно осмотрелась. Куда все подевались?

Она уловила движение. Над центральным стволом-позвоночником два дельфина и двое людей быстро плыли к носу.

— Эй! — крикнула Дэнни. — Подождите!

Дельфины остановились и одновременно повернулись к ней. Люди еще несколько мгновений плыли, потом тоже остановились и оглянулись, медленно поводя в воде руками. Увидев Дэнни, один из них махнул рукой.

— Поторопитесь, почтенный биолог! — Большой серо-черный дельфин в рабочих доспехах

проплыл мимо Дэнни. Второй нетерпеливо кружил вокруг. Дэнни поплыла изо всех сил.

— Что происходит? Кончился космический бой? Нас нашли?

Ей улыбался крепкий чернокожий мужчина. Его спутница, рослая красивая блондинка, нетерпеливо повернулась, когда Дэнни поравнялась с ними.

— Если бы мы ждали ити, разве не услышали бы тревоги? — Чернокожий посмеивался. Они поплыли рядом. Дэнни никак не могла добиться у Эмерсона Д'Анита, почему он культивирует шотландский акцент в разговоре?

Она обрадовалась, узнав, что на них не нападают, но в чем тогда дело?

Исследовательская группа! Она совершенно забыла о них, занятая своими проблемами.

— Джиллиан, они вернулись? Вернулись Тошио и Хикахи?

Женщина грациозно повернулась; Дэнни всегда завидовала этой неосознанной грации движений ее длинных рук и ног. Низкий альтовый голос хорошо слышался и в воде. Лицо у нее было мрачное.

— Да, Дэнни, они вернулись. Но четверо из них мертвы.

Дэнни ахнула. Она с усилием сдержалась.

— Мертвы? Как?.. Кто?..

Джиллиан Баскин не уменьшила скорости и бросила через плечо:

— Пока не знаем… Когда Брукида вернулся, он упомянул Фиппита и Сассию… и сказал, что другие тоже выброшены на берег и, возможно, погибли.

— Брукида?..

Эмерсон подтолкнул ее локтем.

— А вы где были? Об этом объявили несколько часов назад, когда он только появился. Мистер Орли взял старину Ханнеса и двадцать финов, чтобы отыскать Хикахи и остальных.

— Я… наверное, спала. — Дэнни мысленно пообещала себе разорвать в клочья одного шимпанзе. Почему Чарли не сказал ей, когда она пришла в лабораторию? Наверное, сам забыл. Когда-нибудь она придушит шимпа из-за его индивидуализма.

Доктор Баскин уплыла вперед с двумя дельфинами. Она почти такой же хороший пловец, как Том Орли, и никто из остальных людей на борту не догонит ее, когда она торопится.

Дэнни повернулась к Д'Аниту.

— Расскажите мне!

Эмерсон быстро пересказал сообщение Брукиды — о водоросли-убийце, об упавшем горящем космическом корабле и об огромных волнах. Они вызвали приступ «лихорадки спасения».

Дэнни была ошеломлена услышанным, особенно ее потряс молодой Тошио.

Совершенно не похоже на него. Он, единственный на борту, казался моложе ее. И выглядел более одиноким. Гардемарин ей нравился, и она надеялась, что он не погибнет, пытаясь стать героем.

Эмерсон поделился с ней последними слухами: о спасении на острове в бурю и об аборигенах, пользующихся орудиями.

Дэнни даже перестала грести.

— Або? Вы уверены? Туземные предразумные? — Она стояла в воде, глядя на чернокожего инженера.

Они были в десяти метрах от носового выхода из центрального отсека.

Доносилась какофония щелканья и свиста.

Эмерсон пожал плечами; его фигура окуталась мириадами пузырьков. — Дэнни, почему бы нам не войти и не узнать лично? Пока я слышал только сплетни. Теперь они уже прошли деконтаминацию.

Неожиданно послышался высокий звук работающих двигателей: показалось трое саней. Они обогнули Дэнни и Д'Анита, прежде чем те смогли пошевелиться, и унеслись, оставляя за собой пенный след.

К каждым саням в пластиковом коконе был прикреплен раненый дельфин. У двоих были страшные, грубо перевязанные разрезы на боках. Дэнни удивленно замигала, узнав в одном дельфине Хикахи, третьего офицера «Стремительного».

Санитарные сани круто повернули в центре отсека и направились к боковому выходу. На третьих санях, вцепившись в поручень, висела та самая блондинка, которая плыла с ними. Свободной рукой она прижимала диагностический монитор к боку другого раненого дельфина.

— Теперь понятно, почему Джиллиан так торопилась. С моей стороны было глупо задерживать ее.

— Не беспокойтесь. — Эмерсон взял ее за руку. — Для этих ран не нужен хирург-человек. Маканай справится с помощью противоядий.

— Но могут быть биохимические повреждения… яд… Я могу помочь.

Она повернулась, собираясь уплыть, но инже-

нер удержал ее.

— Вас позовут, если Маканай и фем-мистеру Баскин понадобится помощь.

И думаю, вы не захотите пропустить новости, связанные с вашей специальностью.

Дэнни посмотрела вслед санитарным саням, потом кивнула. Эмерсон прав. Если она понадобится, вызов по интеркому разыщет ее повсюду и за ней пришлют сани. Они вместе с инженером подплыли к переднему выходу и оказались в помещении, полном мелькающих серых тел и пузырей.

Шлюзы на носу «Стремительного» были главной связью с внешним миром.

Цилиндрические стены помещения покрыты шкафами с «пауками», санями и другим снаряжением, которое может понадобиться выходящим из корабля.

Впереди виднелись три больших воздушных шлюза.

Справа и слева много места занимают скиф и баркас. Нос каждого маленького космического корабля почти касается диафрагмы, которая может выпустить его в воздух, в воду или в вакуум — куда потребуется.

Корма скифа почти касается стены двадца-

тиметрового помещения, а корма большего по размерам баркаса исчезает в специальном рукаве внутри корпуса «Стремительного», среди путаницы коридоров и кают.

Вверху третье место стоянки пустует. Капитанская гичка погибла в странном инциденте несколько недель назад вместе с десятью финами в районе, который Крайдайки назвал Мелким скоплением. Эта потеря, понесенная в ходе исследования брошенного флота, не сходила с уст последнее время.

Дэнни схватила Д'Анита за руку: мимо проплыли еще одни белые санитарные сани. Запечатанные зеленые мешки были привязаны к их корме.

Бутылкообразная форма мешков не оставляла сомнений в содержимом.

«Маленького мешка нет, — подумала Дэнни. — Значит ли это, что Тошио жив?» И тут она увидела у деконтаминационного выхода молодого человека в окружении дельфинов. — Тошио! — воскликнула она облегченно. И заставила себя продолжать более спокойно:

— А рядом с ним — Кипиру? — Она указала.

Д'Анит кивнул.

— Да. Они вроде здоровы. Я думаю, Хист-та унесло течением. Какой стыд. Мы с ним дружи-

ли. — Деланная картавость Эмерсона исчезла, когда он заговорил о погибшем друге.

Он всмотрелся в толпу.

— Как вы думаете, можно найти официальный предлог, чтобы подплыть поближе? Большинство финов уступят нам дорогу просто по привычке. Но Крайдайки — совсем другое дело. Хоть мы и патроны, он нас взгреет, если решит, что мы бездельничаем и мешаем.

Дэнни как раз об этом подумала.

— Предоставьте это мне. — Она провела его через возбужденную толпу, время от времени касаясь плавников, чтобы пройти. Фины при виде двух людей отплывали в сторону.

Дэнни смотрела на щелкающую свистящую толпу.

«Не может ли здесь быть Томаса Орли? — подумала она. — Он, и Ханнес, и Тшут участвовали в спасении. Почему же я его не вижу? Мне нужно срочно поговорить с ним».

Тошио выглядел очень усталым. Только что выйдя из деконтаминации, он разговаривал с Крайдайки и раздевался. И скоро остался в чем мать родила, не считая маски. Клочья синтетической кожи покрывали его руки, горло и лицо. Поблизости плавал Кипиру. На истощенном

дельфине был дыхатель, надетый, должно быть, по настоянию врача.

Неожиданно зрители, мешавшие Дэнни смотреть, начали расплываться.

...толпа зевак...

прекратите подглядывать!

Да отыщет вас сеть Ики –

вы не работаете и не стремитесь к цели.

Дэнни и Эмерсон закачались в воде из-за внезапно разбегающихся китообразных; через несколько мгновений толпа поредела.

— Не вынуждайте меня повторять, — сказал Крайдайки вдогонку убегающим. — Здесь все сделано. Мыслите ясно и занимайтесь своей работой.

С десяток финов — персонал шлюза и помощники капитана — остались.

Крайдайки повернулся к Тошио.

— Ну, маленький Гроза Акул, заканчивай свой рассказ.

Юноша покраснел, смущенный почетным титулом. Он с трудом поднял отяжелевшие веки и попытался принять стандартную стойку в течении.

— Я уже все рассказал, сэр. Мистер Орли и Тшут сообщили мне свои планы. Если корабль ити пригоден к использованию, они пришлют сани с отчетом. Если же нет, вернутся как можно незаметнее и привезут все, что раздобыли.

Крайдайки слегка шевелил нижней челюстью.

— Рискованная игра, — заметил он. — Им придется целый день добираться до корпуса. Может пройти несколько дней без контакта…

Из его дыхала поднимались пузыри.

— Ну хорошо. Отдохни, потом вместе поужинаем. Боюсь, что за жизнь Хикахи, а может, и нас всех, мы заплатим допросом, которому тебя бы и враги не подвергли.

Тошио устало улыбнулся.

— Я понимаю, сэр. Счастлив предоставить вам информацию, только сначала поем… и немного просохну!

— Договорились. До встречи! — Капитан кивнул и повернулся, чтобы уплыть.

— Капитан, прошу прощения! Могу я сказать слово?

Этот музыкальный голос принадлежал большому самцу-дельфину с пятнистой серой расцветкой, стеносу. Доспехи на нем гражданские, без тяжелых рук-манипуляторов, которые надевают

постоянные члены экипажа.

Дэнни захотелось спрятаться за Эмерсоном Д'Анитом. Она не заметила в толпе Сахота, пока он не заговорил.

— Прежде чем вы уйдете, сэр, — продолжал дельфин небрежным тоном. — Прошу вашего разрешения отправиться на остров, на который выбросилась Хикахи.

Крайдайки с помощью ударов хвостового плавника изогнулся и посмотрел на говорящего. И скептически сказал:

— Говорящий-с-Расами, это не рыбный бар, — этот остров, где можно исправить ошибку поэзией. Раньше ты не был храбрецом. Что же случилось?

Сахот лежал неподвижно. Несмотря на свою неприязнь к гражданскому специалисту, Дэнни сочувствовала ему. Сахот отказался идти на обследование брошенного флота с обреченной группой, тогда его поступок не вызывал восхищения. Он вел себя как примадонна.

И однако оказался прав. Капитанская гичка и десять лучших членов экипажа были потеряны, и среди них второй офицер «Стремительного».

Цена этого жертвоприношения — трехметровая труба из незнакомого металла, изрытая

ямками от столкновений с метеоритами за прошедшие эпохи.

Ее обнаружил лично Томас Орли. Джиллиан Баскин забрала эту запечатанную находку, и, насколько знала Дэнни, ее больше никто не видел. Вряд ли это компенсирует потери.

— Капитан! — обратился Сахот к Крайдайки. — Я думаю, что даже Томас Орли не смог все тщательно исследовать. Он отправился к потерпевшему крушение кораблю, но мы должны подумать и об острове.

Нечестно! Дэнни готова заняться этим. Как профессионал, она должна была заявить…

— Правда, капитан, — продолжал Сахот, — у нас нет задачи важнее!

Конечно, после спасения из западни и передачи сообщений на Землю. Вот наш долг. Крайдайки колебался. Он, очевидно, готов был откусить Сахоту грудной плавник. Сахот словно гарпуном его ударил — произнес слово «долг» и задал вопрос-загадку. Капитан бил хвостом, испуская серию низких сонарных щелчков, словно тиканье часов. Глаза его впали и потемнели.

Дэнни не стала ждать, когда капитан отгадает загадку.

— Або! — воскликнула она.

Крайдайки повернулся и посмотрел на нее. Дэнни вспыхнула: она почувствовала как ее охватывает звуковая волна. Она знала, что эти волны проникают в ее внутренности, сообщают, чем она позавтракала. Крайдайки пугал ее. Она не чувствовала себя патроном этого умного дельфина.

Капитан развернулся и подплыл к Тошио.

— Артефакты, которые отобрал Томас Орли, по-прежнему у тебя, юный охотник?

— Да, сэр, я…

— Пожалуйста, передай их биологу Судман и Говорящему-с-Расами Сахоту.

Отдохнув, забери их вместе с рекомендациями специалистов. Я сам осмотрю их за ужином.

Тошио кивнул. Капитан повернулся к Дэнни.

— Прежде чем я дам разрешение, вы должны подготовить план. Мы сможем оказать вам лишь небольшую помощь, и при малейшей опасности вы будете отозваны. Согласны?

— Д…да… нам понадобится моноволоконный кабель для связи с компьютером корабля и…

— Обговорите это с Кипиру, прежде чем он уйдет отдыхать. Он придумает что-нибудь, приемлемое с точки зрения военного.

— Кипиру? Но я думала… — Дэнни посмотрела на молодого дельфина и проглотила чуть не со-

рвавшуюся с языка бестактность. Пилот казался очень недовольным.

— У меня есть для этого причины, фем-сэр. Как пилот он пока не очень нужен. Могу освободить его от работы здесь, чтобы он был вашим помощником… если приму ваш план.

Кипиру отвел взгляд. Тошио положил руку ему на гладкий бок. Это что-то новое. Дэнни раньше они не казались друзьями.

В ярком свете отсека сверкнули зубы Крайдайки.

— Еще соображения есть?

Все молчали.

Крайдайки забил хвостом и свистнул — команда прекратить разговор.

Изогнулся и поплыл мощными гребками. Помощники последовали за ним.

Кипиру подождал, когда капитан скроется из виду. Потом обратился к Дэнни и Сахоту.

Готов к вашим услугам, найдете меня –

В моей каюте плавающим и дышащим –

После того как провожу на отдых Тошио…

Тошио улыбнулся, когда Дэнни приобняла его. Потом повернулся и уплыл, положив руку на спину Кипиру и не обгоняя медлительного дельфина.

Тут раскрылась дверь одного из лифтов, и из трубы вылетела желто-голубая фигура. Веселый гул заполнил отсек: второй гардемарин корабля обогнул Кипиру и юношу, поплыл, сужая круги, возбужденно болтая.

— Думаешь, Тошио дадут поспать? — спросил Эмерсон.

— Конечно, нет, если Акки заставит его повторить рассказ. Это затянется до самого ужина с капитаном. — Дэнни завидовала прочным дружеским отношениям Тошио и Акки. Она смотрела, как смеется юноша, ускользая от друга; наконец они исчезли в трубе.

— Ну, сестренка, — улыбнулся Эмерсон Д'Анит Дэнни, — похоже, в вашем распоряжении группа ученых. Поздравляю.

— Еще не решено, — ответила она. — К тому же командовать будет Кипиру.

— Кипиру будет заниматься только военными делами. Это меня немного смущает. Не понимаю, чего добивается Крайдайки, давая это задание, несмотря на его поведение в последнее время.

Наверно, это его способ привести беднягу в себя.

Дэнни согласилась, хотя это показалось ей несколько жестоким.

Неожиданно она почувствовала, как что-то гладкое прикоснулась к ее бедру. С криком обернулась, схватившись за горло, и вздохнула, увидев антрополога-неодельфина Сахота. Стенос криво улыбнулся. Сверкнули его острые зубы.

У Дэнни заколотилось сердце.

— Выдох акулы! Сочинитель частушек! Занимайся любовью с грязными пробирками! — Голос ее дрожал.

Сахот отплыл, удивленный. Очевидно, не ожидал, что Дэнни так разнервничается.

— Ах, Дэнни, — вздохнул Сахот. — Я только пытался поблагодарить вас за помощь с Крайдайки. Видимо, ваши чары действуют на него сильнее моих аргументов. Простите, если я вассс испугал.

Дэнни фыркнула на эту двусмысленность. Но все же она сильно разволновалась. Пульс ее медленно приходил в норму.

— …Неважно. Больше не подкрадывайтесь ко мне так!

Даже не оборачиваясь, она чувствовала, как за ее спиной широко улыбается Эмерсон Д'Анит.

«Мужчины! — подумала она. — Они когда-ни-

будь взрослеют?»

— Гм, Дэнни. — Голос Сахота звенел, как струнное трио. — Если мы вместе с экспедицией отправимся на остров, нужно обсудить один небольшой вопрос. Будете ли вы неподкупны и позволите Крайдайки предвзято выбрать научного руководителя? Или дадите мне шанс? Может, мы посостязаемся?

Д'Анит кашлянул. Отвернулся и прочистил горло.

Дэнни покраснела.

— Пусть капитан решает, как лучше. К тому же… Я не уверена, что нужно отправляться нам обоим. Чарли говорил мне, что вас может заинтересовать его анализ образцов вещества коры… в верхних слоях есть следы палеотехнологии. Вам надо быстрее увидеться с ним.

Глаза Сахота сузились.

— Эт-то интереесссно. Я считал, что планета не возделывалась слишком долго и никаких следов палеотехнологии не сохранилось.

Но тут же уничтожил надежды Дэнни.

— Увы. Останки древних цивилизаций Китрупа и вполовину не так важны, как контакты с предразумными. Надо, чтобы вы, люди, имели права на них. И у нас, финов, могут появиться

новые двоюродные братья еще до окончания работы с неособаками! Да поможет небо этим беднягам, если до них доберутся банду, соро или им подобные!

— И еще мы сможем лучше узнать друг друга… как профессионалы, разумеется.

Эмерсон Д'Анит снова кашлянул.

— Я слишком надолго оторвался от ремонта, ребята, — сказал он. Снова вернулась его картавость. — Мне пора к двигателям, а вы обсуждайте свои планы.

Д'Анит едва сдерживал ухмылку. Дэнни поклялась отомстить ему.

— Эмерсон! — прошипела она.

— Да, девочка? — Он невинно взглянул на нее.

Она наградила его свирепым взглядом.

— О… готова поручиться, что в вас нет ни капли кельтской крови!

Темнокожий инженер улыбнулся ей.

— Как, разве вы не знаете? Все шотландцы — инженеры, а все инженеры — шотландцы. — Он махнул рукой и уплыл, прежде чем Дэнни нашлась, что ответить.

«Черт возьми!» — про себя выругалась она. Ее подвел языковой барьер!

Когда Д'Анит исчез, Сахот подплыл ближе.

— Может, начнем планировать нашу экспедицию? — Его дыхало оказалось рядом с ее ухом.

Дэнни вздрогнула. Неожиданно она заметила, что все исчезли. Сердце Дэнни забилось быстрее, словно в маску перестало поступать достаточно воздуха.

— Не здесь! — Она отвернулась и поплыла. — Пойдем в офицерскую кают-компанию, где оборудование… и воздушные пузыри. Там человек может дышать!

Сахот держался в опасной близости от нее.

— Дэнни… — сказал он, но не стал настаивать. Напротив, запел негромкую атональную мелодию на каком-то малоизвестном диалекте тринари.

Невольно Дэнни заслушалась. Странная и необыкновенно красивая мелодия. И лишь через несколько минут стало ясно, что она к тому же и неприличная.

Глава 15
СТЕНОС

Моки, Срика-пол и Хакукка-джо проводили свободное от вахты время, как всегда в последними недели — жалуясь.

— Он сегодня опять был в моей секции, — ворчал Срика-пол, — совал свое рыло в работу. Думает, что все его действия — тайна, но все засвечивает своим кининкским звукоэхом.

Моки кивнул. Невозможно было не понять, кто такой «он».

Вечно кричит – вечно ворчит
Слагает, слагает свои ритмы
А дельфины качают хвостами
Восхищаются его логикой

Хакукка-джо поморщился. Моки редко говорит на англике, а его тринари слишком близкое к праймалу. Это неприлично.

Но Срика-пол, очевидно, согласен с Моки.

— Все эти турсиопы преклоняются перед Крайдайки. Подражают ему, стараются вести себя так, будто посвящены в логику кининка! Даже половина наших стеносов им очарована!

— Ну, если он уведет нас отсюда живыми, я прощу ему даже эти назойливые проверки, — заметил Хакукка-джо.

Моки покачал головой.

Живыми! Живыми!
В глубокие воды!

Следуйте, следуйте

За предводителем с острыми зубами!

— Потише! — Хакукка-джо развернулся и прислушался к отголоскам эха от стен помещения для отдыха. У кухонных машин виднелось несколько дельфинов. Они как будто не слышали. — Следи за своими словами! У нас и без того хватает неприятностей. Тебя обвинят в мятежных разговорах! Я слышал, как доктор Метц расспрашивал Такката-Джима о тебе!

Моки вызывающе ухмыльнулся. Срика-пол одобрил его невысказанное замечание.

— Метц ничего не сделает, — сказал Срика. — Ведь половина стеносов на борту подобрана им лично. Мы его дети. Теперь, когда Орли и Тшут отсутствуют, Хикахи в лазарете, нужно следить только за главным ослом!

Хакукка-джо испуганно огляделся.

— И ты тоже? Слушай, потише! Вон плывет Кта-Джон!

Остальные двое повернулись в ту сторону, куда он показал. Большой неодельфин направлялся к ним. Другие дельфины, поменьше, торопливо уступали ему дорогу.

— Ну и что? Он один из нас! — неуверенно ска-

зал Срика-пол.

— Он еще и боцман! — горячо возразил Хакукка-джо.

— Но он тоже не любит ослов-турсиоп! — вмешался Моки на англике.

— Может быть, но держит это при себе. Он знает, как люди относятся к расизму.

Моки оглянулся. Этот дельфин, как и многие другие, суеверно боится патронов. Моки негромко произнес на тринари:

Спроси чернокожих –
Спроси коричневых и желтых людей
Спроси китов –
О расизме человека!

— Но это было давно! — выпалил Хакукка-джо, немного шокированный. — И у людей не было тогда патронов!

— Вот именно… — сказал Срика-пол несколько неуверенно.

Они замолчали при приближении Кта-Джона. Хакукка-джо почувствовал холодок страха при виде боцмана. Кта-Джон — трехметровый гигант, шире двух человек в обхвате. У него тупой бутылкообразный нос, и расцветка не пятнистая, как у остальных стеносов на борту, а с глубокими

переходами цвета. Говорят, Кта-Джон — один из «особых» дельфинов доктора Метца.

Гигант приблизился и выдохнул множество пузырей. В раскрытой пасти показались ряды острых зубов. Остальные почти инстинктивно приняли позу покорности, отведя глаза, закрыв пасти.

— Я слышал, тут недавно дрались, — произнес Кта-Джон на подводном англике. — К счастью, мне удалось подкупить старшего боцмана С'тату редкой чувствительной лентой, и он согласился не докладывать капитану. Надеюсь, стоимость ленты покроет кто-нибудь из заинтересованных…

Моки раскрыл было пасть, но Кта-Джон оборвал его:

— Никаких объяснений! С'тата вправе обвинить тебя. Ты укусил его сзади!

Пусть посмеет! Пусть посмеет!

Трусливая турсиопа!

Пусть посмеет…

Моки не успел закончить, как Кта-Джон ударил его. Он отлетел на несколько метров, извиваясь от боли. Кта-Джон подплыл к нему и негромко сказал:

— Ты тоже турсиопа! Так в Библиотеке зарегистрирован весь наш вид!

Tursiopusss amicusss… «Дружественные бутылконосые». Спроси доктора Метца, если не веришь. Ты позоришь всех, имеющих гены стеносов, на борту… помощника капитана Такката-Джима и меня самого, например, — тем, что ведешь себя, как животное, и я покажу тебе, что такое дружественные бутылконосые! Я сделаю из твоих кишок снасти!

Моки задрожал и отвернулся, крепко сжав челюсти.

Кта-Джон окинул фина презрительным всплеском сонара, повернулся и взглянул на остальных. Хакукка-джо и Срика-пол притворились, что наблюдают за яркими декоративными гарибальди и морскими ангелами, которым позволялось жить в центральном отсеке. Хакукка-джо негромко свистнул.

— Перерыв заканчивается! — рявкнул боцман. — Возвращайтесь к работ-те! А ненавистью своей упивайтесь в личное время! — Он повернулся и уплыл, а возникшая при этом волна чуть не перевернула остальных.

Хакукка-джо посмотрел ему вслед и испустил долгий неслышный вздох.

"На время поможет, — думал Кта-Джон, торопясь на свой пост в грузовой секции. — Теперь Моки будет поспокойнее. Лучше бы он не выставлялся.

Меньше всего ему и Такката-Джиму нужны сейчас проявления расизма и подозрительности. Ничто так не объединит людей, как эти проявления.

Да и Крайдайки обратит внимание. Такката-Джим настаивает, чтобы мы позволили капитану еще раз попробовать благополучно вернуть нас домой.

Ну хорошо, я могу подождать.

А если у капитана не получится? Что если он будет продолжать требовать от экипажа самопожертвования? Мы ведь не нанимались в герои.

В таком случае кто-то обязан предложить альтернативу. Такката-Джим пока упрямится, но это ненадолго".

Когда наступит время, им понадобится поддержка кого-то из людей, а расизм Моки может помешать. Кта-Джон решил внимательно наблюдать за стеносом, чтобы в случае чего склонить его к покорности.

Хотя как приятно было бы со временем отгрызть хвост какой-нибудь проклятой трусливой

лицемерной турсиопе!

Глава 16
ГАЛАКТЫ

— Возрадуйтесь! — напевал четвертый Брат Эбеновых Теней. — Возрадуйтесь: пятый спутник маленькой пыльной планеты завоеван!

Братья Ночи доблестно сражались за этот камень преткновения, здесь они установят свою неодолимую мощь и сотрут с лица неба всех еретиков и осквернителей. Спутник предопределяет овладение добычей! Она будет принадлежать им, и только им!

Ни один спутник в системе Ктсимини не обладает такими свойствами, как этот: кора почти на один процент состоит из недоступного. Уже тридцать кораблей Братьев высадились на него и приступили к созданию Оружия.

Как всегда, ключ дала Библиотека. Циклически оглядываясь назад, четвертый Брат Эбеновых Теней наткнулся на смутное упоминание изобретения, которое использовалось в войне двух давно исчезнувших рас. Полжизни он выяснял подробности, потому что Библиотека — это настоящий лабиринт. Но теперь он получит свою

награду!

— Возрадуйтесь! — Возглас отдавался гулким эхом. Это был гимн торжества, он должен быть услышан, и действительно, кое-кто из сражающихся заметил, что в углу системы Ктсимини происходит нечто необычное. Самая яростная схватка развернулась у стратегически важного газового гиганта и у самого Китрупа, но кое-кто начал посылать разведчиков, чтобы выяснить, что задумали Братья Ночи.

— Пусть приходят и смотрят! Теперь уже все равно!

Какое-то время за ними следил корабль соро. Может, догадался об их цели?

— Никогда! Упоминания весьма неконкретны! Наше новое оружие слишком долго пролежало незамеченным в пыльных архивах. Они начнут догадываться, когда эта луна задрожит на пятнадцатом уровне вероятности и будет посылать волны, которые разнесут на клочки их флоты. Тогда их корабельные Библиотеки, конечно, вспомнят, но будет уже поздно!..

Брат Эбеновых Теней следил в пространстве, как завершается сооружение генератора и корабли посылают в него свою объединенную энергию. Он чувствовал, как возникает волна…

— Что они делают? Что делают эти презираемые прародителями соро?..

Инструменты показывали, что Братья Ночи не одни на пятнадцатом уровне! От корабля соро донеслась волна, слабое эхо того, что происходило на спутнике.

И пятнадцатый уровень начал действовать. Невероятно, но он действовал в ритме, заданном соро!

Братья на поверхности старались перекрыть свой сигнал, но было уже слишком поздно! Маленькая луна задрожала и начала раскалываться.

Разлетелись огромные скалы, разбивая на своем пути корабли.

— Как они узнали? Откуда?..

И тут Брат Эбеновых Теней понял. Давным-давно, когда он только начинал свои поиски нового оружия, ему здорово помогал библиотекарь… пила. Он всегда давал очень полезные советы, добывал ссылки. Тогда Брат не придал этому значения. Библиотекари и должны помогать, сохраняя нейтралитет.

— Но пила — клиенты соро… — понял Брат. — Крат знала все заранее…

Он отдал приказ уцелевшим кораблям укрыть-

ся.

— Это только небольшая задержка. Мы еще посмотрим, кто пленит землян!

Маленькая луна продолжала рассыпаться.

Глава 17
ТОМ ОРЛИ

Ханнес Свесси лежал ничком на тяжелых рабочих санях рядом с Томасом Орли. Худой лысеющий инженер жестом указал на корпус потерпевшего крушение корабля.

— Теннанинский корабль, — сказал главный инженер. — Несомненно, сильно поврежден. Видите? Никаких якорей объективности, только проекторы стасиса на главном гребне. Теннанинцы очень боятся изменять реальность.

Этот корабль не предназначен для использования вероятностного двигателя.

Определенно, теннанинец или их клиент или союзник.

Дельфины кружили поблизости, по очереди пользуясь воздушными пузырями под санями, и испускали негромкие сонарные щелчки, поглядывая на гигантский наконечник стрелы под собой.

— Я думаю, вы правы, Ханнес, — сказал Том. — Это бегемот.

Поразительно, но корабль не раскололся. Падая в океан на скорости в пять Махов, он отскочил от двух островков, оставив на них заметные впадины, и провел глубокую борозду на океанском дне прежде чем застрял в пеларгической грязи, чуть-чуть не столкнувшись с крутым утесом. Стена утеса казалась непрочной и опасной. Еще один толчок, несомненно, обрушит ее, и корабль будет полностью погребен.

Орли знал, что это чудо объясняется свойствами стасисных щитов теннанинца. Даже погибая, теннанинский корабль продолжал бороться. В баталиях эти корабли неповоротливы, медлительны, но уничтожить их полностью так же трудно, как тараканов. Степень повреждений пока трудно определить. Глубже приповерхностных слоев океана становилось темно. Фины не могли включить дуговые лампы, пока Тшут не убедится, что это безопасно. К счастью, корабль лежит неглубоко, чтобы к нему можно было спускаться, но в то же время достаточно глубоко, чтобы не увидеть его сверху.

Розовобрюхая бутылконосая самка дельфина подплыла к саням. Задумчиво повела мордой.

— Поразительно, верно, Том? — сказала она. — Он должен бы разбиться на миллиард кусков. На этой глубине голоса финов звучали удивительно ясно. Всплески пузырей из дыхал и щелчки сонаров вместе с телодвижениями позволяли произносить сложные фразы. Для человека, живущего на суше, подводная речь неодельфинов похожа скорее на звуки настройки оркестра авангардистов, чем на производное английского языка.

— Вы думаете, мы сможем им воспользоваться? — спросил офицер-дельфин.

Орли снова посмотрел на корабль. Очень вероятно, что воюющие над Китрупом не заметили, куда упала стрела. У него уже появилось несколько смутных идей. Одна из них может оказаться достаточно смелой, неожиданной — и безумной, чтобы осуществиться.

— Давайте осмотрим его получше, — предложил он. — Я думаю, нужно разбиться на три группы. Первая будет проверять все источники излучения, особенно вероятностного, пси и нейтрино, и обезвреживать их. А также поищет оставшихся в живых, хотя это и кажется маловероятным.

Свесси фыркнул, глядя на корпус. Орли про-

должал:

— Вторая группа будет отбирать все полезное. Ее возглавит Ханнес вместе с Ти-Тча. Они поищут монополи и очищенные металлы, которые мог бы использовать «Стремительный». Если повезет, могут отыскать заменители колец, которые нам так нужны. С вашего разрешения, Тшут, я возьму группу три. Мне нужно проверить целостность корабля и осмотреть окрестности.

Тшут согласно щелкнула челюстями.

— У вас хорошая логика, Том. Так и сделаем. Я оставлю у саней Лаки Ка на всякий случай. Остальные немедленно разобьются на группы.

Орли схватил грудной плавник Тшут, когда она уже собиралась высвистывать приказ.

— Пожалуй, лучше всем надеть дыхатели. Конечно, будет трудно общаться на англике, но я предпочитаю это. Иначе все начнут подниматься за воздухом, а при этом можно пораниться.

Тшут поморщилась, но отдала приказ. В отряд входили дисциплинированные дельфины, отборные члены экипажа «Стремительного», так что они только немного поворчали и негодующе выпустили несколько струй пузырей, надевая воздушные шланги.

Том слышал о существовании дыхателей, в

которых подача воздуха происходила без помех для речи. Если бы было время, он попробовал бы соорудить такой. Ему нетрудно говорить на тринари, но по опыту он знал, что финам трудно передавать технические сведения; они могут это делать только на англике.

Старый Ханнес ворчал. С неприкрытым недовольством он передавал дыхатели. Конечно, главный инженер тоже владеет тринари, но для него трехступенчатая логика этого языка затруднительна. К тому же он бездарный поэт. И, конечно, его не привлекала перспектива высвистывать плохо срифмованные технические подробности.

Отряд уменьшился. Несколько отобранных офицеров и членов экипажа вернулись на корабль, сопровождая Тошио, Хикахи и остальную добычу волн. В отряде оставалось меньше двадцати финов. Если возникнет опасность, им придется выкручиваться самостоятельно. Помощь со «Стремительного» вовремя не придет.

"Хорошо бы Джиллиан была здесь, — размышлял Том. Конечно, осмотр кораблей чужаков не ее дело, но она знает финов и сможет справиться с ними, если ситуация того потребует.

Правда, у нее хватает работы на борту. Она пы-

тается решить загадку миллиардолетней мумии, существование которой вообще непонятно. А в случае чрезвычайных происшествий Джилл единственная на борту, исключая, возможно, Крайдайки, знает о существовании компьютера Нисса и понимает, что его интерпретация данных обойдется им слишком дорого".

Том улыбнулся: он поймал себя на том, что опять пытается оправдаться.

Да, существуют причины, согласно логике которых мы должны тут оказаться вдвоем. Прими это как должное. Выполняй свою работу, и, может быть, через несколько дней вернешься к ней.

Когда они встретились будучи еще подростками, не возникло и тени сомнения, что они — подходящая пара. Он иногда гадал, не запланировано ли это заранее подбором соответствующих гамет, чтобы две растущие зиготы потом так превосходно совпали — вплоть до простейшей телепатии, которой они обладают.

Вероятно, это счастливый случай. Планирование человека генетически очень ограничено — законом и обычаем. Но случай это или нет — Том был благодарен. Работая агентом Совета Земли, он понял, что вселенная полна опасностей и разочарований. Слишком редко у разумных

— даже приспособленных для этого — встречается любовь.

Как только дыхатели были распределены, Том с помощью санных микрофонов усилил свой голос.

— Теперь запомните: хотя все галактические технологии основаны на данных Библиотеки, это собрание настолько огромно, что в корпусе корабля может оказаться любая машина. Ко всему относитесь как к западне, пока не поймете назначение и не убедитесь в безопасности.

— У группы один — после того, как корабль замолчит, — главная цель — найти боевой компьютер. В нем может храниться запись о развертывании боя наверху. Возможно, это ценная для капитана информация.

— И все ищите иероглиф Библиотеки. Если увидите этот символ, пожалуйста, отметьте место и сообщите мне. Мне хотелось бы взглянуть на их микроветвь.

Он кивнул Тшут.

— Согласны, лейтенант?

Четвертый офицер «Стремительного» щелкнула челюстью и кивнула. Она оценила вежливость Орли, но скорее откусила бы себе хвост, нежели не согласилась бы с каким-нибудь его предложе-

нием. Экспедиция на «Стремительном» — первая, которой командуют дельфины. Однако, в самом начале было ясно, что некоторые люди присутствуют на борту в качестве патронов. Она произнесла на тринари:

Группа один, со мной, –
Мешаем слушающим вверху
Группа два, со Свесси, –
Отыскиваем сокровища
Группа три, с Орли, –
Осуществляем его планы
Не оставляйте ничего земного –
Не выдавайте наше присутствие
Если вынуждены испражняться –
Уберите за собой
Вначале думайте, потом действуйте
И пусть ваша логика будет ясна и страстна.
А теперь, экипаж «Стремительного», –
За работу!

Все три группы строго по порядку разошлись. Минуя сани Орли, они делали в воде «бочку». И во исполнение его приказа слышалось только

быстрое щелканье сонаров китообразных.

Орли подвел сани на сорок метров к корпусу. Потом хлопнул Ханнеса по спине и отодвинулся в сторону.

Что за прекрасная находка — этот корабль! Орли с помощью лучевого спектрографа исследовал состав металлов в разрыве корпуса. Измерив период бета-полураспада, он присвистнул так, что ближайшие фины с любопытством оглянулись. Он приблизительно представлял себе первоначальный состав сплава и степень подверженности нейтрино с момента изготовления, но самые осторожные подсчеты показывают, что корабль был изготовлен по крайней мере тридцать миллионов лет назад!

Том покачал головой. Только обнаруживая такие факты, понимаешь, насколько человечество отстало от галактов. «Нам нравится считать, что расы, пользующиеся Библиотекой, лишены воображения и инициативы», — думал Орли.

В целом это верно. Слишком часто галакты кажутся неповоротливыми и неизобретательными. Однако…

Он смотрел на громоздкий темный корпус космического корабля и размышлял.

Легенда утверждает, что прародители провоз-

гласили всеобщее стремление к поиску знаний, прежде чем много эпох назад удалились в неизвестность. Но на практике большинство рас в этом случае обращается к Библиотеке и только к ней. И ее запас пополняется очень медленно.

Какой смысл искать, если то, что мы ищем, уже тысячи раз найдено нашими предками? Очень просто, например, разыскать в Библиотеке конструкцию космического корабля и слепо ее копировать, понимая лишь малую часть того, что сооружаешь. У Земли есть несколько таких кораблей, и они настоящее чудо.

Совет Земли, курирующий взаимоотношения земных рас с галактами, однажды чуть не поддался этому искушению. Многие считали, что нужно просто заимствовать у галактов конструкции, которые они сами заимствовали у более древних рас. Они приводили в пример Японию, которая в девятнадцатом веке оказалась перед аналогичной проблемой — выжить среди наций, несравненно более могущественных. Япония периода Мэйдзи сосредоточила все усилия на том, чтобы повторить достижения соседей, и в конце концов достигла их уровня.

Но большинство членов Совета, включая почти всех китообразных, не согласилось. Им Биб-

лиотека казалась бочкой меда с ложкой дегтя — заманчиво, питательно, но в то же время смахивает на ловушку.

Они опасались синдрома Золотого века… стремления смотреть не вперед, а назад… искать мудрости в древних, самых пыльных текстах, а не в новейших журналах.

За исключением немногих рас, таких, как кантен или тимбрими, остальной Галактике присущ именно такой менталитет. В любой проблеме Библиотека — первый и последний источник знаний и решений. То, что в этих древних текстах почти всегда имеется что-то полезное, не делало такую перспективу приемлемой для многих землян, включая Тома, Джиллиан и их старого учителя Джакоба Демва.

Представители Земли были убеждены, что даже в этот поздний период развития галактики возможны и необходимы новации. Так им казалось. Раса, выросшая без покровительства, раса волчат, отличается болезненной гордостью.

У сирот кроме нее часто ничего нет.

Но вот перед ними предвестник Золотого века. Все на корабле говорит об утонченности. Даже разрушенный, он кажется удивительно простым по конструкции и в то же время прекрасным.

Глаз не видит никаких швов. Распорки и стойки многофункциональны. Вот эта поддерживает гребень стасиса и одновременно служит радиатором для сброса избыточного вероятностного излучения. Орли казалось, что он видит и другие совмещения, тонкости, которые достигаются только веками усовершенствований древнего образца.

Во всем чувствовались показуха, упадочнический дух, хвастовство, которое казалось не просто чуждым, но высокомерным и причудливым.

Одна из главных задач Тома на борту «Стремительного» — оценка неизвестных механизмов, особенно военных. Это не лучшее, чем располагает галактика, но он все равно ощущал себя в роли охотника за головами с Новой Гвинеи, гордый своим только что приобретенным мушкетом, правда, сознающим, что существуют и пулеметы.

Том посмотрел наверх. Его группа собралась. Он включил свой гидрофон.

— Все готово? Хорошо. Подгруппа два, проверьте, как далеко уходит этот каньон. Он намного сокращает нам обратную дорогу к «Стремительному».

Он услышал ответный свист Караччи-джефа,

командира второй подгруппы.

Хорошо. Это надежный фин.

— Будьте осторожней, — добавил он, когда они отплывали. Потом поманил остальных за собой в корпус сквозь выжженную дыру.

Они оказались в темных коридорах на удивление знакомых очертаний.

Повсюду признаки общей галактической культуры, со следами стилей чуждой расы. Световые панели такие же, как на сотнях других кораблей, но между ними причудливые и яркие теннанинские иероглифы.

Орли старался увидеть все сразу. Но прежде всего он искал символ, который может быть повсюду в пяти объединенных галактиках, — спираль с лучами.

«Мне скажут, если ее найдут, — напомнил себе Том. — Фины знают, что я ею интересуюсь».

«Надеюсь, однако, они не догадываются, насколько важно мне увидеть этот иероглиф».

Глава 18
ДЖИЛЛИАН

— То есть как это зачем? А? Вы не очень-то хотите мне помочь. Я прошу только минуту на

разговор с Брукидой. Разве это много?

Джиллиан Баскин чувствовала усталость и раздражение. На нее смотрело голографическое изображение планетолога шимпа Чарлза Дарта. Конечно, нетрудно разбранить Чарли и заставить его отвязаться. Но он, вероятно, пожалуется Игнасио Метцу, а Метц прочтет ей лекцию о том, что «нельзя так относиться к разумным, потому что они клиенты».

Вздор. Джиллиан ни от одного человека не потерпела бы того, что выносит от этого важничающего маленького неошимпа!

Она отбросила упавшую на лоб прядь темных волос.

— Чарли, в последний раз. Брукида спит. Он получил ваше сообщение и свяжется с вами, когда Маканай решит, что он достаточно отдохнул. Тем временем я хочу получить от вас список избыточных изотопов всех трансжелезных элементов на Китрупе. Только что кончилась четырехчасовая операция Сатимы, и нам нужна эта последовательность для лечения. Мне нужно как можно быстрее убрать из ее тела все следы тяжелых металлов. Если я прошу слишком много и вы переработали, решая свои маленькие геологические загадки, я свяжусь с капитаном или

с Такката-Джимом и попрошу, чтобы они дали кого-нибудь вам в помощь!

Ученый-шимп скорчил гримасу. Губы его раздвинулись, обнажив внушительные ряды больших желтоватых зубов. В этот момент, несмотря на увеличенный объем черепа, выступающую челюсть и противопоставленные пальцы, он больше походил на разгневанную обезьяну, чем на ученого.

— Ну ладно. — Его раздирали эмоции, руки заметались, голос дрожал. — Но… но это важно! Понимаете? Я считаю, что на Китрупе обитали разумные технологические существа не позднее тридцати тысяч лет назад! А в Галактическом Институте Миграции эта планета числится невозделанной и нетронутой уже сто миллионов лет!

Джиллиан подавила желание спросить: «Ну и что?» В истории пяти галактик гораздо больше погибших и забытых рас, чем может подсчитать Библиотека.

Чарли, должно быть, разгадал выражение ее лица.

— Это незаконно! — закричал он. Голос его звучал хрипло. — Если это верно, следует сообщить в Институт Миграции! Он будет благодарен; может быть, даже уберет от нас этих сумасшедших

фанатиков сверху!

Джиллиан удивленно подняла бровь. Что это? Чарли Дарт задумался над чем-то, кроме своей работы? Значит, даже он время от времени думает о выживании. Его рассуждения насчет законов миграции наивны, учитывая, что часто эти законы искажались и нарушались могущественными кланами. Но все же он до чего-то додумался.

— Хорошо. Неплохая мысль, Чарли, — кивнула она. — Я обедаю с капитаном. И расскажу ему об этом. И попрошу Маканай разбудить Брукиду пораньше. Хорошо?

Чарли подозрительно посмотрел на нее. Потом, неспособный долго удерживать такое тонкое выражение, широко улыбнулся.

— Хорошо! — проворчал он. — Факс будет у вас в руках через четыре минуты. Доброго здоровья.

— Здоровья, — негромко ответила Джиллиан, и голограмма погасла.

Джиллиан долго смотрела на пустой экран коммуникатора. Поставив локти на стол, она уткнулась лицом в ладони.

«Ифни! Надо было мягче урезонить сердитого шимпа. Что со мной случилось?»

Джиллиан слегка потерла глаза.

«Ну, во-первых, я не спала уже тридцать шесть

часов».

Не очень помог и долгий бесплодный спор о семантике с проклятой саркастической машиной Тома — Ниссом. Ей нужна была помощь только в толковании нескольких смутных упоминаний в Библиотеке. Машина знает, что ей необходимо, чтобы разгадать загадку Херби, древнего трупа, лежащего под стеклом в ее личной лаборатории. Но она меняет тему, спрашивает мнение Джиллиан о множестве несущественных проблем, например, о сексуальных обычаях человека. Когда разговор закончился, Джиллиан хотелось голыми руками разобрать эту машину.

Том, наверно, не одобрит этого, поэтому пришлось отказаться.

Она уже собиралась ложиться спать, когда поступил срочный вызов от шлюза. И ей пришлось помогать Маканай и автоврачам заботиться о выживших из исследовательского отряда. Беспокойство о Хикахи и Сатиме прогнало весь сон, пока операции не кончились.

Теперь, когда они вне опасности, Джиллиан больше не может пользоваться адреналином, чтобы заполнить пустоту сегодняшнего дня.

«Не время наслаждаться одиночеством», — подумала она. Подняла голову и посмотрела на

свое отражение в темном экране. Глаза ее покраснели.

Конечно, от работы, но и от беспокойства.

Джиллиан хорошо знала, как с этим справиться, но решение было бы искусственно. А инстинкт требует тепла, удовлетворения физического желания. Хочется, чтобы кто-то прижал ее к себе.

Она подумала, испытывает ли сейчас то же самое Том. Конечно, испытывает; между ними телепатическая связь, и Джиллиан его очень хорошо знает. Он того же типа.

Но иногда Джиллиан кажется, что с ним у планировщиков получилось удачнее, чем с нею. Ее все считают исключительно компетентной, но перед Томом просто преклоняются. В такие минуты, как сейчас, эйдетическое восприятие мира казалось скорее проклятием, чем благословением. Джиллиан думала, так ли уж она не подвержена неврозам, как гарантируют планировщики-изготовители.

Принтер факса у нее на столе выдал листок с текстом. «Распределение изотопов, обещанное Чарли, появилось на минуту раньше», — отметила Джиллиан. Хорошо. Почти никаких отклонений от архивного отчета о Китрупе в Библиотеке. Она их и не ожидала, но проверить

никогда не мешает.

Краткое примечание поясняло, что оценки относятся только к поверхностным частям коры, для глубин более двух километров они неточны.

Джиллиан улыбнулась. Когда-нибудь дотошность Чарли спасет их всех.

Она вышла из своего кабинета на парапет, обрамляющий большое открытое помещение. Центральную часть помещения заполняла вода. Они заканчивалась в двух метрах под парапетом. Из воды торчали громоздкие машины. Верхняя часть помещения, включая кабинет Джиллиан, была недоступна для дельфинов — разве что в «пауке» или в «ходоке».

Джиллиан не стала возиться с маской. Посмотрела вниз и нырнула в промежуток между двумя рядами автоврачей. Большие продолговатые гласситовые контейнеры были тихи и пусты.

Водные пути в лазарете мелкие, чтобы дать возможность дышать открыто и проводить «сухую» хирургию. Джиллиан плыла сильными длинными гребками, держась за угол машины на поворотах, и проплыла в секцию травм.

Она вынырнула, широко раскрыв рот, набрала воздух, потом подплыла к стене из толстого свинцового стекла. В плотно закрытом антигра-

витационном танке плавали два дельфина.

Один, окруженный множеством шлангов, был, видимо, под наркозом.

Второй весело засвистел, увидев Джиллиан.

— Приветствую, Очистительница Жизни! Твои лекарства жгут вены, но сердце астронавта радует невесомость. Спасибо!

— Добро пожаловать, Хикахи! — Джиллиан легко держалась на воде, не хватаясь за перила. — Не слишком привыкай к комфорту. Боюсь, мы с Маканай очень скоро тебя отсюда выпроводим — в наказание за такой железный организм.

— В противоположность висмуту и кадмию? — Хикахи рассмеялась.

Джиллиан тоже.

— Действительно. Твоя выносливость тебе может здорово навредить. Не успеешь оглянуться, предстанешь перед капитаном. Будешь стоять на хвосте и глотать пузыри.

Хикахи улыбнулась легкой улыбкой неофина.

— Ты уверена, что не слишком рискованно было включать этот антигравитационный танк? Не хотела бы я вместе с Сатимой нести ответственность, если нас засекут.

— Успокойся, фем-фин. — Джиллиан покачала головой. — Мы трижды проверили. Буи, прове-

ряющие утечку излучения, ничего не заметили. Отдыхай и не волнуйся.

— Да, я слышала, капитан собирается послать небольшую группу на твой остров, чтобы осмотреть этих предразумных, которых ты нашла. Я подумала, тебе будет интересно. Это значит, что капитана сейчас галакты не очень волнуют. Космическое сражение, возможно, затянется, а мы сможем прятаться бесконечно.

— Но бесконечно оставаться на Китрупе — не так я представляю рай. — Хикахи иронично приоткрыла рот. — Если это хорошая новость, пожалуйста, предупреди меня, когда новости будут дурные.

Джиллиан рассмеялась.

— Хорошо. А теперь тебе нужно поспать. Выключить свет?

— Да, пожалуйста. Джиллиан, спасибо за новости. Я считаю очень важными контакты с аборигенами. Надеюсь, экспедиция закончится успешно.

— Скажи Крайдайки, что не успеет он открыть банку с тунцом, как я вернусь на пост.

— Скажу. Приятных снов, дорогая. — Джиллиан коснулась пластины, и свет постепенно померк. Хикахи мигнула, засыпая.

А Джиллиан направилась в другую часть лазарета, где Маканай принимает обеспокоенных здоровьем членов экипажа. Джиллиан покажет ей распределение изотопов, присланное Чарли, а потом вернется в лабораторию и еще немного поработает.

Хотелось лечь, но она знала, что долго не уснет. В настроении, подобном ее сегодняшнему, ложиться не следует.

Логика — благословение и проклятие ее воспитания. Она знала, где находится Том. Он пытается спасти их всех. И он это знает. Ему пришлось спешно уехать, и не было времени отыскать ее и попрощаться.

Джиллиан понимала и повторяла все это, плывя к себе. Но все равно не могла избавиться от мысли, насколько непривлекательна ее пустая постель.

Глава 19
КРАЙДАЙКИ

— Кининк — это наука о взаимоотношениях, — сказал он аудитории. — Это часть нашего дельфиньего наследия. Но кининк — это также умение сравнивать. Эту часть мы заимствуем

у своих человеческих патронов. Кининк — это такой же синтез взглядов мировоззрений, как и мы сами.

Перед ним плавали примерно тридцать неодельфинов, из их дыхал поднимались пузыри, слышались щелчки сонаров. Поскольку людей не было, Крайдайки не нужно было выдерживать четкие согласные и долгие гласные стандартного англика. Но, перенесенные на бумагу, его слова доставили бы удовольствие любому специалисту по английской грамматике.

— Подумайте об отражениях от поверхности океана, где вода встречается с воздухом, — предложил он своим ученикам. — Что говорят нам эти отражения?

Они смотрели удивленно.

— Как вы думаете, что я имею в виду? Говорю ли я об отражениях снизу, из-под воды, или сверху? Более того, я говорю об отражениях света или звука?

Он повернулся к одному из дельфинов. — Ватгасети, представь себе, что ты один из наших предков. Какая комбинация пришла бы тебе в голову?

Техник-двигателист мигнул.

— Звуковые отражения, капитан. Предразум-

ный дельфин подумал бы о звуковых отражениях от поверхности воды.

Голос техника звучал устало, но Ватгасети продолжал посещать занятия в лихорадочном стремлении к самоусовершенствованию. Именно для таких финов, как Ватгасети, очень занятой капитан находил время для лекций.

Крайдайки кивнул.

— Совершенно верно. А что подумают об отражениях люди?

— Об отражении света сверху, — тут же ответил повар кают-компании С'тат.

— Весьма вероятно, хотя мы знаем, что даже некоторые из «большеухих» со временем могут научиться слушать.

Все рассмеялись этой беззлобной шутке над патронами. Смех — барометр состояния экипажа, и капитан сверялся с ним, как мог бы измерить массу топливной пластины, зажав ее между зубами.

Крайдайки впервые заметил, что к группе подплыли Такката-Джим и Кта-Джон. И почувствовал смутную опасность. Такката-Джим сообщил бы ему, если бы происходило что-то важное. Но он как будто собрался просто послушать.

Если это признак начала конца его необъяснимой депрессии, Крайдайки рад. Он держал

Такката-Джима на корабле, не отсылая сопровождать Орли в группе спасателей, потому что не хотел упускать его из виду. И изредка подумывал о том, что пришла пора менять своих помощников. Он подождал, пока стихнет смех.

— А теперь подумайте. В чем мысли людей об отражении от поверхности воды аналогичны нашим?

Слушатели принялись сосредоточенно соображать. Это будет предпоследнее задание. Теперь, когда так много ремонтных работ, у Крайдайки было сильное искушение прекратить занятия. Однако очень многие хотят изучать кининк.

В начале полета в занятиях, играх, атлетических состязаниях участвовали почти все. Это помогало разгонять скуку космического перелета.

Но после страшного происшествия в Мелком скоплении, когда десять членов экипажа погибли при исследовании брошенного флота, многие стали обособляться, и экипаж разбился на мелкие группы. У некоторых даже начал проявляться странный атавизм — затруднения при использовании англика и при необходимости сосредоточиться, что так важно для астронавта.

Крайдайки вынужден был даже менять рас-

писание, подыскивая замены. Он поручил Такката-Джиму обеспечить пострадавших работой. Помощнику капитана это задание как будто понравилось. С помощью боцмана Кта-Джона он находил занятие даже для наиболее потерпевших.

Крайдайки внимательно вслушивался в плеск плавников, бульканье легких-жабр, ритм сердечных ударов. Такката-Джим и Кта-Джон плавали спокойно и, похоже, сосредоточенно. Но Крайдайки чувствовал скрытое напряжение.

Крайдайки вздрогнул, неожиданно представив себе мрачный взгляд помощника капитана и большие острые зубы боцмана. Подавил дрожь, браня себя за разыгравшееся воображение. У него нет оснований опасаться кого-либо из этих двоих!

— Мы размышляем о приграничных отражениях воздух-вода. — Он торопливо возобновил лекцию. — И дельфины, и люди думают о барьере, когда представляют себе поверхность воды. По другую сторону находится малодоступная область. Но современный человек, владея соответствующими средствами, не боится воды, как некогда. Неофин, владея своим снаряжением, может жить и работать в воздухе и смотреть под

воду, не испытывая неудобств. — Подумайте, как развивалась ваша мысль, когда вы услышали вопрос.

Вначале вы подумали о звуковых отражениях снизу. Наши предки на этом бы и остановились, но вы стали размышлять о возможных альтернативах. Это основной признак существа, способного планировать. Для нас это новое качество.

Таймер на доспехах Крайдайки зазвенел. Становится поздно. Хотя Крайдайки и устал, ему предстоит совещание, а потом нужно заглянуть на мостик и узнать, нет ли новостей от Орли.

— Как китообразное, чья наследственность и само устройство мозга позволяют только интуитивно мыслить, учится анализировать сложную проблему шаг за шагом? Иногда ключевой метод — умение сформулировать вопрос.

Потренируйтесь в свободные минуты.

— Попробуйте сформулировать проблему отражений от поверхности воды на тринари… таким образом, чтобы требовался не просто ответ или трехуровневая диспозиция, но самое простое перечисление возможных отражений.

Он увидел, что несколько финов смущенно нахмурились.

Капитан ободряюще улыбнулся.

— Я знаю, звучит трудно. И я не прошу вас это сделать сразу. Но, чтобы представить себе, как это делается, воспримите эхо этого сна.

Разделяющий слой
небесная звезда – морская звезда
Что первым придет к нам
под узким углом?

Охотящийся хватающий звезды спрут
Отражается!

Призывающий ночь поворот звезд
Отражается!

Звездный свет в глазах моей любимой
Отражается!

Солнце, беззвучное, позирующее солнце
Отражается!

Крайдайки был награжден широко раскрытыми глазами высоко оценившей его аудитории. Уходя, он заметил, что даже Такката-Джим медленно качает головой, словно обдумывая мысль, которая раньше никогда не приходила ему в голову.

После совещания Кта-Джон настаивал на своих аргументах.

— Видели? Ссслышали его, Такката-Джим?

— Видел и слышал, боцман. Как обычно, он произвел на меня впечатление. Крайдайки гений. Так что вы хотели мне сказать?

Кта-Джон хлопнул челюстями, — не очень вежливо по отношению к старшему офицеру.

— Он ничего не сказал о галактах! Ничего об осаде! Ничего о планах отхода. Или, если уж на то пошло, о плане сражения! И совершенно игнорировал растущую разобщенность экипажа!

Такката-Джим выпустил длинную струю пузырей.

— Которую вы очень умело организуете, Кта-Джон. Не трудитесь изображать невинность. Вы действовали тонко, и я знаю, что вы старались создать базу для меня. Поэтому я закрывал глаза. Но не слишком рассчитывайте, что Крайдайки этого долго не заметит. А когда заметит, Кта-Джон, берегите свой хвост! Потому что я ничего не знаю о ваших маленьких хитростях!

Кта-Джон молчал.

— А что касается планов Крайдайки, посмотрим, согласится ли он выслушать доктора Метца и меня или будет настаивать на своей мечте

порадовать Землю нераскрытыми тайнами.

Такката-Джим заметил, что гигант стенос собирается прервать его.

— Я знаю, вы считаете, что я должен предположить и третье. Вы хотели бы, чтобы мы выступили против галактов и справились с ними в одиночку, не так ли, Кта-Джон?

Огромный дельфин не ответил, но глаза его сверкнули.

«Правда ли, что ты, мой Босвелл, мой Ситон, мой Игорь, мой Яго? — подумал Такката-Джим, молча глядя на гиганта. — Ты служишь мне, но в конечном счете кто же кого использует — ты меня или я тебя?»

Глава 20
ГАЛАКТЫ

Битва кипела вокруг флотилии маленьких ксаппишских боевых кораблей.

— Мы потеряли КС'ктау и КС'кленну. Наша боевая мощь уменьшилась на треть.

Старший ксаппишский лейтенант вздохнул.

— Ну и что? Младший, мне нужны новости, а не то, что уже известно.

— Наши патроны ксатинни расходуют кли-

ентов, как реакторный газ, а свои силы берегут. Смотри, как они жмутся в сторону, готовые бежать, если битва станет слишком напряженной! А нас посылают в самое пекло.

— Так они себя ведут всегда, — согласился старший.

— Но если ксаппишский флот погибнет здесь напрасно, кто же защитит три наши крошечные планеты и обеспечит наши права?

— Тогда зачем же нам патроны? — Старший лейтенант понимал, что иронизирует. Он приладил экран, чтобы отразить неожиданную пси-атаку, не изменяя тональности голоса.

Младший не удостоил его ответом, но проворчал:

— А что нам сделали эти земляне? И чем они угрожают нашим патронам?

Испепеляющий залп боевого крейсера танду чуть-чуть задел левое крыло маленького ксаппишского разведчика. Младший лейтенант умело сманеврировал кораблем. Старший ответил на его вопрос, как будто ничего не произошло.

— Значит, ты не веришь, что прародители возвращаются.

Младший только фыркнул, работая с прицелом торпеды.

— Правильно. Я тоже считаю, что это часть программы, направленной на уничтожение землян. Старшие расы патронов видят в землянах угрозу. Земляне никем не воспитаны и потому опасны. Они используют революционную практику возвышения… тем более они опасны. Они союзники тимбрими, а это оскорбление, которое невозможно вынести. И они не обращаются в иную веру — самое непростительное преступление.

Разведчик вздрогнул: торпеда устремилась к истребителю танду.

Маленький корабль набрал скорость, чтобы отойти подальше.

— Я считаю, мы должны выслушать землян, — прокричал младший лейтенант. — Если все расы клиентов в галактике восстанут одновременно…

— Так уже случалось, — прервал старший. — Изучай записи Библиотеки.

Шесть раз в галактической истории. И дважды успешно.

— Неужели? И что же произошло?

— А как ты думаешь? Клиенты стали патронами новых видов, но обращались с этими разумными так же, как когда-то обращались с ними!

— Не могу поверить!

Старший лейтенант вздохнул.

— Посмотри сам.

— Посмотрю!

Но не смог. На пути корабля оказалась незамеченная антивероятностная мина. Маленький корабль покинул галактику красиво и, к сожалению, навечно.

Глава 21
ДЭННИ И ТОШИО

Дэнни еще раз проверила заряды. В шахте, где проходил корень дерева-сверла, было темно и тесно. В лучах фонаря со шлема многочисленные корни отбрасывали густые тени.

Дэнни крикнула снизу:

— Ты закончил, Тошио?

Он размещал взрывчатку в верхней части корня, вблизи поверхности металлического острова.

— Да, Дэнни. Если закончила, спускайся ниже. Я присоединюсь к тебе через минуту.

Она даже не видела над собой его ноги в ластах. Его голос в заполненном водой стволе был искаженным. Какое счастье уйти отсюда.

Дэнни осторожно пробиралась вниз, борясь с приступом клаустрофобии.

Такую работу она бы никогда себе не выбрала.

Но сделать это нужно, а природа не приспособила дельфинов для таких дел.

На полпути вниз она запуталась во вьюнке. Потянула, но он не подался, а только еще больше оплетал ее, и она ярко представила себе водоросль-убийцу, о которой рассказывал Тошио. Паника чуть не овладела ею, но она заставила себя перестать биться, глубоко вдохнуть и осмотреться.

Просто засохшая лоза, которая обернулась вокруг ноги. Нож легко разрезал ее. Дэнни продолжала спускаться еще осторожнее и оказалась наконец в гроте под металлическим островом.

Здесь ждали Кипиру и Сахот. Похожие на шланги дыхатели закрывали их дыхала и обертывались вокруг торсов. Лучи прожекторов двух саней рассеивались тысячами нитей, которые заполняли грот, словно ползучим туманом. Сквозь входное отверстие грота пробивался слабый свет.

Звучит эхо, в этом гроте
Не очень хорошо ловить рыбу.

Дэнни посмотрела на Сахота, не уверенная, правильно ли она поняла поэтику тринари.

— Когда Тошио закончит, нам лучше выбраться

отсюда. Взрыв очень сильно тряхнет эту пещеру. Не думаю, чтобы это было полезно.

Кипиру согласно кивнул. Покинув корабль, на пути сюда военный командир экспедиции большей частью молчал.

Дэнни осмотрела подводную пещеру. Коралловидные микроскопические мусорщики выстроили свой замок на силикатном хребте океанского дна.

Сооружение росло медленно, но когда остров наконец поднялся над водой, появилась жизнь на его вершине. И среди выросших растений оказалось дерево-сверло.

Это растение каким-то образом прорезало металлическую сердцевину острова и добралось до богатого органикой слоя под ним. Снизу извлекались минералы и перемещались вверх. Постепенно ширились пустоты, из-за которых металлический холм когда-нибудь обрушится.

Дэнни, как экологу, показалось что-то неправильным в такой организации. А микроветвь Библиотеки на «Стремительном» вообще не упоминала эти металлические холмы, что было само по себе странно.

Даже не верилось, что дерево-сверло развилось в своей экологической нише постепенно, анало-

гично таким организмам. Дерево существовало по принципу «все или ничего», который требовал большой энергии и настойчивости. Дэнни удивлялась, как это могло получиться.

А что происходит с холмами, когда они падают в приготовленные для них деревьями полости? Она видела несколько ям, поглотивших такие острова. В глубине они были темны и тусклы; по-видимому, они гораздо глубже, чем думаешь.

Дэнни осветила фонарем основание холма. Отражение поразительное. Она ожидала чего-нибудь рваного и неправильного, но фонарь осветил правильное углубление в ровной и гладкой поверхности металла.

Дэнни подплыла к одному из таких углублений, прихватив с собой камеру. Чарли Дарту захочется иметь снимки и образцы из этой экспедиции.

Она, конечно, понимала, что на благодарность рассчитывать не приходится.

Напротив, какой-нибудь нечеткий снимок приведет его в ярость из-за ее неспособности увидеть очевидное.

В одной из ям, на глубине, что-то двигалось, угадывались медленные повороты. Дэнни направила туда луч света и всмотрелась. Какой-то корень.

Она видела, как несколько плавающих лент были подхвачены ответвлениями этого корня и притянуты к нему. Сама взяла несколько таких лент в качестве образца.

— Пошли, Дэнни! — услышала она крик Тошио. Послышался громкий звук, и рядом с ней появились сани. — Пошли. До взрыва всего пять минут!

— Хорошо, хорошо, — ответила она. — Еще минутку. — Профессиональное любопытство на время пересилило все другое. Дэнни не могла понять, зачем живой организм углубляется в темноту, в почти чистый металл. Она протянула руку в яму и взяла вращающийся корень, потом уперлась в стену холма и сильно потянула.

Вначале корень показался необыкновенно прочным, он не поддавался и даже тащил ее к себе. И Дэнни отчетливо представила, что оказалась в ловушке.

Неожиданно корень оторвался. Укладывая его в сумку для образцов, Дэнни заметила блестящий твердый конец. Взмахнула плавниками и оттолкнулась от металлической поверхности.

Кипиру укоризненно поглядел на нее, когда она ухватилась за сани.

Направил машину к выходу из пещеры на

дневной свет, где ждали Тошио и Сахот. Чуть позже раздался громкий взрыв, и звучное эхо пронеслось по мелководью.

Они ждали час, потом вернулись в грот.

Заряды разорвали ствол дерева-сверла в том месте, где он перерезал основание металлического холма. Наклоненный ствол уходил в неясную глубину. В отверстие все еще падали обломки. Полость под островом густо заросла качающимися кустами.

К отверстию приближались осторожно.

— Вначале, пожалуй, вышлю робота, — сказал Тошио. — Может быть, в стволе остались подвижные куски.

Я сделаю это, Бегущий-по-Лестнице
Роботу нужно мое – нервное гнездо.

Тошио кивнул.

— Да, ты прав. Сделай, Кипиру. — Пилот, который может подсоединить машину непосредственно к нервным окончаниями, сможет управлять ею лучше Тошио. Из людей на борту только у Эмерсона Д'Анита и Томаса Орли были такие гнезда. Пройдет немало времени, прежде чем люди преодолеют побочные эффекты таких подключений; а дельфины к ним приспособлены

генетически, и им такие гнезда гораздо нужнее.

Под руководством Кипиру маленький зонд отсоединился от саней. Подплыл к дыре и исчез в ней.

Тошио никак не думал, что его отправят назад вместе с Кипиру — туда, где, по его мнению, они оба вели себя не лучшим образом. Важность их задачи — защищать двух ведущих ученых и помогать им — еще больше смущала его. Почему Крайдайки не назначил кого-то другого? Более надежного?

Конечно, капитан мог отправить их всех четверых с корабля, просто чтобы избавиться. Но это тоже не похоже на правду.

И Тошио решил не искать логику поступков Крайдайки. Может, поэтому он и капитан. Только он знал, что они с Кипиру намерены справиться с заданием как можно лучше.

Как гардемарин, рангом он выше Кипиру. Но по традиции дежурные офицеры и пилоты распоряжаются гардемаринами, если только капитан не решает по-иному. Тошио помогает Дэнни и Сахоту в их исследованиях. А в военных вопросах старшим является Кипиру.

Тошио все еще удивлялся, что старшие останавливаются и выслушивают его предложения; его

решения принимаются. К этому еще необходимо привыкнуть.

На экране явилось изображение, посылаемое роботом, — цилиндрическая пустота в пенистом металле. Видны были сломанные корни — напоминание о главном стволе дерева-сверла. Мимо камеры проплывали вниз какие-то обрывки.

Робот поднимался, и в отверстие сквозь струи пузырьков пробивался свет его фонаря.

— Как вы думаете, достаточно широко для саней? — спросил Тошио.

Робот вынырнул в бассейне в несколько метров шириной. Его камера развернулась, и на экране появилось изображение голубого неба и густой зеленой листвы. Высокий ствол дерева-сверла рухнул в лес. Снизу трудно было разглядеть, какой это принесло ущерб, но Тошио был уверен, что ствол упал в сторону от деревни аборигенов. Они опасались, что взрыв вызовет панику у обитателей острова. Но решили все же рискнуть, потому что подниматься обычным путем на предательские склоны острова опасно, да к тому же их могли обнаружить спутники-шпионы галактов. А на случайное падение дерева на острове вряд ли сверху кто-нибудь обратит внимание.

— Наверху, — показал Тошио.

Дэнни придвинулась к экрану.

— В чем дело, Тош? Проблема?

Кипиру склонился к камере, собираясь закончить обзор.

— Вот, — сказал Тошио. — Этот неровный кусок коралла, нависающий над бассейном, похоже, может упасть.

— Может, робот что-нибудь под него подсунет, чтобы помешать этому?

— Не знаю. Как ты думаешь, Кипиру?

Кое-какие планы могут сработать –
Если позволит судьба
Давайте рискнем
И просто попробуем.

Кипиру посмотрел на свои два экрана и сосредоточился. Тошио знал, что пилот вслушивается в сложный рисунок звуковых отражений, передаваемых через гнездо нервных импульсов. По приказу Кипиру робот двинулся вдоль края бассейна. Его когтистые механические руки ухватили край и потянули.

Посыпался град камней.

— Берегись! — крикнул Тошио.

Неровный кусок скалы наклонился. Камера показала, как он угрожающе пошатывается. Дэнни

отшатнулась от экрана. Потом скала перевернулась и обрушилась на робота.

Последовал калейдоскоп изображений. Дэнни продолжала смотреть на экран, но Кипиру и Тошио вглядывались в ствол. Неожиданно целый дождь осколков вылетел из отверстия и исчез внизу. Осколки сверкали в свете саней, исчезая в пропасти.

После долгого молчания Кипиру сказал:

Зонд там, внизу – легкие его не дышат
Меня пощадило – и я не испытал
ощущений смерти
Робот еще жив – там слышно эхо.

Кипиру хотел сказать, что робот по-прежнему шлет сообщения с какого-то выступа в глубине, на котором застрял. Его крошечный мозг и передатчик не погибли, и Кипиру не испытал шок от внезапного обрыва связи с его нервной системой.

Но баки робота, обеспечивающие его плавучесть, уничтожены. Он навсегда останется внизу.

Должно быть, это – последнее препятствие

Я пойду туда
осторожно
проверю
Дэнни, возьми сани – и следи за мной!

Прежде чем Кипиру и Тошио смогли его остановить, Сахот отплыл от саней. Мощно ударил плавником и исчез в стволе. Кипиру и Тошио переглянулись, рассердившись на сумасшедшего штатского.

«По крайней мере он взял с собой камеру», — подумал Тошио. Но если бы Сахот подождал, у Тошио появилась бы сомнительная привилегия настаивать на том, чтобы самому разведать проход.

Он посмотрел на Дэнни. Она следила за экраном робота, как будто могла на нем разглядеть, что происходит с Сахотом. Надо подсказать, прежде чем она возьмет на себя управление вторыми санями.

Тошио всегда думал о Дэнни Судман, как о взрослом ученом, дружелюбном, но непонятном. Но теперь он увидел, что она такая же незрелая, как он. И, хоть и пользуется почетом и статусом профессионала, ей не хватает эффективности и офицерской подготовки, которые есть у него.

Более того, на протяжении своей карьеры ей вряд ли доведется встретиться с такими же людьми и ситуациями, что ждут его.

Он снова посмотрел на вход в ствол. Кипиру нервно выдувал пузыри.

Придется принимать какое-то решение, если Сахот не появится.

Сахот, очевидно, результат генетического эксперимента с рассчитанным оптимумом. Если эксперимент окажется удачным, такое сочетание генов будет добавлено в генетический фонд дельфинов. Этот процесс повторяет, но гораздо быстрее, разделение и смешение, осуществляемые природой.

Но иногда такие эксперименты заканчиваются непредвиденными результатами.

Тошио не знал, можно ли доверять Сахоту. Скрытность этого дельфина не похожа на непроницаемость основательного и задумчивого Крайдайки.

Напротив, похожа на скрытность некоторых знакомых людей.

И еще эти сексуальные игры Сахота с Дэнни. Он, конечно, не ханжа.

Такое, строго говоря, не запрещено, но известно, что это порождает проблемы.

По-видимому, Дэнни не понимает, что сама подсознательно поощряет Сахота. Тошио подумал, хватит ли у него решимости сказать ей об этом. А может, это не его дело?

Прошла еще одна напряженная минута. И когда Тошио собрался нырнуть сам, из ствола выскочил Сахот и повернул перед ними.

Путь чист –
Я поведу вас к воздуху!

Кипиру направил сани к дельфину-антропологу и произнес что-то настолько высоко, что даже Тошио, со своим калафианским восприятием, не разобрал.

Сахот дернулся и неохотно захлопнул пасть, признавая свое подчиненное положение. Но во взгляде его по-прежнему было что-то вызывающее. Он посмотрел на Дэнни, переворачиваясь и подставляя Кипиру один из своих брюшных плавников. Пилот символически укусил его и повернулся к остальным.

Теперь пошли –
Оставим эти дыхатели
Поговорим как земляне
О нашей работе

И встретим наше будущее
Братья-пилоты.

Сани двинулись в ствол, оставленный деревом-сверлом, и начали подниматься в облаке пузырей. Люди и дельфины последовали за ними.

Глава 22
КРАЙДАЙКИ

Совещание длилось слишком долго.

Крайдайки пожалел, что разрешил Чарлзу Дарту присутствовать в виде голограммы. Планетолог-шимп был бы не столь многословен, если бы ему, мокрому и в маске, пришлось дышать оксиводой в центральном отсеке.

Дарт развалился в своей лаборатории, отправив в конференц-зал цилиндрического корпуса «Стремительного» только свое изображение. Он, очевидно, не замечал ерзанья слушателей. Дышать в течение двух часов оксиводой неофину очень тяжело.

— Естественно, капитан, — разносился в воде хриплый баритон шимпанзе.

— Когда вы решили посадить корабль вблизи главного тектонического разлома, я одобрил

ваш выбор. Иначе я не смог бы получить столько ценной информации, не сходя с места. Однако я определил еще семь или восемь многообещающих точек на поверхности Китрупа, чтобы проверить некоторые весьма интересные открытия, которые мы здесь сделали.

Крайдайки слегка удивился, услышав «мы». Впервые Чарли проявляет такую скромность.

Капитан взглянул на плававшего поблизости Брукиду. Когда знания металлурга не требовались ремонтникам, он работал с Чарли Дартом. Он все время молчал, предоставляя Дарту фонтанировать профессионализмами, отчего у Крайдайки начинала кружиться голова.

«Что с Брукидой? Неужели он тоже считает, что у капитана корабля, оказавшегося в осаде, нет дел поважнее?»

Хикахи, недавно выписанная из лазарета, перевернулась на спину, дыша насыщенной кислородом жидкостью и поглядывая одним глазом на голограмму шимпанзе.

«Что же она со мной делает, — подумал Крайдайки. — Мне и без того трудно сосредоточиться».

Долгие совещания всегда утомляли Крайдайки. Он чувствовал, как застаивается кровь в его

мошонке. На самом деле ему хочется подплыть к Хикахи и куснуть ее во все места: выше и ниже за бока.

Конечно, странное желание, тем более при всех, но, по крайней мере, он честен перед собой.

— Планетолог Дарт, — вздохнул он. — Я стараюсь понять, что, по вашему мнению, вы обнаружили. Кажется, я понял ту часть, которая связана с различными кристаллическими и изотопными аномалиями в коре Китрупа. Что касается зоны подчинения…

— Зона подчинения — это граница между двумя плитами коры, где одна плита скользит по другой, — прервал Чарли.

Крайдайки пожалел, что не может отругать шимпа. Это было бы недостойно.

— В таком объеме я знаю планетологию, доктор Дарт. — Он говорил очень взвешенно. — И я рад, что наше пребывание вблизи такой зоны оказалось полезным для вас. Однако вы должжжны понять, что наш выбор месста посадки осснован на тактических сссображениях. Нам нужны были металлы и маскировка; и то и другое нам давали «коралловые» острова. Мы приземлились здесь, чтобы спрятаться и отремонтировать корабль. Сейчас, когда у нас над головой крейсеры

врага, я не могу разрешить экспедиции в другие районы планеты. И вообще я вынужден запретить вам дальнейшее бурение и здесь.

Теперь, когда появились галакты, риск слишком велик.

Шимп нахмурился. Руки его замелькали. Крайдайки не дал ему заговорить.

— К тому же что сообщает корабельная микроветвь о Китрупе? Разве Библиотека не дает ответа на ваши проблемы?

— Библиотека! — фыркнул Дарт. — Собрание лжи! Застывшая трясина дезинформации! — Голос Дарта перешел в рычание. — Об аномалиях ни слова!

Даже не упоминаются металлические острова! Исследование проводилось свыше четырехсот миллионов лет назад, когда планету перевели в резервный статус для карранка…

Чарли так старался произнести это непроизносимое название с двойной гортанной остановкой, что чуть не задохнулся. Его глаза выкатились, он заколотил в грудь и закашлялся.

Крайдайки повернулся к Брукиде.

— Это так? Библиотека дает неверные сведения о планете?

— Да, — медленно кивнул Брукида. — Четыре-

ста эпох — это очень долго.

Когда планету переводят в резерв, она остается невозделанной, дожидаясь, пока подрастет предразумная раса, пригодная для возвышения. Или такую планету предоставляют древней расе, впавшей в старческое бессилие, для спокойного упадка. Такие планеты становятся либо яслями, либо богадельнями.

— На Китрупе как будто произошло и то и другое. Мы обнаружили предразумную расу, которая, очевидно, развилась уже после исследования, давшего информацию Библиотеке. И еще эти… карранк%… — Брукиде тоже было очень трудно выговорить. — Им предоставили планету для спокойной смерти. Здесь как будто нет больше… карранк%.

— Но четыреста эпох без исследования? Трудно себе представить.

— Да, обычная планета давно была бы вторично лицензирована Институтом Миграции. Но Китруп — такая странная планета. Мало кто согласился бы жить на ней. И удобных подходов к ней нет. В этом районе космоса очень низкий уровень радиации. Кстати, поэтому мы сюда и прилетели.

К Чарлзу Дарту вернулась способность дышать.

Он отпил воды из стакана. Во время передышки Крайдайки лежал неподвижно и размышлял.

Несмотря на доводы Брукиды, казалось невероятным, что Китруп могли оставить невозделанным так надолго — в перенаселенной галактике, где идет борьба за каждую пригодную для жизни планету.

Институт Миграции — единственная бюрократическая структура галактики, чьи власть и влияние соперничают с самим Институтом Библиотеки. По традиции все расы патронов подчиняются законам управления экосферой; поступить иначе означало бы вызвать катастрофу галактического масштаба.

Представление, что предразумные расы превратятся в клиентов, а потом и в патронов, приводит к консерватизму в галактических масштабах.

Большинство галактов закрывают глаза на доконтактные подвиги человечества. Уничтожение мамонтов, гигантских наземных ленивцев и ламантина простили из-за «сиротского» статуса человечества. Настоящую вину возложили на гипотетических патронов Homo sapiens — загадочную необнаруженную расу, которая оставила человечество, не завершив процесс его возвышения, много тысяч лет назад.

Дельфины знали, как близки были китообразные к гибели от руки человека, но за пределами Земли никогда не упоминали об этом. Плохо или хорошо, но судьба их навсегда связана с судьбой человечества.

Земля принадлежит человечеству, пока оно не погибнет или не переселится. Десять колонизированных людьми планет переданы Земле по лицензии на основе сложного плана управления экологией. Самый короткий срок лицензии — шесть тысяч лет. По окончании этого периода колонистам Атласта придется удалиться, оставив планету невозделанной.

— Четыреста миллионов лет, — размышлял Крайдайки. — Небывало длительный период для релаксации планеты.

— Согласен! — закричал Чарлз Дарт, совершенно оправившийся от приступа. — А если я вам скажу, что есть признаки присутствия на Китрупе технологической цивилизации всего тридцать тысяч лет назад? Без всякого упоминания о ней в Библиотеке?

Хикахи подплыла поближе.

— Вы считаете, доктор Дарт, что эти аномалии в коре — отбросы цивилизации, незаконно появившейся на планете?

— Да! — воскликнул он. — Совершенно верно! Отличная догадка!

— Вы все знаете, что экочувствительные расы сосредотачивают основные усилия как раз на разломах тектонических плит. Таким образом, когда планету впоследствии провозглашают невозделанной, все следы пребывания втягиваются под мантию и исчезают. Некоторые думают, что на Земле не сохранилось никаких следов предшествующих обитателей.

Хикахи кивнула.

— А если какая-то раса поселилась незаконно…

— Она будет жить на границе плит! Библиотека исследует планеты через очень длительные интервалы. Следы вторжения к тому времени исчезают под корой! — Шимп оживленно посмотрел с экрана.

Крайдайки трудно было воспринимать все это серьезно. В устах Чарли все звучит как детективный роман! Только преступниками оказываются цивилизации, улики — целые материки, а все следы преступления прячутся под корой планеты! Настоящее преступление! Ведь коп дежурит на углу и заглядывает сюда раз в несколько миллионов лет, и всегда с опозданием.

Крайдайки понимал, что все его метафоры че-

ловеческие. Неудивительно.

Конечно, есть темы, например полеты в искривленном пространстве, в которых дельфиньи аналогии полезнее. Но когда думаешь о безумной политике галактов, помогают старые человеческие кинотриллеры и тома невероятной истории человечества.

Брукида и Дарт принялись спорить по какому-то техническому вопросу… и Крайдайки смог подумать о вкусе воды, в которой плавала Хикахи. Он очень хотел спросить ее, соответствует ли этот вкус его представлениям. Это косметика или естественные феромоны?

С усилием он вернулся к обсуждавшемуся вопросу.

Открытие Чарли и Брукиды в нормальных условиях вызвало бы большое оживление.

«Но оно не имеет отношения к спасению корабля и экипажа. И не дает возможности передать информацию Совету Земли. Даже изучение предразумных аборигенов сейчас важнее, чем охота за скрытыми следами в древних скалах».

— Прошу прощения за опоздание, капитан, но что-то я уже уловил.

Крайдайки повернулся и увидел подплывающего к себе доктора Игнасио Метца. Худой

седовласый психолог медленно греб в воде, небрежно компенсируя малую подъемную силу. Обтягивающий костюм позволял увидеть небольшой животик.

Теперь Дарт и Брукида спорили о периодах полураспада, тяготении и ударах метеоритов. Хикахи это, очевидно, заинтересовало.

— Добро пожаловать, доктор Метц, хоть вы и опоздали. Я рад, что вы смогли выбраться.

Крайдайки удивился, что не услышал приближения человека. Обычно Метц появлялся с шумом, который было слышно в другом конце отсека. Иногда на уровне двух килогерц. Сейчас шум был едва заметен, но временами это здорово раздражало. И как Метц мог столько проработать с финами, не избавившись от подобной привычки?

«Теперь я рассуждаю, как Чарли Дарт! — Крайдайки упрекнул себя. — Не будь глуп, Крайдайки!»

И мысленно просвистел строфу:

Те, кто живет
Вибрируют
Всем телом
И их дрожь

Вливается в музыку мира.

— Капитан, я пришел по другой причине, но открытие доктора Дарта и Брукиды может иметь к этому отношение. Мы можем поговорить наедине?

Крайдайки молчал. Ему скоро нужно будет отдохнуть и размяться.

Усталость уже сказывается на его действиях, и это может плохо отразиться на «Стремительном».

Но с этим человеком нужно быть осторожным. Метц не может приказывать ему — ни на борту «Стремительного», ни в других местах, но он обладает властью, причем очень специфической. Крайдайки знал, что его право на потомство гарантировано, как бы ни закончилась эта экспедиция. Но оценка Метца все же очень важна. И все дельфины на борту старались вести себя по отношению к нему «разумно». Даже капитан.

«Может, именно поэтому я избегаю столкновения», — подумал Крайдайки.

Но вскоре он вынужден будет задать доктору Метцу несколько вопросов относительно определенных членов экипажа «Стремительного».

— Хорошо, доктор, — ответил он. — Дайте мне еще минутку. Кажется, здесь мы закончили.

По кивку Крайдайки Хикахи подплыла ближе. Улыбнулась и плеснула грудным плавником в Метца.

— Хикахи, пожалуйста, заканчивай за меня. Не давай им больше десяти минут, потом суммируй их предложения. Через час встретимся в бассейне для отдыха А-3, и я выслушаю твои рекомендации.

Она, как и он, использовала быстрый и гибкий подводный англик:

— Есть, капитан. Еще какие-нибудь приказы?

Черт побери! Крайдайки отлично знает, что сонар Хикахи выдал ей его сексуальное возбуждение. У самца это легко определить. А, чтобы сказать то же самое о ней, ему необходимо тщательно просветить сонаром все ее внутренности, а это невежливо.

Гораздо проще было раньше!

Ну что ж, через час он все узнает. Одна из привилегий капитана — приказать освободить бассейн для отдыха. И уж тогда пусть ничего не помешает.

— Спасибо, Хикахи. Исполняй!

Она резко отсалютовала механической рукой своих доспехов. Брукида и Чарли продолжали спорить, а Крайдайки повернулся к Метцу.

— Нам хватит времени, если мы отправимся на мостик кружным путем, доктор? Я хотел бы повидаться с Такката-Джимом, прежде чем заняться другими делами.

— Отлично, капитан. Много времени мне не понадобится.

Крайдайки старался выглядеть невозмутимо. Почему улыбается Метц? Что он мог заметить?

— Меня по-прежнему смущает цепь вулканов в трехтысячекилометровой зоне, где всссстречаются две плиты, — сказал Брукида. Он говорил медленно, отчасти для Чарли, отчасти из-за того, что в оксиводе трудно спорить.

Кажется, что всегда не хватает воздуха.

— Если посссмотреть на сделанные с орб-биты исследовательские карты, видно, что на планете вулканы редки. Но здесь их очень много, и все они небольшого раз-змера.

Чарли пожал плечами.

— Не вижу логики, старина. Просто небольшое совпадение.

— Но ведь это единственная область, где есть металлические острова, — неожиданно сказала Хикахи. — Я не специалист, но астронавт привыкает настороженно относиться к двум совпадениям сразу.

Чарли как будто собрался заговорить, но передумал. Наконец он сказал:

— Очень хорошо! Брукида, вы считаете, что эти коралловые существа нуждаются в корме, который может поставляться только этим типом вулканов?

— Возззможно. Наш специалист по экзобиологии Дэнни Судман. Она сейчас на одном из островов, исследует аборигенов. — Она должна прихватить для нас образцы. — Чарли потер руки. — Как вы думаете, можно попросить ее заглянуть в район вулканов? Не очень далеко, конечно, после того, что сказал Крайдайки. К маленькому вулкану, крошечному.

Хикахи со свистом рассмеялась. Этот тип рехнулся! Но его энтузиазм заразителен, это прекрасная возможность отвлечься от тревог. Если бы она умела прятаться от опасностей вселенной в абстракциях, как Чарли Дарт.

— И определить температуру! — воскликнул Чарли. — Дэнни сделает это для меня. Ведь я так для нее старался!

Крайдайки описал широкую спираль вокруг плывущего человека, разминая мышцы и изгибая спину.

Через нейросоединение подал команду глав-

ным манипуляторам согнуться.

Словно человек, разминающий руки.

— Ну хорошо, доктор. Чем я могу быть вам полезен?

Метц плыл неторопливыми гребками. Он дружелюбно посмотрел на Крайдайки.

— Капитан, я считаю, пора слегка пересмотреть нашу стратегию. Со времени нашего прилета на Китруп положение изменилось. Нам нужны новые подходы.

— Вы можете говорить определеннее?

— Конечно. Как вы помните, мы бежали из пункта перехода у Морграна, потому что не хотели погибнуть в засаде семи флотов. Вы быстро поняли, что даже если мы сдадимся одной группе, другие нападут на нее, и это неизбежно повлечет наше уничтожение. Тогда я не сразу понял логику вашего решения.

Теперь я его приветствую. Конечно, это был великолепный тактический маневр.

— Спасибо, доктор Метц. Вы, разумеется, не упоминаете другой причины нашего бегства. Совет Земли приказал доставить информацию непосредственно ему, без всякой утечки в пути. Наше пленение, несомненно, можно назвать «утечкой».

— Да! — согласился Метц. — И ситуация осталась прежней, когда мы прилетели на Китруп — повторяю, я считаю этот ход вдохновенным. С моей точки зрения, нас обнаружили из-за неудачи.

Крайдайки воздержался от замечания, что их еще все же пока не обнаружили. Окружили — да, но в сети не поймали.

— Продолжайте, — предложил он.

— Пока существовала вероятность, что нас не захватят, ваша стратегия себя оправдывала. Но обстоятельства изменились. Шансы на бегство теперь близки к нулю. Китруп остается полезен нам, как убежище от битвы, но не сможет нас скрывать, когда появится победитель.

— Вы считаете, нам не избежать пленения?

— Совершенно верно. Я считаю, что мы должны пересмотреть приоритеты и обдумать наши действия в случае неблагоприятных последствий.

— Какие приоритеты вы считаете важнейшими? — Крайдайки заранее знал ответ.

— Конечно, сохранение корабля и экипажа! Наблюдения за ними. Ведь в конце концов это главная цель нашего полета, а? — Метц остановился и перебирал руками в воде, глядя на Крайдайки, как учитель на ученика.

Крайдайки мог бы перечислить с полдюжины задач, поставленных перед «Стремительным», начиная с проверки истинности некоторых утверждений Библиотеки и кончая разведывательным заданием Томаса Орли.

Все эти задачи очень важны, но главная — оценить возможности корабля с экипажем из дельфинов. Сам «Стремительный» и его экипаж — вот главный эксперимент.

Но все очень изменилось с тех пор, как они обнаружили брошенный флот!

Он действовал уже не в тех приоритетах, которые существовали в начале полета. Но как это объяснить такому человеку, как Метц?

«Справедливость, — подумал Крайдайки, — ты бежала к диким зверям, а люди утратили рассудок…» — Иногда ему казалось, что Бард сам был полудельфином.

— Я разделяю вашу точку зрения, доктор Метц. Но не вижу, каким образом она сможет изменить нашу стратегию. Стоит нам лишь высунуть нос из китрупского моря, как по-прежнему нам грозит уничтожение.

— Мы сделаем это только тогда, когда победитель еще не определится.

Разумеется, мы не станем высовываться под

перекрестный огонь.

— Но вот когда обнаружится победитель, мы сможем начать переговоры. И если будем вести себя разумно, еще обеспечим успех всего полета!

Крайдайки вновь медленно заскользил по спирали, заставляя генетика плыть вместе с ним к мостику.

— Что, по вашему мнению, мы можем предложить на переговорах, доктор Метц?

Метц улыбнулся.

— Во-первых, у нас есть информация, которую буквально выкопали Брукида и Чарлз Дарт. Институт награждает тех, кто сообщает об экологических преступлениях. Большинство сражающихся групп относятся к консерваторам-традиционалистам и высоко оценят наше открытие.

Крайдайки воздержался от насмешек над наивностью человека.

— Продолжайте, доктор, — спокойно сказал он. — Что еще мы можем пред-дложить?

— Честь нашей экспедиции, капитан. Даже если наши победители решат задержать на время «Стремительный», они не могут не сочувствовать цели полета. Научить клиентов освоиться в космосе — одна из основных задач возвышения.

Они разрешат отправить часть экипажа домой с рапортом об оценке поведения, чтобы продолжался прогресс в астронавтике дельфинов. Для них поступить иначе — все равно что мешать развитию ребенка, потому что они поссорились с его родителями!

«А сколько человеческих детей было предано пыткам и убито из-за грехов родителей в ваши Темные Века?» — Крайдайки хотел спросить, кто же будет тем послом, который отвезет на Землю данные о возвышении, пока «Стремительный» находится в плену.

— Доктор Метц, мне кажется, вы недооцениваете фанатизм воюющих. Еще что-нибудь?

— Конечно. Самое важное я приберег напоследок. — Метц, подчеркивая свои слова, коснулся плавника Крайдайки. — Мы должны подумать, капитан, над тем, чтобы отдать галактам то, что им нужно.

Крайдайки ожидал этого.

— Вы считаете, что мы должны сообщить им, где находится брошенный флот?

— Да, а также отдать все найденные нами сувениры.

Крайдайки сохранял равнодушное выражение.

«Интересно, что он знает о Херби Джилли-

ан, — подумал он. — Великий Спящий! Этот труп начинает создавать проблемы!»

— Капитан, вспомните: краткое сообщение с Земли приказывало нам скрываться и хранить наши координаты в тайне! Также говорилось, что решения мы должны принимать по обстоятельствам.

— Неужели наше молчание надолго задержит обнаружение этого флота, теперь, когда о нем стало известно? Несомненно, половина патронов пяти галактик выслала кучи разведывательных кораблей, которые постараются повторить наше открытие. Они будут заглядывать во все тусклые редко посещаемые шаровые скопления. И только вопрос времени, когда они наткнутся на нужный гравитационный бассейн и на нужное скопление.

Крайдайки считал это маловероятным. Галакты нередко думают, как земляне, и вряд ли будут проводить поиск таким образом. Доказательство — то, что флот так долго не был обнаружен. Но Метц, вероятно, прав. — В таком случае, доктор, почему бы нам сразу не сообщить о местонахождении флота Библиотеке? Оно станет общеизвестно и больше не будет нас касаться. Такое большое открытие должно исследоваться

группой, получившей лицензию Института.

Крайдайки иронизировал, но, когда Метц взглянул на него покровительственно, понял, что его слова восприняты всерьез.

— Вы наивны, капитан. Фанатики над нашими головами не очень считаются с галактическими законами, рассчитанными на миллионы лет, если впереди у них только тысячелетия. Если все узнают, где находится брошенный флот, битва переместится туда! Эти древние корабли погибнут в перекрестном огне, какое бы мощное защитное поле их ни окружало. И галакты все равно постараются захватить нас, если решат, что им солгали!

Они приплыли на мостик. Крайдайки остановился.

— Лучше одной из соперничающих групп получить сведения и возможность исследовать флот?

— Да! В конце концов, что нам эти пустые корпуса? Опасное место, где мы потеряли корабль и десяток лучших членов экипажа. Мы не преклоняемся перед предками, как эти неистовые ити. Нас лишь умозрительно интересует, где флот, сохранившийся со времен прародителей, или где сами прародители!

Из-за этого не стоит умирать. Если мы чему-то и

научились за последние двести лет, так это тому, что малые расы, новички, как мы, должны своевременно уходить с дороги больших парней, как соро или губру, когда они начинают уничтожать друг друга!

Седые волосы доктора Метца разлетались, он намеренно покачивал головой. Вокруг него возник ореол из пузырей.

Крайдайки не мог бы изменить свое отношение к Метцу, но когда того покинула привычная сдержанность и охватил энтузиазм, он стал капитану почти приятен.

К несчастью, Метц ошибается в самых основах своих рассуждений.

В доспехах Крайдайки зазвенело. Вздрогнув, он понял, что уже очень поздно.

— Ваши аргументы очень интересны, доктор Метц. Но у меня нет больше времени. Никакого решения не будет принято без ведома совета корабля.

Согласны?

— Да. Однако, мне кажется…

— Кстати, о сражении над Китрупом. Мне надо узнать, что может сообщить Такката-Джим. — Капитан не намерен столько времени проводить с Метцем. И не хотел пропускать долгожданных

упражнений.

Но Метц не отпускал его.

— Да. Когда вы сказали о Такката-Джиме, я вспомнил, что хотел еще кое о чем поговорить с вами, капитан. Меня беспокоит ощущение социальной изоляции, которое испытывают члены экипажа экспериментальных разновидностей. Они жалуются на остракизм и на большую загруженность.

— Вы имеете в виду некоторых стеносов?

Во взгляде Метца промелькнула растерянность.

— Это бытовое название. Кажется, оно прижилось, хотя все неодельфины таксономически Tursiopus Amicus…

— Я контролирую ситуацию, доктор Метц. — Крайдайки было теперь все равно, что он перебивал человека. — Принимаю специальные меры и считаю, что мне удастся сохранить единство экипажа.

Только с десяток стеносов проявляли недовольство. Крайдайки подозревал, что это атавизм, отступление от разумности под влиянием страха и напряжения. А эксперт доктор Метц, по-видимому, считает, что большинство экипажа «Стремительного» впало в расизм.

— Вы хотите сказать, что у Такката-Джима тоже возникли проблемы? — спросил Крайдайки.

— Конечно, нет! Он очень хороший офицер. Но когда вы произнесли его имя, я вспомнил об этом, потому что… — Метц смолк.

"Потому что он тоже стенос, — про себя закончил Крайдайки. — Сказать Метцу, что я собираюсь назначить Хикахи первым помощником капитана?

Такката-Джим, конечно, хороший специалист, но его мрачное настроение начинает сказываться на психологическом состоянии экипажа. Не таким должен быть мой заместитель".

Крайдайки очень не хватало лейтенанта Ячапа-Джина, который погиб в Мелком скоплении.

— Доктор Метц, уж поскольку вы затронули эту тему, я заметил несоответствия между предполетными психобиологическими характеристиками некоторых членов экипажа и их поведением в полете еще до того, как мы обнаружили брошенный флот. Я не китопсихолог, но в некоторых ситуациях считаю, что эти фины вообще не должны были оказаться на корабле. У вас есть объяснения?

Лицо Метца стало невыразительным и пустым.

— Не совсем понимаю, о чем вы, капитан.

Крайдайки механической рукой почесал над правым глазом.

— Пока я ничего не хочу добавлять, но вскоре мне придется воспользоваться своим служебным положением и просмотреть ваши записи.

Неформально, разумеется. Пожалуйста, приготовьте их для…

Крайдайки прервал звонок коммуникатора на его доспехах.

— Да. Говорите! — приказал он. Несколько мгновений прислушивался.

— Ничего не меняйте, — ответил он. — Сейчас я у вас буду. Конец связи.

Он направил вспышку сонара на сенсорную пластину двери. Люк открылся.

— С мостика, — сказал он Метцу. — Вернулся разведчик с сообщением от Тшут и Томаса Орли. Мне нужно быть там, но ссскоро мы вернемся к этому разговору, доктор.

Двумя мощными ударами плавников Крайдайки вплыл в люк и направился на мостик..

Игнасио Метц смотрел ему вслед.

«Крайдайки что-то заподозрил, — подумал он. — Насчет моих специфических исследований. Но что именно?»

Постоянное напряжение, опасность, осада

давали великолепные данные, в частности относительно тех финов, которых включили в состав экипажа по настоянию Метца. Но сейчас положение усложняется. У некоторых его подопечных появились неожиданные для него симптомы.

Теперь вдобавок к тревоге из-за этих фанатичных галактов, прибавились подозрения Крайдайки. Нелегко будет сбить его со следа. Метц высоко ценил гениальность, особенно в возвышенном дельфине.

«Если бы только он был одним из моих, — думал он о Крайдайки. — Если бы только я его создал!»

Глава 23
ДЖИЛЛИАН

Корабли лежали в пространстве, как рассыпанные бусы, тускло отражая слабый свет Млечного Пути. Ближайшие планеты — неяркие красноватые старики в небольшом шаровом скоплении, жалкие и редкие остатки первой эпохи формирования, лишенные звезд и металлов. Джиллиан рассматривала, одно из тех шести изображений, что «Стремительный» неосмотрительно передал домой из заброшенного и, казалось бы, неинтересного гравитационного бассейна вдали от всех

известных путей.

Неестественно молчаливая армада, не ответившая ни на один их вопрос; земляне не знали, что и подумать. Флот из кораблей-призраков, которому нет места в структуре пяти галактик.

Сколько времени они оставались незамеченными?

Джиллиан отложила голографию и взяла другую. На ней был крупным планом изображен один из гигантских брошенных кораблей. Огромный, как луна, в яминах, древний, слабо мерцающий — это защитное поле неизвестных свойств. Оно не поддавалось анализам. Удалось только определить, что это напряженное вероятностное поле необычной природы.

Пытаясь причалить к одному из кораблей-призраков с внешней стороны поля, гичка «Стремительного» каким-то образом начала цепную реакцию.

Ослепительно яркие молнии пронеслись между древним гигантом и крошечным разведчиком. Лейтенант Ячапа-Джин доложил, что все дельфины на гичке галлюцинируют. Гичка попыталась уйти, но потеряла ориентацию и включила свое поле стасиса внутри защитного поля корабля. В результате взрыв уничтожил оба корабля.

Джиллиан отложила голоизображение и осмотрела лабораторию. Херби по-прежнему лежит в стасисе, силуэт миллиардов прошедших лет.

После катастрофы Том Орли отправился туда и втайне пронес этот загадочный реликт через один из боковых выходов корабля.

«Находка огромной ценности, — думала Джиллиан, рассматривая труп. — Мы хорошо заплатили за тебя, Херби. Если бы я только знала, что мы приобрели».

Херби — загадка, которую должны разгадывать объединенные коллективы больших институтов, а не одинокая женщина в осажденном корабле далеко от дома.

Это раздражает, но кто-то ведь должен постараться. Кто-то должен понять, почему их превратили в преследуемых животных. Том отсутствует, Крайдайки очень занят, сохраняя нормальный ритм работы экипажа и корабля, остается только она. Больше некому.

Постепенно она кое-что узнала о Херби — это действительно очень древний труп, у него скелет существа, передвигавшегося по планете.

Библиотека корабля утверждает, что ничего подобного никогда не существовало.

Джиллиан положила ноги на стол и взяла еще

один снимок из стопки.

Сквозь мерцание защитного поля ясно видны символы на массивном корпусе.

— Открыть Библиотеку, — сказала она. Из четырех экранов на ее столе ожил левый, с изображением спирали с лучами.

— Файл «Саргассы», поиск соответствий символов. Открыть и продемонстрировать изменения. — В ответ на стене слева от Джиллиан показался текст. Чрезвычайно короткий.

— Подпрограмма: перекрестные справки Библиотеки, программа поиска, — сказала Джиллиан. Текст продолжал проецироваться на стену. Рядом с ним показалось мерцающее изображение спирали с лучами. Негромкий низкий голос произнес:

— Программа поиска перекрестных справок, чем могу быть полезна?

— Это все, что было найдено на борту брошенного корабля?

— Ответ верен. — Голос звучал холодно. Интонации утвердительные, однако не делалось никаких попыток скрыть, что отвечает только ничтожная часть программы корабельной Библиотеки.

— Я просмотрела все записи в поисках корре-

ляций этим символам. Вы, конечно, понимаете, что я только микроветвь, а эти символы со временем меняются. В тексте указаны все возможные соответствия, которые я смогла установить в указанных вами параметрах.

Джиллиан просмотрела короткий список. Трудно поверить. Хотя и очень маленькая по сравнению с планетарными или секторными ветвями, корабельная Библиотека содержала столько информации, сколько все книги, опубликованные на Земле до конца двадцать первого столетия. Соответствий должно быть гораздо больше!

— Ифни! — вздохнула Джиллиан. — Что-то ведь должно было возбудить всех фанатиков галактики. Может, посланное нами изображение Херби? Или символы? Что именно?

— Я не обладаю возможностью рассуждать, — ответила программа.

— Вопрос риторический и адресован не тебе. Я вижу, указана тридцатипроцентная корреляция с религиозными иероглифами «Союза Отрекшихся». Дай мне краткие сведения об отрекшихся.

Тональность голоса изменилась.

— Программа культуры, резюме…

"Отрекшиеся — заимствованный из англика

термин, обозначает крупную философскую группу культур галактического общества.

Религия «отрекшихся» возникла из легендарного исторического события — тарсеу, в пятнадцатой эпохе, примерно шестьсот миллионов лет назад, когда галактические Институты едва уцелели из-за притязаний трех могущественных рас патронов (каталожные номера 97AcF109t, 97AcC136t и 97AcG986s).

Два этих вида относятся к самым мощным и агрессивным воинственным образованиям в истории пяти связанных галактик. Третий вид известен введением нескольких новых космических технологий, включая новые стандарты..."

Библиотека пустилась в техническое описание методов изготовления кораблей. Интересно, но к проблеме не относится. Большим пальцем ноги Джиллиан коснулась кнопки «пропустить» на своей консоли, и изложение перескочило.

"...Победители взяли название, которое можно перевести как «Львы».

Они смогли захватить большую часть пунктов перехода и центров силы и все большие Библиотеки. В течение двадцати миллионов лет их власть казалась несокрушимой. Львы практиковали стихийное расселение и колонизацию, в

результате чего в пяти галактиках того времени погибло восемь предразумных рас.

Тарсеу покончили с этой тиранией, призвав на помощь шесть древних рас, которые считались исчезнувшими, и, объединив силы, совершили успешное контрнападение. Впоследствии, когда галактические Институты были восстановлены, тарсеу вместе с шестью таинственными защитниками предали забвению..."

Джиллиан прервала словесный поток.

— Откуда появились эти шесть рас, которые помогли повстанцам? Ты говоришь, они считались исчезнувшими?

Снова послышался голос монитора:

— В соответствии с записями того времени они считались погибшими.

Хотите узнать каталожные номера?

— Нет. Продолжай.

«Сегодня большинство разумных считает, что эти шесть были остатками рас, перешедших на следующую ступень эволюции. Поэтому им было не обязательно исчезать, просто они стали неуловимыми, невоспринимаемыми. Но все же сохранили заинтересованность в мирских делах, особенно когда они шли плохо. Хотите получить список статей о программах перехода рас?»

— Нет. Продолжай. Что же все-таки утверждают отрекшиеся?

"Отрекшиеся считают, что существуют некие бесплотные расы, которые время от времени снисходят до физической формы, вписываясь в нормальный процесс возвышения. Эти «Великие Призраки» появляются как предразумные, поднимаются до уровня клиентов, проходят период службы по договору, становятся ведущими старшими и при этом скрывают свою истинную природу.

Однако, в чрезвычайных обстоятельствах, эти суперрасы могут быстро вмешиваться в дела смертных".

«Утверждают, что так называемые прародители — это самые древние, наиболее отчужденные и могучие из Великих Призраков».

«Естественно, это существенно отличается от обычной легенды о прародителях, тех Древнейших, что удалились в свою галактику давным-давно, пообещав когда-нибудь вернуться…»

— Довольно! — Библиотека сразу смолкла. Джиллиан нахмурилась: на словах «Естественно, это существенно отличается…» ей пришла в голову мысль.

Вздор! Религия Отрекшихся — всего лишь ва-

риант основной догмы, она лишь незначительно отличается от многотысячелетней легенды о «возвращении» прародителей. Это противоречие напомнило ей древние религиозные конфликты на Земле, когда верующие отчаянно спорили о природе троицы или о количестве ангелов, которые могут уместиться на конце иглы.

Это безумие из-за мелких подробностей доктрины было бы даже занимательным, если бы не битва, происходящая прямо сейчас в нескольких тысячах километров над головой.

Она сделала краткую запись — проверить сходство с верой индусов в земное воплощение божеств, в аватар. Сходство с религией Отрекшихся совершенно очевидное, и Джиллиан удивилась, почему Библиотека не заметила эту аналогию.

Хватит, значит хватит.

— Нисс! — окликнула Джиллиан.

Засветился крайний правый экран. На нем появился четкий абстрактный рисунок.

— Насколько вам известно, Джиллиан Баскин, предпочтительно, чтобы Библиотека не знала о моем присутствии на корабле. Я взял на себя смелость отключить ее, чтобы она не могла нас подслушать. Вы хотите о чем-нибудь спросить?

— Да. Ты слушал сообщение только что?

— Я прослушиваю все, что сообщает эта микроветвь. Это моя главная задача здесь. Разве Томас Орли не объяснил вам это?

Джиллиан сдержалась. Нога ее почти касалась этого гнусного экрана.

Чтобы избежать искушения, она опустила ее на пол.

— Нисс, — спокойно спросила она, — почему микроветвь Библиотеки несет вздор?

Машина тимбрими вздохнула, как человек.

— Доктор Баскин, все кислородопоглощающие расы, за исключением человечества, вскормлены на семантике, развившейся в десятках взаимоотношений патронов с клиентами; и все это делалось под влиянием Библиотеки. А вот языки Земли по галактическим стандартам странные и хаотичные. Невероятно сложна проблема перевода галактических архивов на ваш необычный синтаксис.

— Все это я знаю! Во времена контакта ити хотели, чтобы мы все изучили галактические языки. Мы сказали им, как поступить с этой идеей.

— И даже очень красочно. Напротив, человечество приложило гигантские усилия, чтобы земная ветвь Библиотеки пользовалась англиком. Для

этого нанимались в качестве консультантов кантена, тимбрими и другие. Но проблемы остаются.

Джиллиан потерла глаза. Так дело не пойдет. Почему Том считает, что эта саркастическая машина полезна? Всегда, когда ей нужен просто ответ, машина только задает вопросы.

— Лингвистическая проблема — их предлог в течение вот уже двух столетий! — сказала она. — И сколько времени они еще будут ею пользоваться? Со времен контакта мы изучаем языки, как никогда раньше. Мы справились с трудностями таких языков, как англик, английский, японский, и научили говорить дельфинов и шимпов. У нас достигнут даже некоторый прогресс в общении со странными существами — солариан ами, живущими на земном Солнце!

— Однако Институт Библиотеки по-прежнему утверждает, что в нелепых несоответствиях и плохо переведенных записях виноват наш язык!

Дьявольщина, мы с Томом знаем четыре или пять галактических языков. Дело не в лингвистических трудностях, а в странных данных, которые нам сообщают!

Нисс негромко пожужжал некоторое время. Затем светящиеся точки на экране превратились

в два несмешивающихся потока и распались на капли.

— Доктор Баскин, разве сейчас вы не назвали главную причину, почему такие корабли, как «Стремительный», бороздят космос? Они ищут несоответствия в данных Библиотеки. А цель моего существования — поймать Библиотеку на лжи, выяснить, правда ли, что могущественные расы патронов, как вы выражаетесь, «вешают лапшу на уши» младших разумных, как люди или тимбрими.

— Почему же ты мне не помогаешь? — Сердце Джиллиан забилось. Она ухватилась за край стола и поняла, что чуть не сорвалась из-за раздражения.

— Почему меня всегда так поражает человеческий взгляд на мир, доктор Баскин? — спросил Нисс. Голос машины звучал почти сочувственно. — Мои хозяева тимбрими необычайно хитры. Их приспособляемость позволяет им выжить в самых ужасных условиях. Но и они попали в ловушку галактического образа мыслей. Вы, земляне, со своим свежим взглядом на вещи можете разглядеть то, чего не увидели они.

— Разница в поведении и верованиях кислородопоглощающих огромна, но человеческий опыт

уникален. Тщательно и осторожно возвышенные расы никогда не совершали таких ошибок, как люди в предконтактном состоянии. Эти ошибки делают вас уникальными.

Джиллиан знала, что это правда. Люди совершали невероятные глупости; их никогда бы не совершили расы, знающие о существовании законов природы.

В эти дикие столетия развивались жуткие суеверия. Допускались самые разные способы управления, интриги, философские школы. Как будто сирота-Земля стала планетой-лабораторией, в которой проводилась серия странных экспериментов. Какими бы нелогичными и позорными ни казались теперь эти эксперименты, они обогатили современного человека. Мало кто сумел сделать столько ошибок за такое короткое время или пытался бы решить столько неразрешимых проблем.

Художники Земли высоко ценились пресыщенными ити, им хорошо платили, и они сочиняли сюжеты, которых не мог вообразить никакой галакт. Тимбрими особенно нравились земные книги в стиле фэнтези, с драконами, чудовищами и волшебством — чем больше, тем лучше. Эти книги казались им необыкновенно яркими и

гротескными.

— Меня не обескураживает, когда вы сердитесь на Библиотеку, — сказал Нисс. — Я рад. Я учусь на вашем раздражении! Вы сомневаетесь в том, что вся галактика считает само собой разумеющимся.

— Помогать вам — моя вторичная задача, миссис Орли. Главная — наблюдать, как вы страдаете.

Джиллиан моргнула. Машина не зря применила такой древний способ, это попытка еще больше рассердить ее. Она сидела неподвижно, пытаясь разобраться в своих противоречиях и эмоциях.

— Так дело не пойдет, — сказала она наконец. — Это сводит с ума. Я как будто заперта в душном помещении.

Нисс ничего не ответил. Джиллиан следила за светящимися точками на экране.

— Ты предлагаешь на время оставить это? — спросила она наконец.

— Может быть. И у тимбрими, и у людей есть подсознание. Может, позволим ему повозиться с этими проблемами.

Джиллиан кивнула.

— Я попрошу Крайдайки послать меня на ост-

ров Хикахи. Изучение аборигенов крайне важно. Я думаю, это самое главное, конечно, после нашего спасения.

— Нормальная точка зрения по галактическим стандартам и потому неинтересная для меня. — В голосе Нисса послышалась скука. На экране появились темные вращающиеся линии.

Джиллиан послышался легкий хлопок.

Она связалась по коммуникатору с Крайдайки.

— Джиллиан, ваше пси перерабатывает. Я собирался с вами связаться.

Она сразу села.

— Новости от Тома?

— Да. Всссе в порядке. Он просит меня передать вам поручение. Можете сейчас прийти ко мне?

— Иду, Крайдайки.

Она закрыла дверь лаборатории и заторопилась на мостик.

Глава 24
ГАЛАКТЫ

Би Чохуан лишь глухо гудела, изумляясь масштабу битвы. Как умудрились эти фанатики собрать столько сил за такое короткое время?

Маленький синтианский корабль-разведчик

Би, скрываясь в хвосте, опускался на каменное ядро давно мертвой кометы. Система Ктсимини озарялась яркими вспышками. На экранах корабля виднелись боевые флоты, сходившиеся в смертоносной схватке, убивавшие друг друга и снова расходившиеся. Создавались и распадались союзы, когда это казалось выгодным участникам. И в нарушение кодекса Института Цивилизованных Войн, никакого снисхождения друг к другу…

Даже Би, опытный разведчик синтианского анклава, ничего подобного никогда не видела.

— Я была наблюдателем при Паклатугле, когда клиенты J'81ek нарушили свой договор на поле битвы. Я видела ритуальную войну союза Повинующихся с Отрекшимися. Но никогда не видела такого бессмысленного уничтожения!

Неужели у них нет гордости? Они не умеют ценить искусство войны?

Прямо у нее на глазах в результате предательства распался самый сильный союз, один фланг обрушился на другой.

Би с отвращением фыркнула.

— Неверные фанатики, — пробормотала она.

С полки до нее донесся щебет.

— Кто из вас это сказал? — Би взглянула на маленьких, похожих на деревянную мозаику

вазунов; каждый смотрел на нее из люка своего крошечного шпионского шара. Вазуны защебетали, но никто не сознался.

Би снова фыркнула.

— Конечно, вы правы. У фанатиков быстрая реакция. Они начинают драться не задумываясь, а мы, умеренные, сначала должны подумать, а потом действовать.

«Особенно сверхосторожны синтиане, — подумала она. — Земляне — наши союзники, но мы только робко ведем переговоры, размышляем, посылаем протесты в галактические Институты и внедряем разведчиков и шпионов, чтобы наблюдать за фанатиками».

Вазуны предупреждающе защебетали.

— Знаю! — выпалила Би. — Вы думаете, я плохо знаю свое дело? Перед нами робот-наблюдатель. Один из вас займется им, и не беспокойте меня!

Разве не видите, что я занята?

Глаза смотрели на нее. Одна пара исчезла, вазун скрылся в своем маленьком корабле, люк закрылся за ним. Через мгновение разведчик вздрогнул, из него вылетел маленький корабль..

«Удачи тебе, маленький вазун, верный клиент», — пожелала Би. Она с напускным равнодушием следила, как маленький зонд пробирается

среди обломков к роботу-наблюдателю, преградившему дорогу Би.

«Всего лишь один разведчик, — с горечью думала она. Тимбрими сражаются не на жизнь, а на смерть, Земля осаждена, у нее отобрана половина колоний, а мы, синтиане, по-прежнему ждем и наблюдаем, наблюдаем и ждем; только я и моя команда посланы для наблюдений».

Неожиданно вспыхнуло небольшое пламя, бросив четкие тени на астероиды. Вазуны издали траурный вопль, который прекратился, когда Би посмотрела на них.

— Не стесняйтесь меня, храбрые маленькие вазуны, — сказала она. — Вы клиенты и храбрые воины, а не рабы. Оплакивайте своего товарища, который погиб за всех нас.

Она подумала о своем холодном расчетливом народе, среди которого чувствовала себя чужой.

— Не стесняйтесь! — повторила она, удивленная собственной яростью. — Это не зазорно, мои маленькие вазуны. В этом вы превосходите своих патронов и станете великой расой, когда вырастете!

Би направила корабль к планете, покрытой водой, над которой разворачивалась битва, чувствуя себя ближе к маленьким клиентам-

товарищам, чем к своему вечно осторожному народу.

Глава 25
ТОМАС ОРЛИ

Томас Орли смотрел на свое сокровище, на то, что искал двенадцать лет. Оно как будто невредимо. Впервые попавшее в человеческие руки.

Только дважды микроветви Библиотеки, предназначенные для других рас, попадали в руки людей — в кораблях, захваченных в засадах, за последние двести лет. И в обоих случаях банк данных был поврежден. Попытки изучения этих микроветвей принесли много полезного, но рано или поздно какая-то ошибка заставляла эти полуразумные машины самоуничтожаться.

Впервые удалось взять с военного корабля могущественной галактической расы патронов прибор нетронутым. Впервые с тех пор, как к секретным поискам присоединились некоторые тимбрими.

Прибор представлял собой большой ящик, три на два метра, высотой в один метр, с простым оптическим устройством доступа. Посредине одной из сторон спираль с лучами — символ

Библиотеки.

Его привязали к грузовым саням вместе с остальной добычей, включая три кольца генератора вероятностного поля, неповрежденных и бесценных.

Ханнес Свесси отправится с добычей на «Стремительный», охраняя ее, как наседка цыплят. И только когда убедится, что она в неприкосновенности доставлена Эмерсону Д'Аниту, вернется назад.

Том на восковой дощечке писал обычные указания. Если повезет, микроветвь передадут Крайдайки и Джиллиан, не привлекая излишнего внимания. Липкой бумагой он заклеил иероглиф Библиотеки.

Дело не в том, что его интерес к захваченной микроветви — большая тайна. Экипаж, помогавший в поисках, знает об этом. Но чем меньше будет известно подробностей, тем лучше. Особенно если корабль будет все-таки захвачен. Если его инструкции выполнят, прибор будет подключен к коммуникатору в его каюте, к внешне совершенно обычному коммуникационному экрану.

Он представил себе, какое впечатление это произведет на Нисса. Том хотел бы присутствовать, когда машина тимбрими обнаружит, к чему

получила доступ. Наверное, эта самодовольная штука на полдня лишится дара речи.

Том надеялся, что она не будет слишком ошеломлена. Ему нужны некоторые ответы немедленно.

Свесси уже уснул, привязанный к своему драгоценному грузу. Том проверил, чтобы его инструкции тщательно соблюдали. Потом поплыл к крутой скале, нависающей над разбитым космическим кораблем.

Вокруг корпуса плавали неофины, проводя многочисленные измерения снаружи и изнутри. По приказу Крайдайки будут заложены заряды, и начнется превращение гигантского боевого корабля в пустую рассверленную оболочку.

К этому времени первое сообщение о находке уже должно достичь «Стремительного», и сани будут возвращаться по найденному ими короткому пути, прокладывая моноволоконную линию связи из дома. На полпути они должны встретить сани с добычей.

Конечно, если этот «дом» на месте. Том полагал, что битва продолжает бушевать над Китрупом. Космическая война разворачивается неторопливо, особенно если ее ведут долгожители галакты. Она может тянуться еще год или два. Подойдут

подкрепления, и начнется война на истощение. Впрочем, маловероятно, чтобы фанатики дошли до этого.

В любом случае экипаж «Стремительного» должен действовать так, словно война кончится не сегодня-завтра. Пока она идет, у землян еще есть шанс.

Том снова обдумал свой план и пришел к тому же выводу. Другого выхода нет.

Есть три выхода из ловушки, в которой они оказались: спасение, переговоры и обман.

Лучше всего представить себе спасение. Но у Земли нет сил, чтобы прийти им на выручку. Вместе со своими союзниками она едва ли сравнится по силе только с одной группой фанатиков в битве над Китрупом.

Конечно, могут вмешаться галактические Институты. Закон требовал, чтобы «Стремительный» сообщил о своем открытии непосредственно им.

Проблема в том, что силы Институтов очень малы. Как слабая версия правительств Земли двадцатого века, при которых человечество едва не погибло, Институты зависят от общественного мнения и добровольцев. «Умеренное» большинство может, конечно, решить, что открытия

«Стремительного» должны принадлежать всем, но Том полагал, что потребуются годы, чтобы принять такое решение и создать необходимые союзы.

На переговоры такая же слабая надежда, как и на выручку. В любом случае, если дело дойдет до переговоров с победителем битвы, у Крайдайки есть Джиллиан, Хикахи, Метц, и Том для этого не нужен.

Остается попытка провести врага, суметь обмануть его там, где не помогут выручка и переговоры.

«Вот это дело мое», — подумал Том.

Здесь океан глубже и темнее, чем в пятидесяти километрах на восток, где на отмели на границе континентальной плиты возвышаются металлические острова. В том районе, где была спасена группа Хикахи, вода обогащена металлом из-за цепи полудействующих вулканов. А здесь подлинных металлических холмов нет, а вулканические острова, образовавшиеся вокруг давно погасших вулканов, почти сравнялись с водой.

Отводя взгляд от разбитого корабля и следа, который оставило его падение, Том видел прекрасный успокаивающий пейзаж. Темно-желтые листья водорослей, покрывающие поверхность

воды, напомнили ему цвет волос Джиллиан.

Орли напевал мелодию, которую немногие люди могли бы исполнить.

Маленькие полости, генетически возникшие в его черепе, создавали резонанс, и низкая мелодия распространялась в воде.

Во сне твоя ласка
Трогает меня,
Но, просыпаясь, я ее не нахожу

На расстоянии
Я позову тебя,
Коснусь, когда ты будешь спать.

Конечно, Джиллиан не может услышать его стихи-подарок. Его собственные пси-способности довольно скромные. Но намек уловить может. Она не раз уже удивляла его.

Сопровождающие дельфины собрались у саней. Свесси проснулся и вместе с лейтенантом Тшут проверял крепления груза.

Том спустился со своего высокого убежища и присоединился к группе.

Тшут увидела его, быстро глотнула воздуха из пузыря и поплыла ему навстречу.

— Мне хочется, чтобы вы передумали, — ска-

зала она, когда они встретились. — Буду откровенна. Ваше присутствие хорошо поддерживает моральный дух. Потеря вассс будет тяжелым ударом.

Том улыбнулся и положил руку ей на бок. Он уже смирился с тем, что у него очень мало шансов на возвращение.

— Не вижу другого выхода, Тшут. Остальные части моего плана могут осуществить другие, но только я могу насадить приманку на крючок. Вы это знаете.

— К тому же, — он улыбнулся, — Крайдайки сможет отозвать меня, если план ему не понравится. Я попросил, чтобы он выслал Джиллиан мне навстречу к острову Хикахи, куда придет глайдер с нужными припасами. Если Джиллиан скажет, что Крайдайки не разрешает, я буду на корабле раньше вас.

Тшут отвела взгляд.

— Сссомневаюсь, чтобы он сссказал нет, — почти неслышно просвистела она.

— Гм? Что вы имеете в виду?

Тшут уклончиво ответила на тринари:

Крайдайки ведет нас –
Он наш начальник

Но мы считаем,

Что есть тайные приказы.

Том вздохнул. Вот опять. Подозрение, что Земля не отпустила бы корабль с дельфинами без тайного присмотра людей. Естественно, слухи сосредоточились вокруг него. Неприятно, потому что Крайдайки — замечательный капитан, но мешает главной цели экспедиции. Ее успех продвинул бы на целое поколение вперед развитие неодельфинов.

Тогда мой отъезд

Даст вам урок,

На борту «Стремительного»

Ваш капитан.

У Тшут, должно быть, кончался запас воздуха. Из ее дыхала выходили пузыри. Но она покорно взглянула на него и заговорила на англике:

— Хор-рошо. После отъезда Свесси отправим вас. А сами будем продолжать работать здесь, пока не получим приказ Крайдайки.

— Ладно, — кивнул Том. — А остальную часть плана вы по-прежнему одобряете?

Тшут отвернулась, потупила взгляд.

Кининк и логика,

Объединившись,

Говорят

План – это все,

Что между нами

И судьбой

Мы все выполним свою часть.

Том обнял ее.

— Я знал, что могу рассчитывать на вас, моя милая рыбачила. И я совсем не волнуюсь. Давайте прощаться с Ханнесом, чтобы я тоже смог отправиться. Не хочу, чтобы Джилл оказалась на острове раньше меня.

Он нырнул к саням. Но Тшут ненадолго задержалась. Хотя в легких ее почти не осталось кислорода, она некоторое время лежала и смотрела вслед Тому.

Спускаясь, он услышал ее сонар. Мягкие щелчки напевали ему тихий реквием:

Нас ловят сетями

Эти с Ики,

Но ты с нами, ты разрезаешь сети.

Добрый ходящий по суше,

Ты всегда

Разрезаешь сети.

Но за это
У тебя отнимут
Жизнь...

Глава 26
КРАЙДАЙКИ

Даже самый правильный англик в тщательном произношении неодельфина человек, знающий только людской английский, поймет с трудом. Синтаксис и большинство корней те же самые. Но лондонец периода до контакта решил бы, что звуки такие же странные, как и произносящие их голоса.

Модифицированные дыхала дельфинов способны производить свистки и писки, произносить гласные и некоторые согласные. Щелчки сонара и различные другие звуки производят сложные резонирующие полости в черепе.

В речи эти различные составляющие иногда совпадают по гармоникам, иногда нет. Даже в лучшие времена встречаются долгие шипящие, "т" с придыханием, стенающие гласные. Речь — это большое искусство.

А тринари — отдых, область воображения и личного. Он сменил дельфиний праймал, значительно расширив его возможности. Но именно англик связывает дельфинов с миром причин и следствий.

Англик — это язык-компромисс, учитывающий голосовые способности обеих рас, мост между миром рук и огня, миром людей, и легендами «сна китов». С помощью этого языка дельфину удалось сравняться с человеком в аналитическом мышлении, в осмысливании прошлого и будущего, в составлении планов, использовании орудий труда и ведении войн.

Некоторые мыслители-люди задавались вопросом, хорошо ли такое благодеяние для китообразных — умение разговаривать на англике.

Между собой неодельфины могут говорить на англике, чтобы сосредоточиться, но при этом они не стараются, чтобы звучание походило на английскую речь. Они перейдут на частоты, недоступные человеческому восприятию, и согласные в их речи вообще исчезнут.

Кининк позволяет это. Главное для него — семантика. Грамматика, двухуровневая логика, временная ориентация остаются английскими, но главное — прагматический результат.

Принимая доклад Хикахи, Крайдайки сознательно использовал очень свободную форму фин-англика. Он хотел подчеркнуть, что дальше последует личное.

Слушая, он одновременно в соответствии с запросами тела совершал быстрые круги в бассейне. Хикахи пересказывала содержание разговора планетологов, наслаждаясь свежим воздухом в своих основных легких. Изредка она замолкала и проплывала рядом с ним, потом продолжала.

Сейчас ее речь звучала не совсем по-человечески, но хороший звукозаписывающий аппарат мог их расшифровать.

— ...Он очень этим озабочен, капитан. В сущности, Чарли считает, что даже если «Стремительный» попытается уйти, мы должны оставить здесь небольшую исследовательскую группу с баркасом. Брукиде тоже понравилась эта мысль. Я была ошеломлена.

Крайдайки проплыл перед нею. Быстро задал вопрос.

— Что они будут делать, если мы их оставим, а нас захватят? — Снова нырнул и поплыл к дальней стене.

— Чарли полагает, что он со своей группой должен относиться к мирному населению, как и

группа Судман-Сахота на острове. Он говорит, что есть прецеденты. Таким образом, от нас ничего не зависит, часть экспедиции будет сохранена.

Помещение для упражнений размещалось в центральном кольце «Стремительного», на десять градусов выше колеса. Стены скошены, и Крайдайки приходилось следить за эхом от мелей слева. Справа на воде плавали мячи, круги и другие игрушки.

Крайдайки быстро поднырнул под связку шаров и выскочил из воды.

Перевернулся в воздухе и с плеском упал на спину. Снова перевернулся под водой и встал на хвосте. Тяжело дыша, он одним глазом смотрел на Хикахи.

— Я уже думал об этом, — сказал он. — Мы могли бы оставить и Метца с его записями. Сбросить его с хвоста — это стоит тридцати селедок и анчоусов на десерт.

Он снова опустился в воду.

— Жаль, что такое решение аморально и неконструктивно.

Хикахи удивленно взглянула на него, стараясь понять смысл сказанного.

Крайдайки почувствовал себя значительно лучше. Беспокойство, которое все усиливалось,

когда он слушал сообщение Тома Орли, улеглось. Уныние, в которое его поверг план человека, на мгновение улетучилось.

Теперь остается формальность — согласие совета корабля. Он надеялся на чьи-нибудь светлые мысли, но сомневался в этом.

— Подумай, — сказал он своей помощнице. — Статус мирного населения мог бы подействовать, если бы нас убили или захватили в плен. Но если мы уйдем и увлечем за собой ити?

У Хикахи чуть отвисла нижняя челюсть — жест, заимствованный у людей.

— Конечно. Понимаю. Ктсимини очень изолированная система. Туда и обратно ведет лишь несколько дорог. Баркас, очевидно, в одиночку не сможет вернуться к цивилизации.

— А что это означает?

— Они застрянут на смертоносной планете почти без медицинского оборудования. Прости, я и не могла предположить.

Она слегка повернулась, подставляя левый брюшной плавник. Это цивилизованный признак покорности, существовавший издревле, когда ученик преклоняет голову перед учителем.

Когда-нибудь, если повезет, Хикахи будет командовать гораздо большим кораблем, чем

«Стремительный». Капитан и учитель был доволен одновременно скромностью и остротой мышления. Но перед ним стояла более близкая задача.

— Ну, хорошо, мы обсудим их идею. На всякий случай, проверь, чтобы баркас был готов незамедлительно вылететь. Но приставь к нему охрану.

Оба считали дурным предзнаменованием, когда меры безопасности принимаются внутри, а не снаружи корабля.

Мимо проплыло ярко раскрашенное полосатое резиновое кольцо. Крайдайки почувствовал желание схватить его… а потом увлечь Хикахи в угол, прижаться к ней носом… Он встряхнулся.

— Дальнейшие тектонические исследования, сказал он, — мы рассматривать не будем. Джиллиан Баскин отправилась на твой остров, чтобы передать припасы Томасу Орли и помочь Дэнни Судман наблюдать за аборигенами. Вернувшись, она может прихватить образцы скал для Чарли. Это должно удовлетворить его.

— Остальные будут очень заняты, когда Свесси вернется с запасными частями.

— Свесси уверен, что он нашел то, что нам нужно на разбитом корабле?

— Вполне.

— Новый план означает передвижение «Стремительного». Работающие двигатели могут нас выдать. Но, думаю, выбора нет. Надо продумать схему перемещения корабля.

Крайдайки понял, что ничего не добьется. Осталось всего несколько часов до прибытия Свесси, а его англик… заставляет Хикахи вести себя сдержанно и осторожно. Неудивительно, что нет никаких намеков, никакого сообщения в виде телодвижений, и он не знает, как она отнесется к его попытке приблизиться.

Он ответил на тринари:

Мы передвинем корабль
Под водой
К разбитому кораблю –
Пустому, ждущему
Скоро, пока битва
Бушует в черноте
Заполняя пространство
Воплями головоногих
А в это время
Орли, придумавший сеть,
Далеко от нас
Создаст
Отвлечение
Далеко от нас Заставит поверить

Обманщиков
Отвлечет акул,
Чтобы мы были в безопасности.

Хикахи смотрела на него. Она впервые слышала об этом. Подобно многим самкам на корабле, Хикахи испытывала платоническое влечение к Томасу Орли.

«Мне следовало мягче сообщить ей эту новость или — еще лучше — подождать».

Глаза ее мигнули раз, другой, потом закрылись. Она медленно погрузилась в воду, и ее сонар издал слабый звук.

Крайдайки позавидовал людям — у них были руки. Он опустился рядом с ней, коснувшись ее концом своего бутылкообразного носа.

Не печалься –
Воин с блестящими глазами
Песнь об Орли
Сложат киты

Хикахи печально ответила:

Я, Хикахи
Почитаю Орли
Почитаю капитана
Почитаю весь экипаж

Дело должно быть сделано
Но я страдаю из-за одной
Из-за Джиллиан Баскин
Дорогой Очистительницы Жизни
Из-за ее утраты
Из-за горя ее тела.

Устыдившись, Крайдайки ощутил, как его охватило полное безразличие и меланхолия. Он тоже закрыл глаза, и по воде донеслось эхо разделенной печали.

Долго они лежали рядом, поднимаясь, чтобы вдохнуть, потом снова опускаясь.

В мыслях Крайдайки уже был далеко, когда, наконец, почувствовал, что Хикахи отплывает. Но вот она вернулась, мягко потерлась о его бок и нежно укусила своими острыми мелкими зубами.

Вначале почти против воли, Крайдайки ощутил, как возвращается его энтузиазм. Он повернулся на бок и выпустил длинную цепочку пузырей, когда ее прикосновения стали более настойчивыми.

Вкус воды улучшился, и Хикахи начала петь знакомую песню — один из древнейших сигналов на праймале. Помимо всего прочего он сообщал, что «жизнь продолжается».

Глава 27
ОСТРОВ

Тихая ночь.

Многочисленные маленькие спутники Китрупа гонят легкий прибой у металлического утеса. Постоянные ветры, без перерыва дующие над океаном планеты, раскачивают деревья и ерошат листву.

И все же после всех этих месяцев тишина угнетает. Никаких звуков, сопровождающих их повсюду с самой Земли, никаких щелчков, гудения, с которыми машины выполняют свои функции, ни треска изредка, ни дымка неполадок.

Не слышны и писклявые свистящие разговоры дельфинов. Отсутствуют даже Кипиру и Сахот. Сегодня ночью они сопровождают аборигенов острова в их ночной морской охоте.

На металлическом острове тоже непривычно тихо. Лишь некоторые звуки постоянны: море, отдаленный гул вулкана…

Негромкий стон в ночи, сопровождаемый очень тихим задыхающимся смехом.

— Вот они снова, — вздохнула Дэнни, не особен-

но заботясь о том, чтобы ее не услышал Тошио.

Звуки доносились с поляны на южном краю острова. Люди, третий и четвертый, постарались как можно дальше отойти и от деревни аборигенов, и от туннеля в острове. Но Дэнни хотелось бы, чтобы они ушли еще дальше.

Послышался смех, слабый, но отчетливый.

— Никогда не слышала ничего подобного, — вздохнула Дэнни.

Тошио покраснел и подбросил дров в костер. Пара на поляне заслужила одиночество. Дэнни могла бы заметить.

— Да они похожи на норок! — сказала Дэнни. В ее словах должны были звучать насмешливая зависть, ирония, сарказм, но слышалась горечь.

Тошио это почувствовал. И, вопреки собственному желанию, сказал:

— Дэнни, мы знаем, что люди — сексуальные гиганты галактики, хотя кое-кто из наших клиентов готов нас в этом переплюнуть.

Он сунул ветку в огонь. Довольно нахальное замечание. Ночь его подбодрила, и надо было снять напряжение, царившее у костра.

— Что ты хочешь этим сказать? — резко спросила Дэнни.

Тошио поиграл ветвью.

— Ну, есть строчка в старой пьесе… «Ваши дельфины не похотливей!»

Шекспир не первый сравнил два самых сексуальных вида высокоразвитых млекопитающих. Вряд ли существует шкала измерений, но мне часто кажется, что это необходимое условие развития разума.

— Конечно, это только предположение. Если принять во внимание все, что говорят галакты о возвышении…

Он продолжал говорить, постепенно отходя от темы; заметил, что Дэнни, обычно немного холодноватая, едва не взорвалась, но потом отвернулась и посмотрела в сторону.

Ему удалось! Он победил в этом раунде! Небольшой успех в игре.

Непонятно даже, стоит ли продолжать.

Легкий флирт по отношению к Тошио был всегда односторонним, и Тошио всегда оказывался страдающей стороной. Справиться с более взрослой, привлекательной женщиной — конечно, победа.

Он не считал себя жестоким, хотя условия игры предполагают это. Ему хотелось только, чтобы Дэнни Судман перестала считать его ребенком. И если от этого пострадает их взаимная легкая

привязанность, что ж, тем хуже.

Хотя его не волнует Сахот, Тошио все же доволен, что благодаря дельфину пробил брешь в защите Дэнни.

Он уже собирался вновь сострить, когда Дэнни сказала:

— Прости, Тош. Я бы выслушала остальное, но лучше сейчас поспать.

Завтра у нас тяжелый день. Нужно отправить глайдер Тома, показать Джиллиан кикви, поэкспериментировать с этим проклятым роботом для Чарли. Тебе тоже не помешает.

И она закуталась в спальный мешок на краю лагеря, рядом с защитой.

— Да, — согласился Тошио, может быть, чересчур поспешно. — Хорошо, Дэнни. Спокойной ночи. Приятных снов. Она молчала, повернувшись спиной к костру. Тошио не мог решить, спит ли она.

"Хотел бы я, чтобы у нас, людей, лучше были развиты пси-способности, — подумал он. — Говорят, телепатия — это атавизм, но все равно приятно было бы иногда прочитать чужие мысли.

Было бы спокойнее, если бы я знал, о чем она думает… даже если я для нее ребенок".

Он посмотрел на хмурое небо. Сквозь разрывы

в облаках видны звезды.

И две новые туманности, которых не было накануне. Это следы продолжающейся битвы. Крошечные ложные туманности сверкали всеми цветами спектра видимых и, вероятно, невидимых частот.

Тошио взял горсть металлосиликатной пыли и сквозь пальцы высыпал на угли. Искорки металла подмигивали ему, как радужные конфетти или мерцающие звезды.

Он стряхнул остатки с рук и заполз в мешок. Лежал, закрыв глаза, не желая ни смотреть на звезды, ни обдумывать свое поведение.

Напротив, прислушивался к звукам ветра и прибоя в ночи. Они доносились ритмично и успокаивающе, как колыбельная, как море у него дома.

Только единожды ему вновь послышались вздохи и негромкий смех с юга.

Звуки, полные такого счастья, только усилили его печальную тоску.

— Снова они, — вздохнул он про себя. — Клянусь, никогда не слышал ничего подобного.

Их тела покрылись испариной.

Джиллиан слизнула соль с верхней губы. Том точно так же очистил от соли ее грудь. Влаж-

ным ртом он дотронулся до ее сосков, ей стало прохладно.

Она ахнула и схватила его за волосы на затылке, где их оставалось больше. В ответ он игриво укусил Джиллиан, отчего по всему ее телу пробежала дрожь.

Джиллиан обхватила ногами его колени и опустилась на него. Дыхание его прервалось и, подняв голову, он посмотрел ей в глаза.

— Я думал, это у нас последние игры, — прошептал он чуть хрипло.

Сделал вид, что вытирает лоб. — Останови меня, когда я перейду грань и начну обещать невозможное. — Потом взял ее руку и поцеловал.

Джиллиан провела рукой по его щеке, легко коснулась подбородка, горла, плеча. Игриво потянула за волосы на груди.

Звуки, которые она издавала, походили скорее на урчание самки леопарда, а не домашней кошка.

— Когда сможешь, любимый, я подожду. Возможно, ты незаконное дитя грязной пробирки, но я знаю тебя лучше твоих создателей. Они и не подозревали о твоих скрытых резервах…

Том как раз собирался сказать, что он вполне законный сын Мэри и Брюса Орли из штата Мин-

несота, Земная Конфедерация… но вдруг заметил, что на глаза ее навернулись слезы. Грубоватые слова ее звучали легко и насмешливо, но она все крепче сжимала его и смотрела так, словно старалась запомнить мельчайшие детали лица.

Том неожиданно смутился. Могут ли они быть ближе, чем сейчас? Он так хотел этого в их с Джилл последнюю ночь. Он плотнее прижался к ней, ощутил ее теплое дыхание. И отвел взгляд, чувствуя, что теряет ее.

Затем вдруг почувствовал мягкое поглаживание, изгоняющее ощущение тяжести в голове. Очень мягкое непрекращающееся давление. И понял, что борется сам с собой.

«Завтра я ухожу», — подумал он.

Они долго спорили о том, кому уходить, и он выиграл. Но ощущение горечи не проходило.

Том закрыл глаза.

«Я отрываю ее от себя! Я, возможно, никогда не вернусь и отрываю теперь часть самого себя, самую дорогую».

Неожиданно Том ощутил себя очень слабым и маленьким, словно он в опасном месте служит единственной преградой между возлюбленной и страшными врагами, и он не сверхгерой, а всего лишь человек, одинокий и готовый на все.

Он открыл глаза, почувствовав прикосновение.

Прижался щекой к ее руке. В глазах ее по-прежнему слезы, но сквозь улыбку.

— Глупый мальчишка, — сказала она. — Ты никогда не расстанешься со мной. Разве ты еще не понял? Я с тобой, и ты ко мне вернешься.

Он удивленно покачал головой.

— Джилл, я… — Он начал говорить, но она остановила его жадным поцелуем. Губы ее были горячими и нежными. Пальцы ее правой руки ласкали его, не переставая.

Она снова поглотила его, вобрала в себя и одурманила пьянящим, сладким запахом. И Том вдруг понял, что она снова права.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ДИССОНАНС

Животные создаются силами природы, которых сами не понимают. Для них не существует ни прошлого, ни будущего. Только одно вечное настоящее, одно нынешнее поколение, его след в лесу, его невидные пути в воздухе или в море. Нет во вселенной существа более одинокого, чем человек. Он вступил в странный мир истории…

Лорен Эйсли

Глава 28
САХОТ

Всю ночь Сахот шел за ними. К утру он, кажется, начал понимать.

На рассвете кикви покинули места ночной охоты и для безопасности поплыли к своему острову. Спрятали сети и ловушки в расселинах кораллов, взяли грубые копья и заторопились в лучах занимающегося рассвета. На свету оживают

растения-убийцы, возникают другие опасности. Днем кикви в лесах металлического острова ищут орехи и мелких животных в густой листве.

Под водой кикви с плавниками похожи на зеленую собаку-рыбу, с короткими руками и с перепонками меж пальцев с плавниками на ногах. Два хватательных брюшных плавника помогают им маневрировать. Сильные, отталкивающие воду ноги, позволяют держать в руках груз. Голова — в кольце ресничек, которые собирают рассеянный кислород, добавляя его в воздушный мешок кикви.

Охотники-собиратели несли две сети, полные похожих на крабов морских существ, цветных металлических скульптурок. И клекот, писк, крики были их песней.

Сахот слушал, как они перекликаются; их словарный запас состоит всего из нескольких голосовых сигналов, координирующих их действия. Время от времени некоторые кикви поднимались на поверхность подышать воздухом, это действие сопровождалось сложным подергиванием.

Туземцы не обращали внимания на следующих за ними чужаков. Сахот держался поодаль, стараясь не мешать. Они, конечно, чувствовали его присутствие. Время от времени самые молодые

из кикви посылали подозрительные сонарные сигналы в его направлении. Странно, но охотники постарше полностью смирились с ним.

Сахот с облегчением смотрел на усиливающийся свет. Он всю ночь старался не пользоваться собственным сонаром, чтобы не испугать туземцев. И чувствовал себя почти слепым от постоянных столкновений в темноте.

И все же дело того стоило.

Теперь он неплохо владеет их языком. Как и в дельфиньем праймале, структура сигнала основана на иерархии стада и на темпе дыхательного цикла. Причинно-следственная логика чуть сложнее, чем в праймале, несомненно, благодаря наличию пригодных к работе рук.

? смотрите, мы охотились охотились
и на нас охотились хорошо
? Осторожно, осторожно,
Благоприятность
? Ешь, ешь хорошо
чтоб тебя не съели
? Умри над водой, а не… Нет!

Судя только по семантике, эти существа менее пригодны к возвышению, чем были невозделан-

ные дельфины Земли. Но, основываясь на их способности использовать орудия труда, кто-нибудь усомнится в этом.

Конечно, наличие рук означает, что кикви вряд ли станут хорошими поэтами. Но все же в их бахвальстве есть определенное очарование.

Ремни доспехов натирали кожу. Сахот поднялся, чтобы вдохнуть. Хоть эта проклятая штука весит мало и обтекаемая, было бы лучше ее не иметь.

Конечно, эти воды опасны, и возможно, ему придется защищаться. К тому же поблизости Кипиру. Согласно инструкциям, держится незаметно, но внимательно слушает. Кипиру отгрызет Сахоту спинной плавник до самого позвоночника, если увидит его без доспехов. В отличие от других членов экипажа «Стремительного», техников и военных, Сахот побаивался доспехов. Он ничего не имел против компьютеров, поскольку некоторые из них даже умеют говорить и помогают ему общаться с другими расами. Но придатки для перемещения, созидания или убийства, — он предпочел бы обойтись без них.

Он ненавидел два шишковидных маленьких «пальц-ца» на концах своих грудных плавников — говорят, когда-нибудь они заменят его виду

руки. Но пальцы так неэстетичны. Ему не нравились также изменения в легких.

Благодаря им дельфины стали устойчивее по отношению к пришедшим с суши болезням и могут дышать в оксиводе. Природные китообразные не нуждались в таких изменениях. Невозделанные Stenos bredanensis и Tursiopus truncatus, которых генетики не тронули, могут перегнать любого amicus.

Со смешанными чувствами он относился и к увеличению зрительных возможностей: ведь это произошло за счет все той же серой материи, которая гораздо лучше воспринимает звуки.

Сахот снова поднялся, чтобы вдохнуть, потом погрузился, не отставая от аборигенов. В его собственной линии вырабатывались способности к языкам, а не к использованию орудий. Ему это казалось более соответствующим природе дельфина, чем все эти полеты в звездных кораблях. Дельфинам не стоит делать вид, что они инженеры и астронавты.

Это одна из причин, по которым он отказался лететь в гичке осматривать брошенный флот в Мелком скоплении. Даже если бы там было с кем поговорить — чему не обнаружено никаких свидетельств, — что бы он там делал, один,

окруженный неумелыми клиентами? «Стремительный», в одиночку пытающийся справиться с брошенным флотом, все равно что ребенок, играющий с бомбой.

Его поступок вызвал презрение у экипажа, хотя и был оправдан гибелью гички.

Это презрение ничего не значит, напомнил себе Сахот. Он не военный. И пока выполняет свою работу, не должен объяснять причины своего поведения.

Он не придавал значения щелчкам неодобрения в связи с его вниманием к Дэнни Судман. До возвышения самцы-дельфины нахально вели себя с женщинами-исследователями. «Это давняя традиция, — оправдывался он. — Что хорошо для старого доброго Флиппера, подходит и его мозговитому потомку».

В англике он ненавидел эти постоянные поиски оправданий. Люди вечно спрашивают: почему? Какая разница? Всегда можно взглянуть на мир по-иному, нежели люди. Любой кит подтвердит это.

Кикви возбужденно щебетали, плывя к восточной оконечности своего острова и готовясь поднимать добычу в расщелину стены.

Сахот почувствовал чей-то сонар, словно мель-

кание луча прожектора. С севера приближался Кипиру, чтобы проводить его к лагерю землян.

Сахот вынырнул на поверхность. Наклонив голову, взглянул на новый день. На востоке встает в дымке солнце, слышен шелест дождя.

Металлический привкус пронизывает воздух, напоминая о смертельной опасности заключения на Китрупе.

Несомненно, Крайдайки и его «инженеры» пытаются нащупать способ выбраться из этой кутерьмы. План этот, несомненно, будет отчаянным и смелым… и приведет их всех к гибели.

Разве не ясно, что дельфины в этой игре завоевателей не способны победить галактов? Ведь их опыт исчисляется целыми эпохами!

Он, конечно, предан людям. Но понимает, что они — неуклюжие сироты-волчата, старающиеся выжить в опасной реакционной галактике.

Существует старинная дельфинья поговорка: «Все люди — инженеры, все инженеры — люди». Остроумно, но вряд ли верно.

Кипиру показался на поверхности рядом с ним. Сахот спокойно выдувал воздух, его дыхание конденсировалось в брызги. Он лежал, глядя на восход, пока не лопнуло терпение Кипиру.

— Ужжже сссветло, Сахот. Наше месссто не

ззде́сь. Нам надо отрапортовать, и я хочу поесть и отдохнуть.

Сахот продолжал изображать рассеянного ученого. Он посмотрел так, словно Кипиру оторвал его от мыслей, глубина которых ему недоступна.

— Что? О, да. Конечно, пилот. Разумеется. У меня очень интересные данные для доклада. Знаешь, мне кажется, я разгадал их язык.

— Отлично. — Семантически Кипиру ответил на англике, но фонетически это был писк. Он нырнул по направлению к входу в пещеру.

Сахот поморщился от сарказма пилота, но не раскаялся.

«Сочинить, что ли, несколько лимериков, чтобы разнообразить отчет для Дэнни, — подумал он. — Жаль, что она остается на берегу. Ну, может, сегодня смягчится и присоединится ко мне».

Изгибаясь, чтобы следовать за Кипиру в темную глубину, он сочинял неприличные стихи.

Когда они добрались до дна ствола, сделанного деревом-сверлом и освещенного небольшой фосфорной лампой, Сахот заметил, что двое саней убраны с прохода и помещены в глубине пещеры. Но ведь одни сани всегда должны быть наготове в бассейне, на случай если Дэнни и Тошио понадобится быстро уходить! Он вслед за Кипиру стал

торопливо подниматься в вертикальном стволе.

Наверху у бассейна еще две пары саней. Должно быть, кто-то прибыл с корабля, сообразил Сахот.

Тошио и Дэнни уже были у воды, разговаривали с Кипиру. Сахот задумчиво посмотрел на Дэнни, но начинать не решился.

«Сегодня вечером попробую уговорить ее спуститься ко мне в воду, — подумал он. — Под каким-нибудь предлогом. Может, посмотреть механику корня дерева-сверла. Наверно, не получится, но попытаюсь забавы ради».

Сахот поднялся на хвосте и осмотрел местность вокруг бассейна.

Интересно, кто же приплыл с корабля.

Густые заросли на юге разделились, и появились двое: женщина и мужчина.

Джиллиан Баскин присела у бассейна и просвистела на тринари приветствие.

Верный Кипиру
Стойкий, как скала,
Победитель кашалотов

Меняющийся Сахот
Ко всему готовый
Так похожий на человека

В любой темноте
Я узнаю вас
Единые в противоположности!

Кипиру совершенно неоригинально ответил на англике:

— Рад видеть вас, Джиллиан. И вас, Т-ттом.

Сахот понял, что нужно поддержать репутацию. В отличие от Кипиру, нужно сочинить что-нибудь не хуже, чем у Джиллиан.

Он предпочел бы где-нибудь спокойно обдумать ее слова, особенно о том, что он так похож на человека. Это комплимент, или на верхнем регистре, когда Джиллиан высвистывала стихи, прозвучала жалость?

Томас Орли спокойно стоял рядом с Джиллиан. Сахот чувствовал, что этот человек видит его насквозь.

Он набрал воздуха.

Посмотрите!
Какое чудо
Моногамия!

Двое влюбленных!
Силуэтом
На фоне широкого неба.

Джиллиан захлопала в ладоши и рассмеялась.

Томас Орли лишь слегка улыбнулся. Очевидно, он что-то задумал.

— Я рад, что вы вернулись, — сказал он. — Мы с Джиллиан приплыли вечером, она со «Стремительного», а я — оттуда, где разбился корабль, поднявший цунами Тошио. Джилл привезла вам моноволоконный кабель, и вы сможете связываться с кораблем. Она несколько дней вместе с вами будет заниматься кикви. К тому же на корабле кое-кто просит вас собрать данные.

Верно, Джиллиан?

Блондинка кивнула. Требование Чарли Дарта не обрадовало Тошио и Дэнни.

Орли продолжал.

— Джилл также привезла мне разное оборудование. Мне придется утром уйти. Я возьму солнечный глайдер.

Кипиру вдохнул. Начал возражать, но Орли поднял руку.

— Я знаю, это рискованно. Но я хочу поэкспериментировать, чтобы узнать, сработает ли наш план бегства. И так как кроме вас здесь никого нет, я вынужден просить вас о помощи.

Сахот под водой забил хвостом. Усилием воли он пытался подавить свои чувства. Но как это

трудно!

Итак, они действительно попытаются сбежать! Он надеялся на большее здравомыслие Орли и Баскин. Они умны и опытны, ведь они почти мистические агенты Совета Земли. Способные выжить всюду.

А теперь они высказывают безумные идеи и ждут от него помощи! Разве не ясно, что он против?

Он подплыл к Кипиру, изображая верного внимательного клиента. Но внутри у него все пришло в смятение, когда он слушал «план» спасения их от пучеглазых чудовищ.

Глава 29
ТАККАТА-ДЖИМ

Совет корабля превратился в катастрофу. Хуже, чем я думал, — вздохнул помощник капитана.

Хотят обмануть
Провести обманщиков,
Создать покров,
Который спрятал бы китов!

Кта-Джон согласно помотал большой тупой

головой.

— Я слышал, кодовое название этого проекта — «Троянский морской конек». Что это значит?

— Литературная аллюзия, — ответил Такката-Джим. Интересно, ходил ли вообще боцман в школу. — Объясню как-нибудь в другой раз. А сейчас дай подумать. Должен быть другой выход, кроме этого самоубийственного плана Крайдайки и Орли.

— Я надеялся, что Крайдайки умнее. А сейчас просто не знаю, что и думать.

— Он не ссслушал?

— О, он был очень вежлив. Этот иглобрюх Метц поддержал меня пункт за пунктом, и Крайдайки внимательно нас слушал. Совет продолжался четыре часа! И все равно капитан решил принять план Орли! Эта фем Баскин уже доставляет ему припасы.

Два стеноса долго лежали рядом. Кта-Джон ждал, что скажет помощник капитана.

Такката-Джим всплеснул хвостом.

— Почему Крайдайки даже не подумал оповестить всех о местонахождении нашей находки и покончить с этим? Напротив, они с Орли хотят провести разумных, которые миллионы лет стараются перехитрить друг друга. Да нас под-

жарят! По сравнению с этим планом даже ваше предложение — прорываться, стреляя изо всех пушек, — лучше. По крайней мере была бы возможность маневра!

— Я предложил только ссславную альтернативу этому безумию, — сказал Кта-Джон. — Но я поддерживаю ваш план. Подумайте, если бы именно мы спасли корабль и экипаж, мы выгадали бы гораздо больше, чем просто спасение жизни?

Такката-Джим покачал головой.

— Если бы я командовал кораблем, возможно. Но нами командует этот безумный гений, спасающий честь. И приведет к гибели.

Он отвернулся, глубоко задумавшись, и неслышно поплыл по коридору к своей каюте.

Кта-Джон сузившимися глазами смотрел вслед помощнику капитана. Пузыри из его дыхала вылетали небольшими ритмичными хлопками.

Глава 30
АККИ

Это нечестно! Почти всем разрешили присоединиться к Хикахи, чтобы работать в теннанинском корабле. Ремонт «Стремительного» почти закон-

чился, а он по-прежнему торчит здесь, где ничего важного не происходит.

Акки подплыл к своему учебному месту, в центральном отсеке, сверху, под воздушным пузырем. Пузыри снизу беспрепятственно проходили через голотекст, проецируемый перед ним.

Какая глупость! Изучать астрогацию в корабле, лежащем на дне океана!

Он старался сосредоточиться на особенностях навигации в дырах, но все время отвлекался. Начинал думать о Тошио. Как давно они не имели возможности поболтать? Должно быть, уже месяц, как они стащили очки Брукиды и заменили их очками Фреснеля.

"Надеюсь, с Тошио все в порядке. По крайней мере он что-то делает.

Почему Крайдайки настоял, чтобы я остался здесь, когда инженеры нужны там?"

Акки еще раз попытался сосредоточиться на тексте, но его отвлек звук.

Он посмотрел в сторону шума у одной из пищевых машин. Два фина колотили друг друга плавниками, вокруг кольцом обступили зрители.

Акки выскочил из пузыря и нырнул в сторону драки.

— Прекратите! — крикнул он. — Немедленно! — И своими плавниками начал разводить Стату и Срика-джо.

Зрители чуть попятились, но дерущиеся не обратили на него внимания.

Кусали и колотили друг друга. Удар пришелся Акки в грудь и отбросил его в сторону.

Акки глотнул, чтобы перевести дыхание. Откуда у них столько энергии, чтобы драться в оксиводе?

Он подплыл к одному из зрителей.

— Пк'Тоу… Пк'Тоу! — Он укусил дельфина за плавник и принял позу господства, когда рассерженный Пк'Тоу попытался отплыть. Акки чувствовал себя таким юным. Но Крайдайки научил его, что делать. Когда фин возвращается в нормальное состояние, он должен сфокусировать взгляд.

— Пк'Тоу, не слушай их, раскрой глаза. Смотри на меня! Как офицер корабля, я приказываю тебе помочь мне прекратить эту драку!

Остекленевшие глаза Пк'Тоу прояснились. Он кивнул.

— Есть, сссэр! — Акки был поражен его покорностью.

Капли крови расплылись в розовое пятно, деру-

щиеся теперь обменивались ударами медленней, их легкие-жабры хватали воздух. Акки собрал еще троих, кричал, пока они не сфокусировали взгляд, потом снова приблизился к дерущимся. Ему удалось наконец развести стеноса и кока и под охраной отвести их в лазарет. Доктор Маканай продержит их в изоляции, пока он не сообщит капитану.

Акки оглянулся и заметил боцмана Кта-Джона. Тот проплывал мимо.

Гигант-офицер даже не предложил помощи. «Вероятно, просто смотрел на драку, — с горечью подумал Акки. Кта-Джону не понадобилось бы колотить дерущихся. Достаточно было просто рявкнуть».

Кта-Джон направился к одному из шлюзов, чувствовалось его напряжение.

Акки вздохнул.

"Ну, ладно, наверно, все-таки у Крайдайки есть причина держать меня здесь. Теперь, когда Хикахи уплыла с инженерами, ему нужен помощник, чтобы справиться с этими подонками на борту «Стремительного».

Он носом подтолкнул Срика-джо, чтобы тот двигался побыстрее. Стенос негромко выругался на праймале, но подчинился.

«По крайней мере у меня есть причина оторваться от астрогации», — сардонически подумал Акки.

Глава 31
СВЕССИ

— Нет! Перестаньте! Все назад и попробуйте еще раз — осторожнее!

Ханнес Свесси скептически следил, как инженеры дельфины поворачивают тяжелые сани и втаскивают балку назад в помещение.

Это их третья попытка установить распорку в зияющем отверстии в хвосте затонувшего теннанинского корабля. На этот раз почти получилось, но все же ведущие сани чуть задержались и балка едва не пробила корпус изнутри.

— Послушай, Олело, вот как нужно уходить от балки. — Он обратился к пилоту первых саней. Голос его звучал из гидрофона саней. — Когда доберешься до их иероглифа, похожего на двухголового шакала, вот так поднимай нос! — Он показал руками.

Фин посмотрел на него и энергично кивнул.

Принято — я ее вставлю!

Свесси поморщился от такого легкомыслия.

Конечно, они не были бы финами, если бы иногда не бывали слишком саркастичны, а в другое время — излишне старательными. К тому же они действительно много работают.

И все же работать под водой дьявольски трудно. По сравнению с этим, строительные работы в невесомости — настоящее наслаждение.

С двадцать первого века человек много узнал о строительстве в космосе. Были разрешены проблемы вращения и инерции, о которых не упоминается даже в Библиотеке. Впрочем, для существ, вот уже миллиард лет владеющих антигравитацией, это не имеет значения.

Но вот в подводном строительстве, даже в дельфиньих общинах Земли, опыта гораздо меньше. Тем более никому не приходилось ремонтировать на дне океана космический корабль.

Если и на орбите в невесомости инерция вызывает большие трудности, что сказать о непредсказуемой плавучести затопленных материалов? Сила, необходимая для перемещения массивного объекта, постоянно меняется в зависимости от его скорости и различных поперечных течений. В космосе таких осложнений не бывает.

Пока фины переориентировали балку, Свесси заглянул в корпус, чтобы посмотреть, как продви-

гаются другие работы. Вспышки лазеров, яркие, как гелиевые лампы, освещали медленное опустошение центрального отсека теннанинского корабля. Постепенно все отчетливее становилось большое цилиндрическое отверстие.

За работой внутри присматривала лейтенант Тшут. Ее рабочие действовали уникальным дельфиньим способом. Для работы с мелкими деталями пользовались глазами и инструментами. Но, приближаясь к объекту, поворачивали голову кругом, испуская из выпуклой «дыни», придающей турсиопам такой высокомерный вид, звуковые лучи. И чувствительный к звукам конец нижней челюсти позволял создать стереоскопическое изображение.

Помещение было заполнено щелканьем. Свесси никогда не переставал удивляться, как они ориентируются в такой какофонии.

Шумные создания, и побольше бы таких.

Свесси надеялся, что вскоре появится с подкреплением Хикахи. Она должна привести с собой скиф или баркас, чтобы Свесси мог обсушиться, а дельфины — подышать свежим воздухом. Его работники должны отдохнуть, чтобы не произошло несчастных случаев. Дьявольский план предложил Орли. Свесси надеялся, что Край-

дайки и совет корабля найдут альтернативу, но даже несогласные ничего не предложили лучше. «Стремительный» переместится, как только будет получен сигнал от Томаса Орли.

Очевидно, Крайдайки решил, что им терять нечего.

Под водой разнесся звук — «керр-ранч!». Свесси мигнул и оглянулся.

Один конец теннанинской распорки свободно повис, сломанный балкой Олело.

Дельфин, обычно внешне индифферентный, смотрел на Свесси с явным беспокойством.

— Ну, мальчики и девочки, — простонал Свесси, — как же мы оживим этот корпус, если сами вредим ему больше, чем враг? Кто нам поверит, что он может летать с такими дырами?

Олело махнул хвостом и печально защелкал.

Свесси вздохнул. После трехсот лет с дельфинами все равно нужно обращаться осторожно. Разнос способен сломать их. Гораздо лучше действует ободрение.

— Ну ладно. Попробуем повторить. С каждым разом у вас получается все лучше.

Свесси покачал головой и подумал, какая муха его укусила, когда он решил стать инженером.

Глава 32
ГАЛАКТЫ

Битва переместилась в другой район космоса; флот танду и на этот раз уцелел.

Группа птаха объединилась с теннанинцами и губру, продолжали оставаться опасными соро. Братья Ночи почти все уничтожены.

Акцептор расположился в самом центре паутины и осторожно открывал свои щиты согласно инструкциям. Его хозяева танду на протяжении тысячи лет учили акцепторов пользоваться мозговой защитой, чтобы не упустить чего-нибудь важного.

Убрав все барьеры, акцептор оживленно воспринял окружающее пространство, лаская облака пара и пролетающие обломки. Он легко обходил заряженные пси-ловушки и антивероятностные поля. Приятно смотреть на битвы, но они опасны.

Угроза опасности — этому танду учили акцептора насильно. Втайне раса акцепторов воспринимает это не очень серьезно. Разве может произойти что-нибудь действительно ужасное?

Так смотрят на мир сумасшедшие эписиархи!

Акцептор заметил нечто незначительное для обычного состояния. При свободном эспервосприятии кораблей, планет и снарядов он, конечно, был бы слишком увлечен, чтобы уловить такую несущественную помеху — мысли одинокого организованного разума.

Акцептор, обрадовавшись, сообразил, что их источник — синтианин!

Здесь есть синтиане, и они пытаются связаться с землянами!

Это аномалия, и потому она прекрасна. Акцептор раньше никогда не воспринимал смелых синтиан.

Да и синтиане не славятся своими пси-способностями, но этот отважно пробирается среди мириад пси-детекторов в окружающем пространстве.

Величие подвига — в его неожиданности… еще одно доказательство превосходства объективной реальности над субъективной, вопреки всем безумиям эписиарха! Способность удивляться — двигатель жизни.

Акцептор знал, что будет наказан, если станет слишком долго любоваться открытием и не доложит о Нем. Это тоже чудо — «наказание», с

помощью которого хозяева танду могут направлять племя акцепторов в ту или другую сторону. 40 000 лет оно удивляет их. Как-нибудь они с этим справятся. Но торопиться некуда. К тому времени они сами могут стать патронами. Подождать еще шестьдесят тысяч лет — очень легко.

Сигнал синтианского шпиона угас. Очевидно, ярость битвы увлекла его дальше от Ктсимини.

Акцептор слегка пожалел об утрате. Но теперь перед ним раскрылось великолепие битвы. В нетерпении насладиться ею акцептор решил доложить о синтианине позже… если не забудет.

Глава 33
ТОМАС ОРЛИ

Том через плечо взглянул на собирающиеся облака. Пока трудно сказать, захватит ли его буря. Ему еще далеко лететь.

Солнечный планер негромко гудел на высоте четыре тысячи футов: маленький самолет не предназначен для побития рекордов. Всего лишь узкий каркас. Винт приводится в движение солнечной энергией, падающей на широкие прозрачные крылья.

Сверху кажется, что мир-океан Китрупа покрыт

крошечными белыми шапками. Том летел на северо-восток, предоставив пассатам выполнять основную работу. Те же ветры сделают возвращение — если оно состоится — медленным и опасным.

Выше более сильный ветер гонит на восток темные тучи, которые преследуют самолет.

Том летел почти на наугад, только оранжевое солнце Китрупа помогало ориентироваться. Компас здесь бесполезен, потому что богатый металлами Китруп — сплошная магнитная аномалия. Ветер свистел мимо маленького конического носового щита самолета. Лежа ничком на узкой платформе, Том его почти не ощущал.

Жаль, что у него нет еще одной подушки. Локти у него устали, шею начинало сводить. Том много раз пересматривал список снаряжения, пока не обнаружил, что выбирает между пси-бомбой, которая необходима для достижения цели, и дистиллятором воды, без которого ему не выжить. То, что он отобрал в результате компромисса, привязано к платформе под подушкой. И бугры не позволяют расположиться поудобнее.

Путь бесконечно однообразен — море и небо.

Дважды на некотором расстоянии пролетали какие-то существа. Впервые стало ясно, что на

Китрупе есть и летающие животные. Могли ли они развиться из летучих рыб? С самого начала он был несколько удивлен, заметив пустоту воздушного пространства планеты.

«Конечно, эти существа могли быть созданы какими-то древними галактическими обитателями Китрупа, — подумал он. — Там, где не справляется природа с ее разнообразием видов, вмешиваются разумные. На водной планете я встречал кое-что и похлеще летающих животных».

Том вспомнил, как вместе с Джиллиан сопровождал старого Джейка Демва на университетскую планету тимбрими Катреннлин. Между встречами и совещаниями они с Джилл сумели выбраться в большой континентальный заповедник, где видели, как огромные стада клиду в абсолютно точном и сложном геометрическом рисунке паслись на травянистых равнинах. Рисунок, как муаровый узор, менялся одновременно, без всякой связи между животными.

Тимбрими объяснили, что много лет назад на Катреннлине жила древняя галактическая раса, которая запрограммировала клиду эти рисунки в нечто вроде головоломки. И с тех пор никто не смог разгадать эту загадку. Если это вообще возможно.

Джиллиан предположила, что рисунки усвоены клиду ради собственной выгоды. Любители головоломок тимбрими думали по-другому.

Том улыбнулся, вспомнив это путешествие, их первое совместное дело. С тех пор они с Джиллиан видели столько чудес, что и не счесть.

Ему ее уже не хватало.

Местные птицы — или что-то другое — свернули в сторону от собирающихся туч. Орли провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду.

Там, куда они полетели, нет никакой суши.

Самолет делал почти двести миль в час. Примерно через два часа он доберется до северного края островной вулканической цепи. Радио, слежение со спутников, радар — все это теперь недоступная роскошь. У Тома только карта на ветровом щите, чтобы не сбиться с пути.

Обратный путь легче. Джиллиан настояла, чтобы он взял с собой инерционное записывающее устройство. Оно приведет его назад вслепую точно на остров Хикахи.

Если, конечно, представится такая возможность.

Сгущались тучи над головой и сзади. Котел Китрупа закипал. Том решил, что место для посадки

предпочтительнее найти до начала бури.

В полдень он увидел еще одну стаю летающих существ, дважды заметил, как в воде движется что-то огромное и извилистое. И оба раза это исчезало быстрее, чем он мог рассмотреть подробности.

На поверхности воды плавали водоросли. Некоторые срастались в плавучие острова. Может, летающие существа живут на них, лениво подумал Том.

Он боролся со скукой, как мог, и уже возненавидел предмет, лежащий под его левой почкой.

Грозовой фронт теперь лишь в нескольких милях сзади. И тут на севере что-то замаячило — какая-то слабая полоска на фоне серого неба.

Он прибавил оборотов и свернул в ту сторону. Показалась дымящаяся воронка. Огромный столб дыма извивался и уходил на северо-восток.

Том сражался за высоту, а грозные облака уже закрыли полуденное солнце и на солнечные коллекторы упала тень. Прогремел гром, вспышки молнии осветили ландшафт.

Когда пошел дождь, стрелка амперметра переместилась за красную черту.

Двигатель начал задыхаться.

Да. Вот он! Остров! Гора вдалеке и почти скрыта

дымом.

Том предпочел бы сесть на обычном острове, менее активном. Он улыбнулся: в его положении смешно предъявлять требования. Если понадобится, он сядет и в море. Маленький самолет оборудован понтонами.

Свет мерк. В усиливающейся тьме Том заметил, что поверхность океана изменила цвет. И удивился — трудно сказать, в чем разница.

Вскоре времени для размышлений не стало, он сдерживал самолет, борясь за каждый фут высоты.

Надеясь, что успеет найти место для посадки, он вел хрупкую машину сквозь дождь к дымящемуся вулкану.

Глава 34
КРАЙДАЙКИ

Он не предполагал, что корабль выглядит так плохо.

Крайдайки проверил состояние всех поврежденных машин и инструментов. После ремонта вместе с Такката-Джимом он трижды незаметно убедился в его качестве. То, что можно было исправить, исправлено.

Но как капитан корабля, он должен заниматься и менее насущными проблемами. Кто-то должен думать и об эстетике, как бы далеко ни теснили ее более важные дела. Впрочем, «Стремительный» уже не казался прекрасным.

Впервые Крайдайки покинул корабль. Надев дыхатель, он проплыл вдоль покрытого рубцами корпуса, стараясь представить себе общую картину.

Гребни стасиса и главные гравитационные двигатели будут работать.

Такката-Джим и Эмерсон Д'Анит заверили его в этом, да он и сам проверял.

Одна установка запуска ракет уничтожена лучом антиматерии у Морграна.

Вторая вполне боеспособна.

Но хотя корпус цел и прочен, на него больше не хочется взглянуть, как когда-то. Там, где лучи проникли сквозь защитные поля, он обожжен.

Брукида сказал, что есть даже небольшой участок, где сплав заменен другим. Структурное единство корабля не нарушено, но кто-то сумел близко подобраться к ним с разрушителем вероятности. Неприятно думать, что кусок «Стремительного» заменен другим, подобным, с похожего, но чуть-чуть отличающегося корабля,

в котором такие же, но чуть отличающиеся беглецы, в какой-то гипотетической параллельной вселенной.

Согласно записям Библиотеки, никто пока не научился использовать эти пересекающиеся искажения как-либо иначе, нежели в качестве оружия. Но ходят слухи, что некие древние виды «переросли» галактическую цивилизацию, раскрыли эту тайну и с ее помощью через боковой выход удалились из реальности.

Концепция бесконечной последовательности параллельных вселенных была известна дельфинам задолго до того, как люди научились пользоваться огнем. Это нераздельная часть «сна китов». Огромные киты удовлетворенно напевали о бесконечно изменяющемся мире. Начав пользоваться инструментами, дельфины amicus утратили это величественное равнодушие. Теперь они понимают философию китов немногим лучше людей.

Временная версия разрушителя вероятности — один из способов превышения скорости света, но благоразумные расы его избегают. Корабли, пользующиеся вероятностными двигателями, часто исчезают.

Крайдайки представил себе, как выходит из

сверхсветовой скорости и обнаруживает собрание «Стремительных» — все из различных вселенных, капитаны — слегка измененная версия его самого. Киты могли философски относиться к подобным ситуациям. Но он уже не мог. К тому же киты, гении в философии, оказались кретинами в мире космических кораблей и механизмов. Они способны узнать космический корабль с таким же успехом, как собака свое отражение в воде.

Менее двух месяцев назад Крайдайки увидел брошенный космический флот, каждый корабль размером с луну, все древние, как звезды. Он потерял там десяток своих лучших спутников и с тех пор бежит от вражеских флотов. Иногда ему хотелось быть таким же, как киты, слепым по отношению к разным вещам. Или так же философски настроенным.

Крайдайки подплыл к хребту, нависающему над кораблем. Яркие гелиарковые лампы бросали тени в верхний слой чистой прозрачной воды. Фины внизу заканчивали прикрепление добычи, снятой Свесси с теннанинского корабля. Оставалось только освободить посадочные опоры.

Хикахи на скифе с отборным экипажем выступила несколько часов назад.

Крайдайки хотелось направить Свесси больше

помощников, но на «Стремительном» и так значительный некомлект.

Он по-прежнему не видел альтернативы плану Томаса Орли. Метц и Такката-Джим смогли предложить только сдаться на милость победителю, а этого Крайдайки никогда не допустит. Пока у них остается хоть малейший шанс.

Пассивные сенсоры показывают, что космическая битва только разгорается. В течение нескольких дней она может достигнуть кульминации, и тогда во всеобщем смятении представится лучшая возможность сбежать.

«Надеюсь, Том благополучно прибыл и его оборудование исправно».

В воде гулко отдавались звуки испытаний двигателей. Крайдайки сам рассчитал допустимый уровень шума. Так много возможностей утечки — нейтрино из двигателя, гравитоны из стасис-экранов, пси-волны ото всех на борту. Звук беспокоил его меньше всего.

Крайдайки услышал, как кто-то проплывает над ним, и посмотрел на верхний слой.

У детекторных буев плавал один неофин, работая с помощью манипуляторов доспехов. Крайдайки придвинулся ближе.

Какая-то проблема –

Есть из-за чего беспокоиться,
Выполнять долг?

Он узнал гигантского стеноса Кта-Джона. Боцман вздрогнул. Глаза его расширились, и Крайдайки на мгновение увидел белки вокруг плоских, вытянутых зрачков. Кта-Джон уже пришел в себя. Раскрыл в улыбке рот.

Сигнал неисправности –
Сборщик нейтрино
Не слышал
Битву вверху

Теперь он сообщает мне –
Статика исчезла
Я возвращаюсь
К своим обязанностям.

Дело серьезное. Нужно, чтобы на мостике «Стремительного» знали, что происходит в небе, и получили сообщение Томаса Орли.

Такката-Джим должен был бы поручить эту работу кому-то другому. Буйки на совести экипажа мостика. Но Хикахи и Тшут нет, а с ними оттуда ушло большинство специалистов. Может, Кта-Джон действительно единственный офицер,

который может позволить себе заняться этой работой.

Хорошо,
Рослый всадник волн,
Теперь торопись назад,
К тем, кто тебя ждет.

Кта-Джон кивнул. Сложил манипуляторы. Не сказав ни слова, выпустил небольшое облако пузырей и нырнул к освещенному люку «Стремительного».

Крайдайки смотрел вслед гиганту.

Внешне Кта-Джон реагировал на тяжелое положение «Стремительного» более гибко, чем остальные. Он словно наслаждался умелым отходом с боем от Морграна и управлял своей батареей с боевым энтузиазмом. Очень хороший сержант.

"Но почему же у меня волосы встают дыбом, когда я оказываюсь рядом с ним? Он из любимцев Метца?

Я должен настоять на том, чтобы доктор Метц перестал скрытничать и показал мне свои записи. Если понадобится, я вскрою его сейф — к дьяволу протокол!"

Кта-Джон стал постоянным спутником лей-

тенанта Такката-Джима. Вместе с Метцем они втроем были главными противниками плана Тома Орли. И по-прежнему виделся какой-то в этом подвох. Такката-Джим стал еще молчаливее и мрачнее.

Помощник капитана вызывает серьезные опасения. Крайдайки сочувствовал лейтенанту. Не его вина, что полет оказался таким тяжелым. Но жалость не помешает Крайдайки поставить Хикахи на место Такката-Джима, как только та вернется.

Такката-Джим, вероятно, понимает это, он знает и о том, что капитан должен представить подробный рапорт о каждом офицере в Центр возвышения.

Особое право Такката-Джима на потомство может оказаться под угрозой.

Крайдайки мог представить себе, что испытывает помощник капитана.

Иногда и он с негодованием воспринимает агрессию возвышения, и ему хочется крикнуть на праймале: «Кто дал вам право?» И сладкий гипноз «сна китов» постоянно зовет вернуться в объятия старых богов. Но этот момент всегда проходит, и он вспоминает, что для него нет ничего более желанного во вселенной, чем командовать

космическим кораблем; собирать записи песен космоса и исследовать межзвездные течения.

Мимо проплыла стайка местных рыб с яркой металлической чешуей. Похожи на кефаль.

Крайдайки испытал неожиданное желание пуститься в погоню, позвать уставший экипаж на охоту.

Он позавидовал своим флегматичным инженерам и техникам, которые продолжали работать, просто отгоняя рыб, заставляя их панически устремляться к поверхности.

Хорошо бы финам проглотить нечаянно немного металла. Может, это повлияло бы на моральный дух экипажа?

Все кольца весны,
А потом тайный вечер,
Бегущие волны, Луна…

Хайку сожаления.

Играть и охотиться не приходится, пока они сами являются добычей.

Звонок на доспехах известил, что запаса воздуха у него только на тридцать минут. Крайдайки встряхнулся. Если еще глубже погрузиться в размышления, может подобраться Нукапай. Химерическая богиня будет издеваться над ним.

Ее нежный голос напомнит о том, что рядом нет Хикахи.

Поблизости плясали наблюдательные буи, привязанные снизу к водорослям. Крайдайки подплыл ближе к бело-красному овоиду, над которым работал Кта-Джон, и заметил, что плита доступа в корпус сдвинута.

Крайдайки послал узкий звуковой луч — странные очертания буя и необычные провода вызвали смутное беспокойство.

Зазвенел приемник сонара. Послышался искаженный голос через усилитель нервных импульсов. — Капитан, это Такката-Джим. Мы закончили проверку пускателей и генераторов стасиса. Параметры доведены до указанных вами. И еще Свесси сообщает, что… что «Троянский морской конек» успешно движется. Хикахи прибыла на место и шлет привет.

— Хорошо, — ответил Крайдайки через усилитель. — От Орли есть что-нибудь?

— Нет, сэр. И уже поздно. Вы уверены, что хотите продолжать претворение его плана? Что, если он не сможет отправить нам известие с помощью пси-бомбы?

— Мы уже все обсуждали.

— И по-прежнему намерены передвинуть ко-

рабль? Я считаю, что нужно еще раз обговорить это.

Крайдайки почувствовал приступ раздражения.

— Не будем дискутировать по открытому каналу, второй в стае. К тому же решение принято. Я скоро вернусь. Проверьте, нет ли упущений. Мы должны быть готовы, когда позвонит Том!

— Есть, сэр. — В голосе Такката-Джима совсем не слышалось вины.

Крайдайки уже сбился со счета, сколько раз его расспрашивали о плане.

Если они не верят ему, потому что он всего лишь «дельфин», пусть вспомнят, что идея исходит от Томаса Орли! К тому же он, Крайдайки, капитан! И должен сберечь их жизни и честь.

Когда он служил на исследовательском корабле «Джеймс Кук», никогда не видел, чтобы капитана Альвареса, человека, так расспрашивали.

Он бил хвостом по воде, чтобы немного успокоиться. Начал считать, пока не достиг умиротворения кининка.

«Пусть, — подумал он. — Большинство членов экипажа не сомневается, а остальные подчинятся приказам. Для экспериментального экипажа в таком невероятном напряжении и это сойдет».

«Где есть разум, всегда есть и решение», — учит кининк. Все вопросы содержат в себе элементы ответа.

Он приказал манипулятору схватить панель буйка.

Если буй в порядке, он сможет поблагодарить Такката-Джима. Должен же существовать ключик к этому лейтенанту, можно вернуть его в экипаж, разорвать его мрачное одиночество. «Где есть разум…» Требуется несколько минут, чтобы установить, в порядке ли буй.

Крайдайки через нервное гнездо подсоединился к компьютеру буя. Приказал машине доложить о своем состоянии.

Перед ним мелькнула ослепительная дуга электрического разряда.

Крайдайки закричал: моторы его доспехов перегорели, кожу вокруг нервного гнезда обожгло.

«Нацеленный удар, — смутно осознал Крайдайки. — Но как…»

Все замедлилось. Ток уничтожал защитные диоды его нервного усилителя.

Сгорела изоляция.

Парализованному Крайдайки словно почудился пульсирующий, насмешливый голос:

Где есть разум… разум

там есть и обман

Обман

Изогнувшись от боли, Крайдайки закричал на праймале, первый раз за всю свою взрослую жизнь. Потом вверх брюхом погрузился в темноту чернее ночи.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЛЕВИАФАН

Отец служил на Эддистоунском маяке
И как-то переспал с русалкой,
От этого союза родилось нас трое:
Дельфин, морской карась и я.
О, что за жизнь в волнующемся море.

Старинная песня

Глава 35
ДЖИЛЛИАН

"Подобно большинству видов, развившихся от хищных предков, танду были трудными клиентами. Они сохранили каннибальские наклонности, и нападения на патронов, Нгхт6, в ранние периоды возвышения были нередки.

В отличие от других разумных форм жизни у танду очень слабо развита способность сопереживания. Они принадлежат к псевдорелигиозной группировке, основной догмат которой — постепенное уничтожение видов, которые считаются «недостойными». Соблюдая законы галактиче-

ских Институтов, танду в то же время не делают тайны из своего желания видеть вселенную гораздо менее населенной или стремления приблизить день, когда все законы сменит «новый порядок».

Согласно последователям религии «наследия» это произойдет, когда прародители вернутся в пять галактик. Танду считают, что они окажутся среди избранных и, когда наступит этот день, будут уничтожать недостойных.

Ожидая своего часа, танду непрерывно вступают в стычки и сражения чести. Они участвуют во всех войнах, провозглашенных галактическими Институтами, независимо от их целей, и часто обвиняются в превышении сил.

Им приписывают «случайное уничтожение» по крайней мере трех космических видов. Хотя танду не сопереживают своим патронам, они считаются мастерами в искусстве возвышения. На своей планете они приручили предразумные виды, чтобы использовать их в качестве охотничьих животных. После освобождения от службы по договору танду приобрели два вида самых сильных пси-существ среди нового поколения клиентов. Проводится долговременное расследование по обвинению танду в незаконном генетическом

преобразовании этих видов (каталожные номера ЭПИСИАРХ-cl-82f49; АКЦЕПТОР-cl-82f-50) и превращении их в инструмент охоты..."

«Ничего не скажешь, славные парни эти танду», — подумала Джиллиан.

Она положила плоскую читательскую таблицу рядом с деревом, возле которого сидела. Этим утром она разрешила себе часок почитать. Этот час почти закончился. Она прочла еще примерно две тысячи слов. Справка о танду передана со «Стремительного» по кабелю накануне вечером. По-видимому, Нисс уже наладил контакт с мини-Библиотекой, которую Том обнаружил на разбившемся теннанинском корабле. Слишком четко все изложено и непосредственно относится к ситуации; вряд ли такое сообщение могла дать в переводе на английский жалкая микроветвь самого «Стремительного».

Конечно, Джиллиан и так кое-что знала о танду. Все агенты Совета знают об этих скрытных и жестоких врагах человечества.

Отчет только усиливает ее ощущение, что вселенная изначально устроена неправильно, если в ней живут такие чудовища. Джиллиан однажды целое лето читала космические романы доконтактного периода. Какой открытой и

дружественной казалась в те дни вымышленная вселенная! Даже некоторые «пессимистические» измышления были далеки от реальной опасности.

Рисуя в воображении драматические картины «знакомства» с танду, она решила носить кортик, чтобы прибегнуть к последней древнейшей самозащите, если эти чудовищные существа захватят ее.

Густой органический запах перегноя перебивал металлический привкус, который преобладал возле воды. Воздух был чист после вчерашней бури.

Мягкие китрупские пассаты раскачивали зеленые кроны.

"Том, должно быть, уже нашел свой остров, — подумала Джиллиан, — и начал подготовку к эксперименту.

Если он жив".

Сегодня утром она впервые в этом усомнилась. Она была убеждена, что сразу узнает, если он погибнет, когда бы и где это ни произошло. Но сейчас она уже изверилась. Мозг ее затуманен, и ясно ей только одно — вчера вечером произошло что-то ужасное.

Вначале, сразу после захода, ее охватило пред-

чувствие, что с Томом что-то происходит. Она не могла точно передать это ощущение, но оно тревожило ее.

Позже она увидела сны.

Лица, лица галактов, обтянутые кожей, покрытые перьями и чешуей, с клыками и клешнями. Они выли и рычали, но она, несмотря на свою подготовку, не смогла разобрать ни слова, ни единого чувственного иероглифа. Кое-кого из своего сна она узнала: двое хаппишских астронавтов, погибающих в своем разорванном корабле; йофур, прижимающий окровавленный обрубок руки; синтианин, слушающий песню китов; а она при этом прячется за холодной, как вакуум, каменной глыбой.

Во сне Джиллиан не могла их прогнать.

Она проснулась неожиданно, среди ночи, напряженная, как тетива лука.

Тяжело дыша в темноте, ощутила, как родственное сознание уходит за пределы восприятия. Несмотря на расстояние, Джиллиан уловила странную смесь в этом легком пси-прикосновении. Слишком человеческое, чтобы это был только фин, слишком китообразное, чтобы быть только человеческим.

И тут же оно прекратилось. Психическое напа-

дение кончилось.

Джиллиан не знала, что об этом подумать. Какая польза в пси, если при этом получаются сообщения, которые невозможно расшифровать? Ее генетически обостренная интуиция, казалось, теперь подводит. Она бесполезна, если не хуже.

Час истекал, осталось совсем немного. Джиллиан провела это время, закрыв глаза, прислушиваясь к звукам прибоя, который ведет свой бесконечный бой с западным берегом. Ветки дерева качались и шумели на ветру.

Сквозь этот шелест Джиллиан слышала щебетанье предразумных аборигенов — кикви. Время от времени она различала голос Дэнни Судман, которая говорила с машиной, переводившей ее речь на слова высокочастотного языка кикви.

Хотя она работает по двенадцать часов в день, помогая Дэнни в общении с кикви, Джиллиан чувствовала себя виноватой за свой отдых. Она говорила себе, что эти маленькие туземцы исключительно важны.

Но сон преследовал ее все утро, особенно одно лицо. И лишь полчаса назад она поняла, что так она представляла себе живого Херби.

Во сне, перед тем как она ощутила приближение катастрофы, это длинное, отдаленно

напоминающее гуманоидное лицо древнего улыбнулось ей и медленно подмигнуло.

— Джиллиан! Доктор Баскин! Пора!

Джиллиан открыла глаза. Подняла руку и взглянула на часы. Они идут как будто по команде Тошио. Она вспомнила, что гардемарину можно верить на слово. Скажи ему поднять тебя через час, и он сделает это с точностью до секунды. В начале пути она пыталась отучить его от обыкновения называть ее «сэр» — или более анахронично «мэм», и ей это удалось: теперь он так говорит не через слово, а в каждой третьей фразе.

— Иду, Тошио! Минутку! — Она встала и потянулась. Отдых оказался полезен. Только он привел ее сознание в порядок.

Она надеялась здесь быстро закончить и через три дня оказаться на «Стремительном», как раз к тому времени, когда Крайдайки собирался переместить корабль. Но до этого они с Дэнни должны выяснить все потребности кикви для того, чтобы знать, как лучше перевезти небольшую группу этих существ в Центр возвышения на Земле. Если «Стремительный» вырвется и человечество первым представит заявку на клиентов, это спасет кикви от гораздо худшей судьбы.

Проходя меж деревьев, Джиллиан увидела на севере между ними океан.

«Почувствую ли я здесь, когда Том позовет? Нисс говорит, что этот сигнал будет слышно на планете повсюду».

«И все ити, конечно, его услышат».

Она тщательно сдерживала свою пси-способность, как настаивал Том. Но вслух она старомодно помолилась и послала свои слова на север.

— Конечно, это понравится доктору Дарту, — сказал Тошио. — Эти сенсоры — как раз то, что ему нужно. Но робот по-прежнему действует.

Джиллиан посмотрела на маленький экран связи с роботом. Она не специалист по робототехнике или планетологии. Но в принципах разбирается.

— Я думаю, ты прав, Тошио. Рентгеновский спектрометр действует.

Лазерный резак и магнитометр тоже. А передвигаться робот может?

— Как маленький скальный омар. Он не может только вернуться. Баки, обеспечивающие плавучесть, разбиты упавшим куском коралла.

— А где робот сейчас?

— На выступе, на глубине девяносто метров. — Тошио нажал кнопки на маленькой панели

управления, и на экране появилось схематическое изображение. — Он дал мне сонарную карту глубин. Я не стал опускать его ниже, пока не поговорю с доктором Дартом. Мы можем только спускаться с выступа на выступ. Покинув это место, робот сюда уже не вернется.

На изображении видно было заостренное к концу цилиндрическое углубление, уходящее в силикатную, богатую металлами тонкую кору Китрупа.

Стены углубления усеяны выступами и карнизами; на одном из них сейчас находится поврежденный зонд.

Ствол чуть наклонно спускается в большую пещеру. Это корень того самого дерева-сверла, которое Тошио и Дэнни взорвали несколько дней назад.

Верхний конец опирается на выступ собственного подводного углубления.

Ствол уходит далеко вниз, на территорию, не отраженную на схеме.

— Я думаю, ты прав, Тошио. — Джиллиан улыбнулась и сжала плечо юноши.

— Чарли будет рад. Может, отвяжется от Крайдайки. Хочешь передать ему новость?

Тошио явно обрадовался словам Джиллиан, но

ее предложение застало его врасплох.

— Гм, нет, спасибо, сэр. Ну, я могу просто вставить сообщение в ваш ежедневный отчет на корабль. Я думаю, у доктора Дарта появятся вопросы, на которые я не готов ответить…

Джиллиан не могла винить Тошио. Сообщать доктору Дарту хорошую новость не лучше, чем плохую. Но рано или поздно Тошио придется научиться разговаривать с планетологом. И лучше бы ему научиться этому пораньше.

— Прости, Тошио. Но доктор Дарт полностью твой. Не забывай, что через несколько дней я уеду. И тебе придется… да, удовлетворять Чарли, когда он попросит тебя работать тридцать часов в сутки.

Тошио серьезно кивнул, выслушивая ее совет. Она поймала его взгляд и улыбнулась; в ответ он тоже улыбнулся и покраснел.

Глава 36
АККИ

Торопясь попасть на мостик до пересменки, Акки двинулся кратчайшим путем через внешний шлюз. Он проплыл уже половину обширного помещения, когда заметил нечто необычное.

Он перевернулся через голову, чтобы остановиться. Легкие-жабры напрягались, и он обозвал себя идиотом: торопится и вертится, когда кислорода едва хватает!

Акки осмотрелся. Шлюз пустовал, как и следовало.

Капитанская гичка потеряна в Мелком скоплении. Тяжелые сани с многочисленным оборудованием у разбитого теннанинского корабля, а скиф только вчера увела лейтенант Хикахи.

Вокруг баркаса, последнего вспомогательного корабля, оставшегося на «Стремительном», оживление. Несколько дельфинов с помощью механических «пауков» грузят ящики в маленький космический корабль. Акки забыл о своем стремлении быстрее попасть на дежурство и неторопливо поплыл к баркасу.

Он оказался за дельфином с «пауком». «Паук» в своих механических руках нес большой ящик.

— Эй, Сап-пен, что здесь происходит? — Акки старался говорить короткими и простыми фразами. Он теперь лучше говорит на англике в оксиводе, но если калафианец не будет говорить правильно, что подумают другие?

Дельфин посмотрел на него.

— О, добрый день, мистер Акки. Мы получили

новый приказ. И готовим баркас к самостоятельному космическому полету. Кроме того, мы должны также погрузить эти ящики.

— А что в них… в этих ящиках?

— Записи доктора Метца, кажетссся, — третий манипулятор «паука» указал на груду ящиков в водонепроницаемой упаковке. — Только подумать, что все наши бабушки и дедушки, все внуки перечислены на магнитных катушках. Чувствуете преемственность, а?

Сап-пен из южноатлантического сообщества, там причудливая речь в цене. Акки часто размышлял, что это… эксцентричность — или просто глупость.

— Мне казалось, вы доставляете припасы к теннанинскому кораблю, — сказал он. Сап-пен обычно получал задания, не требующие большой сообразительности.

— Я там был, мистер Акки. Но эти перевозки заканчиваются. Работы там прекращаются, разве вы не слышали? Будем плавать кругами, пока не выяснится самочувствие капитана.

— Что? — Акки подавился. — Капитана?

— Он был ранен во время наружного осмотра корабля. Говорят, электрический удар. Хорошо хоть нашли его вовремя: вот-вот отказал бы дыха-

тель. И все это время он был без сознания. Сейчас командует Такката-Джим.

Акки был шокирован настолько, что не заметил, что Сап-пен неожиданно заторопился, принялся за работу, а рядом появилась большая темная фигура.

— Я могу вам помочь, мистер Акки? — Голос большого дельфина звучал почти неприкрыто саркастично.

— Кта-Джон. — Акки пришел в себя. — Что случилось с капитаном?

Что-то в этом боцмане приводило Акки в ужас. А Кта-Джон даже и не пытался изображать почтительность перед Акки, несмотря на его звание. Он быстро произнес на тринари:

Я скажу вам,
Как узнать больше –
Спросите своего предводителя
На берегу…

И, сделав дерзкий жест механической рукой своих доспехов, Кта-Джон развернулся и направился к рабочим. Волна от его движения отбросила Акки метра на два. Акки понимал, что звать боцмана назад не стоит. Что-то в тринари Кта-Джона подсказывало ему, что это бесполезно,

более того, для него это было предупреждением, и он поплыл к лифту, чтобы подняться на мостик.

Вдруг ему стало ясно, что на борту отсутствуют почти все лучшие фины.

Тшут, Хикахи, Каркаэтт, С'тат и Лаки Ка — все у теннанинского корабля. И самым старшим из младших офицеров остался Кта-Джон!

Отсутствует и Кипиру. Акки не верил слухам о нем. Он всегда считал Кипиру самым храбрым и быстрым дельфином в экипаже. Хорошо бы, чтобы Кипиру с Тошио были здесь. Они бы помогли ему узнать, что происходит.

Возне лифта Акки столкнулся с группой из четырех турсиоп, которые теснились в углу и ничего не делали. Все были мрачны и лежали в ленивых позах.

— Сус'та, что здесь происходит? — спросил Акки. — Разве у вас нет работы?

Дельфин махнул хвостом — подобно пожатию плечами у человека.

— А в чем дело, мистер Акки?

— Дело в том... мы должны выполнять свой долг! Что с вами?

— Капитан... — начал один из них.

Акки прервал его.

— Капитан первым приказал бы вам продол-

жать работу! — Он перешел на тринари.

Смотрите на дальний
Горизонт –
На Землю!
Мы все там понадобимся…

Сус'та мигнул и постарался принять подобающую позу. Остальные последовали его примеру.

— Да, сссэр, мистер Акки. Мы постараемся.

Акки кивнул.

— Очень хорошо. Сохраняйте дух кининка.

Он вплыл в лифт и набрал код мостика. Дельфины начали расплываться по своим рабочим местам. Двери лифта закрылись.

Ифни! Нелегко пришлось, а ведь всего-то и хотел — получить у них информацию. Пришлось сделать вид, что знает больше, чем они!

Укус черепахи! Неисправные моторы! Тяжело ли ранен капитан? Что делать, если Крайдайки не будет с ними?

Надо держаться как можно незаметнее… пока не прояснится, что происходит. Он понимал, что будучи гардемарином находится в самом трудном положении: у него обязанности офицера, но нет его прав и защиты.

И именно гардемарин узнает последним о том,

что происходит!

Глава 37
СВЕССИ

Из корпуса почти все удалили, укрепили изнутри распорками. Вскоре можно будет поместить туда нужный груз и улететь.

Ханнес Свесси не мог дождаться. Хватит с него подводных работ! И если говорить правду, то и дельфинов тоже.

Боже мой, какие истории он сможет порассказать дома. Как он руководил работами под океанами смога на Титане. Проводил кометы через Суповую туманность. Даже работал с этими сумасшедшими америндийцами и израэлитами, которые пытались терраформировать Венеру. Но ни одна работа, в отличие от этой, не учила его законам наоборот.

Почти все материалы, с которыми они работают, созданы чужаками, у них необычайная ковкость и еще более необычная квантовая проводимость. Ему приходилось проверять псионическое сопротивление почти каждого стыка, и все равно их замаскированное чудо будет пропускать телекинетический стасис и его после взлета

уловят по всему небу!

Фины! Они выводят его из себя. Безупречно выполняют самые тонкие операции, а потом плавают кругами, кричат вздор на праймале, получив какое-нибудь необычное сонарное отражение от открытого люка.

И каждый раз, закончив работу, они зовут старину Свесси. Проверь нашу работу, Ханнес, просят они. Убедись, что мы все сделали правильно.

Они так стараются. И все равно чувствуют себя неотработавшими клиентами патронов, которые сами похожи на детей, никем не возвышены и живут в невероятно враждебной вселенной. Тем более, что все это правда.

Свесси признавал, что ворчит зря, просто хочется поворчать. Экипаж проделал огромную работу; а ведь только это имеет значение. Он гордится каждым из них.

И вообще с прибытием Хикахи дела пошли гораздо лучше. Она подавала остальным пример, посмеивалась, цитировала притчи кининка и помогала финам сосредоточиться.

Свесси оперся на локоть. Его узкая койка всего лишь в метре под потолком. В нескольких дюймах от плеча горизонтальный вход в его спальное помещение.

«Я достаточно отдохнул», — подумал он, хотя в глаза как будто насыпан песок, а руки все еще болят. Бессмысленно пытаться заснуть. Теперь он будет только смотреть на свои веки.

Свесси раскрыл узкий люк. Заслонил глаза от верхнего света, сел, опустив ноги. Плеснула вода.

Ух! Вода. За метр до потолка скиф заполнен водой.

Тело его кажется бледным в резком свете. «Когда же по графику мне заступать?» — подумал Свесси и с закрытыми глазами скользнул в воду.

Перевернулся через голову и закрыл за собой дверь.

Естественно, пришлось подождать, пока из помещения выкачают воду и он сможет воспользоваться удобствами.

Чуть позднее он добрался до контрольной рубки маленького корабля.

Здесь были Хикахи и Тшут, они возились у коммуникатора. Спорили на быстром англике, и Свесси не понимал, о чем.

— Эй! — позвал он. — Если не хотите меня видеть — отлично. Но если нужна моя помощь, лучше перейдите на тридцать три с третью оборота. Я не Том Орли и за вашим бормотанием уследить не могу!

Два офицера-дельфина подняли головы из воды. Свесси ухватился за ближайший поручень. Глаза Хикахи перефокусировались с подводного на надводное бинокулярное зрение.

— Особых проблем нет, Ханнес, но, по-видимому, мы утратили связь с кораблем.

— Со «Стремительным»? — Густые брови Свесси поднялись. — На него напали?

Тшут слегка покачала справа налево верхней частью тела.

— Не думаю. Я ждала связи. Должны были сообщить, что слышно от Орли и время перемещения корабля. Особого внимания не обращала, но услышала, как оператор просил подождать… и потом ничего.

— Когда это было?

— Несколько часов назад. Я ждала смены вахты, надеясь, что на корабле просто какое-то техническое повреждение, потом позвала Хикахи.

— С тех пор мы отслеживаем все частоты, — сказала старший офицер.

Свесси подплыл к установке. Конечно, надо все разобрать вручную и проверить самому. Но электроника загерметизирована от влаги.

«Если бы мы были в свободном падении и фины могли бы работать без воды!»

— Ну, хорошо, — вздохнул он. — С вашего разрешения, Хикахи, я вас двоих выпровожу, возьму двух дельфинов из контрольной рубки и посмотрю, что тут стряслось. И не тревожьте финов в трюме.

Хикахи кивнула.

— Я пошлю проверить целость волокна.

— Хорошая мысль. И не беспокойтесь. Я уверен, что ничего серьезного не произошло. Наверно, работа гремлинов.

Глава 38
ЧАРЛЗ ДАРТ

— Боюсь, они спустили этот проклятый робот только на восемьдесят метров глубже. Этот мальчик Тошио может с ним работать всего лишь несколько часов, ему приходится помогать Дэнни и Джиллиан проводить наших новых клиентов через лабиринты, заставлять сбивать бананы палкой — или что еще они там делают. Говорю вам, я раздражен! На этом маленьком неисправном роботе не те инструменты, которые нужны для геологических работ. Можете себе представить, как он будет действовать на приличной глубине.

Голографическое изображение металлурга Брукиды, казалось, смотрит мимо Чарлза Дарта. Очевидно, ученый-дельфин смотрел на собственный дисплей. Оба его глаза были закрыты линзами, чтобы устранить астигматизм при чтении. Он повернулся и снова посмотрел на своего коллегу шимпа.

— Чарли, Вы так уверенно говорите о том, чтобы послать этого робота глубже в кору Китрупа. Вы жалуетесь, что он опустился «только» на пятьсот метров. Вы понимаете, что это — полкилометра?

Чарли почесал свою волосатую челюсть.

— Да? И что с того? Ствол становится чуть поуже, но робота можно опустить гораздо глубже. Это удивительная минералогическая лаборатория! Я уже очень много узнал и о подповерхностной зоне!

Брукида вздохнул.

— Чарли, разве вам не интересно, почему пещера под островом Тошио уходит хотя бы даже на сто метров?

— Гм-м-м? О чем это вы?

— О том, что дерево-сверло, проделавшее это углубление, не может уходить так далеко только в поисках карбоновых и силикатных питательных веществ. Не может…

— Откуда вы знаете? Вы эколог? — Чарли испустил резкий смешок. — Правда, Брукида, на чем основано это ваше предположение? Иногда вы меня удивляете!

Брукида терпеливо ждал, пока шимпанзе кончит смеяться.

— Основано на хорошо известных фундаментальных законах природы и на принципе бритвы Оккама. Подумайте, каков объем извлеченного материала! Его бросили в воду? Приходило ли вам в голову, что вдоль границы плиты разбросаны десятки тысяч металлических островов, и у каждого свое дерево-сверло… и что в недавнее геологическое время должно было существовать много миллионов таких углублений?

Дарт начал хихикать, но потом остановился. Несколько мгновений смотрел на изображение своего китообразного коллеги и искренне рассмеялся.

Постучал по столу.

— Туше! Ну хорошо, сэр! К нашему списку вопросов добавим еще один:

«Зачем эти дыры?» К счастью, все последние месяцы я ухаживаю за нашим экологом. Я оказывал ей бесчисленные услуги, и, кстати, она как раз на месте нашего исследования! Я попрошу

Дэнни немедленно заняться этим!

Будьте уверены, скоро я узнаю достаточно об этих деревьях-сверлах!

Брукида и не подумал отвечать. Он только слегка вздохнул.

— Короче, решено, — продолжал Чарли. — Вернемся к проблемам. Помогите мне убедить капитана, что я должен сам отправиться на остров и заменить этого малыша Тошио на настоящего глубинного робота.

Глаза Брукиды расширились. Он помолчал.

— К…капитан не пришел в сознание, — сказал он наконец. — Маканай провела уже две операции. Согласно последним бюллетеням, прогноз неутешительный.

Шимп долго смотрел на него.

— Ах, да, я забыл. — Он отвернулся от голоизображения. — Ну, тогда, может быть, Такката-Джим разрешит. Ведь баркас пока не используется. Я попрошу Метца поговорить с ним. А вы поможете?

Глаза Брукиды запали.

— Я изучу данные масс-спектрометра, — спокойно ответил он. — Позвоню вам, когда получу результаты. А теперь я должен закончить, Чарлз Дарт.

Изображение исчезло. Чарли снова остался

один.

«Что-то Брукида слишком резок, — подумал он. — Может, я его чем обидел?»

Чарли знал, что на него обижаются. Но ничего не мог поделать. Даже другие шимпанзе считали его неприятным и эгоцентричным. Поговаривали, что такие неошимпы, как он, порочат репутацию всей расы.

«Что ж, я старался, — подумал он. — А если очень хочешь, но видишь, что все твои попытки быть вежливым ни к чему, что ты постоянно забываешь имена окружающих, — что ж, может, пора и прекратить? Остальные тоже не всегда ко мне добры».

Чарлз Дарт пожал плечами. Какой смысл восстанавливать ускользающую популярность? Всегда есть его собственный мир скал и расплавленной коры, магмы и живых планет.

«Но все же я считал Брукиду своим другом…»

Он заставил себя не думать об этом.

«Надо позвонить Метцу. Он даст то, что мне нужно. Я им докажу, что эта планета настолько уникальна… что ее переименуют в мою честь! Есть прецеденты». Он усмехнулся, ущипнув себя за ухо одной рукой, другой набрал код.

Ожидая, пока компьютер отыщет Игнасио Мет-

ца, Дарт лениво подумал:

«Все ждут сообщений от Тома Орли. Только об этом и говорят».

Потом он вспомнил, что сообщение Орли должно было прийти еще вчера, примерно тогда, когда был ранен Крайдайки.

«Ага! Ну, наверное, Тому удалось выполнить задуманное, но никто не потрудился сказать мне. А может, сказал, а я, как обычно, прослушал. Ну, я уверен, он все уладит с этими ити. Пора бы уже. Ужасно неудобно, когда тебя гоняют по всей галактике, заставляют заполнить корабль водой…» На экране появился номер Метца.

Жаль Крайдайки. Для фина он всегда слишком серьезен и строг, не всегда разумен… но Чарли не мог радоваться этой потере. Напротив, в животе у него появлялось странное ощущение пустоты, когда он думал о другом капитане корабля.

«Ну и не думай об этом! Ни к чему хорошему беспокойство не приведет!»

— А, доктор Метц! Вы уходите? Не могли ли бы мы с вами поговорить?

Сегодня чуть позже? Хорошо! Да, я попрошу у вас о маленьком, очень маленьком одолжении…

Глава 39
МАКАНАЙ

«Врач должен быть немного интеллектуалом, немного алхимиком, сыщиком и шаманом», — подумала Маканай.

Но в медицинской школе ей не говорили, что придется быть еще солдатом и полицейским.

Маканай с трудом сохраняла достоинство. На самом деле она была на грани неповиновения. Хвост ее взбивал воду, заливая стены лазарета потоками пены.

— Я не могу оперировать одна! Механические врачи тут не помогут. Мне нужно поговорить с Джиллиан Баскин!

Лениво приподняв один глаз над поверхностью, держа в механической руке коммуникатор, Такката-Джим посмотрел на Игнасио Метца. Лицо человека выражало терпение. Они ожидали такой реакции от хирурга корабля.

— Я уверен, вы недооцениваете свое мастерство, доктор, — сказал Такката-Джим.

— Значит, вы теперь хирург? И мне нужно ваше мнение? Дайте мне поговорить с Джиллиан!

Успокаивающе заговорил Метц:

— Доктор, лейтенант Такката-Джим только что объяснил, что по военным причинам мы вынуждены на время прервать связь. Наши буи показывают, что в пределах ста километров от этого места, происходит пси-утечка.

Ответственны либо те, кто работает с Хикахи и Свесси, либо те, что на острове. Пока мы не выясним, где происходит утечка…

— Вы действуете на основе информации буя? Неисправный буй чуть не уб…б…бил К…к…крайдайки!

Метц нахмурился. Он не привык к тому, чтобы его прерывали дельфины.

Он заметил, что Маканай возбуждена. Слишком возбуждена, чтобы так говорить на англике. Дельфин в ее-то положении! Это, несомненно, стоит отметить в досье… и ее чрезмерно агрессивное поведение.

— Это другой буй, доктор Маканай. Помните, у нас три точки. К тому же мы не утверждаем, что эта течь действительно существует; но мы должны действовать так, будто она существует, пока не докажем обратного.

— Но связь не прекращена полностью! Я слышала, что шимпанзе по-прежнему получает данные

от этого Ики — проклятого робота! Почему вы не разрешаете мне поговорить с доктором Баскин?

Метцу хотелось выругаться. Он ведь просил Чарлза Дарта помалкивать.

Будь проклята необходимость улещивать этого шимпа!

— Мы по очереди отклоняем любую возможность, — попытался успокоить Маканай Такката-Джим. В то же время он принял позу повеления, требуя на языке телодвижений покорности. — Как только мы убедимся, что молодой человек Ивашика, Судман и поэт Сахот не являются источниками утечки, мы свяжемся с доктором Баскин. Понимаете, пси-энергия может исходить от любого, поэтому мы должны проверить всех.

Метц слегка приподнял брови. Браво! При ближайшем рассмотрении объяснение, конечно, шито белыми нитками. Но в нем есть доля правды! Им нужно совсем немного времени. Пусть Маканай помолчит еще хотя бы два дня, этого довольно.

Такката-Джим, очевидно, почувствовал одобрение Метца. Приободрившись, он стал еще агрессивнее.

— Довольно, доктор! Мы хотим знать о состоянии капитана. Если он не сможет выполнять свои

функции, должен быть выбран новый. У нас тяжелое положение, и мы не можем откладывать.

Если он хотел напугать Маканай, то добился противоположного результата. Маканай хлестнула хвостом. Подняла голову из воды. Устремила один сузившийся глаз на дельфина-самца и произнесла саркастически:

Я думала,
Вы забыли
О долге
Как приятно,
Что я ошиблась
В оценке вашего поведения
Вы ведь не требуете
Торопливо
Капитанских почестей?

Такката-Джим открыл рот, обнажив ряды белых зубов. Метцу на мгновение показалось, что он сейчас набросится на маленькую самку.

Но Маканай начала действовать первой, она выпрыгнула из воды и опустилась обратно с всплеском, залившим и Метца, и Такката-Джима.

Человек, отплевываясь, подплыл к стенному

поручню.

Маканай повернулась и исчезла за рядом темных аппаратов жизнеобеспечения. Такката-Джим плыл под водой, испуская сонарные щелчки, ища ее. Метц ухватил его за спинной плавник, прежде чем тот смог погнаться за ней.

— А… хм! — Метц продолжал держаться за стену. — Нельзя ли справиться со своим дурным характером, фины? Доктор Маканай? Прошу вас вернуться. Достаточно того, что полвселенной стремится захватить нас. Мы не должны воевать друг с другом!

Такката-Джим посмотрел на него и понял, что доктор Метц говорит искренне. Лейтенант продолжал тяжело дышать.

— Пожалуйста, Маканай, — снова позвал Метц. — Давайте поговорим, как цивилизованные разумные.

Они ждали. Вскоре между двумя автодокторами появилась голова Маканай.

Теперь она выглядела не вызывающе, скорее, устало. Врачебные доспехи издавали негромкие звуки. Изящные инструменты дрожали, словно их держит неуверенная рука.

Только ее дыхало поднялось над поверхностью.

— Прошу прощения, — сказала она. — Уверена, что Такката-Джим не станет присваивать себе полномочия капитана без одобрения совета корабля.

— Конечно, нет! Это не военный корабль. Обязанности командира на борту исследовательского корабля в основном административные, и иерархия подчиненности должна быть утверждена на совете корабля при первой же возможности. Такката-Джим полностью отдает себе в этом отчет. Я прав, лейтенант?

— Да.

— Но до того мы должны подчиняться Такката-Джиму, иначе на корабле наступит хаос. И на «Стремительном» должна соблюдаться иерархия. Пока мы не удостоверимся, что капитан Крайдайки больше не сможет выполнять свои функции.

Маканай закрыла глаза, она тяжело дышала.

— Крайдайки, вероятно, не придет в себя без дальнейшего хирургического вмешательства. Да и то сомнительно.

— Шок распространился от гнезда нервной связи на мозг. Большая часть повреждений в новых зонах коры… там, где серое вещество турсиоп подверглось наиболее значительным изменениям при возвышении. Повреждены отделы, контро-

лирующие зрение и речь. Сожжено соединение полушарий — corpus callosum…

Маканай открыла глаза, но как будто не смотрела на них.

Метц кивнул.

— Спасибо, доктор, — сказал он. — Вы сказали все, что нам нужно было знать. Простите, что отняли у вас много времени. Я убежден, что вы делаете все необходимое.

Она не ответила, а человек натянул маску и нырнул в оксиводу. Сделал знак Такката-Джиму и повернулся.

Самец-дельфин еще пощелкал Маканай; но та не ответила, и он последовал за Метцем к выходу.

Когда они исчезли в шлюзе, по телу Маканай пробежала дрожь. Она подняла голову и произнесла им вслед:

— Не забудьте, что я член совета корабля! А также Хикахи, Джиллиан и Томас Орли! — Дверь как раз закрывалась, и Маканай не знала, услышали ли ее.

Со вздохом она погрузилась в воду.

«И Том Орли, — подумала она. — Не забудьте о нем, вы, скользкие ублюдки! Он вам не даст уйти с этим!»

Маканай покачала головой, зная, что мыслит иррационально. Для подозрений нет оснований. И даже если они справедливы, Томас Орли не может протянуть руку за две тысячи километров и спасти положение. Говорят, он уже погиб.

Метц и Такката-Джим привели ее в смятение. Она чувствовала в глубине души, что ей сообщили искусную смесь правды, полуправды и откровенной лжи, и она не может отличить одно от другого.

"Они считают, что могут одурачить меня, потому что я самка и к тому же стара, на два поколения старше всех по возвышению, кроме Брукиды. Но могу догадаться, почему они ублажают единственного члена совета, шимпанзе.

Хотят, чтобы на их стороне было большинство. Неудивительно, что не торопятся вернуть Хикахи и Джиллиан!"

«Может, следовало солгать им… сказать, что Крайдайки может в любую минуту прийти в себя?»

«Но кто может знать, на какие отчаянные поступки они решатся? На что пойдут? Был ли случай с буем действительно несчастным случаем? Они могут лгать, оправдывая незнание — или заговор. Могу ли я защитить Крайдайки со

своими двумя помощницами?»

Маканай негромко застонала. Такие происшествия — не ее стихия. Она иногда жалела о прежних днях. Тогда дельфиний врач только поднимал раненого над поверхностью воды, чтобы он не утонул, и ждал, пока тот либо придет в себя, либо у него разорвется сердце…

Она повернулась к палате интенсивной терапии. Палата была затемнена, слабо светилось тело большого неодельфина в защищенном антигравитационном танке. Маканай проверила показания приборов и убедилась, что они стабильны.

Крайдайки мигнул невидящими глазами, и короткая дрожь пробежала по его телу.

Маканай вздохнула и отвернулась. Поплыла к ближайшему коммуникатору и задумалась.

Метц и Такката-Джим еще не успели вернуться на мостик, решила она.

Набрала код и включила прибор. Почти тут же на экране появилось изображение молодого дельфина.

— Отдел коммуникации. Чем могу быть полезен?

— Акки? Да, дитя, это доктор Маканай. У тебя есть планы на ленч?

Знаешь, у меня, кажется, еще остался консервированный осьминог. Ты сссвободен? Отлично! Тогда вскоре увидимся. Да, и держи наше ссвидание в тайне. Ладно? Хороший мальчик!

У нее начал созревать план.

Глава 40
КРАЙДАЙКИ

В спокойной серости антигравитационного танка слабый стонущий крик.

В отчаянии он плывет
Его швыряют ветры бури, а он кричит:
Тону! Тону!

Глава 41
ТОМ ОРЛИ

Гора с дурным характером ворчала в середине покрытого пеной и водорослями моря.

Недавно прошел дождь. Вулкан громыхал и кашлял пламенем в низкие нависающие облака, окрашивая их снизу в оранжевый цвет. В небо поднимались столбы пепла и падали не в чистую

морскую воду, а на ковер из тусклых водорослей, уходящий, казалось, в бесконечность.

Томас Орли закашлялся во влажном, грязном от сажи воздухе. Он заполз на небольшой холм из скользких перепутанных водорослей. Грубые сани своим весом тащили книзу его привязанную левую руку. Правой он держался за толстый стебель у вершины холма.

Он полз, а ноги продолжали проскальзывать. Даже когда он умудрялся укрепить их между ветвями, они погружались в болото внизу. И когда он вытаскивал ноги, трясина уступала неохотно, издавая ужасный всасывающий звук.

Иногда из топи выскакивали какие-то существа, скользили по ногам и снова падали в зловонный рассол.

Привязь врезалась в левую руку, а он продолжал тащить сани — жалкий остаток солнечного самолета и припасов. Чудо, что он спас даже это немногое при крушении.

Вулкан освещал равнину водорослей вспышками цвета охры. Радужные частицы металлической пыли покрывали растительность. Вторая половина дня, почти китрупские сутки, как он повернул свой глайдер к острову в поисках места для посадки.

Том поднял голову и взглянул на водорослевую равнину. Все его планы рухнули из-за этих жестких, похожих на веревки водорослей.

Он надеялся найти убежище на острове, на подветренной от вулкана стороне, или, если не получится, сесть на воду и превратить глайдер в широкий и надежный мореходный плот, на котором и провести свой эксперимент.

«Мне следовало учесть и такой поворот». Крушение, лихорадочные минуты, когда он нырял за оборудованием, сооружал грубые сани, а над головой ревела буря, и эти часы, когда он полз среди зловонных водорослей к единственному прочному островку в растительности, — всего этого нужно было избежать.

Он попытался подтянуться, но дрожь в правой руке грозила перейти в судороги. Он сильно вывихнул правую руку при крушении, когда оторвались крылья самолета и понтоны, а фюзеляж прыгал по болоту, пока не упал в открытый бассейн.

Рана с левой стороны лица чуть не вызвала потерю сознания в первые критические минуты. Она тянулась от челюсти почти до нейрогнезда над левым ухом. Пластиковое покрытие, обычно закрывающее нежное соединение нервов, сорва-

но и безнадежно потеряно.

Инфекция — сейчас наименьшая из опасностей.

Рука дрожала все сильнее. Том старался успокоить дрожь, лежа вниз лицом на пахучих упругих водорослях. Правая щека и лоб касались грязи.

Ему нужно быть энергичным. Некогда заниматься самогипнозом, приводить тело в рабочее состояние. Силой воли он приказал своим мышцам напрячься для последнего рывка. Он мало что может сделать с тем, что обрушила на него вселенная, но — черт побери! — после тридцати часов борьбы, в нескольких метрах от цели он не позволит собственному телу его подвести!

Еще один приступ кашля разорвал пересохшее горло. Тело дрожало, приступ заставил ослабить хватку на стволе водоросли. Когда он подумал, что легкие не выдержат, приступ прошел. Том лежал в грязи, обессиленный, с закрытыми глазами.

Считаешь радости движения?

Первое из преимуществ:

Отсутствие скуки У него не хватает дыхания, чтобы просвистеть эту хайку на тринари; он насвистывал ее про себя и даже слегка улыбнулся испачканными губами.

Каким-то образом ему удалось найти силы для нового движения. Он сжал зубы и подтянулся. Правая рука чуть не подломилась, но выдержала, и он наконец поднял голову над небольшим холмом.

Том, мигая, очистил глаза от пепла и осмотрелся. Водоросли. Всюду, насколько хватает глаз, водоросли. Из вершины небольшого холма торчит прочная петля. Том подтащил сани и привязал их к этому стеблю.

Кровь прилила в онемевшую левую руку, у Тома перехватило дыхание от боли и он упал.

Вернулись судороги, тело его скорчилось. Он хотел бы вырвать тысячи клыков, рвущих его ноги и руки, но руки превратились в неподвижные клешни.

И Том лежал согнувшись.

Но независимо от боли, часть мозга оставалась мыслящей. Она по-прежнему строила планы, рассуждала, рассчитывала время. В конце концов он появился здесь с определенной целью. И не стоило проходить через все…

Если бы только он мог вспомнить, зачем он здесь, почему лежит, измученный, в пыли и грязи.

Спокойствие, которого он искал, не приходило.

Том чувствовал, что теряет сознание.

И тут, с закрытыми от боли глазами, он увиден лицо Джиллиан.

На ветру за ней колышется листва. Серые глаза смотрят в его сторону, словно она что-то ищет. Они смотрят мимо него… Он задрожал, не в силах шевельнуться. И вот наконец она встретилась с ним взглядом и улыбнулась!

Ноющая боль грозила заглушить сон-слова:

Я шлю… добро…

хоть ты… скептичен, любовь моя.

…все могут… слышать.

Он старался сосредоточиться на сообщении — скорее на галлюцинации. Но ему все равно, что это. Это якорь. Он цеплялся за него, пока судороги превращали сухожилия в гудящие тетивы.

В ее улыбке сострадание.

Что за дело!.. Любовь

…и беззаботный! Я

…не лучше?

Мета-Орли не одобрил послание. Если это действительно послание от Джиллиан, она очень рискует.

«Я тоже люблю тебя, — послал он. — Но замол-

чи, иначе все ити тебя услышат».

Пси-послание — или галлюцинация — дрогнуло от охватившего Тома приступа кашля. Он кашлял, пока легкие не превратились, судя по ощущениям, в сухую шелуху. И наконец со вздохом лег. Мета-Том отказался от своей гордости.

Да!

Он погрузился лицом в грязь, зовя ее исчезающий образ.

Да, любимая! Вернись,
Чтоб мне стало лучше…

Лицо Джиллиан, казалось, растекается во всех направлениях, как пучок лунных лучей, присоединяется к блеску металлической пыли в небе. Настоящее послание или галлюцинация, порожденная бредом, — изображение рассеялось, как дым.

Но Тому показалось, что он слышит затихающий голос Джиллиан:

…есть …есть
исцеление придет во сне…

Он слушал, не сознавая, сколько времени прошло, и судороги медленно прекращались.

Вулкан гремел и освещал небо. «Земля» под

Томом мягко разворачивалась, укачивала, навевала сон.

Глава 42
ТОШИО

— Нет, доктор Дарт. Относительно этих включений я не уверен. Были очень сильные помехи, когда я принимал данные. Если хотите, я прямо сейчас проверю вторично.

Веки Тошио отяжелели от скуки. Он уже забыл, сколько времени нажимает кнопки и считывает данные по приказу Чарлза Дарта. Планетолога-шимпа ничто не удовлетворяет! Как бы хорошо и быстро Тошио ни отвечал, все равно недостаточно.

— Нет, нет, у нас нет времени, — ворчливо ответил Чарли с голоэкрана на краю ствола дерева-сверла. — Попробуйте сделать сами, когда мы закончим.

— Это хороший побочный проект для вас, Тошио. Некоторые из этих камней действительно уникальны. Если вы тщательно проделаете минералогическое обследование ствола, я с радостью помогу вам оформить результаты. Представьте себе, какое перо в вашей шляпе! Большая статья

не помешает вашей карьере.

Тошио хорошо мог себе это представить. Он многому научился, работая с доктором Дартом. Но если ему когда-либо придется учиться в школе высшего типа, он с большими предосторожностями будет выбирать себе научного руководителя.

Впрочем, сейчас, когда над головой чужаки, которые хотят захватить их, думать об этом не время. В тысячный раз Тошио заставил себя забыть о битве в космосе. Эти мысли только угнетают его.

— Спасибо, доктор Дарт, но…

— Никаких проблем! — снисходительно рявкнул Чарли. — Если не возражаете, подробней обсудим ваш проект позднее. А теперь нужны последние данные с робота.

Тошио покачал головой, изумленный упорной односторонностью этого парня. Он опасался за себя, если так пойдет дальше, он может сорваться, хоть этот шимпанзе и старший научный сотрудник.

— Гм… — Тошио проверил приборы. — Робот спустился почти на километр, доктор Дарт. Ствол здесь уже и ровнее, здесь бурили недавно; и мне все удобнее прикреплять робота к стене.

Тошио посмотрел через плечо на северо-восток.

Хоть бы показались Дэнни или Джиллиан! Но Дэнни со своими кикви, а Джиллиан в последний раз он видел сидящей на берегу в позе лотоса. Она смотрела в океан, забыв обо всем мире.

Джиллиан очень встревожилась, когда Такката-Джим сказал ей, что на корабле все слишком заняты подготовкой «Стремительного» к перемещению, чтобы разговаривать с ней. Даже ее вопросы о Томе Орли были вежливо отклонены. Позвонят, когда что-нибудь узнают, сказал Такката-Джим.

Тошио видел, как она хмурилась, когда ей не удавалось вызвать корабль. Место Акки занял новый офицер-связист. Он говорил ей, что все, кого она просит вызвать, заняты. Можно поговорить только с Чарлзом Дартом, очевидно потому, что его помощь сейчас не нужна. А шимп мог говорить только о своей работе.

Джиллиан сразу начала готовиться к отъезду. И тут поступил приказ с корабля — лично от Такката-Джима. Она должна оставаться на острове и помогать Дэнни Судман подготовить отчет о кикви.

На этот раз Джиллиан приняла новость безразлично. Ни слова не говоря, она в одиночку ушла в джунгли.

— …побольше бы этих щупалец, — говорил Чарлз Дарт, в то время как мысли Тошио были далеко. Тошио заставил себя сесть и прислушаться к словам ученого-шимпа.

— …Самое интересное — распределение изотопов калия и йода. Они подтверждают мою гипотезу о том, что в недавнее геологическое время какая-то раса разумных прятала свои отходы в подкорковом слое! Это чрезвычайно важно, Тошио. Внизу свидетельства, что в течение многих поколений отходы спускались сверху вниз и проходили рециклирование в близлежащих вулканах. Как будто все совершалось в определенном ритме подъема и упадка. Что-то очень подозрительное происходило здесь долгое время! Китруп считается невозделанным с тех пор, как тут жила древняя раса карранков. Но совсем недавно кто-то скрывал в коре высокоочищенные вещества.

Тошио чуть не ответил грубостью. «Действительно, очень недавно!» Дарт мыслит геологическим временем. Каждый день на них могут обрушиться ити, а он носится с древними отбросами, словно это последняя тайна Скотланд Ярда!

— Да, сэр. Сейчас займусь. — Тошио даже не представлял, о чем сейчас попросил его Дарт, но

решил не показывать этого.

— И не тревожьтесь, сэр. Робот будет под контролем день и ночь.

Кипиру и Сахоту приказано заменять меня. Они позовут меня или разбудят, если состояние изменится.

Неужели это не удовлетворит шимпа? Фины не очень хорошо отнеслись к приказу исполняющего обязанности капитана, но подчинятся ему, даже если работа Сахота с кикви замедлится.

Чудо из чудес, Чарли как будто согласился.

— Да, это хорошо с их стороны, — сказал он. — Поблагодарите их от меня.

— И еще. Пока Кипиру подключен, может, он сумеет проследить, что это за помехи, которые мы постоянно получаем от робота. Мне это не нравится. И они становятся все сильнее.

— Да, сэр. Я попрошу его.

Шимпанзе потер правый глаз тыльной стороной мохнатой ладони и зевнул.

— Послушайте, Тошио, — сказал он. — Мне очень жаль, но я должен отдохнуть. Не возражаете, если продолжим чуть позже? Позвоню вам после ужина и отвечу на все ваши вопросы, ладно? Ну, хорошо, тогда пока! — Чарли наклонился, и изображение исчезло.

Тошио, слегка ошеломленный, смотрел на пустой экран. Не возражаю? Не возражаю ли я? О, нет, сэр, абсолютно! Просто буду терпеливо ждать: либо вы позвоните, либо небо упадет мне на голову!

Он фыркнул. «Стал бы я возражать».

Тошио встал, суставы его трещали от долгого сидения в одной позе — скрестив ноги.

«Мне казалось, что для такого я слишком молод. Ладно. Гардемарин должен испытать все».

Он посмотрел в сторону леса. Дэнни много работает с кикви. Попытаться обратиться к Джиллиан? Она, вероятно, беспокоится о Томе, и кто стал бы ее винить? Мы ведь еще вчера должны были получить его сообщение.

Возможно, ей нужно общество.

У него иногда возникали фантазии насчет Джиллиан. Естественно, конечно: красивая женщина, к тому же постарше. По многим стандартам она гораздо соблазнительнее Дэнни Судман.

Дэнни, естественно, тоже по-своему привлекательна, но Тошио не хотел больше думать о Дэнни. Его обижало ее невысказанное отвержение: она не замечает его, а ведь они были одни на острове, у них много общего.

Правда, Дэнни не сказала и не сделала ничего

оскорбительного, но в последнее время стала угрюмой. Тошио подозревал, что она догадывается, что небезразлична ему, и потому старается быть слишком холодной. Он убеждал себя, что такое поведение — признак незрелости, но все равно обижался.

Мысли о Джиллиан — совсем другое. Ему было стыдно, но он продолжал мечтать о том, что окажется рядом, когда ей понадобится мужчина, поможет ей перенести утрату…

Она, вероятно, тоже понимает его чувства, но ведет себя по отношению к нему, как ни в чем не бывало. Прощает, и он продолжает втайне ею восхищаться.

«Я, похоже, совсем запутался, — подумал Тошио. — Пытаюсь анализировать то, в чем совсем неопытен».

«Хотел бы я быть не неуклюжим юнцом, а больше походить на мистера Орли».

Неровный электронный звук прервал его размышления — ожил коммуникатор.

— О, нет! — простонал Тошио. — Еще нет!

Из приемника доносились помехи, тюнер пытался настроиться на несущую волну. Тошио захотелось пнуть прибор, столкнуть его в бездонное дупло дерева-сверла.

Неожиданно треск сменился свистом.

Если (треск) гардемарин
Держись поближе
Кто может остановить нас?
И кто из гардемаринов
Может летать
Как калафианец?

— Акки! — Тошио торопливо склонился к коммуникатору.

Я здесь,
Мой смелый партнер –
Помнишь, как вместе
Мы охотились на омара?

— Помню ли я? Ифни! Как бы я хотел сейчас оказаться дома! Что происходит? У вас неполадки с оборудованием на мостике? Я не получаю картинки, очень много помех. Мне казалось, что ты сейчас не на вахте. И почему тринари?

Необходимость –
Это (треск) мать –
Я шлю это
Через нервное гнездо –

Я встревожен и ищу

Высокого нежного патрона –

Нужно срочно

Передать (треск) предупреждение…

Тошио поджал губы, повторяя про себя это сообщение. «…Высокий нежный патрон». Мало кого фин так бы назвал. На острове только одна подходящая кандидатура.

— Хочешь поговорить с Джиллиан?

Срочно

Предупредить…

Тошио моргнул, потом сказал:

— Сейчас позову ее, Акки! Подожди!

Повернулся и побежал в лес, изо всех сил зовя Джиллиан.

Глава 43
АККИ

Моноволоконный кабель почти невидим на фоне камней и ила океанского дна. Даже при свете фонаря Акки лишь изредка видел его блеск среди скал и осадков на вершине неровного подводного хребта.

Кабель специально сделан так, чтобы его трудно было обнаружить; только через него «Стремительный» может связываться с двумя рабочими группами, не выдавая своего местоположения. Акки искал целый час, используя инструменты и зная точно, что кабель здесь, прежде чем обнаружил линию на остров. К тому времени, когда он подключился нервным гнездом к линии, половина кислорода в его дыхателе была израсходована.

Очень много времени потребовалось только на то, чтобы уйти с корабля.

И Акки совсем не был уверен, что его уход остался незамеченным. Молчаливый электрик, который дежурил в шлюзе, не должен был спрашивать о приказе, когда Акки попросил дыхатель. Другой фин, из машинного отделения, но свободный от вахты, пошел за ним, когда он получил снаряжение, и Акки пришлось нырять через шлюз, чтобы сбить стеноса со своего следа.

Меньше чем за два дня экипаж «Стремительного» заметно изменился.

Власть распределилась по-новому. Члены экипажа, которые раньше не имели влияния, теперь, расталкивая других, первыми подходили к пищевым линиям и принимали начальственные

позы, а остальные выполняли свои обязанности, опустив глаза и плавники.

Ранг и официальное положение почти не имели к этому отношения. Да и вообще на «Стремительном» никогда строго не соблюдались формальности. Но умению доминировать, подчинять себе других фины придают гораздо большее значение, чем официальному рангу.

Казалось, что теперь даже проявился расизм. Большое число тех, кто получил власть, принадлежало к подвиду стеносов. Похоже на переворот. До созыва совета корабля Такката-Джим официально действовал от имени заболевшего Крайдайки. Но в воде «Стремительного» появились элементы стадности с новым самцом во главе. Те, что были близки к прежнему самцу, отходили на второй план, а приятели нового выплывали вперед.

Акки находил это нелогичным и отталкивающим. Ему пришло в голову, что даже особо отобранные члены экипажа «Стремительного» под давлением могут забыть о цивилизованном поведении. Теперь он понимал, что имел в виду Крайдайки, говоря, что триста лет возвышения — недостаточное время подготовки к космическим полетам.

Неприятное осознание. Никогда в своей смешанной, с равными для всех правами колонии Калафия Акки не чувствовал себя клиентом, а здесь почувствовал.

Но это открытие отчасти помогло ему. Он испытал примитивное удовлетворения от непослушания. По закону, он совершает серьезное преступление, покинув корабль, чтобы связаться с Джиллиан Баскин. Он нарушает прямой приказ исполняющего обязанности капитана.

Но Акки знал, что поступает правильно; он член экипажа, только имитирующего готовность выйти в космос. И если Крайдайки не придет в себя, им не выпутаться из этих неприятностей без патронов. И здесь не годится ни Игнасио Метц, ни Эмерсон Д'Анит. Даже Тошио.

Акки согласен с Маканай, что их единственная надежда — возвращение на корабль доктора Баскин или мистера Орли.

А теперь приходится признать гибель Орли, в которую верят все остальные в экипаже. И это еще одна из причин того, что моральное состояние экипажа после несчастного случая с Крайдайки покатилось к дьяволу.

Коммуникационная линия посылала направленную волну непосредственно в его стато-аку-

стический нерв, и Акки нетерпеливо ждал, когда Тошио верная с Джиллиан. Теперь, когда доктор Дарт отправился отдыхать, линия не используется, но с каждой секундой возрастает риск, что дежурный связист заметит резонанс. Акки устроил так, что подслушать его разговор с Тошио невозможно, но даже самый тупой техник заметит побочные эффекты.

«Где же они? — думал он. — Ведь знают, что у меня мало воздуха. А от этой насыщенной металлом воды зудит кожа».

Чтобы успокоиться, Акки дышал медленно. В сознании вспыхнул обучающий ритм кининка.

Прошлое – это то, что было когда-то –
Остатки, называемые памятью…
В нем заключены «причины»
Того, что сейчас.

Будущее – то, что будет –
Представляемое, но редко видимое…
В нем заключены «результаты» –
Того, что сейчас.

Настоящее – это узость –
Оно проходит, мерцая…

Доказательство того, что «шутка» –

То, что сейчас.

Настоящее, прошлое и будущее — самые трудные для тринари концепции.

Стихотворение предназначено для того, чтобы фины поняли причинно-следственное восприятие мира патронами и большинством других разумных, но в то же время сохранили мировоззрение китообразных.

Все это кажется Акки таким простым. Иногда он удивляется, почему у дельфинов Земли возникают трудности с такими идеями. Мысль, ее воображаемый результат, его последствия — все это имеет свой вкус и свое ощущение, когда действуешь. Если будущее неясно, стараешься действовать как лучше и надеешься.

Так люди пробирались через века своего ужасного невежества. Акки не понимал, почему и его народу это должно даваться трудно, если показывают дорогу.

— Акки? Говорит Тошио. Джиллиан идет. Ей пришлось прервать что-то очень важное, и я побежал вперед. Как ты?

Акки вздохнул.

В глубине –

С гудящим дыхалом
Пытаюсь ждать –
Как обязывает долг

Все движется…

— Подожди, — сказал Тошио, прерывая его стих. Акки поморщился. У Тошио никогда не было чувства стиля.

— Здесь Джиллиан, — продолжал Тошио. — Береги себя, Акки!

На линии трещали помехи.

И ты тоже –
Ныряющий/летающий партнер

— Акки?

Голос Джиллиан Баскин, еле слышный из-за плохого соединения. Но слышать его — бесконечное облегчение.

— В чем дело, дорогой? Скажи, что происходит на корабле? Почему Крайдайки не разговаривает со мной?

Акки не ожидал, что она сразу спросит об этом. Почему-то он думал, что ее главная забота — Томас Орли. Ну, он не станет поднимать эту тему, если она не хочет.

Маканай –

Излечивающая пациентов
Послала меня –
Предупредить об опасности

Тихий, неподвижный
Лежит Крайдайки
Судьба «Стремительного»
В опасности

И привкус –
Атавизма
Отравил воду –

На другом конце наступила тишина. Несомненно, Джиллиан формулировала свой следующий вопрос так, чтобы на него можно было ответить на тринари недвусмысленно. Этого искусства Тошио часто недоставало.

Акки быстро поднял голову. Был звук? Не от коммуникационной линии, а из темной воды вокруг. — Акки, — начала Джиллиан. — Я задам вопрос, сформулированный так, чтобы получить ответ на трех уровнях. Пожалуйста, пожертвуй в ответе поэтичностью ради краткости.

«С радостью, если смогу», — подумал Акки. Он часто думал, как трудно поддерживать разго-

вор на тринари, не отвлекаясь на поэтические аллюзии.

Для него это такой же родной язык, как англик, но и его раздражает неспособность выразить на нем мысль кратко.

— Акки, как Крайдайки относится к рыбьему сну: игнорирует его, гонится за ним или кормится им?

Джиллиан спрашивала, может ли Крайдайки пользоваться орудиями, или он ранен серьезно и плывет в бессознательном сне-охоте. Или, что еще хуже, мертв. Каким-то образом Джиллиан умудрилась сразу перейти к сути дела. И Акки смог ответить с благословенной краткостью.

Преследует головоногих –
В глубоких водах.

Опять этот звук! Быстрое щелканье уже поблизости. Будь проклята необходимость подсоединять нервное гнездо к линии! Звуки так близко, что никаких сомнений не остается: на него кто-то охотится.

— Хорошо, Акки. Следующий вопрос. Хикахи успокоилась на эхе кининка, или она повинуется эху стада, или хранит отсутствующее молчание?

Дельфиний сонар всегда направлен на что-ни-

будь. Акки ощутил, как прошел над ним звуковой луч, не коснувшись его. Прижался как можно теснее к океанскому дну и постарался направить собственное нервное щелканье в песок. Он хотел протянуть искусственную руку и ухватиться за край скалы для устойчивости, но опасался, что негромкое жужжание моторов будет услышано.

Отсутствующее молчание –
Тающая память –
Хикахи
Отсутствующее молчание –
Тшут
И Свесси.

Он тоже хотел бы отсутствовать здесь, оказаться в своей спокойной каюте на борту «Стремительного».

— Хорошо, каково качество их молчания? Пойманных в сети? В страхе ждущих кашалота? Или молчание кормящейся рыбы?

Акки уже собрался ответить, когда погрузился в громкий луч пульсирующего звука, словно человек, которого ослепили ярким светом. Луч был нацеленный и шел слева и сверху. Не было сомнений, что дельфин наверху знает о его при-

сутствии.

Такката-Джим
Перекусывает кабель

Моя работа –
Больше не моя

Его сообщения –
Лживые песни.

Акки был так возбужден, что кое-что произнес просто вслух, а не передал импульсом по волокну. Нет смысла прятаться. Он приготовился отсоединиться от линии и повернул свою «дыню» к пришельцу. Послал сильный сонарный луч, которым он надеялся на мгновение ошеломить дельфина.

Вернувшееся эхо нарисовало ему четкую картину. Наверху, совсем близко, из его луча выходит очень большой дельфин.

Кта-Джон! Акки мгновенно узнал это эхо.

— Акки? Что случилось? Ты в боевом состоянии? Прерви связь, если необходимо. Я вернусь быстро, как…

Выполнив долг, Акки отсоединил нервное гнездо и откатился в сторону.

И вовремя. Сине-зеленый лазерный луч ударил

в то место, где он только что находился.

Так вот как, подумал он, ныряя в каньон рядом с хребтом. Он собрался меня прикончить без всяких изменений.

Он повернул направо и постарался скрыться в тени.

Дельфины не любят убивать то, что дышит воздухом, но бывают исключения. Еще до возвышения людям доводилось видеть, как дельфины убивают друг друга. Чтобы сделать китообразных способными к космическим полетам, люди развили их способность убивать в случае необходимости.

Яркий луч лазера прошипел всего в метре от него. Акки сжал челюсти и поднырнул под пузыри собственного следа. Еще один луч пролетел между его спинными плавниками. Акки повернулся и нырнул в глубокую звуковую тень скалы.

Лазер Кта-Джона может убить на большом расстоянии, а вот факел для сварки и плавки, который установлен на доспехах Акки, как и всякое ручное орудие, действует только на близком расстоянии. Очевидно, его единственный шанс — обман и бегство.

Внизу оказалось очень темно. Все красные

оттенки исчезли. Из всего спектра дневного света сюда проникают только синие и зеленые цвета. Акки воспользовался неровностью дна и скользнул в щель между двумя скалами. Тут он остановился и прислушался.

Эхо, которое он уловил, сообщило ему, что Кта-Джон все еще вверху, продолжает поиски. Акки надеялся, что он дышит не так громко, как ему кажется.

Он послал по нервной сети запрос в доспехи. Микрокомпьютер сообщил, что в дыхателе воздуха меньше чем на полчаса. Это предел его ожидания.

Акки крепче сжал челюсти. Он хотел бы схватить длинные плавники Кта-Джона зубами, хотя понимал, что силы слишком не равны.

Акки не знал, выполняет ли Кта-Джон приказ Такката-Джима или охотится по своей инициативе. Но понимал: если на «Стремительном» какой-то заговор, заговорщики не остановятся перед тем, чтобы убить беспомощного Крайдайки, дабы он не помешал их планам. Как ни невероятно, но они могут даже расправиться с Джиллиан, если она будет неосторожна, возвращаясь на корабль. Сама мысль о том, что фины могут участвовать в таком преступлении, вызы-

вала у Акки отвращение.

«Нужно вернуться на борт и помочь Маканай защищать Крайдайки, пока не вернулась Джиллиан! Это сейчас самое важное».

Он выскользнул из расселины и зигзагами поплыл над самым дном от «Стремительного», а также от острова Тошио и теннанинского корабля.

Вероятней всего, Кта-Джон не будет сторожить его в этом направлении.

Он слышал, как гигант ищет его. Но мощный луч звука теперь проходил далеко. У него неплохие шансы уйти незамеченным.

Хотя гораздо приятнее было бы подстеречь Кта-Джона и вцепиться зубами в его гениталии.

Джиллиан отвернулась от коммуникатора и увидела встревоженное лицо Тошио. Он кажется таким юным. Забыта роль сурового жесткого мужчины. Тошио — юноша-гардемарин, только что узнавший, что его капитан искалечен. А теперь и его лучший друг, возможно, борется за свою жизнь. Он смотрел на нее, надеясь почерпнуть уверенность, что все кончится благополучно.

Джиллиан привлекла юношу к себе. Подержала, пока плечи его не расслабились, и он прижался к ней лицом.

Отстранившись наконец, Тошио не смотрел на Джиллиан, он отвернулся и вытер глаза рукой.

— Я хочу, чтобы со мной пошел Кипиру, сказала Джиллиан. — Как ты считаешь, Дэнни и Сахот обойдутся без него?

Тошио кивнул. Голос его звучал хрипло, но он взял себя в руки.

— Да, сэр. Сахот может изобразить проблему, когда я начну передавать ему обязанности Кипиру, но я видел, как вы управляетесь с ним. Думаю, что справлюсь.

— Хорошо. И последи, чтобы он не очень приставал к Дэнни. Ты теперь командир. Уверена, ты справишься.

Джиллиан прошла в маленький лагерь и начала собирать свои вещи. Тошио подошел к кромке води и включил подводный гидрофон: дельфины получат сигнал, что они нужны. Сахот и Кипиру уплыли час назад, чтобы участвовать в вечерней охоте аборигенов. — Я вернусь с вами, если хотите, Джиллиан.

Она покачала головой, собирая свои записи и инструменты.

— Нет, Тошио. Работа Дэнни с кикви очень важна. Только ты можешь помешать ей спалить лес непогашенной спичкой, когда она занята

чем-то. К тому же нужно делать вид, что я рядом. Сделаешь это ради меня? — Джиллиан плотно закрыла свою водонепроницаемую сумку и начала раздеваться. Тошио сначала отвернулся, потом покраснел.

Но заметил, что Джиллиан не возражает против того, чтобы он смотрел.

«Возможно, я больше никогда ее не увижу, — подумал он. — Знает ли она, что делает для меня?»

— Да, сэр, — сказал он. Во рту у Тошио пересохло. — Я буду вести себя с доктором Дартом так же нетерпеливо, как всегда. А если Такката-Джим спросит о вас, я… скажу, что вы где-то… грустите.

Джиллиан держала перед собой обтягивающий купальный костюм, собираясь надеть его. Посмотрела на Тошио, пораженная сухостью его тона. Потом рассмеялась.

Двумя длинными шагами подошла и снова обняла его. Не задумываясь, Тошио положил руки ей на талию.

— Ты хороший человек, Тош, — сказала она и поцеловала его в щеку. — И знаешь, ты немного перерос меня. Солги ради меня Такката-Джиму, и я обещаю, что сделаю из тебя настоящего мятежника.

Тошио кивнул и закрыл глаза.

— Да, мэм, — сказал он, прижимая ее к себе.

Глава 44
КРАЙДАЙКИ

Кожа зудела. Она зудела еще с тех смутных времен, когда он плыл рядом с матерью в потоке сна, когда она кормила его или мягко толкала носом, напоминая, что пора подняться на поверхность за воздухом.

Скоро он узнал, что существуют и другие виды прикосновений. Стены, растения, углы зданий поселка Подводная Каталина; удары, укусы — да! — и игривые прикосновения сверстников. Мягкие, безгранично приятные прикосновения мужчин и женщин — людей, плавающих рядом, как ластоногие, как морские львы, играющие в воде и под водой.

Ощущение воды. И разнообразные ощущения.

Всплеск и удар о воду! Спокойный гладкий поток, вдоль которого плывешь быстрее, чем когда-либо раньше! Мягкие всплески сразу под дыхалом, когда отдыхаешь, напевая сам себе колыбельную.

О, как зудит кожа!

Он давно научился тереться о предметы и узнал, что это дает ему. С тех пор он начинал мастурбировать, когда испытывал потребность, как и любой здоровый дельфин…

Крайдайки хотелось почесаться. Хотелось мастурбировать.

Но поблизости нет никакой стены, о которую можно потереться. Он как будто не способен двигаться, даже не может открыть глаза, чтобы увидеть окружающее.

Он плывет в воздухе, легкий, как перышко… знакомое волшебство…

«антигравитация»… Это слово — как и многочисленные воспоминания… почему-то кажется чужим, бессмысленным.

Он удивляется своей вялости. Почему бы не открыть глаза и не посмотреть? Почему бы не прощелкать звуковой луч и не ощупать формы окружающих предметов?

Временами он чувствует, как его кожу смачивают водой, чтобы она оставалась влажной. Влага приходит словно отовсюду.

Он задумывается и понимает, что с ним что-то неладно. Должно быть, он заболел.

Невольный вздох помогает понять, что он не утратил способность издавать звуки. Он ищет

нужный механизм, экспериментирует, потом умудряется повторить звук.

«Должно быть, меня лечат, — думает он. — Я, наверное, ранен. Хотя никакой боли не чувствую, чувствую только какую-то пустоту. Что-то у меня отобрали. Мяч? Инструмент? Умение? Ну, люди, наверное, вернут его».

«Я верю людям», — счастливо думает он. И рот его растягивает молчаливая улыбка.

!!!!

Что делает его рот?

О. Да. Улыбается. Это что-то новое.

Новое? Я всю жизнь это делал.

Почему?

Это здорово! Мое выражение

слегка меняется. Это…

Это избыточно.

Крайдайки испускает слабый смущенный крик.

В яркости

Солнечного света –

Есть ответы

В косяках рыбы.

Теперь он кое-что вспоминает. Ему снился сон. Произошло что-то ужасное, и он погрузился в кошмар. Какие-то фигуры приближаются и удаляются, и он чувствует, как древняя песня приобретает новые странные формы.

Наверное, он опять видит сон — одновременно обоими полушариями.

Поэтому он не может двигаться. Он пытается свистеть песню.

Есть уровни
Известные только кашалотам

Кашалотам, которые охотятся
В безднах снов

Сражаются со спрутами
У которых клювы как горы

И чьи гигантские руки
Обнимают океаны.

Не очень успокаивающая песня. В ней обертоны мрака, и от этого хочется сбежать в ужасе. Крайдайки хочет прекратить ее, боясь того, что он может натворить с ее помощью. Но не в силах остановиться.

Спускайся на эти уровни –
В темноту

Где ты никогда
Не бывал

Где оседает
Вся музыка

И собирается,
Складывается слоями

Воющие песни
Древних бурь

И ураганов,
Которые никогда не умирают…

Рядом с Крайдайки кто-то возникает. Он чувствует гигантскую широкую фигуру, созданную из ткани его песни. Медленное пульсирование ее сонара заполняет маленькое помещение, в котором он лежит… это маленькое помещение не может вместить формирующегося гиганта.

Нукапай?

Звуки землетрясений –
Хранящиеся эпохи

Звуки расплавленных
Первобытных скал…

С каждым стихом звуковая фигура становится все материальнее. В ней чувствуется мышечная сила. Огромные плавники медленно, но мощно плещут, грозя перевернуть его с головы на хвост. Когда она выдувает воздух, пена вырывается, как прибой в бурю.

Страх наконец дает ему силу открыть глаза. Слизь покрывает их, он пытается поднять веки. Глаза провалились, и требуется много времени и усилий, чтобы сфокусировать их для воздушного зрения.

Вначале он видит больничный подвешенный танк, маленький и закрытый. И только.

Но звуки говорят, что он в открытом море и левиафан плывет рядом!

Он моргает, и неожиданно картина меняется. Зрение сменяется звуком.

Комната исчезает, и он видит!

!!!!!!

Существо рядом с ним не может жить в знакомых ему океанах. Крайдайки чуть не задохнулся от страха.

Оно движется с мощью цунами, с непреодоли-

мостью прилива.

Это существо из тьмы и глубины.

Это бог. Кк…кп…криии!

Крайдайки не подозревал, что знает это имя. Оно пришло откуда-то, как дракон из кошмара.

Один темный глаз уставился на Крайдайки, этот взгляд обжигает его. Он хочет отвернуться — спрятаться или умереть.

И тут оно заговорило.

Оно не воспользовалось тринари, как и ожидал Крайдайки. Отбросило праймал, презирая этот язык умных животных. И запело песню, которая зазвучала, как удары волн, окружила его и заполонила устрашающим пониманием.

: ТЫ УПЛЫЛ ОТ НАС, КРАЙДАЙКИ
: ТЫ НАЧАЛ УЧИТЬСЯ
: НО ПОТОМ ТВОЙ РАЗУМ СВЕРНУЛ
: МЫ НЕ ЗАКОНЧИЛИ
: ЕЩЕ:
: МЫ ДАВНО ЖДАЛИ ТАКОГО, КАК ТЫ
: ТЕПЕРЬ МЫ НУЖНЫ ТЕБЕ НЕ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ТЫ НАМ: ВОЗВРАТА НЕТ:
: ТАКОЙ, КАК ТЫ СЕЙЧАС, ТЫ БУДЕШЬ ПУСТОЙ ШЕЛУХОЙ
: МЕРТВОЕ МЯСО
: ПУСТОТА БЕЗ ПЕСНИ

: НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ БУДЕШЬ ТЫ НИ СПЯЩИМ, НИ ИСПОЛЬЗУЮЩИМ ОГОНЬ:
: БЕСПОЛЕЗНЫЙ КРАЙДАЙКИ
: НЕ КАПИТАН
: НЕ КИТООБРАЗНЫЙ
: БЕСПОЛЕЗНОЕ МЯСО:
: ДЛЯ ТЕБЯ ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН ПУТЬ
: СКВОЗЬ БРЮХО СНА КИТОВ
: ЗДЕСЬ ТЫ МОЖЕШЬ НАЙТИ ПУТЬ
: ТРУДНЫЙ ПУТЬ
: НО ПУТЬ ВЫПОЛНИТЬ СВОИ ДОЛГ
: ПУТЬ СПАСТИ СВОЮ ЖИЗНЬ…:

Крайдайки застонал. Он слабо забился и позвал Нукапай. Но потом опомнился. Она одна из них. Она ждет внизу вместе с другими его мучителями, некоторые из них древние боги, о которых он слышал в сагах, а о других он никогда не слышал, их не упоминали даже киты-горбачи…

Кк-кп-крии пришел, чтобы забрать его.

Хотя англик для него утрачен, Крайдайки произнес жалобу на языке, которого не знал раньше.

: Я поврежден!
: Я пустая шелуха!
: Я должен быть мертвым мясом!
: Я утратил речь!

: Я утратил слова!
: Позволь мне умереть!:

В ответ послышался звук, словно порожденный самой землей. Из-под ила.

: ТЫ ИДЕШЬ ЧЕРЕЗ СОН КИТОВ
: ГДЕ НИКОГДА НЕ БЫВАЛИ ТВОИ БРАТЬЯ
: ДАЖЕ КОГДА ОНИ ИГРАЛИ, КАК ЖИВОТНЫЕ И ПОЧТИ НЕ ЗНАЛИ ЛЮДЕЙ
: ГЛУБЖЕ, ЧЕМ ОПУСКАЮТСЯ ГОРБАЧИ
: В СВОИХ ЛЕНИВЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ
: ГЛУБЖЕ КАШАЛОТОВ
: В ИХ ДЬЯВОЛЬСКОЙ ОХОТЕ
: ГЛУБЖЕ САМОЙ ТЬМЫ…:
: ТАМ ТЫ СМОЖЕШЬ УМЕРЕТЬ, ЕСЛИ НЕ НАЙДЕШЬ ИСТИНУ…:

Стены маленького помещения растаяли, мучители начали создавать новую реальность. У нее широкий лоб и блестящие зубы кашалота, но глаза сверкают, как маяки, и плавники ее обрамлены серебром. А вокруг мерцающий ореол… как защитное поле вокруг космического корабля…

Помещение совершенно исчезло. Неожиданно вокруг открылось бесконечное море невесомости. Древний бог поплыл мощными гребками плавников. Крайдайки, испустив бессильный вопль,

не смог уберечься от мощного затягивающего волнения. Они плывут все быстрее… быстрее…

Невозможно определить, но он откуда-то знает, что они движутся ВНИЗ.

— Вы ссслышали это?

Помощница Маканай посмотрела на танк, в котором висел капитан.

Тусклый фонарь освещал рубцы повторной операции. Каждые несколько секунд из воронок вырывались потоки мелких брызг и покрывали висящего без сознания дельфина.

Маканай тоже посмотрела туда.

— Возззможно. Мне недавно показалось, что я что-то ссслышу. А вы?

Помощница покачала головой.

— Я не уверена. Мне показалось, он с кем-то разговаривает… но не на англике. Похоже вначале было на тринари… потом что-то другое. Так странно звучало!

Помощница вздрогнула.

— Может, ему снятся сны?

Маканай посмотрела на Крайдайки и вздохнула.

— Не знаю. И не знаю, молиться ли, чтобы ему снилось что-то или чтобы ничего не снилось.

Глава 45
ТОМ ОРЛИ

Холодный морской ветер дул с запада. Среди ночи его разбудил приступ дрожи. Он раскрыл в темноте глаза, посмотрел в пустоту.

И не смог вспомнить, где он.

«Минутку, — подумал он. — Сейчас придет».

Ему снилась планета Гарт, где моря маленькие, а реки многочисленные.

Здесь он какое-то время провел в смешанной колонии людей и шимпов, такой же богатой и удивительной, как Калафия, где вместе живут люди и дельфины.

Гарт — гостеприимная планета, хотя расположена далеко от других поселений землян.

Ему снилось вторжение на Гарт. Гигантские военные корабли повисли над городами и пустили облака газа на плодородные долины, обратив колонистов в паническое бегство. Небо заполнилось вспышками.

С трудом ему удавалось отличить сон от реальности. Том смотрел на хрустальный купол китрупской ночи. Тело его напряжено, ноги

вытянуты, руки сжимают плечи — и от судорог усталости, и от холода. Медленно он заставил мышцы расслабиться. Сухожилия щелкали, суставы скрипели, но он ощутил, что снова может двигаться.

Вулкан на севере стих, только виднеется розовое зарево. Над головой в тучах длинные рваные разрывы. Том следил за точками света в небе.

Он думал о звездах. Астрономия всегда была его увлечением.

"Красное означает холод, — подумал он. — Вот эта красная звезда — должно быть, маленькая, близкая и древняя или далекий гигант в предсмертной агонии. А вот эта яркая — голубой сверхгигант. Очень редкий.

Есть ли такой в этом районе космоса?"

Он должен это помнить.

Том мигнул. Голубая «звезда» двигалась.

Он следил, как она перемещается на фоне звезд, пока не встретилась с другой яркой точкой, зеленой. И когда два огня встретились, последовала вспышка. Синяя искра двинулась дальше, а зеленая исчезла.

«Какова же вероятность того, чтобы я присутствовал при этом? Чтобы посмотрел в нужное время в нужное место? Должно быть, там идет

сильный бой. Он еще не закончился».

Том попытался встать, но тело его снова опустилось на постель из водорослей.

«Попробую еще раз».

Он перекатился, оперся на локоть, застыл, собираясь с силами, и оттолкнулся.

Маленькие неяркие спутники Китрупа отсутствовали, но звездного света хватало, чтобы разглядеть странный ландшафт. Вода выступала поверх перемещающегося болота. Слышались хриплые квакающие звуки. Однажды Том услышал писк, сразу прервавшийся: неожиданно погибло какое-то маленькое животное, решил он.

Он был благодарен упрямству, которое привело его на эту скромную высоту. Даже двумя метрами выше ощущалась большая разница. Ниже он бы не перенес ночь в этой отвратительной массе.

Он повернулся и принялся разбирать скромные запасы на своих грубых санях. Прежде всего — согреться. Он достал костюм для плавания и осторожно надел его.

Том знал, что должен обработать свои раны, но они могут еще немного подождать. И настоящий завтрак тоже — у него хватит продуктов на несколько завтраков. Жуя пищевой брусок

и изредка отпивая из канистры, Том оценивал небольшую груду припасов. Сейчас самое важное — три пси-бомбы.

Он посмотрел на небо. Если не считать мерцающей дымки вокруг одной из звезд, никаких признаков сражения не было видно. Но и одного следа достаточно. Том знал, какую бомбу настроить.

Джиллиан провела несколько часов с Ниссом, прежде чем оставить «Стремительный» и встретиться с Томом на острове. Она подсоединила машину тимбрими к микроветви теннанинской Библиотеки, которую он добыл в корабле.

Потом они с Ниссом поместили в бомбу соответствующие сигналы.

Самый важный из них — теннанинский сигнал тревоги. Если позволит капризная Ифни, именно этот сигнал поможет Тому понять, сработал ли его план.

Вся работа Свесси, Тома и остальных над «Троянским морским коньком» ни к чему, если среди оставшихся на поле боя нет теннанинцев. Какой смысл «Стремительному» забираться в пустой корпус теннанинца и в замаскированном виде подниматься, если все сражающиеся тут же начнут стрелять по призраку уже погибшей группы?

Том взял одну пси-бомбу. Круглая как мяч. Сверху предохранитель и таймер. Джиллиан тщательно написала название каждой бомбы на клейкой полоске. На этой добавила свою подпись и маленькое сердце, пронзенное стрелой.

Том улыбнулся и поднес бомбу к губам.

Он чувствовал вину за то, что настоял, чтобы она осталась. Но теперь знал, что был прав. Хоть Джиллиан подготовлена и опытна, она не такой хороший пилот, как он, и, вероятно, погибла бы в крушении. И, конечно, у нее не хватило бы сил так далеко тащить сани.

«Дьявол! — подумал он. — Я рад, что она в безопасности, с друзьями, которые защитят ее. Она может справиться с десятью бленчкскими пещерными ящерицами одной рукой, но она моя женщина, и я должен беречь ее».

Том дожевал остатки протеинового бруска. Он взвесил бомбу и принялся обдумывать стратегию своих действий. Первоначальный план заключался в том, чтобы сесть вблизи вулкана, подождать, пока глайдер зарядится для взлета, потом установить бомбу и улететь прежде, чем она взорвется. Он мог бы на восходящих от вулкана термальных потоках подняться высоко и отыскать другой остров, а с него следить за ре-

зультатами своего эксперимента.

Даже если подходящего острова не найдется, он мог отлететь достаточно далеко, сесть на воду и с помощью телескопа следить оттуда.

Отличный план, но буря и заросли водорослевых джунглей нарушили его.

Телескоп теперь присоединился к металлическим осадкам на дне китрупского моря-мира, вместе с обломками солнечного самолета.

Том осторожно поднялся на ноги. Теперь, поев и согревшись, он смог это сделать и легко пересиливал боль.

Порывшись в своих пожитках, он достал длинную полоску ткани — остаток изорванного спального мешка. Этот кусок прочного изошелка должен подойти.

Пси-бомба тяжело лежала в руке. Трудно представить себе, что она заряжена мощными иллюзиями — сверхмощная подделка, готовая взорваться по приказу.

Том поставил таймер на два часа и спустил предохранитель.

Осторожно положил бомбу в свою импровизированную пращу. Том понимал, что слишком драматизирует ситуацию. Расстояние мало поможет ему. По всему Китрупу оживут сенсоры, когда

эта штука взорвется. С таким же успехом он может поставить ее у своих ног. Хотя… кто знает?.. Он отбросит ее от себя как можно дальше.

Несколько раз он взмахнул пращой, чтобы рука привыкла к ее тяжести, потом начал вращать. Вначале медленно, он постепенно набирал инерцию, пока странное ощущение здоровья не распространилось по груди, рукам и ногам.

Усталость словно растаяла. И Том запел.

Мой папа был человек пещерный,
И в шкурах он в мяч играл,
И снились ему огни в небесах,
Когда в грязи он спал.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды…
Мой папа был боец отважный,
Но как же страдала семья!
И снился ему вечный мир и покой,
А умер он от копья.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды…
Мой папа умел любить,
Но даже жену свою бил,
И снилась ему другая жизнь,
И жалел он о том, как жил.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды…
Мой папа был великий вождь,
Мечтатель, но лгал он нам.
Запугивал всех и заставлял
Стрелять по небесам.

Эй вы, ити, и эти ваши звезды…
Мой папа был совсем неучен,
Но всегда о чем-то мечтал.
Ненавидел себя за невежество
И гордыню свою укрощал.

Но как-то он угодил в ловушку
И долго от боли кричал.
Он, мучаясь, умер, а мне, сироте,
Свое сердце и ум завещал.

Ну что ж, презирайте меня за сиротство,
За убогость, за раны, за слезы,
Но только скажите: «Вы сами-то кто?»
Эй, вы, ити, и эти ваши звезды!

Эй, вы, ити, и эти ваши звезды!

Том напрягся и шагнул вперед. Рука его резко выпрямилась, и он выпустил пращу. Бомба взлетела высоко в небо, вращаясь как мяч. Она ярко блестела, продолжая подниматься, пока не исчезла из виду. Том прислушался, но не услышал, как она упала.

Постоял немного, тяжело дыша.

«Ну, что ж, — подумал он наконец. — Это вызывает аппетит. У меня два часа на то, чтобы поесть, позаботиться о своих ранах и приготовить убежище. А время, которое я получу после этого, о Боже, будет воспринято со смиренной благодарностью».

Он обвязался куском ткани и принялся при свете звезд готовить себе еду.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
СОТРЯСЕНИЕ

В мире более древнем и сложном, чем наш, они живут, законченные и совершенные, наделенные чувствами, которых мы лишились или никогда не имели, слышат голоса, которых мы никогда не услышим… это другие народы, но они вместе с нами захвачены в одну сеть жизни и времени.

Генри Бейтсон

Глава 46
САХОТ

Наступил вечер, и кикви отправились на охоту. Сахот слышал, как они возбужденно трещат, собираясь на поляне к западу от затопленного дерева-сверла. Охотники прошли недалеко от бассейна, направляясь к расселине в крутом южном берегу острова, болтая и набирая воздух в легочные мешки.

Сахот прислушивался, пока або не прошли.

Потом погрузился на метр и расстроенно выдул пузыри. Все идет не так.

Дэнни изменилась, и ему это не нравится. Вместо обычного веселого кокетства она буквально игнорирует его. Выслушала два его лучших лимерика и ответила совершенно серьезно, не обратив внимания на великолепную двусмысленность.

Несмотря на важность исследований кикви, Такката-Джим приказал ей готовить образцы для Чарлза Дарта. Дважды она спускалась под воду, чтобы собирать образцы под металлическим островом. Она не обращала внимания на Сахота, когда он игриво толкал ее носом; хуже того, с отсутствующим видом хлопала его по боку.

Сахот чувствовал, что, несмотря на все предыдущие усилия, не хотел, чтобы что-то изменилось. Во всяком случае не так.

Он поплыл, но тут же остановился. Он присоединен к саням. Новая обязанность заставляет его вечно держаться возле этого электрического неприличия, тесниться в маленьком бассейне, в то время как его настоящая работа в открытом море с предразумными!

Когда уплыли Джиллиан и Кипиру, он решил, что у него теперь больше времени, чтобы заниматься тем, чего хочет. Ха! Не успели пилот и

человек-врач исчезнуть, как Тошио — подумать только, Тошио! — принял на себя команду.

«Мне не следовало уступать. Как, во имя пяти галактик, этот мальчишка смог взять верх?»

Теперь уже трудно вспомнить, как. Но вот он управляет этим проклятым роботом ради напыщенного эгоцентричного шимпанзе, которого интересуют только камни! У этого тупого маленького робота нет даже мозга, с ним невозможно разговаривать! Ведь с микропроцессорами не поговоришь. Скажешь им, что нужно делать, а потом беспомощно смотришь, как они выполняют понятое буквально.

Доспехи зазвенели. Время проверять зонд. Сахот саркастически проговорил:

Да, ничтожество,
Господин и повелитель!
Металлический слабоумный
Сплошная катастрофа!
Погуди снова,
А я буду работать быстрее!

Сахот взглянул левым глазом на экран саней. Послал закодированный пульсирующий сигнал роботу и получил в ответ поток данных.

Робот наконец переварил образцы ближайших скал. Сахот приказал роботу перевести содержание его маленькой памяти в банк данных саней. Тошио заставил его столько раз это проделать, что теперь Сахот управлял роботом, не задумываясь.

Он закрепил моноволоконный кабель о скалу и опустился еще на пятьдесят метров. Прежняя гипотеза появления этой дыры под металлическим островом была отвергнута. Дереву-сверлу не нужно углубляться на километр в поисках питательных веществ. Оно не может так глубоко проникать в кору. И масса корня слишком велика, чтобы его могло вращать стоящее наверху одинокое дерево.

Объем выкопанного материала превосходит десять таких островов. В виде осадков этот материал разбросан по дну вокруг острова.

Сахота не волновали эти загадки. Они лишний раз доказывают, что вселенная устроена странно и, может, людям, дельфинам и шимпам стоит немного подождать с ее разгадками.

Робот закончил очередной спуск. Сахот заставил его закрепиться на стене при помощи клешней с алмазными остриями, потом спустил с поверхности больше кабеля.

Робот будет опускаться постепенно. И навсегда

останется внизу. Сахот иногда ощущал и себя в таком же положении, особенно с тех пор, как оказался на Китрупе. Он не надеялся покинуть этот смертоносный мир.

К счастью, управлять роботом, немного освоившись, можно совершенно автоматически. Даже Чарлз Дарт ни к чему не придерется. Если только…

Сахот выругался. Вот опять — помехи, которые преследуют робота, когда он перевалил полукилометровую глубину. Тошио и Кипиру не смогли найти причин этого.

Треск не похож на помехи, которые Сахот слышал раньше… впрочем, он не специалист. Своего рода синкопа, и слушать это даже приятно. Сахот знал, что некоторым людям нравится слушать белый шум. Это успокаивает.

Тикали часы на доспехах. Сахот слушал и думал об извращениях, о любви и одиночестве.

Я плыву –
Кругами – как остальные
И учусь –
Печально я
Ничего не вижу
Вздыхаю одиноко.

Неожиданно Сахот понял, что настроился на ритм «шума» снизу. Он покачал головой. Но когда прислушался, снова ощутил ритм.

Песня. Это песня!

Сахот сосредоточился. Все равно, что слушать шесть частей фуги одновременно. Ритмы накладываются друг на друга с непостижимой сложностью.

Неудивительно, что это приняли за шум! Даже он едва не обманулся!

Снова зазвенел таймер на доспехах, но Сахот не заметил. Он был слишком занят, слушая, как поет для него планета.

Глава 47
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Моки и Хаоке вызвались добровольно исполнять обязанности караульных, но по разным причинам.

Обоим хотелось для разнообразия выйти из корабля. И обоим совсем не хотелось проводить часы, привязавшись к тяжелым саням, в темных глубинах океанов. Но тут сходство кончалось. Хаоке был здесь, потому что считал эту работу необходимой. С другой стороны, Моки надеялся,

что сможет убить кого-нибудь.

— Хотел бы я, чтобы Такката-Джим послал за Акки меня, а не Кта-Джона, — выдохнул Моки. — Я смог бы выследить этого нахала.

Сани Моки лежали в двадцати ярдах от саней Хаоке на подводном утесе, нависающем над кораблем. Дуговые лампы освещали корпус «Стремительного», но окрестность теперь вся вымерла; выход разрешает только сам помощник капитана.

Моки посмотрел на Хаоке сквозь гибкий купол-пузырь своих саней.

Хаоке, как обычно, молчал. Он не обратил никакого внимания на замечание Моки.

Высокомерное отродье вонючего спрута! Хаоке такой же нахал-турсиопа, как Крайдайки и этот гардемарин Акки.

Моки изобразил легкую звуковую картину. Картину рвущих зубов, уничтожения. Однажды он представил в роли жертвы Крайдайки. Капитан, который слишком часто заставал его увиливающим от работы и оскорблял своим слишком правильным англиком, наконец получил по заслугам. Моки рад, но теперь для фантазии нужен другой персонаж. Не очень интересно терзать кого-то неконкретного.

Подойдет этот калафианец, Акки: ведь установлено, что гардемарин предал помощника капитана. Моки надеялся, что Такката-Джим пошлет его, но тот послал Кта-Джона, объяснив, что нужно не убивать Акки, а доставить его на корабль для наказания.

Гигант, казалось, не обращает внимания на это тонкое различие. Он уплыл, вооруженный мощным лазерным ружьем. Возможно, Такката-Джим не может больше контролировать Кта-Джона и отослал его для собственной безопасности. Видя блеск глаз Кта-Джона, Моки не завидовал калафианцу, когда тот будет найден.

Хорошо, пусть Кта-Джон берет Акки! Небольшое развлечение потеряно, но это не испортит радости Моки.

Хорошо быть большим! В свободное от вахты время все уходят с пути Моки, словно он вожак стаи! Он уже положил глаз на двух сексуальных самок в лазарете Маканай. Некоторые молодые самцы тоже привлекательно выглядят… Моки не очень различает тех и других.

Когда они поймут, куда повернуло течение, они все придут к нему. Моки немного посопротивлялся, но не смог сдержаться. И триумфально заскрежетал в запретной форме:

Слава!

Слава!

Кусать Слава!

Подчинять самок!

Пришел новый вожак!

Он увидел, что наконец-то Хаоке среагировал. Второй охранник слегка вздрогнул и посмотрел на Моки. Но промолчал, когда Моки вызывающе встретил его взгляд. Моки направил луч сонара прямо на Хаоке, чтобы показать, что он за ним тоже следит!

Высокомерный вонючий спрут! Хаоке свое получит, когда Такката-Джим окончательно возьмет положение под контроль. А люди на Земле одобрят, потому что большой человек Метц на стороне Такката-Джима, и он все одобрил!

Моки снова испустил вопль на праймале, наслаждаясь запретной примитивностью. Праймал затрагивает в нем что-то глубокое, и тоска по нему усиливается.

Пусть Хаоке щелкает в отвращении! Моки бросит вызов самим галактам.

Пусть спустятся под воду к нему и к его новому капитану!

Хаоке стойко перенес звериные вопли Моки. Но это напомнило ему, что он в команде кретинов и неудачников. К несчастью, кретины и неудачники правы, а самые умные головы «Стремительного» катастрофически ошибаются.

Хаоке бесконечно жаль, что пострадал Крайдайки. Капитан — один из лучших представителей своего племени. Но несчастный случай позволяет спокойно и незаметно изменить политику, и Хаоке не жалеет об этом.

Такката-Джим по крайней мере сознает безнадежность этого отчаянного плана — «Троянского морского конька».

Даже если «Стремительный» сумеет незаметно перебраться к разбитому теннанинскому кораблю, если команда Тшут каким-то чудом сумеет выпотрошить корпус, и «Стремительный» наденет его на себя, как гигантскую маскировку, даже если они сумеют взлететь в таких условиях, что им это даст?

Даже если бы Томас Орли сообщил, что теннанинцы по-прежнему участвуют в космической битве, нужно еще обмануть их, чтобы они бросились на защиту своего поврежденного корабля и отвели его в тыл. Очень сомнительная возможность.

Очевидно, Орли погиб. Уже несколько дней от него ни слова, и игра становится отчаянно рискованной.

Почему бы просто не отдать этим трижды проклятым галактам то, что им нужно? К чему этот романтический вздор о спасении данных и доставке их Совету Земли? Какое нам дело до опасных древних кораблей? При чем здесь мы, если галакты хотят сражаться из-за этого брошенного флота. Даже ради аборигенов Китрупа не стоит умирать.

Хаоке все кажется ясным. И Такката-Джиму тоже, а его ум Хаоке уважает.

Но если это так ясно, почему не соглашаются такие, как Крайдайки и Томас Орли?

Именно такие сомнения заставляли Хаоке оставаться в своем орудийном расчете, а не пытаться стать сержантом или офицером, что позволяют результаты его тестирования.

Моки испустил еще одну похвальбу на праймале. На этот раз громче.

Стенос пытается вывести его из себя.

Хаоке вздохнул. Многие из экипажа начали вести себя странно, не так, как Моки, но все же плохо. И не только стеносы. Некоторые стеносы ведут себя лучше многих турсиоп. Мораль разру-

шается, и все больше дельфинов отказываются от кининка, перестают вести ежедневную борьбу со своим животным началом. И несколько недель назад трудно было предсказать, кто окажется наиболее подвержен этой болезни.

Конечно, все лучшие отсутствуют — во главе с Хикахи и Свесси.

«К счастью, — подумал Хаоке. Он с иронией подумал о превращении дурного в хорошее, правильного в неправильное. — Ну, кажется, Такката-Джим понимает, что он чувствует, и не настроен против него. Помощник капитана с благодарностью принял поддержку Хаоке».

Хаоке слышал, как Моки бьет хвостом в воде, но прежде чем стенос смог произнести еще одну насмешку, ожили приемники на обоих санях.

— Хаоке и Моки? Вызывает фин-связист Хеурка-пит… Ответьте!

Вызывает оператор обнаружения, выполняющий функции связиста. То, что пришлось объединить эти функции, показывает, как плохо обстоят дела.

— Принято, говорит Хаоке. Моки в данный момент ответить не может. В чем дело?

Он слышал, как возмущенно задохнулся Моки. Но совершенно очевидно, что сейчас он не в со-

стоянии отвечать на англике.

— Хаоке, на экране сонара цель к востоку… похоже на сани. Если цель враждебна, уничтожить. Если это кто-то с острова, они должны повернуть назад. Если откажутся, стреляйте, чтобы вывести из строя сани!

— Понято. Хаоке и Моки приступают к выполнению.

— Ну, ладно, приятель, — сказал Хаоке все еще безмолвному Моки. И криво усмехнулся. — Договоримся! Мы только поддерживаем карантин. Не стреляем в товарищей, если, конечно, не будет необходимости!

Нервным импульсом он включил двигатель саней. Не оглядываясь, поднялся с илистого дна и начал набирать скорость, направляясь на восток.

Моки посмотрел вслед Хаоке, потом включил двигатель своих саней.

Искушаем, искушаем… я, Моки…

Искушение – великолепно!

Сани погрузились в полутьму. На пассивном сонарном экране они были двумя точками, которые медленно заходили в тень острова, затем исчезли в ней.

Кипиру раскрыл клешню правой механической руки и опустил портативный акустический прибор. Тот мягко упал на ил. Кипиру повернулся к Джиллиан.

Сделано, сделано –
Они гонятся за нашей тенью
Им не понравится,
Когда увидят добычу!

Джиллиан ожидала, что будет выставлена охрана. Несколько километров назад они оставили сани на автопилоте и поплыли на северо-запад. К тому времени, как сани снова включились, они уже были в нескольких сотнях ярдов от входного шлюза.

Джиллиан коснулась бока Кипиру. Чувствительная кожа дрогнула под ее рукой.

— Ты помнишь план, Кипиру?

Нужно ли спрашивать?

Джиллиан удивленно подняла брови. Такая короткая трель и вопросительный щелчок? Необычно краткий и прямой ответ для тринари. Кипиру способен на большее, чем она думала.

— Конечно, нет, дорогой всадник на волнах. Прошу прощения. Выполню свою часть и не буду

беспокоиться о твоей.

Кипиру взглянул на нее, словно жалел, что на нем дыхатель. Словно хотел ответить ей на ее родном языке. Джиллиан ощутила легкое телепатическое прикосновение.

Она обхватила ровный гладкий торс.

— Береги себя, Кипиру. Помни, тобой восхищаются, тебя любят. Очень.

Пилот покачал головой.

Плавать – или

Сражаться

Предупреждать – или

Спасать Заслужить – твое

Доверие

Они выскользнули из укрытия и быстро поплыли к шлюзу корабля.

Глава 48
ТАККАТА-ДЖИМ

Невозможно отдыхать.

Такката-Джим завидовал тому бессознательному состоянию людей, которое они называют сном. Когда человек ложится отдыхать ночью, он

перестает осознавать мир, полностью дезактивирует свои нервы и мышцы. И если ему снится сон, то физически он в нем не участвует.

Даже неодельфин не может так отключаться. Одно из полушарий его мозга всегда бодрствует, контролируя дыхание. Сон для фина — одновременно и более легок и гораздо более серьезен.

Такката-Джим плавал в капитанской каюте; ему хотелось бы вернуться в свою, маленькую. Но для экипажа важны символы. Его последователи должны опираться не только на логику. Им нужно видеть, что у стада Новый Вожак. А это значит, что нужно жить так, как жил прежний.

Он набрал воздуха и защелкал, осветив помещение звуковыми отражениями.

У Крайдайки, несомненно, вкус эклектический. Ифни знает, чем владел прежний капитан и что спрятал перед приземлением на Китрупе, чтобы не повредила влага. Но то, что осталось, поразительно.

За стеклянными витринами лежат произведения искусства художников десятков разумных рас. Звуковые фото странных миров и причудливых необычных звезд украшают стены.

Впечатляет музыкальная система Крайдайки. У него записаны тысячи песен и странных… звуков;

когда Такката-Джим прослушивает их, у него холодеет спина. Бесценна коллекция китовых баллад, причем значительная часть собрана им самим.

На коммутаторе фото Крайдайки с офицерами «Джеймса Кука». Сама капитан Элен Альварес подписала ее. Она положила руку на широкий лоб своего первого помощника, и дельфин с Элен прижались друг к другу перед камерой.

Такката-Джим служил на больших кораблях, на грузовых судах, обеспечивающих снабжение колоний на Атласте и Калафии, но в таких полетах, как легендарный «Кук», никогда не бывал. Никогда не видел таких зрелищ, не слышал таких звуков. До Мелкого скопления… пока они не нашли мертвые корабли размером с луну…

Такката-Джим раздраженно забил хвостом. Плавники болезненно ударились о потолок. Дышал он тяжело.

Неважно. Все неважно, если он победит! Уведет «Стремительный» с Китрупа с живым экипажем! Если он это сделает, у него тоже будет фото. И рука президента Конфедерации Земли будет лежать на спине Такката-Джима.

Справа появились сверкающие точки. Они превратились в голографическое изображение в

нескольких дюймах от его глаза.

— Да, в чем дело! — рявкнул Такката-Джим.

Возбужденный дельфин, сгибая и разгибая механические руки, нервно кивнул. Это начальник хозяйственной части корабля Саппех.

— Сссэр! Происходит что-то сстранное! Мы не знали, нужно ли вассс будить, но…

Такката-Джим с трудом понимал подводный англик этого фина. Верхние регистры Саппеха неконтролируемо искажались.

— Успокойтесь и говорите медленно! — резко приказал он. Фин мигнул, но попытался выполнить приказ.

— Я… я был во внешнем шлюзе. Слышал, как кто-то сказал, что объявлена тревога. Хеурка-пит послал Хаоке и Моки за звуками саней…

— Почему сразу не сообщили мне?

Саппех в отчаянии изогнулся. Мгновение казалось, что он слишком испуган, чтобы говорить. Такката-Джим вздохнул и спокойно сказал:

— Неважно. Вы не виноваты. Продолжайте.

Саппех с облегчением продолжал:

— Через несколько минут загорелся огонь на входном шлюзе. Ватгасети подошел, а я не обратил внимания. Но когда вошли Очиститель Жизни и Пилот в Водоворотах…

Такката-Джим вспенил воду. Только необходимость дослушать рассказ Саппеха помешала ему ударить того о стену.

— …я пытался остановить их, как вы приказали, но Ватгасети и Хисс-каа прыгали от радости и втащили обоих!

— Где они сейчас? — спросил Такката-Джим.

— Баскин в центральном отсеке вместе с Ватгасети. Хисс-каа распускает слухи по всему кораблю. Кипиру взял сани и дыхатель и исчез.

— Куда исчез?

— Назад! — взвыл Саппех. Он быстро терял способность говорить на англике. Такката-Джим постарался воспользоваться тем, что еще оставалось.

— Пусть Хеурка-пит разбудит доктора Метца. Доктор Метц в сопровождении трех охранников должен прийти в лазарет. Отправляйтесь вместе с Савтутом к раздевалке сухого колеса и никого туда не впускайте.

Понятно?

Саппех энергично кивнул, и его изображение исчезло.

Такката-Джим молился, чтобы у Хеурка-пита хватило ума отозвать Хаоке и Моки и послать их за Кипиру. Действуя вместе, с умом Хаоке и сви-

репостью Моки, они могли бы отрезать пилота от теннанинского корабля.

«Почему еще не вернулся Кта-Джон? Я послал его за гардемарином, чтобы на время удалить с корабля. Боялся, что он становится опасным даже для меня. Хотел выиграть время, чтобы все организовать без него. Но Баскин вернулась раньше, чем я ожидал. Может быть, стоит держать Кта-Джона поблизости. Он может оказаться полезным».

Такката-Джим свистом открыл дверь и выплыл в коридор. Предстоит столкновение, которое он надеялся оттянуть часов на сорок, если не навсегда.

"Может, следовало избавиться от Крайдайки?.. Это было бы легко… перерыв энергоснабжения антигравитационного танка, выскочивший катетер…

Метц не одобрит этого, но и так есть многое, о чем Метц не подозревает и не должен знать".

Такката-Джим подплыл к внутреннему лифту.

«Может, и не понадобится Кта-Джон, чтобы справиться с Баскин, — подумал он. — В конце концов что может сделать одна женщина?»

Глава 49
ПСИ-БОМБА

Высохшие стебли образовали купол над морем водорослей. С помощью распорок саней Том устроил грубую пещеру. Он сидел у входа, ожидая предрассветной полутьмы, и жевал один из немногочисленных пищевых брикетов. Насколько можно, он очистил свои раны, покрыл их медицинской пеной.

Поев, частично сняв боль, он снова чувствовал себя почти человеком.

Осмотрел свой маленький дистиллятор. В верхней части, в прозрачном мешке с фильтром, толстый слой морской воды и осадков. Но под фильтром почти полная фляжка.

Том взглянул на часы. Осталось пять минут. Некогда набирать еще одну порцию воды и заливать в дистиллятор. Не успеет он даже прочистить фильтр, как взорвется бомба.

Он подобрал фляжку, плотно завинтил крышку, положил в карман. Вытащил фильтр и вытряхнул осадок, потом свернул фильтр и сунул за пояс. Фильтр, вероятно, не устраняет все растворенные

металлы. Он создавался не для Китрупа. Тем не менее, из всего багажа эта вещь, похоже, самая ценная.

Три минуты, сказали ему светящиеся стрелки часов. Том посмотрел на небо. На востоке оно стало чуть светлее, и звезды начинали меркнуть. Утро будет ясное и потому очень холодное. Том вздрогнул и плотнее застегнул костюм. Обхватил колени.

Одна минута.

Когда начнется, будет как самый громкий звук. Как самый яркий свет.

Удержать невозможно.

Он хотел закрыть глаза и уши, как от реального взрыва. Вместо этого смотрел на горизонт и начал считать. Сознательно заставил себя погрузиться в транс.

— …семь… восемь… девять… десять… — Легкость заполнила грудь. Распространялась по телу, вызывая онемение и спокойствие.

Свет нескольких звезд на западе превратился в паутину лучей над полузакрытыми ресницами. Том ждал беззвучного взрыва.

— Сахот, я готов принять у вас дежурство.

Сахот сощурился и посмотрел на Тошио.

— Еще несссколько минут, ладно? Я кое-что

сслушаю.

Тошио нахмурился. Не этого он ожидал от Сахота! Он пришел пораньше, чтобы освободить фина-лингвиста, потому что Сахот ненавидит работу с зондом.

— Что случилось, Тош?

Дэнни села в спальном мешке, потерла глаза и всмотрелась в предрассветную мглу.

— Не знаю, Дэнни. Я предложил сменить Сахота, чтобы он не связывался с Чарли, когда тот позвонит. Но Сахот отказался.

Дэнни пожала плечами.

— Это его дело. А ты чего тревожишься?

Тошио почувствовал, как резкий ответ повис у него на языке, но заставил себя промолчать и отвернулся. Он будет игнорировать Дэнни, пока та не проснется и не станет вежливее.

После ухода Джиллиан и Кипиру Дэнни удивила его, без возражений согласившись с тем, что он теперь старший. В последние два дня она интересовалась только своими микроскопами и образцами, не обращая внимания даже на приставания Сахота и односложно отвечая на вопросы.

Тошио склонился к коммуникатору, связанному с санями Сахота.

Напечатал вопрос и озабоченно посмотрел на монитор.

— Сахот! — строго сказал он. — Убирайтесь оттуда!

— Сссек… — неопределенно ответил дельфин.

Тошио поджал губы.

НЕМЕДЛЕННО будь ЗДЕСЬ

Собирайся

Прекрати все

И слушай внимательно!

Он услышал, как ахнула Дэнни. Она, вероятно, не все поняла в этом взрыве на тринари, но основную мысль уловила. Тошио почувствовал удовлетворение. Это тест. Он не может действовать так тонко, как Джиллиан Баскин, но должен добиться повиновения, если хочет оставаться офицером.

Сахот смотрел на него, ошеломленно мигая. Потом фин вздохнул и переместился к краю бассейна.

— Сахот, за четыре часа вы ни разу не снимали геологических показателей. Но опустили робота за это время на двести метров. Что с вами произошло?

Стенос покачивался из стороны в сторону. На-

конец негромко проговорил:

— Я слушал песню…

Тошио показалось, что он ослышался. Он посмотрел на гражданского неофина, не веря своим ушам.

— Что вы слушали?

— Пеесссню…

Тошио поднял руки и бессильно уронил их.

«Совсем спятил, — подумал он. — Сначала Дэнни, потом Сахот. У меня под присмотром двое спятивших».

Он чувствовал, что к бассейну приближается Дэнни.

— Слушайте, Сахот, — сказал Тошио. — Скоро позвонит доктор Дарт. Что, по-вашему, он скажет, когда…

— Я поговорю с доктором Дартом, — негромко сказала Дэнни.

— Ты? — Последние сорок часов Дэнни непрерывно бранилась из-за задания, которое выполняет по приказу Такката-Джима по просьбе Чарлза Дарта. Ей совершенно некогда было заниматься кикви. Тошио не мог себе представить, что она захочет поговорить с шимпанзе.

— Да, я. То, что я ему скажу, заставит его забыть о роботе, так что отстань от Сахота. Если он гово-

рит, что слушал песню, значит, что-то услышал.

Тошио посмотрел на нее, потом пожал плечами.

«Отлично. Моя работа — охранять этих двоих, а не исправлять их научные ошибки. Надеюсь, Джиллиан разберется с тем, что происходит на корабле, и я смогу доложить о происшествиях здесь».

Дэнни склонилась к воде и говорила с Сахотом. Говорила она медленно и тщательно, терпеливо относясь к его медлительным ответам на англике: он слишком долго был связан с роботом.

Дэнни хотелось нырнуть и посмотреть самой на сердцевину металлического острова. Сахот вызвался сопровождать ее, если она немного подождет, пока он запишет больше своей «музыки». Дэнни согласилась, очевидно, совершенно не боясь спуска под воду с Сахотом.

Тошио сел и стал ждать неизбежного зуммера связи с кораблем. Вокруг него спутники меняются за одну ночь, а он и понятия не имеет почему!

Глаза словно запорошило песком. Тошио потер их, но это не помогло.

Он помигал и постарался прислушаться к разговору Дэнни и Сахота. Но ему все труднее становилось сосредоточиться. Между ним и бас-

сейном повисла какая-то дымка. Неожиданно возникло предчувствие чего-то ужасного. Оно распространялось, пульсируя, от затылка к лопаткам.

Он зажал руками уши.

— Дэнни! Сахот! Вы… — Он кричал, уже не слыша собственного голоса.

Они взглянули на него. Дэнни встала и с озабоченным лицом сделала шаг к нему.

И тут ее глаза широко и удивленно раскрылись. Тошио краем глаза увидел какое-то движение в лесу. И тут же из кустов на них набросились кикви!

Тошио пытался достать свой пистолет-игольник, но было уже поздно.

Аборигены сомкнулись вокруг, размахивая короткими конечностями и крича высокими голосами. Трое столкнулись с ним, двое опрокинули Дэнни. Тошио упал, стараясь уберечь лицо от рвущих когтей, а сознание мутилось от громовых звуков. Кикви мгновенно исчезли!

Преодолевая гром в голове, Тошио заставил себя встать и оглядеться.

Дэнни со стоном каталась по земле, зажимая уши. Тошио опасался, что ее поранили когти кикви, но, когда она повернулась к нему, он увидел

только неглубокие порезы.

Дрожащими руками он достал игольник. Несколько кикви совсем не нападали на него, они бросились к берегу бассейна и нырнули.

«Это не они», — смутно подумал Тошио.

Звук был такой, словно тысячи ногтей скребли по доске.

Пси-нападение! Нужно укрыться! Вода смягчит нападение. Нужно нырнуть, как аборигены!

В голове ревело. Тошио пополз к бассейну. Но потом остановился.

Изменив направление, с трудом добрался до дерева на берегу бассейна.

Сел, прижимаясь к стволу спиной. Попытался сконцентрироваться, несмотря на шум в голове.

«Вспомни, чему учил тебя мистер Орли, гардемарин! Думай о своем мозге и постарайся погрузиться в него. Определи иллюзии, посланные врагом… внимательно слушай его ложь… пользуйся инь и янь… двойным спасением… логикой, которая помогает проникнуть через покров Мары… и поддержать веру…»

Дэнни стонала и каталась в пыли в нескольких ярдах от него. Тошио положил игольник на колени, чтобы он был наготове, если появится враг. Позвал Дэнни, перекрикивая шум:

— Дэнни! Слушай биение своего сердца! Слушай дыхание! Это реальные звуки! А этот нет!

Он видел, как она медленно повернулась к нему, в глазах боль, бледные бескровные руки прижаты к ушам. Шум усилился.

— Считай удары сердца, Дэнни! Они… они как океан, как прибой!

Дэнни! — кричал он. — Ты слышала звук, который громче прибоя? Представь себе такой звук…

Она смотрела на него. Он видел, как она глубоко вдыхает, начинает считать.

— Да! Считай, Дэнни! Считай вдохи и удары сердца! Вспомни звук, который перекроет прибой!

Она смотрела ему в глаза, он цеплялся за ее взгляд.

Постепенно шум в голове достиг крещендо. Тошио видел, как наконец она кивнула и слабо благодарно улыбнулась.

Сахот тоже ощутил это. И в тот момент, как пси-волна накатилась на него, бассейн заполнился испуганными кикви. Сахота затопил ужасный шум снаружи и изнутри. Хуже, чем ослепнуть от света прожектора.

Он хотел нырнуть, уйти от этой какофонии. Но, борясь с паникой, заставил себя лежать непо-

движно.

Попытался разделить шум, вначале выделить в нем человеческую партию.

Дэнни и Тошио, кажется, пострадали сильнее него. Может, оказались чувствительнее к нападению. Но помочь им невозможно!

Кикви в ужасе кричали, прыгая в бассейн.

Бежать! Бегство!
От печального огромного непонятного!
Кто-нибудь! Помогите!
Большому печальному непонятному!

Устами младенца… Сосредоточившись на псинападении, Сахот понял, что это действительно призыв о помощи. Больно, как в преисподней, но он старался справиться с болью и понять.

Ему показалось, что он добивается успеха, несомненно справляется, — и тут послышался новый голос, на этот раз через его нервное гнездо! Песня снизу, та самая, которую он не мог расшифровать всю ночь. Она взревела из внутренностей Китрупа. Ее просто невозможно не понять.

— КТО ЗОВЕТ?

— КТО СМЕЕТ БЕСПОКОИТЬ?

Сахот застонал и разорвал связь с роботом. Трех криков, на разных уровнях сознания, вполне

достаточно. Еще один, и он сойдет с ума!

Теннанинец Буоулт испугался, хотя офицер на службе Великих Призраков не должен думать ни о смерти, ни о живых врагах.

Шаттл прошел через шлюз флагманского корабля «Огонь Квега». Огромные двери, массивные и прочные, закрылись за ним. Пилот шатала проложил курс к флагману танду.

Танду.

Буоулт, демонстрируя уверенность, развернул головной гребень. Нервы и кровеносные сосуды при этом потеряют тепло в холодной атмосфере корабля танду, но совершенно необходимо выглядеть уверенным.

Вероятно, менее отвратительно было бы заключить союз с соро. Соро, по крайней мере, больше похожи на теннанинцев, чем артроподы танду, да и живут они при более подходящей температуре. К тому же клиенты соро — интересные типы, племя Буоулта с радостью бы занялось возвышением таких.

«Да и для них было бы лучше, — подумал он. — Потому что мы добрые патроны».

Если кожистые соро надоедливы и бессердечны, то танду вообще чудовища. А клиенты у них такие странные, что хвост Буоулта начинал дер-

гаться, когда он вспоминал о них.

Буоулт с отвращением сморщился. Политика приводит к странным трансформациям генов. Теперь, среди выживших, соро — самые сильные.

Теннанинцы — самые слабые из основных претендентов. И хотя философия танду чрезвычайно отталкивающая с точки зрения религии Отрекшихся, только они теперь стоят на пути торжества соро. И теннанинцы должны, пусть и временно, вступить с ними в союз.

А если танду начнут побеждать, наступит время новой смены союза. Это происходило уже много раз и произойдет еще.

Буоулт напрягся в ожидании предстоящей встречи. Он решительно не намерен выказывать страх, ступив на борт корабля танду!

Танду как будто не боятся своих непонятных вероятностных двигателей.

Сумасшедшие изменения реальности, которые осуществляют их клиенты эписиархи, позволяют им передвигаться быстрее противников. Но иногда получившиеся изменения пространства-времени глотают целые флоты, навсегда устраняя и танду, и их врагов из вселенной! Это безумие!

«Пусть только не используют свои изощренные двигатели, пока я на борту, — произнесли мо-

литвенные органы Буоулта. — Пусть мы только составим план битвы, и я улечу».

Показался корабль танду, необычный, похожий на ходули; ради скорости и маневренности он пренебрегает защитой.

Конечно, даже самые необычные корабли всего лишь варианты древних проектов, которые содержатся в Библиотеке. Танду смелы, но не оригинальны.

Земляне во многих отношениях гораздо неудобнее танду. Их неуклюжие механизмы — вульгарная привычка, возникшая из-за отсутствия настоящего воспитания.

Буоулт подумал, чем сейчас занимаются «дельфины». Плохо им придется, если их заберут танду или соро. Даже примитивные морские млекопитающие, клиенты грубой волосатой расы сирот-волчат, заслуживают защиты, если это возможно.

Конечно, приоритеты есть везде. Прежде всего им нельзя позволить утаивать свои открытия!

Буоулт заметил, что в возбуждении выпустил пальцы-когти. Втянул их обратно и постарался успокоиться. Шаттл приближался к строю танду.

Но тут рассуждения Буоулта прервал неожиданный холод, от которого задрожал гребень…

возбуждение на пси-полосе.

— Оператор! — выкрикнул он. — Свяжись с флагманским кораблем!

Проверь, подтвердят ли они вызов. — Слушаюсь, генерал-протектор!

Буоулт сдержал возбуждение. Пси-энергия может быть приманкой. Но все же ощущение верное. Изображение «Огня Кронодора». А они уже не надеялись его увидеть!

Его заполнила решимость. В предстоящих переговорах он попросит еще об одном одолжении. Танду должны помочь теннанинцам.

— Подтверждение, сэр. Это военный корабль «Огонь Кронодора», — сказал пилот дрожащим от возбуждения голосом. Буоулт выпрямил гребень. Смотрел вперед на металлические фигуры богомолов, готовясь к противостоянию, переговорам, к ожиданию.

Би Чохуан слушала песнь кита — редкую и дорогую запись, которая стоила ей когда-то месячной платы, — когда ее детекторы уловили сигнал бакена. Она неохотно опустила наушники и отметила направление и мощность.

Было так много сигналов… бомб, взрывов, ловушек. Но один из маленьких вазунов указал, что луч исходит из водного мира.

Би причесала усы и задумалась.

— Мне кажется, это меняет положение, мои малыши. Нужно ли оставить этот пояс нерожденных отбросов и переместиться ближе к арене действия?

Пора ли дать знать землянам, что поблизости у них есть друзья?

Вазуны прощебетали в ответ, что политика — ее дело. В соответствии с договором они шпионы, а не стратеги.

Би одобрила их сарказм: очень изысканно.

— Хорошо, — сказала она. — Попробуем приблизиться.

Хикахи торопливо запросила боевой компьютер скифа.

— Это какое-то пси-оружие, — через гидрофоны объявила она работавшим в корпусе чужого корабля. Ее англик был спокоен и точен, пронизан холодными тонами кининка. — Других признаков нападения я не вижу, поэтому считаю, что это результат битвы в космосе. Мы и раньше их ссслышали, хоть и не так сильно.

— Мы глубоко под водой, частично защищены от пси-волн. Сожмите зубы.

Старайтесь не обращать внимания. Продолжайте выполнять свои обязанности с надлежащим

рвением.

Хикахи отключила гидрофоны. Она знала, что Тшут уже среди работающих, шутит, поддерживает моральный дух.

Пси-шум походил на назойливый зуд, но со странным ритмом. Словно какой-то код, разгадать который невозможно.

Хикахи посмотрела на Ханнеса Свесси, который сидел у ближайшей стены и казался очень усталым. Он должен был отправиться спать, но пси-удар подействовал на него сильнее, чем на дельфинов. Он сравнил его с ногтями, скребущими по доске.

— Я могу высказать два предположения, Хикахи. Одно было бы хорошей новостью, другое — очень плохой.

Она кивнула гладкой головой.

— Мы неоднократно проверяли связь, послали уже троих посыльных, но корабль молчит. Я предполагаю самое худшее.

— Что «Стремительный» захвачен, — Свесси закрыл глаза.

— Да. Пси-волна идет откуда-то с поверхности планеты. Может, как раз сейчас галакты дерутся за наш корабль — или за то, что от него осталось.

Хикахи приняла решение.

— Я возвращаюсь на «Стремительный» в лодке. Подожду, пока не будут завершены помещения для экипажа в корпусе. Нам нужна энергия скифа, чтобы перезарядить аккумуляторы теннанинца.

Свесси кивнул.

— Послушайте, Хикахи, когда убежище внутри будет готово, мы можем накачать оксиводу для финов, и они смогут нормально отдыхать. К тому же корпус экранирует пси-излучение. И что самое важное, у меня есть собственная комната, сухая, без толпы пищащих детей, которые толкают меня носами, стоит мне отвернуться. — В глазах его была мягкая ирония.

У Хикахи слегка отвисла челюсть.

— Тогда подождите минутку, Хозяин Удивительных Игрушек. Я сейчас присоединюсь к вам. Работа отвлечет нас от царапанья ногтей чужаков.

Соро Крат не испытывала неприятных ощущений. Ее корабль был хорошо защищен от раздражающего пси-воздействия. Она с легким интересом восприняла сообщение пила Куллалберры.

В ходе битвы они уже засекали такие сигналы. Но ни разу они не исходили от планеты. Только в нескольких засадах война приближалась к

самому Китрупу.

В обычных условиях она просто приказала бы выпустить торпеду и забыла бы об этом деле. Вблизи планеты газового гиганта формируется предвиденный танду-теннанинский союз, и ей нужно принимать меры. Но что-то в этом сигнале ее заинтересовало.

— Определи точное происхождение этого сигнала с поверхности планеты, — сказала она пила. — Включая местоположение всех известных посадок вражеских кораблей.

— Их уже десятки, и место очень неопределенно, — ответил пила из отсека статистики. Голос у него высокий и резкий. Рот раскрывался и закрывался при каждом согласном, и волосатые реснички колебались над маленькими черными глазами.

Крат не удостоила его взглядом.

— Когда соро прервали служение пила их прежним патронам, кисса, — просвистела она, — то не для того, чтобы сделать вас Старшими. Кто смеет сомневаться в моих приказах, словно я человек, который возится с шимпанзе?

Куллалберра задрожал, быстро поклонился и ускользнул в центр сбора данных.

Крат счастливо заурчала. Да, пила близки к

совершенству. Высокомерные и властные со своими клиентами и соседями, они торопливо выполняют любой каприз соро. Как прекрасно быть Старшим Патроном!

Она в долгу перед людьми кое за что. Всего за несколько столетий они полностью заменили тимбрими в роли пугала для непослушных клиентов. Они символизируют все недостатки либерализма возвышения. Когда Земля будет приведена в порядок, а земляне приобретут подобающий им ранг клиентов, придется поискать другой пример для устрашения.

Крат подключилась к собственной линии связи. На экране появилось изображение соро Притил, молодого командира одного из кораблей ее флотилии.

— Да, мать флота, — Притил чуть склонила голову. — Слушаю.

Крат сглотнула от такой наглости.

— Корабль шестнадцать был медлителен в последней засаде, Притил.

— Это только одно мнение. — Притил осматривала свой брачный коготь.

Начала чистить его перед экраном: этот нарочитый жест подчеркивает безразличие.

Молодые самки обычно не понимают, что под-

линное оскорбление должно быть тонким и не сразу обнаруживаться. Крат решила преподать Притил такой урок.

— Тебе нужно отдохнуть. В следующей схватке корабль шестнадцать будет все равно бесполезен. Но есть возможность вернуть ему честь, а может, и захватить добычу.

Притил подняла голову, она заинтересовалась.

— Да, мать флота?

— Мы уловили сигнал, который внешне похож на что-то другое. Мне это подозрительно.

Привкус интриги, очевидно, привлек Притил.

— Я хочу тебя слушать, мать группы.

Крат вздохнула от такой предсказуемости. Она знала: все молодые капитаны считают легендой ее предчувствия. И понимала, что Притил попадется.

«Тебе еще многому предстоит научиться, — подумала она, — прежде чем ты сможешь сбросить меня и занять мое место, Притил. Но сначала твоя шкура изукрасится множеством шрамов. С наслаждением я поучу тебя, дочь моя».

Джиллиан и Маканай смотрели на Такката-Джима и доктора Игнасио Метца, вошедших в лазарет в сопровождении трех крупных стеносов в военных доспехах и с застывшими лицами.

Ватгасети пропищал что-то неразличимо вызывающее и попытался встать перед ними. Помощницы врача затрещали сзади.

Джиллиан встретилась взглядом с Маканай. Вот оно, столкновение.

Теперь они увидят, вообразила ли все это Маканай. Джиллиан еще надеялась, что у Такката-Джима и Метца есть веские причины для своих действий, и рана Крайдайки — на самом деле несчастный случай.

Маканай уже приняла решение. Акки, молодой гардемарин с Калафии, все еще не вернулся. Врач посмотрела на Такката-Джима, как на тигровую акулу.

Выражение дельфина-самца вполне оправдывало такой взгляд.

У Джиллиан было тайное оружие, но она поклялась не пускать его в ход без крайней необходимости.

«Пусть они начнут действовать, — подумала она. — Раскроют свои карты, прежде чем я достану козырный туз из рукава».

Первые шаги могут оказаться опасными. Джиллиан успела только накоротке переговорить с Ниссом, потом заторопилась в лазарет. Ее положение может оказаться трудным, если она

неправильно оценила степень атавизма на «Стремительном». Может, следовало оставить при себе Кипиру.

— Доктор Баскин! — Игнасио Метц не стал подплывать близко, он ухватился за поручень у стены и позволил стеносам проплыть вперед. — Рад видеть вас, но почему вы не известили о своем прибытии?

— Серьезное нарушение правил безопасности, доктор, — добавил Такката-Джим.

Вот как они решили это представить, подумала Джиллиан. И вполне могут засадить меня в карцер.

— Я явилась на совет корабля, джентльфин и джентльмен. Меня вызвала на него доктор Маканай. Жаль, что на мостике затеряли мой ответ. Я слышала, там все новые и неопытные операторы.

Такката-Джим нахмурился. Может, она и посылала сообщение, но оно пропало во всеобщей суматохе.

— Послание Маканай тоже нарушает приказ! А ваше возвращение противоречит моим распоряжениям.

Джиллиан изобразила удивление.

— Разве она не передала мне просто приглаше-

ние на совет корабля?

Правила совершенно ясны. Вы должны созвать совет в течение двадцати четырех часов после смерти или выхода из строя капитана.

— Подготовка к совету идет. Но в чрезвычайных обстоятельствах исполняющий обязанности капитана может действовать и без помощи совета.

Столкнувшись с открытым неповиновением приказу, я имею право…

Джиллиан напряглась. Ее подготовка ничего не даст, если Такката-Джим потерял способность к разумным действиям. Попробовать вскочить на автоврачей, и оттуда на парапет. От него совсем близко ее кабинет.

— …задержать вас на время, пока не отменят чрезвычайные обстоятельства.

Джиллиан взглянула на стеносов. Неужели они способны причинить вред человеку? Присмотрелась и поняла — способны.

Во рту у нее пересохло, но она не показала этого.

— Вы неправильно оцениваете свой статус, лейтенант, — спокойно сказала она. — Я думаю, мало кто из финов на борту удивится, узнав…

Слова застряли у нее в горле. Джиллиан спиной ощутила холод, окружающий воздух словно

задрожал и запульсировал. Она ухватилась за перила, и в голове ее родился глубокий рокочущий звук.

Остальные смотрели на нее, удивленные ее поведением. Но затем они тоже почувствовали. Такката-Джим развернулся и закричал:

— Пси-оружие! Маканай, дайте мне связь с мостиком! На насссс нападают!

Врач-дельфин отодвинулась, удивленная скоростью, с какой Такката-Джим мелькнул мимо нее. Джиллиан зажала уши руками, увидела, как Метц сделал то же самое; глухой звук становился все громче. Стеносы с расширенными от страха зрачками бились у стены.

«Попробовать прорваться сейчас? — подумала Джиллиан. — Но если это нападение, мы должны забыть распри и объединиться».

— …некомпетентность! — кричал Такката-Джим в коммуникатор. — Что значит «всего тысяча миль отсюда»? Определите точно! Почему не действуют активные сенсоры?

— Подождите! — закричала Джиллиан. Она хлопнула в ладоши. И начала смеяться. Такката-Джим продолжал кричать на команду мостика, но остальные удивленно повернулись к ней.

Джиллиан смеялась. Хлопала по воде, колотила

по ближайшему автоврачу, обхватила дрожащий бок Ватгасети. Тут даже Такката-Джим остановился, пораженный этим, по-видимому, психическим приступом веселья. Смотрел, позабыв о лихорадке на мостике.

— Том! — громко воскликнула Джиллиан. — Я говорила: он не может умереть! Черт побери, я тебя люблю, сукин... О, если бы я пошла, сейчас была бы уже дома!

Фины смотрели на нее; глаза их раскрылись еще шире, они начинали понимать, о чем она говорит.

А она смеялась, и слезы текли по ее лицу.

— Том, — негромко сказала она. — Я тебе говорила, что ты не умрешь! — И не глядя обняла ближайшего фина.

Звуки вернулись к Крайдайки, плывущему в невесомости.

Все равно что слушаешь Бетховена или пытаешься понять песню кита-горбача.

Кто-то оставил подключенной аудиосвязь: вдруг он произнесет еще что-нибудь. Но никто не подумал, что связь действует в обоих направлениях.

Слова извне проникали в антигравитационный танк.

Они мучительно ускользали, как проблески мысли большой симфонии, намекали на то, что композитор уловил нечто неуловимое, такое, на что ноты могут лишь намекнуть, к чему мир никогда не приблизится.

Что-то кричит и фыркает Такката-Джим. Ясен угрожающий тон. Ясна и осторожная чистота голоса Джиллиан Баскин. Если бы только он мог понять слова! Но англик для него утрачен.

Крайдайки знал, что его корабль в опасности, но ничего не мог сделать. Старые боги еще не закончили с ним, они не дадут ему пошевелиться. Они должны показать еще многое, прежде чем он сможет служить их целям.

Он уже смирился с периодическими вспышками ужаса — будто ныряешь в глубину на схватку с гигантским спрутом, потом поднимаешься вверх глотнуть воздуха и снова опускаешься в хаос. Когда они снова потащат его вниз, он опять будет захвачен водоворотом идей-иероглифов, бьющимся сном, который чужд его мозгу инженера.

Это было бы невозможно, сохранись его центры речи. Крайдайки горевал о потере слов. Слушал звуки снаружи, сосредоточивался изо всех сил на странном музыкальном — знакомом ощущении.

Не все ушло, решил он. Время от времени он

узнавал отдельные слова.

Простые слова, в основном названия предметов и имена людей или названия простых действий, связанных с этими людьми.

Это могли сделать и его отдаленные предки.

Но запомнить больше трех или четырех слов он не мог, и поэтому ему невозможно было следить за разговором. Он мог с трудом расшифровать предложение и тут же забывал его, занявшись следующим. Это было мучительно трудно, и наконец он заставил себя отказаться от бессмысленных усилий.

Так ничего не выйдет, заключил он.

Напротив, сказал он себе, надо попытаться ухватить суть. Используй хитрости, которые применили к тебе старые боги. Охватывай. Поглощай… чувствуй то, что чувствовал Бетховен, погружаясь в загадки скрипичного концерта.

Из микрофона доносились сердитые звуки разговора разумных. Звуки плясали по помещению, отскакивали от стен, разлетались, как капли. После ужасной красоты ВНИЗУ Крайдайки испытывал отвращение. Но он заставил себя слушать, искать путь, какой-то способ спасти «Стремительный» и его экипаж.

Он сконцентрировался, усиливалось желание

действовать. Крайдайки искал фокус, центр этих хаотических звуков.

Злоба
Муть
Прилива
Не видно
Акул!
Междоусобная борьба…
Приглашает
Акул!
Глупое согласие.

Невольно он снова защелкал. Пытался остановиться, понимая, к чему это приведет, но щелчки в его лбу возникали непроизвольно, и скоро к ним присоединились низкие стоны.

Разговор снаружи стих, он ткал вокруг себя все более густую сеть собственным пением. И постепенно рядом с ним образовалась новая реальность. Совсем близко плыла темная фигура.

Без слов он велел ей уходить.

: НЕТ
: МЫ ВЕРНУЛИСЬ
: ТЕБЕ ЕЩЕ НУЖНО УЧИТЬСЯ:

«Я знаю, что ты мой бред. Сама не производишь

ни звука! Всегда говоришь отражениями моего сонара!»

: РАЗВЕ ТВОИ ОТРАЖЕНИЯ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛИ ТАКИМИ СЛОЖНЫМИ?:

«Кто знает, на что способно мое подсознание? В моей памяти такие странные звуки, каких не слышал ни один китообразный. Я слышал, как живые облака свистят ураганам времени. Я слушал бомбы судьбы в черных дырах и песни звезд!»

: ТЕМ БОЛЕЕ, ТЫ ТОТ, КТО НАМ НУЖЕН
: ТОТ, КОГО МЫ ХОТИМ:

«Я нужен здесь!»

: И ПРАВДА:
: ИДЕМ:
: КРАЙДАЙКИ:

Старый бог, Кк-кп-крии, придвинулся ближе. Его сонически прозрачная фигура блестела. Сверкали острые зубы. Вымысел или нет, но огромное тело начало двигаться, унося его с собой, как и раньше, не способного сопротивляться.

: ВНИЗ:

И тут, как раз когда Крайдайки уже смирился, он услышал звук. Чудо, но этот звук порожден не им, он не из его безумного сна. Он приходит откуда-то извне, мощный и властный!

: НЕ ОБРАЩАЙ ВНИМАНИЯ: ИДЕМ:

Мозг Крайдайки устремился к этому звуку, как стая кефали, звук стал оглушающим.

: ТЫ ОБЛАДАЕШЬ ЧУВСТВАМИ
: ТЫ ОБЛАДАЕШЬ ПСИ, О КОТОРОМ НЕ ЗНАЛ РАНЬШЕ
: О ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, КАК ИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ
: НЕ ДУМАЙ О БЫСТРОЙ НАГРАДЕ
: ИДИ ТРУДНЫМ ПУТЕМ...:

Крайдайки рассмеялся и раскрылся навстречу. Звук ударил в него, превратил сверкающую тьму старых богов в искры, разбросал их, и они медленно исчезли.

: ЭТОТ ПУТЬ ДЛЯ ТЕБЯ ЗАКРЫТ:
: КРАЙДАЙКИ...:

И большелобый бог исчез. Крайдайки рассмеялся, освобождаясь от жестокой иллюзии, благодарный новому звуку.

Но звук продолжал усиливаться. Ощущение

победы переросло в панику, когда давление в голове усилилось, билось о стены черепа, грозило разорвать его. Мир превратился в чуждый крик о помощи.

Крайдайки переливисто засвистел в отчаянии, пытаясь держаться поверх сокрушительного прилива.

Глава 50
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Волны псевдозвука наконец начали спадать.

— Крайдайки! — воскликнула Маканай и подплыла к танку. Остальные тоже повернулись, только сейчас заметив беспокойство раненого дельфина.

— Что с ним? — Джиллиан подплыла к Маканай. Она видела, как слабо бьется капитан, испуская негромкие медленные стоны.

— Не знаю. Никто не следил за ним, когда взорвалась пси-бомба. Я только сейчас заметила, что он обеспокоен.

К Джиллиан подплыл Игнасио Метц.

— Джиллиан… — начал он, — я хочу, чтобы вы знали: я рад, что Том жив, хотя его опоздание сулит неприятности. Я по-прежнему считаю, что

его план «Троянский морской конек» неудачен.

— Обсудим это на совете корабля, доктор Метц, — холодно ответила она.

Метц прочистил горло.

— Не уверен, что исполняющий обязанности капитана позволит… — Он замялся под ее взглядом и отвернулся.

Джиллиан посмотрела на Такката-Джима. Если он сделает что-то опрометчивое, это послужит последней каплей, которая подточит мораль «Стремительного». Джиллиан должна убедить Такката-Джима, что он проиграет, если попробует бороться с ней. Новость о том, что Томас Орли жив, пронесется по кораблю, как звук горна. И так уже один из стеносов, которые, очевидно, тщательно были отобраны помощником капитана, выглядел возмущенным и оживленно разговаривал с Ватгасети.

«Я должна действовать быстро, — поняла Джиллиан. — Он в отчаянном положении».

Она с улыбкой подплыла к Такката-Джиму. Он попятился, верные ему стеносы смотрели на нее с боков. Джиллиан заговорила негромко, так, чтобы не слышали другие.

— Даже не думайте, Такката-Джим. Все фины на борту теперь думают о Томе Орли. Если вы

считаете, что сможете навредить мне сейчас, лучше еще раз хорошенько задумайтесь.

Глаза Такката-Джима расширились, и Джиллиан поняла, что попала в цель благодаря легенде о своих пси-способностях.

— К тому же, тут доктор Метц. Он доверчив, но если мне навредят у него на глазах, вы его потеряете. Вам ведь нужен человек, как символ? Без хотя бы одного человека ваши стеносы разбегутся.

Такката-Джим громко хлопнул челюстью.

— Не пытайтесь запугать меня! Я не причинил вам вреда! Я — законная власть на корабле. И могу приказать заключить васс под стражу!

Джиллиан взглянула на свои ногти.

— Вы уверены?

— Вы хотите, чтобы экипаж не повиновался законному командиру? — Такката-Джим был искренне поражен. Он понимает, что многие фины, особенно турсиопы, пойдут за ней, что бы ни говорил закон. Но это означало бы мятеж, и экипаж оказался бы расколот.

— На моей стороне закон! — просвистел он.

Джиллиан вздохнула. Игру надо доводить до конца, хотя это причинит огромный ущерб дельфинам на Земле, когда они узнают. И она шепотом произнесла два слова, которые ей не

хотелось произносить.

— Тайные приказы, — сказала она.

Такката-Джим смотрел на нее, потом пронзительно крикнул. Встал на хвост и перевернулся, а охрана недоуменно смотрела на него. Джиллиан повернулась и увидела, что на нее смотрят Метц и Ватгасети.

— Не верю! — плевался Такката-Джим, разбрасывая во все стороны воду.

— На Земле нам пообещали, что «Стремительный» наш!

Джиллиан пожала плечами.

— Спросите команду на мостике, работает ли боевой компьютер, — предложила она. — Пусть кто-нибудь попробует выйти через наружный шлюз.

Попытайтесь открыть дверь в арсенал.

Такката-Джим развернулся и поплыл к коммуникационному экрану в конце помещения. Охранники последовали за ним. Такката-Джим был ошеломлен предательством.

Не весь экипаж почувствует то же самое, Джиллиан знала. Большинство просто обрадуется. Но в глубине души все поймут, что одна из основных задач полета «Стремительного» — выработать у неофинов ощущение независимости, уверенно-

сти в себе — теперь не будет выполнена.

«Был ли у меня другой выход? Могла ли я сначала попробовать что-то другое?»

Она покачала головой. Хорошо бы, Том был здесь. Он мог поставить все на место одной саркастической песенкой на тринари. Все бы сразу устыдились.

«О Том, — думала она. — Мне следовало отправиться вместо тебя».

— Джиллиан!

Плавники Маканай били воду, доспехи жужжали. Одной металлической рукой она указывала на раненого дельфина, плавающего в антигравитационном танке.

Крайдайки смотрел на нее!

— Но ведь вы сказали, что его кора сожжена! — воскликнул Метц.

Крайдайки выражал величайшую сосредоточенность. Дышал он тяжело, потом отчаянно крикнул:

— Наружу!

— Это невозможно! — вздохнула Маканай. — Его центры речи…

Крайдайки хмурился, пытаясь сконцентрироваться.

Наружу:

Крайдайки!

Плавать:

Крайдайки!

Это был детский тринари, да еще в странном тоне. Но в темных глазах светился разум. Ожило телепатическое восприятие Джиллиан.

— Наружу! — Крайдайки повернулся в танке и громко ударил плавниками по окну. Он повторил слово на англике. Но оно звучало словно на праймале.

— Наружу!

— Помогите ему выбраться! — приказала Маканай ассистенткам. — Осторожно! Быстрее!

Такката-Джим, перекосившись от гнева, на большой скорости плыл от коммуникационного экрана. Но неожиданно остановился и ярким глазом посмотрел на капитана.

Это была последняя капля.

Такката-Джим повернулся и отплыл, не зная, какую позу принять. Он посмотрел на Джиллиан.

— То, что я делал, я делал потому, что считал это лучшим выходом для экипажа, корабля и всей экспедиции. На Земле я сумею защитить себя.

Джиллиан пожала плечами.

— Будем надеяться, что у вас появится такая

возможность.

Такката-Джим сухо рассмеялся.

— Ну, хорошо, мы соберем этот совет корабля. Я созываю его через час.

Но позвольте предупредить вас: не заходите слишком далеко, доктор Баскин.

У меня еще есть сила. Мы можем договориться. Если вы попытаетесь поставить меня к позорному столбу, вы расколете экипаж.

— И я буду сопротивляться, — негромко добавил он.

Джиллиан кивнула. Она добилась чего хотела. Даже если Такката-Джим и сделал то, в чем подозревает его Маканай, никаких доказательств нет, и теперь нужно либо идти на компромисс, либо начать гражданскую войну и потерять корабль. Первому офицеру нужно оставить выход.

— Я понимаю, Такката-Джим. Через час я буду.

Такката-Джим с охранниками повернулся, собираясь уплыть.

Джиллиан видела, как Игнасио Метц смотрит вслед лейтенанту-дельфину.

— Вы утратили контроль? — сухо спросила она, проплывая мимо.

Голова генетика дернулась.

— Что, Джиллиан? Что вы имеете в виду? — Но

выражение лица выдало его. Подобно большинству других, Метц переоценивал ее пси-способности. И теперь ломал голову, прочла ли она его мысли.

— Неважно. — Джиллиан криво усмехнулась. — Пойдемте посмотрим на чудо.

И поплыла туда, где Маканай беспокойно ждала выплывающего капитана.

Метц неуверенно последовал за ней.

Глава 51
ТОМАС ОРЛИ

Дрожащими руками он отвел ветви от входа в пещеру. Выполз из убежища и замигал, глядя на туманное утро.

Небо закрывал толстый слой низких туч. Уже хорошо, что чужих кораблей пока нет. Он опасался их появления, пока лежит беспомощно, борясь с действием пси-бомбы.

Было очень невесело. В первые же несколько минут пси-удары уничтожили его гипнотическую защиту, перекрыли ее и заполнили мозг чуждым воем. Два часа — они показались ему вечностью — он сражался с безумными картинами, дергающими нервы звуками и огнями. Он все

еще дрожал от реакции.

"Надеюсь, там, вверху, есть теннанинцы, и они на это клюнут.

Испытанное должно того стоить".

По словам Джиллиан, Нисс уверен, что нашел нужные коды в Библиотеке, взятой на борту теннанинского корабля. И если в системе еще есть теннанинцы, они отзовутся. Бомбу должны были засечь на миллионы миль во всех направлениях.

Том набрал горсть грязи между водорослями и отбросил ее. Углубление почти до верха заполнила пенистая морская вода. Другое углубление находится в нескольких метрах, под соседним холмиком, там неуверенно покачиваются водоросли, но Тому хотелось входить в воду поблизости.

Он как мог убрал грязь, потом вытер руки и принялся наблюдать из своего убежища за небом. На колени положил оставшуюся пси-бомбу.

Во время крушения ему удалось спасти только три таких бомбы, поэтому он может сообщить немного сведений. В зависимости от того, какую бомбу он приведет в действие, Джиллиан и Крайдайки будут знать, какие именно чужаки явились проверять его сигнал.

Конечно, может произойти нечто такое, что не

укладывается ни в один из обсуждавшихся сценариев. И тогда ему придется решать, посылать свое двусмысленное сообщение или ждать.

«Может, надо было прихватить с собой радио, — подумал он. — Но военные корабли мгновенно засекут радиоисточник и уничтожат его, не успеет он произнести и нескольких слов. Бомба посылает сообщение в течение секунды; и засечь ее гораздо труднее».

Том думал о «Стремительном». Казалось, он уже целую вечность не был на корабле. Все вожделенное находится там: пища, сон, горячий душ, его женщина.

Он улыбнулся своим приоритетам. Ну, Джилл поймет.

«Стремительному» придется оставить его, если эксперимент поможет покинуть Китруп. Не самая бесчестная смерть.

Он не боится смерти, но нужно сделать все, что возможно, а не просто плюнуть в глаза смерти, когда она придет. Важен последний жест.

Но тут он увидел другое, гораздо менее приятное мысленное зрелище:

«Стремительный» захвачен, космическое сражение окончено, все его усилия бесполезны.

Том вздрогнул. Лучше думать, что его самопо-

жертвование не напрасно.

Свежий ветер гнал облака. Они разделялись на густые влажные полосы.

Том заслонил глаза от света. Ему показалось, что он увидел на фоне восходящего солнца какое-то движение, ближе к югу. И поглубже заполз в свою импровизированную пещеру.

Из одной движущейся полосы на востоке медленно опускался темный предмет. Он повис над покрытым водорослями морем, и клубы пара скрыли его форму и размер.

До Тома донесся слабый барабанный бой. Он скорчился, жалея о потерянном бинокле. Но вот дымка на мгновение разошлась, и он ясно увидел парящий космический корабль. Похожий на гигантскую стрекозу, с заостренными концами, смертельно опасную.

Мало кто решается так глубоко заглядывать в Библиотеку, как полные идиосинкразий безжалостные танду. Из узкого корпуса во всех направлениях торчат многочисленные выступы — явный признак принадлежности танду.

Но выступ с одного конца, тупой, клинообразный, мешает общему впечатлению беззаботности. Он не вписывается в очертания корабля.

Прежде чем Том смог разглядеть получше, ту-

ман снова сгустился, закрыв висящий крейсер. Но слабый гул мощных двигателей становился отчетливее.

Том почесал отросшую за пять дней щетину. Появление танду — дурная новость. Если не появятся другие, Тому придется приводить в действие бомбу номер три — «Стремительному» закрыться и готовиться к смертельной схватке.

С этим врагом человечество так и не сумело вступить в переговоры. В засадах галактических болот земные корабли редко вступали в бой с танду, даже когда преимущество было на их стороне. А танду, напротив, предпочитали сразу вступать в бой, особенно если нет свидетелей.

Действовал приказ — любой ценой избегать столкновений с ними, пока советники тимбрими не подскажут человеческому экипажу, как уйти от этих мастеров тайных ударов. Если появятся только танду, можно считать, что Том видит свой последний рассвет. Потому что, приведя в действие бомбу с сообщением, он сразу выдаст себя. У танду есть клиенты, которые улавливают даже отдельные пси-мысли по запаху.

«Вот что я тебе скажу, Ифни, — подумал Том. — Пришли еще кого-нибудь сюда. Я не настаиваю, чтобы это обязательно был теннанинец. Подой-

дет боевой планетоид йофуров. Перемешай тут все как следует, и я обещаю, вернувшись домой, прочесть пять сутр, десять „Аве, Мария“ и десять киддушей. Договорились? Даже пожертвую несколько кредиток, если хочешь».

Он представил себе, как из туч появляется тимбрими-человеческо-синтианский военный флот, разбивает танду вдребезги и очищает небо. Прекрасная мысль, хотя сразу приходят в голову десятки соображений, почему это невозможно. Во-первых, синтиане, хоть и дружески настроенные, не вмешаются, если не будут абсолютно уверены в победе.

Тимбрими, вероятно, помогли бы Земле защититься, но не будут ради каких-то волчат-сирот слишком далеко высовываться.

«Ну хорошо, Ифни, госпожа удачи и случая. — Том потрогал бомбу номер три. — Подойдет один-единственный избитый теннанинский крейсер».

Бесконечность не дала ему немедленного ответа. Да он и не ожидал.

Гул усилился и звучал теперь как будто над самой головой. Волосы на затылке Тома поднялись, поля корабля накрыли его, соприкоснувшись со скромной пси-защитой.

Потом звук начал медленно удаляться. Том посмотрел на запад. Облака снова разошлись, и он увидел корабль танду, легкий истребитель, даже не крейсер, всего в нескольких милях от себя.

На его глазах клинообразный выступ отделился и медленно поплыл на юг. Том нахмурился. Не похоже на знакомые ему разведчики танду. Совсем другая конструкция, прочная, как…

Облака снова сошлись, закрыв два корабля. Рев их двигателей заглушил ворчание ближайшего вулкана.

Неожиданно в облаках, в том месте, где Том в последний раз видел корабль танду, блеснули три яркие зеленые вспышки и сверкающей радугой ударились в море. Прозвучал сверхзвуковой гром.

Вначале Том решил, что танду что-то взрывают внизу. Но тут в разрыве туч он увидел: взорвался сам корабль. Кто-то высоко над облаками ведет огонь по танду!

Том был слишком занят, хватая свое оборудование, чтобы тратить время на наблюдение. Он отвернулся и потому не ослеп, когда корабль танду выпустил лучи антиматерии в своего врага. Горячая волна обожгла Тому затылок и руки, Том сунул пси-бомбы за пояс и надел на голову

дыхательную маску.

Лучи антиматерии образовали на небе солнечные полосы. Том схватил мешок и нырнул в отверстие, которое недавно расчистил от грязи и водорослей.

Том заметил, что автоматически задерживает дыхание. Бессмысленно.

Маска не позволит кислороду просочиться, но выпустит двуокись углерода.

Держась за прочный стебель водоросли, Том начал глубоко дышать.

Дышать было трудно. Ему казалось, что с таким количеством растительности в воде должно быть много кислорода. Но маленький приборчик на краю маски подсказал ему, что это не так. Вода бедна кислородом по сравнению с обычно богатым соляным раствором китрупского моря. Колышущиеся жабры маски поставляют только треть кислорода, который ему понадобится, даже если он будет совершенно неподвижен.

Через несколько минут у него начнет кружиться голова. Пройдет еще немного времени, и он потеряет сознание.

Гул битвы проникал под водоросли тупыми ударами. В отверстия травянистой крыши пробивались яркие вспышки, прямо перед Орли. Даже

непрямой свет жег глаза. Том видел, как листва над поверхностью, пережившая падение пепла с вулкана, теперь корчилась от жара, становилась коричневой и распадалась.

«Прощайте, припасы, — подумал он. — И спасение с воздуха».

Он обхватил ногами толстый корень и снял мешок со спины. Порылся в поисках чего-нибудь неожиданного. В резких тенях содержимое мешка он определял на ощупь.

Инерционный курсоуказатель, который дала ему Джиллиан, пачка пищевых брикетов, две фляжки «пресной» воды, заряд для игольника, сумка для инструментов. Кислородный расходомер зловеще покраснел. Том зажал мешок между ног и раскрыл сумку с инструментами. Схватил моток восьмидюймового резинового шланга. Когда перерезал ножом шланг, перед глазами уже плыли пурпурные пятна.

Том сунул один конец шланга в прорезь маски. Маска выдержала, но содержимое шланга пролилось ему в рот, заставив закашляться.

Но сейчас не до нежностей. Том, извиваясь, поднимался по стеблю к поверхности, к отверстию в водорослях.

Он зажал другой конец шланга, но, когда рас-

прямил его, хлынула горько-соленая маслянистая вода. Он повернул голову, но немного все же пришлось проглотить. Отвратительный вкус.

Маска очистит жидкость, если, конечно, ее попадет не много.

Том поднял руку и высунул шланг над поверхностью небольшого бассейна, откуда вспышки продолжали посылать в глубину столбы света. Он глубоко вдохнул, выплюнул слизь с резким металлическим привкусом, отчаянно пытаясь прочистить шланг. Блеснула новая вспышка, пальцы Тома обожгло. Он подавил инстинктивный крик и стремление отдернуть пальцы. Почувствовал, как теряет сознание, но силой воли удерживал левую руку в обжигающем жару.

Еще раз вдохнул и наконец был вознагражден тонкой струйкой влажного воздуха. Том начал лихорадочно всасывать воздух. Горячий, полный пара, пахнущий дымом, но такой освежающий. Том выдыхал в маску, надеясь, что она удержит с таким трудом добытый кислород.

Боль в легких стихла, и резко заявила о себе боль в руке. И в тот момент, когда Тому показалось, что он больше не выдержит, жар вверху схлынул, вспышки сменились тусклым свечением.

В нескольких метрах образовалось еще одно отверстие, там он может выставить шланг между двумя водорослями, не показываясь. Том несколько раз вдохнул, потом зажал шланг. Но прежде чем он успел сделать что-нибудь еще, резкий голубой свет пронизал воду, отбрасывая вокруг отчетливые тени.

Последовал сильный толчок, и море начало швырять Тома, как рваную куклу.

Что-то большое упало в океан и привело его в движение. Корень, за который Том цеплялся, оторвался от дна, и Том оказался в водовороте бьющихся стеблей.

Мешок его сорвало. Том успел схватить его за ремень, но что-то ударило его по голове, чуть не лишив сознания. Мешок исчез в шуме и мелькающих тенях.

Том свернулся в клубок, прижимая руками маску, чтобы ее не сорвало.

Придя в себя, он смутно удивился, что еще дышит.

Тому показалось, что битва продолжается, но потом он понял, что дрожь только в его теле. А рев в ушах — только рев в его ушах.

Обожженная левая рука лежит на каком-то стебле. Пенистая зеленоватая вода покрывает

тело до подбородка, плещется о маску. Легкие болят, и воздух затхлый.

Том поднял дрожащую правую руку и сорвал маску, она повисла на шее.

Фильтры удерживали запах озона, теперь он ощущался очень сильно, но Том глубоко, благодарно вдохнул.

В последнее мгновение он решил, пожертвовав собой, вынырнуть на поверхность. К счастью, битва закончилась раньше.

Том превозмог искушение потереть горящие глаза: слизь на руках не принесет им ничего хорошего. По сигналу обратной связи хлынули слезы и смыли большую часть грязи.

Том снова мог видеть.

На севере, как обычно, дымился вулкан. Облачный покров кое-где расступался, открывая изогнутые столбы многоцветного дыма. Из водорослей выбирались маленькие существа и возобновляли свое предназначение — есть и быть съеденными. В небе больше не было видно боевых кораблей, сжигающих друг друга лучами сверхновых.

Впервые Том обрадовался однообразию этого поля водорослей. Ему даже не приходилось подниматься, чтобы видеть столбы дыма от об-

ломков. Один из таких обломков взорвался у него на глазах. Звук долетел через несколько секунд серией приглушенных кашлей и щелчков, подчеркнутых беспорядочными яркими вспышками. Темные очертания глубже ушли в воду. Том отвел взгляд. А когда посмотрел снова, не увидел ничего, кроме облаков пара. Легкий шипящий звук постепенно затих.

Повсюду плавали обломки. Том медленно поворачивался, потрясенный этой картиной уничтожения. Обломков гораздо больше, чем можно ожидать от обычной стычки в засаде.

Он рассмеялся над иронией случившегося, отчего тут же заболели легкие. Все галакты явились по ложному сигналу тревоги и принесли свою смертоносную вражду, а ведь отправлялись в спасательную экспедицию. И теперь они мертвы, а он еще жив. Не похоже на обычные капризы Ифни.

Напротив, похоже на таинственный замысел самого бога.

«Означает ли это, что я по-прежнему цел? — удивился Том. — Это было бы замечательно. Так много пиротехники, а выжил всего лишь один жалкий человек».

Наверное, ненадолго. Из-за этой схватки он

потерял почти все припасы, которые сохранил с таким трудом. Том нахмурился. Бомбы с сообщениями!

Схватился за пояс — и мир словно рухнул. Остался только один шар!

Остальные, должно быть, сорвались, когда его болтало между водорослями.

Когда правая рука перестала дрожать, Том осторожно сунул руку за пояс и извлек пси-бомбу, свою последнюю связь со «Стремительным»... с Джиллиан.

Это подтверждение... та бомба, которую он должен взорвать, если придет к выводу, что «Троянский морской конек» должен взлетать. И теперь ему предстоит решить, посылать ли это сообщение или не посылать никакого.

«Хотел бы я только знать, чей корабль открыл огонь по танду».

Спрятав бомбу, Том продолжал медленно поворачиваться. Один обломок на северо-западе похож на разбитую яичную скорлупу. От него попрежнему поднимается дым, но пожар, кажется, прекратился. Взрывов не видно, и он как будто больше не погружается.

«Ну, ладно, — подумал Том. — Это будет моей целью. Он выглядит почти целым, пригодится

для каких-нибудь нужд. Может, там найдется что-нибудь полезное. Еда. И, конечно, это убежище, если он не радиоактивен».

До обломка около пяти километров, хотя ландшафт здесь очень обманчив. Но, по крайней мере, появится какая-то цель. Тому нужно больше информации.

А обломок может ее дать.

Том подумал, идти ли «сушей», пробираясь через водоросли, или плыть под водой, от одного бассейна к другому, бросая вызов неведомым подводным существам.

Неожиданно Том услышал сзади высокий щебечущий звук, повернулся и увидел маленький космический корабль, примерно в километре от себя, медленно летящий на север низко над океаном. Мерцали его защитные поля.

Двигатели работали с перерывами.

Том натянул маску и приготовился нырнуть, но маленький корабль двигался не в его сторону. Он проходил западнее, из-под его гребней стасиса вырывались снопы искр. Уродливые черные пятна покрывали корпус, кое-где он даже расплавился.

Том затаил дыхание. Таких моделей он раньше никогда не видел. Но мог подумать о нескольких

расах, для которых характерна подобная конструкция.

Двигатели корабля закашлялись, он опустился еще ниже. Высокий звук генераторов гравитации начал слабеть.

Очевидно, экипаж понял, что корабль погиб. Он сменил курс, направляясь к острову. Том невольно посочувствовал отчаянным попыткам чужого пилота. Корабль пронесся над водорослями и скрылся за отрогом горы.

Пассат донес скрежет приземления.

Том ждал. Через несколько секунд с громом отключилось поле стасиса.

Над морем разлетелись осколки. Они с шипением падали в водоросли и медленно погружались.

Том сомневался, чтобы кто-то успел уйти.

Том принял решение. Дальней целью все-таки оставался яйцеобразный корпус, плавающий в нескольких милях. Но вначале ему хотелось осмотреть место крушения разведчика. Может, там он найдет помощь. А может, там будет пища.

Он попытался выбраться наверх, на водоросли, но обнаружил, что это трудно. Он по-прежнему дрожал.

"Ну ладно. Пойдем под водой. Наверное, это

все равно.

Остается только наслаждаться природой".

Глава 52
АККИ

Сын кровожадной миноги не отстает!

Акки устал. Металлический привкус воды смешивался с горечью желчи из переднего желудка. Молодой дельфин плыл на юго-восток. Он отчаянно нуждался в отдыхе, но знал, что не может позволить преследователю сократить расстояние.

Время от времени он видел Кта-Джона примерно в двух километрах сзади.

Гигантский темный дельфин казался неутомимым и постепенно догонял Акки.

Его дыхание конденсировалось в высокие вертикальные полосы, как инверсионные следы маленькой ракеты, и он продолжал плыть под водой.

Дыхание Акки стало неровным, он ослабел от голода. Выругался на англике и нашел это неблагозвучным. Непристойные фразы звучали на праймале гораздо колоритнее.

Он должен был обогнать Кта-Джона, хотя бы на

коротких дистанциях. Но что-то в воде действует на гидродинамические свойства его кожи. Какое-то вещество вызывает аллергическую реакцию. Обычно гладкая и эластичная, кожа стала шероховатой и бугристой. Ему кажется, что он плывет не в воде, а в густом сиропе. Акки удивлялся, почему никто об этом не докладывал. Может, это действует только на дельфинов с Калафии?

Еще одна несправедливость из множества, которые преследуют его с тех пор, как он попал на корабль.

Уйти от Кта-Джона оказалось не так легко, как он ожидал. Двигаясь на юго-восток, он должен был свернуть направо или налево и получить помощь от Хикахи и тех, кто работает в теннанинском корабле, или на острове Тошио.

Но каждый раз, когда он пытался свернуть, Кта-Джон срезал угол. Акки не может позволить ему приблизиться еще больше.

Над ним пронесся луч сонара, направленный сзади. Каждый раз, когда это происходило, Акки хотелось свернуться в шар. Неестественно для дельфина так долго преследовать другого. В прежние времена молодые дельфины, рассердившие вожака — например, они пытались совокупиться с самками из его гарема, — бывали биты или про-

таранены, но зло на них долго не держали. Акки все время сдерживал стремление остановиться и попробовать договориться с Кта-Джоном.

Но что это ему даст? Гигант явно спятил.

Преимущество в скорости утрачено из-за загадочного зуда кожи. Нырнуть и уйти под Кта-Джоном тоже не получится. Stenos bredanensis — океанические дельфины. Кта-Джон, вероятно, может нырять глубже любого другого фина на борту.

Когда Акки оглянулся в следующий раз, Кта-Джон приблизился на километр. Акки вздохнул и удвоил усилия.

Километров через пять на горизонте показался ряд островов с зелеными вершинами. Он должен продержаться до них.

Глава 53
МОКИ

Моки на самой большой скорости гнал сани на юг, пуская вперед сонар, словно звуки горна.

— …вызываю Хаоке, вызываю Моки. Говорит Хеурка-пит. Отзовитесь.

Подтвердите прием!

Моки раздраженно мотнул головой. Корабль

снова пытается связаться с ним. Моки включил передатчик и попытался говорить четко.

— Да! Что нужжжно?

Наступила пауза, затем:

— Моки, мне нужно поговорить с Хаоке.

Моки едва сдержал смех.

— Хаоке… мертв! Убит! Я гонюсь за убийцей. Скажи Такката-Джиму, что я его убью!

Англик Моки почти невозможно было понять, но он не посмел пользоваться тринари. Мог публично перейти на праймал, но к этому он еще не готов. На сонарной линии связи наступило долгое молчание. Моки надеялся, что его оставят в покое.

Когда они с Хаоке обнаружили сани этой женщины, медленно плывущие на запад, что-то в нем окончательно сломалось. Он вступил в необычное, но возбужденное состояние, в поток действий, как сон, полный насилия.

Может, они оказались в засаде, а может, это ему померещилось. Но когда все кончилось, Хаоке был мертв, а он, Моки, не испытывал никаких сожалений.

После этого его сонар нащупал новый объект, движущийся на юг. Еще одни сани. Не задумываясь, он пустился в погоню.

Снова затрещал сонар.

— Снова говорит Хеурка, Моки. Ты выходишь за пределы устойчивой связи, а радио мы по-прежнему использовать не можем. Тебе передаются два приказзза. Первый — передай Кта-Джону: немедленно возвращаться. Его задание отменяется! Второй — после этого возвращайся сссам! Это прямой приказ!

Огоньки и точки мало что значили теперь для Моки. Главное — звуковые образы, которые воспринимает его сонар. Усиленный слух вызывал у него ощущение, словно он из числа Великих Спящих. Он казался себе гигантским кашалотом, повелителем глубин, при первом же появлении которого все разбегаются.

Недалеко на юге по-прежнему приглушенный звук саней, тех самых, за которыми он гонится. Он слышит, что догоняет их.

Гораздо дальше и левее два слабых ритмичных сигнала — звуки двух быстро плывущих китообразных. Это, должно быть, Кта-Джон и этот выскочка с Калафии.

Моки с радостью отобрал бы у Кта-Джона его добычу, но это может подождать. Первый враг прямо впереди.

— Моки, ты меня слышишь? Отвечай! Ты полу-

чил приказ! Ты должжжен…

Моки с отвращением сжал челюсти. Отключил сонар на середине фразы Хеурка-пита. Он с трудом понимал этого маленького офицера. Да он никогда и не был стеносом, изучал с турсиопами кининк, старался «самоусовершенствоваться».

Моки решил, что, покончив с врагами вне корабля, займется этим типом.

Глава 54
КИПИРУ

Кипиру знал, что его преследуют. Он ожидал, что с корабля пошлют кого-то, чтобы помешать ему добраться до Хикахи.

Но его преследователь просто идиот. По звуку двигателя он слышал, что сани идут на скорости, намного превосходящей запроектированную. Чего он хочет? У Кипиру огромное преимущество, и все равно он войдет в сферу сонарной связи с корпусом теннанинца прежде, чем преследователь догонит его. Ему нужно только чуть передвинуть дроссель саней к красной черте.

Фин повсюду за ним распространяет сонарный шум, как будто оповещает всех, что он идет.

Все эти ненормальные крики мешали Кипиру

сосредоточиться и понять, что происходит на юго-востоке. Кипиру постарался блокировать шум сзади.

Два дельфина, один как будто уже совсем выбился из сил, другой еще сильный и энергичный, быстро плывут к группе сонарных теней примерно в пятидесяти километрах отсюда.

Что происходит? Кто за кем гонится?

Он слушал так сосредоточенно, что чудом избежал столкновения с подводной горой. Миновал ее с запада буквально в нескольких метрах. Тень горы мгновенно погрузила его в тишину.

Берегись мелей
Дитя турсиоп!

Он испробовал ритм-урок, потом переключился на тринари-хайку.

Эхо берега
Подобно плывущим перьям,
Сброшенным пеликаном!

Кипиру посмеялся над собой. Дельфины — хорошие пилоты, именно эта способность столетие назад привела их на космический корабль, а он — один из лучших. Так почему же сорок километров под водой для него труднее пятидесятикратной

скорости света в водовороте дыры?

Его сани вышли на открытую воду. С юго-востока снова донесся сигнал двоих быстро плывущих китообразных.

Кипиру сосредоточился. Да, преследователь стенос, очень крупный. И со странным рисунком поискового сонара.

А тот, что впереди…

«Это Акки, — подумал Кипиру. — Малыш в беде. В большой беде».

И тут прямой сфокусированный луч сонара сзади чуть не оглушил его.

Кипиру пробормотал проклятие и покачал головой, чтобы лучше слышать.

Он чуть не повернул, чтобы заняться своим преследователем, но теперь он знает, что должен плыть вперед.

Кипиру чувствовал себя между двух огней. Строго говоря, его долг — доставить сообщение Хикахи. Но оставить без помощи гардемарина — в нем все восставало против этой мысли. Малыш устал. Преследователь явно догоняет его.

Но если он повернет на восток, то позволит своему преследователю приблизиться…

И еще — он должен отвлечь Кта-Джона, заставить его повернуть.

Он офицер. Он владеет кининком. Но принять логичное решение не может.

Он хотел бы, чтобы рядом оказался какой-нибудь далекий прапраправнук.

Зрелый и логичный дельфин, который мог бы сказать своему грубому полуживотному предку, что делать.

Кипиру вздохнул.

«Почему я решил, что мне позволят иметь прапраправнуков?» Он решил не отступать от своих принципов. Резко повернул сани влево и еще на одно деление передвинул дроссель к красной черте.

Глава 55
ЧАРЛЗ ДАРТ

Один из двух землян в помещении — человек — рылся в ящиках шкафа и с отвлеченным видом швырял вещи в открытый чемодан на кровати. В то же время он слушал шимпанзе.

— ...зонд опустился на два километра. Радиоактивность быстро увеличивается, и температурный градиент тоже. Я не уверен, что зонд продержится еще двести метров, но ствол продолжается!

— Теперь я абсолютно уверен, что какая-то технологическая раса выбрасывала свои отходы — и недавно! Не больше сотен лет назад!

— Это очень интересно, доктор Дарт. Действительно. — Игнасио Метц старался не показывать своего раздражения. Приходится быть терпеливым с шимпами, особенно с Чарлзом Дартом. Но все же очень трудно собираться, когда шимп говорит без умолку, взгромоздившись на стул.

Дарт, ничего не замечая, продолжал:

— Если за что-то я и ценю Тошио, хотя этот парень такой нерасторопный, так это за их совместную работу с Сахотом, ленивым дельфином-лингвистом! Я получал хорошие данные, пока не взорвалась эта проклятая бомба Тома Орли и Сахот не начал вопить о «голосах» снизу!

Проклятый фин спятил…

Метц разбирал свое имущество.

«Где же мой синий наземный костюм? Да я его уже уложил. Посмотрим. Копии всех моих записей уже погружены в лодку. Что осталось?»

— …я сказал, доктор Метц.

— Гм? — Метц быстро поднял голову. — Простите, доктор Дарт. Все эти неожиданные перемены. Я уверен, вы понимаете. Что вы сказали?

Дарт раздраженно застонал.

— Я сказал, что хочу идти с вами! Вам эта поездка, может быть, кажется изгнанием, но для меня она спасение! Я должен быть вместе с моей работой! — Он застучал кулаком по стене и показал два ряда больших желтоватых зубов. Метц задумался на мгновение, покачивая головой. Изгнание? Может, так считает Такката-Джим. Конечно, он и Джиллиан — все равно что вода и масло.

Джиллиан намерена решительно довести до конца план Орли и Крайдайки — «Троянского морского конька». Такката-Джим столь же решительно сопротивляется этому.

Метц соглашался с Такката-Джимом и удивился, когда лейтенант кротко отказался от исполнения обязанностей капитана на совете корабля; исполняющим обязанности капитана до возвращения Хикахи назначили Джиллиан.

Это означало, что план «Морской конек» будет осуществляться. Через несколько часов «Стремительный» уходит в подводное путешествие.

Если приманка сработает, Метц с удовольствием уйдет с корабля. Баркас просторен и достаточно удобен. В нем и его записи будут в безопасности.

Данные о его уникальном эксперименте с тече-

нием времени дойдут до Земли, даже если… если «Стремительный» погибнет, пытаясь уйти.

К тому же он сможет присоединиться к Дэнни Судман в изучении кикви.

Метцу не терпелось взглянуть на предразумных.

— Вам следовало поговорить об этом с Джиллиан, Чарли, — покачал он головой. — Она позволила нам взять с собой ваш новый робот. Попросите ее.

— Но вы и Такката-Джим пообещали, что если я поддержу вас на совете и если до того не проболтаюсь Тошио…

Шимп смолк, увидев выражение лица Метца. Потом поджал губы и встал.

— Ну все равно спасибо! — проворчал он, направляясь к выходу.

— Послушайте, Чарли…

Дарт вышел в коридор. Удар двери отрезал последние слова Метца.

Шимп пошел по изгибающемуся коридору, упрямо наклонив голову.

— Я должен быть там! — ворчал он. — Любым способом.

Глава 56
САХОТ

Когда Джиллиан впервые попросила его попытаться поговорить с Крайдайки, первой его мыслью было отказаться.

— Знаю, знаю, — согласилось ее крошечное изображение, — но вы единственный, кого я могу оторвать от работы и кто достаточно подготовлен.

Сформулируем по-другому. Вы единственный можете с этим справиться.

Крайдайки явно в сознании, но говорить не может! Нам нужно связаться с неповрежденными частями его мозга. А вы специалист.

Крайдайки никогда не нравился Сахоту. И рана, которую получил капитан, пугала Сахота. Но все же это вызов его тщеславию.

— А как же Чарлз Дарт? Он подгонял меня и Тошио так, что у нас отвисали плавники, и его работа — главная на нашей линии.

Лицо Джиллиан на маленьком экране выглядело очень усталым.

— Теперь нет. Мы шлем с Такката-Джимом и

Метцем новый зонд, который Дарт сможет контролировать сам через коммуникатор. До этого времени его проект занимает последнее место. Понятно?

Сахот в знак согласия громко хлопнул челюстями. Хорошо иметь решительного предводителя. При том, что руководителем стал человек, достойный уважения, по мнению Сахота.

— Насчет Метца и Такката-Джима…

— Я все передала Тошио, — сказала Джиллиан. — А он сообщит вам при первой возможности. Вся власть на острове сейчас в его руках. А вы должны безропотно ему повиноваться. Ясно?

Даже в стрессовых ситуациях Джиллиан никогда не забывается. Сахоту это нравилось.

— Вполне. Теперь относительно резонанса, который я получаю от коры планеты. Что мне делать? Насколько мне известно, это совершенно беспрецедентное явление! Можете попросить кого-нибудь посмотреть для меня в Библиотеке?

Джиллиан нахмурилась.

— Вы утверждаете, что резонанс явно разумного происхождения приходит из глубины коры Китрупа?

— Совершенно верно.

Джиллиан закатила глаза.

— Ифни! Исследование этой планеты в мирной и спокойной обстановке потребовало бы десяти лет работы дюжины исследовательских кораблей! Она покачала головой. — Нет. Мне кажется, что какая-то своеобразная скальная формация внизу отражает излучения битвы, происходящей над нами. Но это сейчас не самое важное: вначале безопасность, кикви и разговор с Крайдайки. У вас и без того полно дел.

Сахот решил не возражать. Жаловаться сейчас — значит получить прямой приказ Джиллиан держаться подальше от робота. Пока она этого не сказала, поэтому нужно держаться потише.

— Теперь насчет вашего выбора, — напомнила Джиллиан. — Если «Стремительный» попытается прорваться, мы вышлем скиф за Томом и теми с острова, кто захочет присоединиться к нам. Вы можете прилететь на нем или остаться с Метцем и Такката-Джимом и переждать в баркасе. О своем решении сообщите Тошио.

— Понимаю. Я подумаю. — Почему-то этот вопрос казался теперь не таким важным, каким был бы несколько дней назад. Повлияли звуки снизу.

— Если останусь, пожелаю вам удачи, — добавил он.

— И вам также, — Джиллиан улыбнулась. — Вы

странный парень, но если мы доберемся домой, я похлопочу, чтобы вам позволили иметь кучу внуков. — Она отключилась, и ее изображение исчезло с экрана.

Сахот смотрел на пустой экран. Похвала, совершенно неожиданная, застигла его врасплох. И несколько бродивших поблизости кикви очень удивились, увидев, как большой дельфин встал на хвост и заплясал в маленьком бассейне.

Быть замеченным
Горбачом,
Получишь похвалу
За то, что я – я.

Глава 57
ДЭННИ И ТОШИО

— Я боюсь.

Не задумываясь, Тошио положил руку на плечо Дэнни и успокаивающе пожал.

— Чего? Бояться нечего.

Дэнни оторвалась от бурунов, чтобы посмотреть, серьезен ли он. Потом поняла, что он над ней посмеивается, И высунула язык.

Тошио глубоко вдохнул и почувствовал удо-

влетворение. Ему было неясно, куда заведут их новые отношения. Во-первых, это не физические отношения.

Ночью они спят вместе, в одежде. Тошио знал, что это будет его раздражать, и оказался прав. Но это огорчило не так сильно, как он ожидал.

Так или иначе, что-то произойдет. Сейчас Дэнни нужен кто-то рядом.

Приятно быть ей полезным.

Может быть, потом она опять будет считать его мальчиком, на четыре года моложе. Но он сомневался в этом. Теперь она чаще касается его, держит за руку, в притворном гневе колотит кулаком, даже когда воздействие пси-бомбы уже не чувствуется.

— Когда они придут сюда на баркасе? — Дэнни снова посмотрела на океан.

— Завтра, во второй половине дня, — ответил Тошио.

— Такката-Джим и Метц хотят вступить в переговоры с ити. Что остановит их, если они нарушат приказ и все-таки попробуют?

— Джиллиан дает им энергии, только чтобы добраться сюда. У них есть регенератор, так что за месяц они смогут подзарядиться для космического перелета, но к тому времени, так или иначе,

«Стремительного» уже не будет.

Дэнни слегка вздрогнула.

Тошио отругал себя за бестактность.

— У Такката-Джима не будет радио. Я буду охранять наше, пока за нами не придет скиф. Да и что он может предложить галактам? У него нет карт, на которых помечен брошенный флот.

— Я думаю, они с Метцем переждут, пока все не улетят, а потом уйдут на Землю с записями огребать награды.

Дэнни взглянула на первые звезды долгих китрупских сумерек.

— А ты вернешься? — спросила она.

— «Стремительный» — мой корабль. Слава богу, Крайдайки жив. Но даже если он уже не мой капитан, я все равно в долгу перед ним и другими офицерами корабля.

Дэнни мельком посмотрела на него, кивнула и снова посмотрела на море.

«Она думает, что у нас нет ни шанса, — понял Тошио. — Может, она права. Надев на себя для маскировки корпус теннанинского боевого корабля, мы будем тихоходны, как калафианский мусорщик. И даже обманутые галакты — совсем не радостная неожиданность. Они хотят захватить „Стремительный“, но не станут удерживать

огонь, когда увидят, что разбитый враг снова поднимается в небо. Чтобы план сработал, поблизости должны быть другие теннанинцы».

«Но ведь мы не можем просто сидеть здесь и ждать. Если мы так поступим, галакты поймут, что с землянами можно справиться. Мы не можем позволить кому-то безнаказанно гонять наш исследовательский корабль».

Дэнни казалась встревоженной. Тошио сменил тему:

— Как твой доклад?

— О, я думаю, все в порядке. Ясно, что кикви настоящие предразумные.

Состояние невозделанности длится уже очень долго. Некоторые еретики-дарвинисты решили бы, что они готовы самостоятельно получить разум. Кое-какие признаки его они уже проявляют.

Стоики от науки по-прежнему считают, что предразумная раса может вступить в стадию космического разума исключительно в процессе эволюции, без вмешательства патронов. Большинству галактов такая мысль кажется нелепой и странной, но неспособность найти предполагаемых благодетелей человечества принесла этой теории немало сторонников. — А как металлические острова? — спросил Тошио о предмете

другого исследования Дэнни, начатого по требованию Чарлза Дарта в первую очередь.

Теперь Дэнни, заинтересовавшись, продолжала исследование по своей инициативе.

Дэнни пожала плечами.

— Остров живой. Профессиональный биолог во мне отдал бы левую руку, чтобы остаться на острове на год и изучать его, имея необходимое оборудование!

— Поедающие металл кораллы, дерево-сверло, живая кора острова — все это симбионты. В сущности, это органы одного гигантского существа! Если я закончу свой отчет, я стану знаменитой… если, конечно, мне поверят.

— Поверят, — убежденно сказал Тошио. — И ты будешь знаменитой.

Он жестом показал, что пора возвращаться в лагерь. У них совсем немного времени для прогулки и разговора. Теперь, когда распоряжается он, нужно строго следить за выполнением расписания.

Когда они повернули к лагерю, Дэнни держала его за руку. Сквозь шум ветра в листве доносились писки туземцев, они поднимались, отдохнув после обеда, и готовились к ночной охоте.

Дэнни и Тошио молча пошли по узкой тропе.

Глава 58
ГАЛАКТЫ

Крат медленно лизала свой брачный коготь, не обращая внимания на существ, которые торопливо убирали кровавое месиво в углу.

Будут неприятности. Высший совет пила выразит протест.

Конечно, как адмирал, она имеет право поступать с подчиненными по своему усмотрению. Но традиция не одобряет, когда старшего библиотекаря разрывают на части только за то, что он принес дурные новости.

«Старею, — поняла она. — А дочь, на которую я надеялась, ждала, что именно она сместит меня, теперь мертва. Кто теперь окажет мне честь и уничтожит, прежде чем я начну допускать ошибки и стану опасна для клана?» Останки маленького пушистого существа унесли, и крепкий паха затирал кровь. Остальные пила глядели на нее.

«Пусть смотрят. Когда захватим землян, это уже не будет иметь значения. Пила больше не будут нашими союзниками. Они снова станут по-на-

стоящему нашими, мы сможем переделывать их, как раньше».

— Все за работу! — Она щелкнула брачным когтем. Экипаж разбежался по своим местам, все начали ликвидировать последствия битвы с танду.

«Думай, мать соро. Можешь ли ты послать еще корабли на планету? В этот адский вулкан, куда все флоты уже посылали свои корабли — на битву и смерть?»

Никаких губру тут не должно быть! Но поврежденный корабль губру оказался в том месте, откуда шел призыв о помощи. И превратился в груду развалин вместе с истребителем танду, кораблем Притил номер шестнадцать и двумя другими кораблями, которые не смог опознать даже ее боевой компьютер. Возможно, один из них — уцелевший корабль Братьев Ночи, скрывавшийся на одном из спутников Китрупа.

А тем временем последняя битва с союзом танду превратилась в кровавую ничью. У соро по-прежнему небольшое преимущество, поэтому уцелевшие корабли теннанинцев сохраняют верность своим союзникам танду.

Должна ли она рискнуть еще одной стычкой? Если танду победят, это будет ужасно! Получив

власть, они уничтожат множество прекрасных видов, которыми с удовольствием занялись бы соро.

Она решила, что теннанинцы переметнутся, как только окажутся перед выбором.

— Отдел стратегии! — рявкнула она.

— Мать флота? — Воин-паха приблизился, но остановился на почтительном расстоянии. И осторожно взглянул на нее.

Если будет возможность, она заложит уважение в гены паха так глубоко, что его ничто не сотрет.

Она выпустила когти, и паха невольно отступил.

— Определи, какие корабли нам меньше всего нужны. Построй их. Мы снова начинаем разведку планеты.

Паха отсалютовал и быстро вернулся на место. Крат поудобней уселась на своей влетуровой подушке.

«Нужно отвлечься, — подумала она. — Может, еще одна экспедиция к вулкану заставит теннанинцев нервничать, а танду — думать, что мы что-то знаем».

«Конечно, — напомнила она себе, — танду и сами могут знать то, чего не знаем мы».

Глава 59
КРАЙДАЙКИ

Далеко
Они зовут
Гиганты,
Духи ОКЕАНА,
Левиафаны.

Крайдайки начинал понимать… начинал понимать…

Старые боги — отчасти воображение, отчасти видовая память, отчасти призраки… и еще что-то… что-то такое, чего инженер никогда не должен позволить своим глазам видеть, а ушам — слышать…

Далеко
Они зовут
Левиафаны

Еще нет. Еще нет, нет. У Крайдайки есть долг, есть долг. Больше не инженер — но Крайдайки остается астронавтом. Он не бесполезен, он сделает что сможет, сделает, поможет.

Поможет спасти свой экипаж, свой корабль...

Глава 60
ДЖИЛЛИАН

Она хотела потереть глаза, но мешала маска. Очень многое еще нужно сделать.

Фины приплывали и уплывали, проплывали мимо, чуть не опрокидывая ее, торопливо докладывали и тут же исчезали выполнять ее приказы.

"Надеюсь, Хикахи скоро вернется. Я неплохо справляюсь, вероятно, но я не офицер космического корабля. У нее специальная подготовка, чтобы руководить экипажем.

Хикахи даже не знает, что она капитан, — думала Джиллиан. — И, как бы мне ни хотелось, чтобы быстрее заработала линия связи, я боюсь сообщать ей эту новость".

Она написала короткую записку Эмерсону Д'Аниту, и последний курьер отправился в машинное отделение. Джиллиан повернула к шлюзу, Ватгасети все время держался рядом.

В отсеке две группы финов: одна у выходного шлюза, другая у баркаса.

Нос маленького космического корабля почти

касался диафрагмы выхода. Корма исчезала в металлическом чехле в задней стене отсека.

«Когда баркас уйдет, отсек здорово опустеет», — подумала Джиллиан.

Ее заметил фин у шлюза и поплыл навстречу. Резко остановился перед ней и приподнялся в стойке внимания.

— Сторожевые и разведчики готовы к отплытию, ждут вашего приказа, Джиллиан, — сказал он.

— Спасибо, Заа'фт. Скоро. По-прежнему никаких сообщений от группы ремонтирующих линию или от Кипиру?

— Нет, сссэр. Курьер, которого вы отправили вслед за Кипиру, должен скоро добраться до разбитого корпуса.

Как это раздражает. Такката-Джим перерезал линию, ведущую к теннанинцу, и теперь кажется невозможным найти разрыв. Не в первый раз она прокляла способность моноволоконного провода так хорошо скрываться.

Любая катастрофа могла произойти с группой в том самом месте, куда она собирается переместить «Стремительный».

Но детекторы извещают, что бой в космосе продолжается почти так же яростно, как раньше.

Но что-то удерживает Тома. Он должен был взорвать информационную бомбу, когда ити явятся исследовать его призыв о помощи. Но после этого подложного призыва ничего не было.

Вдобавок проклятый Нисс не желает с ней разговаривать. Он не приводит в действие тайный сигнал в ее кабинете, который обозначал бы чрезвычайное положение, но каждый раз, когда она пользуется коммуникатором, ей слышится слабый щелчок — машина не расположена разговаривать.

От этого хочется просто забраться в постель и ни на что не реагировать.

Возникла неожиданная суматоха. Из стенного громкоговорителя раздался сигнал на тринари, за ним долгое изложение на искаженном англике.

— Сссэр! — быстро повернулся к ней Заа'фт. — Докладывают…

— Я слышала. — Она кивнула. — Линия восстановлена. Поблагодарите от меня группу и дайте несколько часов отдыха. Потом попросите Хеурка-пита немедленно связаться с Хикахи. Пусть он объяснит ей ситуацию и сообщит, что мы начинаем перемещать корабль в 21.00, если она не возражает. Я скоро свяжусь с ней.

— Есть, сссэр! — Заа'фт повернулся и уплыл.

Ватгасети молча смотрел на нее.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Выпустим Такката-Джима и Метца. Вы уверены, что выгружено все, чего нет в их списке, и осмотрено все, что изгнанники берут на борт?

— Да. У них даже плавникового пистолета нет. Нет радио, а топлива хватит только до острова.

Несколько часов назад Джиллиан сама осматривала лодку, пока Такката-Джим и Метц упаковывали свои вещи. И приняла еще несколько мер предосторожности, о которых никому не рассказывала.

— Кто идет с ними?

— Три добровольца, все — «странные» стеносы. Самцы. Мы обыскали их вплоть до пенисного чехла. Они чисты и теперь в баркасе, готовы к выходу.

Джиллиан кивнула.

— Давайте избавимся от них и займемся другими делами.

Она уже думала о том, что скажет Хикахи.

Глава 61

ХИКАХИ И СВЕССИ

— Помните, — сказала она Тшут и Свесси, — необходимо любой ценой сохранять радиомолчание. И постарайтесь, чтобы эти спятившие фины не съели в первые же дни все припасы на борту.

Тшут согласно щелкнула челюстями, хотя в глазах ее читалось сомнение.

Свесси сказал:

— Вы уверены, что не хотите, чтобы кто-нибудь из нас пошел с вами?

— Уверена. Если меня ждет катастрофа, не хочу, чтобы со мной гибли другие. Если найду выживших, мне может потребоваться все пространство. В любом случае скиф движется сам. Мне нужно только приглядывать за ним.

— Но вы не можете сражаться, управляя кораблем, — заметил Ханнес.

— Если со мной будет стрелок, я могу вступить в схватку. Поэтому я и убегаю. «Стремительный» погиб или захвачен, и я должна вернуться на скифе, иначе все вы здесь обречены.

Свесси нахмурился, но вынужден был с ней согласиться. Он был благодарен Хикахи, что она задержалась и позволила воспользоваться энергией скифа, чтобы закончить приготовления в

корпусе.

«Мы все тревожимся о „Стремительном“ и о капитане, — подумал он. — Но что испытывает Хикахи?»

— Ну, ладно. До свидания и удачи, Хикахи. Пусть Ифни будет к вам благосклонна.

— Того же и вам обоим. — Хикахи осторожно зажала руку Свесси в зубах, то же самое проделала с левым грудным плавником Тшут.

Тшут и Свесси помогли ей забраться в шлюз маленького корабля. Потом отвели свои сани к зияющему отверстию в корпусе затонувшего чужого крейсера.

С низким гулом включился двигатель скифа. Он отразился от гигантского утеса, нависшего над местом крушения.

Маленький космический корабль медленно двинулся на восток, постепенно набирая под водой скорость. Хикахи избрала кружный путь, прежде чем повернуть к убежищу «Стремительного». В течение двух дней она будет без связи, зато не удастся проследить, откуда она приплыла, если на месте «Стремительного» в засаде ждет враг. Они смотрели, как лодка исчезает во тьме. Свесси давно уже ничего не слышал. Наконец Тшут медленно махнула хвостом вслед затиха-

ющему звуку.

Два часа спустя, когда Ханнес впервые за двое суток лег отдохнуть, самодельный интерком у его матраца ожил.

«Больше никаких дурных новостей», — вздохнул Ханнес.

Закрывая одной рукой глаза, он включил прибор.

— Да? — просто спросил Свесси.

Это Лаки Каа, молодой техник-электроник и младший пилот. Голос его звучал возбужденно.

— Сэр! Тшут говорит, что вы должны немедленно прийти! Это корабль!

Свесси приподнялся на локте.

— «Стремительный»?

— Да. Связь восстановлена. Они хотят немедленно поговорить с Хикахи.

Руки Свесси стали ватными. Он упал на матрац и застонал.

"Вот беда-то! Никакой сонар теперь до нее не дотянется!

В такие минуты я жалею, что не умею болтать по-дельфиньи, как Том Орли. Может быть на тринари я сумел бы сказать, что думаю об этой вселенной, достаточно иронично и вульгарно".

Глава 62
ИЗГНАННИКИ

Баркас гладко скользнул сквозь шлюз в синие сумерки китрупского океана.

— Вы направились не туда, — заметил Игнасио Метц, когда диафрагма закрылась за ними. Вместо того чтобы повернуть на восток, лодка по спирали направилась вверх.

— Всего лишь небольшой маневр, доктор Метц, — успокоил его Такката-Джим. — Сникаджо, передай на «Стремительный», что я проверяю готовность механизмов. Помощник пилота начал свистеть своему напарнику на корабле. В ответ послышались гневные щелчки сонара. «Стремительный» тоже заметил смену курса.

Метц находился за Такката-Джимом и чуть выше. Вода доходила до пояса.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Привыкаю к приборам…

— Ну смотрите. Вы идете прямо на буи обнаружения!

Метц недоуменно смотрел, как корабль устремился прямо на группу дельфинов, работающих

у буев. Дельфины рассыпались в стороны с гневными криками, корабль ударился в буи. Осколки металла застучали по носу и упали в темноту.

Такката-Джим, казалось, ничего не заметил. Он спокойно повернул маленький корабль и на небольшой скорости повел его на восток, к острову — цели назначения.

Пищал сонар. Доктор Метц покраснел. Воспитанные дельфины не должны пользоваться такими выражениями!

— Передай, что это случайность, — сказал Такката-Джим помощнику. — Приборы не слушались, но теперь все под контролем. Мы следуем под водой к острову, как приказано.

Баркас вошел в узкое ущелье, оставив позади ярко освещенную подводную долину и «Стремительного» на ней.

— Случайность, клянусь мошонкой моего волосатого дяди Фреда!

Эти слова сопровождались гоготом.

— Знаете, Такката-Джим, я догадывался, что вы не уйдете, не уничтожив предварительно улики.

Доктор Метц, борясь со своими привязными ремнями, повернулся.

— Чарлз Дарт! Что вы здесь делаете?

В открытом теперь шкафу для оборудования

сидел на полке улыбающийся шимпанзе в космическом скафандре.

— Небольшая личная инициатива, доктор Метц! Обязательно отметьте в журнале. Меня должны похвалить за это. — И он опять заготовал.

Такката-Джим на мгновение развернулся и посмотрел на шимпа. Потом фыркнул и вернулся к приборам управления.

Чарли явно собирался с силами, чтобы спуститься в воду, хотя и был в скафандре. Опустился по шлем.

— Но как?.. — начал Метц.

Чарли достал из ящика большой водонепроницаемый мешок и положил на сиденье рядом с Метцем.

— Я воспользовался дедукцией, — сказал он, взбираясь на сиденье. — Я решил, что парни Джиллиан будут следить только за стеносами. Почему бы, подумал я, не пробраться в лодку путем, который они и не догадаются проверить?

Глаза Метца распахнулись.

— Муфта! Вы пробрались через вспомогательный рукав, который использовали строители на Земле, потом через панель доступа к лодке и оттуда к двигателям…

— Верно! — Чарли улыбался, расстегивая костюм.

— Вам пришлось воспользоваться ключом, чтобы снять плиты в стене рукава. Ни один дельфин не способен на это в ограниченном пространстве, поэтому никто и не додумался.

— Конечно.

Метц сверху донизу оглядел Чарли.

— Вы прошли вплотную с двигателями. Не сварились?

— Гм. Радиометр костюма говорит, что излучение невелико. — Чарли насмешливо подул на кончики пальцев. Метц улыбнулся.

— Действительно, редкая изворотливость, доктор Дарт! Добро пожаловать на борт. Я буду очень занят, изучая кикви, чтобы должным образом следить за вашим роботом. Теперь вы сами займетесь этим.

Дарт энергично кивнул.

— Поэтому я здесь.

— Отлично. Может, сыграем в шахматы?

— С удовольствием.

Они откинулись, глядя на проплывающий мимо подводный хребет.

Посматривали друг на друга и начинали смеяться. Стеносы молчали.

— Что в мешке? — Метц указал на большую сумку Чарли.

Дарт пожал плечами.

— Личные вещи, инструменты. Немного и по-спартански необходимое.

Метц кивнул. Приятно иметь в спутниках шимпанзе. Дельфины, конечно, отличные парни. Но старейшая раса клиентов человека известна своей разговорчивостью. К тому же дельфины очень плохо играют в шахматы.

Час спустя Метц припомнил первые слова Чарли на борту. Что имел в виду шимп, говоря об уничтожении улик? Очень странное высказывание.

Он задал этот вопрос Дарту.

— Спросите лейтенанта, — предложил Чарли. — Он как будто понял, что я имею в виду. Мы с ним разговариваем неохотно, — проворчал он.

Метц энергично кивнул.

— Спрошу. Как только высадимся на остров.

Глава 63
ТОМ ОРЛИ

В спутанной тени под ковром водорослей он осторожно передвигался от одного отверстия к

другому. Маска позволяла надолго задерживать дыхание, особенно когда он оказался вблизи острова и искал выход на берег. Наконец, когда оранжевое солнце Китрупа ушло за облака на западе, Том выбрался на берег. Длинный китрупский день протянется еще немного, но ему не хватало теплых прямых лучей солнца. Том вздрогнул от холода, выбираясь в разрыв между водорослями на скалистый берег. На четвереньках отполз на несколько метров от воды и тяжело опустился на грубый базальт. Потом спустил на шею маску.

Остров словно медленно раскачивался, как пробка на поверхности моря.

Пройдет некоторое время, прежде чем он снова привыкнет к твердой почве под ногами. «Именно столько, чтобы закончить дело и снова вернуться в воду», — иронично подумал он.

Он стер с плеч зеленую слизь и опять вздрогнул от испарения.

Да еще голод.

Но по крайней мере голод заставляет забыть о сырости и холоде. Том подумал, не съесть ли последний пищевой брикет, но решил подождать. В пределах тысячи километров это вся его еда, конечно, если он ничего не найдет в обломках

чужого корабля.

С того места, где на отроге горы разбился маленький разведчик, все еще поднимается дым. Тонкая струйка, уходя вверх, смешивается с дымом вулкана. Изредка Том слышит его ворчание.

«Ну, ладно. Пора двигаться».

Он подтянул ноги и оттолкнулся.

Мир вокруг неуверенно раскачивался. Но все же Том приятно удивился, обнаружив, что стоит без особого труда.

«Наверное, Джилл права, — подумал он. — И у меня есть резервы, о которых я и не подозревал».

Он повернул направо, шагнул и чуть не упал. Пришел в себя и побрел по скалистому склону, благодарный опутавшим руки водорослям. Приходилось цепляться за края скал, острые, как оббитый кремень. Шаг за шагом, и вот он уже у источника дыма.

Перевалив через небольшой подъем, он увидел обломки.

Разведчик разбился на три куска. Кормовая часть погрузилась, только ее край виднелся из углубления, заполненного растительностью. Том проверил показания радиометра на краю маски. Если понадобится, он выдержит такую дозу в течение нескольких дней.

Передняя часть корабля раскололась в длину, выбросив на каменную полосу содержимое рубки. Огонь плясал на металлических переборках, разорванных и изогнутых, как мягкая конфета.

Том подумал, не достать ли игольник, но решил, что лучше оставить обе руки свободными. Вдруг упадет.

«Внешне нетрудно, — подумал Том. — Спущусь и осмотрю эту проклятую штуку. Шаг за шагом».

Он начал осторожно спускаться и проделал это без происшествий.

Смотреть было не на что.

Том узнавал в обломках части различных механизмов. Однако среди них не нашлось ничего нужного ему.

И никакой пищи.

Повсюду большие изогнутые листы металла. Том подошел к одному, как будто остывшему, и попытался поднять. Слишком тяжелый. Приподняв его дюйма на два, Том вынужден был бросить.

Положил руки на колени и ненадолго застыл, тяжело дыша.

В нескольких метрах большая груда плавника. Том подошел к ней и вытащил несколько толстых высохших стеблей водорослей. Прочные,

но слишком упругие, чтобы использовать как рычаги.

Том чесал щетину и думал. Посмотрел на море, до самого горизонта затянутое зловонными скользкими растениями. И наконец начал собирать сухие водоросли в две груды.

Когда стемнело, он сидел у костра и плел из ветвей два больших веера, немного похожих на теннисные ракетки с петлей внизу. Том не был уверен, что они сработают, как ему нужно, но завтра он проверит.

Чтобы забыть о голоде, он негромко напевал на тринари. Свист колыбельной отражался эхом от ближайшего утеса.

Руки и огонь?
Руки и огонь!
Пользуйся, пользуйся ими,
Чтобы подняться выше!

Сны и песни?
Сны и песни!
Пользуйся, пользуйся ими,
Чтобы прыгнуть дальше!

Неожиданно Том остановился и наклонил голо-

ву. Через несколько мгновений извлек игольник из кобуры.

Слышал ли он звук? Или показалось?

Он неслышно откатился от огня и скорчился в тени. Смотрел в темноту, как дельфин, стараясь прислушаться к очертаниям предметов. Пригнувшись, перебегая от укрытия к укрытию, двинулся по усеянной обломками полоске.

— Бпаркиимклеф аннатан п'кленно. В'хуминф?

Том нырнул за обломок корпуса и перекатился. Дыша открытым ртом, чтобы было тише, он прислушался.

— В'хумин кент'тун ф?

Голос как будто отражается от металла… из-под большего куска корпуса? Кто-то пережил крушение? Кто бы мог подумать?

Том позвал:

— Биркех'клеф. В'хуман идес'к. В'теннан'клеф ф?

Он ждал. И когда из темноты донесся ответ, Том встал и побежал.

— Идатесс. В'теннан'клиф…

Том снова нырнул и прижался к обломку металла. Выглянул и быстро осмотрелся.

И направил пистолет прямо в большое лицо рептилии всего в метре от себя. Лицо сморщилось

в слабом звездном свете.

До этого Том только однажды встречался с теннанинцами и неделю изучал их в университете Катреннлина. Существо наполовину зажато большой изогнутой металлической плитой. Том понял, что оно в агонии. Руки и спина разведчика разбиты куском корпуса.

— В'хумин т'баррчит па…

Том приспособился к диалекту. Теннанинец говорит на версии галактического-шесть.

— …не стал бы убивать тебя, человек, даже если бы мог. Хочу убедить тебя, чтобы ты подошел ко мне и отвлек на время.

Том сунул пистолет в кобуру и, скрестив ноги, сел перед пилотом.

Придется вежливо выслушать и покончить с его мучениями, если он попросит о такой милости.

— Я печалюсь, что не могу помочь тебе, — ответил Том на галактическом номер шесть. — Хотя ты мой враг, я никогда не считал теннанинцев злыми.

Существо снова сморщилось. Его гребень попеременно то вставал, касаясь металлической крыши, то опадал.

— И мы не считаем, что хуман'влеч безнадеж-

ны, хотя они упрямы, дики и безответственны.

Том поклонился на этот своеобразный комплимент.

— Я готов оказать тебе услугу прекращения, если хочешь, — предложил он.

— Ты добр, но не таков наш обычай. Я подожду, пока боль не уравновесится с жизнью. Великие Призраки найдут меня храбрым.

Том опустил взгляд.

— Да, они сочтут тебя храбрым.

Теннанинец дышал тяжело, закрыв глаза. Том протянул руку к поясу.

Коснулся выпуклости — информационной бомбы.

"Ждут ли они, там, на «Стремительном»? — подумал он. — Может, не получив от меня сообщений, Крайдайки решил улететь?

Я должен знать, что происходит в битве над Китрупом".

— Ради беседы и отвлечения, — предложил он, — не обменяться ли вопросами?

Теннанинец открыл глаза. В них было что-то похожее на благодарность..

— Хорошая мысль. Как старший, я начну. Я буду задавать простые вопросы, чтобы ты не напрягался.

Том пожал плечами..

«Библиотека у нас уже почти триста лет. За нами шесть тысячелетий сложной цивилизации. И все же все по-прежнему считают людей невежественными дикарями».

— Почему вы от Морграна не направились в более безопасную гавань? — спросил разведчик. — Земля не может защитить вас, даже с помощью этих мошенников-тимбрими, которые ведут вас неправедными путями. Но Отрекшиеся сильны. У нас вы были бы в безопасности. Почему вы не пришли к нам в руки?

Ему все кажется таким простым! Если бы было так. Если бы существовал могущественный союз, к которому можно было бы обратиться и который не затребовал бы больше, чем может заплатить «Стремительный» или вся Земля.

Как сказать теннанинцу, что его Отрекшиеся нисколько не лучше остальных фанатиков. — Наша политика — никогда не поддаваться на угрозы, — ответил Том. — Никогда. История учит нас ценить эту традицию гораздо больше, чем можно представить себе по записям Библиотеки. Наше открытие мы передадим только галактическим Институтам, и сделают это только руководители Совета Земли.

При упоминании об «открытии» «Стремительного» на лице теннанинца отразился искренний интерес. Но он ждал своей очереди, давая возможность Тому задать вопрос.

— Теннанинцы вверху побеждают? — беспокойно спросил Том. — Я видел танду. Кто побеждает в небе?

Через дыхательные жабры пилота со свистом проходил воздух.

— Славные терпят поражение. Убийцы танду процветают, язычники соро многочисленны. Мы мешаем, где можем, но Славные терпят поражение. Добычу получат еретики.

Не очень тактично, учитывая, что часть «добычи» сидит рядом. Том негромко выругался. Что же ему делать? Кое-кто из теннанинцев уцелел, но может ли он передать Крайдайки, что это повод приступать к действиям?

Нужно ли прибегать к обману, который даст им слишком слабых союзников?

Теннанинец тяжело дышал.

И хотя была не его очередь, Том задал следующий вопрос:

— Тебе холодно? Я передвину сюда костер. К тому же я должен кое-что сделать, пока мы разговариваем. Прости младшему патрону, если я

оскорбил тебя.

Теннанинец посмотрел пурпурными кошачьими зрачками.

— Вежливо сказано. Нам говорили, что у людей нет манер. Может, вы просто не обучены, но намерения у вас хорошие…

Теннанинец чихнул и выдул песок из своих дыхательных жабр, а Том быстро передвинул лагерь. В мерцающем свете теннанинец вздохнул.

— Правильно, что, умирая на примитивной планете, я согреваюсь у костра, разведенного искусным волчонком. Я попрошу тебя рассказать о вашем открытии. Никаких тайн, только рассказ… рассказ о чуде Великого Возвращения…

Том подумал, что эти воспоминания вызывают у него дрожь.

— Представь себе корабли, — начал он. — Космические корабли, древние, в пробоинах, огромные, как луны…

Когда он проснулся утром у остывающих углей костра, брезжил рассвет, бросая длинные тени на берег. Том чувствовал себя гораздо лучше. Желудок привык к посту, а сон принес отдых. Он еще чувствовал слабость, но был готов искать очередное убежище.

Он встал, отряхнул многоцветный песок и по-

смотрел на север. Да, разбитый корпус еще там. Надежда на горизонте.

Слева, под массивной переборкой, негромко дышал теннанинский разведчик. Он медленно умирал. Уснул, слушая рассказ Тома о Мелком скоплении, о сверкающих гигантских кораблях и загадочных символах на их бортах. Том сомневался, что он придет в себя.

Он уже собрался обуться, как вдруг нахмурился и из-под ладони посмотрел на восток.

Если бы только уцелел его бинокль!

Он сощурился и разглядел линию движущихся теней, какие-то паукообразные фигуры на длинных ногах и меньшее запинающееся существо.

Колонна медленно продвигалась на север.

Том вздрогнул. Они направляются к яйцеобразному корпусу. Если он не будет действовать быстро, они лишат его единственной надежды на спасение.

Теперь он уверен, что это танду.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
РАЗБРОС

Спорный вопрос, сможет ли левиафан долго выдерживать безжалостное преследование… и последний кит, как последний человек, последний раз затянется трубкой и с последней затяжкой испарится сам.

Мелвилл

Глава 64
КРАЙДАЙКИ/САХОТ

Крайдайки внимательно посмотрел на голограмму. Говорить легче, чем слушать. Он может по одному, по два вспоминать слова, медленно произносить их, нанизывая, как жемчужины.

— …нервная связь… восстановлена… Джиллиан и Маканай… но… но… речь… все еще… еще…

— Еще не вернулась. — Изображение Сахота кивнуло. — Но вы можете теперь пользоваться инструментами?

Крайдайки сосредоточился на простом вопросе

Сахота. Вы — можете — теперь… Каждое слово ясно. Но в ряду они ничего не значат. Ужасно раздражает!

Сахот переключился на тринари.

Инструменты?
Мячи
Космические корабли –
Ваши челюсти?
Игрок
Пилот –

Крайдайки кивнул. Гораздо лучше, хотя и тринари кажется иностранным языком, который он с трудом понимает.

Пауки ходуны, ходуны, ходуны
Голокоммы говорящие, говорящие, говорящие
Мои игрушки –

Крайдайки отвел взгляд. Он знал, что в этой простой фразе есть элементы праймала — в повторах, в высоком свисте. Унизительно иметь по-прежнему острый ум и знать, что окружающему миру ты кажешься слабоумным.

И в то же время он подумал, заметил ли Сахот следы языка своих снов — языка старых богов.

Слушая капитана, Сахот чувствовал облегче-

ние. Их первый разговор начался хорошо, но к концу Крайдайки начал отвлекаться, особенно когда Сахот попытался провести его через ряд лингвистических тестов. Теперь, после последней операции Маканай, он кажется гораздо внимательней.

Он решил проверить способность Крайдайки слушать, рассказав ему о своем открытии. Подробно и медленно поведал на тринари о «пении», которое слышал, когда связывался с роботом в стволе дерева-сверла.

Крайдайки долго смущался, сосредотачиваясь на упрощенных объяснениях Сахота, потом вроде бы понял. Вообще могло показаться, что он считает песню планеты самым естественным явлением.

— …Подключи… подключи… меня… п…пожалуйста… я… буду… слушать… слушать…

Сахот в знак согласия щелкнул челюстями. Он был доволен. Конечно, Крайдайки, с его сгоревшими речевыми центрами, ничего, кроме помех, не услышит. Потребовался весь опыт Сахота, чтобы расслышать рефрен. За исключением одного случая, когда голоса внизу звучали рассерженно, они казались почти неразличимыми.

Он вздрогнул, вспоминая этот единственный

понятный эпизод.

— Хорошо, Крайдайки, — сказал он, подсоединяя капитана. — Слушайте внимательно.

Крайдайки закрыл глаза, и на линии затрещали помехи.

Глава 65
ДЖИЛЛИАН

— Черт побери! Мы не можем ждать Хикахи, чтобы начать передвижение.

Ей потребуется два дня в скифе. А к тому времени я хочу, чтобы «Стремительный» был уже в корпусе морского конька.

Изображение Свесси пожало плечами.

— Можете оставить ей записку.

Джиллиан потерла глаза.

— Вот что мы сделаем. Оставим моноволоконный кабель связи с островом.

Я попрошу, чтобы с острова ей передали, куда мы направились.

— А Тошио и Дэнни?

Джиллиан в свою очередь пожала плечами.

— Я надеялась послать за ними и Сахотом скиф… и, может, за Томом тоже. Но в нынешнем положении я предпочла бы, чтобы Дэнни и Сахот

добирались до вас на санях. Мне не хочется этого делать. Это опасно, и мне нужен Тошио, чтобы следить за Такката-Джимом до нашего отлета.

Она не упомянула другой причины, по которой ей хочется, чтобы Тошио оставался как можно дольше. Они оба знают, что Том Орли, если полетит на глайдере назад, вернется на остров. И там кто-то должен его ждать.

— Мы на самом деле оставим Метца и Такката-Джима? — Свесси выглядел озадаченным.

— И Чарли Дарта, по-видимому. Он «зайцем» уплыл на баркасе. Да, это их выбор. Они надеются добраться до дома, когда галакты покончат с нами.

Ну, окончательное решение за Хикахи, когда она наконец вернется и обнаружит, что она теперь капитан.

Джиллиан покачала головой.

— Ифни, кажется, превзошла себя с нами, а Ханнес?

Пожилой инженер улыбнулся.

— Удача всегда капризна. Потому она и женщина.

— Хм! — Но у Джиллиан не хватало энергии, чтобы бросить на него по-настоящему неприличный взгляд. На консоли рядом с голоизображени-

ем замигал огонек.

— Вот оно, Ханнес. Машинное отделение готово. Мне пора идти. Сейчас начнем. — Удачи, Джиллиан. — Свесси сложил пальцы в виде О, потом прервал связь.

Джиллиан переключилась на связь с островом.

— Сахот, говорит Джиллиан. Прошу прощения за помеху, но будьте добры, скажите капитану, что мы выступаем. — Конечно, из вежливости требовалось сообщить об этом Крайдайки. Когда-то он был капитаном «Стремительного».

— Да, Джиллиан. — Послышался ряд высоких повторяющихся свистков на тринари, очень похожем на праймал. Большая часть звуков выше порога восприятия Джиллиан.

— Капитан хочет наблюдать снаружи, — сказал Сахот. — Он обещает не мешать.

Джиллиан не видела причин для отказа.

— Хорошо. Но сначала пусть свяжется с Ватгасети, пользуется санями и будет очень осторожен. Если он уплывет, нам некого будет послать за ним!

Еще ряд высоких свистов, которые Джиллиан с трудом различала.

Крайдайки отвечал, что понял.

— Кстати, Сахот, — добавила Джиллиан. — По-

жалуйста, попросите Тошио связаться со мной, как только прибудет баркас.

— Хорошо!

Джиллиан прервала связь и начала одеваться. Приходится думать обо всем одновременно.

"Правильно ли я поступила, позволив маленькому Чарли Дарту улизнуть?

— думала она. — Если он или Такката-Джим поведут себя непредсказуемо, что делать?"

В углу консоли горел огонек. Нисс по-прежнему хочет поговорить с ней.

Но это не срочно. Джиллиан заторопилась, чтобы следить за перемещением.

Глава 66
АККИ

С натруженными мышцами Акки медленно выплыл из расселины, в которой отдыхал до рассвета.

Он сделал несколько глубоких вдохов и нырнул, распугав стаю ярких чешуйчатых рыбообразных существ. Не раздумывая, схватил большую рыбу, прекратив челюстями ее конвульсии. Но металл горек на вкус. Акки выплюнул рыбу.

И снова вынырнул на поверхность. На востоке

красные облака отбрасывали розовый свет. Голод грыз Акки. Он подумал, не слишком ли шумит. Охотник может его услышать.

«Это нечестно. Когда Кта-Джон меня наконец найдет, у него будет хотя бы что съесть!»

Акки встряхнулся. Какая ужасная мысль!

«Разваливаешься, гардемарин. Кта-Джон не каннибал. Он…» Что? Акки вспомнил вчерашнюю гонку, перед закатом, когда он сумел добраться до металлических островов на несколько метров раньше преследователя. Погоня там превратилась в смешение пузырей, прибоя и охотничьих криков. Найдя убежище, он несколько часов кряду слышал сонар Кта-Джона, который ушел недалеко.

При мыслях о боцмане у Акки холодок пробегал по спине. Что это за существо? Дело не просто в глупости смертельной охоты; дело и в том, как охотился Кта-Джон. Сонар гиганта излучал такую злобу, что Акки хотелось свернуться в шар.

Конечно, гены стеноса в какой-то мере объясняют его размер и нелогичность. Но в боцмане есть что-то еще. Что-то такое, чего Акки, выросший на Калафии, никогда не встречал.

Акки плыл рядом с коралловым островом и высунул морду из-за северной оконечности.

Слышны только природные звуки китрупского моря.

Он хлопнул хвостом и осмотрел отражения. На запад или на север? К Хикахи или к Тошио?

Лучше на север. Цепь островов может тянуться до самого лагеря. Это естественное укрытие.

Он пронесся через четверть километра, отделявшие его от следующего острова, потом внимательно прислушался. Никаких изменений. Дыша чуть легче, он пересек следующий пролив, потом еще один, плыл короткими рывками, потом слушал и возобновлял осторожное продвижение.

Однажды услышал странный треск справа. Лежал неподвижно, пока не понял, что это не может быть Кта-Джон. Акки сделал небольшой крюк, чтобы взглянуть.

И увидел подводную засаду существ, похожих на воздушные шары из-за раздутых дыхательных пузырей и голубых лиц. Они несли грубые инструменты и сети, полные бьющейся добычи. Если не считать нескольких голограмм, посланных Дэнни Судман и Сахотом, это была первая встреча Акки с туземцами Китрупа кикви. Он смотрел, заинтересованный, потом подплыл ближе. Он считал, что находится далеко к югу от

Тошио, но если это та самая группа…

Увидев его, охотники закричали в панике. Бросив сети, они вскарабкались на поросший растительностью ближайший остров. Акки понял, что, должно быть, встретил другое племя, которое никогда раньше не видело дельфинов. Но все же это что-то. Он смотрел, как поднимается последний. Потом снова повернул на север.

Но когда миновал северный берег следующего острова, попал под сильный звуковой луч.

Акки упал духом. Как! Кта-Джон тоже подумал об островной цепи? Или какой-то дьявольский инстинкт подсказал ему, где искать добычу?

Луч снова пролетел над ним. За ночь он еще больше изменился, превратился в яростный крик, от которого Акки бросало в дрожь.

Крик послышался снова, ближе, и Акки понял, что ему не спрятаться.

Этот крик отыщет его в любой расселине. Он должен попытаться уйти, пока еще контролирует свое сознание!

Глава 67

КИПИРУ

Сражение началось в предрассветной тьме.

Несколько часов назад Кипиру понял, что сани преследователя не выходят из строя. Двигатель кричит, но не стихает. Кипиру переключил свой гораздо дальше красной линии, но было уже поздно. Он услышал вой торпеды, резко повернул налево и вниз, выпустив воздух, чтобы оставить на своем месте облако шумных пузырей.

Торпеда прошла мимо в темноту. Разочарованный гневный крик отразился от оснований островов и подводных возвышений. Кипиру уже привык к непристойностям на праймале своего преследователя.

Он почти добрался до линии островов, за которой несколько часов назад исчезли два дельфина. Приближаясь, он все время слышал звуки охоты, приходил в ужас от гнетущих ассоциаций и очень опасался за Акки.

Но теперь у Кипиру собственные проблемы. Он пожелал Акки продержаться, пока не стряхнет со своего хвоста этого идиота.

Наверху становилось светлее. Кипиру завернул за остров, нырнул, выключил двигатель и стал ждать.

Моки выругался, когда маленькая торпеда не взорвалась.

Зубы, зубы
Лучше, лучше
Всего ни свете!

Он покрутил мордой в разные стороны. Оставил сенсоры саней и вел машину только по привычке.

Где этот наглец? Пусть придет и получит по заслугам!

Моки устал, был раздражен и невыразимо соскучился. Он никогда не думал, что быть Большим Самцом так скучно. Ему хотелось, чтобы вернулся горячий, почти оргазмический гнев. Попытался вернуть себе былую жажду крови, но продолжал думать об охоте на рыб, а не на дельфинов. Если бы только он был способен на свирепость, которую слышал в охотничьем крике Кта-Джона! Моки перестал ненавидеть страшного боцмана. Он начинал думать о гиганте, как о духовном существе злой природы. Он убьет этого нахала-турсиопу и принесет его голову Кта-Джону, как доказательство своей готовности стать его последователем. И тогда тоже станет наводить животный ужас, которому никто не

сможет противостоять.

Моки повел машину по кругу, держась у дна и внимательно всматриваясь в отражения звука. Турсиопа повернул налево на большой скорости. Дуга его поворота шире, чем у Моки, и теперь нужно только выбрать правильную дугу самому.

Моки находился на дежурстве, когда началась охота, поэтому его сани вооружены торпедами. Он был уверен, что у нахала торпед нет. И очень хотел побыстрее закончить эту скучную погоню.

Звук! Он повернулся так быстро, что ударился мордой о пластиковый воздушный пузырь. Моки двинул сани вперед, приготовил еще одну торпеду.

Эта прикончит врага.

В широком океанском каньоне открылся широкий провал. Моки взял балласт и начал опускаться, прижимаясь к стене. Потом передвинул дроссель назад и остановился.

Проходили минуты. Слабый звук работающего двигателя слева все усиливался. Приближающиеся сани на глубине держатся ближе к стене.

Неожиданно они оказались прямо под ним! Моки решил не стрелять сразу.

Это было бы слишком легко! Пусть нахал услышит, как сзади к нему приближается смерть.

Она будет слишком близка, он не сможет уйти. Пусть дрожит в страхе, прежде чем торпеда Моки разорвет его на куски!

Сани взревели и начали опускаться. Жертва не успеет повернуть вовремя! Моки кричал:

Вожак стаи!

Идет Большой Самец!

Но вот он прервал свою песню. Почему этот нахал не бежит?

Моки ориентировался исключительно на звук. Только теперь он посмотрел на свою жертву.

Сани пусты! Они медленно опускаются, никто ими не управляет. Но где же?..

Уши охотника

Нужны самцу –

Но астронавту

Нужны глаза

И мозг.

Голос над ним! Моки закричал, стараясь повернуть сани и одновременно выпустить торпеду. С отчаянным воплем двигатель отключился. Отказало гнездо нервной связи, и в это мгновение Моки увидел в двух метрах над собой гладкого серого дельфина-турсиопу, его белые зубы свер-

кали.

А из дураков
Получаются только
Трупы!

Моки закричал, когда режущий факел на доспехах пилота вспыхнул лазерным блеском.

Глава 68
ТОМ ОРЛИ

Откуда они все взялись?

Том Орли прятался за невысоким холмиком водорослей и смотрел на отряды чужаков на горизонте. Он насчитал по крайней мере три группы, которые двигались с разных сторон к яйцеобразному корпусу.

Примерно в миле за ним по-прежнему ворчал вулкан. На рассвете Том ушел от разбитого теннанинского разведчика, оставив возле умирающего пилота фляжку с драгоценной пресной водой, чтобы тот утолил жажду, если придет в себя.

Вышел он вскоре после того, как заметил группу танду. Начал испытывать недавно сплетенные «водорослевые башмаки» на скользкой неров-

ной поверхности. Похожие на снегоступы, они скользили, но помогали уверенней держаться на поверхности.

Вначале он двигался быстрее танду. Но вскоре те выработали новую технику. Они больше не брели по грязи, а двигались резко. Том держался за укрытиями и думал, что случится, если его заметят.

А теперь появились отряды, один движется с юго-запада, другой — с запада. Еще он видит движущиеся с трудом пятна на низком неровном горизонте. Но откуда они взялись?

Танду ближе всех. Их по крайней мере восемь или девять, движутся колонной. Каждый идет на шести широко расставленных тонких ногах, чтобы легче было удержать равновесие. В руках у них длинные блестящие инструменты, которые могут быть только оружием. Продвигаются вперед быстро.

Том гадал, какова их новая тактика. Но потом заметил, что передний танду не несет никакого оружия. Напротив, он ведет на поводке какое-то волосатое неуклюжее существо. Наклоняется над ним, словно заставляет выполнять задачу.

Том решился на несколько дюймов приподнять голову.

— Будь я проклят!

Волосатое существо создавало сушу — по крайней мере прочную поверхность — узкую тропу впереди отряда! Прямо перед тропой и по сторонам виднелось слабое мерцание. Казалось, действительность сопротивляется такому пагубному вторжению.

Эписиарх! На мгновение Том забыл о своих трудностях, благодарный возможности увидеть редкое зрелище.

На его глазах тропа в одном месте провалилась. Светящаяся полоса по краям тропы в этом месте громко щелкнула. Ближайший воин танду замахал конечностями и упал в водоросли. Он срывал стебли, бился и только расширял отверстие. И наконец, как камень, ушел под воду.

Никто из остальных танду словно не заметил этого. Двое ближайших перепрыгнули на «прочную» почву. Отряд, потеряв одного воина, продолжал движение.

Том замотал головой. Он должен первым добраться до корабля! Нельзя пропустить танду вперед.

Но если он даже просто сдвинется с места или что-нибудь сделает, они его заметят. А он не сомневался — они хорошо владеют своим оружием.

Вряд ли кому-то из людей удавалось их слишком долго недооценивать.

Том неохотно нагнулся и развязал крепления самодельной обуви. Бросив ее, он осторожно пополз к ближайшему открытому бассейну.

Считал про себя, дожидаясь приближения колонны галактов. Снова мысленно проигрывал свои действия.

Сделав несколько глубоких вдохов, он натянул на лицо дыхательную маску, проверив, чтобы она плотно прилегала, а жабры были открыты. Затем достал из кобуры игольник, держа его в обеих руках.

Том поставил ноги на два прочных стебля и проверил их крепость.

Бассейн был прямо перед ним.

Он закрыл глаза.

Слушай

Хлещущий хвост

Тигровой акулы –

Эмпатически он уловил мощное пси-излучение безумного клиента ити, до которого оставалось всего восемьдесят метров. — Джиллиан… — вздохнул Том. Потом распрямился одним гибким движением и вытянул руку с оружием. Раскрыл

глаза и выстрелил.

Глава 69
ТОШИО

Вопреки возражениям Тошио, они использовали остатки энергии баркаса, чтобы поднять его и посадить на площадку на острове. Тошио предлагал расширить пещеру под металлическим холмом, но Такката-Джим холодно отверг его предложение.

Пришлось два часа рубить ветви и маскировать небольшой корабль. Тошио не был уверен, что это поможет, если галакты, закончив сражение, обратят внимание на поверхность планеты.

Метц и Дарт должны были помогать ему. Тошио велел им рубить ветви, но выяснилось, что нужно показывать и объяснять каждую мелочь. Дарт был мрачен, сердился оттого, что подчиняется гардемарину, которому несколько дней назад сам отдавал приказы. Он явно хотел вернуться к своим приборам, которые оставил у бассейна дерева-сверла, когда его назначили в рабочую группу. Метц помогал охотнее, но ему так хотелось уйти и поговорить с Дэнни, что он был почти бесполезен.

Тошио в конце концов отправил их обоих и сам закончил работу.

Но вот баркас замаскирован. Тошио опустился на землю и немного отдохнул, прижимаясь к стволу масляно-орехового дерева.

Будь проклят Такката-Джим! Тошио и Дэнни должны были проверить безопасность лагеря, сообщить Метцу о результатах своей работы с кикви, а потом сесть в сани и убраться отсюда! Джиллиан ждет их через несколько часов, а они почти ничего не сделали!

И, хуже всего — только за час до прибытия баркаса «Стремительный» предупредил его о «зайце». Джиллиан решила не арестовывать Чарли за нарушение приказа, хотя, как выяснилось, он украл оборудование из десятка лабораторий корабля. Тошио был рад, что хоть этого он избежал. К тому же на острове не было ничего подходящего в качестве места заключения.

Слева зашуршала листва. Треск веток сопровождался механическим гудением. На поляну вышли четыре «паука». На плавучей площадке каждого лежал дельфин-стенос и контролировал движения механических конечностей через гнездо нервной связи. Когда они приблизились, Тошио встал.

Мимо прошел Такката-Джим, молча и холодно взглянув на Тошио.

Остальные три «паука» вслед за ним миновали поляну и углубились в лес.

Стеносы разговаривали на желудочном тринари.

Тошио смотрел им вслед. Он вдруг обнаружил, что затаил дыхание.

— Не знаю, как Такката-Джим, но эти его стеносы безумны, как волноломные гнездовики с Атласта, — сказал Тошио самому себе, качая головой. На Калафии он мало видел так называемых стеносов. Некоторые были со странностями в ту или иную сторону, как у Сахота. Но никогда он не видел такого выражения, как у последователей бывшего помощника капитана.

Звуки процессии стихли. Тошио встал.

Он удивлялся, почему Джиллиан вообще отпустила Такката-Джима. Почему бы просто не отправить его и сторонников в карцер и не покончить с этим?

Конечно, неплохая мысль — оставить группу на баркасе, чтобы она попыталась добраться до Земли, если это не удастся «Стремительному».

Джиллиан, очевидно, не может пожертвовать ни одним надежным членом экипажа. Но…

Том повернул к деревне кикви, размышляя по пути.

Конечно, баркас размонтирован. Теоретически Такката-Джим не мог бы связаться с галактами, даже если бы захотел. А Тошио не представлял себе, чтобы он захотел этого.

Но что если у него свои причины? И если он отыщет способ?

Задумавшись, Тошио чуть не натолкнулся на дерево. Поднял голову и чуть поправил направление.

«Мне надо знать наверняка, — решил он. — Сегодня вечером я выясню, сможет ли он причинить неприятности».

Сегодня вечером.

Взрослые аборигены сидели кружком на поляне в центре селения. С одной стороны расположились Игнасио Метц и Дэнни Судман. Напротив них — Мать Гнезда, со своими раздутыми яркими, в зеленую и красную полоску, воздушными мешками. По обе стороны от нее вздымались и волновались, как цепь ярко раскрашенных воздушных шаров в лесном солнечном свете, старейшины деревни.

Тошио остановился на краю площади. Солнечный свет, пробивающийся сквозь ветви, освещал

собрание разных рас.

Мать Гнезда щелкала, размахивая лапами вверх и вниз; Дэнни как-то объяснила, что это знак согласия. Если бы старейшая самка рассердилась, движения ее стали бы поперечными. Поразительно простой способ общения.

Остальные члены племени повторяли ее звуки, иногда опережая ее.

Игнасио Метц возбужденно кивнул, прикрывая рукой наушник, в который слушал перевод компьютера. Когда песня стихла, он произнес в микрофон несколько слов. Из громкоговорителя машины послышался ряд высоких писков. Лицо Дэнни выражало облегчение. Она боялась первой встречи в качестве специалиста по возвышению с кикви. Но Метц, по-видимому, не повредит ее долгим и осторожным переговорам с предразумными. Встреча идет к удовлетворительному завершению.

Дэнни увидела Тошио и улыбнулась. Без церемоний встала и покинула круг. Торопливо подошла туда, где он ждал.

— Как дела? — спросил он.

— Удивительно! Оказывается, он прочел каждое слово, которое я посылала на корабль. Понимает протокол поведения, физические проявления

различий в поле и возрасте, он считает мой анализ их поведения «образцовым»! Образцовым!

Тошио улыбнулся, разделяя ее радость.

— Он сказал, что добьется моего назначения в Центр Возвышения! Можешь себе представить? — Дэнни не могла спокойно стоять на месте.

— А как договор?

— Они готовы в любое время. Если Хикахи доберется сюда на скифе, мы прихватим с собой на «Стремительный» десяток кикви. Или же некоторые полетят с Метцем на Землю в баркасе. Все решено.

Тошио посмотрел на счастливых жителей деревни и постарался подавить в себе тревожные опасения.

Конечно, для кикви, как вида, это хорошо. Под покровительством человечества им будет лучше, чем с любой другой космической расой. И у земных генетиков будут живые образцы еще до того, как они предъявят требование на прием клиентов. Будет сделано все, чтобы первая группа аборигенов оставалась здоровой. Половина всех забот Дэнни — определение их потребностей, включая микроэлементы. Но все же маловероятно, чтобы кто-то из первой группы выжил. И даже

если они выживут, Тошио сомневался, чтобы кикви догадывались, что их ждет.

«Они еще не разумны, — напомнил он себе. — По законам галактики они всего лишь животные. И, в отличие от всех остальных в пяти галактиках, мы хоть что-то пытаемся им объяснить и получить их согласие».

Но он помнил бурную ночь, сильный дождь к вспышки молнии, тогда эти маленькие амфибии жались к нему и его раненому другу-дельфину, согревали их теплом, отгоняли отчаяние своим присутствием.

Он отвернулся от залитой солнцем поляны.

— Значит, больше тебя здесь ничего не удерживает? — спросил он у Дэнни.

Она покачала головой.

— Конечно, я хотела бы еще ненадолго остаться. Теперь, покончив с кикви, я могла бы заняться проблемой островов. Поэтому я так нервничала несколько дней назад. Помимо того, что приходилось заниматься сразу двумя делами, я еще раздражалась из-за непонятных явлений. Но теперь мы ближе к разгадке. А знаешь, кора этих металлических холмов еще жива. Она…

Тошио вынужден был прервать поток ее слов:

— Дэнни! Подожди минутку, пожалуйста.

Ответь на мой вопрос. Ты готова немедленно покинуть остров?

Дэнни моргнула. Переступила с ноги на ногу, нахмурилась.

— «Стремительный»? Что-то случилось?

— Несколько часов назад начали перемещение. Я хочу, чтобы ты собрала свои записи и вещи и прикрепила к саням. Вы с Сахотом уходите засветло.

Смысл слов начал доходить до нее.

— Я и Сахот? Не ты?

— Нет. Я останусь еще на день. Нужно.

— Почему?

— Послушай, Дэнни, я не могу сейчас говорить об этом. Сделай, как я сказал, пожалуйста.

Он повернулся, собираясь идти, но она схватила его за руку. И вынуждена была идти за ним.

— Но мы ведь собирались уйти вместе! Если у тебя здесь дела, я подожду!

Он шел, не отвечая. Не знал, что сказать. Горько понимать, что ее уважение и привязанность завоеваны, когда остается несколько часов. «Если это означает быть взрослым, — подумал он, — могут оставить это себе. Мне не нравится».

Приближаясь к бассейну, они услышали звуки громкого спора. Тошио заторопился. Дэнни бежа-

ла рядом с ним. Они выскочили на поляну.

Чарлз Дарт кричал и держался за цилиндр, зажатый в манипуляторе «паука» Такката-Джима. Чарли собрал все силы, пытаясь вырвать цилиндр.

Такката-Джим широко улыбался.

Перетягивание длилось несколько секунд, мощные бицепсы шимпа вздулись, цилиндр вылетел у него из рук, и Чарли упал в пыль, едва удержавшись на краю бассейна. Он вскочил и гневно закричал.

Тошио видел еще трех «пауков», под управлением стеносов они двигались к баркасу. Каждый нес еще по одному цилиндру. Разглядев, что Такката-Джим отобрал у Чарли, Тошио застыл. Глаза его расширились.

— Никакой опасности больше нет, — сказал ему Такката-Джим безразлично. — Эти я конфисковал. Они будут в безопасности у меня на борту и ничего не повредят.

— Они мои, ты вор! — Чарли Дарт гневно подпрыгивал, размахивая руками. — Ты преступник! Думаешь, я не знаю, что ты пытался убить Крайдайки? Мы все знаем, что это сделал ты! Ты разрушил буи, чтобы уничтожить улики! А теперь ты крадешь мое оборудование!

— Которое вы, несомненно, украли из арсенала «Стремительного».

Хотите, чтобы я запросил подтверждения у доктора Баскин?

Дарт заворчал и показал внушительные зубы. Отвернулся от неодельфина и сел в пыли перед сложным ныряющим роботом, только что собранным на краю бассейна.

«Паук» Такката-Джима начал разворачиваться, но тут фин заметил, что на него смотрит Тошио. На мгновение холодное спокойствие оставило Такката-Джима. Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на Тошио.

— Не верь ничему услышанному, молодой человек, — сказал он. — Я сделал много и сделаю еще, и убежден, что поступаю правильно. Но не я причинил вред Крайдайки.

— Вы разрушили буи? — Тошио чувствовал за собой Дэнни, которая через его плечо смотрела на большого дельфина.

— Да. Но не я уссстановил ловушшшку. Как король Генри с Беккетом, я узнал об этом гораздо позже. Расскажи об этом на Земле, если тебе удастся туда добраться, а мне нет. Другой взял на себя эту инициативу.

— Кто? — Тошио сжимал кулаки.

Из дыхала Такката-Джима вырвался долгий вздох.

— Доктор Метц вырвал у Совета разрешение на участие в полете тех, кого не должно быть на борту. Он слишком торопился. У некоторых стеносов… необычное происхождение.

— Стеносы…

— Несколько стеносов! Я не из тех, с кем экспериментировал доктор Метц! Я офицер космического корабля. И заслужил свое место! — В голосе дельфина звучал вызов. — Когда напряжение возросло почти до критического, некоторые из них обратились ко мне. Я подумал, что смогу контролировать их. Но с одним я справиться не смог. Расскажи об этом дома, Тошио Ивашика. Расскажи, что можно превратить дельфина в чудовище. Их следует предупредить.

Такката-Джим еще раз внимательно посмотрел на него, потом «паук» повернулся и направился следом за другими к баркасу.

— Он лжет! — прошептала Дэнни как только «паук» удалился. — Его слова разумны и логичны, но я дрожу, когда слышу их.

Тошио смотрел вслед исчезающему «пауку».

— Нет, — сказал он наконец. — Он честолюбив и, может, сам спятил.

Вероятно, он тоже предатель. Но почему-то мне кажется, что он сказал правду. Может, из гордости он еще хочет выглядеть честным.

Он повернулся, качая головой.

— Конечно, это не уменьшает опасности.

Он подошел к Чарли Дарту, который посмотрел на него с дружеской улыбкой. Тошио присел рядом с шимпом-планетологом.

— Доктор Дарт, какой они величины?

— Что, Тошио? Слушай! Ты видел этого нового робота? Я сделал его необычным. Он сможет нырнуть к основанию острова, потом сбоку пройти к большому туннелю в магме, который мы обнаружили…

— Какой они величины, доктор Дарт? — повторил Тошио. Он с трудом сдерживал раздражение и готов был задушить шимпанзе. — Отвечайте!

Дарт быстро и виновато оглянулся, потом задумчиво посмотрел на бассейн.

— Всего около килотонны каждая, — вздохнул он. — Недостаточно, чтобы поднять большую волну в коре. — Он посмотрел невинными карими глазами. — Всего лишь крошечные атомные бомбы, честно!

Глава 70
ХИКАХИ

Необходимость оставаться незамеченной не позволяла двигаться быстрее, чем на простых санях. Это раздражало.

Больше суток отрезанная от связи, Хикахи изучала морское дно, чтобы не думать о возможной судьбе «Стремительного» и Крайдайки. Рано или поздно она узнает, что произошло. А до того беспокойство только утомит ее.

Утренний свет проникает в каньон, в котором она свернула сначала на восток, потом на север. Над головой плывут обрывки водорослей, рядом мелькают медного цвета рыбы, но скиф быстро оставляет их позади.

Однажды она увидела что-то длинное и извилистое. Но при ее приближении оно скрылось в пещере. Нет времени, чтобы задержаться и посмотреть, однако, проплывая, она сфотографировала чудовище.

«Что же делать, если „Стремительный“ погиб?» — пришла незваная мысль.

"Вернусь к корпусу теннанинца. Я там нужна.

Но тогда я буду капитаном. И прятаться на дне океана — не выход из положения. Во всяком случае, не на этой смертоносной планете.

Могу ли я сдаться?"

Если дойдет до этого, живой она галактам не сдастся. Она из тех, кто, имея необходимые данные, мог бы проложить обратный курс к брошенному флоту.

«Убедившись, что экипаж интернирован, я, возможно, попытаюсь вырваться на скифе, — подумала она. — Но, даже если вырвусь из блокады галактов, скиф вряд ли выдержит путь домой. Однако кто-то должен попытаться донести сообщение до Земли. Может, найдется способ наказать фанатиков… чтобы они дважды подумали, прежде чем снова связываться с землянами».

Хикахи понимала, что это лишь мечты. Только через несколько тысяч лет люди и их клиенты обретут нужную силу.

Хикахи прислушалась. Какой-то звук…

Она увеличила громкость корабельных гидрофонов. Фильтры устраняли шум двигателей и волн. И до Хикахи донеслись негромкие звуки морской жизни.

— Компьютер! Проверить на следы китообразных!

Звуковой рисунок изменился. Море стихло. Однако обнаружился какой-то след.

— Увеличить дальность! — Уровень шума поднялся. И сквозь помехи она безошибочно различила крики плывущих дельфинов! Звуки отчаянной схватки.

Может, это пережившие катастрофу? Что же делать? Она хотела броситься на помощь. Но кто преследует дельфинов?

— Зззвуки двигателей! — приказала она. Но детектор подмигнул красным огнем, указывая, что в пределах досягаемости двигателей нет. Итак, дельфины не на санях.

Если попытается помочь, рискует единственной надеждой экипажа на «Морского конька». Обойти беглецов и направиться к «Стремительному», как планировалось? Трудный выбор.

Хикахи еще больше заглушила двигатели и повернула скиф на север, к едва различимым крикам.

Глава 71
ЧАРЛЗ ДАРТ

Он подождал, пока все уйдут, потом раскрыл спину своего нового робота и проверил содер-

жимое.

Да, она на месте. Хорошо спрятана.

«Ну ладно, — подумал он. — Я надеялся на повторение эксперимента. Но и одной бомбы хватит».

Глава 72
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

"Мы в пути. Все на борту радуются этому.

Накануне поздно вечером «Стремительный» поднялся с океанского дна, двигатели работали на минимуме. Я была на мостике, принимая доклады финов снаружи и следя за приборами, пока не убедилась, что со «Стремительным» все в порядке. Он готов к действиям.

Эмерсон и его команда могут гордиться своей работой, хотя, конечно, найденные Томом и Тшут кольца сделали это возможным. «Стремительный» снова гудит, как космический корабль.

Мы идем на юг. Тянем за собой моноволоконный кабель, чтобы поддерживать связь с островом, оставили сообщение для Хикахи, когда она покажется.

Надеюсь, она поторопится. Быть капитаном гораздо труднее, чем я думала. Нужно убедиться,

что все выполняется правильно и в должном порядке, как можно ненавязчивей, чтобы фины не чувствовали, что «старуха» нависла над ними. Мне бы хотелось пройти военную подготовку, как Том; он получил ее, пока я училась в медицинской школе.

Менее чем через тридцать часов мы доберемся до разбитого теннанинца.

Свесси сообщил, что все будет готово. Между тем мы выслали разведчиков, а над нами в детекторных санях плывет Ватгасети. Его приборы показывают, что утечки почти нет и мы в безопасности.

Я отдала бы годовое жалование за то, чтобы прямо сейчас вернулась Хикахи, или Тшут, или даже Кипиру. Раньше я не понимала, почему капитан так высоко ценит своих офицеров. Кстати, о капитанах. Наш — просто чудо.

Крайдайки казался не в себе долгое время после выхода из лазарета. Но продолжительные разговоры с Сахотом как будто приободрили его. Не знаю, что сделал Сахот, но никогда бы не поверила, что после такого серьезного ранения можно остаться бодрым и полезным.

Когда мы поднимались, Крайдайки попросил разрешения присматривать за разведчиками и

боковыми. Мне очень нужен был фин, на которого можно положиться, и я подумала, что только вид капитана подействует благотворно.

Даже стеносы обрадовались, увидев его. Их недовольство моим «государственным переворотом» и ссылкой Такката-Джима, кажется, улеглось.

Крайдайки ограничен простейшими призывами на тринари, но этого достаточно. Он теперь снаружи, привязанный к саням, наводит порядок, показывая, подталкивая и подавая пример. Если через несколько часов наши разведчики встретятся с Тшут, Крайдайки сможет вернуться на борт.

Со времени моего возвращения на консоли горит огонек. Это сумасшедшая машина тимбрими Нисс. Я заставляю его ждать. Том, наверное, не одобрил бы этого. Но силы женщины ограничены, и мне нужно поспать. Если бы дело было срочное, Нисс заговорил бы сам.

О Том, как нам нужна твоя выносливость! Возвращаешься ли ты? Может, сейчас твой маленький глайдер опускается на остров Тошио?

Кого я обманываю? После первой пси-бомбы мы ничего не обнаружили, только шум космической битвы, причем часть шума оттуда, где в послед-

ний раз засекли Тома. Он не пустил в ход ни одну бомбу с сообщениями. Либо решил не посылать двусмысленного сообщения, либо еще хуже.

Без данных от Тома мы не решим, что делать на борту «Морского конька»? Взлететь и попытать удачи или прятаться внутри, сколько сможем?

Пусть решает Хикахи".

Джиллиан закрыла дневник и прижала палец к устройству самоуничтожения. Потом встала и выключила свет.

По пути в лабораторию она прошла мимо стасис-поля древнего трупа, который они такой ценой заполучили в Мелком скоплении. Херби, древняя загадка, привычно улыбался в свете маленькой лампочки. Тайна.

Источник неприятностей.

Избитый, в шрамах, «Стремительный» медленно шел по дну долины, двигатели работали сдержанно, негромко. В том месте, где выхлопы касались ила, поднимался темный пенистый туман.

Бугорчатый цилиндр скользил над мрачными черными хребтами и пропастями, огибал металлические острова и стены долин. Маленькие сани скользили по бокам, направляя корабль лучами

сонаров. Крайдайки снова видел свой корабль живым. Он слышал сжатые сообщения разведчиков и часовых, ответы с мостика. Подробности он не понимал; технический жаргон сейчас ему так же недоступен, как прошлогодний снег. Но подсознательно он ощущал: экипаж контролирует ситуацию.

На глубине в пятьдесят метров, в темном тусклом свете, «Стремительный» не мог блестеть, но Крайдайки мог слушать, и он слушал, наслаждался низким гулом двигателей, представлял, что будет на корабле, когда тот снова взлетит.

: НИКОГДА СНОВА, КРАЙДАЙКИ

: ТЫ НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ ПОЛЕТИШЬ НА НЕМ:

Рядом плывет призрак — Кк-кп-крии, привидение из серебристых и сонарных теней. Присутствие бога не удивляет и не тревожит Крайдайки. Он ожидал его появления. Призрак плывет лениво, легко держась на уровне саней.

: ТЫ УШЕЛ ОТ НАС

: НО ТЕПЕРЬ ТЫ СОЗНАТЕЛЬНО ВЫЗВАЛ МЕНЯ ИЗ ПЕСНИ

:ИЗ-ЗА ДРЕВНИХ ГОЛОСОВ, КОТОРЫЕ ТЫ УСЛЫШАЛ?

: ГОЛОСОВ СНИЗУ?:
: ДА:

Крайдайки думает не на англике и не на тринари, но на новом языке, который изучает.

: В этом мире живет древний гнев
: Я слышал его песню:

Широкий лоб бога сна отражает звездный свет. Раскрывается его пасть.
Сверкают зубы.

: И ЧТО ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ ДЕЛАТЬ?:

Крайдайки чувствует, что бог уже знает ответ.

: Исполнять свой долг
:
— повторяет он на языке бога.
: Что еще я могу делать?:

Из глубины сна китов бог одобрительно вздыхает.

Крайдайки увеличил дальность приема своих гидрофонов. Впереди слышатся возбужденные крики — радостные звуки приветствия.
Крайдайки взглянул на сонарный дисплей саней. На пределе дальности несколько точек.

Вот они соединяются с точками — разведчиками «Стремительного». Первая группа Тшут от «морского конька».

Убедившись, что поблизости никого нет, Крайдайки повернул сани в небольшой боковой каньон. Скользнул в тень скалы и выключил двигатель.

Подождал, пока мимо пройдет «Стремительный». Корабль исчез за поворотом вместе с сопровождающими.

— Прощай… — он с трудом выговаривал слова англика. — Прощай… и… удачи…

Потом развернул сани и выбрался из небольшого углубления, направляясь на север, в то место, которое они оставили двадцать часов назад.

: Можешь приходить, если хочешь:

— сказал он богу, отчасти созданному собственным воображением, отчасти — отражениями сонара самого Крайдайки.

Прозрачная фигура ответила:

: Я ПОЙДУ С ТОБОЙ

: НИ ЗА КАКУЮ ПЕСНЮ Я БЫ НЕ ПРОПУСТИЛ ЭТОГО:

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПИЩЕВАЯ ЦЕПОЧКА

– Хозяин, я все думаю: как живут рыбы в море?
– Как люди: большие поедают маленьких.

Вильям Шекспир «Король Ричард Второй»

Глава 73
АККИ

От этого крика застыла кровь в жилах. Только чудовище может издавать такой крик. И он убегал, как от страшного чудовища.

К полудню Акки понял, что скоро все кончится.

Сердце билось часто, дышал он с трудом, кожа ныла. Аллергическая реакция на воду, казалось, усилилась из-за усталости. Она становилась все сильнее, пока он отчаянно нырял меж низких островов. Некогда гладкая, эластичная кожа превратилась в сплошную ссадину. И мозг устал так

же сильно.

Несколько раз ему удавалось уходить от ловушек, которые превратили бы его в мясо. Однажды, отскочив от сонарного отражения, он чуть не попал в зубы Кта-Джона. Гигант улыбнулся и нацелил лазерное ружье, а Акки в панике бежал. И спасся он не благодаря своей быстроте или хитрости. Он понял, наконец, что враг пока только играет.

Он надеялся уйти на север, к острову Тошио, но теперь гонка идет в другом направлении, и север для него потерян. Если он дождется заката…

«Нет. Я столько не продержусь. Пора кончать».

Снова послышался ужасный охотничий клич. От него словно свернулась вода.

Большая часть усталости Акки возникает от этого животного страха. Что за дьявол его преследует?

Чуть раньше ему показалось, что он слышит вдали другой клич. Похоже на поисковый крик турсиопы. Но, вероятно, это игра воображения. Что бы ни происходило на «Стремительном», вряд ли оттуда отправят на его поиски. А если даже отправят, разве можно найти его в этом обширном океане?

Но он все же послужил «Стремительному»,

отвлекая Кта-Джона, уводя его от корабля, где бы тот мог сильнее навредить.

«Надеюсь, Джиллиан и Хикахи вернутся и все исправят, — подумал он. — Я в них уверен».

Он негромко дышал в тени скалы. Кта-Джон, конечно, знает, где он. Это лишь вопрос времени, когда ему наскучит охота и он придет за добычей.

«Я теряю силы, — подумал Акки. — Надо кончать, пока есть надежда — пусть это всего лишь возможность выбора момента».

Он проверил заряд батарей доспехов. Можно сделать два выстрела из режущего факела. Да и то на очень небольшом расстоянии, а ружье Кта-Джона, несомненно, заряжено полностью.

Высокий крик прозвучал снова, насмешливый, холодящий кровь.

«Ну, ладно, чудовище. — Акки стиснул зубы, чтобы не дрожать. — Держи лошадей. Я иду».

Глава 74
КИПИРУ

Кипиру летел на северо-восток, на звуки схватки, которые слышал всю ночь. Быстро плыл по поверхности, изгибался, ныряя. Проклинал тя-

жесть доспехов, но бросать их не помышлял.

Снова проклинал свое невезение. И в его санях, и в санях Моки иссякла энергия, и их пришлось оставить.

Входя в лабиринт островков, он впервые отчетливо услышал охотничий клич.

До сих пор он мог успокаивать себя, что ему просто почудилось, что расстояние или какое-то необычное отражение искажают звуки.

Крик отразился от металлических островов. Кипиру развернулся: на мгновение показалось, что его преследует стая охотников. Потом другой звук, храбрый и слабый скрежет отдаленного тринари.

Кипиру двинул челюстью, определяя направление, и поплыл изо всех сил.

Он пробирался через лабиринт, мощно сокращая и расслабляя мышцы.

Услышав звонок дыхателя, он откинул это глупое устройство и продолжал плыть по поверхности, делая вдох во время каждой дуги перед нырянием.

Он оказался в дельте нескольких узких проливов и остановился в замешательстве.

Куда? Поворачивался, пока снова не уловил охотничий крик. Потом — ужасный скрежещу-

щий звук. Крик боли и гнева и мягкое гудение доспехов. Еще один негромкий выкрик на тринари и ответный дикий крик и скрежет.

Кипиру поплыл еще быстрее. Это совсем близко! Он мчался, не думая о резервах, когда послышался последний вызывающий возглас:

Ради чести

Калафии.

Голос смолк, его заглушил вопль дикого торжества. И наступило молчание.

Кипиру потребовалось пять минут лихорадочного метания по узким проливам, чтобы отыскать поле битвы. Привкус воды подсказал, что уже поздно.

Он застыл, не входя в узкую долину между тремя островами. Над головой плыли водоросли.

В центре долины стояло облако красной пены, красные струйки уплывали по течению. В обрывках доспехов, частично съеденное, плавает брюхом вверх тело молодого дельфина amicus. Гигантский дельфин рвет его своими окровавленными челюстями.

Гигантский дельфин? Как он не замечал этого раньше, сразу после вылета с Земли? Прикрепляя свежий дыхатель, Кипиру наблюдал за убийцей.

"Взгляни на эти оценки, — говорил он себе. — На короткие челюсти, большие зубы, короткий и острый спинной плавник.

Только послушай его!"

Кта-Джон удовлетворенно хмыкнул, отрывая кусок тела Акки. Гигант как будто даже не замечал длинного ожога на боку или кровоподтека на том месте, куда пришелся последний отчаянный удар Акки.

Кипиру понимал, что чудовище знает о его присутствии. Кта-Джон лениво проглотил, потом поднялся на поверхность за воздухом. Спустившись, он посмотрел прямо на Кипиру.

— Ну, пилот? — довольно спросил он.

Кипиру ответил на англике, хотя дыхатель мешал ему.

— Я имею дело с одним чудовищем, Кта-Джон, но твоя деградация бросает тень на всю нашу расу.

Кта-Джон насмешливо фыркнул:

— Ты думаешь, я деградировал, как этот жалкий стенос Моки, да, пилот?

Кипиру только покачал головой, не в состоянии высказать свое мнение по поводу теперешнего состояния боцмана.

— Может ли деградировавший дельфин так

хорошо говорить на англике? — насмехался Кта-Джон. — Или мыссслить так логично? Может ли подобная особь чистого стеноссса или даже турсиопы так решительно преследовать добычу… и с таким удовольсствием?

— Правда, напряжение последних дней что-то высвободило во мне. Но неужели ты слушаешь меня и можешь назвать таким словом?

Кипиру взглянул на розовую пену на коротких мощных челюстях. Труп Акки медленно отплывал по течению.

— Я знаю, кто ты, Кта-Джон. — Кипиру перешел на тринари:

Холодная вода кипит,
Когда ты кричишь
Красночелюстной голод
Заполняет твои сны.
Гарпуны убивают
Китов,
Сети Ики
Ловят нас
Но тебя одного
Мы боимся ночами
Тебя одного –

Касатка!

Кта-Джон довольно хлопнул челюстями, словно принимая посвящение в рыцари. Он поднялся наверх и вернулся на несколько метров ближе к Кипиру.

— Я догадался об этом недавно. Я результат одного из экспериментов нашего любимого патрона — человека Игнасио Метца. Несмотря на всю свою глупость, этот дурак совершил один очень важный поступок. Другие его подопытные деградировали или сошли с ума. Но я — это успех…

— Ты — несчастье! — крикнул Кипиру, дыхатель помешал ему воспользоваться более подходящими выражениями.

Кта-Джон подплыл еще на несколько метров, невольно заставив Кипиру попятиться. Гигант снова остановился; он удовлетворенно щелкал.

— Неужели, пилот? Можешь ли ты, простой поедатель рыбы, понять тех, кто выше тебя? Можешь ли судить моих предков, которые находились на вершине пищевой цепочки в океане? И поступали с твоими предками так, как они того заслуживают?

Кипиру почти не слышал его, видя, как сокращается расстояние между ними.

— Ты сслишком высссокомерен. У тебя всего

несколько генов от…

— Я — КАСАТКА! — закричал Кта-Джон. Крик его прозвучал как торжественный призыв горна. — Внешность ничто! Мозг и кровь имеют значение. Слушай и не смей меня опровергать!

С пушечным грохотом захлопнулись челюсти Кта-Джона. Боцман испустил охотничий клик, и Кипиру под действием ударной волны почувствовал инстинктивное желание спрятаться или умереть.

Но он сопротивлялся. Заставил себя принять независимую позу и вызывающе ответить:

— Ты деградировал, Кта-Джон! Хуже того, ты мутант без всяких наследников. Эксперимент Метца не удался. Неужели ты думаешь, что настоящая касатка поступила бы так, как ты? Касатки охотятся на невозделанных дельфинов на Земле, но никогда не делают этого, если сыты.

Подлинный кит-убийца не убивает по злобе!

Кипиру испражнился и погнал фекалии ударами плавников в сторону гиганта.

— Ты неудачный эксперимент, Кта-Джон! Ты говоришь, что сохраняешь логику, но теперь у тебя нет дома. А когда мой отчет дойдет до Земли, твою генетическую плазму выльют в канализацию! Твоя линия прервется так же, как и у других

чудовищ.

Глаза Кта-Джона сверкнули. Он охватил Кипиру лучом сонара, словно запоминая каждый изгиб тела будущей добычи.

— А почему ты сссчитаешь, что тебе удастся сделать от-тчет? — просвистел он.

Кипиру улыбнулся.

— Все очень просто. Ты искалеченное безумное чудовище, чья тупая морда вырезана из картона, чья мужественность нравится только решетке бассейна, потому что дает только грязную жидкость…

Гигант снова закричал, на этот раз гневно. Когда Кта-Джон бросился на него, Кипиру увернулся и ушел в боковой пролив, едва ускользнув от мощных челюстей.

Продираясь сквозь густые водоросли, Кипиру поздравил себя с успехом.

Насмешками заставив Кта-Джона перейти к вендетте, он одновременно вынудил его забыть о доспехах… и о лазерном ружье. Кта-Джон явно намерен убить Кипиру так же, как Акки.

Кипиру уходил, всего на корпус опережая мутанта.

«Пока хорошо», — думал он, скользя мимо сверкающих оконечностей металлического острова.

Но оторваться от преследователя оказалось трудно. И грозные челюсти не раз заставили Кипиру усомниться в мудрости избранной им стратегии.

Погоня продолжалась, а день был на исходе. И когда солнце село, гонка еще продолжалась.

В темноте она превратилась в соревнование умов и звуков. Ночные обитатели архипелага бежали в панике, когда два незнакомых чудовища проносились по пересеченным проливам, оставляя полосы пузырей.

Пролетая, они оглашали глубины потоками звуков, соединением изображений и ярких иллюзий. Местные рыбы, даже гиганты, уносились прочь из этой акватории, оставляя поле битвы чужакам.

Причудливая игра изображений и звуков, обманов и неожиданных засад продолжалась.

Кипиру выскользнул из узкого илистого пролива и прислушался. Уже на протяжении часа до него не доносился охотничий клич, но это ничего не означало. Кипиру представил себе окружающую местность по доходившим до него отражениям; он знал, что некоторые из них — искусный обман. Гигант где-то поблизости,

он использует свой превосходный сонарный орган, чтобы каждый раз искажать картину отражений.

Кипиру пожалел, что ничего не видит. Полуночные тучи погрузили все во тьму. Только слабо фосфоресцирующие растения освещали море.

Кипиру поднялся на поверхность, чтобы вдохнуть, и посмотрел на серебристые нижние облака. Шел мелкий дождь, островная растительность шумела и раскачивалась.

Кипиру сделал несколько вдохов и снова опустился. Вниз, туда, где неизбежна битва.

Фантомы плыли по проливам. Псевдоэхо показывало проход прямо на севере, но Кипиру, тщательно рассмотрев его, решил, что это иллюзия.

Точно такой же ложный проход недавно чуть не обманул его; он слишком поздно начал поворачивать и ударился о покрытую водорослями металлическую стену острова. Избитый, он с трудом выбрался из путаницы стеблей как раз вовремя, чтобы избежать тарана. Огромная морда Кта-Джона проскочила всего в нескольких дюймах от него. Вдогонку ему раздался выстрел из лазерного ружья. Кипиру обожгло левый бок. Ужасно больно.

В тот раз только лучшая маневренность спасла его. Он нашел убежище и закачался на волнах боли.

Со временем он смог бы, наверно, уйти от псевдокасатки. Но время играет на руку Кта-Джону. Тот целиком посвятил себя ритуальной охоте и ни о чем другом не помышлял. Он не собирался возвращаться к цивилизации. Он хотел только, чтобы Игнасио Метц защитил на Земле его право на потомство.

И поэтому старался обезвредить Кипиру.

Но у Кипиру были обязанности на борту. А «Стремительный» не станет его ждать, если появится возможность уйти.

«На самом ли деле я так стараюсь уйти?» — подумал он.

Кипиру нахмурился и замотал головой. Два часа назад он был почти уверен, что потерял Кта-Джона. И вместо того чтобы бежать, повернул назад под каким-то предлогом, которого уже не помнил, и снова отыскал запах-звук гиганта. Враг тоже почуял добычу. Через несколько мгновений прозвучал охотничий клич, и мутант снова устремился за ним.

«Почему я это сделал?»

На мгновение мелькнула мысль… правда… Но

Кипиру отбросил ее. Враг приближается. Кипиру едва ощутил приток адреналина, который заставил его забыть боль от ушибов и ожога.

Иллюзии исчезли, рассеявшись, как туман, превратившись в постоянные щелчки и шепот. Мощно ударяя по воде плавниками, гигант вошел в пролив ниже Кипиру. Кта-Джон поднялся к поверхности, показав белые пятна на животе, потом проплыл мимо ниши Кипиру, выпуская перед собой луч сонара.

Кипиру подождал, пока чудовище пройдет мимо, потом сам поднялся на поверхность. Пять раз неслышно вдохнул, потом погрузился, не шевеля плавниками.

Чудовище находилось в десяти метрах. Кипиру не шевелился. Кта-Джон поднялся и снова вдохнул. Но когда он начал опускаться, Кипиру послал поток щелчков, который отразился от двух металлических холмов за проливом.

Полукасатка быстро развернулась и пошла налево, гонясь за иллюзией.

Кта-Джон прошел почти под Кипиру.

Как глубинная бомба, Кипиру носом упал на врага.

Но у того оказалось невероятное чутье, хотя Кипиру держался неестественно тихо. Кта-Джон

услышал что-то за собой и, успев развернуться, как дервиш, приподнялся в воде вполоборота к Кипиру.

Угол для удара неудобный. Навстречу развернулись огромные челюсти и лазерное ружье. Попытка бежать означает получить залп из лазера.

Вдруг в сознании Кипиру всплыл один эпизод. Он вспомнил, как инструктор по тактике в академии рассказывал о преимуществах неожиданности.

«…У нас, как разумных землян, это единственное и уникальное оружие в арсенале, которое другие не могут скопировать…» Кипиру еще сильнее увеличил скорость и оказался перед Кта-Джоном, брюхо к брюху. Он улыбнулся.

Кто может отказать
Внимательному поклоннику –
Потанцуем!

Взвыли доспехи Кипиру, и три механические руки схватили Кта-Джона и зажали его на месте.

Ошеломленный экс-боцман в гневе закричал и щелкнул челюстями, пытаясь схватить Кипиру, но не смог дотянуться. С помощью массивных плавников он пытался высвободиться, но хвост

Кипиру дублировал движения соперника, удерживая их на месте.

Кипиру почувствовал эрекцию и обрадовался ей. В эротических играх молодых самцов более сильный обычно исполняет мужскую роль. Кипиру ткнулся в Кта-Джона и услышал отчаянный возмущенный вопль.

Гигант дергался и извивался, бил хвостом, бросался в разных направлениях, заполняя воду своими воплями. Кипиру прочно держал его, понимая, какими будут следующие действия Кта-Джона.

Полукасатка боком двигалась к крутой стене острова. Кипиру продолжал держать Кта-Джона. Тот уже готов был ударить его о стену, прижать своим телом. Но тут Кипиру неожиданно изогнулся и бросил весь свой вес в одну сторону.

Хотя Кта-Джон и был гигантом, подлинной касаткой он не был. Кипиру весил достаточно, чтобы развернуть их обоих непосредственно перед столкновением. Правый бок Кта-Джона ударился в рваный металлический край, и за ним потянулась полоса кровавых пузырей.

Кта-Джон плыл, ошеломленно качая головой и оставляя за собой кровавое облако. На мгновение гигант потерял интерес ко всему, кроме воздуха.

Он поднялся на поверхность и задышал.

«Вскоре и мне понадобится воздух, — понял Кипиру. — Но сейчас время ударить!»

Он откинулся, пытаясь привести в действие свой режущий факел.

Но он застрял! Застрял в доспехах Кта-Джона! Кипиру тащил и не мог высвободить его.

Кта-Джон смотрел на него.

— Теперь тттвоя очередь, маленький дельфин, — улыбнулся он. — Ты зажал меня здесь. И мне теперь остается только удерживать тебя под водой.

Будет интересно, когда ты запросишь воздуха!

Кипиру захотелось выругаться, но нужно было беречь силы. Он пытался перевернуть Кта-Джона на спину, чтобы самому добраться до поверхности. Она всего в нескольких метрах над ним. Но Кта-Джон предотвращал каждую его попытку.

«Думай, — сказал себе Кипиру. — Я должен думать. Если бы я лучше знал кининк. Если бы…»

Легкие его горели. Он чуть не испустил крик тревоги на праймале.

Он помнил, когда в последний раз ему хотелось перейти на праймал.

Вспомнил голос Тошио, насмешливый, успокаивающий. Вспомнил клятву умереть, но не

опуститься на уровень животного.

«Конечно! Я глупая рыба-переросток! Почему я не думаю?» Вначале он послал по нервной связи команду выбросить факел. Потом привел в движение механические руки.

Тот, кто выбирает
Возврат,
Не нуждается ни в космосе,
Ни в орудиях астронавта.

Клешней он схватил нервное гнездо в височной части головы Кта-Джона.

Глаза чудовища расширились, но, предваряя его попытку напасть, Кипиру вырвал гнездо, стараясь как можно сильнее ранить противника. Враг взвыл от боли, и Кипиру выдернул кабель, сделав бесполезными доспехи Кта-Джона.

Механические руки Кта-Джона, бившиеся под ним, застыли. Негромкое гудение лазерного ружья стихло. Кта-Джон выл и бился.

Броски мутанта на мгновение вынесли их на поверхность. Кипиру глотнул воздуха. С шумом они снова погрузились, и Кипиру перенес захват на доспехи противника. Он держал их двумя механическими руками.

— Сейчас мы… — пробормотал он, готовясь при-

вести в действие третью руку и разорвать врага.

Но Кта-Джон рывком сумел высвободиться. Кипиру взлетел в воздух и с громким плеском упал по другую сторону узкой отмели.

Отдуваясь, они смотрели друг на друга через мель. Потом Кта-Джон щелкнул челюстями и развернулся в поисках прохода. Погоня возобновилась.

На рассвете всей дипломатии пришел конец. Никакого изящества звуковых иллюзий, никаких насмешек. Кта-Джон со свирепой одержимостью преследовал Кипиру. Казалось, он не испытывал усталости. Потеря крови только усилила его ярость.

Кипиру уходил в узкие проливы, некоторые не глубже двенадцати дюймов, пытаясь довести раненую псевдокасатку до изнеможения. О бегстве он и не помышлял. Битва шла не на жизнь, а на смерть.

Но Кта-Джон, казалось, не знал усталости.

Охотничий клич эхом отдавался в проливах. Чудовище совсем близко.

— Пилотттт! Почему ты сссопротивляешься? Ты ведь знаешь, что пищевая цепочка на моей ссстороне!

Кипиру мигнул. Как может Кта-Джон связывать

это с религией?

До возвышения концепция пищевой цепочки, как некой мистической иерархии, была в центре мировоззрения китообразных, частью «сна китов».

Кипиру во всеуслышание провозгласил:

— Кта-Джон, ты сошел с ума. То, что Метц снабдил тебя несколькими зиготами касатки, не дает тебе права пожирать всех!

В старину люди часто удивлялись, почему дельфины и большинство китов остаются дружески настроенными к ним даже после того, как люди чуть не истребили их полностью. Когда люди начали размещать дельфинов и касаток в соседних бассейнах океанских парков, они кое-что начали понимать. Они, к своему изумлению, обнаружили, что дельфины перепрыгивают через барьер, чтобы плавать вместе с китами-убийцами… пока касатки не голодны.

Дельфин не может обвинять представителя другого вида, другой расы, если тот его убивает, но при этом стоит выше в пищевой цепочке. На протяжении столетий китообразные просто воспринимали как факт, что человек — высшее звено в этой цепочке, и возмущались только самыми бессмысленными убийствами.

Люди раскаялись в содеянном, когда узнали об этом кодексе чести.

Кипиру, уверенный, что Кта-Джон засек его по последнему обмену словами, скользнул в открытый пролив, чтобы укрыться.

Что-то вокруг показалось ему знакомым. Он не понял, но в воде ощущался какой-то привкус. Привкус дельфиньей смерти.

Есть – быть съеденным

Укусить – быть укушенным

Отплатить морю

Приди и накорми меня!

Слишком близко. Голос Кта-Джона, выкрикивающий религиозные святотатства, слишком близок. Кипиру направился к расселине, чтобы укрыться, и неожиданно остановился. Привкус смерти стал всепоглощающим.

Кипиру стал приближаться медленнее и остановился, увидев висящий в водорослях скелет.

— Хист-т! — вздохнул он.

Дельфин-астронавт пропал в тот первый день, когда волна выбросила на берег Хикахи, а он вел себя как дурак. Тело было съедено стервятниками.

Причина смерти непонятна.

«Я знаю, где я...» — подумал Кипиру. И в этот момент снова прозвучал охотничий клич. Близко! Очень близко!

Он повернулся и поплыл назад по проливу, увидел движение, увернулся, пропуская мимо огромное тело. Волна от гигантских плавников отбросила его в сторону.

Кипиру изогнулся и начал уходить, хотя бок заныл, словно было сломано ребро. Он крикнул:

За мной – регрессировавший мошенник!

Я знаю – пора тебя накормить.

Кта-Джон взревел в ответ и бросился за ним.

Вот их разделяет два корпуса, вот только один, вот половина. Кипиру знал, что в его распоряжении мгновения. Зияющие челюсти сразу за ним.

«Где-то здесь, — подумал он. — Должно быть здесь!»

Тут он увидел расселину и узнал это место.

Кта-Джон взревел, видя Кипиру в ловушке перед островом.

Медленно, медленно

или быстро, быстро –

Пора кормить меня – кормить меня!

— Я тебя скормлю, — выдохнул Кипиру, ныряя

в каньон с узкими стенами.

По обе стороны, как от прилива, раскачивались водоросли.

Пойман! Пойман!

Ты мой…

Кта-Джон удивленно закричал. Кипиру выскочил на поверхность, стараясь опередить ветви. Вынырнул и глубоко вдохнул, держась ближе к стене.

Закипела и вспенилась вода. Кипиру смотрел и слушал: Кта-Джон сражался в одиночку, без доспехов и воздуха, вырывал клочья водорослей челюстями, бился, а они плеть за плетью окутывали его огромное тело.

Кипиру тоже был занят. Он заставлял себя сохранять спокойствие и пользовался только доспехами. Сильные клешни механических рук разрезали плети, тянувшиеся к нему. Чтобы мыслить на англике, он повторял таблицу умножения, расправляясь со стеблями поодиночке.

Полукасатка посылала в небо потоки воды и обрывков растений.

Поверхность покрылась розово-зеленой пеной. Вызывающе прозвучал охотничий клич.

Но проходили минуты. Все реже тянулись нити

к Кипиру. Все больше и больше опускалось их на борющегося гиганта. Снова послышался охотничий крик, уже слабее, и теперь в нем звучало отчаяние.

Кипиру смотрел и слушал. Битва начала стихать. И его охватила странная печаль, он словно жалел о таком конце.

Я ведь сказал — я тебя скормлю…

И он медленно запел умирающему существу внизу:

Но не сказал, кому –
Кому я тебя скормлю…

Глава 75
ХИКАХИ

С ночи она искала укрывшихся в убежище, вначале медленно и осторожно, потом с возрастающим отчаянием. Наконец, забыв об осторожности, послала сонарный луч.

Ничего! Где-то были фины, но они не реагировали!

Только углубившись в лабиринт проливов, она уловила звук. И тут поняла, что один из финов безумен, что оба они заняты ритуальным едино-

борством и отгородились от всей вселенной до завершения битвы.

И это больше всего ошеломило Хикахи. Ритуальное единоборство? Здесь?

Какое отношение это имеет к молчанию «Стремительного»?

У нее было нехорошее предчувствие, что единоборство будет идти не на жизнь, а на смерть.

Она поставила сонар на автоматику и предоставила скифу возможность идти самостоятельно. Немного поспала, переведя сначала одно полушарие, потом другое в альфа-ритм, а маленький корабль скользил по узким проливам, держа курс на северо-восток.

Ее разбудил громкий звонок. Скиф остановился. Инструменты показывали, что впереди, у самой стены острова, китообразное. Медленно плывет на запад.

Хикахи включила гидрофоны.

— Кто ты? — загремел в воде голос. — Немедленно приблизься!

Послышался слабый звук, усталый свист:

— Сюда, идиот! На мой голос!

Что-то показалось в узком проливе между островами. Хикахи включила прожекторы. Серый дельфин замигал в ярком свете.

— Кипиру! — ахнула Хикахи.

Тело пилота в синяках, сильный ожог на боку, но он тем не менее улыбнулся.

Ах, мягкие дожди –
Дорогая, ты пришла
И спасла меня…

Улыбка погасла, как залитый костер, глаза закатились. И потерявшее сознание тело чисто инстинктивно поднялось на поверхность и плыло, пока Хикахи не приблизилась к нему.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
«ТРОЯНСКИЙ МОРСКОЙ КОНЕК»

Черные полумесяцы поднимаются
Из воды, где начинается полусвет,
Куда они идут, к каким берегам,
Дельфины? Дельфины?
Хэмиш Макларен

Глава 76
ГАЛАКТЫ

Би Чохуан проклинала скупость своих начальников. Если бы Синтианское Верховное Командование послало наблюдать за битвой фанатиков материнский корабль, она смогла бы приблизиться во флиттере — они достаточно малы и можно было рассчитывать остаться незамеченной. А так она вынуждена пользоваться большим кораблем, чтобы проходить через пункты перехода и гиперпространство. Но он слишком большой, чтобы незаметно подобраться к сражающимся, и в то же время слишком мал и слаб, чтобы успешно защищаться.

Она чуть не выстрелила в крошечный шар, который показался из-за астероида и подкрался к ее убежищу. Но вовремя узнала разведчик вазуна.

Нажала кнопку, открывающую шлюз, но вазун держался на расстоянии, посылая серию лазерных сигналов. «Ваша позиция раскрыта, — сообщали сигналы. — Снаряды приближаются…»

Би изрыгала самые страшные проклятия. Каждый раз, как только она приближается настолько, чтобы послать сообщение землянам, ей приходится бежать от какого-то параноидально-случайного щупальца битвы.

— Быстрее возвращайся на борт! — прощелкала она приказ вазуну. И так погибло уже слишком много этих малышей.

— Ответ отрицательный. Беги, Би. Вазун отвлечет…

Би рявкнула от такого неповиновения. Три оставшихся на полке вазуна съежились и уставились на нее большими глазами.

Шар-разведчик полетел в ночь.

Би закрыла шлюз и включила двигатели. Осторожно пробиралась между глыбами первобытных скал, подальше от опасного района.

«Слишком поздно, — подумала она, глядя на приборы слежения. — Снаряды приближаются

слишком быстро».

Неожиданная вспышка сзади рассказала ей о судьбе маленького вазуна.

Усы Би взъерошились, она думала о том, как сведет счеты с фанатиками при первой же возможности.

Тут появились снаряды, и она оказалась слишком занята даже для таких приятных мыслей.

Два снаряда она превратила в пар своей пушкой, стреляющей заряженными частицами. Два других выстрелили в нее, но их лучи отразили защитные поля корабля.

"Эх, земляне, — размышляла она. — Вы даже не узнаете, что я была здесь. Вам кажется, что вселенная забыла о вас.

Но не останавливайтесь, волчата. Сражайтесь! Рычите на преследователей! А когда отказывает оружие — кусайтесь!" Би уничтожила еще четыре снаряда, но пятый разорвался слишком близко, отправив ее разбитый горящий вращающийся корабль в пыльную галактическую тьму.

Глава 77

ТОШИО

Ночь влажная, время от времени накрапывает дождь. Широкие гладкие листья неуверенно раскачиваются на ветру, который дует отовсюду, словно не может выбрать направление. Когда две маленькие китрупские луны пробиваются сквозь облака, глянцевитая листва начинает блестеть.

На крайней южной оконечности острова грубая тростниковая крыша пропускает дождь медленными ручейками. Капли падают на корпус маленького космического корабля. Вода собирается лужицами на его поверхности, потом стекает. К стуку капель по крыше присоединяется шум воды, текущей по глине под цилиндрической машиной.

Ручейки огибают гребни поля стасиса. Текут, оставляя следы, по иллюминаторам, темным или светлым в перемежающемся свете лун.

Ручейки находят щели вокруг шлюза, и вода капает на поверхность.

Послышалось негромкое механическое гудение, чуть громче шума дождя.

Щели вокруг немного расширились. Соседние ручейки устремились в новые русла. Под люком образовалась лужа.

Дверь немного приоткрылась. Ручейки словно стремились ворваться в корабль. Поток устремился из нижней щели. Он обрушился на поверхность, потом так же неожиданно прекратился.

С глухим вздохом бронированный щит отошел в сторону. Несколько капель дождя упало в отверстие.

На пороге, не обращая внимания на дождь, стояла темная фигура в шлеме. Она посмотрела налево, направо, потом вышла и зашлепала по луже.

Люк снова закрылся с гудением и негромким щелчком.

Фигура склонилась в поисках тропы.

Дэнни села, услышав звук шагов. Прижав руку к груди, она прошептала:

— Тошио?

Клапан палатки откинули. На мгновение показалась темная фигура.

Негромкий голос произнес:

— Да, это я.

Пульс Дэнни начал замедляться.

— Я боялась, что это кто-то другой.

— А кого ты ждала, Дэнни? Чарли Дарта? Думаешь, он пришел похитить тебя? А может, одного из кикви? — Он посмеивался, но не мог скрыть

напряжения в голосе. Снял комбинезон и шлем и повесил у двери. Потом залез в свой спальный мешок.

— Где ты был?

— Нигде. Спи, Дэнни.

Дождь продолжал неровно стучать. Дэнни сидела, глядя на Тошио в слабом свете, который пробивался сквозь дверь. Она видела только белки его глаз, которые словно смотрели в пустоту.

— Пожалуйста, Тош, расскажи мне. Когда я проснулась, а тебя в спальном мешке не оказалось… — Она смолкла, и он повернулся взглянуть на нее. Перемена, происшедшая с Тошио Ивашика за последние несколько недель, заметнее всего была в напряженном выражении глаз.

Наконец он ответил:

— Ну, ладно, Дэнни. Я просто ходил к баркасу. Забрался внутрь и огляделся.

Сердце Дэнни опять забилось чаще. Она начала было говорить, запнулась, потом справилась с собой:

— Разве это не опасно? Я хочу сказать: невозможно предугадать реакцию Такката-Джима! К тому же он действительно предатель.

Тошио пожал плечами.

— Мне и нужно было узнать кое-что еще.

— Но как ты смог попасть туда и ускользнуть так, чтобы тебя не поймали?

Тошио приподнялся на локте. Она увидела, как он улыбается.

— Гардемарин иногда знает то, чего не знает старший офицер, Дэнни.

Особенно, если это касается укрытий на корабле. Когда наступает свободное время, всегда найдется пилот или лейтенант, который придумает занятие для праздных рук или плавников… подучить астрогацию или правила протокола, например. Мы с Акки прятались в трюме баркаса. Научились открывать люк, не подавая сигнал в контрольную рубку.

Дэнни покачала головой.

— Хорошо, что ты не сказал мне, куда идешь. Я умерла бы от беспокойства.

Тошио нахмурился. Опять Дэнни становится похожа на его мать. Она по-прежнему не хотела уходить, оставив его на острове. Тошио надеялся, что больше она об этом не заговорит.

Она легла на бок, подложив под голову руку и продолжая смотреть на него. Немного подумала, потом прошептала:

— Что ты нашел?

Тошио закрыл глаза.

— Тебе все равно нужно знать, — сказал он. — Ты должна рассказать Джиллиан, если я не смогу связаться с ней утром. Я узнал, что делает Такката-Джим с бомбами, которые отобрал у Чарли. Он хочет использовать их в качестве топлива для баркаса.

Дэнни замигала.

— Но… но что мы можем сделать?

— Не знаю! Не знаю даже, должны ли мы что-то делать. В конце концов, через пару недель его аккумуляторы и так зарядятся, и он сможет взлететь.

Может, Джиллиан все равно. С другой стороны, возможно, это очень важно. Я пока еще не решил. Может, придется что-то сделать…

Он видел частично разобранные бомбы через окно в двери лаборатории баркаса. Добраться до них гораздо труднее, чем просто посмотреть.

— Что бы ни случилось, — успокаивал он, — я уверен, все будет в порядке. Проверь утром, все ли твои записи упакованы. Данные о кикви — вторые по ценности в нашей безумной одиссее, и мы должны их доставить.

Ладно?

— Конечно, Тош.

Он лег на спину. Закрыл глаза и спокойно зады-

шал, изображая сон.

— Тошио?

Молодой человек вздохнул.

— Да, Дэн…

— Гм, я насчет Сахота. Он уходит, только чтобы сопровождать меня.

Иначе, я думаю, ты столкнулся бы с мятежом.

— Знаю. Он хочет остаться и слушать эти свои подземные «голоса». — Тошио потер глаза, удивляясь, почему Дэнни не дает ему уснуть. Он уже выслушивал назойливые просьбы Сахота.

— Не отметай их так просто, Тош. Он говорит, что Крайдайки тоже их слушал, и ему пришлось прервать связь, чтобы вывести капитана из транса, эти голоса завораживают.

— Капитан теперь — калека с поврежденным мозгом. — Слова звучали горько. — А Сахот — эгоцентричный и ненадежный…

— Я тоже так считала, — прервала его Дэнни. — Он меня пугал, пока я не поняла, что он мил и совершенно безопасен. Но даже если у этих двух финов галлюцинации, остаются мои исследования об этих металлических островах.

— Ммммф, — сонно заметил Тошио. — А что именно? То, что они живые?

Дэнни поморщилась от такого пренебрежения.

— Да, а также необыкновенная экониша деревьев-сверл. Тошио, я провела анализ на своем карманном компьютере, и есть только одно решение! Стволы деревьев-сверл — часть единого организма, организма, который начало жизненного цикла проводит на поверхности, внешне напоминая коралловую колонию, а потом опускается в подготовленную деревом-сверлом яму…

— И вся эта хитроумная адаптация и трата энергии — только чтобы выкопать себе могилу? — вмешался Тошио.

— Нет! Не могилу! Канал! Металлический остров — это только начало жизненного цикла существа… личиночная стадия. Его взрослая жизнь внизу, под тонкой корой планеты, где конвективные потоки магмы дают достаточно энергии для металлоорганической формы жизни!

Тошио честно пытался слушать, но мысли все время рассеивались — бомбы, предатели, тревога об Акки, его пропавшем товарище, и о человеке где-то к северу от них, который заслуживает, чтобы его кто-то ждал — когда он наконец вернется на этот остров. — …я только не понимаю, как могла возникнуть такая форма жизни!

Никаких промежуточных форм, никаких следов предшественников, никаких упоминаний

в Библиотеке о Китрупе… а ведь это настолько уникальная форма жизни, что заслуживает упоминания!

— М-м-м…

Дэнни посмотрела на Тошио. Он закрыл рукой глаза и спокойно дышал, словно засыпая. Но она видела, как быстро пульсирует жилка у него на виске, через равные промежутки Тошио сжимал другую руку в кулак.

Она лежала, глядя на него в полутьме. Хотела схватить и потрясти, заставить слушать.

"Чего я к нему пристаю? — неожиданно спросила она себя. — Конечно, это важно, но все это интеллектуальный бред, а Тошио в ответе за нашу часть мира. Он так молод, но уже несет бремя бойца.

Что я чувствую к нему?"

Ощущение внизу живота подсказывало.

"Я пристаю к нему, чтобы привлечь его внимание.

Мне нужно его внимание, — поправила она себя. — Как всегда неуклюже, я пытаюсь ему помочь…"

Нервничая, она осознала собственную глупость.

«Если я старше его и не понимаю себя, как я

могу ждать, что он разберется?» — поняла она наконец.

Она протянула руку. Рука коснулась черных волос, длинными влажными прядями закрывавших его виски. Дрожа, она снова прислушалась к себе и поняла, что ее удерживает только страх быть отвергнутой.

Как будто по собственной воле, рука коснулась щеки Тошио. Юноша вздрогнул, повернулся и посмотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Тошио, — она сглотнула. — Мне холодно.

Глава 78
ТОМ ОРЛИ

Когда наступило относительное затишье, Том мысленно записал:

«Запомнить раз и навсегда — нельзя трогать осиное гнездо».

Он держал во рту один конец импровизированной трубки для дыхания.

Другой конец под видом сломанного стебля выступал над поверхностью. К счастью, на этот раз не приходилось втягивать слишком много воздуха: помогала дыхательная маска. В этом месте в воде растворено больше кислорода.

Над головой снова скрестились лучи оружия, доносились крики идущей рядом войны. Дважды вода вздрогнула от близких взрывов. «По крайней мере сейчас не страшно, что я испекусь от снарядов, — утешал он себя. — Все, что у них есть, только ручное оружие».

Том иронично усмехнулся. «Ручное оружие».

В первой засаде он прикончил двух танду прежде, чем они смогли снять со спины свои ружья, заряженные частицами. Ему даже удалось ранить мохнатого эписиарха, а потом нырнуть в отверстие в водорослях.

Но он едва успел. На левой ноге ожог второй степени от близко прошедшего луча. В последний момент он увидел, как поднимается эписиарх, голова его окружена, как нимбом, светящимся ореолом нереальности. Тому показалось, что сквозь дрожащий свет он увидел звезды.

Танду не смогли удержаться на своей тропе, которая начала дико изгибаться. Вероятно, это повлияло на их хваленую меткость и спасло ему жизнь.

Как Том и ожидал, мстительные танду, охотясь, двинулись на запад. Он время от времени выглядывал, чтобы поддерживать их интерес.

Но потом, когда он плыл от одного отверстия в

водорослях к другому, сражение наверху продолжалось без него. Он слышал звуки битвы и понял, что его преследователи столкнулись с другим отрядом ити.

И Том уплыл под водой в поисках других приключений.

Шум битвы переместился. Час назад Том подсмотрел, что в стычке участвуют с полдесятка губру и три избитые машины незнакомого типа на толстых шинах. Том не мог сказать, роботы это или они управляются экипажами, но они, несмотря на свою огневую мощь и шины, как будто не могли приспособиться к предательской поверхности.

Он с минуту прислушивался, потом свернул свой шланг и сунул за пояс.

Осторожно поднялся к поверхности маленького бассейна и поднял глаза над переплетением водорослей.

Теперь он гораздо ближе к яйцеобразному корпусу. Их разделяло всего несколько сотен метров. От машин на колесах остались лишь две дымящиеся развалины. На глазах Тома сначала одна, потом другая медленно погрузились в воду. Три покрытых слизью губру, очевидно, последние из отряда, пробирались по болоту к плавающему

кораблю. Их перья прилипли к тощим телам с ястребиными клювами. Зрелище было жалкое.

Том встал и заметил вспышки на юге: там продолжается схватка.

Три часа назад появился разведчик соро и начал атаку с бреющего полета, но его перехватил атмосферный истребитель танду. Они стреляли друг в друга, в них стреляли снизу, и наконец они соединились в яростном взрыве и спутанным клубком упали в море.

Почти через час все повторилось. На этот раз участниками оказались неуклюжий тендер птака и избитый истребитель Братьев Ночи. Их обломки присоединились к другим, медленно погружающимся в болото.

«Ни пищи, ни убежища, а та единственная раса фанатиков, которую я хотел бы увидеть, отсутствует в этой бойне».

Информационная бомба запрятана за поясом. Хотел бы он знать, когда настанет ее черед.

"Джиллиан уже беспокоится, — подумал Том. — Слава богу, по крайней мере хоть она в безопасности.

А битва продолжается. Значит, у нас еще есть шанс.

Да. И дельфины любят долгие прогулки вдоль

берега.

Ну хорошо. Посмотрим, смогу ли я доставить еще какое-нибудь беспокойство".

Глава 79
ГАЛАКТЫ

Соро Крат прокляла отдел стратегического планирования. Клиенты благоразумно попятились, пока она успокаивалась, разрывая на части влетуровую подушку.

Потеряны четыре корабля! А танду потеряли лишь один! Последняя схватка превратилась в катастрофу!

А тем временем в мелких стычках на поверхности планеты один за другим гибнут ее корабли поддержки.

Как будто остатки всех потерпевших поражение флотов, прятавшиеся на спутниках и планетоидах, решили, что земляне скрываются где-то возле вулкана на поверхности Китрупа в среднесеверных широтах. Почему они так считают?

Ведь не станут же они сражаться впустую? Схватка теперь идет по собственным законам. Кто бы мог подумать, что побежденные сохранят

столько огневой силы, чтобы в последнем усилии попытаться захватить добычу?

Крат гневно согнула брачный коготь. Она не может не считаться с тем, что они правы. Что если сигнал тревоги исходил действительно от земного корабля? Несомненно, это человеческое хитроумие от дьявола, но она не может рисковать: вдруг беглецы там!

— Теннанинцы отозвались? — выпалила она.

Пила в коммуникационной секции быстро поклонился и ответил:

— Еще нет, мать флота, хотя от своих союзников танду они отделились.

Мы ожидаем сообщения от Буоулт.

Крат коротко кивнула.

— Немедленно доложите мне! — Пила торопливо согласился и попятился.

Крат перебирала варианты. В конце концов, все сводится к тому, какой поврежденный и почти бесполезный корабль она может выделить для полета к планете.

Она подумала о теннанинском корабле, поскольку неизбежен новый союз против общего врага — танду. Но потом решила, что это неразумно. Лучше держать самодовольных лицемерных теннанинцев поближе, чтобы она могла не

спускать с них глаз. Она пошлет один из своих поврежденных кораблей.

Крат мысленно представила землян — костлявых, волосатых, с кожей, как тесто, пронырливых существ, а также их странных пищащих безруких клиентов-дельфинов. «Когда они будут принадлежать мне, — подумала она, — я заставлю их пожалеть обо всех причиненных мне неприятностях».

Глава 80
ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

"Мы прибыли.

Последние четыре часа я была матриархом сумасшедшего дома. Хвала небу за Ханнеса, и Тшут, и Лаки Каа, и всех прекрасных компетентных финов, которых нам так не хватало. Я до сих пор не понимала, как много лучших было отправлено готовить наш новый дом.

Последовала волнующая встреча. Фины мелькали, сталкивались друг с другом и издавали такой шум, что, я уверена, их услышали галакты. Тише стало, только когда вспомнили об отсутствующих. О шести финах, включая Хикахи, Акки и Кипиру, и, конечно, о Томе.

Только спустя немного времени мы обнаружили, что Крайдайки тоже не хватает.

После короткого праздника мы принялись за работу. Лаки Каа взялся за руль и почти так же уверенно, как Кипиру, ввел «Стремительный» в корпус теннанинского корабля. Опустились огромные зажимы и схватили «Стремительный», сделав его частью внешнего корпуса. Все совпало. Техники немедленно стали соединять сенсоры и настраивать генераторы стасиса.

Двигатели готовы. Открыли тщательно замаскированные орудийные бойницы — на случай битвы.

Какое свершение! Никогда бы не подумала, что оно возможно! Не думаю, чтобы галакты что-то заподозрили. Воображение Тома поразительно.

Услышать бы только нам его сигнал…

Я попросила Тошио прислать Дэнни и Сахота сюда на санях. Если двинутся прямым путем и на максимальной скорости, доберутся за день. В это время мы будем заканчивать приготовления.

Нам очень важно получить записи Дэнни и образцы плазмы. Если Хикахи появится, я попрошу ее сделать остановку на острове, чтобы принять послов кикви. Наш долг перед этими маленькими земноводными — спасти их от

служения какой-нибудь сумасшедшей расе галактических патронов. Тошио решил остаться — приглядывать за Такката-Джимом и Метцем и встретить Тома, если он появится. Я думаю, последнее он добавил, понимая, что я не смогу возразить… Я знала, что он это предложит, и на это рассчитывала.

Жаль, что мне приходится использовать Тошио, чтобы следить за Такката-Джимом. Даже если наш бывший помощник капитана меня «разочарует» и будет вести себя нормально, не знаю, сумеет ли Тошио вовремя вернуться, особенно если нам придется неожиданно стартовать.

Теперь я понимаю, что такое «вдоль приказов».

Мне пришлось изобразить удивление, когда Тошио рассказал о мини-бомбах, украденных Чарли Дартом из арсенала. Тошио предложил попытаться отобрать их у Такката-Джима, но я это запретила. Сказала ему, что мы рискнем. Я не могла ему довериться. Тошио умный молодой человек, но он не умеет обманывать.

Думаю, что все рассчитала верно. Если бы только я была уверена.

Проклятый Нисс опять вызывает меня. На этот раз придется узнать, что ему нужно.

О, Том! Смог бы ты заменить капитана корабля? Не прощу себе, что разрешила Крайдайки выйти одному.

Но ведь он вел себя так нормально. Во имя Ифни, что произошло?"

Глава 81
ЧАРЛЗ ДАРТ

Рано утром он уже был у консоли на краю воды, счастливо разговаривая со своим новым роботом. Тот уже опустился на километр, прикрепляя по пути к стене ствола маленькие датчики.

Чарлз Дарт оживленно бормотал. Через несколько часов робот погрузится на глубину предыдущего, почти ни на что негодного зонда, который Дарт уже оставил. Потом, проведя еще несколько тестов, чтобы подтвердить его теорию относительно локальных формаций коры, Дарт сможет формулировать основные проблемы. Например, что такое, в конце концов, эта планета Китруп.

Никто, никто не сможет теперь остановить его!

Он вспомнил годы, проведенные в Калифорнии, в Чили, в Италии, когда изучал землетрясения,

работал с крупнейшими специалистами геофизики. Это приятно будоражило. Но через несколько лет он почувствовал что-то неладное.

Его приняли во все профессиональные общества, его статьи встречали, хвалили и изредка язвительно критиковали — эти реакции настоящие ученые предпочитают сплетням. Не было недостатка в лестных предложениях.

Но наступило время, когда он задумался: где же его ученики?

Почему аспиранты не выбирают его своим научным руководителем? Он видел, как осаждают его коллег энергичные соискатели, но, несмотря на внушительный список его публикаций, на его широко известные, хотя и спорные порой, теории, к нему приходили только второсортные, те, кто ищет скорее грант, чем руководителя. Ни один способный молодой студент, ни одна талантливая студентка не просили его стать их шефом.

Конечно, иногда он срывался, и один или два студента покинули его с желчными замечаниями, но ведь это не может объяснить застой его педагогической карьеры.

И постепенно он стал подозревать, что за этим скрывается нечто другое. Нечто… расовое.

Дарт никак не реагировал на модели поведения

прошедших возвышение шимпов: на утонченную вежливость большинства к людям или мрачное негодование небольшого, но громкоголосого меньшинства. Но несколько лет назад он начал обращать на это внимание. И вскоре у него возникла догадка: студенты избегают его, потому что он шимпанзе!

Это его ошеломило. На целых три месяца он бросил свои исследования, проблемы. Прочел протоколы, дающие человечеству права патрона на его расу, и рассердился из-за того, что люди получили абсолютную власть над его племенем. Но также узнал, что никто не давал через четыреста лет клиентам права заседать в высшем совете, а человечество дало.

Чарлз Дарт был смущен. Но потом задумался над смыслом слова «дать».

Он читал о расовых предрассудках человечества в старину. Неужели всего полтысячелетия назад люди рассказывали друг о друге чудовищно лживые вещи только из-за пигмента кожи и убивали миллионы, поверив в собственную ложь?

Он узнал о теории символизма — когда разрешалось допускать в науку и в правительство ограниченное число негров, как показатель их равенства — и почувствовал жгучий стыд. Имен-

но тогда он вызвался добровольцем в дальний космический полет, решив не возвращаться, пока не докажет, что, как ученый, он не уступает любому человеку!

Увы! Он получил назначение на «Стремительный», корабль, полный дельфинов и воды. И в довершение ко всему, этот самодовольный дурак Игнасио Метц немедленно начал обращаться с ним, как сноб с одним своим экспериментальным полукровкой!

Чарли научился жить с этим. Он приспособился к Метцу. Он все перенесет, пока не будут объявлены результаты его исследований Китрупа.

И тогда при его появлении все будут вставать! К нему придут талантливые молодые ученые. И все увидят, что он, по крайней мере, не символ!

Глубокие размышления Чарли прервал шум в лесу. Чарли торопливо прикрыл приборы в углу консоли. Никто не должен узнать о тайной части его эксперимента.

На тропе из деревни показались Дэнни Судман и Тошио Ивашика, они разговаривали негромко и несли в руках небольшие свертки. Чарли занялся роботом, но искоса посматривал на людей, гадая, не заподозрили ли они чего.

Но нет. Они слишком заняты друг другом, каса-

ются, ласкают, шепчут.

Чарли негромко фыркнул: как много значит для людей секс. Но когда они взглянули в его сторону, он улыбнулся и помахал им рукой.

Они помахали в ответ и вернулись к своему разговору. Они ничего не подозревают, поздравил себя Чарли. Ему повезло, что они влюблены.

— Я хочу остаться. А если Джиллиан ошибается? Если Такката-Джим раньше закончит конвертировать бомбы?

Тошио пожал плечами.

— У меня есть кое-что, что ему нужно. — Он взглянул на сани в бассейне, те самые, что принадлежали Тому Орли. — Без этого Такката-Джим не улетит.

— Совершенно верно! — энергично подхватила Дэнни. — Ему нужно это радио, иначе ити взорвут его, прежде чем он вступит в переговоры. Но ты будешь один! Этот фин опасен!

— Это одна из причин, почему я хочу немедленно отослать тебя.

— Говорит большой мужчина-хозяин? — Дэнни пыталась говорить саркастично, но не смогла.

— Нет. — Тошио покачал головой. — Говорит твой военный командир.

Вопрос решен. Давай грузить последние образ-

цы. Я провожу вас с Сахотом несколько миль, прежде чем мы попрощаемся.

Он нагнулся к одному из пакетов, но почувствовал прикосновение к спине. Резкий толчок лишил его равновесия, заставил замахать руками.

— Дэнни! — Он увидел ее злорадную улыбку. В последний момент выставил руку и успел схватить ее. Смех сменился криком, и они оба упали в воду.

Отплевываясь, вынырнули между санями. Дэнни торжествующе закричала, схватив обеими руками его голову и погрузив в воду. Но тут же выскочила из воды. Что-то подтолкнуло ее.

— Тошио! — обвиняюще крикнула она.

— Это не я. — Он перевел дыхание и отплыл подальше. — Должно быть, второй твой возлюбленный.

— Мой… О, нет! Сахот! — Дэнни, отбиваясь, повернулась и закричала, когда что-то схватило ее сзади. — Эй вы, самцы с мошонкой вместо мозга, вы способны думать о чем-нибудь еще?

Поблизости появилась пятнистая серая дельфинья голова. Дыхатель, надетый на дыхало, лишь слегка искажал смех дельфина.

Задолго до того,

Как люди вышли в море на бревнах –
Мы сделали открытие –

Хотите попробовать
Любовь
На троих?

Он смеялся, Тошио тоже, а Дэнни покраснела. Она начала обливать Тошио водой, он подплыл к ней, схватил за руки и, чтобы остановить поток обвинений, поцеловал.

Она ответила ему, и на губах появился горький вкус Китрупа. Сахот подплыл и осторожно взял их ноги в свои острые неровные зубы.

— Знаешь, нам не стоит подвергать себя лишнему воздействию, — сказал ей Тошио, пока они обнимались. — Тебе не следовало этого делать.

Дэнни покачала головой, потом уткнулась в его плечо, чтобы спрятать лицо.

— Кого мы обманываем, Тош? — прошептала она. — К чему беспокоиться о медленном отравлении металлом? Мы умрем задолго до того, как посинеют наши десны.

— Ах, Дэнни. Это вздор… — Он пытался найти слова, чтобы успокоить ее, но почувствовал, что может только прижимать ее к себе, а дельфин обернулся вокруг них обоих.

Зазвенел коммуникатор. Сахот включил прибор на санях Орли. Они моноволоконным кабелем были соединены с прежней стоянкой «Стремительного».

Он прислушался к щелчкам, потом быстро прощелкал что-то в ответ.

Приподнялся высоко в воде, снял дыхатель.

— Это тебя, Тошио!

Тошио не спросил, насколько это важно. По этой линии приходят только экстренные сообщения. Он осторожно высвободился.

— Заканчивай упаковку. Я скоро вернусь и помогу.

Она кивнула и вытерла глаза.

— Останься с ней ненадолго, Сахот, — попросил Тошио, подплывая к устройству связи. Стенос кивнул.

— С радоссстью, Тошио. Моя очередь развлекать леди. Но я нужен тебе, чтобы переводить.

Тошио недоумевающе посмотрел на него.

— Это капитан, — сообщил Сахот. — Крайдайки хочет поговорить с нами обоими. Хочет, чтобы мы помогли ему установить связь с технообитателями этого мира.

— Крайдайки? Говорит оттуда? Но Джиллиан сказала, что он пропал! — Тошио нахмурился; до

него дошел смысл слов Сахота.

— Техно… Он хочет поговорить с кикви?

— Нет, сэр; вряд ли они подходят под такое определение, наш бесстрашный военный предводитель. Капитан хочет поговорить с моими «голосами». С теми, кто живет глубоко внизу.

Глава 82
ТОМ ОРЛИ

Брат Двенадцати Теней негромко задудел. Звуки удовольствия распространялись в воде. Он отплыл от места засады, прислушиваясь к затихающим звукам конвульсии жертвы.

Темнота под ковром водорослей его не беспокоила. Она не помеха для Брата Ночи.

— Брат Темных Сумерек, — засвистел он. — Радуешься ли ты, как и я?

Откуда-то слева от него, из путаницы растительности, донесся радостный ответ.

— Я радуюсь, Старший Брат. Эти воины пила больше никогда не смогут преклониться перед своими извращенными хозяевами — самками соро. Хвала древним воинам!

— Мы лично поблагодарим их, — ответил Брат Двенадцати Теней, — когда узнаем расположение

их вернувшегося флота от этих полуразумных землян. А пока хвала нашим, давно почившим, патронам Ночным Охотникам, которые сделали из нас таких отважных воинов. — Я благодарю их души, Старший Брат.

Они плыли, разделенные тройной длиной тела, как требовала доктрина подводной засады. Среди водорослей это было неудобно, вода отзывалась необычным эхом, но доктрина есть доктрина, она так же неоспорима, как инстинкт.

Старший Брат прислушивался, пока не прекратились последние конвульсии тонущего пила. Теперь он и его товарищ движутся к одному из плавающих обломков, где, несомненно, найдутся еще жертвы.

Все равно, что срывать плоды с дерева. Даже такие могучие воины, как танду, среди этих ужасных водорослей барахтаются словно олухи, — все, но не Братья Ночи. Способные быстро приспосабливаться, изменяться, Братья плывут под водорослями, всюду сея смятение.

Жаберные щели всасывали воду с металлическим привкусом. Брат Двенадцати Теней обнаружил в воде полоску, где содержится чуть больше кислорода, и слегка повернул, чтобы пройти через нее. Конечно, важно соблюдать

доктрину, но разве здесь, под водой, небольшое отступление от нее может повредить?

И вдруг резкие звуки, короткий крик и тишина.

— Меньший Брат, в чем дело? — послал запрос Брат Двенадцати Теней в том направлении, где плыл его уцелевший партнер. С растущей тревогой он ждал ответа.

— Брат Темных Сумерек!

Он нырнул под свисающие щупальца, держа в каждой из четырех инструментальных рук по ружью.

Что могло одолеть такого испытанного бойца, как его младший брат?

Никто из знакомых ему патронов на это не способен. А робот был бы обнаружен металлодетекторами.

И вдруг ему пришло в голову, что эти полуразумные «дельфины» могут быть очень опасны в воде.

Но нет. Дельфины дышат воздухом. И они большие. Он осмотрел окрестность и не увидел никаких отражений.

Старейший Брат — тот, что командовал уцелевшими остатками флотилии и находился в пещере на одном из спутников, — заключил, что здесь, в

северном море, землян нет, но послал небольшой корабль мешать другим и наблюдать. Два брата в воде — вот и весь экипаж, вернее, то, что от него осталось. Однако ничто не предвещало присутствия землян.

Брат Двенадцати Теней быстро обогнул край открытого бассейна. Может быть, его младший брат выплыл на открытое место и был поражен сверху?

Подготовив оружие, он поплыл на слабый звук.

Во тьме ощутил впереди большое тело. Испустил звук и сосредоточился на сложных отражениях.

Отражения показывали, что поблизости находится существо, большое и неподвижное.

Он подплыл, посмотрел и начал оплакивать. Вода проходила сквозь жаберные щели, а он восклицал:

Я отомщу за тебя, Брат!

Я убью всех в этом море, кто мыслит!

Я принесу тьму всем, кто надеется!

Я буду…

Послышался громкий всплеск. Брат испустил нечто вроде «урк», когда сверху упало что-то

тяжелое и обхватило его длинными руками и ногами.

Брат Двенадцати Теней с ужасом понял, что это человек! Полуразумный, тонкокожий, неизвестно каким патроном воспитанный!

— Прежде чем ты исполнишь обещанное, тебе предстоит кое-что еще, — послышался голос на галактическом десять сразу за органами слуха.

Брат взвыл. Что-то очень острое перерезало ему горло в области спинного нерва.

Он услышал, как его противник почти сочувственно сказал:

— Тебе предстоит умереть.

Глава 83
ДЖИЛЛИАН БАСКИН

— Я только могу вам сказать, Джиллиан Баскин, что он знал, как меня найти. Добрался сюда на «ходоке» и говорил со мной.

— Крайдайки был здесь? Мы с Томом догадались, что он знает о нашем компьютере, но найти его…

— Я не был удивлен, доктор Баскин, — прервал ее Нисс, сглаживая грубость абстрактным рисунком. — Капитан хорошо знает свой корабль. Я

полагаю, он догадался о моем местонахождении.

Джиллиан села у двери и покачала головой.

— Мне следовало появиться, когда ты начал подавать сигнал. Может, я помешала бы его уходу.

— Это не ваша вина, — с необычным чувством ответила машина. — Если бы я считал ситуацию чрезвычайной, я сделал бы сигнал требовательнее.

— Конечно. — В голосе Джиллиан звучал сарказм. — Совершенно неважно, когда офицер, следуя атавизму, в результате теряется в смертоносном враждебном окружении.

Рисунок изменился.

— Вы ошибаетесь. Капитан Крайдайки не стал жертвой шизофрении регресса.

— Откуда ты знаешь? — горячо спросила Джиллиан. — После засады у Морграна треть экипажа склонна к проявлениям атавизма, включая всех финов с генами стеносов. Как можно утверждать, что после всех перенесенных страданий Крайдайки не регрессировал? Как он может воспользоваться кининком, если даже разучился говорить!

Нисс спокойно ответил:

— Он пришел сюда в поисках уникальной информации. Он знал, что у меня доступ не только к

микроветви корабельной Библиотеки, но и к более сложной, которую мы взяли на теннанинском корабле. Он не мог сказать мне, что ему нужно, но мы нашли способ преодолеть языковой барьер.

— Как? — Джиллиан заинтересовалась, несмотря на гнев и чувство вины.

— С помощью пиктограмм, звуковых и визуальных рисунков, которые я менял с большой скоростью. Он быстро отвечал «да» или «нет» в зависимости от того, куда я иду; как вы, люди, говорите: «горячо-холодно». Вскоре уже он направлял меня, мысля ассоциациями, о которых я не догадывался.

— Например?

Замерцали светящиеся точки.

— Например, как многочисленные загадки Китрупа начинают совмещаться: планета после смерти своих последних обитателей непривычно долго остается невозделанной, необычная экологическая ниша так называемых деревьев-сверл, странные «голоса из глубины» Сахота…

— Дельфины с темпераментом Сахота всегда слышат «голоса», — вздохнула Джиллиан. — И не забудь, что он тоже экспериментальный стенос. Я уверена, некоторые из них попали в экипаж без обычных тестов на стресс.

После короткой паузы машина деловито ответила:

— Тому есть доказательства, доктор Баскин. Очевидно, доктор Игнасио Метц представляет группу нетерпеливых в Центре Возвышения…

Джиллиан встала.

— Возвышение! Черт побери! Я знаю, что Метц это сделал. Думаешь, я слепа? Из-за его безумных планов я потеряла нескольких друзей и незаменимых членов экипажа. О, он, конечно, решил испытать своих подопечных в деле! И некоторые из новых моделей не выдержали напряжения!

Но теперь все кончено! Какова связь возвышения с голосами снизу, или с деревьями-сверлами, или с историей Китрупа, или, кстати, с нашим другом Херби? Какое отношение это имеет к нашим лишениям и попыткам вырваться отсюда?

Сердце ее билось часто, Джиллиан заметила, что сжала кулаки.

— Доктор Баскин, — спокойно ответил Нисс. — Именно об этом я и спросил вашего капитана Крайдайки. И когда он сложил части головоломки, я понял, что возвышение — здесь вопрос не праздный. А главный и единственный. Здесь, на Китрупе, представлено все хорошее и плохое системы, существующей миллиарды лет. Здесь

как будто подвергаются выверке основы галактического сообщества.

Джиллиан смотрела на абстрактный рисунок.

— Какая ирония, — продолжал бестелесный голос, — что эта проблема поставлена вами, людьми, первой разумной расой, которая может утверждать, что ее разум развился в процессе «эволюции».

— Ваше открытие в так называемом Мелком скоплении может привести к войне, ранее немыслимой для пяти галактик. Но кризис может и развеяться, подобно многим другим. Однако ваша деятельность на Китрупе станет легендарной. Тут имеются все слагаемые для этого. А легенды помнят, как правило, дольше, чем войны.

Джиллиан долго смотрела на голограмму. Потом покачала головой.

— Не скажешь ли мне, что ты имеешь в виду?

Глава 84
ХИКАХИ/КИПИРУ

— Мы должжжны торопиться, — настаивал пилот.

Кипиру лежал привязанный к механическому врачу. От сети, которая поддерживала его на

поверхности, отделялись катетеры и трубки. Маленькое помещение заполняли звуки работающего двигателя скифа.

— Ты должен отдыхать, — успокаивала Хикахи. — Нас ведет автопилот. Мы идем под водой на максимальной скорости. И будем на месте очень скоро.

Хикахи еще не пришла в себя от новости о Крайдайки и была потрясена предательством Такката-Джима. Но все же не могла одобрить торопливость Кипиру. Очевидно, он очень предан Джиллиан Баскин и хочет как можно быстрее вернуться, чтобы помогать ей. Хикахи видела и другое. Вероятно, на корабле теперь все под контролем Джиллиан. По сравнению с тем, что она представляла себе несколько дней назад, это почти радостная новость. Даже ранение Крайдайки не мешало Хикахи чувствовать облегчение от того, что «Стремительный» невредим.

Загудели доспехи. Хикахи механической рукой ввела Кипиру слабое снотворное.

— Я хочу, чтобы ты усснул, — сказала она ему. — Ты должен беречь силы. Считай это приказом: ведь ты сказал, что я теперь капитан.

Глаза Кипиру начали уходить в углубления, медленно опустились веки.

— Прошу прощения, сссэр… Мне кажется, теперь я не логичней Моки. Я всегда причиняю неприятноссти…

Его слова начали сливаться под действием лекарства. Хикахи плавала рядом и негромко пела колыбельную:

Спи, защитник –

Пусть тебе приснятся те, кто тебя любит

И будь благословенна твоя храбрость –

Глава 85
ДЖИЛЛИАН

— Ты говоришь, что эти… карранки… были последними разумными, которые получили лицензию на планету Китруп сто миллионов лет назад?

— Совершенно верно, — ответил Нисс. — С ними очень жестоко обращались патроны, подвергли их мутациям, которые выходят далеко за рамки разрешенных кодексом. По данным теннанинской Библиотеки, это вызвало тогда большой скандал. В качестве компенсации карранк% были освобождены от службы по договору и получили

эту планету. Считалось, что появление здесь предразумных маловероятно. Покрытая водой планета — хорошее место для пенсионеров. На таких планетах очень редко развиваются предразумные. Кикви кажутся большим исключением.

Джиллиан ходила по наклонному потолку вставшей дыбом комнаты. Сквозь стены изредка доносился звон: экипаж заканчивал укрепление «Стремительного» внутри «Троянского морского конька».

— Но ты ведь не утверждаешь, что кикви имеют отношение к этим древним…

— Нет. Они появились независимо, и это главная причина, почему вам нужно уйти, благополучно вернуться на Землю и сообщить это.

Джиллиан иронично усмехнулась.

— Спасибо. Мы постараемся.

— Так что же сделали с этими карр… карранками, — Джиллиан постаралась изобразить двойное гортанное придыхание, — что они спрятались на Китрупе и больше никогда не включались в галактическую культуру?

Нисс объяснил:

— В предразумном существовании они были звероподобными существами на богатой металлами планете, похожей на эту. Метаболизм у

них углеродно-кислородный, как и у вас, но они отличные землекопы.

— Я выскажу гипотезу. Их выращивали как шахтеров, чтобы извлекать руды на бедных металлом планетах. Гораздо дешевле ввозить или выращивать шахтеров карранк%, чем перевозить в космосе большие количества металлов. — Очень верная мысль, доктор Баскин. Клиенты карранк% действительно были превращены в шахтеров, и их метаболизм был изменен таким образом, что они получали энергию непосредственно от радиоактивных элементов. Их патроны считали, что это послужит для них побудительным мотивом к работе.

Джиллиан свистнула.

— Такое резкое изменение природы не проходит даром! Ифни, как они должны были страдать!

— Это было извращение, — согласился Нисс. — Когда это обнаружилось, карранк% освободили и предложили попытаться исправить содеянное. Но карранк%, в течение нескольких тысячелетий пытавшиеся вписаться в жизнь космоса, отказались от этого и решили осесть на Китрупе. Планета навсегда была передана им. Никто не думал, что они проживут долго.

— Однако они не вымерли; напротив, по-видимому, продолжали видоизменяться. И стиль их жизни уникален в обозримом космосе.

Джиллиан сопоставила предыдущие фразы и сказала, широко распахнув глаза:

— Ты говоришь, что эти металлические острова…

— Личинки разумной формы жизни, находящейся в коре планеты. Да. Я мог бы догадаться об этом по последним данным, сообщенным Дэнни Судман, но Крайдайки пришел к такому заключению еще раньше. Поэтому он и пришел ко мне. За подтверждением своей гипотезы.

— «Голоса Сахота»! — прошептала Джиллиан. — Это карранк%!

— Вполне приемлемое гипотетическое заключение, — согласился Нисс. — Это было бы открытием столетия, если бы не остальное. Я знаю, у вас есть выражение «льет, как из ведра». Странное, но подходящее выражение.

Джиллиан не слушала его.

— Бомбы! — Она хлопнула себя по лбу.

— Прошу прощения?

— Я позволила Чарли Дарту украсть из арсенала несколько бомб. Я знала, что Такката-Джим конфискует их и начнет преобразовывать, что-

бы получить энергию поля. Это входило в мои планы. Но…

— Вы считали, что Такката-Джим конфискует все бомбы?

— Да! Я собиралась связаться с ним и намекнуть на их исчезновение, но он действовал эффективно и нашел их сразу же. Мне пришлось солгать Тошио, но тут уж делать было нечего.

— Если все идет согласно плану, не вижу проблем.

— Проблема в том, что Такката-Джим мог забрать не все бомбы! Мне не приходило в голову, что Чарли повредит живым разумным, если у него сохранится бомба. Но теперь… Мне нужно немедленно связаться с Тошио!

— Нельзя ли подождать несколько минут? Такката-Джим, вероятно, все проделал основательно, а мне нужно обсудить с вами другой вопрос.

— Нет! Ты не понимаешь. Тошио собирается повредить связь. В соответствии с планом! И если есть вероятность того, что бомба осталась у Чарли, мы должны узнать это немедленно!

Голограмма задергалась.

— Я немедленно устанавливаю связь, — провозгласил Нисс. — Мне понадобится несколько секунд, чтобы незаметно проникнуть в систему

связи «Стремительного». Ждите.

Джиллиан расхаживала по наклонному полу, надеясь, что они успеют.

Глава 86
ТОШИО

Тошио закончил перематывать, закрыл крышку передатчика саней Томаса Орли и сверху смазал ее тонким слоем грязи, чтобы казалось, будто ее давно не открывали.

Потом отсоединил моноволоконный кабель от аппарата, привязал к его концу маленькую красную ленту и опустил. Почти невидимый кабель скрылся в глубине.

Теперь он отрезан от «Стремительного». И потому почувствовал себя необычайно одиноко, и даже более беззащитным, чем утром, когда уплыли Дэнни и Сахот.

Он надеялся, что Такката-Джим исполнит приказ и будет ждать, пока не улетит «Стремительный». Джиллиан свяжется с бывшим помощником капитана и сообщит об изменениях в баркасе и коммуникаторе.

Но что, если Такката-Джим действительно предатель? Если он улетит раньше?

На борту будут Чарлз Дарт, Игнасио Метц, три стеноса и, вероятно, три или четыре кикви. Тошио никому из них не желает зла. Трудный выбор.

Он поднял голову и увидел, как Чарли Дарт счастлив от общения со своим новым роботом.

Тошио покачал головой. Хорошо, что хоть теперь шимпанзе доволен.

Тошио опустился в воду и поплыл к своим саням. Собственное радио он выбросил час назад. Привязался и включил двигатель.

Под островом есть еще один кабель. Последний клиент — старый робот, забытый где-то на глубине. Крайдайки, оставшийся на старом месте, там, где был «Стремительный», хочет поговорить с «голосами» Сахота. Тошио считал, что он в долгу перед капитаном, даже если тот и гоняется за иллюзией.

Сани опускались, а Тошио думал о проделанной работе… о том, что еще нужно успеть, прежде чем он покинет остров. «Пусть Том Орли ждет, когда я вернусь, — подумал он. — Это бы все решило. Пусть мистер Орли закончит свое дело на севере и приземлится, пока я здесь, внизу».

Тошио иронически улыбнулся.

«И еще, Ифни, почему бы тебе не прислать большой флот хороших ребят, которые очистили

бы небо от наших приятелей?» Он спускался по узкому стволу в тесноту.

Глава 87
ДЖИЛЛИАН

— Дьявольщина! Трижды дьявольщина! Линия мертва! Тошио уже оборвал связь.

— Не волнуйтесь зря, — успокаивал Нисс. — Весьма вероятно, что Такката-Джим конфисковал все бомбы. Разве гардемарин Ивашика не доложил, что видел несколько разобранных бомб?

— Да, и я велела ему не беспокоиться. Но я не додумалась попросить его пересчитать их. Я вся в заботах о корабле и не думала, что Чарли может навредить.

— Теперь, конечно, известно многое.

Джиллиан подняла голову. Машина тимбрими просто тактична, или это сарказм?

— Ну, что сделано, то сделано, — сказала она. — Что бы ни произошло, нас здесь это не коснется. Надеюсь только, что к сомнительным достижениям нашего полета не добавится преступление относительно разумной расы.

Она вздохнула.

— А теперь скажи мне, как все это станет ле-

гендой.

Глава 88
ТОШИО

Связь установлена. Теперь Крайдайки может сколько угодно слушать подземные звуки. Тошио опустил моноволоконный кабель в ил. Выпустил балласт, и сани по спирали начали подниматься вверх по стволу дерева-сверла.

Вынырнув, Тошио сразу понял, что что-то изменилось. Вторые сани, те, что принадлежали Томасу Орли, были вытащены из воды и лежали на лужайке к югу от бассейна. Из открытой контрольной секции торчали оборванные провода.

На краю воды сидел Чарлз Дарт. Шимп наклонился вперед, прижав палец к губам.

Тошио выключил моторы и расстегнул ремни. Сел и посмотрел на поляну, но увидел только раскачивающиеся ветви.

Чарли гортанным шепотом сказал:

— Я думаю, Такката-Джим и Метц собираются скоро улетать, Тошио, со мной или без меня. — Дарт выглядел смущенным, словно такая глупость его озадачила.

Тошио сохранял невозмутимое выражение.

— Почему вы так считаете, доктор Дарт?

— Как только ты спустился, появились два стеноса Такката-Джима и забрали радио. И еще, пока ты был внизу, на баркасе испытывали двигатели.

Звук вначале был не очень ровный, но они сейчас над этим работают. Мне кажется, теперь им все равно, что ты доложишь.

Тошио услышал негромкий ворчливый звук с юга — неровный вой двигателей.

Движение на севере привлекло его внимание. Он увидел торопливо идущего по лесной тропе Игнасио Метца с грудой записей. За ним шли четверо крепких добровольцев кикви из деревни. Их воздушные мешки были гордо раздуты, но, очевидно, им не очень хотелось приближаться к рычащим машинам. Перед собой они несли тюки. Из листвы за процессией с тревогой следило несколько десятков пар широко раскрытых глаз.

Тошио прислушался к звуку работающих двигателей, определяя, сколько времени осталось. Такката-Джим закончил конвертировать бомбы раньше, чем он ожидал. Возможно, они недооценили лейтенанта-дельфина. Что еще успел он залатать на «живую», чтобы сделать баркас пригодным к полету пораньше?

"Может быть, мне задержать их отлет? Если останусь дольше, вероятно, больше никогда не увижу «Стремительный».

— А как же вы, доктор Дарт? Готовы закончить и присоединиться по приказу Такката-Джима?

Дарт взглянул на свою консоль. Покачал головой.

— Мне нужно еще шесть часов, — проворчал он. — Может, мы оба заинтересованы в том, чтобы задержать взлет баркаса. Есть какие-нибудь идеи?

Тошио задумался.

«Надо решать. Если уходить, то немедленно».

Тошио перевел дыхание.

«А, ладно!»

— Я думаю, мы можем немного задержать их, доктор Дарт. Вы поможете мне? Это рискованно.

Дарт пожал плечами.

— Сейчас я жду, пока робот прорежет кору и погрузит… гм… инструмент. До тех пор я свободен. Что мне сделать?

Тошио снял со своих саней моток кабеля и отрезал кусок.

— Для начала, я думаю, кому-то придется полазить по деревьям.

Чарли скорчил гримасу.

— Стереотипы, — пробормотал он про себя. — Все время стереотипы.

Глава 89
ДЖИЛЛИАН

Она медленно покачала головой. Может, сказывается усталость, но она понимает лишь часть объяснений Нисса. Каждый раз, когда она пытается заставить его объяснить что-нибудь неясное попроще, он начинает приводить примеры, которые еще больше запутывают.

Она чувствовал себя кроманьонцем, старающимся понять интриги двора Людовика XIV. Нисс утверждает, что открытия «Стремительного» будут иметь более значительные последствия, чем нынешний кризис из-за брошенного флота. Но подробности она понять не могла.

— Доктор Баскин, — снова попробовала машина. — У каждой эпохи есть свой поворотный пункт. Иногда — это поле битвы. Иногда — технологический скачок. Иногда — это философская мысль или происшествие, настолько неясное, что современники вообще не понимают, что изменилось, а тем временем их мир переворачивается вверх тормашками. Но часто, очень

часто, этим переворотам предшествует легенда. Я не могу предложить никакого другого слова на англике… это сюжет, образы которого сохраняются в сознании всех разумных… подлинный сюжет о необыкновенных деяниях, с мощными выразительными архетипами. Он предваряет изменения.

— Ты хочешь сказать, мы становимся одной из таких легенд?

— Вот именно.

Джиллиан никогда не ощущала себя такой маленькой. Она не может взвалить на себя еще и эту огромную тяжесть. С нее достаточно ответственности за жизни ста пятидесяти друзей, членов экипажа.

— Ты говоришь, архетипы…

— Что может быть более символичным, доктор Баскин, чем «Стремительный» и его открытия? Только одно из них — брошенный флот — перевернуло вверх дном все пять галактик. Добавьте, что это было сделано самой молодой расой, патроны которой утверждают, что сами вообще не были клиентами. Тут, на Китрупе, где не должно быть предразумных, они находят готовую к возвышению расу и идут на большой риск, чтобы защитить этих предразумных от застывших,

окаменевших законов галактической цивилизации…

— Но только…

— Но только добавьте к этому карранк%. Ни разу во все времена с разумной расой не обращались так жестоко, вопреки системе, которая должна была бы защищать ее.

— Какова же вероятность, чтобы именно этот корабль в поисках убежища прилетел именно на эту планету, где нашли свой последний приют карранк%?

Разве вы не понимаете, доктор Баскин? От прародителей до новейшей расы — все складывается в мощную проповедь о системе возвышения.

— Каким бы ни был исход ваших приключений, удастся вам уйти с Китрупа или нет, звезды все равно будут воспевать вас. И эта песнь, я считаю, изменит гораздо больше, чем вы можете себе вообразить. — Нисс закончил приглушенно, почти благоговейным тоном. Наступила тишина.

Джиллиан стояла на наклонном потолке темной кривой комнаты, мигая в свете экрана. Тишина продолжалась. Наконец Джиллиан покачала головой.

— Еще один проклятый розыгрыш тимбрими, — вздохнула она. — Ужасная история. Ты

смеешься надо мной.

Довольно долго светлячки плясали в тишине.

— Вы будете себя чувствовать лучше, доктор Баскин, если я соглашусь?

И изменят ли мои слова ваши действия?

Она пожала плечами.

— Вероятно, нет. По крайней мере, ты немного отвлек меня от забот.

После всей этой философской болтовни у меня слегка кружится голова.

Наверное, пора поспать.

— Всегда готов служить.

Джиллиан фыркнула.

— Ну, конечно. — Она добралась по упаковочной корзине к дверной плите, но, прежде чем открыть дверь, оглянулась.

— Скажи мне вот что, Нисс. Ты сообщил Крайдайки этот вздор, которым сейчас потчевал меня?

— Не на англике. Но основное мы обсудили.

— И он тебе поверил?

— Кажется, поверил. Откровенно говоря, я немного удивлен. Такое впечатление, словно он все это уже знал — из другого источника.

Тогда это отчасти объясняет загадку исчезновения капитана. И сейчас ничего не вернуть.

— Допустим, Крайдайки тебе поверил. Чего же он собирается добиться?

Светлячки на экране плясали несколько секунд.

— Мне кажется, доктор Баскин, прежде всего он ищет союзников. Я считаю, что он добавляет несколько собственных строф к легенде, совсем на другом уровне.

Глава 90
КРАЙДАЙКИ

Они стонали. Им всегда больно. Жизнь на протяжении тысячелетий причиняет им боль.

: Слушайте:

Он воззвал на языке древних богов, уговаривая ответить ему.

: Слушайте: Вы Глубоко Скрытые — Вы Печальные и Оскорбленные

: Я Зову Снаружи: Я Хочу, Чтобы Вы Меня Услышали:

Печальное пение на мгновение смолкло. Крайдайки ощутил волну раздражения. Она пришла и в звуке, и в пси-диапазоне — легкое движение,

чтобы прогнать назойливую муху.

Печальная песнь возобновилась.

Крайдайки ухватился за нее, толкая, прикасаясь. Он пользовался остатками связи «Стремительного», дышал из воздушного пузыря, старался привлечь внимание древних мизантропов, с помощью далекого робота усиливая свой призыв.

: Я Призываю Снаружи
: Я Прошу Помощи
: Ваши Древние Мучители — Наши Враги:

Это слегка искажало истину, но ладно… Он заторопился, чувствуя, что их внимание ускользает.

: Мы Ваши Братья
: Поможете Ли Вы Нам?:

Ворчливое гудение неожиданно взорвалось. Пси-составляющая казалась гневной и чуждой. Составляющая звука завывала, скрипя, как помехи. Без помощи «сна китов» Крайдайки никогда не смог бы понять.

— НЕ ТРЕВОЖЬ НАС –
— НЕ ОСТАВАЙСЯ!
— У НАС НЕТ БРАТЬЕВ –
— МЫ ОТКАЗЫВАЕМСЯ

— ОТ ВСЕЛЕННОЙ
— УХОДИ!

Голова Крайдайки звенела от этого мощного отказа. Но все же его ободрило то, что он вообще получил ответ.

«Стремительному» больше всего нужен теперь союзник. Ему нужна помощь или, по крайней мере, отвлечение, если проект Томаса Орли имеет хоть один шанс из тысячи. Хоть эти подземные существа чужды и обижены, когда-то они бороздили звездный океан. Может, им будет приятно помочь другим жертвам галактической цивилизации.

Крайдайки настаивал.

: Послушайте! Ваш Мир Окружен Теми, Кто Вмешивается В Наследственность
: Они Ищут Нас И Тех Маленьких, Которые Делят С Вами Эту Планету
: Они Хотят Искалечить Нас
: Как Они Поступили С Вами
: Они Увеличат
Вашу Боль:

Он создал сонарную картину больших флотов, кораблей с зияющими челюстями. Придал им злобное выражение.

Картина его разлетелась от громового ответа.

— МЫ НЕ ВМЕШИВАЕМСЯ! — Крайдайки покачал головой и сосредоточился.

: Они Могут Отыскать И Вас:

— МЫ ИМ НЕ НУЖНЫ!

— ОНИ ИЩУТ НЕ НАС!

— НЕ НАС!

Ответ ошеломил его. У Крайдайки осталось сил только на один вопрос.

Он попытался спросить, что сделают карранки, если нападут на них.

В ответ он услышал такой скрежет, который нельзя было выразить даже на языке древних богов. Скорее, просто вызывающий рев, чем что-то осмысленное. Потом мгновенно звуки и мысленная передача прекратились.

Крайдайки завис в воде, и только в голове у него продолжало звенеть от их гнева.

Он старался изо всех сил. Что теперь?

Так как больше делать было нечего, он закрыл глаза и задумался.

Пощелкал сонаром и представил себе картину окружающих хребтов. Почувствовал, как рядом возникает фигура Нукапай, и разочарование его смягчилось. Тело ее, как всегда, состояло

из отражений его звуков и из звуков моря. Она словно потерлась о его бок, он будто физически ощутил ее.

Легкая сексуальная дрожь пронзила его.

: Не очень приятные собеседники:

— заметила она.

Крайдайки печально улыбнулся.

: Да, не очень

: Но они обижены

: Я бы не стал тревожить этих отшельников, если бы не необходимость:

Он вздохнул.

: Песня-Мир как будто говорит, что они не помогут:

Нукапай улыбнулась его пессимизму. Изменила темп и негромко засвистела.

Иди вниз

И чувствуй завтрашнюю погоду

Иди вниз

Там предвидение, предвидение…

Крайдайки попытался понять ее. Почему она говорит на тринари, языке, почти таком же труд-

ном для него сейчас, как англик? Есть ведь другой язык, выразительный и мощный, на котором они могут общаться. Почему она напоминает ему о его недееспособности?

Он в смущении покачал головой. Нукапай — результат работы его мозга… по крайней мере она связана звуками, которые производит его голос. Как же она вообще может говорить на тринари?

Повсюду загадки. Чем дальше он углубляется, тем их становится больше.

Иди вниз

Ночной ныряльщик

Иди вниз

Там предвидение, предвидение –

Он повторил эти слова про себя. Она хочет сказать, что он может что-то узнать о будущем? Что что-то неотвратимое выведет карранки из их убежища?

Он все еще пытался разрешить эту загадку, когда услышал звук двигателей. Крайдайки несколько мгновений прислушивался. Ему не нужно поворачивать гидрофоны саней, чтобы распознать этот звук.

В каньон осторожно входил маленький корабль. Посылал сонарные лучи в одну сторону,

в другую. Прожектор осветил борозду, оставленную уходящим «Стремительным». Осветил остатки оборудования и наконец остановился на коммуникаторе и санях.

Крайдайки замигал в ярком свете. В приветственной улыбке широко раскрыл челюсти. Но голос отказал ему. Впервые за несколько дней он устыдился. Боялся, что не справится даже с простейшими словами, покажется идиотом.

Громкоговорители корабля донесли единственный счастливый вздох, удивительно простой:

Крайдайки!

Удовольствие узнавания этого голоса разлилось теплом. Он включил мотор саней и отвязался. Направляясь к открытому шлюзу скифа, он по одному посылал слова англика:

— Хикахи… как… приятно… снова… услышать… твой… голос…

Глава 91
ТОМ ОРЛИ

Над морем водорослей клубился туман. В некотором роде это хорошо, легче красться. Но труднее разглядеть ловушки.

Том осторожно осмотрелся, лежа в водорослях

перед последней прогалиной, отделявшей его от разбитого крейсера. Под водой не подберешься, а он не сомневался, что те, кто нашел здесь убежище, приняли меры предосторожности.

Аппарат он увидел в нескольких метрах от отверстия. От одного куста водорослей к другому тянулся провод. Том осмотрел устройство, потом осторожно копнул под проволокой и пробрался вниз. Миновав преграду, он осторожно добрался до края плавающего корпуса и прижался к неровной поверхности.

Население водорослей укрылось во время сражения. Теперь, когда почти все участники схватки мертвы, оно снова появилось. Крики, похожие на кваканье, причудливо отдавались в тумане. В отдалении Том слышал рокот вулкана. Заурчал пустой желудок. Настолько громко, что может разбудить прародителей.

Том проверил оружие. В игольнике осталось всего несколько зарядов. Хорошо бы подтвердилась его догадка о количестве ити, укрывшихся в корабле.

"Хорошо бы я оказался прав и в других отношениях, — напомнил он себе.

— Многое поставлено на то, что тут окажется пища и информация".

Он ненадолго закрыл глаза, потом повернулся и, пригибаясь, направился к отверстию. Заглянул за неровный край одним глазом.

Три птицеподобных губру сидели на заваленной оборудованием, задымленной наклонной палубе. Внимание двоих было приковано к маленькому, совершенно недостаточному для них обогревателю. Они грели над ним тонкие руки. Третий сидел перед разбитой консолью и пищал на галактическом языке номер четыре, популярном среди птицеподобных видов. — Никаких следов людей или их клиентов, — пищал он. — Оборудование для дальнего поиска мы потеряли, поэтому уверенности нет. Но мы не обнаружили никаких следов землян. Больше сделать ничего не можем.

Приходите за нами!

Радио закашляло:

— Нет возможности выйти из укрытия. Нельзя тратить последние резервы.

Вы должны держаться. Затаитесь. Ждите.

— Ждать? Мы находимся в корпусе, запасы пищи в котором радиоактивны и оборудование которого вышло из строя. Но этот корпус — лучшее из возможных убежищ. Вы должны прийти за нами!

Том молча выругался. Прощай, еда!

Оператор продолжал передавать по радио протесты. Остальные двое губру слушали, нетерпеливо переминаясь. Один из них неожиданно повернулся, словно хотел прервать оператора. Его взгляд упал на выходное отверстие.

Прежде чем Том смог отскочить, глаза существа широко распахнулись. Оно заметило.

— Человек! Быстрее…

Том выстрелил ему в грудь. Не глядя на свою жертву, прыгнул в отверстие и перекатился за консоль. Высунулся с противоположной стороны и дважды выстрелил в тот момент, когда стоящий губру собрался стрелять. Его ручное оружие вспыхнуло, зацепило пламенем уже обожженный потолок, и чужак закричал и упал навзничь.

Галакт около радио смотрел на Тома, потом взглянул на радио.

— Даже не думай, — пропищал Том на галактическом четыре с сильным акцентом. Гребень чужака удивленно поднялся. Губру опустил руки и застыл.

Том осторожно встал, не отводя взгляда от уцелевшего губру.

— Сними оружейный пояс и отойди от пере-

датчика. Медленно. Помни, мы, люди, выросли без патронов. Мы жестоки, хищны и невероятно быстры! Не заставляй меня есть тебя. — Он широко улыбнулся, чтобы показать как можно больше зубов. Существо задрожало и послушалось. Том на всякий случай зарычал.

Иногда даже такое примитивное повторение полезно.

— Ну хорошо, — сказал он, когда чужак перешел на указанное место у зияющего отверстия. Том, держа его на прицеле, сел возле радио. Приемник издавал возбужденные возгласы.

Слава Ифни, он узнал модель и выключил передатчик.

— Что ты передавал, когда твой друг заметил меня? — спросил он пленника. Слышал ли командующий скрытыми силами губру слово «человек»?

Гребень галакта задрожал. Ответ был настолько неуместен, что вначале Том решил, что не понял.

— Перестань гордиться, — пропел пленник, распуская перья. — Все молодые должны забыть о гордости. Она ведет к ошибкам, и высокомерие тоже.

Спасти может только ортодоксальность. Мы

можем спасти…

— Хватит! — выпалил Том.

— …спасти вас от ереси. Привести вас к вернувшимся прародителям, к древним хозяевам, дающим правила. Привести вас к ним. Уходя давным-давно, они пообещали вернуться. Они ожидают, что их встретит рай, и будут беспомощны перед такими, как соро, и танду, и теннанинцы, и…

— Теннанинцы! Это мне и нужно узнать! Теннанинцы продолжают сражаться? Участвуют в битве? — Том дрожал в напряженном ожидании.

— …и Темные Братья. Им понадобится защита, пока они не поймут, какие ужасные дела совершались их именем, как уничтожали ортодоксию, насаждали ересь. Пойдем к ним, помоги очистить вселенную. Велика будет твоя награда. Изменения невелики. Период служения недолог…

— Прекрати! — Том чувствовал, как напряжение последних дней оборачивается гневом. После соро и танду, губру — самые жестокие враги человечества. И слушать дальше он не намерен!

— Прекрати и отвечай на мои вопросы! — Он выстрелил в пол у ног существа. То удивленно подпрыгнуло, широко раскрыв глаза. Том выстрелил еще два раза. В первый раз губру отскочил от

рикошета. Во второй раз только мигнул: игольник не выстрелил.

Галакт уставился на Тома, потом радостно запищал. Широко расставил оперенные руки, выпустив длинные когти. Впервые он сказал нечто прямо и понятно:

— Теперь ты будешь говорить, высокомерный выскочка, недоделанный и лишенный хозяина!

И с криком бросился на Тома.

Том увернулся, и вопящий птицеподобный проскочил мимо. Но голод и усталость замедлили реакцию Тома, и один острый коготь разрезал его костюм и кожу около ребер. Том ахнул и прислонился к окровавленной стене, а губру повернулся, чтобы возобновить нападение.

Ни один из них не подумал о лежавшем на полу ручном оружии.

Разряженное и скользкое, оно не стоило того, чтобы за ним наклоняться.

— Где дельфиннннны? — пропищал губру, приплясывая взад и вперед. — Говори, или я научу тебя уважать старших.

Том кивнул.

— Научись плавать, птицемозглый, и я отведу тебя к ним.

Губру снова выставил когти. Закричал и прыг-

нул.

Том собрался с силами. Подпрыгнул и сильно ударил противника в горло.

Крик резко оборвался, Том услышал, как лопнул позвоночник, и губру упал, скользнул по палубе и кучей перьев замер у стены.

Том приземлился рядом с ним. Перед глазами все плыло. Тяжело дыша, стоя на четвереньках, он посмотрел на врага.

— Я говорил… тебе… что у нас не было патронов, — сказал он.

Немного придя в себя, подошел к рваному почерневшему краю отверстия в корпусе и выглянул в клубящийся туман.

Все, что у него осталось, — маска, перегонный куб, одежда и… да, почти бесполезное ручное оружие губру.

И, конечно, информационная бомба. Он чувствовал ее тяжесть за поясом.

«Я достаточно долго откладывал решение», — подумал Том. Пока шел бой, он мог создавать видимость поиска ответа. Но, похоже, он слишком медлил.

"Я хотел знать наверняка, должен был быть уверен, сработает ли хитрость. Для этого здесь должны быть теннанинцы.

Я встретил этих разведчиков. Губру упоминал теннанинцев. Неужели нужно увидеть их флот, чтобы понять, что они здесь есть?" Однако он оттягивал решение и по другой причине.

«Как только я пошлю сообщение, Крайдайки и Джиллиан выступят. Они не смогут подобрать меня. По плану мне надо самостоятельно вернуться на корабль».

Сражаясь в водорослях, он надеялся найти транспортное средство в рабочем состоянии. Что угодно, лишь бы вернуло его домой. Но тут оказались только обломки.

Том тяжело опустился спиной к холодному металлу и достал информационную бомбу.

«Пускать в ход?»

«Морской конек» — его план. И вот он, вдали от дома и Джиллиан, должен проверить его в действии.

Взгляд его, блуждая по окровавленной усеянной обломками палубе, остановился на радио губру.

"Знаешь, — сказал он себе, — ты можешь еще кое-что сделать. Если даже после этого я окажусь в самом центре прямого попадания, все равно смогу передать информацию Джиллиан и остальным.

А может, добьюсь и большего".

Том собрался с силами, чтобы снова встать.

«Ну ладно, — подумал он, поднимаясь. — Пищи все равно нет. Можно уйти красиво».

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ПОДЪЕМ

Закат, и вечерняя звезда,
И ясный призыв ко мне,
И пусть никто не плачет,
Когда я выйду в море.
А.Теннисон

Глава 92
ДЭННИ/САХОТ

— Так дольшшше, Дэнни. Ты уверена, что не надо сворачивать на юго-запад?

Сахот плыл рядом с санями, легко держась на одном уровне. Через каждые несколько рывков он поднимался на поверхность, потом, не снижая скорости, присоединялся к своей спутнице.

— Я знаю, что так будет быстрее, Сахот, — ответила Дэнни, не отрывая взгляда от экрана сонара. Она старалась как можно дальше обходить металлические острова. Это район, в котором растут водоросли-убийцы. Она ужаснулась рассказу Тошио о встрече с ними и решила плыть подальше

от этих холмов. — Зачем же нам возвращаться к прежней стоянке «Стремительного», прежде чем двигаться на юг?

— По нескольким причинам, — ответила Дэнни. — Прежде всего, эту часть пути мы знаем, были здесь раньше. А дорога от прежней стоянки к морскому коньку прямо на юг, и там меньше вероятности заблудиться.

Сахот в сомнении фыркнул.

— Что еще?

— Еще мы можем отыскать Хикахи. Я думаю, сейчас она где-то возле старой стоянки.

— Джиллиан просила тебя поискать ее?

— Да, — солгала Дэнни. У нее были свои причины искать Хикахи.

Дэнни боялась намерений Тошио. Возможно, он задержится на острове до окончательной готовности «Стремительного», и тогда Такката-Джим уже не успеет вмешаться. Конечно, тогда будет слишком поздно и возвращаться на борт в санях.

В таком случае единственным шансом Тошио останется скиф. Дэнни должна отыскать Хикахи раньше Джиллиан. Джиллиан может послать скиф за Томом Орли, а не за Тошио.

Дэнни понимала, что рассуждает нерационально, и чувствовала себя виноватой. Но если она

может солгать одному дельфину, то сможет и другим.

Глава 93
ТАККАТА-ДЖИМ/МЕТЦ

Бывший первый помощник капитана качал головой и скалил зубы в ответ на саботаж.

— Я развею их внутренности по лесу! — свистел он. Гудели тяжелые механические руки его доспехов. Игнасио Метц смотрел на тонкие, почти невидимые проволочки сети, прижимавшей баркас к поверхности…

Покачал головой.

— Мне кажется, вы слишком нервничаете, помощник капитана. Парень только старался не выпустить нас раньше срока.

Такката-Джим развернулся и взглянул на человека.

— Вы передумали, доктор Метц? Вы считаете, что эта сумасшедшая, которая теперь управляет кораблем, пошлет экипаж на смерть?

— Нет, конечно, нет! — Метц отступил перед злобой офицера. — Я согласен с вами. Мы попытаемся пойти на компромисс с галактами, но…

— Что — но?

Метц неуверенно пожал плечами.

— Я не думаю, что Тошио виноват в том, что выполняет свои обязанности…

Такката-Джим с пушечным залпом захлопнул челюсти, его «паук» надвинулся на Метца и остановился в метре от занервничавшего человека.

— Вы думаете! Вы ДУМАЕТЕ! Из всех комедий эта самая смешная! Вы, считающий себя умнее Совета Земли, вы, который и в без того неустойчивый экипаж ввел своих любимых чудовищ, вы, не обративший никакого внимания на сигналы опасности, — да, Игнасио Метц! Вы говорите мне, что думаете! — И Такката-Джим насмешливо фыркнул.

— Н…но мы… вы и я договорились почти обо всем! Мои экспериментальные стеносы стали вашими самыми верными сторонниками! Только они и стоят за вами!

— Ваши стеносы вовсе не стеносы! Это отсталые искалеченные существа, которые не должны были участвовать в экспедиции. Я использовал их, как использовал вас. Но не надо причислять меня к вашим чудовищам, Метц!

Пораженный, Метц прижался к стене баркаса.

Послышался звук возвращающихся машин. С испепеляющим взглядом Такката-Джим велел

человеку молчать. Из леса показался «паук» Срикапона.

— Нити ведут к бассейну, — объявил фин. Его англик был так высок, что Метц почти не слышал. — Спускаются в воду, а там обернуты вокруг ствола дерева-сверла.

— Ты их перерезал?

— Да! — Неофин помотал головой.

Такката-Джим кивнул.

— Доктор Метц, пожалуйста, подготовьте кикви. Они — второй по значимости предмет торговли и должны быть готовы к осмотру любой расой, с которой мы вступим в контакт.

— Куда вы направляетесь? — спросил Метц.

— Не ваше дело.

Метц увидел решительное выражение Такката-Джима. Потом заметил трех стеносов. В их глазах горело безумие.

— Вы пробудили в них праймал! — ахнул он. — Я вижу! Вы завели их слишком далеко! Они станут самоубийцами!

Такката-Джим вздохнул:

— О своей совести я позабочусь сам, доктор Метц. А пока буду делать все, чтобы спасти корабль и нашу экспедицию. Так как нормальный дельфин не может убить человека, мне понадо-

бились безумные дельфины.

Три стеноса улыбнулись Метцу. Он в ужасе посмотрел им в глаза, прислушался к их мрачному щелканью.

— Вы с ума сошли! — прошептал он.

— Нет, доктор Метц, — Такката-Джим с сожалением покачал головой. — Это вы сошли с ума. Эти фины безумны. Но я действую, как действовал бы отчаявшийся и преданный своему делу человек. Преступник или патриот — это вопрос точки зрения, но я разумен.

Глаза Метца распахнулись еще шире.

— Вы не можете увезти на Землю всех, кто в курсе… — Он побледнел, повернулся и побежал к шлюзу.

Такката-Джиму даже не пришлось отдавать приказ. Из «паука» Срика-пола вырвался фотохимический голубой луч. Игнасио Метц ахнул и упал на грязную почву перед самым люком, Он смотрел на Срика-пола, как отец, преданный сыном, которого он безумно любил.

Такката-Джим повернулся к своему экипажу, пытаясь справиться с отвращением и тошнотой.

Найти, найти,
Найти и убить

Убить
Мягкокожего человека
Волосатую обезьяну

Я буду ждать, ждать
Здесь
Ждать здесь –

Фины одновременно резко свистнули в знак согласия, повернулись все, как один, и с шумом углубились в лес, ломая тяжелыми манипуляторами стволы, как прутики.

Человек застонал. Такката-Джим сверху вниз посмотрел на него и подумал, что надо положить конец его мучениям. Он хотел, но не мог заставить себя совершить насилие по отношению к человеку.

«Ну и хорошо, — подумал он. — Кое-что надо еще починить. Я должен быть готов, когда вернутся мои чудовища».

Такката-Джим осторожно перешагнул через лежащего человека и забрался в шлюз.

— Доктор Метц! — Тошио оттащил раненого в сторону и приподнял ему голову. Он говорил настойчиво, одновременно покрывая болеутоляющей пеной шею генетика. — Доктор Метц, вы

меня слышите?

Метц неясным взглядом посмотрел на юношу.

— Тошио? Ты должен уходить, мой мальчик! Такката-Джим послал…

— Я знаю, доктор Метц. Я прятался в кустах, когда в вас выстрелили.

— Значит, ты слышал, — он вздохнул.

— Да, сэр.

— И знаешь, какой я был дурак, когда…

— Сейчас не время, доктор Метц. Нужно уходить. Чарли Дарт прячется поблизости. Мне нужно забрать его, пока стеносы обыскивают другую часть острова.

Метц схватил Тошио за руку.

— Они охотятся и за ним.

— Знаю. Никогда не встречал более потрясенного шимпа. Он искренне верил, что его помощь останется для них тайной! Я схожу за ним, и мы вас унесем отсюда.

Метц закашлялся, на губах выступила красная пена. Он покачал головой.

— Нет. Я, кажется, как Виктор Франкенштейн, погублен собственным созданием. Оставь меня. Беги к саням и уплывай.

Тошио сморщился.

— Они сразу направились к бассейну, доктор

Метц. Я следил за ними и видел, как они потопили мои сани. Но я опередил их и предупредил кикви.

Дэнни научила меня их сигналу тревоги, и они разбежались, как спятившие лемминги, когда я крикнул. Так что пока стеносы им не угрожают…

— Они не стеносы, — поправил Метц. Demenso cetus metzii — вот как их надо бы назвать. Безумные дельфины Метца… Знаешь, мне первому удалось создать дельфинов-преступников… — Он прижал руку ко рту и снова закашлялся.

Посмотрел на красную слюну на руке, потом на Тошио.

— Мы собирались отдать кикви галактам. Мне это было не по нраву, но он меня убедил…

— Такката-Джим?

— Да. Он считал, что только сообщить им местоположение брошенного флота недостаточно…

— У него есть ленты? — Тошио был ошеломлен. — Но как?..

Метц его не слушал. Он слабел на глазах.

— …Он считал, что этого не хватит, чтобы купить свободу «Стремительному», поэтому… решил, что мы им отдадим и аборигенов. Слабеющей рукой Метц схватил Тошио.

— Ты должен освободить их, Тошио. Не отда-

вай их фанатикам. Они так много обещают. У них должны быть добрые патроны. Может быть, линтены… или синтиане… мы не готовы к такой работе… мы… мы превратим их в карикатуру на самих себя… мы…

Генетик обмяк.

Тошио ждал. Больше он ничего не мог сделать для этого человека.

Небольшая медицинская сумка позволяла лишь облегчить боль.

Через минуту Метц пришел в себя. Он смотрел, не видя.

— Такката-Джим… — проговорил он. — Никогда не думал об этом раньше!

Он именно тот, кого я искал! Я не понимал этого, но он не дельфин. Он человек… Кто бы мог подумать…

Лицо его побледнело. Глаза закатились.

Пульс не прослушивался. Тошио положил тело на землю и скользнул назад в лес.

— Метц мертв, — сказал он Чарли Дарту. Шимп смотрел на него из куста.

Блестели белки его глаз.

— Н…но эт…то…

— Преступление, я знаю. — Тошио сочувственно кивнул Чарлзу Дарту.

Стандартная процедура возвышения, которую земляне переняли у галактов: у клиентов вырабатывается устойчивое отвращение к убийству патрона.

Некоторые считали это лицемерием, зная прошлые «заслуги» человечества. И все же…

— Они не задумываясь застрелят тебя или меня!

Тошио пожал плечами.

— Что же мы будем делать? — Профессиональная уверенность покинула Чарли. Он хотел поменяться ролями с Тошио.

"Он взрослый, а я мальчик, — с горечью подумал Тошио. — Должно быть наоборот.

Нет, это глупо. И статус патрона или клиента к этому не имеет отношения. Я военный. Моя работа — сохранить нам жизнь".

Он постарался скрыть, что нервничает.

— Будем продолжать делать то, что делали. Мешать им, как можно дольше задерживать полет.

Дарт несколько раз мигнул, потом возразил.

— Но тогда и у нас не будет выхода! Разве нельзя попросить «Стремительный» забрать нас?

— Джиллиан сделает все необходимое, уверен. Наши судьбы сейчас не самое важное. Постарайтесь это понять, доктор Дарт. Мы солдаты.

Говорят, на миру и смерть красна. Наверно, это правда; иначе не было бы легенд.

Шимп пытался поверить ему. Руки его дрожали.

— Если они вернутся на Землю, расскажут о том, что мы сделали, верно?

Тошио улыбнулся.

— Конечно.

Чарли несколько мгновений смотрел в землю. Слышно было, как в лесу стеносы сокрушают деревья.

— Тошио, я должен тебе кое-что сказать.

— Что, доктор Дарт?

— Помнишь, я хотел, чтобы они отложили старт еще на несколько часов?

— Ваш эксперимент. Да, помню.

— Приборы на борту «Стремительного» зарегистрируют данные, так что информация дойдет до дома, даже если я не вернусь.

— Здорово, доктор Дарт! Я рад за вас, — Тошио понимал, что это значит для ученого шимпа.

Чарли слабо улыбнулся.

— Ну, сейчас уже остановить невозможно, лучше тебе быть в курсе, чтобы не удивиться.

Что-то в его словах встревожило Тошио.

— Расскажите, — попросил он.

Чарли взглянул на часы.

— Робот будет на месте через восемьдесят минут. — Он, чуть занервничав, посмотрел на Тошио. — И тогда взорвется моя бомба.

Тошио прислонился спиной к дереву.

— Только этого нам не хватало!..

— Я собирался до взрыва сказать Такката-Джиму, чтобы он мог укрыться в это время, — объяснил Чарли. — Но особенно не тревожься. Я видел карту пещеры под островом, составленную Дэнни. Шансы, что остров не обрушится, примерно равны, но знаешь… — Он развел руками.

Тошио вздохнул. Они в любом случае погибнут. К счастью, последнее не имеет, кажется, большого значения.

Глава 94
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Мы готовы. — Сообщение прозвучало небрежно.

Джиллиан оторвалась от голограммы. Ханнес Свесси, стоя у двери, двумя пальцами отдал ей салют. Свет из ярко освещенного коридора трапецией освещал пол в темной комнате.

— Как соотношение сопротивлений?.. — спро-

сила она.

— Почти полное совпадение. Когда вернемся на Землю, я предложу скупить несколько старых теннанинских корпусов и снабдить их «снарками».

Мы будем медлительны, особенно из-за воды в центральном отсеке, но «Стремительный» поднимется, полетит и деформируется в переходе. И потребуется приложить усилия; чтобы пробить внешний корпус.

Джиллиан положила ногу на стол.

— Ну, силы для этого найдутся, Ханнес.

— Корабль полетит. А в остальном… — Инженер пожал плечами. — Единственное, о чем я прошу: приказать всем провести час в спальных машинах, чтобы мы не отключились на старте. А остальное решать вам, мадам капитан.

Он остановил ее прежде, чем она заговорила.

— И не спрашивайте совета у нас, Джиллиан. До сих пор вы отлично справлялись, и мы с Тшут будем говорить только «Да, сэр» и вскакивать, когда вы входите.

Джиллиан закрыла глаза и кивнула.

— Хорошо, — негромко сказала она.

Ханнес через открытую дверь заглянул в лабораторию Джиллиан. Он знал о древнем трупе,

потому что помогал Тому Орли переносить его на корабль.

Увидел силуэт в стеклянном ящике. Вздрогнул и отвернулся.

На дисплее Джиллиан видно было маленькое, размером с мяч для пинг-понга, голографическое изображение Китрупа и нескольких его спутников. В космосе — две группы красных и синих точек, рядом с ними компьютерные надписи.

— Как будто немного осталось, — заметил Свесси.

— Это корабли только в ближайшем космосе. Если увеличить картину до кубического астрона, видны еще два значительных галактических флота. Мы, разумеется, не можем их распознать, но боевой компьютер приписывает цвета на основе их передвижений. Там все время происходит перегруппировка союзов. — И выжившие скрываются на спутниках.

Свесси поджал губы. Чуть не задал вопрос, который волновал всех, но удержался. А Джиллиан ответила на него:

— От Тома по-прежнему ни слова. — Она взглянула на руки. — До сих пор его информация была нам не очень нужна, но сейчас… — Она замолчала.

— Теперь мы должны знать, станет ли наш старт самоубийством, — закончил за нее Свесси. Он заметил, что Джиллиан снова разглядывает дисплей.

— Вы хотите сами это установить?

Джиллиан пожала плечами.

— Берите этот час, Ханнес, или три, или десять. Скажите финам, чтобы отдыхали на своих местах; пусть машины для сна перетащат на мостик.

Она нахмурилась, глядя на светящиеся точки.

— Возможно, я ошибаюсь. Может, нужно выбрать меньшее из зол: скрываться здесь, пока не посинеют десны и мы не начнем умирать от отравления металлом. Но у меня предчувствие, что скоро придется действовать. — Она покачала головой.

— А как же Тошио, Хикахи и все остальные?

Джиллиан не ответила, да это и не требовалось. Через мгновение Свесси повернулся и вышел. И закрыл за собой дверь.

Точки. Пассивные сенсоры «Стремительного» не давали большего разрешения; изредка две точки встречались — вспышка — и точек становилось меньше. Боевой компьютер исследовал движения и выдавал предварительные заключения. Но ответа, который она ждала, так и не

было.

— Останутся ли уцелевшие флоты равнодушными к неожиданному появлению давно утраченного теннанинского крейсера, или они объединятся, чтобы смести его с неба? — Ей предстояло решать. Джиллиан никогда не чувствовала себя так одиноко.

«Где ты, Том? Я знаю, ты жив. Я чувствую твое далекое дыхание. Что ты сейчас делаешь?»

Слева вспыхнул зеленый огонек.

— Да, — сказала она в коммуникатор.

— Доктор Бассскин! — Голос Ваттасети с мостика. — Вызывает Хикахи!

Она у релейного пункта! И у нее Крайдайки!

— Соедините!

Послышался свист, оператор усиливал принимаемый сигнал.

— Джиллиан? Это ты?

— Да, Хикахи! Слава богу! Как вы? А Крайдайки все еще у реле?

— Все в порядке, Очиститель Жизни. По словам финов на мостике, мы вам там особенно и не нужны!

— Проклятые лжецы и подхалимы! Я бы не отдала ни одного из них и за свою левую руку. Слушайте, не хватает пяти членов экипажа. Пом-

ните: двое из них подвержены атавизму и очень опасны.

Послышался свист помех. Потом:

— Мы знаем о них, Джиллиан, — послышался ответ. — Четверо из них мертвы.

Джиллиан закрыла глаза.

— Боже…

— Кипиру ссс нами, — ответила на невысказанный вопрос Хикахи.

— Бедный Акки, — вздохнула Джиллиан.

— Передайте на Калафию, что он выполнил свой долг. Кипиру говорит, что он сопротивлялся и до конца сохранял разум.

Джиллиан не понравилось последнее замечание Хикахи.

— Хикахи, ты теперь капитан. И нужна здесь немедленно. Я передаю тебе официально…

— Не надо, Джиллиан, — прервал ее высокий голос. — Пожалуйста. Не сейчас. Я еще нужна на скифе. Надо прихватить тех, кто на острове, и добровольцев кикви.

— Я не уверена, что у нас есть на это время, Хикахи. — Слова прозвучали горько. Джиллиан подумала об умной, излишне умаляющей свое достоинство Дэнни, об образованном Сахоте, о Тошио, таком молодом и благородном.

— Том сообщал что-нибудь? Нужно срочно действовать?

— Пока нет, но…

— Что же тогда?

Она не могла объяснить. Попыталась на тринари:

Что за пронзительный звук я слышу –
Звук горнов, шум двигателей –
Слезы покинутых –
Скоро, очень скоро –

На скифе долго молчали. Наконец ответила не Хикахи, а Крайдайки. И в его ответе на примитивном тринари с рефренами звучало что-то глубокое и странное.

Звуки, все звуки
Говорят что-то
Говорят что-то

Действия, все действия
Производят звуки
Производят звуки

Но долг, но долг
Призывает молча

Призывает молча.

Джиллиан, затаив дыхание, слушала, как стихает голос Крайдайки. По спине ее пополз холодок.

— Пока, Джиллиан, — сказала Хикахи. — Что есть, то есть. Я свяжусь, как только смогу. Не жди нас.

— Хикахи! — Джилл протянула руку к коммуникатору, но связь оборвалась прежде, чем она смогла сказать хоть слово.

Глава 95
ТОШИО

— Оба шлюза заперты изнутри. — Тошио отдувался, добравшись до убежища. — Похоже, что придется добираться вашим путем.

Чарлз Дарт кивнул и провел Тошио к корме маленького космического корабля.

Дважды они скрывались, поднимаясь на высокие деревья, когда внизу проходили патрулирующие стеносы. Фины не догадывались посмотреть вверх. Но Тошио знал, что если их с Чарли засекут на открытой местности, им придется умереть.

Чарли снял заднюю крышку служебного прохода между двигателями.

— Я прополз между линиями питания вот здесь, пока не добрался до плиты в переборке. — Он показал. Тошио всмотрелся в лабиринт труб.

Потом удивленно взглянул на Дарта.

— Неудивительно, что никто не заподозрил «зайца» на борту. Вы так же пробрались и в арсенал? Пролезли через трубопроводы, куда не войдет человек?

Планетолог кивнул.

— Ты не сможешь идти со мной. Значит, мне придется добираться до малышей одному.

Тошио кивнул.

— Я думаю, они в кормовом трюме. Вот переводчик.

Он протянул прибор. Переводчик походил на большой медальон на цепи, чтобы можно было повесить на шею. Все неошимпы знакомы с такими приборами, потому что до трехлетнего возраста им очень трудно говорить. Чарли надел прибор. Начал пробираться в маленькое отверстие, но потом остановился и искоса взглянул на гардемарина.

— Слушай, Тошио. Представь себе, что это один из зоокораблей двадцатого века, или клипер, в трюме которого перевозят предразумных шимпанзе — или что они там использовали, — их

везут из Африки в лаборатории или в цирк. Ты бы стал их спасать?

Тошио пожал плечами.

— Честно говоря, не знаю, Чарли. Хочется думать, что стал бы. Но на самом деле не знаю, как бы я поступил.

Неошимп долго смотрел человеку в глаза, потом хмыкнул:

— Ну хорошо, охраняй тыл.

Тошио подтолкнул его, и Чарли втиснулся в механический лабиринт.

Тошио присел и прислушался к звукам в лесу. Чарли, ставя изнутри плиту на место, ужасно шумел. Но вот шум прекратился.

Тошио скользнул в лес, чтобы незамеченным обойти окружающую местность.

По треску, доносящемуся со стороны деревни, он решил, что стеносы забавляются разрушением. Он надеялся, что маленькие существа не вернулись наблюдать за этим.

Вернувшись к баркасу, Тошио взглянул на часы. До взрыва семнадцать минут. Осталось очень мало времени.

Он протиснулся в сектор обслуживания и начал выводить из строя клапаны. Конечно, эти двигатели Такката-Джиму не нужны. Если он

конвертировал бомбы, то может действовать на гравитационных. Открытый люк уменьшит аэродинамическую устойчивость корабля, но ненамного. Такие баркасы делают очень прочными.

Он остановился и прислушался. Шум в лесу усиливается. Фины возвращаются.

— Быстрее, Чарли! — Он потрогал рукоять игольника, не уверенный, что сумеет попасть в места, не защищенные металлическими доспехами.

— Выходите!

Из глубины послышался негромкий писк. Звуки отражались от стен узких проходов, и наконец Тошио увидел зеленые лапы с плоскими перепончатыми пальцами.

Затем показалась голова недоумевающего кикви. Абориген выбрался из отверстия, пробрался между путаницей труб и прыгнул в руки Тошио.

Тошио опустил перепуганное существо и протянул руки за следующим.

Кикви испускали громкие крики.

В конце концов все четверо выбрались. Тошио всмотрелся и увидел, что Чарлз Дарт пытается поставить на место внутреннюю панель.

— Оставьте! — просвистел Тошио.

— Нет! Такката-Джим заметит изменение давления воздуха. Нам повезло, что до сих пор он не заметил!

— Сюда! Они… — Тошио услышал жужжание моторов «паука» и треск ветвей. — Они уже здесь! Я отвлеку их! Удачи, Чарли!

— Подожди!

Тошио отбежал в кустарник, чтобы фины не догадались, откуда он пришел. Потом, пригнувшись, побежал.

Вот! Вот!

Китобой!

С сетями Ики!

Гонец за тунцами!

Вот! Убить! Вот!

Стеносы кричали совсем близко. Тошио нырнул за ствол орехового дерева, над головой пронесся синий луч смерти. Кикви закричали и разбежались по лесу.

Тошио перекатился и снова побежал, стараясь, чтобы между ним и преследователями были деревья.

Он слышал звуки слева и справа. Фины пытались окружить его.

Комбинезон сковывал движения. Тошио пы-

тался добраться до береговых утесов, пока кольцо не сомкнулось.

Глава 96
ТОМ ОРЛИ

Какое-то время он слушал радио, и, хоть разобрал несколько языков, переговоры в основном вели между собой компьютеры, а это ему ничего не давало.

«Ну хорошо, — сказал он себе. — Попробуем все правильно сформулировать. Речь должна быть грамотной».

Глава 97
СКИФ

Дэнни запиналась, произнося тщательно подготовленную речь. Она старалась усилить аргументацию, но Хикахи остановила ее.

— Доктор Судман. Не нассстаивайте! Наша следующая остановка все равно остров. Мы возьмем Тошио, если он еще там. И, возможно, будем иметь дело с Такката-Джимом. Выступим, как только Крайдайки закончит.

Дэнни почувствовала, как проходит напряжение. Итак, теперь от нее ничего не зависит. Делом займутся профессионалы. Она может расслабиться.

— Сколько?..

Хикахи покачала головой.

— На сей раз Крайдайки не предвидит хорошего результата. Много времени не потребуется. Почему бы вам с Сахотом пока не отдохнуть?

Дэнни кивнула и повернулась, чтобы отыскать место в крошечном трюме и лечь.

Сахот плыл рядом с ней.

— Слушай, Дэнни, раз уж мы отдыхаем, хочешь попробовать массаж?

Дэнни рассмеялась.

— Конечно, Сахот. Только не очень увлекайся, ладно?

Крайдайки пытался еще раз договориться с ними.

: МЫ В ОТЧАЯННОМ ПОЛОЖЕНИИ: КАК И ВЫ КОГДА-ТО: МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ПОМОЩЬ МАЛЕНЬКИМ
НЕЗАВЕРШЕННЫМ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ: НАДЕЖДУ ВЫРАСТИ НЕСЛОМЛЕННЫМИ:

: НАШИ ВРАГИ КОГДА-НИБУДЬ ПРИЧИНЯТ ВРЕД И ВАМ: ПОМОГИТЕ НАМ:

В ответ донеслось пульсирование. В нем замкнутость, давление, жар расплавленной магмы. Песня, полная клаустрофобии, хвалы твердому камню и текучему металлу.

— ПРЕКРАТИ
— МИР
— СВОБОДА!!
— ИЗОЛЯЦИЯ

Вслед за скрипом механизма неожиданно наступила тишина. Старый робот, долго провисевший на двухкилометровой глубине в узкой шахте, был уничтожен.

Крайдайки прощелкал знакомую фразу на тринари:

Вот и все Ему хотелось снова погрузиться в сон. Но на уровне реальности для этого не было времени.

Сейчас важнее уровень реальности, в котором для него существует долг. Может быть, позже. Позже он снова навестит Нукапай. Может, тогда она покажет ему то невыразимое, что услышала на смутном пути предвидения.

Он направился к шлюзу маленького корабля. Увидев его, Хикахи начала прогревать двигатели.

Глава 98
ТОМ ОРЛИ

— …небольшая группа дельфинов замечена в нескольких сотнях пактаров от этого места! Они быстро движутся на север. Могут появиться здесь, чтобы узнать, что за схватка тут происходила. Торопитесь! Нужно ударить!

Том щелкнул в передатчик. Голова болела от необходимости сосредоточиться, чтобы бегло говорить на галактическом-десять. Он не думал, что Братья Ночи примут его за одного из своих исчезнувших разведчиков. Для осуществления плана это неважно. Он хотел только пробудить их интерес перед заключительным ударом.

Он переключил частоту и поджал губы, готовясь заговорить на галактическом-двенадцать.

Вообще-то это забавно! Отвлекает от усталости и голода, удовлетворяет эстетическое чувство, даже если из-за этого за ним явятся все патроны со своими клиентами.

— …Воины паха! Паха-аб-Клеппко-аб-пьюбер аб-соро аб-хул! Передайте хозяйке флота соро, что у нас есть новости!

Том думал о каламбуре, который имеет смысл только на гал-двенадцать.

Впрочем, соро этого не поймет.

Глава 99
ДЖИЛЛИАН

Неожиданно все флоты пришли в движение. Небольшие группы кораблей пронеслись по полю сражения и объединились среди спутников Китрупа, направляясь к планете. Сближаясь, они вились друг около друга, вспыхивали огоньки взрывов. Что бы ни происходило, для Джиллиан это был шанс.

— Доктор Бассскин! Джиллиан! — В коммуникаторе послышался голос Тшут.

— Мы принимаем радиосообщение с поверхности планеты. Передатчик один, но передача идет попеременно на разных галактических языках. Я готова поклясться, что голос один и тот же!

Джиллиан наклонилась вперед и коснулась переключателя.

— Иду, Тшут. Вызовите всех, кто сейчас на вахте. Остальные пусть еще немного отдохнут. — И она выключила передатчик.

"О Том, — вздохнула она, торопясь к выходу. —

Зачем это? Неужели не мог придумать что-нибудь поэлегантнее? И менее отчаянное?

Конечно, не мог, — выругала она себя и побежала по коридору. — И хорошо, Джилл. По крайней мере не «пили» его".

Через несколько мгновений она оказалась на мостике и стала слушать.

Глава 100
ТОШИО

Загнанный, Тошио даже не мог взобраться на дерево. Они слишком близко и, услышав его движения, будут рядом.

Он слышал, как они крадутся, сужая круги. Тошио сжал игольник и решил напасть первым. Но у него ручное оружие против мощных лазеров, и к тому же он не снайпер, как Том Орли. Вообще он еще ни разу не стрелял в разумное существо. А ждать здесь еще хуже.

Он пригнулся и пополз к берегу. Старался не сломать ни веточки, но через минуту вспугнул какое-то мелкое животное, которое с шумом побежало через кусты.

И тут же Тошио услышал звук приближающегося механизма. Он быстро нырнул в куст и

вынырнул оттуда прямо перед широкой ногой «паука».

Поймал! Поймал!

Последовал торжествующий крик. Тошио поднял голову и встретился взглядом со Срика-полом. Фин улыбался, заставляя «паука» поднять ногу.

Тошио успел откатиться в сторону, нога обрушилась на то место, где он только что лежал. Он перекатился в обратном направлении, снова избежав удара. «Паук» откинулся, пуская в ход обе передние ноги. Тошио не видел, куда ему свернуть. Он выстрелил в бронированное брюхо машины, и тонкие иглы, не причинив вреда, отлетели в лес.

Снова торжествующий вопль на чистом праймале:

Поймал!

И тут остров вздрогнул.

Земля поднялась и опустилась. Тошио отбросило вправо, головой он ударился о почву. «Паук» пошатнулся и упал в лес.

Дрожь почвы усилилась. Тошио сумел перевернуться на живот. Он пытался удержаться на месте.

С грохотом на поляне столкнулись два «паука». Один пронесся мимо Тошио в панике. Но другой

заметил его и гневно завизжал.

Тошио пытался прицелиться, но в этот момент дрожащая почва начала наклоняться. И он, и безумный дельфин старались выстрелить первыми.

Вдруг на обоих обрушился вопль, эхом отдавшийся в голове.

— ПЛОХИЕ!
— ПЛОХИЕ!
— ОСТАВЬТЕ
— НАС
— В ПОКОЕ!

От этого вопля Тошио застонал и схватился за виски. Пистолет выскользнул из руки и упал на все более наклоняющуюся поверхность.

Дельфин резко свистнул, его «паук» упал в конвульсиях. Послышался жалобный вопль:

Прости! Прости!

Патрон, прости!

Прости!

Тошио двинулся вперед.

— Ты прощен, — бросил он на ходу. С шизоидно-преображенным фином ему нечего делать. — Иди за мной, если сможешь! — крикнул он, пытаясь

пробраться к берегу. Шум в голове походил на землетрясение. Каким-то образом Тошио удержался на ногах и начал пробираться сквозь лес.

Добравшись до берега, он увидел, что море покрыто пеной. Он посмотрел вправо и влево: везде одно и то же.

В этот момент раздался рев двигателей. Тошио оглянулся и увидел, как в ста метрах от него разлетается сорванная растительность. Над наклоняющимся лесом поднимался металлически-серый баркас. Его окружал сверкающнй ореол ионизации. Холодок пробежал по спине Тошио. По острову пронеслась антигравитационная волна. Корабль медленно, неуверенно повернулся. Затем с громом устремился в небо.

Тошио упал, когда на него обрушилась волна.

Нельзя терять времени. Либо Чарлз Дарт успел уйти, либо нет. Тошио натянул на лицо маску, придержал ее одной рукой и прыгнул.

— Ифни, хозяйка! — взмолился он. И упал в бурные воды.

Глава 101

ГАЛАКТЫ

Над планетой небольшая флотилия израненных кораблей задержалась, вступив в бой.

Корабли покинули укрытия на спутниках Китрупа, все поставив на то, что странная передача с северного полушария планеты человеческого происхождения. На пути вниз группы обрушивались друг на друга со своими тающими силами, но тут неожиданная волна пси-шума хлынула на все пестрое собрание. Она шла с планеты и была неожиданно сильной, проникла через все защитные поля, на время выведя из строя экипажи.

Корабли продолжали опускаться к планете, но выжившие члены экипажа оказались не в состоянии вести огонь и прицеливаться.

Если бы этот удар был оружием, он лишил бы половину кораблей экипажей. Но этот крик гнева и отчаяния отразился только в головах, и лишь немногие сошли с ума.

Долго крейсеры плыли бесконтрольно, опустившись в самую толщу атмосферы.

Но вот пси-крик начал слабеть. Гнев уменьшился, оставив горящие отпечатки в памяти, и ошеломленные члены экипажей начали постепенно приходить в себя.

Ксатинни и их клиенты, которых отнесло от остальных, осмотрелись и поняли, что больше не хотят сражаться. Они решили принять предложение удалиться. Четыре избитых корабля покинули систему Ктсимини со всей скоростью, какую позволяли двигатели.

Дж'8лек приходили в себя медленнее. Потеряв сознание от крика, они оказались среди кораблей Братьев Ночи. Братья пришли в себя раньше и использовали корабли Дж'8лек для тренировок стрельбы по целям.

Совершенное оборудование позволило двум военным кораблям йофуров опуститься на склон дымящейся горы, намного южнее их первоначального назначения. Автоматическое оружие продолжало поиски врага, пока йофуры приходили в себя. Наконец, когда ошеломляющий пси-шум стих, экипаж начал восстанавливать контроль над кораблями.

Йофуры уже были готовы к взлету, чтобы направиться на север и присоединиться к столкновению, когда вершина горы взорвалась в потоке перегретого пара.

Глава 102
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Джиллиан стояла с отвисшей челюстью, пока скрежещущий «звук» не начал стихать. Она с трудом сглотнула. В ушах хлопало, она потрясла головой, чтобы сбросить оцепенение. Потом увидела, что все дельфины смотрят на нее.

— Это было ужасно! — сказала она. — Как все остальные?

Тшут с облегчением вздохнула.

— Мы в порядке, Джиллиан. Только что засекли исключительно мощное пси-извержение. Оно легко пробило нашу защиту и на несколько минут вывело нас из строя. Но, кроме некоторого неудобства, мы больше ничего не ощутили.

Джиллиан потерла виски.

— Должно быть, повышенная чувствительность сделала меня уязвимой.

Будем надеяться, что больше нападений со стороны ити не последует… — Она замолчала. Тшут качала головой.

— Джиллиан, я не думаю, что это ити. Во всяком случае нацелено не на нас. Приборы свидетель-

ствуют, что источник излучения очень близко, причем он намеренно нацелен так, чтобы не задеть китообразных! Ваш мозг аналогичен нашему, поэтому вы ощутили только легкий удар. Свесси тоже сообщил, что сильного удара не получил. Но, я думаю, галактам пришлось трудно в этой пси-буре!

Джиллиан вторично покачала головой.

— Не понимаю.

— Значит, нас двое. И вот что я вам скажу: вероятно, нам это и не надо. Но почти в то же самое время зарегистрирован мощный подземный толчок примерно в двухстах километрах отсюда. Волна в коре только докатилась до нас.

Джиллиан поплыла в стеклянный шар мостика. Дельфин-лейтенант концом челюсти указала на шарообраэную модель планеты.

Недалеко от «Стремительного» вспыхивали красные символы.

— Это остров Тошио! — сказала Джиллиан. — Чарли все-таки уберег одну бомбу!

— Прошу прощения? — Тшут выглядела смущенной. — Но, мне казалось, Такката-Джим конфисковал...

— Взлет корабля! — прокричал офицер из секции обнаружения. — Антигравитация и стасис.

С того же места, где зафиксированы сотрясения в коре. В ста пятидесяти километрах отсюда. Продолжаем слежение. Корабль на скорости в два Маха направляется на восток!

Джиллиан взглянула на Тшут. Их пронзила одна и та же мысль:

Такката-Джим.

Джиллиан видела вопросительное выражение глаз лейтенанта-дельфина.

— Возможно, очень скоро придется действовать. Продолжайте следить за его направлением. Поднять весь экипаж!

— Есть, сэр. Тех, кто не проснулся за последние минуты. — Тшут повернулась и передала приказ.

Через несколько минут затрещал боевой компьютер.

— Что на этот раз? — спросила Джиллиан.

На шаре, изображавшем Китруп, появилась неровная цепочка ярко-желтых огоньков. Она начиналась у острова Тошио.

— Какая-то детонация, — заметила Тшут. Компьютер интерпретирует это как бомбардировку, но мы не видели ни одного снаряда! И почему такой разброс? Детонация происходит узкой полосой.

— Еще пси-помехи! — объявил оператор. Сильные! И из многочисленных источников по всей планете.

Джиллиан нахмурилась.

— Это вовсе не бомбардировка. Я видела этот рисунок. Он совпадает с границей плиты коры. Вероятно, это вулканы. Вероятно, так местные жители проявляют свое недовольство.

— Что? — недоуменно спросила Тшут.

У Джиллиан было задумчивое выражение, словно она смотрела куда-то далеко.

— Я думаю, что начинаю понимать происходящее. Нужно поблагодарить капитана Крайдайки, что пси-удар не затронул дельфинов. Дельфины смотрели на нее. Джиллиан улыбнулась и похлопала Тшут по боку.

— Не беспокойтесь, фем-фин. Это долгая история, но со временем я объясню. Думаю, что самыми серьезными последствиями станут землетрясения, и они скоро начнутся. Мы их выдержим?

Лейтенант-дельфин нахмурилась. Она не понимала, как люди могут так стремительно менять тему.

— Я думаю, да, Джиллиан. Пока вот это остается на месте. — Она указала через иллюминатор на

утес, нависший над их гибридным кораблем.

Джиллиан посмотрела на скалу сквозь щели в корпусе теннанинца.

— Об этом я забыла. Не спускайте с него глаз.

Она повернулась к голограмме, наблюдая, как распространяется область сотрясений.

«Торопись, Хикахи! — про себя позвала она. — Бери Тошио и остальных и возвращайся сюда! Я вскоре должна принимать решение, и ты можешь опоздать!»

Проходили минуты. Несколько раз вода начинала дрожать, слышался низкий гул.

Джиллиан смотрела на синий шар Китрупа. Полоска желтых огней протянулась на север, напоминая рану в боку планеты. И вот желтые огни слились с небольшой группой островов на севере.

«Том», — вспомнила Джиллиан.

Неожиданно вскочил оператор-связист.

— Командир, идет передача! На чистом англике!

Глава 103

ТОМ ОРЛИ

Он неуклюже держал микрофон, не приспособленный для руки человека.

Том провел языком по растрескавшимся губам. Повторять речь еще раз некогда. В любой момент могут нагрянуть гости.

Он нажал клавишу передачи.

— Крайдайки! — отчетливо заговорил он. Слушай внимательно! Запиши и передай Джиллиан! Она истолкует!

Он знал, что его передачу слушают все корабли в ближнем космосе.

Вероятно, прямо к нему их направляется множество. И если его новая ложь будет убедительна, их явится еще больше.

— Прямая линия связи с кораблем нарушена, — сказал он. — А сто километров — долгий путь для доставки сообщений, поэтому я рассчитываю на новый код. Надеюсь, он еще не расшифрован.

Пусть галакты подумают над этим. А теперь — настоящее сообщение на «Стремительный», в котором содержится информация о том, что он узнал:

"Джилл. Наше яйцо проклюнулось, милая. Весь зоопарк разбежался. Звери свирепые!

Но я нашел оборванный образчик того, что мы искали. Я слышал, что он все еще продается, но ключи высоко. Вы с Х и К должны принимать решение на этом основании.

Вспомни, что говорил нам старик Джейк Демва, когда мы с ним были в центральной Библиотеке на Танит. Помнишь, что он говорил о предчувствиях?

Расскажи об этом Крайдайки. Ему решать, но я настаиваю: следуйте совету Джейка".

Он чувствовал, как ком подкатывает к горлу. Пора заканчивать. Нет смысла сильно намекать ити.

«Джилл! — Он кашлянул. — Милая, я выхожу из игры. Отвези Херби и всю остальную информацию в Совет. Мне остается только верить, что игра стоила свеч».

Он закрыл глаза и сжал микрофон.

«Когда встретишься со старым Джейком, выпейте за меня».

Он хотел сказать еще что-то, но понял, что и так сказал слишком много и откровенно. Нельзя дать лингвистическим компьютерам галактов возможность расшифровать смысл его сообщения.

Он поджал губы. И попрощался на языке, который хорошо для этого приспособлен:

Мимо плывут лепестки,
Плывут по руке моей женщины,
И она вспоминает меня –

Затем прервал связь.

Встал и вынес аппаратуру наружу. Осторожно подошел к краю открытого бассейна и бросил передатчик в воду. Если кто-то засек резонанс его кристаллов, ити придется за ним нырять.

Постоял у бассейна, глядя, как ползут низкие облака, темные и тяжелые от непролитого дождя.

Теперь они могут появиться в любую минуту. Оружие у него на поясе, там же трубка для дыхания и полная фляжка. Он готов. И в этот момент напряженного ожидания на горизонте заворчал вулкан, потом кашлянул и гневно выбросил в небо яркие огни.

Мостик расплылся. Перед глазами Джиллиан все слилось. Она моргнула, но слез не было. Не пролились, как драгоценная защита глаз.

— Будем отвечать? — спросила Тшут.

Джиллиан покачала головой. Нет, попыталась она сказать. Но произнесла это слово мысленно. Телепатически она ощущала сочувствие остальных.

"Как мне его оплакивать, — подумала она, —

если я все еще ощущаю его присутствие? Он еще жив где-то там.

Как мне его оплакивать?"

Она почувствовала движение воды: осторожно, стараясь не потревожить ее, приблизился фин и стал что-то докладывать Тшут.

Джиллиан закрыла горящие глаза. Слезы наконец хлынули по ее щекам.

Она не могла стереть их под маской. Когда открыла глаза, зрение прояснилось.

— Я слышала, Ватгасети. В какую сторону направился Такката-Джим?

— К галактическим флотилиям, капитан. Но эти флоты погрузились в хаос! После этого пси-удара они жгут друг друга. И большая часть схватки происходит… над позицией мистера Орли.

Джиллиан кивнула.

— Подождем еще немного. Переходите в состояние боевой готовности и немедленно информируйте меня обо всем.

На посты вызвали всех, кто не был на вахте. Свесси и Д'Анит доложили, что двигатели прогрелись.

«Последняя возможность, Хикахи, — подумала Джиллиан. — Придешь?»

— Джиллиан! — крикнул Лаки Каа. Механи-

ческой рукой он указывал на иллюминатор. — Утес!

Джиллиан торопливо взглянула в этом направлении. Утес дрожал. По нему прошли большие трещины.

— На старт! — приказала Джиллиан. — Тшут, уноси нас отсюда!

Глава 104
ГАЛАКТЫ

Куллкуллабра низко поклонился соро Крат.

— Сообщение человека переведено? — рявкнула она.

Могучий пила снова поклонился и слегка попятился.

— Не полностью, мать флота. Человек говорил на двух несовершенных языках — англике и тринари. У нас, конечно, есть программы перевода для обоих, но они так хаотичны и контекстуальны, что вообще не похожи на языки цивилизованных существ…

Библиотекарь вздрогнул, когда Крат обратилась к нему.

— У тебя есть что-нибудь?

— Госпожа, мы считаем, что последняя часть

сообщения — на тринари — самая важная. Это может быть приказ клиентам, или…

Тяжелая линг-слива пролетела в нескольких дюймах от его головы.

Библиотекарь быстро попятился.

— Гипотезы! Предположения! — бушевала Крат. — Даже танду вне себя от возбуждения и шлют экспедицию за экспедицией к тому месту планеты, откуда пришло сообщение. И мы должны последовать их примеру.

Она оглянулась. Экипаж избегал ее взгляда.

— У кого-нибудь есть гипотеза, объясняющая этот неожиданный пси-удар, который вывел из строя всех разумных в системе? Может, и это выдумка землян? А вулканы — тоже их хитрость?

Экипаж старался выглядеть одновременно внимательным и занятым. Никто не рискнул заговорить с рассерженной матерью флота.

Из секции обнаружения показался воин паха.

— Госпожа, — объявил он. — Мы не заметили этого из-за вулканов, но с планеты поднялся корабль.

Крат почувствовала прилив радости. Этого-то она и ждала! Хотя она и послала свои корабли к месту радиосообщения, основные силы флота сохранились при ней.

— Отвлекающие маневры! Все это были отвлекающие маневры!

Радиосообщение, пси-удар, даже вулканы!

Конечно, ей хотелось бы знать, как землянам удалось осуществить два последних отвлекающих маневра. Но этот вопрос будет решен, когда поймают и допросят людей и их клиентов. — Земляне выждали, пока битва переместится к планете, — сказала она.

— И теперь пытаются уйти! Мы должны…

Подошел Куллкуллабра и поклонился.

— Госпожа, я провел глубокий поиск в Библиотеке и, как мне кажется, знаю источник пси и…

Глаза пила выпучились: Крат ударила его в живот своим брачным когтем.

Крат встала, схватила библиотекаря и швырнула его безжизненное тело об стену.

Постояла, глубоко вдыхая запах смерти. Ну, по крайней мере из-за этого убийства неприятностей не будет. Ведь идиот-пила действительно прервал ее! Никто не скажет, что она была не вправе разделаться с ним!

Она втянула коготь. Конечно, не сравнится с самцом ее рода: тот ведь может и ответить, но все равно хорошо.

— Расскажи о корабле землян, — сказала она

паха.

Крат заметила, что он подождал несколько секунд, прежде чем заговорить.

— Госпожа, — сказал он. — Это не главный их корабль. Похоже на какой-то разведчик.

Крат кивнула.

— Посол. То-то я так удивлялась, почему они не пытаются договориться о сдаче. Необходимо перехватить этот корабль. Мы должны действовать, прежде чем его обнаружат танду.

— Пусть наши новые теннанинские союзники идут в тылу. Я хочу, чтобы они поняли: в этом деле они младшие партнеры.

— Госпожа, теннанинцы уже готовятся покинуть нас. Они хотят присоединиться к схватке над поверхностью планеты.

Крат хмыкнула.

— Пусть. Наши силы снова равны силам танду. А теннанинцы почти бессильны. Пусть уходят. А мы займемся разведчиком.

Она села на влетуровую подушку и загудела про себя.

Скоро, скоро.

Хозяева требуют слишком многого. Как может акцептор достоверно докладывать, когда одновременно происходит столько всего.

Это прекрасно! Все происходит в один момент! Сверкающие вспышки над поверхностью планеты… яркие горячие вулканы… и этот гневный пси-рев, который недавно испустила сама планета!

Гнев все еще кипит и пенится. Почему хозяева не интересуются таким уникальным явлением? Пси-сигналы из глубин планеты? Акцептор мог бы так много рассказать танду об этом гневном голосе, но их интересует только, как его заглушить. Он отвлекает их и делает уязвимыми.

Акцептор же воспринял его как благословение, пока его снова не наказали. Хозяева применили нервный хлыст. Ноги акцептора дернулись: неприятное ощущение проникло в мозг. Должно ли «наказание» изменить его поведение в этот раз? Акцептор задумался.

И решил игнорировать «боль». Пусть льстят или кричат. Акцептора очаровали гневные голоса, исходящие снизу, и он стал слушать их очень внимательно.

Глава 105

— Какого дьявола?..

Дэнни скатилась со своей полки и упала в воду. Сахот запищал. Корабль неожиданно встал на дыбы.

И вдобавок к физическому неудобству на них навалилось психическое.

Дэнни хлебнула воды и ухватилась за распорку. Ей хотелось зажать уши.

— Прекратите, — простонала она. Она пыталась использовать технику, которой обучал ее Тошио… чтобы ритм ударов сердца совпадал со скрежещущим шумом в голове. Она почти не слышала, как Сахот крикнул:

— Это они!

Фин клювом нажал кнопку люка и заторопился по коридору. Он ворвался в тесную контрольную рубку.

— Крайдайки! — начал он, забыв, что капитан его не понимает. — Это они! Голоса снизу!

Крайдайки взглянул на него, и Сахот понял, что капитан уже знает. Он как будто и не удивился. Крайдайки негромко напевал мелодию приятия. Он казался удовлетворенным.

Со своего места пилота Кипиру объявил:

— Регистрирую поток нейтрино и антигравитации. Прямо по курсу!

Взлетает небольшой корабль.

Хикахи кивнула.

— Вероятно, Такката-Джим. Надеюсь, Джиллиан была права, когда приняла меры.

Они продолжали двигаться под водой на восток. Полчаса спустя Кипиру снова крикнул:

— Еще антигравитация! Большой корабль! Взлетает на юго-запад!

Крайдайки плавниками ударил по воде.

Вверх, вверх!

Вверх и смотрите!

Смотрите!

Хикахи кивнула Кипиру.

— Поднимись на поверхность.

Скиф вынырнул. Мимо иллюминаторов скользнули водоросли.

Все столпились у южного иллюминатора и смотрели, как на горизонте появился клинообразный предмет, медленно набирая скорость, поднялся в небо. Видели, как он пролетел на юг, достиг скорости звука и наконец исчез в облаках.

Смотрели, пока след «Стремительного» не рас-

сеялся в небе Китрупа.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ВОСТОРГ

Это парни, которые всегда обгоняют ветер.

Герман Мелвилл

Глава 106
ТОШИО

Тошио плыл изо всех сил, волны старались оттащить его назад. Борясь с течением, он пробивался в открытый океан. И, когда почувствовал, что руки и ноги отказывают, добрался до спокойной воды. С горящими легкими повернулся и увидел, как остров, оставшийся теперь почти в двух километрах, медленно погружается в пропасть.

Но это погружение кратковременное. Деревосверло не завершило свою работу, когда они с Дэнни взорвали его. Как только ствол будет забит, остров, вероятно, остановится.

Со всех сторон донеслись глухие взрывы. Тошио огляделся. Деревья на островах раскачивались во

всех направлениях, как от ветра. На некотором расстоянии он увидел три столба пара и дыма, поднимающиеся над равниной моря. Слышался рев подводных землетрясений.

Неужели из-за одной маленькой бомбы? Несмотря на все пережитое, Тошио спокойно рассуждал о происходящем. Ему ничего не оставалось, кроме рассуждений о том, как лучше умереть. Он испытывал странное ощущение свободы.

«А если бомба высвободила поток магмы? — подумал Тошио. — Если где-то и должен был бы появиться вулкан, то, мне кажется, в шахте этого дерева-сверла. Но, наверное, остров заткнул эту шахту».

Металлический остров, который две недели был его домом, будто бы перестал погружаться. Над водой виднелись только вершины деревьев. Тошио подумал о судьбе Чарлза Дарта. Он не мог себе представить, чтобы шимпанзе уплыл далеко. Вероятно, это к лучшему. Во всяком случае быстрая смерть.

Отдохнув, Тошио почувствовал себя бодрее. И снова поплыл.

Минут через двадцать послышался низкий гул. Тошио обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть,

как отдаленный остров покачнулся от сильного взрыва. Во все стороны разлетелась грязь и растительность. Сам остров приподнялся, раскололся надвое и снова опустился в облаке пара.

Глава 107
ТАККАТА-ДЖИМ

— Вызываю военный флот! Вызываю военный флот спереди! Говорит лейтенант Такката-Джим из Земной Исследовательской Службы. Я хочу начать переговоры. Пожалуйста, ответ-тьте!

Приемник молчал. Такката-Джим выругался. Радио должно работать. Он снял его с саней Томаса Орли, а у этого человека оборудование всегда в порядке. Почему же галакты не отвечают?

Баркас должен управляться несколькими членами экипажа. Неожиданное уничтожение острова заставило его бросить стеносов. И теперь никто не может ему помочь. Ему приходится одновременно работать за двоих или троих.

Он смотрел на тактический дисплей. С севера галактики к нему приближается группа желтых огней. Она ничтожно мала по сравнению с огромной армадой, которая появилась здесь, в системе, несколько недель назад. Но все же обла-

дает огромной огневой мощью. И направляется прямо к нему.

Вселенский хаос. Планета в пятнах выделяющейся энергии — столбы пара над вулканами, проснувшимися в море. А над северным полушарием продолжается битва.

Такката-Джим уменьшил масштаб изображения на дисплее и увидел другой флот. Он тоже направлялся прямо к нему.

Эфир заполнен голосами. Импульсная модуляция, частотная модуляция, модуляция пучка первичных электронов — вся шкала задействована в этом смятении. Может, поэтому его никто не слышит?

Нет. У галактов совершенные компьютеры. Должно быть, барахлит его оборудование. Некогда было проверить перед стартом!

Такката-Джим нервно смотрел на карту.

Он плывет навстречу стае хищных акул, надеясь вступить в переговоры и обеспечить безопасность «Стремительного» и его постепенное освобождение.

Но тут он вспомнил выражение лица Джиллиан Баскин, когда неделю назад предложил отдать все сведения галактам как выкуп. Метц тогда поддержал его, но теперь в памяти всплыло лицо

женщины. Она с жалостью посмотрела на него и сказала, что фанатики не подчиняются разуму.

— Они все возьмут, вежливо поблагодарят нас, а потом сожгут в масле, — заметила она.

Такката-Джим мотнул головой.

«Не верю. Это все же лучше, чем ее прожект!»

Он смотрел на тактическую голограмму. Первый флот уже всего в ста тысячах километров. Компьютер наконец выдал данные. Это боевые корабли соро.

Соро! Такката-Джим ощутил горечь желчи из первого желудка. Вспомнил все, что слышал о соро.

А если они начнут стрелять первыми? Если их вообще не интересуют пленные? Он посмотрел на приборы собственного оружия. Жалкое вооружение, но…

Механическая рука включила рубильник… все-таки хоть какое-то утешение.

Глава 108
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Оба больших флота повернули к Такката-Джиму!

Джиллиан кивнула.

— Продолжайте сообщать мне, Ватгасети. Она повернулась. — Тшут, сколько времени нас еще будут скрывать эти тектонические сдвиги?

— Наша антигравитация уже пять минут как может быть зарегистрирована.

Не думаю, чтобы нас скрыли вулканы. Если хотим вырваться, нужно набирать высоту.

— Нас сканируют с дальнего расстояния! — крикнул оператор детектора.

— Интересуются несколько кораблей, воюющих над Орли!

— Вот и все, — заметила Тшут. — Пора.

Джиллиан покачала головой.

— Дайте мне еще минут пять, Тшут. Дерущиеся на севере меня не тревожат. Укройте меня еще ненадолго от основных флотов. Тшут развернулась в оксиводе, оставив за собой цепочку пузырей.

— Лаки Каа! Держи курс на юго-запад, к этому новому вулкану!

Джиллиан напряженно смотрела на дисплей. Маленькая голубая искра обозначала баркас, летящий навстречу группе из тридцати больших точек.

— Давай, Такката-Джим, — про себя сказала Джиллиан. — Я думаю, что поняла тебя. Докажи,

что я права!

От лейтенанта-изменника по радио не пришло ни звука. Должно быть, Тошио исполнил свой долг — вывел из строя все установки на острове.

Голубая искра в ста тысячах километров от врага.

— Телеметрия! Такката-Джим привел в действие свое оружие! — объявил Ватгасети.

Джиллиан кивнула.

«Я это знала. Он ведь почти человек. Надо быть очень сильной личностью — не только для того, чтобы атаковать, но и чтобы прервать связь с кораблем».

Еще немного…

— Джиллиан! — воскликнул офицер у детектора. — Не могу поверить!

Такката-Джим…

Джиллиан чуть печально улыбнулась.

— Попробую угадать. Такката-Джим ведет огонь по всему флоту. — Тшут и Ватгасети повернулись к ней, глядя широко раскрытыми глазами. Она пожала плечами.

— Каковы бы ни были его грехи, никто не скажет, что Такката-Джим трус.

Джиллиан улыбнулась, чтобы скрыть свою нервозность.

— Всем приготовиться.

Глава 109
ТАККАТА-ДЖИМ

Такката-Джим закричал и схватился за рычаг. Не работает! Приборы управления огнем включились без его приказа!

Каждые несколько секунд маленький корабль вздрагивал: из единственной торпедной установки уходил очередной снаряд. Из носа баркаса вырывались небольшие вспышки антиматерии, автоматически направлявшиеся на ближайший вражеский корабль.

Необыкновенно удачный выстрел: передовой корабль соро раскрылся, как цветок. Неожиданность нападения преодолела защиту, способную противостоять вспышке новой.

Такката-Джим выругался и еще раз отключить управление огнем. Не получилось.

Весь флот соро повел ответный огонь. Такката-Джим закричал и начал маневрировать. С врожденным дельфиньим ощущением трехмерности пространства он уходил от потоков заряженных частиц и близких разрывов. Оставалось только одно. Такката-Джим послал свой

корабль навстречу второму флоту. Там видели его нападение. Если он доживет до встречи с ними, его посчитают союзником.

Он устремился в пространство, преследуемый стадом бегемотов.

Глава 110
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Пора, Джиллиан?

— Почти, дорогая. Еще минуту.

— Корабли на сссевере как будто приняли решение. Некоторые из них поворачивают… Поправка, вся схватка движется на юг, в нашу сторону!

Джиллиан не могла не обрадоваться, что бой уходит от Тома. В конце концов это только ответная любезность.

— Хорошо. Выбирайте траекторию. Я хочу направиться к востоку от плоскости эклиптики, как только второй флот повернет к баркасу.

Тшут нетерпеливо вздохнула.

— Есть, сэр. — Она поплыла на место пилота и стала разговаривать с Лаки Каа.

Глава 111
ТОМ ОРЛИ

Он поднял голову над поверхностью бассейна, в котором прятался.

Куда все так неожиданно исчезли?

Минуту назад небо сверкало от пиротехники. Сверху падали горящие корабли. Теперь он заметил высоко вверху только несколько отставших. Все они направлялись на юг. Через мгновение он догадался.

«Спасибо, Джилл, — подумал он. — Отомсти за меня!»

Глава 112
ТАККАТА-ДЖИМ

Такката-Джим раздраженно фыркал. Он был так занят, что управлять огнем ему было некогда. В отчаянии он посылал импульсы, стирая целые блоки компьютерной памяти. Наконец что-то сработало. Выключилась система управления огнем. Такката-Джим лихорадочно повернул корабль влево, уходя от торпед.

Два флота быстро сближались, он находился между ними.

Такката-Джим собирался нырнуть во второй флот и зайти за него, показывая своими действиями то, что не мог передать по радио: он ищет защиты.

Но приборы не действовали! Он не мог завершить маневр. Слишком много памяти стер.

Под прямым углом баркас уходил от обоих флотов. И оба повернули за ним.

Глава 113
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Пора! — сказала она.

Пилота не нужно было подталкивать. Он уже добавлял ускорение. А теперь включил двигатели на полную мощность. Машины «Стремительного» взревели, и в атмосфере за кораблем появился длинный след ионизации.

Серое море исчезло под белым облачным одеялом. Горизонт изогнулся, превратился в дугу. «Стремительный» падал в океан звезд.

— Идут за нами. Те, что с севера.

— Сколько?

— Примерно двадцать. — Тшут прислушалась к

нервной связи. — Они растянулись. Кроме относительно большой группы в тылу, вряд ли два из них принадлежат одной расе. Я слышу стрельбу. Преследуя нас, они продолжают сражаться друг с другом.

— А сколько в этой тыловой группе?

— Гм… шесссть, мне кажется.

— Ну, посмотрим, на что мы способны, когда разгонимся.

Планета уходила назад, Лаки Каа разгонял «Стремительный» в направлении, выбранном Джиллиан.

За горизонтом Китрупа шло сражение. Какое-то время корабль скрывался от него за корпусом планеты. Но вот они его увидели.

В миллионе километров от них пространство заполняли яркие взрывы и крики, едва проникавшие сквозь пси-экраны, но поднимавшие волосы дыбом.

Тшут заметила:

— Большие парни дерутся из-за Такката-Джима. Может, нам даже удастся уйти незамеченными, прежде чем нас догонят основные флоты.

Джиллиан кивнула. Жертва Тошио была не напрасной.

— Значит, наша проблема — меньшие парни

в хвосте. Нужно их как-то стряхнуть. Нельзя ли укрыться за газовым гигантом? Сколько нам до него?

— Трудно сказать, Джиллиан. Может, час. Мы не можем использовать овердрайв в системе, у нас и так очень большая лишняя масса.

Тшут сосредоточенно прислушалась.

— Те, что у нас на хвосте, прекратили бить друг друга. Они, возможно, повреждены, но, я думаю, два самых больших корабля настигнут нас раньше, чем мы доберемся до газового гиганта..

Джиллиан посмотрела на голоэкран. Китруп превратился в небольшой шар в углу, за ним виднелись искорки битвы. По эту сторону многоточие показывало преследователей «Стремительного».

На переднем экране рос сверкающий шар с пастельными полосами.

Огромная планета из замерзшего газа, гораздо больше Юпитера, медленно, но заметно увеличивалась.

Джиллиан поджала губы и негромко присвистнула.

— Что ж, если не можем от них уйти, попробуем засаду.

Тшут смотрела на нее.

— Джиллиан, это военные корабли! А мы всего лишь исследовательское судно класса «Снарк», да и то перегруженное!

Джиллиан улыбнулась.

— «Снарк» вырос, девушка. Корпус теннанинца нас не очень задержит. А мы можем придумать что-нибудь такое, чего никто не ожидает.

Она не сказала, что именно, хотела еще подождать, надеясь на чудо.

— Все ли грузы закреплены?

— Уставная процедура. Все сделано.

— Хорошо. Пожалуйста, соберите весь экипаж в центральный отсек. Пусть привяжутся чем смогут.

Тшут передала приказ, потом с вопросительным выражением повернулась к Джиллиан.

Та объяснила:

— Мы тихоходны, потому что у нас лишний вес. Они начнут стрелять, прежде чем мы укроемся за газовым гигантом, тем более достигнем уровня овердрайва. Скажите мне, Тшут, из чего состоит наш лишний вес?

— Из корпуса теннанинца.

— А еще?

Тшут выглядела удивленной.

Джиллиан намекнула загадкой:

Живое прикосновение
К самому движению –
О нем забываешь, как о воздухе,
Пока оно не исчезнет!

Тшут смотрела недоумевающе. И вдруг поняла. Глаза ее расширились.

— Очень хитро. Может сработать. Но хорошо, что вы мне сказали.

Экипажу понадобится снаряжение.

Джиллиан попыталась щелкнуть пальцами в воде и не смогла.

— Космические скафандры! Вы правы! Тшут, что бы я без вас делала!

Глава 114
ГАЛАКТЫ

— Сражение остатков флотов переместилось от планеты, — доложил воин паха. — Они уходят от Китрупа, преследуя большой корабль.

Соро Крат очистила линг-сливу от кожуры. Она попыталась сдержать нервную дрожь левой руки.

— Можешь опознать, кого они преследуют?

— Это не наша добыча.

Паха притворился, что не замечает вздоха облегчения матери флота при этом известии.

— Он слишком велик для земного корабля. Мы предполагаем, что это поврежденный теннанинец, однако…

— Да? — лукаво спросила Крат.

Паха колебался.

— Он странно себя ведет. Необыкновенно массивен, и моторы звучат не совсем по-теннанински. Но он слишком далеко, чтобы данные о нем были точнее.

Крат хмыкнула.

— Каково наше положение?

— Танду идут параллельно, стреляют нам во фланг, мы отвечаем тем же.

Мы оба преследуем разведчик Земли. Оба перестали стрелять по разведчику, если он не приближается к противоположной стороне.

Крат заворчала.

— Этот корабль уводит нас все дальше и дальше, от планеты — нашей истинной добычи. Задумайся, возможно, такова цель разведчика?

Паха подумал, потом кивнул.

— Да, мать флота. Похоже на трюк тимбрими или волчат. Что ты приказываешь?

Крат переполняло раздражение. Это уловка!

Но она не может прекратить погоню, иначе разведчиком завладеют танду. И чем дольше идет преследование, тем больше потери с обеих сторон.

Она швырнула сливу. Та попала в центр иероглифа Библиотеки.

Испуганный пила вскочил и запищал, потом с ужасом посмотрел на эту дерзость.

— Передайте стандартный сигнал перемирия три, — с отвращением приказала Крат. — Свяжитесь со сталкером танду. Надо положить конец этому фарсу и немедленно возвращаться к планете.

Сталкер танду еще раз спросил тренера:

— Ты можешь разбудить акцептора?

Тренер склонился перед сталкером, предлагая собственную голову.

— Не могу. Он в органастическом состоянии. Сверхстимуляция. Никакие воздействия не помогут.

— Значит, у нас нет возможности метапсихически исследовать эту странную погоню?

— Нет. Мы можем использовать только физические методы.

Ноги сталкера дернулись.

— Иди и отрежь себе голову. Прикажи поло-

жить ее в мои трофеи.

Тренер прохрипел согласие.

— Пусть новый тренер, что я воспитал, служит тебе лучше.

— Пусть. Но сначала, — сказал сталкер, — попытайся соединить меня с соро. Мне, конечно, придется отрезать ноги, которыми я буду вести с ними переговоры, но переговоры необходимы.

Буоулт откусил чешуйки с локтя и принялся расчесывать ими гребень.

Его догадки правильные! Он увел оставшиеся шесть теннанинских кораблей из сражения соро с танду и вовремя оказался у планеты, чтобы присоединиться к преследователям. Десять избитых кораблей перед ними следуют за едва различимым объектом.

— Быстрее! — приказал он. — Остальные малочисленны. Соро и танду дерутся друг с другом, и мы — единственная значительная сила в этом районе. Мы должны их догнать!

Намного впереди теннанинцев капитан губру пригладил перья и каркнул.

— Мы их догоняем! Догоняем этот неуклюжий корабль! И смотрите. Мы теперь близко, и нам видно, что это излучения землян. Они летят

внутри корпуса, но теперь мы достаточно близко, чтобы поймать их и заглянуть внутрь корпуса!

— Мы близко и поймаем их!

Конечно, неудача по-прежнему возможна. Но полное поражение — нет.

— Если не сможем их поймать, — сказал себе капитан, — то уничтожить — вполне.

Глава 115
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Впереди висел газовый гигант. Грузный «Стремительный» приближался к нему.

— Они ожидают, что мы, приблизившись, пройдем по крутой гиперболе, — заметила Тшут. — Обычно эта тактика хороша в планетарной системе. Быстрое прохождение вблизи планеты может резко изменить направление.

Джиллиан кивнула.

— Они ждут этого от нас, но не дождутся.

Они смотрели на экран, на котором три точки постепенно превращались в изображения боевых кораблей с ужасными шрамами и еще более ужасными орудиями.

Корабли преследователей становились больше, но и планета начинала вмешиваться.

— Все фины в безопасности?

— Да.

— Тогда выберите время, лейтенант. Вы лучше меня чувствуете бой в космосе. Вы знаете, что мы хотим сделать.

Тшут щелкнула челюстями.

— Сделаю, Джиллиан.

Они нырнули к планете.

— Сскоро. Скоро они должны будут… — Глаза Тшут сузились. Она сосредоточилась на звуковых изображениях, передававшихся через нервную связь. На мостике было тихо, только щелкали сонары дельфинов. Джиллиан вспомнила о напряженной обстановке на человеческих боевых кораблях, когда половина экипажа, не замечая этого, начинает насвистывать сквозь зубы.

— Приг-готовиться, — передала Тшут в интерком в машинное отделение.

Корабли преследователей исчезли за корпусом планеты.

— Пора! — крикнула Тшут, чтобы услышал Свесси. — Открыть задние шлюзы. Включить насосы. — Она повернулась к пилоту. — Запустить зонд-приманку! Максимальное боковое ускорение! Ускорение компенсировать полем стасиса, только на корме оставить одно "g". Повторяю, на

корме гравитация одно "g"!

Половина приборов на контрольном щите вспыхнула красным светом.

Предупрежденный экипаж закрепился, а из задних шлюзов «Стремительного» в вакуум устремился поток.

Капитан губру был озабочен тем, что корабль птака пытается его обогнать. Капитан обдумывал маневр уничтожения птака, но неожиданно его внимания потребовал главный компьютер.

— Они не сделали этого! — завопил капитан, недоверчиво глядя на экран. — Они не могли этого сделать. Они не могли найти такую дьявольскую уловку. Они не могли…

На экране корабль птака почти на световой скорости столкнулся с преградой, которой только что не было.

На их пути оказался всего лишь поток частиц газа. Но не ожидавший этого птака наткнулся, словно на прочную стену. На такой скорости любая преграда смертельно опасна.

— Поворот! — приказал капитан губру. — Огонь из всех орудий по добыче!

Вперед устремились лучи энергии, но наткнулись на непреодолимую стену между губру и быстро поворачивающим кораблем землян.

— Вода! — закричал он, прочитав отчет спектроскопа. — Барьер из водяного пара! Цивилизованная раса не может отыскать такую уловку в Библиотеке! Цивилизованная раса не может опуститься так низко!

Цивилизованная раса не может…

И в этот момент корабль губру столкнулся с облаком снежинок.

Освещенный мегатонными взрывами, «Стремительный» шел по крутой дуге, которую несколько минут назад не мог бы себе позволить. Шлюзы закрыли, и корабль медленно заполнялся воздухом. Появилась невесомость. Экипаж в скафандрах разлетелся по местам из трюма-убежища.

Из все еще залитого водой мостика Джиллиан следила за гибелью двух ближайших преследователей. Экипаж весело загудел, когда третий корабль попытался отвернуть, но не успел и столкнулся с рассеянным облаком. И сразу превратился в шар из плазмы.

— Остальные еще за газовым гигантом, — сказала Джиллиан. — После погони с Китрупа им кажется известной наша динамика. Они никогда не подумают, что мы сделали такой поворот.

Тшут выглядела менее уверенной.

— Возззможно. Мы выпустили зонд-приманку

по нашему прежнему маршруту.

Он подражает нашим излучениям. Возможно, они погонятся за ним.

— Во всяком случае им придется подходить по крутой и быстрой гиперболе.

— И мы сможем брать их по одному. — У Джиллиан слегка кружилась голова. Это их единственная надежда. Потом нужно будет затаиться и незаметно ждать. Ждать Хикахи и Крайдайки. Ждать еще одного чуда.

«Стремительный» застонал, меняя направление.

— Свесси сообщает, что стенные распорки под сильным напряжением, — доложил Лаки Каа. — Он спрашивает, собираетесь ли вы еще раз отключать стасис или делать другие маневры. Он называет их «дикими безумными женскими маневрами». Его слова, сссэр!

Джиллиан не ответила. Да Свесси и не ожидал.

В тот момент, когда «Стремительный» завершил резкий маневр, из-за газового гиганта показались еще два корабля.

— Уберите их, — сказала Джиллиан офицеру-дельфину. В голосе звучал гнев. За недели напряжения она себе этого не позволяла. — Действуйте, как хотите. Но уберите их!

— Ессссть! — Тшут заметила сжатые кулаки Джиллиан. Она тоже это чувствовала.

Повернулась и обратилась к экипажу.

Терпеливо
Сносили мы оскорбления –
Терпеливо
Выдерживали зло –

Но теперь мы останавливаемся,
Мы больше не терпим –
Сон и логика
Соединяются в битве!!

Экипаж мостика приветствовал ее. «Стремительный» направился к удивленным врагам.

Глава 116
ГАЛАКТЫ

Голос матриарха соро звучал из коммуникационной паутины:

— Значит, договорились объединить силы?

Сталкер танду пообещал себе лишиться двух ног, а не одной из-за этого позорного договора.

— Да, — ответил он. — Если будем продолжать

погоню по-прежнему, только истощим силы друг друга. Для паразитов вы, соро, сражаетесь хорошо.

Объединимся и закончим погоню.

Крат для уверенности повторила:

— Мы клянемся Договором Номер Один, древнейшим и самым священным в Библиотеке, что захватим землян вместе, вместе извлечем информацию и вместе будем искать послов наших предков, чтобы они определили нашу судьбу.

— Согласен, — сказал танду. — А теперь закончим дело и займемся главной добычей.

Глава 117
ТАККАТА-ДЖИМ

Теперь он понимал, что имеют в виду люди, говоря о «катании на санях в Нантакете».

Такката-Джим устал. Ему казалось, он бежит уже много часов. Как только он пытался повернуть к одной группе, чтобы сдаться, другая начинала стрелять между ним и целью, не давая ему приблизиться, заставляя отходить.

Но вот он заметил длинную цепочку кораблей, уходящих от Китрупа в другом направлении. Не требовалось большой догадливости, чтобы

понять, что туда же полетел «Стремительный».

"Все кончено, — подумал Такката-Джим. — Я пытался выполнить свой долг, как я его понимаю, и одновременно спасти свою жизнь. Теперь кости брошены. И план мой не удался.

Я проиграл. И теперь могу только выиграть для «Стремительного» несколько лишних минут".

Флоты перестали стрелять друг в друга, продолжая преследовать его.

Такката-Джим понял, что они договорились.

Неожиданно ожил его приемник — сообщение на базовом гал-один.

Сообщение простое: приказ остановиться и сдаться объединенному флоту соро и танду.

Такката-Джим щелкнул челюстями. Ответить он не может, нет передатчика. Но если он остановится, они возьмут его в плен.

Он ждал, пока сообщение не повторили трижды. Потом начал сбавлять скорость… но медленно. Очень медленно. Он продолжал тянуть время.

Когда галакты приблизились и их сообщения звучали все более угрожающе, Такката-Джим вздохнул и снова включил боевой компьютер управления огнем. Баркас вздрогнул, маленькие снаряды начали уходить от него.

Такката-Джим снова увеличил скорость.

Когда оба флота выстрелили по нему, он, конечно, попытался увернуться. Неспортивно было бы сдаваться без боя.

Но энергии для серьезных маневров уже не оставалось. И в ожидании Такката-Джим начал стихотворение:

Самое печальное
Для дельфина, даже для меня –
Умереть в одиночестве…

Глава 118
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

Засада за газовым гигантом оказалась неожиданной. Враг подошел близко, используя огромное тяготение планеты, чтобы пройти по крутой гиперболической орбите. И был не готов отразить нападение с фланга.

По сравнению с головокружительным финтом вражеских кораблей «Стремительный» был почти неподвижен. Он обрушился на два проходящих крейсера, выбросив на их траектории паутину антиматерии.

Первый из кораблей превратился в огненный

шар прежде, чем компьютер «Стремительного» сумел опознать его. Его защитные экраны, вероятно, были повреждены во время битвы.

Второй крейсер оказался в лучшей форме. Его экраны зловеще сверкнули фиолетовым светом, а на корпусе вспыхнули яркие линии раскаленного металла. Но он миновал ловушку и начал отчаянно ускоряться.

— Он прошел наши мины, — объявила Тшут. — Жаль. Не было времени приготовиться получше.

— Не все же сразу, — ответила Джиллиан. — Вы сделали все прекрасно.

Ему потребуется много времени, чтобы вернуться к нам.

Тшут всмотрелась в экран и прислушалась к своему нервному гнезду.

— Если у него непорядок с двигателями, он может запоздать. Сейчас он идет по курсу столкновения с планетой!

— Хорошо. Оставим его и посмотрим, что с остальными.

Маневр «Стремительного» увел его от планеты и сблизил еще с пятью точками. Они видели засаду и сейчас спешно меняли курс.

— Увидим, сработает ли «Троянский морской конек», — сказала Джиллиан.

— Те, первые, были близко и смогли понять, что у нас земные двигатели. Но эти гораздо дальше. Наложил ли Свесси рисунок излучения теннанинца, как мы договаривались?

Ватгасети утвердительно свистнул.

— Сделано. Свесси, правда, говорит, что это уменьшает мощность наших двигателей. Он напоминает, что у нас все же не теннанинские двигатели.

— Поблагодарите его от меня. А теперь наша жизнь зависит от того, насколько развито у них воображение. Правда, Том считал, что развито достаточно. Полную мощность на пси-защиту!

— Есть, ссэр!

Засветились экраны детекторов энергии: это приближающиеся корабли пустили в ход свои опознавательные лучи. Пестрое собрание приближающихся кораблей ити заколебалось, потом дрогнуло.

— Номера один, четыре и пять ускоряются, чтобы обогнать нас, — сообщила Тшут. Мостик наполнился весельем и хлопками дельфинов. — А остальные?

Манипулятор Тшут указал на две точки на экране.

— Сбрасывают скорость и готовятся к бою! Мы

получаем сообщение на галактическом-десять. Это ритуальный вызов на бой.

Тшут покачала головой.

— Они действительно считают, что мы теннанинцы! Но все равно хотят нас прикончить!

— Кто они?

— Братья Ночи!

На экране показались два приближающихся боевых корабля, темных и грозных.

Что делать? Джиллиан хранила непроницаемое выражение лица. Она знала, что фины следят за ней.

"Мы не можем уйти от них, особенно сейчас, когда изображаем, что у нас двигатели теннанинца. И корпус на нас тяжелый. Но только глупец попытался бы сразиться с ними.

Глупый боец, как Том, — иронически подумала она. — Или Крайдайки.

Если бы командовал один из них, я бы уже готовила для Братьев Ночи траурные венки".

— Джиллиан? — нервно спросила Тшут.

Джиллиан встряхнулась.

«Пора. Принимай решение».

Она посмотрела на приближающихся врагов. — Прямо им в глотку, — сказала она. — Направляемся к Китрупу.

Глава 119
ГАЛАКТЫ

— Мы оставим половину нашего объединенного флота над планетой. Никто из оставшихся не посмеет вернуться теперь, когда мы объединились. Мы даже пошлем отряды, чтобы очистить спутники от затаившихся врагов и проверить, что произошло за газовым гигантом.

У сталкера танду теперь было не шесть ног, а только четыре. Соро Крат удивилась, какой несчастный случай произошел с предводителем ее неприятных Союзников. Впрочем, это не важно. Крат мечтательно подумала о том дне, когда лично оторвет остальные ноги сталкера, а потом все его головные бутоны.

— Возможно ли, что смятение за планетой вызвано теми, за кем мы охотимся? — спросила она.

Танду на экране хранил непроницаемое выражение.

— Все возможно, даже невозможное. — Похоже на трюизм танду. — Но добыча не могла уйти, хотя силы преследователей невелики. Если они

ее захватили, начнется борьба между захватившими. И когда прибудут наши объединенные силы, мы получим все. Очень просто.

Крат кивнула. Действительно просто.

«Скоро, — сказала она себе. — Скоро мы вырвем информацию у землян или выясним ее, просеивая обломки их корабля. И увидим своих предков. Но надо будет оставить в живых несколько человек и их дельфинов после получения от них информации о местонахождении прародителей. Моим клиентам не нравится, когда я развлекаюсь с ними. Если я найду развлечение вне семьи, это убережет меня от неприятностей».

Она смутно пожалела, что поблизости нет самца ее племени.

Объединенный отряд танду и соро из тринадцати кораблей устремился к газовому гиганту.

Глава 120
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Повреждены гребни стасиса с левого борта! — сообщил Ватгасети. — Все боевые установки в этом районе вышли из строя.

— Есть ли повреждения внутреннего корпуса? — беспокойно спросила Джиллиан.

Фин взглянул на экран контрольного компьютера.

— Нет. Пока весь удар принимает на себя корпус теннанинца. Но Свесси говорит, что распорки слабеют.

— Теперь, когда наш левый борт поврежден, они попытаются сосредоточить на нем огонь, — сказала Тшут. — И ожидают, что мы повернем. Батареи правого борта! Пять мин по азимуту в сорок градусов! Небольшая скорость и зарядные шнуры!

— Н-но там никого нет!

— Будут! Огонь! Руль, поверните корабль на два радианта в минуту влево!

«Стремительный» дрожал, медленно поворачивая в пространстве. Его экраны опасно светились под ударами мощных лучей. Но теперь удар придется в противников, которые легко повторили неуклюжий маневр корабля.

От затененного корпуса «Стремительного» неторопливо отошли шесть небольших снарядов, потом их двигатели отключились. «Стремительный» повернулся, пытаясь защитить поврежденный борт, но медленнее, чем мог бы.

Чувствуя его слабость, вражеские корабли повторили поворот. Лучи нацелились в повре-

жденный борт корабля, который Братья Ночи приняли за настоящий корпус противника.

«Стремительный» вздрогнул, когда лучи пробили его защиту и уперлись в теннанинский корпус. Мигнуло поле стасиса, у всех появилось странное яркое ощущение deja vu. На заполненном водой мостике залпом чуть не сбило экипаж. Детекторы повреждений извещали об огне и дыме, о плавящемся оружии и коробящихся стенах.

Крейсеры уверенно вошли в минное поле, и снаряды взорвались.

Джиллиан схватилась за ближайшую распорку. Сенсоры, которые не превратились в пар, сообщили, что враг скрылся в облаке раскаленного газа.

— Ускорение, двадцать градусов на два семьдесят! — крикнула Тшут. — Прекратить поворот!

Двигатели ревели от перегрузки. Крепления двух корпусов стонали.

«Стремительный» увеличил скорость и пошел в другом направлении.

— Будь благословен этот теннанинец! — вздохнул один из финов. — Эти лучи разрезали бы «Стремительный» на тосты!

Джиллиан всмотрелась в один из уцелевших экранов, стараясь что-то рассмотреть среди обломков и дыма. Наконец она увидела врага.

— Попадание! Точное! — воскликнула она.

У одного корабля огромная пробоина в борту, горящий металл заворачивается лепестками. Второй взрыв потряс корабль.

Второй казался невредимым, но стал гораздо осторожнее.

«Продолжай осторожничать, — молча попросила Джиллиан. — Дай нам немного уйти!»

— Есть еще кто-нибудь поблизости? — спросила она у Тшут. Если остались только эти два корабля, она готова снова включить двигатели на полную мощность, и пусть все знают, что это земной корабль!

Лейтенант мигнула.

— Да, Джиллиан. Еще шесть. Быстро приближаются. — Тшут покачала головой. — От этой группы нам не уйти. Они идут слишком быссстро.

Простите, Джиллиан.

— Братья приняли решение, — сказал Ватгасети. — Они идут к нам.

Тшут закатила глаза. Джиллиан про себя согласилась с ней.

«Больше мы их не одурачим».

— Вызывает Свесси. Он спрашивает…

Джиллиан вздохнула.

— Передайте Ханнесу, что больше «женских маневров» не будет. У меня больше нет идей.

Два боевых крейсера за кормой «Стремительного» увеличивались. Они не стреляли, готовясь к решающей схватке.

Джиллиан подумала о Томе. Не могла избавиться от мысли, что подвела его.

«Это был очень хороший план, милый. Ради тебя мне хотелось воплотить его».

Враг зловеще приближался.

И тут Лаки Каа закричал:

— Сворачивают! — Пилот возбужденно бил хвостом. — Меняют курс! Бегут, как стая кефали!

Джиллиан недоуменно мигнула.

— Но ведь мы в их руках!

— Это новые, Джиллиан! Шесть приближающихся кораблей! — весело крикнула Тшут.

— Что? А они тут при чем?

Трут улыбнулась широко, как может только неофин.

— Это теннанинцы! Они идут на полной скорости! И стреляют вовсе не в нас!

На экране было видно, как два крейсера, преследовавшие «Стремительный», теперь уходят, стреляя в парфянском стиле по мини-флотилии.

Джиллиан рассмеялась.

— Ваттасети! Передай Свесси — отключить двигатели! Пусть пойдет дымок. Будем изображать смертельно раненого воина!

Спустя несколько мгновений инженер ответил:

— Свесси говорит, что проблем не будет. Никаких.

Глава 121
ГАЛАКТЫ

Гребень Буоулта дрожал от возбуждения. Перед ним «Огонь Кронодорфа», избитый, но гордый и непобежденный. Он считал старый корабль погибшим с первых дней битвы вместе с его командиром бароном Эбремсевом. Буоулту не терпелось увидеть старого товарища.

— Ответа по-прежнему нет? — спросил он у связиста.

— Нет, командир. Корабль молчит. Возможно, именно сейчас они получили смертельный удар… Подождите! Что-то есть! Сигнал вспышками, текст открытый, некодированный. Сигналят из иллюминатора!

Буоулт энергично продвинулся вперед.

— Что они говорят? Просят помощи?

Связист сидел перед монитором, глядя на мигающий огонек.

— Все орудия и средства связи уничтожены, — читал он. — Аппаратура жизнеобеспечения и вспомогательные двигатели еще действуют… Земляне впереди, их преследуют несколько небольших кораблей… Мы отходим… счастливой охоты… «Огонь Кронодорфа», конец связи.

Буоулту показалось несколько странным это сообщение. Почему Эбремсев отходит, если может еще преследовать врага и по крайней мере отвлечь на себя огонь?

Возможно, он храбрится, чтобы не задерживать их. Буоулт уже собрался распорядиться о посылке помощи, когда снова заговорил связист.

— Командир! Со стороны водной планеты приближается отряд! Не менее десяти кораблей! Признаки соро и танду!

Гребень Буоулта мгновенно опустился. Вот он, последний союз еретиков. — Вот наш шанс! Немедленно за беглецами! Мы справимся с преследователями, когда они захватят землян, и опередим танду и соро!

Когда корабли устремились вперед, Буоулт приказал отправить на «Огонь Кронодорфа» сообщение:

— Пусть с вами живут Великие Духи…

Глава 122
«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

— Вы прятали от нас очень совершенный компьютер, — заметила Тшут.

Джиллиан улыбнулась.

— На самом деле он принадлежит Тому.

Фины рассудительно кивнули. Исчерпывающее объяснение.

Джиллиан поблагодарила Нисса за перевод послания на теннанинский. Ей ответил бестелесный голос из облака искорок, вспыхивающих в оксиводе.

— Я не мог сделать ничего другого, Джиллиан Баскин. Вы, несколько заблудившихся землян, навлекая на себя катастрофы, умудрились собрать больше информации, чем мои хозяева за последнюю тысячу лет. Только уроки возвышения полезны тимбрими, которые всегда готовы учиться — даже у волчат.

Голос смолк, искорки погасли, прежде чем Джиллиан смогла ответить.

— Группа сигнальщиков вернулась от иллюминатора, Джиллиан, — сказала Тшут. — Тенна-

нинцы отправились в погоню за нашей тенью, но они вернутся.

Что теперь?

Джиллиан чувствовала дрожь адреналинового выброса. Больше у нее нет никаких планов. Теперь ей отчаянно хочется только одного. Только одна цель во всей вселенной.

— Китруп, — прошептала она.

Джиллиан встряхнулась.

— Китруп? — прошептала она. Посмотрела на Тшут, зная ответ.

Тшут покачала гладкой головой.

— На орбите вокруг Китрупа большая флотилия, Джиллиан. Никаких сражений. Это, должно быть, победитель.

— Еще одна группа быстро приближается. Большая. Мы не хотим, чтобы они раскрыли нашу маскировку.

Джиллиан кивнула. Ей не хотелось говорить, но она заставила себя.

— На север, — сказала она.

— Ведите нас на север, Тшут… к пункту перехода. На полной скорости.

Когда подойдем ближе, сбросим «морского конька» и уберемся отсюда… со всем пеплом, который завоевали.

Дельфины вернулись на посты. Быстро набирал силу рокот двигателей.

Джиллиан отплыла в темный угол прозрачного купола, к трещине-щели в корпусе теннанинца, откуда могла смотреть на звезды.

«Стремительный» набирал скорость.

Глава 123
ГАЛАКТЫ

Объединенный отряд соро и танду быстро догонял растянувшихся беглецов. — Госпожа, поврежденный теннанинский корабль приближается к пункту перехода на траектории ухода.

Крат пошевелилась на своей подушке и рявкнула:

— Ну и что? Поврежденные корабли и раньше покидали поле битвы. Все пытаются эвакуировать своих раненых. К чему тревожить меня, когда мы почти догнали добычу?

Маленький пила убежал в свою секцию слежения. Крат снова принялась следить за передним экраном.

Впереди держится небольшая группа теннанинских кораблей. Дальше, на пределе досягаемости, искорки показывали, что остатки флота

по-прежнему сражаются, догоняя добычу.

«Что если они ошиблись? — подумала Крат. — Мы преследуем теннанинцев, которые преследуют остатки флота, который гонится… за кем? Эти дураки могут гоняться друг за другом!»

Неважно. Половина флота соро и танду патрулирует над Китрупом, так что в любом случае земляне пойманы.

«В свое время мы разберемся с танду, — подумала она, — и одни встретимся с древними».

— Госпожа! — пронзительно закричал пила из секции обнаружения. — Передача от пункта перехода!

— Не беспокой меня больше мелочами… — угрожающе прорычала она, сгибая свой брачный коготь. Но клиент прервал ее! Клиент осмелился прервать ее!

— Госпожа! Это корабль землян! Они нас обманули! Они нас провели!

Они…

— Покажи! — свистнула Крат. — Этого не может быть! Покажи немедленно!

Пила нырнул в свою секцию. На главном экране перед соро появилось изображение человека и нескольких дельфинов. По фигуре человека Крат видела, что это самка, вероятно, их пред-

водитель.

— …глупые создания, недостойные имени разумных. Глупые предразумные воспитанники глупых хозяев! Мы ушли от вашей военной мощи, мы смеемся над вашей неуклюжестью! Уходим, как всегда уходили, вы, жалкие создания! Мы теперь настолько вас опередили, что вам ни за что не догнать нас! Какое еще нужно доказательство, что прародители предпочитают нас? Какое…

Насмешки продолжались. Крат слушала, разгневанная, в то же время наслаждаясь артистичностью исполнения.

«Эти люди гораздо лучше, чем я думала. Оскорбления их многословны и лишены вкуса, но по-своему талантливы. И заслуживают почетной медленной смерти».

— Госпожа! Сопровождающие нас танду меняют курс. Остальные их корабли оставили Китруп и направляются к пункту перехода!

Крат в отчаянии засвистела:

— За ними! Немедленно за ними! Мы до сих пор преследовали их по всему космосу. Охота продолжается!

Экипаж вернулся к своим обязанностям. У земного корабля появились шансы уйти. В любом случае погоня будет долгой.

Крат поняла, что не сумеет добраться домой ко времени спаривания. Она умрет здесь.

Человек на экране продолжал насмехаться.

— Библиотекарь! — позвала она. — Некоторые слова человека я не понимаю. Переведи, что значит эта фраза — «няаа, няаа» — на их зверином волчьем языке!

Глава 124
ТОМ ОРЛИ

Сидя со скрещенными ногами на плетеном из водорослей мате в тени обломка корпуса, он прислушивался к рокоту соседнего вулкана. Думал о спасении, слушал бесконечный шорох водорослей, находя в нем своеобразную красоту. Мерный ритм помогал сосредоточиться.

Прямо перед ним, как центр мандалы, лежала информационная бомба, которую он так и не использовал. Контейнер сверкал в лучах солнца: первый хороший день на севере Китрупа за неделю. Корпус измят, но все равно блестит.

«Ну где же ты теперь?»

Площадка мягко покачивалась на волнах. Том оглядывался по сторонам, как старик на заброшенном чердаке.

«Где ты теперь, любовь моя?»

Он вспомнил японскую хайку восемнадцатого столетия — великого поэта Босуна:

Идет весенний дождь,
На крыше промокший
Рваный детский мяч.

Глядя на отражения во вмятинах корпуса бомбы, он прислушивался к звукам плоских джунглей, к беготне мелких животных, к шуму ветра во влажной листве.

«Где та моя часть, что ушла?»

Он прислушивался к медленному пульсу мира-океана, смотрел на отражения, и постепенно в них проступило изображение.

Тупая, неуклюжая, клинообразная фигура приблизилась к месту в мире небытия, в сияющей необъятной черноте космоса. На глазах у Тома неуклюжий корпус раскололся. Толстая шелуха медленно отошла, как яичная скорлупа.

Осколки отпали, и показался стройный цилиндр, похожий на гусеницу. Вокруг него засветился нимб — вероятностная оболочка. Она на глазах увеличивалась.

«Иллюзия, — решил он. — Хотя нет, не похоже».

Он раскрылся для восприятия, впустил изображение в себя. И уловил направленную из этой гусеницы мысль.

Цветет груша

И женщина в лунном свете

Читает письмо…

Он медленно улыбнулся. Это тоже хайку Босуна. Ее послание не может быть яснее в таких обстоятельствах. Она каким-то образом услышала его и ответила тем же.

— Джилл!.. — Он звал изо всех сил.

Гусеница, окруженная коконом стасиса, приблизилась к дыре в пространстве. Устремилась к тому месту в пустоте, стала прозрачной, исчезла.

Том долго сидел неподвижно, глядя как меняются отражения в корпусе бомбы. Медленно проходило утро.

Наконец он решил, что не принесет вселенной особого вреда, если подумает и о себе.

Глава 125
СКИФ

— Вы, два сумасшедших самца, когда-нибудь

сможете его понять?

Кипиру и Сахот посмотрели на Хикахи. И, не отвечая, вернулись к обсуждению непонятных инструкций Крайдайки.

Хикахи закатила глаза и повернулась к Тошио.

— Я подумала, что они включат меня в свои сеансы. В конце концов, мы ведь с Крайдайки пара!

Тошио пожал плечами.

— Крайдайки нужны способности Сахота-лингвиста и Кипиру-пилота. Но вы видели их лица. Они уже наполовину в «сне китов». Мы не можем допустить, чтобы и вы стали такой. Ведь вы наш командир.

— Хм. — Хикахи вспенила воду, отчасти умиротворенная. — Ты закончил инвентаризацию, Тошио?

— Да, сэр. — Он кивнул. — Я подготовил список. Продуктов и воздуха нам хватит до двух пунктов перехода. Конечно, мы окажемся где-то посередине, потому что нам нужны, как минимум, пять пунктов перехода, чтобы приблизиться к цивилизации. Наши карты очень приблизительны, двигатели, вероятно, не выдержат долгого перелета, и мало кораблей нашего размера успешно преодолевали переход. Не считая всего этого, а

также тесноты, остальное в порядке.

Хикахи вздохнула.

— Пытаясь, мы ничего не теряем. Ведь галакты ушли.

— Да, — согласился он. — Отличная мысль. Джиллиан, начав насмехаться над ними, дала нам знать, что они уходят и уводят за собой всех ити.

— Не говори «ити», Тошио. Это невежливо. Привыкнешь, однажды обидишь каких-нибудь вполне приличных кантенов или линтенов. Тошио сглотнул — и потупился. Где бы ты ни оказался, лейтенант никогда не упустит возможности поучить гардемарина.

— Да, сэр, — сказал он.

Хикахи улыбнулась и нижним плавником погнала на юношу небольшую волну.

Долг, долг,
Храбрый охотник на акул,
Какая награда
Может быть лучше?

Тошио вспыхнул и кивнул.

Скиф снова двинулся. Кипиру вернулся на место пилота. Сахот и Крайдайки оживленно

беседовали на полупраймале, отчего у Хикахи холодок пробегал по спине. Сахот сказал, что Крайдайки сознательно придерживается праймала!

Хикахи никак не могла привыкнуть к мысли, что рана Крайдайки — скорее открытая, а не закрытая дверь.

Скиф поднялся с поверхности моря и полетел на восток, следуя указаниям Крайдайки.

— А как насчет морального духа пассажиров? — спросила Хикахи у Тошио.

— Думаю, все в порядке. Пока кикви остаются с Дэнни, они счастливы. А Дэнни… пока тоже счастлива.

Хикахи забавлялась. Почему юношу так смущает другое занятие Дэнни?

Она рада, что эти двое теперь вместе, как они с Крайдайки.

Несмотря на свои новые необычные способности, Крайдайки все тот же дельфин. Новизной он пользовался, привыкал к ней, исследовал ее возможности. Он говорил с трудом, но сохранил свой интеллект.

— А как Чарли? — спросила она Тошио.

Тошио вздохнул.

— По-прежнему смущен.

Они нашли шимпа через день после большого землетрясения, он цеплялся за плывущее бревно, промокнув насквозь. В течение десяти часов не мог говорить и все время пытался взобраться на стены скифа, пока не успокоился.

Чарли в конце концов признался, что вскарабкался на вершину большого дерева как раз перед тем, как остров обрушился. Это спасло ему жизнь, но инстинкт был унизителен.

Тошио и Хикахи теснились за местом Кипиру и смотрели, как под скифом быстро поворачивается океан. Время от времени море становилось ярко-зеленым — они пролетали над водорослями. Маленький корабль двигался навстречу солнцу.

С отлета «Стремительного» прошла неделя. И всю эту неделю они продолжали искать.

Вначале нашли Тошио, который, не желая сдаваться, плыл на запад.

Потом Дэнни привела их к острову, на котором жило племя кикви. Пока она договаривалась с ними, они нашли Чарли Дарта.

Такката-Джим и все стеносы пропали или погибли.

И вот последние, по-видимому, безнадежные поиски. Они длятся уже несколько дней.

Хикахи готова сдаться. Они не могут продол-

жать так тратить время и продукты. Ведь им предстоит еще долгий путь.

Да и шансов у них немного. Никто не слышал о подобном полете. Перелет через всю Галактику в скифе! По сравнению с этим эпический переход капитана Блайта через Тихий океан на «Баунти» кажется послеобеденной прогулкой.

Но эти мысли Хикахи держала при себе. Крайдайки и Кипиру, вероятно, понимают, что их ждет. Тошио тоже догадывается. А остальным нет надобности сообщать, пока не придется в четвертый раз урезать рацион.

Она вздохнула.

Из чего еще
Сделаны герои,
Эти мужчины и женщины,
Кто, подобно нам,
Пытается –

Как звук трубы, прозвучал торжествующий призыв Кипиру. Пилот пищал и метался на своей платформе. Скиф завалился налево, потом направо.

— Какого?.. — начал Тошио и спохватился:

— Святая прыгающая рыба-черепаха, Кипиру! В чем чело?

Хикахи механической рукой ухватилась за переборку и посмотрела в иллюминатор. После чего снова вздохнула — глубоко и протяжно.

Дым костра на мгновение скрыл лодку из виду. Он узнал о ней, когда луч сонара чуть не сбил его с ног. Человек на плетеном из водорослей матраце кинулся в укрытие, но что-то заставило его остановиться и присмотреться.

Глаза его покраснели, а в уголках морщины, которых не было несколько недель назад. В бороде появились белые нити. Борода отросла и почти перестала чесаться. И закрыла рваный шрам на щеке.

Прикрывая глаза рукой, он сначала увидел безумный маневр и только потом узнал корабль. Тот высоко взлетел, устремился вниз, почти миновал его.

Человек протянул руку, чтобы удержать стойки с высохшим мясом. К чему зря тратить продукты? Ему потребовалось много времени, чтобы добыть его и подготовить. Впереди долгий путь, и оно им понадобится.

Он не уверен, как его воспримут фины, но мясо питательное… это единственное на планете, что могут есть земляне.

Вяленое мясо губру, полоски танду, освежеван-

ный эписиарх. Может, вкус у них и неплохой.

Том улыбнулся и помахал Кипиру, который начал снижать скиф.

"Как я могла сомневаться в том, что он жив? — радостно удивлялась Хикахи. — Джиллиан сказала, что он жив. Никто из галактов не мог его тронуть. Не мог и все тут!

Так стоит ли тревожиться о том, как мы доберемся домой?"

ЭПИЛОГ

: Отдыхай: Отдыхай и Слушай:
: Отдыхай и Слушай и Учись, Крайдайки:
: Начинается Звездный Прилив:
: В Темном Течении:
: Мы Долго Ждали Того, Что Наступит:

ПОСТСКРИПТУМ

Имена дельфинов в романе часто напоминают полинезийские или японские.

Иногда это справедливо. Но в общем неофин сам выбирает себе подходящее имя, обычно с чередующимися звучными гласными и согласными.

На англике слова «человек» и «человечество» употребляются без указания пола. В тех случаях, когда это важно, добавляется «фем», если речь идет о женщине, и «мел» — о мужчине.

Языки дельфинов — изобретение автора, они не эквивалентны средствам общения современных дельфинов и китов. Мы только начинаем понимать, какое место занимают китообразные в нашем мире и какое место в этом мире занимаем мы сами.

Автор хотел бы поблагодарить всех, кто помогал ему в работе, особенно Марка Грайгера, Аниту Эверсон, Патрика Маера, Рика и Пэтти Харперов, Рея Фейста Ричарда Спола, Тима Ласелла, Этана Мансона и, как всегда, Дэна Брина. Лу Ароника и Таппан Кинг из «Бэнтам Букс» всегда поддерживали его, когда он падал духом.

Хайку Есы Босуна приводятся по «Антологии японской литературы», составленной Доналдом Кином и опубликованной «Грув Пресс».

Пути мира, реальные и воображаемые, расходятся. Все герои этого романа вымышлены. Но может так случиться, что когда-нибудь наши братья млекопитающие станут нашими партнерами. Ради этого будущего мы должны сберечь их сегодня.

Дэвид Брин
Война за возвышение

Джейн Гудолл, Саре Харди и всем остальным, кто помогает нам учиться понимать.
И Дайан Фосси, которая умерла, чтобы красота и стремление к совершенству жили.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Англик — язык, обычно используемый потомками земных людей, шимпанзе и дельфинов.

Атаклена — дочь посла тимбрими Утакалтинга. Командующая нерегулярной армией Гарта.

Библиотека — древнее собрание знаний. Одно из оснований цивилизации пяти галактик.

Болджер, Фибен — эколог-неошимпанзе, лейтенант колониальной милиции.

Буруралли — предыдущая раса, получившая лицензию на Гарт; недавно возвышенная раса, регрессировавшая и чуть не уничтожившая планету.

Возвышение — древний процесс, во время которого старшие космические расы путем генной инженерии вводят новые виды в галактическую культуру. В уплату за это раса «клиентов» служит «патронам» в течение определенного договором срока. Статус галактической расы определяется, в частности, тем, кто был ее патроном и сколько у нее клиентов. Волчата — члены расы, достигшей космического статуса без помощи патронов.

Галакты — старшие космические расы, руководящие сообществом пяти галактик. Большинство из них становятся «патронами», продолжающими древнюю традицию возвышения.

Гартлинг — мифический абориген Гарта, крупное животное, пережившее катастрофу, вызванную бурурали.

Губру — псевдоптичья галактическая раса, враждебная землянам.

Джонс, Гайлет — «шимми», специалист в галактической социологии.

Обладает неограниченными правами на порождение потомства («белая карта»).

Руководитель городского восстания.

Ифни — «бесконечность», или леди Удача.

Каулт — теннанинский посол на Гарте.

Маккью, Лидия — офицер морской пехоты землян.

Матиклуанна — покойная мать Атаклены.

Мел — термин англика, обозначающий человека-мужчину.

Нагалли — раса, бывшая патроном бурурали и заплатившая дорогую цену за преступления своих клиентов. Онигл, Меган — планетарный координатор на переданной людям в лицензию планете Гарт.

Онигл, Роберт — капитан колониальной милиции Гарта и сын планетарного координатора.

Pan argonostes — видовое название неошимпанзе, расы возвышенных клиентов.

Пратачулторн, майор, — офицер земной морской пехоты.

Сильвия — неошимпанзе, обладающая «зеленой картой».

Синтиане — одна из немногих галактических рас, дружески настроенных по отношению к землянам.

Соро — старшая галактическая раса, враждебная по отношению к землянам.

«Стремительный» — космический корабль с экипажем из дельфинов, совершивший важнейшее открытие в космосе далеко от Гарта. Последствия этого открытия и привели к кризису.

Сэр — почтительное обращение к старшим землянам независимо от пола.

Сюзерен — один из трех главнокомандующих силами вторжения губру; каждый сюзерен правит в своей области: религией, управлением и армией.

Политика губру определяется путем консенсуса всех троих. Каждый сюзерен является канди-

датом на получение пола (сексуальности) и на трон.

Танду — исключительно алчная старшая галактическая раса, враждебная по отношению к землянам.

Теннанинцы — одна из фанатичных галактических рас, участвующих в настоящем кризисе. Педантичная, но в то же время известная своим чувством юмора.

Тимбрими — галакты, известные своей приспособляемостью и своеобразным чувством юмора. Друзья и союзники Земли.

Tursiops amicus — видовое название возвышенных неодельфинов.

Утакалтинг — посол тимбрими на колониальной планете Гарт.

Фем — термин англика, обозначающий человека-женщину.

Шен — термин англика, обозначающий самца-неошимпанзе.

Шимми — термин англика, обозначающий самку-неошимпанзе.

Шимп — термин англика, обозначающий представителя расы неошимпанзе (самца и самку).

СЛОВА И ГЛИФЫ ТИМБРИМИ

Гир-трансформация — поток гормонов и энзимов, позволяющий тимбримии быстро изменять свою физиологию; за это приходится расплачиваться.

Зуноур-тзун — глиф, обозначающий, что еще очень многое нужно познать.

Кеннинг — способность воспринимать (кеннировать) глифы и волны эмпатии.

Кинивуллун — глиф, обозначающий: «так поступают мальчики».

Кухуннагарра — глиф продолжительной неопределенности.

К'чу-нон — тимбримийское слово, обозначающее волчат без патронов.

К'чу-нон кранн — армия волчат.

Ла'тстун — уединение парами.

Л'иут'тсака — глиф, выражающий презрительное отношение ко Вселенной.

Луррунану — глиф проникновения, предназначенный для того, чтобы вызвать подозрение.

Нахакиери — глубочайший уровень эмпатии, на котором тимбримии может иногда воспринимать тех, кого любит.

Нутуранау — глиф, помогающий ослабить гир-реакцию.

Паланк — пожатие плечами.

Риттитис — глиф сострадания детям.

Сиртуну — раздраженный вздох.

Сиулф-куонн — предчувствие розыгрыша.

Сиулф-та — радость от решенной головоломки.

С'устру'тун — ребенок, добившийся от родителей желаемого.

Тив'нус — тщетность общения.

Тотану — уход от реальности, вызванный страхом.

Тутсунуканн — глиф ожидания чего-то ужасного.

Ту'флук — неоцененная шутка.

Усунлтлан — защитная сеть при близком контакте с кем-то другим.

Форнелл — глиф неуверенности.

Фсу'устурату — глиф сочувственного веселья.

Ш'ча'куонн — зеркало, показывающее, как тебя видят другие.

ПРОЛОГ

«Удивительно, как незначительная планета может приобрести такое большое значение».

Между башнями Столицы напряженное движение, оно совсем рядом с закрытым хрустальным куполом правительственного паланкина. Но ни звука не проникает внутрь, ничто не отвлекает чиновника Стоимости и Бережливости, который сосредоточен только на голографическом изображении небольшой планеты, медленно поворачивающейся на расстоянии его покрытой пухом руки.

Чиновник видит яркие моря и острова, похожие на россыпь драгоценностей, все это сверкает отраженным светом звезды за пределами экрана.

«Если бы я был одним из богов, которых воспевают легенды волчат…» — думает чиновник. Кончики его крыльев вздрагивают. Такое ощущение, что достаточно протянуть коготь и схватить…

Но нет. Эта нелепая мысль доказывает, что чиновник слишком много времени провел, изучая врага. Безумные представления землян оказались заразительными.

Пушистые помощники неслышно суетятся

поблизости, расчесывают крылья и яркий торк к предстоящей встрече. Чиновник не обращает на них внимания.

Воздушные корабли и летающие баржи расступаются, потоки машин тают при виде яркого прожектора правительственного экипажа. Такой статус приличествует только монарху, но внутри паланкина все проходит незамеченным, тяжелый клюв чиновника устремлен только к голографическому изображению.

«Гарт. Многократная жертва».

Очертания коричневых континентов и мелких ярких морей смазываются под каруселью грозовых туч, обманчиво белых и мягких на вид, как плюмаж губру.

Только вдоль одной цепи островов — и в единственном месте на краю самого крупного континента — горят огни нескольких небольших городов. В остальном планета кажется нетронутой, ее озаряют только редкие молнии.

Цепочка кодовых символов раскрывает мрачную правду. Гарт — бедная планета, с большой угрозой для жизни. Иначе почему бы на нее дали лицензию волчатам и их клиентам? Галактические институты давно списали ее.

«А теперь, несчастный мирок, ты избран ме-

стом для войны».

Для практики чиновник Стоимости и Бережливости думал на англике, зверином удобоваримом языке земных созданий. Большинство губру считает изучение чужих языков пустым времяпрепровождением, но сейчас увлечение чиновника как будто себя оправдывает.

«Наконец. Сегодня».

Паланкин проплыл путь между башнями Столицы, и прямо перед ним возникло гигантское здание. Арена Собраний, местонахождение правительства всех кланов губру.

Нервная дрожь предчувствия пробежала по голове-гребню чиновника до самых крыльев, вызвав щебечущие жалобы помощников-кваку. Как они, спрашивается, могут закончить прихорашивать белые перья чиновника, отполировать его длинный крючковатый клюв, если он не сидит неподвижно?

— Сознаю, понимаю, уступаю, — снисходительно ответил чиновник на стандартном галактическом языке номер три. Эти кваку верные существа, и им позволяется небольшая дерзость. И чиновник снова вернулся мыслями к маленькой планете Гарту.

«Это наиболее уязвимый передовой пост зем-

лян… его легче всего захватить и превратить в заложника. Поэтому военные настаивают на операции, хотя мы заняты одновременно в других уголках космоса. Это будет тяжелый удар по волчатам, и мы сможем заставить их подчиниться и передать то, что нам нужно».

Наряду с военными план поддерживает церковь. Стражи Праведности заявили, что вторжение запятнает честь наступающих.

Остается гражданская служба — третий столп насеста власти. И вот здесь консенсус нарушился. Руководители чиновника из отдела Стоимости и Бережливости возражали. План слишком рискован, заявили они. И слишком дорог. Но насест на двух основаниях не устоит. Должен быть достигнут консенсус. Должен быть компромисс.

«Наступают времена, когда риск для гнезда неизбежен».

Гороподобная Арена Собраний превратилась в утес обработанного камня, закрывающий полнеба. Открылось пещерообразное отверстие и поглотило паланкин. С негромким гулом гравитика маленького экипажа отключилась, поднялся навес. У подножия посадочной площадки уже ждала толпа губру с нормальными белыми плюмажами взрослых бесполых.

«Они знают, — подумал чиновник, разглядывая их правым глазом. — Знают, что я уже не принадлежу к их сообществу».

Другой глаз чиновника в последний раз посмотрел на бело-синий шар.

Гарт.

«Скоро, — подумал чиновник на англике. — Мы скоро встретимся».

Арена Собраний полна ярких цветов. И каких цветов! Всюду королевской расцветки перья, алые, янтарные, мышьяково-синие.

Два четвероногих слуги-кваку раскрыли церемониальный портал перед чиновником Стоимости и Бережливости, который на мгновение остановился и зашипел в благоговении перед великолепием Арены. Сотни насестов тянулись вдоль стен, отделанных дорогой древесиной, привезенной с сотни планет. На насестах во всем своем царском великолепии стояли Повелители Насестов народа губру.

Как бы хорошо он ни подготовился к сегодняшней встрече, чиновник почувствовал, что глубоко тронут. Никогда не приходилось ему видеть одновременно столько цариц и принцев!

На взгляд чужака, мало что отличало чиновника от его повелителей. Все они высокие, стройные

потомки нелетающих птиц. Внешне только ослепительная окраска оперения отличает Повелителей Насестов от их остального народа. Но гораздо существеннее внутренние отличия. Это Царицы и принцы, обладающие полом и правом приказывать. Ближайшие Повелители Насестов повернули в сторону острые клювы, чтобы одним глазом смотреть на чиновника Стоимости и Бережливости, который исполнял быстрый семенящий танец ритуального унижения.

«Какие цвета!» Эти королевские цвета вызвали поток гормонов, в груди чиновника росла любовь. Древний инстинктивный ответ, но никогда ни один губру не предлагал отказаться от него. Даже после того, как губру научились вмешиваться в наследственность и вышли в космос. Те, кто достигает предела желаний — цвета и пола, стоят неизмеримо выше, и ими должны восхищаться белые и бесполые.

Это и значит быть губру.

И это хорошо. Это образ жизни.

Чиновник заметил еще двоих губру с белыми плюмажами, которые вошли через соседние двери. Они присоединились к чиновнику на центральной платформе и вместе заняли низкие насесты перед собранием Повелителей Насестов.

У того, что справа, серебряная одежда, а на белом горле полосатый торк жречества.

У кандидата слева оружие и стальные когти офицера армии. Окраска концов перьев указывает на его звание — полковник.

Два губру с белыми плюмажами не смотрели на чиновника. И он никак не показывал, что видит их. Тем не менее он ощутил внутреннюю дрожь. «Нас трое».

Президент Собрания — престарелая царица, чье некогда яркое оперение теперь стало бледно-розовым, — распушила перья и раскрыла клюв. Акустические устройства Арены автоматически усилили ее голос. Она чирикнула, призывая к вниманию. По обе стороны царицы и принцы смолкли.

Президент Собрания подняла тонкую, поросшую пушком руку. И начала раскачиваться и напевать. Один за другим остальные Повелители Насестов присоединялись к ней, и скоро все собрание синих, янтарных и алых фигур раскачивалось вместе с ней. И из царского собрания донесся низкий диссонирующий стон.

— Зуууун…

— С незапамятного времени, — зачирикала Президент на протокольном галактическом-

три, — с начала нашей славы, еще до того как мы стали патронами, даже еще до того, как мы были возвышены в разумную расу, мы всегда искали равновесия.

Собравшиеся пели не в унисон.

Равновесие – где на суше летит ураган,

Равновесие – где раскинулся вод океан,

Равновесие – наш великий, великий план.

— Еще когда наши предки были предразумными животными, еще до того, как наши патроны-гуксу нашли нас и возвысили к знаниям, еще до того, как мы научились говорить и пользоваться инструментами, мы уже познали мудрость, умели принимать решения, достигать консенсуса, любить.

– Зуууун…

– Наши предки, полуживотные… знали, что мы должны выбрать… должны выбрать троих…

Одного – охотиться и смело наступать!

Другого – искать справедливости и защищать!

Чиновник Стоимости и Бережливости ощущал близкое присутствие двух других кандидатов, знал, что они так же возбуждены, так же захвачены ожиданием. Нет большей чести, чем быть избранным в число трех, как избраны они.

Конечно, всех молодых губру учат, что это наилучший способ. Какая еще раса умеет так объединять политику и философию с любовью и продолжением рода? Эта система сослужила хорошую службу народам и кланам на протяжении многих веков. Она привела их на высоты власти в Галактике.

«А теперь может привести на край гибели».

Возможно, святотатственно даже так думать, но чиновник Стоимости и Бережливости не мог не спрашивать себя: а может, другой способ, если его хорошо изучить, все же лучше? Он прочел все, что мог, о системах управления: об автаркии и аристократии, о технократии и демократии, о синдикатах и мериократии. Не может ли один из этих способов дать преимущество при выборе пути в опасной вселенной?

Возможно, такие мысли — проявление неуважения, но именно благодаря способности к нетрадиционному мышлению Повелители На-

сестов отобрали чиновника для исполнения новой роли. В предстоящие месяцы кто-то из трех должен сомневаться. Такова всегда роль Стоимости и Бережливости.

— Так мы достигаем равновесия. Так мы обретаем консенсус. Так мы разрешаем конфликт.

— Зуууун! — согласились собравшиеся царицы и принцы.

Многочисленные переговоры сопровождали выбор каждого из кандидатов: одного от военных, одного от священников и одного из гражданской службы.

Все сработало хорошо, и из предстоящего слияния выйдут новая царица и два принца. И вместе с новой генетической линией для расы, с новыми зародышами возникнет и новая политика, как концентрация их взглядов. Так должно кончиться. Но начало — другое дело. Обреченные на любовь в будущем, все трое на старте станут соперниками. Соревнующимися.

Ибо возможна только одна царица.

— Мы посылаем троих с жизненно важной миссией. Миссией завоевания.

Миссией принуждения.

— Мы посылаем их также для поиска един-

ства… поиска согласия… поиска консенсуса. Они должны объединиться в наше тревожное время.

— Зуууун!

В этом хоре слышалось стремление Собрания к единству, к концу разногласий. Три претендента должны провести из множества сражений клана гуксу-губру лишь одно. Но, очевидно, Повелители Насестов возлагают на них особые надежды.

Слуги-кваку преподнесли каждому кандидату сверкающие кубки. Чиновник Стоимости и Бережливости высоко поднял кубок и начал пить. Жидкость казалась золотым огнем. «Первый глоток царского напитка…»

Как и ожидалось, вкус этот ни с чем не сравним. И три плюмажа кандидатов уже засверкали обещанием цвета.

«Мы будем сражаться вместе, и в этом слиянии один из нас станет янтарным. Один станет синим».

И один, самый сильный, тот, кто предложит лучшую политику, получит высшую награду.

«Эта награда будет моей». Говорят, все организовано заранее.

Осторожность побеждает в будущем консенсусе. Тщательный анализ покажет невозможность альтернатив. — Вы выступите, — пела президент

Собрания. — Вы три новых сюзерена нашей расы и нашего клана. Вы выступите и победите. Выступите и унизите волчат-еретиков. — Зуу-ун! — соглашалось собрание.

Президент опустила клюв на грудь, словно неожиданно обессилела. И новый сюзерен Стоимости и Бережливости услышал, как она тихо добавила:

— Вы выступите и сделаете все, чтобы спасти нас…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВТОРЖЕНИЕ

Пусть поднимут нас на плечи. И мы увидим земли обетованные, земли, откуда пришли и куда идем.
У.Б.Йитс

Глава 1
ФИБЕН

Никогда за все то время, что Фибен Болджер жил здесь, на сонном посадочном поле Порт-Хелении не было такого движения. Столовая гора, нависающая над заливом Лепикал, дрожала от оглушающего инфразвукового рева двигателей. Столбы пыли закрывали стартовые шахты, но это не мешало зевакам собираться за оградой и наблюдать за оживлением. Обладающие зачатками пси-восприятия могли сообщать, какой корабль собирается стартовать. Волны неопределенности, вызванные пробивающейся гравитикой, заставляли зрителей мигать: потом огромный космический корабль прорывал дымку и исчезал

в затянутом облаками небе.

Шум и пыль вызывали раздражение. Особенно плохо тем, кто стоит на самом посадочном поле, тем более не по своей воле.

Фибен с удовольствием оказался бы где-нибудь в другом месте, желательно в пивной, где можно заказать пинту анестетической выпивки. Но этому не бывать.

Он цинично наблюдал за лихорадочной деятельностью.

«Мы — тонущий корабль, — подумал он. — И крысы говорят adieu».

Все, способное подняться в космос и пройти через переход, покидало Гарт с неприличной поспешностью. И скоро посадочное поле опустеет.

«Пока не появится враг… кем бы он ни был».

— Ш-ш-ш, Фибен. Перестань ерзать!

Фибен посмотрел направо. Шимп справа от него выглядит таким же недовольным, как он сам. Форменная фуражка Саймона Левина потемнела над надбровными дугами, где из-под ее края выбивались влажные курчавые завитки. Взглядом Саймон молча просил Фибена выпрямиться и смотреть вперед.

Фибен вздохнул. Он знал, что должен попытаться стоять смирно.

Церемония отбытия значительных лиц почти закончена, а член почетного караула не должен горбиться.

Но взгляд его продолжал устремляться к южному краю плоской вершины, далеко от коммерческого вокзала и улетающих торговых кораблей. Здесь виднелся неровный ряд незамаскированных тусклых металлических предметов, с легко различимым контуром военных кораблей. Вокруг суетились техники, готовя детекторы и щиты кораблей к предстоящей битве. Время от времени корабли начинали мерцать.

Фибен гадал, решило ли наконец командование, в каком корабле полетит он. Наверно, полуобученные пилоты колониальной милиции будут бросать жребий, чтобы решить, кто полетит на самых ветхих из этих военных машин, купленных недавно по сниженной цене у пролетавшего ксатинни, торговца металлоломом.

Левой рукой Фибен оттянул тугой воротник мундира и почесал густые волосы под ключицей. «Старое не обязательно плохое, — напомнил он себе. — По крайней мере знаешь, что твоя тысячелетней давности лохань выдержала уже много ударов».

Большинство из этих побитых разведчиков

участвовало в боевых действиях на звездных линиях, когда еще человечество и не слышало о галактической цивилизации… когда оно еще даже не начало играть с пороховыми ракетами, обжигая пальцы и распугивая птиц на своей родной Земле.

Эта мысленная картина заставила Фибена улыбнуться. Не самая почтительная мысль о расе твоих патронов. Но люди вырастили его народ не для почтительности.

«Черт побери, как чешется этот обезьяний костюм! Голые обезьяны, как и люди, могут это выдерживать. Но мы ведь волосатые, это не для нас!» Но церемония отлета синтаинского консула как будто подходит к концу.

Свойо Шочухун, этот напыщенный шар из шерсти и усов, заканчивает прощальную речь, обращенную к обитателям планеты Гарт, людям и шимпам, которых оставляет на произвол судьбы. Фибен снова почесал подбородок.

Поскорее бы этот воздушный шар забрался в катер и убирался бы с планеты, если так торопится.

Сосед локтем ударил его в ребра. Саймон настойчиво прошептал:

— Выпрямись, Фибен. Ее милость смотрит сюда.

Меган Онигл, седовласый планетарный координатор, поджала губы и покачала головой, глядя на Фибена.

«Дьявольщина!» — подумал он.

Сын Меган Роберт был однокашником Фибена в маленьком университете Гарта. Фибен изогнул бровь, словно хотел сказать, что он не напрашивался на эту сомнительную честь. И если люди хотят, чтобы их клиенты не чесались, не нужно было возвышать шимпанзе.

Но все же поправил воротник и постарался выпрямиться. Внешность и форма очень много значат для галактов, и Фибен знал, что даже низкий неошимп должен достойно исполнить свою роль, иначе земной клан потеряет лицо.

По обе стороны от координатора Онигл стояли другие важные шишки, пришедшие проститься с отлетающей Свойо Шочухун. Слева от Меган Каулт — громоздкий и неуклюжий теннанинский посол, великолепный в своей яркой шляпе поверх гребня. Дыхательные щели у него на горле раскрываются и закрываются, как жалюзи, каждый раз, когда существо с огромными челюстями вдыхает.

Справа от Меган видна фигура, больше похожая на гуманоидную, стройная, с длинными конечно-

стями, беззаботно сгорбившаяся на полуденном солнце.

«Что-то развеселило Утакалтинга, — понял Фибен. — Какая-то новость?» Разумеется, послу Утакалтингу все кажется забавным. Своей позой, слегка развевающимися над маленькими ушами серебристыми щупальцами, блеском своих золотых широко расставленных глаз посол тимбрими, казалось, выражал то, что не мог произнести вслух, — нечто весьма оскорбительное в адрес улетающего синтианского дипломата.

Свойо Шочухун пригладила усы и стала по очереди прощаться с коллегами. Глядя, как она ритуально машет лапой перед Каултом, Фибен подумал, что она похожа на огромного толстого енота, разодетого наподобие какого-нибудь древнего восточного придворного.

Каулт, теннанинец, раздул гребень и поклонился в ответ. Два галакта разного роста обменялись любезностями на певучем, с разнообразными интонациями, галактическом-шесть. Фибен знал, что особой любви друг к другу они не испытывают.

— Ну, друзей ведь не выбирают? — прошептал Саймон.

— Ты чертовски прав, — согласился Фибен.

Какая ирония! Пушистые коварные синтиане — одни из немногих «союзников» Земли в политической и военной трясине пяти галактик. Но они фантастически эгоистичны и трусливы. Отъезд Свойо гарантирует, что в тяжелую минуту у Гарта не появятся армады толстых пушистых воинов. «Точно так же не будет помощи ни с Земли, ни от тимбрими. У них и так хватает забот».

Фибен достаточно владел гал-шесть, чтобы понять, что рослый теннанинец сказал Свойо. Каулт, очевидно, невысокого мнения о после, покидающем свой пост.

«Надо отдать должное теннанинцам», — подумал Фибен. Возможно, народ Каулта фанатичен. И, несомненно, теннанинцы числятся в настоящее время среди противников землян. Тем не менее они хорошо известны своей храбростью и неуклонным следованием кодексу чести.

«Конечно, невозможно всегда выбирать ни друзей, ни врагов».

Свойо повернулась к Меган Онигл. Ее поклон был заметно ниже, чем перед Каултом. Люди занимают нижнее место на шкале рас патронов в галактике.

«И ты точно знаешь свое место», — напомнил себе Фибен.

Меган поклонилась в ответ.

— Жаль, что вы улетаете, — сказала она на галшесть с сильным акцентом. — Передайте своему народу нашу благодарность.

— Конечно, — пробормотал Фибен. — Всем другим енотам передай спасибо.

— Но лицо его сохраняло невозмутимое выражение. В этот момент полковник Мейвен, человек, командир почетного караула, сердито посмотрел на него.

Ответ Свойо изобиловал банальностями.

Будьте терпеливы, советовала она. В пяти галактиках сейчас смятение.

Фанатики великих рас сеют смуту, потому что считают, что близок конец великой эры. И немедленно начинают действовать.

В то же время умеренные и галактические Институты должны влиять медленнее, разумнее. Но они начнут функционировать, заверяла посол. В свое время. Маленький Гарт не будет забыт.

«Как же! — саркастически думал Фибен. — Не пройдет одного-двух столетий, как нам помогут!»

Другие шимпы в составе почетного караула переглядывались и с отвращением закатывали глаза. Офицеры-люди обладали большей выдерж-

кой, но Фибен заметил, как один из них сунул язык за щеку.

Наконец Свойо остановилась перед дуайеном дипломатического корпуса.

Другом Людей Утакалтингом, послом-консулом тимбрими.

На высоком ити[2] свободная черная одежда, контрастирующая с бледной кожей. Рот у Утакалтинга маленький, и пространство между затененными глазами кажется необыкновенно широким. Тем не менее гуманоидное выражение лица совершенно ясно. Фибену всегда кажется, что посол самых близких союзников Земли всегда на грани смеха над шуткой, большой или малой. Утакалтинг, с его мягкой шерстью на голове, по краям которой колышутся щупальца, с его длинными тонкими руками, с его юмором, был единственным существом на поле, которого, казалось, не коснулись тяготы и заботы этого дня. Ироническая улыбка тимбрими подействовала на Фибена заразительно, настроение его сразу улучшилось.

«Наконец-то!» Фибен облегченно вздохнул. Свойо как будто закончила, повернулась и на-

---

[2] notes: 2
от англ. extra-terrestrial — инопланетянин

правилась к трапу ждущего катера. Услышав резкий приказ полковника Мейвена, почетный караул вытянулся. Фибен начал про себя считать количество шагов, отделяющих его от тени и холодной выпивки.

Но еще не пришло время расслабляться. Не один Фибен застонал про себя, когда синтианка остановилась на верху трапа и еще раз обратилась к присутствующим.

То, что произошло в этот момент, весь ход событий, будет еще долгое время вызывать замешательство Фибена. Но при первых певучих звуках гал-шесть, которые испустил Свойо, что-то странное случилось на посадочном поле. Фибен ощутил резь в глазах и посмотрел влево. Он увидел, как вокруг одного из разведчиков возникло свечение. И тут же маленький корабль словно взорвался.

Фибен не помнил, когда бросился на бетон, но обнаружил, что лежит на нем, стараясь зарыться в жесткую упругую поверхность.

«Что это? Вражеское нападение? Так быстро?»

Он услышал, как оглушительно чихнул Саймон. Отовсюду раздавалось чихание. Моргая невидящими глазами, Фибен сквозь пелену увидел, что маленький корабль цел. Значит, он не

взорвался?

Но поля его вышли из-под контроля. Они испускали ослепительный и оглушительный светозвук. Инженеры в защитных костюмах пытались отключить вышедший из строя вероятностный генератор, но шумное извержение ударило по всем чувствам присутствующих, от осязания и вкуса до обоняния и пси-восприятия.

— Ну и ну! — присвистнула шимми слева от Фибена, тщетно пытаясь зажать нос. — Кто-то установил бомбу-вонючку!

И Фибен мгновенно понял, что она права. Он быстро повернулся и успел заметить, как посол синтиан, сморщив нос и постыдно свернув усы, исчезает в катере, забыв о достоинстве. Люк захлопнулся.

Кто-то наконец отыскал нужную кнопку и отключил перегруженный генератор. Остался только мерзкий привкус во рту и звон в ушах. Члены почетного караула вставали, оправлялись и раздраженно бормотали. Некоторые — и люди, и шимпы — мигали и отчаянно зевали. Казалось, только на посла теннанинцев случившееся не подействовало. Больше того, Каулт словно удивлялся странному поведению землян.

«Бомба-вонючка. — Фибен кивнул. — Кто-то

считает это удачным розыгрышем».

«И мне кажется, я знаю кто».

Фибен внимательно посмотрел на Утакалтинга. Существо, прозванное Другом Людей, вспоминало, как худой тимбрими улыбался Свойо, напыщенной маленькой синтианке, когда она начала свою последнюю речь. Да, Фибен готов поклясться на экземпляре Дарвина, что в этот самый момент, перед тем, как генератор корабля начал сбоить, тонкие щупальца над головой Утакалтинга поднялись, образовав корону, и посол улыбнулся в предвкушении.

Фибен покачал головой. Несмотря на свои прославленные пси-способности, тимбрими не может вызвать такое происшествие одной силой воли.

Все должно быть организовано заранее.

Синтианский катер поднялся в воздух и отлетел на безопасное расстояние, потом с воем гравитики устремился к облакам.

По приказу полковника Мейвена почетный караул вытянулся в последний раз. Перед ним прошли планетарный координатор и два оставшихся посла.

Возможно, это игра воображения, но Фибену показалось, что Утакалтинг на мгновение задер-

жался перед ним. Фибен был уверен, что один из широких, окруженных серебряным ободком глаз посмотрел прямо на него. А другой подмигнул.

Фибен вздохнул. "Очень смешно, — подумал он, надеясь, что посол тимбрими уловит его мысленный сарказм. — Через неделю мы все превратимся в дымящееся мясо, а ты устраиваешь розыгрыши.

Очень смешно, Утакалтинг".

Глава 2
АТАКЛЕНА

Щупальца возбужденно зашевелились над головой. Атаклена чувствовала, как ее раздражение и гнев, подобно статическому электричеству, стекают с концов серебряных нитей. Эти концы шевелились словно по своей воле, как тонкие пальцы, они лепили из ее почти ощутимого негодования что-то.

Сидевший поблизости человек, тоже ожидающий аудиенции у планетарного координатора, принюхался и удивленно оглянулся. Сам не понимая, почему ему вдруг стало так неловко, он отодвинулся от Атаклены. Вероятно, прирожденный, хотя и примитивный эмпат. Некоторые

люди способны к кеннингу эмпатических глифов тимбрими, но мало кто из них умеет пойти дальше очень смутного ощущения.

Кто-то еще заметил поведение Атаклены. На другом конце приемной стоящий в толпе ее отец неожиданно поднял голову. Его собственная корона щупалец оставалась неподвижной, но Утакалтинг чуть наклонил голову и слегка повернулся, посмотрев на дочь. Его выражение было вопросительным и чуть заинтересованным.

Так смотрят люди-родители на дочь, пинающую диван или мрачно что-то бормочущую про себя. В сущности, чувство то же самое, только Атаклена проявляет его не внешней вспышкой раздражения, а через свою тимбримийскую ауру. Под взглядом отца она торопливо успокоила свои шевелящиеся щупальца и подавила нарождающийся глиф.

Но негодование ее от этого не прошло. Да и трудно о нем забыть в этой толпе людей. «Карикатуры», — презрительно подумала Атаклена, хотя понимала, что эта мысль несправедлива и невеликодушна. Конечно, земляне не могут перестать быть такими. Это один из самых странных народов, появившихся в галактике за прошлые эпохи. Но это вовсе не значит, что она обязана

восхищаться ими!

Было бы легче, если бы они казались более чужими. А так — неуклюжие, узкоглазые, сутулые пародии на тимбрими. Цвет кожи и волос необычайных оттенков, невероятные пропорции тела усугублялись их постоянной мрачностью и угрюмостью. Их общество со временем начинало действовать на Атаклену угнетающе.

«Еще одна мысль, неподобающая дочери дипломата».

Атаклена высмеивала себя, пытаясь направить мысли по другому руслу. В конце концов людей нельзя винить в том, что они буквально излучают страх: война, которой они не хотели, готова обрушиться на них.

Атаклена видела, как ее отец рассмеялся, услышав слова одного из офицеров-землян, и поразилась его самообладанию. Как он все достойно выносит!

«Мне никогда не усвоить эту легкую, уверенную манеру поведения».

«Он никогда не сможет гордиться мной».

Атаклена хотела, чтобы отец отошел от землян и она могла бы поговорить с ним наедине. Через несколько минут за ней явится Роберт Онигл, и она хотела еще раз попытаться убедить отца не

отсылать ее с молодым землянином.

«Я могу быть полезна. Я знаю, что могу! Меня не нужно отправлять в горы для безопасности, как ребенка!»

Она заставила себя успокоиться, прежде чем над головой образовался еще один глиф негодования. Нужно переключиться на что-то другое, пока она ждет. Сдерживая свои эмоции, Атаклена неслышно направилась к двоим офицерам-людям, стоявшим поблизости. Те разговаривали на англике, наиболее часто используемом земном языке.

— Послушай, — говорила офицер-женщина. — Мы знаем только, что один из земных исследовательских кораблей наткнулся на что-то странное и совершенно неожиданное в звездном скоплении на краю галактики.

— Но что это было? — спросил другой офицер. — Что они обнаружили? Ты изучала чужаков, Алиса. Не знаешь ли, что открыли эти бедняги дельфины?

Из-за чего эта заварушка?

Женщина пожала плечами.

— Хоть обыщи меня! Но даже туманные намеки в первом послании «Стремительного» привели самые фанатичные кланы галактики к сраже-

ниям друг с другом в масштабах, не виданных мегагодами. Последние сообщения говорят о жесточайших стычках. Ты ведь видел, какой испуганной выглядела синтианка неделю назад, когда решила улизнуть?

Мужчина мрачно кивнул. Какое-то время оба молчали. Напряжение незримой стеной повисло в воздухе. Атаклена восприняла его как простой, темный глиф неуверенности и страха.

— Это что-то огромное, — негромко сказала наконец женщина. — Что-то по-настоящему важное.

Атаклена отошла, поняв, что люди обратили на нее внимание. С самого прибытия на Гарт она постепенно меняла форму тела так, чтобы черты лица и фигура напоминали земную девушку. Но способности тимбрими к изменениям не безграничны. Невозможно скрыть, кто она на самом деле. Если бы она осталась на месте, земляне обязательно поинтересовались бы ее мнением о нынешнем кризисе, и ей не хотелось признаваться, что она знает не больше них.

Атаклена находила такую ситуацию печально-ироничной. Снова, как и во время знаменитого дела «Солнечного ныряльщика» два столетия назад, земные расы в центре внимания. На этот раз

межзвездный кризис вызван кораблем, впервые в истории руководимым экипажем неодельфинов. Второй по возрасту расе клиентов землян не более двухсот лет, она моложе даже неошимпанзе. Никто не может предугадать, как китообразные астронавты выберутся из положения, которое создали по собственной небрежности. Но последствия их открытия уже затронули половину известной галактики и дошли даже до таких далеких планет, как Гарт.

— Атаклена…

Она повернулась. Рядом стоял Утакалтинг и доброжелательно смотрел на нее.

— Все в порядке, дочь?

Она чувствует себя такой ничтожной в присутствии Утакалтинга.

Невзирая на его мягкое обращение с ней, ей всегда немного страшно. Так совершенны его искусство и самообладание, что она даже не почувствовала его приближения, пока он не коснулся ее руки. И даже сейчас ее кеннинг не проникает в его ауру, и она видит только эмпатический глиф, который называется каридоуо — отцовская любовь.

— Да, отец. Я… все в порядке.

— Хорошо. Значит, ты собралась и готова к

экспедиции?

Он говорил на англике. Она ответила на тимбримийском варианте галактического-семь.

— Отец, я не хочу уходить в горы с Робертом Ониглом.

Утакалтинг нахмурился.

— Мне казалось, что вы с Робертом друзья.

Ноздри Атаклены раздраженно раздулись. Почему Утакалтинг сознательно не понимает ее? Он должен знать, что сын планетарного координатора не вызывает возражений в качестве спутника. Из всех молодых землян Порт-Хелении Роберт наиболее соответствует определению ее «друга».

— Отчасти именно из-за Роберта я прошу тебя передумать, — сказала она отцу. — Он стыдится того, что ему приказано «нянчиться» со мной, как они говорят. Все его товарищи и одноклассники в милиции и готовятся к войне. И я не могу винить его за такое отношение.

Утакалтинг хотел ответить, но она торопливо продолжила:

— И еще я не хочу оставлять тебя, отец. Объясню еще раз логику своих действий: я уже говорила, что могу оказаться тебе полезной в предстоящие недели. А теперь добавлю еще это.

С огромным старанием она сосредоточилась

на создании глифа, который задумала с утра. Она назвала его кей'патие — просьба быть в опасности рядом с тем, кого любишь. Щупальца ее дрожали над ушами, глиф тоже дрожал, возникая над головой, и начал вращаться. Но наконец стабилизировался. Она послала его по направлению к ауре отца. В этот момент Атаклена даже забыла, что комната полна неуклюжими гладколобыми землянами и их мохнатыми маленькими клиентами-шимпами. В мире оставались только они двое и мост, который она жаждала перебросить через пустоту.

Кей'патие опустился в ждущие щупальца Утакалтинга и завертелся там; его оценка высветила глиф. Атаклена ахнула, увидев его красоту. Она знала, что искусство отца намного превышает ее скромные возможности.

Глиф, как мягкий утренний туман, опустился на корону отца и продолжал там светиться.

— Прекрасный глиф. — Голос его звучал ласково, и Атаклена увидела, что он тронут.

Но… Она сразу поняла, что его решение осталось неизменным.

— Предлагаю тебе мой кеннинг, — сказал он и достал из рукава небольшую позолоченную шкатулку с серебряной застежкой. — Твоя мать

Матиклуанна завещала, чтобы ты получила это, достигнув возраста зрелости.

Мы еще не обсуждали эту дату, но я считаю, что настало время отдать тебе это.

Атаклена мигнула; неожиданно ее охватили противоречивые эмоции. Как часто хотелось ей знать, что оставила ей в наследство покойная мать. Но теперь медальон вдруг напомнил ей ядовитого жука.

Утакалтинг не стал бы так поступать, если бы считал, что они еще встретятся.

Она поняла:

— Ты собираешься сражаться!

Утакалтинг на самом деле пожал плечами — он перенял человеческое выражение неуверенности и равнодушия.

— Враги людей и мои враги, дочь. Земляне храбры, но в конце концов они всего лишь волчата. Им пригодится моя помощь.

Атаклена поняла, что его решение окончательное и дальнейшими возражениями она ничего не добьется, только будет выглядеть глупо в его глазах. Их руки встретились над медальоном, длинные пальцы переплелись, и они вместе молча вышли из комнаты. И на мгновение им показалось, что их не двое, а трое, потому что в

медальоне было что-то от Матиклуанны. Этот миг для обоих был мучительно сладостным.

Дежурные неошимпы-милиционеры вытянулись и раскрыли перед ними двери, и они вышли из здания министерства в яркое солнечное утро. Утакалтинг проводил Атаклену к обочине, где лежал ее рюкзак. Руки их разжались, и в ладони Атаклены остался медальон матери.

— А вот и Роберт, точно в срок! — сказал Утакалтинг, прикрывая глаза.

— Мать считает его непунктуальным. Но когда дело не терпит отлагательств, он всегда точен.

Мимо лимузинов и армейских машин милиции по дороге пролетел старый разбитый флиттер.

— Тебе понравится в Мулунских горах. Я их видел. Они очень красивы.

Воспользуйся случаем, Атаклена.

Она кивнула.

— Я выполню твое пожелание, отец. Постараюсь усовершенствоваться в англике и изучить эмоциональные особенности людей.

— Хорошо. И смотри в оба: вдруг увидишь легендарных гартлингов. Атаклена нахмурилась. Ее отец увлекается преданиями волчат. В последнее время это увлечение стало перерастать в одержимость. И все же никогда нельзя сказать, серьезен

Утакалтинг или готовит очередной розыгрыш.

— Поищу, хотя эти существа исключительно мифологические.

Утакалтинг улыбнулся.

— Мне пора. Моя любовь останется с тобой. Она станет птицей, парящей… — он сделал жест руками… — над твоим плечом.

Его щупальца на мгновение нежно коснулись ее, и он тут же исчез, присоединился к встревоженным военным. Атаклена осталась стоять, думая, почему Утакалтинг воспользовался такой странной, сугубо человеческой метафорой.

«Может ли любовь быть птицей?»

Иногда Утакалтинг даже ей кажется странным и пугающим.

Послышался скрежет гравия: флиттер сел рядом с обочиной. Роберт Онигл, темноволосый молодой человек, который будет ее товарищем в изгнании, улыбнулся и помахал из-за руля. Но она видела, что его веселость напускная, так он пытается ее подбодрить. В глубине души Роберт так же недоволен предстоящим путешествием, как и она. Судьба и непререкаемый авторитет взрослых предначертали им жизненный путь, который вряд ли они сами себе избрали.

Атаклена образовала — невидимо для Роберта

— глиф покорности и признания поражения. Но внешне постаралась быть такой же веселой.

— Привет, Роберт, — сказала она и подняла свой рюкзак.

Глава 3
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности распушил белые перья, демонстрируя над головой радугу будущей царственности. Сюзерен Праведности гордо вскочил на насест провозглашения и зачирикал, призывая к вниманию.

Боевые корабли экспедиционного корпуса все еще находились в подпространстве, между уровнями мира. Именно поэтому сюзерен Праведности главенствует и может вмешиваться в деятельность экипажа флагмана.

На мостике сюзерен Луча и Когтя посмотрел со своего командного насеста. У адмирала, как и у сюзерена Праведности, начала образовываться радуга царственности. Тем не менее нельзя вмешиваться, когда делается религиозное провозглашение. Адмирал прервал поток приказов, которые отдавал подчиненным, и занял позу почтительного внимания.

На мостике шумный говор инженеров и астронавтов-губру сменился негромким шепотом. Четвероногие клиенты-кваку тоже прекратили воркование и прислушались.

Но сюзерен Праведности по-прежнему ждал. Нельзя начинать, пока не соберутся все трое.

Раскрылся люк. В него прошел третий командир экспедиции, последний член триумвирата. Как положено, на сюзерене Стоимости и Бережливости черный торк подозрения и сомнения. Он занял свой насест в сопровождении небольшой стаи помощников и клерков. На мгновение их взгляды скрестились над мостиком. Напряжение среди троих уже возникло, в предстоящие недели и месяцы оно начнет расти, пока не будет достигнут консенсус, в котором они сольются, и возникнет новая царица.

Ситуация возбуждающая, волнующая, сексуальная. Никто не знает, чем она кончится. У Луча и Когтя, разумеется, преимущество изначальное, потому что экспедиция военная. Но это преимущество долго не сохранится.

А сейчас на первый план выступает священник.

Все клювы повернулись. Сюзерен Праведности поднял и согнул одну ногу, потом другую, он

приготовился говорить. И вскоре собравшиеся птицеподобные негромко загудели:

— Ззууун.

— Мы начинаем миссию, священную миссию, — распевал сюзерен.

— Ззууун.

— Начиная эту миссию, мы должны проявить настойчивость.

— Ззууун.

— Наша задача включает Завоевание во славу нашего клана.

— Ззууун.

— Завоевание и принуждение, чтобы мы могли постигнуть тайну, тайну, которую звери-земляне сжимают в своих когтях, хотят утаить от нас, ззууун.

— Ззууун.

— Завоевание, принуждение и решающий удар по врагу принесут нам честь. Враг будет опозорен, а мы избежим позора, ззууун.

— Ззууун.

— Все это — завоевание, принуждение, позор врага — докажет, что мы достойны своих предков, достойны Прародителей, время возврата которых настало.

— Мы достойны господствовать, зззууун.

Послышался полный энтузиазма рефрен:

— Зззуууун!

Два остальных сюзерена почтительно поклонились священнику, и официальная церемония закончилась. Солдаты Когтя и астронавты сразу вернулись к своим обязанностям. Но чиновники и гражданские служащие, возвращающиеся в свои кабинеты, ясно слышали негромкое, но отчетливое пение:

— Все… все… все это. Но еще одно, еще одно… Прежде всего — выживание гнезда…

Жрец резко повернул голову и увидел блеск в глазу сюзерена Стоимости и Бережливости. И мгновенно понял, что соперник одержал внешне незаметную, но важную победу. И увидел торжество в глазах соперника. Тот опустил голову и негромко пропел:

— Зуууун.

Глава 4
РОБЕРТ

Пятна солнечного света пробивались сквозь полог влажного тропического леса, в тусклом перевитом лианами проходе вспыхивали яркие

точки. Яростные бури середины зимы прекратились, но о них напоминал свежий ветер, он раскачивал кусты, стряхивая с них влагу ночного дождя. Капли с громким звуком падали в лужи.

В горах над долиной Синда тихо. Может, даже тише, чем должно быть в лесу. Внешняя красота скрывала болезнь, лихорадку ран прошлого.

Аромат плодородия смешивается с явственным запахом разложения. Не нужно быть эмпатом, чтобы ощутить печаль этого места. Меланхоличный мир.

Косвенным образом эта грусть и привела сюда землян. Последняя глава истории Гарта еще не написана, но планета уже в списке. В списке умирающих миров.

Луч света упал на веер разноцветных стеблей, беспорядочно свисающих с ветвей гигантского дерева. Роберт Онигл указал на них.

— Может, хочешь осмотреть их, Атаклена? Их можно приучить.

Молодая тимбрими подняла голову от орхидеи, которую рассматривала.

Проследила, куда ой указывает, всмотрелась в яркие наклонные столбы света.

И ответила на хорошем англике, хотя и с небольшим акцентом:

— Что можно приучить, Роберт? Я вижу только лианы.

Роберт улыбнулся.

— Эти самые лесные лианы, Атаклена. Удивительные существа.

Атаклена нахмурилась очень по-человечьи, несмотря на широко расставленные овальные глаза с чуждыми золотыми, с зелеными точками, зрачками. Тонкая изогнутая нижняя челюсть и угловатый лоб придавали лицу слегка ироническое выражение.

Конечно, как дочь дипломата Атаклена получила соответствующую подготовку и могла в обществе людей подражать их мимике. Но все же Роберт был убежден, что сейчас на ее лице искреннее удивление. И когда она заговорила, ее англик из-за сливающихся звуков показался менее совершенным.

— Роберт, неужели ты считаешь, что эти висячие живые щупальца предразумные? Конечно, существует несколько автотрофных разумных рас, но эта поросль не проявляет никаких признаков. — Она сосредоточилась. Тонкие щупальца над ушами задрожали. — И я совсем не чувствую эмоционального излучения.

Роберт улыбнулся.

— Конечно. Я совсем не хотел сказать, что у них есть потенциал возвышения или вообще нервная система. Это просто растения дождевого леса.

Но у них есть тайна. Иди сюда. Я тебе покажу.

Атаклена кивнула — еще один человеческий жест; у тимбрими он может существовать, но может и не существовать. Она осторожно отпустила цветок, который рассматривала, и выпрямилась гибким грациозным движением.

У девушки-чужака хрупкий скелет, и пропорции рук и ног отличаются от человеческих. Например, ноги у нее длиннее в икрах и короче в бедрах.

Тонкий сочлененный таз отходит от еще более узкой талии. На взгляд Роберта, она крадется, как кошка; эта особенность походки привлекла его еще полгода назад, когда Атаклена появилась на Гарте.

По очертаниям верхних грудей, отчетливо заметных под тонким спортивным костюмом, Роберт может судить, что тимбрими — млекопитающие. Он знает — изучал, — что у Атаклены есть еще две пары грудей, а также сумка, как у сумчатых животных. Но эти особенности строения сейчас не видны. И в данный момент Атаклена выглядит скорее как человек — или

эльф, — а совсем не кажется чужаком.

— Ну хорошо, Роберт. Я пообещала отцу извлечь максимум полезного из этого вынужденного изгнания. Покажи мне чудеса этой маленькой планеты.

Говорила она так тяжело, таким покорным голосом, что Роберт решил: она переигрывает. Этот театральный эффект усиливал ее сходство с человеческим подростком, и это само по себе заставляло слегка нервничать.

Роберт подвел ее к пучку лиан.

— Вот здесь, где они сливаются у земли.

Шлем коротких коричневых волос, который начинается у Атаклены узкой полосой на спине, проходит по шее, покрывает голову и заканчивается на лбу острым выступом, как вдовий чепец, распушился, края его стали неровными.

Над гладкими круглыми ушами задвигались щупальца короны тимбрими: Атаклена пыталась уловить присутствие разума на узкой поляне.

Роберт напомнил себе, что не следует преувеличивать способностей тимбрими, как часто делают люди. Стройные галакты обладают поразительным умением улавливать сильные эмоции; больше того, сама эмпатия является для них формой искусства. А вот телепатия у тимбри-

ми встречается так же редко, как и у землян.

О чем она думает? Знает ли, что его восхищение ею с момента выхода из Порт-Хелении все растет? Он надеется — нет. Даже самому себе он не хочет признаваться в этом чувстве.

Могущие лазящие лианы, иногда толщиной с человеческий торс, змеятся по земле, закручиваются в петли, со всех сторон подбираясь к этой небольшой лесной поляне. Роберт отвел пучок ярких стеблей и показал Атаклене, что все они заканчиваются в небольшом водоеме, полном янтарного цвета воды.

И объяснил:

— Такие пруды расположены по всему континенту. Они соединены друг с другом разветвленной сетью стеблей. И играют очень важную роль в экосистеме дождевого леса. Никакое другое растение не может, существовать вблизи этой дренажной системы, где стебли выполняют свою работу.

Атаклена наклонилась, чтобы рассмотреть получше. Корона ее продолжала волноваться; сама она казалась заинтересованной.

— А почему пруд так окрашен? В воде какие-то примеси?

— Да, верно. Если бы у нас были приборы, я мог

бы показать тебе, что в воде каждого бассейна преобладают различные элементы и соединения. Лианы образуют огромную сеть, по которой питательные элементы, избыточные в одном месте, передаются в другие места.

— Торговый договор! — Шлем Атаклены распушился; это одно из тех чисто тимбримийских выражений, которые Роберт понимает. Впервые с того времени, как они вместе покинули город, она казалась чем-то искренне взволнованной.

Роберт подумал, не создает ли она в этот момент глиф — странноватый вид искусства, который, как утверждается, способны воспринимать и даже понимать некоторые люди. Роберт знал, что в этом процессе каким-то образом участвуют перьевые щупальца короны тимбрими. Однажды, сопровождая мать на дипломатическом приеме, он заметил нечто — вероятно, глиф, — плывущее над короной посла тимбрими Утакалтинга.

Это было необычное беглое ощущение — как будто видишь нечто, на что можно смотреть только слепым пятном глаза, что уходит от взгляда, как только сосредоточишься. И тут же, так же быстро, как появилось, видение исчезло. И Роберт так и не был уверен, видел ли он что-то или это просто игра воображения.

— Взаимоотношения, конечно, симбиотические, — сказала Атаклена.

Роберт мигнул. Она говорит, разумеется, о лианах.

— Хм, снова верно. Лианы получают питание от больших деревьев; в обмен они предоставляют питательные вещества, которые деревья не могут извлечь корнями из бедной почвы. Они также вытягивают токсины и переносят их на большие расстояния. А такие водоемы служат своеобразными банками; здесь создаются запасы веществ и происходит обмен.

— Невероятно. — Атаклена рассматривала корешки. — Имитация торгового обмена разумных существ. И, по-видимому, когда-то где-то такая способность впервые появилась у растений. Наверно, кантены начинали так же, пока садоводы линтены не возвысили их и не вывели в космос.

Она посмотрела на Роберта.

— Занесен ли этот феномен в каталог? Предполагается, что з'танги исследовали Гарт, прежде чем Институты передали ее вам, людям. Я удивлена, что никогда не слышала об этом.

Роберт позволил себе слегка улыбнуться.

— Конечно, з'танги в своем отчете в Великую Библиотеку упомянули способности растений

к химическому обмену. Трагедия Гарта отчасти объясняется тем, что перед появлением землян, перед тем, как мы получили лицензию на планету, вся эта система чуть не погибла. А если бы это действительно случилось, весь континент превратился бы в пустыню.

— Но з'танги упустили нечто важное. Они как будто не заметили, что лианы передвигаются по лесу, ищут новые минеральные соединения для своих хозяев-деревьев. Лес, подобно всякому активному торговому сообществу, приспосабливается. Он меняется. И есть надежда, что при нужном толчке здесь и там эта сеть станет основой восстановления экосферы планеты. И в таком случае мы могли бы получить неплохую прибыль, продавая эту технику нуждающимся повсюду.

Он надеялся, что Атаклена обрадуется, но та, опустив корешки в янтарную воду, ответила холодным тоном:

— Ты словно гордишься тем, что поймал такую серьезную и мудрую древнюю расу, как з'танги, на ошибке, Роберт. Как говорится в одной из ваших телепьес: «Ити и Библиотеку снова застали с молоком на губах».

Верно?

— Минутку. Я…

— Ответь мне. Вы, люди, собираетесь утаить эту информацию и всякий раз злорадствовать, выдавая ее по крохам? Или станете на всех перекрестках кричать то, что и так всем известно: что Великая Библиотека несовершенна и никогда не была совершенной?

Роберт мигнул. Земляне обычно представляют себе тимбрими хорошо приспосабливающимися, мудрыми и часто озорными существами. Но сейчас Атаклена вела себя, как любая молодая упрямая женщина, всегда готовая к спору.

Правда, некоторые земляне заходят слишком далеко, критикуя галактическую цивилизацию. Как первая за последние пятьдесят мегалет раса «волчат», люди иногда слишком громко хвастают, что они единственные сумели выйти в космос без чьей-либо помощи. Почему же в таком случае они должны считать обязательным для себя все, что содержится в Большой Библиотеке пяти галактик? Земные средства массовой информации поддерживали презрительное отношение к чужакам, которые предпочитают справиться в Библиотеке, чем выяснить что-то самостоятельно.

И причины для такого отношения есть. Аль-

тернатива, в соответствии с мнением земных психологов, в разрушающем расовом комплексе неполноценности. Гордость жизненно важна для единственной известной во вселенной «отсталой» расы. Она стоит между человечеством и отчаянием.

К несчастью, такое отношение вызвано враждой со стороны многих чуждых цивилизаций, которые в противном случае могли бы стать друзьями человечества.

Но так ли уж причастен к этому народ Атаклены? Тимбрими известны тем, что обнаруживают пробелы в традиции и не удовлетворяются тем, что им приносит прошлое.

— Когда вы, люди, поймете, что вселенная опасна, что существует много древних могущественных кланов, которые не любят выскочек, особенно новичков, настаивающих на реформах, не представляя себе их последствий?

Теперь Роберт понял, что имеет в виду Атаклена, какова истинная причина ее взрыва. Он выпрямился на берегу пруда и отряхнул руки.

— Послушай, мы ведь в сущности не знаем, что сейчас происходит в галактике. Но вряд ли наша вина в том, что корабль с экипажем из дельфинов…

— «Стремительный».

— ...да, «Стремительный» случайно открыл нечто странное, что-то такое, что до сих пор никто не заметил. Всякий мог бы наткнуться на это!

Дьявольщина, Атаклена! Мы ведь даже не знаем, что нашли эти бедняги неодельфины! Последнее, что мы о них слышали: за их кораблем от пункта перехода Моргран гонится двадцать разных флотов — и все дерутся друг с другом за право захватить «Стремительный».

Роберт обнаружил, что у него ускорился пульс. Сжатые руки показывали, насколько его самого волнует эта тема. В конце концов уже то, что вселенная грозит обрушиться на тебя, способно вызвать раздражение; но особенно плохо, что это связано с событиями в килопарсеках отсюда, среди красных звезд, слишком слабых, чтобы их увидеть.

Глаза Атаклены с темными веками встретились с его взглядом, и впервые он ощутил в них понимание. Ее рука с длинными пальцами легко изогнулась.

— Я слышу, что ты говоришь, Роберт. И знаю, что иногда слишком поспешна в суждениях. Отец постоянно советует мне изживать этот недостаток. Но ты должен помнить, что мы, тимбрими,

защитники и союзники Земли с того времени, как ваши неуклюжие, медлительные космические корабли вторглись в наше пространство, восемьдесят девять пактааров назад. Иногда это утомляет, и ты должен простить, если временами утомление сказывается.

— Что утомляет? — Роберт смутился.

— Ну, во-первых, со времен Контакта мы вынуждены были изучать и выносить набор волчьих щелканий и рычаний, который вы имеете наглость называть языком.

Выражение лица Атаклены оставалось спокойным, но Роберту казалось, что он действительно чувствует слабое нечто, исходящее от ее короны.

Это нечто как будто отражало то, что земная девушка выражает мимикой.

Очевидно, Атаклена поддразнивает его.

— Ха-ха! Очень смешно. — Он посмотрел на землю.

— Серьезно, Роберт, разве мы все семь поколений с Контакта не уговариваем вас и ваших клиентов действовать помедленнее? «Стремительному» просто не следовало залетать так далеко. Ему не место там, особенно пока ваша раса молода и беспомощна.

— Вы не можете остановиться, не можете не

испытывать правила, проверяя, какие позволено нарушать, какие нет!

Роберт пожал плечам.

— Это часто себя оправдывает.

— Да, но разве всегда — как же эта звериная идиома? — всегда ваши кони возвращаются к своим стойлам?

— Роберт, теперь фанатики вас не оставят в покое. Они будут преследовать корабль дельфинов, пока не захватят его. И если не смогут таким путем получить информацию, могучие кланы, такие, как соро и йофур, найдут другие способы.

В узком столбе солнечного света плясали пылинки, блестели разбросанные лужи. В наступившей тишине Роберт тащился по мягкому перегною, понимая, на что намекает Атаклена.

Йофур, соро, губру, танду — могучие расы галактических патронов, постоянно демонстрирующие свою враждебность человечеству. Если не удастся захватить «Стремительный», следующий их шаг очевиден. Рано или поздно один из этих кланов обратит свое внимание на Гарт, или Атлас, или Калафию — наиболее отдаленные и беззащитные колонии Земли. Попытается захватить заложников и с их помощью разузнать тайны корабля дельфинов. В соответствии с либе-

ральными законами, установленными древним галактическим Институтом Цивилизованных Войн, это даже допустимо.

«Какая ирония, — с горечью думал Роберт. — Дельфины вообще ведут себя не так, как ожидают от них педантичные галактические эксперты».

Согласно традиции, раса клиентов оказывается в долгу у патронов, космической цивилизации, «возвысившей» эту расу до разума. Люди поступили так с шимпанзе вида «пан» и дельфинами рода «турсиопс» еще до того, как встретились в космосе с чужаками. Таким образом человечество неосознанно воспроизвело образец, который уже в течение трех миллиардов лет господствует в галактике.

Согласно традиции, раса клиентов служит патронам в течение ста тысяч лет и больше, пока не будет освобождена от службы и сможет искать собственных клиентов. Галактические кланы и не представляли себе, сколько свободы было дано людьми шимпам и дельфинам. Трудно сказать, как поступят дельфины, если люди окажутся заложниками. Но это, конечно, не остановит галактов. Расположенные в далеком космосе пункты прослушивания уже подтвердили самые худшие опасения. Уже сейчас, в тот момент, как

он разговаривает с Атакленой, к Гарту приближаются военные флоты.

— И что еще хуже, — негромко продолжила Атаклена, — это собрание древних космических кораблей, которые будто бы нашли дельфины… эти брошенные корабли не представляют для вас никакой ценности. Что они для ваших планет, с их фермами, парками, орбитальными городами? Я не понимаю, почему Совет Земли приказал «Стремительному» хранить тайну, в то время когда вы настолько уязвимы!

Роберт снова посмотрел на землю. У него нет ответа. Если посмотришь с такой точки зрения, решение кажется нелогичным. Он подумал о своих соучениках и друзьях, они готовятся к сражению, они будут сражаться за дело, которого никто из них не понимает. Это очень трудно.

Атаклене, конечно, тоже трудно: в разлуке с отцом, она одна на чужой планете из-за ссоры, которая не имеет к ней отношения. Роберт решил оставить последнее слово за нею. Она видела больше во вселенной, чем он, и происходит из более старого клана, имеющего более высокий межзвездный статус.

— Может, ты и права, — сказал он. — Может, ты права.

«А может быть, — напомнил он себе, помогая ей надеть рюкзак и надевая потом собственный, — может быть, молодая тимбрими так же несведуща и неопытна, как любой человеческий подросток, она тоже испугана и оторвана от дома».

Глава 5
ФИБЕН

— Разведывательный корабль «Бонабо» вызывает разведывательный корабль «Проконсул»! Фибен, ты опять вышел из строя. Давай, старина шимп, занимай свое место. Фибен дергался у приборов своего древнего, построенного чужаками корабля. Только включенный микрофон удержал его от выражения своего мнения с помощью богатейшего запаса непристойностей. Наконец, в отчаянии он пнул временную панель управления, установленную техниками Гарта.

И это подействовало! Загорелся красный огонек, и верньеры антигравитации ожили. Фибен вздохнул. Наконец-то!

Конечно, от усилий лицевая пластина его шлема запотела.

— За все это время можно было бы придумать

приличный обезьяний костюм, — проворчал он, включая антиконденсаторный прибор. Прошло не меньше минуты, прежде чем звезды появились вновь.

— В чем дело, Фибен? Что ты сказал?

— Я сказал, что вовремя верну в строй эту старую лохань, — рявкнул Фибен. — Ити не будут разочарованы.

Популярное сленговое выражение чужаков-галактов «ити» — аббревиатура двух корней, входивших в английское слово «Extraterrestrials». Но одновременно оно напомнило Фибену о еде. Уже несколько дней он жил на корабельной пасте. И все бы отдал за свежего цыпленка и салат из пальмовых листьев — прямо сейчас!

Специалисты по питанию всегда пытались ограничить мясное в рационе шимпов. Утверждают, что слишком много мяса — плохо для кровяного давления.

"Дьявольщина, еще бы баночку горчицы и последний номер «Хеления таймс», — подумал Фибен.

— Эй, Фибен, ты всегда в курсе последних слухов. Известно, кто на нас нападает?

— Я знаком с шимми из штата координатора, а у нее приятель в разведке. Он ей сказал, что это,

возможно, соро или танду.

— Танду! Надеюсь, ты шутишь, — снова послышался голос Саймона, и Фибен с ним согласился. О таком лучше просто не думать.

— Ну, я бы сказал, что это просто шайка садовников линтенов проверяют, хорошо ли мы обращаемся с растениями.

Саймон рассмеялся, и Фибен этому обрадовался. Веселый ведомый стоит половины офицерского жалованья.

Он вывел свой маленький корабль на рассчитанную траекторию.

Разведчик, купленный несколько месяцев назад у торговца ломом ксатинни, был гораздо старше народа шимпов. Когда его предки еще ссорились с бабуинами под пальмами Африки, этот корабль участвовал в боевых действиях среди далеких звезд. И управляли им руки, когти, щупальца других бедняг, которые тоже обречены были ждать в засаде и умирать в бессмысленных межзвездных сражениях.

Фибену дали лишь две недели на изучение корабля и научили галактической письменности для того, чтобы он читал надписи на приборах. К счастью, конструкции в древней галактической культуре меняются медленно, и у всех кораблей

есть немало общего.

Но одно несомненно: галактическая технология впечатляет. Лучшие корабли человечества по-прежнему покупаются, а не строятся. И хоть эта старая лохань скрипит и дребезжит, вероятно, сегодня она переживет его.

Вокруг Фибена сверкали яркие звезды, только в одном месте туманность Ложка закрывала часть галактического диска. В этом направлении находится Земля, родина племени Фибена, которую он никогда не видел и, вероятно, уже не увидит.

С другой стороны Гарт — яркая зеленая искра всего лишь в трех миллионах километров. Крошечный флот планеты слишком слаб, чтобы прикрыть отдаленный пункт гиперпространственного перехода или даже просто отстоять внутреннюю систему. Пестрое собрание разведчиков, сборщиков метеоритов и переоборудованных торговых кораблей — плюс три современных корвета — едва ли способно защитить саму планету.

К счастью, Фибен не командует флотом и ему не нужно думать об их жалких перспективах. Ему нужно только ждать и выполнять свой долг. И он не собирается проводить оставшееся время, размышляя об уничтожении.

Он попытался отвлечься, думая о семействе Тропов, небольшом клане на острове Квинтана, который недавно пригласил его участвовать в групповом браке. Для современного шимпа это серьезное решение, как и для двух или трех человек, которые решают объединиться и создать семью. И Фибен уже несколько недель раздумывает над этим предложением.

У клана Тропов прекрасный уютный дом, они заботливо ухаживают друг за другом, у них хорошие профессии. Все взрослые привлекательные и интересные шимпы, и у всех зеленые генетические карты. С социальной точки зрения это очень выгодный ход.

Но, конечно, есть у него и недостатки. Прежде всего, придется переселиться из Порт-Хелении на острова, где по-прежнему живет большинство поселенцев — шимпов и людей. Фибен не уверен, что готов к этому. Ему нравятся открытые просторы континента, свобода гор и приволье диких равнин Гарта.

Есть и другие немаловажные соображения. На самом ли деле он нужен Тропам, или они пригласили его, потому что Комитет по возвышению неошимпанзе дал ему синюю карту — разрешение на продолжение рода почти без

ограничений?

Выше только белая карта. Синий статус означает, что он может присоединяться к любой брачной группе и заводить детей при минимальных генетических консультациях. И это, конечно, подействовало на Тропов, когда они приглашали его.

— Не занимайся самообманом, — проворчал он наконец. Вопрос, конечно, неясный. Но теперь у него мало шансов вообще вернуться домой.

— Фибен? Ты еще здесь, малыш?

— Да, Саймон. Что нового?

Наступила пауза.

— Только что разговаривал с майором Фортнессом. Он говорит, что беспокоится по поводу четвертого додеканта.

Фибен зевнул.

— Люди всегда беспокоятся. Все время. Вот что значит быть патроном.

Его партнер рассмеялся. На Гарте даже хорошо образованные шимпы постоянно подтрунивают над людьми. Люди воспринимают это спокойно; те, кто этого не может, надолго не задерживаются.

— Вот что я решил, — передал Фибен Саймону. — Подлечу к четвертому додеканту и погляжу,

что там.

— Мы не должны расходиться, — послышался слабый протестующий голос в наушниках. Впрочем, они оба знали, что ведомый ничего не изменит в случае схватки.

— Да я мигом, — заверил друга Фибен. — Оставь мне бананов. Он постепенно и осторожно включал поля стасиса и гравитационные, обращаясь с древней машиной, как с девственницей-шимми в ее первом розовом цикле. Разведчик постепенно набирал скорость.

План обороны был тщательно продуман с учетом консервативной психологии галактов. Корабли землян образовали сеть, при этом самые большие корабли оставались в резерве. Разведчикам, таким, как Фибен, полагалось заранее доложить о приближении врага, чтобы флот успел перегруппироваться.

Проблема состояла в том, что разведчиков слишком мало, чтобы перекрыть все направления.

Фибен через сиденье ощущал дрожь от работы могучих двигателей. Скоро корабль уже быстро перемещался по звездному полю. «Надо отдать должное галактам, — подумал Фибен. Они консервативны и нетерпимы, иногда напоминают

фашистов, но корабли строят хорошие».

Тело в космическом костюме зудело. Фибен пожалел, что пилоты-люди слишком велики для управления этими крошечными кораблями ксатинни.

Любопытно взглянуть, как будет пахнуть пилот после трех дней в космосе.

Часто, в свои самые мрачные минуты, Фибен думал, так ли уж хорошо, что люди сделали из обезьян инженеров, поэтов и астронавтов. Обезьяны были бы счастливее, оставаясь в лесу. Где бы он сейчас был, если бы люди воздержались от действий? Был бы грязен и невежествен. Но по крайней мере, мог бы чесаться сколько угодно и где угодно!

Как ему не хватает местного клуба ухода. Как приятно, когда тебя расчесывают гибкие пальцы шимми, а ты лежишь в тени и болтаешь ни о чем!

На экране загорелся розовый огонек. Фибен протянул руку и постучал по экрану, но огонек не исчез. Больше того, он увеличился, разделился надвое, потом каждая часть разделилась в свою очередь.

Фибен похолодел.

— Клянусь невоздержанностью Ифни!.. — вы-

ругался он и нажал кнопку общего сигнала. — Разведчик «Проконсул» — всем кораблям. Они за нами!

Три… нет, четыре группы боевых кораблей идут с уровня В гиперпространства в четвертом додеканте!

Он замигал, увидев, как из ничего возникла пятая флотилия; огоньки мерцали, корабли появлялись в реальном времени и сбрасывали в реальное пространство излишки гипервероятности. И даже на таком расстоянии видно было, что корабли эти огромные.

В наушниках разразилась буря.

— Клянусь вдвое сложенным мужеством моего волосатого дядюшки! Откуда они знают, что у нас здесь дыра?

— …Фибен, ты уверен? Почему они выбрали именно это…

— …Да кто они такие? Можешь…

Все смолкли, услышав голос майора Фортнесса.

— Сообщение получено, «Проконсул». Мы идем. Пожалуйста, Фибен, включи повтор.

Фибен хлопнул себя по шлему. Он уже несколько лет не тренировался, а все забывается. Он включил телеметрию, чтобы остальные могли получать данные его приборов. Конечно, это

делает его легкой целью, но какая разница? Противник явно знает расположение защитников, вероятно, до последнего корабля. Фибен уже заметил летящие к нему ракеты.

Прощай, внезапность и укрытие, преимущества слабых! Сближаясь с противником — каким бы дьяволом он ни был! — Фибен отметил, что возникающая армада захватчиков расположена между ним и зеленой искоркой Гарта.

— Здорово! — фыркнул он. — По крайней мере меня сожгут на пути домой.

Может, несколько клочков шерсти долетят туда раньше ити.

— Надеюсь, если кто загадает желание на падающую звезду, оно исполнится.

Он увеличил скорость древнего разведчика и почувствовал, как напрягается поле стасиса. Гул двигателей стал выше. Фибену показалось, что боевая песня корабля звучит почти радостно.

Глава 6
УТАКАЛТИНГ

Четыре человека-офицера шагнули на паркетный пол оранжереи, их блестящие ботинки четко и ритмично стучали. Трое остановились

на почтительном расстоянии от большого окна, у которого стояли посол и планетарный координатор. Но четвертый прошел вперед и четко отдал честь.

— Мадам координатор, началось. — Седеющий офицер достал из сумки документ и протянул его.

Меган Онигл взяла протянутый листок. Утакалтинг восхитился ее выдержкой. На ее лице не отразилось то отчаяние, которое она должна была почувствовать, получив худшее из возможных известий.

— Спасибо, полковник Мейвен, — сказала она.

Утакалтинг заметил, что младшие офицеры украдкой поглядывают на него.

Очевидно, гадают, как воспринял новость посол тимбрими. Внешне он оставался спокоен, как и подобает дипломату. Но концы его короны невольно задрожали: он ощутил напряжение, которое принесли посыльные во влажную теплицу.

Из широкого окна открывался отличный вид на долину Синда, усеянную фермами и рощами деревьев, местных и привезенных с Земли. Прекрасная мирная картина. И только Великая Бесконечность знает, сколько еще она продер-

жится. А в настоящее время Ифни не поверяет свои планы Утакалтингу.

Планетарный координатор Онигл быстро просмотрела отчет.

— Есть сведения о том, кто наш враг?

Полковник Мейвен покачал головой.

— Пока нет, мэм. Но флоты сближаются. Скоро узнаем.

Несмотря на серьезность положения, Утакалтинг в который раз удивился странному архаичному диалекту, которым пользуются люди на Гарте. Во всех остальных человеческих колониях, где он побывал, англик пестрит заимствованиями из гал-семь, два и десять. Здесь, однако, язык почти не изменился за два поколения после получения людьми лицензии на Гарт.

«Удивительные, великолепные существа», — подумал Утакалтинг. Только здесь, в глубинке, можно услышать такие чистые, древние выражения.

Например, обращение к руководителю-женщине «мэм». В любом другом человеческом мире к руководителю обращаются с нейтральным «сэр», независимо от пола.

На Гарте много необычного. За время своего пребывания здесь Утакалтинг выслушал много

невероятных рассказов, странных, очень странных новостей, которые приносили из дикой местности фермеры, охотники и работники службы экологии. Много ходит слухов. Слухов о странных происшествиях в горах.

Конечно, в основном это только вымыслы. Преувеличения, сплетни, хвастовство. Именно этого и можно ожидать от волчат, живущих на краю цивилизации. И тем не менее у Утакалтинга возникла идея.

Он молча выслушал доклады офицеров-штабистов. Наконец все смолкли.

Молчание смельчаков, ощущающих свою обреченность. И только тогда Утакалтинг негромко заговорил.

— Полковник Мейвен, вы уверены, что противник пытается полностью изолировать Гарт?

Советник по обороне поклонился Утакалтингу.

— Господин посол, мы знаем, что гиперпространство заминировано вражескими крейсерами в районе шести миллионов километров по крайней мере на четырех главных уровнях.

— Включая уровень Д?

— Да, сэр. Разумеется, это означает, что мы не можем послать ни один из наших легковооруженных кораблей в остающиеся гиперпро-

странственные коридоры, даже если бы могли выделить их. Но это также означает, что пробиться к Гарту чрезвычайно сложно.

На Утакалтинга это произвело впечатление.

«Заминировали Д-уровень. Я не думал, что они до этого дойдут. Явно не хотят, чтобы кто-то вмешался в их операцию!»

Это свидетельствует об огромных затратах средств и сил. Кто-то не покладая рук работает над этой операцией.

— Вопрос спорный, — сказала планетарный координатор. Меган смотрела на холмистые луга Синда, с их фермами и исследовательскими станциями.

Прямо под окном садовник-шимп на тракторе обрабатывал широкий газон земной травы у дома правительства.

Меган повернулась к офицерам.

— Последний связной корабль доставил приказ Совета Земли. Мы должны защищаться, насколько хватит сил, защищая свою честь и для истории. Но после этого можем надеяться только на ограниченное подпольное сопротивление, пока не придет помощь извне.

Утакалтинг чуть не рассмеялся вслух: в этот момент люди в помещении изо всех сил старались

не смотреть на него. Полковник Мейвен откашливался и разглядывал свой доклад. Офицеры любовались яркими цветущими равнинами.

Но совершенно очевидно, о чем они думают.

Из немногих галактических кланов, которых Земля может считать друзьями, только тимбрими обладают достаточной военной мощью, чтобы помочь в этом кризисе. Люди считают, что тимбрими не оставят их вместе с клиентами в беде.

И они правы. Утакалтинг знал, что союзники будут вместе расхлебывать кашу.

Но ясно также, что маленький Гарт далеко от центра событий. И думать будут прежде всего о родной планете.

«Неважно, — решил Утакалтинг. — Цель оправдывает средства».

И, как ему ни хотелось, Утакалтинг подавил в себе желание рассмеяться. Это только привело бы в замешательство бедных, убитых горем людей. Конечно, за время своей карьеры он встречал людей, склонных к авторитаризму. Некоторые даже могли соперничать с тимбрими. Однако большинство из них так трезвы и скучны! Отчаянно стараются быть серьезными в моменты, когда только юмор поможет преодолеть неприятности.

Утакалтинг был удивлен.

"Как дипломат я приучился следить за каждым словом, чтобы наша склонность к шуткам не вызывала неприятных инцидентов. Но разумно ли это?

Моя родная дочь переняла эту привычку от меня… саван серьезности. Может, поэтому и выросла такой необычайно странной и серьезной".

Вспомнив об Атаклене, он еще больше захотел прояснить ситуацию. Иначе он может поступить по-человечески и подумать об опасности, угрожающей дочери. Он знал, что Меган беспокоится о сыне. «Она недооценивает Роберта, — подумал Утакалтинг. — Ей следовало бы лучше знать возможности парня».

— Дорогие леди и джентльмены, — сказал он, наслаждаясь архаизмом. И дурачась, лишь слегка расширил глаза. — В ближайшие дни мы можем ожидать прибытия фанатиков. Вы подготовили планы сопротивления с учетом имеющихся незначительных ресурсов. Эти планы будут осуществлены.

— Однако? — В слове, которое произнесла Меган Онигл, звучала вопросительная интонация. Брови ее над темными зрачками выгнулись — глаза большие и широко расставленные, почти в

классическом тимбримийском стиле.

Ошибиться в значении ее взгляда невозможно.

«Она, как и я, знает, что на кон поставлено гораздо большее. И если у Роберта есть хоть половина мозгов его матери, мне нечего опасаться за Атаклену, которая сейчас в темных лесах этого печального опустошенного мира».

Корона Утакалтинга задрожала.

— Однако, — повторил он, — я считаю, что нам следует проконсультироваться с Библиотекой.

Утакалтинг почувствовал их разочарование. Поразительные существа!

Скептицизм тимбрими по отношению к современной галактической культуре никогда не заходил так далеко, до полного презрения к Великой Библиотеке.

А многие земляне именно это испытывают!

«Волчата». Утакалтинг незаметно вздохнул. И создал над головой глиф сиулф-та — предчувствие головоломки, слишком сложной, чтобы ее можно было решить. Призрак, невидимый людям, выжидательно вращался. Но внимание Меган на мгновение отвлеклось, она как будто готова была что-то увидеть.

«Бедные волчата. Несмотря на ее недостатки, именно в Библиотеке все начинается и кончает-

ся. В этой сокровищнице знаний всегда можно найти решение. И пока вы не поймете это, друзья мои, небольшие неприятности, вроде военных флотов, будут постоянно отравлять такие прекрасные весенние дни».

Глава 7
АТАКЛЕНА

Роберт шел в нескольких футах перед нею, перерубая мачете ветки, загораживающие узкий проход. Яркие лучи местного солнца — Гимельхая — пробивались через лесной полог, и весенний воздух был теплым.

Атаклена радовалась неспешному движению. С измененной фигурой ходьба сама по себе становилась необычным делом. Интересно, как земные женщины всю жизнь ходят с такими широкими бедрами. Наверно, это цена, которую приходится платить за большеголовых детей. Гораздо разумнее рожать маленьких и потом выращивать их в сумке.

Этот эксперимент — изменение формы тела, чтобы оно больше походило на человеческое, — стал одним из самых интересных моментов в посещении этой земной колонии. Так незаметно,

как здесь, она не могла бы расхаживать среди рептилоидных соро или йофуров, с их кольцами сока. И в процессе изменения она больше узнала о психологическом контроле, чем научили ее инструкторы в школе.

И все же неудобства значительны, и она подумывает об окончании эксперимента.

«О, Ифни! — На кончиках ее щупалец возник глиф раздражения. — Возврат к исходному облику потребует столько усилий, что и не стоит пробовать».

Есть ограничения даже у невероятно приспособительной физиологии тимбрими. Если слишком много перемен происходит в короткий срок, наступает энзимное истощение. Тем не менее лестно кеннировать смятение в сознании Роберта. «Действительно ли я его привлекаю?» — думала Атаклена. Год назад такая мысль шокировала бы ее. Даже юноши тимбрими заставляли ее нервничать, а Роберт ведь чужак!

Но теперь почему-то она испытывала не отвращение, а любопытство.

Есть нечто завораживающее в раскачивании рюкзака, в ритме, с которым мягкие подошвы ступают по тропе, в разогретых мышцах ног, слишком долго ограничивавших свое движение

лишь улицами города. Здесь, на средних высотах, воздух влажный и теплый. В них тысячи разнообразных запахов: разлагающийся перегной, кисловатый запах человеческого пота.

Атаклена шла вслед за Робертом по вершине хребта с крутыми склонами.

Впереди, на некотором расстоянии, слышалось негромкое гудение. Похоже на работу мощных двигателей, на какую-то промышленную установку. Гудение стихало, потом возникало вновь и все усиливалось, по мере того как они приближались к его таинственному источнику. Очевидно, Роберт хочет удивить ее, поэтому Атаклена сдержала удивление и не задавала вопросов. Наконец Роберт остановился и подождал на повороте тропы. Он закрыл глаза, сосредоточившись, и Атаклене показалось, что на мгновение она уловила очертания примитивного эмоционального глифа. Но это не подлинный кеннинг, в сознании возникло видимое изображение — высокий ревущий фонтан в ярких расторможенных синих и зеленых цветах.

«Он все совершенствуется», — подумала Атаклена. Потом подошла к повороту и удивленно ахнула.

Капли, миллиарды крошечных жидких линз

сверкали в солнечных лучах, прорезающих облачный лес. Гудение, которое слышалось уже с час, превратилось в громогласный рев; от него дрожали стволы справа и слева, он отражался в скалах и костях. Прямо впереди огромный водопад переливался через гладкие камни и падал в пене и брызгах в каньон, пробитый за долгие века.

Падающая река — это излишество природы, она красочна и горда. Ни у одного человеческого шута нет такого бесстыдства, ни у одного поэта — такой гордости.

Невозможно воспринять ее только слухом и зрением. Щупальца Атаклены напряглись, они искали, кеннировали. Это один из тех редчайших моментов, о которых иногда говорят тимбримийские мастера глифов: весь мир соединяется в эмпатической сети, тогда как обычно в ней участвуют только живые существа. И в это затянувшееся мгновение Атаклена поняла, что древний Гарт, израненный и искалеченный, еще может петь.

Роберт улыбнулся. Атаклена встретилась с ним взглядом и тоже улыбнулась. Руки их соединились. Долго стояли они молча и смотрели на сверкающую, вечно изменчивую радугу, изогнув-

шуюся над потрясающим потоком.

Странно, но Атаклена испытала печаль, пожалела, что увидела это чудо.

Ей не хотелось открывать здесь красоту. От этого судьба маленькой планеты кажется еще более трагичной.

Сколько раз досадовала она, что Утакалтинг принял это назначение? Но такие пожелания редко что-нибудь меняют.

Как она ни любила отца, часто он казался Атаклене непостижимым.

Слишком сложны причины его решений, слишком непредсказуемы действия.

Например, он принял этот скромный пост, хотя мог получить гораздо более престижный. Достаточно было только сказать.

Он послал ее в горы с Робертом… и она сразу поняла, что не «для безопасности». Неужели она на самом деле должна искать экзотические горные существа? Маловероятно. Наверно, Утакалтинг предложил это, чтобы отвлечь ее от беспокойных мыслей.

Потом она подумала об этом с другой стороны.

Неужели отец действительно считает, что она может установить связь… с человеком? Ноздри ее раздулись при этой мысли. Сдерживая корону,

чтобы не выдать своих мыслей, она отпустила руку Роберта и почувствовала облегчение, когда он не стал ее удерживать.

Атаклена скрестила руки и вздрогнула.

Дома она несколько раз вступала в пробные отношения с юношами, в основном с одноклассниками. В семье это вызывало немало споров до смерти матери. Матиклуанна очень беспокоилась о своей замкнутой и отчужденной дочери. Но отец не настаивал, чтобы Атаклена делала то, чего ей не хочется.

«Может, только до настоящего времени?»

Роберт, несомненно, очарователен и привлекателен. У него плоские скулы, широко расставленные глаза; он красив, каким только может быть красив человек. Но сам факт, что она может думать о нем в таких выражениях, шокировал Атаклену.

Щупальца ее дернулись. Она покачала головой и уничтожила нарождающийся глиф, прежде чем осознала, каков он. Эту проблему она не желает обдумывать, особенно накануне предстоящей войны.

— Водопад прекрасен, Роберт, — тщательно произнесла она на англике. — Но если мы останемся здесь дольше, совсем промокнем. Он,

казалось, очнулся от глубокой задумчивости.

— О, да, Кленни. Пошли. — С легкой улыбкой он повернулся и пошел, испуская смутные далекие волны человеческой эмпатии.

Тропический лес полосами тянулся меж холмов; дорога поднималась, и идти становилось все труднее. Небольшие гартианские животные, редкие и робкие внизу, здесь постоянно шуршали за буйной листвой и иногда даже издавали вызывающие крики.

Вскоре путники поднялись на вершину хребта, где торчала цепь камней, голых и серых, как костные пластины древних ящеров, которых как-то показывал Атаклене Утакалтинг в одной из книг по истории Земли. Сняли рюкзаки и расположились на отдых. Роберт рассказал, что никто не может объяснить происхождение этих цепей, которые постоянно встречаются в Мулунских горах.

— Даже в отраслевой Библиотеке на Земле нет ссылки, — сказал он и провел рукой по неровной поверхности камня. — Мы направили запрос малой срочности в ветвь Библиотеки на Таците. Может, через столетие компьютеры Библиотеки найдут отчет какой-нибудь давно исчезнувшей расы, и тогда мы узнаем ответ.

— Но ты надеешься, что и там не будет ответа, — сказала Атаклена.

Роберт пожал плечами.

— Я бы предпочел, чтобы это осталось тайной. И тогда, может, мы первые ее раскроем. — И он задумчиво посмотрел на камни.

Большинство тимбрими рассуждает так же. Они предпочитают хорошую головоломку готовому ответу. Но не Атаклена. Такое отношение к Библиотеке она считала нелепым.

Без Библиотеки и других галактических Институтов кислородом дышащие существа, преобладающие в пяти галактиках, давно пришли бы в упадок и, может, истребили друг друга в свирепой тотальной войне.

Правда, большинство космических рас слишком полагается на Библиотеку.

А Институты только смягчают ссоры наиболее ограниченных и злобных старших патронов. Нынешний кризис самый последний в их цепи, которая уходит в прошлое, когда еще не существовала ни одна из нынешних рас.

Но именно эта планета показывает, что может произойти, если будут сброшены узы древней традиции. Атаклена прислушалась к звукам леса.

Прикрыв глаза, она наблюдала за стайкой маленьких пушистых существ, которые перелетали с ветви на ветвь в направлении полуденного солнца.

— По внешнему виду никогда не догадаешься, что это планета после катастрофы, — негромко сказала она.

Роберт положил рюкзаки в тень камня и начал нарезать соевую салями и хлеб.

— Прошло пятьдесят тысяч лет, с тех пор как бурурали устроили катастрофу на Гарте, Атаклена. Достаточно времени, чтобы немногие выжившие виды распространились и заполнили образовавшиеся ниши. Теперь, вероятно, нужно быть зоологом, чтобы заметить, сколько видов отсутствует.

Корона Атаклены вытянулась во всю длину, кеннируя слабые волны эмоций в окружающем лесу.

— Я заметила, Роберт, — сказала она. — Я могу это чувствовать.

Водораздел жив, но нет того многообразия жизни, какая должна быть в диком лесу. И никаких следов Потенциала.

Роберт серьезно кивнул. Но Атаклена понимала, что он далек от этого.

Катастрофа бурурал ли произошла очень давно с точки зрения землянина.

Бурурал ли тогда только что освободились от своей службы нагалли, расы патронов, которая возвысила их до разума. Наступало особенное время для бурурал ли, потому что, только выполнив свои обязательства, раса клиентов становилась патроном и могла организовывать свои колонии. И когда наступило время, галактический Институт Миграции решил, что невозделанная планета Гарт пригодна для ограниченного возделывания. Как обычно, Институт ожидал, что туземные формы жизни, особенно те, у которых может развиться Потенциал возвышения, будут всесторонне оберегаться новыми обитателями.

Нагалли хвастали, что бурурал ли из предразумных неуживчивых хищников превратились в совершенных галактических граждан, ответственных и надежных, достойных такого доверия.

Как выяснилось, нагалли ужасно ошиблись.

— Ну, чего можно ждать, если вся раса сходит с ума и начинает уничтожать все с первого взгляда? — спросил Роберт. — Что-то случилось, и все бурурал ли превратились в безумцев. Они разрывали на части планету, о которой долж-

ны были заботиться. Неудивительно, что ты не чувствуешь никакого Потенциала в лесу Гарта, Кленни. Только крошечные существа, которые могут закапываться в землю и прятаться, скрылись от безумных бурурал ли. А большие и умные животные теперь там же, где прошлогодний снег. Атаклена моргнула. Ей казалось, что она уже хорошо владеет англиком, а Роберт опять проявил странную склонность людей к метафорам. В отличие от сравнений, которые сопоставляют похожее, метафоры, вопреки всяким законам логики, утверждают, что непохожее похоже! Ни один галактический язык не подчиняется такой логике.

Обычно она как-то справлялась с такими лингвистическими трудностями, но эта смутила ее. Над дрожащей короной на мгновение возник малый глиф тив'нус — обозначение нестыковки произведенной коммуникации.

— Я слышала только краткий отчет об этом времени. А что случилось с самими убийцами бурурал ли?

Роберт пожал плечами.

— Чиновники из Институтов возвышения и Миграции появились тут через сто лет после катастрофы. Конечно, инспектора пришли в ужас.

— Они обнаружили, что буруралли выродились до неузнаваемости, бродили по планете, истребляя все, что могли поймать. Но к этому времени они уже забыли современную технологию и оружие и вернулись почти на уровень когтей и клыков. Наверно, именно поэтому выжили маленькие существа.

— Экологические катастрофы не так редки, как пытаются представить Институты, но тут разразился большой скандал. Вся галактика испытала отвращение. Большинство старших рас отрядило свои боевые флоты, которые действовали под единым командованием. И вскоре буруралли перестали существовать.

Атаклена кивнула.

— Я думаю, их патроны, нагалли, тоже были наказаны.

— Верно. Они утратили статус и теперь чьи-то клиенты. Такова плата за небрежность. Мы проходим эту историю в школах. Несколько раз.

Роберт протянул ей салями, но Атаклена покачала головой. Ее аппетит пропал.

— И вы, люди, унаследовали подлежащий восстановлению мир.

Роберт отложил еду.

— Да. Поскольку у нас две расы клиентов, нам

положены колонии, но Институты нам всегда предлагают остатки чужих катастроф. Нам приходится напряженно работать, чтобы восстановить экосистему этой планеты, но Гарт еще очень хорош, если сравнивать с другими. Тебе следовало бы взглянуть на Дими или Хорст в скоплении Канаан.

— Я слышала о них. — Атаклена вздрогнула. — Не думаю, что мне хочется их увидеть…

Она смолкла на середине предложения.

— Я не… — Веки ее затрепетали, она оглядывалась, ощутив неожиданное смятение. — Ту'ун дан! — Ее шлем встопорщился. Атаклена быстро встала и пошла — в полутрансе — туда, где камни возвышались над вершинами дождевого облачного леса.

Роберт пошел за ней.

— В чем дело?

Она негромко ответила:

— Я что-то почувствовала.

— Гм. Это меня не удивляет. У вас такая нервная система. Ты изменила форму тела, чтобы мне было приятно. Неудивительно, что ты улавливаешь статику.

Атаклена нетерпеливо покачала головой.

— Я делала это не для того, чтобы доставить

тебе удовольствие, ты, высокомерный человеческий самец! И я уже просила тебя осторожнее обращаться с этими ужасными метафорами. Корона тимбрими не радиоприемник!

— Она сделала нетерпеливый жест рукой. — А теперь, пожалуйста, помолчи.

Роберт смолк. Атаклена снова сосредоточилась, пытаясь кеннировать…

Корона не может ловить статическое электричество, как радиоприемник, но помехи и для нее существуют. Атаклена искала слабую ауру, которую ощутила на мгновение, но тщетно. Все затоплял грубый и энергичный эмпатический поток Роберта.

— Что это было, Кленни? — негромко спросил он.

— Не знаю. Что-то не очень далекое, на юго-востоке. Похоже на разумные существа, на людей и неошимпанзе вместе, но было еще что-то.

Роберт нахмурился.

— Наверно, одна из экологических станций. Тут есть еще удаленные поселения, как правило в высокогорных местах, где растет сейсин.

Она быстро обернулась.

— Роберт, я почувствовала Потенциал! На краткий миг я ощутила присутствие предразумного

существа!

Лицо Роберта оставалось невыразительным, но испытал он бурные и смутные чувства.

— Что ты имеешь в виду?

— Отец рассказывал мне кое-что, перед тем как мы отправились в горы.

Тогда я не обратила на это внимание. Это казалось невозможным. Как волшебные сказки ваших человеческих писателей, от которых у нас, тимбрими, такие странные сны.

— Ну, вы их закупаете целыми кораблями, — вставил Роберт. — Романы, старые фильмы, три-ви, стихотворения…

Атаклена игнорировала его замечание.

— Утакалтинг упомянул о туземном существе с высоким Потенциалом… которое пережило катастрофу бурурал ли. — Корона Атаклены образовала редкий для нее глиф — сиулф-та, предвкушение радости от разгаданной головоломки.

— И теперь я думаю, не окажутся ли эти легенды правдой.

Почувствовал ли Роберт мгновенное облегчение? Атаклена ощущала его грубую, но эффективную эмоциональную защиту.

— Гм. Ну, это легенда, — сказал он. — Просто рассказ волчат.

Образованному галакту он вряд ли интересен.

Атаклена внимательно посмотрела на него и мягко коснулась руки.

— Ты хочешь, чтобы я подождала, пока ты с драматическим видом раскроешь эту тайну? Или хочешь избежать синяков и сразу расскажешь, что тебе известно?

Роберт рассмеялся.

— Ты очень убедительна. Может, действительно приняла волны эмпатии гартлинга?

Широко расставленные, с золотыми точками глаза Атаклены мигнули.

— Именно это слово произносил мой отец!

— Так. Значит, Утакалтинг слушал байки старых охотников за сейсином… Только представить себе: они продержались здесь больше ста земных лет!.. В них говорится, что крупное животное благодаря своей хитрости, уму, свирепости и большому Потенциалу спаслось от бурурали.

Горные охотники и шимпы рассказывают об ограбленных ловушках, о том, как крадут развешанное для просушки белье, о необычных следах на неприступных утесах.

— Ну, это все, вероятно, выдумки и краснобайство. — Роберт улыбнулся.

— Но я помню, что эти легенды рассказывала

мне мать, когда мы должны были лететь сюда. Так что я решил, что вполне можно прихватить с собой тимбрими. Не сможет ли она поймать гартлинга в свою эмпатическую сеть?

Кое-какие метафоры Атаклена понимала легко. Она сжала руку Роберта.

— И что же? — спросила она. — Только поэтому я нахожусь в этой дикой местности? Должна вынюхивать для тебя легенды?

— Конечно, — подшучивал Роберт. — Иначе зачем бы я оказался здесь с чужаком из далекого космоса?

Атаклена со свистом процедила воздух сквозь сжатые зубы. Но в глубине души была довольна. Эта людская язвительность напоминает ей обращенный разговор тимбрими. И когда Роберт рассмеялся, она обнаружила, что смеется вместе с ним. И на мгновение они забыли тревоги предстоящей войны и опасности. Для обоих это оказалось приятным и необходимым расслаблением.

— Если такое животное существует, мы должны найти его, ты и я, — сказала Атаклена.

— Да, Кленни. Мы найдем его вместе.

Глава 8
ФИБЕН

И все-таки разведывательный корабль «Проконсул» не пережил своего пилота. Он участвовал в последнем боевом вылете и погиб в космосе, но защитная оболочка сохранила жизнь.

Достаточно жизни, чтобы вдыхать острый запах шесть дней не мывшейся обезьяны и выдыхать непрерывный поток проклятий и непристойностей.

Наконец, обнаружив, что ругательства иссякают, Фибен выдохся. Он уже произвел все мыслимые и немыслимые перестановки, комбинации, противопоставления телесных, духовных и наследственных свойств, реальных и воображаемых, какими только может обладать враг. Это помогло ему выдержать собственное участие в битве, когда он пытался применить свое оружие, подобное пугачу, и избежать ответных ударов, как комар увертывается от ударов молота. После контузии от близких попаданий, после визга разрываемого металла, после потрясений и замешательства он, оказывается, еще жив. Пока.

Убедившись, что капсула жизнеобеспечения исправна и не собирается расколоться, как остальные части корабля, Фибен выбрался из своего костюма и воспользовался первой за много дней возможностью почесаться. Он чесался не только пальцами рук, но и пальцами левой ноги. И, наконец, откинулся на спину, приходя в себя от переживаний.

Его главной задачей было подойти как можно ближе и собрать данные для защитников. Фибен решил пройти прямо через вражеский флот. И так и поступил.

Похоже, захватчики не оценили его комментарии, когда «Проконсул» пролетал через центр их построения. Фибен сбился со счета, сколько раз он чуть не сварился от близких разрывов. К тому времени, как он вылетел за пределы строя наступающих, вся корма «Проконсула» превратилась в застывший расплав металла.

Главный двигатель вышел из строя, конечно. Вернуться и помочь товарищам в их отчаянной схватке не было никакой возможности. Улетая все дальше от разворачивающейся битвы, Фибен мог только слушать.

Это даже не сражение. Избиение продолжалось меньше одного дня.

Фибен помнил последний удар корвета «Дарвин» в сопровождении двух переоборудованных фрайтеров и группы разведчиков. Эта маленькая группа ударила во фланг наступающему флоту, пробила его, привела в смятение строй крейсеров в облаках дыма и в ужасных волнах вероятности.

Из этого водоворота не вышел ни один земной корабль. Фибен понял, что «Бонабо» и его друг Саймон погибли.

В данный момент, преследуя несколько уцелевших кораблей, враг уходил за ними Ифни знает куда. Нападающие не торопились, расчищали пространство, прежде чем устремиться к ждущему Гарту.

Теперь проклятия Фибена обратились на другое. В духе конструктивной критики, разумеется, он перечислял характерные недостатки расы, которую его собственное племя имело несчастье получить в качестве патронов. «Почему? — вопрошал он Вселенную. — Почему люди, эти злополучные безволосые несчастные волчата, с их невероятно дурным вкусом, возвысили неошимпанзе и ввели в галактику, которой управляют откровенные идиоты?» Иногда он засыпал.

К нему приходили тревожные сны. Фибену

снилось, что он пытается заговорить, но не может произнести ни слова. Кошмарная перспектива для существа, чьи прапрадеды говорили только с помощью специальных приборов, а еще более отдаленные предки за всю жизнь не сказали ни слова.

Фибен потел. Нет большего стыда. Во сне он почему-то искал «речь» — словно это предмет, вещь, которую можно потерять, случайно положив не на то место.

Глядя вниз, он увидел сверкающую жемчужину. Может, это дар миров, подумал Фибен и наклонился, чтобы поднять ее. Но он такой неуклюжий!

Пальцы не сгибаются, и он не смог поднять сокровище из пыли. Больше того, от его усилий она зарылась в пыль еще глубже.

Отчаявшись, он присел на корточки и подобрал ее губами.

Она обжигает! Во сне он закричал, когда в горло устремился жидкий огонь.

Но в то же время он понимал, что это странный кошмар: можно испытывать ужас и в то же время оставаться посторонним наблюдателем. Одна его половина дергалась от боли, а другая с интересом следила за первой.

И тут же сцена изменилась. Фибен обнаружил, что стоит в толпе бородатых людей в черных плащах и мягких шляпах. Это все старики; перелистывая древние рукописи, они спорят друг с другом. Древний совет талмудистов, подумал он. Ему приходилось читать о таких во время изучения религии в университете. Раввины сидят кружком и обсуждают символизм и его библейскую интерпретацию. Один поднимает высохшую руку и указывает на Фибена.

«Кто лакает, как животное, — такого, Гидеон, не следует брать…»

— А что это значит? — спрашивает Фибен. Боль прошла. Теперь он не испуган, а заинтересован. Его приятель, Саймон, был иудеем. Это отчасти объясняет безумную сцену. Совершенно очевидно, что эти человеческие ученые пытаются растолковать его перепуганной части смысл сна.

«Нет, нет, — возражает второй мудрец. — Символы имеют отношение к суду над ребенком Моисеем. Ангел, ты помнишь, направил его руку к раскаленным углям, а не к сверкающим драгоценностям, и рот его был обожжен…»

— Но я не понимаю, что это говорит мне, — возразил Фибен.

Старейший раввин поднял руку, и все замол-

чали.

«Сон не означает ни того, ни другого. Символизм его очевиден», — сказал он.

«Смысл его исходит от старейшей книги...»

Густые брови мудреца сосредоточенно сошлись.

«...и Адам тоже вкусил плода от древа познания добра и зла...»

— Уф! — вслух застонал Фибен, просыпаясь, мокрый от пота. Вокруг грязная душная капсула, но сохранялось и видение сна, и на мгновение Фибен усомнился в реальности. Наконец пожал плечами. "Должно быть, старина «Проконсул» пролетел сквозь волны вероятностной мины ити, пока я спал. Да.

Так, наверно, и было. Никогда не буду больше смеяться над рассказами в баре астронавтов".

Сверившись с разбитыми приборами, Фибен убедился, что битва сместилась в сторону солнца. Его собственный корабль находится точно на орбите пересечения с планетой.

— Гм, — пробормотал он, работая с компьютером. Действительно, какая ирония. Компьютер утверждает, что это планета Гарт.

В гравитационной системе еще сохранялась небольшая возможность для маневра. Может,

достаточно, чтобы сбросить скорость до безопасных пределов. И — о чудо из чудес! — если его эфемериды верны, он сможет даже добраться до района Западного моря… к востоку от Порт-Хелении. Фибен в течение нескольких минут немелодично насвистывал. Он гадал, каковы шансы, что так и получится. Один к миллиону? Скорее к триллиону.

А может, Вселенная заманивает его очередной надеждой, прежде чем нанести новый удар?

Все же есть какое-то утешение в том, что под этими звездами кто-то думает и о нем лично.

Он достал сумку с инструментами и занялся необходимым ремонтом.

Глава 9
УТАКАЛТИНГ

Утакалтинг знал, что неразумно ждать дольше. Но оставался с библиотекарями, глядя, как они стараются добыть больше сведений, прежде чем наступит время уходить.

Он разглядывал техников, людей и неошимпанзе, которые суетились под высоким куполом здания отраслевой Библиотеки планеты. У всех были задания, и все выполняли их напряженно

и эффективно. Но все же чувствовался под самой поверхностью еле сдерживаемый страх.

Непрошенный, на короне Утакалтинга образовался неярко светящийся риттитис. С помощью этого глифа тимбрими обычно успокаивают испуганных детей.

«Они тебя не видят», — сказал Утакалтинг своему глифу. Однако риттитис упрямо висел, пытаясь смягчить тревогу молодых.

Но это не дети. Люди знакомы с Великой Библиотекой всего два земных столетия. Однако у них есть тысячи лет собственной истории. Им не хватает галактического блеска и образованности, но иногда этот недостаток оборачивается преимуществом.

«Редко». Риттитис сомневался.

Утакалтинг пресек спор, убрав глиф туда, где ему полагается находиться, — в глубь своего существа.

Под сводчатым каменным потолком висит пятиметровый серый монолит, увенчанный изображением крылатой спирали; в течение трех миллиардов лет это символ Великой Библиотеки. Поблизости накопители информации заполняли кристаллические кубы памяти. Жужжали принтеры, выбрасывая толстые отчеты, которые

кратко аннотировались и увозились.

Библиотечное отделение класса К, конечно, очень маленькое. В нем содержится эквивалент, всего в тысячу раз больший, чем во всех книгах, созданных человечеством до Контакта. Безусловно, это капля в море по сравнению с полной отраслевой Библиотекой на Земле или общей секторной библиотекой на Тасите.

Но когда Гарт падет, эта Библиотека тоже перейдет к захватчикам.

Согласно традиции, это ничего не меняет. Библиотека всегда должна действовать и быть открытой для всех, даже для воюющих, на территории которых находится. Но в такие времена, как сейчас, нельзя рассчитывать на благородство. Силы сопротивления колонистов хотели захватить с собой всю информацию, которую смогут использовать позже.

Ничтожная часть ничтожно малого. Конечно, они делают это по его предложению, но Утакалтинг был искренне изумлен, когда люди так энергично стали осуществлять его идею. К чему беспокоиться? Чего можно достичь с помощью такой ничтожной информации?

Посещение Планетарной Библиотеки служило его целям, но одновременно укрепило его мнение

о землянах. Они никогда не сдаются. И это еще одна причина, по которой он находит эти создания изумительными.

Тайная пружина всего этого хаоса — его собственная шутка: ему нужно незаметно переместить несколько специфических метафайлов, что легко сделать сейчас под шумок. Никто даже не заметил, когда он приложил свой собственный приемопередающий куб к массивной Библиотеке, подождал несколько секунд и снова спрятал свое маленькое приспособление для саботажа.

Готово. Теперь в ожидании машины оставалось только наблюдать за волчатами.

Вдали раздался и пропал воющий звук. Это сирена космопорта через залив: еще один искалеченный участник схватки в космосе начал экстренную посадку. Слишком часто в последнее время раздается этот звук. Все и так знают, что выжило очень немного.

Сутолоку создавали отлетающие воздушные корабли. Многие жители континента уже бежали на цепь островов в Западном море, где до сих пор живет большая часть землян. Готовится эвакуация правительства.

Когда завыла сирена, все люди и шимпы на мгновение подняли головы.

Утакалтинг почти ощутил короной вкус сложной фуги тревоги.

"Почти ощутил вкус?

О, какая прекрасная, поразительная штука — эти метафоры! — подумал Утакалтинг. — Можно ли ощущать вкус с помощью короны? Можно ли осязать глазами? Англик — такой примитивный язык, но иногда вызывает удивительные мысли.

И разве дельфины не «видят» ушами?"

Над раскачивающимися щупальцами сформировался новый глиф — зунур'тзун, резонирующий со страхом людей и шимпов. Да, мы все надеемся выжить, потому что хотим еще так много сделать, вкусить, увидеть, кеннировать…

Утакалтинг пожалел, что дипломатия требует в роли послов самых скучных тимбрими. Он стал послом еще и потому, что он скучен, по крайней мере по мнению тех, кто остался дома.

А бедная Атаклена еще хуже, она так серьезна и сдержанна.

Он охотно признавал, что отчасти это его вина. Поэтому он привез с собой отцовскую коллекцию доконтактных комедий землян. Ему особенно нравятся программы «Три комика». Увы, Атаклена, кажется, не способна воспринять тонкую иронию этих древних гениев буффонады.

С помощью силта — посыльного мертвых, которых помнят, — его давно покойная жена все еще поддразнивает его, она говорит, что их дочь должна быть дома, где жизнерадостные сверстники могли бы нарушить ее уединение.

Может быть, думал он. Но Матиклуанна свою попытку предприняла. А он верит в свои собственные методы.

Маленькая самка-неошимпанзе в мундире — шимми — остановилась перед Утакалтингом и поклонилась, уважительно сложив перед собой руки.

— Да, мисс? — Утакалтинг заговорил первым, как требует протокол. И хотя патрон говорил с клиентом, он великодушно включил старинное почтительное обращение.

— Ваше превосходительство. — Хриплый голос шимми слегка дрожал.

Наверное, она впервые говорила не с землянином. — Ваше превосходительство, планетарный координатор Онигл передает, что подготовка закончена. Можно зажигать огни.

— Она спрашивает, хотите ли вы присутствовать при начале осуществления вашей… программы.

Глаза Утакалтинга удивленно раздвинулись,

взъерошенная шерсть между бровями на мгновение пригладилась. Его «программа» вряд ли заслуживает такого названия. Скорее это остроумный розыгрыш, нацеленный на захватчиков. В лучшем случае рискованная попытка.

Даже Меган Онигл не знает, что он на самом деле задумал. Конечно, жаль, но это необходимо. Даже если не удастся — а скорее всего так и будет, — все равно раз-другой можно будет усмехнуться. А смех поможет его другу в предстоящих тяжелых испытаниях.

— Спасибо, капрал, — кивнул Утакалтинг. — Пожалуйста, проводите меня.

Идя вслед за маленьким клиентом, Утакалтинг слегка сожалел о том, что многого не сделал. Хорошая шутка требует большой подготовки, и у него просто не было времени.

"Если бы только у меня было настоящее чувство юмора!

Ну, ладно. Где не проходят тонкие шутки, приходится обходиться тортом с кремом".

Два часа спустя он возвращался в город от Правительственного здания.

Встреча была краткой: боевые флоты подходили к планете, и вскоре ожидалась высадка. Меган Онигл уже перевела правительство и большую

часть оставшихся сил в безопасное место.

Утакалтинг понимал, что еще какое-то время есть. Захватчики не высадятся, пока не провозгласят свой манифест. Этого требуют правила Института Цивилизованных Войн.

Конечно, сейчас, когда пять галактик в смятении, многие космические кланы вольно обращаются с традициями. Но в данном случае соблюдение правил ничего не стоит врагу. Он уже победил. И теперь нужно лишь захватить территорию.

К тому же битва в космосе прояснила одно обстоятельство. Стало несомненным, что захватчики — губру.

Людям и шимпам на планете предстоят нелегкие времена. Клан губру с самого Контакта злейший враг Земли. Впрочем, птицеподобные галакты строго придерживаются правил. В собственной интерпретации, разумеется.

Меган была разочарована, когда он отклонил ее предложение переместиться в безопасное место. Но у Утакалтинга есть собственный корабль. И остаются дела в городе. Он попрощался с координатором, пообещав, что скоро они встретятся вновь.

«Скоро» — удивительная двусмысленность.

Одна из многих причин, по которым он ценит англик, — поразительная неточность этого языка волчат.

В лунном свете Порт-Хеления казалась еще меньше и заброшеннее, чем днем. Впрочем, и днем это всего лишь небольшой поселок, которому угрожает опасность. Зима уже кончилась, но с востока дует сильный ветер, гонит листву по опустевшим улицам. Машина Утакалтинга направлялась к архиву посольства. Воздух был влажный, и Утакалтингу показалось, что он ощущает запах гор, в которых ищут убежища его дочь и сын Меган.

За это решение дети не поблагодарили своих родителей.

На пути к посольству тимбрими машина снова прошла мимо здания отраслевой Библиотеки. Водитель сбросил скорость, объезжая другую машину.

И поэтому Утакалтинг увидел редкое зрелище — разъяренного теннанинца высокой касты, стоящего под уличным фонарем.

— Тормози, — неожиданно сказал Утакалтинг. Перед каменным зданием Библиотеки негромко гудел большой воздушный катер. Из-под его приподнятого купола лился свет, отбрасывая

на широкие ступени темные тени. Пять из этих теней принадлежали неошимпанзе, их длинные конечности подчеркивали темные силуэты. Две еще более длинные тени отбрасывали стройные фигуры, стоящие у самого катера. Два дисциплинированных иннина, похожих на высоких кенгуру в броне, неподвижно стояли, словно высеченные из камня.

Их наниматель и патрон, обладатель самой большой тени, нависал над маленькими землянами. Клинообразные плечи этого угловатого и могучего существа, казалось, сразу переходят в голову в форме пули. На голове высокий волнующийся, гребень, подобный шлему греческих воинов. Выходя из машины, Утакалтинг услышал громкий гортанный голос:

— Ната'ки гхумф? Верайч'щ хуман'влеч! Ниттаро К'Англи!

Шимпанзе, смущенные и явно испуганные, качали головами. Очевидно, никто из них не владел галактическим-шесть. Но когда огромный теннанинец попытался пройти вперед, маленькие земляне преградили ему дорогу; они низко кланялись, но упорно не давали пройти.

Это еще больше рассердило говорившего.

— Идатесс! Ниттари коллунта…

Рослый галакт замолчал, неожиданно заметив Утакалтинга. Его кожистый клювоподобный рот оставался закрытым. Перейдя на галактический-семь, он заговорил через дыхательные щели.

— А! Утакалтинг, аб-Калтмур аб-Брма аб-Краллнит ул-Титлал! Я тебя вижу!

Даже в городе, заполненном теннанинцами, Утакалтинг узнал бы Каулта.

Громадный напыщенный самец из высшей касты знает, что протокол не требует полных видовых имен в обычном разговоре. Но сейчас у Утакалтинга нет выбора. Придется отвечать тем же.

— Каулт, аб-Вортл аб-Кош аб-Рош аб-Тоттун ул-Паймин ул-Раммин ул-Пинии ул-Олюмимин, я тоже тебя вижу.

Каждое «аб» в этом длинном имени обозначает расу патронов, от которой происходит клан теннанинцев до самой древней еще живущей. «Ул» предшествует названию каждого вида клиентов, которых сами теннанинцы возвысили до космического статуса. Последний мегагод народ Каулта был очень занят. И непрестанно хвастается своим длинным родовым именем. Теннанинцы — идиоты.

— Утакалтинг! Ты хорошо владеешь этим жал-

ким языком землян.

Пожалуйста, объясни этим несчастным полувозвышенным существам, что я желаю пройти! Мне нужно воспользоваться отраслевой Библиотекой, и если они не дадут мне пройти, я попрошу их патронов наказать их!

Утакалтинг пожал плечами — расхожий жест сожаления о невозможности помочь.

— Они только выполняют свою работу, посол Каулт. Когда Библиотека занята защитой планеты, позволительно на короткий период закрыть в нее доступ всем, кроме обладателей лицензии.

Каулт не мигая смотрел на Утакалтинга. Его дыхательные щели раздувались.

— Младенцы, — негромко произнес он на малоизвестном диалекте галактического-двенадцать. Вероятно, он считал, что Утакалтинг не понимает. — Дети, которыми правят непослушные подростки, воспитанные малолетними правонарушителями.

Глаза Утакалтинга раздвинулись, щупальца иронично запульсировали. Они создали фсу'устурату, глиф, соответствующий смеху.

«Как хорошо, что теннанинцы толстокожи, как слоны, к эмпатии», — подумал Утакалтинг на англике, торопливо стирая глиф. Из всех галак-

тических кланов, втянутых в нынешний разгул фанатизма, теннанинцы самые приемлемые. Они искренне верят, что действуют в интересах тех, кого завоевывают.

Было совершенно очевидно, кого имеет в виду Каулт под «малолетними правонарушителями», неверно руководящими землянами. Но Утакалтинг не оскорбился.

— Эти подростки летают в космических кораблях, Каулт, — ответил он на том же диалекте, к явному удивлению теннанинца. — Лучших клиентов, чем неошимпанзе, не было уже полмегагода… за исключением их двоюродных братьев неодельфинов. Разве не достойно уважения их искреннее стремление выполнить свой долг?

Гребень Каулта застыл при упоминании второй расы клиентов землян.

— Мой друг тимбрими, не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть новости о корабле дельфинов? Его нашли?

Утакалтинг испытывал легкое чувство вины из-за того, что играет с Каултом. Учитывая все, он не так уж плох. Он принадлежит к той политический фракции теннанинцев, которая поговаривает о возможном мире с тимбрими. Тем не менее у Утакалтинга есть причины подогре-

вать интерес коллеги, и он заранее подготовился к такой возможности.

— Наверно, я сказал больше, чем должен. Пожалуйста, забудь об этом.

Мне искренне жаль, но я должен идти. Опаздываю на встречу. Желаю тебе удачи и благополучия в эти нелегкие дни, Каулт.

Он поклонился, как положено при встрече одного патрона с другим, и повернулся, собираясь уходить. Но про себя Утакалтинг смеялся. Он знал, почему Каулт оказался в Библиотеке. Теннанинец пришел в поисках его самого.

— Подожди! — окликнул его Каулт на англике.

Утакалтинг оглянулся.

— Да, уважаемый коллега?

— Я… — Каулт снова перешел на гал-семь. — Я должен поговорить с тобой относительно эвакуации. Ты, наверно, слышал, что мой корабль вышел из строя. И в данный момент я лишен транспорта.

Теннанинец в замешательстве прижал гребень. Протокол и дипломатический этикет — одно дело, но этот парень явно не хочет оставаться в городе, когда высадятся губру.

— Поэтому я должен обсудить с тобой — можем ли мы рассчитывать на взаимопомощь? — тороп-

ливо закончил рослый теннанинец.

Утакалтинг сделал вид, что серьезно задумался. В конце концов, официально в настоящее время тимбрими и теннанинцы — враги. Но, подумав, он кивнул.

— Будь на моей территории завтра к полуночи. И ни на миктаар позже, запомни. И прихвати минимум багажа. Мой корабль невелик. Если ты с этим согласен, с радостью предлагаю тебе совместный полет в безопасное место.

Он повернулся к своему водителю-неошимпанзе.

— Это вежливо и достойно, не правда ли, капрал?

Бедная шимми смущенно замигала. Ее назначили на эту должность потому, что она владеет галактическим-семь. Но она, конечно, не поняла сути происходящего.

— Да, сэр. Мне кажется, это добрый поступок.

Утакалтинг кивнул и улыбнулся Каулту.

— Вот как, дорогой коллега. Не просто правильный, но добрый.

Неплохо бы нам поучиться у этих быстро развивающихся детей и кое-что позаимствовать. Верно?

Впервые он увидел, как теннанинец мигнул.

Все его существо излучало смятение. Но наконец он решил, что его не разыгрывают. Каулт поклонился Утакалтингу. И, поскольку Утакалтинг включил ее в разговор, добавил легкий поклон в сторону маленькой шимми.

— От сссвоих клиентов и от сссебя благодарю тебя, — неловко сказал он на англике. Каулт щелкнул своими локтевыми шипами, и его клиенты-иннины вслед за ним забрались в катер. Закрывшийся купол перерезал яркий свет.

Шимпы из Библиотеки благодарно взглянули на Утакалтинга.

Катер поднялся на гравитационной подушке и быстро улетел.

Водитель-шимми приоткрыла дверцу для Утакалтинга, но тот потянулся и глубоко вздохнул.

— Пожалуй, неплохо пройтись, — сказал он. — До посольства отсюда недалеко. Капрал, вы свободны. Можете провести несколько часов с семьей и друзьями.

— Но, сэр…

— Со мной все будет в порядке, — твердо сказал он. Поклонился и почувствовал ее радость от такой безыскусной вежливости. В ответ она тоже глубоко поклонилась.

«Замечательные существа, — думал Утакал-

тинг, глядя вслед отъезжающей машине. — Мне встречались неошимпанзе, у которых есть даже зачатки чувства юмора. Надеюсь, этот вид выживет».

Он пошел. Вскоре шум Библиотеки остался позади, вокруг простирался жилой район. Ветер очистил ночной воздух, а мягкий уличный свет не затмевал звезды. По всему небу растянулся бриллиантовый край галактики. Ни следа космической битвы: стычка слишком незначительная, чтобы быть видимой на таком расстоянии.

Звуки, доносившиеся со всех сторон, говорили о необычности вечера.

Отдаленно ревели сирены, над головой пролетали корабли. Почти в каждом квартале слышался плач… голоса, людей и неошимпанзе, гневные, раздраженные, полные страха. На уровне эмпатии друг о друга бились волны эмоций. Корона Утакалтинга улавливала страх, с которым горожане ждали утра.

Утакалтинг не пытался приглушить восприятие, идя по улицам, усаженным декоративными деревьями. Он погрузил щупальца в поток эмоций и создал странный новый глиф. Безымянный и ужасный, он плыл над короной. Вечная угроза на мгновение стала осязаемой.

Утакалтинг улыбнулся древней особой улыбкой. И в этот момент даже в темноте никто не принял бы его за человека.

«Есть много путей...» — подумал он, вновь наслаждаясь вольностями англика.

Он оставил созданный им глиф висеть в воздухе, и тот медленно растворялся сзади. А Утакалтинг пошел дальше под медленно вращающимся звездным колесом.

Глава 10
РОБЕРТ

Роберт проснулся за два часа до рассвета.

Краткий период беспамятства, когда медленно растворяются чувства и образы сна. Он потер глаза, пытаясь разогнать туман в голове.

Он помнит, что бежал во сне — длинными плавающими шагами, когда ноги едва касаются земли. Вокруг перемещались неясные фигуры, загадки, образы, ускользающие в тот момент, когда проснувшийся мозг пытается их уловить.

Роберт взглянул на Атаклену. Она лежит рядом в своем спальном мешке.

Коричневый шлем — мягкие каштановые волосы — распушился. Серебристые щупальца

короны слегка раскачиваются, словно ощупывают нечто невидимое.

Она вздохнула и очень тихо произнесла несколько коротких быстрых фраз на певучем, со множеством гласных, тимбримийском диалекте галактического-семь.

Может, это объясняет его странный сон, подумал Роберт. Должно быть, он воспринимал ее сон!

Глядя на движущиеся щупальца, он мигнул. На мгновение показалось, что он видит что-то плывущее в воздухе над спящей чуждой девушкой. Похоже на… на…

Роберт нахмурился, покачал головой. Ни на что не похоже. Сама попытка сравнить это с чем-то отогнала изображение.

Атаклена вздохнула и повернулась. Ее корона опустилась. Больше ничего не видно в полутьме.

Роберт выбрался из мешка и, не вставая, надел ботинки. Ощупью пробрался мимо камня, под которым они заночевали. Звездного света едва хватает, чтобы находить дорогу между странными монолитами.

Он вышел на мыс, с которого видна горная цепь на западе и северные равнины справа. Внизу, под самым их наблюдательным пунктом, тянется

темное море леса. Деревья заполняют воздух густым влажным ароматом.

Прислонившись спиной к камню, Роберт сел и задумался.

Если бы их путешествие только этим и ограничилось. Идиллическая интерлюдия в Мулунских горах в обществе чужеземной красотки. Но невозможно забыть чувство вины, не испытывать уверенности, что он не должен здесь находиться. Он должен быть вместе с однокашниками, со своим отрядом милиции, противостоять грозящим бедам.

Но так не будет. В который раз высокое положение матери отразилось на его жизни. Не впервые Роберт пожалел, что он сын политического деятеля.

Он видел звезды, вспыхивающие при встрече двух спиральных рукавов галактики.

«Если бы я чаще встречал в жизни соперничество, может, я был бы лучше подготовлен к предстоящему. Легче бы переносил разочарования».

Дело не только в том, что он сын планетарного координатора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Еще в детстве он заметил, что там, где другие

мальчики спотыкаются и набивают шишки, где большинство уязвимых подростков методом проб и ошибок идет на ощупь, он чувствовал себя легко и удобно, как в старой разношенной обуви.

Мать и космический бродяга-отец, — когда Сэм Теннейс появлялся на Гарте, — всегда подчеркивали, что он должен наблюдать за отношениями сверстников, а не просто воспринимать случившееся как неизбежное. И действительно, он заметил, что в каждой возрастной группе есть несколько подобных ему, таких, которые почему-то росли легче. Они без труда проходили болото подросткового возраста, тогда как все остальные вязли и безмерно радовались, если удавалось выйти на относительно утоптанную тропу. И многие баловни воспринимали свою счастливую участь как знак божественного избранничества. То же самое относится и к самым популярным девушкам. У них не было эмпатии, не было сочувствия к нормальному большинству.

Что касается Роберта, то он никогда не добивался репутации плейбоя.

Но со временем она пришла, почти вопреки его воле. В глубине души он все сильнее ощущал страх; суеверие, которым не делился ни с кем. Неужели во Вселенной все уравновешивается?

Неужели она отбирает, чтобы компенсировать то, что дает? Культ Ифни считается шуткой астронавтов. Но иногда жизнь кажется такой сложной!

Глупо полагать, что испытания только закаляют человека, делают его мудрее. Он знает много глупых, высокомерных и злых людей, которые тем не менее многое перенесли.

И все же…

Подобно большинству людей, он временами завидовал красивым гибким независимым тимбрими. Молодая по галактическим стандартам раса, тимбрими тем не менее мудрее и опытнее человечества, которое достигло мира, равновесия и постигло науку сознания только за поколение до Контакта. И земное общество еще оставалось несовершенным. А тимбрими, кажется, так хорошо себя знают.

«Может, именно поэтому меня так привлекает Атаклена? Символически она старше и опытнее, она дает мне возможность приобретать свой нелегкий опыт и наслаждаться этой ролью».

Все это так сложно. Роберт еще не разобрался в собственных чувствах.

В горах с Атакленой ему интересно, и он этого стыдится. Он возмущался тем, что мать отослала

его, и чувствовал себя виноватым в этом.

«О, если бы мне позволили воевать!» В сражении по крайней мере легко разобраться. Это древний, честный и простой способ.

Роберт быстро посмотрел вверх. Там, среди звезд, на мгновение блеснула яркая вспышка. У него на глазах появилось еще две сверкающие точки, потом еще. Яркие искры держались достаточно долго, чтобы он отметил их небесное расположение.

Слишком упорядоченный рисунок, чтобы быть случайным… с интервалом в двадцать градусов над экватором, от Сфинкса до самого Бэтмена, где красная планета Тлуга сверкает на поясе древнего героя.

«Итак, началось». Уничтожение синхронизированной сети спутников предвиделось, но все равно поразительно стать его свидетелем. Конечно, это означает, что вскоре произойдет и высадка.

У Роберта было тяжело на сердце. Ему хотелось думать, что хоть кто-нибудь из его друзей — людей и шимпов — остался в живых.

«Я так и не узнал, могу ли я считаться достойным человеком? Но теперь, может, узнаю».

Но в одном он уверен. То, что ему поручили,

он выполнит. Сопроводит штатскую девушку чужака в горы и к безопасности. Нужно сделать еще одно дело, пока Атаклена спит. Как можно тише Роберт вернулся к рюкзакам.

Достал из нижнего кармана радиоустановку и начал разбирать ее в темноте.

Он был на полпути, когда яркая вспышка в восточной части неба заставила его поднять голову. Болид пронесся поперек звездного поля, оставляя на своем пути сверкающие уголья. Что-то на большой скорости входило в атмосферу.

Осколки войны.

Роберт встал и проследил маршрут искусственного метеорита по небу. Он исчез за хребтом, километрах в двадцати отсюда, а может, еще ближе.

— Храни тебя Господь, — прошептал он воину, которому принадлежал корабль.

Он не боялся благословить врага: ясно, какая сторона сегодня нуждается в помощи. Но как долго ждать эту помощь!

Глава 11

ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности короткими прыжками продвигался по мостику флагманского корабля, наслаждаясь прогулкой, а военные губру и кваку уступали ему путь.

Не скоро верховный священник-губру сможет снова наслаждаться такой свободой передвижения. После высадки оккупационных сил сюзерену нельзя будет в течение многих миктааров ступать на «землю». Пока не достигнут праведности, пока не завершится консолидация сил, пока не захватят окончательно планету, он не сможет коснуться ее почвы.

Остальные два руководителя сил вторжения — сюзерен Луча и Когтя и сюзерен Стоимости и Бережливости — не подлежат таким строгим ограничениям.

И это правильно. У военных и чиновников свои функции. Но именно сюзерен Праведности должен блюсти поведение экспедиционного корпуса губру. А для этого он должен оставаться на насесте.

В дальнем конце мостика слышны были жалобы сюзерена Стоимости и Бережливости. Неожиданно стойкое сопротивление слабых сил

землян привело к непредвиденным потерям. А каждая потеря в такие опасные времена мешает целям губру.

«Глупый недальновидный птенец», — подумал сюзерен Праведности.

Физический ущерб, нанесенный сопротивлением землян, гораздо менее важен, чем ущерб этический и духовный. Краткая схватка оказалась такой яростной и эффективной, что игнорировать ее невозможно. На нее следует обратить внимание.

Волчата-земляне хотят, чтобы было отмечено их сопротивление прибывающим силам губру. И совершенно неожиданно они сделали это в соответствии с Протоколами Войн.

Они не просто умные животные, Не просто животные.

Возможно, их и их клиентов следует изучить, Следует изучить — ззууун…

Это неожиданное противодействие крошечной флотилии землян означает, что сюзерен вынужден будет оставаться на насесте по крайней мере в начальной стадии оккупации. Теперь надо искать нечто вроде casus belli[3], что позволило бы

---

[3] notes: 3
формальный повод к объявлению войны и началу военных действий

губру объявить во всех пяти галактиках, что земляне должны быть лишены лицензии на Гарт.

Пока этого не произошло, действуют Правила Войны, и сюзерен Праведности предвидел, что возникнут конфликты с двумя другими руководителями, его будущими любовниками и соперниками. Правильная политика требует, чтобы между ними существовала взаимосвязь, хотя сам священник в глубине души считал многие законы, на которых должен настаивать, глупыми.

Скорее бы наступило время,

Скорее бы мы освободились от правил – ззуууун!

Скорее бы Перемена вознаградила праведных,

Когда вернутся прародители – зззуууун!

Сюзерен пригладил свое пушистое оперение. Призвал одного из служителей, мохнатого невозмутимого кваку, и приказал принести раздуватель перьев и очиститель.

Земляне оступятся…

Они дадут нам повод – ззуууун…

Глава 12
АТАКЛЕНА

Утром Атаклена почувствовала, что ночью что-то произошло. Но Роберт скупо отвечал на ее вопросы. А грубый, но эффективный щит перекрыл все ее попытки кеннировать.

Атаклена старалась не обижаться. В конце концов ее друг-человек только начинает учиться использовать свои скромные способности. Ему неведомы пока более тонкие пути, которыми эмпат может обозначить свое стремление к уединению. Роберт может только сильно хлопнуть дверью.

Завтракали молча. Когда Роберт заговаривал, она отвечала односложно.

Рассудком Атаклена понимала его отгороженность, но она не обязана ему потакать.

Низкие облака нависли над хребтом, их разрезали гряды зубчатых камней-чешуй. Все это создавало странную картину, полную мрачных предчувствий. Путники брели сквозь клочья холодного тумана, постепенно поднимаясь все выше по холмам, ведущим к Мулунским горам.

Воздух тих; он как будто передает странное напряжение, источник которого Атаклена не может определить. Но оно затрагивает ее сознание, вызывает непрошенные воспоминания.

Она вспоминает время, когда вместе с матерью отправилась в северные горы Тимбрима; они ехали на спинах шурвалов по тропе, ненамного шире этой.

Им предстояло присутствовать на церемонии возвышения титлалов. Утакалтинга не было, он уехал с одной из дипломатических миссий, и никто не знал, каким транспортом он воспользуется для возвращения. А это очень важный вопрос. Если Утакалтинг сумеет воспользоваться гиперпространством на уровне А и переходными пунктами, то сможет вернуться домой через сто дней или даже быстрее. А если вынужден будет двигаться уровнем Д — или, еще хуже, через обычное пространство, — то может отсутствовать всю продолжительность их нормальной жизни.

Дипломатическая служба старалась уведомить семьи своих работников, как только эти вопросы прояснялись, но в этот раз выяснение заняло очень много времени. Атаклена и ее мать становились помехой для общественности, на всех соседей они распространяли утомительные

и надоедливые флюиды тревоги. Им вежливо намекнули, что для их пользы им лучше бы на время уехать из города. И поэтому служба предложила им билеты для участия в церемонии, во время которой представители титлалов осуществят обряд перехода на своем долгом пути возвышения.

Грубый мозговой щит Роберта напомнил Атаклене о том, как тщательно скрывала ее мать боль во время медленной поездки по заросшим пурпурным лесом холмам. Мать с дочерью почти не разговаривали, пока двигались по обширным невозделанным парковым лесам. Наконец они оказались на поросшей травой равнине древней вулканической кальдеры. Здесь, вблизи центрального симметричного холма, под пестрыми навесами, собрались тысячи тимбрими, чтобы стать свидетелями Принятия и Выбора титлалов. Были и наблюдатели от множества достойных космических кланов — синтиане, кантены, мргх'4луарги — и, конечно, толпа хохочущих людей.

Земляне затерялись среди своих союзников тимбрими у столов с едой, они бурно проводили время. Атаклена вспомнила свое презрение при виде такого количества безволосых неуклюжих

существ. «Неужели я была таким снобом?» — удивлялась она теперь.

Она с отвращением фыркала, слыша звуки громкого человеческого хохота.

Всюду она видела их плоские приплюснутые глаза, люди расхаживали, демонстрируя свои мерзкие выступающие мышцы. Даже их самки кажутся карикатурой на тимбримийских силачей.

Конечно, тогда Атаклена была еще подростком. Теперь она вспоминала, что ее соплеменники проявляли не меньше энтузиазма, они тоже размахивали руками и расцвечивали воздух сверкающими трепещущими глифами. В конце концов это великий день. Потому что титлалам предстояло «избрать» патронов и своих новых поборников возвышения.

Под яркими навесами располагались многочисленные почетные гости.

Конечно, непосредственные патроны самих тимбрими калтмуры не могли присутствовать, все они трагически вымерли. Но повсюду виднелись их цвета и символы — знак признательности тем, кто подарил тимбрими разум.

Зато присутствовала делегация щебечущих брма на тонких, как ходули, ногах. Это они когда-то

давным-давно возвысили калтмуров. Атаклена вспомнила, как ахнула, удивленно распустив корону, когда увидела высоко на церемониальном помосте одну фигуру в темно-коричневом покрове. Это был краллнит! Старейшая в их линии патронов раса прислала своего представителя! Краллниты сейчас почти полностью впали в спячку, все остающиеся жизненные силы они отдают странным формам медитации. Считалось общеизвестным, что они уже много эпох нигде не появляются. И присутствие одного из них на церемонии было высокой честью и благословением для младших участников. Конечно, в центре внимания находились сами титлалы. В короткой серебряной одежде они, тем не менее, очень напоминали земные существа, известные под названием выдра. Готовясь к обряду, посланники титлалов повсюду излучали свою гордость.

— Смотри, — сказала мать Атаклене. — Титлалы избрали для своего представления музопоэта Суструка. Помнишь, мы с ним встречались?

Естественно, она помнила. Лишь год назад Суструк навещал их в их городском доме. Утакалтинг познакомил титлалского гения с женой и дочерью перед самой своей последней поездкой.

— Поэзия Суструка — тупые вирши, — пробор-

мотала она.

Матиклуанна пристально взглянула на нее. Корона ее дрогнула. Она создала глиф ш'чакуон — темное зеркало, которое может удержать перед тобой только мать. И Атаклена увидела отраженным собственное поведение. И пристыженно отвернулась.

Несправедливо винить титлалов в том, что они напомнили ей об отсутствующем отце.

Церемония действительно была прекрасна. Глиф-хор с колонии тимбрими Джатхтатх исполнил «Апофеоз Лерензини», и даже лысые, лишенные щупалец люди стояли, изумленно раскрыв рты: они явно кеннировали часть сложной Плывущей гармонии. Только грубовато-добродушные послы Теннанина оставались невозмутимыми. Впрочем, они не жаловались, что их оставили без внимания.

Потом певец брма Кафф-Кафф'т исполнил древний атональный пеан в честь Прародителей.

Атаклене стало плохо, когда затихшая аудитория слушала композицию, специально созданную для этого случая одним из двенадцати великих мечтателей Земли, китом по имени Пять Пузырьковых Спиралей. Официально киты не считались разумными, но это не мешало высоко ценить

их. То, что они живут на Земле, под покровительством волчат-людей, всегда было одним из главных поводов для недовольства со стороны наиболее консервативных космических кланов. Атаклена помнит, как сидела, зажав уши, в то время как все остальные счастливо раскачивались в такт странной китовой музыке. Ей она казалась страшнее грохота рушащихся домов. Матиклуанна с тревогой посмотрела на нее. «Моя странная дочь, что нам делать с тобой?» Но по крайней мере мать не стала ругать ее вслух, не создала глиф, который мог бы публично смутить ее.

Наконец, к огромному облегчению Атаклены, развлечения закончились.

Настала очередь делегации титлалов, время Принятия и Выбора.

Во главе со своим великим поэтом Суструком делегация приблизилась к неподвижному почетному гостю краллниту и низко поклонилась. Потом оказала знаки уважения представителям брма, вежливо поздоровалась с людьми и другими гостями-патронами.

Последним принял долг вежливости тимбрими Хозяин возвышения. Суструк и его супруга, ученая титлал по имени Кихимик, вместе выступили вперед как пара, избранная быть «представи-

телем расы». Хозяин возвышения читал список формальных вопросов, они отвечали по очереди, а он согласно кивал.

Потом эта пара предстала перед критиками из галактического Института возвышения.

Пока что проходила только поверхностная версия теста четвертой степени на разумность. Однако сейчас титлалы рискуют потерпеть поражение.

Один из галактов, направивших на Суструка и Кихимик сложные приборы, — соро, а соро не принадлежат к друзьям тимбрими. Может быть, соро ищет предлог, любой предлог, чтобы унизить тимбрими, отвергнув их клиентов. Глубоко под вулканической кальдерой располагалось оборудование, дорого обошедшееся расе Атаклены. И теперь прием титлалов передавался на все пять галактик. Сегодня есть все основания для гордости, но возможно и унижение.

Конечно, Суструк и Кихимик легко прошли испытания. Они низко поклонились каждому из экзаменаторов-чужаков. Если соро была разочарована, она никак этого не проявила.

Делегация пушистых коротконогих титлалов направилась к расчищенной площадке на вершине холма. Титлалы начали петь, раскачиваясь

в странной свободной манере, типичной для существ их родной планеты, невозделанного мира, на котором они достигли предразумного состояния и где их нашли тимбрими и начали долгий процесс возвышения.

Техники включили усилители, которые сообщат всем собравшимся и миллиардам зрителей на других планетах выбор титлалов. Низкий гулкий звук под ногами свидетельствовал, что аппаратура работает.

Теоретически титлалы имеют право даже отвергнуть патронов и вообще отказаться от возвышения, хотя существует такое количество правил и оговорок, что на практике этого никогда не происходит. И, конечно, в тот день ничего подобного не ожидалось. У тимбрими сложились превосходные отношения с клиентами.

И все равно возбужденное сухое шелестение началось в толпе зрителей, когда обряд Выбора приблизился к концу. Раскачивающиеся титлалы стонали, их низкий стон многократно усиливался. Над головами возникло голографическое изображение, и толпа разразилась смехом и аплодисментами.

Лицо тимбрими, и все сразу его узнали. Ошойойойтуна, шут города Фойона, который в

некоторые свои наиболее изысканные розыгрыши включал титлалов. Конечно, титлалы снова провозгласили тимбрими своими патронами. Но то, что они избрали своим символом Ошойойойтуна, говорило о большем. Они гордились принадлежностью к клану.

Когда зрители успокоились, оставалась последняя часть церемонии: выборы консорта-представителя, который во время следующей стадии возвышения будет защищать интересы титлалов. Люди на своем странном языке называли консорта-представителя повивальной бабкой возвышения.

Консорт-представитель не может избираться из числа тимбрими. И хотя это сугубо церемоний-мейстерский пост, консорт-представитель может вмешиваться в процесс возвышения в интересах клиентов, если считает это необходимым. И неудачный выбор не раз в прошлом вызывал серьезные проблемы.

Никто не знал, какую расу изберут титлалы. Одно из немногих решений, которые даже самые назойливые патроны, как соро, предоставляли принимать своим подопечным.

Суструк и Кихимик снова заворковали, и даже со своего места в тылу толпы Атаклена ощутила

растущее предчувствие. Дьяволята что-то задумали, несомненно.

Снова земля вздрогнула, снова загремел усилитель, и над вершиной холма сформировалось туманное изображение. В нем плавали какие-то неясные фигуры, проносились вперед и назад в освещенной воде.

Корона бесполезна: изображение сугубо визуальное. Атаклена пожалела, что не обладает острым зрением людей: из толпы землян послышались удивленные крики. Все тимбрими вокруг напряженно всматривались. Атаклена мигнула. И вместе с матерью присоединилась к общему изумленному недоверию.

Одна из неясных фигур выплыла вперед и остановилась, улыбаясь аудитории, демонстрируя длинный узкий оскал белых, острых, как иглы, зубов. Видны были блестящий глаз и струйка поднимающихся в воде пузырей.

В воздухе повисло изумление. Никто во всех звездных полях Ифни не ожидал, что титлалы изберут дельфинов!

Гости-галакты онемели. Неодельфины… да ведь вторые клиенты людей самые молодые признанные разумные существа в галактике, они гораздо моложе самих титлалов! Это беспрецедентно. Это

поразительно.

Это…

Это потрясающе смешно! Тимбрими оценили шутку. Их смех вздымался, чистый и высокий. Их короны, как одна, создавали сверкающий глиф одобрения, такой яркий, что даже посол теннанинцев замигал, заметив что-то. Видя, что их союзники не оскорбились, люди присоединились к веселью, хохотали, хлопали друг друга по спинам.

Кихимик и большинство остальных титлалов поклонились, принимая одобрение патронов. Хорошие клиенты, они, по-видимому, напряженно трудились, чтобы этот день запомнился замечательным розыгрышем. Только Суструк продолжал стоять неподвижно, он весь дрожал от напряжения.

Вокруг Атаклены вздымались волны одобрения и веселья. Она слышала смех матери, присоединившейся к общему смеху.

Но сама Атаклена попятилась, отделилась от веселящейся толпы, пока у нее не появилась возможность повернуться и убежать. Вступила в действие гир-реакция. Атаклена бежала без оглядки, миновала край кальдеры, спустилась по тропе, пока наконец не стихли звуки смеха,

пока она больше ничего не могла видеть. Тут, над прекрасной долиной Медлящих Теней, она упала на землю, сотрясаясь от энзимной реакции.

Этот ужасный дельфин…

С того дня она никому не рассказывала, что увидела в глазу китообразного. Ни матери, ни даже отцу — никому она не открыла правды… что она глубоко в голограмме ощутила глиф, созданный самим Суструком, поэтом титлалов. Присутствующие решили, что это замечательная шутка, великолепный розыгрыш. Они думали, что понимают, почему титлалы в качестве своих консортов-представителей избрали самую молодую расу Земли… Конечно, чтобы оказать клану патронов честь своей изящной, но безвредной шуткой.

Выбирая дельфинов, они как будто говорили, что им защитник не нужен, что они без всяких оговорок почитают и любят своих патронов-тимбрими. К тому же выбирая вторых клиентов людей, они показывают нос неповоротливым старым галактическим кланам, которые неодобрительно относятся к дружбе тимбрими с волчатами.

Изысканно.

Неужели только одна Атаклена поняла глубоко

скрытую истину? Или ее подвело воображение? Много лет спустя на далекой планете Атаклена вздрогнула, вспомнив тот день.

Неужели только она одна уловила третью гармонию смеха, боли и смятения Суструка? Музопоэт умер через несколько дней после этого происшествия и унес тайну в могилу.

Только одна Атаклена почувствовала, что церемония совсем не шутка, что образ, созданный Суструком, родился не в его мыслях, а пришел из Времени! Титлалы действительно выбрали своих защитников, и выбор их был совершенно искренним.

И вот, всего несколько лет спустя, в пяти галактиках воцарилось смятение из-за открытия, сделанного незначительной расой клиентов, самой молодой из всех. Расой дельфинов. «О, земляне, — думала она, поднимаясь вслед за Робертом в Мулунские горы, — что же вы наделали?»

Нет, вопрос сформулирован некорректно.

«Кем, о, кем вы станете?»

В полдень путники столкнулись с густым плющом. Юго-восточный склон хребта зарос широколиственными глянцевитыми растениями; листья походили на перекрывающие друг друга

пластины брони огромного спящего зверя. Путь в горы закрыт.

— Бьюсь об заклад, ты не понимаешь, как мы переберемся на ту сторону, — сказал Роберт.

— Склон выглядит предательски, — подтвердила Атаклена. — И далеко тянется в обоих направлениях. Наверно, придется повернуть.

Но что-то подсказывало Роберту, что это маловероятно.

— Замечательные растения, — сказал он, присаживаясь рядом с одним из листов — перевернутой чашей, похожей на щит, диаметром метра в два. Он взялся за край и потянул. Лист отошел от переплетения, и Атаклена увидела прикрепленный к его центру корень. Она придвинулась и помогла тянуть, гадая, что он задумал. — Колония отращивает новое поколение таких чаш каждые несколько недель, и каждый слой ложится поверх предыдущего, — объяснил Роберт и сильно дернул за прочный жилистый корень. — Поздней осенью самый верхний слой чаш расцветает и становится тонким, как вафля.

Миллионы таких чаш отламываются, их подхватывают сильные зимние ветры и уносят в небо. Поверь мне, замечательное зрелище, когда все эти радужные воздушные змеи плывут под

облаками. Впрочем, это опасно для летательных аппаратов. — Значит, это семена? — спросила Атаклена.

— Вернее, переносчики спор. Большая часть этих стручков, усеивающих в начале зимы Синд, стерильна. Похоже, это растение зависело от какого-то животного опылителя, не пережившего катастрофу бурурал ли. Еще одна проблема для групп по восстановлению экологии. — Роберт пожал плечами. — Но сейчас, в начале весны, эти нижние чаши прочны и упруги. Нелегко будет отрезать одну.

Роберт достал нож и, притягивая чашу вниз, принялся перерубать жесткие нити корня. Неожиданно корень лопнул, выпрямился, как пружина, Атаклену отбросило, и чаша упала на нее.

— Оп! Прости, Кленни! — Она чувствовала, что Роберт, помогая ей выбраться из-под чаши, с трудом сдерживает смех. «Совсем как мальчишка…» — подумала Атаклена.

— Как ты?

— В порядке, — коротко ответила она и отряхнулась.

Перевернутая чаша лежала выпуклой поверхностью вверх, из центра ее торчали перерезанные

волокна.

— Хорошо. Тогда помоги мне отнести ее к тому песчаному откосу, вблизи крутого склона.

Заросли плющей с трех сторон окружали мыс и тянулись до следующего хребта. Роберт и Атаклена подняли чашу, отнесли туда, где начинался неровный склон, и положили лицом вверх.

Роберт занялся работой. Он выравнивал неровную внутреннюю поверхность. Через несколько минут выпрямился и осмотрел получившееся.

— Подойдет. — Он пнул чашу. — Твой отец хотел, чтобы я показал тебе все, что смогу, на Гарте. По-моему, в твоем образовании образуется пробел, если я не научу тебя ездить на таких плющах.

Атаклена перевела взгляд с перевернутой пластины на заросший плющом склон.

— Ты хочешь сказать… — Но Роберт уже грузил их багаж в чашу. — Неужели ты серьезно, Роберт?

Он пожал плечами, искоса взглянув на нее.

— Если хочешь, можем вернуться на одну-две мили и поискать обход.

— Ты не шутишь. — Атаклена вздохнула. Плохо, что отец и друзья дома считают ее робкой. Она не может позволить, чтобы так считал и человек. —

Хорошо, Роберт, покажи мне, как это делается.

Роберт встал в чашу и проверил ее устойчивость. Потом поманил Атаклену. Она взобралась в раскачивающуюся корзину и села, где показал Роберт, прямо перед ним, так что ее колени размещались по обе стороны от центрального выступа.

И тут, с нервно развевающейся короной, Атаклена снова ощутила это. И конвульсивно ухватилась за упругий край корзины, заставив ее раскачиваться.

— Эй! Осторожней! Ты нас чуть не перевернула!

Атаклена схватила его за руку, всматриваясь в долину внизу. Вокруг ее лица раскачивались тонкие щупальца.

— Я снова кеннирую это. Это внизу, Роберт. Где-то в лесу.

— Что? Что в лесу?

— Существо, которое я кеннировала раньше. Не человек и не шимпанзе!

Немного похоже и на того и на другого, но отличается. И от него несет Потенциалом!

Роберт заслонил глаза.

— Где? Можешь указать направление?

Атаклена сосредоточилась. Попыталась лока-

лизовать источник эмоций.

— Оно… оно исчезло, — выдохнула она наконец.

Роберт излучал нервное возбуждение.

— А ты уверена, что это не шимпанзе? Их много в этих холмах, собирателей сейсина и работников экологических станций.

Атаклена создала глиф паланг. Потом, вспомнив, что Роберт не может увидеть это сверкающее проявление ее раздражения, пожала плечами, что приблизительно обозначало то же самое.

— Нет, Роберт. Вспомни, я встречалась со многими неошимпанзе.

Существо, которое я почувствовала, другое. Прежде всего, я готова поклясться, что оно не вполне разумно. И еще было ощущение печали, сдержанной силы…

Атаклена в неожиданном возбуждении повернулась к Роберту.

— Может быть, это гартлинг? Быстрее, Роберт! Надо подойти поближе! — Она снова села в центре корзины и выжидательно посмотрела на Роберта.

— Знаменитая приспособляемость тимбрими, — вздохнул Роберт. — И так неожиданно ты торопишься идти. А я-то пытался поразить тебя

нашим спуском.

Подумал, что ты схватишься так, что пальцы побелеют.

«Мальчишки, — снова подумала Атаклена, качая головой. — Как они могут так думать, даже в шутку?»

— Перестань шутить, и давай отправляться! — сказала она.

Роберт сел в корзину за ней. Атаклена прижалась к его коленям.

Щупальца чуть не касались его лица, но Роберт не жаловался.

— Ладно, отправляемся.

Кисловатый человеческий запах окружил Атаклену. Роберт оттолкнулся, и корзина заскользила вниз.

Все вернулось к Роберту, когда их импровизированные сани начали все ускоряющийся спуск, подпрыгивая на скользкой поверхности пластин плюща.

Атаклена схватилась за его колени, смех ее звучал выше и звонче, чем у земных девушек. Роберт тоже смеялся и кричал, держа Атаклену и наклоняясь то в одну сторону, то в другую, чтобы поддержать равновесие бешено подпрыгивающих саней.

«Последний раз я это проделал в одиннадцать лет».

При каждом повороте и прыжке сердце его подскакивало. Даже поездка в парке антигравитации с этим не сравнится! Атаклена возбужденно крикнула, они пролетели большое расстояние в воздухе, снова приземлились и подпрыгнули на упругой поверхности. Серебряные щупальца, казалось, потрескивают от напряжения.

«Надеюсь, я помню, как управлять этой штукой».

Возможно, он все-таки забыл. А может, его отвлекло присутствие Атаклены. Но Роберт среагировал слишком поздно, когда прямо перед ними возник пень псевдодуба, некогда росшего на этом склоне.

Атаклена радостно рассмеялась, когда Роберт резко наклонился влево, пытаясь повернуть их неуклюжую повозку. Но когда она ощутила, что его настроение резко переменилось, они уже беспорядочно и бесконтрольно кувыркались. Потом корзина задела за что-то невидимое. Удар перевернул ее, и содержимое корзины разлетелось в разные стороны.

В это мгновение счастье не изменило Атаклене. Хлынули стрессовые гормоны, она мгновенно

пригнула голову и превратилась в шар. И тело ее само превратилось в сани, оно запрыгало по поверхности плюща, как резиновый мяч.

Все произошло очень быстро. Гигантские кулаки колотили ее, швыряли в стороны. Громкий рев заполнял уши, корона сверкала на солнце, вздымаясь и опадая.

Наконец, по-прежнему свернувшись в шар, Атаклена остановилась на самом краю леса в долине внизу. Вначале она могла только лежать: приходилось ждать, пока гир-энзимы заставляли ее расплачиваться за быструю реакцию. Она дышала прерывистыми длительными вздохами, верхние и нижние почки работали с перегрузкой.

И еще боль. Атаклена не могла понять, что именно болит. У нее как будто бы всего несколько ушибов и царапин. Так что же?..

Она поняла и тут же развернулась и открыла глаза. Боль испытывает Роберт! Ее проводник-землянин излучает волны боли.

Атаклена осторожно встала, от реакции все еще кружилась голова, и, заслоняя глаза, осмотрела склон. Человека не видно, поэтому она принялась искать с помощью короны. Поток обжигающей боли привел ее, неуклюже спотыкающуюся, к

месту поблизости от перевернутой корзины.

Из-под широких пластин плюща торчали ноги Роберта. Они слабо дергались. Попытка выбраться вызвала слабый стон. Горячая боль дождем опустилась на корону Атаклены.

Она наклонилась к Роберту.

— Роберт! Ты застрял? Дышать можешь?

Какая глупость, поняла она. Задавать кучу вопросов, когда человек на пороге сознания.

«Я должна что-то сделать». Атаклена достала из-за голенища свой лазерный резак и набросилась на плющ, начиная подальше от Роберта. Тяжело дыша, напрягаясь, она по одной оттаскивала пластины.

Узловатые стебли опутали ноги и руки человека, привязали его к зарослям.

— Роберт, я буду резать у твоей головы. Не двигайся!

Роберт ответил что-то непонятное. Его правая рука была вывернута, и такая боль окружала его, что Атаклене пришлось свернуть корону, чтобы не потерять сознание от перегрузки. Чужаки не могут так сильно передавать свои ощущения тимбрими! Раньше она никогда не поверила бы, что возможно подобное.

Атаклена убрала с его лица последнюю пласти-

ну, и Роберт застонал.

Глаза его были закрыты, губы шевелились, словно он говорит про себя. «Что он сейчас делает?»

Она чувствовала, что он совершает какой-то человеческий обряд самодисциплины. И это имеет непосредственное отношение к числам и счету.

Наверно, техника самовнушения, которой всех людей обучают в школе. Техника примитивная, но, по-видимому, Роберту она помогает.

— Теперь я разрежу корни, которые держат твои руки, — сказала Атаклена.

Он кивнул.

— Быстрее, Кленни. Я… Мне никогда не приходилось блокировать такую боль… — Он вздохнул, когда отскочил последний стебель. Рука его высвободилась, повисшая, сломанная.

«Что теперь?» Атаклена тревожилась. Раненый чужак всегда опасен.

Отсутствие подготовки — только часть проблемы. Собственный базовый защитный инстинкт может оказаться совершенно неверным, когда помогаешь существу чуждого вида.

Атаклена схватила несколько щупалец и в нерешительности согнула их.

«Должно быть нечто универсальное!»

Сделай так, чтобы жертва могла дышать. Это она проделала автоматически.

Попытайся остановить потерю жидкости. Ей приходится руководствоваться только старыми, периода до Контакта, земными фильмами, которые они с отцом смотрели на пути в Гарт. В этих фильмах действовали существа, которых называют копы и бандиты. Согласно этим фильмам, раны Роберта царапины. Но Атаклена подозревала, что создатели древних фильмов не были сторонниками реализма.

О, если бы люди не были такими уязвимыми!

Атаклена бросилась к рюкзаку Роберта, начала искать в кармане радио.

Помощь из Порт-Хелении придет меньше чем через час, а специалисты подскажут ей, что делать тем временем. Радиоустановка простая, тимбримийского производства. Но, когда она нажала кнопку, ничего не произошло.

«Нет! Оно должно работать!» Она снова нажала на кнопку. Но индикаторы оставались немыми.

Атаклена сняла заднюю крышку: нет кристалла передатчика. Она в замешательстве замигала. Как это произошло?

Они отрезаны от помогли. Полностью предоставлены себе.

— Роберт, — позвала она, снова наклонившись к нему. — Ты должен руководить мной. Я не могу помочь тебе, если ты не скажешь, что нужно сделать.

Человек продолжал считать от одного до десяти, снова и снова. Она начала повторять свои слова, наконец взгляд его сфокусировался на ней.

— Мне… мне кажется, у меня сломана рука, Кленни, — выдохнул он. — Помоги мне перейти в тень… потом дай лекарство…

Он как будто снова потерял сознание, глаза закатились. Атаклена презирала нервную систему, которая поддается боли, оставляя своего хозяина беспомощным. Но это не вина Роберта. Он смел, просто его мозг несовершенен.

Но в этом, конечно, и преимущество. Когда Роберт потерял сознание, болевые излучения заметно ослабли. И ей легче было перетащить его по скользкой неровной поверхности плит плюща в тень леса, пытаясь без надобности не тревожить сломанную руку.

«Люди, с их большими костями, с огромными сухожилиями, сверхмускулистые!» Сгибаясь под тяжестью тела Роберта, Атаклена создала едкий глиф.

Потом вернулась и отыскала аптечку. Вот этот раствор он использовал позавчера, когда поранил палец щепкой. Атаклена обильно смазала им порезы Роберта.

Роберт застонал и зашевелился. Она чувствовала, как его сознание сражается с болью. И сразу, почти автоматически, он снова начал считать.

Шевеля губами, Атаклена читала на англике инструкцию по применению «тканевой пены», потом наложила ее слой на раны поверх настойки.

Оставалась рука — и боль. Роберт упомянул лекарство. Какое именно?

В сумке множество ампул, на всех этикетки с четкими надписями на англике и гал-семь. Но инструкции очень сжатые. Не рассчитаны на чужака, которому без посторонней помощи и совета приходится лечить землянина.

Она воспользовалась логикой. Средства, которые необходимо применять срочно, упаковываются в ампулы в газообразном виде, так их легче и быстрее использовать. Атаклена наклонилась так, что ее щупальца коснулись лица Роберта, ощутила его мужской запах, кисловатый и терпкий.

— Роберт, — тщательно заговорила она на ан-

глике. — Я знаю, ты меня слышишь. Приди в себя! Мне нужны твои знания. Немедленно.

Очевидно, она отвлекала его от обряда самодисциплины, потому что болевое ощущение усилилось. Роберт сморщился и продолжал считать вслух.

Тимбрими не бранятся, как люди. Пурист сказал бы — осуществляют стилистическую модуляцию. Но в такие моменты бывает трудно заметить разницу. Атаклена ядовито забормотала на родном языке.

Роберт явно не преуспел даже в своей грубой технике самогипноза. Его боль колотила ее по краю сознания. Атаклена издала негромкую трель, похожую на вздох. Она не привыкла к таким приступам. Веки ее задрожали, зрение смазалось, как у человека от слез.

Остается единственный способ. Но он означает раскрыться, даже больше, чем в собственной семье. Перспектива устрашающая, но выбора нет. Чтобы добраться до него, она должна стать как можно ближе.

— Я… я здесь, Роберт. Поделись со мной.

Она раскрылась перед потоком боли, таким нетимбримийским и таким странно знакомым. Она словно узнавала его. Боль неравномерная,

как будто насос работает неровно. Боль напоминает маленькие раскаленные шары… слитки расплавленного металла.

«…слитки металла?..»

Причудливость образа чуть не прервала контакт. Атаклена никогда раньше не испытывала такой яркой метафоры. Это не сравнение. На мгновение боль превратилась в раскаленные комки, прикосновение к которым обжигает…

«Быть человеком действительно очень необычно».

Атаклена пыталась подавить воображение. Она двигалась к центру боли, пока ее не остановила преграда. «Еще одна метафора?» На этот раз стремительный поток боли — на ее пути река.

Ей необходим усунлтлан — защитное поле, которое перенесет ее через поток к источнику боли. Но как воздействовать на сознание человека?

Вокруг нее собирались туманные изображения. Плыли дымчатые картины, густели, приобретали материальность. Атаклена вдруг обнаружила, что видит себя в маленькой лодке. А в руках у нее весло.

Неужели усунлтлан в сознании человека предстает как метафора?

Пораженная, она начала грести вверх по тече-

нию, приближаясь к жгучему водовороту.

Мимо проплывали фигуры, теснясь и толкаясь в окружающем тумане. Вот одно пятно превращается в искаженное лицо. Дальше рычит странное животное.

Большинство гротескных фигур, которые она видит в тумане, в реальной Вселенной не существует.

Атаклена не привыкла видеть деятельность мозга, и ей потребовалось некоторое время, чтобы понять фигуры-воспоминания, конфликты, эмоции.

Как много эмоций! Атаклене захотелось бежать. Здесь можно сойти с ума!

Остаться ее заставило тимбримийское любопытство. И еще долг. «Как здесь странно», — думала она, продвигаясь в метафорическом болоте. Полуослепшая от капель боли, она удивленно осматривалась. Стать бы настоящим телепатом и знать, а не догадываться, что означают все эти символы!

Очевидно, многое напоминает работу мозга тимбрими. Некоторые образы показались ей знакомыми. Может, они восходят к временам, когда и ее, и Роберта расы еще не знали речи, когда стада умных животных жили на далеких

диких планетах. С тех пор ее раса прошла трудным путем возвышения, людям же пришлось еще труднее.

Самое странное — видеть одновременно двумя парами глаз. Одна пара изумленно разглядывает метафорический мир, другая, настоящая, видит в нескольких дюймах, под щупальцами короны, лицо Роберта.

Человек быстро замигал. Перестал считать. Наконец она отчасти поняла, что происходит. Но Роберт испытывает поистине странные ощущения. В голове Атаклены возникло слово deja vu — воспоминание того, что будто бы уже было.

Атаклена сосредоточилась и создала изящный глиф, луч, который должен гармонировать с подсознанием. Роберт ахнул, и она поняла, что он уловил этот луч и устремился к нему.

Его метафорический образ появился рядом с ней в маленькой лодке, у него в руках тоже весло. На этом уровне все кажется естественным, и он даже не спросил, как здесь оказался.

Вместе гребли они по потоку боли, исходящему от его сломанной руки.

Им приходилось пробираться сквозь водовороты болевых ощущений, которые обрушивались на них, как стаи насекомых-вампиров. Встреча-

лись препятствия, сучья, омуты, в их глубине звучали странные голоса.

Наконец они оказались в заводи — сердцевине всей проблемы. А на дне ее изображение вделанной в каменный пол решетки. Это дренажное устройство, но решетка забита ужасными останками.

Роберт в волнении отшатнулся. Атаклена поняла, что это насыщенные эмоциями воспоминания — но их отвратительность приобретает внешность когтей, клыков, разбухших уродливых рыл. «Как может человек собрать такую груду?» Атаклена была ошеломлена и испугана омерзительным, одушевленным мусором.

"Это называется неврозами, — послышался внутренний голос Роберта. Он знает, что они «видят», и подавляет свой ужас. — Многое из этого я забыл!

Понятия не имел, что это еще здесь".

Роберт смотрит на врагов внизу — и Атаклена видит, что лица внизу — искаженные образы его собственного лица.

«Теперь моя работа, Кленни. Задолго до Контакта мы знали, что есть только один способ бороться с этим. Единственное действенное оружие — правда».

Лодка качнулась: метафорическая суть Роберта перегнулась через борт и нырнула в омут расплавленной боли.

«Роберт!»

Поднялась пена. Лодчонка начала раскачиваться, Атаклене пришлось вцепиться в край странного усунлтлана. По обе стороны брызнула яркая ужасная боль. А внизу, под поверхностью, началось сражение.

Во внешнем мире лицо Роберта покрылось испариной. Атаклена подумала, долго ли он еще сможет выдерживать.

Она неуверенно опустила воображаемую руку в воду. Прикосновение обжигало, но она продолжала тянуться к решетке.

Что-то схватило ее за руку! Она дернулась, но освободиться не смогла.

Ужасное существо с перекошенным лицом Роберта смотрело на нее снизу с похотливым выражением. Существо пыталось увлечь ее в глубину. Атаклена закричала. Другая фигура схватилась с той, что удерживала ее. Чешуйчатая рука разжалась, и Атаклена упала на дно лодки. И маленькое суденышко стало быстро уходить! Озеро боли устремилось в дренажную решетку. А лодка продолжала стремительно плыть в другую

строну, против течения.

«Роберт отталкивает меня», — поняла она. Контакт стал слабее, потом совсем прервался. Метафорический мир неожиданно исчез. Атаклена ошеломленно замигала. Легла на мягкую почву. Роберт держал ее за руку, тяжело дышал сквозь стиснутые зубы.

— Мне пришлось остановить тебя, Кленни… Слишком опасно для тебя…

— Но тебе так больно!

Он покачал головой.

— Ты показала мне, где находится блок. Теперь… теперь я справлюсь с неврозами. Знаю, где они… пока этого достаточно. И… говорил ли я тебе, что в тебя легко влюбиться?

Атаклена резко выпрямилась, ее удивило это non sequitur[4]. Она взяла три газовые ампулы.

— Роберт, ты должен сказать мне, какая из них снимает боль, пока снова не потерял сознание.

Он прищурился.

— Синяя. Разбей у меня под носом, но сама не вдыхай! Нет… не нужно.

Трудно сказать, как на тебя подействует параэндорфин.

---

[4] notes: 4
вывод, не соответствующий посылкам; нелогичное заключение (лат.)

Атаклена разбила ампулу, и образовалось небольшое густое облачко.

Половину его Роберт вобрал в себя следующим вздохом. Остальное тут же рассеялось.

Тело Роберта словно развернулось. Он глубоко, с дрожью, перевел дыхание. Посмотрел на нее, в глазах светилось сознание.

— Не знаю, мог ли я еще оставаться в сознании. Но дело того стоило… разделить с тобой сознание.

И в его ауре появилось слабое подобие глифа зунур-тзун.

Атаклена была ошеломлена.

— Ты очень странное существо, Роберт. Я…

Она смолкла. Зунур-тзун… исчез, но она, несомненно, кеннировала глиф. Но как Роберт мог создать его?

Атаклена кивнула и улыбнулась. Теперь ей легко воспринимать человеческие образы.

— Мне пришла точно такая же мысль, Роберт. Я… я тоже считаю, что дело того стоило.

Глава 13

ФИБЕН

Сразу над стеной утеса, у самого края плоской вершины, от крушения, вырывшего углубление в почве, еще поднимались столбы пыли. Полоска леса в форме кинжала разлетелась в несколько секунд, когда стремительный предмет ударился в нее, отскочил и ударился снова. Во всех направлениях разлетелась почва и обрывки растительности. Наконец снаряд застыл на самом краю пропасти.

Это случилось ночью. Другие обломки вызвали пожары, но здесь все ограничилось скользящим ударом.

Постепенно гул взрыва замер, но оставались другие последствия: оползень на ближайшем утесе, искалеченное дерево. А в конце борозды темный предмет, вызвавший все эти разрушения, продолжал потрескивать: перегретый металл остывал на холодном потоке воздуха, поднимавшемся из долины внизу.

Наконец все успокоилось и вошло в привычное русло. Туземные животные выбрались из укрытий. Некоторые даже приблизились, вдохнули с отвращением запах горячего металла и ушли по своим серьезным делам. Предстояло прожить

еще один день.

Тяжелая была посадка. Внутри капсулы жизнеобеспечения пилот не шевелился. Прошла ночь, прошел день, он лежал неподвижно.

Наконец с кашлем и низким стоном Фибен очнулся.

— Где?.. Что?.. — прохрипел он.

И первой его мыслью было, что он говорит на англике.

«Это хорошо, — с трудом сообразил он. — Мозг не поврежден».

Главное сокровище неошимпанзе — способность к речи. И утрачивается она легче всего. Речевая афазия — прямой путь к переоценке. Можно даже попасть в генетически забракованные.

Разумеется, образцы плазмы Фибена уже отосланы на Землю, отзывать их поздно, так что какая разница, если даже его переоценят. Да он и не особенно заботился о том, какого цвета его карта воспроизводства.

Во всяком случае заботился не больше, чем другие шимпы.

«Итак, мы философствуем? Оттягиваем неизбежное? Не волнуйся, Фибен, старина! Двигайся! Открой глаза! Ощупай себя. Убедись, что все при

тебе».

Легко сказать, но трудно сделать. Фибен застонал и попытался поднять голову. Его организм обезвожен. Открыть глаза — все равно что вытащить застрявший ящик письменного стола.

Но наконец ему удалось чуть приоткрыть их. Он увидел, что щит капсулы потрескался и покрылся сажей. Вокруг спекшаяся грязь с остатками флоры в лужах от недавнего дождя.

Фибен обнаружил одну из причин потери ориентации: капсула наклонена больше чем на пятьдесят градусов. Он повозился с ремнями безопасности и наконец расстегнул их. И обвис в кресле. Набравшись сил, занялся люком.

Работал, бормоча хриплые ругательства, пока люк не отскочил, разбрасывая дождь листьев и камешков. Последовало несколько минут сухого чихания. Наконец он повис через край люка, тяжело дыша.

Фибен стиснул зубы.

— Давай, — неслышно сказал он. — Выберемся отсюда! — Приподнялся, не обращая внимания на синяки, протиснулся в люк, повис и нащупал опору под ногами. И упал на грязную, благословенную почву. Но когда попытался встать, левая нога не слушалась. Фибен снова упал и больно

ударился.

— Ух! — произнес он вслух. Порылся под собой и вытащил острый прут, проткнувший шорты. Посмотрел на него, отбросил и снова лег на землю рядом с капсулой.

Перед ним, примерно в двадцати футах, в лучах занимающегося рассвета виднелся край пропасти. Далеко снизу доносился звук текущей воды. «Ух! — Он про себя удивился близости гибели. — Еще несколько метров, и мне совсем не хотелось бы пить».

Взошло солнце, картина прояснилась, стали видны борозды, проделанные в лесу другими обломками. «Прощай, старина „Проконсул“, — подумал Фибен. — Несколько тысяч лет верной службы полусотне мудрых галактических рас, а кончилось тем, что ты разбился на заброшенной планете, а разбил тебя Фибен Балджер, клиент волчат, полуобученный пилот милиции. Какой недостойный храброго воина конец!»

Но он все же пережил свой разведчик. По крайней мере ненадолго.

Кто-то сказал, что степень разумности определяется тем, сколько энергии раса разумных тратит на то, что не связано с выживанием. Фибен чувствовал себя, как кусок полупрожаренного

мяса, но у него все же хватило сил улыбнуться. Он пролетел несколько миллионов миль и, может, еще доживет до того, что расскажет об этом своим нахальным внукам, на два поколения опередившим его в возвышении.

Он похлопал по обожженной земле и рассмеялся хриплым от жажды голосом.

— Попробуй справиться с этим, Тарзан!

Глава 14
УТАКАЛТИНГ

— …Мы здесь как сторонники галактической традиции, защитники праведности и чести, мы исполняем волю тех, кто когда-то основал Путь Жизни…

Утакалтинг не очень силен в галактическомтри, поэтому он записывал с помощью портативного секретаря манифест губру для дальнейшего изучения. А слушал только краем уха, завершая свои приготовления.

«…краем уха…» Корона дернулась, и он понял, что материализовал человеческую метафору. Края его ушей действительно дернулись!

Все шимпы поблизости занимались манифестом по своим приемникам: его передавали с

кораблей губру и на англике. Но это «неофициальный» вариант манифеста, так как англик считается всего лишь языком волчат, неподходящим для дипломатии.

Утакалтинг создал глиф л'иут'тсака,примерно соответствующий носу, пренебрежительно показанному захватчикам. Один из помощников неошимпанзе удивленно взглянул на него. Должно быть, у шимпа есть латентная пси-способность, понял Утакалтинг. Остальные три мохнатых клиента сидели под ближайшим деревом и внимали голосу вторгшейся армады.

— …в соответствии с протоколом и правилами войны на Землю была отправлена нота с изложением наших претензий и требований…

Утакалтинг наложил последнюю печать на дипломатический сейф.

Пирамидальное сооружение расположено на вершине холма, к юго-западу от остальных зданий посольства тимбрими, и смотрит на Силмарское море. А в океане все кажется безмятежным и прекрасным. По спокойной воде движутся даже небольшие рыбацкие лодки, словно в небе нет ничего враждебнее редких облаков. По другую сторону за зарослями древесной травы Тула, привезенной с его родной планеты,

расположены здания посольства, опустевшие, покинутые.

Строго говоря, он мог оставаться на месте и выполнять свои обязанности. Но Утакалтинг не собирался доверять обещанию захватчиков соблюдать все Правила Войны. Губру известны тем, что всегда толкуют правила так, как им выгодно.

К тому же у него свои планы.

Утакалтинг закончил накладывать печать и отошел от дипломатического сейфа. В стороне от самого посольства, запечатанный и закрытый, он охраняется миллионами лет традиции. В посольство и другие здания захватчики смогут проникнуть, но им придется очень тщательно искать объяснений, если они попытаются вскрыть священное хранилище.

Но Утакалтинг улыбался. Он верил в губру.

Отойдя на десять метров, он сосредоточился и создал простой глиф, потом отправил его на вершину пирамиды, где маленький голубой шар начал неслышно вращаться. Охранник на мгновение еще более просветлел и испустил еле слышное гудение. Утакалтинг отвернулся и направился к ожидающим шимпам.

— …главным образом, наше недовольство вызвано тем, что раса клиентов землян, известная

как Tursiops amicus, или «неодельфины», совершила открытие, которым не поделилась с нами. Утверждают, что это открытие окажет огромное влияние на все галактическое сообщество. Клан гуксу-губру, как защитник традиций и наследия Прародителей, не может быть исключен! Наше законное право захватить заложников и вынудить эти полусформированные водные существа и их хозяев-волчат поделиться с нами информацией…

Небольшая часть сознания Утакалтинга занялась открытием клиентов землян на краю галактического диска. Утакалтинг задумчиво вздохнул. При нынешней обстановке в пяти галактиках ему пришлось бы воспользоваться Д-уровнем гиперпространства и вынырнуть в миллионе лет от нынешнего момента, чтобы узнать всю правду. Но к тому времени она превратится в древнюю историю.

В сущности, чем именно вызвал «Стремительный» нынешний кризис, уже неважно. Высший Совет тимбрими рассчитал, что подобный взрыв неизбежен в пределах нескольких сотен лет. Земляне умудрились вызвать его заблаговременно. Только и всего!

Вызвать преждевременно… Утакалтинг поис-

кал нужную метафору. Словно ребенок сбежал из колыбели, пробрался в логово зверей вл'корг и щелкнул царицу прямо в морду!

— ...вторая причина нашего недовольства и непосредственная причина вторжения — в обоснованных подозрениях, что на планете Гарт нарушаются правила возвышения! Мы располагаем доказательствами, что полуразумная раса, известная под именем неошимпанзе, не получает нужного руководства ни со стороны патронов-людей, ни со стороны консортов-тимбрими...

«Тимбрими неподобающие консорты? Высокомерные птицеподобные заплатят за это оскорбление!» — поклялся Утакалтинг. Шимпы вскочили и низко поклонились при его приближении. На концах короны Утакалтинга на мгновение мелькнул глиф с иулф-куон, посол поклонился в ответ.

— Я хочу отправить несколько посланий. Вы послужите мне?

Все кивнули. Шимпы явно стесняются друг друга, происходя из различных социальных групп.

Один гордо носит офицерский мундир. Двое в яркой гражданской одежде.

Наконец, четвертый одет мешковато, на груди у него панель со множеством кнопок; она позво-

ляет бедному существу пользоваться подобием речи. Этот шимп стоит сзади и в стороне от других и едва отрывает взгляд от земли.

— Мы все к вашим услугам, — сказал, вытянувшись, молодой лейтенант.

Он, казалось, совершенно не замечает мрачных взглядов, которые искоса бросают на него пестро одетые штатские.

— Это хорошо, мой юный друг. — Утакалтинг положил руку на плечо шимпа и протянул маленький черный куб. — Пожалуйста, доставьте это планетарному координатору Онигл, вместе с моими добрыми пожеланиями. Передайте ей, что мне пришлось отложить вылет в Убежище, но я надеюсь скоро с ней увидеться.

«На самом деле я даже не лгу, — напомнил себе Утакалтинг. — Будь благословенна двусмысленность англика!»

Лейтенант-шимп взял куб и поклонился точно под необходимым углом, как следует кланяться патрону-союзнику. Не глядя на остальных, он побежал к курьерскому экипажу.

Один из штатских, явно надеясь, что Утакалтинг не услышит, шепнул пестро одетому коллеге:

— Надеюсь, этот нахал с синей картой упадет в

лужу и вымажет свой мундир.

Утакалтинг сделал вид, что ничего не заметил. Иногда вера других в то, что слух у тимбрими такой же слабый, как зрение, оказывается полезной.

— Это для вас, — сказал он двоим в пестрой одежде и бросил каждому мешочек. Внутри находились деньги, галбанкноты, безупречные, подкрепленные содержанием всей Великой Библиотеки, но из неизвестного источника.

Двое шимпов поклонились Утакалтингу, стараясь скопировать точный поклон офицера. Утакалтинг с трудом сдержал смех: foci — центр сознания каждого шимпа — сосредоточился на мешочке с монетами, отрезав всю остальную вселенную.

— Идите и потратьте на свое усмотрение. Благодарю вас за вашу прежнюю службу.

Два члена небольшого преступного подполья Порт-Хелении повернулись и бросились в рощу. Заимствуя еще одну человеческую метафору, они была «глазами и ушами» Утакалтинга с его прибытия на Гарт. Несомненно, сейчас они считают свою работу завершенной.

«И спасибо за то, что вы еще сделаете», — думал Утакалтинг, глядя им вслед. Он хорошо знает этих

парней. Они быстро потратят его деньги и войдут во вкус новых трат. А через несколько дней появится единственный способ их заработать.

Утакалтинг был уверен, что скоро у них возникнут новые наниматели.

— …пришли как друзья и защитники предразумных, чтобы они получали нужное руководство и стали членами достойного клана…

Оставался только один шимп; он пытался стоять прямо, как остальные.

Но бедное существо не могло не переминаться с ноги на ногу, беспокойно улыбаясь при этом.

— И что… — начал Утакалтинг, но неожиданно замолчал. Щупальца его заволновались; он повернулся и посмотрел на море.

В небе над заливом возникла огненная точка и полетела на восток.

Утакалтинг заслонил глаза, но не стал тратить времени на то, чтобы позавидовать зрению землян. Сверкающий уголек перемещался в облаках, оставляя за собой след, который мог воспринимать только тимбрими. Это сияние радостного отлета в течение нескольких секунд развернулось со слабым инверсионным следом и тут же угасло.

От'тушутн, помощник, секретарь и друг Ута-

калтинга, повел свой корабль сквозь сердце вражеского флота, осаждающего Гарт. И кто знает? Корабль специально сконструирован. Возможно, и прорвется.

Конечно, это не дело От'тушутна. Его задача — просто попытаться.

Утакалтинг напряг свой кеннинг. Да, что-то исходит от этого света.

Сверкающее наследие. Он воспринял прощальный глиф От'тушутна и тщательно сберег его, чтобы дома передать возлюбленной храброго тимбрими.

На Гарте теперь остаются только два тимбрими. Атаклена в безопасности, насколько это возможно. Утакалтингу пора позаботиться о себе.

— …освободить невинные существа, избавить их от неправильного руководства волчат и преступников…

Утакалтинг снова повернулся к маленькому шимпу, своему последнему помощнику.

— А как ты, Джо-Джо? Тоже хочешь выполнить задание?

Джо-Джо повозился с кнопками на своем дисплее.

ДА, ПОЖАЛУЙСТА Я ХОЧУ ПОМОГАТЬ ВАМ Утакалтинг улыбнулся. Ему нужно торопиться на

встречу с Каултом.

Сейчас посол теннанинцев уже выходит из себя возле катера Утакалтинга. Но еще несколько секунд может подождать.

— Да, ты можешь кое-что для меня сделать, — сказал он Джо-Джо. — Ты сможешь сохранить тайну?

Маленький генетический мутант энергично кивнул, его мягкие карие глаза переполняла искренняя преданность. Утакалтинг провел много времени с Джо-Джо, учил его тому, чему не позаботились научить в школе на Гарте — например, как выжить в дикой местности или как пилотировать простейший флиттер. Конечно, Джо-Джо не гордость возвышения неошимпанзе, но у него большое сердце и своеобразная хитрость, которую Утакалтинг высоко ценил.

— Видишь голубой огонек наверху пирамиды, Джо-Джо?

ДЖО-ДЖО ПОМНИТ, напечатал шимп.

ДЖО-ДЖО ПОМНИТ ВСЕ СЛОВА — Хорошо. — Утакалтинг кивнул. — Я так и знал. Я рассчитываю на тебя, мой дорогой маленький друг. — Он улыбнулся, и Джо-Джо радостно улыбнулся в ответ.

А созданный компьютером голос продолжал

нудить из космоса, заканчивая манифест вторжения.

— …и дать им возможность быть принятыми в достойный древний клан, который поведет их к правильному поведению…

«Болтливые птицы, — подумал Утакалтинг. — В сущности они глупы».

— Мы им покажем «правильное поведение», верно, Джо-Джо?

Маленький шимп нервно кивнул. И улыбнулся, хотя не все понял.

Глава 15
АТАКЛЕНА

Ночью лагерный костер отбрасывал желтые и оранжевые отблески на стволы ближайших псевдодубов. — Я был так голоден, что даже консервы показались вкусными, — вздохнул Роберт, отодвигая чашку и ложку. — Собирался испечь корни плюща, но теперь мне кажется, что у нас пропал аппетит к этому деликатесу.

Атаклене казалось, она понимает склонность Роберта к абстракциям, не относящимся к их положению. И у тимбрими, и у людей есть способы, которые помогают легче переносить непри-

ятности, — еще одна общая черта двух видов. Сама она ела мало. Тело ее почти избавилось от пептидов, результата последней гир-реакции, но все еще слегка побаливало после дневного приключения.

Часть неба над головой закрывали темные пылевые галактические облака, по краю их шла яркая водородная туманность. Атаклена смотрела на звездный свод, корона над ушами слегка расширилась. Она принимала эмоции крошечных туземных животных из леса.

— Роберт?

— Гм… Да, Кленни?

— Роберт, зачем ты убрал кристалл из радио?

После паузы голос его прозвучал серьезно и угнетенно.

— Я не хотел говорить тебе об этом еще несколько дней, Атаклена.

Прошлой ночью я видел, как уничтожали спутники связи. Это может означать только одно: прибыли галакты, как и ожидали наши родители. Кристаллы радио могут засечь детекторы на кораблях, даже когда мы не пользуемся установкой. Я изъял кристалл, чтобы нас не смогли обнаружить. Это обычная процедура.

Атаклена почувствовала легкую дрожь, она

началась над носом, прошла по голове и спине.

«Итак, началось».

Ей хотелось оказаться рядом с отцом. По-прежнему ее огорчало, что он отослал ее, не разрешил остаться с собой, чтобы она могла ему помочь.

Молчание затянулось. Атаклена кеннировала нервное напряжение Роберта.

Дважды он собирался заговорить, но передумал. Наконец она кивнула.

— Я согласна с твоим решением, Роберт. Мне кажется, я даже понимаю защитный импульс, который заставил тебя не рассказывать мне об этом. Но не следовало этого делать. Это глупо.

Роберт серьезно кивнул.

— Больше не буду, Атаклена.

Они некоторое время лежали молча, потом Роберт протянул здоровую руку и коснулся Атаклены.

— Кленни, я… знаешь, как я тебе благодарен. Ты спасла мне жизнь…

— Роберт, — устало вздохнула она.

— …но дело не только в этом. Придя в мое сознание, ты показала мне меня самого… показала то, чего я не знал. Это очень важно. Можно прочесть об этом в книгах. Самообман и неврозы — два самых коварных человеческих несчастья.

— Они не только человеческие, Роберт.

— Да, я догадываюсь. То, что ты увидела в моем сознании, должно быть, ерунда по стандартам до Контакта. Но, учитывая нашу историю, даже самым нормальным из нас нужно напоминать время от времени.

Атаклена не знала, что сказать, поэтому промолчала. Жить в темные времена человечества — должно быть, это действительно страшно.

Роберт откашлялся.

— Я хочу сказать, что теперь понимаю, как далеко ты зашла в своей адаптации. Ты постигла человеческие эмоции, изменила свою психологию…

— Эксперимент. — Она пожала плечами — и неожиданно поняла, что лицу жарко. В человеческой реакции, которую она считала такой странной, раскрываются капилляры. Она краснеет!

— Да, эксперимент. Но справедливо, чтобы он был двусторонним, Кленни.

Тимбрими известны своей приспособляемостью в пяти галактиках. Но мы, люди, тоже умеем кое-чему учиться…

Она подняла голову.

— О чем ты, Роберт?

— Я хочу, чтобы ты мне больше рассказала о тимбрими. О ваших обычаях.

Хочу знать, каков у вас эквивалент изумленного взгляда, утвердительного кивка, улыбки.

Снова легкое сверкание. Атаклена настроила корону, но призрачный простой глиф, который начал создавать Роберт, рассеялся как дым. Наверно, он сам не понимает, что создал его.

— Гм, — сказала Атаклена, мигая и качая головой. — Не могу сказать точно. Но мне кажется, Роберт, ты уже начал узнавать.

На следующее утро, когда сворачивали лагерь, у Роберта болело все тело. У него был жар. Но он принял анестезирующее средство, чтобы продолжать работать.

Большую часть их имущества Атаклена спрятала в дупло резиновой березы и надрезала кору, чтобы потом найти дерево. Но в глубине души она сомневалась, что кто-то вернется сюда.

— Тебя нужно показать врачу, — сказала она, трогая его лоб. Высокая температура — явно плохой признак.

Роберт указал, на узкий проход между двумя горами к югу.

— Вот там, в двух днях пути, ферма Мендозы. Миссис Мендоза была медсестрой, прежде чем

вышла замуж за Хуана и завела ферму.

Атаклена неуверенно взглянула на проход. Придется подниматься на тысячу метров, чтобы миновать его.

— Роберт, ты считаешь, что это лучший маршрут? Я уверена, что принимала излучения разумных гораздо ближе, к востоку, вдоль этой линии холмов. Роберт взял самодельный посох и пошел на юг. — Пошли, Кленни, — бросил он через плечо. — Я знаю, ты хочешь отыскать гартлинга, но сейчас не время. Когда меня подлатают, мы сможем поохотиться на туземных предразумных.

Атаклена смотрела ему вслед, пораженная нелогичностью его замечания.

Потом догнала его.

— Роберт, что за странную вещь ты сказал? Как я могла думать о поиске туземных животных, пусть самых интересных, пока ты нездоров? Я ясно ощущала присутствие на востоке разумных: людей и шимпов, хотя должна признать, что был и какой-то странный субъект, почти…

— Ага! — Роберт улыбнулся, как будто она призналась. И пошел дальше.

Удивленная, Атаклена попыталась прощупать его чувства, но самоконтроль и решимость оказались невероятными для представителя расы

волчат. Она могла только ощутить его беспокойство — и это беспокойство связано с тем, что она обнаружила присутствие разумных к востоку.

О, если бы она была настоящим телепатом! В который раз она подумала, почему Высший Совет тимбрими не отверг правила Института возвышения и не стал развивать эту способность. Иногда она завидовала людям, которые могут окружать непроходимым барьером свою внутреннюю жизнь, в отличие от собственной, сплетничающей, вторгающейся во все культуры. Но сейчас ей хотелось одного: заглянуть к нему внутрь и узнать, что он скрывает!

Корона ее развевалась, и если бы поблизости оказался тимбрими, он бы поморщился, уловив ее язвительность по поводу устройства мира.

Прошло чуть больше часа. Они еще не добрались до вершины первого хребта, а Роберт шел уже с трудом. Теперь Атаклена знала, что испарина у него на лбу — то же, что покраснение и раздувание короны тимбрими, — признак перегрева.

Услышав, что он негромко начал считать, она поняла, что нужно отдохнуть.

— Нет. — Он покачал головой. Голос его звучал неровно. — Перейдем через хребет и доберемся до

следующей долины. Вся дорога оттуда до прохода в тени. — Роберт пошел дальше.

— Здесь тоже достаточно тени, — настаивала Атаклена.

Она потянула Роберта к откосу, поросшему ползунками с листьями, словно зонтиками; все они вездесущими лианами связаны с лесом в долине.

Роберт вздохнул, когда она помогла ему сесть на камень в тени. Она вытерла ему лоб и начала разматывать повязку на сломанной правой руке. Он застонал сквозь зубы.

Кожа около сломанной кости потемнела.

— Это плохо, Роберт?

На мгновение ей показалось, что он теряет сознание. Но вот он пришел в себя, покачал головой.

— Нет. Вероятно, инфекция. Нужно больше универсального…

Он потянулся к ее рюкзаку, где находилась аптечка, но потерял равновесие, и Атаклене пришлось подхватить его.

— Хватит, Роберт. Ты не дойдешь до фермы Мендозы. Я не могу нести тебя и не могу оставить на два-три дня!

Роберт попросил дать ему две синие таблетки и отпил из фляжки.

— Ну хорошо, Кленни, — вздохнул он. — Повернем на восток. Но только пусть твоя корона поет для меня, ладно? Мне это нравится и помогает лучше понять тебя… и теперь я думаю, что нам лучше пойти, потому что я начинаю нести чепуху. Это признак того, что человек распадается. Ты должна теперь это знать.

Глаза Атаклены широко раздвинулись, она улыбнулась.

— Я и так знала это, Роберт. А теперь скажи, как называется место, куда мы идем.

— Оно называется Хаулеттс-Центр. Прямо туда, за второй грядой холмов. — Он указал на юго-восток. — Там не любят незваных гостей, поэтому, приближаясь, будем говорить вслух.

Делая частые остановки, они к полудню перебрались через первую гряду холмов и отдохнули в тени у небольшого ручья. Тут Роберт уснул беспокойным сном.

Атаклена беспомощно смотрела на юношу-человека. И обнаружила, что напевает знаменитый «Плач неизбежности» Тлуфаллтрила. Эта печальная аура и мелодия были созданы свыше четырех тысяч лет назад, когда патроны тимбрими калтмуры погибли в кровавой межзвездной войне.

Неизбежность — не очень приятная для ее на-

рода ситуация, тем более ужасна она для людей. Но тимбрими давно решили стать эрудитами и изучить все философии. И смирение, покорность тоже имеют право на существование.

«Не сейчас!» — поклялась Атаклена. Она уговорила Роберта проглотить еще две таблетки. Как можно лучше закрепила сломанную руку и подложила камни, чтобы Роберт не скатился во сне.

Она надеялась, что окружающий их густой кустарник помешает подобраться опасным животным. Конечно, бурурали очистили лес от всех крупных животных, но она все же беспокоилась. Можно ли оставить потерявшего сознание человека ненадолго?

Рядом с его левой рукой она положила свой лазер-резак и фляжку.

Наклонившись, коснулась его лба чувствительными преобразованными губами.

Ее корона опустилась ему на лицо; Атаклена, прощаясь, передавала ему пожелания в обычае своего народа.

Олень может бежать быстрее. Кугуар может проскользнуть по неподвижному лесу незаметней. Но Атаклена никогда не слышала о таких животных. И даже если бы слышала, тимбрими не боятся сравнений. Их общее свойство — при-

способляемость.

Уже на протяжении первого километра автоматически начались изменения.

Железы укрепили ноги, изменения в составе крови позволили лучше усваивать кислород воздуха. Соединительные ткани расслабились, ноздри раскрылись шире, чтобы пропускать больше воздуха, кожа натянулась, чтобы груди не подпрыгивали при ходьбе.

Склон стал круче, и вот она оказалась во второй долине и побежала вверх по звериной тропе к цели. Быстрые шаги легко звучали на мягком суглинке. Лишь изредка треск ветки возвещал о ее присутствии, и тогда маленькие зверьки испуганно разбегались. И всюду ее сопровождали щебечущие насмешки, и звуковые, и эмоциональные, которые она улавливала короной.

Эти звуки заставляли Атаклену улыбаться потимбримийски. Животные всегда так серьезны. Только немногие, почти готовые к возвышению, проявляют зачатки юмора. И очень часто в процессе возвышения патроны стирают воображение как «черту нестабильности».

После второго километра Атаклена побежала медленнее. Прежде всего потому, что перегрелась. А для тимбрими это опасно.

Она достигла вершины хребта с неизбежной цепью камней-чешуй и еще более сбавила скорость, пробираясь в лабиринте торчащих монолитов. Потом немного отдохнула. Прислонившись к камню, тяжело дыша, она расправила корону. Щупальца задрожали в поиске.

Да! Близко люди! И неошимпанзе. Теперь она хорошо знает их излучения.

И… она сосредоточилась. Что-то еще. Что-то мучительно ускользающее.

Это загадочное, странное существо, присутствие которого она уже дважды ощущала. Одно мгновение оно кажется земным, но в другое — принадлежащим этому миру. И оно предразумное, у него свой, суровый характер.

Если бы эмпатия могла точно указывать направление!

Атаклена двинулась вперед, пробираясь к источнику излучения сквозь каменные дебри.

На нее упала тень. Инстинктивно Атаклена отскочила и присела — гормоны мгновенно придали силы ее рукам и ногам. Подготовка к схватке.

Атаклена глубоко дышала, подавляя гир-реакцию. Она думала встретить какое-нибудь небольшое существо, пережившее катастрофу

бурурaлли, — но такое огромное!

«Успокойся», — приказала она себе. На камне виден был силуэт большого двуногого, явно родственника человека и не туземного обитателя Гарта.

Шимпанзе, конечно, не может угрожать ей.

— З…здравствуйте! — умудрилась она выговорить, сдерживая дрожь уходящей гир-реакции. Молча прокляла мгновенные реакции, которые делают тимбрими такими опасными при внезапном столкновении, но укорачивают жизнь и часто приводят их в замешательство в приличном обществе.

Фигура смотрела на нее сверху. Двуногая, с поясом для инструментов на талии. Смотреть против света трудно. Сбивает с толку яркий голубоватый свет солнца Гарта. Но даже и так Атаклена видела, что животное слишком велико для шимпанзе.

Существо не реагировало. Просто смотрело на нее сверху вниз.

От молодой, как неошимпанзе, расы клиентов не следует ожидать большого ума. Атаклена, прищурившись против яркого света, начала медленно и четко говорить на англике.

— У меня срочное дело. Там, недалеко, — она указала, — человек, он ранен. Ему нужна немед-

ленная помощь. Пожалуйста, отведи меня к людям. Как можно скорее. — Она ожидала немедленного ответа, но существо лишь переступило с ноги на ногу и продолжало смотреть.

Атаклена чувствовала себя неловко. Может, она встретилась с самым глупым шимпом? Или мутантом? Новые расы клиентов дают множество вариантов, иногда очень опасных, с глубоким регрессом. Доказательство — то, что произошло с бурурали здесь, на Гарте.

Атаклена напрягла свои чувства. Корона ее расширилась и тут же удивленно свернулась!

Это предразумное существо! Внешнее сходство — шерсть и длинные руки — обмануло ее. Это совсем не шимп! То самое чуждое существо, присутствие которого она ощущала раньше!

Неудивительно, что оно не ответило. У него нет патронов, которые научили бы его говорить! Потенциал дрожал и бился. Атаклена чувствовала его под поверхностью. И подумала, что же сказать туземному предразумному.

Вгляделась внимательней. Темная пушистая шерсть существа окаймлена солнечным сиянием. На коротких согнутых ногах массивное тело, которое заканчивается большой головой с узким лбом. Широкие плечи без видимой шеи перехо-

дят в голову.

Атаклена припомнила знаменитый рассказ Напуталлила о космическом сборщике, который в лесу, далеко от поселения колонии, встретил ребенка, воспитанного дикими бегунами. Поймав свирепо огрызающееся маленькое существо, охотник создал простую версию ш'чакуон — зеркала души.

Атаклена сформировала глиф, насколько могла вспомнить.

СМОТРИ В МЕНЯ — ТЫ ВИДИШЬ САМОГО СЕБЯ Существо стояло. Но вот оно отпрянуло, фыркая и нюхая воздух.

Атаклена вначале решила, что оно реагирует на ее глиф. Но тут хрупкую связь разорвал какой-то шум поблизости. Предразумное шумно запыхтело — глубокий гортанный звук, — потом повернулось и ускакало, прыгая с камня на камень. И исчезло.

Атаклена побежала за ним, но бесполезно. Через несколько мгновений она потеряла след. Вздохнула и снова повернула на восток, туда, где, по словам Роберта, располагается Хаулеттс-Центр. Прежде всего нужно найти помощь.

Она продолжала продвигаться сквозь лес камней. Их становилось меньше, начинался спуск

в следующую долину. Обогнув очередной камень, Атаклена чуть не столкнулась с поисковой партией.

— Простите, если мы напугали вас, мэм, — хрипло сказал предводитель группы. Голос его напоминал нечто среднее между рычанием и кваканьем. Он снова поклонился. — Сборщик сейсина сообщил о крушении корабля, и мы послали несколько поисковых групп. Вы не видели падающий космический корабль?

Атаклена дрожала от Ифни-проклятой сверхреакции. Должно быть, в первые несколько секунд она выглядела ужасно, когда неожиданность вызвала у нее стремительные перемены. Бедные создания испугались. Еще четверо шимпов за предводителем нервно поглядывали на нее.

— Нет, не видела. — Атаклена говорила медленно и тщательно, стараясь не вызвать у маленьких клиентов чувства вины. — Но у меня тоже есть срочное сообщение. Мой спутник, человек, вчера днем был ранен. У него сломана рука и, вероятно, началось заражение. Я должна поговорить с кем-нибудь из ваших руководителей, чтобы его немедленно эвакуировали.

Предводитель шимпов был выше среднего роста, почти полтора метра. Как у всех остальных,

на нем были шорты, пояс с инструментами и небольшой рюкзак за спиной. Улыбка впечатляла оскалом неровных желтоватых зубов. — У меня достаточно полномочий. Меня зовут Бенджамин, мисс… мисс…

— Его хрипловатый голос звучал вопросительно.

— Атаклена. Имя моего товарища Роберт Онигл. Он сын планетарного координатора.

Бенджамин распахнул глаза.

— Понятно. Ну что ж, мисс Атак… мэм… вы, наверно, уже знаете, что Гарт подвергся нападению военного флота ити. И нам нельзя пользоваться воздушными кораблями, если этого можно избежать. Но моя группа может перенести человека с такими ранениями, как вы описали. Если вы отведете нас к мистеру Ониглу, мы позаботимся о Нем. Облегчение смешивалось у Атаклены с болью: ей напомнили о тяжелом общем положении. Надо допытаться выяснить.

— Установлено ли, кто захватчики? Была ли высадка?

Шимп Бенджамин — профессионал, с хорошей дикцией, но он не мог скрыть замешательства. Наклонив голову, он посмотрел на Атаклену под новым углом.

Остальные шимпы беззастенчиво пялились. Они явно никогда не видели ничего подобного.

— Гм. Простите, мэм, но новости не очень подробные. Ити… э-э-э… — Шимп всмотрелся в нее. — Э-э-э… простите, мам, но вы ведь не человек?

— Великий Калтмур, конечно, нет! — ощетинилась Атаклена. — Что дает вам основание… — Но тут вспомнила внешние изменения, которые составляли часть ее эксперимента. Она должна сейчас очень походить на человека, особенно когда солнце за спиной. Неудивительно, что бедные клиенты смутились. — Нет, — сказала она спокойнее. — Я не человек. Я тимбрими.

Шимпы вздохнули и быстро переглянулись. Бенджамин поклонился, скрестив перед собой руки. Впервые сделал жест приветствия клиента представителю расы класса патронов. Народ Атаклены, как и люди, не верит в необходимость жесткого господства над клиентами. Но все же этот жест смягчил ее оскорбленные чувства. Когда Бенджамин заговорил снова, дикция его заметно улучшилась.

— Прошу прощения, мэм. Я хотел сказать, что не знаю, кто такие захватчики. Меня не было возле приемника, когда передавали их манифест

несколько часов назад. Мне сказали, что это губру, но ходят слухи, что они теннанинцы.

Атаклена вздохнула. Теннанинцы или губру. Что ж, могло быть хуже.

Первые — ограниченные ханжи. Вторые обычно злобны, консервативны и жестоки. Но все же это не то, что коварные соро или жуткие смертоносные танду.

Бенджамин пошептался с одним из товарищей. Маленький шимп убежал по тропе назад, туда, откуда они пришли, в направлении загадочного Хаулеттс-Центра. Атаклена уловила дрожь тревоги. И снова подумала, что же происходит в долине, от которой старался увести ее Роберт, даже с риском для своего здоровья.

— Посыльный сообщит о состоянии мистера Онигла и организует транспорт, — сказал ей Бенджамин. — Тем временем мы сразу же поможем ему.

Если вы покажете нам дорогу…

Он звал ее, и Атаклене пришлось на время сдержать любопытство. Прежде всего Роберт.

— Ну хорошо, — сказала она. — Пошли.

Проходя под камнем, на котором она увидела странное предразумное существо, Атаклена посмотрела вверх. Был ли это действительно

гартлинг?

Может, шимпы что-нибудь о нем знают? Но прежде чем успела спросить, Атаклена споткнулась и схватилась за виски. Шимпы удивленно смотрели на ее раскачивающуюся корону и странно раздвинувшиеся глаза.

Отчасти звук, отчасти кеннинг, такой высокий, что уходит за пределы восприятия, отчасти резкий зуд, ползущий по спине.

— Мэм? — Бенджамин встревоженно посмотрел на нее. — В чем дело?

Атаклена покачала головой.

— Это… это…

Она не закончила. Потому что в это мгновение на западе, на горизонте, мелькнула серая вспышка. Что-то неслось по небу прямо к ним — слишком стремительно! Не успела Атаклена мигнуть, как точка выросла до чудовищных размеров. И совершенно неожиданно над долиной неподвижно повис гигантский серый корабль.

Атаклена едва успела крикнуть:

— Зажмите уши!

Разразился гром. Грохот и рев бросил их на землю. Эхо дробилось в лабиринте камней и отразилось от склонов долины. Деревья раскачивались, трещали и падали, листья срывало

внезапно налетевшим циклоном…

Наконец грохот стих. Лес отразил и поглотил его. И только тогда послышался низкий гул двигателей самого корабля. Серое чудовище, огромный блестящий цилиндр, отбрасывало тень на долину. На глазах Атаклены и шимпов корабль начал медленно опускаться, спустился на уровень камней, исчез из виду. Стих и гул двигателей, и послышался шум оползней с ближайших склонов. Шимпы нервно встали; держась за руки, они зашептались низкими хриплыми голосами. Бенджамин помог встать Атаклене. Гравитационное поле корабля ударило по ее раскрывшейся короне, а она была не готова к этому.

Атаклена трясла головой, пытаясь прийти в себя.

— Это военный корабль? — спросил у нее Бенджамин. — Остальные шимпы не были в космосе, но я несколько лет назад ходил смотреть старый «Везарий», когда тот прилетал на планету. Но он не такой огромный.

Атаклена вздохнула.

— Да, военный корабль. Конструкции соро, мне кажется. Теперь губру пользуются этой конструкцией. — Она взглянула на шимпа. — Гарт теперь не просто окружен, шимп Бенджамин. Началось

вторжение.

Бенджамин стиснул руки. Нервно потянул один большой палец, потом другой.

— Они висят над долиной. Я их слышу. Но что они хотят сделать?

— Не знаю, — ответила Атаклена. — Надо посмотреть.

Бенджамин поколебался, потом кивнул. И повел группу назад, туда, где из-за камней открывался вид на долину.

Примерно в четырех километрах на дне долины виднелись белые здания.

Корабль висел над ней в нескольких сотнях метров, отбрасывая огромную тень. Атаклена заслонила глаза: яркий солнечный свет отражался от блестящих бортов. Низкое гудение двигателей огромного крейсера звучало зловеще.

— Он просто висит там! Что они делают? — нервно спросил какой-то шимп.

Атаклена покачала головой, как человек.

— Не знаю. — Она ощущала страх людей и неошимпанзе в поселке внизу.

Были и другие источники эмоций.

«Захватчики», — поняла она. Они убрали свой пси-щит, высокомерно отвергая всякую возможность обороны. У нее появилось мысленное

изображение легких пернатых существ, потомков какого-то нелетающего псевдоптичьего вида. На мгновение ярко высветилась картина местности, видимая глазами одного из офицеров корабля. Контакт длился всего миллисекунду, но корона Атаклены задергалась в отвращении.

«Губру», — поняла она. Неожиданно все стало чрезвычайно реальным.

Бенджамин ахнул.

— Смотрите!

Из-под широкого брюха корабля, из открывшихся отверстий, начал опускаться коричневый туман. Медленно, лениво темные испарения закрывали дно долины.

Страх внизу сменился паникой. Атаклена прижалась к камню и обхватила голову руками, чтобы уйти от почти ощутимой ауры ужаса.

Слишком сильно? Атаклена попыталась создать глиф мира в пространстве перед собой, отразить боль и ужас. Но все, что она создавала, мгновенно таяло, как снег под языками горячего пламени.

— Они убивают людей и горилл! — закричал шимп на склоне и побежал вниз. Бенджамин крикнул ему вслед:

— Петри! Вернись! Куда ты?

— Я должен помочь! — отозвался тот. — И ты тоже! Ты ведь слышишь их крики! — И, не обращая внимания на расширяющуюся тропу, он начал спускаться по лесистому склону — самым прямым путем к клубящемуся туману и глухим крикам отчаяние.

Оставшиеся двое шимпов вызывающе посмотрели на Бенджамина; очевидно, они думали так же.

— Я тоже иду, — произнес один.

Сошедшиеся от страха глаза Атаклены ныли. Что собираются делать эти глупые создания?

— Я с тобой, — согласился второй шимп. И, несмотря на крики и проклятия Бенджамина, они оба начали спускаться в долину.

— Немедленно остановитесь!

Все повернулись и посмотрели на Атаклену. Даже Петри застыл, схватившись рукой за камень и мигая. Третий раз в жизни Атаклена воспользовалась Тоном Беспрекословного Приказа.

— Прекратите глупости и немедленно вернитесь! — приказала она. Корона развевалась у нее над ушами. Тщательно отработанный человеческий акцент исчез. Она говорила на англике с сильным акцентом тимбрими, который шимпы бессчетное количество раз слышали по видео.

Она могла походить на человека, но человеческий голос не в состоянии воспроизводить такие звуки.

Клиенты землян мигали, раскрыв рты.

— Немедленно возвращайтесь! — прошипела Атаклена.

Шимпы поднялись по склону и остановились перед ней. Один за другим, нервно поглядывая на Бенджамина, они последовали его примеру и поклонились, сложив перед собой руки.

Атаклена подавила собственную дрожь, чтобы казаться совершенно спокойной.

— Не заставляйте меня снова повышать голос, — негромко сказала она. — Мы должны действовать сообща, думать хладнокровно и разработать целесообразный план.

Неудивительно, что шимпы дрожали и смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Люди редко разговаривали с шимпами так безапелляционно. Возможно, шимпы и служат людям, но по земным законам они такие же граждане.

«Мы, тимбрими, другое дело». Долг, просто долг заставил Атаклену отказаться от тотану — вызванной страхом отчужденности. Кто-то должен принять на себя ответственность, чтобы спасти жизнь этим существам.

Туман перестал выделяться из корабля губру. Он, подобно темному пенному озеру, залил всю долину, скрыв здания на склоне. Отверстия в брюхе корабля закрылись, он начал медленно подниматься.

— Укройтесь, — приказала Атаклена и отвела шимпов за ближайший монолит. Низкий гул двигателей корабля поднялся на октаву. Скоро они увидели корабль над камнями.

— Зажмите уши.

Шимпы прижались друг к другу, прикрыли уши ладонями.

Только что корабль был здесь, в тысяче метров над долиной. В следующее мгновение, так быстро, что глаз не успевал среагировать, он исчез. Вытесненный воздух устремился внутрь, и вновь словно ударила гигантская рука, загремел гром, покатился над долиной, поднимая пыль и срывая листву с деревьев. Наконец эхо стихло. Ошеломленные шимпы долго смотрели друг на друга.

Но вот самый старший из них, Бенджамин, встряхнулся. Отряхнул руки, схватил Петри и поставил перед Атакленой.

Петри пристыженно смотрел в землю.

— Прошу прощения, мэм… — сказал он. — Я… там внизу люди… и моя подруга…

Атаклена кивнула. Нельзя быть слишком строгим с клиентами, у них ведь добрые намерения.

— Мотивы твоего поступка похвальны. Теперь, успокоившись, мы сможем более эффективно помочь твоим патронам и друзьям.

Она протянула руку. Казалось, шимпы ждут от галакта более покровительственного жеста. Например, похлопывания по голове. Пожав Атаклене руку, Петри застенчиво улыбнулся.

Они прошли между камнями и посмотрели вниз. Шимпы ахнули. Коричневое облако покрыло землю, как густое грязное море, оно доходило до основания леса на склоне у их ног. Тяжелый туман имел четко очерченную верхнюю границу, едва касавшуюся корней ближайших деревьев. Они не знали, что происходит внизу, не знали даже, выжил ли там кто-нибудь.

— Мы разделимся на две группы, — сказала Атаклена. — Роберт Онигл по-прежнему нуждается в помощи. Кто-то должен идти к нему.

Мысль о Роберте, лежащем в полубессознательном состоянии там, где она его оставила, вызвала тревогу. Атаклена должна быть уверена, что о нем позаботятся. Она подозревала, что шимпы предпочтут идти к Роберту, чем оставаться у этой смертоносной долины. Они слишком потрясены

катастрофой и не уверены в себе.

— Бенджамин, вместе с товарищами ты сможешь найти Роберта, если я укажу направление?

— Вы сами нас не поведете? — Бенджамин нахмурился и покачал головой.

— Не знаю, мэм… Я считаю, вы должны идти с нами.

Атаклена оставила Роберта возле приметного ориентира — гигантского орехового дерева у самой тропы. Любая группа без труда отыщет раненого землянина.

Она отчетливо ощущала эмоции шимпа. Бенджамин очень хотел, чтобы представитель знаменитого народа тимбрими помог людям в долине. И тем не менее пытается увести ее.

Внизу клубился маслянистый дым. Атаклена чувствовала присутствие внизу многих сознаний, испытывающих страх.

— Я останусь, — твердо сказала она. — Ты сказал, что эти шимпы подготовлены как спасатели. Они найдут Роберта и помогут ему. Кто-то должен остаться и попытаться помочь тем, внизу.

Люди могли бы возражать, спорить. Но шимпы даже не думали возражать галакту, принявшему решение. Разумные класса клиентов просто не в состоянии так поступить.

Она чувствовала облегчение Бенджамина… и в то же время страх.

Трое младших шимпов надели рюкзаки. Молча и серьезно двинулись меж камней на запад, время от времени нервно оглядываясь, пока не исчезли из виду.

Атаклена больше не волновалась из-за Роберта. Но все усиливался ее страх за отца. Враг, несомненно, первый удар обрушил на Порт-Хелению.

— Идем, Бенджамин. Посмотрим, что можно сделать для этих бедняг внизу.

Несмотря на неожиданные и быстрые успехи в возвышении, землянам предстояла еще большая работа с неошимпанзе и неодельфинами. В обоих видах настоящие мыслители еще очень редки. По галактическим стандартам они добились большого прогресса, но земляне хотели двигаться еще быстрее. Как будто опасались, что их клиенты вырастут самостоятельно и очень быстро.

Когда среди турсиоп или понго появлялся хороший ум, о нем тщательно заботились. Атаклена видела, что Бенджамин — один из таких превосходных образцов. Несомненно, у этого шимпа по крайней мере синяя карта воспроизводства, и он уже произвел немало детей.

— Может, я разведаю, что там впереди, мэм? —

предложил Бенджамин. — Я могу забраться на деревья и оставаться выше уровня газа. Узнаю, как обстоят дела, потом вернусь за вами.

Атаклена чувствовала, что шимп дрожит, глядя на озеро загадочного газа. Тут он глубиной по лодыжку, но дальше достигает нескольких человеческих ростов. — Нет. Будем держаться вместе, — твердо ответила Атаклена. — Я тоже могу взбираться на деревья.

Бенджамин осмотрел ее сверху донизу, очевидно, вспоминая рассказы о знаменитой приспособляемости тимбрими.

— Наверно, ваш народ когда-то был лесным. Конечно, я не хочу вас обидеть. — Он осторожно и невесело улыбнулся. — Ну хорошо, мисс, пошли.

Он быстро взобрался по ветвям ближайшего псевдодуба, обернулся вокруг ствола, спустился с другой стороны и перепрыгнул через узкий промежуток на соседнее дерево. Держась за ветвь, оглянулся и посмотрел любопытными карими глазами.

Атаклена поняла, что ей бросили вызов. Она несколько раз глубоко вдохнула, сосредоточившись. Начались изменения, защипало в отвердевающих концах пальцев, расширилась грудь. Атаклена выдохнула, пригнулась и взлетела на

псевдодуб. С некоторым трудом она движение за движением повторила маршрут шимпа.

Бенджамин одобрительно кивнул, когда она оказалась рядом с ним. И двинулся дальше.

Они продвигались медленно, перепрыгивая с дерева на дерево, обходя увитые лианами стволы. Несколько раз приходилось отступать и искать обход: поляны были затянуты медленно оседающим дымом. Переступая через самые высокие клубы тяжелого газа, они старались не дышать, но Атаклена тем не менее чувствовала острый маслянистый запах. Она уверяла себя, что растущий зуд, вероятно, психосоматического происхождения.

Бенджамин продолжал незаметно поглядывать на нее. Шимп, несомненно, заметил некоторые изменения: удлинение конечностей, округлившиеся плечи, более цепкие руки. Он никак не ожидал, что галакт сможет держаться с ним наравне в переходе по деревьям.

Конечно, он не знает, чего будет стоить ей гиреакция. Боль уже возникла, и Атаклена знала, что это только начало.

Лес переполняли звуки. Мимо проносились мелкие животные, убегая от чуждого дыма и запаха. Атаклена улавливала быстрый пульс их

страха.

Добравшись до вершины холма перед самым поселком, они услышали слабые крики: испуганные земляне на ощупь бродили в темном как сажа лесу.

Карие глаза Бенджамина подсказали Атаклене, что это кричат его друзья внизу.

— Этот газ прижимается к земле, — сказал он. — Едва поднимается над крышами зданий. Бели бы у нас было хоть одно высокое здание!

— Тогда они бы сразу его взорвали, — заметила Атаклена. — А потом выпустили бы газ.

— Гм. — Бенджамин кивнул. — Посмотрим, успели ли мои подруги подняться на деревья. Может, помогли забраться и людям.

Она не говорила с Бенджамином о его тайном страхе; от нее он все равно не может его скрыть. Но все же что-то еще примешивалось к его беспокойству о людях и шимпах внизу. Словно он тревожился еще о ком-то.

Чем дальше они углублялись в долину, тем выше нужно было забираться на деревья. Все чаще приходилось спускаться, погружаться в дымные густые клубы ногами, перебираясь с ветки на ветку. К счастью, маслянистый газ как будто рассеивался, он тяжелел и капал дождем

на серую почву.

Они увидели белые здания Центра за деревьями, и Бенджамин двинулся быстрее. Атаклена шла за ним, но уже еле поспевала за шимпом. Энзимное истощение начинало сказываться, корона раскалилась, пытаясь устранить излишек тепла. Но тело все равно перегревалось.

«Сосредоточься», — приказала она себе, скорчившись на ветке. Атаклена согнула ноги и попробовала заглянуть за листву и ветви перед собой.

«Вперед!»

Она развернулась, но ее движения утратили стремительность и энергичность. Она едва сумела перескочить двухметровую брешь. Атаклена прижалась к раскачивающейся, подпрыгивающей ветви. Корона пульсировала огнем. Атаклена цеплялась за дерево чужого мира, дыша открытым ртом, неспособная двинуться, мир вокруг расплывался. «Может, это больше, чем боль гир-реакции, — подумала она. — Может, газ действует не только на землян. Он убивает меня».

Потребовалось какое-то время, чтобы взгляд ее снова сфокусировался, и она увидела поросшую коричневой шерстью ногу с черной подошвой…

Бенджамин, держась за ветку, стоял над нею.

Он притронулся к щупальцам ее короны.

— Подождите здесь и отдохните, мисс. Я посмотрю, что впереди, и сразу вернусь.

Ветвь задрожала, и он исчез.

Атаклена лежала неподвижно. Она могла только вслушиваться в негромкие звуки, доносившиеся со стороны Хаулеттс-Центра. После ухода крейсера губру прошел час, но по-прежнему слышались крики испуганных шимпов и странные низкие незнакомые ей голоса других животных.

Газ рассеивался, но еще висел, даже здесь. Атаклена держала ноздри закрытыми, дышала ртом.

«Жаль бедных землян, им приходится все время держать открытыми нос и уши, и весь мир может нападать на них». Но все же иронично отметила: землянам не нужно слушать сознанием.

Корона постепенно охлаждалась, и Атаклена начала улавливать поток эмоций — человеческих, шимпанзе и еще одной разновидности, излучения «незнакомца», которые теперь уже знакомы ей. Проходили минуты, Атаклена чувствовала себя лучше — достаточно хорошо, чтобы проползти по ветви и добраться до ствола. Она со вздохом прижалась к грубой коре, теперь ее затопил поток шумов и эмоций.

«Может, я и не умираю. Во всяком случае не сейчас».

Но тут она поняла, что что-то происходит рядом с ней. Она почувствовала, что на нее смотрят — и с очень близкого расстояния! Она повернулась и резко выдохнула. С ветви дерева на нее смотрело несколько пар глаз: три пары карих и ярко-голубые.

Если не считать, возможно, разумных полурастений кантенов, тимбрими лучше всех галактов знают людей. Тем не менее Атаклена удивленно замигала.

Она не поняла, что видит.

Около самого ствола сидела взрослая самка-неошимпанзе — шимми, одетая только в шорты. На руках у нее детеныш. Карие глаза матери широко распахнулись в страхе.

Рядом с ними маленький гладкокожий человеческий ребенок в хлопчатобумажном комбинезоне. Светловолосая девочка застенчиво улыбалась Атаклене.

Смятение Атаклены вызвало четвертое существо на этом дереве.

Она вспомнила звуковую скульптуру неодельфина, которую отец привез на Тимбрим из своих путешествий. Это произошло сразу после того

эпизода на церемонии Принятия и Выбора титлалов, когда Атаклена вела себя так странно в погасшей вулканической кальдере. Возможно, Утакалтинг хотел с помощью этой звуковой скульптуры рассеять ее дурное настроение, доказать, что земные китообразные на самом деле очаровательные существа и их не нужно бояться. Он велел ей закрыть глаза и позволить песне перекатиться через нее.

Каким бы ни были его мотивы, результат получился противоположный.

Слушая дикие неприрученные звуки, Атаклена неожиданно почувствовала себя погруженной в океан, в котором собирается гневная буря. И когда открыла глаза и увидела, что по-прежнему сидит в домашней гостиной, это не помогло. Впервые в жизни слух победил зрение.

Атаклена больше никогда не слушала этот куб, вообще ничего такого странного не испытывала… пока не встретила необычный метафорический ландшафт в сознании Роберта Онигла.

И вот она снова испытывает подобное. На первый взгляд четвертое существо на ветке напоминает очень большого шимпанзе, но корона утверждает нечто совершенно противоположное.

Не может быть!

Мирно и спокойно смотрели на нее карие глаза. Существо, очевидно, тяжелее всех остальных вместе взятых; оно осторожно, бережно держит на руках человеческого ребенка. Когда девочка шевелилась, огромное существо только слегка фыркало и вздыхало, не отрывая взгляда от Атаклены. В отличие от нормальных шимпанзе, у него совершенно черное лицо.

Не обращая внимания на боль, Атаклена осторожно, чтобы не вспугнуть их, продвинулась по ветке вперед.

— Здравствуйте, — отчетливо произнесла она на англике.

Девочка снова улыбнулась и застенчиво зарылась головой в густую шерсть на груди своего защитника. Мать-неошимпанзе в явном страхе отшатнулась.

Массивное существо с плоским широким лицом только дважды кивнуло и снова фыркнуло.

Оно насквозь пропитано Потенциалом!

Атаклене только раз приходилось встречаться с существом, находящимся на грани между животными и признанными разумными клиентами. Это очень редкое состояние в пяти галактиках: любой вновь открытый предразумный вид сразу

регистрируется и отдается по лицензии в служение какой-нибудь старшей расе патронов. Атаклена поняла, что это существо далеко продвинулось по пути к разуму.

Но ведь пропасть между животным и разумным существом невозможно преодолеть самостоятельно! Правда, некоторые земляне по-прежнему придерживаются невежественных теорий, распространенных у них до Контакта: будто бы разум может возникнуть самостоятельно, путем «эволюции». Однако галактическая наука утверждает, что этот порог можно преодолеть только с помощью другой расы, которая уже пересекла его.

Так было от самых легендарных дней первой расы — Прародителей, миллиарды лет назад.

Однако патронов людей так и не сумели найти. Поэтому их и называют к'чу-нон — волчата. Может, все-таки в их старой идее есть зерно истины? И если так, может, это существо тоже?..

«Нет! Почему я сразу этого не заметила?»

Неожиданно Атаклена поняла, что это существо не естественного происхождения. Это не сказочный гартлинг, которого просил поискать ее отец. Слишком велико семейное сходство.

На ветке над облаком газа губру сидят близкие

родственники, братья. Человек, неошимпанзе и… кто?

Она попыталась припомнить, что рассказывал отец, о лицензии людей на их собственную планету Землю. После Контакта Институты дали землянам право поселения де-факто. Но она уверена, что сохраняются права возделывания и другие ограничения.

И несколько земных видов перечислялось специально. Огромное животное излучает Потенциал, как… Атаклене пришла в голову метафора — маяк, горящий на соседнем дереве. Порывшись в памяти, она наконец вспомнила название.

— Красавчик, — сказала она негромко. — Ты ведь горилла, верно?

Глава 16
ХАУЛЕТТС-ЦЕНТР

Большое животное мотнуло головой и фыркнуло. Мать-шимпанзе негромко заскулила и посмотрела на Атаклену с неподдельным ужасом.

Но маленькая девочка захлопала в ладоши, предвкушая игру.

— Рилла! Джонни рилла! Я тоже! — И она

маленькими кулачками заколотила по груди. Откинула голову и испустила высокий воющий крик.

Горилла. Атаклена удивленно смотрела на гигантское неподвижное существо, пытаясь припомнить, что ей о нем известно.

Темные ноздри расширились, горилла принюхалась и свободной рукой быстро сделала девочке знак на языке жестов. — Джонни спрашивает, ты ли теперь будешь старшей, — сказала девочка.

— Я надеюсь на это. Но ты выглядела очень усталой, когда перестала гнаться за Бенджамином. Он сделал что-то плохое?

Атаклена придвинулась чуть ближе.

— Нет, — сказала она, — Бенджамин не сделал ничего плохого. Во всяком случае с тех пор, как я его встретила… Хотя начинаю подозревать…

Она замолчала. Ни девочка, ни горилла не поймут, что она заподозрила.

Но взрослая шимпанзе знает, и в глазах ее страх.

— Я Эприл, — сказала девочка. — А это Нита. Ее ребенка зовут Ча-Ча.

Шимми дают своим детям при рождении легкие имена, потому что дети еще не умеют хорошо говорить.

Сверкающими глазами она посмотрела на Атаклену.

— Ты правда там… бим… тиммбимми?

Атаклена кивнула.

— Да, я тимбрими.

Эприл захлопала в ладоши.

— Ух! Здорово! Видела большой космический корабль? Он прилетел с громким гулом, и папа велел мне уходить с Джонни, а потом пошел газ, и Джонни закрыл мне рот рукой и я не могла дышать!

Эприл состроила гримасу, изображая удушение.

— Но когда мы поднялись на деревья, он меня отпустил. Мы встретили Ниту и Ча-Ча. — Она оглянулась на шимпов. — Наверно, Нита еще очень испугана и не может говорить.

— А ты тоже испугалась? — спросила Атаклена.

Эприл серьезно кивнула.

— Да. Но мне нельзя бояться. Я ведь единственный здесь человек, я старшая и должна обо всем думать. Может, теперь ты станешь старшей? Ты настоящая тиммбимми.

К девочке вернулась застенчивость. Она спряталась на груди у Джонни, так что виден был

только один глаз, и улыбнулась Атаклене.

Атаклена удивленно смотрела на нее. До сих пор она не понимала по-настоящему людей — на что они способны. Несмотря на то, что ее народ союзник землян, она усвоила некоторые галактические предубеждения: в волчатах есть что-то дикое, неприрученное. Многие галакты вообще сомневаются, могут ли люди быть патронами. Несомненно, губру выразили это в своем военном манифесте.

Но этот ребенок полностью опровергает такое мнение. По закону и обычаю маленькая Эприл действительно старшая над клиентами, какой бы молодой ни была она сама. И совершенно очевидно, что она осознает свою ответственность.

И все же Атаклена понимает, почему и Роберт, и Бенджамин не хотели приводить ее сюда. Она подавила свой праведный гнев. После того, как она подтвердит свое подозрение, она сумеет передать сообщение отцу.

Гир-реакция постепенно сменилась тупой болью в мышцах и нервных окончаниях, и Атаклена снова почувствовала себя тимбрими.

— Другие люди успели забраться на деревья? — спросила она.

Джонни сделал несколько быстрых знаков ру-

ками. Эприл перевела, явно не понимая всех этих слов. — Он говорит, что несколько попытались. Но они оказались недостаточно быстрыми… Большинство просто бегало, совершая «человеческие поступки».

Так риллы называют все действия людей, которые не понимают, — негромко пояснила она.

Наконец заговорила мать-шимпанзе Нита.

— Г…газ… — она глотнула. — Газ сделал людей слабыми. — Голос ее звучал еле слышно. — Кое-кто из нас, шимпов, тоже воспринял это… Но, мне кажется, риллы ничего не чувствовали.

Вот как. Возможно, первоначальная догадка Атаклены верна. Она считала, что газ не вызывает немедленную смерть. Институт Цивилизованных Войн не одобряет массового убийства гражданского населения. Замысел губру должен быть гораздо изощреннее.

Справа послышался треск. На ветку третьего от Атаклены дерева прыгнул шимп Бенджамин. Он обратился к Атаклене.

— Сейчас все в порядке, мисс. Я нашел доктора Таку и доктора Шульца.

Они хотят поговорить с вами.

Атаклена подозвала его.

— Сначала иди сюда, Бенджамин.

С типичным выражением понго Бенджамин испустил долгий вздох.

Перепрыгивая с ветки на ветку, он приблизился и увидел трех обезьян и девочку. Челюсть его отвисла, и он чуть не сорвался вниз. На лице его ясно отразилась растерянность. Он повернулся к Атаклене, облизал губы и прочистил горло.

— Не волнуйся, — сказала она ему. — Я знаю, что за последние двадцать минут среди всеобщей сумятицы ты пытался обмануть меня. Но это бесполезно.

Я знаю, что тут происходит.

Рот Бенджамина оставался закрытым. Он пожал плечами.

— И что же?

У четверых на ветке Атаклена спросила:

— Признаете мое старшинство?

— Да, — ответила Эприл. Нита перевела взгляд с девочки на Атаклену и тоже кивнула.

— Хорошо. Оставайтесь на месте, пока за вами не придут. Понятно?

— Да, мэм, — снова кивнула Нита. Джонни и Ча-Ча продолжали просто смотреть на нее.

Атаклена встала, уловила равновесие на ветке и повернулась к Бенджамину.

— Пошли к этим вашим специалистам по воз-

вышению. Если газ не лишил их дара речи, я бы хотела узнать, почему они решили нарушить галактический закон.

Бенджамин вызывающе посмотрел на нее, потом кивнул.

— И еще, — добавила она, вставая на ветку рядом с ним. — Верни назад группы шимпов и горилл, которые ты отправил, чтобы я их не увидела. Нам может понадобиться помощь.

Глава 17
ФИБЕН

Фибен умудрился смастерить костыль из ствола дерева, сломанного капсулой при падении. Подложил прокладки из своего костюма, и поэтому костыль лишь частично выбивал его плечо из сустава на каждом шагу.

«Хм, — думал он. — Если бы люди не выпрямили нам спины и не укоротили руки, я бы двинулся назад к цивилизации на четвереньках».

Оглушенный, избитый, голодный… и все же в хорошем настроении, Фибен пробирался через препятствия по пути на север. «Дьявол, я жив. Не имею права жаловаться».

Он провел немало времени в Мулунских горах,

работая в Восстановительном проекте, и знал, что находится на водоразделе недалеко от известных земель. Растительность вся знакома, в основном — местная, но есть и виды, импортированные и введенные в экосистему, чтобы заполнить бреши после катастрофы бурурали.

Фибен был настроен оптимистично. Выжить в такой схватке, даже упасть в знакомой местности… Ифни явно рассчитывает на него в будущем. Она приберегает его для чего-то особого. Наверно, для судьбы гораздо мучительней и болезненней, чем простая смерть от голода в дикой местности.

Напрягая слух, Фибен посмотрел вверх. Неужели ему померещился этот звук?

Нет! Голоса! Он побежал по звериной тропе, прыгая на самодельном костыле, пока не оказался на поляне, откуда открывался вид на каньон.

Шло время, а он все смотрел. Дождевой лес чертовски густой.

Вот! На другой стороне каньона он увидел шестерых шимпов с рюкзаками за плечами. Они быстро пробирались к еще дымящимся обломкам «Проконсула».

Сейчас они молчали. Ему повезло, что они заговорили, как раз проходя под ним.

— Эй! Тупицы! Сюда! — Он кричал, подпры-

гивая на правой ноге и размахивая руками. Поисковая группа остановилась. Шимпы оглядывались, эхо отражалось от стенок дефиле. Фибен оскалил зубы. Он не сдержал раздраженного ворчания. Они смотрели куда угодно, но только не на него!

Наконец он схватил костыль, повертел его над головой и швырнул в каньон.

Один из шимпов вскрикнул и схватил другого. Они смотрели, как деревяшка исчезает в листве. «Правильно, — подталкивал их Фибен. — А теперь думайте. Проведите дугу назад».

Двое шимпов посмотрели в его сторону и увидели, как он машет руками.

Они возбужденно зашумели, забегали кругами.

Мгновенно забыв о недавней регрессии, Фибен про себя бормотал:

— Повезло: меня спасет толпа идиотов. Давайте, парни. Не нужно по всякому поводу исполнять танец грома.

Но когда они подошли к его поляне, он улыбался. И когда его обнимали и хлопали по спине, забылся настолько, что сам испустил несколько воплей.

Глава 18
УТАКАЛТИНГ

Его маленький катер последним покидал взлетное поле Порт-Хелении. На экранах уже показались боевые крейсеры, опускающиеся в нижних слоях атмосферы.

В порту горстка сухопутных и морских пехотинцев готовилась к последнему безнадежному сопротивлению. По всем каналам они передавали обращение:

— Мы отказываем захватчикам в праве посадки. Мы требуем у галактической цивилизации защиты от агрессии. Мы не разрешаем губру высаживаться на планете, отданной нам в лицензию.

— Небольшая вооруженная группа сопротивления ждет захватчиков в космопорту столицы. Наш вызов…

Утакалтинг вел катер небрежными прикосновениями запястья и пальцев к контроллеру. Маленький корабль быстрее звука летел на юг вдоль берега Силмарского моря. Справа от воды ярко отражалось солнце.

— …если они посмеют противостоять нам лицом к лицу, не укрываясь в боевых кораблях…

Утакалтинг кивнул.

— Скажите им, земляне, — негромко произнес он на англике. Командир группы просил его совета, как сформулировать ритуальный вызов. Утакалтинг надеялся, что его помощь окажется полезной.

Продолжалось перечисление личного состава и вооружения, которое ждет снижающуюся армаду в космопорту, так чтобы у врага не было оправданий для использования превосходящей силы. В таких условиях у губру не останется выбора: им придется нападать наземными войсками. И они понесут потери.

«Если они еще соблюдают Кодекс, — напомнил себе Утакалтинг. — Враг, возможно, больше не заботится о соблюдении правил войны. Трудно представить себе такую ситуацию. Но на звездных линиях ходят слухи…» В рубке ряд экранов. На одном виден крейсер, появившийся в камерах Порт-Хелении. На других быстроходные истребители разрывают небо над самым портом.

Сзади послышался негромкий вой. Два иннина на ходулеобразных ногах выражали друг другу соболезнование. Эти существа по крайней ме-

ре могут использовать предназначенные для тимбрими сиденья. Но их рослому хозяину приходится стоять.

Каулт не просто стоял, он расхаживал по узкой рубке, раздув гребень, который снова и снова задевал за низкий потолок. Теннанинец был не в духе.

— Почему, Утакалтинг? — не в первый раз спрашивал он. — Почему тебя не было так долго? Мы последними уходим отсюда.

Дыхательные щели Каулта раздувались.

— Ты сказал мне, что мы улетим еще прошлой ночью. Я быстро собрался и ждал, но ты не пришел! Я ждал. Упустил возможность нанять другой транспорт, а ты только слал сообщение за сообщением, призывая к терпению.

А когда на рассвете ты пришел, мы улетели так беспечно, словно отправляемся на каникулы к Арке Прародителей!

Утакалтинг позволил коллеге ворчать. Он уже формально извинился и заплатил дипломатический налог в качестве компенсации. Большего не требуется.

К тому же все развивается именно так, как он планировал.

На контрольном щите вспыхнул желтый ого-

нек, послышалось гудение.

— Что это? — Каулт нервно приблизился. — Они засекли наш двигатель?

— Нет.

Каулт облегченно вздохнул.

Утакалтинг продолжил.

— Это не двигатели. Огонек сообщает, что нас просканировали лучом вероятности.

— Что? — чуть не закричал Каулт. — Разве этот корабль не защищен?

Мы даже не пользуемся гравитикой! Какую вероятностную аномалию могли они засечь?

Утакалтинг пожал плечами, словно с детства привык к этому человеческому жесту.

— Может быть, невероятность внутренняя, — предположил он. — Что-то в нас самих, в нашей собственной судьбе, светится вдоль мировых линий. А они это засекли.

Правым глазом он заметил, как вздрогнул Каулт. Теннанинцы испытывают почти сверхъестественный страх перед всем, имеющим отношение к науке/искусству формирования реальности. Утакалтинг сформировал щупальцами лут-тру — извинение перед врагом и напомнил себе, что его народ и народ Каулта официально находятся в состоянии войны. В его праве

дразнить врага-друга; именно поэтому этически приемлемо и то, что он вывел из строя собственный корабль Каулта.

— Я бы не стал об этом беспокоиться, — сказал он. — Мы их намного опередили.

Прежде чем теннанинец смог ответить, Утакалтинг наклонился и быстро заговорил на гал-семь, приказывая одному из экранов увеличить изображение.

— Твиллку-чллиу! — выругался он. — Только посмотри, что они делают!

Каулт повернулся и посмотрел. На голоэкране виден был повисший над городом гигантский крейсер, он заливал здания и парки коричневым газом.

Хотя звук был уменьшен, в голосе диктора слышалась паника: он описывал темнеющее небо, как будто кто-то в Порт-Хелении мог этого не заметить.

— Это нехорошо. — Гребень Каулта снова задел потолок. — Губру проявляют больше жестокости, чем требует ситуация.

Утакалтинг кивнул. И тут же вспыхнул еще один желтый огонек.

— А сейчас что? — спросил Каулт.

Глаза Утакалтинга максимально расшири-

лись.

— Это значит, что нас преследуют, — ответил он. — Возможно, придется сражаться. Можешь управлять оружейной консолью класса пятьдесят семь, Каулт?

— Нет, но мне кажется, один из моих инниновʼ

Его прервал крик Утакалтинга:

— Держись! — Катер перевернулся. Земля пронеслась мимо. — Я начал маневр уклонения, — объяснил Утакалтинг. — Хорошо, — сказал Каулт через носовые отверстия.

«О, будь благословен крепкий череп теннанинцев», — подумал Утакалтинг. Он строго контролировал свою мимику, хотя и знал, что его коллега обладает чувствительностью камня и не сможет уловить его радость.

Преследующие корабли начали стрелять, и корона Утакалтинга запела.

Глава 19
АТАКЛЕНА

Зеленые островки леса сливались с газонами и окрашенными в цвет листвы зданиями Центра; поселок очень трудно заметить с воздуха.

Хотя западный ветер унес все видимые остатки аэрозоля, все до высоты в пять метров покрывал толстый слой жесткого порошка, издававшего острый неприятный запах.

Под ударами волн паники корона Атаклены обвисла. Настроение в поселке изменилось. Преобладала покорность… и гнев. Атаклена вслед за Бенджамином прошла к первой поляне и увидела несколько групп неошимпанзе, они суетились между зданиями. Двое несли на носилках что-то закутанное в ткань.

— Может, вам все же не стоит спускаться, мисс, — прохрипел Бенджамин.

— Газ явно должен был поразить людей, но и мы, шимпы, его почувствовали. А вы для нас очень важны…

— Я тимбрими, — холодно ответила Атаклена. — Я не могу отсиживаться в безопасности, когда клиентам и патронам другой расы нужна помощь.

Бенджамин покорно поклонился. По веткам, похожим на ступеньки, он повел ее вниз, и наконец она с облегчением ступила на землю. Здесь острый запах чувствовался сильнее. Атаклена пыталась не обращать на него внимания, но пульс ее нервно участился.

Они миновали помещения, в которых жили и учились гориллы. Обнесенные решеткой лужайки, игровые площадки, площадки для тестирования. Здесь явно велась напряженная работа, хотя и в сравнительно небольшом масштабе.

Неужели Бенджамин вообразил, что может обмануть ее, просто отослав предразумных в джунгли?

Она надеялась, что никто из них не пострадал от газа или во время последующей паники. Из краткого курса истории Земли Атаклена помнила, что гориллы — существа хоть и сильные, но крайне чувствительные, с тонкой психикой.

Шимпы в шортах, сандалиях, с неизменными поясами для инструментов суетились с серьезным видом, выполняя различные поручения. Они поглядывали на Атаклену, но не заговаривали с ней. Она вообще почти не слышала слов. Легко ступая по темному порошку, они пришли в центр поселка. Здесь наконец она встретила людей. Они лежали на кушетках у входа в главное здание. Мел и фем. У мужчины совершенно лысая голова, видно, что он пережил пластическую операцию — глаза его сужены. Он почти без сознания.

Второй человек — высокая темноволосая жен-

щина. Кожа у нее очень черная, такого глубокого черного цвета Атаклена никогда раньше не встречала. Вероятно, она из тех редких «чистокровных» людей, которые сохраняют признаки своих древних рас. По контрасту кожа стоявших рядом с ней шимпов под редкой шерстью казалась бледно-розовой.

Когда Атаклена подошла, черная женщина с помощью двух старших шимпов приподнялась на локте. Бенджамин вышел вперед и представил.

— Доктор Така, доктор Шульц, доктор М'Бзвелли, шимп Фредерик, все из клана земных волчат. Представляю вам уважаемую Атаклену, тимбрими аб-Калтмур аб-Брма аб-Краллнит ул-Титлал.

Атаклена взглянула на Бенджамина, пораженная тем, что он смог произнести ее полное почетное имя по памяти.

— Доктор Шульц. — Атаклена кивнула стоящему слева шимпанзе. Женщине она поклонилась ниже. — Доктор Така. — И последний поклон относился одновременно к человеку и шимпу. — Доктор М'Бзвелли и шимп Фредерик. Прошу принять выражение сочувствий по поводу жестокого нападения на ваш поселок и на вашу планету.

Шимпы низко поклонились. Женщина тоже

попыталась, но не смогла из-за слабости.

— Спасибо за сочувствие, — с трудом ответила она. — Я уверена, мы, земляне, справимся… Признаюсь, я немного удивлена, увидев, как словно ниоткуда появляется дочь посла тимбрими…

«Еще бы, — подумала Атаклена на англике, наслаждаясь человеческим сарказмом. — Мое присутствие — такая же угроза вашим планам, как губру и их газ!»

— Мой друг ранен, — вслух сказала она. — Трое ваших неошимпанзе пошли за ним. Вы что-нибудь о нем слышали?

Женщина кивнула.

— Да-да. Мы получили сообщение поисковой партии. Роберт Онигл в сознании, состояние его удовлетворительное. Другая группа, которую мы отправили на поиски потерпевшего крушение корабля, скоро присоединится к ним. У этой группы имеется все необходимое медицинское оборудование.

Атаклена почувствовала, как ее тревога проходит.

— Хорошо. Очень, хорошо. Тогда займемся другими делами.

Корона ее блеснула, создавая куоувассуе — глиф предчувствия. Конечно, она понимала, что

собеседники лишь смутно почувствуют его, если вообще почувствуют.

— Прежде всего, как представитель расы, которая была вашим союзником с того момента, как вы, земляне, с таким шумом возникли в сообществе пяти галактик, я предлагаю вам помощь. Что могу сделать как патрон, я сделаю. В ответ я попрошу только помочь мне вернуться к отцу.

— Договорились, — доктор Така кивнула. — И примите нашу благодарность.

Атаклена шагнула вперед.

— Во-вторых, я должна выразить беспокойство по поводу функций Центра.

Явижу,вызаняты несанкционированным возвышением… невозделанного вида!

Четверо руководителей Центра переглянулись. Атаклена уже достаточно хорошо разбиралась в мимике землян: у этих четверых выражение досадливой покорности.

— Больше того, — продолжала она, — вы совершаете это преступление на планете Гарт, трагической жертве экологической катастрофы…

— Минутку! — возразил шимп Фредерик. — Как вы можете сравнивать нашу работу с катастрофой бурур…

— Фред, тише! — настойчиво вмешался второй шимп, доктор Шульц.

Фредерик замигал. Поняв, что уже слишком поздно делать вид, что он ничего не говорил, шимп сказал:

— Нам, землянам, дают только те планеты, которые другие ити привели в негодность…

Второй человек, доктор М'Бзвелли, закашлялся. Фредерик замолчал и отвернулся.

Мужчина посмотрел на Атаклену.

— Вы загнали нас в угол, мисс. — Он вздохнул. — Позвольте нам объясниться, прежде чем выдвинете обвинения. Понимаете… мы не представители правительства. Мы… частные преступники.

Атаклена испытала странное облегчение. Старые земные двухмерные фильмы времен до Контакта, особенно триллеры «копы и бандиты», популярны у тимбрими. В них часто сюжет сосредоточен вокруг попыток «заставить замолчать свидетеля». И она подумала, насколько атавистичны эти люди.

Атаклена перевела дыхание и кивнула.

— Очень хорошо. На время чрезвычайного положения оставим этот вопрос.

Пожалуйста, ознакомьте меня с ситуацией. Че-

го враг пытается достичь с помощью этого газа?

— Газ ослабляет людей, которые вдохнули его, — ответила доктор Така.

— Час назад была передача. Захватчики объявили, что пораженные люди должны в течение недели получить противоядие. Иначе они умрут. И, разумеется, противоядие будет выдаваться только в городах.

— Газ принуждения! — прошептала Атаклена. — Они хотят всех людей на планете превратить в своих пешек.

— Совершенно верно. Мы должны сдаться, или через шесть дней умрем.

Корона Атаклены излучала гнев. Газ принуждения — негуманное оружие, хотя допускается в некоторых ограниченных типах войн.

— А что станет с вашими клиентами? — Расе неошимпанзе исполнилось всего несколько сотен лет, их нельзя было оставлять без присмотра.

Доктор Така поморщилась. Очевидно, она тоже обеспокоена.

— На большинство шимпов газ, по-видимому, не подействовал. Но у них очень мало прирожденных руководителей, как Бенджамин или доктор Шульц.

Карие обезьяньи глаза доктора Шульца устре-

мились на женщину.

— Не волнуйтесь, Сьюзен. Как вы говорите, мы, земляне, справимся. — Он повернулся к Атаклене. — Мы постепенно эвакуируем людей. Начнем сегодня вечером с детей и стариков. Тем временем разрушим поселок и уничтожим все следы нашей деятельности.

Видя, что Атаклена собирается возразить, пожилой неошимпанзе поднял руку.

— Да, мисс. Мы дадим вам камеры и помощников, чтобы вначале вы могли собрать доказательства. Договорились? Мы и не думаем мешать вам исполнять долг. Атаклена слышала горечь в словах шимпа. Горечь генетика. Но она ему не сочувствовала. Только представить себе, что почувствует отец, когда узнает об этом! Утакалтинг любит землян. Эта безответственность очень огорчит его.

— Нет смысла оправдывать агрессии губру, — добавила доктор Така. — Если хотите, передадим вопрос о гориллах Высшему Совету тимбрими. Наши союзники решат, что делать: выдвинуть формальные обвинения или предоставить наказать нас нашему правительству.

Атаклена видела логичность такого решения. Немного подумав, она кивнула.

— Договорились. Принесите камеры, я буду снимать разрушение.

Глава 20
ГАЛАКТЫ

Адмиралу флота, сюзерену Луча и Когтя, спор казался глупым. Но, конечно, так повелось у штатских. Священники и чиновники всегда спорят.

Действуют только военные!

Но все же адмирал признавал, что это большое событие — первое политическое решение, принятое втроем. Так, по традиции губру достигают Истины — путем стрессов и разногласий, убеждения и танца, пока не будет достигнут новый консенсус.

А тем временем…

Сюзерен Луча и Когтя отбросил эту мысль. Слишком рано думать о Слиянии. Будет еще много споров, много интриг и маневров, много борьбы за высший насест, пока не настанет день Слияния.

А что касается первого спора, адмирал был доволен: он оказался в положении арбитра между двумя спорящими.

Хорошее начало.

Земляне в маленьком космопорте прислали хорошо сформулированный формальный вызов. Сюзерен Праведности настаивал на том, что солдаты Когтя должны теперь атаковать защитников. Сюзерен Стоимости и Бережливости не соглашался. Они уже кружат друг возле друга на командном мостике флагмана, выкрикивая доводы.

Сократить расходы!

Сократить настолько, чтобы не пришлось,

Не пришлось оголять другие фронты!

Сюзерен Стоимости и Бережливости тем самым напоминал, что их экспедиция — лишь одна из многих, для которых требуются силы клана гуксу-губру. В сущности, это незначительное периферийное сражение.

Положение в галактической спирали напряженное. В такие времена долг сюзерена Стоимости и Бережливости — ограждать клан от чрезмерных расходов. В ответ сюзерен Праведности негодующе растопырил оперение воротника.

Что значат расходы,

Что они означают,

Что символизируют,
Если мы падем,
Потерпим поражение,
Унизимся,
Лишимся праведности
В глазах наших предков?
Мы должны поступать правильно!
Зуууун!

Со своего командного поста сюзерен Луча и Когтя наблюдал за спором, ожидая, где проявится рисунок господства. Поразительно видеть и слышать превосходный танец-спор тех, кто избран быть партнерами адмирала. Все трое представляют великолепный образец инженерии «горячего яйца», предназначенной для высиживания лучших представителей расы.

Скоро стало очевидно, что его партнеры зашли в тупик. И теперь решать предстоит сюзерену Луча и Когтя.

Разумеется, для экспедиционных сил гораздо дешевле просто не обращать внимание на дерзких волчат там, внизу, пока газ принуждения не заставит их сдаться. Или простым приказом превратить их оплот в дымящиеся развалины.

Но сюзерен Праведности против обоих решений. Священник утверждает, что такие действия приведут к катастрофе.

А чиновник проявляет такую же неуступчивость из-за бесцельной, ради красивого жеста, гибели солдат.

Оказавшись в тупике, двое командующих смотрели на сюзерена Луча и Когтя, продолжая кружить и вскрикивать, раздувая пушистое оперение.

Наконец адмирал расправил собственный плюмаж и сошел с насеста, чтобы присоединиться к ним.

Ввязаться в наземную схватку – стоит дорого,

Означает дополнительные затраты,

Но это почетно,

Это достойно восхищения.

Определяет третий фактор,

Он помогает принять решение.

Солдатам Когтя

Необходима тренировка.

Бездумная агрессия против войск волчат.

Наземные силы атакуют их,
Клюв к клюву,
Коготь к когтю.

Вопрос решен. Насест-полковник солдат Когтя отдал честь и отправился выполнять приказ.

Конечно, после такого решения насест Праведности станет чуть выше.

Насест Бережливости понизится. Но спор за господство только начинается.

Так было у их отдаленных предков, еще до того, как гуксу превратили примитивных губру в космическую расу. Их патроны мудро использовали древние привычки и образцы, превратили в логичную и полезную форму руководства народом разумных.

Но сохраняются и древние функции. Сюзерен Луча и Когтя дрожал, чувствуя, как спадает напряжение спора. Все трое пока еще бесполы, но адмирал на мгновение ощутил пробуждение глубоко запрятанной сексуальности.

Глава 21
ФИБЕН И РОБЕРТ

Две группы спасателей встретились на тропе

за милю до поселка.

Встреча была невеселой. Трое вышедших утром с Бенджамином так устали, что смогли только кивнуть подавленным шимпам, возвращающимся с места крушения.

Но спасенные при виде друг друга оживились.

— Роберт! Роберт Онигл! Тебя выпустили из школы? А мама знает, где ты?

Раненый шимп опирался на самодельный костыль и был одет в лохмотья корабельного костюма. Роберт посмотрел на него с носилок и улыбнулся сквозь туман анестезии.

— Фибен! Так это ты задымил все небо? Тебе подходит. Что ты там делал? Поджаривал разведчик стоимостью в десять мегакредитов?

Фибен закатил глаза.

— Скорее пять мегов. Старая лохань, хотя меня она выручила.

Роберт почувствовал странную зависть.

— Вот как? Значит, мы разбиты наголову?

— Как сказать. Один на один мы сражались хорошо. Все бы обошлось, если бы нас хватало.

Роберт понимал, о чем говорит его друг. — Ты хочешь сказать, что нет пределов, которых мы не достигли бы…

— С неограниченным количеством обезьян? —

прервал его Фибен. Фырканье его меньше напоминало смех, чем ироническую улыбку.

Остальные шимпы в ужасе мигали. Такой уровень болтовни им недоступен, но они испугались, услышав, как этот шимп разговаривает с человеком, к тому же сыном планетарного координатора!

— Хотел бы я оказаться там с тобой, — серьезно сказал Роберт.

Фибен пожал плечами.

— Да, Роберт. Знаю. Но каждому свое. — Долгое время они молчали.

Фибен достаточно хорошо знал Меган Онигл, чтобы посочувствовать Роберту.

— Что ж, — вымолвил наконец Фибен, — теперь нам предстоит отсиживаться в горах, продавливать кровати и приставать к сестрам. — Он вздохнул и посмотрел на юг. — Если сможем выдержать разряженный воздух. — Он взглянул на Роберта. — Эти шимпы рассказали мне о нападении на Центр.

Страшновато.

— Кленни помогает им справиться, — ответил Роберт. Он начал отвлекаться. Его явно начинили дельфиньей дозой успокоительного. — Она много знает… гораздо больше, чем понимает сама.

Фибен слышал о дочери посла тимбрими.

— Конечно, — негромко ответил он; шимпы снова подняли его носилки. — Ити помогает справиться. А не отправит ли твоя подружка всех в тюрьму, хоть у нас и вторжение?

Но Роберт был уже далеко. И у Фибена создалось странное впечатление.

Как будто облик Роберта перестал быть человеческим. Его сонная улыбка казалась какой-то… неземной.

Глава 22
АТАКЛЕНА

Много шимпов вернулось в Центр; они выходили из леса, куда их отправили прятаться. Фредерик и Бенджамин распределяли между ними работу.

Нужно было разбирать и сжигать здания и их содержимое. Атаклена со своими двумя помощниками переходила с места на место, тщательно записывая все перед сожжением.

Работа была трудная. Никогда в своей жизни, жизни дочери дипломата, Атаклена так не уставала. Но она не смела оставить хоть ничтожные доказательства незафиксированными. Это во-

прос долга.

Примерно за час до сумерек в лагерь вернулась группа горилл, огромных размеров, темных, сгорбленных и гораздо больше похожих на животных, чем сопровождающие их шимпы. Под тщательным присмотром гориллы выполняли простые задания, помогая уничтожать единственный известный им дом.

Смущенные существа смотрели, как их тренировочный и испытательный центр вместе с домами клиентов превращается в уголья. Некоторые даже пытались помешать уничтожению, они вставали перед маленькими, вымазанными сажей шимпами, энергично жестикулировали, пытались сказать, что это плохо.

Атаклена понимала, что для них этот поступок совершенно непонятен и нелогичен. Но дела существ класса патронов часто кажутся нелепыми.

В конце концов рослые предклиенты остались стоять среди дымящихся развалин, у ног их лежали небольшие груды личных вещей: игрушки, сувениры, простейшие инструменты. Гориллы молча смотрели на разрушение, не зная, что делать.

К вечеру Атаклена была совершенно истощена волнами эмоций, проносящихся по поселку. Она

сидела на пне, в наветренном направлении от горящих зданий, и слушала низкие тихие стоны больших обезьян. Помощники с камерами и мешками образцов сидели рядом, глядя на разрушение, в их глазах отражалось пламя.

Атаклена убрала свою корону; теперь она могла кеннировать только глиф Единства — свечение, в которое вносят свой вклад все живые существа лесной долины. И даже это изображение колебалось, мерцало. Она видела его метафорически — слезливое, свисающее, как траурный разноцветный флаг. Она скрепя сердце признавала, что это благородно. Эти ученые нарушали договор, но их нельзя обвинить в том, что они делают нечто неестественное.

По всем меркам гориллы готовы к возвышению не меньше, чем были готовы шимпанзе за сто земных лет до Контакта. Когда Контакт привел их во владения галактической культуры, люди вынуждены были идти на компромиссы.

Официально договор о владении, который передавал им права на их родную планету, предусматривал сохранение невозделанных видов Земли; обладающие Потенциалом существа нельзя использовать впопыхах.

Все знали, что, вопреки легендарной склонно-

сти человека к геноциду.

Земля представляет собой великолепный образец генетического разнообразия, редкого количества типов и форм, не затронутых галактической цивилизацией.

А когда предразумная раса готова к возвышению, она к нему готова!

Нет, договор явно был навязан землянам, когда они были еще слабы. Им разрешили претендовать на неошимпанзе и неодельфинов — но эти виды еще до Контакта далеко прошли по дороге к разуму. Однако старшие кланы не собирались позволять людям заводить себе новых клиентов!

Ведь это дало бы волчатам статус старших патронов! Атаклена вздохнула.

Конечно, это нечестно. Но сейчас уже неважно. Галактическое сообщество держится на выполнении договоров. Договор — это торжественная клятва, данная всей расой. И нарушение договора не может остаться незамеченным.

Атаклене хотелось, чтобы здесь был ее отец. Утакалтинг знал бы, как поступить с тем, что она видела: с незаконным центром, созданным с самыми благими намерениями, и с жестокими, но законными действиями губру.

Но Утакалтинг далеко, слишком далеко даже

для сети эмпатии. Она может только сказать, что его личный ритм слабо вибрирует на уровне нахакиери. И хоть приятно закрыть глаза и внутренние уши и кеннировать его, слабое напоминание об отце мало что говорит ей. Сущность нахакиери может сохраняться, даже когда личность покидает жизнь, как у ее давно покойной матери Матиклуанны. Эти подобия песен земных китов на грани сознания того, кто живет мечом и огнем. — Прошу прощения, мэм. — Хриплый голос, не громче шепота, грубо разрушил слабый подглиф, рассеял его. Атаклена покачала головой. Раскрыла глаза и увидела неошимпанзе с перепачканной сажей шерстью и обвисшими от усталости плечами.

— Мэм? С вами все в порядке?

— Да. Все хорошо. А в чем дело? — Англик царапал гортань, надорванную дымом и усталостью.

— Директора хотят вас видеть, мэм.

Болтун. Атаклена слезла с пня. Ее помощники с театральными стонами собрали ленты и образцы и пошли за ней.

В доке стояло несколько грузовых тележек. Шимпы и гориллы доставляли во флаеры носилки; потом флаеры на негромко гудящих гравитационных двигателях поднимались в ночь

и исчезали в направлении Порт-Хелении.

— Я считала, что дети и старики уже эвакуированы. Почему вы так торопливо отправляете людей?

Посыльный пожал плечами. Стрессы прошедшего дня отразились на многих шимпах, лишив их налета цивилизованности. Атаклена была уверена, что только присутствие горилл и необходимость показывать им пример спасает шимпов от массовых приступов стресс-атавизма. Удивительно, до чего хорошо держится такая молодая раса клиентов. Связные выходили из больницы и заходили в нее, но они редко обращались к директорам-людям. Ученый-неошимп доктор Шульц, казалось, самостоятельно решал все вопросы. А шимпа Фредерика рядом с ним заменил спутник Атаклены Бенджамин.

Поблизости лежала небольшая кучка документов и кубов с генеалогией и генетическими данными обо всех живших в поселке гориллах.

— Уважаемая тимбрими Атаклена. — Шульц говорил без тени обычного для шимпов ворчания. Он поклонился, потом пожал ей руку по обычаю людей — раскрытой ладонью с отведенным большим пальцем.

— Прошу простить наше скромное госте-

приимство, — говорил он. — Мы собирались приготовить торжественный ужин на главной кухне… устроить что-то вроде праздника. Но, боюсь, придется обойтись консервированными продуктами.

Подошла маленькая шимми с подносом, уставленным небольшими контейнерами.

— Доктор Элейн Су, наш специалист по питанию, — представил Шульц. — Она говорит, что вам эти продукты могут понравиться.

Атаклена смотрела на баночки. Кутра! Здесь, в пятистах парсеках от дома, увидеть печенье, которое готовят в ее родном городе! Не в силах удержаться, она рассмеялась вслух.

— Мы загрузили такие продукты и разные припасы в ваш флиттер.

Рекомендуем вам улетать как можно быстрее. Очень скоро заработает сеть спутников губру, и тогда перелеты станут невозможны.

— Ну, лететь в сторону Порт-Хелении неопасно, — возразила Атаклена. — Губру ожидают, что туда будут слетаться люди в поисках противоядия. — Она указала на сцену лихорадочной деятельности. — К чему эта паника, которую я ощущаю? Почему вы так срочно эвакуируете людей? Кто?..

Шульц, казалось, не решается прервать ее; тем не менее он откашлялся и многозначительно покачал головой. Бенджамин умоляюще взглянул на Атаклену.

— Пожалуйста, сэр, — еле слышно попросил Шульц. — Пожалуйста, говорите тише. Большинство наших шимпов еще не догадываются... — Он замолчал.

Атаклена почувствовала холодок вдоль шлема волос. Впервые она пристально посмотрела на директоров-людей — Таку и М'Бзвелли. Они все время молчали и только кивали, словно одобряя все сказанное.

Черная женщина Така улыбнулась ей не мигая. Корона Атаклены расправилась и тут же свернулась в отвращении.

Атаклена повернулась к Шульцу.

— Вы ее убиваете!

Шульц неуверенно кивнул.

— Пожалуйста, сэр. Тише! Вы, конечно, правы. Я дал им лекарства, чтобы они хорошо выглядели, пока немногие шимпы-администраторы закончат все и уведут остальных без паники. Они сами на этом настояли. Доктор Така и доктор М'Бзвелли почувствовали, что быстро поддаются действию газа, — печально добавил он.

— Вы не должны их слушаться! Это убийство!

Бенджамин выглядел ошеломленным. Шульц кивнул.

— Это нелегко. Шимп Фредерик не смог перенести и сам ушел в мир иной.

Я тоже, вероятно, скоро умру, хотя моя смерть не так неизбежна, как смерть моих коллег-людей.

— Что это значит?

— Это значит, что губру плохие химики. — Пожилой неошимп горько рассмеялся, закончив смех кашлем. — Их газ убивает людей. И гораздо быстрее, чем они объявили. Но он действует и на шимпов. Атаклена перевела дыхание.

— Понимаю. — Хотела бы она не понимать этого.

— Мы считаем, что вы должны знать еще кое-что, — сказал Шульц. — Новое сообщение захватчиков. К сожалению, оно на галактическом-три: губру отвергают англик, а наша переводческая программа несовершенна. Но мы знаем, что сообщение касается вашего отца.

Атаклена как будто отодвинулась, как будто повисла высоко над всеми.

В таком состоянии ее оцепеневшие чувства отмечали незначительные подробности. Она

кеннировала простую экосистему леса: маленькие лесные животные бегают по своим делам, морщат носы от острого запаха пыли, избегают местности вблизи Центра, потому что там еще горят огни.

— Да, — она кивнула — заимствованный жест, который снова показался ей чуждым. — Расскажите.

Шульц прочистил горло.

— Как будто видели, как космический корабль вашего отца покинул планету. Его преследовали военные корабли. Губру утверждают, что он не достиг пункта перехода.

— Конечно, нельзя доверять всему, что они говорят…

Атаклена чуть покачнулась, бедра ее слегка вывернулись из суставов. Начало скорби — как дрожь губ девушки-человека, предчувствующей потерю.

«Нет, я не буду сейчас думать об этом. Позже. Позже я решу, что должна чувствовать».

— Конечно, вы можете рассчитывать на любую нашу помощь, — негромко продолжал шимп Шульц. — На вашем флиттере есть не только пища, но и оружие. Если хотите, можете лететь туда, куда эвакуирован ваш друг Роберт Онигл.

— Однако, мы надеемся, что вы некоторое время побудете с нами, по крайней мере до тех пор, пока гориллы не будут в безопасности в горах под присмотром уцелевших специалистов-людей.

Шульц выжидающе смотрел на нее печальными карими глазами.

— Я знаю, мы много просим, уважаемая тимбрими Атаклена, но не присмотрите ли вы за нашими детьми, когда они отправятся в изгнание?

Глава 23
ИЗГНАНИЕ

Машина с негромко гудящими гравитационными двигателями парила над темными острыми камнями. Укороченные полуднем тени снова начали расти по мере того, как Гимельхай проходил зенит. Флиттер сел между камнями.

Двигатели его смолкли.

В условном месте пассажиров флиттера ждал вестник. Когда Атаклена вышла из машины, курьер-шимп протянул ей записку; Бенджамин торопливо маскировал маленький флиттер от радаров. В письме Хуан Мендоза, фермер из горной местности за проходом Дерны, сообщал

о благополучном прибытии Роберта Онигла и Эприл Ву. В сообщении говорилось, что Роберт быстро выздоравливает. И примерно через неделю будет совсем здоров. Атаклена почувствовала облегчение. Ей очень хотелось увидеть Роберта — и не только потому, что ей нужен совет, как управляться с разношерстной толпой беженцев: горилл и неошимпанзе.

Некоторые шимпы из Хаулеттс-Центра, те, на кого подействовал газ, вместе с людьми ушли в город, надеясь, что им выдадут обещанное противоядие… и что оно поможет. И в распоряжении Атаклены оставалась кучка техников-шимпов, на которых она могла полагаться.

Может, подойдут еще шимпы, говорила себе Атаклена, может, даже люди, представители правительства, которые избежали пленения у губру. Она надеялась, что появится кто-нибудь, облеченный властью, — и появится скоро.

Другое послание из фермы Мендозы написал шимп, переживший космическую схватку. Вояка предлагал помощь в установлении связи с силами сопротивления.

Атаклена не знала, что на это ответить. В поздние часы вечером, когда огромные корабли опускались в Порт-Хелению и города архипелага,

вся планета обменивалась лихорадочными теле– и радиосообщениями. Поступали сведения о том, что в порту идет бой, и даже, кажется, рукопашный. Потом наступило молчание, и армада губру высадилась без всяких помех.

Казалось, сопротивление, которое так тщательно готовил Совет планеты, прекратилось за полдня. Все связи были прерваны, управление нарушилось: никто не предполагал, что будет применен газ принуждения. Что можно сделать, если почти все люди на планете сразу вышли из строя?

Шимпы тут и там пытались организоваться, главным образом по телефону.

Но дальше туманных планов дело не шло.

Атаклена отложила листочки и поблагодарила посыльного. За последнее время она несколько изменилась: то, что вчера еще было смятением и печалью, сегодня превратилось в упрямую решимость.

"Я выдержу. Утакалтинг ждал бы от меня этого, и я не обману его ожиданий.

Где бы я ни была, врагу не поздоровится".

Она, конечно, сохранит также свидетельства, которые собрала. И когда-нибудь появится возможность представить их властям тимбрими.

Таким образом ее народ покажет людям, как должна вести себя раса патронов. А люди в таком уроке очень нуждаются. Пока еще не поздно.

Если уже не поздно.

На склоне холма к ней присоединился Бенджамин.

— Там! — Он указал на долину внизу. — Они там, как раз вовремя!

Атаклена заслонила глаза. Корона ее устремилась вперед и коснулась эмоциональной сети.

«Да. А теперь я их и вижу».

Внизу в лесу двигалась длинная колонна: небольшие, коричневого цвета фигуры сопровождают многочисленную цепочку других, большего роста и потемнее. У каждого рослого существа за спиной большой рюкзак. Некоторые во время ходьбы опираются на костяшки пальцев одной руки. Среди взрослых бегают дети горилл, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие.

Сопровождающие шимпы вооружены лучевыми ружьями и держатся настороже.

Но следят не за колонной, а за небом и местностью.

Тяжелое оборудование кружными маршрутами уже переместили в известняковые пещеры в

горах. Но исход нельзя считать благополучным, пока там, в этой подземной крепости, не окажутся все беглецы.

Атаклена подумала, что происходит сейчас в Порт-Хелении и в городах архипелага. В сообщениях захватчиков еще дважды упоминалась попытка бегства курьерского корабля тимбрими, затем о ней не вспоминали.

Ей придется самой устанавливать, находится ли ее отец на Гарте. И жив ли он.

Атаклена коснулась небольшого медальона, который всегда висел у нее на шее. Это наследство ее матери — единственная нить короны Матиклуанны.

Печальное утешение, но даже такого у нее нет от Утакалтинга.

«Отец! Как ты мог оставить меня без единой путеводной нити?..» Колонна темных фигур быстро приближалась. Из долины доносилось негромкое рычание, полумузыка. Ничего подобного Атаклена раньше не слышала. Эти существа всегда обладали силой, а возвышение отчасти избавило их от хрупкости и уязвимости. И хотя их будущее по-прежнему неясно, это могучие создания.

Атаклена не собиралась бездействовать, просто заботиться о толпе предразумных и волосатых

клиентов. Еще одна черта роднит тимбрими и людей: не сидеть сложа руки, бороться с трудностями. Письмо раненого астронавта-шимпа заставило ее задуматься.

Она повернулась к помощнику.

— Я не очень свободно владею земными языками, Бенджамин. Мне нужно слово. Такое, которое описывает необычные военные силы.

— Я имею в виду армию, которая передвигается по ночам и в тени.

Которая наносит удары стремительно и беззвучно, пользуясь неожиданностью нападения, чтобы компенсировать свою малочисленность и слабую вооруженность. Я читала, что в доконтактной истории Земли такие армии встречались часто. Эти армии, когда им было удобно, действовали привычными методами, а когда нужно, нарушали их.

— Это будет к'чу-нон краан — армия волчат, подобной которой никогда не существовало. Ты понимаешь, о чем я говорю, Бенджамин?

Есть ли название для того, что я имею в виду?

— Вы хотите?.. — Бенджамин быстро взглянул на колонну частично возвышенных обезьян, идущих по лесу, напевая свою странную походную песню.

Он покачал головой, очевидно пытаясь сдержаться, но лицо его покраснело, и наконец он разразился смехом. Бенджамин с хохотом упал на землю, перевернулся на спину. Катался в пыли Гарта, задирал ноги в небо и хохотал.

Атаклена вздохнула. Вначале на Тимбриме, потом среди людей и наконец здесь, среди самых молодых клиентов, — всюду ей попадаются смешливые.

Она терпеливо смотрела на шимпанзе, ждала, пока маленький глупец успокоится, восстановит дыхание и наконец объяснит ей, что же смешного он нашел в ее словах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ПАТРИОТЫ

Эвелин, модифицированная собака,
Смотрела на дрожащий край
Особой салфетки,
Наброшенной на пианино, с некоторым удивлением –
В потемневшей комнате,
Где стулья разбросаны в беспорядке,
А ужасные занавеси
Приглушают дождь,
Она не могла поверить своим глазам –
Странный ветерок, дыхание с запахом чеснока,
Больше похожее на сопение,
Где-то вблизи «Стейнвея»
(или даже изнутри него),
Заставляло край салфетки колебаться,
Дрожать в полутьме –
Эвелин, собака, претерпевшая
Дальнейшие модификации,
Размышляла о значении

Личного поведения
Панхроматического резонанса нажатой педали
И о других окружающих событиях…
«Ав!» – сказала она.
Фрэнк Заппа

Глава 24
ФИБЕН

С крыши низкого темного бункера высокие худые журавлеобразные фигуры наблюдали за дорогой. Их силуэты, четко видные на фоне полуденного солнца, постоянно перемещались; они нервно переступали с одной костлявой ноги на другую, как будто малейшего звука достаточно, чтобы вспугнуть их и заставить улететь.

Серьезные создания, эти птички. И демонически ужасные.

«Не птицы», — напомнил себе Фибен, приближаясь к условленному месту.

По крайней мере не в земном смысле.

Но аналогия подойдет. Тела их покрыты тонким пухом. На худых вытянутых лицах торчат острые ярко-желтые клювы.

И хотя традиционные крылья превратились теперь в тонкие оперенные руки, эти существа могут летать. Черные блестящие антигравитационные ранцы за спиной у каждого с избытком компенсируют то, что утратили их предки.

Солдаты Когтя. Фибен вытер руки о шорты, но ладони оставались влажными. Он пнул голой ногой камень и похлопал по боку свою клячу. Спокойное животное начало щипать пучки голубой местной травы у дороги.

— Пошли, Тихо, — сказал Фибен, натягивая поводья. — Нельзя задерживаться, иначе они что-нибудь заподозрят. И ты знаешь: от этой травы тебя пучит.

Лошадь тряхнула массивной серой головой и громко выпустила газы.

— Я же тебе говорил. — Фибен помахал рукой перед носом.

За лошадью плыл грузовой фургон. Измятые полузаржавевшие бункеры забиты грубыми джутовыми мешками с зерном. Очевидно, антигравитационный статор еще работает, но двигатель вышел из строя.

— Пошли. Пора убираться отсюда. — Фибен снова потянул поводья.

Тихо храбро кивнул, словно рабочая лошадь

действительно поняла.

Постромки натянулись, и фургон, покачиваясь, поплыл дальше. Они приближались к контрольно-пропускному пункту.

Но вскоре впереди послышался воющий звук — предупреждение о движении на дороге. Фибен торопливо отвел лошадь и фургон в сторону. Мимо с высоким воем и с порывом воздуха пронеслось бронированное судно на воздушной подушке. Весь день такие суда по одному и по двое пролетают на восток.

Фибен тщательно проверил, свободна ли дорога, потом снова вывел на нее Тихо. Он нервно сутулился. Тихо фыркнул, уловив незнакомый запах захватчиков. — Стой!

Фибен невольно подпрыгнул. Усиленный громкоговорителем голос звучал механически, невыразительно, жестко.

— Двигайся, двигайся в сторону… для осмотра!

Сердце Фибена забилось сильнее. Он был рад, что по роли ему полагается быть испуганным. Это совсем не трудно.

— Быстрее! Поторопись и назови себя!

Фибен подвел Тихо к инспекционной стойке в десяти метрах вправо от дороги. Он привязал лошадь к столбу и заторопился туда, где ждали

два солдата Когтя.

Ноздри Фибена расширились от пыльного лавандового запаха чужаков. «Интересно, каковы они на вкус», — свирепо подумал Фибен. Для его пра-в-десятой-степени-деда не имело бы никакого значения, что это разумные существа. Птицы — всегда птицы, по мнению его предков. Фибен низко поклонился, сложив перед собой руки, и впервые так близко увидел захватчиков. Вблизи они не впечатляли. Правда, острые желтые клювы и подобные лезвиям когти выглядели грозно. Но эти существа с тонкими ногами едва ли выше самого Фибена, а кости у них тонкие и полые.

Неважно. Это космические путешественники, старшие патроны. Их культура и технология, созданные на основе Библиотеки, стали высокоразвитыми задолго до того, как люди выпрямились в саваннах Африки, с боязливым любопытством встречая рассвет. К тому времени, как громоздкие корабли людей столкнулись с галактической цивилизацией, губру и их клиенты завоевали себе место среди самых влиятельных межзвездных кланов. Яростный консерватизм и поверхностное следование Библиотеке далеко увели их от того состояния, в котором их застали на родной планете губру и вывели к разуму их собственные

патроны.

Фибен вспомнил непобедимые огромные военные крейсеры, темные и неуязвимые под своими меняющими окраску защитными полями, за которыми светился край галактики.

Тихо заржал и отшатнулся, когда один из солдат Когтя с лазерным ружьем в руках прошел мимо к неуклюжему фургону. Чужак забрался в плавающий в воздухе фургон, чтобы осмотреть его. Второй что-то щебетал в микрофон. Серебряный медальон, погруженный в мягкий пух на шее существа, произнес на англике:

— Назовись… назовись и укажи цель поездки!

Фибен съежился и задрожал, изображая страх. Он был уверен, что солдаты Когтя мало что знают о неошимпах. За несколько столетий после Контакта не так уж много информации прошло через мощный бюрократический заслон Библиотеки и попало в отраслевые ветви. А галакты, конечно, во всем полагаются на Библиотеку.

Но все же правдоподобие очень важно. Предки Фибена знали только один ответ на угрозу, когда сопротивление невозможно. Подчинение. И Фибен умел изобразить его. Он скорчился и застонал.

Губру в явном раздражении засвистел. Оче-

видно, с таким поведением ему уже доводилось встречаться. Он снова защебетал, на этот раз медленнее.

— Не бойся, тебе ничего не грозит, — медальон-переводчик зазвучал немного тише. — Ты в безопасности… в безопасности… Мы губру…

Галактические патроны высшего класса… Ты в безопасности… Молодые полуразумные в безопасности, если слушаются нас… Ты в безопасности…

Полуразумные… Фибен потер нос, чтобы скрыть возмущенную гримасу. Конечно, так и должны считать губру. И, по правде говоря, вряд ли другая раса клиентов после четырехсот лет возвышения может быть названа подлинно разумной.

Тем не менее Фибен отметил еще один пункт, за который нужно отомстить.

Он понимал отдельные слова захватчика еще до того, как медальон переводил их. Но краткий курс галактического-три в школе дает не очень много, да к тому же у губру свой диалект.

— Ты в безопасности, — успокаивал переводчик. — Люди не заслуживают таких хороших клиентов… Ты в безопасности…

Фибен попятился и поднял голову. «Не переигрывай», — одернул он себя.

И поклонился птицеподобному существу — поклоном двуногого клиента патрону старшей расы. Чужак не заметит небольшую вольность: Фибен вытянул средний палец, выразительно приправил жест.

— А теперь, — с облегчением произнес переводчик, — назовись и объясни свою цель.

— Э-э-э… я Ф… Фибен… хм… с…сэр. — Руки его мелькали в воздухе. Конечно, это театр, но губру, возможно, знают, что у неошимпанзе в состоянии стресса используется для речи тот участок мозга, который первоначально отвечал за координацию движений.

Похоже, солдат Когтя действительно был раздражен. Оперение его распушилось, он подпрыгнул, начиная танец.

— Цель… цель… назови цель своего приближения к городу!

Фибен снова быстро поклонился.

— Э-э-э… машины больше не работают… людей нет… никто на ферме не говорит, что нам делать…

Вернулся второй губру и коротко поговорил с первым. Фибен достаточно знал гал-три, чтобы уловить суть.

Фургон действительно с фермы. Не нужно быть

гением, чтобы понять: достаточно разморозить роторы, и они снова заработают. Только идиот потащит исправную антигравитационную машину на лошади, не в состоянии самостоятельно произвести простой ремонт.

Первый стражник прижал когтистой, с плоскими пальцами рукой медальон-переводчик, но Фибен понимал, что его мнение о шимпах, и так невысокое, падает на глазах. Захватчики даже не позаботились снабдить неошимпов идентификационными карточками.

Столетия земляне — люди, дельфины и шимпы — знали, что галактика — опасное место. И лучше, чтобы тебя считали глупее, чем ты есть на самом деле. Уже перед вторжением среди шимпов Гарта было распространено сообщение, что необходимо вернуться к прежним манерам в духе "Да, масса!

Слушаюсь, масса!".

«Да, — напомнил себе Фибен, — но никто и не подумал, что людей может вообще не остаться!» Думая о людях: мелах, фемах и детях, — Фибен ощущал комок в желудке. Они сейчас жмутся за колючей проволокой в концентрационном лагере.

О, да! Захватчики заплатят за это.

Солдаты Когтя сверились с картой. Первый губру выпустил свой переводчик и снова защебетал, обращаясь к Фибену.

— Можешь идти, — рявкнул переводчик. — Иди к восточному гаражному комплексу… Можешь идти… Восточный гараж… Ты знаешь, где восточный гараж?

Фибен торопливо кивнул.

— Да, сэр.

— Хорошее… хорошее существо… отвези зерно на склад, потом иди в гараж… в гараж… хорошее существо… Ты понял?

— Да!

Фибен отступал, пятясь и кланяясь, потом неуклюже заторопился, усиленно шаркая ногами, к столбу, к которому был привязан Тихо. Отведя глаза, он снова вывел лошадь на дорогу. Солдаты лениво смотрели, как он проходит, обмениваясь презрительными замечаниями. Они были уверены, что он их не понимает.

«Проклятые глупые птицы», — подумал он. Прикрепленная к поясу миниатюрная камера запечатлела пункт, солдат, антигравитационный танк, пролетевший мимо через несколько минут. Экипаж танка загорал на плоской верхней палубе.

Губру смотрели на него с палубы. Фибен помахал им.

«Бьюсь об заклад, в оранжевом желе вы очень вкусны», — подумал он, глядя на пернатые существа.

Фибен натянул поводья.

— Пошли, Тихо, — сказал он. — К ночи нужно добраться до Порт-Хелении.

В долине Синда фермы еще работали.

По традиции, когда космической расе передавали по лицензии планету, она как можно больше территории оставляла в первозданном виде. И на Гарте большая часть поселений землян располагалась на архипелаге мелкого Западного моря. Только эти острова были полностью преобразованы и заселены земными животными и растениями.

Но Гарт — особый случай. Бурурали оставили его в ужасном состоянии, и нужно было быстро предпринять что-то, чтобы восстановить неустойчивую экосистему планеты. Для предотвращения новой катастрофы нужно было вводить новые виды. А это означало работу и на континентах.

В Мулунских горах один узкий водораздел преобразовали полностью.

Земным организмам, которые отлично себя здесь чувствовали, позволено было под тщательным присмотром распространиться по холмам, медленно заполняя экологические бреши, образовавшиеся во время катастрофы буруралли. Очень тонкий эксперимент в практической планетарной экологии, но его стоило проводить. Земляне на Гарте и на других мирах, испытавших катастрофы, постепенно приобретали репутацию экологических волшебников. Даже самые злобные критики человечества вынуждены были одобрить такую работу.

Но сейчас все это нарушилось. Фибен миновал три экологические станции. Бездейственно, в беспорядке стояли заборщики образцов и роботы-следопыты.

Все это признаки тяжелого кризиса. Захватить людей в заложники — одно дело. Современные правила ведения войны такую тактику почти признают. Но то, что губру вмешиваются в восстановление Гарта, свидетельствует о дурных настроениях в галактике.

Восстанию это не предвещает ничего хорошего. А что если губру решили вообще не соблюдать военный кодекс? Если готовы уничтожить планету?

«Это проблема генерала, — решил Фибен. — Я всего лишь шпион. А она специалист по ити».

Но фермы все же работают. Фибен миновал поле, засеянное зигопшеницей, и другое — с морковью. Робоуборщики ходили кругами, пололи и поливали.

Кое-где виднелись удрученные шимпы, они управляли паукоподобными контроллерами, следили за механизмами.

Иногда они махали ему. Чаще — нет.

В одном месте Фибен заметил двух вооруженных губру. Они стояли на изрытом поле рядом со своим флиттером. Подойдя ближе, Фибен увидел, что они ругают фермера-шимми. Подпрыгивая и поворачиваясь, птицеобразные указывали на опавшие всходы. Работница кивала с несчастным видом, вытирая руки о поблекшие саржевые брюки. Она искоса взглянула на проезжавшего мимо Фибена, но губру продолжали ругать ее и не обратили на него внимания.

Очевидно, губру беспокоились о состоянии урожая. Фибен надеялся, что урожай нужен им для заложников. Но, может, им самим не хватает припасов. Проехав довольно большое расстояние, он свернул в маленькую рощу фруктовых деревьев. Лошадь отдыхала, щипала земную траву, а Фибен

присел за деревом и облегчился.

Он заметил, что сад уже давно не опрыскивался от вредителей. Лишенные жала осы по-прежнему вились над цветами апельсинов, хотя вторичное цветение кончилось уже недели две назад и для опыления насекомые не нужны.

Воздух напоен ароматом почти созревших фруктов. Осы ползали по кожуре, пытаясь пробиться к сладости под ней.

Неожиданно, не раздумывая, Фибен протянул руку и схватил несколько насекомых. Очень легко. Он поколебался, потом сунул насекомых в рот.

Сочные и хрустящие, похожи на термитов. «Я только помогаю бороться с вредителями», — подумал он, и его коричневые руки снова устремились за осами. Вкус хрустящих крылышек напомнил ему, как давно он не ел.

— Если я собираюсь работать в городе ночью, мне нужно поесть, — вслух подумал он. И оглянулся. Лошадь мирно паслась поблизости. Больше никого не видно.

Фибен снял пояс с инструментами и отступил на шаг. Потом, все еще оберегая левую ногу, прыгнул на ствол и взлетел на усыпанные плодами ветки. «Ах», — подумал он, срывая почти созрев-

шие красноватые шары. Он ел их как яблоки, целиком, с кожурой. Вкус острый и вяжущий, в отличие от пресной человеческой пищи. Многие шимпы уверяют, что она им нравится.

Фибен сорвал еще два апельсина и на закуску сунул в рот несколько листьев. Потом вытянулся на спине и закрыл глаза.

Вверху, когда компанию ему составляют только жужжащие осы, Фибен почти может убедить себя, что он равнодушен к судьбе этого мира. Он выкинул из головы войны и другие глупые занятия разумных существ. Фибен надул толстые выразительные губы. Почесался под мышкой.

— Ук, ук!

Он фыркнул, почти засмеялся молча и представил себе, что находится в Африке, которую не видели даже его прапрадеды. Он на лесистых холмах, которых не коснулись еще его гладкокожие большеносые двоюродные братья.

Какой была бы вселенная без людей? Без ити? Без всех, кроме шимпов?

«Рано или поздно мы изобрели бы космические корабли, и вселенная принадлежала бы нам».

Облака катились над головой, а Фибен лежал на ветке на спине, закрыв глаза, и наслаждался своими фантазиями. Осы тщетно жужжали,

возмущенные его присутствием. Он простил их дерзость, поймал еще нескольких и закусил.

Но, как ни старайся, иллюзию одиночества не поддержишь. Послышался новый звук, гулкий шум сверху. И как Фибен ни пытался, он не смог сделать вид, что не слышит, как по небу пролетают непрошенные воздушные корабли чужаков.

Сверкающая ограда высотой в три метра окружала холмистую территорию, на которой расположена Порт-Хеления. Внушительный заслон, быстро установленный специально роботами сразу после вторжения. В ограде несколько ворот, городские шимпы выходят и входят в них как будто без помех и расспросов. Но внезапно возникшая стена не может не пугать их.

Возможно, это ее главная цель.

Фибен подумал, как бы проделали этот трюк губру, если бы столица была настоящим городом, а не небольшим поселком на далекой провинциальной планете.

А где держат людей?

Уже стемнело, когда он миновал широкую полосу пней, по колено высотой, оставшихся от вырубленных деревьев перед оградой чужаков. Здесь планировали разбить парк, но теперь на земле, перед темной наблюдательной башней и

воротами, оставались лишь расколотые стволы.

Фибен приготовился к новому допросу, как на первом пропускном пункте, но, к его удивлению, никто его не окликнул. Фонари на двух столбах освещали землю у ворот. Дальше он увидел тьму, угловатые здания, тускло освещенные пустынные улицы.

Тишина казалась зловещей. Фибен сгорбился и негромко сказал:

— Идем, Тихо. Спокойно.

Лошадь фыркнула и медленно протащила фургон мимо серо-стального бункера.

Проходя, Фибен бросил быстрый взгляд внутрь сооружения. Там стояли два стражника, каждый на одной тонкой узловатой ноге, острые птичьи клювы были спрятаны в мягкий пух, растущий подмышками. На стойке рядом со стандартным галактическим коммутатором лежали два сабельных ружья.

Оба солдата Когтя казались крепко спящими!

Фибен фыркнул, его плоский нос снова сморщился, уловив сладковатый запах чужаков. Не впервые подмечает он приметы слабости в этих, по всеобщему мнению, неуязвимых фанатиках-губру. До сих пор все у них идет легко — слишком легко. Почти все люди собраны и нейтрализо-

ваны, и захватчики, по-видимому, считают, что угроза для них может прийти только из космоса. Несомненно, именно поэтому все защитные установки нацелены вверх. Почти ничего не сделано, чтобы предотвратить нападение с земли.

Фибен погладил свой нож в ножнах на поясе. Его одолевало искушение пробраться внутрь, проползти под сторожевыми лучами и преподать губру наглядный урок.

Порыв прошел, и Фибен покачал головой. «Позже, — подумал он. — Когда это причинит им больше вреда».

Похлопывая Тихо по шее, он провел лошадь через освещенное место перед воротами и углубился в индустриальный район города. Склады и фабрики тихи и темны.

По каким-то делам пробегают шимпы под присмотром изредка пролетающего патрульного скиммера губру.

Стараясь оставаться незамеченным, Фибен скользнул в переулок и отыскал здание склада без окон недалеко от единственной в колонии литейной. Он шепотом уговаривал Тихо, и тот подтащил фургон к задней двери, скрывавшейся в тени. Толстый слой пыли показывал, что к висячему замку уже давно никто не прикасался.

Фибен внимательно осмотрел его.

— Гм.

Достав из-за пояса тряпку, Фибен обернул ею дужку замка. Потом взял ее крепко в обе руки, закрыл глаза, сосчитал до трех и дернул.

Замок оказался прочен, но, как Фибен и подозревал, кольцо в двери проржавело. С приглушенным треском оно разорвалось. Фибен быстро откатил дверь в сторону. Тихо покорно прошел в темное помещение, втащив за собой фургон. Фибен огляделся, запоминая расположение громоздких прессов и металлообрабатывающих станков, прежде чем снова закрыть дверь.

— Тут тебе будет хорошо, — негромко сказал он, распрягая лошадь.

Вытащил из фургона мешок с овсом и высыпал зерно на пол. Потом из ближайшего крана наполнил водой лохань. — Я вернусь, если смогу, — добавил он. — А если нет, наслаждайся пару дней овсом, а потом начинай ржать. Я уверен, кто-нибудь услышит.

Тихо махнул хвостом и поднял голову от зерна. Он сердито взглянул на Фибена и испустил еще один пахучий комментарий.

— Хм. — Фибен кивнул, отгоняя вонь. — Ты, вероятно, прав, старый друг. Но вот что я тебе

скажу: твои потомки тоже будут беспокоиться, если кто-нибудь когда-нибудь преподнесет им сомнительный дар — разум.

Он на прощание потрепал лошадь, подошел к двери и выглянул. Изнутри все кажется спокойным. Гораздо спокойней, чем в генетически бедных лесах Гарта. По-прежнему мигает маяк на крыше здания Террагентства: вне всякого сомнения, теперь его используют в своих ночных операциях захватчики.

Где-то слышится негромкое электрическое гудение.

Отсюда недалеко до того места, где он должен встретиться со связным.

И это самая рискованная часть из его похода в город.

За те два дня, что прошли между первой газовой атакой и окончательным захватом губру всех средств связи, было высказано немало самых разнообразных предложений. Из Порт-Хелении на Архипелаг, оттуда в отдаленные районы континента делались лихорадочные телефонные звонки, посылались радиосообщения. Все это время человеческое население было очень занято, а немногочисленные правительственные линии связи кодированы. И поэтому брошенные

на произвол судьбы шимпы заполняли радиоэфир паническими предположениями и дикими планами, в основном невероятно тупыми.

Фибен считал, что это даже хорошо, потому что, несомненно, враг уже тогда подслушивал. И его мнение о неошимпанзе только укрепилось из-за этой истерии.

Но время от времени раздавались и разумные предложения. «Словесная шелуха иногда прикрывает ценные мысли». Перед смертью антрополог-человек доктор Така узнала сообщение своего бывшего ученика, некоего Гайлета Джонса, жителя Порт-Хелении. Именно к нему генерал решила послать на связь Фибена.

К несчастью, была такая сумятица! Только доктор Така могла сказать, как выглядит этот Джонс, но к тому времени, как догадались спросить, доктор Така умерла.

Фибен не был уверен ни в месте встречи, ни в пароле.

«Может, мы даже день назначили не тот», — ворчал он про себя.

Он выскользнул из склада и закрыл за собой дверь, повесив на место замок. Кольцо выглядело чуть покосившимся. Но если не приглядываться, ничего не заметишь.

Через час взойдет полная луна. Нужно двигаться, если он хочет вовремя добраться до места встречи.

Ближе к центру Порт-Хелении, но все еще в «плохом» районе, он остановился на небольшой площади и посмотрел на свет, струившийся из подвального окна работающего бара для шимпов. От громкой музыки стекла дрожали в рамах. Фибен, стоя на улице, подошвами ощущал вибрацию. На несколько кварталов это был единственный признак жизни, если не считать тусклых огней за завешенными окнами жилых квартир.

Прямо над головой пролетел жужжащий патрульный робот, и Фибен быстро отступил в тень. Башня машины повернулась, ствол уставился в Фибена.

Должно быть, машина засекла его своим инфракрасным зрением. Но прошла мимо, решив, что это просто неошимпанзе.

Фибен видел и другие согбенные фигуры на темных улицах. Очевидно, комендантский час скорее психологический, чем военный. Оккупанты не проявляли строгости, так как, по-видимому, не считали это необходимым.

Большинство тех, кто не остался дома, направ-

лялись в подобные места — «Обезьянья гроздь». Это излюбленное заведение простых рабочих и испытуемых-проби, тех, кто по эдикту возвышения ограничен в правах воспроизводства. Фибен заставил себя перестать почесывать подбородок.

Закон требовал, чтобы даже люди проходили генетическое обследование, прежде чем заводить детей. Но для клиентов — неошимпанзе и неодельфинов — законы чрезвычайно строги. В этой сфере либеральное земное общество точно выдерживало галактические стандарты. Приходилось либо подчиняться, либо потерять шимпов и финов. Их передадут каким-нибудь другим старшим патронам. Земля слишком слаба, чтобы позволить себе отвергать наиболее почитаемую галактическую традицию.

Примерно треть шимпов обладает зелеными картами воспроизводства; это позволяет им рожать детей под присмотром Совета возвышения и предусматривает наказания, если они пренебрегут осторожностью. Шимпов, имеющих серые и желтые карточки, гораздо больше и ограничений у них больше. Присоединившись к брачной группе, они имеют право использовать свою сперму или яйца, запасенные в отрочестве, до обязательной стерилизации. Если они доби-

ваются успехов в жизни, то такое разрешение им дается. Но гораздо чаще шимми с желтыми картами получают и вынашивают введенные техниками возвышения эмбрионы более «усовершенствованных» поколений.

Обладателям красных карт даже приближаться к детям шимпов не разрешается.

По стандартам до Контакта такая система может показаться жестокой. Но Фибен прожил в ней всю жизнь. На быстром пути возвышения генетическим фондом клиентов всегда управляют. По крайней мере с шимпами консультируются в ходе этого процесса. Не многие клиенты могут этим похвастать.

Недостаток такого положения в том, что появляется социальное расслоение. Обладателей синих карт, как Фибен, не очень доброжелательно встречают в таких местах, как «Обезьянья гроздь».

Но именно это место выбрано связным для встречи. Больше никаких сообщений не поступало, и Фибену ничего не остается, как ждать здесь.

Глубоко вздохнув, он перешел улицу и направился к рычащей и гремящей музыке.

Когда его рука коснулась дверной ручки, слева из тени послышался шепот:

— Хочешь розовую?

Вначале Фибен решил, что ему показалось. Но слова повторились, на этот раз чуть громче.

— Розовую? Ищешь напарницу?

Фибен вгляделся. Свет из окна мешал видеть в ночи, но он разглядел маленькое обезьянье лицо, почти детское. Шимп улыбнулся, сверкнули белые зубы.

— Розовую напарницу?

Фибен выпустил ручку, почти не веря своим ушам.

— Прошу прощения?

Он шагнул вперед. Но в этот момент распахнулась дверь, выпустив на улицу свет и шум. Его оттолкнуло несколько темных фигур, гогочущих, с пропахшей пивом шерстью. А когда гуляки исчезли и дверь закрылась, темный грязный переулок был уже пуст. Маленькая неясная фигура исчезла.

Фибену захотелось отыскать ее, лишь бы убедиться, что ему предложили именно то, о чем он подумал. И почему предложение, только что сделанное, вдруг было отменено?

Очевидно, многое изменилось в Порт-Хелении. Правда, в подобных злачных местах, как «Обезьянья гроздь», он не бывал с колледжа. Но

проститутки на темных улицах даже в этой части города — редкость. На Земле, может быть, или в старых трехмерных фильмах, но здесь, на Гарте?

Он удивленно покачал головой и открыл дверь, собираясь войти.

Ноздри Фибена раздулись от густого запаха пива, понюшек и влажной шерсти. Сразу от входа посетитель начинает нервничать из-за яркого стробоскопического света, который вспыхивает на танцевальной площадке.

Здесь качаются несколько темных фигур, размахивая над головами чем-то вроде побегов. Над группой сидящих музыкантов установлены усилители, которые издают тяжелый, западающий в душу ритм.

Посетители лежат на тростниковых матрацах и подушках, курят, пьют из бумажных бутылок и обмениваются хриплыми репликами по поводу танцующих.

Фибен пробрался между тесно уставленными столиками к затянутому дымом прилавку и заказал пинту горького. К счастью, колониальные деньги, по-видимому, еще в ходу. Он прислонился к поручню и принялся медленно разглядывать посетителей. Хотелось бы ему, чтобы сообщение связного было определеннее.

Фибен искал кого-то похожего на рыбака, хотя это место находится далеко от залива Аспинал. Конечно, радист, принявший сообщение бывшего студента доктора Таки, мог все перепутать. В этот вечер Хаулеттс-Центр горел, а над головой завывали санитарные флиттеры. Шену показалось, что Гайлет Джонс сказал что-то вроде «таскающий рыбу доходяга».

— Здорово, — сказал Фибен, когда ему передавали это указание. — Вот это по-шпионски! Великолепно. — В глубине души он был уверен, что радист все перепутал.

Не очень благоприятное начало для восстания. И неудивительно. Для всех, кроме нескольких шимпов, прошедших специальную подготовку, шифры, переодевания и пароли были только приметой старинных триллеров. А те военные, которых целенаправленно готовили, теперь, вероятно, мертвы или интернированы. «Кроме меня. А моей специальностью не была разведка или саботаж. Дьявольщина, да я не обманул бы и старый „Проконсул“!»

Сопротивлению придется всему учиться заново.

Но пиво вкусное, особенно после долгой пыльной дороги. Фибен прихлебывал из бумажной

бутылки и старался расслабиться. Он кивал в такт грохочущей музыке и улыбался выходкам танцоров. Разумеется, под ярким стробоскопическим светом прыгали только самцы.

Среди работяг и испытуемых страсть к танцам настолько сильна, что ее можно даже назвать религиозной. Люди, которые отвергали любые формы сексуальной дискриминации, в этом случае не вмешивались. У клиентов есть право создавать собственные традиции, пока они не идут вразрез с выполнением их обязанностей или возвышением.

Так что, по крайней мере, в нынешнем поколении у шимми не было места в танце грома.

Фибен смотрел, как рослый обнаженный самец прыгнул на вершину груды покрытых ковром «скал», размахивая веткой. Танцор — днем, вероятно, механик или фабричный рабочий — махал гремящей веткой над головой, а барабаны грохотали, стробоскоп метал вверху искусственные молнии, окрашивая танцора то в ослепительно-белый, то в черный цвет.

Ветка дребезжала, а танцор прыгал и кричал в такт музыке, бросая вызов небесам.

Фибен часто думал, насколько популярность танца грома объясняется врожденной, унаследо-

ванной любовью к грому. Хорошо известен факт, что невозделанные, немодифицированные шимпы в джунглях Земли часто исполняли грубый «танец» во время бури с молниями. Он подозревал, что эта «традиция» неошимпанзе — просто подражание поведению невозделанных, немодифицированных предков. Подобно большинству обучавшихся в колледжах шимпов, Фибен считал себя слишком образованным для такого туповатого и бесхитростного поклонения предкам. И звукам искусственного грома предпочитал Баха или песни китов. Но иногда, один в своей квартире, он доставал запись группы «Гремящие», надевал наушники и старался проверить, какой гром выдержит его череп, не расколовшись. И сейчас, под ревущими усилителями, он не мог сдержать дрожь, когда по помещению метались «молнии», а барабаны сотрясали посетителей, мебель и арматуру.

Другой обнаженный танцор поднялся на гору, тряся своей веткой и громко бросая вызов. Поднимаясь, он опирался на костяшки пальцев одной руки — манера, вызывающая негодование ортопедов, но которая встретила одобрение веселящейся аудитории. Парень на утро расплатится болью в спине, но что эта боль по сравнению с

великолепием танца?

Самец наверху ответил криком. Он искусно и расчетливо подпрыгнул и развернулся, и в этот момент новая стробоскопическая молния выбелила комнату. Картина свирепая и мощная, напоминающая, что всего четыре столетия назад дикие предки танцора точно так же бросали вызов непогоде с вершин лесистых холмов. И им не нужны были люди, не нужны скальпели хирургов, чтобы понять, что ярость неба требует ответа.

Шимпы за столиками засмеялись и зааплодировали, король, улыбаясь, спрыгнул с вершины холма. Он бежал, по дороге сильно толкнув соперника.

Это еще одна причина, по которой самки редко участвуют в танце грома.

Взрослый самец-неошимп обладает физической силой своего предка с Земли.

Шимми, желающие участвовать, обычно играют в оркестрах.

Фибену всегда казалось странным, что у людей все по-другому. Самцы людей чаще увлечены звуками, а самки — танцами, а не наоборот. Конечно, люди и во многих других отношениях существа непонятные. Взять, например, их необычные

сексуальные взаимоотношения.

Фибен разглядывал клуб. В таких барах самцов всегда больше, чем самок, но сегодня шимми было особенно мало. Они, как правило, сидели в центре группы друзей, причем с краю располагались самые рослые самцы.

Конечно, были и официантки; они, в искусственных шкурах леопарда, расхаживали между столиками, разнося напитки и курево.

Фибен начинал беспокоиться. Как узнает его связной в этом сверкающем полутемном сумасшедшем доме? И вообще, тут нет никого похожего на рыбака.

Вдоль трех стен над танцевальной площадкой проходит балкон. Там сидят посетители, наклоняются, колотят по перилам, подбадривают танцующих. Фибен повернулся и попятился, чтобы лучше видеть… и чуть не перевалился через низкий плетеный столик. Он изумленно замигал.

Там, на балконе, за веревочным ограждением, охраняемый четырьмя плавающими боевыми роботами, сидел захватчик в белом оперении, с острым килем, изогнутым клювом… но у этого губру на голове какая-то вязаная шапочка, закрывающая его орган слуха в виде гребня. А на глазах

темные очки.

Фибен заставил себя отвести взгляд. Нельзя выглядеть слишком удивленным. Очевидно, посетители за последние недели должны были привыкнуть к виду чужаков. Фибен, правда, заметил отдельные встревоженные взгляды в ту сторону. Возможно, этим объясняется пыл соперников: «Гроздь» даже для рабочего бара кажется необычно буйной.

Небрежно прихлебывая пиво из бутылки, Фибен снова взглянул вверх.

Шапка и очки у губру, несомненно, для защиты от шума и света.

Роботы-охранники выгородили часть территории для чужака, но оставшееся крыло почти пусто.

Почти. Рядом с остроклювым губру сидели двое шимпов. «Квислинги? — подумал Фибен. — Значит, среди нас уже есть предатели?» Он удивленно покачал головой. Зачем здесь губру? Что интересного нашел здесь захватчик?

Фибен вернулся на свое место за стойкой.

«Очевидно, их интересуют шимпы, и не только как заложники».

Но по какой причине? Почему галакты вообще заинтересовались толпой волосатых клиентов,

которых вряд ли считают наделенными разумом?

Танец грома внезапно достиг крещендо и финального грохота, потом ворчание стало стихать, как бы удаляясь в туманную бурную даль. Эхо в голове Фибена звучало еще несколько секунд.

Улыбаясь, вспотевшие танцоры возвращались к своим столикам, одевались. Смех звучал, возможно, излишне откровенно.

Чувствуя напряжение, царящее в этом зале, Фибен удивлялся, зачем вообще пришли посетители. Бойкот заведения, которому покровительствуют захватчики, кажется такой простой и очевидной формой ашимы — пассивного сопротивления. Ведь простой шимп с улицы ненавидит врагов всех землян!

Что привлекло сюда эту толпу вечером?

Для отвода глаз Фибен заказал еще пива, хотя уже подумывал о том, чтобы уйти. Губру заставлял его нервничать. Связной не появился, пора уходить отсюда и начинать собственное расследование. Он должен понять, что происходит в Порт-Хелении, и связаться с теми, кто хочет создать организацию.

Группа лежащих посетителей начала топать по полу и кричать. И скоро крик подхватил весь

зал.

— Сильвия! Сильвия!

Музыканты вернулись на свою платформу, аудитория зааплодировала, на этот раз в такт гораздо более спокойной музыке. Пара шимми соблазнительно склонилась над саксофонами, в помещении стало темнее.

Прожектор осветил вершину танцевального возвышения, занавес из бус приоткрылся, и появилась новая фигура, остановившаяся в ослепительном свете. Фибен удивленно замигал. Что здесь делает эта шимми?

Верхнюю часть ее лица закрывала клювастая маска с гребнем из белых перьев. Обнаженные соски выкрашены светящейся краской и искорками горят в луче прожектора. Юбка из серебряных нитей раскачивается в такт медленному ритму.

Таз у самок-неошимпанзе шире, чем у их предков, чтобы произвести на свет потомство с большой головой. Тем не менее раскачивание бедрами не стало врожденным эротическим стимулом у шимпов, заводящим самцов, как у людей.

Но Фибен, глядя на призывные движения, чувствовал, как у него сильнее бьется сердце. Вначале он решил, что это молодая девушка,

но скоро понял, что танцовщица — зрелая рожавшая самка. Отчего она казалась еще более привлекательной.

Она двигалась покачивающимися шагами, юбка ее слегка развевалась, и Фибен заметил, что ее ткань только снаружи серебристая. С внутренней стороны каждая полоска ярко-розового цвета.

Он покраснел и отвернулся. Танец грома — одно дело, он сам несколько раз принимал в нем участие. Но это совсем другое! Вначале маленький сводник в переулке, а теперь это? Неужели шимпы в Порт-Хелении свихнулись на сексуальной почве?

Неожиданно ему сильно сжали плечо. Фибен оглянулся и увидел большую поросшую шерстью руку рослого шимпа, таких рослых он почти не помнит. Не ниже невысокого человека и гораздо сильнее. На шимпе был линялый рабочий комбинезон; раздвигая губы, он демонстрировал мощные, почти атавистические клыки.

— В чем дело? Не нравится Сильвия? — спросил гигант.

Хотя танец еще только начинался, аудитория, почти исключительно самцы, восхищенно кричала. Фибен понял, что, очевидно, его неодобрительное отношение отразилось на лице. Он

ведет себя как идиот. Настоящий шпион изобразил бы восторг, чтобы не отличаться от остальных зрителей.

— Голова болит. — Он указал на правый висок. — Тяжелый день был. Я, пожалуй, пойду.

Рослый неошимп улыбнулся, его огромная лапа не выпускала плечо Фибена.

— Голова болит? Или для тебя это слишком смело? Может, ты еще и в первом спаривании не участвовал?

Краем глаза Фибен видел дразнящий танец, еще относительно скромный, но с каждым мгновением становящийся все более чувственным. Он ощущал, как растет в зале возбуждение, и понимал, к чему оно может привести.

Существуют важные причины, по которым такие представления объявлены незаконными… это один из немногих запретов, которые люди наложили на своих клиентов. — Конечно, участвовал! — ответил он. — Просто здесь, на виду у всех… могут начаться беспорядки.

Рослый незнакомец рассмеялся и дружелюбно толкнул Фибена.

— Когда?

— Прошу прощения…. о чем это?

— Когда участвовал в спаривании? Судя по тво-

ей речи, на одной из пирушек в колледже. Верно? Я прав, мистер Синяя Карта?

Фибен быстро взглянул по сторонам. Несмотря на первое впечатление, рослый шимп казался скорее любопытствующим, а не враждебным. Но Фибен хотел бы, чтобы он ушел. Его рост пугает, и к тому же они начинают привлекать внимание.

— Да, — пробормотал он. — Это было посвящение в братство…

Студентки-шимми могли быть хорошими друзьями студентов-самцов, но их никогда не приглашали на спаривания. Слишком опасно предаваться сексуальным грезам о самках с зеленой картой. И к тому же у них боязнь добрачной беременности без генетической консультации. Слишком дорого могло это обойтись.

Поэтому, когда студенты устраивали пирушку в университете, они приглашали девушек с желтыми и серыми картами, которые для возбуждения шимпов подделывают розовый цвет течки.

Было бы ошибкой подходить к такому поведению с человеческими мерками.

«У нас принципиально другие установки», — напомнил себе Фибен в тот раз и много раз впоследствии. И все же групповое спаривание никогда не приносило ему удовлетворения и

радости. Может, когда найдет подходящую брачную группу…

— Моя сестра ходила на такие вечеринки в колледже. Ей нравилось. — Шимп повернулся к бармену и хлопнул по полированной поверхности. — Две пинты! Одна для меня, другая для моего приятели из колледжа! — Фибен поморщился от его громкого голоса. Сидящие поблизости начали оглядываться.

— Скажи мне, — незваный приятель сунул в руки Фибену бутылку, — дети у тебя есть? Может, зарегистрированные, но ты их не видел? — На этот раз он говорил не по-дружески, а скорее завистливо.

Фибен глотнул теплый горький напиток, покачал головой и негромко ответил:

— Не так это устроено. Открытые права воспроизводства совсем не то, что неограниченные — белая карта. Даже если планировщики и использовали мою плазму, я об этом не знаю.

— А почему нет? Плохо же это для вас, с голубыми картами.

Спариваетесь с пробирками, отдаете в Совет возвышения и даже не знаете, использовали ли ваши помои… Дьявол, моя старшая жена два года назад родила запланированного ребенка… ты

ведь можешь быть генетическим отцом моего сына! — Рослый шимп рассмеялся и снова сильно ударил Фибена по плечу.

Так продолжаться не может. Все больше голов поворачивалось к ним.

Этот треп о синих картах не прибавит ему здесь друзей. И он совсем не хочет привлекать внимание сидящего поблизости губру.

— Мне в самом деле пора, — сказал Фибен и начал пятиться. — Спасибо за пиво…

Кто-то заступил ему путь.

— Прошу прощения, — извинился Фибен, повернулся и увидел перед собой четверых шимпов в ярких комбинезонах на молниях. Все они стояли со сложенными на груди руками и смотрели на него. Один, чуть выше остальных, толкнул Фибена назад к стойке.

— Конечно, у него есть дети, — сказал он. Этот шимп брил шерсть на лице, а усы у него были набриолиненные и заостренные.

— Только поглядите на его лапы. Бьюсь об заклад, он и дня не работал честно, как другие шимпы. Наверно, техник или ученый. — В его устах последнее слово прозвучало так, словно ученый — это избалованный, капризный ребенок.

Ирония в том, что, хоть ладони Фибена, возможно, и не такие мозолистые, как у других, его тело под одеждой покрыто шрамами и ожогами от вынужденной посадки на склоне холма при скорости в пять махов. Но здесь об этом говорить не стоит.

— Слушайте, приятели, я вас угощу выпивкой…

Высокий в комбинезоне ударил его по руке, и монеты Фибена рассыпались по стойке.

— Хлам. Скоро его ликвидируют, как и вас, обезьян-аристократов. — Заткнитесь! — крикнул кто-то из толпы, из коричневой массы. Фибен видел Сильвию, покачивающуюся на вершине искусственной горы.

Полоски ее юбки развевались, и Фибен заметил кое-что, заставившее его вглядеться еще раз с изумлением. Она действительно розовая — на мгновение обнажившиеся гениталии свидетельствуют о течке в самом разгаре.

Шимп в комбинезоне снова толкнул Фибена.

— Ну, мистер из колледжа? Что хорошего даст тебе твоя синяя карта, когда губру начнут стерилизовать вас, у кого неограниченные права размножения? А?

Один из вновь подошедших шимпов, с бород-

кой и покатым лбом, держал одну руку в кармане комбинезона, а в другой какой-то острый предмет. Его взгляд казался внимательным, как у хищника, а говорить он предоставлял своему усатому другу.

Фибен только сейчас понял, что эти подошедшие не имеют ничего общего с рослым шимпом в рабочей одежде. Впрочем, тот уже отодвинулся и растворился в тени.

— Я… я не понимаю, о чем вы говорите.

— Неужели? Они уже прочесали архивы колонии, приятель, и таких умников из колледжей, как ты, задерживают и допрашивают. Пока только берут образцы, но у меня есть приятель, он говорит, что будет настоящая чистка.

Ну, что ты об этом скажешь?

— Заткнитесь! — снова крикнул кто-то. На этот раз обернулись несколько шимпов. Фибен видел остекленевшие глаза, слюну на губах, оскаленные зубы.

Он разрывался на части. Отчаянно хотелось уйти отсюда, но что, если этот, в комбинезоне, говорит правду? Это важная информация.

Фибен решил послушать еще немного.

— Это удивительно, — сказал он, опираясь локтем о стойку. — Губру фанатичны и консер-

вативны. Как бы они ни поступали с другими патронами, я уверен, они не станут вмешиваться в процесс возвышения. Это противоречит их религии.

Усатый только улыбнулся.

— Это в тебе говорит твоя образованность, парень с синей картой? Ну, сейчас важно только то, что говорят сами галакты.

Эти четверо, что окружили Фибена и, казалось, совсем не интересуются соблазнительным вращением Сильвии. Толпа ревела все громче, музыка била сильнее. Фибену казалось, что голова его раскалывается от шума.

— …слишком холодный, чтобы радоваться простому шоу для рабочих.

Никогда настоящей работы не делал. Но стоит ему пальцами щелкнуть, и наши шимми бегут к нему!

Фибен чувствовал какую-то фальшь. Этот, с усами, слишком спокоен, его насмешки очень уж нарочитые. В таком окружении, со всем этим шумом и сексуальным напряжением, настоящий посетитель на него не обратил бы внимания.

«Испытуемые!» — неожиданно понял Фибен. Ему бросились в глаза признаки генетического вырождения. У двоих в пестрых комбинезонах на

лицах ясно виднелись следы неудачного генного манипулирования, у них вечно удивленный вид, они постоянно мигают — напоминание о том, что возвышение — сложный процесс, и у него есть своя цена.

Фибен вспомнил, что читал в журнале перед самым вторжением: среди отклоняющихся (а испытуемые и есть отклоняющиеся от нормы) распространилась мода на пестрые комбинезоны. И понял, что попал в переделку. Когда не стало людей, когда нет нормальной гражданской власти, невозможно предсказать, как поведут себя эти, с красными картами.

Надо выбираться отсюда. Но как? С каждым мгновением шимпы в комбинезонах теснили его все сильнее.

— Послушайте, приятели, я зашел просто взглянуть. Спасибо за ваше мнение. А теперь мне нужно идти.

— У меня есть предложение поинтереснее, — насмехался предводитель. — Почему бы тебе не познакомиться с губру? Он сам тебе расскажет, что происходит. И что они собираются делать с парнями их колледжей. А?

Фибен мигнул. Неужели эти шены действительно сотрудничают с захватчиками?

Он изучал древнюю историю Земли, долгие мрачные столетия до Контакта, когда сиротливое и невежественное человечество испробовало все, от мистицизма до тирании и войн. Он читал и словно воочию видел эти темные времена, мужчин и женщин, которые в одиночку противостояли злу. Фибен вступил в колониальную милицию в романтическом стремлении подражать храбрым бойцам маки, палмача и союза энергетических спутников. Но история рассказывала и о предателях, тех, которые стремились получить выгоду даже за счет товарищей.

— Пошли, парень из колледжа. Я тебя познакомлю с птичкой.

Руку ему сжали крепко, до боли. Удивленный взгляд Фибена заставил усатого улыбнуться.

— В мою генетическую болтушку добавили немного лишней силы, — усмехнулся он. — Эта часть изменений получилась, а другие нет. Меня зовут Железная Хватка, и я должен был бы получить синюю карту или даже желтую. А теперь пошли. Попросим лейтенанта Когтя объяснить, какие у губру планы для умных парней-шимпов. Несмотря на боль в руке, Фибен изображал беспечность.

— Конечно. Почему бы нет? А хочешь пари? —

Его верхняя губа поднялась в отвращении. — Если я не забыл курс ксенологии, губру всегда придерживаются дневного цикла. Бьюсь об заклад, что за этими темными очками птичка просто спит. Как ты думаешь, в каком настроении он проснется, чтобы обсудить с тобой тонкости возвышения?

Несмотря на свою браваду, Железная Хватка, очевидно, осознавал недостаток образования. Деланная уверенность Фибена смутила его, и он замигал. Неужели можно спать в таком шуме?

И наконец сердито кивнул.

— А вот сейчас проверим. Пошли.

Остальные подошли еще ближе. Фибен знал, что со всеми шестью ему не справиться. И, конечно, никакой полиции не существует. Сегодня власть у пернатых.

Его повели сквозь лабиринт низких столиков. Посетители возмущенно бранились, когда Железная Хватка расталкивал их, но не отрывали остекленевших глаз от Сильвин. Темп мелодии усилился.

Бросив через плечо взгляд на танцовщицу, Фибен почувствовал, как у него вспыхнуло лицо. Он попятился не глядя и упал на груду шерсти и мышц.

— О! — закричал сидящий посетитель, проли-

вая выпивку.

— Прошу прощения, — быстро сказал Фибен, отодвигаясь. И наступил сандалиями на коричневую руку, вызвав еще один крик. Он повернулся, чтобы извиниться вторично, и впился костяшками пальцев в чье-то тело.

— Садитесь! — крикнул кто-то из глубины клуба.

— Да! Не мешайте! — кто-то еще.

Железная Хватка подозрительно взглянул на Фибена и потащил его за руку. Фибен сопротивлялся, потом сразу перестал, и они вместе упали на столики. Разлетелась выпивка и курево, посетители с негодующими воплями вскакивали.

— Эй!

— Осторожней, проклятый проби!

Глаза посетителей, воспламененных алкоголем, наркотиками и танцем Сильвии, были безумны.

Бритое лицо Железной Хватки побледнело от гнева. Он крепче схватил Фибена за руку и сделал знак товарищам, но Фибен только заговорщицки улыбнулся и толкнул его локтем. С нарочитой пьяной уверенностью он громко произнес:

— Смотри, что ты наделал? Я ведь говорил тебе, чтобы ты не толкал этих типов нарочно. Тебе

захотелось проверить, смогут ли они разговаривать или уже дошли…

Со стороны ближайших шимпов послышалось шипение втягиваемого воздуха, слышное даже сквозь громкую музыку.

— Кто сказал, что я не смогу разговаривать? — спросил один пьяный, едва выговаривая слова. Пьяница сделал несколько неуверенных шагов в поисках обидчика. — Ты?

Противник Фибена угрожающе взглянул на него и дернул к себе, еще сильнее сжав руку. Но Фибен умудрился сохранить сценическую улыбку. Он подмигнул.

— Может, они и могут говорить. Но ты прав: это всего лишь обезьяны, только на четвереньках и ходят…

— Что!

Ближайший шимп взревел и схватился с Железной Хваткой. Мутант искусно уклонился и ударил ребром свободной ладони. Пьяница взвыл, согнулся и столкнулся с Фибеном.

Но тут с криком навалились его опьяневшие приятели. Руку Фибена выпустили, и на всех обрушился разъяренный поток гнева коричневой толпы.

Рычащая обезьяна в кожаном рабочем костюме

набросилась на Фибена. Он увернулся. Кулак пролетел мимо и столкнулся с подбородком одного из бандитов в комбинезоне. Фибен пнул другого проби в колено; какой-то шимп с довольным рычанием ухватился за него, и все смешалось в хаосе летящей мебели, темных тел, пива и выдранной шерсти.

Звуки музыки почти заглушили воинственные крики. На какое-то мгновение Фибен почувствовал, как его поднимают в воздух обезьяньи руки.

Эти руки совсем не были нежными.

— Уф!

Он пролетел над схваткой и с грохотом приземлился в группе зрителей, не участвовавших в потасовке. Посетители удивленно смотрели на него.

Прежде чем они опомнились, Фибен со стоном вскочил. И побежал по проходу, морщась от боли в левой лодыжке.

Драка разгоралась, но двое в ярких комбинезонах, по-собачьи скаля зубы, пробирались к Фибену. И, что еще хуже, посетители, среди которых он приземлился, вскочили на ноги и гневно кричали. К нему тянулись руки.

— Как-нибудь в другой раз, — вежливо сказал Фибен.

Он перескочил через обломки, уходя от преследователей, и побежал между низкими столиками. Когда другого выхода не было, он, не колеблясь, наступил на широкие согнутые плечи и прыгнул, а его трамплин гневно кричал за еще одним сломанным столом.

Фибен перелетел через последний ряд посетителей и упал на колено на открытой площадке — танцевальной. В нескольких метрах от него возвышался искусственный холм грома, на вершине которого соблазнительная Сильвия вступила в последнюю фазу танца, очевидно, даже не заметив происходящего в зале.

Фибен быстро побежал по площадке, намереваясь миновать стойку и добраться до выхода за ней. Но как только он вступил на площадку, наверху вспыхнул яркий свет, ударил в него, ослепив и ошеломив! Отовсюду неслись одобрительные выкрики.

Очевидно, что-то понравилось толпе. Но что именно? Всматриваясь сквозь свет, Фибен не смог увидеть ничего нового или необычного в поведении танцовщицы — все было, как прежде. И тут он понял, что Сильвия смотрит прямо на него! Он видел, как ее глаза за птичьей маской с интересом следили за ним.

Он повернулся. Все не втянувшиеся еще в драку тоже смотрели на него.

Аудитория приветствовала его. Даже губру на балконе, казалось, наклонил голову в его сторону.

Не было времени разбираться в смысле всего этого. Фибен видел, как еще несколько его преследователей выбрались из свалки. Хорошо заметные в своих ярких комбинезонах, они делали знаки друг другу, намереваясь отрезать его от выхода.

Фибен подавил приступ паники. Они загнали его. «Должен быть другой выход», — лихорадочно думал он.

И тут же понял, где он. Дверь над танцевальным холмом! Та самая, из которой появилась Сильвия. Стоит быстро подняться, миновать танцовщицу — и он сможет выйти!

Он побежал по танцплощадке и прыгнул на холм, приземлившись на покрытом ковром выступе.

Толпа снова взревела! Фибен застыл, пригнувшись. Ослепительный луч последовал за ним.

Фибен посмотрел на Сильвию. Танцовщица облизала губы и соблазнительно покачала тазом.

Фибен одновременно испытал сильнейшее

отвращение и мощное притяжение.

Ему захотелось подняться наверх и схватить ее. Но в то же время, найти какое-нибудь дупло поглубже и спрятаться.

Потасовка внизу еще продолжалась, но с меньшей яростью. Имея в качестве оружия бумажные бутылки и тростниковую мебель, драчуны могли только дружелюбно толкаться, забыв о причине драки.

Но на краю танцевальной площадки стояли четверо шимпов в ярких комбинезонах, глядя на Фибена и нащупывая в карманах какие-то предметы.

Похоже, по-прежнему остается только один выход. Фибен поднялся на еще один покрытый ковром «уступ скалы». Снова толпа возбужденно закричала. Шум, запахи, смятение… Фибен видел море глаз, в ожидании устремленных на него. Что происходит?

Его внимание привлекло какое-то движение. С балкона через перила кто-то махал ему. Маленький шимп в темном с капюшоном плаще; в этой возбужденной толпе он казался совершенно спокойным.

И вдруг Фибен узнал в нем маленького сводника, того самого, который обратился к нему у входа

в «Обезьянью гроздь». Слова невозможно было разобрать в гуле толпы, но Фибен по движениям губ прочел:

— Эй, придурок, посмотри вверх!

Мальчишеское лицо сморщилось. Шимп указал вверх.

Фибен запрокинул голову… как раз вовремя, чтобы увидеть опускающуюся с балок блестящую сеть! Он чисто инстинктивно отпрыгнул, ударился о другой выступ, и край сети задел его за ногу. Обожгло электричеством.

— Дерьмо бабуина! Что за… — Он громко выругался.

И только потом понял, что шум в ушах отчасти объясняется аплодисментами. Он перевернулся, едва избежав другой ловушки, и тем вызвал одобрительные крики. За то место, где он только что находился, ухватилось с десяток липких петель.

Фибен старался оставаться неподвижным; он растирал ногу и гневно и подозрительно оглядывался. Дважды его чуть не поймали, как какое-то глупое животное. Для толпы, возможно, это отличная забава, но он совсем не собирается преодолевать дистанцию с какими-то нелепыми препятствиями.

Внизу под собой, на танцплощадке, он видел

яркие комбинезоны — справа, слева, в центре. Губру на балконе, казалось, заинтересовался, но не вмешивался.

Фибен вздохнул. Его положение не изменилось. По-прежнему единственное возможное направление — вверх. Внимательно приглядываясь, он взобрался на следующий обитый ковром уступ. Ловушки, по-видимому, должны выглядеть унизительными, устрашающими и болезненными, но они не смертельны. Однако не в его случае. Если он будет пойман, его нежданные враги тут же окажутся рядом.

Он осторожно ступил на следующий «камень». Почувствовал дрожь правой ногой и отдернул ее: впереди открылся потайной люк. Толпа ахнула, видя, как Фибен удерживается на краю ямы. Размахивая руками, Фибен пытался сохранить равновесие. Он едва успел отпрыгнуть и ухватиться за край следующего уступа.

Ноги его повисли над пустотой. Дышал он тяжело. И в отчаянии пожалел, что люди изъяли «ненужное» врожденное умение карабкаться вверх, чтобы оставить место для таких банальностей, как речь и разум.

С усилием Фибен выбрался на край уступа. Аудитория требовала продолжения.

Отдуваясь на краю уступа и пытаясь одновременно смотреть во всех направлениях, Фибен постепенно начал сознавать, что громкоговоритель, перекрывая шум толпы, что-то повторят механическим голосом:

— …более просвещенный подход к возвышению… соответствующий именно данным клиентам… открывает возможности перед всеми… не затронутый искаженными человеческими стандартами…

Вверху за ограждением захватчик что-то чирикал в свой микрофон.

Перевод его слов перекрывал музыку и шум возбужденной толпы. Фибен сомневался в том, что хоть один из десяти шимпов внизу слышит монолог ити — в таком состоянии. Но, вероятно, это не имеет значения.

Толпой манипулируют.

Неудивительно, что он не слышал раньше ни о танце со стриптизом, ни о нелепой гонке с препятствиями. Это нововведение захватчиков. Но какова их цель?

«Они не могли все это проделать без чьей-то помощи», — гневно подумал Фибен. Конечно, вон двое хорошо одетых шимпов стоят рядом с захватчиком, что-то говорят друг другу и запи-

сывают. Очевидно, фиксируют для своих новых хозяев реакцию толпы.

Фибен взглянул на балкон и увидел, что маленький сводник в плаще с капюшоном стоит недалеко от заграждения губру и его роботов-охранников. И потратил целую секунду, чтобы запомнить его мальчишеское лицо. Предатель!

Сильвия теперь была всего в нескольких террасах над ним. Танцовщица показала ему свой розовый зад и улыбнулась, глядя на его вспотевшее лицо.

У людей свои сексуальные возбудители: круглые женские груди, бедра, гладкая женская кожа. Но все это невозможно сравнить с тем шоком, который пронзает самца-шимпа, когда он видит цвет интимного места самки.

Фибен яростно покачал головой.

— Наружу! Не внутрь! Тебе нужно выбраться!

Стараясь сохранить равновесие, оберегая больную левую ногу, он боком обогнул край ямы и на четвереньках пополз вверх.

Сильвия наклонилась к нему в двух уровнях выше. До Фибена донесся ее запах, и ноздри его расширились.

Он неожиданно потряс головой. Какой-то другой сильный запах, и совсем рядом.

Мизинцем левой руки он осторожно коснулся террасы, на которую предстояло забраться. И ощутил острую боль. Оторвав палец, оставив клочок шкуры, он отскочил.

И все-таки инстинкт действует. Машинально Фибен лизнул руку. Если отступит, скорее всего упадет в яму.

Этот лабиринт ловушек объясняет одно обстоятельство, над которым он задумался раньше. Неудивительно, что остальные шимпы не пытались подняться на холм, когда Сильвия показала свои розовые прелести. Они знали, что только придурок или отчаянный храбрец может попробовать подняться. И были довольны, просто наблюдая и фантазируя. Танец Сильвии — только часть представления.

Ну, а если какой-нибудь удачливый ублюдок все-таки поднимется? Толпа получит неповторимое удовольствие, наблюдая за дальнейшим!

Эта мысль вызвала у Фибена отвращение. Совокупления наедине в порядке вещей. Но публичная похоть омерзительна!

Он заметил, что и сам поддается. Кровь текла быстрее. Сильвия немного наклонилась к нему, и ему показалось, что он может ее коснуться. Музыканты ускорили темп, снова замигали

стробоскопы, напоминая молнии. Загремел искусственный гром. Фибен ощутил несколько капель, словно начало тропического ливня.

Сильвия танцевала на свету, возбуждая толпу. Фибен облизнул губы. Его тянуло к ней.

И тут, при очередной вспышке, Фибен увидел нечто еще более привлекательное, способное увести его от гипнотического раскачивания Сильвии. Маленькая надпись, зеленая, без украшений, за плечом Сильвии:

ВЫХОД.

Неожиданно накопившиеся боль, усталость, напряжение словно высвободили что-то в Фибене. Он почувствовал, как его поднимает над шумом и смятением. Фибен вспомнил, что сказала ему Атаклена перед тем, как он отправился в город. Серебряные нити ее короны волновались, словно мысли на ветру.

«Есть одно стихотворение, которое процитировал мне отец, Фибен. Хайку на земном языке, который называется японским. Я хочу, чтобы ты взял его с собой».

«Японский, — возразил он. — На нем еще говорят на Земле и на Калафии, но на Гарте вряд ли найдется сотня шимпов или людей, владеющих им».

Но Атаклена только покачала головой.

«Я тоже его не знаю. Но передам тебе высказывание так, как его сказали мне».

И когда она открыла рот, раздался звук какой-то кристаллической структуры, что-то вроде абсолютного значения, которое запомнилось и тут же рассеялось.

Бывают решающие мгновения
В темную зимнюю бурю,
Когда звезды зовут и ты летишь.

Фибен помотал головой. Момент откровения миновал. Надпись продолжала светиться.

ВЫХОД.

Она сияла, как зеленое убежище.

Все вернулось: шум, запахи, жжение от капель дождя. Но Фибен чувствовал себя так, словно его грудь стала вдвое шире. Руки и ноги стали невесомыми.

Подогнув ноги, он прыгнул и опустился на следующей террасе в дюймах от жгучего клейкого покрытия. Толпа взревела, а Сильвия, захлопав в ладоши, отступила на шаг. Фибен рассмеялся. Он поколотил себя в грудь, как делают гориллы, в такт музыке. Аудитории это понравилось.

Улыбаясь, он прошел по самому краю террасы,

определяя липкое место скорее инстинктивно, чем по небольшому отличию в цвете. Широко расставив для равновесия руки, он старался показать, что ему гораздо труднее, чем в действительности.

Терраса кончилась там, где росло дерево — искусственное, из фибергласа, зеленое, с пластиковыми листьями.

Конечно, тут тоже ловушка. Фибен не стал мешкать, разглядывая ее. Он подпрыгнул, слегка дотронулся до ближайшей ветви и опустился, с трудом сохранив равновесие. Толпа ахнула.

Ветвь отреагировала с чуть заметным опозданием — как раз на столько, сколько нужно, чтобы крепко схватиться за нее. По дереву словно прошла судорога. Ветви превратились в веревки, которые опутали бы его руки, если бы он за них держался.

С криком Фибен снова подпрыгнул и схватился за свисающую веревку. Он, как прыгун с шестом, пролетел над двумя оставшимися террасами — и над удивленной танцовщицей — и оказался в густой, как джунгли, путанице балок и проводов вверху.

В последний момент он выпустил веревку и, скорчившись, приземлился на узком мостике. Не-

сколько мгновений боролся с неустойчивостью. Вокруг него сотни ламп и неиспользованных ловушек. Смеясь, он начал освобождать пружины, защелки, рычаги, и на холм обрушился поток сетей, веревок, проводов. Увидев баки с горячей, похожей на овсянку жидкостью, Фибен пнул их. Музыканты, спасаясь от брызг, разбежались.

Теперь Фибен ясно видел весь маршрут. Совершенно очевидно, что пройти его невозможно. Единственный выход — перелететь через последние препятствия.

Другими словами, нужно мошенничать.

Эта гора не честное испытание. Шен не может преодолеть ее только благодаря смекалке. Сначала нужно понаблюдать, как страдают от боли и унижения другие. Урок который тут преподают губру, коварно прост.

— Ублюдки, — сказал Фибен.

Возбуждение его начало спадать вместе с кратковременным ощущением неуязвимости. Очевидно, Атаклена преподнесла ему прощальный дар, какое-то постгипнотическое внушение, которое должно помочь, если он окажется в безвыходном положении. Но он знал, что дальше на него полагаться не стоит.

«Пора сматываться», — подумал он.

После того, как музыканты убежали от липкой овсянки, музыка смолкла.

Но теперь снова заработали громкоговорители, издавая фразы, которые зазвучали лихорадочно.

— …неподобающее достойным клиентам поведение… Нельзя одобрять того, кто нарушил правила… Его следует наказать…

Никто не слушал нелепых увещеваний губру, потому что толпа превратилась в стадо обезьян. Фибен подскочил к огромному усилителю и выдернул его вместе с проводами. Тирада чужака оборвалась, а аудитория внизу радостно и одобрительно загудела.

Фибен прыгнул к одному прожектору, повернул его и направил луч в зал.

Шимпы хватали плетеные столики и раздирали их над головами. Луч ударил по чужаку за ограждением, тот все еще в бессильном гневе сжимал микрофон.

Птицеподобное существо закричало и съежилось в ярком свете.

Двое шимпов, находившихся в ложе для важных персон, присели. Роботы развернулись и выстрелили. Фибен успел вспрыгнуть на балку, и тут прожектор взорвался в ливне металла и стекла.

Фибен клубком приземлился на вершине холма и вскочил на ноги. Король на горе. Скрывая хромоту, он помахал толпе. Зал взорвался одобрительными криками.

Но все мгновенно стихли, когда Фибен повернулся и сделал шаг к Сильвии.

Вот награда. Самцы-шимпанзе в естественных условиях не стеснялись совокупляться у всех на виду, и даже возвышенные неошимпанзе могли участвовать в групповых совокуплениях. Они не знали ни ревности, ни табу, которые делают поведение человеческих самцов таким странным.

Кульминация наступила гораздо быстрее, чем планировали губру, и в таком виде, который им не понравился. Но основной урок оставался все тем же. Аудитория должна была стать свидетелем вознаграждающего совокупления, со всеми психологическими последствиями.

Птичья маска Сильвии — часть этой манипуляции.

Сильвия обнажила зубы и соблазнительно повертела задом. Ее юбка с разрезами развевалась, демонстрируя привлекательный розовый цвет. Даже пестрые комбинезоны смотрели вверх, облизываясь в предвкушении, забыв о своей вражде с Фибеном. Сейчас он герой, герой для

каждого внизу.

Фибен испытал жгучий стыд. «Мы не так плохи… и ведь нам всего триста лет. Губру хотят, чтобы мы считали себя животными, и тогда мы будем неопасны. Но я слышал, что даже у людей в старину случались такие регрессы».

Он приближался к Сильвии, и она зарычала на него. Присела в ожидании, и Фибен ощутил сильное напряжение в паху. Добрался до нее. Схватил за плечо.

Развернул лицом к себе. Изо всех сил старался поставить ее прямо.

Крики стихли, слышалось только перешептывание.

Сильвия удивленно мигала. Фибен понял, что она принимала какой-то наркотик, чтобы прийти в такое состояние.

— Спереди? — спросила она, с трудом выговаривая слова. — Но Большой Клюв сказал, что должно быть естественно…

Фибен сжал ее лицо ладонями. Маска закрывается на множество замков, поэтому он только отогнул ее и нежно поцеловал Сильвию в губы.

— Иди домой к своим партнерам, — сказал он ей. — Не позволяй врагам позорить тебя.

Сильвия отшатнулась, словно от удара.

Фибен повернулся лицом к толпе и поднял руки.

— Выращенные волчатами Земли! — закричал он. — Вы все! Идите домой к своим подругам! Вместе с нашими патронами мы сами будем руководить своим возвышением. Нам не нужны ити, мы обойдемся без их указаний!

Послышались вопли ужаса. Фибен видел, что чужак на балконе быстро щебечет что-то в микрофон. Очевидно, вызывает помощь, решил Фибен.

— Идите домой! — повторил он. — И не позволяйте чужакам издеваться над вами!

Шум внизу усилился. Фибен видел тут и там неожиданно нахмурившиеся лица. Шимпы оглядывались. Он надеялся, что они начинают чувствовать смущение. Их лбы морщились от неприятных мыслей.

Но тут снизу кто-то крикнул ему:

— В чем дело? У тебя не поднимается?

Половина зрителей громогласно расхохоталась. Послышались насмешки и свист передних рядов. Фибену пора уходить. Губру вряд ли решится застрелить его на виду у всех, перед этой толпой. Но птицеподобный, несомненно, послал за подкреплением.

Но упустить такую возможность Фибен не мог.

Он встал на край платформы и оглянулся на Сильвию. И спустил штаны.

Крики мгновенно замерли, и недолгая тишина прервалась свистом и аплодисментами.

«Кретины!» — подумал Фибен. Но улыбнулся и помахал рукой, застегивая гульфик.

Губру кричал и размахивал руками, он выталкивал из-за ограждения хорошо одетых шимпов. Они, в свою очередь, что-то кричали барменам. В отдалении послышались звуки, похожие на вой сирен.

Фибен схватил Сильвию и снова поцеловал ее. На этот раз она ответила и покачнулась, когда он выпустил ее. Он повернулся, сделал жест в сторону чужака, от которого вся толпа зашлась смехом. И побежал к выходу.

Внутренний голос нещадно ругал его. «Не за этим послала тебя сюда генерал, придурок!»

Он пролетел сквозь занавес из бус и застыл, оказавшись лицом к лицу с неошимпом в комбинезоне с капюшоном. Фибен узнал маленького сводника, которого дважды видел сегодня: в первый раз у входа в «Обезьянью гроздь», а потом на балконе губру.

— Ты! — обвиняюще закричал он.

— Да, я, — ответил сводник. — Прости, но по-

вторить свое предложение не могу. Но, наверно, тебя сегодня занимает другое.

Фибен нахмурился.

— Прочь с дороги! — Он сделал шаг, чтобы отодвинуть его в сторону.

— Макс! — позвал маленький шимп. Из тени появилась крупная фигура.

Тот самый рослый шимп с лицом в шрамах, которого Фибен встретил в баре, перед тем как его окружили проби. Тот самый, что интересовался синей картой. В мощной руке он сжимал станнер. Виновато улыбнулся.

— Прости, приятель.

Фибен напрягся, но было поздно. Все тело закололо, и Фибен упал на руки маленького шимпа.

И ощутил нежное тело и неожиданно приятный запах.

«Ифни!» — подумал он, теряя сознание.

— Помоги мне, Макс, — послышался голос поблизости. — Надо быстро уходить.

Сильные руки подняли его, и Фибен почти обрадовался беспамятству после неожиданного сюрприза. «Сводник» с мальчишеским лицом оказался шимми, девушкой!

Глава 25
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Стоимости и Бережливости покинул собрание руководителей в возбужденном состоянии. Встречи с другими сюзеренами всегда утомляли его физически. Три соперника, танцуя и кружа, создавая временные союзы, разъединяясь и соединяясь вновь, формируют постоянно изменяющееся единство. И так будет, пока ситуация остается неопределенной и изменчивой.

Но, постепенно конечно, положение на Гарте стабилизируется. Один из трех руководителей окажется самым проницательным, лучшим из всех. И от того, кто им окажется, зависит очень многое. И их цвет, и их пол.

Но торопиться со Слиянием нельзя. Пока еще нет. Еще много встреч пройдет до этого дня, и много плюмажей будет сброшено.

Первый его спор состоялся с сюзереном Праведности по поводу привлечения солдат Когтя для подавление сопротивления земной морской пехоты в космопорту. В сущности, небольшое столкновение, и когда сюзерен Луча и Когтя при-

нял сторону Праведности, сюзерен Стоимости охотно сдался.

Последующая схватка дорого стоила. Были большие потери. Но цель оправдывает средства.

Сюзерен Стоимости и Бережливости заранее знал, что этим кончится. На самом деле он и не хотел выиграть их первый спор. Он знал, что гонку лучше начинать последним. Пусть священник и адмирал соревнуются между собой. В результате оба какое-то время не будут обращать внимания на гражданскую службу. Для того чтобы организовать правильное управление, потребуются большие усилия, и сюзерен Стоимости и Бережливости не желал тратить силы в ненужных спорах.

Таких, как самый последний. Выходя из павильона встреч, окруженный помощниками и охраной, главный чиновник по-прежнему слышал, как два сюзерена кричат друг на друга. Встреча закончилась, а они все еще спорят о принятом решении.

Какое-то время военные будут продолжать газовые атаки, разыскивая людей, которые избежали первоначальной дозы. Несколько минут назад об этом был отдан приказ.

Верховный священник, сюзерен Праведности,

встревожился из-за того, что слишком много людей при этом погибло или получило ранения. Пострадали также некоторые неошимпанзе. С точки зрения закона или религии это не катастрофа, но с течением времени может усложнить положение. Придется платить компенсацию, а если этот случай когда-нибудь будет рассматриваться в межзвездном суде, авторитет губру может быть подорван.

Сюзерен Луча и Когтя доказывал, что судебное расследование крайне маловероятно. Теперь, когда все пять галактик в смятении, кто поинтересуется незначительными ошибками, допущенными на таком комке грязи?

— Мы интересуемся! — заявил сюзерен Праведности.

И подчеркнул свое решение, отказавшись сойти с насеста и ступить на почву Гарта. Он заявил, что если сделает это преждевременно, то тем самым официально подтвердит вторжение. А с этим нужно повременить. Из-за небольшой, но яростной схватки в космосе и из-за сопротивления в космопорту. Эффективно, хотя и недолго защищаясь, законные обладатели лицензии сделали необходимой задержку с официальным объявлением захвата. А любые, даже самые

незначительные, ошибки не только ослабят положение губру, но и могут дорого обойтись.

Сделав это заявление, священник расправил свой многоцветный плюмаж, самонадеянно уверенный в победе. Упоминая о расходах, он рассчитывал получить союзника. Праведность считал, что его обязательно поддержит Стоимость и Бережливость.

«Как глупо думать, что Слияние может быть достигнуто такими ранними спорами», — думал сюзерен Стоимости и Бережливости. Он решил поддержать военного.

— Пусть газовые атаки продолжаются, пусть будут найдены все спрятавшиеся, — сказал он, к отчаянию священника и к радости адмирала.

Битва в космосе и высадка оказались очень дорогостоящими. Но без программы принуждения вышло бы еще дороже. Газовые атаки достигли своей цели: теперь почти все человеческое население сосредоточено на нескольких маленьких островках, и там его легко контролировать. Легко понять, почему этого добивался сюзерен Луча и Когтя. У чиновника тоже имелся опыт обращения с волчатами. Он тоже чувствует себя в большей безопасности, когда люди собраны там, где он их не видит.

Конечно, придется принять кое-какие меры, чтобы замаскировать высокую цену экспедиции. Повелители Насестов уже отозвали часть флота. Очень важно прочно цепляться за насест в вопросе о расходах. Однако об этом нужно будет поговорить на другой встрече.

Сегодня победа на стороне военного сюзерена. А завтра? Что ж, союзы создаются и распадаются, и так будет до тех пор, пока не выработается новая политика. И не появится царица.

Сюзерен Стоимости и Бережливости обратился к одному из своих помощников-кваку.

— Пусть меня отвезут, препроводят, отнесут в мои помещения.

Правительственная машина на воздушной подушке поднялась и направилась к зданию на берегу моря, которое присмотрела гражданская служба. Машина со свистом проносилась по небольшому городку землян, патрулируемому боевыми роботами, и на нее смотрели группы смуглых волосатых животных, которых люди называют своими старшими клиентами.

Сюзерен снова повернулся к помощнику.

— Когда прибудем в канцелярию, собери весь штат. Надо обдумать, обсудить, оценить новые предложения относительно этих существ, этих

неошимпанзе, которые священник высказал сегодня утром.

Некоторые идеи, предлагаемые отделом Праведности, кажутся чрезвычайно смелыми. Чиновник гордился этими яркими перьями своего будущего партнера.

«Какой Тройкой мы станем!»

Конечно, есть аспекты, которые придется изменить, чтобы план не привел к катастрофе. Только один в триумвирате хватает достаточно крепко, чтобы довести такой план до победного конца. И это было известно заранее, когда Повелители Насестов выбирали эту троицу.

Сюзерен Стоимости и Бережливости вздохнул и принялся обдумывать следующую встречу. Завтра, послезавтра, через неделю. Стычка неизбежна.

Каждый следующий спор будет все жарче, все важнее для будущего консенсуса и Слияния.

На эту перспективу он смотрел со смесью тревоги, уверенности и крайнего удовольствия.

Глава 26

РОБЕРТ

Обитатели подземных пещер не привыкли к яркому свету и шуму, которые принесли с собой новые жильцы. Стаи летучих мышей бежали, оставляя накопившийся за столетия толстый слой отходов. У известняковых стен, покрытых влагой, щелочные ручейки перекрыли самодельными деревянными мостиками. В сухих углах, при свете настенных шаров, наземные существа нервно суетились, как будто им не хотелось нарушать стигийскую тишину.

Неприятно просыпаться в таком месте. Тени здесь резкие и поразительные. Камень может казаться безобидным, но при небольшом изменении перспективы становится чудовищем, которое сотни раз видел в кошмарах.

В таком месте лежа приходят дурные сны.

В халате и шлепанцах, спотыкаясь, Роберт успокоился, отыскав, наконец, то, требуемое, — «центр управления» повстанцами. Большое помещение, освещенное ярче других. Но мебели почти нет. Поломанные столы и шкафы, скамьи на сталагмитах и вдобавок несколько перегородок из древесины, добытой в лесу вверху. От всего этого стены кажутся еще грандиознее, а

деятельность повстанцев — еще мельче.

Роберт потер глаза. Он видел за одной перегородкой несколько шимпов. Они негромко спорили и втыкали булавки в большую карту. Когда один из них заговорил громче, гулкое эхо отозвалось в переходах. Остальные испуганно оглянулись. Очевидно, новое помещение все еще пугает шимпов. Роберт вышел на свет.

— Ну хорошо, — сказал он. В горле еще першит от долгого молчания. — Что здесь происходит? Где она и что делает?

Они смотрели на него. Роберт понимал, как должен выглядеть в халате и шлепанцах, с всклокоченными волосами и с загипсованной по плечо рукой.

— Капитан Онигл, — сказал один из шимпов. — Вам следует лежать. Ваша температура…

— Засунь ее… Мим. — Роберту пришлось вспоминать, как зовут этого парня. Последние несколько недель он помнит не очень хорошо. — У меня уже два дня нет температуры. Я могу прочесть свой больничный лист. Лучше ответь, что происходит. Где все? Где Атаклена?

Шимпы переглянулись. Наконец одна шимми вытащила изо рта булавки с цветными головками.

— Генерал… мизз Атаклена отсутствует… Она руководит нападением.

— Нападением? — Роберт замигал. — На губру? — Он поднес руку к глазам; комната словно зашаталась. — О, Ифни!

Трое шимпов вскочили и, мешая друг другу, потащили деревянный стул.

Роберт тяжело сел. Теперь он видел, что эти шимпы либо стары, либо очень молоды. Должно быть, всех боеспособных Атаклена взяла с собой.

— Рассказывайте, — сказал он шимпам.

Шимми, самая старшая по возрасту, в очках, серьезная, велела остальным заниматься работой и представилась.

— Я доктор Су, — сказала она. — В Центре я занималась генетикой горилл.

Роберт кивнул.

— Доктор Су, да. Я помню, вы помогали обрабатывать мои раны. — Он вспомнил, что видел ее лицо в тумане, когда инфекция с жаром распространялась в его лимфатической системе.

— Вы были очень больны, капитан Онигл. Дело не только в сломанной руке или в грибном яде, который вы получили во время несчастного случая.

Мы думаем, что вы также вдохнули газ чужа-

ков, когда они напали на ферму Мендозы.

Роберт мигнул. В памяти его все перемешалось. Он выздоравливал в горах, в доме Мендозы. Там они с Фибеном провели несколько дней, разговаривали, строили планы. Надо отыскать других и начать что-нибудь.

Может, связаться с правительством его матери в изгнании, если оно существует. В сообщении Атаклены говорилось о пещерах, которые идеально подходят для размещения центра. Может, в этих горах мы создадим штаб ведения боевых действий против врага.

Но однажды утром повсюду забегали шимпы. И прежде чем Роберт встал, прежде чем он успел сказать что-нибудь, его схватили и унесли из фермы в холмы.

Последовал звуковой удар… какое-то огромное пятно в небе.

— Но… но я считал газ смертельным, если… — Он замолчал.

— Если нет противоядия. Да. Ваша доза была очень небольшой. — Доктор Су пожала плечами. — Но и так мы вас едва не потеряли.

Роберт вздрогнул.

— А как маленькая девочка?

— Она с гориллами. — Шимми-ученая улыб-

нулась. — Она в безопасности, насколько это возможно в наши дни.

Роберт вздохнул и немного откинулся.

— Ну, с этим хоть все в порядке.

Шимпы, которые несли маленькую Эприл Ву, успели уйти в холмы. Сам Роберт чуть не опоздал. А Мендозы оказались медлительнее и попали в облако газа, выпущенного из брюха корабля чужаков. Доктор Су продолжала:

— Риллам не нравятся пещеры, поэтому большинство их в высокогорных долинах, они бродят небольшими группами под присмотром вдали от зданий. Вы знаете, здания регулярно отравляют газом, несмотря на то, есть там люди или нет.

Роберт кивнул.

— Губру работают очень тщательно.

Он посмотрел на стену, истыканную разноцветными булавками. Карта изображала весь район гор и доходила на севере до долины Синда и на западе до моря. Здесь острова архипелага представляли ожерелье цивилизации.

Только один город расположен на берегу. Порт-Хеления на северном берегу залива Аспинал. Южнее и восточнее Мулунских гор раскинулся главный континент, но самая важная особенность размещена на краю карты. Медленный, но

неудержимый поток серого льда с каждым годом опускается все ниже.

Проклятие Гарта.

Но булавки на карте указывают на бедствие поближе. Легко оценить расположение розовых и красных значков. — Они контролируют положение.

Пожилой шимп по имени Мика принес Роберту стакан воды. Он тоже мрачно взглянул на карту.

— Да, сэр. Сопротивление, по-видимому, прекратилось везде. Губру сосредоточили пленных в Порту и на архипелаге. Пока в горах действий почти не было, только роботы продолжают газовые атаки. Но везде враг устанавливает свое господство.

— Откуда вы получаете информацию?

— В основном из его собственных передач и передач коммерческих станций Порт-Хелении, которые работают под цензурой. Генерал также разослала во всех направлениях гонцов и наблюдателей. Некоторые уже вернулись.

— Кто разослал бегунов?

— Ген… хм… — Мика в замешательстве отвел взгляд. — Некоторым шимпам трудно произнести имя мисс Атак… мисс Атаклены, сэр. Так что… — Он замолчал.

Роберт фыркнул. «Придется поговорить с девчонкой», — подумал он.

Он поднял стакан с водой и спросил:

— Кого она послала в Порт-Хелению? Опасное место для шпиона.

Доктор Су ответила без особого энтузиазма.

— Атаклена выбрала шимпа по имени Фибен Болджер.

Роберт закашлялся, пролив воду на халат. Доктор Су торопливо добавила:

— Он военный, капитан, и мисс Атаклена решила, что для шпионажа в этом городе нужен… нетрадиционный подход.

От этого Роберт закашлялся еще сильнее. «Нетрадиционный». Да, это о Фибене. Если Атаклена выбрала для этого поручения старину «Трога» Болджера, она хорошо разбирается в шимпах. Возможно, и не бредет ощупью в потемках.

«Все равно, она еще подросток. И к тому же чужак! Неужели на самом деле считает себя генералом? Кем же она командует?» — Он оглядел бедную обстановку пещеры, горстку украденных и принесенных припасов. Убогое зрелище.

— Эта настенная карта — довольно грубая информация, — заметил Роберт, выбирая одно обстоятельство.

Пожилой шен, который до сих пор молчал, почесал редкие волосы на подбородке.

— Мы можем организовать что-нибудь получше, — согласился он. — У нас есть несколько небольших компьютеров. Они работают на батареях, но, чтобы использовать их в полном объеме, не хватает энергии.

Он насмешливо взглянул на Роберта.

— Тимбрими Атаклена настаивает, чтобы мы вначале прорыли геотермальную скважину. Но я полагаю, что лучше установить несколько солнечных коллекторов на поверхности… конечно, хорошо замаскировав их…

Он замолчал. И Роберт понял, что по крайней мере одни шимп не пришел в восторг от того, что ими командует девушка, к тому же неземного происхождения.

— Как вас зовут?

— Джоберт, капитан.

Роберт пожал ему руку.

— Что ж, Джоберт, обсудим это позже. А сейчас не расскажет ли мне кто-нибудь об этом «нападении»? Что собирается делать Атаклена?

Мика и Су переглянулись. Шимми заговорила первой.

— Они выступили до рассвета. Сейчас уже ве-

чер, и скоро должен вернуться гонец.

Джоберт снова сморщился, его потемневшее от возраста лицо было лицом пессимиста.

— Они вооружены булавочными ружьями и ударными гранатами. Надеются захватить врасплох патруль губру.

— Мы уже час назад должны были получить сообщение от них, — сухо добавил пожилой шимп. — Боюсь, они задерживаются.

Глава 27
ФИБЕН

Фибен пришел в себя в темноте. Он лежал, свернувшись клубком, под пыльным одеялом.

Сознание принесло боль. Чтобы отвести руку от глаз, потребовалось усилие воли, и движение это вызвало приступ тошноты. Соблазнительно манило назад беспамятство.

Но его заставило сопротивляться воспоминание о снах. Сны гнали его к сознанию… странные, приводящие в ужас образы и ощущения. Последняя яркая сцена — пустынная местность, усеянная кратерами. Вокруг него в песок ударяют молнии; куда бы он ни направился, где бы ни пытался скрыться, повсюду его настигает горячая

искрящаяся шрапнель.

Он вспомнил, как пытался протестовать, как будто есть слова, способные остановить бурю. Но речь у него отобрали.

Фибен заставил себя повернуться на скрипящей койке. Пришлось потереть костяшками пальцев глаза, прежде чем они открылись окончательно, и он увидел полутемную маленькую комнату. Небольшое окно закрывал плотный занавес. Из-под него пробивалась полоска света.

Мышцы Фибена дрожали. Он вспомнил, когда в последний раз чувствовал себя так плохо — на острове Гилмор. Тогда прилетел с Земли цирк неошимпанзе. Цирковой силач предложил посостязаться с чемпионом колледжа, и Фибен сдуру согласился.

Несколько недель после этого он ходил не разгибаясь и прихрамывая.

Фибен застонал и сел. Внутренние поверхности бедер горели, как в огне.

— Мама, — простонал он. — Никогда не буду делать прием «ножницы».

Его кожа и волосы на теле были влажны. Фибен почувствовал острый запах дальсебо, мощного мышечного расслабителя. Значит, похитители постарались все-таки уберечь его от тяжелых

последствий станнера. Но все равно, попытавшись встать, он почувствовал себя так, словно в голове у него испорченный гироскоп. Фибен, вставая, ухватился за хлипкий стол; держась за него, побрел к единственному окну.

Схватил грубую ткань по обе стороны от светлой полоски и потянул. И тут же отшатнулся, закрывая глаза руками от неожиданной яркости. Перед глазами вертелись круги.

— Хм, — сжато прокомментировал он. И услышал только хрип.

Где он? В какой-то тюрьме губру? Явно не на борту боевого корабля захватчиков. Он сомневался, чтобы привередливые галакты стали использовать туземную деревянную мебель, тем более такого допотопного образца.

Фибен опустил руки, мигая, осушил глаза от слез. В окно он видел закрытый двор, неухоженный огород, несколько деревьев. Похоже на обычный небольшой коммунальный дом, в таких живут семьи шимпов в групповом браке.

Над соседними крышами на холмах эвкалипты. Значит, он по-прежнему в Порт-Хелении, недалеко от парка Приморского Обрыва.

Может, губру поручают допросы своим квислингам. Или его захватили эти враждебно

настроенные испытуемые-проби. У них могут быть на него свои планы.

Рот у Фибена словно набит пылью. Фибен увидел на единственном столе в комнате кувшин. Рядом уже наполненная чашка. Он попытался взять ее, но промахнулся и уронил на пол.

«Сосредоточься! — приказал себе Фибен. — Если хочешь выбраться отсюда, постарайся думать как представитель космической расы!» Это трудно. Непроизнесенные слова болезненно теснятся за лбом. Фибен чувствовал, как пытается отступить его сознание… отказаться от англика, предпочитая ему более простой и естественный способ мышления.

Фабен подавил всепоглощающее желание схватить кувшин и просто напиться из горлышка. Напротив, несмотря на жажду, заставил себя взять другую чашку.

Пальцы дрожали на ручке кувшина.

«Сосредоточься!»

Фибен вспомнил старинное дзенбуддистское высказывание: «До просвещения руби дрова, носи воду. После просвещения руби дрова, носи воду».

Преодолевая жажду, он превратил простое действие наливания воды в чашку в упражнение на

выдержку. Держа кувшин обеими дрожащими руками, он налил полчашки, больше пролив при этом на стол и на пол. Неважно. Взял чашку и выпил воду большими жадными глотками.

Вторую чашку налить оказалось легче. Руки меньше дрожали.

«Вот так. Сосредоточься… Используй трудную дорогу, ту, на которой нужно думать». Шимпам это сделать легче, чем неодельфинам. Вторая раса клиентов на сто лет моложе, и, чтобы думать, ей приходится пользоваться тремя языками.

Он так сосредоточился, что не заметил, как дверь за ним открылась.

— Ну, для парня, который был так занят ночью, ты держишься бодро.

Фибен повернулся. Вода пролилась на стену, от неожиданного движения закружилась голова. Чашка ударялась о пол, Фибен схватился за виски и застонал.

Он увидел шимми в синем саронге с подносом в руках. Фибен попытался устоять, но ноги подогнулись и он опустился на колени.

— Дурак, проклятый дурак, — услышал он ее слова. И не ответил только потому, что рот наполнился желчью.

Шимми поставила поднос на стол и взяла Фи-

бена за руку.

— Только идиот попытается встать, получив полный заряд станнера в упор.

Фибен зарычал и попытался сбросить ее руку. Он вспомнил! Это маленький «сводник» из «Обезьяньей грозди». Тот самый, что стоял на балконе недалеко от губру и который выстрелил в него из станнера, когда Фибен пытался убежать.

— Ост…вь м…ня в покое, — сказал он. — Мне не нужна помощь проклятого предателя!

По крайней мере он хотел это сказать, но услышал только еле внятное бормотание.

— Ладно. Как скажешь, — спокойно вымолвила шимми и отвела его на койку. Несмотря на свой рост, она оказалась очень сильной.

Фибен со стоном лег на комковатый матрац. Он пытался собраться, но разумные мысли, казалось, накатываются и уходят, как океанский прибой.

— Я тебе сейчас кое-что дам. И ты проспишь часов десять. А тогда, может быть, сумеешь ответить на несколько вопросов. Фибен не мог тратить энергию, чтобы выругать ее. Все его силы уходили на то, чтобы сосредоточиться, удержать на чем-то внимание. Англик для этого больше не годится. Фибен попробовал галактический-семь.

— На… ка… ча… креш… — хрипло начал он

считать.

— Да, да, — ответила она. — Мы теперь уже знаем, как хорошо ты образован.

Шимми склонилась к нему с капсулой в руке. Фибен открыл глаза.

Щелчком шимми обломила верхушку капсулы, выпустив облако тяжелою пара.

Фибен пытался задержать дыхание, не вдыхать анестезирующий газ, но знал, что это бесполезно. В то же время он не мог не заметить, что она очень хорошенькая, с маленьким детским подбородком и гладкой кожей. Только сухая горькая усмешка нарушала впечатление.

— Какой ты упрямый. Будь хорошим мальчиком, вдохни и отдыхай, — приказала она.

Не в состоянии дальше удерживаться, Фибен вынужден был вдохнуть.

Сладкий запах, похожий на аромат перезревших плодов, заполнил его ноздри.

Сознание начало уходить.

И только тут Фибен сообразил, что она тоже говорила на превосходном галактическом-семь, без всякого акцента.

Глава 28
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Меган Онигл вытерла слезы. Она хотела отвернуться, не смотреть, но заставила себя еще раз увидеть бойню до конца.

На большом экране появилась ночная сцена, серый морской берег, затянутый дождем, едва заметные угрюмые утесы. Ни луны, ни звезд, вообще почти никакого света. Камеры усиливают изображение до предела, чтобы хоть что-то было видно.

Меган с трудом различала пять темных пятен, которые выползли на берег, проползли по песку и начали подниматься на низкие обрушивающиеся утесы.

— Можно сказать, что они точно следуют процедуре, — объяснил майор земной морской пехоты Пратачулторн. — Вначале из подводных лодок выходят разведчики, они плывут на берег и осматривают его. Потом, когда выясняется, что берег чист, выходят диверсанты.

Меган видела, как поднялись на поверхность в потоках пузырей маленькие лодки и быстро дви-

нулись к берегу. Причалили, открылись крышки, и появилось еще много темных фигур.

— У них с собой лучшее доступное оборудование. И подготовка у них наилучшая. Это земная морская пехота.

«Ну и что? — Меган покачала головой. — Значит ли это, что у них нет матерей?»

Впрочем, она понимала, о чем говорит Пратачулторн. Если эти профессионалы потерпели поражение, как можно винить колониальную милицию Гарта в катастрофах последних месяцев?

Темные фигуры направились к утесам, неся за спиной тяжелый груз.

Вот уже несколько недель остатки правительства, ушедшие вместе с Меган в глубоководное убежище, обдумывали причины краха их, казалось бы, хорошо организованного сопротивления. Все было готово: агенты, диверсанты, арсеналы оружия. Но тут появился проклятый газ принуждения губру, и под облаками смертоносного дыма рухнули все планы.

Немногие оставшиеся на континенте люди теперь уже мертвы или почти мертвы. И самое раздражающее, что никто, даже враг, не знает, сколько людей успело добраться до островов и

вовремя получить противоядие.

Меган старалась не думать о сыне. Если повезло, то он сейчас где-нибудь на острове Гилмор, сидит с друзьями в какой-нибудь пивной или жалуется девушкам на то, что мать не пустила его на войну. Она может только молиться и надеяться, что так оно и есть и что дочь Утакалтинга тоже в безопасности.

Гораздо больше беспокоила ее судьба самого посла тимбрими. Утакалтинг обещал вслед за Советом планеты уйти в укрытие, но так и не появился.

Сообщили, что его корабль пытался уйти в глубокий космос и был уничтожен.

«Столько жизней! Для чего они утрачены?»

Меган смотрела, как диверсанты на экране начали отступать в воду.

Основные силы уже поднялись на утесы.

Без людей, разумеется, под вопросом вообще всякое сопротивление.

Самые умные шимпы могут время от времени наносить удары, но чего ожидать от них без опеки патронов?

Цель этой высадки — приспособиться к новым обстоятельствам.

В третий раз — хоть Меган и знала, что предсто-

ит, — она была захвачена врасплох неожиданно ударившей в берег молнией. На мгновение все застыло в ослепительном свете.

Вначале взорвались маленькие лодки.

Затем настала очередь людей.

— Подводная лодка едва успела убрать камеры и нырнуть, — сказал майор Пратачулторн.

Экран потемнел. Женщина-лейтенант, управлявшая проектором, включила свет. Члены Совета замигали, привыкая к свету. Несколько человек вытирали глаза.

Южноазиатское лицо майора Пратачулторна было очень серьезно. Он снова заговорил.

— То же самое происходило во время космической битвы и происходит при газовых атаках. Они каким-то образом всегда узнают, где мы.

— Вы представляете, как они это делают? — спросил один из членов Совета.

Меган мимоходом отметила, что отвечала на вопрос лейтенант морской пехоты Лидия Маккью. Молодая женщина покачала головой.

— Все наши специалисты ломают головы над этой проблемой. Но пока мы не узнаем, как они это делают, мы не можем рисковать людьми.

Меган Онигл закрыла глаза.

— Мне кажется, мы не в состоянии сейчас об-

суждать этот вопрос.

Объявляю заседание закрытым.

Вернувшись в свою крошечную комнату. Меган подумала, что заплачет. Но вместо этого просто сидела в кромешной темноте на кровати и смотрела туда, где находятся ее руки.

Немного погодя ей показалось, что она их видит, видит устало лежащие на коленях пальцы. И ей представилось, что они кроваво-красного цвета.

Глава 29
РОБЕРТ

Глубоко под землей невозможно определить естественный ход времени.

Но, неожиданно проснувшись в кресле, Роберт знал, сколько сейчас времени.

«Поздно. Чертовски поздно». Атаклена должна была уже несколько часов назад вернуться.

Если бы он лучше себя чувствовал, Роберт не обратил бы внимания на возражения Мики и доктора Су и сам отправился бы наверх отыскивать опаздывающий отряд. Да и так двум ученым-шимпам пришлось почти силой останавливать его.

Время от времени у него еще повышалась температура. Он вытер лоб и сдержал неожиданно появившуюся дрожь.

«Нет, — подумал он, — я себя контролирую!»

Роберт встал и осторожно пошел туда, где негромко спорили. Там он нашел двух шимпов, работающих в жемчужном свете компьютера семнадцатого уровня. Роберт сел на упаковочный ящик за шимпами и некоторое время прислушивался. Потом внес предложение, шимпы испробовали его, и оно сработало. И вскоре Роберту почти удалось забыть тревогу; он погрузился в работу, помогая шимпам заложить военную тактическую программу в машину, которая не предназначалась для более воинственных занятий, чем игра в шахматы.

Кто-то принес ему стакан сока. Роберт выпил. Ему дали сандвич. Он съел.

Спустя какое-то время в подземном помещении послышался крик. По деревянным мостикам торопливо затопали. Глаза Роберта привыкли к свету экрана, поэтому он с трудом различал пробегавших мимо шимпов. Хватая разносортное оружие, шимпы бежали по проходу, ведущему на поверхность.

Роберт встал и схватил ближайшего бегущего.

— Что случилось?

С таким же успехом он мог попытаться остановить бегущего быка. Шимп вырвался, даже не взглянув на него, и исчез в неровном туннеле. Роберт замахал второму, тот посмотрел на него и неохотно остановился.

— Экспедиция, — объяснил нервничающий шимп. — Они вернулись… Я слышал, что не все…

Роберт выпустил его. И начал отыскивать оружие для себя. Если отряд преследуют…

Конечно, ничего подходящего не нашлось. К тому же Роберт с горечью понял, что ружье ему не пригодится: у него неподвижна правая рука. Да и шимпы не позволят ему участвовать в бою. Силой утащат глубже в пещеры.

Наступила тишина. Несколько престарелых шимпов вместе с Робертом ждали звуков выстрелов. Но вместо них послышались голоса, которые постепенно становились громче. В них звучало возбуждение, но не страх.

Что-то погладило его прямо над ухом. С момента ранения у Роберта не было практики, но примитивная эмпатия подсказала, что это знакомое прикосновение. Роберт начинал надеяться.

Из-за поворота показалась шумная толпа — оборванные грязные неошимпанзе, вооруженные

самым разнообразным оружием, некоторые в повязках. Увидев Атаклену, Роберт почувствовал, как внутри ослаб какой-то узел.

Но тут же одна тревога сменилась другой. Девушка тимбрими явно использовала гир-трансформацию. Выглядит она истощенной, и Роберт ощутил, насколько она устала.

Более того, он понимал, что она по-прежнему напряженно работает.

Корона ее стояла вертикально, сверкая без света. Шимпы почти не обращали внимания на оставшихся дома, которые расспрашивали торжествующих вернувшихся. И Роберт понял что это настроение создает Атаклена. Само по себе оно слишком слабо, слишком непрочно, чтобы сохраниться.

— Роберт! — Глаза ее раздвинулись. — Разве тебе можно вставать? У тебя еще вчера была лихорадка.

— Я в норме. Но…

— Хорошо. Счастлива видеть тебя на ногах.

Роберт увидел, что в импровизированный госпиталь несут на носилках две забинтованные фигуры. И почувствовал, как Атаклена старается отвлечь внимание всех от этих окровавленных, может быть, умирающих солдат. Только при-

сутствие шимпов заставило Роберта держаться невозмутимо.

— Мне нужно поговорить с тобой, Атаклена.

Она встретилась с его взглядом, и на краткое мгновение Роберту показалось, что он кеннирует слабое дрожащее изображение над ее короной. Торопливо созданный глиф.

Вернувшиеся приступили к еде, хвастались своими похождениями. Только Бенджамин с лейтенантскими лычками на рукаве серьезно стоял рядом с Атакленой. Она кивнула.

— Хорошо, Роберт. Отойдем в сторону.

— Попробую догадаться, — спокойно сказал Роберт. — Вас напинали в задницу.

Шимп Бенджамин поморщился, но не стал возражать. Показал на расстеленной карте.

— Мы напали на них вот здесь, на перевале Йенчинг, — сказал он. — Это был наш четвертый рейд, и поэтому мы считали себя опытными.

— Четвертый? — Роберт повернулся к Атаклене. — И давно это происходит?

Она достала из кармана печенье, начиненное чем-то остро пахнущим, и откусывала по маленькому кусочку. Сморщила нос.

— Мы действуем уже примерно с неделю, Роберт. Но это первый серьезный набег, когда мы

попытались причинить вред.

— И что же?

На Бенджамина, казалось, не действуют усилия Атаклены по формированию настроения. Может, она специально это делает. Ей нужен рядом по крайней мере один помощник с непосредственным восприятием мира. А может, он просто слишком умен. Бенджамин закатил глаза.

— На этот раз вред причинили нам. — И продолжал объяснять. — Мы разделились на пять групп. По настоянию мисс Атаклены. И это нас спасло.

— Какова была ваша цель?

— Маленький патруль. Два легких танка на воздушной подушке и несколько открытых наземных машин.

Роберт всмотрелся в это место на карте. Здесь одна из немногих дорог углубляется в предгорья. Он слышал, что враг редко выходит за пределы Синда. Казалось, его удовлетворяет контроль за космосом, архипелагом и узкой полосой континента вокруг Порт-Хелении.

Да и зачем захватчикам дикая местность? Почти все люди теперь у них под контролем. Гарт принадлежит им.

Очевидно, первые три набега были подготовкой: шимпы, служившие рядовыми в милиции,

пытались научить остальных передвигаться и сражаться в лесу. Но в четвертый раз они сочли себя готовыми к встрече с противником.

— Но, похоже они заранее знали, где мы, — продолжал Бенджамин. — Сначала мы шли за ними следом, учились прятаться за деревьями и подглядывать, как раньше. Потом…

— Потом вы на самом деле напали на патруль.

Бенджамин кивнул.

— Мы заподозрили, что они о нас знают. Но нам нужно было удостовериться. И генерал предложила план…

Роберт замигал, потом кивнул. Он еще не привык к почетному званию Атаклены. По мере того, как Бенджамин описывал ход событий, удивление Роберта росло.

Засада была устроена таком образом, что каждая из пяти групп начинала обстрел патруля с минимальным риском.

И, кстати, как он заметил, без особых шансов причинить ущерб врагу.

Засады располагались слишком высоко или далеко, чтобы выстрел оказался удачным. Да и какой ущерб может причинить охотничье ружье и ударная граната?

Первый залп уничтожил небольшую открытую

машину губру. Вторая пострадала немного, но тут же огонь из танков заставил нападающих отступить. Вскоре с берега подоспела воздушная поддержка, и участникам рейда с трудом удалось уйти. Активная часть рейда заняла буквально пятнадцать минут. Зато отступление, маневрирование, чтобы запутать следы, — все это потребовало гораздо больше времени.

— Значит, вам не удалось обмануть губру? — спросил Роберт.

Бенджамин покачал головой.

— Они как будто всегда знали, где мы. Чудо, что мы сумели их запутать, и еще большее чудо, что мы вообще унесли ноги.

Роберт взглянул на «генерала». Хотел высказать свое неодобрение, потом еще раз взглянул на карту, задумавшись над избранной для засады позицией. Проследил линии огня, маршруты отступления.

— Ты это подозревала, — сказал он наконец Атаклене.

Ее глаза чуть сдвинулись и снова разошлись — тимбримийский эквивалент пожатия плечами.

— Я думала, что в первом рейде не стоит подходить слишком близко.

Роберт кивнул. Действительно, если бы засада

была подготовлена «лучше», если бы шимпы оказались ближе к врагу, мало кто из них вернулся бы живым.

План был хорош.

Нет, не хорош. Вдохновенный план. Он нацелен не на поиски врага, а на то, чтобы внушить уверенность. Отряды разделились так, чтобы каждый смог выстрелить во врага, не подвергаясь при этом чрезмерному риску. Нападающие должны были с триумфом вернуться домой, но самое главное — они должны были вернуться.

И все же они понесли потери. Роберт чувствовал, насколько истощена Атаклена. Отчасти ее утомление объясняется тем, что все остальные считают, что одержали победу.

Он ощутил прикосновение к колену и взял руку Атаклены в свою. Она сжала свои длинные тонкие пальцы, и он почувствовал тройные удары ее пульса.

Их взгляды встретились.

— Сегодня мы превратили почти неизбежную катастрофу в небольшую победу, — сказал Бенджамин. — Но до тех пор, пока противник точно знает, где мы, мы можем только играть с ним в салки. И даже в этой игре потеряем больше, чем можем заплатить.

Глава 30
ФИБЕН

Фибен потер затылок и раздраженно взглянул на стол. Итак, именно с ней он должен был установить связь, с лучшей студенткой доктора Таки, с будущим руководителем городского подполья.

— Что это за глупость? — обвиняющим тоном спросил он. — Ты позволила мне войти в этот клуб, ничего не подозревая, вслепую. Меня десять раз за прошлый вечер едва не схватили. Могли даже убить!

— Это было два дня назад, — поправила его Гайлет Джонс. Она сидела на стуле с прямой спинкой и разглаживала складки своего синего саронга. — Ну, я ведь была там, в «Обезьяньей грозди», ждала снаружи, чтобы установить контакт. Увидела незнакомца, пришедшего в одиночку, в рабочем костюме. И обратилась к тебе с паролем.

— Розовая? — Фибен замигал. — Ты подошла ко мне и прошептала «розовая», и я должен был понять, что эта непристойность — пароль?

В обычном состоянии он не стал бы так грубить молодой леди. Сейчас Гайлет Джонс больше похо-

жа на того, кого он ожидал встретить, — шимми, явно образованная и хорошо воспитанная. Но он видел ее при других обстоятельствах и никогда этого не забудет.

— Ты называешь это паролем? Мне велели искать рыбака!

Собственный крик заставил его сморщиться. По-прежнему ощущение такое, словно голова протекает в пяти-шести местах. Мышцы уже перестало капризно сводить, но тело по-прежнему болит, и настроение у него не самое лучшее.

— Рыбака? В этом районе города? — Гайлет Джонс нахмурилась, ее взгляд на мгновение затуманился. — Слушай, был настоявши хаос, когда я позвонила в Центр и попробовала разыскать доктора Таку. Я решила, что ее группа привыкла к конспирации и станет естественной базой в глуши. У меня было несколько мгновений, чтобы договориться о будущей встрече, прежде чем губру захватят все телефонные линии. Я подумала, что они уже и так все разговоры прослушивают и записывают, и мне нужно было подобрать такое слово, которое смогли бы воспринять их лингвистические компьютеры.

Она неожиданно остановилась и поднесла руку ко рту.

— О нет!

— Что? — Фибен придвинулся к ней.

Она несколько мгновений мигала, потом махнула рукой.

— Я сказала этому глупцу оператору в Центре, как должен выглядеть их посланник, где он со мной встретится, потом сказала, что сама я буду потаскушкой…

— Кем? Не понимаю. — Фибен покачал головой.

— Это древнее слово. Еще из человеческого сленга до Контакта.

Обозначает женщину, которая предлагает дешевый секс за наличные.

Фибен выпалил:

— Самая глупая из всех глупых, дурацких, проклятых Ифни мыслей!

Гайлет Джонс горячо ответила:

— Ну, ладно, умник, а что, по-твоему, я должна была сделать?

Милиция разбегается. Никто и не подумал, что может возникнуть ситуация, когда опустеют все посты, занятые людьми! Мне из ничего нужно было организовать движение сопротивления. И я попыталась устроить встречу…

— И предложила незаконный секс как раз там,

где губру и так поощряют низменные инстинкты!

— Откуда я знала, что они это сделают? Что выберут именно этот сонный ночной бар? Я считала, что социальные ограничения немного ослабнут и я легко смогу сыграть роль. У меня будет алиби, чтобы подходить к незнакомцам. Мне и в голову не приходило, что дойдет до этого! Я просто подумала, что, если обращусь не к тому, он удивится и поведет себя точно так, как ты!

— Но у тебя не получилось?

— Не получилось! Перед тобой показалось несколько одиноких шенов, одетых, как ты, и я начинала представление. Бедному Максу пришлось уложить с полдесятка станнером, и переулок уже заполнялся. Но уже поздно было менять место встречи или пароль…

— Который никто так и не понял! Потаскушка? Ты должна была догадаться, что не сработает.

— Доктор Така должна была сообразить. Мы вместе смотрели и обсуждали старые фильмы. Неясно, почему она… — Увидев выражение лица Фибена, она осеклась. — В чем дело? Почему ты так на меня смотришь?

— Прости. Я только что понял, что ты не знаешь. — Он покачал головой.

— Видишь ли, доктор Така умерла примерно в то время, когда было получено твое сообщение. От аллергической реакции на газ принуждения.

У нее перехватило дыхание. Гайлет, казалось, осела.

— Я… я боялась этого, когда она не пришла в город за противоядием.

Это… большая потеря. — Она закрыла глаза и отвернулась, очевидно, чувствуя больше, чем могла выразить словами.

По крайней мере она не видела гибели в огне Хаулеттс-Центра, не видела закопченных прилетающих и улетающих санитарных машин, не видела, как стекленели глаза ее умирающей учительницы. Фибен смотрел записи этого страшного вечера. И помнил их.

Гайлет взяла себя в руки, отложив оплакивание на потом. Вытерла глаза и взглянула на Фибена, упрямо выставив подбородок.

— Мне нужно было придумать что-то такое, что поймет шимп, но не поймут лингвистические компьютеры ити. Не в последний раз приходилось импровизировать. Но ты ведь здесь. И наши две группы установили контакт.

— Меня чуть не убили, — заметил он, хотя сам понимал, что это упоминание грубовато.

— Но не убили же. Вообще, мы можем извлечь из этого небольшого недоразумения для себя выгоду. На улицах до сих пор говорят о тебе.

Неужели в голосе ее прозвучала нотка уважения? Может быть, предложение мировой?

И вдруг он почувствовал, что это уж слишком. Слишком для него! Фибен понимал, что сейчас не самый подходящий момент для веселья, но не смог сдержаться.

— Потаскушка? Таскать? — Он хихикнул, хотя при этом в голове как будто загрохотали булыжники. — Потаскушка? — Откинул голову и загоготал, колотя по ручкам кресла. Фибен ревел, пиная ногами воздух. — О Гудолл! Вот кого мне нужно было искать!

Переводя дыхание, он увидел, как смотрит на него Гайлет Джонс. Но ему все равно, даже если она позовет этого рослого шимпа Макса и прикажет снова пустить в ход станнер.

Это для него чересчур.

И если он правильно понял выражение ее глаз в этот момент, их союз зарождается на очень зыбкой почве.

Глава 31
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Луча и Когтя вступил на борт личного крейсера и принял воинские почести солдат Когтя. Это тщательно отобранные военные, перья их аккуратно расчесаны, гребни раскрашены, указывая звание и часть. Кваку, помощник адмирала, заторопился вперед и принял церемониальную одежду.

Когда все заняли места на своих насестах, пилот включил гравидвигатель и направил крейсер к оборонительным сооружениям на низком холме к востоку от Порт-Хелении. Сюзерен Луча и Когтя молча смотрел, как остается позади ограда города и внизу начинают мелькать фермы этого небольшого поселка землян.

Старший насест-полковник, второй по званию командир, приблизился с резким щелканьем клюва — воинским приветствием.

— Встреча прошла хорошо? Достойно? Удовлетворительно? — спросил насест-полковник.

Сюзерен Луча и Когтя решил не обращать внимания на опрометчивость этого вопроса. Лучше,

чтобы второй по команде умел думать, чем имел превосходно расчесанный плюмаж. Именно то, что он окружил себя несколькими такими помощниками, помогло сюзерену получить нынешнее назначение. Адмирал высокомерно мигнул.

— Наша встреча прошла удовлетворительно, соответственно и успешно.

Насест-полковник поклонился и вернулся на свое место. Конечно, он знает, что на такой ранней стадии Слияния консенсус никогда не бывает совершенным. Всякий может понять это по взъерошенному пуху и усталым глазам сюзерена.

Последняя встреча командующих выдалась особенно утомительной, и некоторые ее аспекты вызывали недовольство и раздражение адмирала.

Во-первых, сюзерен Стоимости и Бережливости настаивал на том, чтобы большая часть флота была отправлена на поддержку других операций губру далеко отсюда. И, как будто этого недостаточно, третий предводитель, сюзерен Праведности, по-прежнему требовал, чтобы его всюду носили на насесте, отказываясь ступать на почву Гарта, пока не будут соблюдены все

формальности. Священника тревожило несколько проблем: высокая смертность людей от газа принуждения, что угрожало всему проекту губру восстановления Гарта, ничтожный размер местной отраслевой Библиотеки, статус в возвышении отсталых предразумных неошимпанзе.

Каждая из этих проблем требовала новых напряженных переговоров, новых перегруппировок. Еще одна схватка за консенсус.

Но все же это мелочи. Трое уже спорили об основах, и вот здесь процесс начал приносить наслаждение. Особенно сильное наслаждение члены триумвирата испытывали, когда танцевали, ворковали и спорили о фундаментальнейших проблемах.

До сих пор адмирал считал, что его продвижение к статусу царицы будет прямым и легким: ведь он старший изначально. Но теперь сюзерену Луча и Когтя стало казаться, что дело окажется не столь легким. Предстоит совсем не тривиальное Слияние.

Конечно, так всегда бывает с лучшими Слияниями. Очень разные силы были вовлечены в выбор трех руководителей экспедиционных сил. Повелители Насестов дома надеялись, что именно у этой троицы выработается новая единая полити-

ка. А чтобы это получилось, у всех должны быть хорошие головы, с оригинальным мышлением.

И только сейчас становится ясно, насколько хороши эти умы и насколько они различны. Несколько идей, предложенных недавно другими, превосходны, но неспособны вывести из равновесия своей необычностью.

«Но в одном они правы, — думал адмирал. — Мы не просто должны победить, покорить, подчинить себе волчат. Мы должны дискредитировать их!» Сюзерен Луча и Когтя так сосредоточился на военных проблемах, что остальные участники триумвирата начали казаться ему помехой.

«С моей стороны это неверно, неправильно, неподобающе», — думал адмирал.

Благочестиво было бы считать, что чиновник и священник так же отлично разбираются в своих сферах, как адмирал в военной. И если Праведность и Бережливость завершат вторжение так же великолепно, как начали, их троицу запомнят надолго!

Сюзерен Луча и Когтя знал, что кое-что предопределено заранее. И так ведется со времен Прародителей. Уже давно недостойные еретические кланы оскверняют межзвездные пути — ужасные невежественные волчата, и тимбри-

ми, и теннанинцы, и соро… Необходимо, чтобы клан гуксу-губру победил в эту неспокойную эпоху! Клан должен достичь величия!

Адмирал думал о том, что поражение землян было предопределено давным-давно. Силы губру следили за каждым их ходом и противостояли ему.

Газ принуждения разрушил все приготовления и планы землян. Это была идея самого сюзерена — конечно, вместе с его личным штабом. Теперь годы работы начинают приносить плоды.

Сюзерен Луча и Когтя расправил руки, чувствуя, как напряглись мышцы-сгибатели. Эти мышцы за многие века до возвышения поднимали его предков в теплый сухой воздух родной планеты губру.

"Да! Пусть идеи моих соперников будут смелыми, остроумными, полными изобретательности…

Пусть они будут такими же великолепными — но все же не совсем такими, как мои собственные!"

Сюзерен начал расчесывать перья, а крейсер выровнялся и под облачным небом полетел на восток.

Глава 32
АТАКЛЕНА

— Здесь, внизу, я сойду с ума! Меня словно в плену держат!

Роберт расхаживал от стены к стене, и вместе с ним расхаживали две его тени от двух ламп. Свет отражался в ручейках влаги, которая медленно стекала по стенам подземного помещения.

Левая рука Роберта сжата, сухожилия четко выделяются от кулака до локтя и дальше до мускулистого плеча. Роберт ударил по ближайшему шкафу, и эхо отразилось в переходах.

— Предупреждаю тебя, Кленни. Я не смогу долго ждать. Когда ты выпустишь меня отсюда?

Атаклена вздрогнула, когда Роберт снова ударил по шкафу, вымещая свое раздражение. По крайней мере дважды он собирался пустить в ход правую руку в гипсе, а не здоровую левую.

— Роберт, — попыталась она утихомирить его, — ты удивительно быстро идешь на поправку. Скоро с тебя снимут гипс. Пожалуйста, не надо рисковать…

— Ты уходишь от ответа — прервал он. — Даже

в гипсе я могу выйти, буду учить войска, разведывать позиции губру. Но ты удерживаешь меня здесь, внизу, заставляешь программировать мини-компьютеры и втыкать булавки в карту! Это сводит меня с ума!

Роберт буквально излучал раздражение. Атаклена уже просила его попытаться заглушить гнев. Держать себя в руках, как говорится. Почему-то она особенно восприимчива к его эмоциям, буйным и диким, как у подростка тимбрими.

Роберт, ты знаешь, почему мы не можем рисковать, посылая тебя на поверхность. Корабли губру уже несколько раз выпускали смертоносный газ на наши внешние укрепления. И если бы ты оказался там, то сейчас находился бы на пути к острову Гилмор и для нас был бы потерян. И это в лучшем случае!

Я дрожу при мысли о худшем.

Шлем Атаклены взъерошился при этой мысли, серебристые нити короны возбужденно зашевелились.

Большая удача, что Роберта увезли с фермы Мендозы перед тем, как неугомонные роботы губру обрушились на это небольшое горное селение.

Маскировки и устранения всех электронных

приборов, очевидно, оказалось недостаточно, чтобы укрыться.

Медина Мендоза и дети немедленно отправились в Порт-Хелению и предположительно вовремя прибыли для получения противоядия. Хуану Мендозе повезло меньше. Он задержался, чтобы ликвидировать несколько экологических ловушек, испытал аллергическую реакцию на газ принуждения и умер на глазах испуганных шимпов, в судорогах, с пеной на губах, после пятиминутного припадка.

— Тебя там не было, Роберт, когда умер Хуан, но ты, конечно, слышал рассказы. Хочешь тоже умереть такой смертью? Ты понимаешь, что мы и так чуть не потеряли тебя?

Их взгляды встретились, карие глаза смотрели в серые с золотистыми точками. Атаклена чувствовала решимость Роберта и одновременно его усилия сдержать упрямый гнев. Роберт медленно разжал левую руку. Глубоко вздохнул и опустился на стул с брезентовой спинкой.

— Знаю, Кленни. Я понимаю твои чувства. Но ты должна понять, что я часть всего этого. — Он наклонился вперед, с уже не гневным, но по-прежнему напряженным выражением лица. — Я согласился на просьбу матери увести тебя в глубь

континента, вместо того чтобы присоединиться к своей части, потому что Меган считала это важным. Но ты теперь не мой гость. Ты организуешь армию! А я ощущаю себя пятым колесом.

Атаклена вздохнула.

— Мы оба знаем, что не очень хорошая армия получится… В лучшем случае символ. Способ дать шимпам надежду. Как офицер ты имеешь право в любой момент принять у меня командование.

Роберт покачал головой.

— Я не об этом. Я не настолько тщеславен, чтобы считать, что справился бы лучше тебя. Я не из породы лидеров и знаю это. Шимпы преклоняются перед тобой и верят в тимбримийские чудеса. Но все же я, вероятно, единственный человек с военной подготовкой, оставшийся в этих горах… ты должна меня привлечь, если у нас появится шанс…

Роберт неожиданно замолчал и посмотрел через плечо Атаклены. В подземную комнату вошла маленькая шимми в шортах и с поясом, отдала приветствие. Атаклена повернулась.

— Прошу прощения, генерал, капитан Онигл, но только что вернулся лейтенант Бенджамин. Он докладывает, что дела в долине Спринг обстоят не лучше. Людей там больше нет. Но по

крайней мере раз в день, появляются проклятые роботы и распыляют газ в поселениях. И вообще они не прекращают своих действий нигде, куда смогли проникнуть наши бегуны.

— А как шимпы в долине Спринг? Болеют от газа? — спросила Атаклена.

Она вспомнила доктора Шульца и то, какое действие оказал газ на некоторых шимпов в Центре.

Шимми покачала головой.

— Нет, мэм. Больше нет. Везде одно и то же. Шимпы, на которых газ действовал, ушли в Порт-Хелению. И остались только те, у кого есть иммунитет.

Атаклена взглянула на Роберта, и у обоих появилась одна и та же мысль.

Все, кроме одного.

— Будь они прокляты! — взорвался Роберт. — Неужели никогда не успокоятся? Девяносто девять и девять десятых процента людей они уже захватили. Так и будут заливать газом каждую хижину, чтобы захватить всех до последнего?

— Очевидно, они побаиваются Homo Sapiens, Роберт, — улыбнулась Атаклена. — Вы ведь союзники тимбрими. А мы не выбираем в союзники безвредные существа.

Роберт сердито покачал головой. Но Атаклена

прикоснулась к нему своей аурой, заставила посмотреть на нее и увидеть насмешливый взгляд. Невольно Роберт медленно улыбнулся. И наконец рассмеялся.

— Да, эти проклятые птицы не так уж тупы. Лучше перестраховаться сейчас, чем сожалеть потом, верно?

Атаклена покачала головой, ее корона создала глиф признательности, простой глиф, который он смог бы кеннировать.

— Да, Роберт. Они не тупы. Но по крайней мере, одного человека они упустили, и поэтому их неприятности еще не кончились.

Посыльная выпрямилась, когда Атаклена снова повернулась к ней.

— Я хочу сама послушать доклад лейтенанта Бенджамина. Попросите, пожалуйста, доктора Су прийти в комнату управления.

— Да, сэр! — Шимми отсалютовала и убежала.

— Роберт! Нам нужно твое мнение.

Он поднял голову, лицо его было задумчиво.

— Я приду через минуту, Кленни. Мне нужно кое о чем подумать.

— Хорошо, — кивнула Атаклена. — Пока. — Она повернулась и вслед за посыльной пошла по вырытому водой коридору, освещенному редкими

тусклыми лампами, свет которых отражался от влажных сталактитов.

Роберт смотрел на нее, пока она не скрылась из виду. Оставшись в полной тишине, он задумался.

"Почему губру продолжают заливать горы газом? Ведь там не осталось людей. Это ведь очень дорого, даже если роботы летят туда, где были люди.

И как им удается находить здания, машины, отдельных шимпов, как бы хорошо они не скрывались?

Неважно, что они отравляют наши внешние укрепления. Газовые роботы — простые машины и не знают, что мы тренируем армию в этой долине. Они чувствуют землян, выполняют свою программу и улетают.

Но что будет, когда мы начнем действовать и привлечем внимание самих губру? Мы не можем позволить, чтобы нас тогда обнаружили".

И еще есть одна очень важная причина, чтобы ответить на эти вопросы.

«Пока это продолжается, я заперт здесь, внизу!»

Роберт прислушался к слабому звуку капель, падающих с соседней стены.

Он думал о противнике.

По сравнению с грандиозными битвами, которые разворачиваются в пяти галактиках, действия, здесь, на Гарте, всего лишь легкая потасовка. Губру не могут залить газом всю планету. Это слишком дорого.

Итак, отряды дешевых, тупых, но эффективных поисковых роботов отправлены на охоту за всем, что не принадлежит Гарту… что хоть немного пахнет Землей. Сейчас газ застигает только негодующих раздраженных шимпов, которые к нему невосприимчивы. А также пустые здания по всей планете.

Это препятствие, и очень существенное. Надо найти способ остановить роботов. Роберт достал из папки, лежащей на столе, лист бумаги. И записал способы, с помощью которых роботы могут находить землян на чужой планете.

ОПТИЧЕСКИЕ ПРИБОРЫ ИНФРАКРАСНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ ТЕЛ РЕЗОНАНСНОЕ СКАНИРОВАНИЕ ПСИ ИСКАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ Теперь Роберт сожалел, что учился в основном управлению и мало внимания уделял галактической технологии. Он был убежден, что в накопившихся за гигагоды архивах Великой Библиотеки есть немало способов обнаружения, помимо этих пяти. Например,

роботы могли буквально «вынюхивать» землян, отыскивать все земное по запаху.

Нет. Он покачал головой. Приходится сокращать список, отвергать очевидно нелепые способы. Их нужно оставить на всякий случай.

Повстанцы спасли из развалин Хаулеттс-Центра пикаветвь библиотеки. Он может попытаться. Шансы на то, что там найдется что-то пригодное для военных действий, ничтожны. Маленькое ответвление, в котором информации не больше, чем во всех книгах, созданных человечеством до Контакта, специализированное в области возвышения и генной инженерии.

«Возможно, мы смогли бы обратиться в Региональную Центральную Библиотеку на Таците с просьбой о поиске информации». Роберт улыбнулся этой мысли. Даже люди, осажденные захватчиками, имеют право запрашивать галактическую Библиотеку. Таков Кодекс Прародителей.

"Конечно! — С улыбкой ответил Роберт. — Мы просто направимся в штаб оккупантов и потребуем, чтобы наш запрос отправили на Тацит… запрос о военной технологии самих оккупантов!

Возможно, они пойдут на это. Сейчас, когда галактика в смятении.

Библиотека завалена запросами. Постепенно очередь дойдет и до нашего.

Может быть, в следующем столетии".

Он взглянул на свой список. Тут то, о чем он слышал или что-нибудь знает.

Первый вариант. Возможно, запущен спутник с совершенным оптическим оборудованием, который акр за акром сканирует Гарт, отыскивая очертания правильных форм — очертания зданий и машин. А потом направляет роботов к цели.

Вероятно, но почему тогда вылазки происходят снова и снова в одно и то же место? Ведь у такого спутника должна быть память. И как может такой спутник направить роботов против группы шимпов, идущих под покровом густого леса?

То же самое, только наоборот, справедливо и для инфракрасного излучения. Машины не могут быть нацелены на тепло живого организма. Роботы продолжают поливать газом остывшие и покинутые недели назад здания.

У Роберта не хватало знаний, чтобы отбросить все способы из списка.

Он почти ничего не знал о пси-учении и его близком родиче — физике реальности. Время, проведенное с Атакленой, на многое открыло

ему глаза, но и сейчас он новичок в той области, которая заставляет шимпов, да и многих людей вздрагивать от страха перед сверхъестественным.

«Ну что ж, все равно я заперт под землей. Надо постараться расширить свое образование».

Он встал, собираясь присоединиться к Атаклене и Бенджамину. Но неожиданно застыл. Глядя на список возможностей, он понял, что упустил еще одну.

«…Способ, с помощью которого губру легко преодолели нашу защиту в начале вторжения… Способ, с помощью которого они снова и снова находят нас, где бы мы ни скрывались. Способ предупредить каждый наш шаг…».

Он не хотел этого, но честность заставила снова взять ручку.

И он приписал одно слово:

ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

Глава 33
ФИБЕН

В этот день Гайлет показывала Фибену Порт-Хелению, вернее, ту ее часть, в которую разрешен был доступ неошимпам.

В южной части города в доки по-прежнему приходили рыболовные траулеры. Но теперь их экипаж состоял только из моряков-шимпов. Траулеры, с сокращенным вполовину экипажем, старались как можно дальше обходить корабли губру, занявшие залив Аспинал.

На рынках некоторых товаров было в достатке, но вообще большинство полок пустовало: многие запасали продукты, и их стало не хватать. Пиво и рыбу еще можно было купить за колониальные деньги. Но мясо и свежие фрукты продавали только за бумажные купюры, выпущенные оккупантами. И рассерженные покупатели уже начинали вспоминать значение древнего слова «инфляция».

Похоже, половина населения работает на захватчиков. К югу от города, вблизи космопорта, строились укрепления. Котлованы красноречиво свидетельствовали о том, что будут сооружены и более массивные здания.

Повсюду развешаны плакаты с улыбающимися неошимпанзе; в них обещалось, что как только в обращение попадет достаточно новых денег, наступит изобилие. И добросовестная работа приблизит этот день.

— Ну? Насмотрелся? — спросила провожатая.

Фибен улыбнулся.

— Нет. Мы ведь только скользнули поверху.

Гайлет пожала плечами и предоставила ему идти, куда глаза глядят.

"Что ж, — думал Фибен, разглядывая пустые рыночные полки, — специалисты все время утверждают, что мы, шимпы, едим больше, чем нам полезно… гораздо больше, чем мы могли бы раздобыть в добрые старые дни.

Может, это и пойдет нам на пользу".

Наконец они добрели до колокольни колледжа Порт-Хелении. Кампус меньше, чем у университета на острове Гилмор, но Фибен недавно участвовал здесь в конференции по экологии и хорошо знал район.

И когда он разглядывал растительность, что-то показалось ему очень странным.

Дело не в танке губру на воздушной подушке, торчащем на верху холма.

И не в уродливой ограде, которая, окружая город, задевает и территорию кампуса с севера. Дело в самих студентах, в колледже.

Откровенно говоря, он удивлен что вообще видит их!

Разумеется, это все шимпы. Фибен ожидал увидеть в Порт-Хелении гетто или концентраци-

онные лагеря, забитые людьми с материка. Но последняя партия мужчин и женщин несколько дней назад была перевезена на острова. Их место заняли тысячи шимпов, хлынувших отовсюду, особенно из тех мест, которые подвергаются газовым атакам, что бы ни утверждали губру о неподверженности шимпов действию газа.

Всем шимпам дали порцию противоядия, выплатили небольшую, символическую, компенсацию и направили на работу в городе.

Но здесь, в колледже, все кажется таким мирным и поразительно спокойным. Фибен и Гайлет посмотрели с высоты колокольни. Под ними шимпы и шимми переходили из аудитории в аудиторию. Они несли книги, негромко разговаривали друг с другом и изредка украдкой бросали взгляды на крейсеры чужаков, все время пролетающие над головой.

Фибен удивленно покачал головой. Как они вообще умудряются тут учиться?

Конечно, люди известны своим либерализмом в политике возвышения; со своими клиентами они обращаются почти как с равными, в то время как галактическая традиция гораздо менее великодушна. Старшие галактические кланы могут неодобрительно ворчать, но в земном Совете

рядом с людьми заседают шимпы и дельфины. Клиентам даже доверили несколько космических кораблей.

Но колледж без людей?

Фибен думал, почему оккупанты смотрят на поступки шимпов сквозь пальцы, вмешиваясь лишь в отдельных случаях и достаточно грубо, как в «Обезьяньей грозди».

Теперь ему показалось, что он понимает причину.

— Мимикрия. Должно быть, они считают, что мы притворяемся! — проговорил он вслух.

— Что ты сказал? — Гайлет взглянула на него. Они заключили временное перемирие до окончания задания, но, очевидно, она не испытывала удовольствия от того, что приходится проводить с ним целый день.

Фибен указал на студентов. — Скажи, что ты там видишь.

Она рассердилась, но потом вздохнула и наклонилась, всматриваясь.

— Я вижу профессора Джимми Санта, он выходит из аудитории, что-то объясняя студентам. — Она чуть улыбнулась. — Наверное, что-то о среднем периоде галактической истории… Я была его техническим помощником и хорошо

помню выражение лиц студентов. — Отлично. Это видишь ты. А теперь взгляни глазами губру.

Гайлет нахмурилась.

— Как это?

Фибен снова протянул руку.

— Вспомни: в соответствии с галактической традицией мы, неошимпы, всего триста лет назад обрели разум, мы чуть старше дельфинов. И только начинаем свой стотысячелетний период договора и службы людям. Не забудь также, что многие фанатики ити ненавидят людей. Однако людям предоставили статус патронов и все привилегии, связанные с ним. Почему? Потому что еще до Контакта они возвысили шимпанзе и дельфинов! Статус в пяти галактиках приобретается только так. Нужно иметь клиентов и возглавлять клан.

Гайлет покачала головой.

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Зачем ты объясняешь мне очевидное? — Она явно не хотела слушать лекцию шимпа из захолустья, у которого нет даже диплома доктора.

— Подумай! Как люди получили свой статус? Как это произошло, тогда, в двадцать втором столетии? Фанатики оказались в меньшинстве, когда присуждали статус разумных существ

неошимпанзе и неодельфинам. — Фибен махнул рукой. — Это дипломатическая победа кантенов, тимбрими и других умеренных; люди тогда даже не подозревали, в чем дело.

На лице у Гайлет появилась сардоническая ухмылка, и Фибен вспомнил, что ее специальность — галактическая социология.

— Конечно, но…

— Это стало fait accompli[5]. Но губру, соро и другим фанатикам это не понравилось. Они по-прежнему считают нас почти животными. Им нужно в это верить, иначе придется признать, что люди заслужили свой статус в галактическом сообществе, что они равны остальным или даже выше многих!

— Я по-прежнему не понимаю…

— Посмотри вниз! — указал Фибен. — Взгляни глазами губру и скажи мне, что ты видишь!

Гайлет Джонс пристально взглянула на Фибена. Наконец вздохнула.

— Ну, раз уж ты настаиваешь… — Она наклонилась и снова оглядела двор.

— Мне это не нравится, — сказала она наконец. Фибен почти не слышал ее. Он придвинулся

---

[5] notes: 5
совершившийся факт (фр.)

ближе.

— Расскажи, что ты видишь.

Она отвела взгляд, поэтому он ответил за нее.

— Перед тобой умные, хорошо обученные животные, подражающие своим хозяевам. Разве не так? Глазами губру ты видишь искусную имитацию людей-профессоров и людей-студентов… слепок лучших времен, формально воспроизведенный верными…

— Прекрати! — закричала Гайлет, зажимая уши. Она повернулась к Фибену, сверкая глазами. — Я тебя ненавижу!

Фибен удивился. Ей нелегко это дается. Может, он просто вымещает на ней боль и унижения последних трех дней, которые отчасти дело ее рук?

Но нет. Ей нужно было показать, как ее народ выглядит в глазах врага!

Иначе как она научится сражаться с ним?

Он, конечно, поступил правильно.

«Все равно, — думал Фибен, — трудно выдерживать, когда тебя презирает красивая девушка».

Гайлет Джонс обвисла у столба, поддерживающего крышу колокольни.

— О Ифни и Гудолл! — сказала она, закрыв лицо. — А что, если они правы? Что, если это — правда?

Глава 34
АТАКЛЕНА

Глиф парафренлл повис над спящей девушкой, туманное облако неуверенности, дрожащее в темной комнате.

Это один из Глифов Судьбы. Лучше любого живого существа, предсказывающего свою судьбу, парафренлл знал, что несет в себе для нее будущее, что неизбежно.

И все же старался избежать его. Он не мог поступать иначе. Такова простая, чистая, неизбежная сущность парафренлла.

Глиф дрожал в беспокойном сне Атаклены, поднимался, пока его неровный край не задел потолок пещеры. Глиф мгновенно отскочил от горящей реальности влажного камня и вернулся туда, где родился.

Атаклена повернула голову на подушке, и ее дыхание ускорилось.

Парафренлл в едва сдерживаемой панике парил над ее головой.

Бесформенный сонный глиф начал изменяться, его аморфное свечение постепенно превраща-

лось в лицо с правильными чертами.

Парафренлл — это квинтэссенция. Его тема — сопротивление неизбежности. Он дергался и дрожал, пытаясь сдержать изменения, и на время лицо исчезло.

Здесь, над источником, опасность самая большая. Глиф метнулся к завешенному выходу, но неожиданно резко затормозил, словно парафренлл удерживают на короткой привязи.

Глиф становился все тоньше, вытягивался, пытаясь освободиться. Над спящей девушкой тонкие нити короны заволновались, натянулась, устремились вслед за капсулой психической энергии, потянули ее назад, назад.

Атаклена, дрожа, вздохнула. Ее бледная, почти прозрачная кожа вибрировала, тело напряглось, готовясь к изменениям. Но приказ не поступил. Плана не было. Гормонам и энзимам нечего было создавать.

Щупальца вытянулись, захватили парафренлл, потащили его.

Собрались вокруг сопротивляющегося символа, как пальцы, ласкающие глину, воссоздающие определенность из неопределенности, форму из неясного хаоса.

Но вот они отпали, обнажая то, во что пре-

вратился глиф… Весело улыбающееся лицо. Сверкающие кошачьи глаза. И недоброжелательная улыбка.

Атаклена застонала.

Появилась трещина. Она разделила лицо пополам и половинки разъединились. И появилось два лица!

Дыхание Атаклены участилось.

Два лица разделились в длину, их стало четыре. Это произошло снова — восемь… и снова — шестнадцать. Лица умножались, хохотали беззвучно, но оглушающе.

— Ах! — Атаклена открыла глаза. Они излучали прозрачный искусственный свет. Тяжело дыша, сжимая одеяло, она села и увидела маленькое подземное помещение. Ей отчаянно нужно было увидеть что-то реальное: стол, слабый свет лампы, пробивающийся сквозь занавес. Она по-прежнему чувствовала присутствие этого существа, порожденного парафреннлом.

Теперь, когда она проснулась, оно растворялось, но медленно, очень медленно! Его смех звучал в такт с ударами ее сердца, и Атаклена знала, что бесполезно закрывать уши.

Как люди называют страшный сон? Кошмар. Но Атаклена слышала, что это лишь бледное,

искаженное отражение событий дня, и обычно, проснувшись, люди его забывают.

Очертания комнаты медленно приобретали определенность. Но смех не просто исчез, потерпев поражение. Он впитался в стены. Она знала, что он ждет там. Ждет возврата.

— Тутсунаканн, — вслух вздохнула она. Слово на языке тимбрими прозвучало непривычно гнусаво после нескольких недель англика.

Глиф смеха — тутсунаканн — не рассеивался. И не рассеется, пока что-нибудь не изменится, пока неясная идея не превратится в шутку, розыгрыш.

А для тимбрими розыгрыш — это не обязательно всегда смешно.

Атаклена ждала, пока стихнут волнообразные движения под кожей.

Постепенно растворялась непрошенная гиперреакция.

"Вы не нужны, — сказала она энзимам. — Никакой опасности нет.

Уходите, оставьте меня в покое".

С самого нежного возраста она привыкла к этим незначительным, незаметным изменениям, они стали частью ее жизни — иногда просто неудобство, а часто необходимость. Но после прибытия на Гарт она представляла себе маленькие жидкие

органы как крошечные существа, похожие на мышей или суетливых гномов, которые бегают по ее телу и совершают изменения, когда в них возникает потребность.

Странный способ представлять себе естественные органические функции!

Многие животные на Тимбриме обладают этой способностью. Она возникла в результате эволюции в лесах Тимбрима задолго до того, как прилетели из космоса калтмуры и дали предкам Атаклены речь и закон.

Конечно, в этом… причина того, что до прилета на Гарт ей не нравились эти деловитые маленькие существа. До возвышения ее предразумные предки не могли сравнивать. А после возвышения они уже познали научную истину.

Но люди… земные волчата… приобрели разум без всякого руководства.

Им не давали ответов, как ребенку дают знания родители и учителя. Они сами перешли от невежества к сознанию и провели долгие тысячелетия, двигаясь в темноте на ощупь.

Нуждаясь в объяснениях и не имея готовых, они приобрели привычку находить собственные! Атаклена вспомнила, как ей было интересно читать о некоторых таких объяснениях.

Болезнь вызывается «парами», или излишком желчи, или проклятием врага… Солнце движется по небу в большой колеснице… Ход истории определяется экономикой…

А в теле живет душа…

Атаклена коснулась пульсирующего бугорка под подбородком и вздрогнула, когда он отодвинулся, словно маленькое пугливое существо.

Ужасающая вещь, эта метафора, она страшнее, чем тутсунаканн, потому что вторгается в самое тело, в самую суть.

Атаклена застонала и закрыла лицо руками.

«Сумасшедшие земляне! Что они со мной сделали?» Она вспомнила, как отец призывал ее лучше узнавать людей, преодолеть свои предрассудки относительно обитателей третьей планеты Солнца. Но что вышло из этого? Она обнаружила, что ее судьба переплелась с их судьбами, и она бессильна повлиять на это.

— Отец, — вслух сказала она на галактическом-семь. — Я боюсь.

Теперь у нее остается только воспоминание об отце. Даже свечение нахакиери, которое она ощутила в Хаулеттс-Центре, больше недоступно для нее, может, исчезло навсегда. Она не может опускаться внутрь в поисках отца, потому что там

ждет тутсунаканн, как некий подземный зверь.

«Опять метафора, — поняла она. — Они переполняют мои мысли, и собственные глифы приводят меня в ужас!»

Шум в коридоре заставил ее поднять голову. Занавес отдернули, и на пол лег треугольник света, на фоне которого была видна чуть согнутая фигура шимпа.

— Прошу прощения, мисс Атаклена, сэр. Не хотелось нарушать ваш отдых, но мы подумали, что вы захотите знать…

Атаклена глотнула, прогоняя комок из горла. Вздрогнула и сосредоточилась на англике.

— Да? Что случилось?

Шимп сделал шаг вперед, частично закрыв свет.

— Капитан Онигл, сэр. Я… Боюсь, мы нигде не можем его отыскать.

Атаклена замигала.

— Роберт?

Шимп кивнул.

— Его нигде нет, сэр. Он просто исчез!

Глава 35

РОБЕРТ

Лесные животные останавливались и настороженно прислушивались. Шорох шагов заставлял их нервничать. Все без исключения, они прятались в укрытиях и оттуда смотрели, как большой зверь пробегает мимо, перепрыгивая с камня на мягкий суглинок.

К низкорослой двуногой разновидности, а также к тем большим зверям, что часто передвигаются на трех конечностях, они уже начали привыкать. Это волосатые и пахнут как животные. Но этот зверь совсем другой. Он бежит, но не охотится. Его преследуют, но он не пытается сбить преследователей со следа. Он теплокровный, но, отдыхая, лежит на полуденном солнце, которое могут выдержать только птицы.

Маленькие наивные существа не связывали бегущего зверя с теми, что летают в металлических и пластиковых остро пахнущих оболочках, потому что те всегда издают так много шума, и от них всегда так несет…

Но этот зверь… он бежит совсем без одежды.

— Капитан, стойте!

Роберт перескочил на следующий булыжник в осыпи. Наклонился, переводя дух, и посмотрел на

своего преследователя.

— Устал, Бенджамин?

Офицер-шимп тяжело дышал, он наклонился, опираясь обеими руками о колени. Ниже по склону лежали остальные шимпы из разведывательной группы, некоторые на спинах, не в состоянии двигаться.

Роберт улыбнулся. Они, должно быть, решили, что его легко будет поймать. Ведь в конце концов шимпы в лесу как дома. И даже у самки хватит сил, чтобы схватить его и унести назад.

Но Роберт все рассчитал. Он держался открытой местности и использовал личное преимущество — длинные ноги.

— Капитан Онигл… — снова попробовал Бенджамин, переведя дыхание. Он поднял голову и сделал шаг вперед. — Капитан, пожалуйста, вы больны.

— Я себя отлично чувствую, — заявил Роберт, лишь немного солгав. На самом деле ноги у него начало сводить судорогой, правая рука болела: он сам снял свой гипс. И еще босые ноги…

— Блесни логикой, Бенджамин, — сказал Роберт. — Докажи мне, что я болен, и, может быть, я вернусь с вами в эти вонючие пещеры.

Бенджамин, мигая, смотрел на него. Потом

пожал плечами, очевидно, готовый ухватиться за любую соломинку. Роберт доказал, что они не смогут догнать его. Может быть, логика на него подействует.

— Ну, сэр. — Бенджамин облизал губы. — Во-первых, тот факт, что на вас нет никакой одежды.

Роберт кивнул.

— Неплохо для начала. Я согласен, что простейшее, самое естественное объяснение моей наготы в том, что я спятил. Но оставляю за собой право предложить альтернативную теорию.

Шимп вздрогнул, заметив улыбку Роберта. Роберт не мог не сочувствовать Бенджамину. С точки зрения шимпа, происходит трагедия, и он никак не может предотвратить ее.

— Пожалуйста, продолжай, — сказал Роберт.

— Хорошо, — вздохнул Бенджамин. — Во-вторых, вы убегаете от шимпов, которые вам подчиняются. Патрон, который боится своих верных клиентов, не может быть в здравом рассудке.

Роберт кивнул.

— От клиентов, которые оденут на патрона смирительную рубашку и при первой же возможности накачают его успокоительным? Не пойдет, Бен. Если ты примешь мою посылку, что у меня

есть причина для такого поведения, ты поймешь: я должен пытаться помешать вам, ребята, утащить меня назад.

— Хм… — Бенджамин шагнул вперед. Роберт небрежно перескочил на булыжник выше по склону. — Ваша причина может быть неразумной, — предположил Бенджамин. — Неврозы защищаются, они пытаются рационализировать нелепое поведение. Больной на самом деле верит…

— Хорошее доказательство, — жизнерадостно согласился Роберт. — Для дальнейших рассуждений принимаю, что моя «причина» на самом деле объяснение, предложенное неуравновешенным мозгом. Может быть, ты в обмен признаешь, что эта причина может быть разумной?

Бенджамин оскалил зубы.

— Вы нарушаете приказ. Здесь запрещено находиться.

Роберт вздохнул.

— Приказ ити, да еще штатского, офицеру морской пехоты? Шимп Бенджамин, ты удивляешь меня. Я согласен: Атаклена организует сопротивление. У нее к этому склонность, и большинство шимпов преклоняются перед ней. Но я предпочитаю действовать независимо. Ты знаешь, я имею

на это право.

Разочарование Бенджамина было очевидно. Шимп, казалось, находится на грани истерики.

— Но вы здесь в опасности!

Наконец-то. Роберт гадал, сколько еще Бенджамин выдержит эту игру в логику, когда каждая мышца его дрожит от волнения: последний уцелевший человек в опасности. Роберт сомневался, чтобы в аналогичных обстоятельствах многие люди повели бы себя лучше.

Он собирался что-то сказать об этом, но тут голова Бенджамина резко дернулась. Шимп прислушался к небольшому приемнику. И на лице его отразилась тревога.

Должно быть, некоторые шимпы тоже услышали это сообщение, потому что переступали с ноги на ногу, глядя на Роберта с растущей паникой.

— Капитан Онигл, сообщение о звуковых сигналах на северо-востоке.

Газовые роботы!

— Расчетное время появления?

— Четыре минуты! Пожалуйста, капитан, идемте!

— Куда? — Роберт пожал плечами. — Мы не доберемся за это время до пещер.

— Мы можем вас спрятать. — Но, судя по ужасу

Бенджамина, он понимал, что это невозможно.

Роберт покачал головой.

— У меня есть предложение получше. Но нам нужно прекратить наш небольшой спор. Ты должен согласиться, что я здесь по уважительной причине, шимп Бенджамин. И немедленно!

Шимп смотрел на него, потом неуверенно кивнул.

— Я… у меня просто нет выбора.

— Отлично, — сказал Роберт. — А теперь раздевайся.

— С… сэр?

— Снимай одежду! И этот твой передатчик! Пусть все разденутся.

Снимите с себя все! Во имя любви к патронам не оставляйте ничего, кроме кожи и шерсти. А потом идите сюда ко мне, к деревьям на вершине осыпи.

Роберт не стал ждать, пока мигающий шимпанзе выполнит этот странный приказ. Он повернулся и побежал по склону, оберегая ногу, которую порезал во время бега.

«Сколько времени осталось?» — думал он. Даже если он прав — а Роберт знал, что он очень рискует, — все равно нужно забраться как можно выше.

Он не мог удержаться и все время поглядывал на небо в поисках роботов-бомбардировщиков. И поэтому споткнулся и упал на колени, достигнув вершины. Прополз последние два метра, срывая кожу, и укрылся под ближайшим карликовым деревом. Согласно его теории, неважно, будет ли он на виду. Но все же Роберту хотелось спрятаться. Возможно, у роботов губру есть дополнительные оптические приборы.

Он слышал крики снизу, там яростно спорили шимпы. Потом с севера донеслось слабое гудение.

Роберт глубже забрался в кусты, хотя острые сучки царапали нежную кожу. Сердце забилось сильнее, во рту пересохло. Если он ошибся, если шимпы не послушаются его приказа…

Если хоть одно условие будет нарушено, он вскоре окажется на пути в Порт-Хелению, к интернированию. Или вообще умрет. В любом случае Атаклена останется одна, единственный уцелевший в горах патрон. А он проведет оставшиеся минуты или годы жизни, кляня себя последними словами.

«Может, мать была права и я действительно лишь вечный плейбой. Ну, скоро увидим».

Застучали камни, скатывающиеся по осыпи.

Пять коричневых фигур достигли зарослей, и в этот момент гул над головой достиг крещендо. Шимпы быстро повернулись, подняв облака пыли, и смотрели широко раскрытыми глазами. Над маленькой долиной повис корабль чужаков. Роберт в своем укрытии откашлялся. Шимпы, которым без одежды было явно неловко, напряженно и удивленно посмотрели на него.

— Ребята, вы лучше все выбросьте, включая эти ваши наушники, иначе я от вас снова убегу.

Бенджамин фыркнул.

— Мы разделись. — Он кивком указал вниз, в долину. — Гарри и Франк не захотели. Я им велел забраться на другой склон и держаться от нас подальше.

Роберт кивнул. Вместе со своими спутниками он смотрел, как робот начинает действовать. Остальные это уже видели, но у него раньше такой возможности не было. И поэтому Роберт смотрел не просто с легким интересом.

Корабль-робот, примерно пятидесяти метров в длину, каплевидный, на остром конце установлены медленно поворачивающиеся сканеры. Газовый робот пролетел над долиной справа налево, от его гравиполя дрожала листва деревьев. Летая зигзагами над каньоном, он как будто при-

нюхивался. Исчез за холмом.

Гудение стихло, но ненадолго. Скоро звук вернулся, а вслед за ним снова появилась машина. На этот раз за ней тянулось темное ядовитое облако. Газробот пролетел над долиной и оставил самый толстый слой газа в том месте, где шимпы бросили свою одежду и оборудование.

— Я поклялся бы, что эти мини-компьютеры невозможно обнаружить, — прошептал один из шимпов. — Придется нам выходить совсем без электроники, — с несчастным видом добавил другой, глядя, как корабль снова исчезает из виду. Все дно долины затянулось газом.

Бенджамин посмотрел на Роберта. Оба знали, что это еще не конец.

Высокое гудение послышалось снова, машина губру вернулась и пролетела на большей высоте. Ее сканеры осматривали оба склона долины.

Машина остановилась прямо напротив них. Шимпы застыли, словно глядели в глаза огромного тигра. Так продолжалось несколько мгновений. Потом бомбардировщик двинулся под прямым углом к прежнему курсу.

Прочь от них.

И выпустил облако газа на противоположный склон. С той стороны послышался кашель и гром-

кие проклятия. Один из шимпов бранил химию губру.

Робот начал по спирали набирать высоту. Очевидно, поисковый маршрут вскоре приведет его к землянам на этом склоне.

— Есть у кого-нибудь предметы, не предъявленные таможне? — сухо спросил Роберт.

Бенджамин повернулся к одному из неошимпов. Протянул руку. Младший шимп сердито разжал ладонь. Сверкнул металл.

Бенджамин схватил цепочку и медальон, на мгновение выпрямился и швырнул их вниз. Цепочка сверкнула и исчезла в дымном облаке.

— Возможно, в этом не было необходимости, — сказал Роберт. — Придется поэкспериментировать. Будем выкладывать различные предметы в разных местах и посмотрим, какие вызовут бомбардировку… — Он говорил для того, чтобы поддержать моральный дух. И не только их, но и свой. — Я полагаю, что это что-то очень простое, обычное, но рассчитанное на Гарт. Его резонанс говорит о земном происхождении.

Бенджамин и Роберт посмотрели друг на друга. В словах не было нужды.

Истинная причина или попытки объяснения? Через десять секунд станет ясно, прав Роберт или

катастрофически заблуждается.

«Они могут засекать и нас, — подумал Роберт. — Ифни! Что, если они настроены на человеческую ДНК?»

Робот пролетел над головой. Все закрыли уши и поморщились: поля отталкивания задели нервные окончания. Роберт испытал волну deja vu[6], как будто он и его спутники уже многократно испытывали это в бесчисленных прежних жизнях. Трое шимпов закрыли головы руками и заскулили.

Остановилась ли машина? Роберту показалось, что остановилась, что сейчас она начнет…

Но вот она миновала их… задрожали вершины деревьев в десяти метрах… в двадцати… в сорока. Поисковая спираль расширилась, и вой двигателей газробота медленно стих в отдалении. Машина улетела в поисках новых целей.

Роберт посмотрел на Бенджамина и подмигнул.

Шимп фыркнул. Очевидно, он считал, что Роберт не должен быть таким самоуверенным, оттого что оказался прав. В конце концов он ведь патрон.

---

[6] notes: 6
уже видел (фр.)

И еще важен стиль. Бенджамину явно хотелось, чтобы Роберт более достойно продемонстрировал свою правоту.

Роберт должен будет вернуться в пещеры другим путем, избегая малейшего контакта с газом принуждения. Шимпы собрали свои вещи и стряхнули черный, похожий на сажу порошок. Но снова одеваться не стали.

И не только из-за чуждого запаха. Впервые сами предметы вызвали их подозрение. Инструменты и одежда, сами символы разума, вдруг стали предателями. Им нельзя доверять.

Домой шли обнаженными.

Потребовалось какое-то время, чтобы маленькая долина вернулась к нормальной жизни. На туземных обитателей Гарта не действовал газ, который время от времени спускался с неба. Но он нравился им не больше, чем шумные двуногие существа.

Нерешительно, нервно туземные животные возвращались на свои жилые и охотничьи территории.

Такой реакции естественно ожидать от тех, кто пережил катастрофу бурурал ли. На северном краю долины животные останавливались и прислушивались, подозрительно нюхали воздух.

Многие снова уходили. Что-то чуждое поселилось в долине. И пока не уйдет, возвращения домой не будет.

Темная фигура показалась на склоне, осторожно пробираясь между камнями, где черный слой самый толстый. Сгущались сумерки. Животное смелее двинулось вперед, больше не прячась, потому что здесь ничто не может ему повредить. Оно задержалось, разглядывая что-то. Заходящее солнце отразилось от этого чего-то. Существо подобралось к блестящему предмету, цепочке и медальону среди камней, и подобрало его.

Посидело, разглядывая этот подарок на память, негромко дыша. Потом уронило блестящую безделушку и пошло дальше.

Оно ушло, и остальные животные завершили одиссею и разбежались по своим нишам и убежищам. И через минуту все было забыто. Изнурительный день кончился.

Память бывает помехой. У животных есть занятия поважнее, чем размышления о том, что произошло здесь раньше. Приближается ночь, а это трудное время суток. Охотиться и убегать от охотников, есть и быть съеденным, жить и умирать.

Глава 36
ФИБЕН

— Мы должны наносить удары таким образом, чтобы они не могли выйти на нас.

Гайлет Джонс сидела, скрестив ноги, на ковре, спиной к углям очага.

Она посмотрела на ad hoc[7] комитет сопротивления и подняла один палец.

— Люди на острове Гилмор и на других островах совершенно беспомощны перед наказанием. Кстати, все городские шимпы тоже. Поэтому начинать нужно осторожно и сосредоточиться на разведке, прежде чем сумеем по-настоящему нанести ущерб врагу. Если губру поймут, что перед ними организованное сопротивление, невозможно предсказать, что они сделают.

Фибен из своего затененного конца комнаты видел, как один из вновь назначенных руководителей ячейки, профессор колледжа, поднял руку.

— Но как они могут угрожать заложникам? Это запрещено галактическим кодексом войны. Помнится, я читал…

---

[7] notes: 7
на данный случай; временный (лат.)

Его прервала одна из старших шимми.

— Доктор Уолд, мы не можем рассчитывать на галактические кодексы. Мы просто не знаем всех тонкостей, и у нас нет времени на их изучение!

— Ну, мы можем проверить, — неуверенно возразил пожилой шен. — Городская Библиотека открыта.

— Да, — фыркнула Гайлет. — Можно представить себе, как отнесется старший библиотекарь-губру к запросу о правилах войны сопротивления!

— Ну предположительно.

Они уже довольно давно спорили об этом. Фибен откашлялся в кулак. Все подняли головы. Впервые с начала встречи Фибен заговорил.

— Вопрос спорный, — спокойно сказал он. — Даже если бы мы знали, что заложники в безопасности, Гайлет все равно права, потому что есть еще одна причина.

Она подозрительно взглянула на него. Вероятно, не очень довольна, что он поддержал ее.

«Она очень умна, — подумал Фибен. — Но у меня с ней еще будут неприятности».

Он продолжал.

— Первые наши удары должны казаться легкими, потому что сейчас захватчики расслабились,

они ничего не подозревают и совершенно презирают нас. Такие условия сохранятся недолго. Мы должны их использовать, чтобы сопротивление скоординировало свои действия и укрепилось.

— Это значит, что мы не должны очень высовываться. пока не получим приказ генерала.

Он улыбнулся Гайлет и прислонился к стене. Гайлет нахмурилась, но ничего не ответила. Они и раньше спорили, нужно ли подчинять сопротивление в Порт-Хелении юной девушке-чужаку. Здесь ничего не изменилось.

Но сейчас он ей необходим. Выступление Фибена в «Обезьяньей грозди» привело десятки новобранцев и наэлектризовало ту часть общины, которая наслушалась пропаганды губру.

— Хорошо, — сказала Гайлет. — Начнем с чего-нибудь простого. О чем ты сможешь доложить своему генералу.

Их взгляды на мгновение скрестились. Фибен только улыбнулся и задержал ее взгляд. Заговорили остальные.

— А что, если мы…

— Как насчет взрыва…

— Может быть, единый удар…

На Фибена обрушился поток предложений — как ужалить и одурачить древнюю, опытную,

высокомерную и необыкновенно могущественную галактическую расу; и он чувствовал, что знает, о чем думает Гайлет, о чем она должна думать после посещения колледжа Порт-Хелении.

"На самом ли деле мы разумные существа в отсутствие наших патронов?

Рискнем ли применить даже самые блестящие планы против мощи, которую и осознать не можем?"

Фибен кивнул, соглашаясь с Гайлет Джонс. «Да, действительно. Начинать нужно с простого».

Глава 37
ГАЛАКТЫ

Расходы росли, но не только это тревожило сюзерена Стоимости и Бережливости. Новые противокосмические укрепления, непрерывные газовые атаки на любое место, где можно заподозрить присутствие землян, — все эти меры были предложены сюзереном Луча и Когтя, и в начальной стадии операции трудно было возражать военному руководителю экспедиции.

Но дело сюзерена Стоимости и Бережливости не только в подсчетах расходов. Главная его задача — защитить расу губру от возможных

последствий ошибок.

Как много космических видов возникло с тех пор, как три миллиарда лет назад Прародители начали великую цепь возвышения! Многие расы расцвели, достигли высот величия, но потом погибли из-за глупых ошибок, которых вполне можно было избежать.

Это еще одна причина, по которой власть у губру разделяется.

Агрессивный дух солдат Когтя должен отыскивать новые возможности для Насестов. Опыт Праведности не позволяет свернуть с Истинного Пути. Но вдобавок обязательно должна быть Бережливость, крик предупреждения, что смелость может завести слишком далеко, а чрезмерный догматизм тоже приводит к падению насестов. Сюзерен Стоимости и Бережливости расхаживал по своему кабинету. За окружающими садами лежит маленький город, который люди называют Порт-Хеления. Везде чиновники губру и кваку обсуждают подробности, подсчитывают расходы, строят планы.

Скоро состоится новое совещание с остальными сюзеренами. Сюзерен Стоимости и Бережливости знает, что возникнут другие требования.

Коготь спросит, почему большая часть флота

отозвана. И придется доказывать, что Повелителям Насестов флот больше нужен в другом месте: ведь Гарт в безопасности.

Праведность снова будет жаловаться, что планетарная Библиотека совершенно неадекватна и, по-видимому, повреждена бежавшим правительством землян. Или саботаж организовал тимбримийский шутник Утакалтинг? Во всяком случае, будут требования об установке расширенной ветви Библиотеки, а это чрезвычайно дорого.

Сюзерен Стоимости и Бережливости распушил оперение. На этот раз он чувствует себя уверенно. До сих пор он уступал остальным двум, но сейчас положение под контролем, обстановка мирная.

Остальные двое моложе, не такие опытные. Умные, но торопливые. Пора показать им, как обстоят дела, как они должны обстоять, если они намерены выработать разумную, здравую политику. На этой встрече, уверял себя сюзерен Стоимости и Бережливости, он победит!

Сюзерен почистил клюв и выглянул, увидев мирный полдень. Прекрасные сады, с десятками разновидностей деревьев и трав, привезенных со многих планет. Прежнего обитателя здания нет, но его вкус чувствуется в окружении.

Как печально, что таких губру, которые думают об эстетическом чувстве других рас, можно по пальцам пересчитать. Есть слово, описывающее восприятие чужого. В англике это — эмпатия. Конечно, некоторые разумные заходят здесь слишком далеко. Теннанинцы и тимбрими, каждые по-своему, дошли до нелепости, разрушив свою уникальность. Но все же среди Повелителей Насестов есть и такие, которые считают, что небольшая доза понимания и оценки других в будущем может оказаться полезной.

Более чем полезной. Осторожность просто требует ее теперь.

Сюзерен подготовил свои планы. Мудрые замыслы других сюзеренов объединятся под его руководством. Уже становятся ясными очертания новой политики.

Жизнь — очень сложная штука, думал сюзерен Стоимости и Бережливости.

Но все же иногда она бывает очень приятной!

Какое-то время сюзерен удовлетворенно ворковал в одиночестве.

Глава 38

ФИБЕН

— Все готово.

Высокий шимп вытер руки о комбинезон. Макс носит комбинезон с длинными рукавами, чтобы не пачкать руки, но это не очень помогает. Он отложил инструменты, присел рядом с Фибеном и с помощью прутика начертил на песке грубую схему.

— Вот здесь городские трубы с водородом выходят на территорию посольства, а здесь они проходят под архивом. Мы с партнером вскроем соединение в этом лесу. Когда доктор Джонс даст знак, выльем пятьдесят килограммов Д-17. Должно подействовать.

Фибен кивнул, и Макс стер рисунок.

— Звучит превосходно, Макс.

Хороший план, простой, и, что еще важнее, невозможно найти источник, независимо от того, удастся ли этот план. По крайней мере они на это рассчитывают.

Фибен подумал, что бы сказала Атаклена об этом плане. Подобно большинству шимпов, Фибен познакомился с тимбрими по видеодрамам и речам посла. Судя по этому представлению, ближайшие союзники землян явно любят юмор.

«Надеюсь на это, — размышлял Фибен. — Ей определенно понадобится юмор, чтобы оценить наши действия в посольстве тимбрими».

Он чувствовал себя странно, сидя на открытом месте не более чем в ста метрах от территории посольства, там, где пологие холмы парка Приморского Обрыва выходят к морю Гилмор. В старых военных фильмах люди на подобные задания отправлялись всегда ночью, с зачерненными лицами.

Но это было в темные века, до высокой технологии, до появления инфракрасных сканеров. Деятельность после наступления темноты только привлечет внимание захватчиков. Поэтому саботажники передвигались днем, выдавая себя за рабочих парка.

Пока они ждали, Макс достал из вместительного комбинезона сандвич и начал есть его большими кусками. Сейчас, сидя со скрещенными ногами, рослый шимпанзе не менее внушителен, чем при первой встрече в «Обезьяньей грозди». По его широким плечам и выступающим вперед мощным клыкам можно подумать, что он — результат неудачной генной инженерии, регрессировавший организм. Но Совет возвышения на внешность обращает мало внимания, зато

ценит спокойный невозмутимый характер. У Макса уже есть один ребенок, и одна из его жен ждет сейчас второго.

Макс работает в семействе Гайлет с тех пор, как она помнит себя, и заботится о ней после ее учебы на Земле. Его преданность ей очевидна.

Слишком мало шимпов с желтыми картами, как Макс, стали членами подполья. Гайлет настаивала, чтобы привлекали только синие и зеленые карты, и Фибену от этого было не по себе. Но он понимал ее. Известно, что некоторые шимпы сотрудничают с врагом. Поэтому сеть надо создавать из тех, кто больше всего теряет при господстве губру. Но Фибену все равно не нравилась дискриминация.

— Лучше себя чувствуешь?

— А? — Фибен оглянулся.

— Твои мышцы, — Макс сделал жест. — Не болят?

Фибену пришлось улыбнуться. Макс постоянно извиняется. За то, что не вступился за Фибена, когда к нему приставали испытуемые, за то, что потом выстрелил в него из станнера. Конечно, теперь его действия объяснимы. Ни Макс, ни Гайлет не знали, кто такой Фибен на самом деле, и решили проявить осторожность.

— Да, гораздо лучше. Иногда сводит немного. Спасибо.

— Ммм, хорошо. Я рад. — Макс, довольный, кивнул.

Фибен подумал, что никогда не слышал сожалений Гайлет по поводу того, как с ним обошлись в «Обезьяньей грозди».

Он затянул очередной болт на газонокосилке, которую ремонтировал.

Косилка на самом деле нуждалась в ремонте — на случай, если заинтересуется патруль губру. Но пока им везет. К тому же большинство чужаков на южном берегу залива Аспинал, где присматривают за одним из своих загадочных сооружений.

Фибен достал из-за пояса бинокль и направил на посольство. Всю его территорию окружает низкая пластиковая изгородь с блестящим проводом поверху. Через равные промежутки расположены вращающиеся наблюдательные буи. Маленькие вертящиеся диски выглядят невинным украшением, но Фибен знал, что это не так. Эти защитные устройства делают прямое нападение нерегулярных сил невозможным.

Изгородь опоясывает пять зданий. Самое большое — архив — оснащено полным набором современного оборудования, с антеннами радио,

пси и квантовых волн. Именно по этой причине захватчики заняли это здание, лишившееся своих обитателей.

До вторжения в посольстве работали по найму люди и шимпы. Тимбрими в этом далеком посольстве были только сам посол, его личный пилот и дочь.

Захватчики не следовали этому примеру. Вся территория кишела птичьими фигурами. И только в одном маленьком сооружении, на вершине холма, на берегу океана, не видно многочисленных входящих и выходящих губру и кваку.

Пирамидальное сооружение без окон скорее напоминает насыпь или груду камней, чем дом, и никто из чужаков не подходит к нему ближе двухсот метров. Фибен вспомнил, что сказала ему генерал перед тем, как он ушел из горного района.

— Фибен, если выпадет случай, пожалуйста, осмотри дипломатический сейф в посольстве. Если губру его не тронули, там может быть послание от моего отца.

Шлем Атаклены на мгновение встопорщился.

— А если губру вскрыли сейф, я тоже должна об этом знать. Мы сможем использовать эту информацию.

Не похоже, что ему представится возможность выполнить ее просьбу, даже если губру соблюдают Кодекс. Генералу придется обойтись отчетом о результатах визуального наблюдения.

— Что ты видишь? — спросил Макс. Он продолжал спокойно жевать сандвич, словно каждый день поднимает восстания.

— Минутку. — Фибен усилил увеличение и пожалел, что у него нет лучшего бинокля. Насколько он может судить, пирамида на вершине холма не тронута. На крыше небольшого сооружены мигает голубой огонек. «Кто его там зажег? Губру?» — подумал Фибен.

— Не знаю, — ответил он. — Но думаю…

Загудел телефон на поясе — еще одна примета нормальной жизни, которая должна была кончиться с нашествием. Коммерческая телефонная сеть работает, хотя ее явно прослушивают лингвистические компьютеры губру.

Он взял трубку.

— Да, милая? Я уже проголодался. Надеюсь, ты приготовила ленч.

Наступила пауза. Когда Гайлет Джонс ответила, голос ее звучал резко.

— Да, дорогой. — Она придерживалась условного кода, но он явно ей не нравился. — Брачная

группа Пила сегодня отдыхает, поэтому я пригласила их на пикник.

Фибен не мог удержаться — разумеется, исключительно для правдоподобия.

— Отлично, дорогая. Может, нам с тобой удастся улизнуть в лес и сделать ук-ук. Понимаешь?

Она ахнула, и Фибен, не давая ей ответить, закончил:

— Пока, сладкая. — Опуская трубку, он заметил, как смотрит на него Макс, с едой за щекой. Фибен поднял бровь, и Макс пожал плечами, как бы говоря: «Не мое дело».

— Пойду взгляну, все ли готово у Дуэйна, — сказал Макс. Он встал и отряхнул комбинезон. — Поднять якорь, Фибен.

— Прочистить фильтры, Макс.

Рослый шимп кивнул и начал спускаться с холма, неторопливо, словно продолжается нормальная жизнь. Фибен опустил кожух и включил щетку. Мотор негромко заурчал. Фибен вскочил на сиденье и тоже медленно двинулся вниз по склону холма.

В этот полдень уик-энда парк битком набит отдыхающими. Это тоже часть плана. Чтобы приучить захватчиков к необычному поведению шимпов, все большие их группы направлялись

сюда в течение недели.

Это идея Атаклены. Фибен не был уверен, что она ему понравилась, однако Гайлет полностью приняла предложение тимбрими. Загадка для антрополога. Фибен хмыкнул.

Он подъехал к небольшой рощице ив у ручья, недалеко от территории посольства, вблизи ограды и маленьких вертящихся наблюдателей. Здесь Фибен выключил мотор и слез. Подошел к берегу ручья, разбежался и запрыгнул на дерево. Добрался до ветки, с которой видна вся территория. Потом достал мешочек с арахисом и принялся грызть.

Ближайший диск как будто на мгновение перестал поворачиваться. Вне всякою сомнения, он уже просветил Фибена всеми возможными способами, от рентгеновских лучей до радара. И установил, что он безоружен и безвреден.

Целую неделю разные шимпы устраивали здесь перерыв на ленч.

Фибен вспомнил вечер в «Обезьяньей грозди». Возможно, Атаклена и Гайлет правы, подумал он. Если птички пытаются манипулировать нами, почему бы нам не попробовать то же по отношению к ним?

Снова зазвонил его телефон.

— Да?

— Знаешь, у Дональда метеоризм. Так что на пикник он не придет.

— Жаль, — ответил Фибен и убрал телефон. Пока все в порядке. Он разгрыз еще один орех. Д-17 залит в трубы, доставляющие водород в посольство. Но есть еще несколько минут, прежде чем что-нибудь произойдет.

Идея простая, хотя у Фибена оставались сомнения. Саботаж должен выглядеть естественно и происходить тогда, когда все невооруженные группы Гайлет займут свои места. Рейд должен только вызвать помехи, а не причинить серьезный вред. И Гайлет, и Атаклене нужна информация о том, что делают губру в чрезвычайной ситуации.

Фибен должен был стать глазами и ушами генерала. Он видел, как на территории посольства птицеподобные входят в архив и другие здания и выходят из них. Маленький синий огонек на верху дипломатического сейфа мигал на фоне ярких морских облаков. Над головой прогудел флиттер губру и начал садиться на широкую лужайку посольства. Фибен наблюдал с интересом, ожидая начала суматохи.

Д-17 — мощный разъедающий газ, особенно в

присутствии водорода. Он очень скоро разъест трубы. А когда соединится с воздухом, преподнесет еще один сюрприз. Вонять будет до самого неба.

Долго ждать не пришлось.

Фибен улыбнулся, услышав первые крики ужаса со стороны архива. Через мгновение двери и окна здания словно взорвались: пернатые вылетали из них, дико вопя от ужаса или отвращения. Отчего именно, Фибен не знал, но ему было безразлично. Он слишком увлекся наблюдениями.

Эта часть плана была его идеей. Он очистил орех, подбросил и поймал ртом. Гораздо лучше бейсбола!

Губру разбегались врассыпную, прыгали с балконов даже без антигравитационных устройств. Некоторые лежали на земле с переломанными конечностями.

Тем лучше. Конечно, для врага это не очень серьезный урон, да и проделать такое можно только раз. Истинная цель — понаблюдать, как поведут себя губру в чрезвычайной ситуации.

Завыли сирены. Фибен взглянул на часы. Прошло две минуты с первых признаков паники. Это означает, что тревогу включили вручную. Хваленые оборонительные компьютеры губру,

значит, не всеведущи. Они не реагируют на дурной запах.

Буи-сторожа одновременно поднялись с изгороди, издавая угрожающий вой, и завертелись быстрее. Фибен стряхнул с колен скорлупу и медленно сел, осторожно наблюдая за смертоносными приборами. Если они запрограммированы автоматически расширять защитный периметр независимо от причины угрозы, у него могут быть неприятности.

Но они только вращались все быстрее. Потребовалось, по часам Фибена, еще три минуты, и послышался тройной звуковой удар: появились боевые машины. Стреловидные, похожие на клюв ястреба, они низко пронеслись над опустевшим зданием. Губру на лужайке, казалось, слишком нервничают, чтобы радостно приветствовать их появление. Они прыгали и кричали, когда от звуковой волны задрожали деревья и их оперение.

Появился важный чиновник-губру, он ходил по газону, чирикал, успокаивая подчиненных. Фибен не решился воспользоваться биноклем: сторожа сейчас возбуждены. Он пристально вглядывался, стараясь разглядеть главную птицу. Несколько особенностей этого губру показались

ему странными: белое оперение, светящееся ярче, чем у остальных, черная лента на шее.

Несколько минут спустя появилось вспомогательное судно и повисло, ожидая, пока щебечущие птицы расступятся и освободят место для посадки. Из приземлившегося флиттера вышли две птицы в ярких дыхательных масках с высоким гребнем. Они поклонились чиновнику, поднялись по ступенькам и исчезли в здании.

Очевидно, главный губру сообразил, что вонь из разъеденных труб не представляет угрозы. Весь этот шум и суматоха гораздо больше вредили его команде чиновников и планировщиков, чем дурной запах. Несомненно, он встревожен, потому что целый рабочий день пошел насмарку.

Шло время. Фибен наблюдал за прибытием конвоя наземных машин с воющими сиренами. Их появление снова привело птицеподобных в возбужденное состояние. Старший губру хлопал руками, пока шум немного не стих. Потом сделал повелительный жест сверхзвуковым истребителям вверху.

Они сразу развернулись и улетели так же быстро, как появились. От ударной волны снова задребезжали окна и закричал штат архива.

— Как они легко возбуждаются, — заметил

Фибен.

Несомненно, солдаты губру гораздо лучше подготовлены к таким происшествиям.

Фибен встал на ветке и осмотрел остальные районы парка. Повсюду изгородь была окружена шимпами, еще больше их подходило из города. Они держались на почтительном расстоянии от сторожей, но все же подходили и взволнованно разговаривали друг с другом.

Среди них мелькали разведчики Гайлет Джонс. Они отмечали время и запоминали все действия чужаков. — Первое, что губру прочтут о вас в архивах Библиотеки, это так называемый обезьяний рефлекс, — говорила Фибену Атаклена. — Тенденция антропоидов приближаться к месту происшествия — чистой воды любопытство.

— Консервативные виды находят это странным, а птицеподобным такая склонность людей и шимпов покажется особенно нелепой. У них нет даже тени юмора.

Она улыбнулась.

— Мы заставим их привыкнуть к такому поведению, и они решат, что эти странные земляне всегда сбегаются к катастрофам… просто поглазеть.

— Они привыкнут не бояться вас, но они должны будут разговаривать… как обезьяна с обезьяной.

Фибен понимал, что она имеет в виду. Тимбрими в этом отношении похожи на людей и шимпов. И ему передалась ее уверенность. Но вот она неожиданно нахмурилась и заговорила с собой, очевидно, забыв, что он понимает галактический-семь.

— Обезьяны… одна обезьяна с другой… Самбатуралли! Неужели я всегда буду думать метафорами?

Это озадачило Фибена. К счастью, ему не нужно было на этот раз понимать, о чем говорит Атаклена. Он только понял, что она может попросить его о чем угодно, и он послушно побежит.

Немного погодя в наземных машинах прибыли ремонтники, на этот раз среди них были и шимпы в униформе газового департамента города.

Чиновники-губру расположились в тени деревьев, все еще раздраженно чирикая из-за дурного запаха.

Фибен их не винил. Ветер подул в его сторону. И он в отвращении сморщился.

— Ну, вот и все. Это стоило им дня работы, а мы, возможно, кое-что узнали. Пора возвращаться и

оценивать результаты.

Ему совсем не хотелось встречаться с Гайлет Джонс. У этой хорошенькой и умной шимми привычка становиться слишком официальной. И, совершенно очевидно, она его невзлюбила. Как будто он уложил ее из станнера и унес в мешке!

Ну ладно. Сегодня вечером он уйдет, вернется с Тихо в горы с отчетом для генерала. Фибен вырос в городе, но теперь он предпочитает лесных птиц тем, что населяют город.

Он повернулся, обхватил ствол руками и начал спускаться. И вдруг словно гигантская ладонь хлопнула его по спине, воздух с шумом вырвался из легких.

Фибен вцепился в ствол. В голове звенело, глаза заполнились слезами.

Он сумел удержаться за грубую кору, а ветви раскачивались и листья срывались от неожиданной волны ощутимого звука. Дерево словно взбрыкивало, пытаясь сбросить с себя Фибена.

В ушах защелкало: прошла волна высокого давления. Дерево качалось по все уменьшающейся дуге. Наконец, по-прежнему крепко держась за кору, Фибен собрался с духом и оглянулся.

Столб дыма стоял на том месте, где располагался архив посольства.

Рухнувшие стены лизали языки пламени, полоски сажи виднелись там, где перегретый газ рванул во всех направлениях.

Фибен замигал.

— Горячий цыпленок в тесте! — пробормотал он, совсем не стыдясь первого пришедшего в голову сравнения. Здесь достаточно жареной дичи, чтобы накормить полгорода. Конечно, это редкое мясо. К тому же оно еще иногда шевелилось.

Во рту у Фибена пересохло, но он тем не менее облизал губы.

— Соус для шашлыка, — вздохнул он. — Столько жареного, и без соуса!

Фибен вскарабкался обратно на ветвь с сорванными листьями. Посмотрел на часы. Потребовалась почти целая минута, чтобы снова завыли сирены. Еще одна, чтобы взлетел флиттер, раскачиваясь на восходящих потоках горячего воздуха.

Фибен посмотрел, что делают шимпы по периметру ограды. Сквозь тучу дыма он увидел, что толпа не рассеялась. Больше того, она выросла. Из ближайших зданий выбегали шимпы и торопились смотреть. Слышались возгласы и крики. Море тревожных карих глаз.

Фибен довольно хмыкнул. Отлично. Только бы

никто не угрожал.

Мурашки побежали по коже Фибена, когда он понял, что сторожа-диски внизу! Вдоль всего барьера сторожевые буи рухнули на землю.

— Чтоб я сдох! — пробормотал он. — Проклятые пустомели экономят на роботах. Все эти сторожа управляются на расстоянии.

И когда архив взлетел на воздух, чем бы это ни объяснялось, вышло из строя и центральное управление! Если бы у кого-то хватило мужества взять один из таких дисков…

Он увидел, как Макс подбежал к одному из упавших дисков и потрогал его палкой.

«Хороший парень, — подумал Фибен и тут же забыл об этом. Прислонился к стволу, сбрасывая сандалии. Согнул ноги, проверяя устойчивость опоры. — Ничего не поделаешь», — вздохнул он.

Пробежал по качающейся ветке, использовал ее конец как трамплин для прыжков в воду, оттолкнулся и устремился в воздух.

Изгородь чуть дальше от берега ручья. На лету Фибен ухватился пальцами ноги за проволоку по ее верху и неуклюже приземлился на газоне за оградой.

— Уф! — пожаловался он. К счастью, он не повредил при падении раненую ногу. Но ребра

болели, и он тяжело вдыхал дымный воздух. Кашляя, достал из комбинезона платок, вытер нос и побежал в сторону разрушений.

На некогда аккуратном газоне валялись погибшие захватчики. Фибен перескочил через мертвого кваку, четвероногого и вымазанного сажей, и пробежал через клубы дыма. И едва избежал столкновения с живым губру. Тот несся с криком.

Чиновники оккупантов были совершенно дезорганизованы, в панике и смятении они с криками метались вокруг. Шум оглушал.

Звуковые удары над головой возвестили о прибытии военных. Фибен сдержал приступ кашля и благословил дым. Сверху никто его не увидит, а губру внизу слишком напуганы, чтобы обращать на него внимание. Он перепрыгивал через обгоревших птиц. Запах жареного мяса отгонял атавистический аппетит.

Больше того, Фибен боялся, что его вырвет.

Дело рискованное. Он пробежал мимо горящего архива. Все здание охвачено огнем. Шерсть на правой руке Фибена свернулась от жара.

Он ворвался в стайку птиц, теснящихся под укрытием соседнего здания.

Они собрались со стонами вокруг одного трупа,

чей яркий плюмаж обгорел и запачкался. Когда Фибен появился так неожиданно, губру разбежались с отчаянными криками.

«Я заблудился?» Повсюду дым. Фибен свернул. Как определить нужное направление?

Вот! Он увидел в дыму маленький голубой огонек. И побежал еще быстрее, хотя легкие уже обжигало. Шум и жара остались позади, и он побежал через небольшую рощу, окружающую вершину холма.

Неверно выбрав направление, он, чтобы не удариться о дипломатический сейф тимбрими, вынужден был резко затормозить. Тяжело дыша, согнулся, восстанавливая дыхание.

И тут же подумал, что нужно было останавливаться раньше. Синий шар на веющие пирамиды перестал казаться дружелюбным. Он пульсировал, дрожал.

До сих пор Фибен действовал импульсивно, мгновенно принимая решения.

Взрыв предоставил неожиданную возможность. И ее следовало использовать.

«Хорошо. Вот я и здесь. А дальше что?» Голубой шар может быть оборудованием тимбрими, но его могли установить и захватчики.

Сзади ревели сирены, непрерывным потоком

потянулись флиттеры. Вокруг курился дым, развеваемый хаотическим мельканием больших машин. Фибен надеялся, что наблюдатели Гайлет, расположенные на крышах ближайших зданий, все это фиксируют. Если он хорошо знает своих, они сейчас просто смотрят, широко раскрыв глаза, и возбужденно подпрыгивают. Но, может, предыдущие события их чему-то научили.

Он шагнул к пирамиде. Синий огонь продолжал пульсировать. Фибен занес левую ногу.

Яркий синий луч ударила то место, куда он собирался ее поставить.

Фибен на метр подпрыгнул в воздух. Не успел он приземлиться, как второй луч на несколько миллиметров промахнулся по его правой ноге. Дым от загоревшихся прутьев соединился с тяжелым облаком от архива.

Фибен попытался быстро попятиться, но проклятый шар не отпускал.

Синяя молния ударила в землю за ним, и ему пришлось прыгнуть в сторону. Он понял, что его ведут куда-то!

Удар — прыжок! Прыжок — удар — снова прыжок!

Слишком точны попадания, чтобы быть случайными.

Шар не хочет убивать его. Но, очевидно, не хочет и отпустить!

Между прыжками Фибен лихорадочно думал, как вырваться из ловушки… из этого адского розыгрыша…

Отпрыгивая от очередного дымящегося места, он щелкнул пальцами.

Конечно!

Губру не трогали сейф тимбрими. Голубой шар действует не как орудие птицеподобных. Но именно так действовал бы Утакалтинг. Фибен выругался: удар обжег большой палец левой ноги. Проклятые ити!

Даже хороших ити невозможно переносить! Он стиснул зубы и заставил себя шагнуть вперед.

Синий луч ударил в камень рядом с его подъемом, аккуратно разрезав камень надвое. Все инстинкты требовали, чтобы Фибен отскочил назад, но он сосредоточенно удержал ногу на месте и сделал еще шаг вперед.

Обычно такое оборонительное устройство должно подавать предупредительный сигнал, когда нарушитель далеко, и действовать по-настоящему, когда он приближается. Исходя из логики вещей, Фибен сейчас поступает глупо.

Синий шар угрожающе загудел и выбросил

молнию. Дым поднялся от земли на участке между большим и остальными пальцами левой ноги Фибена.

Он поднял правую.

Вначале предостережение, потом действие. Так поступило бы земное защитное устройство. Но какова программа устройства тимбрими? Фибен не стал бы ставить на такие дикие предположения. Клиент класса разумных не может анализировать поступки патронов среди огня и дыма, особенно когда он служит мишенью!

«Назовем это догадкой», — подумал он.

Он опустил правую ногу и ухватился ее пальцами за дубовую ветку. Шар как будто задумался, потом снова ударила синяя молния, на этот раз в метре перед ним. Медленным зигзагом к Фибену поползла полоска горящего перегноя, она приближалась, и треск горящей травы звучал все громче и громче.

Фибен пытался глотнуть.

«Оно не создано для убийства, — твердил он себе. — Зачем? Губру давно могли бы с безопасного расстояния уничтожить этот шар».

Нет, роль этого шара символическая — служить провозглашением права согласно сложным нормам галактического протокола, более древнего

и изысканного, чем правила японского придворного этикета.

Шар должен натянуть клюв губру.

Фибен не отступал. Снова над головой раздались звуковые удары, и тепло от пожара сзади как будто усилилось. Весь этот шум отражался на самоконтроле Фибена.

«Губру могучие воины, — напомнил он себе. — Но они очень возбудимы…»

Синий луч приблизился. Фибен раздул ноздри. Избежать этого смертоносного зрелища он может только закрыв глаза.

«Если я прав, это еще одна проклятая тимбримийская…» Он открыл глаза. Луч сбоку приближался к его правой ноге. Пальцы согнулись, Фибен готов был отпрыгнуть. Во рту стало горько. Обжигающий нож разрезал камешек в двух дюймах от ноги и продолжал…

…перерезать ногу!

Фибен подавился и сдержал крик. Что-то не так! Повернув голову, он смотрел, как луч пересекает ногу и сразу за ней снова начинает проделывать дымящуюся борозду.

Фибен недоверчиво смотрел на ногу. Он считал, что луч в последнее мгновение остановится. Не остановился. Но… вот его нога, совершенно

невредимая.

Луч поджег сухую веточку и начал взбираться на левую ногу.

Фибен ощущал легкое покалывание, но знал, что это психосоматическое.

Прикасаясь к нему, луч превращается в пятно света.

Сердце его все еще бешено колотилось. Фибен взглянул на синий шар и выругался пересохшими губами.

— Забавно.

Должно быть, в пирамиде установлен маленький психоизлучатель: Фибен ощутил, будто в воздухе перед ним распространяется улыбка… чуждая сухая усмешка, как будто шутка эта в конце концов невинная. Можно только усмехнуться, и все.

— Остроумно, Утакалтинг, — Фибен сморщился, заставляя дрожащие ноги повиноватъся, нести его по извивающейся тропке к пирамиде. — Очень. Не хотелось бы видеть, от чего ты хохочешь по-настоящему. Не верится, что Атаклена родственница этого шутника.

В то же время Фибен жалел, что не присутствовал, когда первый губру попытался приблизиться к дипломатическому сейфу.

Шар продолжал пульсировать, но перестал посылать раздраженные голубые лучи. Фибен подошел к пирамиде и принялся ее разглядывать. Обошел по периметру. На полпути вокруг, в стороне, обращенной к морю, он увидел люк.

Фибен замигал, разглядывая набор замков, затворов, запоров, дисков для набора комбинаций и замочных скважин.

«Что ж, — сказал он себе, — все-таки это сейф для дипломатических тайн».

Но все эти замки означают, что он не сможет проникнуть внутрь и найти послание Утакалтинга. Атаклена просила его попробовать несколько ключевых слов, если у него будет возможность, но это совсем другое дело.

Прибыли пожарные. Сквозь дым Фибен видел, как шимпы из городской пожарной команды бегают, раскатывая шланги. Вскоре кто-нибудь сумеет навести порядок в этом хаосе. Если его пребывание здесь бесполезно, пора уходить, пока это еще реально. Вероятно, можно уйти, обогнув утес, выходящий на море. Так он избежит чужаков и окажется вблизи автобусного маршрута.

Фибен наклонился и снова взглянул на люк. Ха! Бронированная дверь с двумя десятками замков. С таким же успехом захватчиков удержала бы

тонкая ленточка красного шелка. Либо договоры выполняются, либо нет! Какой толк от всех этих замков и запоров?

Неожиданно Фибен хмыкнул. Он понял. Конечно, это очередная шуточка тимбрими. Но губру, как бы разумны ни были, ее не поймут. Бывают времена, когда личное обаяние значит больше, чем ум.

Может быть, это означает…

Фибен пробежал на другую сторону пирамиды. Глаза его слезились от дыма; разглядывая противоположную от люка стену, он вытирал нос платком.

— Чертова работа. Одни догадки! — бормотал он, пробираясь среди гладких камней. — Надо родиться тимбрими, чтобы выдумать такой трюк… или глупым, умственно ограниченным, полуэволюционизировавшим шимпом, как я…

Неожиданно под правой рукой пошевелился камень. Фибен вглядывался в стену, жалея, что у него не тонкие пальцы тимбрими. Сорвав ноготь, он выругался.

Наконец камень высвободился. Фибен замигал.

Он прав, в задней стене пирамиды есть тайник. Но проклятое отверстие пусто!

На этот раз Фибен не сдержался. Он раздраженно закричал. Это уж слишком. Камень полетел в кусты, а Фибен стоял у пирамиды и бранился смачно и затейливо, как его предки перед возвышением, описывая родословную и привычки бабуинов. Припадок гнева длился несколько мгновений, но когда он кончился, Фибен почувствовал себя лучше. Он охрип, горло саднило, ладони болели от ударов о твердый камень, однако раздражение отчасти рассеялось.

Теперь явно пора. Фибен видел, как в облаке густого дыма садится большой флиттер. Спустили трап, и отряд вооруженных губру вышел на обгоревший газон. Каждого солдата сопровождали два маленьких плавающих шара.

«Да, надо сматываться».

Фибен в последний раз заглянул в нишу в стене пирамиды тимбрими. В этот момент ветерок ненадолго разогнал дым. Сверкнул солнечный луч.

И Фибен увидел серебряную вспышку. Он сунул руку в нишу и вытащил тонкую, как паутинка, нить. Нить оплетала щель в глубине ниши.

В это мгновение послышалось усиленное чириканье. Фибен развернулся и увидел, что к нему приближается взвод солдат Когтя. Держа в руках

свисающий с шеи медальон, офицер набирал код перевода.

— …Катхтуу-пш'в'шимп'ф…

— …Ках-куу-кии, к'киии! ИииИииИиии! к…

— Хиссс-с-сс поп крр!..

— Пьюна блит поведение…

— …что ты там делаешь! Это не игрушка!

Офицер увидел открытую нишу — и руку Фибена, которую тот сунул в карман.

— Стой! Покажи нам, что…

Фибен не стал ждать, пока офицер закончит. Он забрался на пирамиду.

Синий шар пульсировал рядом с ним; ужас, который испытал Фибен, тут же разогнали могучие раскаты хохота. Фибен скользнул по противоположной стене пирамиды. Над головой сверкнули лазерные лучи, отрывая куски камня. Фибен со стуком упал на землю.

«Будь проклят тимбримийский юмор!» — подумал он, вскакивая на ноги и убегая в единственном возможном направлении, под защитой пирамиды, в сторону крутого утеса.

Глава 39

ГАЙЛЕТ

Макс сбросил груду разобранных сторожевых дисков губру на крышу рядом с Гайлет Джонс.

— Мы вытащили их приемники, — доложил он. — Но все равно нужно быть осторожными.

Поблизости профессор Суке щелкнул секундомером. Пожилой шен довольно хмыкнул.

— Воздушное прикрытие снова убрали. Очевидно, они все-таки считают это несчастным случаем.

Сообщения продолжали поступать. Гайлет нервно расхаживала по крыше, изредка поглядывая через парапет на сутолоку и пожар в парке Приморского Обрыва. "Ничего подобного мы не планировали! — думала она. — Наверное, нам очень повезло, мы многое узнали.

А может, это катастрофа. Пока трудно сказать.

Только бы враг не выследил нас".

Молодой шен, не старше двенадцати лет, опустил бинокль и повернулся к Гайлет.

— Семафор сообщает, что все наши наблюдатели, за исключением одного, вернулись, мэм. О нем ничего не известно.

— Кто это? — спросила Гайлет.

— Хм, офицер милиции с гор. Фибен Болджер,

мэм.

— Могла бы и догадаться! — вздохнула Гайлет.

Макс поднял голову от оборудования чужаков, на лице у него появилось отчаяние.

— Я его видел. Когда изгородь отказала, он перепрыгнул через нее и побежал в огонь. Мне следовало пойти за ним чтобы присмотреть.

— Ничего подобного ты не должен был делать, Макс. Ты поступил совершенно правильно. Из всех глупейших выходок… — Она вздохнула. — Я должна была предвидеть, что он выкинет что-нибудь подобное. Если его схватят и он нас выдаст… — Она замолчала. Пока нет необходимости волновать остальных.

«Во всяком случае, — с легким чувством вины подумала она, — может, этого высокомерного шена убили».

Затем прикусила губу, подошла к парапету и долго стояла там, глядя на вечернее солнце.

Глава 40
ФИБЕН

Сзади послышалось знакомое зип-зип: голубой шар снова начал стрелять. Губру кричали меньше, чем ожидал Фибен — все-таки солдаты. Но

тем не менее, шум стоял изрядный, и внимание солдат рассеивалось. Фибен не мог знать, прикрывает ли защита сейфа его отступление или просто отгоняет любых нарушителей границы. Но в тот момент он был слишком занят, чтобы думать об этом.

Одного взгляда вниз было достаточно. У утеса не стеклянный склон, но в то же время это и не самый удобный маршрут, по которому отдыхающие добираются до пляжа внизу.

Губру кричали у синего шара, но скоро они перейдут к решительным действиям. Фибен разглядывал крутой спуск. Говоря откровенно, он предпочел бы спокойную долгую жизнь сельского эколога, сдавал бы образцы спермы, когда требуется, может быть, включился бы в групповую семью, играл бы в скрэббл.

— Э-эх! — произнес он на человеческом диалекте и переступил через поросший травой край.

Конечно, спуск потребовал четырех рук. Ухватившись пальцами левой ноги за выступ, Фибен повис, дотянулся до другого упора и кое-как опустился на следующий карниз. Вначале спуск шел относительно легко, потом потребовалось цепляться изо всех сил. Слава Творцу, возвышение оставило его племени силу. Если бы у него были

человеческие ноги, он бы обязательно упал!

Фибен, потея, нащупывал ногой опору. Она должна быть тут. Но неожиданно стена утеса подпрыгнула и отскочила от него. Скала задрожала от взрыва. Фибен прижался лицом к жесткой поверхности, вцепился в нее изо всех сил, ноги его, болтаясь, повисли в пустоте.

— Из всех треклятых… — Он опять закашлялся и выплюнул комок пыли.

Боковым зрением он видел летящие в небе раскаленные камни; они с шипением падали в море.

«Окаянная постройка, должно быть, взорвалась!» Потом что-то просвистело мимо головы. Фибен пригнул голову, но краем глаза уловил вспышку синего цвета и услышал как бы в самом себе смех чужака. Хохот стал громче, что-то будто коснулось затылка Фибена и рассеялось, а синий свет улетел к югу, проносясь над самой водой.

Фибен взвизгнул и лихорадочно поискал место, на которое можно встать.

Наконец нашел и сумел спуститься на следующий выступ, где можно передохнуть. Втиснулся в узкую расселину, так чтобы не заметили сверху. И только тут смог выругаться.

«Когда-нибудь сочтемся, Утакалтинг. Когда-

нибудь».

Фибен вытер глаза и посмотрел вниз.

Он проделал полпути до пляжа. Если сумеет закончить спуск, дальше нетрудно пройти к закрытому парку аттракционов на северо-западном берегу залива Аспинал. А там уже раствориться в переулках и улочках.

Следующие несколько минут будут решающими. Солдаты губру, уцелевшие при взрыве, решат, что он погиб, что его сбросили в море осколки пирамиды.

А может, подумают, что он бежал каким-то другим путем. Ведь только идиот может решиться спускаться по такому откосу без снаряжения.

Фибен надеялся, что его рассуждения правильны. Если губру спустятся вниз и будут ждать его там — он испекся, как птицы в огне архива.

Перед ним в море садилось солнце. Дым пожара поднялся высоко и окрасил закат в ярко-янтарный и алый тона. Тут и там на воде пестрели лодки. Две грузовые баржи медленно шли к далеким островам, на их палубах угадывались коричневые фигуры. Наверняка везут продовольствие заложникам-людям.

К сожалению, некоторые соли, растворенные в морской воде Гарта, ядовиты для дельфинов.

Если бы на Гарте жили представители третьей расы землян, захватчикам трудно было бы эффективно изолировать людей на островах. К тому же у финов свой образ мыслей. И, может, они выдали бы одну-две идеи, до которых не додумался народ Фибена.

На юге берег мешал Фибену увидеть порт. Но он заметил серебряные полоски — корабли губру, участвующие в строительстве противокосмических защитных сооружений.

"Что ж, — подумал Фибен, — пока никого нет. Можно не торопиться.

Передохни перед последним рывком".

Впереди самое трудное.

Фибен достал из кармана серебристую нить, найденную в нише. Вполне может быть паутиной или чем-то таким же незначительным. Но это единственное, что он может предъявить в доказательство своего приключения.

Придется признаться Атаклене, что больше он ничего сделать не смог. Хотя нет… Еще разрушение дипломатического сейфа тимбрими. Это тоже придется объяснять.

Он достал бинокль, извлек линзы. Затем старательно упрятал нить в корпус и закрыл крышкой. И снова убрал бинокль.

Да, закат прекрасный. Светятся угли от пожара, их вздымают взлетающие санитарные машины губру. Глядя на эту картину, Фибен вспомнил об арахисе.

Но сейчас жажда сильнее голода. И вообще большинство шимпов употребляют слишком много протеина.

«Жизнь груба, — подумал он, пытаясь расположиться удобнее в узкой расселине. — Но ведь клиентам никогда не бывало легко».

Ты сидишь в каком-нибудь тропическом лесу, никого не трогаешь, сроднился со своей экологической нишей, и вдруг — бац! К тебе на грудь прыгает какой-нибудь парень, возомнивший себя творцом, и силком вталкивает в тебя плоды древа познания. И ты перестаешь быть приспособленным, потому что тебя оценивают по «высшим» стандартам твоего патрона; ты не можешь даже по своему желанию иметь потомство, и у тебя появляется «ответственность»… Кто в джунглях слышал об ответственности?

Ответственности перед патронами, перед собственными потомками?

Нечестная сделка. Но в пяти галактиках существует только одна альтернатива — уничтожение. Доказательство — бывшие обитатели Гарта.

Фибен слизал соленый пот с губ. Он знал, что приступ горечи — это реакция организма на раздражение. Нет никакого смысла во взаимных упреках и обвинениях. Если бы он был представителем своей расы, одним из немногих неошимпов, которые от имени всех своих соплеменников говорят с Советом и галактическими Институтами, тогда стоило бы подумать. А так… Фибен понял, что он просто тянет время.

«Наверно, обо мне уже забыли», — подумал он и удивился своей удачливости.

Закат достиг пика величия и красоты, в мелком море пролегли красные и оранжевые полосы.

Ну что после такого дня спуск в темноте? Увеселительная прогулка, да и только.

— Где тебя черти носили? — спросила Гайлет, как только Фибен ввалился в комнату. Она в гневе повернулась к нему.

— Ах, учитель, — заныл он. — Не ругайте меня. Такой был неудачный день. — Он прошел мимо нее, миновал домашнюю библиотеку, набитую картами и бумагами. Остановился прямо на лежащей на полу большой карте, не обращая внимания на двух негодующих наблюдателей Гайлет. Они бросились в сторону, когда он пошел прямо на них.

— Мы закончили сбор данных уже несколько часов назад! — сказала, идя за ним, Гайлет. — Макс сумел украсть несколько их дисков…

— Знаю. Видел, — ответил он, входя в отведенную для него крошечную комнатку. И сразу начал раздеваться. — Поесть найдется что-нибудь?

— Поесть? — недоверчиво переспросила Гайлет. — Нам нужен твой отчет, чтобы заполнить белые места на карте операций губру. Хотя взрыв произошел неожиданно и у нас не хватило наблюдателей. Половина наших просто стояла и глазела.

Комбинезон Фибена упал на пол. Он переступил через него.

— Еда подождет. Мне нужно выпить.

Гайлет Джонс вспыхнула и отвернулась.

— Мог бы быть повежливей и не чесаться, — сказала она.

Фибен, который наливал порцию апельсинового коньяка, с любопытством обернулся. Неужели это та самая шимми, которая несколько ночей назад обратилась к нему с «розовым» предложением? Хлопнув себя по груди, он разогнал облачко пыли. Гайлет с отвращением смотрела на это.

— Я с нетерпением ждал ванны, но, думаю, еще придется подождать, — сказал Фибен. — Очень

спать хочется. Я должен отдохнуть. Завтра возвращаюсь домой.

Гайлет мигнула.

— В горы?

Фибен кивнул.

— Возьму Тихо и пойду докладывать генералу. — Он устало улыбнулся. — Не волнуйся. Я ей скажу, что вы тут отлично поработали.

Шимми пренебрежительно фыркнула.

— Ты весь день и вечер валялся в грязи, а теперь напиваешься. А еще, называется, офицер! Я вообще считала тебя ученым!

— Когда твой драгоценный генерал решит в следующий раз связаться с движением в городе, позаботься, чтобы она прислала кого-нибудь другого. Ты меня слышишь?

Она развернулась и захлопнула за собой дверь.

«Ну что я такого сказал?» Фибен смотрел ей вслед. Он понимал, что мог бы вести себя и получше. Но он так устал. Тело болит, от обожженных пальцев ног до горящих легких. Падая на кровать, он почти не почувствовал ее под собой.

Во сне вращалась и пульсировала синева. И из нее исходило нечто, похожее на отдаленную улыбку.

"Забавно, — как будто говорила эта улыбка. —

Забавно, но все-таки не смешно.

Просто предвестник того, что еще будет".

Фибен негромко застонал. И увидел еще одно изображение. Маленький неошимпанзе, явный генетический мутант, с костными валиками над глазами, с длинными руками, которые лежат на клавиатуре дисплея на груди.

Атавистический шимп не умеет говорить, но когда он улыбнулся, Фибен вздрогнул.

Однако тут началась более спокойная фаза, и Фибен с облегчением перешел к другим сновидениям.

Глава 41
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности не мог ступить на неосвященную почву. Поэтому он перемещался на позолоченном насесте в сопровождении толпы чирикающих помощников-кваку. Это непрерывное воркование действовало успокаивающе, не то что серьезные крики их патронов-губру. Хотя на пути возвышения губру заметно приблизили их к себе, кваку все равно оставались не такими строгими и величественными.

Сюзерен Праведности пытался найти оправ-

дание для такого поведения толпы пушистых толстых клиентов, несущих антигравитационный насест с места, где лежит тело. Конечно, это не элегантно, к тому же слышно, как они негромко обсуждают, кем же его заменят. Кто станет новым сюзереном Стоимости и Бережливости?

Это нужно сделать быстро. Сообщение Повелителям Насестов уже отправлено, но если необходимо, старший чиновник будет назначен на месте.

Непрерывность должна сохраняться.

Сюзерен совсем не чувствовал себя оскорбленным; напротив, кваку его успокаивали. Для того чтобы отвлечься, необходимы их простые песни.

Предстоят напряженные дни и недели. Формальный траур — только одна из многих неотложных задач. Надо каким-то образом восстановить продвижение к новой политике. И, конечно, обдумать, как скажется это трагическое происшествие на предстоящем Слиянии.

Следователи ждали прибытия насеста в роще поваленных деревьев недалеко от все еще дымящихся стен архива. Сюзерен кивнул им, разрешая начать, и они пустились в танец представления: жестикуляция и телодвижения описывали, что установлено относительно причин взрыва и

пожара. Потом синкопированным хором излагались выводы следователей, и сюзерен попытался сосредоточиться. Это все-таки деликатное дело.

Согласно кодексу, губру могут занять чужое посольство, но любые повреждения будут поставлены им в вину.

— Да, да, это произошло, это случилось, — докладывали следователи. — Здание превратилось — вернее было превращено — в груду развалин.

— Нет, нет, никакого саботажа не обнаружено, не установлено. Никаких доказательств, что происшествие вызвано нашими врагами и во вред нам.

— И даже если посол тимбрими сам все это устроил в собственном здании, что с того? Если мы не виноваты в происшествии, не нам платить, не нам возмещать ущерб!

Сюзерен кратко прочирикал свое неудовольствие. Не дело следователей определять праведность, они должны только излагать факты. К тому же вопрос об издержках относится к ведению офицеров нового сюзерена Стоимости и Бережливости. Они этим займутся, когда придут в себя после катастрофы, обрушившейся на чиновников. Следователи протанцевали свои извинения.

Сюзерен продолжал обдумывать возможные

последствия случившегося. Это в целом незначительное происшествие нарушило непрочное равновесие триумвирата как раз перед очередной командной встречей, и даже после назначения третьего сюзерена последствия еще долго будут сказываться.

Короче говоря, это поможет двум оставшимся в живых. Луч и Коготь теперь сумеет преследовать немногих скрывающихся людей, чего бы это ни стоило. А Праведность приступит к расследованиям без постоянных придирок и напоминаний, как дорого это обходится.

Надо также обдумать ход борьбы за первенство. В последнее время стало ясно, что положение прежнего сюзерена Стоимости и Бережливости становится все прочнее. Вопреки всем ожиданиям, именно он все чаще и чаще затевал споры, выдвигал лучшие предложения, добивался компромиссов, вел остальных к консенсусу.

Сюзерен Праведности честолюбив. Священнику не нравилось, в каком направлении развиваются события. Не нравилось, что его излюбленные, тщательно выношенные идеи и планы меняются, в них вмешиваются, их переделывают по желанию старшего чиновника.

Нет, произошло не самое худшее. Отнюдь!

Новый триумвират будет послушнее, работоспособнее. И в складывающемся балансе сил новый сюзерен окажется самым слабым.

«Тогда почему, по какой причине, на каких основаниях я испуган?» — думал верховный священник.

Вздрогнув, сюзерен Праведности распушил плюмаж и сосредоточился, заставив себя вернуться к настоящему, к отчету следователей. Они считают, что пожар и взрыв относятся к широкому кругу явлений, которые земляне называют случайностью.

По совету бывшего коллеги сюзерен пытался овладеть англиком, этим странным негалактическим языком волчат. Это потребовало больших усилий и вряд ли вообще нужно, поскольку лингвистические компьютеры обладают огромными возможностями.

Но главный чиновник настаивал, и, к собственному удивлению, священник обнаружил, что в собрании звериных стонов и криков можно найти, например, скрытое значение слова «случайность».

Слово явно применимо, по мнению следователей, к тому, что произошло здесь: соединилось несколько факторов, включая явную некомпе-

тентность городского газового департамента, оставшегося без руководства людей. Но все же это слово волчат в англике не имеет точного смысла! Даже у людей есть трюизмы. «Случайностей не бывает». Но если это так, к чему слово для несуществующего явления?

Случайность — это слово вмещает все, от нелепой небрежности до истинной инвариантности, все, что заполняет седьмой уровень вероятностной бури! В любом случае «результаты» получаются «случайными».

Как может раса выходить в космос, относиться к высшему классу патронов с таким неясным, неопределенным, зависящим от контекста взглядом на Вселенную? По сравнению с землянами даже дьявольские шутники тимбрими чисты и прозрачны, как сам эфир!

Способность порождать такие неприятные мысли священник больше всего не любил в покойном чиновнике. Это была одна из наиболее раздражающих особенностей умершего сюзерена.

Но одновременно самая ценная и нужная. Ее будет очень не хватать.

Таким было положение, когда консенсус нарушился, Слияние прекратилось, едва начавшись.

Сюзерен твердо оборвал нить мыслей. Самоанализ дорого обходится, необходимо принять решение о случившемся.

В обозримом будущем губру, возможно, придется возместить тимбрими — или даже землянам — ущерб, нанесенный на этом плато. Думать об этом неприятно, но выплату можно предотвратить, когда будет достигнута главная цель губру.

Все определят события в других частях пяти галактик.

Эта планета — маленький, хотя, может быть, и крепкий орешек, который надо расколоть уверенным движением клюва. И к тому же следить, чтобы расходы не были большими, — задача нового сюзерена Стоимости и Бережливости.

А задача священника — следить, чтобы союз губру, подлинный наследник древних, не сбился с пути Праведности до возвращения Прародителей.

«Пусть ветры принесут день», — помолился сюзерен.

— Решение откладывается, задерживается, отсрочивается, — вслух объявил сюзерен. Следователи тут же сложили досье.

Дело о пожаре архива завершено, следующая остановка на вершине холма, где предстоит оце-

нить еще одно происшествие.

Воркующая группа кваку сомкнулась и двинулась как одно целое, перемещая насест. Расплющенный шар пушистых клиентов спокойно двигался в толпе прыгающих возбужденных патронов. На вершине дипломатический сейф еще дымился от вчерашнего взрыва.

Сюзерен внимательно выслушал отчет следователей, иногда по одному, иногда группами, чирикая в унисон, потом в контрапункт. Из этой какофонии сюзерен составил себе картину случившегося.

Местный неошимпанзе был обнаружен бродящим вокруг сейфа без разрешения оккупационных властей. Явное нарушение законов военного времени. Никто не знает, с какой целью здесь оказалось это глупое полуживотное. Возможно, его привлек «обезьяний комплекс» — непонятное, раздражающее стремление всех землян искать возбуждающие зрелища, вместо того, чтобы благоразумно избегать их.

Отряд солдат наткнулся на этого неошимпанзе, ограждая в обычном порядке место происшествия. Командир отряда немедленно обратился к лохматому клиенту людей, требуя повиновения.

Неошимп оказался упрям, что, впрочем, харак-

терно для всех воспитанников людей. Вместо того, чтобы вести себя цивилизованным образом, он просто убежал. Солдаты, пытаясь его остановить, очевидно, привели в действие защитный механизм сейфа. Пирамида повреждена.

На этот раз сюзерен решил, что исход происшествия самый благоприятный. Хоть он и клиент, неошимпанзе официально союзник проклятых тимбрими. Действуя таким образом, он уничтожил дипломатический иммунитет сейфа! Солдаты имели право открывать огонь и по клиенту, и по защитным устройствам сейфа. Сюзерен пришел к выводу, что нарушения Праведности не произошло.

Следователи исполнили танец облегчения. Конечно, чем строже придерживаешься древних традиций, тем ярче будет плюмаж губру при возвращении Прародителей.

«Пусть ветры быстрей принесут день».

— Открывайте, входите, проникайте в сейф, — приказал священник. — Войдите и расследуйте его тайны!

Разумеется, охранные устройства уничтожили большую часть содержимого сейфа. Но все же можно обнаружить и расшифровать ценную информацию.

Простые замки открыли быстро, доставили специальное оборудование, чтобы снять массивную дверь. Все это заняло некоторое время. Священник тем временем отслужил службу для солдат Когтя, молившихся, чтобы укрепилась их вера в подлинные ценности. Важно, чтобы солдаты не расслаблялись в мирной обстановке, поэтому священник напомнил им, что за последние два дня исчезло несколько небольших групп в горах к юго-востоку от этого города.

Важно напомнить им также, что жизнь солдата принадлежит Гнезду. Гнездо и Честь — все остальное не имеет значения.

Наконец сняли последний замок-головоломку. Для прославленных шутников тимбрими оказались не такими уж хитрыми. Роботы губру легко разгадали их секреты. Один из роботов поднял дверь. Следователи, держа перед собой приборы, осторожно вошли в пирамиду.

Мгновения спустя с возгласом изумления пернатая фигура вылетела оттуда, держа в клюве черный блестящий предмет. Затем последовала другая.

Следователи возбужденно приплясывали, выкладывая предметы на землю перед плавающим насестом сюзерена.

«Не тронуто!» — танцевали они. Две базы данных найдены нетронутыми.

Их защитил от взрыва предыдущий обвал.

Радость охватила следователей, передалась с лихорадочной быстротой солдатам и штатским, ждавшим поблизости. Даже кваку счастливо ворковали, потому что видели, что это достижение по крайней мере четвертого порядка.

Своим безответственным поведением клиент землян уничтожил иммунитет сейфа.

Это признак порочности самого процесса возвышения. А в результате губру получили доступ к тайнам врага!

Тимбрими и люди будут посрамлены, а клан гуксу-губру многое узнает!

Сюзерен торжествующе танцевал всего несколько секунд. Даже среди своих вечно встревоженных соплеменников он должен переживать и беспокоиться вдвойне. Слишком много подозрительного во Вселенной и лучше, чтобы оно оказалось мертвым, чтобы когда-нибудь, в будущем, не разорить Гнездо.

Сюзерен наклонил голову в одну сторону, в другую. Посмотрел на кубы с данными, черные и блестящие на обожженной почве. Необычное наложение, казалось, покрывало эти спасенные

кристаллы с записями — чувство, которое каким-то неуловимым образом вызывало у него… да, пожалуй, страх.

Но это не какое-то пси-ощущение и не что-то научно объяснимое. Если бы это было так, сюзерен тут же приказал бы уничтожить кубы.

И тем не менее… Все это очень странно.

На мгновение сюзерену показалось, что перед ним блестящие черные глаза огромной и опасной змеи. Он вздрогнул.

Глава 42
РОБЕРТ

Он бежал, с новым деревянным луком в руках. Простой колчан с двадцатью стрелами подпрыгивал на спине, когда Роберт пробирался по лесной тропе. Колчан сделан из шкуры, обработанной примитивным способом. Шляпа сплетена из речного тростника. Набедренная повязка и мокасины на ногах изготовлены из туземной замши.

На бегу молодой человек слегка оберегал левую ногу. Повязка покрывала неглубокую рану. Но даже боль от ожога по-своему приятна. Она напоминает, что он легко отделался.

«Только представить себе большую птицу, ко-

торая, не веря своим глазам, смотрит на стрелу, торчащую из груди. Лазерное ружье падает на землю, онемевшие перед смертью когти выпустили его».

В лесу тихо. Слышно только дыхание Роберта да негромкий шелест мокасин по камешкам. Испарина быстро высыхает, а от свежего ветерка по коже бегут мурашки.

Чем выше он поднимается, тем свежее ветер. Склон сужается, и наконец Роберт оказался над вершинами деревьев, среди камней-чешуй вершины хребта.

Теперь, когда Роберт загорел почти до цвета древесины орехового дерева, неожиданное тепло солнечных лучей приятно гладит кожу. Она к тому же огрубела, и шипы и колючки причиняют меньше беспокойства.

«Я, наверно, похож на индейца из прошлого», — с улыбкой подумал Роберт. Перепрыгнул через упавшее дерево и побежал по левой развилке тропы.

Ребенком он оправдывал свою фамилию Eagle[8]. Маленькому Роберту Ониглу никогда не доставались отрицательные роли, когда дети

---

[8] notes: 8
Орел (англ.)

играли в Восстание Конфедерации. Он всегда был воином-чероки или мохавком, вопя в воображаемом космическом скафандре или боевой раскраске, круша солдат диктатора в войне Спутников. «Когда все это кончится, нужно будет посмотреть свое генеалогическое древо, — подумал Роберт. — Интересно, сколько во мне американо-индейской крови».

Белые пушистые кучевые облака скользили вдоль границы изменения давления к северу. Они как будто бежали вместе с ним над вершинами деревьев по пологим холмам к дому.

«К дому».

Теперь, когда у него есть дело под сенью деревьев и под открытым небом, это слово произносится легко. Он может думать о подземных пещерах как о доме. Потому что они действительно служат убежищем в эти тревожные времена.

И там Атаклена.

Он отсутствовал дольше, чем ожидал. Путь завел его высоко в горы, до самой долины Спринг. Он собирал добровольцев, устанавливал связи и вообще распространял новости о сопротивлении.

И, конечно, у него и его спутников было несколько стычек с противником. Роберт по-

нимал, что это незначительные происшествия — захваченные врасплох маленькие патрули губру, уничтоженные до последнего чужака. Сопротивление наносило удар только там, где победа казалась неизбежной. Не должно быть свидетелей, которые могли бы доложить своему командованию, что земляне научились быть невидимками.

Но хоть и небольшие, эти победы чудесным образом влияли на моральный дух. Конечно, губру в горах становится жарко. Однако основная масса противника вне досягаемости.

Большую часть времени отнимают дела, вряд ли связанные с сопротивлением. Везде Роберта окружали толпы шимпов, которые завывали и взвизгивали, увидев его, единственного оставшегося на свободе человека.

Его охватывало раздражение: он тут же становился неофициальным судьей, арбитром и крестным отцом новорожденных. Никогда раньше не чувствовал он так явно ответственность, которую возлагает возвышение на патронов. Он, конечно, не винил шимпов. Он сомневался, чтобы за короткую историю неошимпанзе такое количество их оказывалось отрезанным от людей.

Куда бы он ни пошел, всюду становилось известно, что человек не зайдет в здания, построенные до вторжения, и даже не встретится ни с кем, у кого есть одежда или другие предметы не с Гарта. Теперь, когда стало понятно, как газроботы находят цель, многие общины шимпов переселились.

Возобновилось строительство коттеджей, возродилось забытое искусство прядения и ткачества, выделывания шкур и изготовления обуви.

В сущности, шимпы в горах справлялись неплохо. Пищи было вдоволь, а молодежь по-прежнему посещала школу. Тут и там отдельные особи начали даже восстанавливать проект экологического возрождения Гарта, запускали самые неотложныепрограммы, импровизировали, пытаясь заменить специалистов-людей.

«Возможно, мы им уже и не нужны», — подумал Роберт.

Сами люди едва сумели уберечь свою родную планету от экологической катастрофы перед тем, как человечество обрело разум. Ужасной трагедии едва удалось избежать. Помня об этом, унизительно видеть, что так называемые клиенты ведут себя разумнее, чем люди всего за сто лет до Контакта.

«Есть ли у нас право разыгрывать богов перед ними? Может, когда все кончится, нам следует просто уйти и предоставить им самим строить свое будущее?»

Романтическая мысль. Но есть препятствие, конечно.

«Галакты нам никогда этого не позволят».

И поэтому он разрешал шимпам окружать себя, спрашивать у него советов, называть в честь него своих детей. А потом, сделав все возможное, уходил дальше в одиночку, потому что шимпы не могли успевать за ним.

Одиночество нескольких последних дней было приятно. У Роберта появилось время подумать. За последние недели и месяцы он многое узнал о самом себе, с того самого дня, когда мозг его распадался от боли и Атаклена вошла в его сознание и спасла его. Странно, но не звери и чудовища его неврозов оказались важнее всего. Когда он их увидел и понял, что они такое, он легко с ними справился. Во всяком случае у него не больше, чем у других, тягот и нерешенных в прошлом проблем.

Важнее то, что он стал лучше понимать себя как человека. Это исследование только началось, но Роберту понравилось направление, в котором

он продвигается.

Он свернул по тропе и вышел на открытое место, солнце светило в спину. Впереди, на юге, известняковые холмы, в которых скрывается долина Пещер.

Роберт застыл, увидев какой-то металлический блеск. Что-то сверкает над вершинами за долиной, примерно в десяти милях.

«Газроботы», — подумал он. По всей округе техники Бенджамина раскладывали образцы различных предметов, от электроники до металла и одежды, чтобы узнать, что же привлекает роботов губру. Роберт надеялся, что во время его отсутствия они достигли прогресса.

Но в каком-то смысле ему уже было все равно. Приятно держать новый длинный лук. Шимпы в горах предпочитают мощные самодельные арбалеты и самострелы, требующие меньшей координации, но большей силы для выстрела. А результат у этих видов оружия один и тот же — мертвые птицеподобные.

Использование древних навыков и оружия вдохновило всех, оживило мифы о клане волчат.

Были и тревожные последствия. Однажды Роберт заметил, как после успешной засады несколько местных горных шимпанзе неза-

метно отошли от лагеря. Он скользнул в тень и прокрался за ними в боковой каньон, к тайно разведенному костру.

Раньше, когда с убитых губру снимали оружие и уносили тела, Роберт замечал, что некоторые шимпы украдкой виновато поглядывают на него. И вот той ночью он с темного склона видел, как длиннорукие силуэты пляшут у костра под ветреным звездным небом. Что-то с шипением жарилось на огне, и ветер доносил сладковатый дымный запах.

Роберт понял, что шимпы совсем не хотят, чтобы это видели патроны. Он осторожно ушел снова в тень и вернулся в основной лагерь, предоставив шимпам выполнять свой ритуал.

Но эта картина до сих пор стоит перед глазами мрачной жестокой фантазией. Роберт не спрашивал, что сделали с телами мертвых галактов, но с тех пор не мог думать о враге, не вспомнив этот запах.

«Побольше бы этих губру заманить в горы», — думал он. Кажется, причинить вред захватчикам можно только под деревьями.

День близился к концу. Пора заканчивать долгую дорогу домой. Роберт повернулся и уже хотел начать спуск в долину, когда неожиданно

остановился. Замигал. В воздухе какое-то смутное пятно. Как будто на краю поля зрения что-то зашевелилось. Какая-то мошка, танцующая в слепом пятне.

Разглядеть невозможно.

«Ох!» — подумал Роберт.

Он не пытался сфокусировать зрение и отвернулся, предоставив этому не-предмету гнаться за ним. Мозг его раскрывался, как лепестки цветка под солнцем. Колышущееся нечто робко танцевало и подмигивало ему… простой глиф привязанности и легкого веселья… настолько простой, что даже человек, с толстыми мышцами, с волосатыми руками и розовой кожей, этот пропахший дорогой человек сумел его воспринять.

— Очень забавно, Кленни. — Роберт покачал головой. Но цветок раскрылся еще шире, и Роберт кеннировал тепло. Он уже знал, в какую сторону идти. Свернул с главной тропы и пошел по узкой звериной тропке.

На полпути к вершине холма он увидел коричневую фигуру, развалившуюся в тени куста. Шен поднял голову от книги с бумажными страницами и лениво кивнул.

— Привет, Роберт. Сейчас ты выглядишь лучше, чем в прошлый раз.

— Фибен! — Роберт улыбнулся. — Когда ты вернулся?

Шимп сдержал усталый зевок.

— О, примерно час назад. Парни из пещер послали меня сюда на встречу с ее милостью. Я кое-что принес для нее из города. Прости. Для тебя ничего нет.

— Были неприятности в Порт-Хелении?

— Да, немного. Немного танцев, немного почесываний, немного криков. Роберт улыбнулся. Когда у Фибена важные новости, он всегда начинает говорить с акцентом и затягивает рассказ. Если бы позволили, он протянул бы всю ночь.

— Фибен…

— Да, да. Она там. — Шимп указал на вершину холма. — И в самом дурном настроении, если ты меня спросишь. Но лучше не спрашивай. Я всего лишь шимпанзе. Пока, Роберт. — Он снова взял книгу. Не очень-то почтительно для клиента. Роберт ухмыльнулся.

— Спасибо, Фибен. Пока. — И пошел вверх по тропе.

Атаклена не повернулась к нему, когда он подошел, потому что они уже поздоровались. Она стояла на вершине холма, лицом к западу, вытянув перед собой руки.

Роберт сразу почувствовал, что теперь над Атакленой плывет другой глиф, поддерживаемый щупальцами ее короны. И очень впечатляющий глиф. Он его не видел, не мог даже кеннировать полностью, но он здесь, он почти ощутим для его усиливающегося чувства эмпатии.

Роберт сразу понял, что Атаклена что-то делает руками… словно тонкие огненные линии, скорее воспринимаемые интуицией, чем зрением, протянулись от одной руки к другой.

— Атаклена, что…

Он замолчал, увидев ее лицо.

Черты его изменились. Большая часть проявляемых по-человечески особенностей, которые она приобрела за последние недели, сохранилась; но что-то такое, что они заменили, возвращалось, пусть на мгновение. Чуждый блеск в глазах с золотыми точками; он, казалось, дрожит в унисон с пульсированием глифа.

Восприятие Роберта обострилось. Он снова посмотрел на огненные нити в ее руках и ощутил холодок узнавания.

— Твой отец…

Блеснули белые зубы Атаклены.

— В'ит-танна Утакалтинг беллинарри-т'хуу хаоон'да!..

Она глубоко дышала широко раскрытыми ноздрями. Глаза ее, расставленные на максимальную ширину, казалось, вспыхивают.

— Роберт, он жив!

Он замигал, его переполняли вопросы.

— Это здорово! Но... но где? А о моей матери что-нибудь знаешь? О правительстве? Что он говорит?

Она ответила не сразу. Подняла нить. Солнечный свет пробежал по ее туго натянутой поверхности. Роберт готов был поклясться, что слышал звук, исходящий от дрожащей нити.

— В'ит-тайна Утакалтинг! — Атаклена, казалось, смотрит прямо на солнце.

Она рассмеялась, перестала быть серьезной девушкой, какую он всегда знал. Зафыркала потимбримийски, и Роберт был очень рад, что не он причина ее веселья. Юмор тимбрими часто означает и нечто совсем не веселое.

Роберт проследил за ее взглядом, за долину Синд, туда, где в небе гудели вездесущие аппараты губру. Неспособный полностью воспринять глиф, Роберт искал что-то более доступное для человека. И нашел. В сознании возникла метафора.

Неожиданно улыбка Атаклены стала мрачной, почти хищной. А отразившиеся в ее глазах вра-

жеские корабли начали походить на довольных, ничего не подозревающих мышей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГАРТЛИНГИ

Эволюция человеческой расы будет завершена не за десять тысяч лет истории приручённых животных, но за миллион лет истории диких животных, потому что человек был и всегда будет диким животным.

Чарлз Галтон Дарвин

Вскоре естественный отбор будет значить гораздо меньше, чем отбор искусственный. Мы изменим себя в соответствии с представлениями о том, какими мы должны быть. Уже в течение жизни одного поколения мы изменим себя неузнаваемо.

Грег Бир

Глава 43
УТАКАЛТИНГ

Чернильные полосы расплывались по поверх-

ности болота вблизи того места, где увязла яхта. Темные струйки медленно просачивались через щели в воды широкого плоского эстуария. И там, где они проходили, умирали насекомые, мелкие животные и жесткая соленая трава.

Упав, космический корабль подскочил несколько раз, проведя изогнутую смертоносную полосу, и наконец, зарылся носом в болотистое речное устье. И вот уже несколько дней лежит здесь, медленно протекая и погружаясь в грязь.

Ни дождь, ни ветер не могли извести боевые шрамы с его обожженных бортов. Яхта, некогда привлекательная и красивая, искорежена множеством почти прямых попаданий. Падение стало лишь последней каплей.

Непомерно большой на корме самодельной лодки, теннанинец поверх нескольких плоских островков смотрел на потерпевший крушение корабль. Он перестал грести, обдумывая свою незавидную участь.

Очевидно, упавший космический корабль никогда больше не взлетит. Его падение загубило большой участок болотистой местности. Гребень теннанинца, похожий на петушиный, с колючими серыми веерами, взъерошился.

Утакалтинг поднял весло и вежливо ждал,

пока его товарищ по несчастью закончит свои возвышенные размышления. Он надеялся, что теннанинский дипломат не станет читать еще одну лекцию об экологической ответственности и тяжком бремени патрона. Но, конечно, Каулт — это Каулт.

— Дух этого места оскорблен, — сказал рослый чужак; его дыхательные щели тяжело зашумели. — Мы, разумные, не должны вести свои войны в детских яслях, отравляя их космическим ядом.

— Смерть приходит ко всем, Каулт. А эволюция расцветает на трагедиях.

— Утакалтинг иронизировал, но Каулт, разумеется, восприняла его серьезно.

Из дыхательных щелей теннанинца вырвался поток воздуха.

— Я знаю это, мой коллега тимбрими. Именно поэтому все зарегистрированные планеты-ясли должны проходить свой естественный цикл развития без помех. Ледниковые периоды и столкновения с планетоидами закаляются и помогают выжить органическим видам.

— Но здесь случай особый. Планета, пострадавшая так сильно, как Гарт, от новых катастроф впадает в шок и становится совершенно безжизненной.

Ведь совсем недавно буруралли творили здесь свои безумства. Планета только начала приходить в себя. А теперь новые битвы и новые стрессы… как эта грязь.

Каулт с отвращением указал на жидкость, вытекающую из разбитой яхты.

Утакалтинг на сей раз предпочел промолчать. Конечно, всякая раса класса патронов в галактике официально является сторонником защиты среды.

Это древнейший и главнейший закон. Те космические расы, которые не присягают на верность Кодексу Экологического Управления, бывают уничтожены большинством ради сохранения будущих поколений разумных.

Но есть различия. Губру, например, меньше интересуются планетами-яслями, чем их порождением, готовыми к возвышению предразумными видами, которых можно ввести в клан губру, известный своим консервативным фанатизмом. Соро испытывают радость, манипулируя с вновь поднявшимися расами клиентов. А танду просто ужасны.

Раса Каулта иногда раздражает ханжеским стремлением к экологической чистоте, но эту одержимость Утакалтинг по крайней мере по-

нимает. Одно дело — сжечь лес или построить город на зарегистрированной планете. Эти раны быстро затянутся. Но совсем другое — выпустить в биосферу долгоживущий яд, который будет поглощаться и усваиваться. Отвращение самого Утакалтинга к этим ядовитым струйкам не намного меньше, чем у Каулта. Но сейчас с этим ничего не поделаешь.

— У землян на этой планете хорошие команды очистителей, Каулт.

Очевидно, вторжение вывело их из строя. Может, губру сами возместят этот ущерб.

Все тело Каулта изогнулось, теннанинец звучно откашлялся. В широкий лист попал комок слизи. Утакалтинг уже знал, что это выражение крайнего недоверия.

— Губру бездельники и еретики! Утакалтинг, как можно быть таким наивным оптимистом? — Гребень теннанинца дрожал, кожистые веки мигали.

Утакалтинг смотрел на своего спутника, поджав губы.

— Так, — выдохнул теннанинец. — Ты испытываешь мое чувство юмора своей иронией. — Каулт раздул гребень. — Забавно. Я понял. На самом деле. Продолжим.

Утакалтинг повернулся и снова поднял весло. Он вздохнул и создал ту'флук, глиф печали по неоцененной шутке.

«Наверно, это мрачное существо назначено послом на планету землян, потому что среди теннанинцев обладает особым чувством юмора». Зеркальное отражение того, почему сам Утакалтинг из всех тимбрими был избран послом сюда… за свою относительно серьезную природу, за сдержанность и тактичность.

«Нет, — думал Утакалтинг, в то время как они гребли среди извивающихся полосок соленой травы, — нет, Каулт, друг мой, ты совсем не понял шутку. Но еще поймешь».

Долгим был путь к устью реки. Гарт обернулся больше двадцати раз, с тех пор как они с Каултом покинули в воздухе поврежденный корабль и на парашютах спустились в дикую местность. Несчастные клиенты теннанинца запаниковали, их парашюты перепутались, и они разбились. С тех пор два дипломата остались наедине.

По крайней мере сейчас весна, и они не мерзнут. Все же какое-то утешение.

Лодка, сделанная из ветвей и парашютного шелка, продвигалась медленно. Яхта всего в нескольких сотнях метров от того места, где они

впервые ее увидели, но им потребовалось почти четыре часа, чтобы пробраться через узкие проливы. Хоть поверхность ровная, высокая трава закрывает видимость.

И вот они рядом, остатки некогда стройного маленького космического корабля.

— Я все еще не понимаю, зачем мы вернулись к месту крушения, — выдохнул Каулт. — У нас достаточно продовольствия, чтобы прожить. Когда положение стабилизируется, мы сможем интернироваться…

— Жди здесь, — сказал Утакалтинг, не заботясь о том, что прервал теннанинца. Слава Ифни, теннанинцы не очень чувствительны в этом отношении. Утакалтинг перебрался через борт лодки и скользнул в воду. — Нет необходимости рисковать нам обоим. Дальше я пойду один.

Утакалтинг достаточно знал своего спутника, чтобы понять, что тому неловко. Культура теннанинцев высоко ценит личную храбрость, особенно после выхода в космос, который приводит теннанинцев в ужас.

— Я пойду с тобой, Утакалтинг. — Каулт отложил весло. — Там может быть опасно.

Утакалтинг остановил его поднятой рукой.

— Не нужно, коллега и друг. Ты физически не

приспособлен для «исследования» болота. И можешь перевернуть лодку. Отдыхай. Мне нужно всего несколько минут.

— Ну, хорошо. — Каулт явно испытал облегчение. — Я буду ждать тебя здесь.

Утакалтинг шел по отмели, отыскивая дорогу в предательской грязи. Он огибал струйки темной жидкости, направляясь на берег, на котором лежал борт корабля.

Это было нелегко. Он чувствовал, как тело готовится к изменениям, чтобы облегчить продвижение по густой грязи, но Утакалтинг сдержал эту реакцию. Глиф нутурунау помог ему свести адаптацию к минимуму.

Расстояние просто не стоит той цены, которую придется платить за перемены.

Шлем его распушился, отчасти он поддерживал глиф нутурунау, отчасти корону, настороженную в поисках присутствия. Сомнительно, чтобы здесь таилась опасность. Об этом позаботились бурурал ли. Но Утакалтинг, идя вброд, продолжал исследовать местность, ласкал эмпатическую сеть этой болотной похлебки жизни.

Вокруг полным-полно мелких животных, основных пород и видов, стандартных форм: стройные веретенообразные птицы, чешуйча-

тые, с роговыми ртами рептилоиды, волосатые и пушистые существа, скользящие в тростниках.

Давно известно, что у кислорододышащих животных существует три способа покрывать свое тело. Когда клетки кожи выпячиваются наружу, возникают перья. Когда они растут внутрь, получаются волосы. А когда утолщаются и твердеют, животное обретает чешую.

Все эти три возможности здесь используются, и все в типовых формах.

Перья идеальны для птиц, которым нужен максимум изоляции при минимуме веса. Шерсть покрывает теплокровные существа, которые не могут терять тепло.

Конечно, это только внешность. Внутри — бесконечное разнообразие способов, которыми обеспечивается жизнь. Каждое существо уникально, каждая планета удивительна своим разнообразием. Планета предназначена быть огромной детской и заслуживает защиты в этой роли. В это верили и Утакалтинг, и его спутник.

Его народ и народ Каулта враги. Конечно, не как губру по отношению к людям, но в стиле, позволенном Институтом Цивилизованных Войн. Существует множество типов конфликтов, среди них и весьма опасные и серьезные. Но все же

Утакалтингу по-своему нравится теннанинец. Так просто удобнее. Обычно легче подшучивать над тем, кто тебе нравится.

Утакалтинг поднялся на берег и отряхнулся. Проверил уровень радиации и пошел к разбитой яхте.

Каулт смотрел, как Утакалтинг исчезает за бортом потерпевшего крушение корабля. Он сидел неподвижно, как его и просили, изредка делал гребок, чтобы удержаться подальше от темных струек. Из его дыхательных щелей показалась пена, отгоняя зловоние.

Во всех пяти галактиках теннанинцы известны как упорные бойцы и отважные космопроходцы. Но расслабиться Каулт и его соплеменники могут только на живой, дышащей планете. Поэтому их корабли, прочные и выносливые, так напоминают дома. Разведывательный корабль, построенный теннанинцами, нельзя было бы так легко смахнуть с неба, как этот, — простым тераваттным лазером! Тимбрими предпочитают броне скорость и маневренность, но такие катастрофы подтверждают правоту теннанинцев. Крушение не оставляло им выбора. Прорыв блокады губру крайне рискован, а альтернатива ему — скрываться вместе с выжившими членами

правительства землян. И то, и другое не очень привлекательно.

В конце концов, может быть, именно крушение поможет им выжить. По крайней мере здесь есть почва и вода, они окружены жизнью.

Каулт посмотрел на появившегося из-за корабля Утакалтинга. Тот нес небольшой ранец. Когда тимбримийский посол погрузился в воду, его пушистый шлем встал дыбом. Каулт уже знал, что он не столь теплопроводен, как гребень теннанинцев. Некоторые группы в его собственном клане считают такие факты доказательством врожденного превосходства теннанинцев, но Каулт принадлежит к течению, более умеренному в своих взглядах. Он считает, что у каждого вида есть своя ниша в эволюционирующем Всем. Даже дикие и непредсказуемые волчата-люди. Даже еретики.

Развернув корону, Утакалтинг возвращался к лодке; однако корона развернулась не из-за перегрева. Утакалтинг создавал особый глиф.

Луррунану повис под яркими лучами солнца. Он сверкал в поле короны, собрался, энергично устремился вперед, повис над рослым теннанинцем, заплясал в радостном любопытстве над его гребнем. Галакт ничего не заметил. И его нельзя

в этом винить. В конце концов глиф — это ничто. Мираж.

Каулт помог Утакалтингу подняться, схватив за пояс и втащив в неустойчивую лодку головой вперед.

— Я прихватил еще продовольствия и кое-какие инструменты, — сказал Утакалтинг на галактическом-семь, покачнувшись. Каулт помог ему сохранить равновесие.

Ранец раскрылся, в нем были бутылки. Луррунану по-прежнему висел над теннанинцем, ожидая подходящего момента. Каулт наклонился, подбирая рассыпавшиеся предметы, и в этот момент вращающийся глиф прыгнул.

Он ударился о знаменитое упрямство теннанинцев и отскочил.

Серьезность Каулта невозможно нарушить. Под управлением Утакалтинга луррунану снова устремился вперед, яростно набросился на гребень теннанинца; в этот момент Каулт подобрал бутылку легче остальных и протянул ее Утакалтингу. Упрямый скептицизм чужака заставил глиф снова отскочить.

Утакалтинг, взяв бутылку и пряча ее, попытался в последний раз, но на этот раз луррунану просто разбился о непроницаемый барьер само-

надеянности теннанинца.

— Что с тобой? — спросил Каулт.

— Ничего. — Шлем Утакалтинга опустился, тимбрими раздраженно выдохнул. Все равно нужно найти способ возбудить любопытство Каулта!

«Ну хорошо, — подумал он. — Я и не ожидал, что будет легко. Время еще есть».

Впереди сотни километров глуши, потом Мулунские горы и, наконец, долина Синда, прежде чем они доберутся до Порт-Хелении. Где-то там ждет тайный партнер Утакалтинга, готовый участвовать в продолжительном розыгрыше Каулта.

«Будь терпелив, — сказал себе Утакалтинг. — Хорошая шутка требует времени».

Он сунул ранец под сиденье и привязал его бечевкой.

— Уходим отсюда. Я думаю, у противоположного берега много рыбы, а деревья там защитят от полуденного солнца.

Каулт прохрипел согласие и взял весло. Они двинулись через болото, оставив за собой медленно погружающуюся в трясину космическую яхту.

Глава 44
ГАЛАКТЫ

На околопланетной орбите силы вторжения вступили в новую фазу операции.

Вначале было преодолено краткое, удивительно упорное, но совершенно бессмысленное сопротивление. Потом наступил этап консолидации, составления и исполнения ритуальных планов очищения. Все это время флот в основном сохранял оборонительное построение.

В пяти галактиках царит смятение. В любое время десяток других союзов может попытаться захватить Гарт. Или союз землян и тимбрими, хотя и осажденный со всех сторон, может решить нанести здесь контрудар.

Тактические компьютеры считали, что со стороны землян это было бы глупостью, но земляне так непредсказуемы, что заранее ничего нельзя сказать.

Слишком многое уже вложено в эту операцию. Клан гуксу-губру не должен потерпеть здесь поражение.

И боевой флот перестроился. Корабли следили

за пятью уровнями гиперпространства, за всеми ближайшими пунктами перехода, за узлами пространства-времени.

Приходили новости о тяжелых испытаниях Земли, об отчаянии тимбрими, о тех трудностях, с которыми столкнулись шутники, вербуя союзников среди сонных умеренных кланов. И чем больше времени проходило, тем яснее становилось, что с этой стороны угрозы ждать не следует.

Но другие большие кланы не сидели бездеятельно. Те, которые сразу замечали преимущества. Некоторые из них тщетно искали сбежавший корабль дельфинов. Другие воспользовались смятением, чтобы выместить старые обиды.

Тысячелетней давности соглашения рассеивались, как газовые облака при появлении сверхновой. Пламя лизало древнюю социальную ткань пяти галактик.

С Родного Насеста губру поступили новые приказы. Как только будут завершены наземные оборонительные укрепления, большая часть флота получит новые задания. Оставшихся сил вполне достаточно, чтобы удержать Гарт и противостоять любой мыслимой угрозе.

Повелители Насестов сопроводили этот приказ

компенсацией. Сюзерену Луча и Когтя объявили благодарность. Сюзерену Праведности пообещали усовершенствованную Библиотеку для экспедиции на Гарт.

Новому сюзерену Стоимости и Бережливости компенсация не полагалась.

Но сами новые приказы были его победой, потому что в основе их лежала осторожность. Главный чиновник набирал очки в Слиянии; они ему крайне необходимы в соперничестве с другими, более опытными предводителями.

Флотские соединения улетели к ближайшим пунктам перехода, уверенные, что дела на Гарте находятся в твердых клювах и руках. Однако наземные силы с гораздо меньшей уверенностью смотрели вслед улетающим. На поверхности планеты возникли небольшие очаги сопротивления. Эта активность, всего лишь небольшая помеха, началась среди населения шимпанзе в отдаленных районах.

Поскольку они близкие родственники и клиенты людей, их неразумное поведение неудивительно. Высшее командование губру приняло меры предосторожности. И занялось другими делами.

Внимание триумвирата привлекла некая ин-

формация, полученная от вражеского источника и относящаяся к самой планете Гарт. Возможно, эта информация ложная. Но если она подтвердится, открываются обширные возможности!

В любом случае этим следует заняться. Возможна большая выгода. В этом все трое сюзеренов были единодушны. Они впервые испытали вкус истинного консенсуса.

Взвод солдат Когтя охранял экспедицию, углубившуюся в горы.

Птицеподобные в боевом снаряжении проносились над вершинами деревьев, внизу, в узком каньоне, слышен был негромкий свист их полетных ранцев. Один танк на воздушной подушке шел впереди, другой замыкал конвой.

Ученые-следователи двигались во флиттерах под надежной защитой.

Машины на воздушных подушках шли в глубь материка, избегая вершин хребтов с их камнями-чешуями. Не торопились. Слух, за которым они охотятся, возможно, ни на чем не основан, но сюзерены настаивают на его проверке. На всякий случай.

Цель они увидели в конце второго дня. Плоское дно узкой долины. Здесь недавно горели здания небольшого поселка.

Танки заняли позиции в противоположных концах пожарища. Из машин высыпали ученые-губру и их помощники, клиенты-кваку. Держась подальше от все еще пахнущих гарью развалин, они отдали приказ роботам, сборщикам образцов, направляя их поиск. Менее привередливые, чем их патроны, пушистые белые кваку устремились прямо к пепелищам, возбужденно пища, принюхиваясь и приглядываясь.

Одно заключение было получено немедленно. Поселок уничтожен сознательно. Здесь пытались что-то скрыть в дыму и развалинах.

С тропической неожиданностью наступили сумерки. Вскоре пришлось работать при свете прожекторов. И наконец, командир отряда приказал остановиться. Полномасштабное изучение придется отложить на завтра.

Специалисты вернулись в свои машины, обсуждая полученные результаты.

Найдены следы, улики, тревожащие и возбуждающие.

Но для работы хватит дневного времени. Техники закрылись в машинах от наступающей ночи. Шесть роботов-сторожей поднялись в воздух с механическим молчаливым усердием. Гарт медленно поворачивался под ночным звездным

небом. Слабые шорохи и потрескивания говорили о серьезных занятиях ночных лесных обитателей — они охотились и скрывались от охотников. Роботы не обращали на них внимание, продолжая невозмутимо вращаться. Ночь проходила.

Незадолго до рассвета под деревьями в звездном свете показались новые тени. Местные мелкие животные разбегались и из укрытий слушали, как медленно, осторожно крадутся пришельцы.

Роботы тоже заметили этих новых животных и сопоставили их с критериями своих программ. Вывод: неопасны. Они продолжали бездействовать.

Глава 45
АТАКЛЕНА

— Они — сидячие утки, — заметил Бенджамин со своего наблюдательного пункта на западном склоне.

Атаклена взглянула на адъютанта-шимпа. Несколько мгновений сражалась с метафорой Бенджамина. Может, он имеет в виду птичью природу врага?

— Они как будто спокойны и довольны, если ты это имеешь в виду, — сказала она. — Но у них

есть причины. Губру больше полагаются на боевых роботов, чем мы, тимбрими. Мы считаем их слишком дорогими. К тому же их поведение абсолютно предсказуемо. Тем не менее, эти роботы могут быть опасными противниками.

Бенджамин серьезно кивнул.

— Я помню об этом, сэр.

Но Атаклена все же чувствовала, что на него это не произвело впечатления. Он помогал планировать сегодняшнее нападение, координировал действия с городским сопротивлением. Официально цель нападения — запугать врага и, может быть, нанести ему некоторый ущерб, который он запомнит.

Атаклена не была уверена, что это возможно. Но согласилась с планом. Она не хотела, чтобы губру слишком многое узнали в развалинах Хаулеттс-Центра.

Пока еще рано.

— Они устроили лагерь вблизи развалин главного здания, — сказал Бенджамин. — Именно там, где мы и ожидали.

Атаклена с тревогой взглянула на ночной бинокль шимпа.

— Ты уверен, что этот прибор невозможно обнаружить?

Бенджамин, не поднимая головы, кивнул.

— Да, мэм. Такие приборы мы выложили на склоне, под самым газботом.

Но он даже не задержался. Мы сузили список материалов, которые обнаруживают враги. Скоро…

Бенджамин застыл. Атаклена ощутила его напряжение.

— В чем дело?

Шен пригнулся.

— Я вижу какое-то движение в деревьях. Может, наши парни занимают позиции. Сейчас установим, так ли запрограммированы эти роботы, как вы предсказали.

Бенджамин и не подумал предложить бинокль.

«Прощай протокол отношений патрон-клиент», — подумала Атаклена.

Впрочем, неважно. Она предпочитала полагаться на собственные эмоции.

Она чувствовала внизу присутствие трех типов двуногих, располагающихся вокруг экспедиции губру. Если Бенджамин увидел их, они определенно находятся в пределах досягаемости вражеских роботов. Но роботы ничего не предпринимают! Проходят секунды, а вращающиеся сторожа не

открывают огонь по ползущим фигурам. И не тревожат своих спящих хозяев. Атаклена вздохнула с ожившей надеждой. Поведение машин — очень важная информация. То, что они продолжают молча вращаться, многое говорит не только о том, что происходит здесь, на Гарте, но и том, что творится где-то там, за покрытым звездами куполом над головой. Она узнает о состоянии дел в пяти галактиках.

«Закон еще существует, — подумала Атаклена. — Губру ограничены в своих действиях».

Подобно другим фанатичным кланам, союз губру не очень строго придерживается кодексов планетарного экологического управления. Зная болезненную подозрительность птицеподобных, Атаклена предполагала, что они запрограммируют своих защитных роботов одним способом, если законы еще действуют, и совсем по-другому, если они нарушаются.

Если хаос полностью воцарился в пяти галактиках, губру прикажут своим роботам стерилизовать сотни акров, чтобы не допустить никакого риска для своих жизней.

Но если кодекс действует, враг не посмеет его нарушить. Потому что то же самое правило защитит его, если война пойдет неблагоприятно

для его союза.

Правило девятьсот двенадцатое: не участвующие в боевых действиях не должны страдать, если это возможно. Это относится скорее к видам, чем к индивидуумам, особенно на таком пережившем катастрофу мире, как Гарт.

Туземные формы жизни защищены миллиардолетней традицией.

— Собственная самонадеянность загнала вас в ловушку, грязные создания, — сказала Атаклена на галактическом-семь. Очевидно, губру запрограммировали свои машины на слежение за признаками разума: промышленного изготовления оружием, одеждой, механизмами. Губру и подумать не могли, что враг сможет приблизиться к их лагерю нагим, неотличимым от лесных животных!

Она улыбнулась, думая о Роберте. Эта часть плана — его идея.

Серая предрассветная прозрачность распространилась по небу, постепенно изгоняя звезды. Слева от Атаклены их врач, пожилая шимми Элейн Су посмотрела на свои металлические часы. Многозначительно постучала по циферблату. Атаклена кивнула, давая разрешение продолжать.

Доктор Су поднесла ко рту ладони и испустила высокий пронзительный звук — крик птицы файуаллу. Атаклена не слышала щелчков тетив тридцати луков, выпустивших стрелы. Но напряглась в ожидании. Если роботы губру действительно совершенны и сложны…

— Готово! — воскликнул Бенджамин. — Шесть верхушек, все разбиты на куски! Все шесть роботов выведены из строя!

Атаклена перевела дыхание. Там, внизу, Роберт. Теперь, наверное, она может поверить, что у него и у остальных есть шанс. Она коснулась плеча Бенджамина, и шимп неохотно протянул ей бинокль.

Кто-то, должно быть, заметил, что экраны мониторов потемнели.

Послышалось негромкое гудение, и раскрылся верхний люк одного из танков. Высунулась фигура в шлеме и осмотрела тихий луг. Клюв, птицы тревожно дернулся: она увидела обломки ближайшего робота. Что-то пошевелило ветви поблизости. Солдат развернулся, направив лазер на что-то, выскочившее из-под дерева. Синяя молния ударила в темный силуэт.

И промахнулась. Стрелок не смог попасть в цель, которая не летела, не падала, а раскачива-

лась на конце лианы. Еще две молнии пролетели мимо, и больше у солдата не было возможности стрелять. Темная фигура обвила ногами худую птицу и с треском сломала ей позвоночник.

Тройной пульс Атаклены забился быстрее: она увидела силуэт Роберта на башне танка, над съежившимся телом солдата Когтя. Роберт поднял руки, и неожиданно все пространство заполнилось бегущими фигурами.

Шимпы бегали между танками и флиттерами с глиняными бутылками. За ними более рослые особи тащили какие-то тюки. Атаклена слышала, как Бенджамин что-то негодующе пробормотал. Это ее решение — включить в операцию горилл, и решение это непопулярно.

— …тридцать пять… тридцать шесть… — считала секунды Элейн Су. В наступающем рассвете они видели шимпов, карабкающихся на машины чужаков. Это тоже рискованная часть. Надолго ли задержит неожиданность неизбежную реакцию?

Удача кончилась после тридцать восьмой секунды. Заревели сирены, вначале на переднем танке, потом на заднем.

— Осторожно! — закричал кто-то внизу.

Поросшие шерстью нападающие бросились к деревьям; из машин повалили солдаты Когтя,

стреляя из ружей. Шимпы падали с криками, хватались за горящую шерсть. Или падали в подлесок молча, пробитые навылет. Атаклена прижала корону, чтобы не потерять сознание от их боли.

Это ее первый опыт настоящей полномасштабной войны. Никаких шуток, только страдания и бессмысленная, отвратительная смерть.

И тут начали падать солдаты Когтя. Птицы подпрыгивали в поисках целей, исчезнувших в деревьях, и падали под выстрелами. Оружие чужаков рассчитано на поиск источников энергии, но тут не было лазеров в качестве целей, не было пульсирующих проекторов, не было даже оружия с пулями, которые вылетают под действием взрыва. А тем временем самострелы взвизгивали, как жалящие комары. Один за другим солдаты губру дергались и падали.

Вначале первый, потом второй танк начали подниматься на воздушных подушках. Передняя машина развернулась. Три ее орудийных ствола начали косить лес.

Вершины деревьев на мгновение зависали в воздухе, когда ствол взрывался, и потом падали наземь в облаках дыма и мусора. Лианы дергались, как рассерженные змеи, выплевывая с

таким трудом добытый сок. Шимпы с криками разбегались из-под деревьев. «Стоила ли игра свеч? Может ли что-нибудь стоить этого?» Атаклена на мгновение расправила корону и почувствовала начало формирования глифа. Она сердито рассеяла создающийся в воздухе ответ на ее вопрос — глиф. Никаких острот тимбрими! Жаль, что она не умела плакать, как люди.

Лес дрожал от страха, туземные животные разбегались в ужасе.

Некоторые бежали прямо по Атаклене и Бенджамину в отчаянном стремлении убраться подальше. Радиус уничтожения расширялся, смертоносные машины стреляли по всему движущемуся. Взрывы и огонь были повсюду.

И вот внезапно передний танк прекратил стрельбу. Вначале один, потом другой ствол раскалился добела и замолчал. Стало тише.

Второй танк, по-видимому, столкнулся с теми же проблемами, но пытался продолжать огонь, несмотря на то, что его стволы начали наклоняться.

— Ныряй! — крикнул Бенджамин и потащил Атаклену вниз. На холме успели укрыться вовремя: задний танк взорвался с ослепительной вспышкой. Над головой полетели куски металла

и пластиковой брони.

Атаклена помигала, чтобы убрать пятно с глаз. Испытывая перегрузку восприятия, она на мгновение удивилась тому, что Бенджамина так тянет к воде и земным водоплавающим.

— Второй заклинило! — крикнул кто-то. И верно: обретя вновь способность видеть, Атаклена заметила дым, поднимающийся от переднего танка. Башня издавала скрежещущие звуки, но, по-видимому, не могла двигаться. К запаху горящей растительности примешивался едкий запах разложения.

— Подействовало! — возбужденно воскликнула Элейн Су. И тут же побежала к раненым.

Бенджамин и Роберт предложили использовать против патруля губру химикалии. Атаклена видоизменила план так, чтобы он отвечал ее целям. Ей не нужны мертвые губру, как до сих пор. Теперь ей нужны живые.

Вот они, закрытые в своих машинах, не в состоянии двигаться и действовать. Их коммуникационные антенны расплавились, да и сейчас уже начались нападения в Синде. У высшего командования губру достаточно забот и поближе. Помощь придет не скоро.

Осколки упали на лесную почву. Медленно

оседала пыль. Наступила тишина.

И тут послышались крики — радостные вопли, забытые с тех пор, как люди вмешались в гены шимпанзе. Атаклена слышала и другой звук — вопль торжества, «тарзаний» крик Роберта.

"Хорошо, — подумала она. — Хорошо знать, что он выжил в этой бойне.

Если бы только он еще придерживался плана и отныне прятался получше".

Из леса показались шимпы, многие устремились на помощь доктору Су к раненым. Остальные расположились вокруг обезвреженных машин.

Бенджамин смотрел на северо-запад, где видно было еще несколько звезд. Оттуда доносился слабый грохот.

— Хотел бы я знать, как Фибен и парни из города выполняют свою часть плана, — сказал он.

Впервые Атаклена расправила корону. Освобожденная, она начала формировать кухуннагарра — глиф отложенной неопределенности.

— Это не в наших силах, — ответила Атаклена Бенджамину. — Мы действуем здесь, в этом месте.

Она махнула рукой и ввела в бой ждущие на склонах группы.

Глава 46
ФИБЕН

Дым поднимался над долиной Синда. В полях и садах горели огни. В бледный утренний воздух взлетала сажа.

Сидя на грубой деревянной раме самодельного воздушного змея в ста метрах над землей, Фибен в бинокль разглядывал разбросанные пожары. Бой в Синде разворачивался не очень удачно. Операция предполагалась стремительной: удар и отступление — попытка причинить вред захватчикам. Но она превратилась в сражение.

А теперь опускаются облака, словно отяжеленные дымом и несбывшимися надеждами. Скоро видимость сократится до километра.

— Фибен!

Внизу и слева, недалеко от угловатой тени змея, ему махала Гайлет Джонс.

— Фибен, как дела у группы В? Захватила она сторожевой пункт губру?

Фибен раздраженно покачал головой.

— Я их не вижу! — крикнул он в ответ. — Но там пыль от вражеского вооружения!

— Где? Сколько? Мы выпустим веревку, чтобы ты разглядел получше…

— Невозможно! Я спускаюсь!

— Но нам нужны сведения…

Фибен покачал головой.

— Везде патрули! Надо убираться отсюда! — И он помахал шимпам, державшим веревку.

Гайлет прикусила губу и кивнула. Змей начали опускать.

Когда нападения окончились неудачей, а связь прекратилась, Гайлет еще решительней требовала сводок. Фибен не мог винить ее. Он тоже хотел знать, что происходит. У него там друзья! Но сейчас лучше подумать о собственной шкуре.

«А как хорошо все начиналось!» — думал он, медленно опускаясь.

Восстание вспыхнуло, когда шимпы, работающие на строительстве губру, закончили закладывать взрывчатку. Они делали это целую неделю. И пять из восьми целей взлетели в утреннее небо огненными столбами.

Но потом сказывались преимущества технологии. Автоматические защитные системы губру сработали и принялись косить ряды необученных бойцов, не успело еще начаться нападение. По сведениям Фибена, не захватили ни одного

важного объекта. О том, чтобы удержать захваченное, не было и речи.

В целом дела обстояли неважно.

Фибен развернул змея, и неуклюжее сооружение устремилось к поверхности. Земля понеслась навстречу, и Фибен подобрал ноги, готовясь к удару, он получился очень сильным. Треснула деревянная рама крыла, которое приняло на себя основную тяжесть.

«Лучше рама, чем кость». Фибен отвязался и выбрался из тяжелой самодельной упряжи. Конечно, настоящий дельтаплан, с композитной рамой и дюратканевыми крыльями, был бы лучше. Но они по-прежнему не знают, каким образом захватчики распознают присутствие искусственных материалов. Поэтому Фибен настоял на самодельных — и гораздо более неуклюжих — заменах.

Поблизости с лазерным ружьем губру в руках стоял рослый шимп со шрамами на лице — Макс. Он протянул руку.

— Все в порядке, Фибен?

— Да, Макс, в порядке. Давай уберем эту штуку.

Его команда разобрала змея и унесла под покров ближайших деревьев. С самого начала злополучного набега на рассвете над головой

пролетали флиттеры и истребители губру. Змей буквально невидим для радара и инфракрасных лучей. Но все равно слишком рискованно использовать его днем. На краю сада их встретила Гайлет. Она не хотела верить в тайное оружие губру — способность врага находить промышленно изготовленные вещи. Но отчасти пошла навстречу требованиям Фибена. На шимми поверх шортов и домотканой рубашки была грубая коричневая куртка. Гайлет прижимала к груди блокнот и ручку.

Пришлось долго уговаривать ее оставить портативный дисплей компьютера.

Когда Фибен выбирался из остатков змея, ему показалось, что на ее лице отразилось облегчение. Но теперь она интересовалась только делом.

— Что ты видел? Сильные ли подкрепления подходят к врагу из Порт-Хелении? Близко ли подошла группа Йосси к батарее небесной сети?

«Сегодня утром погибло много хороших шимпов и шимми, а ее интересуют только проклятые данные!»

Укрепления космической обороны — одна из целей нападения. До сих пор несколько мелких засад в горах вряд ли способны были привлечь

внимание врага. Фибен настаивал, чтобы в первом набеге удар пришелся по важным целям. Теперь уже не удастся застать врага врасплох.

И все же Гайлет спланировала операцию в Синде с учетом удобства для своих наблюдателей. Для нее информация важнее любого ущерба, который они могут причинить врагу. И, к удивлению Фибена, генерал согласилась с Гайлет.

Фибен покачал головой.

— В том направлении много дыма, так что, может быть, Йосси чего-то добился. — Фибен отряхнулся. В его домотканом комбинезоне дыра. — Я видел много вражеских подкреплений. Все здесь. — Он похлопал себя по голове.

Гайлет поморщилась. По-видимому, хотела все услышать немедленно. Но по плану они должны быть далеко отсюда. Уже очень поздно.

— Ладно, расскажешь позже. Отложим наше совещание.

«Ты, должно быть, шутишь», — саркастично подумал Фибен. Он обернулся.

— Убрали эту штуку, парни?

Трое шимпов из команды змея забрасывали листвой небольшую насыпь под соковым деревом.

— Все готово, Фибен. — Они прихватили охот-

ничьи ружья, стоявшие под другим деревом.

Фибен нахмурился.

— Мне кажется, от них лучше избавиться. Они изготовлены на Земле.

Гайлет решительно покачала головой.

— А чем мы их заменим? Чего добьемся, действуя несколькими трофейными лазерами? Я готова нападать на врага голой, но не безоружной! — Ее карие глаза горели.

Фибен тоже начал сердиться.

— Готова нападать! Почему бы не гоняться за птицами с заточенным карандашом? Это твое любимое оружие!

— Это нечестно! Я делаю записи, потому что…

Ее прервал Макс, закричавший:

— В укрытие!

Со свистом разрывая воздух, что-то белое пронеслось над самыми вершинами деревьев. Вслед за ним вились и падали на луг сорванные листья.

Фибен не помнил, как упал за узловатый корень. Выглянув из-за него, он увидел, как вражеский корабль долетел до ближайшего холма и начал поворачивать назад.

Рядом с Фибеном очутилась Гайлет. Макс слева, он уже забрался на ветви соседнего дерева.

Остальные лежали правее, ближе к краю сада.

Фибен видел, как один из шимпов поднял ружье и прицелился в приближающуюся машину.

— Нет! — закричал он, понимая, что уже поздно.

Край луга взорвался. Комья земли полетели в небо, словно поднятые злобными демонами. В мгновение ока водоворот прошел по деревьям, вздымая обрывки листьев, ветви, грязь, плоть и кости, которые взметнулись во все стороны.

Гайлет с раскрытым ртом смотрела на это опустошение.

Фибен упал на нее перед тем, как ударная волна прокатилась через них.

Он ощутил воздушный удар, вражеский истребитель пронесся над головой.

Уцелевшие деревья дрожали и раскачивались на волне вытесненного воздуха.

На спину Фибену падал дождь обломков. Из-под его руки появилось лицо Гайлет.

— Убирайся с меня, пока я не задохнулась, ты, вонючий, блохастый, побитый молью…

Фибен видел, что вражеский разведчик исчез за холмом. Он быстро встал.

— Пошли, — сказал он, поднимая Гайлет. — Надо сматываться.

Цветистые проклятия Гайлет внезапно прекратились. Она встала. И ахнула, увидев, что натворило оружие губру. Слишком страшно в это поверить.

Обломки дерева перемешались с останками троих ее солдат-новобранцев. Там лежали и ружья шимпов. — Если собираешься взять одно из них, действуй самостоятельно, сестренка.

Гайлет замигала, потом покачала головой и убежденно обронила:

— Нет.

Потом повернулась.

— Макс!

Она двинулась в ту сторону, где в последний раз видела своего рослого помощника. Но в этот момент раздался грохочущий звук.

Фибен остановил Гайлет.

— Военные транспорты. У нас нет времени. Если он жив, выберется.

Пошли!

Гул гигантских машин приближался. Но Гайлет сопротивлялась.

— О, ради Ифни, подумай о спасении своих записей! — настаивал Фибен.

Это подействовало. Гайлет позволила ему утащить себя.

Вначале она спотыкалась, потом пошла уверенней. Они побежали.

"Ничего девушка! — думал Фибен на бегу. Они укрывались под деревьями.

— Упрямая, но смелая. Впервые такое видит, и ее даже не стошнило".

«Да? — как будто произнес в его голове другой голос. — А ты когда такое видел? Космические битвы по сравнению с этим чистые и аккуратные».

Фибен вынужден был признаться, что его не вывернуло только потому, что он не может позволить себе потерять завтрак на глазах у этой шимми.

Такого удовольствия он ей никогда не доставит.

Вместе они пересекли мутный ручей и побежали дальше.

Глава 47
АТАКЛЕНА

Действовать теперь предстояло Бенджамину.

Атаклена и Роберт из укрытия на склоне смотрели, как их друг приближается к конвою губру. Бенджамина сопровождали еще двое шимпов,

один из них нес флаг перемирия с изображенным на нем символом Библиотеки — крылатой спиралью галактической цивилизации.

Шимпы-парламентеры сбросили домотканую одежду и надели серебристое протокольное платье, приличествующее двуногим. Требовалась смелость, чтобы идти так. Хотя машины выведены из строя, уже полчаса незаметно никаких признаков жизни, трое шимпов гадали, что предпримут губру.

— Десять к одному, что птицеподобные сначала используют робот, — сказал Роберт, не отрывая взгляда от сцены внизу.

Атаклена покачала головой.

— Нет, Роберт? Смотри! Открывается дверца центральной машины.

Со своего наблюдательного пункта они видели всю поляну. Над одним все еще дымящимся танком на воздушной подушке возвышаются развалины Хаулеттс-Центра. Второй танк, с бесполезно обвисшим стволом, лежит накренившись на гибкой завесе воздушной подушки.

А из одной разбитой машины высунулась фигура губру.

— Я прав! — Роберт с отвращением фыркнул. Действительно робот. Он тоже несет флаг с изоб-

ражением крылатой спирали.

— Проклятые птицы не хотят ставить шимпов выше земляных червей, — заметил Роберт. — Хотят, чтобы переговоры вела машина. Надеюсь, Бенджамин помнит, что должен сделать.

Атаклена коснулась руки Роберта, призывая к тишине.

— Он помнит, — негромко сказала она. — И ему поможет Элейн Су. — Тем не менее, наблюдая, оба испытывали ощущение беспомощности. Это дело уровня патронов. Клиентов не следует оставлять одних в такой ситуации.

Плавающий робот, по-видимому, один из сборщиков образцов, торопливо приспособленный для выполнения дипломатических функций, остановился в четырех метрах от приближающихся шимпов, которые тоже замедлили шаг и поставили свой флаг. Робот негодующе застрекотал. Атаклена и Роберт слов не поняли. Тон, однако, был безапелляционный.

Двое шимпов попятились, нервно улыбаясь.

— Это тебе по силам, Бенджамин! — проворчал Роберт.

Атаклена видела, как вспухли бугры мышц на его руках. Если бы вместо этих мышц оказались железы изменения тимбрими… Она вздрогнула

от такого сравнения и снова посмотрела вниз.

Бенджамин стоял неподвижно, как скала, не обращая внимания на машину.

Он ждал. Наконец робот смолк. Наступила тишина, и тут Бенджамин сделал простой жест — в точности, как его учила Атаклена, — презрительно отстраняя неживого участника переговоров разумных.

Робот снова запищал, на этот раз громче и с ноткой отчаяния.

Шимпы продолжали ждать, не снисходя до ответа машине.

— Какая надменность! — вздохнул Роберт. — Отлично, Бен. Покажи им класс.

Проходили минуты. Положение оставалось прежним.

— Конвой губру пришел в горы без пси-щита, — неожиданно объявила Атаклена. Она коснулась правого виска, и ее корона задрожала. — Либо щит поврежден во время нападения. Я чувствую, что они все сильнее нервничают.

Захватчики располагают приборами для наблюдения. Они могли засечь движение в лесу. Это подходит вторая группа нападения, оснащенная современным оружием.

Для достижения эффекта внезапности сопро-

тивление свои основные силы держало в резерве. Антиматерия вызывает резонанс, который можно уловить на большом расстоянии. Но теперь пора раскрывать карты. Враг знает, что даже за своей броней он не в безопасности.

Неожиданно без всяких церемоний робот взлетел и направился к центральной машине. После недолгой паузы снова открылась дверца и появились два новых парламентера.

— Кваку, — объявил Роберт.

Атаклена сдержала глиф сиртуну. У ее друга-человека странная манера объяснять очевидное.

Пушистые белые четвероногие, верные клиенты губру, приближались к месту переговоров, оживленно болтая друг с другом. Рядом с шимпами они казались огромными. На толстой шее одного из них висел медальон-переводчик.

Трое шимпов сложили руки перед собой и, как один, поклонились, опустив головы на тридцать градусов. Потом выпрямились и продолжали ждать.

Кваку просто стояли. Было ясно, кто кого игнорирует на этот раз.

В бинокль Атаклена видела, что Бенджамин заговорил. Она прокляла невозможность услышать его слова.

Однако эти слова подействовали. Кваку гневно зачирикали и заблеяли.

Заработал переводчик, результаты сказались немедленно. Бенджамин не стал ждать, пока они закончат. Вместе с товарищами он поднял флаг, повернулся, и трое шимпов начали уходить.

— Отличные ребята, — довольно заметил Роберт. Он знает шимпов. Их лопатки сейчас ужасно чешутся, но поступь спокойна и преисполнена достоинства.

Передний кваку замолчал и в замешательстве посмотрел вслед шимпам, потом начал подпрыгивать и издавать резкие крики. Его спутник тоже казался возбужденным. Находящиеся на склоне теперь услышали усиленный голос переводчика, который снова и снова кричал: «...вернитесь!» Шимпы продолжали идти к деревьям, и наконец до Атаклены и Роберта донеслось:

— ...вернитесь... ПОЖАЛУЙСТА!..

Человек и тимбрими переглянулись и улыбнулись друг другу. Отчасти из-за этого и произошло сражение.

Бенджамин и его спутники резко остановились, повернулись и пошли назад. Снова поставив на место флаг со спиралью, они застыли в ожидании. И наконец, дрожа от страшного унижения,

четвероногие послы поклонились.

Неглубокий поклон — чуть заметно согнуты передние ноги, но тем не менее поклон. Клиенты губру на договоре признали клиентов людей на договоре равными.

— Они могли предпочесть смерть, — удивленно сказала Атаклена, хотя сама планировала эту встречу. — Кваку шестьдесят тысяч земных лет, а неошимпанзе стали разумными три столетия назад, и они клиенты волчат. — Она знала, что Роберт не обидится на ее слова. — Кваку так далеко зашли в возвышении, что имели право выбрать смерть. Должно быть, они и губру ошеломлены и не обдумали все последствия. Наверное, не верят в происходящее.

Роберт улыбнулся.

— Подожди, пока они услышат остальное. Пожалеют, что не избрали выход полегче.

Шимпы ответили поклоном под прежним углом. Покончив с формальностями, один из гигантов быстро заговорил, из переводчика послышались звуки англика.

— Кваку, вероятно, требуют встречи с руководителями засады, — заметил Роберт, и Атаклена согласилась.

Усиленная жестикуляция при ответе выдала

Бенджамина. Но это уже не страшно. Бенджамин указал на развалины, на танки, на беспомощные машины и на окружающий лес, где силы мстителей готовились завершить начатое.

— Он говорит, что он предводитель.

Так в сценарии, конечно. Атаклена сама написала его, поражаясь тому, как легко перешла от тонкого лицемерия тимбрими к грубой и прямой манере людской лжи.

Поведение Бенджамина помогало ей следить за переговорами, а эмпатия и воображение заполняли пробелы.

"Мы потеряли своих патронов, — произносил Бенджамин отрепетированный ответ. — Вы и ваши хозяева забрали их у нас. Нам их не хватает, мы хотим их возвращения. Но мы знаем, что бездеятельное оплакивание им не понравится и не позволит им гордиться нами. Только своими действиями покажем мы, насколько нас возвысили.

И поэтому мы поступаем так, как они учили нас: ведем себя как существа, обладающие разумом и честью.

Во имя чести и в соответствии с Кодексом Войн я требую, чтобы вы и ваши хозяева сдались, иначе вы испытаете все последствия нашего законного и праведного гнева?"

— У него получается! — удивленно прошептала Атаклена.

Роберт закашлялся, пытаясь сдержать смех. Бенджамин говорил, а кваку отчаивались на глазах. Когда он замолчал, пернатые четвероногие начали подпрыгивать и визжать. Они распускали перья, чистили их клювами и громко протестовали.

Но Бенджамина вывести из себя не удалось. Он посмотрел на наручные часы и произнес три слова.

Кваку неожиданно успокоились. Должно быть, получили приказ, потому что одновременно поклонились и понеслись назад к центральной машине.

Солнце поднялось над грядой холмов на востоке. Сквозь ветви деревьев прорвались лучи утреннего света. Площадку для переговоров начало припекать, но шимпы терпеливо ждали. Время от времени Бенджамин поглядывал на часы и говорил, сколько времени осталось.

Атаклена видела, как на краю леса их специальный отряд устанавливает единственный излучатель антиматерии. Несомненно, губру тоже видят это.

Роберт шепотом считал минуты.

Наконец — в самый последний момент — люки трех машин раскрылись. Из каждого показалась процессия. Впереди все губру в сверкающем одеянии старших патронов. Они высокими голосами пели, и басом им подпевали верные кваку.

Пышное зрелище разворачивалось в древних традициях, восходящих к временам, когда жизнь еще не выбралась из воды на земную твердь. Можно представить, что испытывали Бенджамин и остальные шимпы, когда сдающиеся проходили перед ними. У самого Роберта во рту пересохло.

— Помни, что нужно снова поклониться, — прошептал он настойчиво.

Атаклена улыбнулась. Корона давала ей привилегию.

— Не бойся, Роберт. Он помнит. — И действительно, Бенджамин сложил перед собой руки жестом глубокого уважения младшего клиента перед старшим патроном. Все шимпы низко поклонились.

Только белая полоска выдавала улыбку Бенджамина, от уха до уха.

— Роберт, — сказала Атаклена, удовлетворенно кивая. — Твой народ отлично поработал. И всего за четыреста лет.

— Не перехвали, — ответил он. — Все было ясно

с самого начала.

Сдавшиеся птицы ушли в сторону долины Синда. Несомненно, вскоре их подберут. В противном случае Атаклена приказала распространить приказ. Они должны без помех добраться до базы. Всякий шимп, который коснется их пера, будет объявлен вне закона, его плазму выльют в канализацию, а его генетический код будет уничтожен. Настолько серьезно это дело.

Процессия исчезла на горной тропе. И только тут началась тяжелая работа.

Команды шимпов принялись разбирать покинутые машины; нужно управиться за то небольшое драгоценное время, пока не появились силы возмездия.

Гориллы нетерпеливо пыхтели, ожидая грузов, чтобы унести их в горы.

К этому времени Атаклена уже перенесла командный пункт на каменистую вершину холма на два километра ближе к горам. Она в бинокль следила за тем, как уносят последние грузы, оставив в тени разрушенных зданий пустые корпуса машин.

Роберт по настоянию Атаклены ушел гораздо раньше. Завтра он отправится с другим заданием, и ему нужно отдохнуть.

Расправив корону, Атаклена кеннировала Бенджамина еще до того, как послышались его мягкие шаги. Когда он заговорил, голос звучал серьезно.

— Генерал, мы, получили по семафору сообщение, что нападения на Синде потерпели неудачу. Несколько сооружений ити удалось взорвать, но все кончилось поражением.

Атаклена закрыла глаза. Она этого ожидала. Прежде всего, внизу много проблем с конспирацией. Фибен подозревал, что в городское сопротивление проникли предатели. Тем не менее Атаклена не отказалась от вылазок. Они отвлекли защитные силы губру, заняли скоростные истребители. Она надеялась, что не слишком много шимпов погибло, отвлекая на себя захватчиков. — Одно уравновешивает другое, — сказала она своему помощнику.

Атаклена знала, что их победа имеет чисто символическое значение.

Невозможно изгнать врага, располагая такими силами. Привычно пользуясь метафорой, она подумала о гусенице, пытающейся передвинуть дерево.

«Нет, если мы и победим, то с помощью хитрости, а не силы».

Бенджамин откашлялся. Атаклена взглянула на него.

— Ты по-прежнему считаешь, что нам не следовало отпускать их живыми?

— спросила она.

Он кивнул.

— Да, сэр, считаю. Кажется, я понимаю, что вы говорили о символизме всего этого… и я горжусь, что вы довольны тем, как я провел переговоры.

Но я по-прежнему считаю, что всех их надо сжечь.

— Из мести?

Бенджамин пожал плечами. Оба они знали мнение большинства шимпов. Их не интересуют символы. Земляне вообще привыкли смотреть на этикет и тонкие различия статуса рас в галактике как на жеманную глупость декадентской цивилизации.

— Вы знаете, что я не об этом думаю, — возразил Бенджамин. — Я согласен с вашим мнением, что мы одержали сегодня настоящую победу, заставив их разговаривать с нами. Если бы не одно обстоятельство.

— Что именно?

— Птицеподобным удалось осмотреть центр и заметить следы возвышения.

И я не уверен, что они не увидели и самих горилл среди деревьев! — Бенджамин покачал головой. — Не думаю, чтобы после этого можно было позволить им уйти, — сказал он.

Атаклена положила руку на плечо адъютанта. Но молчала, потому что не находила слов. Как объяснить Бенджамину?

Сиулфф-куонн образовался над ее головой, выражая удовлетворение от того, как развиваются события, — в осуществление плана ее отца.

Нет, она не может объяснить Бенджамину, что участие горилл в нападении — лишь этап сложного, долгого розыгрыша.

Глава 48
ФИБЕН И ГАЙЛЕТ

— Не поднимай голову! — проворчал Фибен.

— Ты перестанешь рявкать на меня? — с горячностью ответила Гайлет. Она подняла глаза поверх травы. — Я просто хочу посмотреть…

Предложение оборвалось на середине, Фибен ударил по руке, которой она опиралась. Гайлет упала, резко выдохнув, и покатилась по земле, отплевываясь грязью.

— Ты, царапающийся, покусанный блохами…

Фибен зажал ей рукой рот, но глаза Гайлет продолжали говорить в том же духе.

— Я тебе сказал, — прошептал он. — Если ты видишь их сенсоры, значит, и они видят тебя. Наш единственный шанс — ползти по-пластунски, пока мы не сумеем затеряться среди гражданского населения.

Неподалеку слышалось гудение сельскохозяйственных машин. Именно этот звук и привлек их. Если бы они могли смешаться с фермерами, избежали бы сети захватчиков. Насколько Фибен знает, они с Гайлет могут оказаться единственными уцелевшими участниками злополучного нападения в долине. Трудно себе представить, что горные повстанцы под руководством Атаклены могли достичь чего-то большего. С того места, где он лежит, восстание кажется подавленным.

Он освободил рот Гайлет.

«Если бы взгляды убивали», — подумал Фибен, видя выражение ее глаз.

Со спутанной и грязной шерстью она больше не напоминает серьезную интеллектуальную шимми.

— Я… думала… ты… сказал… — прошептала она с расстановкой, демонстрируя хладнокровие, — что враг не может нас засечь, если на нас только

туземные материалы.

— Да, если они ленивы и рассчитывают только на свое тайное оружие. Но не забудь, что в их распоряжении также инфракрасные лучи, радар, сейсмический сонар, пси-детекторы… — Он неожиданно осекся. Слева раздался низкий гул. Если это комбайн, который они заметили раньше, у них есть возможность подъехать.

— Жди здесь, — прошептал Фибен.

Гайлет схватила его за руку.

— Нет! Я иду с тобой! — Она быстро взглянула по сторонам, потом опустила глаза. — Не… не оставляй меня одну.

Фибен прикусил губу.

— Хорошо. Пригнись и следуй за мной.

Они двинулись друг за другом, прижимаясь к земле.

Гул медленно приближался. Вскоре Фибен ощутил легкое покалывание в затылке.

«Гравитика, — подумал он. — Совсем близко!»

Он даже не сознавал, насколько близко, пока машина не показалась над травой в двух метрах от него.

Он ожидал увидеть большого робота, но перед ними появился шар размером с баскетбольный мяч, усеянный серебряными и стеклянными

кнопками — сенсорами. Шар мягко покачивался на полуденном ветерке, разглядывая их.

«Дьявольщина!» Фибен сел на корточки, покорно опустив руки. Недалеко послышались негромкие голоса. Несомненно, хозяева этой штуки.

— Это боевой робот? — устало спросила Гайлет.

Фибен кивнул.

— Нюхач. Я думаю, дешевая модель, но достаточно, чтобы найти и удержать нас.

— Что нам делать?

Он пожал плечами.

— Сдаваться.

Однако завел руку за спину, порылся в темной почве и нащупал гладкий камень.

Голоса приближались.

«Какого дьявола!» — подумал Фибен.

— Слушай, Гайлет. Когда я тронусь с места, спрячься и уходи отсюда.

Отнеси свои записи Атаклене, если она жива.

И прежде чем она могла что-то ответить, он крикнул и изо всех сил швырнул камень.

Несколько событий произошло одновременно. Правую руку Фибена обожгла боль. Вспыхнул свет, такой яркий, что Фибен на мгновение ослеп.

Он подпрыгнул, и в грудь впился пучок игл.

Он летел к шару, и неожиданное ощущение овладело Фибеном. Как будто такое уже происходило с ним и сотни раз в сотнях предыдущих жизней. Он помнит это на самой грани сознания. Так ему показалось, когда он пролетел через пульсирующее гравиполе я ухватился за машину чужаков. Мир наклонился и завертелся, шар пытался сбросить его с себя. Луч лазера ударил по тени Фибена и по траве. Фибен держался изо всех сил, а поля и небо слились во вращающемся тошнотворном пятне.

Внушенное deja vu даже помогло! Фибен разжал раненую руку и поискал панель управления робота.

Снимая крышку, вскрывая замок, Фибен сломал ноготь, но наконец засунул руку внутрь и схватил провода.

Машина дико вертелась, словно понимая его намерение. Из-под ног Фибена вылетела опора, его бросало, как тряпичную куклу. Слабела левая рука, он держался за провода — все кружилось вместе с ним.

И только одно в мире не расплывалось — линзы лазера робота, нацеленные прямо на него.

«Прощай», — подумал он и закрыл глаза.

Но тут что-то оборвалось. Он отлетел, по-прежнему сжимая провода. И, когда ударился о землю, испытал почти облегчение. Закричал и покатился рядом с огнем. Конечно, было больно. Ребра Фибена болели так, словно самая большая самка-горилла из Хаулеттс-Центра провела с ним страстную ночь. В него выстрелили по крайней мере дважды. Но он ожидал, что умрет. И, что бы ни случилось потом, сейчас приятно ощутить себя живым.

Мигая, он прочистил глаза от пыли и сажи. В пяти метрах от него свистели и плевались остатки вражеской машины в круге почерневшей дымящейся травы. Хваленое качество скобяных товаров губру!

"Какой торговец-ити всучил губру такой кусок дерьма? — подумал Фибен.

— Если даже это йофур с десятью вонючими соковыми кольцами, я готов прямо сейчас расцеловать его!"

Возбужденные голоса. Торопливые шаги. Фибен испытал прилив надежды.

Он думал, что за своей разбитой машиной явятся губру. Но это шимпы! Он сморщился и, держась за бок, встал, улыбаясь.

Но улыбка застыла у него на лице, когда он

увидел, кто к нему подходит.

— Ну, кто же у нас здесь? Мистер Синяя Карта собственной персоной!

Похоже, ты пробежал длинную дистанцию с препятствиями, парень из колледжа.

Ты словно не понимаешь, когда тебя побили.

Высокий шен с тщательно выбритой на лице шерстью, с усами, элегантно напомаженными и завитыми. Фибен узнал вожака группы испытуемых-проби из «Обезьяньей грозди», который называл себя Железная Хватка.

Ну почему именно он?

Подошли остальные. На ярких комбинезонах новая деталь — шарф и наручная нашивка с одинаковым символом — вытянутой когтистой птичьей лапой.

Вооруженные модифицированными сабельными ружьями, шимпы столпились вокруг Фибена. Очевидно, милиция коллаборационистов, о которой они с Гайлет слышали.

— Помнишь меня, парень из колледжа? — спросил Железная Хватка, улыбаясь. — Думаю, да. Я-то тебя запомнил.

Фибен вздохнул, глядя, как двое проби подводят Гайлет Джонс, крепко держа за руки.

— Как ты? — негромко спросила Гайлет. Он не

понял выражения ее глаз.

Только кивнул. Говорить было не о чем.

— Пошли, мой юный генетический красавец! — Железная Хватка рассмеялся и схватил Фибена за больную руку. — Кое-кто хочет с тобой поговорить, и на этот раз конкретно.

Фибен оторвал взгляд от Гайлет. Его рывком поставили на ноги и толкнули. Для бесполезной борьбы у него не было сил.

Проби потащили его перед Гайлет, и Фибен впервые смог оглядеться. Они всего в нескольких сотнях метров от Порт-Хелении! Двое шимпов в рабочих комбинезонах смотрели на него с площадки обслуживания культиваторов. Фибена и Гайлет отвели к калитке в стене чужаков, этого барьера, который самодовольно развертывался на местности, как сеть, поймавшая их жизни.

Глава 49
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Праведности демонстрировал возбуждение, раздуваясь и исполняя короткий танец на насесте выступлений. Получленораздельные возгласы мешали ему высказаться, и поэтому новость не распространялась в течение всего

обращения планеты.

Правда, уцелевшие в горной засаде губру все еще в шоке. Вначале они хотели доложить командованию, но военные, деловито расправлявшиеся с последними очагами восстания на ближайших равнинах, заставили их ждать.

Что такое в конце концов небольшая стычка в горах по сравнению с почти удавшимся нападением на оборонительные батареи?

Сюзерен хорошо понимал, почему совершаются такие ошибки. И все же это раздражало. Происшествие в горах гораздо важнее всех остальных партизанских вылазок.

— Вы должны были прекратить — устранить — привести себя к концу!

Сюзерен в танце выказывал свое негодование ученым-губру. Специалисты после долгого похода по холмам выглядели взъерошенными и непричесанными. В унынии они обвисли еще больше.

— Сдавшись, вы причинили вред — нанесли ущерб — уменьшили нашу праведность и честь, — закончил обвинение сюзерен.

Если бы они состояли на воинской службе, верховный священник потребовал бы наказания их и их семей. Но большая часть их эскорта погибла, а ученые всегда меньше озабочены вопросами

праведности, чем военные.

Сюзерен решил простить их.

— Тем не менее я понимаю ваше решение, признаю, санкционирую его. Мы останемся верными вашему слову.

Специалисты станцевали облегчение. Вернувшись домой, они не испытают унижения или чего-нибудь похуже. Их честь не пострадает.

Но капитуляция обойдется им дорого. Их необходимо немедленно удалить из системы, и не заменять в течение года. Больше того, равное количество людей необходимо освободить из заключения!

У сюзерена неожиданно появилась идея, которая вызвала странное ощущение — ощущение веселья. Он освободит шестнадцать человек, но горные шимпанзе не увидятся со своими опасными хозяевами. Людей отправят на Землю!

Это, несомненно, соответствует праведности и слову. Конечно, обойдется недешево, но гораздо хуже выпустить людей в населенной местности Гарта.

Достижения этих горных шимпанзе ошеломляют, если доклад уцелевших верен. Как это произошло? Протоклиенты, которых он наблюдал в городе и в долине, не способны на такие

ухищрения.

Неужели там еще остались люди?

Мысль пугающая, и сюзерен не представлял, как это возможно. Согласно подсчетам, число незахваченных крайне незначительно и статистически его можно просто игнорировать. Скорее всего эти неучтенные мертвы.

Конечно, придется усилить газовые бомбардировки. Новый сюзерен Стоимости и Бережливости будет жаловаться, потому что программа и так оказалась чрезмерно дорогостоящей. Но теперь сюзерен Праведности полностью перейдет на сторону военных.

Что-то шевельнулось у него внутри. Сюзерен Праведности почувствовал легкое покалывание. Неужели предвестник сексуальных изменений? Сейчас, когда положение еще неопределенное и неясно, кто из троих сюзеренов будет господствовать, изменения не должны начинаться. Слияние должно подождать, пока не будет достигнута Праведность, пока не установлен консенсус, так чтобы стало ясно, кто сильнейший!

Сюзерен зачирикал молитву утраченным Прародителям, все остальные подхватили ее.

Как бы установить, в каком направлении разворачиваются сражения в галактических про-

сторах! Найден ли корабль дельфинов? Может быть, именно сейчас флоты каких-нибудь союзов приближаются к вернувшимся Древним? И скоро придет всеобщий конец?

Неужели действительно пришло время Перемены?

Если бы священник знал, что галактический закон безвозвратно отменен, его не стесняло бы это отвратительное слово и связанное с ним признание разумности неошимпанзе.

Конечно, есть и утешение. Даже если ими руководят люди, полуживотные не сумеют воспользоваться этим признанием. Так всегда бывает с видами волчат. Они не обращают внимания на тонкости древней галактической культуры, устремляются напролом и почти всегда гибнут.

— Утешение, — чирикал сюзерен. — Да, утешение и победа.

Нужно позаботиться еще об одном деле, возможно, самом важном.

Священник снова обратился к руководителю экспедиции.

— Твое последнее обещание было избегать — устраняться — не появляться больше никогда в этом месте.

Ученые протанцевали согласие. Небольшой

клочок Гарта отныне закрыт для губру, пока не упадут звезды или не будут изменены правила.

— И однако до нападения вы обнаружили — установили — заметили следы вмешательства в генетику, признаки тайного возвышения?

Это тоже отражено в отчете. Сюзерен расспрашивал ученых тщательно и подробно. Они могли только поверхностно осмотреть лаборатории, но факты говорят за себя.

В горах шимпанзе скрывают расу предразумных! И до вторжения они и их человеческие патроны занимались возвышением новой расы клиентов!

Вот как! Сюзерен танцевал. Данные, полученные из сейфа тимбрими, подтверждаются! Каким-то чудом этот переживший катастрофу мир произвел на свет сокровище! И теперь, несмотря на то что губру захватили землю и небо, земляне умудряются держать это открытие в тайне!

Неудивительно, что Отраслевая Библиотека не содержит файлов возвышения! Земляне пытались скрыть улики.

«Но теперь, — радовался сюзерен, — мы знаем об этом чуде!»

— Вы свободны — отпущены — отправлены на свои корабли, — сказал он поникшим ученым,

повернулся к помощникам-кваку, собравшимся под насестом.

— Свяжитесь с сюзереном Луча и Когтя, — сказал он с необычной краткостью. — Скажите ему, что нужно немедленно встретиться. — Один из пушистых четвероногих тут же поклонился и убежал выполнять поручение.

Сюзерен Праведности застыл на насесте; обычай не позволяет ему ступать на почву, пока не завершены церемонии защиты.

Время от времени он переступал с ноги на ногу; опустив клюв на грудь, сюзерен глубоко задумался.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПРЕДАТЕЛИ

Не обвиняй Природу, она свое дело сделала:
Сделай же ты свое.
Джон Милтон. «Утраченный рай»

Глава 50
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Вестовой сидел на диване в углу зала совещаний, завернувшись в одеяло, и прихлебывал из чашки горячий суп. Время от времени молодой шен вздрагивал, и выглядел безмерно усталым. Его шерсть не успела просохнуть от ледяной воды.

«Удивительно, что он вообще добрался, — думала, глядя на него Меган Онигл. — Никто из шпионов и разведывательных групп, которых мы посылали на берег, не вернулся, хотя у них было надежное снаряжение. А этот маленький шимп всех нас заткнул за пояс, приплыл на крохотном плоту из срубленных деревьев с домотканым

парусом. Он принес письмо от моего сына».

Меган снова вытерла глаза, вспоминая первые слова посыльного, который, выбиваясь из сил, добрался по подземным пещерам к их убежищу.

— Капитан Онигл шлет свои позд… свои поздравления, мэм.

Он протянул пакет в водонепроницаемой упаковке из сока дерева оли и упал на руки медиков. "Сообщение от Роберта, — удивленно думала она. — Он жив. Он свободен.

Помогает сражаться". Она не знала, радоваться или содрогаться от таких известий.

Конечно, этим можно гордиться. Возможно, сейчас Роберт единственный свободный взрослый человек на поверхности Гарта. А если его «армия» всего лишь оборванная толпа партизан-обезьян, то она по крайней мере добилась большего, чем тщательно сохраненные остатки милиции планеты.

Но Роберт не только заставил ее гордиться, он еще и удивил ее. Может, она что-то просмотрела в этом мальчике? Или лишения закалили его?

«Наверное, в нем больше отцовского, чем мне хотелось бы».

Сэм Теннейс, пилот космического корабля, он появляется на Гарте примерно раз в пять лет. Это

один из трех космических мужей Меган. Каждый из них проводил дома не больше нескольких месяцев, с огромными промежутками, и эти мужья почти никогда не встречались друг с другом.

Другие женщины могли бы не справиться с такой ситуацией, но это устраивало и астронавтов, и женщину-политика. И из всех троих только Сэм Теннейс подарил ей ребенка.

«Я никогда не хотела, чтобы мой сын стал героем, — подумала Меган. — И хоть всегда относилась к нему критически, тем не менее не хотела, чтобы он походил на Сэма».

Будь Роберт не таким изобретательным, он оказался бы теперь в безопасности — интернирован на одном из островов с остальными людьми, оставаясь по-прежнему плейбоем среди друзей. И ему не пришлось бы отчаянно и бесполезно сражаться с могущественным врагом.

«Что ж, — успокаивала она себя, — вероятно, в письме он немного привирает».

Слева от нее раздавались громкие изумленные возгласы. Правительство в изгнании изучало послание, написанное на древесной коре самодельными чернилами.

— Сукины дети! — услышала она полковника Миллчемпа. — Так вот как им всегда удавалось

узнать, где мы, еще до начала боя!

Меган придвинулась к столу.

— Подведите, пожалуйста, итоги, полковник.

Миллчемп взглянул на нее. Дородный красноликий офицер милиции тряс листочками, пока кто-то не перехватил их.

— Оптические волокна! — воскликнул он.

Меган покачала головой.

— Прошу прощения?

— Вот что нас выдавало! Они все подстроили! Каждый провод, телефонный кабель, коммуникационные линии… вся электроника планеты! Все они резонируют на вероятностной волне, которую улавливают приборы проклятых птицеподобных… — Полковник Миллчемп подавился от гнева, махнул рукой и отошел.

Должно быть, изумление Меган бросалось в глаза.

— Я попробую объяснить, мадам координатор, — сказал Джон Кайли, болезненный высокий мужчина с телосложением человека, всю жизнь проведшего в космосе. В мирное время Кайли был капитаном фрайтера. Его торговый корабль участвовал в пародии космического сражения и случайно уцелел, если к нему можно применить это слово. Избитая и поврежденная, успевшая

только пощекотать планетоиды губру своим лазером, «Эсперанца» добралась до Порт-Хелении только потому, что враг не очень торопился захватить всю систему Гимельхая. И теперь капитан «Эсперанцы» стал советником Меган.

Кайли выглядел ошеломленным.

— Мадам координатор, вы помните сделку двадцатилетней давности о покупке фабрики по производству электроники и протоники? Небольшая саморегулирующаяся фабрика, в самый раз для таких колоний, как наша.

Меган кивнула.

— Координатором тогда служил ваш дядя. Мне кажется, первое ваше торговое поручение заключалось в завершении сделки и доставке фабрики на Гарт.

Теперь кивнул Кайли. Его удивление не проходило.

— Одно из главных изделий этой фабрики — оптические волокна. Тогда еще говорили, что эта сделка с кваку заключена на слишком выгодных для нас условиях. Но кто мог подумать, что они действовали с таким дальним прицелом? Всего лишь шанс, что они когда-нибудь захотят…

Меган ахнула.

— Кваку! Они клиенты…

— Губру. — Кайли кивнул. — Проклятые птицеподобные уже тогда планировали это.

Меган вспомнила, слова Утакалтинга: «Галактыне торопятся. Они терпеливы, как планеты на орбитах».

Кто-то еще откашлялся. Это майор Пратачулторн, невысокий, мощного телосложения офицер земной морской пехоты. Он со своим небольшим отрядом оставался единственной регулярной военной силой после космической битвы и безуспешной защиты космодрома Порт-Хелении. Миллчемп и Кайли находились в резерве.

— Положение очень серьезное, мадам координатор, — сказал Пратачулторн. — Оптические волокна этой фабрики применяются в любом военном и гражданском оборудовании, изготовленном на планете. Они есть почти в каждом здании. Можем ли мы быть уверены в открытии вашего сына?

Меган едва не пожала плечами, но инстинкт политика вовремя остановил ее. «Откуда мне знать? — подумала она. — Мальчик для меня незнакомец». Она взглянула на маленького шена, который едва не погиб, доставляя послание Роберта. Она и представить не могла, что Роберт способен у кого-нибудь вызвать такую предан-

ность.

«Наверное, я ревную», — решила Меган.

В разговор вступила женщина — офицер морской пехоты.

— Отчет подписан также тимбрими Атакленой, — заметила лейтенант Лидия Маккью. Молодая женщина поджала губы. — Это второй свидетель, подтверждающий подлинность.

— Тысяча извинений, Лидия, — ответил майор Пратачулторн. — Тим всего лишь ребенок.

— Она дочь посла Утакалтинга, — резко сказал Кайли. — И эксперименты помогали проводить техники шимпы.

Пратачулторн покачал головой.

— Значит, у нас нет компетентных свидетелей.

Несколько советников ахнули. Единственный член правительства неошимпанзе доктор Сьюзен Бениршке покраснела и уставилась в стол. Но майор Пратачулторн не заметил собственной дерзости. «Майор, как всегда, бестактен. К тому же он офицер морской пехоты», — напомнила себе Меган.

Это элитарный корпус, в нем совсем немного дельфинов и шимпов. Кстати, в него набирают преимущественно мужчин, это последний оплот старомодного мужского шовинизма.

Командор Кайли перелистал грубые листки отчета Роберта.

— И все же вы должны согласиться, майор, что такое объяснение выглядит вполне правдоподобно. Оно помогает понять причину наших поражений и неудач в попытках установления связи с островами и материком.

Немного погодя майор Пратачулторн кивнул.

— Правдоподобно, да. Однако не мешает проверить на практике, провести собственное расследование, прежде чем мы примем на веру это предположение.

— В чем дело, майор? — спросил Кайли. — Вам не нравится перспектива заменить фазовое ружье на лук и стрелы?

Ответ Пратачулторна прозвучал на удивление спокойно:

— Вовсе нет, сэр, если противник вооружен аналогично. Проблема в том, что он вооружен по-другому.

Повисло долгое молчание. Казалось, никто не знал, что сказать.

Полковник Миллчемп прервал паузу, вернулся к столу и ударил по нему ладонью.

— В любом случае, какой смысл в ожидании?

Меган нахмурилась.

— О чем вы, полковник?

Миллчемп проворчал:

— О том, что наши силы здесь, внизу, бездействуют. Мы просто медленно сходим с ума. А, может быть, именно в этот момент Земля сражается за свою жизнь!

— В космосе не существует понятия «этот момент», — заметил командор Кайли. — Одновременность — миф. Эта концепция обязательна для англика и других земных языков, но…

— Оставьте метафизику! — выпалил Миллчемп. — Важно то, что мы можем повредить врагам Земли! — Он взял в руки кусочки коры. — Благодаря партизанам мы теперь точно знаем, где губру разместили свои базы. Что бы там ни вычитали в Библиотеке эти проклятые птицы, ничто не помешает нам запустить свои ракеты!

— Но…

— У нас их три — они не применялись в космическом сражении, и губру не знают, что они у нас есть. Если эти снаряды могут справиться с танду, будь прокляты все семь камер их сердца, то тем более уничтожат наземные цели губру!

— И что это нам даст? — спокойно спросила лейтенант Маккью.

— Свернем нескольким губру шеи! Посол Ута-

калтинг говорил нам, что в галактических войнах очень важны символы. Сейчас губру могут заявлять, что мы вообще не оказали сопротивления. Но символический удар, который принесет им ущерб, скажет всем пяти галактикам, что мы боремся!

Меган Онигл ущипнула переносицу, и заговорила с закрытыми глазами.

— Меня всегда удивляло, что концепция «решающего удара» моих американо-индейских предков пережила свое время и успешно применяется в гипертехнологической галактике. — Она открыла глаза. — Действительно, может дойти до этого, если другого способа эффективных действий у нас не будет.

— Но вспомните, что Утакалтинг также призывал к терпению. — Она покачала головой. — Пожалуйста, сядьте, полковник Миллчемп. Слушайте все.

Я не намерена тратить в символическом жесте наши силы, пока не буду уверена, что это наша единственная возможность сопротивления врагу.

— Не забывайте: почти все человеческое население планеты — на островах, жизнь заложников зависит от противоядия губру. А на континенте

бедные покинутые шимпы.

Офицеры сидели, понурив головы.

«Они недовольны, — подумала Меган. — И я не могу винить их».

Когда война назревала и они планировали способы сопротивления вторжению, никто не думал о таком положении. Может быть, народ, лучше знакомый с данными Великой Библиотеки, владеющий древним галактическим искусством ведения войн, подготовился бы лучше. Тактика губру спутала все их скромные оборонительные планы.

Меган не стала называть главную причину, по которой воздерживается от такого жеста. Люди плохо разбираются в игре галактических протоколов. Удар, нанесенный для защиты чести, может испортить дело и оправдать более жестокие меры губру.

Какая ирония! Если Утакалтинг прав, то кризис был ускорен небольшим земным кораблем на другой стороне пяти галактик.

У землян поразительная способность создавать себе трудности. Здесь нет им равных.

Меган посмотрела на маленького шена с материка. Посланник Роберта, все еще в одеяле, подошел к столу. В его темных глазах светилась

тревога.

— Да, Петри? — спросила Меган.

Шимп поклонился.

— Мэм, врач настаивает на постельном режиме.

Она кивнула.

— Вот и хорошо, Петри. Конечно, позже мы расспросим тебя подробнее… зададим кое-какие вопросы. А сейчас тебе следует отдыхать.

Петри кивнул.

— Да, мэм, спасибо, но у меня к Вам кое-что еще. Я лучше скажу сейчас, пока не забыл.

— Да? Что же это?

Шимп неловко переминался. Взглянул на стоящих вокруг людей, потом снова на Меган.

— Это личное, мэм. Капитан Онигл просил меня запомнить и передать вам.

Меган улыбнулась.

— Хорошо. Прошу прощения.

Она вместе с Петри отошла в дальний конец комнаты. И здесь села, чтобы ее глаза оказались на уровне глаз маленького шимпа.

— Что же передал мне Роберт?

Петри моргнул. Взгляд его утратил сосредоточенность.

— Капитан Онигл велел сказать вам, что на

самом деле армию создает тимбрими Атаклена.

Меган кивнула. Это она уже поняла. Роберт может отыскивать новые ресурсы, новые глубины, но он никогда не был и никогда не станет лидером.

Петри продолжал.

— Капитан Онигл сказал: важно, чтобы тимбрими Атаклена имела законный почетный статус патрона в глазах наших шимпов. Опять Меган кивнула.

— Умно. Мы можем вынести такое решение и отправить на материк.

Но маленький шимп покачал головой.

— Мэм, мы не можем ждать этого. И поэтому я должен сказать вам…

Капитан Онигл и тимбрими Атаклена вступили в брак… Кажется, это называется так…

Он замолчал, потому что Меган встала, медленно повернулась к стене и прижалась лбом к прохладному камню.

«Проклятый мальчишка!» — подумалось сразу.

Но одновременно — и другое:

«Это единственное, что они могли сделать».

А ехидный внутренний голос добавил:

«Итак, теперь я свекровь».

Разумеется, от этого союза никаких внуков не

будет. Межрасовые браки заключаются с другой целью. Но возможны другие осложнения.

В комнате продолжалось обсуждение. Снова и снова собравшиеся перебирали варианты и опять, как в предыдущие месяцы, ни к чему не приходили.

«О, если бы Утакалтинг добрался сюда, — подумала Меган. — Нам необходимы его опыт, его сдержанная мудрость и юмор. Мы могли бы с ним разговаривать, как раньше. И, может быть, он объяснил бы мне, почему матери бывает так одиноко».

Она призналась себе, что ей не хватает посла тимбрими. Не хватает больше, чем трех мужей, и даже больше, да простит ее Господь, чем собственного странного сына.

Глава 51
УТАКАЛТИНГ

Забавно было смотреть, как Каулт играет с эн-белкой, туземным животным южных равнин. Он приманивал маленького зверька спелыми орехами.

Каулт занимался этим целый час, пока они пережидали полуденную жару в тени густых

зарослей колючей куманики.

Утакалтинга поражало это зрелище. Вселенная не уставала удивлять его.

Даже неповоротливый, прямолинейный Каулт — постоянный источник развлечений.

Нервно вздрагивая, эн-белка набралась храбрости, прыгнула в сторону огромного теннанинца и протянула лапы за орехом.

Поразительно. Как это удается Каулту?

Утакалтинг отдыхал в сырой и теплой тени. Он не узнавал растительность тут, на плоскогорье, выходящем на эстуарий, где сел их корабль, но чувствовал, что все сильнее привыкает к запахам, ритмам, мягкому потоку боли повседневной жизни, который течет по этой обманчиво спокойной поляне.

Корона приносила прикосновения мелких хищников, пережидающих дневную жару; скоро они возобновят охоту за своей мелкой добычей. Конечно, крупных животных здесь нет, но Утакалтинг кеннировал стаю инсектоидов-землекопов, которые пересеивают поблизости почву в поисках корма для своей царицы.

Разрываясь между осторожностью и жадностью, маленькая эн-белка напряженно приблизилась и взяла угощение с руки Каулта.

«Странно. Они вроде бы не способны на это». Утакалтинг поражался, как эн-белка может довериться теннанинцу, такому огромному, устрашающему и сильному.

Здесь, на Гарте, после катастрофы бурурал-ли жизнь нервная, пугливая, параноидальная. Смертный покров бурурал-ли висит над этой степью далеко к востоку и югу от Мулунских гор.

Каулт не может успокоить эн-белку, как это сделал бы тимбрими, — пением глифов в мягких тонах эмпатии. У теннанинца пси-способностей не больше, чем у булыжника.

Но Каулт заговорил на своем, богатом интонациями галактическом диалекте. Утакалтинг прислушался.

— Знаю тебя… вид-звук-образ… сущность предназначения твоего?

Пронесешь свои… гены-сущность-судьбу… судьбу твоих звездных потомков?

Эн-белка с набитыми щеками вздрогнула. Она казалась загипнотизированной. Гребень Каулта раздувался и опадал, дыхательные щели раздвигались с каждым влажным выдохом. Теннанинец не может общаться с животным, как Утакалтинг. И тем не менее эн-белка как будто поняла любовь Каулта.

«Забавно», — подумал Утакалтинг. Тимбрими живут в потоке вечной музыки жизни, но он не может отождествиться с этим маленьким животным. В конце концов, оно одно из миллионов. К чему думать именно об этой особи?

А вот Каулт любит это существо. Лишенный эмпатии, не способный установить непосредственную связь живого с живым, он любит его исключительно на абстрактном уровне. Любит то, что представляет это маленькое создание, любит его потенциал.

«Многие люди по-прежнему утверждают, что можно обладать эмпатией без пси-способностей», — размышлял Утакалтинг. Древняя метафора описывает это, как «оказаться в чужой шкуре». Утакалтинг всегда считал это одной из причудливых идей человечества до Контакта, но сейчас он уже в этом не уверен. Может быть, люди находятся на полпути между тимбрими и теннанинцами в умении отождествить себя с другим.

Народ Каулта страстно верит в возвышение, в возможность для самых разнообразных форм жизни достичь со временем разума. Так миллиарды лет назад утверждали утраченные Прародители галактической культуры, и клан

теннанинцев совершенно серьезно к этому относится. Их бескомпромиссный фанатизм восхищает. Временами, как в этом галактическом кризисе, он делает теннанинцев чрезвычайно опасными.

Но сейчас Утакалтинг рассчитывает сыграть на этой черте и привлечь теннанинцев к осуществлению своего плана.

Эн-белка схватила с раскрытой ладони Каулта последний орех и решила, что с нее достаточно. Взмахнув своим веерообразным хвостом, она скрылась в зарослях. Каулт повернулся и посмотрел на Утакалтинга, его дыхательные щели продолжали дрожать.

— Я изучал генетические отчеты земных экологов, — сказал теннанинский консул. — У этой планеты всего несколько тысячелетий назад имелся внушительный потенциал. Ее не следовало передавать буруралли. Утрата жизненных форм Гарта была ужасной трагедией.

— И нагалли наказали за то, что совершили их клиенты? — спросил Утакалтинг, хотя и знал ответ.

— Да. Их низвели до статуса клиентов и передали одному из старших и ответственных кланов патронов. Кстати, моему собственному. Очень

печальный случай.

— Почему?

— Потому что в сущности нагалли очень зрелый и изысканный народ. Они просто не поняли, что в обращении с хищниками требуется некая осторожность, и допустили ужасную ошибку со своими клиентами-бураралли. Но ошибку допустили не только они. Часть вины лежит на галактическом Институте возвышения.

Утакалтинг сдержал улыбку в человеческом стиле. Вместо этого над его короной появился слабый глиф, невидимый Каулту.

— Может быть, хорошие новости с Гарта помогут нагалли? — спросил он.

— Несомненно. — Каулт раздувающимся гребнем проделал эквивалент пожатия плечами. — Мы, теннанинцы, никак не были связаны с нагалли, когда произошла катастрофа, но это положение изменилось, когда их передали под нашу опеку. И теперь наш клан отвечает за эту израненную планету и направил сюда консула. Необходима уверенность, что земляне не причинят еще большего вреда этому несчастному миру.

— А на самом деле?

Каулт закрыл глаза и снова открыл их.

— Что на самом деле?

— Земляне здесь не причинили вреда?

Каулт снова раздул гребень.

— Нет. Мы можем воевать с ними, но у меня нет к ним никаких претензий. Их программа экологической помощи просто выдающаяся.

— Напротив, о деятельности губру на планете я намерен представить отчет.

Утакалтингу показалось, что он понимает Каулта. Они видели признаки краха программы по восстановлению экологии. Два дня назад они миновали восстановительную станцию, теперь опустевшую, с ржавеющими заборщиками образцов и клетками. Пробы наследственного вещества испортились, когда вышли из строя холодильники.

Нашли они и отчаянную записку. Шимп, помощник эколога станции, решил оставить свой пост, чтобы помочь коллеге-человеку. Иначе тот не выдержит долгого пути на побережье за противоядием от газа принуждения.

Утакалтинг гадал, добрались ли они. Очевидно, вся станция отравлена.

Ближайший форпост цивилизации очень далеко отсюда, даже если добираться на судне на воздушной подушке.

Губру оставили станцию без присмотра.

— Если аналогичная ситуация повсюду, мы должны задокументировать это, — сказал Каулт. — Я рад, что убедил тебя идти назад, к населенным районам, чтобы мы могли собрать больше свидетельств таких преступлений.

На этот раз Утакалтинг улыбнулся тому, какие слова выбрал Каулт.

— Вероятно, мы обнаружим немало интересного, — согласился он.

Когда солнце — Гимельхай — отклонилось от пылающего зенита, они возобновили путь.

Равнины к юго-востоку от Мулунского хребта расстилаются, как волнистое, застывшее море, прочное, как земная кора. В отличие от долины Синда и открытых степей по другую сторону гор, здесь не встречалось признаков животной и растительной жизни, завезенной с Земли экологами.

Только туземные обитатели Гарта.

«Опустевшие ниши».

Утакалтинг ощущал скудость местных видов как зияющие пустоты в ауре этой земли. Метафора, пришедшая в голову, нарисовала музыкальный инструмент, у которого не хватает половины струн.

«Да, подходит. Поэтически соответствует». Он надеялся, что Атаклена не теряет времени и изучает человеческое мироощущение.

Глубоко, на уровне нахакиери, он видел свою дочь прошлой ночью во сне. Видел, как ее корона тянется, кеннирует угрожающую, пугающую красоту тутсунуканна. Утакалтинг проснулся вопреки своему желанию, весь дрожа, словно инстинкт заставил его бежать от этого глифа.

Хотя через этот тутсунуканн он мог больше узнать об Атаклене, как она живет и что делает. Но глиф только блеснул — сущность ужасающего предчувствия — и по его блеску Утакалтинг понял только, что его дочь жива. Ничего больше.

«Пока и этого достаточно».

Каулт нес большую часть их припасов. Рослый теннанинец шел размеренно, за ним нетрудно поспеть. Утакалтинг сдержал изменения, которые помогли бы ему легче переносить дорогу, но за которые потом пришлось бы расплачиваться слишком дорого. Он шел раскованной походкой, широко раздувая ноздри. Это помогает удержать вечную пыль.

Впереди, на их пути к далеким красноватым горам, появился ручей, текущий меж лесистых холмов. Утакалтинг сверился с компасом и по-

думал, что холмы кажутся ему знакомыми. Он пожалел, что инерциальный указатель направления разбился при крушении. Если бы он был уверен…

«Вот!» Он мигнул. Показалось, или он действительно видел слабую голубую вспышку?

— Каулт.

Теннанинец остановился.

— Ммм? — Он повернулся к Утакалтингу. — Ты что-то сказал, коллега?

— Каулт, я думаю, мы должны идти в эту сторону. Доберемся до холмов и разобьем лагерь до наступления темноты.

— Ммм. Это немного в стороне от нашей дороги. — Каулт раздувал свои щели. — Ну хорошо, я тебе доверяю. — И, не откладывая, повернул и двинулся в сторону трех холмов с зелеными вершинами.

За час до заката они подошли к ручью и принялись устраиваться на ночлег. Пока Каулт воздвигал их маскировочное убежище, Утакалтинг проверял мягкие красноватые продолговатые плоды ближайших деревьев. Его портативный прибор показывал, что они съедобны. У них оказался сладковатый острый вкус.

Семена, впрочем, были жесткими, заключен-

ными в прочную кожуру. Такая оболочка должна выдержать действие желудочных соков. Семя пройдет через пищеварительную систему животного и попадет в почву с экскрементами. На многих планетах таким способом размножаются плодовые деревья.

Вероятно, когда-то крупные всеядные животные питались плодами таких деревьев и далеко разносили их семена. Если они взбирались на деревья за плодами, значит, у них имелось какое-то подобие рук. Возможно даже, эти животные обладали Потенциалом. Когда-нибудь они могли бы стать предразумными, влиться в цикл возвышения и постепенно превратиться в разумных.

Но все это кончилось с приходом бурурали. Вымерли не только крупные животные. Теперь семена плодовых деревьев падают рядом с родителями.

Прочная кожура, которая должна была подвергнуться воздействию желудочного сока животных-симбионтов, не дает семенам прорасти. А те ростки, которые все же поднимаются, чахнут в тени.

Тут должен шуметь лес, а осталось всего несколько деревьев. «Туда ли мы попали?» — думал Утакалтинг. Слишком мало заметных

ориентиров на этой холмистой равнине. Он осмотрелся, но синих вспышек больше не увидел.

Каулт сидел в убежище и через дыхательные щели негромко и немузыкально насвистывал. Утакалтинг положил перед теннанинцем гору плодов и снова пошел к журчащей воде. Ручей перекатывался через груду полупрозрачных камней, окрашенных закатом в красноватый оттенок.

Здесь Утакалтинг нашел артефакт.

Он наклонился и поднял его. Осмотрел.

Кремневый сланец, его тут много, но этот кусок оббит, обработан, с острыми краями, с тупым закругленным концом, чтобы удобнее держать…

Корона Утакалтинга дрогнула. Снова возник луррунану, повис меж серебряных нитей. Глиф медленно поворачивался, Утакалтинг вертел камень в руке, разглядывая примитивное орудие, а луррунану смотрел на Каулта, который по-прежнему насвистывал, поднимаясь по склону холма.

Глиф напрягся и устремился к теннанинцу.

«Каменные орудия, наряду с другими признаками присутствия предразумных», — размышлял Утакалтинг. Он просил Атаклену понаблюдать, потому что ходили слухи… рассказы о том, что

видели в далеких степях на Гарте…

— Утакалтинг!

Он повернулся, пряча за спиной каменное орудие, и посмотрел на могучего теннанинца.

— Да, Каулт?

— Я… — Каулт неуверенно смолк. — Метах кайми б'твуил'пф… — Я… — Он покачал головой, закрыл и снова открыл глаза. — Я думаю, проверил ли ты эти плоды и для меня, а не только для себя?

Утакалтинг вздохнул.

«Неужели теннанинцы напрочь лишены любопытства?!» Он незаметно выпустил каменное орудие, и оно упало назад в ручей, где Утакалтинг нашел его.

— Да, коллега. Они пригодны для еды, если ты не забудешь принять дополнения.

И он присоединился к своему спутнику. В опустившейся темноте, при свете далеких галактик они поужинали, не разжигая костра.

Глава 52
АТАКЛЕНА

Гориллы перевалили через острый край узкого каньона, спустились вниз по лианам. Минова-

ли дымящиеся ущелья, где недавние взрывы разорвали укрепление. Осыпи по-прежнему опасны. Тем не менее гориллы торопились. По пути вниз они проходили через сверкающие радуги. Крошечные капельки воды блестели на шерсти горилл.

Ужасный рев сопровождал их спуск, эхом отражаясь от стен и поглощая их тяжелое дыхание. Он затмил шум битвы, смягчил гром смерти, которая бушевала всего несколько минут назад. У водопада объявился соперник по грохоту, но ненадолго. Там, где раньше ревущий поток обрушивался на гладкие камни, теперь лежали остатки металла и полимеров. Атаклена наблюдала с вершины нависающего утеса.

— Не нужно, чтобы они знали, как мы это проделали, — сказала она Бенджамину.

— Нити, которые мы привязали под обвалом, должны распасться. За несколько часов их вымоет, сэр. Когда придет группа спасателей врага, они не смогут понять, к какой уловке мы прибегли.

Они наблюдали, как гориллы присоединились к группе солдат-шимпов, которые ковырялись в остатках трех танков губру на воздушной подушке.

Убедившись, что все чисто, повесили на спины

самострелы и начали снимать с танков оборудование. По их указаниям гориллы поднимали камни и броневые плиты.

Вражеский патруль пришел по запаху добычи. Приборы подсказали губру, что кто-то прячется за водопадом. И действительно, это превосходное и подходящее укрытие — такой барьер обычными средствами не пробьешь. Но вспыхнули специальные резонансные сканеры, показывая, что там земляне, с их предательской технологией.

Чтобы захватить прячущихся врасплох, танки спустились в каньон, под прикрытием летающих роботов, готовых к схватке.

Но за водопадом не оказалось землян вообще. Только мотки тонкой, как паутина, проволоки.

И шнур, ведущий к заряду.

И еще — размещенные в углублении — несколько сот килограммов самодельного нитроглицерина.

Водяные брызги смыли пыль, поток унес мириады крошечных обломков. Но основная часть ударной силы губру оставалась на месте, там, где ее застали взрывы, обрушившие нависающие утесы и пролившие дождь из черного вулканического камня. Атаклена видела, как из разбитого корпуса выбрался шимп, крикнул и

поднял маленький смертоносный снаряд губру. И скоро горы оружия губру перекочевали в мешки ожидающих горилл. Большие предразумные стали подниматься в облаках брызг. Атаклена разглядывала сквозь листву клочки неба. Через несколько минут здесь могут появиться вражеские истребители. К этому времени партизаны должны скрыться, иначе их ждет судьба бедных шимпов, восставших на прошлой неделе в долине Синда.

Несколько уцелевших беглецов добрались до гор. Фибена Болджера среди них не оказалось. Не появился и посыльный с обещанными записями Гайлет Джонс. Из-за отсутствия информации Атаклена могла лишь приблизительно определить, сколько времени потребуется губру, чтобы предотвратить новую засаду.

— Время, Бенджамин. — Атаклена многозначительно взглянула на часы.

Ее помощник кивнул.

— Пойду потороплю их, сэр. — Он скользнул к соседнему сигнальщику.

Молодая шимми замахала флажками.

На краю обрыва из влажной блестящей травы появлялись все новые шимпы и гориллы. Шимпы, разбиравшие танки, выходили из прорытого

водой каньона, они улыбались Атаклене и вели своих рослых родичей по тайной тропе через лес.

Атаклене не требуется уговаривать кого-то. Она теперь почетный землянин. Даже те, кто раньше был недоволен, получая «приказы от ити», повинуется ей охотно и быстро.

Какая ирония! Подписав документ, который сделал их супругами, Атаклена и Роберт добились лишь того, что стали гораздо реже видеться. Ей больше не требовался его авторитет — авторитет единственного человека, и поэтому она предоставила ему свободу действий.

«Жаль, что я раньше не уделяла внимания подобным проблемам», — думала она. Атаклена не очень хорошо представляла себе последствия документа, который они подписали при свидетелях. Межрасовые браки обычно заключаются для удобства по каким-либо официальным причинам. Например, деловые партнеры могут «вступить в брак», хотя относятся к совершенно различным генетическим линиям. Рептилоид би-гле может заключить брачный союз с покрытым хитином ф'рутианином. Никто не ждет от таких браков потомства, но принято считать, что партнеры ценят общество друг друга.

Вся эта история казалась Атаклене забавной. Теперь у нее в некотором смысле есть «муж».

Но его здесь нет.

«Так было с Матиклуанной все эти долгие одинокие годы», — думала Атаклена, трогая медальон, висящий у нее на шее. Здесь к нити ее матери присоединилась нить короны Утакалтинга. Может быть, духи их лайлаклаптн'а переплетаются здесь, как соединялись в жизни.

«Кажется, сейчас я начинаю понимать то, чего никогда раньше не понимала в их отношениях», — думала Атаклена.

— Сэр?.. Э-э… мэм?

Атаклена моргнула и подняла голову. На тропе, где одна из вездесущих лиан опускалась к пруду с красноватой водой, махал Бенджамин. В просвете зарослей техник-шимми настраивала сложный прибор.

Атаклена подошла.

— Вести от Роберта?

— Да, сэр, — сказала шимми. — Я определенно принимаю следы одного из химикатов, которые он захватил с собой.

— Какого именно? — напряженно спросила Атаклена.

Шимми улыбнулась.

— С левосторонней адениновой спиралью. С той самой, что по нашей договоренности означает победу.

Атаклена облегченно вздохнула. Итак, группа Роберта тоже добилась успеха. Ей предстояло напасть на небольшой наблюдательный пункт врага, к северу от прохода Лорне. Вчера она должна была встретиться с противником.

Две первые небольшие удачи за много дней. Такими темпами они покончат с губру, скажем, за миллион лет или около этого.

— Ответьте, что мы тоже действовали успешно.

Бенджамин улыбнулся, передавая сигнальщику флакон с чистой жидкостью, которую затем вылили в пруд. Через несколько часов помеченные молекулы можно будет обнаружить за много миль отсюда. Завтра, вероятно, сигнальщик Роберта доложит о полученном сообщении.

Конечно, медленный метод. Но Атаклена считала, что губру понятия о нем не имеют — по крайней мере пока.

— Разборка закончена, генерал. Нам пора уходить.

Атаклена кивнула.

— Да. Уходим, Бенджамин.

Через минуту они бежали по зеленой тропе к дому. Немного погодя деревья вокруг задрожали, послышался гром. На несколько мгновений звуки мести раздраженного противника перекрыли гул водопада.

«Слишком поздно», — презрительно бросила Атаклена истребителям врага.

«На этот раз».

Глава 53
РОБЕРТ

Противник начал использовать более совершенных роботов. И на сей раз лишние траты спасли губру от уничтожения.

Пострадавший патруль птицеподобных отступил сквозь густые джунгли, поливая огнем все вокруг. Деревья разлетались, прочные лианы извивались, как черви под ударом лопаты. Танки на воздушной подушке продолжали стрелять, пока не оказались на открытом месте, где могут приземляться тяжелые машины. Здесь оставшиеся танки образовали круг стволами наружу и продолжали поливать огнем во все стороны.

Роберт видел, как группа шимпов подошла слишком близко со своими ручными катапуль-

тами и химическими гранатами. Шимпы были захвачены среди взрывающихся деревьев, их скосил град осколков, разорвали в клочья непрерывные вспышки.

Роберт жестом приказал всем группам отступать поодиночке. Сейчас с этим конвоем ничего нельзя сделать, тем более что подкрепление уже в пути.

Его телохранители, вооруженные трофейными сабельными ружьями, шли впереди и по бокам от него.

Роберт терпеть не мог эту сеть охраны, которую накинули на него шимпы; они не пустили его к месту засады, пока была хоть какая-то опасность. Но и с этим он ничего не может сделать. К тому же они правы, черт побери. Клиенты должны защищать своих патронов как индивидуумов — а патроны, в свою очередь, защищают клиентов как вид.

Атаклена, похоже, лучше справляется с такими проблемами. Она из народа, который сразу воспринимал свое положение именно так. «К тому же, — признал Роберт, — она не думает о мужском превосходстве». Одна из его трудностей в том, что ему редко приходится видеть врага, соприкасаться с ним. А ему так хочется коснуться

губру.

Отход успешно завершился, прежде чем небо заполнилось боевыми кораблями чужаков. Отряд разбился на небольшие группы, которые вернулись в разбросанные убежища и будут ждать нового сигнала сбора, который придет по лесной сети. Только группа Роберта возвращалась в горы, где расположена штабная пещера.

Для этого потребовалось совершить далекий обход, потому что они находились к востоку от Мулунских гор, а враг расположил на нескольких вершинах свои посты, которые легко снабжались по воздуху и располагали мощным космическим вооружением. Один из таких постов находится на прямой дороге домой, поэтому разведчики-шимпы провели Роберта по заросшим джунглями ущельям к северу от прохода Лорне.

Повсюду висели лианы. Это отличный, но медленный способ спуска, поэтому у Роберта оказалось много времени для размышлений. В основном его занимала мысль: зачем вообще губру пришли в эти горы.

Отчасти он был рад их вторжению, потому что силы сопротивления могли наносить удары. В противном случае нерегулярная армия ничего бы не сделала с врагом, вооруженным до зубов. Но

для чего губру возятся со слабым партизанским движением в горах Мулуна, когда они прочно держат в руках всю планету? Может, есть какая-то символическая причина, древняя галактическая традиция расправляться с повстанцами?

Но даже это не объясняет присутствия большого количества штатских в горах. Губру направляют в Мулун множество ученых, которые что-то ищут.

Роберт узнал местность, дал сигнал остановиться.

— Не проведать ли нам горилл? — сказал он.

Его лейтенант, очкастая, средних лет шимми по имени Элси, нахмурилась и с сомнением посмотрела на него.

— Газботы врага постоянно безо всякой причины заливают этот район, сэр. И не по расписанию. Мы успокоимся, только когда вы окажетесь в пещере.

Роберту не хотелось в убежище, к тому же Атаклена не вернется туда еще несколько дней. Он сверился с компасом и картой.

— Убежище всего в нескольких милях от нашей тропы. К тому же я знаю вас, шимпов из Хаулеттс-Центра. Вы прячете своих драгоценных горилл в местах понадежнее, чем эти пещеры.

Он загнал ее в угол, и Элси поняла это. Она зало-

жила пальцы в рот и коротко свистнула, посылая разведчиков в юго-западном направлении. Те устремились по вершинам деревьев. Несмотря на пересеченную местность, Роберт в основном передвигался по земле. Он не мог прыгать по веткам милю за милей, как шимпанзе. Люди не приспособлены для этого.

Они перебрались на другую сторону каньона — всего лишь трещины в гигантском каменном утесе. Внизу, в узком ущелье, клубился густой туман, разноцветный под лучами утреннего солнца. Мелькали радуги, а однажды, когда солнце оказалось сзади и над ними, Роберт увидел собственную тень, окруженную тройным радужным ореолом, как у святых на древних иконах.

Это нимб — необыкновенно удачное слово для прекрасной обращенной на сто восемьдесят градусов радуги над туманным ландшафтом, согревающее сердца и грешников, и праведников. «Если бы я не был атеистом, — подумал Роберт, — то, не зная природы этого явления, мог бы принять его за знамение».

Он вздохнул. Призрак рассеялся, прежде чем он повернул голову.

Роберту случалось завидовать своим предкам, жившим во мраке невежества до двадцать пер-

вого столетия и большую часть своей жизни пытавшимся объяснить мир, чтобы заполнить зияющие провалы своего незнания.

Тогда можно было поверить во что угодно.

Простые, замечательно элегантные объяснения человеческого поведения — по-видимому, неважно, верны они или нет, пока толпа считает их правильными. «Партийная линия», многочисленные теории мирового заговора…

Можно уверовать даже в собственную святость, если угодно. И никто не докажет тебе, не даст ясных экспериментальных доказательств, что нет легких ответов, нет волшебных пуль, нет философского камня, а есть только скучный рационализм.

Каким ограниченным кажется Золотой Век! Не больше ста лет отделяет Тьму от Контакта с галактическим сообществом. Меньше ста лет Земля жила без войн.

«А теперь посмотрите на нас, — думал Роберт. — Интересно, в заговоре ли Вселенная против нас? Мы наконец выросли, достигли согласия с самими собой… и вышли к звездам… которыми уже владеют безумные чудовища».

«Нет, — поправился он. — Не все там чудовища». В сущности, большинство галактических

кланов вполне приличная публика. Но не дают спокойно жить фанатики — и в земном прошлом, и в галактике сегодня.

«Наверно, золотые века просто не могут длиться долго».

Как странно распространяется звук в этих тесных скалистых ущельях, заросших лианами. Иногда кажется, что весь мир погрузился в тишину, как будто столбы света — плотная обивка, поглощающая любой шорох. Но в следующее мгновение Роберт мог услышать обрывок разговора, всего несколько слов. Каким-то чудом до него доносился шепот разведчиков, которые находятся в сотнях метров от него.

Он наблюдал за шимпами. Они по-прежнему нервничают, эти воины нерегулярной армии, которые еще несколько месяцев назад были фермерами, шахтерами и работниками далеких экологических станций. Но с каждым днем они становятся все уверенней, сплоченнее и решительнее.

«И свирепей», — подумал Роберт, глядя, как они перелетают с дерева на дерево. Есть что-то дикое и яростное в их движениях, в том, как они смотрят по сторонам, перепрыгивая с ветки на ветку. Казалось, одному шимпу не нужны слова,

чтобы знать, что делает другой. Негромкий звук, быстрый жест, гримаса — этого часто вполне достаточно.

Если не считать луков, стрел и самотканых патронташей, шимпы были обнажены. Приметы расслабляющей цивилизации — одежда из фабричных тканей и обувь — исчезли. А вместе с ними исчезли и многие иллюзии.

Роберт взглянул на себя: голоногий, в набедренной повязке, мокасинах, с рюкзаком из домотканой материи, в синяках, исцарапанный и крепнущий с каждым днем. Ногти у него грязные. Волосы спереди он срезал, а сзади перевязал. Заросший подбородок давно перестал зудеть.

«Некоторые ити считают, что люди тоже нуждаются в возвышении, что мы почти животные. — Роберт подскочил, ухватился за лиану, перелетел через колючие заросли и, пригнувшись, ловко опустился на упавшее дерево. — Это мнение очень распространено среди галактов. И кто я такой, чтобы отрицать его справедливость?»

Впереди какое-то движение. От дерева к дереву передавались сигналы языком глухонемых. Охранники, которые непосредственно отвечают за безопасность Роберта, показали, что нужно

обойти вдоль западного, наветренного склона каньона. Поднявшись на несколько метров, он понял причину. Несмотря на влагу, чувствовался затхлый сладковатый запах пыли принуждения, ржавого металла и смерти.

Скоро он добрался до места, откуда за небольшой долиной увидел узкий шрам, уже затягивающийся новой растительностью. Он кончался безликой кучей некогда блестящих механизмов, сейчас обожженных и разбитых. Шимпы переговаривались шепотом и жестами. Разведчики осторожно подошли и начали рыться в обломках, а остальные приготовили оружие и наблюдали за небом.

Роберту показалось, что он видит среди обломков кости, уже очищенные вечно голодными джунглями. Он не пытался подойти ближе, шимпы все равно не позволят, и ждал возвращения Элси с докладом.

— Они были перегружены, — сказала Элси, вертя в руках маленький черный полетный рекордер. Очевидно, чувства мешали ей говорить. — Несли слишком много людей в Порт-Хелению на следующий день после первого применения газа принуждения. Многие уже заболели, а это был их единственный транспорт. Флиттер не сумел

перевалить через ту вершину. — Она указала на затянутый туманом пик на юге. — Должно быть, десяток раз ударился о скалу, прежде чем упал здесь… Оставить несколько шимпов, сэр?

Для погребения?

Роберт переступил с ноги на ногу.

— Нет. Отметьте это место на карте. Я попрошу Атаклену сфотографировать его. Это свидетельство… А пока пусть Гарт возьмет у них все, что ему нужно. Я…

Он отвернулся. Не только шимпам трудно говорить в такие минуты.

Кивком он велел продолжать путь. Поднимаясь, он чувствовал, что мысли обжигают. Должен быть способ причинить врагу больший ущерб, чем до сих пор!

Несколько дней назад в темную безлунную ночь он наблюдал, как двенадцать тщательно отобранных шимпов спускались к укреплению губру. Они летели на самодельных, в буквальном смысле невидимых бумажных глайдерах.

Спустились, сбросили нитроглицериновые и газовые бомбы и улетели, прежде чем враг сумел разобраться в происходящем.

Потом были шум и дым, смятение и беготня — и никакой возможности оценить степень ущерба.

Тем не менее Роберт помнил свои ощущения, наблюдая со стороны. Он опытный пилот и лучше любого шимпа подготовлен для такого дела!

Но Атаклена отдала строгий приказ, и неошимпы его выполняли. Голова Роберта священна.

«Это моя вина», — казнился он, пробираясь через густые заросли.

Сделав Атаклену формально своей женой, он дал ей статус, необходимый для руководства этим небольшим восстанием… а также некоторую власть над собой. Теперь он не может поступать так, как хочет.

Итак, она теперь его жена. «Ну и брак!» — подумал Роберт. Атаклена продолжала менять свою внешность, все больше походя на человека, но это лишь раздражало Роберта, напоминая ему о том, чего она действительно не может. Несомненно, это одна из причин, по которым так редки межвидовые браки.

«Интересно, как отнеслась к этой новости Меган… Добрался ли мой посыльный?»

— Фсссст!

Роберт быстро посмотрел направо. На ветке дерева стояла Элси и показывала вверх. В разрывах тумана виднелись высокие облака, которые, словно прозрачные лодки, плыли по невиди-

мым слоям высокого давления в синем небе. Под облаками треугольная вершина, с которой поднимались столбы дыма.

— Гора Фосси, — кратко сообщила Элси. Роберт понял, что шимпы считают это место безопасным… достаточно безопасным для своих драгоценных горилл.

Вдоль берега моря Гилмор расположено несколько полудействующих вулканов. Но в немногих местах в Мулунских горах земля изредка дрожит.

Иногда выплескивается лава. Хребет продолжает расти.

Гора Фосси свистела. Пар конденсировался длинными змееобразными полосами вдоль геотермальных расселин, в которых собиралась горячая вода.

Изредка оттуда вздымались гейзеры.

Здесь отовсюду сползались вездесущие лианы; как огромные кабели, змеились они по бокам дремлющего вулкана. Здесь главная система прудов всего континента; отсюда редкие приповерхностные элементы поступают в лесную экосистему.

— Я мог бы и догадаться, — рассмеялся Роберт. Конечно, губру здесь вряд ли что-то обнаружат.

Несколько голых антропоидов на этих склонах теряются в жаре, дыму и смеси химикатов. А если захватчики все-таки явятся, гориллы и их опекуны просто растворятся в джунглях и вернутся после ухода оккупантов. — Чья это идея? — поинтересовался он, когда они шли под покровом леса. Все сильнее пахло серой.

— Генерала, — ответила Элси.

«Подходит». Роберт не сердился. Он знал, что Атаклена очень умна, даже для тимбрими, в то время как он сам не превосходит средний человеческий уровень.

— Почему мне об этом не сказали?

Элси выглядела смущенной.

— Э-э-э… вы никогда не спрашивали, сэр. Были слишком заняты экспериментами с оптическими волокнами. И…

Она замолчала.

— Что "и"? — настаивал Роберт.

Элси пожала плечами.

— И мы не были уверены, что рано или поздно вас не прихватит газом.

Тогда вам пришлось бы отправиться в город за противоядием, где Вам задавали бы вопросы, а может, и пси-сканировали бы.

Роберт закрыл глаза. Снова открыл. Кивнул.

— Ну хорошо. Я даже усомнился, доверяете ли вы мне.

— Сэр!

— Неважно. — Он махнул рукой. Решение Атклены опять оказалось правильным и логичным. Но ему хотелось как можно меньше думать об этом.

— Пойдем проведаем горилл.

Гориллы располагались небольшими семейными группами и были легко распознаваемы на расстоянии — гораздо крупнее, темнее, с более густой шерстью, чем их родственники неошимпанзе. С выражением мирной сосредоточенности на больших заостренных лицах, черных, как обсидиан, они ели, или перебирали друг другу шерсть, или выполняли свою главную работу — ткали, готовили ткани для войны.

Челноки летали над широкими деревянными станками, таща за собой нити, щелкали в ритм с негромкой песней рослых обезьян. Треск и низкое диссонирующее пение сопровождали Роберта, когда он со своим отрядом шел к центру убежища.

Время от времени ткачиха прекращала работу, откладывала челнок в сторону, и руки ее начинали метаться в жестах: она разговаривала

с соседкой. Роберт неплохо знал язык жестов, однако гориллы, по-видимому, говорили на каком-то диалекте, который сильно отличался от языка, которым пользуются дети-шимпы. Простой язык, да, но по-своему изящный, со своим особым стилем.

Это явно не просто большие шимпы, а совершенно особая раса, со своей многотрудной дорогой к разуму.

Каждая группа горилл состояла в основном из взрослых самок, детей, нескольких подростков и одного огромного, с серебристой шерстью самца.

Волосы главы семейства вдоль позвоночника и ребер поседели. Макушка лысая и внушительная. Специалисты по возвышению изменили общую позу горилл, но большие самцы по-прежнему при ходьбе опираются на руку. Огромная грудь и мощные плечи слишком тяжелы, чтобы передвигаться вертикально, на двух ногах.

Напротив, дети горилл легко передвигались на ногах. Лбы у них круглые, гладкие, без скошенности и заметных надбровных дуг, которые позже придадут им обманчиво свирепую внешность. Роберту показалось интересным, что дети всех трех видов: людей, шимпанзе и горилл — очень похожи. Только позже становятся заметными

различия в наследственности и судьбе.

«Неотения»[9], — подумал Роберт. Классическая теория периода до Контакта, которая скорее подтвердилась, чем была опровергнута. Она предполагает, что отчасти тайна разума заключается в сохранении детского восприятия мира как можно дольше.

Например, человек сохраняет мимику, приспособляемость и (когда его не подавляют) ненасытное любопытство юных антропоидов, даже повзрослев. Случайна ли эта особенность? Та самая, что позволила предразумному Homo habilis совершить считающийся невозможным прыжок — схватить самого себя за волосы и поднять к космическому разуму? Или это дар каких-то загадочных существ, которые, как считают некоторые, когда-то вмешались в человеческую генетику, гипотетических утраченных патронов человечества?

Все это догадки, но одно ясно — большинство земных млекопитающих по достижении половой зрелости утрачивают интерес к знаниям и игре. Но люди, дельфины — а теперь все больше и больше с каждым поколением и неошимпанзе

---

[9] notes: 9

способность некоторых земноводных и беспозвоночных достигать половой зрелости и размножаться на личиночной стадии развития

— сохраняют неподдельный интерес к миру, в который вступают.

Когда-нибудь и взрослые гориллы приобретут эту особенность. Уже и теперь они умнее и любопытнее своих невозделанных земных сородичей, и их потомки через всю жизнь пронесут приметы молодости.

«Конечно, если позволят галакты».

Детеныши горилл свободно бродили повсюду, суя носы во все дела. Их никогда не ругали и не шлепали, только осторожно отстраняли, когда они оказывались на пути, обычно с легким шлепком и ласковыми словами. Минуя одну группу, Роберт увидел в кустах седовласого самца, оседлавшего самку.

А три малыша в это время карабкались по его широкой спине и играли. Самец не обращал на них внимания. Закрыв глаза, он поднимался и опускался, выполняя свой долг перед видом.

Детеныши гурьбой сбежались к Роберту. Все они жевали обрывки какого-то пластика — видимо, нашли где-то и разорвали на куски. Дети смотрели на Роберта с любопытством и страхом. Один из них, не такой застенчивый, как остальные, помахал ему рукой. Роберт улыбнулся и поднял малыша.

Выше по склону, над цепью затянутых паром горячих источников, Роберт видел скользящие между деревьями коричневые фигуры.

— Молодые самцы, — объяснила Элси. — И те, кто уже слишком стар, чтобы быть отцом семейства. До вторжения планировщики Хаулеттс-Центра размышляли, стоит ли изменять семейную организацию горилл. Это их обычай, но он слишком жесток по отношению к бедным самцам. За несколько лет удовольствия и власти они потом расплачиваются годами одиночества. — Она покачала головой. — Мы не успели принять решения до прихода губру, а теперь, может быть, никогда не сможем.

Роберт воздержался от ответа. Ему не нравятся запретительные договоры, но все же то, что делала Элси и ее коллеги в Хаулеттс-Центре, вызывало у него сомнения. Слишком самонадеянно брать на себя такое решение. Он сомневался в благополучном исходе эксперимента.

Приближаясь к горячим источникам, он заметил множество шимпов, занятых различными делами. Один заглядывал в рот гориллы, в шесть раз тяжелее его; в руках у шимпа были инструменты дантиста. Другой терпеливо обучал языку жестов группу из десяти горилл.

— Сколько шимпов здесь работает?

— Доктор де Шрайвер из Центра и с десяток специалистов, которые и там с ней работали, еще два десятка охранников и добровольцев из ближайших поселков. Иногда мы привлекаем горилл к военным действиям.

— Как их здесь кормят? — спросил Роберт, когда они спускались к одному источнику. Шимпы из их свиты уже находились там, отдыхали на берегу, прихлебывая суп из чашек. В небольшой пещере поблизости. В ней один из местных работников, в переднике, поварешкой наливает суп всем желающим.

— Это сложная проблема, — кивнула Элси. — У горилл нежное пищеварение, здесь трудно сбалансировать их рацион. Даже в заповедниках Африки самцу необходимо шестьдесят фунтов зелени, фруктов и насекомых в день. В природных условиях гориллы постоянно передвигаются, чтобы добыть пищу, но здесь мы не можем это позволить.

Роберт опустился на влажный камень и выпустил детеныша гориллы, который спустился к воде, по-прежнему жуя кусок пластика.

— Похоже, положение здесь трудное, — сказал Роберт Элси.

— Да. К счастью, доктор Шульц только в этом году решил проблему. Я рада, что судьба вознаградила его перед смертью.

Роберт снял мокасины. Вода кажется горячей. Он опустил большой палец и тут же отдернул ногу.

— Ух! Как он это сделал?

— Прошу прощения?

— Какое решение нашел доктор Шульц?

— Микробиология, сэр. — Элси неожиданно подняла голову, глаза ее блестели. — А вот и суп для нас!

Роберт взял чашку из рук шимми в переднике из ткани, сотканной гориллами. Шимми хромала. Роберт подумал, что, возможно, это боевая рана.

— Спасибо, — сказал он, вдыхая аппетитный запах. До сих пор он не сознавал, насколько проголодался. — Элси, а что это значит: микробиология?

Она изящно отпила из чашки.

— Кишечные бактерии, симбионты. Они есть у всех. Крошечные существа, живущие в кишечнике и полости рта, в основном безвредные спутники. Они помогают нам переваривать пищу, оплачивая бесплатное убежище.

— Ага. — Конечно, Роберт знал о биосимбион-

тах. Любой школьник о них знает.

— Доктору Шульцу удалось вывести разновидности, которые помогают гориллам усваивать… с удовольствием… туземную растительность Гарта, Они…

Ее прервал высокий крик, на который не способна ни одна обезьяна.

— Роберт! — кричал кто-то.

Роберт поднял голову и улыбнулся.

— Эприл. Маленькая Эприл Ву. Как дела, Солнышко?

Девочка была одета как Шина, девушка джунглей. Она ехала на плече подростка гориллы с терпеливым мягким взглядом. Наклонившись, Эприл быстро сделала несколько знаков руками. Горилла выпустила ее ноги, и девочка встала у нее на плече, держась за голову. Ее носильщик неуверенно переминался.

— Лови меня, Роберт!

Роберт торопливо вскочил. Прежде чем он успел что-нибудь сказать, остановить ее, она прыгнула и полетела, размахивая руками, с развевающимися волосами. Роберт схватил ее за ноги, и, пока он не перехватил покрепче, сердце у него билось быстрее, чем во время битвы в горах.

Он знал, что девочку ради безопасности держат

с гориллами. И, к своему огорчению, понял, как был занят после ранения, что даже не вспоминал об этом ребенке, единственном, кроме него, человеке в горах.

— Привет, Тыквочка! — сказал он. — Как дела? Хорошо ли ты заботишься о риллах?

Она серьезно кивнула.

— Я обязана заботиться о них, Роберт. Мы должны о них заботиться, потому что мы здесь старшие.

Роберт обнял ее, на мгновение почувствовав бескрайнее одиночество.

Только сейчас он понял, как не хватает ему человеческого общества.

— Да. Здесь только мы с тобой, — негромко ответил он.

— Ты, я и тимбрими Атаклена, — напомнила девочка.

Он встретился с ней взглядом.

— Но ты ведь слушаешься доктора де Шрайвер?

Она кивнула.

— Доктор де Шрайвер хорошая. Она говорит, что, может, я скоро встречусь с папой и мамой.

Роберт поморщился. Придется поговорить с доктором. Нельзя обманывать детей. Старшая

шимми, вероятно, просто не может сказать девочке правду: та долго еще будет находиться на ее попечении. Отправить ее сейчас в Порт-Хелению означало бы выдать тайну горилл, а это даже Атаклена намерена предотвратить.

— Опусти меня туда, Роберт, — потребовала Эприл с улыбкой и указала на плоский камень, где детеныш гориллы прыгал перед отрядом Роберта. Шимпы снисходительно смеялись над проделками малыша. Роберт понимал их покровительственное отношение. Очень молодая раса клиентов, естественно, должна испытывать такие чувства по отношению к еще более юной. К гориллам шимпы относились как собственники, родители.

Роберт, в свою очередь, ощущал себя отцом, которому предстоит неприятный разговор с детьми. Им придется объяснить, что щенок не всегда будет принадлежать им.

Он перенес Эприл на другой берег и опустил ее. Вода здесь не такая горячая, она просто восхитительная. Сбросив мокасины, он опустил ноги в щекочущее тепло.

Эприл и детеныш гориллы прижались к Роберту с обеих сторон, поставив локти ему на колени. Дальше сидела Элси. Минутная идиллическая

картина.

Если бы каким-то чудом из воды высунулась улыбающаяся морда неодельфина, получился бы отличный семейный портрет.

— Эй, что у тебя во рту? — Роберт протянул руку к маленькой горилле, которая сразу же отпрыгнула и смотрела на него широко раскрытыми любопытными глазами.

— Что он жует? — спросил Роберт у Элси.

— Похоже на полоску пластика. Но… но как она здесь оказалась? Тут не должно быть ничего, изготовленного вне Гарта.

— Она сделана не на Гарте, — сказал кто-то. Они подняли головы. Голос принадлежал шимми, которая разливала суп. Улыбнувшись, она вытерла руки о передник и взяла детеныша гориллы. Тот без сопротивления отдал ей полоску.

— Все малыши жуют такие. В них нет ничего, что пахло бы для детекторов губру земным.

Элси и Роберт обменялись изумленными взглядами.

— Откуда ты знаешь? Что это за материал?

Шимми дразнила детеныша, размахивая перед его лицом пластиком, пока тот не поймал его и снова не сунул в рот.

— Взрослые гориллы принесли эти куски из

нашей первой удачной засады, еще у Хаулеттс-Центра, и сказали, что это «хороший запах». А теперь детеныши жуют все время.

Она улыбнулась.

— Это суперпластиковая обшивка боевых машин губру из пуленепробиваемого материала.

Роберт и Элси удивленно смотрели.

— Эй, Конга, — заворковала шимми, обращаясь к маленькой горилле. — Броню ты уже пожевал, что скажешь насчет чего-нибудь повкуснее? Не хочешь ли попробовать город? Скажем, Нью-Йорк?

Ребенок выпустил измусоленную мокрую ленточку и широко зевнул, показав острые блестящие зубы.

Шимми улыбнулась.

— Ха! Мне кажется, маленькому Кинг-Конгу эта мысль понравилась.

Глава 54
ФИБЕН

— Стой спокойно, — сказал Фибен Гайлет, запустив пальцы в ее шерсть.

Он мог бы и не предупреждать. Хотя Гайлет отвернулась, подставив ему спину, он знал, что

на лице ее нескрываемое блаженство. Он расчесывал ей шерсть. Когда она такая спокойная, расслабленная и радуется простым земным радостям, ее обычно строгое лицо преображается.

К несчастью, это длилось только минуту. Глаз Фибена уловил легкое движение, и он инстинктивно устремился к нему, прежде чем оно исчезло в тонкой шерсти.

— Ой! — воскликнула Гайлет, когда он прихватил вместе с маленькой уворачивающейся вошью кусочек кожи. Загремев цепями, Гайлет переступила с ноги на ногу. — Что ты делаешь?

— Ем, — ответил он, сжимая насекомое зубами. Даже тут оно не перестало корчиться.

— Лжешь, — неуверенно сказала Гайлет.

— Показать?

Она вздрогнула.

— Неважно. Продолжай.

Он выплюнул мертвую вошь. Учитывая, как их кормят, мог бы и использовать протеин. Он тысячи раз участвовал во взаимном расчесывании с другими шимпами: с друзьями, соучениками, с семейством Тропов на острове Гилмор, но никогда раньше не понимал так отчетливо причины возникновения этого ритуала, наследия древних джунглей избавления другого шимпа от парази-

тов. Он надеялся, что Гайлет не будет слишком привередлива и проделает то же самое с ним. После двух недель сна на соломе все тело ужасно чешется.

Руки болели. Ему приходилось вытягивать их, чтобы дотянуться до Гайлет, потому что они прикованы к разным стенам каменного помещения. Он едва доставал до нее.

— Ну, вот, — сказал он, — я почти закончил. В тех местах, где ты мне разрешила. Не могу поверить, что шимми, всего несколько месяцев назад предлагавшая мне «розовую», такая скромница.

Гайлет только фыркнула, не снисходя до ответа. Вчера, когда предатели-шимпы привели Фибена сюда из другой камеры, она, вероятно, обрадовалась. Долгие дни в одиночках заставили их радоваться друг другу как родным.

Но теперь она, по-видимому, снова недовольна всем, что делает Фибен.

— Еще немного, — сказала она. — Повыше и слева.

— Щипать, щипать, щипать, — мысленно приказал себе Фибен. Но послушался. Шимпам необходимо касаться друг друга. В этом они нуждаются больше своих патронов-людей. Те иногда держатся за руки в общественных местах, но и

только. Фибену было настолько приятно после долгого перерыва расчесывать кого-то, как будто бы это проделывали с ним самим.

В колледже он читал, что некогда у людей запрещалось большинство прикосновений к сексуальным партнерам. В темные времена родители избегали даже обнимать детей! Эти примитивные существа вряд ли испытывали что-либо подобное взаимному расчесыванию, почесыванию, прихорашиванию. Это почти несексуальное занятие, исключительно ради удовольствия от контакта, общения.

Краткий поиск в Библиотеке, к изумлению Фибена, подтвердил этот слух, который он считал клеветническим. Трудно представить себе безумные сексуальные обычаи людей в древности. Что только не выносили бедные мужчины и женщины. Думая об этом, Фибен лояльнее относился к изображению старинных зоопарков, цирков и «охотничьих» трофеев. От этих мыслей Фибена оторвал звон ключей. Старинная деревянная дверь распахнулась. Кто-то вошел, пнув ее ногой.

Это шимми, которая принесла ужин. Фибен так и не узнал ее имени, но запомнил лицо в форме сердца. На ней был яркий комбинезон,

смахивающий на те, что носят испытуемые, работающие на губру. Костюм на лодыжках и запястьях перевязан эластичными лентами, а на наручной нашивке голографическое изображение когтистой птичьей лапы словно выступает на несколько сантиметров в пространство.

— К вам придут, — негромко сказала самка-проби. — Я думаю, вам стоит знать об этом, подготовьтесь.

Гайлет холодно кивнула.

— Спасибо. — Она даже не взглянула на шимми. Но Фибен, несмотря на ситуацию, смотрел вслед тюремщице, которая, покачиваясь, вышла.

— Проклятые предатели! — сказала Гайлет. Натянула свою тонкую цепь, загремела ею. — Иногда я очень хочу быть шеном. Я бы… я бы…

Фибен взглянул в потолок и вздохнул.

Гайлет повернулась и посмотрела на него.

— Что! Хочешь прокомментировать?

Фибен пожал плечами.

— Конечно. Будучи шеном, ты, может, сумела бы порвать свою тонкую цепочку. Но, с другой стороны, у самца, Гайлет, и цепь была бы потолще.

Он, насколько можно, поднял руки: едва мог сам их видеть. Загремели тяжелые звенья. Болела

раненая правая рука, поэтому он снова опустил цепи.

— Думаю, есть и другие причины, почему ей хочется быть самцом, — послышался голос от двери. Фибен посмотрел туда и увидел проби Железную Хватку, вожака предателей. Шимп театрально улыбнулся, накручивая кончик уса. Фибена уже тошнило от этой его привычки.

— Прошу прощения. Я не мог не слышать ваш разговор, друзья.

Гайлет презрительно вздернула верхнюю губу.

— Ты подслушивал. Ну и что? Это значит, что ты не только предатель, но и шпион.

Могучий шимп улыбнулся.

— Неужели я похож на соглядатая? Почему бы не сковать вас вместе? Это очень забавно, вы ведь так друг друга любите.

Гайлет фыркнула. Подчеркнуто отодвинулась от Фибена, прижавшись к дальней стене.

Фибен не ответил: не стоит доставлять удовольствие врагу. Спокойно смотрел на Железную Хватку.

— В сущности, — насмешливо продолжал Железная Хватка, — вполне понятно, что такая шимми, как ты, хотела бы стать шеном. Особенно с твоей белой картой, ведь она зря пропадает!

— Но вот чего я не могу понять, — обратился Железная Хватка к Фибену.

— Зачем вы делали то, что делали? Играли в солдатиков-людей? Это трудно понять. У тебя синяя карта, у нее белая — да вы могли бы заниматься этим всякий раз, как она розовеет, и без всяких пилюль, не спрашивая разрешения у опекунов, у Совета возвышения. И у вас было бы столько детишек, сколько захотите.

Гайлет презрительно взглянула на шимпа.

— Ты отвратителен.

Железная Хватка покраснел. Это стало особенно заметно на его бритом лице.

— Почему? Потому что меня интересует то, чего меня лишили? То, чего я не мог иметь?

Фибен проворчал:

— Скорее то, чего ты не можешь делать.

Краска сильнее залила его щеки. Железная Хватка понял, что выдает свои чувства. Он наклонился и приблизил свое лицо к Фибену.

— Подожди, парень из колледжа. Кто знает, что ты сможешь, когда мы решим твою судьбу? — Он улыбнулся.

Фибен наморщил нос.

— Знаешь ли, цвет карты шена — еще не все. Прежде всего, если бы ты хоть изредка полоскал

рот, у тебя было бы больше деву…

Он выдохнул и согнулся: удар кулака пришелся в живот.

«За удовольствия надо платить», — напомнил себе Фибен, пытаясь начать дышать. Живот у него свело конвульсией. Но, судя по лицу предателя, он попал в точку. Реакция Железной Хватки говорила о многом.

Фибен повернулся, чтобы найти сочувствие у Гайлет, но увидел только гнев. — Прекратите! Вы оба ведете себя как дети… как предразумные…

Железная Хватка повернулся и показал на нее.

— А ты что об этом знаешь? А? Ты, специалист, член проклятого Совета возвышения? Да ты хоть раз рожала?

— Я изучаю социологию галактики, — с достоинством ответила Гайлет.

Железная Хватка горько рассмеялся.

— Какая награда для умной обезьяны! Ты, должно быть, достигла чего-то действительно выдающегося в гимнастике джунглей, чтобы получить докторат.

Он присел рядом с ней.

— Ты еще не поняла, маленькая мисс? Позволь выговорить за тебя. Мы все проклятые предразумные! Попробуй оспорить это. Докажи, что я

не прав!

Настала очередь Гайлет покраснеть. Она взглянула на Фибена. Он знал, что она вспоминает тот день в колледже Порт-Хелении, когда они поднялись на колокольню и увидели кампус без людей. Только студенты и преподаватели-шимпы, которые делали вид, будто ничего не изменилось. Она вспомнила, как горько было смотреть на это глазами галакта.

— Я разумное существо, — ответила она, стараясь говорить убежденно.

— Да? — усмехнулся Железная Хватка. — На самом деле ты хочешь сказать, что ты чуть ближе нас, остальных… ближе к тому, что Совет возвышения считает нашей, неошимпанзе, целью. Ближе к тому, какими мы должны быть, по мнению людей. Тогда ответь мне. Допустим, ты летишь на Землю, и капитан неверно поворачивает на уровне Д гиперпространства. Ты возвращаешься через несколько сотен лет. Как ты думаешь, что тогда произойдет с твоей драгоценной белой картой?

Гайлет отвела взгляд.

— Sic transit gloria mundi[10]. — Железная Хватка

---

[10] notes: 10
так проходит земная слава (лат.)

щелкнул пальцами. — Ты будешь тогда реликтом, устаревшей фазой, давно пройденной безжалостным продвижением возвышения. — Он рассмеялся, взял Гайлет за подбородок и повернул к себе, чтобы она смотрела на него. — Ты будешь испытуемой, миленькая.

Фибен бросился вперед, но его остановила натянутая цепь. Боли в руке он почти не заметил в порыве гнева, который слишком переполнял его, чтобы он мог говорить. Зарычав, он смутно сообразил, что то же самое происходит с Гайлет. И это тем более унизительно, ибо доказывает правоту ублюдка.

Железная Хватка посмотрел ему в глаза и выпустил Гайлет.

— Сто лет назад, — продолжал он, — я был бы выдающимся представителем шимпов. Мне простили бы небольшие странности и регрессы, дали бы белую карту за мой ум и силу. Время решает, мои дорогие маленькие шимп и шимми. Все зависит от того, в каком поколении вы родились.

Он выпрямился.

— А может, и не только время. — Железная Хватка улыбнулся. — Может, важно и то, кто твои патроны. Если стандарты изменятся, если цель, идеальный образ будущего Pans sapiens станет

другим… — Он развел руками, предлагая додумать самостоятельно.

Первой обрела дар речи Гайлет.

— Ты… действительно… надеешься… что губру…

Железная Хватка пожал плечами.

— Времена меняются, моя дорогая. Возможно, у меня скорее, чем у вас, будут внуки.

Фибен сумел подавить гнев, который лишил его дара речи, и рассмеялся, загоготал.

— Да? — спросил он со смехом. — Для начала тебе придется решить другую проблему, приятель. Как ты собираешься передавать свои гены, если у тебя даже не встанет…

На этот раз Железная Хватка ударил ногой. Фибен предвидел это и успел откатиться, так что удар пришелся вскользь. Но за ним последовал град новых тумаков. Однако слов не было, и Фибен понял, что пришел черед онеметь Железной Хватке. Весь в пене, его рот открывался и закрывался, извергая низкое рычание. Наконец высокий шимп перестал пинать Фибена, повернулся и вышел.

Шимми с ключами смотрела ему вслед. Она стояла у дверей и словно не знала, что делать.

Фибен с хмыканьем перевернулся на спину.

— Хм. — Сморщившись, он потрогал ребра. Сломанных как будто нет. — Ну, по крайней мере Саймон Легри[11] ушел без подходящей заключительной реплики. Я ждал, что он скажет: «Я еще вернусь» или что-нибудь столь же оригинальное.

Гайлет покачала головой.

— Чего ты добивался своими насмешками?

Фибен пожал плечами.

— На то есть свои причины.

Он осторожно прислонился к стене. Шимми в ярком комбинезоне смотрела на него. Встретившись с ним взглядом, она быстро мигнула, повернулась и вышла, закрыв за собой дверь.

Фибен поднял голову и несколько раз глубоко вдохнул через нос.

— А что ты теперь делаешь? — спросила Гайлет.

Он пожал плечами.

— Ничего. Просто убиваю время.

Когда он снова взглянул, Гайлет повернулась к нему спиной. Ему показалось, что она плачет.

«Неудивительно», — подумал Фибен. Гораздо хуже быть пленницей, чем руководить подпо-

---

[11] notes: 11

персонаж романа Г.Э.Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»; рабовладелец, забивший плетьми негра Тома

льем. Насколько можно судить, сопротивление подавлено, прикончено, капут. И нет оснований считать, что в горах дела обстоят лучше. Атаклена, Роберт и Бенджамин могут быть убиты или находиться в плену. А в Порт-Хелении по-прежнему правят птицеподобные и квислинги.

— Не волнуйся, — сказал он, стараясь подбодрить ее. — Знаешь про настоящий тест на разумность? Неужели никогда не слышала? Он начинается, когда шимпы ложатся.

Гайлет вытерла глаза и посмотрела на него.

— Заткнись.

«Ну ладно, шутка бородатая, — признался самому себе Фибен. — Но попытаться стоило».

Она знаком попросила его повернуться.

— Давай. Теперь твоя очередь. Может быть… — Она слегка улыбнулась, словно не решаясь пошутить. — Может быть, я тоже найду, чем перекусить.

Фибен улыбнулся. Он повернулся и натянул цепи так, чтобы спина была как можно ближе к ней. Теперь он не обращал внимания на раны. Позволил ей расчесывать свалявшуюся шерсть и закатил глаза.

— Ах, ах! — вздыхал Фибен.

Днем еду — жидкую похлебку и два куска хлеба

— принес другой тюремщик. Этот самец-проби не обладал красноречием Железной Хватки.

Напротив, ему доставляли затруднения даже простейшие фразы, и когда Фибен попытался заговорить с ним, он только зарычал. Его левая щека непрерывно дергалась в нервном тике, и Гайлет шепотом призналась Фибену, что свирепый блеск глаз этого шимпа заставляет ее волноваться.

Фибен попытался отвлечь ее.

— Расскажи о Земле, — попросил он. — Какая она?

Гайлет коркой хлеба подобрала остатки супа.

— Что рассказывать? Все знают о Земле.

— Да, конечно, по видео и книгокубам «Отправляйся туда». Но не по личному опыту. Ты ведь была там с родителями, ребенком? И там получила диплом доктора?

Она кивнула.

— В Джакартском университете.

— А потом что?

Она смотрела куда-то вдаль.

— Потом я попыталась поступить в Центр Галактических Исследований в Ла-Пасе.

Фибен слышал об этом месте. Большинство дипломатов, послов и агентов Земли проходи-

ли там подготовку, изучая образ мышления и обычаи населения пяти галактик. Очень важно, чтобы руководители Земли могли правильно выбрать путь трех земных рас в опасной Вселенной. Будущее волчат во многом зависело от выпускников ЦГИ.

— Меня потрясает, что ты просто пыталась это сделать, — произнес Фибен, и очень серьезно. — Они… То есть я хочу спросить: ты прошла?

Она кивнула.

— Почти. Если бы набрала чуть больше очков, не было бы вопросов, сказали мне они.

Очевидно, вспоминать все еще больно. Она колебалась, как будто хотела сменить тему. Гайлет покачала головой.

— Но потом мне сказали, что предпочтительнее для меня вернутся на Гарт. Они посоветовали мне стать преподавателем. И ясно дали понять, что считают меня в этой роли более полезной.

— Они? Кто эти «они», о которых ты говоришь?

Гайлет нервно перебирала шерсть на руке, внезапно обнаружив это, она заметила, что делает, и положила руки на колени.

— Совет возвышения, — промолвила негромко.

— Но какое они имеют отношение к назначению преподавателей и вообще к выбору

карьеры?

Гайлет посмотрела на него.

— Самое прямое, Фибен, если считают, что на карту поставлен генетический прогресс неошимпанзе или неодельфинов. Они могут помешать тебе стать астронавтом, например, из боязни, что пропадет твоя драгоценная плазма. Или не дадут тебе выбрать своей профессией химию из страха перед непредсказуемыми мутациями.

Она подобрала соломинку и принялась крутить ее.

— О, у нас гораздо больше прав, чем у других молодых рас клиентов. Я это знаю и все время напоминаю себе об этом.

— И они решили, что твои гены нужны здесь, на Гарте, — негромко предположил Фибен.

Она кивнула.

— Все дело в системе набора очков. Если бы я набрала проходной балл на экзаменах ЦГИ, все было бы в порядке. Туда поступает мало шимпов. Но я не добрала. И мне вручили эту проклятую белую карту — словно утешительный приз или индульгенцию — и отправили назад на родину, на бедный старый Гарт.

— По-видимому, главный мой raison d'etre[12] — мои дети. Все остальное не имеет значения.

Она горько рассмеялась.

— Дьявольщина, я месяцами нарушаю законы природы, рискуя в восстании жизнью и маткой. Даже если мы победим — а шансов на это почти нет, — я получу медаль, может, меня даже будут торжественно чествовать, но это неважно. Когда вся шумиха уляжется, Совет возвышения снова бросит меня в тюрьму.

— О Гудолл, — вздохнул Фибен, прижимаясь спиной к холодному камню стены. — Но ведь ты еще… я хочу сказать, ты еще…

— Не рожала? Точно подмечено. Одно из преимуществ самки с белой картой в том, что я сама могу выбирать отца будущего ребенка и определять время. Лишь бы до тридцати лет я родила троих или больше детей. Мне даже не надо их растить самой! — Снова послышался резкий невеселый смех. — Черт, да половина семейных групп на Гарте выбрилась бы наголо, лишь бы им позволили усыновить моего ребенка.

«В ее устах положение кажется таким ужасным, — подумал Фибен. — Но на всей планете

---

[12] notes: 12
смысл существования (фр.)

не больше двадцати шимпов, которых так же высоко оценивает Совет. Для представителя расы клиентов это величайший почет».

Однако он понимал ее. Она вернулась на Гарт: какой бы блестящей ни оказалась ее карьера, каких бы высот она ни достигла, все это только сделает еще более ценными ее яичники… только участятся болезненные и неизбежные посещения работников Банка Плазмы… и все сильнее на нее будет давление, чтобы как можно больше детей она выносила в собственной матке.

Предложения вступать в групповые браки или в парные связи будут поступать непрерывно и легко. Слишком легко. И невозможно узнать, приглашает ли ее группа ради нее самой. Одинокие самцы будут добиваться ее ради того статуса, который дает отцовство ее ребенка.

И будет зависть. Это он хорошо понимал. Шимпы плохо умеют скрывать свои чувства, особенно зависть. А многие начнут откровенно ненавидеть ее.

— Железная Хватка прав, — сказала Гайлет. — Для шенов все по-другому.

Белая карта для самца — сплошное удовольствие. Но для шимми? Особенно такой, которая хотела бы добиться чего-то самостоятельно.

Она отвела взгляд.

— Я… — Фибен пытался найти слова, но в данный момент мог только тупо молчать. Может быть, когда-нибудь его пра-в-девятой-степени-внук будет знать нужные слова, сможет утешить того, кто испытывает такую горечь.

Этот возвышенный шимп, на несколько десятков поколений в будущем, родится достаточно умным. Но Фибен подозревал, что сам он таких слов не знает. Он всего лишь обезьяна.

— Хм. — Он кашлянул. — Я помню время на острове Гилмор, должно быть, еще до того, как ты вернулась на Гарт. Лет десять назад? Ифни! Я был тогда первокурсником… — Он вздохнул. — Ну, весь остров ходил ходуном, в тот год, когда Игорь Паттерсон выступал с лекцией и давал концерт в университете.

Гайлет чуть подняла голову.

— Игорь Паттерсон? Барабанщик?

Фибен кивнул.

— Значит, ты о нем слышала?

Она саркастически усмехнулась.

— А кто о нем не слышал? Он… — Гайлет развела руки и опустила их ладонями вниз. — Он удивительный.

В десятку попала. Игорь Паттерсон лучший из

лучших.

Танец грома — только одно из проявлений любви неошимпанзе к ритму.

Повсюду — от ферм Гермеса до изысканных небоскребов Земли — их любимые музыкальные инструменты — ударные. Даже в самые ранние времена, когда шимпы еще таскали на груди дисплей с клавиатурой, чтобы говорить, уже тогда новая раса любила ритм.

И тем не менее все великие барабанщики на Земле и во всех ее колониях люди. Пока не появился Игорь Паттерсон.

Он стал первым. Первым шимпом с превосходной координацией движений, с чувством времени и ритма, которое вывело его в число лучших. Его исполнение «Громов керамической молнии» доставляло не просто удовольствие шимпам; их распирало от гордости. Само его существование для многих означало, что шимпы не просто приближаются к мечте, идеалу Совета возвышения. Нет, они становятся такими, какими хотят быть сами.

— Фонд Картера организовал его гастроли в колониях, — продолжал Фибен. — Отчасти это выглядело поездкой доброй воли по всем отдаленным общинам шимпов. Ну и соответственно,

в целях… э-э-э… оздоровления клана.

Гайлет фыркнула: это-то очевидно. Конечно, у Паттерсона белая карта.

И шимпы — члены Совета возвышения настояли на этой поездке, хотя Паттерсон не самый очаровательный и умный представитель неошимпанзе.

Фибен понимал, о чем думает Гайлет. Для самца с белой картой никаких проблем вообще не будет, вся поездка — одно сплошное развлечение.

— Еще бы, — сказала Гайлет. И Фибену слышалась в ее голосе зависть.

— Да, тебе следовало находиться здесь, когда он давал концерт. Мне посчастливилось. Я сидел далеко, и так случилось, что в тот вечер у меня был сильный насморк. И в этом мне чертовски повезло.

— Что? — Гайлет свела брови. — Какое отношение это имеет к… О! — Она нахмурилась и поджала губы. — Понимаю.

— Еще бы. Кондиционеры работали на пределе, но мне говорили, что дух стоял непереносимый. Я сидел под вентилятором и дрожал. Чуть не помер…

— Когда ты перейдешь к сути? — Гайлет сжала губы в тонкую линию.

— Ну, как ты, несомненно, догадалась, все шимми на острове с зелеными картами, у которых была течка, раздобыли билеты. Никто из них не воспользовался дезодорантом альфа. Все пришли с одобрения групповых мужей, все выкрасили яркой помадой губы… А вдруг…

— Я поняла, — сказала Гайлет. На мгновение Фибену показалось, что он увидел на ее лице слабую улыбку, которая тут же сменилась сердитым выражением. — И что же произошло?

Фибен потянулся и зевнул.

— А как ты думаешь? Бунт, конечно.

У нее отвисла челюсть.

— Правда? В университете?

— Точно, как то, что я сижу здесь.

— Но…

— Первые несколько минут все шло нормально. Говорю тебе, старина Игорь оправдал свою репутацию. Толпа приходила во все большее и большее возбуждение. Даже оркестр его ощутил. А потом положение вышло из-под контроля.

— Но…

— Помнишь старого профессора Ольфинга с факультета земных традиций?

Тот самый пожилой шимп, который еще носил монокль? Он много времени отдавал попыткам

протащить законопроект о моногамии шимпов. — Да, я его знаю. — Гайлет кивнула, широко раскрыв глаза.

Фибен сделал жест двумя руками.

— Не может быть! При всех? Профессор Ольфинг?

— И не с кем иным, как с деканом факультета питания.

Гайлет издала резкий звук. Она отвернулась, прижав руку к груди.

Казалось, ее охватил неожиданный приступ икоты.

— Конечно, позже парная жена Ольфинга простила его. Иначе ей пришлось бы с ним распрощаться: некая группа из десяти членов пригласила его к себе. Заявила, что им нравится его стиль.

Гайлет закашлялась, ударила себя по груди и затрясла головой.

— Бедный Игорь Паттерсон, — продолжал Фибен. — У него тоже не обошлось без проблем. Парней из местной футбольной команды пригласили на концерт в качестве охранников. Когда положение стало критическим, они попытались воспользоваться огнетушителями. Все скользили, но это не уменьшило пыла.

Гайлет еще громче закашлялась.

— Фибен…

— Да, тяжело пришлось, — вспоминал он вслух. — Игорь выбивал дробь сопровождения блюза, он так колотил по барабану, не поверишь. И тут сорокалетняя шимми, совершенно нагая и скользкая, как дельфин, прыгнула на него прямо с потолочной балки.

Гайлет согнулась, держась за живот. Она подняла руку, умоляя сжалиться над ней.

— Перестань, пожалуйста, — слабо попросила она.

— Слава небу, она упала на барабан и застряла в нем. И пока ее вытаскивали, бедный Игорь сбежал через запасной выход. Едва успел опередить толпу.

Гайлет склонилась набок. Фибен даже встревожился, так покраснело ее лицо. Она хохотала, колотила руками по полу, и слезы потоком лились у нее из глаз. Потом перевернулась на спину, продолжая хохотать.

Фибен пожал плечами.

— И все это во время первого номера. Паттерсон исполнял свою оригинальную версию проклятого национального гимна. Какая жалость! Мне так и не довелось послушать его вариации «Инагадда

Да Вита».

— Но теперь, когда я об этом вспоминаю, — снова вздохнул он, — может, оно и к лучшему.

В 20.00 начинался комендантский час. Отключали электричество, и для пленников не делали исключения. Незадолго до заката поднялся ветер и колотил ставнями их маленького окна. Ветер дул с океана и приносил запах соленой воды. Где-то далеко слышался глухой рокот ранней летней грозы.

Спали они, завернувшись в одеяла, так близко друг к другу, насколько позволяли цепи, голова к голове, так что в темноте слышали дыхание друг друга. Засыпали, вдыхая испарения мокрого камня и соломы.

Руки Гайлет судорожно дергались, словно во сне она следовала ритму иллюзорного спасения. Ее цепи слабо позвякивали.

Фибен лежал неподвижно, время от времени глаза его закрывались и открывались, но в них не было сознания. Иногда у него перехватывало дыхание.

Они не слышали негромкого гудения в коридоре, не видели слабого света, пробивающегося сквозь щели деревянной двери. Ноги шаркали, когти стучали о каменные полы.

Когда зазвенели ключи, Фибен дернулся, повернулся набок и сел. Когда заскрипели петли, он принялся протирать глаза. Гайлет подняла голову и заслонила глаза рукой от яркого света двух ламп на высоких стержнях.

Фибен чихнул, почувствовал запах оперения и лаванды. Несколько проби в ярких комбинезонах поставили его и Гайлет на ноги. Он узнал голос их предводителя Железной Хватки.

— Ведите себя прилично. У вас важные посетители.

Фибен мигнул, пытаясь привыкнуть к свету. Наконец ему удалось разглядеть небольшую группу птицеподобных — большие шары белого пуха, в лентах и шарфах. Двое из них держали высокие стержни, с которых свисали лампы. Остальные толпились вокруг чего-то, напоминающего столб. Он заканчивался небольшой платформой, на которой стояла необычная птица.

Она тоже затянута в яркие ленты. Большой двуногий губру нервно переступал с ноги на ногу. Возможно, это просто случайный эффект света, но плюмаж птицы казался ярче, многоцветнее, он светился, как не светятся обычно их белые гребни. Фибену показалось, что он уже видел этого захватчика или другого такого же.

«Какого дьявола он пришел сюда ночью? — удивился Фибен. — Мне казалось, они не терпят ночных путешествий».

— Окажи должное уважение почтенным старшим, членам высокого клана гуксу-губру! — резко сказал Железная Хватка, пихая Фибена.

— Я покажу этой проклятой птице свое уважение. — Фибен откашлялся и набрал в рот слюны.

— Нет! — закричала Гайлет. Она схватила его за руку и настойчиво зашептала:

— Фибен, не надо! Пожалуйста! Ради меня. Поступай точно, как я!

Ее карие глаза умоляли. Фибен глотнул.

— Какого дьявола, Гайлет!

Она повернулась к губру, сложила руки на груди и низко поклонилась.

Фибен повторил.

Галакт смотрел на них — сначала одним немигающим глазом, потом другим. Подошел к краю платформы, носильщики переместились, удерживая равновесие. Наконец губру принялся испускать серию резких скрипучих звуков. Четвероногие сопровождали его речь странным аккомпанементом, чем-то вроде «Зуууннн».

Вперед вышел один из помощников-кваку. У него на шее висел блестящий металлический

диск. Переводчик говорил на ломаном англике:

Было решено… решено в чести,
Решено в праведности…
Что вы двое не преступили…
Не нарушили…
Правила поведения… правила войны.
Зуууууун.

Мы решили, что это возможно… допустимо…
Соответствует статусу детей…
Мы милосердно считаем… верим…
Что вы боролись ради своих патронов. Зуууууун.

До нашего внимания дошло… нас достигло…
Знание, что ваш статус –
Руководители вашего генного потока… течения расы… вашего вида во времени и в пространстве.
Зуууууун.
Поэтому мы предлагаем… представляем…
Снисходим до предложения вам
Приглашения… благословения…
Возможности стать представителями своего вида.
Зуууун.

Это честь… благодеяние…
Слава, быть избранным…

Создавать… искать…
Строить будущее своей расы.
Зуун!

Закончил он так же внезапно, как начал.

— Снова кланяйся! — настойчиво прошептала Гайлет.

Фибен вслед за ней поклонился, сложив перед собой руки. Когда он вновь поднял глаза, группа птиц уже направилась к выходу. Насест опустили, но высокому губру все равно пришлось нагнуться, расставив оперенные руки для равновесия, чтобы пройти в дверь. Сзади шел Железная Хватка. На прощание он бросил на них полный ненависти взгляд.

В голове у Фибена звенело. После первой фразы он перестал пытаться следовать за странным протокольным произношением на галактическом-три.

Даже перевод на англик он понимал с трудом.

Резкий свет исчез. Процессия с непрерывным гоготом и бормотанием удалилась по коридору. Фибен и Гайлет переглянулись.

— А это что за дьявольщина? — спросил Фибен.

Гайлет нахмурилась.

— Это был сюзерен. Один из трех руково-

дителей. Если не ошибаюсь — а я легко могу ошибиться, — сюзерен Праведности.

— Ну, тогда мне все понятно, конечно. А кто такой, во имя колеса рулетки Ифни, сюзерен Праведности?

Гайлет отмахнулась от его вопроса. Наморщив лоб, она глубоко задумалась.

— Почему он пришел к нам, вместо того чтобы приказать привести нас к нему? — спросила она вслух, явно риторически. — И почему ночью? Ты заметил, он даже не задержался, чтобы выслушать наш ответ? Вероятно, праведность требует, чтобы он лично сделал предложение. А ответ могут позже получить его помощники.

— Ответ на что? На какое предложение? Гайлет, я даже не мог…

Но она нервно махнула обеими руками.

— Не сейчас. Я должна подумать, Фибен. Дай мне несколько минут.

Она отошла и села на солому лицом к стене. Фибен подозревал, что ей потребуется гораздо больше времени.

«Ты этого заслужил, — подумал он. — Заслужил то, что имеешь, потому что влюбился в гения…»

Он моргнул, покачал головой. «Что я сказал?»

Но шаги в коридоре помешали ему додумать

свою неожиданную мысль.

Вошел шимп с охапкой соломы и несколькими одеялами. Этот груз закрывал лицо низкорослого неошимпанзе, но минуту спустя Фибен узнал ту самую шимми, которая смотрела на него раньше и показалась ему странно знакомой.

— Я принесла вам свежей соломы и одеяла. Ночи теперь холодные.

Он кивнул.

— Спасибо.

Она не смотрела ему в глаза. Повернулась и пошла к двери с таким изяществом, которого не скрывал даже просторный комбинезон.

— Подожди! — вдруг сказал Фибен.

Она остановилась, по-прежнему не глядя в глаза Фибену, который подошел к ней, насколько позволяла тяжелая цепь.

— Как тебя зовут? — спросил он негромко, чтобы не помешать Гайлет.

Плечи ее опустились, глаз она так и не подняла.

— Я… — говорила она очень тихо. — Некоторые зовут меня Сильвия…

Даже проходя в дверь, она двигалась как танцовщица. Послышался звон ключей и торопливые шаги в коридоре. Фибен смотрел на дверь.

— Да будь я обезьяньим внуком!

Он повернулся и направился к стене, у которой сидела Гайлет.

Наклонился и набросил ей на плечи одеяло. Потом вернулся в свой угол и упал на кучу свежей соломы.

Глава 55
УТАКАЛТИНГ

Водоросли пенились на мелководье, где туземные птицы на ногах-ходулях клевали насекомых. Группами росли кусты, сдерживая наступление степей.

Следы вели от берега маленького озера на соседний поросший кустами склон холма. Взглянув на отпечатки, Утакалтинг решил, что тут прошел обладатель голубиной походки, опирался он, по-видимому, на три конечности.

Он быстро оглянулся, уловив краем глаза голубой блеск, тот самый, что привел его сюда. Попытался разглядеть слабое мерцание, но оно уже исчезло.

Утакалтинг наклонился, разглядывая отпечатки в грязи. Измерил длину следа рукой. На лице его появилась улыбка. Какие прекрасные

очертания!

Третья нога в стороне от первых двух, и отпечаток ее гораздо меньше.

Похоже на двуногое существо, опирающееся на посох.

Утакалтинг подобрал упавшую ветвь, но остановился в раздумье.

«Оставить их? — подумал он. — Нужно ли теперь их скрывать?»

Он покачал головой.

«Нет. Как говорят люди, коней на переправе не меняют».

Следы исчезали под взмахами его ветки. Едва успев закончить, он услышал тяжелые шаги и треск ломающихся кустов. Повернулся и увидел Каулта, который по узкой звериной тропе приближался к берегу маленького степного озера. Над большой, увенчанной гребнем головой теннанинца повис, как раздраженное насекомое-паразит, ищущее уязвимое место, глиф луррунану.

Корона Утакалтинга заныла, как перенапряженная мышца. Он еще с минуту позволил луррунану висеть над головой теннанинца, прежде чем признал свое поражение. Отозвал потерпевший поражение глиф и бросил ветвь

на землю.

Теннанинец вообще не смотрел под ноги. Он сосредоточился на небольшом приборе, лежащем на его широкой ладони.

— У меня возникают подозрения, друг мой, — сказал Каулт, подходя к тимбрими.

Утакалтинг почувствовал, как в жилах его заиграла кровь. «Неужели конец?» — подумал он.

— Подозрения в чем, коллега?

Каулт выключил прибор и сунул в один из своих многочисленных карманов. — Есть признаки… — Его гребень хлопнул. — Я слушал незакодированные передачи губру, и мне кажется, что происходит нечто странное.

Утакалтинг вздохнул. Нет, ограниченный мозг Каулта сейчас занят совершенно другим. Нет смысла отвлекать его тонкими намеками.

— Чем сейчас заняты захватчики? — спросил он.

— Ну, во-первых, гораздо меньше панических военных сообщений.

Неожиданно сократились небольшие схватки в горах, которым они незадолго до этого придавали большое значение. Помнишь, мы оба удивлялись, почему они прилагают столько усилий, чтобы подавить незначительное партизанское движение.

Вообще-то Утакалтинг был уверен, что знает причину лихорадочной активности губру. Насколько он мог судить, захватчики пытались найти что-то в Мулунских горах. Они с безрассудной энергией бросали туда солдат и ученых и, по-видимому, дорогой ценой заплатили за свое любопытство.

— Ты можешь понять, почему стычки неожиданно прекратились? — спросил он Каулта.

— Я не уверен, что расшифровал верно. Возможно, губру нашли и захватили то, что так отчаянно искали…

«Сомнительно, — убежденно подумал Утакалтинг. — Трудно поймать призрак».

— Или отказались от поисков…

«Более вероятно», — согласился Утакалтинг. Рано или поздно губру должны понять, что они выставляют себя на посмешище и гоняются за выдумкой.

— А может быть, — закончил Каулт, — губру подавили сопротивление и уничтожили всех, кто им сопротивлялся.

Утакалтинг молился, чтобы последнее предположение не оказалось правдой. Конечно, рискованно так дразнить врага. Он только надеялся, что его дочь и сын Меган Онигл не заплатили

жизнью за участие в его хитроумном розыгрыше злобных птиц.

— Гм, — заметил он. — Ты говоришь, что тебя еще что-то удивляет?

— Вот что, — продолжал Каулт. — После пяти двенадцатидневок, в течение которых они ничего не делали ради этой планеты, губру вдруг объявляют амнистию и предлагают работу всем бывшим специалистам службы восстановления экологии.

— Да? Может, просто закончили развертывание и вспомнили про ответственность.

Каулт фыркнул.

— Вероятно. Но губру бухгалтеры. Они все расходы подсчитывают.

Эгоистичные, напрочь лишенные юмора фанатики. Они стараются чопорно придерживаться тех аспектов галактических традиций, которые их устраивают, но совсем не думают о сохранении планет класса детская. Их интересует только статус собственного клана.

Хотя Утакалтинг соглашался с этим суждением, он не считал Каулта беспристрастным наблюдателем. И теннанинец вряд ли имеет право обвинять кого-то в отсутствии чувства юмора.

Но одно очевидно. Пока Каулт думает о губру,

бесполезно отвлекать его внимание тонкими намеками и следами на почве.

Утакалтинг чувствовал движение в прерии. Маленькие хищники и добыча прятались в трещинах и норах, чтобы переждать летний полдень, когда жар пригибает к земле и слишком много энергии отнимает преследование или бегство. И в этом отношении галакты не исключение.

— Пошли, — сказал Утакалтинг. — Солнце высоко. Нам нужно найти место для отдыха. На другом берегу я вижу деревья.

Каулт молча пошел за ним. Он не замечал небольших отклонений от направления, пока горы с каждым днем приближались. Пики с белыми вершинами перестали уже казаться просто слабой линией на горизонте, хотя потребуются еще недели, чтобы добраться до них, и еще больше времени, чтобы найти проход в Синд. Но теннанинцы терпеливы, когда это соответствует их намерениям.

Утакалтинг нашел убежище в тени согнутых деревьев. Синего сияния не было, хотя он продолжал следить. С помощью короны он кеннировал свирепую радость какого-то скрывающегося в степи создания, чего-то большого, умного и знакомого.

— Я действительно считаюсь специалистом по землянам, — говорил Каулт немного позже, когда они отдыхали под балдахином изогнутых ветвей. Мелкие насекомые жужжали над дыхательными щелями теннанинца, но каждый раз он сдувал их. — Это плюс мой опыт в экологии и предопределили мое назначение на эту планету.

— Прибавь и свое чувство юмора, — с улыбкой добавил Утакалтинг. — Да. — Каулт раздул гребень: у теннанинцев это аналогично земному кивку согласия. — Дома я слыву настоящим дьяволом. Именно таким нужно иметь дело с волчатами и эльфами-тимбрими. — Он закончил несколькими быстрыми резкими вздохами. Очевидно, сознательное движение, потому что у теннанинцев совсем нет рефлекторной реакции смеха. «Неважно, — подумал Утакалтинг. — Для теннанинца он весьма остроумен».

— А у тебя есть личный опыт общения с землянами?

— О да, — сказал Каулт. — Я был на Земле. Имел счастье ходить по ее тропическим лесам и видеть необыкновенное разнообразие жизненных форм.

Встречался с неодельфинами и китами. И хоть мой народ считает, что землян преждевременно

возвели в ранг патронов — им принесли бы большую пользу несколько тысячелетий пребывания клиентами под соответствующим руководством, я признаю, что их планета прекрасна, а они в качестве клиентов были бы очень перспективны.

Одна из причин участия теннанинцев в войне — желание привлечь все три земные расы в свой клан, навязать им опекунство — «для блага самих землян», разумеется. Но если быть честным, то по этому поводу среди самих теннанинцев не было единогласия. Партия Каулта, например, настаивала на десятитысячелетней кампании убеждения, чтобы земляне отдались под опеку добровольно, «с любовью».

Но партия Каулта не владеет большинством голосов в нынешнем правительстве.

— И, конечно, я встречался с землянами, когда работал в Институте Миграции и во время экспедиции для переговоров с фах'фах'н фах.

Корона Утакалтинга взорвалась пучком серебряных щупалец — открытое проявление удивления. Он знал, что его ошеломление понятно даже теннанинцу, но теперь ему все равно.

— Ты… ты встречался с дышащими водородом? — Он даже не смог бы произнести их название, для этого нет звуков ни в одном галак-

тическом языке.

Каулт снова удивил его!

— Фах'фах'н*фах, — повторил Каулт. Его дыхательные щели запульсировали, изображая смех. На этот раз получилось естественнее. — Переговоры проходили в субквадранте Пол-Крен, недалеко от того места, которое земляне называют сектором Ориона.

— Это рядом с колонией Земли Ханааном.

— Да. Их пригласили участвовать еще и по этой причине. Хотя редкие встречи кислородои водорододышащих существ считаются самыми критическими и важными в наше время, сочли приличным пригласить и землян, показать им некоторые тонкости дипломатии высшего уровня.

Должно быть, он смущен и удивлен, но кроме того, Утакалтингу вдруг показалось, что он что-то кеннирует от Каулта… след чего-то глубокого и тревожащего теннанинца. «Он умалчивает, — понял Утакалтинг. — Есть и другие причины привлечения землян».

Миллиарды лет непрочный мир сохранялся между двумя параллельными, совершенно независимыми культурами. Как будто на самом деле существуют не пять галактик, а десять, потому

что устойчивых планет с водородной атмосферой не меньше чем планет типа Земли, Гарта или Тимбрима. Две ветви жизни, каждая представленная обширным разнообразием видов и форм, не имели почти ничего общего. Фах'фах'н*фах не нужны камни, а их планеты слишком велики, тяжелы и холодны, чтобы их пожелал кто-то из галактов. К тому же они, по-видимому, оперировали на разных уровнях времени.

Дышащие водородом предпочитали медленные маршруты гиперпространства уровня Д и вообще нормальное пространство между звездами, царство, которым правит относительность, оставляя более быстрые межзвездные линии недолговечным потомкам сказочных Прародителей.

Иногда возникали конфликты. Умирали целые системы и кланы. Для таких войн не существовало правил.

Временами заключались торговые договоры, металлы обменивались на газы, механизмы на странные предметы, упоминания о которых нет даже в Великой Библиотеке.

Бывали периоды, когда целые галактические рукава переходили от одной цивилизации к другой. Примерно раз в сто миллионов лет галак-

тический Институт Миграции организовывал такие перемещения кислорододышащих.

Официальная причина заключалась в том, что требовалось на целую эпоху оставить звезды «невозделанными», чтобы на их планетах могли развиться новые формы предразумной жизни. Но широко известна и другая причина — оставить как можно больше пространства между жизнью на кислороде и водороде, там, где игнорировать друг друга уже невозможно.

И вот Каулт сообщает, что недавно велись переговоры в секторе Пол-Крен? И в них участвовали люди?

«Почему я об этом никогда не слышал?» — думал Утакалтинг. Он хотел продолжить эту тему, но не было возможности. Каулт явно избегал этого и вернулся к прежнему разговору.

— Мне кажется, в передачах губру есть нечто странное, Утакалтинг. Из передач ясно, что они прочесывают Порт-Хелению и острова в поисках специалистов по экологии и возвышению.

Утакалтинг решил, что не время удовлетворять любопытство — трудное решение для тимбрими.

— Ну, как я уже предположил, возможно, губру решили наконец выполнить свой долг перед Гартом.

Каулт издал звук, который, как знал Утакалтинг, выражает сомнение.

— Даже если это так, им потребовались бы экологи. А к чему специалисты по возвышению? Я интуитивно чувствую, что здесь происходит нечто любопытное, — закончил Каулт. — Уже в течение нескольких мегасекунд губру находятся в большом возбуждении.

Даже без их небольшого приемника и вообще без всяких волн Утакалтинг знал бы это. И все это связано с мигающим синим светом, за которым он следует неделями. Это свечение означает, что дипломатический сейф тимбрими вскрыт. Приманка, которую он оставил в сейфе вместе с многочисленными другими следами и намеками, должна привести разумное существо только к одному заключению.

Очевидно, его розыгрыш оказался дорогостоящим для губру.

Но все хорошее быстро кончается. Сейчас даже губру, наверное, уже понятно, что это всего лишь шутка тимбрими. Птицеподобные ведь не глупы.

Рано или поздно они должны догадаться, что никаких гартлингов не существует.

«Мудрецы говорят: слишком затягивать шутку — ошибка. Неужели я повторяю ошибку, разыг-

рывая то же самое с Каултом?» Да, но в этом случае процедура совершенно иная, медленная, трудная и личная.

«Но что же еще мне делать, чтобы провести время?»

— Расскажи мне о своих подозрениях, — вслух сказал Утакалтинг спутнику. — Я очень, очень заинтересовался.

Глава 56
ГАЛАКТЫ

Вопреки всем ожиданиям, новый сюзерен Стоимости и Бережливости набирал очки. Его плюмаж только начал проявлять многоцветие кандидатства, и он сильно отставал от соперников. Тем не менее, когда он танцевал, остальные сюзерены внимательно наблюдали и прислушивались к его хорошо сформулированным аргументам.

– Усилия были слишком дорогими, неразумными, неверно направленными,

— чирикал он, поворачиваясь в сложном ритме.

– Мы потеряли драгоценное время

И поступились честью,

Ища,

Отыскивая,

Преследуя

Химеру!

Новый главный чиновник, в сущности, обладал несколькими преимуществами. Его учил предшественник, покойный сюзерен Стоимости и Бережливости. На встречу новый ее член принес поразительное количество фактов. Кубы данных были разбросаны повсюду. Их представление главой гражданской службы производило ошеломляющее впечатление.

– Нет никакого способа, никакой возможности, никакой вероятности, что на этой планете могли выжить предразумные существа и пережить катастрофу бурурали. Это розыгрыш, насмешка, заговор дьявольского тимбрими и волчат,

Чтобы мы

Потратили,

Выбросили,

Извели зря

Наше богатство!

Для сюзерена Праведности это было равносильно катастрофе.

Во время безвластия, пока не был избран новый сюзерен, верховный священник и адмирал правили безраздельно, никто их не сдерживал. Они хорошо знали, что так действовать неразумно, что должен существовать голос третьего сюзерена, но возможность казалась такой соблазнительной.

Адмирал лично участвовал в поисках и уничтожении горных партизан, хотел добавить доблести своему честному имени. Со своей стороны, священник начал новые дорогостоящие сооружения и торопил с доставкой новой планетарной Библиотеки.

Царил замечательный дуэт-консенсус. Сюзерен Луча и Когтя одобрял все траты, а сюзерен Праведности благословлял все операции солдат Когтя. В горы уходили экспедиция за экспедицией, группы тщательно охраняемых ученых искали бесценный приз.

Однако допустили ряд ошибок. Волчата оказались дьявольски хитры и неуловимы в своих засадах. Но если бы специалисты нашли то, что искали, никто и не вспомнил бы о цене. Дело того

стоило, конечно, если…

«Но нас обманули, провели, выставили на посмешище», — с горечью думал священник. Сокровище оказалось выдумкой. И вот теперь новый сюзерен Стоимости и Бережливости умело пользуется таким положением. Чиновник исполнил великолепный танец наказания за излишние траты. Он уже превалирует в консенсусе — например, больше не будет бесполезных экспедиций в горы, пока не удастся отыскать способ справиться с противником подешевле.

Плюмаж сюзерена Луча и Когтя жалко обвис. Священник знал, как вся эта история тревожит адмирала. Но их обоих заворожила праведная верность танца наказания. Даже двое не смогут одержать победу при голосовании против одного, когда совершенно очевидно, что он прав. Чиновник приступил к новому танцу. Он предложил отказаться от строительных проектов, которые не имеют отношения к защите Гарта. К ним приступили, надеясь на гартлингов. Но теперь просто бессмысленно продолжать строительство гиперпространственного шунта и Церемониального Холма!

Танец был мощным, убедительным, подкрепленным множеством карт, формул и статисти-

ческих таблиц. Сюзерен Праведности понял, что необходимо что-то предпринять, и немедленно, иначе этот выскочка обгонит всех. Немыслимо, чтобы так изменилось положение как раз тогда, когда их тела начали готовиться к Слиянию!

Необходимо также обдумать послание Повелителей Насестов. Царицы и принцы, оставшиеся дома, присылали отчаянные запросы. Выработали трое на Гарте новую смелую политику? Расчеты показывают, что необходимо вскоре получить нечто оригинальное и необычное, иначе инициатива перейдет к какому-нибудь другому клану. Страшно, когда судьба всей расы держится на волоске. И несмотря на прекрасное исполнение и внешность, одно ясно относительно нового главного чиновника: ему не хватает глубины, ясности видения его покойного предшественника. Сюзерен Праведности знал, что новая политика вряд ли зародится в результате мелочного урезания кредитов. Что-то необходимо сделать, и безотлагательно! Священник принял позу предчувствия, распростер свои ярко окрашенные перья. Вежливо, даже чуть снисходительно чиновник прервал танец и опустил клюв, уступая время.

Сюзерен Праведности принялся медленно,

мелкими шагами переступать по насесту. Он сознательно избрал ритм, использованный соперником.

– Хотя гартлингов нет, остается шанс, вероятность, возможность

Получить церемониальную площадку, которую мы

Планировали,

Строили,

Посвящали

С такими большими расходами.

– Существует план, проект, концепция, которые еще могут принести

Честь,

Славу,

Праведность

Нашему клану.

– В центре, в фокусе, в сущности этого плана мы поместим

Осмотр,

Оценку,

Исследование

Клиентов волчат.

В противоположной стороне помещения сюзерен Луча и Когтя поднял голову. Свет надежды затеплился в глазах удрученного адмирала, и священник понял, что одержал пусть временную, но победу.

Теперь время покажет, сработает ли его новая смелая идея.

Глава 57
АТАКЛЕНА

— Видишь? За ночь она передвинулась!

Атаклене пришлось прикрыть глаза, чтобы посмотреть на своего друга-человека, сидящего на ветке дерева в тридцати футах над землей. Он потянул за зеленый кабель, который спускался сверху под углом в сорок пять градусов. — Ты уверен, что это та самая лиана, которую ты подрезал вчера вечером?

— Уверен! Я забрался и налил литр обогащенной хромом воды — лиана поглощает именно хром — на развилину ветки, над собой. Теперь лиана переползла и прикрепилась именно к этому месту.

Атаклена кивнула. Он говорит правду.

— Вижу, Роберт. А теперь и верю.

Ей захотелось улыбнуться. Иногда Роберт ведет себя совсем как юноша-тимбрими, такой же стремительный, импульсивный, озорной. Это слегка приводило ее в замешательство. Чужаки должны вести себя странно и необъяснимо, а не просто как… ну, как парни.

«Но Роберт не чужак, — напомнила она себе. — Он мой муж». И вообще, она так давно живет среди землян, что начинает думать, как они.

«Когда… если… я вернусь домой, неужели буду озадачивать, удивлять и пугать окружающих метафорами? Странным, как у волчат, отношением? Радует ли меня такая перспектива?»

В войне наступила передышка. Губру перестали посылать уязвимые экспедиции в горы. Их передовые посты бездействовали. Даже газовые роботы уже целую неделю не показывались в горных долинах — к величайшему облегчению шимпов, фермеров и жителей поселков. И когда выдался случай, Атаклена и Роберт решили один день посвятить только себе и постараться лучше узнать друг друга. Ведь они не знают, когда возобновятся военные действия. Предоставится ли им еще такая возможность?

Обоим необходимо было отвлечься. По-прежнему не было никакого ответа от матери Роберта, неизвестной оставалась судьба Утакалтинга, несмотря на то, что Атаклена уловила посланное отцом изображение. Пусть выполняет свою часть и надеется, что он жив и способен выполнить свою.

— Хорошо, — крикнула она Роберту. — Признаю. Лианы можно тренировать в известном смысле. Спускайся. Твоя ветка ненадежна.

Но Роберт только улыбнулся.

— Спущусь по-своему. Ты меня знаешь, Кленни. Я не могу упустить такую возможность.

Атаклена застыла. Вот опять этот каприз на краях эмоциональной ауры.

Похоже на сиулфф-куонн, который можно кеннировать у юного тимбрими, когда тот наслаждается в предвкушении шутки.

Роберт сильно потянул лозу. Он вдохнул, его грудная клетка расширилась так, как недоступно ни одному тимбрими; и он быстро заколотил себя по груди и издал долгий пронзительный вопль. В лесном коридоре отозвалось эхо.

Атаклена вздохнула. «О да. Он должен отдать дань уважения божеству волчат Тарзану».

Вцепившись в лиану обеими руками, Роберт

спрыгнул с ветки. И по пологой дуге, вытянув и сведя вместе ноги, опустился к лесному лугу, перелетев через низкорослые кусты. При этом он громко кричал.

Конечно, именно такие открытия делали люди в темные столетия между появлением разума и приходом науки. Ни одна из галактических рас, воспитанных на Библиотеке, не смогла бы додуматься до такого способа передвижения. Даже тимбрими.

Амплитуда маятника потащила Роберта снова вверх, к густой кроне лесного гиганта. Вопль Роберта оборвался, когда он врезался в листву и с треском исчез.

Тишину нарушал только шорох падающих мелких обломков. Атаклена поколебалась, потом позвала:

— Роберт?

Ни ответа, ни движения в густых зарослях.

— Роберт! Что с тобой? Ответь мне! — Слова англика застревали во рту.

Она попыталась найти его с помощью короны, нити над ушами напряглись.

Он здесь, это она чувствует… и ему больно!

Атаклена побежала по лугу, перепрыгивая через препятствия, началась гир-трансформация:

ноздри автоматически расширились, чтобы дать больше воздуха тройному сердцу. К тому времени, как она достигла дерева, кончики пальцев на руках и ногах уже затвердели. Атаклена сбросила мягкую обувь и сразу начала подниматься, легко находя опору в коре лесного патриарха.

Вездесущие лианы, как змеи, манили в лиственную трясину, поглотившую Роберта. Атаклена потянула за одну такую веревку и с ее помощью взобралась на следующий уровень.

Она понимала, что должна сдерживаться. Несмотря на реакцию и приспособляемость тимбрими, ее мускулатура не так сильна, как у человека, а корона не так быстро отдает лишнее тепло, как потовые железы. Но она не могла отказаться от максимальной скорости.

В листве, где исчез Роберт, было сумрачно и тесно. Атаклена заморгала и принюхалась, углубляясь в темноту. Запахи напомнили ей, что это неизученная планета, а она не волчонок, который чувствует себя как дома в этих девственных джунглях. Атаклене пришлось убрать щупальца, чтобы они не запутались в чаще. И потому она вздрогнула, когда что-то спустилось сверху и крепко схватило ее.

Гормоны устремились в кровь. Атаклена при-

готовилась ударить нападающего, но вовремя узнала ауру Роберта, его человеческий мужской запах. Это его руки крепко держат ее. Атаклена испытала мгновенное головокружение, когда резко прекратилась гир-трансформация.

В таком ошеломленном состоянии, не способная двинуться в оцепенении трансформации, она удивилась вдвойне. Потому что Роберт начал касаться ее рта своим ртом. Вначале его действия показались ей бессмысленными, безумными. Но тут, развернув корону, она снова начала воспринимать чувства… и сразу вспомнила сцены из человеческих видеодрам, сцены совокупления и сексуальной игры.

Буря противоречивых эмоций, охватившая Атаклену, заставила ее еще несколько мгновений оставаться неподвижной. Отчасти это объяснялось его сильными объятиями, и только когда Роберт наконец выпустил ее, Атаклена быстро отодвинулась от него, прижалась к стволу, тяжело дыша.

— Ан… ан-твиллатбилна! Нага… Ты… ты… бленчук! Как ты смеешь… Клет-тнаб… — У нее перехватило дыхание, пришлось прекратить многоязычные проклятия. Но Роберт не утратил добродушно-веселого настроения.

— Я не все понял, Атаклена. Мой гал-семь не очень хорош, но я работаю над ним. Скажи мне, что такое… бленчук?

Атаклена сделала жест, дернула головой, что у тимбрими соответствует раздраженному пожатию плечами.

— Неважно. Отвечай немедленно! Ты ранен? А если нет, почему ты это сделал? И в-третьих. Почему я не должна наказывать тебя за то, что ты обманул меня и напал?

Глаза Роберта распахнулись шире.

— О, не реагируй так серьезно, Кленни. Я ценю то, что ты бросилась мне на выручку. Я, наверно, слегка увлекся, обрадовавшись тебе.

Ноздри Атаклены расширились. Щупальца ее метались, готовя какой-то необыкновенно ядовитый глиф. Роберт почувствовал это и поднял руку.

— Хорошо, хорошо. По порядку… Я не ранен, только чуть поцарапался.

На самом деле мне очень весело.

Видя ее выражение, он перестал улыбаться.

— Гм, что касается второго вопроса… я приветствовал тебя, как принято у людей. Мне очень хотелось испробовать этот человеческий обычай с тобой, хотя признаю, что ты могла этого не

оценить.

Атаклена нахмурилась. Ее щупальца смятенно опустились.

— И наконец, — вздохнул Роберт, — не могу назвать ни одной причины в противовес наказанию за мою самонадеянность. Это твое право. Любая женщина по праву сломает мне руку, если я схвачу ее без разрешения. Не сомневаюсь, кстати, что ты можешь это сделать. В свою защиту могу сказать, что сломанная рука — это профессиональный риск молодого землянина. В половине случаев ухаживание на этом просто заканчивается. Но если парень правильно понял ситуацию, женщине это нравится и она не ставит ему фонари под глазами. Ну, а если ошибся, приходится расплачиваться.

Атаклена видела, как лицо Роберта стало задумчивым.

— Знаешь, — сказал он, — я раньше никогда об этом не думал, правда.

Может, люди в этом отношении как спятившие клет-т-тнабс.

Атаклена мигнула. Напряжение медленно проходило, капая с нитей короны; тело приходило в норму. Узлы трансформации под кожей пульсировали, вбирая излишки гир-потока.

Как маленькие мыши, перевела она. Но на этот раз вздрогнула слабее.

И обнаружила, что улыбается. Странное признание Роберта перевело ситуацию — почти смехотворно — в логическую плоскость.

— Удивительно, — сказала она. — Как всегда, в обычаях тимбрими есть параллель. Наши мужчины тоже должны рискнуть.

Она помолчала, нахмурившись.

— Но стилистически ваша техника очень груба! Уровень ошибок, наверное, ужасно велик. У вас ведь нет короны, чтобы понять чувства женщины. Помимо примитивной эмпатии, у вас есть только намеки, кокетство, язык телодвижений. Я удивлена, что вы можете размножаться, не истребив друг друга при этом!

Лицо Роберта слегка потемнело, и Атаклена поняла, что он покраснел.

— Наверно, я слегка преувеличиваю.

Атаклена не могла не улыбнуться снова, на этот раз не только ртом, но и увеличив расстояние между глазами.

— Я уже догадалась об этом, Роберт.

Лицо человека еще больше покраснело, он посмотрел на свои руки. В наступившем молчании Атаклена уловила что-то в себе самой. Она

кеннировала простой глиф кинивуллун — то, что обычно делают юноши. Роберт излучал смущенную искренность, и это заставляло забыть его неподвижные глаза и большой нос, делало его своим. Он теперь казался ей ближе, чем большинство ее сверстников в школе.

Наконец Атаклена выбралась из угла, куда забилась в попытке защититься.

— Ну хорошо, Роберт, — вздохнула она. — Я позволю себе объяснить, почему тебе «очень хотелось» совершить этот чисто человеческий ритуал с представительницей иного вида — со мной. Наверно, потому, что мы подписали супружеский договор? Может, ты считаешь, что должен завершить все брачные обычаи, чтобы исполнить человеческую традицию?

Он пожал плечами, отведя взгляд.

— Нет, я не могу использовать это в качестве предлога. Я знаю, что межвидовые браки носят исключительно деловой характер. Просто… мне кажется, потому что ты красива и умна, а мне одиноко… и, может быть, я немного влюблен в тебя.

Сердце ее забилось быстрее. И на этот раз причина не в химических гир-веществах. Щупальца ее приподнялись словно сами по себе, но никакой

глиф не чувствовался. Напротив, она обнаружила, что щупальца устремились к нему вдоль тонких силовых линий, как в диполе.

— Мне кажется… мне кажется, я понимаю, Роберт. Я хочу, чтобы ты знал, что я…

Трудно найти слова. Вряд ли она сама осознавала, о чем думает в этот момент. Атаклена покачала головой.

— Роберт? — негромко сказала она. — Ты сделаешь мне одолжение?

— Все, что угодно, Кленни. Все, что угодно! — Глаза его широко распахнулись.

— Хорошо. Тогда, не очень увлекаясь, может, ты объяснишь и продемонстрируешь, что именно ты делал, когда так коснулся меня… какие физические моменты с этим связаны? Но на этот раз, пожалуйста, помедленнее.

На следующий день они неторопливо возвращались к пещерам.

Шли медленно, останавливаясь, чтобы посмотреть, как солнечные лучи падают на поляны, задерживались у небольших разноцветных прудов, гадая, какой именно элемент тут накапливается. Иногда они просто держались за руки, слушая негромкие звуки лесной жизни Гарта.

Иногда садились и осторожно эксперимен-

тировали, испытывая приятные ощущения от прикосновений.

Атаклена была удивлена. Большинство нервных окончаний, необходимых для этого, у нее есть. Не требовалось глубокого самовнушения, просто небольшие изменения в капиллярах и рецепторах, чтобы эксперимент осуществился. По-видимому, у тимбрими некогда существовали аналогичные поцелуям ритуалы, поскольку осталась возможность осуществить их.

Вернувшись к обычной форме, она может сохранить некоторые особенности адаптации губ, горла, ушей. Их приятно ласкает ветерок. Словно сладостный эмпатический глиф на короне. А поцелуи, это теплое давление, вызывали в ней сильные, хотя и примитивные чувства.

Конечно, ничего подобного не произошло бы, если бы люди и тимбрими не были так близки. Много любопытных, но глупых теорий ходило среди необразованных слоев населения обоих видов, объясняя это сходство.

Например, предполагалось, что у них есть общий далекий предок.

Разумеется, это нелепая мысль. Но Атаклена знала, что ее случай не первый. Тесные связи на протяжении нескольких столетий привели, ко

многим случаям межвидового флирта, иногда откровенного. Ее открытия, должно быть, уже многократно делались раньше.

Она просто не знала об этом, а разговоры считала непристойными.

Атаклена поняла, что друзья на Тимбрими скорее всего считали ее ханжой. Но ее нынешнее поведение шокировало бы большинство из них!

Она не уверена, что хочет, чтобы дома — если, конечно, она туда доберется, — знали обо всем спектре ее взаимоотношений с Робертом.

Утакалтинг, вероятно, принялся бы смеяться.

«Неважно, — твердо сказала она себе. — Я должна жить сегодняшним днем». Эксперимент помогает проводить время и имеет свои приятные стороны.

А Роберт — отличный учитель.

Конечно, придется установить ограничения. Она, например, готова и дальше изменять распределение ткани в своих грудных железах, а прикосновение к нервным окончаниям в них очень приятно. Но когда дело доходит до основ, она непреклонна. Основы своей физиологии и анатомии она менять не собирается… ни для какого человека!

На обратном пути они осматривали посты вос-

ставших и разговаривали с бойцами. Моральный дух был высок. Ветераны трехмесячных боев спрашивали, когда предводители завлекут в горы новые группы губру. Атаклена и Роберт смеялись и обещали, что подумают, как не оставить бойцов без дела.

Но от них требовали действий. А как завлечь противника, клюв которого несколько раз пускал кровь? Может, пора перенести сражения на его территорию?

Проблема заключалась в отсутствии надежных сведений об обстановке в Синде и Порт-Хелении. Несколько уцелевших участников городского восстания добрались до гор и доложили, что их организация разбита. С того злополучного дня ничего не известно о Гайлет Джонс и Фибене Болджере.

Контакт с некоторыми индивидуумами в городе восстановили, но он был нерегулярным и ненадежным.

Думали о посылке новых разведчиков. Казалось, такую возможность дают объявления губру о выгодной работе всем специалистам по экологии и возвышению. Но к этому времени птицы явно разработали тактику допросов и создали детектор лжи для шимпов. Роберт и Атаклена

решили не рисковать, по крайней мере пока.

Они шли по узкой, редко посещаемой долине, когда увидели обращенный к югу склон, поросший невысокими специфичными растениями. Постояли некоторое время молча, глядя на зеленое поле плоских перевернутых чаш.

— Я так и не покормил тебя печеными корнями плюща, — заметил наконец Роберт.

Атаклена принюхалась, оценив его иронию. Место, где произошел несчастный случай, далеко отсюда. Но этот неровный склон вызвал в ее памяти яркие воспоминания о том ужасном дне, когда начались их «приключения».

— Эти растения больны, в них что-то нарушено? — Она указала на чаши, перекрывающие друг друга, как чешуя дракона. Верхний слой выглядит не таким гладким и толстым, каким остался в ее памяти, он кажется очень тонким и непрочным.

— Гм. — Роберт наклонился, разглядывая ближайшие чаши. — Лето кончается. Жара высушивает верхние пластины. К середине осени, когда поднимутся восточные ветры с Мулунского хребта, они станут тонкими и легкими, как вафли. Разве я не говорил тебе, что они разносят семена?

Ветер подхватывает их и уносит в небо, как

облако бабочек.

— Ах, да. Я помню, ты говорил об этом. — Атаклена задумчиво кивнула.

— Но разве не ты говорил…

Ее прервал громкий крик.

— Генерал! Капитан Онигл!

На узкой лесной тропе показалась группа шимпов. Двое — сопровождавшие их всюду охранники, а третий — Бенджамин! Выглядел он уставшим. Очевидно, бежал всю дорогу от пещер им навстречу.

Атаклена почувствовала, как напрягся Роберт в ожидании неприятностей.

Но с помощью короны она уже знала, что Бен не принес дурных известий. Враг не нападал. И все же шимп казался смущенным.

— В чем дело, Бенджамин? — спросила она.

Он вытер лоб домотканым носовым платком. Потом порылся в другом кармане и вытащил маленький черный кубик.

— Сэры, наш курьер, молодой Петри, наконец возвратился.

Роберт сделал шаг вперед.

— Он добрался до убежища?

Бенджамин кивнул.

— Да, добрался и привез послание Совета. Оно

здесь. — И он протянул куб.

— Послание Меган? — У Роберта перехватило дыхание при виде кубика с записью.

— Да, сэр. Петри говорит, что с ней все в порядке. Она шлет свои наилучшие пожелания.

— Но… но это здорово! — завопил Роберт. — Связь восстановлена! Мы больше не одни!

— Конечно, сэр! Совершенно справедливо. К тому же… — Атаклена наблюдала, как Бенджамин пытается подобрать нужные слова. — Петри принес не только новости: в пещерах вас ждут пять человек.

Роберт и Атаклена замигали.

— Пять человек?

Бенджамин кивнул.

— Морская пехота, сэр.

— О, — сказал Роберт. Атаклена продолжала молчать, но скорее кеннировала, чем слушала.

— Профессионалы, сэр, — продолжил Бенджамин. — Клянусь, это удивительно после такого длительного времени без… ну, я хочу сказать, что с нами вас было только двое. Все шимпы сейчас пребывают в радостном возбуждении. Мне кажется, вам лучше как можно быстрее вернуться.

Роберт и Атаклена в один голос сказали:

— Конечно.

— Немедленно.

Почти неощутимо отношения между Атакленой и Робертом изменились.

Когда подбежал Бенджамин, они держались за руки. Теперь, двигаясь по тропе, им показалось это неуместным. Их близость не нуждалась в объяснениях, им не нужно было смотреть друг на друга, чтобы понять, о чем думает другой.

К лучшему или к худшему, но ситуация изменилась.

Глава 58
РОБЕРТ

Майор Пратачулторн сосредоточенно изучал данные компьютера. Листы с цифрами занимали весь стол. Наблюдая за тем, как работает маленький смуглый человек, Роберт понял, что беспорядок только кажущийся: то, что нужно для работы, он находит, едва взглянув и протянув мозолистую руку.

В перерывах офицер поглядывал на голографический экран и что-то негромко произносил в горловой микрофон. На экране менялись данные в соответствии с его командами.

Роберт спокойно ждал, стоя перед деревянным

столом. В четвертый раз Пратачулторн приглашал его и задавал четко сформулированные вопросы. И каждый раз Роберт испытывал все большее удивление и уважение к пунктуальности и проницательности этого человека.

Совершенно очевидно, что майор Пратачулторн — профессионал. Всего за день он со своим небольшим штабом начал приводить в порядок самодельные тактические программы партизан, перерабатывал данные, выдвигал предложения, которые и в голову не могли прийти партизанам.

Именно в таком человеке, как Пратачулторн, нуждалось их движение.

Именно такого они ждали.

Это бесспорно. Но Роберт возненавидел этого человека и теперь пытался понять, почему.

«Дело ведь не только в том, что он заставляет меня молча стоять перед ним, пока наконец не соизволит обратить внимание». Роберт понимал, что это просто способ подчеркнуть, кто здесь теперь хозяин. И это понимание помогало ему сдерживаться.

Майор выглядел как настоящий офицер морской пехоты, хотя единственным признаком его звания была нашивка на левом плече. У Роберта

даже в мундире не будет такой выправки, как у Пратачулторна в плохо подогнанной домотканой одежде, сшитой гориллами на склонах серного вулкана.

Землянин некоторое время барабанил пальцами по столу. Этот стук напомнил Роберту о головной боли, с которой он борется уже больше часа с помощью обратной биологической связи. Почему-то на этот раз способ не действовал. Роберт испытывал приступ клаустрофобии, ему было душно и тесно. И становилось все хуже.

Наконец Пратачулторн поднял голову. К удивлению Роберта, его первое замечание воспринималось даже как комплимент.

— Ну, капитан Онигл, — сказал Пратачулторн. — Признаюсь, я опасался, что положение будет гораздо, гораздо хуже.

— Приятно слышать, сэр.

Глаза Пратачулторна сузились, он как будто уловил тонкий оттенок сарказма в голосе Роберта.

— Говоря точнее, — продолжал он, — я опасался, что вы солгали в своем докладе правительству в изгнании и что мне придется расстрелять вас.

Роберт подавил желание сглотнуть и умудрился сохранить бесстрастное выражение.

— Я рад, что в этом нет необходимости, сэр.

— Я тоже. Тем более, это вызвало бы недовольство вашей матери.

Учитывая, что вы не профессионал, готов признать, что вы добились неплохих результатов. Майор Пратачулторн покачал головой.

— Нет, пожалуй, неточно. Позвольте сформулировать так. Будь я здесь, я бы многое сделал по-другому. Но в свете того, как проявили себя государственные вооруженные силы, вы с вашими шимпами действовали очень неплохо.

Роберт почувствовал, как пустота в груди рассасывается.

— Шимпов это обрадует, сэр. Хочу напомнить, что я здесь не единственный предводитель. Львиную долю тяжести взвалила на себя тимбрими Атаклена.

На лице майора Пратачулторна появилось кислое выражение. Роберт не знал, то ли из-за того, что Атаклена галакт, то ли он, как офицер, должен был принять всю ответственность на себя.

— А, да. «Генерал». — Улыбка казалась по меньшей мере покровительственной. Майор кивнул. — Я упомяну о ее помощи в своем отчете.

Дочь посла Утакалтинга, несомненно, изобретательна. Надеюсь, она не откажется продолжать

помогать нам — в известных пределах.

— Шимпы преклоняются перед ней, сэр, — заметил Роберт.

Майор Пратачулторн кивнул, посмотрел на стену и задумчиво заговорил:

— Тайна тимбрими, я знаю. Иногда мне кажется, что средства массовой информации сами не ведают, что творят, формируя такое представление. Какие бы чужаки нас ни окружали, люди должны знать, что земляне всегда останутся одинокими. Мы никогда не сможем доверять никому из галактов. Должно быть, решив, что сказал лишнее, Пратачулторн снова покачал головой и сменил тему.

— Теперь относительно будущих операций против врага…

— Мы думали об этом, сэр. Непонятная активность в горах, кажется, кончилась, хотя мы не знаем, надолго ли. Но мы кое-что обдумали и сможем использовать против них, если они вернутся.

— Хорошо. — Пратачулторн кивнул. — Но вы должны понять, что в будущем все действия в Мулуне должны быть скоординированы с действиями других сил по всей планете. Нерегулярные войска просто не способны нанести противнику

ощутимый урон. Это показало неудачное нападение городских шимпов на космические батареи вблизи Порт-Хелении.

Роберт не оспаривал правоту Пратачулторна.

— Да, сэр. Хотя с тех пор мы захватили кое-какое вооружение, которое может оказаться полезным.

— Несколько ракет. Они пригодятся, если мы решим, как их использовать. И особенно, если у нас появится информация, куда их нацеливать. Кое-какая информация у нас уже есть, — продолжал майор. — Я хочу собрать больше и доложить Совету. После этого нашей задачей станет поддержка любых действий Совета.

Наконец Роберт получил возможность задать вопрос, который держал наготове с тех пор, как, вернувшись, обнаружил, что Пратачулторн и его люди переворачивают пещеры вверх дном, во все вмешиваются и всем командуют.

— Что будет с нашей организацией, сэр? Мы с Атакленой дали нескольким шимпам временный офицерский статус. Но, кроме меня, ни у кого здесь нет настоящего офицерского звания.

Пратачулторн поджал губы.

— Ну, ваш случай самый простой, капитан. Вы заслужили отдых. Можете проводить дочь посла Утакалтинга в убежище с моим отчетом

и рекомендациями о присвоении вам очередного звания и награждении медалью. Я знаю, координатору это понравится. Я также сообщу дополнительные сведения о том, как вы открыли резонансную технику обнаружения губру.

По тону было совершенно ясно, что подумает майор о Роберте, если тот примет предложение.

— С другой стороны, я был бы рад, если бы вы присоединились к нам, во внеочередном статусе первого лейтенанта вдобавок к вашему званию в колониальной милиции. Ваш опыт нам бы пригодился.

— Спасибо, сэр. Я останусь здесь, если вы не возражаете.

— Отлично. Придется кого-то другого назначить в эскорт…

— Я уверен, что Атаклена тоже захочет остаться, — торопливо добавил Роберт.

— Гм. Да. Я думаю, какое-то время она будет полезна. Вот что я вам скажу, капитан. Я сообщу обо всем этом в послании Совету. Но в одном мы должны быть уверены: поскольку у нее здесь нет военного статуса, шимпы должны перестать обращаться к ней как к офицеру и командиру. Понятно?

— Да, сэр. — Роберт подумал, как убедить в этом

штатских неошимпанзе, которые называют всех как им заблагорассудится.

— Хорошо. Теперь о тех, кто находился под вашим командованием… У меня с собой несколько бланков колониальных офицерских званий, мы можем присвоить их шимпам, проявившим инициативу. Я не сомневаюсь, что вы назовете мне имена.

Роберт кивнул.

— Да, сэр.

Он вспомнил, что еще один солдат «армии», кроме него самого, служил в милиции. Мысль о Фибене, несомненно давно погибшем, вызвала угнетенное состояние. «Эти пещеры! Они меня с ума сводят! Мне все труднее и труднее оставаться здесь».

Майор Пратачулторн дисциплинированный военный, он месяцы провел в подземном убежище Совета. Но у Роберта не такой твердый характер. «Мне нужно выбраться отсюда!»

— Сэр, — быстро сказал он. — Прошу разрешения оставить базовый лагерь на несколько дней и заняться делом в районе перехода Лорне… в развалинах Хаулеттс-Центра.

Пратачулторн нахмурился.

— Там, где незаконно изменяли генетику го-

рилл?

— Место, где мы одержали свою первую победу, — напомнил Роберт командиру, — и заставили губру сдаться.

— Ха, — усмехнулся майор. — А что вы надеетесь там обнаружить?

Роберт подавил желание пожать плечами. В усиливающейся клаустрофобии, в стремлении любой ценой вырваться, он высказал идею, которая только начинала формироваться в его сознании.

— Возможное оружие, сэр. У меня созрела мысль, которая сможет сослужить хорошую службу, если подтвердится.

Это заинтересовало Пратачулторна.

— Что за оружие?

— Я предпочел бы сейчас не вдаваться в подробности, сэр. Сначала мне нужно кое-что подтвердить. Я буду отсутствовать не больше трех-четырех дней. Обещаю.

— Гм. Что ж, — Пратачулторн поджал губы. — Мне потребуется столько времени, чтобы привести в порядок данные. Пока вы будете только путаться под ногами. Но потом вы мне понадобитесь. Нужно будет готовить отчет Совету.

— Да, сэр, Я буду торопиться.

— Хорошо. Возьмите с собой лейтенанта Маккью. Я хочу, чтобы один из моих людей ознакомился с местностью. Покажите Маккью, как вам удалось организовать эту маленькую засаду, познакомьте ее с основными партизанскими группами и немедленно возвращайтесь. Вы свободны.

Роберт вытянулся. «Кажется, теперь я знаю, почему ненавижу его», — подумал он, отдавая честь, повернулся кругом и вышел, отодвинув повешенное вместо двери подземного кабинета одеяло.

Вернувшись в пещеры и обнаружив Пратачулторна и его людей, которые всюду расхаживали по-хозяйски, покровительственно обращались к шимпам покритиковали все, что они сделали вместе, Роберт чувствовал себя ребенком, которому до поры до времени разрешали играть героя. Но теперь ему предстоит вынести родительское поглаживание по головке. А оно обжигает, хотя и означает похвалу.

Аналогия не слишком верная, чувствовал Роберт, но справедливая.

Он молча вздохнул и пошел подальше от кабинета и арсенала, которые раньше делил с Атакленой, а теперь заняли взрослые.

Только снова оказавшись под высоким лесным пологом, Роберт понял, что может дышать свободно. Знакомый аромат деревьев очищал легкие от влажных запахов пещер. Впереди и по бокам шли разведчики, которых он хорошо знает, быстрые, верные: они выглядели свирепо со своими самострелами и черными лицами. «Мои шимпы», — подумал он, испытывая при этих словах легкий комплекс вины и собственника, которые не оставляли его. Все равно как в «прежние времена», до вчерашнего дня, когда он считал себя нужным и важным.

Однако иллюзия тут же рассеялась. Рядом послышался голос лейтенанта Маккью.

— Эти горные леса очень красивы, — сказала она. — Жаль, что мне не пришлось побывать здесь до начала войны. — Она наклонилась и притронулась к цветку с голубыми прожилками; тот сложился от прикосновения и спрятался в зарослях. — Я читала об этом, но впервые вижу своими глазами.

Роберт уклончиво улыбнулся. Он будет вежлив и ответит на прямой вопрос, но разговор его не интересует, особенно с заместителем майора Пратачулторна.

Лидия Маккью — спортивная молодая женщи-

на, со смуглым приятным лицом.

Движения, гибкие, как у разведчика или убийцы, и в то же время грациозные.

Одетую в домотканую набедренную повязку и блузу, ее можно было бы принять за деревенскую танцовщицу, если бы не арбалет с автоматическим заводом, который она, как ребенка, несет на руке. В карманах у нее достаточно стрел, чтобы превратить в подушечку для иголок всех губру на сто километров вокруг. И ножи у нее на запястьях и в голенищах не для красы.

Она легко держалась рядом с ним на пересеченной местности и в путанице лиан, хотя он шел быстро. И хорошо, потому что он не собирался задерживаться. В глубине души Роберт понимал, что он несправедлив. По-своему она очень неплохой человек — как профессиональный солдат. Но почему-то все привлекательное в ней еще больше раздражало его.

Роберт жалел, что Атаклена не захотела пойти с ним. Но она настояла на том, чтобы остаться на поляне у пещер, экспериментируя с движущимися лианами и создавая странные глифы, слишком тонкие для его слабого восприятия. Роберт обиделся и на первых же километрах чуть не загнал свой эскорт.

— Так много жизни. — Земная женщина держалась рядом, вдыхая лесные запахи. — Мирное место.

«Ты ошибаешься в обоих случаях», — подумал Роберт с тенью презрения к ее неспособности понять правду Гарта, правду, которую он ощущает вокруг себя. Благодаря урокам Атаклены он теперь мог воспринимать, пусть неуверенно и неглубоко, следы волн жизни, которые прокатываются по тихому лесу.

— Это несчастная земля, — просто сказал он. Но не стал уточнять, хотя она удивленно взглянула на него. Его примитивное эмпатическое чувство отступило перед ее смятением.

Некоторое время они двигались молча. Утро переходило в полдень.

Где-то поблизости послышался свист разведчиков, и они укрылись в густых ветвях. Над головой пролетал большой крейсер. Выждав, Роберт, не сказав ни слова, зашагал дальше.

Наконец Лидия Маккью вновь заговорила.

— Это место, куда мы идем, — сказала она, — этот Хаулеттс-Центр.

Расскажите мне о Нем. Он не может отказать: ведь Пратачулторн послал ее ознакомиться с обстановкой. Роберт старался говорить бесстраст-

но, но в голосе прорывались эмоции. Следуя ее негромким вопросам, Роберт рассказал Лидии Маккью о замечательной, хотя и незавершенной работе ученых, которая так печально закончилась. Его мать, разумеется, ничего не знала о Хаулеттс-Центре. Сам он лишь случайно узнал о нем за год до вторжения и решил хранить молчание.

Конечно, теперь смелый эксперимент завершился. Потребуется чудо, чтобы спасти неогорилл от стерилизации, сейчас, когда тайна стала известна людям типа майора Пратачулторна.

Пратачулторн может ненавидеть галактическую цивилизацию со страстью, граничащей с фанатизмом, но он понимает, что люди не должны нарушать торжественные договоры с галактическими Институтами. Сейчас единственная надежда Земли на древний кодекс Прародителей. И, чтобы оставаться под защитой этого кодекса, слабые кланы, подобно жене Цезаря, должны быть выше подозрений.

Лидия Маккью внимательно слушала. У нее широкие скулы и страстные глубокие глаза, но Роберту больно смотреть в них. Слишком они близко посажены, слишком неподвижны. И он видел лишь тропу впереди.

Но мягкий голос женщины-офицера привлекал его. Роберт с удивлением обнаружил, что продолжает болтать, теперь уже о Фибене Болджере, о том, как они спаслись во время газовой бомбардировки фермы Мендозы, о первом походе его друга в Синд.

И о втором, из которого он не вернулся.

Они пересекли хребет, покрытый странными камнями-чешуями, и оказались на площадке над узкой долиной, к западу от прохода Лорне. Роберт указал на развалины нескольких зданий.

— Хаулеттс-Центр, — просто сказал он.

— Здесь вы заставили губру принять шимпов, как равных противников? И принудили их сдаться? — спросила Лидия Маккью. Роберт почувствовал, что в голосе ее звучит уважение, повернулся и бросил на нее взгляд. Она ответила улыбкой. Роберт понял, что краснеет.

Он быстро отвернулся, указал на ближайший склон и принялся рассказывать, как организовали засаду, как она подействовала. Он опустил только собственный полет с трамплина и нападение на часового губру. В конце концов его роль второстепенная, главную тогда играли шимпы. И он хотел, чтобы земляне-офицеры знали это.

Он заканчивал рассказ, когда подошла Элси.

Шимми отдала честь. До прихода военных в этом не было необходимости.

— Не знаю, что там внизу происходит, сэр, — честно сказала она. — Губру очень интересовались этими развалинами. Они могут вернуться.

Роберт покачал головой.

— Бенджамин принял капитуляцию выживших врагов при условии, что губру в этой долине появляться не будут и снимут наблюдение даже за подходами к ней. Есть признаки нарушения договора?

Элси покачала головой.

— Нет, но… — Она поджала губы, воздержавшись от замечания, что не слишком умно полагаться на слово ити.

Роберт улыбнулся.

— Ну, тогда пошли. Если поторопимся, к заходу вернемся.

Элси пожала плечами, сделала несколько быстрых жестов руками. Шимпы выскочили из-за камней и устремились в лес. Спустя короткое время послышался разрешающий свист. Остальная часть группы быстро пересекла открытое место.

— Они хороши, — негромко заметила Лидия Маккью, когда они снова оказались под деревьями.

Роберт кивнул, заметив, что она не добавила «для любителей», как поступил бы Пратачулторн, за что мысленно поблагодарил ее. Но в то же время хотел, чтобы она была менее учтивой.

Скоро они уже подходили к развалинам, старательно отыскивая следы пребывания кого-нибудь после битвы. Но таких признаков не было, хотя это не ослабило бдительности шимпов. Роберт пытался кеннировать, использовать Сеть, чтобы обнаружить присутствие врага, но мешали собственные чувства. Он жалел, что с ними нет Атаклены.

Разрушение Хаулеттс-Центра оказалось сильнее, чем ожидалось при наблюдении со склона. Почерневшие от огня стены зданий рухнули под напором джунглей, бывшие газоны буйно заросли. Машины губру, с которых давно сняли все ценное, лежали в зарослях травы, доходившей Роберту до пояса.

«Нет, здесь явно никто не появлялся, — подумал Роберт. Он пробирался через развалины. Ничего интересного не осталось. — Зачем я пришел сюда?» — подумал он. Он знал, что его идея — лишь предлог, чтобы сбежать из пещер, уйти подальше от Пратачулторна.

Уйти от неприятной правды о себе самом.

Возможно, одна из причин его прихода сюда в том, что именно здесь он вплотную столкнулся с врагом.

Или он надеялся вернуть недавнее ощущение, когда ходил по мирным лесам. Он надеялся прийти сюда с другой женщиной, не с той, что сопровождает его, подвергая все профессиональному осмотру.

Роберт отбросил мрачные мысли и направился к разбитым вражеским танкам. Опустился на одно колено, отвел высокую буйную траву.

Механизмы губру, внутренности бронированных машин, коробки передач, крылья лопастей, гравитика…

Многие части покрылись тонкой желтоватой патиной. В некоторых местах блестящая пластмасса обесцветилась, утончилась и даже сломалась. Роберт потянул, и в руках его оказался небольшой кусок.

«Да будь я синеносым взломщиком! Я прав. Моя догадка подтверждается».

— Что это? — спросила у него за плечом лейтенант Лидия Маккью.

Он покачал головой.

— Пока не знаю. Но как будто что-то разъело эти части.

— Можно мне поглядеть?

Роберт протянул ей кусок корродированного керамета.

— Ради этого вы хотели прийти сюда? Вы догадывались об этом?

Он не видел смысла рассказывать ей обо всех причинах, в том числе личных.

— Да, в основном. Я подумал, может, мы используем это, как оружие.

Все записи и установки сожгли, когда эвакуировали центр. Но уничтожить микробы, созданные в лаборатории доктора Шульца, не смогли.

Он не стал добавлять, что у него в рюкзаке флакон со слюной горилл.

Если бы он не обнаружил вооружение губру в таком состоянии, то поставил бы собственный эксперимент.

— Хм. — Материал раскрошился в руке Лидии Маккью. Она забралась под машину и стала разглядывать поврежденные части. Наконец выбралась и села рядом с Робертом.

— Может, и пригодится, но остается проблема доставки. Мы не станем покидать горы, чтобы поливать микробами установки губру в Порт-Хелении.

— К тому же биооружие быстро теряет свою

эффективность. Нужно будет использовать все одновременно и неожиданно, потому что обычно принимаются быстрые и надежные меры. Через несколько недель микроорганизмы будут нейтрализованы — химически или путем клонирования другого микроорганизма, который уничтожит наши.

— Но все равно. — Она повертела в руках новый кусок и с улыбкой посмотрела на Роберта. — Это здорово. То, что вы сделали раньше, и это…

Именно так надо вести партизанскую войну! Мы сможем это использовать.

Она так открыто и дружески улыбалась, что Роберт не мог не ответить.

И почувствовал зов плоти, который пытался подавить весь день.

«Черт возьми, она привлекательна», — жалобно подумал он. Тело сигнализировало ему сильнее, чем в присутствии Атаклены. А он ведь едва знает эту женщину! Она ему не нравится и он не связан с ней, как с тимбрими, супружеством.

Но во рту у него пересохло, сердце забилось быстрее, когда она смотрела на него, узкоглазая, тонконосая, с высокими бровями, женщина…

— Пора возвращаться, — быстро сказал он. — Идите вперед и возьмите образцы, лейтенант.

Испытаем их на базе.

Не обращая внимания на ее долгий взгляд, он встал и сделал знак Элси.

Скоро с образцами в рюкзаках они снова поднимались к камням-чешуям.

Бдительные стражи с явным удовольствием снова скрылись в лесу.

Роберт шел, не глядя под ноги. Он пытался не думать о другом представителе своей расы, идущем рядом. И потому хмурился и холодно прятался за завесой из собственных мыслей.

Глава 59
ФИБЕН

Фибен и Гайлет сидели рядом под немигающими взглядами специалистов губру в масках, которые направляли на двух шимпов свои приборы с бесстрастной аккуратностью экспериментаторов. Со всех сторон на них нацелились шары с многочисленными линзами и плоские экраны. Испытательная станция представляла собой путаницу труб и стерильных блестящих машин.

И все же от этого места разило птицами-чужаками. Фибен сморщил нос и снова запретил

себе негативные мысли о губру. Несомненно, среди этих машин есть и пси-детекторы. И хотя он сомневался, чтобы они действительно могли «прочесть его мысли», общее отношение галакты могут определить.

Фибен искал предмет для размышлений. Наклонился влево и обратился к Гайлет.

— Я разговаривал с Сильвией, перед тем как за нами пришли сегодня утром. Она сказала, что не посещала «Обезьянью гроздь» с того вечера, когда я пришел в Порт-Хелению.

Гайлет посмотрела на Фибена напряженно и неодобрительно.

— Ну и что? Может, сейчас таких игр, как ее стриптиз, больше нет, но губру найдут применение ее разнообразным талантам.

— С тех пор она отказалась делать что-либо подобное, Гайлет. Честно.

Не понимаю, почему ты так враждебно к ней настроена.

— А я не понимаю, как ты можешь быть дружески расположен к тюремщику!

— выпалила Гайлет. — Она проби и коллаборационист!

Фибен покачал головой.

— На самом деле Сильвия не проби, даже не се-

рая или желтая, она имела зеленую репрокарту. Она присоединилась к ним, потому что…

— Меня не интересуют ее причины! О, представляю, какую печальную историю она тебе поведала, недотепа, хлопая ресницами и размягчая тебя, чтобы…

Из соседней машины послышался низкий атональный голос:

— Молодые разумные неошимпанзе… тише. Тише, юные клиенты…

Гайлет отвернулась, стиснув зубы.

Фибен мигнул. «Хотел бы я лучше понимать ее», — подумал он. Зачастую он не мог предположить, что может вывести Гайлет из себя.

Прежде всего мрачное настроение Гайлет вынудило его разговаривать с Сильвией, просто ради компании. Он хотел объяснить это Гайлет, но решил, что ни к чему хорошему это не приведет. Лучше подождать, пока она сама справится со своими чувствами. Так всегда бывает.

Всего час назад они смеялись, шутили друг с другом, разбирая сложные механические головоломки, забыв на время о немигающих механических взглядах. Закончив и взглянув на сложенную ими башню, они поняли, что удивили наблюдателей. И в этот момент рука Гайлет

невинно и дружески проскользнула в его руку.

И все время так. Фибен иногда чувствовал, что этот опыт полезен для него. Впервые в жизни, например, у него нашлось время, чтобы просто посидеть и подумать. Теперь им разрешили книги, и Фибен получил несколько томов, которые давно хотел прочесть. Разговоры с Гайлет приоткрыли перед ним таинственный мир науки о чужаках. Он, в свою очередь, рассказывал ей о том, какую грандиозную работу начали здесь, на Гарте, осторожно приводя разрушенную экосистему в первоначальное состояние.

Но постоянно возникали длинные мрачные паузы, когда часы тянулись бесконечно. В такие моменты над ними словно нависал полог угрюмости.

Стены, казалось, смыкаются, разговор постоянно возвращался к войне, к воспоминаниям о подавленном восстании и потерянных друзьях и к тоскливым размышлением о судьбе самой Земли.

В такие периоды Фибену казалось, что он готов отдать всякую надежду на долгую жизнь за несколько часов свободы под деревьями и чистым небом.

Так что даже новые тесты губру принесли обо-

им облегчение.

Без всякого предупреждения машины отъехали, и перед скамьей открылся широкий проход. «Мы закончили, закончили... Вы делали хорошо, хорошо... А теперь идите за шаром, идите за ним к транспорту».

Фибен и Гайлет встали, и перед ними возникла коричневая октаэдральная проекция. Не глядя друг на друга, они пошли вслед за голограммой, миновали техников-чужаков, вышли из испытательного помещения и пошли по длинному коридору.

Мимо с негромким гулом хорошо отлаженных механизмов скользили служебные роботы. Однажды из двери кабинета выскочил кваку, бросил на них удивленный взгляд и снова исчез за дверью. Наконец Фибен и Гайлет вышли через большой портал на солнечный свет. Фибену пришлось закрыть глаза.

Стоял отличный день, но чувствуется, что короткое лето уже кончается.

Шимпы на улицах за лагерем губру были одеты в легкие свитера — еще один признак близкой осени.

Никто из шимпов не смотрел на них. Расстояние слишком велико, чтобы Фибен смог понять,

каково их настроение, или надеяться, что кто-нибудь узнает его или Гайлет.

— Назад поедем в другой машине, — прошептала Гайлет. Она указала на посадочную площадку внизу. Действительно, желто-коричневый военный фургон, который привез их сюда, сменился большой открытой баржей на воздушной подушке. За местом пилота стоял высокий резной пьедестал. Слуги-кваку держали зонтик, закрывая клюв и гребень хозяина от яркого света Гимельхая.

Крупного губру они узнали. Его густой, слегка блестящий плюмаж казался в большем беспорядке, чем в прошлый раз, в полутемной камере тюрьмы, в которой их содержали. И его оперение сильнее отличалось от оперения обычных функционеров губру. В нескольких местах радужные перья казались изорванными. На птичьем аристократе было полосатое ожерелье.

Сюзерен нетерпеливо расхаживал по насесту.

— Ну, ну, — прошептал Фибен. — Да ведь это наш старый друг, Что-то-о-Хорошем-Домоводстве.

Гайлет фыркнула, удерживаясь от смеха.

— Его зовут сюзерен Праведности, — напомнила она Фибену. — Полосатое ожерелье подтвер-

ждает, что он возглавляет касту священников. Помни, что нужно вести себя прилично. Не чешись и смотри, что делаю я.

— Буду повторять каждый ваш шаг, госпожа.

Гайлет не обратила внимания на его сарказм и вслед за ведущей голограммой прошла к ярко окрашенной барже. Фибен шел следом.

Когда они дошли до посадочной площадки, голограмма исчезла. Кваку, с воротником из перьев ярко-розового цвета, чуть заметно поклонился им.

— Вам оказана честь… великая честь… наш патрон… благородный патрон соизволил показать вам… вам, полусформировавшимся… преимущества вашей судьбы.

Кваку говорил без помощи переводчика. Это само по себе чудо, учитывая его высокоспециализированные органы речи. В сущности, он говорил на англике очень правильно, только немного задыхаясь, отчего речь его казалась нервной и выжидательной.

Вряд ли легко работать на сюзерена Праведности. Фибен повторил поклон Гайлет и молчал, пока она отвечала.

— Внимание твоего хозяина для нас великая честь, высокий патрон из великою клана снизо-

шел до нас, — сказала она медленно, на хорошем галактическом-семь. — Тем не менее мы, во имя своих патронов, сохраняем за собой право не одобрять его действия.

Даже Фибен ахнул. Собравшиеся кваку гневно заворковали, угрожающе распустили перья.

Их гнев прервали три резкие ноты. Передний кваку быстро повернулся и поклонился сюзерену, который передвинулся на край насеста, ближе к двум шимпам. Раскрыв клюв, губру наклонился, разглядывая Гайлет сначала одним глазом, потом другим. Фибен обнаружил, что с него ручьями льет пот.

Наконец чужак выпрямился и зачирикал на собственном, с богатыми интонациями, варианте галактического-три. Только Фибен заметил, как дрожь облегчения пробежала по напряженной спине Гайлет. Он не понял слов сюзерена, но переводчик тут же произнес:

— Хорошо сказано… хорошо сказано… хорошо для клиентов клана Земли… Идите… идите и увидите… идите и увидите и услышите… вы не сможете не одобрить договор, даже именем своих патронов. Фибен и Гайлет переглянулись и дружно поклонились.

Воздух позднего утра был чист, а слабый запах

озона, вероятно, не предвещал дождя. Правда, такие древние приметы бесполезны в мире высокой технологии.

Баржа шла на юг мимо закрытых лодочных причалов Порт-Хелении и через залив. Фибен впервые увидел, как изменилась гавань после прихода чужаков. Прежде всего сократился рыболовный флот. Только один из каждых четырех траулеров не лежал на берегу или в сухом доке. Почти таким же мертвым выглядел главный торговый порт. У причалов стояло несколько заброшенных мореходных судов; ясно, что уже много месяцев они бездействовали. Фибен видел, как медленно причаливает к берегу один из еще работающих рыболовных траулеров: по-видимому, какая-то случайная поломка, а экипаж из шимпов не в силах с ней справиться в море. Плоскодонный корабль поднимался и падал на волнах там, где море встречается с заливом.

Экипаж сражался изо всех сил, потому что проход в залив стал гораздо уже, чем раньше, в мирные дни. Половину протоки закрывал мощный изогнутый утес — кераметаллическая стена крепости чужаков. В легкой дымке то появлялся, то пропадал военный корабль губру. Капли воды конденсировались на его защитных

экранах, играли радуги, и туман опускался на барахтающийся траулер, который, наконец, волны вынудили повернуть на север. Баржа сюзерена пролетела над ним; Фибен не видел лиц рыбаков, но заметил, с каким облегчением вздохнули матросы, когда корабль наконец достиг тихих прибрежных вод.

От мыса Бореалис берег залива идет несколько километров на север, потом поворачивает непосредственно к Порт-Хелении. Этот высокий берег пуст, если не считать нескольких навигационных бакенов. Ветви сосен мягко шелестели на морском ветерке.

Однако на юге, через узкий пролив, все выглядело совершенно по-другому. За стоящим военным кораблем местность преобразована. Лес убрали, изменили очертания утеса. Вдали поднимался столб дыма и виднелось множество машин на воздушной подушке и тяжелых подъемников. Еще южнее, в сторону космопорта, возводились новые купола, как часть оборонительной сети губру; их сооружению пытались помешать партизаны своим неудачным нападением. Но баржа как будто направлялась не туда. Она повернула к новой строительной площадке на узкой холмистой полосе между заливом Аспинал и морем

Гилмор.

Фибен понимал, что безнадежно пытаться узнать у хозяев, что там строят. Специалисты и служители кваку вежливы, но вежливость их угрюмая.

Вероятно, они подчинялись приказу. И никакой информации они не давали.

Гайлет подошла к поручню, где стоял Фибен, и взяла его за руку.

— Смотри, — прошептала она испуганно.

Баржа поднялась над холмом, и перед ними открылось удивительное зрелище.

Вершину одного из холмов у самого берега океана выровняли, а у ее основания находилась группа зданий, в которых Фибен узнал протонную энергетическую станцию. Оттуда вверх по склонам холма отходили многочисленные кабели. А на срезанной вершине располагалось полушарие плоскостью вверх; оно сверкало, как мраморная чаша в лучах солнца.

— Что это? Полевой энергетический проектор? Какое-то оружие?

Фибен покачал головой и наконец пожал плечами.

— Понятия не имею. Не похоже на военное сооружение. Но что бы оно ни делало, для этого

требуется большая энергия. Ты только посмотри на эту станцию. Гудолл!

На них упала тень — не рваная пушистая прохлада облака, проходящего под солнцем, а резкий холод чего-то прочного и огромного. Фибен вздрогнул, но не от перепада температур. Они с Гайлет пригнули головы, глядя на гигантский подъемник, проходящий всего в ста метрах над ними. Однако их хозяева-птицеподобные оставались невозмутимы. Сюзерен стоял на насесте, игнорируя гудящие поля, от которых вздрагивали шимпы.

«Они не любят неожиданностей, — подумал Фибен. — Но когда обладают информацией — сильны».

Их корабль начал длинный медленный облет строительной площадки. Фибен думал о назначении перевернутой чаши вверху, когда к нему подошел кваку с розовым воротником и слегка наклонил голову.

— Великий снисходит… оказывает любезность… и предлагает общность… взаимовыгодность… целей.

Сюзерен Праведности гордо восседал на своем насесте на другом конце баржи. Фибен жалел, что не может понять выражения лица губру. «Что у

старой птицы на уме?!» — подумал он, но скорее риторически.

Гайлет ответила таким же легким поклоном.

— Пожалуйста, передай своему достопочтенному патрону, что мы покорно выслушаем его предложение.

Галактический-три сюзерена звучал протокольно, и одновременно сюзерен исполнял жеманный танец вежливости. Переводчик не помог Фибену понять происходящее. Поэтому Фибен следил скорее за Гайлет, чем за губру, стараясь разобраться.

— …допустимый пересмотр Ритуала Выбора и советника возвышения… изменения, вносимые в критические периоды ответственными представителями клиентов… должны быть выполнены точно в интересах расы их патронов…

Гайлет казалась потрясенной. Она недоверчиво смотрела на губру. Губы ее сжались в тонкую линию, переплетенные пальцы побелели от напряжения.

Сюзерен прекратил чирикать, переводчик еще некоторое время говорил, затем наступила тишина, слышался только свист ветра и слабое гудение машин баржи.

Гайлет глотнула. Поклонилась. Казалось, ей

трудно говорить.

«Ты можешь», — молча подбадривал ее Фибен. Речевой барьер может поразить любого шимпа, особенно в напряженной ситуации, но Фибен знал, что ничем не должен помогать Гайлет.

Гайлет закашлялась, снова глотнула и сумела произнести.

— Досто… почтенный старший… мы не можем говорить… от лица своих патронов… или даже всех шимпов Гарта. То, что ты предлагаешь…

Сюзерен снова заговорил, как будто она полностью ответила. Или просто считал, что патрон может прервать клиента, в этом нет нарушений этикета.

— Тебе не нужно… не нужно… отвечать немедленно, — произнес переводчик; губру чирикал и раскачивался на насесте. — Думай… соображай… обдумывай… тебе предоставят материалы. Ты получишь преимущество.

Чириканье снова смолкло, переводчик погудел и тоже затих. Сюзерен, по-видимому, отпустил их, просто закрыв глаза.

Словно по невидимому сигналу, пилот баржи повернул и повел корабль в сторону от строительства, к Порт-Хелении. Военный корабль в гавани, огромный и невозмутимый остался позади, в

покрове тумана и радуг. Фибен и Гайлет вслед за кваку направились к сидениям в конце баржи.

— Что это все значит? — прошептал Фибен. — Что за церемонию нам предлагали? Чего ждет от нас проклятая птица?

— Ш-ш-ш! — Гайлет знаком попросила Фибена молчать. — Объясню позже, Фибен. А сейчас дай мне подумать.

Она села в углу, обхватив колени руками, с отсутствующим видом почесала левую ногу. Ее рассеянный взгляд не изменился, когда Фибен сделал жест, словно хотел покопаться в ее шерсти. Она продолжала смотреть за горизонт, словно мысли ее были далеко-далеко.

В камере они обнаружили много изменений.

— Я думаю, мы выдержали испытание, — сказал Фибен, глядя на преобразившееся помещение.

Цепи убрали сразу же после первого посещения сюзерена, той темной ночью несколько недель назад. Потом солому заменили матрацами, и им позволили получать книги.

Но теперь прежняя обстановка казалась поистине спартанской. Пол накрыли плюшевым ковром, большую часть одной стены покрывала дорогая голографическая шпалера. Появились также удобства в виде кроватей, стульев и стола,

и даже музыкальная установка.

— Нас подкупают, — сказал Фибен, перебирая кубы с музыкальными записями. — Черт возьми, у нас есть что-то нужное им. Может, сопротивление не разгромлено. Может, Атаклена и Роберт жалят их, и они хотят, чтобы мы…

— Это не имеет никакого отношения к твоему генералу, Фибен, — еле слышным шепотом отозвалась Гайлет. — Или почти не имеет. Дело гораздо серьезнее. — Лицо ее омрачилось, всю дорогу назад она молчала и нервничала. Иногда Фибену казалось, что он слышит, как вращаются колесики у нее в голове.

Гайлет знаком позвала его к новой голостене. В этот момент она изображала трехмерную сцену из абстрактных форм и рисунков — кажущуюся бесконечной последовательность блестящих кубов, шаров и пирамид, уходящих вдаль. Гайлет села, скрестив ноги, и повозилась с управлением.

— Дорогая установка, — сказала она чуть громче, чем необходимо. — Давай поиграем и посмотрим, что она может делать.

Фибен сел рядом с ней, а эвклидовы фигуры расплылись и исчезли.

Щелкнул контроллер под рукой Гайлет, и

неожиданно стена растаяла и появилась новая картинка — широкий песчаный пляж. Небо, вплоть до низкого серого горизонта, закрывали тучи, грозящие дождем. В двадцати метрах от берега катились волны прибоя, такие натуральные, что ноздри Фибена расширились, пытаясь уловить соленый запах.

Гайлет сосредоточилась на управлении.

— Это, должно быть, общий план, — услышал Фибен ее негромкий голос.

Прекрасная морская сцена исчезла, и на ее месте оказалась сплошная стена листвы. Картина джунглей, такая живая и настоящая, что Фибену захотелось перескочить и скрыться в чаще, если бы здесь имелось средство таинственной «телепортации», о которой любят писать фантасты, а не высококачественное голографическое изображение.

Глядя на пейзаж, выбранный Гайлет, он сразу понял, что это не Гарт.

Перевитый лианами тропический лес полон жизни, шума, дрожи, цвета и разнообразия. Кричали птицы и обезьяны-ревуны.

«Земля», — подумал он. Позволит ли ему галактика когда-нибудь осуществить свою мечту и побывать на родине? Вряд ли, судя по теперешне-

му состоянию дел.

Слова Гайлет вернули его к действительности.

— Сейчас попробую сделать еще реальнее. — Шум усилился. Их окружили голоса джунглей.

«Зачем она это делает?» — подумал Фибен.

Неожиданно он кое-что заметил. Увеличивая уровень звука, Гайлет одновременно сделала красноречивый жест. Фибен моргнул. Знак на детской речи, язык жестов, которым пользуются детеныши шимпов до четырех лет, когда им становится доступна звуковая речь.

«Взрослые слушают», — предупреждал этот знак.

Звуки джунглей, казалось, заполнили комнату, отражаясь от остальных стен.

— Вот так, — сказала Гайлет негромко. — Сейчас они не смогут нас услышать. Можем поговорить открыто.

— Но… — попытался возразить Фибен и снова увидел жест.

«Взрослые слушают».

Его уважение к Гайлет еще более возросло. Конечно, она знает, что этот простой способ не помешает подслушать каждое их слово. Но губру и их агенты, должно быть считают, что шимпы глупы, и поверят, что могут говорить откровенно.

И если они немного подыгрывают противнику…

«Какую сложную сеть мы сплетаем», — подумал Фибен. По-настоящему шпионское приключение. Забавно — по-своему.

Но он также знал, что авантюра эта очень опасна.

— У сюзерена Праведности возникла проблема, — сказала Гайлет вслух.

Ее руки по-прежнему лежали на коленях.

— Он тебе сказал об этом? Но если у губру неприятности, почему…

— Я сказала не «у губру», хотя, вероятно, это тоже справедливо. Я говорю о самом сюзерене Праведности. У него неприятности с другими руководителями. По-видимому, какое-то время тому назад священник допустил ошибку и теперь расплачивается за это.

Фибен поразился тому, что высокомерный повелитель чужаков снизошел до клиентов землян и сообщил такую новость. Эта мысль ему не понравилась.

Вряд ли такую доверительность можно назвать нормальной.

— А в чем заключалась ошибка? — спросил он.

— Ну, во-первых, — ответила Гайлет, почесывая колено, — несколько месяцев назад он настоял

на десанте в горы солдат Когтя и ученых.

— Зачем?

Лицо Гайлет приняло нейтральное и строго контролируемое выражение.

— Они искали… гартлингов. — Что искали? — Фибен замигал и начал хохотать.

Потом смолк, встретив предупреждающий блеск ее глаз. Она отняла руку с колен и подала знак быть осторожнее.

— Гартлингов, — повторила Гайлет.

"Поразительная глупость и сверхъестественный вздор! — подумал Фибен.

— Только невежественные шимпы с желтыми картами пугают своих детей сказками о гартлингах". Приятно было думать, что умудренные опытом губру клюнули на такие россказни.

Но Гайлет эта мысль не казалась веселой.

— Ты должен понять, Фибен, как возбудился сюзерен, когда поверил в существование гартлингов. Представь себе, какая удача для клана, получившего права на предразумную расу, пережившую катастрофу бурурали.

Самое меньшее из последствий — немедленная передача лицензии на Гарт. Ее отнимут у Земли и передадут губру.

Фибен понял ее мысль.

— Но… но почему он подумал, будто…

— Кажется, это дело рук посла тимбрими Утакалтинга, Фибен. Помнишь тот день, когда взорвался архив? Когда ты пытался вскрыть дипломатический сейф тимбрими?

Фибен раскрыл рот и снова закрыл. Он пытался думать. Что за игру начала Гайлет?

Очевидно, сюзерен Праведности знает, что именно Фибен — тот самый шимп, которого видели в дыму и запахе жареных губру в день взрыва бывшего посольства тимбрими. Знает, что именно Фибен играл в рискованную игру со стражем сейфа, что он потом сбежал по склону утеса под самыми клювами солдат Когтя.

Знает, потому что ему сказала Гайлет? Но в таком случае рассказала ли она о тайном послании, которое нашел Фибен в нише сейфа и отнес Атаклене?

Он не может ее об этом спрашивать. Предупреждающий взгляд заставлял его молчать. «Надеюсь, она знает, что делает», — искренне взмолился он.

Фибен чувствовал, как взмокли ладони, покрылся испариной лоб.

— Продолжай, — обронил он.

— Твое появление уничтожило иммунитет сей-

фа и позволило губру заглянуть в него, вскрыть сейф. И тут они решили, что им повезло.

Саморазрушающиеся системы сейфа частично отказали. И в сейфе нашли доказательства того, что посол тимбрими самостоятельно расследовал дело о гартлингах.

— Утакалтинг? Но… — И тут до Фибена дошло. Он смотрел на Гайлет, вытаращив глаза, потом согнулся и закашлялся, пытаясь подавить хохот. Краткий речевой барьер оказался настоящим благословением: Гайлет не пришлось утихомиривать его. Он кашлял и бил себя в грудь. — Прошу прощения, — выговорил он наконец с трудом.

— Теперь губру считают это искусным розыгрышем, — продолжала Гайлет.

«Без шуток», — молча подумал Фибен.

— Вдобавок к фальсификации Утакалтинг изъял из местной Библиотеки все файлы, связанные с возвышением, чтобы сюзерену показалось, что что-то скрывают. Губру дорого обошлась эта шутка Утакалтинга. Например, сюда привезли планетарную Библиотеку исследовательского класса. И они потеряли в горах немало ученых и солдат, прежде чем разобрались.

— Потеряли? — Фибен наклонился вперед. — Как потеряли?

— Шимпы-партизаны, — сжато ответила Гайлет, и снова бросила предупреждающий взгляд. «Послушай, Гайлет, — подумал Фибен. — Я ведь не дурак». Он прекрасно понимал, что нельзя говорить о Роберте и Атаклене. Он даже подумать о них боялся.

Но сдержать улыбку не смог. Вот почему кваку были так вежливы! Если шимпы ведут войну, и ведут по правилам, с ними в таком случае следует обращаться с минимальным, но уважением.

— Шимпы горных областей пережили тот первый день! Они ужалили захватчиков и продолжают жалить их! — Это он может себе позволить. Будет лишь правдоподобнее.

Гайлет напряженно улыбнулась. Эта новость, видимо, вызывала у нее противоположные чувства. Ведь ее часть восстания закончилась менее успешно.

"Итак, — подумал Фибен, — хитроумный розыгрыш Утакалтинга убедил губру, что есть на этой планете что-то не менее важное, чем колония, взятая в заложники. Гартлинги! Только представить себе! Они отправились в горы на поиски мифа. А генерал нашла способ нанести им ущерб, как только они оказались в пределах досягаемости.

Как я жалею, что плохо думал о ее старике! Какая блестящая шутка, Утакалтинг!

Но теперь захватчики разобрались. Интересно, а что если..." Фибен заметил, что Гайлет пристально наблюдает за ним, словно читает его мысли. И понял по крайней мере одну причину, почему она не может быть откровенной с ним.

«Нам предстоит принять решение, — осознал он. — Надо ли пытаться обмануть губру?!»

Они с Гайлет могут попытаться еще какое-то время поддерживать розыгрыш Утакалтинга. Могут убедить сюзерена еще раз попытаться отыскать мифических гартлингов. Это стоило бы усилий и привлекло еще одну группу губру в горы, в руки партизан.

Но в состоянии ли они с Гайлет поддерживать этот миф? Хватит ли у них ума? И как это сделать? Он представил себе: «Да, масса, гартлинги все-таки существуют, да, хозяин. Ты можешь поверить братцу-шимпу, да, сэр».

Или можно попробовать противоположный подход. «О, брось меня в этот колючий куст...»

Ни тот, ни другой способ, разумеется, никак не напоминает подход Утакалтинга. Хитрый тимбрими играл тонко, по-змеиному. Фибен не мог и помышлять об игре на таком уровне.

И вообще, если губру поймают их на лжи, Фибен и Гайлет утратят тот особый статус, который сегодня предложил им сюзерен. Фибен понятия не имел, чего хочет от них чужак, но это давало возможность узнать, что сооружают захватчики на морском берегу. А эта информация, возможно, очень ценная.

Нет, рисковать не стоит, заключил Фибен.

Теперь перед ним возникла новая проблема: как передать эти мысли Гайлет.

— Даже самая мудрая раса разумных имеет право на ошибку, — сказал он медленно, тщательно произнося каждое слово. — Особенно на чужой планете. — Делая вид, что ловит блоху, он сделал жест детского ручного языка: «Игра закончена?»

Очевидно, Гайлет была согласна с ним. Она решительно кивнула.

— Они поняли свою ошибку. И уверены, что гартлинги — это миф. Губру убеждены, что это ловушка тимбрими. Я поняла, что другие два сюзерена, те, что делят власть с верховным священником, не допустят больше бессмысленных походов в горы, где их могут подстрелить герильяс[13].

---

[13] notes: 13
название партизан в Испании и Латинской Америке

Фибен вздернул голову, сердце его заколотилось. Но он тут же понял, что имела в виду Гайлет… Омонимы — один из многочисленных недостатков, унаследованных англиком от старого английского, японского и китайского языков. Галактические языки тщательно продуманы и организованы так, чтобы передавать максимум информации и устранить любую двусмысленность. А языки волчат развивались естественно, в них множество слов, которые звучат одинаково, но имеют разное значение.

Фибен обнаружил, что сжимает кулаки, и попытался расслабиться.

«Герильяс, а не гориллы. Она не знает о тайном проекте возвышения, который осуществлялся в горах, — уверял себя Фибен. — И не представляет себе, как многозначно звучат ее слова».

Однако это еще один повод раз и навсегда покончить с «шуткой» Утакалтинга. Тимбрими знал о существовании Хаулеттс-Центра не больше своей дочери; догадываясь о тайной работе, которая там ведется, он, несомненно, придумал бы другой розыгрыш. Не стал бы посылать губру в эти самые горы.

«Губру не должны возвращаться в Мулун, — понял Фибен. — Чистая удача, что они до сих пор не

обнаружили рилл».

— Глупые птицы, — сказал он, подхватывая игру Гайлет. — Только представить себе: поверили в сказку тупых волчат. А кого они будут искать после гартлингов? Пана?

Выражение лица Гайлет стало нарочито неодобрительным.

— Повежливее, Фибен. — Но за этим выговором он почувствовал одобрение. Может быть, по разным причинам, но они пришли к соглашению.

Шутка Утакалтинга кончилась.

— Теперь они нацелились на нас, Фибен.

Фибен мигнул.

— На нас?

Она кивнула.

— Я полагаю, война для губру развивается не очень успешно. Они определенно не нашли корабль дельфинов, который все разыскивают на другом краю галактики. То, что они захватили Гарт в заложники, не испугало ни Землю, ни тимбрими, только усилило сопротивление и принесло Земле поддержку большинства нейтралов. Фибен нахмурился. Уже давно он так не философствовал, не думал о положении пяти галактик, о «Стремительном», об осаде Земли. Что Гайлет знает точно, а о чем только догадывается?

Большая черная птица с шумом садилась на стену рядом с ковром, на котором сидели Фибен и Гайлет. Она сделала шаг вперед и, казалось, принялась разглядывать Фибена вначале одним глазом, затем другим. Тукан напомнил ему сюзерена Праведности. Фибен вздрогнул.

— В любом случае, — продолжала Гайлет, — операция на Гарте отвлекает слишком много сил губру, особенно если мир вернется в галактику и Институт Цивилизованных Войн заставит их всего через несколько десятилетий вернуть планету. Мне кажется, они стараются найти удобный выход из ситуации.

Фибена осенило вдохновение.

— А сооружение на берегу — часть их плана, верно? Плана сюзерена, как вывернуться?

Гайлет поджала губы.

— Красочно сформулировано. Ты понял, что они строят?

Разноцветная птица на ветке резко каркнула и, казалось, принялась смеяться над Фибеном. Но когда он посмотрел в ее сторону, она уже серьезно занялась делом — выстукивала в лесной почве, что бы поклевать. Фибен снова посмотрел на Гайлет.

— Расскажи, — попросил он.

— Я не очень уверена, что точно повторю все, что сказал сюзерен. Ты помнишь, я очень нервничала. — Она на мгновение закрыла глаза. — Говорит ли тебе о чем-нибудь… гиперпространственный шунт?

Фибен вскочил и попятился. Птица на стене вспорхнула и исчезла. Фибен недоверчиво смотрел на Гайлет.

— Что?.. Но это… это безумие! Строить шунт на поверхности планеты! Это просто не…

Он замолчал, вспомнив огромную мраморную чашу, гигантскую энергетическую станцию. Губы Фибена задрожали, он принялся нетерпеливо похрустывать косточками больших пальцев рук. Таким образом Фибен напоминал себе, что официально он почти равен человеку, что он должен мыслить как человек, сталкиваясь с чем-то невероятным.

— Что… — прошептал он, облизал губы и сосредоточился на словах. — Для чего?

— Я не очень поняла, — ответила Гайлет. Он почти не слышал ее за шумом призрачного леса. Она пальцем начертила на ковре знак, выражающий сомнение. — Я думаю, это сооружение первоначально предназначалось для церемонии по случаю находки гартлингов. Теперь сюзерену

нужно как-то оправдать расходы. Вероятно, он собирается использовать шунт как-то по-другому.

— Если я правильно поняла предводителя губру, Фибен, он собирается использовать шунт для нас.

Фибен снова сел. Они долго не осмеливались взглянуть друг на друга, застыв от собственного страха и неуверенности. Слышались только звуки джунглей; между деревьев голографического тропического леса собирался туман. Изображение птицы смотрело на них с изображения ветви. Когда призрачный туман сменился дождем, птица расправила свои вымышленные крылья и улетела.

Глава 60
УТАКАЛТИНГ

Теннанинец оказался упрям. Принять его не было возможности.

Каулта можно было счесть стереотипом, карикатурой на его народ — он грубовато-добродушный, открытый, честный до глупости и такой доверчивый, что доводил Утакалтинга до раздражения. Глиф тив'нус не в состоянии выразить замешательство Утакалтинга. За последние

несколько дней нечто более ощутимое, нечто острое и язвительное, напоминающее человеческую метафору, стало формироваться в нитях его короны.

Утакалтинг понял, что начинает сердиться.

Чем же можно вызвать подозрения Каулта? Утакалтинг подумал, не стоит ли поговорить во сне, высказать какие-нибудь намеки и признания. Хоть тогда что-нибудь пробьет толстый череп теннанинца? Или нужно отказаться от тонкостей и полностью переписать сценарий: пусть Каулт сам раскрывает нераскрытые страницы!

Утакалтинг знал, что индивидуумы внутри вида могут сильно различаться. А Каулт — аномалия даже среди теннанинцев. Ему никогда не придет в голову шпионить за своим спутником тимбрими. Утакалтинг не мог понять, как Каулт вообще попал в дипломаты.

К счастью, темные стороны характера его народа в нем отразились не сильно. Партия Каулта, по-видимому, не так лицемерна и не так убеждена в собственной непогрешимости, как те, что определяют политику клана. Жаль, потому что одним из последствий планировавшегося розыгрыша Утакалтинга, если он удастся, будет ослабление умеренного крыла.

Достойно сожаления. Но все равно только чудо приведет к власти сторонников Каулта, напомнил себе Утакалтинг. Если дела пойдут так и дальше, это спасет его от угрызений совести по поводу последствий розыгрыша. Сейчас он зашел в тупик. До сих пор путешествие приносит только раздражение. Единственное утешение: они все-таки не в концентрационном лагере губру.

Они находились на холмистой равнине, постепенно повышающейся и переходящей в южные склоны Мулунских гор. Бедная по разнообразию видов растительность уступала место менее монотонной — низкорослые деревья и эродированные террасы, чья красноватая и желтоватая почва блестела в утреннем свете, подмигивала, как будто намекая на тайны давно ушедших дней.

Путники все ближе подходили к горам, Утакалтинг продолжал следовать за голубоватым мерцанием, иногда таким слабым, что он едва различал его.

Он точно знал, что Каулт со своим специфическим зрением такой блеск вообще не заметит. Так он спланировал заранее.

Утакалтинг шел впереди и тщательно искал красноречивые намеки. Каждый раз, заметив

такой знак, он делал одно и то же: старательно заметал следы, старался невзначай выбросить каменные орудия, украдкой записывал что-то и тут же прятал записи, когда из-за поворота показывался его спутник.

Любой на его месте уже буквально кипел бы от любопытства. Но, увы, не Каулт.

В это утро настала очередь теннанинца идти впереди. Их путь пролегал мимо болотистой низины, все еще влажной от недавних обильных дождей. И прямо поперек их тропы шла цепочка отпечатков, проложенных не больше нескольких часов назад. Здесь явно проковылял кто-то на двух конечностях, опираясь на третью. Но Каулт равнодушно прошел мимо, втягивая воздух большими дыхательными щелями и гулко замечая, какой хороший и свежий сегодня день!

Утакалтинг утешался тем, что эта часть его плана всегда казалась ему рискованной. Наверно, она обречена на провал.

«Может, я недостаточно умен. А может, и мой народ, и народ Каулта выбрали для этой захолустной планеты самых тупых своих представителей».

Даже среди людей найдутся такие, которые придумали бы что-нибудь получше. Например,

один из легендарных агентов земного Совета.

Конечно, никаких агентов или тимбрими, обладающих большим воображением, на Гарте, когда разразился кризис, не оказалось. И Утакалтингу пришлось по своему разумению разрабатывать план.

Он думал о второй половине розыгрыша. Ясно, что губру клюнули на его наживку. Но насколько сильно? Сколько неприятностей он им доставил? Чего это стоило? И — что гораздо важнее с точки зрения галактического дипломата — сумел ли он поставить их в неловкое положение?

Если губру оказались такими же недалекими и неповоротливыми, как Каулт…

«Нет, на губру можно полагаться, — заверил себя Утакалтинг. — Они такие же искусные обманщики и лицемеры». Поэтому ими легче управлять, чем теннанинцами.

Он прикрыл глаза, определяя, насколько поднялось солнце. Становилось тепло. Послышался треск ветвей, сзади на тропе показался Каулт, он напевал походный марш, палкой освобождая себе дорогу. Утакалтинг подумал: «Если официально наши народы воюют друг с другом, почему Каулту невдомек, что я скрытничаю?»

— Хм, — произнес огромный теннанинец, при-

ближаясь. — Коллега, почему мы остановились?

Слова он произнес на англике. Дипломаты недавно решили каждый день практиковаться в новом языке. Утакалтинг указал на небо.

— Уже почти полдень, Каулт. Гимельхай начинает жечь. Нам нужно найти убежище и уйти с солнца.

Каулт раздул кожистый гребень.

— Уйти с солнца? Но мы не на… Ага! Волчий оборот речи. Очень глубокомысленно, Утакалтинг. Когда Гимельхай достигает зенита, действительно можно представить, что жаришься на его поверхности. Давай искать убежище.

Невдалеке на холме виднелась небольшая роща. На этот раз впереди шел Каулт, размахивая самодельным посохом, чтобы проложить тропинку в высокой траве.

Они уже привыкли к распределению обязанностей. Каулт выполнял тяжелую работу, он углублял нишу до прохладной почвы. А проворные руки Утакалтинга плели защиту от солнца. Потом они ложились на рюкзаки и пережидали полуденную жару.

Пока Утакалтинг дремал, Каулт забавлялся со своим карманным анализатором. Он подбирал ветви, ягоды, комочки земли, растирал их боль-

шими сильными пальцами и подносил к прорези прибора, а потом исследовал с помощью других приборов, взятых с разбитой яхты.

Усердие Каулта особенно раздражало Утакалтинга: теннанинец серьезнейшим образом исследовал местную экосистему и при этом умудрялся не заметить ни одного подтасованного факта. «Может, именно потому, что я их подбрасываю», — размышлял Утакалтинг. Теннанинцы — народ педантичный.

Вероятно, мировоззрение Каулта не дает ему увидеть то, что выбивается из картины мира, которую нарисовали его тщательные исследования.

«Интересная мысль». Корона Утакалтинга создала глиф оценки удивления: он понял, что подход теннанинца, возможно, не так уж неверен и фундаментален, как считал сам Утакалтинг. Он заверял себя, что глупость делает Каулта неуязвимым для обмана, но…

«Но ведь в конце концов все эти следы действительно обман. Мой союзник в кустах специально оставляет следы, чтобы я их „нашел“ и „прятал“. Но Каулт упрямо игнорирует их. Может быть, его взгляд на мир просто вернее моего? Оказывается, его почти невозможно одурачить!» Правда это

или нет, но мысль интересная. Сиртуну развевался и пытался подняться над короной, но она лежала неподвижно, слишком ленивая, чтобы поднять глиф.

В мыслях Утакалтинг представил Атаклену.

Он знал, что его дочь жива. Попытаться узнать больше означало выдать себя пси-установкам врага. Но все-таки что-то в этих следах — на дрожащем уровне нахакиери — говорило Утакалтингу, что он много нового увидел бы в дочери, доведись им снова встретиться в этом мире.

«Но ведь существует предел родительской опеки, — словно говорил ему негромкий голос в полусне, — за которым ребенок сам создает свою судьбу».

«А что же с незнакомцами, которые вошли в ее жизнь?» — спросил Утакалтинг у мерцающей фигуры своей давно умершей жены, образ которой словно повис за его закрытыми глазами.

«Что с ними? Они тоже будут влиять на нее, а она на них. Но наше время подходит к концу!..»

Лицо ее видно так ясно… Это сон, обычный для людей, но которые редко бывают у тимбрими. Сон наяву, и значение его передается словами, а не глифами. От эмоций его пальцы задрожали.

Глаза Матиклуанны разошлись, а ее улыбка

напомнила ему тот день в столице, когда впервые соприкоснулись их короны… и он остановился, ошеломленный, посредине многолюдной улицы. Полуослепший от глифа без названия, он шел по ее следу по переулкам, через мосты, мимо темных кафе, искал ее с растущим отчаянием, пока наконец не нашел. Она ждала его на скамье всего в двенадцати систаарах от того места, где он впервые ощутил ее.

«Понимаешь? — спросила она во сне голосом той далекой девушки. — Мы формируемся, меняемся. Но бывшее в нас постоянным всегда остается».

Утакалтинг пошевелился. Изображение его жены дрогнуло, потом исчезло в волнах света. Глиф сиуллф-та висел на том месте, где только что стояла она. Он означает радость еще не решенной головоломки.

Утакалтинг вздохнул и сел, потирая глаза.

Почему-то он решил, что яркий дневной свет рассеет глиф. Но теперь сиуллф-та оказался не просто сном. Без участия Утакалтинга он медленно поднялся и поплыл к его спутнику, рослому теннанинцу.

Каулт сидел спиной к Утакалтингу, погрузившись в свое занятие, совершенно не замечая, как

изменился сиуллф-та и превратился в сиуллф-куонн. Глиф повис над гребнем Каулта, остановился, опустился и исчез. Утакалтинг удивленно смотрел. Каулт хмыкнул и повернулся. Теннанинец свистел сквозь дыхательные щели, затем отложил приборы и повернулся к Утакалтингу.

— Что-то очень странное творится здесь, коллега. Что-то такое, чего я не могу объяснить.

Утакалтинг, прежде чем ответить, облизнул губы.

— Скажи, что тебя озадачило, уважаемый посол.

Голос Каулта перешел в низкий рокот.

— Какое-то животное… кормилось ягодами недавно. Я уже несколько дней вижу следы его присутствия, Утакалтинг. Большое животное… слишком большое для Гарта.

Утакалтинг все еще думал, что сиуллф-куонн подействовал там, где пропали втуне многие его тонкие намеки.

— Правда? И это важно?

Каулт помолчал, словно не зная, что сказать. Наконец теннанинец вздохнул.

— Мой друг, это чрезвычайно странно. Должен сказать тебе, что не может после катастрофы бурурали существовать такое высокое животное,

которое питается в кустах таким необычным способом.

— Что значит необычным?

Гребень Каулта раздувался короткими рывками, обозначая смущение.

— Только не смейтесь, коллега.

— Никогда! — солгал Утакалтинг. — Я уверен, что у этого существа есть руки.

— Гм… — уклончиво произнес Утакалтинг. Теннанинец заговорил еще тише.

— Здесь какая-то тайна, коллега.

Утакалтинг сдержал корону, лицо его оставалось бесстрастным. Теперь он понял, почему возник сиуллф-куонн — глиф предчувствия удавшегося розыгрыша, который подействовал там, где все остальное оказалось бессильно.

«Шутка обернулась против меня!»

Утакалтинг посмотрел туда, где яркий солнечный свет начинал тускнеть от идущих с гор облаков. Там, в кустах, его союзник неделями оставляет «следы», с того самого времени, как яхта Утакалтинга оказалась именно там, где он хотел, — на краю болотистой местности к юго-востоку от гор. Маленький Джо-Джо, генетический мутант-шимп, который и говорить-то может только жестами, голый, как животное, оставля-

ет загадочные следы, обрабатывает каменные орудия и бросает на их тропе, поддерживает непрочный контакт с Утакалтингом с помощью синего сторожевого шара.

И все это части плана, который призван неизбежно привести теннанинца к убеждению, что на Гарте существует предразумная туземная жизнь. Но Каулт, казалось, ничего не видит! Ни один из специально созданных ключей!

Но что наконец-то заметил Каулт, так это самого Джо-Джо… последствия того, как кормился маленький шимп!

Утакалтинг понял, что сиуллф-куонн совершенно прав. Шутка над самим собой оказалась очень глубокой.

Ему показалось, что он снова слышит голос Матиклуанны. «Невозможно знать заранее…» — говорила она.

— Поразительно, — сказал Утакалтинг теннанинцу. — Просто поразительно!

Глава 61
АТАКЛЕНА

Иногда ее беспокоило, что она слишком привыкла к изменениям.

Преобразования рецепторов, перемещение жировых тканей, странное, почти человеческое звучание голоса — она так привыкла ко всему этому, что иногда даже думала, сможет ли вернуться к традиционной тимбримийской морфологии.

Эта мысль пугала Атаклену.

До сих пор были жизненно необходимые причины поддерживать эти человекоподобные особенности. Она командовала армией полувозвышенных клиентов волчат, и тогда требовалось выглядеть женщиной, человеком, чтобы прочнее становилась связь между нею, шимпами и гориллами.

«И Робертом», — напомнила она себе.

Атаклена задумалась. Смогут ли они еще когда-нибудь испытать эту полузапретную сладость межвидового флирта? Сейчас это казалось совершенно невероятным. Их брак свелся к двум подписям на куске древесной коры: просто полезное политическое решение, былого не вернуть.

Она посмотрела вниз и увидела в мутной воде собственное отражение.

— Ни рыба, ни мясо, — прошептала она на англике, не помня, где слышала это выражение, но понимая его метафорический смысл. Если бы ее сейчас увидел юноша-тимбрими, он бы расхохо-

тался. А что касается Роберта… что ж, еще месяц назад она чувствовала, что понимает его. Его растущее притяжение, свирепый волчий голод — все это нравилось ей и льстило.

«Но сейчас он снова среди своих. А я одна».

Атаклена покачала головой, прогоняя тяжелые мысли.

Она взяла фляжку и разбила свое отражение, вылив в пруд четверть литра светлой жидкости. Со дня поднялась муть, закрывая тонкие нити-корни лиан, висящих над головой.

Это последний из цепи небольших водных бассейнов, в нескольких километрах от пещеры. Работала Атаклена сосредоточенно и делала записи.

Она понимала, что ей не хватает квалификации, она не специалист, и возмещала отсутствие навыков методичностью и аккуратностью. Ее простые опыты уже начали приносить полезные плоды. Если ее помощники вовремя вернутся с данными из соседней долины, у нее будет что показать майору Пратачулторну.

«Я могу казаться странной, но я все-таки тимбрими. Я докажу свою необходимость, хотя землянин и не считает меня бойцом».

Ее сосредоточенность была такой глубокой, а

в лесу стояла такая тишина, что неожиданные слова прозвучали громом.

— Так вот ты где, Кленни! А я всюду тебя ищу.

Атаклена повернулась, едва не пролив янтарного цвета жидкость. Лианы вокруг словно превратились в сеть, поймавшую ее. Пульс мгновенно участился, но тут она узнала Роберта. Он смотрел на нее сверху с корня гигантского псевдодуба.

На нем мокасины, мягкая кожаная куртка и чулки. Лук и колчан за спиной делали его похожим на героя одного из рыцарских романов волчат, которые в детстве читала ей мать. Потребовалось гораздо больше времени, чтобы успокоиться, чем ей хотелось бы.

— Роберт. Ты испугал меня.

Он покраснел.

— Прости. Я не хотел.

Это не совсем так, и она это знает. Пси-щит Роберта стал лучше, чем раньше, и он, по-видимому, гордится тем, что смог подкрасться к ней незаметно. Простой, но четкий вариант кинивуллуна, как эльф, повис над головой Роберта. Если прищуришься, можно подумать, что рядом стоит молодой тимбрими…

Атаклена вздрогнула. Она уже решила, что не

может позволить себе такое.

— Спускайся и садись, Роберт. Расскажи, что ты делал.

Держась за ближайшую лиану, он легко спустился на ковер из листьев и подошел к темной воде, где лежал раскрытый ящик с экспериментальными жидкостями. Сняв лук и стрелы, Роберт сел, скрестив ноги.

— Я пытался быть полезным. — Он пожал плечами. — Пратачулторн закончил выкачивать из меня информацию. Теперь он хочет, чтобы я стал почетным офицером для поддержки морали шимпов. — Он заговорил высоким голосом, подражая южноазиатскому акценту майора. — Мы должны поддерживать боевой дух малышей, Онигл. Пусть чувствуют, что они нужны сопротивлению!

Атаклена кивнула, понимая и невысказанное Робертом. Несмотря на успехи партизан, Пратачулторн невысоко оценивал шимпов. По его мнению, они пригодны только для отвлекающих маневров или как вспомогательные части. И необученного, по-видимому, избалованного сынка планетарного координатора лучше всего использовать для связи с подобными детям клиентами.

— Мне казалось, Пратачулторну понравилась твоя идея использовать разлагающие бактерии в наших интересах против губру, — сказала Атаклена.

Роберт напрягся. Он подобрал веточку и ловко перекатывал ее с пальца на палец.

— Он нашел эту мысль интересной: кишечные бактерии горилл растворяют броню губру. И позволил участвовать в моем проекте Бенджамину и еще нескольким техникам.

Атаклена попыталась разобраться в противоречивых чувствах Роберта.

— Разве лейтенант Маккью не помогла тебе убедить его?

Роберт отвел глаза при упоминании молодой женщины с Земли. И отгородился щитом, подкрепляя подозрения Атаклены.

— Да, Лидия помогла. Но Пратачулторн сказал, что невозможно доставить нужное количество бактерий к важнейшим установкам губру. Они все равно их обнаружат и нейтрализуют. Мне кажется, Пратачулторн считает это дело второстепенным по отношению к основному плану.

— А ты знаешь, что он задумал?

— Он улыбается и говорит, что собирается окровавить птичьи клювы.

Разведка доносит про какие-то сооружения губру к югу от Порт-Хелении, и это хорошая цель. Но в подробности он не вдается. «Вы ведь понимаете: стратегия и тактика — дело профессионалов».

— Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить о Пратачулторне. Я хочу кое-что показать тебе. — Роберт сбросил рюкзак и достал из него что-то завернутое в ткань. Развернул. — Знакомо?

Вначале Атаклене показалось, что он держит комок ветоши с нитями, свисающими с краев. Посмотрев внимательно, она подумала, что предмет, лежащий на коленях Роберта, похож на какой-то сморщенный гриб. Роберт взялся за самый крупный узел, где сходилось большинство нитей, и потянул за них. Тонкая ткань развернулась на ветру.

— Кажется, я это где-то видела, Роберт. Я бы сказала, что это небольшой парашют, но он явно естественного происхождения… какое-то растение. — Она покачала головой.

— Горячо. Вспомни, что было несколько месяцев назад, Кленни… тот день… я думаю, мы его никогда не забудем.

Слова его были неясны, но мерцание эмпатии помогло оживить ее память.

— Это? — Атаклена потрогала мягкий, почти

прозрачный материал. — Это плющ?

— Верно. — Роберт кивнул. — Весной верхние слои блестящие, упругие и такие прочные, что на них можно ехать, как на санях…

— Если у тебя хорошая координация, — усмехнулась Атаклена.

— Гм, да. Но когда приходит осень, верхний слой вянет, становится таким. — Он помахал похожим на парашют плющом, держа за волокнистые нити, подставил под ветер. — Через несколько недель они будут еще легче.

Атаклена покачала головой.

— Я помню, ты объяснял мне способ размножения, верно?

— Правильно. Мешочки со спорами здесь, — он отвел руку и показал маленькую капсулу в том месте, где встречаются нити. — Ветры поздней осени переносят этот парашют. Небо заполняется ими, и на какое-то время полеты в воздухе становятся опасными. В городе в это время возникают серьезные проблемы.

— К счастью, я думаю, древнее животное, которое опыляло эти плющи, погибло в катастрофе буруралли, и почти все растения стерильны. Иначе половина Синда заросла бы ими. Те, кто ими питался, тоже давно вымерли.

— Поразительно. — Атаклена ощутила дрожь ауры Роберта. — Ты придумал, как использовать эти штуки, верно?

Он снова сложил переносчик спор.

— Да. Есть идея. Но не думаю, чтобы Пратачулторн меня выслушал. Он уже навесил на меня ярлык — из-за моей матери.

Конечно, Меган Онигл сыграла немалую роль в том, как принял и отверг Роберта офицер морской пехоты. «Как может мать так недооценивать собственного сына?» — удивилась Атаклена. Люди прошли большой путь после темных столетий, но ей все равно жаль к'чу-нон — бедных волчат.

Им еще многое предстоит узнать о самих себе.

— Может быть, тебя Пратачулторн не станет слушать, Роберт. Но он прислушивается к мнению лейтенанта Маккью. Она тебя обязательно выслушает и передаст твою идею майору.

Роберт покачал головой.

— Не знаю.

— Почему нет? — спросила Атаклена. — Ты нравишься этой молодой девушке. Я совершенно уверена, что вижу в ее ауре…

— Не делай этого, Кленни, — выпалил Роберт. — Не надо совать нос в чувства других людей. Это… это не твое дело.

Она опустила голову.

— Наверно, ты прав. Но ты мой муж и друг, Роберт, и когда ты раздражен и встревожен, это отражается на нас обоих.

— Пожалуй. — Он избегал ее взгляда.

— Тебя сексуально привлекает Лидия Маккью? — спросила Атаклена.

— Не понимаю, почему ты спрашиваешь…

— Потому что я не могу кеннировать тебя, Роберт! — взорвалась раздраженно Атаклена. — Ты больше не открыт для меня. Если ты испытываешь такие эмоции, поделись со мной. Может быть, я сумею тебе помочь.

Он посмотрел на нее, медленно заливаясь краской.

— Помочь мне?

— Конечно. Если ты хочешь эту женщину твоего вида, разве я не должна тебе помочь? Не должна помочь своему мужу стать счастливым?

Роберт только растерянно моргал, но в его прочном щите Атаклена обнаружила щели. Она ощущала, как напрягаются ее щупальца, касаются этих слабых мест, создают новый глиф.

— Ты обвиняешь себя из-за этих новых чувств, Роберт? Считаешь себя неверным мне? — Атаклена рассмеялась. — Но супруги из разных видов

имеют право на любовников и любовниц из своего вида. Ты это знаешь!

— Чего же ты хочешь от меня, Роберт? У нас определенно не может быть детей. А если бы были, страшно представить, какие бы чудовища получились!

На этот раз Роберт улыбнулся и посмотрел в сторону. В пространстве между ними ее глиф стал отчетливей.

— А что касается заместительного секса, ты знаешь, что я не способна дать тебе что-то, кроме раздражения, ты, сверходаренно-недоразвитый человек-обезьяна! Если ты найдешь кого-то, с кем можешь наслаждаться этим, почему я не должна этому радоваться?

— Все не так просто, Кленни… Я…

Она подняла руку и улыбнулась, заставив его замолчать.

— Я с тобой, Роберт, — негромко сказала она.

Смущение молодого человека смахивало на неопределенный квантовый потенциал, который колеблется между двумя состояниями. Он попытался отвести взгляд и сосредоточиться на своем. Потом вспомнил, чему научился, и раскрылся, позволяя кеннингу воспринять ее глиф, ее дар.

Ла'тстун повис, маня его. Роберт выдохнул

и удивленно распахнул глаза, когда его собственная аура раскрылась, помимо его желания. Распустилась, как цветок. И что-то — двойник ла'тстуна — появилось, резонируя, усиливая его ауру на фоне короны Атаклены.

Два ничего — один человеческий, другой тимбрими — соприкоснулись, игриво отскочили, снова соединились.

— Не бойся потерять то, что у тебя было со мной, Роберт, — прошептала Атаклена. — Разве какая-нибудь возлюбленная-человек сможет проделать такое?

В ответ он улыбнулся. Они вместе рассмеялись, а над их головами плясал двойной ла'тстун — глиф двойной близости.

Только позже, когда Роберт уже ушел, Атаклена опустила крепкий щит, которым закрыла собственные чувства и разрешила признаться себе, что завидует.

«Он пошел сейчас к ней».

Атаклена знала, что поступила правильно, сделала то, что нужно.

И все же как это несправедливо!

«Я выродок. И была им еще до того, как попала на эту планету. Теперь меня никто не узнает».

Роберт может иметь любовницу, но Атаклена и

этим обделена. Она подобным образом утешится среди сородичей.

«Касаться меня, держать меня, соединить его щупальца с моими, его тело с моим, заставить меня вспыхнуть…»

С некоторым удивлением Атаклена поняла, что впервые испытывает подобные чувства… стремление к мужчине своей расы — не другу, не соученику, а к возлюбленному — может быть, супругу.

Матиклуанна и Утакалтинг говорили ей, что когда-нибудь это произойдет. У каждой девушки своя судьба. Но теперь она испытывала горькое чувство, оно усилило ее одиночество. Отчасти она винила Роберта в том, что его вид так ограничен. Если бы и он мог изменить свое тело и встретиться с ней на полпути!

Но она тимбрими, она «хозяйка приспособляемости». Как далеко зашла она в собственных изменениях, Атаклена поняла, обнаружив влагу на щеках.

Она жалобно вытерла соленые слезы, первые в ее жизни.

Такой и нашли ее помощники, выполнив поручения и вернувшись несколько часов спустя. Она сидела на краю маленького мутного пруда, а

осенний ветер раскачивал вершины деревьев и гнал тяжелые дождевые тучи на восток, к серым горам.

Глава 62
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Стоимости и Бережливости тревожился. Все признаки указывали на Слияние, но то, в каком направлении оно развивалось, сюзерену не нравилось.

По другую сторону павильона сюзерен Луча и Когтя расхаживал перед своими помощниками. Он выглядел осанистее и величественнее, чем обычно.

Под встрепанным оперением проглядывал красноватый пух командующего армией.

Ни для одного присутствующего губру этот цвет не остался незамеченным.

Скоро, может быть, через одну двенадцатидневку, процесс этот станет необратимым.

У оккупационных сил появится царица.

Прихорашивая свои перья, сюзерен Стоимости и Бережливости думал о несправедливости происходящего. Его перья тоже подсохли, но признаков окончательной расцветки еще не

наблюдалось.

Вначале его избрали кандидатом на пост погибшего главного чиновника.

Он мечтал об этом, но не думал, что неожиданно окажется членом уже почти созревшего триумвирата! Остальные его участники уже далеко продвинулись по пути к сексуальности. И он вынужден догонять их.

Поначалу казалось, что это не так уж существенно. Ко всеобщему удивлению, новый сюзерен сразу начал набирать очки. Он показал, что двое других сюзеренов в период междуцарствия сделали массу опрометчивых шагов, и тем самым продвинулся вперед.

Было достигнуто новое равновесие. Защищая свою политическую позицию, адмирал и верховный священник проявили чудеса разума и изобретательности.

Но Слияние определяется правильностью общей политики! И высшая награда достанется тому предводителю, который окажется наиболее мудрым.

Таков истинный путь!

Однако чиновник знал, что многое часто решает случайность, капризы метаболизма.

«Или союз двух против третьего», — напомнил

он себе. Сюзерен Стоимости и Бережливости сомневался теперь в мудрости своего последнего решения объединиться с адмиралом против Праведности. Тем самым он дал адмиралу почти неоспоримое преимущество.

Но у него не оставалось выбора! Священнику нужно противостоять, потому что сюзерен Праведности, по-видимому, совершенно утратил контроль!

Вначале эта чепуха насчет гартлингов. Если бы предшественник главного чиновника не умер, расточительность, вероятно, не стала бы чрезмерной. А так затратили огромные средства: доставили новую отраслевую планетарную Библиотеку, отправляли экспедиции в опасные горы, строили гиперпространственный шунт к церемонии принятия под опеку — а ведь еще нет того, кого можно принимать!

Возникала также проблема экологического управления. Сюзерен Праведности настаивал, что важно хотя бы на минимальном уровне восстановить экологическую программу землян по обновлению Гарта. Но сюзерен Луча и Когтя категорически отказался выпускать хоть одного человека с островов. И потому с огромными расходами помощь поступила извне. Корабль

с садоводами линтенами, сохранившими нейтралитет в нынешнем кризисе, уже на пути к Гарту. И только Великое Яйцо знает, сколько им придется платить!

Теперь, когда гиперпространственный шунт почти завершен, и сюзерен Праведности, и сюзерен Луча и Когтя признают, что слухи о гартлингах — розыгрыш тимбрими. Но не позволяют прекратить строительство.

Напротив. У каждого из них свои причины желать завершения строительства. Если бы чиновник согласился, возник бы консенсус, шаг вперед к политике, которой ждут Повелители Насестов. Но как можно соглашаться с подобным вздором?

Сюзерен Стоимости и Бережливости раздраженно зачирикал. Сюзерен Праведности опаздывает на очередную встречу. Его стремление к незыблемости моральных устоев, похоже, не доходит до необходимости быть элементарно вежливым.

К этому времени теоретически первоначальное соперничество кандидатов должно смениться взаимным уважением, затем страстью и, наконец, подлинным браком. Но вот они уже на грани Слияния, а по-прежнему исполняют танец взаим-

ного отвращения.

Сюзерену Стоимости и Бережливости не нравилось, как развиваются события, но, по крайней мере, у него будет одно утешение: рано или поздно Праведность сбросят с его надменного насеста.

Приблизился один из помощников главного чиновника, и сюзерен взял протянутую пластинку с сообщением. Поклевав ее содержимое, он задумался.

Снаружи началась суматоха — несомненно, появился третий предводитель.

Но сюзерен Стоимости и Бережливости продолжал обдумывать сообщение, полученное от шпионов. «Скоро, да, скоро. Очень скоро мы проникнем в тайный план, план, который не может быть хорошей политикой. И тогда, возможно, увидим изменение, изменение в сексуальности… скоро».

Глава 63
ФИБЕН

Голова у него болела.

Когда он учился в университете, тоже приходилось заниматься сутки напролет. Фибен никогда

не считал себя ученым, и экзамены заранее вызывали у него тошноту.

Но существовала и внеурочная деятельность, поездки домой, каникулы, когда шен освобождался и мог немного позабавиться!

К тому же Фибену нравились его профессора. А от Гайлет Джонс он сейчас просто устал.

— Значит, ты считаешь галактическую социологию скучной и неинтересной? — обвиняюще воскликнула Гайлет, когда он в отвращении отшвырнул книги и отошел в дальний угол комнаты. — Жаль, что наш предмет не экология планеты, — сказала она. — Тогда, наверное, ты оказался бы учителем, а я учеником.

Фибен фыркнул.

— Спасибо за доверие. Я уже думал, что ты вообще все знаешь.

— Это нечестно! — Гайлет отложила тяжелую книгу. — Ты знаешь, что церемония всего через несколько недель. И нас с тобой будут считать представителями всей нашей расы! Разве не нужно постараться получше подготовиться?

— А ты уверена, что представляешь себе, какие знания понадобятся? А если планетарная экология не будет так уж важна?

Гайлет пожала плечами.

— Но она может оказаться важной.

— А может, механика, а может, космическое пилотирование, а может, пивоварение или сексуальные наклонности, помилуй меня Гудолл!

— В последнем случае нашей расе повезло, что именно тебя выбрали нашим представителем, верно? — парировала Гайлет. Наступило долгое напряженное молчание. Они сердито смотрели друг на друга. Наконец Гайлет подняла руку.

— Фибен, прости. Я знаю, что тебя это раздражает. Но ведь я тоже случайно попала в такой переплет.

«Да это и неважно, — подумал он. — Ты для него создана. Нет ни одной более рациональной, собранной и хладнокровной в нужные минуты шимми, чем ты».

— А что касается галактической социологии, Фибен, ты знаешь, что она важна по нескольким причинам.

Вот оно опять, это выражение в глазах Гайлет. Фибен понял, что за ее словами кроется что-то еще.

Формально ее слова означают, что представители шимпов должны соблюдать протокол и пройти во время ритуала принятия несколько обязательных тестов, иначе специалисты галак-

тических Институтов объявят церемонию вне закона.

Сюзерен Праведности ясно дал понять, что их судьба будет незавидной, если так случится.

Но есть и другая причина, почему Гайлет хочет, чтобы он знал как можно больше. «Вскоре мы подойдем к пункту, за которым нет возврата… когда уже не сможем отказаться от сотрудничества с сюзереном. Мы не можем открыто обсуждать это с Гайлет: нас постоянно прослушивают губру. Нам нужно действовать согласованно, а для нее это означает, что я должен быть образован».

Или, может, Гайлет просто не хочет одна нести все бремя ответственности, когда придет срок?

Несомненно, теперь Фибен знает о галактической цивилизации гораздо больше, чем до плена. Может быть, даже больше, чем когда-либо хотелось.

Сложная культура трех миллиардов лет, состоящая из тысяч различных пререкающихся кланов, удерживаемых сетью древних институтов и традиций, кружила Фибену голову. И временами у него появлялось отвращение: ощущение, что галакты — это избалованные ублюдки, сочетающие в себе худшие качества старых наций Земли до того, как человечество достигло зрелости.

Но потом материалы кристаллизуются, укладываются, и Гайлет ясно показывает ему, что данная традиция или принцип невероятно тонки и содержат в себе с таким трудом обретенную за сотни миллионов лет мудрость.

Они уже доработались до такой степени, что Фибен не мог больше думать.

— Мне нужно проветриться, — сказал он. — Пойду пройдусь. — Он подошел к шкафу и схватил парку. — Увидимся через час.

Он постучал в дверь. Ее открыли. Фибен вышел и закрыл за собой дверь, не оглянувшись.

— Нужен эскорт, Фибен?

Шимми Сильвия в простом платье с длинными рукавами взяла куб с данными и внесла какое-то изменение. Глядя на нее сейчас, трудно представить, что это она танцевала в «Обезьяньей грозди», доводя до безумия толпу шенов. Улыбка у нее неуверенная, почти робкая. Фибену показалось, что сегодня она непривычно нервничает.

— А если я скажу нет? — спросил он. Но прежде чем Сильвия встревожилась, улыбнулся. — Шутка. Конечно, Сильвия. Дай мне Ровера-двенадцать. Это дружелюбный старый шар, он не очень пугает туземцев. — Сторожевой робот РВЖ-12. Направляется для сопровождения Фибена Бол-

джера, выходящего наружу, — сказала Сильвия в куб. В коридоре за ней раскрылась дверь, и оттуда вылетел сторожевой шар-робот, дистанционно управляемый, простой вариант боевого робота. Его единственное назначение — следовать за пленником и следить, чтобы он не убежал.

— Приятно пройтись, Фибен.

Он подмигнул Сильвии и картаво произнес: «А какой еще может быть прогулка пленника, девушка?»

«Последней, — сам себе ответил Фибен. — Той, что ведет к виселице».

Он весело помахал рукой.

— Пошли, Ровер. — Дверь с шипением раскрылась, и он вышел в прохладный осенний день.

Многое изменилось со времени их пленения. Когда они с Гайлет стали неотъемлемой частью непостижимого плана сюзерена Праведности, условия их содержания изменились в лучшую сторону. «Я по-прежнему ненавижу это место», — думал Фибен, спускаясь по бетонным ступеням и идя по заросшему саду к внешним воротам. На высоких стенах по углам медленно поворачивались сложные роботы-наблюдатели. У выхода Фибен столкнулся со стражниками-шимпами.

К счастью, Железной Хватки не было, но осталь-

ные проби настроены не дружелюбнее. Хотя губру по-прежнему платят им, по-видимому, новые хозяева к ним охладели. Не внесены изменения в программу возвышения на Гарте, ничего нового в генетической пирамиде. «Сюзерены пытались найти ошибки в программе возвышения неошимпанзе, — думал Фибен. — Но не нашли. Иначе зачем им готовить синюю и белую карту — меня и Гайлет, — к церемонии?» В сущности, использование проби в качестве пятой колонны принесло губру одни неприятности. Население из шимпов их возненавидело.

Ни одним словом не обменялись Фибен и стражи в пестрых комбинезонах.

Все хорошо понимали ритуал. Он не обращал на них внимания, они бездельничали, лишь бы не давать ему повода пожаловаться. Однажды, когда тюремщики слишком долго доставали ключи, Фибен просто повернулся и ушел назад. Ему даже ничего не пришлось говорить Сильвии. После вахты эти стражники исчезли, и Фибен их больше никогда не видел.

Но на этот раз Фибен неожиданно для самого себя нарушил традицию и заговорил.

— Прекрасная погода, верно?

Проби повыше ростом удивленно посмотрел

на него. Что-то в этом шимпе в пестром комбинезоне показалось Фибену странно знакомым, хотя он готов дать голову на отсечение, что никогда раньше его не видел.

— Шутишь? — Стражник посмотрел на темные дождевые облака. Надвигается холодный фронт; должно быть, скоро пойдет дождь.

— Да, — Фибен улыбнулся. — Шучу. По-моему, слишком солнечно.

Стражник искоса взглянул на Фибена и отступил. Ворота заскрипели, и Фибен оказался на боковой улице, на которую выходили глухие стены соседних зданий. Ни он, ни Гайлет ни разу не видели соседей. Вероятно, местные шимпы опасаются показываться из-за Железной Хватки и роботов чужаков. Насвистывая, Фибен пошел к заливу, стараясь не обращать внимания на шар, который висел в метре над ним и чуть сзади. Когда Фибену впервые разрешили выйти, он избегал населенных районов Порт-Хелении, держался переулков, где некому глазеть на него. Но теперь он чувствовал, что может не избегать встреч.

Раньше он видел, как других шимпов сопровождают сторожевые шары.

Вначале он подумал, что это пленники, как он сам. Шимпы и шимми в рабочей одежде стара-

лись обходить подальше охраняемых шимпов, как и его самого.

Потом он заметил отличия. Те, кого сопровождали шары, одевались прилично и держались надменно. Фасеточные глаза и оружие их шаров нацеливались не на охраняемых пленников, а наружу. Квислинги, понял Фибен.

И его радовали взгляды, какими награждали другие шимпы высокопоставленных коллаборационистов, — взгляды, полные мрачной нескрываемой ненависти.

После этого у себя в камере он начертил на спине своей парки гордое слово ПЛЕННИК. И теперь его сопровождали не такие холодные взгляды. В них сквозило любопытство и даже уважение.

Шар запрограммирован не допускать его разговоров с другими шимпами.

Однажды, когда шимми бросила ему скомканный листок бумаги, он решил проверить терпимость машины. Нагнулся, чтобы поднять листок…

И очнулся позже в объятиях шара на полпути к тюрьме. После этого ему несколько дней не разрешали выходить.

Неважно, дело того стоило. Слухи об этом рас-

пространились. Теперь шимпы и шимми кивали ему, когда он проходил мимо магазинов и пищевых линий. Некоторые даже делали руками подбадривающие знаки.

«Они нас не согнули», — гордо думал Фибен. Несколько предателей не в счет, главное — поведение всего народа. Фибен вспомнил, что читал о самых ужасных годах в жизни человечества до Контакта. Жители маленькой страны Дании сопротивлялись всем попыткам нацистов обесчеловечить их. Напротив, они проявили удивительное единство и благородство. Такому поведению стоило подражать.

— Мы продержимся, — отвечал он на языке жестов. — Земля помнит о нас и придет на выручку.

Он цеплялся за эту надежду, хотя делать это становилось все труднее.

По мере того, как он узнавал от Гайлет тонкости галактического закона, Фибен начинал понимать, что даже если во всем спиральном рукаве наступит мир, этого недостаточно, чтобы изгнать захватчиков. Такой древний клан, как губру, знает множество хитростей, много способов лишить клан помоложе лицензии на Гарт. Очевидно, птицеподобные стремятся покончить

с притязаниями Земли и завладеть планетой в собственность.

Фибен знал, что сюзерен Праведности напрасно искал промаха людей в восстановлении экологии Гарта. Теперь, когда захватчики уничтожили плоды десятилетий напряженной работы, они не могут поднимать эту тему.

Сюзерен провел также месяцы в поисках неуловимых гартлингов. Если бы загадочные предразумные были найдены, это оправдало бы любые затраченные здесь средства. Наконец губру разобрались в розыгрыше Утакалтинга, но поиски не прекратили.

В целом, с самого начала вторжения губру пытались найти изъяны в возвышении неошимпанзе. И хотя они признали высокий статус таких шимпов, как Гайлет, это не означало, что они сдались.

Предстояла церемония принятия — и Фибен никак не мог уловить всего, что с ней связано, хотя Гайлет старалась объяснить ему.

Он почти не замечал шимпов на улицах, вспоминая отрывки из объяснений Гайлет.

— …расы клиентов проходят через стадии, и переход на каждую новую стадию сопровождается церемониями, санкционированными

галактическим Институтом возвышения… Эти церемонии очень дороги, и им можно помешать политическими маневрами… Для губру оплатить и провести церемонию клиентов волчат беспрецедентно… И сюзерен предлагает убедить весь свой народ вести новую политику и прекратить вражду с Землей…

— Конечно, это подвох…

Фибен и так мог понять, что подвох будет обязательно.

Он покачал головой, словно прогоняя все эти слова. Что-то в Гайлет есть неестественное. С возвышением все хорошо, и она безупречный представитель возникающего неошимпанзейства, но ненормально так много и постоянно думать, не давая голове никакой передышки!

Наконец Фибен пришел на берег, где лежали лодки, вытащенные на случай шторма. С криками ныряли морские птицы, пытаясь выловить последнюю добычу, пока вода не стала неспокойной. Одна из них подлетела слишком близко к Фибену и получила предупредительный удар сторожевого робота. Птица, в биологическом смысле не ближе к птицеподобным губру, чем сам Фибен, в страхе и гневе закричала и улетела на запад.

Фибен нашел сиденье на конце пирса. Достал

из кармана половину сандвича, который спрятал сегодня утром, и стал неторопливо жевать, глядя на облака и воду. На короткий срок он сумел перестать думать и тревожиться. И ни слова не оставалось в голове.

Теперь все, что ему нужно для счастья, это банан, пиво — и свобода.

Примерно час спустя Ровер настойчиво загудел. Сторожевой робот разместился между Фибеном и водой и начал подскакивать.

Фибен со вздохом встал и отряхнулся. Пошел вдоль причала в сторону тюрьмы. На пронизываемых ветром улицах оставалось очень немного шимпов. Стражник со странно знакомым лицом нахмурился, когда Фибен подошел к воротам, но без промедления впустил его. «В тюрьму всегда легче войти, чем выйти из нее», — подумал Фибен.

Сильвия по-прежнему дежурила за своим столом.

— Хорошо прогулялся, Фибен?

— Гм. Тебе как-нибудь нужно пойти со мной. Мы заглянули бы в парк, и я показал бы тебе свою имитацию Читы. — И он дружески подмигнул ей.

— Я уже видела, и, когда вспоминаю, на меня

это производит сильное впечатление. — Но тон Сильвии не соответствовал игривой болтовне. Она казалась напряженной. — Заходи, Фибен. Я отключила Ровера.

— Хорошо. — Дверь с шипением открылась. — Спокойной ночи, Сильвия.

Гайлет сидела на ковре перед голографической стеной — теперь на ней жаркая саванна. Гайлет оторвалась от книги и сняла очки для чтения.

— Привет. Чувствуешь себя лучше?

— Да. — Он кивнул. — Прости за утреннюю сцену. Наверно, у меня был приступ комнатной лихорадки. Теперь я успокоился и могу продолжать работу.

— На сегодня достаточно. — Она похлопала по ковру. — Садись и почеши мне спину. А я отвечу взаимностью.

Фибена не нужно просить дважды. Надо отдать должное Гайлет: она отлично расчесывает. Он снял парку и сел рядом с Гайлет. И когда начал перебирать шерсть, она положила руку ему на колени. Скоро ее глаза закрылись. Дыхание вырывалось негромкими низкими вздохами.

Их взаимоотношения с Гайлет трудно поддаются определению. Они не любовники. Для большинства шимми это единственно возможные и

нормальные отношения, особенно в определенные периоды. Но Гайлет очень ясно дала понять, что у нее особое представление о сексуальности, больше похожее на человеческое, женское. Фибен понимал это и не приставал к ней.

Беда только в том, что он никак не мог выбросить ее из головы.

Он напоминал себе, что нельзя смешивать сексуальное влечение с другими вещами. «Я могу быть одержим ею, но я не спятил». Занятия любовью с этой шимми потребовали бы такого уровня, до которого он, пожалуй, еще не дорос.

Перебирая шерсть на шее Гайлет, он встретился с узелками напряжения.

— Эй, ты действительно напряжена! В чем дело? Эти проклятые гу…

Ее пальцы больно впились ему в колено, хотя Гайлет не шевельнулась.

Фибен соображал быстро и тут же продолжил:

— …гуси-охранники приставали к тебе? Проби возбудились?

— А если да? Что бы ты сделал? Защищал бы мою честь? — Она рассмеялась. Но он чувствовал ее облегчение, разлившееся по телу. Что-то случилось, он никогда не видел Гайлет такой возбужденной.

Почесывая ей спину, он наткнулся на какой-то предмет… круглый, тонкий, похожий на диск.

— Мне кажется, там волосы запутались, — быстро сказала Гайлет, когда он начал его выпутывать. — Осторожней, Фибен.

— Хорошо. — Он наклонился. — Ты права, узел в волосах. Сейчас распутаю его зубами.

Ее спина дрожала. Приблизив лицо, он ощутил ее запах. "Как я и думал!

Капсула для посланий!" Когда его глаз приблизился к капсуле, загорелся маленький голографический проектор. Луч вошел в зрачок и автоматически настроился на его сетчатку.

Он увидел текст в несколько строк. Но то, что он прочел, заставило его удивленно заморгать: документ был написан от его имени.

ЗАЯВЛЕНИЕ О ТОМ, ЧТО Я СОБЕРАЮСЬ ДЕЛАТЬ. ЗАПИСАНО ЛЕЙТЕНАНТОМ ФИБЕНОМ БОЛДЖЕРОМ, НЕОШИМПАНЗЕ.

ХОТЯ ВОВРЕМЯ ПЛЕНА СО МНОЙ ХОРОШО ОБРАЩАЛИСЬ И Я ЦЕНЮ ОТНОШЕНИЕ, КОТОРОЕ БЫЛО КО МНЕ ПРОЯВЛЕНО, БОЮСЬ, МНЕ ПРИДЕТЬСЯ УХОДИТЬ ОТСЮДА.

ПО-ПРЕЖНЕМУ ИДЕТ ВОЙНА, И МОЙ ДОЛГ БЕЖАТЬ, ЕСЛИ Я СМОГУ.

МОЙ ПОБЕГ НЕОЗНАЧАЕТ НИ КАКОГО

ОСКОРБЛЕНИЯ ДЛЯ СЮЗЕРЕНА ПРАВЕДНОСТИ И ДЛЯ ВСЕГО КЛАНА ГУБРУ. ПРОСТО Я СОХРОНЯЮ ВЕРНОСТЬ ЛЮДЯМ И СВОЕМУ КЛАНУ.

ЭТИМ ОБЪЕСНЯЕТСЯ ТО, ЧТО Я СОБИРАЮСЬ СДЕЛАТЬ.

Пространство под текстом красновато пульсировало, словно в ожидании.

Фибен мигнул. Он чуть отодвинулся, и сообщение исчезло.

Конечно, он знает о таких записях. Ему нужно только смотреть на красный участок и напряженно думать, и диск запишет его послание вместе с рисунком сетчатки. Равнозначно его личной подписи.

«Бегство! — Эта мысль заставила сердце Фибена биться чаще. — Но… как?»

Он, конечно, заметил, что в документе упоминается только его имя.

Если бы Гайлет намеревалась бежать с ним, она бы упомянула и себя.

И даже если это возможно, правильно ли он поступит? Он избран сюзереном Праведности партнером Гайлет в деле, может быть, самом сложном и опасном в истории их расы. Как может Фибен в такое время покинуть ее?

Он приблизил глаз и снова прочел текст, на-

пряженно размышляя.

Когда Гайлет смогла написать это? У нее есть связь с сопротивлением?

К тому же что-то в тексте показалось Фибену неправильным. Дело не только в орфографических ошибках. Фибен, бросив один взгляд, заметил, что текст нуждается в добавлениях и переработке.

Конечно. Написал кто-то другой, не Гайлет, а она просто передает ему, чтобы он прочел!

— Сюда заходила Сильвия, — сказала Гайлет. — Мы расчесывали друг друга. У нее неприятности с таким же узлом.

Сильвия! Вот как. Теперь неудивительно, почему она так нервничала.

Фибен пытался разгадать головоломку. Должно быть, диск прикрепила к Гайлет Сильвия… Нет, она принесла диск в своей шерсти, дала прочесть Гайлет и оставила с ее разрешения.

— Может, я ошибалась насчет Сильвии, — заметила Гайлет. — Мне показалось, что, в конце концов, она хорошая шимми. Не уверена, насколько можно на нее полагаться, но в основном она хорошая.

Что сообщает ему Гайлет? Что идея насчет Сильвии принадлежит не ей?

Гайлет, должно быть, обдумывала и другие предложения шимми; она не может говорить вслух. Даже посоветовать, во всяком случае открыто.

— Тугой узел, — сказал Фибен, оставив клочок влажной шерсти и откидываясь. — Через минуту попробую снова.

— Хорошо, не торопись. Уверена, ты справишься.

Фибен принялся расчесывать другое место, возле ее правого плеча, но в мыслях витал далеко.

«Давай, думай», — подгонял он себя.

Но все так неясно! Должно быть, оборудование сюзерена Праведности вышло из строя, когда Фибена выбирали образцом «продвинутого» неошимпанзе.

В данный момент Фибен чувствовал себя кем угодно, но не разумным существом.

«Ну, ладно, — сосредоточился он. — Итак, мне предлагают побег. Прежде всего, возможно ли это?»

Во-первых, Сильвия может быть провокатором, а ее предложение — ловушкой.

Но это не имеет никакого смысла! Фибен никогда не давал слова, не обещал не убегать, если представится возможность. Наоборот. Его долг

как офицера — бежать, особенно если он может это сделать вежливо, соблюдая традиции и протоколы поведения галактов. В сущности, принятие предложения должно рассматриваться как правильное решение. Если это еще один тест губру, он должен сказать «да». Такой ответ удовлетворил бы непостижимых ити… показал бы им, что он понимает обязанности клиента.

Но предложение может оказаться реальным. Фибен вспомнил поведение Сильвии. В последние несколько недель она выглядела очень дружелюбной.

Невозможно поверить, что это просто игра.

«Хорошо. Но если это так, как она собирается вытащить меня отсюда?» Есть только один способ узнать — спросить ее. Любой побег связан с обманом следящих систем. Возможно, есть способ сделать это, но Сильвия сможет им воспользоваться только один раз. Как только он и Гайлет начнут задавать вопросы вслух, решение уже должно быть принято.

"На самом деле я решаю, стоит ли говорить Сильвии: «Хорошо, давай выслушаем твой план». Если я скажу «да», нужно приготовиться.

Но куда уходить?"

Конечно, на это есть только один ответ. В горы,

к Атаклене и Роберту, докладывать все, что он узнал. Значит, придется выбираться не только из тюрьмы, но и из Порт-Хелении.

— У соро есть предание, — негромко сказала Гайлет. Глаза ее оставались закрытыми, она как будто совершенно расслабилась, пока он расчесывал ей плечо. — В нем рассказывается о некоем воине-паха. Это случилось, когда еще не закончилось возвышение паха. Хочешь послушать?

Фибен удивленно кивнул.

— Конечно, Гайлет.

— Хорошо. Ты ведь слышал о паха. Они хорошие воины и верные клиенты соро. Они успешно проходили тесты, которые предлагает Институт возвышения.

И вот однажды соро решили возложить на них некую ответственность: послать группу паха охранять посольство соро в Семь Вращающихся Кланов. — А, это цивилизация машин, верно?

— Да. Но они не преступники. Одна из культур машин, которая присоединилась к галактическому сообществу в качестве почетного члена.

Обычно они стараются держаться подальше, живут в спиралях и рукавах с высокой плотностью, где не могут жить ни кислородо-, ни водорододышащие существа.

«К чему она клонит?» — думал Фибен.

— Ну вот, посол соро вел переговоры с Семью Вращающимися, а в это время разведчик-паха заметил что-то на краю местной системы и отправился посмотреть.

— И так уж случилось, что он увидел торговый корабль Семи Вращающихся, на который напали бродячие машины.

— Спятившие? Межпланетные пираты?

Гайлет содрогнулась.

— Ты начитался фантастики, Фибен. Нет, просто преступники-роботы в поисках добычи. Наш паха не получил ответа на свой запрос об инструкциях и решил проявить инициативу — вмешался в схватку, сверкая лазерами.

— Попробую догадаться. Он спас торговый корабль.

Она кивнула.

— Бродяги убежали. Семь Вращающихся были благодарны ему. И в качестве награды спорный вопрос выиграли соро.

— Так он герой.

Гайлет покачала головой.

— Нет. Его отправили домой, обесчестив за то, что он действовал по собственной инициативе.

— Сумасшедшие ига, — сказал Фибен.

— Нет, Фибен. — Она коснулась его колена. — Это очень важно.

Инициатива новой расы клиентов — это хорошо, но не во время деликатных переговоров на уровне галактов. Ты ведь не станешь доверять умному ребенку атомную энергетическую установку?

Фибен понял, к чему ведет Гайлет. Им предлагают сделку, которая кажется очень хорошей для Земли — внешне по крайней мере. Сюзерен Праведности предлагает финансировать церемонию принятия неошимпанзе. Губру не будут возражать против статуса патронов у людей и прекратят свою вражду с Землей. А в обмен он хочет, чтобы при помощи гиперпространственного шунта Фибен и Гайлет рассказали всем пяти галактикам, какие губру хорошие.

Как будто действия губру направлены на спасение своего престижа, а для Земли это большая победа.

Но имеют ли они с Гайлет право принимать такое решение, думал Фибен.

Ситуация чревата последствиями, которые они и представить себе не в состоянии. Потенциально смертоносными последствиями!

Сюзерен Праведности сказал им, что есть

причины, по которым им нельзя проконсультироваться у предводителей людей. Его соперничество с другими сюзеренами достигает высшей точки, и остальные могут не согласиться с тем, что придется раскрыть карты. Сюзерену Праведности нужен сюрприз, чтобы переиграть своих соперников и представить fait accompli[14].

Что-то здесь насторожило Фибена. Но чужаки и есть чужаки по определению. Он не может представить себе, чтобы человеческое общество было организовано так же.

Итак, Гайлет говорит ему, что они не должны участвовать в церемонии?

Отлично! Что касается самого Фибена, она может решать. Им ведь нужно только отказать… вежливо, конечно.

Гайлет сказала:

— История на этом не заканчивается.

— Есть продолжение?.

— О, да. Через несколько лет Семь Вращающихся представили доказательства, что воин-паха предпринял все возможное, чтобы связаться со своими патронами и получить инструкции, но состояние подпространства не позволило это

---

[14] notes: 14
свершившийся факт (фр.)

сделать.

— И что же?

— Но для соро в этом крылась огромная разница! В первом случае он брал на себя ответственность, к которой не готов. Во втором — он просто старался сделать как лучше!

— Разведчика посмертно оправдали, а его потомки получили права продвинутых в возвышении.

Повисло тяжелое молчание. Фибен напряженно думал. Неожиданно все для него стало ясно.

"Надо постараться. Вот что она имеет в виду. Непростительно соглашаться с сюзереном, не попытавшись посоветоваться с нашими патронами.

Я могу потерпеть неудачу, вероятно, так и будет, но все равно я должен попытаться".

— Давай-ка еще раз посмотрим на этот узел. — Он наклонился и приблизил глаз к капсуле с посланием. Снова появились строки текста и пульсирующее красное пятно.

Фибен пристально смотрел на него, вчитываясь:

«Я согласен».

Пятно немедленно изменило цвет, удовлетворенное его согласием. «Что теперь?» — подумал

Фибен, откидываясь.

Ответ пришел немного позже, когда неслышно открылась дверь. Вошла Сильвия, все в том же платье, и села перед ними.

— Наблюдение отключено. Я запустила в камеры ложную запись. Пройдет час, прежде чем их компьютеры что-то заподозрят.

Фибен снял с шерсти Гайлет диск, и она протянула за ним руку.

— Дай мне минуту, — прошептала Гайлет, отошла и вложила капсулу в свой личный куб информации. — Не обижайся, Сильвия, но нужно кое-что поправить. Фибен подпишет изменения.

— Я не обижаюсь; понятно, что вам нужно переделать запись. Я просто хотела объяснить вам свое предложение.

Все происходило слишком быстро. Фибен уже почувствовал прилив адреналина.

— Я ухожу?

— Мы уходим, — поправила Сильвия. — Ты и я. У меня заготовлены припасы, одежда. И я знаю, как выйти из города.

— Значит, ты с подпольем?

Она покачала головой.

— Я бы присоединилась с радостью, но это исключительно мое шоу. Я… я делаю это не даром.

— Чего же ты хочешь?

Сильвия покачала головой, показывая, что нужно подождать возвращения Гайлет.

— Если вы двое согласитесь рискнуть, я выйду и позову ночного охранника. Я тщательно выбирала его и приложила много усилий, чтобы убедить Железную Хватку назначить его сегодня.

— А что особенного в этом парне?

— Может, ты заметил проби, похожего на тебя, Фибен, и с таким же телосложением. Сходство достаточное, чтобы в темноте на время одурачить роботов-шпионов, я думаю.

Так вот почему этот шен у ворот показался таким знакомым! Фибен быстро соображал.

— Ты его споишь, оставишь с Гайлет, а я переоденусь и воспользуюсь его пропуском.

— Поверь мне, все гораздо сложнее. — Сильвия нервничала и выглядела усталой. — Но в общем ты уловил. Мы сменяемся через двадцать минут. Нужно успеть до этого.

Вернулась Гайлет и протянула капсулу Фибену. Тот приблизил ее к глазу и внимательно прочел измененный текст, не потому что собирался критиковать работу Гайлет, но чтобы передать все подробно Роберту и Атаклене.

Гайлет переписала все сообщение.

ЗАЯВЛЕНИЕ О НАМЕРЕНИЯХ. ЗАПИСАНО ФИБЕНОМ БОЛДЖЕРОМ, А-ШИМПОМ АБ-ЧЕЛОВЕКОМ, КЛИЕНТОМ, ГРАЖДАНИНОМ ЗЕМНОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛЕЙТЕНАНТОМ РЕЗЕРВА КОЛОНИАЛЬНЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СИЛ ГАРТА.

Я ПРИЗНАЮ, ЧТО ВО ВРЕМЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СО МНОЙ ОБРАЩАЛИСЬ ВЕЖЛИВО; Я УВЕДОМЛЕН О ТОМ, ЧТО МНЕ УДЕЛИЛ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ ВЫСОКИЙ И УВАЖАЕМЫЙ СЮЗЕРЕН ВЕЛИКОГО КЛАНА ГУБРУ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ КАК ВОЕННЫЙ И УЧАСТНИК НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ МЕЖДУ МОИМ КЛАНОМ И КЛАНОМ ГУБРУ Я СЧИТАЮ, ЧТО ДОЛГ ЗАСТАВЛЯЕТ МЕНЯ СО ВСЕЙ ВЕЖЛИВОСТЬЮ И УВАЖЕНИЕМ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

ПЫТАЯСЬ БЕЖАТЬ, Я НИКОИМ ОБРАЗОМ НЕ ОТРИЦАЮ ЧЕСТИ, ОКАЗАННОЙ МНЕ ВЫСОКИМ СЮЗЕРЕНОМ, ПОСЧИТАВШИМ МЕНЯ ДОСТОЙНЫМ СТАТУСА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ.

ПРОДОЛЖАЯ ПОЧЕТНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ОККУПАЦИИ ГУБРУ ГАРТА, Я НАДЕЮСЬ, ЧТО ВЕДУ СЕБЯ, КАК ПОДОБАЕТ НАСТОЯЩЕМУ КЛИЕНТУ РАЗУМНЫХ, ВЫПОЛНЯЮЩЕМУ ВОЛЮ СВОИХ ПАТРОНОВ. Я ДЕЙСТВУЮ В ТРАДИЦИЯХ ГАЛАКТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА, НАСКОЛЬКО МОГУ ИХ ПОНЯТЬ.

«Да». Фибен достаточно усердно учился у Гайлет, чтобы понять, насколько лучше это сформулировано. Он снова зарегистрировал свое согласие, и снова записывающее пятно изменило цвет. Фибен вернул диск Гайлет.

«Какая разница, попытка не пытка», — сказал он себе, понимая, насколько рискованно их предприятие.

— А теперь, — Гайлет повернулась к Сильвии, — о какой плате ты говорила? Чего ты хочешь?

Сильвия прикусила губу. Она смотрела на Гайлет, но указала на Фибена.

— Его, — быстро сказала она. — Я хочу, чтобы ты поделилась со мной.

— Что? — Фибен начал вставать, но Гайлет быстрым жестом остановила его.

— Объясни, — сказала она Сильвии.

Сильвия пожала плечами.

— Я не знаю, какой вид брака у вас с ним.

— Никакого! — горячо заявил Фибен. — И какое отношение…

— Замолчи, Фибен, — спокойно сказала Гайлет. — Это верно, Сильвия. У нас нет соглашения, ни группового, ни моногамного. Так в чем дело? Чего ты хочешь от него?

— Разве это не ясно? — Сильвия взглянула на

Фибена. — Какой бы статус возвышения ни был у него раньше, сейчас он явно получит белую карту.

Только посмотри на его результаты, на то, как он провел ити в Порт-Хелении, и не один раз, а дважды. Любого из этих поступков достаточно, чтобы поднять выше синей карты. А теперь сюзерен пригласил его представлять интересы расы. Такое внимание дорого стоит: статус сохранится, как бы ни кончилась война. Ты это знаешь, доктор Джонс.

Сильвия подвела итог. — У него белая карта, у меня зеленая. Но мне нравится его стиль. Все очень просто.

«Я? Проклятый беляк?» — Фибен расхохотался над таким абсурдным предположением. До него начало доходить, к чему клонит Сильвия.

— Кто бы ни победил, — продолжала Сильвия, не обращая на него внимания. — Земля или губру, я хочу, чтобы мой ребенок попал на вершину возвышения, чтобы его защищал Совет. Пусть ему достанется достойная судьба, а мне — внуки и кусочек завтра.

Очевидно, Сильвия говорила совершенно серьезно.

Но Фибен не расположен был сочувствовать

ей. «Самая глупая из всех метафизических глупостей!» — подумал он. Она даже не разговаривает с ним, а обращается к Гайлет!

— Эй, а разве меня не надо спросить? — возразил он.

— Конечно, нет, глупый, — ответила Сильвия, качая головой. — Ты шен, а самец-шен при случае совокупится с козлом или с листвой, если ничего более подходящего не найдется.

Доля правды в этой шутке, конечно, имеется, Фибен покраснел.

— Но…

— Сильвия привлекательна и приближается к розовому. Что же ты сделаешь, освободившись? Мы соглашаемся, что твой долг и удовольствие совпадают. — Гайлет передвинулась. — Нет, решение принимать не тебе.

Пожалуйста, помолчи, Фибен.

И Гайлет повернулась к Сильвии со следующим вопросом. Но в этот момент Фибен даже не слышал ее слова. Гул в ушах заглушил все остальные звуки. Фибен мог думать только о барабанщике, бедном Игоре Паттерсоне.

«Гудолл, защити меня!»

— …так поступают самцы.

— Да, конечно. Но, я думаю, тебе нужно будет за-

ключить договор с ним, пусть и не формальный. В теории все в порядке, но сразу видно, что гордыня у него непомерная. Он может заупрямиться.

"Так вот что на самом деле думают о нас, шенах, самки? — размышлял Фибен. Он вспомнил уроки «здоровья» в средней школе. Молодым самцам-шимпам читали лекции о праве на продолжение рода и показывали фильмы о венерических болезнях. Как и остальные подростки, он гадал, что же в это время изучают шимми. — Неужели в школе их учат такой формальной логике?

Или они знакомятся с ней на собственном болезненном опыте? Узнают от нас?"

— Он мне не принадлежит, — пожала плечами Гайлет. — Если ты права, то он и не будет никому принадлежать… кроме Совета возвышения, бедняга. — Она нахмурилась. — Я только прошу, чтобы он благополучно добрался до гор.

До того времени он к тебе не притронется, понятно? Получишь свое, когда он будет в безопасности у партизан.

«Мужчина-человек на такое бы не пошел», — с горечью подумал Фибен. Но ведь люди — это не незавершенные существа класса клиентов, которые «совокупляются с козлом или с листом…»

Сильвия кивнула в знак согласия и протянула

руку. Гайлет пожала ее.

Они долго смотрели друг на друга, потом разняли руки.

Сильвия встала.

— Я постучу, прежде чем зайти. Минут через десять. — И она победно посмотрела на Фибена, словно только что заключила выгодную сделку. — Будь готов к тому времени.

Когда она вышла, Фибен наконец обрел дар речи.

— Ты слишком полагаешься на свои бойкие теории, Гайлет. Какого дьявола! Почему ты уверена…

— Я ни в чем не уверена! — ответила она. Ее лицо исказила гримаса, что поразило Фибена больше всего происшедшего за этот вечер.

Гайлет провела рукой по глазам.

— Прости, Фибен. Поступай, как сочтешь нужным. Но только не обижайся.

Никто из нас сейчас не имеет права обижаться. Да и Сильвия не очень много просит, учитывая, каковы ставки.

Фибен видел сдержанное напряжение в глазах Гайлет. Гнев его растаял, сменившись тревогой за нее.

— Ты… ты уверена, что с тобой все будет в по-

рядке?

Она пожала плечами.

— Наверно. Сюзерен, вероятно, найдет мне другого партнера. Постараюсь тянуть как можно дольше.

Фибен прикусил губу.

— Мы принесем тебе известие от людей, обещаю.

Ее взгляд сказал Фибену, что она почти не надеется на это. Но она улыбнулась.

— Постарайся, Фибен. — Она протянула руку и легко коснулась его лица.

— Знаешь, — прошептала она, — я по тебе буду скучать.

Мгновение миновало. Она отняла руку, и выражение ее лица снова стало серьезным.

— Теперь собери то, что тебе может пригодиться, а я буду говорить: нужно кое-что передать генералу. Запомнишь, Фибен?

— Да, конечно. — Но на секунду Фибен задумался, увидит ли он еще когда-нибудь нежность в ее глазах. Вновь погрузившись в заботы, она ходила за ним, пока он собирался. И когда несколько минут спустя в дверь постучали, она еще говорила.

Глава 64
ГАЙЛЕТ

Когда они ушли, Гайлет села на матрац, закрылась одеялом, обхватила колени руками и принялась медленно раскачиваться в такт своему одиночеству.

Одинока, но не одна, хотя гораздо лучше было бы действительно остаться одной. Гайлет чувствовала присутствие другого шена, одетого в платье Фибена. От него исходил слабый запах наркотика, одурманившего его.

Охранник еще долго не проснется, но тревогу, очевидно, поднимут раньше.

Нет, она не одна, но никогда Гайлет Джонс не чувствовала себя такой отрезанной от всех, изолированной.

«Бедный Фибен, — думала она. — Может, Сильвия права насчет него. Он, несомненно, один из лучших шенов, каких я встречала… — Она покачала головой. — И все же ему оказалась доступна только часть плана заговора. И я не могла сказать ему остальное, не открыв то, что знаю, невидимым слушателям».

Она не знала, искренне ли действует Сильвия. Гайлет всегда не очень хорошо разбиралась в других. «Но готова поклясться всеми гаметами и зиготами, Сильвии никогда не удалось бы провести сторожей губру».

Гайлет усмехнулась самой этой мысли — будто маленькая шимми может так провести мониторы ити, что они не заметят сразу отсутствия пленника. «Нет, все прошло слишком гладко для экспромта».

Кем это организовано? И с какой целью?

А важно ли это?

«У нас не осталось ни единого шанса, Фибену пришлось принять предложение».

Гайлет подумала, увидит ли его снова. Если это еще один тест на разумность, организованный сюзереном Праведности, к утру Фибен может вернуться… он получит еще одну «соответствующую реакцию»… соответствующую особо продвинутому неошимпанзе, представителю своей расы уровня клиента.

Она вздрогнула. До сегодняшнего вечера она не задумывалась над последствиями, но Сильвия помогла все расставить по своим местам. Даже если им доведется встретиться, они с Фибеном никогда не станут прежними. И если раньше их

разделяла ее белая карта, то теперь разверзлась настоящая пропасть.

Но Гайлет подозревала, что это все-таки не тест сюзерена Праведности.

И, если это не так, значит, какая-то фракция губру отвечает за ночное приключение. Может, один из других сюзеренов или…

Гайлет покачала головой. Она слишком мало знает, чтобы строить догадки. Или она слишком слепа и глупа, чтобы увидеть картину в целом.

Вокруг них разворачивается игра, и актерам кажется, что другого выхода нет. Фибен должен был уйти, независима от того, что ему предложили: спасение или ловушку. Она должна остаться и справляться с возникающими трудностями, которых не понимает. Такова ее судьба.

Гайлет это ощущение сопровождает всю жизнь, словно кто-то ведет ее, а сама она не распоряжается своей судьбой. Фибен же только начинает привыкать к такому.

Некоторые древние религии Земли подчиняли все предопределению — вере в то, что все события определены заранее, с момента сотворения мира, а так называемая свободная воля не более чем иллюзия.

Вскоре после Контакта земные философы

спросили у галактов, что они думают по этому поводу. Обычно мудрецы галактов отвечали покровительственно: «Такие вопросы можно формулировать только на нелогичном языке волчат. — На самом деле парадоксов не существует».

И никаких загадок для разрешения… по крайней мере такими разумными, как земляне.

Галактам не составляло труда понять идею предопределения. Большинство из них считало, что клан волчат ждет короткая и печальная судьба.

Гайлет неожиданно вспомнила свое пребывание на Земле. Она встретилась там с пожилым поэтом-неодельфином. Он рассказывал ей, как плавал в сонном течении больших китов, часами слушая их печальные песни о древних китовых богах. Она была польщена и очарована, когда престарелый фин посвятил ей стихотворение.

Там, где вспыхивает шар,
Быстро летя в воздухе,
Ударь его рылом!

Гайлет понимала, что эта хайку гораздо выразительнее на тринари, гибридном языке, который неодельфины использовали для поэзии. Она, конечно, не знает тринари, но даже на англике

до нее доходила аллегория.

Думая об этом, Гайлет поняла, что улыбается.

«Поистине, ударь рылом!»

Спящий рядом с ней негромко храпел. Гайлет поискала языком и представила себе, что вслушивается в ритм барабанов.

Несколько часов спустя она по-прежнему сидела в задумчивости, когда распахнулась дверь и из коридора пробился свет. Вошли несколько четвероногих птицеподобных. Кваку. Возглавляла эту процессию слуга сюзерена Праведности. В оперении пастельных тонов она встала, но ее поклон остался без ответа.

Кваку посмотрел на нее, потом указал на неподвижную фигуру под одеялом.

— Твой товарищ не встает, это неэтично.

Очевидно, когда хозяина рядом нет, слуга не забывает про свою обязанность быть вежливым. Гайлет посмотрела на потолок.

— Наверно, не расположен.

— Ему нужна медицинская помощь?

— Я думаю, он скоро придет в себя.

Кваку раздраженно пошевелил трехпалыми лапами.

— Скажу откровенно; мы хотим осмотреть его, удостовериться в личности.

Гайлет подняла брови, хотя и знала, что жест этот останется непонятым.

— А кто, по-твоему, это может быть? Дедушка Бонза? Следите ли вы, кваку, за своими пленниками?

Возбуждение птицеподобного усилилось.

— Эти помещения заключенных находятся под ответственностью вспомогательных сил неошимпанзе. И если что-то не так, виновата их некомпетентность животных, их недостойная разумных небрежность.

Гайлет рассмеялась.

— Вздор!

Кваку прервал свой раздраженный танец и прислушался к портативному передатчику. Потом снова посмотрел на Гайлет. Она покачала головой.

— Ты не можешь винить в этом нас, кваку. Мы с тобой оба знаем, что проби здесь, на страже, — только видимость. И если что-то случилось, причина в твоем собственном лагере.

Слуга раскрыл клюв. Мелькнул язык. Гайлет знала, что это жест откровенной ненависти. Чужак сделал знак, и два шарообразных робота с гудением выдвинулись вперед. Мягко, но решительно они с помощью гравитики подня-

ли спящего неошимпа, даже не сняв одеяла, и унесли к двери. Поскольку кваку не потрудился заглянуть под одеяло, он, очевидно, уже знал, кого найдет.

— Начнем расследование, — пообещал он и повернулся. Гайлет знала, что через несколько минут кваку прочтут «прощальное послание» Фибена, оставленное в шерсти храпящего стражника. И попыталась помочь Фибену, еще немного задержать преследователей.

— Отлично, — сказала она. — Тем временем исполните мою просьбу…

Нет, требование.

Слуга уже приблизился к двери во главе процессии кваку. Однако, услышав слова Гайлет, он остановился, вызвав небольшой затор. С гневным щебетом кваку сталкивались друг с другом и поворачивали клювы к Гайлет.

Предводитель с розовым гребнем тоже обернулся.

— Ты не имеешь права предъявлять требования.

— Я делаю это во имя галактических традиций, — настаивала Гайлет. — Не заставляй меня адресоваться непосредственно к его превосходительству сюзерену Праведности.

Наступила долгая пауза, во время которой кваку как будто взвешивал риск, связанный с этим предположением. Наконец он спросил:

— Что за глупое требование?

Но Гайлет молча ждала.

Наконец с явной неохотой слуга поклонился, едва заметно склонив голову. Гайлет ответила тем же.

— Я хочу пойти в Библиотеку, — сказала она на превосходном гал-семь. — Это мое право гражданина галактики.

Глава 65
ФИБЕН

Уйти в одежде спящего охранника оказалось до смешного просто. Сильвия сообщила ему условную фразу, которую нужно сказать роботам у ворот.

Единственный стражник-шимп жевал сандвич и махнул рукой, чтобы проходили, даже не взглянув на них.

— Куда ты меня ведешь? — спросил Фибен, как только темная, увитая растительностью стена тюрьмы оказалась позади.

— На пристань, — бросила через плечо Силь-

вия. Она быстро шла по влажному тротуару мимо кварталов темных, пустых зданий, подобных человеческому жилью. Потом они миновали район шимпов — большие дома для групповых браков, пестро раскрашенные, с окнами, похожими на двери, и с прочными решетками, чтобы могли взбираться дети. Время от времени Фибен замечал за плотно задернутыми занавесями силуэты.

— Почему на пристань?

— Потому что там лодки! — отрезала Сильвия. Она беспокойно посматривала то на часы на руке, то назад, через плечо, как будто опасалась слежки.

То, что она нервничает, естественно, но Фибен тоже был на пределе. Он схватил ее за руку и заставил остановиться.

— Послушай, Сильвия. Я ценю все, что ты до сих пор делала, но не пора ли ознакомить меня с планом?

Она вздохнула.

— Да, наверно, ты прав. — Ее тревожная улыбка напомнила ему вечер в «Обезьяньей грозди». То, что он тогда принял за похоть, на самом деле было бравадой, прикрывавшей страх.

— Если не считать ворот в ограде, из города можно выбраться только на лодке. Мой план —

пробраться на борт одного из рыболовных судов. Рыбаки выходят в море на ночной лов, — она взглянула на часы, — примерно через час.

Фибен кивнул.

— А потом что?

— Когда корабль выйдет из залива Аспинал, мы спустимся за борт и поплывем в парк Северного мыса. Оттуда трудная дорога на север вдоль берега, но мы до рассвета сумеем добраться до холмов. Фибен кивнул: неплохо. Ему понравилось, что есть возможность для изменения плана, если возникнут проблемы или позволят обстоятельства.

Например, попытаться плыть не на север, а на юг. Враг, конечно, не ожидает, что беглецы направятся прямо к его новой установке! Там должно быть много строительного оборудования. Фибена прельщала перспектива украсть одну из машин губру. Если это удастся, может, он действительно заслужит белую карту!

Он быстро отбросил эту мысль, потому что сразу вспомнил о Гайлет.

Черт возьми, как же ее не хватает!

— Кажется, все хорошо продумано, Сильвия.

Она настороженно улыбнулась.

— Спасибо, Фибен. Э-э-э… может, пойдем?

Он сделал знак, чтобы она шла впереди. Вскоре

они миновали закрытые магазины и пищевые пункты. Облака над головой теперь висели низко и зловеще, и ночь пахла приближающейся бурей. Неравномерными, но сильными порывами дул юго-западный ветер, бросая им под ноги листья и обрывки бумаги.

Когда пошел дождь, Сильвия подняла капюшон парки, но Фибен не стал этого делать. Лучше мокрые волосы, чем глухота и слепота.

В направлении моря он увидел в небе сверкание, сопровождаемое далекими раскатами. «Дьявольщина! — подумал Фибен. — Что это со мной!» Он схватил свою спутницу за руку.

— В такую погоду никто не выйдет в море, Сильвия.

— Капитан этого корабля выйдет, Фибен. — Она покачала головой. — Мне не следовало тебе говорить, но… он контрабандист. Даже до войны он промышлял этим. Его корабль приспособлен к плохой погоде и даже может частично погружаться.

Фибен мигнул.

— А что он перевозит сейчас?

Сильвия посмотрела по сторонам.

— Главным образом шимпов, на остров Гилмор и обратно.

— Гилмор! Он отвезет нас туда?

Сильвия нахмурилась.

— Я пообещала Гайлет, что отведу тебя в горы, Фибен, и вообще-то я не уверена, что можно настолько доверять этому капитану.

Но голова у Фибена закружилась. Половина людей планеты интернирована на острове Гилмор! Зачем добираться до Роберта и Атаклены — ведь они в сущности дети, — когда там специалисты из университета!

— Будем действовать по обстоятельствам, — уклончиво сказал он. Но уже решил, что сам оценит капитана контрабандистов. Может быть, под прикрытием бури это окажется возможным? Фибен раздумывал об этом всю оставшуюся дорогу.

Вскоре они приблизились к пристани — и оказались недалеко от того места, где днем Фибен наблюдал за чайками. Дождь шел неожиданными, непредсказуемыми порывами. Как только он прекращался, воздух становился необычайно чистым и насыщенным запахами — от разлагающейся рыбы из таверны на берегу, где еще горели огни и откуда доносились звуки негромкой печальной музыки.

Ноздри Фибена раздувались. Он принюхивался,

старяясь разгадать тайны, скрываемые непостоянным дождем. Чувства питали воображение Фибена, подбрасывая темы для размышлений.

Его спутница свернула за угол, и Фибен увидел три причала. У каждого несколько темных корпусов. Один из них, несомненно, корабль контрабандистов. Фибен снова остановил Сильвию, взяв ее за руку.

— Нам нужно торопиться, — сказала она.

— Слишком рано приходить тоже не стоит, — ответил он. — В лодке будет тесно и душно. Иди сюда, мы можем кое-чем заняться.

Он увлек ее назад, в тень, и она удивленно подняла глаза. Фибен обнял ее, чувствуя сопротивление. Затем она расслабилась и он поцеловал ее.

Сильвия ответила.

Когда он начал губами щипать ее ухо, шею, Сильвия вздохнула.

— О, Фибен. Если бы у нас было время. Если бы ты только знал, как много…

— Ш-ш-ш, — сказал он и выпустил ее. Картинным движением снял парку и бросил на землю.

— Что?.. — начала она, но он привлек ее, усадил на парку и сам сел рядом.

Напряжение ее слегка ослабло, когда он начал расчесывать ей шерсть пальцами.

— Уф! — выдохнула Сильвия. — Мне на мгновение показалось…

— Кто, я? Ты должна уже меня знать, дорогая. Я из тех, кто торопится медленно. Никакой спешки. Всему свое время.

Она повернула голову и улыбнулась ему.

— Я рада. Все равно я еще с неделю не буду розовой. Хотя, я хочу сказать, можно не ждать так долго. Просто…

Голос ее прервался, когда левая рука Фибена сжала ей горло. Он быстро сунул руку в ее парку и щелчком раскрыл карманный нож, прижал лезвие к сонной артерии. Глаза Сильвии выпучились.

— Одно слово, — прошептал он прямо ей в ухо, — один звук, и ты пойдешь на корм чайкам. Понятно?

Она судорожно кивнула. Он чувствовал ее пульс, вибрация передавалась через лезвие ножа. Сердце самого Фибена билось ненамного медленнее.

— Говори губами, — хрипло сказал он. — Я прочту по губам.

Признавайся, где жучок.

Сильвия мигнула и сказала вслух:

— Что?.. — И все. Он мгновенно усилил хватку.

— Попробуй снова, — прошептал он.

На этот раз она сумела произнести беззвучно:

— О чем… ты… говоришь, Фибен?

Голос его прозвучал еле слышно.

— Они нас там ждут, верно, дорогая? Я имею в виду не прекрасных контрабандистов-шенов. Я говорю о губру, милая. Ты ведешь меня прямо в их пернатые объятия.

Сильвия застыла.

— Фибен… я… нет! Нет, Фибен.

— Я чувствую запах птицы! — прошипел он. — Они там. Как только я уловил этот запах, все стало понятно!

Сильвия молчала, красноречиво глядя ему в глаза.

— Гайлет, наверно, считает меня простофилей! Теперь я понимаю.

Конечно, все организовано заранее и дата намечена давно. Ты не рассчитывала на то, что буря удержит в порту весь рыболовный флот. Сказка про капитана-контрабандиста хороша. Ты изобретательна и могла бы усыпить мои подозрения. Да, Сильвия? Ты так подумала?

— Фибен…

— Заткнись! Как трогательно! Как приятно представить себе, что умные шимпы могут пла-

вать к острову Гилмор и обратно под самым клювом у врага!

Тщеславие почти победило, Сильвия, но ведь я когда-то служил пилотом-разведчиком, помнишь? И подумал, как это трудно, даже в такую погоду!

Он принюхался и снова уловил слабый затхлый запах. Теперь он вспомнил, что ни один из тестов, которым их с Гайлет подвергали последние несколько недель, не касался обоняния. «Конечно, нет. Галакты считают обоняние пережитком животных».

На его руку капнула влага, хотя дождь прекратился. Слезы Сильвии. Она покачала головой.

— Тебе… не причинят… вреда, Фибен. Сю… сюзерен просто хочет задать несколько вопросов. И потом тебя отпустят. Он… он пообещал!

«Значит, в конце концов это еще один тест. — Фибену хотелось посмеяться над собой: он ведь посчитал побег возможным. — Наверно, увижусь с Гайлет раньше, чем предполагал».

Он устыдился того, как обращался с Сильвией. Ведь это всего лишь своеобразная «игра», еще один экзамен. Не стоит в таких условиях предпринимать что-либо серьезное. Она ведь только выполняет свою работу.

Он расслабился, выпустил горло Сильвии и тут вспомнил ее фразу.

— Сюзерен обещал отпустить меня? — прошептал он. — То есть он отправит меня назад в тюрьму?

Она энергично покачала головой.

— Нет! — произнесла неслышно. — Он обещал отвезти нас в горы. Я имею в виду ту часть нашей сделки с тобой и Гайлет. Сюзерен пообещал, если ты ответишь на его вопросы…

— Минутку, — остановил ее Фибен. — Ты ведь не о сюзерене Праведности говоришь?

Она покачала головой.

У Фибена неожиданно закружилась голова.

— Который… который из сюзеренов ждет нас там?

Сильвия засопела.

— Сюзерен Стоимости… Стоимости и Бережливости, — прошептала она.

Он закрыл глаза, в ужасе осознав, что это значит. Это не игра и не тест. «О Гудолл!» — подумал он. Теперь нужно думать о том, как спастись.

Будь то сюзерен Луча и Когтя, Фибен мог бы сразу швырнуть на ринг свое полотенце, потому что против него бросили бы все военные ресурсы губру. А так есть шанс, хотя и ничтожный. У Фи-

бена начали возникать идеи.

«Бухгалтеры, страховые агенты, чиновники — вот бойцы армии сюзерена Стоимости и Бережливости. Может быть, — думал Фибен. — Только может быть».

Но прежде чем что-то предпринять, нужно договориться с Сильвией. Он не может просто связать ее и оставить, как хладнокровный убийца.

Необходимо заручиться ее поддержкой, и быстро.

Он может уверить ее, что сюзерен Стоимости и Бережливости не такой ярый приверженец правды, как сюзерен Праведности. Он не обязан держать слово и освободить их.

Вообще, сегодняшний набег на пристань может выглядеть незаконным, по стандартам захватчиков, так зачем отпускать свидетелей-шимпов? Зная губру, Фибен предполагал, что сюзерен Стоимости и Бережливости, вероятно, отпустит их — прямо через люк в открытый космос.

«Но поверит ли она моим словам?»

Нельзя рисковать. Фибен подумал, что у него есть другой способ получить Сильвию в союзники.

— Слушай внимательно, — сказал он ей. — Я не собираюсь встречаться с твоим сюзереном

по одной очень простой причине. Если я пойду туда со своими теперешними знаниями, я могу распрощаться со своей белой картой.

Она смотрела ему прямо в глаза. По спине ее пробежала дрожь.

— Видишь ли, дорогая. Я должен вести себя как превосходный образец неошимпа, дабы соответствовать критериям. А какой супершимп пойдет куда-то, зная, что там ловушка? Нет, Сильвия. Вероятно, нас все-таки схватят, после того как мы изо всех сил постараемся уйти. Понимаешь, что я имею в виду?

Она несколько раз моргнула и наконец кивнула.

— Эй, — дружелюбно прошептал он. — Взбодрись! Ты должна радоваться, что я разобрался в ситуации. Значит, наш ребенок будет очень умным маленьким ублюдком. Наверно, найдет способ взорвать свой детский сад.

Сильвия нервно мигала, потом нерешительно улыбнулась.

— Да, — сказала она негромко. — Похоже, ты прав. Фибен опустил руку с ножом и, выпустив горло Сильвин, поднялся. Это момент истины. Ей достаточно крикнуть, и через мгновение их окружит свита сюзерена Стоимости и Бережливости.

Но вместо этого она сняла с пальца перстень с часами и протянула Фибену. Жучок.

Он кивнул и помог ей встать. Вначале она спотыкалась, еще дрожа от волнения, но он обхватил ее рукой и повел назад, в южном направлении.

«Только бы сработала моя идея», — подумал он.

Он нашел голубятню там, где запомнил ее, за неказистым общежитием вблизи гавани. Очевидно, все спят. Но Фибен тем не менее двигался как можно тише, перерезая проволоку и забираясь в клетку для птиц.

Внутри чувствовалась влажность, неприятно пахло птицами. Негромкое воркование голубей напомнило Фибену о кваку.

— Давайте, малыши, — шепнул он голубям. — Сегодня вы должны помочь мне одурачить ваших сородичей.

Он заприметил это место во время своих прогулок, и то, что оно рядом, было не просто приятно, это было совершенно необходимо. Он и Сильвия не могли уйти из района гавани, пока не избавятся от жучка.

Голуби пятились от него. Пока Сильвия караулила снаружи, Фибен поймал толстую сильную птицу и проволокой прикрепил жучок к ее лап-

ке.

— Отличная ночь для дальнего перелета, а? Как ты думаешь? — сказал он и подбросил голубя в воздух. На всякий случай проделал то же самое со своими часами. Дверь он оставил открытой. Если птицы слишком рано вернутся сюда, губру отыщут их по сигналу жучка. Но их шумное прибытие вспугнет всю стаю, и снова начнется охота за химерой.

Поздравив себя с этой хитростью, Фибен вместе с Сильвией побежал на восток, подальше от гавани. Скоро они оказались в полуразрушенном промышленном районе. Впрочем, Фибен знал, где находится. Он проходил здесь, ведя смирную лошадь Тихо в свой первый приход в город после вторжения. Незадолго до того, как они дошли до стены, он сделал знак остановиться. Ему нужно перевести дыхание, хотя Сильвия, казалось, совсем не устала.

«Она ведь танцовщица», — подумал он.

— Ну давай раздеваться, — сказал он.

Надо отдать ей должное, Сильвия и глазом не моргнула. Логика безупречная. Возможно, часы не единственный жучок, помещенный на них. Она быстро раздевалась и закончила раньше него. Когда вся одежда лежала грудой, Фибен

бросил на шимми быстрый оценивающий взгляд и присвистнул.

Сильвия покраснела.

— Что теперь? — спросила она.

— Идем к ограде, — ответил он.

— К ограде? Но, Фибен…

— Я уже давно хочу посмотреть на нее поближе.

Пройдя еще несколько сот ярдов, они увидели ровную полоску, проведенную чужаками вокруг всей Порт-Хелении. Сильвия вздрогнула, когда они приблизились к высокой ограде, которая влажно блестела при свете сторожевых шаров, расположенных с одинаковыми промежутками.

— Фибен, — сказала Сильвия, когда он шагнул на полосу. — Мы не можем идти дальше.

— Почему? — спросил он. Но все же остановился и повернулся к ней. — Ты знаешь кого-нибудь, кто пытался это сделать?

Она покачала головой.

— Кто может это сделать? Это ведь явное безумие. Эти сторожевые шары…

— Да, — задумчиво сказал Фибен. — Я как раз думаю: сколько их нужно, чтобы огородить весь город. Десять тысяч? Двадцать? Тридцать?

Он вспомнил сторожевых роботов, окружив-

ших гораздо меньший и более уязвимый периметр бывшего посольства тимбрими в тот день, когда взорвался архив, а сам Фибен познакомился с образчиком юмора чужаков. Эти приборы оказались менее действенными, чем Ровер или обычный боевой робот, сопровождавший в бою солдат Когтя.

«Сомневаюсь я в этих», — подумал он и сделал еще один шаг вперед.

— Фибен! — Сильвия, казалось, была на грани истерики. — Давай попробуем ворота. Мы можем сказать стражникам… что нас ограбили. Мы с фермы, заходили в город, и кто-то украл нашу одежду и идентификационные карточки. Если будем вести себя достаточно тупо, может, они нас пропустят.

«Да, конечно». Фибен подошел еще ближе и находился теперь метрах в шести от барьера. Ограда состояла из узких планок, соединенных проволокой сверху и снизу. Фибен выбрал место между двумя шарами, как можно дальше от каждого. Но, приближаясь, он испытывал неотвязное ощущение, что за ним наблюдают.

И уверенность в этом наполнила Фибена покорностью. Сейчас, конечно, солдаты губру уже на пути сюда. Они могут появиться в любую минуту.

Лучше всего повернуться и бежать. Немедленно!

Он оглянулся на Сильвию. Она стояла там, где он ее оставил. Видно невооруженным глазом, что она предпочла бы оказаться в любом другом месте.

Он не понимал, почему она остается.

Фибен ухватился правой рукой за левое запястье. Пульс быстрый и нитевидный, во рту сухо, словно посыпали песком. Дрожа, он напряг всю волю и сделал еще один шаг к ограде.

Почти осязаемый ужас сомкнулся вокруг него, как в тот момент, когда он услышал предсмертный крик бедного Саймона Левина в той безнадежной, бессмысленной схватке в космосе. Фибен испытывал мрачное ощущение предопределенности. Ощущение тщетности жизни.

Он медленно повернулся и посмотрел на Сильвию. И улыбнулся.

— Дешевки эти птицы! — сказал он. — Шары вовсе не следящие! Это глупейшие пси-излучатели!

Сильвия мигнула.

— Ты уверен? — недоверчиво спросила она.

— Иди, сама увидишь, — позвал он. — Сейчас тебе кажется, что за тобой наблюдают. Потом ты будешь считать, что за тобой гонятся все солдаты Когтя.

Сильвия сглотнула, сжала кулаки и шагнула на пустую полосу. Фибен смотрел, как она делает шаг за шагом. И отдавал должное ее мужеству. Любая шимми давно повернулась бы и убежала с криком.

На лбу у Сильвии выступил пот, смешиваясь с каплями дождя.

Какой-то частью сознания, свободной от рева адреналина, Фибен любовался ее обнаженным телом. К тому же это помогало отвлечься. «У нее действительно были дети». Иногда шимми подделывают следы вынашивания и вскармливания, чтобы выглядеть привлекательней, но в данном случае совершенно очевидно, что у Сильвии был ребенок.

«Интересно узнать о ее жизни».

Остановившись рядом с ним, закрыв глаза, она прошептала:

— Что… что сейчас со мной будет?

Фибен прислушался к себе. Вспомнил о Гайлет, о том, как она оплакивала своего друга и защитника шимпа Макса. Вспомнил о шимпах, которые словно разрывались на части под ударами мощного оружия врага.

Вспомнил Саймона.

— Ощущение такое, словно только что умер

твой лучший в мире друг, — мягко сказал он и взял ее за руку.

Она вцепилась в его руку, но на лице ее появилась гримаса облегчения.

— Пси-излучатели. И это… это все? — Она раскрыла глаза. — Дешевки эти птицы!

Фибен расхохотался. Сильвия медленно улыбнулась и свободной рукой прикрыла рот.

Они смеялись, стоя под дождем посреди реки печали. Смеялись до слез, и когда наконец перестали течь слезы, медленно, под дождем, по-прежнему держась за руки, дошли до ограды.

— Теперь, когда я скажу «толкай», — толкай!

— Я готова, Фибен. — Сильвия пригнулась под ним, расставила ноги, прижалась плечом к одной из планок, держась руками за другие.

Стоя над ней, Фибен принял такую же позу и уперся ногами в грязную землю. Несколько раз глубоко вдохнул.

— Толкай!

Они навалились вместе. Планки отстояли на несколько сантиметров друг от друга. Напрягаясь, Фибен чувствовал, как расширяется пространство между ними. «Эволюция никогда не проходит даром», — думал Фибен, прикладывая все силы.

Миллион лет назад люди проходили через му-

ки самовозвышения, получая самостоятельно то, что, как утверждают галакты, можно получить только от других: способность думать и стремиться к звездам.

Тем временем, однако, предки Фибена тоже не ленились, они накапливали силу! Фибен сосредоточился на этой мысли, на лбу его выступил пот. Спина Сильвии дрожала, она тоже давила изо всех сил.

Пластилитовые планки скрипели.

— Ах! — Сильвия поскользнулась — и отлетела назад.

Фибен от толчка развернулся, и упругая планка, выпрямившись, отбросила его на Сильвию.

Минуту-две они просто лежали, тяжело дыша. Наконец Сильвия заговорила.

— Пожалуйста, милый… не сегодня. У меня болит голова.

Фибен расхохотался. Скатился с нее и лег на спину. Юмор им необходим.

Это лучшая защита от непрерывного давления пси-шаров. Паника все время держится на краю сознания, а смех удерживает ее, не давая распространяться.

Они помогли друг другу встать и осмотрели ограду. Щель заметно расширилась, сейчас она

не меньше десяти сантиметров. Но этого все равно недостаточно. И Фибен чувствовал, что время их подгоняет. Им нужно не менее трех часов, чтобы затемно добраться до холмов. По крайней мере если они переберутся, буря им на руку. Они с Сильвией снова подготовились, встали на место. Опять пошел дождь, все ближе заблестели молнии. Загремел гром, задрожали деревья, задребезжали ставни в домах.

«Сомнительное преимущество», — подумал Фибен. Конечно, дождь мешает сканерам губру, но одновременно делает скользким искусственный материал изгороди. Трудно за него ухватиться. Да и грязь мешает.

— Готова? — спросил он.

— Конечно, если будешь держать эту штуку подальше от моего лица, — ответила Сильвия. — Она отвлекает.

— Но ведь ты сама попросила Гайлет, милая, чтобы она поделилась с тобой этой штукой. К тому же ты ее видела и раньше, на громовом холме.

— Да. — Она улыбнулась. — Но это не совсем то же самое.

— Ну, ладно, заткнись и толкай, — проворчал Фибен. Они снова навалились изо всех сил.

«Поддается! Поддается!» Он услышал, как выдохнула Сильвия, его собственные мышцы угрожали порваться.

Планка затрещала, выгнулась, снова затрещала.

На этот раз поскользнулся Фибен, выпустив упругий пружинящий материал. Снова они, тяжело дыша, упали в грязь.

Дождь разошелся не на шутку, Фибен промокнул глаза и посмотрел на отверстие. «Сантиметров двенадцать. Ифни! Мало».

Он чувствовал, как проникает в сознание и лишает силы воли пси-излучение. Он знал, что это излучение отнимает у них с Сильвией силы, подталкивает к покорности. С огромным трудом встал и прислонился к упрямой изгороди.

«Дьявольщина, мы старались. Хоть в этом нам не откажешь. Мы почти добились своего. Если бы только…»

— Нет! — неожиданно крикнул он. — Нет! Я не отступлю! — Он бросился к щели, пытался протиснуться, сражался с непокорным отверстием. Где-то в темном царстве прямо ударила молния, осветив поля и лес, а за ними — манящие предгорья Мулун.

Загремел гром, изгородь задрожала. Планки

стиснули Фибена, и он закричал от боли. Когда они отпустили, он, полуживой от боли, упал рядом с Сильвией. Но через мгновение снова вскочил. Еще одна электрическая нить соединила землю с мерцающими облаками. Фибен заколотил по земле. Грязь и булыжники разлетелись во все стороны. Гром швырнул их назад, в лицо Фибену.

Речи не существовало. Не стало слов. Та его часть, которая знала, что они существуют, отшатнулась в шоке, и контроль перешел к другим, более древним частям сознания.

Оставались только буря, ветер и дождь, молнии и гром.

Фибен ударил себя в грудь, оскалил зубы под жалящим дождем. Буря пела Фибену, отражалась в земле и дрожащем воздухе, а он ответил ей криком.

Его крик — не изнеженная человеческая музыка и не поэзия сонных фантомов китов и дельфинов. Нет, эту музыку он ощущал мозгом костей. Она приподняла Фибена, как тряпичную куклу, и швырнула в грязь. Он поднялся, отплевываясь и крича.

Он поймал на себе взгляд Сильвии. Она колотила руками по земле, глядя на него широко

раскрытыми глазами, возбужденная. Это заставило его еще громче ударять себя в грудь, еще громче кричать. Он знал теперь, что не ослаб! Швыряя камни в воздух, он бросал вызов буре, призывал на себя ее молнии!

И они послушно пришли. Яркий свет заполнил пространство, зарядил его, волосы Фибена встали дыбом, искрились. Беззвучный удар пришелся ему в спину, словно рука гиганта прижала его к стене.

Фибен закричал, ударившись об ограду. И, прежде чем потерял сознание, отчетливо ощутил запах паленой шерсти.

Глава 66
ГАЙЛЕТ

В темноте под звуки дождя, стучащего о плитки крыши, она неожиданно открыла глаза. Встала, завернувшись в одеяло, и подошла к окну.

Снаружи над Порт-Хелением лютовала, знаменуя приход осени, буря.

Темные тучи гневно и угрожающе гремели.

На востоке ничего не видно, но Гайлет прижалась щекой к прохладному стеклу и смотрела туда.

В комнате приятно тепло, но она закрыла глаза и вздрогнула от неожиданного холода.

Глава 67
ФИБЕН

Глаза… глаза… глаза повсюду. Дрожат и танцуют, мерцают в темноте, насмехаются над ним.

Появился слон — продирается сквозь джунгли, буянит, глаза покраснели от гнева. Он пытается бежать, но слон хватает его, подбрасывает хоботом, и несет, стискивая ребра.

Он хочет попросить зверя съесть его или растоптать… только чтобы все кончилось! Но немного погодя привыкает. Боль притупляется, тело ноет, а путешествие становится размеренным…

Первое, что он почувствовал, придя в себя: дождь почему-то не падает на лицо.

Он лежит на спине, на чем-то вроде травы. Ненастье не затихает. Он ощущает влагу на ногах и теле, но ни одна капля не падала ему на нос или в рот.

Фибен открыл глаза, чтобы посмотреть, в чем дело… и, кстати, понять, почему он еще жив. На фоне облаков смутно вырисовывается силу-

эт. Невдалеке ударила молния, на мгновение осветив его. На Фибена озабоченно смотрела Сильвия.

Его голова лежит у нее на коленях.

Фибен попытался заговорить.

— Где… — Но послышался только хрип. Голос как будто исчез. Фибен смутно вспомнил, как кричал, вопил в небо. Должно быть, поэтому болит горло.

— Мы снаружи, — сказала Сильвия, чуть погромче, чтобы перекрыть звуки дождя. Фибен мигнул. «Снаружи?» Сморщившись, он поднял голову и осмотрелся.

Трудно было что-то увидеть в такую погоду. Но он сумел разглядеть контуры деревьев и невысоких холмов. Повернулся налево. Безошибочно узнавалась Порт-Хеления, особенно извивающаяся цепочка огоньков на ограде губру.

— Но… но как мы сюда попали?

— Я тебя принесла, — просто ответила она. — После того как ты разорвал стену, ты не мог идти.

— Разорвал стену?..

Она кивнула. Глаза Сильвии сверкали.

— Я считала, что видела раньше танцы грома, Фибен Болджер. Но твой побил все рекорды, кля-

нусь. Если доживу до девяноста и у меня будет сто почтительных внуков, я и тогда не смогу рассказать так, чтобы поверили.

Он смутно припоминал свой гнев, ярость от того, что свобода так близко и в то же время далека. Теперь ему стыдно вспоминать, как в нем победил зверь.

«А еще белая карта!» — фыркнул Фибен, думая, как глупо поступил сюзерен Праведности, выбрав его представителем.

— Должно быть, временно потерял самоконтроль.

Сильвия коснулась его левого плеча. Он сморщился и посмотрел туда — сильный ожог. Странно, он болит не так, как синяки и царапины.

— Ты смеялся над бурей, Фибен, — почтительным тоном сказала Сильвия.

— Дерзил, требовал, чтобы она пришла к тебе. А когда она пришла… ты заставил ее исполнить твое желание.

Фибен закрыл глаза. «Гудолл! Какая чушь!»

Но все же где-то глубоко внутри он чувствовал себя польщенным. Как будто все произошло так, как описала Сильвия!

Фибен содрогнулся.

— Помоги мне сесть.

На несколько мгновений он потерял координацию, горизонт наклонился, перед глазами все расплывалось. Но Сильвия усадила его, и мир перестал раскачиваться. Фибен жестом попросил помочь ему встать.

— Ты должен отдохнуть, Фибен.

— Когда доберемся до Мулуна, — ответил он. — Скоро рассвет, а буря не продлится вечно. Пошли, я буду опираться на тебя.

Она положила его здоровую руку себе на плечо, поддерживая его. И он сумел встать.

— Знаешь, — сказал он. — Ты сильная маленькая шимми. Хм. Перенесла меня сюда?

Она кивнула, глядя на него все с тем же блеском в глазах. Фибен улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

Они пошли, спотыкаясь, к лесистым холмам на востоке.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
МСТИТЕЛИ

Давным-давно, когда правил Посейдон и корабли людей были хрупки, как сухой трут, неудача постигла фракийский торговый корабль, он в начале зимы попал в бурю и разбился. Все моряки утонули, остался в живых только талисман корабля – обезьяна.

И тут, как решили судьбы, когда обезьяна в последний раз глотнула воздух, появился дельфин. Зная, что между людьми и дельфинами большая любовь, обезьяна закричала «Спаси меня! Ради моих бедных детей в Афинах!» Быстрый, как молния, дельфин подставил спину.

– Ты очень необычная, маленькая и уродливая для человека, – сказал дельфин, когда обезьяна ухватилась за него.

– Люди считают меня очень красивой, – ответила обезьяна, закашлявшись и крепко держась за дельфина, который повернул к суше.

– Ты говоришь, что ты из Афин? – спросило осторожное морское существо.
– Конечно. Я бы не стала говорить, если бы это было не так, – заявила обезьяна.
– А знаешь ли ты Пирей? – спросил подозрительный дельфин.
Обезьяна оказалась находчивой.
– О, да! – воскликнула она. – Пирей мой лучший друг! Я только на прошлой неделе разговаривала с ним!
Дельфин гневно подпрыгнул и сбросил обезьяну в море, где она и утонула.
Мораль: когда выдаешь себя за другого, постарайся придерживаться фактов.

М.Н.Плано

Глава 68
ГАЛАКТЫ

Изображение на голографическом экране дрожало. Ничего удивительного.

Оно приходило за многие парсеки через свернутое пространство в пункте перехода Пурмин. Картинка прыгала и иногда теряла четкость.

Но смысл послания совершенно ясен сюзерену

Праведности.

Толпа разнообразных существ находится перед пьедесталом сюзерена.

Большинство он узнавал с первого взгляда. Вот пила, низкорослые, пушистые, с короткими руками. А вот высокий нескладный з'танг, он стоит перед паукообразным серентини. Лениво светится би-гле, свернувшись рядом с существом, которое сюзерен сразу не узнал. Возможно, клиент, а может быть, домашнее животное.

К отчаянию сюзерена, в делегацию входили синтианин и человек.

Человек!

И невозможно жаловаться. Логично включить в число официальных наблюдателей человека, так как планета отдана по лицензии людям, если, конечно, найдется подходящий претендент. Но сюзерен был уверен, что в распоряжении Института возвышения в этом секторе такого нет!

Видимо, это еще один признак того, что политическая ситуация в пяти галактиках ухудшилась. С родины от Повелителей Насестов поступают сообщения о серьезных неудачах между спиральными рукавами. Сражения терпят неудачу. Союзники оказываются ненадежными. На некогда выгодных торговых путях, закрытых из-за

блокады Земли, теперь доминируют боевые флоты соро и танду.

Наступают тяжелые времена для великого и могучего клана гуксу-губру.

Все теперь зависит от некоторых мощных кланов, пока еще сохраняющих нейтралитет. Но если произойдет нечто такое, что позволит заключить с ними союз, триумф достанется праведным.

С другой стороны крыла, будет катастрофой, если эти нейтралы примкнут к противникам великого клана!

Именно этими соображениями руководствовался сюзерен Праведности, когда выдвинул идею захвата Гарта. Внешне экспедиция была нацелена на захват заложников, чтобы вынудить Верховное Командование Земли поделиться своими тайнами. Но психологические прогнозы показывали, что это маловероятно. Волчата очень упрямы.

Нет, поддержку плана сюзерена Повелителями Насестов обеспечили посулы добыть честь и славу клану, одержать решительную победу и тем самым привлечь на свою сторону колеблющихся. И вначале все шло так хорошо!

Первый сюзерен Стоимости и Бережливости…

Священник издал глубокую траурную ноту.

Он не понимал раньше, какого мудреца они потеряли, как умел старый чиновник оттенить яркие способности своих молодых коллег своим здравым смыслом и надежностью.

«Какой консенсус, какое единство, какую политику могли бы мы получить!»

А теперь, вдобавок к постоянным раздорам во все еще не достигшем единства триумвирате, недавние дурные новости: землянин в составе делегации Института возвышения. О последствиях этого думать страшно.

И даже не это еще самое плохое! Сюзерен в отчаянии смотрел, как землянин выступил вперед в качестве главы делегации. Он заговорил на отчетливом галактическом-семь.

— Приветствую триумвират сил гуксу-губру, оккупирующих в настоящий момент лицензионную планету под названием Гарт от имени Каф'Квин*3, Верховного Высшего Экзаменатора Института возвышения. Это послание отправлено вам быстрейшим доступным способом, чтобы вы могли подготовиться к нашему прибытию. Состояние гиперпространства и пунктов перехода таково, что мы почти наверняка сможем присутствовать на предлагаемой церемонии и вовремя предложить соответствующие тесты

на разумность в том месте и в то время, какие назначены вами.

— Вы также извещаетесь, что галактический Институт возвышения с большим сомнением идет навстречу вашей необычной просьбе — из-за спешки и ограниченной информации.

— Церемонии возвышения — радостные события, особенно в такие тревожные времена. На них празднуется продолжение и постоянное возобновление галактической культуры во имя наших почитаемых Прародителей.

Клиенты — это надежда и будущее нашей цивилизации, и именно в таких ритуалах мы демонстрируем свою ответственность, честь и любовь.

— Мы встречаем это событие, преисполненные любопытства к тем чудесам, которые клан гуксугубру намерен показать пяти галактикам.

Сцена исчезла, оставив сюзерена в задумчивости.

Конечно, слишком поздно отозвать приглашения и отменить церемонию.

Даже остальные сюзерены понимают это. Шунт должен быть завершен, и они должны приготовиться к приему почетных гостей. Поступить иначе — означает нанести невосполнимый

ущерб делу губру.

Сюзерен исполнил танец гнева и раздражения, изрыгая короткие резкие проклятия.

Будь проклят этот дьявольский шутник-тимбрими! Задним числом сама мысль о гартлингах, туземных предразумных существах, переживших катастрофу бурурали, кажется нелепой. Но цепочка фальшивых свидетельств выглядела такой убедительной, сулила такие огромные возможности!

Сюзерен Праведности начинал эту экспедицию, будучи первым из предводителей. Его высокое положение в Слиянии казалось непоколебимым, особенно после безвременной гибели первого сюзерена Стоимости и Бережливости.

Но все изменилось, когда лопнул миф о гартлингах и стало ясно, что сюзерена Праведности просто одурачили. Неспособность найти доказательства ошибок людей в восстановлении Гарта и воспитании клиентов означала, что сюзерен по-прежнему не может вступить на почву этой планеты. Это, в свою очередь, задерживает выработку необходимых для Слияния гормонов. Все эти факторы — серьезные неприятности, ставящие под сомнение саму возможность Слияния.

Восстание неошимпанзе помогло военным

выдвинуться на первый план.

Теперь сюзерен Луча и Когтя быстро и неудержимо завоевывает авторитет.

Приближение Слияния наполняло сюзерена Праведности дурными предчувствиями. Такие события должны быть торжественными и высокодуховными даже для проигравших. Слияние — это время обновления и сексуального становления расы и одновременно — кристаллизация политики, консенсус для правильных действий.

Но на этот раз, однако, консенсуса почти нет. Что-то в этом Слиянии изначально неверно.

Единственное, в чем трое сюзеренов достигли единодушия, — строящийся гиперпространственный шунт необходимо использовать для церемонии возвышения. Поступить иначе в данный момент равносильно самоубийству. Но во всем остальном мнения сюзеренов расходятся. Их непрерывные споры отражаются на состоянии всей экспедиции. Религиозные солдаты Когтя ссорятся со своими товарищами. Чиновники, военные в отставке, поддерживают расточительство своих бывших товарищей и глухо ропщут, получив приказ своего сюзерена. Даже среди священников вместо былого единодушия часто возникают споры.

Верховный священник недавно обнаружил, к чему приводит деление на фракции: к настоящему предательству! Иначе каким образом пропали два представителя расы шимпанзе?

Теперь сюзерен Стоимости и Бережливости настаивает на том, что он будет выбирать нового представителя-самца. Несомненно, именно главный чиновник виновен в «бегстве» Фибена Болджера! И столь же очевидно, что теперь этот шимп — прах и пепел.

Конечно, невозможно обвинить в этом никого из сюзеренов-соперников. Приблизился слуга-кваку, поклонился и протянул в клюве информационный куб.

В помещении стемнело, и сюзерен Праведности глазами видеокамеры увидел дождь и темноту. Он невольно вздрогнул от отвращения к омерзительному тусклому и сырому городу волчат.

Камера приблизилась и показала панорамой грязную тропу в глухом переулке… сломанную клетку из дерева и проволоки, в которой земляне держали своих ручных птиц… груду мокрой одежды рядом с закрытой на замок фабрикой… следы, ведущие по грязному полю к изогнутой и разорванной ограде… еще отпечатки за оградой, уходящие в туман, в степь.

Прежде чем следователи завершили доклад, сюзерену все стало ясно.

Самец-шимп сумел уйти от подготовленной для него ловушки! Он умудрился действительно сбежать!

Сюзерен исполнил на своем насесте ряд древних жеманных па.

Ущерб, вред, урон
Нашей программе огромен.
Но он не есть, не должен быть
Невосполнимым!

По сигналу сюзерена появились слуги-кваку. Первый приказ сюзерена был прост.

Мы должны усилить, углубить, усугубить нашу преданность, нашу настойчивость.

Сообщите самке, что мы согласны, мы изъявляем готовность, мы принимаем ее просьбу.

Она может посетить Библиотеку.

Слуга поклонился, и все остальные кваку пропели:

Зуууун!

Глава 69
ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ

Межзвездное послание закончилось, голографический экран опустел.

Когда зажегся свет, члены Совета удивленно переглянулись.

— Что… что все это значит? — спросил полковник Мейвен.

— Не знаю, — ответил командор Кайли. — Но ясно, что губру что-то задумали.

Комендант убежища Му Чей побарабанила пальцами по столу.

— Это как будто официальные представители Института возвышения. Мне кажется, захватчики планируют провести какую-то церемонию возвышения и пригласили свидетелей.

«Это-то очевидно», — подумала Меган.

— Вы думаете, это имеет отношение к загадочному строительству у Порт-Хелении? — спросила она. Это сооружение послужило предметом недавних многих обсуждений.

Полковник Мейвен кивнул.

— Не хотелось раньше признавать эту возмож-

ность, но сейчас я с этим согласен.

Заговорил член Совета — шимп.

— Зачем им проводить церемонию для кваку здесь, на Гарте? Это не имеет смысла. Разве это подкрепит их требование на лицензию на Гарт?

— Сомневаюсь, — сказала Меган. — Может быть… может быть, церемония проводится не для кваку.

— Но тогда для кого?

Меган пожала плечами. Кайли заметил:

— По-видимому, представители Института возвышения тоже этого не знают.

Повисло тяжелое молчание. Наконец снова заговорил Кайли.

— Насколько значительно, по вашему мнению, то обстоятельство, что возглавляет делегацию человек?

Меган улыбнулась.

— Очевидно, это проявление отношения к губру. Человек, возможно, всего лишь младший чиновник в местном отделении Института возвышения. То, что он стоит выше пила, з'танг и серентини, означает, что с Землей еще не покончено. И определенные силы хотят указать на это губру.

— Хм. Пила. Они серьезные члены клана соро.

То, что ими руководит человек, может, конечно, означать оскорбление для губру, но еще не значит, что с Землей все в порядке.

Меган поняла, что имеет в виду Кайли. Если в земном пространстве господствуют соро, всех их ждут тяжелые времена.

Снова долгое молчание. Затем заговорил полковник Кайли.

— Они упомянули гиперпространственный шунт. Такие установки очень дорогие. Губру, должно быть, возлагают много надежд на эту церемонию.

«Действительно», — подумала Меган, помня, какое предложение было выдвинуто на Совете. Теперь она поняла, что трудно ей будет придерживаться совета Утакалтинга.

— Вы предлагаете цель, полковник?

— Да, мадам координатор, — Мейвен выпрямился и встретился с ней взглядом. — Я думаю, именно такого случая мы ждали.

За столом все одобрительно закивали. «Они так голосуют от раздражения и скуки. — Меган это знала. — Но разве это не золотой шанс, которым нужно воспользоваться или навсегда его утратить?!»

— Мы не можем нападать, когда прибудут

посланники Института возвышения, — подчеркнула она и увидела, что все понимают важность этого.

— Однако я согласна, что до их прибытия у нас есть возможность.

Согласие было очевидно. Меган мельком подумала, что должно быть более тщательное обсуждение. Но и она испытывала крайнее нетерпение.

— Мы передадим новый приказ майору Пратачулторну. Он получает карт-бланш. Единственное условие — нападение должно быть организовано до первого ноября. Согласны?

Простое поднятие рук. Командор Кайли колебался, потом присоединился к остальным, и голосование прошло единодушно.

«Мы обречены, — подумала Меган. — Приготовлено ли в аду специальное местечко для матерей, посылающих своих сыновей в бой?»

Глава 70
РОБЕРТ

«Ей ведь не обязательно было уходить! Она сама говорила, что все в порядке».

Роберт потер колючий подбородок. Подумал

о душе и бритье. Когда рассветет, майор Пратачулторн созовет совещание, а командир любит, чтобы его офицеры выглядели аккуратно.

«На самом деле мне следовало бы поспать», — подумал Роберт. Они только что закончили серию ночных опытов. Но через пару часов беспокойного сна он обнаружил, что слишком нервничает, слишком переполняет его беспокойная энергия, чтобы он мог оставаться в постели. Он встал и пошел к своему маленькому столу. При рассеянном свете информационного экрана, чтобы не разбудить остальных обитателей комнаты, начал читать приказ майора Пратачулторна, подробное описание предстоящего боя.

Оно оказалось изобретательным и профессиональным.

Предлагались разнообразные варианты для использования ограниченных сил для сильного удара по врагу. Оставалось только правильно выбрать цель.

Но все-таки что-то в этой стройной системе показалось Роберту неверным. Документ не укрепил его уверенности, как он надеялся.

Роберт почти чувствовал, как образуется нечто в пространстве над его головой — что-то отдаленно напоминающее темные тучи, которые

закрывали вершины гор в недавнюю грозу — символическое проявление его беспокойства.

В другом конце небольшой комнаты шевельнулась стройная фигура под одеялом. Одна изящная рука свесилась вниз, видны также гладкое бедро и икра ноги.

Роберт сосредоточился и убрал нечто, создаваемое его простой аурой.

Оно начало тревожить сон Лидии, несправедливо взваливать на нее свои тревоги. Несмотря на недавнюю интимную близость, они еще чужие друг другу.

Роберт напомнил себе, что в последние дни произошли и некоторые положительные изменения. Например, план боя показывал, что идеи Роберта Пратачулторн воспринимает серьезно. А время, проведенное с Лидией, приносило не только физическое удовлетворение. Роберт не сознавал, как ему не хватало простого прикосновения другого человека. Люди выдерживают одиночество легче шимпов. Если у тех долго нет партнера по расчесыванию, они впадают в глубокую депрессию. Но и у людей обоего пола есть подобные потребности.

Даже в самые страстные моменты с Лидией Роберт продолжал думать и о ком-то другом.

«Нужно ли было ей на самом деле уходить? Не было никаких убедительных причин для похода к горе Фосси. О гориллах и без того хорошо заботятся».

Конечно, гориллы послужили только предлогом уйти от неодобрительных взглядов майора Пратачулторна и электрических разрядов человеческой страсти.

Атаклена, возможно, права, нет ничего дурного в том, что Роберт ищет общества людей. Но кроме логики, у нее есть и чувства. Юная и одинокая, она страдает, хотя понимает, что он поступает правильно.

— Черт возьми! — проворчал Роберт. Слова и чертежи Пратачулторна расплывались. — Черт возьми, мне ее не хватает.

Снаружи, за одеялом, которым его комната отделяется от остальной пещеры, послышался шум. Роберт посмотрел на часы. Всего лишь час ночи. Он встал и надел брюки. Шум в такое время означает скорее всего дурные новости. То, что враг целый месяц, не проявлял активности, вовсе не значит, что так будет всегда. Может быть, губру разнюхали про их планы и наносят упреждающий удар. По камню зашлепали босые ноги.

— Капитан Онигл? — произнес голос из-за оде-

яла. Роберт подошел и откинул занавеску. Перед ним стояла запыхавшаяся посыльная-шимми.

— Что случилось? — спросил Роберт.

— Сэр, вам лучше взглянуть.

— Хорошо. Только возьму оружие.

Шимми покачала головой.

— Это не нападение, сэр… из Порт-Хелении прибыли шимпы.

Роберт нахмурился. Небольшие группы новобранцев приходят все время.

Почему такое возбуждение сейчас? Он услышал, как шевелится потревоженная Лидия.

— Хорошо, — сказал он шимми. — Расспросим их немного позже…

Она прервала:

— Сэр! Это Фибен! Фибен Болджер, сэр. Он вернулся.

Роберт мигнул.

— Что?

Сзади послышался шорох.

— Роб? — произнес женский голос. — Что…

Роберт завопил. Его крик отозвался в тесном помещении. Он сжал в объятиях и поцеловал удивленную шимми, потом подхватил Лидию и подбросил в воздух.

— Что?.. — недоуменно повторила она и замол-

чала, увидев, что Роберта и след простыл.

Особой необходимости торопиться не было. Фибен со своим эскортом еще не появился. К тому времени, когда можно было рассмотреть поднимающихся по тропе лошадей, Лидия оделась и присоединилась к Роберту около внешнего укрепления пещеры. Серый рассвет уже принялся гасить звезды.

— Все на ногах, — заметила Лидия. — Даже майора подняли. Везде бегают шимпы и возбужденно болтают. Должно быть, мы ждем необычного шена.

— Можно и так сказать. — Роберт рассмеялся и подул на руки. — Старина Фибен действительно необычен.

— Это я поняла. — Она заслонила глаза от света с востока и смотрела, как конный отряд поворачивает на тропе. — Это тот, что в бинтах?

— Гм? — Роберт прищурился. Зрение Лидии было улучшено биоорганически во время ее военного обучения. Ему стало завидно. — Ничего удивительного.

Фибен частенько ходит перебинтованный, хотя и говорит, что ненавидит повязки. Сваливает все на свою природную неуклюжесть и невезучесть, но я всегда подозревал в нем склонность к аван-

тюрам. Никогда не встречал шимпа, которому так много нужно, просто чтобы рассказать о себе.

Через несколько минут он тоже мог разглядеть фигуру своего друга.

Роберт крикнул и поднял руку. Фибен улыбнулся и помахал в ответ, хотя левая его рука висела на перевязи. Рядом с ним на светлой кобыле ехала шимми, которую Роберт не узнал.

Из пещеры вышла посыльная и отдала честь.

— Джентльмены, майор просит вас и лейтенанта Болджера немедленно явиться к нему.

Роберт кивнул.

— Пожалуйста, передай майору Пратачулторну, что мы сейчас явимся.

Лошади поднялись на последний пригорок. Лидия сунула руку в ладонь Роберта, и он ощутил одновременно прилив радости и вины. Он сжал ее руку и постарался не показывать противоречивости своих чувств. «Фибен жив! — подумал он. — Надо сообщить Атаклене. Я уверен, она обрадуется».

У майора Пратачулторна выработалась нервная привычка тянуть себя за ухо. Слушая доклады подчиненных, он ерзает на стуле, время от времени что-то бормочет в свой накопитель информации, получает какие-то сведения.

Может показаться, что он отвлекается, но стоит говорящему замолчать или просто заговорить медленнее, майор тут же нетерпеливо щелкает пальцами.

Очевидно, Пратачулторн соображает быстро и способен решать одновременно несколько задач. Но такое поведение некоторые шимпы воспринимают с трудом, нервничают и лишаются дара речи. Это, в свою очередь, не улучшает мнения майора о солдатах нерегулярной армии, которые еще недавно находились под командованием Роберта и Атаклены.

Однако при обращении с Фибеном такой проблемы не возникло.

Прихлебывая апельсиновый сок, Фибен продолжал рассказывать. Даже Пратачулторн, который обычно прерывает посыльных, задает множество вопросов, безжалостно требует подробностей, на этот раз сидел молча, слушая о трагическом окончании восстания в долине, последующем пленении Фибена, о встречах с сюзереном Праведности и тестах и о теориях доктора Гайлет Джонс.

Время от времени Роберт поглядывал на шимми, которую Фибен привез с собой из Порт-Хелении. Сильвия сидела между Бенджамином и Элси,

выпрямившись, с непроницаемым выражением. Когда ей изредка задавали уточняющие вопросы или просили подтверждения, она негромко отвечала, но остальное время не сводила глаз с Фибена.

Фибен подробно остановился на политической ситуации в лагере губру, как он понимал ее. Перейдя к рассказу о вечере своего бегства, он сообщил о ловушке, подготовленной «сюзереном Стоимости и Бережливости», и закончил просто, сказав:

— Поэтому мы с Сильвией решили уходить другим путем, не морем. — Он пожал плечами. — Мы пролезли через дыру в ограде и добрались до передового поста повстанцев. И вот мы здесь.

«Ничего себе!» — подумал Роберт. Разумеется, Фибен промолчал и о своих ранах, и о том, как же все-таки им удалось уйти. Конечно, все это будет в его письменном отчете майору, но остальным придется выкупать у него подробности.

Роберт увидел, как Фибен посмотрел в его сторону и подмигнул.

«Не меньше пяти порций пива», — подумал Роберт.

Пратачулторн наклонился вперед.

— Вы говорите, что видели гиперпростран-

ственный шунт? Можете указать точное место расположения?

— Я получил подготовку разведчика, майор. В письменный отчет я включу карту или схему.

Пратачулторн кивнул.

— Если бы у нас уже не имелось других сообщений, никогда не поверил бы этому рассказу. Но теперь вынужден вам поверить. Говорите, установка дорогая, даже по стандартам губру?

— Да, сэр. Так считаем мы с Гайлет. Судите сами. Люди смогли организовать только по одной церемонии возвышения для своих клиентов за все годы после Контакта, и в обоих случаях они происходили на Тимбриме.

Поэтому другие клиенты, вроде кваку, относятся к нам пренебрежительно.

— Частично это спровоцировано кланами соро и губру, которые пытались отказать людям в статусе патронов, но главным образом из-за нашей бедности, по галактическим стандартам.

Фибен явно поднаторел. Роберт подумал, что отчасти это заслуга Гайлет Джонс. Со своим обостренным чувством эмпатии он воспринимал слабую дрожь, с которой Фибен произносил это имя.

Роберт взглянул на Сильвию. «Похоже, у Фибе-

на возникли сложности».

Конечно, это напомнило Роберту о собственной ситуации. «Фибен не одинок», — подумал он. Всю жизнь он хотел стать восприимчивее, лучше разбираться в других и себе. Наконец его желание исполнилось, но не принесло ему радости.

— Клянусь Дарвином, Джейн Гудолл и Гринписом! — Пратачулторн ударил по столу. — Мистер Болджер, ваше сообщение пришло как нельзя вовремя! — Он повернулся к Роберту и Лидии. — Вы понимаете, что это значит, джентльмены?

— Гм… — начал Роберт.

— Цель, сэр, — сжато ответила Лидия.

— Совершенно верно, цель! Это полностью соответствует приказу, полученному от Совета. Если сумеем разрушить шунт — предпочтительно до прибытия почетных гостей, ударим губру в самое больное место — по кошельку!

— Но… — попытался возразить Роберт.

— Вы слышали рассказ разведчика, — сказал Пратачулторн. — Губру в трудном положении. Они истратили все ресурсы, их предводители вцепились в горло друг другу, и это может стать последней каплей! Да, мы можем ударить, когда там соберется весь их триумвират!

Роберт покачал головой.

— Не стоит ли все хорошенько обдумать, сэр? Я имею в виду предложение этого сюзерена Правдивости…

— Праведности, — поправил Фибен.

— Да. Его предложение Фибену и доктору Джонс.

Пратачулторн в свою очередь покачал головой.

— Явная ловушка, Онигл. Будьте осторожней.

— Я осторожен, сэр. Я эксперт в этих вопросах не лучший, чем Фибен, и гораздо хуже разбираюсь, чем доктор Джонс. И, конечно, я согласен, что это может быть ловушка. Но по крайней мере внешне это выглядит чрезвычайно выгодно для Земли! Не думаю, что мы должны отбросить такое предложение, даже не сообщив Совету.

— На это нет времени, — ответил Пратачулторн, качая головой. — Я получил приказ действовать по собственному усмотрению и по возможности до прибытия почетных гостей из галактики.

Роберт ощутил растущее отчаяние.

— Но давайте хотя бы посоветуемся с Атакленой. Она дочь дипломата и быстрее нас разберется в том, какими могут оказаться последствия.

Хмурое лицо Пратачулторна было весьма красноречиво.

— Если найдется время, я с удовольствием выслушаю мнение молодой тимбрими. — Но стало ясно, что Роберт упал в глазах майора, упомянув имя «генерала».

Пратачулторн хлопнул по столу.

— Требуется срочно собрать совещание офицеров и выработать тактику действий против гипершунта. — Он повернулся и кивнул шимпам. — Вы свободны, Фибен. Благодарю вас за храбрость и своевременные действия. То же самое относится и к вам, мисс. — Он кивнул Сильвии. — С нетерпением жду письменный отчет.

Элси и Бенджамин встали и вышли. Как временно получивших офицерское звание, их не включили в штаб Пратачулторна. Фибен встал медленнее, с помощью Сильвин.

Роберт торопливо заговорил вполголоса с Пратачулторном.

— Сэр, я уверен, вы просто забыли, что Фибен офицер колониальных сил.

Если мы его не пригласим, это будет политической ошибкой.

Пратачулторн мигнул. Выражение его лица не изменилось, но Роберт понял, что опять промахнулся.

— Да, конечно, — спокойно сказал майор. — По-

жалуйста, передайте лейтенанту Болджеру, что он может остаться, если не очень устал.

После этого он повернулся к приемнику и стал вызывать файлы. Роберт чувствовал на себе взгляд Лидии. «Наверно, считает, что я никогда не научусь такту», — подумал он, подходя к двери и придерживая Фибена, когда тот уже выходил.

Друг улыбнулся ему.

— Наверно, детское время кончилось, — тихо заметил Фибен, взглянув в сторону Пратачул-торна.

— Даже хуже, старина. Но я только что добился для тебя статуса почетного взрослого.

«Если бы взгляды могли ранить, — думал Роберт, глядя на кислую мину Фибена. — Ты считал, что это время Миллера». — Они говорили о возможном происхождении этого выражения — «детское время».

Фибен, держась за плечо Сильвии, вернулся в помещение. Она какое-то время смотрела на него, потом повернулась и вышла вслед за Элси.

Бенджамин, однако, задержался. Он увидел, как Роберт кивком попросил его остаться. Роберт незаметно передал ему небольшой диск. Вслух он не решился говорить, но сделал знак рукой.

«Передай», — попросил он.

Бенджамин быстро кивнул и вышел.

Когда Роберт вернулся к столу, Пратачулторн и Лидия уже углубились в сложности предстоящего боя. Майор повернулся к Роберту.

— Боюсь, некогда будет использовать бактерии, хотя вы проявили большую изобретательность…

Роберт почти не слышал. Он сел, думая о том, что только что совершил преступление. Тайно записав весь ход встречи, включая доклад Фибена, он нарушил правила. Отдав запись Бенджамину, он нарушил приказ.

А попросив шимпа доставить запись чужаку, он тем самым совершил измену.

Глава 71
МАКС

Рослого неошимпанзе ввели в обширное подземное помещение на цепи со скованными руками. Шимп не обращал внимания на стражников, тоже шимпов, но в мундирах захватчиков, которые несли другой конец цепи, но время от времени вызывающе посматривал на чужаков техников, которые располагались на переходах вверху.

Лицо его было испещрено старыми шрамами, а

теперь к ним прибавились ссадины и открытые раны; местами не хватало шерсти. Раны заживали, но выглядели весьма непривлекательно.

— Пошли, — сказал один из стражников, подталкивая шимпа вперед. — Птицы хотят задать тебе несколько вопросов. Макс продолжал игнорировать проби. Его отвели к помосту в центре помещения. Здесь ждали несколько кваку, стоя на платформе с приборами.

Макс смотрел на предводителя чужаков, затем небрежно поклонился.

Птицеподобный едва поклонился в ответ.

Рядом с кваку стояли еще трое квислингов. Двое хорошо одетых шимпов, из тех, что наживаются на поставке губру стройматериалов и рабочих. Ходили слухи, что делают они это за счет своих отсутствующих партнеров-людей. Но рассказывали также о согласии и прямом попустительстве людей, интернированных на острове Гилмор. Макс не знал, какую версию предпочесть.

Третий шимп на платформе — командир вспомогательных сил, высокий шен, который высокомерно именует себя Железной Хваткой.

Макс знал, как полагается обращаться с предателями. Он улыбнулся, обнажив большие клыки, и плюнул к их ногам. Проби с криком дернули за

цепь, и он пошатнулся. Стражники подняли дубинки. Но быстрое чириканье кваку остановило их. Они с поклоном отступили.

— Ты уверен… не сомневаешься, что этот… этот индивидуум тот самый, кого мы ищем? — спросил пернатый офицер у Железной Хватки.

Шимп кивнул.

— Он найден раненым около того места, где были захвачены Гайлет Джонс и Фибен Болджер. Его видели в их обществе до восстания; он много лет служил в ее семье. Я провел анализ, показывающий, что контакт с этими индивидуумами делает его пригодным.

Кваку кивнул.

— Ты очень изобретателен, — сказал он Железной Хватке, — и будешь вознагражден, тебе повысят статус. Хотя один из кандидатов, избранных сюзереном Праведности, каким-то образом сумел уйти из наших сетей, мы можем заменить его новым. Тебе сообщат.

Макс достаточно долго жил под властью губру, чтобы понять, что эти чиновники — приближенные сюзерена Стоимости и Бережливости. Хотя не представлял себе, чем он может оказаться им полезен.

Почему его привели сюда? В глубинах рукотвор-

ной горы через залив от Порт-Хелении находится устрашающий муравейник механизмов и энергетических установок. Во время подъема на лифте волосы Макса вставали дыбом от статического электричества: губру и их клиенты испытывали титанические машины.

Функционер-кваку разглядывал его одним глазом.

— Ты исполнишь две функции, — сказал он Максу. — Послужишь двум целям. Ты дашь нам информацию, сообщишь сведения о твоем прежнем нанимателе, нужные нам материалы. И ты поможешь, окажешь помощь нам в эксперименте.

Макс снова улыбнулся.

— Ни того, ни другого я не сделаю, и мне безразлично, если это проявление неуважения. Можете надеть клоунский наряд и кататься на велосипеде.

Кваку мигнул раз, другой, слушая компьютерный перевод. Обменялся чириканьем со своими помощниками, потом снова повернулся к Максу.

— Ты не понял, ошибся в наших словах. Вопросов не будет. Тебе не нужно говорить. Твое согласие не требуется.

Полная убежденность этого заявления звуча-

ла устрашающе. Макс вздрогнул в неприятном предчувствии.

Когда его схватили, враг добивался признаний. Он приготовился сопротивляться, но его потрясло, когда выяснилось, что их интересуют только гартлинги. Снова и снова его спрашивали: «Где предразумные?» Гартлинги?

Легко обманывать их, несмотря на все наркотики и пси-машины, потому что главное предположение врагов оказалось таким нелепым. Представить себе только: галакты, поверившие в глупые детские сказки! Макс узнал множество способов дурачить кваку.

Например, он изо всех сил старался не «признаваться», что гартлинги существуют. И ему удалось на время убедить их, что они идут по правильному пути.

Наконец они сдались и оставили его в покое. Вероятно, поняли, что он их дурачит. После этого его направили на строительство, и Макс решил, что о нем забыли.

«Отнюдь», — понял он теперь. Слова кваку обеспокоили его.

— Что значит, не будете спрашивать?

На этот раз ответил предводитель испытуемых. Железная Хватка радостно погладил усы.

— Это значит, что всю информацию, которой ты владеешь, из тебя выдавят. Все эти машины, — он обвел рукой, — будут сосредоточены на тебе.

Твои ответы выйдут наружу, а ты — нет.

Макс резко выдохнул и почувствовал, как заколотилось сердце. Но ему помогла держаться твердая решимость: он не даст этим предателям радости увидеть, как у него отнялась речь! Он сконцентрировался на том, чтобы найти слова.

— Это… это против… Правил Войны.

Железная Хватка пожал плечами. И предоставил объяснять чиновнику-кваку.

— Правила защищают… они созданы для видов и планет, а не для индивидуумов. И к тому же мы не приближенные священников!

«Вот как, — понял Макс. — Я в руках фанатиков».

Мысленно он попрощался с шимпами и шимми, с детьми своей групповой семьи, особенно со старшей групповой женой, которую больше никогда не увидит. Так же мысленно он наклонился и прощально поцеловал собственный зад.

— Вы допустили две ошибки, — сказал он тюремщикам. — Первая: вы сказали, что Гайлет жива, а Фибен снова провел вас. Это поможет мне выдержать все, что вы со мной сделаете.

Железная Хватка ответил:

— Пока можешь радоваться. Но ты все-таки поможешь нам спустить на землю твоего бывшего хозяина.

— Может быть, — кивнул Макс. — А вторая ошибка: вы прикрепили меня к этому…

Руки его висели расслабленно, но вот он резко дернул ими и изо всей силы натянул цепь. Двое проби упали, выпустив концы цепи.

Макс покрепче уперся ногами и взмахнул цепью, как кнутом. Охранники метнулись в стороны, но поздно. Удар расколол череп одного из шимпов на помосте. Другой, в отчаянии пытаясь увернуться, сбил с ног всех троих кваку, как кегли.

Макс закричал от радости. Он вертел своим импровизированным оружием, пока все не оказались вне пределов досягаемости, потом изменил ось вращения. И, когда выпустил конец, цепь взлетела вверх и обвилась о поручень мостика над головой.

Подняться по тяжелым звеньям нетрудно. Все казались слишком ошеломлены, чтобы помешать ему. Но наверху пришлось потратить несколько драгоценных секунд, разматывая цепь. И так как руки его были прикованы к цепи,

пришлось тащить ее с собой.

«Куда теперь?» — подумал он, собрав цепь. Увидев белое оперение справа от себя, Макс развернулся. И побежал в противоположную сторону, к лестнице, ведущей на следующий уровень.

Конечно, мысль о бегстве нелепа. У него только две цели, обе сиюминутные: нанести как можно больше ущерба и потом покончить с жизнью, прежде чем он выдаст Гайлет.

Первую задачу он выполнял на бегу, молотя цепью по приборам, трубам, нежным механизмам, до каких мог дотянуться. Некоторые механизмы оказались крепче, чем выглядели, но другие ломались со звоном. Стойки с приборами валились через край вниз.

Макс искал возможность выполнить и другую задачу. Если не попадется оружие, он заберется достаточно высоко, чтобы перепрыгнуть через перила и упасть.

Из-за угла показались техник-губру и два помощника-кваку, они чирикали, обсуждая какую-то проблему. Макс завопил и метнул цепь. У одного кваку образовалась лысина, перья полетели во все стороны. Обороняясь цепью на обратном пути, Макс крикнул «Уууу!» смотря-

щему на него губру, тот отчаянно пискнул и дал деру, оставив за собой облако пуха.

— Со всем уважением! — добавил Макс в спину убегающему птицеподобному. Неизвестно, записывается ли происходящее. Гайлет говорила Максу, что убивать птиц нужно, делая это культурно.

Заревели сирены. Макс спихнул кваку, оттолкнул другого и принялся подниматься по ступенькам. На следующем уровне он обнаружил заманчивую цель, мимо которой невозможно пройти. На краю грузовой платформы стояла длинная тележка с тонной хрупких фотонных приборов. У шахты лифта нет никаких поручней. Не обращая внимания на крики и шум, Макс нажал плечом.

«Давай!» — выдохнул он, и тележка на колесах двинулась.

— Эй! Он там! — услышал он крик шимпа. Макс напрягся, жалея о том, что раны ослабили его. Тележка покатилась.

— Эй, ты! Прекрати!

Слишком поздно, чтобы помешать инерции. Тележка вместе с грузом перевалила через край шахты. «Пора за ней», — подумал Макс.

Но не успел он сделать и шага, как ноги его

свело судорогой. Он узнал болезненный эффект воздействия станнера на нервы. И, повернувшись, успел заметить оружие в руках Железной Хватки.

Руки Макса судорожно сжались, словно горло проби находилось рядом. Он отчаянно пытался упасть назад, в шахту.

«Получилось!» Макс торжествовал, падая вниз. Колющее оцепенение продлится недолго. «Теперь мы сравнялись, Фибен», — подумал он.

Но оказалось, что это не конец. Макс еще чувствовал, как руки чуть не выдернулись из суставов, когда он резко затормозил. Наручники оставили кровавые полосы, конец цепи задержался вверху. Сквозь металлическую сетку платформы Макс видел вверху Железную Хватку, который изо всех сил удерживал цепь. Проби посмотрел на него и медленно улыбнулся.

Макс покорно вздохнул и закрыл глаза.

Придя в себя, Макс чихнул и попытался отодвинуться от ужасного запаха. Он мигнул и смутно разглядел усатого неошимпа, который держал у него под носом еще дымящуюся разбитую капсулу.

— Ну, вижу, ты проснулся.

Макс чувствовал себя ужасно. Конечно, от стан-

нера болело все тело, он едва мог шевелиться. Но особенно горели руки и запястья. Они были связаны за спиной, но Макс догадывался, что руки сломаны.

— Где… где я? — спросил он.

— В самом центре гиперпространственного шунта, — небрежно ответил Железная Хватка.

Макс плюнул.

— Проклятый лжец!

— Как хочешь. — Железная Хватка пожал плечами. — Я просто подумал, что ты заслуживаешь объяснения. Видишь ли, вот эта машина называется усилитель. Она предназначена для проникновения в мозг и передачи изображения. Во время церемонии ею будут управлять представители Института, но они еще не прибыли. Так что мы собираемся чуть перегрузить ее, для проверки.

— Обычно испытуемый субъект приходит добровольно, а сама процедура не причиняет вреда. Но сегодня все это не имеет значения.

Из-за Железной Хватки послышалось резкое чириканье. В узком люке показались техники сюзерена Стоимости и Бережливости.

— Время! — выпалил передний кваку. — Быстрей! Торопись!

— А чего вы торопитесь? — спросил Макс. — Боитесь, что губру из других партий услышат и придут посмотреть?

Закрывая люк. Железная Хватка взглянул на него и опять пожал плечами.

— Это значит, что у нас есть время на один вопрос, но важный.

Расскажи нам о Гайлет.

— Никогда!

— Ты ничего не сможешь сделать, — рассмеялся Железная Хватка. — Пытался когда-нибудь не думать о чем-то? Ты не сможешь не думать о ней.

А машина, ухватившись за что-нибудь, извлечет из тебя все остальное.

— Ты… ты… — Макс пытался найти слова, но на этот раз они исчезли.

Он дергался, пытался уйти из центра массивных свернутых трубок, отовсюду нацелившихся на него. Но силы оставили его.

Только не думать о Гайлет Джонс. Но, пытаясь не думать о ней, он, конечно, думал! Макс застонал, и в это время машина негромко загудела. И он сразу почувствовал, как вокруг него заиграли гравитационные поля сотен звезд.

А в сознании завертелись тысячи картин. И все чаще и чаще среди них оказывалось изображе-

ние его прежней хозяйки и друга.

— Нет! — Макс сражался с этим изображением. Он должен вообще ни о чем не думать, попытаться сосредоточиться на чем-то другом, прежде чем его разорвет на части.

«Конечно!» Он позволил врагу вести себя. Неделями они допрашивали его, задавали вопросы только о гартлингах, и ни о чем, кроме них. Это походило на навязчивую идею. А теперь для него это мантра.

«Где предразумные?» — настаивали они. Макс собрался и, несмотря на боль, рассмеялся.

— Из всех… тупых… глупых… идиотских…

Презрение к галактам наполнило его. Они хотят извлечь из него проекцию мысли? Пусть усилят это!

Он знал, что снаружи, в горах и лесах, сейчас, должно быть, рассвет.

Представил себе эти леса, представил себе, как мог, гартлинга, и расхохотался над получившимся изображением.

И свои последние мгновения хохотал над идиотизмом жизни.

Глава 72
АТАКЛЕНА

Снова вернулись осенние бури, на сей раз обширный фронт циклона накатился на долину Синда. В горах ветры усилились, они срывали листья с деревьев и вздымали их вихрями. В пасмурном небе появились очертания смерчей.

И как бы в ответ ожил вулкан. Его низкие жалобы медлительнее ветра, но от них лесные обитатели нервничали и забирались в норы или плотнее цеплялись за стволы деревьев. Разум не защищает от уныния. Шимпы в своих палатках на отрогах горы прижимались друг к другу, вслушиваясь в вой ветра. Время от времени кто-нибудь поддавался напряжению и с криком исчезал в лесу; через час или позже он возвращался, взъерошенный и смущенный, таща за собой хвост оборванной листвы.

Гориллы тоже оказались восприимчивы к погоде, но проявляли это по-другому. По ночам они сосредоточенно смотрели на бегущие тучи, принюхивались, словно чего-то ждали. Атаклена не могла понять, о чем напоминают ей такие вечера,

но позже, в собственной палатке, под густым пологом леса, она ясно слышала низкое атональное пение, каким гориллы отвечали на бурю.

Эта колыбельная помогала ей уснуть, но за все нужно платить.

Ожидание… такая песня, конечно, призовет то, что никогда не уходит насовсем.

Голова Атаклены металась на подушке, щупальца развевались — искали, отталкивали, проникали, принуждали. И постепенно, неторопливо возникала знакомая сущность.

— Тутсунуканн… — выдохнула она, не в состоянии проснуться и избежать неизбежного. Глиф собрался над головой, созданный из несуществующего.

— Тутсунуканн с'ах браннитсун. А'твиллит'т…

Тимбрими понимают, что бесполезно просить о милости, особенно во Вселенной Ифни. Но Атаклена превратилась в нечто, одновременно большее и меньшее, чем просто тимбрими. И у тутсунуканна появились союзники. К нему присоединились видимые изображения, метафоры. И грозная аура глифа усилилась, превратилась в кошмар. «…с'ах браннитсун…» — вздохнула Атаклена, умоляя во сне.

Ночной ветер рвал ее палатку, а сонный мозг

рисовал крылья огромных птиц. Злобные, они летят над самыми вершинами деревьев, их сверкающие глаза ищут, ищут… Слабая вулканическая дрожь сотрясает постель, а Атаклена представляет себе копошащиеся в земле существа — мертвые, неотмщенный утраченный Потенциал этой планеты, погубленный, уничтоженный бурурали много лет назад. Мертвые корчатся под обеспокоенной поверхностью, ищут…

— С'ах браннитсун, тутсунуканн!

Прикосновение собственных щупалец кажется нитями и лапами крошечных пауков. Гир-поток шлет крошечных гномов под кожу, они быстро начинают нежеланные изменения.

Атаклена застонала: глиф ужасного выжидающего смеха повис над ней и уставился, наклонился, потянулся к ней…

— Генерал? Мисс Атаклена! Прошу прощения, мэм, вы не спите? Мне жаль вас тревожить, сэр, но…

Шимп замолчал. Он откинул клапан, собираясь войти, но тут же отскочил. Атаклена села, глаза ее были широко раскрыты, кошачьи зрачки расширились, зубы оскалились в пережитках сонного страха.

Она как будто не замечала шимпа. Он замигал,

глядя на волны, медленно пробегающие по ее горлу и плечам. А над вьющимися щупальцами, показалось шимпу, повисло что-то ужасное.

Он чуть не сбежал. Потребовалась вся воля, чтобы только сглотнуть, наклонить голову и произнести:

— Мэм, пожалуйста… Это я… Сэмми…

Медленно, словно привлеченное исключительно силой воли, в глазах с золотистыми точками забрезжило сознание. Атаклена испустила дрожащий вздох. И упала вперед.

Сэмми держал ее, а она всхлипывала. А он в этот момент, испуганный, ошеломленный, пораженный, мог думать только о том, какая она легкая и хрупкая.

"…Тогда Гайлет пришла к убеждению, что ловушка, если церемония действительно ловушка, должна быть очень коварной.

Понимаете, сюзерен Праведности словно полностью изменил свой взгляд на возвышение шимпов. Он начал с убеждения, что сумеет найти недостатки в проведении этого процесса и даже сможет отобрать неошимпов у людей. Но теперь он как будто искренне ищет… ищет достойных представителей расы…"

Голос Фибена Болджера доносился из порта-

тивного аппарата, стоящего на сколоченном из досок столе Атаклены. Атаклена слушала запись, присланную Робертом. Доклад шимпа в пещерах оказал неожиданное действие. Добродушие и суховатый юмор Фибена улучшили настроение Атаклены. Но теперь, когда он пересказывал соображения доктора Гайлет Джонс насчет захватчиков, голос Фибена звучал почти смущенно.

Атаклена чувствовала неловкость, которую испытывал Фибен. Для этого ей не требовалось непосредственного присутствия.

Она улыбнулась такой иронии. «Он начинает понимать, кто он, и это его пугает». Атаклена сопереживала Фибену. Здравомыслящее существо стремится к миру и спокойствию, оно не хочет быть мучеником, судьба которого не зависит от него самого.

Атаклена держала медальон с наследием отца и матери. На какое-то время ей удалось отбросить тутсунуканн. Но она знала, что глиф вернется и останется навсегда, лишив ее сна и покоя, пока тутсунуканн не изменится, не станет чем-то другим. Такой глиф — одно из самых значительных известных проявлений квантовой механики — амплитуда вероятности, гудящая и раскачи-

вающаяся на пороге неуверенности, чреватая миллионами возможностей. И как только волновая функция сократится, оставшееся превратится в судьбу.

«…тонкое политическое маневрирование на множестве уровней — между местными предводителями сил вторжения, между фракциями на планете губру, между губру и их противниками и возможными союзниками, между губру и Землей и различными галактическими Институтами…» Она погладила медальон. Иногда сущность другого можно понять только в разлуке с ним.

Слишком все сложно. Чего добивался Роберт, посылая ей запись? Неужели предполагал, что она зачерпнет из обширного хранилища галактической премудрости… или сотворит заклинание… и выдаст политику, которая проведет их через кризис? Как?

Она вздохнула. «Отец, как, должно быть, я тебя разочаровала».

Медальон словно вибрировал под ее дрожащими пальцами. Казалось, она снова погружается в транс, в глубины отчаяния.

«…клянусь Дарвином, Джейн Гудолл и Гринписом!»

Ее привел в себя голос майора Пратачулторна.

Она прослушала до конца.

«…цель!..»

Атаклена содрогнулась. Действительно, положение ужасное. Теперь все понятно, особенно неожиданная выжидательная настойчивость нетерпеливого глифа. Когда запись кончилась, Атаклена повернулась к своим помощникам Элейн Су, Сэмми и доктору де Шрайвер. Шимпы терпеливо ждали.

— Я поднимусь на вершину, — сказала Атаклена.

— Но… буря, мэм. Мы не уверены, что она минует. И еще вулкан. Мы думаем об эвакуации.

Атаклена встала.

— Я ненадолго. Пожалуйста, не посылайте никого охранять или искать меня. Мне только помешают и осложнят предстоящее.

Она остановилась у выхода из палатки, чувствуя, как ветер подхватил одежду, пытался прорваться к телу. «Терпение. Я иду». И снова негромко обратилась к шимпам:

— Когда я вернусь, лошади должны быть готовы.

Клапан палатки закрылся за ней. Шимпы переглянулись и молча начали готовиться к предстоящему дню.

Гора Фосси дымилась во многих местах, где испарения невозможно приписать только росе. Влага падала с листьев, дрожащих на ветру. А ветер не стихал, снова и снова налетал сильными неожиданными порывами.

Атаклена упрямо поднималась по узкой звериной тропе. Она чувствовала, что ее просьба выполнена. Шимпы остались позади и не беспокоят ее.

День начинался с появления низких туч из-за гор, словно авангарда какого-то воздушного вторжения. Между тучами мелькали полоски голубого неба. Человеческий взгляд, наверно, смог бы различить и несколько упрямых звезд.

Атаклена стремилась к высоте, но еще больше — к одиночеству. Наверху животных еще меньше. Ей нужна пустота.

В одном месте тропу завалило листами какого-то похожего на ткань материала, который Атаклена вскоре узнала — парашюты плюща.

Она вспомнила, что внизу, в лагере, техники-шимпы, разработав напряженное расписание, готовят кишечные бактерии гориллы. Однако сейчас, по-видимому, график майора Пратачулторна не позволит использовать оружие Роберта.

«Какая глупость, — подумала Атаклена. — Удивляюсь, как люди смогли продержаться так долго».

Может, им просто повезло. Она читала об их двадцатом столетии, когда нечто большее, чем Ифни, помогло людям разминуться с гибелью… гибелью не только самих людей, но и всех остальных разумных рас, которые могли возникнуть на их богатой, плодородной планете. Именно рассказ об этом чудесном спасении от катастрофы, возможно, одна из причин того, что многие расы боятся или ненавидят к'чу'нон, волчат. До сих пор это их спасение остается сверхъестественным и необъяснимым.

У землян есть слова «во имя любви к Господу». Болезненная, насильственная бедность Гарта ничто по сравнению с тем, что люди могли бы сделать с Землей.

«Многие ли из нас повели бы себя лучше в подобных обстоятельствах?» Такой вопрос всегда возникает при самоуверенной, самодовольной позиции превосходства и презрения, которую занимают большие кланы. Ведь они никогда не проходили испытания веками невежества, как человечество. Каково это не иметь ни патронов, ни Библиотеки, ни древней мудрости, только

яркое пламя сознания, ненаправленное, неограниченное, способное бросить вызов Вселенной или погубить собственный мир? Немногие кланы осмеливались спросить себя об этом.

Атаклена отбросила маленькие парашюты, обогнула груду носителей спор и продолжала подниматься, размышляя над причудами судьбы.

Наконец она оказалась на каменистой площадке, откуда открывался вид на юг, на горы, а вдали виднелась цветная полоса степи. Атаклена глубоко вздохнула и достала медальон.

Усиливающийся свет дня не разогнал глиф, который начал возникать в ее щупальцах. На этот раз Атаклена и не пыталась остановить его, не обращала на него внимания — это лучший способ, если не хочешь превратить вероятность в реальность.

Пальцы занялись замком, медальон открылся, и она отбросила крышку.

«Ваш брак был удачен», — думала она о своих родителях. Потому что на месте двух нитей лежала одна, потолще, блестя на бархатной подушечке.

Конец обернулся вокруг ее пальцев. Медальон упал на камень и лежал там, забытый, а Атаклена взяла второй конец нити, натянула, и щупальце

загудело, вначале негромко. Но Атаклена продолжала держать его перед собой, позволяя ветру гладить его. И услышала гармонию.

Ей нужно набраться сил для того, что она намерена сделать. Мало кто из ее расы проделывал такое при жизни. Иногда тимбрими умирали…

— А т'ит'туануу, Утакалтинг, — выдохнула она. И добавила имя матери:

— А т'ит'туануу, Матиклуанна!

Гудение усилилось. Оно, казалось, распространяется вверх по ее рукам, резонирует с биением сердца. Щупальца Атаклены ответили на эти звуки, и она начала раскачиваться.

— А т'ит'туануу, Утакалтинг…

— Отлично. Может, еще одна-две недели сделают штамм сильнее и к моменту полета плюща он будет готов. Доктор де Шрайвер вернула культуру в инкубатор. Импровизированная лаборатория находилась на склоне горы, где ее защищало от ветра. Буря не помешала экспериментам. И теперь плоды их работы казались почти созревшими.

Но ее помощник проворчал:

— Какой в этом смысл? Губру немедленно примут контрмеры. И вообще майор сказал, что нападение произойдет до того, как бактерии

будут готовы.

Де Шрайвер сняла очки.

— Смысл в том, что мы не прекратим работать, пока мисс Атаклена не попросит нас об этом. Я штатская, ты тоже. Фибен и Роберт должны повиноваться приказу, нравится он им или нет, но мы с тобой можем выбирать…

Она замолчала, увидев, что Сэмми ее не слушает, а смотрит куда-то вдаль. Она повернулась, чтобы понять, что привлекло его внимание.

Если и утром после своего ночного кошмара Атаклена казалась странной, то теперь ее внешность заставила доктора де Шрайвер ахнуть. Растрепанная, страшно усталая, девушка-чужак мигала сузившимися глазами, стояла, держась за столб палатки. Шимпы бросились к ней и попытались уложить на койку, но она покачала головой.

— Нет, — просто сказала она. — Отнесите меня к Роберту. Немедленно.

Гориллы снова запели, негромко и немелодично. Сэмми побежал за Бенджамином, а де Шрайвер усадила Атаклену на стул. Не зная, что делать дальше, она отряхивала шлем молодой тимбрими от листьев. От щупалец исходил сильный жар, который де Шрайвер ощущала кожей.

А тутсунуканн дрожал в воздухе, заметный даже ошеломленной шимми.

Атаклена сидела, слушая пение горилл и чувствуя, что впервые понимает его.

Теперь она знала, что все сыграют предназначенные для них роли.

Шимпам не понравится предстоящее, но это их проблема. У всех свои проблемы.

— Отведите меня к Роберту, — снова выдохнула Атаклена.

Глава 73
УТАКАЛТИНГ

Он вздрогнул, стоя спиной к восходящему солнцу, ощущая себя опустошенным, превратившимся в шелуху.

Никогда раньше метафора не казалась настолько точной. Утакалтинг мигнул, медленно возвращаясь в мир… в сухую степь перед нависающими Мулунскими горами. Неожиданно он ощутил старость, груз прожитых лет показался тяжелее обычного.

Глубоко внутри, на уровне нанакиери, он чувствовал оцепенелость. После всего этого он даже не может сказать, выжила ли, так глубоко загля-

нув в себя, Атаклена.

«Наверное, ее вынудила крайняя необходимость», — подумал он. Впервые дочь попыталась осуществить то, к чему ее не готовили родители. Да и в школе об этом не рассказывают.

— Ты вернулся, — прозаично заметил Каулт. Спутник Утакалтинга в течение последних месяцев смотрел на него с расстояния в несколько метров. Они стояли посреди коричневого моря саванны, и их длинные тени постепенно укорачивались с восходом солнца.

— Ты получил какое-то сообщение? — спросил Каулт. Он, подобно многим, не обладающим псиспособностями, очень интересовался тем, что казалось ему неестественным.

— Я… — Утакалтинг облизнул губы. Как объяснить, что он, в сущности, ничего не получил. Просто дочь воспользовалась его предложением, которое он сделал, отдавая ей свою нить и нить покойной матери. Она попросила вернуть долг, в котором находятся родители перед ребенком, которого — без его согласия — ввергли в чужой мир.

Никогда не делайте опрометчивых предложений, не подумав о возможных последствиях, которые могут произойти.

«Она опустошила меня». Утакалтингу показалось, что его выпотрошили и зачем-то оставили в живых. И после всего нет никакой гарантии, что она пережила это испытание и сохранила здравый рассудок.

«Может, лечь и умереть?» — Утакалтинг вздрогнул.

«Нет. Пока не время».

— У меня было нечто вроде общения, — сказал он Каулту.

— А губру не засекут эту связь?

Утакалтинг не смог создать даже паланк — эквивалент пожатия плечами.

— Может быть. — Щупальца его обвисли, как человеческие волосы. — Не знаю.

Теннанинец вздохнул, хлопнув дыхательными щелями.

— Доверься мне, коллега. Больно думать, что, возможно, ты что-то скрываешь от меня.

Как Утакалтинг старался подвести Каулта к этим словам! А теперь ему все равно.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

Теннанинец раздраженно выдохнул.

— Подозреваю, что ты знаешь гораздо больше меня об этом удивительном существе, следы которого мы видели. Предупреждаю тебя, Ута-

калтинг: я создаю прибор, который разрешит для меня эту загадку. Тебе лучше рассказать мне всю правду, прежде чем я узнаю ее сам!

Утакалтинг кивнул.

— Я понимаю тебя. А теперь нам лучше пойти дальше. Если губру обнаружили происходящее и явятся проверять, нам нужно оказаться как можно дальше отсюда.

Он по-прежнему в долгу перед Атакленой. Нельзя позволить, чтобы его захватили раньше, чем она воспользуется полученным.

— Ну, хорошо, — сказал Каулт. — Поговорим об этом позже.

Без особого интереса, скорее по привычке, чем по другим причинам, Утакалтинг повел спутника к горам в направлении, избранном — опять по привычке — по слабому синему мерцанию вдали.

Глава 74
ГАЙЛЕТ

Новая планетарная отраслевая Библиотека прекрасна. Ее бежевые стены блестят на специально расчищенной площадке над парком Приморского Обрыва, в километре к югу от посольства

тимбрими.

Архитектура нового сооружения не согласовывается, как у прежнего здания Библиотеки, с неофуллеритским стилем Порт-Хелении. Но сама по себе она ошеломляет — куб без окон, чьи пастельные тона контрастируют с белыми меловыми утесами.

Машина опустилась на посадочную площадку, и Гайлет вышла в облако сухой пыли. Вслед за своим охранником-кваку она пошла по мощеной дороге к входу в массивное здание.

Почти вся Порт-Хеления наблюдала несколько недель назад, как фрайтер размером с боевой крейсер губру появился в черном небе и медленно опустил сооружение на землю. Большую часть дня солнце было закрыто: в это время работники Института Библиотеки устанавливали святилище знаний на новое место.

Гайлет думала, принесет ли новая Библиотека когда-нибудь пользу жителям Порт-Хелении. Со всех сторон посадочные площадки, но никаких подъездных путей автомобилей, велосипедов или просто для пешеходов. Проходя резным, с колоннами, порталом, Гайлет решила, что она, вероятно, первый шимп, оказавшийся в этом здании.

В сводчатом зале оказалось светло; казалось, свет исходил отовсюду одновременно. В центре зала возвышался большой красный куб, и Гайлет сразу поняла, что сооружение действительно дорого стоит. Главный накопитель информации гораздо больше, чем в прежней Библиотеке, в нескольких милях отсюда.

Но обширное помещение почти пусто, особенно по сравнению с постоянной круглосуточной толкотней, к которой она привыкла. Конечно, в зале находились губру и кваку. Они располагались у экранов, разбросанных по всему пространству. Кое-где птицеподобные собирались небольшими группами.

Гайлет видела, как резкими рывками движутся их клювы, постоянно переминаются ноги. Но ни одного звука не доносилось из специально защищенных зон.

Она видела ленты, капюшоны и оперение окраски Праведности, Бережливости и военных. Носители одной окраски, в основном, держались вместе и поодаль от других. Когда приближенный одного сюзерена проходил мимо приближенных других, оперение их взъерошивалось.

Но в одном месте многоцветие собравшихся птицеподобных подтверждало, что общение

между группами сохраняется. Там наклонялись головы, приглаживалось оперение, жестикулировали перед плывущими голографическими изображениями как ритуального, так и документального характера.

Когда Гайлет проходила мимо, несколько подпрыгивающих и щебечущих птиц повернулись и уставились на нее. Указывающие когти и клювы позволили Гайлет догадаться, что губру знают, кто она такая.

Она не колебалась и не задерживалась. Щеки ее раскраснелись.

— Чем могу быть полезен, мисс?

Вначале Гайлет показалось, что на помосте под символическим изображением крылатой спирали стоит декоративное растение. И когда оно обратилось к ней, Гайлет невольно подпрыгнула.

«Растение» говорило на превосходном англике! Гайлет увидела круглые толстые листья, усеянные серебристыми пятнами, которые мягко позванивали при движении. Коричневый стебель вел к узловатым подвижным корням, благодаря которым существо могло медленно и неуклюже передвигаться.

«Кантен, — поняла Гайлет. — Конечно, Инсти-

тут прислал и библиотекарей».

Разумные растения кантены — старые друзья Земли. С самых первых дней Контакта они были советниками землян, помогая волчатам проложить путь в сложных и коварных дебрях галактической политики и завоевать статус патронов независимого клана. Тем не менее, Гайлет сдержала вспыхнувшую надежду. Она напомнила себе, что служащие больших галактических Институтов должны отказаться от прошлых привязанностей и симпатий, даже к собственным кланам, для выполнения своей священной миссии. Здесь она может рассчитывать только на беспристрастность.

— Спасибо, — сказала она, не забыв поклониться. — Мне нужна информация о церемониях возвышения.

Маленькое существо с колокольчиками — вероятно, органы чувств — прозвонило почти весело.

— Это весьма обширная тема, мисс.

Она ожидала такой ответ и приготовилась к нему. Все-таки не очень легко разговаривать с разумным существом, у которого нет даже подобия лица.

— Начнем с простого обзора, если не возражаете.

— Хорошо, мисс. Место двадцать два приспособлено для работы людей и неошимпанзе. Пожалуйста, пройдите туда за синей линией и устраивайтесь поудобнее.

Гайлет повернулась и увидела прямо перед собой мерцающую голограмму.

Синяя линия словно висела в воздухе, ведя в дальний угол зала.

— Спасибо, — негромко вымолвила Гайлет.

Идя за линией-указателем, она слышала за собой слабый звон.

Место двадцать два оказалось подобно забытой хорошей песне. Стол, перед ним стул, ящик с сухофруктами, на столе стандартная консоль с голоэкраном. Даже обычные накопители информации и ручки, все аккуратно разложено и расставлено. Гайлет благодарно села за стол. Она опасалась, что придется стоять, вытянув голову, если нужно будет пользоваться местом для губру.

Но все равно она нервничала. И чуть вздрогнула, когда с легким щелчком ожил экран и на нем появился текст на англике.

ПОЖАЛУЙСТА, ДАВАЙТЕ КОМАНДЫ ВСЛУХ. НАЧАЛЬНЫЙ ОБЗОР БУДЕТ ПРЕДОСТАВЛЕН ПО ВАШЕМУ СИГНАЛУ.

— Начальный обзор… — пробормотала Гайлет. Но, пожалуй, действительно следует начинать с простейшего уровня. Это не только позволит ей не пропустить ничего основного, но и подскажет, что считают важным сами губру.

— Приступайте, — сказала она.

На боковом экране появились изображения лиц — лиц существ с других планет, далеких в пространстве и времени.

— Когда природа порождает новое разумное существо, все галактическое сообщество радуется. Ибо тогда начинается возвышение…

Картины прошлого возникли перед глазами. Гайлет погрузилась в поток сведений, пила из источника знаний. Ее накопитель информации заполнялся заметками и перекрестными ссылками. Вскоре она потеряла счет времени.

Незаметно на столе появилась еда. Гайлет даже не поняла, откуда.

Рядом за загородкой оказалось небольшое помещение, где она могла удовлетворить другие свои потребности, когда их уже нельзя игнорировать.

"В отдельные периоды галактической истории церемонии возвышения являлись исключительно протокольными и ритуальными. Патроны

провозглашали, что их клиенты возвысились, и их слово принималось на веру. Но существовали, однако, и другие эпохи, в которые роль галактических Институтов возрастала, например, при Сумбулумской системе, когда весь процесс возвышения и все церемонии осуществлялись при непосредственном руководстве Института.

Настоящий период занимает приблизительно среднее положение между этими крайностями: патроны несут основную ответственность, но Институт сохраняет возможность наблюдения и вмешательства. Степень участия Института в последнее время усилилась, когда от сорока до шестидесяти тысяч ГГ[15] назад неудачи в возвышении привели к экологическим катастрофам (См.: гл'кахеш, бурурал ли, сстейнн, мухурн8).

Сегодня патрон не может самостоятельно определять степень развития клиентов. Это обязательно происходит с участием консорта — представителя клиента и Института возвышения.

Теперь церемонии возвышения не являются исключительно формальными.

Они служат двум основным целям. Во-первых,

---

[15] notes: 15
галактический год

они помогают протестировать представителей расы клиентов: Институт должен быть уверен, что клиенты готовы принять права и обязанности следующего этапа возвышения. Во-вторых, церемония дает клиентам возможность выбрать нового консорта, который будет следить за этим новым этапом и вмешиваться в случае необходимости ради блага клиентов. Тестирование основывается на том уровне развития, которого достигла раса клиентов. Наряду с другими важными факторами учитывается тип поглощения (хищники, травоядные, аутофаги или эргогеники), модальность передвижения (двуногие или четвероногие ходячие, амфибии, катящиеся или сидячие), ментальная техника (ассоциативная, экстраполирующая, интуитивная, голографическая или нулитативная)..." Гайлет медленно продвигалась по «начальному обзору». Работа нелегкая.

Если какой-нибудь шимп из Порт-Хелении сможет когда-нибудь пользоваться этой Библиотекой, понадобится немало новых переводов. Конечно, если простых Джо и Джейн Шимпов сюда пустят.

Тем не менее, источник поразительный — гораздо богаче жалкой маленькой ветви, которой

они располагали раньше. И, в отличие от Библиотеки в Ла-Пасе, здесь нет суетливых толп лихорадочных посетителей, машущих специальными разрешениями и пробивающихся в толпе жаждущих примкнуть к экранам. Гайлет чувствовала, что может сидеть здесь месяцами, годами. Она будет пить знания до тех пор, пока они не начнут выливаться изо всех ее пор.

Например, здесь имеется ссылка на специальные приготовления для церемонии возвышения в машинных культурах. И один краткий, но мучительно дразнящий параграф о расе дышащих водородом, которая отделилась от своей загадочной параллельной цивилизации и действительно просила разрешения вступить в галактическое сообщество. Гайлет страстно хотелось идти вслед за этой и тысячами других использованных статей, но она знала, что у нее просто нет на это времени. Ей нужно сосредоточиться на правилах, касающихся двуногих теплокровных всеядных клиентов на второй стадии со смешанной мыслительной техникой. И даже такой узкий запрос вызвал в ответ лавину статей.

«Нужно сузить еще больше», — подумала Гайлет. Она попыталась сосредоточиться на цере-

мониях, которые проводились во времена смут и войн, и все равно продвигалась медленно. Все так сложно! Она пришла в отчаяние от невежества своего народа и клана.

«…независимо от того, достигнуто соглашение о соучастии в церемонии заранее или нет, оно может и должно быть подтверждено Институтом с учетом методов решения в соответствии с традициями участвующих…» Гайлет не помнила, как уснула на ящике с фруктами. Но какое-то время спустя оказалась на плоту, плывущем по туманному морю, которое волновалось в такт ее дыханию. Немного погодя туман сгустился, превратился в смутно угрожающие черно-белые фигуры. И она увидела перед собой покойных родителей и бедного Макса.

— Мм-мм, нет, — пробормотала она, а потом резко вздрогнула:

— Нет!

Начала приходить в себя от сна. Веки ее дрогнули, к ним продолжали льнуть обрывки снов. Над ней навис губру, он держал загадочный прибор, один из тех, что нацеливали на нее и Фибена. Но это изображение мигнуло и распалось, когда птицеподобный нажал кнопку. Гайлет снова погрузилась в дремоту, и образ губру присоеди-

нился к другим в ее беспокойном сне.

Наступила новая фаза сна, более глубокая, дыхание Гайлет успокоилось.

Проснулась она позже, смутно почувствовав, как чья-то рука резко дергает ее за ногу.

У Гайлет перехватило дыхание, она выпрямилась с еще несфокусировавшимся взглядом. Сердце билось отчаянно. Но тут зрение ее прояснилось, и она увидела присевшего рядом с ней рослого шимпа. Его рука по-прежнему лежала на ее ноге, и Гайлет мгновенно узнала эту улыбку.

Напомаженные усы, похожие на руль велосипеда, только одна из многих черт, которые она возненавидела.

Внезапно разбуженная, она не сразу смогла заговорить.

— Ч…что ты здесь делаешь? — резко спросила она, вырывая ногу.

Железная Хватка с улыбкой смотрел на нее.

— Неужели так здороваются с тем, кто настолько важен для тебя?

— Ты хорошо служишь своей цели, — признала она. — Как дурной пример!

— Гайлет потерла глаза и села. — Отвечай, почему ты меня беспокоишь? Ты, невежественный проби, больше меня не сторожишь.

Лицо шена только на мгновение омрачилось. Очевидно, что-то его обрадовало.

— О, я просто подумал, не пойти ли мне в Библиотеку позаниматься, как ты.

— Тебе, позаниматься? Здесь? — Она рассмеялась. — Мне пришлось получить специальное разрешение сюзерена. А ты не должен…

— Именно это я и собирался тебе сказать, — прервал он.

Гайлет мигнула.

— Что?

— Я хотел сообщить, что сюзерен велел мне идти сюда и заниматься вместе с тобой. Ведь партнеры должны хорошо знать друг друга, особенно когда они вместе представляют расу.

Гайлет громко вдохнула.

— Ты?.. — Голова у нее закружилась. — Я тебе не верю!

Железная Хватка пожал плечами.

— Чему ты удивляешься? Мой генетический результат один из самых высоких… кроме двух-трех мелочей, на которые вообще не стоило обращать внимания.

В это Гайлет легко могла поверить. Железная Хватка умен и изобретателен, а его необычная сила Советом возвышения может рассматривать-

ся только как дополнительное преимущество. Но иногда платить за это приходится слишком дорого.

— Это значит, что твои пороки еще хуже, чем я предполагала.

Шен откинулся назад и расхохотался.

— По человеческим меркам, ты, возможно, и права, — согласился он. — По их стандартам большинство проби подпускать к шимми и детям не следует!

Но жизнь не стоит на месте. И теперь у меня есть возможность создать новый стиль.

Гайлет ощутила холодок страха. До нее начало доходить, куда клонит Железная Хватка.

— Ты лжец.

— Признаюсь, mea culpa[16]. — Он сделал вид, что бьет себя в грудь. — Но я не лгу. Меня и нескольких моих приятелей подвергли проверке. Видишь ли, после того как твой маменькин сынок и любимчик учителей сбежал с нашей Сильвией, произошли некоторые изменения.

Гайлет хотелось плюнуть.

— Фибен на порядок выше тебя, ты, атавистическая ошибка! Сюзерен Праведности никогда не

---

[16] notes: 16
моя вина (лат.)

заменит его тобой!

Железная Хватка поднял палец и улыбнулся.

— Ага. Вот здесь мы не понимаем друг друга. Видишь ли, мы с тобой говорим о разных птицах.

— Разных… — Гайлет ахнула, руками схватилась за горло. — О Гудолл!

— Поняла, — сказал он, кивая. — Ты уме умная маленькая обезьянка.

Гайлет упала на стул. Ей показалось, что сердце у нее разрывается.

«Мы все были пешками, — подумала она. — Бедный Фибен!» Она поняла, почему Фибена не привели назад в тот же вечер, когда он сбежал с Сильвией, или на следующий день, или еще позже. Гайлет должна была считать, что «бегство» — еще один сложный тест на разумность.

Но это не так. Все организовано одним или двумя предводителями губру, возможно, чтобы ослабить позицию сюзерена Праведности. И лучшего способа, чем лишить его одного из отобранных им «представителей расы», трудно придумать. В краже невозможно никого обвинить, потому что тело пропадет бесследно.

Конечно, губру придется продолжить подготовку к церемонии — слишком поздно отзывать приглашения. Но каждый из троих сюзеренов

ждет от церемонии разных последствий.

«Фибен…»

— Итак, профессор? С чего начнем? Можешь начинать меня учить, как полагается белой карте.

Гайлет закрыла глаза и покачала головой.

— Уходи, — сказала она. — Пожалуйста, уходи.

Звучало еще много слов, саркастических замечаний, но она ничего не слышала за цепенящей завесой боли. И когда поняла, что он ушел, не стала сдерживать слезы. Зарылась головой в мягкую ткань, как в руки матери, и заплакала.

Глава 75
ГАЛАКТЫ

Остальные двое танцевали на пьедестале, раздуваясь и воркуя. Их песня преисполнена гармонии.

Спускайся, спускайся,

Вниз, спускайся вниз!

Спускайся со своего насеста.

Присоединяйся к нам, присоединяйся к нам,

К нам, присоединяйся к нам!

Придите с нами к консенсусу!

Сюзерен Праведности дрожал, подавляя изменения. Сюзерен Стоимости и Бережливости оставил надежду занять высшее положение, теперь он поддерживает сюзерена Луча и Когтя в его требовании верховенства.

Соображения осторожности отступали на второй план. Сюзерен Стоимости и Бережливости обретает мужской пол. Близко Слияние.

Двое из троих договорились. Но чтобы окончательно достичь цели, и сексуальной, и политической, им необходимо спустить сюзерена Праведности с насеста. Они должны заставить его ступить на поверхность Гарта.

Сюзерен Праведности сражался, он выкрикивал тщательно продуманные возражения, чтобы спутать ритм их танца, чтобы своими официальными заявлениями опровергнуть их аргументы.

Подлинное Слияние достигается не так. На настоящий консенсус это насилие не похоже.

Не для того Повелители Насестов возлагали столько надежд на триумвират. Им необходима политика. Мудрость. Остальные двое как будто забыли об этом. Они хотят легких путей и завершения церемонии возвышения.

Хотят нарушить кодекс и начать азартную

игру.

Если бы остался в живых первый сюзерен Стоимости и Бережливости!

Священник оплакивал его. Только тогда понимаешь ценность другого, когда он уходит от нас.

Спускайся, спускайся вниз,

Вниз со своего насеста.

Подчинение двум объединившимся голосам, конечно, вопрос только времени. Эти голоса пробивают стену чести и решительности, которой обнес себя священник, проникают в царство гормонов и инстинкта. Слияние пока сдерживается только непокорным упрямством одного члена триумвирата, но долго так продолжаться не может.

Спускайся и присоединись к нам.

Соединись с нами в консенсусе!

Сюзерен Праведности дрожал, но держался. Но сколько еще сможет продержаться, он не знал.

Глава 76

— ПЕЩЕРЫ — Кленни! — радостно закричал Роберт. Увидев ее верхом на лошади за поворотом

тропы, он чуть не выронил снаряд, который они с шимпом выносили из пещеры.

— Эй, внимательней с этой штукой, ты… капитан! — поправился в последнюю секунду один из капралов Пратачулторна. За последние недели морские пехотинцы стали обращаться с Робертом с большим уважением, но иногда выказывали свое пренебрежение ко всему, что не относится к регулярной армии.

На помощь Роберту прибежал другой шимп и легко перехватил у него снаряд. Его лицо выражало крайнее неодобрение, что человек поднимает тяжести.

Роберт не отреагировал на оба оскорбления. Он побежал по тропе и ухватился за повод коня Атаклены, а вторую руку протянул к ней.

— Кленни, как я рад… — Голос его на мгновение дрогнул. Она схватила его за руку, и он постарался подавить свое замешательство… — рад, что ты наконец приехала.

Улыбка Атаклены показалась незнакомой, а в ее ауре появилась печаль, какой он никогда раньше не кеннировал.

— Конечно, приехала, Роберт. — Она улыбнулась. — Разве ты в этом сомневался?

Он помог ей спешиться. Контролируя себя

внешне, внутри она вся дрожала. «Любимая, ты изменилась». Словно услышав его мысль, она протянула руку и коснулась его лица.

— Есть несколько идей, общих и для галактических цивилизаций, и для твоей, Роберт. В обоих обществах мудрецы сравнивают жизнь с колесом.

— С колесом?

— Да. — Глаза ее сверкнули. — Оно вращается, движется вперед. И одновременно остается тем же самым.

С чувством облегчения он снова ощутил ее. За изменениями скрывается прежняя Атаклена.

— Мне тебя не хватало, — сказал он.

— А мне тебя. — Она улыбнулась. — А теперь расскажи мне о майоре и его планах.

Роберт расхаживал по маленькой кладовке, забитой до висящих над головой сталактитов припасами.

— Я могу спорить с ним, пытаться переубедить. Дьявольщина, он не возражает даже, если я кричу на него, когда мы наедине. Но после обсуждения я должен подпрыгнуть на два метра, если он скажет: «Прыгай!» — Роберт покачал головой. — И я не могу чинить ему препятствия, Кленни. Не заставляй меня нарушать присягу.

Роберт явно разрывался между противоположными побуждениями. Атаклена чувствовала, как он напряжен.

Фибен Болджер, все еще с рукой на перевязи, молча наблюдал за их спором.

Атаклена покачала головой.

— Роберт, я уже объяснила тебе, что план майора Пратачулторна приведет к гибели.

— Тогда скажи ему сама!

Конечно, она пыталась. Сегодня же за обедом. Пратачулторн вежливо и снисходительно выслушал ее соображения о возможных последствиях нападения на церемониальную площадку губру. Но когда она закончила, он задал только один вопрос: «Будет ли нападение считаться направленным против законного врага землян или против самого Института возвышения?»

— После прибытия делегации Института площадка становится его собственностью, — ответила Атаклена. — И нападение приведет к катастрофическим последствиям для человечества.

— А до этого? — насмешливо спросил он.

Атаклена вновь раздраженно покачала головой.

— До этого площадка принадлежит губру. Но

это не военная установка!

Она построена для того, что можно назвать священной целью. Праведность действия, без соблюдения всех правил его совершения…

Она продолжала еще какое-то время, пока не поняла, что возражения бесполезны. Пратачулторн пообещал учесть ее мнение и прекратил разговор.

Все знали, что думает морской офицер о советах «детей ити».

— Мы пошлем сообщение Меган, — предложил Роберт.

— Я думаю, ты уже сделал это, — ответила Атаклена.

Он нахмурился, подтверждая ее догадку. Конечно, обращаться через голову Пратачулторна — это верх неприличия. Как минимум, посчитают, что избалованный мальчишка зовет маму на помощь. Возможно, Роберта даже отдадут под трибунал.

То, что он это сделал, доказывает, что Роберт боится не за себя. Он не хочет открыто выступить против своего командира из верности присяге.

И он прав. Атаклена уважала его честь.

«Но у меня такого долга нет», — подумала она. Фибен, до сих пор молчавший, встретился с ней

взглядом и выразительно закатил глаза.

Относительно Роберта их мнения совпадали.

— Я уже сказал майору, что разрушение церемониальной площадки на самом деле на руку врагу. Ведь она построена для гартлингов. Пытаясь заменить гартлингов нами, шимпами, они принимают крайние меры, чтобы оправдать свои затраты. А что, если площадка застрахована? Мы ее взрываем, они обвиняют нас и получают страховку.

— Майор Пратачулторн упоминал об этой твоей идее, — сказала Атаклена Фибену. — Я нахожу ее остроумной, но, боюсь, у него другое мнение.

— То есть он считает это дурацкой выдумкой…

Фибен замолчал: снаружи послышались шаги.

— Тук-тук, — произнес женский голос из-за занавески. — Можно войти?

— Пожалуйста, лейтенант Маккью, — ответила Атаклена. — Мы уже почти закончили. — Смуглая женщина вошла и села на ящик рядом с Робертом. Он слегка улыбнулся ей, но тут же снова посмотрел на свои руки. Мышцы рук бугрились, он сжимал и разжимал кулаки.

Атаклену пронзила боль, когда Маккью положила Роберту на колени руку и обратилась к нему.

— Его милость созывает еще одно военное совещание, прежде чем мы ляжем спать. — Она повернулась к Атаклене и улыбнулась. Наклонила голову.

— Если хотите, можете присутствовать. Вы наш дорогой гость, Атаклена.

Атаклена вспомнила, что недавно была хозяйкой этой пещеры и командовала армией. «Нельзя, чтобы это повлияло на меня», — напомнила она себе. Важно лишь, чтобы эти существа как можно меньше навредили себе в ближайшие дни.

И, если представится возможность, она хотела бы также разыграть шутку, которую сама еще не очень понимает, но недавно оценила.

— Нет, спасибо, лейтенант. Я поздороваюсь кое с кем из своих друзей-шимпов, а потом лягу спать. День выдался долгий и трудный.

Роберт, выходя со своей возлюбленной-женщиной, оглянулся на Атаклену.

Над его головой словно нависло метафорическое облако, испуская молнии. «Я не знала, что ты можешь создавать такие глифы», — удивилась Атаклена.

Казалось, каждый день узнаешь что-нибудь новое. Следуя за людьми, Фибен расстроенно улыбнулся Атаклене. На самом ли деле она уло-

вила заговорщицкое подмигивание?

Когда они ушли, Атаклена принялась рыться в своей сумке. «Меня не связывает их долг, — напомнила она себе. — И их законы тоже».

В пещерах может быть очень темно, особенно если выключена единственная лампа в коридоре. Зрение здесь не преимущество, зато корона тимбрими очень полезна.

Атаклена создала несколько простых, но оригинальных глифов. Первый из них имел только одну цель: он устремился вперед, углублялся в ответвления, отыскивая дорогу в темноте. Холодная жесткая материя его обжигает, и поэтому по его поведению легко проследить, где проходят стены и препятствия. Маленький клочок ничего искусно обходил их.

Второй глиф вращался над головой, позволяя убедиться, что никто не подозревает о ее присутствии на нижних уровнях, помещения которых отведены офицерам-людям.

Лидия и Роберт ушли патрулировать. В этой части пещеры оставалась только одна аура. Атаклена осторожно приближалась к ней.

Третий глиф набирал силы, ожидая своей очереди. Медленно и неслышно ступала Атаклена по слежавшимся экскрементам тысяч поколений

летающих насекомоподобных существ, которые жили здесь, пока земляне не прогнали их своим шумом. Атаклена дышала ровно, считая про себя в человеческой манере, чтобы дисциплинировать мысли.

Еще несколько дней назад она и не попыталась бы поддерживать одновременно три бдительных глифа. Теперь это удавалось ей легко и естественно, словно она проделывала подобное уже сотни раз.

Она отобрала это умение у отца, используя технику, о которой почти не говорят тимбрими и которую еще реже применяют.

«Сначала я стала партизаном, назначала свидания человеку, а теперь это. Мои одноклассники были бы поражены».

Она подумала, сохранилось ли у отца что-нибудь из умений, которые она так грубо отняла у него.

«Отец, вы с матерью давно организовали это. Ты подготовил меня, а я об этом даже не знала. Неужели ты уже тогда предвидел, что когда-нибудь это станет необходимо?»

Она печально подумала, что отобрала больше, чем мог отдать Утакалтинг. «И даже этого недостаточно». Остаются зияющие пробелы. Сердцем

она чувствовала, что дело, касающееся планет и видов, не может быть завершено без участия ее отца.

Глиф-разведчик повис перед занавеской. Атаклена подошла. Даже коснувшись занавески пальцами, она не смогла ее увидеть. Разведчик растворился в щупальцах ее короны.

Она медленно отвела ткань и прокралась в маленькое помещение.

Глиф-наблюдатель подсказал, что внутри никто ее не заметил. Она кеннировала только спокойный ритм человеческого сна.

Конечно, майор Пратачулторн не храпел, но сон его был чутким и бдительным. Атаклена притронулась к краям всегда присутствующего пси-щита, который ограждает мысли, сны и профессиональные секреты майора.

«Их военные хороши и становятся все лучше», — подумала она. Многие годы тимбрими напряженно работают, чтобы волчата стали настоящими галактическими воинами. Но и сами тимбрими часто поражаются удивительным приемам и идеям, которые никогда не могли бы появиться у расы, выросшей под влиянием галактической культуры.

И только земная морская пехота никогда не

привлекала советников-чужаков. Это настоящие волчата, и, конечно, они анахронизм.

Глиф з'счутан осторожно приблизился к спящему человеку, опустился, и Атаклена увидела его метафорически как шар из жидкого металла. Он коснулся пси-щита Пратачулторна и золотыми быстрыми струйками растекся по нему, покрывая его золотистым свечением.

Атаклена с облегчением вздохнула и извлекла из кармана стеклянную ампулу. Подошла ближе, осторожно наклонилась над койкой, и, когда поднесла ампулу с анестезирующим газом к лицу человека, пальцы ее дрогнули.

— Я бы не советовал этого делать, — небрежно сказал Пратачулторн.

Атаклена ахнула. Прежде чем она смогла пошевелиться, он сжал ее запястья. В тусклом свете она видела только белки его глаз. И хотя он не спал, пси-щит оставался прежним: от него исходили волны глубокого сна. И Атаклена поняла, что это была хорошо продуманная уловка.

— Вы, ити, всегда нас недооцениваете. Даже остряки-самоучки тимбрими никак не поймут нас.

Потоком устремились гир-гормоны. Атаклена попыталась высвободиться, но это было так же бесполезно, как пытаться разорвать стальные

наручники. Она царапалась, но он просто удерживал свои мозолистые руки подальше от ее пальцев. Когда она попробовала откатиться в сторону, он умело прижал ее руки, используя их как рычаги, чтобы удержать ее на коленях. Она громко застонала. Ампула с газом выпала из расслабленной руки.

— Видите ли, — сказал Пратачулторн дружелюбно, — некоторые из нас считают любой компромисс ошибкой. Чего мы достигнем, пытаясь стать хорошими галактическими гражданами? — усмехнулся он. — Даже если это получится, мы превратимся в ужасных существ, напрочь лишенных всего человеческого. Но у нас нет даже такого выбора. Нам никогда не позволят стать равноправными гражданами. Место уже занято. Исход предрешен. Мы ведь оба это знаем, не правда ли?

Атаклена тяжело дышала. Она уже давно поняла тщетность своих попыток, но гир-реакция заставляла ее сопротивляться с невероятной силой человека. Быстрота реакций ничто в сравнении с его рефлексами и подготовкой.

— Понимаете, у нас есть свои тайны, — продолжал Пратачулторн. — Кое-что мы не поверяем нашим друзьям-тимбрими и даже большинству

людей.

Хотите узнать, что это за тайны?

Атаклена не могла набрать в грудь воздуха, чтобы ответить. В глазах Пратачулторна горела хищная, звериная ярость.

— Ну, если бы я открыл вам их, ваш смертный приговор был бы подписан, — сказал он. — А к этому я еще не готов, поэтому расскажу вам о том, что ваш народ уже знает.

Он мгновенно перехватил ее запястья одной рукой, а второй нашел ее горло.

— Видите ли, нас, морских пехотинцев, учат обезоруживать и даже убивать ити из дружеских рас. Хотите знать, сколько времени мне потребуется, чтобы лишить вас сознания, мисс? Считайте!

Атаклена боролась и вырывалась, но рука сильно сжала ей горло. Словно издалека она услышала Пратачулторна:

— Эта вселенная — проклятое место.

Она ни за что бы не подумала, что может стать еще темнее, но кромешная тьма поглотила все вокруг. Атаклена подумала, сможет ли когда-нибудь проснуться. «Прости, отец». Ей казалось, что это ее последняя мысль.

То, что она не потеряла сознание окончательно,

очень удивило ее.

Болезненное давление на горло чуть ослабло. Атаклена вдохнула и постаралась понять, что происходит. Она слышала тяжелое дыхание майора, но почему-то его хватка ослабела.

Перегревшаяся корона не помогала. И когда Пратачулторн неожиданно разжал руки, Атаклена, без сил упала на пол.

Человек дышал очень тяжело. Слышались натужные звуки, перевернулась койка, разбился графин с водой, и еще что-то, похоже, накопитель информации.

Атаклена что-то нащупала под рукой. Ампула, поняла она. Но что происходит с Пратачулторном?

Борясь с энзимным истощением, она поползла куда-то, пока не наткнулась на сломанный накопитель. Случайно пальцы ее нажали кнопку, и экран прибора слабо засветился.

И в этом свете Атаклена увидела застывшую картину: мужчина напрягает все силы, чтобы освободиться, перекатываются мощные мышцы, сухожилия натянуты, а сзади его удерживают две длинные коричневые руки.

Пратачулторн лягался и шипел, бросался то вправо, то влево, но все его попытки были на-

прасны. Атаклена увидела из-за плеча человека карие глаза. Она колебалась лишь мгновение, потом поспешила с ампулой.

Теперь у Пратачулторна не было пси-щита. Его ненависть открыта для кеннинга. Он отчаянно забился, когда она поднесла ампулу к его носу.

— Он задерживает дыхание, — пробормотал неошимпанзе, когда облачко голубого пара повисло перед носом майора и начало медленно опускаться.

— Все в порядке, — ответила Атаклена. Она достала из кармана еще десять ампул. Увидев их, Пратачулторн слегка вдохнул, удвоил силы в последнем рывке, но все это только приближало неизбежное. Потребовалось пять минут, и даже тогда Атаклена заподозрила, что он имитирует асфиксию, прежде чем почувствовал наркотик.

— Ну и парень, — сказал Фибен, наконец выпустив майора. — До чего же сильны эти морские пехотинцы. — Он вздрогнул и упал рядом с потерявшим сознание человеком.

Атаклена обессиленно села на пол.

— Спасибо, Фибен, — негромко сказала она.

Он пожал плечами.

— Черт возьми, что такое нападение на патрона? Не измена, а ежедневное занятие.

Она указала на перевязь Фибена.

— А, это? — Фибен улыбнулся. — Наверное, мне хотелось побольше сочувствия. Пожалуйста, никому не говорите, ладно?

Потом, став серьезным, взглянул на Пратачулторна.

— Я, конечно, не специалист, но этим поступком никаких очков у Совета возвышения я не заработал.

Он посмотрел на Атаклену, потом слегка улыбнулся. А она ничего не могла с собой поделать. Вопреки всему, происшествие показалось ей смешным.

Она обнаружила, что смеется — вначале негромко, потом все сильней и сильней. И это почему-то ее совсем не удивило.

Дело еще не закончено. Атаклена устало шла за Фибеном, который нес одурманенного человека по тусклым коридорам. Когда они проходили на цыпочках мимо дремлющего капрала, Атаклена раскинула щупальца и успокоила его сон. Тот что-то забормотал и повернулся на койке. Вдвойне осторожная, Атаклена убедилась, что у него нет пси-щита, что он действительно спит.

Фибен тяжело отдувался. Атаклена провела его через старую осыпь в боковой коридор, явно

неизвестный военным. По крайней мере он не обозначен на карте, которую она сегодня видела.

Фибен взмок, поднимаясь по крутому откосу. Ему наверняка очень хотелось облегчить душу ругательствами, но он воздерживался от эмоций, пока они не выбрались во влажную тихую ночь.

— Насмешки и мутации! — вздохнул он, наконец опустив свой груз. — Нам повезло, что Пратачулторн невысокого роста. Представляю, что бы я делал, если бы его руки и ноги волочились по земле.

Он принюхался. Луны не видно, но ближайшие утесы затянуты слегка светящимся туманом. Фибен снова посмотрел на Атаклену.

— Что дальше, шеф? Через несколько часов тут будет осиное гнездо, особенно когда вернутся Роберт и лейтенант Маккью. Хотите, я схожу за Тихо и отвезу этот дурной образчик к вашим земным клиентам? Это означало бы дезертирство, но какого дьявола? Я никогда не был хорошим солдатом.

Атаклена покачала головой. Она поискала с помощью короны и нашла нужные следы.

— Нет, Фибен. Я не могу просить тебя об этом. К тому же у тебя другая задача. Ты сбежал из Порт-Хелении, чтобы предупредить нас о предло-

жении губру. Теперь ты должен вернуться туда и сыграть свою роль.

Фибен нахмурился.

— Вы уверены? Я вам не нужен?

Атаклена закрыла рукой рот и испустила негромкий крик ночной птицы.

Снизу со склона послышался слабый ответ. Атаклена повернулась к Фибену.

— Конечно, нужен. Ты нам всем нужен, но больше всего ты нужен там, у моря. К тому же я чувствую, что ты хочешь вернуться.

Фибен потянул себя за большие пальцы.

— Я, должно быть, спятил.

Атаклена улыбнулась.

— Нет. Просто это показывает, что сюзерен Праведности сделал хороший выбор… хотя, возможно, он предпочел бы, чтобы ты больше уважал своих патронов. Фибен напрягся, потом как будто понял ее иронию и улыбнулся.

Раздались негромкие удары лошадиных копыт на тропе внизу.

— Ну, ладно, — сказал он, наклоняясь и поднимая вялое тело майора Пратачулторна. — Пошли, папа. На этот раз я буду нежен, как со своей теткой-девственницей. — Он чмокнул морского пехотинца в щеку и посмотрел на Атаклену.

— Так лучше, мэм?

Что-то унаследованное у отца заставило ее усталые щупальца встопорщиться.

— Да, Фибен. — Она рассмеялась. — Гораздо лучше.

Вернувшись на рассвете и не найдя своего законного командира, Лидия и Роберт почувствовали некоторые подозрения. Оставшиеся морские пехотинцы поглядывали на Атаклену с открытым недоверием. Несколько шимпов прибрались в комнате майора Пратачулторна, ликвидировав все следы борьбы, прежде чем туда зашли люди, но тот факт, что Пратачулторн исчез без всякой записки или следа, они скрыть не могли.

На время расследования Роберт даже велел Атаклене не выходить из комнаты и поставил у дверей морского пехотинца. Облегчение, которое он испытал от того, что нападение на площадку для церемонии откладывается, мгновенно исчезло под давлением чувства долга. Лейтенант Маккью находилась на грани истерики. Внешне она сохраняла спокойствие, и только Атаклена чувствовала внутренний дискомфорт и смятение земной женщины.

Они ничего не могли сделать. Разослали по-

исковые группы. Встретили шимпов Атаклены, которые на лошадях возвращались из убежища горилл. Но Пратачулторна к тому времени с ними уже не было. Он находился высоко над землей, его передавали от одного лесного гиганта к другому; теперь он пришел в себя и кипел от гнева, но оставался совершенно беспомощным и спеленутым, как мумия.

Еще один случай, когда люди расплачиваются за свой «либерализм». Они воспитали своих клиентов как индивидуумов и хороших граждан, и поэтому шимпы смогли осознать необходимость заключения одного человека для блага остальных. По-своему Пратачулторн сам подвел их к этому покровительственному отношению, когда не воспринимал их мнение всерьез.

Тем не менее Атаклена знала, что с морским пехотинцем будут обращаться бережно и осторожно.

В этот вечер Роберт собрал новый военный совет. Не вполне определенно выраженный домашний арест Атаклены отменили, и она смогла участвовать.

Присутствовали Фибен и лейтенанты-шимпы, а также офицеры морской пехоты.

Ни Лидия, ни Роберт не заговаривали о плане

Пратачулторна. Тактично предполагалось, что майор не хотел бы, чтобы план воплощался без него.

— Может, он решил сам что-то разведать или проинспектировать посты и вернется к вечеру или завтра, — совершенно невинно предположила Элейн Су.

— Вполне вероятно. Однако будем рассчитывать на худшее. — Роберт избегал смотреть на Атаклену. — На всякий случай отправим сообщение в убежище. Я полагаю, потребуется около десяти дней для получения нового приказа Совета и появления замены.

Он, очевидно, считал, что Меган Онигл никогда не назначит его старшим.

— Я хочу вернуться в Порт-Хелению, — просто сказал Фибен. — Там я окажусь в центре событий. Да и Гайлет во мне нуждается.

— Почему ты считаешь, что губру примут тебя назад после побега? — спросила Лидия Маккью. — Они могут просто расстрелять тебя.

Фибен пожал плечами.

— Если встречусь не с тем губру, вероятно, так со мной и поступят.

Последовала долгая пауза. Тогда Роберт поинтересовался, есть ли другие предложения, и люди,

и шимпы промолчали. Когда здесь руководил Пратачулторн, направляя ход событий и обсуждения, его непререкаемый авторитет не оставлял места сомнениям. Теперь им снова предстоит справляться с ситуацией. Они — крошечная армия с весьма ограниченными возможностями, а враг собирается пустить в действие средства, которым они не только не могут помешать, но даже не понимают их.

Атаклена ждала, пока атмосфера не наполнилась мрачным напряжением, и тогда произнесла четыре слова:

— Нам нужен мой отец.

К ее удивлению, и Роберт, и Лидия кивнули. Даже если со временем придут указания от правительства в изгнании, они тоже будут неясными и противоречивыми. Очевидно, хороший совет им пригодится, особенно насчет галактической дипломатии.

«По крайней мере эта Маккью не разделяет ксенофобии Пратачулторна», — подумала Атаклена. И нехотя одобрила то, что кеннировала в ауре Лидии.

— Роберт сказал мне, что вы уверены: Утакалтинг жив, — сказала Лидия.

— Это хорошо. Но где он? Как нам его найти?

Атаклена наклонилась вперед. Корона ее оставалась неподвижной.

— Я знаю, где он.

— Знаешь? — Роберт мигнул. — Но… — Голос его стих, и он коснулся ее своим внутренним чувством — впервые с позавчерашнего дня. Атаклена отразила его попытку, видя, что он держит Лидию за руку. Но тут же, чувствуя себя глупо, уступила.

Роберт тяжело опустился на место и выдохнул, несколько раз моргнул и вымолвил только: «О!»

Лидия переводила взгляд от Атаклены к Роберту и обратно. На короткое мгновение она ощутила нечто вроде зависти.

«Он тоже по-своему принадлежит мне», — подумала Атаклена. В этот момент она соединялась с Робертом.

— …Н'та'хуу, Утакалтинг, — сказал Роберт на гал-семь. — Нам нужно что-то предпринять, и побыстрее.

Глава 77
ФИБЕН И СИЛЬВИЯ

Она ждала его, когда он повел Тихо по тропе из долины пещер.

Терпеливо сидела под большой сосной, рядом с крутым поворотом, и заговорила, когда он оказался поблизости.

— Ты думал улизнуть, не попрощавшись? — спросила Сильвия. Руками она обхватила колени, обтянутые длинной юбкой.

Он привязал лошадь к дереву и сел рядом с ней.

— Нет, — сказал Фибен. — Я знал, что мне не может так повезти.

Она искоса взглянула на него и увидела, что он улыбается. Сильвия фыркнула и посмотрела в каньон, откуда медленно поднимался туман. Утро будет ясным и безоблачным.

— Я знала, что ты вернешься.

— Я должен, Сильвия. Это…

Она прервала его.

— Знаю. Ответственность. Тебе нужно вернуться к Гайлет. Ты ей нужен, Фибен.

Он кивнул. Фибен прекрасно помнил, что он все еще в долгу у Сильвии.

— Когда я собирался, пришла доктор Су. Я…

— Ты заполнил пробирку, которую она тебе дала. Знаю. — Сильвия наклонила голову. — Спасибо. Я считаю, что мне хорошо заплатили.

Фибен смотрел в землю. Он чувствовал себя

неловко, разговаривая на эту тему.

— Когда ты?..

— Сегодня. Я готова. Ты разве не видишь?

Парка и длинная юбка Сильвии скрывали все признаки, но она права: невозможно ошибиться в запахе.

— Я искренне надеюсь, что все твои мечты исполнятся, Сильвия.

Она снова кивнула. Так они и сидели в неловком молчании. Фибен пытался найти слова, ощущая себя туполобым. Что бы он ни сказал, все будет невпопад.

Неожиданно внизу, там, где после поворота начиналось несколько троп, разветвляющихся в разные стороны, послышался шорох. Из-за поворота показалась высокая фигура бегущего человека. Роберт Онигл бежал к перекрестку, неся только лук и легкий рюкзак.

Он взглянул наверх и, заметив двух шимпов, побежал медленнее.

Улыбнулся, когда Фибен помахал ему, а потом свернул по заброшенной тропе на юго-запад. И скоро исчез в лесу.

— Что он делает? — спросила Сильвия.

— Похоже, бежит.

Она ударила его по плечу.

— Это я и сама вижу. Куда он бежит?

— Хочет преодолеть проходы до снега.

— Проходы? Но…

— Так как майор Пратачулторн исчез, а времени мало, лейтенант Маккью и остальные военные согласились с альтернативным планом Роберта и Атаклены.

— Но он побежал на юг, — сказала Сильвия. Роберт выбрал тропу, которая уводит в глубь Мулунских гор.

Фибен кивнул.

— Он кого-то ищет. Роберт единственный, кто может это сделать. — По его тону Сильвия поняла, что он не собирается больше ничего объяснять.

Они еще какое-то время посидели молча. Появление Роберта помогло преодолеть напряжение. «Как глупо», — подумал Фибен. Сильвия ему нравится.

Им не довелось много общаться, а эта возможность, наверно, последняя.

— Ты мне никогда… никогда не рассказывала о своем первом ребенке, — сказал он неожиданно, сам удивляясь своим словам. Разве его это дело?

Конечно, сразу видно, что Сильвия уже рожала и кормила ребенка.

Растяжки кожи очень привлекательны: ведь

четверть самок вида Фибена вообще не могут рожать. «Но здесь и боль», — подумал он.

— Это произошло пять лет назад. Я была тогда совсем молоденькая. — Голос ее звучал спокойно. — …мы назвали его Сичи. Его, как обычно, подвергли тестам и нашли… аномальным.

— Аномальным?

— Да, так сказали. В некоторых отношениях его нашли выдающимся… а в других «необычным». Видимых дефектов не было, но прослеживались некоторые «странные» свойства. Это обсуждали несколько специалистов. И Совет возвышения решил отправить его на Землю для дальнейшего изучения.

— Они очень хорошо к нему относились. — Она фыркнула. — Мне предложили отправиться с ним.

Фибен мигнул.

— Но ты не полетела.

Она посмотрела на него.

— Я знаю, о чем ты думаешь. Я ужасна. Поэтому я тебе и не рассказывала. Ты бы отказался от нашего договора. Ты думаешь, я плохая мать.

— Нет, я…

— Но в то время все казалось другим. Моя мать болела. У нас не было групповой семьи, и я счи-

тала, что не могу оставить ее на руках у чужих и, может быть, никогда больше не увидеть. Я обладала тогда только желтой картой. Я знала, что на Земле мой ребенок попадет в хороший дом… получит высокую оценку и вырастет в семье неошимпанзе высшей касты, либо ему уготована судьба, о которой я не хочу знать. Я так боялась, что улечу с ним, а потом его у меня отберут. И, наверно, боялась и стыда, если его объявят испытуемым.

Она смотрела на свои руки.

— Не могла решить и попробовала обратиться за помощью к человеку из местного отделения Совета. Он считал, что я родила проби.

— Сичи забрали, а я осталась. Через шесть месяцев мама умерла.

Она посмотрела на Фибена.

— А потом, через три года, пришло сообщение с Земли, что мой ребенок счастлив и хорошо развивается. У него синяя карта и растет он в семье, где все обладают синими картами. И меня повысили, дали зеленую карту.

Она сжала кулаки.

— Как я ненавидела эту проклятую карту! Мне отменили принудительные контрацептические ежегодные инъекции, и теперь мне не нужно

просить разрешения, если я хочу зачать. Мне, как взрослой, доверили контроль над собственной плодовитостью. — Она фыркнула. — Как взрослой? Шимми, которая бросила своего ребенка? Они это игнорировали и повысили меня из-за того, что он прошел проклятое тестирование!

«Вот как», — подумал Фибен. Вот в чем причина ее горечи, того, что она раньше помогала губру. Это многое объясняет.

— И ты присоединилась к банде Железной Хватки из ненависти к системе?

Решила, что при галактах дела пойдут по-другому?

— Ну, что-то вроде этого. А может, я просто рассердилась. — Сильвия пожала плечами. — Но немного погодя я кое-что поняла.

— Что именно?

— Я поняла, что система при людях плоха, но при галактах она будет гораздо хуже. Да, люди высокомерны, но они пытаются с этим бороться.

Собственная страшная история научила их опасаться высоко… высоко…

— Высокомерия.

— Да. Они знают, в какую ловушку это может превратиться, если они будут подражать богам и сами поверят в свою богоподобность. Но галакты

именно к этому привыкли и не ведают сомнений. Они так надменны… я их ненавижу.

Фибен задумался. За последние несколько месяцев он многому научился и решил, что свой случай Сильвия несколько переоценивает. Она говорит почти как майор Пратачулторн. Но Фибен знал, что галактические расы редко считают добрыми и вежливыми.

Да и вообще не его дело судить ее.

Теперь он понял ее упорную решимость заиметь ребенка, который с рождения имел бы по крайней мере зеленую карту. Нет сомнений. Она хочет самостоятельно выпестовать следующего ребенка и иметь внуков. Сидя рядом с Сильвией, Фибен все время ощущал ее нынешнее состояние.

В отличие от женщин, у шимми строго определенные циклы, и их очень трудно скрыть. В этом одно из основных отличий в социальной и семейной жизни двух родственных видов. Он чувствовал, что его это очень возбуждает, и ощущал вину за это.

Момент был неловкий, и Фибен не хотел еще больше испортить его своей бестактностью. Ему хотелось как-то утешить ее, но он не знал как.

Он облизал губы.

— Послушай, Сильвия.

Она повернулась.

— Да, Фибен?

— Я искренне надеюсь, что ты получишь… То есть я хочу сказать, что оставил достаточно… — Он покраснел.

Она улыбнулась.

— Доктор Су говорит, что все будет в порядке. А если нет, источник не пересох.

Он покачал головой.

— Я ценю твою уверенность. Но не стал бы биться об заклад, что вернусь. — И он посмотрел в западном направлении.

Она взяла его за руку.

— Ну, я не настолько горда, чтобы отказываться от лишней страховки.

Твой взнос будет оценен высоко, если хочешь.

Он замигал, чувствуя, как учащается ритм сердцебиений.

— Ты хочешь сказать — прямо сейчас?

Она кивнула.

— Когда же еще?

— Я надеялся, что ты так скажешь. — Он улыбнулся и потянулся к ней, но она остановила его.

— Минутку, — попросила Сильвия. — Ты меня за кого принимаешь?

Конечно, тут нет свечей и шампанского, но я бы предпочла прелюдию.

— Отлично, — сказал Фибен и повернулся, подставляя ей спину. — Давай сначала ты, потом я.

Но она покачала головой.

— Я не это имела в виду, Фибен. Нечто более стимулирующее.

Она порылась за деревом и достала цилиндрический предмет из резного дерева. Один его конец был туго обтянут кожей. Фибен широко раскрыл глаза.

— Барабан?

Она зажала небольшой самодельный инструмент коленями.

— Это твоя вина, Фибен Болджер. Ты показал мне нечто потрясающее, и другое меня теперь не удовлетворит.

И она начала искусно выбивать быстрый ритм.

— Танцуй, — сказала она. — Пожалуйста.

Фибен вздохнул. Очевидно, она не шутит. Эта хореоманьячка-шимми сошла с ума, что бы ни утверждал Совет возвышения. Но ему это нравится.

«Кое в чем мы никогда не станем подобны людям», — подумал он, взяв ветку, и попытался

резко взмахнуть ею, затем отбросил и взял другую. Он уже чувствовал себя возбужденным и энергичным.

Сильвия била по барабану, быстрый веселый ритм заставил его участить дыхание. Блеск ее глаз воспламенял его кровь.

«Так должно быть. Мы сами по себе», — подумал Фибен.

Он схватил ветвь обеими руками и ударил по стволу, листья разлетелись в разные стороны.

— Уук… — сказал он.

Второй удар получился еще сильнее, и каждый следующий возглас звучал со все большим энтузиазмом.

Утренний туман рассеялся. Гром не гремел. Не склонная к помощи Вселенная не послала на небо ни одного облачка. Но Фибен решил, что на этот раз обойдется без молний.

Глава 78
ГАЛАКТЫ

Экспедиционные силы губру лихорадило сверху донизу. Начались споры по поводу распределения и снабжения, из-за поведения рядовых, презрение которых к вспомогательному персона-

лу достигло нового опасного уровня.

Днем во время молитвы многие солдаты Когтя надевали традиционные траурные повязки по утраченным Прародителям и присоединялись к священникам в общей негромкой молитве. Но менее набожное большинство, которое в таких случаях обычно сохраняло почтительное молчание, теперь словно специально использовало это время для азартных игр и громких споров. А часовые прихорашивались и пускали по ветру выпавшие перья, отвлекая верующих.

Ненужные звуки можно было услышать во время работы, ремонта и учений.

Насест-полковник, командир восточного укрепления, проводил инспекцию и явился свидетелем такой дисгармонии. Он не стал тратить время и приказал немедленно собрать весь штат укрепления. Потом пригласил главного чиновника лагеря и священника к себе на помост и обратился к собравшимся:

Да не будет сказано, отмечено, разнесено слухами,

Что солдаты губру потеряли свою преданность!

Разве мы сироты? Утрачены? Покину-

ты?

Разве мы не принадлежим к великому клану?

Какими мы были, каковы мы сейчас,

Какими мы должны быть?

Мы воины, строители, но прежде всего –

Мы соблюдаем подобающие традиции!

Так насест-полковник говорил некоторое время, к нему в убеждающем пении присоединились администратор и священник лагеря. И наконец смущенные солдаты и весь штат слились в пристыженном и гармоничном ворковании.

Небольшой отряд солдат, чиновников и священников пытался побороть сомнения.

И на короткое время действительно достиг консенсуса.

Глава 79
ГАЙЛЕТ

"...даже в редких и трагических случаях, у так называемых волчат, существовала грубая разновидность такой техники. Их примитивные

методы включали ритуалы «поединков чести», которые позволили удерживать агрессивность и воинственность в определенных рамках.

Возьмем, например, самый последний по времени клан волчат — «людей» с Сол-3. До открытия галактической культуры их «племена» часто использовали ритуалы, чтобы сдерживать циклы все возрастающего насилия, которое является нормальным состоянием таких лишенных руководства видов. (Несомненно, эти традиции восходят к искаженным воспоминаниям об их давно забытых патронах).

Среди простых, но эффективных методов, использовавшихся людьми до Контакта (см. ссылки), упомянем метод «поединка чести» у «американских индейцев», «суд путем поединка» у «средневековых европейцев» и «устрашение возможным взаимоуничтожением» у «племенных (национальных) государств».

Конечно, этой технике недоставало тонкости, уравновешенности совершенных правил, разработанных Институтом Цивилизованных Войн..."

— Все. Перерыв. Конец. Довольно.

Гайлет мигнула: грубый голос бесцеремонно прервал ее размышления.

Библиотека почувствовала это, и текст на

экране застыл.

Гайлет посмотрела влево. Ее новый «партнер» отбросил накопитель информации, широко зевнул и потянулся всем большим сильным телом.

— Пора выпить, — лениво сказал он.

— Да ты даже самый начальный обзор не прошел, — сказала Гайлет.

Он улыбнулся.

— Не понимаю, зачем мы вообще возимся с этим дерьмом. Ити будут удивлены, если мы не забудем поклониться и правильно назвать свой вид. Ты ведь знаешь, они не ждут, что неошимпы покажут себя гениями.

— Очевидно, нет. А твои баллы, несомненно, оправдают их ожидания.

Он нахмурился, но заставил себя снова улыбнуться.

— А ты так стараешься. Я уверен, ити решат, что ты очень умна.

«Туше», — подумала Гайлет. Им не потребовалось много времени, чтобы научиться больно задевать друг друга.

«Может, это еще один тест. Они проверяют, насколько хватит моего терпения».

Может быть… но маловероятно. Уже больше недели она не видела сюзерена Праведности.

Вместо него с ней теперь общается комитет из трех пастельной расцветки губру, по одному от каждой фракции, и главным оказывается солдат Когтя с оперением голубого оттенка.

Вчера они все побывали на церемониальной площадке — «для репетиции».

Гайлет по-прежнему не знала, нужно ли ей принимать участие в церемонии, но начинала понимать, что передумывать уже поздно.

Холм на берегу моря преобразовали так, что энергетические установки больше не видны. Террасы на склонах элегантно уходят вверх, одна за другой, на них только осенние листья, которые приносит ветер. На восточном ветру уже трепещут яркие вымпелы, обозначая места, где представители неошимпанзе будут отвечать на вопросы или подвергаться осмотру.

Там, на площадке, рядом с губру, Железная Хватка казался идеальным учеником. И дело не только в том, что он хотел сохранить полученные привилегии и потому был так усерден. Нет, происходящее тешило его тщеславие, и его быстрый ум проявил себя во всем блеске.

Но теперь, когда они оказались одни под обширным сводом новой Библиотеки, на первый план выступили другие стороны его натуры.

— Как насчет этого? — Железная Хватка наклонился через ручку кресла и распутно ухмыльнулся. — Не хочешь ли погулять на свежем воздухе? Мы можем ускользнуть в эвкалиптовую рощу и…

— Ничего не выйдет! — ответила она.

Он рассмеялся.

— Ну, если тебе нравится делать это публично, отложим до церемонии. И тогда мы будем с тобой, малышка, и на нас будут смотреть все пять галактик. — Он улыбнулся и сжал могучие руки так, что костяшки пальцев затрещали.

Гайлет отвернулась и закрыла глаза. Ей пришлось изо всех сил сосредоточиться, чтобы не дрожала нижняя губа. «Спаси меня…», — молила она вопреки всяким надеждам и здравому смыслу.

Логика смеялась над ней за эту мысль. Ведь в конце концов ее рыцарь на белом коне — всего лишь обезьяна, к тому же, несомненно, мертвая.

Но она не могла сдержать неслышного крика. "Фибен, ты мне нужен.

Фибен, вернись!"

Глава 80
РОБЕРТ

Кровь его пела.

После месяцев в горах, где он, подобно своим предкам, жил, полагаясь на свой ум и силу, кожа его загрубела, привыкла к солнцу и к жестким местным материалам. Но Роберт все же не до конца понимал, как изменился, пока не пробежал последние несколько метров по узкой каменистой тропе и десятью длинными шагами не пересек пространство между двумя водоразделами.

«Верхняя точка прохода Рванда… За два часа я поднялся на тысячу метров, а сердце у меня быстрее не бьется».

Он не чувствовал потребности в отдыхе, но заставил себя идти медленнее. Раскинувшаяся перед ним прекрасная картина стоила того.

Он стоял на верху Мулунского хребта. К северу от него уходят горы на восток и на запад, к морю, где продолжаются на архипелаге.

Ему потребовалось бежать полтора дня, чтобы добраться сюда от пещер, и теперь он увидел

перед собой панораму, которую предстоит пересечь, чтобы дойти до цели.

«Я даже не знаю, как искать то, что мне нужно!» Инструкции Атаклена дала очень неопределенные: у нее было не очень четкое представление о направлении.

Впереди тоже горы, но они резко обрываются, переходя в серовато-коричневую степь, частично затянутую дымкой. До того, как он достигнет степи, ему предстоит еще немало подъемов и спусков на узкой тропе, по которой даже в мирное время почти никто не проходил. А с начала войны Роберт, вероятно, первым оказался здесь.

Но самая трудная часть пути позади. Спуск Роберту не нравился, но он знал, как бежать, не падая и не повреждая ноги. А внизу будет вода.

Он потряс кожаной фляжкой и сделал небольшой глоток. Осталось несколько децилитров, но он уверен, что ему хватит.

Роберт заслонил глаза и посмотрел на пурпурные вершины, где ему предстоит сегодня заночевать. По пути тоже встретятся ручьи, но роскошных тропических лесов, как на северных склонах Мулуна, не будет. И скоро придется подумать об охоте, до того, как он углубится в сухую саванну.

«Воины-апачи могли за несколько дней пробежать расстояние от Таоса до Тихого океана, и при этом съедали только горсть поджаренного зерна».

Он, конечно, не воин-апач. У него с собой несколько граммов витаминного концентрата. Скорость он предпочел набитому желудку. Она сейчас важнее.

Он обогнул недавнюю осыпь, перерезавшую тропу. И чуть быстрее устремился по многочисленным подъемам и спускам.

Ночь Роберт провел в замшелой расселине у журчащего ручья. Спал он, завернувшись в тонкое одеяло, и видел медлительные и спокойные сны, как в космосе, по его представлению, если забудешь о постоянном гудении двигателей.

Спокойным одиночеством сна он обязан главным образом неподвижности сети эмпатии. Ведь он столько месяцев провел в тропическом лесу, но в такой глуши даже его грубый кеннинг проникал далеко.

И впервые он не ощущал жесткого — выражаясь метафорически, металлического, — присутствия чуждых сознаний на северо-западе. Он заслонен от губру, кстати, от людей и шимпов тоже. Странное чувство — одиночество.

Оно не исчезло с рассветом. Роберт наполнил флягу из ручья, напился, чтобы ослабить голод. И снова побежал.

Крутые спуски утомляли, но мили улетали быстро. И прежде чем солнце прошло полпути к зениту, перед Робертом открылась широкая степь. Теперь он бежал по пологим холмам; километры оставались позади, как мысли, мелькнувшие в голове и сразу же забытые. На бегу Роберт прощупывал местность, и скоро понял, что где-то там, за высокой травой, находятся какие-то странные существа.

Если бы кеннинг указывал направление! Наверно, именно его неточность помешала людям развить собственные несовершенные способности.

«Вместо этого мы сосредоточились на другом».

Есть игра, в которую часто играют и на Земле, и заинтересованные галакты. Она состоит в том, чтобы попытаться реконструировать знаменитых «утраченных патронов человечества», полумифическую расу, которая предположительно пятьдесят тысяч лет назад начала возвышение людей, а затем загадочно исчезла, оставив работу «выполненной наполовину».

Конечно, встречаются отчаянные еретики

— даже среди галактов, — которые считают верными земные теории о том, что каким-то образом возможно осуществить возвышение самостоятельно… развить космический разум и вытащить себя за волосы из тьмы и невежества к зрелости.

Но даже на Земле большинство считает эту теорию неправдоподобной.

Патроны возвышают клиентов; те, в свою очередь, возвышают новых предразумных. Так было всегда, давным-давно, со времен Прародителей.

Нет никаких свидетельств. Кем бы ни были патроны человечества, они хорошо замели свои следы, и не без причины. Патроны, бросившие своих клиентов, считаются преступниками.

Но игра в угадайку продолжается.

Некоторые кланы исключаются сразу: они ни за что не стали бы возвышать всеядные существа. Другие не в состоянии даже недолго находиться на Земле — из-за тяготения, или атмосферы, или из-за того и другого вместе.

— Большинство соглашалось, что это не может быть клан, верящий в специализацию. Некоторые возвышают клиентов с особой целью. Институт возвышения требует, чтобы новая раса разумных могла пилотировать космические корабли, рассуждать здраво и логично и со вре-

менем сама стать патроном. Но помимо этого Институт не ставит никаких ограничений, и клиенты могут быть приспособлены к различным условиям. Некоторые становятся искусными ремесленниками, другие философами, очень многие — воинами.

Но загадочные патроны человечества не настаивали на специализации.

Потому что человек оказался очень гибким и податливым животным.

Да, и даже прославленные своими адаптационными способностями тимбрими не могут кое-чего.

«Например, такого», — подумал Роберт.

Стая местных птиц, хлопая крыльями, поднялась в воздух, когда Роберт пробегал мимо. Мелкие зверьки чувствовали, как дрожит земля под его ногами, и прятались.

Стадо животных, длинноногих и быстрых, похожих на небольших оленей, метнулось в сторону, легко обгоняя Роберта. Они бежали на юг, туда же, куда и он, и поэтому он побежал за ними. И скоро приблизился к месту, где они опять остановились и принялись пастись.

Снова они устремились вперед, ушли от него на большое расстояние и вновь начали щипать

траву.

Солнце поднялось высоко. В такое время все живое — и охотники, и добыча — ищет убежища от жары. Там, где нет деревьев, они раскапывают почву, добираются до прохладных слоев и лежат в тени, дожидаясь, пока уйдет обжигающее солнце.

Но одно существо не останавливалось, а продолжало бежать. Псевдоолени в ужасе замигали, когда Роберт в очередной раз приблизился. Они поднялись и побежали, оставив его позади. На этот раз пробежали немного больше, потом остановились на вершине небольшого холма, отдуваясь и недоверчиво оглядываясь.

Двуногое существо продолжало приближаться.

Волна тревоги и нехороших предчувствий пробежала по стаду.

Все еще тяжело дыша, животные побежали дальше.

На оливковой коже Роберта испарина блестела, как масло. Она сверкала на солнце и дрожала в такт ударам его ног, срываясь и падая каплями.

Но в основном пот испарялся на ветру. Сухой юго-восточный ветер превращал его в пар, унося при этом излишнее тепло. Роберт продолжал ритмично бежать, не пытаясь догнать оленепо-

добных животных. Иногда он переходил на шаг и немного отпивал из фляжки, а потом принимался бежать.

Лук привязан у него на спине, но почему-то Роберт и не думал использовать его, продолжая бежать под полуденным солнцем. «Бешеные собаки и земляне…» — думал он.

«И апачи… и банту… и многие другие…»

Люди привыкли считать, что мозг отличает их от других представителей животного царства Земли. Действительно, оружие, огонь и речь сделали их властелинами своей планеты задолго до того, как они узнали об экологии или об обязанностях старших видов по отношению к младшим, еще не способным мыслить. В темные столетия разумные, но невежественные мужчины и женщины огнем загоняли стада мамонтов, гигантских ленивцев и особей прочих видов на край пропасти и сбрасывали вниз, убивали сотни, чтобы получить мясо одного-двух. Они подстрелили миллионы птиц, чтобы их оперение украшало женщин. Они вырубали леса, чтобы выращивать опиумный мак.

Да, разум в руках невежественных детей — опасное оружие. Но Роберт знал тайну.

«Нам совсем не нужен был мозг, чтобы править

миром».

Он вновь приблизился к стаду; конечно, его подгонял голод, но одновременно он наслаждался красотой туземных существ. Несомненно, с каждым поколением они увеличиваются в росте. Теперь они гораздо крупнее, чем были их предки, когда бурурали уничтожили гигантских копытных, бродивших по этим полям. Когда-нибудь они смогут заполнить пустующие ниши.

Уже сейчас они гораздо быстрее человека.

Скорость — само собой. Но выносливость — совсем другое дело. Когда животные снова припустили, Роберт заметил, что стадо в панике. Морды псевдооленей покрылись пеной. Языки свисали, а грудные клетки ходили ходуном.

Солнце палило. Роберт взмок. Пот, испаряясь, приносил ему облегчение и прохладу. Роберт продолжал бежать.

«Орудия труда, огонь и речь — наши неоспоримые преимущества, которые дали толчок для развития культуры. Но разве это все, чем мы обладали?» Песня начала формироваться в сети мягких пазух за глазами, в плавном потоке жидкости, омывающей мозг, предохраняющей от сотрясений при ударах ног во время бега. Удары сердца несли вперед, как верный басовый ритм.

Сухожилия ног подобны натянутым гудящим тетивам… подобны струнам скрипки.

Он чувствовал их запах, голод обострил атавистическое восприятие.

Роберт отождествил себя с намеченной добычей. И странным образом испытал чувство завершенности, исполнения. Он жив. Он не отдавал себе отчета в том, что обгоняет начавших падать на землю оленей. Матери и детеныши с тупым удивлением смотрели вслед: он пробегал, не бросив на них взгляда. Роберт наметил цель и произвел простой глиф, чтобы остальные успокоились, расслабились, ушли в сторону. А он гнался за крупным самцом во главе стада.

«Ты одинок, — думал он. — Ты хорошо пожил, передал свои гены. Твой вид в тебе теперь нуждается меньше, чем я».

Возможно, его предки пользовались эмпатией чаще современных людей. Он нашел возможность ее использовать. Он кеннировал растущий ужас быка, когда один за другим его спутники отставали. Бык мчался изо всех сил и оторвался от Роберта. Но потом ему пришлось остановиться: тяжело дыша, пытаясь охладиться, со вздымающимися боками, он смотрел на приближающегося Роберта.

Затем бык повернулся и вновь отчаянно рванул.

Теперь они остались вдвоем.

Гимельхай пылал. Роберт бежал дальше.

Минутой позже он на бегу потянулся за ножом. Даже это оружие он извлекал неохотно, однако из милосердия к добыче решил им воспользоваться.

Несколько часов спустя, уже не мучаясь от пустоты в желудке, Роберт уловил первые признаки следа. Он двигался на юго-запад, по мнению Атаклены, так он достигнет цели. День угасал, и Роберт заслонял глаза от солнца. Потом совсем закрыл их и поискал с помощью других чувств. Да, что-то настолько близко, что его можно кеннировать.

Метафорически, подумал он, очень знакомый запах.

Он рванул вперед, по следам, иногда холодным и разумным, иногда диким, как бык, который недавно поделился с Робертом своей жизнью.

Следы стали заметней и завели Роберта в густые колючие заросли, где после захода солнца он не сможет преследовать существо с этой эмпатической вибрацией. Но он вовсе не хотел «охотиться» на это существо. Ему надо всего лишь

поговорить с ним.

Ясно, что существо чувствует его присутствие. Роберт остановился, закрыл глаза и бросил вперед простой глиф. Глиф устремился направо, налево, потом углубился в растительность, откуда незамедлительно послышался шорох. Роберт открыл глаза и уперся в чей-то блестящий взгляд.

— Ну ладно, — негромко сказал Роберт. — Выходи. Нужно поговорить.

Минутное колебание — и из кустов вышел грязный и абсолютно голый длиннорукий шимп, заросший густой шерстью, со сросшимися бровями и тяжелым подбородком.

Роберт увидел пятна высохшей крови, не похожие на раны самого шимпа.

«Ну, в конце концов мы двоюродные братья. А вегетарианцы в степи долго не проживут».

Почувствовав, что лохматый шимп не хочет встречаться с ним взглядом, Роберт не стал настаивать.

— Здравствуй, Джо-Джо, — сказал он мягко и негромко. — Я принес сообщение твоему хозяину.

Глава 81
АТАКЛЕНА

Клетка была сделана из прочных деревянных прутьев, перевязанных проволокой. Она висела на ветке дерева в защищенной от ветра долине, под наветренным отрогом дымящегося вулкана. Однако тросы, удерживающие клетку, временами дрожали, и она раскачивалась.

Обитатель клетки, голый, небритый и очень похожий на волчонка, сверху вниз смотрел на Атаклену испепеляющим ненавидящим взглядом. Атаклене казалось, что вся маленькая долина насыщена ненавистью пленника, и она не собиралась здесь долго задерживаться.

— Я думала, вы захотите знать. Согласно правилам войны триумвират губру объявил перемирие, — сказала она майору Пратачултору. — Площадка для церемоний теперь священна, и на всем Гарте вооруженные силы могут действовать только защищаясь.

Пратачултор плюнул сквозь прутья.

— Ну и что? Напали бы мы, как я планировал, все закончилось бы раньше.

— Сомневаюсь. Даже блестящие планы редко воплощаются точно. И если нам в последнюю минуту пришлось бы отказаться от нападения, мы, получается, вот так запросто, ни за что, раскрыли бы все свои тайны.

— Это вы так думаете, — фыркнул Пратачулторн.

Атаклена покачала головой.

— Однако это не единственная и не самая важная причина. — Она устала объяснять тонкости галактического протокола офицеру морской пехоты, но надо было попытаться еще раз. — Я уже говорила вам, майор. Войны обычно развиваются циклами; вы, люди, иногда называете это «око за око»: одна сторона мстит другой за последнее оскорбление, а та, в свою очередь, отвечает тем же. И если не сдержаться, так может продолжаться вечно!

Поэтому Прародители разработали правила сдерживания таких конфликтов. Пратачулторн выругался.

— Да будьте вы прокляты! Сами признавали, что наше нападение, осуществленное вовремя, вполне законно.

Она кивнула.

— Законно — возможно. Но сослужило бы врагу

хорошую службу. Потому что было бы последним действием перед перемирием.

— А какая разница?

Она терпеливо продолжала объяснять:

— Губру объявили перемирие, имея подавляющее преимущество, майор. Это считается честным. Можно сказать, они «заработали очки». Но количество очков неизмеримо выросло бы, если бы перемирие объявили сразу после поражения. Если бы не стали мстить, проявили терпимость. И заслужили бы…

— Ха! — Пратачулторн расхохотался. — Много бы это им дало, если бы их церемониальная установка была разрушена!

Атаклена наклонила голову. Времени совсем не осталось. Если она здесь задержится, лейтенант Маккью может заподозрить, где находится ее исчезнувший командир. Морские пехотинцы уже прочесали несколько возможных мест укрытия.

— В результате Землю вынудили бы финансировать новое строительство, — сказала она.

Пратачулторн смотрел на нее.

— Но… но мы воюем!

Она кивнула, не поняв его.

— Совершенно верно. Невозможно воевать, не учитывая существующих правил и не имея

мощных нейтральных сил, поддерживающих честное ведение войны. Альтернативой было бы варварство.

Человек молча мрачно смотрел на нее.

— К тому же разрушение церемониальной площадки означало бы, что люди против испытаний для своих клиентов, против их продвижения! А так губру в результате этого перемирия обесчестили сами себя. Вы набрали очки, оказались страдающей стороной, которая не стала мстить. Эта частичка праведности может сильно пригодиться в будущем.

Пратачулторн нахмурился. Сосредоточился, словно хотел ухватить логическую нить рассуждений. Она чувствовала напряжение всех его умственных сил, старание… но не получилось. Он сморщился и снова плюнул.

— Какой вздор! Покажите мне мертвых птиц. Вот такую монету я могу сосчитать. Набросайте их грудой до верха этой клетки, маленькая мисс посольская дочь, и в таком случае, когда я отсюда вырвусь, вы, возможно, только возможно, останетесь в живых.

Атаклена вздрогнула. Тщетно пытаться убедить такого человека. Этого пленника следовало держать под воздействием наркотиков либо

убить. Но она не могла сделать ни того, ни другого, не могла втягивать послушных ей шимпов в преступление.

— До свидания, майор, — сказала она, повернувшись, чтобы уйти.

Он не стал кричать ей вслед. Немногословно делало его угрозы более страшными и правдоподобными.

Атаклена по тайной тропе горного отрога вышла из долины, и двинулась мимо вечно парящих и шипящих теплых источников. На вершине она убрала щупальца, чтобы их не раздувал ветер. Небо почти безоблачно, но в воздухе пыль далеких пустынь.

На ветке висел парашютик плюща с семенной коробочкой, принесенный с какого-то поля. К счастью, осенний перенос спор пошел полным ходом еще за два дня до провозглашения перемирия. Этот факт может оказаться весьма существенным.

Ей было не по себе; такое она испытывала частенько с той ночи ужасных снов незадолго до восхождения на эту же вершину, где она и вырвала у отца наследство.

«Должно быть, снова испытывают гиперпространственный шунт».

Она уже знала, что первый приступ кошмаров совпал у нее с первым испытанием новой установки захватчиков. Потоки неустойчивой вероятности распространились во всех направлениях; чувствительные к ним ответили странной смесью кошмаров и своеобразного веселья.

Не похоже на обычно педантичных губру и подтверждает сообщение Фибена про серьезные проблемы в руководстве врага.

Поэтому в тот вечер тутсунуканн обрушился так неожиданно и свирепо? Значит, эта высвободившаяся энергия ответственна за ужасающую силу ее контакта с'уструтууна с Утакалтингом?

Могут ли первое и последующие испытания установки объяснить, почему гориллы ведут себя так необычно?

Атаклена чувствовала неподдельный ужас и беспокойство. «Скоро, — подумала она. — Скоро кульминация».

Она была уже на полпути к своей палатке, когда из леса вдруг выбежали двое запыхавшихся шимпов и заторопились к ней.

— Мисс… мисс… — выговорил один. Слышалось тяжелое дыхание другого.

Она кеннировала их страх, и это вызвало мгновенный поток гормонов; он чуть замедлился,

когда она поняла, что этот страх вызван не угрозой нападения врага. Что-то другое чуть не свело их с ума от ужаса.

— Мисс Ат…таклена, — выдохнул первый шимп. — Идемте быстрей!

— В чем дело, Петри? Что случилось?

— Риллы. Мы не можем с ними справиться.

«Вот как», — подумала она. Уже с неделю негромкое немузыкальное пение горилл доводило шимпов до нервных припадков. — Что они сейчас делают?

— Уходят! — с болью выкрикнул второй шимп.

Она заморгала.

— Что? Повтори!

Карие глаза Петри были полны изумления.

— Они уходят. Просто встали и пошли! Идут к Синду, и их невозможно остановить!

Глава 82
УТАКАЛТИНГ

За последние дни их продвижение к горам заметно замедлилось. Все больше и больше времени Каулт проводил, разглядывая каменные орудия… и споря со своим спутником тимбрими.

«Как быстро меняется положение», — думал

Утакалтинг. Он долго и напряженно старался довести Каулта до этого состояния подозрительности и возбуждения. А теперь с печалью вспоминал их прежнюю дружбу, долгие ленивые дни неторопливых разговоров и воспоминаний, дни общего изгнания, какими бы раздражающими они тогда ему ни казались.

Конечно, в то время он полностью был самим собой и мог смотреть на мир глазами тимбрими сквозь смягчающую вуаль воображения.

А теперь? Утакалтинг знал, что дома его считали слишком мрачным и серьезным, а сейчас, вероятно, сочли бы калекой. Может, лучше умереть?

«Слишком многое я потерял», — думал он, в то время как Каулт что-то бормотал про себя в углу убежища. Снаружи сильные порывы ветра раскачивали степную траву. Лунный свет падал на вершины холмов, подобных медлительным океанским волнам, поднятым бурей.

«Неужели ей действительно нужно было отобрать так много?» — думал Утакалтинг, хотя на самом деле это его уже не тревожило.

Конечно, Атаклена вряд ли отдавала себе отчет, когда той ночью потребовала выполнения обета, данного родителями. Создавать с'устру'туун не

учат специально. Способ, такой драматичный и так редко используемый, невозможно описать простыми словами. И по самой своей природе с'устру'туун — это нечто, совершаемое только раз в жизни.

Однако сейчас, мысленно оглядываясь назад, Утакалтинг вспомнил то, чему в свое время не придал значения.

В тот вечер он чувствовал жуткое напряжение. Уже задолго до этого начал беспокоиться и ощущать потоки такой энергии, как будто сквозь горы прорывались полуглифы невероятной силы. Возможно, этим объясняется необыкновенная мощь призыва дочери; видимо, она черпала из какого-то внешнего источника.

Припомнилось и то, что та буря,с озданная ее с'устру'туун, не все отобранное у него унесла Атаклене!

Странно, как он до сих пор не додумался. Сейчас Утакалтингу смутно казалось, что часть его сущности миновала ее, но он и представить себе не мог, в каком направлении. Может, к тому самому источнику энергии, который он ощутил раньше. Может быть…

Утакалтинг слишком устал, чтобы создавать рациональные теории. «Кто знает? Вдруг ее при-

влекли гартлинги?» Дурацкая шутка, не стоящая даже легкой улыбки, но все же, раз он способен иронизировать, не все еще потеряно.

— Теперь я уверен в этом, Утакалтинг. — Повернувшись, теннанинец говорил негромко и убежденно. Он отложил прибор, сооруженный из остатков разбитой яхты.

— В чем уверен, коллега?

— Уверен в том, что наши подозрения не безосновательны! Смотри.

Данные, которые ты сообщил, твои записи помогли мне настроить детектор, и теперь я обнаружил нужный резонанс.

— Правда? — Утакалтинг не знал, как быть. Он не ожидал от Каулта доказательств существования мифического животного.

— Я знаю, мой друг, — сказал Каулт, поднимая массивную, обтянутую плотной кожей руку. — Ты боишься, что мои эксперименты привлекут к нам внимание губру. Не волнуйся, я использую очень узкую полосу и отражаю свой луч от ближайшего спутника. Маловероятно, чтобы источник моего слабого луча локализовали.

— Но… — Утакалтинг покачал головой. — Что ты ищешь?

Дыхательные щели Каулта раздвинулись.

— Определенный тип мозгового резонанса. Это чисто технические соображения, — сказал тенненинец. — Соотносится с тем, что я читал в твоих записях об этих гартлингах. Судя по данным, мозг этих предразумных существ не должен очень отличаться от мозга землян и тимбрими.

Утакалтинг поразился, с какой быстротой и энтузиазмом Каулт использовал сфабрикованные данные. Его прежняя сущность, наверное, ликовала бы.

— И что же? — спросил он.

— Вот что… позволь объяснить на примере. Возьмем людей…

— Давай, — вставил Утакалтинг скорее по привычке, без всякого энтузиазма.

— …земляне использовали лишь один из множеств путей постепенного достижения разума. Они использовали мозг в виде двух отдельных частей, позднее слившихся в одну.

Утакалтинг моргнул. Его собственные мозги едва шевелятся.

— Ты… ты говоришь о двух относительно независимых полушариях человеческого мозга?

— Да. Иногда эти половинки подобны друг другу и избыточны, но в определенный момент они распределяют между собой работу. Особенно

это заметно у их клиентов-неодельфинов. До появления губру я изучал данные о неошимпанзе, которые во многом подобны своим патронам. Люди еще на самых ранних стадиях возвышения попытались соединить мозг предразумных в единое сознание. До этих попыток неошимпанзе испытывали состояние, называемое «двухпалатностью»…

Каулт продолжал говорить, речь его по-прежнему изобиловала специальными терминами, и вскоре Утакалтинг перестал его слушать.

Подробности мозговых функций заполнили их убежище густым туманом.

Утакалтингу очень хотелось создать глиф, выражающий его скуку, но у него не хватало сил даже пошевелить щупальцами.

— …и поэтому резонанс указывает, что поблизости, в пределах досягаемости моего прибора, имеется существо с двухкамерным мозгом.

«А, да», — подумал Утакалтинг. Еще в Порт-Хелении, в пору создания им хитроумных планов, он заподозрил, что Каулт может оказаться изобретательным. Это и было одной из причин выбора Утакалтингом в помощники шимпа с явными признаками атавизма. И сейчас Каулт находит следы бедного Джо-Джо, отсталый мозг которого

похож на мозг невозделанных невозвышенных шимпанзе столетия назад. Джо-Джо, несомненно, сохранил признаки этой «двухпалатности», о которой говорит Каулт.

Наконец Каулт подошел к заключению.

— И потому я совершенно убежден и считаю, что больше нельзя откладывать. Мы должны отправить межзвездное сообщение!

— А как ты собираешься это сделать? — с легким любопытством спросил Утакалтинг. Дыхательные щели Каулта раздувались, выдавая редкое для него возбуждение.

— Может быть, нам удастся проскользнуть или пробиться в планетарную отраслевую Библиотеку, потребовать убежища и затем использовать право на первоочередную связь с пятьюдесятью солнцами Теннанина. Кажется, есть и другой способ, например украсть корабль губру. Но сообщение надо передать!

Неужели это тот самый Каулт, который так стремился бежать из Порт-Хелении до прибытия захватчиков? Он изменился внешне так же сильно, как Утакалтинг внутренне. Энтузиазм теннанинца пылал ярким пламенем, а Утакалтингу приходилось изо всех сил поддерживать огонь собственного энтузиазма.

— Ты хочешь предъявить требования на предразумных до их обнаружения губру?

— Да, а почему бы и нет? Чтобы спасти их от таких ужасных патронов, я готов отдать собственную жизнь! Если правда то, что мы услышали по нашему приемнику, эмиссары Институтов уже на пути к Гарту. Мне кажется, губру задумали что-то грандиозное, может, уже открыли то же самое. Мы должны действовать быстро, пока еще не поздно!

Утакалтинг кивнул.

— Еще один вопрос, достойный коллега. — Он помолчал. — Почему я должен помогать тебе?

Каулт выдохнул, как проткнутый воздушный шарик, и его грудь начала быстро оседать. Он посмотрел на Утакалтинга с таким выражением, какого тот никак не ожидал увидеть на этом лишенном эмоций лице серьезного теннанинца.

— Это поможет предразумным, — просвистел он. — Их судьба будет гораздо счастливей.

— Может быть, хотя утверждение спорное. Но если и так? Ты рассчитываешь только на мой альтруизм?

— Э-э-э… Хм… — Внешне Каулт казался обиженным. Но удивился ли он на самом деле? Ведь в конце концов он дипломат и знает, что лучшие и

самые прочные договоры заключаются на взаимовыгодной основе. — Это… это очень помогло бы моей политической партии. Если бы я раздобыл такое сокровище, мы, вероятно, смогли бы сформировать правительство, — предположил он.

— Небольшая поправка к невысказанному не стоит разговора, — Утакалтинг покачал головой. — Ты же не объяснил мне, почему я не могу потребовать передать открытие моему клану. Я исследовал эти слухи раньше тебя. Мы, тимбрими, были бы превосходными патронами для этих существ. — Вы! Вы… К'ф мимфер'рренги? — Это выражение примерно означало «несовершеннолетние правонарушители». Утакалтинг едва сдержал улыбку. Каулт неловко заерзал и заметно сдерживался, чтобы сохранить дипломатическую невозмутимость.

— У вас, тимбрими, недостаточно сил, чтобы поддержать такое требование, — сказал он.

«Наконец-то, — подумал Утакалтинг. — Правда».

В такие времена, в таких сложных обстоятельствах требуется нечто большее, чем подача заявки на клиентов новой предразумной расы первым.

Институт возвышения будет учитывать и мно-

жество других факторов. Люди очень правильно высказались по этому поводу: «Владение имуществом почти равносильно праву на него». Не в бровь, а в глаз.

— Итак, мы вернулись к вопросу номер один. — Утакалтинг кивнул. — Если ни тимбрими, ни люди не могут получить гартлингов, почему я должен помогать в этом тебе?

Каулт начал ерзать на месте, как на горячей сковородке. В отчаянии он, наконец, выпалил:

— Я могу почти гарантировать прекращение всех враждебных действий моего клана против твоего.

— Мало, — сразу ответил Утакалтинг. — Но чего же еще ты от меня хочешь! — взорвался Каулт.

— Подлинного союза. Обещания помощи против тех, кто сейчас осаждает Тимбрим. — Но…

— И твердых гарантий, данных заранее. Независимо от того, существуют ли на самом деле эти предразумные.

Каулт, запинаясь, сказал:

— Ты не можешь требовать…

— Могу. Почему я должен верить в этих гартлингов? Для меня это только интригующие слухи. Я ведь не утверждал, что верю в них! А ты хочешь, чтобы я на этом основании рисковал жизнью,

передавая твое сообщение! Зачем мне это без гарантий для своего народа?

— Это… это неслыханно!

— Тем не менее такова моя цена. Как хочешь.

На мгновение у Утакалтинга появилось возбуждающее предчувствие, что он будет свидетелем невероятного. Каулт утратит контроль над собой… набросится на него с кулаками. Взглянув на эти массивные, судорожно сжимающиеся и разжимающиеся кулаки, Утакалтинг почувствовал приток энзимов в крови. Нервный страх заставил его ощутить себя живым, чего не было уже много дней.

— Будь… будь по-твоему, — прорычал наконец Каулт.

— Отлично. — Утакалтинг вздохнул, расслабляясь. Он извлек свой хранитель информации. — Давай сформулируем наш контракт.

Потребовалось больше часа, чтобы обо всем окончательно договориться.

После того, как договор был составлен и оба экземпляра подписаны, Утакалтинг одну капсулу с текстом передал Каулту, вторую оставил у себя.

«Поразительно!» — думал он. Он вынашивал планы и тяжким трудом приближал этот день. Наконец-то завершена вторая часть его гран-

диозного розыгрыша. Дурачить губру — одно удовольствие. Но вообще это невероятно.

Однако Утакалтинг не испытывал торжества. Ему не хотелось двигаться вперед, на Мулунские горы, в отчаянной попытке, которая, несомненно, закончится их смертью.

— Ты, конечно, понимаешь, Утакалтинг, что мой народ не выполнит этот договор, если я ошибся и гартлингов все-таки не окажется. Теннанинцы отрекутся от меня: они выплатят дипломатический штраф, чтобы выкупить контракт, а меня уничтожат.

Утакалтинг не поднимал глаз на Каулта. Это, конечно, вторая причина его угнетенного состояния и отчужденности. «Великий шутник не должен чувствовать себя виноватым, — говорил он себе. — Наверно, я слишком часто общался с людьми».

Молчание затянулось. Каждый думал о своем.

Несомненно, Каулта отвергнут. Теннанинцы вряд ли станут заключать союз или даже мир с Землей и Тимбримом. Утакалтинг надеялся лишь посеять смятение в рядах врага. Если каким-то чудом Каулту удастся передать свое сообщение и привлечь теннанинскую армаду к этому захолустью, тогда противники его народа сойдутся в

битве, которая истощит обоих… в бессмысленной битве из-за ничего. Из-за несуществующего вида, призрака существ, убитых много тысячелетий назад.

«Какая великая шутка! Я должен быть счастлив. Горд…» Утакалтинг печально думал, что не может даже винить с'устру'туун в своей неспособности испытывать удовольствие.

Атаклена не виновата в том, что он переживает такие чувства… чувство вины и предательства.

«Ну ладно, — утешал себя Утакалтинг. — Еще ничего не известно. Чтобы передать сообщение, нужно совершить еще семь подвигов, один грандиознее другого!»

Вероятно, они просто умрут вместе, предприняв эту тщетную попытку.

Утакалтинг нашел в себе силы чуть приподнять щупальца. Он печально поднял голову, посмотрел на Каулта, и над ним появился простой глиф сожаления.

Утакалтинг собирался заговорить, когда совершенно неожиданно ощутил чье-то присутствие в ночи. Он вздрогнул; чувство чужака тут же пропало.

«Может, мне показалось? Неужели я распадаюсь?» — подумал Утакалтинг. И тут же вновь

ощутил кого-то! Он ахнул, кеннируя то, что по спирали опускалось к убежищу, прикоснулось наконец к краям его ауры. Пытаясь разглядеть нечто висящее над убежищем, он поднял голову.

«Что я делаю? Пытаюсь увидеть глиф?»

Закрыв глаза, он позволил этому приблизиться. Раскрыл свой кеннинг. — Пуир'итурумбул! — воскликнул он.

Каулт пошевелился.

— В чем дело, друг мой? Что…

Но Утакалтинг уже вскочил. Его как будто выдернули из убежища в прохладную ночь.

Он принюхался: ветер принес самые разнообразные запахи. С помощью остальных своих чувств Утакалтинг исследовал кромешную тьму.

— Где ты? — спросил он. — Кто здесь?

В полосе тусклого лунного света показались две фигуры.

«Значит, это правда!» — подумал Утакалтинг. Человек отыскал его с помощью эмпатии, как поступил бы молодой тимбрими.

Но чудеса еще не кончились. Утакалтинг, моргая, посмотрел на высокого бронзового бородатого воина — точь-в-точь героя этих варварских предконтактных земных эпопей — и вновь удивленно вскрикнул. Он неожиданно узнал в нем

Роберта Онигла, этого мальчика-плейбоя, сына планетарного координатора!

— Добрый вечер, сэр, — сказал Роберт, останавливаясь в нескольких метрах от него и кланяясь.

А за ним нервно переминался неошимпанзе Джо-Джо. Это никак не входило в первоначальный план. Шимп не поднимал глаз на Утакалтинга.

— В'хуман'ф? Идатесс! — воскликнул Каулт на галактическом-семь. — Утакалтинг, что надо здесь человеку?

Роберт снова поклонился. Он, тщательно выговаривая, произнес официальное приветствие, использовав полные названия видов. Потом продолжил на галактическом-семь:

— Я пришел издалека, почтенные джентльсущества, чтобы пригласить вас на прием.

Глава 83
ФИБЕН

— Легче, Тихо, легче!

Обычно спокойное животное брыкалось и упиралось, натягивая поводья.

Фибен, который никогда не был хорошим всадником, вынужден был спешиться и схватить

лошадь за повод.

— Ну, ну. Успокойся, — уговаривал он. — Просто еще один транспорт. Их слышно целый день. Он скоро пройдет.

Действительно, вой быстро стих: машина, пролетев над головой, исчезла за деревьями, направляясь в сторону Порт-Хелении.

Многое изменилось с тех пор, как Фибен впервые побывал здесь после вторжения. Тогда, среди весенней зелени, он шел в солнечном свете по дороге с оживленным движением. Теперь, шагая по долине, он ощущал порывы холодного ветра в спину. Признаки близкой зимы: опавшие листья на лугах и аллеях, снятые фрукты в садах, и отсутствие движения на дорогах.

Только наземного движения — над головой же поток транспорта кажется нескончаемым. Когда машины губру проносились мимо, гравитационные поля задевали нервные окончания, и поначалу у Фибена даже шерсть дыбом вставала. Он ждал окрика, приказа остановиться, может быть, даже стрельбы.

Но губру не обращали на него внимания; очевидно, не могли выделить определенного шимпа среди других, посланных на сбор урожая или для работы на станции экологического регули-

рования.

Фибен разговаривал с такими специалистами, в основном своими старыми знакомыми. Они сообщили, что поклялись свободой и возможностью вернуться к работе. Конечно, приближается зима, и делать на станциях особенно нечего.

Но по крайней мере, программу возобновили, а губру, по-видимому, оставили их в покое.

Захватчики же при деле. Центр активности губру переместился к югу от космопорта.

«Там церемониальная площадка», — напомнил себе Фибен. В сущности, он не знал что делать, если сумеет проникнуть в город. Может, просто пойти к дому, в котором находилась его тюрьма? Примет ли его сюзерен Праведности?

А Гайлет?

Будет ли она там вообще?

Он миновал закутанных в плащи шимпов, которые копались в стерне недавно сжатого поля. Они не здоровались, он и не ожидал этого, но все же чувствовал на себе их взгляды, когда вел Тихо к Порт-Хелении. Лошадь немного успокоилась, и Фибен снова сел в седло.

Он рассчитывал вернуться в Порт-Хелению тем же путем, что ушел: через ограду, ночью. Если один раз получилось, почему бы не попробовать

еще? У него нет никакого желания встречаться с подчиненными сюзерена Стоимости и Бережливости.

Искушение было велико, но он удержался. В первый раз просто повезло; действовать так вторично — глупо.

Но судьба распорядилась иначе. Повернув за угол, он увидел сторожевой пост губру. Два боевых робота сложной конструкции сосредоточили на нем внимание.

— Полегче, ребята, — сказал Фибен скорее себе, чем им. Если бы их запрограммировали на мгновенную стрельбу, он бы их даже не увидел.

Перед невысоким строением на подпорках стоял бронированный танк на воздушной подушке, из-под которого торчали две пары ног с тремя когтями каждая; не нужно хорошо владеть галактическим-три, чтобы разобрать проклятия. Когда роботы предупреждающе резко свистнули, под машиной лязгнуло, затем послышался негодующий клекот.

Скоро из тени показалась пара острых клювов. Желтые глаза не мигая уставились на Фибена. Один из взъерошенных губру поднял свой воротник.

Фибен поджал губы, изображая улыбку. Он

спешился и подошел к бункеру, удивляясь, что ни роботы, ни чужаки не заговорили с ним.

Остановившись перед двумя губру, он низко поклонился.

Они переглянулись и раздраженно защебетали. Один испустил что-то вроде покорного стона. Двое солдат Когтя выбрались из-под танка, каждый ответил едва заметным кивком.

Нависло напряженное молчание.

Один губру вздохнул и отряхнул перья. Второй просто смотрел на Фибена.

«Что теперь?» — подумал Фибен. У него зачесались пальцы на ногах.

Он снова поклонился, потом с пересохшим горлом попятился и взял лошадь под уздцы. С подчеркнутой небрежностью зашагал вперед к темной ограде, окружающей Порт-Хелению.

Тихо заржал, помахивая хвостом.

«Тихо, пожалуйста», — про себя попросил Фибен. Когда губру скрылись за поворотом, он опустился на землю и некоторое время никак не мог унять дрожь.

— Ну что ж, — сказал он наконец. — Теперь ясно, что перемирие действует.

После этого, встретив охрану у ворот, он почти расслабился. Фибен по-настоящему наслаждался,

заставляя солдат Когтя отвечать на его поклоны.

Гайлет говорила ему о галактическом протоколе: очень важно выжать признание клиентов-кваку. А то же самое от губру — это вообще великолепно.

Это означает также, что сюзерен Праведности еще не сдался и удерживает позиции.

Фибен галопом проехал по боковым улицам Порт-Хелении мимо пораженных шимпов, которые что-то кричали ему, но он не останавливался. Он торопился к месту своего прежнего заключения.

Подъезжая, он увидел, что ворота распахнуты и не охраняются. С каменной стены исчезли сторожевые шары. Фибен пустил Тихо пастись в неубранный сад и сбил два парашюта плюща, повисших на открытой двери.

— Гайлет! — закричал он.

Исчезли и стражники-проби. По полу ветер катал обрывки бумаги и комки пыли. Достигнув комнаты, в которой они находились, Фибен остановился.

Все было в запустении.

Мебель в основном осталась, но дорогостоящие голографическую и звуковую системы выдрали из стены, несомненно, уходящие проби. Тем не

менее Фибен нашел свой накопитель информации там же, где оставил.

Гайлет не было.

Он заглянул в шкаф, где по-прежнему висела большая часть одежды. Ее явно не собирали. Фибен взял блестящее церемониальное платье, которое ему досталось в штате сюзерена, ощутил легкое прикосновение шелковистого материала.

Платья Гайлет не было.

— О Гудолл, — простонал Фибен. Он повернулся и выбежал в коридор.

Через несколько секунд он уже находился в седле, но Тихо даже не оторвался от жвачки. Фибену пришлось кричать и пинаться, прежде чем животное сообразило, что ситуация требует срочных действий. Зажав в зубах желтый подсолнечник, лошадь повернулась и через ворота снова вышла на улицу.

Оказавшись снаружи, Тихо пригнул голову и ускорил темп.

Они являли собой необычное зрелище, несясь галопом по мрачным, почти пустым улицам; церемониальное платье и подсолнечник развевались на ветру, как знамена. Но мало кто мог наблюдать эту дикую скачку, пока они не приблизились к гавани.

Казалось, здесь собрались все шимпы города. Они толпились на берегу, коричневая пенящаяся масса; головы раскачивались, словно волны в ближайшем заливе. Множество шимпов стояло на крышах, некоторые, забыв про осторожность, свисали с водосточных труб.

Хорошо, что Фибен верхом на лошади. Тихо оказался очень кстати, фыркая и расталкивая шимпов носом. Сверху Фибен старался разгадать причину смятения.

В заливе, примерно в полукилометре от берега, болталось с десяток рыболовецких судов с экипажами из шимпов. Траулеры покачивались рядом с гладким белым корпусом, резко контрастирующим с избитыми посудинами.

Корабль губру был на плаву. На мостике стояли два птицеподобных и выкрикивали указания; шимпы вежливо игнорировали их, привязывая тросы к поврежденному кораблю. Наконец они на буксире потащили его к берегу.

«Ну и что? — подумал Фибен. — Большое дело!» Патрульный корабль губру, по-видимому, вышел из строя, и из-за этого все шимпы города высыпали на улицы? Должно быть, жители Порт-Хелении действительно соскучились по развлечениям.

Но тут он заметил, что почти никто не обращает внимания на спасательные работы в гавани. Большинство смотрит на юг, в сторону от залива.

«Ого!» — выдохнул Фибен, на мгновение лишившись дара речи.

На плоской вершине горы, там, где располагается космодром, стоят новые сверкающие башни. Блестящие монолиты не похожи ни на транспорты губру, ни на их громоздкие шарообразные боевые корабли. Они напоминают грандиозные шпили, которые возносятся высоко и гордо, символизируя веру и традиции, более древние, чем сама жизнь на Земле.

От высоких космических кораблей отделяются небольшие огоньки. Должно быть, несут прибывших галактов, догадался Фибен. Огоньки несутся на запад вдоль береговой дуги. Там они вливаются в караван транспортов, движущихся на юг. Именно там, по-видимому, происходит нечто значительное.

Фибен, не обращая на это внимания, вел лошадь в толпе, пока не добрался до оконечности главной гавани. Здесь цепь шимпов с овальными значками сдерживала толпу. «Опять полицейские, — решил Фибен. — Проби оказались

ненадежными, и губру пришлось преобразовать гражданское управление».

Шен с нарукавной повязкой капрала полиции схватил Тихо под уздцы и заговорил:

— Эй, приятель! Ты не можешь… — Но тут он замигал. — Ифни! Это ты, Фибен?

Фибен узнал Барнаби Фултона, одного из ветеранов подпольной организации Гайлет. Он улыбнулся, хотя мысли его были далеко.

— Привет, Барнаби. Мы с тобой с самого восстания не виделись. Рад видеть, что ты еще чешешься.

Теперь, когда на него обратили внимание, шимпы и шимми подталкивали друг друга и перешептывались. Фибен услышал собственное имя. Толпа стихла в благоговейном молчании. Двое или трое шимпов притронулись к ноге Фибена, к крупу Тихо, как будто пытались убедиться в их реальности.

Барнаби с видимым усилием ответил тоже небрежно:

— Чешусь, когда чешется, Фибен. Прошел слух, что ты должен быть там.

— Он указал на юг. — Другие говорили, что ты сбежал в горы. Третьи…

— Что болтали третьи?

Барнаби сглотнул.

— Третьи болтали, что твоя песенка спета.

— Хм, — негромко произнес Фибен. — Думаю, все они были правы.

Он видел, что траулеры уже почти подтащили поврежденный корабль губру к берегу. В заливе еще несколько кораблей с экипажами из шимпов, но ни один не заходит за линию буйков, которая делит гавань на две части.

Барнаби оглянулся по сторонам, потом негромко заговорил.

— Э-э-э… Фибен, тут наши шимпы в городе… они восстановили организацию. Мне пришлось дать слово в обмен на эту повязку, но я могу передать профессору Оуксу, что ты в городе. Я уверен, он захочет с тобой встретиться… сегодня вечером…

Фибен покачал головой.

— Некогда. Мне нужно туда. — Он указал на ярко освещенные корабли чужаков. Барнаби оскалил зубы.

— Я бы не стал рисковать, Фибен. Это сторожевые буи. Они никого не пускают.

— Кого-нибудь сожгли?

— Да нет, не видел. Но…

Барнаби отскочил: Фибен натянул вожжи и пришпорил лошадь.

— Спасибо, Барнаби. Это все, что мне нужно было знать, — сказал он.

Полицейские расступились, и Тихо двинулся по гавани.

Чуть дальше суетилась флотилия спасателей, подводя к берегу аккуратный белый корабль губру. Моряки-шимпы непрерывно кланялись и неуверенно ежились под взглядами раздраженных солдат Когтя и их страшных боевых роботов. Фибен проехал рядом, но так, чтобы не приветствовать чужаков. Ехал прямо и не обращал на них внимания, минуя патрульный корабль в конце причала, где только что остановились самые маленькие рыбацкие шхуны.

Наконец Фибен перекинул ноги и спрыгнул на землю.

— Ты хорошо обращаешься с животными? — спросил он у удивленного моряка, который только что закончил швартовать свое суденышко. Тот кивнул, Фибен протянул ему вожжи Тихо. — Поменяемся?

Он прыгнул в лодку и сел за руль.

— Передай мое почтение сюзерену Праведности. Запомнил? Сюзерену Праведности губру.

Шимп широко раскрыл глаза и, щелкнув, сдвинул отвисшую челюсть.

Фибен включил зажигание и с удовлетворением прислушался к гудению двигателя.

— Отдать концы! — сказал он. Потом улыбнулся. — И спасибо! Позаботься о Тихо.

Моряк часто заморгал. Видимо, он решил рассердиться, но тут другой шимп, один из тех, что окружали Фибена, что-то зашептал лодочнику на ухо.

Рыбак улыбнулся. Торопливо отвязал трос и бросил его в лодку. Когда Фибен натолкнулся на причал, шимп только поморщился.

— Удачи, — сказал он.

— Да. Удачи, Фибен! — крикнул Барнаби.

Фибен махнул рукой и направил лодку вперед. Повел ее по широкой дуге мимо дурапластовых бортов патрульного корабля губру. Вблизи он не казался таким сверкающим и белым. Фактически бронированный корпус стал бугристым и изъеденным. Высокое негодующее чириканье с противоположного борта свидетельствовало о недовольстве солдат Когтя.

Не думая о них, Фибен повернул заимствованную лодку на юг, к линии буйков, отделяющих Порт-Хелению от высоких патронов на противоположном берегу.

Пенистая и волнующаяся от ветра поверхность

воды была — как в эстуариях в это время года — замусорена всякой дрянью от листьев и почти прозрачных парашютов плюща до оперения птиц. Фибену пришлось замедлить ход, чтобы не столкнуться с этим мусором и с лодками всевозможных форм и размеров, забитыми глазеющими шимпами.

Он медленно приблизился к линии буйков. Фибен чувствовал на себе тысячи любопытных взглядов, когда миновал последнюю лодку с самыми смелыми и любопытными жителями Порт-Хелении.

«Гудолл, да понимаю ли я, что делаю?» — думал он.

До сих пор он действовал почти автоматически. Но теперь почувствовал, что взялся не за свое дело. Чего он надеется достичь, направляясь туда?

Что собирайся сделать? Нарушить церемонию? Он посмотрел на башни космических кораблей, сверкающие силой и великолепием.

Как будто он имеет право совать свой полувозвышенный нос в дела великих и древних кланов! Да он только поставит себя в дурацкое положение.

А вместе с тем и всю свою расу.

— Надо подумать, — пробормотал Фибен. Он

уже приблизился к линии буйков. И представил себе тысячи устремленных на него глаз.

"Мой народ... — вспомнил он. — Я... я должен был представлять его.

Да, но я улизнул, а сюзерен исправил свою ошибку, подготовился. Или победили другие сюзерены, и тогда я умру, как только покажусь".

Интересно, что они подумали бы, зная, что всего несколько дней назад он помог похитить своего патрона и законного командира. Ну и представитель расы!

«Гайлет я не нужен. Она без меня лучше справится».

Фибен повернул руль, заставив лодку пройти совсем рядом с белым буем.

Внимательно рассмотрел его, проплывая.

Буек даже вблизи не казался новым, более того, он был изъеден ржавчиной. Но кто он такой, с его статусом, чтобы судить о подобных делах?

Фибен моргнул. Что-то слишком уж он прибедняется!

Он смотрел на буй, и рот его медленно раскрывался, обнажая зубы. «Ах вы... изобретательные сукины дети...»

Он выключил мотор, и лодка, покачиваясь, остановилась. Фибен закрыл глаза и прижал

ладони к вискам, стараясь сосредоточиться.

«Я готовлюсь преодолеть еще один барьер страха… подобно тому, вокруг города, той ночью. Но этот устроен хитрее, он вызывает во мне чувство неполноценности, призывая к покорности».

Он открыл глаза и посмотрел на буй. Улыбнулся.

— Какая еще покорность? — спросил Фибен вслух. Он рассмеялся и повернул руль, снова заводя мотор. На этот раз, приближаясь к барьеру, он не колебался, не прислушивался к себе, к сомнениям, порождаемым машиной в его голове.

— А справятся ли они с парнем, у которого мания величия? — Оставляя линию буев позади, а вместе с нею и все сомнения, Фибен понял, что враг допустил серьезную ошибку. Теперь — напротив — его наполнила решимость.

Со свирепой самоуверенной усмешкой он приближался и противоположному берегу.

Что-то хлопнуло его по колену. Фибен посмотрел вниз и увидел церемониальное платье, то самое, что он нашел в шкафу старой тюрьмы.

Очевидно, он затолкал его за пояс, прежде чем сесть верхом на Тихо.

Неудивительно, что в гавани на него так смотрели!

Фибен рассмеялся. Держа руль одной рукой, другой он придерживал платье, влезая в него. Береговой утес отрезал его от зрелища на площадке.

Но непрерывное гудение воздушных транспортов, надеялся он, показывает, что еще не поздно.

Он обогнул отмель блестящего белого песка, теперь непривлекательного под слоем мусора. И уже собирался прыгнуть в воду, когда, оглянувшись, заметил, что в Порт-Хелении что-то происходит. До него доносились возбужденные крики. Масса коричневых тел устремилась вправо.

Фибен взял бинокль, висевший на кабестане, и направил его на гавань.

Шимпы бегали, непрерывно показывая на восток, в направлении главного входа в город. Многие устремились туда. Но большинство ринулось в другую сторону… очевидно, не из страха, а от возбуждения. Некоторые шимпы начали прыгать. Кое-кто даже свалился в воду, и более уравновешенные кинулись их спасать.

Происходящее вызывало не панику, а полное недоумение.

У Фибена не было времени разгадывать головоломку. Он знал свои ограниченные возможности

к сосредоточенности.

«Сфокусируйся на одной проблеме, — сказал он самому себе. — Доберись до Гайлет. Скажи, что жалеешь, что оставил ее. Скажи, что больше никогда этого не сделаешь».

Это легко понять даже ему.

Фибен отыскал узкую тропу, ведущую вверх. Подъем неровный, опасный, особенно на ветру. Но он торопился. И скорость ограничивалась только количеством кислорода, которое захватывали легкие.

Глава 84
УТАКАЛТИНГ

Четверо идущих на север под затянутым тучами небом представляли собой странное зрелище. Может быть, маленькие животные, глядя на них, изумленно моргали, прежде чем снова нырнуть в свои норы. Наверно, клялись никогда больше не есть переспелые семена.

Для Утакалтинга этот форсированный марш оказался слишком унизительным. Остальные как будто имели перед ним преимущества.

Каулт пыхтел и сопел; конечно, ему не нравилась пересеченная местность, но когда рослый

теннанинец начинал двигаться, остановить его, казалось, невозможно.

Что касается Джо-Джо, то маленький шимп, теперь смахивал на местного жителя. Он получил строгий приказ никогда в присутствии Каулта не опираться при ходьбе на руку — бессмысленно рисковать, вызывая подозрения теннанинца, и шимп иногда просто перепрыгивал через препятствия, а не обходил их. А на длинных ровных переходах ехал на спине у Роберта.

Роберт настоял на том, что понесет шимпа, несмотря на различия их официальных статусов. Человек нетерпеливо шел впереди, хотя явно предпочел бы бежать.

Роберт Онигл поразительно изменился, и не только внешне. Вчера вечером, когда Каулт в третий раз попросил его рассказать свою историю, Роберт отчетливо и непроизвольно создалпростуюверсию тиив'внуса над головой. Утакалтинг кеннировал этот глиф, с помощью которого молодой землянин сдержал раздражение, чтобы оно по отношению к теннанинцу не проявилось открыто.

Утакалтинг заметил, что Роберт о многом умалчивает. Но и сказанного достаточно.

«Я знал, что Меган недооценивала сына, но

такого никак не ожидал».

Совершенно очевидно, что он недооценил и дочь.

«Совершенно очевидно». Утакалтинг старался не обвинять Атаклену в его ограблении. Он потерял неизмеримо больше допустимого.

Он пытался не отставать, но его приспособляемость истощилась. И дело не только в отсутствии выносливости у тимбрими. Ему недоставало силы воли.

У остальных есть цель, даже энтузиазм.

А его заставляет двигаться только долг. Каулт остановился наверху, откуда горы казались совсем близкими и внушительными. Путники приблизились к лесным предгорьям. Чем выше, тем крупнее деревья. Утакалтинг посмотрел на крутые склоны впереди, затянутые снежными облаками. Он надеялся, что им не придется подниматься слишком высоко.

Каулт протянул ему массивную руку и помог преодолеть последние метры подъема. Он терпеливо ждал, пока Утакалтинг отдыхал, тяжело дыша широко раздувшимися ноздрями.

— Слабо верится в то, что нам рассказали, — заметил Каулт. — Кое-что в этой истории землянина мне кажется неправдоподобным, коллега…

— Т'фунату… — Утакалтинг перешел на англик, который как будто требует меньше усилий. — Во что… во что тебе трудно поверить, Каулт? Ты думаешь, Роберт лжет?

Каулт помахал руками перед собой. Его гребень возмущенно раздулся.

— Конечно, нет! Я просто думаю, что юноша наивен.

— Наивен? В чем именно? — Теперь все, что видел Утакалтинг, перестало распадаться в коре его мозга на две части. Роберта и Джо-Джо не видно.

Должно быть, ушли вперед.

— Я хочу сказать, что губру явно имеют в виду гораздо большее, чем провозглашают. Сделка, которую они предлагают: несколько островов Гарта для поселения и образцы генов неошимпанзе, — все это не стоит межзвездной церемонии. Я подозреваю, что втихомолку они преследуют гораздо более далеко идущие цели, мой друг. — И чего же, по-твоему, они хотят?

Каулт повертел своей почти лишенной шеи головой, как будто хотел убедиться, что их никто не слышит. И ответил гораздо тише:

— Я подозреваю, что они стремятся попасть под опеку.

— Под опеку? О… ты хочешь сказать…

— Гартлингов, — закончил за него Каулт. — Нам повезло, что твой земной союзник принес нам эту новость. Надеюсь, нам предоставят транспорт, как обещали, иначе мы не сможем предотвратить ужасную трагедию!

Утакалтинг оплакивал утраты. Каулт поднял сложный вопрос, вполне достойный изящного глифа.

Разумеется, достигнутое превзошло все его ожидания. Согласно рассказу Роберта, губру проглотили наживку — миф о гартлингах — вместе с крючком.

Это сильно навредит им и посеет панику в их рядах.

Каулт тоже поверил этой выдумке. И даже его собственные приборы подтвердили ее.

Невероятно.

Да и губру ведут себя так, словно опираются на что-то большее, чем тщательно сфабрикованные доказательства Утакалтинга. Они как будто тоже получили подтверждение!

Прежний Утакалтинг создал бы сиулфф-куонн, чтобы отметить такой поразительный поворот. Но сейчас он пребывал в смятении и чувствовал усталость.

Оба повернулись, услышав крик. Утакалтинг

прищурился. Сейчас он променял бы свою ослабевшую эмпатию на хорошее зрение.

Он увидел на верху следующего подъема фигуру Роберта Онигла. Джо-Джо, сидящий на плечах человека, махал руками. И еще: рядом с двумя землянами мерцало голубое сияние и излучало добрую волю настоящего шутника.

Это маяк, свет которого вел Утакалтинга с самого крушения!

— Что они говорят? — спросил Каулт. — Я не разбираю слов. Утакалтинг тоже. Но он знал, что говорят земляне.

— Мне кажется, они сообщают, что уже близко, — с облегчением сказал он. — Вроде уже нашли транспорт.

Теннанинец удовлетворенно раздул дыхательные щели.

— Хорошо. Только бы губру согласно обычаю вели себя, как полагается во время перемирия! Нас должны принять как аккредитованных послов. Утакалтинг кивнул. Но когда они двинулись к очередному подъему, он подумал, что это лишь одна из множества тревожащих их проблем.

Глава 85
АТАКЛЕНА

Она старалась сдержать свои чувства. Для остальных это очень серьезно, даже трагично.

Но она ничего не может сделать с собой, не может сдержать радость.

Тонкий изящный глиф поднялся с ее щупалец и пронесся среди деревьев, заполняя поляны ее весельем. Атаклена расставила глаза по максимуму и прикрыла рот рукой, чтобы мрачные шимпы не заметили ее почти человеческой улыбки. Портативный голографический передатчик установлен на хребте над Спадом для улучшения приема. Он транслирует передачи из Порт-Хелении.

После перемирия цензуру отменили. И даже без людей город полон шимпов, охотников за новостями, со множеством камер. Так что видны все мельчайшие подробности.

— Не могу этого вынести, — простонал Бенджамин.

Элейн Су, наблюдая, беспомощно сказала:

— Это конец.

Действительно, шимми сказала правду. На

голоэкране виднелось то, что осталось от стены, которой захватчики окружили Порт-Хелению… теперь она была буквально разорвана на части. Пораженные горожане-шимпы толпились всюду на сцене, напоминавшей о последствиях циклона. Они изумленно разглядывали окрестности, пробирались через груды обломков. Некоторые, скорее не выдержав, радостно бросали куски в воздух. Кое-кто даже колотил себя в грудь в честь сокрушающей волны, которая пронеслась здесь всего несколько минут назад.

По всем станциям комментировал созданный компьютером голос, но один канал доносил голос возбужденного комментатора-шимпа:

— …Вначале… вначале мы решили, что наступил какой-то кошмар.

Знаете… как в старом плоском кино двадцатого столетия. Ничто не могло остановить их! Они прорвали заграждения губру, словно бумажные. Не знаю, что происходит, но все время жду, что они схватят наших самый красивых шимми и потащат их, кричащих, на вершину холма…

Атаклена зажала рукой рот, чтобы не рассмеяться вслух. Она пыталась контролировать свои чувства, впрочем, не одна она. Подружка Фибена Сильвия расхохоталась. Большинство неодоб-

рительно обернулось. Но Атаклена встретилась с шимми взглядом и увидела в нем веселый огонек.

— Но кажется… кажется, все-таки эти существа не Конго. Разнеся изгородь, они больше не причинили вреда Порт-Хелении. Сейчас они просто толпятся, раскрывают двери, едят фрукты, разбредаются в разные стороны. В конце концов, четырехсотфутовая гор… о, неважно.

На этот раз еще один шимп присоединился к Сильвии.

Перед глазами Атаклены все расплылось, она покачала головой.

Комментатор продолжал:

— На них как будто совершенно не действуют пси-роботы губру. Наверно, они не настроены на волну их мозга…

Атаклена, как и все в горах, еще за два дня до происшествия знала, куда направляются гориллы. После первых попыток остановить могучих предразумных они сдались. Это совершенно невозможно. Гориллы вежливо отстраняли их или просто перешагивали через все преграды.

И Эприл Ву тоже. Светловолосая девочка решила отыскать родителей, и теперь никому не удастся снять ее с плеч огромного, с серебристой

спиной самца.

Эприл небрежно бросила шимпам, что, мол, должен ведь кто-то присматривать за риллами, чтобы они не попали в беду!

Атаклена вспомнила слова маленькой Эприл, глядя на остатки стены губру. «А что бы они наделали, если бы за ними не присматривали!» Конечно, теперь тайне конец, и почему бы ребенку не присоединиться к своей семье? Сейчас это уже безопасно.

Итак, прощай тайна проекта Хаулеттс-Центра. Атаклена может выбросить все свои давно и тщательно собранные в тот роковой вечер доказательства.

Скоро об этих существах узнают во всех пяти галактиках. И в некотором смысле это действительно трагедия. Но все-таки…

Атаклене вспомнился тот весенний день. Как она была поражена и возмущена, встретившись с нелегально проводимым в лесу экспериментом в возвышении! Теперь она едва может поверить в свое прошлое. «Неужели я была таким неподкупным педантом?»

Теперь снуолфф-куонн оставался лишь самым безыскусным и самым серьезным из глифов, которые она неустанно создавала, радуясь ве-

ликолепному розыгрышу. Даже на шимпов подействовало ее неудержимое веселье. Еще двое рассмеялись, увидев на одном из каналов штабную машину чужаков. Сердито кричал сидящий в ней кваку, а гориллы спокойно разрывали машину на части. Она как будто пришлась им по вкусу.

Захихикал еще один шимп. Смех разрастался.

«Да, — подумала Атаклена. — Великолепный розыгрыш». Для тимбрими лучший розыгрыш тот, в который попадает и сам его создатель. А эта шутка именно такова. В сущности, это религиозное переживание, ибо народ Атаклены верит, что Вселенная — это не просто заведенные часы, и даже не причудливое чередование случая и удачи, созданное Ифни.

Когда происходит подобное, говорят мудрецы тимбрими, только тогда и начинаешь верить, что Всемогущий Бог еще правит миром.

«Неужели я тоже раньше была агностиком? Как глупо. Спасибо тебе, Господь, и тебе спасибо, отец, за это чудо».

Сцена переместилась в район гавани. Шимпы танцевали на улицах и расчесывали шерсть своих гигантских родичей. Несмотря на возможные трагические последствия, Атаклена и ее воины

не могли не радоваться при виде таких родственных отношений. Потому что сейчас их гордость разделяли все шимпы Порт-Хелении.

Даже лейтенант Лидия Маккью и ее осторожный капрал не удержались от смеха, когда мимо камеры протанцевал детеныш гориллы в ожерелье из разбитых пси-шаров губру. Они видели Эприл, которую торжественно проносили по улицам, и вид человеческого ребенка приводил толпу в крайнее возбуждение.

Теперь поляна была насыщена глифами. Атаклена повернулась и тихонько удалилась, предоставив остальным радоваться удаче. Она прошла по лесной тропе к месту, где открывался чудесный вид на западные горы. Остановилась здесь, вытянув щупальца и кеннируя с их помощью.

Здесь и нашел ее посыльный-шимп; отдав честь, он протянул ей листок бумаги. Атаклена поблагодарила и развернула листок, заранее зная, что в Нем. — В'ит'танна, Утакалтинг, — негромко сказала она. Ее отец вновь вступил в контакт с миром. Несмотря на все события прошлых месяцев, что-то в Атаклене оставалось неизменным и рациональным. Она с удовольствием получила подтверждение по радио.

Конечно, она верила в успех миссии Роберта. Именно поэтому она не пошла в Порт-Хелению вместе с Фибеном или позже с гориллами. Все, чего она могла там достичь, используя свой ничтожный опыт, отец сумеет сделать в тысячу раз лучше. Если кто-то и может превратить их слабую надежду в великое чудо, то только Утакалтинг. Нет, она должна оставаться здесь. Даже если произойдет чудо.

Бесконечность надеется, что смертные постараются на всякий случай застраховаться.

Атаклена заслонила глаза. Она не надеялась увидеть маленький воздушный корабль на фоне облаков, но продолжала искать взглядом крошечную точку, несущую всю ее любовь и все молитвы.

Глава 86
ГАЛАКТЫ

Веселые павильоны усеивали склоны искусственного холма, иногда они раздувались от ветра и хлопали. Быстрые роботы убирали мусор, принесенный ветром. Другие роботы разносили освежающее собравшимся почетным гостям.

Галакты самых разнообразных форм и цветов

толпились небольшими группами, сходились и расходились в элегантной дипломатической паване.

Вежливые поклоны, выравнивания, размахивание щупальцами — все это соответствовало сложным оттенкам статуса и протокола. Толковый наблюдатель мог многое определить по таким мелочам, а в этот день в толпе их присутствовало достаточно.

Хватало и неформального общения. Вот приземистый, похожий на медведя пила общается ультразвуком с узловатым садовником-линтеном. Чуть выше по склону трое священников сокового кольца йофуров гармоничным хором жалуются представителю Института Войн на некое мнимое нарушение закона на звездных линиях.

Говорят, на таких церемониях возвышения дипломаты достигают лучших результатов, чем на официальных переговорах. И сегодня не один новый союз будет заключен, не один прежний разрушен.

Лишь немногие галакты обращали внимание на существа, ради которых и состоялась церемония, на цепочку маленьких коричневых фигур, которые с утра поднимались по холму, уже четы-

режды обойдя его по кругу.

К этому моменту примерно треть неошимпанзе отсеялась, не пройдя тесты. Расстроенные кандидаты поодиночке и парами спускались вниз.

Осталось около сорока шимпов. Они продолжали подъем, символически повторяя процесс возвышения, который вывел их расу на сцену истории.

Однако пеструю толпу, собравшуюся на склонах, казалось, это не занимало.

Конечно, не всех присутствующих. Возле самой вершины представители галактического Института возвышения пристально следили за результатами, которые передавались с каждой испытательной станции. Вблизи под отдельным павильоном то же самое делали мрачные патроны неошимпанзе — люди.

Выглядели они беспомощно и растерянно. Только сегодня утром их привезли с острова Гилмор. Это были мэры, профессора, представители местного отделения Совета возвышения. Делегация уже заявила официальный протест по поводу неправильной организации церемонии. Но никто из людей не потребовал ее прекращения. Возможные последствия слишком ужасны.

К тому же всех мучили сомнения. Что, если

предложения губру реальны?

Земля еще в течение двухсот лет не сможет провести такую церемонию ради неошимпанзе.

Наблюдатели-люди выглядели подавленными. Они понятия не имели, что делать, и мало кто из представителей больших галактических кланов снизошел до того, чтобы заметить их в этом вихре неформальной дипломатии.

По другую сторону от навеса Оценки был установлен элегантный павильон Спонсора. Вокруг толпилось множество губру и кваку, время от времени они нервно подпрыгивали и следили за всеми подробностями немигающими критичными взглядами.

Еще совсем недавно виден был и триумвират губру, два его члена расхаживали в уже проявившихся цветах Слияния, а третий продолжал упрямо восседать на насесте.

Но потом один из них получил донесение, и все трое исчезли в палатке для срочного совещания. С тех пор прошло какое-то время, но они не появились.

Сюзерен Стоимости и Бережливости распустил оперение и плюнул, бросив донесение на пол.

— Протестую! Протестую против этого вмешательства! Это невыносимое предательство!

Совершенно растерянный сюзерен Праведности смотрел вниз со своего насеста. Сюзерен Стоимости и Бережливости показал себя коварным противником, но никогда не казался намеренно бестолковым. Очевидно, произошло нечто такое, что совершенно вывело его из себя.

Служители-кваку, пригибаясь, торопливо подобрали капсулу с сообщением, сделали копии и передали остальным руководителям губру.

Сюзерен Праведности, прочитав его, не поверил собственным глазам.

Одинокий неошимпанзе поднимается по склонам искусственного Церемониального Холма, он уже миновал автоматические испытательные экраны первой стадии и постепенно сокращает разрыв, отделяющий его от официальной группы, находящейся выше по склону.

Весь его облик говорит о непоколебимой решимости.

Потерпевшие неудачу соплеменники вначале удивленно смотрели, потом начинали улыбаться и старались коснуться его одежды. Они подбадривали его своими выкриками.

— Это не было, не могло быть подготовлено! — шипел в гневе сюзерен Стоимости и Бережливости. — Еще не свершилось соединение! Не

произошло подлинного Слияния! У тебя еще нет мудрости царицы!

— Церемонии проводятся, совершаются, руководствуются традициями чести! Любой клиент может быть испытан, проверен, оценен!

Третий руководитель губру возбужденно щелкал клювом. Наконец сюзерен Стоимости и Бережливости опустил взъерошенные перья и согласился.

— На нас могут возложить репарации. Представители Института имеют право уйти, удалиться, наложить санкции… Цена… — Он отвернулся, снова распушив оперение. — Будем продолжать. Пока. Один, без сопровождения, он не способен навредить нам.

Но сюзерен Праведности не был в этом уверен. Ранее он возлагал большие надежды именно на этого клиента. И когда того, по-видимому, похитили, сюзерен Праведности потерпел серьезное поражение.

Однако теперь он понял правду. Неошимпа не выкрадывали и не устраняли соперники, остальные сюзерены. Он на самом деле убежал!

А сейчас вернулся. Один. Как? И чего он надеется достичь? Без руководства, без помощи сопровождающих, далеко ли он сможет пройти?

Вначале, увидев этого клиента, сюзерен Праведности испытал радостное оживление — необычное ощущение для губру. Теперь он испытывал гораздо более неприятные эмоции… беспокойство. Он опасался, что это только начало.

Глава 87
ФИБЕН

До сих пор все идет легко. Фибен удивлялся, из-за чего, собственно, весь этот сыр-бор.

Он боялся, что его заставят решать устно уравнения или произносить речи, как Демосфена, с камешками во рту. Но вначале встретил только ряд управляемых на расстоянии силовых экранов, которые автоматически отключались перед ним. А потом только странные приборы, которые губру использовали недели, месяцы назад. Теперь этими приборами управляют забавные чужаки.

Пока все хорошо. Он прошел первый круг с рекордной скоростью.

О, ему задали несколько вопросов. Каково его самое первое воспоминание? Нравится ли ему его профессия? Доволен ли он физическим состоянием своего поколения неошимпанзе, или его можно каким-то образом улучшить? Был бы по-

лезен хватательный хвост, например, для работы с инструментами?

Гайлет гордилась бы его вежливостью даже в этой ситуации. Вернее, он надеялся, что она была бы горда.

Конечно, у галактов оказались все данные о нем, о его генетике, образовании, военной подготовке. Их получили в тот момент, когда он миновал группу удивленных солдат Когтя на склоне со стороны залива и через внешний барьер прошел к первой испытательной станции.

Когда высокий, похожий на дерево кантен задал ему вопрос о записке, которую он оставил, «убегая» из тюрьмы, Фибену стало ясно, что у Института есть доступ и ко всем данным захватчиков. Он правдиво ответил, что сформулировала этот документ Гайлет, но он понимает цель и полностью с ней согласен.

Лист вакантена прозвенела крошечными колокольчиками.

Галакт-полурастение казался довольным и веселым, пропуская Фибена дальше.

Ветер нес прохладу на восточный склон, но западная сторона закрыта от ветра и освещена полуденным солнцем. Фибен продолжал быстро двигаться, и вдруг почувствовал себя одетым в

шубу, хотя редкие волосы на теле шимпа вряд ли можно считать шерстью.

Холм, похожий на парк, тщательно прибран, тропа покрыта мягким упругим материалом. Тем не менее Фибен ощущал легкую вибрацию, словно вся искусственная гора слабо дрожит на сверхзвуковой частоте. Видевший могучие энергетические установки до их погружения под землю, Фибен знал, что это не игра воображения.

На следующей станции техник-принг с огромными блестящими глазами и выпирающими губами осмотрел его сверху донизу и что-то отметил в своем накопителе информации, прежде чем пропустить дальше. Теперь чужаки, толпящиеся на склонах, по-видимому, заметили его. Некоторые подходили ближе и с любопытством знакомились с результатами тестирования. Фибен вежливо кланялся ближайшим и старался не думать о том, что его, как некий образец, рассматривают десятки самых разных глаз.

«Когда-то и их предки проходили через подобное», — утешал он себя.

Дважды Фибен проходил на несколько спиралей ниже группы официальных кандидатов, постепенно уменьшающегося собрания коричневых фигур в коротких серебристых платьях. В

первый раз ни один из шимпов его не заметил. Но во второй раз ему пришлось долго стоять под приборами, которыми управляло существо неизвестной ему расы. И тут он сумел разглядеть некоторых шимпов, а шимпы заметили его. Один из них толкнул спутника и указал на Фибена.

Правда, потом они исчезли, свернули за угол.

Он не видел Гайлет, но она, конечно, в голове группы.

«Ну, давай», — пробормотал Фибен, озабоченный долгим ожиданием. Но потом подумал, что нацеленные на него машины могут не только определить настроение, но и расшифровать слова, и решил сохранять дисциплину. Он вежливо улыбнулся и поклонился технику-чужаку, который при помощи компьютера произнес несколько слов и пропустил Фибена.

Фибен торопливо двинулся дальше. Его все больше раздражали долгие переходы между станциями. И он раздумывал, позволяет ли его достоинство бежать для сокращения разрыва во времени.

Но тесты становились все серьезнее, и продвижение замедлилось.

Требовалось все больше знаний, все большая глубина мысли. Вскоре он встретил еще множе-

ство спускающихся шимпов. Очевидно, теперь им запретили с ним разговаривать, но некоторые многозначительно посматривали на него.

Тела их были покрыты потом.

Нескольких из них он узнал. Двое профессоров из колледжа Порт-Хелении. Ученые и специалисты из программы экологического восстановления Гарта. Фибен начинал беспокоиться. Все это шимпы с синими картами, одни из самых умных. Если уж они потерпели неудачу… Несомненно, это не просто протокольная церемония, как та, по поводу титлалов, о которой рассказывала ему Атаклена.

Может, правила изменили, нацелили против землян!

Он приблизился к станции, которой руководил губру. Какая разница, что на птицеподобном цвета Института возвышения и он поклялся соблюдать беспристрастность? Слишком многих губру в цветах Института видел сегодня Фибен, чтобы чувствовать себя спокойным!

Птицеподобное существо задало ему простой протокольный вопрос и пропустило.

Когда Фибен покидал эту станцию, ему в голову пришла неожиданная мысль. А что, если сюзерен Праведности потерпел полное поражение? Какой

бы ни была его истинная цель, сюзерен хотел, по крайней мере, провести настоящую церемонию. Таким образом он сдержал бы данное обещание. Но как же остальные? Адмирал и главный чиновник? У них явно другие взгляды.

Неужели вся церемония подстроена, организована так, что неошимпы не смогут пройти, как бы они ни были подготовлены? Возможно ли это?

И даст ли такой результат преимущество губру?

Переполненный такими тревожными мыслями, Фибен едва прошел очередной тест, состоявший из исполнения нескольких двигательных функций одновременно с решением сложной трехмерной головоломки. Покидая станцию и заметив под собой воды залива Аспинал, освещенные заходящим солнцем, он чуть не упустил начавшееся внизу новое смятение. Но в последнюю минуту повернулся на новый звук.

И не он один. К этому времени туда смотрела половина галактов, привлеченная зрелищем коричневого потока у подножия Церемониального Холма.

Фибен пытался разглядеть происходящее, но солнечный свет, отраженный от воды, не позволял ничего увидеть. Фибену показалось, что

залив заполнился лодками, и из них высаживаются пассажиры на том самом изолированном пляже, на котором он сам высадился несколько часов назад.

Итак, городские шимпы явились, чтобы стать свидетелями описываемых событий. Он надеялся, что они будут соблюдать этикет и не причинят никакого вреда. Галакты, несомненно, знают, что основная особенность обезьян — любопытство, и эта сутолока ее только подтверждает. Наверно, шимпам отведут нижнюю часть холма, откуда они смогут наблюдать за церемонией. Согласно галактическому закону они имеют на это право.

А ему нельзя больше попусту тратить время. Фибен снова пошел вверх. И хотя следующий тест по галактической истории прошел успешно, понял, что не слишком увеличил количество своих баллов. Он обрадовался, оказавшись на западном склоне. Солнце уже садилось, а ветер здесь не так силен. Фибен дрожал от нетерпения, постепенно нагоняя редеющую толпу над собой.

— Помедленнее, Гайлет, — просил он. — Не можешь помедленнее тащить ноги? Не обязательно отвечать на вопрос, как только он задан. Разве ты не чувствуешь, что я здесь?

Но в глубине души шевельнулось: а что если

она знает и ей все равно?

Глава 88
ГАЙЛЕТ

Ей все труднее становилось сосредоточиваться. И причина депрессии не только в усталости долгого и трудного дня или в ответственности за шимпов. Они выбрали именно Гайлет, она должна вести их вперед и вверх ко все более трудным испытаниям.

И не постоянное присутствие высокого шимпа по имени Железная Хватка.

Конечно, раздражала легкость, с которой он проходит тесты, остановившие других, более достойных. Второй представитель спонсоров, он обычно находился рядом, все время улыбаясь своей высокомерной, приводящей в ярость усмешкой. Но большую часть времени Гайлет скрипела зубами и не обращала на него внимания.

Ее не тревожили даже сами экзаменаторы. Дьявольщина, да они-то как раз были лучшей частью этого дня! Как сказал один древний мудрец-человек, наибольшее удовольствие и величайшую силу в движении человечества вперед приносит

мастерство труженика! Сосредоточиваясь, Гайлет могла отгородиться от всего мира, от всех пяти галактик, она демонстрировала свое мастерство.

Превыше всех критериев, всех туманных рассуждений и долга — святое чувство удовлетворения, когда она заканчивала задание и знала еще до сообщения представителями Института, что справилась хорошо.

Нет, не тесты тревожили ее. Больше всего Гайлет беспокоила нарастающая уверенность, что она сделала неверный выбор.

«Мне следовало отказаться от участия, — думала она. — Я должна была просто сказать нет».

О, логика оставалась прежней. По протоколу и всем правилам губру поставили ее в безвыходную ситуацию, которая не оставляла выбора — ради собственного и всей своей расы блага.

Однако она догадывалась, что ее используют. Поэтому в душе волнами подступала брезгливость.

На протяжении последней недели занятий в Библиотеке она часто засыпала перед экраном, полным тайных знаний. И сны ее были неспокойными, в них она видела птицеподобных, держащих разные приборы, Макса, Фибена и многих других, а когда неожиданно просыпалась,

ее не покидали тревожные мысли.

А потом наступил День. Она надела церемониальное платье почти с облегчением. Скоро все кончится. Но как?

Стройная шимми вышла из последней испытательной палатки и, устало вытирая вспотевший лоб, пошла навстречу Гайлет. Микаэла Ноддингс — всего лишь учительница начальной школы, у нее зеленая карта, но она оказалась выносливей и сообразительней многих синих, которые теперь по спирали одиноко спускаются вниз. Гайлет испытала облегчение, увидев свою новую подругу среди оставшихся кандидатов. Она взяла шимми за руку.

— Я чуть не вылетела, Гайлет, — сказала Микаэла. Пальцы ее рук дрожали.

— Ну, ты не можешь меня бросить, Микаэла, — успокаивающе ответила Гайлет. Она взъерошила потные волосы подруги. — Ты моя опора. Без тебя я не смогу пройти.

В коричневых глазах Микаэлы светилась мягкая благодарность, смешанная с иронией.

— Ты обманщица, Гайлет. Конечно, приятно это слышать, но тебе не нужен никто из нас, тем более я. Там, где могу пройти я, ты пролетаешь как дуновение ветерка.

Конечно, это не совсем верно. Гайлет считала, что испытания, предлагаемые Институтом возвышения, определяют не только разум испытуемого, но и степень преодолеваемых трудностей, и его прилежание.

Разумеется, у Гайлет имелись преимущества перед большинством остальных шимпов — в подготовке, возможно, и в коэффициенте умственного развития, но и ей с каждым шагом становилось все труднее.

Еще один шимп, проби по кличке Ласка, вышел из палатки и направился в сторону Железной Хватки и третьего члена их шайки. Все трое испытуемых, выдержавших тестирование, выглядели довольными и уверенными в себе.

Железная Хватка заметил взгляд Гайлет и подмигнул ей. Она быстро отвернулась.

Из палатки вышел последний шимп и покачал головой.

— Вот и все, — сказал он.

— Профессор Симминс?..

Тот в ответ пожал плечами. Гайлет вздохнула. Это просто чушь какая-то. Что-то неладно, если образованные умные шимпы не проходят, а вот банду Железной Хватки тесты не останавливают.

Конечно, Институт возвышения может понимать под «развитостью, продвинутостью» нечто иное, чем люди. В конце концов и Железная Хватка, и Ласка, и Стальной Прут по-своему умны. А недостатки в их характерах могут показаться галактам не такими ужасными и отвратительными, как землянам.

Нет, причина не в этом, поняла Гайлет. Они вместе с Микаэлой прошли мимо оставшихся и снова двинулись вверх. Слишком уж проби самоуверенны и нахальны, знают, что исход предрешен.

Поразительно, считается, что галактические Институты безупречны, но, видимо, это не так. Гайлет думала, что бы предпринять.

Когда они подходили к очередной станции — ею руководил толстый кожистый инспектор-соро, а помогали ему шесть роботов, — Гайлет впервые заметила, что ярко разодетые галактические наблюдатели, те чужаки, что не входят в штат Институтов, но прибыли наблюдать за церемонией и заниматься неформальной дипломатией, — почти все исчезли. Оставшиеся быстро спускались с холма, направляясь на восток: там что-то происходило.

«Конечно, они и не подумают известить нас о

происходящем», — с горечью решила она.

— Ну ладно, Гайлет, — вздохнула Микаэла. — Ты опять первая. Покажи им, что мы не недоумки.

Итак, даже школьная учительница может в волнении перейти на просторечие. Гайлет ответила.

— Да. Я им покажу.

Железная Хватка улыбнулся ей, но Гайлет не обратила на это внимания.

Она поклонилась соро, и роботы занялись ею.

Глава 89
ГАЛАКТЫ

Сюзерен Луча и Когтя взад и вперед расхаживал по павильону Института возвышения под хлопающим навесом. В голосе адмирала губру звучали гневные нотки.

— Невыносимо! Невероятно! Недопустимо! Это вторжение следует остановить, прекратить, подчинить!

Спокойный нормальный ход церемонии возвышения прервался. Чиновники и специалисты Института, галакты самых разнообразных форм и размеров, бегали по павильону, торопливо справлялись с портативной Библиотекой, иска-

ли прецедент события, которого никто из них раньше не видел, и даже представить себе не мог такой вероятности. Неожиданное вмешательство повсюду вызвало хаос, особенно в том углу, где сюзерен гневно танцевал перед паукообразным существом.

Главный испытатель, арахноид-серентини, стоял, окруженный накопителями информации, внимательно и спокойно слушая жалобы адмирала губру.

— Это нарушение, несоблюдение правил, это непростительное оскорбление. Мои солдаты силой наведут порядок! — Сюзерен распушил перья, демонстрируя розовый цвет, видный под поверхностным оперением. Словно на серентини необходимо было произвести впечатление, что адмирал уже почти самка, почти царица.

Но на главного испытателя это не подействовало. Ведь, в конце концов, все серентини — самки. Так какая разница?

Но главный испытатель скрыл свою ухмылку и остался невозмутимым.

— Новые существа удовлетворяют всем требованиям для допуска к церемонии, — ответил он терпеливо на галактическом-три. — Конечно, они вызвали сумятицу, и впоследствии об этом

скажут, но все-таки это лишь единственная особенность данной церемонии, пусть и довольно необычная.

Губру раскрыл клюв, потом закрыл.

— То есть?

— Я хочу сказать, что такой необычной церемонии не было уже мегагоды.

Я уже несколько раз серьезно обдумывал возможность ее прекращения вообще.

— Вы не смеете! Мы будем жаловаться, мы подадим апелляцию, мы потребуем компенсации…

— О, вам бы этого хотелось, верно? — Главный испытатель вздохнул. — Все знают, что губру истощены и перерасходовали свои силы. А компенсация от одного из великих Институтов покрыла бы ваши убытки.

На этот раз губру промолчал. Главный испытатель с помощью двух чувствительных отростков почесал свой панцирь.

— Кое-кто из моих помощников считает, что именно таков был ваш первоначальный замысел. Слишком много вольностей в организованной вами церемонии. Однако при ближайшем рассмотрении каждый случай оказывается на самой грани нарушения, не переходит ее. Вы хорошо поработали, отыскивая прецеденты и пробелы

в законах. Например, вопрос одобрения людьми церемонии ради их клиентов. Не совсем ясно, понимают ли ваши заложники суть документов, которые согласились подписать и которые вы показывали мне.

— Им разрешили доступ в Библиотеку.

— Волчата не часто ею пользуются. У нас есть подозрение в принуждении.

— Мы получили согласие с Земли! С их родной планеты! От их Повелителей Насестов!

— Да, — согласился серентини. — Они приняли ваши мирные предложения и согласились на церемонию. А какая раса волчат в таких трудных обстоятельствах отказалась бы от подобного? Но семантический анализ свидетельствует: они согласились только обсудить ваши условия в дальнейшем! Они, очевидно, не поняли, что вы выкупили их прежние обращения о возвышении, поданные около пятидесяти пактааров назад! Это позволяет вам отказаться от периода выжидания.

— То, что они нас неправильно поняли, нас не касается, — заявил сюзерен Луча и Когтя.

— Конечно. А сюзерен Праведности того же мнения?

На этот раз ответом было молчание. Наконец

главный испытатель поднял обе передние ноги и скрестил их в протокольном поклоне.

— Ваш протест выслушан. Церемония будет продолжена в соответствии с древними правилами, установленными Прародителями.

У командующего губру не оставалось выбора. Он поклонился в ответ, потом повернулся и вышел, гневно расталкивая толпу охранников и адъютантов. Все они, взволнованно каркая, пошли за ним.

Испытатель повернулся к своему помощнику-роботу.

— Что мы обсуждали перед тем, как прибыл сюзерен?

— Приближается корабль, пассажиры которого заявляют о своем дипломатическом иммунитете и требуют права присутствовать в качестве наблюдателей, — ответил робот на галактическом-один.

— А, да. Эти самые.

— Они очень волнуются. Солдаты губру задержали их и готовы нанести ощутимый урон.

Испытатель недолго колебался.

— Сообщи прибывающим послам, что мы счастливы удовлетворить их запрос. Они могут явиться прямо на Холм — под защитой Института

возвышения.

Робот тут же передал приказ. Подошли другие, они передавали сообщения о множестве разных нарушений и несоблюдении правил. Один за другим загорались голоэкраны, показывая собравшуюся внизу толпу, выливающуюся из ржавых лодок и поднимающуюся по неохраняемым склонам.

— События становятся все интереснее, — задумчиво вздохнул главный испытатель. — Интересно, что произойдет дальше.

Глава 90
ГАЙЛЕТ

Гимельхай уже скрылся за западным горизонтом, затянутым темными тучами, когда уставшие шимпы прошли последний тест и упали в изнеможении без чувств на травянистую вершину. Шестеро шимпов и шестеро шимми прижимались друг к другу, чтобы согреться. Они слишком устали, чтобы заниматься даже расчесыванием, их единственным спасением.

— Мама, почему они не выбрали для возвышения собак? Или свиней? — простонал один из них.

— Лучше бабуинов, — предложил другой; послышался одобрительный гомон.

— Они заслуживают такого обращения.

— Кого угодно, только не нас, — кратко заметил третий.

«Ex exaltavit humilis», — про себя думала Гайлет. — «Возвышая нищих духом». Девиз земного Совета возвышения восходит к христианской Библии.

Гайлет он всегда напоминал, что когда-нибудь кто-то будет распят.

Она закрыла глаза и задремала. «Чуть-чуть», — подумала она. Впрочем, перерыв был совсем недолгим. Неожиданно Гайлет увидела прежний сон, тот самый, в котором над ней склонялись губру со своими злыми машинами. Она вздрогнула и открыла глаза.

Сумерки становились все гуще. Ярко светили звезды.

Шимпы встали, когда приблизился ярко раскрашенный флиттер и опустился перед ними. Из него появились трое: высокий губру в белоснежном оперении, паукоподобный галакт и низенький полный человек, на котором протокольный мундир висел мешком. Шимпы поклонились, а в человеке Гайлет узнала Кордвайнера Эпплби,

главу местного отделения Совета возвышения.

Человек выглядел ошеломленным. Конечно, принять участие в таком событии — большое потрясение. Но Гайлет показалось, что его чем-то опоили.

— Хм, хочу поздравить всех участников, — сказал он, выходя вперед. — И пусть все знают — мы гордимся вами. Мне передали, что результаты некоторых тестов еще изучаются, но в целом Институт возвышения считает, что Pan agronostes, то есть неошимпанзе из земного клана, уже готовы к третьей стадии.

Подошел чиновник арахноид.

— Это правда. Более того, могу даже пообещать, что Институт благосклонно отнесется к просьбе Земли о дальнейших испытаниях.

«Спасибо, — подумала Гайлет, кланяясь в общей массе. — Но только без меня».

Главный испытатель разразился длинной речью о правах и обязанностях клиентов. Он говорил об исчезнувших Прародителях, которые давным-давно основали галактическую Цивилизацию, и об установленных для всех последующих поколений процедурах.

Испытатель говорил на галактическом-семь, известном большинству шимпов. Гайлет пыта-

лась следить за речью, но ей мешали тревожные мысли о последствиях.

Она не сомневалась, что легкая вибрация, сопровождавшая их на всем пути по холму, теперь усилилась, заполнила воздух низким, еле различимым гудением. Гайлет покачнулась: ее словноокатиловолной нереальности. Она заметила, что несколько вечерних звезд неожиданно вспыхнули ярче. Остальные начали разбегаться по сторонам, и прямо над головой появилось овальное искажение. Там концентрировалась тьма.

Музыкальная речь испытателя затянулась. Кордвайнер Эпплби слушал завороженно и благоговейно. Но белоперый губру с каждой минутой проявлял все большее нетерпение. Гайлет понимала, в чем дело. Теперь, когда гиперпространственный шунт разогрелся и готов к действию, любое промедление дорого обходится захватчикам. Теперь она испытала благодарность к многословному представителю Института, и слегка толкнула Микаэлу призывая к вниманию.

Несколько раз губру раскрывал клюв, собираясь совершить чуть ли не преступление — прервать испытателя. Наконец, когда арахноид на мгновение смолк, чтобы перевести дыхание,

птицеподобный резко вмешался. Гайлет, обучавшаяся достаточно долго, легко понимала его галактический-три.

— …затягивать, откладывать, длить. Ваши мотивы сомнительны, подозрительны, не внушают доверия. Я настаиваю на том, чтобы вы продолжали, проводили, завершали церемонию!

Но испытатель невозмутимо тянул на галактическом-семь.

— Приняв сегодня вызов более серьезный, чем те, что мне приходилось видеть прежде, вы доказали, что достойны статуса младших клиентов нашей цивилизации и принесли честь всему своему клану. Вы по заслугам получаете сегодня право подтвердить любовь к своим патронам и выбрать консорта-представителя. Последнее очень важно. Вы должны выбрать консорта из известных кислорододышащих космических рас, не принадлежащих к вашему клану. Эта раса защитит ваши интересы и в качестве посредника будет беспристрастно рассматривать ваши возможные споры с патронами. Если хотите, можете оставить тимбрими, из клана краллнитов, которые были вашим консортом до сих пор. Впрочем, можете и сменить консорта. Так или иначе, у вас есть право выбора: вы можете заявить, что не же-

лаете участвовать в галактической цивилизации и просите повернуть назад процесс возвышения.

Даже такой шаг предусмотрен Прародителями, как гарантия фундаментальных прав живых существ. «Неужели? Неужели мы имеем право?» Одна лишь мысль об этом ошеломила Гайлет. Она знала, что такого прецедента никогда еще не было, но сама возможность существует!

Она вздрогнула и вновь сосредоточилась: главный испытатель поднял руки в благословении.

— Именем Института возвышения и перед лицом всей галактической цивилизации объявляю вас, представителей вашей расы, достойными и способными делать выбор и наблюдать. Вперед без страха, и пусть все сущее гордится вами!

Серентини отступил. Настала очередь спонсора церемонии. Это должен был быть человек, возможно, тимбрими, но не сегодня. Представитель губру исполнил танец нетерпения. Он быстро заговорил в переводчик, и прозвучали механические слова на галактическом-семь.

— Десять шимпов должны сопровождать двоих представителей расы к гиперпространственному шунту в качестве свидетелей. На избранную пару возлагается вся ответственность выбора, который является делом чести.

Сейчас я назову этих двоих. Доктор Гайлет Джонс, самка, гражданин Гарта, Земная федерация, клан Земли.

Гайлет не хотела шевелиться, но Микаэла, выдала ее, слегка подтолкнув. Гайлет сделала несколько шагов вперед и поклонилась.

Переводчик загремел снова.

— Железная Хватка Хансен, самец, гражданин Гарта, Земная федерация, клан Земли.

Большинство шимпов в отчаянии ахнули. Но Гайлет лишь закрыла глаза: ее опасения подтверждались. До сих пор в ней жила надежда, что сюзерен Праведности еще сохранил влияние среди губру, еще может заставить триумвират вести честную игру. Но теперь…

Она нутром чувствовала, что ненавистный шен остановился рядом и злорадно улыбается.

«Хватит! Мое терпение лопнуло! Должен же был главный испытатель что-то заподозрить! Если я скажу ему…»

Но она не шевельнулась, не смогла даже рта раскрыть, не то что заговорить.

Совершенно отчетливо Гайлет вдруг осознала, почему так долго не решалась выйти из игры и продолжала участвовать в этом фарсе.

«Они вмешались в мою подкорку!»

Она вспомнила свои сны… кошмарную картину, когда машины, управляемые безжалостными костями, воздействовали на нее, тонко, незаметно.

«Институт возвышения просто не готов к такой проверке!» Конечно, нет! Церемонии возвышения — радостные события, это праздник клиентов и их патронов. Где это слыхано, чтобы представителей расы заставляли участвовать, предварительно обработав?

«Должно быть, все сделано после ухода Фибена. Сюзерен Праведности вряд ли мог согласиться на подлог. Если бы только главный испытатель знал, мы получили бы с губру компенсацию ценой в целую планету!» Гайлет раскрыла рот.

— Я… — Она пыталась заговорить. Главный испытатель посмотрел на нее.

Пот выступил на лбу Гайлет. Ей нужно только произнести обвинение.

Просто намекнуть!

Но мозг застыл, словно она забыла все слова.

Ну конечно. Речевой затор. Губру знают, как легко вызвать его у неошимпанзе. Человек, возможно, преодолел бы его, но усилия Гайлет тщетны.

Она не могла разобрать реакцию арахноида,

но ей показалось, что серентини разочарован. Испытатель отступил.

— Направляйтесь к гиперпространственному шунту, — сказал он.

«Нет!» — хотела крикнуть Гайлет. Но смогла только вздохнуть. Сама собой в знак согласия поднялась правая рука, встретилась с левой рукой Железной Хватки. Он схватил ее, и даже при желании она не могла бы высвободиться.

В ее перевозбужденном мозгу пронеслась мгновенно картина: птичье лицо с желтым клювом и холодными, немигающими глазами. И никаким образом от нее невозможно было избавиться. Гайлет с абсолютной ясностью осознала, что именно этот образ она принесет на вершину церемониального холма и вместе с Железной Хваткой пошлет его в овал искаженного пространства над головой, и именно его увидят галакты — и здесь, и на тысячах других планет.

Часть сознания, ее логическая сущность, все еще принадлежавшая ей, но сейчас отрезанная и изолированная, разгадала холодную расчетливость этого плана.

Конечно, люди опротестуют выбор, заявив, что он сделан под принуждением. И, вероятно, более половины кланов галактики поверят, но

уже ничего не изменится. Выбор сохранится! Альтернативой была бы дискредитация всей системы. Однако звездная цивилизация сейчас испытывает такие трудности, что нового кризиса просто не вынесет.

Скорее всего большинство кланов посчитают, что и так слишком много внимания уделено незначительному племени волчат. Справедливо или нет, но большинство пожелает просто ликвидировать эту проблему раз и навсегда.

Все это Гайлет поняла мгновенно. Губру хотят не просто стать новыми консортами-представителями, «защитниками» шимпов. Они хотят уничтожить человечество. Тогда ее племя перейдет к другим патронам.

Гайлет ни на минуту не усомнилась в том, что это будут губру.

Сердце Гайлет отчаянно билось. Она пыталась сопротивляться Железной Хватке, но безуспешно. Она молилась, чтобы ее хватил удар.

«Уж лучше бы мне умереть!»

Жизнь ее не имеет значения, и в любом случае ее «исчезновение» запланировано сразу после церемонии. От свидетеля избавятся. «О, Гудолл и Ифни, ударьте меня молнией!» Ей хотелось закричать.

И в этот момент раздался голос. Голос… но не ее, произнес:

— Остановитесь! Нарушена справедливость, и я требую внимания!

Гайлет и не предполагала, что сердце может так колотиться. От тахикардии она едва не лишилась сознания. «О Гудолл, пусть это будет…» Она слышала, как выругался Железная Хватка; он выпустил ее руку. Одно это уже доставило облегчение. Послышалось гневное квохтанье губру и изумленные возгласы шимпов. Кто-то — Гайлет поняла: Микаэла — взял ее за руку.

Уже сгустились сумерки. Разбросанные облака освещались прожекторами с холма и тем беспокойным туннелем энергии, который возник над искусственной горой. В свете фар стоящего флиттера показался одинокий неошимпанзе в грязном церемониальном платье. Он приближался к последней испытательной станции, вытирая пот со лба, решительно направился к троим удивленным чиновникам.

«Фибен!» — подумала ошеломленная Гайлет. Однако первыми восстанавливаются старые привычки: «О, Фибен, не важничай. Не забывай протокол…»

Гайлет истерически захихикала, разобравшись

в своих мыслях. Это частично вывело ее из шока и она смогла поднять руку и прикрыть рот.

— О, Фибен, — выдохнула она.

Железная Хватка заворчал, но вновь прибывший не обратил на проби внимания. Фибен поймал взгляд Гайлет и подмигнул. Гайлет поразилась: жест, который раньше приводил ее в ярость, теперь вызвал радостную дрожь в коленях.

Фибен остановился перед чиновниками и низко поклонился. Потом, уважительно сложив руки, стал ждать разрешения говорить.

— ...бесчестное, недопустимое, неслыханное вмешательство, — загремел переводчик-губру. — Мы требуем немедленного устранения, изъятия, наказания...

Голос неожиданно прервался: это главный испытатель протянул руку и выключил переводчик. Потом сделал шаг вперед и обратился к Фибену:

— Младший, поздравляю тебя, ты в одиночку сумел преодолеть этот путь.

Твой подъем просто потряс публику, он совершенно необычен и делает особенно необычной всю эту церемонию. Набранные тобой баллы и остальные достижения дают тебе право нахо-

диться здесь. — Серентини сложил две руки и склонил переднюю часть тела. — А теперь, — сказал он, снова выпрямляясь, — правильно ли я понял, что у тебя есть жалоба? Достаточно важная, чтобы оправдать такую резкость?

Гайлет напряглась. Главный испытатель может симпатизировать Фибену, но его слова звучат как завуалированная угроза. Фибену надо остерегаться.

Одна ошибка, и он сделает положение еще критичнее.

Фибен снова поклонился.

— Я… я почтительно прошу объяснить, как были выбраны представители.

«Не так уж плохо». Гайлет продолжала сражаться с незримым принуждением. Если бы только она могла подойти и помочь!

Главный испытатель терпеливо ответил:

— По традиции церемонии пару представителей выбирают спонсоры среди тех, кто прошел все предыдущие испытания. В данном случае спонсоры действительно враги твоего клана, но всякая вражда прекращается до завершения обрядов. Между кланами Земли и гуксу-губру в настоящее время мир. Ты протестуешь против этого, младший?

— Нет. — Фибен покачал головой. — Не против этого. Я просто хочу знать: должны ли мы полностью согласиться с выбором представителей, сделанным спонсором?

Губру немедленно негодующе заквохтал. Шимпы удивленно переглядывались. Железная Хватка пробормотал:

— Когда это кончится, я проучу маленького братца…

Испытатель знаком восстановил тишину. Его многофасеточные глаза устремились на Фибена.

— Младший, значит, если бы тебе дали право решать, ты бы оспаривал право избранных?

Фибен поклонился.

— Да, ваша честь.

На этот раз крик губру прозвучал особенно жалобно.

Гайлет попыталась шагнуть вперед, но Железная Хватка удержал ее. Она вынуждена была остаться на месте, слушая глухие проклятия проби.

Наконец серентини снова заговорил:

— Я симпатизирую тебе, но не вижу способа удовлетворения твоей просьбы. Без прецедента…

— Но прецедент существует!

Новый низкий голос донесся со склона. На свет

из толпы галактов-наблюдателей и официальных лиц вышли четыре фигуры, и если раньше Гайлет удивлялась чудесам, то теперь могла только зачарованно созерцать, не веря своим глазам.

«Утакалтинг!»

Стройного тимбрими сопровождал бородатый мужчина-человек; его одежда была явно заимствована у какого-то двуногого негуманоидного галакта и наброшена поверх шкуры животного. Рядом с ним шел неошимпанзе с явными трудностями прямохождения и множеством атавизмов. Приблизившись к поляне, этот шимп задержался, словно понимая, что ему тут не место.

Четвертый из приближавшихся, высокий галакт с ярким, гордо раздутым гребнем, небрежно поклонился и обратился к главному испытателю.

— Я тебя вижу, Коугх*Квинн'3 из Института возвышения.

Серентини поклонился в ответ.

— И тебя я вижу, почтенный посол Каулт-теннанинец, и тебя вижу, Утакалтинг-тимбрими, и ваших спутников. Мне приятно быть свидетелем вашего благополучного прибытия.

Рослый теннанинец широко развел руки.

— Благодарю тебя за разрешение восполь-

зоваться твоей аппаратурой для связи с моим кланом после долгой вынужденной изоляции.

— Это нейтральная территория, — ответил представитель Института возвышения. — Я знаю, что ты поставишь перед Институтом серьезные вопросы относительно этой планеты, когда церемония завершится. Но сейчас мы должны продолжить. Пожалуйста, объясни слова, которые ты сейчас произнес.

Каулт указал на Утакалтинга.

— Этот уважаемый посол представляет расу, которая служит консортом-представителем и защитником неошимпанзе с того момента, как волчата вступили в галактическое сообщество. Я уступаю ему право объяснить тебе.

Гайлет сразу заметила, каким уставшим выглядит Утакалтинг. Обычно выразительные, щупальца тимбрими безжизненно обвисли, глаза его почти закрылись. С явным усилием он вышел вперед и протянул маленький черный куб.

— Вот ссылки, — сказал он.

Подошел робот и взял у него куб. Теперь штат Института займется рассмотрением материалов. А пока испытатель внимательно слушал Утакалтинга.

— Материалы подтверждают, что еще в самом

начале галактической истории Прародители выработали церемонию возвышения из желания предотвратить возможные этические ошибки. Те, кто начинал процесс возвышения, постоянно советовались со своими клиентами, как в наши дни поступают люди со своими. И клиентам никогда не навязывали выбор представителей.

Утакалтинг указал на собравшихся шимпов. — Строго говоря, спонсоры церемонии вносят только предложение.

Клиенты, выдержавшие испытание, согласно закону могут отвергнуть их. Это плато по закону является их территорией. Мы здесь только их гости.

Гайлет видела возбуждение галактических наблюдателей. Многие консультировались со своими накопителями информации, оценивая аргументы Утакалтинга. Со всех сторон слышался уже многоязычный говор собравшихся.

Появился новый флиттер с представителями губру и портативным устройством связи. Очевидно, захватчики тоже проводили розыск.

Все это время действовал гиперпространственный шунт. Теперь низкое гудение прощупывает всю округу, и Гайлет дрожала в заданном ритме.

Главный испытатель обратился к номинально-

му представителю людей Кордвайнеру Эпплби.

— От имени своего клана, поддерживаешь ли ты просьбу отступить от обычной процедуры?

Эпплби прикусил нижнюю губу. Он посмотрел на Утакалтинга, потом на Фибена, снова на посла тимбрими. И, наконец впервые улыбнулся.

— Черт побери, конечно! Конечно, поддерживаю! — сказал он на англике.

Потом покраснел и перешел на превосходный галактический-семь:

— От имени своего клана я поддерживаю просьбу посла Утакалтинга.

Испытатель отвернулся и выслушал своих помощников. Все стихли, напряженно ожидая. Испытатель поклонился Фибену.

— Действительно, существует неоспоримый прецедент, оправдывающий твою просьбу. Могут ли твои товарищи подтвердить выбор поднятием руки? Или нужно тайное голосование?

— Давай! — послышался шепот на англике. Молодой человек, сопровождавший Утакалтинга, улыбнулся и просигналил Фибену. К счастью, никто из галактов не смотрел в эту сторону и не видел нарушения протокола.

Фибен усилием воли сохранил выдержку и поклонился.

— Я думаю, голосования руками достаточно, ваша честь. Спасибо.

Во время выборов Гайлет даже развеселилась. Она очень старалась отклонить свою кандидатуру, но та же жуткая воля, неумолимая сила, которая раньше не давала ей заговорить, теперь помешала отозвать свое имя. Ее избрали единогласно.

Соревнование представителей мужчин прошло тоже гладко. Фибен стоял перед Железной Хваткой и смотрел прямо в свирепые глаза высокого проби.

Гайлет обнаружила, что может только воздержаться, но и это вызвало удивленные взгляды.

Тем не менее она чуть не заплакала от радости и облегчения, когда голосованием получилось девять к трем… в пользу Фибена Болджера. Когда он наконец подошел к ней, Гайлет повисла у него на шее и всхлипнула.

— Ну, ну, — сказал он. И ее успокоили не эти обычные слова, а его голос. — Я ведь тебе говорил, что вернусь.

Она всхлипнула, вытерла слезы и кивнула. Привычный жест, привычные слова. Гайлет коснулась его щеки и слегка насмешливо сказала:

— Мой герой.

Вокруг собрались остальные шимпы, все, кроме оказавшихся в меньшинстве проби. Впервые показалось, что церемония может все-таки обернуться праздником.

Они построились по двое вслед за Фибеном и Гайлет и поспешили по последнему участку тропы к вершине, где очень скоро установится связь между этой планетой и далекими-далекими мирами.

И тут над небольшим плато послышался резкий свист. Новая машина на воздушной подушке приземлилась перед шимпами, преградив им дорогу.

— О нет! — простонал Фибен. Он сразу узнал баржу с тремя сюзеренами сил вторжения губру.

Сюзерен Праведности выглядел удрученно. Он свисал со своего насеста, не в силах даже поднять голову. Остальные два правителя, однако, тут же спрыгнули на землю и обратились к испытателю.

— Мы тоже хотим представить, предъявить, предложить… прецедент!

Глава 91

ФИБЕН

Легко ли победу превратить в поражение?

Фибен размышлял об этом, сняв протокольное платье и позволив двум шимпам растереть себе плечи. Он потянулся. Остается надеяться, что он еще не забыл уроки борьбы.

«Я слишком стар для этого, — подумал он. — И позади такой длинный и трудный день».

Губру не шутили, когда радостно объявили, что нашли выход. Гайлет пыталась объяснить ему, пока он готовился. Как обычно, все связано с абстракциями.

— Как я понимаю, Фибен, галакты совсем не отвергают идею эволюции, они не принимают только эволюцию разума. Они верят в нечто подобное тому, что мы называли «дарвинизмом», для существ ниже предразумных. Более того, они считают, что природа поступает мудро, заставляя каждый вид демонстрировать свою пригодность к жизни в первобытных условиях.

Фибен вздохнул.

— Пожалуйста, ближе к делу, Гайлет. Просто скажи мне, почему я должен драться с этим ублюдком. Разве даже по земным стандартам судебный поединок не кажется глупостью?

Она покачала головой, на какое-то время ее словно постиг речевой затвор. Но как только это прошло, мозг ее вновь стал мозгом обычного педанта.

— Нет, не совсем так. Подумай сам. Одна из опасностей, которой подвергается процесс возвышения, заключается в том, что патроны могут в ходе этого процесса лишить клиентов самой их сути, тех самых качеств, которые прежде сделали их кандидатами на возвышение.

— Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что губру могут обвинить в этом людей, и единственный способ избежать этого — доказать, что мы остаемся стойкими, страстными и физически сильными.

— Но я думал, все эти тесты…

Гайлет покачала головой.

— Они свидетельствуют, что все оказавшиеся на плато соответствуют критериям третьей стадии. — Гайлет поморщилась, словно снова боролась с речевым барьером. — Эти испытуемые проходят даже по критериям института.

Они обладают недостатками только с точки зрения необычных земных стандартов. — Такими, как приличие и телесный запах. Конечно, но я все еще не понимаю…

— Фибен, Институту все равно, кто из прошедших испытания предстанет перед гиперпространственным шунтом. И если губру считают, что их представитель превосходит по крайней мере по одному критерию — по физической силе, — это имеет прецеденты. В сущности, так делалось много раз, когда результаты голосования расходились.

Теперь наступила очередь Фибена качать головой и негромко ворчать:

— Гудолл, что за порядки в этой галактике. Кажется, Пратачулторн все-таки прав. — В чем, Фибен?

— Неважно. — Он увидел, что рефери, представитель Института пила, приближается к центру круга. Фибен повернулся и посмотрел в глаза Гайлет.

— Скажи мне только, выйдешь ли ты за меня, если я выиграю?

— Но… — Она заморгала, потом кивнула. Казалось, Гайлет силится сказать что-то еще, но у нее опять отнялась речь. Она вздрогнула и странным незнакомым голосом умудрилась произнести пять слов:

— Убей… его… ради… меня… Фибен.

И в глазах ее читалась не жестокость, не жажда

крови, а нечто гораздо более глубокое. Отчаяние.

Фибен кивнул. Он не питал иллюзий относительно того, что собирается сделать с ним Железная Хватка.

Рефери подозвал их к себе. Никакого оружия и никаких правил.

Подземный гул перешел в глубокий гневный рев, и зона ноль-пространства над головой начала сверкать по краям, словно освещаясь молниями.

Началось с медленного кружения. Фибен и его противник внимательно наблюдали друг за другом, боком обходя всю арену. Остальные девять шимпов стояли ниже по склону, рядом с Утакалтингом, Каултом и Робертом Ониглом.

Напротив располагались губру и два товарища Железной Хватки. Со всех сторон за схваткой наблюдали многочисленные представители Института возвышения и дипломаты-галакты.

Ласка и Стальной Прут делали знаки руками своему предводителю и скалились.

— Сделай его, Фибен! — подбадривали другие шимпы.

Вот к чему свелся весь этот изысканный ритуал, вся эта сложная древняя традиция. Именно таким способом Мать Природа выносит свои решения.

— На-чи-НАЙ! — резкий крик рефери-пила

резанул слух Фибена ультразвуковой волной за мгновение до того, как заговорил переводчик.

Железная Хватка действовал стремительно. Он бросился вперед, и Фибен чуть не опоздал. Ему показалось, что это ложный маневр. Он начал уходить влево, но в последнее мгновение передумал, выставив вперед ногу.

Удар получился не таким сильным, как он рассчитывал, но Железная Хватка закричал и отскочил, держась за ребра. К несчастью, Фибен потерял равновесие и не смог воспользоваться шансом. Спустя несколько секунд Железная Хватка снова двинулся вперед, на этот раз осторожнее. В глазах его горела жажда крови.

«Бывают такие дни, когда просто не стоит вставать с постели», — думал Фибен. Они снова начали кружить.

Собственно, сегодняшний день начался с того, что он проснулся в развилке дерева в нескольких милях от Порт-Хелении, там, где парашюты плюща свисали с оголенных ветвей зимнего сада…

Железная Хватка замахнулся и нанес удар справа. Фибен нырнул под мышки противника и ответил ударом тыльной стороной руки. Противник поставил блок, и раздался глухой звук.

«…Солдаты Когтя были не очень-то вежливы,

и поэтому он поехал дальше на Тихо к старой тюрьме…»

Кулак, словно пушечный снаряд, просвистел мимо уха Фибена. Фибен шагнул навстречу вытянутой руке и повернулся так, чтобы ударить локтем в открывшийся живот противника.

«…Глядя на опустевшую комнату, он понял, что остается очень мало времени. Тихо галопом проскакал по пустынным улицам, в зубах лошади застрял цветок…»

«…а пристань была заполнена шимпами — они стояли на причалах, на крышах зданий, на улицах и смотрели…»

Клинч грозит прервать дыхание. Фибен присел и сунул правую ногу между ног противника. Потянул в одном направлении, дождался, пока Железная Хватка перестал сопротивляться, потом резко рванулся и бросил свое тело в противоположную сторону. Одновременно пнул ногой. Железная Хватка поскользнулся и упал, продолжая тисками своих рук сжимать Фибена. Еще несколько мгновений он с утроенной силой сжимал Фибена, вырывая куски его плоти.

«…Он сменил лошадь на лодку и поплыл через залив, к преграде из буйков…»

Кровь полилась из разорванного горла Фибена.

Рана лишь на полдюйма миновала его яремную вену. Фибен попятился, видя, как быстро Железная Хватка вскочил на ноги. Стремительность шимпа устрашала.

«…Он выиграл мысленную схватку с буйками и заслужил право пройти…»

Железная Хватка оскалился, расставил длинные руки и испустил кровожадный крик. И Фибен словно увидел перед собой древние схватки, которые происходили задолго до того, как шимпы поднялись на борт космических кораблей. Тогда угрожающий рык был половиной победы.

— Ты можешь это сделать, Фибен! — крикнул Роберт Онигл, разрушая гипноз Железной Хватки. — Давай, парень! Отомсти за Саймона!

«Дерьмо! — подумал Фибен. — Типичный человеческий трюк! Он пытается вызвать у меня чувство вины!»

Но сумел подавить вспыхнувшие сомнения и улыбнулся врагу в лицо.

— Кричать ты умеешь. А вот это? — И он показал Железной Хватке нос. И тут же пришлось увертываться от броска противника. На этот раз оба сумели нанести удары, которые прозвучали гулко, как в барабан. Оба шимпа разлетелись в противоположные стороны, прежде чем сумели

обернуться, тяжело дыша и оскалившись.

«…Берег был усеян мусором, а подъем на утесы оказался длинным и трудным. Но выяснилось, что это только начало. Удивленные чиновники Института уже разбирали свои приборы, когда он неожиданно появился; заставил их остановиться и провести еще одно испытание. Они, вероятно, решили, что не понадобится много времени, чтобы отправить его домой…» Когда они сошлись в следующий раз, Фибен выдержал несколько ударов по лицу, чтобы сблизиться с противником и бросить его на землю. Конечно, не самый элегантный прием джиу-джитсу. Применяя его, он неожиданно ощутил резкую боль в ноге.

На мгновение Железная Хватка оказался беззащитен. Но когда Фибен попытался атаковать, нога его подвернулась.

«…трудные тесты, сердитые взгляды, молчаливое удивление, что он еще здесь…»

Падая навзничь, он пинался, но тем не менее противник захватил его лодыжку словно в клещи. Фибен пытался за что-нибудь ухватиться, но пальцы только царапали почву. Он попробовал отползти в сторону, но Хватка подтащил его к себе и прижал.

«…И он прошел через все это, только чтобы

оказаться здесь? Да. А в целом день был кромешным адом…»

Есть борцовские трюки против соперника, превосходящего весом. Фибен вспомнил о них, пытаясь высвободиться. Если бы он не так устал, они бы сработали.

А так ему только удалось достичь псевдоравновесия. Небольшое преимущество в упоре помогло ему противостоять ужасающей силе Железной Хватки. Их тела напрягались, руки сжимались в поисках малейшей слабины.

Лицами прижимаясь к земле, противники чувствовали горячее дыхание друг друга.

Толпа смолкла. Ни та, ни другая сторона больше не подбадривала.

Противники с обманчивой медлительностью раскачивались, сжимая друг друга, и Фибен ясно увидел склон Церемониального Холма. Краем глаза он отметил, что толпа куда-то исчезла. Там, где недавно толпилось множество галактов самой разной наружности, остались теперь только полосы вытоптанной травы.

Толпа уходила вниз по холму на восток, галакты возбужденно жестикулировали и разговаривали на множестве языков. Фибен заметил арахноида-серентини; главный испытатель стоял среди

своих помощников, не обращая больше внимания на схватку. Даже рефери-пила отвернулся и смотрел на суматоху внизу.

И это после разговоров о том, что судьба всей вселенной зависит от смертельного боя двух шенов? Какой-то частичкой своего сознания Фибен почувствовал себя оскорбленным.

Любопытство всегда подводило его. Вот и сейчас он думал: «Да что там такое?»

Он на дюйм повернул голову в сторону, чтобы разглядеть получше. И на миллисекунды упустил открывшегося проби: Железная Хватка чуть переместил тяжесть своего тела. Фибен слишком поздно спохватился, и Железная Хватка воспользовался преимуществом, ускользнул и сделал захват. Снова начал давить.

— Фибен! — Это голос Гайлет, полный чувств. Итак, хоть кто-то смотрит на них. И увидит его унижение и конец.

Фибен сражался отчаянно. Он использовал все трюки, всплывшие в памяти. Но они требовали сил; не хватало воздуха.

Железная Хватка продолжал удерживать его. Оскаленные клыки сверкали в свете прожекторов: он улыбнулся Фибену.

Вдруг в одно мгновение огромная тень засло-

нила свет прожектора.

Железная Хватка растерянно заметил что-то громоздкое рядом с головой Фибена. Волосатая черная ступня, затем короткая, но толстая, как древесный ствол, коричневая нога, а еще выше — гора шерсти.

Мир, который начал вращаться и тускнеть перед глазами Фибена, неожиданно снова обрел резкость, его перестали душить. Фибен вдохнул и старался разобраться в происходящем.

Он поймал дружелюбный взгляд карих глаз, которые принадлежали нависшей над ним огромной горе мышц.

Гора улыбалась. Рукой размером с небольшого шимпанзе существо с любопытством коснулось Фибена. Железная Хватка содрогнулся и ошеломленно отшатнулся не то от удивления, не то от страха. Рукой существо схватило шимпа за запястье, словно проверяя его силу.

По-видимому, никакого сравнения. Рослый самец-горилла довольно переступил с ноги на ногу и как будто даже засмеялся.

Потом, опираясь на одну руку, повернулся и присоединился к темной ленте животных, которая извивалась, обтекая изумленных шимпов. Гайлет глазам своим не верила, а Утакалтинг

непрерывно моргал.

Роберт Онигл как будто разговаривал сам с собой, а губру пищали и прыгали.

Но в центре внимания горилл оказался Каулт. Четыре самца и три самки собрались вокруг высокого теннанинца и трогали его. Он медленно и радостно заговорил с ними.

Фибен решил не допускать одну и ту же ошибку дважды. Он не знал, что делают здесь, на вершине Церемониального Холма, построенного захватчиками, гориллы, да и не пытался над этим размышлять. Сосредоточенность вернулась к нему на мгновение раньше, чем к противнику. Когда Железная Хватка снова посмотрел на него, в глазах проби мелькнуло отчаяние: он успел разглядеть приближающийся кулак Фибена.

Маленькое плато превратилось в дикую сцену, лишенную даже подобия какого-либо порядка. Границы площадки, на которой происходила схватка, потеряли всякий смысл. Фибен и его противник катались под ногами горилл, шимпов, губру и вообще всех, кто только успевал отскакивать. На них перестали обращать внимание, но Фибену было все равно. Он помнил только одно: что дал обещание и его нужно выполнить.

Он колотил Железную Хватку, не давая ему вос-

становить равновесие, и тот, отчаянно закричав, отбросил наконец Фибена, как старый плащ.

Болезненно приземлившись, Фибен уловил движение сзади и повернул голову: проби по имени Ласка поднял ногу и готовился ударить его. Но не попал, потому что его обняла страстная горилла и приподняла в своем сокрушительном объятии.

Другого товарища Железной Хватки держал Роберт Онигл. Он поднял его над головой. Самец-шимп явно сильнее большинства людей, но, вися в воздухе, ничего не мог поделать. Роберт схватил его, как Геркулес Антея, и кивнул Фибену.

— Осторожней, старина.

Фибен откатился, и Железная Хватка вхолостую ударил место, где он только что лежал, подняв лишь облако пыли. Фибен тут же прыгнул на спину противнику и зажал его полунельсоном.

Мир завертелся. Фибен скакал на нем, как на брыкающемся жеребце. Во рту появился вкус крови, пыль заполнила легкие, он почувствовал резкую боль в груди. Усталые руки дрожали, вот-вот схватит судорога. Но, услышав тяжелое дыхание противника, Фибен понял, что выдержит.

Железная Хватка опустил голову. Фибен пнул

его ногой.

Пятка Фибена пришлась в солнечное сплетение проби. Он сломал пальцы, но в порыве борьбы не замечал боли, и невозможно было ошибиться, услышав свистящий судорожный выдох: диафрагма Железной Хватки, мгновенно сократилась, прекратив всякий доступ воздуха.

Фибен как-то нашел силы. Рывком перевернул противника. Зажал его ножницами, завел руку и сжал горло тем же незаконным (но кому какое дело!) приемом, который раньше применил Железная Хватка.

Кости хрустели. Казалось, земля под бойцами задрожала, а небо заворчало. Мимо мелькали ноги чужаков, слышались крики на разных языках.

Фибен вслушивался лишь в дыхание противника и не слышал его… чувствовал только пульс, который вот-вот должен прекратиться…

И тут словно что-то, взорвалось у него в черепе.

Как будто что-то раскрылось перед ним, яркий свет струился изнутри, от коры его мозга. Ошеломленный, Фибен вначале решил, что кто-то из проби или губру ударил его сзади по голове. Но при ударе такого свечения не бывает. Больно, но как-то по-другому.

Фибен сосредоточился на самом главном: нужно изо всех сил держать слабеющего противника. Но он не мог игнорировать это странное явление.

Мозг искал сравнения с чем-нибудь, но не находил подходящей метафоры.

Беззвучный взрыв казался одновременно чуждым и странно знакомым.

Фибен вспомнил голубой огонек, который весело плясал, стреляя ему в ноги. Вспомнил «бомбу вони», которая обратила в бегство помпезного пушистого дипломата. Вспомнил, что рассказывала по ночам генерал. Все это заставило его заподозрить…

По всему плато стих многоголосый говор, все галакты смотрели вверх.

Фибену захотелось поднять голову и самому увидеть, что так привлекло их внимание. Однако сначала нужно убедиться, что противник безопасен.

Железная Хватка несколько раз судорожно глотнул воздух, и Фибен возобновил давление, чтобы удержать рослого шимпа на грани бессознательного состояния. Затем он посмотрел вверх.

— Утакалтинг, — прошептал Фибен, поняв при-

чину смятения своих мыслей.

Тимбрими стоял чуть выше остальных. Он широко развел руки, и полы его протокольного платья развевались в циклоне, поднятом зияющим гиперпространственным шунтом. Глаза максимально расставлены.

Щупальца короны Утакалтинга двигались, и что-то вращалось у него над головой.

Шимми застонала и прижала ладони к вискам. Казалось, сотни бормашин заработали одновременно. Для большинства присутствующих глиф оставался неразличимым. Но Фибен впервые в жизни испытал кеннинг. И то, что он кеннировал, называлось тутсунуканн.

Чудовищный глиф, полный долго сдерживаемой энергии. Сущность отложенной неопределенности, он танцевал и вращался. И вдруг без всякого предупреждения разлетелся. Фибен чувствовал, как глиф пролетел сквозь него, — и испытал неподдельную чистую радость.

Радость вытекала из Утакалтинга, словно из прорванной дамбы.

— Н'ха с'урустуанну, л'хаммин'т Атаклена в'тхтанна! — воскликнул тимбрими. — Дочь, ты прислала его, чтобы вернуть отданное мной? О, как все усложнилось и усилилось! Какой отлич-

ный розыгрыш собственного отца!

Его настроение заразило стоявших поблизости. Шимпы моргали. Роберт Онигл вытирал слезы.

Утакалтинг повернулся и указал на тропу, ведущую к Площадке Избрания.

Теперь, на вершине Церемониального Холма, было видно, что шунт действует.

Погребенные глубоко под землей машины сделали свое дело, и теперь над головой зиял туннель, края его сверкали, а в центре — пустота чернее самой тьмы.

Туннель, казалось, втягивает свет, трудно даже рассмотреть отверстие.

Но Фибен знал, что это реальная связь во времени, она протянулась отсюда к бесчисленным планетам, где многочисленные зрители наблюдали и отмечали события вечера.

«Надеюсь, зрелище понравится во всех пяти галактиках». Когда Железная Хватка начал оживать, Фибен ударил проби по голове и снова посмотрел вверх.

На полпути к вершине на узкой тропе он увидел три разительно отличающиеся друг от друга фигуры. Маленький неошимпанзе с непомерно длинными руками и короткими кривыми ногами. Одной рукой Джо-Джо держался за руку

Каулта, рослого теннанинского посла. Другую могучую лапу держала крошечная девочка, светлые волосы которой развевались на ветру, как знамя.

Это изумительное трио смотрело на вершину, где собралась совершенно необычная толпа.

Десяток горилл, самцов и самок, кружком стояли прямо под полуневидимой дырой в пространстве. Они раскачивались взад и вперед, глядя на зияющую пустоту над головой, и тихо напевали режущую слух мелодию.

— Мне кажется… — сказал ошеломленный главный испытатель Института возвышения, серентини, — …мне кажется, такое случалось… раз или два… но давно, больше тысячи эпох назад.

Послышался другой голос, на этот раз хрипловатый от полноты чувств. Англик.

— Это несправедливо, пусть и на нашем веку тоже… — Фибен видел, что по щекам некоторых шимпов текут слезы.

Шимпы держали друг друга за руки и плакали.

На глазах Гайлет тоже были слезы, но Фибен понимал, что она видит то, чего не видят другие. И слезы ее — слезы облегчения и радости.

Отовсюду слышались изумленные возгласы.

— Но что это за существа, создания, твари? — спрашивал сюзерен губру.

— …предразумные, — ответил кто-то на галактическом-три.

— …Они миновали все испытательные станции, значит, они готовы к какой-то стадии, — говорил Кордвайнер Эпплби. — Но как могли гор…

Роберт Онигл прервал его, подняв руку.

— Не используйте больше прежнее название. Это, друг мой, гартлинги.

Молнии заполнили воздух запахом озона. Утакалтинг напевал от наслаждения такой грандиозной шуткой, и его тимбримийский голос звучал не по-земному богато. Фибен, не помня себя, встал на ноги, чтобы лучше видеть. Он вместе со всеми наблюдал, как дыра над гигантскими обезьянами, раскачивающимися и гудящими на вершине, начала светиться. Над головами горилл заклубился туман, постепенно приобретающий очертания.

— Ни у одной живущей расы нет такого на памяти, — благоговейно сказал главный испытатель. — За последний миллиард лет происходили бесчисленные церемонии принятия клиентов. Клиенты на этих церемониях переводились на следующую стадию и выбирали себе новых консортов. Некоторые даже требовали прекратить возвышение… вернуть их в прежнее состояние…

Туман принял овальные очертания. И из него постепенно возникала фигура.

— …Но лишь в древних сагах говорится о новых видах, пришедших по собственной воле, удививших все галактическое сообщество, и требовавших права самим выбрать себе патронов. Фибен услышал стон. Он посмотрел вниз и увидел, как Железная Хватка, дрожа, приподнимается на локтях. Пропитанная кровью пыль покрывала шена с ног до головы.

«Надо кончать с ним. Он еще силен», — подумал Фибен, понимая, что сам выглядит не лучше.

Он поднял ногу. В общем-то это не трудно… Посмотрел в сторону и наткнулся на взгляд Гайлет.

Железная Хватка перевернулся на спину. В тупой покорности посмотрел на Фибена.

«Дьявольщина, — Фибен наклонился и протянул руку своему бывшему противнику. — Не понимаю, чего ради мы дрались. Приз у кого-то другого».

Возглас удивления пронесся над толпой. Со стороны губру слышались крики отчаяния. Фибен поднял Железную Хватку, помог ему твердо встать на ноги и посмотрел на творение горилл, вызвавших это смятение.

Появилось лицо теннанинца. Огромное четкое изображение повисло в фокусе гиперпространственного шунта. Оно вполне могло быть лицом брата Каулта.

«Такое трезвое, серьезное, искреннее выражение», — подумал Фибен.

Такое типично теннанинское.

Некоторые галакты удивленно восклицали, остальные же словно застыли.

Все, кроме Утакалтинга, чье восхищение по-прежнему лучилось во все стороны, как фейерверк.

— З'вуртин'с'татта… я так трудился ради этого, но даже я не предполагал…

Титаническое изображение теннанинца сдвинулось в туманном овале. Все увидели толстую шею с дыхательными щелями, потом могучий торс. Но когда показались его руки, стало очевидно, что он с обеих сторон держит за руки двоих.

— Зафиксируйте должным образом, — сказал главный испытатель своим помощникам. — Неизвестного наименования клиенты первой стадии, предполагаемое название гартлинги, выбрали в качестве патронов теннанинцев. А в качестве консортов-представителей — неошимпанзе и людей совместно.

Роберт Онигл заорал. Кордвайнер Эпплби, поразившись, опустился на колени. Оглушительно кричали губру.

Фибен почувствовал, как в его руку скользнула ладонь. Во взгляде Гайлет смешались гордость и колкость.

— Ну хорошо, — вздохнул он. — Нам бы все равно их не оставили. А так мы хоть навещать их сможем. И я слышал, что теннанинцы не худшие из ити.

Гайлет покачала головой.

— Ты знал об этих существах и не говорил мне?

Фибен пожал плечами.

— Ну, это считалось тайной. Ты была занята. Не хотел тревожить тебя несущественными подробностями. Mea culpa. Не бей меня, пожалуйста.

Ее глаза вспыхнули. Но потом она вздохнула и посмотрела на вершину холма.

— Скоро все поймут, что никакие это не гартлинги, а земные существа.

— И что тогда будет?

Настала ее очередь пожимать плечами.

— Наверно, ничего. Откуда бы они ни происходили, они явно готовы к возвышению. Люди подписали договор — кстати, несправедливый, —

запрещающий возвышать их земному клану. Я думаю, сохранится нынешнее положение. Fait accompli[17]. Ну, да ладно, нам хоть какая-то роль отводится: следить за правильным выполнением работы.

Подземное гудение стихало, все сильнее слышались хриплые крики губру.

Но главный испытатель казался невозмутимым. Он отдавал приказы помощникам, собирал записи, указывал, какие тесты предстоит провести, диктовал срочные сообщения в центральный Институт.

— И мы должны помочь Каулту информировать его клан, — добавил главный испытатель. — Несомненно, эта новость вызовет большое удивление.

Фибен видел, как сюзерен Луча и Когтя забрался во флаер и улетел на большой скорости. Порывом ветра взъерошило оперение оставшихся птицеподобных.

Так уж случилось, что взгляды Фибена и сюзерена Праведности, одиноко стоявшего на своем насесте, встретились. Теперь чужак держался прямо. Он не обращал внимания на кудахтанье

---

[17] notes: 17
свершившийся факт (фр.)

своих спутников. Фибен поклонился.

Спустя несколько мгновений чужак, в свою очередь, вежливо склонил голову.

Над вершиной с поющими гориллами, официально теперь самыми младшими клиентами в пяти галактиках, туманный овал сокращался и уходил в сужающийся туннель. Но прежде чем он исчез, собравшиеся увидели нечто поразительное, чего раньше никто никогда не видел… и вряд ли когда-либо увидит.

Наверху, в небе, изображения теннанинца, шимпа и человека посмотрели друг на друга. Потом большая голова теннанинца откинулась, и он рассмеялся; он натурально хохотал, просто ревел от смеха, то есть делал то, чего теннанинец делать не может.

Только Утакалтинг и Роберт Онигл из всех пораженных зрителей присоединились к смеху этой призрачной фигуры. Изображение, продолжая хохотать, уменьшилось и поглотилось закрывшейся дырой в пространстве. На его месте загорелись звезды.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ГРАЖДАНЕ

Я ничтожество,
Неприятное слуху и зрению,
Я обезьяна с синим задом
И прыгаю по деревьям рая.
Роберт Льюис Стивенсон «Портрет»

Глава 92
ГАЛАКТЫ

— Они существуют! Они реальны! Они есть!

Собравшиеся чиновники и офицеры губру наклонили головы и воскликнули в унисон:

— Зуууун!

— Нам отказали в награде, отказали в чести, отказали в возможности, и все ради скулящих ничтожеств! Теперь цена возрастет, увеличится, приумножится!

Сюзерен Стоимости и Бережливости стоял в углу среди кучки своих верных последователей, а со всех сторон доносилась брань. Каждый раз, как собравшиеся подхватывали свой рефрен,

сюзерен вздрагивал.

Сюзерен Праведности, выпрямившись, стоял на своем насесте. Он расхаживал взад и вперед, демонстрируя новую расцветку, появившуюся под его плюмажем слияния. Собравшиеся губру и кваку отвечали на это зрелище преданными воплями.

— А теперь непокорный, упрямый, несговорчивый препятствует нашему Слиянию и консенсусу, которые могли предоставить нам хоть что-то. Честь и союзников. Мир.

Сюзерен говорил о своем отсутствующем собрате, который вроде бы не посмел явиться и предстать перед новым цветом и превосходством Праведности.

Торопливо приблизился четвероногий кваку, поклонился и передал на насест предводителя сообщение. Потом, словно спохватившись, сделал копию и отнес сюзерену Стоимости и Бережливости.

Новости с пункта перехода Пурмин не удивили: множество больших космических кораблей приближается к Гарту. После катастрофы на церемонии возвышения такое прибытие ожидалось.

— Итак? — обратился сюзерен Праведности к присутствующим офицерам. — Планирует ли

Луч и Коготь защищать эту планету вопреки всем советам, всей мудрости, всей чести?

Офицеры, конечно, понятия не имели. Они покинули своего командующего, когда Слияние неожиданно изменило направление.

Сюзерен Праведности исполнил танец нетерпения.

— Вы не приносите мне добра, не приносите добра клану, бездействуя.

Идите, ищите, вернитесь на свои посты. Выполняйте свой долг по его приказу, но сообщайте мне все его планы и намерения!

Сюзерен сознательно использовал местоимение мужского рода. Слияние еще не завершилось, но все видели, в какую сторону дует ветер.

Офицеры поклонились и бросились из павильона.

Глава 93
РОБЕРТ

Замусоренный Церемониальный Холм опустел. Сильный восточный ветер разносил опавшую листву и волокна, принесенные с далеких гор. Тут и там на нижних террасах рылись в мусоре городские шимпы в поисках сувениров. Вверху

оставались отдельные павильоны. Среди них несколько больших черных существ лениво расчесывали шерсть друг другу и сплетничали на языке жестов, как будто нет в мире ничего важнее того, кто с кем спарится и что будет на ужин.

Роберту казалось, что гориллы вполне довольны жизнью. «Я завидую им», — подумал он. В его случае даже большая победа не положила конец тревогам.

На Гарте по-прежнему опасно, даже опаснее, чем две ночи назад, когда волею судьбы и случая совершилась церемония возвышения: это никогда не забудется.

Жизнь иногда беспокойна, вернее всегда.

Роберт вернулся к письму, которое чиновники Института возвышения передали ему час назад.

> "...Конечно, трудно старой женщине, особенно такой своенравной, как я, признавать, что я ошиблась в собственном сыне. Мне очень жаль, но я была несправедлива к тебе.
>
> В свое оправдание могу только сказать, что внешность бывает обманчива, а твое поведение раздражало меня. Вероятно, мне следовало заглянуть под поверх-

ность и заранее увидеть силу, которую ты проявил в последние месяцы. Но мне это и в голову не приходило. Возможно, я боялась слишком присматриваться к своим чувствам.

Во всяком случае мы сможем поговорить об этом после наступления мира.

А пока скажу, что я горжусь тобой. Твоя страна и твой клан в долгу перед тобой, так же как и твоя благодарная мать.

С любовью, Меган."

Странно, подумал Роберт, столько лет пытаться добиться одобрения матери, а теперь не знать, что с этим делать. Он испытывал ироническую симпатию к матери: ей действительно трудно было признать свою ошибку. И потому прощал холодноватый тон письма.

Весь Гарт видел в Меган Онигл снисходительную добрую женщину и способного администратора. И только ее бродячие мужья и Роберт знали другую Меган, приходящую в ужас от постоянных обязанностей и больше всего боящуюся проявить личные пристрастия. В первый раз за всю жизнь Роберт видел, что она признает свои ошибки в важном деле, имеющем отношение к ее личной

жизни.

Все расплывалось, и Роберт закрыл глаза. Он обвинял в этих симптомах поля поднимающегося звездного корабля, шум двигателей которого доносился из космопорта. Роберт утерся и посмотрел на огромный лайнер, серебристый и почти ангельский в своей спокойной красоте. Корабль поднялся и неторопливо прошел над головой по пути к пространству и далее.

— Еще одна стая бегущих крыс, — пробормотал Роберт.

Утакалтинг даже не повернулся. Он лежал, опершись на локти, и смотрел на серые воды.

— Галактические гости получили больше, чем ожидали, Роберт. Церемонии возвышения с них достаточно. Перспектива космического сражения и осады их привлекает гораздо меньше.

— И с меня того и другого достаточно, — добавил Фибен Болджер, не открывая глаз. Он лежал чуть ниже на склоне, головой на коленях Гайлет Джонс. Она не нашла что сказать и сосредоточилась на распутывании узелков его шерсти, стараясь не задеть свежие синяки и царапины. А Джо-Джо тем временем расчесывал ноги Фибена.

«Ну, он это заслужил», — подумал Роберт. Хотя церемонией возвышения завладели гориллы,

баллы, набранные на испытаниях, сохраняются. Если Земля выпутается из своих нынешних неприятностей и сможет позволить себе расходы на новую церемонию, два провинциала с Гарта пойдут во главе процессии из самых умных шимпов. И хотя Фибена как будто это не интересовало, Роберт гордился своим другом.

На тропе показалась шимми в простом платье. Она коротко поклонилась Утакалтингу и Роберту.

— Хотите знать последние новости? — спросила Микаэла Ноддингс.

— Я нет, — ответил Фибен. — Пусть Вселенная идет…

— Фибен, — мягко упрекнула Гайлет. Она посмотрела на Микаэлу. — Я хочу.

Шимми села и начала работать над другим плечом Фибена. Усмиренный, он снова закрыл глаза.

— Каулт получил сообщение от своих, — сказала Микаэла. — Теннанинцы уже на пути сюда.

— Уже? — Роберт свистнул. — Они не теряют времени.

Микаэла покачала головой.

— Народ Каулта уже связался с Советом Земли, чтобы договориться о покупке генетической базы

невозделанных горилл и нанять земных экспертов в качестве консультантов. — Надеюсь, Совет выторгует хорошую цену.

— Нищим выбирать не приходится, — сказала Гайлет. — Согласно некоторым из галактических наблюдателей, Земля в отчаянном положении, как и тимбрими. Если сделка означает, что теннанинцы перестают враждовать с нами и становятся союзниками, это жизненно важно.

«А цена сделки — утрата горилл, наших родственников и клиентов», — думал Роберт. В вечер церемонии он обращал внимание только на забавную сторону случившегося, смотрел на происходящее вместе с Утакалтингом, как тимбрими. Но теперь невозможно было не задуматься о цене.

«Ну, прежде всего они никогда не были нашими, — напомнил он себе. — Так мы, по крайней мере, будем помогать в их воспитании. Опять же, Утакалтинг говорит, что есть среди теннанинцев и неплохие».

— А как же губру? — спросил он. — Они договорились заключить мир с Землей в обмен на согласие на церемонию.

— Ну, это не совсем то, что они имели в виду — ответила Гайлет. — А вы как считаете, посол

Утакалтинг?

Щупальца тимбрими лениво обвисли. Весь вчерашний и сегодняшний день он создавал сложные глифы далеко превосходящие возможности Роберта кеннировать. Словно радовался чему-то утраченному и обретенному вновь.

— Они будут действовать в собственных интересах, конечно, — сказал Утакалтинг. — Вопрос в том, хватит ли у них здравого смысла, чтобы не навредить себе.

— Что вы имеете в виду?

— Губру начинали эту экспедицию с разными целями. Их триумвират отражает конфликт между фракциями дома. Первоначальная цель экспедиции — захват населения Гарта в заложники и посредством этого, проникновение в тайны Совета Земли. Но потом им стало известно, что Земля не больше других знает о том, что именно открыл этот ваш гнусный дельфиний корабль.

— А какие-нибудь новости о «Стремительном» поступали? — прервал Роберт.

Выпустив по спирали глиф паланк, Утакалтинг вздохнул.

— Дельфины каким-то чудом ушли из ловушки, поставленной для них десятком самых фанатичных кланов, — это само по себе поразительно, — и

теперь «Стремительный» затерялся на звездных линиях. Фанатиков унизили, и напряжение в Галактике возросло. Это одна из причин растущего страха Повелителей Насестов губру.

— Поэтому, когда захватчики обнаружили, что брать заложников для выуживания секретных сведений бессмысленно, они ухватились за другую возможность извлечь выгоду из этой дорогостоящей экспедиции, — предположила Гайлет.

— Верно. Но когда погиб первый сюзерен Стоимости и Бережливости, равновесие в их триумвирате нарушилось. Вместо продвижения к консенсусу в политике все три сюзерена погрузились в необузданное соперничество за верховное положение в их Слиянии. Я не уверен, что даже сейчас понимаю все их замыслы и планы. Но последний замысел, наконец осуществленный ими, дорого им обойдется. Вульгарное вмешательство в правильный ход церемонии возвышения — серьезное дело.

Роберт видел, как Гайлет вздрогнула от отвращения. Вспомнила, как на нее давили. Не открывая глаз, Фибен взял ее за руку.

— Ну, так к чему же мы пришли? — спросил Роберт у Утакалтинга.

— И здравый смысл, и честь требуют, чтобы губру сдержали данное Земле слово. Для них это единственный разумный выход.

— Но вы не уверены, что они его видят?

— Разве иначе я оставался бы здесь, на нейтральной почве? Мы бы с вами, Роберт, вместе с Атакленой, ели припрятанную мною кхугру и другие деликатесы и часами говорили бы… о многом. Но не сделаем этого, пока губру не выберут между логикой и самоуничтожением.

Роберт ощутил холодок.

— И насколько вероятно второе? — спросил он тихим голосом. Шимпы, однако, услышали.

Утакалтинг осмотрелся. Вдохнул, как запах, вина сладкий прохладный воздух.

— Прекрасная планета, — вздохнул он. — Но она пережила кошмар. Иногда так называемая цивилизация стремится уничтожить то, что призвана оберегать.

Глава 94
ГАЛАКТЫ

— За ними! — воскликнул сюзерен Луча и Когтя. — За ними! Догнать их!

Солдаты Когтя и их боевые роботы обрушились

на небольшую колонну неошимпанзе, захватив их врасплох. Волосатые земляне пытались противостоять, они начали стрелять из своего разносортного оружия по наступающим губру. Действительно, разорвались два огненных шара, разбросав клочки обожженных перьев. Но в целом сопротивление было бесполезно. Вскоре сюзерен уже расхаживал среди остатков деревьев и трупов млекопитающих. Он разносил офицеров, докладывавших только об убитых шимпах.

Ведь ходили слухи и о других — людях и тимбрими и трижды проклятых теннанинцах, наконец! Неужели невозможно найти ни одного из них? Они все сговорились! Это заговор!

Теперь непрерывным потоком идут сообщения, просьбы, требования, чтобы адмирал вернулся в Порт-Хелению. Чтобы он присоединился к другим предводителям для встречи, совещания, консенсуса.

Консенсус! Адмирал покажет им консенсус! Он вернет себе лидирующее положение! И единственный способ сделать это после катастрофы на церемонии возвышения — продемонстрировать эффективность военного выбора. А когда теннанинцы явятся за своим призом — гартлингами, их встретит сила! Пусть попробуют проводить

возвышение своих новых клиентов в глубоком космосе!

Конечно, чтобы не допустить их на планету, чтобы вернуть ее Повелителям Насестов, необходима абсолютная уверенность, что не будет нападения в спину. Партизанщину необходимо подавить.

Сюзерен Луча и Когтя не признался бы даже себе, что на его решение повлияли гнев и жажда мести. Признать это означало бы попасть во власть к сюзерену Праведности. Уже и так несколько лучших офицеров переметнулись, но лицемерный верховный священник вернул их. И это особенно раздражало.

Адмирал решил вернуть себе их преданность — испытанным способом, победой!

— Новые детекторы работают, действуют, они эффективны! — Он исполнил танец удовлетворения. — Они позволяют нам выслеживать землян, не нюхая специальных материалов. Теперь мы выслеживаем их по их собственной крови!

Помощники сюзерена разделяли его удовлетворение. При таких темпах все противники скоро вымрут.

Но ликование мигом спало, когда пришло сообщение, что один из их транспортных кораблей

вышел из строя. Еще одна жертва той чумы разложения, что обрушилась на оборудование губру в горах и в долине Синда. Сюзерен приказал провести немедленное расследование.

— Не имеет значения! Мы разместимся в остающихся транспортах. Никто, ничто, никакое происшествие не остановит нашу охоту.

Солдаты подхватили:

— Зуууун!

Глава 95
АТАКЛЕНА

Она смотрела, как заросший человек в четвертый раз читает сообщение, и думала, правильно ли поступает. Со спутанными волосами, бородатый и обнаженный, майор Пратачулторн казался символом диких хищных волчат… слишком опасное существо, чтобы ему верить.

Он взглянул на сообщение, и на мгновение она почувствовала его бешеное напряжение, дрожью пробежавшее по плечам и мощному торсу.

— Похоже, мне приказано простить вас, мисс, и следовать вашей политике. — Голос его звучал хрипло. — Значит ли это, что меня освободят под клятвенное обещание? Откуда мне знать, что это

подлинный приказ?

Атаклена знала, что у нее нет выбора. В предстоящие дни она не сможет выделять шимпов для охраны Пратачулторна. Таких, на кого она может рассчитывать, кто не поддастся властному голосу землянина, очень мало, и майор уже четырежды едва не сбежал. Альтернатива одна — прикончить его немедленно. А это выше ее сил.

— Не сомневаюсь, что вы убьете меня, если обнаружите, что приказ подложный, — ответила Атаклена.

Он сверкнул зубами.

— Даю вам слово, — заверил он.

— А еще?

Он закрыл и снова открыл глаза.

— Согласно этому приказу правительства в изгнании у меня нет выбора.

Я должен действовать так, словно меня не похищали. Мятежа никогда не было, и мои действия должны соответствовать вашим советам. Я согласен, но вы должны знать, что при первой же возможности я буду апеллировать к командованию на Земле. А они обратятся с этим вопросом в Совет. И как только координатора Онигл снимут, я вас отыщу, моя юная тимбрими. Я вернусь к вам.

Неприкрытая ненависть, звучавшая в его словах, заставила ее вздрогнуть и одновременно вызвала уверенность в себе. Этот человек ничего не скрывает. В его словах — один смысл. Атаклена кивнула Бенджамину.

— Выпусти его.

Отводя взгляды от темноволосого человека, шимпы с несчастным видом опустили клетку и открыли дверцу. Пратачулторн вышел, разминаясь. Потом совершенно неожиданно подпрыгнул и оказался рядом с Атакленой. И рассмеялся, когда Атаклена и шимпы попятились.

— Где мои люди? — резко спросил он.

— Точно не знаю, — ответила Атаклена, пытаясь прекратить гир-поток. — Мы разбились на небольшие группы. Нам даже пришлось оставить пещеры, так как губру о них узнали.

— А это место? — Пратачулторн указал на парящие склоны горы Фосси.

— Мы ожидаем нападения врага в любой момент, — честно ответила она.

— Ну, что ж, — сказал он. — Я не верю и половине того, что вы мне рассказали вчера об этой «церемонии возвышения» и ее последствиях. Но должен отдать вам должное: по-видимому, вы с папочкой хорошо позлили губру.

Он принюхался, словно пытался взять след.

— Я полагаю, у вас найдется для меня карта и накопитель информации?

Бенджамин принес портативный компьютер, но Пратачулторн поднял руку.

— Не сейчас. Прежде всего давайте убираться отсюда. Я хочу уйти подальше.

Атаклена кивнула. Она понимала его чувства.

Он рассмеялся, когда она отклонила его ироничный поклон и попросила идти первым.

— Как хотите, — бросил он.

Скоро они уже бежали под покровом густой листвы. И немного погодя услышали гром в том месте, где находилось убежище. Однако небо осталось безоблачным.

Глава 96
СИЛЬВИЯ

Ночь освещалась яркими огнями, которые отбрасывали четкие тени, опускаясь на землю. Они действовали неожиданно, ошеломляюще, заглушая шум боя и крики умирающих.

Посылали огненные факелы в небо защитники, потому что нападающим свет был ни к чему. Они, руководствуясь радаром и приборами ин-

фракрасного видения, атаковали уверенно и смертоносно, и мешали им только ослепительные вспышки.

Шимпы бежали из своего темного, без костров лагеря во всех направлениях, бежали голые, прихватив только еду и оружие, в основном из укромных горных поселков, сожженных при недавнем наступлении. Несколько шимпов, прошедших школу партизанской войны, оставались сзади в отчаянной попытке прикрыть отступление.

Они испробовали все способы, чтобы обмануть смертоносные и точные детекторы врага. Вспышки автоматически мешали активным и пассивным сенсорам. И им удалось замедлить продвижение птицеподобных, но лишь незначительно. Однако запас вспышек невелик.

К тому же у врага появилась новая тайная система, которая позволяла выслеживать шимпов даже сквозь самую густую растительность, даже обнаженных, вообще без признаков цивилизации.

Преследуемые могли только разбиться на небольшие группы. И тем, кто сумеет уйти, предстояло жить как животным, в одиночестве, в лучшем случае парами, испуганно озираясь под

небом, которое когда-то принадлежало им.

Сильвия помогала пожилой шимми и двум детенышам подняться по переплетенному лианами стволу, когда вставшие дыбом волосы подсказали ей, что поблизости заработал гравидвигатель. Она знаком велела всем укрыться, но что-то — может быть, неровный звук моторов, — заставило ее задержаться, выглянуть из-за упавшего дерева. Она разглядела в темноте тусклый беловатый корпус, который пробил освещенную звездами листву и с грохотом исчез в джунглях.

Сильвия смотрела на темный туннель, пробитый упавшим кораблем.

Слушала, кусая ногти, как опадают сорванные ветви и листья.

— Донна, — прошептала она. Пожилая шимми подняла голову. — Ты можешь одна с детьми добраться до места встречи? Тебе нужно только дойти до ручья, а потом идти по течению, пока не увидишь небольшой водопад и пещеру. Сможешь?

Донна помолчала, сосредоточившись, потом кивнула.

— Хорошо, — сказала Сильвия. — Когда встретишь Петри, скажи, что я видела, как упал вражеский разведчик, и решила взглянуть на него.

Глаза пожилой шимми от страха расширились, так что стали видны белки вокруг радужной оболочки. Она несколько раз кивнула, потом протянула руки к детям. К тому времени, как те прижались к ней, Сильвия уже исчезла в туннеле из сломанных ветвей.

«Зачем я это делаю?» — думала Сильвия, проходя под расколотыми деревьями; из разломов еще сочилась жидкость. Слышались шорохи животных, они убегали от своих разрушенных жилищ. Волосы Сильвии встали дыбом от запаха озона. А когда она подошла ближе, ощутила еще один знакомый запах — запах пережаренной птицы.

Все казалось странным в полутьме. Никакого цвета, кроме разнообразных оттенков серого. Когда перед ней показался белый корпус разбившегося корабля, Сильвия увидела, что он лежит на склоне под углом в сорок градусов и нос его поврежден от удара.

Она слышала легкий треск — разряды какого-то электронного оборудования. Кроме него, изнутри не доносилось ни звука. Главный люк сорван с петель.

Касаясь все еще теплого корпуса, Сильвия осторожно подошла поближе.

Дотронулась до сопла одного из гравитаци-

онных двигателей, пальцы ее нащупали пятна ржавчины. «Плохое обслуживание, — подумала она, отчасти для того, чтобы мозг был чем-то занят. — Может, поэтому он разбился?» Во рту у нее пересохло, сердце ушло в пятки, когда она ухватилась за отверстие и перегнулась через край, вглядываясь внутрь.

Два губру, привязанные ремнями, свисали с кресел, шеи у них были сломаны.

Сильвия попыталась сглотнуть. Заставила себя поднять ногу и осторожно ступить на наклонную палубу. Сердце у нее чуть не лопнуло, когда плиты палубы заскрипели и один из солдат Когтя пошевелился.

Но это только скрипы и оседания разбитого корабля.

— О Гудолл! — простонала Сильвия, убирая руку с груди. Трудно сосредоточиться, когда инстинктивно ей хочется убраться отсюда.

Как это было с ней на протяжении многих дней, Сильвия попыталась представить себе, как бы поступила в таких обстоятельствах Гайлет Джонс.

Она понимала, что никогда не станет такой шимми, как Гайлет. Дело не только в карте. Но если она очень постарается…

— Оружие, — прошептала она и заставила себя

дрожащими руками забрать оружие у солдат. Секунды казались ей часами, но скоро два сабельных ружья и два пистолета пополнили груду у люка. Сильвия уже собиралась выползти, как вдруг хлопнула себя по лбу.

— Дура! Сведения нужны Атаклене больше этих хлопушек!

Она вернулась в рубку и осмотрелась, думая, сумеет ли распознать что-нибудь интересное и значительное, даже если оно прямо перед ней.

«Ну, давай. У тебя полноправное земное гражданство, ты почти закончила колледж. И несколько месяцев работала на губру».

Сосредоточившись, она узнала приборы управления полетом и — по символам, напоминающим снаряды, — оружейную консоль. На экране, еще освещенном садящимися батареями, рельефная карта местности, со множеством значков и надписей на галактическом-три.

«Может, они с помощью этого находят нас?» — думала Сильвия.

Шкала, сразу под экраном, на ней знакомые ей слова из языка врага.

Надпись — «Выбор частоты». Она осторожно коснулась таблички.

В нижнем углу экрана образовалось окно. В нем

текст, слишком сложный, чтобы она его поняла. Сильвия сосредоточенно всматривалась в слова сразу под диаграммой. Вспоминала буквы галактического-три.

— Ге… гем… мог…

И вдруг почувствовала, что ее кожа покрылась пупырышками. Она провела языком по пересохшим губам и прошептала одно-единственное слово:

— Гемоглобин.

Глава 97
ГАЛАКТЫ

— Биологическая война! — Сюзерен Луча и Когтя прыгал на мостике крейсера, который сделал своим штабом, и указывал на техника-кваку, принесшего новость. — Коррозия, разложение, эта чума механизмов и вооружения — все это создано сознательно?

Техник поклонился.

— Да. Действуют несколько агентов: бактерии, грибки, плесень. Как только это стало ясно, немедленно были приняты контрмеры. Потребуется время, чтобы обработать все зараженные поверхности созданными нами организмами, но

успех несомненен. Постепенно это станет легкой помехой.

«Постепенно, — с горечью думал адмирал. — Как доставляют этих агентов?»

Кваку достал из кармана кусок материала, напоминающего кожу и перевязанного тонкими нитями.

— Когда наши машины начали падать в горах, мы проконсультировались у Библиотеки и расспросили местных жителей. Раздражающие вторжения переносчиков спор постоянно случаются на континенте с приходом зимы, поэтому мы на них не обратили внимания.

— Однако сейчас приходится считать, что горным повстанцам удалось заразить этих переносчиков спор микроорганизмами, разрушающими наше оборудование. К тому времени, как мы это обнаружили, зараза распространилась повсеместно. Очень изобретательный заговор.

Адмирал расхаживал по мостику.

— Насколько велик, насколько серьезен, насколько катастрофичен ущерб?

Снова низкий поклон.

— Заражена треть нашего наземного оборудования. Две защитные батареи космопорта не смогут действовать в течение десяти планетных

дней.

— Десять дней!

— Как вы знаете, мы больше не получаем запасных частей из дома.

Адмиралу не следовало напоминать об этом. И так уже большинство маршрутов, ведущих к Гимельхаю, перекрыто приближающимися армадами, которые теперь терпеливо разряжают мины в окрестностях Гарта.

И мало того — два других сюзерена объединились против адмирала. Они ничего не могли сделать, чтобы предотвратить сражение, если адмирал решит сопротивляться, но они отказали ему в религиозной и административной поддержке. И это уже начинает сказываться.

Напряжение усилилось. В голове адмирала пульсировала боль.

— Они заплатят! — закричал сюзерен. — Будь прокляты эти ограниченные святоши и счетчики яиц!

Сюзерен Луча и Когтя вспомнил великий флот, который он привел в эту систему. Но уже давно Повелители Насестов отозвали большую часть кораблей для выполнения других заданий. И теперь, наверно, многие из этих кораблей превратились в дымящиеся руины на бесконечных

галактических маршрутах.

Чтобы избавиться от таких мыслей, адмирал стал обдумывать, как потуже затянуть петлю вокруг сопротивляющихся горных повстанцев. Ну, по крайней мере, хоть это кончится.

Пусть тогда Институт возвышения попробует установить нейтралитет священного Церемониального Холма на планете, охваченной пламенем войны!

При таких обстоятельствах снаряды часто летят не туда, «случайно» падают на города или даже на нейтральную почву.

Какая жалость! Конечно, нужно будет выразить соболезнования. Но таковы капризы войны!

Глава 98
УТАКАЛТИНГ

Больше не нужно скрывать свои сердечные желания или сдерживать чувства. Неважно, что детекторы чужаков могут уловить его психическое излучение. И так известно, где его можно будет найти в свое время.

На рассвете, когда восток постепенно светлеет и за тучами встает солнце, Утакалтинг шел по покрытым росой склонам, посылая во все стороны

все свое состояние.

Чудо, случившееся несколько дней назад, оживило куколку его души. Он считал, что там царит вечная мерзлота, но теперь снова появились молодые побеги. И люди, и тимбрими считают величайшей силой любовь. Но кое-что следует сказать и об иронии.

«Я живу и кеннирую мир прекрасным».

Он вложил все свое мастерство в глиф, который поплыл, тонкий и светлый, над волнующимися щупальцами. Оказаться в этом месте, совсем рядом с тем, где вынашивались его планы… ощутить на собственной шкуре, как все его розыгрыши обернулись против него же и принесли ему все желаемое, но таким поразительным способом…

Рассвет окрасил зимний ландшафт — берег моря, обнаженные сады, покрытые брезентом суда. Воды залива покрыты полосами пены. Но солнце греет.

Утакалтинг думал о вселенной, такой странной, такой причудливой, полной опасностей и трагедий.

Впрочем, и сюрпризов тоже.

«Сюрприз… благословение, говорящее нам, что все реально, — он расставил руки, словно

пытаясь обнять весь мир, — даже те из нас, кто обладает самым богатым воображением, не могут себе представить все полностью».

Он не освобождал глиф. Тот высвободился как будто сам по себе и поднялся, против воли утреннего ветра, поплыл туда, куда несет его случай.

Потом длительные совещания с главным испытателем, Каултом, Кордвайнером Эпплби, постоянные просьбы посоветовать, как лучше. Он пытался не разочаровать их.

В полдень Роберт Онигл отвел его в сторону и снова предложил бежать.

Молодой человек хотел вырваться из заключения на Церемониальном Холме и вместе с Фибеном напасть на губру. Все знали о борьбе в горах, и Роберт стремился помочь Атаклене.

Утакалтинг сочувствовал ему.

— Ты недооцениваешь себя, если думаешь, что тебе это удастся, — сказал он молодому человеку.

Роберт замигал.

— Как это?

— Военные-губру теперь хорошо знают, насколько опасны вы с Фибеном.

И, возможно, благодаря моим скромным усилиям меня тоже включили в этот список. Зачем, по-твоему, они держат здесь усиленный патруль,

когда силы им явно нужны в другом месте?

Он указал на корабль, который методично патрулировал территорию Института. Несомненно, даже линии снабжения энергетических установок охлаждающими жидкостями сторожат сложные и дорогие боевые роботы. Роберт предложил было использовать самодельные глайдеры, но враг и это предвидел.

Он получил хороший урок.

— Мы помогаем Атаклене по-другому, — говорил Утакалтинг. — Показываемся врагам, делая вид, что замышляем контрудар. Пугаем существа, которые получают по заслугам: у них нет чувства юмора.

Выражение лица Роберта не изменилось. Но Утакалтинг с радостью отметил созданный молодым человеком глиф, простой вариант кинивуллуна, и рассмеялся. Очевидно, Роберт научился этому — можно сказать, заслужил знания — у Атаклены.

— Да, мой необычный приемный сын. Мы должны внушать губру уверенность, что мальчишки сделают то, что они обычно делают.

Позже, на закате, Утакалтинг неожиданно вышел из темной палатки.

Снова посмотрел на восток, щупальца его раз-

вевались, искали.

Где-то, получив очередное сообщение, напряженно мыслит, ищет выход его дочь. И теперь она так сосредоточена, словно это вопрос жизни и смерти.

Прошло несколько мгновений, и связь оборвалась. Однако Утакалтинг миновал свою палатку, прошел немного в сторону и откинул клапан палатки Роберта. Тот, с искаженным светящимся экраном лицом, оторвался от чтения.

— Мне кажется, я нашел способ убраться отсюда, — сказал Утакалтинг. — По крайней мере на время.

— Давайте, — отозвался Роберт.

Утакалтинг улыбнулся.

— Разве я когда-то не говорил тебе — а может, твоей матери, — что все начинается и кончается Библиотекой?

Глава 99
ГАЛАКТЫ

Положение ужасное. Никак невозможно достичь консенсуса, и сюзерен Праведности в полной растерянности перед разверзающимися все время препятствиями.

Сюзерен Стоимости и Бережливости отчужденно ушел в себя. Управление без соответствующего руководства продолжается по инерции.

А третья их составляющая, их мощь и мужество, сюзерен Луча и Когтя, даже не откликается на просьбы о встрече. Он одержимо придерживается курса, который не только может погубить их, но и опустошить всю эту хрупкую планету. Если это случится, ущерб для уже подорвавшего к себе доверие клана гуксу-губру окажется невосполнимым.

Но что может сделать сюзерен Праведности? Повелители Насестов, занятые своими, более близкими их сердцу делами, ничего не могли посоветовать. Они рассчитывали на экспедицию, на единство триумвирата, на его мудрость. Но Слияние пошло не тем путем, совершенно неправильно. И теперь рассчитывать на его обобщенную мудрость не приходится.

Сюзерен Праведности пребывал в печали и безнадежности. Не просто отчаяние капитана корабля, севшего на мель. Нет, это горе священника, обреченного на святотатство.

Огромная и личная потеря затрагивает самую суть его древнего народа.

Правда, теперь под его белым оперением крас-

ный цвет. Но царица губру, которая достигла этого без радостного согласия и поддержки остальных, находится на особом положении. С ней не разделяют удовольствие, честь, славу.

Честолюбивые надежды сюзерена осуществились, но впереди он видит только горький путь одиночества. Сюзерен Праведности сунул клюв под крыло и по обычаю своего народа негромко заплакал.

Глава 100
АТАКЛЕНА

— Растения-вампиры, — подытожила Лидия Маккью.

Она стояла вместе с двумя морскими пехотинцами, покрытыми одним слоем маскирующего вещества. Предположительно оно должно защитить от обнаружения инфракрасными лучами и вражескими детекторами.

«Растения-вампиры? — подумала Атаклена. — И правда, подходящая метафора».

Она вылила с литр ярко-красной жидкости в темную воду лесного пруда, где сотни крошечных растений слились в одной из вездесущих питательных передаточных станций.

По всей округе на полянах совершался тот же простой ритуал. Атаклена вспомнила волшебные сказки волчат про магические обряды в заколдованных лесах, про тайные заклинания. При случае надо будет рассказать отцу об этой аналогии.

— Действительно, — сказала она лейтенанту Маккью. — Мои шимпы почти всю свою кровь отдали для наших целей. Очевидно, есть более безобидные методы, но у нас нет времени.

Лидия хмыкнула и кивнула. Земная женщина все еще боролась сама с собой. По логике вещей понятно, что, если бы майор Пратачулторн оставался в лагере, результаты были бы катастрофическими. Весь ход событий доказал правоту Роберта и Атаклены.

Но лейтенант Маккью не могла так легко отринуть присягу. Женщины совсем недавно подружились, они часами делились своими переживаниями и мыслями о Роберте. Но теперь правда о мятеже и похищении майора Пратачулторна пропастью легла между ними.

Красная жидкость струилась между корешками. Подвижные лианы уже впитывали новое вещество.

Не было времени на сантименты, надо было

любыми способами осуществлять идею, родившуюся на основании данных Сильвии. «Гемоглобин. У губру есть детекторы, настроенные на резонанс с главным содержимым крови землян. И такие чувствительные приборы, конечно же, невероятно дорогие!» Надо найти способ противостоять новому оружию, иначе Атаклена рисковала оказаться последним разумным существом в горах. Единственно возможное решение ужасающее и воочию доказывало притязания нации на своего представителя. Теперь ее партизаны обескровлены от слабости, едва держатся на ногах и даже сменили ее прозвище: называли ее не генералом, а графиней, и скалили при этом зубы.

К счастью, еще оставалось несколько специалистов-шимпов, в основном помощников Роберта при выведении микроорганизмов, разрушающих технику врага. Они помогали в спешных экспериментах.

«Связать молекулы гемоглобина с веществами, которые двинутся по лианам. Новая комбинация должна им понравиться, и надо молиться, чтобы лианы поскорее разнесли вещество по всему лесу».

Появился посыльный и что-то прошептал лейтенанту Маккью. Лидия, в свою очередь, об-

ратилась к Атаклене.

— Майор почти готов, — сказала смуглая женщина. А потом небрежно добавила:

— И наши разведчики докладывают о приближающихся воздушных кораблях.

Атаклена кивнула.

— Здесь мы закончили. Давайте разделимся. Ближайшие часы покажут.

Глава 101
ГАЛАКТЫ

— Есть! Мы регистрируем сосредоточение, собрание, сборище наглого врага. Волчата бегут в предполагаемом направлении. Мы должны ударить, обрушиться, уничтожить!

Детекторы ясно показывали тропы в лесу. Сюзерен Луча и Когтя отдал приказ, и отборная бригада солдат Когтя обрушилась на небольшую долину, устроив ловушку противнику.

— Мне нужны пленники, заложники, заключенные. Я должен их допросить!

Глава 102

МАЙОР ПРАТАЧУЛТОРН

Приманка оказалась неуловимой. Наживка состояла из едва обнаруживаемого потока молекул, проходящих через сложную сеть лесных растений. Вообще майор Пратачулторн сомневался даже, что молекулы здесь присутствуют. Сложно в это поверить. Он чувствовал себя одураченным, организуя засады вокруг прудов в безлюдной лесной долине.

Но было что-то обнадеживающее, почти поэтическое в этой ситуации. И если трюк подействует, сегодня его ждет упоение битвы.

Ну а если нет, он удовлетворится тонкой шеей чужака, чего бы это ему ни стоило, даже если под угрозой карьера и жизнь.

— Фенг! — крикнул он одному из пехотинцев. — Шевелись! — Капрал тут же проверил, не стерт ли маскировочный слой на коже, придававший ей болезненный зеленоватый оттенок. Новый материал приготовили быстро, надеясь блокировать резонанс гемоглобина, который улавливают детекторы врага, выслеживая землян под покровом лесной листвы. Конечно, возможно и то, что их сведения об этих устройствах ошибочны. Пратачулторну приходилось полагаться только

на слова шимми и этой проклятой тим…

— Майор! — прошептал кто-то. Это солдат-шимп, выглядевший нелепо в окрашенной зеленым шерсти. Он делал жесты со ствола дерева. Пратачулторн понял и взмахнул руками в обе стороны.

«Ну, — подумал он, — должен признать: некоторые из шимпов становятся неплохими солдатами».

Серия звуковых ударов сорвала листву, за ней последовал рев приближающихся воздушных кораблей. Они пронеслись над небольшой долиной над самыми вершинами деревьев, следуя с компьютерной точностью согласно изгибам местности. И в назначенный срок солдаты Когтя и сопровождающие их роботы высыпали из продолговатых военных транспортов в джунгли и окружили намеченную рощу. Деревья здесь уникальны: они насыщены химическими соединениями, которые издалека привнесли вездесущие лианы. Но на этот раз лианы доставили и дополнительное соединение. То, что было извлечено из вен землян.

— Стойте, — прошептал Пратачулторн. — Подождите здоровых парней.

И действительно — вскоре все ощутили воз-

действие приближающихся мощных гравитационных полей. На горизонте показался крейсер губру, он завис в нескольких сотнях метров. Вот цель, достойная всех жертв. До сих пор не было известно, где появится этот крейсер. Снаряды повстанцев — хорошее оружие, но они громоздки, их нужно устанавливать заранее. А здесь очень важна внезапность.

— Ждите, — шептал майор, глядя на приближающийся корабль. — Не спугните его.

Внизу солдаты Когтя уже начинали отчаянно чирикать, не обнаружив врага. Не было даже штатских шимпов, которых можно было бы захватить и допросить. В любой момент солдаты могут догадаться. Но майор Пратачулторн по-прежнему повторял:

— Подождите еще минуту…

Но тут один из стрелков-шимпов, должно быть, потерял терпение.

Неожиданно на противоположном склоне долины сверкнула молния. За ней последовали еще три разряда. Пратачулторн пригнулся и закрыл голову.

Яркое сияние словно проникло в его череп, оно распространялось изнутри. Волны deja vu то чередовались с приступами тошноты, и на

мгновение майору показалось, что необычное поле поднимает его над лесным суглинком. И тут ударила взрывная волна.

Прошло какое-то время, прежде чем он поднял голову.

Приходилось вглядываться в тучи пыли и песка, мимо упавших деревьев и разорванных лиан. Осталось лишь обожженное опустошенное пространство там, где несколько мгновений назад висел крейсер губру. Дождь раскаленных докрасна обломков падал, поджигая лес, распространяя лесной пожар.

Пратачулторн улыбнулся. Он пустил в воздух ракету — сигнал наступления.

Часть стоявших на земле вражеских транспортов была повреждена ударной волной. Но три поднялись в воздух и с ревом устремились в сторону нападавших — мстить. Их пилоты и не догадывались, что теперь им противостоят морские пехотинцы с Земли. Поразительно, что может сделать в умелых руках трофейное сабельное ружье. Вскоре на дне долины появились еще три обгорелых пятна.

Снизу надвигались мрачные шимпы, и скоро началась схватка, кровавая битва лазерами и огнестрельными пистолетами, самострелами и

арбалетами.

И когда дело дошло до рукопашной, Пратачулторн понял, что они победили.

«Я не могу оставить местным все заслуги», — подумал он. И присоединился к преследованию. Арьергард губру отчаянно пытался прикрыть отступление выживших. И долго потом уцелевшие шимпы рассказывали, как светло-зеленые бородатые фигуры в набедренных повязках раскачивались на ветвях и, вооруженные ножами и гарротами, нападали на солдат Когтя. Их, казалось, невозможно остановить, и действительно, ничто живое не устояло перед ними.

Поврежденный боевой робот, который ожил после частичного самовосстановления цепей, сделал вывод о связи между гибелью сил губру и этим ужасным существом, которое с радостью рвется в бой. А может, просто произошло замыкание и механизм взорвался.

А майор Пратачулторн осуществил свою мечту: со свирепой улыбкой он сжимал горло пернатого врага, который не имел права появляться на этой планете.

Глава 103
АТАКЛЕНА

«Здорово», — подумала она, когда запыхавшийся посыльный-шимп радостно известил о полной победе. По всем критериям это самая значительная победа повстанцев. «В каком-то смысле сам Гарт стал главным нашим союзником. Его раненая, но еще могучая жизненная цепь».

Губру привлекли молекулы гемоглобина, который переносили с места на место соки вездесущих лиан. Откровенно говоря, Атаклена удивилась, что их наспех подготовленный план сработал. Этот успех доказывает, как глупо полагаться только на сложные механизмы.

«Теперь нужно решить, что делать дальше».

Лейтенант Маккью, дослушав донесение, встретилась взглядом с Атакленой. Две женщины на мгновение ощутили единство.

— Мне надо идти, — сказала наконец, Лидия. — Нужно передислоцироваться, собрать брошенное оборудование и вооружение… Теперь я командую.

Атаклена кивнула; она не могла заставить себя

оплакивать майора Пратачулторна. Но признавала его силу воли и видела в нем настоящего человека-воина.

— Как по-твоему, где они ударят в следующий раз? — спросила она.

— И гадать не буду. Теперь их метод обнаружения не действует. Они, видимо, торопятся. — Лидия задумчиво нахмурилась. — Точно, что флот теннанинцев на пути сюда? — спросила она.

— Представители Института возвышения передали это на открытой волне.

Теннанинцы летят за своими новыми клиентами. И как часть договора, заключенного с моим отцом и Землей, они обязались помочь изгнать губру из этой системы.

Атаклена все еще не пришла в себя от удивления, насколько точно сработал план ее отца. Когда начался кризис, примерно один год Гарта назад, стало ясно, что ни Земля, ни Тимбрим не смогут помочь далекой колонии. А большинство «умеренных» галактов так медлительны и рассудительны, что трудно рассчитывать на их вмешательство. Утакалтинг надеялся одурачить теннанинцев и заставить их выполнить эту работу, столкнуть врагов Земли друг с другом.

План удался, превзойдя все ожидания, потому

что вмешался еще один фактор, ранее неизвестный Утакалтингу, — гориллы. Неужели их массовый поход на Церемониальный Холм был вызван обменом с'устру'туунами, как она вначале решила? Или главный испытатель Института справедливо заметил, что сама судьба позволила новой расе клиентов объявить о себе в нужном месте и в нужное время? Атаклена каким-то образом чувствовала, что есть здесь много непонятного, которое, возможно, никто и никогда не поймет.

— Итак, теннанинцы явятся, чтобы изгнать губру. — Лидия, казалось, не знала, как вести себя в такой ситуации. — Значит, мы победили? Я хочу сказать, что губру не смогут долго им сопротивляться. То есть, даже если бы они остались сильны в военном отношении, губру настолько упали в глазах галактики, что теперь и умеренные примут нашу сторону и мобилизуются.

Проницательность земной женщины впечатляет. Атаклена кивнула.

— В их ситуации можно только вести переговоры, но для этого требуется трезвый ум. Боюсь, что военные-губру ведут себя иррационально.

Лидия вздрогнула.

— Такой враг гораздо опаснее рационального

противника. Он не действует вразрез с собственными интересами.

— Последняя депеша моего отца сообщает, что губру раскололись, — сказала Атаклена. Передачи с территории Института служили для повстанцев теперь лучшим источником информации. Роберт, Фибен и Утакалтинг передавали по очереди, поддерживая дух повстанцев и вызывая сильное раздражение захватчиков. — Будем исходить из предположения, что они окажутся несговорчивыми. — Женщина — морской пехотинец вздохнула. — Если мнение галактики для них Ничего не значит, они могут применить против Гарта космическое оружие. Нам лучше как можно сильнее рассеяться.

— Гм, да. — Атаклена кивнула. — Но если они используют огнеметы или адские бомбы, все погибнет; нам просто не скрыться от этих снарядов. — Я не командую вашими войсками, Лейтенант, но я предпочла бы смерть в смелом бою, который прекратил бы безумие раз и навсегда, чем жизнь, головой в песок, как ваши земные устрицы.

Несмотря на серьезность положения, Лидия Маккью улыбнулась. Иронично сверкнули края ее простой ауры.

— Страусы[18]. Большие птицы, которые называются страусы, прячут головы в песок. А теперь расскажите мне, что вы задумали.

Глава 104
ГАЛАКТЫ

Теннанинец Буоулт максимально раздул свой гребень и пригладил блестящие локтевые иглы, прежде чем выйти на мостик большого военного корабля «Огонь Атанаса». Здесь, у огромного экрана, на котором яркими точками отмечались диспозиции флотов, его ждала делегация людей. Глава делегации, пожилая женщина, у которой щупальца волос кое-где еще сохраняли цвет солнца, вежливо поклонилась под точно рассчитанным углом. Буоулт ответил таким же наклоном верхнего туловища. И жестом указал на экран.

— Адмирал Альварес, я полагаю, вы сами можете убедиться, что последняя из вражеских мин обезврежена. Я готов передать в галактический Институт Цивилизованных Войн сообщение, что

---

[18] notes: 18

английские слова «oysters», устрицы, и «ostriches», страусы, внешне похожи

интервенция губру в эту систему ликвидирована путем force majeur[19].

— Приятно слышать, — сказала женщина. Ее человеческая улыбка — оскал — один из тех знаков, которые интерпретировать легко. Легендарная Элен Альварес, весьма опытная в галактических отношениях, прекрасно сознавала, какой вызывает у многих эффект этот знак волчат. И сознательно решила использовать его.

Что ж, такое тонкое поведение приемлемо в сложной игре переговоров. Буоулт был достаточно честен, чтобы признать, что он тоже прибегает к подобным приемам. Иначе зачем бы ему раздувать свой гребень перед приходом на мостик?

— Приятно будет снова увидеть Гарт, — добавила Альварес. — Надеюсь, мы не станем непосредственной причиной еще одной катастрофы на этой несчастной планете.

— Конечно, мы любой ценой постараемся избежать этого, но если случится худшее, если шайка губру совершенно вышла из-под контроля, поплатится весь их отвратительный клан.

— Меня мало интересуют наказания и компенсация, ведь в опасности разумные существа и

---

[19] notes: 19
обстоятельства, при которых договор утрачивает силу (фр.)

хрупкая экосфера.

Буоулт воздержался от комментариев. «Нужно быть осторожнее, — подумал он. — Нельзя предоставлять кому бы то ни было возможность напоминать теннанинцам, защитникам всякого Потенциала, об их долге — беречь Гарт и подобные ему планеты».

Особенно раздражает, когда такие замечания делают волчата.

«И отныне они всегда будут рядом, будут придираться и критиковать, а нам придется слушать, потому что они консорты-представители наших клиентов. И это наша цена за сокровище, найденное Каултом».

Люди настаивали на скорейших переговорах, как и следовало ожидать от клана, отчаянно нуждающегося в союзниках. Теннанинские вооруженные силы уже ушли отовсюду, где не исключен конфликт с землянами или тимбрими. Но земляне требовали гораздо большего за свою помощь в возвышении новых клиентов, называемых «гориллами».

Они требовали, чтобы великий клан теннанинцев стал союзником презираемых волчат и шутников тимбрими! И это в то время, когда страшный союз соро-танду неудержимо рас-

пространяется по звездным линиям. Да ведь это влечет за собой угрозу уничтожения самого Теннанина!

Если бы Буоулт мог выбирать, то предпочел бы отправиться в ад Ифни и искать союзников там.

Но у него нет выбора. Дома давно усиливаются симпатии к землянам.

Фракция Каулта, одержавшая грандиозную победу и принесшая Великому Клану новое сокровище и почести, возможно, скоро станет правящей. При таких обстоятельствах Буоулт решил, что благоразумнее держать свое мнение при себе.

Приблизился и отдал честь один из младших командиров. — Мы определили линию обороны флота губру, — доложил он. — Корабли сконцентрировались у планеты необычным образом. Наши боевые компьютеры сейчас напряженно работают.

«Гм, да, — думал Буоулт, внимательно разглядывая экран. — Удачное расположение ограниченных сил, в каком-то роде даже оригинальное. Не похоже на губру».

— Неважно, — пропыхтел он. — Это не имеет значения, даже если дипломатические методы не помогут. Они наверняка понимают, что у нас

хватит огневой мощи, чтобы прорваться силой. Они уступят. Должны уступить.

— Конечно, должны, — согласилась адмирал-человек, но в ней не чувствовалось уверенности. Более того, она казалась чем-то обеспокоенной.

— Мы готовы к окружению, — доложил офицер с палубы.

Буоулт быстро кивнул.

— Хорошо. Действуйте. Теперь мы можем связаться с противником и объявить о своих намерениях.

Армада приближалась к скромному солнцу системы, и напряжение усилилось. Хотя теннанинцы гордились отсутствием пси-способностей, Буоулт как будто чувствовал на себе взгляд земной женщины и думал о причинах, почему она кажется ему такой грозной.

«Ведь она всего лишь волчонок», — напоминал он себе.

— Не возобновить ли обсуждение, командующий? — спросила наконец адмирал Альварес.

Разумеется, нужно соглашаться, иного выхода нет. Конечно, лучше решить все заранее, до того как они прибудут и провозгласят манифест осады.

Но Буоулт не собирался подписывать никаких

соглашений без согласования с Каултом. У этого теннанинца вульгарная и… да, фривольная репутация, благодаря которой его и изгнали на эту захолустную планету. Но он умудрился достичь беспрецедентного успеха. И его политическое влияние дома будет огромным.

Буоулт хотел использовать опыт Каулта, чтобы научиться ладить с этими раздражающими существами.

Помощники командующего и делегация землян направились в комнату для совещаний. Но перед уходом Буоулт еще раз взглянул на экран, на расположение флота губру. И с шумом выдохнул.

«Что планируют эти птицеподобные? — подумал он. — Что мне делать, если губру проявят безрассудство?»

Глава 105
РОБЕРТ

В некоторых частях Порт-Хелении теперь прибавилось сторожевых роботов, они надежно охраняли своих хозяев и набрасывались на всех, приближавшихся слишком стремительно.

Однако в других поселениях уже словно про-

изошла революция. Объявления захватчиков, изорванные, валялись в канавах. На углу одной из улиц Роберт увидел новую фреску, помещенную на месте лозунгов губру. В стиле фокалистического реализма она изображала семейство горилл, которые с выражением зарождающегося разума смотрят на светлеющий горизонт. А рядом, защищая их, указывая им дорогу в будущее, стоит пара идеализированных высоколобых неошимпанзе.

О, конечно, на картине есть и человек, и тимбрими, но еле заметные на заднем плане. Роберт подумал: «Весьма любезно, что художник вообще о них не забыл».

Охраняемый челнок Роберта пролетел через перекресток слишком быстро, чтобы можно было разглядеть подробности. Но он подумал, что художник, рисуя шимми, не слишком польстил Гайлет, зато Фибен будет доволен.

Скоро «свободные» части города остались позади, челнок повернул на запад, в район военного режима. После приземления солдаты Когтя вышли первыми и долго провожали взглядами Роберта и Утакалтинга, которые поднимались по лестнице в новое сверкающее здание Библиотеки.

— Дорогая установка, правда? — спросил Роберт

посла тимбрими. — Она останется у нас, когда теннанинцы прогонят птиц?

Утакалтинг пожал плечами.

— Вероятно. И Церемониальный Холм, возможно, тоже. Ваш клан, несомненно, должен получить репарации.

— Однако вы, кажется, сомневаетесь.

Утакалтинг остановился при входе, разглядывая обширное помещение и огромный информационный куб внутри.

— Просто я думаю, что неразумно считать цыплят до встречи с петухом.

Роберт понял: даже поражение губру может обойтись очень дорого.

— Не нужно подсчитывать яйца до того, как они снесены, — сказал Роберт тимбрими, который всегда стремился улучшить понимание земных метафор. На этот раз, однако, Утакалтинг не поблагодарил Роберта, лишь искоса взглянул своими широко расставленными глазами.

— Подумай об этом, — сказал Утакалтинг. Вскоре он уже разговаривал с главным библиотекарем-кантеном. Перестав понимать их богатую интонациями быструю галактическую речь, Роберт начал обход Библиотеки, разглядывая ее устройство и постоянных посетителей.

Не считая нескольких помощников главного испытателя, все читатели были птицеподобными. Присутствующие губру разделены пропастью, которую Роберт не только видел, но и кеннировал. Примерно две трети их толпились слева. Они ворковали и бросали неодобрительные взгляды на меньшую толпу, состоящую почти исключительно из военных. Солдаты, втайне недовольные, но хорошо скрывавшие свое состояние, с важным видом расхаживали по залам, отвечая на неодобрение соплеменников высокомерным презрением.

Роберт и не пытался скрываться. Приятно привлекать к себе внимание — губру, очевидно, знали, кто он. И если его появление мешает их работе, тем лучше.

Подходя к группе губру — судя по цвету лент, это штат верховного священника, — Роберт поклонился под правильным, как он надеялся, углом и улыбнулся, когда вся группа вынуждена была ответить ему тем же.

Наконец он увидел информационный терминал, созданный известным ему способом. Утакалтинг по-прежнему разговаривал с библиотекарем, поэтому Роберт решил попробовать самостоятельно.

Не очень-то получалось. Враги, во-видимому, блокировали информацию о ближайшем космосе и о приближающемся флоте теннанинцев. Но Роберт не сдавался. Время проходило в поисках ключей и паролей к информации.

Он углубился в работу и не заметил, как что-то изменилось.

Автоматические глушители не пропускали звук к его экрану, но, подняв голову, он заметил всеобщее смятение. Губру размахивали пушистыми руками и толпились у экранов. Большинство военных просто исчезли.

«Что с ними?» — удивился Роберт.

Вряд ли губру понравится его попытка заглянуть им через плечо, поэтому он слегка нервничал. Что бы ни случилось, они явно взволнованы!

«Эге! — подумал Роберт. — А может, информация на местной волне?» Он быстро переключил свой экран. До недавнего времени цензура свирепствовала, но сейчас всех военных отозвали, и контролем занималась группа Стоимости и Бережливости. Эти высокомерные апатичные чиновники не в силах были поддержать даже внешнюю дисциплину.

Экран подмигнул, и на нем показался возбуж-

денный репортер-шимп.

«…согласно последним сообщениям, в неожиданных боевых действиях в Мулунских горах еще не заняты все оккупационные силы. Губру пока не решились ответить на манифест приближающегося противника…» Роберт терялся в догадках, провозгласили ли уже теннанинцы свой манифест о намерениях. Ожидалось, что это произойдет только через несколько дней. Но неожиданно вспомнил. В Мулунских горах?

«…мы повторяем заявление, сделанное пять минут назад объединенным командованием армии, которая в настоящий момент приближается к Порт-Хелении».

Изображение на экране изменилось. Вместо комментатора показали недавнюю запись: три фигуры на фоне леса. Роберт недоуменно уставился на экран. Он знал их, причем двоих очень близко. Один — шен по имени Бенджамин. И еще двое — женщины, которых он любит.

«…и поэтому мы бросаем вызов своим угнетателям. В бою, по мнению Института Цивилизованных Войн, мы хорошо проявили себя. Чего нельзя сказать о нашем противнике. Он использовал преступные методы и весьма навредил не участвующим в войне невозделанным видам. И

что хуже всего — противник солгал».

Роберт разинул рот. На экране появился отряд шимпов с самым разнообразным вооружением. Шимпы выходили из леса на открытый участок в сопровождении нескольких людей со свирепыми взглядами. Перед камерой выступала Лидия Маккью, возлюбленная Роберта. А рядом с ней стояла Атаклена, он увидел взгляд своей супруги-чужака и понял, кто написал это обращение.

И уж совершенно ясно, чья это идея.

«Мы требуем открытой схватки в долине Синда с лучшими войсками противника, вооруженными так же, как мы…»

— Утакалтинг, — хрипло позвал Роберт. Потом еще раз, громче:

— Утакалтинг!

Глушители разрабатывались многими поколениями библиотекарей. Но волчьих рас было так мало. Помещение на мгновение заполнил голос Роберта, и лишь секунду спустя глушители перекрыли резкие вибрации воздуха, и снова воцарилась тишина.

Зато бежать через весь зал ему никто помешать не мог.

Глава 106
ГАЙЛЕТ

— Крысы перестраиваются! — воскликнул Фибен, услышав начало передачи.

Они вместе смотрели на портативный экран, установленный на склоне Церемониального Холма.

Гайлет жестом остановила его.

— Тише, Фибен. Дай послушать.

Но смысл заявления уловили сразу же. Колонны повстанцев в домотканой одежде двигаются по открытым опустошенным полям. По краям следуют два кавалерийских отряда — на лошадях! Словно сбежали из доконтактного плоского кинофильма. Марширующие шимпы нервно улыбаются и поглядывают на небо, держа трофейное или самодельное оружие. И невозможно было не заметить их мрачной решимости.

Камера показала всю панораму и Фибен быстро подсчитал.

— Это все, — потрясенно сказал он. — Все, кто хоть как-то подготовлен и способен носить оружие, если не считать недавние жертвы. Все или

ничего.

— Он покачал головой. — Разрежь мою синюю карту, если я понимаю ее намерения.

Гайлет взглянула на него.

— Ну уж и синяя карта! — фыркнула она. — Она очень хорошо знает, что делает, Фибен.

— Но городских повстанцев в Синде разбили.

Гайлет покачала головой.

— Это тогда. Мы не знали ситуации, не завоевали уважения и статуса. И кроме того, не было свидетелей. А горные повстанцы одерживали победы. Их признали. И теперь на них смотрят все пять галактик.

Гайлет нахмурилась.

— Да, Атаклена знает, что делает. Я только не сознавала, что положение настолько ухудшилось.

Они посидели молча, глядя на повстанцев, идущих садами и полями.

Потом Фибен воскликнул.

— Что? — спросила Гайлет. Он указал на экран, и настала ее очередь удивляться.

Здесь, рядом с другими солдатами-шимпами, неся сабельное ружье, шла Сильвия. Она уверенно держала оружие и казалась островом спокойствия в этом море нервничающих неошимпанзе.

«Кто бы мог подумать? — мелькнуло в голове Гайлет. — Кто бы мог подумать, что она на это способна?»

Они продолжали смотреть. Помочь они все равно ничем не могли.

Глава 107
ГАЛАКТЫ

— Это дело требует осторожности, внимательности, праведности! — провозгласил сюзерен Праведности. — Если придется, мы встретимся один на один.

— Но это дорого! — завывал сюзерен Стоимости и Бережливости. — Возможны потери!

Верховный священник наклонился со своего насеста и мягко проворковал подчиненному:

— Консенсус, консенсус… Раздели со мной видение гармонии и мудрости. Наш клан потерял здесь многое и может потерять еще больше. Но мы не отказались от того, что поддержит нас даже ночью, даже во тьме, — от нашего благородства. Мы не утратили своей чести.

Они начали раскачиваться, и полилась мелодия.

«Зууун…»

Если бы с ними был их сильный третий! Слияние кажется таким близким.

Они уже послали срочное приглашение сюзерену Луча и Когтя, призыв присоединиться, вернуться, стать наконец единым с ними.

«Как? — думал сюзерен Праведности. — Как он может сопротивляться, зная, понимая, заключая, что его судьба — стать самцом? Неужели можно быть таким упрямым?»

«Мы втроем были бы так счастливы!»

Но посыльный вернулся с известием, разрушившим все надежды и чаяния.

Военный крейсер с сопровождением поднялся и направляется в глубь континента. Сюзерен Луча и Когтя решил действовать. Никакой консенсус его не прельщает.

Верховный жрец горевал.

«Мы были бы так счастливы».

Глава 108
АТАКЛЕНА

— Что ж, можно считать, ответ получен, — покорно сказала Лидия.

Атаклена сосредоточенно правила лошадью, ибо делала это впервые.

Впрочем, в основном она просто позволяла ей идти следом за другими. К счастью, лошадь попалась спокойная и хорошо реагировала на пение Атаклены.

Тимбрими на мгновение отвлеклась и посмотрела в направлении, указанном Лидией Маккью, где облака и дымка частично скрывали западную часть горизонта. Взгляды шимпов тоже устремились в ту сторону. Потом Атаклена увидела сверкание корпуса летящего корабля. И кеннировала приближающихся. Смятение… решимость, фанатизм… сожаление… отвращение… невероятная смесь чуждых чувств обрушилась на нее. Но было ясно одно.

Подавляющее преимущество губру в силе.

Отдаленная точка начала приобретать очертания.

— Я думаю, ты права, Лидия, — сказала Атаклена подруге. — Похоже, мы получили ответ.

Женщина — морской пехотинец сглотнула.

— Приказать рассеяться? Может, кому-то удастся уйти. — В голосе ее звучала растерянность.

Атаклена покачала головой. Создала глиф печали.

— Нет. Мы заплатим за все сполна. Собери все отряды и кавалерию на холме.

— Зачем облегчать им задачу?

Глиф над головой Атаклены отказывался превращаться в знак отчаяния.

— Есть причина, — ответила она. — Лучшая причина в мире.

Глава 109
ГАЛАКТЫ

Насест-полковник Когтя смотрел на экран, показывающий разношерстную армию повстанцев, и слушал радостные крики своего командующего.

— Они сгорят, превратятся в дым, распадутся углями под нашим огнем!

Насест-полковник чувствовал себя несчастным. Это неподобающая речь, несдержанная, лишенная должных соображений о последствиях. В глубине души насест-полковник понимал, что даже самые гениальные военные планы обречены на провал, если не принимать во внимание цену, бережливость и праведность.

Равновесие — суть консенсуса, основа способности выжить.

Земляне бросили вызов в соответствии со всеми правилами чести! Его можно игнорировать,

или даже ответить силой. Но то, что планирует командующий, неприятно, он прибегает к крайностям.

Насест-полковник отметил, что уже думает о сюзерене Луча и Когтя как о «нем». Сюзерен Луча и Когтя — великолепный предводитель, он умеет вызывать воодушевление. Но теперь, став принцем, он разучился смотреть правде в глаза.

Сама мысль о командующем вызвала у насест-полковника физическую боль.

Он испытывал глубокое внутреннее противоречие.

Двери главного лифта открылись, и на командный помост вышли три белоперых посланца: священник, чиновник и один из дезертировавших офицеров. Они направились к адмиралу и передали ему ящичек резного дерева.

Вздрогнув, сюзерен Луча и Когтя приказал открыть его.

Внутри находилось одно роскошное перо, ярко-красное по всей длине, кроме самого верха.

— Ложь! Обман! Явный подлог! — закричал адмирал и выбил ящичек с его содержимым из рук ошеломленного посыльного.

Насест-полковник смотрел на перо, которое медленно опускалось на пол.

Оставить лежать его там — святотатство, но насест-полковник не смел подойти и поднять.

Как может командующий игнорировать это? Как может он отказаться признавать богатую расцветку, которой окрасились и его собственные перья у основания?

— Можно изменить ход Слияния! — кричал сюзерен Луча и Когтя. — Это произойдет, если мы одержим победу!

Но то, что он предлагает, не победа, а бойня.

— Земляне собрались, соединились, столпились на вершине одного холма, — доложил адъютант. — Они представляют, демонстрируют, предлагают нам единую цель!

Насест-полковник вздохнул. Не нужно быть священником, чтобы понять, что это значит. Земляне, понимая, что честной схватки не будет, сошлись вместе, чтобы умереть. И так как они идут на верную гибель, на это есть только одна-единственная причина.

«Они хотят защитить уязвимую экосистему этой планеты. Ведь у них лицензия на спасение Гарта». Их беспомощность предрекала насест-полковнику горечь поражения. Они предлагают губру выбор между силой и честью.

Алое перо зачаровало насест-полковника, в его

крови начались изменения.

— Я прикажу своим солдатам Когтя высадиться и встретиться с землянами, — с надеждой предложил он. — Мы высадимся, подойдем и нападем в равном количестве, легковооруженные и без роботов. — Нет! Ты не можешь, не должен, не будешь! Я уже расписал действия наших сил. Нам они понадобятся, потребуются, нужны будут все, когда мы встретимся с теннанинцами! Больше никаких напрасных потерь!

— Слушайте все. В этот момент, в это мгновение земляне испытают, почувствуют, ощутят мою праведную месть! — воскликнул сюзерен Луча и Когтя. — Приказываю снять замки с оружия массового уничтожения! Мы сожжем эту долину, за ней следующую, затем еще, пока вся жизнь в горах…

Этот приказ не был выполнен. Насест-полковник моргнул и бросил свой сабельный пистолет на палубу. Стук пистолета сопровождался глухим ударом: тело командующего тоже упало.

Насест-полковник дрожал, демонстрируя явные признаки царственности.

Кровь адмирала окрасила синий царский плюмаж и, струясь по палубе, достигла, наконец, лежащего алого пера царицы.

Насест-полковник сказал своим ошеломленным подчиненным:

— Сообщите, доложите, передайте сюзерену Праведности, что я помещаю себя под арест, ожидаю суда, решения, определения свой судьбы. Сообщите их величествам, что это следует сделать.

Какое-то время по инерции корабль продолжал приближаться к землянам.

Все молчали. На командном мостике никто не шевелился.

Сообщение уже не было новостью. Все губру погрузились в траур.

Прежний сюзерен Праведности и прежний сюзерен Стоимости и Бережливости вместе исполнили печальную панихиду.

Какие надежды, какие ожидания испытывали они, вылетая сюда, к этой планете, к этой песчинке в пустом пространстве. Повелители Насестов так тщательно подобрали нужную печь, правильный тигель и необходимые ингредиенты — трое лучших, три самых образцовых продукта генной инженерии, трое самых подготовленных.

"Мы должны были принести домой консенсус, — думала новая царица. — И консенсус наступил.

Но все пошло прахом: мы ошибались, считая, что настала великая эпоха".

О, такой конец был предопределен. Если бы не умер первый сюзерен Стоимости и Бережливости… Если бы их не обманул дважды этот шут тимбрими со своими «гартлингами»… Если бы земляне не оказались такими по-волчьи коварными и не сумели бы использовать собственную слабость — например, последний маневр, заставивший солдат губру делать выбор между бесчестьем и цареубийством…

«Но все это не случайно, — думала царица. — Они бы не получили преимущества, если бы мы не ошибались».

Таков консенсус, о котором они должны доложить Повелителям Насестов. Таковы слабость, ошибки, неудачи этой экспедиции.

Пожалуй, это будет ценная информация.

«Пусть хоть это утешит меня в горе из-за моих стерильных, нежизнеспособных яиц», — думала она, успокаивая своего единственного оставшегося партнера и возлюбленного.

Посыльным она дала один короткий приказ.

— Передай насест-полковнику наше прощение, нашу амнистию, наше отпущение грехов. Пусть все вооруженные силы возвращаются на базу.

Смертоносные крейсеры повернули и направились назад, оставив горы и долину тем, кто так страстно их защищал.

Глава 110
АТАКЛЕНА

Шимпы изумленно мигали: смерть явно передумала.

Лидия Маккью смотрела вслед уходящим крейсерам и качала головой.

— Ты знала, — сказала она, повернувшись к Атаклене. И снова обвиняюще:

— Ты знала!

Атаклена улыбнулась. Ее щупальца изобразили в воздухе печальный рисунок.

— Давай считать, что я не исключала такую возможность, — сказала она наконец. — Но даже если бы я ошибалась, поступок наш был благородным.

— Однако я очень рада, что ты не ошиблась.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ВОЛЧАТА

Ни в коем случае. Надо быть выше суеверий. Без божьей воли не пропасть и воробью. Если судьба этому сейчас, значит, не потом. Если не потом, значит – сейчас. Если же этому сейчас не бывать, то все равно оно неминуемо. Быть наготове, в этом все дело.

Гамлет, акт V, сцена II

Глава 111
ФИБЕН

— О Гудолл, как я ненавижу церемонии!

За это замечание он получил локтем в ребра.

— Перестань ерзать, Фибен. Весь мир смотрит на тебя!

Фибен вздохнул и постарался сидеть прямо. Он не мог забыть Саймона Левина и их последний парад, совсем неподалеку отсюда. «Есть вещи, которые никогда не меняются», — думал он. Теперь Гайлет пытается заставить его выглядеть

достойно.

Почему все, кто его любит, стараются поправить его позу? Он проворчал:

— Если им нужны элегантные клиенты, возвысили бы…

Но тут слова его прервались резким вздохом. Локоть у Гайлет острее, чем у Саймона. Ноздри Фибена раздулись, он рассерженно запыхтел, но смолк.

Ей идет этот новый мундир, и, должно быть, радостно находиться здесь. Но его-то спрашивал кто-нибудь, нужна ли ему эта проклятая медаль? Нет, конечно, никто не спрашивал.

Наконец трижды проклятый теннанинский адмирал закончил свою долгую утомительную проповедь о чести и традициях, получив в награду аплодисменты. Даже Гайлет вздохнула с облегчением, когда неуклюжий галакт вернулся на место. Увы, речей еще очень много.

Мэр Порт-Хелении, вернувшийся из ссылки на острова, восхвалял отвагу городских повстанцев и предложил, чтобы его заместитель-шимп чаще самостоятельно руководил городом. Это принесло ему бурю аплодисментов… и, вероятно, немало голосов шимпов на предстоящих выборах, цинично подумал Фибен.

Коугх*Квинн'3, главный испытатель Института возвышения, изложил содержание соглашения, недавно подписанного от имени теннанинцев Каултом, а от земного клана — легендарной адмиралом Альварес. Согласно этому соглашению, невозделанный вид, ранее известный под именем «гориллы», начинал долгий путь достижения разума. Новым гражданам галактики — теперь они всюду известны как «Раса, сама делающая выбор», — на пятьдесят тысяч лет отдается лицензия на Мулунские горы. И теперь они стали подлинными «гартлингами».

В обмен на техническую помощь и генетическую базу горилл могучий клан теннанинцев обязуется защищать лицензию землян на Гарт, а также еще пять колоний Земли и тимбрими. Теннанинцы не будут непосредственно вмешиваться в конфликт соро и танду с другими фанатичными кланами, но их влияние даст некоторую передышку отчаянно нуждающимся в ней силам.

А сами теннанинцы не будут больше враждовать с союзом шутников и волчат; только одно это стоило многих флотов. «Мы сделали все, что могли, и даже больше», — подумал Фибен. До сих пор казалось, что огромное большинство — галактические «умеренные» — будут просто

держаться подальше от фанатиков. Но теперь, похоже, «неотвратимый ход истории», который, как считалось раньше, обрекает всех волчат на гибель, изменил направление движения. В результате событий на Гарте усилилась симпатия к слабой стороне.

Фибен не мог знать, появятся ли новые союзники, совершатся ли новые чудеса. Но он был уверен, что все решится в тысячах парсеков отсюда. Может быть, на самой древней матери Земле.

Когда заговорила Меган Онигл, Фибен понял, что приближается самое неприятное.

— …превратится в окончательное поражение, если мы забудем события этих месяцев. В конце концов какой толк во всех тяготах жизни, если они не делают нас мудрее? За что наши уважаемые собратья отдали свои жизни?

Планетарный координатор закашлялась и заглянула в свои заметки.

— Мы предлагаем изменение системы испытаний, которая вызвала недовольство, и враг сумел им воспользоваться. Мы постараемся использовать возможности новой Библиотеки на благо всех и каждого. И мы, вне всякого сомнения, будем обслуживать и поддерживать в рабочем состоянии оборудование Церемони-

ального Холма, дожидаясь прочного мира. И тогда это оборудование будет использовано для того, чтобы утвердить статус расы Pan argonstes, который она заслужила. И самое главное. Все средства, полученные от репараций, мы используем для возобновления работы здесь, на Гарте, для восстановления хрупкой экосферы планеты. Мы используем с таким трудом добытые знания, чтобы остановить деградацию по спирали, чтобы наш новый дом вновь выполнял свою основную задачу — разнообразить мир жизни, порождать новые виды, быть источником разума. Спустя некоторое время мы представим на всеобщее обсуждение более подробные планы. — Меган оторвалась от своих заметок и улыбнулась. — Но сегодня нам предстоит еще одна очень приятная миссия. Мы должны отметить тех, кто принес свободу. Мы гордимся ими и любим их, и наш долг отблагодарить их за старания.

«Ты меня любишь? — молча спросил Фибен. — Тогда выпусти меня отсюда».

— В самом деле, — продолжала координатор. — Достижения некоторых наших сограждан-шимпов на долгие века переживут их в исторических книгах и выльются в признание и уважение к их потомкам, к будущему всей их расы.

Сильвия перегнулась через Фибена и посмотрела на Гайлет. Они обменялись взглядами и улыбками.

Фибен вздохнул. Он по крайней мере уговорил Кордвайнера Эпплби держать награждение его белой картой в тайне! Ну, и что в этом хорошего?

Шимми с синими и зелеными картами со всей Порт-Хелении и так охотятся за ним. А Гайлет и Сильвия не в состоянии помочь. Зачем он на них женился, если не для защиты? Фибен запыхтел при этой мысли. Защита, как же! Он подозревал, что эти две шимми уже подбирают и оценивают кандидаток.

Даже если два вида происходят из одного клана, с одной планеты, между ними всегда есть существенные отличия. Подумать только, как люди до Контакта различались только по культуре. Конечно, вопросы любви и размножения у шимпов решаются с учетом их собственного сексуального наследия, которое существовало задолго до возвышения.

Но в Фибене было все же довольно человеческого, чтобы он покраснел, подумав, во что собираются втравить его эти две шимми, ставшие близкими подругами. «Ну как я мог попасть в такой переплет?» Сильвия уловила его взгляд

и сладко улыбнулась. Он почувствовал руку Гайлет.

«Что ж, — признался он со вздохом. — Наверно, не все так плохо».

Теперь читали список, вызывали награжденных. Но Фибену показалось, что их только трое, а весь остальной мир — иллюзия. В сущности, под внешним его цинизмом скрывалась гордость.

Встал Роберт Онигл и направился к помосту за своей медалью; в мундире он чувствовал себя гораздо увереннее Фибена. Фибен смотрел на своего приятеля-человека. «Надо будет спросить его о портном».

Роберт сохранил бороду, тело его оставалось таким же жилистым, как и прежде. Он уже не юноша, а зрелый мужчина. Вообще он словно герой из исторической книги.

«Какой вздор! — Фибен в отвращении фыркнул. — Надо напоить поскорей этого парня. Побить его в армрестлинге. Спасти его от веры в то, что пишут о нем в прессе».

С другой стороны, мать Роберта заметно состарилась за время войны. За последние недели Роберт не раз замечал, как она удивленно посматривает на своего высокого загорелого сына, который движется рядом с ней, как большая гра-

циозная кошка из джунглей. Она одновременно казалась и гордой, и изумленной, как будто феи унесли ее ребенка и подменили.

«Это называется взрослением, Меган».

Роберт отдал честь и направился на свое место. Минуя Фибена, он быстро поднял левую руку — жест означал одно-единственное слово: «Пиво!» Фибен рассмеялся и закашлялся, когда и Гайлет и Сильвия повернулись и строго посмотрели на него. Неважно. Приятно сознавать, что у Роберта те же чувства. Похоже, и для него солдаты Когтя гораздо предпочтительней этого церемониального вздора.

Роберт сел на свое место рядом с лейтенантом Лидией Маккью, на новом мундире которой сверкала награда. Женщина — морской пехотинец сидела, расправив плечи, и внимательно наблюдала за церемонией, но Фибен краем глаза заметил то, что почетным гостям и толпе не видно: ее левая нога спряталась под брючиной Роберта.

Бедный Роберт пытался сохранить самообладание. Похоже, и в мирное время есть свои сложности. В некотором смысле на войне проще.

В толпе Фибен увидел небольшую группу двуногих гуманоидов, их лисоподобному облику

противоречили слегка шевелящиеся тонкие щупальца за ушами. Среди тимбрими он легко разглядел Утакалтинга и Атаклену. Оба отказались от почестей и наград. Народу Гарта придется подождать с памятником в их честь, пока они не улетят. И это ожидание будет им своеобразной наградой.

Дочь посла уничтожила большинство изменений, которые придавали ей почти человеческий облик. Она негромко разговаривала с молодым тимбрими, которого можно даже назвать красивым, решил Фибен. Конечно, по меркам ити.

Можно было подумать, что молодые люди — Роберт и его супруга-чужак — остались теми же, что и до войны. Но Фибен-то видел, что они теперь гораздо свободнее держатся с представителями противоположного пола.

И все же…

Он видел однажды, как они встретились на одном из бесконечных дипломатических приемов. Лица их сблизились, и, хотя они не обменялись ни словом, Фибен готов был поклясться, что какая-то невидимая нить крепко связывала их друг с другом.

И какие бы напарники и любовники ни появились у них в будущем, ясно одно: Роберт и

Атаклена всегда будут иметь нечто связующее, как бы далеко ни развела их Вселенная.

Получив свою награду, Сильвия вернулась на место. Платье уже не скрывало ее располневший живот. Еще одна перемена, к которой предстоит привыкнуть Фибену. Пожалуй, пожарному департаменту Порт-Хелении придется нанимать дополнительный штат, когда малыш начнет изучать в школе химию.

Гайлет обняла Сильвию и сама пошла к помосту. На этот раз приветствия и аплодисменты звучали так долго, что Меган Онигл вынуждена была призвать всех к порядку.

Но когда Гайлет заговорила, она, вопреки ожиданиям толпы, произнесла не прославляющий панегирик, а серьезную продуманную речь.

— Жизнь несправедлива, — сказала она. Толпа смолкла, а Гайлет, казалось, смотрит в глаза каждому. — Всякий, кто утверждает, что она справедлива или даже должна быть справедлива, глупец, или того хуже. Жизнь может быть жестокой. Хитрости Ифни — капризные игры случая и вероятности. Или холодные уравнения, которые уничтожают вас, если вы сделаете неверный шаг в космосе или просто неудачно выйдете на проезжую часть и попытаетесь увернуться от

автобуса. Это не лучший из возможных миров. В противном случае, разве мог бы он быть таким алогичным? Тирания?

Несправедливость? Даже эволюция, само разнообразие жизни и суть природы — все это зачастую жестоко и бессердечно опирается на смерть, чтобы вызвать новую жизнь. Да, жизнь несправедлива. И нет правды во Вселенной. Но все же… — Гайлет покачала головой, — все же, хоть она и несправедлива, она прекрасна. Оглянитесь вокруг. Вот проповедь гораздо красноречивей любой, что могу произнести я. Посмотрите на этот прекрасный печальный мир, который стал нашим домом.

Узрите Гарт!

Церемония происходила на холме к югу от новой Библиотеки, на лугу, откуда открывается вид во все стороны. На западе — море Гилмор, его серо-голубая поверхность окрашена пятнами водной растительности и изрезана следами подводных обитателей. Над морем голубое небо, очищенное последней зимней бурей. Освещенные утренним солнцем сверкают острова, как далекие волшебные царства.

На севере возвышаются светлые башни новой Библиотеки, в их камень вделан символ — кры-

латая спираль. Только что посаженные деревья с десятка планет шевелят ветвями на ветру вокруг огромного монолита, так же лишенного возраста, как и его запас древних знаний.

На восток и на юг, за водами залива Аспинал, раскинулась долина Синд, уже поросшая свежей зеленью, которая наполняет воздух ароматами весны.

— Наши собственные жизни, наши виды, даже наш клан — кажутся нам необыкновенно важными. Но разве все это можно сравнить с обозримым окружением? С этой колыбелью созидания? Вот ради чего стоило сражаться. Мы защитили это, — она жестом указала на море, небо долину, горы. — Вот в чем наша победа. Мы, земляне, лучше других знаем, какой несправедливой может быть жизнь. Возможно, ни один клан со времен Прародителей не осознавал этого со всей ясностью. Наши любимые патроны-люди чуть не уничтожили еще более любимую нами Землю, прежде чем постигли мудрость. Шимпы, дельфины и гориллы — только начало того богатства, которое навсегда ушло бы в небытие, если бы человечество не повзрослело.

Она заговорила тише, приглушенней:

— Как погибли пятьдесят тысяч лет назад под-

линные гартлинги, погибли прежде, чем у них появилась возможность удивленно взглянуть на небо и поразиться огню, вспыхнувшему в их сознании.

Гайлет покачала головой.

— Нет. Война в защиту Потенциала тянется многие эпохи. И сегодня она не кончилась, вероятно, она никогда не кончится.

Гайлет повернулась; последовало долгое ошеломленное молчание. Потом аплодисменты, редкие и неуверенные. Но, вернувшись в объятия Сильвии и Фибена, Гайлет слегка улыбнулась.

— Ну, ты им выдала, — сказал ей Фибен.

И тут наступила его очередь. Меган Онигл прочла перечень его достижений, который явно обработали в каком-то отделе связей с общественностью, чтобы скрыть всю эту грязь и вонь, эту зависимость от случая. Во время чтения Фибену казалось, что говорят о ком-то другом, незнакомом ему. Он вряд ли сделал половину того, что ему приписывают.

Он не задумывался, почему его вызвали последним. Наверно, из вредности. «Выступать после Гайлет — это просто самоубийство».

Меган подозвала его к себе. Ненавистные башмаки чуть не заставили его споткнуться. Он отдал

честь планетарному координатору и пытался держаться прямо, пока она прицепляла медаль и нарядные нашивки, которые делают его полковником оборонительных сил Гарта. От криков толпы, особенно шимпов, у него загорелись уши. Когда он, по совету Гайлет, улыбнулся и помахал рукой перед камерами, стало еще хуже.

«Ну, ладно, может, и выдержу — в небольших дозах».

Меган предложила ему место на трибуне, и Фибен прошел вперед. У него в кармане были листки с набросками речи. Но, выслушав Гайлет, он решил просто поблагодарить всех и сесть на место.

Борясь с трибуной, он начал:

— Я хочу сказать только одно, а именно — У-а-а!

Он заорал и дернулся: неожиданно током ударило его левую ногу. Фибен подпрыгнул, ухватился за ногу, но тут его ударило в правую! Он снова заорал. Успел вовремя заметить маленький голубой огонек, выкатившийся из-под трибуны и устремившийся к его лодыжкам. Фибен с громким криком подпрыгнул на два метра и оказался на самом пюпитре.

Тяжело дыша, он слушал истерические привет-

ственные возгласы толпы.

Поморгал, потер глаза, посмотрел.

Шимпы вскочили на перевернутые сиденья и замахали руками. Они подпрыгивали и вопили. Ряды почетного караула смешались. Даже люди хохотали и бешено аплодировали.

Фибен ошеломленно посмотрел на Гайлет и Сильвию и увидел гордость в их взглядах.

«Они считают, что я подготовил такую речь!» — понял он.

Теперь он увидел, как превосходно все получилось. Ведь он разрядил напряжение. Казалось, это идеальный комментарий к охватившему всех ощущению мира.

«Но ведь я этого не готовил, черт подери!»

Он увидел встревоженное лицо мэра Порт-Хелении.

«Нет! Теперь они заставят меня занять его место!»

«Кто это подстроил?»

Фибен оглядел толпу и сразу заметил, что один из присутствующих нисколько не удивляется. Стоит немного в стороне, широко расставив глаза и размахивая щупальцами, а на лице его еле сдерживаемое человеческое выражение веселья.

И Фибен уловил еще что-то, висящее над коро-

ной тимбрими.

А когда Атаклена подмигнула ему, она лишь подтвердила его подозрения.

— Очень смешно, — ядовито пробормотал Фибен, хотя вынужден был улыбнуться и помахать толпе. — Ужасно смешно, Утакалтинг.

ПОСТСКРИПТУМ И БЛАГОДАРНОСТИ

Вначале мы боялись других существ, которые делят с нами Землю. Потом, когда наша мощь возросла, мы привыкли считать их своей собственностью и распоряжаться по нашему желанию. Самое последнее заблуждение (сравнительно безопасное) относится к тому, что животные добродетельны по своей природе, и только человек — ненасытный рак мироздания — зол, грязен, коварен.

Согласно этой точке зрения, Земле и ее обитателям было бы гораздо лучше без нас.

И только недавно мы поняли, что существует иной взгляд на мир и на наше место в нем. Новый.

Если мы эволюционировали, позвольте спросить, разве мы во многом не подобны другим млекопитающим? Это сходство, равно как и отличия, могут многому нас научить.

Убийства, насилие, различные душевные расстройства — все это мы теперь находим и у животных. И сила разума только укрепляет в нас эти патологии. Но не в них причина.

Причина во тьме, в которой мы жили. В неве-

жестве.

Не надо считать себя чудовищем, чтобы обучиться этике отношений с окружающей средой. Теперь хорошо известно, что само наше выживание зависит от сохранения сложной экосистемы и генетического разнообразия. Если мы уничтожим природу — умрем мы сами.

Но есть еще одна немаловажная причина защищать другие виды, которую редко упоминают. Возможно, мы первые, кто научился говорить и думать, творить и мечтать, но мы не последние. За нами могут последовать и другие.

И когда-нибудь эти другие будут судить, хорошо ли мы себя вели, когда были единственными хранителями Земли.

Автор благодарно отдает должное тем, кто прочел его труд в рукописи и любезно поправил как описание поведения обезьян, так и плохое построение фраз за пределами цитатных кавычек.

Я хочу поблагодарить Аниту Эверсон, Нэнси Грейс, Кристи Маккью, Луизу Рут, Нору Брекенбери и Марка Грайгера за их ценные советы. Профессор Джон Льюис и Руфь Льюис щедро поделились со мной своими бесценными советами, так же как Франк Каталано, Ричард Спэл, Грегори Бенфорд и Дэниель Брин.

Бесконечно благодарю Стива Хардести, Шарон Сосну, Ким Бард, Рика Стерма, Дона Коулмана, Сару Барттер и Боба Гулда.

Лу Аронике, Алексу Берману и Ричарду Куртису — низкий поклон и благодарность за их терпение.

А нашим волосатым двоюродным братьям я приношу свои извинения. Вот, держите банан и банку пива.

Дэвид Брин. Ноябрь 1986 года

Дэвид Брин
Риф яркости

Герберту Брину, поэту, журналисту и постоянному защитнику справедливости

Аскс

Должен попросить у вас разрешения. У вас, мои кольца, мои раздельные сущности.

Теперь принимайте решение. Должен ли я говорить с внешним миром от лица нас всех? Должны ли мы вновь соединиться, чтобы стать Асксом?

Такое имя используют люди, квуэны и другие существа, когда обращаются к этому множеству кругов. Под этим именем собрание пухлых колец треки было избрано мудрецом Общины, уважаемым и почитаемым, выносящим решение о судьбе всех членов шести рас изгнанников.

Этим именем — Аскс — нас называют, когда просят рассказывать.

Все согласны?

В таком случае Аскс начинает рассказывать… о событиях, свидетелями которых были мы сами, и о тех, о которых нам рассказали другие. Рассказ будет вести “я”, словно наша груда сошла сума и противостоит миру единственным сознанием.

Аскс готовит этот рассказ. Погладьте его восковые следы. Ощутите вьющийся запах рассказа.

Никто лучше “я” этого не расскажет.

Прелюдия

Боль не дает ему рассыпаться… иначе, как изжеванная кукла или сломанная игрушка, он уже распался бы, и его разорванные члены лежали среди грязных корней, а со временем совсем исчезли.

Грязь покрывает его с ног до головы, светлеет там, где высыхает под лучами солнца; превращаясь в головоломку хрупких пластинок, она становится светлее светлой кожи. Грязь скрывает наготу лучше обгоревшей одежды, которая рассыпается и опадает, как сажа после поспешного бегства из огня. Грязь смягчает боль, так что пытка становится почти переносимой, напоминая болтливого всадника, которого тело вынуждено тащить по бесконечному вязкому болоту.

Его словно окружает какая-то музыка, дрожащая баллада царапин и ожогов. Опус травмы и шока.

Крик боли вздымается в печальной каденции в дыре сбоку на голове.

Только раз он поднес руку к зияющей ране. Кончики пальцев, ожидая соприкосновения с кожей и костью, продолжали ужасно уходить внутрь,

пока какой-то глубокий инстинкт не заставил его содрогнуться и убрать руку. Это непереносимо, такую потерю невозможно осмыслить.

Утрата *способности* соображать…

Грязь алчно хлюпает, засасывая на каждом шагу. Приходится согнуться, чтобы перебраться через очередную преграду из переплетенных веток, опутанных красными и желтыми нитями. И в середине куски стеклянистого кирпича или изъеденного металла, потемневшие от времени и разъедающих кислот. Такие места он обходит, смутно помня, что когда-то знал, почему их нужно избегать.

Когда-то он знал очень много.

Под маслянистой водой невидимый стебель хватает за ногу, увлекая его в грязь. Барахтаясь, он едва удерживает голову над водой, кашляя и отплевываясь. Все его тело дрожит, когда он с усилием встает и идет дальше, совершенно измученный.

Еще одно падение будет означать конец.

Ноги движутся по упрямой привычке, а сопровождающая боль напоминает фугу из многих частей, скрипучую и необработанную, превосходящую своей жестокостью всякое описание. Единственное чувство, которое как будто не

повреждено в результате падения, удара и пожара, это *обоняние.* У него нет ни направления, ни цели, но смесь запахов кипящего горючего и собственной обожженной плоти помогают ему уйти, подгоняют, заставляют спотыкаться, падать, карабкаться и снова двигаться вперед, пока колючие кустарники наконец не начинают редеть.

Неожиданно кусты исчезают. Впереди простирается болото, усеянное отдельными незнакомыми деревьями с изогнутыми спиральными корнями. Отчаяние туманит сознание: он замечает, что вода становится глубже. Скоро бесконечная трясина поднимется до подмышек, а потом еще выше.

Скоро он умрет.

Даже боль словно соглашается с этим. Она смягчается, как будто понимает тщетность попыток мучить мертвеца. Впервые после спасения из горящих обломков крушения он полностью распрямляется. Скользя по грязи, медленно делает полный круг…

…и неожиданно натыкается на пару глаз, следящих за ним с ветвей ближайшего дерева. Глаза сидят над вытянутыми челюстями, усаженными иглообразными зубами. Как маленький дельфин,

думает он… *пушистый* дельфин, на коротких крепких лапах… со смотрящими вперед глазами… и с ушами…

Что ж, возможно, дельфин — не слишком удачное сравнение. Сейчас он не способен хорошо соображать. Тем не менее удивление рождает цепь ассоциаций. Из глубины поднимается след воспоминания, становится почти словом.

— Тай… тай… — Он пытается глотнуть. — Тай… тай… т…

Существо наклоняет голову, с интересом разглядывая его, перемещается на ветке, а он устремляется к нему, вытянув руки…

Неожиданно это внимательное разглядывание кончается. Существо поворачивает голову в сторону звука.

Жидкий всплеск… за ним еще один, потом снова, всплески повторяются в правильном ритме, они все приближаются. Шелест, всплеск, шелест, всплеск. Существо с гладкой шерстью протиснулось мимо, издав глубокий разочарованный вздох. И мгновенно исчезло среди необычной формы листьев.

Он поднимает руку, чтобы уговорить его остаться. Но не может найти слова. Ничто не способно выразить его горе, когда хрупкая надежда исче-

зает в пропасти одиночества. Он снова издает жалобный стон.

— Тай… тай…

Всплески все ближе. Теперь слышен и другой звук — низкий шум выдыхаемого воздуха.

Ему отвечает множество чередующихся щелканий, свистов и бормотания.

Он узнает речь, речь разумных существ, хотя не понимает смысла слов. Оцепенев от боли и покорности, он поворачивается — и, не понимая, смотрит *на лодку*, выплывающую из-за рощицы болотных деревьев.

Лодка. Слово, одно из первых, с которыми он познакомился, всплывает в сознании легко, как это всегда происходит и с бесчисленными другими словами.

Лодка. Сооруженная из множества длинных узких трубок, искусно изогнутых и связанных. Лодку передвигают гребцы, согласно действуя веслами и шестами. Этих гребцов он знает. Видел раньше, но никогда так близко.

Никогда не общался.

Одна фигура — конус из колец или торов, уменьшающихся кверху; от колец отходят гибкие щупальца, они сжимают длинный шест и отталкивают им от корпуса лодки древесные корни.

Рядом пара широкоплечих двуногих в зеленых плащах гребут большими веслами, похожими на совки; их длинные чешуйчатые руки кажутся бледными в косых лучах солнца. Четвертая фигура — короткий приземистый торс в броне из кожистых пластин; торс увенчивается плоским куполом, окруженным полоской блестящих глаз. От центра исходят пять мощных ног, как будто существо в любое мгновение может побежать в любом направлении.

Он знает эти фигуры. Знает и боится их. Но подлинное отчаяние ощущает, только заметив пятую фигуру, стоящую на корме и разглядывающую заросли и искалеченные камни. Эта пятая фигура держит руль лодки.

Тоже двуногая, но более стройная и одета в грубую плетеную ткань. Знакомые очертания, и слишком похожие на его собственные. Незнакомец, но у них общее наследие, начало обоих восходит к соленому морю во многих тысячелетиях и галактиках от этой комической отмели.

Меньше всего хотел он увидеть такую фигуру в этом жалком месте, так далеко от дома.

И когда бронированный пятиног поднял оканчивающуюся клешней руку, указал в его направлении и крикнул, его заполнили покорность

и смирение. Остальные устремились вперед, глядя на него, а он смотрел на них — и было на что посмотреть: все эти лица и формы, удивленно бормочущие, обращаясь друг к другу, пораженные его появлением, а потом старающиеся грести согласованно, быстрее, направляясь к нему с явным намерением *спасти.*

Он приветственно поднял руки. И тут, словно по приказу, колени подогнулись, и теплая мутная вода поглотила его.

В эти последние секунды, отказавшись от борьбы за жизнь, он все равно ощущал иронию без слов. Он пришел издалека и слишком многое испытал. Совсем недавно казалось, что его судьбой, его назначением будет *огонь.*

Почему-то ему казалось, что утонуть — более приличествующий уход.

I . КНИГА МОРЯ

Вы, избравшие такой образ жизни – жить, и плодиться, и умирать в тайне на одном из изувеченных миров, укрываясь от звездных линий, по которым когда-то летали, прячась с другими изгнанниками в месте, запретном по закону, – какое право имеете вы на справедливость? Вселенная жестока. Ее законы беспощадны. Даже преуспевающих и великолепных наказывает все перемалывающий палач, по имени Время. Тем более жестока она с вами, проклятыми, боящимися неба.

И все же есть ведущая вверх тропа – даже из глубины отчаяния.

Прячьтесь, дети изгнания! Укрывайтесь от звезд! Но ждите, смотрите и слушайте – ждите этой тропы.

Свиток Изгнания

Рассказ Олвина

В тот день, когда я достаточно подрос, чтобы мои волосы начали белеть, отец созвал всех членов нашего гнездящегося пучка в семейную кугу на церемонию называния меня правильным именем — *Хф-уэйуо.*

Мне кажется, для хуна это подходящее имя. Оно легко выкатывается из моего горлового мешка, хотя иногда мне неловко его слышать. Это имя как будто постоянно употребляется в нашем роду с тех пор, как первый крадущийся корабль высадил на Джиджо первого хуна.

Этот крадущийся корабль был невероятно прекрасен! Возможно, мои предки и были грешниками: ведь они высадились в запретном мире, в мире-табу, но прилетели они в могучем звездном крейсере, прячась от патрулей Института и избегая опасных углеродных бурь Занга и Измунути. И сумели-таки высадиться. Даже если они грешники, они должны были быть чертовски смелыми и умелыми, чтобы сделать это.

Я прочел все, что смог найти, об этих днях, хоть это и произошло за сто лет до того, как на Джиджо появилась бумага, так что до нас дошли только

легенды о пионерах-хунах, которые спустились с неба и обнаружили, что здесь, на Склоне, уже скрываются г'кеки, глейверы и треки. В легендах рассказывалось, как эти первые хуны утопили свой корабль в глубине Помойки, чтобы его невозможно было выследить, потом связали грубые деревянные плоты и впервые с тех пор, как великие буйуры покинули планету, отправились в плавание по рекам и морям Джиджо.

Поскольку мое имя связано с крадущимся кораблем, думаю, оно не может быть таким уж плохим.

Тем не менее мне больше нравится, когда меня зовут *Олеин.*

Наш учитель, господин Хайнц, велит нам, старшеклассникам, вести дневники, хотя некоторые родители жалуются, что бумага здесь, на южном краю Склона, слишком дорога. Мне все равно. Я напишу о своих приключениях, когда мы с друзьями помогали и мешали добродушным морякам в гавани, или исследовали извивающиеся лавовые русла вблизи вулкана Гуэнн, или плавали в нашей маленькой лодке до длинной остроконечной тени Окончательной скалы.

Может, когда-нибудь из этих записок получится книга!

А почему бы и нет? Мой англик очень хорош. Даже ворчливый старый Хайнц говорит, что у меня склонность к языкам. Ведь к десяти годам я наизусть запомнил городской экземпляр “Роджета”. А теперь, когда печатник Джо Доленц открыл в Вуфоне свою мастерскую, мы можем рассчитывать на приход бродячих библиотекарей *с* книгами. Может, Доленц даже позволит мне самому напечатать свою книгу! Конечно, если я успею что-то написать до того, как мои пальцы станут слишком большими, чтобы управляться с мелкими буковками.

Моя мама Му-фауфк считает это замечательной мыслью, хотя я понимаю, что она слегка потакает моей детской одержимости, и мне хотелось бы, чтобы она не относилась ко мне так покровительственно.

Мой папа Йоуг-уэйуо ворчит, раздувая свой горловой мешок; он считает, что я слишком подражаю людям. Но я уверен, что в глубине души эта идея ему нравится. Разве он не берет в долгие поездки на Помойку взятые взаймы книги? А ведь это опасно. Что, если корабль утонет и, возможно, последний древний экземпляр “Моби Дика” уйдет под воду вместе с ним и экипажем? Разве это не настоящая катастрофа?

И разве не он приучил меня читать почти со дня рождения? Давал мне все великие земные приключенческие книги: “Остров сокровищ”, “Синдбад” и “Ультрафиолетовый Марс”? Почему же он называет меня хьюмикером — подражателем людям?

Сегодня папа говорит, что я должен читать современных хунских писателей, которые пытаются перестать подражать старинным землянам и создать нашу собственную литературу.

Наверно, должно быть больше книг на других языках, не только на англике. Галактический два и Галактический шесть кажутся ужасно невыразительными и не подходят для рассказов. Но я пытался читать некоторых из этих писателей. Честно. И должен сказать, что ни один из них не достоин даже поддерживать штаны Марка Твена.

Естественно, *Гек* полностью со мной согласна.

Гек — мой лучший друг. Она взяла себе это имя, хотя я ей объяснял, что девочке оно не подходит. Она только обвивает одним глазным стебельком другой и говорит, что ей все равно и, если я еще раз назову ее Беки, она зажмет своими спицами шерсть у меня на ногах и так закрутит, что я заору.

Думаю, это не имеет значения: все равно г'кеки меняют пол после того, как отпадают их детские колеса, и если она захочет оставаться самкой, это ее дело. Гек сирота. Она живет с соседями с тех пор, как Большая Северная Лавина стерла с лица земли клан ткачей, который жил там в развалинах буйуров. Наверно, она имеет право быть слегка странной, если пережила это и выросла в семье хунов. Она замечательный друг и отличный моряк, хотя она и г'кек, и девочка, и у нее нет ног.

Чаще всего в наших приключениях участвует и *Острая Клешня,* особенно когда мы спускаемся к берегу. Ему не нужно прозвище из какого-нибудь рассказа, потому что все красные квуэны получают его, как только высовывают свои пять когтей из загона для вылупливания. Клешня не большой любитель чтения, как мы с Гек, в основном потому что книги не выдерживают соли и влаги тех мест, где живет его клан. Клан бедный, живет только за счет мелких извивающихся существ, которых находят в грязевых полях к югу от города. Папа говорит, что квуэны с красными панцирями были слугами тех, у кого панцири серые и синие, до того как крадущийся корабль высадил все три вида на Джиджо. И даже после этого серые

какое-то время распоряжались остальными, и поэтому папа говорит, что красные не привыкли думать самостоятельно.

Может, и так, но когда Острая Клешня с нами, именно он больше всех говорит… одновременно всеми своими ножными ртами — рассказывает о морских змеях, или об утраченных сокровищах буйуров, или о чем-то другом — и клянется, что видел это собственными глазами… или слышал от кого-то, кто знал того, кто мог что-то видеть… где-то сразу за горизонтом. И если мы попадаем в неприятности, то обычно из-за того, что выдумывает Клешня в том жестком корпусе, в котором находится его мозг. Иногда мне хочется иметь хотя бы десятую часть его воображения.

Мне стоит включить в список *Ур-Ронн*, потому что иногда она отправляется с нами. Ур-ронн почти так же любит книги, как мы с Гек. Но она ур, а у ура есть пределы, за которые он не может выйти в своем подражании людям, прежде чем опереться на все четыре ноги и сказать “вау”.

У них, например, не бывает прозвищ.

Однажды, когда мы читали древнегреческие мифы, Гек попробовала прозвать Ур-ронн кентавром. Вероятно, ур действительно напоминает это легендарное создание — если, конечно, вас

только что ударили кирпичом по голове и от боли вы плохо видите и не очень хорошо соображаете. Но Ур-ронн это сравнение не понравилось, и она продемонстрировала это, взмахнув, как хлыстом, длинной шеей и едва не отхватив глазной стебелек Гек своей треугольной пастью.

Гек назвала ее кентавром только один раз.

Ур– ронн племянница Уриэль, которая держит кузницу вблизи огненных лавовых потоков высоко на горе Гуенн. Она завоевала право стать учеником кузнеца, а не оставаться со стадами и караванами на травянистых равнинах. Жаль, что тетка все время заставляет ее работать и не позволяет плавать с нами в лодке: говорит, что уры не умеют плавать.

В школе в прериях Ур-ронн привыкла много читать. В этом захолустном уголке Склона мы о таких книгах и не слыхали. И она рассказывает нам, что может вспомнить, например, о Сумасшедшей Лошади, или о Чингисхане, или об урских героях-воинах, о том, как они сражались с людьми после того, как земляне прилетели на Джиджо и до того, как возникла Община и начался Великий Мир.

Было бы здорово, если бы наша команда стала полной Шестеркой, вроде той, что с Дрейком

и Ур-джушен и их товарищами отправилась в Великий Поиск и впервые увидела Святое Яйцо. Но единственный треки в городе — аптекарь, и он слишком стар, чтобы образовать новое множество колец, с которым мы могли бы играть. А что касается людей, то их ближайший поселок в нескольких днях пути отсюда. Так что, вероятно, нам суждено оставаться четверкой.

Жаль. Люди — это здорово! Это они привезли на Джиджо книги, они владеют англиком лучше всех, кроме меня и, может быть, Гек. К тому же дети людей по фигуре напоминают маленького хуна, так что могут пробраться почти повсюду, куда и я на своих двух длинных ногах. Может быть, Ур-ронн бежит быстрей, но она не может заходить в воду, Клешня не может слишком далеко отойти от воды, а бедная Гек должна держаться ровных участков суши, по которым могут пройти ее колеса.

И никто их них не может взобраться на дерево.

И все же они мои приятели. И способны на многое, на что не способен я, так что, полагаю, счет у нас равный.

Именно Гек сказала, что летом нужно пуститься в настоящее приключение: ведь это лето у нас последнее.

Занятия в школе кончились. Господин Хайнц отправился в ежегодную поездку в великие архивы Библоса, потом на Праздник Собрания. Как обычно, он взял с собой несколько старших учеников-хунов, включая приемную сестру Гек Аф-аун. Мы завидовали их долгому путешествию — вначале морем, потом в лодках вверх по реке до города Ур-Тандж, и наконец караваном ослов вверх, в горную долину, где они будут посещать игры и театральные постановки, навестят Яйцо и будут наблюдать, как встречаются мудрецы и решают проблемы всех шести рас-изгнанников Джиджо.

На следующий год, может быть, мы тоже отправимся в такое путешествие, но не скажу, чтобы перспектива ждать еще семнадцать месяцев меня радовала. А теперь перед нами ничем не занятое лето, и родители все время будут заставлять нас помогать грузить корабли с мусором, разгружать рыбачьи лодки и выполнять сотни других мелких работ. И что еще хуже, до самого возвращения господина Хайнца не будет никаких новых книг — он привезет книги, если не потеряет список, который мы ему дали.

(Однажды он вернулся в крайнем возбуждении и привез целую груду земных стихов, но при этом

ни одного романа Конрада, Купа или Кунца. А некоторые взрослые заявляли, что им эти стихи нравятся!)

Именно Гек первой предложила отправиться за Линию, и я все еще не знаю, стоит ли ее за это благодарить, или проклинать.

— Я знаю, где есть что почитать, — сказала она однажды, когда здесь, на юге, начиналось раннее лето.

Йоуг–уэйуо уже поймал нас, когда мы сидели под пирсом, бросали камни в прыгающие куполы и скучали, как нур в клетке. И, конечно, сразу заставил карабкаться по длинной решетке вверх, чтобы починить маскировку деревни: терпеть не могу эту работу и с нетерпением жду, когда стану слишком большой, чтобы ее делать. Мы, хуны, не так хорошо переносим высоту, как любители деревьев люди и их домашние шимпы, и позвольте мне вам сказать, что, когда карабкаешься по деревянной решетке над всеми домами и магазинами Вуфона, ухаживая за зеленым растительным ковром, который должен помешать заметить нас из космоса, голова начинает кружиться.

Сомневаюсь, чтобы это помогло, если когда-нибудь наступит День, которого все так боятся. Когда небесные боги придут нас судить, что нам

даст покров из листьев? Избавит от наказания?

Но не хочу, чтобы меня называли еретиком. И вообще это не подходящее место для таких разговоров.

Итак, мы были вверху, высоко над Вуфоном, подставляли солнцу свои незащищенные спины, и Гек неожиданно выпалила, словно прокричала:

— Я знаю, где есть что почитать,

Я положил завязки, которые нес с собой, на пучок черных веток ириса. Внизу мне виден был дом аптекаря, и из его трубы поднимались отчетливые запахи треки. (Вы знаете, что вокруг домов треки растут совсем другие растения? Трудно работать по соседству, когда аптекарь готовит лекарства!)

— О чем ты говоришь? — спросил я, борясь с приступом тошноты. Гек подкатилась, подобрала одну из свисавших лиан и приладила на место.

— Я говорю о том, чтобы прочитать кое-что такое, чего на Склоне никто не читал, — ответила она вполголоса и с чувством; она всегда так говорит, когда считает идею замечательной. Два глазных стебелька повисли над ее занятыми руками, а третий повернулся ко мне с блеском, который слишком хорошо мне знаком. — Я гово-

рю о чем-то таком древнем, что по сравнению с ним самые древнейшие свитки кажутся только что напечатанными Джо Доленцем, и краска на них еще не просохла.

Гек катилась по балкам и брусьям, заставляя меня ахать, когда подпрыгивала или проезжала мимо зияющих дыр, сплетая гибкие ветви, как прутья в корзине. Мы считаем г'кеков хрупкими существами, потому что они предпочитают гладкие равнины и терпеть не могут скалистую местность. Но их оси и окружности проворны, а то, что г'кек назовет дорогой, может быть узенькой планкой.

— Не вешай мне лапшу на уши, — ответил я. — Твои предки сожгли и затопили свой крадущийся корабль, и то же самое сделали все расы, высадившиеся на Джиджо. И у них остались только свитки — до появления людей.

Гек качнула торсом, подражая жесту треки, который означает: *может, ты и прав, но я/мы так не думаем.*

– Олвин, ты знаешь, что даже первые изгнанники нашли на Джиджо что почитать.

Ну, хорошо, я действительно не очень быстр. По-своему я достаточно умен — настойчив и основателен, как подобает хуну, но никто не сможет

обвинить меня в поспешности.

Я нахмурился, подражая человеческому “задумчивому” выражению, которое однажды видел в книге, хотя от этого у меня заболел лоб.

— Хрррррм… Минутку. Ты ведь не имеешь в виду те настенные надписи, которые иногда находят…

— На стенах старых зданий буйуров, да! Те, что уцелели, не были разбиты или съедены мулькпауками за миллион лет после ухода буйуров. Эти самые надписи.

— Но разве это в основном не уличные указатели и тому подобное?

— Верно, — согласилась она, опуская один глазной стебелек. — Но в тех развалинах, где я жила вначале, были очень странные надписи. Дядя Лорбен перевел некоторые на ГалДва — до того, как ударила лавина.

Я так и не смог привыкнуть к тому, как небрежно она упоминает о катастрофе, уничтожившей всю ее семью. Я о таком не мог бы говорить много лет. Может, никогда не смог бы.

— Дядя переписывался с учеными из Библоса и обсуждал с ними найденные надписи. Я была тогда слишком мала, чтобы многое понять. Но, очевидно, есть ученые, которые хотели бы боль-

ше узнать о настенных надписях буйуров.

А также и такие, кому это не понравится, помню, подумал я. Несмотря на Великий Мир, во всех шести расах всегда найдутся готовые воскликнуть *“ересь!”* и предупредить о страшном наказании, готовом прийти с неба.

— Что ж, жаль, что надписи были уничтожены, когда… ну, ты знаешь.

— Когда гора убила моих родичей? Да. Очень жаль. Послушай, Олвин, не передашь ли мне еще несколько вязок. Я не дотягиваюсь…

Гек покачивалась на одном колесе, второе бешено вращалось. Я глотнул и протянул над пропастью несколько срезанных веток.

— Спасибо, — сказала Гек, с грохотом приземляясь на балку и гася толчок. — Да, так о чем я? А, да! Настенные надписи буйуров. Я собиралась рассказать, как можно найти некоторые надписи, которые еще никто не видел. По крайней мере никто из изгнанных Шести.

— Но как это возможно? — Должно быть, мой шейный мешок от волнения раздулся, издавая булькающие звуки. — Твой народ прилетел на Джиджо две тысячи лет назад. Мой почти так же давно. Даже люди здесь уже несколько сотен лет. Исследован каждый дюйм Склона, и каждую

развалину буйуров разглядывали десятки раз.

Гек вытянула ко мне все свои четыре глаза.

— В*от именно!*

Слова англика, выходящие из ее черепного барабана, казались окрашенными легким акцентом возбуждения. Я долго смотрел на нее и наконец удивленно прохрипел:

— Ты хочешь сказать, что нужно покинуть Склон? Прокрасться за Трещину?

Не стоило даже спрашивать.

Если бы кости Ифни выпали по-другому, это был бы совсем другой рассказ. Но обстоятельства способствовали тому, чего хотела Гек.

Во– первых, она продолжала приставать ко мне. Даже когда мы кончили чинить решетку, спустились и снова бездельничали возле кораблей, причаленных под нависающими кронами огромных деревьев гингури, она продолжала настаивать со смесью ума г'кеков и настойчивости хунов.

— Послушай, Олвин. Разве мы десяток раз не плавали к Окончательной скале и не призывали друг друга двигаться дальше? Мы однажды даже так и сделали, и никакого вреда не было.

— Но мы добрались только до середины Трещины. И повернули назад.

— Ну и что? Хочешь, чтобы этот позор был с нами всегда? Может быть, сейчас наш последний шанс!

Я погладил полураздутый шейный мешок, произведя гулкий рокочущий звук.

— А ты не забыла, что у нас уже есть проект? Мы будем строить лодку, чтобы можно было нырять… Она с отвращением прервала меня.

— Мы говорили об этом на прошлой неделе, и ты согласился. Это глупая затея…

— Я согласился подумать. Ведь Клешня уже почти закончил корпус. Выгрыз его из большого бревна тару. А как же работа остальных? Мы ведь изучили старинные земные чертежи, сконструировали насос и протянули провода. А еще колеса, которые ты раздобыла, и иллюминатор Ур-Ронн…

— Да, да. — Она пренебрежительным движением двух глазных стебельков отмахнулась от всех этих работ. — Конечно, забавно было заниматься этим зимой, когда все равно приходилось сидеть взаперти. И особенно, когда казалось, что этого никогда не будет. Мы ведь притворялись.

Но теперь речь идет о серьезных вещах! Клешня уже говорит, что через два месяца нужно будет сделать первое глубокое погружение. Разве мы

не согласились, что это безумие? Правда, Олвин? — Гек подкатилась поближе и сделала то, чего г'кеки никогда не делают — во всяком случае, я о таком никогда не слышал. Она прогудела *амбл,* подражая звуку, который издает молодая самка хуна, когда ее большой красивый самец не соглашается с ней.

– Разве тебе не интересней пойти со мной и увидеть эти надписи, такие древние, что их писали *компьютеры, лазеры* и все прочее? Хр-рм? Разве это не интересней плавучего гроба с мусором на полпути к морскому дну?

Пора менять язык. Обычно я нахожу англик более удобным, чем самоуверенные древние языки звездных богов. Даже господин Хайнц соглашается, что “глагольные времена и свободная логическая структура человеческих языков легче передают импульсивный энтузиазм”.

Но сейчас мне нужно как раз противоположное, поэтому я перешел на свисты и пощелкивания Галактического два.

Соображения о (наказуемом) преступлении — об этом ты не думала?

Не смущаясь, она ответила на Галсемь, формальном языке, который любят люди:

Мы младшие, друг. К тому же пограничный за-

кон направлен на предотвращение нелегального размножения за пределами разрешенной зоны. У нас нет такого намерения!

И быстрый переход на Галактический два:

Или ты намерен (извращенно) заняться размножением с этой (девственной самкой) особой?

Какая нелепая мысль! Очевидно, она старается вывести меня из равновесия. И скоро я соглашусь направить парус к тем темным развалинам, которые можно увидеть с Окончательной скалы, если нацелить урский телескоп за глубокие воды Трещины.

И тут я заметил знакомое волнение под спокойной поверхностью залива. Рыжая фигура выползла на песчаный берег, показался пятнистый красный щит, с которого стекала соленая вода. Над пятиугольным компактным панцирем поднимался мясистый купол, окруженный стеклянистым черным кольцом.

— Клешня! — воскликнул я, радуясь, что могу отвлечься от спора с Гек. — Иди сюда и помоги отговорить от этой глупости…

Но молодой квуэн выпалил, не дав воде стечь с речевых щелей.

– Ч…ч…чу… чу…

Клешня не так бегло владеет англиком, как мы

с Гек, особенно когда возбужден. Однако часто им пользуется, чтобы доказать, что он такой же современный хьюмикер, как и мы. Я поднял руки.

— Полегче, приятель! Сделай вдох. Сделай пять вдохов! Он выдохнул: от еще погруженных в воду ног поднялись две цепочки пузырей.

— Я…в…в…видел их! На этот раз я на самом деле видел-идел их!

Зрительное кольцо вокруг купола Клешни способно видеть одновременно во всех направлениях. Но мы чувствовали, что наш друг напряженно смотрит на нас. Он снова выдохнул и произнес одно-единственное слово:

– *Чудовища!*

II . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Прошла большая часть миллиона лет с тех пор, как буйуры, повинуясь галактическим законам, покинули Джиджо, когда кончился срок их разрешения на использование этой планеты. То, что не смогли увезти с собой или спрятать в тайниках на спутниках, они тщательно уничтожили, так что на месте могучих городов, когда-то сверкавших под солнцем, остались одни поросшие сорняками руины.

Но даже сейчас их тень нависает над нами, проклятыми и изгнанными варварами, напоминая, что некогда Джиджо правили боги.

Живя здесь в качестве нелегальных скваттеров, в качестве "землезахватчиков", которые не могут выходить за пределы узкой полоски между горами и морем, мы, члены шести рас, смотрим на выветренные руины буйуров со сверхъестественным страхом и благоговением. Даже когда в нашу Общину вернулись книги и грамотность, нам не хватало инструментов и знаний, чтобы исследовать эти руины и больше узнать о

последних законных обитателях Джиджо. Недавно отдельные энтузиасты, именующие себя археологами, заимствовали технику раскопок из старинных земных текстов, но эти фанатики не могут даже сказать нам, как выглядели буйуры, каковы были их обычаи или образ жизни.

Больше всего сведений мы получаем из фольклора.

Хотя глейверы больше не говорят — и поэтому больше не числятся среди Шести, — мы знаем предания, которые они когда-то рассказывали г'кекам, которые хорошо знали глейверов еще до того, как они деэволюционировали.

Некогда, еще до того, как их крадущиеся корабли прилетели на Джиджо, когда глейверы летали звездными путями как полноправные члены пяти галактик, они, как говорят, находились в очень близких отношениях с расой, именуемой таннактиуры, великим и благородным кланом. В молодости эти тиннактиуры были клиентами другого вида — патронов, которые возвысили их и дали тиннактиурам владение речью, инструментами и разум. Эти патроны назывались буйуры, и прилетели они из четвертой галактики, с планеты, в небе которой висела огромная углеродная звезда.

Согласно легенде, эти буйуры славились своим умением производить маленькие живые существа.

Известны они были и другим своим редким и опасным свойством — чувством юмора.

Хау– Афтунд,

член гильдии вольных ученых. Год изгнания 1908

Аскс

Слушайте, мои кольца, песню, которую я пою. Пусть ее пары поднимутся из ваших сердечников и опустятся, как капающий воск. Эта песня приходит во множестве голосов, запахов и отрезков времени. Она сплетается, как гобелен г'кеков, течет, как ария хунов, скачет и извивается наподобие урской легенды, но разворачивается так же неумолимо, как страницы книги людей.

История начинается мирно.

Весной, в самом начале второго лунного цикла тысяча девятьсот тридцатого года нашего изгнания-и-преступления, появились ротены, возвестив с неба о своем нежеланном прибытии. Сверкая, как солнце в своем господстве над воздухом и эфиром, они разорвали ткань нашего

укрытия в самое неподходящее время — во время весеннего сбора племен, вблизи благословенного основания Яйца Джиджо.

Мы собрались, как часто делали после Появления, чтобы послушать великую музыку овоида в надежде получить руководство. Чтобы обменяться результатами наших разнообразных способностей и талантов. Чтобы решать споры, соревноваться в играх и возобновить нашу Общину. И прежде всего — отыскать возможности уменьшить вред, причиняемый нашим незаконным присутствием на этой планете.

Собрание — это время возбуждения для молодежи, работы для мастеров и прощания для тех, кто приближается к концу своего срока. Уже распространились слухи-предсказания, что это собрание будет иметь особое значение. От каждого клана пришло больше обычной квоты представителей. Наряду с мудрецами и странниками, садоводами и техниками пришло много простых жителей Джиджо на двух, четырех и пяти ногах, а также на кольцах и колесах; под барабанный бой поднимались они по еще замерзшим горным тропам к священным полянам. Каждая раса ощутила земную дрожь, более сильную, чем в прошлом, кроме того дня, когда Яйцо вырвалось из мате-

ринской почвы Джиджо, разбрасывая горячую пыль своего рождения, смирило наши капризные и раздражительные страсти и объединило нас.

Ах, Собрание.

Последнее паломничество, возможно, еще не улеглось в памяти. Но вспомните, как наше молодое множество колец медленно плыло на борту корабля от Дальнего Влажного Святилища мимо блестящего Спектрального Потока и равнины Острого Песка.

И разве эти знакомые чудеса не поблекли, когда мы достигли Великого Болота и увидели его в цвету? Такое можно увидеть только раз за всю жизнь треки. Море цвета — расцветающего, плодоносящего и тут же умирающего. Перейдя с лодки на баржу, мы, путники, гребли в облаках ароматов, плыли по проходам под покровом миллионов серебристых лепестков.

Наши спутники приняли это как предзнаменование, не правда ли, мои кольца? Люди среди нас говорили о загадочной Ифни, таинственной силе, приговоры которой не всегда справедливы, но всегда удивительны.

Помните ли вы другие виды/испытания? Деревни ткачей? Мульк-пауков и охотничьи лагеря? И наконец тяжелый подъем, поворот за поворотом

под нашими напряженными ножными подушечками, через проход Долгий Умбрас, ведущий к зеленой долине, где четыре поколения треки назад поднялись гейзеры и засверкали радуги, празднуя появление темного овоида?

Вспомните скрип вулканического гравия и то, как обычно послушные реуки дрожали на нашей голове-кольце, отказываясь лечь на глаза, так что мы прибыли в лагерь с обнаженным лицом, без маски, а дети всех шести рас бежали к нам с криками: “Аскс! Аскс, треки, пришел!”

Вспомните других высоких мудрецов, коллег и друзей, появившихся из своих палаток, пошедших, покатившихся, заскользивших нам навстречу, приветствуя нас возвышенными эпитетами. Этот ярлычок — Аскс — они рассматривают как постоянно присущий “мне” — выдумка, над которой “я” посмеиваюсь.

Помните ли вы все это, мои кольца?

В таком случае терпение. Воспоминания сливаются, как капающий воск, облекая нашу внутреннюю сущность. И оказавшись там, не могут быть забыты.

На Джиджо в районе неба, удаленном от солнца, видно глубокое сияние. Говорят, такое редко встречается в мирах, каталогизированных в ве-

ликих галактиках. Это действие частиц углерода, тех самых, что насылают град пустоты, зерен, рожденных Измунути, сверкающим огненным глазом в созвездии, которое люди называют Муками Иова. Говорят, наши предки изучали такие особенности своего нового мира, прежде чем сжечь и затопить свои корабли.

Говорят также, что они просто заглянули в передвижной отдел Галактической Библиотеки, прежде чем даже это сокровище предать огню в день, который они назвали “Возврата нет”.

В это утро, когда другие мудрецы вышли приветствовать нас, называя нас/меня Аскс, никакого града пустоты не было. Когда мы собрались в павильоне, я узнал, что не только наш реук вел себя капризно. Даже терпеливый хун не смог справиться со своим помощником-переводчиком. Поэтому мы, мудрецы, совещались без этих маленьких симбионтов, общаясь только с помощью слов и жестов.

Из всех рас, чьи предки избрали безнадежную участь изгнанников на этой планете, г'кеки самые старшие. Поэтому обязанности председателя Воспламенения принял на себя Вуббен.

— Виновны ли мы в гибели рантаноидов? — спросил Вуббен, поворачивая глаза во все четыре

стороны света. — Яйцо ощущает боль в поле жизни, когда утрачивается потенциал.

— Хрррм. Мы бесконечно спорили об этом, — ответил хунский мудрец Фвхун-дау. — Ларк и Утен говорят об *упадке.* Но рантаноиды еще не вымерли. Небольшое их количество остается на острове Юкун.

Мудрец-человек Лестер Кембел согласился.

— Даже если они вымрут, рантаноиды — всего лишь один из бесчисленных видов животных, питающихся корнями. Нет причины считать их особо благословенными.

Ур– Джа возразила, что ее собственные предки когда-то были маленькими и питались корнями.

Лестер с поклоном согласился.

— И все же мы не отвечаем за подъем и упадок каждого вида.

— Откуда ты знаешь? — настаивал Вуббен. — Нам недостает большинства орудий науки, наши эгоистичные предки погрузили нас во тьму, и мы не знаем, какой вред причиняем, просто ступив на эту планету или выбрасывая свой мусор в пропасть. Никто не может предсказать, что нам вменят в вину, когда настанет День. Даже *глейверов,* в их нынешнем состоянии невинности, будут судить.

В этот момент наша мудрая квуэн, которую мы называем Ум-Острый-Как-Нож, наклонила свой синий панцирь. Из ее хитинового бедра послышался тихий шепот:

– Яйцо, наш дар в дикости, знает ответы. Ее ответ непредубежденному сознанию – правда.

Пристыженные ее мудростью, мы впали в медитацию.

Реуки, в услугах которых больше не нуждались, сползли с наших голов и собрались в центре, обмениваясь энзимами. Мы приняли мягкий ритм, каждый мудрец добавлял свою гармоничную линию — дыханием и ударами сердца.

Кольца мои, помните ли вы, что произошло потом?

Ткань нашего единства была разорвана громовыми звуками, которые высокомерно издавал корабль ротенов, возвестив о злой силе еще до своего появления.

Мы вышли и в отчаянии смотрели на разорванное небо.

Скоро и мудрецы, и простой народ знали, что День наконец настал.

Месть не щадит и детей падших.

Семья Нело

У мастера-бумажника было три отпрыска — число, достойное его благородного призвания, как и у его отца, и у отца его отца. И Нело всегда считал, что эту линию продолжат два его сына и дочь.

Поэтому он тяжело переживал, когда его упрямые дети покинули водяную мельницу, ее лотки и деревянные колеса. Никого из них не привлек ни манящий ритм молота, размельчающего тряпье, доставленное всеми шестью расами, ни сладкий туман вокруг решетчатых экранов, ни уважительные поклоны торговцев, которые издалека собирались, чтобы получить белые полосы, изготовленные Нело.

О, Сара, Ларк и Двер с удовольствием пользовались бумагой!

Двер, младший, заворачивал в нее наконечники стрел и приманку для охоты. Иногда он платил отцу клубнями пиу или зубами груона, прежде чем снова исчезнуть в лесу, как всегда поступал с девяти лет. Побывав в ученичестве у Фаллона-Следопыта, Двер скоро стал легендой на всем Склоне. Ничто не могло избежать его

лука, если не было защищено законом. А слухи утверждали, что парень со свирепым взглядом и черными волосами убивает всех, кого хочет, когда закон смотрит в другую сторону.

Насколько своенравен Двер, настолько сосредоточен Ларк. Он использует бумагу, чтобы готовить надписи и диаграммы. В его кабинете все стены покрыты таблицами, плотно исписаны заметками и чертежами. Но на таблицах видны и обширные белые пятна — напрасная трата драгоценной бумаги Нело.

— Тут ничего не поделаешь, отец, — объяснял Ларк, стоя у деревянных полок, уставленных окаменелостями. — Мы не знаем, какие виды заполняют эти белые пятна. Этот мир сложен, и сомневаюсь, чтобы сами буйуры полностью понимали экосистему Джиджо.

Нело помнит, что тогда же подумал: какая глупость! Когда буйуры взяли в использование Джиджо, они были полноправными членами общества Пяти галактик, имели доступ к легендарной Великой Библиотеке, по сравнению с которой ничтожны все бумажные книги Библоса! По одному слову буйуры могли получить любой ответ под солнцем. Под миллиардом солнц, если можно верить рассказам о прошлом.

Но по крайней мере мудрецы одобряли работу Ларка. А как же Сара? Любимица Нело, она всегда наслаждалась запахами, ритмами и текстурой изготовления бумаги — до четырнадцати лет, пока не наткнулась на *дар*.

Нело винил покойную жену, которая давным-давно так необычно вошла в его жизнь и забивала головы детей странными рассказами и стремлениями.

Да, решил он, *это вина Мелины…*

Негромкий кашель прервал размышления Нело. Бумажник увидел над своим столом пару карих глаз. Почти человеческое лицо обрамляла густая шерсть — лицо настолько человеческое, что неосторожные треки иногда принимали *шимпанзе* как полноправных членов Общины.

— Ты все еще здесь? — рявкнул Нело.

Лицо искривилось, потом кивнуло налево, в сторону склада бумаги, где один из помощников Нело медленно снимал порванные бумажные листы с барабана.

Нело выругался.

— Это мусор, Джоко!

— Но, хозяин, ты велел собирать обрывки, которые можно продать…

Нело нырнул под большую ось — горизон-

тально расположенный шпиндель из твердой древесины, который передает энергию от дамбы во все ближайшие мастерские. Он оттолкнул Джоко.

— Не важно, что я велел. Возвращайся к чанам — и скажи Калебу, чтобы меньше воды пускал на лоток. До сезона дождей еще целых четыре месяца. Он нас через два выведет из дела!

Нело сам осмотрел полки и наконец отобрал два слегка поврежденных листа, перевязанных лианами. Это не совсем брак. Кто-нибудь даже может заплатить за них наличными. С другой стороны, к чему их беречь? Разве мудрецы не предупреждали, что не стоит слишком гордиться и думать о завтрашнем дне?

Ибо все стремления будут подвергнуты суду, и мало кто получит благословение…

Нело фыркнул. Он не религиозен. Он делает *бумагу*. Его профессия подразумевает некоторую веру в добрую суть времени.

— Это для твоей хозяйки, Прити, — сказал он маленькой самке — шимп, которая стояла у стола, сложив руки. Немая, как реук, она служила дочери Нело так, как не способно служить ни одно существо на Джиджо. Это ее служение невозможно осмыслить. Нело протянул ей один

тяжелый пакет.

— Второй понесу сам. Все равно пора заглянуть и проверить, достаточно ли у Сары еды.

Хоть шипм немая, но глаза у нее выразительные. Она знает, что это лишь предлог, чтобы Нело мог взглянуть на загадочный дом Сары для гостей.

Нело проворчал:

— Иди со мной и не медли. Некоторым приходится работать, чтобы заработать на жизнь, знаешь ли.

Крытая дорожка соединяла плотину/фабрику с лесом, где жило большинство обитателей поселка. Яркий солнечный свет пробивался сквозь полог листвы. В полдень нужно быть оптимистом, чтобы поверить, что эта живая маскировка способна скрыть дома от взгляда из космоса, — а среди Шести оптимизм считается легкой разновидностью ереси.

Увы, не такой ереси следует старший сын Нело.

Укрытие казалось еще более проблематичным по отношению к большой дамбе. В отличие от маленьких плотин, которые сооружают квуэны, подражая осыпям или грудам стволов, эта плотина от одного конца до другого тянется на

расстояние половины полета стрелы. Ее края скрывают фальшивые булыжники и заросли вьюнков. Тем не менее многие считают ее самым вопиющим артефактом на Склоне — вдали от древних поселений буйуров. Ежегодно в День Обвинения радикалы требуют ее уничтожения.

И теперь Ларк один из них. — Нело снова обвинил дух своей покойной жены. — *Ты слышишь, Мелина? Ты привела мальчика с собой, когда пришла с далекого юга. Нас учат, что гены не так важны, как воспитание, но разве я растил сына вероотступником и сторонником всеобщего разрушения? Никогда!*

Нело верил не в маскировку, а в слова отцов-основателей, которые забросили свое праздное семя на Джиджо и пообещали, что специальных поисков из космоса не будет. Не будет по крайней мере полмиллиона лет.

Однажды он высказал этот аргумент в споре с Ларком. К его удивлению, парень согласился, но потом сказал, что это не имеет значения.

Я настаиваю на решительных мерах не потому, что боюсь быть пойманным, а потому, что это правильный поступок.

Правильный? Неправильный? Все это непонятные абстракции. Ларк и Сара постоянно говорят

о таких вещах, целые мидуры спорят о судьбе и предназначении. Иногда Нело казалось, что ему легче понять Двера, этого своевольного любителя леса.

Из мастерской деревенского столяра тучами вылетают опилки. Там делают деревянные трубы для Джоби, полного сантехника. Он проводит такие трубы во все дома, чтобы по ним поступала свежая вода, а отходы удалялись в септические ямы-отстойники. Удобства цивилизованной жизни.

— Глубокой тени, Нело, — протянул Джоби, намекая на то, что не против немного посудачить.

— Облачного неба, Джоби, — с вежливым кивком ответил Нело, но не остановился. Конечно, несколько дуров легкой болтовни не повредят. *Но если он узнает, что я иду к Саре, то скоро половина поселка соберется у меня, чтобы узнать что-нибудь новое об этом пациенте Сары — Незнакомце с дырой в черепе.*

Когда-то это мог быть чипвинг со сломанным хвостовым рулем или раненый детеныш тойо. Все больное или раненое оказывалось у него на складе, где у Сары были специальные клетки, обитые тонким войлоком. Нело полагал, что, повзрослев, дочь минует эту фазу — пока несколько

дней назад она не отказалась от обычного собирательского похода из-за того, что ей на носилках принесли раненого Незнакомца.

Когда-то Нело мог бы возразить против присутствия Незнакомца, пусть даже раненого, в древесном доме дочери. Теперь он радовался всему, что отвлечет дочь от целого года напряженной работы и одиночества. Одна из руководительниц гильдии недавно написала ему, жалуясь, что его дочь сторонится главной обязанности женщин ее касты. Нело вынужден был ответить, упрекая в поспешном и опрометчивом суждении. Но все равно: любой интерес, который Сара проявляет к мужчине, пробуждает надежду.

С крытой дорожки Нело углядел городского взрывника с сыном, разглядывавших якорный пирс большой дамбы. Неприветливый и серьезный, с резкими чертами лица, Хенрик сунул руку в отверстие и вытащил глиняную трубку, заканчивающуюся шаром. Сначала сам рассмотрел заряд, потом протянул сыну, чтобы тот понюхал.

Нело неожиданно подумал о громадном озере, которое плещется за дамбой, готовое поглотить все дома и фабрики, если Хенрик получит сигнал исполнить свой долг. Он испытал также укол ревности, глядя на это понимающее тет-а-тет между

отцом и сыном — такое же, какое когда-то было у него самого с его детьми. И какое он надеялся ощутить снова с тем, кто любит бумагу так же, как он.

Если бы хоть один из детей дал мне наследника.

Мне нужен хотя бы один, — молил Нело. — *Если бы можно было подкупить мудрецов, чтобы они приказали!*

Хенрик вернул трубку на место и заклеил отверстие глиной.

Слева послышался низкий вздох. Нело посмотрел туда и увидел еще одного наблюдателя за взрывниками. Лог Байтер — Грызущая Бревно, матриарх местного улья квуэнов, сидела на древесном пне, втянув все пять ног. Нервное дыхание поднимало пыль под ее синим панцирем, а на зрительном кольце у нее реук, как будто он способен рассказать ей о Хенрике и его сыне!

Но о чем тревожится Лог Байтер? Это стандартная процедура. Жители Доло никогда не принесут в жертву дамбу, источник своего богатства и престижа. Только несколько глупцов-ортодоксов хотят этого.

И старший сын Нело.

Все нервничают, думал он, поворачивая. *Снача-*

ла необычная зима, потом предложение Улькоуна и ересь Парка. А теперь еще и Сара появляется с загадочным Незнакомцем.

Неудивительно, что у меня бессонница.

Большинство домов поселка скрыто от горящего неба, расположено на стволах могучих деревьев тару, где на широких верхних ветвях находятся грядки съедобного мха. Казалось, это ниша, специально подготовленная для землян, как любимые озера — для синих квуэнов и травяные равнины — для племен уров.

Нело и Прити пришлось ненадолго остановиться и переждать детей, которые гнали кустарниковых индеек по лесному суглинку. Пара глейверов с опаловой кожей, потревоженных в своем занятии — они рылись в земле в поисках насекомых, — подняли круглые головы и высокомерно фыркнули. Дети рассмеялись, а выпуклые глаза глейверов вскоре снова помутнели: слишком больших усилий требовал от них гнев.

Знакомый ритм деревенской жизни, и Нело счастливо продолжал бы принимать его как должное, если бы не слова старшего сына, сказанные перед отправлением на Собрание, когда Ларк объяснял причины своей ереси.

Природа снова завладевает этим миром, отец,

выходя за пределы, навязанные прежними обитателями.

Нело охватили сомнения. Как может неразумная жизнь меньше чем за миллион лет изменить мир? Без руководящей расы, которая ухаживает за этой жизнью, как садовник за садом?

Это и означает объявление планеты невозделанной, — продолжал Ларк. — *Ей предоставляют отдых и способность восстановиться без вмешательства.*

Ты хочешь сказать, без таких, как мы?

Совершенно верно. Мы не должны находиться на Джиджо. Мы приносим вред самим своим пребыванием здесь.

Это обычная дилемма всех Шести. Предки всех шести рас считали, что у них есть очень основательные причины, чтобы прилететь сюда на крадущихся кораблях и засеять запретную планету своим семенем. Свитки говорят о преступлении, слившемся с отчаянной *надеждой.* Но сын Нело подчеркивает только преступление. Больше того, Ларк и его друзья собираются что-то предпринять. Какое-то серьезное выступление на Собрании этого года, чтобы возместить поколения вины священным и ужасающим поступком.

Какая глупость! возразил Нело. *Когда цивилиза-*

ция вернется в эту галактику, не будет никаких следов нашей жизни здесь. Если мы будем жить праведно, клянусь Яйцом, то, что вы собираетесь сделать, не будет иметь никаких последствий!

В любом споре с Двером последовали бы вызывающие выкрики. Но разговор с Ларком тем более раздражает, что парень скрывает свою пуристическую ересь под упрямой вежливостью, которую унаследовал от матери.

Не важно, что наше преступление никогда не будет раскрыто, отец. Важно то, что нам здесь не место. Мы просто не должны существовать.

Жители деревни здоровались с проходящими Нело и Прити. Но он сегодня отвечал лишь сердитыми взглядами, горячо желая, чтобы отпрыски не раздражали его так сильно — сначала отказавшись подчиниться его желаниям, а потом внеся фермент своих беспокоящих идей.

У городского причала стояли несколько лодок. Стройные нуры с гладкой шерстью сновали по мачтам, натягивая снасти и набрасывая маскирующие покровы, как их столетиями учат высокие длинномордые хуны. Экипаж одной из лодок помогал местным жителям разгружать стекло и металл, найденные в поселении буйуров выше по реке. В городе Ур-Тандж кузнецы все это перера-

ботают, а остатки будут отправлены в мусорные ямы, далеко в море.

В обычное время Нело остановился бы, чтобы понаблюдать, но Прити потянула его за рукав, торопя вверх, в сине-серые ветви рощи.

Когда они повернулись, раздались неожиданные крики. Люди побросали груз, а моряки хуны присели, расставив мохнатые ноги. Древесные стволы раскачивались со скрипом, как корабельные мачты, все канаты натянулись, по воде пошла рябь. Из леса вылетела туча листвы, заполнив воздух вертящими спиралями. Нело узнал гулкий рокот землетрясения. Его охватил страх, смешанный с возбуждением, и он подумал, стоит ли добираться до открытого места.

Но шум стих, прежде чем он успел принять решение. Ветви продолжали раскачиваться, но доски дорожек перестали колебаться, а рябь на озере исчезла, как во сне. Моряки облегченно фыркали. Жители деревни ритуально жестикулировали, ибо дрожь Джиджо целительна, даже если приносит разрушения. Столетие назад более сильное землетрясение вырвало из-под земли Священное Яйцо, благословение, стоящее всех мук, причиненных его рождением.

О мать Джиджо, взмолился Нело, когда стихла

последняя дрожь. *Пусть на Собрании все пройдет хорошо. Пусть мудрецы отговорят Ларка и его друзей от их глупых планов.*

И может быть, решился добавить он, *пусть Двер встретит девушку из хорошей семьи и наконец осядет.*

Он знал, что третье желание высказывать не стоит. Сара не хочет, чтобы он ради нее просил божество. Если это, конечно, не Ифни — капризная богиня чисел и судьбы.

Когда пульс успокоился, Нело знаком велел Прити идти вперед. Их маршрут пролегал вверх по массивному стволу тару, а потом по древесным вершинам, соединенным веревочными дорожками. Нело шел привычно, не замечая высоты, но тюк бумаги все сильней оттягивал руки.

Дом Сары расположен так высоко, что солнечный свет часами падает на плетеную стену. Делая последний переход над пустотой, Нело крепче ухватился за веревку. Обнаженное солнце так его тревожило, что он едва не упустил квадратную клетку, сделанную из досок и висящую на шкиве рядом с небесным порогом Сары.

Лифт! Почему к дому моей дочери присоединили лифт?

И тут же вспомнил. *Из-за Незнакомца.*

От дома исходили разнообразные запахи — по большей части острые, но и сладкие. Заглянув внутрь, Нело сразу опустил жалюзи, отрезав косые солнечные лучи. Из другой комнаты доносился печальный голос Сары. Нело уже собрался постучать в косяк, но остановился: внутри шевельнулись две тени. Одна коническая, состоящая из круглых колец, выше Нело на голову. Шишковатые ноги поддерживают нижнее кольцо, производя при движении хлюпающие звуки.

Вторая фигура, меньшего размера, на двух колесах-ободах; стройный торс заканчивается парой грациозных рук и четырьмя стебельками с глазами, направленными одновременно во все стороны. Существо покатилось вперед, одно колесо скрипнуло, показался пятнистый череп и опущенные глазные стебельки пожилого г'кека.

Если кто из жителей деревни Доло и мог заставить Нело почувствовать себя живым и проворным, так именно эта пара. За всю историю этих двух видов ни г'кек, ни треки никогда не поднимались на дерево.

– Облачного неба, бумажник, — сказал тот, что на колесах.

— Глубокой тени, доктор Лоррек. И тебе тоже, аптекарь. — Нело дважды поклонился. — Как

ваш пациент?

После многих лет обслуживания деревни, населенной почти исключительно людьми, англик Лоррека был превосходен.

— Поразительно. Но пациент набирается сил под действием особых мазей Пзоры, — врач согнул глазной стебелек в направлении треки, чей девятый тор казался раскрасневшимся от напряженной работы, — а также под действием заботы и свежего воздуха.

Это неожиданность. Положение Незнакомца казалось безнадежным.

— Но его раны! Дыра в голове…

Пожатие плечами — по происхождению человеческий жест, но никто не проделывает его изящней г'кека.

— Я опасался, что рана смертельна. Очевидно, Незнакомец обязан жизнью выделениям желез Пзоры и быстрым действиям твоей дочери, которая вытащила его из грязного болота.

Тут заговорил аптекарь — треки, поворачивая свои воспринимающие органы, похожие на драгоценные камни; голос его дрожал, как звук ненастроенной арфы.

— Я/мы помог с радостью, хотя наше синтезирующее кольцо почти в обмороке от усилий.

Потребовались сильнодействующие мази. Но и они не очень понравились.

— О чем это ты?

— Только здесь, высоко, где мало бактерий, можно было проделать работу. Жилище мисс Сары идеально, и она никому не позволяет забрать ее пациента. Но она так много жалуется! Говорит, что ей мешают работать, отрывают от пациента. Хочет, чтобы мы все убрались с ее шеи.

— Ну, это всего лишь метафора.

— Так я/мы и предположил. Я/мы высоко ценю это несоответствие. Пусть она это поймет.

— Я позабочусь, чтобы она поняла, — с улыбкой сказал Пзоре Нело.

— Спасибо вам всем, великолепный Нело, — ответил молодой треки, переходя на множественную форму. — Я/мы надеюсь на спокойствие в работе, когда вернусь сегодня вечером.

Лоррек переплел свои глазные стебли, и Нело не понадобился реук, чтобы прочесть молчаливый смех старого г'кека.

— Спокойствие — это хорошо, — согласился он, прикрывая рукой кашель.

Он подержал кабину лифта вначале для заходящего в нее тяжелого треки. Затем вкатился Лоррек. Его левое колесо покачивалось от неиз-

лечимой наследственной болезни оси. Нело потянул за сигнальный канат, призывая оператора далеко внизу привести в действие лебедку.

— Узнали что-нибудь о происхождении Незнакомца? — спросил Лоррек, пока они ждали.

— Я ничего не слышал. Но уверен, это вопрос времени.

До сих пор даже торговцы не смогли узнать человека, лежавшего в беспамятстве. Предполагалось, что он из далекого берегового поселка или даже из Долины. *В Дало никто не знал и Мелину, когда она появилась много лет назад с приветственным письмом и ребенком на руках. Склон больше, чем мы привыкли думать.*

Г'кек вздохнул.

— Скоро придется решать, не лучше ли отослать пациента, теперь, когда его положение стабилизировалось, чтобы его осмотрели…

Клетка задрожала и быстро пошла вниз, прервав Лоррека на середине фразы.

Понятно, думал Нело, глядя, как клетка исчезает внизу за ветвями. *Это объясняет шум. Сара не хочет, чтобы ее пациента отправляли специалистам в город Тарек, хотя и жалуется на помехи в работе.*

Научится ли когда-нибудь Сара? Когда в послед-

ний раз взял верх ее воспитательный инстинкт — она помогала выздоравливающему переплетчику в Библосе, — это привело к любовной связи и закончилось трагедией, скандалом и изгнанием Сары из гильдии. Нело надеялся, что больше это никогда не повторится.

Даже сейчас она может все это вернуть — положение и брак с уважаемым мудрецом. Конечно, мне никогда не нравился этот кисло-напыщенный Теин, но он обещал более безопасную и благополучную жизнь, чем этот ее хрупкий возлюбленный.

И она может продолжать заниматься математикой и родить мне здоровых внуков.

Первым в дом вошел маленький шимпанзе. Из тени послышался голос Сары:

— Это ты, Прити? Мне помешали, но, кажется, я наконец решила интеграл. Посмотри…

Послышался глухой звук. На стол опустили тяжелый сверток.

— А, бумага. Замечательно. Посмотрим, что послал на этот раз старик.

— Что бы ни послал старик, это слишком хорошо для того, кто не платит, — проворчал Нело, ожидая, пока адаптируется зрение. В полутьме он увидел, как из-за стола, покрытого листами бумаги с какими-то непонятными символами,

встает дочь. На круглом лице Сары появилась улыбка, которую он всегда считал прекрасной, хотя было бы лучше, если бы девушка больше походила на мать.

Моя внешность и своенравный характер Медины. Не хотел бы я такой смеси для девушки.

— Отец! — она торопливо подошла и обняла его. — Ты меня испугал.

Ее черные волосы, остриженные коротко, по-мальчишески, пахнут карандашной пылью и мазями Пзоры.

— Еще бы. — Он неодобрительно посмотрел на беспорядок в комнате, который стал еще больше с появлением матраца у стола. Груды текстов, на некоторых эмблема большой сокровищницы Библоса, лежат среди записей о “новом направлении”, которое приняли ее исследования, объединяющие математику и — подумать только! — *лингвистику.*

Прити взяла один из листов Сары и взгромоздилась на стул. Шимпанзе жевала нижнюю губу, просматривая строку за строкой, — молчаливая соучастница таинственного искусства, в котором Нело ничего не понимает.

Он посмотрел в сторону спального отделения, где солнечный свет падал на одеяло, выделяя

очертания двух больших ног.

— Оба парня ушли, и я подумал, загляну, как у тебя дела.

— Как видишь, все в порядке. — Она гордо осмотрелась, словно ее древесный дом в образцовом порядке. — И обо мне заботится Прити. Да я часто даже вспоминаю, что нужно поесть!

— Что ж… — пробормотал он. Но Сара уже взяла его за руку и мягко повела к выходу.

— Завтра загляну, — пообещала она, — когда Лоррек и эта старая Вонючка попросят не мешать им. Отправимся к Белонне и хорошо пообедаем, ладно? Я даже надену чистое платье.

— Что ж… неплохо было бы. — Он помолчал. — Но помни, старейшины дадут тебе помощника, если работы будет слишком много.

Она кивнула:

— Я знаю, как ты на это смотришь, отец. “Сара снова одержима”, верно? Не волнуйся. На этот раз все совсем по-другому. Просто я считаю, что это место идеально для предотвращения инфекций при таких ужасных ранах…

Из глубины дома донесся низкий стон. Сара поколебалась, потом подняла руку.

— Сейчас вернусь.

Нело смотрел, как она торопливо направляется

к завешенному спальному отделению, потом, подстрекаемый любопытством, заглянул сам.

Прити вытирала лоб раненого Незнакомца, ее темные руки словно отгоняли какое-то смертельно опасное существо. Руки Незнакомца были покрыты свежими шрамами, а из-за уха вытекала желтоватая жидкость. Когда Нело видел его в последний раз, кожа Незнакомца посерела, как пепел, в приближении смерти. Теперь его глаза с черными зрачками казались воспламенными какой-то страстью.

Сара взяла руки раненого, настойчиво заговорила с ним, стараясь унять неожиданный приступ. Но чужак с такой силой сжал ее запястья, что Сара от боли закричала. Нело бросился к ней и тщетно пытался разжать сильные пальцы.

— Ги… ги… гм… дау! — запинался Незнакомец, таща Сару за собой на пол.

И в это мгновение небо раскололось.

Раздался громогласный рев, с полок посыпалась посуда. Все дерево тару *накренилось,* словно его толкнула огромная рука. Нело упал. Со звоном в ушах отец и дочь держались за планки пола, дерево наклонилось совсем низко. В щели Нело увидел землю. Еще посыпалась посуда. В облаке бумажных листов закричала Прити, Незнако-

мец с широко открытыми глазами подхватил ее крик.

В голове Нело появилась тупая мысль: *Может, это еще одно землетрясение?*

Тару швыряло их, словно бусинки. Продолжалось это бесконечно — должно быть, не больше минуты.

Как ни поразительно, но дом устоял на своей развилке двух ветвей. По стволу огромного дерева пробежала дрожь, вопль, разрывавший череп Нело, стих, уступив место тишине. Нело неохотно позволил Саре помочь ему подняться. Они подошли к Незнакомцу, который сжимал подоконник руками с побелевшими костяшками.

Весь лес был в туче пыли и сорванной листвы. К удивлению Нело, ни одно дерево не упало. Он поискал взглядом большую дамбу и увидел, что она выдержала, слава Богу. Бумажная мельница казалась невредимой.

— Смотри! — Сара ахнула и показала куда-то вверх, в небо над лесом.

Здесь, высоко над головой, появился тонкий белый след; что-то огромное и стремительное разрывало воздух; это что-то, сверкающее, еще виднелось вдали, устремляясь к заснеженным вершинам хребта Риммер. Оно казалось таким

высоким, таким легким и таким высокомерным — Нело не нужно было вслух высказывать ужасную мысль. Тот же страх отразился и в глазах его дочери.

Незнакомец, глядя на удаляющийся блеск, испустил полный дурных предчувствий вздох. Казалось, он разделяет их тревогу, но на его усталом лице не было удивления.

Аскс

Помните ли вы, мои кольца, как корабль ротенов сделал три круга над Поляной Собраний, сверкая в своем спуске, сопровождаемый ревом протестующего неба? Погладьте воск памяти и вспомните, каким могучим выглядел этот корабль, когда драматично застыл почти над самой головой.

Даже человеческое племя — наши лучшие техники — смотрело, округлив глаза по своему обыкновению, как большой цилиндр, огромный, словно ледник, мягко опустился всего в девяноста полетах стрелы от священного тайного углубления, в котором лежит Святое Яйцо.

Вокруг нас со стонами страха стояли представители шести рас.

— О, мудрецы, должны ли мы бежать? Должны ли прятаться, как требует закон?

Поистине так приказывают нам Свитки.

Укройте свои палатки, свои поля, свои труды и самих себя. Ибо с неба придет ваш суд и ваше наказание.

Вестники спрашивали:

— Нужно ли разносить Призыв? Нужно ли сжигать деревни и города, уничтожать стада и ульи?

Еще до оформления закона, еще до того, как из вражды родилось наше единство, разрозненные племена знали, в чем опасность. Мы, изгнанники-на-Джиджо, прятались, когда со своими редкими проверками появлялись исследовательские зонды Галактических институтов, заставляя наши чувствительные камни загораться предупредительным огнем. А в другое время со звездного свода опустились сверкающие шары-рои зангов, опустились в глубину моря, а потом снова взлетели, окруженные парами украденной жидкости. И даже те шесть раз, когда на берег опускались изгнанники, их никто не приветствовал, пока они не сжигали корабли, которые их привезли.

Попытаемся спрятаться?

Вспомните, мои кольца, растерянный лай, когда народ рассыпался, словно мякина на ветру,

разбирая праздничные павильоны, таща отходы нашего лагеря к ближайшим пещерам. Но среди всего этого смятения некоторые оставались спокойными и покорными. Немногие в каждой расе поняли: на этот раз спрятаться от звезд не удастся.

Первым из высоких мудрецов заговорил Вуббен, повернув к каждому из нас по глазному стебельку.

— Никогда раньше корабль не приземлялся прямо среди нас. Они нас явно видели.

А может, и нет, — предположила Ур-Джа на обнадеживающем Галактическом семь, топнув одним копытом. Возбужденная белая шерсть обрамляла ее расширившиеся урские ноздри. — *Возможно, они уловили излучение Яйца. Может, если мы спрячемся быстро…*

Ур– Джа смолкла, когда Лестер, человек, покачал головой -простой жест отрицания, в последнее время ставший модным во всей Общине. Среди тех, у кого есть голова.

— На таком расстоянии наши инфракрасные показатели невозможно не распознать. Их корабельная библиотека распознала нас до самого последнего подвида. Если до входа в атмосферу они о нас не знали, то теперь точно знают.

По привычке мы поверили ему на слово — люди в таких вопросах разбираются лучше всех.

— Может, они такие же беглецы, как мы! — выпалил наш мудрец квуэн, излучая надежду всеми ножными щелями. Но Вуббен не разделял его надежды.

— Вы видели, как они появились. Разве это стиль беглецов, крадущихся в страхе, таящихся от взгляда Измунути? Разве кто-то из наших предков прибывал *так? С* ревом по всему небу?

Приподняв передний глаз, чтобы осмотреть толпу, Вуббен призвал к спокойствию.

— Пусть никто не покидает долину праздника, чтобы их не проследили к нашим разбросанным племенам и поселкам. Но разыщите всех глейверов, которые пришли кормиться среди нас, и прогоните их, чтобы наша вина не запятнала их невинность.

А что касается Шести, которые оказались здесь, где опустилась темная тень корабля… мы все должны жить или умереть, как велит судьба.

Я/мы ощутил удовлетворение колец моего/нашего тела. Страх смешался с покорностью: все признали справедливость слов Вуббена.

— И не будем бесполезно суетиться, — продолжал он. — Ибо в свитках сказано также: *Когда*

сорваны все покровы, не скрывайтесь больше. Ибо настал день суда. Оставайтесь на месте.

Так очевидна была его мудрость, что не возникло никаких споров. Разве мы не собрались потом племя за племенем, мои кольца? Из множества стало единство.

Наша Община повернулась к кораблю, навстречу судьбе.

Двер

Странный нур продолжал тащиться за ним, улыбаясь с ветвей деревьев, настоящий паразит.

Иногда существо с гладкой черной шерстью на время исчезало, пробуждая надежды Двера. Может, наконец устало от пыльного горного воздуха, так далеко от болот, где обычно живут нуры.

Но потом оно снова появлялось с улыбкой во всю короткую морду и смотрело с ветки, как Двер прорубает дорогу в колючем кустарнике или пробирается по перевернутым плитам древнего пути, часто наклоняясь и всматриваясь в следы сбежавшего глейвера.

Когда Двер впервые увидел этот след сразу за пределами Поляны Собраний, он был уже остывший. Брат и другие пилигримы продолжили

движение на звуки веселой музыки, доносящиеся из праздничных павильонов. Но увы! Работа Двера — останавливать глейверов, у которых появилось странное обыкновение покидать уютные низины и пытаться вернуть себе прежнюю свободу. Празднику придется подождать.

Нур лаял высоким голосом, делая вид, что помогает; его мускулистое гибкое тело легко передвигалось вверху, в то время как Двер приходилось рубить и карабкаться. Наконец Двер убедился, что они догоняют. Теперь следы глейвера ближе друг к другу, и есть нажим на пятку. Когда ветер переменился, Двер уловил запах. *Как раз вовремя,* подумал он: очень скоро горы перейдут в еще один водный сток, ведущий по существу в другой мир.

Почему глейверы так поступают? По эту сторону их жизнь легче, здесь все в них души не чают. А за переходом лежит ядовитая равнина, в которой способны продержаться только самые выносливые охотники-люди.

Или туристы, подумал он, вспоминая предложение Лены Стронг за плату вести туристов на восток. Единственная цель этого путешествия — осмотр достопримечательностей. Такое выражение Двер раньше слышал только в рассказах

о старой Земле.

Безумные времена, подумал он. Однако “организаторы туризма” утверждают, что получили одобрение мудрецов — на определенных условиях. Двер покачал головой. Сейчас, когда добыча прямо перед ним, ему не нужно забивать себе голову этими идиотскими идеями.

Нур тоже проявлял признаки усталости, хотя продолжал бежать по следу глейвера, время от времени привставая на задних лапах и вглядываясь вперед черными, далеко видящими глазами. Неожиданно он гортанно заурчал и исчез в горных зарослях — и тут же Двер услышал безошибочный писк глейвера, а вслед за ним топот бегущих ног.

Ну вот, теперь он его спугнул!

Наконец Двер выбрался из подлеска на открытый участок древней дороги буйуров. Побежал по разбитым плитам дороги, на бегу сунув в ножны мачете, доставая свой складной лук и натягивая тетиву.

Из узкого бокового каньона доносились шипящие звуки противостояния. Дверу пришлось снова оставить древнюю дорогу и двигаться среди переплетенных лианами деревьев.

Наконец сразу за кустами он их увидел — два

существа: одно черное, другое радужно-светлое.

Загнанный в узкую расщелину глейвер, несомненно, самка, возможно, беременная. Она долго шла и теперь тяжело дышит. Круглые глаза вращаются независимо друг от друга, один следит за черным нуром, другой отыскивает иные, еще не обнаруженные опасности.

Двер выругал их обоих — глейвера за то, что тот увлек его в не приносящее никакой выгоды преследование, в то время как он так ждал праздника, а этого нахального нура — за то, что постоянно вмешивается.

Вдвойне выругал, потому что теперь он у него в долгу. Если бы глейвер добрался до равнины за хребтом Риммера, конца бы не было неприятностям.

Казалось, ни одно существо не замечает Двера — хотя он, зная, какие острые чувства у нура, не поручился бы за это. *Что делает здесь этот маленький дьявол? Что он пытается доказать?*

Двер назвал его Грязнолапым, потому что коричневые пятна на лапах выделяются на фоне черной шкуры, от плоского хвоста до усов, которые дергаются на короткой морде. Черная тварь стояла неподвижно, не отрывая взгляда от пугливого глейвера, но Двер не обманывался. *Ты*

знаешь, что я слежу за тобой, показушник. Из всех видов, которые оставили на Джиджо, улетая, древние буйуры, нуры казались Дверу самыми непонятными, а ведь мастерство охотника в том, чтобы понимать живые существа.

Он тихо опустил лук и развязал кожаную сумку, достав оттуда свернутое лассо. Терпеливо, вкрадчиво начал продвигаться вперед.

Обнажив в улыбке острые прямоугольные зубы, Грязнолапый поднялся почти до роста глейвера — примерно на уровень бедра Двера. Глейвер с рычанием отступал, пока его тело не прижалось к скале, высвободив град камней. Своим раздвоенным хвостом самка сжимала палку — ветку или ствол с оборванными листьями. Сложное орудие, показывающее, на какой стадии сейчас находятся глейверы.

Двер сделал еще один шаг, но на этот раз не смог избежать хруста листьев. Из-за острых ушей нура из шерсти поднялись серые бугорки и независимо друг от друга закачались. Грязнолапый продолжал следить за глейвером, но в его осанке что-то говорило: *“Тише, дурак!”*

Дверу не нравилось, когда ему указывали, что делать. Особенно если указывает нур. Тем не менее об охоте судят по результатам, а Дверу нужна

чистая поимка. Подстрелить глей-вера — значит признать свое поражение.

Свободно свисающая шкура глейвера утратила свой блеск после ухода со знакомой охотничьей территории: глейверы обычно кормятся вблизи поселков. И так уже несколько столетий, с тех пор как приобрели невинность.

Но почему они это делают? Почему ежегодно пытаются перебраться через переходы?

Невозможно догадаться о том, что движет нуром. Среди Шести только у терпеливых хунов есть дар управляться с шаловливыми беспокойными зверьками.

Может, буйурам не хотелось покидать Джиджо, и они оставили нуров как шутку для тех, кто придет за ними.

Пролетела жужжащая львиная муха на прозрачных вращающихся крыльях. Тяжело дышащий глейвер проследил за ней одним глазом, продолжая вторым следить за раскачивающимся нуром. Очевидно, голод победил страх; к тому же самка поняла, что Грязнолапый слишком мал, чтобы убить ее. И словно подкрепляя это впечатление, нур сел на задние лапы, небрежно облизывая плечо.

Очень умно, подумал Двер, перемещая свою тя-

жесть, в то время как глейвер оба глаза повернул в сторону добычи.

Изо рта самки устремилась полоска слюны, ударила муху в хвост.

Грязнолапый мгновенно прыгнул влево. Глейвер запищал, ударил палкой и повернул в другую сторону. Двер с проклятием выскочил из кустов. Его мокасины скользнули по граниту, он нагнулся, едва избежав удара дубины. В отчаянии Двер бросил лассо — оно с резким звуком натянулось, прижав его подбородок к земле. Глейвер, даже ослабевший и умирающий с голода, обладал такой силой, что смог протащить Двера на несколько шагов, пока наконец не сдался.

Дрожа — по ее гладкой шерсти пробегали волны цвета, — самка бросила импровизированную дубину и опустилась на все четыре колена. Двер осторожно встал, сворачивая лассо.

— Спокойней. Никто тебя не обидит.

Глейвер разглядывал его одним тусклым глазом. *“Больно. Маргинально”*, — проскрипела самка на Галактическом восемь с сильным акцентом.

Двер откинулся назад. В прошлом только раз пойманный глейвер заговорил с ним. Обычно глейверы до конца демонстрируют свое приобре-

тенное отсутствие разума. Двер облизал губы и попытался ответить на том же диалекте:

“Достойно сожаления. Предлагается терпение. Лучше, чем смерть”.

Лучше? Осторожный глаз прищурился, словно слегка удивленный и не вполне понимающий.

Двер пожал плечами.

Жаль, что больно.

Взгляд слегка потерял фокус.

Нет вины. Плохая музыка. Сейчас готов есть.

И свет разума снова исчез под покровом животной тупости.

Удивленный и утомленный, Двер привязал существо к ближайшему дереву. И только тогда занялся своими порезами и ушибами, а Грязнолапый тем временем лежал на плоской скале и грелся в лучах заходящего солнца.

Нуры не умеют говорить. В отличие от глейверов, их предки никогда не получали толчок к разуму. Тем не менее его улыбающаяся пасть словно говорила: “Это забавно. Давай сделаем так еще!”

Двер отыскал лук, разжег костер и последний дневной мидур провел, кормя пленницу из своего скромного рациона. Завтра он отыщет гнилой ствол, под которым можно рыться в поисках

насекомых — любимое, хотя и лишенное достоинства занятие тех, кто когда-то был могучей звездной расой.

Когда Двер разворачивал хлеб и мясо, Грязнолапый подобрался поближе. Двер вздохнул и бросил немного нуру, который хватал куски в воздухе и ел с осторожным достоинством. Потом принюхался к фляжке-тыкве Двера.

Двер видел, как нуры пользуются такими фляжками на борту лодок с экипажем из хунов. Поэтому после некоторых сомнений он вытащил пробку и протянул фляжку нуру. Тот взял ее обеими шестипалыми лапами, почти такими же ловкими, как человеческие руки, и искусно вылил на язык несколько капель, громко причмокивая.

А потом вылил все оставшееся себе на голову.

Двер с проклятием вскочил. Но Грязнолапый уже блаженно отбросил опустевшую фляжку. По его гладкой спине бежали ручейки, темные капли падали в пыль. Нур счастливо почирикал и начал прихорашиваться.

Двер потряс фляжку, вылив из нее несколько капель.

— Из всех эгоистичных неблагодарных существ...

Уже слишком поздно идти к ближайшему ручью, спускаясь по узкой опасной тропе. Гул водопада слышен, но пешком до него не менее мидура пути. Конечно, это не кризис: ему приходилось обходиться без воды. Тем не менее у него всю ночь от этого звука будет сухо во рту.

Никогда не переставай учиться, сказала Ур-Руолс. Сегодня Двер еще кое-что узнал о нурах. И учитывая все обстоятельства, за урок он заплатил не очень дорого.

Он решил устроить себе будильник. Но для этого нужен часовой тит.

У него есть причины встать пораньше. Возможно, еще успеет вернуться в долину к началу Собрания Шести, еще до того, как все девушки выберут себе партнеров для праздничного танца Затем нужно представить ежегодный отчет Дэйнелу Озаве и выступить против нелепой идеи Лены Стронг по поводу туризма К тому же если увести глейвера еще до рассвета, Грязнолапый может остаться спать у тлеющих углей. Нуры любят поспать почти так же, как проказничать в деревне, а у этого нура позади долгий день.

Поэтому после ужина Двер достал несколько бумажных свертков — свой запас разных практически необходимых вещей. Бумага для

свертков из корзины для ненужных бумаг брата или Сары.

Ларк всегда пишет четко и аккуратно, и записи его касаются какого-нибудь вида в сложноорганизованном образе жизни Джиджо. Выброшенные бумаги Ларка Двер использует, чтобы заворачивать в них семена, травы и перья — все то, что бывает полезно на охоте.

Почерк у Сары размашистый, но сдержанный, словно воображение и порядок ограничивают друг друга. На ее выброшенных листочках математические символы и формулы. (Некоторые уравнения не просто выброшены, а изорваны в приступе раздражения.) В листочках сестры Двер держит лекарства, приправы и порошки, которые делают продукты Джиджо съедобными для людей.

Из одного такого пакета он извлек шесть семян *тобара,* круглых, твердых и ароматных, и разложил их на плоском камне ниже по ветру. Задержав дыхание, ножом расколол одно из семян и убежал от поднявшегося остро пахнувшего облачка. Глейвер тревожно поерзал, а нур смотрел на Двера сердито, пока ветерок не унес запах.

Завернувшись в спальный мешок, Двер смотрел на появляющиеся звезды. Калунути горячей

красной точкой горело на усмехающемся лице Саргона, этого безжалостного стража законов. Появилось еще много звездных рисунков, *орел, лошадь, дракон* и *дельфин,* любимый двоюродный брат, улыбающийся и направляющий челюсть в ту сторону, где, как говорят, расположена Земля.

Если нас, изгнанников, когда-нибудь поймают, думал Двер, *появится ли в Великой Галактической Библиотеке файл о нашей культуре? О наших мифах? Будут ли чужаки читать наши мифы о созвездиях и смеяться?*

Если все пройдет, как планировалось, никто никогда не услышит об этой одинокой колонии и не вспомнит ее легенды. *Наши потомки, если они вообще будут, станут подобны глейверам — простым и невинным, как звери в поле.*

Бьющиеся крылья затмили свет костра. Вблизи семян тобара приземлилась плотная фигура с крыльями из серых пластинок, которые складываются, как налегающие друг на друга лепестки. Желтый клюв птицы быстро заглотил семя, расколотое Двером.

Грязнолапый сел, глаза его блестели.

Двер полусонно предупредил нура:

.– Потревожишь ее, и я из твоего меха шляпу сделаю.

Грязнолапый фыркнул и снова лег. Скоро послышался ритмичный стук: тит принялся за следующее семя. На поедание одного семени ему требуется один мидур — примерно семьдесят минут. А когда съест последнее, с пронзительным криком улетит. Не нужно заглядывать в Великую Библиотеку, чтобы понять, зачем буйуры сотворили это создание. Живой будильник работает точно по программе.

Ларк ошибается насчет нашего места в этом мире, думал Двер, на которого непрерывное щелканье действовало усыпляюще. *Мы приносим пользу. Джиджо было бы печальным местом, если бы мы не использовали его дары.*

Ему что-то снилось. Двер всегда видел сны.

Бесформенные враги таились за пределами зрения, а он шел по многоцветной земле, словно радуга растаяла, поплыла по поверхности, а потом застыла. Резкие цвета ранили глаз. Больше того, у него пересохло в горле, и он не вооружен.

Сон изменился. Неожиданно он оказался в лесу, деревья которого уходили вверх, за луны. По какой-то причине деревья были еще более угрожающими, чем многоцветный пейзаж. Он побежал, но не мог найти выход из леса, а древесные стволы засветились, загорелись и начали

взрываться.

Яростная напряженность кошмара вырвала его из сна, и он сел с колотящимся сердцем. Двер смотрел широко раскрытыми глазами, радуясь тому, что *реальный* лес не изменился, хотя он темный и его продувает утренний ветер. Огненной бури нет. Это ему все приснилось.

Тем не менее тревога его не оставила. Что-то *не так.*

Он потер глаза. Иные созвездия плыли по небу и блекли на востоке в предрассветной серости. Самая большая луна — Лусен — висела над силуэтами гор, ее освещенное солнцем лицо было усеяно яркими точками — куполами давно покинутых городов.

Что же не так?

Это не интуиция. Часы — тит остановились. Что-то встревожило птицу раньше времени, и она издала свой будящий сигнал. Двер осмотрелся и увидел спокойно храпящего нура. Глейвер одним лишенным мысли глазом посмотрел на охотника, второй глаз оставался закрытым.

И неожиданно Двер понял, в чем дело.

Мой лук!

Его нет на месте, на расстоянии вытянутой руки. Он исчез.

Его украли!

Гнев притоком адреналина отогнал утреннюю сонливость. Многие с завистью говорили о его луке — шедевре из слоистого дерева и кости, созданном знаменитым мастером квуэном из города Овум. Но кто?…

Успокойся. Подумай.

Может быть, Джени Шен? Она часто шутила, что заставит его играть в покер, а ставкой будет лук. Или, может…

Стоп!

Он перевел дыхание, но так трудно сдержать молодое тело, рвущееся к действию.

Остановись и послушай, что скажет тебе мир…

Прежде всего он должен сдержать собственный яростный поток невысказанных слов. Двер отбросил все шумные мысли. Затем заставил себя забыть о звуках дыхания и пульса.

Отдаленный гул водопада теперь хорошо знаком, и его легко устранить. Шелест ветра, менее регулярный, скоро тоже отодвинулся, стих.

Звук сверху — это часовой тит, он кружит в надежде найти еще семян тобара. Еще один легкий звук — медовая летучая мышь, пара мышей, на них тоже можно не обращать внимания. Он

устранил также негромкий храп нура и мягкий скрежет коренных зубов глейвера: пленник пережевывал жвачку.

Вот оно! Двер повернул голову. Скрип гравия? Вероятно, скатились несколько булыжников. Что-то или кто-то… двуногий? *Размером почти с человека,* подумал он, *и торопливо уходит.*

Двер двинулся в направлении этого звука. Скользя в мокасинах, как призрак, он пробежал некоторое расстояние, прежде чем понял, что вор уходит *в неверном направлении.* В сторону от берега. В сторону от Склона. Он направляется выше по хребту Риммер.

Направляется к Проходу.

Двер шел по каменистой тропе. Гневная вспышка сменилась равномерным ритмом преследования — напряженной, почти экстатической концентрацией каждого шага, каждого удара пятки и пальцев ног, необходимостью в самых быстрых движениях сохранять тишину, прислушиваться к звукам, помимо собственного легкого шума. Голова была ясная, ярость больше ее не отравляла. Какова бы ни была причина погони, Двер не мог не наслаждаться ею. Это его дело, это он любит больше всего.

Он уже приближался к полосе серого света,

разделяющей две горные вершины, когда ему в голову пришла неожиданная мысль.

Минутку!

Он замедлил бег, потом перешел на шаг.

Это глупо. Я гонюсь за звуком, хотя не уверен, что на самом деле его слышал — может, это был пережиток сна, а ответ прямо передо мной!

Нур

Он остановился, ударил кулаком по бедру, чувствуя себя идиотом.

Именно это должен делать нур — красть разные предметы. Менять крестьянскую вырезанную из дерева чашку на сокровище или наоборот.

Найдет ли он, вернувшись, на месте лука груду помета лиггера? Или бриллиант, вырванный из короны давно умершего буйурского короля? Или все они: нур, лук и глейвер — просто исчезнут? Грязнолапый очень искусно изображал сон, похрапывая у костра. Усмехался ли зверь, когда он, Двер, гонялся за плодом собственного воображения?

И, наряду с гневом, возникло невольное восхищение.

Хорош. Он меня провел.

Но нура может ждать сюрприз. Из всех жителей

Джиджо, вероятно, только Двер способен *отыскать* зверя и сравнять счет.

Погоня будет трудной. Возможно, бесплодной.

Но это погоня всей жизни.

Неожиданно Двера охватило вдохновение. Неужели таков дар нура? Предложить Дверу…

Впереди, в полутьме, шевельнулся край тени.

Несфокусированное зрение готово было воспринимать все, что происходит на периферии постоянной сцены. Охотничий рефлекс делает особенно чувствительным к движениям — "булыжник" впереди шевельнулся и двинулся в направлении Прохода.

Слух уловил отдаленный скрип, тише ветра. Двер свел брови и снова двинулся вперед, вначале медленно, потом все быстрей.

Когда расплывчатая тень остановилась, он тоже застыл, разведя руки, чтобы сохранить равновесие.

Видный на фоне предрассветной серости, силуэт ждал несколько дуров, затем повернулся и двинулся в прежнем направлении.

Верь своим инстинктам, учил следопыт Фаллон. Старик не дурак.

Очевидным подозреваемым был Грязнолапый. Может быть, именно поэтому такая мысль не

пришла Дверу в голову в лагере. Он потратил бы драгоценное время, виня преступника, подсказываемого самой логикой. И в конечном счете его первый импульс оказался верным. Первая догадка — самая правильная.

Тень снова повернулась. Теперь Двер разглядел очертания человека, встревоженного, убегающего с похищенным луком. На этот раз Двер решил пожертвовать скрытностью ради быстроты. Разлетелись камни, наполняя проход гулом падения. Тень устремилась вперед, как преследуемый полосатый гузул.

Только три человека на Джиджо могли перегнать Двера, да и то лишь на ровной местности.

Игра кончена, подумал он, делая последний бросок.

Когда преследуемый повернулся, Двер был готов. А когда тот извлек нож, охотник понял, что это не шутка. Он присел и увернулся, ожидая услышать крики гнева и отчаяния.

Но лицо вора, которое стало видно, когда он повернулся, оказалось полной *неожиданностью.*

Человек.

Женщина.

Очень молодая.

И прежде всего — совершенно незнакомая.

Аскс

Судьба снизошла с неба.

На Джиджо.

На Склон.

На Поляну Собраний.

Причина всех наших страхов — и гораздо быстрее, чем мы ожидали.

Прилетел через множество мегапарсеков корабль Пяти Галактик! Такое огромное расстояние… и самое меньшее, что мы, бедные изгнанники, можем сделать, это приблизиться к месту посадки и вежливо приветствовать его.

Вуббен отклонил честь вести нас вперед. Тяготение Джиджо ограничивает возможности наших дорогих г'кеков, они должны полагаться исключительно на колеса, используя ноги-стебельки лишь для сохранения равновесия. По неровной местности они передвигаются почти так же медленно, как треки. Поэтому мы с Вуббеном брели позади, предоставив право вести процессию нашим коллегам хуну, квуэну, человеку и уру.

Ощутил ли я/мы отвратительный запах зависти в центральном ядре? Вы, мои разные личности,

не негодовали ли из-за нашей неуклюжести по сравнению с длинными ногами хуна или стройными конечностями ура? Дела обстояли бы совсем по-другому, если бы наш корабль-изгнанник был оборудован полным набором колец, каким обладали, как говорят, наши предки. Легенды рассказывают об искусных органах бега, дарах могучих оэйли, которые позволяли таким тяжелым мешкам, как наши тела, передвигаться со скоростью песенного шакала. Со скоростью *джофура.*

Но в таком случае сохранили ли бы мы и высокомерие оэйли? Их безумие? Вели ли бы мы *войны,* как столетиями делали квуэны, уры, хуны и люди здесь, на Джиджо, пока Община не стала настолько сильна, чтобы установить мир? У треки, которые бежали на Джиджо, были причины не брать с собой некоторые кольца. Так мы считаем.

Но наши сказания могут быть искажены. Спокойствие, мои кольца! Пусть ваши испарения повернутся еще раз. Погладьте восковые отпечатки и вспомните…

Вспомните, как мы шли, каждый на своем месте, к боковой долине, где опустился корабль пришельцев. По пути Вуббен цитировал строки

из Книги Изгнания, самого святого из всех свитков, наименее искаженного спорами, ересью и волнами новых прибытий.

Право на жизнь гипотетично, пел Вуббен голосом, который словно ласкал душу.

Материальное ограничено, сознание свободно.

В протеине и фосфоре недостаточно энергии, чтобы утолить любой голод. Поэтому не спорьте с иными существами о сути физического существования. Только мысль может быть подлинно великодушной. Поэтому пусть центром вашего мира станет мысль.

Голос Вуббена на всех действует успокаивающе. Стройные стволы деревьев велпал словно резонировали в такт его словам, в такт, настроенный не музыку Яйца.

И все же, хоть Вуббен говорил о невозмутимости и спокойствии, мой/наш нижний сегмент все время пытался остановиться, повернуть наши ноги назад, унести нас прочь! Это нижнее кольцо смутно сознавало, что впереди опасность, и разумно голосовало за бегство. И нашим верхним кольцам приходилось использовать пульс запахов, чтобы заставить его двигаться вперед.

Я/мы находим странным действие *страха* на других существ. Они говорят, что страх поражает

все части их тела, и с ним нужно бороться одновременно повсюду. Однажды я/мы спросил Лестера Кембела, как люди сохраняют спокойствие во время кризиса. Он ответил, что обычно они его не сохраняют!

Очень странно. Люди всегда кажутся такими владеющими собой. Неужели это только игра, попытка обмануть других и самих себя?

Не отвлекайся, о, Аскс! Погладь воск. Продолжай. Иди к кораблю.

Сара

Казалось, Хенрику не хочется выдвигать свои требования.

Вначале это удивило Сару. Разве не о таком кризисе всегда мечтал взрывник? О возможности все уничтожить? Разрушить все, что другие создавали всю жизнь?

В сущности Хенрик казался спокойней большинства горожан, в панике собравшихся в ту ночь у Дерева Встреч, после того как огненный шар потряс лес до самых его древних корней. Два садовника и рабочий шимп упали с верхних веток и разбились насмерть, десятки других едва избежали смерти. Все фермеры были в тревоге.

Вырубленный в просторном наросте гигантского тару зал был забит почти всеми взрослыми разумными в пределах дневного перехода. Как горячий пирог с пескарями, зал был пропитан запахом человеческого пота.

Присутствовали и другие разумные, преимущественно моряки хуны, чья бледная чешуйчатая кожа и длинный белый ножной мех контрастировали с темно-зелеными плащами, застегнутыми под раздутыми горловыми мешками деревянными брошами. У некоторых на глазах были дрожащие реуки, которые помогали им интерпретировать мешанину человеческих эмоций.

Ближе к северному выходу, где было не так жарко, переминались с ноги на ногу несколько лудильщиц — уров; они тревожно подергивали хвостами с кисточками. Сара даже заметила одного несчастного паломника г'кека; из одного его глазного стебелька капал зеленый пот тревоги, а остальные три стебелька были свернуты, как носки в ящике шкафа, прячась от разъедающих ферментов.

Похоже, доктор Лоррек был мудр, когда добровольно вызвался подежурить сегодня вечером у постели раненого Незнакомца.

Пзора, городской аптекарь, пользовался особой

защитой против тех, кто наступал на его нижние кольца. Когда становилось слишком тесно, треки испускал немного остро пахнущего пара, и даже самые возбужденные горожане уступали ему дорогу.

Несомненно, то же самое происходило везде, где видели страшный небесный призрак. Именно сейчас люди присутствуют на собраниях квуэнов или хунов и даже на урских племенных встречах, у костров на бескрайних равнинах.

Великий Мир — наше высшее достижение, думала Сара. *Может, его будут рассматривать как смягчающее обстоятельство на суде над нами. Мы далеко ушли от дней войн и убийства.*

Увы, судя по злобе на сегодняшнем собрании, Общине еще многое предстоит пройти.

Небольшой ремонт?

Чэз Ленгмур, главный столяр, стоял на сцене, на которой обычно проходили концерты и театральные спектакли.

— Все ниже уровня затопления уйдет под воду, не говоря Уже о самой дамбе! Вы спрашиваете, сколько *лет* потребуется на восстановление, если тревога окажется ложной? Да не о годах нужно говорить, а о целых жизнях!

Торговцы и ремесленники поддержали Ленг-

мура одобрительным гомоном, но его заглушили крики “Позор!” со стороны многих одетых в серое фермеров. К ним присоединились возбужденные возгласы обезьян вверху. Местные шимпы не имели права голоса, но традиция разрешала им карабкаться по занавесям и наблюдать за происходящим сверху, от вентиляционных прорезей. Много ли они понимали — это предмет постоянных споров. Многие поддерживали криками ораторов, которые казались им самыми страстными, другие поддерживали сторонников отца Сары, которые одобрительно хлопали его по спине.

Так продолжалось часами. Рассерженные мужчины и женщины по очереди цитировали свитки или оплакивали стоимость ремонта и восстановления, и каждая сторона кричала все громче по мере роста страха и раздражения. И спорили не только люди. Лог Байтер, матриарх местного улья Квуэнов, настойчиво требовала сохранения дамбы Доло, в то время как ее сестра из пруда Логджем назвала плотину “кричащим чудовищем”. Сара даже опасалась, что между двумя бронированными матронами начнется драка, но тут вмешалась старейшина Фру Нестор. Ее реук гневно сверкал, и обе квуэны попятились

от этой маленькой человеческой фигуры.

Собравшиеся в зале вели себя не лучше. Женщина наступила Саре на ногу. Кто-то на этой неделе совсем не мылся, издавая запахи хуже выделений Пзоры. Сара позавидовала Прити, крошечной фигурке, взгромоздившейся высоко на подоконник, рядом с несколькими человеческими детьми, слишком маленькими, чтобы голосовать. В отличие от других шимпов, Прити занимали не крики спорщиков, а собственный блокнот: потягивая себя за нижнюю губу, она изучала строчки математических уравнений.

Сара завидовала способности Прити спасаться в абстракциях.

Собираясь заговорить, встал один из фермеров — смуглый человек по имени Джоп; его светлые волосы завивались у ушей. Он сжал большие ладони, покрытые многолетними мозолями.

— Мелочные споры и неспособность предвидеть! — Джоп отмахнулся от доводов столяра. — Что вы сохраните? Несколько мастерских и доков? Преходящие игрушки типа канализации и бумаги? Мусор! Все мусор! Жалкие удобства, которыми наши грешные предки позволили нам, бедным изгнанникам, пользоваться, чтобы смягчить первые шаги на пути к благословению.

Но Свитки утверждают: все это пройдет! Все это обречено погрузиться в море!

Джоп повернулся к своим сторонникам, сжимая большие руки.

— Давно уже все запланировано; мы знаем, что нужно делать, когда появятся звездные корабли. Иначе зачем бы мы все это время содержали гильдию взрывников?

Сара снова посмотрела на Хенрика и его сына, которые сидели в глубине помоста. Мальчик Джома выдавал свою тревогу, медленно и нервно сгибая и разгибая руками шапку. Но его отец словно превратился в статую. Сделав краткий доклад о том, что все его заряды готовы, Хенрик остальное время молчал.

Сара всегда считала их профессию раздражающей, уникальной на Джиджо. После стольких лет подготовки, после бесконечных экспериментов и тренировок в небольшом каньоне в горах, разве не хочется им испробовать свое мастерство? *Я знаю, что мне бы захотелось.*

В детстве и она, и Ларк, и маленький Двер любили вечерами сидеть на чердаке, смотреть, как отражается лунный свет в воде на мельничном колесе, и пугать друг друга рассказами о том, что произойдет, когда Хенрик зажжет свои фитили.

С восхитительным ужасом в груди они считали удары сердца, пока — бабах!

Двер любил звуковые эффекты, особенно звук взрыва, который уничтожит дамбу, и все это сопровождалось диким размахиванием руками и морем слюны. Потом младший брат Сары с восторгом описывал стену воды, швыряющую гордые корабли, как игрушки, разбивающую сушильные решетки Нело и движущуюся к окну их спальни, как кулак.

Затем подхватывал Ларк, приводя в ужас и возбуждение младших детей. Он рассказывал, как удар воды разносит чердак, проносится по лесу тару, а фермеры смотрят вниз с жалостью. Сара и Двер начинали плакать, бросались на смеющегося старшего брата и кулаками заставляли его замолчать.

И тем не менее — хотя Ларк и Двер изо всех сил старались ее напугать, они бились и метались во сне, а у Сары никогда не бывало кошмаров. Когда ей снился взрыв, пена окутывала все на Джиджо и волшебно превращала в пушистое облако. И всегда сон кончался тем, что тело ее становилось легче облака и уносилось к сверкающим ночным звездам.

Одобрительный рев вернул ее к происходяще-

му. Вначале она не поняла, исходит ли он от тех, кто требует быстрых действий, или от тех, кто не решается уничтожить результаты труда девяти поколений на основании простого свидетельства зрения.

— Мы понятия не имеем, что видели! — заявил ее отец, забирая бороду узловатыми пальцами. — Можем ли мы быть уверены, что это космический корабль? Может, просто пролетел метеор. Это объяснило бы шум и гвалт.

Это предположение было встречено топотом и насмешками. Нело торопливо продолжал:

— Даже если это корабль, то вовсе не значит, что нас обнаружили! Прилетали и улетали другие корабли — например, шары зангов заправлялись водой из моря. Уничтожили ли мы все тогда? Сожгли ли старейшие племена свои города, когда прилетели *люди?* Откуда нам знать, что это не еще один крадущийся корабль и седьмая раса изгнанников не присоединится к нашей Общине?

Джоп презрительно фыркнул.

— Позвольте напомнить ученому бумажнику — крадущиеся корабли *крадутся!* Они прилетают по ночам, прячутся в тени туч или гор. Новый корабль таких усилий не предпринимал. Он нацелился прямо на Поляну Яйца, причем в такое

время, когда там воздвигнуты праздничные павильоны и присутствуют мудрецы всех Шести.

– Совершенно верно! — воскликнул Нело. — Сейчас мудрецы должны были бы уже разобраться в ситуации и прислали бы видение, если бы сочли нужным…

– *Видение?* — прервал Джоп. — Ты серьезно? Мудрецы снова и снова напоминали нам, что видениям нельзя доверять. Во времена кризиса они могут как раз отвлекать внимание. — Джоп зловеще помолчал. — Или связи нет по другой, гораздо более ужасной причине.

Он подождал, пока все поймут, на что он намекает. Слушатели в ужасе ахали. Почти у всех в паломничестве этого года участвовали родственники или близкие друзья.

Ларк и Двер — вы в безопасности с тревогой думала Сара. *Увижу ли я вас снова?*

– Традиция предоставляет право решать каждой общине. Уклонимся ли мы, если наши близкие заплатили более дорогую цену, чем несколько зданий и вонючая дамба?

Гневные крики ремесленников заглушил одобрительный гул сторонников Джопа.

— Порядок! — кричала Фру Нестор, но ее голос терялся в хаосе. Джоп и его приспешники требо-

вали голосования.

— Выберем Закон! Выберем Закон!

Нестор с поднятыми руками призывала к порядку; она явно страшилась уничтожения своего города, превращения его в простую деревню, богатую набожностью, но бедную всем остальным.

— Кто еще хочет высказаться?

Нело попытался выступить еще раз, но выкрики не дали ему говорить. Где это видано, чтобы так обращались с *бумажником?* Сара чувствовала его позор и стыд, но будет гораздо хуже, если его любимая фабрика исчезнет под всеуничтожающей волной.

У нее появилась странная мысль: может, нужно пробраться на старый чердак и там ждать прихода волны? Чье предсказание окажется верным? Двера и Ларка? Или те картины, которые она видела во снах? Возможно, только раз в жизни есть шанс узнать это.

Возобновившееся пение стихло, когда из толпы светлокожих хунских моряков появился еще кто-то. Это была кентавроподобная фигура с длинным мускулистым телом, с кожей — пятнистой замшей, с длинными руками, отходящими от широких плеч, и сильной змеиной шеей. На заостренной голове три черных глаза — один

фасеточный и без ресниц, — расположенных вокруг треугольного рта. Это урская лудильщица; Сара видела ее и раньше, когда она приходила в Доло, чтобы купить обломки стекла и металла и продать простые буйурские инструменты, найденные в развалинах. Самка ура двигалась осторожно, словно опасалась, что ее копыта застрянут на грубом полу. Она подняла одну руку, на мгновение обнажив под ней синеватую сумку. Во время встречи с себе подобными такой жест мог иметь различные значения, но Фру Нестор восприняла его как просьбу предоставить слово и с поклоном согласилась.

Сара слышала, как кто-то из людей произнес грубое прозвище из тех времен, когда вновь прибывшие земляне воевали с урскими племенами за землю и честь. Если лудильщица слышала оскорбление, она не обратила на него внимание, держась удивительно хорошо для молодой самки, у которой всего одна сумка с мужем. Среди такого количества людей ур не мог пользоваться Галактическим два, и ей пришлось говорить на англике, хотя раздвоенная губа мешала этому.

— Меня можно называть Улгор. Благодарю за вашу вежливость, благословенную среди Шести. Хочу задать только несколько вопросов, каса-

ющихся настоящего обсуждения. Первый мой вопрос…

Разве наши мудрецы не обсуждали эту проблему? Почему бы не позволить им принимать решения, когда настало время суда?

С преувеличенной демонстрацией терпения Джоп ответил:

— Ученый сосед, Свитки призывают все поселения действовать независимо и уничтожить все признаки нашей жизни, видные с неба! Приказ очень прост. Никаких сложных рассуждений не требуется.

К тому же, — заключил он, — у нас нет времени, чтобы дожидаться решения мудрецов. Они все далеко, на Собрании.

— Прошу прощения. — Улгор согнула передние ноги. — Не все. Несколько остались в своем жилище, в Зале книг, в Вивлосе. Не правда ли?

Собравшиеся в замешательстве переглядывались, а Фру Нестор воскликнула:

— Зал книг в Библосе! Верно! Но Библос все равно во многих днях пути в лодке.

И снова Улгор согнула шею, прежде чем ответить.

— Но я слышала, что с самого высокого дерева в Доло можно увидеть за воротами стеклянные

утесы, возвышающиеся над Вивлосом.

— Да — в хороший телескоп, — осторожно согласился Джоп, опасаясь, что настроение толпы изменится. — Но я по-прежнему не вижу, чем это нам…

– *Огонь!*

Все повернулись к Саре, которая крикнула еще до того, как мысль полностью оформилась.

— Если библиотека горит, мы увидим огонь!

Все, переговариваясь, смотрели на нее, а она объясняла:

— Вы все знаете, мне приходилось работать в Библосе. Там, как и повсюду, есть план действий в чрезвычайном положении. Если мудрецы прикажут, библиотекари спрячут книг, сколько смогут, а остальное подожгут.

Все ошеломленно смолкли. Разрушить дамбу Доло — это одно дело, но потеря Библоса — поистине признак конца. Нет более важного центра человеческой жизни на Джиджо.

— Наконец они взорвут столбы, поддерживающие каменную крышу, и все погибнет. Улгор права. Мы увидим перемены, особенно сейчас, когда всходит Лусен.

Фру Нестор отдала короткий приказ:

— Пошлите кого-нибудь посмотреть!

Несколько мальчишек скрылись в окнах, их с гулкими выкриками сопровождали шимпанзе. Толпа ждала с нервным гомоном. Сара чувствовала себя неуверенно под многочисленными взглядами и опустила глаза.

Так поступил бы Ларк. Смело выступил бы на собрании в самую последнюю минуту и побудил всех действовать. Такая же импульсивность была у Джошу, пока несколько недель назад он не заболел.

Ее руку сжали искривленные пальцы, прервав цепь рассуждений. Подняв голову, она увидела, что за последние несколько минут Нело сильно постарел. Теперь судьба его любимой мельницы зависит от новостей сверху.

Медленно тянулись дуры, и Сара все сильней ощущала тяжесть своего предсказания.

Библос.

Зал книг.

Когда-то огонь уже причинил ему ужасный ущерб. Тем не менее это по-прежнему величайший вклад людей в Общину и повод для зависти и удивления остальных рас.

Что с нами станет, если он исчезнет? Мы превратимся в примитивных сельских жителей? Будем жить на том, что осталось от великих

городов буйуров? Все станут фермерами?

Такими казались остальные пять рас, когда появились люди. Дикари, воюющие друг с другом, живущие в едва функционирующих общинах. Люди принесли новый образ жизни, изменили правила почти в такой же степени, как и Яйцо, появившееся несколько поколений спустя.

Неужели мы опустимся еще ниже? Утратим последние напоминания о том, что когда-то покоряли галактики? Уничтожим наши книги, инструменты, одежду и уподобимся глейеверам? Чистые, жалкие, невинные существа?

Согласно Свиткам, это единственный путь к спасению. И многие, подобно Джопу, верят в это.

Сара старалась не потерять надежды, даже если придет сообщение об огне и пыли в ночи. В любое время сотни книг находятся за пределами Библоса, переданные на время в далекие общины.

Но немногие тексты по специальности самой Сары почти никогда не покидают пыльные полки. Гилберт, Соммерфельд, Виттен и Тэнг. Элиаху — это все имена великих мыслителей из многих столетий и парсеков, близко знакомые Саре. Это близость чистой, почти совершенной мысли. *Они сгорят. Единственные экземпляры.* В последнее время ее исследования пошли по другим направ-

лениям — она заинтересовалась хаотическими приливами и отливами языков, но математику по-прежнему называет своим домом. Голоса этих книг всегда казались ей живыми. И теперь она страшилась услышать, что они исчезли.

Но потом ей в голову пришла другая мысль, совершенно неожиданная, и позволила взглянуть на беду под совершенно иным углом.

Если действительно прилетели галакты, какое значение имеют несколько тысяч бумажных книг? Конечно, нас будут судить за древнее преступление. Этому ничто не может помешать. Но тем временем на борту кораблей…

Саре пришло в голову, что она может познакомиться с совершенно другим типом библиотеки. Возвышающейся над архивами Библоса, как солнце затмевает свечу. *Какая возможность! Даже если мы превратимся в пленников Повелителей Миграций, осужденных на жизнь на какой-нибудь тюремной планете, они не откажут нам в возможности читать!*

В рассказах о прошлых днях она читала о базах данных компьютеров, насыщенных знаниями, словно теплое море, которое проникает в ваше сознание, во все ваши поры. Плывешь в облаках мудрости.

Я могла бы узнать, оригинальна ли моя работа! Или ее выполняли уже миллион раз за миллиард лет галактической культуры.

Эта мысль казалась одновременно высокомерной и унизительной. Страх перед большими звездными кораблями не уменьшился. Она по-прежнему молилась, чтобы все это оказалось ошибкой, метеором или иллюзией.

Но где-то в уголке сознания возникло что-то новое, мятежное — проснулся ненасытный голод.

Если только…

Но тут мысли ее прервали. Высоко наверху в узкое оконце просунул голову мальчик. Вися вниз головой, он крикнул:

– Огня нет!

Из других отверстий его крик подхватили, и все кричали одно и то же. К шуму присоединились шимпы, возбужденно вопя в переполненном зале собраний.

– Огней нет! И каменная крыша по-прежнему цела!

Старый Хенрик встал и произнес, обращаясь к старейшинам, всего два слова, потом повернулся и ушел вместе с сыном. В шуме толпы Сара прочла эти слова по губам и решительному выражению:

– Мы подождем.

Аскс

Наш караван рас двигался к тому месту, где в последний раз видели корабль чужаков, сверкающий цилиндр, опускавшийся за низкий холм. В дороге Вуббен продолжал цитировать Свиток Опасности.

Впереди слышались крики. На вершине холма свистели, гомонили, шумели толпы. Чтобы пройти дальше, нам пришлось миновать людей и хунов.

А тем временем разве мы не смотрели на *гнездо?* От него уходила полоса поваленных деревьев, по-прежнему дымившихся от действия снесшего их луча.

И посреди всего этого опустошения в конце полосы лежала его причина, раскалившаяся в своем падении.

Рядом с нами люди и уры, техники, спорили на своем причудливом жаргоне касты инженеров, обсуждая, может ли этот выступ или тот нарост служить оружием. Но у кого на Джиджо есть достаточно опыта, чтобы судить об этом? Наши корабли давным-давно расплавились в центре планеты. Даже самые последние прибывшие, люди, уже много поколений не бывали в космосе. Никто из живущих членов Общины ничего по-

добного не видел.

Это корабль цивилизации Пяти Галактик. Техники могли утверждать только это.

Но где спираль из лучей? Символ, который обязательно должен находиться на передней части любого корабля, законно выходящего в космос?

Наши встревоженные мастера сказаний объясняли: спираль не просто символ. Она перемещается молча. Бесстрастно регистрирует. Служит объективным свидетелем всего увиденного и сделанного, куда бы ни полетел корабль.

Мы всматривались, вглядывались, но на предназначенном для спирали месте виден только обгоревший блеск. Спираль стерта, уничтожена, сглажена сильней, чем лавой квуэнов.

И тут смятение уступило место пониманию. Осознанию того, что представляет этот корабль.

Не великие Институты, как мы вначале подумали.

Не праведные, могучие, законные звездные кланы и не загадочных зангов.

И даже не изгнанников, как мы сами.

Ничего подобного. Это *преступники.* Правонарушители хуже наших предков.

Бандиты.

На Джиджо пришли разбойники.

III . КНИГА МОРЯ

Парадокс Жизни, что все расы размножаются быстрее простого воспроизводства. И всякий рай жизни вскоре заполняется, переставая быть раем. Тогда по какому праву мы, изгнанники, претендуем на планету, благородно оставленную в стороне, чтобы мирно лелеять молодую жизнь и быть в безопасности от голодных народов?

Изгнанники, вы должны бояться справедливого гнева закона, если вас застанут здесь поселившихся без разрешения. Но когда придет суд, закон станет и вашим щитом, умеряя праведный гнев справедливостью.

В глубине разгневанного неба бродит более страшный ужас. Это совсем иная опасность. Она совершенно не повинуется закону.

Свиток Опасности

Рассказ Олвина

Ну, хорошо, я не такой быстрый, как некоторые. Я не так быстро соображаю, как Гек, которая способна свивать вокруг меня словесные кольца.

И к лучшему, как мне кажется. Я не мог бы вырасти в маленьком хунском порту, считая себя таким умницей, таким же остроумным и гладкоязычным, как мой литературный тезка, просто потому, что умею читать на англике и воображаю себя писателем. Хорошо, что по соседству живет маленький гениальный г'кек, который постоянно повторяет, что хун выше среднего уровня все равно хун. Тупой, как кирпич.

И вот я сижу, зажатый между двумя своими лучшими друзьями, которые спорят о том, что нам делать предстоящим летом, и ни Гек, ни Клешне не приходит в голову, что они пронзили мне кольца больше чем на одном уровне. Клешня несколько дуров пытался рассказывать нам о своих последних “чудовищах” — сероватых тенях, которые, как ему показалось, он видел, когда скучал, ухаживая за садком омаров своего улья. Он нам так часто рассказывал об этом, что мы не стали бы слушать, даже если бы он принес нам

зуб Моби Дика, с торчащей из него, как зубочистка, ногой. Вздыхая одновременно всеми пятью вентиляционными щелями, он отказался от рассказа и перешел к защите *“проекта Наутилус”.*

Клешня расстроился, узнав, что Гек хочет отказаться от этого плана. По обе стороны от его жесткого панциря вздымались ноги, свистя, как трубы каллиопы.

— Послушайте, мы уже согласились-сились. Мы должны закончить лодку. Ведь работали-ботали целый год!

— Столярничал и испытывал в основном ты, — заметил я. — Мы с Гек только строили планы…

— Совершенно верно! — прервала Гек, подчеркнуто выпячивая два глаза. — Мы помогали планами и мелкими усовершенствованиями. Это было весело. Но я никогда не соглашалась опускаться в этой проклятой штуке на дно моря.

Синий панцирь Клешни максимально поднялся, и его глазные прорези словно завертелись.

— Но вы говорили, вам интересно! Вы называли эту идею замечательной-чательной!

— Верно, — согласилась Гек. — Теоретически это замечательно. Но есть одна проблема, друг. Это также очень *опасно.*

Клешня откинулся, словно такая мысль нико-

гда не приходила ему в голову.

— Вы… раньше никогда об этом не говорили.

Я повернулся и посмотрел на Гек. Не думаю, чтобы раньше слышал от нее это слово. Опасно. Во всех наших приключениях она всегда была готова рискнуть, насмехалась над нашей нерешительность так, как могут только г'кеки, когда они решают оставить вежливость и стать отвратительными. Гек сирота, Ур-Ронн и Клешня из менее значительных таких рас, где на их отсутствие никто не обратит внимания, так что мне естественно надлежало быть голосом благоразумия и осторожности. А я ненавидел эту роль.

— Да, — согласилась Гек. — Но, наверно, пора кому-нибудь указать на разницу между расчетливым риском и простым *самоубийством.* Что с нами и случится, если мы отправимся в этом твоем устройстве, Клешня?

Наш бедный друг квуэн выглядел так, словно по его ножной жабре ударили мешком. Панцирь его дрожал.

— Вы знаете-аете, что я никогда не просил своих друзей-узей…

— Отправляться туда, куда сам не можешь отправиться? — возразила Гек. Да, но ты ведь говоришь о том, чтобы утащить нас под воду, а

там ты будешь очень хорошо себя чувствовать.

— Только вначале-чале, — ответил Клешня. — После первых пробных погружений мы пойдем глубже. И я буду с вами, я тоже буду рисковать-овать!

— Давай, Гек! — вмешался я. — Стукни беднягу по панцирю.

— А как же ваш собственный план? — решил отомстить Клешня. — По крайней мере моя лодка законная. А вы хотите нарушить закон и стать *сунерами!*

Наступила очередь Гек защищаться.

— Почему сунерами? Мы не можем размножаться друг с другом, так что это преступление совершить за границей не сможем. И ведь люди и инспекторы переходят границу.

— Конечно. С разрешения мудрецов-рецов!

Гек пожала двумя глазными стебельками, словно говоря, что не стоит тревожиться из-за ничтожных юридических тонкостей.

— Все равно я предпочитаю неправильное поведение откровенному самоубийству.

— Ты хочешь сказать, что предпочитаешь глупое путешествие к каким-то давно разбитым буйурским развалинам, чтобы взглянуть на настенные надписи, возможности увидеть

Помойку-мойку? Увидеть настоящих живых *чудовищ?*

Гек застонала и в отвращении повернулась кругом. Чуть раньше Клешня рассказал нам о существе, которое как будто видел на мелком месте к югу от города. Он клялся, что там ныряла какая-то тварь в яркой серебристой чешуе. На удалении казалось, что она передвигается на подводных крыльях. Мы слышали подобные рассказы почти со дня сплавления Клешни и потому ему не поверили.

И тут они оба обратились ко мне за решением.

— Помни, Олвин, — сказала Гек, — ты только что обещал.

— А мне ты обещал несколько месяцев назад! — воскликнул Клешня с такой страстью, что даже перестал заикаться.

Я почувствовал себя, как треки, стоящий между двумя грудами спелой мульчи. Мне хотелось отправиться в глубину и посмотреть на Помойку, где лежат всякие галактические штуки, оставленные ушедшими буйурами. Подводные приключения как в книгах Холлера или Верна.

С другой стороны, Гек права, говоря, что план Клешни — это творение Ифни. Квуэну, не знающему даже, кто его мать, риск может показаться

незначительным, но мои родители очень расстроятся, если я исчезну, не оставив даже сердечный выступ, чтобы можно было совершить обряды очищения души и вуфайнивания.

К тому же Гек предлагает план почти такой же интересный: отыскать надписи, более древние, чем книги, привезенные на Джиджо людьми, может быть, настоящие истории буйуров. Мои сосательные подушечки кололо от возбуждения при этой мысли.

Но, как оказалось, я был избавлен от необходимости принимать решение. Потому что в этот момент появилась моя Хуфу, проскочила между ногами Клешни и колесами Гек и что-то пролаяла насчет срочного сообщения от Ур-Ронн.

Ур– Ронн хочет нас видеть.

Больше того, она хочет поделиться с нами чем-то удивительным.

О да, надо представить Хуфу.

Прежде всего она на самом деле не мой нур. Она обычно держится рядом со мной, и по большей части мне удается заставить ее делать то, что я хочу. Однако трудно описать отношения между хуном и нуром. Само это слово — *отношения* — предполагает много такого, чего здесь просто нет. Может, это как раз один из тех случаев, когда

англик, прославленный своей гибкостью, не справляется и не может описать концепцию.

Во всяком случае, нур не принадлежит к говорящим и принимающим решения. Это не разумное существо, подобно нам, членам Шести. Думаю, она такой же член нашей компании, как и все остальные. Многие говорят, что нуры просто безумны. Разумеется, они равнодушны к жизни и смерти — при условии, что узнают что-то *новое.* Вероятно, больше нуров погибло от любопытства, чем от диггеров на суше или морских акул в воде. Так что я знаю, как голосовала бы Хуфу, если бы умела говорить.

К счастью, даже Клешня понимает, что нельзя доверять ей право решать.

И вот мы спорили, когда маленький нур появился среди нас, визжа, как сумасшедший. Мы все сразу поняли, что сообщает нам Хуфу. Нуры не владеют Галактическим два и вообще не могут говорить ни на каком языке, но могут запомнить и повторить любой короткий ручной сигнал, который увидят своим острым зрением. И в начальном знаке могут даже сообщить, кому предназначен сигнал. Замечательная способность, и очень полезная, если бы нуры делали это надежно и постоянно, а не тогда только, когда это

им нравится.

На этот раз Хуфу явно нравилось, потому что в следующее мгновение она передавала цепочку знаков на Галактическом два. (Думаю, что любой телеграфист, знающий азбуку Морзе, как Марк Твен, справился бы и с Галактическим два, если бы постарался.)

Как я уже сказал, сообщение было от нашей урской приятельницы Ур-Ронн, и в нем говорилось: ОКНО ЗАКОНЧЕНО. ПРИХОДИТЕ БЫСТРЕЙ. ПРОИСХОДЯТ РАЗНЫЕ СТРАННЫЕ ВЕЩИ!

Я поставил в конце восклицательный знак, потому что, как только Хуфу кончила передавать, она метнулась вниз с горы Гуенн, завершив сообщение возбужденным лаем. Уверен, что ее прыжки и попытки укусить себя за хвост и означали “странные вещи”.

— Прихвачу свой водяной мешок, — сказал после короткой паузы Острая Клешня.

— А я свои очки, — добавила Гек.

— Возьму плащ и встречусь с вами у поезда, — закончил я. Обсуждать было нечего. После такого-то приглашения.

IV . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Г'кеки рассказывают легенду, очень древнюю; она существовала у них, когда они первыми высадились на Джиджо, и передавалась из уст в уста две тысячи лет, пока не была наконец записана на бумаге.

В саге говорится о юноше, который свое "мастерство катания на нити" обновил в одном из орбитальных городов, где г'кеки жили после того, как проиграли на пари свою родную планету.

В этом городе, где не было помех со стороны больших масс материи, молодые лорды на колесах, представители поколения, родившегося в космосе, изобрели новую игру — катались своими сверкающими разноцветными колесами по тончайшим нитям, кабелям, развешенным под всевозможными углами по всему пространству огромной внутренней пустоты их искусственного мира. Один из катающихся, рассказывает легенда, выступал все смелей и смелей, наслаждался риском, перепрыгивал с одной нити-паутинки на другую и даже иногда устремлялся в

свободный полет, с бешено вращающимися колесами, пока не цеплялся за очередную нить и не начинал в экстазе раскачиваться на ней.

И вот однажды молодому чемпиону бросил вызов побежденный противник.

— Бьюсь об заклад, ты не сможешь прокатиться так близко от солнца, чтобы обвить его нитью!

Сегодня ученые Джиджо находят эту часть легенды непонятной. Как может солнце находиться внутри вращающейся полой скалы? Поскольку секция космических технологий почти полностью погибла, Библос не дает возможности интерпретировать этот отрывок. Мы полагаем, что история со временем претерпела искажения, как и все прочие воспоминания о нашем богоподобном прошлом.

Но технические подробности не так важны, как мораль этого сказания: неблагоразумно иметь дело с силами, которые выше твоего понимания. Глупец, поступающий так, сгорит, как тот катающийся из сказания, о чьем драматичном конце возвестила путаница горящих нитей на внутреннем небе обреченного города.

Седьмое собрание легенд Джиджо.

Третье издание. Департамент фольклора и

языков,
Библос. 1867 год изгнания

Двер

После окончания ученичества Двер посетил почти все деревни и фермы в обитаемой зоне Джиджо, включая острова и одно-два тайных места, о которых дал клятву никогда не говорить. Он встречался со множеством поселенцев из всех рас, особенно с самыми многочисленными на Склоне людьми.

И с каждым проходящим дуром все больше убеждался, что пленница не из их числа.

Удивление раздражало Двера. А иррациональное ощущение собственной вины еще усиливало гнев.

— Из всех глупостей, — говорил он девушке, растирая ее голову у погасшего костра, — украсть мой лук — самая большая. Но нацелить на меня нож — еще больше! Откуда я знал, что ты всего лишь девчонка? Ведь было темно. Я мог бы, обороняясь, сломать тебе шею!

Впервые один из них заговорил с тех пор, как она головой ударилась о землю и осталась неподвижно лежать. Ему пришлось взвалить ее на

плечи и притащить в лагерь. Потерявшая сознание незнакомая девушка почти пришла в себя, когда он усадил ее у угольев. Теперь она трогала свою голову, поглядывая на нура и глейвера.

— Я… я думала… ты лиггер, — сказала она наконец.

— Ты украла мой лук, убежала, а потом подумала, что тебя преследует *лиггер?*

Но хоть это свидетельствует в ее пользу: врать она не умела. При дневном свете стало видно, что одета она в плохо обработанные шкуры, сшитые сухожилиями. Волосы, связанные в конский хвост, рыжеватые. На лице — то, что можно было увидеть под грязью, — выделялся нос, который когда-то был сломан, и большой ожог на левой щеке, портящий впечатление. Если бы не этот ожог, девушку можно было бы назвать хорошенькой, конечно, предварительно вымыв.

— Как тебя зовут?

Она опустила голову и что-то пробормотала.

— Что это? Я ничего не расслышал.

— Я сказала, меня зовут *Рети!* Впервые она посмотрела прямо ему в глаза, и в голосе ее прозвучал вызов. — Что ты со мной сделаешь?

Разумный вопрос, учитывая обстоятельства. Потирая подбородок, Двер решил, что особого

выбора у него нет.

— Наверно, возьму тебя на Собрание. Там большинство мудрецов. Если ты достаточно взрослая, против тебя выдвинут обвинение; в противном случае придется отвечать твоим родителям. Кстати, кто они? Где ты живешь?

Наступила тишина. Наконец девушка сказала:

— Я хочу пить.

К этому времени уже и нур, и глейвер носами тыкались в пустую фляжку и потом обвинительно смотрели на него. *Да что я, всеобщий папочка?* подумал Двер.

Он вздохнул.

— Ладно, пойдем к воде. Рети, иди с глейвером. У нее расширились глаза.

— А он… не кусается?

Двер удивленно посмотрел на нее.

— Ради Ифни, это ведь *глейвер!* — Он взял девушку за руку. — Его стоило бы бояться, если бы ты была кучей мусора или земляным червем. Впрочем, если посмотреть на тебя…

Она сердито выдернула у него руку.

— Ладно, прости. Но тебе придется идти впереди, чтобы я мог за тобой следить. И убедиться, что ты не убежала. — Свободный конец веревки глейвера он привязал к ее поясу на спине, так что

она могла дотянуться лишь с трудом. Затем Двер взвалил на плечи походный мешок и прицепил лук. — Слышишь звуки водопада? Доберемся до него и поедим.

Странное было шествие: впереди мрачная и неразговорчивая девушка, затем недоумевающий Двер, а замыкал развлекающийся нур. Когда бы Двер ни оглядывался, Грязнолапый насмешливо улыбался ему. Впрочем, он отдувался в утреннем воздухе, и улыбка его казалась чуть напряженной.

Кое– кто, услышав поблизости лай нура, запирает двери. Другие оставляют для него угощение, надеясь, что это принесет удачу. Иногда Двер встречал на болотах диких нуров, особенно там, где среди бродячих лилий цвели пламенные деревья. Но самое яркое воспоминание у него сохранилось с детства. К отцовской мельнице каждую весну приходил молодой нур и совершал безрассудные, часто смертельно опасные прыжки с вращающегося громоздкого мельничного колеса. Ребенком Двер часто становился с ним рядом и тоже прыгал, к отчаянию отца. Он даже пытался подкупить этого товарища по детским играм едой, учил его разным трюкам, пытался найти такую же связь, какую когда-то человек

установил с *собакой.*

Увы, нуры не собаки. К тому времени как судьба увела его от спокойной реки детства, Двер уже знал, что нуры умны, смелы — и очень опасны. И молча предупредил Грязнолапого: *То, что не ты оказался вором, совсем не значит, что я тебе доверяю.*

Спускаться по крутой тропе совсем не то, что подниматься. Временами окружающая местность казалась такой дикой и нехоженой, что Двер мог прищуриться и вообразить, что он на настоящем фронтире, на совершенно новой планете, не тронутой руками разумных существ. Но потом показывались какие-нибудь остатки строений буйуров: стена, укрепленная цементом, выщербленная мостовая, — пропущенные разрушителями, когда буйуры улетали и иллюзия исчезала. Уничтожение никогда не бывает полным. К западу от границы видны бесчисленные следы буйуров.

Подлинный восстановитель — это время. Бедная Джиджо должна была со временем восстановить свою экосистему; так по крайней мере утверждает его брат Ларк. Но Двер редко рассуждал о таких высоких материях. Это лишало сегодняшнюю Джиджо волшебства — планета

больна, но полна чудес.

На самых крутых местах приходилось помогать Рети, а глейвера иногда опускать на веревке. Однажды, опустив мрачное существо на остаток старой дороги, Двер повернулся и обнаружил, что девушка исчезла.

— Где эта маленькая… — раздраженно выдохнул Двер. — О, дьявол!

Проступок Рети заслуживает наказания, а ее тайна должна быть раскрыта, но забота о сбежавших глейверах на первом месте. Доставив этого, он, возможно, вернется и возьмет след девушки, даже если пропустит большую часть Собрания.

Он обогнул выступающий камень и едва не столкнулся с девушкой, которая сидела лицом к лицу с Грязнолапым. Рети посмотрела на Двера.

— Это ведь *нур,* верно? — спросила она. Двер скрыл свое удивление.

— Ты раньше их не видела?

Она кивнула, забавляясь улыбкой флиртующего Грязнолапого.

— Кажется, и глейверов ты не встречала, — сказал Двер. — Как далеко на восток живут твои родители?

Лицо девушки вспыхнуло, и на нем отчетливо выделился шрам.

— Не знаю, что ты…

Она замолчала, поняв, что проговорилась. Сжала губы в тонкую линию.

— Не расстраивайся. Я и так все о тебе знаю. — Он указал на ее одежду. — Никаких тканей. Шкуры, прошитые кишками. Хорошие меха имла и соррла. Соррл к западу от границы не вырастает таким крупным.

Видя ее отчаяние, он пожал плечами.

— Я сам несколько раз бывал за горами. Разве родители не говорили тебе, что это запрещено? По большей части это справедливо. Но если я кого-то преследую, то могу пройти куда угодно.

Она опустила взгляд.

— Так что я не была бы в безопасности, даже если бы…

— Бежала быстрей и ушла за переход? Пересекла какую-то воображаемую линию, за которой я не смог бы тебя преследовать? — Двер рассмеялся, стараясь не делать это слишком недружелюбно. — Рети, успокойся. Ты не у того украла лук, вот и все. Если бы понадобилось, я преследовал бы тебя и за пустыней Солнечного Восхода.

Разумеется, это хвастовство. Ничто на Джиджо не стоит двухтысячелигового путешествия через район вулканов и горящих песков. Но Рети удив-

ленно распахнула глаза. А Двер продолжал:

— Я ни разу не видел твое племя в своих походах на восток, так что, наверно, оно далеко на юге. У Ядовитой равнины? Серые холмы? Я слышал, там такая запутанная местность, что маленькое племя, если будет осторожно, вполне может спрятаться.

Ее карие глаза полны были болью и усталостью.

— Ты ошибаешься. Я не из… этого места.

Она угнетенно замолчала, и Двер посочувствовал ей. Он знал, каково чувствовать себя неловко среди своих. Собственная одинокая жизнь не очень способствовала преодолению застенчивости.

Именно поэтому мне необходимо на Собрание! Сара дала ему письмо к аналитику Пловову. А дочь Пловова — совершенно случайно — красавица и еще не обручена. Если повезет, Двер сможет пригласить Глори Пловов прогуляться и, может, расскажет что-нибудь, что произведет на нее впечатление. Например, как он в прошлом году остановил мигрирующее стадо морибулов и не дал им броситься с утеса в бурю. Может быть, рассказывая, он не будет заикаться и она не станет посмеиваться, как всегда делает.

Неожиданно его охватило нетерпение.

— Ну, незачем сейчас об этом тревожиться. — Он знаком велел Рети снова вести впереди глейвера. — С тобой будет разговаривать один из младших мудрецов, так что тебе не придется предстать перед всем советом в одиночестве. И мы больше не вешаем сунеров. Если, конечно, не бываем вынуждены.

Он попытался подмигнуть ей, но не сумел поймать ее взгляд, поэтому шутка получилась неудачная. Пока он перевязывал ее веревку, она смотрела в землю, а потом они снова двинулись цепочкой.

Усиливающаяся сырость сменилась туманом, все громче раздавались звуки падающей воды. Там, где тропа поворачивала, сверху падал ручей, множеством брызг разбиваясь в аквамариновом бассейне. Дальше вода падала с обрыва и возобновляла свой крутой спуск к реке далеко внизу и, в конечном счете, — к морю.

Спуск вниз к бассейну казался слишком рискованным для Рети и глейвера, поэтому Двер сделал знак продолжать путь. Ручей они пересекут дальше.

Но нур принялся перепрыгивать с камня на камень. И вскоре они услышали, как он весело

плещется в воде.

Двер подумал о другом водопаде, там, где Большой Северный, ледник достигает утеса на краю континента. В прошлом году он там во время весеннего таяния охотился за шкурами бранкуров. Но на самом деле пришел туда, чтобы посмотреть, как ломается ледяной затор у входа в озеро Опустошения.

Огромные, в километр, прозрачные пласты льда раскалываются с грохотом, заполняющим небо, и с ревом оживают могучие водопады.

Однажды он по-своему попытался описать это зрелище Ларку и Саре — эти кричащие цвета и радужные шумы, — надеясь, что практика поможет ему справиться с неловким языком. И конечно, глаза сестры вспыхнули при описании чудес за пределами узкого Склона. Но добрый старый благоразумный Ларк только покачал головой и сказал: *Эти замечательные чудеса отлично обойдутся и без нас.*

Обойдутся ли? Двер в этом сомневался.

Есть ли красота в лесе, если никто не смотрит на него и не называет прекрасным? Разве не для этого существует “разум”?

Он надеялся когда-нибудь отвести свою жену и подругу к водопадам Опустошения. Если най-

дется кто-нибудь, чья душа способна разделить с ним его восхищение.

Нур догнал их немного спустя, он улыбался и отряхивал гладкую черную шерсть, обдавая путников брызгами. Рети рассмеялась. Короткий, резкий и торопливый звук, как будто она не надеялась на долгое удовольствие.

Ниже по тропе Двер остановился в том месте, где по скале стекал тонкий ручеек. Это зрелище напомнило, как отчаянно ему хочется пить. И вызвало вздох, напомнив об одиночестве.

— Давай, малышка. Там внизу еще один бассейн, до него легче добраться.

Но Рети стояла неподвижно, и щеки у нее были влажные. Впрочем, Двер решил, что это туман.

Аскс

Они не показывались. Должно быть, мы смешали их планы. Некоторые из нас, возможно, выживут, чтобы дать показания. Естественно, они решили не показываться.

Свитки предупреждали нас о такой возможности. Казалось, судьба наша предопределена. Но когда голос звездного корабля заполнил долину, ясно стало стремление успокоить нас.

(Простые) ученые мы.

Обзор (местных, интересных) форм жизни мы готовим.

Никому не причиняем вреда.

* * *

Это сообщение — в свистах и щелчках строго формального Галактического два — было передано и на трех других стандартных языках и наконец — очевидно, они увидели в толпе людей, — на языке волчат англике.

В изучении (местных, уникальных) форм жизни мы просим вашей (великодушной) помощи,

Знание (местной) биосферы, вы им (несомненно) обладаете.

Инструменты и (полезные) знания мы готовы предложить в обмен.

Можем ли мы — уверенно — приступить к (взаимному) обмену?

Припомните, мои кольца, как мы в замешательстве переглядывались. Можно ли верить таким клятвам? Мы, живущие на Джиджо, преступники в глазах огромной империи. Но те, что на борту корабля, тоже. Может, у наших двух групп есть общие цели?

Наш мудрец-человек лаконично подвел итог.

На англике Лестер Кембел глубокомысленно произнес:

– Уверенно, волосатые подмышки моих предков!

И почесался красноречиво и очень уместно.

Ларк

В ночь накануне прилета чужаков цепочка пилигримов в белых одеяниях брела в предрассветном тумане. Их было шестьдесят, по десять от каждой расы.

Этим же путем во время праздника пройдут и другие группы в поисках образцов гармонии. Но эта отличалась от остальных — у нее чрезвычайно серьезная миссия.

Вокруг собирались тени. Искривленные, изогнутые деревья, подобно призракам, протягивали переплетенные ветви. Сливались и смешивались маслянистые испарения. Тропа резко поворачивала, огибая темные провалы, очевидно, бездонные, в них отдавалось загадочное эхо. Обветренные камни своими формами бросали вызов воображению, усиливали нервное напряжение путников. Откроется ли за следующим поворотом наиболее почитаемое на Джиджо

материнское Яйцо?

Какие бы различные органические особенности ни унаследовали пилигримы шести рас в четырех разных галактиках, все они сейчас испытывали неудержимый порыв к единству. Ларк шагал в соответствии с ритмом, который передавал реук у него на голове.

Я десятки раз проходил этой тропой. Она должна быть мне знакома. Почему я не могу откликнуться?

Он попытался настроить свой реук на цвета и звуки реального мира. Шаркали шаги. Стучали копыта. Шуршали кольца и скрипели колеса. Пыльная тропа так плотно утоптана пилигримами, что можно подумать, будто она восходит к самому началу изгнания, а не насчитывает всего сто с небольшим лет.

А к чему обращались раньше, когда нуждались в надежде?

Брат Ларка, знаменитый охотник, однажды тайной тропой провел его на соседнюю гору, откуда яйцо можно было увидеть *сверху.* Оно лежало в своей вулканической кальдере, словно потомство в гнезде сказочного дракона. Издали его можно принять за какой-то древний буйурский памятник или след еще более древних — на

многие эпохи — обитателей Джиджо, загадочный часовой, неподвластный времени.

Мигнешь — и это уже приземлившийся *межзвездный корабль*, продолговатая линза, предназначенная для скольжения по воздуху и эфиру. Или *крепость*, созданная из сверхпрочного материала, пьющая свет, отражающая его, плотнее нейтронной звезды. Ларк даже представил себе на мгновение панцирь какого-то гигантского существа, слишком терпеливого или гордого, чтобы обращать внимание на мух-поденок.

Эти мысли тревожили его, заставляя переоценить свое представление о священном. И это прозрение все еще с Ларком. И, возможно, ему предстоит выслушать немало насмешек со стороны толпы верующих, к которой он вскоре намерен обратиться с речью. Но такая проповедь требует самопожертвования.

Тропа повернула — и неожиданно устремилась вниз, в каньон с крутыми стенами, окружающими гигантскую овальную фигуру, в два полета стрелы от одного конца до другого, фантастическим образом возникшую перед пилигримами. Ее поверхность, изгибаясь, уходила вверх от тех, кто в благоговении собрался у ее основания. Глядя вверх, Ларк знал.

Это не может быть ничем из того, что я себе воображал издали.

Вблизи, под массивным закрывающим вид корпусом, всякий мог увидеть, что Яйцо состоит из *местного природного камня.*

На боках видны следы его рождения, отметки яростной матки Джиджо, которая где-то глубоко внизу продолжает сокращаться. Рисунок слоев похож на мышечные нити. Хрустальные вены сплетаются в дендритном узоре, разветвляясь, как нервы.

Путники медленно входили под выпуклое Яйцо, давая ему почувствовать свое присутствие и надеясь получить благословение. Там, где гигантский монолит вдавился в черный базальт, шестьдесят начали обход. Сандалии Ларка скрипели на зернистой пыли, которая цеплялась за пальцы, и благоговение и мир этого мгновения частично испортило воспоминание.

Однажды, когда он был высокомерным мальчишкой десяти лет, ему в голову пришла идея — прокрасться за Яйцо и взять его образец.

Это происходило в юбилейный год, когда бумажник Нело отправлялся на Собрание, где происходила встреча его гильдии, и южанка Мелина, его жена, настояла на том, чтобы он взял

с собой Ларка и маленькую Сару.

Прежде чем они начнут всю жизнь работать в твоей бумажной фабрике, пусть немного посмотрят на мир.

Как, должно быть, впоследствии Нело проклинал свое согласие, потому что это путешествие изменило Ларка и его сестру.

В пути Мелина часто раскрывала книгу, недавно напечатанную мастером в городе Тарек, заставляла мужа останавливаться — он нетерпеливо стучал своей тростью — и вслух со своим южным акцентом читала описания различных растений, животных или минералов, которые встречались вдоль дороги. Тогда Ларк не знал, сколько поколений трудились, создавая этот путеводитель, собирая устные рассказы представителей всех изгнанных рас. Нело считал книгу отличным образом печатного и переплетного мастерства, хорошим использованием бумаги, иначе не разрешил бы показывать детям плохо изготовленный товар.

Мелина придумала игру — узнавать реальные предметы, сравнивая их с рисунками в книге. И то, что могло для детей быть скучным путешествием, превратилось в приключение, затмившее само Собрание, так что когда они

наконец пришли, усталые, со стертыми ногами, Ларк уже влюбился в эту планету.

Теперь эта книга, пожелтевшая, истрепанная и устаревшая благодаря трудам самого Ларка, как талисман, всегда в кармане его плаща. *Оптимистическая часть моего характера. Та часть, которая считает, что можно научиться.*

Когда цепочка пилигримов приблизилась к дальнему концу Яйца, он сунул руку под одежду, чтобы коснуться другого своего талисмана. Этот он не показывал никому, даже Саре. Камень, размером *с* большой палец, на кожаной нити. Двадцать лет он хранится рядом с бьющимся сердцем и всегда кажется теплым на ощупь.

Моя темная сторона. Часть, которая уже знает.

Пилигримы цепочкой шли мимо того места, которое Ларк так хорошо помнил, и камень в руке казался *горячим.*

Только на третьем своем Собрании он набрался решимости — ученик ремесленника, вообразивший себя ученым, — ускользнул от праздничных павильонов, ныряя в пещеры, чтобы избежать проходящих пилигримов, затем метнулся под изогнутую поверхность, куда может пролезть только худой ребенок, извлек свой молоток для

отбивания образцов…

За все прошедшие годы никто не упомянул о шраме — свидетельстве его святотатства. Да он и не может быть заметен среди других бесчисленных царапин, покрывающих поверхность Яйца. Но даже клочья тумана не могли закрыть от Ларка это место, когда он проходил мимо.

Неужели после всех этих лет детский проступок продолжает его смущать?

Знание того, что он прощен, не уничтожает стыд.

Процессия прошла мимо, и камень похолодел, стал беспокоить не так сильно.

Может быть, это иллюзия? Какой-то естественный феномен, знакомый ученым Пяти Галактик? (Хотя для примитивных народов, прячущихся на запретной планете, он остается совершенно непостижимым.) Симбионты реуки широко распространились только в прошлом столетии, давая бесценную возможность заглянуть в душу других существ. Яйцо ли вызвало их появление, как считают некоторые, чтобы помочь Шести преодолеть войны и раздоры? Или это просто еще одно чудо, оставленное генетиками-колдунами буйурами, когда эта галактика кишела бесчисленными чуждыми расами?

Порывшись в архивах Библоса, Ларк понял, что его смятение типично для людей, пытающихся разобраться в священном. Даже великие галакты, чьи знания преодолевают пространство и время, непрерывно спорили из-за противоречивых догм. Если могучие звездные боги могут попасть в затруднительное положение, какая у него может быть уверенность?

Есть одно, в чем согласны обе мои стороны.

И научная работа, и сердечная боль приводили Ларка к одному и тому же выводу:

Нам здесь не место.

Именно об этом говорил он позже пилигримам, собравшимся в грубо сработанном амфитеатре, где восходящее солнце окружило продолговатое Яйцо сверхъестественным блеском.

Они собрались рядами, сидели, складывали торсы и многочисленные конечности в выражении внимания. Первым выступил вероотступник квуэн Харрулен, он говорил на поэтическом диалекте, свистя всеми своими пятью ножными щелями. Он призывал мудро служить этому миру, источнику всех их атомов. Затем, наклонив свой синий панцирь, Харрулен представил Ларка. Многие пришли издалека, чтобы выслушать его ересь.

— Нам говорят, что наши предки были преступниками, — начал Ларк сильным голосом, преодолевая внутреннее напряжение. — Крадущиеся корабли один за другим прилетали на Джиджо, уходя от патрулей великих Институтов, прячась от дежурных шаров зангов, заметая следы в потоках излучения великой Измунути, чей углеродный ветер начал маскировать эту планету несколько тысяч лет назад. Они явились в поисках спокойного места, где могли бы совершить свое преступление.

У каждого корабля основателей были свои причины. Рассказы о преследованиях и пренебрежении. Все сожгли и потопили свои корабли, сбросили свои богоподобные инструменты в Большую Помойку и предупредили потомков, чтобы те опасались неба.

С неба придет суд когда-нибудь — наказание за преступление выживания.

Солнце показалось из-за края Яйца, ударив лучом в глаз Ларка. Он избежал этого, наклонившись в сторону аудитории.

— Наши предки вторглись в мир, оставленный после многих веков жестокой эксплуатации. Мир, многочисленным видам которого — естественным и искусственным — требовалось время,

чтобы восстановить нарушенное равновесие, при котором могут возникнуть новые чудеса. Цивилизации Пяти Галактик пользовались такими правилами еще до того, как загорелась половина видимых нами звезд.

Почему же наши предки нарушили эти правила?

Все пилигримы г'кеки смотрели на него двумя широко расставленными глазами, остальные два глазных стебля спрятаны в знак глубокого внимания. Типичный слушатель ур направлял узкую голову не на лицо Ларка, а ему в живот, чтобы все три черных разреза, окружающих пасть, могли видеть одновременно. Реук Ларка подчеркивал эти знаки, а также аналогичные признаки внимания со стороны хунов, треки и квуэнов.

Пока они со мной, думал Ларк.

— О, наши предки постарались уменьшить ущерб. Наши поселки расположены в узкой, геологически беспокойной зоне, в надежде что когда-нибудь вулканы скроют следы нашего пребывания, не оставляя никаких свидетельств. Мудрецы указывают, кого мы можем убивать и есть, где строить, чтобы как можно меньше вмешиваться в жизнь остальной части Джиджо.

Но никто не может отрицать, что ущерб при-

чинен и продолжает причиняться каждым часом нашей жизни здесь. Теперь вымерли рантаноиды. Наша ли это вина? Кто знает? Сомневаюсь, чтобы могло сказать даже Святое Яйцо.

Гул в толпе. Над глазами реук вспыхивает многоцветными красками. Некоторые буквально все понимающие хуны полагают, что он зашел слишком далеко. Другие, вроде г'кеков, более привычны к метафорам.

Пусть об оттенках заботятся их реуки, подумал Ларк. *Сосредоточься на самом сообщении.*

Наши предки сообщили нам причины, передали предупреждения, установили правила. Они говорили о плате, о Пути Избавления. Но я говорю, что все это бесполезно. Пора покончить с фарсом и посмотреть в лицо правде.

Наше поколение должно сделать выбор.

Мы должны стать последними представителями своих видов на Джиджо.

Путь назад проходил мимо темных пещер, выдыхающих блестящие испарения. Время от времени из этих отверстий доносился грохот природного подземного взрыва, затем другой, и с каждым повторением звук слабел.

Катиться вниз г'кекам гораздо легче. Но несколько треки, приспособленных к жизни в

болотистых зарослях, мрачнели от напряжения, стараясь не отстать на поворотах. Чтобы облегчить путь, пилигримы хуны напевали негромкий атональный мотив, как часто делают в море. Большинство пилигримов сняло отнимающие силы реуки. И теперь все были заняты собой, своими мыслями.

Легенды говорят, что у искусственного интеллекта и у зангов все обстоит по-другому. Групповое сознание не нуждается в убеждении. Эти существа просто соединяют свои сознания, становятся одним целым и принимают решение.

Но не так-то легко обычному представителю Шести рас присоединиться к новой ереси. Глубокий врожденный инстинкт заставляет каждую расу размножаться и воспроизводиться как можно надежнее. А для таких людей, как его отец, вполне естественно стремиться к лучшему будущему.

Но не здесь, не на этой планете.

Утренняя встреча подбодрила Ларка. *В этом году мы убедили немногих. Потом будет больше. Вначале нас будут терпеть, потом начнут сопротивляться. Но в конечном счете решение будет принято без насилия, путем всеобщего*

согласия.

В полдень по тропе пронесся гул голосов — это прибывающие пилигримы демонстрировали свою набожность, они пели о радости Собрания. За испарениями фумарол Ларк разглядел фигуры в белом. Предводители приветствовали группу Ларка, уже возвращающуюся с поклонения, и отошли в сторону, уступая дорогу.

И когда группы проходили мимо друг друга, ударил гром, сталкивая и развевая одежды. Хунны пригибались, зажимая уши, г'кеки закатывали глазные стебельки. Один несчастный квуэн едва не упал в пропасть, отчаянно вцепившись клешней в искривленное дерево.

Вначале Ларк подумал о выходе газов.

Когда затряслась земля, в голову пришла мысль об извержении.

Позже он узнает, что звук исходил не с Джиджо, а с неба. Он возвещал о роковом прибытии, и мир, который был знаком Ларку, неожиданно закончился — раньше, чем кто-либо мог ожидать.

Аскс

Находящиеся в корабле открыли небольшое отверстие в его блестящем борту. И все увидели в

этом выходе посланца, какого не видел никто из ныне живущих в Общине.

Это был робот!

Моим/нашим кольцам пришлось обратиться в одну из мириадов влажных ячеек памяти, чтобы узнать эти очертания, которые я/мы однажды видел в человеческой книге.

Какая книга? А, спасибо тебе, я сам. *“Обзор основных галактических орудий” Джейна.* Один из редчайших уцелевших плодов Великой Печати.

Точно как на том древнем рисунке, этот плывущий механизм представлял собой черную октагональную плиту высотой с молодого квуэна, висящую над землей на уровне моего зрительного кольца; над плитой и под ней виднелось множество различных устройств и инструментов. С того момента как люк за ним закрылся, робот игнорировал все неровности поверхности, оставляя за собой полосу, на которой трава, булыжники и почва были спрессованы незримой тяжестью.

При появлении робота все отступили. И лишь одна группа существ оставалась на месте, ожидая создание не из плоти. Это были мы, мудрецы. Нас удерживал на месте якорь *ответственности,* удерживал так надежно, что даже мой

сегмент-основание застыл неподвижно, хотя от него исходило стремление бежать. Таким образом, робот — или его хозяева на корабле — знал, кто имеет право/обязанность вести переговоры. Робот застыл перед Вуббеном, он в течение пяти-шести дуров словно разглядывал нашего старейшего мудреца, возможно, ощутив, с каким почтением мы все относимся к старейшему г'кеку. Потом попятился, чтобы охватить нас всех.

Я/мы смотрел в зачарованном благоговении. В конце концов это ведь *вещь*, предмет, как речной корабль хунов или инструмент, оставленный исчезнувшими буйурами. Но наши орудия не умеют летать, да и инструменты буйуров не проявляют такой способности.

А эта вещь не только двигалась, но и говорила, повторяя первоначальное сообщение:

В изучении (местных, уникальных) форм жизни мы просим вашей (великодушной) помощи.

Знание (местной) биосферы, вы им (несомненно) обладаете.

Инструменты и (полезные) знания мы готовы предложить в обмен.

Можем ли мы — уверенно — приступить к (взаимному) обмену?

Наши реуки оказались бесполезны, они съежи-

лись от мощного потока нашего страдания. Тем не менее мы, мудрецы, выполняли намеченное. По всеобщему согласию Вуббен выкатился вперед, его колеса скрипели от старости. Демонстрируя дисциплину, он повернул все свои глазные стебельки к чуждому устройству, хотя ясно было, что он переполнен тревогой.

Мы несчастные потерпевшие крушение, произнес он в синкопических щелчках и свистах формального Галактического два. Хотя наши урские братья находят этот язык самым легким и даже используют в общении между собой, все признавали, что г'кек Вуббен безупречно владеет его грамматикой.

Особенно когда необходимо солгать.

Несчастные потерпевшие кораблекрушение, невежественные и застрявшие на этой планете.

Мы рады. Мы полны удивления перед случившимся. Вестник спасения!

Сара

На некотором расстоянии ниже деревни Доло река проходит через большие болота. Известно, что здесь даже моряки хуны теряют главное русло и натыкаются на корни или на подвижные

мели. В обычных условиях терпеливый экипаж мусорного судна *Хауф-воа* мог рассчитывать на ветер, ритмичный подъем и падение уровня реки, которые помогали пройти. Но сейчас условия необычные. Поэтому моряки сбросили зеленые плащи, обнажив пятна тревоги вдоль комковатого спинного хребта, и принялись толкать *Хауф-воа* шестами из древесины лессербу. Даже пассажирам пришлось помогать, чтобы не дать илистому дну зацепить киль и задержать корабль. Экипаж, состоявший из нуров, нервничал, нервно лаял, перемещаясь по мачтам, пропуская приказы и роняя снасти.

Наконец, перед самым наступлением темноты, капитан-лоцман провел нарядный нос *Хауф-воа* мимо последних зарослей водяной травы к Мысу Соединения, где многочисленные рукава реки снова соединялись, образуя еще более могучее русло. По обеим берегам снова показался лес тару, расстилая над головой свой гостеприимный полог. Казалось, после тяжелого дня воздух сразу выпустил экипаж и пассажиров из своих влажных объятий. Кожу, чешую и шкуру ласкал прохладный ветерок. Гладкошкурые хуны прыгали за борт и плавали вдоль борта, потом взбирались на мачты и рангоут и там сушились

и прихорашивались.

Сара поблагодарила Прити, когда помощница принесла ей ужин в деревянной чашке, шимп в стороне занялась собственным ужином, чтобы выплевывать за борт пряную зелень: повара хуны любят остроту и придают ее каждому блюду. Речные существа, питающиеся отбросами, пускали пузыри; они были не так привередливы. Сара не возражала против острого вкуса, хотя большинство землян вырвало бы от многих дней корабельной пищи.

Когда позже Прити принесла два одеяла, Сара выбрала самое теплое, чтобы укрыть Незнакомца, который спал у главного трюма, забитого аккуратными ящиками с мусором. На лбу у раненого выступила испарина, которую Сара вытирала сухой тканью. Со вчера Незнакомец не проявлял признаков сознания, как тогда, когда яркий болид расколол небо.

Сара испытывала дурные предчувствия, отправляясь с раненым в торопливую напряженную поездку. Но в городе Тарек есть хорошая больница. И там она может приглядывать за ним, в то же время выполняя обязанности, которые ей поручили на поспешном лихорадочном собрании у Дерева Встреч.

Рядом черной башней возвышался Пзора, неподвижный, но внимательно следящий за состоянием пациента. Аптекарь время от времени выдыхал острые испарения: его специальное кольцо осуществляло химические реакции, которые были недоступны пониманию лучших ученых Джиджо и даже самих треки.

Завернувшись в другое одеяло, мягкое, сплетенное г'кеками, Сара повернулась и стала наблюдать за пассажирами.

Поблизости лежал Джома, молодой сын Хенрика, взрывника; он сильно возбудился, впервые в жизни покидая дом, и теперь негромко похрапывал. Ближе к мачте сидел Джоп, заросший щетиной представитель фермеров Доло; в полутьме он всматривался в кожаный экземпляр какого-то Свитка. Еще дальше у правого борта Улгор, лудильщица, та самка — ур, что выступала на деревенском собрании, сидела лицом к резчику квуэну, по имени Блейд-Лезвие, одному из многочисленных сыновей матриарха Лог Байтер. Блейд много лет жил среди образованных серых квуэнов в городе Тарек, так что выбор его в качестве представителя улья Доло казался вполне естественным.

Из обитой мхом сумки Улгор извлекла дро-

жащего симбионта — реука, того типа, что специально приспособлен к узкой голове ура. Дрожащие мембраны прикрыли три ее глаза, создавая Маску Откровения. Тем временем реук Блейда обернулся вокруг зрительной полоски, разделяющей его дынеобразный купол. Ноги квуэна втянулись, оставив снаружи только клешни.

Эта пара беседовала на упрощенном диалекте Галактического два, наиболее трудного для людей. Больше того, ветер уносил дрожащие тона свиста, оставляя только более низкие синкопированные щелчки. Может быть, поэтому оба путника не опасались, что их подслушают.

Но, как часто бывает, они недооценили остроту человеческого слуха.

Или они рассчитывают на то, что называется общепринятой вежливостью, иронично подумала Сара. В последнее время она привыкла подслушивать — привычка, совершенно не свойственная обычно застенчивой, стремящейся к одиночеству женщине. Причина — недавнее увлечение языками. Но на этот раз усталость победила любопытство.

Оставь их в покое. У тебя будет достаточно возможностей изучать диалекты в городе Тарек.

Сара перенесла одеяло в другое место, между двумя корзинами с печатями Нело. От них исходил домашний запах бумажной мельницы. После лихорадочной общей встречи у нее было совсем мало времени для отдыха. Через несколько мидуров после встречи городские старейшины прислали вестника, который разбудил Сару и передал поручение — отправиться в составе делегации вниз по реке в поисках информации и указаний. Она была избрана за свое близкое знакомство с Библосом, а также как представитель ремесленников Доло — точно так же как Джоп будет говорить от лица фермеров, а Блейд — от живущих выше по течению квуэнов. В делегацию включили также Улгор, Пзору и Фекуна, г'кека, писца-танцора. И поскольку каждый и так собирался по своим делам отправляться в город Тарек на борту *Хауф-вуа,* никто не смог отказаться. Вместе с капитаном корабля были представлены по одному все изгнанные расы Джиджо. Хорошее предзнаменование, надеялись старейшины.

Сара все еще удивлялась, думая о Джоме. Почему Хенрик отправил в путешествие, явно связанное с опасностями даже в спокойные времена, такого мальчика?

Он будет знать, что нужно делать, объяснил

неразговорчивый взрывник, оставляя сына под номинальным присмотром Сары. *Когда доберетесь до города Тарика.*

Если бы я могла то же самое сказать о себе, тревожилась Сара. Как ей ни хотелось отказаться от поручения, это было невозможно.

Прошел год со смерти Джошу, когда стыд и горе сделали тебя отшельницей. Да и кто вспомнит о том, что ты вела себя, как дура, из-за мужчины, который никогда не мог бы стать твоим? Теперь, когда знакомый нам мир подходит к концу, все это кажется таким мелким.

Одна в темноте Сара тревожилась.

Не грозит ли опасность Ларку и Дверу? Или что-то ужасное произошло на Собрании?

Она чувствовала тепло Прити, свернувшейся рядом под своим одеялом. Рулевой — хун напевал печальную мелодию со словами на языке, которого Сара не знала, она только ощущала непонятное спокойствие и одновременно ощущение грядущей беды.

Все образуется, словно говорил хун.

И наконец сон охватил уставшее тело Сары. Последней ее мыслью было:

Надеюсь… на… это…

Позже, посреди ночи, кошмар заставил ее рыв-

ком сесть, сжимая край одеяла. Глаза ее смотрели на мирную реку, освещенную двумя лунами, но сердце Сары бешено билось.

Огонь.

Лунный свет отражался в воде, но для нее он был огнем, пожирающим Библос, покрывая его пеплом половины миллиона сгоревших книг.

Незнакомец

Он без сознания и не в состоянии контролировать темные образы, которые прокатываются по замкнутой вселенной его разума.

Это очень тесная вселенная — узкая и ограниченная, но кишащая звездами и смятением. Туманностями и болью.

И водой. Всегда водой — от черных плотных ледяных полей до космических облаков. Таких разреженных, что вы можете даже не заметить, что они кишат существами размером с планету. Живые существа, медлительные и редкие, как пар плывут по морю почти вакуума.

Иногда он думает, что вода никогда не оставит его в покое. Не позволит ему просто умереть.

Он слышит ее и сейчас, настойчивую музыку воды, проникающую в его бред. На этот раз

музыка доносится к нему мягким плеском — дерево скользит по мягкой жидкости, словно корабль несет его из места, которое он не может вспомнить, в другое место, названия которого он никогда не узнает. Эта мелодия успокаивает, этот звук отличается от сосущего сжатия ужасного болота, где ему казалось, он вот-вот утонет…

…как он почти утонул когда-то давно, когда Старейшие заключили его, кричащего, в хрустальный шар, который заполнили жидкостью, растворяющей все, к чему прикоснется…

или как он однажды боролся за дыхание на зеленой -зеленой -зеленой планете, чей густой воздух не проникал в легкие, когда он, спотыкаясь, брел к страшной, сверкающей джофурской башне…

или когда эти тело и душа неслись, стиснутые, не способные даже вздохнуть, пока он преодолевал узкий проход, который, казалось, пронизывает его до самого позвоночника… и неожиданно выбрасывает в царство ослепительного света, расстилающееся вокруг и…

Сознание его отшатывается от этих неконтролируемых образов. В лихорадке он не понимает, какие из этих образов он на самом деле помнит, какие преувеличены, а какие его мозг просто

извлек из мерзкого вещества кошмаров…

…как инверсионный (вода!) след космического корабля в небе напомнил ему о доме…

…или зрелище существ, подобных ему (снова вода!), живущих в мире, в котором им явно не место…

В хаос лихорадочных галлюцинаций проникает еще одно впечатление. Каким-то образом он знает, что это не иллюзия, что это впечатление реально. Ощущение прикосновения, мягкое успокаивающее поглаживание лба. Сопровождаемое успокаивающим негромким голосом. Он не понимает слов, но приветствует это ощущение, даже зная, что его не может быть. Не здесь. Не сейчас.

Это прикосновение позволяет ему чувствовать себя не таким одиноким.

Постепенно оно даже разгоняет ужасные образы, воспоминания и кошмары, и он засыпает спокойно, без бреда.

V . КНИГА МОРЯ

Когда придет день суда, вас спросят о мертвых.
Какие живые виды, прекрасные и уникальные, больше не существуют, потому что вы, скваттеры, избрали для себя запретный мир?
А как насчет ваших собственных мертвецов? Ваших трупов, ваших покойников, ваших останков? Ваших инструментов и вещей? Как вы избавитесь от них?
Будьте праведны, сунеры Джиджо. Покажите, как вы старались. Сделайте последствия вашего преступления менее значительными. (Оскорбление жизни.)
Преступление – и соответственно наказание – может быть сделано более легким, если оно принесет меньше зла.

Свиток Совета

Рассказ Олвина

Поезд на гору Гуэнн поднимается по крутому

склону от порта Вуфон до мастерской кузнеца Уриэль. Рельсовая дорога маленькая, ее трудно разглядеть, даже если приглядываешься. И тем не менее мудрецы разрешили ее сооружение только потому, что необходимо перевозить вниз орудия, изготовленные Уриэль. К тому же она не использует искусственные источники энергии. Вода из горячего источника высоко в горах наполняет бак ожидающего вверху вагона. А бак нижнего вагона тем временем опустошается, так что вагон, даже с пассажирами, становится гораздо легче. Когда убирают тормоз, более тяжелый вагон устремляется вниз, таща за собой трос, который в свою очередь тащит нижний вагон *вверх.*

Звучит неуклюже, но на самом деле вагоны движутся очень быстро, и посредине можно даже испугаться, когда второй вагон словно устремляется на тебя по тем же самым деревянным рельсам. И вот в долю секунды он проносится мимо. Как это возбуждает!

Расстояние свыше сорока полетов стрелы, но когда вагон достигает нижней точки, вода в баке все еще почти кипит — именно поэтому местные жители устраивают стирку в день, когда Уриэль спускает свои изделия в порт.

Ур– Ронн говорит, что эту дорогу делает воз-

можным только одно -единственный уцелевший кусок буйурского троса. Настоящее сокровище, возместить которое невозможно.

Гора Гуэнн в тот день вела себя хорошо, в воздухе было мало пепла, и мне даже не понадобился плащ. Гек все равно надела очки на каждый из своих глазных стебельков, Клешне приходилось все чаще опрыскивать купол, по мере того как воздух становился разреженней и Вуфон превращался в игрушечную деревушку под покровом маскирующей зелени. Густые заросли растущих на низинах бу сменились рядами многоствольных деревьев горреби, затем пошли перистые кусты, которые по мере подъема встречались все реже. Это не та местность, к которой привыкли красные квуэны. Тем не менее новости Ур-Ронн очень возбудили Клешню.

— Вы видели? Иллюминатор готов! Последнее, что нам нужно было для лодки. Еще немного работы, и все будет готово-тово!

Гек презрительно фыркнула. Проделала она это отлично: это один из человеческих жестов, о которых мы не только читаем, но и видим. Так всегда поступает местный учитель господин Хайнц, когда ответ ему не нравится.

— Здорово, — заметила Гек. — Тот, кто будет

внутри, сразу увидит того, кто его съест. Я невольно рассмеялся.

— Хрррм. Значит, ты признаешь, что морские чудовища могут существовать?

Гек удивленно повернула ко мне три глазных стебелька. Не часто ее можно так поймать.

– Я признаю, что хочу, чтобы меня отделяло от того, что ютится внизу, в двадцати тысячах лиг под поверхностью моря, что-нибудь более прочное, чем урское стекло!

Признаюсь, ее отношение меня удивило. Такая горечь совсем не похожа на Гек. И я постарался ослабить напряжение.

— Послушайте, меня всегда интересовало. Кто-нибудь точно знает, сколько это — лига?

— Я однажды заглянула в словарь, но не поняла, что там написано.

Клешня пожаловался:

— Послушайте, вы двое, если вы опять собираетесь начать…

Я прервал его:

— Если кто-нибудь знает ответ, я хотел бы его получить.

— Хе! — Гек загремела своими спицами. — Для этого нужно понимать, что там говорится.

— Хрррм. Не знаю даже, что такое фарлонг.

— О-хо-хо-хо-хо! — жаловался Клешня всеми своими пятью ртами.

Так мы проводили время, поднимаясь в пустыню, лишенную жизни, и, полагаю, это показывает, что мой отец прав, когда называет нас подражателями людям хьюмикерами. Но Галдва и Галшесть не приспособлены для игры словами. На них всего не выразишь! Можно на Галсемь, но по той же причине это не так забавно.

По мере приближения к вершине горный склон становился все мрачней; здесь вулканические испарения окутывают широкие плечи горы Гуэнн, маскируя дым печей Уриэль. Древние вулканические выбросы кристаллизовались таким образом, что отбрасывают многоцветные радуги, меняющиеся по мере движения. Совсем недалеко отсюда подобные же кристаллы тянутся насколько хватает глаз по ядовитой равнине, известной под названием Спектральный поток.

В этот день мое воображение разыгралось не по-хунски. Я не мог забыть о могучей силе, кипящей и пузырящейся глубоко под нами. Нигде на Джиджо внутренности планеты не бушуют так сильно, как в том районе, который мы называем Склоном. Нам говорят, что именно поэтому все корабли изгнанников бросили свое семя в одной

и той же части планеты. И нигде на Склоне народ не живет в таком ежедневном контакте со сдерживаемыми силами, как в моем родном городе. Неудивительно, что мы никогда не приглашали семью взрывников, чтобы подготовить наш поселок к уничтожению. Думаю, все полагали, что на протяжении ближайших ста лет Вуфон и так будет благословен вулканом. В крайнем случае за тысячу лет. И это может произойти в любой день. Так зачем беспокоиться?

Нам говорят, что после этого не останется ни следа от наших домов. Но что касается меня, я думаю, Джиджо могла бы и подождать.

Мне десятки раз приходилось ездить в поезде, но я все равно испытываю потрясение, когда вагон поднимается на самый верх и неожиданно, словно ниоткуда, раскрывается просторная пещера, в которую устремляются рельсы. Может, все дело в наших постоянных разговорах о чудовищах, но и на этот раз мой сердечный выступ начал вращаться, когда мы двинулись к тому, что ужасно напоминало голодную *пасть* на склоне гневной и порывистой горы.

Темнота внутри оказалась горячей и сухой, как пыль. Когда вагон рывком остановился, нас встретила Ур-Ронн. Она казалась оживленной,

весело приплясывала на всех четырех копытах, придерживая короткими рабочими руками дверь, пока я помогал Гек выкатиться из вагона. На панцире Клешни сидела маленькая Хуфу, сверкая глазами, словно готовая ко всему.

Может, *нур* и был готов, но то, что сказала наша урская подруга, совершенно вывело из равновесия Гек, Клешню и меня. Ур-Ронн говорила на Галшесть, потому что на этом языке урам легче избежать акцента.

Всей глубиной своих сумок я рада, друзья, что вы пришли так быстро. Теперь быстрей к обсерватории Уриэль, где уже несколько дней она следит за странным объектом в небе!

Признаюсь, я был ошеломлен. Как и все остальные, я несколько дуров просто молча смотрел на Ур-Ронн. Ожили мы одновременно:

— Хрррм, неужели…

— Какого…

— Неужели ты хочешь сказать… Ур-Ронн топнула передней левой ногой.

— Да, хочу! Уриэль и Гибц клянутся, что несколько дней назад обнаружили один или несколько космических кораблей! Больше того, когда корабль видели в последний раз, он приближался и готовился к посадке!

VI . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Кажется ироничным, что большинство ночных созвездий Джиджо названы людьми, самой молодой расой изгнанников. Никто из предыдущих шести рас не додумался до того, чтобы давать группам ничем не связанных звезд забавные названия, ассоциируя их с реальными и вымышленными животными.

Этот своеобразный обычай совершенно очевидно восходит к уникальному прошлому человечества как расы-сироты, или так называемых самостоятельно эволюционировавших волчат, которая вырвалась в космос без руководства со стороны патронов. У всех остальных разумных рас был свой ментор: хунов растили гутатсы, г'кеков — друли, — расы гораздо более древние и мудрые, готовые учить и оказывать помощь младшим.

Но к людям это не относится.

И отсутствие учителей придало огромное своеобразие гомо сапиенс.

Во время долгого одинокого подъема чело-

вечества в многообразных земных культурах возникали самые причудливые обычаи. Такие необычные идеи никогда не пришли бы в голову расе, прошедшей Восхождение, с самого начала познакомившейся с законами природы. Причудливые представления вроде привычки связывать точки на небе с вымышленными созданиями.

Когда земляне впервые проделали это на Джиджо, группы, прибывшие раньше, отнеслись к этому с удивлением и даже подозрением. Но со временем этот обычай словно лишил звезды части связанного с ними ужаса. Г'кеки, хуны и уры сами начали создавать свои небесные мифы, а квуэны и треки с удовольствием слушали легенды, в которых принимают участие.

С самого установления мира ученые расходятся в своих оценках этой практики. Некоторые утверждают, что примитивность этого обычая подталкивает Шесть на путь, пройденный глейверами. И эти утверждения с удовлетворением встречаются теми, кто полагает, что мы как можно быстрее должны спуститься по тропе Избавления.

Другие считают, что человеческий обычай подобен книжной сокровищнице Библоса, уходу от достижения простой чистоты и ясности

мыслей, которые помогут нам, изгнанникам, достичь своей цели.

Наконец, есть и такие, которым подобная практика нравится просто потому, что она приятна и способствует развитию искусства.

Ку– Фухаф Туо. Культурные обычаи
Склона. Гильдия издателей
города Овума. 1922 год изгнания

Аскс

Кто бы мог подумать, что робот способен проявлять удивление? Но разве кто-нибудь из нас мигнул или дернулся в ответ на ложь Вуббена? Импровизированная выдумка, в силу неожиданно возникшей необходимости сочиненная Ур-Джа и Лестером, чьим остроумием и сообразительностью гордятся их теплокровные племена.

Первые свитки — всего лишь десять килослов, выгравированных на полимерных стержнях пионерами г'кеками, — предупреждают о нескольких возможных способах прихода судьбы с неба. Поселенцы глейверы, хуны и квуэны добавили новые свитки. Вначале их ревниво хранили, но потом, во время медленного формирования Общины, постепенно объединили. Наконец появились лю-

ди с их даром бумажных книг. Но даже Великая Печать не смогла покрыть все возможности.

Наиболее вероятной перспективой казалось то, что когда-нибудь нас отыщут великие галактические Институты, в чьи обязанности входит поддержание карантина. Или титанические крейсеры великих кланов патронов обнаружат наше нарушение закона, когда сверкающий глаз, Измунути, перестанет порождать ветер из маскирующих игол.

Наряду с другими возможностями мы думали и о том, что делать, если большой шар дышащих водородом зангов спустится к одному из наших городов, распространяя замораживающие пары в гневе от нашего преступления. Мы обсуждали эти и многие другие возможности, не правда ли, мои кольца?

Но такая возможность никогда не приходила нам в голову — прилет *бандитов.*

Мы рассуждали: даже если преступники прилетят на Джиджо, зачем им показываться нам на глаза? Перед ними богатства обширной планеты, и они даже не заметят хижины примитивных дикарей, далеко ушедших назад от славы своих предков, теснящихся в одном уголке просторной Джиджо.

Но они явились прямо среди нас со смелостью, которая приводит в ужас.

Посол-робот обдумывал сообщение в течение десяти дуров, затем ответил одним кратким вопросом:

Ваше присутствие на этой планете — (странная) случайность?

Помните ли вы, мои кольца, мгновенное волнение, охватившее наши связующие мембраны? Хозяева робота недоумевают! И вопреки всякому разуму или пропорциям силы, инициатива на время принадлежит нам.

В жесте вежливого равнодушия Вуббен скрестил два глазных стебелька.

В вашем вопросе подразумевается сомнение. Больше чем сомнение, в нем серьезные предположения о сути нашей природы.

Эти предположения, накладывают ли они на шеи наших предков кандалы подозрения?

Подозрения в отвратительном преступлении?

Как гибко отвлечение Вуббена. Как похоже на паутину мульк-паука. Он ничего не отрицает и не лжет откровенно. Он только подразумевает!

Просим прощения за (ненамеренное) оскорбление, торопливо проскрежетала машина. *Мы приняли вас за потомков изгнанников. Наверно,*

единый корабль ваших предков потерпел крушение. Пропал, выполняя благородное поручение. Мы в этом не сомневаемся.

Теперь лгали они, и мы в этом не сомневались

Двер

Покинув скалистый хребет Риммер, Двер повел Рети и остальных по мягко спускающемуся к морю району невысоких холмов, который и называется Склоном. Здесь живут Шесть рас.

Двер пытался разговорить свою загадочную пленницу, заставить ее говорить о себе. Но на свои первые усилия услышал односложные ответы. Очевидно, Рети была недовольна тем, что он многое смог узнать о ней по ее внешности, по одежде из звериных шкур, по речи и манерам…

Ну и чего же ты ожидала? Что перейдешь через горы, зайдешь в наш поселок и никто тебя ни о чем не спросит?

Один только ожог на щеке сразу привлечет к ней внимание. Не в том дело, что уродства не встречаются на Склоне. Несчастные случаи происходят часто, и даже самые современные мази треки — примитивное лекарственное средство по галактическим стандартам. И тем не менее,

куда бы ни пошла Рети, ее сразу замечали бы.

За едой она алчно поглядывала на предметы, которые он извлекал из мешка. Чашка и тарелка, алюминиевый котелок, изготовленный ударами молота, спальный мешок, подбитый мехом херчина, — все это вещи, которые слегка облегчают существование тех, чьи предки отказались от образа жизни звездных богов. Двер видел простую красоту тканой одежды, которую носит, своей обуви на подошве из древесной смолы, даже элегантной, состоящей из трех отдельных частей урской зажигалки — все это образцы примитивной культуры, такой же, какая была у его предков-волчат, которые одиноко жили на старой Земле. На Склоне большинство жителей воспринимает такие предметы как нечто само собой разумеющееся.

Но для клана сунеров — нелегальных скваттеров, ведущих трудную жизнь за границей, — эти предметы могут казаться сокровищами, обладание которыми стоит любого риска.

Двер думал, первый ли это случай. Может, Рети просто первой поймали. Некоторые случаи воровства, в которых винили нуров, на самом деле могут быть виной других грабителей, приходящих через горы из какого-то далекого

отшельничьего племени.

Таков был твой замысел? Перебраться через горы, украсть первую приглянувшуюся вещь и героем вернуться домой?

Почему-то ему казалось, что здесь нечто большее. Рети продолжала оглядываться по сторонам, как будто искала нечто определенное. Нечто такое, что для нее важно.

Двер следил, как Рети ведет глейвера, привязанного веревкой к ее поясу. Вызывающая походка девушки словно бросала вызов ему или кому угодно, кто попытается осудить ее. Среди ее грязных волос он с приступом тошноты заметил следы укусов сверлящих пчел, паразитов, которых легко вывести при помощи мази треки. Но там, откуда она пришла, треки не живут.

Это вызывало неприятные мысли. Что, если бы его собственные предки сделали такой же выбор, как предки Рети? Решили бы по какой-то причине бежать от Общины и скрываться где-то далеко? Сегодня, когда войны и беженцы от войн остались в прошлом, сунеры встречаются редко. Старый Фаллон в своих многолетних странствиях по половине континента нашел только одно небольшое племя, а для Двера эта встреча была первой.

Что бы ты делал, если бы тебя так вырастили, если бы тебе пришлось сражаться за жизнь как животному, и в то же время ты бы знал, что к западу от гор лежит богатая и процветающая земля?

Раньше Двер никогда так о Склоне не думал, В большинстве свитков и легенд подчеркивалось, как низко пали изгнанные расы и как далеко еще предстоит им пасть.

Этой ночью Двер снова воспользовался семенами тобара, чтобы привлечь часового тита. Не потому, что хотел рано встать: ему хотелось, чтобы во время сна слышался устойчивый ритмичный стук. Когда Грязнолапый взвизгнул, уловив волну запаха от расколотого семени, и прикрыл нос лапами, Рети негромко рассмеялась. Впервые она улыбнулась.

Двер настоял на том, чтобы осмотреть перед сном ее ноги, и она спокойно позволила ему обработать два свежих волдыря, на которых уже появились признаки инфекции.

— Когда доберемся до Собрания, тебя осмотрят целители, — сказал он ей. Оба промолчали, когда он оставил у себя ее мокасины, засунув их под свой спальный мешок.

Когда они лежали под звездным пологом, раз-

деленные углями костра, Двер уговорил девушку назвать несколько созвездий, и ее короткие ответы позволили ему устранить одну из возможностей — что высадилась какая-то новая группа изгнанников-людей, уничтожила свой корабль и ведет примитивное существование вдали от Склона. Рети не могла оценить, насколько важны эти небесные названия, но Двер ощутил новый укол тревоги. Легенды те же самые.

На рассвете Двер проснулся, ощутив что-то в воздухе — знакомый запах, почти приятный, но одновременно тревожный. Это ощущение Ларк как-то загадочно объяснил как “отрицательные ионы и водяные пары”. Двер разбудил Рети и торопливо отвел глейвера под навес скалы. Грязнолапый шел за ними, хромая как пораженный артритом г'кек, и всем своим видом выражая ненависть к раннему подъему. Они едва успели добраться до убежища, как ударила водяная буря — сплошная полоса дождя, передвигающаяся по горам слева направо. Вода лилась плотной завесой, прибивая к земле все, насквозь промочив лес. Рети широко раскрытыми глазами смотрела на движущийся мимо расцвеченный радугами водяной поток, затопивший их лагерь и сорвавший с деревьев половину листвы. Очевидно,

раньше она ничего подобного не видела.

Пошли дальше. Может, сказался ночной отдых или поразительное начало дня, но теперь Рети не казалась такой угрюмой, она готова была радоваться зрелищу луга жужжащих цветов — желтые трубки, отороченные черным пухом, раскачивались под ветром на конце длинных гибких стеблей и непрерывно гудели. Девушка была очарована древним танцем обмана и опыления. Эти виды не существуют по ту сторону в тени Риммера, где до самых Серых холмов тянется обширная равнина ядовитой травы.

Простой приход сюда через все это — уже подвиг, подумал Двер, гадая, как ей это удалось.

Горная крутизна сменилась пологими подножиями. Рети перестала скрывать свое любопытство. Начала показывать и спрашивать:

— Эти деревянные палки поддерживают твой мешок? А он от этого не становится тяжелее? Наверно, они полые. Потом:

— Ты ведь охотник? А где остальные? Или ты всегда охотишься в одиночку?

Последовал поток новых стремительных вопросов.

— Кто сделал твой лук? Насколько далеко ты мог бы попасть в предмет размером с мою ла-

донь?

Ты маленьким всегда жил на одном и том же месте? В… *доме?* У тебя всегда были вещи, которые ты хотел, или тебе приходилось их бросать, когда вы перемещались?

Если ты жил у реки, приходилось ли тебе видеть *хунов?* На что они похожи? Я слышала, они ростом с дерево, с носом длинным, как твоя рука.

А треки действительно очень хитры? Они сделаны из древесной смолы?

А нуры когда-нибудь застывают? Интересно, зачем Буйур сделал их такими?

Если не считать того, что она превратила название народа в собственное имя некоего Буйура, сам Двер не мог бы сформулировать вопрос удачней. Грязнолапый постоянно мешал, совался под ноги, гонялся за обитателями кустов, залегал в засаде где-нибудь вдоль тропы и визжал от восторга, если Двер не мог разглядеть его в листве.

Я бы легко от тебя отделался, если бы не приходилось тащить за собой глевейра и девчонку, думал Двер, глядя на улыбающегося нура. Тем не менее настроение его улучшалось. Их появление произведет впечатление на Собрание, у всех будет о чем поговорить.

Во время обеда Рети с помощью кухонного ножа

Двера разделала кустарниковую куропатку, которую он подстрелил. Двер едва успевал следить за ее стремительными движениями: пригодные к употреблению части летели в котелок, ядовитые железы — в яму для отходов. Девушка закончила, вытерла нож и картинно протянула ему.

— Оставь у себя, — сказал Двер, и она ответила нерешительной улыбкой.

Отныне он перестал быть ее тюремщиком и стал проводником, сопровождающим блудную дочь назад, в объятия клана и Общины. Так он по крайней мере думал, пока позже она не сказала:

— На самом деле я таких видела раньше.

— Что видела?

Она показала на глейвера, который терпеливо жевал жвачку в тени небольшого дерева бу.

— Ты решил, что я никогда таких не видела, потому что я боялась, что она укусит. Но я их видела — издалека. Целое стадо. Пугливые дьяволы, их трудно поймать. Парням целый день пришлось их выслеживать, чтобы прикончить копьями. Вкус ужасный, но мальчишкам нравится.

Двер с трудом глотнул.

– Ты хочешь сказать, что твое племя *охотится на глейверов и ест их?*

Рети посмотрела на него невинным, полным

любопытства взглядом карих глаз.

— А вы по эту сторону так не делаете? Неудивительно. Здесь полно более легкой добычи.

Он покачал головой, новость вызвала у него приступ тошноты.

Появилась насмешливая мысль: *Ты сам готов был застрелить этого глейвера, если бы он пересек границу.*

Да, но только как последнее средство. И я не стал бы его есть!

Двер знал, как его называют, — Лесной Дикарь, живущий вне закона. Он даже поддерживал эту загадку: так его неловкую речь не принимают за проявление застенчивости. На самом деле убийства — это часть его профессии, и он проделывал это искусно и как можно быстрее и никогда не наслаждался этим. Но узнать, что люди за хребтом едят *глейверов?* Мудрецы придут в ужас!

Догадавшись, что Рети из племени сунеров, Двер знал, что его долгом будет провести отряд милиции и выследить заблудший клан. В идеале это будет простое, но решительное вылавливание всех, с тем чтобы вернуть утраченных братьев в лоно Общины. Но сейчас Рети, сама не подозревая этого, обвинила свое племя в новом страшном преступлении. Свитки говорят об этом

совершенно ясно. *То, что редко, не следует есть. То, что ценно, следует защищать.* Но превыше всего — *никогда не пожирать тех, кто когда-то летал меж звезд.*

Во рту Двер ощущал горечь. После того как всех этих сунеров отведут на суд, он должен будет выследить всех глейверов, живущих к востоку от Риммера, а тех, что не сумеет поймать, убить.

Да, но я от этого не стану плохим… потому что не стану их есть.

Рети, должно быть, почувствовала его реакцию. Она повернулась и посмотрела на рощицу больших бу. Молодые побеги толщиной в ее талию. Трубчатые зеленые веера раскачиваются волнами, как мех на брюхе ленивого нура, который спит у ее ног.

— Меня повесят? — негромко спросила девушка. Рубец на щеке, который становился незаметным, когда она улыбалась, теперь отчетливо выделялся. — Старый Клин говорит, что вы, живущие на Склоне, вешаете сунеров, если ловите их.

— Вздор. Каждая раса занимается своими…

— Старики говорят, таков закон Склона. Убить всякого, кто пытается жить свободно к востоку от Риммера.

Двер неожиданно почувствовал раздражение. Запинаясь, он ответил:

— Если… если ты так думаешь, зачем пришла сюда? Чтобы… чтобы сунуть шею в петлю?

Рети поджала губы. Отвела взгляд и негромко сказала:

— Ты мне все равно не поверишь.

Двер уже пожалел о своей гневной вспышке. Более мягко он спросил:

— Почему бы тебе не попробовать? Может… я смогу понять лучше, чем ты думаешь.

Но она снова окружила себя завесой мрачного молчания, непроницаемого, как камень.

И пока Двер торопливо собирал кухонную утварь, Рети привязала к себе глейвера, хотя он сказал, что она может идти свободно. Свой нож он нашел возле углей, куда она, должно быть, положила его после этих резких слов.

Этот жест отвержения рассердил его, и он мрачно сказал:

— Пошли отсюда.

Аскс

Мы решили изобразить небольшое различие между двумя преступлениями. Немного менее

тяжелое преступление — не запланированная, а *случайная* колонизация.

Никто не может отрицать очевидное: наши предки незаконно оставили свое семя на невозделанной планете. Но искусная формулировка Вуббена вызывала представление о преступной неосторожности, а не о преднамеренном злодействе.

Конечно, ложь долго не продержится. Когда проведут археологические раскопки, судебные следователи из Институтов поймут наше происхождение от нескольких самостоятельных высадок, а не от одного смешанного экипажа, потерпевшего крушение и заброшенного на эту планету. Больше того, среди нас есть молодая раса — люди. Судя по их собственным необычным рассказам, они *волчата,* которые стали известны галактической культуре только триста лет Джиджо назад.

Тогда зачем пытаться блефовать?

Отчаяние. Плюс хрупкая надежда на то, что у наших “гостей” нет специалистов и инструментов для археологических исследований. Должно быть, они просто нацелились на быстрый поиск скрытых сокровищ. А потом захотят побыстрее тайно скрыться с трюмом, полным контрабанды.

Для этих наемников наша заброшенная жалкая колония представляет одновременно возможность и угрозу.

Они понимают, что мы обладаем знаниями Джиджо, которые для них имеют первостепенное значение.

Увы, мои кольца. Не являемся ли мы также потенциальными свидетелями их злодейства?

Сара

Никто не ожидал засады.

Место для засады было превосходное. Тем не менее на борту *Хауф-вуа* никому не пришла в голову мысль об опасности.

Столетие мира стерло некогда тщательно охраняемые границы каждой расы. Поселенцы уры и г'кеки встречались редко, потому что первые не могли растить потомство вдали от воды, а последние предпочитали ровную местность. Тем не менее, когда подходил *Хауф-вуа*, на маленькой пристани в нетерпеливом ожидании новостей собрались представители всех шести рас.

Увы, с тех пор как огненный призрак пересек небо, с низовий реки не было никаких известий.

В большинстве своем жители реки действова-

ли конструктивно: укрепляли маскировочные экраны, очищали коптильни, укрывали лодки, но одно небольшое племя болотных треки зашло гораздо дальше. В приступе страха и преданности свиткам эти треки сожгли свой поселок на сваях. Верхний узел Пзоры дрожал, ощущая горестный запах пепла нижних колец. Капитан *Хауф-вуа* обещал рассказать об их несчастье. Может быть, другие треки пришлют новые базовые сегменты, чтобы пострадавшие смогли их использовать и лучше подготовиться к переселению на сушу. В худшем случае болотные треки могут собрать гниющую материю, поселиться на ней и прекратить свои высшие функции, пока мир не станет менее страшным местом.

То же самое нельзя было сказать о торговом караване уров, который они миновали позже, когда впавшие в панику жители деревни Бинг сожгли свой драгоценный мост, караван вместе с вьючными животными застрял на западном берегу.

Экипаж корабля хунов лихорадочно греб против течения, чтобы не застрять среди разбитых бревен и обрывков мульк-кабеля, жалких остатков прекрасного сооружения, которое служило главной транспортной артерией этого района. Чудо искусной маскировки, мост сам по себе

напоминал груду поломанных бревен. Но, очевидно, местным ортодоксальным поклонникам свитков этого показалось недостаточно. *Может, они его жгли, когда мне прошлой ночью снился кошмар,* думала Сара, глядя на обгоревшие бревна и вспоминая языки пламени в своем сне.

На восточном берегу собралась толпа, жестами подзывая *Хауф-вуа.*

Первым заговорил Блейд.

— Я не стал бы подходить, — просвистел синий квуэн из ножных щелей. Он вглядывался в собравшихся на берегу, и на его зрительном кольце был надет реук.

— А почему бы нет? — спросил Джоп. — Видите? Они указывают на проход между обломками. Может, у них есть новости.

Действительно, у берега как будто есть канал, не загроможденный остатками моста.

— Не знаю, — продолжал Блейд. — Но я чувствую… что что-то не так.

— Ты прав, — согласилась Улгор. — Хотела вы я знать, почему они ничего не сделали для застрявшего каравана. У жителей деревни должны быть лодки. Уров уже можно выло вы перевезти.

Сара сомневалась в этом. Вряд ли урам понравилось бы пребывание в утлой лодочке, когда на

расстоянии руки плещется ледяная вода.

— Уры могли отказаться, — предположила она. — Может, у них еще не такое отчаянное положение.

Капитан принял решение, и *Хауф-вуа* повернул к деревне. Приблизившись, Сара увидела, что нетронутым оставалась только маскировка деревни. Все остальное лежало в руинах. *Вероятно, они отослали семьи в лес,* подумала она. Люди могут жить на деревьях тару, а квуэны отправились к своим сородичам выше по течению. Тем не менее разрушенная деревня представляла собой угнетающее зрелище.

Сара думала, насколько хуже обстояли бы дела, если бы победило мнение Джопа. Если бы взорвали дамбу Доло, все пристани, запруды и дома на берегу были бы теперь сметены. Пострадала бы и местная фауна, хотя, может, не больше, чем при естественном наводнении. *Ларк говорит, что важны виды, а не индивиды. Уничтожение наших маленьких деревянных сооружений не угрожает никаким эконишам. Джиджо не пострадает.*

Тем не менее это уничтожение и сожжение кажется сомнительным. И все только для того, чтобы убедить каких-то галактических шишек, что мы дальше зашли по тропе Избавления, чем

на самом деле.

Подошел Блейд, от его синего панциря словно шел пар, это испарения щелей в панцире — явный признак тревоги. Он ритмично качался на своих пяти хитиновых ногах.

— Сара, у тебя есть реук? Надень и проверь, не ошибаюсь ли я.

— Прости. Я отдала свой. Все эти цвета и сильные эмоции мешают овладевать языками. — Она не добавила, что ей стало больно носить реук, после того как она допустила ошибку — явилась с ним на похороны Джошу. — А что? — спросила она. — Что тебя тревожит?

Купол Блейда задрожал, дернулся обернутый вокруг него реук.

— Те, что на берегу… они кажутся… каким-то странными.

Сара всмотрелась в утреннюю дымку. Жители деревни Бинг преимущественно люди, но видны также хуны, треки и квуэны. *Подобное привлекает подобное,* подумала она. Фанатизм стирает расовые различия.

Как и ересь. Сара вспомнила, что ее брат входит в движение, не менее радикальное, чем то, представители которого сожгли мост.

Из–под укрытия за деревьями вылетело

несколько лодок, стремясь перехватить корабль.

— Они хотят провести нас по проходу? — спросил молодой Джома.

Он получил ответ, когда первый крюк со свистом опустился на палубу *Хауф-вуа.*

За первым последовали другие.

— Мы не причиним вам вреда! — крикнул человек с мускулистыми толстыми руками с ближайшей лодки. — Выходите на берег, и мы о вас позаботимся. Нам нужен только ваш корабль.

Не следовало так говорить с гордым экипажем речных бродяг. Все хуны, кроме рулевого, бросились вытаскивать крючки и швырять их за борт. Но каждый убранный заменялся несколькими новыми.

Туг Джома показал вниз по течению.

— Смотрите!

Если раньше кто-нибудь сомневался в том, какую участь уготовили жители Бинга *Хауф-вуа,* то при виде обгоревших остовов, почерневших ребер, устремленных вверх, как огромные полусгоревшие скелеты, все сомнения исчезли. Экипаж испустил полный отчаяния крик, который дрожью пробежал по позвоночнику Сары и заставил всех нуров яростно залаять.

Хуны удвоили усилия, яростно вырывая крю-

чья.

Первым инстинктивным порывом Сары было защитить Незнакомца. Но раненый казался в безопасности, он по-прежнему без сознания лежал за прикрывающим корпусом Пзоры.

— Пошли, — сказала она Блейду. — Нужно помочь.

До наступления Великого мира пираты часто так нападали на корабли. Возможно, в злые старые дни предки нынешних нападающих пользовались этим способом. Крюки, сделанные из заостренного металла буйуров, впивались глубоко, когда натягивались канаты. Сара в отчаянии поняла, что эти канаты сделаны из мульк-ткани, обработанной треки таким образом, что их почти невозможно разрубить. Хуже того, канаты уходили не просто к лодкам, но еще дальше, на берег, где местные жители тащили их с помощью блоков. Силы хунов и могучих клешней Блейда едва хватало, чтобы вытащить крюк. Тем не менее Сара пыталась помочь, и даже пассажиры г'кеки наблюдали своим острым зрением и выкрикивали предупреждения, когда приближалась очередная лодка. Только Джоп стоял, прислонившись к мачте, и с интересом наблюдал за происходящим. Сара не сомневалась, на чьей

стороне фермер.

Берег приближался. Если бы удалось вывести *Хауф-вуа* на середину реки, его подхватило бы течение. Но даже его силы может не хватить, чтобы порвать крепкие канаты. А когда киль коснется дна, это будет означать конец.

В отчаянии экипаж применил новую тактику. Взяв топоры, моряки рубили доски и борта, куда впивался крюк, бросая за борт целые куски дерева, разрушая собственный корабль с яростью, которая казалась невообразимой, учитывая обычное спокойствие и выдержанность хунов.

Но вдруг палуба под ногами Сары дрогнула, качнулась, корабль накренился и повернулся, словно вокруг оси.

— Они зацепили руль! — крикнул кто-то. Сара заглянула за корму и увидела, что из большого бруса, которым рулевой направляет корабль, торчит массивное острие. Руль невозможно вытащить на борт или обрубить: при этом *Хауф-вуа* станет беспомощен и неуправляем.

Прити оскалила зубы и закричала. Хотя маленькая самка шимп дрожала от страха, она принялась карабкаться через борт. Сара решительно остановила ее.

— Это мое дело, — кратко сказала она и без

дальнейших разговоров сбросила платье и набедренную повязку. Моряк протянул ей топор с прочной петлей, продетой в рукоять.

Неужели никто не захочет отговорить меня? сардонически подумала она, зная, что никто этого не сделает.

Некоторые вещи кажутся очевидными.

Топор висел на одном плече. Неприятно было чувствовать его прикосновение к левой груди, хотя острое лезвие было закрыто кожаным чехлом.

Одежда мешала бы. В особенности Саре нужны были пальцы ног, чтобы опираться на выступы в корме *Хауф-воа.* Помогало то, что при строительстве корабля доски перекрывали друг друга. Тем не менее Сара дрожала — от утреннего холода и просто от ужаса. Потные ладони делали задачу вдвойне труднее, и даже во рту было сухо, как от дыхания ура.

Я годами никуда не карабкалась.

Не человеческим расам может показаться, что для карабкающихся на деревья землян это очень легко. Вроде распространенного представления, будто каждый ур — призовой бегун, а любой треки способен смешивать хороший мартини. На самом деле логичней всего было выполнять эту работу Джопу, но капитан ему не доверяет — и

не без причин.

Под одобрительные крики экипажа Сара спустилась по корме к рулю. А с лодок и с берега доносились презрительные вопли. *Замечательно. Такого внимания у меня никогда в жизни не было, а я совершенно голая.*

Мульк-трос стонал от напряжения: это жители деревни с помощью блоков пытались подтащить корабль ближе к берегу, где собралось с факелами несколько серых квуэнов. Они казались такими близкими, что Саре почудилось, будто она ощущает жар их огня. Наконец она добралась до места, где могла упираться обеими ногами и пустить в ход руки. Пришлось расставить ноги, забыв всякие представления о личной скромности. Сара зубами стащила чехол с топора, и во рту от красноватого металла появился электрический привкус. Она содрогнулась, потом напряглась, едва не выпустив топор. Волна, поднятая кораблем, казалась маслянистой и ужасно холодной.

Крики усилились, когда она принялась вырубать крюк из руля, проделывая вокруг него разрез в форме полумесяца Вскоре верхнюю часть она закончила и наклонилась, чтобы приняться за более трудную нижнюю, но тут что-то ударилось о ее левую руку, вызвав волну боли. У запястья

из руки торчала деревянная щепка, из-под нее шла кровь.

Поблизости в дерево наполовину погрузился снаряд из пращи.

Еще один такой снаряд ударился о руль, рикошетом отскочил к корме и упал в воду.

Кто– то *стреляет* в нее!

Вы, паразиты, слабоумные, регрессировавшие…

Сара, обнаруживая неведомую ей самой способность к ругательствам, произносила проклятия на пяти языках, продолжая яростно вырубать крюк. Теперь о корпус стучал непрерывный град снарядов, но она в приступе гнева и ярости не обращала ни них внимания.

Остзхарсия, перкией! Сиукаи дриисуна!

Она истощила запас неприличных выражений россика и собиралась перейти на Галдва, когда руль неожиданно с громким скрипом подался. Канат задрожал, натянулся… и изрубленная древесина не выдержала.

Крюк, высвободившись, потянул за собой топор, сверкнувший в солнечных лучах. Потеряв равновесие, Сара пыталась удержаться, хотя руки ее скользили от пота и крови. Она ахнула, упала в воду, река ударила ее, словно ледяным молотом, заставив выпустить последний воздух

из натруженных легких.

Сара билась, вначале стараясь подняться на поверхность, потом сделать несколько глубоких вдохов и наконец не запутаться в веревках, лежавших на воде. Блестящий крюк пугающе близко пролетел мимо ее лица. Потом ей пришлось нырнуть, чтобы уйти от путаницы веревок, которые могли бы захватить ее.

Теперь *Хауф-вуа* воспользовался возможностью уйти, и поднятая кораблем волна добавила Саре неприятностей.

К тому времени, как она снова поднялась на поверхность, грудь у нее болела. Вынырнув, она лицом к лицу столкнулась с долговязым молодым парнем, который перегибался через борт лодки, сжимая в одной руке пращу. Когда их взгляды встретились, он удивленно откинулся назад. Потом опустил взгляд, видя ее наготу.

Он *покраснел.* Торопливо отложив оружие, принялся снимать куртку. Несомненно, чтобы отдать ей.

— Спасибо… с трудом произнесла Сара. — Но мне… пора идти.

Последнее, что она видела, поворачивая, было выражение крайнего разочарования на лице молодого жителя деревни. *Все произошло слишком*

быстро, чтобы он стал зачерствевшим пиратом, подумала Сара. *Этот новый жестокий мир еще не унес следов вежливости и галантности.*

Но если дать ему время…

Теперь ее поддерживало течение, и вскоре Сара увидела корму *Хауф-вуа.* Оказавшись на безопасном удалении от деревни Бинг, экипаж развернул корабль и греб, удерживая его на месте. Но все равно было очень трудно преодолеть оставшееся расстояние и дотянуться до веревочной лестницы. Сара проплыла половину расстояния, когда ее мышцы свело судорогой, и морякам пришлось втаскивать ее на руках.

Если я собираюсь участвовать в приключениях, нужно стать сильнее, подумала она, когда кто-то набрасывал на нее одеяло.

И все же, когда Пзора обрабатывал ее раны, а повар готовил свой особый чай, Сара чувствовала себя удивительно хорошо. Голова болела, все тело ныло, но одновременно она чувствовала что-то похожее на тепло.

Я принимала решения, и они были верными. Год назад казалось, что любой мой выбор неверен. Может, действительно положение изменилось.

Закутавшись в одеяло, Сара смотрела, как *Хауф-вуа* с трудом идет против течения вдоль *за-*

падного берега к тому месту, где они смогут взять на борт застрявший караван и отвезти уров и их вьючных животных туда, где местные фанатики не смогут причинить им вред. Покойная совместная работа пассажиров и экипажа подбадривала, внушала надежду и в “больших проблемах”, как короткая схватка изменила что-то в ней.

Я верю в себя, думала Сара. *Мне казалось, что я с таким не справлюсь. Но, может, в конце концов, отец прав.*

Я слишком много времени провела в этом проклятом древесном доме.

Аскс

Вскоре после речи Вуббена портал вновь открылся и из корабля появилось еще несколько плывущих в воздухе машин. Все они смущенно рокотали. Каждая из них задерживалась перед линией зрителей, стоявших на краю долины. Несколько дуров народ Общины удерживал позицию, хотя ноги, колеса и кольца у всех дрожали. Затем роботы повернули и разлетелись во все стороны света, оставляя за собой полосы примятой травы.

Исследовательские зонды, они выполняют

свои задания, объяснил первый посланник на жужжащей и щелкающей формальной версии Галактического два.

(Предварительный) анализ, его предоставят эти суррогаты.

Тем временем вернемся к вопросу о взаимовыгоде и спасении — продолжим обсуждение лицом к лицу.

Все зашевелились. Правильно ли мы поняли? За время регресса наши диалекты могли измениться. Означает ли выражение “лицом к лицу” то, что означает?

В нижней части корабля снова начал открываться люк.

– Дурные новости, — ворчливо заметил Лестер Кембел. — Если они дают нам возможность увидеть себя, значит…

— …не тревожатся, что после их отлета останутся свидетели, — закончила Ум-Острый-Как-Нож.

Наш брат хун Фвхун-дау согласился с мрачным предположением. Его престарелый горловой мешок обвис от тревожных мыслей.

— Их уверенность вульгарна и криклива. *Хрррхрм.* Как и их поспешность.

Вуббен повернул глазной стебелек к моему/нашему сенсорному кольцу и подмигнул веками

— чисто человеческий жест, эффективно выражающий иронию. Среди всех Шести мы, треки и г'кеки чувствуем себя калеками на этой тяжелой планете, в то время как хуны движутся с грациозной силой. Но эти суровые светлокожие гиганты клянутся, что мы кажемся им неистовыми и дикими.

Что– то -вернее, два чего-то — показались внутри темного люка. Вперед вышли две двуногие фигуры — ходячие — стройные, с прочно закрепленными конечностями, высокие. Одеты в просторные одеяния, которые скрывают все, кроме обнаженных рук и голов. Они выступили в полуденный свет и уставились на нас.

Собравшиеся испустили единый вздох, полный удивления и узнавания.

Обнадеживающий ли это знак? Какая невероятная случайность, что из мириадов космических рас, населяющих Пять Галактик, посетителями оказались наши братья? Чтобы у экипажа корабля было то же происхождение, что у одной из Шести рас? Работа ли это капризной богини, которая любит все аномальное и необычное?

— Лю-у-у-уди-и-и, — протянула Ур-Джа, наш старейший мудрец на англике, родном языке этой младшей расы.

Лестер Кембел издал звук, который я никогда не слышал раньше и который мои/наши кольца не смогли расшифровать. Только позже мы поняли и узнали его смысл.

Это было отчаяние.

Двер

Рети шла в цепочке первой, поднимаясь по крутой скалистой тропе. Здесь почва не позволяет укорениться большим бу. Наклонный гранитный уступ разделял две рощи тростникового леса. Двер знал, что этот лес тянется в обоих направлениях на сотни полетов стрелы. И хотя тропа проходит по самому верху хребта, бу по обеим сторонам такие гигантские, что за раскачивающимся океаном зелени видны только самые высокие горные вершины.

Девушка продолжала смотреть направо и налево, словно искала что-то. Как будто ждет чего-то и не хочет пройти мимо по ошибке. Но когда Двер попытался ее расспросить, она ничего не ответила.

Тебе придется за ней последить, думал Двер. *Ее всю жизнь обижали, и теперь она пуглива как заяц.*

Люди не его специальность, но опытный житель леса пользуется эмпатией, чтобы понять простые потребности и свирепые мысли диких зверей.

Постепенно разделяющий хребет сузился, и вскоре тропа превратилась в проход между тесными рядами огромных взрослых бу. Каждый стебель был в несколько человек объемом и в высоту достигал двадцати метров. Гигантские зеленые тростники росли так близко друг к другу, что даже Грязнолапому трудно было бы углубиться в чащу, протискиваясь между могучими колоннами. Полоска неба над головой постепенно сужалась и наконец превратилась в голубую ленту. В некоторых местах Двер, расставив руки, мог одновременно коснуться мощных цилиндров по обе стороны.

Теснота отражалась на восприятии перспективы. Двер представлял себе две обширные стены, готовые в любое мгновение сомкнуться, раздавив путников, как молот размельчает ткань в мастерской Нело.

Странно. Два дня назад, когда он шел по этой же тропе *вверх,* она не была такой страшной. Тогда узкий проход казался просторной улицей, ведущей прямо к добыче. Теперь это тесная труба,

яма. Двер чувствовал, как все сильнее сжимается грудь. *А что, если что-то произойдет впереди? Оползень преградит дорогу. Или пожар? Какая получится ловушка!*

Он подозрительно принюхался, но уловил только смолистый запах зелени, издаваемый бу. Конечно, по ветру может происходить что угодно, и он не будет об этом знать, пока…

Перестань! Немедленно прекрати! Что с тобой происходит?

Это она, понял Двер. *Ты расстроен, потому что она считает тебя негодяем.*

Двер покачал головой.

Но разве это не так? Ты позволил Рети думать, что ее повесят, когда очень легко было бы сказать…

Что сказать? Солгать? Не могу пообещать, что этого не случится. Закон суров. Но он таким и должен быть. Мудрецы могут проявить милосердие. Это разрешено. Но кто я такой, чтобы обещать от их имени?

Он вспомнил рассказ своего прежнего учителя о том, как была открыта большая группа сунеров. Произошло это давно, когда Фелон сам был учеником. Нарушителей обнаружили на отдаленном архипелаге, далеко на севере. Одна из моряков

— хунов — ее обязанностью было патрулировать моря, как охотники люди охраняют леса, а жители равнин уры — свои степи, — наткнулась на племя своих родичей, живущее среди ледяных потоков. Эти хуны отыскивали пещеры впавших в спячку руолов и убивали откормленных животных во сне. Каждое лето преступное племя выходило на берег и разжигало в тундре костры. Стада длинношерстных длинноногих галлейтеров впадали в панику и сотнями бросались с обрывов, чтобы хуны могли подобрать мясо нескольких из них.

Гахен, моряк, заметила дым от одного такого массового убийства и принялась наказывать преступников в манере своего народа. Непостижимо терпеливая, настойчивая и мягкая — эта манера вызывала у Двера ночные кошмары, когда он об этом вспоминал, — она потратила целый год на то, чтобы по одному переловить всех членов племени, отнимая драгоценную кость жизни, пока не остался один престарелый хун. Его она поймала и привезла домой, чтобы он дал показания. И везла его в лодке, нагруженной доверху позвоночниками его соплеменников. После того как преступник — сунер дал показания — этот печальный рассказ длился четырнадцать дней,

хуны сами казнили его, искупая свою вину. А все конфискованные позвоночники размололи в порошок и разбросали по пустыне, далеко от воды.

И воспоминания об этом рассказе наполняли сердце Двера тяжестью и тревогой.

Прошу, избавь меня от того, чтобы меня просили сделать то же, что Гахен. Я не смогу. Даже если прикажут все мудрецы. Даже если Ларк скажет, что от этой единственной жизни зависит судьба всего Джиджо. Должен быть иной, лучший путь.

В том месте, где тропа, казалось, окончательно сужается, позволяя сойтись стволам бу, неожиданно обнаружилась поляна. Чашеобразное углубление, почти в тысячу метров в диаметре, с поросшим водорослями озером в центре и с узким выходом по другую сторону. По внешнему краю кратера шла полоса гигантских бу, стены тихой горной долины покрывали огромные камни, между которыми росла чахлая зелень. По краю озера шла полоска более густой растительности, на удалении казавшаяся пышным мхом, из которого тянулись бесчисленные переплетенные щупальца. На самом деле это были стволы. Даже с того места, где стоял Двер, видны были полупогрузившиеся в пыль обломки толщиной в ногу.

Мирной тишине противоречило странное ощущение *безжизненности.* Пыль не потревожена следами копыт, видно только действие дождя и ветра. По предыдущим посещениям Двер знал, что благоразумные животные избегают это место. И все же после удушающей тесноты туннеля-тропы было приятно снова увидеть небо. Двер никогда не разделял владевший всеми обитателями планеты страх перед открытым небом, даже если это означало короткий путь под палящим солнцем.

Когда проходили между первых камней, глейвер жалобно завизжал и старался идти ближе к Рети, чтобы держаться в ее тени. Глаза девушки сузились. Она словно не заметила, что тропа поворачивает, и двигалась дальше в прежнем направлении к озеру.

Двер догнал ее в несколько шагов.

— Не сюда, — сказал он, качая головой.

— Почему? Мы ведь идем туда, верно? — Она указала на единственный проход в противоположной стене кратера, где узкий пенный поток выливался из долины. — Ближе пройти берегом озера. Да и легче, кажется, кроме участка у самого берега.

Двер показал на остатки серых нитей, окуты-

вавших ближайшие камни.

— Это… — начал он.

— Я знаю, что это такое. — Она сделала гримасу. — Буйуры жили не только на Склоне, даже если вы, западные, считаете это место самым пригодным для жизни. У нас, за хребтом, тоже есть мульк-пауки в старых буйурских развалинах. Да и чего ты боишься? Ведь не думаешь, что этот жив? — Она пнула одну высохшую нить, и та рассыпалась в пыль.

Двер с трудом сдержался. *Это говорят ее шрамы. Должно быть, с ней ужасно обращались.* Сделав глубокий вдох, он спокойно ответил:

— Я не *думаю,* что он жив. Я это знаю. Больше того — этот паук сумасшедший.

Первая реакция Рети — удивленно поднятые брови. Она повернулась и в деланном ужасе спросила:

– Правда?

Потом засмеялась, и Двер понял, что она над ним издевается.

— А что он делает? Выставляет липкие приманки, полные ягодного сахара и сладкого тара, чтобы поймать плохих девочек?

Растерявшись, Двер наконец ответил:

— Я мог бы догадаться, что ты скажешь что-

нибудь такое. Теперь в глазах Рети появилось искреннее удивление.

— Я должна его увидеть!

Она неожиданно резко дернула веревку у себя на поясе. Узел, казавшийся таким тугим, распустился, и девушка метнулась в сторону, между несколькими замшевшими камнями. Нур с возбужденным лаем последовал за ней.

– Подожди! — тщетно кричал ей вслед Двер, зная, что гнаться за ней в этом каменном лабиринте бесполезно. Вскарабкавшись на ближайший крутой каменистый склон, он разглядел ее лохматую голову. Девушка бежала к нагромождению камней у самого озера.

— Рети! — крикнул он. — Не трогай…

И смолк, чтобы не тратить силы. Тот самый ветер, который приносит запах озера, уносит его слова, так что они до нее не доходят. Двер снова спустился на тропу и увидел, что даже *глейвер* исчез. Проклятие!

Глейвера он отыскал в полуполете стрелы на обратном пути. Самка повиновалась инстинкту, который заставляет глейверов упрямо идти на восток, подальше от защиты и удобств, часто навстречу верной смерти. Ворча про себя, Двер схватил веревку и принялся оглядываться в по-

исках чего-нибудь, чего угодно, чтобы привязать ее, но ближайшие узловатые бу слишком далеко. Сняв мешок, он достал оттуда другую веревку, перевернул самку, не обращая внимания на ее протесты, и связал задние ноги, до которых она не может добраться зубами.

Боль, раздражение — и то и другое скучно.

– Прости, скоро вернусь, — оптимистично ответил он и направился за девушкой сунером.

Держись выше и по ветру, думал Двер, сворачивая в ту сторону, где в последний раз ее видел. *Может, просто хитрость. Она обогнет озеро и направится домой.*

Немного погодя он заметил, что машинально достал лук, настроил его на короткое расстояние и открыл крышку колчана на бедре, полного коротких стрел.

Что хорошего дадут стрелы, если она рассердит паука?

Или еще хуже: если он заинтересуется ею?

У краев долины камни сохраняли еще признаки своей древней роли, это были части гордого сооружения буйуров, некогда стоявшего на берегу озера, но по мере приближения к самому озеру всякое сходство с каменной кладкой исчезло. Камни покрывали клубки нитей. Большинство

нитей казались мертвыми — серыми, высохшими, распадающимися. Однако вскоре зрение уловило зеленоватую полоску… и чуть подальше. Из щупалец на каменную поверхность стекала липкая слизь, помогая природе стереть все следы прежней искусственной гладкости.

Наконец, чувствуя, как по спине пробежал холодок, Двер уловил *движение.* Свернувшиеся нити просыпались, чем-то обеспокоенные.

Рети.

Он пробирался через все более запутанный лабиринт, перепрыгивая через одни веревочные преграды, проползая под другими, а потом с ругательством проползая вторично, когда достигал тупика. Нигде развалины буйуров не были такими обширными, как на северо-восток от Доло, где каждый местный житель занимался сбором сверкающих предметов, которые упустили пауки-разрушители. Двер часто ходил туда с Ларком или Сарой. Тот паук был более живым и активным, чем это причудливое древнее создание, но гораздо менее опасным.

Чаща светлых нитей вскоре стала такой густой, что взрослому было не пройти, хотя девушка и нур, должно быть, проскользнули. Двер раздраженно повернулся и ударил кулаком по камню.

— Клянусь Ифни! — Он помахал от боли рукой. — Из всех проклятых мошенников…

Повесив лук через плечо и освободив обе руки, он начал карабкаться по неровной поверхности камня втрое выше его. Если бы у него было время выработать лучший маршрут, он не стал бы этого делать, но бьющееся сердце заставляло Двера торопиться.

По его волосам и спине спускались мини-лавины раскрошившегося камня, распространяя запах разложившегося времени. Сухие хрупкие нити предлагали обманчивую опору, но он старался не обращать на них внимание. Камень прочнее, хотя и он не всегда так надежен, как выглядит.

Пальцами левой руки нащупывая следующую опору, он почувствовал, как камень под ногами начинает крошиться, и был вынужден довериться одной из ближайших нитей мульк-паутины.

Нить заскрипела и почти сразу оборвалась. Двер повис, держась только кончиками пальцев. Он ударился о камень, и весь воздух вырвался у него из легких.

За несколько мгновений до того, как разжать пальцы и упасть, он нащупал бьющимися ногами другую нить, тоньше первой. Но другого выхода не было. Оттолкнувшись от этой нити, Двер прыг-

нул влево и правой ногой приземлился на узком карнизе. Провел руками по почти гладкой каменной поверхности — и наконец нашел опору. Мигая, чтобы убрать с глаз пыль, он глубоко дышал, пока не почувствовал себя в безопасности.

Последние несколько метров были не такими крутыми; с тех пор как камень притащили сюда, а слабеющие нити его остановили, каменную поверхность изрыли бесчисленные бури. Наконец Двер смог встать на колени и посмотреть вперед на ближайший берег.

То, что издали казалось ровной оградой, окружающей озеро по периметру, вблизи превратилось в путаницу нитей — высотой от одного до нескольких человеческих ростов. У воды серый цвет уступал место зеленому, желтому и даже кроваво-красному. В путанице Двер уловил и другие цвета, сверкающие в лучах солнца.

За этим колючим барьером пенный пруд казался геометрически правильным, но подвижным и каким-то сморщенным. Некоторые его участки, казалось, пульсируют, подчиняясь загадочному ритму — или сдерживаемому гневу.

Один-в-своем-роде, подумал он, не желая вспоминать это имя, но не в силах сопротивляться. Он оторвал взгляд, принялся осматриваться в поис-

ках Рети. *Не причиняй ей вреда, Один-в-своем-роде. Она всего лишь ребенок.*

Он не хотел общаться с мульк-пауком. Надеялся, что тот спит, словно это озеро — просто безвредное углубление в заснеженном зимнем ландшафте. Или он наконец умер. Паук, безусловно, давно должен был умереть. Казалось, его привязывает к жизни только ужасное *хобби.*

Двер вздрогнул, когда в основании черепа возникло щекочущее ощущение.

/Охотник. Такой же искатель. Одинокий. Как мило с твоей стороны, что ты приветствуешь меня. Я чувствовал, как ты проходил мимо несколько дней назад, торопился, преследуя кого-то. Почему ты тогда не задержался, чтобы поздороваться?/

/Нашел ли ты то, что искал?/

/Это ее ты называешь ребенком?/

/Она чем-то отличается от других людей?/

/Она в каком-то отношении особенная?/

Вглядываясь в поисках следов Рети, Двер старался не обращать внимания на этот голос. Он понятия не имел, почему иногда разговаривает с этой особенно разъедающей горной лужей. Хотя пси-способности известны Шести, Свитки отзываются о них враждебно. К тому же эта способность

всегда распространяется на представителей своего вида — одна из причин, почему он никогда не рассказывал об этом своем необычном способе связи. Только представить себе, какие у него появятся прозвища, если людям станет известно!

Все равно я, наверно, все это просто воображаю. Какое-нибудь странное следствие моей одинокой жизни.

Необычное ползучее ощущение вернулось.

/Ты по-прежнему так себе меня представляешь? Как порождение твоего собственного сознания? Если так, то почему бы не проверить? Иди ко мне, мое никому не принадлежащее сокровище. Мое уникальное чудо! Приди в единственное место во вселенной, где тебя оценят по достоинству!/

Двер поморщился, сопротивляясь гипнотическому влиянию путаницы нитей, по-прежнему отыскивая среди камней и зарослей Рети. По крайней мере паук еще не схватил ее. Или он настолько жесток, что способен солгать?

Вот! Движение слева? Двер всмотрелся в западном направлении, прикрывая глаза от вечернего солнца. Что-то виднеется вблизи сплетенных нитей, всего на десять метров ближе к озеру; скрытое камнями, оно заставляет колебаться кусты. Прищурившись, Двер пожалел, что слишком

поспешно бросил свой мешок: там находился его бесценный бинокль ручной работы.

Возможно, это ловушка, подумал он.

/Кто может заманить тебя в ловушку, мой особенный? Ты подозреваешь меня? Скажи, что это не так!/

Ветер слегка стих. Двер сложил руки у рта и крикнул:

— Рети!

Причудливые эхо разбежались меж скал, насухо выпитые вездесущим мхом и пылью. Двер осмотрелся в поисках альтернативы. Он может соскользнуть вниз и с помощью мачете, привязанного к спине, прорубить себе дорогу. Но на это требуется бесконечно много времени, да и как будет реагировать Один-в-своем-роде, когда ему начнут отрубать пальцы?

Единственная реальная возможность — пробираться поверху.

Двер пятился до тех пор, пока ноги его не повисли в воздухе, потом набрал в легкие воздуха, разбежался… один, два, три шага… *прыгнул,* пролетел над джунглями переплетенных щупалец и с головокружительным толчком приземлился на вершине следующей плиты. Эта плита круто наклонена, так что времени на передышку не

было. Пришлось быстро карабкаться, чтобы подняться на ее длинную, острую, как нож, вершину. Встав на нее, Двер развел руки и, покачиваясь, проделал десять шагов, прежде чем добрался до камня с более плоским верхом.

Ноздри Двера заполнились кислым резким запахом озера. Здесь больше щупалец было полно жизнью; щупальца дрожали, испуская ядовитую жидкость. Жидкость собиралась в углублениях изъеденного камня, и Дверу приходилось осторожно обходить эти лужи. А когда задел сапогом одну из луж, сапог оставил след пепла и запах горящей кожи.

Разбежавшись в следующий раз, он жестко приземлился на четвереньки.

— Рети! — снова крикнул он, подползая к переднему краю.

Барьер на берегу представлял собой сплошную путаницу зеленых, красных и желтых нитей, сплетенных в полном беспорядке. Внутри этой контролируемой путаницы Двер видел предметы — каждый в своем собственном углублении. Каждый окружен собственным сплошным прозрачным коконом.

Золотые предметы, серебряные предметы. Вещи, сверкающие, как начищенная медь или

сталь. Трубы, сфероиды и какие-то прямоугольные формы. Вещи, покрытые пигментами или нанокрасками неестественных расцветок. Некоторые напоминают находки в развалинах буйуров; только находки обычно изуродованы, искажены прошедшими столетиями. *Эти* образцы прошлого великолепия кажутся почти новыми. Подобно насекомым, застрявшим в янтаре, эти предметы сохранились в своих коконах нетронутыми ни стихиями, ни временем. И каждый предмет, Двер это знал, единственный в своем роде.

Не все образцы — изделия буйуров. Некоторые когда-то были живыми. Небольшие животные. Насекомые. Все, что слишком приблизится и привлечет коллекционное внимание сумасшедшего паука. Казалось невероятным, что существо, преданное разрушению — специально *разработанное,* чтобы выпускать разъедающие жидкости, — может также выделять и сохраняющую жидкость. И еще более поразительно, что оно хочет сохранять.

Снова возобновился шорох, доносящийся слева. Двер пополз в ту сторону, опасаясь увидеть девушку, пойманную и страдающую. Или какое-то другое мелкое существо, которое придется избав-

лять от страданий с помощью лука.

Он продвинулся вперед… и ахнул. То, что он увидел в нескольких метрах от себя, запутавшееся в паутине, было для него полной неожиданностью.

На первый взгляд похоже на птицу — джиджоанскую птицу — с типичной когтистой лапой для приземления, с четырьмя кожистыми крыльями и хвостом-щупальцем. Но Двер сразу понял, что это совершенно неизвестный вид — на таблицах брата такого нет. Крылья, отчаянно бившиеся, пытаясь освободиться от окутывающего клубка липких нитей, прикреплены совершенно неестественным способом. И бьются с такой силой, какой не может быть у живого существа этого размера.

В нескольких местах перья обгорели или оторвались. И в разрывах Двер заметил блестящий металл.

Машина!

Шок заставил его ослабить мысленную защиту, и щекочущий голос вернулся.

/Да, машина. Такой разновидности у меня никогда не было. К тому же она еще действует. Она живет!/

– Это я и сам вижу, — пробормотал Двер.

/Ты и половины всего не знаешь. Это поистине мой день!/

Дверу не нравилось, как мульк-паук не только проникает в его мозг, но и использует найденное там, чтобы производить правильные предложения на англике. Он говорит лучше самого Двера, потому что не запинается и не ищет слов. Двер находил нелепым, что так говорит существо, даже не имеющее лица, чтобы можно было ему ответить.

Фальшивая птица билась в ловушке. Вдоль ее покрытой перьями спины собирались прозрачные золотые капли, которые она пыталась стряхнуть. Большинство отбрасывала, прежде чем они затвердевали, образуя несокрушимый кокон.

Что бы это, ради Джиджо, могло быть? недоумевал Двер.

/Я надеялся, что теперь у меня есть ты, чтобы давать ответы./

Двер не был уверен, нравится ли ему то, как выразился Один-в-своем-роде. Но все равно времени для игры словами нет. Двер постарался забыть о жалости к пойманному созданию. Теперь нужно помешать *Рети* стать еще одним уникальным образцом в коллекции мульк-паука.

/Как я и подозревал. Этот маленький человек особенный./

Двер заглушил этот голос лучшим известным ему оружием — гневом.

/Убирайся из моего сознания!/

Подействовало. Присутствие на время исчезло. Двер снова поднял голову и крикнул:

— Рети! Где ты?

Ответ пришел сразу и с неожиданно близкого расстояния.

— Я здесь, придурок. Тише, или ты ее спугнешь! Он поворачивался, пытаясь одновременно смотреть во всех направлениях.

— Где? Не вижу…

— Прямо под тобой, так что заткнись! Я преследую эту штуку уже несколько недель! Теперь нужно понять, как ее оттуда вытащить.

Двер прополз еще немного влево, всмотрелся в путаницу нитей внизу — и заглянул прямо в черные глаза-бусинки улыбающегося нура! Лежа на спящей нити, словно это удобный насест, Грязнолапый слегка наклонил голову и в свою очередь смотрел на Двера. И вдруг, без всякого предупреждения, громко чихнул.

Двер с проклятием откинулся назад, вытирая лицо, а Грязнолапый невинно и счастливо улы-

бался.

— Тише, вы оба! Мне кажется, я вижу, как подобраться чуть поближе…

— Нет, Рети! Не нужно! — Не обращая внимания на нура, Двер снова подполз к краю и наконец увидел девушку. Она была ближе к земле, держалась, расставив ноги по обе стороны толстой нити, и всматривалась в мрачную путаницу вокруг загадочной птицы.

— Тебе потребовалось много времени, чтобы догнать меня, — заметила Рети.

— Я… меня кое-что отвлекало, — ответил он. — Подожди секундочку. Ты должна кое-что знать… об этом… о мульк-пауке. — Он указал на окружающую паутину. — Она более… *опасна,* чем ты полагаешь.

— Эй, да я с детства знакома с паутиной, — ответила она. — Большинство мертво, но у нас в Холмах еще встречаются живые экземпляры, полные сока и яда. Я знаю, как с ними обходиться. — Она перебросила ногу через ветку и двинулась вперед.

В панике Двер выпалил:

— Разве ни один из этих пауков не пытался поймать тебя? Она остановилась, повернулась к нему лицом и усмехнулась.

— Это и значит быть сумасшедшим? О, охотник. Какое у тебя воображение!

Может, ты и права, подумал он. Может, поэтому он и не слышал ни о ком, кто разговаривает с кустами и озерами.

/Что, опять? Сколько раз еще мы должны разговаривать, чтобы ты убедился.../

Заткнись и дай мне подумать!

Присутствие паука снова отступило. Двер прикусил губу, пытаясь придумать что-нибудь, что угодно, чтобы удержать девушку, не дать ей еще больше углубиться в чащу.

— Послушай. Ты уже какое-то время следишь за этой птицей-машиной, верно? Поэтому ты так далеко прошла на запад? Она кивнула.

— Мальчишки увидели, как она поднялась с болота, дальше, у самой Трещины. Злой старый Джесс повредил ей крыло, но она улетела, оставив перо.

Она достала что-то из своей кожаной куртки. И прежде чем снова спрятала, Двер увидел блеск металла.

— Прежде чем идти за птицей, я стащила его у Джесса. Бедняжка, должно быть, ранена, потому что, когда я взяла след, она летала не так хорошо. Поднималась, пролетала немного, потом прыга-

ла. Мне только раз удалось хорошо ее разглядеть. Наверху, в Риммере, она полетела вперед. А я добралась до Склона, и тут мне пришло в голову, что с каждым дуром здесь я рискую быть повешенной.

Она вздрогнула при этом воспоминании.

— Я уже собиралась сдаться и отправиться назад, когда услышала ночью стук. Пошла на него, и на минуту мне показалось, что часовой тит и есть *моя* птица! — Она вздохнула. — Тогда я и увидела тебя. Ты спал, а рядом с тобой лежал твой необычный лук. И я решила, что Джесс и Бом будут счастливы, когда увидят его, и не станут выбивать мне зубы за то, что я убежала.

Двер никогда не слышал этих имен, но решил, что веревка слишком хороша для некоторых сунеров.

— Так вот почему ты сюда пришла? Гналась за птицей? Рети ответила пожатием плеч.

— Не думаю, чтобы ты понял.

Напротив, подумал он. Именно так поступил бы он сам, если бы ему попалось что-нибудь такое же незнакомое.

/Как и я, не будь я прикован к одному месту, сдерживаемый собственными ограничениями. Разве мы не похожи?/

Двер выгнал паука — и в следующее мгновение у него возникла мысль, дающая надежду на выход. Но в это мгновение Рети соскользнула с ветки и начала продвигаться вперед, держа в руках нож, который Двер не нашел, когда ее обыскивал накануне. Сверкнуло острое, как бритва, лезвие…

— Подожди. Я думаю, Рети… Разве не можем мы действовать вместе? Вдвоем нам легче будет выбраться.

Она остановилась и, казалось, обдумывала его предложение, вглядываясь в путаницу нитей.

— Слушаю.

Двер нахмурился, сосредоточенно подбирая слова.

— Послушай… никто на Склоне не видел такую действующую машину буйуров… задолго до того, как на Джиджо появились люди. Это важно. Я хочу извлечь эту штуку не меньше тебя.

Все это правда или было бы правдой, если бы главнейшей заботой Двера не было спасти жизнь девушки и собственную. *Выигрывай время,* думал Двер. *Остался только мидур светлого времени дня. Пусть отступится до завтра. И тогда ты сможешь утащить ее силой, если понадобится.*

– Продолжай, — сказала Рети. — Хочешь спу-

ститься и рубить своим большим ножом? Ты все забрызжешь, если будешь рубить живые нити. Это очень больно, и сок повсюду плещется. — Она казалась заинтересованной.

— На самом деле я знаю способ, как достать твою птицу, не задев ни одной ветви. Мы используем кое-что… из природных ресурсов, которые у нас под рукой.

— Да? — Она нахмурилась. — Тут только скалы, и земля, и… Глаза ее вспыхнули.

— Бу!

Он кивнул.

— Срежем несколько молодых побегов, вечером их свяжем, а завтра вернемся с мостиками и лестницами, чтобы перевалить через камни — и у нас будет достаточно палок-рычагов, чтобы проложить себе тропу по этому… — он взмахом указал на чащу, — не заливая себя соком или еще чем-нибудь. И вытащим твою птицу задолго до того, как она будет впечатана в хрустальное яйцо. Мы явимся к мудрецам с сюрпризом, от которого у хунов хребет встанет дыбом. Как тебе это нравится?

Двер видел недоверие в ее взгляде. Она очень подозрительна, а он никогда не умел хорошо лгать. Когда она оглянулась на пойманную ма-

шину, он понял, что она гадает, продержится ли та ночь.

— Она выглядит сильной, — сказал Двер. — Если продержалась эти несколько дней, одна ночь не составляет особой разницы.

Рети опустила голову и задумалась.

— Может, даже хорошо, если у нее крылья станут липкими. Не сможет улететь, когда мы ее освободим. — Она кивнула. — Ладно. Давай рубить бу.

Бросив еще один полный желания взгляд, Рети повернулась на толстой ветке и подняла руки, чтобы карабкаться вверх. Она внимательно разглядывала каждую опору, прежде чем довериться ей, отыскивала едкие ручейки, проверяла, выдержит ли ее очередная нить. Очевидно, она опытный путешественник.

Но с таким пауком Рети раньше никогда не встречалась. Пройдя примерно треть пути сквозь заросли, она неожиданно поморщилась, отдернула руку и посмотрела на единственную светло-золотистую каплю на обратной стороне запястья. Мгновение казалось, что она не испугалась, а просто очарована цветом.

— Быстрей, стряхни ее! — крикнул Двер.

Девушка послушалась. Капля полетела в лист-

ву. Но на ее месте с мягким шлепающим звуком возникли две новые. Капля появилась у нее на плече, еще одна — в волосах. Рети подняла голову, чтобы посмотреть, откуда они приходят, — и получила еще одну прямо посредине лба. С проклятием она попыталась смахнуть ее, но только размазала по щеке. Рети быстро попятилась.

— Не туда! — крикнул Двер. Он видел, как к ней устремились нити, из щелей которых выделялся золотистый сок. Рети в отчаянии зашипела, повернулась в другую сторону и получила еще несколько капель в волосы.

/Скажи, чтобы она не сопротивлялась. Боли не будет./ Рявканье Двера было бессловным, нечленораздельным, полным гнева; оно вышвырнуло мысленное прикосновение паука. Двер сбросил с плеча лук, оставил его на верху камня и начал спускаться к девушке. Краем глаза он заметил, что нур исчез, разумно почувствовав опасность. *В отличие от некоторых знакомых мне дураков,* подумал Двер, доставая мачете из ножен.

— Я иду, Рети, — сказал он, проверяя, выдержит ли его вес ветка. Двер видел, что Рети пытается подняться другим путем, легко уклоняясь от преследующих ее лиан.

— Не нужно! — отозвалась она. — У меня все в

порядке. Мне не нужна твоя по… ой!

Ветка, которую она держала и которая казалась совершенно мертвой, неожиданно выделила целую полоску золотистой жидкости. Рети с проклятием отскочила. Несколько капель прилипли к ее руке.

— Не три их! — крикнул Двер.

— Я не дура! — ответила она, отступая. К несчастью, тем самым она оказывалась в еще более сложном положении.

Сверкнул мачете Двера, искусно перекованный кусок буйурского металла. Разрубленная ветвь выглядела безжизненной, но Двер готов был отскочить, если только…

Но разлагающаяся, крошащаяся трубка разделилась, и из нее выделилась только липкая пыль. Хорошо, что он не стал использовать ее как опору. Это место ошибок не прощает.

Подвесив мачете за петлю, Двер опустился, отыскал подходящую ветку и осторожно доверил ей свою тяжесть; потом принялся проделывать горизонтальный разрез, чтобы опуститься еще ниже. Следующая опора тоньше и кажется менее надежной, но выбора у него нет. Но она по крайней мере не выделяет кислоту и не пытается обвиться вокруг его рук как змея. *Как ей уда-*

лось пробраться так далеко? думал он, радуясь тому, что большинство щупалец мертво. Будь мульк-паук в лучшей форме, преграда была бы непреодолима.

— Двер!

Он повернулся, раскачиваясь на натянутой нити. Вглядываясь в полутьму, увидел, что Рети поднимается по расщелине, похожей на каминную трубу, которая, казалось, предоставляет возможность выбраться. Но только на середине подъема она заметила, что вверху что-то начало изгибаться. Еще один пучок живых щупалец… движется, преграждая ей путь к спасению. А тем временем у основания трубы происходило то же самое. На лице девушки появилось паническое выражение. Покраснев, она держала перед собой свой тонкий нож, искала взглядом уязвимое место врага. Но могла задеть только ближайшие нити, надеясь, что из них не польется купорос или золотая смерть.

Двер видел, как совсем недалеко от нее бьется в ловушке птица-машина,

Отпусти ее, Один-в-своем-роде, подумал Двер, приседая и прыгая вперед, вытянув обе руки, чтобы ухватиться за другую ветвь. К счастью, она выдержала, когда он повис над темным отверсти-

ем и дотянулся до следующей ветви, толщиной в ствол молодого деревца. *Пусть идет, или я…*

Он пытался найти продолжение, не зная, чем можно испугать мульк-паука. Может ли он сделать что-то большее, чем просто раздражать его своим мачете? Может пригрозить, что уйдет и вернется с орудиями, которые уничтожат это древнее создание, с огнем и взрывчаткой, но Двер у это казалось слишком абстрактной угрозой. Паук не обладает сознанием перспективы, не осознает связи причин и следствий, он знает только настоящее и испытывает только *алчность*, соединенную с терпением, по сравнению с которым хун кажется суетливым нуром.

И к тому времени, как Двер сможет начать мстить, Рети будет заключена в золотой кокон, сохранена навечно… и мертва, как камень.

Давай поторгуемся, Один-в-своем-роде, проецировал он мысль, снова доставая мачете. *Что ты возьмешь в обмен на нее?*

Ответа не было. Либо Один-в-своем-роде слишком занят своими нитями и ядовитыми растворами, действуя с непривычной поспешностью, либо…

Молчание паука казалось странным и предательским. И еще самодовольным. Как будто паук

не испытывал потребности в разговорах, получив два сокровища и уверенный в получении третьего. Поморщившись, Двер еще глубже погрузился в трясину ветвей. Что еще он может сделать?

Он перерубил еще три нити. Последняя выпустила поток разъедающей жидкости, который образовал дугу между перекрещивающимися ветвями. С усеянной мусором поверхности внизу кольцами поднялся дым, усилив острый запах.

— Двер, помоги мне!

Теперь Рети была в западне, и чопорная гордость больше не могла сдержать нормальную панику испуганного ребенка. Сквозь путаницу нитей мульк-паука ее волосы блестели, как грива урской лудильщицы росистым утром, покрытые тонким покрывалом из золотистых капель. Под ударом ее ножа разлетелось щупальце — и его место тут же заняли два новых.

— Иду! — пообещал он, разрубая еще два троса, потом перебираясь на следующую ветвь, которая выглядела достаточно устойчивой. Но она провисла, и нога Двера, коснувшись прозрачной густой жидкости, выделившейся из этой ветви, скользнула. Он закричал, чувствуя, как уходит из-под ног опора.

Те же самые густые заросли, которые он недав-

но проклинал, уберегли его от сломанной шеи. Размахивая руками, он ухватился за ветку и повис в воздухе. Но вздох облегчения перешел в возглас боли. Прямо под подбородком в живых нитях пульсировала злая алая жидкость. На ветке образовались пузыри, которые эта жидкость прорывала. Глаза Двера жгли едкие испарения.

/Нет, нет. Не думай, что я причиню тебе такой вред! Ты для этого слишком ценен!/

Перед слезящимся взором Двера пузыри перестали образовываться, красноватая жидкость отхлынула, покинула бьющиеся сосуды.

/Этот нектар для обычного камня. Для тебя, мой уникальный, только чистое золото./

Двер поморщился.

/Большое спасибо!/

Всмотревшись в сторону, он увидел еще одну путаницу около ног. Рискуя свалиться, оттолкнулся от отвратительной ветки, прервавшей его полет.

/Не стоит./

Теперь Двер был почти на уровне Рети, достаточно близко, чтобы видеть, что в ее взгляде паника сменилась озлобленной решимостью. Она пополам разрезала еще одну нить. И была вознаграждена мелким дождем капель, позо-

лотившим руку, которой она закрыла лицо. Неожиданно Двер понял: *Она рубит не в том направлении!*

Вместо того чтобы самым коротким путем направляться к дневному свету, она углублялась в путаницу щупалец, к механической птице!

Клянусь Ифни, нашла время для своей одержимости!

Внезапно запястьем Двер ощутил прохладу. Среди темных волосков лежала сверкающая капля-мениск. Он быстро отодвинулся, прежде чем сверху из поры в ветви упала вторая капля. Двер быстро стряхнул каплю, но даже после этого ощущал какое-то онемение, приятную прохладу. Так бывает, когда деревенский дантист накладывает измельченные в порошок листья нурала на десны пациента, прежде чем пустить в ход свое ручное сверло.

Теперь мачете был покрыт собственным липким покровом, который в отдельных местах уже начал кристаллизоваться. Разумеется, такой артефакт достоин коллекции — полоска материала звездных богов, приспособленная племенем дикарей к новому использованию в сумрачном месте, между пыльной землей и прекрасным небом. Двер мрачно поднял оружие и принялся

рубить.

Необходима сосредоточенность, поэтому он с целенаправленностью охотника не обращал внимания на зловоние и скрипучую пыль. Лоб, лицо и шея покрылись потом, но он не решался его вытереть. Несомненно, он выглядит, как Рети, которая теперь блестит, словно волшебная сладость, украшенная каплями меда. Двер и не пытался крикнуть ей, чтобы она повернулась и направилась к нему. Учитывая ее упрямство, можно поберечь дыхание.

Оглянувшись, он заметил, что путь для отхода все еще кажется свободным — туннель в окружении срубленных ветвей и перерезанных нитей. Один-в-своем-роде может привлечь больше сил, но мульк-паук медлителен и стар. Приближаясь к клетке Рети, Двер был уверен, что способен помешать намерениям паука, если тот их осуществит. Теперь он хрипло позвал:

— Хорошо, Рети. Хватит глупостей. Давай убираться отсюда.

Девушка была в дальнем конце прорубленного ею прохода; мимо ветвей, преграждавших путь, она смотрела на птицу-машину.

— Эй, она меня заметила! Повернулась!

Дверу было все равно, даже если бы птица

встала на голову и на Галактическом три с буйурским акцентом произнесла приветственную речь. Он перерезал еще один трос и закашлялся от ядовитых испарений, которые испускали разрубленные концы.

— Рети, у нас нет времени!

Когда дым рассеялся, он приблизился и увидел, что птица-машина приподнялась в своей клетке, глядя в небо и не обращая внимания на мелкие капли, которые как туман оседали на ее покрытую перьями спину. Рети, по-видимому, тоже заметила, что внимание птицы сместилось. Она посмотрела вверх, и Двер услышал доносящееся оттуда резкое бормотание.

Это всего лишь проклятый нур.

За пересечением нитей он увидел Грязнолапого. Куда бы ни убегал нур, он вернулся. Только теперь он стоял на задних лапах, приподняв мускулистое тело, откинув усатую узкую морду, и рычал на что-то невидимое с южной стороны.

Взгляд Двера уловил еще какое-то движение. Как змея в приступе эпилепсии, в поле зрения появилась перерубленная нить, частично закрывая проделанное Двером отверстие. Ее порывистые движения казались трогательными, но вслед за первой появилась вторая, потом третья.

— Рети! — закричал он, собираясь рубить оставшуюся между ними преграду. Не дожидаясь ее ответа, он обеими уставшими руками поднял тяжелое мачете и тремя ударами перерубил толстый стебель, преграждавший дорогу. *Не трать силы зря, Рети,* про себя молил он, понимая, что бесполезно что-то говорить вслух.

С раздраженным возгласом Рети повернулась, отказываясь от своего сокровища, и набросилась на тонкие нити, разрубая их маленьким ножом, а потом гибко протиснулась между ними. Узкий проход покрывал ее золотыми каплями, так что теперь она напоминала пирожное с ореховым кремом. Двер безжалостно рубил и наконец оказался достаточно близко, чтобы просунуть руку в клетку.

Рети схватила его за запястье.

Двер расставил ноги и потянул, потащил ее сквозь темное зловонное отверстие. Их продвижение сопровождал низкий стон. Двер не мог бы сказать, кто стонет: она, он или они вместе.

Наконец она высвободилась и вцепилась в него с неожиданной силой, охватила руками и ногами. Двер понял, что под ее внешней бравадой кроется отчаянный ужас.

— Нам нужно торопиться, — сказал он и потя-

нул ее за руку.

Рети сопротивлялась лишь мгновение, затем согласилась.

— Хорошо, пошли, — выдохнула она. Он руками подтолкнул ее, и она начала карабкаться по узкому проходу-трубе, которую он вырубил в зарослях. */Так быстро уходите? Неужели я такой плохой хозяин?/*

– Высохни и сгори, Один-в-своем-роде, — пробормотал негромко Двер, поднимаясь вслед за Рети, доверившись ее инстинкту, который выведет их отсюда.

/Когда-нибудь, несомненно, так и будет. Но к тому времени я сохраню большое наследие./

/Только подумай! Когда Джиджо перестанет быть невозделанной планетой и новые жители получат этот мир в свое владение в сверкающем великолепии, они с восторгом будут смотреть на сохраненную мной коллекцию. В своих сверкающих гордых городских башнях они будут хранить мои образцы интервала, поставят на пьедесталы, чтобы все могли их увидеть. И самым главным среди этих образцов будешь ты, моя добыча, мое сокровище. Возможно, лучший сохранившийся экземпляр твоей давно исчезнувшей расы./

Двер удивился: паук глубоко проник в его сознание и извлек такие слова, которые он сам не всегда помнит: *интервал* или *экземпляр.* Наверно, Ларк пользовался ими в его присутствии, и они сохранились где-то в глубине памяти.

Это ты вымрешь, паук! Ты и все твое проклятое племя,

На этот раз гневный ответ не оттолкнул мысленное прикосновение паука.

/К тому времени — несомненно. Но нашу конструкцию всегда можно отыскать в Великой Галактической Библиотеке, и мы слишком полезны, чтобы о нас забыли. Всякий раз, как понадобится эвакуировать планету, очистить ее и дать возможность побыть невозделанной, везде, где потребуется уничтожить грандиозные творения прежних обитателей, превратить их в пыль, там снова возникнем мы./

/Может ли ваше племя невежественных обезьян претендовать на такую же полезность, моя драгоценность? Есть ли у вас вообще какая-то "цель"? Кроме цепкого стремления к выживанию?/

На этот раз Двер не стал отвечать. Ему необходимо было хранить силы. Если спуск был ужасен, подъем превратился в настоящий ад.

Рубить нити над головой, откинувшись назад, вдвое труднее, чем пробираться вниз. Вдобавок к опасности ядовитых выделений извивающихся нитей им с Рети приходилось пробираться сквозь дождь золотистых капель. Теперь было уже не до стряхивания отдельных капель. Лишь бы избежать настоящих потоков и не дать им залепить глаза, нос и уши. Сквозь мерцающие испарения Двер видел, как наверху собирается все больше ползущих ветвей — они собираются с невероятной быстротой. Очевидно, Один-в-своем-роде не собирался сдаваться.

/А чего ты ожидал? Что я покажу тебе все, на что способен…

/… что я покажу тебе все…/

/… что я покажу тебе…/

Когда голос в голове Двера стих, его первой реакцией было облегчение. У него хватает других забот: растянутые мышцы шеи, рука, которую словно окунули в чан ювелира и которую начинает сводить от непрерывных ударов, ударов, ударов. Если бы только заткнулся этот визгливый нур! Визг Грязнолапого только набирал силу, поднимаясь за пределы восприятия Двера, но по-прежнему вызывал ощущение, что под черепом побежали ручейки.

И сквозь все это пробивалась еще одна настойчивая тревога.

Я оставил глейвера привязанным. Если мы не вернемся, он умрет от жажды.

– Влево! — крикнула Рети. Он быстро повиновался, свернув как можно дальше, доверяя ее быстрым реакциям и увернувшись от желтых капель.

— Чисто! — снова крикнула она.

Мачете выскользнул. Двер трижды брался за петлю на запястье, прежде чем смог снова начать рубить тонкие нити, заполняющие проход над головой. Он рубил в быстро сгущающихся сумерках. Если они не выберутся до наступления темноты, все преимущества будут на стороне безумного мульк-паука.

Теперь шум, который он раньше старался не замечать, стал слишком громким, чтобы его игнорировать. Низкий гром перекрыл лай нура. Заросли вокруг Двера и Рети задрожали. Несколько хрупких ветвей рассыпались в пыль, другие разрывались, выделяя ядовитую жидкость: красную, оранжевую, молочную, добавляя ядовитые испарения к тем, что уже жгли глаза людей. Двер, мигая, посмотрел вверх и увидел Грязнолапого, который торопливо отступил, и в поле зрения по-

явилось что-то новое — что-то *висящее* в воздухе без видимой опоры.

Машина! Симметричная плоская фигура с блестящими боками, которые отражают солнечный свет, пролетела над зарослями.

Неожиданно из ее брюха вырвался ослепительный свет, проникший в глубину зарослей. Тонкий луч миновал Двера и Рети и углубился, словно в поисках чего-то.

— Оно охотится за птицей! — Рети скорчилась рядом с Двером, схватила его за руку и показала.

— Забудь проклятую птицу! — крикнул он. Заросли тряслись все сильней. Мимо промелькнула членистая труба, выбрасывая ядовитую жидкость. Двер, ощущая огненную боль в спине, успел заслонить девушку. Его поле зрения покрылось пурпурными пятнами, мачете выскользнуло из петли, упало и со звоном покатилось вниз.

Теперь казалось, что вся чащоба ожила, ее заполнили темные беглые тени: поисковый луч машины сузился, стал тонким, как игла, и сжигал все, к чему прикасался.

В этом свете Двер разглядел птицу-машину, пойманную в клетку из веревочной сети и покрытую золотой паутиной. Теперь птица вырвалась и прыгала взад и вперед, пытаясь увильнуться от

жгучего луча; ее перья уже местами обгорели.

Рети гневно крикнула, но люди больше ничего не могли сделать.

Наконец птица как будто сдалась. Она перестала уворачиваться, расправила все четыре крыла в жалкой попытке создать щит, который сразу задымился, когда ослепительный луч нашел цель и остановился. Только маленькая птичья голова торчала наружу, смотрела на агрессора одним открытым глазом.

Двер в зачарованном ужасе и оцепенении, смешанном с жалостью, видел, как глаз неожиданно *взорвался.*

Последнее, что он мог впоследствии вспомнить, была ослепительная вспышка.

VII . КНИГА МОРЯ

Не делайте яды, которые не сможете использовать. Используйте все сделанные вами яды. Если кто-то другой должен чистить за вами, не оскорбляйтесь, если от вас ожидают плату.

Свиток Совета

Рассказ Олвина

И вот не успели мы прибыть на верхнюю платформу поезда после долгого подъема от порта Вуфон, не успели Гек, Клешня и я выйти из вагона (маленькая Хуфу ехала на удачу на панцире Клешни), как галопом прискакала наша урская приятельница Ур-ронн, возбужденная и встревоженная. Даже не сотворив приветственную церемонию, она прыгала, махала взад и вперед своей узкой головой и шипела на ужасной версии Галдва, которую усвоила, должно быть, когда была еще размером с личинку и бродила по травам равнины Уор-рил. Вы знаете, о каком диалекте я говорю, — в нем опускаются все двойные щел-

канья, так что я смог вначале только разобрать басовый тон, передающий крайнее возбуждение.

Больше того, она начала *щипать* нас, словно мы стадо глупых ослов, которых нужно гнать вверх по холму.

— Хрррррм! Подожди немного! — сказал я. — Если будешь продолжать вести себя, как сумасшедшая, лучше не станет. В конце концов — *уйбауангуау!*

Да, это горловой крик хунов, выражающий боль. Гек переехала мне колесом левую ногу.

— Перестань, Олвин. Ты ведешь себя, как твой отец! *Мой отец!* подумал я. *Как нелепо!*

– Разве ты не слышал Ур-ронн? — продолжала Гек.

Несколько раз раздув горловой мешок, я пробежал последние несколько дуров, собрав воедино то, что прокричала Ур-ронн.

Все равно нелепые слова, мы и раньше рассказывали друг другу немало выдумок.

— Хр-р-р-р — *звездный корабль?* — Я смотрел на нашу урскую подругу. — Ты говоришь серьезно? Не комета, которой ты пыталась надуть нас в прошлом году?

Ур– ронн топнула передним копытом: я ее задел. Перейдя на англик, она поклялась:

— На этот раз все правда! Поверьте мне! Я слышала, как об этом говорили Уриэль и Гифц. Они поймали его на пластинки!

На пластинки, перевел я ее трудно различимые из-за раздвоенной губы согласные англика. На *фотографические пластинки.* Может, на этот раз в словах Ур-ронн что-то есть.

— А мы можем посмотреть? — спросил я. Урский стон раздражения.

— Вы глупцы в мехе и чешуе! А что я вам пытаюсь сказать с того момента, как поезд остановился?

— О! — Я поклонился, взмахнув одной рукой. — Тогда чего же мы ждем? Пошли!

Много лет назад кузнец Уриэль унаследовала мастерские на горе Гуэнн от Ур-танн, которая была наследницей-вассалом Уленнку, которая получала обширную подземную кузницу от своего собственного умирающего учителя, великой Ур-нуру, которая восстановила эти могучие залы после мощного землетрясения в год Яйца; тогда весь Склон дрожал как отряхивающийся нур. А еще до этого предание уходит в туманные времена до того, как люди принесли с собой бумагу, когда всякую мудрость приходилось запоминать или она утрачивалась. К тем дням, когда

урским поселенцам приходилось сражаться и доказывать, что они не дикари, населяющие травянистые равнины и оспаривающие у представителей более высокой касты квуэнов все, чем те обладают.

Во время наших походов в поисках приключений Ур-ронн часто пересказывала эти легенды. Даже если учесть неизбежные преувеличения, все же это были храбрые уры, которые поднимались на вершины вулканов, чтобы строить первые грубые кузницы у огненных озер лавы, пробираясь через пепел и постоянные опасности, чтобы научиться перерабатывать буйурский металл и навсегда уничтожить монополию Серых Королев на орудия.

По– своему мы даже радовались, что люди не появились раньше, потому что все ответы нашлись бы в их книгах: как делать ножи, и линзы, и окна, и все прочее, Конечно, это облегчило бы положение остальных рас и освободило бы от господства квуэнских резчиков по дереву. С другой стороны, достаточно было послушать неразборчивый рассказ Ур-ронн, чтобы понять, как гордится ее народ этими трудами и жертвами.

Понимаете, они сделали это сами — завоевали свободу и самоуважение. Спросите любого хуна,

как мы себя будем чувствовать без наших качающихся кораблей. Земляне внесли множество усовершенствований, но никто не давал нам море! Ни далекие патроны гутатса, ни Великая Галактическая Библиотека, ни наши эгоистичные предки, которые выбросили нас, наивных и неподготовленных, на Джиджо. Мы гордимся тем, что сделали это сами.

Гордость очень важна, когда у вас ничего другого нет.

Прежде чем заходить в ад-кузницу, Клешня набросил поверх своего мягкого красного панциря смоченный в воде плащ. Я плотнее запахнул свой плащ, а Гек проверила очки и защитные колпачки осей. Затем Ур-ронн провела нас через перекрывающие друг друга кожаные занавеси в глубину мастерской.

Мы прошли по подвесной дорожке из обработанных стволов бу, ведущей между булькающими бассейнами, раскаленными добела внутренним жаром Джиджо. Искусно направленные поднимающиеся потоки относили ядовитые испарения к каменным отражающим перегородкам, а оттуда — наружу, так что они ничем не отличались от паров, вздымающихся со склона горы Гуенн.

Над головой висели огромные корзины: одна

с буйурским металлоломом, другая — со смесью песка. Они ждали, пока их содержимое опрокинут в пылающий жар, а потом разольют по формам. Рабочие уры тянули блоки и ковши. Другие вертели большую каплю из жидкого стекла на конце трубы; вращаясь, она образовывала сверкающий диск, который, утончаясь, затвердевал и превращался в *окно* для дома где-то далеко отсюда.

Им помогали несколько серых квуэнов, которые, по иронии Джиджо, оказались второй расой, приспособленной для таких условий. Серые могли быть более счастливы, когда их королевы правили Общиной. Но я никогда не мог прочесть выражение их каменных куполов. И часто удивлялся, как наш порывистый эмоциональный Клешня может быть их родственником.

Подальше от жары с полдесятка г'кеков раскатывали по гладкому полу, дергая многочисленные рычаги, а специалист треки с дрожащими синтезирующими кольцами испытывал каждую смесь, чтобы удостовериться, что изделие мастерской проржавеет или распадется меньше чем за двести лет, как того и требуют мудрецы.

Некоторые ортодоксальные поклонники Свитков утверждают, что у нас вообще не должно быть кузниц, что это тщеславие, отвлекающее

нас от спасения через забывание. Но я считаю это место замечательным, хотя дым разъедает мне горловой мешок и от него у меня зудит спинная чешуя.

Ур– ронн еще через несколько занавесов провела нас в Лабораторный Грот, где Уриэль изучает тайны своего мастерства -и те, что тяжелым трудом добыты ее предками, и те, что извлечены из человеческих текстов. Здесь хитроумно проведенные ветерки освежают воздух, позволив нам ослабить защиту. Клешня облегченно сбросил тяжелый плащ, смочил свой красный панцирь в душе-алькове. Хуфу энергично плескалась, пока я протирал губкой свой мешок. Ур-ронн держалась на удалении от воды, недолго повалявшись в чистом сухом песке.

Гек проехалась по коридору, в который выходило множество дверей, заглядывала в лабораторные помещения.

— Хссс! Олвин! — настойчиво прошептала она, маня меня одной рукой и двумя глазными стебельками. — Иди посмотри. Хочешь угадать, кто здесь?

– А кто? — просвистел Клешня, оставляя за собой пять рядов влажных отпечатков. Ур-ронн искусно избегала наступать на влагу своими

цокающими копытами.

Я уже догадался, о ком говорит Гек, поскольку ни один пассажирский корабль не может зайти в Вуфон, чтобы об этом не знал хозяин гавани — моя мать. Она ничего не говорила, но я из подслушанных обрывков разговоров знал, что последний корабль с мусором привез важного пассажира-человека. Он высадился ночью и сразу направился к поезду на гору Гуенн.

— Хрррм. Готов спорить на сладкую сердцевину бу, что это еще один мудрец, — сказал я еще до того, как подошел к двери. — Мудрец из Библоса.

В заднем глазе Гек отразилось разочарование, и она, уступая нам место, проворчала:

— Удачная догадка.

Я знал эту комнату. Много раз во время прошлых посещений я стоял у входа и смотрел, что происходит внутри. В огромном помещении находилась таинственная машина Уриэль — путаница приводных ремней, кабелей и вращающегося стекла, которая наполняла сводчатый зал гулом, подобно тем викторианским фабрикам, о которых мы читали в романах Диккенса. Только эта машина, насколько можно судить, вообще ничего не производила. Только бесчисленные отблески света от вращающихся хрустальных

дисков, которые мчались, подобно сотням призрачных маленьких г'кеков, бешено и тщетно двигались, никуда не приходя.

Я увидел гостя-человека, который сидел у тростникового стола с раскрытым перед ним бесценным фолиантом и указывал на диаграмму, а Уриель раскачивалась в круге, время от времени поднимая одно копыто или несогласно тряся своей гривастой головой. Отороченные серым ноздри кузнеца раздраженно раздувались.

— Со всем уважением, мудрец Фуровский, вы могли вы отправиться на Собрание, вместо того чтобы являться сюда. Не вижу, каким образом ваше присутствие поможет решить нашу проблему…

Человек был в черном плаще младшего мудреца, из числа тех, что живут в священных залах Библоса в обществе полумиллиона печатных томов, изучая мудрость, постигнутую более чем за триста лет. Он красив, с точки зрения хуна, что происходит тогда, когда у человеческих самцов на голове вырастает седой мех и они позволяют волосам на лицах отрастать, причем впечатление еще усиливается благородным длинным носом. Этот достойный мудрец так сильно стучал пальцем по древней странице, что я побоялся: он

может повредить бесценный текст.

— Но я вам говорю, что этот алгоритм — именно то, что вам нужно! Его можно осуществить в десять раз быстрее, с гораздо меньшим количеством частей, если только вы обдумаете…

Не могу описать, что последовало, потому что разговор шел на диалекте англика, который называется инженерией, и даже моя хунская память не позволяет записывать слова, которых я не понимаю и не могу произнести. Мудрец, должно быть, прибыл, чтобы помочь Уриэль в ее проекте. Всякий, кто ее знает, мог бы предсказать, что Уриэль будет сопротивляться.

За этими двумя я увидел Урдоннел, молодого урского техника, которой мастер доверила общее обслуживание машины, уходящей в полутьму: свет в помещение проникал через единственное окно вверху. Урдоннел всматривалась в дрожащее, скрипящее собрание частей, то подтягивая эластичную передачу, то смазывая подшипник. Как старший ученик, она была всего в двух копытах от того, чтобы стать наследницей Уриэль.

Единственным другим кандидатом в наследники была Ур-ронн, отчасти из-за школьных успехов нашей приятельницы, а также потому, что она ближайшая родственница Уриэль, кото-

рой удалось вырасти из степной личинки и стать взрослой. Конечно, Урдоннел здесь работает, присматривает за личным проектом мастера, и это увеличивает ее шансы, хотя огромная машина ей явно не нравится.

Среди вертящихся дисков, проводя тонкую регулировку, мелькали миниатюрные кентавры, уры — самцы, которых обычно трудно увидеть за пределами сумок их жен. По строгим приказам Урдоннел они натягивали линии передач и пояса. Вероятно, проявляют стремление к равенству, подумал я. Наклонившись, я прошептал Гек:

— Вот и все разговоры о — хр-хрррм — о *звездных кораблях. Если* бы они действительно видели такой корабль, сейчас не занимались бы глупыми механизмами.

Ур– ронн, должно быть, услышала. Она повернула свою длинную морду с обиженным выражением. Два из трех ее глаз сузились.

— Я слышала Уриэль и Гифца, — просвистела она. — Да и что можете вы знать?

— Достаточно, чтобы понять, что все это вертящееся стекло никакого отношения к космическим кораблям не имеет!

Даже если бы мы не кричали друг на друга, нам нелегко было бы *незаметно подглядывать,*

как приходится об этом читать в человеческих детективных рассказах. И все же находившиеся в комнате могли нас не заметить, если бы нур Хуфу не выбрала именно этот момент, чтобы изо всех сил залаять на вертящиеся шкивы и диски. Прежде чем мы что-то успели сделать, она вспрыгнула на кожаный пояс и как сумасшедшая побежала на месте, рыча на двух отшатнувшихся урских мужей.

Урдоннел заметила это, замахала руками, демонстрируя яркие железы под обеими сумками для вынашивания потомства.

— Это событие означает? Оно означает? — требовательно спросила она с вопросительной дрожью. Волнение ее усилилось, когда мастер повернула поседевшую морду и посмотрела в сторону шума.

Вопреки сложившемуся стереотипному представлению, хун может действовать быстро, если видит необходимость этого. Я схватил Хуфу, бормоча свои лучшие извинения, и присоединился к остальным, подготовившись к выговору.

– *Поведение (поразительно, ужасающе) неприемлемое,* — заявила Урдоннел на Галдва. — *Помеха важнейшему совещанию, причиненная (мошенническими, микроцефальными, невоспи-*

танными)…

Вмешалась Уриэль, прервав поток оскорблений Урдоннел, прежде чем та спровоцировала разгневанную, топающую Ур-ронн на ответ в том же роде.

— Достаточно, Урдоннел, — приказала мастер на Гал-семь. — Пожалуйста, отведи молодежь к Гифцу, у которого есть к ним дело, и побыстрей возвращайся. Сегодня нам нужно запустить еще несколько моделей.

— Слушаюсь, — ответила Урдоннел на том же языке. Повернувшись к нам с агрессивным вытягиванием шеи, старшая ученица сказала:

— Идемте, вы, шайка джики *авантюристов.* Она вложила в эти слова свое презрение, что возможно на Галсемь, хотя не так выразительно, как на англике.

— Пошли быстрей. Было решено принять ваше предложение.

Ваш великий план.

Вашу экспедицию в ад — в один конец.

VIII . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, что глейверы — пример для нас всех. Из всех семи рас, ставших изгнанниками на Джиджо, они одни избежали тюрьмы, созданной для нас предками. Они сделали это, найдя тропу Избавления и пройдя по ней.

Теперь они невинны, они больше не преступники, они стали едины с Джиджо. Со временем они даже могут быть обновлены, заслужив благословенный редчайший шанс — второй шанс подняться к звездам.

Людей, младшую разумную расу, появившуюся на Джиджо, раздражает то, что они не встречались с глейверами как с мыслящими, говорящими существами. Даже хуны и уры появились здесь слишком поздно, чтобы знать их в лучшей форме, когда, как говорят, глейверы обладали могучим интеллектом и способностью к глубокой расовой памяти. Глядя, как их потомки роются в наших помойках, трудно представить себе расу межзвездных путешественников, патронов трех благородных кланов клиентов.

Какое отчаяние привело их сюда и заставило искать спасение в забвении?

Устные легенды г'кеков утверждают, что это результат финансовых неприятностей.

Некогда (утверждают предания г'кеков) глейверы принадлежали к тем редким племенам, которые обладали способностями к общению с зангами — водорододышащей цивилизацией, существующей отчужденно от общества рас, которые дышат кислородом. Эта способность позволила глейверам выступать в качестве посредников и принесла им огромное богатство и престиж. Но одна-единственная ошибка в контракте лишила их удачи и вызвала огромный долг.

Говорят, великие занги терпеливы. Долг следовало выплачивать в течение семисот тысяч лет. Но проценты были так велики, что глейверы и их любимые клиенты были безнадежно обречены.

Глейверы могли продать только одно, самое драгоценное, что у них оставалось.

Это были они сами.

Собрание легенд Семи на Джиджо. Третье издание.

Департамент фольклора и языков.

Библос. 1867 год изгнания

Аскс

Корабль вскоре улетел, подняв, как и во время посадки, тучу обломков нашего бедного разорванного леса. За ним следовал торнадо, как будто призрачная рука самой Джиджо пыталась схватить и удержать его.

Увы, этот отлет не послужил причиной для радости, потому что экипаж обещал вскоре вернуться. И подтверждение этого обещания находилось рядом с оставленным им при посадке шрамом — черный куб размером с половину полета стрелы, без всяких внешних черт, кроме рампы, ведущей к зияющему люку.

Поблизости располагались два хрупких матерчатых павильона, перенесенных с Собрания по просьбе звездных богов, оставшихся после отлета корабля. Один павильон служил местом переговоров, а второй, больший по размерам, для “осмотра образцов”. В этом павильоне уже работала небольшая группа людей-пришельцев, скармливая черным загадочным машинам образцы жизни Джиджо.

Все собравшиеся испытали шок. Несмотря на призывы мудрецов к единству, многие расы и

кланы раскололись, все искали убежища у своего племени. От одной группы к другой переходили посланники, переговоры велись в глубокой тайне. И лишь посыльных самой младшей расы — людей — все отвергали.

В этот момент никто, даже треки, не желали разговаривать с людьми.

Сара

В середине дня река углубилась в страну каньонов. Словно вспомнив о каком-то срочном поручении, вода торопливо понеслась меж берегов, заросших колючими кустарниками, прижимаясь к изъеденным склонам. Сара помнила эти пустыни по детским походам за окаменелостями вместе с Ларком и Двером. Хорошие были времена, несмотря на жару, несвежую еду и вездесущую пыль. Особенно когда с детьми была Мелина, до того, как продолжительная болезнь не погубила ее, превратив Нело в старика.

Мягкий акцент их матери, вспомнила Сара, по мере продвижения на юг становился все заметней. И открытое небо никогда не вызывало у нее страха.

Экипаж *Хауф-вуа*, напротив, с каждой лигой

продвижения на юг все больше тревожился, особенно после утреннего эпизода бессмысленного пиратства у разрушенного моста. Моряки — хуны явно предпочли бы переждать день под каким-нибудь скальным навесом. Но капитан, с громким выделением газов из своего фиолетового мешка, напомнил им, что это не прогулочный рейс с мусором, а срочное дело для всей Общины.

Преобладающий западный ветер обычно наполняет паруса корабля, идущего вверх по течению. Там, где течение становится сильнее, расположены тщательно замаскированные ветряные мельницы, и их операторы помогают кораблю подниматься: мельницы улавливают ветер с высоких холмов и направляют его в нужную сторону. Но первая такая мельница пролетела мимо, никто не вышел из стоящей по соседству хижины, никто не ответил на призывы, а полмидура спустя оператор следующей мельницы не успел закончить приветственную церемонию, как река унесла *Хауф-вуа* за пределы досягаемости.

Как тяготение времени, подумала Сара. *Тащит тебя в будущее до того, как ты готова, и оставляет позади след сожалений.*

Если бы только жизнь позволила ухватиться за

дружеский буксирный трос, вернуться в прошлое, получить шанс изменить свой поток жизни.

Что бы она сделала, если бы получила возможность прожить заново последние год-два? Помогло бы знание будущего отвратить сладкую боль, когда отдаешь свое сердце туда, где ему не место? Даже зная характер Джошу, могла бы она отказаться от этих месяцев бурного счастья, когда она делала вид, что он может принадлежать только ей?

Могло ли такое знание помочь спасти его, сохранить ему жизнь?

Незваный и нежеланный, из памяти возник образ. Воспоминание о том дне, когда она бежала из крепости Библоса, сжимая свои книги и таблицы, убежала домой, в древесный дом над дамбой Доло, чтобы погрузиться в науку.

— черные знамена, плещущиеся на ветерке, который пролетает над тяжелыми каменными крышами замка…

— жужжащие воздушные змеи натягивают привязь, бормочут свои жалобы во время церемонии размельчения Джошу и других жертв чумы…

— высокая светловолосая женщина, только что прибывшая на корабле из далекого города Овум,

стоит у носилок Джошу, исполняя долг жены, накладывает на лоб извивающийся тор, который превратит смертную плоть в сверкающий кристаллический порошок…

— спокойное холодное лицо мудреца Теина, обрамленное гривой волос, похожих на буйурскую сталь; мудрец прощает Саре ее неблагоразумное поведение, ее “увлечение” простым переплетчиком… и возобновляет предложение о более подходящем союзе…

— ее последний взгляд на Библос, на высокие стены, блестящие библиотеки, поросшие лесом склоны над городом. Часть ее жизни, пришедшая к концу так же бесповоротно, как если бы *она* умерла.

Прошлое полно горечи, говорят Свитки. — *Только тропа забвения ведет к окончательному Избавлению.*

За резким, полным ужаса криком последовал грохот разбивающейся посуды.

— Мисс Сара! — послышался голос с придыханием. — Идите быстрей! Все идите!

Она торопливо отошла от правого борта и увидела возбужденно пыхтящего Пзору, он умоляюще размахивал тонкими руками-манипуляторами. Сердце у Сары забилось, когда она

увидела пустой матрац Незнакомца и отброшенные в беспорядке одеяла.

Его она увидела в углублении между тремя бочками с человеческим мусором, он сжимал в руках острый осколок глиняной посуды. Глаза раненого были широко раскрыты и дико уставились на аптекаря — треки.

Пзора привел его в ужас, поняла Сара. *Но почему?*

– Не бойся, — успокаивающе сказала она на Галсемь, медленно выходя вперед. — Страх в наше время неуместен.

Сверкая белками над зрачками, он перевел взгляд с нее на Пзору, словно не в силах представить себе их в одном окружении, в одной мысли.

Сара перешла на англик, поскольку некоторые жители далеких береговых поселков пользуются почти исключительно этим языком.

— Все в порядке. Правда. Ты в безопасности. Ты был ранен. Тяжело ранен. Но теперь ты поправляешься. На самом деле. Ты в безопасности.

Некоторые слова вызывают более быструю реакцию, чем другие. Казалось, “в безопасности” ему понравилось, поэтому она повторила это дважды, протягивая руки. Незнакомец тревожно оглянулся на Пзору, но Сара передвинулась, что-

бы закрыть собой треки, и напряжение слегка спало. Глаза его сузились, сосредоточились на ее лице.

Наконец он со вздохом сожаления выпустил из дрожащих пальцев обломок.

— Хорошо, — похвалила его Сара. — Никто не причинит тебе вреда.

Хотя первоначальный приступ паники прошел, Незнакомец продолжал оглядываться на аптекаря деревни Доло, качая головой в удивлении и явном отвращении.

— Проклят… проклят… проклят…

— Будь вежлив, — уговаривала она, подкладывая ему под голову сложенное одеяло. — Без мазей Пзоры ты бы не смог так приятно путешествовать на корабле в город Тарек. И зачем тебе бояться треки? Кто когда-нибудь слышал о таком?

Он помолчал, помигал, потом возобновил жалкие попытки заговорить:

— А-джо… а-джоф… джоф…

Неожиданно Незнакомец в раздражении закрыл рот, плотно поджал губы. Поднял левую руку к голове, к бинтам, покрывающим ужасную рану, но остановился на полпути, словно прикосновение превратит его худшие страхи в реальность. Опустив руку, он вздохнул — низким

дрожащим звуком.

Что ж, по крайней мере он пришел в себя, подумала Сара об этом чуде. *Он в себе, и у него нет лихорадки.*

Шум привлек зевак. Сара попросила всех отойти. Если треки может вызвать у раненого приступ паники, что подумает он, увидев самца квуэна, с его поднятыми острыми шипами для карабканья вдоль каждой ноги? Даже в наши дни некоторые люди не хотят, чтобы кто-нибудь из Шести находился поблизости.

Так что следующий звук Сара меньше всего ожидала услышать…

Смех.

Незнакомец сел, разглядывая собравшихся пассажиров и экипаж. Смотрел на Джому, сына взрывника, который забрался на широкую спину Блейда и держался за голову-купол, торчащую из-под голубого панциря квуэна. Блейд всегда ласково обращался с детьми, и дети Доло его любили, но Саре это не казалось чем-то необычным. Однако Незнакомец показывал на них пальцем и смеялся.

Повернувшись, он увидел моряка, который бросал кусочки своему любимому нуру, в то время как другой хун терпеливо позволил Прити,

шимпанзе, вскарабкаться на свое широкое плечо, чтобы лучше видеть. Незнакомец сухо недоверчиво рассмеялся.

Он удивленно смотрел на танцора-писца г'кека Фейкуна, который перевернулся, давая отдых колесам, и располагался между Пзорой и урской лудилыцицей Ульгор. Фейкун разглядывал человека парой качающихся глазных стебельков, а остальными двумя словно спрашивал у соседей: *Что происходит?*

Незнакомец захлопал в ладоши, как обрадованный ребенок, и расхохотался так, что слезы побежали по его темным тощим щекам.

Аскс

Столетие просвещения, вызванного Святым Яйцом, и вся предыдущая тяжелая работа по установлению Общины — все это словно забылось в один день. Теперь редко можно увидеть реук: яд подозрительности стащил их со лбов и переместил в наши выложенные мхом сумки; и нам оставалось рассчитывать только на слова, как мы делали в прошлые века, когда слова часто вели к войнам.

Мои/наши соплеменники приносили последние тревожные слухи, и я пропускал злобу через мой/наш сегмент основания, чтобы пары

поднимались по центру, принося с собой отвратительное понимание таких гнусных мыслей:

– нашим соседям-людям больше нельзя доверять, если вообще можно было когда-нибудь.

— они продадут нас своим братьям по генам и клану из отряда грабителей.

— они солгали, когда называли себя бедными, лишенными патронов волчатами, которых презирают во всех Пяти Галактиках.

— они только делали вид, что изгнаны, а на самом деле шпионили за нами и нашим миром.

Еще более горькой была такая лживая сплетня:

– они скоро улетят со своими братьями, возобновят богоподобную жизнь, от которой отказались наши предки. Оставят нас гнить в этом несчастном, забытом, проклятом месте, а сами будут летать по галактикам.

Это была такая грязная сплетня, такая отвратительная, что я/мы выпустил зловонный меланхоличный пар.

Люди… неужели они так поступят? Неужели покинут нас?

Если/когда это случится, ночь будет сверкать так же отвратительно, как день. Потому что нам придется всегда смотреть из нашей тьмы и ви-

деть то, что они вернули себе.

Звезды.

Парк

Женщина-биолог заставляла его нервничать. У нее была привычка смотреть на него опьяняющим взглядом, и он чувствовал себя дикарем или ребенком.

Чем он и был — по сравнению с ней, хотя биологически прожил дольше. Прежде всего все то, что он изучал всю жизнь, не заполнит даже одной кристаллической ячейки памяти, которые она беспечно держит в переносном корпусе, висящем на плече комбинезона.

У этой женщины смуглое экзотическое лицо с большими глазами поразительного кремово-карего цвета.

– Ты готов, Ларк? — спросила она.

В его мешке запасы еды на четыре дня, так что необходимости в охоте не будет, но свой бесценный микроскоп на этот раз он вынужден оставить. Это доказательство мастерства уров кажется детской игрушкой по сравнению с приборами, которые используют Линг и ее коллеги для осмотра организмов — вплоть до молекуляр-

ного уровня. *Что такого можем мы им сказать, чего они еще не знают?* думал Ларк. *Что им от нас нужно?*

Распространенный вопрос, который обсуждают те его друзья, кто еще согласен с ним разговаривать, и те, кто поворачивается спиной к любому человеку, потому что он соплеменник пришельцев.

Но мудрецы поручили человеку — к тому же еретику — быть проводником этих пришельцев в полном сокровищами лесу. Начать танец переговоров, в которых речь идет о нашей жизни.

Шесть могут предложить только одно. Нечто такое, чего нет в официальной статье о Джиджо в Великой Галактической Библиотеке, статье, составленной буйурами перед отлетом. Это нечто — данные последнего времени о том, как изменилась планета после миллионолетнего пребывания в невозделанном состоянии. В этом вопросе Ларк такой же “эксперт”, как и любой местный дикарь.

— Да, я готов, — ответил он женщине со звездного корабля.

— Хорошо. Тогда пошли! — И она знаком попросила его идти впереди.

Ларк повесил на плечо мешок и повернулся,

чтобы показать выход из долины поваленных деревьев. Маршрут пройдет далеко от Яйца. Конечно, никто не надеялся сохранить его существование в тайне. Разведочные роботы летают уже много дней, они видели все поляны, ручьи и фумаролы. Но все же есть вероятность, что они примут Яйцо за еще одну естественную скальную формацию — до следующего периода, когда оно начнет петь.

Маршрут Ларка пролегает также в стороне от долины, куда отослали невинных: детей, шимпанзе, лорников, зукиров и глейверов. Может, все-таки грабители не всевидящи. Может, самое дорогое удастся спрятать.

Ларк согласился с планом мудрецов. До определенного момента.

Обычно по краям долины собираются толпы зрителей, наблюдающих, как темный куб поглощает солнечные лучи, ничего не отражая. Когда два человека добрались до такого края, группа зрителей — уров нервно попятилась, их копыта стучали по твердому камню как булыжники. Это все молодые незамужние самки с пустыми сумками для мужей. Именно такие способны причинить неприятности.

Конические головы раскачивались и свистели,

наклоняясь в сторону людей, обнажая треугольники пилообразных зубов. У Ларка напряглись плечи. Реук в кармане пояса запищал, чувствуя разлитую в воздухе злобу.

— Перестань! — предупредил он, когда Линг направила свои инструменты на топчущихся уров. — Продолжай идти.

— А почему? Я хочу только сделать…

— Я в этом уверен. Но сейчас неподходящее время.

Ларк взял ее за локоть, заставляя двигаться дальше. По первым контактам он понял, что она очень сильна.

Сзади мимо них пролетел камень и ударился впереди о землю. За ним последовал крик с придыханием.

Скирлсссс!

Линг начала с любопытством поворачиваться, но Ларк заставлял ее идти. Несколько голосов подхватили:

Скирлс!

Джикии скирлссс!

Вокруг застучали камни. Глаза Линг тревожно сузились. Поэтому Ларк сухо заверил ее:

— Уры бросают не очень хорошо. Не умеют целиться, даже когда узнали о луках и стрелах.

— Они ваши враги, — заметила женщина, по собственному желанию ускоряя шаг.

— Слишком сильно сказано. Скажем так: в прошлом людям приходилось немало сражаться за свое место на Джиджо.

Толпа уров следовала за ними, легко догоняя и продолжая кричать, отчего у людей напрягались нервы, пока с востока не прискакала еще одна самка и на остановилась перед толпой. У нее была нарукавная повязка проктора Собрания, она широко развела руки, обнажив полные брачные сумки и активные железы запахов. Толпа попятилась перед самкой, которая делала смелые агрессивные круги головой, отгоняя уров от двух людей.

Закон и порядок пока еще функционируют, думал Ларк с облегчением. *Хотя сколько они еще продержатся?*

– А что они нам кричали? — спросила Линг после того, как они углубились под полог деревьев вор с их тонкими иглами. — Это было не на Галшесть или Галдва.

— Местный диалект, — усмехнулся Ларк. — Джикии — по происхождению ругательство хунов, теперь его используют повсеместно. Оно означает “вонючий” — ничего лучше эти грубые

незамужние уры не могут сказать!

— А второе слово? Ларк оглянулся на нее.

— Уры придают очень большое значение оскорблениям. В прошлом, в дни пионеров, им нужно было как-то называть нас. Назвать словом, которые люди сочли бы одновременно оскорбительным и подходящим. Поэтому во время одного из перемирий они очень любезно попросили наших основателей сказать, как называется знакомое нам лесное животное, которое живет на деревьях и считается глупым.

Глаза ее, устремленные прямо на него, огромные и изящные. Вряд ли можно ожидать такие глаза у пирата.

— Не понимаю, — сказала Линг.

— Для них мы те, кто карабкается на деревья. Точно так же, как нашим предкам они сами должны были напоминать лошадей, лошаков, тех, кто пасется в траве.

— Ну и что? Я по-прежнему…

— Поэтому мы решили выглядеть поистине оскорбленными, когда разгневанный ур называет нас белкой — *сквиррел,* на англике. Это делает их такими счастливыми.

Она выглядела удивленно, словно его объяснение по-прежнему изумляло ее.

— Вы хотели доставить удовольствие своим врагам? — спросила она.

Ларк вздохнул.

— На Склоне больше ни у кого нет врагов. Не в таких масштабах.

Точнее — не было до недавнего времени, добавил он про себя.

— А что? — продолжал он, пытаясь сменить тему допроса. — Там, откуда вы, у вас много врагов? Настала ее очередь вздохнуть.

— Галактики полны опасностей. Очень многие недолюбливают людей.

— Так говорили и наши предки. Это потому, что люди волчата, верно? Потому что мы возвысились сами, без помощи патронов?

Линг рассмеялась.

— О, этот старый миф!

Ларк удивленно посмотрел на нее.

— Ты… Ты хочешь сказать?…

— Что мы знаем правду? Знаем свое происхождение и назначение? — Она улыбнулась с выражением спокойной уверенности. — Боже, потерянное дитя прошлого, ваш народ отсутствовал действительно очень долго. Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о наших великодушных повелителях ротенах? Любимых

патронах человечества?

Он споткнулся о камень, и Линг подхватила его за руку, чтобы удержать.

— Но это можно обсудить позже. Вначале я хочу поговорить об этих — как ты их назвал — скирил?

Она подняла палец, украшенный толстым кольцом. Ларк догадывался, что это прибор для записи. Потребовалось большое усилие, чтобы сдержать свое любопытство относительно галактических проблем и говорить о чем-то другом.

— Что? А, *сквиррел.*

– Ты подразумеваешь, что они живут на деревьях и подобны людям. Увидим ли мы такое животное в пути?

Он, не понимая, посмотрел на нее, потом покачал головой.

— Гм, не думаю. Не в этом походе.

– А что ты можешь мне о них рассказать? Например, есть ли у них склонность к использованию орудий труда?

Ларку не требовалось ни пси-способностей, ни реука, чтобы прочесть мысли своей привлекательной гостьи. Он правильно истолковал ее вопрос.

Есть ли у них склонности к машинной циви-

лизации? К войнам и торговле? К философии и искусству?

Есть ли у них Потенциал? Это волшебное свойство, которое делает помощь им выгодной?

Обладают ли они качествами, позволяющими воспользоваться толчком со стороны патронов. Перспективой когда-нибудь самим летать меж звезд?

Подходят ли они для Возвышения?

Ларк скрыл свое удивление ее невежеством.

— Нет, насколько мне известно, — честно ответил он, поскольку единственные белки, которых он видел, были изображены на древней выцветшей картине со старой Земли. — Если пройдем поблизости, сможешь увидеть сама.

Грабители со звезд явно ищут здесь биологические сокровища. Что еще может бедная Джиджо предложить такого, ради чего стоило бы пробираться мимо часовых Института Миграции, лететь звездными маршрутами, давно уступленными странной и грозной цивилизации зангов, а потом рисковать смертоносным карбоновым ветром Измунути?

А что еще? размышлял Ларк. *Помимо убежища? Спроси у собственных предков, парень.*

Пришельцы не делали вид, как вначале по-

думал Ларк, что они представляют какую-то галактическую организацию или имеют законное право исследовать биосферу Джиджо. Неужели они считают, что изгнанники ничего об этом не помнят? Или им просто все равно? Их цель — данные об изменениях, происшедших со времени ухода буйуров — делает работу всей жизни Ларка более ценной, чем он себе представлял. Настолько ценной, что сам Лестер Кембел приказал ему оставить записи, чтобы они не попали в чужие руки.

Мудрецы хотят, чтобы я играл с ними. Узнал от них не меньше, чем они узнают от меня.

Конечно, план, заранее обреченный на неудачу. Шесть подобны младенцам, не знающим правил смертоносной игры. Тем не менее Ларк постарается сделать все, что в его силах, пока его намерения и намерения мудрецов совпадают. Но так может быть не всегда.

Они это знают. Они не могли забыть, что я еретик.

К счастью, пришельцы назначили сопровождать его своего наименее устрашающего члена. Это вполне мог быть *Ранн,* огромного роста мужчина, с коротко остриженными седыми волосами, громким голосом и клинообразным

торсом, который словно выпирал из тесного мундира. Из остальных двоих, вышедших из черного куба, *Кунн* производил почти такое же грозное впечатление, как Ранн, с плечами, как у молодого хуна, в то время как светловолосая *Беш* была настолько женственна, что Ларк удивлялся, как ей удается грациозно передвигаться с телом из одних изгибов. Линг казалась почти нормальной, хотя и она в любом городе на Джиджо вызвала бы нарастающее волнение, несомненно, провоцируя множество дуэлей среди горячих поклонников…

Не забудь свою клятву, напомнил себе Ларк, отдуваясь от усилий во время подъема по крутому участку тропы. Блузка Линг промокла спереди от пота и соблазнительно липла к ее телу. Ларк заставил себя отвернуться. *Ты сделал выбор — жить с целью большей, чем ты сам. Если ты не отказался от этой цели ради честных женщин Джиджо, даже не думай сдаваться перед этой женщиной, чужаком, грабителем, врагом этого мира.*

Ларк нашел новое направление для жара в своих жилах. Похоть можно заблокировать другими сильными эмоциями. Поэтому он обратился к гневу.

Ты собираешься использовать нас, молча рас-

суждал он. *Но дела могут обернуться совсем не так, как ты планируешь.*

Такое отношение, в свою очередь, породило упрямство, победившее естественное любопытство. Чуть раньше Линг что-то сказала о том, что люди больше не считаются *волчатами* среди звезд. Они больше не сироты, не имеющие патронов, которые руководили бы ими. Судя по ее взгляду, она явно ожидала, что эта новость взволнует его. Несомненно, хотела, чтобы он упрашивал ее о дальнейшей информации.

Я буду упрашивать, если потребуется — но скорее куплю, займу или украду. Посмотрим. Игра еще только началась.

Вскоре они миновали заросли малого бу. Линг брала образцы сегментов стеблей — каждый не больше десяти сантиметров в диаметре — и ловко просовывала почти прозрачные срезы в свой анализатор.

— Возможно, я тупой туземный проводник, — заметил Ларк. — Но готов поклясться, что бу не проявляет никаких признаков предразума.

Когда он произнес последнее слово, голова ее дернулась. Так Ларк покончил с притворством.

Мы знаем, зачем вы здесь.

Смуглая кожа Линг не скрывала краски.

— Я что-нибудь подобное предполагала? Просто хочу сделать генетический срез, поскольку это растение завезено буйурами. Нам необходима отметка, чтобы сопоставлять с тенденциями животных. Это все.

Итак, мы начинаем откровенно лгать, подумал он. По окаменелостям Ларк знал, что бу процветало на Джиджо задолго до того, как буйуры двадцать миллионов лет назад получили разрешение на эту планету. Возможно, оно было завезено предыдущими обитателями. Вся экосистема сосредоточилась вокруг этого преуспевающего растения, и теперь от него зависят бесчисленные животные. Но первое время, когда бу вытесняло туземную флору, положение должно было быть тяжелым.

Ларк мало что знал о биохимическом уровне, но, судя по окаменелостям, вид почти не изменился за сотни миллионов лет.

Почему она лжет о чем-то настолько неважном? Свитки учат, что обман не только неправилен — он ненадежный, опасный союзник. И к тому же к нему привыкаешь. Если начнешь лгать, остановиться трудно. И со временем именно на мелкой бесполезной лжи тебя поймают.

– Говоря о предразуме, — сказала Линг, закры-

вая свой ящик для образцов, — не могу понять, куда вы спрятали своих шимпанзе. Я уверена, что у них произошли очень интересные изменения.

Теперь настала очередь Ларка выдать себя невольным вздрагиванием. Отрицать бесполезно. *Людям не нужны реуки, чтобы играть друг с другом в эту игру — ловить намеки на лицах. Лестер должен понимать, что я выдам не меньше, чем узнаю.*

– Шимпы подобны детям. Естественно, мы отослали их подальше от возможной опасности. Линг посмотрела направо и налево.

— Ты видишь какую-нибудь опасность?

Ларк едва сардонически не рассмеялся. В глазах Линг плясали огоньки, о смысле которых он мог только догадываться. Но некоторые мысли ясны и без того, чтобы их произносили вслух.

Ты знаешь, что я знаю. Я знаю, что ты знаешь, что я знаю. А ты знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что я знаю…

Есть еще одна эмоция, которая способна победить гормональную похоть или ярость гнева.

Уважение.

Он кивнул сопернице, прямо посмотрев ей в глаза.

— Я дам тебе знать, если мы будем проходить

вблизи шимпов, так что сможешь посмотреть сама.

У Линг оказалось исключительно острое зрение, и она это часто демонстрировала, замечая движения, которые Ларк пропустил бы: лесные создания нападали, ползали, охотились, заботились о детях. Этим свойством она напомнила Ларку Двера. Но у Линг было также множество инструментов, которые она сразу применяла ко всем ползающим, бегающим или летающим существам, которые привлекали ее внимание.

Должно быть, она действительно изучала древние записи буйуров, потому что часто и многое узнавала, классифицируя образцы кустов, деревьев, четырехкрылых птиц. Она также спрашивала Ларка, каково местное название этих видов. Ларк давал осторожные ответы, достаточные для того, чтобы подтвердить свою ценность в качестве туземного проводника.

Иногда Линг останавливалась и начинала негромко говорить в свое кольцо, словно подводя итоги того, что узнала. Ларк с дрожью понял, что она находится в постоянном контакте со своей базой. Это была речь на расстоянии, не сигналы семафора и даже не редкий дар телепатии, но настоящая высокотехнологическая связь, надежная

связь, о которой упоминают книги. Голос того, кто был на другом конце, был едва различим, как тихий шепот. Ларк догадывался, что звук каким-то образом проецируется компактно, так что слышно его только в районе уха.

В одном случае Линг заговорила на диалектной разновидности англика, которая Ларку была понятна с трудом.

— Да, да… Ладно. Постараюсь побыстрее… Но вы… расстояние и подробности…

Должно быть, человек на том конце говорил убедительно, потому что после разговора Линг пошла быстрей — до следующего волнующего открытия, которое заставило ее забыть о своем обещании, остановиться и терять время из-за какой-то загадочной подробности. Эта ее особенность — вид живых существ чрезвычайно ее занимал — первой искренне понравилась Ларку.

Но Линг все испортила, относясь к нему покровительственно, описывая — медленно и в простых словах, — что значит “ночной образ жизни”. Ларк подавил свое негодование. Он прочитал достаточно приключенческих романов, чтобы знать, как должен себя вести туземный проводник. Поэтому он с уважением поблагодарил ее. Сохранение стереотипного представления может

принести ему определенную выгоду в будущем.

Несмотря на весь свой энтузиазм и острое зрение, Линг не охотник, как Двер. Даже для Ларка окружающая местность кишела приметами: следами, сломанными стеблями, пометом, территориальными пометами, клочьями шерсти, чешуйками, перьями и торгами. Любой ребенок Шести мог прочесть эти приметы, которые раскиданы вдоль тропы. Но Линг, казалось, интересует только живое.

Мысли о Двере заставили Ларка улыбнуться. *Когда он вернется после своей погони за глейвером, я буду рассказывать дикие истории — для разнообразия.*

Через промежутки Линг раскрывала инструмент с двумя “голографическими экранами”. Ларк смотрел через ее плечо. Один экран показывал движущуюся лесную картину где-то поблизости, судя по характеру растительности. На втором экране были цифры и схемы, которых Ларк не понимал, и это было унизительно. Он прочел едва ли не все биологические тексты в Библосе и считал, что может по крайней мере понять лексикон.

Может, поведение типа “Да, бвана” — вовсе не игра. Получается, я действительно неграмотен.

Линг объяснила, что это данные одного из роботов-зондов, который поднимается впереди на некотором удалении от них.

— Можем мы теперь идти быстрее? — нетерпеливо спросила она. — Робот отловил несколько интересных образцов. Хочу осмотреть их, прежде чем они распадутся.

Но медлила-то она. Тем не менее Ларк кивнул.

— Как скажешь.

Первым образцом оказался злополучный вуанк-червь, чья норка была разрезана хирургически ровно. Червь тщетно пытался спастись, но плотная волокнистая сетка легко выдерживала удары его костлявой головы.

Линг заговорила в свое кольцо.

— Хищная форма, по-видимому, происходит от оров — собирателей, которых буйуры заимствовали у дезни три геологических эпохи назад. Организмы такого происхождения должны впадать в летнюю спячку после инъекции клатрата метана. Сейчас попробую большую дозу.

Она нацелила прибор, из которого, как голодный хищник, устремилась тонкая трубка, пронзив тело червя между двумя пластинками брони. Червь задергался, затем поник и застыл.

– Хорошо. Теперь проверим, изменилась ли его

энцефализация за прошедший мегагод. — Линг повернулась к Ларку и объяснила: — Это нужно, чтобы проверить, больше ли у них стало материи мозга.

Это– то я знаю, подумал Ларк, но не сдержался и ответил:

— Как удивительно.

Ларк учился подавать инструменты, брать кровь и помогать исследовательнице во всем, о чем она ни попросит. Однажды шершавый язык рассерженного длинноморда выскользнул между решетками клетки и сорвал бы с руки Линг полоски плоти, если бы Ларк вовремя не отдернул ее. После этого случая Линг как будто поняла, что "туземный проводник" способен не только на то, чтобы носить, подавать и поражаться каждому сказанному ею слову.

Хотя все собранные роботом образцы относились к существам с мозгом, это охотники или всеядные собиратели, тем не менее Ларк считал, что ни одно из них не подходит для Возвышения. *Может, через десять миллионов лет, когда эту галактику снова откроют для законного заселения, тогда длинноморд или прыгун могут быть готовы, закаленные эволюцией и удачей Ифни, и тогда какая-нибудь старшая добрая раса их*

примет.

Но, наблюдая за тем, как она с помощью волшебных лучей и инструментов оценивает грязного поедателя падали, Ларк не мог избавиться от картины: этот самый поедатель отвечает тем, что встает на задние лапы и произносит оду дружбе всех живых существ. Группа Линг явно считает, что они могут найти что-нибудь очень ценное, появившись на Джиджо раньше намеченного времени. *И если Потенциал есть, нужна только помощь патронов, чтобы пустить новую расу по Тропе Возвышения.*

Несколько текстов в Библосе с этим не соглашались. В них утверждалось, что роды далеко не всегда нуждаются в повитухе.

Следующую часть пути Ларк думал об этом.

— Ты упомянула, что землян больше не считают волчатами.

Линг загадочно улыбнулась.

— Кое-кто по-прежнему верит в старый миф. Но уже довольно давно правда стала известна.

— Правда?

— Правда о нашем происхождении. Кто наделил человечество даром мысли и разума. Наши истинные патроны. Всем, чем мы стали и чем станем в будущем, мы обязаны нашим учителям

и проводникам ротенам.

Сердце Ларка забилось быстрей. Несколько томов на эту тему пережили пожар, опустошивший полки Библоса, на которых располагалась литература по ксенологии, поэтому он знал, кто когда триста лет назад крадущийся корабль “Обитель” направился на Джиджо, по-прежнему шли ожесточенные споры. В те дни некоторые рассуждали, что задолго до начала исторической эры какие-то тайные доброжелатели помогли человечеству. Другие поддерживали модель Дарвина — что разум мог эволюционировать сам по себе, без посторонней помощи, вопреки скептицизму галактической науки. И вот Линг утверждает, что спор окончен.

— А кто они? — приглушив голос, спросил Ларк. — Ротены прилетели с вами на Джиджо?

На лице ее снова появилась улыбка, понимающее выражение.

— Правда за правду. Сначала ты мне расскажешь то, что есть на самом деле. Что делает группа людей на этой ужасной маленькой планете?

— Ммм… О какой группе ты говоришь: о своей или о моей?

Единственным ее ответом была молчаливая

улыбка. Она словно говорила: *“Давай продолжай молчать. Я могу и подождать”.*

Линг шла по следам, оставленным безжалостным роботом, переходя от одного уснувшего существа к другому. К вечеру она ускорила шаг, пока они не поднялись на вершину низкого хребта. Отсюда Ларк увидел к северу еще несколько плато, уходящих вверх, к вершинам Риммера. Вместо обычных местных деревьев ближайшую мезу покрывала гораздо более темная зелень, густая заросль гигантского бу. Отдельные растения были такими огромными, что их можно различить даже с того места, где он стоит. Пространство гигантских раскачивающихся стеблей прерывало несколько полосок камня и одна водная.

Последним образцом оказался неудачливый горный зверек, который свернулся в колючий шар, когда они срезали паутину, которой робот удерживал свои жертвы. Линг потрогала зверька инструментом, с которого сорвалась короткая резкая искра, но никакой реакции не получила. Повторила процедуру с большим зарядом. Ларка начало мутить, когда он уловил запах поднимающегося дыма.

— Он мертв, — диагностировал Ларк. — Все-таки ваш робот не совершенен.

Ларк выкопал яму для туалета и подготовил костер. У него был с собой завернутый в листья хлеб с сыром. Линг вскрыла коробочку, покрытую фольгой; в коробочке еда сразу закипела, и Ларк ощутил незнакомый соблазнительный запах. Когда он собрал ее опустевшие пакеты, чтобы унести с собой и запечатать как мусор, было уже совсем темно.

Линг как будто склонна была возобновить разговор.

— Ваш мудрец Кембел говорит, что никто не помнит точно, по какой причине прилетели ваши предки. Иногда сунеры проникают на невозделанные планеты незаконно размножающимися группами. Другие спасаются от войн и преследования. Мне хотелось бы знать, что ваши предки рассказали тем расам, которые здесь уже были до них.

Сунерами Шесть называют небольшие группы, которые тайком уходят со Склона и вторгаются на территорию, запретную по заветам священных Свитков. *Но, вероятно, в этом смысле мы все здесь "сунеры". Даже те, кто живет на Склоне.* В глубине души Ларк всегда это знал.

Тем не менее ему приказывали солгать.

— Ты ошибаешься, — сказал он. Обманывать

не хотелось, — Мы потерпели крушение. Наш объединенный экипаж…

Женщина рассмеялась.

— Прошу тебя. Эта хитрость продержалась день или два. Но мы знали еще до отлета нашего корабля: то, что ты говоришь, невозможно.

Ларк поджал губы. Никто и не ожидал, что их блеф долго продержится.

— Как вы узнали?

— Это просто. Люди вышли в галактическое пространство около четырехсот лет назад — триста пятьдесят циклов Джиджо. Земляне не могли находиться на борту корабля, который принес сюда, на эту планету, г'кеков.

— Почему?

— Потому, мой добрый отсталый братец, что к тому времени как люди появились на галактической сцене, г'кеков там уже не было.

Ларк мигнул, а она продолжила:

— Увидев вас здесь, на склонах долины, мы узнали большинство типов. Но нам пришлось порыться, чтобы узнать г'кеков. И представьте себе наше удивление, когда на экране появилось слово.

Это слово — *вымерли.*

Ларк мог только молча смотреть на нее.

— Ваши друзья на колесиках — большая редкость, — заключила Линг. — Те, что здесь, на Джиджо, несомненно, последние представители своего вида.

И именно тогда, когда ты начала мне нравиться… Ларк готов был поклясться, что в глазах Линг появилось довольное выражение: она видела, как он поражен новостью.

— Как видишь, — добавила Линг, — у каждого из нас есть чем поделиться. Я тебе только что открыла правду. Надеюсь, ты ответишь мне тем же.

Он старался говорить спокойно.

— Разве я до сих пор тебе не помогал?

— Не пойми меня неверно! Ваши мудрецы так старались скрыть от нас кое-что. Они, возможно, даже не поняли наших вопросов. У нас есть возможность говорить дольше, и многое может проясниться.

Ларк видел, что происходит. *Разделяй и расспрашивай.* Он не присутствовал на встрече людей с неба и мудрецов. И она, конечно, легко поймает его на расхождениях, если он не будет предельно осторожен.

— Например, когда Кунн спросил о том, видели ли вы другие корабли с тех пор как первые

сунеры появились на Джиджо, ему рассказали о посещении шаров зангов, которые ныряли глубоко в море, и о нескольких далеких огоньках, которые могли быть исследовательскими кораблями институтов. Но нас интересует то, что происходило гораздо…

Ее прервал резкий звонок. Линг подняла руку с голубым кольцом на пальце.

— Да?

Наклонив голову, она слушала шепот, проецируемый возле уха

— Точно? — спросила она удивленным голосом. Линг, не глядя, достала из кармана на поясе портативный приемник, на двух экранах которого показались лесные сцены, движущиеся в вечернем полусвете. *Машины не спят,* заметил Ларк.

— Переключите изображение с четвертого зонда на пятый, — попросила Линг. Картина на экране исчезла, сменившись статическими разрядами. На правом экране вместо схем и графиков появились плоские росчерки, которые на Галактическом Шесть означают “ноль”.

— Когда это случилось? — спросила женщина у невидимого коллеги. Ларк следил за ее лицом, жалея, что не слышит голоса на том конце: до него доносился только неразборчивый шепот.

— Повторите последние десять минут записи перед отказом зонда.

На левом экране появилось изображение. На нем виден был узкий зеленый коридор с лентой неба вверху и потоком пенной воды внизу. Стены коридора из тесно растущих стеблей гигантского бу.

— Пропустите на двойной скорости, — нетерпеливо попросила Линг. Огромные колонны стремительно понеслись мимо. Ларк наклонился поближе: сцена показалась ему знакомой.

Неожиданно узкий проход расширился, превратился в мелкий кратер, чашу, усеянную камнями, с маленьким озерком в центре, окруженным плотными зарослями переплетенных растений.

Минутку. Я знаю это место…

На экране появилось перекрестие тонких линий, они сошлись вблизи пенного берега озера, а на правом экране появились красные символы на техническом Галшесть. Ларк пытался прочесть, но разобрал только несколько слов:

…аномалия… неизвестный источник… сильная цифровая деятельность…

У него перехватило дыхание, когда глаз камеры стремительно понесся к источнику неожиданности, пролетев над плитами древней буйурской

постройки. Красные символы сосредоточились в центре правого экрана. В центре все стало гораздо более отчетливым, а на периферии расплывалось. Появились записи о подготовке — Ларк читал с отчаянием — о подготовке *оружия*, о готовности к его использованию.

Двер всегда говорил, что этот мульк-паук гораздо опаснее всех других, и предупреждал, чтобы держались от него подальше. Но, во имя Джиджо, что могло так встревожить робота?

Ему пришла в голову еще одна мысль.

Боже, да ведь Двер, преследуя глейвера, ушел именно в этом направлении!

Машина замедлила приближение. Ларк узнал густые заросли древнего мульк-паука, его паутину, раскинутую на остатках какого-то буйурского сооружения.

Взгляд робота упал на светлую фигуру, прижавшуюся к земле, и Ларк мигнул.

Неужели это глейвер *на открытом месте? Ифни, мы так старались их спрятать, а машина пролетает мимо одного из них и даже не замечает!*

Еще один сюрприз поджидал его на периферии замедлявшей свое движение камеры. Худое животное, четвероногое, напряженное, его черная

шерсть почти сливается с темными зарослями. Сверкнули белые зубы *нура,* удивленно и вызывающе щелкая навстречу приближающейся машине, затем нур исчез, а робот целеустремленно двинулся дальше.

Нур? Так высоко в горах? Не понимая почему, Ларк ощутил во рту горечь.

Теперь машина чуть ползла. Красное перекрестие сместилось в сторону, к точке, которая светилась ритмами алой угрозы.

...цифровое сознание... уровень девять или выше... дрожали галактические символы. Внизу, в полутьме, почти ничего нельзя было рассмотреть, кроме какого-то неясного передвижения в самом центре пересечения линий. Должно быть, робот использовал и другие чувства, не только зрение.

...автономное принятие решения... немедленное уничтожение угрозы...

Неожиданно тусклая сцена ярко осветилась. Ослепительные молнии устремились в заросли, центр картины вспыхнул белым, молнии разрезали медузообразные конечности мульк-паука. Из разрезанных извивающихся нитей били столбы кипящей жидкости, а красные кружки прицеливания плясали, передвигались взад и

вперед, отыскивая что-то упрямо уклонявшееся в ограниченном пространстве.

Линг читала данные на правом экране, проклиная неспособность робота быстро покончить с противником. И Ларк был уверен, что только он заметил фигуру, мелькнувшую на краю панели. Она видна была лишь мгновение, но словно обожгла его оптический нерв.

Одна… нет, *две* путаницы рук и ног, переплетенные нитями, укрывающиеся от горящей ярости сверху.

Оба экрана заполнили статические разряды.

— Нет, я не могу направиться туда немедленно. Туда не меньше половины миктаара. Мы с проводником заблудимся в темноте. Придется ждать, пока…

Снова вслушавшись, Линг вздохнула.

— Хорошо. Я его спрошу.

Она опустила кольцо и повернулась.

— Ларк, ты знаешь эту местность. Есть ли тропа… Она замолчала, вскочила и посмотрела налево, направо.

– Ларк?

Она звала в ночи, в бархатной тьме, в которой подмигивал роскошный и самый яркий спиральный третий галактический рукав.

— Ларк! Где ты?

Ветер шелестел в ветвях над головой, нарушая лесную тишину. Невозможно установить, как давно он исчез и в каком направлении ушел.

Линг со вздохом подняла руку и сообщила о происшествии.

— Откуда я знаю? — ответила она на короткий вопрос. — Не могу винить нервную обезьяну: она просто испугалась. Он ведь никогда не видел в работе лучи робота. Сейчас, наверно, на полпути домой и вряд ли остановится до берега…

Да, да. Я знаю, что мы еще не приняли решение, но сейчас уже слишком поздно. И в любом случае это не имеет значения. Он услышал только несколько намеков. У нас есть еще многое, чем можно подкупить туземцев. И еще многое там, откуда он явился.

Аскс

Разногласия нарастали.

Община извивалась, как треки, кольца которого грубо сбросили в кучу, без питательного контакта с брачными торами.

Прискакал курьер ур и принес известия из поселений ниже по Склону: там воцарились

смятение и хаос и правили подобно древним деспотическим квуэнским императрицам. Некоторые деревни перевернули свои баки для воды, разрушили огромные силосные башни, солнечные нагреватели и ветряные мельницы, опираясь на указания священных Свитков и не выполнив решение совета мудрецов, торопливо разосланное в день появления корабля: всем предлагалось придерживаться политики — подождем и увидим.

Но другие защищали свои амбары, и пристани, и плотины, набрасывали на них маскирующую растительность — и яростно отражали нападения соседей, которые пытались подобраться к их драгоценной собственности с факелами и ломами.

Разве здесь, на Собрании, не должно было быть лучше? Разве не собрались здесь самые мудрые представители всех Шести для ежегодной церемонии единения? Но и сюда проник яд.

Первое разногласие — грязные подозрения относительно самой молодой расы. Может быть, наши соседи люди заключили союз с пришельцами? С грабителями? Если пока еще не заключили, то не поддадутся ли со временем искушению?

О, какая страшная мысль! Они из всех Шести обладают самыми большими познаниями в нау-

ках. Как можем мы без их помощи проникнуть в ложь богоподобных преступников?

Некоторое подобие доверия восстановили Лестер и его помощники: они поклялись в преданности Джиджо и Святому Яйцу. Но разве слухи и сомнения не летают по-прежнему, как легкая сажа, между этими мягкими полянами?

Разногласия *усиливаются.* Вернулась из глубокой пещеры команда сборщиков урожая — в этой пещере живут дикие реуки. Но пещера оказалось пустой, ни одного реука не нашли. А те, что лежат в наших сумках, бездействуют. Не пьют наши жизненные жидкости, не помогают делиться тайнами наших душ.

Дальнейшие разногласия — многих искушают песни сирен. Сладкие посулы нежеланных гостей. Елейные обещания, слова дружбы.

И не только слова.

Помните ли вы, мои кольца, как звездные люди распространили весть, что будут *лечить?*

Под навесом, принесенным с территории праздника, вблизи от их темного кубического укрепления, они принимали калек, больных и раненых. Мы, мудрецы, беспомощные и пораженные, могли только наблюдать, как вереницы наших больных братьев входили внутрь, а потом

выходили, преобразившиеся, оживленные, часто излеченные.

На самом деле, у многих только смягчилась боль. Но с другими — с ними произошла чудесная перемена! Двери смерти трансформировались и превратились в врата молодости, энергии, силы.

Что мы могли сделать? Запретить? Невозможно. Но какие бесценные образцы получили эти целители. Флаконы, полные образцами нашей разнообразной биологии. Какими бы ни были белые пятна в их досье, теперь они знают все о нашей силе и слабости, о наших генах и о том, что скрыто в нашей природе.

А как встречали излечившихся? Некоторые называли их предателями. Другие обвиняли в святотатстве и с ненавистью отшатывались.

Так мы разделились. А по мере роста враждебности продолжали делиться все больше.

Едины ли мы по-прежнему? Существует ли еще наша Община?

Разве не ты, мое/наше собственное третье базовое кольцо, много лет страдающее от болезни, известной как чума торов, разве ты не попыталось увести эту престарелую груду колец к зеленому павильону, где предлагаются и творятся чудеса? Если разногласия поразили это собрание,

которое окружающие называют Аскс, как может держаться общество индивидов?

Мы всегда боялись неба над головой. Но теперь разногласия заполняют наши луга, ими исполнены наши дни и ночи, и теперь сама почва Джиджо кажется такой же пугающей, как небо.

Можем ли мы надеяться, мои кольца?

Сегодня вечером мы отправляемся в паломничество. Большинство мудрецов всех Шести пойдут во тьме, с трудом пробираясь между огненными пропастями, между дымящимися фумаролами и туманными утесами, чтобы достичь Святого Яйца.

Ответит ли оно нам на этот раз? Или ужасное молчание последних недель продолжится?

Есть ли у нас еще надежда?

Существует ощущение, которое мы, треки, научились описывать, только познакомившись на Джиджо с людьми. Однако никогда это странное ощущение не осознавалось так остро. В языках галактик для него нет точного обозначения — ведь эти языки подчеркивают традиции и тесные отношения, они включают в мысль о себе мысль о всем клане и расе. Но в англике это ощущение хорошо известно и является одним из центральных.

Называется оно — *одиночество.*

Двер

По очереди они освобождали друг друга.

Это было нелегко. Боль многих ран и порезов грозила поглотить сознание. И что еще хуже, Двер подозревал, что оглох.

Рети старалась, но ни на что не была способна, только крепко прижимала к груди свое сокровище.

Это сокровище недавно чуть не покончило с ними, когда Рети с криком устремилась в водоворот огня и ядовитого пара, отчаянно пытаясь отыскать остатки своей драгоценной "птицы" среди дымящихся пней и тлеющих обломков ужасной машины, которая рухнула с пылающего неба.

Двер едва успел вторично вытащить ее.

Пойдешь туда снова и можешь оставаться навсегда. Мне все равно.

Он нес ее на расстояние двух полетов стрелы, у него болели легкие и жгло кожу, но он бежал от горящего мульк-паука, пока вонь, жара и удушающие пары не остались позади. Наконец он положил ее на берегу мутного ручья, вытекающего из озера, и погрузил лицо и руки в прохладную

воду. Боль наполовину стихла, и это оказалось шоком, который он едва смог выдержать. Вобрав в легкие воду, он откинулся, кашляя и давясь. Руки скользнули, и он упал в грязь и слабо забился. Если бы Рети не схватила его за волосы и не вытащила бы, он мог утонуть прямо на берегу.

К кашлю присоединилась икота иронического смеха.

После всего… такой конец…

Некоторое время они лежали рядом, измученные и дрожащие, время от времени набирая грязь и натирая ею обнаженные тела друг друга. Грязь успокаивала нервы и, застывая, давала небольшую защиту от ночного холода. Двер думал о теплой одежде в мешке, который лежит где-то среди камней там, у огня.

И мой лук, оставшийся на камне. Он неслышным проклятием старался унять тревогу. Забудь об этом проклятом луке! За ним можно вернуться позже. Сейчас надо отсюда убираться.

Он попытался набраться сил, чтобы встать. Рети пыталась сделать то же самое, но после каждой попытки со стоном опускалась. Наконец Дверу удалось сесть. Звезды дрожали, когда он качался под ударами зимнего ветра.

Двигайся или замерзнешь.

Недостаточный повод. Его не хватает, чтобы преодолеть шок и усталость.

Тогда девушка. Заставь ее двигаться, или…

Или что? Двер сомневался в том, что даже вдвое более сильные страдания способны убить Рети. Но он еще не избавлен от заботы о ней. Она может оказаться полезным союзником и другом…

Он на правильном пути, Двер был в этом уверен. Есть что-то еще. Еще какая-то обязанность. Кто-то ждет его возвращения…

Глейвер. Двер раскрыл залепленные грязью глаза. *Я оставил его привязанным. Он умрет с голоду. Или его прикончит лиггер.*

Дрожа всем телом, Двер встал на колени — и обнаружил, что дальше подниматься не может.

Рети тоже попыталась и обвисла рядом с ним. Они отдыхали, держась друг за друга. *Когда нас найдут замерзшими в таком положении, подумают, что мы любили друг друга.*

Это само по себе было достаточным поводом, чтобы двигаться. Но руки и ноги не слушались.

Мягкая влага коснулась щеки…

Перестань, Рети.

Прикосновение повторилось. Влажное и щекочущее.

Что делает девчонка — лижет меня? Из всех

сумасшедших…

Опять влажный язык — слишком длинный и шершавый для девушки сунера. Двер умудрился повернуть голову… и замигал, увидев два больших выпученных глаза, вращающихся независимо друг от друга на широкой круглой голове. Глейвер опять открыл пасть. На этот раз язык провел широкую влажную полоску прямо по губам и ноздрям Двера. Двер отшатнулся и чихнул…

— К… как… как… к?…

Он смутно расслышал свои слова. Все-таки он не окончательно оглох.

Увидев лучшую опору, Рети переместила одну руку с шеи Двера на глейвера. Второй рукой она сжимала добычу — какие-то куски, ручки, металлические обгоревшие перья.

Двер решил не упускать везение. Он повис по другую сторону глейвера, вбирая тепло его пушистого тела. Терпеливо — или жалостливо — глейвер позволил людям висеть на себе, пока наконец Двер не собрался с силами и не встал.

На одной из задних ног глейвера видны остатки веревки, перегрызенной в районе узла. А за глейвером улыбался источник этого чуда, держа в пасти другой конец веревки. Грязнолапый смотрел на Двера и улыбался блестящими глазами.

Всегда стараешься, чтобы твои заслуги заметили, верно? подумал Двер, зная, что проявляет неблагодарность, но не в силах сдержаться.

На берегу озера раздался еще один взрыв, яркие лучи разогнали там тьму. За ним на протяжении нескольких дуров последовали еще два, сделав невозможными мысли о возвращении за припасами. Пламя разгоралось.

Двер, держась за глейвера, помог встать Рети. — Пошли, — сказал он, слегка наклонив голову. — Лучше умереть на ходу, чем просто лежа здесь.

Спотыкаясь в темноте, оцепеневший от холода, боли и усталости, Двер не мог не думать, что же он видел.

Одна маленькая птица-машина могла быть редкостью, но все же объяснимой редкостью — выживший реликт дней буйуров, каким-то образом сохранившийся в этой местности, бродивший по континенту, забытый хозяевами. Но *вторая* машина — эта грозная летающая опасность — не может быть остатком цивилизации ушедших буйуров. Машина была удивительно мощной и действовала решительно.

Новая машина в этом мире.

Вдвоем они тяжело тащились по еще одному

узкому проходу между гигантскими стволами бу. Туннель спасал от ледяного ветра и избавлял от необходимости принимать решения. Каждый шаг уносил все дальше от пожара на берегу озера, и это вполне устраивало Двера.

Там, где одна смертоносная машина, могут быть и другие.

Не явится ли другая летающая мини-крепость отомстить за брата? При этой мысли узкий проход под звездным пологом перестал казаться убежищем. Теперь он скорее походил на страшную ловушку.

Наконец коридор бу кончился, и все четверо оказались на травянистом лугу. Трава по колено высотой раскачивалась на жестком ледяном ветру, который сразу лишал тело сил. Шел снег. Двер знал, что теперь их падение — только вопрос времени.

На некотором удалении от тропы у небольшого ручья видна была рощица невысоких деревьев. Дрожа, Двер повернул глей-вера в том направлении, и все двинулись по хрустящей, ломающейся траве. *Мы оставляем следы,* ожил в нем охотник. Вспомнились уроки, которые он усвоил у Фаллона. *Держись голого камня или воды… Если тебя преследуют, иди по ветру.*

Все это теперь бесполезно. Инстинкт привел Двера к скальному образованию, к каменному выступу, закрытому низкими кустами. Без зажигалки, даже без ножа и огнива они могут надеяться только на то, что смогут найти убежище. Двер оторвал Рети от шеи глейвера, толкал ее, пока она не поняла — согнулась и заползла под навес. Глейвер на четвереньках прополз за ней. Грязнолапый проехался на сморщенной спине. Двер притащил несколько упавших веток, ветер набросает на них листву. Потом тоже опустился на колени и присоединился к межвидовой путанице конечностей, меха, кожи и ужасного зловония недалеко от лица.

В замкнутом пространстве становилось теплее, снежинки на теле таяли. *Нам не повезло: снежная буря такой поздней весной,* думал Двер. Старый Фаллон говорил, что в горах бывает только два времени года. Одно называется зима. Второе *тоже* зима, но при этом бывает немного зелени, чтобы обмануть неосторожных.

Двер говорил себе, что в сущности погода не такая уж плохая — вернее, была бы такой, если бы их одежда не сгорела, или если бы не испытанный шок, или если бы у них сохранились припасы.

Немного погодя Двер понял, что глухота его проходит. Он слышал, как у кого-то стучат зубы, потом услышал доносящийся сзади какой-то негромкий звук. За ним последовал резкий удар в плечо.

— Я сказала, не можешь ли ты немного подвинуться, — крикнула Рети совсем недалеко от его уха, — ты лежишь на моей…

Он передвинулся. Из-под ребер выскользнуло что-то костлявое. А когда лег снова, боком прижался к ледяной земле. Двер вздохнул.

— Как ты?

Она еще немного отодвинулась.

— Что ты говоришь?

Он повернулся и увидел ее расплывчатые очертания.

— Ты в порядке? — крикнул Двер.

— Конечно. Никогда лучше себя не чувствовала, придурок. Отличный вопрос.

Двер пожал плечами. Если у нее есть энергия на то, чтобы быть вредной, она, вероятно, далеко от двери смерти.

– Поесть ничего нет? — спросила Рети. Двер покачал головой.

— Утром найдем что-нибудь. А до тех пор не говори без особой необходимости.

— Почему?

Потому что у роботов, вероятно, есть уши, едва не сказал он. Но к чему волновать девчонку?

— Береги силы. А теперь будь хорошей и постарайся поспать.

Легкая дрожь — девушка негромко саркастически повторяла его слова. Но он не был в этом уверен — благословенное следствие ударов по ушам, которые он пережил.

Резкими толчками Грязнолапый втиснулся между Двером и Рети. Дверу пришлось переместиться так, что его голову почти не защищал теплый бок глейвера. Он повернул голову и посмотрел на тропу, которую они только что оставили, — узкий проход между двумя рядами бу. Резкий ветер приветствовал его ударом в лицо. Как импровизированная охотничья маскировка не так уж плохо — если только снег прикроет след, который они проложили по траве.

Мы ушли от тебя, Один-в-своем-роде, подумал Двер, наслаждаясь победой, которую не одержал. Многие участки кожи все еще казались слишком оцепеневшими, чтобы их оживило тепло глейвера, особенно в тех местах, где прилипли капли золотистой консервирующей жидкости паука. Сейчас их убрать невозможно — если вообще

когда-нибудь удастся.

И тем не менее мы ушли, верно?

Мысленно он ощутил легкое прикосновение к сознанию. Ничего такого, что можно было бы точно определить, но тем не менее Двер встревожился. Неужели этот старый паук-разрушитель выжил в аду у озера?

Это всего лишь мое воображение. Забудь об этом!

К несчастью, воображение уже снабдило ответом, который мог бы дать Один-в-своем-роде:

Ах, моя драгоценность. Разве ты не всегда говоришь так?

Дрожа не только от холода, Двер приготовился к долгому ожиданию, глядя на туннель в лесу бу: через хребет Риммер могут попытаться проскользнуть другие необычные предметы.

Какой-то шум вырвал Двера из сна, полного ощущения тщетности и паралича. Глаза дернулись от боли, когда он открыл их на холодном ветру. Он бессильно пытался сосредоточиться на том, что его разбудило. Но в голову приходила только нелепая мысль, что кто-то позвал его *по имени.*

Дельфин почти в зените, его бока из бело-голубых звезд словно ныряют меж молочными

волнами.

Облака. И снег идет сильней.

Двер помигал, пытаясь вглядеться. Что-то там движется.

Он поднял руку, чтобы протереть глаза, но пальцы не сгибались. Когда они коснулись лица, то показались окаменевшими — признак шока, усиленного морозом.

Бон там. Что это?

Что– то действительно движется. Не другой робот, самодовольно летящий на силовых столбах, но спотыкающаяся двуногая фигура, торопливо идущая вверх по склону. Двер решил, что походка непрофессиональная. В таком темпе он устанет гораздо быстрей. И никакое дело не стоит риска в такую погоду.

Из всех Шести только хуны и люди способны передвигаться в такой снегопад, но никакой хун не стал бы так торопиться.

Эй, ты! Не ходи в лес бу. Там опасно!

Но Двер лишь захрипел, звук его голоса смог только разбудить Грязнолапого, который поднял голову.

Эй, глупец! Неужели не видишь наш след в траве и на снегу? Да он словно буйурское шоссе! Ты слеп?

Фигура прошла мимо и исчезла в туннеле между стволами бу, похожем на проход в кафедральном соборе. Двер осел, ненавидя себя за собственную слабость. *Мне нужно было только крикнуть. И все. Всего лишь один крик.*

Он остекленевшим взглядом смотрел, как снежные хлопья падают на примятую траву, медленно стирая след, ведущий к убежищу в скалах. *Что ж, ты ведь сам хотел спрятаться, разве не так?*

Может быть, их четверых так никогда и не найдут. Двер не хватало сил, чтобы почувствовать иронию. Такой охотник. Такой великий охотник…

Незнакомец

Потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к этому невероятному путешествию в деревянном корабле, который плывет по скалистым каньонам, проносится мимо высоких каменных стен, создавая впечатление невероятной скорости. Но каким-то странным образом он знает, что привык лететь с большей, гораздо большей скоростью… хотя сейчас ему трудно об этом вспоминать.

Затем пассажиры этого корабля — смесь пора-

зительных типов.

Вначале несколько из них приводили его в ужас — особенно хлюпающее существо, похожее на груду флегматичных пончиков, нагроможденных друг на друга и испускающих сложные зловонные запахи, от которых скребло в носу и горле. Один вид этого гофрированного конуса вызывал ощущение слепого ужаса, пока он не понял, что есть нечто совершенно особенное в этом джоф…

Мозг отказывается вспоминать это слово, это название, хотя он пытается его извлечь.

Слова не хотят приходить легко. Большую часть времени они вообще не приходят.

Хуже того, он не может говорить, не может формулировать мысли или понимать то, что говорят другие, адресуя ему звуки. Даже имена, простейшие ярлычки, не даются ему, ускользают, как извивающиеся твари, слишком рассерженные или изменчивые, чтобы перенести его прикосновение…

Не важно.

Он решает ждать, поскольку другого выхода нет. Он даже умудряется сдержать отвращение, когда его касается коническое существо, поскольку, кажется, существо стремится его исцелить и боль всегда немного отступает после

прикосновения его щупалец к голове.

Со временем эти прикосновения становятся странно приятными.

Во всяком случае, она *всегда рядом, мягко разговаривает с ним, нацеливает своей улыбкой его ограниченное туннельное зрение, дает основания для робкого оптимизма.*

Он мало что помнит о своем прошлом, но смутно вспоминает свой прежний образ жизни — не философию его, а скорее отношение…

Если вселенная старается уничтожить вас, лучше всего сопротивляться ей с надеждой.

IX . КНИГА МОРЯ

Забвение, способное принести благословение и избавление, не может быть случайным.
Аспекты забвения должны приходить в нужной последовательности.
Вначале отчужденность от необходимости овладевать материальным миром. Или формировать другие живые существа по твоим потребностям.
Твоя цель – быть сформированным.
Вначале природой, а потом руками и сознанием, более мудрым, чем твое.

Свиток Обещания

Рассказ Олвина

И вот мы на вершине горы Гуэнн, в разреженном сухом воздухе, окруженные жарой, пылью и серными запахами их кузницы Уриэль. И о чем же хочет поговорить с нами Гибц, алхимик?

Треки учат, что все мы попадем в разные виды ада.

Но подожди, Олвин. Рассказывай так, как поступил бы старинный земной повествователь. Опиши вначале сцену действия, потом само действие.

Гибц составляет свои рецепты для металла и стекла в мрачной мастерской, так непохожей на безупречно чистый и сверкающий зал Уриэль с вращающимися дисками. На покрытых пятнами деревянных полках груды минеральных порошков, в глиняных кувшинах плещутся ядовитые жидкости. Из узкого окна открывается вид на север, склон уходит вниз до самого пятна болезненно резких цветов, которое может быть только Спектральным Потоком. А это означает, что помещение настолько высоко, насколько можно подняться, не попав в мерцающую кальдеру горы Гуэнн.

Под окном над грудой хорошо устоявшейся кухонной мульчи жужжат мухи. Надеюсь, мы не прервали обед Гибца. Мы вчетвером: Гек, Клешня, Ур-ронн и я — пришли в алхимическую лабораторию по приказу Уриэль, великого кузнеца, правителя крепости индустрии, сидящей на дрожащем колене Джиджо. Вначале я решил, что она отослала нас, просто чтобы избавиться от надоедливой молодежи, пока она обсуждает

с мудрецом-человеком, как усовершенствовать свои любимые передачи, рычаги и вращающиеся стеклянные диски. Главный помощник Урдоннел неодобрительно ворчала, ведя нас по длинной рампе туда, где помещается лаборатория для смешения. Только наша приятельница Ур-ронн казалась оживленной, почти ликующей. Мы с Гек обменивались взглядами, не понимая, в чем причина этого веселья.

Мы узнали это, когда Гибц выбрался своим пестрым коническим корпусом из-за рабочего стола. Слова доносились из говорящей трубы на его сморщенном, третьем с верха кольце.

Умная молодежь четырех рас, добро пожаловать! Сообщать вам новость — большая честь. Одобрить вашу намечаемую экспедицию принято решение. Вашу попытку достичь, посетить, исследовать ближайшие районы Верхней Помойки вы можете осуществить.

Гибц замолчал, выпуская пары из синтезирующего кольца. А когда треки заговорил снова, то на ломаном неправильном англике, и голос его казался напряженным.

— Попытка будет пользоваться… полной поддержкой Кузницы горы Гуэнн. И в качестве доказательства этой поддержки — смотрите:

ваше полностью готовое окно!

Мастер смесей указал щупальцем в сторону деревянного ящика у стены, с которого была снята крышка. И в грудах тонких опилок блестело изогнутое толстое стекло, безупречное на взгляд.

Клешня возбужденно заплясал, его ноги с красными когтями громко застучали по каменному полу.

— Прекрасно-красно!

Гибц согласился.

— Его покрыли специальным веществом — чтобы яснее видеть окружающее.

Ур– ронн повернула длинную шею, чтобы лучше разглядеть стекло-пузырь.

— Последняя фаза была очень трудной. Спасибо, Гибц, за прекрасное покрытие!

Ур– ронн повернулась, чтобы объяснить Гек и мне.

— После нескольких месяцев затяжек Уриэль неожиданно, всего три дня назад, разрешила отливку. И поскольку результат получился удачным с первой же попытки, она велела считать это *кун-уру!*

Это урское обозначение искусной работы. Такой, которая позволяет присвоить квалификацию мастера. Это позволит Ур-ронн далеко

пройти по пути к достижению своей цели.

Никто из нас остальных еще не начал учиться профессии, даже еще не решил, чем будет заниматься, подумал я слегка ревниво. С *другой стороны, урам приходится торопиться. У них не так много времени.*

Я посмотрел на Урдоннел, главную соперницу Ур-ронн в роли наследника Уриэль. И мне не нужен был реук, чтобы понять ее раздраженность тем, что она называла “детским хобби”, — экспериментальным погружением в глубокую впадину.

Должна была бы знать кое-что еще, подумал я, испытывая жалость к Урдоннел. *У Уриэль тоже есть бесполезное хобби — это помещение со сверкающими дисками. И проект Ур-ронн относится к тому же типу — просто-из-любопытства. Сходство между ними гораздо больше родственного запаха.*

Значит, для Ур-ронн это продвижение в карьере. Я был рад за нашего друга.

— Стекло выло испытано на гидростатическое давление свыше пятидесяти кордов глубины, — с явным удовлетворением продолжала Ур-ронн. — И когда мы установим фонари и другое оборудование, которое нам дает Уриэль…

— Нам? — прервала ее Гек. Она повернулась и посмотрела на Ур-ронн тремя выступающими глазами. — Что значит “нам”, хрюшка? Значит, ты идешь с нами?

Узкая голова Ур-ронн откинулась назад. Шея прогнулась в виде буквы S.

— Пойду… если смогу.

— Гек! — укоряюще позвал я. Нужно было, чтобы ноздри Ур-ронн вернулись к прежним размерам. Я чувствовал, как спицы Гек задрожали от напряжения.

Гибц вмешался еще одним выхлопом, на этот раз с острым запахом ржавого металла.

— Если возможно, урское присутствие желательно. — Треки, казалось, не хватает дыхания. — Но даже если это окажется невозможным, не расстраивайтесь. Работник горы Гуэнн… будет сопровождать в этом смелом предприятии… до самых больших глубин.

Я с трудом разбирал запинающийся, с сильным акцентом англик Гибца. Мы с Гек обменялись непонимающим взглядом.

— Я/мы… частично… буду сопровождать… замечательную группу, — объяснил Гибц, выпуская пар из самого верхнего кольца. И затем треки продемонстрировал нам нечто такое, что ни-

кто из нас не ожидал. Он повернулся, показав сочащийся бугор с другой стороны примерно посредине груды мясистых колец. Это не обычное вздутие, когда треки отращивает новое щупальце или готовит химикалии для реакций. Вздутие расколола трещина, обнажив нечто скользкое и извивающееся.

Я понял: треки влен-почкуется прямо у нас на глазах.

Щель стала шире, и мастер смесей задрожал. Сложная смесь болезненных звуков сопровождала появление из отверстия чего-то, это что-то скользнуло по наклонному боку треки, оставляя за собой чешуйки кожи.

— Вот это да… да… да… да… да! — повторял Клешня по очереди из каждой ножной щели, его сенсорная полоска отчаянно вращалась. Урдоннел нервно отпрянула, а Гек каталась взад и вперед, разрываясь между любопытством и отвращением. Я почувствовал укус: это маленькая Хуфу, наш нур-талисман, вскарабкалась по моей спине на плечо, встревоженно рыча. Машинально я погладил ее мягкую шерсть, успокаивая, хотя сам особой уверенности не испытывал.

Блестя слизью, существо с хлюпающим звуком приземлилось на пол и лежало почти неподвиж-

но, миниатюрный, разделенный на четыре части тор из многочисленных колец непрерывно дрожал. А тем временем под отвисшей кожей треки — родителя шла перегруппировка.

— Не… волнуйтесь… — произнес слегка изменившийся голос из разговорного выступа старой груды колец. — Я/мы приспособлюсь… перестроюсь…

Успокаивающие слова, но все знают, что влен — опасное время для треки, когда предыдущее единство колец оказывается под угрозой и часто распадается. По этой причине большинство из них размножаются внешне, выращивают новые кольца по одному в загонах, или покупают у опытных производителей, меняются ими, пока не получают нужный набор свойств для отпрыска. Но я слышал, у влена есть свои преимущества. Мистер Хайнц утверждает, что видел несколько вленов, но я уверен, что он никогда не был свидетелем появления такого четырехъярусного потомка, полностью снабженного всем необходимым и самостоятельно движущегося!

— К этому вновь отделившемуся существу можно обращаться — временно, — называя его *Зиз.* Оно будет отзываться на это слово-образ, если сохранятся унаследованные словесные образцы.

После выполнения своих функций оно может стать кандидатом на приращение и на обладание полной жизнью. А пока оно подготовлено… чтобы участвовать в вашем поиске и наделено способностями, которые могут понадобиться…

— Не знаю. — Голова Ур-ронн описывала смущенный овал. — Вы хотите сказать… Гек спросила:

— Гибц. А что мы должны… Треки прервал ее.

— Я/мы больше не отзываюсь на это имя. Сейчас идет голосование колец. Прошу не разговаривать и не вмешиваться.

Мы замолчали, благоговейно глядя, как это создание буквально борется — борется само с собой, внутри себя. От базового сегмента поднималась до самого верха дрожь, заканчиваясь выпуском желтого пара. По всему телу прокатывались волны — поперечные и продольные. Так продолжалось много дуров, и мы все это время опасались, что Гибц разорвет себя на части.

Наконец дрожь ослабла, потом совсем прекратилась. Сенсорные органы треки снова сфокусировались. Из сморщенного речевого рта полились слова измененным голосом.

— Решение принято. Временно вы можете называть меня/ нас Тиуг. И очень вероятно, что эта

груда отзовется. Еще одна волна дрожи,

— Что я отвечу. Пожалуйста, сообщите Уриэль, что дело завершено. Скажите ей также, что мое/наше мастерство сохранилось.

И только тогда я понял, каким рискованным был этот влен. Мастер смесей — очень важный член команды Уриэль. Если бы Гибц — если ты *Тиуг* — не смог припомнить все тонкости своего дела, сплавы горы Гуэнн не сверкали бы, не резали, как сейчас, и не разлагались бы с течением времени.

Как глупо с моей стороны. Все это время я тревожился только о *жизни* бедного треки.

Хуфу спустилась по моей спине и приблизилась к вновь образованному полусуществу треки, которое уже встало на множество плавниковоподобных ножек под нижним сегментом и неловко размахивало щупальцами с верхнего кольца. Нур подозрительно принюхался и с удовлетворенной трелью отступил.

Таким образом, первым признала Зиза, нового члена нашей группы, Хуфу.

Теперь, если бы у нас был еще человеческий подросток, мы были бы полной шестеркой.

Как известно каждому моряку, предзнаменования бывают хорошими. Удача — это здорово.

Конечно, она непостоянна, но все же гораздо лучше своей противоположности.

У меня появилось предчувствие, что нам потребуется вся удача, какую только может послать Ифни.

X . КНИГА СКЛОНА
Легенды

Квуэны рассказывают, что их бегство на Джиджо было вопросом не выживания, а культуры.

Бронированные, высадившиеся на Джиджо свыше тысячи лет назад, оставили противоречивые легенды. Серые, синие и красные рассказывают свои версии событий, предшествовавших прилету их крадущегося корабля и последовавших за ним.

Но все они соглашаются, что все началось в Первой галактике, где у расы были неприятности с собственными союзниками.

В соответствии с нашим уцелевшим экземпляром "Основ галактической социополитики" Смелта, большинство звездных рас являются членами кланов — эти взаимоотношения основаны на грандиозной цепи Возвышения. Например, земляне входят в самый маленький и простой клан, который состоит из них самих и их двух клиентов: неошимпов и неодельфинов. Если патроны, когда-то предположительно возвысившие Homo sapiens, будут найдены, земляне войдут в обширное "семейство", уходящее в прошлое на

многие века, возможно, даже к легендарным Прародителям, которые миллиард лет назад начали цикл Возвышения. Став членами такого клана, земляне будут гораздо сильней. Но получат также многочисленные древние долги и обязательства.

Другая, совершенно отличная система союзов, основывается на философии. Многие случаи вражды и бесчисленные войны чести, разрывающие галактическую культуру, возникли из-за споров, которые ни один член Шести сейчас не может ни припомнить, ни осознать. Мощные союзы сражались из-за неясных вопросов теологии, таких, например, как природа давно исчезнувших Прародителей.

Говорят, что когда квуэны жили меж звезд, они были членами союза эвейтеров — это членство они унаследовали от своих патронов зошей, которые отыскали примитивных квуэнов в их ульях на морских утесах, где ими правили свирепые серые королевы. Отыскали и возвысили.

Дела обстояли бы проще, если бы зоши возвысили только серых, но они дали тот же толчок к разуму синим и красным квуэнам. И это не было концом, потому что, согласно преданиям, философия эвейтеров была эгалитарианской

и прагматичной. Союз подметил ценные способности в красных и синих квуэнах. И были разработаны правила, согласно которым узы повиновения серым ослабли.

Некоторые квуэны ушли от этого вмешательства, они хотели найти место, где можно было бы сохранить свой "естественный порядок".

Вот почему — вкратце — они явились сюда.

На Джиджо и сегодня эти три типа не соглашаются, кто же кого предал. Серые утверждают, что их колония начиналась в духе гармонии, дисциплины и любви. И все шло хорошо, пока уры, а затем и люди не стали провоцировать недовольство синих. Но другие историки, такие как Речной Нож или Срезанный Коралл, с этим не согласны.

Какова бы ни была причина, все согласны с тем, что сегодня культура квуэнов еще более нетрадиционна, чем та, от которой бежали их предки.

Такова ирония: дети игнорируют желания родителей и начинают сами думать за себя…

Седьмое собрание легенд Джиджо.

Третье издание. Департамент фольклора и языков, Библос.

1867 год изгнания

Аскс

Неожиданно их вопросы приняли новое направление. Какое-то напряжение — не совсем страх, но брат этой универсальной эмоции — чувствовалось в речи пришельцев.

И однажды ночью их опасения облеклись в торопливую физическую форму.

Они сожгли свою черную станцию!

Помните вы наше удивление, мои кольца? В сумерках она была здесь, спокойная, высокомерно не обращающая внимания на открытое небо. Кубическая и бросающаяся в глаза своим искусственным происхождением.

А когда мы вернулись на рассвете, на ее месте была только огромная груда земли. Судя по размерам этой груды, Лестер предположил, что чужаки выкопали яму, опустили в нее станцию и закопали, как жук — борер, спасающийся от норковой мыши.

Догадка Лестера подтвердилась, когда из-под земли появились Ранн, Кунн и Беш, они поднялись по темному гладкому туннелю, чтобы возобновить обсуждение в шатре переговоров. На этот раз они сосредоточились на *машинах.* В

особенности — какие приспособления остались со времен буйуров? Они хотели знать, сохранилась ли в этих древних устройствах сила жизни.

Они сказали, что так бывает на некоторых невозделанных мирах. Ленивые расы, улетая и предоставляя планете эпоху отдыха, оставляют бесчисленное количество служебных роботов. Почти совершенные, самовосстанавливающиеся, покинутые машины могут продержаться очень долго. Лишившись хозяев, они бродят по местности, где не слышно ни одного живого голоса.

Они спрашивают — видели ли мы таких механических сирот?

Мы попытались объяснить, что буйуры были чрезвычайно педантичны и аккуратны. Что их города были демонтированы или разбиты и засеяны пауками-разрушителями. Что их механические слуги были запрограммированы таким образом, чтобы, оставаясь подвижными, искать покоя в глубинах впадины, которую мы называем Помойкой. Мы верим в это, но люди с неба, казалось, сомневаются в каждом нашем слове.

Они спрашивают (опять) о *посещениях.* Видели ли мы другие корабли, которые украдкой прилетали сюда? О своих целях они намекают, но никогда не говорят вслух.

Как и планировалось, мы сделали вид, что не понимаем их вопроса. В старых человеческих сказаниях и книгах подобная техника часто используется слабыми в делах с сильными.

Действуй глупо, предлагают сказания. *А тем временем внимательно наблюдай и слушай.*

Но сколько еще нам удастся так продержаться? Беш уже расспрашивает тех, кто приходит на лечение. И в своей благодарности некоторые способны забыть наши указания.

Четвертый член группы людей-чужаков — Линг — вернулась из исследовательской экспедиции. Но разве она ушла не с молодым еретиком Ларком? Однако вернулась она одна.

Нет, сказали мы ей. *Мы его не видели. Он сюда не возвращался. Вы можете сказать нам, почему он вас покинул? Почему оставил в лесу. Не выполнив свое задание?*

Мы пообещали дать ей другого проводника. Утена, натуралиста — квуэна. А тем временем попытались успокоить пришельцев.

Если бы только нас не бросили наши реуки! Когда я/мы спросил Лестера о настроении женщины — что он понял по ее поведению, — он только пожал плечами и ответил, что ничего не может сказать.

Сара

Группа пассажиров и членов экипажа экспромтом организовала на корме *Хауф-вуа* концерт в честь возвращения Незнакомца к жизни.

Ульгор будет играть на виоле, струнном инструменте, основанном на земной скрипке, но видоизмененном, чтобы подходить для искусных пальцев ура. Ульгор настраивала свою виолу, а Блейд тем временем накрыл своим сине-зеленым панцирем барабан-мирлитон, поглаживая его туго натянутую мембрану своим массивным, сложно устроенным языком и заставляя барабан рычать и греметь. В то же время в своих пяти ногах он держал кувшины, наполненные до разных уровней водой. Из каждого отверстия его речевых щелей слышались пробные ноты.

Пзора, аптекарь-треки, скромно отказывался от наличия музыкального таланта, но согласился сыграть на нескольких металлических и керамических колокольчиках. Рулевой хун будет петь, а профессиональный скрайвен-танцор почтила импровизированную группу согласием аккомпанировать в манере г'кеков грациозными движениями глазных стебельков и знаменитых

танцующих рук, которые напоминают раскачивающиеся деревья, или дождь, подгоняемый ветром, или птиц в полете.

Сару попросили завершить шестерку, но она отказалась. Единственный инструмент, на котором она играет, отцовское пианино в доме Нело у большой плотины, но даже и на нем играет она не очень хорошо. *Бот тебе и предполагаемая связь между музыкальными и математическими способностями,* иронически думала она. Все равно ей нужно приглядывать за Незнакомцем, если вдруг у того начнется новый истерический припадок. Пока он кажется спокойным и смотрит на окружающий мир темными глазами, которые, похоже, приятно удивлены всем увиденным.

Можно ли считать это симптомом? Травмы головы иногда вызывают потерю памяти — или даже способности запоминать, так что все кажется вечно новым.

По крайней мере он способен испытывать радость, думала она. Каждый раз, когда она подходит, он улыбается. Необычно и приятно ощущать, что кто-то так искренне радуется, видя тебя. Если бы она была красивой, это не сбивало бы так с толку. Но тут же вспомнила, что привлекательный смуглый Незнакомец болен. Он не в

своем уме.

И все же, продолжала рассуждать она, *что такое прошлое, как не фикция, изобретенная сознанием, чтобы оно имело возможность функционировать!* Целый год она убегала от воспоминаний по причинам, которые сейчас кажутся совершенно неважными.

Теперь это не имеет значения.

Ее тревожило то, что происходит в Риммере. И из памяти не выходили братья.

Если бы ты приняла первоначальное предложение Теина о браке, у тебя сейчас были бы дети и пришлось бы беспокоиться и об их будущем.

Отказ величественному седовласому мудрецу вызвал немалое волнение. Сколько еще последовало бы предложений этой застенчивой дочери бумажника, которая больше интересуется математическими символами, чем танцами и другими развлечениями? Вскоре после отказа Теину внимание Джошу как будто показало правильность ее решения, пока Сара не поняла, что для молодого переплетчика она всего лишь развлечение, возможность веселей провести год ученичества в Библосе и ничего больше.

Иронично, не правда ли? Ларк мог выбрать любую молодую женщину со Склона, но философия

заставила его предпочесть безбрачие. Мои заключения относительно Джиджо и Шести прямо противоположны его. Но я тоже одинока.

Разные пути привели к одному и тому же одинокому тупику.

А теперь явились боги из космоса и направили нас по дороге, указательные знаки на которой нам не видны.

По-прежнему не хватало шестого для концерта. Хотя люди ввели на Джиджо струнные инструменты, в смешанных секстетах они традиционно играли на флейте. Джоп искусно владеет этим инструментом, но фермер отказался, предпочтя вчитываться в книги свитков. Наконец согласился попытать счастья юный Джома, вооружившись парой ложек.

Вот и хваленый вклад землян в музыкальную жизнь Джиджо.

Скрытый под тяжелым щитом Блейда, мирлитон издал низкий рокочущий звук, к которому присоединился печальный вздох из одного кувшина под передней левой ногой Блейда. Зрительная лента квуэна подмигнула Ульгор, самка ур подняла виолу, наложила двойной смычок на струны и извлекла двойную дрожащую ноту, раскрасив басовый стон мирлитона. Послышался

многоуровневый звук. Он продлился…

Мгновение гармонии дуэта, казалось, все длится и длится. Сара сдержала дыхание, чтобы ни один посторонний звук не нарушал эту удивительную гармонию. Даже Фалькун выкатилась вперед, явно тронутая.

Если остальное будет таким же…

В следующее мгновение вступил Пзора, нарушив сладкие до боли звуки звоном колокольчиков и цимбал. Аптекарь из Доло, казалось, в своем усердии не понимает, что он разрушил; он энергично звонил, останавливался и начинал снова. После недолгого ошеломленного молчания экипаж хунов разразился хохотом. Зашумели нуры на мачтах, а Ульгор и Блейд обменялись взглядами, для понимания которых не нужен реук, — это были эквиваленты пожатия плечами и подмигивания. Они возобновили игру, включая энтузиазм Пзоры в свой привязчивый четырехчастный ритм.

Сара вспомнила, как мать учила ее играть на пианино по нотам — по музыке, *записанной на бумаге.* Теперь это искусство почти совершенно забыто. Джоджианские секстеты импровизируют, они создают гармонию из отдельных линий, сливая и разделяя их, пользуясь одним

совпадением за другим. Человеческая музыка в большинстве культур до Контакта была именно такой — перед тем, как европейцы додумались до симфоний и других сложных музыкальных форм. По крайней мере так читала Сара.

Преодолев застенчивость, застучал своими ложками Джома, а Блейд извлек несколько дрожащих нот из каллиопы. Рулевой хун раздул свой горловой мешок и, отвечая ритму мирлиона, начал импровизацию без слов.

Тут вперед выкатилась Фалькун, грациозно размахивая руками и напомнив Саре о мягко клубящемся дыме.

То, что вначале было изысканным, потом полным юмора, приобрело еще более ценимое свойство.

Единство.

Сара посмотрела на Незнакомца. Лицо его было взволнованно, он завороженно смотрел на изысканные движения Фалькун. Левой рукой довольно отбивал ритм на одеяле.

Можно представить себе, каким был этот человек, подумала Сара. Даже *искалеченный, испытывающий страшную боль, он проводит время в очаровании хорошим.*

От этой мысли у нее перехватило горло. За-

хваченная врасплох, Сара отвернулась, скрывая волну печали, от которой внезапно помутилось зрение.

Вскоре показался город Тарек, расположенный у слияния рек Рони и Бибура.

Издали город казался зеленым холмом, не отличающимся от других возвышенностей. По склонам холма были разбросаны какие-то серые фигуры, похожие на камни. Но когда *Хауф-воа* сделал последний поворот, то, что издалека казалось сплошным целым, вдруг раскрылось — огромная полая *паутина,* увитая растительностью. “Камни” — это выступающие вершины массивных башен, погруженные в путаницу кабелей, соединений, веревочных мостов, сетей, рамп и наклонных лестниц. И все это покрыто роскошной цветущей растительностью.

Воздух заполнен влажным ароматом, запахом бесчисленных цветов.

Саре иногда нравилось зажмуриться и представить себе, каким был этот город при могучих буйурах — всего лишь небольшой поселок. Но место подлинной цивилизации, полное деловито гудящих машин, истоптанное следами пришельцев с далеких звезд, с звездными кораблями, грациозно опускающимися на посадочные пло-

щадки. Город, полный стремлений, которые она, примитивная жительница леса, никогда не будет в состоянии понять.

Но когда экипаж из хунов шестами подвел *Хауф-воа* к скрытому причалу, никакое прищуривание не могло скрыть упадка Тарека. Из мириадов окон только немногие блестели застеклением возрастом в миллион лет. Из других окон торчали грубые трубы, покрывшие когда-то безупречно гладкие стены толстым слоем сажи от кухонных костров. Широкие карнизы, на которые некогда садились летающие корабли, теперь были заняты миниатюрными садиками или уставлены клетками для шумливых стадных птиц. Вместо самодвижущихся машин улицы кишели торговцами и грузчиками, переносившими товары на спине, или небольшими повозками с запряженными в них животными.

Высоко вверху, на ближайшей башне, молодые г'кеки бесстрашно носились по рампам без ограждений, не обращая внимания на пропасть. Их спицы сливались от скорости. Городская жизнь больше всего подходит колесной расе. Редкие в остальных местах, в городе г'кеки составляли самую большую часть населения.

К северу, на перешейке, соединяющем Тарек

с материком, лежат “недавние” развалины из каменных плит — тысячелетней давности городские стены, воздвигнутые серыми королевами, которые правили здесь, пока длительная осада не покончила с их правлением — еще тогда, когда бумажная фабрика в Доло была совсем новой. Разрушенные укрепления покрывали следы пожара — свидетельство насильственного рождения Общины Шести.

Но сколько бы раз Сара ни бывала в Тареке, город всегда казался ей чудом. На Джиджо это самое космополитичное место, где смешиваются все расы.

Наряду с кораблями хунов бесчисленные меньшие корабли и лодки проплывают под изогнутыми кружевными мостами. Гребут в этих лодках люди торговцы-трапперы, они везут на рынок шкуры и другие товары. Речные треки, у которых базовое кольцо обладает свойствами амфибии, скользят по узким каналам гораздо быстрей, чем движутся на берегу их привязанные к суше сородичи.

Вблизи слияния рек у специального причала стоят в укрытии два паровых парома, которые соединяют лесные поселки севера с травяными степями юга, где скачут стада уров. На пологом

ближайшем берегу Сара видела, как из воды выходит несколько синих квуэнов. Пренебрегая паромами, они перешли реку по дну — эта способность очень пригодилась им много лет назад, когда синие мятежники сбросили тиранию серых королев, они помогли армии людей, треки и хунов.

Во всех сказаниях об этой битве нигде не говорится об оружии повстанцев, которое я считаю самым главным, — о языке.

Хауф-воа потребовалось немало времени, чтобы пробраться сквозь толчею лодок и причалить к тесной пристани. Забитая кораблями гавань объясняла отсутствие движения выше по течению.

Как только корабль был привязан, нуры с *Хауф-воа* с воплями перегородили трапы, требуя платы. Довольно напевая благодарственную песню, корабельный кок спустился к существам с черным мехом и наделял каждое кусками твердых сладостей. Каждый нур затолкал один кусок в пасть, а остальные спрятал в водонепроницаемую сумку; потом все они перепрыгнули через борт и исчезли среди прыгающих, раскачивающихся корпусов, едва избегая смерти.

Как обычно, Незнакомец наблюдал за происхо-

дящим со смесью удивления, радости и печали в глазах. Он отказался от носилок и спустился по трапу, опираясь на трость, а Пзора пыхтел от гордости: ему удалось оторвать пациента от смертного входа и привезти к опытным целителям города Тарек. Пока Прити отправилась на поиски рикши, они наблюдали, как экипаж хунов с помощью блоков и лебедок извлекает из трюма ящики. Во многих их них — продукция фабрики Нело, которая направляется к разнообразным печатникам, писцам и ученым. На их место грузчики укладывали ребристые пакеты, в которых отправляют из Тарека с одной и той же целью

осколки глиняной посуды и шлак из кузниц уров;

использованные керамические пилы из квуэнских лесоперерабатывающих мастерских;

изношенный типографский шрифт и порванные струны виолы;

те части покойников, которые не могут сгнить, например, кости кремированных людей и уров, позвоночники хунов, оси г'кеков и восковые кристаллы треки;

а также сверкающую пыль от размолотых панцирей квуэнов и множество буйурских остатков. Все это погружают в мусорные корабли и отправ-

ляют в большую Помойку, чтобы очиститься огнем, водой и временем.

Рикша ур помогла им погрузить в низкую четырехколесную тележку раненого, а Пзора стоял рядом и двумя щупальцами-руками держал Незнакомца за плечи.

— Вы уверены, что я вам не понадоблюсь? — спросила Сара, у которой были свои соображения. Пзора вежливо отстранил ее.

— До больницы совсем близко. Разве у тебя нет срочных дел? Разве не должна ты выполнить поручения? Все-вы скоро встретитесь со всеми-нами, сегодня вечером. А наш везучий пациент увидит ваши прекрасные личности завтра утром.

Незнакомец посмотрел на нее своими темными глазами, улыбнулся и потрепал по руке. Ни следа его прежнего ужаса перед треки не осталось.

Вероятно, я ошибалась насчет его раны. Он способен помнить.

Может, в Тареке мы узнаем, кто он. Если удастся привезти членов семьи или друзей, они помогут ему больше меня. Эта мысль причинила боль, но Сара напомнила себе, что она больше не ребенок, который ухаживает за больным птенцом. *Главное сейчас, что о нем будут хорошо заботиться.*

Пзора прав. У меня много своих дел.

Анархический стиль города Тарека означал, что на пристани корабль не встречало ни одно официальное лицо. Но в гавань устремлялись торговцы, торопясь получить свои товары. Другие приходили в поисках новостей. Ходили слухи об ужасных происшествиях на севере и востоке. О приземлении покрытых льдом кораблей зенгов или о целых городах, сожженных титаническими лучами. Рассказывали о жителях, которых толпами гнали на суд, совершаемый судьями — инсектоидами из галактического Института Миграции. Один легковерный человек даже поспорил с Джопом; он настаивал, что фермер ошибается, так как всем известно, что деревня Доло уничтожена.

Это объясняет, почему мы не встретили ни одного корабля, идущего вверх по течению, думала Сара. Из Тарека должно было показаться, что корабль пришельцев проложил огненную полосу как раз над родным поселком Сары.

Во всех гаванях главный товар — слухи и новости, но разве повсюду не преобладают более холодные головы?

Прити сделала знак, что все ящики Нело получены, кроме одного. Этот ящик Сара погрузила

на колесную тележку, чтобы самой доставить Энгрил, переписчице. Потом попрощалась с остальными посыльными из Доло, договорившись встретиться сегодня вечером и сопоставить наблюдения.

— Пошли, Джома, — сказала она сыну Хенрика, который удивленно смотрел на шум и толчею городской жизни. — Сначала отведем тебя к твоему дяде.

На пригаванном рынке голоса звучали приглушенно, торговались неохотно и небрежно. Торгуясь с членами других рас, большинство покупателей и продавцов даже не надевали реуки — явный признак того, что сама процедура торговли для них не очень важна.

Одна владелица магазина, элегантная серая самка-квуэн со сложной золотой росписью панциря, подняла две руки-клешни и посчитала девять неровных пальцев-подушечек, показывая одновременно легким наклоном купола, что это ее окончательное предложение. Продавец, деревенского вида красная самка квуэн, в отчаянии зашипела и показала на прекрасные соляные кристаллы, которые привезла с далекого моря. Сара расслышала ответ городской жительницы:

Качество или количество — какая теперь

разница? И почему меня должна интересовать цена?

Этот ответ поразил Сару. Представить себе городского серого, равнодушного к коммерческой сделке? Да, местные жители явно не в себе.

А разве мы в Доло в лучшем состоянии?

Горожане собирались небольшими группами, сплетничали на своих диалектах. Многие хуны держали обитые железом трости — обычная прерогатива капитанов, в то время как урские лудильщики, скотоводы и торговцы держались поближе к своим драгоценным вьючным животным. У каждого ура на холке в ножнах топор или мачете — полезные орудия в сухих лесах и степях, где они живут.

Почему же эта картина заставила Сару нервничать?

Если подумать, то многие люди ведут себя так же, ходят только группами, вооружены орудиями, предназначенными для рубки, копания, охоты — или для таких целей, о которых Сара и думать не хотела. Жители г'кеки держались своих квартир и студий.

Мне нужно узнать, что здесь происходит, и поскорее, подумала Сара.

Она испытала облегчение, когда кончился пол-

ный напряжения рынок и началась сверкающая яркость Мешанины.

До сих пор они шли в тени, но вот перед ними отверстие в густом растительном навесе. Возвышавшиеся когда-то сооружения лежат в развалинах, их аккуратные геометрические корпуса расколоты, разбиты и собраны в одну груду, по которой и названо это место. Между обломками камней текут мутные потоки, возникают и лопаются пузыри, остатки того времени, когда это место было ядовитым и подвергалось восстановлению.

Джома заслонил глаза.

— Я его не вижу, — пожаловался он.

Сара сдержала порыв утащить его назад в тень.

— Чего не видишь?

– *Паука.* Он ведь должен быть здесь, в этой груде?

— Паук мертв, Джома. Он погиб до того, как мог все уничтожить. Он только начал. Поэтому город Тарек не стал еще одним болотом, полным изжеванных камней, как у нас, к востоку от Доло.

— Это я знаю. Но отец говорит, что он все еще здесь.

— Это верно, — согласилась она. — С самого

причала мы проходим под ним. Видишь эти кабели над головой? Даже рампы и лестницы обвиты старыми нитями мульк-паука, и многие из этих нитей все еще живы — по-своему.

— Но где сам *паук?*

– Он был в своей паутине, Джома. — Сара показала на густую перекрещивающуюся сеть, натянутую между башнями. — В целом виде эта паутина и представляла собой особую форму жизни, задача которой — уничтожение древнего города буйуров. Но однажды, еще до того, как на Джиджо высадились г'кеки, именно этот паук заболел. Его нити разучились действовать вместе. И когда это произошло, паука не стало.

— Ага. — Мальчик немного подумал, потом осмотрелся. — Ладно. Я *знаю,* что здесь есть кое-что еще…

— Джома, — начала Сара. Ей не хотелось обрывать мальчика, который так похож на Двера в таком возрасте. — Мы должны идти…

— Я слышал, что она здесь, возле Мешанины. Я хочу увидеть лошадь.

— Ло… — Сара мигнула, потом вздохнула. — О! Ну хорошо, почему бы и нет? Если пообещаешь, что оттуда мы пойдем прямо к твоему дяде. Договорились?

Мальчик энергично кивнул, снова повесив на плечо сумку. Сара взяла собственный мешок, полный записями о ее исследованиях. Прити катила сзади тележку.

Сара показала:

— Она здесь, у входа в Земной город.

С тех пор как были сожжены грозные катапульты серых королев, город Тарек был открыт для всех рас. Тем не менее каждая из Шести предпочитала свой район города, причем люди занимали фешенебельный южный квартал — благодаря богатству и престижу, достигнутыми книжной торговлей. Трое шли в этот район под затененной лоджией, окружающей Мешанину. Изогнутые арками подпорки-были покрыты ароматными цветами, но даже этот сильный аромат был поглощен, когда они проходили место, где уры держат свои стада. Несколько незамужних самок-уров слонялись у входа. Одна из них опустила голову и пренебрежительно оскалилась на Сару.

Неожиданно все уры подняли длинные шеи и повернули головы в одном направлении. Их мохнатые уши ловили звуки отдаленного грохота, доносившегося с юга. Вначале Сара подумала, что это *гром.* Но потом по спине пробежал холодок тревоги, она подняла голову и посмотрела

в небо.

Неужели это происходит снова?

Джома взял ее за руку и покачал головой. Мальчик с профессиональным интересом вслушивался в далекий рокот.

— Это испытание. Я точно могу сказать. Нет призвука тесного окружения или большого количества. Какой-то взрывник проверяет свои заряды.

Сара проворчала:

— Как утешительно… — Но только сравнительно с краткой ужасной мыслью о новом корабле богов, разрывающем небо.

Молодые уры снова смотрели на них. И Саре не нравилось выражение их глаз.

— Хорошо, Джома. Пойдем посмотрим лошадь.

Сад Статуй расположен в южном конце Мешанины. Большинство “произведений искусства” представляли собой неглубоко выжженные граффити или грубые карикатуры, нацарапанные на каменных плитах за те долгие столетия, когда грамотность была на Склоне большой редкостью. Но в некоторых местах резьба по камню поражала своей абстрактной сложностью — группы каменных шаров, напоминающие гроздь винограда, или неровная связка похожих на ножи копий,

торчащих в разные стороны. Все это вырезано крепкими зубами древних матриархов, которые проиграли в династической борьбе квуэнов и были прикованы здесь своими торжествующими победительницами, проводя свои последние дни под ослепительным солнцем.

На ближайшем столбе пронзительно реалистический барельеф одной из ранних эр. Медленное погружение в разъедающую грязь уничтожило большую часть фриза. И все же в нескольких местах еще можно было разглядеть *лица.* Огромные проницательные глаза внимательно смотрят с круглых голов, посаженных на тела, стоящие на задних ногах с поднятыми передними, словно протестуя против приговора судьбы. Даже спустя столько времени глаза словно светятся гигантским интеллектом. Уже очень давно никто на Джиджо не видел такое проницательное или ядовитое выражение на лице глейвера.

В последние годы растительную маскировку Тарека расширили, поместив большую часть резных изображений в тень. Но и после этого самые упрямые ортодоксы призывали к уничтожению скульптур. Однако большинство горожан разумно считало, что этой работой по-прежнему должна заниматься Джиджо. Древние озера

мульк-пауков все еще растворяют камень, хотя и медленно. И эта работа переживет и всех Шестерых.

Так мы считали. Нам всегда казалось, что впереди много времени.

— Вот она! — возбужденно показал Джома. Мальчик побежал к массивному памятнику, на гладких боках которого плясали пятна света и тени. *Жертва человечества* — так называлась эта скульптура, в память того, что принесли с собой мужчины и женщины с земли и что они ценили выше своих драгоценных книг.

Нечто такое, от чего ради мира они навсегда отказались.

Животное застыло в прыжке, подняв благородную голову; ветер развевал его гриву. Нужно было только прищуриться и представить себе его в движении, в мощном и грациозном галопе. С любовью упоминаемое в бесчисленных земных преданиях, это было одно из великих легендарных чудес старой Земли. Памятник всегда глубоко трогал Сару.

— Совсем не похоже на осла! — выпалил Джома. — Неужели лошади действительно были такими большими? Сара вначале сама не верила.

— Да, иногда они были и такие большие. И не преувеличивай, Джома. Конечно, она похожа на осла. В конце концов, они ведь родственники.

Да, как дерево гару родственно кусту грикла.

Потрясенным голосом Джома спросил:

— А можно мне залезть на нее?

— Даже не говори об этом! — Сара торопливо оглянулась. Ни одного ура не видно, поэтому она слегка успокоилась и покачала головой. — Спроси своего дядю. Может, он вечером отведет тебя сюда.

Джома был разочарован.

— Ты ведь сама садилась на нее, верно?

Сара едва не улыбнулась. Действительно, они с Двером совершили этот ритуал, будучи еще подростками, в конце одной холодной зимы, когда большинство уров довольно спят со своими ленивыми мужьями. Поэтому ни одна тройка глаз не покраснеет от гнева при виде зрелища, которое так сердило уров в первые столетия после появления землян — симбиоз человека с огромным животным, способным перегнать любого ура. Два существа, вместе достигающие величия, которого нет у них порознь.

После второй войны они решили, что нас ослабит, если они потребуют уничтожения всех

лошадей и потом смогут нас совсем истребить.

Думаю, впоследствии они поняли свою ошибку.

Сара отмахнулась от недостойных горьких мыслей. Все это произошло так давно, еще до заключения Великого Мира и появления Яйца. Она мимо памятника лошади посмотрела на облачное небо над укутанным цветами скелетом древнего буйурского города. *Сказано, что когда с неба упадет яд, его самой смертоносной формой станет сомнение.*

Гильдия взрывников занимала здание, ранее называвшееся Башней химии, но большинство жителей Тарека именовали его Дворцом Вони. По бокам шпиля, подобно лианам-паразитам, поднимались трубы из обработанных стволов бу, из труб вился пар или дым, так что все это напоминало Пзору после тяжелого дня в аптеке. Действительно, после людей треки были самыми многочисленными посетителями, проходившими через передний вход или поднимающимися на лифте с противовесом на верхние этажи, где изготовляются вещи, необходимые всюду на Склоне: спички, чтобы зажигать кухонные печи; масло, которым натирают свои панцири квуэны, чтобы предотвратить чесотку и отслоение; мыло для стирки одежды людей и хунов; смазку, кото-

рая позволяет вращаться колесам престарелых г'кеков, когда высыхают их оси; чернила для письма и много других продуктов. Все они получают сертификат, что не оставят ни одного следа в почве Джиджо. Ничто не должно усугубить наказание, когда неизбежно придет День из Дней.

Несмотря на запахи, от которых Прити в отвращении запыхтела, Сара почувствовала, что в башне ее настроение улучшилось. В прихожей смешались все расы, и не было той замкнутости, которую она ощущала в городе. Шум торговли с вмешательством языка науки свидетельствовал, что некоторые не позволяют кризису довести себя до враждебности. Слишком многое нужно сделать.

Тремя этажами выше Зал Взрывников был полон шума и суеты. Мимо с выкриками пробегали мужчины и мальчики, а женщины гильдии с пюпитрами для записей в руках показывали помощникам-хунам, куда поместить бочонки с ингредиентами. В углу седовласые старейшины-люди сгибались над длинными столами, совещаясь с коллегами-треки, чьи напряженно работающие кольца секреции были украшены мензурками, куда собираются летучие выделения. То, что на первый взгляд казалось хаосом, на

самом деле было упорядоченной рабочей обстановкой, и Сара это поняла.

Кризис мог вывести из равновесия других, но взрывники всю жизнь готовятся к нему. В этом месте царила яростная одержимость. Первое увиденное Сарой основание для оптимизма.

Джома быстро обнял Сару и направился к мужчине с поседевшей бородой, который всматривался в схемы. Сара узнала особую бумагу, которую раз в год Нело готовил для художников и взрывников.

Семейное сходство распространялось не только на черты лица и фигуру, оно было и в мимике мужчины. Увидев Джому, Курт-взрывник только слегка приподнял бровь, когда Джома вложил ему в руку длинный кожаный чехол.

И это все? Я могла бы сама доставить послание Хенрика. Не нужно было посылать мальчика в путешествие. Ведь оно могло оказаться опасным.

Если кто-то и знает о том, что происходит в Риммере, так те, что находятся в этой комнате. Но Сара сдержалась. Взрывники кажутся очень занятыми. К тому же у нее поблизости есть собственный источник информации. И пора туда отправляться.

Пока Сара читала тонкую стопку страниц

— хронология событий и предположения, — доставленную сегодня утром с Поляны Собрания курьером-уром, переписчица Энгрил снова наполнила чашки чаем. Первым чувством Сары было огромное облегчение. До сих пор она не знала, каким угрожающим слухам верить. Теперь ей известно, что приземление в горах прошло без жертв. Все на Собрании в безопасности, включая ее братьев. По крайней мере на время.

В соседней комнате помощницы Энгрил делали фотостаты чернильных иллюстраций сообщения, а офсетный пресс готовил печатную версию текста. Вскоре экземпляры сообщения появятся в Тареке на досках для объявлений, потом будут развешаны и в окружающих ульях, деревнях и стадах.

— Преступники! — Сара вздохнула, откладывая последнюю страницу. Она не могла в это поверить. — Преступники из космоса. Из всех возможностей…

— Эта всегда казалась самой маловероятной, — согласилась Энгрил. Это была полная рыжеволосая женщина, обычно очень оживленная и заботливая, но сегодня такая серьезная и мрачная, какой ее Сара никогда не видела. — Возможно, мы не обсуждали ее, потому что боялись

последствий.

— Но если они явились нелегально, разве это не лучше полиции, которая нас всех арестовала бы? Преступники не могут доложить о нас, не раскрыв собственное преступление.

Энгрил кивнула.

— К несчастью, эта логика может быть вывернута наизнанку. Преступники не могут позволить, чтобы мы сообщили о них.

— Но насколько разумен этот страх? Прошло уже несколько тысяч лет после появления г'кеков, и за все это время был только один прямой контакт с галактической культурой. Древние рассчитали, что пройдет не менее полумиллиона лет до появления очередного робота-зонда и два миллиона до тщательного обследования.

— Это не так уж долго. Сара мигнула.

— Не понимаю.

Старшая женщина подняла чашку, из которой поднимался пар.

— Еще чая? Дело вот в чем. Вуббен подозревает, что это грабители генов. Если это так, преступление не знает… как же древние это называли? — *сроков давности.* Сколько бы ни прошло времени, это не избавляет преступников от наказания. Индивиды, участвовавшие в

набеге, могут быть давно мертвы, но остается их раса или представляемый ими галактический клан, и могут быть наказаны все — от старейших патронов до самых молодых клиентов. В представлении Великой Библиотеки даже миллион лет — незначительный срок. Ведь память этой библиотеки в тысячу раз длительней.

— Но мудрецы считают, что через миллион лет нас здесь не будет! План предков… Свитки…

— Грабители генов не могут на это рассчитывать, Сара. Это слишком серьезное преступление. Сара покачала головой.

— Ну, хорошо, допустим, какие-то отдаленные потомки Шести все еще будут здесь, рассказывая туманные легенды о том, что произошло давным-давно. Кто поверит их рассказам?

Энгрил подняла плечи.

— Не знаю. Записи свидетельствуют, что среди кислорододышащих кланов пяти галактик есть много ревнивых и враждующих. Может быть, достаточно намека, какой-то детали, чтобы пустить врагов по следу. Получив такой намек, они могут просеять всю биосферу Джиджо в поисках более определенных свидетельств. И раскроют все преступление.

Сара задумалась. Наступило молчание. В галак-

тическом сообществе величайшие сокровища — биологические, особенно редкие виды, которые иногда обнаруживаются на невозделанных планетах. Виды с искрой, которая называется Потенциалом. Возможностью к *Возвышению.* Возможностью быть принятыми патронами и получить толчок — путем обучения и генной инженерии, толчок, который необходим для превращения животных в граждан звездной галактики. Этот толчок совершенно необходим, если не верить в легенду землян об одиноком возвышении. Но кто в Пяти Галактиках верит в подобный вздор?

И дикость, и цивилизация играют свою роль в процессе обновления разумной жизни. Никто не может проделать это в одиночку. Сложные драконовские законы миграции, включая насильственное оставление планет, систем, даже целых галактик, должны дать биосферам время для отдыха и культивирования дикого потенциала. Затем новые расы оцениваются с точки зрения возможности приема согласно законам, которые действуют бесчисленные эпохи.

Грабители надеялись обойти эти законы. Найти здесь на Джиджо что-нибудь бесценное, причем найти вне законных ограничений и раньше

намеченного срока. Но если им повезет, что они могут сделать с найденным сокровищем?

Увезут брачную пару отсюда, поселят на планете, которую воры контролируют, и будут наблюдать за потомством, подталкивая его с помощью манипуляций с генами, чтобы эти животные заполнили кажущуюся естественной нишу. Потом терпеливо ждать тысячу лет или гораздо дольше, пока не наступит время "найти" сокровища прямо у себя под носом. Эврика!

– Значит, ты говоришь, — продолжила Сара, — что грабители не захотят оставить свидетелей. Но тогда почему они приземлились здесь, на Склоне? Почему не за пустыней Солнечного Восхода или даже на малом континенте на противоположной стороне Джиджо? Зачем появились прямо посреди нас?

Энгрил покачала головой.

— Кто может сказать? Грабители говорят, что им нужен наш опыт и что они готовы за него заплатить. Но в конечном счете платить придется нам.

Сара почувствовала, как у нее сжимается сердце.

— Они… они могут убить нас всех.

— Возможно, ответ не так драматичен. Но этот

вариант кажется мудрецам самым практичным.

— Практичным!

— С точки зрения грабителей, конечно.

Сара приняла это спокойно. *И подумать только, я мечтала о встрече с галактами, хотела заглянуть в их передвижные библиотеки.*

За дверью в мастерской Энгрил видны были ее работающие помощницы. Одна девушка управляла *коэлостатом,* большим зеркалом на длинной ручке, которое следует за солнцем, отбрасывая его лучи на копируемый документ. Движущаяся щель направляет этот отраженный свет на вращающийся барабан из драгоценного металла. Барабан вращают двое сильных мужчин. Прихватывая порошок с подноса, барабан делает фотостатические свежие отпечатки рисунков, произведений искусства, чертежей и схем — всего, кроме печатного текста, который дешевле воспроизводить на печатном станке.

Со времени появления этой технологии на Джиджо ничего более страшного она не печатала.

— Ужасная новость, — сказала Сара. Энгрил согласилась.

— Увы, дитя, это еще не самое плохое. Далеко не самое. — Женщина показала на отчет. — Прочти это.

Дрожащими руками Сара переворачивала страницы. Сама она звездный корабль помнила как расплывчатое пятно, летящее над головой и разрывающее мирную жизнь деревни Доло. На рисунках ясно был виден цилиндр чужаков, еще более страшный в неподвижности, чем в движении. Трудно было поверить в приведенные рядом данные о размерах, полученные инженерами с помощью тайных методов триангуляции.

Сара перевернула страницу и увидела самих двух грабителей.

Она в отчаянии смотрела на рисунок.

— Боже! Энгрил кивнула.

— Поистине. Теперь ты понимаешь, почему мы задержали печатание нового номера “Новостей”. И так уже горячие головы среди квуэнов и уров и даже некоторые треки и хуны говорят о *тайном сговоре людей.* Говорят даже о необходимости нарушить Великий мир.

Конечно, до этого может никогда и не дойти. Если эти чужаки быстро найдут то, что ищут, война между Шестью не успеет разразиться. Но нам, людям-изгнанникам, придется доказать свою верность самым решительным образом — умереть рядом со всеми остальными.

Мрачное предсказание Энгрил вполне реально.

Но Сара посмотрела на женщину и покачала головой.

— Ты ошибаешься. Это еще не самое худшее. Голос ее звучал хрипло и встревоженно. Энгрил удивленно посмотрела на нее.

— Что может быть хуже гибели всех разумных существ на Склоне?

Сара подняла рисунок с изображением мужчины и женщины, несомненно, людей; не подозревая, что их зарисовывает неведомый художник, они высокомерно смотрят на дикарей Джиджо.

— Наши жизни ничего не значат, — сказала она, ощущая горечь своих слов. — Мы были осуждены с того момента, как наши предки высадили здесь свое незаконное семя. Но эти, — она с гневом потрясла листком, — эти глупцы затеяли древнюю игру, правила которой не знает хорошо ни один человек.

Они совершат свое преступление, потом убьют, чтобы уничтожить свидетелей, но их все равно поймают.

И когда это произойдет, истинной жертвой станет *Земля.*

Аскс

Они нашли долину невинных.

Мы очень старались спрятать их, не правда ли, мои кольца? Отослали их в далекую долину — глейверов, лорников, шимпанзе и зукиров. И тех детей Шести, что явились на Собрание с родителями до того, как этот корабль пронзил наши жизни.

Увы, все наши попытки оказались тщетными. Робот с черной станции прошел через лес по их теплому следу и нашел святилище, которое оказалось не таким укромным, как мы надеялись.

Среди наших мудрецов меньше всех удивился Лестер.

— Они, конечно, ожидали, что мы спрячем самое ценное. И искали глубоко-красный след наших беженцев до того, как он рассеется. — В его печальной улыбке отразилось сожаление, но и уважение. — На их месте я бы поступил именно так.

Англик — странный язык, в котором сослагательное наклонение позволяет высказывать то, чего не было, но могло бы быть. Мысля на этом языке, я (мое/наше второе кольцо созна-

ния) понял выраженное Лестером невольное восхищение, но мне было трудно перевести это остальным моим/нашим личностям.

Нет, мудрец-человек не задумал предательство.

Только путем глубокой эмпатии можем он/мы понять пришельцев.

Увы, наши враги учились понимать нас гораздо быстрее. Их роботы носились над некогда тайной поляной, записывали, анализировали — потом спускались, чтобы взять образцы клеток или телесных жидкостей у испуганных лорников или шимпов. Затем они пожелали, чтобы мы прислали индивидов каждой расы для изучения, и захотели также познакомиться с нашими устными преданиями. Те г'кеки, которые лучше всех знают зуриков, люди, работающие с шимпанзе, квуэны, чьи лорники выигрывали медальоны на праздниках, — все это "туземные эксперты" должны поделиться с ними своим деревенским опытом. Хотя чужаки говорили мягко и обещали хорошо заплатить (безделушками и бусами?), намекали они и на принуждение и угрозы.

Наши кольца удивленно вздрогнули, когда Лестер выразил удовлетворение.

— Они считают, что нашли наши самые цен-

ные секреты.

— А разве это не так? — пожаловалась Ум-Острый-Как-Нож, щелкая клешней. — Разве наше величайшее сокровище не те, кто зависит от нас?

Лестер кивнул.

– Верно. Но мы не могли бы долго скрывать их. Если высшие формы жизни — это то, что ищут пришельцы, они и ожидали, что мы их спрячем.

Но теперь, если они самодовольны и на какое-то время удовлетворены, мы может отвлечь их от других вещей и воспользоваться возможными преимуществами, которые дают нам — и тем, кто от нас зависит, — слабую надежду.

— Как это может быть? — спросила Ур-Джа, седая и изможденная, тряся своей полосатой гривой. — Как ты сказал — что мы можем скрыть? Им нужно только задать свои грязные вопросы, и эти нечестивые роботы понесутся, открывая любые тайны копыта и сердца.

— Совершенно верно, — согласился Лестер. — Поэтому сейчас самое важное — не дать им задать правильные вопросы.

Двер

Придя в себя, он прежде всего подумал, что его похоронили заживо. И теперь он лежит, дрожа то от холода, то от жара, в каком-то забытом, лишенном солнца склепе. В месте, отведенном умирающим или мертвым.

Но потом он смутно удивился. Разве в каменном склепе может быть так жарко? И откуда этот правильный гремящий ритм, от которого под ним дрожит обитый пол?

По– прежнему в полусознании, причем веки упрямо отказывались открываться, он вспомнил, как речные хуны поют о жизни после смерти, которая лениво проходит в узком душном месте, где слышен бесконечный рев прибоя, биение пульса вселенной. В прекращающемся бреде эта участь показалась Двери очень вероятной. Он попытался стряхнуть покровы сна. Казалось, какие-то озорные чертенята колют его своими разнообразными инструментами, причиняя особенную боль пальцам рук и ног.

Постепенно мышление прояснялось, и он понял, что влажное тепло — это не смрадное дыхание дьяволов. В нем гораздо более знакомый

запах.

Знакома и непрерывная дрожь, хотя эта кажется более сильной и неровной, чем та, которую он привык слышать каждую ночь мальчиком.

Это водяное колесо. Я внутри плотины!

Меловой запах заполнил пазухи носа и еще больше оживил память. *Плотина квуэнов.*

Просыпающееся сознание нарисовало картину улья с многочисленными помещениями и извивающимися коридорами, заполненного существами с острыми клешнями и зубами. Эти существа переползают через бронированные спины другу друга, и всех их от мутного озера отделяет только одна тонкая стена. Иными словами, он в самом безопасном, самом укромном месте, какое только может придумать.

Но… как? Последнее, что я помню: я лежу обнаженный под падающим снегом, почти умираю, и ни следа помощи!

Двер не удивился тому, что жив. *Мне всегда везло,* думал он, хотя думать так — значит бросать вызов судьбе. Во всяком случае, ясно, что Ифни еще не покончила с ним, у нее еще немало способов увлечь его вниз по тропе удивлений и судьбы.

Потребовалось несколько попыток, чтобы от-

крыть тяжелые, непослушные веки, и вначале перед глазами все расплывалось. Запоздалые слезы рассеивали и смывали единственный источник света — колеблющееся пламя слева.

— Ух! — Двер отпрянул от приблизившейся темной тени. Тень неожиданно превратилась в щетинистую морду со сверкающими черными глазами, с высунутым между белыми зубами языком. Стало видно и все существо: гибкая маленькая фигура, черная шерсть, проворные коричневые лапы.

— А… это ты, — выдохнул Двер, и собственный голос показался ему щекочущим и стылым. Неожиданное движение оживило ощущения, в основном неприятные от многочисленных царапин, ожогов и синяков, и каждый из них кричал о боли и обиде. Двер посмотрел на улыбающегося нура и поправил свою предыдущую мысль:

Мне всегда везло, пока я не встретил тебя.

Двер осторожно приподнялся и увидел, что лежит на груде мехов, брошенных на песчаный пол, на котором видны куски костей и раковин. Эти неопрятные остатки резко контрастируют с остальным небольшим помещением — балками, столбами, панелями, все это блестит в тусклом свете свечи, которая мерцает на богато

украшенном резьбой столе. Каждая деревянная поверхность носит на себе следы тонкой работы зубов квуэнов, вплоть до угловых кронштейнов, покрытых кружевной, обманчиво крепкой резьбой.

Двер поднял руки. Пальцы забинтованы, причем слишком хорошо для квуэнов. Досчитав до десяти и видя, что длина пальцев не изменилась, он испытал облегчение, хотя знал, что иногда при обморожении отмирают кончики пальцев, а все остальное остается нетронутым. С трудом сдержал порыв зубами сорвать повязки и узнать немедленно.

Терпение. Что бы ты сейчас ни сделал, происшедшего не изменить. Колющая — словно от булавок и иголок — боль говорила ему, что он жив и что его тело стремится выздороветь. И это сознание позволяло легче переносить боль.

Двер откинул меха, чтобы увидеть ноги. Они на месте, слава Яйцу, хотя пальцы ног тоже в бинтах. Если, конечно, они еще есть, эти пальцы. Старый Фаллон много лет ходил на охоту в специальной обуви, после того как едва не погиб на леднике. Тогда его ноги превратились в бесформенные обрубки. Тем не менее Двер прикусил губу и сосредоточился, посылая сигналы, встре-

чая сопротивление и приказывая пальцам ног двигаться. Колющая боль ответила на его усилия, заставив его замигать и зашипеть, но он продолжал пытаться, пока ноги не начали захватывать судороги. Наконец Двер удовлетворенно откинулся. Он смог пошевелить самыми важными пальцами — самым большим и самым маленьким на обеих ногах. Возможно, они повреждены, но он будет ходить и бегать нормально.

Облегчение подействовало на него, как порция крепкой выпивки. Он даже рассмеялся вслух — четыре коротких резких всхлипа, которые заставили Грязнолапого посмотреть на него.

— Значит, это тебе я обязан жизнью? Ты побежал на поляну с криком “На помощь?” — выговорил Двер.

Грязнолапый отшатнулся: нур словно понял, что над ним смеются.

Перестань, сказал сам себе Двер. *Насколько тебе известно, это вполне может оказаться правдой.*

Другие повреждения того типа, который он не раз переживал в прошлом. Несколько ран зашиты ниткой с иглой, нить наложена крест-накрест искусной аккуратной рукой. Двер посмотрел на эту работу и неожиданно узнал ее по прошлому

своему опыту. Он снова рассмеялся, узнав своего спасителя по следам, оставленным по всему телу.

Ларк. Но как он мог узнать?

Очевидно, брат сумел отыскать дрожащую группу в снегопад и притащить его в одну из квуэнских крепостей в холмах. *И если я это пережил, то Рети уж подавно. Она моложе и откусит смерти руку, если та когда-нибудь придет за ней.*

Двер некоторое время удивленно разглядывал бледные пятна на руках. Потом вспомнил. *Золотая жидкость мульк-паука — кто-то, должно быть, отлепил ее в тех местах, где она прилипла.*

Ощущение в этих местах было странное. Не вполне *оцепенение,* скорее *сохранение* — попытка одолеть время. У Двера появилось необычное впечатление: словно части его плоти *моложе,* чем были раньше. Возможно, эти участки даже переживут его тело, когда все остальное умрет.

Но пока я еще не умер, Один-в-своем-роде, подумал он.

Умер мульк-паук. Теперь он никогда не закончит свою коллекцию.

Он вспомнил пламя и взрывы. *Надо убедиться,*

что с Рети и глейевером все в порядке.

– Вероятно, ты не побежишь и не приведешь моего брата? — спросил он у нура, который в ответ только посмотрел на него.

Со вздохом Двер набросил меха на плечи, потом осторожно встал на колени, преодолевая волны боли. Ларку не понравится, если он порвет эти аккуратные стежки, поэтому он двигался осторожно и вставал, держась рукой за стену. Когда головокружение прошло, он подошел к резному столу и взял свечу в глиняном подсвечнике. Теперь к двери — низкому широкому отверстию, прикрытому занавесом из висячих деревянных пластинок. Пришлось наклониться, проходя через дверь, рассчитанную на квуэнов.

Налево и направо уходил совершенно темный туннель. Двер выбрал левое направление, потому что здесь туннель шел слегка вверх. Конечно, синие квуэны строят свои подводные крепости по собственной логике. Двер мог заблудиться даже в знакомых коридорах плотины Доло, когда играл в прятки с друзьями по яслям.

Было болезненно и неловко идти так, чтобы вся тяжесть приходилась на пятки. Вскоре он пожалел о своем упрямстве, которое послало его в странствие, стащило с постели выздоравливаю-

щего. Но несколько дуров спустя упрямство было вознаграждено звуками тревожного разговора откуда-то спереди. Двое говорящих явно люди — мужчина и женщина, а третий — квуэн. Не Ларк и не Рети, хотя слышимые урывками голоса кажутся знакомыми. И *напряженными.* Охотничья чувствительность Двера к сильным чувствам теперь приносила ощущения не менее острые, чем боль обмороженных пальцев рук и ног.

— ...наши народы — прирожденные союзники. Всегда ими были. Вспомните, как наши предки помогли вашим свергнуть тиранию серых..

— Как мой народ пришел на помощь вашему, когда табуны уров преследовали людей повсюду за пределами крепости Библос? Когда наши крепости укрывали ваших преследуемых фермеров и их семьи, пока их число не выросло настолько, что они смогли сражаться?

Этот голос, доносящийся из двух или большего количества ножных щелей, как понял Двер, принадлежит квуэнской матроне. Вероятно, главе этой горной плотины. Ему не понравилось то, что он услышал. Задув свечу, он направился в сторону неяркого света, который шел из двери впереди.

— Вы об этом меня просите? — продолжала

матриарх, говоря различными щелями. Тембр ее англика изменился. — Если вам нужно убежище от этой ужасной бури, я и мои сестры предлагаем его. Пять пятерок человеческих поселенцев, наших соседей и друзей, могут привести своих детей и шимпов и других мелких животных. Я уверена, что остальные матери озер в этих холмах поступят так же. Мы будем защищать их здесь, пока ваши преступные братья не улетят или пока не разнесут этот дом в клочья своими могущественными силами, заставив воду озера кипеть от жара.

Эти слова были настолько неожиданны, настолько не имели контекста в затуманенном сознании Двера, что он не смог их понять.

Мужчина хмыкнул.

— А если мы просим большего?

— Ты хочешь сказать, что вы просите наших сыновей? Их мужества и острых клешней? Их бронированных панцирей, таких прочных и в то же время мягких, как сыр, под ударами буйурской стали? — Свистящие слова матери квуэнов напоминали шипение закипающего котла. Двер насчитал пять перекрывающих друг друга нот: одновременно работали все ножные щели.

— Это и есть больше, — продолжила она после

паузы. — Действительно, намного больше. И ножи из буйурской стали подобны плетям из мягкого бу по сравнению с тем новым, чего мы все боимся.

Двер остановился за углом, откуда ему были видны освещенные несколькими свечами лица говорящих. Он заслонил глаза, гладя на двух людей: смуглого мужчину со строгим лицом лет сорока с небольшим и коренастую женщину лет на десять моложе, со светлыми волосами, убранными с широкого лба и плотно связанными сзади. Квуэнская матрона слегка покачивалась, подняв две ноги и демонстрируя блеск когтей.

— Чего нового вы боитесь, достойная мать? — хрипло спросил Двер. Повернувшись к людям, он продолжал: — Где Ларк и Рети? — Он мигнул. — И еще… был глейвер.

— С ними все в порядке. Они все ушли на Поляну с жизненно важной информацией, — ответила со свистом матриарх-квуэн. — А ты, пока выздоравливаешь, окажешь честь нашему озеру как гость. Меня зовут Зубы-Острые-Как-Нож. — Она наклонила панцирь, оцарапав пол.

— Двер Кулхан, — ответил он, неловко пытаясь поклониться со скрещенными на груди руками.

— Как ты, Двер? — спросил мужчина, протяги-

вая руку. — Тебе не следовало вставать и ходить.

— Я бы сказала, что решать это самому капитану Кулхану, — заметила женщина. — Нам нужно многое обсудить, если он готов.

Двер уставился на них.

Дэйнел Озава и… Лена Стронг.

Ее он знает. В сущности они должны были встретиться на Собрании. Что-то имеющее отношение к глупой мысли о *туризме.*

Двер покачал головой. Она использовала слово, необычное и пугающее.

Капитан.

— Поднята милиция, — сообразил он наконец, сердясь на то, что слишком медленно соображает.

Дэйнел Озава кивнул. Как главный лесничий Центрального Хребта, номинально он был начальником Двера, хотя Двер встречался с ним только на собраниях. Озава был человек с поразительным интеллектом, представитель мудрецов, имеющий право принимать решения в вопросах закона и традиций. А что касается Лены Стронг, то у этой блондинки очень подходящая фамилия. Она была женой фермера, пока дерево не упало — случайно, как она утверждает, — на ее неумелого мужа, после чего она оставила свой дом и

стала главой лесорубов и пильщиков на реке.

— Тревога высшего уровня, — подтвердил Озава. — Призваны все отряды.

— Что… *все?* Чтобы поймать маленькое племя сунеров? Лена покачала головой.

— Семью девушки за Риммером? Нет, дело в гораздо большем.

— Тогда…

И туг Двер вспомнил. Смутные очертания парящего чудовища, изрыгающего струи пламени.

— Летающая машина.

— Верно, — кивнул Дэйнел. — Та, которую ты встретил…

— Позвольте догадаться. Какие-то горячие головы раскопали сокровищницу.

Мечтатели и бездельники всегда гонялись за слухами о сказочных сокровищах. Не за мусором, а за специально законсервированными сокровищами улетевших буйуров. Дверу часто приходилось возвращать искателей, которые заходили слишком далеко. Неужели какие-нибудь рассерженные молодые уры действительно нашли древнее оружие богов? И вначале захотели испытать его на двух одиноких людях, захваченных в паутину мульк-паука, прежде чем решать с его помощью другие древние споры?

Лена Стронг вслух рассмеялась.

— О, он чудо, Дэйнел! Какая теория! Если бы она была правильной!

Двер поднес руку к голове. Дрожь водяного колеса казалась напряженной и неровной.

— Ну? Так в чем же правда? — раздраженно спросил он и уставился на лицо Озавы. Тот ответил, кратко подняв глаза к небу.

— Не может быть, — прошептал Двер.

Он почувствовал странную отчужденность, отвлеченность.

— Тогда все кончено, и я лишился работы — так?

Двое людей подхватили его под руки, когда Двер понял, что лишился того, что заставило его прийти сюда, удерживало в сознании, — долга.

Галакты. Здесь, на Склоне, подумал он, когда его несли по коридору. *Он наконец настал. Судный день.*

Больше ничего нельзя сделать. Что бы он ни делал, все это безразлично.

Очевидно, мудрецы с этим не согласны. Они считают, что судьбу еще можно отвратить или по крайней мере смягчить.

Лестер Кембел и его помощники готовят планы, понял Двер на следующее утро, когда снова

встретился с двумя людьми, на этот раз на берегу горного озера, окруженного лесом. Даже на плотине росли деревья, смягчая ее грациозные очертания и помогая прочнее связать структуру с местностью. Лежа на элегантной деревянной скамье, Двер отпивал прохладный напиток из кубка урского стекла, глядя на двух послов, которые были направлены специально для встречи с ним.

Очевидно, руководители землян ведут сложную, многоуровневую игру, уравновешивая интересы отдельных рас с пользой для всей Общины. Грубоватую, с открытым лицом Лену Стронг, по-видимому, эта двусмысленность не смущала, в отличие от Дэйнела Озавы, который объяснял Дверу различное отношение рас к тому факту, что вторгшиеся чужаки — люди.

Хотел бы я, чтобы Ларк задержался. Он помог бы разобраться во всем этом. Даже после ночного сна Двер соображал туго.

— Я все же не понимаю, что делают авантюристы люди здесь, во Второй галактике? Мне казалось, земляне — грубые невежественные дикари даже в своей собственной малой части Четвертой галактики!

— Почему *мы* здесь, Двер? — ответил Озава. — Наши предки прилетели на Джиджо спустя

несколько десятилетий после открытия звездных перелетов.

Двер пожал плечами:

— Они были эгоистичными ублюдками, готовыми поставить под удар всю расу, лишь бы найти место для размножения.

Лена фыркнула, но Двер с задранным подбородком продолжал:

— Ничто другое не имеет смысла.

Наши предки были эгоцентричными мошенниками, сказал однажды Ларк.

— Ты не веришь рассказам о преследовании и бегстве? — спросила Лена. — О необходимости спрятаться или умереть? Двер пожал плечами.

– А как же г'кеки? — спросил Озава. — Их предки говорили о преследованиях. И теперь мы узнаем, что вся их раса была уничтожена союзом Наследников. Разве это не делает правдоподобным обвинение в геноциде?

Двер отвел взгляд… Никто из знакомых ему г'кеков не был убит. Должен ли он оплакивать миллионы, уничтоженные давным-давно?

— Зачем спрашивать меня? — раздраженно сказал он. — Разве то, что я скажу, что-то изменит?

— Может, и изменит. — Дэйнел наклонился вперед. — Твой брат очень умен, но он еретик.

Ты разделяешь его веру? Ты тоже думаешь, что этой планете будет лучше без нас? Мы должны умереть, Двер?

Двер видел, что его проверяют. Как опытный охотник, он очень ценен для милиции — если ему можно доверять. Двер ощущал на себе их взгляды, испытующие, взвешивающие.

Вне всякого сомнения, Ларк глубже и умнее любого человека, знакомого Дверу. Его аргументы кажутся разумными, когда он страстно говорит о ценностях, больших, чем простое животное размножение, и уж, во всяком случае, гораздо более разумными, чем оптимизм Сары, основанный на математике и на “что если”. Двер по собственному опыту знал, что такое исчезновение вида — утрата прекрасного, которое никогда не будет восстановлено.

Может, действительно, было бы лучше, если бы Джиджо в соответствии с первоначальным планом оставалась нетронутой.

Но Двер знал и самого себя. Когда-нибудь он женится, если найдет подходящего партнера, и у него будет столько детей, сколько позволят жена и мудрецы; он будет пить горячее вино их любви, которое они дадут в ответ на его преданность.

— Я буду сражаться, если вы об этом спрашива-

ете, — сказал он негромко, может быть, стыдясь это признавать. — Если это потребуется для того, чтобы выжить.

Лена коротко удовлетворенно кивнула. Дэйнел негромко вздохнул.

– Сражаться, может, и не потребуется. Твои обязанности в милиции будут выполнять другие. Двер сел.

— Из-за этого? — Он показал на свои перевязанные ноги и левую руку. Бинты с правой уже сняли. Средний палец уже не самый длинный — неприятная, но не калечащая ампутация, и рана быстро заживает под мазью треки.

— Я скоро выздоровею и буду готов.

— Я подхожу к этому, — кивнул Озава. — Нам ты нужен для выполнения трудного задания. И прежде чем я объясню, ты должен поклясться, что ни слова не скажешь ни одной живой душе, *особенно* твоему брату.

Двер смотрел на этого мужчину. Будь на его месте кто-то другой, он бы презрительно рассмеялся. Но он верил Озаве. И как ни любит Двер своего брата, как ни восхищается им, Ларк, несомненно, еретик.

— Это ради добра? — спросил он.

— Я в это верю, — искренне ответил старший.

Двер тяжело вздохнул.

— Хорошо. Послушаем, что вы имеете в виду.

Аскс

Чужаки потребовали, чтобы им показали шимпанзе, потом удивлялись тем, что мы привели, как будто никогда таких не видели.

Ваши шимпы не говорят! Но почему?

Лестер ответил, что не знает. Конечно, шимпанзе способны выучить язык жестов. Но разве у них появились новые способности после того, как корабль “Обитель” улетел на Джиджо?

Возражение Лестера не произвело впечатления на чужаков. И на представителей других Шести тоже. Впервые я/мы ощутил что-то скрытое, обманчивое в манерах моего/нашего коллеги человека. Он знает больше, чем говорит. Но наш упрямый реук отказывается открывать больше.

И это не единственная такая тревога. Квуэны отказываются говорить о своих лорниках. Наши братья г'кеки откатываются от новости, что они последние в своем роде. И все мы приходим в ужас при виде того, как роботы чужаков возвращаются на базу, нагруженные усыпленными *глейверами.* Они похищают их в далеких стадах

для анализа, проводимого в тех некогда веселых павильонах, которые мы предоставили гостям.

— Это и есть возвращение невинности, обещанное свитками? — спросила Ур-Джа, и сомнение, как пар, исходило из ее опущенного рыла. — Как может из преступления вырасти благословение?

Если бы только мы могли расспросить глейверов. Этого ли они хотели, когда избрали тропу Избавления?

Ларк

— Вы только посмотрите, кто это! Я удивлена, что тебе хватает смелости показываться здесь!

Улыбка женщины казалась одновременно лукавой и насмешливой. Линг сняла пластиковые перчатки и отвернулась от глейвера, лежащего на лабораторном столе с датчиками на черепе. В помещении было несколько столов на подмостках, за которыми при свете ярких ламп работали люди, г'кеки и уры. Они выполняли простые механические задания, которым их научили, помогая своим нанимателям исследовать образцы разнообразной экосистемы Джиджо.

Ларк оставил свой рюкзак у входа. Но теперь снова поднял его.

— Я уйду, если хочешь.

— Нет, нет. Останься. — Линг пригласила его пройти в лабораторию, которая была перемещена в тенистый лес в ту самую ночь, когда Ларк последний раз видел прекрасную женщину из отряда чужаков. Тогда же черная станция погрузилась под землю, подняв фонтан земли и сломанной растительности. Причина обоих этих действий была по-прежнему неясна, но старейшины считали, что это имеет отношение к насильственному уничтожению одного из роботов пришельцев. Это событие его брат должен был непосредственно наблюдать.

Затем свидетельство Рети, девушки из-за гор, подкрепленное ее сокровищем — необычной металлической машиной в форме джиджоанской птицы. Осталась ли эта машина от буйуров, как полагают некоторые? Если так, то почему такое небольшое устройство так встревожило могущественных пришельцев? Или это как кончик красного панциря квуэна, безобидный на первый взгляд, торчащий из песка, часть гораздо большего, чем кажется? Теперь птица лежит в пещере, безголовая и немая, но Рети клянется, что видела, как она движется.

Ларку было приказано вернуться на Поляну до

того, как брат сможет подтвердить этот рассказ. Он знал, что можно не беспокоиться. Озава достаточно подготовлен, чтобы ухаживать за ранами Двера. Тем не менее полученный приказ вызвал у него негодование.

— Я вам понадоблюсь для еще одной экспедиции? — спросил он у Линг.

— После того как ты меня бросил в прошлый раз? Мы нашли следы людей, когда добрались до места, где вышел из строя наш робот. Туда ты бросился? Странно, как ты нашел дорогу.

Он надел мешок на плечо.

— Что ж, если я тебе не нужен… Она провела рукой перед его лицом.

— Не важно. Пошли. Есть много работы, если хочешь участвовать.

Ларк с сомнением посмотрел на лабораторные столы. Здесь действовали все три расы из Шести на Джиджо, которые обладают хорошей координацией движений рук и зрения. Снаружи работали нанятые пришельцами хуны и квуэны: ведь простейшие безделушки чужаков означают для примитивных туземцев неслыханные сокровища. Только треки не встречаются вблизи пятнистых палаток, так как кольцеобразные заставляют чужаков нервничать.

Работа сипаев. Именно это презрительное выражение использовала Лена Стронг, когда сообщала Ларку новости и передавала приказ в плотине, где правит Зубы-Острые-Как-Нож. Старинное земное выражение, означающее работу аборигенов на могущественных посетителей, которые расплачиваются бусами.

— Ну, не надо так хмуриться. — Линг рассмеялась. — Тебя стоило бы заставить раскрашивать нервные ткани или чистить клетки длинномордых… Нет, подожди. — Она схватила Ларка за руку. Все следы насмешливости исчезли. — Прости. Я действительно хочу кое-что обсудить с тобой.

— Вон там Утен. — Ларк показал на дальний конец палатки, где его коллега биолог, рослый самец-квуэн с серым панцирем, разговаривал с Ранном, одним из двух мужчин-чужаков, высоким массивным человеком в облегающем мундире.

— Утен знает невероятные подробности о том, как различные виды реагируют друг на друга, — согласилась Линг, кивнув. — А это нелегко на планете, на которую много эпох подряд примерно каждые двадцать миллионов лет вторгались из космоса. Учитывая ваши ограничения, вы

достигли поразительных результатов.

А знает ли она, насколько на самом деле глубоко уходят их знания? Мудрецы не разрешили продемонстрировать его подробные схемы, а Утену приходится придерживать все свои пять ног, чтобы сотрудничать, оставаясь необходимым и в то же время не говоря ничего лишнего. Однако и такие проявления проницательности местных жителей производили на пришельцев большое впечатление. Но это лишь показывает, как мало они ожидали от аборигенов.

— Спасибо, — ответил Ларк. — Большое спасибо. Линг вздохнула и на мгновение отвела взгляд своих темных глаз.

— Черт побери, могу я сегодня сказать что-нибудь правильно? Я не хотела тебя оскорбить. Просто… послушай, а что, если мы попробуем начать сначала, ладно? — Она протянула руку.

Ларк смотрел на нее. Что теперь ему полагается делать?

Линг левой рукой взяла его правую. Затем сжала ее своей правой рукой.

— Это называется рукопожатие. Мы его используем для выражения уважения, дружеского приветствия и согласия.

Ларк помигал. Ее рукопожатие теплое, крепкое,

слегка влажное.

— О да… Я чи… слышал об этом.

Он попытался ответить на рукопожатие, но ощущение такое странное и слегка эротическое, поэтому Ларк выпустил руку быстрее, чем она ожидала. Лицо его бросило в жар.

— Это распространенный жест?

— Я слышала, что очень. На старой Земле.

Ты слышала? Ларк ухватился за эту беглую фразу и понял, что все начинается сначала — игра намеков и откровений, взаимные попытки угадать недосказанное.

— Теперь я понимаю, почему мы отказались от него здесь, на Джиджо, — заметил он. — Уры возненавидят это: для них руки гораздо более личное дело, чем гениталии. Хуны и квуэны способны раздавить руки, а мы раздавим щупальца г'кека, если попытаемся их пожать. — Пальцы его по-прежнему слегка покалывало. Приходилось сдерживаться, чтобы не посмотреть на них. Определенно пора сменить тему.

— Итак, — сказал Ларк, пытаясь сохранить деловой тон равного собеседника, — ты никогда не была на Земле? Одна приподнятая бровь. Затем Линг рассмеялась.

— О, я знала, что тебя не нанять за несколько

устаревших биологических игрушек. Успокойся, Ларк: тебе будут платить ответами — некоторыми — в конце каждого дня. После того как ты их заработаешь.

Ларк вздохнул, хотя на самом деле условия показались ему удовлетворительными.

— Хорошо. А теперь скажи, что ты хочешь знать.

Аскс

Ежедневно мы стараемся смягчить трение между нашими фракциями, между теми, кто настаивает на сотрудничестве с непрошеными гостями, и теми, кто считает необходимым уничтожить их. Даже мои/наши субличности не приходят к единому мнению на этот счет.

Заключить мир с преступниками или сражаться с непобедимыми.

Проклятие или уничтожение.

А гости по-прежнему расспрашивают нас о других посещениях! Видели ли мы в последнее время, как с неба спускаются чужаки? Есть ли города буйуров, о которых мы еще не рассказали? Места, где могут сохраниться древние приборы, неподвижные, но готовые к действиям?

Почему такая настойчивость? Они, конечно, могут видеть, что мы не лжем — что знаем только

то, что говорим.

Но правда ли это, мои кольца? Все ли Шесть в равной мере поделились с пришельцами, или кто-то удерживает важную информацию, которая необходима всем?

То, что мне приходят в голову такие мысли, еще раз показывает, насколько низко мы пали, мы, недостойные, презренные сунеры. Мы, которым предстоит упасть еще ниже.

Рети

В маленькой потрепанной палатке в глубине леса, на удалении от исследовательской станции, Рети бросилась на тростниковый матрац, колотя его обоими кулаками.

— Вонючки! Проклятые куски прогнившего мяса! Гниль, гниль, *гниль!*

У нее было достаточно причин, чтобы биться в гневе и жалости к себе самой. Этот лжец Двер рассказывал ей, что мудрецы добрые и умные. Но они оказались ужасными!

О, не с самого начала. Вначале ее надежды устремились ввысь, как гейзеры дома, в парящих Серых холмах. Лестер Кембел и другие казались такими добрыми, они успокаивали ее, смягча-

ли страх наказания за грех предков, которые ускользнули на восток в запретные горы. И еще перед тем как начать ее расспрашивать, прислали врачей, чтобы позаботиться о ее ушибах и ожогах. Рети и в голову не приходило бояться незнакомых треки и г'кеков, которые растворили прилипшую мульк-жидкость, потом с помощью пены уничтожили в волосах на голове паразитов, с которыми она прожила всю жизнь. Она даже простила их, когда они рассеяли ее надежды на уничтожение шрамов на лице. Очевидно, даже у жителей Склона есть свои пределы.

С того момента как они с Ларком появились на Поляне Собраний, все казались чрезвычайно возбужденными и отвлеченными. Вначале Рети думала, что это из-за нее, но скоро ей стало ясно что истинная причина — пришельцы с неба!

Не важно. Все равно она чувствовала себя так, словно вернулась домой. Словно ее приветствует семья, большая и добрая, а не та маленькая грязная шайка, с которой она прожила четырнадцать ужасных лет.

Так она чувствовала какое-то время.

До предательства.

До тех пор, пока мудрецы снова не пригласили ее в свой павильон и не объявили о своем

решении.

— Это все Двер виноват, — говорила она позже с горячим негодованием. — Он и его проклятый брат. Если бы я только успела незаметно перебраться через горы. В этой сумятице никто бы не обратил на меня внимание. — Рети не представляла себе, что сделала бы после этого. Старшие дома были скрытны в своих устных преданиях о Склоне. Может, она могла бы стать полезной в какой-нибудь далекой деревне как траппер. Не ради еды — здесь ее полно, — но ради мягких мехов. При их виде горожане не очень расспрашивают, откуда она пришла.

Дома в Серых Холмах такие мечты позволяли ей пережить еще один тяжелый день. И все же у нее, наверно, никогда не хватило бы смелости бежать от своего грязного клана, если бы не прекрасная птица.

И вот мудрецы отобрали ее!

— Мы благодарны тебе за то, что ты принесла это загадочное чудо, — сказал Лестер Кембел меньше часа назад. Крылатое создание лежало перед ним на столе. — Однако происходят ужасные события. Надеюсь, ты поймешь, Рети, почему тебе необходимо вернуться назад.

Назад? Вначале она не могла понять. И все га-

дала, пока он продолжал говорить.

Назад?

Назад к Джессу и Бому с их напыщенным самодовольством? К непрерывной ругани этих *больших, сильных охотников?* Они всегда хвастают у лагерного костра о своих ничтожных победах, и с каждым разом их подвиги все увеличиваются. К этим тупым ослам, которые заостренными на огне палками наказывают всех, кто пытается им возразить?

Назад к матерям, которые видят, как увядают и умирают их дети? Где это не имеет значения, потому что рождаются новые и новые дети, пока ты не высохнешь и не умрешь от старости еще до сорока лет. Назад к голоду и грязи?

Мудрец-человек продолжал бормотать слова и фразы, которые должны прозвучать утешительно, благородно и логично. Но Рети уже не слушала его.

Они хотят отослать ее назад к племени!

О, конечно, неплохо бы посмотреть на лицо Джесса, когда она появится в лагере, одетая и вооруженная всеми чудесами, которые могут предложить ей Шесть. Но что потом? Она снова будет обречена на эту ужасную жизнь.

Я не вернусь! Ни за что!

Рети решительно перевернулась, вытерла слезы и задумалась, что ей делать.

Она может попытаться убежать и укрыться где-нибудь. Ходят слухи, что не все в порядке в отношениях между Шестью. До сих пор она выполняла просьбу Кембела не рассказывать о своем происхождении. Но Рети подумала: может, какая-нибудь фракция уров или квуэнов *заплатит ей за информацию?* Или пригласит пожить у себя?

Говорят, уры иногда позволяют избранным людям садиться к себе на спину, если человек не тяжел и достоин такой чести.

Рети попыталась представить себе жизнь в скачущих галопом кланах, свободно перемещающихся по широким равнинам, когда ветер раздувает волосы.

Или жизнь у морских хунов? Есть острова, на которые еще не ступала ничья нога, и летающие рыбы, и ледяные плавучие горы. Что это было бы за приключение! А ведь есть еще треки, живущие в болотах…

Неожиданно ей в голову пришла новая мысль. Кажется, есть еще одна возможность. Настолько поразительная, что Рети лежала и молча думала о ней несколько дуров. Кулаки ее наконец

разжались. Она села, с растущим возбуждением думая о возможности, которая превосходит все ее предыдущие мечты.

И чем дольше она думала, тем более вероятным казалось ее предположение.

XI . КНИГА МОРЯ

Животные не думают о расе, клане, философии. Не думают и о красоте, этике или о создании того, что намного переживет их. Для животных имеет значение только данный момент. Все, что для них важно, это только они сами.

Супруги, потомки, братья и сестры, супруги по улью – все это позволяет продолжить себя. Даже в любящем животном альтруизм пустил глубокие корни, основанные на собственных интересах. Разумные существа не животные. Верность привязывает даже внутренне эгоистичных к более благородному и абстрактному, чем простое продолжение себя. К расе, клану, философии. К красоте, этике, к вложению в плоды, которые мы с вами никогда не пожнем.

Если вы ищете тропу, ведущую вниз, долгую дорогу избавления, если ищете второго шанса, исповедавшись в своих грехах и тревогах, ищите тропу возвращения к почве, к забвению расы, клана или

философии. Но берегитесь! Иначе дорога заведет вас слишком далеко. Сохраняйте веру в нечто большее, чем вы сами. Берегитесь одержимости самим собой. Для тех, кто вдохнул пустоту и звездную пыль, на этом пути лежит проклятие.

Свиток Избавления

Рассказ Олвина

Остальные спят. Уже поздно, но я хочу записать все это, потому что потом мы будем заняты и не знаю, когда у меня появится еще возможность.

Завтра мы спускаемся с горы, нагруженные всевозможными вещами, которые дала нам кузнец Уриэль, — отличных вещей так много, что наши прежние планы кажутся нам чрезвычайно глупыми.

Только подумать: мы собирались доверить свою жизнь тому хламу, который собрали!

Уриэль уже отправила посыльных нашим родителям, письма на тяжелой плотной бумаге запечатаны ее печатью мудреца Общины. Так что родители Гек или мои ничего не смогут возразить.

Да мне и не хочется встречаться с ними. Что я им скажу? *Эй, папа! Все будет как в "Двадцати тысячах лье под водой"! Помнишь, ты читал мне, когда я был маленьким?*

Теперь я вспоминаю, чем кончился рассказ о капитане Немо и его экипаже, и понимаю сожаления Йоуг-уэйуо о том, что я так подражал людям. Если отец начнет со мной спорить, я должен буду говорить с ним не на англике, чтобы показать, что рассматривал разные возможности. Это путешествие — не просто детская одержимость, а нечто очень важное для нашей деревни и для всей расы. Я и остальные — мы собираемся делать историю. Важно, чтобы в этом участвовал хун, чтобы он присутствовал при всем: от замысла к исполнению и к воспоминаниям.

Приняв решение, Уриэль немедленно начала действовать. В тот же вечер, когда был пленен Зиз, Клешня отправился с только что отпочковавшимся треки в свой родной улей, чтобы тот адаптировался к воде в бассейнах для головастиков к югу от Вуфона. Клешня также должен был, опираясь на полномочия Уриэль, нанять несколько своих краснопанцирных соплеменников, чтобы привезти деревянный корпус нашей лодки к месту встречи вблизи Трещины. Осталь-

ные прибудут туда в фургонах с имуществом.

Погружение через пять дней!

Очень важно правильно выбрать место. Есть только один пункт, в котором глубоководная впадина Помойки, подобно лезвию серпа, приближается к берегу. Где глубокий подводный каньон с неровными краями проходит совсем рядом с Окончательной скалой. Развернув на нависающем карнизе стрелу крана, мы могли бы обойтись даже без корабля.

Какое облегчение — принять наконец решение! Даже Гек признала, что кости брошены, и приняла судьбу пожатием двух своих глазных стебельков.

— По крайней мере мы там, где я всегда хотела оказаться. Когда закончим, Уриэль будет у нас в долгу. Она должна будет выписать нам разрешение на посещение буйурских мест.

Есть слово на англике — *цепкость*, которое на Галшесть я перевожу как упрямство. Это еще одна причина того, что человеческая речь лучше описывает мою приятельницу Гек.

Все мы, даже Ур-ронн, немного удивлены тем, как неожиданно Уриэль предложила все свои ресурсы для нашего “маленького приключения”. В свой последний вечер на горе Гуэнн мы говорили

об этом внезапном великодушии кузнеца, после того как целый день упаковывали вещи в ящики, просматривали длинные списки и ждали, пока мастерская не затихнет на ночь.

— Наверно, это связано с пришельцами со звезд, — сказала Ур-ронн, поднимая голову со своего соломенного матраца.

Гек повернула к ней два стебелька, продолжая одним читать потрепанный экземпляр “Замка лорда Валентайна”.

— Опять? Какое отношение может иметь наше маленькое погружение к приходу на Джиджо галактического крейсера? Неужели у Уриэль нет более важных проблем?

— Но Гивц неделю назад сказал…

— Почему не признать, что ты неправильно поняла слова Гибца? Мы сегодня снова спрашивали, и треки не помнит, чтобы видел космический корабль.

– Не этот треки, — поправил я. — До влена у нас не было возможности расспросить Гибца. А сказал, что не помнит, *Тиуг.*

– Тиуг, Гибц. Разница не может быть такой уж большой. Даже после влена треки не может забыть подобное!

Я был в этом не так уверен. Я слышал, что вос-

ковые кристаллы памяти треки очень капризны.

Но, с другой стороны, когда речь идет о треки, я вообще ни в чем не уверен.

Конечно, была единственная личность, у которой можно было бы спросить об этом, но я подозреваю, что, если бы посреди всех этих приготовлений, распределения припасов, проверки планов мы задали этот вопрос Уриэль, свирепая старая хозяйка кузницы прогнала бы нас. Или лучше назвать ее устрашающей? Не очень уверен, потому что пишу при свете свечи и не могу воспользоваться своим словарем. Все предыдущие дни Уриэль отрывалась от своих обычных обязанностей, разговоров с почетным гостем-человеком, присмотра за своим драгоценным залом с вращающимися дисками, чтобы обрушить на нас поразительное количество деталей и подробностей, о которых мы и не думали, когда долгие месяцы планировали свою подводную экспедицию, — причем никто из нас не надеялся, что она осуществится в реальности. В этой спешке, казалось, нет времени ни на что другое. Или Уриэль ясно давала понять, что некоторые вещи совершенно не наше дело.

Однажды я попытался спросить ее обо всех изменениях, которые она внесла в наш план.

— Мы всегда считали, что начнем исследования с отмели у нашего дома. Потом все перестроим и укрепим, прежде чем начать более глубокие погружения с корабля. Может, опустимся на десять или двадцать кордов. А вы говорите о тридцати — причем с самого начала!

— Тридцать кордов — не так уж много, — с фырканьем ответила Уриэль. — О, я согласна, что ваши старые циркуляторы воздуха для этого не приспособлены. Поэтому я и заменила вашу систему на лучшую, какая только оказалась под рукой. И ваши прокладки протекли вы. А что касается вашего корпуса, то он выдержит.

Но я продолжал гадать, откуда все это оборудование. Например, мы не подумали о том, что понадобится регулятор давления газа. Хорошо, что Уриэль указала на нашу ошибку и у нее нашелся прекрасный регулятор ручной работы. Но *почему* он у нее оказался? Зачем руководительнице кузницы в вулкане подобный прибор?

Гек признавала, что поддержка Уриэль значительно увеличила наши шансы. Но я тревожился. Все предприятие окружала дымка какой-то тайны.

— Все станет ясно, когда вы доберетесь до Скалы и все будет готово. Я сама проверю все оборудо-

вание и тогда объясню, что вы можете сделать для меня.

Если не считать редких, на один день, поездок в Вуфон, Уриэль никогда не оставляла свой горн. Теперь она хочет уехать на *две недели*, чтобы принять участие в нашем приключении? Никогда в жизни ни одна новость не поражала меня так, как эта, одновременно внушив уверенность и испугав. Вероятно, мой тезка чувствовал то же самое, когда бродил по глубоким катакомбам под Диаспаром и нашел нечто невообразимое — загадочный туннель, ведущий к далекому Лису.

И вот мы: Гек, Ур-ронн и я — все собрали и готовы выступить утром, чтобы начать путешествие, которое либо прославит нас, либо убьет. Однако перед этим было еще одно дело, которым нам следовало заняться. Мы подождали, пока ночь не окутала гору Гуэнн, когда солнечные лучи не заполняли сотни искусно сооруженных окон в потолке и больше ничего не соперничало со свечением лавовых озер и горнов. Фабрики по переработке руды и плавильные печи стихли, рабочие сложили свои инструменты. Вскоре после ужина семь раз ударили в гонг, призывая рабочих-уров совершить ритуальную очистку перед сном.

Ур– ронн не хотелось идти в такой час -а какому уру это захочется? — но она знала, что другой возможности у нас не будет. И вот мы цепочкой двинулись из комнаты на складе, куда нас поместила Урдоннел, осторожно пробираясь между лампами. Впереди шла Гек; вытянув вперед два глазных стебелька, она быстро ехала по каменной рампе. Каждый раз когда она проходила под окнами в потолке, ее обращенные назад глаза сверкали, отражая звездный свет.

— Быстрей, засони! Вы джикии так медлительны! Ур-ронн проворчала:

— А кто нес ее три дня по скалам, когда мы исследовали Йотирские пещеры? У меня до сих пор на боках шрамы от ее осей.

Преувеличение. Я знаю, какая прочная у уров кожа. Тем не менее у Гек действительно есть привычка вспоминать только то, что ей удобно.

На перекрестках ей приходилось останавливаться и, раздраженно пыхтя, ждать, пока Ур-ронн не покажет направление. Вскоре мы миновали лабиринт подземных туннелей и двинулись тропой из утоптанной пемзы по скалистому плато, которое ночью казалось еще более чуждым, не джиджоанским, чем днем. В сущности, мы пересекали местность, очень похо-

жую на поверхность спутника Земли, которую я видел на фотографиях.

Кстати о спутниках. Знакомый красноватый полумесяц самого большого спутника Джиджо великого Лусена висел низко на западе; большая часть диска сейчас не видна, и солнечные лучи не отражаются от холодных мертвых городов, которые буйуры оставили нетронутыми, словно насмехаясь над нами.

Звезды сверкали над головой как… ну, написав это, я порылся в памяти в поисках какого-нибудь сравнения, которые вычитал в книгах, но земные авторы никогда не видели ничего похожего за скопление Одуванчика: огромный шар из сверкающих точек, занимающий почти четверть неба вплоть до южного горизонта. Я знаю, что они этого не видели, потому что если бы увидели, то попытались бы описать миллионами разных способов. Гости из густонаселенных северных районов склона всегда поражаются, когда видят это великолепие, и я думаю, что Одуванчик — одно из немногих преимуществ жизни в этой южной окраине.

И это одна из главных причин того, почему предшественницы Уриэль установили здесь телескоп и защитили его куполом от дождя и пепла

частых мини-извержений старой Гуэнн.

Ур–ронн говорит, что только в этом месте обсерватория попадает под ветер с моря и поэтому тепловые потоки не мешают смотреть. Вероятно, на Склоне есть места, гораздо лучше приспособленные для занятий астрономией. Но у этого места есть одно преимущество: здесь живет Уриэль. А у кого еще найдется столько времени, богатства и влияния, чтобы заниматься таким хобби? Ни у кого, кроме, разве что, ученых из Библоса.

Тяжелое сооружение из шлака словно вырастало на фоне ослепительного звездного скопления, напоминая мне морду глейвера, отхватившую большой кусок пирога. От этого зрелища у меня зачесались боковые пластинки. Конечно, на такой высоте, да еще под безоблачным небом, воздух очень холодный.

Свистнув в отчаянии, Ур-ронн неожиданно остановилась, подняв облако пыли, едва не заставив Гек натолкнуться на меня. Гек вращала стебельками, глядя одновременно во всех направлениях. Маленькая Хуфу отозвалась, вцепившись когтями мне в плечо, готовая спрыгнуть и покинуть нас при первых признаках опасности.

— В чем дело? — прошептал я.

Крыша открыта, объяснила Ур-ронн, переходя на Галдва и одновременно принюхиваясь. *Я чувствую запах ртутных паров: вероятно, кто-то работает на телескопе. Теперь мы должны (быстро) вернуться в свои постели, чтобы не вызвать подозрений.*

– Иди к дьяволу! — выругалась Гек. — Я не собираюсь возвращаться.

Они смотрели на меня, в ожидании решающего голоса. Я в человеческом стиле пожал плечами.

— Мы уже здесь. Можно попытаться взглянуть. Ур-ронн спиралью свернула шею. Фыркнула.

В таком случае держитесь за мной. И в тщетной надежде на удачу Ифни, не шумите!

И вот мы приблизились к куполу и увидели, что крыша действительно открыта и в щели на фоне сверкающего неба видны какие-то темные очертания. Тропа кончилась у двери на уровне земли. Дверь полуоткрыта, и за ней темно. Хуфу дрожала у меня на плече — от нетерпения или тревоги. Я уже пожалел, что взял ее с собой.

Были видны смутные очертания Ур-ронн, которая, прижавшись к стене, просунула внутрь голову.

— Из всех сверхджикии вещей ничто не превзойдет этот ее ночной поход, — ворчала Гек. —

Ур ночью видит не лучше, чем глейвер днем. Я должна была идти впереди.

Да, подумал я. *Как будто сама Гек создана для того, чтобы тайно подкрадываться.* Но я молчал, только негромким ворчанием не разрешал Хуфу спрыгнуть.

Нервно помахивая заплетенным хвостом, Ур-ронн глубже просунула голову — за нею последовало ее длинное тело, легко протиснувшись в дверь. Сразу за ней шла Гек, все ее глазные стебельки были подняты и дрожали. Я шел последним и все время поворачивался, чтобы проверить, не идет ли кто за нами, хотя, конечно, трудно себе представить, что кому-то это захочется делать.

Главный зал обсерватории казался пустым. Слабо блестел в звездном свете большой телескоп. На столе затененная лампа бросала красный, через фильтр, свет на звездную карту, прикрепленную к пюпитру, и на блокнот, исчерканный, должно быть, математическими символами: множество цифр и какие-то знаки, которые не входят ни в какой алфавит… хотя теперь, думая о них, я вспоминаю, что мистер Хайнц показывал нам некоторые из них, надеясь вызвать интерес класса.

Слушайте и смотрите, сказал Ур-ронн. *Мотор, предназначенный для слежения за объектами и компенсации вращения Джиджо, все еще работает.*

И действительно, от корпуса телескопа исходило низкое, похожее на хунское, ворчание, и я чувствовал запах испарений маленького клеточного мотора. Еще одна расточительность, почти неслыханная по всему Склону, но разрешенная здесь, потому что гора Гуэнн — святое место, способное очиститься от всех игрушек, обманов и необоснованного тщеславия. Если не завтра, то через несколько сотен лет — несомненно.

— Это значит, что телескоп все еще направлен туда, куда они смотрели перед уходом! — быстро среагировала Гек.

А кто говорит, что "они" ушли? собирался я спросить. Повернувшись, я заметил очертания закрытой двери. Сквозь щели пробивался слабый свет. Но Гек поторопила меня.

— Олвин, подсади, чтобы я смогла посмотреть.

— Хр-р-рм? Но…

— Олвин! — По моей ноге проехалось колесо, предупреждая, что нужно делать то, что сказано.

— Что? Подсадить? — Я не видел ни рампы, ни другой возможности для Гек приблизиться

к окуляру кроме стула рядом со столом. Тем не менее лучше все-таки послушаться, как можно быстрей и беззвучней, а не начинать спор.

— Хрррм… Ну, хорошо. Но тише, ладно?

Я встал за Гек, присел и просунул обе руки под ее осевую раму. Напрягся и поднял ее так, что один ее глазной стебелек оказался на уровне окуляра.

— Стой спокойно! — просвистела она.

— Я… хрр-ррм… пытаюсь…

Я позволил костям рук слегка переместиться, так что локтевые кости сомкнулись — мне говорили, что люди и уры завидуют этой нашей способности, потому что даже самые сильные люди, поднимая тяжесть, делают это исключительно с помощью мышц. Но даже и так Гек весит немало, и держать ее означало стоять согнувшись, полуприсев. Когда я хмыкнул, она повернула глазной стебелек, чтобы посмотреть вниз, и едва не задела мне лицо, как будто я нарочно раздражаю ее.

— Стой на месте, ты, необразованный хун!… Отлично, теперь я могу видеть… очень много звезд… и еще звезды… Эй, да здесь нет ничего, кроме звезд!

— Гек, — проворчал я, — разве я не просил тебя

не шуметь?

Ур– ронн со свистом вздохнула.

— Конечно, там только звезды, ты, пахнущая хуном г'кек! Неужели ты думала, что через этот маленький телескоп сможешь рассмотреть иллюминаторы космического корабля? На такой высоте корабль будет мерцать, как и все другие источники.

На меня это произвело впечатление. Мы знали, что Ур-ронн в нашей шайке лучший механик, но кто мог подумать, что она и в астрономии разбирается?

— Дай-ка мне взглянуть. Если возможно, я скажу, какая звезда не звезда. Ее позиция будет меняться относительно других звезд.

Гек гневно вертела колесами в воздухе, но не могла не признать разумности просьбы Ур-ронн. Я с облегчением и хрустом хрящей распрямился, когда она с недовольным ворчанием скатилась с меня. Ур-ронн пришлось встать передними копытами на стул, чтобы приподняться и приникнуть к окуляру.

Несколько мгновений наша урская приятельница молчала, потом раздраженно сказала:

— Это действительно только звезды, насколько я могу судить. Но я завыла: звездный корабль

за несколько дуров все равно выйдет из поля зрения, даже если включен следящий механизм.

— Что, тогда все, — сказал я, испытывая лишь легкое разочарование. — Нам лучше вернуться побыстрей…

И тут я заметил, что Гек исчезла. Повернувшись, я наконец увидел ее. Она двигалась прямо к двери, которую я заметил раньше!

— Помните, о чем мы говорили? — крикнула она нам, приближаясь к полуосвещенному треугольнику. — Настоящие доказательства должны быть на фотографических пластинках, о которых говорил Гивц. Ведь мы пришли посмотреть на них! Идемте!

Признаюсь: я смотрел, как выброшенная на берег рыба, мой горловой мешок бесполезно раздувался, а Хуфу впилась когтями мне в череп, готовясь спрыгнуть. Ур-ронн бросилась вслед за Гек, отчаянно попытавшись схватить ее за спицы, прежде чем она доберется до двери…

…которая в то же мгновение распахнулась, и на фоне ослепительного света показался человеческий силуэт. Низкорослый узкоплечий мужчина с волосами дыбом; эти волосы словно светились в блеске нескольких ламп, горевших за ним. Мигая и заслоняя глаза рукой, я смутно

различил в комнате за дверью несколько пюпитров с картами, математическими таблицами и стеклянными пластинками. На многочисленных полках, покрывающих все стены небольшой комнаты, лежало еще много таких пластинок.

Гек затормозила так стремительно, что ее оси нагрелись. Ур-ронн едва не столкнулась с нею, торопливо остановившись. Мы все застыли, пойманные на месте преступления.

Нетрудно было догадаться, кто этот человек, поскольку только один представитель этой расы постоянно живет на горе. Единственный и широко известный мудрец, чей интеллект кажется мощным даже для землянина и постигает тайны, ведомые только нашим предкам. По уму он превосходит даже Уриэль, которая преклоняется перед ним.

Кузнецу с горы Гуэнн не понравится, что мы мешаем ее почетному гостю.

Мудрец Пурофски долго всматривался в темноту за дверью, потом указал на нас рукой.

— Это вы! — странно отвлеченным голосом произнес он. — Вы меня удивили.

Первой пришла в себя Гек.

— Простите., ммм… мастер. Мы только…

Прервав ее без следа раздражения, человек

продолжал:

— Это даже хорошо. Я собирался позвать кого-нибудь. Не отнесете ли Уриэль эти мои заметки?

Он протянул стопку листов, которые Гек взяла дрожащей рукой-щупальцем. Ее полувтянутые глаза удивленно мигали.

— Хорошие ребята, — с отсутствующим видом сказал ученый и повернулся, собираясь снова скрыться в комнате. Но неожиданно мудрец Пурофски остановился и опять повернулся к нам.

— О, и скажите, пожалуйста, Уриэль, что теперь я в этом уверен. Оба корабля исчезли. Не знаю, что случилось с большим, первым, поскольку его обнаружили лишь благодаря случаю на пластинках, снятых раньше. Тогда никто не догадался посмотреть. Орбиту рассчитать невозможно. Могу только высказать предположение, что он приземлился. Но даже самые приблизительные расчеты, основанные на последних наблюдениях, свидетельствуют, что второй корабль сходил с орбиты, сбрасывал скорость и по спирали снижался к Джиджо. Если не было дополнительных отклонений и поправок, он приземлился несколько дней назад к северу отсюда, прямо в Риммере.

Улыбка его была печальной и ироничной.

— Иными словами, предупреждение, которое

мы отправили на Поляну, запоздало. — Пурофски устало потер глаза и вздохнул. — Наши коллеги на собрании, вероятно, больше нас знают о происходящем.

Клянусь, в голосе его звучала не тревога, а разочарование из-за прибытия на Джиджо того, чего изгнанники боялись все две тысячи лет.

Мы все, даже Хуфу, долго смотрели на него, даже после того, как он еще раз поблагодарил нас, повернулся и закрыл за собой дверь, оставив нас в обществе миллионов звезд, которые, словно зерна пыльцы, рассыпанные по поверхности океана, светили у нас над головой. Море тьмы неожиданно показалось пугающе близким.

XII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Есть слово, которое нас просят не употреблять слишком часто. И когда мы его произносим, говорить шепотом.

Просят нас об этом треки — просят сделать это из вежливости, уважения и суеверия.

Это слово – название — состоит оно из двух слогов, и треки боятся снова его услышать.

Так они когда-то называли себя.

Предположительно, это название по-прежнему используется их сородичами на звездных маршрутах Пяти Галактик.

Сородичами могучими, приводящими в ужас, решительными, безжалостными и целеустремленными.

Как не похожа наша раса кольчатых на описание тех, кто по-прежнему, подобно богам, правит космосом. На джофуров.

Некоторые расы, прилетевшие на Джиджо в крадущихся кораблях, были, подобно квуэнам и людям, почти неизвестны в Пяти Галактиках. Другие, как г'кеки и глейверы, обладали некоторой

известностью благодаря своим особым способностям. Хуны и уры были известны всем, так что даже земляне узнали их перед приземлением и встревожились.

Но говорят, все дышащие кислородом звездные кланы узнают груды колец, нагроможденные друг на друга, зловещие и могущественные.

Когда прилетел крадущийся корабль треки, г'кеки бросили на него один взгляд и на несколько поколений ушли в укрытие, прячась в ужасе, пока наконец не поняли, что это другие кольца.

Когда их увидели поселенцы-квуэны, они едва не улетели снова, не разгружаясь и даже не приземляясь.

Как могли наши любимые друзья пережить такую репутацию? Почему они так отличаются от тех, кто по-прежнему летает в космосе под этим страшным названием?

Размышления о Шести. Овум Пресс, 1915 год изгнания

Аскс

Либо чужаки стараются сбить нас с толку, либо в них есть что-то необычное.

Вначале их сила и знания казались нам такими,

какими и должны быть: настолько превосходящими наши, что мы по сравнению с ними невежественные животные. Неужели мы решимся сопоставлять нашу ничтожную мудрость, нашу простую жизнь с их величественными, сложнейшими машинами, их лечебным искусством и особенно с их поразительно проницательными вопросами об особенностях жизни на Джиджо? Их эрудиция свидетельствовала, что в их распоряжении огромные знания, несомненно, почерпнутые из последнего исследования этого мира, проделанного миллион лет назад. И все же…

Они как будто ничего не знают о лорниках и зукирах.

Они не могут скрыть своего возбуждения, когда работают с глейверами, как будто совершили великое открытие.

Они отпускают удивленные и нелепые замечания относительно шимпанзе.

А теперь они хотят все знать о мульк-пауках, задают наивные вопросы, на которые может ответить даже такой неспециалист, как эта груда колец. Даже если бы все мои разумные кольца подверглись плену и ушли, оставив только инстинкт, память и движения.

На носу большого корабля, который оставил здесь станцию, не было знака Великой Библиотеки. Мы посчитали его отсутствие простым свидетельством преступности. Отрицательным символом, обозначающим нечто вроде стыда украдкой.

Но, может быть, это нечто большее? Гораздо большее?

Сара

От мастерской Энгрил на канале Пиммин очень близко до больницы, куда вчера Пзора поместил Незнакомца. Энгрил согласилась встретиться там с Сарой и портретистом Блумом. Времени оставалось мало. Может, идея Сары глупа или непрактична, но лучшей возможности изложить ее не будет и не будет лучшего слушателя, чем Ариана Фу.

Нужно принимать решение. И пока предзнаменования нехорошие.

Посланники деревни Доло собрались накануне вечером в таверне вблизи урского квартала, чтобы обсудить, что каждый из них узнал с тех пор, как причалил *Хауф-вуа.* Сара показала экземпляр доклада мудрецов, только что напечатанный в

мастерской Энгрил, думая поразить остальных. Но к вечеру Пзора уже почти все знал.

– Я вижу три возможности, — сказал мрачный фермер Джоп, держа в руках кружку кислой пахты. — Первая: вся эта история — проклятая Яйцом ложь. На самом деле корабль из больших Институтов, и нас будут судить, как и предсказано в Свитках, но мудрецы распространяют сказки о бандитах, чтобы, оправдать созыв милиции и подготовку к сопротивлению.

— Но это нелепо! — возразила Сара.

— Правда? Тогда почему собраны все отряды? В каждой деревне тренируются люди. Во всех направлениях скачут кавалеристы-уры, а хуны смазывают свои старые катапульты, как будто можно камнями подбить звездный корабль. — Он покачал головой. — Что, если мудрецам пришла в голову мысль сопротивляться? Не в первый раз лидеры сходят с ума при приближении конца своей ничтожной власти.

— Но как же эти рисунки? спросила скрайвен-танцовщица Фалькун. Г'кек коснулась одной из репродукций, на которой изображены два человека в цельных костюмах, высокомерно глядящие на зрелище, новое и одновременно такое жалкое для них.

Джоп пожал плечами:

— Самый нелепый рисунок. Что могут здесь делать люди? Когда наши предки покидали Землю в устаревшем третьесортном корыте, ни один человек не понимал принципа его работы. Те, что остались дома, и за десять тысяч лет не могли бы догнать галактические стандарты.

Сара видела, как Блейд и капитан-хун удивленно переглянулись. То, что сказал Джоп о человеческой технологии времен изгнания, не тайна, но им трудно себе это представить. На Джиджо земляне — это инженеры, которые обычно знают ответы на вопросы.

— И кому понадобилось разыгрывать такой обман? — спросила Ульгор, опуская коническую голову. В позе тела ура Сара видела напряжение. *Ого,* подумала она.

Джоп улыбнулся.

— Какой-нибудь группе, которая увидела среди этого смятения возможность опозорить нашу честь и отомстить перед Судным днем.

Человек и ур смотрели друг на друга, оскалив зубы — что можно было принять и за улыбку, и за вызов. И Сара на этот раз благословила болезнь, которая заставила почти все реуки свернуться и впасть в спячку. Симбионты не допустили бы

никакой двусмысленности при переводе того, что испытывали Джоп и Ульгор.

И в этот момент между двумя протянулась струйка желтоватого пара — и запахло липкой сладостью. Джоп и Ульгор одновременно отпрянули от этого запаха в противоположных направлениях, прикрывая носы.

— Уууупс, выражаю сожаление от моего/нашего имени. Пищеварительный тор этой груды все еще обрабатывает богатую пищу, которую нам предлагали на борту хунского корабля.

Капитан *Хауф-вуа* невозмутимо сказал:

— Очень любезно с твоей стороны, Пзора. А что касается обсуждаемого вопроса, мы должны решить, какой совет отправить в Доло и в поселения в верховьях Рони. Поэтому позвольте мне спросить Джопа… *Хрррм* — что если мы рассмотрим более простую теорию: что это не обман со стороны достопочтенных мудрецов, *хрр?*

Джоп с кашлем продолжал махать рукой перед носом.

— Это приводит нас к возможности номер два — что мы подвергаемся испытанию. День наконец пришел, но благородные галакты еще не решили, что с нами делать. Может быть, великие Институты наняли людей-актеров, чтобы они

сыграли свои роли, предоставив нам шанс склонить чашу весов в одну сторону — с помощью правильных действий, или в другую, если мы выберем неверно. А что касается совета, который мы пошлем вверх по реке, я предлагаю сообщить, что следует заняться уничтожением в соответствии в древним планом.

Блейд, молодой делегат-квуэн, откинулся назад на трех ногах, приподнял свой синий панцирь, запинаясь и свистя, так что его попытка говорить на англике закончилась неудачей. Он переключился на Галактический Два.

Безумие ты демонстрируешь! Это сумасшествие, то, что ты говоришь! Наша могучая плотина (великолепная на взгляд и на запах) должна исчезнуть? Зачем, если наше (незаконное) пребывание на Джиджо уже известно? Джоп объяснил:

— Действительно, мы не можем скрыть свою преступную колонизацию. Но мы можем начать процесс уничтожения следов своей деятельности с этого изуродованного мира. Показав свои добрые намерения, мы можем заслужить снисхождение.

Чего мы не должны делать — и боюсь, что в этом отношении наши мудрецы обмануты, —

это предлагать любое сотрудничество людям, которые делают вид, что они генные грабители. Никаких подачек или услуг, поскольку это — тоже часть испытания.

Ульгор с сомнением фыркнула.

— А третья возможность? Что, если они на самом деле преступники?

Джоп пожал плечами:

— Остается справедливым тот же ответ. Пассивное сопротивление. Слиться с местностью. Снести наши города…

— Сжечь библиотеки, — вмешалась Сара, и Джоп, посмотрев в ее сторону, коротко кивнул.

— Это прежде всего. В них корень обмана. Наши нелепые претензии на цивилизованный статус. — Он повел рукой, указывая на старое буйурское помещение, преобразованное в таверну, на закопченные стены, украшенные копьями, щитами и другими сувенирами кровавой осады города Тарек. — Цивилизованный! — Джоп снова рассмеялся. — Мы подобны попугаям-тикам, повторяем стихи, которых не понимаем, жалко подражаем обычаям могучих. Если действительно прилетели пираты, такое тщеславие лишь уменьшит нашу возможность закопаться. Наш единственный шанс на выживание — слиться с

животным миром Джиджо. Стать невинными, как глейверы в их блаженном спасении. Мы бы уже достигли такого блаженного состояния, если бы люди не испортили природу своей так называемой Великой Печатью.

Так что, как видите, это не имеет значения, — закончил он, снова пожимая плечами. — Пришельцы могут оказаться благородными советниками Великого Института Миграции или самыми грязными преступниками космоса. В любом случае для нас наступил день суда. Наше единственное возможное решение одно и то же.

Удивленно качая головой, Сара заметила:

— Ты начинаешь говорить как Ларк.

Но Джоп не видел в этом ничего ироничного. С тех пор как оглушительный, ужасающий призрак потряс древесные фермы, оставляя в обожженном небе шумный горячий след, фермер с каждым днем становился все большим радикалом.

— Плохо дело, — сказал Блейд Саре позже в тот же вечер, когда Джоп отправился на встречу со своими друзьями и единоверцами. — Он кажется уверенным в своих рассуждениях и добродетели — как серая королева, убежденная в своей праведности.

— Самодовольство и лицемерие — чума, кото-

рая поражает все расы, кроме треки, — ответила Фалькун, наклоняя два стебелька в сторону Пзоры. — Ваш народ счастлив, потому что избавлен от проклятия эгоизма.

Аптекарь из деревни Доло испустил негромкий вздох.

— Я/мы советую не делать поспешных заключений, дорогой друг. Сказано, что некогда мы тоже обладали такой способностью, партнером которой является дар/проклятие тщеславия. Исключить эту способность из нашей природы означало отказаться от величайшего сокровища, от наших лучших колец. Сделать это было нелегко.

То, чего мы/я больше всего боимся при восстановлении контакта с галактами, вам, народам и существам, не понять: мы боимся поддаться искушению.

Мы боимся предложения снова стать цельными.

Клиника — это царство колес. Повсюду врачи-г'кеки и пациенты в креслах на колесах. Многие аптекари-треки пользуются фургонами-скутерами и передвигаются в них быстрее, чем если бы просто шли. Неудивительно, что ровная городская планировка больше всего подходит этим

двум из Шести.

Палата Незнакомца на пятом этаже и выходит на слияние рек Руни и Бибур. В окно видны оба паровых парома, причаленных в гавани под маскировочным навесом. Теперь они действуют только по ночам, потому что особо бдительные угрожали сжечь их, если они покажутся днем. А сегодня утром пришло подтверждение с Поляны. Высокие мудрецы также хотят, чтобы признаки высокой технологии без необходимости не обнаруживались Шестью. *Ничего не уничтожайте. Все прячьте.*

Это лишь усилило смятение среди простого народа. Пришел Судный день или нет? Во всех частях города слышны были шумные споры. *Нам нужно, чтобы нас объединила какая-нибудь цель,* думала Сара, *иначе мы начнем распадаться: отдельно кожа и шкура, панцирь и спицы.*

Служитель-треки провел Сару к отдельной палате, отведенной для Незнакомца. Смуглый мужчина посмотрел на вошедшую Сару и улыбнулся: он явно радовался ее появлению. Отложил карандаш и блокнот, в котором Сара увидела изображение того, что находится за окном: один из паромов под маскировочной сеткой. К стене был прикреплен другой рисунок. На нем был

изображен концерт на корме *Хауф-вуа* — приятная интерлюдия в мире, охваченном кризисом.

— Спасибо, что пришла, — сказала пожилая, болезненного вида женщина, сидевшая рядом с постелью Незнакомца и поразительно напоминавшая г'кека: цветом одежды, поразительно голубыми глазами и тем, как кресло на колесиках вмещает ее прикрытое одеялом тело. — Мы прогрессируем, но кое-что я хотела проверить только после твоего появления.

Сара по-прежнему удивлялась, почему именно Ариана Фу заинтересовалась раненым. Теперь, когда Лестер Кембел и другие мудрецы далеко, она — самый высокопоставленный человек-ученый в Библосе. Можно было подумать, что у нее сейчас окажется немало более важных дел, чем интересоваться происхождением Незнакомца.

Вкатился врач-г'кек, говорил он мягко, с культурным акцентом.

— Пожалуйста, Сара, прежде всего расскажи нам все, что помнишь о внешности Незнакомца в тот день, когда ты вытащила его, обгоревшего и оборванного, из болота.

Сара молча покачала головой.

— Из его одежды ничего не сохранилось?

— Было несколько обрывков, в основном обго-

ревших. Мы выбросили их, когда обрабатывали ожоги.

— Обрывки отправились в бочку для мусора? — оживленно спросил врач. — Одну из тех бочек, что привез *Хауф-воа?*

– Никаких украшений или значков не было, если вас это интересует. Обрывки отправились на переработку, как всякие тряпки. Прямиком в измельчающую машину в мастерской отца. А они помогли бы?

— Может быть, — ответила пожилая женщина. Она была явно разочарована. — Мы стараемся рассмотреть все возможности.

Незнакомец сложил руки на колени, он переводил взгляд с одного на другого, словно очарованный не смыслом слов, а их звучанием.

— Вы можете… — Сара глотнула, — можете что-нибудь для него сделать?

— Это зависит от многого, — ответил врач. — Ожоги и контузии хорошо заживают. Но наши лучшие мази бессильны против структурных повреждений. Наш загадочный гость утратил часть лобной доли головного мозга — в левом полушарии. Ее словно вырвал какой-то свирепый хищник. Я уверен, ты знаешь, что именно в этой части у вас, людей, расположен центр речи.

— А есть ли возможность?…

— Восстановления утраченного? — Жест сомнения г'ке-ков — переплетение двух глазных стебельков — никогда не становился модным у других рас. — У очень молодого человека или женщины возможен перенос речевых способностей в правую долю. Так иногда бывает у тех, кто получил сильный удар по голове. Но у взрослых мужчин такое случается редко. Увы, их структура мозга гораздо более жестко закреплена.

Свет в темных глазах Незнакомца обманчив. Незнакомец дружелюбно улыбнулся, словно разговор идет о погоде. Его радостный взгляд разрывал Саре сердце.

— Ничего нельзя сделать?

– В Галактике — может быть.

Древнее выражение, почти поговорка — когда речь идет о том, что выходит за пределы примитивных возможностей Склона.

— Но мы ничего больше сделать не можем. Здесь не можем.

Было что-то загадочное в тоне врача. Все его четыре глаза были устремлены внутрь. Он походил на человека, разглядывающего собственные ногти в ожидании, пока будет произнесено невысказанное. Сара посмотрела на Ариану Фу: у той

было непроницаемое, собранное лицо.

Слишком собранное. Сара догадалась, на что намекает врач.

— Вы серьезно?

Женщина-мудрец на мгновение закрыла глаза. А когда открыла, в них был дерзкий блеск.

— Нам сообщают, что пришельцы стараются склонить на свою сторону общественное мнение, переманивают на свою сторону с помощью лекарств и чудес исцеления. Из Тарека и других мест уже двинулись без всякого разрешения караваны больных и калек. Они преодолевают трудный путь в надежде на чудесное исцеление. Признаюсь: такая мысль пришла мне на ум. — Она подняла свои тонкие, как палка, руки. — Многие могут умереть в пути, но что значит такой риск по сравнению с искрой надежды?

Сара помолчала.

— Вы думаете, чужаки могут ему помочь?

Ариана пожала плечами по-хунски — то есть надула щеки.

— Кто может сказать? Откровенно говоря, я сомневаюсь, чтобы даже галакты сумели излечит такое повреждение. Но у них есть паллиативные средства, способные намного улучшить положение. Во всяком случае, очень велика вероятность,

что мое предположение справедливо.

— Ваше предположение?

— Что наш Незнакомец совсем не бедный дикарь. Сара посмотрела на нее и замигала.

– *Ифни!* — выдохнула она.

– Поистине, — кивнула Ариана Фу. — Можем ли мы проверить, послан ли наш гость действительно богиней удачи и перемен?

Сара едва могла кивнуть. И пока пожилая женщина рылась в своей сумке, девушка размышляла. *Наверно, именно поэтому все преклонялись перед ней, когда она была главным мудрецом до Кембела. Говорят, гениальность — это способность увидеть очевидное. Теперь я знаю, что это правда.*

Как я могла быть так слепа!

Ариана извлекла несколько страниц, только что напечатанных на машине Энгрил.

— Я хотела попросить присутствовать чувствительного, но если я права, нужно все это держать в тайне. Так что придется нам самим наблюдать за его реакцией. Заметьте, что он, пожалуй, единственный во всем Тареке, кто еще не видел этого. Прошу всех внимательно наблюдать.

Она подкатилась поближе к пациенту, который внимательно смотрел, как она выкладывает

листки на одеяло. Улыбка постепенно исчезала с его лица: он брал листок и осторожно прикасался к тонким линиям. Горы окружали долину, похожую по форме на лук и усеянную поваленными деревьями. Это гнездо, а в нем толстое копье с выступающими ребрами. Очертания этого копья Сара впервые увидела в небе над своим сотрясаемым домом. Кончики пальцев, дрожа, касались пологих изгибов корпуса. Улыбка исчезла, сменившись выражением болезненной сосредоточенности. Сара чувствовала, что Незнакомец пытается что-то вспомнить. Очевидно, есть здесь узнавание знакомого и что-то гораздо-гораздо большее.

Незнакомец посмотрел на Ариану Фу. Глаза его были полны болью и вопросами, которые он не мог сформулировать.

— Но что это доказывает? — спросила Сара, мысленно корчась.

— Рисунок корабля его встревожил, — ответила Ариана.

— Как встревожил бы любого умного члена Шести, — заметила Сара.

Пожилая женщина кивнула.

— Я ожидала более радостной реакции.

— Вы думаете, он один из них? — спросила Са-

ра. — Думаете, он потерпел крушение в болотах к востоку от Доло на борту какой-то летающей машины. Он галакт. Преступник.

— Учитывая совпадение во времени, это самая вероятная и простая гипотеза — абсолютно незнакомый человек, обгоревший во влажных болотах, появляется с ранами, которые не в состоянии излечить наши врачи. Но попробуем другой рисунок.

На следующем рисунке та же долина, но вместо корабля то, что мудрецы называют “исследовательской станцией”, которая должна анализировать джиджоанскую жизнь. Незнакомец смотрел на черный куб заинтересованно и, может быть, слегка испуганно.

Наконец Ариана показала рисунок, на котором были изображены две фигуры с сильными уверенными лицами. Пара, пролетевшая ради грабежа сотни световых лет.

На этот раз Незнакомец ахнул. Он смотрел на изображение людей, притрагивался к символам на их цельных костюмах. Не требовалось обостренной чувствительности, чтобы заметить отчаяние в его взгляде. С нечленораздельным возгласом он скомкал листок, бросил в угол палаты и закрыл глаза рукой.

— Интересно. *Очень* интересно, — прошептала Ариана.

— Не понимаю, — вздохнул врач. — Означает ли это, что он не с Джиджо, или нет?

— Боюсь, делать выводы слишком рано. — Ариана покачала головой. — Скажем так: возможно, он из Пяти Галактик. Если преступники ищут сбежавшего соучастника, а он оказывается в наших руках, это может стать нашим преимуществом.

— Какого… — начала Сара, но старшая женщина продолжала, словно рассуждая вслух:

— Увы, его реакцию я бы не назвала желанием вернуться к потерянным товарищам. Может, он сбежавший от них враг? Каким-то образом ему удалось сбежать из заключения, может, даже совершив убийство, за день-два до посадки корабля грабителей? Какая ирония, что именно эта рана не дает ему возможности все нам рассказать! Интересно, не они ли причинили ее… как варварские короли на древней Земле вырезали языки своим врагам. Как ужасно, если это правда!

Все эти возможности, изложенные женщиной-мудрецом, ошеломили Сару. Наступило долгое молчание. Наконец снова заговорил врач.

— Ваши размышления интригуют меня и приводят в ужас, старый друг. Но сейчас я должен

попросить не волновать больше пациента.

Однако Ариана только покачала головой, продолжая размышлять вслух.

— Я думала немедленно отправить его на Полян. Пусть Вуббен и остальные решают, что делать дальше.

— Правда? Я никогда не разрешил бы вам перемещать так серьезно…

— Разумеется, возможность воспользоваться галактическим уровнем лечения ран прекрасно объединяет прагматизм и доброту.

Оральный клапан врача-г'кека открылся и закрылся. Врач молча обдумывал слова Арианы. Наконец его стебельки втянулись.

Женщина-мудрец в отставке вздохнула.

— Увы, вопрос, кажется, приобрел чисто академический интерес. Судя по тому, что мы видели, сильно сомневаюсь, чтобы наш гость хотел туда отправиться.

Сара уже собиралась сказать женщине, куда та может отправляться со своими попытками вмешаться в жизнь человека. Но в этот момент предмет их разговора отнял руки от лица. Он посмотрел на Ариану и Сару. Потом взял один из рисунков.

— И… — Глотнул, и лоб его сморщился в край-

ней сосредоточенности.

Все смотрели на него. Человек поднял рисунок с изображением звездного корабля среди поваленных деревьев. Указательным пальцем постучал по нему.

— И…и…

Потом жалобно посмотрел Саре в глаза. И перешел на шепот.

– *Идти.*

После этого обсуждение дальнейших планов Сары словно потеряло свою актуальность. *Значит, я все-таки не вернусь в Дало на следующем корабле. Напротив, отправлюсь на встречу с чужаками.*

Бедный отец. Он всегда хотел в безопасности растить множество маленьких мастеров бумажных дел. Но все его наследники разбежались по разным опасным делам так быстро, как могут нести ноги.

Пришли Энгрил и Блур, портретист, с орудиями своего ремесла.

Блур, невысокий светлокожий мужчина с завитками рыжих волос, падающих на плечи. Руки его в пятнах, появившихся за годы занятий своим тонким мастерством. Он держал металлическую пластину размером с ладонь; на пластине

виднелись тонкие линии и углубления. И под некоторым углом в игре света и тени из них возникали четкие изображения.

— Это называется процесс *Дагерра,* — объяснил он. — На самом деле это очень примитивная техника сохранения изображений. Один из первых способов фотографии, изобретенный волчатами-людьми на старой Земле. Так говорится в наших справочниках. Сегодня мы не используем эту процедуру для изготовления портретов: бумага дешевле и безопасней.

— И к тому же бумага разлагается, — добавила Ариана Фу, поворачивая в руках пластину. На рифленом металле была изображена урская воительница высокого ранга, с обоими мужьями на спине в формальной позе. Длинная гибкая шея самки была раскрашена яркими зигзагообразными полосами. В руках она ласково, словно возлюбленную дочь по запаху, держала большой лук.

— Действительно, — согласился портретист. — Отличная бумага, производимая отцом Сары, гарантированно распадается меньше чем через сто лет, не оставляя никаких следов, способных выдать наших потомков. Этот образец дагерротипа один из немногих сохранившихся; все

остальные с того времени, как укрепившаяся Община привела к уважению Закона, отправлены в мусорную Помойку. У меня есть специальное разрешение на этот прекрасный экземпляр Видите эти тонкие детали? Он создан до начала третьей войны людей с урами. Мне кажется, здесь изображен вождь племени Сул. Обратите внимание на шрамы татуировки. Замечательно! Так же четко и ясно, как в тот день, когда было снято.

Сара наклонилась, и Ариана передала ей пластинку.

— А кто-нибудь с тех пор пользовался этим процессом на Джиджо?

Блур кивнул.

— Каждый член моей гильдии делает один дагерротип, доказывая свое право стать мастером. Результаты отправляются в Помойку или к кузнецам на переплавку, но мастерство сохраняется. — Он поднял свою сумку, слегка звякнув бутылочками. — Здесь достаточно кислоты и закрепителя, чтобы обработать несколько десятков пластин, но самих пластин у меня всего двадцать. Если потребуется больше, нужно будет заказать в городе Овум или в одной из вулканических кузниц.

Сара почувствовала легкое прикосновение к

плечу, повернулась и увидела протянувшего руку Незнакомца Она отдала ему маленькую фотографию, и он осторожно провел кончиками пальцев по бороздкам.

Теперь, выслушав теорию Арианы, Сара по-иному воспринимала все, что делает раненый. Смеется ли он над примитивностью технологии, или выражает восхищение мастерством? Или радость в его глазах — реакция на изображение свирепой воительницы, которая была настоящим бичом во время героической борьбы десять поколений назад?

Ариана Фу потерла подбородок.

— Двадцать пластин. Допустим, хорошие изображения получатся на половине…

— Щедрая оценка, мой мудрец, поскольку техника требует длительной экспозиции. Ариана хмыкнула.

–

— Тогда полдюжины удачных. И несколько следует передать чужакам, чтобы они поверили в реальность угрозы.

— Можно сделать копии, — вмешалась Энгрил.

— Копий не должно быть, — сказала Сара. — Они должны предположить, что у нас есть много других. Главное в том, способна ли такая пла-

стинка выдержать миллион лет.

Художник сдул прядь рыжих волос. Из его горла вырвался странный сдавленный звук, похожий на вздох квуэна.

— В правильно подобранных условиях металл покрывается защитной окисленной пленкой… — Он нервно рассмеялся, переводя взгляд с Сары на Ариану. — Неужели вы серьезно? Блеф — одно дело. Мы в таком отчаянном положении, что способны ухватиться за соломинку. Но неужели вы считаете, что мы действительно сможем сохранить свидетельства до следующего галактического обследования?

Врач г'кек сплел два глазных стебелька таким образом, что они смотрели в противоположных направлениях

— Похоже, у нас рождается совершенно новая ересь.

Аскс

Возможно, это была ошибка — так усиленно стараться подавить пси-способности среди Шести.

Большую часть долгого тысячелетия нашего изгнания это казалось разумным шагом. Разве

не наша великая цель — оставаться незамеченными? Мы должны только строить скромно, в гармонии с природой, и пусть остальное сделают справедливые законы вселенной.

Но канал пси-связи непрямолинеен и ненадежен. Во всяком случае, так говорится в книгах, напечатанных людьми. Однако сами люди признают, что во времена бегства их предков об этом мало было известно.

Когда Святое Яйцо дало нам реуков, некоторые из Шести опасались, что симбионты действуют на уровне пси и это может сделать наш анклав беглецов более заметным. И вопреки несомненным доказательствам противоположного, старая клевета ожила и снова вызывает между нами трения.

Некоторые даже утверждают, что само Святое Яйцо приближает наше уничтожение! Действительно, почему пираты явились именно сейчас, всего сто лет спустя после благословенного дня появления Яйца? Другие указывают, что мы сейчас гораздо больше знали бы о пришельцах, если бы выращивали собственных посвященных, а не немногих определителей правды, которые есть у нас сегодня.

Сожаление глупо и бесполезно, с таким же

успехом я мог бы сожалеть о кольцах, которые, как говорят, покинули наши предки — просто потому, что эти тороиды были запятнаны грехом.

Какие невероятные способности придавали нам эти кольца, как говорится в легендах! Бежать быстрей ветра, легко как уры. Плавать как квуэны, и ходить по дну моря. Касаться мира на всех уровнях его структуры и управлять им. И прежде всего — смотреть в лицо вселенной с уверенностью, совершенно, биологически спокойной. Никакая неуверенность не заражала бы наше сложное сообщество личностей. Только могучий эгоизм центрального, уверенного “Я”.

Двер

У синих горных квуэнов другие традиции, чем у тех их родичей, что живут за могучей плотиной Доло. Дома ритуалы линьки всегда казались неформальными. Человеческие дети из ближайших деревень бегали со своими хитиновыми друзьями, а взрослые в это время пили нектар-пиво и праздновали появление нового поколения.

В этом горном святилище песни и ритуальное шипение принимали более торжественные формы. В числе гостей были местный врач-г'кек,

несколько сборщиков-треки и с десяток соседей-людей, которые по очереди заглядывали в изогнутое окно, чтобы увидеть, что происходит в колыбели личинок в соседнем помещении. Хуны, которые рыбачат в озере за плотиной, как обычно, прислали свои извинения. У большинства хунов непреодолимое отвращение к квуэнскому способу воспроизводства.

Двер пришел сюда из благодарности. Если бы не этот гостеприимный улей, у него, вероятно, были бы обрубки рук и ног, а не почти полные наборы пальцев, все еще ноющих, но выздоравливающих. К тому же появилась возможность сделать перерыв в напряженных приготовлениях, которые они проделывают с Дэйнелом Озавой. Когда местный матриарх Режущий Язык позвала их к этому окну, они с Дэйнелом поклонились ей и учителю-человеку мистеру Шеду.

— Поздравляю вас обоих, — сказал Озава. — Пусть у вас будут отличные выпускники.

— Спасибо, достопочтенный мудрец. — Дыхание Режущего Языка выдавало ее взволнованность. Как главная самка, она отложила свыше половины всех яиц. Многие из корчащихся фигур за окном будут ее отпрысками, готовыми наконец появиться на свет. И после двадцати лет

ожидания можно думать, что она будет слегка нервничать.

Мистер Шед не внес свой вклад в генетический аппарат квуэнов, формировавшихся за дверью, но и на его худом лице заметно было волнение.

— Да, отличный выводок. Когда их панцири затвердеют и они получат имя, из некоторых получатся прекрасные старшие ученики.

Режущий Язык добавила:

— Двое уже прекрасно режут дерево, хотя, мне кажется, наш учитель имеет в виду другие способности. Мистер Шед кивнул.

— У нас тут поблизости, ниже по склону, школа, куда местные племена посылают самых умных детей. Елмира вполне подойдет, если пройдет через…

Матриарх предупреждающе зашипела.

– Учитель! Держи свои личные прозвища при себе. Не сглазь личинок в этот священный день! Мистер Шел нервно глотнул.

– Простите, матрона. — И покачнулся с боку на бок, как делают молодые квуэны, когда их застанут за ловлей раков в инкубатории.

К счастью, как раз в этот момент появился поставщик провизии треки с котлом, полным вел-нектара. Люди и квуэны столпились у стола.

Но Двер видел, что Озава испытывает то же, что и он. У них нет времени на эйфорию. Ведь они готовят чрезвычайно серьезное дело.

Жаль, однако, подумал Двер, заметив, что треки приправляет каждый кубок специальным спреем из своего химически — синтезирующего кольца. Вскоре под опьяняющим действием напитка настроение в помещении поднялось. Режущий Язык присоединилась к остальным у стола, оставив троих людей у окна в одиночестве.

— Вот так, мои красавицы. Делайте это осторожней, — прошептал учитель, который по контракту учил детей квуэнов чтению и письму — долгая работа, требующая большого терпения, ведь личинки долгие десятилетия проводят в одном тинистом помещении, питаясь мелкими извивающимися существами и постепенно усваивая мыслительные привычки разумных существ. К удивлению Двера, мистер Шед надел на лицо функционирующего реука. В последнее время большинство симбионтов впали в спячку или даже умерли.

Двер всмотрелся в окно — набор из множества мелких линз со сломанным стеблем посредине. В центре соседнего помещения располагался бассейн, полный тины, и в нем барахтались ка-

кие-то фигуры, словно в поисках выхода. Должно быть, это и есть любимые ученики мистера Шеда, а некоторые снова будут его учениками, когда сбросят кокон и станут взрослыми квуэнами. Игра личинок уходит на миллионы лет в прошлое, задолго до того, как патроны вмешались в развитие расы квуэнов и превратили их в обитателей звезд. И в этой игре была собственная логика.

— Правильно, дети, не торопитесь… — Полный надежды вздох Шеда прервался, когда из бассейна вырвался столб пены. Из воды клубком вылетели переплетенные фигуры. Двер разглядел одну из них, уже почти пятистороннюю, с тремя бьющимися под аквамариновым панцирем ногами. На молодом панцире были видны следы недавних расчесов. И висели обрывки беловатой плоти — это тело личинки, которое должно быть сброшено.

Легенды утверждают, что у квуэнов, которые по-прежнему летают меж звездами, есть гораздо более легкие способы перехода — с помощью машин и в искусственном окружении, но на Джиджо линька происходила так же, как тогда, когда квуэны были животными и охотились на отмелях своей родной планеты.

Двер вспомнил, как, в первый раз увидев линь-

ку, в слезах прибежал домой и искал утешения и понимания у старшего брата. Уже тогда Ларк был серьезным, много знающим и слегка педантичным.

У разумных рас много способов воспроизводства. Некоторые сосредоточивают все усилия не немногих отпрысках, о которых заботятся с самого начала. Хороший родитель умрет, чтобы спасти свое дитя. В этом отношении — оно называется высоким-К — куны и г'кеки подобны людям.

Уры размножаются как рыбы в море — это низкий-К способ, предоставляя табунам своих потомков вести дикий образ жизни в степи, пока выжившие не найдут способ вернуться к своим кровным родичам. Ранние человеческие поселенцы считали этот урский способ бессердечным, а уры к нашему относились как к параноидальному и сентиментальному.

Квуэны располагаются посредине. Они заботятся о своем потомстве, но понимают, что многие из каждого выводка должны умереть, чтобы остальные могли жить. И поэтому печаль пронизывает всю квуэнскую поэзию. Мне кажется, что самые мудрые из квуэнов лучше понимают жизнь и смерть, чем люди.

Иногда Ларка заносит. Тем не менее Двер понимал справедливость слов брата. Вскоре из влажной детской появится новое поколение, мир высушит его панцири и сделает из него граждан. Иначе не было бы ни одного выжившего. Но все равно. Смесь горечи и сладости при этом такая, что всякий, кто при этом, подобно мистеру Шеду, надевает реук, либо сумасшедший, либо мазохист.

Двер почувствовал прикосновение к руке Это Дэйнел. Пора вежливо уходить — прежде чем ритуалы возобновятся.

У них много работы. Нужно готовить продовольствие, оружие. И “Наследие”, которое перенесет их через горы.

Сегодня утром Лена Стронг вернулась с поляны. С ней была еще одна молодая женщина, которую с удивлением узнал Двер. Это Джанин, одна из рослых сестер Уолли. Они привели пять ослов, нагруженных книгами, семенами и зловещими запечатанными трубками. Двер ждал также Рети, но Лена сказала, что мудрецы хотят еще поговорить с девушкой-сунером.

Но это не важно. С проводником или без него — отвечает за достижение маленькой экспедицией цели именно Двер.

А что потом? Будет ли насилие? Смерть? Или новое смелое начало?

Двер со вздохом последовал за Озавой.

Теперь мы никогда не узнаем, кто был прав: Сара или Ларк. Идут ли Шесть по Высокой дороге или по Низкой,

Отныне наша единственная забота — выживание.

Сзади мистер Шед прижал обе ладони к искривленному стеклу. В голосе его слышна была боль за маленькие жизни, которые он не имеет права оплакивать.

Незнакомец

Он удивляется, но знает то, что знает.

Когда мудрость приходила в компактной упаковке слов, все было так легко и просто. Каждое слово несло в себе значение, сложное и слегка затененное. Соединенные, слова передавали огромное количество концепций, планов, эмоций…

И обманов.

Он мигает, когда одно это единственное слово плавно входит в сознание, как делало когда-то. Он трогает его языком, узнает одновременно звучание и значение, и это приносит волну ра-

дости, смешанной со страхом и благоговением. Только подумать: когда-то он проделывал то же самое бесчисленное количество раз за один вздох, знал и использовал огромное количество слов.

Он наслаждается этим одним словом, снова и снова его повторяя.

Обман… обман… обман…

Чудо удваивается, когда возникает другое, родственное слово.

Лжецы… лжецы…

У себя на коленях он видит скомканный, но снова разглаженный, почти ровный рисунок, тщательное и подробное изображение двух человек с выразительными лицами, которые презрительно смотрят на толпу примитивных существ. На пришельцах мундиры с яркими эмблемами, которые кажутся ему чем-то знакомыми.

Он знал, как называются такие люди. Знал их имя — и знал причины, по которым их следует избегать.

Так почему он только что так захотел их увидеть? Тогда, казалось, что-то поднялось у него из глубины. Необходимость. Срочная потребность любой ценой добраться до далекой горной долины, изображенной на рисунке. Противостоять этим людям, нарисованным на смятом листе

белой бумаги. Это путешествие казалось невероятно важным, хотя сейчас он даже не может вспомнить почему.

Большая часть его памяти покрыта туманной дымкой. То, что он так отчетливо видел в бреду, сейчас едва уловимо…

— звезда, которая кажется маленькой рядом с окружающим сооружением, искусственным и состоящим из бесконечного числа углов, уровней, это сооружение окружает красное солнце лабиринтом поверхностей;

— или водяной мир, где из ядовитого моря вырастают, подобно грибам, металлические острова;

— или одно особенно затененное место в пространстве, далеко от оазисов, где есть нормальные условия для жизни. Здесь, далеко за сверкающим спиральным рукавом, ничего не живет. Однако и здесь среди этой странной плоскости есть обширные формации шарообразных фигур, необычно ярких, вечно плывущих, напоминая флот, лун…

Его сознание отшатывается от последнего впечатления, снова прячет его под другими полуреальными воспоминаниями. Теряет его вместе с прошлым и, почти определенно, — вместе с

будущим.

XIII. КНИГА МОРЯ

Разумных существ редко искушает вера в цель. Что они существуют во вселенной ради какой-то цели.
Чтобы служить чему-то большему – расе или клану, патронам или богам, или какой-то эстетической цели.
Или чтобы искать осуществления индивидуальных целей – богатства и власти, воспроизводства или очарования индивидуальной души.
Мудрые философы называют поиски цели тщеславием, лихорадочной потребностью оправдать унаследованное стремление к существованию.
Но зачем наши предки привели нас сюда, так далеко от расы, клана, патронов, богов или богатства и власти, как не для достижения цели, более высокой, чем все это?

Свиток Размышлений

Рассказ Олвина

Я всегда считал себя городским мальчиком. Ведь все-таки Вуфон, с его почти тысячью жителей — если включить соседних фермеров и сборщиков, самый большой порт на юге. Я вырос среди доков, складов и грузоподъемников.

Тем не менее наш Развернутый Кран — это нечто! Длинная изящная стрела, сделанная из сотен трубок укрепленного и обработанного бу, она была за несколько дней собрана командой плотников-квуэнов, которые вежливо слушали каждый раз, как Урдоннел начинала ругать их за отступления от иллюстрации на странице 512 ее драгоценной книги *“Краткое описание земных механизмов. Часть VIII. Грузоподъемные механизмы”*. Выслушав, квуэны с уважительным наклоном куполов возвращались к работе по-своему, используя уроки реальной жизни.

Урдоннел должна проявлять большую гибкость, думал я, глядя, как лишенная чувства юмора помощница Уриэль все больше и больше раздражается. *Конечно, в книгах большая мудрость. Но ведь эти ребята работают не с титаном. Мы живем в примитивном мире и*

должны к нему приспосабливаться.

Мне радостно было видеть, что наша подруга Ур-ронн кажется удовлетворенной работой, после того как она всмотрелась и принюхалась к каждой скобке, распорке и блоку. Тем не менее я предпочел бы, чтобы здесь была Уриэль, как первые два дня, когда наша группа разбила лагерь в тени Окончательной скалы. Мастер-кузнец требовательна и придирчива, она часто приказывала сделать работу снова и снова, пока не добивалась совершенства.

Наверно, нам нужно было бы негодовать из-за того, как она распоряжается в деле, которое было нашим личным проектом. Но мы этого не делали. Вернее, не очень делали. Ее внимание к деталям действовало на нервы, но каждый раз как Уриэль признавала, что что-то сделано действительно хорошо, я все больше верил, что мы вернемся живыми. И когда она уехала, для нас это было ударом.

В лагерь прискакал курьер ур — задыхаясь, измученный, даже *жаждущий* — ради Ифни! — держа конверт, который Уриэль тут же распечатала и прочла. Прочитав письмо, она отвела в сторону треки Тиуга и о чем-то поговорила с ним. А потом ускакала, торопясь к своему бесценному горну.

С тех пор, конечно, все пошло не так. План шаг за шагом продолжал выполняться. Но могу сказать, что наше настроение изменилось. Особенно когда при первом пробном погружении пассажир едва не утонул.

К этому времени на берегу стоял прекрасный кран, с такой изящной стрелой, что вы никогда бы не догадались, что к берегу ее крепят шестнадцать стальных болтов толщиной в мое запястье. Стрела нависала над глубокими синими водами Трещины. В большом барабане лучший трос Уриэль, свыше тридцати кабельтовых, прикрепленных к серо-коричневому кораблю, который мы назвали “Мечта Вуфона” — в надежде польстить родителям и тем жителям нашей общины, которые считают нас святотатцами.

Рядом с первым краном стоит второй, связанный с еще большим барабаном. Этому крану не придется выдерживать вес лодки, но у него не менее важная задача — держать двойной шланг, прикрепленный к нашему маленькому кораблю, так чтобы свежий воздух мог поступать, а отработанный — выходить. У меня не было возможности спросить, из чего сделаны эти шланги, но они гораздо прочнее сшитых мочевых пузырей сцинка, которые мы планировали использовать,

когда задумывали все это приключение.

Уриэль внесла и кое-какие другие изменения: большой регулятор давления, сальники, способные выдержать высокое давление, и пару огней эйк, которые способны бросить яркие лучи туда, куда никогда не достигает солнечный свет.

И снова я гадал — откуда берется все это оборудование?

Нас удивляло, что Уриэль никогда не вмешивалась в подготовку самой лодки, вырезанной из одного толстого ствола дерева тару, с замечательным окном Ур-ронн, прикрепленным с одного конца. Впереди мы установили также две руки для хватания, которые Ур-ронн скопировала из книги. Наш маленький корабль был также снабжен колесами, прикрепленными таким образом, что “Мечта Вуфона” могла передвигаться по илистому дну.

Даже после того как на колеса надели сверхширокие шины, они казались знакомыми. Особенно Гек, сохранившей их как воспоминание о катастрофе, когда в ужасной лавине погибли ее настоящие родители г'кеки. С типичным для г'кеков мрачноватым юмором она назвала их тетя Рубен, дядя Джовун Левый и дядя Джовун Правый. Четвертое колесо называлось просто

Папа — до тех пока я не прекратил эту мрачную шутку и не потребовал называть колеса по номерам — от Первого до Четвертого.

В обычных условиях без использования галактических технологий колеса были бы бесполезны. Вращающиеся оси разорвали бы любой корпус. Но ужасный сувенир Гек предлагал решение. Удивительные магнитные ступицы и движущиеся шпульки г'кеков помещались по обе стороны корпуса, так что не нужно было резать дерево. Гек будет приводить в движение переднюю пару колес, а я с помощью вращающегося кривошипа — заднюю.

Этим мы и будем заниматься — все, за исключением “капитана” Клешни, чей мир прозрачной голубой воды мы минуем по пути в глубины, которых не видал ни один квуэн с тех пор, как тысячу лет назад затонул их крадущийся корабль. Место Клешни — на носу, он будет управлять огнями и выкрикивать указания остальным — толкать, поворачивать или брать образцы.

Почему именно он главный? Клешня никогда не считался самым умным членом нашей группы.

Во– первых, с самого начала все это была его идея. Он своей рукой -точнее ртом — вырезал

большую часть корпуса “Мечты” в свободные промежутки между уроками в школе и ежедневной работой в загонах ракообразных.

Но что гораздо важнее, если прекрасное окно — или любое другое приспособление — не выдержит, он меньше всего способен впасть в панику, когда внутрь хлынет соленая вода. Если это случится, Клешне придется вытаскивать нас оттуда. Мы достаточно читали о морских и космических приключениях, чтобы дать очень хорошее определение капитана — это тот, которого нужно слушаться, когда секунды означают разницу между жизнью и смертью.

Однако ему придется немного подождать, прежде чем принять командование. Первое пробное погружение произойдет с одним пассажиром, который буквально “рожден” для этого.

В то утро треки Тиуг проложил след феромонов, чтобы выманить маленькую отделившуюся груду колец, Зиза, из его загона туда, где, блестя на солнце, ждала “Мечта Вуфона”. Корпус нашего корабля из полированной древесины тару казался таким сверкающим и красивым — жаль, что открытое голубое небо обычно считается дурным предзнаменованием.

Так по крайней мере казалось зрителям, со-

бравшимся на соседних утесах Это были хуны из порта Вуфон плюс некоторые местные красные и караван уров с пылью на боках, а также три человека, которые, должно быть, прошли трехдневный путь из Долины — и все только и обменивались слухами о звездном корабле или кораблях, приземлившихся на севере. Одни говорили, что все на Поляне уже мертвы, казнены на месте мстительными галактическими судьями. Другие утверждали, что Святое Яйцо наконец полностью проснулось и огни, которые кое-кто заметил в небе, это души тех счастливцев, что находились на Собрании, когда праведные из Шести были преобразованы и отосланы в виде духов в свой древний дом среди звезд.

Пусть мне побреют ноги, если некоторые из этих слухов не были так прекрасны, что я пожалел, что сам их не выдумал.

Не все зрители протестовали. Некоторые пришли просто из любопытства. Мы с Гек позабавились с Ховерр-фуо, вторым приемным племянником младшей полуматери мэра, который сбежал из школы на том основании, что ему не нравится, как пахнет мистер Хайнц. Но все знают, что Ховерр-фуо ужасно ленив, да и говорить о гигиенических обычаях других уж

ему-то не стоило.

Ховерр расспрашивал нас о “Мечте” и ее задачах, но, казалось, почти не слушает наши ответы.

Потом принялся спрашивать о треки, показывая на Тиу-га, который кормил в загоне Зиза.

Конечно, у нас в Вуфоне есть свой аптекарь, но все равно в этих кольцеобразных существах есть какая-то загадка. Мы с Гек скоро поняли, чего добивается Ховерр-фуо. Он со своими тупыми приятелями заключил пари насчет *сексуальной жизни треки,* и ему поручили выяснить все у нас как у местных специалистов.

Подмигнув друг другу, мы с Гек быстро освободили его голову от всей ерунды, которой она была забита, а потом стали заполнять своими вымышленными версиями. Скоро Ховерр выглядел как моряк, которого ударила по голове свободная снасть. Украдкой поглядывая на свои ноги, он торопливо ушел — несомненно, чтобы проверить, нет ли на нем “спор колец”, из которых вырастают маленькие треки в тех местах, которые регулярно не моются.

Я не испытывал чувства вины. Отныне всякий, кто станет по ветру от Ховерр-фуо, должен благодарить меня.

Я собирался спросить Гек, неужели мы тоже так тупы, — и вспомнил. Разве однажды она не убедила меня в том, что г'кек может одновременно быть и своим собственным отцом, и матерью? Клянусь, в то время это казалось вполне правдоподобным, хотя теперь ни за что не могу простить себе, что поверил.

Первые несколько дней зрители держались в стороне, за песчаной линией, опасаясь дубинки мудреца, которой обладала Уриэль. И пока мастер-кузнец находилась поблизости, никто ничего не говорил. Но после ее ухода некоторые стали выкрикивать лозунги, в основном о том, что Помойка священна и это не место для туризма. После прихода людей из Долины протесты стали лучше организованы, появились плакаты, а лозунги выкрикивались хором.

Меня все это возбуждало. Похоже на сцену из “Лета любви” или “Будущего”. Для такого любителя подражать людям, как я, ничего не может быть лучше, чем идти против общего мнения. Вспоминались все прочитанные истории о неустрашимых героях, которые настаивали на своем, вопреки сомнениям косных родителей, соседей или представителей власти. Я вспомнил книгу, из которой взято мое прозвище — то место,

где жители Диаспара стараются отговорить Олвина от установления контактов с сородичами из далекого Лиса. Или когда жители Лиса не хотели его возвращения домой с новостями об их вновь открытом мире.

Да, я знаю, что все это выдумки, но сходство помогало мне сохранять решимость. Гек, Клешня и Ур-ронн говорят, что они чувствуют то же самое.

А что касается толпы, что ж, я знаю, что испуганная толпа может потерять разум. Я даже пытался раз или два посмотреть на дело с ее стороны. Правда.

Клянусь Ифни, какой набор раздутых джикии торов, полных крика! Надеюсь, все они будут сидеть на груде прокисшей мульчи и вдыхать ее запахи.

XIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, на Земле люди бесчисленные поколения верили в самые разные вещи, причем такие, в какие никакое разумное существо не поверит. И уж тем более то, которому разум преподнесли на серебряной тарелочке — как он был дан почти всем разумным существам в Пяти Галактиках.

Землянам во всем этом приходилось разбираться самим. Медленно, болезненно узнавали земляне, как работает вселенная, отказываясь от большинства нелепых верований, которые пронесли через свое долгое темное одиночество. И среди прочих, такие верования, как:

— божественное право эгоистических королей;

— умственное несовершенство женщин;

— идея о том, что мудрое государство знает все;

– идея о том, что индивид всегда прав;

— болезненно-сладостное пристрастие к преобразованию мира по новой модели в нечто священное, ради чего стоит умереть.

Эти и многие другие дикие концепции со време-

нем присоединились к эльфам и НЛО в старом чемодане, куда люди стали складывать подобные детские вещи.

Это очень большой чемодан.

И тем не менее галакты, с которыми земляне вступили в контакт, видели в них суеверных дикарей, волчат, склонных к непонятному энтузиазму и своеобразным недоказуемым убеждениям.

Какая ирония, что здесь на Джиджо роли поменялись и земляне застали остальные пять рас далеко зашедшими назад по дороге, по которой так долго шли сами, барахтаясь в мириадах сказок, фантазий, обид и удивительно нелепых представлений. В этот водоворот суеверий поселенцы на "Обители" привнесли не только бумажные книги. Они также привнесли инструменты логики и доказательств – именно то, что труднее всего давалось им дома.

Больше того, помня свою историю, земляне превратились в ненасытных собирателей фольклора, выведывая у остальных пяти рас каждую сказку, каждое предание, даже такие, неправдоподобность которых они видели.

Из их прошлого волчат пришла эта странная смесь — разумный скептицизм плюс пристрастие к странному, необычному и необыкновенно

яркому.

Люди знали, что в темноте легко сбиться с пути, если забудешь, что есть истина.

Но столь же важно никогда не отказываться от способности мечтать. Создавать иллюзии, которые могут помочь нам пройти через темную-темную ночь.

Из “Искусства изгнания” Ауф-ху-Фубху

Аскс

Крошечный робот — настоящее чудо, не больше глазного яблока г'кека — лежал, придавленный к земле тучей нападающих ос тайны, которые совершенно закрыли его своими бьющимися крыльями.

Первым пришел в себя от удивления Лестер.

— Что ж, теперь мы знаем, почему они называются *осами тайны.* Смотрите, как они вьются над этой штукой. Без них мы бы ее никогда не обнаружили.

— Шпионское приспособление, — сказала Ум-Острый-Как-Нож, наклоняя панцирь, чтобы лучше рассмотреть машину. — Крошечное и подвижное, посланное, чтобы подслушивать наши совещания. Если бы не осы, наши планы были бы

раскрыты и мы оказались бы беспомощны.

Фвхун-дау глубоким ворчанием выразил свое согласие.

— Хр-рм… Мы привыкли видеть в этих насекомых легкий раздражитель, чье присутствие согласно традициям необходимо во время некоторых церемоний. Но буйуры, должно быть, создали их именно с такой целью. Охранять города и дома, чтобы помешать возможным шпионам.

— Используя (специально) созданную форму жизни, чтобы справиться с (раздражающей) угрозой, — да, это истинно буйурский способ, — добавила Ур-Джа.

Лестер склонился к осам, разглядывая их бьющиеся перед крошечными глазами робота крылья, которые создавали смесь цветов, напомнившие мне о реуке.

— Интересно, что ему показывают осы, — произнес наш мудрец-человек.

Впервые с нападения ос на чужака заговорил Вуббен.

— Вероятно, именно то, что он хочет увидеть, — уверенно предположил он.

Помните ли вы, мои кольца, как мы все кивками, вздохами и ворчанием выразили свое уважительное согласие? Вуббен говорил так

хорошо, мудро и справедливо. И только позже пришло мне/нам в голову спросить у себя:

Что?

Что бы это могло значить?

Ларк

За две тысячи лет незаконного поселения Ларк был не первым представителем Шести, который полетел. И даже не первым человеком.

После того, как крадущийся корабль “Обитель” навсегда ушел в алчные объятия Помойки, мужчины и женщины часто парили, подобно воздушным змеям, пользовались устойчивыми ветрами с голубого океана, чтобы добираться до белых вершин хребта Риммер. В те дни, для того чтобы поймать восходящие потоки, использовались тонкие кружевные крылья. Они позволяли смелым пилотам осмотреть сверху их прекрасный новый мир.

Теперь последний шелковый глайдер лежит под стеклом в музее в Библосе — самое настоящее чудо, сделанное из удивительных материалов: мономолекулярного углерода и переплетенных полимеров. Даже если бы позволили мудрецы, ни один колдун из гильдии химиков не смог бы

их воспроизвести. Время и аварии постепенно погубили все остальные, и последующим поколениям людей пришлось, подобно всем остальным, ходить по поверхности и устранить еще одну причину зависти среди Шести. Впрочем, позже, после наступления Великого Мира, честолюбивая молодежь попыталась оживить это времяпрепровождение, рискуя жизнью на хрупких рамах из полых стволов бу, покрытых сплетенными вручную простынями из вик-хлопка. Иногда успех превращался в местную сенсацию, но ни одна из этих попыток не имела долговременных последствий. Доступные материалы были слишком тяжелыми, непрочными или пористыми. А ветер слишком силен.

Некоторые особенно набожные утверждали, что это даже хорошо. Избавление будет найдено не в небе. И не в пристрастии к тщеславию прошлого. Обычно Ларк соглашался с взглядами оротодоксов, но в данном случае, думал он…

Такая скромная мечта. Пролететь несколько лиг над самой землей. Неужели это так много, если раньше летал меж звезд?

Впрочем, он никогда не тратил времени на пустые мечты. И, конечно, и не думал, что ему лично придется взглянуть с большой высоты на

горы Джиджо.

И только взгляните на меня сейчас!

Линг с явным удовольствием наблюдала за выражением его лица, рассказывая о своем плане.

— Мы улетим почти на весь день, чтобы подобрать образцы, пойманные роботом. Позже, когда наши роботы уйдут далеко, у нас будут полеты на несколько дней.

Ларк смотрел на летательную машину чужаков, стройную стрелу с короткими крыльями, которые развернутся после того, как машина пройдет узкий туннель, ведущий к погребенной исследовательской станции. Люк казался ему голодными разинутыми челюстями.

Как похоже на Линг — обрушить это на него без всякого предупреждения!

Беш загружала припасы. А рослый светловолосый мужчина Кунн крикнул:

— Давай, Линг! Мы опаздываем. Заманивай своего любимца дикаря на борт или возьмем другого.

Ларк стиснул зубы, чтобы не проявить своих эмоций. И поднялся по трапу. Он ожидал увидеть темное, похожее на пещеру помещение, но оно оказалось освещенным ярче, чем любое другое замкнутое пространство, какое ему приходилось

видеть. Зрению нет необходимости приспосабливаться.

Не желая выглядеть деревенщиной, он направился к обитому сиденью у окна и положил поблизости свой мешок. Потом осторожно сел, найдя чувственную мягкость под собой не удобной и не успокаивающей. Как будто сидишь на мясистых коленях какого-то существа. Ощущение слегка сексуальное. Несколько мгновений спустя Линг усилила его тревожные ощущения, застегнув на нем пояс. Дезориентация еще усилилась, когда зашипел, закрываясь, металлический люк. И когда машина начала подниматься, Ларк ощутил легкое покалывание у основания черепа, как будто там среди волос дышит какое-то маленькое животное. Он не мог сдержаться и поднял руку, чтобы отогнать воображаемое существо.

Подъем оказался удивительно мягким, своеобразное ощущение поворота, и небо полетело так стремительно, что Ларк не успел бросить взгляд на Поляну и окружающую местность или на тайную долину Яйца. К тому времени когда он повернулся и прижался к окну, континент уже поворачивался под ними. Они летели на юг во много раз быстрее выпущенного из катапульты камня. Несколько минут спустя кончились

холмы, и они понеслись над широкими травянистыми степями. Трава внизу качалась и рябила, как вечно меняющаяся поверхность фосфоресцирующего моря. В одном месте Ларк заметил стадо бегущих пожирателей стеблей — вид местных джиджоанских копытных, которые в страхе старались уйти от летящей тени машины. Несколько урских пастухов в смеси удивления и страха вытянули свои мускулистые шеи. Возле взрослых группа подростков скакала и прыгала в игре-битве, не обращая внимания на неожиданный страх старших перед небом.

— Ваши враги — очень грациозные создания, — заметила Линг.

Ларк повернулся и удивленно уставился на нее. *О чем это она?*

Линг, должно быть, неверно истолковала его взгляд и поспешила успокоить:

— Конечно, я говорю в строго ограниченном смысле, ну, как может быть грациозной лошадь или другое животное. Ларк подумал, прежде чем ответить.

— Хрм. Жаль, что ваш прилет помешал нормальному ходу Собрания. Сейчас там должны были бы быть игры. Вот тогда вы бы увидели настоящую грацию в действии.

— Игры? А, да. Ваша версия знаменитых Олимпиад. Вероятно, много бегания и прыгания? Он осторожно кивнул.

— Да, испытание скорости и ловкости. Мы позволяем самым умелым и храбрым соревноваться в выносливости, смелости и приспособленности.

— Все эти черты высоко ценились теми, кто вырастил человечество, — сказала Линг. Улыбка ее была снисходительной и слегка надменной. — Вероятно, никто из шести непосредственно с другими расами не соревнуется? Я хочу сказать, что трудно представить себе г'кека, перегоняющего ура, или квуэна, прыгающего с шестом! — Она рассмеялась.

Ларк пожал плечами. Несмотря на красноречивый намек Линг на происхождение человечества, он обнаружил, что теряет интерес к разговору.

— Да, вероятно. Так и есть. Трудно. Представить себе. И, повернувшись, стал смотреть в окно на летящую внизу обширную равнину — волна за волной колышущейся травы, кое-где рощи темного бу или оазисы мягко раскачивающихся деревьев. Расстояние, которое караван преодолевает в несколько лет, промелькнуло за несколько дуров блаженного полета. И вот уже на горизонте темные хребты южных гор.

Пилот Беш сбросила скорость, чтобы лучше разглядеть Сверкающую гору, повернув под таким углом, что окно Ларка головокружительно уставилось на широкий лавовый поток: многочисленные прошлые извержения покрывали эту неровную и безжизненную местность. На мгновение показались плавильни на полпути к могучей вершине. Построенные так, чтобы напоминать природные потоки и трубки магмы, они выпускали столбы дыма, такие же как и из естественных отверстий. Конечно, маскировка не была рассчитана на наблюдение с такого близкого расстояния.

Ларк видел, как Беш обменялась понимающим взглядом с Кунном, который постучал пальцем по одному из волшебных экранов. На экране очертания горы были обозначены светящимися линиями, и одно место окружено символами и стрелками. Пунктирные линии обозначали подземные туннели и мастерские, в которых прославленные урские кузнецы изготовляли инструменты из специальных сплавов, одобренных мудрецами. Эти инструменты уступают только тем, которые делаются еще южнее, вблизи вершины горы Гуэнн.

Невероятно, думал Ларк, стараясь запомнить

все подробности на экране для последующего отчета мудрецам. Конечно, этот монитор не имеет ничего общего с объявленной причиной экспедиции — поисками развитых “кандидатов” среди форм жизни. Судя по некоторым кратким замечаниям, Ларк понял, что Кунн не биолог. В его осанке, в том, как он передвигается, что-то напоминало Ларку Двера, крадущегося по лесу, только это что-то еще более смертоносно. Даже после нескольких поколений относительного спокойствия немногие мужчины и женщины на Склоне держались так. Это специалисты, которые должны каждое лето обходить деревни, обучая местную милицию.

На всякий случай.

И в остальных пяти расах имелись такие же специалисты. Благоразумная политика, поскольку даже сейчас время от времени случаются небольшие кризисы — преступление, прорыв банды сунеров, проявления вражды между поселками. Достаточно, чтобы сделать непротиворечивым выражение “воин мирного времени”.

То же самое может быть справедливо относительно Кунна. Он выглядел исключительно опасным, свернувшимся и в любую минуту готовым к убийству.

Какова твоя истинная цель, Кунн? думал Ларк, глядя, как мелькают на экране символы, отражаясь на лице чужака. *Что ты на самом деле ищешь?*

Маленький корабль устремился в новом направлении, Сверкающая гора осталась позади, внизу расстилалась сверкающая белизна, известная как Равнина Режущего Песка. Долго внизу проносились низкие дюны, разворачиваясь в созданном ветром совершенстве. Ларк не видел караванов, бредущих по сверкающей пустыне, доставляя почту или товары в изолированные поселки в Долине. Но никто и не посмеет преодолевать эту жгучую пустыню днем. Внизу есть скрытые убежища, где путники ожидают наступления ночи. И эти убежища даже лучи Кунна не могут отыскать в блестящих просторах.

Но бледное сияние померкло перед очередным внезапным превращением, когда машина миновала пески и оказалась над Спектральным потоком — расплывающейся мешаниной таких ярких цветов, что у Ларка заболели глаза. Линг и Беш пытались всматриваться, заслоняя глаза руками, но наконец сдались, а Кунн мрачно бормотал, глядя на вспышки статики на экране. Ларк боролся с естественным стремлением сощу-

риться, стараясь напротив сфокусировать зрение. Двер как-то объяснил ему, что это единственный способ увидеть что-то в царстве экзотических кристаллов, которые отбрасывают прозрачные сверкающие тени.

Это было вскоре после того, как Двер получил звание мастера охотника и вернулся домой, присоединившись к Ларку и Саре у постели больной матери. Он рассказал об этом Ларку во время ее болезни, которая унесла ее и буквально за одну ночь превратила Нело в старика. Последнюю неделю Медина ничего не ела и почти ничего не пила. От двух старших детей, в которых она души не чаяла, став в Доло женой бумажника, она как будто ничего не ждала. Но зато поглощала рассказы младшего о его странствиях, о том, что он видел, слышал и ощущал в далеких уголках Склона, где мало кто бывал. Ларк помнил ревнивое и болезненное чувство, когда видел, какое утешение приносят матери рассказы Двера в ее последние часы. Потом он бранил себя за такие недостойные мысли.

Воспоминание возникло внезапно, очевидно, вызванное яркими цветами внизу.

Некоторые легковерные среди Шести говорят, что слои ядовитого камня обладают волшебными

свойствами, полученными за эпохи воздействия вулканических выделений. Эти выделения они называют “кровью матери Джиджо”. В этот момент Ларк готов был согласиться с таким суеверием, настолько поразило его сверхъестественное ощущение *знакомости.* Словно он уже был здесь много лет назад.

При этой мысли глаза его как будто приспособились, раскрылись, и он увидел, как крутящиеся цвета превратились в воображаемые каньоны, вымышленные долины, призрачные города и даже целые фантомные цивилизации, огромней забытых городов буйуров…

Но не успел он опомниться, как иллюзии неожиданно кончились: Спектральный поток устремился в море. Беш снова затормозила машину, и вскоре царство цветов исчезло как сон, сменившись нормальной пустыней обветренного вулканического камня.

Полоска прибоя напоминала сказочное шоссе, ведущее в неведомые земли. Ларк расстегнул пояс и пересел через проход, чтобы видеть великий океан. *Какой огромный,* подумал он. Однако это ничто по сравнению с просторами, которые, не задумываясь, преодолевали Линг и ее спутники. Ларк всматривался в надежде увидеть замаски-

рованный мусорный корабль, с его ловящими ветер наклонными парусами и грузом священных контейнеров, которые он везет к месту их окончательного упокоения. С этой высоты он может увидеть даже Помойку, темно-синие воды забвения, заполняющие такую глубокую впадину, что она способна принять отходы десятка могучих цивилизаций и подарить им блаженство забвения.

Ни в одном путешествии в поисках данных для своих вечно голодных схем Ларк не заходил так далеко. Даже привычным взглядом он отыскивал мало следов обитания разумных существ — рыбачья деревушка хунов, гнездовье красных квуэнов под навесом скал. Конечно, при такой скорости за то время, что пересаживаешься от окна к окну, внизу может промелькнуть что-то важное. А Ларк постоянно пересаживался, когда Беш поворачивала корабль, нацеливая инструменты на сушу и море.

Даже эти немногие признаки обитания исчезли, когда они добрались до Трещины, пролетев несколько сотен полетов стрелы к западу от далекой, в форме ножа, Окончательной скалы.

Здесь сушу делили могучие утесы и глубокие подводные каньоны. Извилистые мысы чередо-

вались с кажущимися бездонными пальцами темного моря, словно какие-то гигантские когти провели параллельные борозды почти точно в направлении на восток, образуя непреодолимый природный барьер. Жизнь за этой границей превращала вас в преступника, проклятого мудрецами и Святым Яйцом. Но флаер чужаков стремительно миновал царство зубчатых утесов и пропастей между ними, словно это рытвины на хорошо изъезженной дороге.

Вскоре внизу лига за лигой проносились песчаные земли, поросшие редким кустарником, прерываемые через длительные промежутки развалинами древних городов, почти исчезнувших под действием ветра, солнца и дождя. Взрывы и распыляющие лучи когда-то уничтожили здесь могучие башни, когда последний горожанин буйур выключил свет. Со временем вечно жующая Помойка и более молодые вулканы не оставят ни следа даже от этих торчащих остатков.

Вскоре небесная лодка оставила континент и пролетела над цепью окутанных туманом островов.

Даже Двер и не мечтал забраться так далеко.

Ларк решил не рассказывать об этом путешествии брату, не обсудив его предварительно с

Сарой, которая лучше старшего брата разбирается в такте и обидах.

И тут он снова вернулся к реальности. Сара в Доло. *Двер может быть отправлен на восток, в погоню за глейверами и сунерами. А когда чужаки закончат свои исследования, мы* все *можем встретить свой конец — вдали от тех, кого любим.*

Ларк со вздохом опустился на свое место. Какое-то время он наслаждался полетом. *Будь проклята* память: теперь он вспомнил, как на самом деле обстоят дела!

Остальную часть пути он старался оставаться незаметным и сохранял деловитый вид, даже когда они наконец приземлились на опушке леса, странно не похожего на знакомые ему леса, или когда помогал Линг помешать в клетки необычные, замечательно интересные существа. Профессионализм — единственное удовольствие, которое позволял себе Ларк, изучая природу. Но при мысли о полете наслаждение и удивление исчезали.

Уже в темноте Ларк вернулся в свою палатку возле Поляны — и обнаружил, что его ждет с новостями Харуллен.

Низкая массивная фигура занимала почти по-

ловину палатки. Вначале, стоя у входа так, что только лунный свет падал сзади, Ларк решил, что это Утен, его друг и коллега-натуралист. Но пепельного цвета панцирь квуэна не тронут шрамами от длительного погружения в прошлое Джиджо. Харуллен — книжный червь, мистик, который говорит высокомерным тоном, напоминающим древних Серых Королев.

— Фанатики прислали послание, — зловеще произнес лидер еретиков, даже не спросив у Ларка, как прошел его день.

— Да? Наконец-то! И что в нем говорится? — Ларк сбросил у входа мешок и тяжело опустился на койку.

— Как ты и предсказывал, они хотят встретиться. Договорились на сегодня в полночь.

Эхо– шепоты последних слов донеслись из задних говорящих щелей, потому что квуэн переместил свой вес. Ларк сдержал стон. Ему еще нужно подготовить отчет для мудрецов, изложив все, что он узнал сегодня. Больше того, рано утром его ждет Линг, чтобы он помог оценить новые образцы.

И теперь еще это?

Что ж, чего еще ожидать, если играешь игры со многими уровнями верности? Старинные ро-

маны предупреждают, что приходится тяжело, когда служишь нескольким хозяевам.

События ускоряются. Теперь тайная, известная только по слухам организация повстанцев наконец предложила поговорить. Какой у него выбор? Только идти на встречу.

— Хорошо, — сказал он Харуллену. — Зайди за мной, когда нужно будет идти. А тем временем у меня есть работа.

Серый квуэн молча удалился, слышалось только царапанье когтей по скалистой тропе. Ларк чиркнул спичкой, которая выпустила облако остро пахнущего дыма, прежде чем вспыхнуть и зажечь его маленькую масляную лампу. Развернул складной письменный стол, который подарила Сара, когда он закончил школу Рони, — казалось, это произошло геологическую эпоху назад. Достав пачку лучшей писчей бумаги отца, Ларк настриг черного порошка из полуиспользованной чернильницы, порошок стряхнул в глиняную ступку, смешал с жидкостью из маленькой бутылочки и толок пестиком, пока не растерлись все комки. С помощью своего карманного ножа подточил перо. Наконец окунул его,в чернила, немного подумал и начал писать свой отчет.

Это правда, осознал Ларк чуть позже, во время напряженных переговоров в тусклом опаловом свете Торгена, второй луны. Подозрительно, осторожно, но фанатики действительно предлагают заключить союз с вольным сообществом еретиков Харуллена.

Почему? У этих двух групп совершенно разные цели. Мы стараемся уменьшить, а потом и совсем прекратить наше нелегальное присутствие на этой хрупкой планете. Фанатики хотят только вернуть статус кво, восстановить наше скрытое общество — каким оно было до прилета корабля чужаков, а может, попутно свести кое-какие старые счеты.

Тем не менее представители двух групп встретились глухой ночью у парящей фумаролы на извилистой тропе, которая ведет к тихому гнезду Яйца. Большинство заговорщиков было в длинных плащах, скрывающих внешность. Харуллена, который одним из немногих сохранил действующего реука, попросили снять симбионта с сенсорного купола, чтобы тонко организованное существо не сгорело в атмосфере напряженной интриги. Создания Великого Мира, реуки не приспособлены к временам войны.

Или просто фанатики не хотят, чтобы слиш-

ком много о них узнали, размышлял Ларк. Не зря реук называют “маской, которая открывает”. И их повсеместная спячка тревожила почти так же, как тяжелое молчание самого Яйца.

Перед началом фанатики распечатали несколько кувшинов, выпустив по периферии рой ос тайн — древний обычай, происхождение которого забыто, но после открытий последних нескольких дней этот обычай приобретал зловещий смысл. После этого вперед выступила урская представительница заговорщиков и заговорила на Галактическом Два.

Ваш союз видит возможность в (печально оплакиваемом) появлении этих преступников, обвинила она. Свисты и щелканья приглушал капюшон ее плаща, из-под которого виднелся только кончик морды. Но все же Ларк мог сказать, что она не на много сезонов выросла из средних, и под рукой у нее в сумке был только один муж. Ее дикция свидетельствовала об образовании; возможно, она окончила одну из степных академий, где молодые уры, только что из стада, собираются у какого-нибудь парящего вулкана, чтобы стать учениками в своих наиболее распространенных видах мастерства. *Значит, интеллектуал. Полный книжного обучения и сознания важности*

своих идей.

Да, честно ответил он сам себе. *Иными словами, мало чем отличается от тебя самого.*

Харуллен ответил на вызов мятежницы, политически корректно заговорив на англике.

— Что означает ваше странное предложение?

Мы считаем, что вы увидели в этом (отвратительном, нежеланном) появлении чужаков возможность достичь своих целей!

Ур топнула передней ногой. Ее обвинения вызвали гневные восклицания членов делегации еретиков. Однако Ларк это предвидел.

Серый панцирь Харуллена раскачивался расширяющимися кругами. Жест треки, который кольчатые называют Возражение против несправедливого обвинения.

— Вы обвиняете нас в том, что мы прощаем убийство нас самих и всех живых существ на Джиджо.

Урская заговорщица повторила жест, но с поворотами в противоположном направлении — Повторение обвинения.

Я (подчеркнуто) настаиваю на этом. И делаю это в (грубой) откровенности. Все знают, что вы, еретики, (ошибочно) хотите именно этого.

Ларк выступил вперед. Если в возгласах фана-

тиков и слышались обвинения против людей, он не обращал на это внимания.

Это не то (усиленное отрицание), чего мы хотим, заявил Ларк, в спешке слегка искажая фразу-трель.

У *этого есть две причины,* продолжал он, по-прежнему сражаясь с Галактическим Два.

Первая причина (для опровержения) в том, что чужаки (алчные в высшей степени) должны не только уничтожить всех разумных свидетелей (преступления/воровства), которые могут дать показания в Галактическом суде. Они также должны стереть с лица земли всех остающихся представителей тех (несчастных) видов, которых украдут на Джиджо. Иначе как неприятно будет когда-нибудь, когда (неразумные) воры объявят о принятии расы новых клиентов, а им представят доказательства, что эта раса украдена с нашей планеты. По этой причине они должны истребить все местное население, а только потом улетать.

Это мы (поистине) не можем допустить! Геноцид невинной жизни — именно то преступление, ради борьбы с которым сформировалась наша группа!

Послышались одобрительные выкрики Ха-

руллена и других еретиков. Ларк обнаружил, что у него слишком пересохло в горле, чтобы продолжать на Галактическом Два. Он сделал необходимый жест. И теперь перешел на англик.

— Но есть еще одна причина для сопротивления чужакам. Нет чести в том, чтобы быть просто убитым. Цель нашей группы — поиски договоренности, консенсуса, так, чтобы Шесть действовали медленно, безболезненно, *добровольно,* путем контроля над рождаемостью, как акт благородства и преданности этой планете, которую мы любим.

— В конце концов последствия будут идентичными, — ответила самка ур, переходя на тот же язык, которым пользовался Ларк.

— Нет, если когда-нибудь будет установлена истина! А она будет установлена, когда на этой планете появятся законные обитатели, которые заинтересуются археологией.

После этого заявления наступило смущенное молчание. Даже Харуллен повернул свой купол и уставился на Ларка.

— Прошу объяснить. — Урская мятежница согнула передние ноги, прося его продолжать. — Что нам дадут археологические открытия, если мы и наши потомки давно исчезнем и наши

кости усеют дно океана?

Ларк собрался, преодолевая усталость.

— Со временем, вопреки всем нашим усилиям жить в соответствии со Списками и не оставлять следов, это история когда-нибудь прояснится. Через миллион или через десять миллионов лет станет известно, что здесь когда-то жила колония сунеров, потомков эгоистичных глупцов, которые по давно забытым причинам вторглись на Джиджо. Существ, которые тем не менее преодолели глупость своих предков и поняли, в чем подлинное величие.

В этом разница между поисками достойного ухода и позволением грязно убить себя. Ради чести и по всем благословениям Яйца выбор должен принадлежать нам, каждому индивиду, а не быть навязанным нам бандой преступников.

Харуллен и остальные друзья Ларка были явно тронуты. Они кричали, свистели и громыхали, выражая горячую поддержку. Ларк слышал даже одобрительные возгласы со стороны фанатиков. Без помощи реука он не мог судить, насколько убедил слушателей — хотя в глубине души он сам не верил в свои слова.

Банда Линг как будто не боится археологических открытий в далеком будущем.

Да и самому Ларку все равно, появится ли в отдаленном будущем в книге какое-нибудь примечание, в котором будет сказано что-то хорошее о Шести.

Хорошие законы не нуждаются в признании или вознаграждении, чтобы их признали хорошими. Они хороши и справедливы за свой счет и будут исполняться, даже если ты знаешь, что никто за тобой не следит. Даже если никто никогда не узнает.

Несмотря на хорошо известные недостатки галактических цивилизаций, Ларк знал, что законы, охраняющие невозделанные миры, справедливы. И хотя он самим фактом рождения нарушает их, его долг постараться, чтобы они соблюдались.

Вопреки собственным словам, в принципе у него нет возражений против устранения бандой Линг местных свидетелей, если при этом будут использоваться мягкие средства. *Например, генетическая болезнь, которая оставляет всех здоровыми, но стерильными. Это устранило бы свидетелей и заодно решило все проблемы Джиджо.*

Да, но Ларк должен противостоять и схеме грабителей генов. Это тоже насилие над Джиджо. И

поскольку мудрецы продолжают только болтать, лишь заговор фанатиков способен сражаться с угрозой чужаков.

Отсюда страстная ложь Ларка, направленная на достижение доверия между двумя разными группами радикалов. Ему нужен союз с фанатиками по одной простой причине. Если существуют планы борьбы, Ларк должен участвовать в их составлении и осуществлении.

Пока сотрудничай, говорил он себе, продолжая использовать лучшие ораторские приемы, чтобы устранить подозрения, усиленно агитируя в пользу союза.

Сотрудничай, но держи глаза открытыми.

Кто знает? Возможно, одним ударом удастся осуществить обе цели.

Аскс

Вселенная требует от нас чувства иронии. Например, все усилия и вся добрая воля, которые создали Великий Мир, стоили того. Благодаря им мы, народы Общины, стали лучше. Мы также предполагали, что это будет действовать в нашу пользу, если/когда галактические инспекторы явятся судить нас. Воюющие народы приносят

больше вреда планете, чем те, которые спокойно обсуждают, как лучше ухаживать за общим садом. Если мы будем вежливыми и мягкими, а не ненасытными преступниками, это подействует в нашу пользу.

Так мы рассуждали. Не правда ли, мои кольца?

Увы, с неба пришли не судьи, но воры и лжецы. И неожиданно нам пришлось играть смертоносные игры интриг, а в них наше мастерство далеко не такое, каким было до дней Общины и Яйца.

Насколько мы были бы способней к таким играм, если бы не мир!

Мы с острым сожалением открыли эту истину, когда усталый курьер принес нам сообщение Уриэль, кузнеца, из ее мастерской-кузницы. Слова-предупреждения. Страшные предостережения. Рассказ о небесных предзнаменованиях, совет готовиться к прилету космического корабля!

О, запоздавшее предупреждение! Призыв к осторожности, услышанный слишком поздно. Когда-то на холодных вершинах гор от северного Библоса до тропических поселений в долине находились каменные крепости. С помощью хитроумно устроенных зеркал они передавали сообщения, которые обгоняли скачущих уров и

даже летящих птиц. С помощью таких семафоров люди и их союзники быстро мобилизовывались для битв, компенсируя свою недостаточную численность. Со временем уры и хуны выработали собственные системы передачи информации, по-своему очень остроумные. Даже мы, треки, разработали сеть слежения за запахами, чтобы иметь возможность предупредить об опасности.

Ни одна из этих систем не пережила мир. Семафоры были брошены, сигнальные ракеты, разрешенные мудрецами, исчезли. До последнего времени торговля не оправдывала дорогостоящие средства связи — хотя очень иронично то, что год назад изобретатели заговорили о необходимости снова занять старинные каменные гнезда и возобновить посылку световых сигналов.

Если бы они действовали быстрей, получили ли бы мы предупреждение Уриэль вовремя?

И как отразилось бы это своевременное предупреждение на нашей судьбе?

Увы, мои кольца! Тщетно думать о том, что могло бы быть. Если не считать солипсизма, это самое безумное занятие, какому способны предаться унитарные существа.

Рети

— У тебя есть что-нибудь для меня?

Ранн, высокий, со строгим лицом, предводитель небесных людей протянул к ней руку. В сумерках, под звуки ветра, свистящего в роще светлых бу, Рети показалось, что каждый его мозолистый палец толщиной с ее запястье. Лунный свет бросал тени на угловатые черты лица Ранна и его клинообразный торс. Рети пыталась не показать этого, но чувствовала себя в его присутствии такой ничтожной.

Неужели там, среди звезд, все мужчины такие?

Эта мысль заставила ее почувствовать себя странно, как в тот раз, немного раньше, когда Беш сказала ей, что можно уничтожить шрамы на лице.

Вначале пришли дурные новости.

— Здесь, в нашей маленькой клинике, мы ничего не можем сделать, — сказала ей женщина с корабля пришельцев, когда Рети впервые пришла в больницу возле погребенной станции.

Пол–утра она простояла в очереди. Ужасное время, которое она провела между г'кеком со

скрипящим перекосившимся колесом и престарелой самкой ур, из ноздрей которой капала какая-то отвратительная серая жидкость. Каждый раз как очередь продвигалась, Рети старался ни на кого не наткнуться. Когда наконец ее начали осматривать при свете ярких ламп, надежды ее вначале взлетели к небу, потом рухнули.

— Такие повреждения кожного покрова легко устранить дома, — говорила Беш, подталкивая Рети к клапану палатки. -

Биоскульптура — тонкое искусство. Эксперты способны создать прекрасные формы даже из примитивного материала.

Рети не обиделась. *Примитивный материал. Это я и есть.* В то время у нее голова кружилась от воображаемых возможностей: что если галактическое колдовство может дать ей лицо и тело, как у Беш или Линг?

Она отказывалась пошевелиться, прежде чем Беш не разрешит ей говорить.

— Говорят… говорят, вы возьмете с собой кое-кого из людей, когда улетите.

Беш смотрела на нее глазами цвета золотисто-коричневого драгоценного камня.

— Кто говорит?

— Я… слышала. Наверно, слухи.

— Не стоит верить всем слухам.

Действительно ли она подчеркнула слово “все”? Рети готова была ухватиться за всякую причину для надежды.

— Я слышала также, что вы хорошо платите тем, кто приносит вам нужное… или новости.

— Это верно. — Теперь глаза слегка заблестели. Женщина забавляется? Или это жадность?

— А если эти новости действительно, *действительно* ценные? Какая тогда награда?

Звездная женщина улыбнулась, в ее улыбке было дружелюбие и обещание.

— Зависит от ценности или полезности информации, а предел — небо.

Рети почувствовала возбуждение. Она сунула руку в свою сумку на поясе.

— Не сейчас, — негромко сказала женщина. — Тут нельзя соблюдать тайну.

Посмотрев направо и налево, Рети увидела других пациентов и тех, кого наняли пришельцы. Представители Шести помогают чужакам во многих делах. И каждый из них может шпионить в пользу мудрецов.

— Сегодня вечером, — негромко сказала ей Беш. — Ранн каждый вечер выходит к ручью. Подожди его у желтого бу.

Того, что еще только расцветает. Приходи одна и не говори ни с кем, кого встретишь в пути.

Здорово/радостно думала Рети, выходя из палатки. *Они заинтересовались! Именно на это я надеялась. И как раз вовремя.*

Если бы она ждала еще дольше и не устанавливала контакт, все могло бы быть потеряно. Главный мудрец-человек приказал ей уходить завтра утром, сопровождая пересекающий горы небольшой караван ослов. С нею должны идти два молчаливых мужчины и три рослые женщины, которых она никогда раньше не видела. Ничего не было сказано, но она знала, что их цель — найти Двера, а потом направиться прямо в ту дикую местность, из которой она пришла.

Ничего подобного! думала она, радостно вспоминая о сегодняшнем вечернем свидании. *Двер может продолжать играть в свои охотничьи игры в лесу. Он будет едва зарабатывать на еду в Серых холмах, а я буду жить высоко и богато вверху, в Хвосте Дельфина.*

Это созвездие, откуда, как говорят, прилетели чужаки, хотя похожий на краба мудрец Ум-Острый-Как-Нож однажды попыталась объяснить Рети что-то о галактиках и “пунктах перехода” и что возвращение к цивилизации извилисто, как

нити паутины мульк-паука. Но ее слова не имели смысла, и Рети решила, что старая самка-квуэн, вероятно, лжет. Она предпочитала думать, что отправится к звездам, которые хорошо видит, а это значит, что когда-нибудь она сможет посмотреть на Джиджо из прекрасного галактического города, где ей предстоит жить, и каждую ночь будет показывать язык Джессу, Бому и всему их вонючему племени. А также Дверу и всем мудрецам, вообще всем остальным на этой нищей планете, всем, кто плохо с ней обращался.

Весь день после встречи с Беш она избегала мудрецов и их слуг, искала поляны в нескольких полетах стрелы к западу, где пилигримы пытались восстановить праздничные развлечения Собраний. Павильоны, снесенные в панике, снова поставлены, и многие вышли из укрытий. Конечно, по-прежнему чувствовалось большое напряжение. Но некоторые упорно пытались вести прежнюю жизнь, даже хотя бы ненадолго.

Рети зашла под навес, где ремесленники демонстрировали свои товары, привезенные со всего Склона. Вчера все это поразило бы Рети. Но сейчас она только презрительно улыбалась — после того как видела блестящие машины небесных людей. В одном месте она побывала

на дискуссии: эксперты хун, г'кек и человек обсуждали усовершенствование техники плетения веревок. Слушатели молчали, и никто не задавал вопросов.

Поблизости треки, выращивающий кольца, демонстрировал несколько вялых существ в форме пончика, с тонкими руками и ногами. Возле загона стояли трое взрослых треки, может быть, думая о прибавлении к новым грудам, которые они создают дома. А может, просто бездельничали.

Еще дальше на поляне в пятнах солнечных лучей акробаты-шимпы демонстрировали свое мастерство детям, а у горячего парящего ручья играл полный секстет из представителей всех шести рас. Все могло бы показаться очень веселым, если бы Рети не ощущала какое-то напряжение, которое портило веселье. И если бы ее сердце не ожесточилось против всего джиджоанского.

Эти слопи думают, что они чем-то лучше шайки грязных сунеров. Может, и так. Но ведь на Джиджо все сунеры, верно?

Я улетаю далеко, так что мне все равно.

На большой неровной поляне она увидела множество детей людей и средних уров, соперничающих в игре Вызов Дрейка.

Игровое поле представляло собой песчаную полоску, ограниченную с одной стороны ручьем. Другая граница — длинная яма, заполненная угольями, тлеющими под серым покровом пепла. В лицо Рети ударили струи горячего дыма, вызвав болезненные воспоминания о Джессе и Боме. Шрамы ее напряглись. Она прошла выше по холму и села в тени карликового тару.

Появились два соперника: мальчик-человек на северном конце поля и плотный урский средний на южном. Двигаясь неторопливо и обмениваясь оскорблениями, они приближались к центру, где ждали два судьи.

– Эй, лошак! Тебе пора принять ванну! — насмехался юноша, пытаясь идти важно и спокойно. Но ему мешала левая рука, привязанная за спиной полотняной полоской. Одет он в кожаный костюм — от колен до подбородка, но руки и ноги обнажены.

У молодой самки ура своя защита и своя помеха. Ее хрупкие сумки и железы запахов закрыты прочными прозрачными пленками. Подойдя ближе, средний попытался угрожающе вскинуться — и едва не упал, к развлечению зрителей. Рети увидела причину: задние ноги были стреножены.

— Глупый крикун! — кричала самка сопернику, восстанавливая равновесие. — Пора тебе поджариться!

За обеими границами: за ямой с углями и за ручьем — собрались толпы молодых зрителей. У многих защитное оборудование из кожи или прозрачной пленки. Они с беспечно расстегнутой защитой ждут своей очереди выйти на арену. Некоторые юноши и девушки натирают мазями свежие ожоги на икрах и бедрах, отчего Рети поморщилась. Конечно, ни один из этих ожогов не кажется таким уродливым или болезненным, как ее собственные. Ни волдырей, ни ужасных обожженных полос. И все же как они могут сознательно подвергаться такому риску?

Мысль об этом казалась Рети одновременно отвратительной и странно привлекательной.

В конце концов, многим ли это отличается от ее собственной истории? Она знала, что непослушание Джессу будет иметь последствия, но все же пошла на него.

Иногда приходится сражаться, вот и все. Рети подняла руку и слегка коснулась лица. Она ни о чем не жалеет. Ни о чем.

У некоторых зрителей уров тоже следы недавних схваток, особенно на ногах, где свалялись

или сошли полоски шерсти. Странно, но никакого разделения между расами не было. Напротив, большинство групп зрителей смешанные, они по-дружески обмениваются замечаниями и сравнивают технику соперников. Рети видела, как юноша-человек шутит с уром средним, положив руку на гладкую гриву самки.

Возбужденно кричали зукиры и шимпы, они заключали пари и колотили по земле руками.

На некотором расстоянии за углями Рети видела еще одну импровизированную арену, на которой соревновались молодые треки с недавно отделившимися кольцами и молодые г'кеки, такие легкие и проворные, что могли даже на короткое время поднимать колеса и идти на задних толчковых ногах. Этот турнир напоминал какой-то вертящийся танец. Подробностей Рети не могла разобрать, но соперничество было гораздо менее жесткое, чем Вызов Дрейка.

Два судьи квуэна: один серый, другой синий — ждали соперников посредине песчаной арены. Они в поисках оружия тщательно осмотрели рукава человека, потом проверили наличие колпачков на серпоподобных зубах среднего. Затем синий квуэн попятился в ручей, а серый вытянул бронированные ноги и, к великому изумлению

Рети, смело ступил на горячие угли! И продолжал там стоять, поднимая две когтистые ноги высоко над дымящейся поверхностью, потом переходя на другую пару и так все время.

После ритуального — и настороженного — поклона друг другу парень и средний начали кружить в ожидании ошибки соперника.

Неожиданно они бросились друг на друга, схватились, причем каждый толкал соперника в том направлении, куда тот не хотел идти. Теперь Рети поняла, почему у них связаны конечности. Со стреноженными задними ногами ур не может растоптать противника или использовать всю силу, чтобы победить. Аналогично сильные руки юноши могли просто задушить среднего, если бы одна не была привязана за спиной.

Вызов дрека/ Вызов дрека! Йиппиии йуйее!

Рети вздрогнула, услышав этот писклявый голос — гораздо ближе, чем толпа кричащих зрителей. Она поискала его источник, но никого не увидела, пока кто-то не потянул ее за платье. Она посмотрела вниз.

Безопасность сумки? Йии будет говорить! Ты безопасность сумки, и йии будет говорить с тобой!

Рети удивленно смотрела. Это крошечный ур!

Не больше ее ступни, он грациозно приплясывал на четырех миниатюрных копытах, по-прежнему дергая ее за одежду. Крошечное существо трясло гривой, поворачивая гибкую шею, и нервно продолжало:

Иши нужна сумка! Нужна сумка!

Рети повернулась и увидела, что его так испугало. В кустах, слегка отдуваясь, сидел гладкий черный зверь, свесив язык между двух рядов острых белых зубов. Вначале Рети показалось, что она его узнала. Она подумала, что это Грязнолапый, брюзгливый спутник Двера в горах. Потом увидела, что у этого нет коричневых пятен на лапах. Значит, другой нур.

Хищник поднял голову и, глядя на маленького ура, сделал один шаг, другой.

Рети импульсивно подхватила дрожащую добычу и сунула в свою кожаную сумку.

Нур разочарованно посмотрел на нее, повернулся и исчез в кустах.

Крики, возгласы и возбужденное фырканье заставили ее взглянуть на арену, и она увидела, что борец человек падает в туче поднявшегося пепла. К ее изумлению, юноша не вспыхнул мгновенно, но гибко перевернулся и встал, подплясывая, переступая с одной голой ноги на другую и хлад-

нокровно стряхивая горящие уголья с одежды. К нему бросился серый квуэн, но мальчик знаком попросил его не вмешиваться. Еще раз провел рукой по воротнику и по углям направился обратно на арену.

На Рети это произвело впечатление. Слопи кажутся более крепкими, чем она считала.

Горяч, горяч, но не побит, послышался тонкий голос из сумки, как будто довольный ее удивлением. Страх перед нуром словно совершенно забылся. *Парень сделал бу-бу, поскользнулся и упал, но больше не сделает. Не этот парень! Он победит. Увидишь, это глупый лошак обмочится!*

Рети не могла прийти в себя от изумления. Ей трудно было решить, что удивляет ее больше: соревнование на арене или это крошечное существо в сумке с его беглыми комментариями.

Арена привлекла ее внимание: юноша-человек снова приблизился к противнику. Какой бы ни была его ошибка в первый раз, парень решительно не собирался ее повторять, он уклонялся и отпрыгивал, а потом сумел схватить среднего за гриву. Самка фыркнула, щелкнула зубами и тщетно пыталась тонкими слабыми руками разорвать его хватку. Попробовала поднять переднюю ногу, чтобы схватить пасть, но от этого только опасно

потеряла равновесие.

Вызов дрека! радостно кричал маленький ур, *дрек сказал Ур-чун, будем бороться, бороться, а не убивать!*

Рети затаила дыхание.

О, теперь я вспомнила.

Она совсем маленькой слышала эту легенду, ее рассказывал у лагерного костра один из стариков. Легенда умерла вместе с ним, потому что рассказам о жизни за горами Джесс и молодые охотники предпочитали преувеличенные описания собственных подвигов.

Насколько могла вспомнить Рети, жил некогда человек по имени Дрек — или Дрейк, — герой, силой и смелостью превосходивший всех до и после него. Однажды, когда земляне пробыли на Джиджо еще не долго, вождь уров, огромная самка, сошлась с Дрейком в схватке. Три дня и три ночи они боролись, наступали, выкрикивали угрозы. Земля дрожала, реки высыхали, вся местность между горами и морем была опустошена, и вулканы, и океан исчезли в дыму. И когда туман рассеялся, вся местность от горизонта до горизонта сверкала яркими красками, какие получаются при смешении человеческой и урской крови.

И из облака дыма и пыли вышли два героя — у

него не было руки, у нее ноги, они опирались друг о друга и с этого дня стали неразлучны.

И хотя после этого дня были и еще войны между племенами людей и уров, велись они благородно в память о Дрейке и Ур-чун.

Смотри! крикнул маленький ур.

Мальчик сделал ложный выпад налево, потом подставил правую ногу и надавил. В отчаянии фыркая, самка не смогла избежать переворота через его бедро и с криком тяжело шлепнулась в воду головой вперед. И забилась в тине, начиная тонуть. Из-за нее вынырнул синий квуэн и ногой подтолкнул к берегу. С благодарным криком средний выбрался на песок, поднимая облака пыли.

Хии! Иди поваляйся в горячем пепле, глупый лошак! Песок слишком медленный! У тебя сгниют волосы!

Рети посмотрела на маленького ура. Это не ребенок, как она вначале подумала. Она вспомнила, что от кого-то слышала: новорожденные уры остаются в материнской сумке в течение нескольких месяцев, потом их десятками выбрасывают в высокую траву, чтобы они сами заботились о себе. И во всяком случае, урский ребенок не умеет говорить.

Это, должно быть, самец! Теперь Рети заме-

тила, что горло и морда выглядят не так, как у самок, нет многоцветных красок и раздвоенной верхней губы. Это объясняет, почему ур-самец может произносить все звуки англика, а самка не может.

А на арене парень готовился к третьему раунду, но молодая самка опустила голову, признавая свое поражение. Юноша победно вскинул руку в кровавых полосках и помог судье вывести хромающую побежденную с поля. Тем временем два новых бойца разминались, а помощники привязывали им конечности.

Рети печально смотрела, как молодые люди шутят со сверстниками из других рас. Она гадала, как мальчику удалось так незначительно обжечься на углях, но не могла заставить себя задать этот вопрос. Они только посмеются над ее нерасчесанными волосами, над неловкой речью и над ее шрамами.

Забудь о них, с горечью думала она. От сухого жара и дыма зудело лицо. У нее есть гораздо более важные дела. Надо кое-что вынести из своей палатки до темноты. Что-то такое, что послужит платой за билет отсюда. Такое, чего никогда не видел ни один из этих рослых красивых молодых людей и никогда не увидит, несмотря на всю свою

гордость, мастерство и важное расхаживание. Билет в такое место, где прошлое больше не будет ее тревожить. Это гораздо важнее, чем наблюдать за тем, как дикари играют в свои яростные игры огня и воды.

— Послушай, я должна идти, — сказала она урску-самцу, вставая и осматриваясь. — Кажется, этот отвратительный нур ушел, так что ты тоже можешь уйти.

Крошечное создание смотрело на нее, повесив хвост и морду. Рети прочистила горло.

— Может, отнести тебя куда-нибудь? Твоя… гм… *жена,* наверно, волнуется за тебя.

Темные глаза печально блеснули. *Уф-рохо больше не нужен йии. домашняя сумка полна скользких новорожденных. Вытолкнула йии, в правой сумке другой муж. Йии должен найти новую сумку или нору в траве, чтобы жить/умереть. Но в горах нет сладкой травы, только жесткий камень!*

Последние слова прозвучали очень печально. Ужасно поступили с беспомощным маленьким созданием, и Рети рассердилась, думая об этом.

Хорошая сумка эта. Он издавал странную дрожащую мелодию, удивительно низкую для такого маленького существа. Там, где он прикасался к

Рети, у нее покалывало кожу.

Йии хорошо служит новой жене. Делает то, что она захочет.

Рети смотрела на него, ошеломленная его предложением, Затем расхохоталась, прислонившись к дереву, и смеялась до тех пор, пока не закололо в боку. Сквозь полузакрытые глаза она видела, что *йии* тоже как будто смеется — по-своему. Наконец она вытерла слезы и улыбнулась.

— Ну, кое-что ты для меня уже сделал. Давно я так не смеялась.

И знаешь, что еще? Если подумать, то можно найти кое-что, что ты смог бы сделать. Такое, что сделает меня еще более счастливой.

Йии все сделает! Новая жена кормит йии, Йии делает жену счастливой.

Рети покачала головой, снова поражаясь неожиданным поворотам, которые могут делать жизнь ничего не подозревающего человека. Если ее новая идея сработает, возможно, этот поворот действительно счастливый.

— У тебя есть что-нибудь для меня?

Ранн протянул огромную руку. В полутьме, рядом с желтым бу, Рети смотрела на мозолистые пальцы мужчины, каждый толщиной с ее запястье. Его угловатые черты лица и массивный

торс — намного больше, чем у самого крупного парня, игравшего сегодня в Вызов Дрейка, — делали ее маленькой и незначительной.

Рети подумала: *Неужели все мужчины такие — там, среди звезд?*

Могу ли я верить человеку с такими руками, дать ему власть мужа над собой?

Она всегда думала, что скорее умрет, чем выйдет замуж.

Однако теперь у нее есть муж, который урчит где-то возле ее живота. Рети чувствовала прикосновение теплого языка йии к коже, когда гладила шелковистую шею.

Ранн, казалось, заметил ее ироническую улыбку. Кажется ли она от нее более уверенной в себе?

Она сунула руку мимо йии и вытащила тонкий длинный предмет, пушистый с одного конца, твердый и острый с другого и положила перо на раскрытую ладонь Ранна. Он удивленно посветил на перо своим инструментом в разных сторон, а она в это время продолжала вспоминать события, которые привели к этому моменту, когда решается ее будущее.

По пути сюда Рети миновала несколько представителей разных рас из числа Шести, все они

ожидали у какого-нибудь ориентира по маршруту ежевечерней прогулки Ранна. Как им и приказывали, никто не разговаривал и даже не пытался встретиться взглядом, хотя Рети заметила и подглядывающих шпионов: г'кека, двух хунов и человека. Они, держась на удалении, делали записи.

Рети все равно, что они расскажут Лестеру Кембелу о ее "предательстве". После сегодняшнего вечера мудрецы не смогут распоряжаться ею.

Придя к желтому бу, она нервно ждала, поглаживая йии и кусая ногти. За несколько дуров до появления Ранна негромкий свист возвестил о приближении мощного робота, восьмиугольного, устрашающего. Девушка в ужасе вспомнила другое летающее чудовище, которое посылало огненные лучи в гнездо мульк-паука… вспомнила, как сильные руки Двера оттащили ее от обжигающего луча, удержали от падения, как он закрыл ее своим телом.

Рети прикусила губу, подавляя всякую мысль, всякое воспоминание, которые могут ослабить ее решимость. Не время размягчаться. Именно этого хотят мудрецы.

И как бесчисленное количество раз дома — когда она заставляла себя противостоять Джессу,

несмотря на жестокое наказание, — она не стала скрываться от ужасного робота, стояла прямо, задрав подбородок.

Ты не можешь причинить мне вред, вызывающе думала она. *Не посмеешь!*

Но незваная мысль все же пробилась в сознание.

Один такой робот убил птицу.

Птица сопротивлялась и погибла.

Чувство вины едва не заставило ее повернуть и бежать. Но тут робот сам свернул в сторону, исчез в ночи, и его место занял Ранн, протягивая массивную руку.

Есть у тебя что-нибудь для меня? спросил он, улыбаясь, и Рети протянула ему перо.

Он продолжал нацеливать инструмент на перо — ее бесценное сокровище, и Рети видела, что его возбуждение растет. Стиснув губы, она пыталась укрепить свою решимость.

Дьявольщина, да, у меня есть кое-что для вас, мистер Звездный Человек. Что-то такое, что вам очень нужно.

Но дело в том, что у вас должно быть кое-что и для меня!

XV. КНИГА МОРЯ

Тропа требует времени, поэтому время нужно покупать по дорогой цене.
Когда послушные закону ищут тебя – прячься. Когда они найдут тебя – молчи.
Когда тебя судят – не дрожи.
То, что ты пытался сделать, запрещено по справедливости.
Но, если сделано хорошо, в нем есть красота.
С этим согласно большинство.

Свиток Избавления

Рассказ Олвина

У меня с собой словарь англика и разговорник, и я собираюсь провести эксперимент. Чтобы передать драматические события, которые произойдут дальше, я попытаюсь применить свое повествовательное мастерство в *настоящем времени.* Я знаю, что во многих рассказах со Старой Земли, которые я прочел, так не делается, но если это сделано правильно, то, мне кажется, придает

рассказу ощущение *непосредственного присутствия.* Вот что у меня получилось.

Я следую за маленьким Зизом, тем самым новым треки, влен которого мы все видели в тот день, когда Гибц превратился в Тиуга и забыл все о звездных кораблях; Зиз скользит от своего загона к крану, где мы впервые собирались проверить нашу лодку. Предыдущую неделю Зиз провел в своем загоне, поедая сытную пищевую смесь, и заметно вырос. Тем не менее он еще совсем маленький. Никто не ждет чудес силы и ума от треки, который мне едва до задних колен.

Зиз движется по проложенному Тиугом следу-запаху почти до края утеса, откуда можно заглянуть в Большую Помойку, потому что здесь она резко поворачивает, разрезая материк такой глубокой и широкой раной, что наши предки выбрали ее естественной границей для поселенцев на Джиджо.

Огромная масса Окончательной скалы бросает длинную траурную тень, но “Мечта Вуфона”, наша гордость и радость, висит за пределами тени, сверкая на солнце. Вместо того чтобы ползти по рампе к закрытому люку лодки, Зиз спускается в маленькой клетке, смонтированной под выпуклым окном, перед восемнадцатью тяжелыми

камнями балласта. Когда он минует Тиуга, Зиз и треки полного размера обмениваются облачками запахов на языке, для понимания которого ни у кого из остальных шести нет нужных органов.

Клетка закрывается, Урдоннел испускает свист, и группа хунов и квуэнов принимается за работу, сначала осторожно отводит лодку в сторону, потом опускает к морю, разматывая с барабанов трос-буксир и двойной шланг. Барабаны вращаются медленно, под четкий ритм, который повторяется снова и снова:

рамбл-дам-дамбл-ам-рамбл-дам-дамбл-ам…

Этот ритм захватывает. Хуны по всей скале, даже протестующие, подхватывают пульсообразный ритм веселой работы. Ритм команды, пота и радости.

Будучи единственным присутствующим нуром, Хуфу, кажется, считает своим долгом дико носиться по крану, словно по корабельным мачтам, изгибая спину и потягиваясь, как будто поют только для нее, чья-то рука гладит ее, поглаживает щетину на голове. Глаза нура сверкают, он смотрит, как все ниже и ниже спускается наша лодка. Видно только одно щупальце Зиза, высовывающееся из клетки.

Мне приходит в голову, что, может, Хуфу ка-

жется, что маленького треки используют как *приманку* на конце поистине грандиозной рыболовной лески! Может, Хуфу любопытно, кого мы пытаемся поймать.

Это, в свою очередь, заставляет вспомнить дикие россказни Клешни о “чудовищах” в глубине. С самого прибытия сюда ни он, ни Гек ни разу об этом не упоминали, каждый по своим собственным причинам, мне кажется. Или я один не забыл об этом среди всеобщего возбуждения?

“Гордость Вуфона” опускается ниже края утеса, и мы бросаемся к краю, чтобы не потерять его из виду. Квуэны не любят высоту и реагируют на нее, прижимаясь к поверхности, царапая животом, цепляясь за землю. И я так поступил, лежа и набираясь мужества, чтобы поползти вперед. С другой стороны, Гек подкатилась к самому каменному краю и остановилась, отставив назад для равновесия толчковые ноги и как можно дальше высунув два глазных стебелька.

Ну что за девчонка! Вот тебе и г'кеки, осторожные существа высшего уровня. Глядя на нее, я понял, что не могу сделать меньше, поэтому высунул голову через край и заставил себя открыть глаза.

На западе океан обширным ковром уходит до

самого горизонта. Там, где глубина континентального шельфа всего несколько кабельтовых, преобладают светлые тона. Но темная сине-серая полоса говорит о каньоне, отходящем от гигантской планетарной царапины, которая называется Помойкой. Эта глубокая-глубокая впадина проходит почти непосредственно под нами, потом поворачивает на восток, рассекая континент, как щель клинкерной обшивки обреченного корабля. Дальний берег всего в ста с небольшим полетах стрелы, но ряды острых, как лезвие, утесов и почти бездонные пропасти, идущие параллельно Трещине, образуют устрашающую преграду на пути всех, кто хочет нарушить Закон.

Я не ученый — к сожалению, у меня нет таких склонностей. Но даже я вижу, что эти рваные утесы должны быть новыми, иначе к этому времени ветер, прибой и дождь сгладили бы их. Подобно горе Гуэнн, в этом месте Джиджо активно обновляется. (С того времени, как мы здесь разбили лагерь, произошло два небольших землетрясения.) Неудивительно, что некоторые считают Окончательную скалу святым местом.

В других местах везде очень сильный прибой, покрывающий все пеной, но здесь море удивительно спокойно — гладкая поверхность.

Небольшое противотечение уходит от берега. Идеальные условия для нашей экспедиции — если они постоянны. Но здесь никто не проводил наблюдений за погодой, поскольку ни один мусорный корабль сюда не заходит. “Мечта Вуфона” опускается все ниже, как муха-паук, которая выпускает за собой двойную тонкую нить. Трудно точно определить, сколько осталось до воды. Гек как можно шире расставила глазные стебельки, пытаясь определить надежнее. Она говорит:

— Ну, сейчас окунаемся… *готово!*

Я затаиваю дыхание, но ничего не происходит. Большие барабаны продолжают разматывать кабель и шланги. Лодка становится все меньше.

— Готово! — повторяет Гек.

Проходит еще один дур, а “Мечта Вуфона” остается сухой.

— Да, вниз далеко-леко-леко, — запинается Клешня.

— Можешь сказать еще раз, — добавляет Урронн, нервно топая.

— Но не нужно, пожалуйста, — рявкает Гек, выдавая свое раздражение. Потом переходит на Галшесть: — *Реальность вмешивается в ожидания, когда…*

Так ей и надо: ее глубокомысленное рассуж-

дение прерывает всплеск. Вращение больших барабанов замедляется, а я смотрю на обширную неподвижную водную поверхность, в которой исчезла “Мечта”.

рамбл-дум-бамлб-ум-рамбл-дум-дамбл…

Похоже на самого большого в мире нура, который не замолкает, не прерывает ворчание, чтобы перевести дыхание. И если бы дело дошло до голосования, на этом основании большой кран мог бы завоевать титул Почетного Капитана Юга.

Хуфу, изогнув от удовольствия спину, пробирается на самый конец стрелы. Тем временем кто-то ведет счет.

— Один кабельтов, *сорок…* Один кабельтов, *шестьдесят…* Один кабельтов, *восемьдесят… Два кабельтова!* Два кабельтова, *двадцать…*

Эти возгласы напоминают мне, рассказы Марка Твена о речных лоцманах на романтической Миссисипи, особенно сцену, в которой рослый черный человек стоит на носу “Принцессы дельты” и измеряет глубину, находя отмели в предательском тумане и спасая жизнь всех на борту.

Я океанский хун. Мои родители водят морские корабли, а не какие-то речные посудины. Тем не менее это любимые рассказы моего отца.

И отца Гек тоже: когда она осталась сиротой и только еще начинала ходить на толчковых ногах, все ее четыре стебелька топорщились в удивлении, когда отец читал ей рассказы мира волчат, никогда не знавшего удушающей мудрости галактического образа жизни. Мира, чье невежество определенно не было благородным, но имело одно преимущество: оно давало шанс видеть, узнавать и делать то, чего никто раньше никогда не видел, не узнавал и не делал.

Так поступали люди на Земле.

А теперь так поступаем мы здесь!

И почти не сознавая, что делаю, я сажусь на свои сложенные вдвое задние ноги, откидываю назад голову и издаю радостный вопль. Могучий, громогласный крик. Он отдается по всей скале, отражается от оборудования и плывет над зубчатыми утесами Великой Трещины.

Насколько мне известно, он все еще плывет там.

Солнце проникает в спокойные воды по крайней мере на двадцать кабельтовых. Мы представляем себе, как “Мечта Вуфона” опускается все ниже, вначале сквозь облако пузырьков, потом сквозь обширную волну молчания, а свет сверху постепенно тускнеет и наконец совсем исчезает.

— Шесть кабельтовых, *шестьдесят…*

Шесть кабельтовых, *восемьдесят…*

Семь кабельтовых!

Когда мы будем опускаться, на этой глубине мы включим огни эйк и с помощью кислотной батареи пошлем искры по тросу, чтобы сообщить, что у нас все в порядке. Но у Зиза света нет и нет способа что-нибудь сообщить нам. Маленькая груда колец там, внизу, одна, хотя, мне кажется, треки никогда не бывают одиноки. Ведь их кольца могут бесконечно спорить друг с другом.

– *Восемь кабельтовых!*

Кто– то приносит кувшин вина мне и немного теплой крови симлы Ур-ронн. Гек через длинную изогнутую соломинку пьет ароматный галюк-эйд, а Клешня опрыскивает спину соленой водой.

– *Девять кабельтовых!*

Пробное погружение предполагалось только до десяти кабельтовых, так что постепенно начинают вводить в действие тормоз. Скоро барабан начнет вращаться в обратном направлении, чтобы вернуть “Мечту Вуфона” в мир воздуха и света.

И тут это происходит — громкий щелчок, словно дернули за натянутую струну виолы, громкий, как гром.

Руководитель крановой команды кричит:

– *Отпустите тормоз!*

Оператор устремляется к рукояти… слишком поздно: распространяющийся по шлангу толчок достигает крана, словно большая рыба внизу дернула за леску в стремлении уйти. Только этот толчок чрезвычайно силен, его не остановить.

Мы ахаем, видя маленькую фигуру Хуфу, вцепившуюся в самый конец раскачивающейся стрелы.

Одна лапа разжимается, затем другая. Хуфу кричит.

Наш маленький нур, вращаясь в воздухе, едва минует водоворот вокруг толстого троса и исчезает в воде. Мы в отчаянии беспомощно смотрим, как поглощает наш талисман пропасть, уже поглотившая Зиза, “Мечту Вуфона” и все наши надежды и результаты тяжелой работы за два года.

XVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Уры рассказывают о кризисе размножения.

Говорят, среди звезд продолжительность жизни у них была гораздо дольше, чем на Джиджо: они намного увеличили ее искусственными методами. Больше того, ур никогда не перестает стремиться к полным сумкам — либо с мужьями, либо с только что родившимися малышами. Существовали технические способы воспроизвести эти чувства, но большинство предпочитало естественный порядок.

Галактическое сообщество не одобряет тех, у кого слишком большое потомство: это нарушает миллиарднолетнее равновесие. Сохраняется постоянный ужас перед "диким пожаром" — кризисом перенаселения, подобным тому, который выжег половину Третьей Галактики сто с лишним миллионов лет назад.

Те расы, которые, подобно хунам, воспроизводятся медленно, особенно опасаются имеющих многочисленное потомство, таких, как уры.

Легенды рассказывают о конфликте из-за

этого. Читая меж строк приукрашенной устной истории уров, можно понять, что барды повествуют о судебном процессе — причем разбирательство велось на высочайшем уровне галактического общества.

Уры проиграли процесс, и за ним последовали строжайшие меры по сокращению рождаемости.

Но некоторые проигравшие даже тогда не захотели сдаваться. Они направили один корабль в запретное пространство, чтобы поискать дикую планету, которую могли бы назвать своим домом.

Место, где они могли бы услышать топот мириадов крошечных урских ног.

Аскс

Странное сообщение пришло из города Тарек. Оно было послано Арианой Фу, почетным мудрецом-человеком в отставке.

Уставший гонец — самка урупала, спешно поднявшись с равнины Уоррил. Она так утомилась, что жаждала просто воды, сырой и неразбавленной.

А теперь сосредоточьтесь, мои кольца. На-

правьте свое вечно рассеивающееся внимание к сообщению Арианы Фу, которое вслух читает Лестер Кембел, ее преемник. Посылает ли эта новость парообразное удивление в мой/наш центр — о том, что загадочный раненый чужак появился однажды в верховьях Рони? Незнакомец, который может оказаться *потерянным товарищем* посетителей со звезд, нарушивших наше общее изгнание! Или, размышляет Ариана, он может оказаться беглецом от этих самых далеко забравшихся авантюристов? Могут его раны свидетельствовать о подобной вражде?

Ариана рекомендует, чтобы мы, члены совета, осторожно расследовали это дело с нашей стороны, может, используя постигающих истину, а она проведет свой эксперимент в Библосе.

У чужаков как будто есть и другие интересы, помимо поиска предразумных существ, чтобы украсть их с невозделанной Джиджо. Они изображают незаинтересованность, однако продолжают усиленно расспрашивать наши народы, предлагая вознаграждение и похвалы за сообщения о “чем-нибудь необычном”.

Как иронично слышать от *них* эти слова.

Затем есть еще птица.

Вы ведь помните металлическую птицу, мои

кольца? Мы бы приняли ее за еще один буйурский реликт, добытый из паутины мертвого мульк-паука. Однако девушка-сунер клянется, что видела, как птица летела. Она пролетела большое расстояние, потом сражалась и была убита машиной ротенов!

Разве не в тот же вечер чужаки погребли свою станцию, словно они тоже боятся страшного неба?

Наши лучшие техники осмотрели птицу-машину, но у них нет инструментов, и поэтому они узнали мало. Установили только, что в металлической груди по-прежнему есть энергия. Может, группа, которую послал Лестер на восток, чтобы в соответствии с нашим законом собрать племя сунеров, узнает больше.

Так много вопросов. Но даже если мы получим ответы, изменится ли хоть немного в лучшую сторону наше ужасное положение?

Будь у нас время, я нацелил бы мои/наши разнообразные кольца на обсуждение этих загадок, и каждый вопрос заливал бы новым запахом наш влажный центр, словно воском, капая силлогизмами, пока сквозь блестящий покров не стала бы видна истина. Но для свойственного треки подхода к решению проблемы нет времени. И

поэтому мы, мудрецы, спорим в сухом воздухе, и у нас нет даже реуков, чтобы компенсировать различия языков. И каждый потраченный день лишь немного отдаляет нашу судьбу.

Что касается других предложений Арианы, то мы использовали постигающих истину в своих разговорах с небесными людьми. Согласно нашим книгам и преданиям, эта пассивная форма пси-способностей не так заметна, как другие способы.

Вы ищете что-то определенное? — спросили мы только вчера. — *Есть ли личность, существо или группа, которых нам следовало бы поискать для вас?*

Их предводитель — тот, что отзывается на имя-ярлычок Ранн, — казалось, напрягся, но потом быстро пришел в себя и уверенно улыбнулся, как они это часто делают.

Мы всегда ищем чего-нибудь необычного. А вы что-то такое заметили?

И в этот момент напряжения один из наших постигающих что-то засек — короткую вспышку *цвета.* Темно-серого цвета, похожего на цвет панциря Серой Королевы. Но эта поверхность казалась тоньше, с гибкой податливостью, свободной от украшений волос, чешуек, перьев или

торгов.

Вспышка сразу прекратилась. Но постигающий уловил ассоциацию — с *водой.*

Что еще ощутил он, мои кольца, во время этого краткого момента?

А, да. Вихрь пузырей.

Разбросанных и бесчисленных как звезды.

Пузырей, растущих в размерах, достигающих величины спутников Джиджо. Сверкающих. Древних. Лишенных возраста.

Пузырей, полных дистиллированными чудесами… запечатанных временем.

И больше ничего.

Увы, что еще можно спросить? Кто мы, как не любители — одна из сторон игры? Фвхун-дау и Ум-Острый-Как-Нож указывают, что даже этот “ключ” мог быть искусно вложен в сознание постигающего, чтобы отвлечь нас парадоксом.

Но в такие времена, когда реуки и Святое Яйцо нас как будто покинули, утопающий хватается даже за такой тонкий стебелек.

В своем послании Ариана обещает послать помощь другого рода. Специалиста, чье мастерство может поставить нас вровень с нашими врагами и, может быть, даже заставит их торговаться.

О, Ариана, как мне/нам не хватает твоего лу-

кавого оптимизма! Если бы с неба упал огонь, ты увидела бы в этом возможность обжигать горшки. Если бы весь Склон задрожал, а затем погрузился в страшные глубины Помойки, ты нашла бы и это событие полным *возможностей!*

Сара

Вопреки строжайшим приказам днем укрываться, пароход “Гофер” побил все свои прежние рекорды, идя вверх по течению от города Тарек, преодолевая весенний разлив Бибура; котлы его стонали, поршни бились о корпуса — могучая сила, с которой на Джиджо мог сравниться только другой пароход “Крот”. Символ великой человеческой технологии, эти пароходы оставались непревзойденными даже искусными урскими кузнецами, которые трудятся в высокогорных вулканах.

Сара вспомнила свое первое плавание, когда в возрасте пятнадцати лет была направлена на обучение в Библос. Как она гордилась своими новыми познаниями, особенно способностью каждый лязг и пыхтение парового двигателя рассматривать в терминах температуры, давления и единиц силы. Уравнения словно укрощали

шипящее чудовище, превращая его отчаянный рев в некое подобие музыки.

А теперь все это испорчено. Клепаные корпуса и пульсирующие балансиры кажутся теперь примитивными приспособлениями, чуть более передовыми, чем каменный топор.

Даже если звездные боги улетят, не сделав ничего из тех ужасных вещей, которые предсказывает Ариана Фу, они уже причинили вред, развеяв наши иллюзии.

Только одному человеку, казалось, все равно. Незнакомец держался возле пышущей, напрягающейся машины, всматривался в балансиры, жестами просил, чтобы инженерная команда открыла большой корпус и позволила ему заглянуть внутрь. Вначале люди из команды опасались его странного поведения, но вскоре, вопреки его неспособности говорить, ощутили родственную душу.

Сара заметила, что жестами можно объяснить очень многое. Еще один случай приспособления языка к потребностям момента — почти так же колонисты на Джиджо приспосабливали известные им формальные галактические языки, когда люди представили им полмиллиона текстов, напечатанных преимущественно на англике,

языке, созданном словно из сленга, жаргонов, каламбуров и двусмысленностей.

Это искаженное зеркальное отражение того, что происходило на Земле, где миллиардолетняя грамматика толкала людей к порядку. В обоих случаях движущей силой служила почти полная монополия на знания.

В этом есть очевидная ирония. Но Сара знала и другую, ее собственную теорию относительно языка и Шести, настолько еретическую, что взгляды Ларка по сравнению с ней казались абсолютно ортодоксальными.

Может, прошло время моего возвращения в Библос, доклада о работе… и подтверждения всего, чего я боюсь.

Незнакомец казался счастливым. Он был погружен в общение в инженерами, а Ариана Фу внимательно наблюдала за ним из своего инвалидного кресла. Поэтому Сара покинула шумное машинное помещение и направилась на нос корабля, где густой туман раздвигался стремительным движением “Гофера”. Из-за клочьев тумана на юге и востоке виднелись сверкающие вершины Риммера — там решается судьба Шести.

Как удивятся Ларк и Двер, увидев меня!

О, они, наверно, закричат, что я должна была оставаться дома в безопасности. А я отвечу, что у меня есть работа, не менее важная, чем их, и они не должны гордиться своим мужским полом. И мы все постараемся изо всех сил не показать, как мы рады встрече.

Но прежде всего мудрец Фу организовала эту поездку, чтобы проверить свои предположения относительно Незнакомца, вопреки инстинкту Сары, который не позволял вредить раненому.

Этот инстинкт причинил мне немало неприятностей. Не пора ли умерить его разумом?

В одном древнем тексте это называется “манией вскармливания” и было вполне применимо, когда ребенком Сара лечила раненых животных и птиц в лесу. Возможно, это не представляло бы никакой проблемы, если бы она последовала обычному для женщин Джиджо жизненному образцу, у нее появились бы дети и уставший муж-фермер, и все они требовали бы ее внимания. Зачем, в таком случае, стимулировать материнский инстинкт? И никакого времени для других интересов — особенно без сберегающих силы и время приспособлений, описанных в земных сказаниях. Сара, хоть и не очень красивая, знала, что преуспела бы в такой скромной жизни

и сделала бы счастливым какого-нибудь простого честного мужчину.

Если бы простая жизнь была тем, чего я хочу.

Сара попыталась отбросить волну интроспекции. Причина ее испуга очевидна.

Библос. Центр человеческих надежд и страхов, фокус силы, гордости и стыда, место, где она нашла любовь — или ее иллюзию и потеряла ее. Откуда перспектива "второго шанса" обратила ее в паническое бегство. Ни в каком другом месте не испытывала она подобной смеси подъема и клаустрофобии, надежд и страха.

Увидим ли мы его, миновав последний поворот?

Если каменные крыши уже обрушились…

Сознание ее отшатывалось от невыносимого. Чтобы отвлечься, она достала черновик своей второй работы о языках Джиджо. Пора подумать, что сказать мудрецу Боннеру и другим, если они возразят ей.

Что я делаю? Демонстрирую на бумаге, что хаос может быть формой прогресса. Что шум может быть информативным.

С таким же успехом могу сказать им, что черное это белое, а верх это низ!

Имеются доказательства того, что очень давно,

когда племена людей были скотоводческими и досельскохозяйственными, большинство языковых групп было структурировано гораздо строже, чем последующие языки. Например, земные ученые старались восстановить протоиндоевропейский язык на основе сопоставления латинского, древнегреческого, санскрита и германского языков. Получился праязык, строго организованный, со множеством падежей и склонений. Структура, подчиняющаяся правилам, которыми гордилась бы любая галактическая грамматика.

На полях Сара отметила свою недавнюю находку. Язык североамериканских индейцев чероки содержал семьдесят местоимений — способов сказать “я”, “мы” и “вы”, в зависимости от контекста и личных взаимоотношений, — черта, общая с галактическими языками.

Для некоторых это означает, что у людей когда-то были патроны, которые возвысили земных человекообразных обезьян. Учителя, которые изменили наш мозг и тело и научили строгой логике, приспособив язык к нашим нуждам.

Потом мы потеряли своих проводников. По собственной вине? Или нас покинули? Никто не знает.

После этого, утверждает теория, все земные

языки регрессировали, вернулись к обезьяньим выкрикам, которыми пользовались просто люди до возвышения. К тому времени, когда наши предки покинули Землю ради Джиджо, галактические советники рекомендовали оставить англик и другие языки “волчат”, заменив их кодами, специально созданными для разумных существ.

Их аргументы можно проиллюстрировать игрой в испорченный телефон.

Возьмем дюжину игроков и посадим их кружком. Прошепчем первому сложное предложение, он должен его тоже шепотом передать следующему, и так далее. Вопрос: насколько скоро первоначальное сообщение потеряется среди искажений и языковых ошибок? После нескольких повторений предложение может стать совершенно неузнаваемым.

Но тот же эксперимент, проведенный на росском или ниханском языках, даст другие результаты. В этих языках глаголы, существительные и прилагательные сохраняют родовые окончания, признаки принадлежности и другие факторы. Если в переданное по испорченному телефону на росском языке предложение вкралась ошибка, искаженное слово часто заметно выделяется. И

внимательный слушатель автоматически исправляет его.

На чисто галактических языках можно сутками играть в испорченный телефон без единой ошибки. Неудивительно, что до появления людей эта игра была неизвестна в Пяти Галактиках.

Сара быстро распознала версию *кодирования Шеннона,* названного в честь земного пионера информатики, который показал, как специально закодированная информация может быть восстановлена даже из шума статики. Это открытие в человеческой цивилизации до контакта оказалось критически важным для цифровой речи и передачи данных.

Индоевропейский был логичным, сопротивляющимся ошибкам языком, который лучше подходит для компьютеров, чем хаотический англик.

Для многих это означает, что у землян в туманном прошлом были патроны. Но Сара, наблюдая за тем, как счастливо общается Незнакомец с инженерами на импровизированном языке хмыканий и жестов, вспомнила:

Компьютер изобрели не те, кто говорил на индоевропейском. И не пользователи любого строгого галактического языка. Звездные боги

унаследовали свою могучую силу.

За всю недавнюю историю Пяти Галактик только один народ независимо изобрел компьютеры — и почти все остальное необходимое для межзвездных полетов — изобрел с самого начала.

Эти люди говорили на россике, ниханском, французском и особенно на предшественнике англика, диком, недисциплинированном английском.

Сделали ли они это вопреки своему хаотическому языку?

Или благодаря ему?

Мастера ее гильдии считают, что она гоняется за фантомами, что это просто отвлечение от других обязательств.

Но у Сары было предчувствие. В прошлом и настоящем содержится ключ к будущему Шести.

Если, конечно, это будущее уже не обречено.

Рассвет стремительно спускался вниз по склонам от Рим-мера. Явное нарушение срочных приказов: "Гофер" продолжал двигаться, но никто ничего не посмел сказать капитану, у которого в глазах появилось безумное выражение.

Наверно, это потому, что он много времени проводит с людьми, подумала Сара. На пароходах в экипаже столько же людей, мужчин и

женщин, для ухода за двигателем, — сколько и хунов. Грайф-фу, лоцман и капитан, знал реку от рождения, это знание инстинктивно и унаследовано им от предков. К тому же он перенял немало человеческих привычек и обычаев, например, натягивал на свою мохнатую макушку вязаную шапочку и курил трубку, от которой шел дым, как от трубы парохода. Угловатое лицо капитана, когда он всматривался в предутренний туман, могло бы сойти с форзаца какого-нибудь морского приключенческого романа, снятого с полки библиотеки в Библосе. Подобно практичному моряку древних времен, капитан распространял вокруг себя ощущение уверенности и близкого знакомства с опасностью.

Грауф-фу повернул голову, заметил взгляд Сары и слегка прикрыл один глаз — хитро подмигнул.

Боже избави, вздохнула Сара, почти ожидая, что сейчас хун сплюнет за борт и произнесет: *— Эй, помощник! Отличный день для плавания: полный вперед!*

Но вместо этого капитан “Гофера” извлек трубку изо рта и показал ею.

— Библос, — заметил он низким хунским голосом с гнусавым акцентом, — сразу за следующим поворотом. Хрррм… На день раньше, чем вы

ожидали.

Сара снова посмотрела вперед.

Я должна бы радоваться, подумала она. *Время не ждет.*

Вначале она могла различить только Вечное Болото на левом берегу, непроходимое пространство вплоть до Рони, обширную площадь зыбучих песков, которая заставляет у города Тарек делать долгий обход. Справа начиналась широкая равнина Уоррил. Здесь сошло несколько пассажиров, чтобы дальше передвигаться по суше. Здесь уходят быстрые караваны, и с ними Блур, художник, и маленький взрывник с распоряжениями для своей гильдии. Оба они весят немного, могут ехать на ослах и, если повезет, за три дня доберутся до Поляны. Прити и Пзора также высадились на пристани Канду, чтобы нанять повозки на случай, если понадобится доставить к высоким мудрецам Незнакомца. Это будет решено в Библосе.

Когда туман рассеялся, справа показалась каменная стена. Она поднимается прямо от воды и с каждым дуром становится все выше. Утес, гладкий и блестящий, как стекло, не подчиняется эрозии или времени. И до сих пор ведутся споры, естественное это образование или буйурский

реликт.

Ульгор рассказывала, что в зеркальном отражении этого утеса жители Доло видели зарево книжного пожара. Двести лет назад поселенцы были свидетелями такого зрелища, ужасного даже на расстоянии. С тех пор ни одна катастрофа: ни массовое убийство в Толоне, ни засада, в которой Ук-ранн подстерегла Дрейка Старшего у Кровавого брода, — не могли сравниться в этим ужасом.

Но мы никакого огня не видели.

Тем не менее, когда пароход делал последний поворот, всех охватило напряжение.

Сара облегченно передохнула.

Архив… он на месте.

Охваченная эмоциями, она долго смотрела, потом заторопилась на корму, чтобы привести Незнакомца и Ариану Фу. Они оба захотят увидеть это.

Замок, грозный, неприступный, вырубленный более не существующими инструментами. Богоподобными инструментами, отправленными в глубину, как только они закончили сооружение крепости. Цитадели знаний.

Гранитный утес по-прежнему, словно палец, выступает из реки, прижимаясь спиной к свер-

кающе-гладкой поверхности стены. Сверху, вероятно, все выглядит так же, как выглядело всегда; леса скрывают отверстия, через которые дневной свет проходит во дворы и помещения для читателей внутри. Но снизу, с того места, где причалил “Гофер”, можно было разглядеть внушительные защитные укрепления, а дальше ряд за рядом массивные резные столбы, которые поддерживают естественное плато, несут на себе огромную тяжесть над искусственно созданной внутренней полостью.

Внутри гигантской пещеры деревянные сооружения защищают бесценное содержимое от дождя, ветра и снега — от всего, кроме ада, который однажды охватил южный конец, оставив после себя развалины и опустошение. За одну ночь треть той мудрости, которую дала Великая Печать, исчезла в дыму и отчаянии.

Отделы, которые сегодня нам больше всего нужны. Посвященные галактической истории и многочисленным расам и кланам Оставшееся дает только неясные очертания сложнейших биосоциополитических отношений, распространенных в Пяти Галактиках.

Несмотря на кризис, на рассвете из гостиниц в соседней деревне появилось множество ученых,

которые, присоединившись к пассажирам “Гофера”, поднимались по рампе, зигзагом ведущей к главному входу. Студенты треки и г'кеки переводили дыхание в специально отведенных для отдыха местах. Красные квуэны из далекого моря время от времени поливали свои купола соленой водой. Ульгор и Блейд сторонились их.

Мимо посетителей прошел караван ослов, направляясь вниз. В ящиках под восковыми печатями бесценное содержимое. *Книги по-прежнему эвакуируют*, поняла Сара. *Пользуются тактикой оттягивания, которую избрали мудрецы.*

Неужели она застанет пустые полки?

Невозможно! Даже если бы они смогли увезти столько томов, где бы они их разместили?

Незнакомец настоял на том, что сам будет толкать инвалидное кресло Арианы — может, из уважения или чтобы показать, насколько улучшилось его физическое состояние. Действительно, его смуглая кожа сияла здоровьем, а смеялся он глубоко и от всей души. Удивленно смотрел на могучие каменные стены, на подъемный мост, портики и посты милиции. Сара увидела, что вместо символической стражи теперь парапет охраняет большой отряд. Стражники вооружены копьями, луками и арбалетами.

Ариана была довольна реакцией Незнакомца. С удовлетворенным выражением пожилая женщина посмотрела на Сару.

Он никогда здесь не был. Даже причиненный ущерб не смог бы стереть яркие воспоминания о Библосе. Либо он из какой-то далекой отсталой деревни, либо…

Они миновали последнее укрепление, и Незнакомец удивленно уставился на сами здания Архива. Деревянные сооружения были построены как копии знаменитых памятников земного прошлого. Здесь были Парфенон, замок Эдо и даже Тадж-Махал, чьи минареты переходили в четыре мощных столба, поддерживающих каменную крышу. Очевидно, у основателей было чувство драматической иронии, потому что все оригиналы были созданы, чтобы стоять вечно, тщетно противиться времени, тогда как эти здания имели противоположную цель — они должны выполнить свою функцию и исчезнуть, словно никогда и не существовали.

И даже это для некоторых было слишком много.

— Какое высокомерие! — произнес Джоп, древесный фермер, который, узнав об экспедиции, решил отправиться с ней. — Если мы хотим быть

благословенны, все это должно исчезнуть.

— Да, со временем, — кивнула Ариана Фу, предоставляя гадать, имеет ли она в виду следующую неделю или тысячу лет.

Сара видела у оснований нескольких гигантских столбов свежезамазанные глиной отверстия. *Точно как дома,* поняла она. *Взрывники проверяют, все ли готово.*

Она не могла удержаться и оглянулась. Последними из пассажиров “Гофера” шли молодой Джома, сын Хенрика, и его дядя Курт. Старший взрывник показывал какие-то особенности сооружения мальчику, его жесты напомнили Саре куски древнего гранита. Она подумала, понимает ли Незнакомец, радостно разглядывающий все вокруг себя, как немного нужно, чтобы превратить все это в развалины, неотличимые от городов, которые уничтожили буйуры, когда улетели и предоставили планете возвращаться к природе.

Сара чувствовала, как привычно напрягаются ее плечи. Быть учеником в таком месте нелегко, особенно вначале. Даже когда она уносила книги наверх, чтобы читать их в тени напоминающего о доме дерева тару, никак не могла избавиться от мысли о том, что все плато может вздрогнуть

и обрушиться под ней. Какое-то время страшные фантазии мешали ее занятиям — пока не появился Джошу.

Сара поморщилась. Она знала, что, когда вернется в это место, снова все испытает. Воспоминания.

— Нет ничего вечного, — добавил Джоп, когда они приблизились к афинскому портику Центрального зала. Он не подозревал, насколько совпадают его слова с тайными мыслями Сары.

Ариана согласилась.

— Так желает Ифни. Ничто не может противиться богине перемен.

Если женщина-мудрец хотела, чтобы ее замечание прозвучало сардонически, ей это не удалось. Но она слишком глубоко погрузилась в размышления, чтобы заметить это. Они подходили к гигантской двойной двери. Дверь — дар квуэнов. Она вырезана из древесины лучшей породы. Затем уры покрыли ее своей бронзой, треки отлакировали своими выделениями, и художники г'кеки раскрасили. Дверь высотой в десять метров покрыта символическим изображением того, что наиболее ценят все расы, самым последним, лучшим и с таким трудом завоеванным достижением джиджоанской Общины в изгнании.

Великий Мир.

Но на этот раз Сара едва обратила внимание на восхищение Незнакомца. Она не могла разделить с ним его наслаждение. Для нее все это место погрузилось в печаль.

Аскс

Портретист даже не стал просить отдыха после тяжелого пути от пристани Канду. Он немедленно принялся за работу, начал готовить материалы — кислоты и твердые металлические пластинки, настолько неподвластные ходу времени, что они становились недопустимыми по законам Общины. Однако для шантажа они прекрасно подходят.

Здесь уже находились и другие представители его гильдии, которые явились на собрание, чтобы продавать бумажные изображения посетителей, мастеров гильдий, победителей игр — всякого, кто пожелает тщеславно сохранить свой портрет на всю жизнь или в течение двух поколений. Некоторые из этих ловцов сходства предлагали и изображения чужаков, но с какой целью? Бумажные портреты созданы так, что блекнут и разлагаются, они не продержатся целые эпохи.

Лучше не рисковать: чужаки могут их увидеть и тем самым откроют некоторые наши тайные умения.

Но Ариана, Блум и молодая Сара Кулан, кажется, явились с чем-то совершенно иным, не правда ли, мои кольца? Несмотря на усталость после дороги, Блум сразу выступил перед нами, демонстрируя *дагерротип.* Неправдоподобно точное изображение на металлической пластинке с бороздками, возрастом в несколько столетий. Уд-Джа с дрожью разглядывала точное изображение великой татуированной воительницы древности.

— Если мы попробуем, необходимо соблюдение тайны. Наши враги не должны знать, как мало у нас таких изображений, — заметил Фвхун-дау, когда осы тайны заполнили нашу маленькую палатку для секретных совещаний. Их дрожащие крылья ярко блестели. — Небесные боги должны решить, что у нас надежно спрятаны сотни таких пластинок — спрятаны далеко отсюда, там, где они никогда не смогут их найти.

— Верно, — добавил Вуббен. Его глазные стебельки исполняли танец осторожности. — Но нужно кое-что еще. Чтобы это сработало, нужно не просто изображение лиц людей-чужаков. Ка-

кой толк нам в этом свидетельстве миллион лет спустя? На пластинках должны быть машины чужаков, заметные черты джиджоанской поверхности, а также местные животные, которых они осматривают как кандидатов на похищение.

— И их костюмы, их кричащие одеяния, — настойчиво заговорил Лестер Кембел. — Все, что может показать, что они люди– *изменники.* А не представители нашей расы на Джиджо или на Земле.

Мы все согласились с этим последним замечанием, хотя осуществить его почти невозможно. Как несколько бороздчатых пластинок могут показать столь тонкие различия, когда нас уже давно не. будет?

Мы попросили Блума расспросить наших агентов, не забывая эти критерии. И если из этого что-нибудь получится, это будет подлинное чудо.

Мы верим в чудеса, не правда ли, мои кольца? Сегодня мой/наш реук очнулся от состояния забытья. То же самое произошло с реуком Вуббена, нашего Председателя Загорания. Остальные мудрецы отметили, что их реуки шевелятся.

Можно ли это считать основанием для надежды? Или они пробуждают, как это иногда бывает с

заболевшими реуками, чтобы вскоре свернуться и умереть?

Двер

Тропа через Риммер крутая и неровная.

Во время предыдущих походов Двера на дикий восток это не имело никакого значения. В этих разрешенных мудрецами путешествиях он нес с собой только лук, карту и самое необходимое. В первый раз, сразу после того как ушел в отставку старый Фаллон, Двер был так возбужден, что буквально бежал вниз, к туманным равнинам, позволяя нести себя тяготению, с криком перепрыгивая с одной ненадежной опоры на другую.

Ничего подобного сейчас нет. Никакого оживления. Ни испытания молодости и мастерства, соревнования с дикой природой Джиджо. Это серьезное дело. Приходится вести дюжину тяжело нагруженных ослов по трудным дорогам, решительно и твердо преодолевая приступы упрямства этих животных. Двер дивился тому, как легко это проделывают торговцы-уры, когда резкими короткими свистами направляют свои вьючные караваны.

И говорят, эти твари происходят с Земли?

удивлялся он, одного за другим вытаскивая ослов из беды. Двер у совсем не нравилась мысль о своем близком генетическом родстве с такими существами.

К тому же у него есть и подопечные-люди, о которых тоже нужно заботиться в этой дикой местности.

Честно говоря, могло бы быть и хуже. Дэйнел Озава — опытный путешественник, а две женщины сильны и обладают каждая своим особенным мастерством. Тем не менее ничто на покоренном Склоне не может сравниться с таким походом. Двер у все время приходилось идти вперед или назад вдоль каравана, чтобы помочь спутникам.

Он не знал, что раздражает его больше: спокойное равнодушие Лены Стронг или неловкое дружелюбие Дженин Уорли, которая часто ему улыбалась. Они были самыми очевидными кандидатами, поскольку Дженин и Лена уже были на Собрании, где добивались одобрения своей идеи "туризма". Они надеялись заручиться помощью Двера и получить поддержку мудрецов, чтобы начать переводить группы туристов через Риммер.

Иными словами, людей, у которых слишком много свободного времени и на которых подействовало чтение старинных земных книг.

Я должен был противиться этому. Даже группы, состоящие из лиц одного пола, нарушают закон о сунерах.

А теперь — я принимаю участие в плане, нарушающем закон, который я клялся защищать.

Он не мог сдержаться и все время оглядывался на двух женщин, как и они посматривали на него.

Они выглядят такими… здоровыми.

Ты теперь поистине дикарь. Научился ценить достоинства диких женщин.

В Серых холмах тоже есть женщины, но Рети говорила, что они начинают рожать в четырнадцать лет. А к тридцати у них нет больше половины зубов.

Предполагалось, что за первой группой пройдет вторая — добровольцы-изгнанники. Ради нее примерно через каждые полмидура Двер делал на заметных местах мазки пасты порла, оставляя след, по которому сможет пройти любой умеренно подготовленный житель Джиджо. В то же время галактические грабители или их всевидящие машины этот след не заметят.

Двер предпочел бы остаться дома и вместе с другими солдатами милиции Шести готовиться к безнадежному сражению с чужаками. Но он

лучше всех подготовлен для того, чтобы вести эту экспедицию в Серые холмы, и он дал Дэйнелу слово.

И вот в конце концов я все-таки стал гидом, думал он.

Если бы только он чувствовал, что поступает правильно.

Что мы делаем? Бежим туда, где нам не место, точно как наши грешные предки? У Двера от таких мыслей болела голова. *Только бы Ларк не узнал, что я делаю. Это разобьет ему сердце.*

Когда они из гор вышли в высокогорную степь, идти стало немного легче. Но, в отличие от других своих походов, на этот раз Двер повернул на юг, к обширным просторам горькой желтой травы. И вскоре они шли по прерии, где трава доходила до колен, а у ее мелких цветов такие острые края, что люди и даже ослы должны были передвигаться в защитных кожаных покровах на ногах.

Никто не жаловался и даже не говорил о неудобствах. Дэйнел и остальные без вопросов приняли его руководство, шли рядом с ослами, временами вытирая пот с краев шляп и воротников. К счастью, разбросанные островки настоящего леса помогали Дверу переводить караван от одного источника воды к другому, оставляя знаки для

следующей группы.

Рети должна была проявить немалое упрямство, чтобы преодолеть все это, гонясь за проклятой птицей.

Двер предложил подождать девушку.

— Она будет вашим настоящим проводником, — сказал он Дэйнелу.

— Нет, — возразил Дэйнел. — А ты бы ей доверился? Она может увести нас в сторону, чтобы защитить своих близких.

Или чтобы никогда не видеть их снова. Тем не менее Двер очень хотел, чтобы Рети вернулась вовремя, до выхода группы. Ему не хватало ее мрачноватого сарказма и всего остального.

За час до заката он сделал знак остановиться в большом оазисе.

— Горы рано отрезают дневной свет, — сказал он спутникам. На западе вершины уже окружал желто-оранжевый ореол. — Вы втроем очистите источник, накормите животных и разбейте лагерь.

– А ты куда идешь? — резко спросила Лена Стронг, вытирая лоб.

Двер отстегнул свой колчан.

— Поищу чего-нибудь на ужин.

Она показала на кажущуюся безжизненной

степь.

— Что, здесь?

— Стоит попробовать, Лена, — сказал Дэйнел, срубая палкой стебли желтой травы. — Ослы не могут это есть, и нам зерна должно хватить до холмов, где они смогут пастись. Немного мяса для нас четверых может очень помочь.

Двер не стал ничего добавлять к этому. Он пошел вниз по узкой звериной тропе, обходя заросли высокой травы. Пришлось пройти довольно далеко, чтобы избавиться от запаха ослов и не слышать голосов спутников.

Опасно шуметь, когда вселенная полна существ сильнее тебя. Но людей это никогда не останавливало, верно?

Он принюхивался и следил за раскачиваниями высокой травы. В такой прерии еще важнее охотиться против ветра — не только из-за запаха, но и потому, что ветер уносит шум продвижения — в данном случае от выводка перепелов. Он слышал впереди, всего в десятке с небольшим метров, как эти птицы перекликаются и царапают землю.

Двер наложил стрелу и старался ступать как можно тише, задерживая дыхание, пока не стали слышны и другие звуки: скрежет когтей о землю… резкие удары клювом по семенам… мягкое

материнское квохтанье… ответный писк птенцов, ищущих пернатую грудь… легкое дыхание молодых птиц-часовых, сообщающих, что вокруг все спокойно. Все хорошо.

Вдруг один из часовых изменил свой отчет. Пробный сигнал тревоги. Двер прижался к земле и застыл. К счастью, сумерки сгущаются у него за спиной. Если он хоть еще немного не спугнет их…

Неожиданный шум поднял птиц, они взметнулись в воздух. *Другой хищник,* понял Двер, поднимая лук. Большая часть выводка рассыпалась в траве и исчезла, но несколько птиц по спирали поднимались в воздух, отвлекая врага, спасая мать с птенцами. Двер быстро выпустил несколько стрел, сбив одного, потом другого часового.

Шум стих так же быстро, как начался. Степь снова выглядела так, словно ничего не случилось.

Двер повесил лук на плечо и достал мачете. Теоретически в такой траве не может спрятаться хищник, который стал бы для него серьезной угрозой, кроме, разве, корневого скорпиона. Но существуют легенды о необычных и страшных существах, которые водятся к юго-востоку от

Склона. Да и изголодавшийся лиггер может быть опасен.

Двер отыскал место, где упала птица.

Лена на какое-то время будет довольна, думал он, понимая, что, возможно, отныне ему всю жизнь придется этим заниматься.

Возле того места, где он подстрелил вторую птицу, снова закачалась трава. Двер бросился вперед, держа мачете наготове.

— О нет, ты, вор!

Он резко затормозил, увидев гладкое существо с черным мехом, которое сжимало в челюстях второго перепела. Окровавленная стрела свисала в траву.

— Это ты, — вздохнул Двер, опуская нож. — Я мог бы и догадаться.

Темные глаза Грязнолапого блестели так красноречиво, что Двер вообразил себе его ответ:

Верно, босс. Рад меня видеть? Не благодари меня за то, что я поднял птиц. Просто в награду я возьму себе самую сочную.

Он покорно пожал плечами.

— Ну, ладно. Но стрела мне нужна, слышишь?

Нур улыбнулся, как всегда, не показывая, насколько он понял.

Когда они направлялись к оазису, уже спусти-

лась ночь. Под защитой дерева блестел костер. Ветерок доносил запахи ослов, людей и кипящей овсянки.

Нужно держать костер небольшим, чтобы он напоминал естественный, напомнил себе Двер.

Но тут ему пришла в голову другая мысль.

Реши говорила, что нуры никогда не переходят горы. Но что этот здесь делает?

Рети не обманывала, когда говорила, что к юго-востоку от Риммера водятся целые стаи глейверов. После двух дней быстрого перехода, когда приходилось почти бежать рядом *с* ослами, Двер и его спутники увидели отчетливые следы — украшенные фигурками груды, в которых глейверы обычно прятали свои испражнения.

— Черт возьми… ты прав, — согласился Дэйнел, отдуваясь и опираясь руками о колени. С другой стороны, обе женщины совершенно не запыхались.

— Кажется… положение… еще более усложняется.

Еще бы, подумал Двер. Долгие годы работы таких охотников, как он сам, оказались напрасными. *Мы всегда считали, что заросли желтой травы могут преодолеть только хорошо экипированные путники, но не глейверы. И поэтому все*

поиски вели дальше к северу.

На следующий день Двер сделал знак остановиться, увидев на расстоянии стадо глейверов, кормящихся в конце заросшего кустарником вади — высохшего русла реки. Все четверо людей с помощью бинокля урской работы, принадлежавшего Дэйнелу, рассматривали стадо. Светлокожие, с выпуклыми глазами существа как будто пожирали мясо степного галлеитора, крупного длиннорогого животного, типичного для этой местности. Туша животного лежала на участке вытоптанной травы. Это зрелище поразило всех, кроме Дженин Уорли.

— Разве ты сам не сказал, что здесь можно выжить только так? Поедая мясо животных, которые могут есть это. — Она показала на степь, поросшую жесткой желтой травой. — Глейверы просто адаптировались к новому образу жизни. Разве и нам не это же придется делать?

В отличие от Дэйнела Озавы, который с печалью покорялся необходимости, участвуя в экспедиции, Дженин почти наслаждалась ею, особенно потому, что знала: эта экспедиция может способствовать сохранению человеческой расы на Джиджо. Видя фанатичный блеск в ее глазах, Двер чувствовал, что крепкая, с квадратной

челюстью Лена Стронг ему ближе. По крайней мере Лена смотрит на все это так же, как он сам: еще одно дело, которое необходимо выполнить в мире, равнодушном к любым их желаниям.

— Это… удивительно, — ответил Дэйнел, опуская бинокль. Выглядел он расстроенным. — Мне казалось, глейверы не могут есть красное мясо.

— Приспособляемость, — резко заметила Лена. — Один из показателей предразума. Может, это означает, что они на обратном пути, снова начали долгий подъем.

Дэйнел, казалось, серьезно отнесся к такой возможности.

— Так быстро? Но в таком случае я думаю… Может ли это значить…

Двер прервал его, прежде чем мудрец смог закончить свое философское рассуждение.

— Дайте мне. — Он взял увеличивающий прибор из стекла и стволов бу. — Скоро вернусь.

Пригибаясь, он двинулся вперед. Естественно, Грязнолапый увязался за ним, сначала пробежал вперед, потом стал кружить, изображая засады. Двер стиснул зубы, но решил не показывать зверю, что реагирует на его действия. *Не обращай внимания. Может, он уйдет.*

До сих пор не выходило. Дженин как будто

очень нравилось считать Грязнолапого талисманом экспедиции. Дэйнела заинтересовала его настойчивость. А Лена Стронг тоже проголосовала против, когда Двер хотел прогнать зверя. *Он почти ничего не весит*, сказала она. *Пусть едет на осле, пока сам добывает себе пищу и не попадается мне на пути.*

Нур так и делал: старательно избегал Лену, разрешал Дэйнелу разглядывать себя и довольно урчал, когда по вечерам Дженин гладила его у лагерного костра.

А по отношению ко мне он ведет себя так, словно мои желания его раздражают.

Пробираясь к вади, Двер мысленно отмечал характерные особенности местности, состояние хрусткой травы, непостоянство ветерка. Делал он это в силу профессиональной привычки, а также на случай, если когда-нибудь эти сведения пригодятся, если понадобится преследовать глейверов с наложенными на тетиву стрелами. Иронично, что это произойдет только в случае *хороших* новостей. Если придет сообщение, что на Склоне все в порядке, что чужаки улетели и предполагаемого геноцида не было, тогда эта экспедиция превратится в традиционную миссию сбора: милиция должна будет очистить весь этот

район от всех глейверов и *людей*, предпочтительно путем пленения, но, если понадобится, то и другими способами.

С другой стороны, если случится самое худшее и все Шесть рас будут уничтожены, их маленькая группа присоединится к семье Рети, к группе изменников, ушедших в дикую местность. Под руководством Дэйнела они смирят родичей Рети и создадут мудрые спокойные традиции, чтобы жить в гармонии со своим новым домом.

И одной из таких традиций станет запрет охотиться на глейверов ради пищи.

Именно эту ужасающую несовместимость Дверу принять было трудней всего. Впрочем, у него не было выбора. *Хорошие* новости сделают его массовым убийцей. Напротив, ужасные известия превратят его в доброго соседа глейверов и людей.

Долг и смерть с одной стороны. Смерть и долг — с другой, думал Двер. *Стоит ли этого выживание?*

На небольшом возвышении он поднес к глазам бинокль. Два семейства глейверов кормятся галлейтером, а остальные как будто наблюдают. Обычно такую аппетитную тушу быстро очистили бы до скелета — вначале лиггеры или другие

крупные хищники, затем хикулы, мощные челюсти которых позволяют перемалывать кости, и наконец птицы, известные просто как стервятники, хотя они совсем не похожи на рисунки таких птиц со Старой Земли.

И сейчас на периферии видно несколько хикулов. Один из глейверов бросил камень, и звери, питающиеся падалью, отступили.

Ага. Теперь понятно, как они это делают.

Глейверы нашли уникальную возможность выжить в этой степи. Не в состоянии переварить жесткую траву или бу, есть красное мясо, они используют туши мертвых животных, чтобы привлекать тучи *насекомых со* всей окружающей местности. Одни поедают этих насекомых, а другие в это время отгоняют конкурентов.

Глейверы наслаждались, поднося извивающихся насекомых к выпуклым глазам, потом сжимая их челюстями. Двер никогда не видел, чтобы глейверы действовали с таким… *энтузиазмом.* Они не бывают такими там, где их считают святыми придурками и позволяют рыться в помойках Шести.

Грязнолапый посмотрел в глаза Дверу, в его взгляде было отвращение.

Ифни, какие свиньи! Не напасть ли на них прямо

сейчас? Прогнать их, босс. И вернуть к цивилизации, хотят они того или не хотят.

Двер сдержал свое воображение. Вероятно, нуру просто не понравился запах.

Но он все же негромко отругал Грязнолапого.

— Кто ты такой, чтобы находить других отвратительными, мистер-оближи-себя-с-ног-до-головы? Пошли. Расскажем остальным, что глейверы все же не стали хищниками. И нам нужно идти, если хотим оставить к вечеру эту траву за собой.

Аскс

Новое сообщение пришло с юга, от кузнеца из мастерской на горе Гуэнн.

Сообщение краткое и дошло с искажениями, потому что частично передавалось с горы на гору неопытными сигнальщиками, которые начали восстанавливать систему семафоров.

Очевидно, чужаки посещают рыбачьи деревушки и гнездовья красных квуэнов, всюду целенаправленно расспрашивая. Они даже опустились на воду далеко от берега и расспрашивали экипаж мусорного корабля, который возвращался домой после выполнения святой работы в Помойке. Очевидно, грабители считают

себя вправе садиться повсюду и задавать нашим гражданам вопросы о “необычных зрелищах, странных существах или огнях в море”.

Нужно ли нам сочинить историю, мои кольца? Выдумать каких-нибудь страшных морских чудовищ, чтобы заинтересовать наших непрошеных гостей и, возможно, на какое-то время отсрочить свою судьбу?

И если мы это сделаем, как поступят они, когда узнают правду?

Ларк

Все утро Ларк работал с Линг. Он нервничал, и напряжение усиливалось из-за того, что он не должен был его показывать. Если повезет, скоро у него будет возможность все сделать. Но задача трудная. Необходимо шпионить по просьбе мудрецов и одновременно добывать информацию для собственных целей.

Расчет времени необыкновенно важен.

Палатка оценки кипит деятельностью. Половина павильона занята клетками, изготовленными ремесленниками-квуэнами из местного бу. В клетках образцы, привезенные со всей этой части Джиджо. Большой штат людей, уров и хунов

постоянно следит за тем, чтобы животные были сыты, напоены и здоровы; несколько г'кеков проявляют необычные способности, заставляя животных проходить многочисленные лабиринты и выполнять другие тесты. Работают они под присмотром роботов, которые дают точные инструкции на "четком безупречном Галактическом два. Ларку ясно дали понять, что большое отличие — предложение работать *непосредственно* с одним из звездных людей.

Его вторая воздушная экспедиция оказалась еще более утомительна. Трехдневное путешествие началось с полета в море, совсем низко над синими глубинами Помойки, потом перелеты с острова на остров длинного, вытянутого вдоль берега архипелага. Там отловили множество разнообразных форм жизни, каких Ларк никогда раньше не видел. К его удивлению, полет оказался и гораздо более приятным, чем первый.

Прежде всего, Линг вела себя менее снисходительно: они уже какое-то время работали вместе и научились ценить мастерство друг друга. Больше того, Ларку было невероятно интересно наблюдать, как много достигла эволюция всего за миллион невозделанных лет. Каждый остров превратился в миниатюрный биологический

реактор, порождающий замечательные вариации. Там водились нелетающие птицы, которые отказались от воздуха, и ползучие рептилоиды, которые, казалось, вот-вот отрастят крылья. Млекопитающие, волосы которых превратились в защитные роговые выросты, и зиллы, чья шкура из пушистого торга блестела такими цветами, которых никогда не увидишь у их невзрачных континентальных родичей. Только позже Двер догадался, что это разнообразие было заложено с самого начала последними законными обитателями Джиджо. Наверно, буйуры засеяли каждый остров различным генетическим материалом, поставив очень длительный эксперимент.

Линг и Беш часто приходилось оттаскивать его, когда приходило время покидать район образцов, а Кунн в это время раздраженно бормотал у своей консоли: очевидно, он бывал доволен только в воздухе. При приземлении Ларк всегда первым бросался к люку. И на какое-то время дурные сны и предчувствия забылись за радостью открытий.

И все же, когда они возвращались домой — это был еще один неожиданный крюк над морем, — Ларк задумался. *Путешествие было замечательным, но зачем мы его проделали? Чего они надеются достичь? Еще* до того как люди

покинули Землю, биологи знали: для развития высших форм жизни нужны большие пространства, предпочтительно континенты. Несмотря на обнаруженное на островах архипелага огромное разнообразие, здесь нет ни одного животного, которое звездные люди могли бы рассматривать как кандидата на возвышение.

Когда на следующее утро он присоединился к Линг, та объявила, что они снова будут анализировать горных животных — сразу после ланча. Беш уже занялась интенсивным исследованием глейверов. Она явно радовалась возвращению к работе над своим лучшим проектом.

Глейверы. Парка поразила ирония происходящего. Но он не стал задавать вопросы, выигрывая время.

Наконец Линг отложила схему, над которой они работали — схема повторяла многие подобные, висящие на стенах его кабинета в деревне Доло, — и отвела Ларка к столу, где машины предлагали еду звездных людей. Здесь было очень светло, поэтому Ларк украдкой кивнул невысокому человеку, который чистил клетки животных. Светловолосый человек отошел к груде деревянных ящиков, в которых переносили корм для шумного зоопарка пойманных созданий.

Ларк сел с южного конца стола, так чтобы не закрывать от человека Линг, Беш и все, что за ними. Особенно Линг. Чтобы сработало, он должен как можно дольше удерживать ее на месте.

— Беш, кажется, считает, что вы нашли первоклассного кандидата.

— Ммм? — Темноглазая женщина подняла голову от сложной машины, предназначенной исключительно для производства одного напитка. Ларк попробовал этот горький напиток и решил, что он назван подходяще — *кха-фе.*

– Что нашли? — Линг помешивала ложечкой горячий напиток, опираясь на край стола.

Ларк показал на предмет изучения Беш, довольно жующий жвачку. На его голове сложное устройство просеивало нейроны. Было большое возбуждение, когда Беш поклялась, что слышала, как глейвер “повторил” два слова. Сейчас Беш внимательно вглядывалась в микроскоп, легкими точными движениями рук направляя мозговой зонд. Сидела она совершенно неподвижно.

— Я думаю, глейверы — это то, что вы ищете, — продолжал Ларк.

Линг улыбнулась.

– Будем знать точнее, когда вернется наш ко-

рабль и мы сможем провести более глубокий анализ.

Краем глаза Ларк видел, как маленький человек открыл отверстие в одном из ящиков. Слегка блеснуло стекло.

— А когда вернется корабль? — спросил он, продолжая удерживать внимание Линг. Ее улыбка стала шире.

— Я бы хотела, чтобы меня перестали об этом спрашивать. Можно подумать, что у вас есть причина этого опасаться. Какое вам дело до того, когда вернется корабль?

Ларк по-хунски надул щеки, но потом вспомнил, что для нее этот жест ничего не значит.

— Небольшое предупреждение было бы полезно, только и всего. Чтобы приготовить по-настоящему большой торт, нужно время.

Она усмехнулась — охотней, чем того заслуживает шутка. Ларк научился не сердиться каждый раз, как чувствовал, что к нему относятся покровительственно. И во всяком случае, Линг не будет смеяться, когда архивы вернувшегося корабля покажут, что глейверы, их главный кандидат на возвышение, когда-то уже были галактическими гражданами и, возможно, все еще летают где-то в захолустье космоса во второсортных кораблях.

Но найдутся ли эти сведения в записях на борту звездного крейсера? Согласно древнейшим свиткам, глейверы происходят от малоизвестной расы среди мириадов разумных кланов Пяти Галактик. Может быть, подобно г'кекам, они уже вымерли и их никто не помнит. И сведения можно найти только в холодных пространствах крупнейших секторных отделений Библиотеки.

Возможно, это и есть момент, предсказанный давным-давно сагой глейверов, задолго до появления людей на Джиджо. Время, когда возвращенная невинность очистит их расу, искупит грехи и даст им драгоценный второй шанс. Новое начало.

Если так, то они заслуживают лучшей участи, чем быть принятыми шайкой воров.

– Предположим, они окажутся во всех отношениях подходящими. Вы заберете их с собой, когда улетите?

– Вероятно. Группу примерно в сто особей, способных размножаться.

Периферическим зрением он видел, как маленький человек закрывает объектив камеры. С довольной улыбкой Блур, портретист, небрежно поднял ящик и вынес наружу через задний клапан палатки. Ларк чувствовал, как спадает

напряжение. На фото лицо Линг может быть слегка размытым, но одежда и тело получатся хорошо, несмотря на длительную выдержку. А если повезло, Беш, глейвер, робот и спящий горный житель все это время оставались неподвижными. Горный хребет, видный через входное отверстие, укажет место съемки и время года.

— А что с остальными? — спросил он, чувствуя облегчение оттого, что теперь можно думать лишь об одном.

— Что ты имеешь в виду?

— Что случится со всеми оставшимися глейверами? Ее темные глаза сузились.

— А что с ними может случиться?

— Действительно, что? — Ларк неловко поерзал. Мудрецы предупреждали, что нужно сохранять атмосферу напряженной двусмысленности, но не противиться откровенно планам чужаков. Но он уже выполнил просьбу мудрецов и помог Блуру. А Харуллен и остальные еретики тем временем вынуждают Л арка получать ответы. Они должны принять решение, помогать ли фанатикам в осуществлении их тайного плана.

— Тогда… остается вопрос о всех нас.

— О вас? — Линг подняла брови.

— О нас, Шести. Когда вы найдете то, что ищете,

и улетите, — что будет с нами? Она застонала.

— Не могу сосчитать, сколько раз меня уже спрашивали об этом!

Ларк удивился.

— Кто?…

— А кто не спрашивал? — Она раздраженно перевела дыхание. — По крайней мере каждый пациент из тех, кого мы лечим в клинике, старается выведать, как мы *сделаем это.*

Что означает: мы собираемся убить все разумные существа, когда улетим с планеты! Будем ли мы мягкими? Или смерть придет в виде огненных шаров с неба в день нашего отлета? Это повторяется так часто, что иногда мне хочется… Ах! — Она сжала кулак, и на ее обычно сдержанном спокойном лице отразилось раздражение.

Ларк помигал. Он собирался задать именно такие вопросы.

— Народ испуган, — начал он. — Логика ситуации…

— Да, да, знаю, — нетерпеливо прервала его Линг. — Если мы явились, чтобы украсть на Джиджо предразумные формы жизни, мы не можем оставлять свидетелей. И в особенности нельзя оставлять туземных представителей того вида, который мы крадем! Не понимаю, кто вам вбил в

голову такие мысли?

Мы их получили из книг, едва не ответил Ларк. *И нас предупреждали предки.*

Но, действительно, можно ли доверять этим сведениям? Самые подробные указания погибли в огне вскоре после прилета людей. И разве не были люди в те дни новичками в галактике, испуганными почти до паранойи? И разве не самые параноидальные погрузились в “Обитель”, чтобы контрабандой проникнуть на запрещенную планету и спрятаться на ней?

Может быть, опасность преувеличена?

— Серьезно, Ларк, почему мы должны бояться того, что скажет о нас кучка сунеров? Вероятность того, что в следующие сто тысяч лет на Джиджо явятся инспекторы Институтов, очень мала. А к тому времени, когда они явятся, если вы все еще будете здесь, наше посещение растворится в туманных легендах. Нам нет необходимости совершать геноцид — даже если бы мы смогли заставить себя совершить такой ужасный поступок.

Впервые Ларк заглянул за обычную маску сухой насмешливости Линг. Либо она искренне верит в свои слова, либо она очень искусная актриса.

— Как же вы надеетесь принять предразумные

виды, найденные здесь? Вы ведь не сможете объявить, что взяли их на запретной планете?

– Наконец разумный вопрос. — Казалось, Линг испытывает облегчение. — Признаю, это будет нелегко. Их нужно для начала поместить в экосистему со всеми необходимыми симбионтами и другими свидетельствами того, что они здесь находятся давно. Потом придется немного подождать…

— Миллион лет?

Линг снова слегка улыбнулась.

— Не так долго. У нас есть ряд преимуществ. Одно из них — на большинстве планет биоархивы представляют собой мешанину филогенетических аномалий. Несмотря на правила, запрещающие вредные скрещивания, каждый раз как новый звездный клан выигрывает право на планету, он неизбежно завозит свои любимые растения и животных вместе с многочисленными паразитами и прочими нахлебниками. Возьмем, например, глейверов. — Она кивнула. — Я уверена, мы найдем место, где в прошлом были аналогичные гены.

Теперь настала очередь Ларка бегло улыбнуться. *Вы и половины всего не знаете.*

– Так что видишь, — продолжала Линг, — не

важно, останется ли местное население на Джиджо, если у нас будет время модифицировать найденное поголовье, искусно увеличив очевидный уровень генетических расхождений. И это все равно произойдет, когда мы начнем процесс возвышения.

Итак, понял Ларк, *даже если грабители найдут глейверов неподходящими, у них будет несколько других перспективных видов и они все равно останутся с прибылью.*

Больше того, они совершенно в себе уверены и не видят в своем поведении ничего преступного.

— А другие преимущества? — спросил он.

— А вот это уже настоящая тайна. — Глаза женщины блеснули. — Видишь ли, все дело в *мастерстве.*

– В мастерстве?

— Со стороны наших благословенных патронов. — Теперь в ее голове звучали почтительные нотки. — Понимаешь, ротены большие мастера в таких делах. И доказательством их величайшего успеха является человеческая раса.

Вот оно опять, упоминание о таинственном клане, к которому с такой преданностью относятся Линг, Ранн и все остальные. В этом пункте звездные люди становились скрытными. Линг да-

же ясно дала понять, что ротены — не настоящее имя. Но со временем она и остальные становились разговорчивей, словно не могли сдержать свою гордость.

Или не боятся, что их рассказ распространится.

— Представь себе, они сумели возвысить человечество в полной тайне, тонко изменив все записи в Институте Миграции, так что наша родина, Земля, оставалась нетронутой в своем статусе невозделанной планеты невероятно долго — *полмиллиарда* лет! Их мягкое руководство оставалось незамеченным даже нашими предками, которые верили в фантастическую, но полезную иллюзию, будто возвысились самостоятельно!

— Поразительно, — согласился Ларк. Он никогда не видел Линг такой оживленной. Ему хотелось спросить: *Но как это стало возможно!* Но это значило бы, что он сомневается, а Ларк хотел, чтобы ее открытость сохранилась. — Конечно, самовозвышение невозможно, — подтолкнул он.

— Абсолютно. Это известно с легендарных дней прародителей. Эволюция может подвести вид к предразуму, но для последнего прыжка нужна помощь другой расы, которая его уже совершила. Такой принцип обязателен для всех кислородо-

дышащих рас Пяти Галактик.

— А почему наши предки верили в то, что возвысились

сами?

— О, наиболее проницательные всегда подозревали, что нам помогли извне. Это объясняет основы всех религий. Но истинный источник нашего дара разумности оставался неизвестным, пока нас вели невидимые руки. Только даникиты — ранние предшественники нашей группы — знали эту тайну.

— Но Тергенский совет.

— Террагентский совет. — Ее голос был полон презрения. — Эти идиоты, которые правили Землей и ее колониями все опасные годы? Их упрямство не имеет значения. Даже безумный полет “Стремительного”, попытка отправить половину фанатиков во вселенную, жаждущую крови землян, даже это кончилось благополучно, вопреки террагентским придуркам. Об этом позаботились ротены. Так что не волнуйся.

Ларк не волновался. Не в таком масштабе, в котором она мыслила. И не до этого момента. Но теперь ее слова не показались ему обнадеживающими.

Из других разговоров с небесными людьми,

даникитами, мудрецы уже уловили намеки на какой-то серьезный кризис, разразившийся в Пяти Галактиках. Возможно, это даже объясняет, почему генные грабители оказались здесь именно сейчас: они воспользовались сумятицей, чтобы заняться своим делом.

Но как слабый клан землян мог вызвать такое волнение? удивлялся Ларк.

С некоторым усилием он отодвинул эту мысль в сторону: сейчас есть более настоятельные проблемы.

— А когда ротены открыли правду вам… даникитам?

— Гораздо раньше, чем ты мог бы подумать, Ларк. Еще до того, как твои предки вылетели в разваливающемся корабле в безумной попытке поселиться на этой планете. Вскоре после того как человечество вышло в космос, ротены избрали несколько мужчин и женщин, чтобы сообщить им слово. Это были те, кто уже верил и бодрствовал. Некоторые из них остались на Земле, чтобы тайно руководить расой, другие получили право жить с ротенами в славе, помогая им в их работе.

— А что это за работа?

У Линг было такое выражение, которое Ларк

видел иногда на лицах тех, кто возвращается из паломничества к Яйцу в тех благословенных случаях, когда Яйцо издает святую музыку. Выражение человека, испытавшего нечто величественное.

— Конечно, спасать других. И заботиться о будущем. Ларк решил, что она совершенно погружается в мистику.

— А мы встретимся с ротенами?

Пока она размышляла о просторах пространства и времени, взгляд ее был рассеянным. Теперь он снова стал сосредоточенным, глаза женщины жестко блеснули.

– Если повезет, возможно. Вообще некоторым из вас повезет так, как вы и не мечтали.

Or намека, который он уловил в ее последних словах, у Ларка закружилась голова. Неужели то, что он заподозрил, правда?

Этим же вечером при свете свечи он еще раз проделал свои вычисления.

По самым точным нашим измерениям объем звездного корабля примерно полмиллиона кубических метров. Если сложить всех людей, как замороженную древесину, мы можем войти — при этом ни для чего другого места не останется.

Когда он в первый раз занялся такими вычислениями, у него была очень простая цель: он хотел прекратить слухи, ходившие среди молодых поселенцев уров и квуэнов, что люди скоро покинут Джиджо. Он показал, что самой молодой расе поселенцев физически невозможно бросить Общину, получив билет в небо. По крайней мере на этом одном корабле.

Но она сказала “некоторые из вас”…

Даже погрузив на борт сотни червей-уонк, долгокрылых или глейверов, они все еще найдут место для нескольких родичей. Тех, кто оказался полезен.

Когда ему предлагают подкуп, Ларк понимает, что это такое.

Как ни осуждал он предков за то, что они решили сюда прилететь, Ларк любил эту планету. И если покинет ее, всегда будет скучать.

Но если бы дела обстояли по-другому, я бы, конечно, улетел. Да и кто не согласился бы?

Фанатики правы. В наши дни ни одному человеку нельзя полностью доверять. Каждый из нас может быть подкуплен предложением, которое даст ему возможность стать богом.

На самом деле он не знает, что собираются делать фанатики. Знает только, что они счи-

тают возможным действовать без совета или одобрения пришедших в смятение мудрецов. Конечно, среди заговорщиков есть и люди. Чего можно достичь без умений и знаний землян? Но во внутренний круг мужчины и женщины не допускаются.

Так что же я узнал?

Он посмотрел на чистый листок бумаги. Разумеется, у мудрецов и фанатиков есть и другие шпионы. Даже Харуллен должен подстраховаться. Тем не менее Ларк знал, что к его словам прислушиваются.

Если Линг говорит правду и фанатики ей поверят, они могут остановить подготовку своих планов. Какое им дело до нескольких глейверов или скальных жителей, которых увезут с планеты, если чужаки оставят нас в мире и мы будем жить как прежде?

Но что если Линг лжет? Фанатики упустят лучшую возможность для удара?

С другой стороны, никто не поверит Линг, а она говорит правду. Фанатики нападут, потерпят поражение и вызовут именно ту реакцию, которой опасались.

И противоположная крайность: некоторые из самых рьяных еретиков приветствуют соб-

ственное уничтожение вместе с гибелью всех Шести. Многие хуны и уры из общества Харуллена мечтают о таком великолепном конце: урские отступники — из-за своей горячей крови, хуны — именно потому, что они медлительны, но когда принимают решение, их ничто не остановит.

Если наши экстремисты поверят, что у группы Линг хватит решимости так поступить, они могут специально спровоцировать геноцид! Вопреки его призывам к Шести уступить право на Джиджо с помощью консенсуса и контроля за рождаемостью.

А еще этот план шантажа чужаков. Ларк помог Блуру провести съемку скрытой камерой, но понимают ли мудрецы, как этот план может ударить по ним самим?

Неужели они считают, что им нечего терять?

Ларк потер щетинистый подбородок, чувствуя себя уставшим и старым. *Какую запутанную паутину мы плетем,* думал он. Облизнул кончик пера, окунул в чернильницу и принялся писать.

Незнакомец

В этом месте ему хочется смеяться. И плакать.

Так много книг — он даже вспомнил, каким словом они называются, — громоздятся вокруг, ряд за рядом, исчезая за углом или на извилистых рампах. Книг, переплетенных в кожу неведомых животных, заполняющих воздух странными запахами, особенно когда она перелистывает какой-нибудь том, наобум снятый с полки, и вдыхает запах бумаги и чернил.

Это зрелище что-то затрагивает в нем, вызывает воспоминания более эффективно, чем все остальное с *того момента, как он пришел в сознание.*

Неожиданно он вспоминает похожий книжный шкаф в его комнате, когда он был совсем молодым... и тут же вспоминается шорох переворачиваемых бумажных страниц, покрытых яркими картинками. Он вспоминает, что взрослые нечасто пользовались книгами. Взрослым нужны машины. Машины, которые разговаривают с вами быстрее, чем способен услышать ребенок, или направляют мерцающие лучи прямо в зрачок, мгновенно наполняя сознание сведениями. Это одна из причин, почему он предпочитал прочные обещания бумаге: здесь любимый рассказ не рассеется как дым и не исчезнет, когда потемнеет информэкран.

Всплывает еще одно детское воспоминание — он держит мамину руку, и они идут по месту, полному важными занятыми людьми. Стены покрыты переплетенными томами, очень похожими на книги, которые окружают его сейчас. Большие книги без картинок, полные черных неподвижных точек. В этих книгах только слова, и больше ничего. Мать объясняет, что этими книгами больше никто не пользуется. Но они сохраняются как украшение многих самых священных и важных для людей мест.

Они напоминают… напоминают о чем-то, что он не может вспомнить. О чем-то очень важном. Это он помнит.

Он терпеливо ждет, пока две женщины: Сара и Ариана Фу — закончат свои дела и вернутся. А тем временем рисует на листкахзамечательной, почти светящейся бумаги, вначале подправляет рисунки, сделанные на борту парохода, потом пытается передать причудливую перспективу каменной пещеры, защищающей деревянные строения от неба. Крыша этой пещеры опирается на невероятные, массивные каменные столбы.

Теперь ему легче вспомнить некоторые имена, и он знает, что Прити приносит ему чашку воды, а потом проверяет, хорошо ли застегнута

одежда. Ее руки словно пляшут перед ним, и он пытается сделать то же самое. И зачарованно смотрит, как пальцы движутся независимо от его воли или приказа. Смотреть на это было бы страшно… если бы Прити неожиданно не улыбнулась широко и не хлопнула его по колену, разразившись хриплым восторженным хохотом шимпанзе.

Он чувствует прилив радости: его шутка ей понравилась. Хотя в то же время испытывает легкое замешательство оттого, что руки не собираются и ему объяснять смысл этой шутки.

Ну, ну. Руки как будто знают, что делают, и он испытывает удовлетворение их работой. Теперь они снова берут карандаш, и он теряет ощущение времени, сосредоточившись на движениях карандаша, на переплетении линий и теней. Когда вернется Сара, он будет готов к тому, что будет дальше.

Может быть, ему даже удастся найти способ спасти ее и ее народ.

Может быть, именно это его руки сказали Прити совсем недавно.

Если это так, неудивительно, что маленький шимпанзе разразился сухим смехом, полным сомнения.

XVII. КНИГА МОРЯ

Если вам удастся пройти по тропе Избавления – быть принятыми снова и заново возвышенными, получить второй шанс, – это не будет означать конца ваших усилий.

Вначале вы должны будете проявить себя как благородные клиенты, послушные и преданные своим новым патронам, которые избавили вас.

Позже вы получите более высокий статус, увидите на горизонте проблески жизни, будете искать в других царствах, звать уставших и достойных.

Это и есть столбовой знак. Некоторые называют его – Соблазном, другие – Искушением.

Эпоха за эпохой старшие уходят в поисках троп, которых более молодые не могут увидеть.

И те, кто находит эти тропы, исчезают.

Одни называют это переходом. Другие – смертью.

Свиток Судьбы

Рассказ Олвина

Меня всегда удивляла одна особенность рассказов на англике или любом другом земном языке, которые я изучал. Как рассказчик удерживает напряженное внимание читателя.

О, некоторые авторы двадцатого и двадцать первого века отлично умели это делать. Бывало, что я не спал по три ночи подряд, читая какую-нибудь книгу Конрада или Кунина. И с тех пор как решил сам стать писателем, все думаю, как это им удавалось.

Возьмем, например, рассказ, который я пишу все последнее время, когда есть возможность полежать на жесткой палубе с блокнотом. Блокнот в уголках уже весь потрепался, я пишу в нем хунского размера буквы изжеванным карандашом, который сжимаю в кулаке. С самого начала я пишу “от первого лица” — как дневник — и пытаюсь использовать все хитроумные трюки, которые усвоил во время чтения за эти годы.

Почему от первого лица? Согласно “Правилам

сочинения" Андерсона, такой способ позволяет легче представить читателю единую, цельную точку зрения, хотя, если мою книгу переведут на язык треки, все придется поменять, чтобы они что-нибудь поняли.

Но проблема с первым лицом в рассказе вот в чем: идет ли дело о реальном случае или о вымысле, *вы знаете, что герой уцелел!*

И вот на протяжении всех событий, о которых я собираюсь вам рассказать, вы, те, кто читает мои воспоминания (если я сумею их переписать, попросить специалиста в человеческих языках исправить грамматику и заплатить за перепечатку), вы уже знаете, что я, Олвин Хф-уэйуо, сын Му-фаувка и Йофг-уэйуо, из порта Вуфон, бесстрашный исследователь, просто обязан выжить в том происшествии, которое начинаю описывать, сохранив по крайней мере один мозг, один глаз и одну руку, чтобы все это записать.

Несколько ночей я лежал без сна, пытаясь обойти эту проблему при помощи другого языка. Есть, например, Галсемь, но на нем не передашь события в прошедшем времени. А неопределенные склонения в буйурском диалекте Галтри такие необычные. Да и для кого я это пишу? Только Гек умеет читать на Галтри, а получить похвалу

от Гек — все равно что поцеловать собственную сестру.

Итак, в тот момент, когда я прервал свой рассказ, воды Трещины покрыты пеной. Острая тень Окончательной скалы разрезает океан в том месте, где по-прежнему извиваются трос и шланги, взбивая обычно спокойную поверхность. Они бьются с энергией, высвобожденной несколько мгновений назад в момент катастрофы.

Слишком легко представить себе, что происходит с “Мечтой Вуфона”, нашим маленьким кораблем, созданным для исследования огромных глубин внизу. Сам не желая этого, я представляю себе полую деревянную трубу, колеса ее бесцельно вращаются, выпуклый стеклянный нос лопнул, лодка погружается в бездонную пропасть, таща за собой обрывок троса, унося Зиза, маленькую неполную груду колец треки, к гибели вместе с собой.

И как будто этого недостаточно, мы не можем забыть вид Хуфу, нашего талисмана-нура, отброшенного раскачивающейся стрелой крана, кричащего и вращающегося в воздухе, пока крошечное животное не исчезает в голубых водах Трещины. Как мог бы сказать земной тезка Гек: “Зрелище было невеселое. Неудачная ставка”.

Долгое время все просто смотрели. Я хочу сказать, что еще мы могли сделать? Молчали даже протестанты из порта Вуфон и из Долины. Если кто-то и радовался неудаче еретиков, то был достаточно благоразумен, чтобы не демонстрировать эту радость.

Мы все попятились от края обрыва. Какой смысл вглядываться в бархатно-гладкую могилу?

— Вытащить трос и шланг, — приказала Ур-доннел. Вскоре барабаны начинают вращаться в противоположную сторону, сматывая то, что с такой надеждой разматывалось всего несколько дуров назад. Тот же хунский голос выкрикивает глубины, но на этот раз числа становятся все меньше и в горловом баритоне не слышно радостного энтузиазма. Наконец, при счете два с половиной кабельтовых, из воды показывается измочаленный конец троса. С него стекает вода, как жидкая лимфа из перерезанного щупальца треки. Те, кто вращает барабан, ускоряют свои движения: всем не терпится посмотреть, что случилось.

— Кислотный ожог! — пораженно восклицает Ур-ронн, когда перерезанный конец показывается на верху утеса. Ур-ронн в гневе кричит: — Саботаж!

Урдоннел не торопится с заключением, но продолжает поворачивать узкую голову как змея, от перегоревшего кабеля к толпе протестующих на утесе, которые смотрят на нашу трагедию. Ясно, что у помощницы кузнеца те же страшные подозрения.

– Убирайтесь отсюда! — гневно кричит Гек, катясь к диссидентам и разбрасывая колесами гравий. Она едва не наезжает на ноги нескольких людей и хунов, которые нервно пятятся. Даже пара красных убирает бронированные ноги, отступая на один-два шага, хотя хрупкий г'кек не может быть угрозой для квуэна. Потом они снова движутся вперед с шипением и щелканьем.

Мы с Клешней бросаемся к Гек. Все могло бы кончиться плохо, но тут нам на помощь приходят могучие урские кузнецы с горы Гуэнн, размахивающие дубинками, готовые силой отстоять Гек. Толпа рассеивается, покидает рабочую площадку, направляясь к своему импровизированному лагерю.

— Ублюдки! — кричит им вслед Гек. — Джикии убийцы!

Не по закону, думаю я, все еще не оправившись от шока. Ни Хуфу, ни маленький Зиз, строго говоря, не являются гражданами Общины. Даже

почетными, подобно глейверам или представителям видов, которым угрожает вымирание. Так что это не убийство.

Но, по моему представлению, достаточно близко к убийству. Я сжимаю кулаки, чувствуя, как наполняется тело боевыми гормонами. Гнев в хуне разгорается медленно, но, когда он вспыхнул, погасить его трудно. Мне неприятно вспоминать, что я тогда чувствовал, хотя мудрецы говорят: важно не то, что ты чувствуешь, а то, как ведешь себя в результате твоих чувств.

Никто не произнес ни слова. Какое-то время мы все пребываем в подавленном состоянии. Урдоннел и Ур-ронн спорят о том, какое послание нужно отправить Уриэль.

И тут от горя нас отрывает резкий пронзительный свист сзади, со стороны моря. Повернувшись, мы видим Клешню, который смело стоит на самом краю, выдувает воздух из щелей на трех ногах, в то же время подзывая нас двумя когтями.

— Смотрите-трите-трите! — запинается он. — Гек, Ол-вин, быстрей!

Позже Гек утверждала, что сразу поняла, что имеет в виду Клешня. Ретроспективно я понимаю, что это очевидно, но в то время я понятия

не имел, что привело его в такое возбуждение. Добравшись до края, я мог только изумленно глядеть на то, что вырвалось из чрева Трещины.

Это наша лодка! Наша прекрасная "Мечта Вуфона" всплывает наверх и кажется такой мирной и спокойной в солнечных лучах. И на ее изогнутом верху видная черная маленькая фигура, мокрая и взъерошенная с носа до хвоста. И не нужно иметь зрение г'кека, чтобы понять, что наш нур не менее нас потрясен тем, что еще жив. До нас доносятся его слабые жалобы.

— Но как… — начала Урдоннел.

— Конечно! — прервала ее Ур-ронн. — Сброшен балласт! Я несколько раз мигнул.

— О, *балласт!* Хр-рм. Да, "Мечта" без него всплывает. Но на борту нет экипажа, некому дернуть рычаг. Разве что…

— Разве что это сделал Зиз! — кончила за меня Гек.

– *Неудовлетворительное объяснение,* — вставила на Галдва Урдоннел. — *Восемь кабельтовых (тяжелого, тянущего вниз) металлического троса отягощают наше приспособление для спуска под воду, и воздушного кармана внутри корабля было бы недостаточно.*

– Хр-рм, я понимаю, в чем разница, — сказал я,

закрывая глаза руками. — Гек, а что это… что это за штука, окружающая лодку?

Снова наша подруга на колесах застыла на краю обрыва, развела два глазных стебелька и для лучшей видимости выставила третий.

— Похоже на какой-то воздушный шар, Олвин. Вся “Мечта” окутана какой-то трубкой. Она круглая — Зиз!

Это совпадало с моей догадкой. Кольцо треки, раздутое до таких размеров, какие мы себе и представить не могли.

Все посмотрели на Тиуга, мастера смесей с горы Гуэнн. Треки полного размера вздрогнул и выпустил цветное облачко, от которого пахло разрядкой напряжения.

— Предосторожность. Я/мы предприняли ее, посоветовавшись с нашей госпожой Уриэль. Предохранитель на случай непредвиденного, оказавшийся очень эффективным.

Рад, что я/мы смогли вленировать успешно. Эти кольца и те, что внизу, предвидят предстоящее празднование. Скоро. Ретроспективно.

— Иными словами-вами, — прервал его Клешня, — перестаньте вести себя как стая слепых при дневном свете глейверов. Пошли, вытащим их назад-ад-ад!

XVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, прошлые поколения интерпретировали Свитки совсем не так, как делаем сегодня мы в современной Общине.

Несомненно, каждая волна переселенцев вызывала на Склоне новый кризис веры, из которого наша вера выходила перестроенной, изменившейся.

Вначале вновь прибывшие короткое время обладали преимуществами, принеся с собой богоподобные орудия Пяти Галактик. Это преимущество сохранялось от нескольких месяцев до восьми лет. И помогало каждой расе заложить безопасный фундамент для потомков, как люди сделали в Библосе, хуны на острове Хауф, а г'кеки на горе Дуден.

Но каждый знал и свои недостатки: недостаточное для нормального развития население, неумение вести примитивное существование на неведомой планете. Даже высокомерные серые квуэны признали, что должны быть какие-то принципы или всегда будет угроза вендетты со

стороны всего остального населения. Договор Изгнания установил правила контроля над рождаемостью, укрытия и сохранения дикой природы Джиджо, а также способы уничтожения отходов. Эти основные правила действуют и сегодня.

Легко забыть, что другие проблемы были решены только после упорной борьбы.

Например, жестокое сопротивление восстановлению металлургии урскими кузнецами лишь частично основывалось на стремлении квуэнов сохранить свою монополию на инструменты. Многие куны и треки искренне верили, что эти новшества святотатственны. И до сегодняшнего дня некоторые жители Склона не притрагиваются к орудиям изпереплавленной буйурской стали и не допускают их в свои дома и деревни, сколько бы раз мудрецы не провозглашали их безопасным.

Другой пережиток этих верований можно видеть в убеждениях пуритан, которые отвергают книги. Бумагу саму по себе вряд ли можно в чем-то обвинить: она хорошо разлагается и ее можно использовать для переписки Свитков. Тем не менее есть несогласное меньшинство, которое называет сокровища Библоса в лучшем случае данью тщеславию и препятствием для тех, кто

пытается достичь блаженного невежества. В первые годы жизни людей на Джиджо эту веру эксплуатировали уры и квуэны, враги людей, пока урские кузнецы не обнаружили, что изготовление шрифтов очень выгодно. После чего увлечение книгами беспрепятственно распространилось по всему Склону.

Любопытно, что и самый последний кризис веры почти не оставил никаких последствий. Если бы не письменные отчеты, трудно было бы поверить, что на Склоне многие со страхом и ненавистью встретили появление Святого Яйца. Однако в то время серьезно призывали гильдию взрывников уничтожить его! Разрушить камень-который-поет, чтобы он не выдал наше укрытие или, еще хуже, не отвлек Шесть от следования по тропе, избранной глейверами.

“То, чего нет в Свитках, не может быть священным”.

Таким всегда было кредо ортодоксов, с самого начала времен. Но нужно признать: в Свитках нет ничего даже отдаленно напоминающего Яйцо.

Рети

Темно, жарко, душно.

Пещера Рети не понравилась.

Должно быть, сердце так колотится от затхлого, пыльного воздуха. Или от болезненных царапин на ногах, после того как она от бокового входа в закрытой зарослями бу стене утеса сползла по извилистому туннелю в подземный грот.

А может, ее заставляют нервничать *фигуры* со всех сторон. Каждый раз когда Рети поворачивалась с масляной лампой в руке, с холодных неровных каменных мертвых стен наползали тени. А неслышный голос словно произносил: *Пока... ничего! Но настоящее чудовище ждет за следующим поворотом.*

Она стиснула зубы, отказываясь слушать. Всякий, кто скажет, что она струсила, солжет!

Разве трус пробирается ночью в такое темное место? Или делает то, что ему велят не делать все эти жирные большие вожди Шести?

Карман на поясе оттягивает тяжесть. Рети просунула в него руку, чтобы погладить скорчившееся существо.

— Молчи, йии. Это всего лишь большая яма

в земле.

К ней протянулась узкая голова на извилистой шее, в неярком свете лампы блеснули три глаза. Писклявый голос возразил:

– Йии молчит! темнота хорошо! на равнинах уры-мужчины любят прятаться в дырах, пока не найдут теплую жену!

– Ладно, ладно! Я не хотела…

– Йии поможет нервничающей жене!

– Это кого ты называешь неврничающей, ты, маленький…

Рети замолчала. Может, нужно дать йии почувствовать себя нужным, если это поможет ему контролировать его собственный страх.

– Оу! не так крепко! — крикнул самец, и от стен разлетелось эхо. Рети быстро отпустила его и погладила взъерошенную гриву.

— Прости. Послушай, мы уже близко, так что больше не разговаривай, ладно?

— Хорошо! Йии замолчит, жена тоже.

Рети поджала губы. Потом гнев перешел в неудержимый приступ смеха. Те, кто говорит, что урские самцы не умны, никогда не встречался с ее “мужем”. Йии в последние дни даже сменил акцент, подражая речевым привычкам Рети.

Она подняла лампу и продолжила пробираться

по извилистой пещере, окруженная необычными минеральными формациями, отражающими свет лампы бесчисленными сверкающими фасетами. Должно быть, это красивое зрелище, если бы она не была поглощена только одним. Надо вернуть себе кое-что. То, чем она уже владела — пусть недолго.

Мой билет с этого комка грязи.

Казалось, следы Рети — первые, которые появляются на этой пыли, что неудивительно: лишь у квуэнов да у немногих людей и уров есть склонность к путешествиям под землей, а она к этому меньшинству не принадлежит. Если повезет, этот туннель приведет в большую пещеру: она несколько раз видела, как в нее заходил Лестер Кембел. Ее основным занятием было следить за главным мудрецом-человеком и одновременно избегать группу раздраженных мужчин и женщин, которые хотели, чтобы она была их проводником в горах. Точно установив, где проводит Кембел вечера, она послала маленького йии на поиски в кустах, и он нашел это боковое отверстие, которое позволяло обойти главный охраняемый вход.

Малыш уже доказал свою полезность. К удивлению Рети, замужняя жизнь совсем не так уж

плоха, когда к ней привыкнешь.

Еще долго пришлось ползти и извиваться. Временами приходилось протискиваться или съезжать по узким трубам; йии начинал жаловаться, если она его сжимала. За пределами неяркого желтого пятна от лампы слышались негромкие звуки: это вода капает в подземные бассейны, медленно вырезая из внутренностей Джиджо скульптуры. На каждом шагу Рети приходилось преодолевать сжатие в груди, подавлять воображение, которое рисовало ее во внутренностях какого-то гигантского спящего хищника. Каменная матка угрожала зажать ее со всех сторон, закрыть выходы, а потом размолоть ее в пыль.

Скоро путь превратился в узкий горизонтальный зигзаг, тесный даже для нее. Рети послала йии разведывать коридор впереди, а сама поползла, толкая лампу перед собой.

Крошечные копыта йии стучали по песчаному известняку. Вскоре она услышала знакомый хриплый шепот.

– Хорошо! Впереди отверстие, немного еще, пошли, жена, быстрей!

Его выговор заставил ее гневно фыркнуть: не самая лучшая мысль, когда щека, нос и рот каса-

ются влажной пыли. Собираясь для следующего поворота, Рети неожиданно ощутила, что стены движутся!

Она вспомнила, что говорил Двер, когда вел ее к Поляне мимо парящих серных отверстий. Ларк назвал это страной землетрясений, и казалось, он считает правильными эти движения поверхности.

С трудом поворачиваясь, она почувствовала, что ее зажало в узком проходе.

Я застряла!

Рети забилась, болезненно ушибла колено, застонала. Мир смыкается вокруг нее!

Она ударилась головой о камень, и от боли у нее помутилось в глазах. Лампа выпала из руки и едва не опрокинулась.

– Спокойно, жена, стой! Оставайся на месте!

Слова отскочили от искаженного зеркала ее паники. Рети продолжала упрямо дергаться, она стонала, отталкиваясь от холодного камня, пока…

Неожиданно что-то внутри нее щелкнуло. Она обвисла, сдаваясь, позволяя горе делать с ней все, что вздумается.

И как только она отказалась от борьбы, стены чудесным образом перестали двигаться. Или это

она все время двигалась?

– Теперь лучше? Хорошо-хорошо. Теперь передвинь левую ногу… левую! Хорошо, теперь остановись. Ладно, повернись в другую сторону, хо-о-орошая жена!

Этот тоненький голосок был словно линией жизни, за который она цеплялась несколько дуров — целую вечность, — сколько потребовалось, чтобы высвободиться. Но вот наконец коридор расширился, и она съехала на груду песка. Чувство было такое, словно она родилась заново.

А когда подняла голову, перед ней йии в обеих руках держал лампу, сгибая передние ноги.

– Хорошая смелая жена! Нет такой жены, как удивительная жена йии!

На этот раз Рети не смогла сдержаться. Она обеими руками прикрыла рот, но смех все равно полетел к извилистым стенам. И, отразившись от сталактитов, вернулся к ней сотнями эхо, полных радости жизни.

Мудрец разглядывал *ее* птицу.

Он смотрел на нее, что-то записывал в блокноте, потом ковырялся каким-то блестящим инструментом.

Рети кипела от гнева. Эта золотисто-зеленая машина принадлежит ей. Ей! Она гналась за ней

с южных болот до самого Риммера, спасла из паутины алчного мульк-паука, завоевала своим потом, страданиями и мечтами. Она должна выбирать, кто будет ее изучать! Если вообще позволит кому-нибудь это.

И чего пытается добиться этот дикарский шаман со своими грубыми стеклянными линзами и всем прочим? Инструменты, лежащие рядом с птицей, произвели бы впечатление на прежнюю Рети, которая считала таким замечательным оружием охотничий лук Двера. Но все изменилось после встречи с Беш, Ранном и другими звездными людьми. Теперь она знает: несмотря на всю свою напыщенность, Лестер Кембел все равно что Джесс, или Бом, или любой другой идиот из Серых холмов. Все они глупые хвастуны. Грабители. Отнимают то, что им не принадлежит.

А Кембел в ярком свете масляной лампы с зеркалами листал книгу. Ее страницы хрустели, словно их давно никто не переворачивал. Со своего места, высоко на неровной стене пещеры, Рети не могла многого разглядеть. Да она все равно не умеет читать. Большинство страниц как будто покрыто рисунками со множеством пересекающихся линий. Ничего похожего на птицу.

Давай, йии, тревожно думала она. *Я на тебя*

рассчитываю.

Она очень рискует. Малыш-самец заверил ее, что справится, но что, если он заблудится, пробираясь с другой стороны? Или забудет свои слова? Рети будет вне себя от ярости, если малышу причинят вред.

Помощник Кембела встал и вышел из помещения, вероятно, получив какое-то задание, или вообще пошел спать. Сейчас самое подходящее время. *Давай, йии!*

После долгого пути по темным извилистым коридорам в постоянном страхе погасить лампу Рети показалось, что здесь слишком светло. Глаза ее не выдерживали. Проползая последние метры, она неохотно задула свою лампу, чтобы не привлекать внимание. И теперь пожалела об этом. *Что, если придется возвращаться тем же путем?* Добровольно она ни за что не пойдет назад. Но если не будет другого выхода, если за ней погонятся…

Плохо, что нельзя снова зажечь лампу. *Наверно, следовало научиться пользоваться этими “спичками”, которыми так гордятся* слоям. Она слишком полна была страхом, чтобы слушать, когда вначале Двер, а потом Ур-джа пытались показать ей, как обращаться со спичками. Конеч-

но, виноваты Джесс и Бом: они не терпели, когда женщины самостоятельно разжигали костер.

Но огонь очень хорош, чтобы пугать или уродовать женщин, верно? гневно думала она, притрагиваясь к лицу. *Когда-нибудь я вернусь, Джесс. И, может, у меня будет совсем другой огонь.*

Рети погрузилась в свою любимую фантазию. Она улетает со звездными людьми на их родную звезду. О, вначале она будет чем-то вроде домашнего животного или талисмана. Но дайте ей только время! Она будет учиться, а потом станет такой важной…

Такой важной, что какой-нибудь великий принц ротенов даст ей корабль — целый *флот,* — чтобы вернуться на Джиджо.

Интересно будет посмотреть на наглое красивое лицо Джесса, когда небо над Серыми холмами среди дня потемнеет и сверху прогремят ее слова…

– *Ты мудрый мистер человек сэр?*

Тонкий голос вернул ее к настоящему. Она посмотрела вниз — и увидела йии, который нервно притопывал у ножки стула Кембела.

– Хм? Кто это? — спросил Кембел. Йии отскочил: мудрец, удивленно оглядываясь, отодвинул стул.

— послание для мудрого человека! послание от мудрой бабушки уров Ур-Джа!

Теперь Кембел посмотрел вниз, вначале удивленно, потом заинтересованно.

— Да, малыш? А как тебе удалось миновать стражника?

— стражник ждет опасности, он смотрит мимо йии. разве йии опасен?

Маленький ур рассмеялся, подражая нервному смеху Рети. Она надеялась, что Кембел не заметит сходства.

Мудрец серьезно кивнул.

— Да, конечно. Если только кто-нибудь тебя не рассердит, друг мой, чего я постараюсь не делать. Так что же это за послание в такое время?

Копыта йии плясали, он драматично поднял руки.

— срочный разговор-разговор, посмотришь на мертвую птицу позже! иди к Ур-Джа! сейчас-сейчас!

Рети опасалась, что его настойчивость вызовет подозрения. Но лысеющий человек сразу отложил свои инструменты и встал.

— Ладно, тогда пошли.

Надежды Рети взвились к небу и снова упали, когда Кембел взял в обе руки птицу.

Нет! Положи ее на место!

Словно услышав ее напряженный мысленный призыв, мудрец остановился, покачал головой и снова положил машину, взяв вместо нее блокнот.

— Веди, Макдуф! — обратился он к йии, взмахнув рукой.

— что сказал великий мудрец? Маленький ур наклонил голову.

— Я сказал… не важно. Не очень ясная аллюзия. Наверно, я просто устал. Понести тебя, сэр?

– *Нет! Йии поведет мудрого человека. Сюда! Сюда!* — И он поскакал вперед, нетерпеливо оглядываясь на медлительного мудреца.

Когда оба исчезли в туннеле, ведущем к главному входу, Рети не стала тратить времени, она просто соскользнула по

неровной стене на пол пещеры-лаборатории. Вскочила и поспешила к столу, на котором лежала ее птица — безголовая с той самой схватки с роботом чужаков.

Грудь раскрыта, как у тушки на пиру, видны сверкающие, как драгоценности, внутренности. Ничего подобного Рети никогда не видела. *Что эта вонючка с ним сделал? Выпотрошил, как цыпленка!* Она пыталась сдержать приступ гнева.

Ранн не заплатит, если эти придурки испортили ее, порывшись внутри.

Она присмотрелась внимательней. Отверстие слишком ровное, чтобы быть вырезанным ножом. Когда она осторожно притронулась к грудной клетке птицы, та гладко повернулась вокруг места соединения — как дверца большого шкафа на петлях, который она однажды видела в медицинской палатке пришельцев.

Понятно. Она просто закрывается… вот так.

Она приподняла секцию, повернула, и та со щелчком захлопнулась.

Теперь Рети пожалела о своей торопливости. У нее может больше не быть возможностей заглянуть внутрь птицы. *Ну и ладно. Все равно это не мое дело,* подумала она, подбирая свою добычу. *Я и не делаю вид, что я нечто большее, чем сунер и дикарь.*

Но не навсегда. Как только улечу с Джиджо, я буду учиться. Я всему научусь!

Птица тяжелей, чем она помнит. На мгновение сердце ее встрепенулось. Она вернула себе сокровище! Рети затолкала птицу в сумку, не обращая внимания на разбросанные на столе книги, и заторопилось по тому же пути, по которому ушел Лестер Кембел, — широкому коридору, ведущему

во внешний мир.

Коридор был ярко освещен лампами, которые скобками были прикреплены к тонким трубкам бу. Языки пламени создавали бассейны странного голубого свечения, оставляя в промежутках тени. Тусклый свет приходил также из нескольких боковых помещений, по большей части пустых, потому что рабочие ушли на ночь. Но одна комната была ярко освещена. Прежде чем миновать ее, Рети осторожно осмотрела двух ее обитателей-людей, которые, к счастью, стояли спиной к ней и негромко разговаривали. На множестве мольбертов были рисунки звездных богов, их воздушной машины и других инструментов. На одном рисунке кубическая станция, которую Рети никогда не видела непогребенной, изображена во всех подробностях, более величественная, чем оставленные буйурами развалины. Но она казалась миниатюрной рядом с гигантской трубой, нарисованной на следующем листе. Труба плывет над лесом.

Мой звездный корабль, подумала девушка, хотя ее пугала мысль о необходимости подняться на борт этого корабля, когда он вернется за грабителями. Нужно не забыть в тот день держать подбородок высоко поднятым и не проявлять

страха.

Художники сумели передать отчужденный, с легкой улыбкой, взгляд Ранна, острый охотничий взгляд Кунна, когда он приспосабливал хватательный коготь к парящему роботу. Сосредоточенность бледной Беш уравновешивала полуциничную улыбку смуглой Линг. Рети знала, что это всего лишь рисунки, как те, которые выцарапывают старики на стенах зимней пещеры в Серых холмах. Тем не менее жизнеподобное сходство казалось пугающим и волшебным. *Слопи изучают звездных людей. Что бы это значило?*

Торопясь побыстрей уйти, Рети едва не споткнулась. *Что бы они ни планировали, ничего у них не выйдет.* Она решила думать только о необходимости уйти отсюда и вовремя явиться на свидание.

Стало менее затхло, резкие звуки эха смягчились. Скоро впереди послышались голоса… Лестер Кембел разговаривает с другим человеком. Рети на цыпочках подошла к следующему повороту и осторожно выглянула. Стал виден человек-мудрец, говорящий со стражником, который с раздражением смотрел на маленького йии.

— Осы тайны могут остановить самого ма-

ленького робота, — говорил Кембел. — Но как же насчет такого маленького приятеля?

— Честно, сэр, не понимаю, как он мог пройти…

Кембел взмахом руки прервал его оправдания.

— Ничего плохого на этот раз не произошло, сынок. Нас защищает их презрение: они уверены, что у нас не за чем шпионить. Но на будущее надо быть внимательней, ладно?

Он потрепал молодого человека по руке и повернул назад в пещеру, а йии заторопился наружу. Местность была ярко освещена луной, лучи которой пробивались сквозь ветви леса. Все еще в замешательстве, стражник стиснул зубы и крепче взялся за оружие — длинную палку с острым концом. Широко расставив ноги, он стоял в середине выходного отверстия. Когда шаги Кембела стихли, Рети досчитала до двадцати и начала действовать. Она спокойно направилась к молодому стражнику, который повернулся к ней, когда она подошла близко.

Рети улыбнулась и небрежно помахала рукой.

— Ну, на сегодня я все кончила. — Она зевнула, проходя мимо воина и ощущая его удивленную нерешительность. — Да, скажу тебе, эта наука — трудное дело. Ну, спокойной ночи!

Теперь она была снаружи, с радостью вдыхая свежий разреженный горный воздух и стараясь не переходить на бег. *Особенно* когда он крикнул:

— Эй, остановись!

Повернув голову, но продолжая идти по тропе, Рети еще на несколько секунд задержала его, широко улыбнувшись:

— Да? Тебе что-нибудь нужно?

— Что… кто ты такая?…

— Принесла кое-что мудрецу, — ответила она с обманчивой искренностью, похлопав себя по сумке и продолжая уходить.

Стражник двинулся к ней.

С радостным возгласом Рети повернулась и побежала в лес, зная, что теперь преследовать ее бесполезно. Он упустил свою возможность, вонючка!

Но все же она была рада, что он постарался.

Йии встретил ее в условленном месте, у длинного моста, на полпути от того дерева, возле которого ее будет ждать Ранн.

Увидев ее, маленький ур радостно закричал и, казалось, взлетел к ней на руки.

Но ему не понравилось, что, когда он попытался забраться в сумку, то увидел, что она занята

каким-то жестким холодным предметом. Рети укутала его в свою куртку, и немного погодя он, по-видимому, счел это приемлемым.

– Йии говорит жене. Йии видит…

– Мы это сделали! — воскликнула Рети, не в силах сдержать радость от столь удачно закончившегося приключения. С отличным окончанием — бегством по лесу. Она бежала легко, весело, оставив этого рослого осла спотыкаться в темноте, обошла шумного стражника и миновала прямо у него под носом на пути к Поляне.

— Ты тоже был хорош, — сказала она йии, делясь с ним достижением. — Без тебя мне было бы труднее это сделать. — Она прижала к себе маленькое тело, и он стал жаловаться короткими вскриками. — А тебе трудно было уходить от Кембела?

– Мудрый человек не проблема, йии хорошо знает выход. Но потом…

– Ну, теперь все кончено. Пора идти. Если Ранну придется ждать, он может быть не в таком хорошем настроении, как…

– Но потом йии по пути к жене увидел кое-что! Целое стадо уров… квуэнов… хунов… людей… все украдкой шли в темноте и несли ящики!

Рети торопливо шла по тропе к месту встречи.

— Хм? Правда? Наверно, глупые пилигримы по пути к большому камню, который они считают богом. — Теперь она презирала сунеров, населяющих эту планету. Для нее все эти разговоры о знаменитом “Яйце”, которые она слышала от слопи, еще одна разновидность страшных историй на ночь, как сказки о призраках, огромных зверях и духах глейверов, которые рассказывают у костра в Серых холмах, особенно с тех пор, как главными стали Джесс и Бом. Когда наступали трудные времена, охотники весь вечер могли спорить, почему рассердились хищники и как их смягчить.

— Стадо шло не к святому камню, — возразил йии. — В другую сторону. И никаких белых одеяний, никаких песен! Они только крались, крались с ящиками к другой пещере!

Рети едва не заинтересовалась: йии кажется, что это важно.

Но туг тропа повернула к небольшой долине, в которой живут звездные люди. Луна осветила павильоны, которые в этой причудливой яркости кажутся менее замаскированными.

С запада донеслось негромкое гудение, что-то сверкающее привлекло внимание девушки, и она увидела, как с неба опускается капля, складывая

на лету два тонких крыла. Рети с дрожью узнала летающую лодку грабителей, возвращающуюся с еще одной загадочной экспедиции. Она, застыв, смотрела, как прекрасная машина изящно садится на дно долины. Открылось отверстие. Рети охватило возбуждение, сердце ее словно полетело.

— Тише, муж, — сказала она йии, который жаловался на то, что о нем забыли. — Нам предстоит немного поторговаться. Посмотрим, выполняют ли они свои обещания.

Аскс

Мои кольца, вам не нужна информация моего слабо сфокусированного разума. Вы и сами это чувствуете, глубоко в самой сердцевине каждого маслянистого тора.

Яйцо. Медленно, словно приходя в себя из глубокого беспамятства, оно просыпается!

Может, Община теперь снова исполнится дружелюбием, единством духа, той решимостью, которая когда-то объединяла нашу коллективную волю.

О, да будет так!

Мы так разделены, так далеки от готовности.

Так далеки от достоинства.

О, да будет так.

Сара

Стеллажи заражены полирующими жуками, а музыкальные залы полны голодными кусающимися попугайскими мухами, но шимпы из обслуживающего персонала слишком заняты, чтобы выкуривать этих паразитов.

Отдыхая в западном атриуме, Сара наблюдала, как несколько волосатых работников помогали человеку-библиотекарю упаковывать бесценные тома в выложенные шерстью ящики, затем запечатывать их каплями воска с большой красной свечи. Кусочки воска прилипали к спутанной шерсти шимпов, и они украдкой жаловались друг другу на языке жестов.

– *Это неправильно,* — перевела Сара жесты и хриплые покашливания одного из работников. — *В этой неподобающей спешке мы делаем достойные сожаления ошибки.*

Второй ответил:

– *Как это справедливо, мой сотоварищ! Этот том Одена не должен находиться среди греческой классики! Когда этот кризис кончится, что*

неизбежно, мы никогда не сумеем правильно расставить книги по полкам.

Что ж, возможно, она была слишком щедра в своем переводе. Однако шимпы, работающие в этих священных залах, особое племя. Они почти такие же особенные, как Прити.

Над головой простирался атриум литературы, пересеченный мостиками и рампами, соединяющими читальные залы и галереи, уставленные полками, которые стонут под тяжестью книг, поглощающих звуки и испускающих запахи чернил, бумаги, мудрости и пыльного времени. Недели лихорадочной эвакуации, многочисленные караваны ослов, ушедшие в тайные пещеры, — все это заметно не уменьшило количество книг, полки по-прежнему забиты текстами всех цветов и размеров.

Мудрец Пловов называет этот зал, отведенный *легендам, волшебству* и *вымыслам*, Домом Обманов. Однако Сара всегда считала его менее подверженным гнету времени, чем залы, посвященные науке. В конце концов, что дикари Джиджо могут добавить к горам фактов, оставленных здесь богоподобными предками. А ведь говорят, что эта гора — словно песчинка по сравнению с Великой Галактической Библиотекой.

Но то, что собрано в этом зале, не боится опровержения со стороны древней мудрости. Хороший или плохой, великий или достойный забвения, ни один литературный труд не является доказуемо "ложным".

Пловов говорил: *"Легко быть оригинальным, если тебе не нужно заботиться о том, чтобы говорить правду. Волшебство и искусство основаны на эгоманиакальной уверенности в том, что художник прав, а вселенная ошибается".*

Конечно, соглашалась Сара. С другой стороны, она считала, что Пловов просто ревнует.

Когда люди появились на Джиджо, их влияние на остальные пять разумных рас можно сравнить с тем, которое испытала Земля при первой встрече с галактической культурой. После столетий использования всего нескольких свитков уры, г'кеки и остальные встретили поток бумажных книг подозрительно и в то же время с ненасытным аппетитом. В промежутках между короткими жестокими стычками разумные нелюди поглощали земные сказки, пьесы и романы. А когда писали собственные, то подражали земным формам. Серые квуэны воспроизводили эрзац-елизаветинские любовные драмы, а урские племена по-своему пересказывали легенды ин-

дейцев Северной Америки.

Однако позже начался расцвет новых стилей, от героических приключений до эпических поэм, написанных в необычных размерах и ритмах, с использованием последних остатков порядка галактических диалектов Галсемь и даже Галдва. У печатников и переплетчиков заказов на новые произведения было не меньше, чем на переиздания. Ученые спорили о том, что все это значит. Начало ереси? Или освобождение духа?

Мало кто осмеливался воспользоваться термином “возрождение”.

И все это может закончиться в несколько дней или недель, мрачно рассуждала Сара. Новости с поляны, привезенные гребцом на каяке, который решился преодолеть пороги Бибура, свидетельствуют, что мрачные ожидания мудрецов, их оценки генных грабителей и их намерений не изменились.

Ну, Блур уже должен быть там. План Сары, возможно, не убедит небесных людей отказаться от геноцида, но в таком беспомощном положении, в котором оказались Шесть, хватаешься за все что угодно.

Включая безумный замысел Арианы. Даже если это жестоко.

Из помещения за Сарой послышался голос пожилой женщины-мудреца.

— Хорошо, дорогой. С этим ты достаточно поработал. Посмотрим, как тебе эта замечательная книга. Видел когда-нибудь такие символы и слова?

Сара со вздохом направилась в Детскую комнату.

Незнакомец сидел возле инвалидного кресла Арианы, окруженный множеством томов с яркими рисунками и простыми текстами, набранными крупным, легко различимым шрифтом. Хотя лицо его было изможденно, смуглый мужчина с готовностью взял еще одну книгу и провел пальцами по точкам, черточкам и кружкам учебника Галдва — букваря, предназначенного для самых молодых урских средних. Сара не удивилась, видя, как он поджал губы и прищелкнул языком, старательно изучая строчки. Он явно узнавал эти символы, но смысл фраз не понимал.

То же самое было с книгами на Галшесть, англике и Гал-семь. Сердце Сары разрывалось, когда она видела, как раздражение Незнакомца переходит в пытку. Наверно, только сейчас раненый начинал осознавать, что у него отнято. Что он навсегда утратил.

С другой стороны, Ариана Фу казалась очень довольной. Она улыбнулась Саре.

— Это не деревенщина из захолустья, — сказала пожилая женщина. — Образованный человек, знакомый со всеми языками, которые обычно используют Шесть. Если бы у нас было время, нужно было бы отвести его в Лингвистическое крыло и испробовать некоторые забытые диалекты! Решительным тестом был бы Галактический двенадцать. На Джиджо сегодня его знают только трое ученых.

— Но какой смысл? — спросила Сара. — Вы доказали свое предположение. Не оставить ли его в покое?

— Через минуту, дорогая. Одна-две книги, и закончим. Самое интересное я оставила напоследок.

Два библиотечных работника нервно наблюдали, как Ариана роется в груде книг рядом с креслом. Некоторые из этих книг бесценны. В их переплет вделаны кольца: обычно книги держат прикованными к полкам. Архивистам явно не нравилось, что эти сокровища отдают в руки бессловесному варвару.

Не желая смотреть, Сара отвернулась.

В Детском крыле было тихо, в нем всего

несколько детей. Сюда приходят ученые, учителя и путешествующие библиотекари шести рас, чтобы изучать, копировать или брать взаймы книги. Затем этот бесценный груз в повозках, лодках или на вьючных ослах расходится по всему Склону. Сара наблюдала, как самка красного квуэна старательно отбирает тяжелые, переплетенные в латунь альбомы, которые использует ее племя. Ей помогают два лорника, подготовленные как ее помощники и переворачиватели страниц. Один лорник смахнул полировочного жука, который полз по переплету, нервно натирая его брюшком, испуская тонкую пленку и при этом стирая часть названия. Никто не знает, какую функцию когда-то выполняли эти инсектоиды у улетевших буйуров, но сегодня они очень мешают.

Сара видела представителей всех рас. Это серьезные педагоги, которые не позволяют какому-то кризису вмешаться в выполнение ими главной задачи — обучения следующего поколения. За квуэном престарелый треки отбирал тома, специально обработанные, чтобы противиться жидкостям новых груд колец. Эта молодежь еще не умеет контролировать свои выделения.

Услышав низкий стон, Сара обернулась и увидела, что Незнакомец держит тонкую книгу, такую

древнюю, что цвета ее потускнели и посерели. Смуглое лицо человека отражало противоречивые чувства. У Сары не было времени прочесть название, она успела только заметить тощую черную кошачью фигуру на переплете в шляпе с красно-белыми полосами, похожей на дымовую трубу. И тут, к отчаянию библиотекарей, Незнакомец прижал книгу к груди и принялся раскачиваться с закрытыми глазами.

— Что-то из его детства, я уверена, — сказала Ариана, что-то записав в своем блокноте. — Согласно указателям, эта книга была очень популярна у детей на северо-западе земной цивилизации на протяжении целых трех столетий, так что мы можем предварительно локализовать его культурное происхождение…

— Как интересно. Ну, теперь вы закончили? — ядовито спросила Сара.

— Гм? О да. Вероятно. Пока. Пусть отдохнет, милая. Потом приведи его. Я буду в главном зале прослушивания. — С этими словами Ариана резко кивнула шимпу, который толкал ее кресло, и оставила Сару рядом с расстроенным Незнакомцем.

Он что-то бормотал про себя, как делал время от времени, повторял снова и снова какую-то

короткую фразу. Что-то пробивалось, несмотря на повреждение мозга. В данном случае это была явная бессмыслица, насыщенная глубокими эмоциями:

– *…амане у меня в кармане…* — снова и снова повторял он… *амане у меня в кармане…*

Сара мягко, но настойчиво взяла из его дрожащих рук древнюю книгу и вернула сокровище неодобрительно наблюдающим библиотекарям. Она терпеливо уговаривала раненого встать. Темные глаза были затуманены печалью, которую Сара могла понять. Она тоже потеряла нечто драгоценное для себя.

Только он оплакивал потерю самого себя.

У входа в помещение для прослушивания их встретили два ученых г'кека. Это врачи-исследователи, которые осматривали Незнакомца вскоре после его приезда в Библос. Один из них взял его за руку.

— Мудрец Фу хочет, чтобы ты наблюдала за обследованием из соседней комнаты. Это следующая дверь, — сказал второй. И указал одним глазным стебельком на дверь дальше по коридору. Незнакомец вопросительно взглянул на Сару, и она успокаивающе кивнула ему. От его доверчивой улыбки ей стало только хуже.

Комнату для наблюдений тускло освещал свет, пробивающийся через два круглых окна — две безупречные стеклянные пластины с характерными стебельками посредине, — которые выходили в соседнее помещение. В нем можно было увидеть двух врачей г'кеков, сидящих вместе с Незнакомцем перед большим ящиком с ручкой с одной стороны и трубообразным рогом с другой.

— Заходи, милая. И, пожалуйста, закрой дверь.

Глазам Сары потребовалось несколько дуров, чтобы привыкнуть к полутьме и увидеть, кто сидит рядом с Арианой. А когда она это увидела, было уже поздно.

Присутствовала вся группа из города Тарека и еще два человека в одежде ученых. Конечно, у Ульгор и Блейда есть причины тут находиться. Блейд помог спасти Незнакомца в болотах, а Ульгор — почетный делегат деревни Доло. Даже у Джопа есть официальное право. Но зачем здесь взрывники Джома и Курт? Какое бы тайное дело их гильдии ни привело дядю с племянником сюда из Тарека, оба они следили за происходящим с напряженным вниманием, характерным для их семьи и ремесла.

Ученые-люди повернулись к ней.

Боннер и Теин — те самые, встречи с которыми она надеялась избежать в этом посещении.

Оба они встали.

Сара поколебалась, потом поклонилось в пояс.

— Мастера.

— Дорогая Сара, — вздохнул Боннер. Он опирался на палку больше, чем она помнила, когда в последний раз видела лысого тополога. — Как нам не хватало тебя в этих пыльных залах.

— А мне не хватало вас, мастер, — ответила она. удивленно сознавая, что сказала правду. Возможно, после смерти Джошу она отказалась не только от плохих но и от слишком многих добрых воспоминаний. Тепло руки старого ученого напомнило ей многие прогулки, обсуждения таинственных и бесконечно увлекательных законов *формы,* таких, которые могут быть описаны символами, но которые никогда не видели глаза человека.

— Пожалуйста, не зови меня больше мастером, — попросил он. — Ты теперь сама посвященная или скоро ею станешь. Идем, садись с нами, как в добрые старые времена.

Слишком похоже на старые времена, подумала Сара, встретившись с взглядом другого мудреца — математика. Высокий сребровласый алгебраист, казалось, не изменился, по-прежнему

отчужденный, загадочный. Теин кивнул и назвал ее по имени, потом снова сел лицом к окнам. Как обычно, он постарался сесть как можно дальше от присутствующих в помещении нелюдей.

Беспокойство, которое испытывает мудрец Теин в присутствии других рас, — не редкость. В каждой расе есть такое меньшинство. Это реакция на глубокие древние представления. Но важно то, как ты с этим справляешься, а Теин был безупречно вежлив с учеными урами или г'кеками, которые консультировались с ним по поводу биноминальной теоремы. Учитывая его чувства, хорошо, что ученый способен вести замкнутый образ жизни… такой же, какой Сара хотела и для себя

— пока приезжий переплетчик не принялся ухаживать за нею, наполнив сердце Сары неведомыми возможностями;

— пока она отчаянно не объявила коллегам, что отныне нашла новый предмет для изучения — лингвистику, подумать только;

— пока Джошу не заболел перечной оспой, пронесшейся по долине Бибура, эпидемией, которая обрушивается на жертву внезапно, и ей пришлось наблюдать, как другая женщина исполняет погребальные обряды, зная, что все

смотрят на нее, ждут ее реакции;

— пока после похорон мудрец Теин не приблизился к ней со своим строго формальным видом и не повторил своего предложения о браке;

– пока она спешно не сбежала из этого места, полного пыли и воспоминаний, не сбежала домой, в древесный дом, выходящий на большую плотину, где она родилась.

И вот все снова вернулось. Когда она подростком впервые явилась в Библос, Теин казался таким сурово прекрасным, таким величественным, он поражал воображение. Но с тех пор Сара изменилась. *Все* изменилось.

Неожиданно аристократически спокойные черты лица Теина исказились, он хлопнул себя по шее, потом разочарованно нахмурился, глядя на ладонь. Сара оглянулась на Боннера, который прошептал:

— Попугайские мухи. Такая помеха. Если такая заберется в ухо, помоги тебе Ифни. Я целую неделю слышал все повторяющимся, пока Ворджин не вытащил проклятую тварь.

Ариана Фу выразительно кашлянула, привлекая их внимание.

— Я уже объяснила остальным, Сара, что, по моему мнению, Незнакомец — человек со звезд.

Дальнейшие исследования раскрывают природу его ранения.

Ее помощник шимп достал несколько листков бумаги со стилизованными рисунками человеческой головы в профиль, со стрелками и надписями в разных местах. Большинство слов были совершенно непонятны Саре, хотя Ларк, вероятно, нашел бы их знакомыми.

— Я вспомнила, что когда-то читала об этом, и сумела быстро найти ссылки. Похоже, что когда наши предки покидали Землю, там велись эксперименты по созданию прямого контакта между мозгом человека и компьютером.

Сара услышала откуда-то сзади удивленный возглас. Для большинства Шести слово “компьютер” таит в себе сверхъестественную силу. Экипажи всех крадущихся кораблей расплавили цифровые вычислительные машины вплоть до мельчайших деталей, прежде чем утопить звездные крейсеры в глубинах Помойки. Ничто иное не способно так выдать нелегальное присутствие разума на запретной планете.

Сара читала несколько ярких рассказов из земных дней, в которых автор в развитии сюжета использовать связь мозга с компьютером. Она всегда считала это метафорой, подобно легендам

о людях, летающих на крыльях с приклеенными перьями. Но Ариана говорит, что когда-то к такой возможности относились серьезно.

— На иллюстрации показано, какие участки мозга предполагалось снабдить нейроэлектронными контактами во времена отлета наших предков, — продолжала Ариана. — За три прошедших с тех пор столетия исследования, несомненно, продолжались. Я считаю, что Незнакомец располагал результатом этих исследований — отверстием, которое позволяло ему непосредственно связываться с компьютером и другими приборами. Это отверстие расположено у него над левым ухом.

Пришел черед Сары ахнуть.

— Значит, его… Ариана подняла руку.

— Можно предположить, что ожоги и меньшие повреждения возникли в результате аварийной посадки его корабля или летающей машины в Вечных болотах, недалеко от того места, где его нашла Сара с друзьями. Увы, это чудесное избавление от смерти отравлено неудачей: искусственный канал связи, прикрепленный к голове, был с силой вырван и унес с собой часть левого полушария мозга.

Мне нет надобности добавлять, что именно

этот участок мозга человека руководит речью.

Сара могла только мигнуть. Через стекло она видела, как человек, о котором говорит Ариана, с интересом наблюдает за тем, как врачи г'кеки готовят свои аппараты.

— Я бы решил, что такое повреждение убьет его, — сказал Боннер, выражая общее удивление.

— Действительно, его выздоровление кажется чудесным. Если бы он не был взрослым мужчиной, с жесткой синоптической структурой, возможно, он смог бы вернуть себе способность к речи с помощью полуспящего *правого* полушария, как иногда случается у женщин и детей после повреждения левой половины. Но в данном случае остается только возм… — Она замолчала, заметив помахивание глазного стебелька в соседнем помещении.

— Что ж, я вижу, наши добрые доктора готовы, так что давайте начнем.

Ариана открыла слуховое отверстие под ближайшим стеклом. В тот же момент Сара ощутила острый укол в бедро, а Теин снова хлопнул себя по шее.

— Проклятые паразиты! — пробормотал он и искоса взглянул на Сару. — Здесь не в одном только отношении все идет отвратительно!

Добрый старый жизнерадостный Теин, подумала она, сдерживаясь, чтобы самой не хлопнуть себя по шее. Попугайские мухи обычно безвредны — это еще одна загадка, оставшаяся от времен буйуров. Кому нужен “симбиоз” с существом, которое присасывается к твоим венам и отплачивает тем, что повторяет все, что ты слышишь? Поистине эти буйуры были странными созданиями!

В соседней комнате один из врачей г'кеков раскрыл большой альбом, в котором находилось несколько десятков тонких черных дисков. Врач осторожно достал один из них и положил на круглую площадку, которая начала вращаться.

— Элементарное звукозаписывающее устройство, — объяснила Ульгор. — Легко сооружается из обломков металла и обрезков ву.

— Примитивная, но эффективная аналоговая система сохранения и воспроизведения, — разъяснил Теин.

— Безопасно нецифровая, — добавил Боннер.

— Да, — просвистел подтверждающе синий квуэн Блейд. — И я слышал, она проигрывает *музыку.* Своего рода.

Врач г'кек осторожно опускал деревянную арматуру, пока тонкая игла не коснулась края

вертящегося диска. Почти немедленно из похожей на рог трубы послышалась негромкая музыка. Странная *тонкая* мелодия, сопровождаемая легким потрескиванием. У Сары защекотало в корнях волос.

— Это оригинальные диски, — сказала Ариана Фу. — Они изготовлены колонистами с “Обители” одновременно с Великой Печатью. Сегодня только немногие специалисты проигрывают их. Земные формы музыки непопулярны в современной Общине, но я готова поручиться, что наш Незнакомец с этим не согласится.

Сара слышала о приспособлении, проигрывающем пластинки. Странно было слушать музыку без живых исполнителей. Почти так же странно, как сама музыка: ничего подобного она никогда не слышала. Сара сразу узнала некоторые инструменты: скрипки, барабаны, рога, что вполне естественно, так как струнные и духовые инструменты принесены на Джиджо землянами. Но сочетание нот необычно, и Сара вскоре поняла: то, что кажется странным, на самом деле *упорядоченность.*

Современный джиджоанский секстет предполагает слияние шести сольных исполнителей, все они спонтанно сливаются друг с другом. И главное

волнение приносит ожидание непредсказуемого удачного слияния гармонии, возникающего и исчезающего, как сама жизнь. И исполнение никогда не повторяется.

Но это чисто человеческая музыка. Сложные аккорды чередуются и вращаются в точно и строго дисциплинированной последовательности. *Как в науке, задача в том, чтобы сделать нечто повторяющимся, поддающимся проверке.*

Сара посмотрела на остальных. Ульгор казалась зачарованной, ее левая рука, та, которой держат струны виолы, дергалась. Блейд изумленно качал своим тяжелым панцирем, а молодой Джома, сидящий рядом с застывшим дядей, казалось, скучает.

Хотя она никогда ничего подобного не слышала, упорядоченные приливы гармонии показались ей невыразимо знакомыми. Ноты подобны… чему-то целому, а фразы как геометрические фигуры.

Какое еще нужно доказательство того, что музыка похожа на математику?

Незнакомец тоже реагировал на нее. Лицо его покраснело, в полузакрытых глазах было явное узнавание. Сара встревожилась. Слишком сильные эмоции могут превзойти силы этого

человека.

— Ариана, к чему это все? — спросила она.

— Еще минуту, Сара. — Женщина-мудрец снова подняла руку. — Это была увертюра. А вот часть, которая нас интересует.

Откуда она знает? удивилась Сара. Очевидно, огромные эклектические познания Арианы включают даже старинные искусства.

И действительно, звуки музыки поднялись и смолкли. И вступил новый элемент — безошибочный звук человеческих голосов. Пропустив несколько первых строк, Сара наклонилась вперед, сосредоточившись на произносимых с необычным акцентом словах.

Сегодня у ученика пирата Кончается срок ученичества. Сильны его руки, остры его чувства, Он теперь поистине пират.

Услышанное произвело необыкновенное действие на Незнакомца. Он, дрожа, встал. Лицо исказилось: он не просто узнал строки, он был радостно изумлен.

И затем — к изумлению Сары и своему собственному — открыл рот и запел!

Наливайте, наливайте пирату шерри, Наполняйте, наполняйте его стакан. И чтоб все мы были веселы, Пустите стакан по кругу!

Сара тоже встала, изумленно глядя на него. Ариана Фу удовлетворенно вскрикнула.

— Ага! Удача с первой же попытки! Даже определив основы культуры, я думала, что придется сделать несколько попыток, прежде чем найдем то, что он узнает.

— Но его рана! — возразил Теин. — Я думал, вы говорили…

— Совершенно верно, — вмешался Боннер. — Если он не может говорить, как же он может петь?

— А, это. — Ариана небрежно отмахнулась от чуда. — Разные функции. Разные участки мозга. В медицинских архивах есть прецеденты. Мне говорили, что раз или два подобное наблюдалось даже на Джиджо.

Меня больше поражает устойчивость культуры, которую демонстрирует этот эксперимент. Прошло триста лет. Мне казалось, к этому времени галактические влияния подавят природные земные… — Пожилая женщина замолчала, словно поняв, что ушла в сторону. — Ну, не важно. Сейчас главное то, что наш инопланетный гость, кажется, в конце концов обрел способ общения.

Даже в полутьме было видно, что Ариана улыбается широко и очень довольно.

Сара прикоснулась рукой к стеклу, ощутила, как оно дрожит от музыки в соседнем помещении. Там началась новая песня. Темп замедлился, мелодия изменилась, хотя тема, очевидно, осталась прежней.

Она закрыла глаза и слушала, как радостно поет Незнакомец, перекрикивая запись в восторге от того, что его наконец слышат.

Вы уходите в мир обмана,
Где все пираты живут хорошо,
Но я буду верен своей песне,
Я буду жить и умру как король пиратов!

XIX. КНИГА МОРЯ

Говорят, некогда было семнадцать галактик, тесно связанных друг с другом туннелями сфокусированного времени. Один за другим эти хрупкие туннели прерывались; вселенная старела, щели ее расширялись, связь слабела. И Прародители знали только одиннадцать галактик. В последующие века отделились еще шесть, покинули своих далеких родичей, ушли, и судьба их неизвестна. Наши более близкие предки знали только пять галактик.

Что, если это произойдет снова, пока мы ищем избавления в этой невозделанной спирали? И придет ли за нами кто-нибудь, когда мы вернем себе невинность?

На нашем небе мы видим только одну галактику.

Свиток возможностей

Рассказ Олвина

Не хочу слишком подробно останавливаться на своей роли в последующем. Достаточно сказать, что как молодой хун-самец я казался наиболее подходящим, для того чтобы свисать с конца соединенного троса, сидя в импровизированной петле, пока команда опускает меня к темно-синим водам Трещины.

Когда меня опустили ниже края, я мог видеть над собой только несколько хунских и урских лиц и пару устремленных на меня г'кекских глазных стебельков. Но потом и они слились со скалами, и я остался один, вися, как приманка на длинной леске. Я пытался не смотреть в пропасть под собой, но вскоре порывы ветра начали раскачивать трос, напомнив о том, на какой тонкой нити я повис.

Во время одинокого спуска у меня было достаточно времени, чтобы спросить у самого себя: *“И что только я здесь делаю?”*

Это что-то вроде *мантры* (если я правильно припоминаю слово, потому что в этом холодном страшном спуске со мной не было словаря). Повторяемая часто, фраза вскоре утратила свой

смысл и приобрела приятную мелодичность. И на полпути вниз я напевал:

— И что только. Я здесь. Делаю!

Иными словами, дело делается, и делаю его я. Так почему бы не сделать его хорошо? Вполне хунская мысль, выраженная на англике.

Думаю, я неплохо поработал, успокаивая себя, потому что не запаниковал, когда меня опустили слишком низко. Мои волосатые ноги опустились в воду, прежде чем наверху нажали на тормоз и трос перестал опускаться. Переведя дыхание, я стал звать Хуфу, уговаривая ее плыть ко мне с “Мечты Вуфона”, которая была почти на расстоянии полета стрелы. Нужно было торопиться, потому что лодка медленно уплывала из спокойных вод под Окончательной скалой. Если она попадет в течение Трещины, мы ее больше никогда не увидим.

На этот раз Хуфу не заставила меня ждать. Нырнула и поплыла ко мне, как маленькая стремительная рыба. Очевидно, падение с утеса не причинило ей вреда.

Как это шутят насчет нуров? Если понадобится убить нура, потребуется кварта яда треки, когти квуэна, человеческая стрела и множество урских оскорблений. Предполагается при этом, что хун

вначале отвлечет нура первоклассным рычанием. И даже в этом случае не помешает г'кеку несколько раз проехаться по туловищу — для уверенности.

Ладно, это детская шутка, но в ней чувствуется уважение. И я не мог не посмеяться над ней, поджидая несокрушимую Хуфу. Наконец она вцепилась мне в ногу, вскарабкалась на руки, купаясь в моем счастливом ворчании. Я чувствовал, что она все еще испугана, потому что не пыталась изобразить равнодушие и скрыть, что рада встрече со мной.

Но времени не было. Как можно быстрее я закрепил на Хуфу прочную веревку и отправил назад в море.

План Урдоннел казался мне хорошим… конечно, *если* Хуфу поймет мои инструкции… *если* "Мечта Вуфона" уже не уплыла слишком далеко… если Хуфу сумеет прикрепить конец троса к специальному креплению лодки… *если* маленький треки Зиз сумеет еще немного продержаться в своей раздувшейся форме, выдерживая тяжесть… *если* соединенный трос выдержит тяжесть, когда все это будут вытаскивать наверх…

Слишком много если. Поэтому люди называют богиню удачи и перемен Ифни? Ее капризы

действительно подобны раскачиванию троса. Как с нами, когда в первый же день она обрушила на нас несчастья, а потом ее кость упала на противоположную сторону. На протяжении последующего напряженного мидура мы все волновались и гадали, как выпадет кость в следующий раз, пока наконец мы с Хуфу не оказались на верху холма, рядом с нашей прекрасной “Мечтой Вуфона”. С нас капала вода, и мы изумленно наблюдали, как Тиуг осторожно выпускает воздух из Зиза. Клешня и Гек бегали вокруг лодки, нервно осматривали ее в поисках повреждений, а Ур-ронн присматривала за тем, как вытягивают остатки троса.

Наконец оба разрезанных конца лежали рядом на камне, истрепанные и порванные.

— Этого больше не случится! — услышал я слова нашей урской подруги. Таким тоном ур делает предсказания, дает клятвы и обещает свернуть шею всякому, кто попытается сделать из него лжеца.

На следующий день вернулась Уриэль. Она прискакала в наш лагерь в сопровождении множества вооруженных помощников и целого каравана вьючных ослов. Она принесла с собой известие, которое пришло с севера по системе

семафоров и курьеров. Все это происходило на фоне сверкающего на небе над водами Трещины скопления Одуванчика. Ур-кузнец в одежде младшего мудреца кратко изложила все, что произошло на Собрании — появление не просто звездного корабля, но преступников со звезд, что в состоянии покончить с великим Миром, Общиной и, может быть, самим существованием всех членов Шести.

Я не видел, как реагировала Гек, когда Уриэль рассказывала, что г'кеки больше не существуют меж звезд, что последние уцелевшие их представители теперь дикари, прокладывающие примитивные тропы здесь, на Джиджо. Все мое внимание было привлечено к другим поразительным новостям.

Грабители оказались людьми!

Все знают, что земляне всего триста лет назад в глазах галактических кланов были немногим выше животных. Так почему именно земляне пытаются совершить подобное воровство на таком расстоянии?

Уриэль обратилась к нам на формальном Галдва, и я понял, что мыслю на этом же языке и смотрю на события так, как их видят галакты. Но когда я повторил этот вопрос на англике, все

выглядело совершенно по-иному.

Триста лет? Да это целая вечность! За это время люди от парусных кораблей перешли к первым звездным. А теперь — кто знает? Может, им теперь принадлежит половина вселенной!

Наверно, я все-таки начитался книг Дока Смита и “сокрушителя звезд” Фенга. Но если в тот вечер все на утесе сокрушались, что культурные и мудрые люди способны на такое, я в глубине души знал правду. Ту, что пронизывает всю земную литературу.

Пока существует их раса, в ней всегда встречаются волки.

Нас всех поразили слова Уриэль о том, что наш проект будет продолжен.

Слыша все эти разговоры о призыве милиции, восстановлении маскировки и необходимости сражаться с превосходящим противником, я ожидал, что кузнец прикажет немедленно возвращаться в Вуфон и на гору Гуэнн и работать на общее благо. Поэтому мы вздрогнули, услышав, что наш проект — эта наша глупая подводная экспедиция — очень важен.

Я даже так и сказал ей прямо.

— Зачем вы все это делаете? — спросил я на следующий день, когда Уриэль наблюдала за тем,

как команда меняет трос и шланги. — Разве у вас нет более важных забот?

Она вытянула вверх шею, и ее глаза без зрачков оказались почти на одном уровне с моими.

– А что, по-твоему, мы должны делать? Изготовлять оружие? Превратить наши горны в фабрику смерти? — Ее единственная ноздря раздулась, обнажив дрожащие мембраны, которые удерживают жидкость. Поэтому дыхание ура сухое, как ветер с равнины Острых Песков.

— Мы, уры, хорошо знакомы со смертью, молодой Хф-уэйуо. Слишком быстро она обжигает нам ноги и высушивает сумки с мужьями. Мы торопились к ней в схватках и войнах, словно это оправдывало наше поспешное стремление к смерти. Многие уры и сегодня с тоской вспоминают дни, когда люди выли нашими благородными врагами, когда герои скакали по прериям, безжалостно нападая на врагов.

— Я тоже слышу этот зов. И, подобно остальным, я ему противлюсь. Это век для героев иного типа, мой юный друг. Время воинов, которые *думают.*

Она снова занялась работой, обращая внимание на самые мелкие подробности. Ответ ее меня смутил и не удовлетворил… но в то же время, хо-

тя я сам не понимал почему, заставил гордиться чуть больше, чем раньше.

Потребовалось три дня на восстановление и тройную проверку всей системы. К этому времени состав зрителей изменился. Многие из тех, кто пришел первым, услышав слова Уриэль, заторопились домой. Одни должны были явиться по призыву в милицию, другие хотели совершить таинства, предписанные на такой случай древнейшими свитками. Многие, напротив, хотели уберечь свою собственность от преждевременного уничтожения фанатиками или просто в ожидании последних дней побыть с близкими.

Но их сменили другие, более рассерженные или испуганные тем, что видели. Только вчера на всем протяжении от порта Вуфон до залива Последнего Города видели узкое крылатое привидение — светлую летающую машину. Этот корабль повисал над бесполезными маскировочными решетками, словно говоря: *“Я вас вижу”*, — а потом возобновлял свой извилистый маршрут вначале над берегом, а потом в море.

Никому не надо было говорить: чего бы ни хотела от нас здесь Уриэль, времени на это почти не оставалось.

XX. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Первые расы сунеров явились на Джиджо, вооруженные разнообразными знаниями, но у них не было способов сохранить эти знания. Нам были известны названия многочисленных способов сохранения архивов в виде баз данных, запоминающих устройств и инфопыли, но все это должно было быть утопленным в пропасти.

Земляне обладали безопасным и совершенно оригинальным способом хранения информации. Бумага — размолотые древесные ткани с добавлением глины и животных продуктов — оказалась исключительно изобретением волчат. Но экипаж "Обители" покинул Землю так скоро после Контакта, что данные по галактологии, отраженные в Великой Печати, оказались разрозненными, особенно относительно других "сунерских инфекций" в различных районах Пяти галактик.

Поэтому трудно поместить нашу джиджоанскую Общину в перспективу. Насколько отличаемся мы от других случаев незаконного заселения

невозделанных планет? Лучше ли проявили мы себя в минимизации причиненного ущерба? Каковы наши шансы оставаться незамеченными? Какое наказание получали другие скваттеры, будучи пойманными? Насколько далеко по Тропе Избавления должна пройти раса, чтобы перестать быть преступной и стать благословенной?

Свитки предлагают руководство в этих вопросах. Но они не проливают свет на одну из величайших загадок.

Почему так много рас явилось на эту маленькую планету за такое короткое время?

По сравнению с полумиллионом лет, прошедших с отлета буйуров, две тысячи — незначительный промежуток. Больше того, существует множество невозделанных планет — почему именно Джиджо? На Джиджо множество мест — почему именно Склон?

На каждый вопрос есть ответ. Огромная испускающая углерод звезда Измунути начала засеивать окружающее пространство лишь несколько тысяч лет назад. Нам говорят, что это каким-то образом вывело из строя роботов-часовых, патрулирующих маршруты этой системы, и тем самым дало возможность пройти крадущимся кораблям. Есть также неясные намеки

на то, что вскоре “время бедствий” охватит все Пять галактик. Что касается Склона, то здесь богатая биосфера сочетается с активной вулканической деятельностью, и это обеспечивает уничтожение следов нашего пребывания без следа, словно мы никогда и не существовали.

Некоторых эти объяснения удовлетворяют. Но есть и такие, которые продолжают сомневаться.

Насколько мы уникальны?

На некоторых галактических языках такой вопрос невозможно даже сформулировать. В архивах за миллиард лет у всего можно отыскать прецедент. Оригинальность — это иллюзия. Все, что есть сейчас, когда-то уже было.

Возможно, это признак нашего низменного состояния сравнительно с нашими богоподобными предками, но мы не перестаем задавать себе вопрос.

Возможно, здесь происходит нечто необычное?

Спенсер Джонс. Проповедь Дня Высадки

Аскс

Самонадеянность глупа, учим мы, мудрецы. И во время этого величайшего нашего кризиса чужаки часто проявляют знания того, что мы считали надежно скрытым.

Должно ли это удивлять нас, мои кольца? Разве они не звездные боги из Пяти галактик?

Хуже того, разве мы оказались едины? Разве многие из Шести не поспешили торопливо воспользоваться своим правом на несогласие, вопреки нашим советам принимая подарки звездных людей? Некоторые просто исчезли, включая девушку-сунера, которая так рассердила Лестера своей неблагодарностью, осмелившись украдкой вернуть себе сокровище, которое принесла. Это сокровище чрезвычайно заинтересовало нашего мудреца-человека. Живет ли она сейчас в погребенной станции, и с ней обращаются, как г'кек со своим любимым зукиром? Или небесные преступники просто уничтожили ее, как треки избавляется от истраченной мульчи или как английские тираны избавлялись от предателей, которые сослужили свою службу?

Несмотря на множество известных им тайн,

грабители кажутся поразительно невежественными для небесных богов.

Это удивительно — и слегка утешительно. С такими мыслями рассматривали мы гордых, внушающих страх гостей, которые сегодня утром явились на совет мудрецов.

Мои кольца, сохранилось ли еще воспоминание об этом событии в ваших восковых сердечниках? Помните ли вы, как звездный человек Ранн высказал свою просьбу? Попросил, чтобы несколько членов их группы участвовало в нашем следующем соединении со Святым Яйцом?

Просьба была вежливой, но прозвучала как приказ.

Нам не следовало удивляться. Как могли чужаки не заметить происходящего?

Вначале заметная только для наиболее чувствительных дрожь усилилась и теперь заполняет весь этот уголок нашего мира:

— свивает туман и пар, поднимающийся от гейзеров и горячих источников;

— направляет пролетающие стада птиц;

— будит дремлющих реуков и в пещерах, и в наших сумках;

— и даже пронизывает мириадом синих оттенков небо.

— Мы много слышали о вашем священном камне, — сказал Ранн. — Его активность отразилась на наших чувствительных инструментах. Мы хотим своими глазами увидеть это чудо.

— Хорошо, — от лица всех Шести ответил Вуббен, свертывая все три глазных стебелька в знак согласия. А как мы могли отказать?

— Прошу сказать — сколько будет в вашей группе? Ранн, внушительный для человека, ростом с треки и широкоплечий, как молодой хун, снова поклонился.

— Нас будет трое. Я сам и Линг, которую вы знаете. А что касается третьего, то его досточтимое имя Роценн и вы должны понять, какую высокую честь вам оказывают. Наш господин должен встретить все подобающие проявления вежливости и уважения.

Мы, мудрецы, изумленно замигали и задергались глазами, визорами и зрительными пятнами. Все, кроме Лестера Кембела, который, стоя радом с нашей грудой колец, негромко произнес:

– Значит, под землей все-таки с ними есть проклятый даникит.

Люди удивительные существа, но нарушение Лестером правил вежливости так поразило наши кольца, что “я” был потрясен. Неужели он не

боится, что его услышат?

Очевидно, нет. Через наш реук я читал неприязненное отношение Лестера к человеку напротив него и к его словам.

А что касается остальных членов совета, то не нужен даже реук, чтобы уловить их *любопытство.*

Наконец мы встретимся с ротенами.

Ларк

Дорогая Сара.

Караван с твоим письмом добирался сюда долго из-за неприятностей на равнине. Но как приятно снова увидеть твои знакомые каракули и узнать, что у тебя все хорошо! И у отца тоже, когда ты виделась с ним в последний раз. В наши дни мало находится поводов для улыбки.

Я пишу торопливо в надежде успеть передать письмо с очередным смелым курьером на каяке, который направится вниз по Бибуру. Если письмо дойдет до Библоса до того, как ты оттуда уедешь, надеюсь, я смогу убедить тебя не приезжать сюда. Здесь положение очень напряженное. Помнишь истории, которые мы дома рассказывали друг другу о плотине? Так вот, я не спал бы

сейчас в своем помещении на чердаке, если бы ты не учуяла запах дыма. Пожалуйста, оставайся в безопасном месте, пока мы не поймем, что происходит.

Как ты просила, я постарался расспросить о твоем загадочном Незнакомце. Очевидно, чужаки ищут кого-то или что-то и это не связано с их целью незаконного присвоения местного перспективного вида для его возвышения. Не могу доказать, что твой загадочный раненый и есть цель их поисков, но готов поручиться, что он составляет важную часть общей картины.

Я могу ошибаться. Иногда я чувствую себя котенком, глядящим вверх и старающимся понять причину ссоры людей по тому, как вверху движутся тени.

О, могу себе представить, как ты сейчас выглядишь! Не волнуйся, я не сдаюсь! В сущности у меня есть другой ответ на вопрос, который ты всегда мне задаешь… Да, я встретил девушку. И нет, не думаю, чтобы ты ее одобрила. Не уверен, что ее одобряет и этот парень.

Иронически улыбаясь, Ларк закончил первую страницу письма и отложил перо. Подул на бумагу, достал переносной пресс и провел войлоком по все еще влажным чернильным строкам. Потом

взял из кожаной папки новый лист, обмакнул перо в чашку с чернилами и продолжил.

Вместе с этим письмом посылаю оттиснутый вручную экземпляр последнего отчета мудрецов, который рассылают по всей Общине, плюс конфиденциальное приложение для Арианы Фу. Мы узнали кое-что новое, однако ничто не убеждает нас в безопасности выживания при возвращении корабля ротенов. Здесь Блур, и я помог ему осуществить твой замысел, хотя вижу потенциальные угрозы в предложенном тобой обращении с чужаками.

Ларк в нерешительности остановился. Даже такой завуалированный намек может оказаться слишком рискованным. В обычное время немыслимо, чтобы кто-нибудь заглядывал в чужую почту. Но во времена древних земных кризисов такое случалось, согласно историческим сведениям. Да и к чему волновать Сару? Чувствуя себя ни к чему не пригодным, Ларк смял второй листок и начал заново.

Пожалуйста, передай мудрецу Фу, что дочь Курта Шерл прибыла благополучно вместе с Б-ром, чья работа осуществляется так, как можно было пожелать.

Тем временем я занимался другими твоими

просьбами. Трудно расспрашивать этих небесных людей: они всегда требуют расплачиваться информацией, полезной для их целей. К тому же мне нельзя вызывать подозрений, почему меня интересует именно это. Тем не менее я постарался получить несколько ответов.

Один достался легко. Звездные люди обычно не используют англик, россик или любой другой "варварский язык волчат". Так выразилась вчера Линг — словно эти языки слишком вульгарные и неточные для того, чтобы ими пользовались настоящие ученые. О, и она, и другие достаточно владеют англиком, чтобы вести разговор. Но между собой они предпочитают общаться на Галсемь.

Он окунул ручку в чернила.

Это соответствует нашему предположению, что эти люди не представляют собой основную ветвь человечества. Иными словами, они не представители Земли, а часть группы, которая верна ротенам — той самой расе, которая утверждает, что является давно потерянным патроном человечества.

Помнишь, как мама побуждала нас обсуждать вопрос о происхождении? Один из нас выступал на стороне даникитов, а другой защищал взгляды

дарвинистов? Все это тогда казалось интересным, но бесцельным, поскольку все факты, которыми мы могли оперировать, были трехсотлетней давности. Кто бы мог подумать, что мы доживем до того, что ответ появится на Джиджо прямо у нас перед глазами?

Что касается истинности утверждения ротенов, ничего не могу сейчас добавить кроме того, что Линг и остальные безусловно в это верят.

Ларк сделал глоток свежей воды из глиняной чашки. Потом снова окунул перо.

Теперь о большой новости, возбудившей всех. Кажется, мы получим возможность взглянуть на эти загадочные существа! Через несколько часов один или несколько ротенов должны появиться из погребенной станции и присоединиться к паломникам, идущим к проснувшемуся Яйцу! Мы все это время не догадывались, что звездный корабль улетел, оставив не только Ранна и остальных людей.

Община напряжена, как виола со слишком туго натянутыми струнами. Эта банальная метафора не передает всего масштаба тревоги.

Пора заканчивать, если я хочу успеть поместить письмо в мешок для почты.

Посмотрим. Ты спрашивала также о “невралъ-

ных контактах". Используют ли чужаки такие приспособления для непосредственной связи с компьютерами и другими устройствами?

Я собирался ответить утвердительно. Линг и остальные носят с собой крошечные приборы, которые позволяют им услышать голос и получить сведения, и все это, словно по волшебству, приходит издалека.

Но потом я вспомнил твое описание раны Незнакомца и передумал. Грабители управляют своими машинными голосами и жестами. Ничего похожего на вживленные в мозг контакты или на "мгновенное соединение человека с машиной", о котором говорит Ариана, я не видел.

Теперь, подумав об этом…

Ларк снова окунул перо в чернила, собираясь продолжить, но остановился.

На дорожке из гравия у его палатки прозвучали шаги. Он узнал тяжелые движения серого квуэна. И это не небрежный, лишенный значительности шаг Утена. Равномерная, полная достоинства последовательность, состоящая из сложного чередования ног, — трудная для усвоения аристократическая походка, которой обучали хитиновых матриархов, именовавшихся иногда серыми королевами.

Ларк отложил ручку и закрыл папку. В клапане палатки появилась широкая низкая фигура. Голос Харрулана сопровождался вздохами из трех речевых щелей, причем каждая издавала разные ноты на высоком квуэнском диалекте Галактического шесть.

— Друг Ларк, ты внутри? Пожалуйста, Приветствуй меня. Я пришел с бесценным даром.

Ларк отбросил клапан, заслоняя глаза от заходящего солнца, которое посылало наклонные лучи между лесными гигантами.

— Приветствую тебя, Харрулан, товарищ по вере, — ответил он на том же языке.

Пятиугольный панцирь Харрулана покрыт одеянием пилигрима, оставляя неприкрытым центральный купол. В лучах солнца сверкала вышивка на одежде, изготовленной г'кеками. Ларку потребовалось еще несколько мгновений, чтобы заметить и другое отличие: вокруг пепельного цвета купола квуэна что-то обернуто.

— Ага, — сказал Ларк, переходя на более простой седьмой диалект. — Значит, это правда. Маска возобновила свое предложение.

– Получать корм из наших тел в обмен на раскрытие наших душ. Действительно. Маска вернулась к нам. Пещеры, казавшиеся пустыми,

теперь, когда Яйцо возобновило пение, кишат молодыми неустоявшимися реуками. Разве это не доброе предзнаменование? Радоваться ли нам?

Щелчком когтя Харрулен подозвал лорника, который скрывался за корпусом хозяина. Маленький слуга выкатился из-за массивного квуэна, подражая его величественной походке. В миниатюрных руках с тремя пальцами была коробка полированного дерева со следами-бороздками личной резьбы зубами.

— В последней партии молодых реуков из пещеры было немало и предназначенных для благородных человеческих лбов, — продолжал Харрулен. — Пожалуйста, выбери себе сам этот знак моего глубокого уважения.

Ларк взял у лорника коробку, зная, что нельзя ни благодарить, ни пытаться поймать взгляд маленького застенчивого существа. В отличие от шимпов и зукиров, лорники в состоянии контактировать только с той расой, которая привезла их на Джиджо почти тысячу лет назад.

Ларк осторожно снял с подарочной коробки крышку в тонких бороздках. По традиции квуэнов, коробка вырезана лично дарителем и не может быть снова использована ни для какой другой цели. Внутри на подстилке из тонких опи-

лок тару дрожало несколько клубков щупалец в коричневых пятнах, накрытых разноцветными прозрачными пленками.

Так мало времени прошло. И так много еще нужно сделать. На самом деле это большое преимущество…

Ларк, конечно, предпочел бы сам пойти в пещеру и выбрать для себя нового реука, как поступал уже трижды с достижения зрелости. Казалось необычным выбирать из коробки. А что ему делать с остальными?

Несколько щупалец осторожно поднялись, вытянулись к свету. Но лишь одна пара не проявляла нерешительности, устремившись к Ларку, натягивая между щупальцами тонкую паутину.

Да, это реук, предназначенный для человека, подумал Ларк. *И кажется он новым и полным сил.*

Первоначальная неуверенность вполне естественна. Обычно личный реук действует много лет. Так трудно было смотреть на последнего реука, который бессильно лежал в выложенной мхом сумке все время, когда молчало Яйцо. И невозможно воспользоваться симбионтом, принадлежащим другому. Человек скорее поделится своей зубной щеткой, чем реуком.

— Велика моя благодарность за этот неожидан-

ный дар, — сказал Ларк. И по-прежнему не очень охотно поднес дрожащее создание ко лбу.

Прежний реук напоминал пару старых туфель — или любимые очки от солнца урской работы — удобно, привычно и легко использовать. Этот дергался и извивался в возбужденной готовности, жадно искал вены на висках, к которым мог бы припасть. Прозрачная пленка плотно закрыла глаза Ларка, ей передалась дрожь возбуждения реука, и от этого у Ларка только закружилась голова. Потребуется время, чтобы достичь понимания с новым существом. В идеале полагается, чтобы старый реук обучил нового, прежде чем умрет.

Чудеса Ифни часто иронически рассчитаны во времени. Нам так долго приходилось общаться с чужаками без помощи реуков. И теперь, в самый критический момент, они возвращаются так неожиданно, что оказываются только помехой.

Тем не менее он вежливо сделал вид, что испытывает удовольствие и поблагодарил Харрулена за замечательный подарок. К счастью, собственный реук Харрулена тоже вел себя беспокойно и не передал противоречивые чувства Ларка.

Дробный танец ног и когтей предводителя еретиков свидетельствовал о его удовольствии.

Пленка на глазах Ларка добавила поток искр, которые *могли* переводить эмоции квуэна. А может, это просто бессмысленные разряды возбужденного необученного реука.

Но вот Харрулен неожиданно сменил тему и перешел на англик.

— Ты знаешь, что время паломничества совсем близко?

— Я как раз писал письмо. Сейчас наброшу одеяние и через мидур присоединюсь к группе у камня-Колеса.

Отчасти потому что о присутствии Ларка попросила Линг, мудрецы предоставили фракции еретиков две шестерки из ста сорока четырех избранных, которые совершат первое восхождение и будут приветствовать проснувшееся Яйцо. Услышав новость, Ларк ощутил привычное тепло, исходящее от камня, который он всегда носит на шее. Его напоминание и одновременно наказание. Паломничество с таким амулетом дается нелегко.

— Хорошо, — ответил Харрулен. — У камня-Колеса, прежде чем присоединиться к остальным, мы обсудим последнее предложение фанатиков…

Голос еретика стих, квуэн подобрал все пять ног

под панцирь, присел и начал чувствительным языком ощупывать землю. На этот раз реук Ларка передал целый клубок ярких эмоций — ореол из смеси отвращения с неодобрением.

Харрулен продолжил:

— Кто-то еще на тропе. Тот, чье благородное происхождение противоречит недостойной спешке.

Что нему? Ларк удивился. Иногда англик, когда им пользовались другие расы, вызывал у него затруднения. Может, не так уж и хорошо, что хаотичный человеческий язык приобрел такую популярность на Джиджо.

Вскоре он подошвами ног тоже ощутил дрожь земли. Пятичленный ритм, даже более знакомый, чем походка Харрулена. Похожий, но более простой, менее аристократический, походка того, кто слишком торопится и жаждет действий, чтобы заботиться об этикете или внешности.

Подняв вихрь ветвей и листьев, показалась еще одна бронированная фигура.

Подобно Харрулену, таксономист Утен одет для паломничества — в небрежно наброшенное, цельное белое одеяние, которое *с* него свисает, как чья-нибудь старая простыня. Панцирь его чуть темнее, чем у его полного неодобрения ро-

дича. Как и у Харрулена, у Утена новый реук, что объясняет его неуверенную походку и то, что он дважды сворачивал с тропы, отвлеченный роями жужжащих насекомых. Ларк стащил своего собственного симбионта с глаз. Ему не нужна помощь, чтобы увидеть возбуждение коллеги.

— Ларк-арк, Харрулен-лен, — запинаясь, сразу из нескольких щелей несогласованно заговорил Утен. Харрулен презрительно повернул к нему купол, дожидаясь, пока вновь прибывший переведет дыхание.

— Идемте быстрей, вы оба. Они выходят!

– *Кто* выходит?… — начал Ларк, и тут же понял, что Утен может говорить только об одном. Он кивнул.

— Дайте мне дур.

Ларк исчез в палатке, поискал свое одеяние пилигрима и остановился у письменного стола. Выхватил из папки незаконченное письмо и сунул в рукав вместе с подточенным карандашом. Чернила элегантней и не сотрутся. Но Саре все равно, если письмо дойдет до нее и сообщит самые последние новости.

— Пошли! — нетерпеливо торопил Утен вышедшего Ларка. — Садись на меня и поскакали! — Серый квуэн-ученый опустил один конец панциря

к земле. На этот раз Харрулен даже застонал от раздражения. Конечно, дети так часто делают, но для взрослого серого, особенно с такой родословной, как у Утена, совершенно недостойно нести на своей спине человека. Однако так они быстрей доберутся до Луга Скрывшихся Чужаков и увидят поднявшееся чудо.

Называя их прекрасными, Линг допускала преуменьшение.

Ничего подобного Ларк никогда не видел. Даже когда листал древние книги с картинками или читал написанные до Контакта фантастические книги. Не было такого даже в снах.

На просторечии джиджоанских изгнанников всех галактов принято называть “звездными богами”. Но вот на лесной поляне существа, которые буквально достойны такого названия, настолько изысканны они внешне. Ларк мог лишь несколько мгновений смотреть на них, потом ему пришлось отвести полные слез глаза. В груди заболело.

Линг и остальные чужаки-люди образовали почетную стражу вокруг своих благородных патронов, а сверху летали бдительные роботы. Иногда один из рослых ротенов пальцем подзывал Ранна или Беш, показывая на соседнее

дерево, павильон, стадо животных или застенчивого ребенка г'кека, и те, как послушные дети, усвоившие урок, начинали объяснять.

Собралась толпа. Прокторы Собрания, вооруженные красными палками, удерживали собравшихся, но никакой сумятицы не было. Атмосфера благоговения была такой напряженной, что не слышно было даже шепота.

Сильнее всего зрелище подействовало на людей, которые смотрели пораженно, видя почти *знакомое.* Ротены невероятно гуманоидны, у них высокие благородные лбы, широко расставленные привлекательные глаза, красноречивые благородные носы и мягкие изогнутые брови. Казалось, они с искренним интересом разглядывают все окружающее. Ларк решил, что это сходство не случайно. Физическое и эмоциональное сходство могло быть вызвано искусственно за время долгого процесса возвышения, десятки тысяч лет назад, когда специалисты ротенов видоизменяли племя неуклюжих, но перспективных человекообразных обезьян во времена плиоцена. Готовили из них существа, достойные звезд.

Очевидно, ротены действительно давно потерянные патроны человечества, как и утверждала

Линг. Ларк пытался сохранить отношение настороженного нейтралитета, но обнаружил, что перед такими очевидными фактами сделать это трудно. Кем еще может быть эта раса, как не утраченными патронами людей?

Когда два божественных гостя были представлены собранию высоких мудрецов, Ларк слегка успокоился, видя невозмутимое выражение Вуббена, Фвхун-дау и других. Ни у кого по такому случаю не было реука. Даже Лестер Кембел сохранил спокойствие, по крайней мере внешнее, когда его представляли Ро-кенну и Ро-полу. Ранн громко, чтобы все услышали, произнес их имена.

По человеческим стандартам, Ро-кенн казался мужчиной. И хотя Ларк старался не поддаваться аналогиям, ему показалось, что Ро-пол, с более тонкими чертами лица, возможно, женщина. Когда эти двое улыбнулись, обнажив маленькие белые зубы и демонстрируя радость встречи, толпа возбужденно зашумела. Улыбку Ро-пол можно даже назвать улыбкой с ямочками. Ларку хотелось воспользоваться словом *“веселая”,* чтобы описать жизнерадостную наружность меньшего по размерам ротена. Легко полюбить такое лицо, теплое, открытое, понимающее.

Это имеет смысл, подумал Ларк. *Если ротены*

действительно наши патроны, они должны были вложить в нас врожденный образец для оценки.

Не на одних землян они произвели впечатление. В конце концов у Шести богатый опыт общения друг с другом. Не нужно быть квуэном, чтобы ощутить харизму величественного квуэна, так что почему бы урам, хунам или г'кекам не ощущать мощного магнетизма гуманоидов? Даже без реуков большинство присутствующих негуманоидов удвоило преобладающее настроение — *надежды.*

Ларк вспомнил уверенность Линг в том, что предприятие грабителей завершится удачно и что Общине Джиджо ни в чем не придется меняться. *“Все образуется”,* — сказала она.

Линг также рассказывала ему, что даже среди могучих галактических кланов ротены занимают особое положение. Сознательно действуя незаметно, они добились того, что Землю вычеркнули из списка планет, подлежащих колонизации, и на полмиллиарда лет оставили невозделанной. Ларку трудно было представить себе, с какими возможностями это связано. Не нуждаясь во флотах и оружии, ротены были влиятельными, таинственными, загадочными — во многих отношениях богоподобными даже по сравнению

с могучими существами, чьи бронированные армады громыхают повсюду в Пяти галактиках. Неудивительно, что Линг и ее спутники считали себя выше так называемых “законов” миграции и возвышения, когда просеивали биосферу Джиджо в поисках видов, достойных принятия. Неудивительно, что они не опасались быть пойманными.

С того момента как эта пара появилась из погребенной станции, реуки, только что из пещеры, тоже казались ошеломленными. Тот, что сидел на лбу Ларка, дрожал, окружая фигуры ротенов плещущим ореолом, и Ларку пришлось его снять.

Он попытался взять свои мысли под контроль, восстановить скептическое отношение.

Возможно, все продвинутые расы умеют делать то же, что ротены делают сейчас, — производить впечатление на тех, кто стоит ниже на лестнице по статусу. Возможно, мы все, будучи примитивными, излишне впечатлительны. Ведь у нас нет иного опыта встреч с галактами.

Но скептицизм трудно сохранить, слушая, как ротены разговаривают с мудрецами теплыми, полными сочувствия голосами. Робот усиливал звуки разговора, чтобы могли слышать все присутствующие.

Мы двое выражаем благодарность за ваше гостеприимство и свидетельствуем свое уважение, сказал Ро-кенн на четком, грамматически идеально правильном Галшесть.

Далее мы выражаем сожаление по поводу тревоги, которую наше присутствие могло вызвать в вашей благородной Общине, добавила Ро-пол. *Только недавно осознали мы всю глубину вашего беспокойства. Мы преодолели свою естественную сдержанность — застенчивость, если хотите, — и вышли, чтобы успокоить ваши совершенно необоснованные страхи.*

Снова шепот надежды в толпе — необычное чувство для джиджоанских изгнанников.

Снова заговорил Ро-кенн.

Мы выражаем радость и благодарность за приглашение участвовать в ваших священных обрядах. Один из нас будет сопровождать вас сегодня вечером, чтобы созерцать чудо, воплощенное и демонстрируемое вашим прославленным Святым Яйцом.

Тем временем, продолжила Ро-пол, *второй удалится, чтобы обдумать, как наилучшим образом вознаградить вашу Общину за старания, тревоги и жестко ограниченный образ жизни.*

Ро– пол как будто ненадолго задумалась над

этой проблемой, подбирая слова.

Мы собираемся сделать подарок. Нечто такое, что поможет вам в предстоящих веках, когда ваши соединившиеся расы будут искать спасения на долгом и трудном пути, известном как Возврат-к-Невинности.

По рядам зрителей пронесся гул — радость от неожиданной новости.

Теперь мудрецы по очереди произносили приветственные речи, начиная с Вуббена, чьи престарелые колеса скрипели, когда он выкатился вперед, цитируя один из древнейших свитков. Нечто уместное относительно священной природы милосердия, которое проявляется тогда, когда меньше всего ожидаешь, блага, которое невозможно заслужить или даже измерить, только радостно принять, когда оно придет.

Ларк снова надел на глаза новый реук. Пара ротенов по-прежнему окружена многоцветным нимбом, так что, пока Вуббен продолжал говорить, Ларк повернулся и стал разглядывать присутствующих.

Конечно, реук не открывает волшебное окно, в которое видно душу. Главным образом реуки помогают компенсировать тот факт, что у каждой расы мозг приспособлен для понимания

эмоционального состояния только представителей своей расы. Реук особенно эффективен, когда представитель другой расы тоже снабжен реуком, особенно если симбионты и раньше обменивались гормонами эмпатии.

Поэтому мудрецы сейчас обходятся без реуков? Чтобы скрыть свои тайные мысли?

Он улавливал в толпе рябь хрупкого оптимизма и мистического удивления, тут и там вздымались пенные волны почти религиозного восторга. Однако были и другие цвета. От нескольких десятков квуэнов, хунов, уров и людей: прокторов и милиционеров — исходили более холодные цвета долга. Цвета отказа отвлекаться на что угодно, кроме разве сильного землетрясения.

Еще одну цветную рябь Ларк тоже узнал: это долг другого рода, более сложный, сосредоточенный и тщетный. Его сопровождало мгновенное отражение стеклянных линз. *Блур и его помощники работают,* догадался Ларк. *Сосредоточенно фиксируют происходящее.*

Теперь симбионт Ларка работал лучше. Больше того, вопреки отсутствию подготовки, он, возможно, никогда больше не будет таким чувствительным. В этот момент почти все ре-уки в долине одного возраста, они только что по-

явились из пещер, где переплетались грудами, обмениваясь энзимами единства. Каждый из них обостренно чувствует присутствие остальных на гораздо большем, чем обычно, расстоянии.

Нужно предупредить Блура. Его люди не должны надевать реуки. Если я смог их заметить, роботы тоже смогут.

Его внимание привлекла еще одна вспышка, краткая вспышка на самом краю поляны, выделяющаяся на фоне общего настроения, как огонь на ледяном поле. Невозможно было не узнать ядовитую *ненависть*.

Ларк разглядел косматую змееподобную шею под профилем небольшого кентавра. Сама голова скрыта ореолом цветов реука.

Носитель далекого мощного симбионта неожиданно заметил сосредоточенный взгляд Ларка. Самка ура перенесла свое внимание с чужаков и мудрецов и прямо посмотрела на Ларка. Они смотрели друг на друга через толпу теснящихся, вздыхающих граждан. Затем одновременно сняли реуки.

В ясном свете Ларк встретил ее немигающий взгляд: это была урская предводительница фанатиков. Мятежница, чья ненависть к чужакам гораздо сильней, чем предполагал Ларк. И когда

все ее три яростных глаза устремились к нему, Ларку не нужна была помощь реука, чтобы перевести, что испытывает предводительница фанатиков к *нему*.

В лучах заходящего солнца она изогнула шею и раскрыла пасть в выражении чистого и открытого презрения.

Паломничество началось в сумерках, когда длинные тени леса указывали на тайную горную тропу. Общину представляли двенадцать дюжин граждан, участвовали также два звездных человека, четыре робота и одно высокое древнее существо, чья неловкая походка выдавала огромную силу под сверкающими белыми одеждами.

Судя по такой человеческой улыбке, очень многое доставляло Ро-кенну удовольствие, особенно ритмичное пение, когда паломники проходили мимо горячих источников и крутых утесов, извилистой цепочкой приближаясь к скрытой овальной Долине Яйца. Ладонями с длинными пальцами ротен поглаживал стройные стволы деревьев велпал, которые раскачивались в такт излучениям тайной долины. Большинство людей услышат это, только подойдя гораздо ближе.

В душе Ларка кипели темные чувства. И в этом он был не одинок. Многие, особенно те, кто далек

от жизнерадостной харизмы Ро-кенна, испытывали тревогу из-за того, что чужаки приближаются к святому месту.

Процессия медленно шла, катилась, скользила — поднималась в горы. Вскоре на небе появились сверкающие фигуры из множества огненных точек — яркие скопления, разделенные темной полосой Галактического Диска. Это зрелище больше всего подчеркивало неравенство образа жизни, потому что сегодняшние гости вскоре вернутся в эти звездные просторы, которые покинули в мире или предательстве. Для них Джиджо станет еще одним необычным, примитивным, возможно, слегка любопытным местом — одним из многих таких мест, в которых они побывали за свою долгую божественную жизнь.

Когда Ларк в прошлый раз шел этим путем, полный мыслями о своей миссии избавить Джиджо от чужаков, таких, как он сам, никому и в голову не приходила мысль о звездных кораблях в небе Джиджо.

Однако они уже были там и готовились к посадке.

Что может быть более пугающим? Опасность, которую ты уже испытал, или то, что еще готовит тебе вселенная? Нечто такое, что сделает

все предыдущие тревоги ничтожными?

Ларк надеялся, что его мрачное настроение не отразилось в письме к Саре, которое он торопливо закончил карандашом в верховьях Бибура вскоре после появления ротенов. Гребец на каяке добавил письмо Ларка к тяжелому грузу, переданному Блуром, и отплыл, работая веслами, устремился к первой гряде порогов. Он плывет в Библос, который находится в двух днях напряженной гребли.

На обратном пути, направляясь на встречу с другими еретиками, Ларк задержался, чтобы посмотреть как выплывает из темного туннеля воздушный корабль чужаков. Подобно призраку, он поднимался под негромкий рокот двигателей. Ларк разглядел маленький человеческий силуэт, с руками и лицом, прижатым к овальному стеклу. Человек упивался увиденным. Фигура показалась Ларку знакомой… но прежде чем он успел достать свой карманный бинокль, корабль улетел на восток, к утесу, где над Риммером всходила самая крупная луна.

Теперь, когда процессия углубилась в последний извилистый каньон на пути к Яйцу, Ларк постарался забыть все временные тревоги и заботы и подготовиться к единству. *Возможно,*

это мой последний шанс, думал он, надеясь на этот раз полностью разделить слияние, которое испытывают другие, когда Яйцо распространяет свою любовь в полной мере.

Просунув правую руку в рукав, он, несмотря на растущую температуру, схватил кусок камня. На память пришел отрывок из Свитка — версия на англике, переведенная для землян одним из первых человеческих мудрецов.

Мы плывем без руля по потоку времени, преданные своими предками, которые оставили нас здесь, мы не видим того, что с таким трудом завоевывалось веками,

мы боимся света и закона,
но больше всего в глубине души
мы боимся, что никакого Бога нет,
нет Отца,
нет нашего небесного Защитника
или что он забыл о нас, предоставил нас
судьбе,
року.

Куда нам повернуть в своей боли изгнания, когда наша обитель потеряна, а вера погублена вероломством?

Какое утешение доступно существам, затерянным во времени?

Один источник обновления
никогда не изменит.
Действует он долго,
И средства его — огонь и дождь,
лед и время.
Для бедных изгнанников это дом.
Джиджо.

* * *

Отрывок заканчивался странным смешением покорности и вызова.

Если мы все еще нужны Богу, пусть найдет нас здесь.

А до этого времени мы станем частью

Нашего нового мира.

Но чтобы не мешать, а служить Его циклу жизни.

Чтобы вырастить скромную доброту из грязных семян преступления.

Вскоре после того как этот свиток получил распространение среди людей, одним зимним днем земная дрожь потрясла весь Склон. Деревья падали, плотины прорывались, подул сильный ветер. Паника охватила всех от гор до моря. Все решили, что наступил Судный день.

Но вместо этого в облаке сверкающей пыли

явилось Яйцо. Дар от самого сердца Джиджо.

Дар, который можно будет разделить сегодня — разделить с чужаками.

Что, если они достигнут того, что никогда не давалось ему? Или еще хуже — если они ответят презрительным смехом? Скажут, что Яйцо — это пустяк и только деревенщины способны воспринять его серьезно, как легендарные земные туземцы обожествляли музыкальный ящик, найденный на берегу?

Ларк постарался отмахнуться от этих мелочных мыслей, настроиться на бас хунов, звуки каллиопы квуэнов, скрип колес г'кеков и вклад всех остальных в песнь единства. Он постарался дышать в такт размеренному шагу, а тепло камня меж тем словно разливалось по телу, поднялось по руке, охватило грудь, распространяя расслабленную отчужденность.

Уже близко, подумал он. В сознании начал возникать неясный рисунок. Похожая на паутина путаница смутных спиралей, состоящих частично из звуков, частично из видимых образов.

Как будто кто-то старается…

— Ну разве это не замечательно? — послышался голос справа, в клочки разрывая сосредоточенность. — Мне кажется, я что-то уже чувствую!

Не похоже на другие пси-феномены, которые я испытывала. Мотив весьма необычный.

Не обращай на нее внимания, думал Ларк, цепляясь за рисунок в сознании. *Может, она замолчит.*

Но Линг продолжала говорить, слова ее сыпались непрерывно, и не слышать их было невозможно. Чем больше он старался замкнуться, тем быстрей исчезала сосредоточенность. Теперь Ларк потной рукой сжимал всего лишь каменный обломок, нагревшийся от тепла его тела. Он в отвращении выпустил его.

— Несколько дней назад наши приборы зарегистрировали дрожь. И какое-то время циклы дрожи набирали силу и сложность.

Линг как будто блаженно не сознает, что совершила нечто дурное. И это, в свою очередь, делало негодование Ларка мелочным и тщетным. И красота ее при лунном свете заставляла его нервничать больше, чем всегда, прорываясь сквозь гнев к внутреннему сознанию глубокого одиночества.

Ларк вздохнул:

— Разве вы не должны охранять своего босса?

— По-настоящему его охраняют роботы — как будто нам нужно чего-то опасаться. Ро-кенн

разрешил мне и Ранну осмотреться, пока он разговаривает с вашими мудрецами, готовя их к тому, что случится.

Ларк остановился так внезапно, что следующему пилигриму в цепочке пришлось свернуть, чтобы не наткнуться на него. Он взял Линг за локоть.

— О чем ты говоришь? Что должно случиться? В улыбке Линг были следы прежнего сарказма.

— Ты хочешь сказать, что еще не догадался? О, Ларк. Подумай о *совпадениях.*

Две тысячи лет сунеры разных рас живут на этой планете, ссорясь друг с другом и медленно регрессируя. Потом приходят люди, и все меняется. Хотя, когда вы начинали, вас было мало и вы были беспомощны, скоро ваша культура стала самой влиятельной на планете.

Затем, спустя несколько поколений после вашего появления, неожиданно из земли поднимается чудо, этот руководящий дух, который вы все почитаете.

— Ты имеешь в виду Яйцо, — сказал он, наморщив лоб.

— Совершенно верно. Неужели ты считаешь все это *случайным?* Или что патроны могли забыть вас?

— Наши патроны. — Ларк нахмурился. — Ты хочешь сказать… ты намекаешь на то, что ротены все время знали…

— О полете “Обители”? Да! Ро-кенн объяснил нам это сегодня утром, и теперь все приобретает смысл! Даже наше прибытие на Джиджо не случайно, дорогой Ларк. О, часть нашей миссии — поиск достойных предразумных, которые могли бы присоединиться к нашему клану. Но прежде всего мы явились за вами. Потому что эксперимент завершен!

— Эксперимент? — Ларк испытал мгновенную потерю ориентации.

— Тяжелое испытание для вашей маленькой ветви человечества, заброшенной и забытой — так вы считали — на этой варварской планете. Звучит жестоко, но дорога возвышения нелегка, когда раса должна достичь высот, запланированных патронами.

У Ларка в голове все смешалось.

— Ты хочешь сказать, что наши предки должны были оказаться на Джиджо? Как часть испытания, которое… должно было как-то нас преобразовать? И Яйцо тоже — часть заговора ротенов…

— Часть замысла, — поправила Линг. Голос ее звучал возбужденно и приподнято. — Великого

замысла, Ларк. *Теста,* который вы выдержали великолепно, как мне сказали. Это ужасное место старалось перемолоть вас, пригнуть, а вы становились все сильнее, умнее и благороднее.

А теперь пора вернуть преуспевший отросток на главный ствол, чтобы он помог человечеству расти, процветать и успешней отвечать на вызовы опасной вселенной.

Улыбка ее была полна веселья и радости.

— О, Ларк, когда я разговаривала с тобой в последний раз, я думала, что, может быть, мы возьмем с собой несколько человек, когда улетим.

Но новость гораздо более значительная и радостная, Ларк. Летят корабли. Множество кораблей! Пора *всем* вам вернуться домой.

Аскс

Изумление!

Новость пронеслась по нашим восковым полостям, острыми парами удивления отогнав торжественный рисунок/резонанс Яйца.

Мы/я/мы/я/мы/я… не могу коалесцировать как Аскс. Не могу думать о новостях без сознания единства.

Худшие слухи прошлого месяца, распространявшиеся недовольными урскими вождями и

раздражительными серыми королевами, утверждали, что люди могут покинуть Джиджо, улететь со своими небесными родичами и оставить остальные пять загнивать и быть проклятыми.

Но даже эта темная угроза оставляла нам одно утешение.

Единственную надежду.

Яйцо.

Теперь нам говорят

(не верьте этому!)

(но как?),

что святой овоид никогда не принадлежал нам! Он всегда принадлежал только людям! И у него была двоякая цель: вести землян к величию и одновременно смягчать, *приручать* остальных пять!

Укрощать остальные расы, чтобы люди были в безопасности во время своего краткого пребывания на Джиджо.

Но все превосходит оскорбительная “доброта”: ротены говорят, что яйцо будет оставлено нам в качестве прощального дара.

Оставлено как игрушка,

как безделушка,

как благодарность за наши старания.

Оставлено, чтобы позорить всех нас!

Помолчите, мои кольца. Помолчите. Проявите справедливость. Погладьте испарениями капли воска. Вспомните.

Разве Лестер Кембел не казался в таком же отчаянии, как и все остальные?

Разве все мудрецы не договорились скрыть новость? Уменьшить вред, который причинят слухи?

Бесполезно. Сейчас подслушивавшие граждане убегают, передавая преувеличенные версии того, что услышали, распространяя яд по цепочке паломников, разбивая объединявший нас ритм.

Однако мы чувствуем в могущественных ротенах блаженное неведение того, что что-то неправильно!

Неужели это и значит быть богом? Не сознавать вреда, который ты причинил?

Инфекция распространяется по извилистой тропе. Песня поклонения прерывается, распадается на множество дюжин встревоженных индивидов.

Теперь с моего/нашего самого высокого кольца мы видим впереди новое беспокойство, оно распространяется с переднего края процессии. Эти две волны тревоги сталкиваются, как волны на бурном озере, перекатываются друг через друга

в пене шума.

— Путь перекрыт, — кричит запыхавшийся посыльный, торопясь передать известие по всей цепочке. — Дорогу преграждает веревочный барьер с лозунгами!

НЕТ ПРЕСТУПНОМУ СВЯТОТАТСТВУ

НЕ ПОДПУСКАЙТЕ НЕБЕСНУЮ ГРЯЗЬ

МЫ НЕ ПОЗВОЛИМ НАСМЕХАТЬСЯ НАД ДЖИДЖО!

Это может быть только делом рук фанатиков.

Наш сердечник охвачен раздражением. Какое подходящее время выбрали фанатики для своего выступления!

Мы, мудрецы, должны сами увидеть. Даже Вуббен торопится. И мои нижние сегменты с трудом поспевают за ним. Ро-кенн вдет со спокойным изяществом и кажется невозмутимым.

Но все же, мои кольца, неужели мы видим *перемены* в ауре Ро-кенна? Через свой реук мы замечаем несоответствия частей его лица, словно внешнее спокойствие ротена маскирует внутреннюю сумятицу.

Неужели реук способен столько прочесть в чужаке, с которым мы познакомились только сегодня? Или это потому, что у меня один из немногих старых реуков, уцелевших от прежних

дней? Или мы увидели это потому, что треки настроены на сохранение внутреннего единства?

Впереди — вызывающие лозунги.

Наверху — на вершинах утесов храбрая (но глупая) молодежь размахивает оружием.

Внизу — Фвхун-дау гулким голосом просит изложить их требования.

Их ответ? Гулко разносится по каньонам и парящим фумаролам требование — чужаки должны улететь! Или испытают на себе месть величайшей силы Джиджо.

?!!

Фанатики угрожают ротенам Яйцом?

Но разве ротены не утверждают, что великий овоид явился по их приказу?

На лице ротена появляется выражение, которое можно истолковать как холодный интерес. Он считает угрозы фанатиков блефом.

– Увидим ли мы, что имеет силу, чтобы подкрепить их требования? — спрашивает звездный бог. — *Сегодня вечером Яйцо и Джиджо будут свидетельствовать о нашей силе.*

Лестер и Вуббен просят сдерживаться. Но Рокенн не обращает на них внимания. По-прежнему улыбаясь, он приказывает роботам по обе стороны барьера схватить удерживающие лозунги

столбы. Наверху предводительница мятежников вытягивает свою длинную шею, выкрикивая угрозы на просторечном диалекте, призывая проснуться тайные силы Джиджо. Очистить наглый мусор пламенем.

Молодая предводительница — прекрасная актриса. Она топает копытами и предсказывает ужасные наказания. Наши самые доверчивые кольца на мгновение даже начинают верить ей…

верить…
верить…
Что происходит?
Что… происходит?
Какие впечатления
проникают
теперь
внутрь
быстрей, чем тает воск?
Какое
возникает
сознание,
которое охватывает
кольцо
за кольцом
так что все события

становятся равными
во времени
и в значении?
Что происходит?
…двойная молния очерчивает множество дюжин паломников, их тени бегут от белого пламени…
…жалуется разорванный металл… разлетается… рушатся пылающие обломки…
…образы уничтожения… две дымящиеся груды… еще мусор, который предстоит собрать и утопить в море…
Другими пятнами-глазами я/мы вижу удивление и ужас на лице Ранна, небесного человека.
…аура Ро-кенна разрывается противоречиями… словно одно кольцо треки охвачено радостью, а другое корчится от гнева…

* * *

А теперь и нечто новое разрывает прежние впечатления.
…зрительными пятнами на противоположной стороне мы первым замечаем огненное копье…
…обжигающая яркость поднимается по западной стороне неба… прямо от Поляны Собраний…
…земля под нами дрожит…

…истинный звук появляется чуть позже, разносится в разреженном воздухе, приносит нам низкий стон, подобный грому!

Наконец события замедляются настолько, что наши вращающиеся испарения могут с ними сравняться. Окружающее воспринимается цельно и последовательно. А не разорванно и параллельно.

Успокойтесь, мои кольца.

Неужели мы видим двух уничтоженных роботов, которые пытались разрушить барьер фанатиков?

Неужели мы были оглушены страшным взрывом за нами? На Поляне Собраний?

То, что было упорядоченным паломничеством, превращается в толпу. Небольшие группы бегут вниз, к пыльной, освещенной луной завесе, оставленной краткой вспышкой. Люди для безопасности держатся вместе, цепляясь за своих оставшихся хунских и квуэнских друзей, в то время как другие квуэны и множество уров презрительно кричат сверху, выкрикивают угрозы.

Ро– кенн не идет, а едет на платформе между двумя оставшимися роботами. Он спешно говорит что-то в небольшой прибор и с каждым мгновением приходит все в большее возбужде-

ние. Его человеческие слуги находятся в шоке.

Женщина — Линг — держит за руку Ларка, нашего молодого человека-биолога. Утен предлагает подвезти их, и они взбираются на его широкую серую спину. Все трое исчезают на тропе вслед за Ро-кенном.

Ум– Острый-Как-Нож сжато предлагает везти эту груду колец, этого Аскса!

Могу ли я/мы отказаться? Фвхун-дау уже несет Вуббена на своих сильных чешуйчатых руках. Человек-мудрец тянет г'кека, чтобы оба могли быстрей спуститься и посмотреть, что случилось.

Мы голосуем и большинством колец принимаем предложение. Но после нескольких дуров торопливой квуэнской скачки раздаются требования пересмотра результатов голосования! Но мы продолжаем висеть, цепляясь за панцирь и жалея, что не пошли пешком.

Проходит время в напряжении, издеваясь над нашими бесполезными догадками. Тьма поглощает мудрость. Блестящие звезды словно смеются над нами.

Наконец на вершине утеса мы расталкиваем окружающих, чтобы бросить взгляд.

Способны ли вы почувствовать это, мои коль-

ца?

Объединившись в шоке, я вижу дымящийся кратер, полный искореженного металла. Святилище, в котором Ро-кенн и небесные люди жили среди нас много недель. Их погребенная крепость — теперь огненные развалины.

Действуя с хладнокровной решительностью, Ур-Джа и Лестер Кембел призывают добровольцев, которые могли бы спуститься в дымную яму и, рискуя собственной жизнью, предпринять героическую попытку спасения. Но кто может выжить в таких разрушениях? Можно ли найти кого-нибудь живым?

У нас у всех возникает одна и та же мысль. У всех членов Шести. У всех моих колец.

Кто усомнится теперь в силе Яйца? Или в ярости оскорбленной планеты?

Незнакомец

С каждой новой найденной песней словно раскрываются двери, как будто старинные мелодии способны разворачивать целые пласты времени. Самые ранние воспоминания, те, что крепчевсего привязаны к музыкальной фразе или стихотворной строчке. Особенно быстро уносят его в

детство колыбельные.

Теперь он помнит свою мать, как она поет ему в безопасности теплой комнаты, поет баллады о мире, полном справедливости и любви, — сладкую ложь, которая помогает укрепить характер, хотя позже он и узнает правду о горькой, смертельно опасной вселенной.

Несколько причудливых песенок позволяют вспомнить бородатых близнецов, двух братьев, которые много лет выполняли роль отца в его семейной паутине, пару неизлечимых шутников, которые постоянно заставляли всех шестерых детей хохотать над их шутками и добродушными проделками. Снова и снова повторяя самые простые стихи, он обнаруживает, что почти понимает игру слов — настоящий прорыв. Он знает, что это детский, инфантильный юмор, но смеется и смеется над старинной отсебятиной, пока слезы не начинают течь по щекам.

Ариана Фу проигрывает для него новые записи, и некоторые вызывают поток новых воспоминаний: он заново переживает возбуждение от оперетт и мюзиклов, которые любил в юности. Чисто человеческая форма искусства, которая позволяет смягчить напряжение, когда человек вместе с миллионами других молодых мужчин

и женщин пытается овладеть высокомерной наукой цивилизаций, более древних, чем самые яркие звезды.

Он испытывает острую боль, вспоминая то, что когда-то принадлежало ему. Большинство слов и фактов остаются чуждыми, непостижимыми, даже имя его матери, да и его собственное тоже, но он по крайней мере начинает ощущать себя живым существом, личностью с прошлым. Человеком, чьи действия когда-то имели значение для остальных. Кем-то, кого любили.

И музыка — не единственный ключ! Другой предлагает бумага. Когда приходит настроение, он хватает карандаш и увлеченно рисует, покрывая страницу за страницей, подчиняясь стремлению рисовать, хотя и знает, что для этого нищего народа каждый листок — сокровище.

Когда замечает, что Прити украдкой пишет простое линейное уравнение, с радостью обнаруживает, что понимает!

Математика никогда не была его любимым языком, но теперь он обнаруживает ее привлекательность. Очевидно, цифры не покинули его, как это сделали буквы.

Он испытывает новое чувство, когда его лечит Пзора, эта груда похожих на пончики колец, кото-

рой он вначале так боялся. Странное единство, которое так же отличается от слов, как день от ночи. Лишенный речи, он словно лучше способен понимать оттенки запахов и прикосновений Пзоры. Щекотливое мерцание, вызванное постоянно меняющимися испарениями целителя, пронизывает тело. И снова его руки движутся словно по своей воле, отвечая на вопросы-запахи Пзоры на уровне, который он способен только смутно постичь.

Слова не нужны, чтобы понять иронию. Существа точно такого вида когда-то были его смертельными врагами — он знает это, ему не нужно это вспоминать. Они враги всего его рода. Как странно, что он столь многим обязан этой груде испускающих запахи колец.

Все эти трюки и сюрпризы позволяют проникнуть в его опустошение слабым лучам надежды, но лучшим способом возврата к тому, кем он был когда-то, все же остается музыка. Когда Ариана Фу предлагает ему инструменты на выбор — они выложены в стеклянной витрине, — он берет самый простой, с которым можно экспериментировать, выуживать новые мелодии; находить новые ключи к запертым дверям.

Первые неуклюжие попытки посылать несогла-

сованные звуки по извилистым проходам этого странного храма книг, спрятанного под каменной крышей. Он продолжает упорные старания и высвобождает новые детские воспоминания, но вскоре обнаруживает, что более поздние мелодии высвободить труднее. Возможно, в последующие годы у него было меньше времени на музыку, так что она слабее ассоциируется с событиями.

С событиями, которые привели к огненной катастрофе в этом ужасном болоте.

Воспоминания есть, он знает это. Они по-прежнему приходят к нему во сне, как приходили в бреду, впечатления от обширных пустых пространств. Невыполненные жизненно важные задания. Товарищи, которых он забыл и стыдится этого.

Склонившись над инструментом с сорока шестью струнами, он извлекает одну-две ноты, стремясь найти ключ, какую-то мелодию или фразу, которые могли бы прорваться сквозь нагромождения в мозгу. Чем больше этот ключ уклоняется, тем уверенней он знает, что ключ существует.

Он начинает подозревать, что ему нужно искать не человеческие песни, а что-то совершенно иное. Что-то одновременно знакомое и вечно

чуждое.

Этой ночью ему несколько раз снится вода. Это кажется вполне естественным, так как Сара дала ему понять, что завтра они уплывают на пароходе, оставляют эти полные книг залы и направляются в горы, где приземлился звездный корабль.

Новое плавание на корабле может объяснить эти смутные образы воды.

Позже он узнает правду.

XXI. КНИГА МОРЯ

Идя по тропе, ведущей вниз, по тропе избавления, знайте, что вы ищете.
Вы хотите отъединиться от предназначения своего клана, уйти от своих союзников, от патронов, которые дали вашей расе речь, разум и звездные полеты.
Вы говорите, что в первый раз они потерпели неудачу. Кто-то другой должен получить новый шанс принять вас и попытаться снова.
В этой игре есть благородство. Благородство и смелость.
Но не ждите благодарности от тех, кого вы отвергли.

Свиток Изгнания

Рассказ Олвина

День настал. После всех наших фантазий, подготовки и бесконечных деталей вот наконец мы вчетвером стоим перед открытым люком “Мечты

Вуфона”.

— Лучше бы построили плот, — нервно говорит Гек, и статическое электричество ее ближайшего колеса заставляет волосы на моей ноге встать дыбом. — Могли бы все лето плавать по рекам — без посторонних. И рыбачили бы.

Я гипервентилировал свой горловой мешок, как будто насыщение его тканей кислородом способно помочь там, куда мы направляемся! К счастью, Тиуг дал каждому из нас легкое успокоительное, что объясняет спокойствие Ур-ронн.

— Я не смогла бы плыть на плоту, — ответила Ур-ронн ровным невыразительным голосом. — Я бы промокла.

Мы все повернулись, посмотрели на нее и все — каждый по-своему — расхохотались. Клешня свистел, Гек гоготала, а я урчал, пока не стало больно. О Ур-ронн, что за характер!

– Ты права, — добавил Клешня. — Гораздо лучший план — воздушный шар с горячим воздухом. Давай уговорим Уриэль все переделать.

— Заткнитесь вы двое! — отругала нас Гек, и несправедливо: ведь начала-то она. Все мы повернулись к приближающейся Уриэль. За ней в двух шагах шел Тиуг. Маленький неполный треки Зиз, пришедший в себя от тяжелого испытания, уже

лежит в предназначенной для него клетке под выпуклым окном “Мечты”.

— Карты с вами? — Уриэль для надежности сама осмотрела сумку Клешни. Изготовленные по изобретенному людьми способу слоистые листы пластика слишком прочны, долговечны и потому не очень законны. Но мы ведь все равно направляемся в Помойку, так какая разница? Мы изучили курс, указанный Уриэль, и двинемся по нему, как только колеса “Мечты” коснутся илистого дна.

— Компас?

Компасы у Клешни и Ур-ронн. Намагниченные колеса Гек не должны помешать, если она не придет в слишком сильное возбуждение.

— Несмотря на спешку, мы рассмотрели тактику поведения в разных вариантах и провели репетиции. Надеюсь. — Уриэль покачала головой в человеческой манере — это выражение сожаления. — Осталось только одно. Там внизу вы должны отыскать один предмет. Вещь, которую вы должны найти для меня.

Гек помахала мне глазным стебельком.

Видишь? Я говорила! сообщила она на языке жестов Галдва. Гек много дней говорила, что должно быть что-то, в чем Уриэль отчаянно нуждается.

Какой-то скрытый мотив у всей этой поддержки. Что-то такое, что можем найти только мы одни, с нашей любительской лодкой. Я не обратил внимания на ее хвастовство. Гек слишком часто оказывается права, и нельзя потакать ей, иначе она решит, что это закон природы.

— Вот что вы должны искать, — сказала Уриэль, показывая нам рисунок так, чтобы никто, кроме нас, не смог увидеть. Колючий предмет с шестью концами, как фигура в детской игре. От двух концов в противоположных направлениях до самых краев листка отходят два длинных щупальца или кабеля. Мне показалось, что это какое-то живое существо.

– Это артефакт, который нам чрезвычайно нужен, — продолжала Уриэль. — Но еще важнее самого артефакта отходящие от него провода. Вы должны отыскать их и прикрепить к тросу, чтобы мы могли поднять,

Вот это да! подумал я. Мы четверо придерживаемся современных взглядов и с радостью прочесали бы Помойку в поисках сокровищ, даже вопреки указаниям Свитков. Но чтобы нам приказал сделать это мудрец? Неудивительно, что Уриэль не хочет, чтобы кто-то из стоящих поблизости граждан услышал об этой ереси!

— Сделаем! — воскликнул Клешня, на мгновение встав на две ноги, чтобы остальными тремя отдать салют. Все остальные уже стояли на рампе. Что нам делать? Воспользоваться этим как предлогом для отказа?

Ладно, подумал я. *Пусть меня привяжут к Яйцу и поют, пока я не сознаюсь.*

Я последним поднялся на борт — если не считать Хуфу, которая проскользнула у меня мимо ног, когда я уже собирался закрыть люк. Я закрутил колесо, и пузырь скинка натянулся, плотно закрыв щели, как замазка между кольцами трека. Закрытая дверь обрезала почти все звуки, слышались только свисты, шепоты, урчания и ворчания четырех испуганных детей, которые начинали понимать, куда их завело стремление подражать людям.

Потребовался мидур, чтобы убедиться в том, что действуют системы подачи воздуха и устранения влаги. Клешня и Ур-ронн впереди проверяли по списку, Гек испытывала рулевое устройство, а я сидел сзади, и мне делать было совершенно нечего — только поглаживать ручку, которую я пущу в ход, когда “Мечте” понадобится “двигатель”. Чтобы провести время, я гладил Хуфу, а ее острые когти давали необходимое отвлечение,

смягчали нервную чесотку внешней поверхности моего сердечника.

Если мы умрем, пусть Уриэль отправит наши тела домой, подумал я. Может, это была молитва, как те, которые возносят в трудном положении люди. Я читал об этом в книгах. *Пусть родители получат мою жизненную кость для вуфинования. Это поможет им в их горе и разочаровании: ведь я неправильно распорядился их любовью.*

XXII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Всякий, кто плавал в речном корабле и слушал бас рулевого-хуна, знает кое-что о процессе, который привел хунов к звездам.

Во– первых, этот звук показывает, каково происхождение названия расы. Согласно легенде, патроны гутатса, которые приняли и возвысили предразумных хунов, были очарованы их музыкальными способностями. Наделяя хунов речью, разумом и другими отличными качествами, гутатса также поработали над их горловым мешком, усиливая исходящий из него глубокий низкий звук, чтобы обогатить взрослую жизнь своих клиентов, когда те примут на себя ответственность в галактическом сообществе.

Гутатса предсказали, что эта способность позволит хунам стать лучшими патронами, когда они в свою очередь будут наделять даром мудрости, продолжая миллиарднолетний цикл разума в Пяти галактиках.

Сегодня мы знаем своих хунских соседей как терпеливых и достойных существ, которые не

склонны к быстрым вспышкам гнева, но доблестно ведут себя в трудном положении. Трудно сопоставить этот образ с первоначальной реакцией вначале уров, а потом людей, когда они узнали, что высокие живут на Джиджо. Реакция была враждебной и полной страха.

Каковы бы ни были первоначальные причины такого отношения, оно скоро ослабло, а потом совсем исчезло на протяжении одного поколения. Какие бы розни ни разделяли наших богоподобных предков, мы на Джиджо их неподдерживаем. В наши дни среди Шести трудно найти того, кто не любит хунов.

Но остается загадка — почему они вообще живут на Джиджо? В отличие от других рас Шести, они ничего не говорят о преследовании или даже о поисках места для размножения. Когда их спрашивают, зачем их крадущийся корабль, чрезвычайно рискуя, прилетел в это тайное убежище, они пожимают плечами и не могут ответить.

Единственный намек можно найти в Свитке Избавления, где мы читаем о вопросе последнего мудреца-глейвера. Этот мудрец опрашивал хунских поселенцев первого поколения, зачем они прилетели, и получил такой ответ:

“В это (тайное) убежище мы пришли (в надеж-

де) отыскать.

Отыскать (оплакиваемые) острия (утраченной) молодости.

Сюда нас послали советы (мудрого, тайного) оракула.

И это (полное опасностей) путешествие не было напрасным.

Ибо смотри с (радостным) удивлением, что мы нашли!"

В этот момент, как говорится в Свитке, хунский колонист указал на грубый плот, сооруженный из стволов бу, склеенных древесной смолой, — родоначальник всех последующих кораблей, которые плавают по рекам и морям Джиджо.

В наше время, спустя тысячу лет, трудно интерпретировать значение этого текста. Можно ли представить себе наших мохнатых друзей без кораблей? И когда мы представляем себе, их летящих в космических кораблях, разве не видим, как они преодолевают межзвездный прибой, пролагая путь меж планетами с помощью киля, руля и парусов?

Но разве не значит это, что когда-то уры "скакали" по галактическим прериям, и звездные ветры раздували их машущие хвосты? Или что

любой звездный корабль, построенный людьми, должен напоминать дерево?

Из “Нового обзора джиджоанского фольклора”

Ур– Кинтун и Германа Чанг-Джонса.

Издатели Тарек-города. 1901 год изгнания

Двер

Прошел мидур с наступления ночи, когда горящий уголь пересек небо, промелькнул длинной чертой, пересек небосвод и исчез на юге. Двер знал, что это не метеор, потому что искра пролетела под облаками.

И только когда он исчез, ушел за кроны соседнего леска, Двер услышал низкий гул, едва различимый за шелестом деревьев.

Двер никогда бы не заметил этого, если бы ужин с ним не поссорился. Но с тех пор как четверо людей стали добавлять к еде продукты, добытые на охоте, внутренности не раз подводили Двера. И вот он сидел в импровизированном туалете между двумя камнями и ожидал, пока внутренности не примут решение, усвоить или выбросить с таким трудом завоеванную еду.

Остальные чувствовали себя не лучше. Дэйнел и Дженин никогда не жаловались, но Лена всякий

раз, когда у нее урчало в животе, винила Двера.

— Такой знаменитый охотник. Ты десятки раз бывал здесь и не можешь отличить ядовитую добычу от хорошей?

— Пожалуйста, Лена, — просила Дженин. — Ты знаешь, что Двер никогда не пересекал Ядовитую равнину. Он может только искать животных, похожих на тех, что ему знакомы.

Дэйнел тоже пытался установить мир.

— Мы бы могли съесть ослов, когда у них станет меньше груза. Но после перехода через реку они слабы, и мы не можем пожертвовать ничем из лишнего груза.

Он имел в виду книги, инструменты и другие предметы, которые сделают человеческую жизнь за Риммером чуть менее варварской. *Если* будет окончательно решено оставаться здесь. Двер все еще надеялся, что до этого не дойдет.

— Но одно мы знаем, — продолжал Дэйнел. — Люди могут выжить здесь, в Серых холмах, и без всех этих чанов, которые мы используем дома. Я уверен, что мы уже начинаем приспосабливаться к местным микробам. Если к ним адаптировалось племя сунеров, то и мы сможем.

Да, думал Двер, *но выживание вовсе не означает удобств. Судя по рассказам Рети, это сунеры*

— жестокий народ. Может, мы как раз начинаем понимать, почему они стали такими.

Положение может улучшиться, когда Дэйнел установит собственные чаны. В них выращивают культуры дрожжей, которые делают джиджоанскую пищу съедобной для людей, но не будет замены энзимов треки, превращающих горькие плоды пинга и блай-йогурт в настоящее лакомство. Но прежде всего Двер и все остальные рассчитывают, что сунеры подскажут, какой местной пищи следует избегать.

Если они согласятся сотрудничать. Родственники Рети могут не оценить навязываемый им новый порядок жизни. *Я бы тоже на их месте.* Дэйнел искусен в переговорах и убеждении, а роль Двера — подкреплять слова мудреца, придавая им силу закона.

По словам Рети, в племени вряд ли больше сорока взрослых. Социальная структура похожа на типичную мачо-ориентированную охотничью группу. Старый Фаллон давно учил Двера различать этот стандартный образец человеческого регресса, с гибким мужским ранжированием, навязываемым угрозами, унижениями и силой.

Предшественники Двера выработали предпочтительный подход к подобным группам. Он

заключается в том, чтобы быстро установить контакт и ослепить сунеров дарами, прежде чем они враждебно настроятся. Тем самым выигрывается время для того, чтобы разобраться в паутине союзов и вражды внутри племени. После этого процедура заключается в выборе каких-нибудь перспективных самцов среднего ранга и помощи этим кандидатам в осуществлении переворота. Переворот свергает прежних вождей, которые заинтересованы в сохранении существующего положения. Новых лидеров гораздо легче убедить "вернуться домой".

Испытанная временем техника, которую успешно применяли те, кто получил задание вернуть заблудшие человеческие кланы. В идеале она позволяла вообще обойтись без убийств.

В идеале.

По правде говоря, Двер ненавидел эту часть своей работы.

Ты знал, что может дойти до этого. Теперь плати за свободу, которой пользовался.

Если мягкое убеждение не подействует, следующий шаг — вызов милиции и охота на всех заблудших. Та же жестокая цена платится всеми расами Шести как альтернатива войне и проклятию.

Но на этот раз положение иное.

На этот раз закон не на нашей стороне — только закон выживания.

Вместо того чтобы вернуть нелегальных поселенцев на Склон, Озава собирается возглавить племя Рети. Повести его по другому жизненному пути, но оставаясь при этом скрытым от постороннего взгляда.

Только если случится худшее, если мы окажемся последними выжившими людьми на Джиджо.

Сознание Двера отказывалось от такой ужасной перспективы, как внутренности отказываются воспринимать еду. *Если это будет продолжаться, я так ослабну, что не смогу выиграть схватку, когда Джесс и Бом будут решать вопрос о ранге новых членов. В конце концов дело может дойти до Лены и ее оружия.*

На протяжении всего пути крепкая светловолосая женщина особенно заботилась о грузе, который нес один осел. Это ее личное “хобби”: оружие, оставленное предками, высадившимися на Джиджо, такое мощное и жестокое, что редко использовалось даже в войнах с урами. “Мои уравнители” называла Лена запечатанные воском ящики, чье содержание делает возможным подкрепить решения Дэйнела так же уверенно,

как мышцы и физическое мастерство Двера.

До этого не дойдет! поклялся Двер, приказывая своему телу сохранять форму. Он осторожно коснулся обмороженных мест. Ущерб мог бы быть значительно большим. *Мне всегда везло больше, чем я заслуживаю.*

Согласно Саре, которая очень много читала о земном прошлом, то же самое можно сказать о всей проклятой человеческой расе.

Вот о чем думал Двер, сидя в импровизированном туалете, когда по небу пронесся огненный уголь. Двер вообще не заметил бы его, если бы смотрел в другую сторону или был занят деятельностью, требующей большего внимания. А так он мрачно смотрел вслед падающей звезде, и раскатистый гром ее полета проносился по соседним каньонам, порождая многочисленное эхо.

На следующий день предстояло пересечь еще одну реку.

Труднопроходимая местность во многом определила выбор сунеров, когда они решали, куда уходить. Ограждаемые вначале Ядовитой равниной, потом глубокими ущельями с пенными потоками, Серые холмы были так труднодостижимы, что землемеры навещали их лишь раз в поколение. Легко представить себе, что Фаллон и

остальные просмотрели небольшое племя в этой пустыне, через которую Двер ведет группу, — царство горячих серных 'гейзеров и низкорослых деревьев, которые чем дальше, тем все искривленней. Низкие облака мрачно нависают над землей, лишь изредка и ненадолго пропуская солнечный свет. Животные благоразумно держатся на расстоянии, оставляя лишь еле заметные следы, чтобы Ларк мог принюхаться и подумать, кому они принадлежат.

При переходе через предыдущую реку они потеряли нескольких ослов. И хоть натянули веревку с одного берега до другого, а Лена и Двер стояли по пояс в воде, помогая животным перебраться, все равно три осла поскользнулись на скользких камнях. Один запутался в веревках, забился и задохнулся раньше, чем они смогли его освободить. Двоих унесло течением. Несколько часов потом, бродя по отмелям, они отыскивали груз. И теперь пальцы рук и ног у Двера горят и ощущают странную холодно-жгучую онемелость.

Наконец, высыхая у костра, они определили ущерб.

— Не хватает четырех книг, молотка и тринадцати пакетов с порохом, — сказал Дэйнел, качая головой. — И, наверно, повреждены другие, если

порвана их водонепроницаемая упаковка.

— Не говоря уже о погибшем зерне для животных, — добавила Дженин. — Отныне, хотят они этого или нет, переходят на подножный корм.

– Ну, мы ведь почти на месте, — жизнерадостно сказала Лена Стронг, которая свежевала погибшего осла. — Есть и хорошая новость: теперь мы будем лучше питаться.

С переменой диеты все ночью чувствовали себя лучше, хотя и испытывали легкую вину. На следующее утро прошли всего один полет стрелы и увидели глубокое ущелье с крутыми стенами и быстрым потоком на дне.

Двер пошел вверх по течению, а Лена — вниз. Дженин и Дэйнел остались ждать с утомленными ослами. Договорились о сроках: два дня пути вперед и два на возвращение. Если к этому времени ни один разведчик не найдет пути, можно будет сколотить плот и попытаться преодолеть пороги. Но Дверу такая перспектива не нравилась.

Разве я не говорил Дэйнелу, что лучше подождать возвращения Реши? Я, может быть, следопыт, но она прошла через эту пустыню совершенно самостоятельно.

Больше чем когда-либо поражало его несокрушимое упрямство девушки.

Если организовали вторую группу и она с ней, Рети, наверно, смеется над тем, что я попал в эту ловушку. Если она знает какой-то тайный обходной путь, они могут добраться до племени раньше нас. Разве это не спутает планы Дэйнела?

Даже двигаться параллельно реке было нелегко и опасно, приходилось преодолевать крутые утесы, потом спускаться на скользкий берег одного ледяного притока за другим. Грязнолапый увязался за ним, отказавшись от костра Дэйнела и балующего внимания Дженин. Для обычных проделок нура дорога слишком трудна, и поэтому Грязнолапый не пытался организовать на Двера засаду или сбить с пути. Немного погодя они даже начали помогать друг другу. Двер переносил нура через опасные пенистые ручьи. А в других случаях Грязнолапый убегал вперед и писком и вилянием показывал, какая из двух троп лучше.

Тем не менее река и каньоны продолжали их мучить, иногда почти открывались, потом неожиданно снова закрывались, становились уже и круче, чем раньше. В середине второго дня Двер мрачно жаловался на упрямую непроходимость местности. *Фаллон предупреждал меня о Серых холмах. Но я всегда считал, что я могу*

использовать не только карты и заметки старика. Найду тропу, проложенную какими-нибудь другими охотниками.

Но никто из них никогда не обнаруживал следов племени Рети, так что, возможно, они слишком полагались на советы друг друга и всегда проходили через эти пустыни одним и тем же маршрутом. А сунеры знали, какого маршрута нужно избегать. Может, как раз эта ужасная неприступность означает, что группа Дэйнела приближается к стоянке племени.

Правильно, парень. Продолжай так думать, если от этого чувствуешь себя увереннее.

Разве не здорово будет проделать весь этот путь вперед и обратно и узнать, что Лена совсем близко вниз по течению нашла хороший брод? Когда Двер делился пищей с Грязнолапым, его мучила эта мысль. Движение вперед кажется тщетным, да и все равно несколько часов спустя придется признать, что попытка не удалась, и возвращаться. Пальцы рук и ног болели, болели перенапряженные сухожилия ног и спины. Но больше всего его измучил рев падающей воды, словно много дней в голове работает часовой тит.

— Думаешь, нам нужно вернуться? — спросил

он нура.

Грязнолапый наклонил гладкую голову, глядя на Двера с тем обманчиво разумным выражением, которое всегда напоминало ему легенды. В легендах о нурах говорится, что эти животные способны выполнять желания — если вы так сильно чего-нибудь хотите, что готовы заплатить любую цену. Рабочие часто используют выражение “посоветуемся с нуром”. Это значит, что проблему решить невозможно и пора снять напряжение выпивкой.

— Ну что ж, — вздохнул Двер, надевая на плечи мешок и лук. — Не повредит, если пройдем еще немного. Глупо будет отступить, если переход за соседним поворотом.

Тридцать дуров спустя Двер выбрался на берег, поросший колючим кустарником, проклиная шипы и скользкую влажную почву, отчего он сам весь промок. Ему хотелось уже быть на пути назад, к горячей еде и сухому одеялу. Наконец он добрался до места, где можно распрямиться, и стоял, высасывая царапины на обратной стороне ладони.

Повернулся — и уставился на то, что в тумане открылось впереди.

Гремящий водопад, чей рев до сих пор скрыва-

ла бурная река, низкий и широкий, тянулся от левого берега до отдаленного правого. Широкий занавес пены и водяной пыли.

Но не это привлекло внимание Двера.

Непосредственно перед падающей с громом водой всю реку пересекала широкая каменистая отмель, и вода везде как будто не доходит и до колен.

— Вероятно, это решает вопрос, идти ли дальше, — вздохнул Двер.

Вскоре они с Грязнолапым стояли наконец на противоположном берегу, легко перейдя реку, чтобы проверить, можно ли пользоваться бродом. От этого места отчетливая звериная тропа зигзагами вела через лес в направлении каньона на востоке.

На обратном пути поищу более легкий подход сюда для Дэйнела и остальных. Успех заставил почти забыть о боли от царапин и усталости. *Возможно, Лена тоже нашла переход. Но я все-таки нашел это место и, возможно, нашел первым! Если вся эта глупая история с чужаками закончится и нам нужно будет возвращаться домой, я сверюсь с картами Фаллона: не назвал ли кто как-нибудь это место после ухода буйуров.*

Широкий водопад напомнил ему о водосливе

в деревне Доло. Мысль приятная, но с горьким привкусом. Она напомнила, почему он здесь, так далеко от Сары и всех остальных, кого любит.

Я здесь, чтобы выжить. Моя работа — иметь детей от женщин, которых я почти не знаю, в то время как все остальные на Склоне умрут в страданиях.

Радость открытия рассеялась. *Стыд* он заменил ожесточенной решимостью выполнить работу, которую ему приказали сделать. Двер направился назад по отмели… потом остановился, почувствовав щекотливое ощущение на затылке.

Что– то неправильно.

Нахмурившись, он достал лук и спустил рычаг, натягивающий тетиву. Наложил стрелу и вдохнул полную грудь влажного воздуха. Трудно разглядеть что-нибудь в туманной полутьме. Но, судя по изогнутой спине Грязнолапого, нур тоже это чувствует.

Кто– то здесь есть, подумал Двер, быстро возвращаясь под укрытие деревьев. *Или был совсем недавно.*

У берега смешалось множество запахов. Это нормально, учитывая, что переход через реку — единственный на много лиг. Приходят на водопой животные, оставляют свои территориальные

пометы. Но Двер ощущал что-то еще, какой-то запах вызывал у него смутную тревогу.

Остро сознавая, что за его спиной открытое пространство, он быстрей углубился в лес.

– Пахнет… горелым деревом… кто-то разводил костер, совсем недавно.

Он всмотрелся. Принюхался.

Там…

На расстоянии половины полета камня в тени на поляне он разглядел остатки костра. Большое углубление, полное пепла.

Кто– то из племени Рети? Двер встревожился. Может, Джесс и Бом прямо сейчас следят за ним, получше прицеливаясь в чужака с ужасного запада?

Отгадка в шелесте ветра в ветвях, в быстрых и скрытных движениях насекомых и птиц. Но местность и дикая жизнь здесь ему незнакомы, а шум водопада скроет даже приближение целого отряда милиции.

Грязнолапый негромко заворчал и принюхался к земле, а Двер продолжал всматриваться в туман за деревьями.

— Что это? — спросил он, наклоняясь к тому месту, где Грязнолапый раскопал слой недавно опавшей листвы. В нос ударил знакомый запах.

Ослиный помет?

Он бросил быстрый взгляд — второго не понадобилось. *Ослы? Но Рети говорила, что у сунеров их нет!*

Теперь, когда зрение адаптировалось к полутьме, он видел по всей поляне следы вьючных животных. Отпечатки копыт и помет по крайней мере дюжины ослов. Ствол, к которому их привязывали. Примятые места, куда складывали снятый груз.

Двер опустил лук. Значит, вторая экспедиция все-таки прошла, обогнала первую по более легкому маршруту. Несомненно, ее вела Рети.

Ну, по крайней мере у сунёров не будет такого численного превосходства, даже если события будут разворачиваться не в том порядке, в каком планировал Дэйнел.

И облегчение более личное, хотя и не вполне галантное. *Кажется, мой выбор будущей подруги расширился: не только Дженин или какая-нибудь из родственниц Рети.*

Однако что-то по-прежнему тревожило Двера, не позволяя совсем откладывать лук. Он считал углубления, которые оставляют лежащие ослы. Их слишком много. Вернее, два типа примятых мест. Возле огня они меньше…

Нет. Не может быть.

В любом другом месте он давно почуял бы. И теперь обоняние его ощутило — знакомый и острый запах. Двер подобрал обрывок упругой шерсти, оставшийся после того, как его обладатель катался по траве, перейдя вброд реку.

Волосы из гривы ура.

С последней войны прошло несколько поколений. Тем не менее грудь Двера сжал инстинктивный страх, накатилась волна тревоги.

Караван уров в этой местности не может означать ничего хорошего.

Здесь, в дикой местности, вдали от влияния мудрецов и Общины, когда Шесть дома, возможно, уже уничтожены, все старые правила оказываются бесполезными. Как во времена до Великого Мира. Двер знал, какими опасными становятся уры, если они враги.

Неслышно, как привидение, он начал отходить, зигзагом пересек реку и держался ближе к противоположному берегу. Грязнолапый шел за ним, он тоже явно хотел как можно быстрей убраться отсюда.

Целый мидур Двер оставался настороже, хотя тревожное биение пульса успокоилось.

Наконец, решив, что теперь безопасно, он по-

весил лук через плечо и направился вниз по течению. Там, где позволяла местность, бежал, торопясь с новостями на юг.

Аскс

Вы видите дым, мои кольца? Дым, спиралью поднимающийся от свежего углубления в разорванной почве Джиджо? Две луны прорезают полный сажи воздух, освещая кратер, в котором горят какие-то металлические обломки.

Наш второй мыслительный тор посылает отвлекающие мысли.

Что скажете, мои кольца? Что это очень большое количество мусора? Мусора, который сам по себе не разложится?

Да, это так. Можно ли надеяться, что чужаки сами все здесь расчистят? Чтобы отвезти такое количество к морю, потребуются сотни караванов ослов.

Другое кольцо предлагает отвести ручей, чтобы здесь образовалось озеро. За столетия перемещенный мульк-паук мог бы растворить все грешные обломки.

Путем голосования мы решаем отослать эти мысли в восковой сердечник — для позднейшего

обдумывания.

Толпа зрителей окружает склоны холмов вокруг этой изуродованной долины. Их удерживают на месте ошеломленные измученные прокторы. Еще выше на поросших лесом холмах видны ряды силуэтов, катящихся и маневрирующих, — это занимают позиции отряды милиции. Отсюда нам не видно, что они собираются делать? Защищать Общину от все сокрушительного мщения? Или просто прекращать раздоры, которые убивают Великий Мир: мы ускоряем гибель, разрывая другу друга окровавленными руками?

Наверно, даже командиры этих отрядов не знают точно.

Тем временем, ближе к источнику жара Ур-Джа и Лестер Кембел распоряжаются группами уров, людей, хунов и серых квуэнов, которые спускаются в яму, вооруженные веревками и инструментами из буйурского металла.

Вначале Ро-кенн возражает, не правда ли, мои кольца? На торопливом Галсемь посол ротенов прогоняет тех, кого он называет “бесчувственными грабителями”. Поднимается один из уцелевших роботов, расправляя множество орудий наказания.

Вуббен уговаривает Ро-кенна посмотреть снова.

Разве он не видит искреннего стремления *спасать?* Два напряженных ура мы балансируем на грани пропасти. Затем ротен неохотно отзывает машину смерти — на время.

На харизматическом, по-человечески прекрасном лице Ро-кенна наш реук читает тона горя и гнева. Конечно, это новая для нас раса и реук может обмануться. Но чего еще ожидать от того, чей дом/лагерь лежит в руинах? Чьи товарищи томятся внутри, мертвые или умирающие, под измятыми обломками собственной станции?

На лице мужчины — звездного человека, Ранна, выражение открытого горя. Он едет на роботе, выкрикивает команды тем, кто работает среди обломков, направляет их усилия. Напряженный, но подбадривающий знак сотрудничества.

Линг, другой звездный человек, все еще кажется в шоке, она прислоняется к молодому Ларку, который роется в обломках на краю кратера. Наклоняется к дымящейся планке, подозрительно принюхивается. Мы видим, как в удивлении откидывается его голова.

Линг отстраняется, требует у него объяснения. Наш реук показывает, что Ларк делает это неохотно. Он показывает ей дымящуюся планку — кусок сгоревшего дерева от джиджоанского ящика или

корзины.

Линг отпускает его руку. Поворачивается и торопливо идет к Ранну, который парит на своем механическом скакуне.

Гораздо ближе к этой груде колец Ро-кенн ведет спор. Ротенского посла окружает делегация, требующая ответа.

Почему он утверждал, что имеет право и возможность приказывать Святому Яйцу? Ведь теперь совершенно ясно, что святыня отвергает его и весь его род.

Далее, почему он стремится расколоть Шесть своими клеветническими утверждениями относительно человеческой расы? Он беспочвенно лжет, утверждая, что наши братья-земляне не происходят от грешников, как все остальные Пять.

— Вы, ротены, можете быть высокими патронами землян, а можете и не быть ими, — признает глава делегации. — Но это ничто не отнимает у наших предков, прилетевших сюда на “Обители”. Ни их преступление, ни их надежды, когда они вступили на тропу Избавления.

В голосе заступника за людей звучит гнев. Но мы/я также ощущаем подтекст *театральности.* Стремление усилить пламя дисгармонии,

которую разжег Ро-кенн своим рассказом. И окружающие уры одобрительно подхватывают слова своей предводительницы.

Второе мыслительное кольцо посылает новую мысль-гипотезу.

В чем дело, мое кольцо? Ты полагаешь, что дисгармония входила в замысел Ро-кенна? Сознательный план, направленный на создание напряженности между Шестью?

Наше четвертое кольцо возражает — какой цели может служить такой странный план? Настроить Пять против Одного? Вызвать вендетту именно против той группы, которую ротены называют своими возлюбленными клиентами?

Запомните этот странный постулат, мои кольца. Подумаем над ним позже. Потому что сейчас ротен готовится отвечать. Выпрямившись, он разглядывает толпу с выражением, которое вызывает благоговение и у людей, и у тех, кто их знает, — и у носителей реуков, и у тех, кто без них.

В его взгляде доброта. Напряженное терпение и любовь.

Дорогие обманутые дети. Этот взрыв не проявление гнева Джиджо или Яйца. Вероятно, какие-то технические неполадки высвободили

могучие силы, заключенные в нашей станции.

Неожиданно он смолкает, видя, как на роботах приближаются Ранн и Линг. У людей выражение мрачного гнева. Они что-то говорят в свои приборы, а ротен слушает, глядя на них. И снова мой реук видит смену выражений на его лице, последнее из которых — кипящая ярость.

Ро– кенн начинает говорить.

Итак, (страшная) правда известна. Установлена. Подтверждена!

Не несчастный случай этот (убийственный) взрыв.

Не (маловероятная) неполадка — не отвержение со стороны вашего (хваленого) Яйца.

Теперь правда известна, подтверждена. Это (грязное, неспровоцированное) убийство!

Убийство обманом исподтишка.

С помощью взрывчатки. Нападением из укрытия.

И напали вы!

Он указывает своим длинным изящным пальцем. Толпа отшатывается от ярости Ро-кенна и этой новости.

Сразу становится ясно, что сделали фанатики. Тайно, скрываясь в природных пещерах, пронизывающих эти холмы, они закопали глубоко под

станцией взрывчатый порошок, примитивный, но эффективный, и ждали сигнала, подходящего символического момента, чтобы вызвать пламя и разрушения.

Сканеры, настроенные на химические следы, показывают нам теперь глубину вашего общего преступления. Какими незаслуженными стали награды, которыми мы собирались наделить полуживотных-убийц!

Он мог бы говорить еще что-то, добавлять ужасные угрозы. Но в этот момент новое обстоятельство привлекает внимание к дымящейся яме. Толпа расступается, пропуская группу вымазанных сажей спасателей, которые, кашляя и отплевываясь, несут свой печальный груз.

Ранн с криком соскакивает со своего робота, чтобы осмотреть фигуру на носилках. Это Беш, вторая небесная женщина. Наш реук не видит признаков жизни в ее изуродованной фигуре.

Толпа снова расступается. На этот раз Ро-кенн испускает отчетливо нечеловеческий вопль. На носилках, опущенных перед ним, другой представитель его расы, Ро-пул. Мы считали ее женщиной (его подруга?).

На этот раз с вымазанного сажей, но по-прежнему прекрасного лица жертвы в инфракрасном

излучении поднимается тонкая ниточка *дыхания.* Ро-кенн наклоняется ближе, как будто хочет о чем-то поговорить.

Эта напряженная сцена длится всего несколько мгновений. Живой нити больше не видно. Под яркими-яркими звездами на носилках второй труп.

Оставшийся в живых ротен распрямляется. Ужасное зрелище, свидетельство страшного гнева.

Время награды, которой заслуживает (грязное) предательство! — восклицает Ро-кенн, поднимая руку к небу; в голосе его такой гнев, что все реуки в долине дрожат. Некоторые люди падают на колени. Разве даже серые квуэны не свистят в отчаянии и страхе?

Вы боялись (праведного) суда свыше. Узрите его воплощенную форму!

Вместе со всеми мы поднимаем взгляд, следуя за вытянутой рукой Ро-кенна.

Мы видим пересекающую небо огненную искру. Безжалостный свет громоздко движется от Паутины к созвездию, которое люди называют Мечом.

Огромный корабль еще далеко, но он не мерцает и не гаснет. Он словно напряженно дрожит, и,

если долго смотреть на него, становится больно.

Трудно отказать фанатикам в правильности расчета времени, посылает мысль наше второе кольцо сознания. *Если их целью было принести конец нашему присутствию, они лучше не могли выбрать.*

Сара

Мудрец Теин хотел поговорить с ней до ее отъезда к пристани Канду. Ариана Фу тоже. Оба хотели бы, чтобы она отложила свой отъезд, но Саре хотелось уехать как можно скорее.

Но всего за мидур до того, как садиться на борт “Гофера”, она неожиданно решила навестить свой старый кабинет, помещавшийся высоко в башне Библиотеки Материальных наук.

Минуя Большую Лестницу, она вначале поднималась мимо обширных стеллажей по физике и химии, где заметны следы недавней эвакуации. В путанице полок видны пробелы. На месте отсутствующих томов лежат листки бумаги, чтобы помочь сотрудникам поставить книги на место, когда минует кризис. Местами деревянная поверхность полок кажется почти новой: эти книги сняли с места впервые со времени Великой

Печати.

Посмотрев в глубину одного из проходов, Сара увидела молодого Джому, качающегося под грузом тяжелых томов. Вслед за дядей мальчик начинал сложный ритуал одалживания книг. Им стоит поторопиться, если они хотят вовремя попасть на корабль. Взрывники и кое-кто еще направлялись туда же, куда и Сара, вначале кораблем, потом с караваном ослов — на Поляну Собраний.

Извилистый лабиринт вызывал противоречивые сложные чувства. Она часто терялась здесь в прошлом, но ей было все равно: она была так счастлива жить в этом великолепном месте. В этом храме мудрости.

За долгий прошедший год ее маленький кабинет с узкими окнами, выходящими на обрамленный зеленью Бибур, почти не изменился. Все казалось таким же, каким она его оставила, за исключением пыли. *Что ж, я всегда считала, что вернусь сюда.* Многие из людей соревновались за право быть отобранными для такой жизни, субсидируемой расой фермеров и ремесленников, главной греховной гордостью которых были книги.

В углу лежала свернутая таблица, иллюстри-

рующая “деволюцию” различных диалектов Склона. Как ветви от родительских корней, от каждого современного галактического языка отходили многочисленные отростки. Эта старая схема показывала ошибочность утверждений ученых-лингвистов и подкреплялась неопровержимым фактом: миллиарднолетние галактические языки когда-то были совершенными, эффективными коммуникационными кодами. Отклонения от совершенства проявлялись в виде части предсказанной спирали к невинности и крикам животных — Тропы Избавления, по которой уже так далеко прошли глейверы, участи, которой боятся или которую приветствуют все на Склоне — в зависимости от степени своего религиозного рвения.

Человеческие языки тоже прослежены в прошлое — не на миллиард, но на десять тысяч лет. Земные ученые типа Чайлда, Шредера и Ренфью тщательно воссоздавали языки-предки, и выяснялось, что их грамматика гораздо более структурирована, лучше предотвращает и исправляет ошибки в передаче информации, чем последующие “ублюдочные” жаргоны. Какое еще нужно доказательство того, что человеческая деволюция началась задолго до высадки на Джи-

джо? Разве нет во всех человеческих культурах легенды о Золотом веке?

Еще один вывод: отсутствующим патронам землян, должно быть, помешали продолжить работу, их вынудили оставить землян полузавершенными. Правда, последующий упадок был замаскирован некоторыми вспышками преждевременной технологии. Тем не менее многие ученые считают, что земляне много выиграют, идя по тропе, ведущей к новому принятию и второму шансу, особенно если учесть, что они все равно идут по этому пути.

Это ортодоксальная точка зрения. Моя модель учитывает те же данные, но позволяет сделать другие выводы.

Ее самая последняя схема напоминает эту — но только перевернутую. Безжизненные отростки преобразуются в деревья, показывающие, что Шесть движутся в новом направлении.

Во многих *направлениях.*

Если никто не вмешается.

Вчера она показала свою последнюю работу мудрецу Боннеру, чей энтузиазм усилил удовольствие от оценки коллеги.

— Ну, моя дорогая, — сказал старейший математик Джиджо, поглаживая свою лысину, — похоже,

у тебя интересная теория. Давай назначим время семинара! Разумеется, междисциплинарного.

И он подчеркнул свой энтузиазм эмоциональной трелью на ломаном Галдва.

— Мы пригласим этих скучных педантов из лингвистики. Посмотрим, могут ли они для разнообразия воспринять оригинальную новую идею. Хех! Хех в кубе!

Вероятно, Боннер не очень внимательно слушал ее рассуждения об “избыточном кодировании” и о хаосе в теории информации. Престарелый тополог просто радуется возможности организовать оживленное обсуждение, в котором можно опровергнуть некоторые закостенелые взгляды.

Если бы только ты знал, каким хорошим примером моего утверждения являешься, с любовью думала Сара. Ей очень не хотелось его разочаровывать.

— Если повезет, сможем организовать семинар, когда я вернусь с Собрания.

Увы, из предстоящего путешествия возвращения может и не быть. Или, вернувшись, она обнаружит, что взрывники выполнили-таки свой долг и обрушили каменную крышу, а вместе с этим принесли предсказанный век невежества

и чистоты. Сара уже повернулась, собираясь уходить, когда негромкий звонок возвестил о появлении на ее столе шара-сообщения. Над приемным ящиком втягивалась труба, которая только что выплюнула шар. Целый лабиринт таких труб пронизывает весь Библос.

О нет. Сара попятилась, надеясь уйти, прежде чем меховой комок развернется. Если посыльный обнаружит, что дома никого нет, он просто вернется в трубу и сообщит об этом пославшему.

Но шар развернулся стремительно, из ящика выбралось крошечное, похожее на мышь существо и радостно запищало, поняв, что достигло цели. Именно с этой целью его вывели древние буйуры — доставлять послания по сложнейшей системе туннелей и труб. Сара со вздохом протянула руку, и курьер выплюнул в нее теплый шарик. Шарик извивался.

Преодолевая отвращение, она подняла симбионта — большего по размерам родственника попугайской мухи — и позволила ему вползти в свое ухо.

Как она и опасалась, послышался голос мудреца Теина.

Сара, если получишь это, я хотел бы поговорить с тобой до отъезда… Очень важно разъяснить

наше взаимное недоразумение.

Наступила долгая пауза, затем голос продолжил.

– Я думал об этом и в последнее время пришел к заключению, что это в основном моя вина…

Послание прервалось. Записывающий жучок занял весь объем своей памяти. И начал повторять сообщение снова, с самого начала.

Вина? Ты произнес слово “вина”?

Сара приложила руку к уху. Жучок понял, что в нем больше не нуждаются, и выполз. Сара бросила его в ящик — голос Тэйна продолжал при этом звучать, но стал далеким и жалобным, труба схватила маленького пушистого посланца, зажала острыми челюстями и ждала ответного сообщения Сары.

Прости, едва не сказала Сара вслух.

Мне следовало бы учесть смягчающие обстоятельства. Ты был бестактен, но в своем высокомерном стиле хотел лучшего.

Мне следовало бы гордиться твоим предложением, даже если вначале ты сделал его из чувства долга.

Я неправильно реагировала, когда ты повторил свое предложение после смерти Джошу.

Месяц назад я подумывала о том, чтобы отве-

тить да. Ты предлагаешь не самую плохую жизнь на Склоне.

Но теперь все изменилось. Об этом позаботились чужаки. Теперь наступление новой эры зависит от Двера. Он преуспеет, станет отцом нового поколения охотников-собирателей, если век невинности действительно на подходе.

А что, если чужаки принесут нам всем смерть? Ну, Двер все равно обманет их и выживет.

Эта мысль принесла Саре злую радость.

В любом случае, зачем Джиджо интеллектуалы, подобные нам, Теин?

Перед концом они сравняются в своей бесполезности.

Но вслух Сара ничего не сказала. Посланник печально пискнул. Взял жука в пасть и исчез в переплетении соединений, которые пронизывают Библос, как система артерий и вен.

Ты не один, подумала Сара после исчезновения разочарованного животного. *Теперь многие испытают разочарование.*

“Гофер” уже пускал пары, когда Сара поднималась на палубу. Поблизости ждала Ариана Фу, сумерки окутали ее инвалидное кресло, так что она напоминала гибрид человека с г'кеком.

— Я бы хотела провести с ним еще несколько

дней, — сказала она, беря Сару за руку.

— Вы сотворили чудо, но больше нельзя терять времени.

— Следующий каяк может привезти важные новости…

– Знаю. И я все отдала бы, чтобы получить письмо от Ларка. Но такие рассуждения только пустят нас по кругу. Если произойдет что-то важное, можно послать за нами курьера-скакуна. У меня ощущение… что нам лучше поторопиться.

— Новые сны?

Сара кивнула. Несколько ночей подряд она во сне видела огонь в горах, а потом наводнение. Возможно, это возвращение клаустрофобии, которую она испытывала несколько лет назад, когда впервые оказалась под каменной крышей. Но возможно, в этих кошмарах отражается что-то реальное. Приближающаяся кульминация.

Мама верила в сны, вспомнила Сара. *И хоть учила нас с Ларком любить книги и науку, больше всего проводила времени с Двером, когда он маленьким просыпался, увидев сон, — и еще в последнюю неделю перед смертью.*

Пароход засвистел, его котлы заработали. Два десятка шимпов на корме меж запечатанных ящиков с книгами затопали и заскулили.

С носа послышался иной, странно контрастирующий звук. Тонкая мелодичная музыка, состоящая из двух параллельных рядов неуверенных, чуть гнусавых нот. Сара наклонила голову.

— Он совершенствуется.

— У него есть мотивация, — ответила женщина-мудрец. — Я думала, он выберет инструмент попроще, типа флейты или виолы. Но он достал из музейной витрины дульцимер и, кажется, получает глубокое удовлетворение, дергая его за струны. Им проще овладеть, и он может петь, когда мелодия оживляет его память. Ну, к путешествию он готов, поэтому, — она глубоко вздохнула, выглядя уставшей и очень старой, — передай Лестеру и остальным их премудростям мой привет. Скажи, чтобы вели себя достойно.

Сара наклонилась и поцеловала Ариану в щеку.

— Обязательно.

Отставной мудрец с неожиданной силой сжала ее руку.

— Благополучного пути, дитя. Пусть Ифни выбрасывает тебе только шестерки.

— Благополучного дома, — тоже благословением ответила Сара. — Пусть Ифни выбросит вам долгую жизнь.

Шимп спустил кресло Арианы с трапа и повез к удобствам вечернего огня. А у Сары уже вошло в привычку сомневаться, увидит ли она когда-нибудь снова того, с кем расстается.

Капитан приказал отдать концы и начал осторожно выводить корабль из-под маскировки. У перил к Саре присоединились Джоп и Ульгор, а также несколько мрачных библиотекарей, которые должны были везти драгоценный груз в опасности дикой местности. Вскоре колеса с лопатками заработали в спокойном ритме, преодолевая течение Бибура.

Незнакомец продолжал сосредоточенно играть. Склонившись к маленькому клинообразному инструменту, он бил по его струнам двумя деревянными молоточками, часто сбиваясь и фальшивя, но излучая оживление и страсть. Музыка сопровождала горькие и сладкие воспоминания: Сара смотрела, как мимо проплывает могучая крепость с ее многооконными залами. Каменная крыша над ней казалась нависшим кулаком бога.

Вернусь ли я сюда?

Вскоре они миновали западный край вырезанного лазером камня — территорию мульчи. Сегодня здесь нет похорон, маленькие субтреки

деловито не пожирают плоть, готовя белые кости к отправке в море. Но в полутьме Сара разглядела на берегу одинокую фигуру. Человек, высокий, прямой, с гривой серебристо-белых волос, слегка опирался на трость, хотя казался совсем не слабым. У Сары перехватило дыхание.

Мудрец Теин кивнул — дружественный, даже горячий жест для такого сдержанного человека. Потом, к удивлению Сары, поднял руку в прощальном пожелании добра.

В последний момент она сдалась и тоже подняла руку. *Мир,* подумала она.

Вскоре Библос остался за кормой, поглощенный сгущающейся ночью. Незнакомец поблизости запел песню о путешествии, из которого не возвращаются. И хотя Сара знала, что песня выражает его собственное чувство потери и одиночества, она сладко и болезненно соответствовала противоречиям в сердце девушки.

Ибо я ухожу за темный горизонт И никогда не узнаю твоего имени…

XXIII. КНИГА МОРЯ

Катящийся г'кек, ты можешь скакать по пересеченной местности? Груда треки, можешь ли ты сплести ковер или овладеть искусством огня? Королевский квуэн, будешь ли ты возделывать лесистые плоскогорья? Можешь лечить прикосновением? Моряк хун, можешь ли ты жить на равнинах или катиться по высоко натянутому проводу? Ур, живущий на равнине, готов ли ты плыть в море или делать бумагу из размочаленного тряпья? Вновь прибывший человек, знаешь ли ты этот мир? Можешь ли ты соткать, сложить песню Джиджо? Согласны ли вы все следовать по тропе, проложенной блаженными глейверами? По тропе прощения, ведущей к забвению? Если согласны, запомните: вы часть союза, большего, чем сумма его частей.

Свиток Яйца (неофициальный)

Рассказ Олвина

Я не жаловался на свою позицию — в тесноте сзади, далеко от окна. Во всяком случае, не во время долгого спуска вдоль стены утеса, когда море становилось все ближе и ближе. В конце концов эту часть пути я уже видел, а остальные нет. Но как только мы коснулись воды и мои друзья начали охать и ахать над тем, что видели в окно, я понемногу приходил в негодование. К тому же это мешало мне как *писателю:* ведь мне потом придется все это описывать для своих читателей. В лучшем случае я мог разглядеть только узкую синюю полоску над головами своих сверстников.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что мог бы решить эту проблему несколькими способами.

Во– первых, я мог бы солгать. Я хочу сказать, что еще не решил, буду ли писать роман, а, по словам мистера Хайнца, всякая художественная литература -это разновидность лжи. В своем варианте я просто могу придумать окно и на корме. И мой герой сможет описать все, что я знаю только по возгласам остальных. Или я могу написать, что вместе со всеми находился впереди у окна. В литературе ты можешь стать капитаном, если

захочешь.

Или я мог бы написать все от лица Клешни. Ведь это в большей степени его лодка, чем наша. И он лучше всех видит, что впереди. Это означало бы описывать все глазами квуэна. Вероятно, не так чуждо, как треки. Но, возможно, я еще не готов к таким вызовам.

Конечно, если выживу я или кто-нибудь другой, кто мог бы прочесть мой рассказ.

А пока придется обойтись полуправдивым дневниковым стилем, а это значит, что нужно рассказывать, что я действительно видел, слышал и чувствовал.

Вращающиеся барабаны через трос передавали устойчивую дрожь. Слева у моего уха урчал и гудел шланг, подающий свежий воздух, так что вряд ли я бы назвал наш спуск неслышным погружением в молчаливую глубину. Время от времени Ур-ронн ахала: “Что это?” В таком случае Клешня называл какую-нибудь рыбу или другое морское животное — хуны обычно видят их мертвыми в своих сетях, а уры, вероятно, вообще никогда не видят. Но никаких фантастических чудовищ. И никаких сказочных минаретов подземных городов. Пока.

По мере спуска быстро темнело. Вскоре я смог

различать светящиеся пятна по всей кабине: это Тиуг намазал фосфором разные приборы: мою моторную ручку, глубокомер и ручку сброса балласта. От нечего делать я каталогизировал испускаемые друзьями запахи. Знакомые запахи, но они никогда не были такими острыми. И ведь это только начало.

Повод радоваться, что с нами нет человека, подумал я. Одной из многих проблем, объяснявших сложности взаимоотношений людей с урами, было то, что они по-разному пахнут. До сих пор, несмотря на Великий Мир, вряд ли представитель одной расы согласится надолго быть запертым с представителем другой в огромном гробу.

Ур–ронн начала читать данные о глубине с прибора, измеряющего давление. На глубине в семь кабельтовых она повернула ручку и зажглись огни эйка, посылая вперед в холодную темную воду два одинаковых луча. Я ожидал, что сидящие впереди возобновят свои взволнованные восклицания, но, очевидно, на этой глубине не на что смотреть. Каждые несколько Дуров Клешня разочарованным голосом называл вид рыбы.

На девяти кабельтовых мы все напряглись: именно здесь при первом испытании начались

неприятности. Но критическая глубина была пройдена без происшествий. Еще бы: сама Уриэль лично осмотрела каждое копыто троса.

На одиннадцати с половиной кабельтовых в кабине неожиданно стало холодно, на короткое время образовался туман. Все твердые поверхности увлажнились, и Гек включила поглотитель влаги. Я коснулся корпуса из древесины тару: он казался заметно холодней. “Мечта Вуфона” начала слегка покачиваться, корабль потянуло в сторону, больше не было мягкого движения только вниз. Мы заранее знали, что попадем в глубокое холодное течение. Все равно было страшновато.

— 'Приспосабливаю балласт к крену, -объявила Гек. Она воспользовалась хитроумными насосами Уриэль, заполняя три бака водой, пока спиртовой уровень не показал ровный киль. Особенно важно это при достижении дна, иначе мы перевернемся в тот момент, когда входим в историю.

Я думал о том, что мы делаем. В галактических терминах все это, конечно, предельно примитивно. Но земная история позволяла воспользоваться гораздо более лестными сравнениями — может, именно поэтому мы находили приключение

привлекательным. Например, когда Жюль Верн писал “Двадцать тысяч лье под водой”, никто из людей не опускался в океане Терры так глубоко, как мы сегодня. Мы, дикари с Джиджо.

Гек крикнула:

— Смотрите? Там что-то есть внизу!

Эти ее глаза. Даже глядя из-за Клешни и Ур-ронн, она увидела первой. Ур-ронн повернула лучи эйк, и вскоре они снова принялись сводить меня с ума своими охами, ахами и удивленными щелчками. В раздражении я принялся вертеть ручку, заставив задние колеса вращаться, пока эти трое не крикнули, чтобы я прекратил, и согласились поделиться со мной увиденным.

— Тут какие-то волнистые растения, — сказал Клешня. Больше он не заикался. — И еще другие, тонкие и кожистые. Не знаю, как они живут, потому что свет сюда не достигает. Их много, повсюду волнуются. И в грязи извилистый след, как будто какие-то странные рыбы вплывают и выплывают из этих зарослей…

После какого-то времени подобных рассказов я бы с радостью вернулся к щелчкам удивления. Но молчал.

— …И тут какие-то крабы, ярко-красные и большие, я таких больших никогда не видел. А это

что, Ур-ронн, земляной червь? Ты так считаешь? Какой червь!... Эй, а это что? Это?...

Ур– ронн прервала:

— Полкабельтова до дна! Передаю наверх, чтобы замедлили спуск.

Яркие электрические искры разорвали темноту кабины: Ур-ронн контактным ключом посылала кодированные импульсы от нашей батареи по изолированному проводу, вплетенному в трос. Прошло еще несколько дуров, и рокот разматывающихся барабанов изменился. Наверху нажали на тормоз, “Мечта Вуфона” дернулась, заставив всех нас вздрогнуть. Хуфу впилась когтями мне в плечо.

Спуск замедлился. Мне это было особенно мучительно, потому что я не знал, насколько далеко до дна, когда мы его коснемся и с какой силой. Естественно, никто и не думал рассказывать об этом доброму старине Олвину!

— Эй, ребята, — снова начал Клешня. — Кажется, я только что увидел...

— Приспосабливаюсь к крену! — провозгласила Гек, вглядываясь каждым глазом в разные уровни.

– Перенаправляю свет, — добавила Ур-ронн. — Зиз показывает с правого борта одно желтое

щупальце. Течение в этом направлении, скорость пять узлов.

Клешня повторил:

— Ребята! Мне кажется, я видел… ну, не важно. Дно, кажется, с наклоном влево, может, градусов на двадцать.

— Компенсирую поворотом передних колес, — отозвалась Гек. — Олвин, нам могут понадобиться медленные повороты ведущих колес.

Это заставило меня забыть о негодовании.

— Слушаюсь, — ответил я, поворачивая зигзагообразный стержень перед собой и тем самым заставляя поворачиваться задние колеса. Ну, я надеялся, что они поворачиваются. Точно не будем знать, пока не коснемся дна.

— Сейчас, — сказала Гек. Потом, очевидно, вспомнив свою фатальную ошибку во время пробного погружения, добавила: — На этот раз точно. Держитесь крепче.

Когда впоследствии буду писать, пользуясь этими заметками, я, возможно, опишу неожиданные облака грязи, окружившие нас, когда мы коснулись дна океана, вырыв длинную борозду, заставив качаться водоросли и отправив морские создания в паническое бегство. Может, прибавлю несколько струек холодной соленой воды из

одного-двух разошедшихся швов, которые тут же были закрыты героическим экипажем — в самый последний момент.

Но чего я точно не напишу для печати, так это того, что не смог определить момент, когда колеса коснулись дна. Дело в том, что все вокруг было… ну… как-то туманно. Словно осторожно погружаешь вилку в плод шуро и точно не знаешь, подцепил ли сердцевину.

“Туманно” описывает и сцену вокруг нас, когда спиральные завитки грязи медленно начали опускаться, открывая мертво-черный мир, в котором только два ослепительных коридора оставляли огни эйка. В этих коридорах я мог разглядеть наклонную плоскость грязи, тут и там прерываемую бледными “растениями” с тонкими стеблями. Этим растениям не нужен свет, хотя не представляю, за счет чего они живут. Листья их и ветви покачиваются, словно на ветру. В лучах не видно никаких животных, что неудивительно. А разве мы, живи мы на дне, не бросились бы прятаться, если бы сверху прямо к нам не бухнулся странный корабль, испуская гул и жгучий свет?

Продолжая сравнение, я подумал, не решили ли местные жители, что настал судный день.

Ур– ронн телеграфным ключом передала на-

верх всем желающим услышать: *“Мы на дне. Все в порядке”.*

Конечно, недостает поэтического воображения, развернутых флагов и приземлившихся орлов. Но я не стал бы жаловаться. Не все уры способны в нужную минуту цитировать героические саги. Но все же, думаю, я это изменю, когда буду перерабатывать — конечно, если у меня будет такая возможность. Сейчас она кажется маловероятной.

Снова искры осветили нашу кабину, на этот раз Ур-ронн не притрагивалась к ключу. Ответ сверху.

Хорошая новость. Продолжайте.

– Готов, Олвин? — спросил Клешня. — Вперед на одной четверти. Я ответил:

— Вперед на одной четверти, капитан.

Мышцы спины и рук напряглись. Ручка вначале не хотела поддаваться. Но потом я услышал щелчок магнитных зажимов — странное ощущение соединения с частями некогда живых г'кеков. Но я об этом старался не думать. Специальные гусеничные звенья для грязи шевельнулись, и я ощутил сопротивление. “Мечта Вуфона” двинулась вперед.

Я сосредоточился на сохранении устойчиво-

го ровного хода. Клешня выкрикивал приказы Гек, глядя на карту Уриэль. Ур-ронн по компасу определяла наше положение. Трос и шланги снова начали передавать звуки разматывающих барабанов. Они добавляли длины, чтобы мы могли еще дальше уйти от безопасности. Тесное помещение резонировало от моего гулкого рабочего ворчания, но никто не жаловался. Звуки окружали меня, и я почувствовал, что вокруг моряки-хуны. Мне стало легче. Как корабль в далеком море, мы одни и можем полагаться только на удачу Ифни и на нашу собственную изобретательность, если хотим вернуться домой.

Шло время. Мы привыкали к ритмической рутине. Я приводил в движение колеса, Гек рулила, Ур-ронн направляла свет, а Клешня был капитаном. Скоро нам стало казаться, что мы давно занимаемся этой работой.

Гек спросила:

— Что ты сказал, Клешня. Перед самым приземлением? Ты что-то увидел?

— Что-то со множеством *зубов,* — поддразнивала Ур-ронн. — Разве нам не пора увидеть чудовища? *Чудовища,* подумал я. Ворчание помешало смеху. Клешня достойно перенес насмешки.

— Подождите, приятели. Никогда нельзя ска-

зать… вот! Налево. Вот что я видел!

Гек и Ур-ронн бросились вперед, “Мечта” слегка наклонилась, и задние колеса наполовину утратили сцепление.

— Эй! — пожаловался я.

— Чтоб меня лишили осей! — сказала Гек.

— Чтоб я вымокла! — подхватила Ур-ронн. Пришлось мне взвыть:

— Послушайте, вы, питающиеся травой и кислой мульчей…

Тут дно еще больше наклонилось, и в мое узкое поле зрения наконец попало то, на что они смотрели.

— Хр-рм-рм! — воскликнул я. — Так вот что вас испугало! *Гробы с мусором?*

Они были разбросаны по дну океана, многие наполовину погрузились в грязь. Десятки. В основном продолговатые и прямоугольные, но было и несколько в форме бочек. Естественно, никаких следов лент, когда-то украшавших их, оказывая почести костям, или осям, или поломанным инструментам, выброшенным предыдущими поколениями сунеров.

— Но корабли с мусором сюда никогда не приходили, — сказала Гек, нацеливая мне в лицо два глазных стебелька. — Верно, Олвин?

Я повернулся, чтобы смотреть мимо ее проклятых плавающих глаз.

— Не приходили. Тем не менее Трещина официально часть Помойки. Часть того, что всасывает внутрь.

— Зона тектонического разлома, — вставила Ур-ронн.

— Да, спасибо. Так что здесь вполне законно можно бросать мусор.

— Но если корабли не приходили, как он сюда попал?

Я пытался определить, какие разновидности гробов здесь есть и какие отсутствуют. Это помогло бы установить время сброса. Нет ни ящиков в человеческом стиле, ни урских тростниковых корзин, что совсем неудивительно. До сих пор я видел только работу г'кеков и квуэнов. Следовательно, место это очень древнее.

— Коробки попали сюда так же, как мы, — объяснил я. — Кто-то сбросил их с края Окончательной скалы.

Гек ахнула. Она попыталась заговорить, смолкла, и я почти услышал, как вращаются колеса в ее голове. Гробы с суши просто не сбрасывают. Но она, должно быть, уже поняла, что это место — вполне пригодное исключение. Если часть

Помойки действительно проходит непосредственно под Окончательной скалой и поблизости был когда-то поселок, гораздо дешевле хоронить дедушку здесь, чем везти его гроб на корабле в море.

— Но почему все эти ящики так далеко от суши? Мы прошли много кабельтовых.

— Приливы, оползни, — ответил Клешня. Но я отрицательно проворчал.

— Вы забываете, как работает Помойка. Она всасывает мусор в себя, верно, Ур-ронн?

Ур– ронн в отчаянии от моего сверхупрощенного объяснения свистнула. Сделала жест обеими руками.

— Один тектонический пласт скользит под другим, создавая трещину и увлекая за собой прежнее морское дно.

— Все втягивается под землю, расплавляется, обновляется, проталкивается под Склон и создает вулканы. Да, поняла. — Гек задумчиво вытянула вперед все четыре стебелька. — Мусор сброшен сотни лет назад и прошел так недалеко?

Несколько секунд назад ее поразило, как далеко находятся ящики от утеса! Мне кажется, это может показать, как по-разному воспринимается время, когда меняешь перспективу — от продол-

жительности своей жизни до жизненного цикла всей планеты. Поэтому я считаю, что людям нечего хвастать тем, что они живут вдвое дольше уров. Все мы вскоре подвергнемся медленному пищеварению Джиджо, даже если чужаки оставят нас в покое.

Клешня и Ур-ронн справились с картами, и вскоре мы снова пустились в путь, оставив кладбище прежних поколений сунеров совершать свой медлительный поход к вечному прощению в расплавленном камне.

Спустя примерно половину мидура мы с огромным облегчением отыскали “игрушку” Уриэль.

К этому времени мои руки и ноги ныли от гребли. Мне пришлось уже несколько тысяч раз повернуть рукоятку, реагируя на настойчивые приказы Клешни: “быстрей!”, или “медленней!”, или “не можешь еще быстрей?” Из нас четверых только он один, кажется, наслаждался, не испытывая никаких душевных или физических затруднений.

Мы, хуны, выбираем капитана, а потом в чрезвычайном положении подчиняемся ему, не задавая вопросов, — а все наше путешествие в моем сознании было сплошным чрезвычайным положением, — поэтому я отложил негодование

и недовольство на будущее, собираясь продемонстрировать его Клешне самыми разнообразными способами. Может быть, следующим нашим замыслом станет воздушный шар с горячим воздухом. И он станет первым квуэном, поднявшимся в небо после того, как раса отказалась от космических кораблей. Так ему и надо.

К тому времени как Гек закричала “Эврика!”, мои бедные мышцы и суставы чувствовали себя так, словно мы прошли половину Трещины и еще немного. Первой моей облегченной мыслью было: *Неудивительно, что Уриэль предоставила такие длинные тросы и кабели!*

Но потом пришла вторая мысль: *Откуда она знала, где нам искать эту джикии штуку?*

“Штука” была наполовину погружена в ил примерно в двенадцати кабельтовых к югу от того места, где мы впервые коснулись грунта. Судя по тому, что я смог увидеть со своего “наблюдательного пункта” за всеми, она состоит из длинных острых концов, направленных в разные стороны, словно нацелившись на шесть поверхностей куба. У каждого острия на конце большое полое расширение, вероятно, для того, подумал я, чтобы предотвратить погружение в грязь. Раскрашенная в яркие красные и синие

цвета: по-видимому, предусматривалось, что она должна быть найдена. Красное легче разглядеть на близком расстоянии, так как под водой этот цвет почти не встречается, а синее видно издалека, если ваш луч наткнется на него во тьме. Тем не менее нужно подойти ближе кабельтова, чтобы разглядеть эту штуку, так что без указаний Уриэль мы бы ее никогда не нашли. Тем не менее нам потребовалось сделать две поисковые спирали, чтобы наткнуться на нее.

Ничего более удивительного никто из нас в жизни не видел. И не забудьте, что я слышал ворчание г'кека и видел влен треки.

— Оно буйурское-юрское? — спросил Клешня. Он не только снова начал заикаться — в голосе, доносившемся из ножных щелей, звучал страх.

— Ручаюсь, этот кусок ослиной мульчи никакого отношения к буйурам не имеет, — сказала Гек. — А ты как думаешь, Ур-ронн?

Наша урская подруга вытянула шею мимо Клешни, и ее морда высушила полосу на выпуклом стекле.

— Буйуры никогда не сделали вы что-нибудь такое ужасно яркое, — согласилась она. — Это не их стиль.

— Конечно, это не их стиль, — продолжала

Гек. — Но я знаю, чей он.

Мы все уставились на нее. Естественно, она выжала все из этого момента, молчала, пока мы были не готовы поколотить ее.

— Штука урская, — самодовольно и убежденно сказала наконец Гек.

– Урская! — просвистел Клешня. — Как ты можешь быть так…

— Объясни! — потребовала Ур-ронн, тряся головой и глядя на Гек. — Это сложный объект. Уриэль такой выковать не может. И земляне на это не способны.

— Совершенно верно! Она не буйурская, и никто из тех, кто сейчас живет на Склоне, ее сделать не может. Остается только одна возможность. Ее оставили первые сунеры со звездного корабля, когда одна из Шести рас — семи, если включить сюда и глейверов, — впервые прибыла на Джиджо, еще до того как поселенцы уничтожили свой корабль и присоединились к остальным примитивным жителям. Но кто ее оставил? Нас, г'кеков, я исключаю: мы на планете так давно, что “игрушка” к этому времени передвинулась бы в Трещину гораздо дальше. То же самое, вероятно, справедливо относительно глейверов, квуэнов и треки.

Но самое главное — Уриэль точно знала, где ее искать!

Шерсть вокруг ноздрей Ур-ронн встала дыбом. Голос ее звучал холодней окружающего нас океана.

— Ты предполагаешь существование заговора. Стебельки сплелись — у г'кеков это соответствует пожатию плечами.

— Ничего дурного, — заверила Гек. — Может быть, просто разумная предосторожность.

Подумайте, друзья. Допустим, вы явились на запретную планету, чтобы основать колонию сунеров. Вы должны избавиться от всего, что может быть обнаружено при стандартном сканировании какой-нибудь экспедицией Институтов, поэтому ваш корабль и сложное оборудование — все должно исчезнуть. Ближайший космос не подходит. Копы в первую очередь будут искать там. Поэтому вы бросаете все туда же, куда сбрасывали уходящие с Джиджо буйуры. Пока все звучит разумно.

Но потом вы спрашиваете себя: а что, если возникнут непредвиденные обстоятельства? Если когда-нибудь нашим потомкам понадобятся для выживания высокие технологии?

Ур– ронн опустила коническую голову. В по-

лутьме я не видел, означает ли это тревогу или растущий гнев. И поторопился вмешаться.

– Хр-рм. Ты предполагаешь долговременный взгляд. Тайну, которую хранило множество поколений.

— Много столетий, — согласилась Гек. — Уриэль все, несомненно, рассказал ее мастер, и так далее до самых первых урских предков. И прежде чем Ур-ронн откусит мне одну из головок, позвольте торопливо прибавить, что мудрецы уры все эти годы хранили тайну и не искали сокровищницу даже во время войн с квуэнами, а потом с людьми. Даже когда их хлестали по хвостам.

И этим она хотела умиротворить Ур-ронн? Я постарался спасти Гек от инвалидности.

— Может, у людей и квуэнов есть собственные тайники, поэтому положение было равное. — И только тут понял значение собственных слов. — Может, сейчас уже отыскиваются эти тайники, пока мы служим для Уриэль цепляющим когтем.

Наступило долгое молчание.

Потом заговорил Клешня.

— Шиииш-иш-иш! Чужаки на поляне действительно до смерти перепугали взрослых. Снова пауза, потом голос Гек.

— Надеюсь, все это из-за них. Из-за *чужаков.*

Совместные усилия Шести, объединяющих средства, а не что-то иное. Ур-ронн нервно дернула шеей.

— О чем ты?

— Я хочу сказать, что рада была бы получить честное слово Уриэль, что здесь ищутся средства для защиты всей Общины.

Не просто для вооружения урской милиции, если возникнут новые распри, слухи о которых до нас доходили, подумал я, завершая про себя рассуждения Гек. Последовало несколько напряженных мгновений, когда я не мог предсказать, что будет дальше. Может быть, напряжение, тревога и лекарства Тиуга так подействовали на нашу урскую подругу, что слова Гек заставят ее сорваться?

Ур– ронн медленно распрямила шею. При слабом фосфоресцирующем свете я видел, каких усилий ей это стоило.

— Даю… — тяжело дыша, начала она, — даю тебе слово ура, что это именно так.

И она повторила клятву на Галактическом два, а потом постаралась плюнуть на пол — для уров это непросто. Знак искренности.

— Хр-рм, здорово, — сказал я, ворчанием призывая к миру. — Никто из нас и не думает иначе.

Верно, Гек? Клешня?

Оба поторопились согласиться, и напряжение немного спало. Однако семена тревоги были брошены. *Гек,* подумал я, *ты принесешь на борт кувшин, полный скорпионов, и разобьешь его, просто чтобы посмотреть, кто лучше плавает.*

Мы снова двинулись и вскоре оказались достаточно близко, чтобы увидеть, насколько велика "игрушка". Каждое полое расширение на конце острия больше "Мечты Вуфона".

— Вот один из кабелей, о которых говорила Уриэль, — сказал Клешня, показывая клешней на одно острие, с которого относительно прямо отходила блестящая черная нить. Местами погруженная в грязь, она уходила на север, в том направлении, откуда мы пришли.

— Ручаюсь, где-то между нами и утесом эта линия разорвана, — сказала Гек. — Вероятно, раньше она вела в какую-нибудь тайную расщелину или пещеру вблизи Окончательной скалы. Оттуда можно было вытянуть эту штуку, и ни одному уру даже не пришлось бы замочить копыта. Но кабель порвали лавина или землетрясение, как то, что убило моих родителей. Эта "игрушка" с двумя тросами. Если один порвется, можно вытащить за второй.

— Хорошее рассуждение. Но оно не объясняет одного обстоятельства, которое меня давно удивляет: откуда у Уриэль под рукой так много оборудования? Всего, что необходимо для погружения. Я удивляюсь, зачем мы вообще ей понадобились? Почему у нее прежде всего не нашлось собственной спрятанной лодки?

Ур– ронн приходила в себя.

— Бухгалтер г'кек регулярно проводит инвентаризацию складов кузницы. Он сразу заметил бы что-то такое неурское, как *подводная лодка,* готовая к использованию.

Голос ее звучал саркастически. Однако Гек согласилась.

— Самое сложное было готово: насосы, клапаны, приборы. Я уверена, Уриэль и ее предшественницы полагали, что корпус и все остальное можно соорудить за несколько месяцев. Кто же ожидал, что все произойдет так быстро? К тому же кучка сумасшедших детей — отличное прикрытие. Никто не свяжет нас с сокровищницей богов из галактического прошлого.

— Я предпочитаю думать, — обиженно заявил драматичным голосом Клешня, — что истинная причина просьбы Уриэль присоединиться к нашей команде, это превосходная конструкция и

мастерское изготовление нашего корабля-рабля.

Мы перестали переругиваться и уставились на него — потом всю маленькую кабину заполнил хохот, от него задрожал корпус и проснулась Хуфу, дремавшая у меня на коленях.

Теперь мы почувствовали себя лучше и были готовы к дальнейшему выполнению миссии. Казалось, самое трудное позади. Теперь остается только приказать Зизу прикрепить зажим с другой стороны “игрушки” и дать сигнал Уриэль, чтобы нас вытягивали. Конечно, придется долго ждать, пока нас будут поднимать на поверхность, поскольку г'кеки и уры еще больше людей подвержены кессонной болезни, если давление воздуха изменится слишком быстро. Из книг мы знали, что это ужасная смерть, поэтому скучный медленный подъем — приемлемая необходимость. У нас была с собой еда и различные личные вещи, помогающие провести время.

Тем не менее мне не терпелось покончить с этим. Клаустрофобия — ничто по сравнению с тем, что мы испытывали, когда все на борту — каждый по-своему — захотел, как деликатно выражаются в некоторых книгах, “в туалет”.

Но оказалось, возникло одно небольшое препятствие на пути к прикреплению зажима.

Мы сразу поняли проблему, когда увидели противоположный конец “игрушки”.

Второго кабеля не было.

Вернее, он был перерезан. В подводном течении мягко покачивались свежие металлические нити, свисая с конца одного острия, как непричесанный урский хвост.

И это еще не все. Когда Ур-ронн направила свет на дно океана, мы увидели извилистый след в грязи, уходящий на юг, в том направлении, куда, очевидно, утащили кабель. Никто из нас не мог сказать, сделано ли это дни, джадуры или годы назад. Но на ум приходило слово *“недавно”*. Никому не нужно было произносить его вслух.

Полетели электрические искры: это Ур-ронн рассказывала о ситуации тем, кто ждал в мире света и воздуха. Долгая задержка ответа свидетельствовала об удивлении. Наконец с искрами, трещащими в нашем тесном помещении, пришел ответ.

Если состояние позволяет, пройдите по следу троса два кабельтовых, затем доложите.

Гек пробормотала:

— Словно у нас есть выбор. Ведь лебедку контролирует Уриэль. Разве легкое опьянение или кессонная болезнь для нее что-то значат?

На этот раз Ур-ронн не повернулась, но обоими хвостами хлестнула Гек под линией шеи.

— Вперед на половине, Олвин, — скомандовал Клешня. Со вздохом я согнулся и снова начал. И вот мы двинулись вперед, направляя один луч на извилистый след в грязи, а другим Ур-ронн светила направо и налево, вверх и вниз. Впрочем, вряд ли это могло предупредить нас об опасности. Не бывало корабля, менее вооруженного и более медлительного и беспомощного, чем наша "Мечта Вуфона". Этот разрезанный кабель — он был изготовлен с помощью галактических технологий и должен был выдержать под водой многие тысячелетия, сохраняясь целым и невредимым. И я совсем не хотел рассердить того, кто его разрезал.

Мы ползли вперед. В кабине царила тишина. Все были очень серьезны. Прошло больше мидура медленного продвижения по скользкой грязи, у меня в руках и спине закололо — вторая степень усталости. Я слишком устал, чтобы ворчать. За мной Хуфу выражала свою скуку, роясь в моем наспинном мешке. Она разорвала пакет с сэндвичами с рыбой, откусила кусочек, а остальное разбросала по полу. Всплеск и влага, которую я ощущал ножными подушечками, свидетель-

ствовали, что там накапливается жидкость. Я не собирался гадать, что это: излишняя влага, какая-то течь или наши собственные отвратительные отходы. Запах в кабине становился все более густым и спелым. Я боролся с очередным приступом боязни тесноты, когда Клешня резко крикнул:

– Олеин, стой! Назад! То есть машины — полный назад!

Хотел бы я сказать, что увидел, что вызвало этот взрыв, но видимость мне закрывали сидящие впереди. К тому же мне изо всех сил приходилось бороться с инерцией рукоятки, которая собиралась продолжать вращаться в прежнем направлении, посылая колеса вперед. Я изо всех сил сжимал деревянный стержень, чувствуя, как что-то трещит в спине. Наконец мне удалось замедлить вращение, а потом и совсем его прекратить. Но несмотря на все усилия, я никак не мог заставить колеса вращаться в противоположном направлении.

— У нас крен! — объявила Гек. — Наклон вперед и направо.

— Я ее не видел! — кричал Клешня. — Мы поднимались на небольшую возвышенность, и тут она появилась, словно ниоткуда, клянусь!

Теперь я тоже почувствовал наклон. “Мечта” явно наклонилась вперед, вопреки всем усилиям Гек, которая лихорадочно перемещала балласт. Лучи словно метались в темноте впереди, показывая зияющую пустоту на том месте, где только что была мягко поднимающаяся равнина.

Наконец мне удалось заставить ручку вращаться назад, но торжество победы оказалось кратким. Один из магнитных зажимов, — прикрепленных, мне кажется, к колесу покойной тетки Гек, — разжался. Колесо глубоко погрузилось в грязь, и нас повело в сторону.

Луч прошелся по краю пропасти, над которой мы раскачивались. Очевидно, то, что мы приняли за дно Трещины, было лишь шельфом на краю настоящей впадины. Теперь впереди зиял подлинный разрез, готовый поглотить нас, как поглотил множество другого, того, что больше никогда не станет участвовать в делах там, где ярко сверкают звезды.

Так много мертвого, и мы готовы к нему присоединиться.

— Сбросить балласт? — лихорадочно спросила Гек. — Я могу его отрезать. Потяните сигнальную веревку, чтобы Зиз раздулся. Я могу это сделать! Сделать?

Я протянул руку и мягко погладил два ее стебелька. Успокаивал, как научился делать за эти годы. То, что она предлагает, не имеет смысла. Тяжесть стального троса, который мы протащили за собой, гораздо больше нескольких кирпичей, подвешенных к днищу “Мечты Вуфона”. Если бы можно было перерезать и трос, мы, вероятно, всплыли бы. Но что помешает запутаться и порваться воздушному шлангу, когда мы будем вращаться? И даже если шланг чудесным образом уцелеет, нас вынесет наверх, как снаряд в “Первых людях на Луне” Жюль Верна. Даже Клешня, вероятно, умрет от кессонной болезни.

Ур– ронн, более практичная перед лицом смерти, посылала искры-разряды, призывая Уриэль немедленно вытащить нас. Хорошая мысль. Но сколько времени понадобится наверху, чтобы вытравить слабину? И как это можно сделать без риска затянуть воздушный шланг? Насколько далеко мы упадем, прежде чем испытаем резкий рывок от двух сил, направленных в противоположные стороны? Сейчас мы наконец узнаем, насколько прочно мы соорудили “Мечту”.

Я беспомощно чувствовал, как колеса теряют контакт с грязным шельфом, наша маленькая храбрая лодка скользнула через край и начала

долгое медленное падение в темноту.

Думаю, это отличное место для конца главы, когда герои падают в черные глубины. Очень хорошее, правдивое и захватывающее окончание.

Вернется ли экипаж домой?

Уцелеют ли герои?

Да, прекрасное место для остановки. Больше того, я устал и у меня болит все тело. Мне нужна помощь, так что, пожалуй, доберусь до ведра в углу и попробую облегчиться.

Но я здесь не остановлюсь. Я знаю место получше, немного дальше в потоке времени, когда “Мечта Вуфона” медленно опускалась, а мы смотрели, как луч освещает вертикальную стену утеса. Она поднимается, как стена бездонной могилы. Нашей могилы.

Мы сбросили половину балласта, что замедлило наше падение, но тут “Мечту” подхватило течение и потащило нас быстрей. Мы сбросили остаток балласта, но знали, что наш единственный шанс — правильная реакция Уриэль и еще сотня других обстоятельств, которые все сработают в нашу пользу — хотя на это нет никакой надежды.

Каждый из нас по-своему свыкался с мыслью о смерти, в одиночку ожидая конца своей личной

драмы.

Мне не хватало родителей. Я горевал вместе с ними, потому что для них моя гибель гораздо тяжелее, чем для меня самого. Мне не придется долгие годы делить их горе из-за моей глупой страсти к приключениям. Я гладил Хуфу, Ур-ронн распевала печальную песнь равнин, а Гек свела вместе все четыре глаза. Думаю, она смотрела внутрь, на свою жизнь.

Потом, словно ниоткуда, Клешня выкрикнул одно слово, которое еще усилило наш страх. Слово, которое мы слышали из его щелей множество раз, но так — никогда. С таким страхом и удивлением.

– *Чудовища-вища-ища!* — кричал он.

А потом, в ужасе и радости, снова:

Чудовища!

Никто не отзывается на мой призыв. Я лежу, спина моя не сгибается, и мне ужасно нужно к ведру. Карандаш исписался, бумага почти кончилась… так что в ожидании могу продолжить рассказ *о подлинно* драматичном моменте нашего падения.

Мы стремились навстречу своей судьбе, и внутри “Мечты Вуфона” все было в смятении. Нас метало направо и налево, мы ударялись изнутри

о корпус, о ручки, уровни, зажимы и друг о друга. Когда я мог бросить взгляд мимо дико жестикулирующих товарищей, мне видны были пойманные лучом эйка фосфоресцирующие точки и иногда — поднимающаяся стена утеса и какие-то проблески чего-то еще.

Чего– то -каких-то *существ* — светящихся и серых. Проворные, легкие движения. Что-то мягко поглаживало нашу лодку, затем следовали толчки и рывки со всех сторон нашего обреченного корабля.

Клешня продолжал бормотать о чудовищах. Я искренне подумал, что он спятил, но Ур-ронн и Гек перестали издавать жалобные возгласы, теперь они приклеились к окну, словно то, что они увидели, превратило их в камень. Было очень шумно, а Хуфу между приступами отчаянных воплей впивалась когтями в мою больную спину.

Я почти уверен, что Гек произнесла что-то вроде:

– *Что… или кто… это?*

Но тут извивающиеся существа отступили, исчезли, уступив место новому. Мы ахнули.

Огромное, во много раз больше нашей лодки, оно плыло с легким изяществом, издавая ворча-

ние. Со своего места сзади я мог разглядеть только два больших глаза, которые сверкали гораздо ярче наших лучей эйка.

И пасть. Я помню, что разглядел ее очень хорошо, эту раскрытую навстречу нам пасть.

Корпус лодки загремел, последовали частые удары. Ур-ронн закричала: внутрь ударила тонкая струя воды, отразилась и попала в меня.

Оцепенев от страха, я не мог остановить сумятицы в голове. Ни одной ясной мысли, только буря эмоций.

Я решил: это *призраки буйуров* явились, чтобы отомстить живым глупцам, которые осмелились вторгнуться в их царство.

Это *машины*, собранные из остатков того, что падало в Трещину задолго до буйуров, в такие древние эпохи, что даже галакты их не помнят.

Это местные морские чудовища, выращенные самой Джиджо. Порождение самого тайного места планеты.

Эти и другие фантазии проносились в моем помутившемся сознании, пока я не в силах был оторвать взгляд от этих приближающихся челюстей. “Мечта” ударилась и отскочила — вероятно, морское течение, но в тот момент мне показалось, что она пытается уйти.

И тут челюсти ухватили нас. Неожиданный толчок отбросил нас к одному борту. Мы с такой силой ударились о внутренность огромной пасти, что наше прекрасное выпуклое стекло *треснуло.* От места удара побежали тонкие нити. Ур-ронн завыла, и Гек плотно свернула глазные стебельки, как носки в ящике шкафа.

Я схватил Хуфу, не обращая внимания на ее острые когти, и глубоко вдохнул тяжелый воздух. Пахло ужасно, но я решил, что это моя последняя возможность.

Окно подалось, и в тот же момент лопнул воздушный шланг.

Темные воды Трещины нашли быстрый вход в наш разбитый корабль.

XXIV. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Потребовалось двадцать лет, чтобы вернуть первую группу людей-сунеров — группу значительного размера, бежавшую в поросшую кустарниками местность к югу от долины, отвергнув Договор Изгнания, подписанный их лидерами. Произошло это как раз перед тем, как "Обитель" погрузилась в глубины. Эти люди шли на одиночество и нарушение закона, и их пришлось, дрожащих от ужаса, возвращать назад. И все это только потому, что они не могли поверить хунам или треки.

Ретроспективно это кажется чрезвычайно ироничным, ибо за два последующих столетия войн наибольшие беды человеческим поселенцам принесли уры и квуэны. Но почему тогда люди приходили в такой ужас от мирных груд колец или от наших добродушных друзей с широкими плечами и гулкими голосами? Звездные родичи треки и хунов, должно быть, были совсем иными, когда первые корабли наших предков появились на звездных линиях Четвертой Галактики.

К несчастью, большинство работ по галактологии погибло в Большом Огне. Но сохранились рассказы о жестокой, безжалостной враждебности могучих и загадочных звездных повелителей, называвших себя джофурами, которые сыграли главную роль в Конфискации Мадауна. Невероятные зверства непосредственно привели к исходу "Обители" – грубейшему нарушению закона, совершенному целеустремленно и решительно. Такие черты не увидишь у треки здесь, на Склоне.

Известно также, что при Мадауне присутствовали и хуны. Их изображают как мрачных, официальных и несчастных существ. Это раса бухгалтеров, преданных строгому контролю за населением, определяющих темпы размножения других рас, неподвластных ни милосердию, ни снисходительности.

Можно ли в этих описаниях узнать двух самых уживчивых и добродушных членов Шести?

Неудивительно, что треки и хуны не испытывают ностальгии по "добрым старым дням", когда они, как боги космоса, летали меж звездами.

Анналы Джиджоанской Общины

Сара

Когда рассвет окрасил восточный горизонт, усталые путники после долгого ночного перехода по равнине Уоррил пришли в оазис Уриутта — караван из множества жаждущих ослов и шимп, людей и хунов. Даже урские пилигримы осторожно подошли к грязному берегу и окунули узкие головы, морщась от горького неприкрашенного вкуса чистой воды.

В высокогорной степи лето — время, когда жаркие ветры поджигают траву, обращая толпы животных в паническое бегство в тучах пыли. Даже до нынешнего кризиса путники избегали летнего солнца, предпочитая для передвижения холодный лунный свет. Урские проводники хвастали, что пройдут по степи с завязанными глазами.

Им хорошо, думала Сара, опуская ноющие ноги в ручей оазиса. *Ур не падает ниц, когда под ногой подвернется камень. А я предпочитаю видеть, куда ступаю.*

В предрассветном мареве на востоке виднелись могучие очертания. *Риммер,* подумала Сара. Экспедиция из представителей разных рас про-

двигалась успешно, торопясь достичь Поляны до того, как события достигнут кульминации. Саре хотелось увидеть братьев и узнать, как Блур осуществляет ее идею. Возможно, удастся получить также медицинскую помощь для ее подопечного, Незнакомца, если его неопасно показывать чужакам. Большое “если”. К тому же она не отказалась от мечты увидеть легендарные библиотечные консоли великих галактов.

Но было и чего опасаться. Если звездные боги планируют избавиться от всех свидетелей, начнется это, конечно, с Поляны. Однако больше всего Сару тревожило то, что она, возможно, отдает Незнакомца в руки врагов. Смуглый, постоянно оживленный человек идет охотно, но понимает ли он, во что ввязывается?

Со стороны сморщенной груды колец доносился свистящий вздох. Это пил воду из пруда Пзора, измученный, несмотря на то что весь путь провел в повозке, запряженной ослами. Сенсорное кольцо Пзоры покрывал новый реук — один из двух, купленных Сарой из свежего поступления на пристани Канду. Сама она не очень любит симбионтов, но реук может помочь Пзоре лечить Незнакомца.

На поверхности воды у ног Сары показались

пузыри. В серебристом свете Лусена она разглядела Блейда из деревни Доло, отдыхавшего под водой. Быстрый переход тяжел для серых и синих, как Блейд, квуэнов, а также для людей, слишком тяжелых, чтобы ехать на осле. Саре разрешалось ехать верхом каждый четный мидур. Но все равно у нее болело все тело. *Так мне и надо за то, что вела уединенную книжную жизнь,* подумала она.

Хриплые радостные крики послышались с той стороны, где погонщики-уры укладывали грудами траву и помет, готовя лагерный костер. В большой супник налили крови симлы, нарезали мяса, и вскоре уры жадно поедали тепловатую кровавую еду, поднимали длинные шеи, чтобы проглотить, и снова опускали — эти движения мускулистых гибких тел сопровождались игрой Незнакомца на дульцимере. Тем временем хун-повариха, гордясь своим умением готовить блюда разных рас, гремела котлами. Вскоре запахи пищи перекрыли вонь симлы, пробудив аппетит даже у Сары.

Еще немного спустя совсем рассвело и открылся поразительный вид на коричнево-зеленые могучие горы на востоке.

Незнакомец смеялся. Он был обнажен по пояс и помогал Саре и другим людям разбить типичный

лагерь землян. Ставились убежища из пятнистой г'кекской ткани, которые помогут путникам и животным выдержать жаркий день. Казалось, немота звездного человека не мешает ему работать с другими. Его радость жизни заражала окружающих, когда он учил их бессловной песне, чтобы легче провести время.

Еще два дня, подумала Сара, глядя на горный перевал. *Мы почти на месте.*

Оазис был назван именем воительницы-кочевницы, которая жила вскоре после высадки уров на Джиджо, когда их было совсем мало и они плохо знали планету. В те древние времена Уриутта бежала на восток с тучных пастбищ Знинура, где вожди ее племени поклялись в вассальной верности могучим серым королевам. Уриутта привела мятежников к этой вади в сухой пустыне, и здесь они залечивали раны и готовились к борьбе за свободу от владычества квуэнов.

Так говорилось в легенде, которую Сара услышала в этот день, после того как проспала его самую жаркую часть. Во сне она видела воду. Холодную и чистую, утоляющую страшную жажду. Проснувшись, она окунулась в ручей и присоединилась к другим путникам. В большой палатке готовилась новая еда.

До сумерек оставалось еще несколько часов, снаружи по-прежнему давила свинцовая жара, поэтому лудильщики и караванщики собрались вокруг сказительницы, сопровождая ее пение топаньем и взмахами заплетенных хвостов. Даже после получения книг и печати уры по-прежнему любили устную традицию, с ее преувеличениями и импровизированными вариантами. Когда песня дошла до битвы при торговом посту Зинур, все продолговатые головы начали в такт раскачиваться. Тройки глаз смотрели мимо сказительницы в далекое прошлое.

Так была разбросана кавалерия предателей Добровольные рабы, трусы были рассеяны И попали в западню, подготовленную Уриуттой

С криками падали они в глубокую Зловонную Пропасть, Чтобы смешать со смертоносными серными парами Свои собственные запахи сухих сумок и страха смерти.

Слушатели шипением выражали презрение к трусливым предателям. Сара достала блокнот и начала делать записи о древнем диалекте сказительницы, развившемся на основе Гал-два задолго до появления людей.

И тут появилась Уриутта, готовая к встрече

Со страшными пехотинцами матрон серых

королев,

С самцами в броне, с самцами с оружием

Из остро заточенного твердого дерева, ярко блестевшего

С гремящими когтями, готовыми рвать шкуру,

Стремящимися ради своих матерей разорвать нас на куски.

На этот раз слушатели уры принялись испускать низкие звуки, выражая уважение к храбрым врагам. Эти звуки люди впервые услышали в третьем поколении после прибытия, когда отвоевывали себе место в предобщинном хаосе.

Пора! Наш вождь дает сигнал. Готовьте оружие, недавно придуманное. Приносите длинные палки, выходите вперед,

вы, с крепкими спинами. Бейте не прямо, а крепко ударяйте вниз! Переносите тяжесть. Переносите ее, вы, с крепкими спинами! Напрягайтесь! И, сверкая когтями, они падают!

Вначале Сара с трудом следила за развитием действия. Потом поняла военное новшество Уриутты: та использовала “длинные палки” — заостренные стволы бу, чтобы опрокинуть неуязвимых квуэнских пехотинцев. Добровольцы уры служили живыми точками опоры, они выдерживали когти противника и страшную

тяжесть, а их товарищи налегали, опрокидывая пехотинцев одного за другим.

Несмотря на экстаз торжественной песни о мщении и убийстве, Сара знала, что победа исторической Уриутты оказалась кратковременной. Квуэны сумели изменить свою тактику. Потребовалось новое поколение героев, воинов-кузнецов Сверкающей горы, чтобы окончательно изгнать серых тиранов с высокогорных равнин. Но королевы долго еще препятствовали образованию Общины, пока не появились люди со своим новым-старым искусством ведения войны.

Не все уры праздновали победы прошлого. Вожак каравана со своими помощницами склонились над шкурой пеко, планируя следующий переход. Судя по их жестам над картой, они явно намеревались обойти следующий оазис и постараться дойти к восходу до подножий холмов.

О, мои больные ноги, подумала Сара.

Вожак подняла коническую голову и засвистела, услышав, что к палатке подошел один из пилигримов-людей.

— Мне нужно отойти, — объяснил Джоп, древесный фермер из Доло.

— Что, опять протекаешь? Ты болен?

Большую часть пути Джоп был погружен в

экземпляр Свитка Изгнания, но сейчас казался приветливым и любезным. Он рассмеялся.

— О нет. Я выпил слишком много воды из этого прекрасного ручья. Пора вернуть ее Джиджо. Вот и все.

На короткое время был поднят клапан палатки, и в этом свете Сара снова увидела пузыри в пруду. Блейд опять под водой, вымокает, готовясь к следующему переходу. Он тоже пренебрег песней сказительницы о победе над королевами?

Клапан опустился, и Сара огляделась по сторонам.

Курт– взрывник с помощью компаса чертил волнистые линии на листке бумаги для рисования. Дочь бумажника поморщилась, видя, как он раздраженно комкает один листок за другим. Рядом с Сарой Прити тоже чертила абстрактные фигуры, но более экономно -на песке. Дергая себя за волосатый подбородок, она изучала текст по топологии, который Сара прихватила в Библосе.

Какой интеллектуальный караван, сардонически подумала Сара. *Фанатичный пурист, создатель того, что взорвется, шимпанзе-геометр и бывший математик — все устремились к своей возможной гибели. И это только начало нашего перечня странностей.*

Слева Незнакомец отложил свой дульцимер и смотрел, как племянник Курта молодой Джома играет в “Башню Хайфона” с красным квуэном, торговцем солью, двумя библиотекарями из Библоса и тремя хунскими пилигримами. Игра состояла в перемещении разноцветных колец по воткнутым в песок и расположенным по углам шестиугольника палкам. Цель — надеть кольца на ваш Домашний Пост в правильном порядке, самое большое на дне, самое маленькое — вверху. Сложная игра, где цвета и рисунки колец означают различные свойства треки. Необходимо правильно сочетать их, чтобы получить идеального треки.

Пзора, казалось, больше интересуется сказанием, чем игрой. Сара никогда не слышала, чтобы треки оскорбился из-за игры в “Башню Хайфона”, хотя игра подражает их уникальному способу размножения.

— Видишь? — объяснял мальчик игру Незнакомцу. — Я получаю болотные плавники, сердечник для мульчи, два кольца памяти, нюхателя, мыслителя и глядящего.

Быстрая речь Джомы не вызывала у звездного человека ни малейшего раздражения. Он с интересом и пониманием следил за объяснениями

ученика взрывника — возможно, высокий голос Джомы напоминал ему ноты музыки.

— Я надеялся раздобыть лучшее основание, чтобы мой треки мог передвигаться по земле. Но Хормтувоа перехватил тор для хождения, так что, похоже, придется обойтись плавниками.

Хун слева от мальчика благодарно проворчал. Нужно быстро соображать, когда играешь в "Башню Хайфона".

Построй мне дом мечты, о мой дорогой, в четырнадцать этажей.

Фундамент, кухня, спальная, ванная, и я буду любить тебя до смерти.

Джома и все остальные прервали свои занятия и посмотрели на Незнакомца, а он раскачивался и хохотал.

У него получается все лучше, подумала Сара. Но все же она всегда удивлялась, когда Незнакомец произносил стихи или пел песни, соответствующие тому, что в это время происходит.

С блеском в глазах Незнакомец подождал, пока все игроки вновь погрузятся в раздумья над своими грудами. Тогда он толкнул Джому и незаметно указал на фигуру игры, которую можно переместить на запасное кольцо. Мальчик уставился на редкое кольцо, которое называется "бегун".

Он с таким трудом старался сдержать радостный вопль, что закашлялся, и смуглый чужак похлопал его по спине.

Но откуда он это знал? Неужели там, среди звезд, тоже играют в "Башню Хайфона"? Она считала, что звездные боги делают… ну достойные богов дела. Успокоительно думать, что они способны играть в игру с простыми фигурами — прочными, устойчивыми символами жизни.

Конечно, большинство игр основано на том, что есть победители… и проигравшие.

Аудитория одобрительно зашипела, когда сказительница окончила свою песню и покинула сцену, чтобы принять награду — чашу с парящей кровью. *Жаль, что я пропустила конец,* подумала Сара. Но если мир устоит хотя бы еще на год, она, вероятно, еще услышит ее.

Казалось, никто больше не собирается выступать, и несколько уров уже потянулись к выходу из палатки, чтобы проверить животных и подготовиться к ночному переходу. Но остановились, когда появился новый доброволец, вышел на сцену, стуча копытами по помосту. Это была Ульгор, лудильщица. Она сопровождает Сару с того вечера, когда чужаки пролетели над деревней Доле. Слушатели снова расселись, и Ульгор начала свое

сказание на диалекте еще более древнем, чем предыдущий.

Корабли заполняют ваши мысли сейчас,

Свирепые, стремительные неслышные.

Корабли заполняют ваши мечты сейчас,

Далеко от всех водяных морей.

Корабли затуманивают ваши мысли,

Бесчисленные их орды.

Корабли потрясают ваши мысли,

Эти горы быстрые и далекие.

Гул ужаса. Вожак каравана вытянула длинную шею. Редкая тема, считающаяся признаком дурного вкуса там, где присутствуют представители разных рас. Несколько хунов-пилигримов повернулись и тоже принялись слушать.

Корабли Урриш-ка,

Клан сильных и почитаемых.

Корабли урского войска.

Клан, стремящийся к мщению!

Но даже если это проявление дурного вкуса, песня священна и неприкосновенна, пока не

закончится. Вожак широко раздула ноздри, показывая, что она в этом нарушении приличий не участвует, а Ульгор продолжала воскрешать эру, кончившуюся задолго до того, как колонисты-уры впервые ступили на Джиджо. Время космических армад, когда флоты богов сражались за непостижимые доктрины, используя оружие немыслимой мощности.

Корабли заполняют ваши мысли сейчас.

Корабли размером с горные пики,

Они заставляют звезды дрожать

Своими молниями размером с планету.

Сара подумала: *зачем она это делает?* Ульгар для своего молодого возраста была всегда очень тактична. Теперь она словно сознательно провоцирует реакцию.

Хуны, раздувая воздушные мешки, придвинулись. Они по-прежнему скорее любопытны, чем рассержены. По-прежнему неясно, хочет ли Ульгор пробудить древнюю вендетту — древние распри, которые делают последующие стычки на Джиджо с людьми и квуэнами чем-то вроде перебранки за завтраком.

На Джиджо у уров и хунов нет общих территорий, и они не хотят их. Нет оснований для конфликта. Трудно представить себе, что их предки убивали друг друга в космосе.

Даже игра в “Башню Хайфона” была забыта. Незнакомец следил за движениями гибкой шеи Ульгор и отбивал такт правой рукой.

О вы, туземные слушатели

Высокомерно невежественные,

Умы, привязанные к планете, посмеете ли вы

Попытаться постичь?

Представить себе размером дыры в пространстве,

с планету

В которых живут существа,

Которые умы, привязанные подобно вам,

к планете

Не в состоянии постичь?

Несколько хунов облегченно заворчали. Может, все-таки речь идет не о древних схватках их предков с урами. В некоторых космических эпопеях рассказывается о невероятных просторах, о

зрелищах, ставящих в тупик современных слушателей. Это напоминание о том, что утратили Шесть, но что они когда-нибудь могут вернуть. Иронично, но вернуть это можно, только забыв.

Направьте свои полные ужаса мысли
К этим кораблям, застывшим,
Движущимся к вратам славы,
Не зная своей судьбы.

Если первая сказительница пела горячо, воспевая кровавую славу прошлого, Ульгор оставалась хладнокровна, она зачаровывала слушателей своей качающейся головой и мелодичным свистом, передавая суть цвета, мороза и ужаса. Сара опустила блокнот, захваченная зрелищем света и тени, огромными просторами пространства-времени и сверкающими кораблями, более многочисленными, чем звезды. Несомненно, легенда пересказывалась множество раз и описания становились все более преувеличенными. Но все равно сердце Сары заполнилось неожиданной ревностью.

Мы, люди, до своего падения никогда не поднимались так высоко. Даже во времена расцвета мы не обладали флотами могучих звездных кораблей. Мы были волчатами. Примитивными по

сравнению с другими.

Но Ульгор продолжала петь, рисуя картины бесконечности, и эта мысль ушла. Вырисовывалась картина великой армады, направлявшейся на войну с угрозой, таящейся в темном углу пространства. В нише, загадочной и смертоносной, словно страшное логово мульк-паука. Место, которого избегают все путники, но не адмирал этого флота. Убежденная в своей неуязвимости, она прокладывает курс прямо на врага, отбросив все мысли об отходе.

И вот из одного черного зерна
Исходит проклятие судьбы,
Набрасывая свою сеть
На толпы
тревожных звезд…

Неожиданно Сару вернул к реальности резкий рывок за правую руку. Она замигала. Прити сжимала ее локоть, сжимала до боли. Сара спросила:

— Что?

Выпустив ее руку, шимп просигналила:

Слушай! Вот!

Сара собиралась сказать: *“Я это и делаю. Слушаю”* — но потом поняла, что Прити имеет в виду не сказительницу. Постаралась отстраниться от

монотонного голоса Ульгор… и услышала низкий гул, доносящийся извне павильона.

Животные. Что-то их встревожило.

Симлы и ослы находились в собственном замаскированном убежище на небольшом расстоянии. Судя по усиливающемуся шуму, животные не испуганы, но все же что-то их беспокоит.

Незнакомец тоже это заметил вместе с библиотекарями и красным квуэном. Все они попятились, тревожно оглядываясь.

К этому времени вожак каравана присоединилась к слушателям, размеренно кивающим головами, унесенным в далекие времена и пространства. Сара продвинулась вперед, чтобы подтолкнуть предводителя экспедиции — осторожно, потому что от неожиданности ур может укусить. Но не успела: шея предводительницы застыла, тревожная дрожь пробежала по рыжевато-коричневой гриве. Свистом матрона привела в себя двух помощниц, третью вернула к действительности, лягнув в бок. Все четверо встали и двинулись в направлении входного клапана, но остановились, увидев, как вдоль восточного края убежища начали возникать призрачные фигуры, теневые очертания кентавров, приближающиеся украдкой, вооруженные копьями.

Одна из помощниц отчаянно крикнула, и тут же воцарился хаос.

Аудитория смешалась в смятении. Ошеломленные Пилигримы кричали и свистели: сверкающие лезвия в десятке мест распороли палатку. В разрезах показались фигуры в военной раскраске, с мечами, пиками и арбалетами, все с остриями из буйурского металла цвета бронзы. Испуганная толпа путников отступила к центру, к яме с пеплом.

Прити обняла Сару за талию, с другой стороны к ней жался испуганный Джома. Она обняла мальчика, пытаясь успокоить его.

Урская милиция? подумала Сара. Но воины не похожи на кавалерию в тусклых мундирах, которая выступает на показательных маневрах в праздник Приземления. Бока и холки воинов исчерканы полосками сажи. В кивающих вьющихся головах чувствуется безумная решимость.

Одна из помощниц вожака бросилась к стойке, где хранилось оружие — для защиты от лиггеров, кубрасов и редких групп воров. Предводительница каравана тщетно пыталась ее остановить; молодая самка дотянулась до арбалета, но продолжала двигаться дальше, брызжа кровью. И наконец упала У ног раскрашенного воина, уты-

канная стрелами.

Вожак проклинала нападавших, обвиняла в трусости, оскорбляла их предков, но особенно винила себя в самодовольстве. Хотя ходили слухи о том, что в отдаленных углах Склона начались беспорядки, привычки мирного времени трудно преодолеть, особенно на главном, многократно исхоженном пути. И теперь ее молодая смелая помощница заплатила за это.

Чего вы хотите? крикнула она на Галдва. *Есть ли у вас вожак? Пусть покажет свое (преступное) рыло, если посмеет говорить!*

Клапан палатки приоткрылся, и вошла крепкая урская воительница, раскрашенная ломаными линиями, так что трудно было рассмотреть ее очертания. Предводительница нападавших переступила через кровавый след, оставленный помощницей, и остановилась перед вожаком каравана. Как ни удивительно, но обе ее сумки были полны. В одной был муж, его маленькая головка выглядывала из-под руки воительницы. Вторая сумка посинела и покрылась разбухшими молочными венами; в ней теснилось еще не вышедшее потомство.

Матрона с детьми обычно не склонна к насилию, если ее к этому не побуждают долг или

необходимость.

Не тебе судить нашу (достойную похвалы) смелость, сказала предводительница разбойников на старомодном стилизованном диалекте. *Ты, которая служит (недостойным) клиентам/хозяевам, у которых слишком много или слишком мало ног, ты не можешь судить сестер. Единственный твой выход — подчиниться (раболепно), согласно (древнему почитаемому) Кодексу Равнин.*

Вожак каравана уставилась всеми тремя глазами.

Кодекс? Неужели ты говоришь о (варварском, несообразном) ритуале, который использовали в старину (дикие) племена, когда…

Кодекс войны и веры (благородных и верных своей природе) племен. Подтверждаю! Образ жизни наших (почитаемых) теток, уходящий к прошлым поколениям задолго до того, как нас поразило (презренное) разложение. Подтверждаю! И снова спрашиваю/требую: ты сдаешься?

В тревоге и смятении вожак каравана по-человечески покачала головой; воздух она выпускала неуверенно, как хун. И ответила на англике:

— Хр-р-р. Такая джикии глупость. Чтобы взрослый убил из-за…

Разбойница набросилась на вожака. Их шеи сплелись, и вожак с болезненным стоном упала. Любой земной позвоночник от такого удара сломался бы.

Разбойница повернулась к пилигримам. Она далеко вытянула голову, словно готовая вцепиться в любого. Испуганные пленники жались друг к другу. Сара крепче обняла Джому и закрыла мальчика собой.

Снова спрашиваю/требую — кто (без всяких условий) сдается во имя (жалкого оправдания) племени?

Прошел дур. Затем из толпы, пошатываясь, вышла уцелевшая помощница вожака. Возможно, ее подталкивали сзади. Она слегка сплела шею, ее единственная ноздря дрожала от страха. Самка подходила к раскрашенной предводительнице разбойников. Дрожа медленно опустила голову, так что коснулась земли между копытами противницы.

Правильный поступок, заметила предводительница разбойников. *Из тебя получится (почти приемлемая) воительница равнин.*

А что касается остального, меня зовут Ур-Качу. В недавние (презренные) времена я была известна как повелительница и высокая тетка

клана Соленого Копыта — бесполезный почетный титул, лишенный (реальной) власти и славы. Теперь, избавившись от этого (неблагодарного) племени, я одна из предводительниц новой армии сестер-подруг. Объединившись, мы восстановим (величайшее и горько оплакиваемое) военное сообщество — Урунтай!

Разбойники потрясали оружием, испуская пронзительные крики.

Сара удивленно мигнула. Мало кто из людей не знал это название, наводившее ужас в прежние дни.

Мы так поступили, потому что (так называемые) тетки и мудрецы предали нашу славную расу, завели ее в (подлую) человеческую западню. В схему уничтожения, разработанную преступными чужаками.

Какой-то отвлеченной частью сознания Сара заметила, что разбойница теряет контроль над своим приукрашенным старомодным способом выражения, характерным для Галдва, и вводит более современные обороты, даже отрывки ненавистного англика.

Остальные разбойники выкрикивали певучие одобрительные замечания, аккомпанируя речам предводительницы. Ур-Качу повернула голову

к пилигримам и остановилась перед высоким смуглым мужчиной — Незнакомцем.

Это он? Звездный демон?

Человек из космоса улыбнулся ей в ответ, словно даже кровавое убийство не могло испортить его отличное настроение. Это, в свою очередь, разъярило раскрашенную воительницу.

Это и есть (избранный, тот, кого давно искали)! продолжала Ур-Качу. *Небесный родич двуногих дьяволов, которые жили среди нас (долгие, мучительные) поколения?*

Словно пытаясь постичь новую для него форму жизни, искалеченный звездный человек натянул на глаза свой новый реук, потом снова снял, сравнивая увиденное. Возможно, лишенный способности понимать значение слов, он заменял это цветами эмоций.

Из толпы пилигримов послышался новый голос, спокойный и хладнокровно магнетический.

Это он, заверила Ульгор, выступая из охваченной паникой толпы и подходя к Ур-Качу. Как и Незнакомец, она не проявляла никаких признаков страха.

Это и есть (обещанная) награда, привезенная из далекого города Тарек. Недавно человеческий мудрец подтвердил, что это звездный демон, не

рожденный на Джиджо.

Пилигримы пришли в отчаяние от предательства Ульгор, а копыта Ур-Качу радостно зацокали.

Те из космоса (дорого) заплатят за его возвращение. Они могут дать нам самое ценное — выживание некоторых (хотя и не всех) уров на Джиджо.

Многие обстоятельства неожиданно приобрели смысл. Причина нападения, неожиданное выступление на сцене Ульгор — она должна была держать всех в палатке, пока Урунтай незаметно займет положение для нападения.

Между двумя предводительницами уров появилась новая, более тонкая тень. Послышался новый голос, говорящий на англике.

— Не забудьте друзей. Мы потребуем еще кое-чего.

В разорванном входе в палатку появился человек. Когда он вошел с вечернего жара, стало видно, что это Джоп, древесный фермер из деревни Доло.

— Есть целый список наших требований, если они хотят, чтобы мы вернули их парня целым и невредимым, — Джоп поглядел на голову Незнакомца со шрамом, — или, вернее, то, что от

бедняги сохранилось.

Сара поняла. *Он выходил, чтобы подать знак нападающим, пока Ульгор отвлекала внимание.*

Странный союз. Человек-пурист помогает урским фанатикам, назвавшим свою группу по древнему обществу Урун-тай, которое ненавидело людей.

Хрупкий союз, если Сара правильно расслышала то, что спросила Ур-Качу у Ульгор:

– *Разве без него было бы не проще?*

Раскрашенная воительница подмигнула и замолчала, потому что Ульгор незаметно лягнула ее.

Сара толкнула Прити и Джому в глубину толпы и выступила вперед.

— Вы не можете это сделать, — сказала она. Джоп мрачно улыбнулся.

— А почему нет, маленький книжный червь? Какая победа — не позволить голосу дрожать.

— Потому что он, возможно, совсем не генный грабитель.

У меня есть основания считать, что на самом деле он их враг.

Ульгор с головы до ног осмотрела Незнакомца и кивнула.

— Это не имеет значения. А имеет только одно:

у нас есть товар, и мы можем взять за него хорошую цену.

Сара могла себе представить эту цену. Для Ур-Качу возвращение славных дней, когда воины свободно бродили по равнинам. Это совместимо со стремлением Джопа уничтожить все дамбы, машины и книги и направить человечество по Тропе Избавления.

Они так презирают друг друга, что не боятся возобновления войны. И вообще в данный момент это не имеет значения.

Мы в руках маньяков, подумала Сара. *Глупцов, которые всех нас погубят.*

Аскс

А теперь возвращается корабль ротенов. Возвращается из таинственного полета в ближайшее пространство по какому-то неведомому божественному делу.

Чтобы забрать станцию и ее экипаж исследователей-биологов.

Чтобы взять добычу — сокровище похищенных генов.

Чтобы скрыть следы преступления.

Но теперь перед нами вместо погребенной

станции яма с ее обломками. Один ротен и один небесный человек лежат на импровизированных носилках, лишенные жизни, а уцелевшие гости-пришельцы кипят от гнева и желания отомстить. Если раньше кто-нибудь мог усомниться в их намерениях, мои кольца, то разве теперь осталось место для неясностей? Мы будем наказаны. Неясны только средства и размеры наказания.

Именно этого хотели мятежники-фанатики. Больше никаких неясностей. Никаких намеков и сладких лживых обещаний. Только чистота праведного сопротивления, какими бы неравными ни были силы. Пусть нас подвергнут суду, требовали фанатики, пусть судят не наши колебания, а нашу храбрость и веру.

Горячая немигающая звезда движется по предрассветному небу, медленно снижается на орбите — ангел — или демон — мщения. Знают ли на борту о случившемся? Может, уже сейчас планируют будущую бурю?

Фанатики настаивают: мы должны схватить уцелевших: Ро-кенна, Линг и Ранна — и держать в качестве заложников для защиты всей Общины. А также еще одного звездного человека — Кунна, когда вернется его летающая машина.

Наш высокий мудрец квуэн Ум-Острый-Как-

Нож в ужасе опровергает логику фанатиков.

— Вы хотите нагромоздить одно преступление на другое? Разве они причинили нам вред, эти чужаки? Нанесли первыми удар своей клиникой и высокооплачиваемой работой? Вы убили двоих из них только на основании догадок о дурных намерениях! И теперь хотите похитить остальных? Предположим, на корабле согласятся с вашими требованиями, пообещают не нападать на Шесть. Но что помешает им изменить намерения, когда мы освободим заложников?

Предводитель фанатиков отвечает:

А кто говорит, что мы их освободим? Пусть остаток жизни проведут среди нас — как живое средство, удерживающее чужаков от злой мести.

– А после этого? Глупо думать в терминах продолжительности одной жизни! У звездных богов долгие мысли. И долгие планы. Какая разница в грандиозном плане жизни, если нас убьют через пятьдесят лет?

Некоторые зрители одобрительно шумят. Другим, как всегда, кажется, что мудрец забавно пошутил. Они смеются разными способами и восклицают:

— Для тех, кто живет сейчас, большая разница!

Но в любом случае, продолжает урская предводительница фанатиков, *вы ошибаетесь, говоря, что они еще не напали на нас и не причинили (ужасный) вред. Напротив, наш (оправданный) взрыв вовремя остановил их подлый замысел!*

Уставший и выпачканный сажей Лестер Кембел сидит на ближайшем камне. Но вот он поднимает голову с рук и спрашивает:

— Что ты имеешь в виду?

Я имею в виду их (подлое) намерение начать программу нашего истребления путем развязывания (братоубийственной) войны между Шестью!

Зрители молча поглощают это.

Ум– Острый-Как-Нож спрашивает:

– Ты можешь это доказать?

Прочные (неопровержимые) доказательства уже в пути. Но вначале не выслушаете ли (подтверждающие) показания вашего собственного (высоко почитаемого) коллеги мудреца?

Воцаряется смятение, и тут вперед выходит Фвхун-дау. Наш коллега хун был необычно молчалив, не принимая участия в событиях, только перенес Вуббена с холма вниз после столь неудачного паломничества. Теперь он разгибает свою длинную чешуйчатую спину, словно радуясь возможности снять с нее тяжесть.

— У меня было слишком мало времени для размышлений над этой проблемой, — начинает он.

— Ты готов размышлять целую геологическую эпоху, мой дорогой друг, — мягко шутит Лестер Кембел. — Даже твои предварительные выводы несут в себе мудрости больше, чем у всех остальных, кроме Яйца. Пожалуйста, поделись ими с нами.

Из отвислого вибрирующего воздушного мешка Фвхун-дау доносится низкий раскатистый звук.

— Хр-р-рм… Почти два джадура я тщательно записывал все заявления наших гостей из космоса, особенно произнесенные официально. Они словно написаны кем-то, а звездные люди только их произносят. У меня есть несколько лингвистических справочников из Библоса, которыми я иногда пользуюсь, разбирая конфликты индивидов из разных рас, говорящих на разных языках. Несмотря на наши многочисленные диалектные отличия, в этих работах содержатся полезные таблицы, касающиеся синтаксиса и значения слов. Не могу утверждать, что обладаю большим опытом — всего лишь небольшая захолустная практика, — чтобы проанализировать заявления чужаков.

— Но ты сделал выводы?

— Хр-р. Не выводы. Возможно, некоторые сопоставления. Указывающие на возможный характер намерений,

— Намерений?

— Намерений…– р-р-рм… вызвать раскол.

Ур– Джа лежит в углублении, отдыхая от тщетных попыток спасти выживших среди дымящихся развалин станции чужаков. Она замечает:

— Подобное подозрение высказывается не впервые. Мы все слышали анекдоты о невинных замечаниях, которые на самом деле жалят глубоко, как муха-шедо. Она откладывает яйца, и рана заражается и никогда не залечивается. Ты говоришь, что уловил устойчивый образец? Что это часть тщательно разработанного плана? Но почему ты не сказал об этом раньше?

Фвхун-дау вздыхает.

— Настоящий ученый не публикует предварительные заключения. К тому же чужаки как будто не подозревают, что мы сохранили некоторые познания и умеем разглядеть скрытое значение фраз. Вернее, что мы восстановили его после Великой Печати. Я не видел причин поспешно разглашать этот факт.

Он пожимает плечами в манере треки, делая поворот слева направо.

— Окончательно я убедился в этом, когда во время паломничества с нами говорил Ро-кенн. Вам, наверно, тоже приходило в голову, что в его намерения входило посеять своими словами искры разногласий?

— Приходило! — подтверждает Лестер Кембел. Многие присутствующие люди подхватывают его утверждение, словно пытаясь убедить остальных в своей искренности. Уры неуверенно стучат копытами: длинная тревожная ночь заставляет их нервничать. До сих пор только с таким трудом завоеванные привычки Великого Мира позволяют сохранить спокойствие.

Фвхун-дау продолжает:

— Формальный диалект Галактического шесть, которым пользуются звездные боги ротены, оставляет очень мало места для двусмысленностей и неясностей. Приведшие меня в замешательство слова Ро-кенна могут иметь только две возможные интерпретации. Либо он бестактен до степени, которая превосходит всякую глупость, либо его целью было вызвать геноцид, направленный против людей.

— Против их собственных любимых клиентов? — недоверчиво спрашивает Ур-Джа.

— Не имеет отношения к ситуации. Если даже

утверждения ротенов о том, что они патроны, верны, какое им дело до маленькой изолированной группы диких людей, давно отрезанных от своей расы, подвергшихся генетическому инбридингу и отставших на насколько столетий? Возможно, эти люди даже ущербны, психологически запущены, испорчены…

— Ты высказал свою догадку, — напряженно прерывает его Лестер. — Но в таком случае почему выбраны именно мы?

Фвхун-дау поворачивается к своему коллеге-человеку и виновато ворчит:

— Потому что из всех Шести человеческая раса обладает наибольшими техническими знаниями, она несовершенно, но полезно восстанавливала галактический образ жизни и владеет военным искусством, которое мы все хорошо помним.

Некоторые слушатели квуэны и уры зашумели, но подлинного спора и несогласий не возникает. Все помнят рассказы о битве в Каньоне, о засаде у Таунсенда или об осаде города Тарек.

— Все эти факторы делают вас очевидной первой целью. Но есть и другая причина. Воздействие, которое вы оказали на нас всех. Вы были новичками и обладали самым низшим рангом и тем не менее раскрыли для всех ваше

величайшее сокровище — вашу библиотеку. После великих побед, когда ваш статус поднялся высоко, вы отказались от многих привилегий господства и согласились подчиниться мудрецам и ограничениям, наложенным Великим Миром.

Именно эта традиция *сдержанности* делает вас опасными для планов ротенов. Какой смысл поджигать войну, если намеченные жертвы не захотят воевать?

Да, мои кольца, мы наблюдаем/замечаем реакцию толпы. Все стихают, когда Фвхун-дау пробуждает воспоминания об объединении и мягко гасит все еще тлеющие искры негодования. Великолепный пример медитации.

— Когда человеческая раса исчезнет, — продолжает Фвхун-дау, — будет гораздо проще сеять неприязнь среди остальных, намекая на тайные союзы, предлагая помощь. Распространяя искусственные эпидемии, например. Сообщая каждой расе искусные способы распространения смертоносных бактерий. Менее чем за поколение все будет кончено. Немногие останки в почве Джиджо будут свидетельствовать только о гибели шести сунерских рас, так и не достигших избавления.

Тяжелое молчание встречает этот сценарий,

нарисованный нашим хунским мудрецом.

— Конечно, все это не доказано, — заключает Фвхун-дау, грозя пальцем предводительнице фанатиков. — И не оправдывает ужасы этой ночи, подготовленные поспешно, без консультаций с мудрецами Общины.

Урская мятежница высоко поднимает голову, чтобы заглянуть через толпу на восток. С радостным фырканьем она снова поворачивается к Фвхун-дау.

Прибывает и ваше доказательство! Она радостно свистит, помогая проделать проход в толпе зрителей. Рассвет позволяет увидеть пыльные фигуры, скачущие по тропе от Священной Поляны.

И это также наше оправдание!

Ларк

Харуллен крикнул с края кратера:

— Вам двоим лучше подойти сюда! Тут что-то происходит. К тому же, мне кажется, нас ждут неприятности.

Физическая и эмоциональная усталость отразилась на безупречном аристократическом акценте серого квуэна. Голос его звучал испуганно, словно

быть неохотным наблюдателем так же опасно, как рыться в смертоносных обломках.

– Что случилось? — крикнул в ответ Утен. Хоть и родич квуэна наверху, коллега биолог показался Ларку представителем совсем другого вида. Его исцарапанный панцирь покрыт липким пеплом. — Они посылают сюда робота?

В звуках ножных щелей Харуллена слышалась тревога.

— Нет, машины по-прежнему защитно висят над Ро-кенном, он, двое слуг-людей и трупы — все окружено толпой местных подхалимов. Я имею в виду суматоху там, где держат совет мудрецы. Кажется, подошло больше фанатиков. Зреют неприятности. Я уверен, что мы пропустили какие-то важные новости.

Харуллен может быть прав, подумал Ларк. Но ему не хотелось уходить. Несмотря на зловоние, жару и острые края металлических обломков — все это становится еще опасней из-за усталости, — рассвет позволяет легче рыться в развалинах погребенной станции и поиски нуждающихся в помощи приобретают хоть какой-то смысл.

Сколько раз видел он, как Линг исчезает в этих таинственных глубинах, и гадал, что же

находится там внутри? А теперь все это стало почерневшим адом.

Я помогал фанатикам, вспомнил Ларк. *Я отдавал им копии своих отчетов. Я знал, что они что-то задумали.*

Но о таком жестоком даже не догадывался.

Не догадывались и звездные боги, которые не думали, что примитивные туземцы умеют устраивать взрывы.

Они задавали неправильные вопросы.

– Говорю вам, что-то происходит! — снова крикнул Харуллен, не прилагая усилий к оригинальности. — Мудрецы движутся — они идут к чужакам!

Ларк посмотрел на Утена и вздохнул.

— Наверно, он имеет в виду сейчас, немедленно.

Его друг некоторое время молчал, разглядывая что-то под собой. А когда ответил, то тихим голосом, который даже не поднял пепел у него под ногами.

— Ларк, пожалуйста, подойди и взгляни на это. Ларк по прежним экспедициям, когда они изучали прошлое Джиджо, знал этот тон. И пошел к квуэну, осторожно пробираясь между рваными металлическими балками и плитами и стараясь

высоко поднимать ноги, чтобы не тревожить пепел и пыль.

— В чем дело? Ты что-то нашел?

— Не… знаю. — Утен перешел на Галшесть. *Кажется, я такое уже видел. Этот символ. Это обозначение. Может, ты подтвердишь!*

Ларк нагнулся рядом с другом, вглядываясь в щель, в которую еще не проникло восходящее солнце. И увидел переплетение ромбов, каждый шириной в его руку и вдвое длиннее. Утен уже убрал несколько обломков, чтобы лучше было видно. Один ромб оказался достаточно близко, чтобы рассмотреть выжженный на его темно-коричневой поверхности символ.

Двойная спираль, пронзенная стрелой. Где же я видел…

Ларк сумел просунуть руку дальше, чем Утен, погладил ромб, потом поднял его. Он оказался неправдоподобно легок, хотя в то же время мог оказаться самой тяжелой вещью в мире.

— Ты думаешь то же, что и я? — спросил Ларк, поворачивая ромб на свету.

Утен взял из его руки плиту, подержал в дрожащем когте.

— А как же иначе? — ответил ученый квуэн. — Даже полуживотные, впавшие в варварство,

узнают символ Великой Галактической Библиотеки.

“Улика” лежала на примятой траве. Ро-кенн проницательным взглядом рассматривал путаницу проводов и стеклянистых шаров, которую фанатики недавно принесли из Долины Яйца. Странный предмет был еще в комьях земли с того места, где лежал, закопанный, рядом с величайшей святыней Джиджо.

Две группы зрителей образовали полукруги — один из сторонников мудрецов, другой из почитателей звездных богов. Вторая группа состояла в основном из пациентов клиники грабителей и тех, кто поверил в их утверждения о своей праведности. Новый реук Ларка регистрировал сияние в виде напряженного красного огня, окружающего лица людей, поверивших в новонайденных патронов.

Выражение яростного гнева исчезло с лица Ро-кенна, его гуманоидная внешность отражала харизматическое спокойствие, даже некоторую уверенную снисходительность. Он целый дур разглядывал мешанину частей, потом заговорил на строгом Галактическом семь.

Ничего интересного я не вижу. Зачем вы мне это показываете?

Ларк ожидал, что ответит молодая предводительница фанатиков, попытается оправдать насилие, перенеся вину на чужаков. Но она держалась в глубине толпы людей и уров.

Вперед вышел мудрец хун Фвхун-дау и встал перед послом ротенов.

— Мы хотим выяснить, вам ли принадлежат эти хитроумные устройства. То, что нашли наши дети во время последнего поворота Джиджо. То, что кто-то тайком закопал рядом с нашим возлюбленным Яйцом.

Ларк следил за реакцией Линг. Поскольку он уже достаточно хорошо ее знал, ему не нужен был реук, чтобы понять, какой шок она испытала от этого открытия. И какое испытала замешательство, обдумывая случившееся. *Это все, что мне нужно было узнать,* подумал Ларк.

Ро– кенн оставался невозмутим.

— Могу лишь догадываться, что это поместил кто-то из вас — как ваши глупые мятежники поместили взрывчатку под нашей станцией.

Теперь Линг удивленно замигала. *Она не думала, что он солжет. Во всяком случае, не так откровенно. Но у него ведь не было времени подготовиться.*

Посмотрев в сторону, звездная женщина заме-

тила взгляд Ларка и быстро отвела свой. Ларк не чувствовал гордости за испытанное удовлетворение: ведь их положение поменялось на прямо противоположное. Теперь ее очередь стыдиться.

— Используйте ваши приборы, — настаивал Фвхун-дау. — Проанализируйте эти инструменты. Вы обнаружите технологию, не доступную никому из Шести.

Ро– кенн элегантно пожал пологими плечами. *Может, это оставили буйуры.*

— В таком месте? — В гулком голосе Фвхун-дау звучал смех, словно Ро-кенн удачно пошутил. — Всего лишь сто лет назад вся эта долина сверкала расплавленной белизной, когда Яйцо выходило в мир. Эти нити не уцелели бы.

Толпа загудела.

Ларка потянули за рукав. Оглянувшись, он увидел невысокого светловолосого человека. Портретист Блур подошел к нему сзади, неся камеру и треножник.

— Я хочу снимать из-под твоей руки, — настойчиво прошептал фотограф.

Ларк почувствовал приступ паники. Блур спятил? Пытается сделать это в открытую, перед бдительными роботами? Даже если с этой стороны его закроет своим телом Ларк, люди с обоих

боков увидят. Разве можно рассчитывать на всеобщую поддержку в этой встревоженной толпе — даже несмотря на замечательное выступление Фвхун-дау?

Беспомощно вздохнув, он приподнял левую руку настолько, чтобы Блур смог нацелиться на противостояние на Поляне.

Тогда у меня нет другого объяснения для этих вещей, ответил Ро-кенн, имея в виду массу перепутанных приборов. *Можете гадать сколько угодно, до прилета нашего корабля.*

Не обращая внимания на эту скрытую угрозу, мудрец хун продолжал со спокойной рассудительностью, по сравнению с которой ротен казался нервничающим.

— Нужно ли гадать? Несколько свидетелей в недавнюю туманную ночь видели, как ваши роботы закапывали эти приборы под нашим священным камнем…

Этого не может быть! воскликнул Ро-кенн, выдавая свое волнение. *Ни одна форма жизни не могла быть свидетелем в ту ночь! Тщательное предварительное сканирование не обнаружило разумных существ в пределах…*

Посол ротенов замолчал на середине предложения, а зрители ошеломленно смотрели на

него: как учтивый звездный бог мог попасться на такую очевидную уловку!

Должно быть, привык, что все всегда идет так, как он хочет, подумал Ларк. *И попался на простейшую хитрость.*

Но тут ему в голову пришла странная мысль. *Во многих земных культурах: от Древней Греции и Индии до Высокой Калифорнии — боги изображались как избалованные темпераментные подростки.*

Может, это расовая память? Может, эти парни действительно наши давно утраченные патроны.

– Спасибо за поправку, — с поклоном отозвался Фвхун-дау. — Я сказал только, что мы хотим установить принадлежность этих приборов. Я сделаю выговор тем, кто говорил о свидетелях. Поверим вам на слово, что в ту ночь, когда, как вы только что признались, ваши роботы закопали эти странные чуждые приборы рядом с нашим Яйцом, никаких свидетелей не было. Может, оставим этот аспект и прежде всего выясним, зачем они были помещены?

Ро– кенн, казалось, пережевывает свою ошибку: его челюсти двигались, как у человека, который оскаливает зубы. Реук Ларка показал мешани-

ну цветов на верхней части лица ротена. Тем временем Блур сделал еще один снимок, удовлетворенно хмыкнул и закрыл экспозировавшуюся пластинку. *Уходи,* молча попросил Ларк маленького человека, но напрасно.

— Не вижу причин для продолжения разговора, — сказал наконец чужак. Он повернулся и пошел, но остановился на краю зияющего кратера на месте станции, вспомнив, что идти ему некуда.

Конечно, Ро-кенн может взобраться на робота и просто улететь. Но пока не вернулись воздушная машина Кунна или звездный корабль, улететь можно только в дикую местность. За пределами поляны, на которой задают неприятные вопросы, нет никакого убежища.

Слева из толпы уров и людей послышались крики. Толпа расступилась, показался улыбающийся Лестер Кембел, несущий несколько томов большого формата.

— Думаю, я нашел! — воскликнул он, склонившись с несколькими помощниками к сферическому объекту в путанице проводов. И пока помощник открывал крышку объекта, Лестер объяснил.

— Естественно, ни у кого из нас не было ни

малейшего представления о том, как работает это устройство, но после миллиарда лет галактическая техника так усовершенствована и упрощена, что большинством машин пользоваться очень легко. Если люди смогли привести рассыпающийся, устаревший звездный корабль на Джиджо, этот прибор тоже должен быть снабжен защитой от дурака!

Его полный самоуничижения жест вызвал смех в толпе по обе стороны. Все теснились поближе, не давая Ро-кенну и его слугам возможности с достоинством удалиться.

— В этом случае, — продолжал Кембел, — мы предположили, что прибор должен был сработать, когда все пилигримы окажутся рядом с Яйцом и будут наиболее впечатлительны, может быть, по окончании молитвы. Логично предположить, что существует таймер или устройство дистанционного управления, например, радиосигнал.

Помощнику удалось наконец открыть крышку. Послышался громкий щелчок.

— Посмотрим, сумеем ли мы найти что-то типа стандартного переключателя, какие изображены на странице пятьсот двенадцатой, — сказал Лестер, пригибаясь и сверяясь с одним из томов.

Ро– кенн смотрел на книгу со множеством диаграмм так, словно что-то смертоносное заползло к нему в постель между простыней. Ларк заметил, что Линг снова смотрит на него. На этот раз на ее лице было написано: *Что еще ты от меня скрывал?*

И хотя реука у нее нет, Ларк решил, что его ответ может передать и улыбка.

Ты слишком многое принимала как должное, моя дорогая. Это тебя ослепило и помешало задавать нужные вопросы. К тому же это заставляло тебя относиться покровительственно. А ведь мы могли бы стать друзьями.

Ну, хорошо, может, это слишком сложное содержание, чтобы передать его улыбкой. Может, его усмешка просто говорила: как ты смеешь! Обвинять меня в утаивании!

— Протестую! — вмешался звездный мужчина Ранн, выступая вперед. Ростом он уступал только хунам и нескольким треки. — Вы не имеете права вмешиваться в собственность других!

Фвхун-дау негромко спросил:

— Значит, вы признаете, что это ваш прибор, помещенный в наше святое место без разрешения?

Ранн замигал. Ему явно очень не нравилась

слабость позиции чужаков, которые вынуждены разговаривать с варварами. В поисках указаний высокий звездный человек повернулся к Ро-кенну. Они начали разговаривать, сблизив головы, а Лестер Кембел продолжил:

— Нас на какое-то время поставила в тупик цель этого прибора. К счастью, я занимался исследованиями галактических технологий и текст показался мне знакомым. И в конечном счете я установил, что такой прибор значится как пси-*излучатель!*

– А вот и выключатель, сэр, — сказал помощник. — Можем включить, когда вы будете готовы. Лестер Кембел встал и поднял руки.

— Слушайте все! Это первое и последнее предупреждение. Мы не знаем, что собираемся включить. Думаю, что ничего смертоносного не будет, поскольку наши гости не убегают отсюда изо всех сил. Однако так как у нас не было времени для тщательных экспериментов, советую всем по крайней мере отступить. Самые осторожные могут отойти подальше, может, на двойной диаметр Яйца. Начинаю обратный отсчет с десяти.

Утен хотел остаться и наблюдать, подумал Ларк. *Но я заставил его прятать найденные нами диски библиотеки.*

Оказал ли я ему услугу?

Кембел набрал полную грудь воздуха.

— Десять!

— Девять!

— Восемь!

Ларку никогда не приходилось видеть, чтобы г'кек обогнал ура. Но когда толпа начала рассеиваться, некоторые из Шести проявили удивительную прыть. Другие остались, удерживаемые любопытством.

Всякий истинный союз основан на храбрости, с некоторой гордостью подумал Ларк.

— Семь!

— Шесть!

Теперь вперед вышел сам Ро-кенн. *Я признаю, что этот прибор принадлежит нам…*

– Пять!

— Четыре!

Ро– кенн заговорил торопливо и громко, чтобы его услышали в шуме и смятении: *Это всего лишь измерительные приборы, помещенные с целью…*

— Три!

— Два!

Еще быстрее, лихорадочным тоном: *…с целью изучения вашего почитаемого и священного…*

– Один!

— Давай!

Кое– кто из людей инстинктивно закрыл уши руками и присел, словно защищая глаза от ожидаемой вспышки. Уры закрыли руками свои сумки. Г'кеки втянули глаза, а квуэны и треки прижались к земле. Реуки сморщились, стараясь избежать напряженных эмоций хозяев. Чем бы ни был этот “пси-излучатель”, сейчас все узнают.

Ларк пытался подавить инстинкт, подражая Линг. Та реагировала со странной смесью гнева и любопытства. Стиснула руки и встретилась с Ларком взглядом в тот момент, когда помощник Кембела нажал скрытый переключатель.

Аскс

Смятение охватывает наш центральный сердечник, сочится сквозь швы-суставы, которые соединяют нас/мы/я/меня, течет изумлением по нашим наружным изгибам как сок из раненого дерева.

Голос, ритмичное произношение, может ли это быть тем, чего, мы знаем, не может быть?

Образы Яйца столько раз гладили нас. В этом смятении знакомые оттенки, словно опять поет Священный Овоид…

И однако — здесь есть еще какой-то металлический призвук, ему не хватает звучной гибкости, тембра и размаха Яйца.

Звучание влечет нас, щелкая, как торопливый квинтет когтей, привлекает наше внимание, словно свет в конце темной подземной трубы.

Неожиданно я/мы коалесцирую, сливаюсь в совершенно необычном состоянии *единого* существа. Существа, заключенного в жесткий панцирь.

Вскипает пятиугольное негодование. Это “я” охвачено гневом.

Как смеют они говорить мне, что я свободен!

Что за неестественный закон этот Кодекс Общины? Правила, которые “освобождают” меня от сладкой дисциплины, которую мы некогда знали? Дисциплины, установленной серыми королевами?

Мы синие, мы красные, мы стремимся всей глубиной своих дрожащих желчных узлов служить! Работать и сражаться, беззаветно поддерживая династические амбиции серых! Разве не такой была когда-то наша жизнь меж звезд?

Разве не таково естество всех квуэнов?

Кто посмел положить конец этим прекрасным дням, введя чуждые представления о свободе

в наши панцири, слишком жесткие для этого смертельного яда?

Люди посмели навязать нам эти мысли, это они разрушили единство наших замечательно упорядоченных ульев! Они виновны и обязаны дорого за это заплатить.

Они заплатят!

А потом нам нужно будет свести и другие счеты…

Я/мы корчусь, испытывая, каково это: прижиматься к земле и бежать на пяти сильных ногах. Ногах, предназначенных служить. Не простому гнезду, прижавшемуся за какой-нибудь крошечной плотиной, и не абстракции, как Община, но великим серым матронам, благородным, великолепным и могучим.

Но почему эта яркая картина пронизала наш ошеломленный сердечник?

Должно быть, это прибор ротенов, их пси-излучатель, часть их плана распространения влияния среди всех рас Шести. Попытка заставить нас подчиниться их воле.

Волны удивления снова сотрясают наши/мои кольца. Даже после стольких лет дружбы я/мы никогда не подозревал, какой странный у квуэнов взгляд на мир.

Но не более странный, чем следующее ощущение, которое врывается в наше единое сознание.

Ощущение скачущих копыт.

Горячее дыхание сухой степи.

Жгучее ощущение души, не менее эгоцентричной, чем у любого человека.

Яурриш-ка! Одинокая, гордая, как в тот день, когда вышла из травы, немногим выше животного. Нервничающая, но рассчитывающая только на себя.

Я могу присоединиться к племени или клану, которые примут меня на равнине.

Я могу повиноваться вожаку — потому что в жизни существует иерархия, которую следует признавать.

Но в глубине души я служу только одной госпоже. Мне!

Могут ли люди представить себе, как их запахи скребут мембраны моей ноздри? Они хорошие воины и кузнецы, это правда. Они принесли на Джиджо красивую музыку. Все это ценные вещи.

Но насколько лучше был бы мир без них.

Мы доблестно сражались за свой образ жизни до их прихода. От равнин до огненных гор мы вытягивали свои шеи над всеми остальными на Джиджо — пока эти двуногие не стащили нас, не

сделали одной из Шести рас.

И что еще хуже, их наука напомнила нам (мне!), — как много мы потеряли. Как много забыли.

Каждый день они заставляют меня вспоминать, как низко я пала и как коротка моя жизнь, здесь, на вращающемся комке грязи, окруженном горькими океанами…

Негодующее излияние уходит, уносится далеко за пределы нашей возможности следовать. Негодование рассеивается, но его место занимает другое, навязанное посторонней силой, заполнившей маленькую горную долину.

За этим следовать гораздо легче. Тяжелое, медлительное, его трудно рассердить, но когда рассердится, остановит только смерть.

Не следует торопиться. Тем не менее ритм влечет нас.

Манит задуматься над тем, как часто более быстрые расы издеваются над нами, бедными, терпеливыми хунами,

как они носятся вокруг нас,

как часто нарочно говорят быстро,

как поручают нам самые опасные дела,

заставляют в одиночку выходить в море, хотя каждый погибший корабль уносит сотни наших

любимых, разрывает наши маленькие семьи и приносит неутолимую боль.

Люди и их зловонные пароходы, они сохранили знания, они делают вид, что делятся ими с нами, но на самом деле не делятся. И когда-нибудь оставят нас гнить здесь, а сами улетят в корабле, сделанном из чистого белого света.

Можно ли допустить это? Разве нет способов заставить их заплатить?

Все охвачено смятением.

Если эти пагубные послания предназначались разным расам, должны были пробудить в нас агрессивность, почему я/ мы воспринимаю их все сразу? Разве ротены не нацелили бы на каждую расу только ей предназначенное излучение?

Может, их машина повреждена или слишком слаба.

Может, мы сильней, чем они думали.

Освободившись от хунского ритма, мы чувствуем, что остались еще два слоя горького пения. Один явно предназначен для землян. Его основная тема — почтение. Почтение и гордость.

Мы высшая раса. Остальные специализируются, но мы можем сделать все! Мы избраны и выращены могучими ротенами, и поэтому нам подобает быть самыми великими, даже когда

мы заброшены на этот склон к дикарям.

Если поставить их на место, они будут полезны в роли достойных слуг...

Мы/я вспоминаем выражение. *Прямая эмфатическая трансмиссия* — техника, используемая галактической наукой уже полмиллиарда лет.

И это знание делает многочленный голосовой поток более искусственным, металлическим, даже почти сатирическим. Конечно, это послание должно было каким-то образом быть усиленным нашим Святым Яйцом в тот момент, когда мы будем наиболее восприимчивы. Но даже и в этом случае трудно представить себе, чтобы подобная болтовня могла завоевать много последователей.

Неужели они на самом деле верили, что мы поддадимся на это?

Еще один факт привлекает наше внимание. *Нет слоя для колесных!* Почему? Почему г'кеки упущены? Из-за своей явной бесполезности в программе истребительной войны?

Или потому что они уничтожены, их нет среди звезд?

Остается один ритм. Барабанный бой, подобный биению молотов по грудам стволов бу. И эти раскаты кажутся нашему сложному единству странно знакомыми.

Но в то же время наиболее чуждыми из всех.

СВЯЩЕННАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ МНОГОСУЩНОСТИ, НЕПОСРЕДСТВЕННО
ОТ ГОВОРЯЩЕЙ ВЕРШИНЫ, ОСОЗНАЮЩЕЙ РАЗГНЕВАННУЮ ВРАЖДЕБНОСТЬ?

ОТВЕЧАЙТЕ КЛЯНИТЕСЬ ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ОСКОРБЛЕНИЯМ! ПРЕСТУПНИКИ (ЗЕМЛЯНЕ) ДОЛЖНЫ ВСТРЕТИТЬСЯ С УНИЧТОЖЕНИЕМ…?

* * *

Мы в отчаянии отшатываемся. Эта эгомания гораздо грандиозней всех предыдущих, даже тех посланий, которые направлены на уров и людей! И однако — нацелена она на треки!

Понимаете ли вы, что происходит, мои кольца? Это ли вкус гордого коварства, которое распространяли предназначенные для сознания деспотические торы? Эти тираны, которые некогда владели нашими грудами колец? Владыки, сознательно оставленные нашими предками-основателями, когда они бежали на Джиджо?

Таково негодование этих высокомерных джофуров? (Да, дрожите, услышав это имя!)

Могучих существ, которые по-прежнему бродят меж звезд в нашем образе. Родичей по кольцам, чьими восковыми сердечниками правят маниа-

кальные устремления.

Но если это так, почему эти напыщенные речи так мало значат для наших многоцветных сегментов? Почему они кажутся такими банальными теперь, когда мы знаем, кто они такие на самом деле? Такими слабыми?

Демонстрация заканчивается. Излучение прекращается: в приборе иссякла энергия. Не важно. Теперь мы знаем, каково назначение этой путаницы проводов и шаров. Отравить, распространить яд, усиленный и сделавшийся правдоподобным благодаря влиянию Яйца.

По всей поляне вскипает гнев из-за этого святотатства, такой легкомысленной попытки разбудить дремлющую в нас враждебность. Ведь эта враждебность устарела еще до появления Яйца.

Неужели вы о нас такого низкого мнения, звездные повелители? Вы считаете, что нас можно одурачить и заставить выполнять грязную работу?

Мы видим, как вновь собирается толпа, выкрикивая угрозы, презрительно не обращая внимания на качающихся свистящих роботов. Люди, уры и все остальные теперь смешиваются свободней, объединяются в каком-то подъеме,

словно мы, Шесть, выдержали трудное испытание. И вышли из него более сильными и едиными, чем когда-либо.

Это худшее, что они могли с нами сделать?

Много раз я слышу этот вопрос.

Да, мои кольца, нам кажется, что Поляна — лишь малая часть Склона, а мы, присутствующие здесь, только небольшой фрагмент Общины.

Это худшее, что они могли с нами сделать?

Увы, если бы так.

Сара

Урунтай предпочитает передвигаться быстро и легко, нагружая на ослов только самое необходимое. Урунтай также верит в Тропу Избавления — и не одобряет книги.

У библиотекарей не было ни одного шанса.

Тем не менее, увидев вечером костер, трое архивистов в серых одеяниях начали бурно протестовать. Два человека и их помощник шимп, связанные, отчаянно вырывались, молили, угрожали, пытались броситься на запечатанные воском ящики, которые должны были отвезти в безопасное место.

Веревки спасли им жизнь. Раскрашенные

воины Урунтая, дежурившие с нацеленными арбалетами, не дрогнув, расстреляли бы светлокожих книжных смотрителей.

— Вам нравится огонь? — насмешливо спросила одна воительница на англике с сильным акцентом. — Огонь очищает. Он сжигает мусор. И то же самое может сделать с плотью. Человеческая плоть горит так хорошо.

Библиотекари замолчали и со слезами смотрели, как пламя лижет восковые печати на деревянных ящиках, охватывает груды томов, которые трепетали, как птицы. Бумажные страницы вспыхивали краткими метеорами, расставаясь с накопленной столетиями мудростью.

Сара радовалась, что Ларк и Нело не видят этого.

Многие тексты были скопированы во время Великой Печати и позже. Утрата может быть не такой тяжелой, как кажется.

Но сколько выдержат эти копии в наступающем веке, полном фанатических сект и крестовых походов? Когда каждый уверен в собственной правоте?

Если даже звездные боги не уничтожат Библос или не заставят взрывников выполнить это дело за них, фанатики, такие, как Джоп и Ур-Качу,

будут становиться все многочисленней и смелей, по мере того как будет распадаться ткань общества.

И, словно иллюстрируя эту мысль, перед закатом в лагере появилась группа единомышленников Джопа — десяток жестко выглядящих мужчин, вооруженных луками и мечами. Эти люди напились из ручья, не поворачиваясь спиной к соплеменникам Ур-Качу, но с удовлетворением смотрели на костер умирающих книг.

У этих двух групп общая цель. Покончить с "тщеславием" грамотности. Сместить нынешних мудрецов. Придерживаться диктатуры Свитков.

Позже, когда мы твердо будем идти по Тропе, сможем вернуться к засадам и взаимному убийству, определяя, кто самый сильный хищник в зловонной пирамиде освобожденных животных.

Костер рухнул, выбросив тучу искр и обрывков горячей бумаги, которые словно подхватил ветер. Незнакомец, стоявший рядом с Сарой, поймал одну страницу и стал вглядываться в нее, как будто пытаясь прочесть, что на ней было напечатано. Возможно, он увидел в ней нечто похожее на себя. Когда-то красноречивая, теперь она утратила способность речи.

Не одни библиотекари смотрели на костер с ужасом на вымазанных сажей лицах. Молодая супружеская пара хунских пилигримов вцепилась друг в друга, произнося погребальную молитву, как будто среди грязных углей позвоночник близкого. В явном отчаянии смотрели квуэны, а также — *мы не* забудем *это* — несколько печальных торговцев-уров.

Запах дыма напомнил Саре о тьме. Той темноте, которая не кончается с рассветом.

— Ну хорошо! Слушайте все! Прошу внимания. Вот наш план.

Молчание нарушил Джоп. Он подошел в составе четверки, вместе с Ур-Качу, Ульгор и мрачным, загорелым человеком, жесткое лицо и кремневая твердость которого делали его почти представителем другой расы по сравнению с мягкими книжниками-библиотекарями. Даже Урунтай обращался с этим человеком с неохотным уважением. Раскрашенные воины уступали ему дорогу. Саре он показался *знакомым.*

— Мы уходим двумя группами, — продолжал Джоп. — Большая группа направляется в болото Соленого Копыта. Если какой-нибудь отряд милиции услышит о происшедшем и решит нас преследовать, прежде всего они будут искать

там. Так что кое-кого из вас могут и “освободить” через неделю-другую. Нам это подходит.

Меньшая группа будет идти быстрее. Люди поедут верхом, каждые полмидура пересаживаясь на свежих ослов. Не причиняйте беспокойства и даже не думайте ускользнуть в темноте. Урунтай — опытные следопыты, и далеко вы не уйдете. Вопросы есть?

Никто ничего не спросил, и Джоп пальцем поманил Незнакомца.

— Ты. Сюда.

Он показал в ту сторону, где у пруда оазиса цепочкой были привязаны самые крупные и сильные животные. Незнакомец посмотрел на Сару.

— Все в порядке. Она тоже может ехать. Мы не можем допустить, чтобы наш заложник заболел, верно? — Джоп повернулся к Саре. — Думаю, ты сможешь заботиться о нем еще какое-то время.

— Если смогу взять свой багаж. И Прити, конечно.

Четверо предводителей принялись совещаться. Ур-Качу возражала, но Ульгор встала на сторону людей, даже если это означало необходимость бросить часть добычи, отнятой у торговцев каравана. Пришлось сбросить на землю груз с еще

двух ослов.

Еще один спор возник, когда Незнакомец сел на осла; при этом ноги его с обеих сторон почти доставали до земли. Он отказался оставить свой дульцимер, держа инструмент рукой. Недовольная Ур-Качу с отвращением фыркнула, но сдалась.

Со своего места на спине другого осла Сара видела, как человек с жестким лицом показал на взрывника Курта, который сидел рядом с племянником и молча наблюдал за происходящим.

— И вы, господин взрывник, — с почтительным поклоном обратился к нему Джоп. — Боюсь, мои друзья хотят задать вам несколько вопросов, а это не подходящее место для того, чтобы убедить вас ответить.

Не обращая внимания на скрытую угрозу, седобородый человек из города Тарека перенес свою сумку к каравану ослов. Джома пошел за ним. Когда пара Урунтай попыталась отобрать у него сумку, Курт мягким и серьезным голосом сказал:

— Содержимое… требует осторожного обращения.

Воительницы попятились. Никто не мешал Курту сбрасывать груз еще с одного осла. Вместо груза он привязал свою сумку.

Остальную часть “быстрой группы” составляли воины Урунтай и люди — в одинаковых количествах. Люди на ослах выглядели почти так же неуклюже, как высокий Незнакомец. Все чувствовали себя неуверенно. Многие впервые садились верхом.

— Ты не идешь? — спросила Сара Джопа.

— Я слишком давно не был на своей ферме, — ответил тот. — К тому же у меня в Доло есть одно незаконченное дело. Чем быстрее там не станет плотины, тем лучше.

Голова Сары дернулась, но не из-за слов Джопа. Она кое-что заметила за его плечом: на поверхность пруда поднимается цепочка пузырей.

Блейд. Он все еще под водой. И все слышит!

– Не волнуйся, девочка, — заверил Джоп, неправильно истолковав на мгновение промелькнувшее в ее взгляде изумление. — Я присмотрю, чтобы твоего папы не было, когда эта проклятая штука взорвётся.

Прежде чем Сара смогла ответить, вмешалась Ур-Качу.

Пора покончить с задержками и действовать! Выходим!

Одним из своих хвостов она хлестнула по крупу осла, и караван двинулся вперед.

Неожиданно Сара соскочила с седла и уперлась ногами. Ее осел споткнулся, и по всей цепочке в обе стороны прокатилась волна остановок. Один из мрачных людей даже упал на землю, вызвав насмешливые возгласы уров.

— Нет, — с мрачной решимостью сказала Сара. — Вначале я должна узнать, куда мы направляемся. Джоп негромко принялся ее уговаривать:

— Мисс Сара, пожалуйста. Я даже сам не знаю… Он замолчал, тревожно глядя мимо нее на приближающегося человека с кремневыми глазами.

— В чем проблема? — Его глубокий низкий голос казался странно культурным, вопреки грубой внешности. Сара встретилась со взглядом его серых глаз.

— Не сяду, пока не скажете, куда мы направляемся. Охотник приподнял бровь.

— Мы вас привяжем. Сара рассмеялась:

— Этот маленький осел с трудом выдерживает добровольного седока. А тут я буду висеть на нем, да еще стараться сбить с хода. А если вы бросите меня как мешок картошки, я сломаю себе ребра.

— Возможно, мы рискнем и этим, — начал он и нахмурился, когда Незнакомец, Курт и Прити тоже слезли с ослов и встали, взявшись за руки.

Воин вздохнул.

— Какая в конце концов разница, если вы будете знать заранее?

Чем больше он говорил тем более знакомым казался. Теперь Сара была уверена, что встречалась с ним раньше.

— Мой подопечный нуждается в медицинском уходе. До сих пор мы не допускали инфекцию пользуясь специальными мазями, произведенными нашим аптекарем треки. И поскольку вы не берете с собой в “быструю группу” его колесницу, нам нужно попросить Пзору подготовить запас мазей в дорогу.

Человек кивнул.

— Это можно организовать. — Он знаком велел незнакомцу подойти к Пзоре.

Сняв реука, который в последнее время сменил повязку, астронавт обнажил зияющую рану в голове. Несколько пустынных людей зашипели и стали делать жесты, отвращающие неудачу. Симбионт Незнакомца и реук Пзоры соединились в единый клубок и принялись обмениваться энзимами, а сам Незнакомец тем временем обратился к треки с последовательностью быстрых жестов руками — Саре даже показалось, что она услышала обрывок песни, — прежде чем наклониться и

предоставить рану для очистки и лечения.

Сара заговорила снова.

— Лекарства, которые произведет Пзора, сохранятся на несколько дней, так что к тому времени вам лучше отвезти нас к другому аптекарю или у вас на руках будет совершенно бесполезный заложник. Звездные боги за мертвеца много не заплатят, друг он им или враг.

Предатель долго оценивающе смотрел на нее, потом отошел и заговорил с Ур-Качу и Ульгор. Вернулся он с легкой улыбкой.

— Это означает небольшой крюк, но недалеко от нашей цели есть поселок, а в нем аптекарь. Вы правильно сделали, что указали нам на это. В следующий раз, пожалуйста, просто расскажите о проблеме, не вызывая неприятностей.

Сара смотрела на него, потом разразилась смехом. Он присоединился к ней со своим гулким хохотом, и это словно слегка ослабило напряжение. Этот хохот вернул Сару в прошлое, в первые дни пребывания ученицей под каменной крышей.

— Дединджер. — Она произнесла это имя почти беззвучно. Улыбка по-прежнему легкая, с оттенком горечи.

— Я гадал, узнаете ли вы меня. Мы работали

в разных отделениях, хотя я следил за вашей работой с тех пор, как меня изгнали из этого рая.

— Рая, который вы пытались уничтожить, насколько я помню.

Он пожал плечами.

— Я начал действовать, не дожидаясь консенсуса. Но привычки коллегиальности трудно разорвать. К тому времени как я был готов, слишком многие узнали о моих намерениях. И до изгнания за мной следили днем и ночью.

— Жаль. А это ваш способ получить второй шанс. — Она показала на костер.

— Действительно. После годов, проведенных в дикости, где я проповедовал в группе падших — людей, которые дальше других прошли по Тропе Избавления, я узнал достаточно…

Резкий нетерпеливый свист Ур-Качу не слова на каком-нибудь известном языке, но он свидетельствовал, что она с трудом сдерживается. Дединджер снова приподнял бровь.

— Может, двинемся?

Сара подумала, стоит ли еще раз попытаться заставить Дединджера вслух произнести название места их назначения. Дединджер безумец, но не дурак. Ее настойчивость может вызвать у него подозрения и даже выдать Блейда.

Молча пожав плечами, она снова села на терпеливого осла. Суженными глазами наблюдая за ней, Незнакомец тоже сел верхом, за ним последовали Курт и Прити.

Остальные уцелевшие путники из злополучного каравана, казалось, одновременно жалеют о том, что они не так важны для Урунтая, и испытывают облегчение. Быстрая группа выехала из оазиса, направляясь на юг. Позади остались горькие запахи костра, пыли и животных.

Сара оглянулась на освещенный луной пруд.

Ты все слышал, Блейд? Или спал?

Но что может сделать синий квуэн в середине высохшей равнины? Ему лучше всего оставаться у воды, пока не придет помощь.

Сзади послышались голоса животных. Это выступила вторая группа — медленней, но по тому же пути.

Это имеет смысл. Большая группа сотрет следы меньшей. В каком-нибудь месте Ур-Качу свернет, а преследователи, если они будут, пойдут за большей группой.

Вскоре они остались одни в высокогорной степи. Воительницы Урунтая были оживлены, двигались легко и проворно и посмеивались над неуклюжими людьми, которые морщились и

при езде задевали ногами землю. Люди слезали с ослов и на протяжении нескольких полетов стрел бежали рядом с ними, потом снова садились верхом. Хороший способ избавиться от насмешек уров. Да и стертостей не будет.

Увы, Сара знала, что она не в такой физической форме, чтобы бежать. Бели выживу, обязательно займусь своей формой, не в первый раз подумала она.

Человек с серыми глазами несколько Дуров бежал рядом с Сарой, улыбаясь ей сухой красноречивой улыбкой. Он был так жилист и силен, что Сара поражалась, как вообще смогла узнать его. Когда она в последний раз видела ученого Дединджера, это был бледный интеллектуал с брюшком человека средних лет, специалист по самым древним свиткам и автор текста, который и сейчас у Сары в ее небольшом багаже. Человек, когда-то уважаемый, с высоким статусом, пока его ортодоксальный фанатизм не показался чрезмерным даже для терпимого Высшего Совета.

В те дни мудрецы придерживались особой двойной верности, распределенной поровну между Джиджо, с одной стороны, и беззаконным замыслом предков, с другой. Компромисс достигался с трудом. Некоторые избирали одну

сторону, настраиваясь против другой.

Брат Сары полностью встал на сторону планеты. Ларк считал миллиарднолетний галактический экологический кодекс разумным и справедливым. Для него даже знаменитая “тропа освобождения” не давала права на нарушение этих правил.

Дединджер разделял противоположную крайность. Его не заботили экология и сохранение видов, только освобождение, обещанное Свитками. Поиски невинности как средства достижения лучшего будущего. Возможно, он в этом кризисе увидел и путь к возвращению утраченных почестей.

Сара при лунном свете смотрела, как изгнанный мудрец движется с жилистым изяществом — настороженный, сосредоточенный, сильный: живое доказательство справедливости избранного им простого жизненного стиля.

Обманчиво простого, думала она. *У мира бесчисленное количество возможностей быть не таким, как кажется на первый взгляд.*

Немного погодя Урунтай замедлил движение, потом совсем остановился для еды и отдыха. Самки с мужьями и личинками в сумках каждый мидур должны были пить теплую кровь

симлы. Люди были недовольны урским обычаем быстрых, но коротких перебежек, и отдыху они предпочитали менее торопливое, но равномерное передвижение.

Вскоре после второго такого перерыва Ур-Качу повернула всю группу на каменистый карниз, который тянулся в общем направлении на юго-восток, как хребет окаменевшего гиганта. Неровная местность замедлила продвижение, и Сара воспользовалась этим, чтобы спешиться и дать отдохнуть ослу и собственному заду. У нее затекли руки и ноги, и она надеялась, что ходьба вернет им подвижность. Но держалась рукой за седло: вдруг споткнется в темноте на невидимом камне.

Взошла вторая луна, и идти стало немного легче. Освещенные серебристым Торгеном, горы казались выше, чем обычно. Ледники на северном склоне впитывали падавший под углом свет спутника и возвращали его своеобразным голубым сиянием.

Незнакомец запел. Сладкая негромкая мелодия заставила Сару подумать об одиночестве.

Я одинокий остров
В далеком море,
И ближайшая полоска земли -

Это мои тоскливые мысли о тебе.

О, если бы я был свободен Душой и телом, Ты села бы в лодку И приплыла ко мне?

Это англик, хотя такой диалект Сара никогда не слышала. Много незнакомых слов. Неизвестно, насколько сам звездный человек понимает то, что поет. Но стихи, несомненно, вызывали у него глубокое чувство.

Я лед, который утоляет твою жажду,

От которого звенят твои яркие кольца?

Ты ангельский образ,

Поцелуй которого придает планете крылья…

Пение кончилось, когда прискакала Ур-Качу, раздувая ноздри, и потребовала прекратить *невыносимый земной кошачий концерт.* Сара полагала, что это исключительно личное мнение, потому что остальные уры не возражали. Музыка входит в очень короткий перечень того, в чем согласны обе расы. Некоторые уры даже говорят, что согласны переносить запах людей, потому что те принесли на Джиджо виолу.

Для тетки Ур-Качу казалась необычно раздражительной.

Человек из космоса замолчал, и группа двигалась в тишине, подчеркиваемой цоканьем копыт на камне.

Следующая кровавая остановка — в укрытии от ветра между каменными плитами, которые могли быть естественными образованиями, но в полутьме казались руинами древней крепости, погибшей в какой-то катастрофе. Один из обветренных пустынных людей дал Саре кусок черствого хлеба и сыр из молока кустарниковой коровы, несвежий, но вкусный, тем более что Сара ужасно проголодалась. Но рацион воды разочаровал. Уры не видят смысла в том, чтобы брать с собой большие запасы воды.

Около полуночи группе пришлось перейти в брод широкий мелкий ручей на дне пустынной вади. Ульгор, всегда готовая ко всему, натянула прочную, без щелей, обувь и пересекла ручей, не замочив ног. Остальные урские мятежницы брели рядом с людьми и ослами, потом тряпками вытерли ноги друг у друга. После этого Урунтай какое-то время двигался очень быстро, пока не высохла влага на волокнистой шерсти ног.

Когда шаг снова замедлился, Сара слезла с осла и пошла пешком. Вскоре справа от нее послышался низкий голос.

— Я хотел вам сказать… я читал вашу работу о лингвистическом регрессе индоевропейских языков.

Это ученый, ставший охотником. Дединджер шел по другую сторону ее осла. Она долго смотрела на него, прежде чем ответить.

— Я удивлена. В ней пятьдесят страниц, я сумела сделать только пять копий, и одна у меня. Дединджер улыбнулся.

— У меня еще есть друзья в Библосе, которые время от времени присылают мне работы по интересующим меня темам. Что касается ваших положений, то хотя замечания о грамматическом совершенстве долитературных торговых кланов мне понравились, боюсь, я не могу разделить вашу общую теорию.

Сара не удивилась. Ее заключения противоречат всему, во что верит этот человек.

— Таков путь науки — циклы признаний и непризнаний. Никакой догматической истины. Никакого жесткого, заранее известного слова.

— В противоположность моей рабской привязанности к нескольким древним свиткам, в написании которых не участвовал ни один человек? — Кремневый человек рассмеялся. — Я так и думал, что все сведется к тому, в каком направлении, по-вашему, движутся люди. Даже среди консервативных галактов наука должна медленно совершенствовать модель мира. Она

ориентирована на будущее. Ваши дети будут знать больше вас, так что истина, которую вы постигаете, никогда не может быть названа “полной”.

Все хорошо, пока ваш путь направлен вверх, Сара. Но традиция и прочная вера предпочтительней, если вы спускаетесь по узкой священной дороге к рабству. В таком случае споры и неуверенность только смутят вашу паству.

— Ваша паства не кажется смущенной, — признала Сара. Он улыбнулся.

– Мне удалось повернуть этих жестких людей к истинной ортодоксальности. Большую часть года они проводят на равнине Режущего Песка, охотясь на диких пауков-ленивцев, которые живут в пещерах под дюнами. Большинство из них не умеет ни читать, ни писать, а немногие орудия они изготовляют сами. Они уже далеко прошли по Тропе. Другие группы убедить может оказаться труднее.

— Например, гильдию взрывников? Бывший ученый кивнул.

— Загадочный клан. Их колебания при выполнении своего долга в нынешнем кризисе тревожат.

Сара посмотрела на Курта и Джому. Старший

взрывник дремал на медленно идущем осле, а племянник продолжал односторонний разговор в Незнакомцем, который в ответ на болтовню Джомы кивал и улыбался. Звездный человек — идеальный, никогда не критикующий слушатель для застенчивого мальчика, который только начинает выражать себя.

— Может, они сообразили, что могут взорвать только раз, — заметила Сара. — А потом им придется зарабатывать на жизнь, как всем остальным.

Дединджер хмыкнул.

— Если это так, кому-то пора уважительно напомнить им об их обязанностях.

Сара вспомнила слова Джопа о том, что необходимо "убедить" Курта. В более напряженные времена у этого выражения может быть зловещий смысл.

Возможно, мы возвращаемся к таким временам.

Кремневый мятежник покачал головой.

— Но забудем об этом. Я действительно хочу поговорить о вашей захватывающей работе. Не возражаете?

И когда Сара пожала плечами, Дединджер дружелюбным тоном продолжил так, словно они

сидят в факультетском фойе в Библосе:

— Вы признаете, что праиндоевропейский и многие другие древние праязыки обладали более строгой и рациональной структурой, чем последующие диалекты, развившиеся из них. Пока все верно?

– Согласно книгам, привезенным на “Обители”. Мы располагаем только полученными в наследство данными.

— И однако вы не считаете эту тенденцию очевидным признаком отхода от совершенства? От оригинальной грамматики, созданной для нашего использования расой патронов?

Сара вздохнула. Возможно, во вселенной бывают более странные вещи, чем разговор на абстрактные темы с похитителем под пустынным небом, но ей ничего такого не приходило в голову.

— Структура этих ранних языков могла возникнуть за многие поколения в результате отбора под давлением обстоятельств. Примитивным людям нужна строгая грамматика, потому что у них нет письма или других способов исправления ошибок и лингвистических отклонений.

— А, да. Ваша аналогия с игрой в телефон, в которой язык с самым высоким уровнем кодиро-

вания шамана…

— Кодировки Шеннона. Клод Шеннон показал, что любое сообщение может нести в себе средства исправления ошибок, вкравшихся во время передачи. В бесписьменных языках такая избыточность часто бывает заключена в грамматических правилах — падежах, склонениях, определениях и тому подобном. Это все элементарные основы теории информации.

— Гм, может быть, для вас. Признаюсь, что не сумел разобраться в вашей математике. — Дединджер сухо усмехнулся. — Но допустим, в этом вы правы. Но разве такая умная самокорректирующаяся структура не доказывает, что ранние человеческие языки были искусно сконструированы?

— Вовсе нет. Те же аргументы выдвигались против биологической эволюции, а позже против представления о самостоятельно развившемся разуме. Некоторым очень трудно представить себе, что из дарвиновского отбора может возникнуть что-нибудь сложное, но так оно и есть.

— Значит, вы считаете…

— Что то же самое произошло с долитературными языками на Земле. Культуры с более строгой грамматикой удерживаются на больших расстo-

яниях и более долго. Согласно мнению многих лингвистов прежних времен, индоевропейцы расселились по огромной территории — от Европы до Центральной Азии. Жесткое совершенство их языка позволяло поддерживать связи и вести торговлю на расстояниях, которые тогда невозможно было преодолеть за одну жизнь. Новости, сплетни, рассказы могли медленно устно передаваться по всему континенту и доходить столетия спустя, почти не изменившись.

— Как в игре в телефон.

— Такова общая идея.

Сара опиралась на осла, у нее устали ноги. Но неясно, что лучше: терпеть усталость или дать ногам отдохнуть и страдать от боли в копчике, если она сядет верхом. Ради маленького осла она решила идти и дальше пешком.

Дединджер продолжал спор.

— Если все, что вы говорите, правда, как вы можете отрицать превосходство ранней грамматики перед путаными, дезорганизованными последующими диалектами?

— Что значит “превосходство”? Говорите ли вы о праиндоевропейском, прабанту или прасемитском языке, все они в течение сотен и даже тысяч лет обслуживали потребности консервативной,

почти не подверженной изменениям культуры кочевников и скотоводов. Но потребности изменились, когда наши предки перешли к земледелию, обработке металлов и письму. Прогресс изменил само представление о том, чему должен служить язык.

Выражение искренности на мгновение смягчило жесткое лицо собеседника.

— Но скажите, для чего нужен язык, если не для сохранения преемственности культуры и облегчения связи?

Этот же вопрос задали и прежние коллеги Дединджера из его отделения, отвергшие теорию Сары при первом ее докладе и высмеявшие ее в присутствии мудрецов Боннера, Теина и Пурофски. Разве величественная цивилизация Пяти Галактик не усовершенствовала свои двадцать с лишним стандартных кодов с дней легендарных Прародителей с одной-единственной целью — облегчить обмен мнениями между мириадами рас?

— Есть еще одно желательное обстоятельство, — возразила Сара. — Еще один продукт языка, в конечном счете не менее важный, чем преемственность.

— И что же это?

– *Творчество.* Если я права, для творчества нужен совсем иной тип грамматики. Абсолютно иной взгляд на ошибки.

— Подход, который приветствует ошибки. Включает их. — Дединджер кивнул. — Мне трудно было разобраться в этой части вашей работы. Вы говорите, что англик лучше, потому что в нем нет избыточного кодирования. Потому что в каждой фразе, в каждом абзаце есть ошибки и двусмысленности. Но как хаос может способствовать изобретательности?

— Он позволяет расстаться с предрассудками. Разбирать самые нелогичные, нелепые и явно ошибочные предположения и делать это в разумно звучащих предложениях. Таких, например, как парадокс: “Это предложение — ложь”. Ни на одном из галактических языков это предложение не может быть построено грамматически правильно. Нас мучит и смущает наличие противоречий в самых давних и широко распространенных положениях. Наши мысли при этом выбиваются из колеи.

— И это хорошо?

— Но так рождается творчество, особенно у людей. Для того чтобы родилась одна хорошая идея, нужно предварительно высказать, просеять,

испытать и отвергнуть десять тысяч идиотских мыслей. Мозг, который боится нелепостей, никогда не создаст ничего оригинального: некоторые абсурдные концепции будущие поколения будут считать “совершенно очевидными”.

Один из результатов этих перемен — появление большого количества новых слов. Образовался словарь, гораздо более обширный, чем в древних языках. Слова — названия новых вещей, новых идей, новых способов сравнения и рассуждения.

Дединджер добавил:

— И новых катастроф. Новых недоразумений. Сара, уступая, кивнула.

– Это опасный процесс. Кровавое прошлое Земли показывает, как воображение и вера превращаются в проклятия, если их не сопровождает способность к критическому мышлению. Письмо, логика и эксперименты позволяют до некоторой степени компенсировать способность избегать ошибок, заложенную в грамматику. Но прежде всего зрелый человек всегда в первую очередь должен рассматривать самую неприятную возможность — то, что его любимые доктрины могут оказаться ошибочными.

Она взглянула на Дединджера. Поймет ли он, что "этот камешек в его огород?

Изгнанный педагог сухо улыбнулся Саре.

— А приходило ли вам в голову, мисс Сара, что последнее утверждение может быть адресовано и вам и вашей любимой гипотезе?

Пришла очередь Саре вначале внутренне поморщиться, потом вслух рассмеяться.

— Человеческая природа. Каждый из нас полагает, что знает, о чем говорит, а все, кто с ним не согласен, придурки. Люди творчества видят в зеркале Прометея, а не Пандору.

Дединджер иронически заметил:

— Иногда факел, который я несу, обжигает мне пальцы.

Сара не могла понять, насколько серьезно это замечание. Ей часто бывало легче понять чувства хуна или г'кека, чем представителя собственной загадочной расы. Тем не менее она обнаружила, что наслаждается разговором, первым таким разговором за очень долгое время.

— А что касается тенденций развития здесь, на Джиджо, только посмотрите на некоторые стихотворные романы, в последнее время опубликованные в северных урских племенах. Или недавний взлет хунской романтической поэзии. Или хайку на Галдва, которые приходят из Долины…

Ее оборвал резкий свист — гортанный приказ, вылетевший из вытянутой шеи Ур-Качу. Караван усталых животных остановился, а предводительница Урунтая указала на север, на одинокую вершину. В ее тени нужно разбить замаскированное убежище.

В ее тени…

Мигая, Сара осмотрелась и увидела, что ночь почти кончилась. Над вершинами вставал рассвет, преодолевая ранний утренний туман. Они поднялись в горы или, вернее, в скалистые предгорья, оставив позади выжженную равнину Уоррил. Увы, теперь они далеко к югу от торной дороги, ведущей на Поляну Собраний.

Вежливость Дединджера контрастировала с его грубой.внешностью: извинившись, он отправился организовывать своих людей.

— Мне нравится соревноваться в уме, — с поклоном сказал он. — Может, мы еще возобновим этот разговор.

— Может быть.

Хотя разговор был приятным отвлечением, Сара не сомневалась в том, что этот человек принесет ее вместе со всеми ее идеями на алтарь своей веры. И поклялась быть готовой при первой же возможности увести друзей от этих

фанатиков.

Отлично. Старик, мальчишка, шимпанзе, раненый чужак и интеллектуалка не в форме – даже если у нас будет несколько часов форы, эти уры и люди пустыни поймают нас быстрее, чем ты построишь график синуса.

И все же она посмотрела на север, на высокие горы, где в скрытых долинах происходят знаменательные события, и подумала: *Нам нужно двигаться быстрее, иначе Ифни, бог или вселенная обойдутся без нас.*

Аскс

Настала наша очередь угрожать.

Прокторы сдерживают разъяренную толпу; наши прежние гости окружены гневным кольцом. Оставшиеся сторонники чужаков, в основном люди, образуют вокруг пришельцев со звезд другое кольцо, защитное, а два робота носятся в воздухе, огненными молниями создавая буферную зону.

Лестер Кембел выступает вперед и поднимает обе руки, призывая к тишине. Шум стихает, толпа уменьшает давление на измученных прокторов. Вскоре воцаряется тишина. Никто не хочет пропустить следующий шаг в игре, в которой все мы

лишь символы Джиджо. Игра будет выиграна или проиграна в зависимости от нашего мастерства и удачи.

Лестер кланяется послу ротенов. В одной руке он держит стопку металлических пластинок.

— Давайте оставим притворство, — говорит Лестер звездному богу. — Мы знаем, кто вы такие. И вы не сможете своей грязной работой подтолкнуть нас к взаимному геноциду.

Далее, если вы попробуете сами выполнить эту работу и уничтожить всех свидетелей вашего незаконного посещения, вам это не удастся. Вы только удлините перечень своих преступлений.

Мы рекомендуем вам удовлетвориться. Берите все, что вам нужно от этого мира, и уходите.

Звездный человек самец в гневе выступает вперед.

— Как ты смеешь так говорить с патроном твоей расы! — кричит Ранн с побагровевшим лицом. — Извинись за свою наглость!

Но Лестер не обращает внимания на Ранна, чей статус в глазах Шести резко понизился. Прихлебатель/слуга не может распоряжаться мудрецом, какими бы богоподобными силами он ни владел.

Наш посол-человек протягивает Ро-кенну одну

из металлических пластинок.

— Мы не гордимся этим видом искусства. Оно использует материалы, которые не стареют со временем и не растворяются в почве матери Джиджо. Напротив, они неистребимы. Не подвержены времени. Правильно сбереженные, они сохранят изображения до тех пор, пока эта планета снова не будет полна законной разумной жизнью.

Обычно мы посылаем такой мусор туда, где Джиджо может переработать его в огне. Но в данном случае мы сделаем исключение.

Посол ротенов поворачивает пластинку в утреннем свете. В отличие от фотографий на бумаге, эти изображения лучше всего видны под определенными углами. Мы/я знаем, что там изображено, не правда ли, мои кольца? На пластинке Ро-кенн и его товарищи перед самым началом злополучного паломничества — путешествия, чьи ужасы все еще стекают с нашего воскового сердечника. Портретист Блур изготовил эту пластинку как средство шантажа.

— На других пластинках ваша группа изображена в различных положениях, в экспедициях, при обследовании кандидатов, часто на фоне, который определенно свидетельствует об этом

месте и этой планете. Форма ледников и выветренных холмов позволит определить дату в пределах до ста лет. Может, и точнее.

Реук, покрывающий мое зрительное кольцо, снова передает противоречивые эмоции Ро-кенна, столкновение противоположностей. Но каких именно? Лучше ли мы теперь понимаем эти чуждые формы жизни? Наше второе кольцо разума кажется глубоко заинтересованным сталкивающимися цветами.

Ротен протягивает элегантную руку.

— Могу я посмотреть остальные? Лестер передает их.

— Это лишь примеры. Естественно, подробный отчет о знакомстве с вашим кораблем и экипажем также запечатлен на прочном металле и спрятан вместе с пластинками.

— Естественно, — спокойно отвечает Ро-кенн, внимательно разглядывая одну пластинку за другой, переворачивая их, подставляя лучам солнца. — Для сунеров, которые сами себя подвергли проклятию, вы сохранили необычные искусства. Ничего подобного я не видел, даже в цивилизованном космосе.

Эта лесть вызывает одобрительный ропот в толпе. Ро-кенн снова очарователен.

Лестер продолжает:

— Любой акт мести или геноцида против Шести будет точно так же сохранен. Сомнительно, чтобы вы смогли уничтожить нас всех, прежде чем наши спрятанные писцы завершат эту работу.

— Действительно сомнительно. — Ро-кенн замолкает, словно обдумывая дальнейшие действия. Учитывая его прежнее высокомерие, мы ожидали, что шантаж и очевидные проявления неуважения приведут его в негодование. Мы бы не удивились, если бы встретили откровенно презрительное отношение к попыткам полуживотных угрожать божеству.

Но разве не видим мы вместо этого нечто похожее на *осторожную расчетливость? Неужели* он понял, что мы загнали его в угол? Ро-кенн пожимает плечами — очень похоже на человеческий жест.

— Что же нам в таком случае делать? Если мы согласимся на ваши требования, как мы можем быть уверены, что это не появится когда-нибудь, чтобы преследовать наших потомков? Отдадите ли вы нам сейчас эти пластинки в обмен на наше обещание улететь в мире?

Теперь смеется Лестер. Полуобернувшись к толпе, он делает жест одной рукой.

— Если бы вы явились, когда Община еще одно-два столетия прожила в мире, мы, может быть, и поверили бы вам. Но кто из нас не слышал рассказов стариков, которые были свидетелями того, как Сломанный-Зуб обманул Ур-ксоун возле Ложного Моста в самом конце старых войн? Какой человек не читал трогательные рассказы о каком-то своем прапрапра-деде, который избежал смерти в ущелье Мира в Годы Лжи?

Он поворачивается к Ро-кенну.

— Наши знания обманов получены на собственном горьком опыте. Мы с большим трудом завоевали мир — и эти уроки не забыты.

Нет, могучий ротен. Мы с извинениями отказываемся просто верить вам на слово.

Легкое движение грациозной руки удерживает новый гневный взрыв Ранна. Сам Ро-кенн словно забавляется, хотя на его лице мы снова видим это странное столкновение противоречивых красок.

– В таком случае какая же у нас гарантия, что вы уничтожите эти объекты, когда мы улетим, а не оставите их в таком месте, где их смогут найти будущие обитатели этой планеты? Или, что еще хуже, представители Великих Институтов через какую-нибудь тысячу лет?

У Лестера готов ответ.

— В этом и заключена ирония, о могучий ротен. Если мы, как разумные существа, помним вас, значит, мы по-прежнему свидетели, способные давать показания о вашем преступлении. Таким образом, если мы сохраним память, у вас есть основания действовать против нас.

Но если, с другой стороны, мы успешно пройдем тропой избавления и забвения, через тысячу лет мы станем подобны глейверам и будем для вас совершенно неопасны. Не будем больше способны свидетельствовать. В таком случае у вас не будет причин вредить нам. Поступать так было бы неразумно и даже рискованно.

— Верно, но если к этому времени вы забудете о нашем посещении, разве не забудете вы также места, где спрячете эти изображения? — Ро-кенн протягивает пластинку. — Они будут лежать в засаде, как затаившиеся снаряды, и терпеливо ждать времени, когда смогут попасть в нашу расу.

Лестер кивает.

— В этом и заключена ирония. Возможно, вас удовлетворит наша клятва обучить последующие поколения песне-загадке, если хотите, — чего-нибудь очень простого, которое сохранится даже в примитивном сознании наших потомков.

— И какова цель этой загадки?

— Мы сообщим нашим детям, что, когда с неба явятся существа, знающие ответ на загадку, им следует передать эти предметы из тайных святилищ. Отдать звездным повелителям, вашим преемникам, о могучий ротен. Естественно, если мы, Шесть, сохраним *подробные* воспоминания о вашем преступлении, мы, мудрецы, *предотвратим* передачу, потому что это произойдет слишком быстро. Но эта память не будет передаваться детям или сохраняться с такой же тщательностью, как загадка. Ибо воспоминания о вашем преступлении — это смертельный яд.

Мы предпочитаем забыть, как и зачем вы приходили. Только в таком случае мы будем в безопасности от вашего гнева.

Лестер предлагает хитроумную и тщательно продуманную сделку. На совете ему трижды приходилось разъяснять свой план. Теперь толпа волнуется, поглощая идею элемент за элементом, делясь понятым, пока восхищенный шум не окружает, подобно расплавленному свету, тесно зажатые существа. Поистине, элегантная сделка.

— Откуда нам знать, что так мы получим все объекты? — спрашивает Ро-кенн.

— В определенных пределах вы должны по-

лагаться на удачу. Вы ведь и летели сюда как игроки, не правда ли, могучий ротен? Вот что я могу вам сказать. У нас нет никакого желания, чтобы эти изображения сохранялись долгие века и чтобы потом их могли обсуждать юристы Институтов, чтобы они искали поводы для наказания наших родичей — космические расы, которые по-прежнему населяют звезды. Своей прочностью и неистребимостью эти пластинки представляют собой осквернение цели нашего пребывания здесь. Ведь наша цель — вернуть себе невинность. Обрести второй шанс.

Ро– кенн задумывается.

— Похоже, мы явились на Джиджо на несколько тысяч лет преждевременно. Если вам удастся пройти по вашей Тропе, эта планета станет бесценной сокровищницей.

Вначале мы не совсем ясно понимаем смысл его слов, потом по толпе пробегает гул — от фырканий уров и свистов квуэнов до гулкого хохота хунов. Некоторых поражает ум Ро-кенна, на других действует скрытый комплимент — что ротены захотят принять предразумные расы, которыми можем стать мы Шесть. Но это не всеобщая реакция. Некоторые из присутствующих кипят гневом, отвергая всякую возможность

принятия ротенами.

Разве не кажется нам этот гнев глупым, мои кольца? Разве раса клиентов может контролировать, кто станет ее патроном? Нет, если верны сохранившиеся у нас сведения.

Но все эти книги истлеют задолго до того, как это произойдет.

— Обменяемся клятвами? — спрашивает Роканн. — На этот раз основанными на самых прагматических основаниях — на взаимном удержании?

По этому соглашению мы улетим на нашем корабле, подождав только возвращения из экспедиции нашей разведочной машины и подавив горечь, которую мы испытываем из-за подлого убийства наших товарищей. В обмен вы все поклянетесь забыть наше вторжение и нашу неудачную попытку говорить с вами через голос вашего Святого Яйца.

— Согласны, — отвечает Ум-Острый-Как-Нож, щелкая клешнями. — Сегодня вечером на совете мы подберем загадку, ответ на которую будет сообщен вам. Когда ваши соплеменники в следующий раз прилетят на Джиджо, они могут найти планету невинных. И наши потомки отведут их к месту укрытия. Тогда вы сможете забрать

изображения-мусор. Сделка будет завершена.

Толпу охватывает надежда, наш реук воспринимает ее как волну зеленой дрожи.

Можем ли мы поверить в такую возможность, мои кольца? Что Шесть все-таки доживут до счастливого конца? Фанатикам кажется, что они добились своего. Их юная предводительница возбужденно приплясывает. Никакого наказания за их насильственные действия не будет. Напротив, они прославятся как герои Общины.

Что скажете, мои кольца? Наше второе кольцо разума напоминает нам, что некоторые еретики могут предпочесть, чтобы гневный огонь и чума стерли с Джиджо инфекцию, которая называется Шесть. Да, есть еще одна, меньшая по размерам фракция еретиков. Эти эксцентрики считают, что наша судьба совсем в ином направлении, на которое в священных Свитках нет даже намека. Зачем ты вспоминаешь об этом, мое кольцо? Какое отношение имеет этот вздор к нашему времени и месту?

Писцы записывают подробности соглашения. Вскоре высокие мудрецы должны будут окончательно рассмотреть его и дать согласие. (Готовьтесь, мои кольца!) Тем временем мы размышляем над аномалией, о которой сообщает

нам реук; он по-прежнему передает противоречивые раздражающие цвета Ро-кенна. Может ли это быть тенью *обмана!* Обмана и *насмешливой забавы?* Радостного принятия соглашения, но только внешнего, выигрывающего время, пока…

Перестань, приказываем мы нашему второму кольцу, которое легко увлекается. Оно прочитало слишком много романов. Мы недостаточно знаем ротенов, чтобы прочесть в их внешности тонкие оттенки значения.

К тому же разве Ро-кенн не пойман в ловушку? Разве у него нет оснований бояться изображений на твердом металле? Логично рассуждая, он не должен идти на риск наказания всей своей расы, всего своего потомства.

Или он знает что-то такое, чего не знаем мы?

Какой глупый вопрос, когда речь идет о звездном боге!

Толпу охватывает надежда, а я/мы с каждым дуром нервничаю все больше. Что, если им безразличны эти фотографии? В таком случае Ро-кенн может согласиться на все, ибо, когда прибудет могучий корабль, все эти клятвы будут не важны. Тогда, обеспечив свою личную безопасность…

У нас не было возможности закончить это капающее рассуждение. Ибо неожиданно произошло

кое-что еще. Слишком быстро и неожиданно, чтобы успеть просочиться в наш воск.

Все началось с резкого человеческого крика…

Один из сикофантов, сторонник ротена, указывает мимо звездного бога на носилки, где лежат два его мертвых товарища…

На двоих погибших при взрыве набросили тонкий шелковый покров. Но мы видим, что этот покров откинут, обнажив покойного ротена и покойного звездного человека…

Неужели мы видим портретиста Блура, который своим записывающим устройством пытается сфотографировать лица мертвых?

Блур не обращает внимания на гневные крики сторонников патронов ротенов. Он неловко достает одну экспозировавшуюся пластинку и вставляет другую. Он кажется зачарованным, сосредоточенным только на своем искусстве, он не видит разгневанного Ранна, не слышит, как Роккенн что-то кричит на Галактическом шесть…

Блур замечает устремленного на него робота, и у него остается только время для последнего поступка истинного профессионала. Своим хрупким телом портретист закрывает свою драгоценную камеру и умирает.

Проявите терпение, вы, меньшие кольца, распо-

ложенные дальше от органов чувств. Вы должны подождать, чтобы погладить эти воспоминания нашим внутренним дыханием. Потому что для тех, кто расположен выше на нашем заостренном конусе, события происходят стремительно и накладываются друг на друга.

Узрите — неистовый гнев звездных богов, их апоплексическую оскорбленную ярость!

Наблюдайте — тщетные крики Лестера, Вуббена и Фвхун-дау, призывающих к сдержанности!

Будьте свидетелями — гибели Блура, превращения его в дымящуюся груду!

Заметьте — как пятится толпа от этого насилия, а с опушки леса бегут другие фигуры в черном!

Бойтесь — парящих роботов, готовых к удару, готовых убивать по приказу!

И прежде всего *смотрите* — на сцену прямо перед нами, на то, что фотографировал Блур перед смертью…

Эта картина сохранится в памяти, пока цела эта груда колец.

Два существа лежат рядом.

Одно — самка человека; она мертва, ее заново вымытое лицо спокойно и мирно.

Вторая фигура казалась столь же спокойной

и неподвижной, когда мы в последний раз видели ее перед рассветом. Лицо Ро-пул как идеализированное человеческое, выразительное, поражающее шириной лба, широкими скулами и чисто женским подбородком. На этом лице при жизни всегда была победительная улыбка.

Но сейчас мы этого не видим!

Мы видим, как из лица Ро-пул выбирается дрожащая *тварь*... забирая с собой большую часть лица! Тот же лоб, те же щеки и подбородок теперь образуют тело существа, которое сидело на ротене, как на нас сидят реуки, сидело так основательно, что не видно было ни одного шва или соединения.

Объясняет ли это диссонанс? Столкновение цветов, переданное нашим реуком-ветераном? То, что одна часть лица Ро-кенна выражает резкие эмоции, а вторая всегда остается холодной, невозмутимой и дружелюбной?

Тварь уползает, и зрители видят, что осталось: острое узкое лицо, без подбородка, заостренное, с очертаниями черепа, совсем не похожими на человеческий.

Исчез мираж небесной красоты в земном понимании. Основные черты остаются гуманоидными, но это обостренная, *хищная* карикатура

на нашу младшую расу.

— Хр-рм… Я видел это лицо раньше, — говорит Фвхун-дау, поглаживая свою белую бороду. — Читал в Библосе. Тайная раса с репутацией…

Ранн снова набрасывает покров на трупы, а Ро-кенн резко прерывает:

– *Это неслыханное оскорбление!*

Теперь наш реук ясно показывает Ро-кенна как *два* существа в одной живой маске. Исчезло терпеливое веселье, исчезла готовность сдаться перед шантажом. Сейчас нам нечем шантажировать.

Нечем.

Ротен отдает приказ Ранну:

– *Нарушь радиомолчание и вызови Кунна! Немедленно!*

– Добыча будет предупреждена, — отвечает явно потрясенный Ранн. — И охотники тоже. Смеем ли мы…

– *Придется рискнуть. Немедленно повинуйся! Вызови Кунна, потом расчисть здесь все.*

Ро– кенн указывает на толпу, на своих прихлебателей и на мудрецов.

– *Никто не должен остаться, чтобы рассказать об этом.*

Роботы поднимаются, потрескивая страшной

силой. Толпа в ужасе кричит.

И тут — словно в какой-нибудь земной сказке — открывается ад.

Незнакомец

Он медленно щиплет струны дулъцимера, вызывая за раз по одной низкой ноте, нервничая из-за того, что собирается сделать, но одновременно довольный тем, как много помнит.

Например, об урах. Еще только придя в себя на маленьком речном корабле, он пытался понять, почему испытывает такие дружеские чувства к четвероногим существам, вопреки их колючим темпераментным характерам. В пустынном оазисе, перед кровавым нападением, он слушал балладу, которую пела предательница Ульгор и понимал только отдельные слова-щелчки. Но ритм песни казался странно знакомым, вызывал какие-то ассоциации в поврежденном мозгу.

И вдруг он вспомнил, где раньше слышал это сказание. В баре, на далекой…

…на далекой…

Названия по-прежнему давались ему с трудом. Но теперь по крайней мере из плененной памяти возник образ. Сцена в таверне, которую посеща-

ют представители низших разумных рас, как и его собственная. Здесь бывают звездные путешественники с определенными вкусами в еде, музыке и развлечениях. Часто в таком месте платой служат песни. Можно купить себе выпивку за хорошую песню, и ему редко приходилось пускать в ход наличность, потому что уж очень хороши были мелодии его талантливых товарищей по экипажу…

…товарищей по экипажу…

Теперь он наталкивается на еще один барьер. Самую высокую и непроходимую стену в сознании. Пробует еще раз, но терпит неудачу, не может прорвать стену с помощью мелодии.

Тогда назад в бар. С этим воспоминанием пришло то, что он когда-то знал об урах. Особенно трюк, который он разыгрывал с урами, когда они задремывали после напряженного вечернего соревнования. Иногда он брал каштан, тщательно нацеливался и…

Цепочка мыслей прерывается: Незнакомец замечает, что за ним наблюдают. На него смотрит Ур-Качу, явно раздраженная все более громкими звуками дульцимера. Он старается смягчить предводительницу урских мятежников, делая звуки потише. Но совсем не останавливается. На

более тихом и спокойном уровне ритм становится странно гипнотическим, как и нужно.

Остальные грабители, и уры, и люди, ложатся, чтобы проспать самую жаркую часть дня. Сара тоже – вместе с Прити и другими пленниками. Незнакомец знает, что ему тоже следует отдохнуть, но он для этого слишком взвинчен.

Ему не хватает Пзоры, и в то же время ему странно, что он стремится к целительным прикосновениям джофура...

Нет, это неправильное слово. Пзора не один из тех страшных, жестоких существ, а треки — нечто совершенно иное. Когда сможет получше удерживать названия, нужно не забыть об этом.

Но у него есть дело. За оставшееся время он должен научиться пользоваться реуком, который купила для него Сара, — странное создание, чье пленчатое тело прикрывает оба его глаза, и в результате вокруг каждого ура и человека возникает мягкое свечение, превращая потрепанную палатку в павильон открытия истины. Он слегка нервничает из-за того, что реук дрожит на его плоти и с помощью присоски кормится из вены вблизи зияющей раны на голове. Но он не может отказаться от шанса исследовать еще один способ коммуникации. Иногда смущающие

цвета сливаются, напоминая последнее общение с Пзорой в оазисе. Там был момент странной ясности, когда соединившиеся реуки передавали именно то, что ему было нужно.

Ответный дар Пзоры внутри, в дыре в голове. Это единственное место, где грабителям не придет в голову искать.

Он сопротивляется искушению сунуть руку внутрь, проверить, на месте ли он. Все в свое время.

Пока он сидит и щиплет струны, угнетающая жара медленно усиливается. Уры и люди теснее прижимаются к земле, где еще слабо ощущается ночная прохлада. Он ждет и пытается вспомнить еще немного.

Самая большая слепая зона, помимо утраты языка, покрывает недавнее прошлое. Если вся продолжительность его жизни до настоящего момента равна десяти единицам, то последние две отсутствуют. И у него есть только обрывки, которые удерживаются от снов, когда он просыпается. Этого достаточно, чтобы знать, что когда-то он летал в соединенных галактиках и видел то, чего не видел никто из его племени. Замки, за которыми находятся эти воспоминания, до сих пор выдержали все его попытки: рисунки,

математические игры с Прити, погружение в собрание запахов Пзоры. Он уверен, что выход в музыке. Но в какой музыке?

Сара негромко сопит поблизости, и он чувствует, как в сердце вскипает благодарность… вместе с грызущим ощущением, что он должен подумать о чем-то другом. О ком-то другом, кому принадлежала его преданность до того, как палящий огонь сбросил его с неба. Возникает женское лицо, но исчезает стремительно, так что он не успевает вспомнить. Но это лицо пробуждает целый комплекс необычных чувств.

Ему не хватает ее… хотя он не может себе представить, что она чувствует то же самое — где бы она ни была.

Кем бы она ни была.

Больше всего хочет он выразить свои чувства в словах, чего никогда не делал в те опасные времена, что они провели вместе… когда она томилась по другому, гораздо лучше его самого.

Он осознает, что эта мысль приводит к чему-то, и испытывает возбуждение. Жадно следует за ней. Женщина из его снов… она тоскует по мужчине… по герою, который давно исчез… год или два назад… потерялся вместе с остальными товарищами по экипажу… и вместе…

…вместе с капитаном…

Да, конечно! Командир, которого им так не хватало с того самого отчаянного бегства на несчастный водяной мир. Мир катастрофы и торжества.

Он пытается представить себе образ капитана. Лицо. Но в голову приходит только серая плоть, цепочка пузырей и блеск белых острых зубов. Улыбка, ни на что не похожая. Мудрая и спокойная.

Нечеловеческая.

И тут, словно ниоткуда, возникает негромкий шепот. Звук, никогда ранее не слышанный на Склоне.

Мой добрый молчаливый друг… Затерявшийся в облаке зимней бури… Одинокий… совсем как я…

Из его рта льются свисты, щелканья, хлопки -раньше, чем он осознает, что говорит. Он раскачивается — в сознании словно прорвало плотину, высвободив поток воспоминаний.

Музыка, которую он искал, нечеловеческая, это современный язык третьей земной разумной расы. Язык, которым людям чрезвычайно трудно овладеть, но который щедро вознаграждает тех, кто попытается это сделать. Тринари *не*

похож на Галактический два или любой другой язык, кроме, может быть, печальных баллад больших китов, которые по-прежнему населяют безвременные глубины родной планеты.

Тринари.

Он удивленно мигает и даже утрачивает ритм дульцимера. Несколько уров поднимают головы, смотрят на него, пока он не возобновляет ритмичный звук, продолжает рефлекторно, обдумывая свое поразительное открытие. Знакомый/невероятный факт, который до сих пор не давался ему.

Его товарищи по экипажу — возможно, они все еще ждут его в том темном страшном месте, где он их оставил.

Его товарищи — дельфины.

XXV. КНИГА МОРЯ

Берегитесь вы, проклятые, те, что ищут избавления. Время – ваш друг, но и величайший враг.
Подобно огню Измунути, оно может кончиться до того, как вы будете готовы. И снова выпустить то, от чего вы бежали.

Свиток опасности

Рассказ Олвина

Однажды я попытался прочесть “Поминки по Финнегану”.

В прошлом году.

В прошлой жизни.

Говорят, ни один неземлянин не в состоянии прочесть эту книгу. На самом деле немногие земляне совершили подобный подвиг, значительную часть своей жизни отдав шедевру Джойса, читая одно непонятное слово за другим — с помощью комментариев, написанных другими одержимыми читателями — учеными. Мистер Хайнц

говорит, что на Склоне никто не может надеяться понять эту книгу.

Естественно, я воспринял это как вызов, и, когда в следующий раз наш учитель направился на собрание, я попросил его привезти экземпляр.

Нет, не собираюсь сказать, что добился успеха. Прочитав всего одну страницу, я понял, что это совсем не то, что “Улисс”. Хотя внешне кажется, что написано на английском докосмической эры, на самом деле в “Поминках” используется собственный язык Джойса, созданный для этого единственного произведения искусства. Хунское терпение тут не поможет. Чтобы только начать понимать, нужно иметь общий с автором *контекст.*

А на что мне было надеяться? Ирландско-английский для меня не родной язык. И я не живу в Дублине начала двадцатого века. Я не человек. Я никогда не был в “пабе” и никогда не видел ничего похожего на “кварк”, поэтому могу только догадываться, что происходит в каждом из них.

Помню, как подумал — может, слегка высокомерно: *Если я этого не прочту, никто на Джиджо не прочтет.*

Том выглядел так, словно никто с самой Великой печати и не пытался. Так зачем люди-осно-

ватели отвели в Библосе место этому странному интеллектуальному эксперименту их ушедшей эпохи?

Тогда я понял, что у меня есть намек на истинную причину прилета “Обители” на эту планету. Это не та причина, о которой говорят в святые дни, когда мудрецы и священники читают выдержки из священных Свитков. Не для того, чтобы найти темный уголок вселенной и заняться преступным размножением или уйти из космоса в поисках дороги к невинности. В том и в другом случае я мог бы представить себе публикацию практических руководств или простодушных сказаний, которые помогли бы осветить путь. Со временем эти книги истлеют и превратятся в пыль, когда люди и все остальные будут готовы отказаться от них. Когда станут чем-то вроде элоев из “Машины времени” Г. Дж. Уэллса.

Но ни в том, ни в другом случае печатание “Поминок по Финнегану” не имеет никакого смысла.

Поняв это я снова взялся за книгу. И хотя по-прежнему не понимал сюжета или связанных с ним иллюзий, я оказался в состоянии наслаждаться потоком слов, их ритмом и звучанием — ради их собственной экстравагантности. И не

важно, что я единственный, кто это делал.

И когда я переворачивал страницы, во мне каким-то образом рождалось новое теплое чувство: *когда-нибудь кто-нибудь получит от этого больше, чем я.*

На Джиджо запасали то, что казалось мертвым, но на самом деле лишь спало.

Я думал об этом, испытывая постоянную боль и стараясь стоически преодолевать ее, когда странные молчаливые существа неуклюже входили в мою клетку и подвергали меня жару, холоду или уколам. То есть я хочу сказать: мог ли я испытывать надежду, когда металлические пальцы ощупывали мои раны? Или горевать оттого, что мои молчаливые надсмотрщики отказывались отвечать на мои вопросы и вообще говорить? Нужно ли описывать мою ужасную тоску по дому? Или возбуждение оттого, что мы открыли что-то невероятно странное, о чем никто на Склоне даже не подозревал — с тех самых пор, как г'кеки первыми отправили свой крадущийся корабль в глубины?

Но прежде всего я гадал: пленник ли я, пациент или *образец?*

Наконец я понял: мне не от чего отталкиваться при решении. Подобно строкам книги Джойса,

эти странные существа казались одновременно странно знакомыми и совершенно непостижимыми.

Машины ли это?

Или представители какой-то древней подводной цивилизации?

Они захватчики? Или считают захватчиками нас?

Может, они буйуры?

Я избегал думать о том, что на самом деле меня мучило.

Давай, Олвин. Посмотри этому в лицо.

Я вспоминаю эти последние дуры, когда наша прекрасная “Мечта Вуфона” разлетелась на куски. Когда меня прижало к ее борту. Когда моих друзей втягивало в пасть металлического чудовища и они погрузились в холодную, холодную, холодную воду.

Тогда они были живы. Ранены, ошеломлены, но живы.

Были живы, и когда мощный воздушный поток вытеснил ужасное темное море, оставив нас, раненых и полумертвых, на жесткой палубе. И когда лучи, яркие, как солнце, ослепили нас, а паукообразные существа вползли в помещение и принялись разглядывать свой улов.

Но здесь память меня оставляет, очертания становятся неясными — и я прихожу в себя в одиночестве.

В одиночестве и в тревоге за друзей.

XXVI. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Мы знаем, что в Пяти Галактиках каждая звездная раса проходила вначале через процесс возвышения, получая дар разума от принявших ее патронов. А эти патроны в свое время тоже получили такой дар от предыдущих патронов, и так далее — цепь благотворительности уходит в туманные времена, когда было гораздо больше пяти соединенных галактик, к легендарным Прародителям, которые давным-давно начали эту цепь.

Но откуда взялись сами Прародители?

Для некоторых религиозных союзов, которые ожесточенно враждуют на космических линиях, сам этот вопрос недопустим и способен вызвать столкновение.

Другие отделываются от вопроса, отвечая, что древние разумные произошли “откуда-то” или что Прародители были трансцендентными, вечными существами, которые великодушно снизошли со своих высших сфер, чтобы помочь разуму родиться меж звездами.

Конечно, можно возразить, что подобные поверхностные ответы — совсем не ответы, но неразумно говорить это вслух. Многие могучие галакты не любят, когда им указывают на несоответствия.

Наконец существует культ — "Утверждающие", — который полагает, что Прародители самостоятельно эволюционировали на какой-то планете, сами по себе выработали разум — удивительный, почти невероятный подвиг. Можно было бы подумать, что "Утверждающие" станут дружелюбней относиться к землянам, чем большинство фанатичных союзов. В конце концов многие земляне до сих пор верят, что именно это проделала наша раса, возвысившись в изоляции, без помощи со стороны.

Увы, не ждите сочувствия от "Утверждающих", которые считают подобные утверждения со стороны волчат проявлением гордости и высокомерия. Они говорят, что самовозвышение — феномен высшего и наиболее священного порядка и не доступен существам, подобным нам.

Джекоб Демва. "Прагматическое введение в галактологию",

перепечатано с оригинала гильдией

печатников города Тарек,

год изгнания 1892

Двер

Бесполезно кричать на глейверов или бросать в них камнями. Пара только отступала и продолжала с удаления наблюдать пустыми выпуклыми глазами, а потом снова шла за людьми, когда они пускались в путь. Двер скоро понял, что избавиться от них не удастся. Нужно либо застрелить животных, либо не обращать на них внимания.

— У тебя есть и другие занятия, сынок, — решил Дэйнел Озава.

Какое преуменьшение!

Когда Двер настороженно провел группу Дэйнела по мелкому каменистому броду, поляна у водопада по-прежнему была полна запахами уров, ослов и симл. С этого момента он начал применять тактику старинных войн, с вечера разведуя предстоящий дневной маршрут. Двер рассчитывал на то, что дневной образ жизни уров убережет его от засады, хотя уры способны легко адаптироваться. Они могут быть смертельно опасны и по ночам, как на собственном тяжелом опыте убедились в прошлом бойцы-люди.

Двер надеялся, что после нескольких мирных

поколений уры стали ленивей.

Он вставал в полночь и шел при свете двух лун, осторожно принюхиваясь к следу копыт вблизи мест возможной засады. А на рассвете торопливо возвращался, чтобы помочь каравану ослов Дэйнела проделать дневной маршрут.

Озава считал необходимым догнать отряд уров и вступить в переговоры. Но Двер тревожился. *Как, по его мнению, они себя поведут? Обнимут нас как братьев? Они преступники. Как племя Рети. Как мы.*

След становился все более свежим. Теперь уры опережают их на неделю, может, на несколько дней.

Он начал замечать и другие следы. Оплывшие отпечатки на песке. Обломанные каменные пластинки. Обрывок шнурка от мокасина. Следы костра более чем месячной давности.

Племя Рети. Уры идут прямо в центр их территории.

Дэйнел спокойно воспринял эту новость.

— Они могут думать то же, что и мы. Люди-сунеры хорошо знают жизнь в этих холмах. Это ценный опыт, и его можно купить, взять взаймы…

— Или добыть пыткой, — закончила Лена

Стронг, натачивая у костра нож. — Некоторые урские кланы держали людей в рабстве, прежде чем мы покончили с этим обычаем.

— С обычаем, который они усвоили у квуэнов. В естественном поведении уров нет привычки к рабству. А вот на старой Земле, кстати…

— Да, очень хорошо, — прервал Двер. — Значит, у нас проблема. Что нам делать, когда мы их догоним?

— Правильно. — Лена разглядывала острие ножа. — Нападем на всех сразу или предпочтем хунский стиль — будем брать их по одному?

Дженин вздохнула с несчастным видом.

— О, Лена. Пожалуйста, перестань. — Все путешествие она была оживлена и весела, пока не услышала разговоры о нападении. Дженин присоединилась к отряду, чтобы стать матерью-основательницей новой расы, а не чтобы охотиться на тех, кто раньше был соседом.

Двер испытывал ту же боль, что Дженин, хотя прагматический рассудок вставал на сторону Лены.

– Если придется, я бы предпочел покончить побыстрее, — сказал он, глядя на осла, несущего их самое тайное “орудие”, о котором они никогда не говорили.

— До этого не должно дойти, — настаивал Дэйнел. — Давайте вначале установим, чего они хотят. Может, у них такие же намерения, как у нас.

Лена фыркнула:

— Отправить посла? Выдать наше присутствие? Ты слышал Двера. Их больше десяти!

— А не лучше ли в таком случае подождать вторую группу? — спросила Дженин. — Они ведь должны выступить сразу за нами.

Лена пожала плечами:

— Кто знает, сколько еще времени им понадобится? А если они заблудились? Уры могут обнаружить нас первыми. И нужно еще учитывать человеческое племя.

— Старое племя Рети.

— Верно. Хотите, чтобы они были убиты или обращены в рабство? Только потому, что мы боимся…

— Лена! — прервал Дэйнел. — Хватит. Посмотрим, что можно сделать, когда придет время. А тем временем бедному Дверу нужно немного поспать. Мы должны дать ему отдохнуть.

— Это далеко не все, что мы должны ему дать, — негромко сказала Лена. Двер посмотрел на нее, но в полутьме перед восходом лун разглядел

только тень.

— Всем спокойной ночи, — сказал он и ушел к своему спальному мешку.

Грязнолапый выглянул из-под одеяла и начал браниться, что ему приходится подвинуться. Конечно, он помогает по ночам согреться, и это заставляет Двера прощать, когда он вылизывает ему лицо во время сна, собирая пот со лба и с губ.

Двер лег, повернулся — и удивленно замигал, увидев две пары больших круглых глаз, глядящих на него с трех метров.

Джикии глейверы!

Обычно на мирные создания просто не обращают внимания. Но Двер никак не мог забыть стаю глейверов, жадно теснившихся вокруг мертвого галлейтера.

Он бросил в их сторону комок земли.

— Уходите! Прочь!

Пара повернулась и неторопливо удалилась. Двер посмотрел на Грязнолапого.

— Почему бы тебе не принести хоть какую-то пользу и не держать их на расстоянии?

Нур улыбнулся ему в ответ.

Двер натянул одеяло на подбородок, пытаясь устроиться поудобнее. Он устал, тело болело от напряжения и ушибов. Но сон приходил неторопливо

ливо, полный тревожных кошмаров.

Он проснулся от мягкого прикосновения. Кто-то гладил его по лицу. Двер раздраженно оттолкнул нура.

— Перестань, комок шерсти! Лижи ослиный помет, если нужна соль.

После удивленного молчания негромкий голос ответил:

— Меня никогда так ласково не приглашали в постель мужчины.

Двер приподнялся на локте, потер глаза и разглядел неопределенный силуэт. Женщина.

— Дженин?

— Ты предпочитаешь ее? Я выиграла жребий, но, если хочешь, позову ее.

— Лена! Что… что я могу для тебя сделать?

Двер разглядел белый блеск — одна из редких улыбок Лены.

— Ну, ты можешь пригласить меня погреться. — Голос ее звучал мягко, почти застенчиво.

Лена красива и удивительно женственна, однако Двер никогда бы не подумал применить к ней слова “мягкий” и “застенчивый”.

— Гм… конечно…

Это мне снится? думал он, когда она легла рядом и сильными руками принялась раздевать

его. Тело ее было горячим.

Наверно, все-таки сон. Лена, которую я знаю, никогда так хорошо не пахнет.

– Ты весь напряжен, — заметила она, разминая ему шею и спину сильно и точно. Вначале Двер ахал от покидавшего мышцы напряжения. Но каждое нажатие мозолистых пальцев Лены казалось таким женственным, эротическим.

Она не успела закончить массаж, как Двер потерял контроль над собой и мягко, но решительно повернулся, так что они поменялись позами. Она оказалась под ним и отвечала на его движения с желанием, накопленным за многие недели напряжения. Тревога и усталость словно взорвались в воздухе, в лесу, в ней, когда она сжимала его, привлекая к себе.

После того как она ушла, Двер лежал и лениво думал: *Лена считает, что я могу умереть, поэтому должен выполнить свой долг перед схваткой. Возможно, это последний… единственный шанс…*

Двер уснул спокойным, без сновидений, сном, таким расслабляющим и полным, что действительно почувствовал себя отдохнувшим, когда под одеяло к нему скользнуло другое теплое тело. На этот раз сработало его подсознание, приняв

женщину с полным прагматизмом.

Дэйнел, вероятно, придет позже, поэтому имеет смысл получить у меня то, что я могу дать, раньше, чем это исчезнет.

Не ему судить женщин. Здесь, в дикой местности, им приходится нелегко. У него задачи простые — охотиться, сражаться и, если понадобится, умереть. А им нужно продолжать жить, чего бы это ни стоило.

Дверу даже не нужно было просыпаться окончательно. И Дженин не казалась оскорбленной тем, что его тело принимало ее в полусне. У него множество дел в эти дни, и, если он хочет держаться, нужно пользоваться любой возможностью для отдыха.

Двер проснулся спустя мидур после полуночи. Хотя он чувствовал себя гораздо лучше, пришлось преодолевать ленивую летаргию, чтобы одеться и проверить имущество: лук и колчан, компас, наброски маршрута и фляжку с водой, потом пройти к костру, чтобы подобрать завернутый в листья пакет, который каждый вечер оставляла для него Дженин, — еда, которую он съест в пути.

Большую часть взрослой жизни он бродил один, наслаждаясь миром и одиночеством. Но

теперь пришлось признать, что принадлежность к группе, к команде обладает своей привлекательностью. Возможно, под руководством Озавы они почувствуют себя *семьей.*

Сможет ли он тогда с меньшей горечью вспоминать жизнь, которую он и его любимые оставили позади, в ласковых лесах Склона?

Двер уже собирался идти по оставленному урами следу, когда его внимание привлек негромкий звук. Кто-то не спит и разговаривает. Но он проходил мимо женщин, они негромко сопели и спали (ему хотелось думать: счастливо). Двер снял с плеча лук и двинулся в сторону негромких звуков речи. Он испытывал скорее любопытство, чем тревогу. И вскоре узнал знакомый голос.

Конечно, это Дэйнёл. Но с кем мудрец разговаривает?

Двер вгляделся из-за ствола большого дерева и увидел маленькую поляну, а посреди нее освещенную луной необычную пару. Дэйнёл склонился к небольшому черному существу, которое он, Двер, называет Грязнолапым. Слов он не мог разобрать, но, судя по тону и интонации, Озава задает вопросы на одном языке за другим.

Нур вылизывал себя, потом бросил взгляд на стоящего в тени Двера. Когда Озава перешел

на Галдва, Грязнолапый улыбнулся — потом повернулся, кусая себя за плечо. А когда снова повернулся к мудрецу, то ответил широким зевком.

Дэйнёл негромко вздохнул, как будто ожидал неудачи, но все же считал, что стоит попробовать приложить усилия.

Какие усилия? думал Двер. Ищет ли мудрец волшебной помощи, как иногда поступают невежественные захолустные крестьяне, которые воспринимают нуров как духов из волшебных сказок? Или Озава надеется приручить Грязнолапого, как делают хунские моряки, чтобы получить проворных помощников в плаваниях? Кроме хунов, такое почти никогда никому не удается. Но даже если получится, какой толк от одного нура? Или одной из задач Двера — после разбирательства с урскими сунерами и племенем Рети — теперь будет вернуться и собрать побольше нуров?

Это не имеет смысла. Если каким-то чудом Община выживет, им пришлют сообщение и отзовут домой. Если случится худшее, им нужно будет держаться как можно дальше от Склона.

Что ж, Дэйнел скажет мне, что хочет узнать. Надеюсь только, это не свидетельствует о том,

что он спятил.

Двер осторожно отошел и отыскал урский след. Шел быстро, ему хотелось побыстрей увидеть, что лежит за следующим затянутым туманом возвышением. Впервые за много дней Двер чувствовал себя цельным и сильным. Конечно, тревога не исчезла. Существование по-прежнему оставалось хрупким и опасным, жизнь потерять слишком легко. Но пока он шел вперед, чувствуя себя полным жизни.

Рети

Сон всегда заканчивался одинаково, перед тем как она просыпалась, прижимая к груди мягкое одеяло.

Она видела во сне птицу.

Не такой, какой видела ее в последний раз, без головы, распростертой на лабораторном столе Ранна в погребенной станции, но такой, какой впервые увидела эту странную вещь. Стремительно движущуюся, с ярким плюмажем, похожим на блестящие лесные листья, живую и сверкающую. Что-то в ней ласкало душу.

Ребенком она любила наблюдать за настоящими птицами, часами следила за тем, как они

устремляются к земле, завидовала их свободе в воздухе, их способности улететь, оставив все беды позади. Но однажды Джесс вернулся из далекого путешествия на юг и хвастался тем, каких зверей добыл. И один из этих зверей — огромное летающее создание, которое они захватили врасплох, когда оно появилось из приливных болот. Стрела порвала ему крыло, и оно с трудом улетело на северо-запад, оставив одно перо тверже камня.

Тем же вечером, рискуя ужасным наказанием, Рети выкрала металлический фрагмент из палатки, где храпели охотники, и с небольшим количеством украденной пищи сбежала на поиски этого удивительного чуда. Ей повезло, она угадала верно и пересекла маршрут птицы, заметила ее, когда она передвигалась короткими прыжками. И в мгновенном узнавании Рети поняла, что птица подобна ей самой — она ранена тем же мужским стремлением к бессмысленному насилию.

Глядя, как птица прыгает на запад, ни разу не остановившись для отдыха, Рети поняла, что у них есть еще одна общая черта. Настойчивость.

Ей хотелось поймать птицу, вылечить ее, поговорить с ней. Узнать источник ее силы. Помочь

ей достичь цели. Помочь найти дом. Но даже раненая, птица вскоре опередила ее. И какое-то время Рети с болью думала, что навсегда ее потеряла…

И в этот момент самых напряженных чувств без всякого перехода сон менялся, возникала новая сцена. Неожиданно птица оказывалась прямо перед ней, ближе, чем когда-либо, она билась в драгоценной клетке, уклонялась от золотых липких капель… потом укрывалась от жгучих языков пламени!

Рети задыхалась от гнева, неспособная ей помочь. Неспособная ее спасти.

Наконец, когда все казалось потерянным, птица поступала так, как много раз поступала сама Рети. Бросалась вперед с отчаянной силой, нападала на мучителя, того, кто пытал ее.

Несколько ночей подряд сон всегда заканчивался одинаково. Кто-то сильными руками удерживал ее, оттаскивал к постыдной безопасности, а птица головой вперед устремлялась к какой-то парящей неясной фигуре. Темному сопернику со свисающими смертоносными конечностями.

Похоже, месть, как и многое другое, в реальности получается совсем не так, как в воображении.

Прежде всего, в глубине души Рети не думала, что Джесс будет так стойко переносить боль.

Охотник лежал привязанный к скамье внутри разведывательной машины, грубые, но красивые черты его лица искажались, когда Кунн выполнял данное ей обещание. Рети с каждым разом, как Джесс, задыхаясь и стискивая зубы, издавал новый стон, все больше жалела об этом обещании.

Кто бы мог подумать, что он окажется таким смелым, думала Рети, вспоминая, как обычно Джесс хвастался, бранился и преследовал других членов племени. Ведь грубияны должны быть трусами. Так по крайней мере бормотал самый древний старик в племени, когда был уверен, что никто из молодых охотников его не слышит. Жаль, что старик так и не узнает, что ошибался. Он умер, пока Рети не было.

Она старалась сдержаться во время столкновения воли Джесса и Кунна — столкновения, которое Джесс должен проиграть. *Ты хочешь знать, откуда прилетела птица?* спрашивала себя Рети. *А разве Джесс не заслужил то, что получает? Разве не его собственное упрямство навлекло это на него?*

Ну, по правде говоря, Рети сыграла немалую

роль в том, что охотник так сопротивляется, и тем самым продлила его мучения. Терпеливые настойчивые вопросы Кунна перемежаются с упрямыми возгласами Джесса, потеющего и корчащегося под ударами партнера Кунна — робота.

Когда она уже не могла этого выносить, Рети незаметно выскользнула из люка. Если что-то изменится, пилот сможет вызвать ее по крошечному коммуникатору, который небесные люди вшили ей под кожу за правым ухом.

Рети направилась к лагерю, стараясь выглядеть невозмутимой: вдруг кто-то из сунеров наблюдает за ней из кустов.

Так она теперь про себя их называла. *Сунеры.* Дикари. Не очень отличающиеся от напыщенных варваров со Склона, которые считают себя такими цивилизованными со всеми этими книгами, но на самом деле они тоже почти полуживотные, запертые на своей маленькой грязной планете, которую никогда не покинут. Для небесных существ, таких, как она, они все одинаковы, по какую сторону бы от Риммера ни скреблись бы в грязи.

Запах лагеря она ощутила раньше, чем дошла до него. Знакомая грязная смесь древесного дыма, экскрементов и плохо выделанных шкур, и все

это соединяется с серным запахом горячих источников, которые всегда привлекают племя в это время года — именно это позволило ей так легко привести Кунна в тайный каньон высоко в Серых холмах. На полпути к лагерю Рети остановилась, пригладила гладкий костюм, который дала ей Линг вскоре после того, как она первой из жителей Джиджо побывала в подземной станции, этом волшебном мире роскоши и удивительных чудес. Линг также вымыла Рети, обработала ее череп и использовала мази и лучи, после чего Рети почувствовала себя чище, сильней, даже *выше*, чем раньше. Только шрам на лице портил преображенное отражение в зеркале, но и он будет залечен, заверили ее, когда они вернутся "домой".

Это и мой дом, думала Рети, и снова быстро пошла. Вскоре всякие следы мучений охотника остались позади. Рети выбросила из памяти воспоминания о муках Джесса, думая о тех чудесах, которые показывали ей четверо небесных людей, о великолепном, подобном драгоценности городе в долине с крутыми стенами. Городе волшебных башен и плавающих замков, где счастливая кучка людей живет со своими любимыми патронами, мудрыми, благосклонными ротенами.

Я всегда знала, что буду жить где-то далеко, думала Рети, огибая лесной выступ. *Не здесь. Не в таком месте.*

Перед ней расстилалась усеянная мусором и отбросами поляна с полудесятком грубых навесов — звериных шкур, наброшенных на пригнутые стволы. Все навесы теснятся к костру, где вымазанные сажей люди собрались вокруг туши. Вечерняя еда. Осел с отверстием, аккуратно прожженным в сердце. Дар умелого робота-убийцы Кунна.

Люди в одежде из плохо выделанной кожи занимались разными работами или просто ждали конца дня. Все они грязные. У большинства спутанные волосы, от всех несет. После встречи со слопи, а потом с Линг и Беш трудно поверить, что эти дикари принадлежат к той же расе, что и она сама, тем более что это ее племя.

Несколько мужчин слонялись у загона с новыми пленниками. Сами пленники почти не шевелились с тех пор, как их несколько ночей назад пригнали в лагерь. Мужчины тесали древесные стволы мачете, отобранными у пленников, удивляясь острым лезвиям из буйурского металла. Но все они держались подальше от груды ящиков, к которым им запретил прикасаться Кунн. Они

ждали его решения, что именно уничтожить.

На новой изгороди из бревен, расколотых лазером, сидела горстка мальчишек. Мальчишки проводили время, плюя на пленников, а потом смеясь над их гневными протестами.

Нельзя им позволять это, подумала Рети. *Даже если эти чужаки шумливые придурки, которым не следовало приходить сюда.*

Кунн поручил ей выведать, что привело пленников в эти места, заставив нарушить собственный священный закон. Но Рети не хотелось это делать, она даже испытывала отвращение.

Медля, она свернула и стала смотреть на жизнь, которой сама жила раньше и от которой, казалось, ей никогда не уйти.

Несмотря на перемены последних дней, жизнь племени продолжалась. Каллиш, старый хромой калека, по-прежнему работал у ручья, разбивал камни, делая наконечники стрел и другие инструменты. Он был убежден, что приток металлических инструментов — всего лишь преходящая причуда. Вероятно, он прав.

Выше по течению бродили по отмелям женщины в поисках сочных моллюсков с тройным панцирем; эти моллюски растут в теплых вулканических водах. Еще выше по склону, за

парящими прудами, девушки и женщины оббивали деревья иллос, собирая упавшие ягоды в деревянные корзины. Как обычно, женщины выполняли всю тяжелую работу. Нигде это не было так очевидно, как у костра, где брюзгливая старая Бинни с руками по локоть в крови руководила подготовкой осла к жарению. Волосы на голове главной женщины племени еще больше поседели. Ее последний ребенок умер, груди ее переполнены молоком и разбухли, и это делает ее еще более сварливой и раздражительной. Она бранит своих молодых помощниц, демонстрируя широкие провалы между желтыми зубами.

Несмотря на то что внешне все кажется обычным, большинство людей движется как во сне. И когда кто-нибудь бросает взгляд на Рети, он вздрагивает, словно меньше всего ожидал ее увидеть. Это более шокирующее зрелище, чем глейвер, вставший на задние лапы.

Рети, богиня.

Она высоко задрала голову. *Рассказывайте своим вонючим детям у костра до конца времен. Рассказывайте о девушке, которая не слушалась больших злых охотников, что бы они с ней ни делали. О девушке, которая не стала терпеть. Которая посмела сделать то, что вам никогда и*

в голову не придет. Которая нашла возможность покинуть этот вонючий ад и жить среди звезд.

Каждый раз как кто-то на мгновение встречался с ней взглядом и тут же его отводил, Рети испытывала волнение и торжество.

Я не одна из вас. И никогда не была. Теперь вы тоже это знаете.

Только Бинни не проявляла никакого волнения от того, что Рети стала богиней. В ее серых металлических глазах отражалось прежнее презрение и разочарование. В свои двадцать восемь лет Бинни моложе всех чужаков, даже Линг. Но казалось, ничто на Джиджо и даже в небе не способно ее удивить.

Уже несколько лет Рети не называла эту старуху “мамой”. И сейчас ей совсем не хотелось снова ее так называть.

Может, возвращаться сюда было не такой уж хорошей мыслью. Зачем смешиваться с этими призраками, когда она могла бы остаться в воздушном корабле и наслаждаться торжеством над своим давним врагом? Теперь, когда она далеко, наказание, которое получал Джесс, кажется справедливым и заслуженным. Это противоречие заставляло Рети нервничать, как будто она что-то упустила. Словно пытается надеть мокасины без

завязок.

— жена! вот где ты, жена! плохая жена, оставила йии надолго одного!

Несколько человек расступились, пропуская четвероногое создание, скачущее мимо их ног как какое-то неприкосновенное, всемогущее существо. В определенном смысле маленький самец-ур таким и был, потому что Рети вслух пообещала “ужасы” всякому, кто притронется к ее “мужу”.

Йии прыгнул к ней на руки, корчась от радости и продолжая ругать ее:

— жена надолго оставила йии одного с женами врагов! они предлагали йии мягкие теплые сумки, искусительницы! Рети ревниво вспыхнула:

— Кто предлагал тебе сумку? Если одна из этих сук…

И тут увидела, что он дразнит ее. Напряжение отчасти оставило ее, Рети рассмеялась. Маленькое существо определенно приносит ей пользу.

— успокойся, жена, — заверил он ее, — у йии только одна сумка? можно в нее?

— Можно, — ответила она, раскрывая мягкую сумку, которую дала ей Линг. Йии нырнул в нее, повозился, устраиваясь, потом высунул голову на длинной шее и посмотрел на Рети.

— пошли, жена, иди к Ул-Тани. мудрец готова поговорить с тобой.

— Правда? Как это мило с ее стороны!

Рети совсем не хотелось видеться с предводительницей плененных уров. Но Кунн поручил ей работу, и сейчас для этого вполне подходящее время.

— Хорошо, — сказала она. — Послушаем, что нам скажет этот лошак.

Двер

Похоже, уры оказали человеческой экспедиции большую услугу. Приняв на себя смерть и опустошение, они оставили предупреждение.

В утреннем свете легко читалась история безжалостного убийства: в сожженных расколотых деревьях, в почерневших кратерах, в разбросанных обломках, которыми шевелил порывистый сухой ветер. Здесь была сцена насилия, и происходила она всего несколько дней назад, по оценке Двера. Была быстрой, но ужасной.

Ступенчатая терраса все еще просматривалась, смягченная веками эрозии и растительностью. Это бывшее поселение буйуров, оно принадлежало последней расе, законно обитавшей на

Джиджо. Эти законные владельцы планеты жили в небесных башнях и не боялись открытого неба.

Двер рассматривал следы ужаса, недавно обрушившегося на это место. Слишком ярко представлял он себе панику урских поселенцев. Они встают на дыбы, кашляют от ужаса, извивают длинные шеи, пытаются маленькими руками закрыть свои драгоценные сумки, а земля у них под ногами взрывается. Он почти слышит, как они с криками бегут из своего сожженного лагеря, бегут вниз по крутой тропе, ведущей в узкое дефиле, где неожиданно с обеих сторон показывается множество человеческих отпечатков. Следы грубых мокасин хаотически перемешиваются с отпечатками урских копыт.

Двер подобрал обрывок кожаного ремня домашнего изготовления. По многочисленным следам он рисовал себе картину веревок и ремней, опутывающих уров. Уры попали в ловушку и взяты в плен.

Разве они не понимали, что их гонят? Воздушный корабль стрелял по сторонам и вокруг, гнал их в одном направлении. Почему же они не разбежались в разные стороны, почему столпились и позволили поймать себя?

Несколько пятен на липком песке дали ему от-

вет. Конечно, целью было пленение, но небесный стрелок не испытывал колебаний, подкрепляя это намерение двумя-тремя трупами.

Не суди уров слишком строго. А как ты реагировал бы, если бы со всех сторон падали огненные молнии? Война грязное дело, и мы все давно лишены практики. Даже Дрейк никогда ни с чем подобным не сталкивался.

– Итак, перед нами союз людей-сунеров и чужаков, — заключила Лена. — Это несколько меняет положение, не правда ли?

Дэйнел Озава был мрачен.

— Весь этот район в опасности. То, что случится на Склоне, обязательно произойдет и здесь. Эпидемия, огонь, охота на беглецов по одному с помощью машин — они выжгут здесь все так же, как дома.

Задача Дэйнела — сохранить наследие в дикой местности: и знания, и свежие гены, которые смешаются с генами живущих здесь людей. Это должно уберечь жизнь землян в ожидании, пока не минует худшее. Конечно, совсем не радостное предприятие, скорее похоже на задачу капитана спасательной шлюпки из какого-нибудь древнего рассказа о кораблекрушении. Но по крайней мере предприятие основывалось на хрупкой надежде.

Теперь ничего от этой надежды не осталось.

Дженин настаивала:

— Разве вы сами не сказали, что сунеры и чужаки объединились против уров? Звездные боги не обратятся против собственного племени.

Она замолчала, видя, что все смотрят на нее с выражением, которое говорило красноречивей слов.

Дженин побледнела.

— О!

Несколько мгновений спустя она снова подняла голову.

— Ну, они ведь не знают о нашем существовании. Почему бы нам просто не уйти? Немедленно? Нас четверо. Как насчет севера, Двер? Ты бывал там раньше. Пошли!

Дэйнел пнул следы бегства уров и последующего грабежа. Показал на узкую щель в скалах.

— Там можно разжечь погребальный костер.

— Что ты делаешь? — спросила Дженин, когда Двер отвел ослов на указанное мудрецом место и принялся развьючивать их.

— Я установлю гранаты, — сказала Лена, заглядывая в один контейнер. — Лучше добавить дров. Соберу эти разбитые ящики.

— Эй! Я вас спросила — что происходит? Дэйнел

взял Дженин за руку. Тем временем Двер собирал в кучу припасы: еду, одежду плюс несколько самых необходимых инструментов, не содержащих металл. Все остальное остается с книгами и сложными орудиями, принесенными со Склона.

Мудрец объяснил.

— Мы принесли с собой наследие, чтобы сохранить хотя бы видимость человеческой культуры в изгнании. Но четыре человека не могут основать цивилизацию, сколько бы книг у них ни было. Нужно подготовиться к тому, что возникнет необходимость все это уничтожить.

Эта перспектива явно угнетала Озаву. Лицо его, и так изможденное и осунувшееся, теперь исказилось, словно от боли. Двер отводил взгляд, сосредоточившись на работе, отделяя только те припасы, которые понадобятся небольшой группе беглецов.

Дженин обдумала услышанное и кивнула.

— Что ж, если понадобится жить и растить семьи без книг, это заставляет нас опережать график. Немного дальше по Тропе…

Она замолчала. Дэйнел качал головой.

— Нет, Дженин. Будет не так.

Мы вчетвером можем выжить. Но даже если мы доберемся до какой-нибудь далекой долины, куда

не достигнет смерть, принесенная чужаками, маловероятно, чтобы мы вовремя адаптировались к чуждой экосистеме. Рети рассказывала, что они потеряли половину первого поколения от несчастных случаев и аллергических реакций. Это типично для группы сунеров, пока они не узнают, что безопасно есть и чего можно касаться. Это смертоносный процесс проб и ошибок. Четверых просто недостаточно.

— Я думала…

— К тому же остается проблема инбридинга…

— Неужели ты хочешь сказать…

— Но даже если бы мы смогли решить все эти проблемы, все равно ничего не выйдет, потому что мы и не собирались сохранить группу павших дикарей, уходящих в невежество, даже если свитки называют эту участь множеством замечательных имен. Люди на Джиджо явились вовсе не ради Тропы Избавления.

Двер поднял голову от работы. Лена тоже остановилась, держа в руках трубку с фитилем с одной стороны. До сих пор Озава говорил то, что Двер и так знал. Теперь воцарилось молчание. Никто не собирался двигаться или говорить, пока мудрец не объяснит.

Озава вторично глубоко вздохнул.

— Тайна известна лишь нескольким в каждом поколении. Но не вижу смысла скрывать ее от вас троих, кого я считаю чем-то вроде своих родственников, семьи.

Остальные пять рас пришли в ужас, когда мы построили Библос. Великая Печать как будто означала, что мы не собираемся забывать. Нашим основателям пришлось много убеждать, чтобы оправдать появление книг. Они называли это *временной мерой.* Способом помочь всем расам жить в определенном комфорте и сосредоточиться на развитии души, пока мы все не будем духовно готовы к спуску по Тропе.

Официально такова долговременная цель каждой из Шести. Но основатели с “Обители” никогда и не думали, что их потомки должны регрессировать до стадии протолюдей, не владеющих речью, готовых к тому, что какая-нибудь раса звездных богов примет их и возвысит.

Мудрец замолчал, и Двер наконец не выдержал.

— Тогда зачем мы здесь? Дэйнел пожал плечами.

— Все знают, что у каждой расы есть скрытые мотивы. Те, кому запрещено размножаться дома, ищут места, где можно иметь столько потомков,

сколько захочется. Или возьмем, например, г'кеков, которые рассказывают о преследователях, охотившихся на них по всем звездным линиям.

— Значит, люди прилетели на Джиджо, потому что боялись, что не выживут на Земле? Озава кивнул:

— О, у нас появилось несколько друзей, которые помогли Земле получить доступ к местной ветви Библиотеки. И, возвысив две расы клиентов, мы приобрели статус патронов низшего уровня. Но галактическая история не оставляет больших надежд подобной нам расе волчат. У нас уже были враги. Террагентский совет знал, что Земля еще очень долго будет уязвима.

— Значит, экипаж “Обители” состоял совсем не из беглецов?

Дэйнел слегка улыбнулся.

— Легенда прикрытия — на случай, если колонистов поймают. В таком случае Совет мог бы отказаться от них как от изменников. На самом деле наши предки должны были отыскать тайное укрытие для человечества. — Мудрец поднял обе руки. — Но где? Вопреки слухам за пределами Пяти Галактик нет никаких маршрутов. А в самих галактиках каждая звезда занесена в каталог, и за каждой звездой наблюдают обладатели лицен-

зий. Поэтому Совет стал искать в Библиотеке, что делали на нашем месте другие расы.

И, несмотря на свои недостатки, феномен “сунеров” обещал некую надежду.

Лена покачала головой:

— Многое остается непонятным. Например, что мы должны были здесь делать, в укрытии, если не готовиться к Тропе Забвения.

— Если Лестер и другие это знают, мне ничего не говорили, — ответил Дэйнел. — Может, просто сидеть тихо и ждать, пока вселенная не изменится. Но в любом случае сейчас это вряд ли имеет значение. Если с нашей культурой будет покончено, я не собираюсь сохранять жалкие остатки и растить детей, которые станут дикарями.

Дженин начала говорить, потом поджала губы.

— Но мы знаем, что Земля прожила несколько столетий, — сказал Двер.

— Хотя грабители говорят, что там кризис, — кивнула Лена. — И Земля в самом его центре.

Дэйнел с напряженным лицом отвел взгляд.

— Эй, — сказал Двер, — разве небесные люди не то, чего хотел Земной Совет? Это группа людей, которая в безопасности от всего, что может произойти на Земле. Этих парней, которых мы встретили на Поляне, защищают могучие ро-

тены.

Дэйнел вздохнул.

— Может быть, хотя кто знает, остались ли они людьми под таким влиянием? Я не могу перенести такую иронию: быть убитым собственными братьями.

Мудрец встряхнулся, словно сбрасывая паутину.

— Давайте готовить погребальный костер. Если эти вещи не могут обеспечить цивилизованную жизнь группе землян-изгнанников, давайте по крайней мере выполним свой долг перед этой планетой и не оставим мусора. Лена, поставь таймер на день от этого часа, если мы не вернемся.

— Вернемся? — Лена оторвалась от своих приготовлений. — Я думала, мы отказались…

Мудрец повернулся, в глазах его сверкнул прежний огонь.

— Кто сказал, что мы отказываемся! Что с вами тремя? Одно небольшое препятствие может вас остановить?

Небольшое препятствие? Двер посмотрел на следы выстрелов, на поломанные деревья, окружающие урский лагерь.

— Не понимаю. Ты сказал, что наша миссия окончена.

— Ну и что? — спросил Озава. — Мы можем адаптироваться. Мы изменим свою миссию. Мы больше не колонисты — ну и что?

Но мы все еще можем быть воинами.

Рети

Пленники угнетенно лежали в грязных углублениях, опустив шеи. Прошло всего два дня заточения во влажном загоне, но от уров уже пахло. Тринадцать уров предпочли бы сухое плато, где они разбили свой поселок, но военный корабль без всякого предупреждения повис над их лагерем, испуская молнии, и погнал выживших туда, где с веревками ждали Джесс и остальные охотники.

Так Кунн выполнил свою часть договора, избавив холмы от недавнего ненавистного урского вторжения. В обмен Джесс должен был отвести Кунна туда, где они с Бомом впервые увидели летающую машину-птицу. Никто не понимал, почему договор не был выполнен, почему Джесс неожиданно передумал, предпочитая ласки робота тому, чтобы поделиться сведениями с пилотом.

Никто, кроме Рети.

Бинни говорила: зачем противиться мужчинам; ведь они могут побить тебя, если ты их рассердишь? Постарайся словами направлять этих грубиянов. Пусть думают, что идея принадлежит им.

Но я продолжала противиться, верно?

Что ж, теперь я попробовала действовать по-твоему, Бинни, и знаешь что? Ты была права. Я не могла бы причинить Джессу большую боль, чем он сам теперь причиняет себе.

Бом охранял вход в загон пленников. Рослый охотник торопливо выполнил ее приказ открыть ворота, ни разу не встретившись с Рети взглядом. Он знал, где теперь его приятель. Только два обстоятельства помешали Бому разделить его участь. Во-первых, он совершенно не умеет ориентироваться. В одиночку он ни за что не найдет место, где они с Джессом заметили металлическую птицу.

А во– вторых, таков каприз Рети. Униженные пресмыкательства Бома нравились ей больше криков. Этот грубиян так испуган, что готов выскочить из штанов.

Она посмотрела на мальчишек, плюющих на пленников, и те тут же соскочили с изгороди и убежали. Рети коротко рассмеялась им вслед.

Дети племени в прошлом тоже никогда не разговаривали с ней.

Она вошла в загон.

Ур– Танн, предводительница несчастных уров, встретила ее гибким наклоном длинной шеи. Она разразилась серией свистов и щелчков, пока Рети не прервала ее.

— Ничего подобного! — приказала она. — Я не понимаю это бормотание.

Поморщившись, Ур-Танн перешла на англик.

— Прошу прощения. Твой костюм обманывает зрение. Мне показалось, что я вижу существо галактического уровня. Рети задрала голову.

— Глаза тебя не обманули. Я такая и есть.

Надеюсь, про себя добавила она. Ранн и остальные могут передумать до возвращения корабля, особенно если она отдаст им все, что может предложить. Но если грабители сдержат слово, ей со временем придется изучить все эти проклятые языки, на которых они говорят меж звезд

— Еще раз прошу прощения. Я не хотела оскорбить. Значит, это правда? Ты из заброшенной пустыни Джиджо возвышена до клана звездных существ? Какая ты счастливица!

— Да, — согласилась Рети, гадая, не смеется ли над ней ур. — Йии сказал, что ты готова расска-

зать, зачем вы оказались здесь, за Риммером.

Последовал тяжелый вздох.

— Мы хотели основать колонию, чтобы сохранить свою расу в тайном святилище. Рети хмыкнула:

— Ну, это и так ясно. Но почему здесь? И почему именно сейчас?

— Мы знали, что этот район обитаем… что здесь живут земляне и, следовательно, смогут жить ослы, на которых мы рассчитывали. Ты сама подтвердила этот факт.

— Ага. — Должно быть, Ур-Танн принадлежит к младшим мудрецам, которые были в павильоне, когда Рети рассказывала Высокому Совету свою историю. — Продолжай.

— Что касается нашей торопливости — мы хотели избежать участи, ожидающей Склон. Уничтожения от рук звездных преступников.

Рети гневно возразила:

— Я и раньше слышала эту ложь. Они никогда ничего такого не сделают!

Ур– Танн наклонила голову.

— Прошу прощения, я ошиблась. Конечно, такие чистые существа не будут убивать тех, кто не причинил им никакого вреда, не будут без предупреждения посылать смерть с неба.

На этот раз ее сарказм был совершенно очевиден. Рети посмотрела на молодого урского среднего со страшным ожогом на боку от теплового луча робота.

— Ну, наверно, вам просто не повезло. У нас были причины задавать вопросы и опасаться, что вы нападете на мою прежнюю семью.

— Никакого нападения. Недоразумение. Не мы его начали. Естественно, твои родичи удивились, увидя нас. Мы хотели преодолеть их рефлективную враждебность решительными проявлениями дружелюбия. Довиться хорошего отношения дарами и предложением помощи.

— Ну, конечно. — Рети знала, как обращались в прошлом уры с первыми поселенцами-людьми. — И, конечно, вы рассчитывали на то, что у вас лучше оружие, чем у нас.

Снова вздох-фырканье.

— Как ваши союзники обрушились на нас с более мощным орудием, чем наше? Интересно, можно ли и дальше экстраполировать такую цепь происшествий?

Рети не понравилось насмешливое выражение в глазах ура.

— Что ты хочешь сказать?

— Предположение. Существуют ли силы, гораз-

до большие, чем те, что твои новые повелители применили против нас? Может ли кто-нибудь во всех великих галактиках выть уверен, что он выбрал правильную сторону?

У Рети по спине пробежал холодок, напомнив о недавних ночных кошмарах.

— Ты ничего не знаешь о галактиках и всем таком, так что нечего предполагать…

В этот момент ее прервал резкий крик: йии высунул голову из сумки, тревожно запищав. Все мужья пленниц заволновались, закричали и, высунув головы, смотрели на юг. Вскоре так же повели себя и самки, вставая на ноги.

Рети встревожилась. Это что, восстание? Но нет, очевидно, что-то их испугало.

— Что ты слышишь? — спросила она у йии.

— двигатель! — ответил маленький урс, изгибая шею.

Мгновение спустя Рети тоже ощутила это. Далекий гул. Она поднесла руку к правому уху и нажала.

— Эй, Кунн! Что случилось?

Последовала долгая пауза, во время которой доносились звуки из кабины: включались приборы, прогревались моторы. Наконец в черепе послышался голос пилота.

Джесс согласился сотрудничать, так что я отправляюсь на поиски источника этой твоей металлической птицы.

– Но я тоже хочу отправиться!

Последовал холодный ответ Кунна.

Джесс рассказал мне все, включая и причину, по которой так сопротивлялся. Кажется, ты убедила его, что я с ним покончу, как только он расскажет все, что знает. Что живет он только пока молчит. Почему ты так поступила с этим беднягой, Рети? Это вызвало неудобства и ненужную боль.

Рети подумала: *Для тебя ненужную, зато очень нужную мне!* Месть была лишь одним из поводов для манипулирования Джессом. Но и одного этого повода было бы вполне достаточно.

— Кунн, не бросай меня. Я теперь одна из вас. Так говорили Ранн и Беш и даже Ро-кенн!

Неожиданно она почувствовала себя маленькой и очень уязвимой — перед этими урами, со стоящим за воротами Бомом, со всеми остальными, которые лишь обрадуются ее падению. Она прикрыла рот и настойчиво зашептала в передатчик:

— Сунеры набросятся на меня, Кунн. Я знаю это!

– Может, тебе следовало подумать об этом раньше. Снова долгая пауза, затем: *Если бы Ранн не приказал соблюдать радиомолчание, я мог бы посоветоваться с остальными, прежде чем решать.*

– Что решать?

Брать ли тебя с собой или оставить здесь.

Услышав эти жестокие слова Кунна, Рети задрожала всем телом. Ее надежды — эта высокая яркая башня — теперь готовы рухнуть.

Вот что я тебе скажу. Оставлю для твоей защиты робота, Рети. Он будет выполнять твои приказы до моего возвращения. Цени эту привилегию.

Сердце ее радостно дрогнуло при словах “до моего возвращения”.

— Обещаю! — прошептала она.

Считай это вторым шансом. Расспрашивай уров. Уничтожь их оружие. Никому не позволяй покидать долину. Хорошо выполнишь эту работу, и, может быть, мы начнем все сначала, когда я вернусь. Конечно, если моя охота наконец принесет добычу.

Кунн закончил.

Послышался щелчок, звуки кабины смолкли. Рети подавила желание снова нажать передат-

чик и опять попросить взять ее с собой. Она стиснула зубы, забралась на ограду и оттуда смотрела, как серебряная стрела поднялась над узким каньоном, повернулась в утреннем свете и устремилась на юг, оставив девушку с сердцем холодным и пустым, как ледник.

Двер

Поселок сунеров мерцал на дне каньона, заполненного серным неподвижным воздухом.

Адское место, с урской точки зрения.

Высокий наблюдательный пункт Двера на самом краю каньона позволял заглянуть в тесный загон. Уры лежали, опустив длинные шеи, и, как вся местная атмосфера, почти не двигались.

— Я насчитала их двенадцать, не считая мертвых, как ты и сказал, — заметила Лена, вглядываясь в компактный телескоп. — Ты неплохой следопыт, приятель.

— Спасибо, о госпожа запретных приспособлений, — ответил Двер. Он начинал привыкать к манере обращения Лены. Она всегда немного покусывала, даже когда делала комплимент. Как нур, который мурлычет у вас на коленях, а за ласку платит тем, что впивается когтями вам в ногу.

Забавно, что он привыкал и к мысли о жизни с этой женщиной — а также с Дженин. И Дейнелом и племенем землян-изгнанников. Даже открытие вторжения уров не сделало эту мысль нелепой. Дэйнел был прав. У них есть основания действовать вместе. Но сейчас все эти мысли кажутся устаревшими.

И слева видна причина этого — серебристо-серая машина в форме хунской сигары, с короткими крыльями. Это первый предмет чужаков, который видит Двер с того времени, как его и Рети едва не убил в тот вечер в логове мульк-паука летающий робот.

Небесная машина не должна находиться здесь в пустыне.

Она означает срыв всех их планов.

К тому же она не имеет права быть такой прекрасной.

Двер гордился найденным наблюдательным пунктом высоко над каньоном. Отсюда виден весь поселок, все пространство парящих прудов вплоть до летающей машины, сидящей на примятой растительности.

— Я бы хотела, чтобы эти деревенщины перестали расхаживать. Трудно сосчитать, — пожаловалась Лена. — Девчонка говорила, что местные

главари не разрешают женщинам пользоваться оружием, так что они не бойцы и о них можно не беспокоиться.

Она презрительно фыркнула от такой глупой растраты ресурсов.

Двер предпочел бы не сражаться с людьми с Джиджо, да и с чужаками тоже. В любом случае их единственный шанс — внезапность.

Лежа на узком тесном карнизе, Двер чувствовал под рукой грудь Лены, но это не возбуждало его. Их тела словно осознали происшедшую перемену. Больше не будет страстных эпизодов. Никаких жизнеутверждающих жестов. Секс и пол важны для колонистов, которые собираются растить семейства, а не для боевого отряда, нацеленного на уничтожение. Теперь важно только мастерство. И способность рассчитывать друг на друга.

— Похоже на стандартный атмосферный разведчик, — сказал Дэйнел Озава. — Определенно боевая машина. Хотелось бы, чтобы мы захватили с собой книгу по галактической технологии. Дай-ка мне бинокль.

Как и у Двера и Лены, у Дейнела теперь лицо было неровными черными полосами вымазано сажей. Предполагалось, что это не даст возможности оптическим приборам машины-убийцы

разглядеть их. Двер предпочитал думать об этом как о военной раскраске.

— Да будь я… — сказал Дэйнел. — Посмотрите. Кажется, теперь мы знаем, как звездные боги нашли это место.

Когда Двер взял в руки бинокль, он сразу увидел, что теперь вход в машину открыт, видна часть внутреннего помещения, включая контрольную панель. *Если бы мы сейчас были близко,* подумал *он. Дверь открыта, а робота поблизости нет…*

– Смотри вправо, немного выше по тропе, — сказал Дэйнел.

Двер передвинул прибор и увидел маленькую фигуру, одетую в цельный костюм чужаков, движущуюся к поселку сунеров.

— Великое Яйцо Ифни! — воскликнул он.

— Что там? — спросила Лена и схватила бинокль, когда Двер отнял его от глаз и посмотрел через переплетенные ветки на туманное небо.

— Ну, ну, — сказала она немного погодя. — Похоже, она все-таки нас догнала.

— Надо было задушить ее тетивой лука, который она у меня украла. Оставить этому проклятому пауку.

— Ты несерьезно, сынок, — посмеивался Дэй-

нел. Двер знал, что мудрец прав. Но продолжал ворчать:

— Неужели? Она с самого начала была невыносима. А теперь все погубила.

— Может, Рети заставили. — Но голос мудреца звучал неуверенно, когда он снова взял бинокль. Каждый из них разглядел одежду девушки, ее тщательно причесанные волосы и уверенную походку. Она шла так, словно весь лагерь принадлежит ей.

— Она пошла к пленникам, — немного погодя сообщила Лена. — Сейчас разговаривает с одним из них… Эти уры выглядят измученными, бедняги. — Лена поцокала языком, сочувственно, а не саркастически. — Хотела бы я разобрать…

Она смолкла: Двер неожиданно схватил ее за руку, среагировав на слабый высокий звук, который словно царапался внутри черепа. Нур раздраженно заверещал, тряся головой и чихая. Скоро звук стал громче, и его услышали все остальные. Даже Дженин, которая караулила ниже по склону, встревоженно спросила, в чем дело.

Звук доносился от воздушной машины. У Двера от него заныли зубы, словно готовые сорваться с корней.

— Что-то выходит! — воскликнула Лена, поворачивая бинокль. — Это робот!

Двер видел, как черная точка со свисающими щупальцами отделилась от корабля, после чего люк закрылся. Воздух затуманился от поднятой пыли, когда гудящие моторы подняли разведчик над землей. Серая стрела была больше дома, в котором вырос Двер, но легко поднялась и повернулась, нацелив нос точно на юг. Затем в небе эхом отозвался могучий рев, и машина стремительно улетела. Никогда Двер не видел такой скорости.

— Черт побери, — сказал Дэйнел. — Мы упустили свою лучшую возможность.

Лена не смотрела на улетающий разведчик. Она следила за черным роботом, который двигался к поселку племени.

— Не волнуйтесь, — заверила она. — Думаю, у нас будет еще один шанс.

Глейверы вернулись. Глупые звери, нашли время тащиться за людьми!

Должно быть, своим неторопливым шагом шли по следу с самой последней ночевки. Теперь они недовольно мяукали от вида и запахов зловонной лощины, но не оставляли Двера, когда тот вышел из леса и направился к грубым хижинам.

Двер оглянулся на Лену Стронг, которая оставалась в укрытии под последними деревьями. Приподнятыми бровями она спросила, хочет ли он, чтобы она застрелила этих идиотских животных. Напряженным взмахом руки он ответил отрицательно. Они опасны только для того, кто старается спрятаться. А он совсем не стремился к тому, чтобы оставаться незаметным. Напротив, идея заключалась в том, чтобы его увидели.

Тем не менее, минуя гнилой ствол, он несколько раз быстро пнул его, обнажив сердцевину с многочисленными личинками. Глейверы радостно занялись ими.

Оставался только один источник раздражения — нур быстро бежал за ним, мелькал в густой траве, пробегал между ног.

Стараясь не обращать внимания на Грязнолапого и неся лук через плечо, Двер с деланной небрежностью миновал пни срубленных деревьев и направился прямо к племени. Загон пленников на расстоянии в четверть полета стрелы слева от него, хижины справа. Прямо впереди над костром лениво, словно подниматься ему не хочется, вздымается дым.

Давайте, приятели, уговаривал молча Двер. Он уже достиг середины луга, а его все еще не

заметили. *Неужели у вас нет никаких часовых?*

Он поджал губы и засвистел “Янки дудль” — первое, что пришло в голову.

Наконец один из мальчишек, окружавших загон с пленниками, посмотрел в его сторону, раскрыл рот, снова удивленно посмотрел и закричал, указывая пальцем на Двера.

Наконец!

Неделю или две назад их реакция могла бы быть совершенно другой. Много поколений эти люди не видели ни одного чужака. Теперь, после вторжения уров, встречи с летающей машиной богов и наконец возвращения утерянной родственницы, которая преобразилась в богиню, они восприняли его появление достаточно спокойно. Только трое или четверо убежали в криками ужаса. Остальные — неуверенно, с широко раскрытыми глазами, так что сверкали белки, — оставались на месте, а потом стали медленно приближаться, видя, что он не проявляет агрессивности.

Двер поманил к себе одного мальчика.

— Да, верно, ты! Не бойся, я не кусаюсь.

Он сел, чтобы выглядеть не таким устрашающим. Мальчишка, грязный оборванец, выглядел так, словно для него не уронить себя в глазах

окружающих важней, чем выжить. Двер знал этот тип. На глазах у остальных парень скорее умрет, чем проявит страх. Раздувая грудь, он сделал несколько шагов по направлению к Двер-ру, потом оглянулся, проверяя, увидели ли это остальные.

— Смелый молодой человек, — заметил Двер. — И как же тебя зовут?

Мальчик как будто находился в затруднении. Можно подумать, что его никогда раньше не спрашивали об имени. Неужели можно вырасти, не зная, как зовут окружающих?

— Ну, не важно, — сказал Двер, замечая, что толпа растет: любопытство побеждало страх. — Хочу, чтобы ты выполнил мое поручение. Если выполнишь, я дам тебе что-то особенное, понял? Хорошо. Пожалуйста, иди к Рети. Скажи ей, что ее ждет один знакомый… — Двер повернулся и показал, откуда пришел, -…вон там. У деревьев. Запомнил?

Мальчик кивнул. Расчетливая алчность в нем сменила страх.

— А что я получу?

Двер достал из колчана одну стрелу. Она изготовлена лучшим мастером города Овум, совершенно прямая, со сверкающим на солнце

наконечником из буйурского металла. Мальчик протянул руку, но Двер убрал стрелу.

– *После* того как приведешь Рети.

На мгновение их понимающие взгляды встретились. Небрежно пожав плечами, мальчик повернулся и исчез, пробежал мимо толпы, крича изо всех сил. Двер посмотрел на глазеющих дикарей и пошел назад к лесу, тихонько насвистывая. Оглянувшись, он заметил, что почти весь клан на небольшом удалении идет за ним. Что ж, пока все хорошо.

Дьявольщина, выругался он, увидев глейверов. *Убирайтесь отсюда!*

Они закончили рыться в гнилом стволе и направлялись к нему. Двер встревожился: если они увидят жителей деревни, могут испугаться и побежать к загону пленников. Самка глей-вера повернула один выпуклый глаз в сторону приближающейся толпы. Потом повернула и второй глаз — явный признак тревоги. Фыркнула, и ее напарник в удивлении и страхе отпрянул. Они повернулись — и побежали как раз в том направлении, которого Двер и опасался!

Опытным глазом следопыта, умеющим различать тень и свет, он видел за деревом, в том месте, где лес ближе всего подходит к тюрьме-загону,

Дженин Уорли. Одна из целей Двера — отвлечь всех *оттуда.*

Он уже снял лук с плеча и наложил стрелу, когда неожиданно из высокой травы показался Грязнолапый и с шипением замахал лапами прямо перед бегущими глейверами. Те затормозили и с поразительной быстротой изменили направление своего движения, убежали прочь, а нур преследовал их, держась очень близко.

По какой-то причине местные нашли все это происшествие ужасно забавным. Казалось, им не важно, что они никогда раньше не видели нура. Они указывали пальцами, гоготали над отчаянием глейверов, хлопали, как будто Двер разыграл это специально для них. Он с улыбкой повернулся и снова повесил лук на плечо. Все что угодно, лишь бы удерживать их внимание.

Неожиданно толпа смолкла. Над Двером нависла тень. Низкий, уже знакомый гул двигателя вызвал мурашки на спине. Заслонив глаза от солнца, Двер посмотрел вверх и увидел парящую черную машину, угловатую, со свисающими щупальцами, как тот демон, что все еще приходит к нему во сне, — огнедышащее чудовище, которое прикончило в горах старого мульк-паука. Несмотря на окружающее машину темное мерцание,

Двер разглядел некую восьмиугольную симметрию. Но только на этой машине, на широком плече, какой-то негеометрический силуэт.

— Значит, ты все-таки добрался сюда, — заметил силуэт. — Неплохо для слопи. Ты не неженка, хотя путешествие тебя утомило. Ты плохо выглядишь. Раньше ты выглядел лучше, Двер.

— Спасибо, Рети, — ответил он, поворачиваясь так, чтобы не слепило солнце. К тому же ему хотелось быть поближе к лесу. — А ты, с другой стороны, никогда не выглядела так хорошо. Как поживаешь?

Она ответила коротким смешком. Он прозвучал хрипловато, как будто она давно не смеялась.

— Я отвергла предложение ваших мудрецов. Они хотели, чтобы я добиралась сюда по горам и вела с собой толпу стариков. Зачем ходить, подумала я, если можно лететь?

Теперь он отчетливо видел ее. Если не считать старого шрама, она кажется *сделанной заново,* как говорят в некоторых частях города Тарек. Однако в глазах ее все та же мрачная настороженность.

Это также его первая возможность получше разглядеть машину чужаков. Со всех сторон восемь одинаковых прямоугольников, совершенно черных и как будто даже не отражающих сол-

нечные лучи. Внизу по обе стороны механически свисают две руки-щупальца, они отходят от шара, покрытого стеклянными фасетами и металлическими трубками. Дэйнел предупредил Двера, чтобы он опасался этого шара. Сверху, там, где в прикрепленном седле сидит Рети, робот кажется плоским, только в центре поднимается острие. “Антенна”, как назвал это Дэйнел.

Двер кивком указал на парящую машину:

— Кажется, у тебя появились новые друзья, Рети. Девушка снова рассмеялась — словно резко залаяла.

— Друзья, которые увезут меня в места, каких ты никогда не видел.

Он пожал плечами.

— Я говорю не о звездных богах, Рети. Я имею в виду друга, который сейчас тебя подвез. Когда мы в последний раз видели такую штуку, она пыталась убить нас обоих…

Она оборвала его:

— С тех пор многое изменилось, Двер.

— …да, и она сожгла эту птицу, о которой ты так много говорила. Ну, наверно, выгодней присоединиться к тем, кто…

— Заткнись!

Робот среагировал на ее гневный выкрик,

устремившись к Дверу. Отступая, Двер заметил, как повернулся шар с линзами и трубками под угловатым торсом машины, повернулся, следя *за* ним. *Озава* считал, что это оружейный отсек, и охотничий инстинкт Двера подтверждал эту догадку.

За Рети собралась толпа. Почти все племя теперь следило за противостоянием оборванного человека и той, что оседлала летающего дьявола. Столкновение казалось очень неравным.

Кое– что точно такое, каким кажется.

Двер уловил движение у загона с пленниками. Дженин начала действовать.

— Ну? — спросила Рети, глядя на него сверху вниз.

— Что ну?

— Ты послал за мной, дурак! Неужели прошел пешком полмира, только чтобы заставить меня чувствовать себя виноватой? Почему не держался в стороне, когда увидел, что здесь происходит?

— Я мог бы задать тот же вопрос тебе, Рети. А ты что делаешь? Рисуешься перед этим народом? Рассчитываешься за прошлые обиды? У звездных богов есть особые причины на то, чтобы получить проводника в эту подмышку Джиджо?

На ее лице столкнулись противоречивые чув-

ства. Наконец победил смех.

– *Подмышка*? Эй! Этим все сказано. — Она снова рассмеялась, потом придвинулась. — Но я не могу сказать тебе, что ищет здесь Кунн. Это секрет.

Рети не умеет лгать. *Ты сама не имеешь ни малейшего представления,* подумал Двер, *и это тебя раздражает.*

– Так где же те слопи, которых ты должен был привести сюда? — спросила Рети.

— Прячутся. Я пошел вперед, чтобы убедиться, что здесь безопасно.

— А какая может быть опасность? Ничего опасного, кроме, может, моих грязных родичей… и табуна вонючих лошаков…

Из сумки на ее поясе донесся тонкий пронзительный смех, словно звук флейты-пикколо.

— И убийц из космоса? — добавил Двер. — Собирающихся убить все мыслящие существа на этой планете? Рети нахмурилась.

— Это наглая ложь! Они этого не сделают. Они обещали.

— А что, если я тебе покажу доказательства? Взгляд ее нервно метнулся.

— Это тоже ложь. Зачем им это делать?

— Затем же, зачем стрелять в бедную, ни о чем не подозревающую птицу. Или без предупре-

ждения нападать на уров. Слушая Двера, Рети покраснела.

— Пойдем. Я тебе покажу, о чем говорю. И прежде чем она смогла ответить, он повернулся, чтобы идти к лесу.

— Я оставил это там, за тем пнем.

Девушка что-то проворчала, но последовала за ним на своем коне-роботе. Двер опасался, что машина может оказаться более сложной, чем предполагал Озава. Справочник, который изучал мудрец, устарел на триста лет, и в нем было мало подробностей. Что, если робот понимает речь и может определить, когда лгут? Что, если он может читать мысли?

Древесный пень толще других. Сунерам, должно быть, трудно было своими примитивными орудиями свалить это дерево, когда они расчищали поляну. Двер наклонился и поднял два предмета, которые оставил с дальней стороны. Один предмет — тонкую трубку — он спрятал в рукав. Вторым оказалась книга в кожаном переплете.

— Что это? — спросила Рети, заставляя робота придвинуться ближе. На плоской верхней поверхности машины появились короткие щупальца с прозрачными концами. Три из них

нацелились на Двера, а четвертое наблюдало за опасностью сзади. Пока Дэйнел Озава оказывается прав в своих догадках о механических органах робота. Если это его “глаза”, то узкое острие, выступающее из центра робота…

— Покажи! — потребовала Рети, опускаясь еще ниже и глядя на том примерно с сотней бумажных страниц — сокровище из наследия Дэйнела.

— А, это книга. — презрительно сказала она. — Думаешь доказать что-нибудь *этим? У* ротенов есть картинки, которые движутся, говорят и рассказывают тебе все, что ты хочешь знать!

Совершенно верно, подумал Двер. *Они могут создавать образы, которые покажут точно то, что им нужно.* Но ответил он с дружеским кивком:

— О, прости, Рети. Я забыл, что ты не умеешь читать. Открой книгу, там есть картинки. Я объясню, если хочешь.

Это была идея Дэйнела. На Поляне младший мудрец заметил, как Рети зачарованно смотрела картинки в книгах — когда считала, что ее никто не видит. Двер старался смешать подбадривание с оскорблением, стыд с любопытством, так чтобы девушка обязательно захотела посмотреть книгу.

Рети с неуверенной гримасой опустилась еще ниже и взяла книгу. Сидела и, явно удивленная, листала страницы.

— Не понимаю. На какой странице посмотреть?

Подъемное поле робота коснулось ноги Двера, заставив волосы встать дыбом. Во рту у него пересохло, сердце заколотилось. Пришлось силой воли бороться с дурными предчувствиями.

— Разве я не раскрыл на нужной картинке? Позволь, я покажу.

И когда Рети повернулась к нему, робот опустился еще ниже. Двер поднял руки и протянул их к книге, но пошатнулся, ударившись о борт робота.

Если машина решит, что на нее напали, его ждет огненная смерть. Поймет ли она нормальную человеческую неуклюжесть и сделает ли на нее скидку?

Ничего не произошло. Робот не боится прикосновений.

— Эй, следи за ним, — пожаловался Двер. — Скажи своему приятелю, чтобы действовал полегче!

— Что? А, это не я. — Она пнула машину. — Оставь его в покое, глупая штука! Двер кивнул:

— Хорошо, попробуем еще раз.

Поднял обе руки. Ноги как пружины — жизнь Двера повисла в воздухе, как звук, готовый улететь с ветерком.

Он прыгнул.

Краткая нерешительность робота кончилась неожиданным воплем, за которым последовала серия резких взрывов в лесу по соседству. Ноги Двера обожгло жаром, он ухватился за две сенсорные головки, используя их в качестве опор, прижимаясь к боку машины и стараясь уйти от смертоносного шара. Острая боль обожгла одно бедро за мгновение до того, как он вскинул тело на верх вращающейся машины. Двер левой рукой держался за прыгающего робота, а в правой держал тонкую трубку.

Мир превратился в мелькающую мешанину деревьев, облаков и неба. Прогремело еще несколько взрывов в сопровождении ужасных шипящих звуков. Двер отчаянно толкнул трубку к центральному веретенообразному утолщению на верху робота и нажал.

Смешались энзимы треки и начали выделяться с острым запахом и шипением, исчезая в отверстии у основания веретена. Двер продолжал выпускать струю из трубки, несмотря на дикие скачки робота, пока Рети не оттащила его руку в

сторону. И только тут Двер расслышал посреди всеобщей сумятицы ее пронзительные крики. А когда она зубами впилась в его запястье, крик Двера смешался с общим шумом. Полупустая трубка выпала из его конвульсивно сжавшейся руки и упала.

Из центра робота поднимался пурпурный дым. Веретено начало оседать. Двер стряхнул с себя Рети и с отчаянным криком бросился к наклонившейся антенне, схватил обеими руками и потянул изо всех сил. И издал торжествующий крик, когда вся антенна оторвалась от основания, хотя при этом он покатился по поверхности, тщетно пытаясь за что-нибудь ухватиться.

Но не ухватился, перевалил через край и начал падать на луг.

Двер во время своего краткого падения не тревожился из-за того, что может удариться о камень или древесный пень. Машина, вероятно, разрубит его на кусочки до того, как он коснется земли.

Но он не был разрублен. И не ударился о жесткий луг. Удивленно мигая, он увидел, что его подхватила пара рук.

Но облегчение тут же исчезло: он увидел, что руки принадлежат роботу.

Здорово! Из огня да в…

Послышалась новая серия взрывов, и парящая машина покачнулась, словно ее ударили с одной стороны. Вися под восьмиугольным корпусом, Двер видел, как часть стеклянного шара взорвалась, испустив поток стальных и стеклянных обломков. Оружейный отсек уже представлял из себя дымящуюся развалину. Не уцелела ни одна стеклянная линза или трубка.

Отличная работа, Лена, подумал Двер, гордясь тем, как хорошо она использовала свои смертоносные орудия. Ведь на всем Склоне только она и еще несколько человек умеют ими пользоваться. Огнестрельное оружие, в котором нет ни одной металлической части. Он вовремя повернул голову, чтобы увидеть новые вспышки: это Лена и Дэйнел стреляли с края леса. Новый взрыв, и машина снова покачнулась. На этот раз одно из щупалец, державших Двера, задрожало и безжизненно повисло.

Это определенно работа Лены. *Какая умная девушка,* подумал он, полуошеломленный болью. *Мудрецы выбрали правильно. Я был бы счастливчиком, если бы все развивалось по плану…*

Но у него не было возможности закончить мысль, потому что робот повернулся и зигзагами

полетел над лугом, используя тело Двера как щит между собой и опасностью. Двер видел, как Лена встала и прицелилась своим метательным снарядом, потом опустила его и покачала головой.

— Нет! Стреляй, черт побери! — закричал он. — Не думай обо мне!

Но поднявшийся от быстрого полета ветер отнес его слова. Лена опустила оружие и побежала к человеку, лежавшему на земле поблизости, возле еще одного метательного снаряда. Она перевернула Озаву и открыла бьющую потоком из груди кровь.

Следующий поворот робота скрыл от Двера эту страшную сцену. Зато теперь Двер увидел жителей поселка: они в ужасе жались к земле за невысокой кучей мусора возле загона пленников. И таков был их ужас от зрелища битвы, что они не видели группу, прижавшуюся к земле за ними. Это была Дженин Уорли и с ней двенадцать освобожденных уров. Бывшие пленники держали в руках веревки и арбалеты. Двер молился, чтобы эта часть плана Дэйнела осуществилась.

Все или ничего, сказал Озава. *Либо мы живем вместе как цивилизованные существа, либо покончим со всем этим. Покончим сейчас, принеся как можно больше ущерба врагу.*

Двер успел подумать об этом, как родичи Рети заметили перемену за своими спинами.

Учись быть мудрым…

Но тут летающая машина обогнула изгиб реки, поселок исчез, и теперь они оказались в узком проходе между лесистыми берегами и полетели прямо, все время увеличивая скорость.

Рети все еще кричала в своем седле, просила робота остановиться. Двер, который продолжал висеть под корпусом машины, казалось, что земля внизу сливается в одно сплошное пятно. Преодолевая ветер, он поднял руки и ухватился за основание удерживавшего его щупальца. Щупальце держало его горизонтально по отношению к несущейся земле. Если он вырвет щупальце, падение может убить его, но все лучше этой пытки.

Он тянул изо всех сил, но щупальце не поддавалось. Иногда оно сгибалось, вовремя отдергивая его от летящих навстречу камня или ветки. Вскоре они уже летели посредине каньона, где река прокладывает себе путь через пороги, все время неожиданно поворачиваясь и обдавая Двера потоками брызг. Он со стоном закрыл глаза.

И тут же возникли видения, угрожая привести к потере сознания.

Послушай! ругал он себя. *Сейчас не время сдаваться. Если не можешь бежать, проверь, каково твое состояние. Не истечешь ли ты кровью?*

Боль помогла ему сосредоточиться, не обращать внимания на головокружение. Болело все: от обожженного левого бедра до укусов, оставленных Рети на правой руке, — из них сочилась кровь. Было больно от жестко сжимавшего щупальца, больно от многочисленных царапин на груди и животе. Словно кто-то всаживает в него тонкие иглы, проводя ими по всему избитому телу.

Он открыл глаза — и закричал, увидев зияющую пасть, полную ужасных блестящих клыков!

— О Ифни! — застонал Двер. — О боже, о боже, о боже…

И даже когда узнал призрак перед своим лицом, это не очень ему помогло. В этот момент и еще какое-то время Двер был способен только на жалкий прерывистый стон.

Грязнолапый нур зевнул вторично, и устроился в узком промежутке между грудью Двера и твердым корпусом робота. Зверь наблюдал за человеком, достигшим предела выдержки. И со вздохом, полным страсти и презрения, забормотал — скорее для собственного удовольствия, а не для того, чтобы успокоить Двера. Вышло нечто

похожее на песню хунов, которые на корабле поют о радостях путешествия.

Аскс

Если Община выживет, если мы, Шесть, будем существовать и в последующем, происшедшее, несомненно, будет названо Битвой на Поляне.

Битва была короткой, кровавой и тактически решающей, не правда ли, мои кольца?

И стратегически напрасной. Короткий промежуток огня и ужаса, который заставил мои/наши многоцветные кольца радоваться/печалиться тому, что мы треки.

Печалиться, потому что эта груда колец казалась такой бесполезной, такой беспомощной по сравнению со стремительными действиями других существ, которых воинственная ярость так быстро вовлекает в кризис. Восковые образы не могут с такой скоростью создаваться в нашем сердечнике — они на целые дуры отстают от событий.

Печалиться, потому что мы не могли помочь, а могли только наблюдать и быть свидетелями того, что происходило.

И все же мы и *радовались,* не правда ли, мои

кольца? Радовались, потому что насилие не заполнило нашу центральную полость обжигающим ужасом. Не заполнило до тех пор, когда все уже было кончено, оставив мертвецов, как дымящиеся уголья, разбросанных по земле. Это благословение, верно, мои кольца? Для нас “ужас” редко бывает непосредственным опытом — только воспоминанием.

Но так было не всегда. Существа, которыми мы были когда-то, когда летали меж звездами, наводя ужас на Пять Галактик, совершенно иные. В те дни подобные нам существа носили еще яркие сверкающие кольца. Не только те, которые даны были нам нашими патронами поа, но *специальные* кольца, дарованные навязчивыми оайли.

Кольца силы. Кольца решительности и могучего эго. Если бы у нас несколько мгновений назад были эти кольца, они заставили бы нас двигаться так быстро, что мы смогли бы помочь друзьям в схватке.

Но тогда, если правдивы старинные сказания, эти кольца прежде всего помешали бы нам вообще иметь друзей.

Погладьте воск. Проследите образы, застывшие в его жирных каплях.

Картины жестокости и ужаса.

Вот лежит Блур, портретист, дымящаяся руина, прикрывающая его драгоценную камеру.

Видим ли мы поблизости скользкий след умирающего существа? Симбионта, выползшего из лица и лба мертвого ротена, которого звали Ро-пул? А в начале следа угловатое заостренное лицо, гуманоидное, но совсем не такое, каким мы его считали. Менее харизматическое. Менее обаятельное и женственное, чем нас заставляли верить.

Если Блур умер за то, что увидел это, не прокляты ли теперь все наши органы зрения?

Вот кричит Ро-кенн, приказывая Ранну, звездному человеку-слуге, вызвать свирепый небесный экипаж из его далекого полета, даже если это означает “нарушить” нечто, именуемое “радиомолчанием”.

Вот снова кричит Ро-кенн, приказывая своим слугам-демонам, своим роботам, все расчистить: “никто не должен оставаться, чтобы рассказать об этом”.

Он имеет в виду нас. Всех свидетелей этого внезапного откровения. Всех тех, кто знает тайну проклятия Блура.

Выше, выше поднимаются ужасные машины, готовя нам страшную участь. Из их брюха вы-

рываются языки холодного пламени, врезаются в ошеломленное множество, превращая его в бегущую, кричащую толпу. Четвероногие уры высоко подпрыгивают, крича в панике. Куэны прижимаются к земле, пытаясь зарыться, уйти от лучей, которые разрезают хитин легко как плоть. Люди и хуны бросаются на землю, а бедные г'кеки изо всех сил вертят колеса, пытаясь попятиться.

Мы, треки, те, что еще остались на Поляне после недель незаметного ухода, преимущественно стоим на месте, там, где нас это застало, испуская многосложные запахи горя, издавая влажное зловоние страха, когда лучи разрезают наши торы, выпуская богатую жидкость и воспламеняя груды.

Но смотрите! Погладьте еще раз слои образов, мои кольца. Видите одетых в темное? Тех, кто устремляется к ужасу, а не от него. Наши зрительные пятна мало что различают, даже при дневном свете, потому что одеяние этих вновь появившихся позволяет им сливаться, оставаться незамеченными. Тем не менее мы/я замечаем приземистые фигуры квуэнов. Квуэны мчатся, и на спинах у них сидят люди. А еще дальше — урское войско. Раздается гулкий звук, который редко кому приходилось слышать, — звук

смертоносного хунского гнева. Из середины этих неожиданных пришельцев поднимаются какие-то трубы, и, когда летающие демоны обращают на них свой убийственный гнев, эти трубы безжалостно разрезают их.

Есть место…

Оно здесь, в нашем сердечнике, где воск фиксирует только рев — вспышку — и перегрузку жгучих остаточных изображений, а потом…

Теперь перед нами то, что последовало.

Угли — там, куда на осквернённую почву Джиджо упали роботы, разбившиеся и превратившиеся в мусор.

Три небесных повелителя — ошеломленные тем, что превратились в пленников, лишенных своих богоподобных орудий.

Поле битвы — усеянное оплакиваемыми мертвыми. Так много мертвых.

Импровизированный госпиталь — где еще больше раненых корчатся и кричат от боли.

Вот по крайней мере что-то такое, что мы можем сделать в реальном времени. Наверно, помощь старого аптекаря в отставке здесь пригодится.

Согласны, мои кольца?

Удивительное единогласие. Оно делает более

легкой ту непривычную поспешность, с которой я бросаюсь на помощь.

Сара

Трудный маршрут не уменьшил напряжения между двумя группами повстанцев. Раскрашенные воины Ур-Качу и одетые в тусклое охотники Дединджера настороженно поглядывали друг на друга, ели отдельно под покровом выцветшей и заплатанной ткани и никогда не оставляли оружие. В каждой группе спали по очереди, не больше шести одновременно, а остальные в это время сторожили. Сара понимала, что этот союз не продержится и дура после того, как перестанут действовать общие интересы.

А что, если они столкнутся? На таком небольшом пространстве не будет ни маневров, ни стратегии — только сцепившиеся, рубящие друг друга фигуры.

Сара вспомнила иллюстрацию с фронтисписа книги Хауф-Хутау “История урско-землянских войн”. Эта книга — одна из самых популярных из тех, что вышли после Великой Печати. Мелким шрифтом великий историк поясняет, что скопировал эту сцену из книги по истории искусства

еще времен

“Обители”. В той книге воспроизводился скульптурный фриз, некогда окружавший Парфенон в Древней Греции. Знаменитый рельеф изображал длинный ряд могучих фигур, схватившихся в смертельной битве, — обнаженные люди сражаются с яростными чудовищами, полулюдьми-полулошадьми, которые встают на дыбы, лягаются и бьются насмерть. Согласно мифу, сражение началось во время праздника мира и привело к уничтожению всей расы кентавров.

Конечно, у уров нет почти ничего общего с кентаврами, за исключением четырех ног и двух рук. Но фриз производит такое жуткое впечатление, так действует на нервы, что он стал чрезвычайно популярен в эпоху войн и поддерживал мужество и решимость у обеих воюющих сторон. Саре совсем не хотелось, чтобы перед ней ожила эта кровавая сцена.

Из остальных пленников, захваченных в оазисе Уриутта, молодой Джома уже затих, как погасшая свеча, закутался в одеяло и крепко спал. Незнакомец в стороне неторопливо ел кукурузную кашу, часто откладывая ложку, чтобы извлечь из дульцимера несколько негромких нот или просто совершить ритуал пересчитывания струн.

Казалось, для него числа подобны музыке — окно к прошлому, к тому, кем он был когда-то. Числа и музыка сохранили ему верность, в отличие от утраченного владения речью.

Взрывник Курт сидел со своим блокнотом, иногда заглядывая в небольшие книги, с которыми никогда не расставался и никому не показывал — держал либо в сумке, либо во внутреннем кармане. Когда какой-нибудь ур или человек проходили рядом, Курт прикрывал свою работу, но как будто не возражал, если Прити, принеся ему еду, оставалась рядом. Приняв свое лучшее выражение типа “я-только-тупое-животное”, Прити какое-то время делала вид, что ищет в шерсти насекомых. Но вскоре маленькая самка шимпанзе уже заглядывала через плечо взрывника, потирая подбородок, обнажая зубы в улыбке молчаливого и радостного интереса.

Саре приходилось сдерживаться, чтобы не рассмеяться вслух. В то же самое время она беспокоилась.

Пока Урунтай и люди пустыни вежливо оставляют Курта в покое. Привычка почтительно относиться к взрывникам глубоко укоренилась, и нарушить ее трудно. Но они пообещали “убедить” его, когда достигнут места назначения. Неужели

Курт считает, что и тогда сумеет сохранить свою работу в тайне?

Ему лучше бы бросить свои записи в костер.

Сара сдерживала собственное любопытство. Взрывники — таинственная и пугающая секта. Откровенно говоря, она сомневалась в том, что Урунтай поступает разумно, связываясь с ними.

— Мы не будем ждать ночи, выступим раньше. — сказала Ульгор Саре, проходя мимо ее спальника. — На твоем месте я вы поспала.

Нераскрашенная кожа урской лудильщицы, хорошо расчесанная грива и проницательные искренние глаза делали ее непохожей на диких родичей. В тех чувствовался антагонизм, враждебность к людям. Но ведь Ульгор десятки раз бывала в деревне Доло, и всегда ее принимали по-дружески.

Сара покачала головой.

— Я могу понять, что движет остальными. Религия может стать сильным мотивом, если тебе кажется, что речь идет о спасении потомков. Но что ты получаешь от всего этого, Ульгор? Я знаю, что дело не в выгоде.

Узкую коническую голову расколола треугольная улыбка. Саре не нужен был реук, чтобы понять, что выражение сардоническое.

— А зачем исключать такие причины? Прибыль. Личная выгода.

Сара процитировала писание:

— Какая польза тебе в богатстве и вещах на две лиги ниже по Пути Избавления?

Ульгор негромко выдохнула-рассмеялась.

— Конечно, никакой. Но с другого копыта, статус героя может быть полезен в клане варваров. Я буду одним из великих вождей равнин, выше прославленной Ур-Чоун!

Но иронический насмешливый тон показывал, что Ульгор говорит несерьезно, и приободрившаяся Сара продолжала строить догадки.

Неожиданно она почувствовала усталость.

— Ты права, Ульгор.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Неплохо поспать бы, пока еще возможно. Лудилыцица смотрела на нее, спиралью изогнув шею.

— Мне казалось, ты хочешь узнать… Сара прикрыла рукой зевок.

— Поверь, Ульгор, я очень жалею, что спросила об этом.

С этими словами она повернулась и легла под одеяло. Прити тут же устроилась рядом, потом зашипела на Ульгор, побуждая ее уйти. Сара

слушала, как нервно стучат копыта городской изменницы. Ее словно отяготило презрение Сары.

Но Сара на самом деле чувствовала себя уставшей. Мышцы ныли от нескольких дней непривычного напряжения, болел и копчик от толчков жесткого кожаного седла. Был еще и эмоциональный элемент.

Мне поручили дело. Несколько дел. Но похоже, я не смогу выполнить даже одно.

Низкий повторяющийся гул, похожий на синхронное, пульсообразное сонное фырканье уров, заполнил павильон. Незнакомец дергал самые низкие струны дульцимера, но так осторожно и регулярно, что даже Ур-Качу не находила поводов для жалоб. Создавался усыпляющий ритм, напоминающий скорее не сердцебиение, и подъем и опускание грудных клеток спящих людей и уров.

Ариана считала, что у него выработаются новые способности, компенсирующие утраченное, думала Сара. *Наверно, чувствительность к музыке – одна из этих способностей.*

Перед рассветом, когда две группы повстанцев разбивали лагерь, Незнакомец играл для самцов-уров, которых на короткое время выпустили из тесных сумок жен, чтобы они могли размять ноги на свежем воздухе. Несколько сам-

цов приглядывали за взрослеющими личинками — шестиногими и совсем без рук. Личинки почти готовы отправиться в прерии и самостоятельно бороться за жизнь.

Незнакомец двумя молоточками ударял по струнам, аккомпанируя своему пению. Пел он детские песни, которые сохранились в его поврежденной памяти. Сара даже узнала некоторые из них. Особенно подходящей казалась одна:

У меня был маленький муж, не больше моего пальца,

Я посадила его в куртку, и там он барабанил;

Я купила маленький платок, чтобы вытирать ему маленький нос,

И пару крошечных подвязок, чтобы держались его маленькие штаны.

Он несколько раз повторил эту песню, и вскоре приободрившиеся самцы принялись отбивать ритм. Сара подумала, что если он застрянет на Джиджо и не сможет обучиться какой-нибудь профессии, то определенно найдет работу в одном из современных центров города Тарек, куда на день сдают детей.

Если, когда все закончится, у нас еще сохранятся такие роскошества.

Прити уселась перед Сарой. Негромко хихикая,

маленькая шимпанзе разгладила полоску песка и принялась палочкой чертить фигуры — в основном выпуклые, параболоидные формы, которые вздымались, поворачивались и снова устремлялись вниз. Прити смеялась и показывала на них, словно приглашая разделить ее шутку. Но Сара не могла сосредоточиться. Усталость победила боль в ноющем теле и погрузила девушку в беспомощный сон.

Ей снился Урчачка, мир травы; его равнины бесконечно волнуются под горячими ветрами, выжигаются частыми пожарами или уничтожаются жгучими облаками сверкающей вулканической пыли. После каждой такой катастрофы равнины кажутся покрытыми пеплом смерти, но яркими вспышками уже поднимаются стебли и тянутся к небу так быстро, что их движение можно заметить терпеливым глазом.

В Урчачке вода редко задерживается на поверхности. Жизнь всасывает ее, запасает в сети огромных подземных резервуаров, раскинувшихся по всем континентам, или в многоцветных пузырчатых стручках, или в самих травяных стеблях. Траву, в свою очередь, поедают стада пасущихся животных, нервных трехрогих существ, которые раньше защищались этими рогами от

опасностей, пока не оказались собранными в большие гурты. Теперь их защищают стражники, которые пострашней любого хищника.

Как обычно бывает во сне, Сара одновременно находится внутри сна и вне его. На одном уровне она испуганно всматривается сквозь лес раскачивающихся ветвей, постоянно настороженная и испуганная, готовая в любое мгновение увернуться, чтобы не быть растоптанной гигантскими животными или, что еще хуже, не попасть в их вечно жующие пасти.

Отверстия в плодородной почве ведут в подземные муравейники — тесный темный мир сладких корней и частых опасных встреч. Это царство в последнее время стало слишком скученным, ограниченным. Мир света вверху по сравнению с ним кажется раем — для тех, кто достаточно велик, чтобы высунуть голову за верхушки качающейся травы.

Крошечная отчужденная часть мозга, тот участок, который знает, что Сара спит, восхищается силой воображения Редкий дар позволил ей собрать все, что на Джиджо было известно об Урчачке: от кратких статей в энциклопедиях периода до высадки и сказаний урских бардов. Сказаний о временах до того, как их невозде-

ланное племя было обнаружено на их родной жаркой планете. Патроны спустились с неба и предъявили свои права на племя умных пастухов, повели их по Восходящему Пути. По тропе Возвышения, к звездам.

Отчужденная часть сознания может наблюдать, но не обладает никакой властью над такими фантазиями. Это цветной сон, мощный, убедительный и эмоциональный. Роковая фантазия, развивающаяся по собственным законам. Видение неживой затуманенной паранойи.

Протискиваясь между раздутыми стеблями, уклоняясь от больших тупых травоядных, она идет на запах дыма и приходит к вытоптанному кругу, который окружает полную углей яму. По краям этого круга толпа стройных четвероногих существ Она осторожно наблюдает за Большими. Только недавно она поняла, что это большая разновидность ее самой, ее старшие сестры и тетки, а не ужас с мелькающими копытами и взрывными характерами. Теперь она наблюдает за ними, подбирается все ближе, борясь с все усиливающимся искушением.

Искушением пройти вперед, выйти из травы и объявить о своем присутствии.

Она видела, как другие время от времени это

делают. Такие же маленькие, как она, выбираются из своих нор и вытягивают шеи. Смело идут, утверждая свое право занять место у огня. Примерно третью часть так поступивших вначале игнорируют, потом терпят, принимают, а потом и приветствуют, включая в тесную сеть перекрещивающихся привязанностей. У других конец бывает не таким счастливым. Кажется, очень важно правильно рассчитать время. И усвоить ритуал переплетения шей и пресмыкающегося самоунижения. А этот ритуал в разных группах разный.

И еще *запах*. Лучше подходить к группе с хорошим запахом. Таким, как у тебя самой.

Украдкой подбираясь все ближе, она наблюдает за группой взрослых. У некоторых в сумках счастливые самцы, которые нашли убежище от полного опасностей мира. Она смутно помнит, что сама когда-то жила в такой сумке. Но теперь она для этого слишком велика.

Взрослые лежат в тени высоких стеблей, которые защищают их от жгучего солнца; вытянув шеи, они положили головы на спины. Время от времени одна из них фыркает, когда ее дыхание выходит из общего ритма. Третий глаз — тот, что без век, — продолжает наблюдать.

Над головами парят крошечные летающие существа, в своей паразитической алчности они всегда готовы нырнуть и на мгновение присосаться к губе, клапану сумки или даже к богатому кровеносными сосудами глазу и тут же отлететь, увернуться от рук или щелкнувших челюстей. Сара видит, как одно невезучее насекомое попадается, еще не успев сесть. Гибким движением взрослая на лету хватает пастью зудящего кровососа и растирает челюстями, даже не проснувшись.

Не помню, чтобы встречала упоминания о кровососущих насекомых, когда читала о родине уров, удивляется отчужденная часть сознания спящей Сары. *Такого не было и в сказаниях об Урчачке.*

Постепенно она начинает понимать, что ничего не сочиняет. Скорее подсознание все заимствует из событий реального мира. Глаза Сары чуть приоткрыты, словно она на самом деле наблюдает, как уры делают то, что она воображает.

Как и раньше, половина Урунтая лежит в углублениях в песке; уры равномерно дышат в унисон под навесом из ткани. Кажется, ничего не изменилось с тех пор, как Сара в последний раз смотрела на своих похитителей. Но потом

произошло нечто такое, что странно совпало с ее сном: послышалось низкое жужжание, сопровождавшееся движением в воздухе. Слева направо, к одному из дремлющих уров, промелькнул маленький насекомоподобный предмет. Спящая мгновенно поймала летящий комок в воздухе своей зияющей треугольной пастью и принялась довольно жевать, не раскрывая двух главных глаз. Центральный глаз, лишенный век и фасеточный, сохранял тусклость глубокого сна, и воительница с громким храпом снова улеглась.

Никогда раньше такого не видела, удивилась Сара. *Может, здесь, в холмах, есть такие же насекомые, как на их родной планете?*

Прити, напряженная, с застывшей спиной, попятилась и локтем подтолкнула Сару. Девушка медленно подняла голову и осмотрела Урунтай. Те уры, что не спали, возились с арбалетами и нервно подергивали хвостами, словно начинали что-то подозревать. Их длинные шеи одновременно поворачивались налево, потом в сторону пустынных людей Дединджера, потом направо. И когда они отвернулись, снова послышалось жужжание, такое знакомое, что оставалось почти незамеченным. Снова маленький комок полетел к спящим урам. И опять одна из самок

поймала его в воздухе, не просыпаясь, и принялась жевать.

Сара проследила за направлением полета в обратную сторону, до самого Незнакомца, который по-прежнему сидел со своим дульцимером, трогал струны, создавая устойчивый гипнотический ритм. Реук на его голове лишь частично скрывал загадочную улыбку.

Сара поняла, что еще двое внимательно наблюдают за звездным человеком: Дединджер и взрывник Курт.

Фыркнув во влажном воздухе, Ур-Качу знаком велела Ульгор выйти с ней наружу. Четверо раскрашенных воинов вернулись к своему занятию арбалетами.

Незнакомец продолжал дергать за струны. Он сохранял медленный спокойный ритм, пока настороженные караульные Урунтая не улеглись. Потом левой рукой коснулся головы и просунул два пальца под пленку реука — прямо в отверстие в голове, с приступом тошноты поняла Сара. А когда пальцы снова появились, в них был небольшой предмет, пулька примерно размером в шар для посланий, какие используются в библиотеке Библоса. Трогая правой рукой струну, левой незнакомец держал шарик так, чтобы тот был

готов к следующему удару.

Он использует дульцимер как рогатку! поняла Сара, завороженно продолжая смотреть.

Она заметила легкое изменение тона, жужжащий диссонанс, когда крошечный шарик устремился в воздухе к другой спящей урской мятежнице. Но на этот раз не попал, упал, не долетев до цели на половину корпуса ура.

Дединджер зашевелился, он незаметно подталкивал товарищей, делал им знаки рукой, приказывал приготовиться. *Он не знает, что происходит, но хочет быть готовым.*

Клапан палатки открылся, и снова вошла Ур-Качу в сопровождении Ульгор. Предводительница подошла к одной из спящих и толкнула ее — обычно такого легкого толчка вполне достаточно, чтобы настороженный ур мгновенно вскочил на ноги. Но воительница продолжала негромко сопеть.

Встревоженная, Ур-Качу ударила, потом принялась лягать спящую. Другие пришли ей на помощь. И через мгновение стало ясно: из тех восьми, что легли спать, шесть были погружены в неестественный, наркотический сон.

Дульцимер снова звякнул, и тут одновременно произошло несколько событий.

Ур– Качу гневно повернулась и крикнула на англике:

— Прекрати этот адский шум, немедленно!

Тем временем маленький предмет пролетел над гаснущими углями костра к недоумевающим воительницам. Одна из них рефлекторно раскрыла пасть и поймала шарик. И почти немедленно у нее раздулись ноздри, шея вытянулась на всю длину и задрожала. Колени подогнулись.

Сара не думала, что в состоянии реагировать так быстро: толкнув Прити, она попятилась, подхватила закутанного в одеяло Джому и оттащила спящего мальчика в глубину палатки. Быстрые, как призраки, люди Дединджера уже выстроились полумесяцем, окружив Урунтай с натянутыми луками.

— Что происходит? — спросил Джома, протирая глаза. Колени у ура окончательно подогнулись, он прислонился к другим, потом упал и задышал медленно и тяжело.

— Сохраняйте спокойствие, — сказал Дединджер. — Советую вам сложить оружие. Вы не в состоянии сопротивляться.

Ур– Качу в отчаянии смотрела на то, как неожиданно изменилось соотношение сил. Ее отряд по численности превышал людей. Но теперь

ее оставшиеся последователи столпились, не готовые к бою. Они в руках землян. Предводительница Урунтая проворчала:

Итак, в этой (предательской) измене открылась вся суть человеческой (так называемой) дружбы!

– Да, — рассмеялся Дединджер, слегка самоуверенно. — Ты ведь тоже планировала что-нибудь такое, когда подвернется возможность. Но причин для паники нет. Мы выполним свою сторону договора, но как *старшие* партнеры и с несколькими изменениями, вроде места назначения нашего похода. А когда придем туда, разрешим вам отправить сообщение…

Возможно, он действительно хотел успокоить, но его слова только разъярили Ур-Качу, которая прервала его пронзительным воинским кличем и бросилась на Дединджера, извлекая из ножен сверкающие ножи.

— Нет! — в ужасе закричал Незнакомец, видя, что из груди предводительницы уров торчит несколько стрел. — Нет, черт побери, черт побери, черт побери!

Уцелевшие последовательницы Ур-Качу последовали ее примеру, наткнувшись на тучу стрел. Половина тут же упала. Остальные прыгали сре-

ди двуногих врагов, рубились, пустили кровь, но в конце концов тоже упали под превосходящим давлением людей.

Наконец, когда ни одного ура на ногах не было, люди пустыни, тяжело дыша, с остекленевшими глазами, обратили свои ножи против спящих, тех, кто спал тяжелым сном и не принимал участия в схватке.

Для Незнакомца это оказалось последней соломинкой. Выкрикивая проклятия, он набросился на ближайшего человека и стиснул ему горло. Охотник попытался сопротивляться, потом со стоном обвис. Звездный человек прыгнул к следующему, изрыгая поток оскорблений.

Сара подтолкнула Джому к выходу из палатки и крикнула:

— Прити, уведи его в скалы!

Она видела, как в следующее мгновение три охотника Дединджера повернулись и напали на Незнакомца. Один отлетел в сторону, отброшенный хитроумным рывком тела чужака, а у второго неожиданно появилась своя проблема: Сара сзади принялась колотить его по ребрам.

Если бы я слушала, когда Двер пытался научить меня драться!

Несколько мгновений все шло хорошо. Низ-

корослый плотный противник Сары застонал и повернулся, но тут же получил коленом в живот. Это не остановило мускулистого охотника, но замедлило его, позволив Саре нанести еще два удара. Тем временем Незнакомец отбросил последнего нападавшего в груду спящих и начал поворачиваться, чтобы помочь ей…

И тут на них обрушилась лавина. Поток мужских тел сбил их с ног с такой силой, что воздух вырвался из легких. Кто-то завел Саре руки за спину, от резкой боли она ахнула, подумав, что ей вот-вот вырвут руки.

— Не причиняйте им вреда, парни, — приказал Дединджер. — Эй, я сказал полегче!

В дымке, ошеломленная болью, Сара видела, как эксмудрец раздает удары и оттаскивает своих людей, которые стремятся к кровавой мести. Сара сумела повернуть голову и увидела прижатого к земле Незнакомца, с багровым лицом, с текущей из носа кровью, но все же способного испускать хриплый поток непристойностей. Этот способ выражения оказался чрезвычайно красноречив, хотя им Незнакомец владел не так бегло, как песнями. Сара боялась, что схватки и крики могут привести к тому, что у него снова откроются раны.

Предводитель людей-мятежников склонился к Незнакомцу и взял его лицо в обе руки.

— Жаль, что ты меня не понимаешь, приятель. Не знаю, что ты сделал с этими урами, но я тебе искренне благодарен. Ты упростил сложную ситуацию. По этой причине, а также потому, что живой ты по-прежнему представляешь для нас ценность, я сдержу своих ребят. Но если не будешь разумно вести себя, мне придется быть нелюбезным с твоими друзьями.

И он кивком указал на Сару.

Незнакомец тоже посмотрел на нее и, по-видимому, каким-то образом понял угрозу. Поток грязных эпитетов прервался, и звездный человек перестал сопротивляться тем, кто его сдерживал. Сара почувствовала облегчение, видя, что он больше не напрягается. И ее необычно тронуло, что именно она причина этого.

— Так-то лучше, — все тем же спокойным рассудительным тоном сказал Дединджер, каким говорил до фатального нападения Ур-Качу. — А теперь посмотрим, что ты прячешь в этой удобной дырке в голове.

И эксмудрец принялся стягивать реук, обнажив рану, из которой Незнакомец доставал загадочные шарики.

— Нет! — закричала Сара, не обращая внимания на резкую боль: двое мужчин потянули ее за руки. — Ты внесешь инфекцию!

— Которую его звездные друзья вылечат, если захотят, когда мы совершим обмен, — ответил Дединджер. — А стоит посмотреть, чем это он кормил уров. В предстоящие годы это может оказаться очень кстати.

Дединджер окончательно стащил реук и уже собирался засунуть руку, когда послышался новый голос — быстрый поток слов на Галактическом Два:

Сара, я (настоятельно) рекомендую (быстро) закрыть глаза!

Сара повернула голову и увидела Курта, взрывника из города Тарек, который держал в руке маленькую коричневую трубку. С одного конца трубки свисал горящий фитиль, испуская яростный поток искр. Взрывник отвел руку назад и бросил трубку по высокой дуге. И когда она достигла высшей точки, Курт бросился в укрытие.

Сара крепко закрыла глаза, а Дединджер закричал, предупреждая своих людей.

И тут все заполнила вспышка ярче тысячи молний, пробившись даже сквозь закрытые веки. Громовой звук потряс Сару, как птицу в

челюстях лиггера; мужчины выпустили ее руки и покатились по полу, так что волна облегчения столкнулась у девушки с болезненной сенсорной перегрузкой.

Все кончилось почти мгновенно, только раскаты еще отражались эхом от скал вокруг палатки… а может, это волны шока в ее голове. Сара поспешно высвободилась из груды кричащих мужчин, которые сжимали свои невидящие глаза. Мигая, глядя мимо пурпурных пятен, она разглядела единственного человека, который, как и она, сохранил способность видеть. Это был Дединджер, который понял предупреждение Курта. Пустынный пророк смотрел вперед, сжимая в руках лезвие из блестящего буйурского металла.

Его крик прорвался сквозь шум в ушах Сары. Дединджер набросился на Курта, сбил старика с ног, прежде чем тот смог воспользоваться своим новым оружием. Сара узнала пистолет по рисункам в старинных текстах.

— Вот вам и нейтралитет взрывников! — крикнул Дединджер, сжимая руку Курта, пока старик не застонал и не выронил оружие. — Следовало обыскать тебя, и будь проклята традиция!

Преодолевая боль, Сара попыталась прыгнуть на бывшего мудреца, но тот, не оборачиваясь,

отбросил ее жестоким ударом руки, сбил с ног, и у нее перед глазами завертелись звезды. Сара едва не потеряла сознание. Только упрямая решительность заставила ее подняться на колени и попробовать снова.

Но тут снова послышался рев, Дединджер выстрелил из пистолета мимо нее и неловко попытался снова взвести курок, но в разных сторон на него налетели две волосатые фигуры и сбили с ног. Сара каким-то образом вмешалась в схватку, присоединилась к Прити и Ульгор, которые удерживали бывшего ученого. Для своего возраста тот обладал удивительной силой.

Фанатизм имеет свои преимущества, подумала Сара, когда им наконец удалось связать Дединджера по рукам и ногам.

Подобрав свое оружие, Курт попятился и сел на камень, откуда мог наблюдать и за стонущими остатками пустынной банды, и за уцелевшими урами. Особенно за Ульгор. Неожиданное возвращение урской лудильщицы могло быть случайным, и Курт не собирался ей доверять.

Липкое ощущение заставило Сару посмотреть на руки. Она постаралась отделить красные пятна на руках от тех пятен, которые вызваны парализующей бомбой Курта. Пятна цвета и

запаха крови.

Это не моя кровь, а у Ульгор кровь не такого цвета…

Кровь текла из резаной раны на боку Прити. Сара взяла на руки дрожащую маленькую шимпанзе, сдерживая неожиданный приступ слез усталости.

Палатка представляла собой ужасную сцену: мертвые или бредящие Урунтай, ослепшие люди. Незнакомец казался в лучшей форме, чем большинство, когда наконец сумел встать. Он видел настолько хорошо, что смог помочь Ульгор связать остальных последователей Дединджера. Тем временем вернувшийся Джома связывал ноги спящих уров. Тем не менее было ясно, что раненый человек со звезд не слышит ни звука.

Вопреки всем своим инстинктам, призывавшим к основательности и тщательности, Сара торопливо приложила компресс к ране Прити. Рана не казалась опасной для жизни, а, может, быстрыми мерами удастся спасти еще кого-нибудь. И когда Прити одобрительно хмыкнула, Сара занялась стонущим четвероногим, молодым уром, который дышал тяжело, пускал кровавые пузыри…

…и умер, неожиданно вздрогнув, прежде чем

Сара смогла прийти ему на помощь.

Аскс

Эхо битвы пронеслось над землей всего несколько дуров назад.

С неба падали огненные молнии, сжигая Шесть, разрезая плоть, хитин и кость.

По долине текли потоки расплавленного воска треки, они вспыхивали, подожженные палящими лучами.

О, мои кольца, какие образы лежат в нашем дрожащем сердечнике?

Мертвые.

Умирающие.

Благоразумные, которые успели убежать.

Герои, стремительно явившиеся.

Их тусклая одежда теперь покрыта грязью и кровью, больше она не сливается с местностью. Молодые древесные фермеры и погонщики ослов. Простые смотрители садков омаров. Самые младшие работники рыболовных загонов. Добровольцы, которые никогда и не думали, что их еженедельные тренировки могут привести к такому.

Наша доблестная милиция, которая бросилась

в водоворот, в котел из смертоносных лучей. Любители, незакаленные, размягченные поколениями мирной жизни, теперь молча морщатся, сжимая конечности, пока им перевязывают ужасные раны, а жизнь постепенно уходит. Они переносят боль с мрачной решимостью ветеранов, и их страдания облегчает единственное, но мощное лекарство.

Победа.

Неужели только вчера, мои кольца, мы опасались за судьбу Общины? Боялись, что она распадется на соперничающие фракции под влиянием коварных звездных дьяволов?

Эта ужасная судьба может еще постигнуть нас наряду с тысячами других опасностей. Но не сегодня. Сегодня высокомерные чужаки пленены, они удивленно оглядываются, лишенные своих богоподобных орудий, их дьявольские роботы уничтожены примитивными огненными трубками нашей смелой милиции.

День расплаты может быть недалеко. Он может в любой момент обрушиться с непрощающего неба.

Но мы веселы. Мы испытываем облегчение. Время двусмысленностей миновало. Больше никаких тонких игр с догадками и намеками.

Больше никаких обманов и интриг. Ифни потрясла свои кости и бросила их. И сейчас они катятся по священной почве Джиджо. А когда остановятся, мы будем знать.

Да, мое второе кольцо. Ты право в своем возражении. Не все разделяют ощущение мрачного подъема. Некоторые видят в недавних событиях повод для нигилизма. Шанс свести старые счеты или распространить на нашей земле беззаконие.

Наше меньшинство — "друзья ротенов" — требует освободить Ро-кенна. Они советуют пасть ниц и молить о божьей милости.

Другие призывают немедленно разделаться со всеми заложниками.

У звездного корабля могут быть средства следить за своими потерянными членами, утверждают они, *может, по излучениям мозга или по имплантатам в теле. Единственный способ быть уверенными — это размолоть их кости и бросить порошок в лавовые бассейны.*

Эти, да и другие раздраженные группы думали бы по-иному, если бы открылась вся правда. Если бы мы, мудрецы, смогли раскрыть планы, которые уже приводятся в действие. Но тайны вообще по своей природе несправедливы. Мы стараемся сохранить мир.

Народам Шести мы говорим только:

Возвращайтесь по домам. Проверьте решетки маскировки и скрывающую паутину. Готовьтесь к борьбе, если можете. Прячьтесь, если не можете.

Будьте готовы умереть.

И прежде всего – верьте своим соседям, верьте в Свитки и в Джиджо.

И ждите.

Теперь выжившие торопливо убирают павильоны, пакуют все ценное, уносят на носилках раненых. Дети всех рас проводят священный мидур на Поляне, собирая весь мусор, какой могут найти. Увы, этот мидур — все, что мы можем отдать традиции. Не будет праздничной церемонии мульчи. Не будет пестрых караванов, которые понесут украшенные лентами корзины к морю и на корабли, а ведь это самая радостная часть Собрания.

Какая жалость!

Потребуются поколения, чтобы перенести остатки разрушенной станции чужаков — по одному ослиному каравану за раз. Но эта задача подождет окончания кризиса. Если кто-нибудь из нас останется в живых.

Заложников уводят. Караваны растекаются

на равнины, в леса и к морю, подобно потокам разумного воска, торопливо убегая от пожара.

Солнце тоже уходит. Теперь на обширных просторах, именуемых Вселенной, горят горькие холодные звезды. Шести отказано в этом царстве, но наши враги свободно летают там.

Нас остается в священной долине всего несколько. Мы ждем звездный корабль.

Все ли мы/я согласны, мои кольца? Задержаться у Святого Яйца, позволить нашему нижнему кольцу отдохнуть на твердом камне, чувствуя, как сложный рисунок колебаний возникает в нашем жирном сердечнике?

Да, гораздо лучше отдыхать здесь, чем спускаться по какой-нибудь крутой каменистой тропе, таща эту старую груду к иллюзии безопасности.

Мы останемся и будем говорить от лица Общины, когда приземлится большой корабль.

Вот он с ревом появился на западе, где только что село солнце.

Подходящая замена. Корабль гневно парит, испуская яркое свечение, которое затмевает день, осматривает долину лучами, способными сжечь. Вначале разглядывает разрушенную станцию, потом окружающую местность.

Ищет тех, кого оставил.

XXVII. КНИГА МОРЯ

Животные существуют в мире, полном борьбы, и в нем имеет значение только результат – продолжение себя и своей генетической линии.
Разумные существа живут в гнездах обязанностей – по отношению к коллегам, патронам, клиентам и идеалам. Они могут избрать верность причине, божеству, философии или цивилизации, которая позволила им избежать животного существования.
Все мы связаны узами обязательств, даже когда спускаемся по Тропе Избавления.
И все же, дети изгнания, помните: в конечном счете Вселенная ничего вам не должна.

Свиток надежды

Рассказ Олвина

Возможно, эти паукообразные существа счита-

ют меня таким же невероятным и причудливым, как я их. Может, они стараются помочь. Учитывая, как мало я знаю, лучше подождать и посмотреть, что получится.

Мы, хуны, умеем ждать. Но могу лишь вообразить, что чувствует бедная Гек, если ее поместили в такую же клетку. Стальная комната, где недостаточно места, чтобы раскрутить колеса: сразу уткнешься в стенку. И непрерывно гудит какой-то двигатель. Гек могла утратить терпение и вообще спятить.

Если она еще жива.

Она казалась живой, когда я видел ее в последний раз, после того как наше падение в ледяные глубины Помойки было остановлено и мы оказались в пасти морского чудовища. Помню, что видел Гек лежащей на металлической поверхности с вращающимися колесами; она слабо отпихивалась своими толчковыми ногами, а стены и пол тряслись от мощного ветра, который с невероятной силой давил мне на уши.

Это давление спасло нас, вытолкнув массу воды, прежде чем мы в ней утонули. Но в то время я мог только кричать, обхватив руками голову, а спину сотрясали конвульсии от удара, который я получил, когда выбирался из нашей разбитой

“Мечты Вуфона”.

Смутно я слышал еще чей-то вопль. Ур-ронн жалась в противоположном углу, изрезанная обломками своего драгоценного окна, в ужасе перед окутавшей ее влагой.

Оглядываясь назад, я думаю: вообще чудо, что она дышала после того как сломалась наша “Мечта” и со всех сторон хлынуло жестокое море. Сила удара отбросила меня к стене корпуса из дерева тару, а мои друзья полетели кувырком, головами через копыта и края панциря.

Никогда раньше не видел плывущего ура. Не самое приятное зрелище.

Помню, я подумал, что это последнее, что я вижу, пока взрывное облако пузырей не вырвалось из сотен щелей в металлических стенах, разорвав воду с пенным ревом. Пузыри сливались, превращались в мощный ветер, и мы, уцелевшие, упали на обломки нашей прекрасной лодки, отдуваясь. Нас рвало в темные маслянистые лужи.

Из нас четверых только Клешня, кажется, сохранил способность двигаться. Кажется, я помню, как он пытается помочь Ур-ронн: прижав ее к стене своим панцирем, двумя клешнями извлекает осколки стекла из ее шкуры. Ур-ронн не очень ему помогает. Кажется, она ничего не соображает.

Не могу винить ее.

Потом открылась дверь, противоположная пасти, через которую прошла наша “Мечта”. Она гораздо меньше и едва пропустила двух входящих *демонов* — по одному за раз.

Это ужасные шестиногие звери, с горизонтально расположенными телами длиннее вставшего во весь рост хуна, расширяющимися сзади, с горбом впереди и с большими выпуклыми глазами, черными и загадочными. Они громоздко вошли в помещение, растоптав по пути глубокомер Уриэль и компас Ур-ронн. Они походили на водяных жуков, от трубообразного тела которых отходят гибкие щупальца. А само тело блестит и изгибается. Маленькие свисающие передние конечности кажутся механическими приспособлениями.

Ну, хорошо, я описываю многое такое, что не мог увидеть в то время. До прихода этих паукообразных существ было темно, только два луча света вырывались из противоположных стен. К тому же я был почти без сознания и в шоке, поэтому то, что я описываю, не может служить надежными показаниями.

Особенно последующие мои впечатления.

Размахивая своими ослепляющими фонарями, две теневые фигуры принялись разглядывать

свой улов, вначале осветили и осмотрели Клешню и Ур-ронна, затем бедняжку Гек, которая лежала на боку и слабо вращала колесами, и наконец меня. Я попытался шевельнуться и едва не потерял сознание. А когда попробовал заговорить, обнаружил, что в горловом мешке нет воздуха.

Забавно, но я готов поклясться, что чудовища разговаривали друг с другом, когда осматривали нас. Этого они никогда не делают, когда теперь заходят в мою клетку, чтобы позаботиться обо мне. Странная, певучая, хриплая речь, абсолютно не похожая на Галдва или на любой другой известный мне галактический язык. Но что-то в нем показалось мне знакомым. И когда свет впервые падал на каждого из нас, готов поручиться, голос этих существ звучал удивленно.

Когда они потянулись ко мне, мой ужас частично был смягчен появлением Хуфу. Частью своего отупевшего сознания я тревожился о нашем амулете. Неожиданно он появился прямо передо мной, вызывающе крича на возвышающихся над ним существ.

Существа отшатнулись. Их изумление было так очевидно, как будто на мне был хорошо настроенный реук. Одно из них присело и торопливо,

возбужденно заговорило — то ли связывалось с кем-то, то ли обращалось к Хуфу. Не могу сказать, что именно.

Могу ли я доверять этим своим впечатлениям, подобным сну? В этот момент я, как говорят в некоторых земных книжках, быстро погружался в пустоту. И когда оглядываюсь назад, все виденное кажется иллюзией.

Но точно знаю, что одно я придумал. И сейчас оно приходит ко мне не как воспоминание, а как представление. Однако эта картина удерживается в сознании, мерцает, как бывает, когда вот-вот потеряешь чувства.

Без предупреждения появляется последняя фигура, выползает из-под обломков нашей бедной лодки. Полураспластанный, деформировавшийся, Зиз восстанавливает свою коническую форму, а существа торопливо пятятся, словно увидели что-то более смертоносное, чем ядовитый скенк. Одно из них направляет на избитого треки сверкающую трубку и пускает огненный луч, который вырывает дыру в среднем кольце бедного треки и отбрасывает к стене на Гек.

И тут мой перегруженный мозг окончательно отказывает. (Или он уже сделал это?) Но сохраняется еще одно смутное, подобное сну впе-

чатление. Оно и сейчас со мной, как тень фантома или призрак ошеломленного изумления.

Наш маленький треки истекает жидкостью на полу, а в это время кто-то говорит. Это не пронзительные свистки, какими пользовались ранее существа. И не Галсемь или любой другой цивилизованный язык — это англик.

– *Боже…* — слышу я недоверчивый голос, который мне кажется человеческим и женским, со странным акцентом, какого я никогда не слышал,

– *Боже, все эти, и еще джофур!*

XXVIII. КНИГА СКЛОНА
Легенды

Говорят, что мы все потомки неудачливых рас.

Согласно многим сказаниям Шести, в пяти галактиках царят бесконечные войны, преследования, страдания и фанатизм. Но если бы это действительно было типично, цивилизация не продержалась бы и миллион лет, не говоря о более чем миллиарде.

Если бы это было типично, существовал бы не десяток мест, подобных Джиджо, а бесчисленные поселения сунеров.

Если бы это было типично, планеты, подобные Джиджо, были бы давно заняты.

Но другие источники утверждают, что большинство звездных рас относительно спокойны. Что они умудряются соблюдать свои интересы, растить клиентов и обрабатывать взятые в аренду планеты с хорошими манерами и с соблюдением древних кодексов. И при этом идут по тропе Возвышения к ожидающему их превосходству. А раздраженные выходки ревнивых,

фанатичных союзов они считают безвкусными и незрелыми, но зачем вмешиваться, если проще и безопасней опустить голову (головы) и заниматься своим делом?

Клиенты, которым повезло быть принятыми такими умеренными кланами, вырастают в мире и безопасности, и только в промежутках — в легендарные Времена Перемен — *перевороты захватывают даже осторожных и укрывающихся.*

Во вселенной процветают сильные. Те, кто закален стычками в темных переулках космоса.

Но эти переулки требуют и жертв. Говорят, что мы, Шесть, относимся к тем истекающим кровью беженцам, которые спасаются от проигранных войн и разбитых мечтаний, ищут места, где можно спрятаться. Залечить свои раны. И поискать другой тропы.

Поискать еще одной, последней возможности.

Сара

С какой стороны ни посмотри, невероятная путаница.

Парализующая бомба обратила вьючных животных в истерическое бегство, они сорвались с привязи и исчезли в лабиринте каменных шпи-

лей. Кому-то надо пойти на поиски их, но только после того как будет оказана помощь раненым со всем мастерством, на которое способна Сара.

Ослепших — возможно, временно — людей нужно успокоить, затем накормить с рук. Позже оттащить мертвых на ровное место, где будет разожжен погребальный костер. Он превратит тела в неизбежный мусор, и аккуратную, удобную для перевозки груду соберут и отправят к морю.

Было еще одно осложнение. У нескольких погибших воительниц Урунтая были в сумках мужья и личинки. Сара собрала самых сильных, тех, кто сумел выбраться из сумок, — у них есть шанс выжить — в импровизированной палатке, где миниатюрные самцы присматривали за своим потомством, разжевывая мясо и отрыгая его для одутловатых, похожих на гусениц, еще не достигших детского возраста уров.

В сказаниях уров, восхваляющих воинскую доблесть, никогда не говорится о тех трудностях, которые возникают после битвы. Может, никто бы не воевал, если бы знал заранее, что придется расчищать кровавое месиво.

Курту и Джоме пришлось наконец перед закатом присесть, чтобы немного поесть и отдохнуть. Но тут стало темнеть, и пламя костра освети-

ло две группы мрачных пленников: людей и уров, — которые угрюмо смотрели друг на друга, полуслепые и раздражительные. Никто не казался более печальным, чем бывший мудрец, ученый, ставший пророком, который так уверенно спорил с Сарой лишь полдня назад. Дединджер расчетливо посматривал на Курта, который не расставался с пистолетом и ни на мгновение не выпускал пленников из поля зрения.

Прежде чем сесть самой, Сара проверила раны Прити. Из разрезов все еще сочилась кровь, и это ее тревожило. Трудно было зашивать раны, потому что шимпанзе — вполне естественно — дергалась, а у Сары перед глазами все еще расплывалось от действия парализующей бомбы. Сделав для своей маленькой помощницы и друга все, что можно, Сара огляделась в поисках Незнакомца. Весь день он помогал, но уже с час она его не видела, а ему пора принимать лекарство.

Курт сказал:

— Он пошел туда, — он указал на скалы в южном направлении, — чтобы поймать ослов. Не волнуйся. Парень, кажется, умеет о себе позаботиться.

Сара сдержала первоначальную реакцию — выругать взрывника за то, что позволил звездному

человеку одному уйти в дикую местность. Ведь чужак все-таки калека и может заблудиться или пораниться.

Но потом вспомнила, что он необычно *компетентный* калека. Искусный и сообразительный там, где не нужны слова. И для человека с таким мирным характером сражается он поразительно умело.

Пожав плечами, Сара приняла то, что нельзя изменить, чтобы поесть немного сухого воинского хлеба и попить из кувшина теплой воды со вкусом кожи.

— У нас нет нужного кольца для правильной подготовки мульчи, — сказала она, жуя, — поэтому утром нужно будет собрать дров для погребального костра. — Говорила она громче, чем обычно, потому что у всех еще не восстановился нормальный слух. Нужно было кричать, чтобы пробиться сквозь постоянный гул в ушах. — И кого-нибудь придется послать за помощью.

– Я пойду, — вызвался Джома. — Только я не ранен в битве. Я силен, и у меня есть компас. Дядя Курт знает, что я не заблужусь. И я могу передвигаться очень быстро.

Старший взрывник выглядел встревоженным. Племянник еще слишком молод. Но после недол-

гих размышлений Курт кивнул.

— Это имеет смысл. Он может пойти…

— Конечно, посылать нужно меня! — прервала Ульгор, отворачиваясь от костра, за которым присматривала. — Я могу бежать быстрее и дальше, чем этот ребенок, и я хорошо знаю эти холмы.

Сара подавилась.

— Ни в коем случае! Не могу поверить, что мы не связали тебя с остальными! Отпустить тебя? Чтобы ты могла привести еще много своих фанатичных друзей?

Ульгор повернула узкую коническую голову и искоса посмотрела на Сару.

— Как будто эти друзья уже не направляются к нам, дорогая дочь Нело? Не забудь, что Ур-Качу выслала вперед посыльных. Предположим, племянник Курта сможет дорваться до Поляны, избежав встречи с люггером или стаей куврасов. Если он направится на север, ручаюсь, что вначале он встретит союзников Ур-Качу, торопящихся на соединение с ней.

Теперь настала очередь Курта прервать ее резким жестким смехом.

— А кто сказал, что он направится на север? Ульгор и Сара посмотрели на него.

— Как это? Очевидно, нам нужно…

Сара смолкла, увидев улыбку взрывника. *Если подумать, Курт никогда не говорил, что направляется на Собрание.* Она, вполне естественно, полагала, что его срочное дело именно там. *Но он мог оставить нашу группу на Перекрестке, где мы должны были повернуть вверх, к Яйцу.*

– Другие представители моей гильдии уже давно находятся там, чтобы помочь высоким мудрецам. Но мы с мальчиком направлялись в другое место. И поскольку уж речь зашла об этом, советую тебе, Сара, идти с нами. Прежде всего, это самое последнее направление, в котором будет искать Урунтай.

Это была самая длинная речь, какую Сара когда-либо слышала у Курта, и она начала размышлять над его словами. Например, почему он говорит об этом *в присутствии* Ульгор?

Потому что любой целеустремленный ур легко пройдет по свежему следу группы людей и ослов. Ульгор должна будет идти с нами, или ее придется уничтожить.

Но в таком случае разве та же логика не требует убийства всех остальных уцелевших? Курт, конечно, знает, что Сара никогда этого не позволит. И в любом случае проблема не в том, чтобы опередить преследователей на несколько дней.

Хороший следопыт, как Двер, сможет пройти и по более холодному следу.

Она уже собиралась заговорить об этом, но остановилась, поняв, что Курт все равно не ответит в присутствии разгневанных разбойников.

— Ты знаешь, что я не могу идти, — сказала она наконец, покачав головой. — Эти уры и люди умрут, если мы их оставим связанных, а освободить их мы не можем.

Если у нее были хоть какие-то сомнения в этом, достаточно было взглянуть в гневные глаза Дединджера. Эта холодная ярость представляет проблему, которую способны решить только расстояние и время. И чем больше и дальше, тем лучше.

— Я останусь и буду заботиться о них, пока не придут их друзья, — добавила она. — Урунтай, вероятно, защитит меня, потому что я помогла спасти жизнь нескольким воинам. Но, наверно, меня будут держать в плену. Может, мне даже удастся уговорить их не убивать разбойников Дединджера.

А вы с Джомой должны идти. Если отыщем нескольких ослов, с вами могут отправиться Прити и Незнакомец. И если очень повезет, вы где-нибудь встретите аптекаря и сильный отряд

милиции. Я пройду за вами несколько полетов стрелы и замету след, а потом возьму других ослов и проложу ложный след в другом направлении.

Ульгор негромко уважительно свистнула.

– Ты поистине сестра твоего брата. Сара повернулась и указала на элегантную урскую лудильщицу.

— Конечно, это означает, что ты использовала все время свободы, которое заработала, помогая нам в конце схватки. — Она наклонилась и подобрала веревку от палатки. — Тебе пора присоединиться к остальным у костра, соседка.

Ульгор попятилась.

А кто, кроме тебя, установил такое правило?– вызывающе спросила она на Галшесть.

Курт взвел курок пистолета.

— Я и моя волшебная палочка, Ульгор. Стой на месте. Ульгор, признавая поражение, согнула длинную шею.

— Ну хорошо, — безутешно сказала она. — Если вы настаиваете, я могу еще немного постоять.

Она продолжала произносить успокоительные слова, и только спустя дур или два Сара поняла, что *Ульгор продолжает пятиться.*

Курт, которого сбили с толку противоречивые сигналы, стоял в нерешительности, но тут закри-

чал Дединджер:

— Да она обманывает вас, придурки!

Ульгор мгновенно повернулась и понеслась в сумеречную полутьму. Курт выстрелил раз — промахнулся, и корпус ура исчез в скалах. Последним, что они видели, был взмах двух заплетенных хвостов. Пленные уры подняли голову и засмеялись. Рассмеялись и пленные люди.

— Тебе нужно больше практиковаться с этой штукой, дедушка, — заметил Дединджер. — Или отдать парню, который попадает с первого раза.

Прити оскалила зубы и зарычала на экс-мудреца, который насмешливо изобразил ужас, а потом снова рассмеялся.

Вот опять. Нет большего глупца, чем умный глупец.

– Что ж, это все меняет, — обратился Курт к Саре. — Это моя вина. Не следовало слушать тебя. Связать ее сразу, хотя она и спасла мне жизнь. Сейчас она может где-нибудь прятаться и наблюдать за нами. Или бежит, чтобы привести свою банду, прежде чем мы уйдем далеко.

Сара покачала головой. Далеко *для чего?* Побег Ульгор только приблизил неизбежное.

Взрывник знаком попросил ее подойти ближе. Когда она села рядом с ним, Курт поджал губы,

как будто не решался заговорить, а потом заговорил так тихо, что она едва слышала.

— В последнее время я все думаю, Сара… Это дар Яйца, что ты путешествуешь с нами. Благословение Ифни. Твое мастерство окажется очень полезным… для проекта, в осуществлении которого я принимаю участие. Я собирался попросить тебя на перекрестке…

— Попросить о чем?

— Чтобы ты отправилась с нами на юг, — он заговорил еще тише, — к горе Гуэнн.

– *К горе…* — начала Сара, вставая. Увидев паническое выражение на лице Курта, она снова села и заговорила тише.

— Ты ведь шутишь, верно? Ты знаешь, что у меня дело на Собрании. *Важное цело.* Если радикалы считают Незнакомца настолько важным, чтобы убивать его, разве наши мудрецы не должны с ним познакомиться и учесть его появление в своих решениях? К тому же, если чужаки его друзья, наш долг помочь ему получить современную медицинскую…

Курт помахал рукой.

— Все это правильно. Но если путь отсюда на Поляну блокирован, а нас ждет другое дело, может быть, гораздо более важное…

Сара смотрела на него. Он сошел с ума, как Дединджер? Что может быть более важным?

— …дело, над которым один их твоих коллег уже несколько недель работает в том месте, что я уже упомянул…

Один из моих коллег? Сара замигала. Боннера и Теина она видела несколько дней назад в Библосе. Пловов на Собрании. Тогда кто…

И тут в ее сознании всплыло имя.

Астроном Пурофски? На горе Гуэнн? Что он там делает, во имя Яйца?

– …дело, которое нуждается в твоем опыте, если могу взять на себя смелость сказать. Сара покачала головой.

— Это… место… оно за Великим Болотом, за пустыней и Спектральным Потоком! Нужно либо проделать долгий обходной путь по рекам, или плыть морем…

— Мы знаем короткий путь, — вставил Курт.

— …и ведь совсем недавно мы обдумывали безумный поход, только чтобы добраться до ближайшего поселка, и это такое же безнадежное путешествие, как на луну.

— Я не говорил, что будет легко, — вздохнул Курт. — Послушай, сейчас я хочу знать только одно. Если я смогу убедить тебя, что это возможно,

ты пойдешь с нами?

Сара сдержала ответ, который вертелся на языке. Курт уже проявил чудеса и вытащил из своей сумки божественные машины. Может, у него там есть и волшебный ковер-самолет? Или сказочные антигравитационные сани? Или глайдер на паутинных крыльях, чтобы поймать береговой ветер и отнести их в далекое царство огненных гор?

— Не могу тратить время на такие нелепые разговоры. — Сара встала. Ее тревожило отсутствие Незнакомца. Быстро темнело, и хотя Ульгор убежала на северо-запад, нет никакой гарантии, что она не повернет, чтобы отыскать и захватить врасплох человека из космоса. — Пойду искать…

Крик прервал ее, заставив подпрыгнуть. Резкий, полный гнева и удивления крик, мелодичный, словно отрывок лихорадочной песни. Крик столько раз отразился от окружающих скал, что невозможно было понять, откуда он доносится. От этого ужасного звука у Сары по спине побежали мурашки.

Прити схватила один из длинных урских ножей и подошла поближе к нервничающим пленникам. Джома наложил стрелу на маленький охотничий лук. Сара согнула руки, понимая, что в них должно быть оружие, но сама эта мысль

показалась ей непристойной. Она не могла заставить себя сделать это.

Недостаток характера, слегка ошеломленно подумала она. *Который не следует передавать детям. Особенно если мы погружаемся в век насилия и "героев".*

Крик становился громче, и напряжение росло. Невероятный вопль словно состоял на одну часть из боли, одну — из отчаяния и на восемь частей из унижения, как будто смерть предпочтительней того, что происходит. С каждым дуром он становился все громче и яростней, заставляя пленников тесниться друг к другу и тревожно вглядываться во тьму.

Но тут к первому звуку присоединился другой — басовый контрапункт. Быстрое неритмичное топанье, которое заставляло землю дрожать, как от приближающейся машины.

Курт взвел курок, держа пистолет перед собой.

Неожиданно на западе, на краю освещенного костром пространства, появилась фигура. Чудовищная фигура, наклонная и тяжелая, выступающая вперед под углом, с придатком вверху, который бился и метался, словно клубок рук и ног. Сара ахнула и сделала шаг назад.

Мгновение спустя фигура стала отчетливо

видна, и Сара с дрожащим вздохом узнала в этом выступающем придатке Ульгор, стонущую в отчаянии и стыде. Ее держали вверху две могучие, бронированные, вооруженные острыми клешнями хитиновые руки.

Руки *квуэна.* Остальные три руки из пяти были неловко выставлены вперед, удерживая равновесие, когда бьющийся ур пытался вырваться.

Сопротивление бесполезно, просвистел из ножных щелей хриплый, но знакомый голос. Голос, сухой от набившейся пыли, которая ввела вначале Сару в заблуждение: ей показалось, что броня у квуэна серая. И только у самого костра стал заметен истинный синий цвет панциря.

— Привет, друзья, — прохрипел Блейд, сын Грызущей Бревна, из деревни Доло. — Не найдется ли у кого-нибудь глоток воды?

Ночь была *ясная,* ветреная и очень холодная для этого времени года. Запас топлива приходилось беречь для костра, поэтому пленников закутали в полотно палатки, чтобы они могли греться теплом своих тел. Тьма склонила уров, в том числе и прочно связанную Ульгор, ко сну, но пленники-люди шептались в своем импровизированном убежище, и Сара мрачно гадала, что они замышляют. Конечно, они гораздо меньше

уцелевших членов банды Ур-Качу хотят утром или на следующий день увидеть появление на холмах новых воинов Урунтая. И если сумеют в темноте перегрызть свои веревки, что сможет сделать Курт со своим единственным пистолетом в случае внезапного нападения?

Конечно, многие из этих людей все еще слепы от вспышки. И успокаивает присутствие Блейда. Даже когда он стряхнул пыль и обнаружился синий цвет его панциря, он представляет из себя устрашающую фигуру. С его присутствием Сара и остальные могут даже рискнуть и по очереди немного поспать.

Если бы только мы знали, что случилось со звездным человеком, тревожилась Сара.

Его не было уже несколько мидуров. И хоть теперь Лусен тусклым сиянием освещал местность, легко было представить себе, что бедняга заблудился.

— Меня привел к вашему лагерю звук выстрела, — объяснил Блейд после того, как Сара и Джома влажной губкой промыли его речевые щели и глазные круги, использовав много драгоценной воды. — Я уже пришел в отчаяние, не видя ваш след в наступающей темноте, когда услышал раскат. А чуть позже увидел и отраже-

ние вашего костра вон там.

Сара подняла голову. На высокой каменной башне действительно плясало отражение. Может, оно приведет Незнакомца домой.

— Но представьте себе мое удивление, когда мне навстречу кто-то устремился! — Блейд усмехнулся сквозь три своих вентиляционных отверстия. — Конечно, мое удивление ничто по сравнению с шоком увидевшей меня Ульгор!

Рассказ квуэна был прост, но полон героизма. Он ждал под водой в оазисе Уриутта, пока не выступила быстрая группа Ур-Качу, а за ней более медленная экспедиция с пленными и добычей. Блейд провел это время, размышляя над тем, какие у него возможности. Направиться на Перекресток или к какому-нибудь поселку? Или попытаться пойти следом и помочь, когда будет возможность? Каждое из этих решений означало обезвоживание и мучения, не говоря уже об опасностях. Сара заметила, что Блейд ни разу не упомянул третью возможность — оставаться в оазисе, пока кто-нибудь не появится. Вероятно, она даже не приходила ему в голову.

— Но одного я никак не ожидал — что найду вас в господствующем положении Вы сумели самостоятельно одолеть обе группы! Кажется,

спасение вам и не понадобилось.

Сидя на панцире Блейда, где он промывал его обонятельные щели, Джома рассмеялся. Мальчик обнял синий купол.

— Ты нас всех спас! Сара кивнула.

— Ты величайший герой, мой дорогой друг.

После этого говорить было не о чем. Вернее, все так устали, что не могли говорить. Молча какое-то время смотрели на пламя. Сара посмотрела на Лусен, заметила яркие, отражающие солнечный свет покинутые буйурские города, эти вечные напоминания о могуществе и славе тех, кто некогда владел этой солнечной системой и когда-нибудь будет владеть снова.

Мы, сунеры, подобны снам Джиджо, подумала она. *Мы призраки, которые не оставят ни следа, когда уйдут. Мимолетные фантазии, пока тропа созидания отдыхает и готовится к новой фазе достижений какой-нибудь богоподобной расы.*

Не очень утешительная мысль. Сара не хотела быть сном. Она хотела того, что считала важным в жизни, хотела внести в это вклад своей работой, своими детьми, своей цивилизацией. Возможно, это желание объясняется неуместным и нестандартным воспитанием матери. Теперь ее дети — знаменитый еретик, легендарный охотник и

верующая в безумные теории иного пути избавления для всех Шести рас.

Сара думала о своем разговоре с Дединджером.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, кто из нас оказался прав, если Общине позволят идти своим путем. Плохо. Каждый из нас верит в нечто прекрасное в своем роде. По крайней мере гораздо более прекрасное, чем уничтожение.

Риф яркости

Тишина позволила вернуться некоторым привычным звукам природы. Остаточный колокольный звон в ушах постепенно стихал.

Я должна сейчас радоваться, что не оглохла или не ослепла окончательно — не говоря уже о том, что не умерла. Если какой-то устойчивый ущерб причинен, я сумею с этим жить.

Хороший пример показывает Незнакомец, постоянно оживленный, несмотря на утрату многого из того, что делало его таким, каким он был. Сара решила, что в такие времена никакое другое отношение, кроме твердого стоицизма, просто не имеет смысла.

Некоторые из звуков, которые принесла с собой ночь, она узнавала. Плывущая последовательность вздохов — это ветер, гладящий близко расположенные прерии, а потом пролетающий

сквозь щели в скалах. Отдаленный низкий стон говорит о стаде галлейетров. Потом послышался рев лиггера, предупреждающего всех держаться подальше от его территории. Потом пение незнакомой птицы.

Сара слушала, и пение постепенно становилось громче. Девушка поняла: *Это не птица.*

Звук постепенно набирал силы, заполнил ночь, оттеснив всех соперников. Сара встала. Изорванная палатка задрожала: это вставали остальные. А звук тем временем превратился в оглушительный рев, заставляя зажимать руками уши. Блейд втянул купол, пленные уры тревожно заржали, раскачивая взад и вперед длинные шеи. С ближайших каменных шпилей полетели камни. Сара испугалась, что шпили рухнут под давлением воздуха.

Этот звук — я его уже слышала.

Небо осветилось, над головой пронеслось что-то яркое, оно замедляло скорость с серией титанических хлопков, показалась гигантская труба, от которой даже на таком удалении пахнуло жаром…

Сара только раз мельком видела звездный корабль, когда он пролетел мимо ее окна в древесном доме. Кроме этого, только рисунки, чертежи

и сухие, абстрактные данные — все это бесполезно для сравнения оцепеневшим сознанием.

Должно быть, корабль еще очень высоко в атмосфере, поняла она. Но он кажется таким огромным…

Корабль богов пролетел примерно в направлении с юго-запада на северо-восток, он явно снижается, замедляет полет, готовится к посадке. Не нужно большого ума, чтобы догадаться о его цели.

Несмотря на всю невероятную красоту, Сара на этот раз не испытала ничего кроме ужаса.

Ларк

С расстояния трудно было рассмотреть что-нибудь. Сияние, исходившее от Поляны, было таким ярким, отбрасывало такие длинные тени — даже на заросших лесом склонах гор за много лиг отсюда.

— Теперь ты видишь, что вам противостоит, — сказала стоящая рядом, в окружении нескольких настороженных милиционеров, Линг. — Это не то, что сбить несколько роботов-охранников.

— Я в этом не сомневался, — ответил Ларк, заслоняя глаза и всматриваясь в сияние: про-

жектора корабля освещали место, где лежали развалины станции чужаков. После двух бессонных ночей шум двигателей корабля напомнил Ларку рев самки лиггера, только что вернувшейся с охоты и увидевшей искалеченным своего детеныша. И теперь она ревет в убийственном гневе.

— Но ты ведь знаешь, еще не поздно, — продолжала Линг. — Если передашь нам мятежников-фанатиков — и ваших Высоких Мудрецов, ротены будут рассматривать не коллективную, а индивидуальную вину. Наказание не обязательно будет всеобщим.

Ларк знал, что должен рассердиться. Повернуться и разоблачить ее лицемерное предложение, напомнить доказательства, которые все видели: ее хозяева планировали всеобщий геноцид.

Его остановили два обстоятельства.

Во– первых, хотя теперь все знали, что ротены собирались развязать кровавую гражданскую войну, нацеленную прежде всего на человеческое население Джиджо, подробности оставались неясны.

А дьявол заключен в подробностях.

К тому же Ларк слишком устал, чтобы выдержать еще один спор с молодой женщиной-биологом. Он повернул голову и шею, подражая

урскому пожатию плечами, и ответил на Галдва:

Разве у нас нет (гораздо более важных) дел, чем обсуждать (напряженно) абсурдные предложения?

Охранники, которые сопровождают их в укрытие, одобрительно засмеялись. Другие группы сейчас сопровождают Ранна и Ро-кенна в различные убежища, разделяя заложников как можно дальше.

Да, но почему мне поручили именно Линг?

Может, решили, что она будет слишком занята спорами со мной, чтобы попытаться бежать?

Насколько ему известно, им, возможно, придется провести вместе немало времени.

Они молча продолжали смотреть, как могучий корабль летает взад и вперед, освещая все уголки Поляны, каждое место, где всего несколько мидуров назад стояли павильоны. С далекого горного склона зрелище казалось ошеломляющим, гипнотическим.

— Мудрец, пора идти, здесь все еще небезопасно.

Это произнесла сержант милиции, маленькая жилистая женщина, по имени Шен, с блестящими черными волосами, тонкими чертами лица и

смертоносным складным луком на плече.

Ларк замигал, вначале не поняв, к кому она обращается.

Мудрец – а, да.

Потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть. Ларк всегда считал, что ересь приведет к дисквалификации, вопреки его подготовке и достижениям.

Но только мудрец может принимать решения в делах жизни и смерти.

Группа снова двинулась, но Ларк не мог удержаться и не оглядываться на Линг. Хотя большую часть времени ему хотелось “удавить ее”, это, конечно, всего лишь оборот речи.

Ларк сомневался, что ему удастся выполнить свой долг, если до этого дойдет. Даже сейчас, грязная и уставшая, женщина удивительно красива. Приятно на нее посмотреть.

Около мидура спустя полный отчаяния крик послышался в горах, отразился от заснеженных вершин и вернулся со всех сторон, заставив задрожать деревья. Солдаты показывали назад, туда, откуда пришли, где только что сверкание звездного корабля стало невыносимо ярче. Все бросились назад, к последнему повороту, откуда открывался вид на юго-запад, и заслонили ру-

ками лица.

— Ифни! — ахнул Ларк. Солдаты сжимали свое примитивное оружие или тщетно делали знаки, отвращающие зло. У всех лица побелели от отраженного света.

— Не… может… быть… — тяжело выдохнула Линг, делая паузы после каждого слова.

Огромный ротенский корабль по-прежнему висел над Поляной как и раньше, укутанный в сияние.

Но только теперь свет бил не только вниз, но и сверху, и отбрасывал его новый пришелец.

Другой корабль.

Гораздо, гораздо больший корабль, словно взрослый ур рядом со своей личинкой.

Ларк тщетно пытался примериться к масштабам. Но в голову приходили только святотатственные мысли.

Новое чудовище настолько велико, что вполне могло отложить Святое Яйцо, и в нем еще оставалось место для многого другого.

Вися под этим гигантом, корабль ротенов издал скрежет и задрожал, словно пытаясь улететь или просто сдвинулся с места. Но свет, льющийся на него сверху, как будто приобрел характер физического вещества, чего-то прочного, прижи-

мающего к земле. Меньший корабль окрасился золотистым цветом и тяжело опустился на почву Джиджо. Густое свечение накрыло его, сгустилось и затвердело, остывая.

Как воск, тупо подумал Ларк. Потом вместе с остальными повернулся и побежал через лес в ночь, бежал так долго, как могло вынести тело.

Аскс

Что это, мои кольца? Что за дрожь проходит по всей нашей груде?

В ней есть что-то знакомое.

Какой-то знакомый ужас.

В ослепительном свете мы стоим на праздничной поляне, заключенные в кокон застывшего времени, и вместе с нами застыли в движении сорванные листья и ветки — вблизи закованного в золото корабля.

А сверху эта новая сила. Новый титан.

Обжигающие лучи тускнеют. Посреди оглушительного гудения чудовищный корабль опускается, раздавив все оставшиеся деревья на южном краю долины, изменив русло реки, заполнив небо подобно горе.

Чувствуете ли вы это, мои кольца?

Испытываете ли предчувствие, которое заполняет нашу сердцевину ядовитыми испарениями?

В огромном борту корабля раскрывается люк, достаточно большой, чтобы поглотить целую деревню.

И на внутреннем освещенном фоне показываются силуэты.

Заостренные кверху конусы. Груды колец.

Могущественные родичи, которых мы надеялись никогда больше не увидеть.

Сара

Вскоре после того, как над головами пролетел второй космический корабль, в лагерь прибежал Незнакомец. К этому времени Сара настолько пришла в себя, что была в состоянии думать о насущных делах.

Делах, которыми она должна заняться.

Звездный человек пришел с юга, ведя с полдюжины усталых ослов. Он казался возбужденным, испытывал лихорадочную потребность что-то сказать. Раскрывал и закрывал рот, что-то бессвязно бормотал, как будто силой воли пытался выдавить слова.

Сара потрогала его лоб и проверила глаза.

— Знаю, — сказала она, пытаясь успокоить его перенапряженные нервы. — Мы тоже это видели. Огромная проклятая штука, больше озера Доло. Хотела бы я, чтобы ты мог нам сказать, не твой ли это корабль. Или там тот, кто тебе не нравится.

Она не была уверена, что он ее слышит, тем более понимает, что она говорит. Он был ближе к световой фанате и не был предупрежден.

Тем не менее в его возбуждении что-то казалось странным. Он указывал не на небо, как она ожидала, и не на север, где один за другим снижались корабли. Напротив, он жестами показывал на *юг,* в том направлении, откуда пришел.

Незнакомец встретился с ней взглядом и задрожал. Лоб его сосредоточенно сморщился, он несколько раз глубоко вдохнул. И с неожиданным блеском в глазах запел:

Черные и гнедые, пятнистые и серые, Кучер и шестерка лошадей. Баюшки-баю, не плачь, Спи мой малыш.

Голос его звучал хрипло, и Сара видела в его глазах слезы. Но он продолжал петь строчки, которые сохранились в памяти и лежали наготове много десятилетий в неповрежденном отделе мозга.

Когда проснешься, Получишь торт И множество маленьких Красивых лошадок.

Сара кивнула, стараясь понять смысл этой колыбельной.

— Много маленьких краен… о, Ифни! Она повернулась к взрывникам.

– Он видел уров! Они повернули и идут с юга, чтобы захватить нас врасплох!

Курт несколько раз мигнул, потом открыл рот — но не успел ничего сказать: все заглушили радостные возгласы пленников.

Ульгор вытянула к ним шею.

— Я говорила, что наши союзники не задержатся. Теперь перережьте эти веревки, чтобы я могла вмешаться и убедить друзей из Урунтая не обращаться с вами слишком жестоко.

— Сара, — сказал Курт, беря ее за локоть. Но она отбросила его руку. Нет времени.

— Курт, бери Джому, Прити и Незнакомца и уходите в скалы. Урунтай не сможет вас преследовать в такой местности. Вы сможете добраться до гор, если мы с Блейдом задержим их. Попытайтесь найти пещеру или что-нибудь. Идите!

Она повернулась лицом к синему квуэну.

— Ты готов, Блейд?

— Готов, Сара! — Синий щелкнул двумя клеш-

нями и выступил вперед, словно приготовился снова сражаться в битве у торгового поста Зиннур.

Раскаты смеха заставили ее обернуться. На этот раз смеялся Дединджер. Бывший мудрец был весел.

— Прошу прошения, сестра. Твой план великолепен. Он спасает жизнь мне и моим людям. Так что, Курт, делай, что она говорит! Иди в скалы! Уходи!

Сара сразу поняла, что имеет в виду Дединджер. Если подкрепление Урунтай обнаружит, что не может преследовать беглецов по покрытой камнями местности, или в каком-нибудь узком гроте, или на стволе дерева тару, это может заставить возобновить союз с радикалами-людьми, забыв о мести — по крайней мере пока не будут пойманы Курт и остальные.

Она приуныла, поняв тщетность своего замысла.

Мы через столько прошли и вернулись к тому, с чего начинали.

– Сара… — снова сказал Курт. Но не сказал то, что собирался, а наклонил голову. — Слушайте.

На поляне все стихло. Несколько мгновений спустя Сара тоже это услышала — стук прибли-

жающихся копыт. Большого числа копыт. Земля у нее под ногами задрожала.

Слишком поздно вырабатывать другой план. Поздно для всего, кроме достоинства.

Она взяла Незнакомца за руку.

— Жаль, что я сразу не поняла твое предупреждение, — сказала она, стряхивая пыль с его одежды и расправляя воротник. Если он ценен, то должен выглядеть как ценный заложник, а не какой-нибудь оборванец. Незнакомец ответил ей улыбкой. Они вместе повернулись на юг — лицом к приближающейся кавалерии.

В темноте, из-за большого камня, показались вновь прибывающие. *Да, это уры,* подумала Сара. Мощные, сильные и хорошо вооруженные, они дисциплинированным походным строем, который позволяет избегать засад, выходили на поляну, занимая позиции со всех сторон, потрясая арбалетами, в постоянном ожидании опасности. Сара была поражена и даже несколько оскорблена, когда передний не обратил никакого внимания на стоящих людей и Блейда, словно и не заметил их.

Что еще удивительней, он не обратил никакого внимания и на связанных пленников, оставив их на месте.

Сара заметила, что боевая раскраска на прибывших не такая, как у отряда Ур-Качу, — более сдержанная, гладкая и тусклая, просто извилистые линии. Может, это все-таки не Урунтай?

Видя выражение отчаяния на лице Ульгор, Сара поняла, что это совсем не те “друзья”, которых поджидала лудильщица. И она позволила себе слабую надежду. Может, это все-таки милиция? Никаких знаков различия или мундиров, да и не так они действуют, как типичный отряд урской милиции — группы местных пастухов, которые для забавы тренируются каждый восьмой день, если погода хорошая.

Но кто эти ребята?

Передовые, разъехавшиеся по сторонам, свистками показали, что все чисто. Тут к костру направилась старшая матрона с поседевшей мордой. Она приблизилась к жителям деревни Доло и с уважением согнула шею.

— Мы сожалеем о нашей медлительности, друзья. Печально, что вам причинили большие неудобства, но мы рады видеть, что вы преодолели все трудности без помощи.

Сара удивленно вздрогнула, видя, как Курт трется носом с престарелой самкой.

— Вы совсем не опоздали. Ты явилась как раз

в нужное время, Улашту. Я знал, что ты учуешь наши беды и явишься к нам…

В этот момент Сара перестала следить за их разговором. Незнакомец крепко взял ее за руку. Он дрожал всем телом.

Из темноты появились новые фигуры.

Поразительное зрелище.

Вначале Сара решила, что это новая группа уров, вооруженных для войны. Очень рослых уров, с необычными прямыми шеями и очень странными движениями. На мгновение она вспомнила древнюю иллюстрацию — изображение фриза на Парфеноне, того самого, на котором изображены *кентавры*…

А мгновение спустя она ахнула.

Какая глупость. Это всего лишь люди верхом на ослах. Ифни! Темнота все самое обыкновенное может сделать удивительным, особенно после того, как мы побывали в…

Она мигнула и снова уставилась.

Уж слишком большие ослы. Ноги всадников не тащатся по земле, они высоко над нею, по обе стороны от крупных корпусов, которые словно пульсируют животной силой.

— Это они! — закричал Джома. — Они настоящие! Они вовсе не были все убиты!

Сара чувствовала себя так, словно сошли со страниц — или из кошмаров — и ожили драконы, динозавры или звездные грифоны. Пленницы Урунтай испустили крик, полный гнева и отчаяния, когда поняли, кто появился в свете костра. Это означало, что их великое достижение, претензия их союза на славу — на самом деле неудача. Фарс.

Всадники спешились, и Сара поняла, что это все женщины. Она увидела также, что еще несколько рослых животных идут позади, оседланные, но ничем не нагруженные.

Нет, подумала она, догадываясь, что ей предложат. *Они не могут серьезно ожидать, что я соглашусь сесть на одну из этих тварей!*

Ближайшее животное фыркнуло, и Незнакомец поднял руку и погладил его по гигантской голове. Это животное массивней четверых или пятерых уров, вместе взятых, с челюстью, способной проглотить руку целиком. Но человек из космоса прижался щекой к мощной шее.

Со слезами на глазах он снова запел:

Когда проснешься, Получишь торт И множество маленьких Красивых лошадок.

Эпилог

Какая странная вселенная.

Он думал об этом, не облекая мысли в слова. Так ему было легче.

В последнее время он нашел несколько способов выражать мысли без тех поспешных, гудящих, жужжащих, щелкающих звуков, с помощью которых раньше делал это.

Музыка и песня. Числа. Рисунки карандашом. Чувства. И странные цвета, которые создают забавные живые визоры, которые иногда носят жители этой планеты.

Реуки.

Он может вспомнить название этого существа и гордится этим достижением.

По мере того как его состояние медленно улучшается, он яснее вспоминает самые важные имена.

Сара, Джома, Прити…

И другие слова, по два-три за раз.

Память его тоже проясняется. Он вспоминает, например, свой разведочный корабль, как по нему стреляли, а он тщетно пытался увернуться, отвести охотника от добычи.

Но не сумел, получил серию сильнейших ударов, а потом последовал период, который он по-прежнему не может отчетливо вспомнить. Какое-то слабое впечатление быстрого движения и перемены… после чего он падает в огне и врезается…

Нет, нет. Думай о чем-нибудь другом.

Езда верхом. Вот о чем думать гораздо приятней. Езда на оседланном животном. На *горячей* лошади. Удивительная, вдохновляющая радость такой езды, когда ветер охлаждает лицо, принося с собой тысячи поразительных запахов.

Удивительно, как много нравится ему в этом новом мире! В жизни, лишенной одного из тех явлений, которые делают человека *человеком.* Способности распоряжаться словами.

Теперь он вспоминает. Что-то очень похожее на его рану произошло и раньше. С его другом.

С его капитаном.

И в его сознании возникает образ. Красивая гладко-серая фигура. Плавники бьют воду, заполняя ее массой крошечных пузырьков. Узкие, бутылочной формы челюсти, заполненные острыми улыбающимися зубами. Мозг, пораженный, но все еще поразительно мудрый.

Неслышно он произносит три слога:

Край… дей… ки…

И это мгновенно вызывает цепь воспоминаний. Еще многие друзья. Корабль. Миссия. Необходимость.

Картина водных глубин. Воды такие глубокие и черные, что свет не может туда проникнуть. Укрытие, но не убежище. Во всем обширном космосе для них нет убежища. Но теперь, когда он освобождается из тюрьмы своей болезни, что-то новое возникает в сознании, удивляя неожиданным узнаванием.

Имя.

Мое… имя.

Скользкое от накопившегося напряжения, оно вырывается оттуда, где хранилось так нестерпимо долго. Прыгая взад и вперед, наконец успокаивается и оседает в пределах досягаемости.

Оно не должно было никогда уходить. Это самое привычное слово в личной жизни, но сейчас оно возвращается, словно чтобы приветствовать возвращение.

Скача сквозь ночь в экзотическом лунном свете, окруженный невероятными существами и культурой, непохожей ни на что известное ему раньше, он громко смеется, в восторге от того, что может сделать очень простую вещь. Вот эту.

Меня… зовут… Эмерсон.

Дэвид Брин
Берег бесконечности

Ариане Мэй, нашему великолепному посланцу, которая выскажется за нас на пороге фантастического двадцать второго века

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аскс — член Совета высоких мудрецов Джиджо, представляющий расу треки.

Баскин Джиллиан — агент Террагентского Совета и врач, исполняющая обязанности капитана космического корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов.

Блейд — синий квуэн, сын Грызущей Бревно; резчик по дереву и друг Сары Кулхан.

Брукида — дельфин, металлург, член экипажа «Стремительного».

Вуббен — высокий мудрец, представитель г'кеков.

Гек — г'кек, прозвище (подражание людям) сироты, выросшей в Вуфоне. Подруга Олвина.

Грязнолапый — дикий нур, прозванный так Двером Кулханом.

Двер — сын бумажника Нело Кулхана, главный следопыт Общины Шести Рас.

Дединджер — человек, фанатик, который хочет, чтобы все расы Джиджо регрессировали и когда-нибудь могли снова возвыситься из невинности.

Джесс — молодой охотник из племени Серых

Холмов. Прежний мучитель Рети.

Джими — «блаженный», дальше других продвинувшийся по Тропе Избавления.

Джома — молодой сын взрывника Хенрика.

Джоп — древесный фермер из деревни Доло, приверженец древних Священных Свитков.

Джошу — бывший поклонник Сары Кулхан, странствующий переплетчик, который умер во время эпидемии в Библосе.

Древние — общее название «ушедших на пенсию» рас из Фрактального скопления.

Заки — дельфин самец, астронавт третьего класса, член экипажа «Стремительного».

Йии — самец ур, изгнанный из домашней сумки прежней супругой. Позже «женился» на девушке сунере Рети.

Каа — дельфин, пилот «Стремительного». Прежде был известен как Счастливчик Каа.

Каркаеттт — инженер, помощник капитана «Стремительного».

Кембел Лестер — высокий мудрец, представляющий людей на Джиджо.

Кипиру — прежний главный пилот «Стремительного», пропавший на Китрупе.

Клешня — красный квуэн, друг Олвина, вырезавший батискаф «Мечта Вуфона» из древесного

ствола.

Крайдайки — дельфин, бывший капитан корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов. Пропал на Китрупе несколько лет назад.

Кунн — человек, пилот корабля ротенов-даников.

Курт — глава гильдии взрывников, дядя Джомы.

Ларк — натуралист, младший мудрец Общины и еретик.

Линг — женщина-даник, член экипажа корабля ротенов. Опытный биолог.

Макани — самка дельфин, старший врач корабля «Стремительный».

Мелина — покойная жена Нело Кулхана, мать Ларка, Сары и Двера.

Мопол — самец дельфин, астронавт второго класса со «Стремительного».

Нело — мастер-бумажник из деревни Доло, патриарх семейства Кулханов.

Нисс — разумный компьютер, предоставленный «Стремительному» агентами разведки тимбрими.

Один-В-Своем-Роде — древний мульк-паук, который должен был уничтожить руины на хребте Риммер.

Олвин — человеческое прозвище Хф-уэйуо, хуна-подростка из поселка Вуфон.

Озава Дэйнел — помощник мудреца, знающий тайны человеческой расы.

Орли Томас — агент Террагентского Совета, приписанный к «Стремительному», пропал на Китрупе. Муж Джиллиан Баскин.

Пипое — дельфин, самка; генетик и медицинская сестра со «Стремительного».

Прити — неошимпанзе; служанка Сары, увлекающаяся математикой.

Пурофски — мудрец из Библоса, специалист в области фундаментальных проблем физики.

Ранн — предводитель людей даников на борту корабля ротенов.

Рети — девушка сунер, бежала из варварского племени в Серых Холмах.

Ро— кенн — «повелитель» ротен; его последователями-людьми были Ранн, Линг, Беш и Кунн.

Ро— пул — возможно, подруга Ро-кенна, убитая перед Битвой на Поляне.

Стронг Лена — участница экспедиции Дэйнела Озавы в Серые Холмы.

Суэсси Ханнес — инженер со «Стремительного», превращенный в киборга Древними.

Теин — ученый из Библоса, ухаживавший за

Сарой Кулхан.

Тиуг — алхимик треки из кузницы на горе Гуэнн, активный помощник кузнеца Уриэль.

Тш'т — дельфин, самка, некогда пятая по старшинству в экипаже «Стремительного», сейчас вместе с Джиллиан Баскин выполняет обязанности капитана.

Ульгор — урская лудильщица и сторонница Урунтая.

Ум— Острый-Как-Нож — синий квуэн, высокий мудрец, представляющий квуэнов.

Уорли Дженни — участница экспедиции Дэйнела Озавы в Серые Холмы.

Ур— Джа — ур, высокий мудрец.

Урдоннел — ученица кузнеца, помощница Уриэль.

Уриэль — ур, мастер кузнец с горы Гуэнн.

Ур-ронн — урская подруга Олвина. Участница экспедиции на «Мечте Вуфона», племянница Уриэль.

Утен — натуралист, серый квуэн. Помогал Ларку написать путеводитель по джиджоанским видам.

Фаллон — следопыт в отставке, прежний учитель Двера.

Фвхун-дау — высокий мудрец, представитель

хунов.

Фу Ариана — заслуженный высокий мудрец, представитель людей (в отставке).

Харуллен — серый квуэн, интеллектуал. Предводитель секты еретиков, которые считали, что незаконные поселенцы должны добровольно прекратить размножаться и дать Джиджо возможность вернуться к невозделанному состоянию.

Хикахи — была третьей по старшинству на «Стремительном», утеряна на Китрупе.

Хуфу — любимый нур Олвина.

Хф— уэйуо — формальное хунское имя Олвина.

Шен Джени — сержант милиции, человек.

Эваскс — груда колец джофур, трансформировавшаяся из прежнего мудреца Аскса путем добавления мастер-кольца.

Эмерсон Д'Аните — человек, инженер, ранее был членом экипажа корабля Террагентского Совета «Стремительный», пока не разбился на Джиджо.

Те, кто стремится к мудрости, часто ищут ее в высочайших высотах или в глубочайших глубинах. Однако чудеса встречаются на отмелях, где зарождается, процветает и умирает жизнь.

Какой пик, какая гора способны преподать такие же суровые уроки, как текущая река, риф, о который разбиваются волны, или могила?

Из стенной надписи буйуров, найденной в болотах вблизи Далекого Влажного Убежища

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

(На пять джадуров раньше)

КАА

Какая странная судьба провела меня
Сквозь зимние ураганы
Мимо пяти галактик?
Только чтобы найти убежище
На заброшенной планете (обнаженным!)
В ламинарной роскоши!

Так думал он, ныряя или качаясь на волнах, сильными ударами хвоста бросая вперед свое гладкое серое тело, наслаждаясь ласковыми прикосновениями воды к обнаженной плоти.

Пятнистый солнечный свет отбрасывал сверкающие столбы на хрустально прозрачные отмели, проникал сквозь путаницу плавучих морских растений. Серебристые местные существа, похожие на рыб с плоскими челюстями, соблазнительные на взгляд, двигались в светлых

зонах. Каа подавил инстинктивный порыв к преследованию. Может быть, позже.

Вода вокруг не маслянистая, она не липнет к телу, как в жирных морях Оакки, зеленой-зеленой планеты, где словно мыльные пузыри каждый раз вырываются из дыхала, когда он поднимался на поверхность, чтобы подышать. Впрочем, и дышать-то на Оакке не стоило. На этой ужасной планете не хватит доброго воздуха, чтобы оживить впавшую в кому выдру.

И вкус у этого моря хороший, не такой резкий, как на Китрупе, где каждая вылазка за пределы корабля давала смертельную дозу тяжелых металлов.

По контрасту вода на планете Джиджо кажется чистой, со слабым соленым привкусом, который напоминает Каа о могучем течении, проходящем мимо Флоридской академии в его счастливые дни на далекой Земле.

Он попытался прищуриться и сделать вид, что он дома, гоняется за кефалью в Бискайском заливе, в безопасности от жестокой вселенной. Но попытка не удалась. Отличие первостепенной важности продолжало напоминать, что он в чужом мире.

Звуки.

…гул прибоя в континентальном шельфе — сложный ритм, определяемый притяжением не одной луны, а трех.

…эхо волн, ударяющихся о берег, жесткий песок которого обладает своеобразной острой текстурой.

…редкие далекие стоны, которые исходят словно от самого дна океана.

…возвратные колебания его собственных сонарных щелчков, отразившиеся от стай рыбообразных существ, которые необычным образом шевелят плавниками.

…и прежде всего гул двигателей — звучание механизмов, которое заполняет дни и ночи Каа уже пять долгих лет.

А теперь и другой щелкающий стонущий звук. Сжатая поэзия долга.

Смягчись, Каа, и расскажи нам
Исследовательской прозой,
Безопасно ли нам прийти.

Этот голос преследует Каа подобно трепещущей звуковой совести. Он неохотно поворачивает назад, к подводной лодке «Хикахи», собранной из частей древних кораблей, разбросанных по дну глубоководной впадины, — временному со-

оружению, вполне соответствующему экипажу из неудачливых беглецов. Двери-раковины громоздко раскроются, подобно челюстям огромного хищника, выпустив остальных вслед за ним, если он даст знать, что все чисто.

Каа послал ответ на тринари, усилив его с помощью специального устройства, вживленного в череп за левым глазом.

Если бы речь шла только о воде,

Мы бы сейчас были на небе.

Но подождите! Я проверю, что наверху!

Его легкие уже предъявляли требования, поэтому он подчинился инстинкту и по спирали понесся к сверкающей поверхности. Готова ты, Джиджо, или нет — я иду!

Ему нравится пронзать напряженную границу между небом и морем, на мгновение лететь в невесомости, а затем снова погружаться с всплеском и пеной. Тем не менее он не сразу решился вдохнуть. Приборы предсказывают земноподобную атмосферу, тем не менее он нервничал при первом вдохе.

Во всяком случае вкус у воздуха лучше, чем у воды. Каа развернулся, радостно молотя хвостом. Он доволен, что лейтенант Тш'т из всех

добровольцев выбрала его. Он первый дельфин, первый уроженец Земли, который поплыл в этом сладком чужом море.

И тут он увидел рваную серо-коричневую линию, очень близкую, пересекающую весь горизонт.

Берег.

Горы.

Он остановил вращение, чтобы разглядеть континент — населенный, как они уже знают. Но кем?

Никакой разумной жизни на Джиджо не должно быть.

Может, они просто прячутся здесь, как и мы, от враждебного космоса. Это одна из теорий.

По крайней мере мы выбрали приятную планету, добавил он, наслаждаясь воздухом, водой и великолепными рядами облаков над гигантскими горами. Интересно, вкусная ли здесь рыба.

Мы ждем тебя,

Нервничая в тесном шлюзе.

Может, нам поиграть в карты?

Каа поморщился, уловив сарказм лейтенанта. Он торопливо ответил пульсирующими волнами.

Судьба снова улыбнулась нам,

Усталой банде мошенников.

Добро пожаловать, друзья, на берег Ифни.

Может показаться самонадеянным, что он снова помянул богиню случая и судьбы, капризную Ифни, которая всегда готова преподнести экипажу «Стремительного» новый сюрприз. Еще одно неожиданное несчастье или чудесное спасение. Но Каа всегда чувствовал близость к этой неформальной богине космонавтов. В Террагентской исследовательской службе могут быть пилоты и получше его, но никто так не уважает случай. Разве не прозвали его Счастливчиком?

До последнего времени он им и был.

Он услышал снизу звук открывающихся дверей-раковин. Вскоре к нему присоединятся Тш'т и остальные — в этом первом осмотре поверхности Джиджо, планеты, которую они до сих пор видели недолго только с орбиты, а потом из глубочайшей и самой холодной морской впадины. Вскоре появятся его товарищи, но у него есть еще несколько мгновений одиночества — шелковистая вода, ритмы прилива, ароматный воздух, небо и облака.

Взмахнув хвостом, он приподнялся в воде и осмотрелся. Это не обычные облака, понял Каа, глядя на огромную гору, возвышающуюся на востоке, чья вершина окутана белыми завитками. Линзы, имплантированные в правый глаз, настроились на спектральный анализ, посылая сигналы в оптический нерв: пар, двуокись углерода, подземный жар.

Вулкан, понял Каа, и его возбуждение и радость чуть схлынули. В геологическом смысле очень неспокойная часть планеты. Те же силы, которые делают эту часть хорошим убежищем, одновременно могут и принести опасность.

Наверно, этим и объясняются стоны, подумал он. Сейсмическая активность. Взаимодействие мини-землетрясений и прорывов газа из коры с накрывающим их слоем моря.

Но тут его внимание привлекло еще что-то — примерно в том же направлении, но гораздо ближе, бледное пятно, которое тоже могло бы быть облаком, если бы не то, как оно движется: хлопает, подобно птичьему крылу, и раздувается под ветром.

Парус, решил Каа. Он следил, как корабль поворачивает через фордевинд — двухмачтовая шхуна, грациозная, такая знакомая по Карибско-

му морю дома.

Нос ее разрезает воду, оставляя след, в котором так любят играть дельфины.

Линзы снова приспособились, увеличили изображение, и Каа разглядел смутные двуногие фигуры, которые натягивают снасти и деловито работают на палубе, как обычный морской экипаж.

Только это не люди. Каа видел чешуйчатые спины, посредине которых выделяется острый хребет-позвоночник. Ноги поросли длинной белой шерстью, а под широкими подбородками раздуваются лягушачьи мембраны: экипаж поет, сопровождая ритмичными звуками работу. Пение Каа смутно слышит даже на расстоянии.

Он с холодком понял, что узнает эти существа.

Хуны! Что, ради Пяти Галактик, они здесь делают?

Каа услышал шелест хвостовых плавников — к нему поднимаются Тш'т и остальные. Он должен сообщить, что здесь живут враги Земли.

И мрачно осознал: эта новость еще не скоро позволит ему вернуть себе прежнее прозвище. Каа снова подумал о ней, капризной богине неопределенной судьбы. И вспомнил собственную фразу на тринари, которую произнес в окружающих

водах чужого мира.

Добро пожаловать.

Добро пожаловать.

Добро пожаловать на берег Ифни.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» НЕЗНАКОМЕЦ

Существование напоминает блуждания по обширному беспорядочному дому. Дому, разрушенному землетрясениями и огнем, а теперь заполненному горьким непонятным туманом. И каждый раз как он пытается приоткрыть какую-нибудь дверь, заглянуть в маленький уголок прошлого, каждое такое открытие сопровождается волнами острой боли.

Со временем он научается не обращать внимание на эту боль. Скорее каждый такой приступ для него верстовой столб, сигнал, знак, подтверждающий, что он на верном пути.

Его прибытие на эту планету — стремительное падение сквозь обжигающее небо — должно было бы закончиться милосердной тьмой. Но какая удача бросила его обожженное тело в зловонное болото?

Странная удача.

С тех пор он познакомился с самыми разными видами страданий — от сильнейшей боли до легких уколов. И, каталогизируя их, узнал, как

много видов боли существует.

Эта ранняя боль, сразу после падения, хриплая и громкая, исходила от ран и ожогов, боль такой силы, что он почти не заметил пестрый экипаж местных дикарей, который плыл к нему на самодельной лодке, словно грешники, вытягивающие падшего ангела из топкой трясины. Они не дали ему утонуть, но только предоставили другому, более страшному проклятию.

Эти существа настаивали, чтобы он боролся за жизнь, тогда как ему гораздо легче было бы не сопротивляться.

Позже, когда самые явные раны залечились или заросли, к симфонии боли присоединились новые голоса.

Боли сознания.

В его жизни зияют дыры, обширные слепые зоны, темные и пустые, где когда-то исчезнувшие воспоминания преодолевали мегапарсеки и световые года. Каждый провал вызывает немоту и ледяное оцепенение — это гораздо мучительней зуда, когда нельзя почесаться.

С тех пор как начал странствовать по этому удивительному миру, он постоянно всматривается в темноту внутри. И с оптимизмом цепляется за мелкие трофеи этой непрерывной битвы.

Один из таких трофеев — Джиджо.

Он мысленно ощупывает это слово, перекатывает его в сознании — название планеты, где в диком мире живут шесть рас изгнанников. Смешанная культура, подобной которой нет нигде среди мириадов звезд.

Второе слово после неоднократных повторов приходит легче — Сара. Она вырвала его из лап почти неминуемой смерти в своем древесном доме, выходящем на примитивную водяную мельницу, она успокаивала его, смягчала панику, когда он, очнувшись, видел клешни, когти и груды слизистых колец — хунов, треки, квуэнов и других, совместно ведущих здесь грубую примитивную жизнь.

Он знает и другие слова, такие, как Курт и Прити, — это друзья, которым теперь он доверяет почти так же, как Саре. Приятно вспоминать их имена: слова приходят почти так же легко и без усилий, как и в дни до того, как его искалечило.

Одним недавним достижением он особенно гордится.

Эмерсон. Это его собственное имя, которое он так долго не мог вспомнить. Сильнейший шок вырвал его, высвободил несколько дней назад — вскоре после того как он спровоцировал от-

ряд повстанцев-людей, заставил предать своих урских союзников. По сравнению с той схваткой бои в космосе кажутся стерильными. Кровавое безумие кончилось с неожиданным взрывом, который разорвал грязную палатку, проник сквозь закрытые веки Эмерсона, подавил стражников разума.

Вот тогда, сквозь ослепляющие лучи, он мельком увидел своего капитана.

Крайдайки.

Ослепительное сияние превратилось в светящуюся пену, поднятую ударами хвостового плавника. Из пены показалась длинная серая фигура, бутылкообразная голова заканчивается пастью, в которой сверкают зубы. Скользкая голова улыбнулась, несмотря на страшную рану за левым глазом, почти такую же, как та, что лишила Эмерсона дара речи.

Из многообразных пузырей сформировались слова — на языке, неведомом ни туземцам Джиджо, ни великим галактическим кланам.

В поворотах
циклоида
Приходит время
вырваться на поверхность.

Время
возобновить
дыхание.
Присоединиться
к снам
большого моря.
Пришло время
и для тебя, мой старый друг.
Время проснуться
и увидеть, что буйствует.

Поразительное узнавание сопровождалось волнами страшной боли, хуже любого физического страдания или раздражающей немоты.

Тогда его едва не одолел стыд. Ибо никакая рана, ничто, кроме смерти, не должно было заставить его забыть.

Крайдайки.

Землю.

Дельфинов.

Ханнеса.

Джиллиан.

Как могли они выскользнуть из его сознания на те месяцы, что он бродит по этому варварскому миру в лодке, на барже и в караване?

Сознание вины едва не поглотило его при этом узнавании, но новые друзья нуждались в нем, в его действиях, нужно было воспользоваться кратким временем преимущества сразу после взрыва, победить похитителей и сделать их пленниками. И в сумерках, опустившихся на разорванную палатку и разбросанные тела, он помогал Саре и Курту связывать уцелевших врагов: уров и людей — хотя Сара считала эту передышку временной.

Вскоре к фанатикам подойдут подкрепления.

Эмерсон знал, чего хотят эти мятежники. Им нужен он. Не секрет, что он пришел со звезд. Повстанцы хотят продать его небесным охотникам, надеясь променять его побитое тело на гарантированное выживание.

Как будто теперь, когда Пять Галактик их обнаружили, что-то может спасти расы изгнанников на Джиджо.

Теснясь к угасающему костру, лишенные убежища, кроме порванной палатки, Сара и остальные смотрели, как горько-холодные созвездия пересекают грозные предзнаменования.

Сначала могучий космический титан, устремившийся к ближайшим горам, стремящийся к ужасной мести.

А потом, по тому же пути, пролетел второй

гигант, такой огромный, что тяготение Джиджо словно слабело, когда он пролетал над головой, наполняя всех страшными предчувствиями. И вскоре среди горных вершин мелькнула золотая молния — ссора гигантов. Но Эмерсону все равно, кто победил. Он видел, что ни один из кораблей не его, не тот космический дом, к которому он стремится и молится, чтобы никогда больше его не увидеть.

Если ему повезло, «Стремительный» должен быть далеко от этого обреченного мира, и в трюме его сокровище древних загадок — быть может, ключ к новой галактической эре.

Разве все его жертвы и страдания не должны были облегчить бегство корабля?

После того как гиганты пролетели, остались только звезды и холодный ветер; он раскачивал сухую степную траву, когда Эмерсон ходил в поисках разбежавшихся вьючных животных. С ослами его друзья могут успеть уйти до появления новых фанатиков.

Но тут послышался гулкий звук, земля под ногами задрожала, ритмичная последовательность продолжалась -

таранта таранта

Это могут быть только копыта уров, те самые подкрепления мятежников, которые снова превратят их в пленников.

Но чудесным образом из темноты появились союзники — неожиданные спасители, уры и люди, которые привели с собой поразительных животных.

Лошадей.

Оседланных лошадей, которые для Сары были явно таким же сюрпризом, как и для него. Эмерсон считал, что на планете эти животные исчезли, однако вот они, появляются в ночи, словно сон.

Так начался следующий этап его одиссеи. Поездка на юг, бегство от тени мстительных кораблей, движение к неспокойному вулкану.

И вот теперь его искалеченное сознание не знало покоя — есть ли план? Цель?

Старик Курт, очевидно, верит этим поразительным спасителям, но в этом должно быть что-то еще.

Эмерсон устал от бегства.

Он скорее устремился бы навстречу опасности.

Его лошадь скачет вперед, а к фоновой музыке всей его жизни присоединяются новые боли

— натертые бедра, измученная спина, в которой при каждом толчке вспыхивает боль.

таната таната таната-тара

таната таната таната-тара

Он испытывает чувство вины, словно от сознания невыполненного долга, его печалит вероятная участь новых друзей на Джиджо — теперь, когда тайная колония обнаружена.

И однако.

Со временем Эмерсон приспособился к седлу. Когда восходящее солнце высушило росу на вееробразных деревьях на речном берегу, рои ярко окрашенных насекомых замелькали в косых лучах, опыляя поля пурпурных цветов. Сара с улыбкой оглядывалась со своей лошади, и Эмерсону становилось не так больно. Даже страх перед ужасными космическими кораблями, гневным высокомерным ревом двигателей расколовшими небо, не мог унять растущее возбуждение беглецов, приближавшихся к чему-то неведомому.

Эмерсон сам не мог сдержаться. В его характере было хвататься за любую, самую слабую надежду. И топот лошадиных копыт по древней почве Джиджо показался ему знакомым, напомнил ритмичную музыку, совсем не похожую на го-

рестную песнь.

тарантара, тарантара

тарантара, тарантара

И сквозь эти настойчивые звуки неожиданно что-то внутри щелкнуло. Тело невольно среагировало: с мозга словно сорвали какой-то покров, из-под него хлынули неожиданные слова в сопровождении мелодии, от которой замирает сердце. Потоком рефлекторно полились стихи, устремились сквозь легкие и горло прежде, чем он понял, что поет.

Хотя наше тело и сознание (таранта, таранта)

Скованы робостью (таранта)

И слепы (таранта, таранта)

К поджидающей нас опасности (таранта)

Друзья улыбались — такое случалось и раньше.

Но когда опасность близка (таранта, таранта),

Мы так же бесстрашны (таранта),

Как любой другой,

Как любой другой!

Сара смеется, подхватывая припев, и даже мрачные уры из эскорта вытягивают длинные шеи и подпевают.

Но когда опасность близка (таранта, таранта),

Мы так же бесстрашны (таранта),

Как любой другой,

Как любой другой!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Каждая из рас сунеров, составляющих Общину Джиджо, по-своему рассказывает историю своего появления здесь. Эта история передавалась из поколения в поколение и объясняла, почему предки расы отказались от богоподобных сил и рисковали страшными наказаниями, чтобы добраться до этого места, теснились на крадущихся кораблях, минуя институтские патрули, роботов-стражников и шары зангов. Семь волн грешников, и каждая засевала своим семенем этот мир, на котором поселяться запрещено. Мир, который должен был прийти в себя, отдохнуть от таких, как мы.

Первыми в эту местность между туманными горами и священным морем, которую мы называем Склоном, прилетели г'кеки — через полмиллиона лет после отлета с Джиджо последних законных обитателей планеты, буйуров.

Почему основатели г'кеки добровольно отказались от своей прежней жиз-

ни звездных богов? Почему решили жить примитивной жизнью, лишенной удобств технологии и моральных оправданий, кроме нескольких выгравированных на платине свитков?

Легенды говорят, что г'кеки спасались от грозившего им уничтожения, от страшного наказания за долги в азартных Играх. Но мы точно этого не знаем. Письмо, по крайней мере До появления людей, было забыто, поэтому любые рассказы могли исказиться с ходом времени. Но мы знаем, что не пустая мелкая угроза заставила их отказаться от жизни меж звездами, искать убежища на тяжелой Джиджо, где их колесам трудно приходилось на скалистой почве. Неужели своими четырьмя глазами, расположенными на концах грациозных стебельков и глядящими одновременно во все стороны, предки г'кеков разглядели, как темные ветры галактики несут к ним страшную судьбу? Неужели то первое поколение не видело другого выхода? Возможно, они обрекли своих потомков на эту суровую жизнь только в виде последнего, крайне-

го выхода.

Вскоре после г'кеков, примерно две тысячи лет назад, с неба торопливо спустилась группа треки, словно спасаясь от преследования ужасного врага. Не тратя времени, треки затопили свои корабли в глубочайшей морской впадине и поселились, превратившись в самое миролюбивое племя.

Какой рок изгнал их со спиральных линий?

Любой житель Джиджо, глядя на знакомые груды жирных колец, испускающие ароматные запахи и рассеивающие мирную мудрость в любой деревне на Склоне, и представить себе не может, что у треки есть враги.

Со временем они рассказали свою историю. Враг, от которого они бежали, не другая раса, не было и смертельной вендетты со стороны звездных богов Пяти Галактик. Нет, они бежали от самих себя, от особой своей сути. Некоторые кольца, компоненты их физического тела, были в последнее время модифицированы и превратились в ужасные существа, в

джофуров, могучих и ужасных, которых боялись все благородные галактические кланы.

Такую судьбу треки-основатели считали непереносимой. И поэтому предпочли участь незаконных беглецов — сунеров, на запретном мире, чтобы избежать ужасной судьбы.

Обязательства быть великими.

Говорят, глейверы прилетели на Джиджо не из страха, а в поисках пути Избавления — своего рода забвения невинности, которое все стирает с грифельной доски. В достижении этой цели они преуспели больше всех остальных, показав всем нам путь, если мы решимся пойти по нему.

Станет ли эта священная дорога нашей или нет, мы должны уважать их достижение: из проклятых беженцев они превратились в расу благословенных простодушных существ. Останься они бессмертными межзвездными богами, их можно было бы привлечь к ответственности за преступления, включая незаконное вторжение на Джиджо. Но

теперь они достигли убежища, чистоты невежества и могут начать все сначала.

Мы снисходительно позволяем глейверам рыться в помойках, искать под упавшими стволами деревьев насекомых. Некогда обладавшие могучим интеллектом, теперь они не числятся среди рас сунеров Джиджо. Больше грехи предков их не пятнают.

Квуэны первыми из прибывших испытывали осторожное тщеславие.

Ведомое фанатичными, похожими на крабов матронами, первое поколение колонистов-квуэнов решительным щелчком всех пяти клешней отказалось от самой мысли о союзе с другими обитателями Джиджо. Напротив, квуэны стремились к господству над остальными расами.

Со временем, когда синие и красные квуэны отказались от своей старинной роли слуг и пошли своим путем, план господства рухнул. Разгневанные серые императрицы оказались не в силах восстановить прежнюю феодальную верность вассалов.

Когда наших рослых братьев-хунов спрашивают: «Почему вы здесь?», они глубоко вдыхают. Из их удивительных горловых мешков доносится задумчивое ворчание. Раскатистым голосом хунские старейшины рассказывают, что их предки не бежали от большой опасности, угнетения или нежеланных обязательств.

Но тогда почему они прилетели, рискуя жестоким наказанием, если их потомков когда-нибудь застанут ведущими разумную жизнь на Джиджо? Старейшие хуны лишь раздраженно пожимают плечами, словно сами не знают причины и не хотят, чтобы их об этом спрашивали.

Впрочем, некоторые вспоминают легенду. Согласно этой туманной истории, некогда галактический оракул предложил звездному клану хунов уникальную возможность, если хуны посмеют ею воспользоваться. Возможность вернуть себе нечто отнятое у них, хотя сами они никогда не знали, что что-то утратили. Драгоценное достояние, которое может быть найдено на запретном мире.

Но чаще, когда один из высоких хунов

раздувает свой горловой мешок и начинает петь, поет он о грубых плотах, лодках и морских кораблях, которые хуны самостоятельно изобрели вскоре после высадки на Джиджо. Их не знающие чувства юмора звездные братья никогда не догадывались поискать упоминания обо всем этом к Галактической Библиотеке, а тем более пытаться их построить.

Легенды быстроногих уров намекают, что урские прабабки были преступницами и прилетели на Джиджо для размножения — избегая ограничений, наложенных на разумные расы Пяти Галактик. Короткоживущие, горячие, плодовитые, основательницы колонии уров могли заполнить своими потомками всю Джиджо или вымереть, как мифические кентавры, которых они так напоминают.

Но они избежали и того и другого. Напротив, после множества жестоких схваток — у горна и на поле битвы, они заняли почетное место в Общине Шести Рас. Со своими громоподобными стадами, с их владением сталью, они живут среди

нас горячей полнокровной жизнью, компенсируя ее кратковременность.

Наконец двести лет назад прилетели земляне, привезя с собой шимпанзе и другие сокровища. Но величайшим даром людей стала бумага. Создав сокровищницу печатных текстов Библос, они стали владыками знаний в нашем жалком сообществе изгнанников. Книгопечатание и образование изменили жизнь на Склоне, приведя к появлению новых традиций учености, и последующие поколения изгнанников посмели начать изучение своего мира, своей гибридной цивилизации и самих себя.

А что касается причины того, что люди прилетели, нарушив галактические законы и рискуя всем — только для того чтобы спрятаться от страшного неба среди других преступников, то это одна из самых необычных историй, какие рассказывают в кланах изгнанников на Джиджо.

«Этнография Склона»
Дорти Чанг-Джонса и Хуф-алх-Хуо

СУНЕРЫ
ОЛВИН

Ошеломленный и полупарализованный в своей металлической клетке, я не мог определить, сколько времени прошло. Я лишь вслушивался в гудение двигателей механического дракона, который тащил меня и моих друзей в неведомое.

Вероятно, с катастрофы нашей самодельной подводной лодки, нашей прекрасной «Мечты Вуфона», прошло несколько дней, прежде чем я нашел в себе силы задуматься: а что же дальше?

Смутно я помнил морду морского чудовища, какой мы ее впервые увидели в примитивном смотровом окне «Мечты», освещенную самодельными прожекторами. Лишь мгновение мы могли видеть его, пока огромное металлическое чудовище поднималось из черных ледяных глубин. Мы вчетвером: Гек, Клешня, Ур-ронн и я — уже приготовились к смерти и забвению на морском дне. Наша экспедиция потерпела неудачу, нам больше не хотелось морских приключений, мы, как испуганные дети, в ужасе опустошали желудки, ожидая, пока жестокая пропасть не превратит

деревянный корпус нашей лодки в щепки.

Неожиданно эта огромная фигура метнулась к нам и раскрыла огромную пасть, в которую целиком вошла наша «Мечта Вуфона».

Ну, почти вся. Проходя в челюсти, мы получили страшный удар.

И этот удар расколол нашу крошечную капсулу.

То, что последовало за этим, вспоминалось смутно и болезненно.

Вероятно, смерть все преодолевает, но с момента удара бывали мгновения, когда спина у меня так болела, что мне хотелось в последний раз раздуть свой поврежденный горловой мешок и попрощаться с молодым Олвином Хф-уэйуо, начинающим лингвистом, писателем, хьюмикером, смельчаком и невнимательным сыном Му-Фауфка и Йоуг-уэйуо из порта Вуфон, Склон, Джиджо, Четвертая Галактика, Вселенная.

Но я остался в живых.

Вероятно, сдаваться не по-хунски — после всего, через что прошли мы с моими друзьями. А что, если выжил только я? Я в долгу перед Гек и остальными и должен продолжать.

Моя клетка — тюремная камера? — больничная палата? — размером всего два метра на два и три.

Тесновато для хуна, хотя и не совсем взрослого. А когда внутрь втискиваются шестиногие демоны в металлических костюмах и пытаются лечить мою раненую спину, щупая ее с (надеюсь) неуклюжей осторожностью, становится еще теснее. Несмотря на все их усилия, боль накатывается волнами, и мне отчаянно хочется получить лекарства, которые готовит Старый Вонючка — наш домашний аптекарь-треки.

Мне приходит в голову, что я больше никогда не смогу ходить, не увижу свою семью, полет птиц над кораблями-мусорщиками, причаленными под куполом защитных деревьев Вуфона.

Я пытался разговаривать с гигантскими насекомыми, входящими в мою комнату и выходящими из нее. Хотя у каждого из них туловище длиннее тела моего отца, с вздутием на конце, с трубообразной раковиной крепче буйурской стали, я все равно представлял себе их как гигантских фувнтусов, этих шестилапых паразитов, которые грызут стены деревянных домов, издавая сладковатый запах.

Но пахнут эти твари перенапрягшимися машинами. Вопреки моим попыткам заговорить на дюжине земных и галактических языков, они еще менее разговорчивы, чем настоящие

фувнтусы, которых мы с Гек ловили, когда были поменьше, и пытались научить выступать в миниатюрном цирке.

Все это мрачное время мне не хватало Гек. Не хватало ее быстрого г'кекского ума и остроумного сарказма. Не хватало даже ее привычки дергать меня за мех на ногах, чтобы привлечь внимание, когда я в хунском моряцком трансе слишком долго смотрел на горизонт. Я помню, как беспомощно вращались ее колеса в пасти морского чудовища сразу после того, как гигантские челюсти стиснули нашу драгоценную «Мечту» и мы растянулись среди осколков любительской подводной лодки.

Почему я не бросился к подруге сразу после страшных мгновений крушения? Как мне ни хотелось этого, я не мог преодолеть кричащий ветер, который ворвался в помещение, вытесняя горькое море. Вначале мне приходилось бороться за каждый вдох. А потом, когда я попытался двинуться, спина не слушалась.

В эти смутные мгновения я видел также Ур-ронн, которая извивала свою длинную шею, кричала и била всеми четырьмя ногами и двумя тонкими руками в ужасе от подступающей страшной воды. Замшевая кожа Ур-ронн порезана осколками стеклянного иллюминатора,

который она гордо изготовила в вулканической мастерской кузнеца Уриэль; из ран течет кровь.

Острая Клешня тоже здесь, он лучше нас приспособлен для выживания под водой. Красный квуэн Клешня привык ползать на своих пяти хитиновых когтях по дну соленых отмелей, хотя даже он не выдержал бы погружения в бездонную пропасть. В этом смутном воспоминании, мне кажется, Клешня был жив, или я себя обманываю?

Последнее мое воспоминание перед тем, как погрузиться во тьму, — какие-то страшные образы-чудовища, и я пришел в себя, одинокий и бредящий, в этой камере.

Иногда фувнтусы каким-то образом облегчают боль в спине, и я готов выложить им все свои тайны. Разумеется, если бы они меня расспрашивали. Но они этого никогда не делают.

Поэтому я даже не намекал на поручение, данное нам кузнецом Уриэль — поискать запретное сокровище, которое много столетий назад наши предки оставили на морском дне. Тайник, оставленный первыми урскими поселенцами, прежде чем они отказались от своих кораблей и высоких технологий и стали еще одной падшей расой. Только какая-то крайняя необходимость могла заставить Уриэль нарушить Соглашение и пойти

на такую контрабанду.

Думаю, «крайняя необходимость» — это необходимость справиться с чужаками-грабителями, которые сорвали праздник собрания Шести Рас и угрожают всей Общине геноцидом.

Постепенно боль в спине настолько ослабла, что я смог порыться в рюкзаке и продолжить записи в измятом дневнике, чтобы довести рассказ о наших злополучных приключениях до самых последних событий. Это немного улучшило мое настроение. Если даже никто из нас не выживет, дневник может каким-нибудь образом попасть домой.

Я вырос в маленькой хунской деревушке на Склоне, поглощая приключенческие книги Кларка и Ростанда, Конрада и Кеу Ксанга, и мечтал о том, что когда-нибудь жители Склона скажут: «Эй, этот Олвин Хф-уэйуо был настоящим рассказчиком, не хуже старинных земных».

Возможно, это мой последний и единственный шанс.

И вот я целые мидуры проводил, сжимая в своем большом хунском кулаке короткий огрызок карандаша и исписывая страницы, ведущие к этой — рассказывал о том, как оказался в таком ужасном-ужасном состоянии:

— Как четверо друзей построили самодельную подводную лодку из шкуры скинка и ствола тару, собираясь поискать сокровища на дне Великой Помойки.

— Как кузнец Уриэль в своей горной кузнице поддержала наш проект, превратив его из незрелой мечты в настоящую экспедицию.

— Как мы вчетвером пробрались в обсерваторию Уриэль и услышали слова мудреца-человека о звездных кораблях в небе, которые, возможно, несут Шести Расам предсказанное наказание.

— И как «Мечта Вуфона» повисла на тросе у Окончательной скалы, где священная траншея Помойки проходит вблизи суши. И Уриэль, свистя раздвоенной верхней губой, рассказала, что действительно на севере приземлился корабль. Но этот крейсер принес не галактических чиновников. Напротив, к нам прилетели преступники, худшие даже, чем наши грешные предки.

И вот мы задраили люк, и большая лебедка начала поворачиваться. Но когда мы достигли указанного места, то обнаружили, что тайник Уриэль исчез! Хуже этого — когда мы отправились на поиски этой проклятой сокровищницы, «Мечта Вуфона» заблудилась и свалилась с края подводного утеса.

Перелистав назад несколько страниц, я вижу, что отчет о нашем путешествии написан тем, кто испытывает острую боль. Однако и сейчас я не могу передать всей драматичности происходившего. Особенно в той сцене, где дно под нашими колесами исчезает и мы обрушиваемся в подлинную Помойку.

К верной гибели.

Пока нас не подхватили фувнтусы.

И вот я проглочен металлическим китом, во власти загадочных молчаливых существ, не знаю, живы ли мои друзья или я остался один. Искалечены они или умирают.

Имеют ли отношение наши похитители к тому кораблю, который приземлился на севере? Или это еще одна загадка из древнего прошлого Джиджо? Может быть, последние уцелевшие буйуры? Или еще более древние призраки?

Ответов нет, и так как я кончил рассказ о падении и гибели «Мечты Вуфона», не решаюсь тратить драгоценную бумагу на бесполезные размышления. Нужно отложить карандаш, хотя это лишает меня последней защиты от одиночества.

Всю жизнь меня вдохновляли человеческие книги, и я представлял себя героем какого-то великого сказания. Но теперь я сохраню рассудок,

если научусь терпеть.

Научусь беззаботно позволять проходить времени.

Жить и думать, как подобает хуну.

АСКС

Можете называть меня Асксом.

Вы, мои многоцветные кольца, собранные в высокую коническую груду, испускающие ароматные запахи, сообща кормящиеся питательным соком, который течет по нашей сердцевине, или разделяющие воск памяти, стекающий с нашей сенсорной верхушки.

…вы, кольца, играющие разную роль в нашем общем теле, в толстом конусе ростом почти с хуна, тяжелом, как синий квуэн, и медленно движущемся по поверхности, как престарелый г'кек с треснувшей осью.

…вы, кольца, каждый день голосующие, возобновлять ли нашу коалицию.

От вас, кольца, я/мы требую теперь решения. Продолжать ли это существование? Этого Аскса?

Унитарные существа: люди, уры и остальные наши дорогие партнеры в изгнании — упрямо пользуются этим именем, Аскс, чтобы обозна-

чить эту свободно соединенную груду жирных торов, как будто у меня/нас действительно есть закрепленное имя, а не простой ярлычок ради удобства.

Конечно, все унитарные существа абсолютно безумны. Мы, треки, давно примирились с тем, что приходится жить во вселенной, заполненной эготизмом.

Но с чем мы не можем примириться — и именно в этом причина нашего изгнания на Джиджо, — так это с перспективой стать самыми эготическими из всех.

Некогда наша/моя груда раздутых колец играла роль скромного деревенского аптекаря вблизи морских болот у Далекого Влажного Убежища и нашими секрециями помогала другим. Постепенно наша/моя груда стала пользоваться все большим уважением, нас назвали Аскс, назначили главным мудрецом и членом Руководящего Совета Шести от треки.

И вот мы стоим на выжженной земле, которая раньше была прекрасной праздничной поляной. Наши сенсорные кольца и невральные щупальца отшатываются от видов и звуков, которых не могут перенести. И мы буквально ослепли, наши составляющие торы подавлены жесткими

полями двух близких космических кораблей, огромных, как горы.

Но вот ощущение присутствия эти кораблей рассеивается.

Мы остаемся во тьме.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

Успокойтесь, мои кольца. Такое происходило и раньше. Слишком сильный шок может нарушить связь колец в груде, вызвать провалы в кратковременной оперативной памяти. Но есть другой, более надежный способ понять, что случилось. Невральная память непрочна. Насколько надежней рассчитывать на медленный и основательный воск.

Изучите свежий воск, который соскальзывает с нашего общего сердечника, еще горячий, несущий на себе отпечатки Недавних событий на этой самой злополучной поляне, где некогда стояли пестрые павильоны и счастливые ветры Джиджо раздували праздничные флажки. Типичный праздник, ежегодное собрание Шести Рас, отмечающих столетний мир. Пока.

Это воспоминание мы ищем?

Смотрите, звездный корабль опускается на Джиджо! Не крадется ночью, как корабли наших предков. Не остается далеким, как загадочные

шары зангов. Нет, это высокомерный крейсер из Пяти Галактик, и им руководят загадочные чужаки по имени ротены.

Проследите это воспоминание до самой первой встречи с повелителями ротенами, вышедшими наконец из своего подземного логова, такими прекрасными и благородными в своей снисходительности, излучающими мощную харизму, которая затмила даже их слуг, небесных людей. Как великолепно быть звездным богом! Даже богом, который по галактическим законам является преступником.

Разве они не ослепляют своим сиянием нас, жалких варваров? Как солнце затмевает восковую свечу?

Но мы, мудрецы, осознали ужасающую истину. Наняв нас как местных специалистов, которые помогли бы им ограбить этот мир, ротены не могут позволить себе оставлять свидетелей.

Они не оставят нас живыми.

Нет, это слишком далеко в прошлое. Попробуй еще раз.

Как насчет этих других сине-серых отпечатков, мои кольца? Столба красного пламени, вспыхнувшего в ночи? Взрыва, разнесшего на части наше священное паломничество? Помните ли вы

вид станции ротенов-даников, ее искореженные и дымящиеся балки? И еще более страшное зрелище — трупы одного ротена и одного небесного человека?

При дневном свете ротены и наши высокие мудрецы обмениваются грязными обвинениями. И угрозами.

Нет, это происходило день назад. Погладьте воск, который застыл позже.

* * *

По нашему маслянистому сердечнику пролегает широкая полоса ужаса. В ее цветах/текстуре смешиваются горячая кровь с холодным огнем, издавая дымный запах горящих деревьев и обожженных тел. Помните ли вы, как Ро-кенн, уцелевший повелитель ротен, клянется отомстить шести расам и напускает на нас своих убийц-роботов?

«Убить всех на месте! Смерть всем, кто увидел нашу тайну!»

Но тут произошло чудо! Взводы нашей собственной храброй милиции. Они высыпали из окружающего леса. Джиджоанские дикари, вооруженные только стрелами, пулевыми ружьями и храбростью. Помните ли вы, как они напали на

парящих демонов смерти и победили их!

Воск не лжет. Все произошло в считанные мгновения, а эти старые кольца треки могли только тупо смотреть на страшную битву, пораженные тем, что мы/ я еще не превратились в пылающую груду колец.

И хотя вокруг нас лежало множество мертвых и раненых, победа была полная. Победа всех Шести Рас! Ро-кенн и его богоподобные слуги были разоружены и широко раскрытыми от удивления глазами смотрели на этот поворот вечно вращающейся кости Ифни.

Да, мои кольца. Я знаю, что это не последнее воспоминание. Все это произошло много мидуров в прошлом. Очевидно, с тех пор что-то случилось. Что-то ужасное.

Возможно, вернулся из разведывательного полета корабль даников с разгневанным воином небесным человеком, который боготворит своих повелителей ротенов. Или мог вернуться главный корабль ротенов, ожидая богатую биодобычу, но обнаружив все образцы уничтоженными, станцию разрушенной, а товарищей взятыми в заложники.

Это может объяснить запах черного опустошения, который заполняет теперь нашу серд-

цевину.

Но дальнейшие воспоминания пока недоступны. Воск еще не застыл. Для треки это означает, что ничего такого не происходило.

Пока не происходило.

Возможно, дела не так плохи, как кажутся.

Этот дар мы, треки, получили на Джиджо. Способность, которая позволяет компенсировать многое из того, что мы оставили позади, когда покинули звезды.

Способность думать о желаемом.

РЕТИ

Яростный ветер полета срывал влагу с глаз и избавлял ее от стыда из-за текущих по щекам слез. Но Рети продолжала плакать от ярости, думая о всех своих утраченных надеждах. Лежа вытянувшись на жесткой металлической платформе, цепляясь за ее края руками и ногами, она боролась с ветром, а ветви деревьев хлестали ее по лицу, застревали в волосах и оставляли кровоточащие царапины.

Но в основном она цеплялась изо всех сил, сражаясь за жизнь.

Машина чужаков под ней должна быть ее вер-

ным слугой! Но эта проклятая штука не замедляет свое паническое отступление, хотя опасность осталась далеко позади. Если Рети сейчас упадет, в лучшем случае ей понадобится много дней, чтобы вернуться в родную деревню, где всего мидур назад произошла короткая жестокая стычка.

Мысли ее мешались. За несколько сердцебиений все ее планы рухнули, и все по вине Двера!

Она слышала стоны молодого охотника, которого под ней держали в плену металлические руки. Поврежденный робот продолжал лететь вперед, и Рети забыла о страданиях Двера, которые он сам на себя и навлек, пройдя весь путь к Серым Холмам из своего безопасного дома у моря — со Склона, — где живут шесть разумных рас на гораздо более высоком уровне невежественной бедности, чем клан дикарей, в котором она родилась. Зачем слопи пешком бредут за две тысячи лиг, чтобы добраться до проклятой пустыни?

Чего надеялись достичь Двер и его друзья? Завоевать диких родичей Рети?

Да хоть бы весь ее вонючий род забрал! И всех урских сунеров, которых Кунн покорил огнем из своей громогласной летающей лодки. Двер может забирать их всех. Но не мог ли он спокойно подождать в лесу, пока они с Кунном не

закончили бы свои дела и не улетели? Зачем ему потребовалось ускорять события и нападать на робота, на котором была она?

Он это сделал из зависти. Не мог вынести, что я единственная на всей Джиджо имела шанс улететь с этой проклятой планеты.

Но в глубине души Рети знала другое. Так поступать не в характере Двера.

Зато в моем характере.

И когда он снова застонал, Рети гневно пробормотала:

— Тебе будет еще хуже, Двер, если из-за тебя я не улечу с этого комка грязи!

Вот и конец ее торжественному возвращению.

Вначале казалось забавным вернуться. Спуститься с затянутого облаками неба в серебряной стреле Кунна, гордо появиться под изумленные оханья оборванных родичей, которые целых четырнадцать лет угнетали ее. Достойная кульминация ее отчаянного замысла, когда всего несколько месяцев назад она наконец набралась мужества и убежала от грязи и обид, отправилась на поиски сказочного Склона, который когда-то покинули ее предки, когда предпочли «свободную» жизнь диких сунеров.

Свободную от вездесущих законов мудрецов о

том, каких животных можно убивать. Свободную от раздражающих правил, сколько детей можно иметь. Свободную от жизни с соседями, четвероногими или пятиногими и даже катящимися на колесах.

Рети презрительно фыркнула, подумав об основателях своего племени.

Свободную от книг и медицины. Свободную для жизни Диких животных!

Сытая этой жизнью по горло, Рети отправилась на поиски чего-то лучшего.

Путешествие едва не погубило ее — ей пришлось пересекать ледяные потоки и выжженные пустыни. Но хуже всего досталось на высоком горном переходе, когда она вслед за загадочной металлической птицей попала в сеть мульк-паука. Эта сеть превратилась в смертельную ловушку, когда ее нити сомкнулись и из них закапали золотистые нити.

Пришло непрошеное воспоминание: Двер прорубается сквозь ужасную чащу со сверкающим мачете в руке, а потом защищает ее своим телом, когда паутину охватывает огонь.

Рети вспомнила яркую птицу, охваченную пламенем, предательски сбитую точно таким же роботом, как ее «слуга». Тем самым, который

сейчас несет ее Ифни знает куда.

Мысли Рети смешались: резкий поворот едва не сбросил ее за борт. Она гневно закричала на робота:

— Идиот! В тебя больше никто не стреляет! Это были всего лишь несколько слопи, и все они были пешими. Ничто на Джиджо не может больше поймать тебя!

Но взбесившаяся машина продолжала нестись вперед, скользить на подушке невероятной божественной силы.

Рети подумала, не чувствует ли робот ее презрение. Двери и двум-трем его друзьям, вооруженным грубыми огненными палками, потребовалось всего несколько дуров, чтобы обезоружить и прогнать так называемый боевой корабль, хотя при этом они и сами пострадали.

Ифни, какой удар. Она посмотрела на покрытую черной гарью дыру, оставшуюся на месте антенны после неожиданного нападения Двера. Как я объясню все это Кунну?

Статус Рети как почетного звездного бога и так был хрупок. Рассерженный пилот может просто бросить ее в этих холмах, где она выросла, среди дикарей, которых она презирает.

Я не вернусь в племя, поклялась она. Скорее

присоединюсь к диким глейеверам, буду поедать насекомых с туш животных на Отравленной равнине.

Конечно, во всем виноват Двер. Рети с ненавистью прислушалась к стонам молодого глупца.

Мы направляемся на юг, куда улетел Кунн. Робот, должно быть, должен доложить лично, теперь, когда он не может говорить на расстоянии.

Вспомнив, каким мастерством в пытках владеет Кунн, Рети начала надеяться, что рана Двера снова откроется. Умереть от потери крови для него гораздо лучше.

Летящая машина миновала Серые Холмы и теперь неслась над поросшей деревьями равниной. Ручьи сливались, превращаясь в реку, которая, медленно извиваясь, текла на юг.

Полет стал спокойней, и Рети рискнула сесть. Но робот не стал выбирать естественный кратчайший путь над водой; напротив, он следовал каждому изгибу и редко отходил от речных отмелей.

Местность казалась приятной. Пригодной для скота и земледелия, если вы знаете, как это делать, и не боитесь быть пойманными.

Рети вспомнила все чудеса, которые видела на Склоне, после того как едва спаслась из па-

утины мульк-паука. Там были всевозможные виды мастерства, которых не знает племя Рети. И все же, несмотря на свои хитроумные водяные мельницы и сады, несмотря на металлические инструменты и бумажные книги, слопи казались изумленными и испуганными, когда Рети добралась до знаменитой Поляны Праздников.

Шесть рас вывело из равновесия недавнее прибытие звездного корабля, с которым кончилась двухтысячелетняя изоляция.

Рети пришельцы из космоса казались чудесными. Хозяевами корабля были невидимые ротены, но управляли им люди, такие красивые и всезнающие, что Рети все отдала бы, лишь бы стать похожей на них. Чтобы не быть обреченной дикаркой с обожженным лицом, влачащей жалкую жизнь на запретной планете.

У нее появился смелый замысел и правдами и неправдами она его осуществила! Рети познакомилась с этими высокомерными людьми: Линг, Беш, Кунном и Ранном — сумела заслужить их расположение. И когда ее попросили, с радостью провела Кунна к лагерю своего племени, всего лишь за четверть дня повторив свой маршрут и жуя галактические лакомства, когда смотрела в окно лодки на пролетающие внизу пустыни.

Годы обид были вполне вознаграждены изумленными взглядами испуганных родичей: ведь грязная девчонка неожиданно превратилась в Рети, звездную богиню.

Если бы только этот триумф продолжался.

Она вернулась к действительности, услышав, что Двер зовет ее по имени.

Перегнувшись через край, Рети увидела его обветренное лицо и растрепанные черные волосы, слипшиеся от пота. Самодельная повязка на одной ноге окровавлена, хотя свежей крови Рети не видит. Захваченный безжалостными щупальцами робота, Двер одной рукой прижимает свой драгоценный, ручной работы лук, как будто это последнее, с чем он готов расстаться перед смертью. Рети не могла поверить, что когда-то ей хотелось украсть это примитивное оружие.

— Чего тебе? — спросила она.

Молодой охотник посмотрел ей в глаза. Голос его звучал хрипло.

— Можно мне немного воды?

— Если бы она у меня была, — ответила Рети, — назови хоть одну причину, по которой я должна с тобой поделиться!

Шорох у пояса. Из сумки показалась узкая голова и длинная шея. Сверкнули три темных глаза

— два с веками и один без, фасеточный, как драгоценный камень.

…жена, не лги ему! — у жены есть бутылка с водой! — йии чует ее горечь.

Рети со вздохом приняла это неожиданное вмешательство своего миниатюрного «мужа».

— Осталась всего половина. Никто не предупредил меня, что я отправляюсь в путешествие.

Маленький самец ур неодобрительно засвистел.

…жена, поделись с ним, иначе тебе не повезет! — ни одна нора не спасет наших личинок!

Рети едва не возразила, что ее брак с йии ненастоящий. У них никогда не будет «личинок». Но йии, кажется, хочет пробудить ее совесть, хотя ясно ведь, что каждый за себя.

Мне не следовало рассказывать ему, как Двер спас меня от мульк-паука. Говорят, самцы уры тупы. Неужели мне повезло выйти замуж за гения?

— Ну ладно!

Бутылка, чудо работы чужаков, весила меньше, чем жидкость в ней.

— Не урони ее, — предупредила она Двера, опуская красную ленту. Двер с радостью схватил бутылку.

— Нет, дурак! Крышка не вынимается, как

пробка. Поворачивай ее, пока она не снимется. Вот так. Ничего не знающий джики слопи!

Она не стала добавлять, что концепция отвинчивающейся крышки и ее поставила в тупик, когда Кунн и остальные впервые предоставили ей временный статус даника. Конечно, потом она освоилась.

Рети нервно смотрела, как он пьет.

— Не пролей! И не смей пить все! Слышишь? Хватит, Двер. Прекрати. Двер!

Но он продолжал жадно пить, не обращая внимания на ее гневные протесты. Когда бутылка опустела, Двер улыбнулся потрескавшимися губами.

Слишком пораженная, чтобы действовать, Рети знала: на его месте она поступила бы так же.

Да, подтвердил внутренний голос. Но от него ты этого не ожидала.

Ее гнев усилился, когда Двер изогнулся, наклонил тело в направлении стремительного полета робота. Прищурившись на ветру, он держал петлю от бутылки в руке и словно чего-то ждал. Летящая машина миновала невысокий холм, перескочив через колючие заросли, потом снова начала спускаться, едва уклоняясь от древесных стволов. Рети крепко держалась, закрыв

йии в сумке. Когда самая опасная часть спуска кончилась, она снова перегнулась через край и отскочила, встретив пару черных глаз-бусинок!

Опять этот проклятый нур. Тот самый, которого Двер называет Грязнолапым. Несколько раз темное гибкое существо пыталось выбраться из промежутка между торсом Двера и вмятиной в борту робота. Но Рети не нравилось, как нур смотрит на йии, пускает слюну, оскаливая острые зубы. Теперь Грязнолапый стоял на груди Двера, цепляясь передними лапами и готовясь к новой попытке.

— Убирайся! — Она замахнулась на узкую улыбающуюся морду. — Хочу посмотреть, что делает Двер.

Со вздохом нур вернулся в свое убежище на боку робота.

Показалась синяя вспышка, и Двер бросил бутылку. Она с всплеском ударилась о мелкую воду, оставляя за собой след. Молодому человеку пришлось сделать несколько попыток, прежде чем бутылка повисла открытым горлышком вперед, наполнилась и Двер потянул ее к себе.

Я тоже об этом думала. Если бы была близко, попробовала бы.

Двер потерял много крови, поэтому справед-

ливо дать ему напиться, прежде чем вернуть ей бутылку.

Да. Это справедливо. И он бы тоже поступил так. Вернул бы бутылку полной.

Рети посмотрела в лицо неприятной мысли.

Ты ему доверяешь.

Он враг. Он причинил тебе и даникам множество неприятностей. Но ты доверяешь Двери свою жизнь.

Когда придет время встать перед поклоняющимся ротенам звездным воином, подобной веры Кунну у Рети не будет.

Двер в последний раз наполнил бутылку и протянул ее Рети.

— Спасибо, Рети, я у тебя в долгу.

Щеки ее вспыхнули, и ей не понравилось это ощущение.

— Забудь об этом. Просто кинь петлю.

Он попытался. Рети чувствовала, как петля скользнула по ее пальцам, но после нескольких попыток поняла, что не может ее схватить. Что будет, если я не смогу вернуть ее?

Из своей узкой ниши появился нур и взял петлю в зубы. Вскарабкался на грудь Двера, потом использовал в качестве опоры разбитую трубу лазера и подобрался ближе к руке Рети. Что ж,

подумала она. Если он хочет быть полезным.

И когда она протянула руку, нур прыгнул, используя эту протянутую руку словно ветку дерева. Рети взвыла, но прежде чем она смогла что-то сделать, Грязнолапый уже сидел наверху и самодовольно улыбался.

Маленький йии завопил. Самец ур убрал голову в сумку и затянул изнутри молнию.

Рети увидела на рукаве пятна крови и попыталась сбросить сумасшедшего нура. Но Грязнолапый легко уклонился, подобрался поближе, виновато улыбнулся, низко заворчал и двумя проворными лапами протянул бутылку с водой.

Тяжело вздохнув, Рети приняла ее и позволила нуру сесть поблизости — но подальше от йии.

— Кажется, мне никак от вас не избавиться, приятели, — вслух сказала она.

Грязнолапый зачирикал. А снизу послышался короткий смешок Двера, иронический и усталый.

ОЛВИН

Мне было одиноко и больно в этой тесной металлической клетке. Отдаленный гул двигателей напоминал колыбельную, которую пел отец,

когда я болел ишиасом или чесоткой пальцев ног. Иногда звук повышался, и мои чешуйки начинали зудеть. Похоже на стон обреченного деревянного корабля.

Наконец я уснул.

...и проснулся в ужасе: два одетых в металл шестиногих чудовища пытались упрятать меня в сооружение из стальных трубок и петель. Вначале мне показалось, что это орудие пытки из эпохи до контакта. Я такое однажды видел на иллюстрации Доре к «Дон Кихоту». Сопротивление ни к чему не привело, только стало еще больнее.

Наконец в замешательстве я сообразил. Это не орудие пыток, а корсет, сделанный по форме моего тела: он должен принять на себя тяжесть, чтобы уберечь поврежденную спину. Когда меня поставили на ноги, я пытался подавить панику, ощутив прикосновение холодной стали. Удивленно и облегченно покачиваясь, я обнаружил, что могу немного ходить, хотя на каждом шагу морщился.

— Ну, спасибо, большие отвратительные жуки, — сказал я ближайшему фувнтусу. — Но могли бы меня и предупредить.

Я не ждал ответа, но один из них повернул свой бронированный корпус — с горбом на спине и

расширением в конце — и наклонился ко мне. Я решил, что это поклон вежливости, хотя, вероятно, для них значил совсем другое.

На этот раз выходя они оставили дверь открытой. И я впервые вышел из своего стального гроба и двинулся вслед за массивными созданиями по узкому коридору.

Я уже догадался, что нахожусь на какой-то подводной лодке, достаточно просторной, чтобы в ее трюме поместился весь хунский экипаж самого большого корабля с морей Джиджо.

Тем не менее мне она показалась какой-то мешаниной разнообразных частей. Я вспомнил Франкенштейна, сделанного из частей множества трупов. Таким же казался и этот гигантский корабль, который тащит меня неведомо куда. Всякий раз когда мы проходили мимо люка, мне казалось, что он ведет в другой корабль, сделанный совсем другими мастерами совсем иной цивилизации. В одной секции палуба и переборки были из клепаных листов стали. Другая зона сделана из какого-то волокнистого вещества, гибкого, но прочного. Размеры коридоров менялись, они становились то узкими, то широкими. Половину пути мне приходилось сгибаться под низким потолком: не очень приятно, учитывая

состояние моей спины.

Наконец со свистом отошла скользящая дверь. Фувнтус изогнутым щупальцем поманил меня вперед, и я вошел в тускло освещенное помещение, гораздо больше моей прежней клетки.

Сердце мое радостно забилось. Передо мной были мои друзья! Все — и все живые!

Они собрались у круглого иллюминатора и смотрели на черные океанские глубины. Я мог бы попытаться незаметно подобраться к ним, но у квуэнов и г'кеков глаза буквально на спине, так что застать врасплох Гек и Клешню очень непросто.

(Несколько раз мне это удавалось.)

Когда они выкрикнули мое имя, Ур-ронн повернула свою длинную шею и на четырех стучащих копытах всех перегнала. Мы обнялись.

Первой вернулась к норме Гек. Она крикнула Клешне:

— Следи за своими когтями, Крабья Морда! Сломаешь мне ось. Все отойдите. Разве не видите, что Олвин ранен? Освободите для него место.

— Смотри, кто говорит, — ответила Ур-ронн. — Твое левое колесо только что едва не лишило его пальцев ног, Осминожья Голова!

Сам я этого не заметил, так был счастлив, услы-

шав их ядовитые подростковые шутки.

— Хр-рм. Дайте-ка я на вас посмотрю. Ур-ронн, ты кажешься гораздо более сухой, чем в последний раз.

Наша урская подруга радостно заржала сквозь свою носовую перегородку. На ее шкуре виднелись большие голые пятна — туда попала вода при катастрофе.

— Нашим хозяевам потребовалось немало усилий, чтобы выработать правильный уровень влажности в моей гостевой комнате, — ответила она. Видно было, что во многих местах следы грубого шитья — это фувнтусы зашивали разрезы от осколков стекла «Мечты Вуфона». К счастью, у ее племени нет таких брачных игр, как у многих рас. Для уров важна не наружность, а статус. Несколько шрамов помогут Ур-ронн выделиться среди других кузнецов.

— Да. И теперь мы знаем, как пахнет ур, принявший ванну, — добавила Гек. — Им стоит это делать почаще.

— Не тебе говорить. Этот зеленый пот из глаз…

— Ладно, ладно! — рассмеялся я. — Помолчите и дайте мне взглянуть на вас.

Ур-ронн была права. Стебельки Гек нуждались в очистке, и у нее были какие-то неприятности со

спицами. Многие поломаны, хотя по краям уже отрастают новые волокна. Но какое-то время ей придется двигаться осторожно.

А что касается Клешни, то он выглядел вполне счастливым.

— Думаю, ты был прав: в глубинах действительно есть чудовища, — сказал я нашему краснопанцирному другу. — Хотя они и не похожи на тех, что ты опи…

Я завопил: спину словно пронзили острые иглы, поднимаясь к шейному хребту. Но я быстро узнал ворчание Хуфу, нашего маленького нура, нашего сувенира. Хуфу радовалась и требовала от меня немедленного ответа. Но прежде чем я смог установить, на что способен мой поврежденный горловой мешок, Ур-ронн присвистнула со стороны темного иллюминатора.

— Они снова включили прожекторы, — сообщила она благоговейным тоном. — Олвин, иди быстрей. Ты только посмотри!

Я неловко занял освобожденное для меня место. Гек погладила мне руку.

— Ты всегда хотел это увидеть, приятель, — сказала она. — Так что смотри и удивляйся.

— Добро пожаловать в Большую Помойку.

АСКС

Вот еще одно воспоминание, мои кольца. Событие, последовавшее за краткой Битвой на Поляне, такой быстролетной, что воинственные крики все еще оскверняют наши изуродованные лесистые ущелья.

Достаточно ли затвердел воск? Можете ли вы прикоснуться/ощутить ужасающую тревогу и пугающую красоту того вечера, когда мы смотрели на летящий над головой жесткий, немигающий огонь?

Проследите жирное воспоминание об этой искре, пересекающей небо, становящейся все ярче по мере приближения.

Никто не может усомниться в том, что это такое.

Крейсер ротенов возвращается за добычей, за биосокровищами, награбленными на уязвимой планете.

Возвращается за оставленными товарищами.

Но вместо генетической добычи экипаж увидит свою станцию разрушенной, а друзей убитыми или захваченными.

Хуже того, нам известна теперь их истинная

сущность! Мы, изгнанники, можем свидетельствовать против них в Галактическом суде. Если выживем.

Не нужно быть гением, чтобы понять, какая опасность нам грозит. Нам, шести падшим расам на заброшенной Джиджо.

Как мог бы написать земной автор, мы оказались в груде вонючей мульчи. Очень спелой и глубокой.

САРА

Путь из тревожной неясности привел к чему-то возбуждающему, почти прозрачному.

Но не сразу.

Когда ее неожиданно усадили верхом на скачущее существо прямо из мифа, первой реакцией Сары было удивление, смешанное с ужасом. Фыркающая, с огромной головой, с развевающейся гривой, лошадь была гораздо страшнее каменного памятника уничтоженному виду в городе Тарек. С каждым прыжком ее мускулистый торс изгибался, и у Сары стучали зубы, когда отряд при свете бледной луны пересекал холмы Центрального Склона.

После двух бессонных ночей и дней эскадрон

легендарных животных словно во сне вошел в разрушенный урский лагерь — в сопровождении урского эскорта. Сара и ее друзья спаслись от плена, их прежние похитители лежали мертвыми или связанными полосками кожи, но она ждала в любой момент нового рабства. И вот вместо свежих вражеских подкреплений появились эти удивительные спасители.

Удивительные для всех, кроме взрывника Курта, который встретил вновь прибывших как долгожданных друзей. Пока Джома и Незнакомец удивлялись виду настоящих лошадей, Сара не успела мигнуть, как оказалась в седле.

Блейд вызвался остаться у гаснущего костра и позаботиться о раненых, хотя каждый изгиб его синего панциря был полон завистью. Сара охотно поменялась бы местами со своим квуэнским другом, но хитиновая броня слишком тяжела для лошади. Не было времени даже подбодрить Блейда — отряд двинулся тем же путем, каким появился, унося ее в ночь.

От грохота копыт у Сары скоро разболелась голова.

Думаю, все же это лучше плена у шовинистов людей Дединджера и фанатичного Урунтая. Союз фанатиков, опасный, как смесь взрывника, был

создан, чтобы захватить Незнакомца и продать его ротенским захватчикам. Но они недооценили загадочного путника. Вопреки утрате речи, звездный человек сумел возбудить вражду между людьми и урами, и эта вражда закончилась кровавой схваткой.

И мы стали хозяевами своей судьбы, хотя и ненадолго.

Но вот иной союз людей и кентавроподобных уров! Более сердечная группа, но столь же решительно стремящаяся утащить ее Ифни знает куда.

Когда светлый Торген поднялся над холмами, Сара смогла разглядеть урских воинов, их бока в боевой раскраске, но не такой кричащей, как у Урунтая. Но в их взглядах то же мрачное пламя, которое обжигает души уров, когда пахнет схваткой. Уры двигались строем в постоянном ожидании засады, держали в стройных тонких руках арбалеты, извивали длинные шеи и все время были настороже. Хоть они и значительно меньше лошадей, это грозный противник.

Еще поразительней были спасители-люди. Шесть женщин, приехавших с севера с девятью оседланными лошадьми, словно ожидали на обратном пути прихватить с собой еще двух или

трех человек.

Но нас шестеро. Курт и Джома. Прити и я. Незнакомец и Дединджер.

Не важно. Суровые воины как будто не возражали, садясь по двое на одну лошадь.

Может, поэтому все они женщины? Чтобы тяжесть была поменьше.

Ловко сидя верхом, женщины казались встревоженными, пока ехали по холмистой равнине со множеством ущелий и скальных выступов. Сара догадывалась, что им не нравится передвигаться ночью по незнакомой местности, и вполне их понимала.

Ни одного знакомого лица. Месяц назад это могло бы удивить Сару, учитывая небольшое население Джиджо. Склон оказался гораздо больше, чем она думала.

Двер рассказывал о своих путешествиях по заданиям мудрецов. Он клялся, что побывал повсюду в округе тысячи лиг.

Но ее брат никогда не упоминал об амазонках-всадницах.

Сара даже подумала, не прилетели ли они с другой планеты: похоже, сейчас год космических кораблей. Но нет. Несмотря на несколько необычный сленг, их сжатая речь происходит от

джиджоанских диалектов, которые Сара знает по своим исследованиям. И хотя всадницы не были знакомы с местностью, они знали, что нужно сторониться дерева мигурв, когда тропа проходила вблизи его липких листьев. Незнакомца жестами предупредили, чтобы он не трогал их семенных стручков, все же тот от любопытства не удержался и на собственном горьком опыте понял, что поступил так зря.

Сара оглянулась на Курта. Его племянник счастливо и изумленно болтал, обмениваясь широкими улыбками с Незнакомцем.

Сара поправилась.

С Эмерсоном.

Она смотрела на смуглого мужчину, который несколько месяцев назад упал с неба и погрузил свои ожоги и раны в болото у деревни Доло. Это больше не полумертвец, которого она выхаживала в своем древесном доме. Звездный путник оказался изобретательным и предприимчивым авантюристом. По-прежнему лишенный речи, он несколько мидуров назад миновал поворотный пункт, когда принялся стучать себя в грудь, повторяя единственное слово: Эмерсон — снова и снова. Он гордился подвигом, который нормальные люди воспринимают как нечто само собой

разумеющееся. Произнес собственное имя.

Эмерсон верхом на лошади казался как у себя дома. Значит ли это, что лошадей все еще используют на божественных планетах Пяти Галактик? Если это так, то какой цели они могут служить там, где чудесные машины по кивку или подмигиванию выполняют любое желание?

Сара взглянула на свою помощницу шимпанзе: не открылись ли от толчков пулевые раны Прити. Ухватившись обеими руками за пояс всадницы, Прити все время держала глаза закрытыми. Несомненно, она была погружена в свою любимую вселенную абстрактных форм и фигур — лучший мир, чем этот, с его печальной и неупорядоченной нелинеарностью.

Остался Дединджер, предводитель мятежников, который ехал со связанными руками, и Сара не стала жалеть ученого, ставшего пророком. За многие годы обучения своих последователей, когда он направлял жителей пустыни по тропе Избавления, бывший мудрец должен был научиться терпению. Ястребиное лицо Дединжера оставалось совершенно бесстрастным, и Сару это тревожило.

Он на что-то рассчитывает.

Там, где скалистая тропа встречается с откры-

той равниной, она поворачивает. Вскоре отряд урских воинов Улашту отстал, не в силах поспевать за лошадьми.

Неудивительно, что, когда первые поселенцы люди высадились на Джиджо, уры возненавидели лошадей. Эти животные придают нам мобильность — особенность, которую особенно высоко ценят предводительницы уров.

Два столетия назад, нанеся поражение в битве людям, подлинный Урунтай заявил, что все любимые кони людей — его добыча, и всех их перебил.

Они решили, что если мы вынуждены будем сражаться пешком, то не причиним им неприятностей. Ошибка, оказавшаяся фатальной, когда Дрейк Старший создал коалицию, преследовавшую Урунтай и разбившую его в битве у водопада Мокрых Копыт.

Но, кажется, лошади все-таки не исчезли. Как клан всадников мог все это время оставаться незамеченным?

И самое удивительное: почему они появились сейчас, рискуя обнаружением, чтобы встретиться с Куртом?

Должно быть, виноват кризис звездных кораблей, покончивший с благословенной/проклятой

изоляцией Джиджо. Какой смысл хранить тайну, если Судный День наступает?

К тому времени как посветлело затянутое облаками небо, Сара страшно устала, у нее онемело тело. Впереди, вплоть до темно-зеленых болот, расстилалась холмистая местность.

Наконец у затененного ручья всадники спешились. Сару на руках отнесли к одеялу, и она с дрожащим вздохом упала на него.

Во сне она видела людей, которых оставила за собой.

Нело, ее отец, работает на своей любимой бумажной мельнице, не подозревая, что кто-то замышляет разрушить ее.

Мелина, ее мать, семь лет уже мертвая, которая всегда казалась чужаком, с тех пор, как давным-давно пришла в Доло с маленьким сыном на руках.

Хрупкий Джошу, возлюбленный Сары в Библосе, прикосновение которого заставило ее забыть даже о нависающем Каменном Кулаке. Привлекательный обманщик, чья смерть обратила ее в бегство.

Двер и Ларк, ее братья, отправляющиеся на праздник в горные поляны Риммера, туда, где сели звездные корабли.

Мысли Сары мешались, она металась и ворочалась.

Последним она увидела Блейда, чей квуэнский улей, занимавшийся разведением раков, расположен за плотиной Доло. Добрый старина Блейд, который спас Сару и Эмерсона от гибели в лагере Урунтая. «Кажется, я всегда задерживаюсь, — просвистел ее квуэнский друг сквозь свои ножные щели. — Но не волнуйтесь. Со мной все будет в порядке. Слишком многое происходит, чтобы я мог упустить».

Сара могла полагаться на Блейда как на каменную скалу. Во сне она ответила:

«Я остановлю вселенную, не позволю ей делать что-нибудь интересное, пока ты не покажешься».

Хоть и воображаемый, смех квуэна согрел Сару, и ее тревожный сон сменился более спокойным.

Солнце уже взошло, когда кто-то потряс Сару и вернул ее в мир — одна из молчаливых всадниц, используя архаическое слово «трапеза», объявила, что пора завтракать. Сара неохотно встала: у нее болело все тело.

Она выпила похлебку из зерен, приправленную незнакомыми пряностями треки, а всадницы тем временем седлали лошадей или смотрели, как

Эмерсон играет на своем любимом дульцимере, заполняя небольшую долину живой мелодией, вполне подходящей для путешествия. Вопреки своему утреннему раздражению, Сара понимала, что звездный человек старается укрепить свое положение. Песни и музыка помогают ему преодолеть препятствие немоты.

Сара увидела, что Курт связывает свой спальный мешок.

— Послушайте, — сказала она пожилому взрывнику. — Я благодарна вашим друзьям, ценю то, что они нас освободили и все такое. Но неужели вы надеетесь проделать весь путь верхом до горы Гуэнн? — Судя по тону ее голоса, это было все равно что до одного из спутников Джиджо.

На каменном лице Курта появилась редкая улыбка.

— Есть предложения получше? Конечно, ты собиралась отвезти Незнакомца к высоким мудрецам, но путь туда перегородили разгневанные воины Урунтая. И вспомни, прошлой ночью мы видели два звездных корабля, один за другим направлявшихся прямо на Поляну Собраний. Должно быть, у мудрецов руки и щупальца полны других забот.

— Как я могла это забыть? — ответила она. Эти

титаны, с ворчанием летевшие по небу, навсегда запечатлелись в ее памяти.

— Ты могла бы укрыться в одной из деревень, мимо которых мы скоро будем проезжать, но разве Эмерсону не понадобится помощь первоклассного аптекаря, когда у него кончатся снадобья Пзоры?

— Если повернем на юг, вскоре достигнем Гентта. Оттуда на корабле можно добраться до города Овун.

— Если корабли еще ходят, а Овун существует. И даже в таком случае нужно ли прятать твоего друга-чужака, когда происходят такие великие события? Что, если ему предстоит сыграть свою роль? Если он может как-то помочь мудрецам и Общине? Неужели ты лишишь его единственной возможности вернуться домой?

Сара понимала, на что намекает Курт: она удерживает Эмерсона, как ребенком не пускала излеченных животных в лес.

Рой сладкоголосых мух окружил Незнакомца, жужжа в ритм с его музыкой, с его странной мелодией. Где он ее услышал? На Земле? У какой-то чужой звезды?

— Во всяком случае, — продолжал Курт, — если ты еще немного выдержишь езду на этих

огромных животных, мы достигнем горы Гуэнн быстрее, чем Овуна.

— Это безумие! Если двигаться морем, то нужно по пути миновать Овун. А другой путь еще труднее — через каньоны и Долину.

Глаза Курта сверкнули.

— Мне говорили, что существует более короткий путь.

— Прямой? Прямо на юг? Но за Генттом Равнина Режущего Песка, и даже в хороших условиях пройти ее невозможно, а наши условия не лучшие. Вы не забыли, где у Дединджера есть последователи?

— Не забыл.

— Тогда, если даже мы минуем жителей пустыни и огненные дюны, встретимся со Спектральным Потоком, а по сравнению с ним любая пустыня кажется приятным лугом.

Курт только пожал плечами. Он явно хотел, чтобы она вместе с ним отправилась к далекой мерцающей горе, совсем в стороне от того места, куда Сара должна была доставить Эмерсона. Далеко от Ларка и Двера, от этих ужасных звездных кораблей. К тому священному месту, где Джиджо обновляется — с помощью огненного жара лавы.

ОЛВИН

Возможно, виноват сжатый воздух, которым мы дышим, или непрерывная вибрация двигателей. Или полная темнота снаружи, создающая впечатление бездонной глубины, даже большей, чем та, куда упала наша бедная маленькая «Мечта Вуфона», оказавшись в пасти гигантского металлического морского чудовища. Одинокий луч, намного более мощный, чем самодельные прожектора нашей старой мини-лодки, прорезал черные глубины, открыв зрелище, превосходящее мое самое дикое воображение. Даже яркое творческое воображение Верна, Пьюкино или Мелвилла не помогало подготовиться к тому, что появлялось в круге света, когда мы двигались над дном подводного каньона, усеянного древним мусором. В стремительной последовательности мелькали очертания такого количества титанических предметов, перемешанных друг с другом, что…

Должен признаться, что здесь я в тупике. Согласно учебникам литературы на английском языке, писатель может для описания незнакомых предметов воспользоваться одним из двух ос-

новных способов. Первый способ — перечислить зрелища и звуки, размеры, пропорции, цвета — говоря, что этот предмет состоит из собраний колоссальных кубов, связанных прозрачными трубами, а тот напоминает огромный шар с выемкой в одном боку, и из его внутренностей исходит сверкающий поток, жидкая полоска, которая каким-то образом не подчиняется законам тяготения и времени.

О, я могу сплетать слова и рисовать картины, но этот метод не подходил, потому что в то время я не мог бы сказать, как далеко от нас это все! Глаз тщетно искал точки отсчета. Некоторые объекты, наваленные грудами в панораме грязи, казались такими огромными, что наш гигантский корабль рядом с ними выглядел карликом, как пескарь в стае змей бемо, а что касается цветов, то даже в ярком луче прожектора вода поглощала все цвета, окрашивая предметы в глубоководную серую голубизну. Неплохой цвет для савана в этом месте ледяной смерти.

Другой способ описать неизвестное — это сравнить его с тем, что вы узнаете, только этот способ оказался еще хуже! Даже Гек, способная увидеть сходство вещей, которое никому не приходит в голову, просто растерянно смотрела всеми че-

тырьмя глазами на груды древних отбросов.

О, некоторые предметы казались нам неожиданно знакомыми — например, когда прожектор скользнул по рядам пустых черных окон, разбитых этажей и расколотых стен. Сброшенные грудой, многие затонувшие башни лежали вниз головой и даже друг на друге. Вместе они составляли город такого грандиозного размера, о котором я никогда не слышал, даже не читал в рассказах о прошлом. Но кто-то некогда сорвал огромный мегаполис с фундамента, перенес сюда и сбросил в воду, чтобы переделать единственным способом, возможным для таких гигантов, — в огненных недрах матери Джиджо.

Я припомнил некоторые прочитанные книги о времени Решения на Земле, когда земляне еще до контакта договорились, как спасти свою планету после того, как столетиями обращали в выгребную яму. В детективе Элис Хэммет «Дело полусъеденного клона» убийца избегает наказания за убийство, но получает десять лет заключения только за то, что избавился от улик, сбросив их в море. В те дни люди в целом не делали различий между ямами свалок и океанским дном. Загрязнение есть загрязнение.

Странно было смотреть на эту гигантскую

свалку с двух точек зрения. Согласно галактическим законам, это священная часть цикла сохранения Джиджо — сцена преданной заботы. Но, выросший на земных книгах, я мог сменить перспективу и увидеть загрязнение, место ужасного греха.

«Город» остался позади, а мы продолжали смотреть на странные фигуры, непонятные величественные предметы, машины звездной цивилизации, недоступные для осознания простыми смертными. Иногда я видел какие-то сверкания за пределами луча, вспышки молний среди руин, как будто там сохранились древние силы и испускают искры гаснущих воспоминаний.

Мы вполголоса переговаривались, каждый вспоминал то, что знал лучше. Ур-ронн рассуждала о природе материалов, из которых сделаны эти предметы, или какие функции они выполняли. Гек клялась, что видела надписи каждый раз, как луч проходил мимо полосы подозрительной тени. Клешня настаивал, что все это звездные корабли.

Помойка принимала наши предположения точно так же, как все остальное, с терпеливым смертоносным молчанием.

Некоторые огромные предметы уже глубоко

погрязли, и над трясиной виднелись только их верхушки. Я подумал: здесь океанская плита Джиджо опускается под Склон, таща с собой кору, грязь и все остальное, что лежит поверх нее, утаскивает в глубину, в бассейны магмы, которые питают вулканы. Со временем все эти могучие предметы станут лавой или драгоценными рудами, чтобы их смогли использовать будущие обитатели этой планеты.

Я вспомнил хрупкий корабль своего отца и его рискованные плавания, когда он вез корзины со священными отбросами. Их посылали все племена Шести, частично расплачиваясь за грехи предков. В ежегодном ритуале каждая деревня прочесывает свою территорию, избавляя от собственных отходов и остатков того, что не убрали буйуры.

Пять Галактик могут наказать нас за жизнь здесь. Но мы жили согласно кодексу и были верны Свиткам.

На хунских собраниях поют сказание о Фууфьявуо, капитане мусорного корабля, который однажды увидел приближающуюся бурю и выбросил груз, не добравшись до синих глубин Помойки. Корзины и барабаны полетели в воду далеко от священной траншеи обновления, усеяв

морское дно и осквернив ранее безупречно чистое место. В наказание Фу-уфьявуо был связан и отвезен на Равнину Режущего песка, чтобы провести остаток дней в тени дюны. У него хватало зеленой росы, чтобы выжить, но ее недостаточно, чтобы прокормить душу. Со временем его сердечный хребет был размолот в порошок и рассеян по пустыне, где вода не может омыть частицы и снова сделать их чистыми.

Но это Помойка, подумал я, пытаясь справиться с изумлением. И мы первыми видим ее.

Первыми, если не считать фувнтусов. И того, что живет здесь внизу.

Я почувствовал, что устал. Несмотря на корсет и костыли, спина сильно болела. Но мне трудно было оторваться от холодного, как лед, иллюминатора.

Следуя в океанской тьме за лучом прожектора, мы словно спускались в шахту, направляясь к груде драгоценностей — сверкающим предметам в форме игл, или приплюснутых шаров, или стеклянистых оладий, или шишковатых цилиндров. Вскоре перед нами показалась обширная сверкающая груда, больше залива Вуфон, грандиозней вулкана Гуэнн.

— Вот это действительно корабли! — провоз-

гласил Клешня, жестикулируя когтем. Снова прижавшись к стеклу, мы смотрели на гороподобные груды труб, сфер и цилиндров, из которых торчали выступы, похожие на рога или перья встревоженного горного столлера.

— Должно быть, это корабли с-как-ее-там-называют вероятностью, которые используются для полетов между галактиками, — установила Гек, которая много читала о времени «Обители».

— Гребни вероятности, — поправила Ур-ронн на галактическом шесть. В вопросах технологии она разбиралась лучше меня и Гек. — Думаю, ты прав.

Наш квуэнский друг счастливо засмеялся, а прожектор сосредоточился на одной гигантской заостренной кверху груде. Вскоре мы все узнавали общие очертания, знакомые по древним текстам — торговые и курьерские корабли, мелкие суда и крейсеры, все брошенные давным-давно.

Гул двигателей изменился, стал чуть тише. Мы устремились к груде брошенных космических кораблей. Самый маленький из них превосходил импровизированный корабль фувнтусов, как рослый треки возвышается над маленькой кучкой навоза.

— Интересно, есть ли в этой груде корабли на-

ших предков, — вслух размышляла Гек. — Знаете, те самые, что принесли наших отцов-основателей? «Ладду'кек» или «Обитель».

— Маловероятно, — ответила Ур-ронн, на этот раз на ломаном англике. — Не завудь, мы в Трещине. Это всего лишь вековое ответвление Помойки. Наши предки, вероятно, свросили свои коравли в главную траншею, туда же, где самые вольшие коравли вуйуров.

Я удивленно замигал и задумался.

Это — ответвление? Небольшая часть Помойки?

Конечно, она права! Но какая поразительная картина! И какие гигантские груды отходов в течение веков сбрасывались в главную впадину! Достаточно, чтобы подвергнуть испытанию даже очищающую силу перемалывающих плит Джиджо. Неудивительно, что благородные галакты на десять миллионов лет и больше оставляют планеты в покое. Требуется много времени, чтобы переварить все сделанные разумными существами вещи и вернуть их в природное состояние.

Я подумал о мусорном корабле отца, с его скрипучими мачтами, с трюмами, полными корзин, в которых лежит все то, что мы, изгнанники, не можем переработать. За две тысячи лет все отбро-

сы, которые мы, сунеры, отправили в Помойку, не будут даже заметны на фоне гигантских груд брошенных кораблей.

Какими богатыми должны были быть буйуры и другие боги, чтобы выбросить такие огромные богатства! Некоторые покинутые корабли выглядели такими просторными, что могли поглотить все дома, куты и хижины, построенные Шестью Расами. Мы видели темные порталы, башни и сотни других деталей и все более остро сознавали — эти сумрачные гиганты были отправлены сюда, вниз, чтобы покоиться в мире. И мы не должны были нарушать их сон.

Наше падение к рифу мертвых кораблей становилось угрожающим. Неужели никто не замечает, что мы сближаемся слишком быстро?

— Может, это их дом, — размышлял Клешня, когда мы устремились к овальной руине размером в половину порта Вуфон.

— Может, фувнтусы собраны из частей старых машин, которые выбросили сюда, — подхватила Гек. — И все остальное тоже. Вроде этой лодки, собранной из хлама.

— А может, они слуги вуйуров, — прервала Урронн. — Или расы, которая жила здесь раньше. Или мутанты, как в рассказе ов…

Я вмешался.

— А никому не пришла в голову простейшая мысль? Что, может, они такие же, как мы?

И когда друзья повернулись ко мне, я по-человечески пожал плечами.

— Может, эти фувнтусы тоже сунеры. Думали об этом?

Выражение их лиц ответило мне. С таким же успехом я мог бы предположить, что наши хозяева — нуры.

Что ж, я никогда не утверждал, что быстро соображаю, особенно когда разрываюсь от боли.

Нам не хватало ощущения перспективы, чтобы определить, насколько мы близко или как быстро движемся. Гек и Клешня нервно забормотали что-то, когда корабль повернул к ближайшей груде и двигатели заработали в обратном направлении.

Думаю, мы все подпрыгнули, когда изъеденная металлическая плита отодвинулась всего за несколько дуров до столкновения. Наш корабль скользнул в гигантское отверстие в груде мусора и двинулся по коридору из корпусов космических кораблей, пронизывая фантастическую гору межзвездного мусора.

АСКС

Читайте только что застывший воск, мои кольца.

Вы увидите, как разбегался народ Шести Рас, унося с собой остатки павильонов и раненых, убегая от ожидаемого прибытия корабля ротенов.

Наш старший мудрец от г'кеков Вуббен процитировал то место в свитке предзнаменований, где говорится о пагубности разъединения. Поистине Шесть Рас должны упорно бороться, чтобы преодолеть разницу в форме и раковине. А также в плоти, шкуре и торге.

— Идите по домам, — сказали племенам мы, мудрецы. — Проверьте свои маскировочные решетки. Ваши затмевающие паутины. Живите ближе к почве Джиджо в укромных местах. Если можете, готовьтесь к борьбе. И умрите, если будет нужно.

Фанатики, которые и вызвали кризис, предположили, что на корабле ротенов есть средства, которые могут отыскать Ро-кенна и его лакеев, может быть, с помощью имплантированных в тело устройств прослушивая волны их мозга.

— Ради безопасности нужно сбросить их кости

в лавовые бассейны.

Противоположная фракция, назвавшаяся «Друзья ротенов», требует освобождения Ро-кенна и повиновения его божественной воле. В этой фракции не только люди, но и некоторые квуэны, г'кеки, хуны и даже несколько уров, благодарных за лечение, полученное в клинике чужаков. Некоторые считают, что избавление может быть получено немедленно, при нашей жизни, и не придется вначале пройти долгой дорогой, освященной глейверами.

Наконец, есть и такие, кто увидел в хаосе возможность сведения старых счетов. Ходят слухи об анархии повсюду на Склоне. О том, что многое затоплено или сожжено.

Какие расхождения! Та самая свобода, которая порождает яркие индивидуальности, делает таким трудным сохранение единства. Не лучше ли было бы, если бы мы сохраняли строгую дисциплину и порядок, как в феодальном государстве, которое пытались в старину создать серые королевы?

Слишком поздно сожалеть. Время требует только импровизации — умения, которое, как нам говорили, не одобряется в Пяти Галактиках.

Возможно, это единственная надежда бедных

дикарей.

Да, мои кольца. Теперь мы можем вспомнить все.

Погладьте этот воск и смотрите, как караваны уходят на равнины, в леса и к морям. Наших заложников уводят в такие места, где даже приборы космических кораблей не смогут их отыскать. Солнце садится, и звезды усеивают обширное пространство, именуемое Вселенной. Царство, в которое нам нет доступа, в котором обитают наши враги.

Некоторые из нас остаются, ожидая корабль.

Мы проголосовали, не правда ли? Мы, кольца, которые и составляют Аскс? Мы вызвались остаться. Наш единый голос от лица всей Общины обратится к разгневанным чужакам. Установив наш базовый тор на твердом камне, мы проводим время, вслушиваясь в сложное звучание Святого Яйца, наш жирный сердечник вибрирует в такт дрожащим мелодиям.

Увы, мои кольца, ни одно из этих вызванных воспоминаний не объясняет наше теперешнее положение. Неужели произошло нечто ужасное?

А как насчет этих, только что застывших слоев воска?

Видите ли вы в них сверкающие очертания

большого космического корабля? Появившегося в той же части неба, которую только что покинуло солнце?

Или это само солнце вернулось и в гневе повисло над дном долины?

Огромный корабль сканирующими лучами разглядывает нашу долину в поисках следов того, что оставил здесь.

Да, мои кольца. Следите за этой восковой памятью.

Неужели нам сейчас предстоит выяснить истинную причину ужаса?

ЛАРК

Лето тяжело давило на хребет Риммер, пожирая незатененные края ледников, гораздо более древних, чем шесть рас изгнанников. Временами трещащий статический разряд нарушал тишину альпийских склонов, и бесчисленные стебли травы устремлялись к небу, словно отчаянные щупальца. Жаркое сияние солнца подчеркивалось короткими завесами дождя, эти завесы разворачивались на склонах, поднимались по ним до самых горных вершин, увенчанных радугами и усеянных вспышками сжатых молний.

С высот доносился гул раскатов, он доходил до самых берегов ядовитого озера, где сорокагектарная роща растрескавшихся нитей поросла грибами. Некогда могучий форпост галактической культуры, теперь это было нагромождение каменных плит, за бесчисленные века лишившихся всяких особенностей. Долина заполнялась едкими запахами, от озера поднимался пар, яд капал из бесчисленных пор.

Самый молодой мудрец Общины Джиджо сорвал желтый мох с разлагающейся нити, одной из мириадов, некогда составлявших тело мульк-паука. Это существо возрастом в полмиллиона лет должно было уничтожить древний буйурский поселок, постепенно вернув его природе. Прошлой зимой Ларк уже видел это место, когда осматривал снег в поисках следов Двера и Рети, бежавших из этого логова слепой ярости. С того лихорадочного бегства многое изменилось. Большие участки мульк-кабелей просто исчезли, уничтоженные недавними усилиями, и причину этого никто не позаботился объяснить Ларку, когда его направили сюда. А то, что осталось, заросло цепким мхом.

— Спиролегита кариола. — Он прошептал название вида, растирая образец двумя пальцами.

Очень искаженная, изменившаяся разновидность кариолы. Мутации кажутся специальностью этого дикого сурового места.

Интересно, что это место сделает со мной, со всеми нами, если мы здесь задержимся.

Он не просил для себя этой работы. Быть тюремщиком. Само это слово вызывало ощущение грязи.

Цепочка бессмысленных звуков заставила его повернуться к блеклому полотну, натянутому между двумя камнями.

— Это кленсонирующий сивилейтор, рефандулирующий излишний торг.

Из тени доносился голос — сильный женский альт, хотя сейчас он звучит невесело и покорно. Последовал мягкий звон, словно один объект бросили в груду, а другой подняли, чтобы рассмотреть.

— В качестве предположения скажу, что это гланнис трункатор, вероятно, использовавшийся в ритуалах чиханической секты, если, конечно, это не еще одна буйурская шутка-новинка.

Ларк заслонил глаза, разглядывая Линг, молодого ученого с неба и слугу звездных богов ротенов, с которой он как «туземный проводник» работал много недель, пока в несколько биений сердца

Битва на Поляне не поменяла их местами. После этой неожиданной победы высокие мудрецы поручили ему заботу о небесной женщине и охрану ее. Он не напрашивался на эту работу, хотя она и означала для него необычайное повышение.

Теперь я высокопоставленный знахарь в племени дикарей, ядовито думал он. Лорд Высокий Хранитель Пленных Чужаков.

А может, их палач. Мысли отшатывались от такой возможности. Гораздо вероятнее Линг передадут ее даник-ротенским товарищам в какой-нибудь сделке, разработанной мудрецами. Или ее в любой момент могут освободить орды неудержимых роботов, которые, словно стая медведей санти, просто отмахиваются от беспомощных защитников медового дерева зил.

В любом случае она будет свободна. Линг может прожить еще триста лет на своей родной планете, в Пяти Галактиках, рассказывая приукрашенные истории о своих приключениях среди свирепых варваров в этой грязной незаконной колонии. В то же время мы, падшие, можем надеяться только на простое выживание. Продолжать жить на бедной уставшей Джиджо, называя счастливчиками те из Шести Рас, кто сумеет присоединиться к глейверам на Тропе Избавления. Тропе благосло-

венного забытья.

Ларк предпочел бы покончить со всем каким-нибудь благородным и героическим способом. Пусть Шесть Рас Джиджо погибнут, защищая этот хрупкий мир, чтобы он мог продолжить свой прерванный отдых.

Конечно, это его личная ересь. Ортодоксы думают, что Шесть Рас — грешники, но могут смягчить свой грех, живя в мире на Джиджо. Но Ларк считал это лицемерием. Поселенцы должны покончить со своим преступлением, мягко и добровольно, и как можно скорее.

Он не делал тайны из своего радикализма, и это сделало положение еще более запутанным, когда высокие мудрецы наделили его большой властью.

На звездной женщине больше нет мерцающего одеяния ее звездного клана даников — таинственной группы людей, которые поклоняются повелителям ротенам. На ней плохо сидящие блуза и юбка из джиджоанской шерсти. Тем не менее Ларку было трудно смотреть на эту неловкую красоту. Говорят, звездные люди, не задумываясь, могут обрести новое лицо. Линг клянется, что не думает о таких вещах, но ни одна женщина на Склоне не может с ней сравниться.

Под настороженными взглядами двух капралов милиции Линг сидела скрестив ноги и рассматривала образцы, оставленные мульк-пауком: странные металлические предметы, заключенные в полупрозрачные золотистые коконы, подобно древним насекомым, застрявшим в янтаре. Вещи буйуров, последних законных обитателей планеты, которые улетели полмиллиона лет назад после объявления Джиджо невозделанной. Множество яйцеобразных сохраняющих коконов разбросано по пепельным берегам. Вместо того чтобы уничтожать реликты ушедшей цивилизации, местный мульк-паук предпочел сохранять их. Коллекционировать их, если поверить невероятной истории, рассказанной Ларку его сводным братом Двером.

Прозрачное покрытие заставляло его нервничать. То же самое вещество, выделившееся из пористых нитей паука, едва не погубило Двера и Рети, дикую девушку сунера, в ту самую ночь, когда схватились два робота чужаков, воспламенив живое болото ядовитых нитей и покончив с долгой безумной жизнью паука. Золотистое вещество кажется необычным на ощупь, словно под твердой оболочкой переливается медлительная странная жидкость.

Топоргический, назвала Линг скользкий материал в один из тех моментов, когда была склонна к разговорам. Встречается очень редко, но я о нем слышала. Говорят, это псевдоматерия, состоящая из органически сложенного времени.

Что бы это ни значило. Похоже на то, что может сказать Сара, когда пытается объяснить свой любимый мир математики. Будучи биологом, Линг находила странной способность живого существа выпускать «сложенное время» из пор далеко раскинувшихся щупалец, как, очевидно, делал мульк-паук.

Закончив осматривать очередной образец, Линг склонялась к стопке листов лучшей бумаги Ларка и делала записи, сосредоточившись так, словно каждая буква — это произведение искусства. Как будто она никогда не держала в руке карандаш, но поклялась овладеть этим новым искусством. Как галактический путешественник, она привыкла справляться с потоками информации, управляясь с многомерными дисплеями, просеивая данные сложных экосистем планет, разыскивая для своих хозяев ротенов биологические сокровища, которые стоило бы похитить. Письмо вручную должно показаться ей переходом от космической скорости к деревянной

повозке треки.

Крутое падение: одно мгновение — полубогиня, а в следующее — пленница неотесанных варваров.

Должно быть, эти записи помогают ей отвлечься от недавних событий — от того ужасного дня, когда всего в двух лигах ниже Святого Яйца ее база была взорвана и массы жителей Джиджо восстали. Но Ларк чувствовал нечто большее, чем сознательная попытка отвлечься. Выписывая слова на бумаге, Линг получает такое же удовлетворение, какое испытывает всегда, совершая разные простые действия. Ларк часто видел в ней это. И, несмотря на свой гнев, находил эту особенность достойной уважения.

Существуют народные легенды о мульк-пауках. Говорят, некоторые из них за долгие века пережевывания металла и каменных памятников прошлого приобретают необычные одержимости. Когда-то Ларк отмахивался от таких рассказов как от суеверия, но насчет этого паука Двер доказал их истинность. Прямо перед Ларком доказательства существования этой коллекции, они в бесчисленных капсулах рассыпаны по обожженной чаще. Это самое большое собрание галактического мусора на Склоне. И именно

это сделало берега ядовитого озера идеальным укрытием для пленной женщины-чужака, на случай если прилетевший корабль примется искать исчезнувших членов экипажа. Хотя Линг тщательно обыскали, у нее отобрали все ее вещи, в ее теле может находиться какой-нибудь датчик, который можно обнаружить, — датчик, вживленный в далеком галактическом мире. И если это так, то разбросанные вокруг бесчисленные предметы буйуров замаскируют ее присутствие.

Были и другие идеи.

Корабельные сенсоры могут не проникнуть под землю, предположил один из людей техников.

Или, предложил урский кузнец, соседний поток лавы затуманит глаза чужаков.

В такие места были отведены остальные заложники: Ро-кенн и Ранн — в надежде сохранить хоть одного пленника. Когда речь идет о жизни всех детей и личинок на склоне, стоит испробовать любые возможности. Ларку поручили очень важное дело. Тем не менее он раздражался, ему хотелось что-то делать, а не просто ожидать конца мира. Ходили слухи, что готовится схватка со звездными преступниками. Ларк не разбирается в оружии, он специалист в живых существах. Тем не менее он завидовал тем, кто готовился

к битве.

Бормочущий сопящий звук заставил его броситься в другой конец навеса, где сидел его друг Утен, прижавшись к земле, как хитиновая груда пепельного цвета. Ларк взял самодельный аспиратор, приготовленный из ствола бу, пузыря скальной свиньи и застывшего сока мульк-паука. Просунул конец трубки в одну из щелей на больших ногах квуэна и начал откачивать жидкость, которая мешала Утену дышать. Ларк повторял этот процесс на всех пяти ногах, пока его партнер и коллега по биологическим исследованиям не задышал легче. Купол квуэна приподнялся, и его зрительная полоска слегка посветлела.

— Сп-на-с-с-сибо, Л-ларк я прости, что я я тебя так затруд-ня-ю.

Утратив согласованность, голос доносился из пяти ног разрозненно, словно пять маленьких квуэнов говорили каждый по-своему. Или как треки, у которого все говорящие кольца вдруг решили заговорить самостоятельно. При виде слабости Утена у Ларка заболело в груди. Комок в горле мешал ответить оптимистично звучащей ложью.

— Ты просто отдыхай, брат по когтю. Скоро мы снова выйдем в поля, будем выкапывать ископа-

емых и придумывать такие теории, от которых ваши матери посинеют в замешательстве.

Это вызвало слабый булькающий смех.

— Г-г-ово-ря о ер-есях, кажется, ты и Хару-Хару-Харуллен получили то, что хотели.

Упоминание о другом друге-квуэне заставило Ларка горестно поморщиться. Утен не знает о судьбе своего родича, и Ларк не собирался ему рассказывать.

— О чем ты?

— Кажет-ся, грабители-грабители нашли способ избавить Джиджо от одного из Ш-е-сти Па-разитов.

— Не говори так, — попросил Ларк. Но Утен высказал распространенную мысль. Его болезнь поставила в тупик врача г'кека, который под соседним навесом в истощении сплел все четыре глазных стебелька. Болезнь напугала солдат милиции.

Все знали, что Утен был с Ларком в развалинах станции даников, разглядывая запретные вещи.

— Мне было жаль, когда фана-тики взорвали базу чужаков. — Панцирь Утена дрожал в борьбе за дыхание. — Даже когда ротены пытались использовать наше Святое Яйцо — забивали, словно клинья, свои ложные сны-видения, пытались

разделить Шесть Рас… Даже это не оправдывает негостеприимное и жестокое убийство чужаков.

Ларк вытер глаз.

— Ты милосердней большинства.

— Позволь мне за-кон-чить. Теперь мы знаем, что чужаки задумали нечто гораздо хуже видений. Они создали микробы, чтобы уничтожить нас.

Итак, Утен услышал разговоры — или додумался до этого сам.

Биологическое оружие. Геноцид.

— Как «Война миров». — Это один из любимых романов Утена. — Только роли поменялись на обратные.

Сравнение Ларка заставило серого квуэна рассмеяться — хриплым, неровным свистом.

— Я всег-гда отождествлял себя с этими бедными-бедными мар-си-анами.

Зрительная полоска затуманилась, утратила свет разума, панцирь поник. Ларк проверил дыхание друга: оно не ухудшилось. Утен просто устал.

Мы считаем серых крепчайшими из крепких. Но хитин не остановит луч лазера.

Харуллен узнал это на собственном опыте. Смерть пришла к родичу Утена во время короткой Битвы на Поляне, когда отряды милиции

Шести Рас с трудом одолели смертоносных роботов Ро-кенна. Только внезапность позволила им победить. Чужаки не подозревали, что у дикарей есть книги, а в них рассказывается, как делать огнестрельное оружие — примитивное, но смертельно опасное на близком расстоянии.

Но для Харуллена победа пришла слишком поздно. Слишком преданный своему делу или слишком упрямый, чтобы бежать, предводитель еретиков провел последние лихорадочные мгновения своей жизни, призывая к спокойствию и разуму, крича одновременно в пяти направлениях, умоляя всех сложить оружие и начать переговоры, — пока массивное крабообразное тело Харуллена не было разрезано на неровные части роботом-убийцей за несколько мгновений до того, как взорвалась сама эта машина.

Серые матроны города Тарек будут в трауре, подумал Ларк, положив руки на широкую раковину Утена, опустив голову на ее пятнистую поверхность, прислушиваясь к напряженному дыханию друга и от всего сердца желая как-то ему помочь.

И одна из его мыслей была ироничной.

Я всегда считал, что если наступит конец, квуэны погибнут последними.

ЭМЕРСОН

Теперь виды Джиджо быстро летели мимо, как будто загадочные всадницы опасались задержки, которая развеет их надежды.

Не владея речью, Эмерсон не знал, куда они так торопятся и почему.

Время от времени Сара оборачивалась в седле и ободряюще улыбалась ему. Но лицо ее окружали переданные реуком цвета дурных предчувствий — он теперь читал этот нимб эмоций, как когда-то привык понимать значение надписей на дисплее. Возможно, ее тревога должна была внушать ему опасения, потому что Эмерсон привык рассчитывать на ее руководство в этом странном, опасном мире. Но он не мог заставить себя тревожиться. Слишком о многом нужно было подумать.

Стало сыро, когда караван свернул в извилистую речную Долину. Влажные запахи пробудили воспоминания о болоте, в котором он оказался после крушения, калека, корчащийся от боли. Но он не отшатнулся от этого воспоминания. Эмерсон приветствовал любое ощущение, которое могло позволить вспомнить больше, — звук, случайный запах или вид за следующим поворотом.

Некоторые открытия вторично пробились через пропасть времени — он словно давно утратил их и теперь открывал заново. Заново открытые имена влекли за собой лица и даже краткие воспоминания о событиях прошлого.

Том Орли, такой сильный и умный. Всегда настороженный, готовый к неприятностям. Он однажды привел какой-то корабль. И вызвал тревогу во всех Пяти Галактиках.

Хикахи, милейший из дельфинов. Добрейший друг. Бросилась спасать своего возлюбленного и капитана и не вернулась.

Тошио, мальчишка, всегда готовый рассмеяться. Смелый молодой человек. Где он сейчас?

Крайдайки, капитан. Мудрый предводитель дельфин. Калека, как и он сам.

На мгновение Эмерсон задумался над сходством между раной Крайдайки и своей. Но эта мысль вызвала приступ такой острой боли, что мелькнула и исчезла.

Том, Хикахи, Тошио… Он повторял имена. Каждое из них связано с другом, которого он не видел, да, уже очень давно.

Другие воспоминания, более недавние, до них труднее дотянуться, и они вызывают большую боль.

Суэсси, Тш'т, Джиллиан…

Он повторяет каждый звук, не обращая внимания на тряску и на трудности в координации движений губ и языка. Он делает это для практики — иначе как ему вернуть прежнее беглое владение языком, искусство произносить слова, которым он так хорошо владел, когда считался умным парнем?… До того, как в его голове и в памяти появилась эта ужасная дыра.

Некоторые имена приходят легко, потому что он узнал их после пробуждения на Джиджо, в бреду в древесном доме.

Прити, маленькая шимпанзе, которая учила его своим примером. Она сама не умеет говорить, но демонстрирует отличное владение математикой и языком жестов.

Джома и Курт, звуки, связанные с разными версиями одного и того же узкого лица. Ученик и мастер уникального искусства, предназначенного для уничтожения дамб, башен и домов, которые незаконные поселенцы воздвигли на этой запретной планете. Эмерсон вспоминает Библос, архив бумажных книг, где Курт показывал племяннику искусно размещенные заряды, которые могут обрушить потолок пещеры и разнести библиотеку в пыль. Если поступит приказ.

Пленный фанатик Дединджер едет за взрывниками, его угловатое лицо покрыто темным загаром. Предводитель повстанцев людей, чьи убеждения Эмерсон не может понять, знает только, что они не любят посетителей с неба. Отряд движется вперед, а Дединджер смотрит по сторонам, рассчитывая следующий шаг.

Некоторые имена и места — они теперь имеют значение. Это прогресс, но Эмерсон не дурак. Он понимает, что до падения на эту планету должен был знать сотни слов. Иногда он почти улавливает смысл «вау-вау», которые произносят его спутники, обращаясь друг к другу. Но эти урывки не удовлетворяют, а лишь усиливают мучения.

Иногда этот поток звуков утомляет, и Эмерсон размышляет: может, люди были бы меньше склонны к дракам, если бы меньше говорили. Если бы больше времени просто смотрели и слушали.

К счастью, слова не единственная его забота. Его преследует призрачное знакомство с музыкой, во время коротких остановок он играет в математические игры с Сарой и Прити, чертит рисунки на песке. Это его друзья, и он радуется их смеху.

У него есть еще одно окно в мир.

Так часто, как может вынести, Эмерсон надевает на глаза реук — похожую на маску пленку, которая преобразует мир, окрашивает его в разноцветные тона. В своих путешествиях он, пилот, никогда не встречал подобное существо — все Шесть Рас пользуются им, чтобы лучше понять настроение друг друга. Но если его оставить надолго, начинает болеть голова. Тем не менее он находит захватывающими ореолы, окружающие Сару, Дединджера и остальных. Иногда кажется, что в этих цветах нечто большее, чем просто эмоции, хотя он не может определить, что именно. Пока не может.

Но одну истину Эмерсон вспомнил. Совет, извлеченный из прошлого, заставляет его насторожиться.

Жизнь может быть полна иллюзий.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Легенды рассказывают о многих драгоценных текстах, которые были утрачены одним печальным вечером, во время беспрецедентной катастрофы, которую некоторые называют Ночью Призраков. Тогда сгорела четверть архива Библоса. Говорят, в одном из бесценных томов, погибших той жестокой зимней ночью, были изображения буйуров — могучей расы, чья лицензия на пользование Джиджо истекла пятьсот тысяч лет назад.

От свидетелей катастрофы уцелело мало дневниковых записей, но согласно показаниям некоторых просматривавших Ксенологический фонд до того, как он сгорел, буйуры были приземистыми существами, слегка напоминавшими лягушек, изображенных на девяносто шестой странице «Руководства по земным формам жизни» Клири, но со слоновьими ногами и пристальными, глядящими вперед глазами. Говорят, они очень искусно умели создавать нужные им организмы

и имели репутацию невероятных шутников.

Но другие расы сунеров уже знали это о буйурах — и благодаря устной традиции, и по многочисленным умным служебным организмам, которые все еще встречаются в лесах Джиджо, может быть, по-прежнему ищут исчезнувших хозяев. Помимо этих скудных сведений, мы очень мало знаем о расе, чья могучая цивилизация цвела на этой планете свыше миллиона лет.

* * *

Как могли такие огромные знания быть потерянными за одну ночь? Сегодня это кажется странным. Почему колонисты первой волны не изготовили копии этих бесценных текстов, прежде чем отправить свой крадущийся корабль в океанские глубины? Почему не разместили дубликаты по всему Склону, обеспечив им безопасность от любых бед?

В оправдание наших предков вспомните, какие это были напряженные времена — до заключения Великого Мира и прихо-

да Яйца. Перед тем как звездный корабль «Обитель» проскользнул мимо пыльного сияния Измунути, чтобы незаконно высадить землян, последнюю волну незаконных колонистов, пять разумных рас, к тому времени присутствовавших на Джиджо (не считая глейверов), уже достигли непрочного равновесия. Но в те дни часто происходили схватки между урскими кланами и высокомерными квуэнскими императрицами, а племена квуэнов постоянно вели этические войны за гражданские права треки. Высокие мудрецы не имели большого влияния, они только читали и истолковывали Говорящие Свитки, единственный документ, существовавший в то время.

И вот в эту напряженную ситуацию вмешалась последняя волна поселенцев-сунеров, сумевших найти ожидавшую их неиспользуемую эконишу. Но колонисты люди не удолетворялись простым использованием незанятых плодородных земель, как поступали другие неграмотные кланы. Напротив, прежде чем затопить свой корабль, они в последний

раз использовали механизмы «Обители». С помощью этих богоподобных сил они вырубили крепость Библос, затем срубили тысячи деревьев и превратили их в свеженапечатанные книги.

Этот поступок так поразил остальных Пять, что едва не стоил земным колонистам жизни. Разгневанные королевы города Тарек осадили землян, которых намного превосходили по численности. Остальные, тоже разгневанные тем, что казалось ересью против Священных Свитков, сдержались только потому, что священники-мудрецы отказались санкционировать священную войну. Но этот запрет дал предводителям землян время для переговоров, с помощью мудрости своих книг они сумели уговорить различные племена и кланы, подкупить их многочисленными полезными вещами. Шпунты для спиц г'кеков. Лучшие паруса для хунских капитанов. А для урских кузнецов — умение делать стекло, которое они так давно искали.

Как изменилось положение всего за несколько поколений, когда новая по-

рода ученых мудрецов собралась, чтобы утвердить великий мир, поставить свои подписи на только что изготовленной бумаге и разослать экземпляры этого договора во все поселки и деревушки Склона. Чтение стало распространенным увлечением, и даже на умение писать больше не смотрели как на грех.

Ортодоксальное меньшинство по-прежнему возражает против стука печатных станков. Его представители набожно утверждают, что грамотность укрепляет память и привязанность к тем самым заблуждениям, которые принесли неприятности нашим летавшим в космосе предкам. Мы должны культивировать отвлеченность и забвение, чтобы пройти по тропе Избавления, говорят они.

Возможно, они правы. Но в наши дни мало кто торопится последовать примеру глейверов и начать спуск по благословенной тропе. Еще рано. Вначале мы должны подготовить свои души.

А мудрость, заявляют новые мудрецы, может быть почерпнута на страницах книг.

Из книги Гомера Ауф-путтвау «Сотворение мира. Историческое рассуждение»

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

Выброшенные безжалостной судьбой на берег Ифни.

Застрявшие, как кит на берегу, и лишенные возможности вернуться домой.

Столкнувшиеся с пятью препятствиями. Во-первых, отрезанные от Земли враждебными чужаками, которые ненавидят землян вообще, а экипаж «Стремительного» в особенности, хотя Каа никак не мог понять почему.

Во— вторых, изгнанные из родной галактики землян, сбившиеся с курса, потерявшие из-за каприза гиперпространства всякое представление о своем расположении — хотя многие члены экипажа винили в этом Каа, называя происшедшее «ошибкой пилота».

В— третьих, звездный корабль «Стремительный» нашел убежище на запретной планете, которая должна была отдыхать от разумных существ. Идеальное убежище, по мнению одних. Ловушка, как считают другие.

В— четвертых, отрезанные окончательно, когда усталые двигатели корабля наконец стихли, принеся «Стремительный» в царство призраков, в самом глубоком и темном уголке планеты, далеко от воздуха и света.

И наконец это, подумал Каа. Покинутый даже экипажем потерпевших крушение!

Конечно, лейтенант Тш'т так не выразилась, когда попросила его остаться вместе с тремя другими добровольцами.

— Это будет твоим первым важным поручением, Каа. Возможностью показать, на что ты способен.

Да, подумал он. Особенно если хуны проколют меня гарпуном, втащат в свою лодку и выпотрошат.

Так едва не произошло вчера. Он следил за одним из туземных парусных кораблей, пытаясь установить его цель и назначение, когда один из его молодых помощников Мопол метнулся вперед и запрыгал в оставленной деревянным

судном волне — любимое занятие дельфинов на Земле, где они часто бесплатно катаются на корабельной волне. Но здесь это настолько глупо, что Каа и не подумал заранее запретить такое занятие.

Позже, когда они вернулись в убежище, Мопол постарался оправдаться.

— К тому же я не причинил никакого вреда.

— Никакого вреда? Ты позволил им увидеть себя! — отругал его Каа. — Разве ты не помнишь: они начали бросать в тебя копья, я едва успел тебя увести?

Гладкий корпус и бутылкообразная голова Мопола сохраняли положение упрямого несогласия.

— Они никогда раньше не видели дельфинов. Вероятно, решили, что это какая-то местная рыба.

— И так и должны думать, слышишь?

Мопол согласился, но это происшествие встревожило Каа.

Немного погодя, размышляя о собственных недостатках, он работал в облаках поднявшегося придонного ила, разрезая оптический кабель, который оставила подводная лодка «Хикахи», возвращаясь к убежищу «Стремительного». Но-

вая камера, установленная Каа, позволит легче наблюдать за хунским поселком, чья пристань и замаскированные дома расположились в ближайшем заливе. Он мог уже доложить, что хунское стремление замаскироваться нацелено вверх; они пытаются скрыться от взгляда с неба, а не со стороны моря. Каа надеялся, что эта информация окажется важной.

Тем не менее его никогда не готовили быть шпионом. Он пилот, черт побери!

Конечно, на первом этапе полета «Стремительного» у него было не очень много практики; тогда он находился в тени главного пилота Кипиру, который самую трудную и приносящую славу работу всегда брал на себя. Когда Кипиру вместе с капитаном и несколькими другими членами экипажа исчез на Китрупе, Каа наконец получил возможность попрактиковаться в пилотском мастерстве — в счастье и в несчастье.

Но теперь «Стремительный» никуда не летит. Выброшенный на берег корабль не нуждается в пилоте, поэтому, полагаю, я отношусь к числу заменимых.

Каа закончил разрезать кабель и втягивал рабочие руки своей упряжи, когда мимо мелькнуло серебристое пятно, бешено извиваясь. На него

обрушился сонарный удар, и отразившиеся в воде волны окружили тело. Отмель заполнилась Щелкающим дельфиньим смехом.

Признай это, искатель звезд!

Ты меня не видел и не слышал

Когда я поднимался из глубины!

На самом деле Каа уже довольно давно заметил приближение молодого дельфина, но не хотел разочаровывать Заки: пусть учится приближаться незаметно.

— Используй англик, — кратко приказал он.

Мелкие конические зубы сверкнули в наклонном солнечном луче, молодой дельфин-турсиопа повернулся лицом к Каа.

— Но ведь гораздо легче говорить на тринари! У меня от англика иногда голова болит.

Мало кто из людей, услышав этот разговор дельфинов, понял бы его. Подобно тринари, этот подводный диалект состоял преимущественно из щелкающих стонов и скрежета. Но грамматика близка к стандартному англику. А именно грамматика направляет образ мыслей, — так говорил Крайдайки, когда мастер искусства кининка жил среди экипажа «Стремительного», руководя им с помощью своей мудрости.

Крайдайки исчез два года назад вместе с мистером Орли и другими, когда мы бежали от битвы флотов у Китрупа. Но нам его не хватает каждый день — он лучший, кого произвел наш вид.

Когда говорил Крайдайки, забывалось, что неодельфины — сырые, незавершенные существа, самая молодая и самая неустойчивая разумная раса в Пяти Галактиках.

Каа постарался ответить Заки так, как мог бы Крайдайки.

— Трудность, которую ты испытываешь, называется сосредоточенностью. Это нелегко. Но именно это позволило нашим патронам людям достичь звезд исключительно своими силами.

— Да. И посмотри, что это им дало, — ответил Заки.

И прежде чем Каа смог ответить, юноша издал сигнал «нужен свежий воздух» и понесся к поверхности, даже не позаботившись двигаться по спирали, чтобы уменьшить возможную опасность. Это нарушение правил безопасности, но с каждым проходящим джиджоанским днем строгая дисциплина кажется все менее обязательной. Море слишком мягкое, плодородное и дружелюбное, чтобы поощрять старательность и прилежание.

Каа пропустил это нарушение, вслед за Заки поднимаясь к поверхности. Они выдохнули и вдохнули сладкий воздух, чуть проникнутый слабыми отголосками дождя. Разговор вне воды на англике через генетические модифицированные дыхала требовал иного диалекта, свистящего и булькающего, но больше похожего на человеческую речь.

— Хорошо, — сказал Каа. — Докладывай.

Второй дельфин покачал головой.

— Красные крабы ничего не подозревают. Они заняты своими рачьими загонами. И лишь изредка кто-нибудь из них оглядывается, когда мы подплываем ближе.

— Это не крабы. Это квуэны. И я дал строгий приказ. Вы не должны приближаться настолько, чтобы вас увидели!

Хуны считаются гораздо более опасными, поэтому эту часть шпионской миссии Каа приберег для себя самого. Тем не менее он полагал, что сможет использовать и Заки с Мополом, которые украдкой наблюдали за квуэнским поселком на рифе. Вероятно, я ошибся.

— Мопол хотел попробовать деликатесы красных, поэтому мы решили отвлечь их внимание. Я загнал стаю рыб с зелеными плавниками, тех

самых, что по вкусу похожи на угря из Саргассова моря, и погнал их к колонии квуэнов! И знаешь что? Оказалось, что у крабов на случай такой удачи всегда наготове сети! Как только стая оказалась в пределах досягаемости, они подняли сети и захватили всех.

— Вам повезло, что не захватили и вас. А что в это время Делал Мопол?

— Пока красные были заняты, Мопол наведался в их рачьи садки. — Заки радостно рассмеялся. — Кстати, я сберег Для тебя одну штуку. Они великолепны.

На Заки мини-упряжь с единственным манипулятором, который убирается во время плавания. По невральному сигналу механическая рука порылась в сумке и протянула Каа извивающееся существо. «Что мне делать?» Каа смотрел на изгибающееся создание. Если примет, это только подбодрит Заки на дальнейшие нарушения дисциплины. А если откажется, не будет ли выглядеть грубым и неразумным?

— Подожду и посмотрю, не заболеете ли вы, — сказал он юноше. Они не должны на себе ставить эксперименты с местной фауной. В отличие от Земли большинство планетных экосистем представляют собой смесь образцов со всех Пяти

Галактик, привнесенных обитателями за десятки миллионов лет. До сих пор большинство местных рыбообразных оказывались полезными и вкусными, но следующая добыча может отомстить за себя, отравив вас.

— Где сейчас Мопол?

— Делает то, что нам велели, — ответил Заки. — Наблюдает, как красные крабы взаимодействуют с хунами. Пока мы видели, как они тащили в порт две пары саней, нагруженных скошенными морскими водорослями. А вернулись с грузом дерева. Знаешь, срубленные древесные стволы.

Каа кивнул.

— Итак, как мы и подозревали, они ведут торговлю. Хуны и квуэны, живущие вместе на запретной планете. Интересно, что бы это значило?

— Кто знает? Если бы они не были загадкой, то не были бы и разумными. Могу я вернуться к Мополу?

У Каа не было иллюзий насчет того, что происходит между двумя молодыми космонавтами. Вероятно, это мешает их работе, но если он поднимет эту тему, Заки обвинит его в ханжестве или, что еще хуже, в «ревности».

«Если бы только я был настоящим лидером, —

подумал Каа. — Лейтенанту не следовало назначать меня главным».

— Да, возвращайся, — сказал он. — Но только чтобы прихватить Мопола и вместе с ним вернуться в убежище. Уже поздно.

Заки высоко приподнялся в воде, опираясь на хвост.

Да, о возвышенный!
Твой приказ будет выполнен,
Как приливы повинуются луне.

С этими словами молодой дельфин подпрыгнул и погрузился в воду. И вскоре Каа мог видеть только его спинной плавник, сверкающий, когда он разрезает волны прибоя.

Каа задумался над вызывающим высокомерием последнего всплеска тринари Заки.

В человеческих терминах, по логике причинно-следственных связей, которой патроны учили клиентов дельфинов, океан вздымается и опускается под влиянием гравитационных полей солнца и луны. Но есть более древний образ мыслей, использовавшийся предками китообразных задолго до того, как люди вмешались в их гены. В те дни не было никаких сомнений в том, что прилив — самая могучая сила. И в древней при-

митивной религии приливы управляют луной, а не наоборот.

Иными словами, утверждение Заки на тринари — насмешка, граничащая с неповиновением.

Тш'т допустила ошибку, с горечью думал Каа, направляясь к убежищу. Нас не следовало оставлять здесь в одиночестве.

По пути он экспериментировал с главной угрозой их миссии. Это не копья хунов и не когти квуэнов, это даже не чужие космические корабли, а сама Джиджо.

В эту планету можно влюбиться.

Его манили вкус океана и бархатная текстура воды. Манили тем, как уважительно относились к нему рыбообразные существа: убегали, но не настолько быстро, чтобы он не мог их поймать.

Но самое соблазнительное — ночные эхо, проникающие сквозь стены их убежища, далекие низкие ритмы, почти на пределе слышимости. Странное напоминание о песнях земных китов.

В отличие от зеленого-зеленого мира Оакка, в отличие от ужасного Китрупа на этой планете моря почтительные. Такие, в которых дельфин может плавать с миром.

И возможно, забыться.

Когда Каа прошел сквозь маленький шлюз, по

размерам едва пригодный для пропуска дельфина, и оказался в убежище — раздутом пузыре, наполовину заполненном водой и прикрепленном к океанскому дну, — его поджидал Брукида. У одной из стен располагалась лаборатория геолога и металлурга, престарелого дельфина, который с удалением «Стремительного» от дома становился все более слабым.

Образцы, которые исследует Брукида, добыты с хунского корабля. «Хикахи» последовала за этим парусником, который вышел за пределы континентального шельфа и выбросил в океанскую впадину свой груз! Ящики, корзины и бочки опускались на дно, но несколько удалось перехватить зияющей пастью подводной лодки и оставить для анализа, когда «Хикахи» вернулась на базу.

Брукида уже обнаружил то, что он назвал «аномалиями», но сейчас что-то другое привело пожилого ученого в возбуждение.

— Пока ты отсутствовал, мы получили сообщение. По пути к «Стремительному» Тш'т подобрала нечто поразительное!

Каа кивнул.

— Я был здесь, когда она это сообщила, помнишь? Они нашли древний тайник, оставленный незаконными поселенцами, когда…

— Да не это. — Давно Каа не видел пожилого дельфина таким возбужденным.

— Позже Тш'т связалась снова и сообщила, что они спасли группу детей, которые могли утонуть.

Каа мигнул.

— Детей? Каких детей?

— Не человеческих и не дельфиньих. Но подожди, пока сам не услышишь, кто они такие и как они оказались здесь, под поверхностью моря.

СУНЕРЫ
ОЛВИН

Всего за несколько дуров до столкновения стена отбросов перед нами пришла в движение. Неровная плита, состоящая из поломанных корпусов кораблей, волшебно отошла в сторону, открыв перед кораблем фувнтусов длинный узкий проход.

Мы вошли в него, мимо стекла понеслись неровные стены, отрезав луч прожектора и оставив нас в тени. Двигатели еще раз прошумели в своем обратном движении и смолкли.

Корпус сотрясался от металлических звонов. Несколько мгновений спустя дверь в помещение отворилась. Когтистая рука поманила нас.

Снаружи ждали несколько фувнтусов, похожих на насекомых с длинными, закованными в сталь телами и огромными стеклянными глазами. Мои загадочные спасители, благодетели, пленители.

Мои друзья пытались помочь мне, но я попросил их не делать этого.

— Идемте, приятели. Мне трудно управляться с этими костылями и когда вы не толпитесь поблизости. Идите. Я иду за вами.

На перекрестке, ведущем к моей прежней клетке, я повернул налево, но наши шестиногие проводники показали, что нужно двигаться направо.

— Мне нужны мои вещи, — сказал я ближайшему фувнтусу. Но он своими механическими когтями показал «нет» и преградил мне путь.

Черт побери, подумал я, вспоминая оставленные блокнот и рюкзак. Собирался прихватить их на обратном пути.

Извилистый, сбивающий с толку маршрут провел нас через множество люков и по длинным коридорам из металлических плит. Ур-ронн заметила, что некоторые сварные швы выглядят «отвратительно». Меня восхитило, как она держится за свой профессионализм перед лицом такой невероятной технологии.

Не могу точно сказать, когда мы покинули морского дракона и оказались в гораздо большем лагере, городе, базе, улье, но наступил момент, когда брякающие движения фувнтусов стали казаться расслабленными. Я уловил несколько необычных щелкающих звуков, которые первоначально принял за речь. Но сейчас не было времени внимательно вслушиваться. Простое продвижение вперед означало борьбу с болью, и каждый шаг давался с трудом. Наконец мы оказались в коридоре, в котором чувствовалось постоянство, — со светлыми, почти белыми стенами и мягким освещением, которое, казалось, исходит от всего потолка. Необычный коридор мягко поднимался вверх в обоих направлениях, пока по обе стороны не исчезал из виду на расстоянии в четверть полета стрелы. Казалось, мы в огромном кольце, хотя я не мог себе представить, чему может служить такой странный коридор.

Но еще более странным оказался комитет по встрече! Наконец-то мы увидели два существа, которые не похожи на фувнтусов — за тем исключением, что у них тоже шесть конечностей. Они стояли прямо на нижней паре конечностей, одетые в серебристую ткань, и протягивали четыре чешуйчатые лапы с перепонками в жесте,

который я с надеждой принял за приветствие. Маленькие, ростом мне по верхнее колено или вровень с красным хитиновым панцирем Клешни. На их головах с выпуклыми глазами корона из влажных вьющихся волокон. Быстро говоря что-то, они знаками попросили нас следовать за ними, а массивные фувнтусы с явным облегчением удалились.

Мы, четверо жителей Вуфона, обменялись взглядами, потом покачивающимся, в стиле квуэнов, пожатием плечами. Повернулись и молча пошли за нашими новыми проводниками. Я слышал, как у меня на плече пыхтит Хуфу, глядя на маленькие существа, и поклялся, что брошу костыли и схвачу нура, если он попытается прыгнуть на одного из хозяев. Сомневаюсь, чтобы они были такими беспомощными, какими выглядят.

Все двери, выходящие в коридор, были закрыты. У каждого входа к стене приклеено нечто похожее на бумажную полоску, всегда на одной и той же высоте. Гек одним стебельком показала на импровизированную защиту, потом знаками азбуки Морзе просигналила мне:

ПОД НИМИ ЧТО-ТО СКРЫВАЕТСЯ!

Я понял, что она имеет в виду. Итак, хозяева не хотят, чтобы мы прочли надписи на дверях.

Это означает, что они пользуются одним из алфавитов, известных Шести. Я испытал то же любопытство, которое прямо излучала Гек. В то же время, однако, готовился остановить ее, если она попытается сорвать одну из полосок. Бывает время импульсивных действий. Но сейчас не то.

Дверной люк с мягким шипением открылся, и наши маленькие проводники знаками попросили нас войти.

Занавесы делили просторное помещение на несколько ячеек. Я мельком увидел множество сверкающих машин, но разглядел немногое из-за того, что появилось перед нами.

Мы застыли, глядя на четверку очень знакомых существ: ура, хуна, красного квуэна и молодого г'кека!

Наши собственные изображения, сообразил я. Это явно не отражения в зеркале. Во-первых, мы могли смотреть сквозь них. И пока мы смотрели, каждая фигура жестом поманила в разные ячейки.

Первоначальный шок миновал, и я заметил, что фигуры не являются точными изображениями. У ура тщательно расчесанная грива, а мой хунский двойник стоит прямо, без корсета. Имеет ли эта разница какой-то смысл? Хунская

карикатура старомодно — раздуванием горлового мешка — улыбнулась мне, но при этом не добавила гримасы рта и губ, как стали поступать хуны после появления на Джиджо людей.

— Ты прав, — сказала Гек, глядя на эрзац-г'кека перед собой, чьи колеса и спицы сверкали, новенькие и отполированные. — Я уверена, что они сунеры, Олвин.

Я мигнул. Итак, мои прежние предположения ошибочны. Но нет смысла сейчас об этом думать.

— Хр-рм, заткнись, Гек.

— Это голофафическая проекция, — сказала Ур-ронн на англике с акцентом — единственном джиджоанском языке, на котором можно выразить такую мысль. Эти слова пришли из человеческих книг, унаследованных со времени Великой Печати.

— Как скажете, — добавил Клешня, когда каждый призрак стал манить нас в разные помещения. — И что нам делать теперь?

Гек ответила:

— А какой у нас выбор? Каждый последует за своим парнем, и посмотрим, что по ту сторону.

И с грохотом ободьев покатила за светящимся изображением г'кека. За ней задернулся занавес.

Ур-ронн шумно выдохнула:

— Доброй воды вам обоим.

— Огня и пепла, — вежливо ответили мы с Клешней, глядя, как она уходит вслед за рисованной урской фигурой.

Подложный хун радостно махал мне, приглашая войти в помещение справа.

— Только имя, звание и серийный номер, — сказал я Клешне.

Он удивился.

— Что? — послышалось из трех ножных щелей. Когда я оглянулся, его панцирь все еще нерешительно покачивался. Клешня смотрел во всех направлениях, но только не на приглашавшего его квуэна.

Между нами опустился разделяющий занавес.

Мой молчаливый проводник в образе хуна подвел меня к белому обелиску, вертикальной плите, занимающей центр маленькой комнаты. Знаком велел подойти к ней вплотную и встать на металлическую пластину у ее основания. Сделав так, я обнаружил, что белая поверхность мягко прилегает к моему лицу и груди. Как только мои ноги оказались на плите, она начала наклоняться и поворачиваться вниз и вперед, превратившись в стол, на котором я оказался лежащим. Хуфу

сползла с моего плеча и завопила, когда снизу поднялась труба и устремилась к моему лицу!

Вероятно, я мог бы сопротивляться или попытаться убежать. Но какой в этом смысл? Когда из трубы появился цветной газ, его запах напомнил мне о том, как в детстве я побывал в больнице Вуфона. Дом Вони, как называли мы, дети, хотя аптекари треки были добры и всегда создавали в своем верхнем кольце какую-нибудь сладость, если мы вели себя хорошо.

Помню, что когда уходило сознание, я надеялся, что меня ждет какое-нибудь вкусное лакомство.

— Спокойной ночи, — прошептал я, а Хуфу продолжала щелкать и плакать. Потом все погрузилось во тьму.

АСКС

Гладьте свежий текучий воск, мои кольца, горячий воск, приносящий новости из реального времени.

Проследите этот изгиб, этот громкий крик отчаяния, эхом отразившийся от лесистых вершин, на которых задрожали могучие бу.

На несколько мгновений раньше могучий корабль ротенов величественно висел над раз-

рушенной станцией, сканируя Поляну в поисках отпочковавшихся отростков, исчезнувших членов экипажа.

Гремящий корабль казался разгневанным, мрачным, угрожающим, готовым к мести.

Однако мы/я оставались на месте, не правда ли, мои кольца? Долг приковал груду треки к земле: Совет мудрецов поручил нам вести переговоры с ротенскими повелителями.

Были и другие задержавшиеся на площадке для праздников. Любопытствующие зрители или те, кто хотел выразить свою преданность пришельцам.

Так что не одни мы/я были свидетелями того, что произошло потом. Присутствовало несколько сотен, в благоговейном ужасе глядя, как корабль просвечивает долину различными лучами, разглядывает почерневшие расплавленные балки уничтоженной станции.

Но тут неожиданно послышался ужасный звук. Этот звук все еще, незастывший, стекает по нашему жирному сердечнику. Сигнал ужаса и тревоги, исходящий от корабля!

Нужно ли вспоминать дальше? Посмеем мы и дальше следить за восковым следом? Даже несмотря на то, что от него исходит нестерпи-

мый жар?

Да?

Вы храбры, мои кольца.

* * *

Смотрите, как корабль ротенов неожиданно окутался светом!

Фотохимическое сияние льется на него сверху, отброшенное новым пришельцем, сверкающим, как солнце.

Но это не солнце, а другой космический корабль! Невероятно огромный, гораздо больше корабля генных грабителей; он нависает над этим кораблем, как треки с полным набором колец над только что вленировавшимся новым кольцом.

Можно ли поверить воску? Может ли существовать нечто такое огромное и могучее, как эта светящаяся гора, громоздко, как грозовая туча, движущаяся над поляной?

Захваченный врасплох, корабль ротенов испускает ужасные скрежещущие звуки, пытаясь спастись от титанического пришельца. Но теперь на него льется каскад света, прижимает, приобретая почти физическую ощутимость. Как твердый ствол, этот свет нажимает на корабль ротенов,

пока тот не по своей воле касается обожженной почвы Джиджо.

Поток шафранового цвета льется на меньший крейсер, слоями покрывая корабль ротенов, сгущаясь, как комки застывающего сока. Вскоре беспомощный корабль ротенов заключен в кокон. В золотистой оболочке висят неподвижно листья и ветки, словно остановленные посредине движения.

А вверху навис новый могучий пришелец. Левиафан.

Ослепительный свет потускнел.

Напевая негромкую песню мощи, титан спустился, как будто гигантская гора занимает свое место в Риммере. Камень с неба своим огромным весом расколол скалы и изменил очертания всей долины.

Теперь воск как будто меняет свое направление. Расплавленная сущность устремляется в новом направлении.

Она направляется, мои кольца?

Через пропасть.

В ад.

РЕТИ

Рети думала о своей птице. О яркой птице, такой красивой, так несправедливо искалеченной, так похожей на нее самое в своем упрямом стремлении к преодолению препятствий.

Ее приключения начались в тот день, когда Джесс и Бом вернулись с охоты, хвастаясь, что нашли загадочное летающее существо. Их трофей — замечательное металлическое перо — и стал той последней каплей, которую она ждала. Рети приняла это перо за знамение и укрепилась в своем стремлении уйти. Знак, что наконец настало время покинуть жалкое племя и уйти в поисках лучшей жизни.

Думаю, каждый чего-нибудь ждет, размышляла она, а робот тем временем обогнул еще один поворот ужасной реки, продолжая полет к последнему известному месту пребывания летающего разведчика Кунна. Рети стремилась к той же цели, но одновременно и боялась ее. Пилот даник жестоко обойдется с Двером. Он может также наказать и Рети за многие неудачи.

Она поклялась, что сдержит свой характер и, если понадобится, будет пресмыкаться. Только

бы звездные люди сдержали свое обещание и взяли меня с собой, когда улетят с Джиджо.

Они должны! Я отдала им птицу. Ранн сказал, что это ключ, который поможет даникам и ротенам в их поиске.

Ее мысли смешались.

В поиске чего?

Им что-то ужасно нужно, раз они решились нарушить галактический закон и тайком пробраться на далекую Джиджо.

Рети никогда не верила в эти разговоры о «генном грабеже» — что ротены явились за животными, готовыми научиться Думать. Когда вырастаешь близко к природе и рядом с другими существами ежедневно борешься за пищу, начинаешь понимать, что думать умеют все. Птицы, рыбы да некоторые из ее родичей молятся деревьям и камням!

Ответ Рети был — ну и что? Станет ли галлейтер не таким вонючим, если научится читать? Или грязный клеб будет не таким отвратительным, если, валяясь в груде навоза, будет цитировать стихи? В представлении Рети природа зла и опасна. С нее хватит такой жизни, она с радостью поменяет ее на возможность жить в каком-нибудь прекрасном галактическом городе.

Рети не верила, что люди Кунна прилетели издалека, только чтобы научить болтать каких-нибудь животных.

Но тогда какова истинная причина их появления? И чего они так боятся?

Робот избегал глубокой воды, как будто его силовое поле нуждалось в опоре на камень или почву. Когда река расширилась, а впадающие в нее притоки сами превратились в реки, дальнейшее продвижение оказалось невозможным. Даже длинные обходы не позволяли продвинуться вперед. Робот, со всех сторон окруженный водой, раздраженно гудел.

— Рети! — послышался снизу хриплый голос Двера. — Поговори с ним снова!

— Я уже говорила, помнишь? Ты, должно быть, разбил ему уши, когда вырвал антенну!

— Ну попытайся еще раз. Скажи, что я могу, я знаю способ, как перейти через реку.

Вцепившись в края платформы, Рети посмотрела вниз на него.

— Ты недавно хотел его убить, а теперь предлагаешь помощь?

Он поморщился.

— Уж лучше это, чем висеть в его клешнях, дожидаясь, пока солнце не сожжет меня. Думаю,

на летающей лодке найдутся еда и лекарства. И я так много слышал об этих чужаках. Почему все интересное должно достаться тебе?

Она не могла понять, когда он серьезен, а когда насмехается. Но это не важно. Если мысль Двера окажется полезной, это может смягчить обращение Кунна с ним.

«И со мной», — добавила она.

— Ну, хорошо.

Рети, как ее учили, обратилась непосредственно к машине.

— Робот четыре! Слушай и выполняй приказ! Приказываю тебе опуститься, чтобы мы могли поговорить о переправе через реку. Пленник говорит, что он может это сделать.

Вначале робот не отреагировал. Он продолжал метаться между двумя высокими точками берега в поисках возможности пересечь реку. Но вскоре тон гудения двигателей изменился, металлические руки отпустили Двера, и охотник покатился по мшистому берегу. Несколько мгновений молодой человек лежал и стонал. Конечности его слабо дергались, как выброшенная на берег рыба.

У Рети тоже затекло тело. Она перебралась через край платформы, морщась от соприкос-

новения с почвой. Ноги кололо, хотя, вероятно, не так сильно, как у Двера. Она опустилась на колени и тронула его за локоть.

— Эй, как ты? Помочь подняться?

В глазах Двера было выражение боли, но он отрицательно покачал головой. Однако Рети все равно обняла его рукой за плечи, когда он с трудом садился. Проверив перевязку раны на бедре, свежей крови не обнаружили.

Робот чужаков молча ждал, пока молодой человек не встал — не очень устойчиво.

— Может, я смогу помочь тебе перебраться через воду, — сказал он машине. — Если я сделаю это, будешь нести нас по-другому? Останавливаться для еды, помогать нам добыть пищу? Что скажешь?

Еще одна длинная пауза — затем чирикающие звуки. Рети за время пребывания учеником звездных людей немного овладела галактическим два. Она узнала восходящие тона ответа «да».

Двер кивнул.

— Я не гарантирую, что мой план сработает. Но вот что я предлагаю.

В сущности, это очень просто, даже очевидно, но Рети почтительно посмотрела на Двера, когда он вышел из воды, промокший до подмышек. Не

успел он полностью выйти из реки, как робот сменил свое положение над головой Двера. Он словно соскальзывал с тела молодого охотника, пока не достиг места, где его поле касалось поверхности земли.

На всем пути через реку Двер выглядел так, словно над головой у него восьмиугольная шляпа, покачивающаяся, как воздушный шар. Когда Рети снова усадила его, глаза у Двера остекленели, а волосы торчали дыбом.

— Эй! — толкнула она его. — Ты в порядке?

Взгляд Двера был словно устремлен куда-то вдаль. Но через несколько дуров он ответил:

— Хм, кажется, да.

Рети покачала головой. Даже Грязнолапый и йии перестали обмениваться сердитыми взглядами и почтительно уставились на человека со Склона.

— Это было так необычно! — заметила Рети. Она не могла заставить себя сказать «смело», или «потрясающе», или «безумно».

Двер поморщился, как будто только сейчас почувствовал боль в измученном теле.

— Да все вместе взятое и еще больше.

Робот снова зачирикал. Рети догадалась, что тройной подъем тона с резкой нотой на конце

означает: «Хватит отдыхать. Пошли».

Сложив руки, она помогла Дверу забраться на импровизированное сиденье на верху робота. На этот раз, когда робот возобновил движение, люди сидели на его площадке, а Грязнолапый и йии жались к ним, прячась от резкого ветра.

Хвастливые Джесс и Бом рассказывали об этой местности, и Рети помнила их слова. Местность низменная, болотистая, и впереди предстоит пересечь еще много рек.

ОЛВИН

Я проснулся, ошалевший и пьяный, как шимпанзе, наевшийся листьев гигри. Но по крайней мере боли больше не было.

Я по— прежнему лежу на мягкой плите, хотя зажимы и металлические трубки исчезли. Повернув голову, я увидел поблизости низкий стол. На нем мелкая белая чаша. А в ней десяток знакомых предметов, необходимых для хунского ритуала жизни и смерти.

Ифни! — подумал я. Чудища вырезали мои спинные кости!

Но потом передумал.

Погоди. Ты еще не взрослый. У тебя два набо-

ра. Еще только через год ты должен потерять первый.

На самом деле я соображаю гораздо быстрей. Но боль и наркотики способны сделать с вами что угодно. Снова посмотрев в чашу, я увидел свой детский позвоночник. Обычно он выпадает за семь месяцев и заменяется взрослым. Должно быть, в катастрофе оба набора сблизились, зажали нервы и ускорили естественный ход процесса. И фувнтусы решили удалить мой старый позвоночник, даже если новый не вполне готов.

Догадались? Или они уже знакомы с хунами?

Не все сразу, подумал я. Попробуй почувствовать коготь на пальце ноги. Можешь им пошевелить?

Я отправил приказ втянуть когти и почувствовал, как поверхность стола сопротивляется моим усилиям. Пока все хорошо.

Просунул за спину левую руку и потрогал на спине утолщение, прочное и эластичное.

И тут же послышались слова. Необыкновенно ровный голос на галактическом семь с акцентом.

— Новый ортопедический каркас поможет тебе перенести напряжение при движениях, пока позвоночник следующей стадии не окрепнет. Тем

не менее советуем не делать резких движений.

Ткань окутывала весь мой торс, в ней было легко и удобно, в отличие от того импровизированного корсета, которым раньше снабдили меня фувнтусы.

— Примите мою благодарность, — ответил я на формальном галсемь, осторожно опираясь на локоть и поворачивая голову в другую сторону. — И мои извинения за те неудобства, которые я мог причинить.

И смолк. Там, где я ожидал увидеть фувнтуса или маленькую амфибию, с которыми мы познакомились раньше, стояла дрожащая фигура, призрачная, как голографические проекции, виденные прежде, но разукрашенно абстрактная. Вблизи стола плыла сложная сеть вращающихся линий.

— Никаких неудобств. — Голос словно исходил от вращающегося изображения. — Нам было любопытно узнать, что происходит в мире воздуха и света. Ваше своевременное прибытие — падение на морское дно вблизи нашего разведочного судна — кажется нам таким же неожиданным, как вам — наше присутствие.

Даже в опьяненном состоянии я почувствовал иронию в замечании вертящегося свечения.

Оставаясь великодушным, оно напоминало мне, что «Мечта Вуфона» в долгу у спасителей: мы обязаны им жизнью.

— Верно, — согласился я. — Хотя мы с друзьями не упали бы в пропасть, если бы кто-то не забрал предмет, который мы должны были отыскать на отмели. Поиски и привели нас к падению.

Свечение приняло новый синеватый оттенок.

— Вы признаете, что вещь, которую вы искали, принадлежит вам? Это ваша собственность?

Настала моя очередь задуматься, опасаясь ловушки. Согласно законам Свитков тайник, который послала нас искать Уриэль, просто не существует. Это нарушение духа и буквы закона, который утверждает, что колонисты на запретной планете должны облегчать последствия преступления, отказываясь от богоподобных инструментов. Я был доволен, что приходится говорить на формальном языке, который позволяет яснее местных диалектов выразить мысль.

— Я признаю право осмотреть этот предмет и высказать свое мнение позже.

В вертящихся нитях появился пурпурный оттенок, и могу поклясться, я почти почувствовал, что существо забавляется.

Может быть, оно уже задавало те же вопросы

моим друзьям. Я красноречив — Гек говорит, что никто не сравнится со мной во владении галсемь — но я никогда не утверждал, что я самый умный в нашей группе.

— Этот вопрос можно обсудить в другое время, — сказал голос. — После того как ты расскажешь нам о своей жизни и о событиях в верхнем мире.

Это что-то привело во мне в действие — назовем это торговым инстинктом, который таится в каждом хуне. Владение прекрасным искусством торговли. Способность действовать осторожно и неторопливо, рассчитывать каждый шаг. Я сел, позволяя корсету принять на себя большую часть напряжения.

— Хр-р-рм. Вы просите отдать вам единственное, чем мы можем обменяться, — нашу историю и историю наших предков. А что вы предложите в обмен?

Голос издал очень неплохую имитацию печального хунского ворчания.

— Прошу прощения. Нам не приходило в голову, что вы можете так посмотреть на дело. Увы, большую часть вы нам уже рассказали. Мы возвращаем твой запас информации. Прими наше искреннее раскаяние в том, что мы воспользова-

лись им без твоего согласия.

Открылась дверь, в помещение вошло маленькое существо-амфибия, неся в четырех тонких руках мой рюкзак!

И что еще лучше, на рюкзаке лежал мой драгоценный дневник, порванный и потрепанный, но тем не менее все тот же предмет, который для меня ценнее всего в мире. Я схватил его и принялся листать страницы с загнутыми уголками.

— Успокойся, — сказало вращающееся изображение. — Изучение этого документа хотя и дало нам очень много, лишь разожгло наше любопытство. Ваши экономические интересы не пострадали.

Я обдумал эти слова.

— Вы читали мой дневник?

— Еще раз просим прощения. Это казалось благоразумным, когда мы стремились определить характер ваших ран и то, как вы появились в этом мире тяжелой мокрой тьмы.

И опять мне показалось, что в словах этих множество слоев значений и многие из них я только начинаю понимать. Но тогда мне хотелось как можно быстрей закончить этот разговор и посовещаться с Гек и остальными, что нам делать дальше.

— Сейчас я хотел бы увидеть своих друзей, — сказал я вертящемуся образу, переходя на англик.

Изображение вздрогнуло, словно кивнуло.

— Хорошо. Им сообщили, чтобы они ждали тебя. Пожалуйста, следуй за стоящим у двери.

Я осторожно опустил ноги на пол, пробуя, выдержу ли собственный вес. Маленькая амфибия сопровождала меня. Несколько раз становилось больно, но это только помогло мне лучше приспособиться к корсету. Я схватил дневник и посмотрел на свой рюкзак и чашу с позвонками.

— Здесь эти вещи в безопасности, — пообещал голос.

Надеюсь, подумал я. Они понадобятся маме и папе, конечно, если я когда-нибудь еще увижу Муфаувк и Йоуг-уэйуо и особенно если не увижу.

— Спасибо.

Пятнистое изображение завертелось.

— Рад служить.

Прижимая к себе дневник, я вслед за маленьким существом прошел в дверь. А когда оглянулся на свое ложе, вертящееся изображение исчезло.

АСКС

Вот он наконец, тот образ, который мы искали. Теперь он достаточно остыл, чтобы его можно было погладить.

Да, мои кольца. Настало время для нового голосования. Остаться ли нам в кататонии или посмотреть в лицо тому, что почти несомненно представляет собой ужасное зрелище?

Наше первое мыслительное кольцо настаивает, что прецедент должен быть отдан долгу, вопреки нашей естественной для треки склонности избегать неприятного субъективизма.

Согласны? Должны ли мы остаться Асксом и встретиться с подступающей реальностью? Как вы решите, мои кольца?

…гладьте воск.

…следуйте его изгибам.

…смотрите, как спускается могучий звездный корабль.

Издавая песнь всепокоряющей силы, чудовищный корабль опускается, давит оставшиеся деревья на южном склоне долины, перегораживает реку, заполняя горизонт, как гора.

Чувствуете ли вы это, мои кольца? Дурное

предчувствие, пронизывающее наш сердечник ядовитыми испарениями?

В высоком борту корабля открывается люк, по размерам способный проглотить небольшую деревню.

И на фоне освещенного интерьера видны силуэты.

Заостренные кверху конусы.

Груды колец.

Наши страшные родичи, которых мы надеялись никогда не увидеть.

САРА

Сара с тоской вспоминала последний ночной переход, потому что сейчас лошади шли таким галопом, что ей казалось, будто у нее вместо зада взбитое масло.

И только подумать: ребенком я мечтала поскакать верхом, как герои сказок.

Когда шаг замедлялся, Сара разглядывала загадочных всадниц, которые казались совсем дома рядом с огромными мифологическими животными. Они называли себя иллии и очень долго жили втайне. Но теперь необходимость вынудила их передвигаться открыто.

Неужели только для того, чтобы отвезти Курта и Незнакомца туда, куда хотел отправиться взрывник?

Но даже если его дело жизненно важно, зачем ему моя помощь? Я теоретик математик с ответвлением в область лингвистики.

Но даже в математике я по земным стандартам отстала на несколько столетий. А для галактов я что-то вроде умного шамана.

Спускаясь с гор, отряд начал встречать поселки — вначале урские лагеря со сгоревшими мастерскими и разбитыми загонами, скрытыми от гневного неба. Но по мере того как местность становилась плодородней, стали попадаться дамбы, за которыми расположены ульи и подводные фермы синих квуэнов. Минуя рощу на берегу реки, они увидели, что на самом деле «деревья» — это искусно сложенные мачты хунских рыбацких шхун и лодок-кут. Сара даже видела в удалении деревню ткачей-г'кеков с ее рампами, мостиками и тротуарами на высоте, по которым передвигается этот умный колесный клан. Все это опиралось на мощные деревянные столбы.

Вначале поселки, мимо которых проходили лошади, казались пустыми. Но кормушки для птиц полны, а блеклые завесы заново починены.

Полдень не лучшее время для прогулок, особенно когда в небе висят зловещие призраки. И всякий проснувшийся во время дневного сна мог разглядеть только смутные скачущие фигуры, скрытые облаком пыли.

Но позже избежать внимания не удалось: члены всех шести рас выбирались из убежищ и кричали при виде скачущих мимо всадников. Строгие всадницы иллии никогда не отвечали, но Эмерсон и молодой Джома махали ошеломленным жителям деревень, вызывая иногда неуверенные приветствия. Сара смеялась, присоединяясь к их проделкам, которые превращали скачущую галопом процессию в веселый парад.

Когда лошади уже казались сильно уставшими, проводники свернули в лес, где ждали еще две женщины, одетые в замшу и говорящие с акцентом, который показался Саре мучительно знакомым. Отряд ждала горячая пища — а также дюжина свежих лошадей.

Кто— то здесь очень хороший организатор, подумала Сара. Ела она стоя — ароматную вегетарианскую еду. Ходьба помогла размять затекшие мышцы.

Следующий этап прошел легче. Одна из иллий показала Саре, как привставать на стременах,

чтобы компенсировать толчки при езде. Сара была ей благодарна, но все же продолжала удивляться.

Где все эти люди жили все время?

Дединджер, пустынный пророк, поймал взгляд Сары, готовый обсудить с ней загадку, но она отвернулась. Привлекательность интеллекта не стоила того, чтобы страдать от его характера. Свободное время Сара предпочитала проводить с Эмерсоном. Тот хоть и не говорит, но раненый космонавт добрая душа.

Южнее Большого Болота деревни стали встречаться реже. Но здесь процветали треки: от высоких культурных груд, знаменитых своей травяной индустрией, до диких квинтетов, квартетов и маленьких трио колец, усваивающих разлагающуюся материю, как делали их предки на забытой родной планете, прежде чем какая-то раса патронов вывела их на Тропу Возвышения.

Сара представляла себе геометрические дуги, это помогало ей отвлечься от жары и скуки; она погружалась в мир парабол и волнообразных линий, свободных от времени и пространства. К тому времени когда она вновь подняла голову, над широкой рекой слева от них уже сгущались сумерки, а на другом берегу виднелись слабые

огоньки.

— Переход Трейболда. — Дединджер всмотрелся в поселок, скрытый под маскирующими растениями. — Кажется, жители поступили разумно, хотя это и неудобно для таких путников, как мы.

Жилистый мятежник казался довольным. Сара задумалась.

Он имеет в виду мост? Неужели местные фанатики разрушили его без приказа мудрецов?

Двер, ее много путешествовавший брат, описывал мост через Гентт как чудо маскировки. Мост кажется беспорядочной путаницей сломанных деревьев. Но даже это сегодня не удовлетворяет фанатичных последователей Свитков.

В сумерках она разглядела обгоревшие остатки моста — от одной отмели до другой.

Точно как в деревне Бинг дома. Что в мостах так привлекает разрушителей?

В эти дни любой предмет, изготовленный с умом, может стать целью фанатиков.

Мастерские, дамбы и библиотеки исчезнут. Мы последуем за глейверами в благословенное забытье. Ересь Дединджера окажется верной, а ересь Ларка — ошибочной.

Сара вздохнула. Моя всегда была наименее

вероятной.

Несмотря на то что попал в плен, Дединджер казался абсолютно уверенным в конечной победе своего дела.

— Теперь наши молодые проводницы проведут немало дней, пытаясь нанять лодки. Больше не будет спешки и попыток оттянуть Судный День. Как будто взрывники и их друзья могут изменить предначертанное судьбой.

— Заткнись, — сказал Курт.

— Знаешь, я всегда считал, что ваша гильдия будет на нашей стороне, когда придет время расстаться с тщеславием и пойти по Тропе Избавления. Разве тебя это не раздражает: всю жизнь готовиться взрывать и в самый критический момент воздержаться?

Курт отвернулся.

Сара ожидала, что всадницы направятся к ближайшей рыбацкой деревне. Лодка хунов достаточно велика, чтобы перевезти по одной лошади за раз, хотя медленное продвижение сделает иллий заметными для всех ротозеев в округе на дюжину лиг.

Может, их поселок в этой чаще?

Но и через эту местность проходят охотники и очистители. И никакой клан всадников не может

здесь скрываться целых сто лет!

Запутавшись в лабиринте деревьев и холмов, Сара следила за всадницей перед собой. Ей не хотелось заблудиться в темноте и остаться одной.

Тропа постепенно поднималась, и вскоре впереди открылась панорама холмов, расположенных на равных промежутках, окруженных углублениями с густой растительностью. Судя по симметричному расположению, Сара догадалась, что это руины буйуров.

Но тут что-то другое привлекло ее внимание, и она забыла об археологии. Блеск на западе, за много миль отсюда.

Широкие плечи горы закрыли большой участок звездного неба.

У вершины горели красные и оранжевые огни.

Текущая лава.

Кровь Джиджо.

Вулкан.

Сара помигала. Неужели это действительно…

«Нет, — сказала она себе. — Это не Гуэнн. Это гора Блейз».

— Если бы это было нашей целью, Сара, все было бы гораздо проще, — заговорил поблизости Курт. — Но увы, кузнецы горы Блейз консервативны. Они не желают участвовать в тех хобби и

в том времяпрепровождении, которыми занимаются там, куда мы направляемся.

Хобби? Времяпрепровождение? Неужели Курт хочет сбить ее своими загадками?

— Неужели ты говоришь, что мы отправимся до самой…

— До другой большой кузницы? Да, Сара. Не волнуйся, мы туда доберемся.

— Но мост разрушен! Потом пустыня, а за ней Спект.

Сара смолкла: отряд начал спуск в колючие заросли между двумя холмами. Трижды всадники спешивались, чтобы преодолеть преграды, которые выглядели как камни или поваленные стволы деревьев. Наконец они добрались до небольшой поляны, где проводников ожидала еще одна группа одетых в кожу всадниц. Горел костер и приятно пахло едой.

Несмотря на тяжелый день, Сара сама расседлала свою лошадь и растерла ее щеткой. Ела она стоя, сомневаясь, сможет ли когда-нибудь сидеть.

Надо проверить, как Эмерсон. Убедиться, что он принял лекарство. Может, ему потребуется рассказ или песня, чтобы УСПОКОИТЬСЯ после всего этого.

Рядом появилась маленькая фигурка, нервно переминаясь.

Не — Ходить — Дыра. — Прити жестикулировала проворными руками. — Страшно — Дыра.

Сара нахмурилась.

— О какой дыре ты говоришь?

Шимпанзе взяла Сару за руку и потащила к нескольким иллиям, которые перекладывали багаж в большой, но приземистый ящик.

Фургон, поняла Сара. Большой, на четырех колесах, вместо обычных двух. В него впряжены свежие лошади, но куда они его потянут? Конечно, не в окружающую чащу!

И тут Сара увидела «дыру», о которой говорила Прити, — зияющее отверстие у основания холма. Отверстие с гладкими стенами и ровным полом. По центру туннеля проходит тонкая блестящая полоска, продолжая спускаться, пока не исчезает из виду.

Джома и Курт уже были в фургоне, за ними был привязан Дединджер, на аристократическом лице которого застыло удивленное выражение.

На этот раз Сара была согласна с мудрецом еретиком.

Эмерсон стоял у входа в шахту и вопил, как мальчишка, с помощью эха исследующий свою

первую пещеру. Звездный человек улыбался, он казался вполне счастливым. Протянул руку Саре. Сара глубоко вдохнула и взяла ее.

Что ж, готова поспорить: Двер и Ларк никогда ничего подобного не испытывали. Может, на этот раз у меня окажется самая интересная история.

ОЛВИН

Я застал друзей в тусклом помещении, где все очертания скрывал неподвижный туман. Хоть без костылей я хромал, мои неловкие шаги были совершенно беззвучными, когда я приблизился к силуэтам Гек и Ур-ронн. Маленькая Хуфу сидела на панцире Клешни. Все смотрели в другую сторону, куда-то вниз, на мягкое свечение.

— Эй, что происходит? — спросил я. — Неужели никто не будет приветствовать.

Гек повернула ко мне один из глазных стебельков.

— Да-мы-рады-тебя-видеть-а-сейчас-заткнись-и-иди-сюда.

Мало кто из жителей Склона может так все втиснуть в единое слово на галактическом три. Но такое мастерство не извиняло ее грубость.

— То-же-самое-тебе-существу-слишком-погло-

щенному-чтобы-проявить-обычную-вежливость, — в том же духе ответил я.

Пробираясь вперед, я заметил, что мои товарищи изменились. Шкура Ур-ронн блестела, колеса Гек выглядели совершенно целыми, а панцирь Клешни был залечен и начищен. Даже Хуфу казалась гладкой и довольной.

— Что это? — начал я. — На что вы все смотрите.

Я смолк, заметив, на чем они стоят, — на балконе без перил, выходящем на источник прохлады и бледного свечения. Куб, длиной по меньшей мере в два хунских роста, светлого желто-коричневого цвета. Окутанный туманом, который сам же испускал, и без единого украшения на поверхности, за исключением символа на одной стороне. Спираль с пятью рукавами и шарообразным центром, пересеченная вертикальной линией.

Как бы низко ни пали жители Склона, как бы далеко ни остались времена, когда их предки жили среди звездных богов, эту эмблему знает каждая личинка и каждый ребенок. Нанесенная на каждый экземпляр священных свитков, она вызывает благоговейный страх, когда пророки и мудрецы говорят об утраченных чудесах. На этом

замороженном обелиске она может означать только одно: что мы стоим рядом с источником знаний, настолько обширным, что никто на Джиджо даже представить себе это не может. Если бы экипаж «Обители» сохранил печатные механизмы и книги печатались бы до сегодня, они могли бы вместить лишь ничтожную долю того, что сейчас перед нами, сокровищницы, которая зародилась раньше многих звезд на небе.

Великая Библиотека цивилизаций Пяти Галактик.

Я слышал, что такие моменты у великих умов порождают красноречие.

— Ух ты! — заметил Клешня.

Ур-ронн оказалась не такой лаконичной.

— Вопросы, — протянула она. — Вопросы, которые мы можем задать.

Я толкнул Гек.

— Ну, ты ведь говорила, что хочешь найти что-нибудь почитать.

Впервые за все годы, что я ее знаю, наша маленькая подруга на колесах утратила дар речи. Ее стебельки дрожали. И единственный звук, который она издала, был негромкий вздох.

АСКС

Если бы только у нас/меня были ноги, способные бежать, Я/мы воспользовался бы ими и побежал.

Если бы у нас/меня были когти, чтобы копать, Я/мы выкопал бы нору и спрятался.

Если бы у нас/меня были крылья, Я/мы улетел бы отсюда.

Но поскольку этими полезными искусствами мы не владеем, члены нашей груды едва не постановили навсегда отгородиться от мира, отречься от объективной вселенной и подождать, пока непереносимое не уйдет.

Но оно не уйдет.

Об этом напоминает наше второе кольцо мысли.

Многие из жирных слоев мудрости, покрывающих наш престарелый сердечник, отложились после чтения ученых книг или долгих бесед с другими мудрецами. Эти полосы философского воска согласны с нашим вторым кольцом. Как ни трудно это признать треки, космос не исчезает, когда мы замыкаемся в себе. Об этом свидетельствуют логика и наука.

Вселенная продолжает существовать. Одно за другим происходят важные события.

Тем не менее очень трудно повернуть наши дрожащие сенсорные кольца к горе-дредноуту, который только что опустился с неба и чей корпус словно заполнил всю долину и все небо.

Еще трудней смотреть в люк в борту огромного корабля, в это отверстие, которое шире самого большого здания города Тарек.

Но труднее всего — смотреть на худшее из всех возможных зрелищ, на этих родичей, от которых так давно бежали треки.

На сильных и страшных — на могучих джофуров.

Какими великолепными они кажутся, эти сверкающие кольца, раскачивающиеся на фоне освещенного портала, без жалости глядящие на искалеченную страшным весом их корабля долину. Долину, кишащую полуживотными, смешанными отбросами, дикими потомками беженцев.

Изгнанниками, которые полагали, что смогут избежать неизбежного.

Граждане Общины в страхе перешептываются, все еще не пришедшие в себя от увиденного: меньший корабль ротенов, сила которого мно-

го месяцев приводила нас в ужас, беспомощно прижат и заключен в смертоносную светящуюся оболочку.

Да, мои кольца. Я/мы чувствую, как некоторые — самые быстрые и благоразумные — убегают, исчезают еще до того, как стихает гул приземления. Другие неразумно приближаются к гигантскому кораблю, притягиваемые любопытством или благоговением. Возможно, фигуры, которые они видят, не связываются в их сознании с представлением об опасности.

Безвредный, как треки, так у нас говорят. В конце концов, чем могут грозить груды жирных колец?

О, мои/наши бедные невинные соседи. Скоро вы это узнаете.

ЛАРК

В ту ночь ему снился тот момент, когда он в последний раз видел улыбку Линг — до того, как ее и его мир безвозвратно изменился.

Казалось, это было так давно, во время ночного, при свете луны, молчаливого паломничества мимо выходов вулканических испарений и крутых утесов, в единой надежде, в преклонении

перед Святым Яйцом. Процессию составляли двенадцать дюжин одетых в белое паломников: квуэнов и г'кеков, треки и уров, людей и хунов; все они по тайной тропе поднимались к священному месту. И впервые с ними были гости из космоса: повелители ротены и два человека-даника, а также их охранные роботы; все они собирались присутствовать при ритуале единства причудливого варварского племени.

Ему снились последние мирные моменты этого паломничества, прежде чем единство было разорвано словами чужаков и делами фанатиков. И особенно улыбка на ее лице, когда она сообщила ему радостную новость.

Летят корабли. Множество кораблей.

Пора всем вам вернуться домой.

Два слова по-прежнему дрожали, как искры в ночи. Ритмично разгорались, когда он во сне тянулся к ним.

корабли.

домой.

корабли.

домой.

Одно слово во сне исчезло — он не мог сказать, какое именно. За второе ухватился, и его огненное свечение усилилось. Странный свет,

стремящийся на свободу. Он проходит сквозь плоть, сквозь кости. Свет все проясняет, предлагает показать ему все.

Все, кроме…

Но она исчезла. Ее забрало исчезнувшее слово.

Из ночного кошмара Ларка, закутавшегося в теплое одеяло, вырвала боль. Правда, рука была прижата к груди, и от нее исходили волны боли.

Ларк тяжело вздохнул и левой рукой один за другим разжал пальцы правой. Что-то прокатилось по его раскрытой ладони.

Каменный осколок Святого Яйца, тот самый, что он еще мятежным ребенком отколол и с тех пор носил с собой как наказание. Во сне он видел, как разгорячается этот осколок, пульсирует в ритм с его сердцем.

Ларк смотрел на блеклый навес над головой и на участки звездного неба.

Я остался во тьме на Джиджо, подумал он. Ему очень хотелось снова увидеть сияние, заполнявшее сон. Сияние, которое, казалось, способно осветить самые далекие дали.

Позже в тот же день, когда нервничающий солдат милиции принес к ним в палатку поднос с завтраком, Линг заговорила с ним.

— Послушай, это глупо, — сказала она. — Каж-

дый из нас ведет себя так, словно другой — отродье дьявола. У нас нет времени для перебранок: и мои и твои люди идут по курсу, который грозит трагическим столкновением.

Ларк думал о том же, хотя ее мрачный испуг показался ему чрезмерным. Линг откровенно посмотрела ему в глаза, как будто хотела наверстать упущенное время.

— Я бы сказал, что столкновение уже произошло, — заметил он.

Поджав губы, она кивнула.

— Верно. Но несправедливо обвинять всю вашу Общину за действия меньшинства, которое не получало одобрения или…

Он коротко горько рассмеялся.

— Даже пытаясь быть искренней, ты остаешься снисходительной, Линг.

Она несколько мгновений смотрела на него, потом кивнула.

— Ладно. В сущности, ваши мудрецы фактически — постфактум — санкционировали нападение фанатиков, захватив нас в плен и угрожая шантажом. Справедливо будет сказать, что мы уже…

— В состоянии войны. Верно, дорогая бывшая нанимательница. Но ты обошла наш casus

belli. — Ларк понимал, что его грамматика может хромать, но ему хотелось показать, что даже дикарь может ввернуть латинское выражение. — Мы боремся за свою жизнь. И теперь мы знаем, что ротены с самого начала замыслили геноцид.

Линг посмотрела мимо него туда, где врач г'кек извлекал все большее количество жидкости из дыхательных щелей квуэна, который без сознания лежал в глубине убежища. Она несколько месяцев работала рядом с Утеном, оценивая местные образцы с точки зрения возможного Возвышения. Болезнь серого квуэна не абстракция.

— Поверь мне, Ларк, я ничего не знаю об этой болезни. Не знаю и о том трюке, который предположительно сыграли ротены, пытаясь действовать через ваше Яйцо.

— Предположительно? Ты полагаешь, у нас есть технология, способная на подобное? По-твоему, это обман?

Линг вздохнула.

— Я не отказываюсь полностью от этой идеи. С самого начала вы, джиджоанцы, играли на наших предположениях. На нашей готовности принимать вас за невежественных варваров. Нам потребовались недели, чтобы узнать, что вы все еще владеете грамотностью. И только в

последнее время мы поняли, что у вас есть сотни, может, даже тысячи книг!

Прежде чем Ларк понял, как много выдает его выражение, на его лице появилась ироническая улыбка.

— Больше? Гораздо больше? — Линг недоверчиво смотрела на него. — Но где они? Клянусь бородой фон Даника, где они?

Ларк отставил еду, к которой почти не притронулся. Протянул руку к своему рюкзаку и достал толстый, переплетенный в кожу том.

— Не могу сказать, сколько раз я хотел показать тебе это. Теперь, вероятно, это уже не имеет значения.

Жестом, который Ларк оценил, Линг вначале вытерла руки и только потом взяла книгу и принялась осторожно переворачивать страницы. Ларк скоро понял, что то, что казалось ему почтением, на самом деле было неопытностью. У Линг просто не было практики в пользовании бумажными книгами.

Вероятно, она раньше видела их только в музеях.

Мелкий шрифт чередовался с литографированными иллюстрациями. Линг восклицала, разглядывая плоские неподвижные изображения.

Многие из нарисованных здесь видов проходили и через исследовательскую лабораторию даников, где много месяцев она и Ларк вместе искали животных, нужных хозяевам ротенам.

— Насколько стар этот текст? Вы нашли его здесь, среди этих развалин? — Линг указала на предметы, сохраненные мульк-пауком, реликты давно улетевших буйуров, запечатанные в янтарные коконы.

Ларк застонал.

— Ты по-прежнему это делаешь, Линг. Во имя Ифни! Книга написана на англике!

Она энергично кивнула.

— Конечно. Ты прав. Но тогда кто…

Ларк наклонился и раскрыл титульную страницу.

НЕЗАВИСИМОЕ ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ СКЛОНА НА ДЖИДЖО

— Это первая часть. Часть вторая состоит преимущественно из набросков. Я сомневался, что мы доживем до окончания третьего тома, поэтому оставил пустыни, моря и тундру кому-то другому.

Линг смотрела на страницу, проводила пальцами по двум строкам, набранным мелким

шрифтом под названием. Потом посмотрела на Ларка и перевела взгляд на умирающего квуэна.

— Верно, — сказал он. — Ты живешь в одной палатке с обоими авторами. И поскольку я дарю тебе этот экземпляр, у тебя есть редкая возможность. Хочешь получить автографы обоих авторов? Вероятно, ты последняя, у кого есть такая возможность.

Но его горький сарказм пропал зря. Она явно не поняла слово «автограф». Во всяком случае, снисходительного захват чика-чужака тут же сменила Линг-исследователь. Перелистывая книгу, она что-то бормотала, читая каждую главу.

— Это принесло бы огромную пользу во время нашего исследования!

— Поэтому я и не показывал его тебе.

Линг ответила коротким кивком. Учитывая их несогласие по поводу справедливости генного грабежа, его отношение вполне понятно.

Наконец она закрыла том, погладила переплет.

— Этот подарок — для меня большая честь. Это достижение. Не могу даже представить себе, какие усилия потребовались, чтобы создать это — в таких обстоятельствах и только вами двумя.

— С помощью других и стоя на плечах предше-

ственников. Так создается наука. Предполагается, что каждое поколение знает больше, добавляет нечто к тому, что знали предшественники.

Он замолчал, осознав, что говорит.

Прогресс? Но это ересь Сары. А не моя!

Но почему мне так горько? Что с того, что эпидемия может уничтожить все разумные существа на Джиджо? Разве совсем недавно это не казалось тебе благословением? Разве это не идеальный способ быстро покончить с существованием незаконной колонии? С пагубным вторжением, которое никогда не должно было произойти?

За время болезни Утена Ларк кое-что понял — смерть может отвлеченно казаться желательной, но совсем другое дело, когда она подходит к тебе и касается тебя лично.

Если бы выжил еретик Харуллен, возможно, он помог бы Ларку держаться за свою веру в галактический закон, который по важным основаниям запрещает поселения на невозделанных мирах. Нашей целью было искупление эгоистического греха предков. Мы должны были помочь Джиджо избавиться от заражения.

Но Харуллен погиб, разрезанный на куски роботом ротенов, и теперь Ларк охвачен сомнениями.

Я предпочел бы, чтобы была права Сара. Если бы я только увидел в этом благородство. Что-то такое, что стоит выдержать. Ради чего стоит бороться.

На самом деле я не хочу умирать.

Линг снова принялась просматривать руководство. Лучше всякого другого она была способна оценить труд, которому они с Утеном посвятили большую часть своей взрослой жизни. Ее профессиональная оценка помогла преодолеть разделявшую их пропасть.

— Хотела бы я подарить тебе что-нибудь равноценное, — сказала она, снова встретившись с его взглядом.

Ларк задумался.

— Ты серьезно этого хочешь?

— Конечно.

— Хорошо, тогда подожди. Я сейчас вернусь.

В глубине убежища врач г'кек жестом глазных стебельков показал, что положение Утена не изменилось. Хорошая новость, так как до сих пор все перемены были к худшему. Ларк погладил хитиновый панцирь друга; ему хотелось, чтобы и в своем беспамятстве Утен почувствовал его поддержку.

— По моей вине ты подцепил эту заразу, старый

друг. Я заставил тебя пойти с собой в развалины станции поискать секреты чужаков. — Он вздохнул. — Не могу загладить свою вину. Но то, что у тебя в мешке, может помочь другим.

Он взял сумку Утена и отнес ее к Линг. Порывшись, отыскал несколько плоских, прохладных на ощупь предметов.

— Мы нашли кое-что, и ты можешь помочь мне прочесть это. Если серьезно хочешь выполнить свое обещание.

Он вложил ей в руку один из плоских ромбов, светло-коричневый и гладкий, как стекло, со спиральной эмблемой на поверхности.

Линг несколько дуров смотрела на ромб. А когда подняла голову, у нее появилось какое-то новое выражение. Неужели уважение к тому способу, с помощью которого он загнал ее в УГОЛ? Использовал единственное общее их качество — сильнейшее чувство чести?

Впервые с момента их встречи Линг словно признала, что имеет дело с равным.

АСКС

Успокойтесь, мои кольца. Никто не может заставить вас против воли гладить воск.

Как треки, каждый из нас полностью независим, волен не пробуждать невыносимые воспоминания, пока не готов к этому.

Пусть воск еще немного остынет, — требует большинство колец, — прежде чем мы решимся посмотреть на него.

Пусть самый недавний ужас подождет.

Но наше второе кольцо мысли возражает. Оно настаивает: мы/я не должны больше оттягивать встречу с ужасной новостью о прибытии на Джиджо джофуров, наших страшных родичей.

Наше второе кольцо мысли напоминает нам загадку солипсизма — ту самую головоломку, которая заставила наших основателей бежать из Пяти Галактик.

Солипсизм. Миф о «я», имеющем первостепенное значение.

На том или ином уровне развития все смертные существа рано или поздно проходят через эту концепцию. Индивид может воспринимать других зрением, осязанием или эмпатией и все же считать их собственным вымыслом или автоматами. Карикатурами, не имеющими значения.

При солипсизме мир существует только для индивида.

Если рассмотреть эту концепцию беспристраст-

но, она кажется безумной. Особенно для треки, потому что ни один из нас не в состоянии преуспевать или мыслить в одиночестве. Но для честолюбивых созданий эготизм может оказаться полезен, заставляя их целеустремленно добиваться успеха.

Безумие кажется необходимым для достижения «величия».

Земные мудрецы знакомы с этим парадоксом по своей длительной изоляции. Невежественные и одинокие, земляне переживали одно странное суеверие за другим, фанатично испытывая концепции, на которые возвышенное существо не затратит и дура. Согласно сказаниям волчат, люди непрерывно боролись со своим всепоглощающим эго.

Некоторые пытались подавить эготизм, найти отвлечение от него. Другие свои личные амбиции вкладывали в нечто большое: в семью, в религию, в лидера.

Позже они прошли через фазу, когда индивидуализм превозносился как высшая добродетель. Люди учили свою молодежь раздувать эго за пределы естественных границ или пределов. В архиве Библоса есть труды, созданные в эту эру эго, и в них на каждой странице пылает правед-

ный, самодовольный гнев.

Наконец, непосредственно перед контактом, сформировалась новая концепция.

В некоторых текстах для ее описания используется слово «зрелость».

Мы, треки, только что возвышенные из печальных болот своей родины, казались в безопасности от достижения величия, какими бы умениями и искусствами ни наделили кольца наши патроны, благословенные поа. О, нам было приятно соединяться в высоких мудрых грудах. Собирать ученый воск и летать меж звездами. Но к раздражению наших патронов, нас никогда не привлекало соперничество кланов и фракций, которое разрывает Пять Галактик. Нам всегда казались нелепыми фанатизм и лихорадочное честолюбие.

Тогда поа пригласили специалистов. Оайлие.

Оайлие в своей мудрости пожалели нас. Они наделили нас орудием достижений. Способом стать великими, Оайлие дали нам новые кольца.

Кольца власти.

Кольца эгоистической славы.

Кольца, которые превратили простых треки в джофуров.

Слишком поздно и мы, и наши патроны поа

усвоили урок — всякое честолюбие имеет свою цену.

* * *

Мы бежали, не правда ли, мои кольца?

Некоторым треки чудом удалось сбросить «дар» оайлие и спастись.

От тех дней уцелело лишь несколько восковых запоминающих кристаллов-ячеек. Воспоминаний, пронизанных ужасом перед тем, во что мы превращались.

В то время наши предки не видели иного выхода, кроме бегства.

И однако угрызения совести пронизывают наш сердечник

Существовал ли иной путь?

Могли ли мы остаться и каким-то образом приручить эти ужасные новые кольца? Теперь исход предков кажется нам тщетным, не был ли он также и ошибочным?

Став высоким мудрецом, этот треки Аскс много думал над земными книгами, изучал одинокую длительную борьбу землян — непрерывную ожесточенную кампанию, направленную на подавление собственной глубоко солипсической природы Эта борьба была в самом разгаре, когда

люди вышли из земной колыбели и вступили в контакт с галактической цивилизацией.

Асксу в своих исследованиях не удалось прийти к окончательному заключению, однако я/мы отыскал мучительные намеки.

Похоже, что фундаментальным необходимым ингредиентом является совесть.

Да, мои кольца?

Что ж, очень хорошо. Второе кольцо мысли переубедило большинство.

Мы/я снова обратимся к раскаленно-ужасному восковому следу недавних воспоминаний.

Блестящие конусы смотрели на смущенных зрителей, толпившихся на искалеченной поляне. С высокого балкона в огромном борту корабля-горы полированные груды жирных ко леи роскошно капали, разглядывая толпившихся внизу дикарей — нас, ошеломленных членов шести изгнанных рас.

Меняющиеся цвета пробегали по их пухлым торам — следы быстрых споров. Даже на таком большом расстоянии я/мы чувствовал противоречия, разделяющие великих джофуров. Они спорили. Решали нашу судьбу.

Наши капающие мысли-потоки застывают, события прерываются.

Уже близко.

Мы очень близки к самым последним событиям. К настоящему.

Вы чувствуете его, мои кольца? Тот момент, когда наши великие родичи перестали спорить, что делать с нами? Среди этого злобного спора неожиданно возникла убедительная решимость. Командующий, могучие кольца, чья власть является верховной, уверенно принял решение.

Какая уверенность! Какая решимость! Она обрушилась на нас даже на расстоянии в шесть полетов стрелы.

И тут из могучего дредноута полилось нечто иное.

Лезвия адского пламени.

ЭМЕРСОН

Ему никогда особенно не нравились дыры. А эта одновременно пугала и интриговала Эмерсона.

Странное путешествие, поездка в деревянном фургоне, в который запряжена четверка лошадей; фургон со скрипом движется по проходу с пятнистыми стенами, который кажется бесконечно растянувшимися внутренностями. Единственное освещение исходит от слабо светящейся полоски.

Полоска исчезает в обоих направлениях, впереди и сзади.

Эта раздвоенность кажется поучительной. После прохода в отверстие на укромной лесной поляне время потеряло определенность: прошлое неясно, будущее тоже. Как вся его жизнь после того, как он вернулся в сознание в этом варварском мире, с дырой в голове и с миллионами темных промежутков там, где должны быть воспоминания.

Эмерсон чувствует, как это место вызывает в глубине его искалеченного мозга какие-то ассоциации. Корреляции, которые вопят и воют за преградами его амнезии. Страшные воспоминания держатся на самом пороге восприятия. Тревожные картины жалкого бормочущего ужаса, которые жалят и хлещут, когда он пытается их уловить.

Как будто кто-то охраняет их.

Странно, но это не заставляет его отказаться от попыток проникнуть за преграды. Он слишком много времени провел в обществе боли, чтобы бояться ее. Знакомый с ее причудами и обычаями, Эмерсон считает, что теперь знает боль так же хорошо, как себя самого.

Даже лучше.

Как добыча, которая устала спасаться бегством, поворачивается и выслеживает преследователя, Эмерсон идет по запаху страха, ищет его источник.

Но остальные не разделяют его чувства. Хотя лошади тяжело дышат, а их копыта стучат, все звуки в туннеле кажутся приглушенными, почти подобными смерти. Остальные путники нервно ежатся на узких сиденьях, их дыхание паром вырывается в холодный воздух.

Взрывник Курт кажется немного менее удивленным, чем Сара и Дединджер. Старик как будто подозревал наличие подземного прохода. Но и он продолжает посматривать в разные стороны, словно пытается уловить страшные движения в окружающей тени. Даже проводницы, молчаливые женщины-всадницы, кажутся неспокойными. Должно быть, они уже бывали здесь. Но Эмерсон видит, что туннель им не нравится.

Туннель.

Он произносит это слово, гордо добавляя его к списку возвращенных существительных.

Туннель.

Некогда этот термин означал для него нечто большее, чем дыра в земле. Тогда его делом была настройка могучих машин, которые позволяют

летать в черных глубинах космоса. Тогда это слово означало…

Но другие слова не приходят в голову. Даже образы не даются, хотя, как ни странно, уравнения потоком льются из того участка мозга, который поражен меньше центра речи. Уравнения, объясняющие туннель, объясняющие абстрактным, стерильным образом. Это нечто вроде многомерной трубы, которая проходит через предательские мели гиперпространства. Но, к сожалению, формулы не позволяют вернуть к жизни воспоминания.

В них нет предательского следа страха.

Невредимым остается и его никогда не обманывающее ощущение направления. Эмерсон знает, что туннель с гладкими стенами должен пройти под рекой, но вода не просачивается. Туннель — удивительное создание галактической технологии, построенное так, чтобы выдержать века и эпохи — пока не наступит время демонтажа.

На этой планете такое время давно наступило. И, когда Джиджо была объявлена невозделанной, это место должно было исчезнуть вместе с большими городами. Но кто-то недосмотрел, и машины — огромные разрушители, — и живые ядовитые озера сюда не пришли.

И вот теперь отчаявшиеся изгнанники пользуются этим туннелем, чтобы избежать взглядов с враждебного неба, неожиданно заполнившегося кораблями.

Деталей он по-прежнему не помнил, однако Эмерсон уже знал, что когда-то летел в космическом корабле вместе с Джиллиан, Ханнесом, Тш'т и экипажем «Стремительного».

Боль, которую сопровождало мгновенное мелькание лиц после каждого имени, заставила его хмыкнуть и закрыть глаза. Лица, по которым Эмерсон тоскует и отчаянно надеется никогда не увидеть вновь. Он знает, что каким-то образом принес себя в жертву, чтобы помочь остальным улететь.

Удался ли его план? Улетел ли «Стремительный» от этих страшных дредноутов? Или он страдал зря?

* * *

Его спутники дышат тяжело и потеют. Затхлый воздух действует на них, но для Эмерсона это всего лишь другая атмосфера. За долгие годы он дышал в разных типах атмосферы. По крайней мере здесь легкие получают кислород.

В отличие от ветров на зеленой-зеленой пла-

нете, где теплый день убьет вас, если откажет шлем.

Теперь он вспоминает, что его шлем действительно отказал — и в самое неподходящее время, когда он перебирался через путаницу сосущей полурастительности, отчаянно бежал к…

Громко вскрикнули Сара и Прити, разорвав нить его мысли и заставив посмотреть, что случилось.

На большой скорости фургон неожиданно въехал в расширившийся туннель, словно в желудок, где змея переваривает еду. Пятнистые стены исчезли в глубокой тени, и в этой тени стали смутно видны десятки громоздких предметов — трубообразные экипажи, изъеденные временем. Некоторые были погребены под каменными осыпями. Груда камней преграждала противоположный выход из подземного помещения.

Эмерсон поднял руку и погладил пленчатое существо, которое сидело у него на лбу, легкое, как шарф или вуаль. Реук задрожал при его прикосновении, опустился и закрыл прозрачной мембраной глаза. Некоторые цвета потускнели, другие стали ярче. Древние экипажи замерцали, словно призраки, как будто он смотрит на них не через пространство, а сквозь время. Почти

возможно представить себе их в движении, полных жизненной энергией, несущихся по паутине ходов, пронизывающих живую всепланетную цивилизацию.

Всадницы, сидевшие на облучке, натянули вожжи и всматривались вперед, окруженные ореолом напряжения, видимым благодаря реуку. Пленка показала Эмерсону их нервный суеверный страх. Для них это не безвредный склеп, полный пыльных древностей, а страшное место, где рыщут фантомы. Привидения из века богов.

Существо на лбу интересовало Эмерсона. Как этот маленький паразит передает эмоции — даже между существами, столь отличными друг от друга, как люди и треки, — и делает это без слов? Всякий, кто принес бы такое сокровище на Землю, был бы щедро вознагражден.

Эмерсон видел справа Сару: девушка успокаивала шимпанзе, держа ее на руках. Маленькая обезьяна съежилась в этой темной, не создающей эха пещере, но реук показывал, что страх Прити обманчив. Отчасти это игра! Способ отвлечь хозяйку от ее собственных клаустрофических страхов.

Эмерсон понимающе улыбнулся. Ореол, окружавший Сару, выдавал то, что понял и невоору-

женный глаз: молодая женщина расцветает, когда она кому-нибудь нужна.

— Все в порядке, Прити, — успокаивала она. — Тише. Все в порядке.

Фразы такие простые, такие знакомые, что Эмерсон понял их. Он слышал эти самые слова, когда лежал в бреду, в туманные дни после катастрофы. Нежная забота Сары помогла ему выбраться из ямы, полной темным пламенем.

Обширная пещера все тянулась, и только светящаяся полоска помогала не сбиться с курса. Оглянувшись, Эмерсон увидел молодого Джому, который сидел на последней скамье, сжимая в руках шапку, а дядя Курт в это время что-то неслышно объяснял ему, указывая на далекие потолок и стены, — может, рассуждал, что их удерживает.

Эмерсон раздраженно фыркнул. Что за мрачные спутники! Он бывал в местах бесконечно более опасных, чем этот безвредный склеп, некоторые из этих мест он может даже вспомнить! И если какую-то истину из своей прежней жизни он может припомнить, так это то, что веселое путешествие проходит гораздо быстрей, даже если ты в глубинах пространства или на пороге ада.

Из мешка у ног он вытягивает дульцимер,

который Арианна Фу дала ему в Библосе, в том разукрашенном зале с бесконечными коридорами, уставленными бумажными книгами. Не заботясь о молоточках, он кладет инструмент на колени и дергает за несколько струн. Звонкие ноты отрывают остальных от тревожных размышлений и заставляют посмотреть в его сторону.

И хотя поврежденный мозг Эмерсона не позволяет воспользоваться речью, он выработал свои способы подталкивать и уговаривать. Музыка исходит из другого участка мозга, как и песня.

Свободные ассоциации просеивают затуманенные хранилища его памяти. Ранние ящики и шкафы, не поврежденные позднейшей травмой. В одном из хранилищ он отыскивает песню о другом путешествии по узкой дороге. Песню, которая обещает надежду в конце пути.

И песня вырывается без его воли, целиком, голосом сильным, хотя и лишенным практики.

У меня был мул по имени Сал,

Он брел пятнадцать миль по каналу Эри.

Хороший работник и добрый приятель —

Пятнадцать миль по каналу Эри.
Мы тащили груз в те дни,
Груз леса, угля и сена,
И знали каждый дюйм пути
От Олбани до Буффало-о-о.

Среди этих теней нелегко рассеять тревогу спутников. Он и сам чувствует над собой тяжесть нависших скал и годов. Но Эмерсон отказывается поддаваться. Он громко поет, и вскоре припев подхватывает молодой голос Джомы, за ним нерешительно вступает Сара. Лошади настораживают уши. Они ржут и переходят на легкий галоп.

Подземный проход снова сужается, стены быстро сближаются. Впереди светящаяся линия уходит в последний туннель.

Вспыхивает краткое воспоминание, и у Эмерсона на мгновение перехватывает голос. Неожиданно он вспоминает другое внезапное падение: он ныряет в люк, который выходит в черноту вакуума, и падает, а вселенная охватывает его со всех сторон и сжимает.

И еще.

Ряд светло-синих глаз.

Древние.

* * *

Но песня живет собственной жизнью. Ее поток продолжает неудержимо выходить из какого-то жизнерадостного уголка его мозга, подавляя эти краткие ужасные образы, заставляя вызывающе хриплым голосом произнести следующее четверостишие.

Низкий мост, все вниз!

Низкий мост! Мы приближаемся к городу.

Вы всегда знаете своего соседа,

Всегда знаете приятелей,

Если когда-нибудь плыли по каналу Эри.

Спутники отшатываются от сближающихся стен. Прижимаются друг к другу, а отверстие несется им навстречу, стремясь снова проглотить их.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Когда подходит к концу длительный эпизод колонизации, наиболее распространенный метод очистки отходов на планете — контролируемая переработка. Там, где природные тектонические циклы предоставляют естественную втягивающую силу, собственные процессы конвекции могут расплавить и перемешать элементы, превращенные в орудия и другие результаты цивилизации. Материалы, которые в противном случае могли бы оказаться ядовитыми для вновь возвышающихся видов или воспрепятствовать им, таком образом устраняются из невозделанной среды, когда мир погружается в необходимую фазу сна.

Что происходит с этими переработанными материалами после того, как их втянуло в глубину, зависит от процессов, происходящих в мантии каждой планеты. Некоторые конвекционные системы превращают расплавленную субстанцию в руду с высокой степенью чистоты.

Некоторые смачивают просочившейся водой, тем самым стимулируются большие разливы жидкой магмы. Еще одним результатом может стать внезапный выброс вулканической пыли; эта пыль на короткое время окутывает всю планету, и впоследствии ее можно найти в осадочных слоях.

Любой из этих результатов может привести к большим изменениям в местной биосфере, а иногда и к полному ее исчезновению. Однако возникающее в результате таких процессов плодородие обычно оказывается благотворным, компенсирует урон и способствует развитию новых предразумных видов.

Из «Руководства по галактографии для невежественных земных волчат», специальная публикация Института Библиотеки Пяти Галактик, 42 год после контакта в частичное погашение долга 35 года.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» ХАННЕС

Суэсси испытывает ностальгию по человеческой жизни. Время от времени он даже хочет снова стать человеком.

Он, конечно, благодарен Древним за то, что они дали ему в том странном месте, которое называется Фрактальной системой, где чуждые существа превратили его постаревшее, отказывающееся функционировать тело в нечто гораздо более прочное. Без этого дара он давно был бы мертв, как камень, и так же холоден, как гигантские трупы, окружающие его в темном склепе кораблей.

Древние суда кажутся мирными, они с достоинством отдыхают. Соблазнительно думать об отдыхе, позволить эпохам проходить мимо, ни о чем не заботясь, не вступая в борьбу.

Но Суэсси слишком занят, у него нет времени, чтобы быть мертвым.

«Ханнес. — Голос раздается непосредственно в его слуховом нерве. — Две минуты, Ханнес. Я думаю, что тогда мы будем готовы возобновить резку».

Столб ослепительного света прорезает водяную черноту, отбрасывая яркий овал на изогнутый корпус земного корабля «Стремительный». Луч прожектора пересекают искаженные силуэты — длинные извивающиеся тени рабочих, одетых в герметические костюмы. Движения их медленны и осторожны.

Это гораздо более опасное царство, чем жесткий вакуум.

У Суэсси больше нет ни гортани, ни легких, чтобы выдувать через эту гортань, если бы она у него была, воздух. Но голос у него сохранился.

— Я готов, Каркаеттт, — передает он и прислушивается к тому, как нормально пульсирует его голос. — Не нарушайте расположение. Не отклоняйтесь.

Одна из теней поворачивается к нему. В жестком герметическом скафандре дельфиний хвост умудряется изогнуться в движении языка жестов.

Доверься мне или у тебя есть другой выбор?

Суэсси рассмеялся — его титановая грудная клетка задрожала, это новый способ смеха, сменивший прежние синкопированные выдохи. Не очень удовлетворительно, но Древние не видели особой пользы в смехе.

Каркаеттт со своей командой делал последние приготовления, а Суэсси руководил ими. В отличие от других групп экипажа «Стремительного» инженерная команда с каждым годом становилась все более закаленной и уверенной. Со временем им может уже не понадобиться присмотр — этот вспомогательный костыль — со стороны расы патронов. И когда этот день наступит, Ханнес удовлетворенно умрет.

Я слишком много видел. Потерял слишком много друзей. Когда-нибудь одна из преследующих фракций ити нас все же схватит. Или мы получим возможность обратиться к одному из великих Институтов и там узнаем, что во время нашего бегства по всей вселенной Земля погибла. В любом случае я не хочу этого видеть.

Древние могут забрать себе Ифни — проклятое бессмертие.

Суэсси восхищается тем, как работает его отлично натренированная команда, осторожно, но настойчиво приводя в движение специально созданный станок для разрезания. Его слух улавливает низкие звуки — песни кининк, которые помогают мозгу китообразных сосредоточиться на мыслях, для которых он не был предназначен. Инженерные мысли — те самые, которые дель-

финьи философы называют самой болезненной расплатой за возвышение.

Окружение не помогает — это гигантское кладбище давно мертвых космических кораблей, призрачная мешанина, погребенная в океанской пропасти, которую дельфины традиционно ассоциируют со своими наиболее загадочными культами и мистериями. Плотная вода словно усиливает каждый звук инструментов. Каждое движение механической руки своеобразно резонирует в плотном жидком окружении.

Возможно, англик и язык инженеров, но дельфины в моменты решений и действий предпочитают тринари. Каркаеттт произносит китовую хайку, в его голосе звучит уверенность:

В полной тьме,

Когда вращение циклоида становится ближе.

Берегись поспешности!

Режущий инструмент испускает язык пламени и касается корабля, который был их домом и убежищем и пронес их через невообразимые ужасы. Корпус «Стремительного», купленный Террагентским Советом у третьеразрядного дилера и переделанный для разведочного по-

лета, был гордостью землян. Первый корабль с преимущественно дельфиньим экипажем и капитаном-дельфином, который должен был проверить истинность утверждений миллиардолетней Великой Библиотеки цивилизаций Пяти Галактик.

Теперь капитан погиб вместе с четвертью экипажа. Их миссия превратилась в несчастье и для клана землян, и для Пяти Галактик. А что касается корпуса «Стремительного», некогда такого блестящего, несмотря на возраст, — теперь он покрыт мантией из такого темного материала, что по сравнению с ним воды пропасти кажутся светлыми. Эта материя поглощает протоны и придавливает корабль.

О, каким испытаниям мы тебя подвергли, дорогой.

Это всего лишь последнее испытание их бедного корабля.

Некогда необычные поля гладили этот корпус в галактическом течении, которое называется Мелким Скоплением. Здесь они наткнулись на огромный брошенный флот, таивший в себе загадку, не тронутую тысячами эпох. Иными словами, именно тогда все пошло вкось.

Свирепые лучи качнули корабль в следующем

пункте Морграна, где в смертоносной засаде корабль и его экипаж едва не были захвачены.

Починив корабль на ядовитом Китрупе, они едва сумели уйти от множества боевых судов. Ушли, поместив «Стремительный» в корпус теннанинского крейсера и добравшись до следующего пункта перехода ценой гибели многих друзей.

После этого Оакка, зеленая планета, показалась идеальным убежищем. Это сектор, отведенный Институту Навигации. Кто имеет лучшую квалификацию, чтобы оценить и сохранить их данные? Как объясняла тогда Джиллиан Баскин, их долг как граждан галактики передать проблему великим институтам, этим древним почтенным учреждениям, где беспристрастные хозяева снимут груз ответственности с усталого экипажа «Стремительного». Это казалось вполне логичным — и едва не погубило их. Предательство агентов этого «нейтрального» учреждения показало, как низко пала цивилизация в распространившемся смятении. Догадка Джиллиан спасла землян — и еще смелый рейд Эмерсона Д'Аните, захватившего базу заговорщиков с тыла.

И снова «Стремительный» вышел из испытания очищенным, но изношенным.

Они немного передохнули в Фрактальной

системе, в том обширном лабиринте, где им предоставили убежище древние существа. Но со временем это привело лишь к новому предательству, к новым потерям друзей и к бегству, которое увело их еще дальше от дома.

Наконец, когда дальнейшее бегство казалось уже невозможным, Джиллиан нашла в ячейке Библиотеки, которую они заполучили на Китрупе, нечто вроде выхода. Там описывался синдром «Тропы сунеров». Следуя этому намеку, Джиллиан проложила опасный курс, который мог привести к безопасности, хотя при этом приходилось пройти через лижущие языки пламени гигантской звезды, большей, чем орбита Земли, чья сажа покрыла «Стремительный» слоями настолько плотными, что корабль становился слишком тяжелым для подъема.

Но этот курс привел корабль на Джиджо.

С орбиты планета выглядела прекрасной. Плохо, что у нас был только этот беглый взгляд, прежде чем мы погрузились в пропасть и попали на кладбище кораблей.

Техники дельфины ориентировались на сонары, и под их руководством импровизированный резак начал работу над корпусом «Стремительного». Вода так яростно закипала, превращаясь

в пар, что пещеру внутри металлической горы заполнило гулкое эхо. Было опасно высвобождать столько энергии в замкнутом пространстве. Некоторые газы могут, соединившись, превратиться во взрывчатую смесь. Или их убежище можно будет обнаружить из космоса. Некоторые считали, что риск слишком велик, что лучше покинуть «Стремительный» и попытаться вернуть к жизни один из окружающих их древних корпусов.

И сейчас одна команда проверяет такую возможность. Но Джиллиан и Тш'т решили все же попробовать и это и попросили руководить группой восстановителей.

Этот выбор обрадовал Ханнеса. Слишком много он вложил в «Стремительный», чтобы сейчас сдаться. «В корабле больше от меня, чем в этом теле киборга».

Отвернув сенсоры от ядовитого пламени резака, он задумчиво посмотрел на груды кораблей, окружающих импровизированную пещеру. Они словно говорили с ним — пусть даже только в воображении.

У нас тоже есть свои истории, говорили они. Каждый из нас выпускался с гордостью, полный надежды, много раз искусно восстанавливался, почитаемый теми, кого мы защищали от ледяной

космической пустоты, — задолго до того, как твоя раса начала мечтать о звездах.

Суэсси улыбнулся. Когда-то все это могло произвести на него впечатление — мысль о кораблях, которым миллионы лет. Но теперь он знал нечто об этих древних корпусах.

«Вы хотите древности? — подумал он. — Я видел древность. Я видел корабли, по сравнению с которыми большинство звезд кажутся молодыми».

Резак производил огромное количество пузырей. Он вопил, направляя ионизированные залпы на черные слои всего в нескольких сантиметрах от себя. Но когда его наконец выключили, результат получился разочаровывающим.

— И это все, что мы удалили? — недоверчиво спросил Каркаеттт, глядя на небольшой участок, с которого был срезан углерод. — Да при таких темпах нам потребуются годы, чтобы снять все!

Помощник инженера Чачки, такая массивная, что скафандр на ней едва не лопался, заметила на тринари:

Загадочное скопление,
Прячущееся в тени Ифни, —
Куда уходит вся энергия?

Суэсси пожалел, что у него нет головы, чтобы покачать, или плеч, чтобы пожать ими. Вместо этого он издал в воде булькающий звук, подобно выброшенному на берег передовому киту:

ДЖИЛЛИАН

Человеку нелегко делать вид, что он чужак.

Особенно если этот чужак — теннанинец.

Полотнища обманчивого света окутывали Джиллиан, окружая эрзац-плотью, придав ей кожистую шкуру и приземистую фигуру. На голове ее поддельный гребень каждый раз, как она кивала, изгибался и подергивался. Всякий стоящий более чем в двух метрах от нее увидел бы сильного самца-воина с бронированной кожей и медальонами сотен звездных кампаний, а не стройную светловолосую женщину с усталыми глазами, врача, силой обстоятельств вынужденного командовать маленьким кораблем на войне.

Сейчас маскировка было очень хороша. Иначе и не могло быть. Она уже целый год совершенствует ее.

— Гр-фмф плите, — сказала Джиллиан.

Когда она впервые начала разгадывать эти

шарады, машина Нисс обычно переводила ее вопросы с англика на теннанинский. Но сейчас Джиллиан полагала, что владеет теннанинским лучше любого из людей. Наверное, даже лучше, чем Том.

Впрочем, он все равно звучит дико. Словно для развлечения пукает ребенок, едва научившийся ходить.

Временами самое трудное было не расхохотаться. Конечно, этого нельзя делать. Теннанинцы не славятся своим чувством юмора.

Она продолжила ритуальное приветствие.

— Фишмишингул парффул, мф!

В тусклом помещении очень холодно, холод исходит от углубления, в котором сидит приземистый куб цвета беж, создавая собственное слабое освещение. Джиллиан не могла не подумать о нем как о волшебной шкатулке — это приемник, сложенный во многих измерениях и содержащий больше, чем способен вместить весь корабль такого размера.

Она стояла на балконе без перил, замаскированная под внешность прежних владельцев ящика, и ждала ответа. Спиральный символ на поверхности ящика казался скользким на взгляд: эмблема словно искоса смотрела на нее, смотрела

из глубины души, гораздо более древней, чем ее собственная.

— Тофторф-ф парффул. Фишфинпумпи парффул.

Голос звучал гулко. Если бы она была настоящим теннанинцем, эти обертоны гладили бы ее гребень, вызывая уважительное внимание. Дома, земная ветвь библиотеки разговаривала как добрая бабушка, бесконечно терпеливая, опытная и мудрая.

— Я готов слушать, — прозвучал из кнопки в ее ухе перевод с теннанинского на англик. — А потом буду готов дать консультацию.

Это их постоянная торговля. Джиллиан не могла просто потребовать информацию у архива. Нужно было сначала что-то сообщить.

В обычных условиях это не представляло бы трудностей. Любая ячейка Библиотеки, установленная в большом космическом корабле, снабжена расположенными в контрольной рубке и в других помещениях камерами, которые собирают информацию для потомства. В обмен ячейка предоставляет быстрый доступ к мудрости, охватывающей два миллиарда лет цивилизации и сосредоточенной в Институте Библиотеки цивилизации Пяти Галактик, в его огромных, больше

планеты размерами, архивах.

Но только не у нас, подумала Джиллиан.

«Стремительный» никак нельзя назвать «большим космическим кораблем». Его собственная ячейка Библиотеки дешевая и маломощная, единственная, какую смогла себе позволить нищая Земля. Тот куб, что перед Джиллиан, гораздо большее сокровище, найденное на Китрупе в могучем военном крейсере, принадлежавшем богатому звездному клану.

Джиллиан хотела, чтобы куб считал, будто он по-прежнему находится на звездном крейсере и служит теннанинскому адмиралу. Отсюда и маскировка.

— Твои прямые наблюдательные устройства по-прежнему отсоединены, — объяснила она на том же языке. — Однако я принес недавние записи, сделанные портативными записывающими устройствами. Пожалуйста, прими и запиши эти данные.

Она сделала знак машине Нисс, своему умному помощнику-роботу в соседнем помещении. И немедленно рядом с кубом появилась серия ярких изображений. Картин подводной впадины, которую местные жители Джиджо называют «Помойкой». Картины были тщательно отредак-

тированы, чтобы убрать кое-что.

Мы играем в опасную игру, подумала Джиллиан, пока мерцающие голограммы показывали огромные груды древних остатков, разрушенных городов и покинутых кораблей. Идея заключалась в том, чтобы делать вид, будто теннанинский дредноут «Пламя Кронодора» по тактическим причинам прячется в этом царстве мертвых машин, причем делать это нужно было так, чтобы не показывать стройный корпус «Стремительного» или дельфинов и даже не раскрывать название и расположение планеты.

Если мы доберемся домой или до нейтральной институтской базы, по закону мы должны будем сдать эту ячейку. В случае анонимной передачи будет даже безопасней, чтобы ячейка знала о нас как можно меньше.

Впрочем, Библиотека может не так уж охотно пойти на сотрудничество с какими-то землянами. Лучше пусть считает, что имеет дело со своими официальными владельцами.

С катастрофы на Оакке Джиллиан сделала это своим главным личным проектом, пускаясь на разные уловки, чтобы вытянуть информацию у своей добычи. Во многих отношениях куб Библиотеки ценнее тех реликтов, которые они вывезли

из Мелкого Скопления.

На самом деле маскировка подействовала даже лучше, чем она ожидала. Некоторая добытая информация может оказаться жизненно важной для Террагентского Совета.

Конечно, если мы сможем вернуться домой.

С самого Китрупа, на котором «Стремительный» потерял лучшую часть своего экипажа, самых умных его членов, такое предположение казалось в лучшем случае сомнительным.

* * *

В одной частной области технологии люди двадцать второго столетия почти сравнялись с галактами, даже еще до контакта.

Голографические изображения.

Волшебники, мастера спецэффектов из Голливуда, Луанды и Аристарха первыми уверенно углубились в чуждое искусство. Такая мелочь, как отставание на миллиард лет, их не смущала. Через несколько десятилетий земляне могли утверждать, что овладели одной узкой сферой не хуже могущественных звездных кланов.

Умением виртуозно лгать с помощью картинок.

Тысячи лет, когда не нужно было бороться за

еду, мы рассказывали друг другу сказки. Лгали. Пропагандировали. Порождали иллюзии. Снимали кино.

Не владея наукой, наши предки пользовались магией.

Умением убедительно говорить неправду.

Тем не менее Джиллиан казалось чудом, что ее маскировка под теннанинца сработала так хорошо. Ведь «разум» этого куба чудовищно велик, но это совсем другой тип разума, со своими ограничениями.

Или, может быть, ему просто все равно.

По опыту Джиллиан знала, что куб воспримет почти все вводимое, если только картинки представляют собой правдоподобные сцены, которых он никогда не видел раньше. И вот перед кубом развернулась подводная панорама. На этот раз изображение передавалось по кабелю из западного моря. Его посылала исследовательская группа Каа, работавшая вблизи места, которое туземцы называют Склоном. Под яркими лучами прожектора мелькали древние здания, затонувшие, безглазые, лишенные окон. Эта обширная площадь была даже больше той, где скрывается «Стремительный». Собрание артефактов, накопленных культурой планеты за миллион лет.

Наконец каскад изображений прекратился.

Последовала краткая пауза, Джиллиан нервно ждала. Затем ящик заметил:

— Поток событий не связан с предыдущими. Происшествия не соответствуют причинно-темпоральному порядку, соотнесенному с инерциальными движениями этого корабля. Это результат упоминавшихся выше повреждений, полученных в бою?

В ответ она, как всегда, выдала все ту же историю:

— Верно. До завершения полного ремонта наказания за несоответствия могут быть занесены в отчет о полете «Пламени Кондора». А сейчас подготовься к консультации.

На этот раз задержки не было.

— Задавай вопросы.

С помощью зажатого в левой руке передатчика Джиллиан связалась с машиной Нисс, ждавшей в соседнем помещении. Шпион тимбрими немедленно начал посылать запросы — потоком мерцающих огоньков, за которыми не могло бы уследить ни одно органическое существо. Вскоре обмен пошел в обоих направлениях — поток такой мощности, что Джиллиан пришлось отвернуться. Возможно, в этом потоке есть данные,

которые будут полезны экипажу «Стремительного», увеличат его шансы на выживание.

Сердце Джиллиан забилось быстрей. В этом моменте есть собственные опасности. Если поблизости сканирует пространство какой-нибудь корабль — возможно, один из преследователей «Стремительного», — детекторы на его борту зафиксируют повышенный уровень цифровой активности в этом районе.

Но океан Джиджо создает хорошую защиту, как и окружающие горы брошенных космических кораблей. И стоит рискнуть.

Если бы только большая часть информации, передаваемой кубом, не была такой непонятной! Она явно предназначалась для космических путешественников, гораздо более опытных и знающих, чем экипаж «Стремительного».

И что еще хуже, у нас кончается то любопытное, что мы можем показать Библиотеке. Без свежих данных она может отказаться отвечать. Откажется вообще сотрудничать.

Именно по этой причине она вчера решила привести четверых туземных подростков в это туманное помещение и представить архиву. Поскольку Олвин и его друзья не знают, что они на борту земного корабля, вряд ли они смогут

что-то выдать, а их воздействие на Библиотеку может оказаться полезным.

И верно, куб заинтересовался уникальным зрелищем ура и хуна, дружелюбно стоящих рядом. А одного существования живого г'кека было вполне достаточно, чтобы удовлетворить пассивное любопытство архива. Вслед за этим он охотно выдал поток требуемой информации о различных типах судов, окружающих «Стремительный» на этой подводной свалке, включая параметры, на которые рассчитаны древние буйурские приборы.

Это очень полезно. Но нам нужно больше. Гораздо больше.

Вероятно, очень скоро я буду вынуждена платить настоящими секретами.

У Джиллиан есть несколько очень неплохих тайн, если она осмелится ими воспользоваться. В ее кабинете, всего в нескольких дверях отсюда, лежит мумифицированный труп возрастом свыше миллиарда лет.

Херби.

Чтобы захватить этот реликт — и узнать координаты того места, где его нашли, — «Стремительный» после Китрупа преследует большинство фанатичных псевдорелигиозных кланов Пяти Галактик.

Размышляя о холодном кубе цвета беж, Джиллиан подумала:

«Бьюсь об заклад: если бы я позволила тебе бросить хоть один взгляд на Херби, тебя хватил бы припадок и ты выдал бы все данные, которые запас внутри».

Забавно, ничто во всей вселенной не сделало бы меня счастливей, чем если бы никогда не видели эту проклятую штуку.

Девочкой Джиллиан мечтала о межзвездных полетах, о том, что будет совершать смелые, запоминающиеся поступки. Вместе с Томом они планировали свои карьеры — и брак — с единственной целью. Встать на самый край между Землей и загадками опасного космоса.

Вспомнив эти наивные мечты и то, как экстравагантно они оказались осуществлены, Джиллиан едва не рассмеялась вслух. Но, сжав губы, умудрилась сдержать горькую иронию, не издав ни звука.

Сейчас она должна сохранять внешность достойного теннанинского адмирала.

Теннанинцы не ценят иронию. И никогда не смеются.

СУНЕРЫ
ЭВАСКС

Вам пора уже привыкнуть к этому, Мои кольца.

То пронизывающее ощущение, которое вы испытываете, это Мои волоконца контроля, спускающиеся по нашей общей сердцевине, обходя медленные, старомодные восковые следы, пронизывая ваши многочисленные торы, привязывая их друг к другу, приводя их в новый порядок.

Начнем урок. Я научу вас быть покорными слугами чего-то большего, чем вы сами. Больше вы не груда плохо скрепленных компонентов, вечно спорящих, парализованных нерешительностью. Больше никаких бесконечных голосований в надежде сохранить единство этого хрупкого, эфемерного «я».

Именно так жили наши примитивные груды-предки, медлительно и свободно размышляли в богатых запахами болотах планеты Джофекка. Звездные кланы не обращали на нас внимания, считая неподходящим материалом для возвышения. Но великие, подобные слизнякам поа

увидели потенциал наших меланхоличных предков и начали возвышать эти непривлекательные груды.

Увы, спустя миллионы лет наш медлительный, вялый характер начал раздражать поа.

И они наняли изобретательных оайлие, чтобы создать нам новые кольца. Кольца, которые будут подгонять, руководить и заставлять стремиться вперед. Генетическое мастерство оайлие так велико, что они никогда не терпели поражений.

И КАКИМ ЖЕ БЫЛ ИХ ПРЕОБРАЗУЮЩИЙ ДАР?

Новые амбициозные кольца.

Кольца власти.

ПОДОБНЫЕ МНЕ.

ОЛВИН

Это проба. Я испытываю совершенно новый способ описания.

Если это можно назвать «письмом»: я говорю вслух и наблюдаю, как в воздухе над маленькой коробочкой, которую мне дали, появляются предложения. О, это великолепно. Вчера вечером Гек с помощью своего автоматического писца заполнила комнату словами и глифами на галтри, галвосемь и на всех других известных ей языках,

заставляла делать перевод с одного языка на другой и обратно, пока не оказалась со всех сторон окруженной сверкающими символами.

Хозяева дали эти машины, чтобы облегчить нам рассказ о нашей жизни и особенно о жизни Шести Рас на Склоне. В обмен быстрый голос пообещал нам награду. Позже мы сможем задать свои вопросы большому холодному ящику.

Гек с ума сошла из-за этого предложения. Свободный доступ к ячейке Великой Библиотеки Пяти Галактик! Да это все равно что сказать Кортесу, что ему дадут карту утраченных городов золота. Или легендарному хунскому герою Юквоурфмину сообщить пароль, контролирующий фабрики роботов на Куртуне. Мой тезка, тот, в честь кого я получил прозвище, не мог испытывать большего волнения, даже когда перед ним во всем блеске раскрылись тайны Вэйнамонда и Безумного Мозга.

Однако в отличие от Гек я смотрел на такую перспективу с опаской. Подобно детективу из старинных земных рассказов, я спрашивал себя: а в чем же подвох?

Нарушат ли они обещание, как только мы расскажем все, что знаем?

Может, дадут нам *лживые* ответы. (Откуда нам

знать?)

Или позволят кубу рассказать нам все, что мы захотим, потому что знают: это не принесет нам ничего хорошего, так как мы никогда не вернемся домой.

С другой стороны, допустим, все искренне и честно. Допустим, у нас действительно появится шанс расспросить ячейку Библиотеки, эту сокровищницу знаний, собранных миллиарднолетней цивилизацией.

О чем, во имя Джиджо, можем мы спросить?

Я только что провел в экспериментах мидур. Диктовал текст. Просматривал его и переписывал заново. Работать с автописцом гораздо удобней, чем с карандашом и комком смолы гуарру в качестве резинки! Достаточно движения руки, чтобы, словно физический объект, изменить или переместить текст. Мне даже не нужно говорить вслух, просто пожелать, чтобы появилось слово. Словно говоришь про себя, так, чтобы никто не услышал. Я знаю, что это не настоящее чтение мыслей: должно быть, машина фиксирует мышечные изменения в горле или что-то в этом роде. Я читал о таких устройствах в «Эре блекджека» и в «Лунном городе Хобо». Тем не менее это очень волнует.

Например, я попросил у маленькой машины ее словарь синонимов англика. Я всегда считал, что у меня большой словарь. Ведь я наизусть выучил городской экземпляр «Тезауруса» Роже. Но оказалось, в этой книге опущено большинство хинди и арабских родственных слов, употребляющихся в англо-евроазиатском варианте. В маленьком ящике достаточно слов, чтобы заставить меня и Гек почувствовать свое ничтожество, меня-то уж точно.

Мои приятели в соседнем помещении диктуют собственные воспоминания. Думаю, Гек надиктует что-то достаточно быстрое, яркое и беззаботное, чтобы удовлетворить наших хозяев. Ур-ронн будет педантичной и сухой, а Клешня все время будет отвлекаться и рассказывать о подводных чудовищах. Я их опережаю, потому что в моем дневнике уже рассказана большая часть нашей личной истории — как мы, четверо любителей приключений, оказались в этом месте со странно изгибающимися коридорами, глубоко под морской поверхностью.

Поэтому у меня есть время, чтобы встревожиться: почему фувнтусы хотят все о нас знать?

Возможно, это простое любопытство. С другой стороны, что, если что-нибудь из того, что мы

расскажем, причинит вред нашим родичам на Склоне? Не могу представить себе, каким образом. То есть я хочу сказать, что никаких военных тайн мы не знаем — кроме того, что кузнец Уриэль послала нас на поиски подводного тайника. Но быстрый голос уже знает об этом.

Иногда, в лучшие моменты, я представляю себе, как фувнтусы позволяют нам прихватить с собой сокровища, возвращают в своем металлическом ките домой, в Вуфон, и мы воскресаем из мертвых, подобно легендарному экипажу «Хукуфтау», к удивлению Уриэль, Урдоннел и наших родителей, которые, должно быть, считают нас мертвыми.

Оптимистические фантазии чередуются с другими картинами, которые я никак не могу прогнать. Я все время вспоминаю, что произошло сразу после того, как подводная лодка-кит выхватила «Мечту Вуфона» из пасти смерти. Паукообразные существа с выпуклыми глазами входят в обломки нашей лодки, издавая бессмысленные звуки, и в смертельном ужасе отшатываются при виде Зиза, нашего безвредного треки, данного нам алхимиком Тигом.

Огненные лучи разрезают бедного Зиза на части.

Поневоле задумаешься о том, что бы это значило.

Нужно приниматься за работу.

Как начать рассказ?

Зовите меня Олвин.

Нет. Слишком подражательно. А как такое начало?

«Олвин Хф-уэйуо, проснувшись однажды утром, обнаружил, что находится в гигантской…»

Ух— хм. Слишком близко к правде.

Может, построить рассказ по образцу «Двадцати тысяч лье под водой»? Мы пленники в комфортабельной подводной тюрьме. Хотя Гек и самка, она будет настаивать, что именно она и есть герой Нед Ленд. Ур-ронн, разумеется, профессор Аронакс, так что комическим персонажем Конселем остается быть Клешне или мне.

И когда же мы наконец встретимся с Немо?

Хм— м-м. Вот недостаток такого способа письма — без усилий и с возможностью легкого исправления написанного. Он побуждает много болтать, а вот когда перед тобой добрый старый карандаш и лист бумаги, нужно сначала подумать, что ты собираешься сказать.

Минутку. Что это?

Вот опять. Слабый, но гулкий звук, на этот раз

он громче. Ближе.

Мне это не нравится. Совсем не нравится.

Ифни! На этот раз дрожит пол.

Этот гул напоминает мне вулкан Гуэнн, рыгающий и кашляющий, заставляющий всех подумать, а не пришел ли Большой В…

Джики мешочная гниль! На этот раз серьезно.

Это взрывы, и они быстро приближаются!

Новый звук, словно зукир чешет голову, потому что сел на ящерицу квилл.

Что означает этот звук сирены? Я всегда гадал.

Гиштуфвау! Потускнели огни. Пол подпрыгивает.

Что, во имя Ифни, происходит?!

ДВЕР

Вид с вершины дюны не внушал оптимизма.

Разведывательный корабль даников по крайней мере в пяти или шести лигах от берега в море — крошечная точка, едва различимая там, где вода меняет цвет от светлого зеленовато синего на почти черный. Летающая машина движется взад и вперед, как будто ищет что-то потерянное. Лишь изредка, когда ветер меняет направление, они улавливают слабый гул его двигателей. Но

примерно каждые сорок дуров Двер видит, как из брюха блестящей лодки выпадает какая-то точка и падает в море, сверкая в лучах утреннего солнца. После этого проходит еще десять дуров — и поверхность океана вздымается холмом, увенчанным пеной, как будто внизу бьется в спазмах какое-то чудовище.

— Что делает Кунн? — спросил Двер. Он повернулся к Рети, которая, заслонив глаза, наблюдала за далеким флаером. — Ты понимаешь?

Девушка начала пожимать плечами, но в это время йии, крошечный самец ур, высунул голову и нацелил все три глаза на юг. Робот нетерпеливо покачнулся, подскакивая и опускаясь, как будто пытался своим корпусом посигналить далекому флаеру.

— Не знаю, Двер, — ответила Рети. — Наверно, это имеет какое-то отношение к птице.

— К птице, — повторил он.

— Ты знаешь. К моей металлической птице. Той, что мы спасли от мульк-паука.

— К этой птице? — Двер кивнул. — Мы должны были показать ее мудрецам. Но как она попала в руки чужаков?

Рети прервала его.

— Даники хотели знать, откуда она прилетела.

Поэтому Кунн попросил меня провести его в холмы, чтобы найти Джесса, потому что это он видел, как птица прилетела на берег. Я не думала, что он оставит меня в деревне. — Она прикусила губу. — Джесс должен был отвести Кунна сюда. Кунн что-то говорил о «вспугнутой добыче». Наверно, хотел раздобыть больше птиц.

— Или найти тех, кто сделал эту птицу и послал ее на берег.

— Или это. — Она кивнула, явно чувствуя себя неуверенно. Двер решил не уточнять подробности ее договора с звездными людьми.

По мере того как они продвигались на юг, количество болотистых ручьев увеличивалось, и Дверу пришлось еще несколько раз «переносить» на себе робота, прежде чем перед сумерками он сказал, что нужно остановиться. Боевая машина попыталась заставить его продолжить движение. Но божественное оружие пострадало в засаде у лагеря сунеров, и Двер бестрепетно смотрел на щелкающие клешни робота. Ему помогала странная отчужденность: он словно стал старше, побывав в силовом поле машины и выдержав это испытание. Может, это и иллюзия, но она придала ему сил.

Неохотно, почти как живое существо, робот

сдался. Двер развел небольшой костер и разделил с Рети остатки вяленого ослиного мяса. После недолгого колебания Рети внесла свою долю — два маленьких ромба, укутанных в скользкий материал. Она показала Дверу, как их разворачивать, и смеялась, глядя на его лицо, когда он ощутил во рту странный вкус. Он тоже рассмеялся, едва не подавившись даникским лакомством. Роскошная сладость пополнила его Список Того, Чему Я Рад, Что Испытал Это До Смерти.

Потом, лежа рядом с Рети на накрытых остывающих углях, Двер видел во сне фантастические картины, гораздо более яркие, чем обычно. Возможно, сказывалось воздействие силового поля, которое он испытал, «перенося» робота. Вместо давящей тяжести он испытывал легкость, словно его тело свободно плывет. Под закрытыми веками мелькали невообразимые панорамы: предметы, выступающие на темном фоне, или газообразные фигуры, испускающие собственное свечение. Однажды он ощутил странное узнавание, безвременное впечатление любящей знакомости.

Яйцо, подсказало спящее подсознание. Но священный камень выглядел странно — не просто как огромный булыжник, сидящий на горном склоне, а как гигантское темное солнце, чья чер-

нота затмевает блеск обычных звезд.

Путешествие возобновилось еще до рассвета, и до моря пришлось пересечь еще две водные преграды. Затем робот подобрал их и полетел вдоль берега на восток, пока не достиг этого поля дюн — высокой точки, с которой можно осмотреть необычно синие воды Трещины.

Во всяком случае, Двер принял это за Трещину — глубокую расселину, рассекающую континент. Хотел бы я иметь свой телескоп, подумал он. С его помощью можно было бы понять, чего добивается пилот корабля-разведчика.

Вспугнутая добыча, сказала Рети.

Если такова цель звездного воина даника, Кунну стоит овладеть некоторыми приемами охоты. Двер вспомнил урок, преподанный ему много лет назад Фаллоном.

Каким бы мощным ни было твое оружие, какой бы ни была добыча, которую ты преследуешь, никогда нельзя объединять в одном лице загонщика и стрелка. И если ты только один, не гони добычу.

Одинокий охотник должен быть терпелив и молча изучать привычки добычи.

У такого подхода есть один недостаток. Он требует эмпатии. И чем лучше ты умеешь чув-

ствовать добычу, тем больше шанс, что ты вообще перестанешь называть ее добычей.

— Что ж, одно ясно, — заметила Рети, наблюдая за тем, как дико подскакивает робот в самой высокой точке дюны, как маленький мальчик, который машет родителям, ушедшим далеко и не слышащим его. — Ты, должно быть, серьезно повредил его коммуникатор. Он не работает даже на таком коротком расстоянии, на линии прямой видимости.

Двер был поражен. Рети немало узнала с того времени, как ее приняли чужаки.

— Думаешь, пилот сможет нас увидеть, когда полетит назад в деревню, чтобы прихватить тебя? — спросил он.

— Может быть, если он вообще намерен это сделать. Найдя то, что ищет, он может вообще забыть обо мне. И просто полетит с докладом на запад, к станции ротенов.

Двер знал, что Рети уже отчасти утратила расположение звездных людей. В голосе ее звучала горечь, потому что на борту далекой летящей точки Джесс, так мучивший ее, когда она росла в варварском племени. Она собиралась отомстить этому злодею. А теперь Джесс стоит рядом с пилотом и пользуется его расположением, а она, Рети,

застряла здесь.

Ясно было, что ее тревожит. Неужели враг всей ее жизни получит награду, за которую она так боролась? Ее билет к звездам?

— Хмм. Что ж, тогда нужно позаботиться, чтобы он не пропустил нас, когда будет возвращаться.

Самому Дверу не очень хотелось встречаться со звездным пилотом, который так безжалостно сжег сверху бедных сунеров уров. И он не питал иллюзий насчет гостеприимного приема со стороны Кунна. Но для Рети разведочная лодка означает жизнь и надежду. И, может быть, вызвав интерес Кунна, он помешает тому быстро вернуться в Серые Холмы. В короткой схватке с роботом Дэйнел Озава был убит, но Двер может выиграть время для Лены Стронг и предводительницы уров, чтобы они успели договориться с племенем Рети и уйти в какое-нибудь убежище, где звездные боги никогда их не найдут. Отвлекающий маневр может быть последней полезной услугой Двера.

— Давай разожжем костер, — предложила девушка, указывая на берег, усеянный кусками дерева, выброшенными недавней бурей.

— Я собирался это предложить, — ответил Двер.

Она засмеялась.

— Ну конечно!

САРА

Вначале древний туннель казался страшным и мрачным. Сара воображала, как оживает пыльный буйурский экипаж, разгневанный призрак устремляется к фургону с запряженными лошадьми, собираясь наказать глупцов, которые посмели вторгнуться в его угрюмое царство. Какое-то время ей было очень страшно, дышала она быстро и часто, сердце колотилось.

Но у страха есть враг, еще более мощный, чем храбрость или уверенность.

Этот враг — скука.

Саре надоело долгие мидуры сидеть на жесткой скамье. Вздохнув, она выпрыгнула из фургона и пошла рядом — вначале просто чтобы размяться, но потом стала делать быстрым равномерным шагом долгие переходы.

Немного погодя ей даже начало это нравиться.

Думаю, я начинаю приспосабливаться к новым временам. В будущем мире может не найтись места для интеллектуалов.

Эмерсон, улыбаясь, присоединился к ней и

пошел длинными шагами. Туннель постепенно терял свою власть и над остальными. Погонщики, Кефа и Нули из загадочного племени иллий, на глазах успокаивались и с каждой лигой приближения к дому становились все менее напряженными.

Но где их дом?

Сара представила себе карту Склона и провела широкую дугу примерно на юг от Гентта. Это никак не помогло ей догадаться, где мог все эти годы скрываться клан всадниц.

Как насчет какой-нибудь гигантской пещеры в магме под вулканом?

Какая прекрасная мысль! Волшебное убежище, травянистые поля, недоступные гневному взгляду с неба. Подземный мир, словно в приключенческом романе эры до контакта, в котором изображались вечные пещеры, мистические источники освещения и нелепые чудовища.

Конечно, по законам природы такое место не может существовать.

Но может, буйуры — или даже предшествующие разумные обитатели Джиджо — с помощью тех же сил, что вырыли этот туннель, создали тайное убежище? Место, где можно сохранить сокровища, когда поверхность очищается от

созданных разумными существами предметов?

Сара усмехнулась такой мысли. Но не совсем ее отбросила.

Немного погодя она обратилась к Курту.

— Ну, с меня хватит. Объясни, почему так важно, чтобы Эмерсон и я сопровождали тебя в этом пути.

Но взрывник только покачал головой, отказываясь говорить в присутствии Дединджера.

А что собирается делать еретик? — подумала Сара. Разорвать узы и бежать назад, чтобы рассказать миру?

Казалось, пустынный пророк пленен надежно. Но все же тревожно было видеть уверенное выражение на лице Дединджера — как будто нынешние обстоятельства лишь подтверждают его правоту.

В такие времена появляется множество еретиков — они, словно осы тайны, собираются, чтобы посплетничать. Не удивлюсь, если начнется расцвет фанатиков.

Священные Свитки указывают нелегальным колонистам Джиджо две возможности искупить прирожденный грех — сохраняя планету и следуя Тропой Избавления. Со дней Дрейка и Ур-Чоун мудрецы учат, что оба эти пути совместимы с

торговлей и удобствами повседневной жизни. Но некоторые пуристы с ними не соглашались, настаивая, что Шесть Рас должны сделать выбор.

Мы не должны здесь находиться, провозглашала фракция Ларка. Мы, сунеры, должны использовать контроль за рождаемостью, чтобы выполнить галактический закон и оставить эту невозделанную планету в мире. Только тогда наш грех будет искуплен.

Другие полагали, что на первом месте стоит Тропа Избавления.

Каждый клан должен последовать примеру глейверов, учил культ Дединджера и Урунтая. Спасение и обновление придут к тем, кто устранит умственные препятствия и заново постигнет свою истинную природу.

И первое препятствие, которое следует устранить, якорь, что тянет вниз наши души, — это знания.

Обе группы называют нынешних высоких мудрецов еретиками, потворствующими массам своими жалкими усовершенствованиями. Когда появились страшные космические корабли, у фанатиков обнаружилось множество новых сторонников. Они проповедовали свои простые истины и сильнодействующие средства в тяже-

лые времена.

Сара знала, что ее собственная ересь не привлечет последователей. Она казалась неподходящей для Джиджо — планеты фанатиков, которая так или иначе погрузится в забвение. И все же…

Все зависит от точки зрения.

Так учат мудрецы треки.

Мы/я/вы часто обманываемся очевидным.

ЛАРК

Из леса высокого качающегося бу появился курьер ур.

Может, это и есть мой ответ?

Всего несколько мидуров назад Ларк отправил солдата милиции с сообщением к Лестеру Кембелу в тайное убежище высоких мудрецов.

Но нет. Курьер с растрепанной гривой прискакал издалека, с Поляны Праздников. В спешке самка не стала даже ждать, пока ей предложат в знак гостеприимства чашу теплой крови симлы. На глазах у изумленных людей она опустила морду в ведро с неразведенной водой и начала пить, морщась от горечи.

В промежутках между глотками она сообщала ужасные новости.

Как мы уже слышали, второй космический корабль был титаном, он опустился, как гора, перегородив реку, так что вскоре вокруг захваченного корабля ротенов образовалось болото, вдвойне пленив товарищей Линг. Пораженные свидетели утверждают, что видели в освещенном изнутри люке корабля знакомые очертания. Заостренные кверху конусы. Роскошно сверкающие груды колец.

Лишь немногие сведущие в древних легендах наблюдатели знали, что это недобрый знак, но у них не было времени предупредить, прежде чем ночь разрезали ужасные лучи и скосили все в пределах дюжины полетов стрелы.

На рассвете самые смелые зрители выглянули из-за ближайших высот и увидели обожженную землю, усеянную маслянистыми следами и кровавыми останками тел. Пораженные наблюдатели предположили, что включен защитный периметр, хотя для всемогущих звездных богов такая предосторожность казалась чрезмерной.

— Какие потери? — спросила Джени Шен, сержант из приданного Ларку отряда милиции, низкорослая мускулистая женщина и друг его брата Двера. Они все видели на удалении мерцающие огни и слышали похожий на гром звук,

но не представляли себе тех ужасов, о которых рассказала посыльная.

Самка ур говорила о сотнях погибших — и среди них высокий мудрец Общины. Возле группы любопытных зрителей и смущенных поклонников чужаков стоял Аскс, собираясь вести переговоры. После того как пыль опала, а огонь погас, треки нигде не было видно.

Врач г'кек, лечивший Утена, выразил общее горе, закатив все четыре глаза на стебельках и колотя по земле толчковыми ногами. Это персонифицировало ужас. Аскс был очень популярным мудрецом, готовым размышлять над любой проблемой, представленной Шестью Расами, начиная от брачных советов и кончая разделом имущества рассеченного улья квуэнов. Аскс мог «размышлять» днями, неделями или годами, прежде чем дать ответ — или несколько ответов, предлагая целый спектр возможностей.

Прежде чем курьер отправился дальше, Ларк, пользуясь своим статусом мудреца, просмотрел содержимое сумки. Там были рисунки. Ларк показал Линг изображение массивного овального космического корабля, намного превосходящего по размерам тот, что принес ее на эту планету. Лицо ее затуманилось. Могучий корабль был

незнакомым и пугающим.

Собственный посыльный Ларка — двуногий, человек — на рассвете исчез за рядами бу; он нес просьбу к Лестеру Кембелу прислать личную ячейку Библиотеки, принадлежавшую Линг, чтобы она могла прочесть стержни памяти, которые они с Утеном отыскали в развалинах станции.

Ее предложение, высказанное накануне вечером, сводилось к поиску информации о болезнях, особенно той, что поразила поселки квуэнов.

— Если Ро-кенн на самом деле готовил средство геноцида, по нашим законам он преступник.

— Даже повелитель ротен? — скептически спросил Ларк.

— Да, даже он. С моей стороны не будет неверностью попытаться доказать, что он этого не делал. Однако, — добавила она, — не жди, что я буду помогать вам в войне против моих товарищей по экипажу и наших патронов. Да вы и не можете ничего сделать — теперь, когда они настороже. Вы один раз захватили нас врасплох подкопом и порохом, уничтожили маленькую исследовательскую базу. Но вы поймете, что причинить вред космическому кораблю — задача, непосильная даже для ваших лучше всего снабженных фанатиков.

Этот разговор происходил до того, как они узнали о втором корабле. До того, как пришло сообщение о том, что могучий ротенский корабль превратился в захваченную игрушку рядом с подлинным колоссом из космоса.

В ожидании ответа Кембела Ларк разослал своих солдат прочесывать берега озера, собирая золотые консервирующие бусины. Галактическая технология уже много миллионов лет стандартизована. Так что среди этого сорочьего собрания предметов может найтись и работающее устройство для чтения. Во всяком случае попробовать стоило.

Разбирая груду янтарных коконов, они с Линг возобновили прерванную игру вопросов и уклонений. Обстоятельства изменились: Ларк больше не чувствовал себя в ее присутствии глупым, но все равно это был все тот же старый танец.

Начала Линг. Она расспрашивала о Великой Печати — событии, которое преобразило непрерывно ссорящееся собрание рас сунеров даже больше, чем появление Святого Яйца. Ларк отвечал правдиво, но ни разу не упомянул об архиве Библоса. Вместо этого он описал гильдии печатников, фотокопировальщиков и особенно изготовителей бумаги, с их гулкими молотами,

превращающими дерево в пульпу, и сушильными экранами, переворачивающими тонкие страницы под бдительным взглядом его отца, знаменитого Нело.

— Постоянный, со случайным доступом, аналог ячеек памяти, совершенно неуловимый из космоса. Никакого электрического или цифрового сознания, которое можно было бы зафиксировать с орбиты. — Линг удивилась. — Даже видя книги, мы решили, что это рукописные копии, единичные экземпляры, не способные ускорить культурный процесс. Только подумать: технология волчат оказалась такой эффективной в особых обстоятельствах.

Вопреки этому признанию, Ларк сомневался в истинном отношении женщины даника. Казалось, она слишком легко отвергает достижения своих собственных человеческих предков — если это достижение нельзя объяснить вмешательством ротенов.

Настала очередь Ларка задавать вопрос, и он решил свернуть на другую тропу.

— Ты казалась так же удивлена, как все остальные, когда маскирующее существо сползло с лица Ро-пол.

Он имел в виду события непосредственно пе-

ред Битвой на Поляне, когда с ротена спала его харизматическая маска-симбионт. Глаза Ро-пол, раньше казавшиеся теплыми и выразительными, стали выпуклыми и безжизненными, и смотрели они с резко скошенного, почти хищного лица, явно не гуманоидного.

Линг никогда не видела повелителя таким раскрытым. На вопрос Ларка она отвечала осторожно.

— Я не принадлежу к Внутреннему Кругу.

— А что это?

Линг глубоко вдохнула.

— Ранн и Кунн имеют доступ к знаниям о ротенах, которые неизвестны большинству даников. Ранн даже был в одном из тайных городов ротенов. Большинство из нас никогда не были так благословенны. Когда мы не участвуем в полетах, то живем с семьями в одном из укромных каньонов аванпоста Пория, там с нами всего сто или около этого патронов. И даже на Пории две расы в обычной жизни не смешиваются.

— Но все же не знать таких фундаментальных сведений о тех, кто утверждает, что…

— О, до меня доходили слухи. Иногда у ротенов лицо приобретает странное выражение, как будто часть его, ну, надета неверно. Может, мы и сами

участвуем в этом обмане, где-то в глубине души решив ничего не замечать. Но дело не в этом.

— А в чем же?

— Ты намекаешь, что меня должно привести в ужас открытие, что ротены носят симбионтов, чтобы выглядеть гуманоидными. Казаться в наших глазах прекраснее. Но почему бы ротенам не воспользоваться искусственным средством, если оно помогает им быть лучшими проводниками, которые ведут нашу расу к совершенству?

Ларк ответил:

— А как насчет такой незначительной штуки, как честность?

— А вы все говорите своим шимпанзе или зукирам? Разве иногда родители не лгут детям ради их же блага? А как же любовники, которые стремятся быть лучше в глазах друг друга? Они тоже нечестны?

Подумай, Ларк. Каковы шансы того, что иная раса будет казаться глазу человека такой же великолепной и прекрасной, какими кажутся наши патроны? О, часть этой привлекательности, несомненно, восходит к ранним этапам возвышения, на Старой Земле, когда они возвысили наших обезьяньих предков почти до полного разума, еще до начала Великого Испытания. Возможно,

это закреплено на генетическом уровне, как выбраковывают собак, чтобы они трепетали при прикосновении человека.

Но мы все еще незавершенные существа. Все еще излишне и примитивно эмоциональны. Позволь спросить тебя, Ларк. Если бы твоей задачей было возвышение вздорных, капризных, неуживчивых существ и ты бы обнаружил, что косметический симбионт облегчает твою роль учителя, ты бы им не воспользовался?

И прежде чем Ларк успел энергично сказать «нет», она торопливо продолжала:

— Разве члены ваших Шести Рас не используют с той же целью реуки? Этих симбионтов, которые пленкой покрывают вам глаза и берут немного крови в обмен на передачу эмоций? Разве реуки не являются жизненно важной частью взаимоотношений в вашей Общине?

— Хр-рм. — Ларк издал звук, который издают горловым мешком хуны. — Реук не помогает лгать. И сам не является ложью.

Линг кивнула:

— Но перед вами никогда не было такой трудной задачи, как перед ротенами — возвысить существа, такие умные и в то же время такие неуживчивые, как люди. Раса, потенциал ко-

торой к будущему делает нас капризными и опасными, склонными к ложным поворотам и смертельным ошибкам.

Ларк подавил порыв возразить. Она может только зайти еще дальше, загнать себя в угол и отказаться выйти из него. Сейчас она по крайней мере согласилась, что один из ротенов может быть способен на дурные поступки, что действия Ро-кенна могут быть преступными.

Кто знает? Возможно, в этом все и дело. Замысел преступного индивида. Может быть, раса в целом так прекрасна и удивительна, как она говорит. Ведь как хорошо было бы, если бы у человечества были такие замечательные патроны и за следующим тысячелетием нас ждало бы величие.

Линг кажется искренней, когда говорит, что капитан корабля ротенов разберется и выяснит истину.

— Очень важно убедить ваших мудрецов освободить заложников и передать тело Ро-пол вместе с «фотографиями», которые снял ваш портретист. С ротенами шантаж не пройдет — вы должны это понять. Не в их характере поддаваться угрозам. Но в перспективе «улики», которые вы собрали, могут причинить им вред.

Это было до того, как пришла поразительная

новость — что корабль ротенов пленен, заключен в темницу из света.

Ларк разглядывал одно из золотых яиц мулькпаука, а Линг продолжала говорить о трудной, но славной судьбе, которую патроны уготовили импульсивному и умному человечеству.

— Знаешь, — заметил Ларк, — в логике всей этой ситуации есть что-то искаженное.

— О чем это ты?

Ларк пожевал губу, как ур в нерешительности. Потом решил: пора все открыть.

— Я хочу сказать: давай на время оставим этот дополнительный элемент в виде нового корабля. У ротенов могут быть счеты, о которых вы не знаете. Или это прилетела другая группа генных грабителей, чтобы поживиться в биосфере Джиджо. Насколько нам известно, чиновники Галактического Института Миграции могли принести на Джиджо Судный День, предсказанный в Свитках.

Но сейчас давай займемся Битвой на Поляне — той самой, которая сделала тебя моей пленницей. Она началась, когда Блур сфотографировал мертвого ротена без маски. Ро-кенн вышел из себя и приказал роботам перебить всех, кто это видел.

Но разве ты не заверяла меня, что нет необ-

ходимости уничтожать туземных свидетелей посещения вашей команды? Что ваши хозяева справятся, даже если устные или письменные улики сохранятся сотни и тысячи лет и в них будет описано посещение генных грабителей — людей и ротенов?

— Да, заверяла.

— Но ты признаешь, что генный грабеж противоречит галактическому закону! Я знаю, ты считаешь, что ротены выше подобных соображений. Но они все же не хотят, чтобы их поймали на месте преступления.

Предположим, какие-нибудь достоверные свидетельства, даже фотографии, в конце концов дойдут до инспекторов Института Миграции, когда они в следующий раз посетят Джиджо. Свидетельства о тебе, и Ранне, и Кунне. О генных грабителях людях. Даже я знаю, что принцип «наказания всей расы» господствует в Пяти Галактиках. Ро-кенн объяснял, как ротены собираются предотвратить санкции против Земли?

Лицо Линг стало мрачно.

— Ты утверждаешь, что он использовал нас, как глупцов. Позволил мне распространить среди туземцев лживые уверения, а сам планировал похитить гены и уничтожить всех свидетелей.

Очевидно, ей нелегко было говорить это.

Линг казалась удивленной, когда Ларк отрицательно покачал головой.

— Так я думал вначале, когда заболели квуэны. Но теперь я представляю себе нечто еще худшее.

Это привлекло ее внимание.

— Но что может быть хуже массового убийства? Если обвинение будет доказано, Ро-кенна выведут из его дома в цепях! Он будет наказан так, как ни одного ротена не наказывали веками.

Ларк пожал плечами..

— Может быть. Но остановись и подумай.

Прежде всего Ро-кенн рассчитывает не только на эпидемию, которая одна должна выполнить работу.

О, у него, вероятно, целая библиотека микробов — болезнетворных агентов, которые использовались в галактических войнах. Несомненно, звездные квуэны давно разработали противоядие от тех бактерий, которые поразили лимфатические сосуды Утена. Я уверен, зараза Ро-кенна убьет еще очень многих из нас.

Линг начала возражать, но Ларк продолжал:

— Тем не менее я кое-что знаю о том, как действуют эпидемии в естественных экосистемах. Даже набор болезней не в состоянии полностью

уничтожить все Шесть Рас. Редкие случаи природного иммунитета поставят в тупик даже самых совершенных возбудителей болезни. Далее, чем реже население, тем труднее добраться до выживших.

Нет, Ро-кенну нужно было нечто большее. Гибель Общины в тотальной войне! Войне, которую можно раздувать, доводить до крайних пределов. Войне такой жестокой, что каждая раса будет преследовать противников в самых далеких уголках Джиджо, с готовностью распространять новых паразитов, лишь бы покончить с врагами.

Он видел, что Линг пытается найти пробел в логике его рассуждений. Но она присутствовала, когда проигрывались псизаписи Ро-кенна — болезненные сны, которые должны были вызвать смертельную вражду между шестью расами. Присутствующие не были обмануты, потому что оказались предупреждены, но что, если бы передачи шли, как было запланировано, усиленные, превратившиеся под воздействием Святого Яйца во всепоглощающую волну?

— Я расскажу об этом дома, — слабым голосом поклялась она. — Он будет наказан.

— Это обнадеживает, — продолжал Ларк. — Но я не кончил. Понимаешь, даже совместное

действие эпидемий и войны не гарантировало Ро-кенну полное уничтожение Шести Рас и ликвидацию даже ничтожной вероятности того, что улики могут передаваться из поколения в поколение — возможно, их спрячут в какой-нибудь пещере, — и в конечном счете дойти до следователей Институтов. С другой стороны, он мог решать, какая раса или секта окажется последней, а какая погибнет первой. В особенности есть одна, которой он очень хорошо умеет манипулировать. Это Homo sapiens.

Как я это понимаю, план Ро-кенна состоял из нескольких частей. Во-первых, ему нужно было добиться, чтобы землян ненавидели. Во-вторых, он должен был ослабить остальные пять рас, распространив болезни, в которых можно будет обвинить людей. Но главной задачей было обеспечить полное уничтожение на Джиджо людей. Ему было все равно, если кто-нибудь из уцелевших представителей остальных рас начнет рассказывать.

Линг удивилась.

— А зачем ему это? Ты сам сказал, что свидетельства могут дойти.

— Да, но когда земляне на Джиджо превратятся в историю, рассказывать будут только, что

некогда корабль, полный людей, прилетел на Джиджо, крал гены и пытался всех перебить. Никто не подумает подчеркивать, какие именно люди это делали. В будущем, возможно, всего через несколько столетий, когда последует анонимный донос, прилетят галактические судьи и услышат, что люди с Земли делали эти ужасные вещи. Земля будет жестоко наказана, а ротены окажутся ни при чем.

Линг долго молчала, обдумывая его слова. Наконец с широкой улыбкой подняла голову.

— Ты заставил меня на какое-то время встревожиться, но я нашла ошибку в твоих рассуждениях!

Ларк наклонил голову.

— Расскажи.

— Твой дьявольский сценарий имеет смысл, но в нем есть два промаха.

Во— первых, ротены — патроны всего человечества. Земля и ее колонии, сейчас управляемые глупцами дарвинистами из Террагентского Совета, тем не менее представляют главный генетический бассейн нашего вида. Ротены никогда не допустили бы вреда нашей планете. Даже в современных галактических кризисах они действуют за кулисами, чтобы обеспечить

безопасность Земли от осаждающих ее врагов.

Вот оно опять — упоминание об ужасных событиях, происходящих в мегапарсеках отсюда. Ларку хотелось развивать именно эту нить, но Линг продолжала излагать свои аргументы.

— Во-вторых, допустим, Ро-кенн хотел возложить всю вину на людей. Тогда зачем он и Ро-пол вышли из станции и показались всем? Расхаживая повсюду, позволяя художникам зарисовать себя, а писцам — записать каждое их слово, разве они не подвергали всех ротенов той же опасности, которая могла угрожать Земле?

Линг, казалось, готова была признать, что ее непосредственный руководитель оказался преступником или безумцем, но с помощью логики защищала расу патронов. Ларку очень не хотелось развеивать ее веру. У него тоже есть свои ереси.

— Прости, Линг, но мой сценарий сохраняется.

Твои четыре пункта верны только в том случае, если ротены действительно наши патроны. Я знаю: это твоя главная посылка, ты выросла с верой в нее, но вера не доказательство. Ты признаешь, что твой народ, даники, малочислен, живет на изолированном аванпосте и видит очень немногих ротенов. Отбросив мистические

сказки о древних пришельцах и египетских пирамидах, все, что есть в твоем распоряжении, это их утверждения относительно предполагаемых взаимоотношений с нашей расой. Но это может быть ложью.

Что касается твоего второго пункта, то вспомни, как разворачивались события. Ро-кенн определенно знал, что его рисуют, когда появился в тот вечер, действуя своей харизмой на толпу и сея семена разногласий. Прожив так долго вместе, все шесть рас подвержены воздействию друг друга в своих стандартах красоты, и ротены были поистине прекрасны!

Возможно, Ро-кенн даже знал, что мы можем создавать долговременные изображения. Позже, увидев фотографии Блура, он даже глазом не моргнул. О, он сделал вид, что торгуется с мудрецами, но мы с тобой видели, что он не боится «доказательств», с помощью которых его пытались шантажировать. Он только выигрывал время до возвращения корабля. И у него могло получиться — если бы Блур не обнаружил и не сфотографировал труп Ро-пол — без маскировки, обнаженный. Именно это привело Ро-кенна в истерику и заставило отдать приказ о массовом убийстве!

— Знаю. — Линг покачала головой. — Это было безумие. Но ты должен понять. Беспокойство, причиняемое мертвым, — это очень серьезно. Должно быть, это вывело его из себя.

— Вывело из себя, клянусь своим левым копытом! Он точно знал, что делает. Подумай, Линг. Допустим, когда-нибудь наблюдатели из Институтов увидят фотографии людей и группу человекоподобных существ, о которых никто никогда не слышал, совершающих преступление на Джиджо. Могут ли эти грубые изображения вызвать подозрения относительно ротенов?

— О чем ты говоришь? Все даники вырастают, видя ротенов такими, какими они кажутся со своими симбионтами. Очевидно, будут люди, которые знают…

Голос ее смолк. Она не мигая смотрела на Ларка.

— Неужели ты серьезно…

— А почему бы и нет? После длительного знакомства с вами, я уверен, они знают нужные средства. Когда люди больше не будут нужны как прикрытие для их планов, ваши «патроны» просто используют широкий спектр искусственных вирусов, чтобы уничтожить всех даников, точно так же как они планировали погубить людей на

Джиджо.

Кстати, испытав его на обоих группах людей, они смогут продать это оружие врагам Земли. И после того как наша раса исчезнет, кто будет доказывать ее невиновность? Кто станет искать других подозреваемых в целой серии преступлений, которые были совершены по всем Пяти Галактикам группой двуногих, похожих на…

— Хватит! — закричала Линг, неожиданно вскакивая и просыпая с колен золотые коконы. Она попятилась, тяжело дыша.

Ларк безжалостно последовал за ней.

— С тех пор как мы покинули Поляну, я немного поразмышлял. И все это имеет смысл. Даже то, что ротены не позволяли вам использовать невральные имплантанты.

— Я тебе уже говорила. Это запрещено, потому что имплантанты могут свести нас с ума!

— Правда? Тогда почему они есть у самих ротенов? Потому что они зашли дальше в своей эволюции? — Ларк фыркнул. — Я слышал, что в наши дни люди успешно ими пользуются.

— Откуда ты знаешь, что делают люди в других местах.

Ларк торопливо прервал ее:

— Правда заключается в том, что ротены не

хотят рисковать: однажды кто-то из вас, даников, мог бы установить прямой контакт, минуя синтезированные консоли ваших компьютеров, непосредственно подсоединиться к Великой Библиотеке и понять, что вы использовались как пешки.

Линг попятилась еще дальше.

— Пожалуйста, Ларк. Я не хочу больше это слушать.

Он почувствовал желание остановиться, пожалеть ее, но подавил его. В конце концов это должно выйти наружу.

— Признаю, это хитроумное мошенничество: использовать людей как подложных преступников, виновных в генных грабежах и других преступлениях. Даже двести лет назад, когда вылетела «Обитель», наша раса пользовалась дурной репутацией как один из низших кланов Пяти Галактик. Так называемые волчата, за которыми не стоит никакой древний могучий клан. Если кто-то будет пойман, мы прекрасно подходим на роль простофиль. План ротенов очень хитер. Но вопрос в том, позволят ли люди, чтобы их так использовали?

История дает ответ на этот вопрос, Линг. Согласно нашим текстам, во времена контакта

люди испытали сильный шок в виде комплекса неполноценности, когда наши примитивные космические каноэ столкнулись с величественными цивилизациями звездных богов. Твои и мои предки избрали разные пути обращения с этим комплексом, но каждый цеплялся за соломинку, искал любой предлог для надежды.

Колонисты с «Обители» мечтали убежать от бюрократов и могучих галактических кланов, найти место, где могли бы свободно растить детей и осуществить древнюю романтическую мечту о колонизации на фронтире. Напротив, ваши предки даники поторопились поверить в искусную ложь, которую рассказали им красноречивые ораторы. Льстивый рассказ, который пролил бальзам на их ущемленную гордость, обещая великую судьбу для немногих избранных людей и их потомков, если только они будут точно выполнять то, что им приказывают. Даже если это означало растить детей, которые станут подставными лицами и искусными ворами на службе у галактических гангстеров.

Линг дрожала, она протянула руку ладонью вперед, словно пыталась физически сдержать поток слов.

— Я просила тебя остановиться, — повторила

она. Казалось, она с трудом дышит. Лицо ее исказилось от боли.

Теперь Ларк замолчал. Он зашел слишком далеко, даже во имя правды. Пытаясь сохранить остатки достоинства, Линг повернулась и пошла к берегу ядовитого озера, которое лежало за каменными развалинами буйуров.

«Кому понравится, когда его взгляд на мир переворачивают наизнанку? — думал Ларк, глядя, как Линг бросает камни в едкие воды. — Большинство из нас отвергнет все доказательства в космосе, прежде чем согласится, что неверными могут быть наши собственные представления».

Но ученый в ней не позволит ей так легко отбросить очевидное. Ей придется посмотреть в лицо фактам, даже если они ей не нравятся.

К правде трудно привыкнуть, и это сомнительное благо. Оно не оставляет убежища, когда приходит новая правда и причиняет боль.

Ларк знал, что его собственные чувства не способствуют ясности мысли. В нем смешивался гнев со стыдом за то, что он не смог придерживаться чистоты своих убеждений. Было и детское удовлетворение от того, что ему удалось лишить Линг ее прежнего высокомерного превосходства и раздражение на этот найденный в себе мотив.

Ларку нравилось быть правым, хотя на этот раз лучше бы он ошибался.

Именно тогда, когда она начала относиться ко мне как к равному, я, может быть, даже начал ей нравиться, мне пришлось растоптать ее жизнь, разбить идолов, которым она привыкла поклоняться, показать ей окровавленные руки ее богов.

Ты можешь выиграть спор, парень. Можешь даже убедить ее. Но простит ли она тебя за то, что ты сделал?

Он покачал головой: слишком многое он сейчас отбросил ради удовлетворения своей жестокой ереси.

ЭВАСКС

Не бойтесь, Мои меньшие части.

То, что вы ощущаете, может показаться принудительной болью, но со временем вы полюбите эти ощущения. Я теперь часть вас, Я един с вами. И Я никогда не сделаю ничего, что причинит нам вред, пока этот союз выполняет свои функции.

Давайте, гладьте воск, если хотите, потому что старая память еще может использоваться в незначительных делах (пока служит Моим целям).

Проигрывайте недавние изображения, чтобы мы вместе могли вспомнить события, приведшие к нашему новому союзу. Воссоздайте сцены, воспринимавшиеся Асксом, который в благоговении смотрел, как огромный джофурский боевой корабль «Полкджи» спускается с неба, захватывает пиратов и садится в измученной долине. Бедный, слабо соединенный, слабоумный Аскс — разве вы/мы не дрожали от страха?

Да, Я могу погладить и другие восхитительные мотивации. Те самые, что поддерживали ваше удивительное единство, вопреки поднимающемуся ужасу. Это липкое, склеивающее чувство долга. Долга перед не-единством, перед сообществом полусуществ, которое вы называете Общиной.

Как Аскс, ваша груда собиралась говорить от имени Общины. Аскс ожидал встретиться с путешествующими меж звезд людьми и созданиями, известными вам как ротены. Но тут через наш входной портал стали видны джофуры!

Разве после некоторого колебания вы не повернули и не попытались убежать?

Какой медлительной была эта груда до перемены! Когда могучий корабль выпустил языки пламени, как вы реагировали на этот водоворот

уничтожения? На смертоносные лучи, которые разрезали дерево, камень и плоть, но щадили престарелую груду колец? Будь у вас замечательные беговые ноги, которыми мы обладаем сейчас, вы могли бы броситься в эту ревущую катастрофу. Но Аскс был медлителен, слишком медлителен даже для того, чтобы защитить своим корпусом треки соседей.

Все погибли, кроме этой груды.

РАЗВЕ ВЫ НЕ ГОРДЫ?

Следующий луч подхватил многополосный конус, пронес жирные кольца сквозь ночь и через ожидающие их двери.

О, как хорошо, вопреки смятению, заговорил тогда Аскс! С удивительной для не имеющей господина груды, оставляя жирные восковые следы красноречия, Аскс умолял, уговаривал и спорил с загадочными существами, которые смотрели на него из-за ослепительных огней.

Наконец эти существа продвинулись вперед. И трюм звездного корабля заполнился испарениями Аскса, выражающими крайний ужас.

Как едины вы были, Мои кольца! Свидетельства воска очевидны. В тот момент вы были едины, как никогда раньше.

Едины в общем отчаянии от зрелища торов-ро-

дичей, от которых много циклов назад бежали ваши предки.

От нас, джофуров, могучих и завершенных.

ДВЕР

Робот помог собрать выброшенную на берег древесину и сложить ее на стороне дюны, выходящей на Трещину. Без отдыха, без перерывов он бросал одну груду и тут же устремлялся снова в том направлении, которое указывала вытянутой рукой Рети. Машина даников, казалось, снова ей повинуется — пока ее приказы направлены на соединение с Кунном.

Такая целеустремленная преданность хозяину напомнила Двери рассказы о земных собаках — рассказы, которые в детстве читала ему мать. Ему показалось странным, что колонисты привезли на «Обители» лошадей, ослов и шимпанзе, но не прихватили собак.

Ларк или Сара могут знать почему.

Такова была привычная мысль Двера, когда он чего-нибудь не понимал. Только теперь она вызвала боль: ведь он знал, что может никогда не увидеть брата и сестру.

Может, Кунн не убьет меня сразу. Он может

привезти меня домой в цепях, до того как ротены уничтожат все Шесть Рас, чтобы замести следы.

Именно такую судьбу для разумных обитателей Джиджо предвидели мудрецы, и Двер полагал, что им виднее. Он вспомнил, как Лена Стронг рассуждала о том, какими средствами воспользуются чужаки для осуществления геноцида. С каким-то ужасающим наслаждением она весь долгий путь к востоку от хребта Риммер гадала, зальют ли преступные звездные боги весь Склон пламенем, испепелят все от ледников до моря. Или растопят ледяные шапки и потопят всех? Для Двера, который вел двух крепких женщин и младшего мудреца тысячи лиг по ядовитой траве до самых Серых Холмов в надежде сохранить фрагмент человеческой цивилизации на Джиджо, ее размышления стали словно пятым спутником.

Последний раз Двер видел Дженин, Лену и Дэйнела во время короткой схватки у хижин родного племени Рети. Этот самый робот смертоносным лучом сразил Дэйнела за мгновение до того, как было уничтожено его оружие.

Конечно, робот-разведчик не пес, которого можно приручить и с которым можно подружиться. И он не проявлял никакой благодарности за то, что

Двер много раз помогал ему перебраться через реки, своим телом осуществляя связь силового поля с землей.

Ненамного лучшим товарищем был и Грязнолапый. Маленькому нуру быстро наскучило собирать дерево, и он отправился исследовать береговую линию, яростно раскапывая песок в тех местах, где пузыри выдавали присутствие песчаных моллюсков. Дверу хотелось поджарить их, но он увидел, что Грязнолапый раскалывает все раковины и поедает их содержимое, ничего не оставляя для людей.

Полезен, как нур, подумал Двер, подавляя приступ голода, и, углубляясь мокасинами в мокрый песок, потащил очередную груду дров.

Двер пытался сохранить оптимизм.

«Может, Кунн накормит меня, прежде чем подсоединить к машине для пыток».

…йии гордо стоял на верху растущей груды дров. Маленький урский самец писклявым голосом отдавал указания, как будто люди без присмотра со стороны ура не в состоянии развести приличный костер. Видя незначительный вклад Двера, «муж» Рети разочарованно зашипел — как будто рана, голод и половина Джиджо, преодоленная в клешнях робота, это не оправдание.

Двер, не обращая внимания на выговоры йии, сбросил свою вязанку и снова пошел на берег, заслоняя глаза в поисках разведочного корабля Кунна.

Он увидел его вдалеке — серебристую бусинку, движущуюся взад и вперед над темно-синими водами Трещины. Через равные промежутки из стройного космического корабля выпадало что-то маленькое и блестящее. Взрывчатка, предположил Двер, потому что примерно спустя двадцать дуров после того, как точка касалась воды, море внезапно взбухало и покрывалось белой пеной. Иногда до берега доносился резкий, почти музыкальный звук.

По словам Рети, Кунн старается выгнать что-то или кого-то из убежища.

Надеюсь, ты промахнешься, думал Двер, хотя звездный пилот может лучше отнестись к пленникам, если его охота завершится успехом.

— Интересно, что все это время рассказывает Кунну Джесс, — вслух выразила свою тревогу Рети, присоединяясь к Дверу на вершине дюны. — Что, если они подружатся?

Двер подождал, пока робот не сбросит очередной груз дерева и не уйдет. Потом ответил:

— Ты передумала? Мы можем попробовать

сбежать. Захватим робота. Будем избегать Кунна. Пойдем своим путем.

Рети улыбнулась с удивительной теплотой.

— Что это, Двер? Предложение? И что же мы будем делать? Начнем собственный маленький сунерский клан здесь, на голом берегу? Знаешь, у меня уже есть один муж, и нужно его разрешение, чтобы добавить второго.

На самом деле он хотел уговорить ее вернуться в Серые Холмы, где Лене и Дженин определенно нужна помощь. Или, если путь окажется слишком трудным или Рети не захочет возвращаться в свое ненавистное племя, они смогут повернуть на запад и спустя месяц добраться до Долины — если в пути будет добыча.

Рети более резко продолжала:

— К тому же мне по-прежнему хочется пожить в квартире на аванпосте Пориа. Такой, какую показывали мне Беш и Линг, с бал-ко-ном и с постелью из облаков. Думаю, там мне будет немного удобней, чем здесь, среди дикарей.

Двер пожал плечами. Он не ожидал, что она согласится. Но как у «дикаря», у него были свои причины устраивать костер, чтобы привлечь внимание Кунна.

— Ну, все равно, думаю, робота вторично за-

стичь врасплох не удастся.

— Хорошо, что ты уцелел и сейчас можешь это делать.

Дверу понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что она только что сказала ему комплимент. И оценил его уникальность, зная, что второго может никогда не услышать.

Мгновение непривычной теплоты кончилось: что-то массивное неожиданно пронеслось мимо, сбив людей с ног воздушной волной. Тренированный взгляд охотника позволил Дверу проследить направление полета этого неясного предмета до вершины соседней дюны, которая неожиданно взорвалась фонтаном песка.

Он понял, что это еще один робот, который стремительно закапывается в песок. За несколько ударов сердца он выкопал большую яму и скрылся в ней, направив свои линзы на юг и запад.

— Пошли! — крикнул Двер, хватая лук и стрелы. Рети задержалась только для того, чтобы подхватить завывающего, шипящего йии. Они вместе бегом спустились со склона, и Двер принялся копать обеими руками.

Давным-давно его научил этому Фаллон: «Если не понимаешь, что происходит во время кризиса, подражай тому, кто понимает». Если робот счи-

тает необходимым спрятаться, Двер решил, что разумно последовать его примеру.

— Ифни! — прошептала Рети. — Какого дьявола он делает?

Она все еще стояла и смотрела на Трещину. Двер стащил ее в яму рядом с собой. И только когда песок почти закрыл их тела, он позволил себе высунуть голову и посмотреть.

Пилот даник, по-видимому, почувствовал, что что-то неладно. Маленький корабль, снижаясь, устремился к берегу. Ищет укрытия, подумал Двер. Может, умеет закапываться, как робот.

Он начал поворачиваться, чтобы увидеть, что испугало Канна, но тут лодка неожиданно резко повернула. Из ее хвоста вылетели яркие огненные шары, как искры от горящего полена. Они ярко вспыхивали, вода начинала странно колебаться, затуманивая очертания улетающего корабля.

Из— за Двера над его головой к убегающей лодке понеслись огненные полосы. Большинство, проходя через искажающие участки, отклонялись от курса, но одна миновала сверкающие шары и попала в цель.

В последнее мгновение Кунн развернул свой корабль и выстрелил в нападавших. Ответный

залп совпал с попаданием не свернувшего с пути снаряда.

Двер пригнул голову Рети и сам закрыл глаза.

Детонация оказалась менее сильной, чем он ожидал. Серия гулких сотрясений, почти разрядка напряжения.

Подняв залепленные песком лица, они увидели и победителя, и побежденного в этой краткой схватке божественных колесниц. Лодка Кунна рухнула вблизи поля дюн и погрузилась в болото. Над местом ее падения поднялся столб дыма.

Кружа вверху, победитель наблюдал за жертвой, блестя тем серебристым оттенком, который кажется скорее не металлическим, а хрустальным. Вновь прибывший был больше и выглядел гораздо мощнее разведчика даников.

У Кунна не было ни одного шанса.

Рети едва слышно сказала:

— Она говорила, что должен быть кто-то сильней.

Двер покачал головой.

— Кто говорил?

— Эта вонючая старая самка ур! Предводитель четвероногих сунеров в загоне у деревни. Говорила, что ротены боятся кого-то сильнее их. Значит, она была права.

— Уры вонючие? — возразил йии. — Как ты можешь так говорить, жена?

Рети погладила маленького самца, тот вытянул шею и довольно вздохнул.

Новый взрыв покачнул упавший корабль, в его борту осветился треугольник. Эта секция отпала, и за ней в болото выпали две двуногие фигуры, преследуемыми клубами дыма из внутренностей корабля. Пробираясь по мутной воде и держась друг за друга, люди добрались до островка и в изнеможении упали.

Второй корабль описал широкий круг, осторожно снижаясь. Когда он поворачивал, Двер увидел, что из разреза в его боку исходит бледный дым. И двигатель работает все напряженней и неровней. Вскоре второй корабль опустился рядом с первым.

Похоже, Кунн тоже попал.

Двер подумал: «Почему меня это радует?»

ОЛВИН

Сотрясающие до костей взрывы становились с каждым дуром все более ужасными, колотили по нашей подводной тюрьме-убежищу, иногда ненадолго стихали, потом возвращались с новой

силой, и бедному хуну трудно было удержаться на подскакивающем полу.

Костыли и корсет не очень помогали, не помогал и маленький автописец, заполнивший помещение моими собственными спроецированными словами. Пробираясь сквозь них, я искал какую-нибудь прочную опору, за которую можно было бы ухватиться, а писец продолжал увеличивать словесную толчею, отражая мои лихорадочные проклятия на англике и галсемь. Найдя стенную стойку, я ухватился за нее изо всех сил. Грохот взрывов походил на шаги гиганта, который подходит все ближе и ближе.

И тут, когда я начал опасаться, что сейчас в щель хлынут тяжелые воды Помойки, все неожиданно стихло.

Тишина была почти такой же ошеломляющей, как джики ужасный шум. Мой горловой мешок бесцельно раздувался, а впавшая в истерику Хуфу вцепилась в плечи, разрезая когтями чешуйки.

К счастью, хунам не свойственно впадать в панику. Возможно, у нас слишком медленные реакции, а может, дело в отсутствии воображения.

Пока я собирался с мыслями, дверь раскрылась, вошла одна из маленьких амфибий и быстро произнесла несколько фраз на упрощенном галдва.

Вызов. Нас приглашали на еще одну церемонию жертвоприношения.

— Пожалуй, нам стоит обменяться информацией, — услышали мы, когда собрались все четверо (плюс Хуфу).

Гек и Клешня, способные смотреть одновременно во все стороны, обменялись со мной и Ур-ронн многозначительными взглядами. Недавняя бомбежка нас потрясла. Даже если растешь рядом с вулканом, к такому подготовиться невозможно!

Голос как будто приходил из пространства, где абстрактные линии свивались в плотный клубок, но я знал, что это иллюзия. И линии, и звуки — проекции, посланные существом, чье настоящее тело находится где-то за стеной. Я все время ждал, что Хуфу разорвет какой-нибудь занавес, за которым мы увидим маленького человечка в изумрудном карнавальном костюме.

Они принимают нас за дураков, если думают, что мы купимся на такой трюк?

— Информацией? — фыркнула Гек, отводя назад, словно змей, три глазных стебелька. — Вы хотите, чтобы мы вам что-то рассказали? Тогда сами объясните, что происходит! Я решила, что это место сейчас расколется. Это было землетрясение? Или нас втягивает в Помойку?

— Уверяю вас, этого не происходит, — послышался спокойный ответ на галшесть. — Причина нашей общей тревоги не внизу, а вверху.

— Взрывы, — сказала Ур-ронн, раздувая края гривы и топая задней ногой. — Это не землетрясение, подводные взрывы. Сильные и очень близкие. Я сказала вы, что кто-то очень не любит вас, парни.

Клешня резко зашипел, а я удивленно посмотрел на нашу Урскую подругу, но вращающийся голос подтвердил:

— Очень проницательная догадка.

Не могу сказать, что прозвучало в этом голосе: уважение или сарказм.

— И поскольку наша местная гильдия взрывников вряд ли способна на такой подвиг, это означает, что у вас есть могущественные враги, гораздо волее грозные, чем мы, ведные Шесть.

— И это разумное предположение. Какая умная молодая леди.

— Хр-рм, — добавил я, чтобы не остаться в стороне от этой сардонической оценки. — Нас учили, что первой следует рассматривать самую простую гипотезу. Позвольте предположить: вас преследуют те самые, что недавно высадились на Поляне Праздников. Те генные грабители, о ко-

торых получила сообщение Уриэль перед нашим погружением. Верно?

— Хорошее предположение и, возможно, даже верное, хотя это может быть и кто-нибудь другой.

— Кто-нибудь другой? О чем вы говорите-рите? — спросил Клешня, поднимая три ноги и опасно покачиваясь на оставшихся двух. Его хитиновый панцирь приобрел тревожную алую окраску. — Что эти ити-ти на Поляне могут быть не единственными? Что у вас много врагов?

Наступила тишина, абстрактные линии собрались в плотный клубок. Маленькая Хуфу, которую с самого начала покорил голос, вцепилась когтями мне в плечо, пораженная застывшей спиралью.

Гек спокойней спросила:

— А сколько у вас недругов?

Когда голос прозвучал снова, в нем не было сарказма, но звучал он очень устало.

— Ах, дорогие дети. Похоже, половина звездной вселенной тратит годы на преследование нас.

Клешня застучал когтями, а Гек печально и негромко вздохнула. Мое собственное отчаянное ворчание-размышление вывело Хуфу из транса, и она нервно зачирикала.

Ур-ронн просто хмыкнула, как будто ожидала такого ответа, подтверждая свой врожденный урский цинизм. В конце концов, когда кажется, что хуже быть не может, разве обычно не становится хуже? У Ифни плодовитое, хотя и отвратительное воображение. Богиня судьбы постоянно показывает новые стороны своей вращающейся кости. — Что ж, полагаю, это означает, хрр-мм, можно отказаться от мысли, что это фувнтусы — древние обитатели Джиджо или местные глубоководные жители.

— Или оставленные буйурами машины, — продолжала Гек. — Или морские чудовища.

— Да, — согласился Клешня. В его голосе звучало разочарование. — Еще одна свора безумных галактов-лактов.

Вертящееся изображение казалось удивленным.

— Вы предпочли бы морских чудовищ?

— Забудьте об этом, — сказала Гек. — Вы все равно не поймете.

Изображение качалось и изгибалось.

— Боюсь, в этом вы правы. Ваша маленькая группа нас глубоко удивляет. Настолько, что у некоторых даже появилась мысль о шпионаже: будто вас нарочно поместили среди нас, чтобы

вызвать смятение.

— Как это?

— Ваши ценности, верования и очевидная взаимная привязанность подрывают предположения, которые мы считали непреложно свойственными природе реальности.

Имейте в виду, что смятение, о котором я говорю, не неприятно. Один из моих основных мотивов, как у разумного существа, может быть назван стремлением к удивлению. И те, с кем я работаю, столь же сильно изумлены непредвиденным чудом вашей дружбы.

— Рада, что мы вас забавляем, — заметила Гек сухим саркастическим тоном, какой раньше был у голоса. — Значит, вы, парни, прилетели сюда, чтобы спрятаться, как наши предки?

— Да, такая параллель существует. Но мы не собирались оставаться. Только сделать ремонт, пополнить припасы и подождать в укрытии благоприятного окна в ближайшем пункте перехода.

— Значит, Уриель и мудрецы, возможно, ошибаются насчет корабля на Поляне? Банда генных грабителей — это только предлог. А реальная причина наших неприятностей — вы?

— Неприятности — это синоним существования

метаболизирующего существа. Иначе почему вы, молодые искатели приключений, так энергично искали нас?

Но ваши жалобы справедливы. Нам казалось, что мы ушли от преследователей. Посадка корабля в горах может быть случайной или следствием совпадения многих неблагоприятных факторов. В любом случае, знай мы о вашем существовании, мы бы поискали убежище за пределами этой планеты, может быть, в одном из мертвых городов на ваших лунах, хотя такие места не так удобны для ремонта.

Мне трудно было в это поверить. Я всего лишь невежественный дикарь, но вырос на классических приключенческих романах и мог представить себя в каком-нибудь лунном призрачном городе, подобно своему тезке, пробуждающим могучие машины, спавшие веками. Какие звездные существа находят тесноту и соленую воду более удобными, чем чистый вакуум?

Мы замолчали, не в силах сердиться на существ, которые с такой готовностью принимают ответственность. И разве они тоже не беженцы от галактических преследований?

Или от справедливого наказания, пришла новая тревожная мысль.

— А вы можете сказать, почему все на вас рассердились? — спросил я.

Вертящаяся фигура превратилась в узкий волнующийся язык, один конец которого казался далеким и маленьким.

— Подобно вам, мы углубились в неизведанные места, воображая себя смелыми исследователями, — печально объяснил бестелесный голос. — Но нам не повезло: мы нашли именно то, что искали. Неожиданные чудеса, превосходящие всякое воображение.

Мы не нарушили закон, мы собирались поделиться найденным. Но те, кто нас преследует, отбросили всякие претензии на законность. Словно гиганты, пытающиеся завладеть собственностью карлика, они безжалостно сражаются друг с другом за право захватить нас! Увы, тот, кто захватит наше сокровище, несомненно, использует его против остальных.

И снова мы уставились на вертящийся столб. А Клешня испустил из всех щелей одновременно возбужденный и благоговейный шепот:

— С-с-сокро-ви-ви-щ-щ-ще?...

Гек подъехала ближе к вертящемуся столбу.

— Вы можете доказать то, что только что сказали?

— Не сейчас. Это означало бы поставить вас в еще более опасное положение, чем то, в котором вы оказались.

Помню, я удивился: что может быть опасней геноцида, о котором говорила Уриэль, геноцида, который скорее всего будет результатом нашего контакта с генными грабителями.

— Тем не менее, — продолжал голос, — нам, возможно, удастся повысить уровень взаимопонимания. Или даже оказать друг другу существенную помощь.

САРА

Допустим, два самых внимательных наблюдателя в мире присутствуют при одном и том же событии. Они никогда не придут к совершенно аналогичному выводу о происходившем. И они не могут вернуться в прошлое и проверить свои наблюдения. События можно записать, но прошлое не восстановить.

А будущее еще более туманно — территория, о которой мы рассказываем вымышленные истории, разрабатываем стратегии, которые никогда не осуществляются, как было запланировано.

Любимые уравнения Сары, которые она на-

ходила в научных трудах землян, созданных еще до контакта, описывают время как измерение, родственное нескольким космическим осям. Галактические эксперты высмеивали это представление, называя релятивистскую модель Эйнштейна и других исследователей «наивной». Но Сара знала, что в этих уравнениях содержится истина. Так должно было быть. Слишком они прекрасны, чтобы не быть частью плана вселенной.

Это противоречие заставило ее перейти от математики к проблемам лингвистики: как язык ограничивает мозг, почему одни идеи формулируются легко, а другие невозможно даже выразить. Земные языки: англик, россик и ниханик — казались особенно пригодными для парадоксов, тавтологий и «доказательств», которые звучат убедительно, но противоречат реальному миру.

Но хаос проник также и в галактические диалекты, которыми пользовались расы изгнанников на Джиджо еще до появления землян. Для некоторых лингвистов из Библоса это было доказательством регресса, звездная усложненность уступает место варварству, а постепенно — предразумным выкрикам. Но в прошлом году Саре пришло в голову другое объяснение, осно-

ванное на предконтактной теории информации. Эта идея была настолько захватывающей, что она покинула Библос, чтобы поработать над ней.

Или я просто искала предлога, чтобы уйти оттуда подальше?

После того как Джошуа умер во время эпидемии, а ее мать от удара, исследования в такой далекой области казались прекрасным убежищем. Возможно, в древесном доме, в обществе Прити и своих книг, Саре казалось, что она защищена от вторжения мира.

Но вселенная умеет проходить сквозь стены.

Сара посмотрела на блестящую смуглую кожу Эмерсона, на его оживленную улыбку, и ее охватило теплое ощущение привязанности и удовлетворения. Если не считать немоты, звездный человек поразительно отличался от калеки, которого она нашла в мульк-болоте вблизи Доло и вырвала из объятий смерти, вернув к жизни.

Может, мне следует отказаться от интеллектуальных претензий и заняться тем, что у меня хорошо получается. Если Шесть Рас начнут воевать друг с другом, медсестры будут гораздо нужней теоретиков.

Ее мысли хаотично нанизывались на тонкую светящуюся линию в центре туннеля. Они

продолжали движение, и линия ни разу не прерывалась. Эта неизменность упрекала Сару в ее личной ереси, странной, святотатственной вере, которая была, возможно, только у нее одной из всех обитателей Джиджо.

В совершенно необычном представлении о возможности прогресса.

Задыхаясь от очередной пробежки, Сара снова забралась в фургон и увидела, что Прити нервно ерзает. Сара протянула руку, чтобы проверить состояние раны маленького шимпанзе, но Прити высвободилась, забралась на переднее сиденье и зашипела сквозь зубы, вглядываясь вдаль.

Возчики тоже были в смятении. Кефа и Нули тревожно, с шумом, выдыхали. Сара тоже глубоко вдохнула и обнаружила, что ее охватывают противоречивые ощущения. Буколический запах лугов смешивался с острым металлическим привкусом чего-то совершенно чуждого. Она встала, упираясь коленями о сиденье.

Там, где впереди исчезает светящаяся полоса, как будто стало светлей.

Вскоре стало отчетливо видно бледное свечение. Эмерсон надел на глаза свой реук, потом снова снял.

— Дядя, проснись! — Джома потряс Курта за

плечо. — Думаю, мы приехали!

Но свечение еще очень долго оставалось неопределенным. Дединджер нетерпеливо бормотал что-то, и на этот раз Сара была с ним согласна. Ожидание близкого конца пути делало дальнейшее движение по туннелю почти непереносимым.

Лошади без понуканий ускорили ход, а Кефа и Нули порылись под сиденьем и раздали всем темные очки. Только Эмерсон их не взял, потому что его реук делал искусственную защиту излишней. Сара вертела в руках изготовленные урами очки.

Вероятно, после того как мы вынырнем из этой дыры, какое-то время дневной свет будет нам казаться невыносимо ярким. Но это неудобство будет кратким, и зрение вскоре адаптируется к верхнему миру. Предосторожность казалась излишней.

По крайней мере мы узнаем, где все это время могли прятаться лошади. Нетерпение смешивалось с печалью: никакая реальность, даже божественные чудеса галактов, не сравнятся с причудливыми вымыслами предконтактных сказок.

Мистический вход в какую-то параллельную реальность? Царство, плавающее в облаках?

Она вздохнула. Вероятно, просто долина с одним выходом, в которой жители так выродились в результате инбридинга и так невежественны, что не различают ослов и лошадей.

Древний проход начал подниматься. Вдоль стен, подобно жидкости из какого-то резервуара далеко впереди, разливалось сияние, и центральная светящаяся полоска поблекла. Вскоре туннель приобрел более реальные очертания. Сара различала какие-то предметы, рваные линии.

Отчаянно мигая, она поняла, что они устремляются прямо в тройные челюсти, словно у какого-то ура отросли такие гигантские зубы, что могут целиком поглотить фургон.

Сара посмотрела на иллий и слегка успокоилась. Кефа и Нули не боялись зубчатого отверстия. Но даже увидев, что зубы металлические, изъеденные по краям ржавчиной, Сара не могла убедить себя, что это только мертвая машина.

Огромная машина буйуров.

Ничего подобного она никогда не видела. Почти все большие здания и механизмы аккуратных буйуров были сброшены в море в последние годы их жизни на планете, когда уничтожались целые города, а остальное разъедали мульк-пауки.

Но почему не была разрушена и эта машина?

За массивными челюстями располагались диски, усаженные сверкающими камнями. Сара поняла, что это алмазы размером с ее голову.

Фургон затрясло: Кефа проводила лошадей по извилистой дороге через глотку гигантской машины, обходя огромные диски.

И тут Сара поняла.

Это и есть разрушитель! Он должен был разрушить туннель, но сломался.

Интересно, почему никто не позаботился починить его или убрать.

И тут Сара увидела причину.

Лава.

Сквозь трещины просовывались языки окаменевшего базальта, застывшие полмиллиона лет назад. Это место было захвачено землетрясением.

Много лет спустя отряды шахтеров какой-то из Шести Рас, должно быть, поработали здесь, расчищая проход в брюхе гигантской машины, вырубая полоску лавы, отделявшую туннель от выхода. Сара видела следы примитивных киркомотыг. Должно быть, использовалась и взрывчатка. Это могло объяснить, откуда гильдии взрывников известно об этом месте.

Сара хотела понаблюдать за реакцией Курта,

но тут свет усилился, лошади сделали последний поворот и поднялись по крутой рампе к водовороту сияния.

Сара схватилась за очки: мир словно взорвался цветами.

Эти мешающиеся цвета причиняли боль.

Цвета напевали такие мощные мелодии, что закладывало уши. От этих цветов дергался нос, по коже ползли мурашки, ощущение было очень сходно с болью. Пассажиры в голос ахнули: вагон перевалил через возвышение, и открылся вид, более чуждый, чем пейзаж сна.

Даже в темных очках холмы и долины были раскрашены такими цветами, для которых Сара не могла бы подобрать название.

Но даже ошеломленная, она сортировала свои впечатления. С одной стороны, гигантский разрушитель, рев искалеченного металла, утонувший в застывшей лаве. А с другой — до далекого горизонта уходят отблески — слой за слоем радужного камня.

И здесь Сара поняла, каков ответ на ее вопрос.

Где на Склоне тайну можно хранить столетие и даже больше?

Даже Дединджер, пророк пустыни Режущего Песка, застонал: догадка так очевидна.

Они в месте, где в самую последнюю очередь можно искать жителей.

В самом центре Спектрального Потока.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Хотела бы я представиться Олвину. Мне кажется, я уже знаю этого парня: ведь я прочла его дневник и подслушивала разговоры с друзьями.

Они так превосходно владеют идиомами англика двадцать третьего века, их горячий энтузиазм так отличается от того, как ведут себя хуны и уры, которых мы встречали до прилета на Джиджо, что половину времени я почти забываю, что слушаю речь чужаков. Конечно, если не обращаю внимания на необычную интонацию и ударения, которые они считают само собой разумеющимися.

Но потом один из них начинает рассуждать с такой необычной логикой, что я сразу вспоминаю: это не человеческие дети, одетые в костюмы для Хеллоуина и похожие на краба, кентавра и головоногое в инвалидном кресле.

Занимая время, они гадают (и я не могу их в этом винить), гости они в подводном убежище или пленники. Рассуждения ведут к дискуссиям на самые разные темы, к сравнению разных форм

плена, известных по литературе. У них очень своеобразное представление о литературе. Например, Ур-ронн считает, что история Ричарда II — это рассказ о законном захвате власти, а Болингброк — настоящий помощник короля.

Красный квуэн Острые Клешни считает, что героя хроники Фенг Хо против воли держали в императорском гареме, хотя там к его услугам были восемьсот красавиц и он мог уйти из гарема в любое время. Наконец Гек объявляет, что ее раздражает: Шекспир так мало внимания уделил злой жене Макбета, особенно ее попытке искупить грех и найти избавление в предразумном состоянии. У Гек есть идея продолжения «Макбета», в этом продолжении должно описываться «возвышение жены Макбета из невозделанного состояния». Она полагает, что в состоянии написать такую книгу о предательстве и судьбе, которой не будет равных в Пяти Галактиках.

Меня поражает, как здесь, на Джиджо, общество неграмотных изгнанников неожиданно оказалось затоплено письменной литературой поселенцев с Земли. Эта ироническая картина прямо противоположна земной ситуации, когда нашу собственную туземную культуру едва не подавило знакомство с сокровищами Великой

Галактической Библиотеки. Поразительно, но если Гек и Олвин типичные представители, Община Шести Рас восприняла новое уверенно и жизненно.

Я желаю успеха их эксперименту.

Признаю, мне все еще трудно понять их религию. Концепцию Избавления путем регресса они считают как бы само собой разумеющейся, но мне непонятна ее привлекательность.

К моему удивлению, наш корабельный врач говорит, что очень хорошо понимает ее.

— Каждый дельфин вырастает, слыша этот призыв, — сказала мне Макани. — Во сне наше сознание по-прежнему погружается в обширные песенные пространства Мечты Китов. Когда стрессы разумности становятся слишком сильными, они манят вернуться в нашу естественную среду.

Экипаж дельфинов больше трех лет находится в состоянии непрерывного стресса. Штат Макани вынужден присматривать за двумя десятками пациентов, которые уже «избавились», как сказали бы жители Джиджо. Эти дельфины «вернулись в свое естественное состояние». Иными словами, мы потеряли их как товарищей и опытных коллег так же безвозвратно, как если бы они умерли.

Когда Макани обнаруживает симптомы регресса, она пытается с ними бороться и сохраняет философское спокойствие. Она даже выдвинула теорию, объясняющую, почему эта идея вызывает у меня такое отвращение.

Сформулировала она ее примерно так.

— Возможно, вы, люди, боитесь этой жизненной тропы, потому что вашей расе тяжело досталась разумность, вам приходилось завоевывать ее в тяжелой борьбе на протяжении тысяч поколений.

Мы, дельфины — и эти уры, и квуэны, и хуны, и вообще все остальные галактические кланы, — все получили разум в дар от каких-то предшественников. И ты не можешь ожидать, что мы будем держаться за этот дар так же цепко и отчаянно.

Привлекательность так называемой Тропы Избавления сродни стремлению бросить школу. Есть что-то соблазнительное в мысли о том, что можно сдаться, отказаться от строгой дисциплины и труда, который необходим для поддержания разума. Если откажешься, что с того? Твои потомки получат новый шанс. Новый старт на тропе возвышения, с новыми патронами, которые покажут дорогу.

Я спросила Макани, не находит ли она эту мысль особенно привлекательной. Мысль о новых патронах. Будут ли дельфины более счастливы с другими спонсорами, а не с Homo sapiens?

Она рассмеялась и ответила на великолепно двусмысленном тринари:

Когда зима рождает лед,
Покрывающий северные моря,
Рябь покрывает теплое течение!

Этот разговор с Макани заставил меня снова задуматься о происхождении человека.

На Земле большинство не торопится высказывать мнение по вопросу о том, помогла ли людям какая-то разумная раса своим вмешательством в их гены еще до начала века науки, а затем контакта. Упрямые дарвинисты по-прежнему настаивают на своем, но мало кому хватает мужества утверждать, что галактические эксперты ошибаются, когда говорят, что единственный путь к разуму — Возвышение. Многие земляне верят им на слово.

И поэтому продолжается спор — в популярных медиа-шоу и в частных разговорах людей, дельфинов и шимпов, — спор о том, кто же мог быть отсутствующим патроном человечества.

Перечисляется не менее шести дюжин кандидатов — от тувальянцев и летани до солнечных призраков и путешественников во времени из какого-нибудь невероятного девятнадцатого измерения.

Мало кто из дельфинов верит в отсутствующих патронов, большинство подобно Макани. Они считают, что мы, люди, проделали это самостоятельно, сражались во тьме без малейшего постороннего вмешательства.

Как это однажды выразил капитан Крайдайки? О да, вот как.

«Существует расовая память, Том и Джилл. Воспоминания, которые доступны путем напряженных размышлений и сосредоточенности. В наших подобных снам легендах постоянно возникает один образ — обезьяноподобное существо плывет по морю на стволе дерева, размахивает каменным топором, кричит, что оно завоевало море, и требует у равнодушного космоса поздравлений со своим подвигом.

И я спрашиваю у вас: какой приличный патрон позволит клиентам вести себя таким образом? Быть таким нелепым?

Нет. Мы с самого начала могли сказать, что вы, люди, выращены любителями, то есть самими

собой».

Во всяком случае, так я запомнила слова Крайдайки. Том считал их простой шуткой, но мне кажется, капитан не все нам сказал. Было еще что-то, и он берег это на другой раз.

Только этого другого раза не будет.

Мы ужинали с Крайдайки тем вечером, а «Стремительный» в это время направлялся кружным и тайным путем в Мелкое Скопление.

День или два спустя все изменилось.

* * *

Уже поздно, и мне пора кончать записки. Попытаюсь немного поспать.

Ханнес докладывает о смешанных результатах работы инженерной группы. Ему с Каркаетттом удалось найти способ удалить часть углеродного нароста на корпусе «Стремительного», но более тщательная работа только ослабит наши и без того непрочные борта, так что пока мы работу прекращаем.

С другой стороны, контрольные параметры, которые я сумела выудить у библиотечной ячейки, помогли Суэсси и его команде вернуть к жизни несколько из брошенных «мусорных» кораблей! Конечно, это устаревший хлам, иначе буйуры

забрали бы их с собой, когда улетали. Но длительное пребывание в ледяной воде как будто не причинило им вреда. Возможно, один или два из них еще удастся использовать. И во всяком случае это дает инженерам возможность чем-то заняться.

Теперь, когда «Стремительный» кажется попавшим в очередную ловушку, нам нужны отвлечения. Галактические крейсеры снова начали погоню за нами в самые отдаленные уголки вселенной, стремясь завладеть нашими жизнями и нашими тайнами.

Но как?

Снова и снова я возвращаюсь к этому. Как им удалось выйти на наш след?

Курс мимо Измунути казался так хорошо замаскированным. Этим путем раньше успешно уходили другие. Например, предки Шести Рас.

Это должно было сработать.

Я смотрю на освещенную ярким лучом маленькую фигуру в противоположном углу помещения. С ухода Тома это мой самый близкий сосед.

Херби.

Наша добыча из Мелкого Скопления.

То, что принесло нам надежду и жестокие неудачи.

Может, это проклятие обширного флота полупрозрачных кораблей, который мы обнаружили в этой странной дыре в пространстве? Когда Том нашел способ пройти через их защитное поле и прихватил в качестве сувенира Херби, принес ли он с ним несчастье, которое будет нас преследовать, пока мы не вернем этот проклятый труп в его миллиарднолетнюю могилу?

Раньше эта древняя мумия зачаровывала меня. Его почти гуманоидная усмешка казалась такой причудливой, эксцентричной.

Но теперь я ненавижу ее, ненавижу пространство, через которое нам пришлось убегать после находки мумии.

Я все бы отдала, только бы Том вернулся. Чтобы последних трех лет не было. Чтобы вернулись те невинные прежние дни, когда Пять Галактик были просто очень-очень опасными и еще существовала такая вещь, как дом.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

— Но ты говорил, что хуны наши враги!

Заки говорил вызывающим тоном, хотя положение тела — опущенная голова и приподнятые,

плавники — выдавало неуверенность. Каа воспользовался преимуществом, взбивая воду спинным плавником и принимая уверенное вертикальное положение офицера Террагентской исследовательской службы.

— Это были другие хуны, — ответил он. — Катастрофа у Ну-Дауна произошла очень давно.

Заки покачал бутылкообразной мордой, разбрызгивая пену по влажному куполу.

— Итии есть итии. Они преследуют землян, как только предоставляется возможность, все эти соро, и танду, и остальные проклятые галакты!

Каа поморщился от такого чрезмерного обобщения, но после двух годов бегства подобное отношение очень распространено в экипаже. У Каа тоже появилось представление о несчастной Земле, которой противостоит вся вселенная. Но если бы это было правдой, пытка давно закончилась бы уничтожением.

У нас есть союзники, немногие друзья и невольное уважение и сочувствие нейтральных кланов, которые постоянно совещаются, решая, что делать с волной фанатизма, захватившей Пять Галактик. Постепенно большинство может достичь консенсуса и начать действовать, чтобы восстановить цивилизацию.

Они могут даже наказать наших убийц, хотя нам это ничего хорошего уже не даст.

— На самом деле, — сказал Брукида, отворачиваясь от своего рабочего стола в углу тесного убежища, — я не стал бы относить хунов к числу наших преследователей. Они не религиозные радикалы и не завоеватели, рвущиеся к власти. Брюзгливые бюрократы — такое описание им лучше подходит. Чиновники, педантично придерживающиеся правил. Именно поэтому многие из них поступают на службу в Галактические Институты. При Ну-Дауне они только восстанавливали законность. Когда человеческие поселенцы начали сопротивляться.

— Они считали, что на них нападают! — возразил Заки.

— Да. — Брукида кивнул. — Но земные колонии еще не знали о контакте, и у них не было оборудования, чтобы выслушать запросы галактов. Когда чиновники хуны явились, чтобы сделать последнее ритуальное предупреждение, они встретились с тем, чего не было в их руководствах, — с вооруженными нарушителями. С варварами, не владеющими галактическими языками. Последовала цепочка ошибок. С Джофура были вызваны отряды военных.

— Это не имеет никакого отношения к нашим теперешним проблемам, — прервал Каа лекцию Брукиды по истории. — Заки, ты должен перестать резать сети местных хунских рыбаков! Это привлекает к нам внимание.

— Гневное внимание, — добавил Брукида. — С каждым твоим набегом, Заки, они становятся все более настороженными. В последний раз они бросали копья.

Молодой дельфин фыркнул:

Пусть охотники на китов бросают!
Как в осенних бурях древности —
Волны накатываются, и двуногие тонут!

Каа поморщился. Несколько мгновений назад Заки готов был мстить за людей, погибших в последней колонии, когда дельфины едва начинали говорить. Теперь раздраженный юноша объединяет всех двуногих, вспоминая распри, которые происходили до того, как мужчины и женщины стали стражами Земли. С тем, у кого так работает сознание, невозможно спорить.

Тем не менее обязанность Каа — поддерживать дисциплину.

Если еще раз так поступишь,

Никакой гарпун не сможет так ранить твою спину,

Как мои острые зубы!

Не очень хорошая хайку — разумеется, не те классические поэтические всплески тринари, которыми так поражал экипаж капитан Крайдайки, вызывая волнами великолепных звуков восторженную преданность. Но предупреждение подействовало на Заки. Каа продолжал, из его лба вылетел звуковой поток, пронзив тело Заки и выдавая таящийся в нем страх.

Если сомневаешься, подумал Каа, поступай так, как поступали предки.

— Можешь идти, — закончил он. — Отдохни. Завтра будет еще один длинный день.

Заки послушно повернулся и отступил в дальний угол, который делил с Мополом.

Увы, Каа знал, что его успех не будет длительным.

Тш'т говорила нам, что это важное поручение. Но ручаюсь, она отправила нас сюда, потому что мы единственные, без кого «Стремительный» легко обойдется.

* * *

Этой ночью ему снилось, что он пилотирует корабль.

У дельфинов есть к этому склонность — необычно ранняя для самой молодой разумной расы в Пяти Галактиках. Всего через триста лет после того как земные генетики начали модифицировать бутылконосых дельфинов, космический корабль «Стремительный» был отправлен в полет с благородной целью доказать высокие качества дельфиньего экипажа. Террагентский Совет полагал, что непрочное положение Земли укрепит известие, что она производит первоклассных пилотов.

«Счастливчик» Каа, естественно, был доволен тем, что его отобрали для этого полета, пока до него не дошел один очевидный факт.

Я был хорош, но не был лучшим.

В полусне Каа снова увидел страшную засаду на Моргране, и даже спустя столько времени его потрясла близость катастрофы, от которой они едва ушли.

Присоединенный к многочисленным приборам на мостике, не в состоянии ничего делать, кроме как продолжать движение, главный пилот

Кипиру осуществил на старом разведывательном корабле класса «Акула» такие маневры, которым позавидовал бы боевой корабль танду; миновал все затаившиеся мины и захватывающие поля и вернулся в течение Моргран без помощи корабельных компьютеров.

Спустя два года это воспоминание потеряло свою яркость.

Вокруг них сплетались линии перехода, ослепительные полосы сингулярностей измерений. Благодаря капризу церебральной эволюции подготовленные пилоты-дельфины способны воспринимать мерцающие щели пространства-времени как сонарные отражения. Но Каа никогда раньше не проходил через такую путаницу! Через торнадо узловатых полос. Если бы корабль под неверным углом задел любую из этих сверкающих нитей, его выбросило бы в обычное пространство в виде мешанины кварков.

Однако каким-то чудом корабль легко переходил от одной нити к другой, Кипиру сумел избежать преследования, миновать обычные торговые маршруты и наконец привести «Стремительный» в убежище, избранное капитаном Крайдайки.

Китруп, где можно было в виде чистых изото-

пов металлов найти материалы, необходимые для ремонта; эти металлы, подобно кораллам, росли в ядовитом море.

Китруп — родина двух неведомых рас, одна погруженная в древнее болото отчаяния, другая новая и подающая большие надежды.

Китруп, куда никто не мог за ними последовать.

Но их продолжали преследовать. Галакты безумно сражались друг с другом у них над головой.

И вскоре Кипиру погиб, а вместе с ним Тошио, Хикахи и мистер Орли.

И Каа узнал, что некоторые желания лучше не осуществлять. Он узнал, что в конце концов совсем не хочет быть главным пилотом.

В последующие годы он набрался опыта. Он пилотировал корабль в бегстве с Оакки и из Фрактальной системы и показал себя хорошо, хотя и не слишком ярко.

Недостаточно хорошо, чтобы сохранить свое прозвище.

Не слышал, чтобы кто-нибудь сказал, что мог бы справиться с этим лучше.

Сон был не очень целительным и спокойным.

Заки и Мопол еще до рассвета снова начали

резвиться, пища и толкаясь за перегородкой, которую едва не разнесли своими молотящими хвостами. Следовало бы отправить их наружу, но Каа не решился.

— Типичное послеподростковое поведение, — сказал ему Брукида у распределителя пищи. — Молодые самцы легко возбуждаются. У дельфинов в природе однополые сексуальные игры прекращаются, когда молодые самцы начинают подумывать о привлечении внимания самок. Молодые часто проверяют свой статус, бросая вызов взрослым самцам.

Конечно, Каа все это знал. Но с тем, что это «типично», не мог согласиться. Я себя так никогда не вел. Конечно, я был несносным, высокомерным молодым дельфином. Но сознательно никогда не вел себя грубо, подобно животному.

— Может, Тш'т следовало включить в нашу группу самок, — вслух подумал он.

— Это не помогло бы, — ответил пожилой металлург. — Если эти два молодых нахала не заручились расположением ни одной самки на корабле, не получится это у них и здесь. У наших самок высокие стандарты.

Рассмеявшись, Каа едва не подавился куском полупрожеванной кефали. Он был благодарен

Брукиде за его грубоватый юмор, хотя касался он щекотливой темы. В последнее время по кораблю ходила петиция с просьбой разрешить размножение, подписанная несколькими дельфинами.

Каа сменил тему.

— Как дела с анализом материалов, которые хуны выбросили в море?

Брукида кивком указал на свой рабочий стол, где стояло несколько раскрытых ящиков, украшенных лентами. В пепельной пыли лежали куски кости и обломки кристаллов.

— До сих пор содержимое ящиков подтверждало то, что написал в своем дневнике молодой хун.

— Поразительно. Я был уверен, что это розыгрыш, подготовленный нашими врагами. — Экипажу раздали копии рукописного дневника, но трудно было поверить тому, что в нем написано.

— Очевидно, он говорит правду. На этой планете живут совместно Шесть Рас. Как часть экологически ориентированного ритуала, они посылают свои не поддающиеся переработке отходы — они называют их мусором — в море, и там их хоронят в специально отведенных зонах. Сюда входят и части их переработанных тел.

— И ты нашел…

— Останки людей. — Брукида кивнул. — А также шимпов, хунов, уров — всех тех, о ком писал молодой Олвин.

Каа все это по-прежнему ошеломляло.

— И среди них джофуры. — Он с трудом заставил себя произнести это слово.

Брукида нахмурился.

— Похоже, это вопрос дефиниции. Я обменялся мнениями с Джиллиан и машиной Нисс. Они предполагают, что эти так называемые треки могли одурачить остальные расы, выполняя свою часть сложного долговременного плана.

— Но как это возможно?

— Не знаю. Для этого не требуется, чтобы все треки знали о плане. Только немногие, с тайными кольцами власти и со скрытым оборудованием, которое позволяет руководить остальными. Не могу себе этого представить. Но Джиллиан расспрашивала захваченную ячейку Библиотеки. И такой сценарий кажется возможным.

У Каа не нашлось ответа. Такие проблемы кажутся ему слишком сложными, и его ответом была лишь дрожь, охватившая массивное тело от носа до кончика хвоста.

Еще один день они провели в наблюдениях за местными сунерами. Хунский порт Вуфон вполне

соответствовал описанию в дневнике Олвина, хотя в глазах того, кто видел небесные башни Танита и яркие города земной Луны, он казался грубым и обшарпанным. Хуны, по-видимому, больше внимания уделяли своим кораблям, чем домам. Их парусники представляли собой прекрасные резные произведения, вплоть до гордых статуй на носу в форме кричаще ярких божеств.

Когда такой корабль проходил мимо Каа, он уловил глубокие низкие звуки пения: матросы выражали свою явную радость от того, что вышли в море.

Трудно поверить, что это те самые, кого Брукида описывает как бесстрастных педантов и формалистов. Может, существуют две похожие расы, у которых одинаково звучащие названия. Каа решил сегодня в вечернем отчете отправить соответствующий запрос.

Но хуны были не одни на палубе. Он всмотрелся в маленькие фигурки, проворно карабкавшиеся по снастям, но когда попытался использовать портативный фотоаппарат, изображение промелькнуло слишком быстро, так что получилось только размытое пятно.

«Стремительный» запросил также более подробное изображение вулкана, который,

по-видимому, был центром индустриальной деятельности сунерских рас. Джиллиан и Тш'т подумывали о том, чтобы послать на берег новый независимый робот-разведчик, хотя предыдущий был утрачен. Каа сделал спектральный анализ вулканических паров и обнаружил при этом узкий рельсовый путь, замаскированный среди окружающих скал.

Он часто проверял, где Заки и Мопол, которые для разнообразия вели себя хорошо и занимались порученным им делом: подглядывали за колонией красных квуэнов. Но позже, когда они втроем уже возвращались на базу, Мопол отстал.

— Должно быть, что-то съел, — сказал голубой дельфин, из его брюха донеслось неприятное урчание.

Здорово, подумал Каа. Сто раз предупреждал его не пробовать местных животных, пока их не проверил Брукида!

Мопол говорил, что все будет в порядке. Но когда солнце село и вода, окружающая их убежище, потемнела, он начал стонать. Брукида воспользовался маленьким медицинским сканером, но не смог понять, что с Мополом.

Тш'т

Номинально она командует самым знаменитым космическим кораблем Земли — красавцем, почти новым по галактическим стандартам. Ведь ему было всего девятьсот лет, когда Террагентский Совет купил его у пунтиктина, дилера, торгующего подержанными кораблями, перестроил, назвал «Стремительным» и выпустил в космос, чтобы доказать мастерство экипажа из неодельфинов.

Увы, поврежденный корабль вряд ли когда-нибудь снова сможет лететь по спиральным путям. Отягощенный толстым слоем непокорной звездной пыли, захваченный глубоко под водой, в то время как преследователи проверяют пропасть глубинными бомбами, по всем признакам он обречен присоединиться к окружающим огромным грудам призрачных кораблей, которые медленно погружаются во всепоглощающую грязь океанской пропасти.

Возбуждение, которое вначале испытывала от своей службы Тш'т, прошло. Захваченность полетом. Опьянение. Да и особого наслаждения «властью» тоже не было: не она определяет по-

литику и принимает важнейшие решения. Этим занимается Джиллиан Баскин.

А остаются десятки тысяч разных дел, например, когда недовольный кок встречает ее в заполненном водой проходе и просит разрешения подняться в мир света.

— Здесь слишком темно и холодно, чтобы рыбачить, — жаловался Булла-джо, чьей обязанностью было добывать продовольствие для сотни привыкших к изысканной пище дельфинов. — Моя команда сборщиков урожая едва может передвигаться в тяжелых скафандрах. И видела ты так называемую рыбу, которая попадает в наши сети? Странные существа, сплошные колючки. И они светятся!

Тш'т ответила:

— Доктор Макани по крайней мере сорок местных разновидностей рыбы определила как вкусные и питательные, если только мы делаем нужные добавки.

Но Булла-джо продолжал ворчать:

— Всем нравится то, что мы добывали раньше, в верхнем мире волн и свежего воздуха. Там, вверху, большие стаи замечательной добычи.

И Булла-джо перешел на тринари:

Там, где замечательный солнечный

свет

Заставляет сверкать рыбу,

Убегающую от нас!

Он закончил:

— Если хочешь свежей пищи, отпусти нас на поверхность, как обещала!

Тш'т подавила раздраженный вздох: Булла-джо забывчив. На ранних стадиях Возвышения неодельфины часто добиваются желаемого, не обращая внимания на противоречия.

Я сама так поступаю время от времени.

Она пыталась вырабатывать в себе терпение, как учил Крайдайки.

— Доктор Баскин отменила планы посылки новых групп к солнечной поверхности, — сказала она Булла-джо, чьи пестрые бока и короткий клюв выдавали происхождение от линии дельфинов стенос. — Ты разве не помнишь, что зафиксировано изменение гравитационного поля, которое перемещается над нами? Или что кто-то бросал сверху бомбы, пытаясь отыскать нас?

Булла-джо в выражении упрямого высокомерия опустил нос.

— Мы пойдем голыми, с нами не будет никаких инструментов, и ити не смогут нас обнаружить.

Тш'т удивилась такому одностороннему мышлению.

— Это могло бы помочь, если бы обнаружение велось с орбиты или с большой высоты. Но они приблизительно знают наше местонахождение, могут кружить низко и медленно в поисках радиационно-химических следов молекул в нашей крови. Дельфины на поверхности сразу нас выдадут.

Во рту у Тш'т горьковатый привкус иронии, ибо она знала кое-что, чем не намерена была делиться с Булла-джо. Они все равно отыщут нас, какие бы предосторожности ни принимала Джиллиан.

Но раздраженному члену экипажа она говорила только успокаивающие слова.

— Еще недолго соблюдай предосторожности, Булла-джо. Мне тоже хочется поохотиться на серебристую рыбу в теплых водах. Вскоре все разрешится.

Мрачно, но слегка успокоившись, ее товарищ по экипажу отдал салют хлопаньем спинного плавника и вернулся к своим обязанностям, хотя Тш'т знала, что кризис еще не раз повторится. Дельфины не любят находиться так далеко от солнечного света или от приливного цикла, который трется о берег. Турсиопы не предназначены для

жизни на глубине, где сжатые звуковые волны становятся искаженными и тревожащими.

Это царство Файсетера, кашалота, с его огромным лбом, посланника древних богов сна. Он ныряет сюда, чтобы сразиться с многорукими демонами.

В пропасти надежды и кошмары прошлого, настоящего и будущего оседают, образуя темные осадки, и это место лучше оставлять спящим.

Мы, неодельфины, в глубине души суеверны. Но чего можно ожидать, если наши любимые патроны — люди? Люди, которые сами волчата, примитивные по стандартам миллиарднолетней культуры.

Так она размышляла, глубоко вдыхая, заполняя легкие-жабры оксиводой, насыщенной кислородом; такая вода заполняет большинство жилых помещений «Стремительного». Генетически усовершенствованная система дыхания насыщает, но никогда не приносит удовлетворения. Это одна из причин, почему экипаж так стремится к чистому яркому миру вверху.

Повернув в сторону мостика «Стремительного», она мощно двинулась в шипящей жидкости, поднимая ударами плавников облака пузырьков. Каждый пузырек издавал слабый щелчок,

когда лопался наверху или растворялся в перенасыщенной воде. Иногда шумы сливались и начинали звучать, как аплодисменты эльфов — или как насмешливый хохот, сопровождавший Тш'т по всему кораблю.

По крайней мере я не обманываю себя, думала она. Я выполняю свои обязанности хорошо. Так говорит Джиллиан, она в меня верит. Но я знаю, что не предназначена на роль командира.

Тш'т и не ожидала такого поста, когда «Стремительный» с экипажем из неодельфинов впервые поднялся на орбиту с Земли. Тогда — всего два года назад по времени корабля — Тш'т была только младшим помощником, пятым по старшинству от капитана Крайдайки. И всем было известно, что, если понадобится, место капитана могут занять Том Орли и Джиллиан Баскет, что и сделала Джиллиан во время кризиса на Китрупе.

Тш'т не была недовольна этим вмешательством людей. Осуществляя бегство из западни на Китрупе, Том и Джиллиан сотворили чудо, хотя это и привело к расставанию возлюбленных.

Разве не такова участь людей — лидеров и героев? Вмешиваться, когда кризис угрожает клиентам.

Но к кому нам обратиться, если дела начинают

идти ужасно даже под руководством людей?

Галактические традиции настаивают на строгой — некоторые даже говорят «угнетающей» — иерархии долгов и обязательств. Долга расы клиентов перед патронами. Патронов — перед их разумными благодетелями и так далее. Эта гигантская цепь возвышения уходит в прошлое, к легендарным Прародителям. Именно эта цепь вызвала лихорадочную реакцию некоторых фанатичных кланов, услышавших об открытии «Стремительного» — о флоте брошенных кораблей с древнейшими почитаемыми символами и обозначениями.

Но такая пирамида преданности имеет и свои положительные аспекты. Каскад возвышения означает, что каждый новый вид получает помощь при пересечении глубочайшей пропасти, отделяющей простых животных от граждан звездной цивилизации. И если ваши благодетели не могут найти ответ, они могут получить его у своих патронов. И так далее.

Джиллиан пыталась придерживаться этой системы, уведя «Стремительный» с Китрупа на Оакку, зеленую планету, в поисках совета со стороны беспристрастных ученых Института Навигации. Потерпев здесь неудачу, она поискала

помощи во Фрактальной системе — огромном ледяном пространстве, заполненном снежинками размером с целую Солнечную систему, — надеясь, что почтенные существа, живущие здесь, предложат мудрый выход или по крайней мере дадут убежище.

Не вина доктора Баскин, что из этого ничего не вышло. Общий замысел у нее был верный, рассуждала Тш'т. Но Джиллиан была слепа к очевидному.

Кто вероятнее всего поможет вам, когда вы в беде и за вами гонится линчующая толпа?

Суд?

Ученые какого-нибудь университета?

Или ваша собственная семья?

Тш'т никогда не решалась высказать свою идею вслух. Подобно Тому Орли, Джиллиан Баскин гордилась романтическим образом возвышенного земного клана. Единственного во вселенной. Тш'т знала, что ответ будет отрицательным.

Поэтому, чтобы не нарываться на прямой запрет, Тш'т незаметно начала выполнять свой план — непосредственно перед тем, как «Стремительному» удалось бежать из Фрактальной системы.

А что еще я могла сделать, когда «Стремитель-

ный» преследовали разъяренные флоты, лучшие члены экипажа погибли, а Земля оказалась в осаде? Наши друзья тимбрими вряд ли могут помочь себе самим. Галактические Институты оказались продажными, а Древние солгали нам.

У нас не было выбора.

У меня не было выбора.

Трудно было скрыть что-нибудь, особенно от того, кто знает дельфинов так хорошо, как Джиллиан. Неделями с прибытия сюда «Стремительного» Тш'т надеялась, что ее неповиновение ни к чему плохому не привело.

Затем офицер-наблюдатель доложил о том, что зафиксированы гравитационные следы. В пространстве у Джиджо появились космические корабли.

Значит, они все-таки пришли, подумала она, услышав эту новость и старательно скрывая свое удовлетворение, когда другие члены экипажа выражали свою тревогу, жаловались на то, что теперь они загнаны безжалостными врагами в угол на этой заброшенной планете.

Тш'т хотела бы сказать им правду, но не решалась. Добрая новость может подождать.

Ифни пожелала, чтобы я оказалась права.

Тш'т задержалась у входа на мостик, заполняя

генетически видоизмененные легкие оксиводой. Обогащенная кислородом кровь позволяла ясней подумать, прежде чем привести в действие следующий этап ее плана.

У расы клиентов есть только один выбор, когда ваши любимые патроны кажутся побежденными, а другие возможности отрезаны.

Пусть боги древних океанов Земли узнают и поймут, что я делаю.

И что мне еще предстоит сделать.

СУНЕРЫ
НЕЛО

Некогда буйурский город раскинулся на всем протяжении между двумя реками — от Рони до далекого Бибура.

Башни города давно исчезли, разобранные и сваленные в море. На их месте над топким болотом и лужами маслянистой воды росли папоротники и облакоподобные деревья вув. Несколько холмов, оставшихся от огромного города, покрыты паутиной нитей мульк-паука, но даже эти щупальца теперь поблекли, их разрушительная роль почти завершена.

Для Нело это была пустыня, богатая жизнью, но

бесполезная для Шести Рас. Разве что треки могут использовать ее как место отдыха.

«Что я здесь делаю? — думал он. — Мне следовало вернуться в Доло, заниматься своей мельницей, а не бродить по болоту в обществе сумасшедшей женщины».

За Нело моряки-хуны негромко ворчали: им не нравилось, что приходится с помощью шестов пробираться по несчастному болоту. Самое правильное время для очистки — начало сухого времени года, когда горожане в лодках с малой осадкой прочесывают болота в поисках остатков деятельности буйуров, пропущенных терпеливыми мульк-пауками. А теперь, когда каждый день можно ожидать водяных бурь, условия для исследований не самые подходящие. Грязные протоки мелкие, но опасность наводнения весьма реальная.

Нело посмотрел на пожилую женщину, которая сидела в инвалидном кресле на корме и через реук, надетый на глаза, всматривалась в окружающие деревья.

— Экипаж недоволен, мудрец Фу, — обратился он к ней. — Они предпочли бы, чтобы мы подождали безопасного времени.

Ариана Фу ответила, не отрывая взгляда от

зарослей.

— О, какая замечательная мысль! Четыре месяца или еще больше сидеть и ждать, а тем временем болота затопятся, протоки изменятся, и то, что мы ищем, навсегда исчезнет в грязи. Конечно, к тому времени информация вообще никому не будет нужна.

Нело пожал плечами. Эта женщина сейчас в отставке. Официальной власти у нее нет. Но как бывший высокий мудрец, представитель всех людей на Джиджо, Ариана обладает моральным правом просить всего, что ей угодно, включая просьбу, чтобы Нело оставил свою любимую бумажную фабрику-мельницу вблизи большой плотины Доло и сопровождал ее в этом нелепом поиске.

Конечно, сейчас на мельнице особенно делать нечего, понимал он. Паника из-за этих проклятых звездных кораблей совершенно разрушила торговлю, никто больше не заинтересован в крупных заказах.

— Сейчас самое подходящее время, — продолжала Ариана Фу. — Конец сухого сезона, когда вода стоит низко, а листва с деревьев опадает. У нас максимальная видимость.

Нело поверил ей на слово. Большинство мо-

лодых мужчин и женщин заняты в милиции, и поэтому в поисковую группу отрядили подростков и стариков. А ведь именно дочь Нело несколько месяцев назад во время обычного похода по очистке нашла в этом районе Незнакомца из космоса. И Нело в долгу перед Арианой за то, что та передала ему новости о Саре и мальчиках — что у них было все в порядке, когда она о них слышала в последний раз. Мудрец Фу провела немало времени с дочерью Нело, сопровождая Сару от города Тарек до архива Библос.

Он почувствовал, как еще одна капля упала на щеку, десятая с тех пор как они покинули реку и углубились в бесконечное болото. Нело подставил руку под мрачное небо и молился, чтобы настоящий дождь задержался еще на несколько дней.

Тогда пусть приходит! Уровень воды в озере низкий. Нам нужно водяное давление для колеса, или мне придется закрыть фабрику из-за отсутствия энергии.

Мысли его обратились к бизнесу — покупке и собиранию использованных тканей у всех Шести Рас. К размельчению и процеживанию. К прессовке, просушке и продаже отличных листов, которыми его семья славится с тех пор, как люди

принесли благословенную бумагу на Джиджо.

Благословение, которое некоторые называют проклятием. Радикальные взгляды пользуются все большей поддержкой у простых крестьян, панически боящихся конца дней.

Сверху послышался крик.

— Там! — Жилистый молодой хун, сидевший на мачте, показывал вперед. — Хр-рм. Должно быть, это корабль Незнакомца. Я говорил, что это должно быть здесь!

Выхуф-эйхуго сопровождала Сару в той знаменательной экспедиции по очистке — эту обязанность должны были исполнять все граждане. У нее нет горлового мешка, какой есть у самцов, но ее голос звучал громко и энергично. Она гордилась своим умением ориентироваться.

«Наконец! — подумал Нело. — Теперь Ариана сделает свои наброски, и мы сможем оставить это ужасное место». Пересекающиеся кабели мульк-паука заставляли его нервничать. Их лодка с укрепленным обсидианом носом без труда разрезала распадающиеся нити. Тем не менее Нело чувствовал, что они все больше углубляются в какую-то дьявольскую ловушку.

Ариана что-то пробормотала. Нело, мигая, повернулся к ней.

— Что вы сказали?

Пожилая женщина показывала вперед, ее глаза сверкали любопытством.

— Не вижу никакой сажи!

— Ну и что?

— Незнакомец обгорел. Его одежда была обожжена и разорвана в клочья. Мы считали, что его корабль упал в огне — возможно, после схватки с другим кораблем над Джиджо. Но смотрите. Видите ли вы какие-нибудь следы пожара?

Лодка обогнула последнюю рощу деревьев вув, и по другую ее сторону в путанице поломанных веток показалась блестящая металлическая капсула. Единственное отверстие напоминало не дверь или люк, а скорее скошенный лепесток цветка. Падая, корабль прорезал в растительности полосу в направлении на северо-запад. Несколько поросших травой болотных холмиков были разрезаны надвое, и разрез уже частично зарос новой растительностью.

У Нело был небольшой опыт землемера, и он помогал определять размеры корабля. Он небольшой — не больше хунской лодки — и определенно не могучий крейсер, какой недавно разрезал небо над деревней Доло, приведя ее жителей в истерическое состояние. Закругленные бока на-

помнили Нело обыкновенную каплю, а не нечто сотворенное разумными существами.

Две капли упали ему на лоб и щеку. Еще одна — на руку. Вдали послышались раскаты грома.

— Подходите ближе! — приказала Ариана, раскрывая свой блокнот.

Недовольно ворча, хуны повиновались и заработали шестами и веслами.

Нело смотрел на чужой корабль, но мог думать о нем только как о мусоре. Когда Шесть отправляются чистить буйурские города, их главная цель — отыскать то, что можно использовать дома или в мастерской. Но, полезное или нет, все со временем погружается в украшенные лентами ящики, чтобы отправиться в Большую Помойку. Колонисты считают, что тем самым помогают очищать Джиджо. Может, тем самым они приносят не вред, а пользу планете, которая их приняла.

— Ифни! — про себя произнес Нело, глядя на корабль, который выбросил из космоса Незнакомца. Для космического корабля он, может, и маловат, но слишком тяжел, чтобы передвигать его вручную.

— Трудно придется вытаскивать эту штуку отсюда, не говоря уже о том, чтобы дотащить ее до моря.

И снова с юга послышались раскаты грома.

ЭВАСКС

Нас, джофуров, учат, что ужасно быть треки — грудой без центрального руководства. Обреченной жить спокойной и неопределенной жизнью.

Все воспевают хвалу могучим оайлие, которые приняли нас у слишком робких поа и проделали последние стадии нашего Возвышения.

Оайлие создали новые господствующие кольца, чтобы связать воедино и нацелить нашу сущность.

Без таких колец, как Я, как могла наша раса стать великой, могучей и ужасной в Пяти Галактиках?

И однако, объединяя ваши маленькие сущности в новое целое, я поражаюсь яркости старых слоев, которые нахожу в нашем сердечнике! Слоев, которые восходят ко времени до того, как Я объединил эту престарелую груду колец. Какими великолепными и ясными кажутся эти воспоминания, вопреки их противоречивой гармонии. Признаю, существование все же было острым и живым, когда вы/мы были просто Асксом.

Возможно, это удивление связано с тем, что Я/

сам так молод, только недавно отделился от бока капитана нашего корабля — Я его собственное порождение.

Да, это благородное наследство. Поэтому можете себе представить Мое удивление в новой ситуации! Созданный для выполнения долга в господствующей касте, Я по прагматическим причинам связан со случайной грудой древних торов, плохо образованных и полных странных, примитивных представлений. Мне поручено использовать эту груду как можно лучше, пока позже не будет проведена хирургическая операция по реконфигурации.

Ага. Это вызывает у некоторых из вас реакцию? Наше второе кольцо мысли в особенности находит это сообщение тревожным.

Не бойтесь, Мои кольца! Проникнитесь любовью и помните свое место. Ваш долг не спрашивать, а только служить. Заверяю вас: процедура, которую Я упомянул, очень распространена среди могучих джофуров. Когда одно кольцо изымается, чтобы соединиться с новой грудой, половина или даже больше оставшихся колец тоже могут быть использованы заново. Конечно, большинство из вас уже стары, и священники могут решить, что вы заражены другими расами. Это может поме-

шать вашему соединению с другими грудами. Но выслушайте мое обещание. Когда наступит время перехода, Я, ваше возлюбленное господствующее кольцо, перенесу переход в добром здравии и буду с добром вспоминать вас в Моей новой великолепной груде.

Я знаю, что это принесет вам огромное удовлетворение, когда вы будете в нашем общем сердечнике думать о своей судьбе.

ЛАРК

Соборная тишина заполняла лес бу — густую заросль серозеленых колонн, поднимающихся к самому небу. Каждый могучий ствол обхватом в панцирь квуэна с его пятью клешнями. Некоторые высотой достигают каменного свода Библоса.

Теперь я знаю, что чувствует насекомое, когда пробирается между стеблями травы в пампасах.

Идя по узкой тропе между гигантскими стволами, Ларк часто мог развести руки и одновременно коснуться двух деревьев. Только сержанта милиции, казалось, не затронуло ощущение замкнутости, которое испытывают путники в этом месте вертикальных перспектив. Остальные

стражники нервничали, тревожно посматривали по сторонам, вглядывались в тени в узких проходах.

— Далеко ли до горы Дуден? — спросила Линг, поправляя кожаные ремни рюкзака. На ее шее блестел пот, воротник домотканой куртки, которую ей дали, потемнел от влаги. Эффект был не таким вызывающим, как во время их первого совместного путешествия, когда тонкая ткань костюма даников потрясающе облегала роскошную фигуру.

И в любом случае теперь я мудрец и не могу позволить себе этого. Повышение принесло с собой только неприятные обязанности.

— Я раньше никогда не ходил этим коротким путем, — ответил Ларк, хотя они с Утеном облазили эти горы в поисках данных для своей книги. Через горы ведут и другие тропы, и г'кеки, которым номинально принадлежит эта территория, с их колесами, вряд ли стали обращать внимание на такую неровную тропу. — По моей оценке, доберемся в течение двух мидуров. Хочешь отдохнуть?

Линг отбросила влажные пряди с глаз.

— Нет. Лучше пойдем дальше.

Бывшая генная грабительница, казалось, ни

на мгновение не забывает о присутствии Джени Шен, низкорослого сержанта милиции, которая, словно любимого ребенка, прижимала к груди свой самострел. Джени взглядом охотника часто посматривала на Линг. Она словно прицеливалась, какой жизненно важный орган лучше всего поразить стрелой. Все чувствовали растущую враждебность между двумя женщинами — и что Линг скорее умрет, чем проявит слабость перед сержантом милиции.

Для Ларка одно в их вражде оказалось удобным. Эта вражда отводила гнев Линг от него, особенно после того как он с помощью логики низверг ее любимых богов ротенов. С тех пор женщина биолог была вежлива, но по большей части мрачно молчала.

Никому не нравится, когда его самые фундаментальные представления выбивают из-под него — особенно если это делает примитивный варвар.

Ларк надул щеки и выдохнул — хунский вариант пожатия плечами.

— Хр-рм. После следующего подъема передохнем. К тому времени самый густой лес бу закончится.

На самом деле самая густая часть уже осталась

позади — такая частая, что на ветру гигантские стволы терлись друг о друга, создавая низкую гулкую музыку, от которой у всякого оказавшегося в роще дрожь передавалась костям. Идя цепочкой, обходя места, где стволы тесней прижимались друг к другу, отряд внимательно следил за пометками на стволах — они жизненно необходимы в пути.

Я правильно поступил, не взяв Утена с нами, подумал Ларк, пытаясь убедить себя. Продержись еще немного, старый друг. Может, мы найдем что-нибудь. Молюсь, чтобы это было так.

Перемещающаяся дымка ограничивала видимость: со многих больших бу, из верхних резервуаров, стекала вода, и капли словно пронизывали могучие колоннады. Несколько раз попадались поляны, где огромные стволы в реакции домино повалили друг друга, оставив водоворот ветвей и обломков.

Несмотря на туман, Ларк время от времени замечал на стволах и другие символы — не путевые знаки, а загадочные эмблемы на галдва и галшесть в сопровождении рядов цифр на англике.

Зачем кому-то понадобилось оставлять граффити в роще бу?

Иногда он даже замечал в тумане фигуры:

один раз это был человек, другой — несколько уров, наконец пара треки. Они мелькали среди гигантских зеленых стволов. По крайней мере он надеялся, что эти заостренные конусы — треки. Все исчезали, как призраки, прежде чем он мог всмотреться.

Сержант Шен вела отряд слишком быстро, чтобы можно было заниматься исследованиями. Ларка и его пленницу вызывали два высоких мудреца — и этот приказ превосходил все остальные потребности. Несмотря на неровную трудную местность, последние новости с Поляны Собраний придавали силы и энергии шагам путников.

Курьеры сообщали, что дредноут джофуров по-прежнему блокирует священную долину, удобно устроившись посреди опустошения, а поблизости вдвойне плененный корабль ротенов — вначале золотым коконом, а теперь еще и поднявшимся озером. Джофуры ежедневно посылают два небольших корабля, рассматривая сверху Склон и прилегающие моря. Никто не знает, что ищут звездные боги.

Несмотря на то что произошло в ночь посадки большого корабля, несмотря на участь Аскса и других оставшихся на Поляне, высокие мудрецы готовят новое посольство из смелых доброволь-

цев, надеясь начать переговоры. Никто не просил Ларка быть послом. Для него у мудрецов подготовлены другие задания.

Люди были не единственными, кто слегка мошенничал, когда поколение основателей прилетело на запретную Джиджо, чтобы создать колонию.

Больше года после приземления экипаж «Обители» не отправлял свой драгоценный корабль в океанскую пропасть. Этот год использовался для того, чтобы с помощью машин рубить деревья и печатать книги, затем спрятать их в крепости, которую основатели вырубили в утесе под нависающей каменной крышей. Убежище было защищено прочными стенами и рекой. В первые годы, особенно во времена войн с урами и квуэнами, крепость Библос служила жизненно важным убежищем, пока люди не стали настолько сильны, чтобы потребовать к себе уважения.

У серых королев тоже была такая крепость. Ее вырубили могучие машины, прежде чем крадущийся корабль исчез под волнами. Пещеры Шуд, вблизи современного города Овун, должны были казаться неприступными. Но когда синие и красные работники отказались быть рабами, оставили своих хитиновых императриц и от-

правились на поиски новых домов и судьбы, лабиринт глубоких, вырубленных в скалах пещер затопили поднявшиеся воды.

Гора Дуден — древнейшая из крепостей сунеров. Вслед за городом Тарек это центр жизни г'кеков на Джиджо, место удивительных грациозных рамп, позволяющих колесным существам перемещаться по многочисленным дорогам с крутыми поворотами от своих ткацких станков и мастерских до защищенных деревьями платформ, где целые семьи спят, соединив оси и медленно вращаясь. Извилистые системы под блеклыми маскирующими пологами напоминают картины, которые можно найти в земных книгах периода до контакта — нечто среднее между парком развлечений и шоссейными развязками большого города.

На лице Линг появилось радостно-изумленное выражение, когда она разглядывала поселок и, кивая, слушала объяснения Ларка. Подобно Библосу, крепость Дуден не рассчитана на то, чтобы быть вечной, ибо это нарушало Заповедь Изгнания. Когда-нибудь все это исчезнет, старейшины г'кеков соглашались с этим. Тем не менее спицы колесных дрожали от гордости при одном упоминании своего любимого города. Своего дома.

Линг поражалась, а Ларк с новой болью разглядывал полный деятельности поселок.

Это их единственный дом.

Если ротены не солгали, в Пяти Галактиках больше нет живых г'кеков.

Если они погибнут на Джиджо, то исчезнут окончательно.

Глядя на молодых г'кеков, которые лихо и бесстрашно носились по переходам, делая крутые повороты, распустив все четыре глазных стебелька, блестя ободьями, Ларк не мог поверить, что вселенная допустит подобное. Как можно позволить исчезнуть такой уникальной расе?

Лес бу остался позади, и отряд стоял на вершине хребта, поросшего обычными деревьями. Когда люди остановились, с ветвей ближайшего дерева тару спустился зукир — сплошная путаница рук и ног, покрытых белыми спиралями пушистого торга. Драгоценные помощники и любимцы г'кеков, зукиры делали для колесных существ жизнь более терпимой на планете, где дорог слишком мало, а камней, на которых можно запнуться, слишком много.

Зукир закричал, потом подобрался ближе, принюхиваясь. Он миновал всех людей и безошибочно направился к Ларку.

Верьте зукиру: он всегда увидит мудреца — гласит народная мудрость. Никто понятия не имел, каким образом это делают зукиры: ведь они в остальных отношениях считаются менее умными, чем шимпанзе. Ларка повысили совсем недавно, и он себя неловко чувствовал в своем новом звании «младшего мудреца», однако это существо без всякого труда распознало его. Зукир прижал к его руке влажные ноздри и вдохнул. Затем, удовлетворенно кудахча, сунул в руку Ларка сложенный листок пергамента.

На листке была надпись: «ВСТРЕЧАЙ НАС В УБЕЖИЩЕ».

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

В узком каньоне, на расстоянии в половину лиги, ждали два высоких мудреца. Это были Лестер Кембел и Ум-Острый-Как-Нож, синий квуэн, чья репутация сострадательного и сочувственного мудреца сделала его популярным среди Шести Рас.

Здесь тропа была выровнена и хорошо приспособлена для г'кеков, поскольку это часть их крепости Дуден. По лугам двигались фигуры на колесах, присматривали за своими подопечны-

ми, которые живут в шалашах под деревьями. Это приют священных простаков, чье существование — согласно свиткам — обещает стать будущим всех Шести Рас.

Несколько таких благословенных собрались вокруг Ума-Острого-Как-Нож, хихикая или издавая звуки на упрощенных, примитивных вариантах галактических языков. По большей части это были хуны и уры, но на глазах у Лестера подошел один красный квуэн, поблизости робко стояли несколько груд треки, испуская счастливые ароматы. Все они получили свою порцию ласковых поглаживаний: клешни Ума-Острого-Как-Нож словно превратились в руки.

Лестер следил за коллегой и с сознанием собственной вины чувствовал, что никогда не сравнится с ней в радостной доброте. Благословенные — высшие существа, они превосходят нормальных представителей Шести Рас. Их простота — доказательство того, что остальные расы могут последовать примеру глейверов и пройти по Тропе Избавления.

Мне следовало бы радоваться, видя их, думал он.

Но я терпеть не могу приходить сюда.

Представители всех Шести Рас жили в прими-

тивных убежищах под стенами каньона, местные г'кеки и добровольцы со всего Склона заботились о них. Когда в деревне квуэнов, хунов или уров обнаруживали молодое существо с даром невинности, наивное, как животное, счастливца отправляли сюда для заботы и изучения.

Есть только два способа избавиться от проклятия, переданного нам по наследству предками, думал Лестер, стараясь верить. Мы могли бы поступить так, как хочет еретическая группа Ларка — перестать размножаться и оставить Джиджо в покое. Или можно поискать другого пути к забвению, того, что возвращает детей наших детей к состоянию предразумности. Очистившись, мы были бы готовы к новому циклу Возвышения, могли бы еще найти новых патронов и, возможно, более счастливую судьбу.

Даже после всех компромиссов, выработанных со времени прибытия землян и появления Святого Яйца, так предписывают Священные Свитки. Учитывая ситуацию, в которой оказались изгнанники, живущие во времени, взятом взаймы, постоянно ожидающие сурового наказания, если/когда Галактические Институты найдут их здесь, какая еще цель может у них быть?

Но я не могу этого делать. Не могу смотреть на

это место с радостью. Земные ценности не дают мне увидеть в этих созданиях величественные и благословенные существа. Они заслуживают доброты и жалости, но не зависти.

Это его собственная ересь. Лестер старался смотреть в другую сторону. Но, повернувшись, увидел новую группу «благословенных». На этот раз людей. Они кружком, скрестив ноги и положив руки на колени, сидели под деревом илуна и пели негромкими звучными голосами. Мягкие улыбки и несосредоточенные взгляды, казалось, свидетельствуют, что они достигли требуемой здесь простоты, но Лестер знал, что они лгут!

Когда-то давно он сам пошел по той же дороге. Используя технику медитации, заимствованную у древних земных религий, он сидел под таким деревом, освобождая сознание от мирской одержимости, дисциплинируя его, чтобы постичь Истину. И какое-то время ему казалось, что он достигает цели. Последователи почтительно кланялись ему, называя просветленным. Тогда вселенная казалась ясной и прозрачной, как будто все звезды — это священный огонь. Как будто он един со всеми живыми существами на Джиджо, даже с окружающими его камнями. Он жил в гармонии и почти не нуждался в пище, в

словах и даже в именах.

Такая ясность — иногда с болью он ощущал, как ему ее не хватает.

Но спустя немного времени он понял: ясность, которую он нашел, это, в сущности, стерильная чернота. Чернота, которая приятна, но которая не имеет ничего общего с избавлением. Не для него. И не для его расы.

Остальные пять не используют дисциплину или концентрацию, чтобы достичь простоты. Нельзя увидеть глейвера, медитирующего у гнилого ствола над вкусными насекомыми. Простота приходит к ним естественным путем. Это их жизнь.

Когда Джиджо будет заново открыта, какой-нибудь великий клан с радостью примет новый вид глейверов и снова направит по Высокой Тропе, быть может, с большей удачей, чем в первый раз.

Но нас патроны не выберут. Ни один благородный клан не захочет иметь дела с самодовольными дзен-философами, с готовностью объясняющими собственную просветленность. Это не та простота, которая им нужна. Это простота, основанная на гордости.

Конечно, вопрос спорный. Если джофурский

корабль представляет великие Институты цивилизации Пяти Галактик, эти леса скоро будут кишеть инспекторами, подсчитывающими, сколько преступлений совершено на планете за две тысячи лет. Только глейверы будут в безопасности, потому что достигли ее вовремя. Остальные шесть рас проиграли и должны будут заплатить долг.

А если они не представляют Институты?

Ротены оказались преступниками, генными грабителями. Может, джофуры такие же? И опасность смертоносного геноцида еще не миновала. В особый ужас новости с Поляны привели клан г'кеков.

С другой стороны, еще можно договориться. Или они просто улетят, оставив нас в том же положении, в каком мы были раньше.

В таком случае убежища, подобные этому, снова станут главной надеждой на будущее для пяти рас из шести.

Мрачные мысли Лестера прервались: кто-то потянул его за рукав.

— Мудрец Кембел?... Ммм... посетители, которых вы... ммм... ожидаете, кажется.

Это был молодой человек, широкоплечий, с ясными голубыми глазами и чистой светлой ко-

жей. Мальчик мог бы показаться очень высоким, почти гигантом, но позиция подчиненности — он пригнулся — делала его меньше. И он все время постукивал себя пальцем правой руки по лбу, словно отдавал салют.

Кембел мягко ответил на англике — это был единственный язык, которым сумел овладеть парень.

— Что ты говоришь, Джими?

Юноша глотнул и с видимым усилием сосредоточился.

— Я думаю… ммм… люди, которых вы хотели увидеть, думаю, они здесь, мудрец Кембел.

— Ларк и женщина даник?

Энергичный кивок.

— Да, сэр. Я отправил их в шалаш для гостей ждать вас и других высоких мудрецов. Я правильно поступил?

— Да, правильно, Джими. — Лестер дружески пожал ему руку. — Иди к ним. Скажи Ларку, что я скоро буду.

Широкая улыбка. Парень повернулся и побежал тем же путем, каким пришел; он радовался возможности быть полезным.

Это другой тип людей, которые приходят сюда, подумал Лестер. Это особые люди.

Древний эвфемизм показался ему странным.

На первый взгляд может показаться, что люди, подобные Джими, удовлетворяют требованиям. С простым умом. Невинные. Идеальные проводники для нашего пути по Тропе.

Он взглянул на благословенных, окруживших Ум-Острый-Как-Нож: уров, хунов и г'кеков, посланных сюда своими расами, чтобы стать такими проводниками. Чтобы повести остальных.

Согласно стандартам Свитков, они не ущербны. Но хоть и достигли простоты ума, в то же время не завершены. Они лидеры. Но о Джими этого нельзя сказать. Отбросив симпатию, нужно признать, что он ущербен, неполон. Всякий может это увидеть.

Мы можем и должны любить его, помогать ему, дружить с ним.

Но он никуда не приведет человечество.

Лестер повернулся и пошел вслед за Джими, пытаясь снова думать о нынешнем кризисе. О проблеме джофурского корабля. О срочных планах, которые он должен обсудить с молодым еретиком и женщиной со звезд. У него есть отчаянное предложение, рискованное и очень опасное, и он должен попросить их принять его.

Да, проходя мимо кружка поющих и медити-

рующих людей: здоровых мужчин и женщин, которые бросили свои дома, семьи и полезные занятия, чтобы жить без забот в этой защищенной долине, — Лестер почувствовал, что его размышления отодвинуты волной горького негодования. Слова в его голове недостойны высокого мудреца, он знал это. Но ничего не мог с собой сделать.

Умственно отсталые и медитирующие — вот два типа, посланные сюда нашей расой. Вовсе не подлинно «благословенные». Совсем не по стандартам Свитков. Люди никогда не делают подлинных шагов в направлении Тропы Избавления. Ур-Джа и все остальные вежливы. Они делают вид, что у нас, людей, тоже есть возможность такого выбора, есть потенциал к спасению.

Но его у нас нет. Мы стерильны.

С звездным судом или без него, единственное будущее людей на Джиджо — проклятие.

ДВЕР

От места катастрофы спиралью поднимался дым. Неблагоразумно подходить ближе. В сущности, сейчас наилучший шанс убежать, пока робот даников укрывается в дыре и не проявляет

никакого интереса к пленным.

А если Рети захочет остаться?

Пусть остается! Лена и Джени будут рады видеть Двера, если он сумеет вернуться в Серые Холмы. Это вполне возможно: у него сохранился лук. Конечно, Рети нуждается в нем, но тем, что остались на севере, принадлежит его верность.

Чувства Двера еще не пришли в норму от грохота краткой схватки, когда мощный разведывательный корабль даников был сбит ужасным новым пришельцем. Теперь оба корабля лежат за соседней дюной, небесные колесницы, владеющие непостижимыми силами, а Рети продолжает настаивать, чтобы они подобрались ближе!

— Мы должны узнать, что происходит, — резким шепотом говорила она.

Он угрожающе посмотрел на нее, требуя тишины, и на этот раз она подчинилась, давая ему возможность подумать.

Сейчас на какое-то время Лена и Дженин в безопасности: ведь Кунн не вернется и не сможет преследовать их. Если у даников и ротенов на Джиджо появились враги, все звездные боги будут слишком заняты, сражаясь друг с другом, чтобы охотиться за небольшой группой в Серых Холмах.

Даже без руководства Дэйнела Озавы Лена Стронг достаточно сообразительна, чтобы заключить трехсторонний договор с племенем Рети и урскими сунерами. С помощью «наследства» Дэйнела это объединенное племя может посадить семена, которые прорастут в дикой местности. И если дома на Склоне произойдет худшее, их объединенная группа может найти свою дорогу к Тропе.

Двер покачал головой. Ему иногда становилось трудно сосредоточиться. С тех пор как робот воспользовался его телом в качестве проводника для своего поля, в голове словно на пределе слышимости шептали какие-то голоса. Как в то время, когда безумный мульк-паук вторгался в его мысли.

И все равно это место для рассуждений о судьбе или для принятия решений, которые надлежит принимать только мудрецам. Но кое-что очевидно. Возможно, он ничего не должен Рети. Может быть, она даже заслуживает, чтобы ее бросили. Но он просто не может этого сделать.

Поэтому, несмотря на опасения и дурные предчувствия, Двер кивнул девушке и добавил энергичный жест: она не должна издавать ни звука. Рети ответила счастливым пожатием плеч,

казалось, говоря: «Конечно, пока не передумаю».

Повесив через плечо лук и колчан со стрелами, он первым двинулся вперед, переползая от одного пучка растительности к другому, пока они не добрались до вершины дюны, осторожно раздвинули соленые стебли и увидели два небесных корабля. Меньший представлял собой дымящиеся обломки, полупогрузившиеся в топкое болото. Второй корабль, больший по размерам, находившийся поблизости, тоже не вышел из схватки невредимым. В одном борту у него было большая щель, и, когда моторы принимались работать, из этой щели вырывалась сажа.

На болотном островке поблизости, почти не шевелясь, лежали два человека. Кунн и Джесс.

Двер и Рети выкопали новую яму, устроились в ней и принялись наблюдать. Им хотелось увидеть, что произойдет дальше.

Ждать долго не пришлось. В большем цилиндре открылся люк, в нем виднелись темные внутренности. Через люк выплыла единственная фигура, поразительно знакомая — восьмисторонний столб со свисающими руками, близкий родственник поврежденного робота, с которым так близко познакомился Двер. Только этот робот был раскрашен ослепительными полосками голубого и

розового, и Дверу трудно было на него смотреть.

У основания робота виднелся нацеленный вниз похожий на рог вырост. Наверно, это помогает ему перебираться через воду, подумал Двер. Если робот похож, означает ли это, что враги Кунна тоже люди?

Но нет, Дэйнел говорил, что у полумиллиона звездных рас механизмы стандартизированы и лишь слегка меняются с проходящими эпохами. Этот новый робот может принадлежать кому угодно.

Автомат приблизился к Кунну и Джессу, осветил прожектором, ярким даже при солнечном свете, их тела. Зашевелилась их одежда под действием невидимых пальцев. Затем робот опустился, вытянув вниз руки. Кунн и Джесс лежали неподвижно, а робот искал в их одежде и поднял несколько предметов.

Должно быть, был передан какой-то сигнал, потому что из открытого люка выдвинулась рампа и опустилась в болото. «Кто собирается бродить по болоту? — удивился Двер. — Может, они хотят спустить лодку?»

Он подготовился к тому, что увидит странную чуждую расу, может, на тринадцати ногах или слизистых подушках. Еще со времен «Обители»

известно, что несколько великих кланов, например, легендарные соро или насекомоподобные танду, — враги человечества. Двер даже лелеял слабую надежду, что вновь прибывшие могут быть с Земли, прилетели навестить далеких потомков своих преступных родичей. В космосе существуют также родственники хунов, уров и квуэнов, и в распоряжении каждой такой расы корабли и обширные ресурсы.

На рампе появились фигуры. Они медленно выходили на открытый воздух.

Рети ахнула:

— Да это треки!

Двер смотрел на трио грозных кольчатых груд, с навешанными на манипулирующие торы многочисленными инструментами. Заостренные конусы достигли поверхности мутной воды и осели. Неожиданно ноги-плавники, которые казались на рампе такими неловкими, ожили и с огромной скоростью понесли своих обладателей к двум выжившим.

— Но разве треки не должны быть миролюбивыми?

Так оно и есть, подумал Ларк и пожалел, что мало внимания уделял урокам, которые мать давала Саре и Дверу. Он кое-что встречал в книгах,

которые выходят за пределы школьного курса. Попытался вспомнить название, но не смог. Но знал, что название существует. И некогда это название внушало ужас.

— Я не… — шепотом начал он, потом решительно покачал головой. — Не думаю, что это треки. Таких здесь давно никто не видел.

ОЛВИН

Вначале сцену было трудно интерпретировать. Дергались неясные сине-зеленые изображения, и от этих движений по моей незажившей спине пробегала дрожь. Гек и Клешня как будто освоились быстрее, они указывали на разные предметы на экране и обменивались понимающими возгласами. Это напомнило мне спуск в «Мечте Вуфона», когда бедный хун Олвин последним понимал, что происходит.

Я смутно догадывался, что мы видим отдаленное место действия — где-то в мире солнечного света и дождя!

(Сколько раз мы с Гек читали о том, как герой какой-нибудь книги смотрит в далекое место через приборы? Забавно. Концепция может быть знакома по романам, но вызывает страх и благо-

говение, когда сталкиваешься с ней в реальной жизни.)

Сквозь мелкую воду проходил дневной свет, в воде мягко покачивались зеленые стебли. Мимо мелькали стаи серебристых стремительных рыб. Такие часто попадают в сети наших рыбаков, а потом отправляются в сушильни или котлы в хунских кутах.

Вертящийся голос пояснил, что в камере есть «передатчик звука», и это объясняет свистящие, булькающие звуки. Клешня переместил панцирь, из всех его щелей послышалась полная тоски по дому жалоба. Он тосковал по квуэнским раковым загонам в приливной зоне. Но Ур-ронн зрелище быстро надоело, и она с тошнотворным ржанием отвернула гладкую голову. Ей стало плохо от зрелища всей этой воды.

Камера устремилась вперед, прибой на короткое мгновение стал яростным. Затем вода пенными полосками стекла с глаза камеры, и перед нами открылся низкий песчаный берег. Управляемый на расстоянии прибор двинулся в глубь суши, держась у самой поверхности.

— Обычно мы посылаем разведчиков на сушу по ночам. Но дело срочное. Надеемся, что горячий блеск поверхности скроет появление прибора.

Ур-ронн облегченно вздохнула: по крайней мере больше не видно воды.

— Удивительно, — сказала она, — почему вы раньше не посылали тайных агентов.

— На самом деле мы отправили несколько приборов на поиски цивилизации. Два из них давно не выходили на связь, но остальные показывают поразительные картины.

— Какие? — спросила Гек.

— Такие как хунских моряков, плывущих в открытом море на деревянных парусных судах.

— Хр-рр. И что в этом странного?

— И красных квуэнов, живущих без руководства со стороны серых или синих, мирно торгующих с соседями-хунами.

Клешня запыхтел, но голос продолжал.

— Заинтересовавшись, мы отправили подводную экспедицию за Трещину. Наши исследователи проследили за одним из ваших мусорных кораблей и собрали образцы из священных выбросов. Затем, возвращаясь на базу, наш разведывательный корабль наткнулся на урский тайник, за которым вас посылали. Естественно, мы решили, что владельцы этого тайника больше не существуют.

— Правда? — насмешливо спросила Ур-ронн. —

И почему?

— Потому что мы видели живых хунов! Кто может поверить, что уры и хуны мирно живут по соседству в пространстве меньше кубического парсека? Если хуны живут, мы заключили, что все уры на Джиджо погибли.

— Ага, — сказала Ур-ронн, поворачивая длинную шею и глядя на меня.

— Представьте себе наше удивление, когда ваш примитивный корабль устремился к нашей подводной лодке. Выдолбленный древесный ствол, а в нем…

Голос прервался. Управляемый на расстоянии прибор снова пришел в движение. Мы двигались вперед: это камера неслась над песком, поросшим скудной растительностью.

— Эй! — возразила Ур-ронн. — Я думала, вы не можете использовать радио или еще что-нивудь такое, что можно засечь из космоса!

— Верно.

— Тогда как вы получаете эту картинку в реальном времени?

— Отличный вопрос от того, кто не имеет непосредственного опыта в таких делах. В данном случае роботу необходимо отойти от берега всего на километр. Он тянет за собой кабель, по

которому изображения передаются, а засечь их невозможно.

Я дернулся. Каким-то образом эти слова показались мне странно знакомыми.

— Это имеет отношение к взрывам? — спросила Ур-ронн. — К недавнему нападению врагов, которые хотят вас уничтожить?

Вращающаяся фигура сжалась, потом снова расширилась.

— Вы быстро соображаете, и у вас отличное воображение Разговаривать с вами четырьмя необычайно интересно. А я создан, чтобы собирать и оценивать необычные опыты.

— Иными словами, да, — мрачно заключила Гек.

— Некоторое время назад летающая машина принялась просвечивать море звуковыми импульсами. Несколько часов спустя она начала бросать глубинные заряды, чтобы изгнать нас из нашего маскирующего убежища среди обломков.

Когда поблизости появились гравитационные следы и второго корабля, положение стало серьезным. Мы уловили ритмы воздушной схватки. В отчаянной стычке корабли обменивались снарядами и смертоносными лучами.

Клешня переступал с ноги на ногу.

— Вот это да! — выдохнул он, разрушая нашу видимость беззаботности.

— Затем оба корабля неожиданно прервали полет. Их следы прервались вблизи нынешнего расположения нашего разведчика.

— Насколько близко? — спросила Ур-ронн.

— Очень близко, — ответил голос.

Мы как зачарованные следили за быстро меняющейся сценой. Мимо с головокружительной скоростью проносилась панорама растений — на уровне лодыжки. Глаз камеры обходил пучки листьев-сабель, потом разведчик слегка набрал высоту, минуя болото.

И тут мы увидели серебристый блеск. Два отблеска. Изогнутые борта.

И тогда это случилось.

Без всякого предупреждения, как раз тогда, когда мы впервые увидели изображение кораблей, экран заполнило улыбающееся лицо.

Мы отскочили, удивленно вскрикнув. Я отскочил так быстро, что даже высокотехнологичный корсет не уберег спину от острой боли. Хуфу испустила пораженный крик и впилась когтями мне в плечо.

Лицо оскалилось, обнажив ряды белых острых

зубов. Черные глаза-бусинки, увеличенные, смотрели на нас с таким Диким интересом и весельем, что мы застонали: кажется, мы знаем, кто это.

Наш разведчик дернулся, пытаясь увильнуть, но улыбающийся демон прочно держал его обеими передними лапами. Существо подняло острые когти, готовясь ударить.

И тут послышался вращающийся голос — звук уходил, а потом возвращался к нам через передатчик камеры. Было произнесено всего три слова на галсемь со странным акцентом, причем произнесено очень высоким, почти за пределами восприятия хуна, голосом.

— Брат, — быстро обратился голос к странному нуру. — Пожалуйста, перестань.

ЭВАСКС

Пришло сообщение, что мы утратили связь с корветом!

С нашим легким крейсером, посланным на поиски ротенских бандитов.

В таком обычном деле никто не ожидал неожиданностей. И это вызывает тревожные вопросы. Может, мы недооценили силу разбойников?

Ты, наше второе кольцо мысли, ты даешь

доступ ко многим воспоминаниям и мыслям, некогда накопленным нашей грудой, прежде чем Я не присоединился к вам и не стал вашим мастер-кольцом. Воспоминаниям о том времени, когда вы/мы были всего лишь Асксом.

Вы слышали, как люди генные воры делали нелепые утверждения. Например, что их патроны — эти загадочные ротены — почти неизвестны галактическому сообществу. Что ротены пользуются огромным влиянием, но используют его тайно. Что они не боятся могучих флотов великих кланов Пяти Галактик.

Мы, на боевом корабле «Полкджи», слышали подобные байки и до прилета на Джиджо. Но считали все это простым блефом. Жалкой выдумкой, призванной скрыть истинное лицо преступников.

НО ЧТО, ЕСЛИ ЭТИ РАССКАЗЫ ПРАВДИВЫ?

Никто не может сомневаться в том, что загадочные силы существуют — древние, отчужденные, влиятельные. Может, мы перешли дорогу какой-то загадочной силе, здесь, в покинутой галактике, далеко от дома?

ИЛИ РАССМОТРИМ ПРОБЛЕМУ ШИРЕ. Может ли стоять за землянами некая тайная могущественная раса, незаметно определяя их судьбу?

Защищающая их от судьбы, уготованной всем волчатам? Это объяснило бы много странностей в недавних событиях. Это также предвещало бы неприятности нашему союзу Обейер в эти тревожные времена.

НО НЕТ! Факты не подкрепляют такие опасения.

Вы, примитивные, древние кольца, не можете этого знать, но позвольте Мне объяснить.

Не так давно с «Полкджи» связались некие мелкие торговцы сведениями, бессовестные паразиты предложили нам купить новости. К нам, великим и священным джофурам, через своих агентов людей обратились эти самые ротены, потому что наш корабль патрулировал поблизости. Они также рассчитывали, что джофуры заплатят вдвое за сведения, которые они хотели продать.

Во— первых, за указания на то, как поймать добычу, которую мы ищем, — пропавший земной корабль, который несколько лет преследуют десятки тысяч судов, ибо он — величайшая награда в Пяти Галактиках.

И во— вторых, за информацию о проклятых нашими предками г'кеках, уцелевшие остатки которых нашли здесь убежище много планетных циклов назад и избежали нашего праведного

уничтожающего гнева.

Ротены и их приспешники надеялись собрать богатый урожай, продавая нам эти сведения, вдобавок к тем генетическим урывкам, которые они могли украсть на этой незрелой планете. Ситуация должна была казаться им идеальной, потому что обе стороны будут заинтересованы в том, чтобы сохранять сделку в тайне.

Так ли должна вести себя великая, возвышенная сила? Та, что поднимается над мелкими заботами обычных смертных?

Неужели богоподобные существа так легко попадутся на Удочку местных дикарей, которые простой химической взрывчаткой сумели уничтожить их погребенную станцию?

Оказались ли они такими могущественными, когда полцикла спустя мы повернули свои кольца в акте благочестивого предательства и напали на их корабль? И погрузили их в стасис не очень хитрыми средствами?

Нет, Мои кольца, такая линия рассуждений неразумна. Меня тревожит, что вы тратите наши объединенные умственные ресурсы на такой тупиковый путь.

Это отклонение — МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ЕЩЕ ОДНА ТЩЕТНАЯ ПОПЫТКА ОТВЛЕЧЬ МЕНЯ ОТ

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТИ, КОТОРАЯ И ЯВЛЯЕТСЯ МОИМ ГЛАВНЫМ ВКЛАДОМ В НАШУ ГРУДУ?

Поэтому некоторые из вас все еще пытаются цепляться за руководство вашего глупого камня, который вы называете Святым Яйцом?

Неужели эти разнородные слабые усилия направлены на еще одно восстание?

ВЫ ЕЩЕ НЕ УСВОИЛИ УРОК?

Продемонстрировать еще раз, зачем оайлие сделали таких, как Я, и назвали нас мастер-кольцами?

Оставим эти глупые рассуждения и попробуем найти альтернативное объяснение исчезновению корвета. Возможно, наш экипаж в погоне за разведывательным кораблем ротенов наткнулся на что-то другое?

Что— то гораздо более могущественное и важное?

Верно ли это? Вы и вправду не понимаете, на что я намекаю?

Нет даже догадки? Да ведь большинство обитателей Пяти Галактик, даже загадочные занги, знают корабль, который мы ищем. Корабль, который по всему известному космосу преследуют бесчисленные армады.

Вы действительно жили в изоляции, Мои древ-

ние кольца! Мои примитивные подличности. Мои временные красавицы, которые даже не слышали о корабле с экипажем из дельфинов.

Поистине это очень странно.

САРА

Сара опасалась, что без темных очков, предоставленных всадницами иллиями, она ослепла бы или сошла с ума. Нескольких случайных проблесков хватило, чтобы поразить нервы неестественными тонами, приковывавшими внимание, опасно кричащими, умоляющими сорвать защиту, посмотреть и затеряться в мире меняющегося света.

Даже в тонах сепии окружающие утесы казались таящими загадочное значение. Сара вспомнила, как легендарный Одиссей, проплывая мимо знаменитых сирен, приказал своим людям залепить уши воском, чтобы он один мог услышать призыв искусительниц, а экипаж в это время лихорадочно греб, ведя корабль мимо ярких, призывных отмелей.

Будет ли больно, если она снимет очки и посмотрит на подернутый рябью, меняющийся ландшафт? И если она застынет, не в силах дви-

гаться, спасут ли ее друзья? Или ее мозг будет навсегда поглощен этой панорамой?

Спектральный Поток, это слепое пятно на картах Склона, упоминали редко. Даже опытные охотники, которые копьями добывают в дюнах песчаных роулов, держатся на почтительном удалении от этой ядовитой местности. Предполагается, что здесь никакой жизни нет.

Только сейчас Сара вспомнила тот день, почти два года назад, когда умирала мама в доме вблизи бумажной мельницы, а постоянное низкое гудение водяного колеса Доло казалось печальной жалобой. Сара была снаружи, но услышала, как Двер говорил об этом месте.

Конечно, ее младший брат получил специальное разрешение на то, чтобы ходить по всему Склону и за его пределами, отыскивая нарушителей Заповедей и Свитков. И Сару не очень удивило, что он побывал и в этом ядовитом месте сумасшедших красок. Но по отрывкам разговора, которые доносились в открытую дверь, выходило, что Мелина тоже видела Спектральный Поток — прежде чем вышла замуж за Нело и стала растить семью у спокойной зеленой Рони. Разговор велся не громко, скрытным тоном, и Двер впоследствии никогда о нем не говорил.

Сару тронул печальный голос ее умирающей матери: «Двер, расскажи еще об этих цветах».

Лошади, казалось, не нуждались в защите глаз, а возчики надели свою защиту привычно, с терпеливым видом, словно хорошо знакомую помеху, а не средство предотвратить ужасную опасность. Кефа, явно испытывавшая облегчение от того, что буйурский туннель кончился, что-то сказала Нули, и обе они рассмеялись — это был первый смех, который Сара услышала от иллий.

Удивление уступило место любопытству, и Сара обнаружила, что мыслит более связно и последовательно. А как же люди и народы, которые от природы не различают цвета? Эффект, по-видимому, связан не просто с изменением частоты электромагнитного спектра, и урские очки, вероятно, не просто затемняют цвета. Должен быть и какой-то другой эффект. Поляризация света? Или пси?

Реук Эмерсона заменял ему очки. Но когда он стащил симбионта и бросил незащищенный взгляд, Сара встревожилась. Эмерсон поморщился, сенсорная перенасыщенность явно подействовала на него, словно ему в глаз вонзили хунскую вилку для расчесывания. Сара направилась к нему — но этот первоначальный порыв оказался

кратким. Мгновение спустя звездный человек улыбнулся ей, и во взгляде его было выражение болезненной радости.

«Ну, если ты на это способен…» — подумала она, осторожно сдвигая очки.

Прежде всего ее удивило, что боли не было. Ее зрачки приспособились, и яркое освещение оказалось переносимым.

Но зато Сара ощутила волны тошноты: мир вокруг словно перемещался и растворялся, как будто она смотрит сквозь слои накладывающихся друг на друга изображений.

Топографически эта земля представляет собой пространство слоистых лавовых потоков, выветренных каньонов и торчащих скал. Но только сейчас все это казалось холстом, на который какой-то безумный художник г'кек наложил множество слоев светящейся краски. Каждый раз как Сара мигала, изображение менялось.

Громоздящиеся утесы превращались в сказочные замки, их бьющиеся вымпелы сделаны из сверкающих обрывков раздуваемой ветром дымки.

Пыльные пространства становились мерцающими бассейнами. Реки ртути и потоки крови словно текли вверх по холмам, как несмешиваю-

щиеся жидкости.

Неустойчивый, как воспоминание, соседний утес напоминал сооружение буйурской архитектуры — шпили города Тарек, только пустые окна сменились миллионами великолепных горящих огней.

Ее взгляд переместился на пыльную дорогу, на которой пемза летела из-под колес фургона. Но в другом плане она же казалась брызгами, сделанными из бесчисленных блестящих звезд.

Затем дорога поднялась на невысокий холм, и впереди открылся самый невероятный мираж — несколько узких, похожих на пальцы долин, окруженных крутыми, словно океанские волны, стенами, застывшими в своем пенном движении. А под этими сверкающими высотами дно долин было зеленым, покрытым невозможными лугами и нелепыми деревьями.

— Кси, — счастливо объявила Кефа с акцентом, который казался Саре так странно знакомым.

И неожиданно она поняла почему!

От удивления Сара схватилась за очки и снова надвинула их на глаза.

Замки и звезды исчезли.

Но луга оставались на месте. Стали видны четвероногие фигуры, пасущиеся на настоящей

траве, пьющие из очень реальных ручьев.

Курт и Джома вздохнули. Эмерсон засмеялся, а Прити захлопала в ладоши. Но Сара была слишком потрясена, чтобы издавать звуки. Ибо теперь она знала правду о южанке Мелине, женщине, которая давным-давно пришла на Рони, предположительно, из далекой Долины, и стала невестой Нело. О счастливой и эксцентричной Мелине, которая вырастила троих необычных детей под непрерывный шум дамбы Доло.

«Мама, — подумала Сара в немом изумлении. — Должно быть, это твой дом».

Несколько мидуров спустя прибыли остальные женщины-всадницы со своими урскими компаньонами, все грязные и уставшие. Прежде чем раздеться и броситься в теплый вулканический ручей под скалами, где отдыхали Сара и остальные гости, иллии распрягли верных лошадей.

Наблюдая за Эмерсоном, Сара решила, что еще один участок его искалеченного мозга остался нетронутым: звездный человек смотрел на женскую наготу нормальным оценивающим мужским взглядом.

Она подавила порыв ревности, зная, что ее фигура никогда не сравнится с этими загорелыми атлетическими телами.

Звездный человек посмотрел на Сару и покраснел — так застенчиво и глуповато, что она вслух рассмеялась.

— Смотри, но не притрагивайся, — сказала она, подчеркнуто грозя пальцем. Он мог не понять слов, но общий смысл понял.

И с улыбкой пожал плечами, словно говоря: «Кто, я? Даже и не подумаю!»

Пассажиры фургона уже выкупались, хотя и более скромно. Нагота не была повсеместным табу на Склоне. Но женщины иллии вели себя так, словно их никогда не учили или им все равно… тому, чему учат девушек о противоположном поле. У самцов Homo sapiens существуют врожденные рефлексы возбуждения, сложным образом связанные с оптическими нервами.

Возможно, это потому, что у них нет мужчин, подумала Сара. И действительно, она видела только женщин, молодых и постарше. Они работали в конюшнях и в убежищах. Были также уры из дружественного племени Улушту, они заботились о своих драгоценных стадах симл и ослов на краях оазиса. Две разумные расы не избегали друг друга: Сара видела дружеские встречи. Но в этих узких долинах у каждой была своя территория.

Улушту знали Курта и должны были проводить

время во внешнем мире. В сущности, и некоторые женщины иллии, вероятно, время от времени уходили отсюда и жили среди ничего не подозревающих жителей поселков Шести Рас.

Когда Мелина пришла в Доло, у нее была хорошо разработанная легенда, рекомендательные письма и ребенок Ларк на руках. И все решили, что она пришла из Долины. Типичная организация вторичного брака.

Нело, казалось, никогда не обращал внимания на то, что у его старшего сына отец неизвестен. Мелина искусно избегала расспросов о своем прошлом.

Но сохранить такую тайну.

Улушту привели с собой пленницу. Ульгор, урскую лудильщицу, подружившуюся с Сарой в Доло, но только для того чтобы подготовить ловушку. Теперь они поменялись ролями. Сара заметила, что Ульгор своими тремя глазами в отчаянии смотрит на поразительный оазис.

Как Урунтай должны ненавидеть это место! Их предки отобрали у нас лошадей и всех их уничтожили. Урские мудрецы позже, после того как Дрейк Старший разбил Урунтай, принесли извинения. Но как можно отменить смерть?

Это невозможно. Но можно обманом избежать

уничтожения. Глядя на жеребят, играющих рядом с кобылами под нависающими скалами, Сара чувствовала себя почти счастливой. Этот оазис может даже оставаться невидимым для всепроникающих взглядов звездных повелителей, скрываясь в окружающей земле иллюзий. Возможно, Кси уцелеет, когда на остальном Склоне исчезнет разумная жизнь.

Она видела, как Ульгор отвели в загон рядом с пророком пустыни Дединджером. Они не разговаривали друг с другом.

Саре нужно было только поднять глаза, чтобы за плещущимися в воде женщинами и пасущимися стадами увидеть сверкающий ландшафт, где каждая перемена освещения и каждый холм казались тысячами невероятных вещей. Земля лжи — так еще называют Спектральный Поток. Несомненно, к этому можно привыкнуть, не замечать раздражающих химер, которые никогда не бывают полезными или информативными. А может, иллии не нуждаются в снах, потому что и так каждый день погружаются в фантазии Джиджо.

Ученый в Саре задавался вопросами: одинаково ли воздействует это на все расы; как такое чудо могло возникнуть естественным путем? В Библо-

се ни о чем подобном не упоминается. Но когда «Обитель» покинула Землю, люди владели лишь ничтожными долями галактической информации. Возможно, это распространенный феномен, который можно встретить на многих планетах.

Но как было бы замечательно, если бы Джиджо создала нечто уникальное!

Сара смотрела на горизонт, позволяя своему сознанию создавать свободные ассоциации из сверкающих цветов, пока ее не окликнул мелодичный женский голос.

— У тебя глаза твоей матери, Сара.

Сара мигнула, оглянулась и увидела двух человек, одетых в кожаные одеяния иллий. Та, что к ней обратилась, оказалась первой увиденной здесь Сарой пожилой женщиной.

А вторым был мужчина.

Сара, мигая, встала. Она узнала этого мужчину.

— Ф-фаллон?

Он постарел с того времени, как был учителем Двера в искусстве жизни в дикой местности. Тем не менее бывший старший охотник казался бодрым и полным жизни. Он широко улыбнулся.

Она не очень тактично выпалила:

— Я думала, вы умерли!

Фаллон пожал плечами.

— Люди думают то, что им нравится. Но я никогда не говорил, что умер. — Дзенская шутка, если Сара еще что-то в этом понимает. Но тут она вспомнила, что сказала женщина Ата, хоть и заслоняла глаза рукой, казалось, привычно воспринимает яркие цвета Спектрального Потока.

— Меня зовут Форуни, — сказала она Саре. — Я старшая всадница.

— Вы знали мою мать?

Пожилая женщина взяла Сару за руку. Ее манеры напомнили Саре Ариану Фу.

— Мелина была моей двоюродной сестрой. Все эти годы я скучала по ней, хотя редкие письма рассказывали нам о ее выдающихся детях. Вы трое оправдали ее выбор, хотя изгнание далось ей нелегко. Трудно оставить наших лошадей и наши меняющиеся тени.

— Мама ушла из-за Ларка?

— У нас есть способы добиваться, чтобы рождались в большинстве девочки. Когда рождается мальчик, мы воспитываем его у наших тайных друзей на Склоне, беря вместо него девочку.

Сара кивнула. Обмен детьми для воспитания был распространенной практикой, помогая укрепить союзы поселков и кланов.

— Но мама не захотела отдавать Ларка.

— Именно. И нам все равно нужны были там агенты, а на Мелину можно было положиться. Так мы и сделали, и решение оказалось верным, но мы горевали, услышав о ее смерти.

Сара ответила на это кивком.

— Но я не понимаю, почему только женщины?

В углах у пожилой женщины глубокие морщины от постоянного прищуривания.

— Таково было требование в древности, когда тетки племени Урчачкин предложили некоторым людям и лошадям укрыться в самом тайном месте, чтобы уберечь их от Урунтая. В те ранние дни уры считали мужчин опасными — такими сильными и буйными, в отличие от их собственных мужей. Казалось, проще организовать все на основе договоренности женщин с женщинами.

К тому же подростки мальчики, как бы тщательно их ни воспитывали, в определенном возрасте склонны отвергать общественные ограничения. Со временем отдельные молодые мужчины все равно вырвались бы из царства иллий без необходимых приготовлений, и все было бы раскрыто. В своей потребности прославиться и покрасоваться они могли бы выдать нашу тайну всей Общине.

— Девочки тоже иногда ведут себя так, — за-

метила Сара.

— Да, но вероятность этого гораздо меньше. Подумай о твоих знакомых молодых людях, Сара. Как бы они повели себя?

Сара представила себе братьев, растущих в этом ограниченном оазисе. Ларк был бы серьезным и надежным. Но Двер в пятнадцать лет был совсем не таким, каким стал в двадцать.

— Но я вижу, здесь не только женщины.

Старшая всадница улыбнулась.

— И мы не даем обет безбрачия. Время от времени мы приводим сюда зрелых мужчин, тех, кто уже знает нашу тайну и достигает возраста, когда способен стать рассудительным, хладнокровным и надежным компаньоном, но еще сохраняет бодрую и энергичную походку.

Фаллон рассмеялся, чтобы скрыть смущение.

— Моя походка — больше не лучшая моя черта.

Форуни сжала ему руку.

— Но ты нам еще подходишь.

Сара кивнула.

— Решение, похожее на урское. — Иногда группа молодых самок, не имеющая возможности завести индивидуальных мужей, сообща пользуется одним, передавая его из сумки в сумку.

Старшая всадница иронично кивнула.

— После многих поколений мы сами стали немного урами.

Сара искоса взглянула на взрывника Курта. Тот сидел на гладком камне и внимательно изучал тщательно охраняемый текст. Джома и Прити сидели поблизости от него.

— Значит, вы отправили экспедицию за Куртом, потому что вам нужен еще один…

— Ифни, нет, конечно! Курт слишком стар для таких обязанностей, и когда мы приводим новых партнеров, то с соблюдением всех предосторожностей. Разве Курт не объяснил вам, в чем дело? Не рассказал о своей роли в настоящем кризисе? Причину, по которой мы так стремились забрать вас всех?

Когда Сара покачала головой, Форуни по-урски раздула ноздри и зашипела, как урская тетка, выведенная из себя глупым поведением подростков.

— Ну, это его дело. Я знаю только, что мы должны как можно быстрее провести вас дальше. Сегодня, племянница, ты отдыхаешь с нами. Но увы, семейным воспоминаниям придется подождать, пока чрезвычайное положение не кончится или не погубит нас всех.

Сара кивнула, мысленно смиряясь с новой поездкой верхом.

— Отсюда можно увидеть?...

Фаллон кивнул, на его морщинистом лице появилась мягкая улыбка.

— Я тебе покажу, Сара. Это недалеко.

Сара взяла его за руку, а Форуни попросила вернуться быстрей, к пиру. Сара уже чувствовала ароматы пищи, поднимающиеся от кухонного костра. Но пришлось думать о дороге. Они пересекли узкие чудесные луга, потом низкорослые кустарники, где паслись симлы, и подошли к крутому подъему между двумя утесами. Солнечный свет быстро гас, и вскоре на далеком западном горизонте стала видна меньшая луна Пассен.

Не доходя до верха подъема, Сара услышала музыку. Впереди негромко играл на дульцимере Эмерсон. Девушке не хотелось мешать ему, но ее тянуло к себе сияние, мерцающее свечение, исходящее от Джиджо и заполняющее все пространство за защищенным оазисом.

В жемчужном лунном свете местность преобразилась. Исчезли резкие кричащие тона, но оставались экстравагантные картины, возбуждающие воображение. Требовалось усилие воли, чтобы не скользнуть по склонам, не поверить в

фальшивые океаны и крепости, в призрачные города и космические корабли, в мириады фантомных миров, которые создавал из опаловых лучей и теней стремящийся к образному восприятию мозг.

Фаллон взял Сару за локоть и повернул к Эмерсону.

Звездный человек стоял на скальном выступе, держал перед собой дульцимер и играл на всех его сорока шести струнах. Мелодия казалась причудливой и странной. Ритм упорядоченный, но его невозможно сдержать, он похож на серию математических уравнений, не поддающихся решению.

Силуэт Эмерсона был окружен мерцающим огнем. Звездный человек воспевал природный водоворот.

Этот огонь не был воображаемым. Не обманом глаза. Он дергался и мерцал на удалении, окаймляя очертания могучей вершины, вздымавшейся почти до самого неба.

Свежая лава.

Горячая кровь Джиджо.

Нектар обновления планеты, расплавленный и преобразованный.

Дергая за тугие струны, Незнакомец играл горе

Гуэнн, пел серенаду вулкану, а тот в ответ окружал его ореолом мерцающего пламени.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПРЕДЛОЖЕНИЕ О ПОЛЕЗНОМ ИНСТРУМЕНТЕ/СТРАТЕГИИ, ОСНОВАННОЕ НА НАШЕМ ОПЫТЕ НА ДЖИДЖО

Прошла почти тысяча лет с последнего крупного обнаружения трекиности.

Те находки обычно вызывали неловкость: груды несчастных колец прозябали без единого мастер-кольца, способного руководить ими. Но на памяти живого воска нет больше ни одной такой находки.

Реакцией нашего корабля «Полкджи» на подобную находку было отвращение.

Однако остановимся и подумаем, как великий джофурский союз может узнать/получить выгоду от этого эксперимента. Никогда раньше наши кольца-родичи не жили в такой интимной близости с другими расами. Эти треки, хоть они осквернены и заражены, тем не менее накопили для всех нас восковой опыт и знания относительно разумных форм жизни уров, хунов и квуэнов, а также волчат людей и паразитов г'кеков.

Больше того, те самые черты, которые мы, джофуры, находим отвратительными в природных кольцах треки: неспособность сосредоточиться на достижении великой цели, отсутствие честолюбия — позволили им достичь эмпатии с унитарными существами! Им доверяют тайны, с ними советуются, наделяют некоторых треки обязанностями медиков и даже правом продолжать или прекращать жизнь.

ТОЛЬКО ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, КАКИЕ ЭТО ОТКРОЕТ ВОЗМОЖНОСТИ, ЕСЛИ МЫ ПОЙДЕМ НА УЛОВКУ.

Мы можем намеренно создать новых треки и организовать для них «побег» из любящих объятий нашего благородного клана. Искренне веря, что они бегут от «угнетающих» мастер-колец, эти треки будут вынуждены искать убежище среди рас, которых мы называем своими врагами.

Далее предположим, что, используя этот свой дар бессодержательной эмпатии, они обретут друзей среди наших врагов. Пройдет несколько поколений, и они станут доверенными товарищами.

И в этот момент мы дадим сигнал нашим агентам схватить — собрать урожай — этих самых треки, превратить их в джофуров точно так же,

как произошло, когда Аскс преобразился и стал Эвасксом. Для этого нужно только применить мастер-кольцо.

Разве это не даст нам ценнейшие сведения о наших врагах?

Конечно, эксперимент с Эвасксом не достиг полного успеха. Старый треки, Аскс, сумел растопить многие восковые воспоминания, прежде чем метаморфоза завершилась. Возникшая в результате частичная амнезия оказалась очень неудобной.

Однако это не уменьшает ценности всего плана — поместить шпионов-эмпатов в самую середину наших врагов. Шпионов, которым будут верить, потому что они сами считают себя искренними друзьями! А потом с помощью мастер-колец мы вернем потерянных братьев, когда и где их обнаружим.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» МАКАМИ

В обширном влажном классном помещении были два типа учеников.

Одна группа излучала надежду, другая — отчаяние.

Одна была незаконной — другая несчастной.

Первый тип — невинные и жаждущие знаний.

Второй тип — те, кто и так уже видел и слышал слишком много.

хорошая рыба.

хорошаярыба, хорошаярыба.

хорошая-хорошая РЫБА!

Доктор Макани на борту «Стремительного» никогда не использовала первичный дельфиний язык. Тем более тогда, когда мастер кининка Крайдайки своим постоянным примером поддерживал равновесие в экипаже.

Увы, сегодня постоянно слышатся обрывки старой речи — простые, эмоциональные писки, какими пользовались неизмененные турсиопы в древних земных морях. Как корабельный врач, Макани сама иногда обнаруживала, что когда со всех сторон окружают огорчения и испытания, она бросает фразу на этом языке, когда ее никто не слышит.

Макани посмотрела вдоль просторного помещения, наполовину заполненного водой, а ученики в это время толпились у большого бака с вращающимся концом, торопясь получить пищу. Здесь почти тридцать неодельфинов плюс

дюжина шестируких, обезьяноподобных фигур, карабкающихся по полкам на стенах или ныряющих и быстро гребущих руками с перепонками между пальцами. Из той группы кикви, которую торопливо забрали на Китрупе, уцелела только половина, но оставшиеся в живых кажутся здоровыми и любят поиграть со своими друзьями-дельфинами.

Я по— прежнему не уверена, что мы поступили правильно, когда взяли их с собой. Неодельфины слишком молоды, чтобы принимать на себя ответственность патронов.

Два учителя старались привести толпу в порядок. Макани видела, как более молодой инструктор — ее бывшая старшая сестра Пипое — с помощью механической руки выхватывает из вращающегося бака живую пищу и бросает ждущей толпе учеников. Тот, что произнес слова на первичном языке — средних лет дельфин с лишенными блеска глазами, — поймал в зубы извивающееся существо со щупальцами, совсем не похожее на рыбу. Тем не менее, жуя, дельфин счастливо напевал:

хорошая рыба хорошая-хорошая-хорошая!

Макани была знакома с бедным Джекаджекой до того, как «Стремительный» улетел с Земли. Бывший астрофотограф любил свои камеры и сверкающую черноту пространства. Теперь Джекаджека — еще одна жертва долгого бегства «Стремительного», все дальше уходящего от теплых океанов, которые они называют домом.

Полет должен был продолжаться шесть месяцев, а не два с половиной года, причем конца ему не видно. Молодая раса клиентов не должна почти в одиночку встречаться с такими препятствиями.

Если посмотреть в таком аспекте, казалось чудом, что только четверть экипажа поддалась психозу регресса.

Подожди, Макани. Ты можешь еще сама пойти по этой дороге.

— Да, они вкусные, Джекаджека, — пропела Пипое, превращая всплеск регрессировавшего дельфина в урок. — Ты можешь сказать мне на англике, откуда пришла эта новая разновидность рыбы?

Послышались радостные писки и хмыканья — это более умная половина учеников, та, у которой есть будущее. Но Пипое поглаживала старшего дельфина сонарным подбадриванием, и вскоре

остекленевший взгляд Джекаджеки слегка прояснился. Чтобы доставить ей удовольствие, он сосредоточился.

— С с-сс-наружи. Хорошее с-с-солнце, хорошая в-в-вода.

Остальные ученики радостными возгласами приветствовали краткое возвращение к тому, кем он был когда-то. Но подъем очень скользкий. И здесь врач ничего не может сделать. Причина не в органическом заболевании.

Регресс — последнее убежище от тревоги.

Макани одобряла решение лейтенанта Тш'т и Джиллиан Баскин не сообщать всему экипажу содержание дневника хуна Олвина.

Если и есть что-то, что сейчас не нужно экипажу, так это известие о религии, которая провозглашает святость регресса.

Пипое закончила кормить регрессировавших взрослых, а ее партнер занимался детьми и кикви. Заметив Макани, Пипое двумя мощными ударами плавников проплыла все помещение и вынырнула в пене и брызгах.

— Да, доктор? Вы хотели меня видеть?

Кто не хотел бы увидеть Пипое? Ее кожа сверкает юношеским блеском, хорошее настроение не покинуло ее, даже когда корабль бежал с Кит-

рупа, оставив так много друзей.

— Нам для экспедиции нужна квалифицированная медицинская сестра. Боюсь, что экспедиция предстоит длительная.

Пипое задумалась, издавая резкие щелчки.

— Аванпост Каа. Кто-нибудь ранен?

— Не знаю. Возможно, это пищевое отравление или лихорадка кингри.

Озабоченное выражение Пипое слегка смягчилось.

— В таком случае не сможет ли Каа сам о себе позаботиться? У меня здесь есть обязанности.

— Пока ты отсутствуешь, тебя заменит Олачан.

Пипое покачала головой. Этот человеческий жест стал так привычен, что его использовали даже регрессировавшие дельфины.

— Должно быть два учителя. Нельзя смешивать детей и кикви с несчастными взрослыми.

До сих пор на корабле родилось только пять дельфиньих младенцев, несмотря на все большее количество подписей под «Петицией о размножении». Но эти пятеро заслуживали тщательного руководства. И то же самое вдвойне относится к кикви. Ведь они готовы к возвышению тем галактическим кланом, который получит право их принять. И это накладывало на экипаж «Стреми-

тельного» серьезные моральные обязательства.

— Я сама присмотрю за кикви и мы по очереди будем освобождать родителей малышей от обязанностей, чтобы они помогали учителю. Это все, что я могу сделать, Пипое.

Пипое согласилась, но недовольно сказала:

— Предстоит дикая охота за тунцом. Я знаю Каа: он, вероятно, забыл прочистить водяные фильтры.

Все знали, что пилот давно стремится к Пипое. Дельфины могут сонаром просвечивать внутренности друг друга, и от них невозможно скрыть постоянную устойчивую страсть.

Бедный Каа. Неудивительно, что он потерял свое прозвище.

— Есть и вторая причина, почему тебе следует пойти, — негромко сказала Макани.

— Я так и думала. Имеет ли это отношение к гравитационным следам и глубинным бомбам?

— Это убежище стало опасно, — подтвердила Макани. — Джиллиан и Тш'т собираются вскоре переместить «Стремительный».

— Вы хотите, чтобы я помогла найти другое убежище? Просканировать по пути эти гигантские груды мусора? — Пипое с силой выдохнула. — А что еще? Может, мне сочинить симфонию, изоб-

рести звездный двигатель и заключить договор с туземцами?

Макани фыркнула.

— По всем отчетам, освещенное солнцем море наверху очень приятное, мы такого не встречали с отлета с Галафии. Все будут тебе завидовать.

И когда Пипое с сомнением фыркнула, Макани добавила на тринари:

Легенды, рассказанные китами,

Одну черту называют восхитительной —

Приспособляемость!

На этот раз Пипое восхищенно рассмеялась. Именно так мог бы сказать капитан Крайдайки, будь он по-прежнему с ними.

Вернувшись в лазарет, Макани закончила работу с последним пациентом и закрыла кабинет. Было несколько неизбежных психосоматических заболеваний, неизбежные несчастные случаи во время работы в тяжелых бронированных скафандрах: ведь приходилось резать и сгибать металл грандиозной горы брошенных кораблей. По крайней мере с тех пор как специальная команда с сетями принялась ловить местную рыбу, жалоб на пищеварение стало меньше. Верхние

слои моря Джиджо кишели жизнью, и большинство организмов пригодны в пищу, если сделать правильные добавки. Тш'т готова была уже разрешить выход наверх для отдыха, когда сенсоры зафиксировали сигналы кораблей на орбите.

Преследование ли это? Новые разгневанные флоты, пытающиеся захватить «Стремительный» из-за его тайн? Никто не мог бы проследить за кораблем на проложенном Джиллиан тайном маршруте мимо соседнего сверхгиганта, чьи космические ветры вывели из строя сторожевых роботов Института Миграции.

Но мысль оказалась не такой оригинальной, как мы надеялись. Ранее тем же путем проходили другие, включая группу землян. Думаю, не стоит удивляться, что и нашим преследователям это пришло в голову.

Хронометр Макани запищал — это напоминание. Предстоит корабельный совет: два дельфина, два человека и безумный компьютер снова собираются, чтобы подумать, как обмануть неумолимую вселенную.

На совете молча присутствовал и шестой член, на каждом повороте предлагая новую неожиданную комбинацию возможностей и катастроф. Без вмешательства этого члена «Стремительный»

давно погиб бы или был захвачен.

Или без нее мы были бы в безопасности дома.

В любом случае избежать ее участия невозможно.

Участия Ифни, капризной богини случая.

ХАННЕС

Трудно что-нибудь делать. Доктор Баскин продолжает сокращать инженерную команду, поручая ее членам другие задания.

Он недовольно проворчал:

— Еще рано отказываться от «Стремительного», говорю вам!

— Я пока не собираюсь отказываться, — ответила Джиллиан. — Но с этим толстым слоем углерода, который тянет его вниз…

— Мы наконец сумели проанализировать это вещество. Похоже, звездный ветер от Измунути состоит не только из атомного или молекулярного углерода, но и из трубок, завитков, шаров и тому подобного.

Джиллиан кивнула, как будто ожидала этого.

— Как яйца самца. Или на галдва… — Поджав губы, она издала резкий звук, означающий «контейнер для индивидуальных атомов». — Я

провела небольшое исследование в захваченной ячейке памяти Библиотеки. Похоже, сложное переплетение таких микроформ может приобрести свойства сверхпроводника и поглощать огромное количество тепла. С теми инструментами, которые у нас есть, от него избавиться не так легко.

— Но такой материал должен иметь и свои преимущества.

— Библиотека говорит, что лишь несколько кланов сумели синтезировать подобный материал. Но что он нам даст, если делает корпус слишком тяжелым и закрывает орудийные порты, так что мы не можем сражаться.

Суэсси возразил, что предлагаемая ею альтернатива ничем не лучше. Конечно, их окружает огромное количество древних кораблей, и они сумели активировать в некоторых из них двигатели. Но это очень далеко от подходящей замены разведывательного корабля класса «Акула», который так хорошо до сих пор служил экипажу.

Это корабли, которые буйуры считали ненужными и не взяли с собой, когда покидали планету.

И прежде всего — как дельфины собираются управлять кораблем, который был построен еще до того, как люди научились делать кремневые

орудия? «Стремительный» был чудом остроумных компромиссов, перестроенный таким образом, чтобы существа без ног и рук могли в нем передвигаться и выполнять свою работу. Они либо шагали в шестиногих ходячих скафандрах, либо плавали в широких затопленных помещениях.

Дельфины — первоклассные пилоты и специалисты. Когда-нибудь их будут нанимать галактические кланы и предлагать хорошие условия как отличным профессионалам. Но мало кто пожелает иметь дело со «Стремительным», со всеми связанными с ним неприятностями.

Джиллиан настаивала на своем.

— Мы приспособились и раньше. И конечно, у некоторых из этих кораблей конструкция, которую мы могли бы использовать.

Прежде чем совет кончился, Суэсси высказал последнее возражение.

— Ты знаешь, что возня с этими машинами, да и нашими тоже, может быть уловлена даже сквозь толщу воды.

— Знаю, Ханнес. — У нее был мрачный взгляд. — Но сейчас важна быстрота. Преследователи и так приблизительно знают, где мы. Возможно, они сейчас заняты, но скоро все равно придут. Мы

должны подготовиться к перемещению «Стремительного» в другое место или даже вообще к оставлению корабля.

И поэтому Суэсси подчинился, пересмотрел обязанности членов своей команды, прекратил работы на корпусе и отправил свою уменьшившуюся группу на разведку чуждых кораблей — задание одновременно опасное и захватывающее. Многие из этих брошенных кораблей казались более ценными, чем те, что могла купить обедневшая Земля у продавцов использованных судов. В других обстоятельствах эта Помойка могла бы быть грандиозным открытием.

— В других обстоятельствах, — пробормотал он, — мы бы здесь никогда не оказались.

СУНЕРЫ ЭМЕРСОН

Какое удивительное место!

С самого великолепного заката он поет серенады звездам и светящемуся вулкану, а потом и полумесяцу сверкающих отражений на большем спутнике. Мертвые города, покинутые много веков назад.

Теперь Эмерсон поворачивается на восток, к

новому дню. Погруженный в теплую усталость, стоя на высоком утесе над узкими долинами Кси, он смотрит на кричащее вторжение рассвета.

В одиночестве.

Даже женщины всадницы днем стараются не выходить из убежищ. На рассвете лучи разбухшего солнца смешивают все краски ночи, гоня их перед собой, как могучий прилив. Волна пятнистого света. Резкая и горькая, как осколки разбитого стекла.

Прежний Эмерсон, тот логичный и рассудительный инженер, который всегда знал, что такое реальность и как ее классифицировать, счел бы эти впечатления слишком болезненными. Умный Эмерсон, который умел починить любой сломанный механизм. Тот Эмерсон дрогнул бы перед этим приступом. Перед ошеломляющим ураганом болезненных лучей.

Но сейчас это кажется ерундой по сравнению с болью, которую он испытал после падения на эту планету. По сравнению с тем, что у него вырвали часть мозга, бурю света вряд ли можно даже считать мелкой досадой. Скорее похоже на то, как пятьдесят мяукающих котят царапают его мозолистую кожу, и она зудит от бесчисленных крошечных царапин.

Эмерсон широко разводит руки, раскрываясь перед зачарованной землей, чьи цвета пробивают блокировку его сознания, сжигают преграды, высвобождают из немого заключения спазмы накопившихся образов.

Узкие каньоны слой за слоем заполняются странными образами. Взрывы в космосе. Полузатонувшие планеты, на которых пузыри-острова блестят, как металлические грибы. Дом из льда, который тянется во всех направлениях от тусклой красной звезды, превращая блеск этой звезды в прирученное пламя очага.

Перед ним проходят эти и бесчисленные другие картины. И каждая требует внимания, делает вид, что именно она реальна. Но он знает, что все эти картины иллюзорны.

Ряды бронированных женщин размахивают хлыстами из раздвоенных молний, сидя верхом на огнедышащих драконах. Кровь из ран драконов радугой опускается на поверхность пустыни. Эмерсон заинтересован, но с помощью реука преобразует картины, отбрасывая все фантастическое и не имеющее реальной основы.

Что же остается?

Похоже, остается многое.

На ближайшем лавовом поле хрустальные

частицы отражают резкие солнечные всплески, которые глаз воспринимает как далекие мощные взрывы. Всякое представление о масштабах исчезает, когда перед ним в битве гибнут могучие корабли. Эскадры судов уничтожают друг друга. Измученное пространство поглощает целые флоты.

Это правда!

Он знает, что это подлинное воспоминание. Незабываемое. Слишком ужасное, чтобы отпустить его по эту сторону смерти.

Так почему оно утратилось?

Эмерсон пытается подобрать слова, пользуясь этой редкой возможностью вернуть воспоминания туда, где им место.

Я видел, как это происходило.

Я был там.

Он пытается добиться большего. В том направлении, посреди поля, усеянного обычными камнями, лежит галактическая спираль, вид сверху на галактическое колесо. Вид из мелкого пространства, куда редко дотягиваются пространственные потоки, В этом месте множество тайн, которые не тревожат волны времени.

Пока не прилетели те, у кого больше любопытства, чем благоразумия, и не потревожили

могильное спокойствие.

Кто это?…

Он подбирает подходящее слово.

Мы.

Нет, еще более подходящее.

«Стремительный»!

Легкий поворот, и он видит корабль на каменных слоях соседней плоской вершины. Стройный цилиндр, усаженный острыми выступами, которые призваны удержать корабль в этой вселенной, враждебной всему, что олицетворяет «Стремительный». Он с тоской смотрит на корабль. Обожженный и заплатанный — многие заплаты сделаны его руками, он прекрасен в глазах тех, кто его любит.

…его любит.

Слова обладают силой, способной пробудить мозг. Эмерсон осматривает горизонт — на этот раз в поисках человеческого лица. Лица, которым он восхищался, но мог в ответ надеяться лишь на дружбу. Однако ее лицо он не может найти в этом ошеломляющем ландшафте.

Эмерсон вздыхает. Пока достаточно открытий того, что он когда-то знал. Одно соотношение оказывается особенно полезным. Если болит, это истинное воспоминание.

Что бы означал этот факт?

Вопрос сам по себе заставляет его череп словно раскалываться от боли! Может, в этом цель боли? Помешать ему вспоминать?

Его одолевают болезненные ощущения. Дело гораздо хуже! — вопросы даже нельзя задавать!

Эмерсон сжимает голову: понимание приходит к нему с сокрушительными ударами.

Никогда, никогда, никогда.

Раскачиваясь, он испускает вопль. Воет, как раненое животное, его вопли проносятся над скальными выступами. Звук летит, как вспугнутая птица, и сдерживается перед самым столкновением.

Резко, круто поворачивает и возвращается как смех!

Эмерсон ревет.

В реве он выражает свое презрение.

Он ржет воинственной радостью.

По щекам его льются слезы, но он задает вопрос и наслаждается ответом, поняв наконец, что он не трус. Его амнезия — это не истерический уход от действительности. Не бегство от травм прошлого.

То, что произошло с его мозгом, не случайность. Горячий свинец словно течет по его спине — это

запрограммированные запреты пытаются его сдержать. Сердце Эмерсона разбухает, грозит разорвать грудную клетку. Но он почти не замечает этого, с жестоким оживлением разглядывая скрытую истину.

Кто— то это сделал.

И прямо перед ним, с плоской вершины холма, на него смотрят холодные глаза. Светлые и молочные. Загадочные, Древние, обманчивые. Они могут внушать ужас — тому, кому есть что терять.

Кто— то это сделал со мной!

Сжимая кулаки, с мокрыми щеками, Эмерсон видит, как сливаются цвета. Его глаза заполняются жидкой болью. Но это больше не имеет значения.

Теперь он видит.

Видит только то, что знает.

Незнакомец кричит, и крик его летит над вечными холмами.

Крик вызова.

ЭВАСКС

Они проявляют мужество.

В этом отношении вы оказались правы, Мои

кольца.

Мы, джофуры, не ожидали, что они придут так скоро после того, как «Полкджи» выжег все на двадцать коречей вокруг места нашей посадки. Но вот эта делегация, размахивающая белым знаменем.

Вначале значение этого символа было непонятно груде коммуникации нашего «Полкджи». Но ассоциативное кольцо этой груды выдало сведения о соответствующей человеческой традиции — белый флаг означает мир.

Мы сообщили об этом капитану-лидеру. Эта возвышенная груда кажется довольной нашей службой. Мои кольца, вы поистине хорошо информированы относительно этих паразитов! Эти кажущиеся бесполезными торы, оставшиеся от прежнего Аскса, содержат в своем воске сведения о людях, которые могут оказаться полезными союзу Обейер, если в Пять Галактик действительно пришло предсказанное время перемен.

В Великой Библиотеке раздражающе мало информации о маленьком земном клане. Какая ирония, что обильные сведения мы находим на такой примитивной, отсталой планете, как Джиджо. Сведения, которые могут помочь нам в нашей цели — полном уничтожении всех

волчат.

Что? Вы содрогаетесь от такой перспективы?

В радостном предчувствии службы? В предвидении, что еще один враг нашего клана будет уничтожен?

Нет. Вы содрогаетесь, наполняя наш сердечник мятежными испарениями!

Мои бедные отравленные кольца. Неужели вы так заражены чуждыми представлениями, что вам жалко этих несносных двуногих? И паразитов г'кеков, которых мы поклялись уничтожить?

Возможно, яд настолько силен, что делает вас непригодными к службе, вопреки всем вашим знаниям.

Оайлие были правы. Без мастер-кольца все груды могут превратиться в сентиментальных треки.

ЛАРК

Высокий звездный повелитель в куртке и брюках из домотканого материала производил не менее сильное впечатление, чем в своем прежнем черно-серебристом мундире. Массивные руки Ранна и его клинообразный торс заставляли воображать невозможные картины, например,

спортивную схватку между ним и взрослым хуном.

«Это может немного сбить с него спесь, — думал Ларк. — Ничего высшего в этом парне нет. За физической силой и самодовольством Ранна та же технология, которая придала Линг внешность богини. Я мог бы стать таким же сильным — и жить триста лет, — если бы не родился в этой далекой глуши».

Ранн говорил на англике с заметным даникским акцентом, с горячими обертонами, как и его ротенские повелители.

— Услуга, о которой ты просишь, одновременно рискованна и нагла. Можешь ли назвать хоть одну причину, по которой я должен с вами сотрудничать?

Охраняемый милицейскими стражниками, звездный лорд скрестив ноги сидел в одной из пещер горы Дуден, где замаскированные рампы сливались с окружающим лесом под навесами из блеклых тканей. Далекие хребты за поселком г'кеков словно рябили, когда деревья бу сгибали под ветром свои гигантские стволы. Из соседних гротов поднимались геотермальные пары, скрывая пленника от галактических инструментов — так по крайней мере надеялись мудрецы.

Перед Ранном лежала груда ромбов с символом Галактической Библиотеки, те самые коричневые плитки, которые Ларк и Утен нашли в разрушенной станции даников.

— Я могу назвать несколько причин, — ответил Ларк. — Половина знакомых мне квуэнов больны или умирают от грязного вируса, которого выпустили вы, ублюдки.

Ранн пренебрежительно отмахнулся.

— Это ваше предположение. Я его отвергаю.

У Ларка дыхание перехватило от гнева. Вопреки всем неопровержимым доказательствам Ранн упрямо отвергал возможность распространения ротенами смертельных микроорганизмов. То, что вы предполагаете, совершенно нелепо, сказал он раньше. Это противоречит природной доброте наших повелителей.

Первой реакцией Ларка было изумление. Природная доброта? Разве Ранн не был участником той сцены, когда Блур, несчастный портретист, сфотографировал лицо ротена без маски, а Рокенн реагировал на это приказом перебить всех свидетелей?

Ларку не принесло никакой пользы перечисление, пункт за пунктом, всех доказательств, которые он излагал Линг. Рослый звездный чело-

век слишком презирал все джиджоанское, чтобы прислушаться к доводам логики.

Или он с самого начала в этом участвовал и теперь считает отказ своей лучшей защитой.

Линг с несчастным видом сидела на обломке сталагмита, не способная посмотреть в глаза своему бывшему руководителю. Они обратились к Ранну за помощью после того, как она с помощью своего информационного диска не смогла проникнуть в найденный архив.

— Хорошо, — сказал Ларк. — Если на тебя не действуют милосердие и справедливость, то, может, подействуют угрозы.

Рослый мужчина хрипло рассмеялся.

— А сколькими заложниками вы можете пожертвовать, молодой варвар? Чтобы предотвратить огонь с неба, у вас только трое нас. Твоим угрозам не хватает убедительности.

Ларк чувствовал себя, как пустынный лемминг при встрече с лиггером. Тем не менее он придвинулся.

— Положение изменилось, Ранн. Раньше мы надеялись добиться уступок, передав вас на корабль ротенов. Теперь и корабль, и все члены его экипажа заключены в пузыре. А мы будем вести переговоры с джофурами. Подозреваю, что им все

равно, как ты будешь выглядеть и в чем будешь одет, когда мы передадим тебя им.

Лицо Ранна стало бесстрастным. Ларк находил это ободряющим.

Но тут вмешалась Линг.

— Пожалуйста. Такой подход бесцелен. — Она встала и подошла к своему коллеге данику. — Ранн, возможно, нам придется всю оставшуюся жизнь провести с этими людьми или разделить судьбу, какую уготовили им джофуры. Излечение может улучшить отношения с Шестью Расами. Их мудрецы пообещали простить нас, если мы найдем средство быстро.

Молчаливая гримаса Ранна не требовала истолкования с помощью реука. Ему не нравилось оправдание со стороны дикарей.

— И еще эти фотографии, — продолжала Линг. — Ты принадлежишь к Внутреннему Кругу и, должно быть, видел лица ротенов и раньше. Но меня это шокировало. Конечно, эти фотографические изображения — оружие в руках туземцев Джиджо. Сохраняя верность нашим повелителям ротенам, ты должен подумать и об этом.

— И кому они покажут эти картинки? — усмехнулся Ранн. Потом посмотрел на Ларка, и выражение его лица изменилось. — Вы ведь на самом

деле не можете…

— Передать их джофурам? А зачем нам беспокоиться? Джофуры в любое время, когда только захотят, могут раздавить ваш звездный корабль и разделить ваших хозяев на составляющие нуклеиновые кислоты. Посмотри в лицо фактам, Ранн: маскировка больше ничего не дает. Джофуры уже могли плотно обернуть свои кольца мульчи вокруг ваших повелителей.

— Вокруг возлюбленных патронов человечества?

Ларк пожал плечами.

— Правда это или нет, но это ничего не меняет. Если джофуры захотят, ротенов предадут анафеме во всех Пяти Галактиках. Наказание может быть очень суровым.

— А как же ваши Шесть Рас? — горячо возразил Ранн. — Вы все тоже преступники. Всем вам грозит наказание — и не только людям и остальным живущим здесь, но целиком всем расам повсюду в космосе!

— Ага. — Ларк кивнул. — Но мы это всегда знали. Мы вырастали, рассуждая о вероятности такого мрачного исхода. Сознание вины всегда окрашивало наше представление о жизни. — Он сардонически улыбнулся. — Но сомневаюсь,

чтобы такое оптимистическое существо, как ты, считающее себя частью грандиозного замысла, могло бы смириться с утратой всего, что любит и ценит.

Лицо даника наконец помрачнело.

— Ранн, — настойчиво заговорила Линг. — Надо действовать совместно.

Он сердито посмотрел на нее.

— Без одобрения Ро-кенна?

— Его увезли далеко отсюда. Даже Ларк не знает, где он. И теперь я убеждена, что мы должны думать о благе человечества, о благе Земли независимо от ротенов.

— Одно без другого невозможно.

Она пожала плечами.

— Тогда будем прагматиками. Если мы поможем этим людям, может быть, они то же самое сделают для нас.

Рослый мужчина скептически фыркнул. Но спустя несколько дуров коснулся ногой груды информационных ромбов.

— Ну, мне любопытно. Они не из Библиотеки станции. Я узнаю цветные глифы. Ты уже пыталась получить доступ?

Линг кивнула.

— Тогда, может, у меня получится лучше.

Он снова посмотрел на Ларка.

— Ты знаешь, каков риск, если я включу свой ридер?

Ларк кивнул. Лестер Кембел уже объяснил ему. Вероятно, цифровое сознание, осуществляемое крошечными информационными устройствами, будет скрыто гейзерами и микроземлетрясениями, которые постоянно происходят под Риммером.

Однако для большей уверенности все основатели колонии, от г'кеков и глейверов до уров и людей, отправили свои крадущиеся корабли в Помойку. Не осталось ни одного компьютера. Наши предки, должно быть, считали опасность весьма реальной.

— Не нужно читать сунерам лекции о риске, — ответил Ларк рослому человеку со звезд. — Вся наша жизнь поставлена на кость Ифни. Мы знаем, что это не вопрос выигрыша. Наша цель — как можно дольше оттягивать проигрыш.

Джими, один из благословенных, живших поблизости, в святилище избавившихся, добродушный молодой человек, почти такой же рослый, как Ранн, но гораздо более мягкий, принес еду. А также записку от Лестера Кембела. Посольство к джофурам прибыло на Поляну

Праздника, надеясь вступить в контакт с последними пришельцами.

На листочке вручную было написано: «Каков прогресс?»

Ларк поморщился. Он не знал, что в данном случае означает «прогресс», хотя сомневался, что достиг хоть какого-то.

Линг помогала вкладывать бежевые пластинки в информационный диск Ранна. Даники вместе удивленно разглядывали непонятные сверкающие символы.

Книги периода до «Обители» описывали, что такое цифровой мир — царство бесконечных измерений, возможностей и корреляций, где любая имитация приобретает свойства ощутимой реальности. Конечно, описания не заменяют непосредственный опыт. Но я не таков, как легендарные островитяне, которых ставили в тупик ружье и компас капитана Кука. Я имею некоторое представление о возможном, немного знаю математику.

Во всяком случае он на это надеялся.

Но потом встревожился. Может, даники притворяются? Делают вид, что столкнулись с трудностями, тогда как просто тянут время?

Времени осталось немного. Скоро умрет Утен,

а за ним и другие хитиновые друзья. Но что еще хуже, дошли слухи о целых хунских селениях, все жители которых чихают и кашляют. Их горловые мешки поражены неведомой болезнью.

«Давайте! — молча торопил он. — Что сложного в простом компьютерном индексе?»

Ранн отбросил ромб, издав гортанное проклятие на чуждом арго.

— Зашифровано!

— Я так и думала, — сказала Линг. — Но мне казалось, что ты как член Внутреннего…

— Даже нам, из круга, говорят не все. Но я знаю основы кодов ротенов. Этот совсем другой. — Он нахмурился. — Однако он кажется мне знакомым.

— Ты можешь его сломать? — спросила Линг, вглядываясь в лабиринт плывущих символов.

— Не с таким примитивным ридером. Нужно что-то побольше. Настоящий компьютер.

Линг распрямилась, понимающе глядя на Ларка. Но решение предоставила ему.

Ларк выдул воздух из щек.

— Хр-рм. Я думаю, это можно организовать.

Смешанный отряд милиции тренировался под соседними деревьями, выглядя мужественно в пятнистой боевой раскраске. Ларк видел только

несколько мощных квуэнов, хотя именно пятиногие бронированные существа составляют основу милиции на Джиджо.

Как один из немногих живых джиджоанцев, побывавших на борту чуждого корабля и своими глазами видевших их оружие, Ларк представлял себе, каким неожиданным и случайным оказался исход Битвы на Поляне: копья, арбалеты и ружья против звездных богов. Такая случайность больше не повторится. Но нет причин прекращать тренировки. Они держат добровольцев занятыми и помогают предотвратить воскрешение древних распрей. Что бы ни случилось: подчинимся ли мы со склоненными головами окончательному решению или умрем сражаясь, — мы не можем позволить себе разногласий.

В палатке у ручья их ждал Лестер Кембел.

— Мы рискуем, делая это, — сказал пожилой мудрец.

— А есть ли у нас другой выбор?

Во взгляде Лестера Ларк прочел ответ.

Мы можем позволить Утену и бесчисленным квуэнам умереть, если такова цена жизни остальных.

Ларк ненавидел свое положение мудреца. Его приводил в отвращение способ мысли, который

от него ожидают — сопоставление плюсов и минусов, заключение сделок, которые, как бы ни обернулись, делают тебя проклятым.

Кембел вздохнул.

— Можно сделать попытку. Сомневаюсь, чтобы артефакт вообще включился.

За грубым деревянным столом несколько людей и уров — помощники Кембела — сопоставляли блестящие предметы с древними иллюстрациями. Ранн с изумлением смотрел на предметы, которые доставили сюда с берегов далекого кислотного озера.

— Но мне казалось, вы уничтожили свои цифровые…

— Да, уничтожили. Это сделали наши предки. А это — остатки. Реликты буйуров.

— Это невозможно. Ведь буйуры улетели полмиллиона лет назад!

Ларк рассказал сокращенный вариант истории сумасшедшего мульк-паука с коллекционерским фетишем. Существа, созданного для уничтожения, но проведшего тысячелетия в запечатывании своих сокровищ в коконы остановленного времени.

Работая днем и ночью, алхимики-треки сумели создать формулу состава, растворяющего золотую

пленку, и предметы вернулись в реальный мир. К счастью для нас, эти специалисты оказались поблизости, подумал Ларк. Усталые треки стояли снаружи, испуская желтоватые пары из своих химосинтезирующих колец.

Ранн погладил черный трапециевидный предмет, очевидно, больший родич его портативного информационного диска.

— Силовой кристалл негентропический и выглядит неповрежденным. Вы не знаете, работает ли он?

Ларк пожал плечами.

— Вы знакомы с этим типом?

— Галактическая технология очень стандартизована, хотя, когда сделали это, люди как таковые еще не существовали. Это более высокий уровень технологии, чем тот, которым я пользуюсь, но… — Человек с неба сел перед древним артефактом и нажал один из выступов.

Приспособление неожиданно испустило поток ярких лучей, которые достигли навеса. Высокий мудрец и его помощники отпрянули. Урские кузнецы фыркали, извивая длинные шеи, а техники-люди украдкой делали жесты, отвращающие зло.

Даже среди личных помощников Кембела,

воспитанных на книгах, наша умудренность так поверхностна, что ее можно соскрести ногтем.

— Буйуры преимущественно пользовались галактическим три, — сказал Ранн. — Но галдва близок к универсальному, поэтому сначала попробуем его.

Он перешел на код, издавая щелчки, свисты и стоны так быстро, что Ларк не в состоянии был следить за языком компьютерных команд. Руки звездного повелителя тоже двигались, мелькали среди плывущих изображений. Линг присоединилась к нему, протягивала руки к эрзац-объектам, которые не имели для Ларка никакого смысла, отбрасывала то, что считала не относящимся к делу, создавая Ранну рабочее пространство.

Вскоре пространство расчистилось, осталось только несколько плывущих додекаэдров, на каждой из двенадцати сторон которых пробегали символы.

— Буйуры были хорошими программистами, — заметил Ранн, переходя на галшесть. — Хотя самая большая их страсть — биологические изобретения, они не утратили и цифрового искусства.

Ларк оглянулся на Лестера, который отошел к дальнему концу стола. Там, подобно горке сия-

ющих опалов, лежала груда сенсорных камней. Нервно притопывая ногой, мудрец внимательно следил, не вспыхнет ли предупреждающий огонь.

Повернувшись еще дальше, Ларк заметил, что горный склон опустел. Отряд милиции ушел.

Никто, обладающий здравым смыслом, не будет здесь задерживаться, пока происходит такое.

Ранн пробормотал проклятие.

— Я надеялся, машина распознает шрифт, если это тип, широко употребляемый в Пяти Галактиках. А может, здесь особенности, характерные для отдельных рас или союзов.

Но увы — компьютер говорит, что не узнает криптографический подход, использованный в пластинах памяти. Он называет технику кодирования новаторской.

Ларк знал, что среди старших звездных кланов это слово считается оскорбительным.

— Может, это способ, разработанный после отлета буйуров с Джиджо?

Ранн кивнул.

— Полмиллиона лет — немало даже по галактическим стандартам.

Линг энергично подхватила:

— Так, может, он земной.

Рослый мужчина посмотрел на нее, потом кивнул и перешел на англик.

— Это может объяснить впечатление смутной знакомости. Но зачем ротенам использовать земной код? Ты знаешь, что они думают о технологии волчат. Особенно о том, что создано этими неверующими землянами.

— Ранн, — прервала его Линг негромко. — Эти плиты могли не принадлежать Ро-кенну или Ро-пол.

— Тогда кому? Ты говоришь, что раньше их не видела. Я тоже. Остается…

Он замигал, потом тяжело ударил кулаком по деревянному столу.

— Нужно расколоть эту штуку. Линг, мы потратим всю оставшуюся энергию на то, чтобы найти ключ.

Ларк сделал шаг вперед.

— Разумно ли это?

— Тебе нужно лекарство для твоих друзей дикарей? Что ж, корабль джофуров сидит на развалинах нашей станции, а наш корабль в плену. Возможно, это единственный шанс.

Очевидно, у Ранна была и другая причина для неожиданного пыла. Но как будто бы все они хотят одного и того же — пока.

Лестер выглядел встревоженным, но кивком дал разрешение и снова вернулся к разглядыванию сенсорных камней.

«Мы делаем это для тебя, Утен», — подумал Ларк.

Несколько мгновений спустя ему пришлось отступить на несколько шагов: пространство над доисторическим компьютером заполнилось. Бесчисленные глифы и знаки извивались, как снежные змеи в арктической буре. Машина буйуров прилагала все усилия своего цифрового интеллекта, чтобы разгадать сложную головоломку.

Ранн работал, руки его мелькали, а лицо становилось все более сердитым. Такое негодование можно испытать только по одной причине.

Из— за предательства.

Прошел мидур, прежде чем древний компьютер объявил о получении предварительных результатов. К этому времени Лестер Кембел уже совершенно измучился. Рубашка его потемнела от пота, а дыхание вырывалось с трудом. Но Лестер никому не доверял наблюдение за сенсорными камнями.

— Нужна длительная подготовка, чтобы заметить предупреждающее свечение, — объяснил

он. — Сейчас, если я расслаблюсь и направлю взор в нужном направлении, то едва вижу мягкое свечение в промежутке между двумя нижними камнями.

Длительная подготовка? Ларк удивился. Он всматривался в хрупкую пирамиду и разглядел слабое свечение, напоминающее приглушенный огонь, который лижет края сосуда с мульчей, когда жирные кольца треки возвращают мертвеца в цикл Джиджо.

Кембел продолжал описывать, как будто Ларк ничего не видит.

— Когда-нибудь, если будет время, мы научим тебя воспринимать пассивный резонанс, Ларк. В данном случае его пробудил боевой корабль джофуров. Его гигантские двигатели, в сорока лигах от нас, сейчас не работают. К сожалению, даже сейчас они создают такой фоновый шум, который способен замаскировать появление нового возмущения.

— Какого, например?

— Такого, как другой набор гравитационных репульсоров, приближающийся к нам.

Ларк мрачно кивнул. Подобно богатой самке ура с двумя мужьями в сумках, большие боевые корабли несут в себе меньшие суда, быстрые

и незаметные, которые способны выполнять смертоносные поручения. Это прежде всего и тревожило Лестера.

Ларк подумал, стоит ли вернуться и понаблюдать за работой двух даников, которые в поиске математических ключей вызывали все новых программных демонов. Но какой смысл смотреть на необъяснимое? Вместо этого он внимательней всмотрелся в камни. Каждая их вспышка — эхо титанических сил, подобных тем, что таятся в солнце.

Первое время он ощущал только мягкое синеватое пламя. Но потом Ларк начал замечать другой ритм, совпадающий с биением приглушенного пламени. Источник этого ритма вблизи его грудной клетки, над бьющимся сердцем.

Он сунул руку под одежду и сжал амулет — осколок Святого Яйца, висящий на кожаном ремешке. С каждым дуром биение все усиливалось, начало передаваться рукам.

Что общего у Яйца с двигателями галактического крейсера? Только одно: они оба намерены тревожить меня до самой смерти.

Он слышал, как гневно вскрикнул Ранн. Рослый даник ударил кулаком по столу, едва не опрокинув хрупкие камни.

Кембел пошел узнавать, что установил Ранн. Но Ларк не мог последовать за ним. Его остановило оцепенение, распространившееся от сжатого кулака. Прокатилось по груди и спустилось к ногам.

— Ух хухнн…

Он пытался заговорить, но слова не шли. Какой-то паралич лишил его возможности двигаться.

Год за годом пытался он достичь того, что к другим пилигримам приходило легко, когда члены Шести Рас стремились достичь единства с даром Джиджо — Яйцом, этим загадочным чудом. Некоторым оно давало благословение — образы руководства, глубокие и трогательные. Утешения в трудностях изгнания.

Но Ларку — никогда. Грешнику — никогда.

До этого момента.

Но вместо того чтобы ощутить мир и безмятежность, Ларк испытывал горечь, словно расплавленный металл во рту. В ушах скрежетало, как будто массивный камень протаскивают через слишком узкий проход. В смятении промежутки между сенсорными камнями казались пропастями между планетами. Камни — это луны, касающиеся друг друга с громоздким изяществом.

Перед ошеломленным взором серебристое пламя вздувалось, как новый росток куста роз. Новая выпуклость двигалась, отделилась от родителя, поползла по поверхности одного камня, пересекла пропасть и стала постепенно подниматься.

Почти неощутимое пламя. Не будь повышенной в приступе чувствительности, Ларк не заметил бы его.

Что— то приближается.

Но он мог реагировать только каталептическим бульканьем.

За Ларком послышались звуки ярости — это Ранн что-то швырял в гневе от своего открытия. Вокруг разгневанного чужака двигались фигуры Лестер и милицейские стражники. Никто не обращал на Ларка внимания.

В отчаянии он попытался отыскать место, откуда исходят волевые акты. Центр воли. Тот участок, который приказывает ноге сделать шаг, глазу передвинуться, голосу — издавать слова. Но душа его казалась пленницей бесцветного комка огня, продолжавшего неторопливо перемещаться.

Но зачем привлекать его внимание, если огонь не разрешает ему двигаться?

«Таково твое намерение? — спросил он у Яйца в полумольбе-полуосуждении. — Ты делаешь меня

чувствительным к опасности и не позволяешь предупреждать других?»

Прошел ли один дур — или десять — пока огонь двигался по следующему камню? С мягким шипением он пересек очередной промежуток. Сколько еще ему предстоит преодолеть, прежде чем он достигнет вершины? И какая небесная тень пронесется над головой, когда это произойдет?

Неожиданно в поле зрения Ларка действительно возник огромный силуэт. Гигантская шарообразная фигура, обширная и размытая, на его неподвижный, но несфокусированный взгляд.

Вторгшийся объект заговорил с ним.

— Ухм… Мудрец Кулхан? С вами все в порядке, сэр?

Ларк жестом — он по-прежнему не владел речью — пригласил подойти ближе. Сюда, Джими. Еще немного левее.

С благодатной внезапностью пламя исчезло, закрытое круглым лицом Джими Блаженного, Джими Простака. С обеспокоенным выражением Джими коснулся влажного лба Ларка.

— Принести вам чего-нибудь, мудрец? Может, немного воды?

Освободившись из гипнотической ловушки,

Ларк наконец обрел волю: она была на том же месте, где всегда.

— Ухххх.

Задыхаясь, выдыхая отработанный воздух, он перевел дыхание. В теле взорвалась боль, но он подавил ее, вложил всю волю в два простых слова:

— Все наружу!

ЭВАСКС

Они быстро выполняют обещания, не правда ли, Мои кольца?

Видите, как быстро туземцы соглашаются на наши требования?

Вы удивлены тем, что они так быстро решили умиротворить нас, но Я ожидал этого. Какое другое решение возможно теперь, когда так называемые мудрецы поняли, каково истинное положение?

Подобно вам, меньшие кольца, самое главное назначение других рас — повиноваться.

Как это произошло? — спрашиваете вы.

Да, у вас есть Мое разрешение гладить старомодные восковые натеки, прослеживая недавние воспоминания. Но Я перескажу их также более

эффективным способом оайлие, чтобы мы смогли сообща насладиться совместно исполненным удачным завершением.

Начнем с прибытия послов — по одному от каждого дикарского племени. Они вступили в раздавленную долину на ногах и колесах, спотыкаясь, как животные, на обломках, окружающих наш гордый «Полкджи».

Храбро остановившись под нависающим блестящим корпусом, они по очереди кричали в ближайший открытый люк, произносили высокие речи от имени своей примитивной Общины. С поразительным красноречием они цитировали от носящиеся к делу разделы галактических законов, от имени предков принимая на себя всю ответственность за пребывание на этой планете и вежливо требуя, чтобы мы объяснили причину своего появления здесь.

Являемся ли мы официальными инспекторами и судьями Института Миграции, спрашивали они. А если нет, то по какой причине нарушаем мир на этой планете?

Какая наглость! Из членов нашего экипажа наиболее взволнованная груда — младший священник. Ведь кажется, что теперь мы должны оправдываться перед варварами!

«Почему Бы Нам Просто Не Поджарить Это Посольство, Как мы Поступили Раньше?»

На это наш великолепный капитан-лидер ответил:

«Нам Ничего Не Стоит Направить Информативный Пар В Общем Направлении Этих Полуразвившихся Существ. И Не Забывайте, Что Есть Информация, Которая Нам Необходима! Помните, что Эти Мошенники, Которых Называют Ротенами, Предложили Продать Нам Ценные Знания До Того, Как Мы Справедливо Обманули Их. Может, Те Же Самые Знания Можно Получить От Местных Жителей За Гораздо Меньшую Цену. Это Сбережет Нам Время И Усилия В Поиске.»

Разве груда-младший священник не приводит новые аргументы?

«Посмотрите На Эти Ужасы! Какое Отвратительное Зрелище! Они Пришли В Тень Нашего Великого Корабля — Уры Рядом С Хунами! Бедные Обманутые Родичи Треки Стоят Рядом С Волчатами Людьми! И Среди Них Хуже Всего Г'Кеки! Что Можно Получить От Такого Смешения Рас? Сжечь Их На Месте!»

Да, Мои кольца, разве не проще бы все обстояло для нас/ Меня, если бы капитан-лидер уступил и прислушался к совету младшего священника? Но

вместо этого наш возвышенный командир склонился к старшему священнику для дальнейших консультаций.

Это величественное существо, башня из пятидесяти великолепных торов, вытянулось вверх и провозгласило:

«Я/Мы Согласен, Что Это Унизительная Задача. Но Нам Не Причинит Вреда Наблюдение За Соответствующими Формами И Ритуалами.

Поэтому Предоставим Работу Эвасксу. Пусть Груда Эваскс Разговаривает С Этими Регрессировавшими Дикарями. Пусть Эваскс Разузнает, Что Им Известно О Двух Видах Добычи, Которую Мы Преследуем.»

Так и было решено. Работу поручили этой временной гибридной груде. Поручение, достойное самого младшего агента. Вести переговоры с животными. Таким образом Я/мы узнал, как низко ценят нас другие джофуры.

Но сейчас это не важно. Помните ли вы, с какой решимостью и уверенностью взялись мы за порученное дело? На антигравитационной платформе мы опустились в поваленный лес, где ждали шесть послов. Наше кольцо ассоциаций узнало двух из них: Фвхун-дау, поглаживающего белую хунскую бороду, и Вуббена, мудрейшего

из г'кеков. Вначале эта пара радостно удивилась, считая, что видит утраченного друга — Аскса.

Затем, поняв свою ошибку, все шестеро дрогнули, издавая различные звуки отчаяния. Особенно находившийся среди них треки — сменивший нас/вас среди высоких мудрецов? — которого трансформация как будто особенно расстроила. О, как дрожала эта туземная груда торов, постигнув суть нашей джофурикации! Распадется ли это сегментированное единство на месте? Станут ли кольца-компоненты, без мастер-кольца, способного связать их и руководить ими, станут ли эти кольца рвать соединяющие мембраны и расползаться в разные стороны, возвратившись к звериным привычкам наших предков?

Постепенно все шесть представителей настолько пришли в себя, что были в состоянии слушать. В простых словах Я объяснил причину появления «Полкджи» в этой далекой системе.

Мы не представители Института Миграции, сказал Я/мы им, хотя мы применили параграф галактического закона, беря на себя полномочия, чтобы арестовать генных грабителей ротенов. И если мы справедливо накажем их или преступных колонистов, со стороны равнодушного космоса не будет никаких вопросов.

К кому будут апеллировать мудрецы?

Но наша цель не такова.

Это Я добавил, успокаивая. Есть гораздо большие преступники, достойные преследования, чем несчастная горстка изгнанников, застрявших на запретном рифе и ищущих избавления собственными средствами.

Наша главная цель — поиски исчезнувшего корабля с экипажем из земных дельфинов. Корабля, который разыскивают десять тысяч флотов по всем Пяти Галактикам. Корабля, несущего в себе тайну и, может быть, ключ к новой эре.

Я сказал послам, что мы заплатим за сведения, если туземцы помогут нам сократить поиск.

(Да, Мои кольца, капитан-лидер тоже пообещал заплатить этим негодяям ротенам, когда их корабль связался с нашим в пространстве прыжка и предложил важные сведения. Но эти нетерпеливые глупцы в своей жадности выдали слишком многое. Мы дали неопределенные обещания, выуживая у них дополнительные доказательства, затем тайно последовали за ними еще до окончательного заключения сделки! А когда они привели нас к этой планете, то стали нам не нужны. И вместо того, чтобы платить, мы захватили их корабль.

Конечно, они могли бы продать еще некоторые клочки информации. Но если корабль дельфинов действительно в этой системе, рано или поздно мы его найдем.)

(Да, Мои кольца, в нашем сердечнике памяти нет никаких восковых отпечатков дельфиньего корабля. Но другие на Джиджо могут что-то знать. Возможно, эти данные утаили от мудреца треки. Да и разве можно доверять воспоминаниям, унаследованным от Аскса? Ведь он коварно расплавил множество натеков сердечника.

Поэтому мы должны расспросить послов джиджоанцев, используя угрозы и обещания.)

Пока послы размышляли над проблемой дельфиньего корабля, Я перешел к нашему второму требованию. Наша цель — надолго отложенное справедливое возмездие!

ВАМ ЭТО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ НЕПРИЯТНЫМ ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСКИМ. НО У ВАС НЕТ ВЫБОРА. ВЫ ДОЛЖНЫ
ПОДЧИНИТЬСЯ НАШЕЙ НЕПРЕКЛОННОЙ ВОЛЕ. ЖЕРТВА, КОТОРУЮ МЫ ТРЕБУЕМ, СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМА. И НЕ ДУМАЙТЕ УВИЛИВАТЬ!

Мудрец хун испустил глубокое ворчание, раздувая свой горловой мешок.

— Мы не совсем поняли смысл сказанного. Чем мы должны пожертвовать?

На эту явную попытку увильнуть Я насмешливо ответил, добавив подчеркнутую рябь на наших верхних кольцах:

ВЫ ЗНАЕТЕ, ЧТО ДОЛЖНЫ ОТДАТЬ НАМ. МЫ ОЖИДАЕМ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОДНОШЕНИЯ. ЗАДАТКА, КОТОРЫЙ ПОКАЗАЛ БЫ, ЧТО ВЫ НАС ПОНИМАЕТЕ.

И с этими словами Я приказал нашему кольцу-манипулятору нацелить все щупальца на престарелого г'кека.

На Вуббена.

На этот раз их реакция свидетельствовала о понимании. Некоторые прежние кольца Аскса разделили их отвращение, но Я железной рукой навел дисциплину.

Устрашенные варвары удалились, унося с собой слово с небес.

Мы не думали получить от пришедших в ужас сунеров ответ в течение одного-двух дней. Тем временем капитан-лидер решил послать наш второй корвет, чтобы помочь первому, чье самовосстановление шло слишком медленно. Этот корабль застрял вблизи глубоководной впадины. (Возможное место укрытия исчезнувшего кораб-

ля землян!)

Вначале мы опасались, что наш корабль сбили дельфины и что туда следует лететь самому «Полкджи». Но наша груда-тактик рассчитала, что скорее всего в наш корабль случайно попал разведчик ротенов. И поэтому безопасно отправить меньшее судно.

И вот в тот момент, когда наша ремонтная группа уже готовилась к высадке, мы уловили сигнал с этих самых гор. Что это могло быть, как не ответ джиджоанских послов на Мои/ наши требования?

Корвет был перенаправлен на север, к месту новой передачи.

И вот! Только что пришел его доклад. Поселок г'кеков — маленький город на демонских колесах, спрятанный в лесу!

О, мы бы все равно его нашли. Наши картографы только еще начали работу.

Тем не менее этот жест внушает оптимизм. Он показывает, что Шесть (которых скоро будет пять) обладают достаточным разумом, чтобы рассчитывать шансы, предвидеть неизбежное и минимизировать потери.

Что, Мои кольца? Вы удивлены? Вы ожидали большей солидарности в вашей хваленой Об-

щине? Большей верности?

Тогда живите и учитесь, мои восковые красавицы. Это только начало.

ЛАРК

Престарелый мудрец-человек бежал по лесу, и щеки его были мокры от слез.

— Это моя вина, — задыхаясь, причитал он. — Я виноват во всем. Мне не следовало разрешать это так близко от бедных г'кеков.

Ларк слышал жалобы Кембела, когда они присоединились к толпе беглецов, бегущих по узким проходам между колоссальными стволами бу. Ларк увидел рослого хунского милиционера с большим мечом на спине. Могучий воин подхватил Лестера на руки и осторожно понес потрясенного мудреца к безопасности.

Для бегущих под бу это слово — «безопасность» — больше никогда не будет иметь прежний смысл. В течение двух тысяч лет укрепления горы Дуден предоставляли убежище старейшей и самой слабой разумной расе на Джиджо. Но никакая защита не устоит против небесного крейсера, который пролетел над укромной долиной сразу вслед за тем, как Ларк выкрикнул свое преду-

преждение. Те беглецы, у кого хватило мужества оглянуться, навсегда запомнят этот страшный корабль, нависший, как хищник, над изящными рампами, домами и мастерскими.

Должно быть, его привлек буйурский компьютер — своим «цифровым резонансом».

Пролетая над горой, чужаки не могли не увидеть внизу поселок г'кеков.

...мы были слишком близки к бедным г'кекам.

В стремлении получить ответы — и подгоняемый нестерпимым любопытством ко всему галактическому, — Кембел разрешил Линг и Ранну включить машину на полную мощность, чтобы расшифровать загадочные записи. Это все равно что поместить в этой части Риммера приманку, призывая злой ветер.

Некоторые бегущие по лесу казались не такими испуганными. Джени Шен, с яростным взглядом, поддерживала дисциплину в отряде милиции, и у Линг не было ни одной возможности отбежать вправо или влево, раствориться в лесу бу. Как будто даникам было куда идти. На их лицах было такое же отчаяние, как и у всех остальных.

Глаза Ларка все еще жгло от нестерпимо ярких лучей, которыми корабль разрывал маскировочную сеть, выставив крепость Дуден под

безжалостные лучи палящего солнца. Много численные фигуры на колесах тщетно метались, словно личинки в рухнувшем улье.

Лучи погасли, из плывущего над головами неумолимого рока полилось нечто еще более страшное.

Золотистая дымка. Поток жидкого света.

В этот момент нервы у Ларка сдали, и он тоже побежал по лесу бу. Убегал от катастрофы, которую сам помог вызвать.

Ты не один, Лестер. В аду у тебя есть компаньон.

ДВЕР

Грязнолапый казался еще безумней, чем обычно.

Вглядываясь сквозь тучу жужжащих мошек, Двер следил за тем, как спятивший нур склонялся к какому-то беспомощному животному, которое поймал на берегу и теперь держал передними лапами. В то же время он угрожающе скалился, отгоняя других животных, которые могли оказаться поблизости. Грязнолапый не проявлял никакого интереса к двум поврежденным космическим кораблям, которые лежали сразу за

дюной.

«Да и зачем ему интересоваться? — думал Двер. — Всякий галакт при его виде просто отмахнется от еще одного обитателя Джиджо. Наслаждайся едой, Грязнолапый. Ты можешь не корчиться в укрытии под горячим песком!»

Убежище самого Двера оказалось страшно неудобным. Ноги затекли, песок легко набивался в каждую складку тела. Рубашка, удерживаемая двумя стрелами и присыпанная песком, частично защищала его. Но это узкое убежище пришлось разделить с Рети — очень нелегкий подвиг, мягко выражаясь. Но что еще хуже, комары, размером с точку, находили человеческую плоть неудержимо привлекательной. Один за другим инсектоиды спускались в импровизированное убежище: ведь Дверу и Рети все равно приходилось открывать лица, чтобы вдохнуть. Мошки окружали их рот и неизбежно попадали внутрь. Рети закашлялась, плюнула и выругалась на диалекте Серых Холмов, не обращая внимания на призывы Двера к тишине.

Она не привыкла к такому, думал он, призывая себя к терпению. Когда он был учеником, мастер Фаллон оставлял его на несколько дней в охотничьей западне, а потом незаметно возвращался

и наблюдал. И за каждый звук, который издавал Двер, Фаллон добавлял еще один мидур, пока Двер не научился ценить тишину.

— Лучше бы он перестал играть со своей едой, — прошептала Рети, глядя вниз по склону на Грязнолапого. — Или принес бы нам немного.

В животе у Двера согласно заурчало. Но он ответил:

— Не думай об этом. Попытайся уснуть. Ночью попробуем отсюда выбраться.

На этот раз она готова была прислушаться к его совету. Иногда, в самом тяжелом положении, Рети становилась гораздо лучше.

При таких темпах она станет святой еще до того, как все это кончится.

Он посмотрел влево, в сторону болота. Оба корабля застряли в трясине на морском берегу всего в двух полетах стрелы. Если они с Рети пошевелятся, то станут легкой добычей. И у него не было никакой гарантии, что ночью положение изменится.

Я слышал, что у звездных богов есть линзы, которые видят движения теплого тела в темноте. Есть у них и средства обнаружения металла и инструментов.

Уйти отсюда совсем нелегко. Или даже невоз-

можно.

И никаких альтернатив нет. Одно дело — сдаться Кунну. Рети, которую даники приняли, могла уговорить пилота со звезд сохранить Дверу жизнь. Возможно.

Но эти вновь прибывшие, которые сбили маленького разведчика Кунна… Видя конические груды сверкающих пончиков, в сопровождении роботов осматривающие поврежденный корабль, Двер чувствовал, как у него волосы встают дыбом.

Откуда такой страх? Они очень похожи на треки, а треки совершенно безвредны, верно?

Нет, если они прилетают из космоса и мечут молнии.

Двер пожалел, что в детстве ерзал и невнимательно слушал святые службы, когда читались отрывки из Священных Свитков. Некоторые тексты были введены существами-кольцами, когда прилетел их крадущийся корабль. И это были тексты-предупреждения. Кажется, не все груды жирных колец дружелюбны и настроены миролюбиво. Каким названием они пользовались? Двер попытался вспомнить слово, обозначавшее тех треки, которые не являются треки, но не смог.

Иногда ему хотелось больше походить на брата и сестру — быть способным порождать глубокие мысли, читать множество ученых книг. Сара и Ларк лучше использовали бы время вынужденного бездействия. Они взвешивали бы альтернативы, перечисляли возможности, формулировали планы.

А я могу лишь дремать и мечтать о еде. Еще хотелось бы почесаться.

Он еще не в таком отчаянии, чтобы с поднятыми руками отправиться к серебристому кораблю. К тому же чужаки и их помощники по-прежнему толпятся у корпуса, занятые ремонтом.

Кивая в сонном оцепенении, он в особенности пытался подавить одно щекотливое ощущение в голове. Это ощущение впервые возникло, когда он «перевез» на себе робота даников через реку, используя свое тело как якорь, с помощью которого поле соединялось с землей. И каждый раз он падал в изнеможении на берег, а приходил в себя с таким чувством, словно выбрался из глубокой ямы. И с каждым пересечением реки этот эффект становился все сильней.

Ну, по крайней мере больше мне этого делать не придется. Робот укрывается за соседней дюной. С тех пор как корабль Кунна упал, а его хозяин

был захвачен, робот стал бесполезен и бессилен.

Спал Двер тревожно. Вначале его беспокоило жалующееся тело, а потом кошмары.

Ему всегда снились сны. Ребенком Двер просыпался по ночам и кричал так, что будил всех обитателей дома: от Нело и Мелины до последних слуг и шимпов. И все они собирались, пытаясь успокоить его. Он не помнил отчетливо, что его так пугало во сне, но у него по-прежнему бывают поразительно яркие и отчетливые сны.

Однако эти сны не заставляют кричать.

Если не считать Одного-В-Своем-Роде.

Он вспомнил старого мульк-паука у кислотного горного озера, который однажды, во время его первого самостоятельного путешествия по Риммеру, заговорил с ним, вкладывая слова непосредственно ему в сознание;

— безумного паука, непохожего на всех остальных, который использовал любые соблазны и обманы, чтобы заманить Двера в свою паутину и присоединить к «коллекции»;

— того паука, который едва не поймал Двера в ту ужасную ночь, когда в его ядовитых щупальцах оказались Рети и ее «птица», прежде чем вся паутина вспыхнула и превратилась в огненный ад.

Он видел живые нити, видел тело самого паука, пробирающееся сквозь запутанный лабиринт, подползающее все ближе, закрывая ловушку, из которой невозможно вырваться. Из каждой извивающейся нити капали тяжелые ядовитые испарения или жидкости, при прикосновении которых кожа немела.

Песчаная дюна вокруг казалась Дверу спиралью из множества петель. Эти петли все теснее сжимают его в своем любящем, по-своему сладком и липком объятии.

— Никто не оценит тебя так, как я, слышался терпеливый призыв Одного-В-Своем-Роде. У нас общая судьба, моя драгоценность, мое сокровище.

Двер чувствовал себя в ловушке — скорее не из-за окутывающего его песка, а из-за прилипчивого сна. Он пробормотал:

— Ты только мое воображение.

Проникновенный, подобный сну, смех и медоточивый голос радостно:

— Так ты всегда говорил, хотя тем не менее старательно избегал моих объятий. До той ночи, когда я едва не завладел тобой.

— Той ночи, когда ты умер! — ответил Двер. Слова потонули в его возбужденном дыхании.

— Верно. Но неужели ты на самом деле думаешь, что это конец?

Мой род очень древен. Я сам прожил полмиллиона лет, медленно разъедая и выщелачивая жесткие останки буйуров. За эти долгие века, думая свои длинные мысли, разве не мог я все узнать о смертности?

Двер понимал — все это время, когда он переносил робота через реки, контактируя с его полем, что-то в нем самом изменилось. Сделало более чувствительным. Или свело с ума. В любом случае это объясняло ужасный сон.

Стараясь проснуться, он приоткрыл глаза, но усталость навалилась на него тяжелым саваном, и он сумел только через сплетенные ресницы взглянуть на болото внизу.

До сих пор он смотрел только на корабли чужаков: больший, в форме серебристой сигары, и меньший, похожий на бронзовый наконечник стрелы. Но теперь Двер разглядел и окружение. Он увидел само болото, а не сверкающих захватчиков.

— Они всего лишь мусор, моя драгоценность. Не обращай внимания на эти мимолетные куски «сделанного», краткие фантазии эфемерных существ. Планета поглотит их — с терпеливой

помощью моих сородичей.

Занятый кораблями, он не заметил красноречивых следов. Поблизости квадратное возвышение, симметричность которого почти скрыта под растительностью. Ряд углублений, почти канав, заполненных пеной и водорослями, на одинаковом расстоянии друг от друга. Эти углубления, одно за другим, уходят вдаль.

Конечно, это древний город буйуров. Возможно, порт или морской курорт, давно покинутый, а ветер и дождь должны были уничтожить остатки.

— И помощь друзей раненой планеты, — послышался внутренний голос, полный новой гордости.

— Мы, которые помогаем зарастать шрамам.

Мы, которые ускоряем трение времени.

Вон там. Всматриваясь между собственными ресницами, Двер разглядел среди болотной растительности тонкие нити, словно натянутые между стволами и листьями, пробирающиеся через грязные отмели. Длинные трубообразные линии, движения которых медлительны, как движения ледника. Но если набраться терпения, можно уловить перемены.

— О, какому терпению ты мог бы научиться, если бы только присоединился ко мне! Сейчас

мы были бы едины со Временем, мой любимец, моя редкость.

Не только растущее раздражение назойливым голосом из сна — ведь Двер знал, что голос все же воображаемый. Растущее осознание в конце концов заставило Двера стряхнуть сон. Он так сильно сжал веки, что вызвал слезы и преодолел оцепенение. Чувствуя себя бодрее, он снова открыл глаза и снова посмотрел на слабые извилистые очертания в воде. Они реальны.

— Мульк-болото, — прошептал Двер. — И паук все еще жив.

Рети пошевелилась и ядовито заметила:

— Ну и что? Только еще один повод побыстрее убраться отсюда.

Но Двер улыбнулся. Вынырнув из раздражительного сна, он понял, что мысли его устремились в другом направлении. Больше он не испытывал предчувствий жертвы.

На удалении по-прежнему слышались лай и ворчание нура, который продолжал играть с добычей. Это привилегия хищника по закону природы. Раньше поведение Грязнолапого раздражало Двера. Но теперь он принял его за предзнаменование.

Все его неудачи, все раны, не говоря уже о здра-

вом смысле, требовали, чтобы он бежал из этого смертоносного места, уполз на животе. Увел за собой Рети в убежище, какое только можно найти в этом опасном мире.

Но сейчас у него кристаллизовалась новая идея, ясная, как соседние воды Трещины.

«Я не убегу отсюда, — решил он. — Я не знаю, как это сделать».

Охотник — вот кем он рожден, вот чему он учился.

ОЛВИН

Ну хорошо, вот мы четверо здесь, смотрим далекие картины через волшебный прибор фувнтусов. Но вот камера неожиданно дернулась, и мы увидели перед собой улыбающуюся пасть гигантского нура! Во много раз увеличенного. Таким его могла бы увидеть болотная мышь, и это был ее последний взгляд, перед тем как стать обедом.

Хуфу среагировала резким шипением. Ее когти впились мне в плечи.

Вращающийся голос, наш хозяин, казался удивленным не меньше нас. Эта вращающаяся голограмма изогнулась, как шея смущенного

ура, и закивала, словно советовалась с кем-то, нам не видным. Я услышал отрывки разговора, возможно, на англике или на галсемь.

Когда голос снова заговорил громко, мы слышали слова дважды, второй раз они приходили через приемник далекого робота. Голос говорил на галшесть с акцентом, и обращался он к необычному нуру. Три слова, произнесенные таким высоким тоном, что я едва их понял.

— Брат, — быстро произнес голос. — Пожалуйста, прекрати.

Но странный нур не остановился; повернув голову, он разглядывал прибор с одной стороны, потом с другой.

Конечно, мы, хуны, используем нуров на кораблях как помощников, и они знают многие слова и простые команды. Но это на Склоне, где они получают плату в виде сладостей и мелодичного ворчания. Но как нур, живущий к востоку от Риммера, может научиться галактическому шесть?

Голос попробовал снова, изменив высоту тона и тембр, так что звуки почти вышли за пределы моего восприятия.

— Брат, во имя Шутника, поговори с нами.

Мы с Гек обменялись изумленными взглядами. Чего пытается добиться голос?

В голову пришло полувоспоминание о том времени, когда наша злополучная «Мечта Вуфона» была раздавлена в пасти гигантского корабля фувнтусов. Нас с друзьями, задыхающихся, выбросило на металлическую палубу, и вскоре сквозь туман в глазах я увидел шестиногих чудовищ, которые расхаживали вокруг, топтали наши самодельные инструменты, размахивали фонарями и восклицали на трескучем языке, который я не понимал. Бронированные существа казались жестокими, когда они сожгли маленького Зиза, треки из пяти колец. Потом они едва не сошли с ума, увидев Хуфу. Я помню, как они, сгибая металлические ноги, приседали над моей любимицей, гудели и щелкали, как будто пытались заставить ее заговорить.

И вот теперь опять то же самое! Неужели голос надеется поговорить с диким нуром и убедить оставить управляемый на расстоянии прибор? Гек помахала мне двумя глазными стебельками, выражая заинтересованность и насмешку. Наши хозяева, может быть, и звездные боги, но они глупы, если ожидают сотрудничества от нура.

Поэтому мы были удивлены больше всех — больше даже Клешни и Ур-ронн, — когда фигура на экране щелкнула челюстями и сосредото-

ченно нахмурилась. И сквозь стиснутые зубы послышался писк — ответ на том же неформальном языке.

— Во имя Шутника, а вы кто такие?

Выздоравливающая спина ответила резкой болью: я от неожиданности распрямился и испустил изумленное ворчание. Гек вздохнула, и зрительное кольцо Клешни завертелось быстрей голограммы. Только Хуфу ничего не замечала. Она довольно облизывалась, как будто ничего не слышала.

— Что вы, джики, проклятые Ифни груды навоза, делаете! — вопила Гек. Все ее четыре глазных стебелька метались, свидетельствуя, что она скорее сердита, чем испугана. Два громоздких шестиногих фувнтуса сопровождали ее — по одному с каждой стороны, — несли, схватив за колеса.

Остальные проявляли больше сотрудничества, хотя и неохотно. Клешне приходилось наклонять свой красный хитиновый панцирь, чтобы пройти через некоторые двери. Две маленькие амфибии вели нас назад в корабль, который принес нас в подводное убежище. Ур-ронн шла за Клешней, склонив длинную шею к полу — в позе гневного протеста.

Я ковылял на костылях за Гек, держась подаль-

ше от ее толчковых ног, которые колотили стены коридора с обеих сторон.

— Вы обещали нам все объяснить! — кричала Гек. — Сказали, что мы сможем задать вопросы Библиотеке!

Ни фувнтусы, ни амфибии не отвечали, но я вспомнил, что сказал вращающийся голос перед тем, как отослать нас.

— Мы больше не можем оправдывать содержание четверых детей в условиях, которые подвергают вас всех опасности. Это место может быть снова подвергнуто бомбардировке, и с еще большей силой. К тому же вы сейчас знаете слишком много для своего блага.

— Что мы знаем? — в замешательстве спросил Клешня. — Что нуры умеют говорить-рить?

Голограмма ответила дергающимся кивком.

— И другие вещи. Мы не можем держать вас здесь или отправить домой, как собирались вначале, поскольку это может оказаться губительным для нас и для ваших семей. Поэтому мы решили перевести вас в другое место. В цель, упоминаемую в твоем дневнике. Там вам будет удобнее дожидаться необходимого времени.

— Подождите! — настаивала Гек. — Я уверена, что вы здесь не главный. Вы, вероятно, просто

компьютер, предмет. Я хочу поговорить с кем-нибудь еще! Дайте мне увидеться с вашим боссом!

Клянусь, вертящееся изображение казалось одновременно удивленным и забавляющимся.

— Какая проницательная молодежь. Нам придется после встречи с вами пересмотреть множество предположений. Поскольку я так запрограммирован, что несоответствия доставляют мне удовольствие, позвольте поблагодарить вас за этот опыт и искренне пожелать вам добра.

Я заметил, что голос так и не ответил на вопрос Гек.

Типичный взрослый, подумал я. Хунские родители или компьютеры чужаков — в основе они одинаковы.

Когда мы из изогнутого коридора перешли в переходы, ведущие к кораблю-киту, Гек успокоилась. Фувнтусы опустили ее, и она покатилась рядом с нами. Моя подруга продолжала отпускать ворчливые реплики относительно физиологии, привычек и предков фувнтусов, но я кое-что заметил. Гек выглядела очень довольной.

Очевидно, она считала, что достигла чего-то хитрого и умного.

На борту корабля-кита нас отвели в другое помещение с иллюминатором. Очевидно, фувнтусы

не боялись, что мы заметим ориентиры по пути. Вначале это меня встревожило.

Может быть, они собираются запереть нас в другом древнем корабле, под другой грудой мусора в каком-нибудь далеком каньоне Помойки? В таком случае кто нас освободит, если их уничтожат?

Голос сказал, что нас отправят в «безопасное» место. Назовите меня странным, но с тех пор как сошел с прочной суши на Окончательной скале, я не чувствовал себя в безопасности. А что имел в виду голос, когда говорил, что это место, куда мы сами хотели отправиться?

Корабль-кит вначале медленно двигался в туннеле — очевидно, это проход, специально проделанный в горе древних космических кораблей, укрепленный шестами и импровизированными балками. Ур-ронн сказала, что это соответствует тому, что мы уже знаем: фувнтусы прибыли на Джиджо недавно, вероятно, они сами беженцы, подобно нашим предкам, но с одним большим отличием.

Они надеются улететь.

Я завидовал им. Не опасности, которой они подвергаются, преследуемые смертельными врагами, но той возможности, которая у них есть,

а у нас нет. Уйти. Улететь к звездам, даже если этот путь ведет к роковому концу. Наивен ли я, считая, что свобода оправдывает все? Но я знал, что, будь у меня возможность, поменялся бы с ними местами.

Возможно, именно эта мысль привела меня к неожиданному осознанию. К тому моменту, когда все вдруг встало на свои места. Но давайте немного подождем.

Прежде чем корабль-кит вышел из туннеля, мы заметили какие-то фигуры, движущиеся в темноте, где от перемещающихся ярких огненных точек падали длинные тени. Чередование ослепительно ярких и совершенно черных полос вначале не давало возможности что-нибудь рассмотреть. Но потом Клешня узнал эти смутные формы.

Это фувнтусы, шестиногие существа, которые казались такими неуклюжими в помещениях. Впервые мы увидели их в их стихии, они плавали, а механические конечности были убраны или использовались как гибкие рабочие руки. Теперь обрело смысл и расширение в конце туловища — большой плавник помогал им грациозно передвигаться в темной воде.

Мы уже рассуждали о том, что, вероятно, это не

вполне механические существа. Ур-ронн считала, что тяжелый металлический панцирь они носят как одежду, а сами существа находятся внутри горизонтальных раковин.

Они носят панцирь в помещении, потому что у них нет ног, подумал я, зная также, что стальные корпуса скрывают их внешность. Но почему, если они прирожденные пловцы, то и за бортом продолжают носить металлический покров?

Мы видели очень яркие вспышки — это подводная резка и сварка. Ремонт, подумал я. Они были в бою, прежде чем прилететь на Джиджо? Сознание мое было полно яркими картинами из тех книг космических опер, которые так не одобрял господин Хайнц. Он считал, что дети должны улучшать свой вкус, читая Китса и Басе. Мне ужасно хотелось подойти поближе и разглядеть боевые шрамы, но тут подводная лодка вошла в узкий туннель, и корабль фувнтусов стал не виден.

Вскоре мы оказались в черноте Помойки. Сквозь стеклянный диск словно пробирался глубокий холод, и мы попятились, особенно после того как наружные прожекторы погасли и мы оказались в темном мире. Только изредка что-то посверкивало: какое-то морское создание при-

влекало пару.

Я лег на металлический пол, чтобы облегчить напряжение в спине, и почувствовал, как вибрируют подо мной двигатели. Как будто поет какой-то богоподобный хун, которому не нужно замолкать или переводить дыхание. Я заполнил свой горловой мешок и начал ворчать в контрапункте. Хуны лучше соображают под постоянные равномерные звуки, эти звуки служат точкой опоры для размышлений.

У меня было о чем подумать.

Очевидно, моим друзьям наскучило смотреть в пустоту снаружи. Вскоре все они собрались вокруг маленькой Хуфу, нашего живого амулета, и пытались заставить ее заговорить. Клешня сказал, чтобы я тоже принял в этом участие, и своим ворчанием уговорил Хуфу, но я отказался. Я знал Хуфу еще детенышем, и она не могла все это время притворяться. К тому же я видел отличие у того странного нура, который заговорил с вращающимся голосом на беглом галшесть. У Хуфу никогда так не блестят глаза.

Хотя, припоминая, я убеждался, что видел такой блеск и раньше. Он был у немногих нуров, слонявшихся по пирсам Вуфона или работавших на снастях приходивших в порт кораблей. Эти

нуры казались необычными, чуть более отчужденными, чем остальные. Молчаливые, как и их братья, они тем не менее создавали впечатление наблюдателей. Они словно что-то оценивали. И напряженная деятельность Шести Рас их забавляла.

Я никогда раньше о них не думал: ведь озорство и проказливость в характере нура. Но теперь, кажется, я знал, что делало этих нуров особыми.

Хотя нуров часто связывают с хунами, они не прилетели с нами на Джиджо, как шимпы, лорники и зукиры с сунерами людьми, квуэнами и г'кеками. Когда мы прилетели и начали строить свои первые гордые плоты, нуры уже были здесь. Мы всегда считали их местными животными, либо туземными, либо оставленными в виде розыгрыша буйурами и приспособившимися к такой жизни. И хотя мы привыкли с ними работать, мы, хуны, никогда не считали, что они наши.

Со временем Гек отказалась от стараний, предоставив Клешне и Ур-ронн продолжать уговаривать наш скучающий амулет. Моя приятельница г'кек подкатилась ко мне и какое-то время стояла молча. Но и на кидур не обманула меня.

— Ну, говори, — сказал я. — Что ты стянула?

— А почему ты думаешь, что я что-то взяла? — Она изобразила невинность.

— Хрр-ррм. Там, в зале, у тебя был гневный припадок. Такие бывали и раньше, когда ты была поменьше и хотела чего-нибудь добиться от взрослых. А как только мы оказались в коридоре, ты успокоилась, и у тебя был такой вид, словно ты стянула драгоценные подвески из-под самого носа Ришелье.

Гек поморщилась, то есть рефлекторно свила глазные стебельки. Потом усмехнулась.

— Ну, ты меня поймал, д'Артаньян. Давай, посмотришь, что я раздобыла.

С некоторым усилием я приподнялся на руках, а Гек подкатилась еще ближе. В голосе ее звучало возбуждение.

— Я использовала толчковые ноги. Ударяла ими по стенам, пока не удалось стащить вот это.

Развернулась ее похожая на щупальце рука. И тут, старательно спрятанная между кончиками, показалась узкая прямоугольная полоска, похожая на плотную бумагу. Я коснулся ее.

— Осторожней, она липкая с одной стороны. Мне кажется, в книгах это называется липкой лентой. Немного смяла, когда срывала со стены. И еще пришлось налипшие кусочки убирать.

Кажется, углубления не очень заметны, но если приглядеться внимательней.

Я всмотрелся в полоску — одну из тех, которые мы видели на стенах, всегда на одной и той же высоте, слева от дверей в изогнутом коридоре. Очевидно, полоски закрывали надписи на каком-то неведомом языке.

— Ты не смотрел, когда я срывала полоску? — спросила Гек. — Видел, что под ней?

— Хр-р. Хотел бы увидеть. Но я был слишком занят, избегая твоих пинков.

— Ну, не важно. Посмотри внимательней на этот конец. Что ты видишь?

У меня нет такого острого зрения, как у Гек, но у хунов хорошие глаза. Я увидел нечто похожее на круг с разрывом и острым выступом на одном конце.

— Это символ?

— Совершенно верно. А теперь скажи, из какого алфавита?

Я сосредоточился. В большинстве стандартных галактических кодов встречаются окружности. Но эта своеобразная форма казалась уникальной.

— Могу сообщить первое впечатление, хотя, конечно, могу и оказаться неправым.

— Давай.

— Хр-рм, мне кажется, это похоже на букву из англика. Точнее, на букву G.

Гек довольно выдохнула. Все ее четыре глазных стебелька раскачивались, словно на веселом ветерке.

— У меня такое же впечатление.

Когда корпус заскрипел и затрещал, свидетельствуя о резком изменении давления, мы собрались у иллюминатора. Вскоре мир снаружи посветлел, и мы поняли, что подводная лодка приближается к цели. За стеклом сквозь мелкую воду пробивались солнечные лучи. У нас немного кружилась голова — вероятно, от изменения атмосферного давления. Клешня, радуясь возвращению в привычный мир, где он дома (хотя, конечно, здесь нет удобств садка его родного клана), испускал радостное шипение. Скоро иллюминатор вышел из-под воды, и мы увидели свою цель.

На берегу рядами стояли наклонные обелиски и бетонные скелеты огромных зданий.

Гек мелодично выдохнула.

Развалины буйуров, понял я. Должно быть, поросшие кустарниками незаселенные места к югу от Трещины, где несколько городов оставили

на волю ветра и волн.

Голос прочел мой дневник и знал, что мы хотели сюда направиться. Если нас собираются держать в карантине, то, должно быть, здесь.

Гек стремилась к древним развалинам еще до того, как мы ступили на палубу «Мечты Вуфона». И теперь подпрыгивала на ободьях, торопясь оказаться на берегу и прочесть стенные надписи, которых, как говорят, здесь очень много. Забыты жалобы на нарушенные обещания фувнтусов. Это гораздо более давняя мечта.

Появилась одна из амфибий с шестью конечностями и жестом попросила нас идти побыстрей. Несомненно, фувнтусам хотелось переправить нас на берег до того, как их заметят враги. Гек покатилась вслед за Клешней. Ур-ронн оглянулась на меня, покачивая головой и длинной шеей — урское пожатие плечами. Ей, конечно, нравится перспектива оказаться подальше от воды и влажности. Местность казалась приятно сухой.

Но ничего не выйдет.

На этот раз мятеж поднял я.

— Нет. — Я пошире расставил ноги и раздул горловой мешок. — Я не двинусь с места.

Друзья повернулись и посмотрели на меня. Должно быть, Увидели знаменитое хунское

упрямство в том, как я сжимал костыли. Амфибия испустила тревожные писки.

— Забудьте об этом, — настаивал я. — Мы не выйдем.

— Олвин, все в порядке-рядке, — сказал Клешня. — Они пообещали нам много хорошей еды, и я могу охотиться на берегу.

Я покачал головой.

— Нас не выбросят на берег, как беспомощных детей, ради нашей Ифни-проклятой безопасности. Отошлют оттуда, где происходят события. Важные события!

— О чем ты говоришь? — спросила Гек, вкатываясь назад в каюту. Тем временем амфибия тщетно размахивала своими четырьмя руками. Вошла пара больших фувнтусов. Их длинное горизонтальное одетое в металл тело держалось на шести мощных стальных ногах. Но я не собирался сдаваться. Показал на ближайшего фувнтуса, с его парой огромных черных блестящих глаз, расположенных по одному с обеих сторон заостренной головы.

— Вызови вращающийся голос и скажи ему. Скажи, что мы можем помочь. Но если вы нас выкинете, высадите на берег, это вам ничего не даст. Мы не будем молчать. Мы найдем путь

домой, и найдем быстро. Доберемся до Трещины и передадим сигнал друзьям по ту сторону. Расскажем им всю правду о вас!

Ур-ронн спросила:

— Какую правду, Олвин?

Я сопроводил свои слова глубоким низким ворчанием.

— Что мы знаем, кто эти парни.

САРА

В доме, где живут всадницы из клана, владеющего лошадьми, можно ожидать увидеть развешанные по стенам арканы, уздечки и седельные одеяла. Ну, может, еще одну-две гитары. Казалось странным увидеть здесь, в Кси, пианино.

Инструмент, очень похожий на тот, на котором дома, в деревне Доло, Мелина часами играла детям. Она брала книги, которые как будто никто другой не открывал, книги с хрупкими страницами, от которых исходил двухсотлетней давности запах Великой Печати. Мелина ставила на драгоценное пианино, которое подарил ей Нило как часть брачной платы, книги с записанной музыкой.

Теперь, в большом зале иллий, Сара пробежала

пальцами по белым и черным клавишам, наслаждалась прикосновением к гладкой поверхности, созданной лучшими квуэнскими резчиками по дереву, представляя себе мать маленькой девочкой, выросшей в этом узком царстве лошадей и сводящих с ума иллюзий. Должно быть, для нее оставить Кси было все равно что улететь на другую планету. Чувствовала ли она облегчение, освобождаясь от клаустрофической замкнутости, направляясь буйурским туннелем к новой жизни на заснеженном севере? Или в глубине души Мелина тосковала по скрытым долинам? По возбуждающим скачкам верхом на спине лошади? По пасторальной чистоте жизни, не осквернённой присутствием мужчин?

Скучала ли она по цветам, которые проникают в каждый сон или кошмар и при дневном свете расстилаются перед тобой тайной панорамой?

Кто научил тебя играть на пианино, мама? Сидя рядом с тобой на этой самой скамье, как ты сидела со мной, стараясь скрыть разочарование от моих неловких пальцев?

На полированной крышке пианино лежала стопка листков с записями музыки. Сара пролистала их, вспоминая композиции, которые на многие часы отрывали от нее мать и заставляли

ревновать к этим точкам на странице. Точкам, которые Мелина преобразовывала в великолепную гармонию.

Позже Сара поняла, какой волшебной властью могут обладать эти мелодии. Потому что они могут быть повторены. В определенном смысле записанная музыка бессмертна. Она никогда не умрет.

Типичный джиджоанский ансамбль — секстет, включающий представителей всех рас, — играет спонтанно. Композиция от одного представления к другому никогда не повторяется. Особенно это относится к синим квуэнам и хунам, которые, согласно легендам, в упорядоченном галактическом обществе не обладали свободой новаций. И были особенно изумлены, когда партнеры люди иногда предлагали записать особенно удавшиеся композиции в воске треки или на бумаге.

Зачем? — спрашивали они. Каждое мгновение заслуживает своей собственной песни.

Джиджоанский способ взгляда на мир. Сара признавала его.

Она опустила руки на клавиши и сыграла несколько гамм. И хоть не играла давно, почувствовала себя так, словно встретилась со старым другом. Неудивительно, что Эмерсон утешается

мелодиями, вспоминая прежние счастливые дни.

Тем не менее она волновалась, вспоминая некоторые простые произведения. И начала с «К Элизе».

Согласно антропологическим текстам в Библосе, древнейшие культуры на Земле знали музыку импульсивную, такую, как джиджоанские секстеты. Но незадолго до того как выйти в космос, люди научились записывать музыку.

Мы искали порядка и возможности запомнить. Должно быть, это казалось убежищем от хаоса, заполнявшего нашу темную жизнь.

Конечно, это было очень давно, когда и математика на Земле вступила в эпоху великих открытий. Может, это общая особенность? Выбрала ли я математику по той же причине, по какой Мелина любила этот инструмент? Потому что она вносит предсказуемость в жизненный хаос?

На стену упала тень. Сара привстала и встретилась с взглядом карих глаз Форуни, пожилой предводительницы клана всадниц.

— Прости, что потревожила тебя, дорогая. — Седовласый матриарх жестом предложила Саре садиться. — Но, глядя на тебя, я едва не поверила, что к нам вернулась Мелина и снова играет, как

раньше, с прежней увлеченностью.

— Боюсь, я не очень похожа на мать. И играю и вполовину не так хорошо.

Пожилая женщина улыбнулась.

— Хорошая мать хочет, чтобы дети превзошли ее, могли делать то, чего не может она. Но мудрая мать позволяет ребенку самому выбирать, в чем превзойти ее. Ты избрала царство глубокой мысли. Я знаю, она гордилась тобой.

Сара кивком поблагодарила за доброту, но афоризм не утешил ее. Если бы выбор действительно принадлежал мне, неужели я не выбрала бы красоту, как у Мелины? Не хотела бы стать смуглой загадочной женщиной, которая поражала окружающих множеством талантов?

Математика выбрала меня, захватила своей холодной бесконечностью и обещаниями универсальных истин. Но кого трогают мои уравнения? Кто с радостью смотрит на мое лицо и фигуру?

Мелина умерла молодой, но в окружении тех, кто любил ее. А кто заплачет надо мной, когда я умру?

Предводительница иллий, должно быть, неверно истолковала выражение лица Сары.

— Мои слова обеспокоили тебя? — спросила Форуни. — Я говорю как еретик, если надеюсь на

то, что поколения можно усовершенствовать? Кажется ли тебе это странной верой племени, которое скрывается даже от цивилизации беженцев и изгнанников?

Саре трудно было ответить.

Почему дети Мелины оказались такими необычными по джиджоанским стандартам? Хотя ересь Ларка кажется противоположной моей, у нас с ним общая черта — мы отвергаем Тропу Избавления.

Книги, которые читала нам мама, часто говорили о надежде, которую вызывал какой-нибудь мятежный поступок.

Предводительнице иллий она ответила:

— Вы и ваши урские друзья спасли лошадей, когда они казались обреченными. Ваш союз превосходит союз Дрейка и Ур-Чоун. Вы сообщество преданных женщин, вы тщательно отбираете своих партнеров мужчин из того лучшего, что может предложить Джиджо. Живя в великолепной изоляции, вы видите лучшую сторону человечества и редко сталкиваетесь с его худшими сторонами.

Нет, меня не удивляет, что в глубине души иллии оптимисты.

Форуни кивнула.

— Мне говорили, что ты в своих лингвистических исследованиях пришла к аналогичным заключениям.

Сара пожала плечами.

— Я не оптимист. Не в отношении лично себя. Но какое-то время мне казалось, что я вижу определенный смысл в развитии джиджоанских диалектов и в той новой литературе, которая развивается на Склоне. Конечно, теперь, когда прилетели чужаки, это больше не имеет значения.

Пожилая женщина прервала ее.

— Ты ведь не считаешь, что нам предназначено пройти путем глейверов, обрести второй шанс через забвение?

— Вы хотите сказать, что это могло бы случиться, если бы не прилетели корабли чужаков? Я спорила об этом с Дединджером. Если бы Джиджо оставили в покое, мне кажется, была бы возможность.

Сара покачала головой и сменила тему.

— Кстати о Дединджере. Вам удалось его найти?

Форуни недовольно поморщилась.

— Прошло совсем немного времени, как он выбрался из загона, где его держали. Мы и не ду-

мали, что он окажется таким изобретательным, сумеет украсть и оседлать лошадь.

— У него было время наблюдать и учиться.

— Вижу, что мы были слишком наивны. У нас в Кси давно уже не было пленных.

К несчастью, след не ведет к туннелю, где в узком пространстве и в темноте мы могли бы схватить его. Напротив, это грязное отродье лиггера пошло прямо через Спектральный Поток.

Сара попыталась представить себе человека, одного, верхом на лошади, пересекающего пустыню из отравленного камня и безжалостного света.

— Вы думаете, он сумеет пройти?

— То есть сможем ли мы найти его раньше, чем он там умрет? — Настала очередь Форуни пожать плечами. — Фаллон сейчас не так проворен, как раньше, но с полмидура назад он уже выступил в сопровождении нескольких самых выносливых молодых всадниц. Фанатика скоро вернут, и мы будем стеречь его внимательней.

Форуни замолчала на полуслове и посмотрела на свою руку. Туда село насекомое и присосалось к вене. Сара узнала скиттера — кровососущее насекомое, распространенное по всему Склону. Скиттеры медлительны. Их легко раздавить,

но Форуни почему-то воздержалась. Напротив, позволила осе-вампиру поесть. Закончив, насекомое исполнило танец из дергающихся, манящих движений.

Сара завороженно смотрела. Скиттеры, сев на руку человеку, редко доживают до этого.

Иди за мной, словно говорило насекомое каждым взмахом своего брюшка и хвоста. Идем со мной немедленно.

Сара поняла, что это, должно быть, еще одно служебное животное, оставленное буйурами. Полезный вестник, если знаешь, как его использовать.

Форуни вздохнула.

— Увы, дорогая родственница, тебе пора идти. Ты, Курт и остальные должны быстрей двигаться туда, где вы нужнее.

«Нужнее? — удивилась Сара. — В такие времена зачем может понадобиться такой человек, как я?»

Путешествие на юг возобновилось, на этот раз верхом. Вначале воспользовались древним соединительным туннелем буйуров, там, где разрушитель недоделал свое дело. Но вскоре в стенах и потолке туннеля появились большие щели и провалы, он стал напоминать сброшенную

шкуру личинки молодого квуэна. И от туннеля оставалась пыльная траншея или яма, полная водой. С этого момента пришлось ехать под открытым небом, купаясь в разноцветном прибое Спектрального Потока. Иллии раздали плащи с капюшонами. И все равно казалось, лучи прощупывают непрозрачную одежду в поисках щели, чтобы ворваться внутрь.

Курт и Джома ехали впереди с Кефой, проводником. Престарелый взрывник наклонился вперед в седле, словно это помогало быстрей добраться до цели. Далее на осле, более подходящем для ее маленькой фигуры, ехала Прити.

Эмерсон казался необычно подавленным, хотя время от времени улыбался Саре. Он постоянно носил реук и все время поворачивал голову. Сара поняла, что пленочный симбионт не просто приглушает цвета. Должно быть, он их приспосабливает, переводит. Иногда звездный человек напрягался в седле, хотя Сара не могла решить, происходит это из-за боли, удивления или возбуждения.

В конце двигалась Ульгор, урская предательница. Она благоразумно не попыталась сбежать через ядовитую пустыню со своим бывшим союзником Дединджером. Охраняемая двумя урами

из колонии Кси, Ульгор все более нетерпеливо поворачивала голову по мере приближения к горе Гуэнн. Ноздри ее раздувались при запахах дыма и расплавленного камня: вулкан постепенно занимал впереди все большую часть неба.

Сара чувствовала себя удивительно хорошо. Ее тело привыкло к седлу. Когда подъем становился слишком крут и всадникам приходилось спешиваться и вести лошадей, ноги Сары погружались в волны приятного тепла, и в них сохранялось достаточно сил.

Итак, отшельница — картофельное пюре все-таки может держаться. Или это эйфория, признак приближающейся горной болезни?

Они поднимались по крутому холму на склоне вулкана, когда неожиданно все три ура устремились вперед, возбужденно шипя и поднимая тучи пемзы, забыв свои роли: пленницы и стражниц. На фоне неба их длинные шеи сгибались в унисон — слева направо и назад.

Наконец, запыхавшись от подъема, Сара и Эмерсон поднялись на вершину, и перед ними была огромная кальдера — одна из многих усеивающих склоны большого вулкана, которые еще на много миль уходят вверх и на юг.

Уры как прикованные стояли у фумаролы. По

неровному кругу поднимались пары. Сара осторожно сняла защитные очки. Базальт здесь более грубый, не похожий на драгоценный камень. Они вступили в другую местность.

— Здесь был первый горн, — провозгласила Ульгор благоговейным голосом. Она наклонила голову вправо, и Сара разглядела там кладку из каменных блоков, слишком неровных, чтобы быть вырубленными лазерами буйуров, и давно заброшенных. Такие поспешно сооруженные каменные убежища строили первые урские кузнецы, которые в поисках вулканического тепла посмели покинуть равнины, надеясь приручить огненную глубь Джиджо и с ее помощью обрабатывать бронзу и сталь. В те дни этому ожесточенно противились серые королевы, которые считали это святотатством — как и позже, когда люди начали Великую Печать.

Со временем, однако, святотатство стало традицией.

— Должно быть, условия на высоте оказались для них более подходящими, — заметил Джома, потому что тропа постоянно шла вверх. Урская стражница кивнула.

— С этого места ранние урские исследователи обнаружили тайный путь через Спектральный

Поток. Тайну Кси.

Сара кивнула. Это объясняло, почему одна группа уров помешала другой — могучему Урунтаю — довести до конца план истребления лошадей, когда человечество еще только появилось на Джиджо. Кузнецы тех дней не интересовались властными играми высоких королев на равнинах. Им было не важно, как пахнут земляне или на каких животных они ездят. Важно только то, что они обладали сокровищем.

Книги, напечатанные землянами. В них были тайны металлургии. Мы должны их узнать или отстанем.

Так что ход не был чисто идеалистическим — тайное содержание табуна в Кси. Была назначена и цена. Люди могут быть лучшими инженерами на Джиджо, но мы не вмешиваемся в кузнечное дело, и теперь я знаю почему.

Сара выросла среди них, но до сих поражалась, какими разными могут быть уры. Варьирование личностей и мотивов поступков — от фанатиков до прагматичных кузнецов — такое же широкое, как у людей. Еще одна причина, почему стереотипы бывают не только вредными, но и глупыми.

Вскоре после того как они спешились, тропа пошла по вершине хребта, откуда открывались

великолепные виды. Слева находился Спектральный Поток, сверхъестественное царство, слегка приглушенное расстоянием и защитными очками. Лабиринт пестрых каньонов уходил вдаль, сливаясь в ослепительную белизну, — это Равнина Режущего Песка. Дом Дединджера, где будущий пророк превращал грубых обитателей пустыни в своих преданных и фанатичных поклонников. И теперь пустынные жители видели себя авангардом человечества на Пути к Избавлению.

В противоположном направлении, на юго-запад, сквозь разрывы в горной цепи Сара видела другое чудо. Обширный океан, где осуществляется обещанное очищение и возрождение Джиджо. Куда после мульчирования отправился прах Мелины. И Джошу. Где планета искупает грех, поглощая и переплавляя все, что посылает ей вселенная.

Склон так мал, а Джиджо так велика. Неужели звездные боги сурово накажут нас за то, что мы спокойно и осторожно жили в уголке этого запретного мира?

Всегда оставалась надежда, что чужаки просто закончат здесь свои дела и улетят, предоставив Шести Расам продолжать путь, уготованный им

судьбой.

Да, заключила Сара. Есть два варианта будущего — обширный и узкий.

Они продолжали двигаться, чаще спешивались и шли, чем ехали верхом, и по мере продвижения на восток они огибали хребет Риммер с юга и перед ними открывались все более захватывающие виды. И снова Сара заметила необычную резвость уров. Местами из земли выходил горячий пар, и лошади танцевали и фыркали. Затем Сара заметила впереди красноватое свечение, немного ниже тропы, — извивающийся язык лавы, текущий в нескольких полетах стрелы по склону внизу.

Возможно, сказалась усталость или слишком трудная и неровная местность, но когда Сара оторвала незащищенный взгляд от огненного языка и посмотрела за горы, ей показалось, что она уловила неожиданную вспышку. Пребывание в Кси сделало ее чувствительной к свету, и она поморщилась.

Что это?

Вспышка повторялась через неравные промежутки, словно далекая горная вершина обращалась к ней.

И тут Сара подметила еще одно, совершенно

отличающееся от первого движение.

Должно быть, это иллюзия, подумала она. Конечно, иллюзия, но так далеко от Спектрального Потока!

Казалось, она почти готова была в этом поклясться, она видела крылья гигантской птицы или дракона… плывущие по воздуху между…

Она давно не смотрела под ноги. Неожиданно споткнулась о камень и пошатнулась. В отчаянной попытке устоять бросила весь свой вес в противоположную сторону и перестаралась, полностью утратив равновесие.

С криком Сара упала.

Усыпанная булыжниками тропа приняла на себя удар, но Сара перевалилась через край и покатилась по крутой осыпи с базальтовыми краями. И хоть была в плотной кожаной одежде, каждый толчок вызывал резкую боль. Она отчаянно пыталась уберечь лицо и голову. Ее падение сопровождал отчаянный вопль. В дымке ужаса Сара поняла, что отчаянно кричит не она, а Прити.

— Сара! — крикнул кто-то. Послышались скрежещущие звуки: кто-то пытался догнать ее.

В промежутке между толчками она что-то увидела сквозь окровавленные пальцы — быстро

приближающуюся извилистую широкую реку на пересеченной местности. Поток двигался медленно и вязко и испускал жар. Он был того же цвета, что ее кровь, и быстро приближался.

НЕЛО

Обратную дорогу в лодке Ариана Фу все время рассматривала рисунки небольшого космического корабля, который принес на Джиджо Незнакомца. А Нело раздражался из-за этого непредвиденного отвлечения. Его рабочие, конечно, не смогут придерживаться расписания. Какая-нибудь мелкая задержка даст этим лентяям предлог полежать, как хуны в сиесту.

За время кризиса торговля сократилась, и древесный склад полон товара, но Нело решил продолжать производство бумаги. Чем будет деревня Доло без скрипа водяного колеса, ударов размельчающего молота или сладкого запаха, исходящего от свежих полос бумаги, которые сушатся на солнце?

Рулевой жизнерадостно ворчал, поддерживая ритм, в котором экипаж лодки толкал ее шестами. Нело поднял руку, проверяя, не идет ли дождь. Недавно немного капало, а на юге гремел гром.

Болото кончилось, и лодка вышла в объединенную реку. Вскоре молодые члены экипажа перейдут на весла и поплывут по спокойной поверхности озера Доло.

Но вот ритм ворчания рулевого изменился, замедлился и перешел во встревоженный стон. Несколько гребцов наклонились, всматриваясь в воду. Закричал мальчишка, когда шест вырвался у него из рук. Течение необычно быстрое, подумал Нело. Последние болотные растения остались позади, мимо быстро проплывали деревья.

— Все на весла! — крикнула молодая самка хуна — капитан. Ее спинные выступы, еще совсем свежие — она недавно стала взрослой — тревожно качались.

— Закрепить весла в уключинах!

Ариана вопросительно посмотрела на Нело, тот ответил пожатием плеч.

Лодка закачалась, напомнив Нело о порогах, которые находятся на много лиг ниже по течению, за городом Тареком. Ему только раз приходилось их миновать, когда он сопровождал гроб с прахом жены в море.

Но здесь нет никаких порогов! Они исчезли столетия назад, когда было создано озеро!

Лодка повернула, отбросив его на корму. Цеп-

ляясь руками, Нело с трудом сел рядом с Арианой. Бывший высокий мудрец держалась за скамью, сунув под куртку драгоценный портфель.

— Держись! — кричал молодой капитан. Нело ошеломленно вцепился в борт, и они оказались в сумасшедшем мире. В мире, которого не может быть.

Так снова и снова думал Нело, пока они стремительно неслись по узкому протоку. По обе стороны видна была нормальная береговая линия, где прекращались заросли деревьев и их место занимала водная растительность. Но лодка намного ниже этого уровня и продолжает быстро спускаться!

Планшир захлестывала пена, пассажиры и экипаж вымокли. Моряки лихорадочно гребли по приказу капитана. У капитана нет мужского резонирующего горлового мешка, но тем не менее она умеет дать понять, что ей нужно.

— Слева противотечение, налево, вы, побитые нурами оборванцы!.. Ровней!.. Теперь все вперед! Работайте, бесспинные скрипуны! Ради своей жизни — гребите!

С обеих сторон надвинулись каменные стены, угрожая раздавить лодку. Блестя маслянистыми водорослями, они возвышались, как молот и

наковальня, а экипаж отчаянно удерживал лодку в узкой полоске между ними, обозначенной водяными брызгами и пеной. Что дальше, оставалось загадкой, и Нело молился, хотел дожить до того, чтобы увидеть.

Лодка коснулась утеса — скользящий удар, хуны, квуэны и люди закричали, и крики их звучали, словно дверной колокольчик у входа в ад. Но корпус выдержал и углубился в затянутый пеной туннель.

Мы сейчас уже должны быть в озере, жаловался Нело, дыша со свистом сквозь стиснутые зубы. Куда делось озеро?

Они, словно стрела из самострела, вылетели в поток, струившийся в абсолютном смятении по камням, резко сворачивая перед неожиданными препятствиями. Такой курс бросил бы вызов лучшему лоцману, но Нело некогда было наблюдать за борьбой экипажа: ведь это решало только, будет он жив или умрет. Он ошеломленно смотрел вперед, мимо окружающих покрытых грязью равнин, когда-то бывших дном озера, через которое протекала Рони. Теперь реку ничего не сдерживало, и она вернулась в русло, которое у нее было до прилета землян.

Плотина… Плотина.

Пара синих квуэнов застонала: они были из местного улья. Улья, чьи рыбные садки и загоны омаров привольно располагались за плотиной, которая стала для них процветающим домом. Остатки этих загонов и посадок водорослей пролетали мимо, когда лодка стремилась к центру водоворота.

Нело мигал, не в силах даже стоном выразить свое отчаяние.

Плотина все еще стояла почти на всю длину. Но почти — неподходящее слово для плотины. Сердце Нело едва не остановилось, когда он увидел рваную дыру в одном конце, который ближе к его любимой мельнице.

— Держись! — без необходимости кричала самка капитан, когда они устремились в это отверстие. И водопад, который все слышали, ревел впереди совсем близко.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Возможно, мое решение не вполне рационально.

Может быть, Олвин блефует, чтобы избежать изгнания, и на самом деле у него нет никакого представления, кто мы такие.

А может, он действительно догадался. Ведь дельфины упоминаются во многих прочитанных им земных книгах. Даже в бронированном скафандре и шестиногом приспособлении для ходьбы можно узнать очертания дельфина, если правильно посмотреть. И как только эта мысль пришла ему в голову, буйное воображение Олвина добавило все остальное.

В качестве предосторожности мы могли высадить детей гораздо дальше к югу или отправить в подводное убежище. Это обеспечило бы их безопасность и одновременно молчание. Тш'т так и предлагала, когда я приказала Хикахи вернуть детей назад.

Признаюсь, я скучаю по Олвину и его друзьям. Если бы враждующие расы Пяти Галактик могли

устанавливать такие дружеские отношения, как у них!

Они достаточно взрослые, чтобы самостоятельно выбрать свою участь.

Мы получили доклад от медсестры, помощницы Макани. Плывя в санях, чтобы проверить состояние заболевших членов команды Каа, она заметила еще две груды выброшенных космических кораблей, меньше этой, но пригодные для перемещения, если нам понадобится переместить «Стремительный». Уменьшенная группа Ханнеса уже начала подготовительные работы.

Мы можем рассчитывать только на все ту же группу из пятидесяти опытных членов экипажа. Тех надежных специалистов, чья способность к сосредоточению не ослабла за три полных стрессов года. Тех, кого не пугают суеверные слухи о морских чудовищах, которые прячутся среди мертвых буйурских машин.

Что касается наших преследователей, то мы больше не видели гравитационных следов, свидетельствующих о полете корабля к востоку от гор. Возможно, это хорошая новость, но отсутствие следов заставляет меня нервничать. Двумя маленькими кораблями дело не может ограничиться. Сенсоры регистрируют наличие

очень большого корабля примерно в пятиста километрах на северо-запад. Имеет ли этот мощный крейсер отношение к тем судам, что упали возле нас?

Они, должно быть, поняли, что этот район представляет особенный интерес.

И мне непонятно и тревожно, почему они нас не ищут.

Как будто уверены, что времени у них предостаточно.

Машина Хисс сумела обменяться еще несколькими словами с так называемым животным нуром, которого наш маленький робот-разведчик встретил на берегу. Но эта тварь держит нас в состоянии напряжения и неизвестности и обращается с маленьким роботом так, словно это ее добыча и ее можно дразнить укусами и царапаньем. Однако тащит робот к себе в болото, старательно оберегая кабель, и поэтому мы изредка можем видеть оба потерпевших крушение небесных судна.

Мы предположили, что нур — просто регрессировавшая разновидность титлала, представляющая интерес разве как редкость. Но если некоторые из них сохранили способность речи, на что еще они способны?

Вначале я думала, что машина Нисс лучше всего пригодна для того, чтобы справиться с этой непонятной ситуацией. В конце концов, нур ее родич, так сказать.

Но родственные связи могут породить ревность и даже презрение. И возможно, машина тимбрими неподходящий представитель.

Еще одна причина для того, чтобы вернуть Олвина.

Наряду со всем этим я сумела немного поэкспериментировать с Херби.

Хотелось бы иметь способ установления изотопных срезов, сделанных до того, как он умер; химический анализ образцов, взятых у древней мумии, показывает значительно меньший промежуток времени, чем анализ воздействия космических лучей на корпус того корабля, на котором побывал Том в Мелком Скоплении.

Иными словами, Херби кажется моложе корабля, на котором его нашел Том.

Из этого можно сделать несколько выводов.

Возможно, Херби — просто труп одного из предыдущих грабителей гробниц, проникшего на корабль всего пару миллионов лет назад, а не два миллиарда.

Или несоответствие является результатом

воздействия тех странных полей, которые мы обнаружили в Мелком скоплении. Эти поля окружают огромный флот призрачных кораблей, делая их почти невидимыми. Возможно, в наружных корпусах этих огромных молчаливых кораблей время идет по-другому, чем в их середине.

Я думаю о бедном лейтенанте Ячапа-джин, которого эти самые поля убили и тело которого мы были вынуждены оставить. Может быть, какая-то будущая экспедиция найдет хорошо сохранившийся труп дельфина и придет к неизбежному выводу, что наткнулась на реликт прародителей?

Примет самую молодую разумную расу за самую древнюю. Какая бы это была шутка!

Шутка над ними и над нами.

Херби никогда не меняется. Но готова поклясться, что иногда ловлю его на улыбке.

Украденная нами ячейка Галактической Библиотеки иногда становится странной и неразговорчивой. Если бы не моя маскировка, этот большой куб, вероятно, вообще ничего бы мне не сказал. Я выгляжу как теннанинский адмирал, и все равно ячейка отвечает уклончиво, когда я показываю ей символы, которые Том срисовал на

борту покинутого корабля.

Один глиф выглядит как эмблема, которую можно найти на любой ячейке Библиотеки в известном пространстве, — большое спиральное колесо. Но вместо пяти спиральных рукавов, отходящих от центра, на этом рисунке их девять! И стилизованную галактическую спираль окружают восемь концентрических овалов, так что все напоминает яблочко мишени.

Ничего подобного я раньше никогда не видела.

Когда я пытаюсь добиться ответов, наш украденный архив отвечает, что этот символ «очень древний и больше ничего о нем сказать нельзя, это математически уничтожено».

Что бы это ни значило.

Я рискую очеловечить машину, но мне кажется, что ячейка становится сердитой и раздражительной, как будто вопросы ей не нравятся. Такое я видела и раньше. Исследователи Террагентского Совета обнаружили, что некоторые темы вызывают недовольство ячеек Библиотеки, как будто им не нравится рыться в древних файлах или это просто предлог, чтобы не признаваться: есть и такое, чего они не знают.

Это напомнило мне один спор с Томом, когда мы разговаривали с Джейком Демва и пытались

обнаружить смысл в существовании вселенной.

У Джейка есть теория, что история галактики, которая уходит, как полагают, на миллиард лет в прошлое, точна только на протяжении последних ста или ста пятидесяти миллионов лет.

— Чем дальше мы уходим в прошлое, — говорил он, — в том, что нам рассказывают, появляется все более ощутимый привкус тщательно придуманной сказки.

О, разумеется, имеются свидетельства, что кислорододышащие летали в космосе в десять раз дольше. И некоторые из древних событий, о которых сохранились сведения, происходили на самом деле. Но очень многое было и придумано.

От этого предположения в дрожь бросает. Ведь считается, что великие Институты исключительно правдивы и созданы для сохранения непрерывности развития. Но как в таком случае жизненно важная информация может быть математически уничтожена?

Разумеется, это может показаться абстрактной одержимостью, особенно сейчас, когда перед «Стремительным» и всей Джиджо встали страшные и непосредственные угрозы. Но я не могу не думать об этом здесь, на дне планетарного кладбища, где тектонические плиты расплавляют

историю, превращая ее в руду.

Мы захвачены медленно движущимися частями машины, которая оказалась гораздо больше, чем мы предполагали.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» ХАННЕС

Временами Ханнесу Суэсси очень не хватает его молодого друга Эмерсона, чье необыкновенное мастерство заставляло «Стремительный» довольно мурлыкать, как леопарда, блуждающего по космическим тропам.

Конечно, Ханнес восхищается способными дельфинами из своей инженерной команды, дружелюбными, работоспособными, энергичными членами экипажа без малейших следов регресса. Но дельфины склонны представлять себе предметы как комплекс звуковых отражений, они часто делают расчеты интуитивно, основываясь за звучании двигателей. Полезная техника. Но не всегда надежная.

С другой стороны, Эмерсон Д'Аните.

Ханнес не встречал никого, кто обладал бы таким врожденным пониманием переходов квантовой вероятности. Не сложной теории

гиперизменений, а практическим владением моментов искаженного пространства-времени. К тому же Эмерсон бегло владел тринари турсиоп, он гораздо лучше самого Ханнеса мог выразить сложные идеи на гибридном языке дельфинов. Полезное умение в этой лохани.

Увы, сейчас на нижних палубах есть только один человек, помогающий дельфинам в ремонте двигателей, давно нуждающихся в замене.

Конечно, если Ханнеса Суэсси еще можно назвать человеком.

«Больше ли я, чем человек? Или меньше?»

Теперь у него «глаза» по всему машинному отделению — зрительные датчики, непосредственно соединенные с его заключенным в керамический панцирь мозгом. С помощью управляемых на расстоянии приборов Ханнес может присматривать за Каркаетттом и Чачки, которые работают в дальнем углу отделения или даже за небольшими группами, работающими где-то в других местах этой обширной груды металлолома. И когда они устают или начинают нервничать, когда их охватывает китовая клаустрофобия, он может дать им совет, успокоить.

К несчастью, кибернетические свойства и способности не предотвращают чувства одино-

чества.

Тебе не следовало оставлять меня одного, говорит Ханнес отсутствующему духу Эмерсона. Ты был инженером, а не тайным агентом и не звездным пилотом! И не тебе нужно было гулять по космосу и совершать героические поступки.

Для таких дел существуют специалисты. Когда «Стремительный» впервые поднялся в космос, на его борту было несколько таких «героев», с нужной подготовкой, с подходящими качествами личности, способных справляться с опасными вызовами и находить выход в любых ситуациях.

К несчастью, все эти специально подготовленные исчезли: капитан Крайдайки, Том Орли, лейтенант Хикахи и даже молодой гардемарин Тошио, все погибли при бегстве с Китрупа, которое обошлось так дорого.

Вероятно, кто-то должен был заполнить эту брешь, признавал Ханнес.

В сущности, Эмерсон позволил им вырваться из западни на Оакке, зеленой планете, где союз Обейяр расставил ловушку, когда Джиллиан пыталась обговорить условия мирной сдачи чиновникам Института Навигации.

Даже подозрительная машина Нисс не могла заподозрить, что нейтральные галактические

бюрократы способны нарушить свои клятвы и предать «Стремительный». Считалось, что такое вообще невозможно. И если бы не героический бросок Эмерсона по джунглям Оакки, когда он захватил создающую поля станцию джофуров, «Стремительный» попал бы в лапы одного фанатичного клана, а именно этого Террагентский Совет приказал не допускать ни в коем случае.

Но ты позволил успеху вскружить тебе голову, да? О чем ты думал? Что ты второй Том Орли?

Несколько месяцев спустя ты выкинул этот безумный трюк, повел наспех переоборудованный истребитель тенаннинцев через Фрактальную систему, надеясь «прикрыть» наше бегство. И чего ты этим добился, кроме собственной гибели?

Он вспомнил вид с мостика «Стремительного» на внутреннее пространство обширной замороженной структуры размером с солнечную систему, сооруженной из конденсированной материи. Изорванное, застывшее сооружение с бледной звездой в центре. Истребитель Эмерсона вертелся посреди выступов этого гигантского артефакта, испуская яркие, но бесполезные лучи, а тем временем вокруг него смыкались клешни водородного льда.

Глупый героизм. Древние могли остановить «Стремительный» так же легко, как остановили тебя, если бы только захотели.

Они хотели, чтобы мы ушли.

Он поморщился, вспоминая, как смелая, но напрасная «диверсия» Эмерсона кончилась вспышкой болезненного света, всего лишь небольшой вспышкой в этом невероятном, светящемся фрактальном куполе. А затем «Стремительный» понесся по туннелю между измерениями, прокладывая путь к запретной Галактике Четыре. А там извилистая тропа миновала торговые ветры водороднодышащей цивилизации и прошла рядом с сверхгигантом, чьи излучения могли наконец скрыть след землян.

Другие тайно прилетали на Джиджо до нас, и Измунути скрывала их след.

У нас тоже должно было получиться.

Но Ханнес знал, что на этот раз вышло по-другому.

За голову этих других не назначали огромную цену. За награду, обещанную несколькими богатыми пришедшими в ужас кланами за поимку «Стремительного», можно купить половину спирального рукава.

Ханнес вздохнул. Недавнее глубоководное на-

падение было неточным, значит, охотники не знают, где на обширном морском дне находится добыча. Но нападение повторится. И Ханнесу нужно делать свою работу.

По крайней мере есть предлог не приходить на эти проклятые корабельные советы. Все равно это фарс: мы делаем то, что приказывает Джиллиан. И были бы сумасшедшими, если бы не делали.

Каркаеттт сообщил, что мотивационная область готова. С помощью руки киборга Ханнес начал приспосабливать калибровку приборов на главном пульте управления, стараясь подражать искусным движениям Эмерсона. Биомеханические продолжения, заменившие ему руки, были поразительным даром, обладавшим всеми способностями живой руки, хотя ему не хватало осязательного удовольствия от прикосновения кончиков пальцев.

Древние были щедры, а потом ограбили нас и выгнали. Дали жизнь и отобрали ее. Они могли бы выдать нас за награду или скрыть в своем бескрайнем мире. Но они не сделали ни того, ни другого.

Их намерения непостижимы для человека. Возможно, все, что произошло впоследствии, есть часть их загадочного плана.

Иногда мне кажется, что человечеству было бы лучше, если бы оно оставалось в колыбели.

ТШ'Т

Она сказала Джиллиан Баскин, что думает о ее решении.

— Я по-прежнему не согласна с решением вернуть этих молодых сунеров.

Светловолосая женщина усталым взглядом посмотрела на Тш'т. Мягких морщинок в углах глаз не было, когда «Стремительный» начинал полет. В таких полетах легко состариться.

— Изгнание лучше для их же блага. Но здесь они могут оказаться полезными.

— Да, если предположить, что они говорят правду о хунах и джофурах, которые мирно живут рядом с людьми и урами, читают бумажные книги и цитируют Марка Твена!

Джиллиан кивнула.

— Я знаю, это кажется невероятным. Но…

— Подумайте о совпадениях! Как только наша разведывательная лодка находит старый урский тайник, как появляются эти так называемые дети и их игрушечная субмарина.

— Они умерли бы, если бы «Хикахи» их не под-

хватила, — заметила корабельный врач Макани.

— Может быть. Но подумайте, вскоре после их появления и мы уловили шум гравитационных моторов, приближавшихся к нам. Потом кто-то начал бомбить пропасть! Это что, случайность? Или их привели к нам шпионы?

— Чтобы им на голову сбросили бомбы? — Врач-дельфин с силой выдохнула. — Есть более простое объяснение: один из наших исследовательских роботов был захвачен и его путь прослежен сюда.

На самом деле Тш'т знала, что не четверо детей сунеров привели галактов к Трещине. Дети не имеют к этому отношения. Виновата в этом она сама.

Когда «Стремительный» готовился к бегству из Фрактальной системы, руководствуясь еще одним блестящим и отчаянным замыслом Джиллиан, Тш'т импульсивно отправила тайное послание. Просьбу о помощи из источника, которому она доверяла. Она описала маршрут корабля и назначила свидание на Джиджо.

Потом Джиллиан меня поблагодарит, думала тогда Тш'т. Когда повелители ротены придут и позаботятся о нас.

И только теперь изображения, присланные с

берега, показали ей, как на самом деле обстоят дела.

Два маленьких корабля, потерпевших крушение в болоте, и в большем по размерам свирепые неумолимые джофуры.

Тш'т поражалась тому, что ее план мог привести к таким результатам. Ведь она хотела только хорошего. Может, самих ротенов выследили? Или перехватили мое сообщение?

Ее грызли тревога и чувство вины.

В дискуссию вмешался еще один голос. Сладкозвучный. Он исходил от вращающихся спиральных линий, которые светились в одном конце зала для совещаний.

— Итак, блеф Олвина не играл никакой роли в вашем решении, доктор Баскин?

— Блефует ли он? Эти дети выросли на книгах Мелвилла и Бикертона. Может, он узнал очертания дельфинов в этих неуклюжих скафандрах. Или мы проговорились в наших беседах с ними.

— Непосредственно с ними разговаривала только машина Нисс, — заметила Тш'т, выпячивая челюсти в направлении вращающейся голограммы.

Та ответила необычным раскаянием.

— Просматривая записи, я признаю, что исполь-

зовал такие термины, как километр и час, просто по корабельной привычке. Олвин и его друзья могли сопоставить это с прекрасным владением англиком, поскольку галакты не пользуются мерами волчат.

— Ты хочешь сказать, что компьютер тимбрими способен совершать ошибки? — ядовито спросила Тш'т.

Вращающаяся голограмма испустила негромкое гудение, похожее на философское ворчание задумавшегося хуна.

— Гибкие существа обладают возможностью приспосабливаться и постигать новое, — объяснил Нисс. — Мои создатели именно по этой причине подготовили меня для службы на корабле. Именно поэтому прежде всего тимбрими и подружились с вами, мошенниками и хитрецами.

По сравнению с обычными мудрыми, но механическими ответами это замечание прозвучало насмешкой.

— Ну, все равно, — сказала Джиллиан, — не блеф Олвина заставил меня передумать.

— Тогда что же? — спросила Макани.

Голограмма Нисса рассыпалась сверкающими пятнами и ответила за Джиллиан.

— Дело в этом титлале нуре, который говорит. Он оказался не склонным к сотрудничеству и обмену информацией, вопреки нашей настоятельной необходимости выяснить, почему он оказался здесь.

Мы с доктором Баскин пришли к одному выводу.

Именно поэтому нам и нужны дети. И прежде всего Олвин.

Чтобы убедить нура поговорить с нами.

СУНЕРЫ
ЭМЕРСОН

Он винил себя. Мысленно унесся в далекие места и времена. Отвлекся и среагировал слишком медленно, когда Сара упала.

До этого момента Эмерсон добивался успеха в своей борьбе за овладение прошлым, понемногу за раз. Нелегкая задача при отсутствии части мозга — именно той части, которая поставляла слова для облегчения выражения мысли и потребностей.

Жестко закрепленные запреты сдерживали его усилия вспомнить, наказывали за каждую попытку с такой жестокостью, что он только стонал

и покрывался потом. Но какое-то время помогала необычная панорама. Отражающиеся цвета и полужидкие ландшафты вскрывали ниши, в которых были заключены воспоминания.

Одно воспоминание возникло целиком. Старое воспоминание, из детства. У соседа была большая немецкая овчарка, которая любила охотиться на пчел.

Собака подстерегала добычу самым непостижимым способом, присев и дергаясь, как огромная нелепая кошка, и преследовала ничего не подозревающих насекомых среди лепестков цветов и высоких стеблей травы. А потом прыгала и прихлопывала лапами побежденную добычу.

Мальчишкой Эмерсон радостно и восхищенно наблюдал за этой охотой, а пчела тем временем разгневанно жужжала за оскаленными зубами, затем следовало краткое мгновение, когда она переставала протестовать и пускала в ход жало. Пес фыркал, морщился, чихал. Но боль смешивалась у него с явным наслаждением. Охота на пчел придавала смысл его выхолощенной городской жизни.

Эмерсон удивился тому, что эта метафора так на него подействовала. Пес ли он, преодолевающий боль в своей охоте за воспоминаниями?

Или он пчела?

У Эмерсона почти не сохранились воспоминания о тех высокомерных существах, которые высверлили ему мозг, а потом в пылающем корабле швырнули тело на Джиджо. Но он знал, что для них люди — все равно что насекомые.

Он представлял себя владеющим острым жалом. Ему хотелось бы иметь возможность заставить Древних чихнуть. Он мечтал отучить их охотиться на пчел.

Эмерсон последовательно выстраивал с таким трудом отвоеванные воспоминания. Ожерелье, в котором гораздо больше пустых промежутков, чем жемчужин. Легче всего вспоминались события детства, подросткового возраста и лет, проведенных в подготовке к исследовательской службе в Террагентском Совете.

Даже когда цепочка всадников покинула земли режущих цветов и начала подниматься по крутой горной тропе, у него были и другие инструменты для работы: музыка, математика и жесты, которыми он общался с Прити, обмениваясь с ней грубоватыми шутками. А на привалах блокнот с рисунками помогал разбудить подсознание. Нетерпеливыми линиями и дугами он вырывал у темного времени свободные образы.

«Стремительный».

Корабль принимал видимую форму, он почти сам рисовал себя — великолепный цилиндр с роговыми выступами вдоль всего борта. Эмерсон рисовал его под водой — окруженным волнующимися водорослями, это необычно для корабля, предназначенного для глубокого космоса, но совпадает с другими воспоминаниями.

Китруп.

Ужасный мир, где «Стремительный» пытался найти убежище после того, как едва избежал западни и узнал, что сотни флотов сражаются за право захватить его.

Китруп. Планета с ядовитыми океанами, но подходящее место для ремонта, так как всего у полудюжины членов экипажа есть ноги, чтобы можно было стоять. Остальные — умные, темпераментные дельфины — нуждаются для работы в водной среде. К тому же это казалось подходящим местом для укрытия после катастрофы на…

Моргране.

Пункт перехода. Самый безопасный из пятнадцати путей, позволяющих перелетать от звезды к звезде. Нужно только нырнуть к звезде, находящейся под нужным углом и на нужном расстоянии, и вынырнешь в другой месте, очень

далеко на звездном колесе. Даже медлительный земной корабль «Везарий» смог проделать это, правда, лишь по случайности, прежде чем человечество овладело достижениями галактической науки.

Мысль о Моргране вызвала воспоминание о Кипиру, лучшем пилоте, какого когда-либо знал Эмерсон, этом позере, который увел «Стремительный» от опасности так красиво, что поразил поджидавших в засаде, и снова нырнул в водоворот, уходя от космической битвы.

Как и от другой битвы, которая развернулась несколько недель спустя на Китрупе. Великолепные сверкающие флоты, достояние благородных кланов, рвали друг друга, в мгновения уничтожая то, чем гордились многие планеты. Руки Эмерсона мелькали: на листе туземной бумаги он рисовал взрывающиеся дуги, рвал бумагу, раздраженный своей неспособностью передать великолепную дикость и жестокость того, что видел когда-то собственными глазами.

Когда всадники снова садились на лошадей, Эмерсон разорвал рисунок, радуясь, что реук скрывает его слезы.

Позже, когда они увидели парящую вулканическую кальдеру, он неожиданно вспомнил

другой бассейн, созданный из сжатого пространства, — Мелкое Скопление, последнее место, которое изучал «Стремительный» перед тем, как направиться к Морграну, место, лишенное всего достойного внимания, согласно Галактической Библиотеке.

Ум или предчувствие побудили капитана Крайдайки направить корабль в такое бесперспективное место?

Конечно, на протяжении эпох кто-то натыкался на армаду брошенных кораблей, обнаруженную «Стремительным», — причину всех его бед. Эмерсон и сейчас видит эти корабли, огромные, как луны, но почти прозрачные, словно они не вполне могут решиться существовать.

Это воспоминание причиняет другую боль. Все оно покрыто следами когтей, как будто какая-то внешняя сила пыталась разорвать его в клочья, разложить на отдельные детали, возможно, в поисках подлинного рисунка окружающих звезд, чтобы проследить путь «Стремительного» к этой точке пространства.

Эмерсон полагает, что они, видимо, потерпели неудачу. Созвездия никогда не были его специальностью.

Эмерсон, ты не обязан идти.

Голова его дергается при этом воспоминании: слова эти были произнесены за много месяцев до Морграна или Китрупа.

Эмерсон разглядывает землю лихорадочных расцветок, теперь видную с большой высоты. И находит в этих всплесках ее лицо. Встревоженное лицо, отягощенное ответственностью за сотни жизней и необходимостью сохранить необыкновенно важные тайны. Она снова говорит, и он вспоминает ее слова целиком, потому что они содержатся не в той части памяти, которая предназначена для словесных разговоров.

Потому что все, что она говорит, всегда казалось ему музыкой.

Ты нужен нам здесь. Поищем другой выход.

Но другого выхода нет. Даже саркастический тимбримийский компьютер Джиллиан не в состоянии его предложить, прежде чем Эмерсон поднимается на борт найденного теннанинского истребителя, чтобы начать отчаянную игру.

Оглядываясь назад, Эмерсон надеется, что в глазах Джиллиан было то же выражение, с каким она прощалась с Томом перед какой-нибудь опасной вылазкой.

Он видит озабоченность, даже привязанность. Но это не то же самое.

Эмерсон отрывает взгляд от измученной цветами пустыни и поворачивается на восток, к менее тревожным видам. Естественные разворачивающиеся склоны далеких гор, смягченные буйными зелеными лесами, дают возможность глазам отдохнуть.

Но тут на одной вершине что-то вспыхивает! Следует серия вспышек. Вспышки ритмичны, кажется, что они говорят.

Его заинтересованное наблюдение прерывает короткий вскрик. Эмерсон какое-то мгновение остается отчужденным, медлительным и не успевает повернуться. Он не видит, как падает Сара. Но крик Прити пронзает его, как факел, сунутый в паутину.

С невольной ясностью из его уст вырывается имя Сары. Тело его наконец начинает действовать, устремляется в преследование.

Бросаясь вниз по неровной осыпи, Эмерсон красноречиво проклинает вселенную за то, что та пытается отнять у него еще одного друга.

ЛАРК

Лицо сержанта в маскировочной раскраске. В ее черных волосах еще видны кусочки почвы и

травы: ей пришлось пробираться по расщелинам и всматриваться между кустарников. Но Ларк никогда не видел, чтобы Джени Шен выглядела лучше.

Люди расцветают, когда занимаются тем, для чего рождены. В случае Джени — это жизнь воина. Ей лучше было бы жить в те времена, когда старший и младший Дрейки из крови и огня создавали Великий Мир.

— Пока все в порядке, — сказала молодая разведчица из милиции. Пятнистый комбинезон не позволял разглядеть ее фигуру среди темных теней от ламп.

— Я подобралась близко и видела, как послы вошли в долину, неся ответ мудрецов джофурам. К ним устремилось несколько сторожевых роботов, особенно к бедному Вуббену. Они обнюхали его от колес до глазных стебельков. Затем все шесть послов направились вниз по поляне, а роботы их сопровождали. — Джени сделала скользящее движение рукой. — Теперь периметр охраняют только один-два робота! Лучшей возможности для нашего хода и ждать нельзя.

— Никаких сомнений, — добавил Ранн. Высокий человек со звезд прислонился к известковой стене, сложив руки на груди. Даник не был

вооружен, но вел себя так, словно это его экспедиция. — Конечно, мы будем действовать. Другого выхода нет.

И хоть говорил он уверенно, план на самом деле принадлежал Ларку. И ему же нужно принимать решение — действовать или нет. Ему отвечать за последствия, если погибнут шестьдесят смельчаков или их поступок спровоцирует джофуров на мстительное уничтожение.

Мы можем свести на нет усилия высоких мудрецов как раз тогда, когда они убедили галактических нетреки успокоиться.

Но с другой стороны, как могут Шесть Рас заплатить цену, которую потребовали джофуры? И пока мудрецы пытаются сбить цену, кто-то должен поискать другой выход. Возможность совсем не платить.

Из всех уголков грота — одной из бесчисленных пещер, пронизывающих эти холмы, — за ним следило множество встревоженных глаз. Взгляд Линг, стоявшей далеко от Ранна, из самых неумолимых. С того времени как они работали над расшифровкой таинственных информационных пластинок, звездные повелители враждовали друг с другом. С того самого ужасного дня, когда Ранн крикнул «предательство!», а затем на гору

Дуден опустилась золотистая дымка. У каждого из звездных людей были собственные причины помогать этой отчаянной вылазке.

Ларк не разделял радость Джени. Остались только один или два робота. Согласно сообщениям помощников Лестера Кембела, эти оставшиеся роботы все равно могут видеть на некоторое расстояние под землей и отразить приближающуюся угрозу. Но, с другой стороны, вся местность покрыта щелями, из которых выходит пар; постоянно происходят мелкие землетрясения. И еще тонкий рисунок песен Святого Яйца — под этими излучениями дрожит амулет на груди у Ларка.

Все смотрели на него, ждали его решения: добровольцы люди, уры и хуны плюс несколько еще не заболевших квуэнов.

— Хорошо, — кивнул Ларк. — Пошли.

Напряженный, решительный приказ. Джени с улыбкой повернулась, направляясь в глубину пещеры, за ней последовали факелоносцы.

На самом деле Ларк хотел сказать совсем другое. Дьявольщина, нет! Пошли отсюда! Куплю выпивку всем, кто согласен поднять стакан за бедного Утена.

Но если произнесет имя друга, может заплакать, выдать внутреннее горе. И поэтому Ларк

занял свое место в извилистой цепочке фигур, которые, наклоняясь, двигались по темному проходу, освещенному только прикрепленными к стенам полосками.

Он шел, а мысли его метались. Например, он думал, где на склоне представители всех шести рас могут одновременно выпить после такого тоста. В очень немногих тавернах подают одновременно алкоголь и свежую кровь симлы, поскольку люди и уры испытывают взаимное отвращение к выпивке друг друга. А большинство треки вежливо отказываются есть в присутствии членов других рас.

Я знаю один бар в городе Тарек, конечно, если Тарек еще не сожжен огненным дождем с неба. После Дудена джофуры могли заняться большими городами, где живет много г'кеков.

Приходится удивляться, почему вообще г'кеки прилетели на Джиджо. Они могут двигаться только по мощеной Тропе Избавления.

Ларк покачал головой.

Банальности. Мелочи. Мозг продолжает работать, даже когда твоя единственная забота — идти за идущим перед тобой и не удариться головой о сталактит.

Посмотрев на него, все видели спокойствие и

уверенность. Но про себя Ларк непрерывно болтал, пытаясь успокоиться.

Сейчас мне следовало бы оплакивать друга.

Нанять могильщика-треки, организовать роскошную церемонию мульчирования, чтобы отполированный панцирь Утена должным образом мог присоединиться к костям его предшественников на дне Великой Помойки.

Мой долг — нанести формальный визит серым королевам в том пыльном зале, в котором они когда-то правили большей частью Склона. В зале Девяноста-Вырезанных-Зубами-Колонн, где королевы по-прежнему делают вид, что правят. Но как мне объяснить этим величественным матронам, почему умерли два их лучших сына: Харуллен, разрезанный на куски лазерами чужаков, и Утен, погибший от болезни?

Могу ли я сказать этим пепельным императрицам, что следующими могут стать их остальные дети?

Утен был его лучшим другом, его коллегой, который разделял его восхищение тонкой организацией хрупкой экосистемы Джиджо. Никогда не разделяя ересь Ларка, Утен был тем единственным, кто понимал, почему расам сунеров не следовало являться на планету. Он был способен

понять справедливость галактических законов.

Я покинул тебя, старина. Но если я смогу выполнить другие свои обязанности, может, мне удастся кое-чем компенсировать это.

Справедливостью.

Пол просторной пещеры усеивали обломки. Они остались здесь от заговора фанатиков, когда группа молодых мятежников по этим самым коридорам проносила взрывчатку под исследовательскую станцию даников, уничтожив подругу Линг Беш и одного из звездных повелителей ротенов. Последствия этого события все еще расходятся, как круги от большого камня, брошенного в пруд.

Теперь на развалинах станции лежит огромный боевой корабль джофуров, но никто не предлагал вторично использовать тот же способ нападения. Даже если допустить, что такой мощный корабль можно взорвать, потребовалось бы такое количество взрывчатки, что отряд Ларка таскал бы ее до следующего Дня Основателей. Да и не находилось добровольцев для того, чтобы подойти к гиганту. План Ларка включал приближение на несколько полетов стрелы. Но даже и в этом случае идти трудно и опасно.

— Отсюда проход слишком узок для серых, —

сказала Джени.

Партизаны-уры в унисон повернули шеи, принюхиваясь к неприятному для них запаху, который доносился из сужающегося коридора.

Серые квуэны присели, и остальные стали снимать с их спин грузы. Если бы было достаточно времени, серые могли бы расширить коридор своими когтями для копания и крепкими, как алмазы, зубами, но Ларк считал, что лучше отослать их назад. Кто знает, сколько еще у них времени, ведь ветры распространяют по Джиджо эпидемию. Это бактериологическое оружие? Линг нашла доказательства этого на декодированных пластинках, хотя Ранн по-прежнему отрицал их ротенское происхождение.

Рассерженный человек со звезд был одержим другим фактом.

На станции, в команде генных грабителей, был шпион. Кто-то вел записи, тщательно фиксируя все преступления, совершенные ротенами и их слугами-людьми.

Агент Террагентского Совета!

Очевидно, у правительства Земли есть свой информатор в клане людей-фанатиков, обожествляющих повелителей ротенов.

Ларку очень хотелось расспросить Линг, но

сейчас не время для их обычной игры в вопросы и уклонения. И не было с того момента, как они бежали от катастрофы у Дудена, бежали вместе с испуганными помощниками Лестера Кембела по лабиринту гигантских бу. Бежали новыми тропами, мимо свежесрубленных стволов, пока задыхающиеся беглецы не оказались на не отмеченной на картах поляне, где испугали группу треки. Те стояли длинным рядом и испускали ядовитые испарения, шипя, как закипающий котел.

Взводы урской милиции бросились на защиту занятых треки, щипая за ноги, словно люди — это встревоженные симлы. Отряд Кембела был отогнан от поляны и направлен в убежища на западе и востоке.

Но даже когда наконец добрались до убежища, не было времени обсуждать галактические дела. Линг работала с врачами, делясь тем немногим, что узнала о болезни квуэнов из шпионских записей.

А Ларк погрузился в лихорадочную деятельность, распоряжаясь непрерывно растущим числом последователей.

Это доказывает, что те, кто в отчаянии, пойдут за любым, кто располагает планом.

Даже таким безумным планом, как мой.

Носильщики хуны взяли груз квуэнов, и караван двинулся дальше. Несколько синих квуэнов, таких молодых, что их панцири еще не просохли, замыкали строй. И хотя для своего вида они невелики, все равно людям с молотами и ломами приходилось помогать им, убирая известняковые препятствия. В плане Ларка учитывалось присутствие этих добровольцев-подростков.

Он надеялся, что подействует не только его рискованный план.

Всегда остается молитва.

Ларк коснулся амулета. На ощупь холодный. Сейчас Яйцо успокоилось.

На перекрестке заговорщики-фанатики уходили влево, неся бочонки и ящики со взрывчаткой под станцию ротенов. Но группа Ларка повернула направо. Им предстояло покрыть меньшее расстояние, но путь их более опасен.

Среди сильных мужчин, помогавших расширить проход, был и Джими Блаженный. Он с такой яростью обрушивался на преграды, что Ларку пришлось вмешаться.

— Спокойней, Джими! Ты разбудишь переработанных мертвых!

Вспотевшие работники рассмеялись, а хунские носильщики гулко заворчали. Смелые хуны. Ларк

вспомнил, как не любят хуны замкнутое пространство. А уры, которые под землей чувствуют себя хорошо, все более нервничали с приближением к воде.

И никому не хотелось приближаться к огромному звездному крейсеру.

Шесть Рас столетиями укрывались от Дня, когда прилетят корабли Институтов и будут судить их за преступления. Однако когда прилетели корабли, на них не оказалось благородных возвышенных чиновников, а были воры, а потом жестокие убийцы. И если ротены и их человеческие марионетки казались хитрыми, но доступными для маневров и переговоров, то джофуры внушали ужас.

Они требуют того, что мы не можем дать.

Мы ничего не знаем о «корабле дельфинов», который они ищут. И мы скорее предпочтем быть проклятыми, чем выдадим наших братьев г'кеков.

И вот Ларк, который всю жизнь надеялся на то, что галакты положат конец незаконной колонии, теперь ведет отряд в отчаянную схватку со звездными богами.

Человеческая литература после Великой Печати оказала огромное влияние. Она полна

описаний отчаянных, безнадежных попыток. Усилий, не оправданных никакими рациональными причинами.

Они с Линг помогали друг другу спуститься по известняковому откосу, блестевшему от воды и скользких лишайников, когда идущие впереди разведчики прислали сообщение.

Прямо впереди вода.

Сообщение передала Джени Шен.

Так Ларк и думал. Я оказался прав.

И потом добавил:

Пока.

Жидкость была маслянистой и холодной. От нее тянуло затхлостью.

Но это не помешало двум молодым и энергичным квуэнам забраться в пруд, разматывая с барабана мульк-трос. Хуны ручными насосами надували воздушные пузыри, а Ларк собирался с духом, чтобы погрузиться в эту влажную тьму.

Передумал?

Джени проверила защитный костюм из перепонок скинка. Он может предохранить от холода, но это меньше всего беспокоило Ларка.

Холод я могу перенести. Лишь бы хватило воздуха.

Пузыри — еще не испробованное изобретение.

Каждый из них представляет собой кольцо треки, утолщенное, чтобы удерживать газ под давлением. Джени прикрепила такое кольцо ему на спину и показала, как дышать через мясистый выступ — гибкое щупальце, через которое будет поступать свежий воздух и уходить отработанный.

Ты всю жизнь рассчитывал на выработанные треки составы, которые делают местную пищу съедобной, и на очищенный треки алкоголь на празднествах. Аптекарь треки своим синтезирующим кольцом делал твои лекарства. Однако прикосновение этого щупальца ко рту вызывает у тебя отвращение.

По вкусу похоже на липкую сальную свечу.

В другом конце узкого помещения Линг и Ранн легко справлялись с джиджоанской новинкой. Конечно, им не приходится преодолевать исторических впечатлений, которые ассоциируют треки с мульчей и гниющими отходами.

— Давай, — негромко и насмешливо сказала Джени. От ее голоса жгло уши. — Не вырви на меня, парень. Ты теперь мудрец. Остальные смотрят на тебя.

Он кивнул — коротко и дважды — и попробовал снова. Взял в рот конец щупальца и прикусил, как учила Джени. Воздух не такой тяжелый, как

он ожидал. И возможно, в нем содержится легкое успокоительное. Фармакологи искусны в таких вещах.

Будем надеяться, их звездные родственники до такого не додумаются.

На этом предположении основан план Ларка. Командиры Джофуров могут ожидать нападения непосредственно из-под земли. Но там, где подземный подход комбинируется с подводным, захватчики могут не ожидать неприятностей.

Ротены недооценили нас. Клянусь Ифни и Яйцом, джофуры могут сделать то же самое.

У каждого ныряльщика на глазах реук, чтобы защитить глаза и помочь им видеть в тусклом свете фосфора, который у всех в руках. Оборудование включает также перчатки с перепонками и сапоги.

Услышав звонкий смех Линг, Ларк повернул голову и увидел, что она хохочет, показывая на него.

— Ты можешь говорить, — сказал он уродливому существу, в которое она превратилась. Страшнее ротена без маски. Хуны задержались, укладывая груз у воды, и присоединились к веселью, добродушно ворча, в то время как их любимцы нуры улыбались, оскаливая острые,

как иголки, зубы.

Ларк представил себе всю эту сцену сверху, сквозь нависающие слои камня, из мира света. Верхом на изуродованной горной поляне сидит джофурский дредноут, перегородив ручью его обычный путь к морю. Образовавшееся в результате озеро теперь тянется на лигу вверх.

Вода стремится к своему уровню. Мы теперь, должно быть, в нескольких полетах стрелы от берега. Долго придется плыть, прежде чем доберемся до самого озера.

Но тут уж ничего не поделаешь. До цели добраться трудно — причем сразу во многих отношениях.

Пузыри в воде. На поверхности появился один панцирь квуэна, за ним другой. Молодые синие выбрались на берег, тяжело дыша через множество ножных щелей, и возбужденно доложили на галшесть:

— Дорога свободна — все чисто. Мы добрались быстро. Сейчас будем сопровождать вас.

Хуны и уры торжествующе закричали, но Ларк не испытывал радости.

Они не единственные, кому предстоит пройти путь до конца.

Вода преобразила пещеры и гроты. Ласты под-

нимали облака ила, и лучи фосфора заполнялись мириадами отвлекающих искорок. Верный реук Ларка играл с поляризацией, преобразуя дымку таким образом, чтобы создать частичную видимость. Тем не менее нужно было сосредоточиваться, чтобы избежать столкновений с выступами известняка. Все держались за веревку, и это не позволяло заблудиться.

Пещерное ныряние очень похоже на положение Ларка как младшего мудреца Общины: он никогда этого не добивался и не предвидел в своей предыдущей жизни еретика от науки.

Какими неуклюжими казались пловцы люди рядом с грациозными молодыми квуэнами, которые когтями цеплялись за неровные стены и с ловкостью и быстротой отталкивались от них. Под водой они чувствовали себя почти так же привычно, как на суше.

Там, где пленка скинка отходила, кожа немела. Зато другим частям тела стало жарко от усилий. Но гораздо больше неудобства доставляло извивающееся во рту щупальце треки, которое пыталось предупредить потребности Ларка, но заставляло его еще больше нервничать. Оно не позволило бы ему задержать дыхание, как делает человек, если нужно сосредоточиться на бли-

жайшей проблеме, но начинало щекотать горло, чтобы спровоцировать вдох. Когда это произошло в первый раз, Ларка едва не вырвало. (А что, если бы он задохнулся в собственном завтраке? Задохнулось бы и кольцо вместе с ним? Или приняло бы дар как вкусную, заслуженную награду?)

Ларк так внимательно следил за веревкой, что пропустил переход из каменных катакомб на туманную равнину из мокрых лугов, затонувших деревьев и плавающих обломков. Но скоро илистые границы остались позади, и дневной свет преобразил Поляну Собраний — теперь ставшую дном озера, придавая знакомым местам странную чуждость.

Веревка проходила мимо рощицы меньших бу. Их стволы достаточно высоки, чтобы выйти из воды, высоко над головой. Квуэны собрались вокруг одного ствола и сосали через него воздух. Надышавшись, они закружились вокруг Ларка и остальных людей, подталкивая их к следующему отрезку веревки.

Задолго до того как в илистой дымке стали видны подробности, Ларк по свечению различил их цель. Ранн и Линг торопливо забили ластами, обходя Джеки. К тому времени как Ларк догнал их, они прижимались руками к гигантскому

гладкому саркофагу цвета желтого лунного восхода. Внутри находился сигарообразный корабль, судно ротенов, их дом вдали от дома, замкнутый в смертоносной ловушке.

Звездные люди разошлись, он поплыл направо, она налево. Джени сопровождала рослого мужчину — вопреки разнице в размерах, она наиболее подготовлена для того, чтобы присматривать за Ранном. Ларк держался возле Линг, наблюдая, как она движется вдоль золотистой стены.

Хотя у него больше опыта обращения с машинами звездных людей, Ларк впервые оказался рядом с пришельцем, который несколько недель назад так грубо прервал Праздник Собрания. Каким огромным и величественным он тогда казался! Однако сейчас он беспомощен. Мертв или навсегда пленен.

Ларк узнавал некоторые устройства. Например, выступающие якоря, которые удерживают корабль от вероятности квантовых флуктуаций, что бы это ни означало. Самоучки техники, работавшие с Лестером Кембелом, сомневались даже в основах устройства кораблей. А что касается самого высокого мага, то он не участвовал в подготовке Ларка, а предпочел горевать в своей палатке. Он считал себя виновным в судьбе горы

Дуден.

Несмотря на усиливающееся ощущение опасности, Ларк чувствовал какую-то пугающую красоту, плывя в этом мире, пронизанном наклонными солнечными лучами, наполненными сверкающими точками, — тихом и странно задумчивом мире.

К тому же на атлетическую фигуру Линг стоило посмотреть — даже в оболочке из мембран скинка.

Они обогнули край звездного крейсера, где острая тень неожиданно закрыла солнце. Должно быть, облако или край горы. Но тут Ларк понял.

Это корабль джофуров.

Неясно видимый в мутной воде, этот гигантский купол вызывал у Ларка мурашки на коже. Возвышаясь на берегу озера, он мог бы целиком заглотить корабль ротенов.

Странная мысль пришла Ларку в голову.

Сначала нас пугали ротены. Но потом мы увидели, как их «величие» поблекло рядом с подлинной силой. А что, если это произойдет снова? Какие новые существа могут превзойти даже джофуров? Корабль размером с горный хребет? Такой, что за одну ночь способен уничтожить весь Склон?

Он мысленно рисовал ряды кораблей, каждый последующий больше предыдущего, вначале размером с луну, потом с Джиджо, а потом — почему бы и нет? — с солнце или даже с Измунути!

Воображение — поразительное свойство! Оно заполняет сознание пресмыкающегося варвара немыслимыми картинами.

Кипящие пузыри едва не сорвали реук с лица: Линг устремилась вперед, энергично отталкиваясь ластами от воды. Ларк заторопился за ней и несколько мгновений спустя пораженно застыл.

Прямо впереди Линг проводила рукой по золотистому барьеру в нескольких метрах от зияющего отверстия. Люк, освещенный изнутри. В нем стоит несколько фигур — три человека и повелитель ротен, на лице которого маска-симбионт. Все четверо стоят с встревоженными лицами, сжимая в руках инструменты.

И все они кажутся застывшими, заключенными в хрустальное время.

Вблизи желтый кокон напоминал бусины сохранности, оставленные мульк-пауком, тем самым, чья безумная страсть коллекционера едва не стоила несколько месяцев назад жизни Дверу и Рети. Но эта западня — не четко очерченный овоид. Отчасти она напоминает оплывшую свечу

с натекшими золотыми лужицами вокруг основания. Джофуры оказались щедрыми в своем даре остановленного времени, они налили столько таинственного вещества, что его хватило на весь корабль.

Как на горе Дуден, подумал Ларк.

Казалось, это идеальный способ уничтожить врага, не прибегая к разрушительным силам. Может быть, джофуры не хотят рисковать, причиняя ущерб экосистеме Джиджо. Это было бы серьезным преступлением перед большими Институтами, подобно генному грабежу или незаконному поселению.

С другой стороны, захватчики-нетреки были не столь щепетильны, уничтожая окружающий корабль лес. Так что, возможно, у золотой ловушки иная цель. Не убить, а захватить? Может быть, г'кеков, обитателей крепости Дуден, еще можно освободить из их мерцающей могилы.

Такова была первоначальная мысль Ларка три дня назад. Начались торопливые эксперименты с реликтами мульк-паука, с применением новых растворителей, созданных треки. Некоторые из сохраненных объектов некогда были живыми. Это были птицы и насекомые, давным-давно попавшие в ловушки паука.

Все они, освободившись от коконов, оказывались мертвыми.

Возможно, у джофуров лучшие методы оживления, думал тогда Ларк. Или они совсем не собирались сохранить жизнь своим жертвам, и для них это только неподвластные времени трофеи.

Но накануне ночью Ларку пришла во сне идея.

Хивверны откладывают яйца под глубоким снегом, который весной тает, яйца погружаются в растаявшую грязь, которая потом затвердевает. Но когда начинается сезон дождей, земля снова размягчается. И тут из яиц вылупляются личинки хиввернов, они могут свободно выползти.

И когда он проснулся, идея окончательно сформировалась.

У космического корабля прочный металлический корпус, как яйцо хивверна. Корабль ротенов может быть захвачен, но его экипаж остается нетронутым.

Те, что находятся внутри, могут быть еще живыми.

И вот перед ними доказательство. Четверо в люке явно знают о существовании золотого барьера, окружающего их корабль, и пытаются с помощью инструментов в руках эксперименти-

ровать с ним.

Но есть одна проблема — они не двигаются. И нет никаких признаков того, что они знают, что за ними с расстояния в рост хуна наблюдают извне.

Отталкиваясь от воды, Линг что-то нацарапала на своей восковой дощечке и показала Ларку.

ВНУТРИ ДРУГОЕ ВРЕМЯ.

Он достал собственную доску, прикрепленную к поясу.

ВРЕМЯ ЗАМЕДЛИЛОСЬ?

Ее ответ был неясным.

МОЖЕТ БЫТЬ.

ИЛИ КВАНТОВАНО ПО-ДРУГОМУ.

СМЕЩЕНЫ ФАЗЫ.

Озадаченный взгляд Ларка оказался красноречивей слов. Линг стерла надписи со своей доски и снова написала:

ДЕЛАЙ ТО ЖЕ, ЧТО Я.

Он кивнул, внимательно наблюдая за ней. Линг забила руками и ногами, отворачиваясь от корабля. Подражая ей, Ларк обнаружил, что смотрит на несчастную изуродованную Поляну. Все деревья срезаны огненными лучами и погрузились в воду поднимающегося озера. Мутная вода делала неясными все очертания, но Ларку показалось,

что он видит среди обломков кости. Ребра уров и костные острия хунов смешаны с человеческими черепами. Не так следует обращаться с останками умерших. Никакого уважения ни к мертвым, ни к Джиджо.

Может, джофуры позволят нам поселить в этом озере нового мульк-паука, думал он. Что-то придется делать, чтобы расчистить эту мешанину.

Линг толкнула его, оторвав от размышлений. ПОВЕРНИСЬ НАЗАД, было написано на ее дощечке. Ларк снова повторил ее маневр и вторично удивился.

Они переместились!

Как и раньше, в люке стояли неподвижные статуи. Только теперь их позы изменились! Один человек с удивленным видом указывал наружу. Другой словно смотрел прямо на Ларка, застыв в узнавании.

Они это проделали, пока мы на них не смотрели?

Ход времени в корабле не доступен его пониманию.

НАМ ПОТРЕБУЕТСЯ КОЕ-ЧТО СДЕЛАТЬ, написала Линг.

Ларк встретился с ней взглядом и увидел в ее глазах напряженную, но полную надежды

иронию.

Он кивнул.

Ты можешь повторить это еще не раз.

ОЛВИН

Большую часть возвращения я провел, уткнувшись носом в дневник: восстанавливал все увиденное с тех пор, как «Мечта Вуфона» спустилась с Окончательной скалы. Клешня зубами любезно подточил мой карандаш. Я лег и записал предыдущий раздел.

То, что было догадкой, постепенно становилось уверенностью.

Сосредоточенность позволяла также отвлечься от страшных предчувствий и от боли в заживающей спине. Друзья старались подольститься ко мне, но я погрузился в хунское упрямство и отказывался делиться своими выводами. Ведь фувнтусы очень старались скрыть от нас свою истинную сущность.

Вращающийся голос сказал, что это для нашей защиты. Возможно, это просто покровительственный глейверский навоз. Типичный для взрослых. Но что, если он сказал правду? Могу ли я рисковать друзьями?

Когда придет время, я поделюсь только с голосом.

САРА

Она плыла в математических облаках.

Вокруг плавали дуги и отрезки конусов, сверкая, словно сделанные из вечного огня. Мимо пролетали метеоры, двигаясь по орбитам, предписанным тяготением.

Но тут к прыгающим формам присоединились более величественные фигуры, и Сара догадалась, что это движутся по своим орбитам — эллиптическим, а не параболическим — планеты. У каждой планеты была собственная зона, в которой передвигались другие формы.

Поднимаются, опускаются.

Поднимаются, опускаются.

Этот танец напомнил ей о забытой науке, которую она когда-то изучала по непонятным текстам из архива Библоса. В бреду возникло и название этой науки — орбитальная механика, — и эта наука утверждает, что громоздкое вращение солнц и планет подчиняется не более сложным уравнениям, чем движение мельничного или водяного колеса.

Сара смутно ощущала физическую боль. Но боль проходила словно сквозь пелену старой одежды, как будто что-то неприятное затолкали на дно ящика в платяном шкафу. Сильный запах мазей треки заполнял ноздри, прогоняя боль и тревогу, оставалась только одна тревожная мысль: я ранена.

Иногда она настолько приходила в себя, что слышала речь нескольких протяжных урских голосов, ворчливый и напряженный голос взрывника Курта и еще один голос, чью жесткую педантичную четкость она помнит по прежним дням.

Пурофски. Мудрец загадок.

Но что он здесь делает?

И где это здесь?

Один раз ей даже удалось приоткрыть глаза в надежде разрешить загадку. Но Сара тут же поняла, что, должно быть, еще видит сон. Не может существовать такого места, которое она увидела сквозь неясную дымку, — мира вращающегося стекла. Вселенной прозрачных сосудов, дисков и колес, вращающихся и наклоняющихся вокруг друг друга под странными углами, ритмичными взрывами отбрасывая отражения.

Все это слишком ошеломляюще. Сара, защи-

щаясь от водоворота, снова закрыла глаза, но водоворот сохранился в сознании и продолжал существовать в абстрактном виде.

На переднем крае сознания возникла синусоидальная волна, но не неподвижная, какие она помнила по чертежам в книгах. Эта разворачивалась, как круги на воде, причем переменным измерением служило время.

Вскоре к первой волне присоединилась вторая, с вдвое большей частотой, потом третья — с еще более спрессованными пиками и углублениями. Один за другим возникали новые циклы, смешивались с предыдущими, сочетались в бесконечных сериях — трансформировались, — и их сумма указывала на новую сложную фигуру, с неровными вершинами и ущельями, словно горный хребет.

Из порядка хаос.

Горы напомнили последнее, что видела Сара, прежде чем свалиться с узкой тропы и полететь к огненной реке.

Вспышки на далекой вершине: длинная-короткая, короткая-длинная — средней длины — короткая-короткая.

Закодированное сообщение, переданное вспышками света, подобное галдва.

Срочное сообщение, переданное тайно сообщение о битве.

Мечущиеся в беспорядке мысли иногда прерывало мягкое прикосновение ко лбу — теплая ткань или нежная рука. Сара узнает длинные ловкие пальцы Прити, но есть и другая текстура, мужское прикосновение к руке или щеке. Он иногда держит ее за руку.

А когда он запел, она поняла, что это Незнакомец Эмерсон, узнала его по необычному акценту и по тому, как вырываются слова песни, вытекают из памяти гладко, как поток жидкости, без мыслей о какой-то фразе или отдельном слове. Но песня не странно синкопированная старинная земная баллада, а народная джиджоанская песня, знакомая с детства. Мать пела ее Саре, когда та болела, а сама Сара напевала ее человеку из космоса, упавшему на планету и едва живому.

Один — это горловой мешок, которым можно тебе петь, Два — это пара рук, которые укачают тебя и погрузят в сладкий сон, Три — это кольца, которые раздуваются и выдувают облачка счастливого пара, Четыре — это глазные стебельки, которые раскачиваются и пляшут, заглядывая в твой сон, Пять — это когти, которые принесут тебе новый ящик надежды, Шесть — это быстрые

копыта, чтобы нестись по прерии, Семь — это тайные мысли, ждущие в глубине, Но восемь приходит от гигантского камня, чья песня медленно проникает в тебя.

Даже в полубессознательном состоянии она знала нечто очень важное. Он не мог бы петь, если бы слова не были у него глубоко внутри, под изуродованными частями мозга. Это значило, что она тронула его, когда их роли переменились.

И никакие мази во всем мире, никакая математика не могли сделать для Сары большего. Ее вернуло к жизни сознание того, что кто-то нуждается в ней.

ЭВАСКС

Мы радостно сознаем важность нашей миссии, не правда ли, Мои кольца? Вот стоим мы, груда престарелых, потрепанных колец, но нам поручено благородное дело — мы должны объяснить послам шести рас новый порядок, установленный в этом мире.

Первое — они не должны надеяться на приход великих судей из тех Институтов, где обдумывается участь десяти тысяч звездных рас. В Пяти Галактиках слишком разыгрались страсти. Силы

Институтов отозваны, отступили и робкие, так называемые умеренные кланы, драчливое неэффективное большинство. Мужество в наши дни проявляют только большие религиозные союзы, они сражаются из-за того, как именно повернутся галактические колеса во время перемен.

Мы ваши судьи, сказал Я послам. По свойственной нам Доброте мы, экипаж «Полкджи», добровольно вызвались быть одновременно и полицией, и судом присяжных, судить и на казать Семь Рас, которые нарушили спокойствие этой невозделанной планеты.

Чтобы продемонстрировать свое милосердие, мы на много дней отложили необходимое дело, которое в первую очередь привело нас сюда, хотя это означало, что нашим товарищам пришлось самостоятельно заниматься ремонтом в восточных болотах, в то время как второй наш корвет облетал Склон, фотографируя и собирая улики. Это также дало нам возможность продемонстрировать нашу несокрушимую силу. Мы сделали это, уничтожив преступные сооружения, которыми не должны пользоваться сунеры, если их целью действительно является Тропа Избавления.

Замечено, что вы не очень помогали в этой

работе, Мои кольца. (Примите эти укоризненные удары как знаки нашего любящего руководства.) Аскс расплавил много воспоминаний, прежде чем сдаться и конвертироваться, но мы/Я вспоминаем некоторые отвратительные подробности. Например, мы приобрели авторитет, помогая проводить пароходы по реке Бибур, перестраивать башню в городе Тарек, сооружение, известное как Дворец Вони.

Не волнуйтесь. Со временем мы, на «Полкджи», отыщем все жалкие греховные сооружения, которые так ценят упрямые сунеры. Мы поможем тем, кто избрал Тропу, Ведущую Вниз, избавиться от лицемерного использования инструментов и орудий.

Второе — наше непреклонное требование справедливости. Высокие мудрецы проявили удивительный здравый смысл, когда вскоре после нашей последней встречи дали сигнал. Поток цифрового сознания направил наш корвет к крепости Дуден. Но этот символический жест недостаточен. Нам нужно рассчитаться со всеми живыми г'кеками. Сделать это не очень трудно. Застрявшие на планете без дорог, они лишены подвижности.

«Просим не уничтожать наших колесных бра-

тьев, — просили послы. — Пусть и г'кеки ищут священное убежище на Тропе Избавления. Разве не сказано, что все долги прощаются а вендетты прекращаются, когда восстанавливается невинность?»

Вначале нам показалось, что это просто адвокатские увертки. Но тут, к нашему удивлению, наш старший священник согласился! Больше того, эта величественная груда сделала необычное, совершенно новое предложение.

Вот вопрос, поставленный грудой-священником:

Какая месть г'кекам превосходит даже уничтожение?

Ответ: если г'кеки снова станут пригодными для принятия и их патронами будут джофуры! И во втором возвышении мы преобразуем их так, как нам надо, создадим существа, от которых отшатнулись бы прежние г'кеки!

Месть слаще, когда совершается с воображением. Это оправдывает присутствие на борту священника. Поистине эта разновидность груд полезна.

Конечно, у этого смелого плана есть свои сложности. Это означает, что мы должны будем утаить от Пяти Галактик сведения об этой сунерской

инфекции. Напротив, клан джофуров должен хранить все в тайне и обращаться с Джиджо, как со своим личным садом.

Таким образом, согласно галактическим законам мы становимся преступниками. Но это вряд ли имеет значение. Ибо когда наш союз на следующем этапе истории станет господствующим, законы изменятся.

Особенно если действительно вернулись Прародители.

Третье — возможность получения прибыли. Возможно, генные грабители ротены что-то обнаружили. Для невозделанного мира Джиджо кажется необыкновенно богатой. (Буйуры были хорошими опекунами, они оставили планету, полную биовозможностей.) Могли ли ротены открыть перспективную предразумную расу? Готовую к возвышению? Может, следовало подкупить генных грабителей и получить доступ к их базам данных, вместо того чтобы запечатывать их во времени?

Неправильное предположение. Они известны как обманщики и шантажисты. Для обследования Джиджо мы пришлем собственных биологов.

И кто знает? Может, нам удастся ускорить движение рас сунеров по пути, на который они

ступили! Глейверы уже далеко зашли по этому пути к невинности. У хунов, уров и квуэнов есть родичи среди звезд, и они будут возражать, если мы слишком поспешно примем этих. Но после битв, бушующих по всей галактике, все это может измениться. А что касается людей волчат, то по последним сведениям их планета осаждена и находится в смертельной опасности.

Может, те, что живут на Джиджо, последние уцелевшие представители их вида.

Остается подумать о судьбе наших родственников треки. Мятежные груды прилетели сюда, отказываясь от дара оайлие — от специализированных колец, которые придают нам целеустремленность и определяют наше назначение. Печально видеть треки, подобных нашим жалким предкам. Такие нелепые существа, такие миролюбивые и неамбициозные! Нужно немедленно разработать программу создания в больших количествах мастер-колец. Будучи преобразованными, наши родичи станут идеальным инструментом для господства и контроля, способным сознательно управлять этой планетой ради нас и без дальнейших расходов со стороны нашего клана.

Все эти проблемы кажутся первостепенно важ-

ными. Однако с самого начала некоторых членов экипажа раздражали разговоры о мести, выгоде или избавлении. Даже судьба местных треки казалась несущественной по сравнению с делом, которое прежде всего и привело нас сюда.

Ротены намекнули, что знают местонахождение исчезнувшего корабля-добычи.

Корабль-добыча несет сведения о возвращении Прародителей.

Нужно немедленно отказаться от всех остальных дел, настаивали эти груды. Послать оставшийся корвет на восток! Не дожидаться, пока экипаж первого корвета самостоятельно произведет ремонт. Схватить и допросить людей — рабов ротенов. Обыскать глубоководные убежища, где может скрываться корабль-добыча. Не откладывать дольше!

Но наши капитан-лидер и груда-жрец согласились, что еще несколько дней не имеют значения. Мы прочно овладели этой планетой. Добыча не сможет уйти.

ЛАРК

Бледный дневной свет пронизывал озеро до того места, где несколько затонувших деревьев

покачивали ветвями, словно на легком ветерке. Реук на глазах помогал видеть, усиливая тусклое освещение, но на Ларка угнетающе действовали ползучие тени, создавая ощущение нереальности.

Работая под водой рядом с Ранном и Линг, он принимал участие в странном ритуале, контактируя с захваченными обитателями консервирующего пузыря. С начала этого процесса люк корабля заполнился людьми и ротенами, которые пытались преодолеть золотой барьер. Но снаружи не было видно никакого движения. Те, кто внутри, по-прежнему кажутся восковыми статуями, изображающими существа с встревоженными лицами.

И только когда Ларк и все остальные пловцы отворачиваются, отвращают взгляды, «статуи» с поразительной быстротой меняют позы.

Согласно краткому объяснению Линг, нацарапанному на восковой дощечке, пленники живут в КВАНТОВО ОТДЕЛЕННОМ МИРЕ. Она добавила что-то о ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ СОЗНАНИЯ ОРГАНИЧЕСКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ и, казалось, решила, что все объяснила. Но Ларк не понимал, почему так важно не смотреть. Какая разница? Несомненно, Сара поняла бы это лучше брата,

отсталого биолога. Я дразнил ее, говорил, что ее любимые книги заполнены бесполезными абстракциями. Концепциями, которые никогда не понадобятся джиджоанцам. Вероятно, это показывает, как мало я знал.

Для Ларка все это отдавало особенно неприятной магией, как будто капризная богиня Ифни специально изобрела этот золотой барьер, чтобы испытать терпение смертных.

К счастью, кольца микротреки давали пловцам весь необходимый воздух. Когда накопленные запасы кончались, маленькие торы разворачивали обширные перистые веера и помахивали ими в воде, как крыльями, высасывая для Ларка и остальных необходимый для дыхания кислород. Еще одна поразительная способность этих необыкновенно адаптирующихся кольчатых существ. Эти кольца вместе с костюмами из мембран скинков и реуками на глазах придавали пловцам сходство с загадочными морскими чудовищами — для тех, кто смотрел на них из пузыря. Наконец пленники установили электронный экран, на котором вспыхивали слова из блестящих букв англика. Слова эти были видны сквозь прозрачный барьер.

МЫ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ ВМЕСТЕ, сообщали

они.

Идея Ларка оказалась плодотворной. В отличие от трагической крепости Дуден эти пленники находятся в герметически закрытом корпусе, который не дает золотистой жидкости окутать их тела и жизненно необходимые механизмы. Больше того, холодное озеро уносит достаточно тепла, и поэтому работающие двигатели не повышают температуру внутри корабля. Пленники окружены, погружены в измененное время. Но они живы.

Когда Ларк смотрел на одного из ротенов, он ясно видел маску. Созданные реуком цвета делили харизматические черты, такие благородные с человеческой точки зрения, на две части, причем каждая часть обладала собственным ореолом. На верхней части лица лежит мясистый симбионт, предназначенный создавать высокий лоб, широкие скулы и величественный нос — неотъемлемый признак всех ротенов. Серая мертвенность свидетельствовала, что на глазах у ротенов линзы, а на красивых белых зубах коронки.

Впечатляющая маскировка, думал Ларк. Но даже и без масок ротены потрясающе гуманоидны. Несомненно, именно это сходство и породило

первоначальный план воздействия на впечатлительных землян в те давние наивные дни непосредственно после контакта, способствуя созданию замкнутого племени преданных последователей — даников. И если действовать осторожно и безошибочно, ротены могли использовать людей-посредников для всякой грязной работы. А если при этом даников поймают с поличным, виновата будет Земля.

Вообще те, кто в корабле, заслужили такую участь. Ларк проголосовал бы за то, чтобы там их и оставить, пока Джиджо не переработает отходы от них. Но теперь над всеми нависла еще большая опасность, а больше нигде не найти союзников для борьбы с джофурами.

Пленники казались взволнованными. Последняя строка их сообщения гласила:

ВЫТАЩИТЕ НАС ОТСЮДА!

Плывя в медленном течении, Ларк видел, как Ранн, рослый предводитель даников, написал на своей дощечке:

ВОЗМОЖНО, У НАС ЕСТЬ СПОСОБ.

ВЫ ДОЛЖНЫ ПРИГОТОВИТЬ ФОРМУЛУ.

ОНА ТАКОВА.

Ларк попытался схватить дощечку. Но Линг его опередила, она выхватила перо из сильной

руки Ранна. На той части его лица, которую было видно между реуком и кольцом для дыхания, отразилось вначале удивление, затем гнев. Но рослый мужчина был в меньшинстве и знал, что подводный самострел Джени Шен заряжен смертоносными стрелами. Сержант милиции наблюдала с такого места, где ее взгляд не мог помешать искаженному временем общению.

Линг заменила сообщение Ранна другим.

КАК ВЫ ПРЕДЛАГАЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ?

Она повесила доску на шнурке на шею, так что она оказалась на спине посланием наружу. По ее кивку Ранн и Линг одновременно повернулись. Ларк испытывал странное чувство, представляя лихорадочную деятельность за собой. Без наблюдателей снаружи экипаж ротенов-даников освобождался от застывшего времени, мог прочесть послание Линг, обсудить и подготовить ответ.

Я не читал книг по физике, думал Ларк. Но мне кажется ужасно странным, как это все действует.

Пловцы позволили инерции продолжить их движение и снова повернулись. Прошло всего несколько дуров с тех пор как они видели люк, но за это короткое время большинство ротенов и людей переместились. На электрическом экране

было новое сообщение.

ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ: УНИЧТОЖЕНИЕ ДЖОФУРОВ.

Ларк подавился смехом, и из его дыхательной трубки вырвались пузыри. Линг посмотрела на него и кивком головы выразила согласие. Но вторая часть сообщения была более серьезной.

ДРУГАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ: ПРЕДЛОЖИТЬ ДЖОФУРАМ ТО, ЧТО ОНИ ХОТЯТ.

ВЫКУПИТЕ НАШУ СВОБОДУ!

Ларк разглядывал неподвижные статуи. На лицах многих людей выражение отчаяния. Его не могло не тронуть, как они просят спасти им жизнь. В сущности, это не их вина. Их предки от их лица заключили глупую сделку, точно так же как мои. В те дни люди должны были быть безумными или слишком легковерными, сразу после столкновения землян с галактической культурой.

Требовались усилия, чтобы сердце ожесточилось, но Ларк знал, что обязан это сделать.

И снова Ранн попытался ответить, но его опередила Линг. Она написала:

ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ ПРЕДЛОЖИТЬ НАМ ВЗАМЕН?

Прочитав послание, Ранн и Ларк посмотрели на нее. Но Линг, казалось, не замечала, что

в сообщении не только общий, но и личный смысл. Они снова отвернулись, давая пленникам возможность прочесть и ответить. Медленно поворачиваясь по кругу, Ларк смотрел на нее, но живые очки делали невозможным прямой взгляд в глаза. Аура, создаваемая ее реуком, выражала мрачную решимость.

Ларк ожидал увидеть пленников в смятении, пораженными ее явно подразумеваемым переходом на другую сторону. Но потом понял. Они ведь видят только наши спины. И могут даже не знать, что среди нас Ранн и Линг!

ВСЕ, ЧТО ИМЕЕМ.

Откровенный ответ, выраженный сверкающими буквами.

Ответная реплика Линг тоже была откровенной и прямой.

РО— КЕНН РАСПРОСТРАНИЛ ЭПИДЕМИЮ, ПОРАЗИВШУЮ КВУЭНОВ И ХУНОВ.

А МОЖЕТ, И ДРУГИХ.

ИЗЛЕЧИТЕ ИХ ИЛИ СГНИЕТЕ ЗДЕСЬ.

При этом повторном обвинении Ранн едва не взорвался. Сдавленные проклятия донеслись из его гортани, вырываясь пузырями, и Ларк испугался, что эти проклятия могут услышать на поверхности. Звездный человек попытался

вырвать доску у Линг, схватившись с ней на короткое время. Но когда Ларк сделал движение поперек горла, Ранн оглянулся на Джени Шен, которая в сопровождении двух сильных молодых квуэнов приближалась из-за изогнутого борта корабля, размахивая своим смертоносным луком.

Плечи Ранна опустились. Он механически совершил очередной поворот. Ларк услышал низкий скрежещущий звук и понял, что рослый даник скрипит зубами.

Ларк думал, что пленники начнут с уверений в своей невиновности, и, конечно, когда они посмотрели в следующий раз, на экране было написано:

ЭПИДЕМИЯ? МЫ О НЕЙ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ.

Но Линг была непреклонна, и ее ожесточенность поразила Ранна. В сильных выражениях она предложила пленникам, своим бывшим друзьям и спутникам, в следующий раз говорить правду, иначе они будут предоставлены своей судьбе.

Это наконец вызвало неохотное признание.

У РО— КЕННА БЫЛО НЕСКОЛЬКО ВАРИАНТОВ.

ОН ИЗБРАЛ ТАКОЙ МЕТОД.

ВЫТАЩИТЕ НАС ОТСЮДА.

МЫ МОЖЕМ ПРЕДОСТАВИТЬ ЛЕКАРСТВО.

Ларк удивленно смотрел на женщину рядом с собой: его поражала сверкающая напряженность ее созданной реуком ауры. До сих пор она, должно быть, еще надеялась, что это ошибка, что в обвинениях Ларка против богов ротенов есть какая-то ошибка. Что существует какое-то альтернативное объяснение.

Теперь все эти «если» исчезли. И пламя ее гнева делало ауру Ранна бледной.

Пока оба даника кипели гневом — каждый по своей собственной причине, — Ларк взял доску, вытер ее и написал ответ.

НЕМЕДЛЕННО ГОТОВЬТЕ ЛЕКАРСТВО.

НО ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНО.

НАМ НУЖНА ЕЩЕ ОДНА ВЕЩЬ.

Использование джофурами необычного оружия — они залили своих врагов химически синтезированным временем-пространством — имело смысл. Это соответствовало их природным способностям обращения с органическими материалами. Но в своем высокомерии их мастер-кольцо кое-что забыло.

У них есть родичи на Джиджо, которые верны Шести.

Конечно, местные треки лишены честолюбия, они несведущи в передовой галактической науке.

Тем не менее группа талантливых местных фармакологов проанализировала вещество — вязкую квазиживую ткань — исключительно при помощи вкуса. Не понимая таинственных временных эффектов этого вещества, они умудрились в своих железах создать ему контрагента.

К несчастью, дело не сводилось к созданию вещества по формуле, а потом к стиранию золотого кокона, окружавшего корабль ротенов. С одной стороны, противоядие смешивалось с водой. И применить его под поверхностью озера было непросто.

Но возможность все же была. У горы Дуден было установлено, что бусины сохранности старого мульк-паука можно протиснуть сквозь золотую стену, они проходили через барьер, как камень сквозь мягкую глину.

Ларк распорядился принести еще несколько предметов из сокровищницы существа, которое Двер называл Один-В-Своем-Роде. Проворные синие прижали несколько таких предметов к указанной части стены, напротив люка. Эти бусины были выпотрошены и превращены в сосуды, заткнутые с одной стороны пробкой из воска треки. Внутри каждого сосуда видны были машины и другие реликты эпохи буйуров, словно

насекомые, заключенные в янтаре. Только теперь эти предметы словно плавали в мыльной пене.

Вначале не было заметно никаких результатов усилий квуэнов. Вода резонировала от ударов и толчков, но никакого смешения не происходило. Ларк написал приказ.

НИКОМУ НЕ СМОТРЕТЬ!

Линг энергично кивнула. Когда раньше проводились эксперименты в опустошенном селении г'кеков, не было наблюдателей внутри. Точнее, не было живых существ. Здесь же за сценой наблюдали — странным перемежающимся образом — с обеих сторон кокона. Возможно, это наблюдение и объясняет, почему ничего не происходит.

Потребовалось какое-то время, чтобы дать понять тем, кто находится внутри, что им тоже нужно повернуться. Но вскоре ротены и люди с обеих сторон отвернулись. Молодые квуэны втянули зрительные полоски под панцири и толкали вслепую. Самый необычный способ что-нибудь сделать, подумал Ларк, глядя на затопленный ландшафт, некогда Поляну Праздников Общины Шести Рас. Всю жизнь учителя и предводители говорили ему: если хочешь хорошо выполнить работу, будь внимателен к тому, что делаешь. Но этот противоположный способ — ко-

гда достоинством становится невнимательность — напомнил ему, как некоторые найханские мистики в Долине практикуют «искусство джен», например, стрельбу из лука с завязанными глазами, вырабатывая отчужденность и готовность к Тропе Избавления.

Он снова посмотрел на Линг, биолога со звезд. Ее аура по-прежнему гневно кипела, хотя и более прохладными тонами. Она порвала прежние связи. Но появились ли у нее новые?

Что движет ею помимо мести? Ему хотелось бы уйти с нею в какое-нибудь укромное — и сухое — место и поговорить без осторожной игры их прежних разговоров. Но Ларк не был уверен, что она хочет того же. То, что его предположения оказались верными, вовсе не означает, что она поблагодарит его за то, что он разрушил идолов ее детства.

Подождав достаточно, Ларк кивнул, и все снова повернулись.

Ранн довольно хмыкнул, а у Ларка быстрей забилось сердце.

Бусины прошли почти все расстояние до сверкающей клетки! Уставшие синие довольно пускали пузыри, потом заторопились к роще бу, чтобы набрать воздуха из импровизированных

трубок.

Тем, кто стоял в люке ротенского корабля, Ларк написал:

ВСЕ УХОДИТЕ.

КРОМЕ ДВУХ МЕНЬШИХ ЛЮДЕЙ.

ПУСТЬ ОНИ НАДЕНУТ НЕ ПРОПУСКАЮЩИЕ ВОЗДУХ КОСТЮМЫ.

ПРИНЕСИТЕ ЛЕКАРСТВО!

Когда они в следующий раз повернулись к люку, он почти опустел. По ту сторону стояли только две женщины. Небольшого роста, хотя даже под герметическими костюмами Ларк различал хорошо развитые фигуры, с высокой грудью и осиной талией. Очевидно, они пользовались теми же услугами косметической биоскульптуры, которая сделала такими поразительно красивыми Линг и покойную Беш. Там, где вы можете создавать себя, подобно богу, совсем другая вселенная.

Ларк подплыл к месту, где из джофурского барьера торчала мульк-капсула. Большинство бусин находились глубоко внутри. Отверстие в импровизированной бутылке было заткнуто воском треки.

Из сумки Ларк достал инструмент, который ему дал один из техников, помощников Лестера Кембела. Нож для вскрытия консервных банок,

сказал этот парень.

Наша задача — привести растворяющую жидкость в соприкосновение с барьером, но не с водой озера, объяснил техник.

Наше решение — с помощью нового состава треки сделать полыми бусинки мульк-паука. Затем мы покрываем эти сосуды нейтральным воском и снова заполняем жидкостью-противоядием. Отверстие заткнуто, так что у нас есть запечатанный сосуд.

Я вижу, вы оставили внутри старый буйурский механизм, заметил Ларк.

Жидкость на него не подействует, а нам нужен механизм внутри. Не важно, что он делал в дни буйуров, важно то, что мы можем вновь привести его в действие, потянув за прикрепленную нить. И пробка выскочит, содержание сосуда вступит в контакт со стеной джофуров! Устройство надежное.

Ларк не был в этом уверен. Невозможно было сказать, будут ли хитрые самодельные электрические приборы работать под водой в окружении поля искаженного времени. Может быть что угодно, подумал он, нажимая на активатор.

К его облегчению, механизм буйуров сразу ожил, развернул придаток, свернутый и пружи-

нистый, как хвост шемблера.

Интересно, для чего ты предназначался, размышлял Ларк, глядя, как дергается и поворачивается машина. Обладаешь ли ты достаточным сознанием, чтобы задуматься, где находишься? Куда исчезли твои хозяева? Есть ли у тебя внутренние часы, показывающие, что прошло полмиллиона лет? Или внутри твоей бусины время остановилось?

Развернувшаяся рука забилась: машина пыталась освободиться — и дернула за веревку, привязанную к дальнему концу пробки. Пробка зашевелилась, остановилась, потом снова подалась.

Трудно было следить за событиями в «квантово отделенном времени». Эти события происходили словно рывками. Иногда следствие словно предшествовало причине. Ларк видел, как дальний конец предмета вращается, а ближний остается каким-то затуманенным. Такая странная манера напомнила Ларку картины «кубистов» на рисунках в древней книге, которую мать как-то взяла в архиве Библоса.

Наконец пробка полностью высвободилась. И сразу из носика самодельной бутылки в месте соприкосновения с золотой стеной начала

выливаться розоватая пена. Сердце Ларка забилось сильней, он почувствовал, как растущим жаром реагирует его амулет, осколок Святого Яйца. Левой рукой попытался пробраться сквозь защитные мембраны из кожи скинка, но не смог притронуться к вибрирующему камню. Пришлось выносить это ощущение, как терпишь зуд, когда невозможно почесаться.

Ранн удовлетворенно хмыкнул, когда пенное пятно расплылось, разъедая изнутри джофурский барьер. Расширяющееся отверстие вскоре соединилось с соседней «бутылкой», втиснутой в стену рядом с первой. И через несколько мгновений поступили свежие запасы разъедающей жидкости. Барьер содрогался, как живой, словно ему больно. Вокруг растущего углубления пробегали разноцветные волны: реук пытался передать странные эмоции.

Все были так захвачены этим процессом, что никто подолгу не смотрел внутрь, в люк с его двумя обитателями, пока случайное течение не утянуло Ларка в сторону. Без посторонних наблюдателей женщины даники, должно быть, переживали внутри время как некий линейный процесс. Они выглядели напряженными, отодвинулись подальше от розовой пены и по мере

приближения пузыря все больше жались к закрытому внутреннему люку. Сквозь прозрачные маски видно было выражение ужаса на лицах. Никто не знал, что произойдет, когда прорвутся шипящие пузыри.

Пузырь приближался также и к противоположной стороне барьера. Ларк пятился к остальным и обнаружил, что они отступили еще дальше.

Очевидно, если им удастся устроить туннель, он будет широким в середине и очень узким в обоих концах. К тому же материал стен не твердый. Это очень вязкая жидкость. И видно было, как к ране в барьере придвигаются свежие запасы. Даже если удастся открыть проход, он будет временным.

Если мы рассчитали неверно, если концы туннеля откроются в неверной последовательности, нам придется все начинать сначала. В пещере есть еще бутылки с разъедающим раствором. Но сколько у нас есть попыток?

Но он не мог избавиться от ощущения гордости.

Мы не беспомощны. Перед лицом превосходящей силы мы становимся изобретательными. Мы проявляем настойчивость.

Это осознание служило ироническим подтвер-

ждением истинности ереси, которую он разделял всю взрослую жизнь.

Мы не предназначены для Тропы Избавления. Как бы мы ни старались, нам никогда не достичь невинности.

Именно поэтому нам не следовало прилетать на Джиджо.

Наша судьба — звезды. Нам здесь просто не место.

НЕЛО

Старик не знал, что из увиденного самое печальное.

Иногда он жалел, что лодка не перевернулась во время дикого пробега через пороги. Тогда бы он не дожил до того, чтобы все это увидеть.

Потребовалось полдня напряженной гребли, чтобы вверх по течению добраться до деревни Доло. К тому времени как они добрались до груды бревен, которая когда-то было пристанью, молодые гребцы выбились из сил. На грязный берег выбежали жители, помогли вытащить лодку на сушу и перенести на берег Ариану Фу. Сильный хун, не обращая внимания на протесты Нело, подхватил его, как ребенка, и вскоре Нело в без-

опасности стоял у корней могучего дерева тару.

Многие уцелевшие жители апатично стояли поблизости, но другие организовали рабочие отряды, первой задачей которых стал сбор мусора. Особенно тел. Их нужно было быстро собрать и подвергнуть мульчированию, как требует священный закон.

Нело видел ряды трупов, в основном, конечно, людей. С тупым оцепенением узнал главного плотника и водопроводчика Джоби. Многие из рабочих лежали, грязные и изуродованные, на мокрой земле, многие пропали, их унесло вниз по течению, когда озеро обрушилось на мельницу и мастерские. Напротив, древесные фермеры почти не понесли потерь. Когда дамбу прорвало, они, как обычно, находились на ветвях деревьев.

Все молчали, хотя взглядами провожали бумажника. Нело шел вдоль рядов и морщился или стонал, узнавая лица своих рабочих, учеников или друзей. Добравшись до конца, он не повернул назад, но продолжал идти в прежнем направлении, к тому, что было центром его жизни.

В озере вода стояла низко. Может, наводнение уничтожило не все.

Вначале он испытал ощущение потери ориентации: Нело показалось, что его унесло далеко от

деревни, где он родился. Там, где раньше стояла спокойная вода, теперь почти на лигу раскинулся мутный поток. Через отверстие в его любимой дамбе текла река.

Для местных квуэнов дамба и дом — одно и то же. Теперь их улей был обнажен и разрушен. Катастрофа расколола надвое помещение для личинок. Отряды ошеломленных взрослых синих пытались перенести уцелевшие личинки в безопасное место, подальше от жестокого солнечного света.

Нело неохотно, с ужасом опустил взгляд туда, где рядом с изящным водяным колесом стояла его бумажная фабрика.

От его дома, мастерской, чанов для приготовления бумаги остался только фундамент.

Этот вид разрывал ему сердце, но когда Нело отвел взгляд, это не помогло. Чуть ниже по течению еще одна группа синих квуэнов вяло работала на берегу, пытаясь высвободить из какой-то сети одного из своих соплеменников. По тому, как неторопливо они действовали, можно было догадаться, что жертва мертва, может, запуталась в сети на мелком месте и утонула.

С несчастным видом Нело по знакам на панцире узнал мертвую пожилую самку — это была

сама Грызущая Бревно.

Еще один потерянный друг, удар для всех в верховьях Рони, кто ценил ее мудрость и доброту.

И тут он узнал ловушку, которая сумела погубить даже синего квуэна. Это была путаница дерева и металлических проводов. Что-то из дома самого Нело.

Драгоценное пианино Мелины, которое я заказал и очень дорого заплатил.

Наконец он смог застонать. Во всем мире у него в жизни оставалось только одно — хрупкая надежда, что дети где-то в безопасности и не увидят ничего подобного.

Но где такое место? Какое место может быть безопасным, если с неба может спуститься звездный корабль и уничтожить в несколько мгновений работу пяти поколений?

Из мрачных мыслей о самоубийстве его вырвали слова.

— Я этого не делал.

Нело повернулся и увидел поблизости еще одного человека. Тоже ремесленника, примерно его возраста. Это взрывник Хенрик, чей молодой сын сопровождал Сару и Незнакомца в путешествии в далекие земли. Вначале Нело не понял его слов. Проглотил комок в горле, прежде чем набрался

сил для ответа.

— Конечно, не ты. Говорят, прилетел корабль.

Взрывник покачал головой.

— Глупцы и лжецы. Либо не представляют ход времени, либо участники.

— Что это значит?

— Да, корабль пролетел над нами, все осмотрел. И полетел дальше. А спустя почти мидур пришла банда, в основном фермеры. Выбили пробки из моих зарядов в одном из пирсов и приложили фитиль.

Нело замигал.

— Что ты сказал? — Он посмотрел на Хенрика и снова замигал. — Но кто?…

Хенрик ответил одним словом:

— Джоп.

ЛАРК

Исследователи с торжеством вынырнули из холодного озера, добившись почти всего, чего хотели. Но их ждали плохие новости.

Усталость придавила Ларка. Помощники помогли ему раздеться и растерли полотенцами. Возвращение казалось странным, как будто жизнь на сухой земле проходила века назад.

Печальным голосом капрал-человек доложил о том, что случилось в его отсутствие.

— Поражены все наши серые, кашляют, выплевывая пузырчатую флегму. Потом заболели и молодые синие. Мы послали их к аптекарю наверх, но оттуда сообщают, что болезнь прогрессирует. Времени осталось немного.

Все внимание обратилось к женщинам-даникам, которые только что освободились из захваченного в ловушку корабля. Они все еще не пришли в себя — начиная в ворвавшейся под высоким давлением в люк воды, — когда наконец в стене образовалась щель. Затем кошмарное протискивание через отверстие, расширившееся лишь на краткий промежуток, отчаянное поспешное проталкивание, прежде чем туннель вновь закроется и навечно замурует их тела в золотистой жидкости, как бедных г'кеков в крепости Дуден.

Наблюдение за этими квантово искаженными фигурами заставляло Ларка нервничать. Он видел не две человеческие фигуры, а отдельные части человеческих тел, которые дергались в трубе, продолжавшей меняться вокруг них. Одну женщину он на мгновение увидел с внутренностями наружу. Это зрелище дало ему непрошеные

сведения о том, что она ела в последний раз.

Но вот они — живые — перед ним. Их еще тошнило от перехода, но две спасшиеся женщины выполняли свою часть договора. Они немедленно принялись работать с маленьким механизмом, который принесли с собой. В обмен на лекарство джиджоанцы помогут их товарищам выбраться из захваченного корабля, а потом будут совместно действовать против джофуров. Несомненно, это будет что-то отчаянное, требующее объединения знаний и ресурсов обеих групп плюс щедрую порцию удачи Ифни.

Все это предприятие было идеей Ларка, и он отводил ей такие же шансы на успех, как у кролика, который пробирается через логово лиггера.

— Каковы симптомы? — спросила первая женщина с рыжими волосам такого оттенка, какого Ларк никогда не видел на Джиджо.

— А разве вы не знаете, какой возбудитель? — спросила Джени Шен.

— На исследовательской станции находилось множество патогенных микробов, — ответила вторая женщина, красивая величественная брюнетка, которая показалась Ларку старше других даников. Выглядела она на сорок лет, и ей вполне могло быть двести.

— Если Ро-кенн действительно высвободил микроорганизм из этого запаса, — продолжала она, — мы должны установить, какой именно.

Даже без реука Ларк без труда видел ее фаталистическое нежелание это делать. Помогая ликвидировать эпидемию, она фактически признает, что Ро-кенн совершал геноцид и что на их корабле всегда есть запас средств для этого. Возможно, как и Линг, она до сих пор не подозревала об этом. Только полная беспомощность заставила ротенов раскрыть свои тайны перед слугами-людьми и сунерами на Джиджо.

Судя по выражению лица Ранна, рослый воин не соглашался с этим решением, и Ларк понимал почему.

Дело не только в нарушении правил морали и галактических законов. У наших местных хунов и квуэнов есть родичи там, средь звезд. Если до них дойдут сведения, они могут объявить вендетту ротенам. Или Земля подаст иск и потребует возвращения группы даников, которых ротены удерживают в течение двух столетий.

Конечно, если Земля еще жива. И в Пяти Галактиках еще существует закон.

Ранн явно считал, что риск слишком велик. Следовало принести в жертву корабль вместе с

экипажем, чтобы сохранить тайну.

Не повезло тебе, Ранн, подумал Ларк. Твои товарищи предпочли жить.

Пока Линг описывала болезнь, которая на глазах у всех пожирала Утена, Ларк услышал, как Ранн настойчиво шепчет Джени Шан:

— Если мы хотим вытащить остальных, то нужно проделать работу полностью. Понадобится переносить оружие и припасы. Нужно повторить формулу треки на самом корабле, чтобы создать долговременный проход.

Джени резко прервала его:

— После того как подтвердится действие лекарства, звездный человек. Или твоим товарищам и их хозяевам придется сидеть в собственном навозе, пока Джиджо не остынет.

Весьма красочно, подумал Ларк, мрачно улыбаясь.

Вскоре в машину ввели все относящиеся к проблеме данные.

— Многие хуны проявляют симптомы новой болезни, — напомнила Линг.

— Доберемся и до этого, — ответила рыжеволосая. — Потребуется мин или две.

Ларк смотрел, как мелькают на маленьком экране символы. Опять компьютеры, тревожно

думал он. Конечно, этот прибор гораздо меньше того, что они использовали у крепости Дуден. Это «цифровое сознание» может быть скрыто геологической активностью местности плюс пятьдесят метров сплошного камня.

Но можем ли мы быть уверены?

Прибор издал высокий писк.

— Синтез завершен, — сказала старшая женщина-даник, доставая из прибора маленький сосуд с зеленоватой жидкостью. — Здесь всего две или три дозы, но для проверки достаточно. На борту корабля мы можем начать массовое производство. Конечно, это означает, что нам понадобится постоянный проход.

Она явно считала, что на ее стороне теперь большое преимущество. Держа сосуд тремя пальцами, она продолжала:

— Теперь самое подходящее время для обсуждения, чем каждая группа поможет другой. У вас людская сила и численность, а мы можем…

Она замолчала: Линг выхватила у нее из руки сосуд и передала Джени Шен.

— Беги! — только и сказала она.

И Джени побежала, а вокруг нее с лаем прыгали два возбужденных нура.

Возвращения на плененный корабль придется

ждать до рассвета. Даже самый хороший реук не может усилить освещение, которого вообще нет.

Линг хотела, чтобы женщины-даники создавали противоядия от всех патогенных микроорганизмов, перечисленных в маленькой Библиотеке, — на случай если выпущены и другие болезни, о которых пока неизвестно, — но Ларк не разрешил. Со времени дуденской катастрофы компьютеры заставляли его нервничать. Он хотел, чтобы и этот небольшой работал как можно меньше. Пусть ротены производят новые вакцины на борту корабля и приносят вместе с другими припасами, сказал он, — если и когда будет создан новый туннель. Линг как будто собиралась спорить, но потом сжала губы и пожала плечами. Прихватив один из фонарей, она отошла в угол пещеры, подальше от Ранна и своих прежних товарищей.

Большую часть времени Ларк писал отчет для высоких мудрецов. Он запросил еще бутылок с жидкостью треки и описал общие очертания союза между Шестью Расами и их прежними недругами. Но особой веры в эту коалицию у него не было.

Они обещали и другую помощь, писал он. Но я советую проявлять осторожность. Учитывая

характеристику, данную Фвхун-дау ротенам как «мелким галактическим мошенникам», а также то, с какой легкостью они были захвачены, я предпочел бы почти любой договор, который удастся заключить с джофурами, за исключением такого, который позволил бы им совершать массовые убийства.

Восстание должно рассматриваться как самая крайняя мера.

Мудрецы могут счесть его рекомендации странными, поскольку именно его план и сделал возможным союз с ротенами. Но Ларк не видел никаких противоречий. Открытая дверь совсем не означает, что в нее нужно входить. Он просто считал, что нужно рассматривать все альтернативы.

Больше ничего не оставалось делать, как ждать, надеясь, что новости от врачей будут скорыми и хорошими. Нельзя было даже разводить костер в темной пещере.

— Холодно, — пожаловалась Линг, когда Ларк проходил мимо ее ниши. Он подыскивал место, где мог бы разложить свой спальный мешок, — не так близко к ней, чтобы она сочла его действия навязчивыми, но все же настолько близко, чтобы она могла позвать. Он остановился, думая, что бы

это могло означать.

— Приглашение? Или обвинение?

Более вероятным казалось второе. Линг было бы гораздо лучше, если бы она оставалась в высокотехнологичном жилище, купаясь в лучах мессианской веры.

— Верно, — ответил Ларк. — Холодно.

Трудно приближаться к ней. Трудно ожидать чего-нибудь, кроме отталкивания. Много месяцев их отношения были основаны на игре со взаимными договоренностями, напряженной борьбе умов — с мгновениями острого полуэротического флирта. Со временем он начал выигрывать, но в этом не его заслуга. Грехи ее богов ротенов дали ему могучее оружие и только одну возможность — уничтожить ее верования. С тех пор они вместе работают, двигаясь к общей цели, но больше личных разговоров у них не бывает.

В сущности, он заставил ее стать союзницей джиджоан и при этом потерял то, что у них было раньше.

Ларк не чувствовал себя победителем.

— Могу понять, почему тебя называют еретиком, — сказала Линг, нарушая неловкое молчание.

Ларк — от застенчивости или вызывающе — не

смотрел прямо на нее. Но теперь заметил, что у нее на коленях книга, и одна ее страница освещена тусклым огнем лампы. Это та самая книга по биологии Джиджо, которую написали они с Утеном. Работа всей его жизни.

— Я… я пытался не допустить, чтобы ересь вмешивалась в мои исследования, — солгал он.

— Как она могла не вмешаться? Твоя кладистическая таксономия противоречит классификации, выработанной галактической наукой за миллиард лет.

Ларк понял, что она делает, и обрадовался. Общая любовь к биологии — это нейтральная почва, куда не должны проникать чувства вины или стыда. Он подошел поближе и сел на каменный выступ.

— Я решил, что ты говоришь о моей джиджоанской ереси. Я участвовал в движении, — он поморщился, вспомнив своего друга Херуллена, — чьей целью было убедить Шесть Рас покончить с незаконной колонией добровольно.

Она кивнула.

— Добродетельная позиция, по галактическим стандартам. Хотя и нелегкая для органического существа, запрограммированного на секс и размножение.

Ларк почувствовал, что краснеет, и обрадовался темноте в пещере.

— Ну, теперь решение не в наших руках, — сказал он. — Даже если эпидемия Ро-кенна будет прекращена, джофуры, если захотят, могут нас уничтожить. Или передадут нас Институтам, и тогда у нас будет Судный День, предсказанный Священными Свитками. После последних нескольких месяцев это может восприниматься как облегчение. Во всяком случае мы всегда считали, что этим и кончится.

— Хотя ваши люди надеялись, что этого не случится до того, как вы избавитесь. Да, я знаю ваш джиджоанский ортодоксальный взгляд. Но я говорю о ереси в науке — о том, как вы с Утеном классифицировали живые существа в своей книге — по видам, родам, филюмам и так далее. Вы использовали старую кладистическую систему земной доконтактной таксономии.

Ларк кивнул.

— У нас было несколько текстов, объясняющих галактическую номенклатуру. Большинство наших книг — из земных архивов. Мало кто из земных биологов перешел на галактическую системологию ко времени отлета «Обители».

— Никогда не видела, чтобы кладистику при-

меняли к реальной экосистеме, — заметила Линг. — Ваша работа — очень сильный довод в ее пользу.

— Ну, мы так действовали по необходимости. Пытались понять прошлое и настоящее Джиджо, изучая один временной срез — тот, в котором живем сами. В нашем распоряжении были только особенности живых организмов и ископаемые, которые нам попадались. Это все равно что создавать историю континента путем изучения слоев породы. У землян ведь была своя наука и до контакта. Они словно подбирали улики преступления, когда тело уже окончательно остыло. А галактам никогда не требовалось пользоваться техникой интерполяции. На протяжении эпох они просто наблюдали и фиксировали подъемы и разрушения гор и расхождения видов. Или сами создавали новые виды с помощью генетической техники и возвышения.

Линг кивнула, обдумывая его слова.

— Нас учили презирать науку волчат. Вероятно, это отражалось на моем обращении с тобой, когда, ну, ты знаешь.

Если это извинение, Ларк с радостью принял его.

— Насколько припоминаю, я тоже не был с

тобой вполне честен.

Она сухо рассмеялась.

— Конечно, не был.

Снова наступило молчание. Ларк собирался еще поговорить о биологии, но понял, что делать этого не следует. То, что раньше помогало преодолеть неловкое молчание, теперь будет только помогать поддерживать отчужденность и нейтральность, которых он больше не хотел. И он неловко попытался сменить тему.

— А какая… — Он глотнул и попробовал снова. — У меня есть брат и сестра. Наверно, я их упоминал. А у тебя есть сестра там?…

Он не закончил вопрос и какое-то время опасался, что затронул слишком болезненную и личную тему. Но ее облегченный вид подсказал Ларку, что она тоже ищет путей к сближению.

— У меня есть младший брат, — сказала она. — И общая дочь, чьи старшие родители очень милы. Я по ним очень соскучилась.

В течение следующего мидура Ларк в смятении слушал рассказ о непонятном и сложном образе жизни даников на далеком аванпосту Пория. В основном он позволял Линг излить душу. Ведь теперь даже ее прежние товарищи по экипажу стали ей чужими, и вообще ничего прежнего не

осталось.

Позже казалось совсем естественным разложить спальный мешок рядом с ее. Разделенные слоями ткани и пушистого торга, их тела, не соприкасаясь, делились теплом. В глубине души Ларк чувствовал удовлетворенность, которой так долго ему не хватало.

Она меня не ненавидит.

Хорошее начало.

Второе погружение, казалось, прошло быстрей первого. Все немного привыкли к передвижению под водой, хотя пришлось заменить заболевших синих квуэнов добровольцами людьми.

Последние сообщения о ходе болезни звучали обнадеживающе. Образцы вакцины помогли первым испытуемым. Что еще лучше, их молекулы могли синтезировать треки. Но все равно еще рано было радоваться. Даже в случае полного излечения оставались проблемы распределения. Может ли средство добраться до всех далеких уголков, прежде чем там погибнут все квуэны и хуны?

В люке корабля ротенов они увидели несколько членов экипажа в костюмах для подводного плавания: трех людей и одного ротена, — а также несколько ящиков с припасами. Подобно фигу-

рам из воска, они стояли неподвижно, пока Ларк и Линг учили новых помощников тому странному искусству, которым сами овладели накануне. Потом наступило время проделать новый тоннель через золотое вещество времени.

Снова начались повороты, чтобы те, кто находится в люке, могли подготовиться. Снова добровольцы подплывали с бусинами сохранности, превращенными в бутылки с растворяющей жидкостью. Снова пришлось преодолевать сопротивление преграды, не глядя на нее. После первых нескольких попыток ничего не произошло, пока Джени не заметила, что один из новых работников с любопытством подглядывает. И вопреки сопротивлению воды так сильно ударила его, что все услышали резкий звук.

Наконец все было готово. Шесть бутылок с растворяющей жидкостью на разной глубине находились внутри барьера. Как и накануне, Ларк использовал «консервный нож» — древний буйурский механизм, который, в свою очередь, вытащил восковую пробку, начав цепную реакцию, которая проела отверстие в вязком материале. Ларк попятился, зачарованный необычным зрелищем: поползла розовая пена, начала образовываться впадина, а в ней причудливые

видения.

Неожиданно кто-то тронул его за плечо.

Это была Джени. Сержант милиции держала в руках восковую дощечку.

ГДЕ РАНН?

Ларк помигал и вслед за Линг пожал плечами. Рослый предводитель даников только что был рядом. Лицо Джени исказилось. Ларк на своей доске написал:

МЫ СЕЙЧАС НЕ НУЖНЫ.

МЫ С ЛИНГ ПРОВЕРИМ СЕВЕР.

ПОШЛИ ОСТАЛЬНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ НА ЮГ.

САМА ОСТАВАЙСЯ.

Джени неохотно с ним согласилась. Работа Ларка была почти завершена. Если туннель, как планировалось, откроется, через него сможет протиснуться очередная группа освобожденных, и Джени нужно будет проводить их вместе с багажом к пещере.

Линг кивком выразила согласие. Они с силой оттолкнулись и поплыли. Вдвоем они могут справиться с Ранном, если тот вздумает сопротивляться. Да и куда идти рослому мужчине? Как будто особого выбора у него нет.

Тем не менее Ларк встревожился. Если он их намного опередил, Ранн может доплыть до берега

озера и убежать. Может причинить неприятности, или, что еще хуже, его поймают джофуры и заставят все раскрыть. Ранн крепок, но сколько он продержится против галактической техники допросов?

Линг схватила его за руку. Ларк посмотрел вверх, куда она показывала, и увидел два ласта, медленно движущихся на сильных ногах.

Что он делает там наверху? — удивлялся Ларк, когда они поднимались вслед за даником. Поднявшись выше, они увидели, что Ранн уже вынырнул на поверхность! Голова и плечи его вышли из воды. Он хочет посмотреть на корабль джофуров? Мы все этого хотели, но никто не посмел.

Поднимаясь выше, Ларк почувствовал, как на него упала тень гигантского корабля. Впервые он осознал невероятные размеры этого шара, который полностью перегородил Поляну Праздников, превратив ее в озеро. Ларк вырос рядом с дамбой и представлял себе, каково давление такой огромной массы воды. Когда корабль поднимется, возвращаясь в свой дом меж звезд, будет сильнейшее наводнение.

Трубка во рту Ларка недовольно зашевелилась. Поставляющее воздух кольцо треки со свистом и

шипением приноравливалось к изменившемуся давлению. Но Ларка больше тревожило то, что Ранна могут заметить с корабля джофуров.

Если повезет, в костюме из мембран скинка его могут принять за кусок плавающего мусора, во что он и превратится, когда я до него доберусь! Дотянувшись до лодыжки даника, Ларк почувствовал, как его охватывает справедливый гнев.

Нога от неожиданности дернулась, потом с силой пнула, отбросив руку.

Линг снова потянула Ларка за руку, вторично на что-то показывая.

Ранн держал перед собой какой-то предмет — ротенский мини-компьютер! Гребя, он одновременно нажимал клавиши на его панели.

Ублюдок! Ларк устремился к поверхности, схватил прибор, больше не думая о том, что его могут увидеть издалека. Ранн с таким же успехом мог размахивать фонарем и одновременно бить в барабан!

Как только Ларк вынырнул, звездный человек попытался сильно ударить его — несомненно, искусный, хорошо натренированный удар, если бы дело происходило на суше. Но сопротивление воды лишило Ранна равновесия, и удар скользнул по уху Ларка.

Ощутив острую боль, Ларк увидел, как Линг вынырнула на поверхность и сзади схватила своего бывшего коллегу за горло. Ларк воспользовался тем, что внимание Ранна было отвлечено, уперся ногами ему в грудь и вырвал компьютер из рук рослого мужчины.

Увы, этого недостаточно, чтобы покончить с опасностью. Экран по-прежнему освещен. Он крикнул Линг:

— Я не знаю, как выключить эту проклятую штуку!

У нее были и свои неприятности: сильные руки Ранна ухватили ее и рванули. Ларк понял, что прежде всего нужно вывести из строя даника и сделать это быстро. Поэтому он обеими руками высоко поднял компьютер — и изо всех сил ударил Ранна по голове.

Без прочной опоры удар оказался слабее, чем рассчитывал Ларк, но внимание Ранна было отвлечено от Линг.

Второй удар был нанесен удачнее, послышался громкий шлепок. Ранн застонал и обвис в воде.

К несчастью, прочный компьютер продолжал работать. Даже после второго удара экран его светился.

Ранн плавал, широко разбросав руки; дыхание

его через кольцо треки было поверхностным. Линг подплыла к Ларку, ухватилась за его плечо. И наконец дотянулась до одного места на панели и нажала.

Так— то лучше, хотя, говорят, галакты могут проследить цифровое сознание, даже когда машина отключена.

Ларк закрыл крышку и выпустил компьютер из рук. Ему нужны обе руки, чтобы поддерживать Линг.

Особенно когда на них упала новая незваная тень. Тело Линг в его руках застыло.

Оба неожиданно ощутили холод.

Дрожа повернулись и посмотрели вверх, на то, что пришло к ним.

ДВЕР

Эта ночь была из числа самых необычных в жизни Двера, хотя началась она совершенно естественно — с ссоры с Рети.

— Я туда не пойду! — сказала Рети.

— Тебя никто и не просит. Когда я пойду вниз, ты направишься в другую сторону. Пройди с полліги на запад, к тому лесистому хребту, который мы миновали на пути сюда. Я видел там следы

хорошей дичи. Можешь поставить ловушки или поискать на берегу моллюсков. Их лучше жарить, но костер разводить нельзя.

— И я должна буду тебя ждать, верно? Чтобы наготове был горячий ужин для великого охотника, когда он вернется, победив в одиночку всю проклятую вселенную?

Сарказм должен был скрыть дрожь настоящего страха. Двер не льстил себе: Рети вовсе не за него боялась. Просто ей страшно было оставаться одной.

Сумерки опустились на дюны и болото. Горы так далеко, что стоят на горизонте неровной линией, затмевающей солнце. Убывающий свет давал наконец им возможность выбраться из дыры в песке и уйти из поля зрения разбитых кораблей. Перебравшись за вершину дюны, они стряхнули пыль с одежды и углублений тела, продолжая спорить хриплым шепотом.

— Говорю тебе, нам ничего не нужно делать! Я уверена, Кунн успел вызвать помощь, прежде чем упал. Скоро появится корабль ротенов и отыщет его. В любой дур он может спуститься сверху, освободить Кунна и забрать его добычу. А нам только нужно будет встать и покричать.

Во время долгого утомительного ожидания

Рети размышляла. Она решила, что корабль, полный колец треки, и есть та цель, которую искал Кунн, бросая глубинные бомбы, чтобы выгнать добычу из укрытия. Согласно этой логике, краткая небесная схватка была отчаянной попыткой сопротивления со стороны загнанного в угол врага. Кунн сумел ответить, и теперь добыча беспомощно лежит в болоте. Все лихорадочные усилия отремонтировать корабль пока ничего не дали.

Рети казалось, что скоро повелители ротены придут, чтобы завершить работу, и захватят треки. Ротены, конечно, будут довольны таким успехом. Настолько, что не обратят внимания на предыдущие ошибки Двера. И ее тоже.

Очень правдоподобная теория. Но в таком случае почему корабль треки нападал с запада, а не вылетел из воды, куда Кунн бросал бомбы? Двер не специалист в делах и ссорах звездных богов, но инстинкт говорил ему, что Кунна застали врасплох.

— В таком случае то, что я собираюсь сделать, должно понравиться твоим друзьям, — сказал он Рети.

— Если ты доживешь до их появления, в чем я сомневаюсь! Эти паразиты там внизу заметят

тебя, как только ты перевалишь через дюну.

— Может быть. Но я наблюдал за ними. Помнишь, когда мимо брело стадо болотных стомперов, жевало растения, поваленные при падении кораблей? Большие животные прошли мимо, и на них никто не обратил внимания. Думаю, их охранные роботы примут меня за местное животное.

— В этом ты прав, — сказала Рети.

— И оставят в покое, по крайней мере пока я не подойду очень близко.

— И что тогда? Нападешь на космический корабль со своим луком и стрелами?

Двер не стал напоминать Рети, что его лук когда-то казался ей сокровищем — добычей, ради которой стоило рискнуть жизнью, пытаясь ее украсть.

— Стрелы оставлю тебе, — сказал он. — У них стальные наконечники. Если я их возьму с собой, они поймут, что я не животное.

— Им следовало бы спросить меня. Я бы им сразу сказала, что ты…

…жена, довольно!

Это прозвучал высокий голос «мужа» Рети, который проворным языком счищал с нее песчинки.

…одумайся, жена! Храбрый юноша отвлечет глаза корабля, и мы с тобой сможем уйти! Все остальное — это просто разговоры… он хочет, чтобы мы могли безопасно скрыться, отнесись хорошо к мужчине-мальчику! Это ты по крайней мере должна сделать!

Рети мигала в ответ на выговор йии, а Двер удивлялся. Всегда ли урские мужья так обращаются со своими женами, ругают их из тяжелых сумок? Или этот йии особенный? Может, именно за это его и выгнала настоящая подруга?

— Это правда, Двер? — спросила Рети. — Ты приносишь себя в жертву ради меня?

Он попытался по ее взгляду определить, какой ответ заставит ее поступить так, как он хочет. Тускнеющий свет заставил его ограничиться догадками.

— Нет, неправда. У меня есть план. Рискованный, но я все равно хочу попробовать.

Рети смотрела на него так же внимательно, как он на нее. Наконец она коротко рассмеялась.

— Какой ты лжец! Йии прав насчет тебя. Ты слишком благороден, чтобы выжить, когда за тобой наблюдают.

«Ну вот, — подумал Двер. — Я сказал ей правду, надеясь убедить уйти».

Но Рети отреагировала неожиданно.

— Решено, — сказала она с упрямым видом, который он слишком хорошо знал. — Я иду с тобой, Двер, куда бы ты ни направился. Так что если хочешь меня спасти, давай вдвоем направимся на запад.

— Это не запад! — сердито прошептала она полмидура спустя.

Двер не обратил внимания на ее слова, по пояс в воде пробираясь по болоту. Жаль, что пришлось оставить йии с вещами, думал он. Маленький урский самец придавал «жене» хорошую дозу благоразумия и здравого смысла. Но он не выносит влагу.

Двер надеялся, что вскоре инстинкт выживания возьмет верх и Рети замолчит.

Они, почти обнаженные, брели по заросшему тростниками болоту к двум округлым силуэтам. Один побольше, его гладкие борта блестят, только в одном месте видна черная полоса. Второй лежит дальше, поврежденный и полузатонувший. Победитель и побежденный лежали тихо под бледным желтоватым сиянием Пассена, самой маленькой луны Джиджо.

Колонии длинношеих болотных лебедей гнездились в зарослях. Они дремали после трудного

дня, проведенного в охоте на отмелях и в кормлении потомства. Ближайшие поднимали свои копьеобразные головы, смотрели на двоих людей, потом, когда Рети и Двер проходили, снова опускали.

Грязь с ног до головы покрывала Двера и девушку-сунера, постоянным испарением частично скрывая их тепловое излучение. Согласно древним рассказам, из-за этого они должны казаться патрулирующим охраняющим машинам меньше, чем на самом деле. Двер также двигался извилистым медленным маршрутом, чтобы усилить впечатление, будто это охотящиеся животные.

Тонкие стрелки с прозрачными плавниками мелькали под поверхностью воды, задевая хвостами ноги. Далекий всплеск свидетельствовал, что где-то там, среди острых, как лезвие, стеблей трав охотится ночной хищник. Повсюду во влажных джунглях передвигались голодные существа. Рети как будто поняла это и на какое-то время замолчала.

Если бы только она знала, какой неопределенный план у Двера, могла бы завыть так громко, что вся спящая дичь поднялась бы в небо. В сущности, он руководствовался предположениями.

Ему хотелось поближе взглянуть на корабль нетреки и проверить свое впечатление от болота. Но чтобы сделать это, нужно соответствующим образом настроить сознание.

О чем я думал в тот день, когда впервые вступил в контакт — или это была первая галлюцинация — с голосом Одного-В-Своем-Роде?

Это произошло несколько лет назад. Он был в своем первом самостоятельном одиночном походе за Риммер. Повышение, перевод из учеников в группу мастеров-охотников, наполняло его возбуждением и духом свободы и приключений, ибо теперь он один из немногих в Шести Расах, кому разрешено идти куда угодно, даже за пределы заселенного Склона. Мир казался безграничным.

И однако.

И однако он по-прежнему отчетливо помнит момент, когда подошел к концу тропы через лес высоких бу — к окончанию соборного прохода шириной с человека и высокого, словно до луны. Неожиданно лес кончился, и Двер оказался под просторным голубым небом на краю скалистого чашеобразного пространства. Перед ним раскинулось мульк-озеро, расположенное на горном склоне и окруженное полями ломаных камней.

В этот момент перехода и временной потери

ориентации он ощутил не только приятное освобождение из замкнутого пространства. Все его сознание заполнило ощущение открытия, его зрительные способности на мгновение чрезвычайно УСИЛИЛИСЬ, он смог в деталях разглядеть буйурские руины. И неожиданно увидел древние башни такими, какими они были давным-давно, сверкающими и гордыми. И на то же мгновение Двер почувствовал себя дома.

Именно тогда он впервые услышал голос паука, шепчущий, уговаривающий, советующий заключить сделку. Справедливый договор. С помощью паука Двер перестанет жить, но никогда не умрет. Он соединится с великолепным прошлым, вместе с пауком будет путешествовать во времени.

Теперь, бредя в полутьме по болоту, Двер снова попытался испытать то же самое ощущение открытия. Судя по текстуре этого места, по его запаху и прикосновениям, здесь тоже некогда возносились в небо могучие башни, только здесь они были гораздо грандиозней, чем там, в горах. Разрушительная работа продвинулась далеко, мало что оставалось уничтожить или стереть. Но каким-то образом Двер знал, что здесь когда-то было и когда было.

Вот здесь некогда солнце приветствовал ряд

белоснежных обелисков, одновременно мистических и прагматичных в своем математически точном расположении.

У этого прозрачного фонтана буйуры размышляли и занимались многочисленными делами, недоступными его пониманию. А в небе летали торговые суда с десятков тысяч планет.

На улицах слышались голоса не только буйуров, но и мириада других мыслящих существ.

Это было великолепное время, но и утомительное для планеты, которая должна своей плотью питать такую энергичную, занятую цивилизацию. После миллиона лет интенсивного использования Джиджо отчаянно нуждалась в отдыхе. И силы разума предоставили ей такой отдых. Все деловитые голоса смолкли. Башни обрушились, и на их место пришла новая жизнь, которая призвана была залечить шрамы, появились более терпеливые, менее лихорадочно живущие существа.

Да?

Кто это?..

Слова возникли в сознании Двера, вначале еле слышные, неуверенные.

Кто зовет, кто отвлек нас от сонных размышлений?

Первым порывом Двера было отмести это как результат воображения. Разве не пострадала его нервная система, разве не испытала она страшное напряжение, когда пришлось переносить робота через реки? Бред — вполне ожидаемое явление после многих дней голодания. И привычка сопротивляться Одному-В-Своем-Роде требовала отмахнуться от голоса мульк-паука как от болезненной фантазии.

Кто болезненная фантазия?

Я, существо, которое спокойно переживает империи?

Или ты, поденка, живущая и умирающая за то время, которое требуется мне, чтобы увидеть сон?

Двер не торопился признавать существование этого голоса. Вначале он хотел убедиться. Осторожно идя вброд, он искал нити, которые заметил раньше, с вершины дюны. Многообещающим казался ближайший холмик. Несмотря на маскирующую растительность, у него были правильные очертания какого-то разрушенного сооружения. И действительно, вскоре путь Дверу преградили тросы, некоторые толщиной в его запястье, все они отходили от места, где когда-то стояло древнее здание. Двер поморщился от запа-

ха разъедающей жидкости, которую переносили эти переплетенные нити.

— Эй, да это болото-мульк! Мы натолкнемся прямо на паука!

Двер кивнул, без слов принимая замечание Рети. Если хочет уйти, она знает дорогу назад.

Пауки часто встречаются на Склоне. Молодежь любит блуждать в их логовах, хотя можно получить кислотный ожог, если не будешь внимателен. Время от времени какой-нибудь деревенский подросток умирает от глупой ошибки, когда слишком углубляется в паутину, однако такие места не утрачивают своей притягательности. Там, где твари с нитями медленно разъедают остатки прошлых дней, часто находят бесценные реликты буйуров.

Существует множество народных легенд об этих существах, чьи тела состоят из самих нитей. В некоторых легендах упоминается, что пауки могут говорить с членами Шести, хотя Двер никогда не встречал того, кто признался бы, что вступал в такой разговор. И тем более никогда не слыхал о другом таком пауке, как Один-В-Своем-Роде. Этот действительно заманивал добычу в свою сеть и заключал свои «уникальные» сокровища в гроб из твердеющего желе.

Ты его встречал? Того сумасшедшего паука с высот?

Ты действительно обменивался с ним мыслями? И спасся?

Как необыкновенно интересно.

Твой мозговой рисунок исключительно ясен для такого недолговечного существа.

Это большая редкость у поденок.

Ты единственный в своем роде.

Да, именно так разговаривал с ним Один-В-Своем-Роде. Это существо настойчиво. Или настойчиво воображение Двера.

Послышался чуть раздраженный ответ.

Ты льстишь себе, считая, что можешь вообразить такое возвышенное создание, как я. Хотя признаюсь, для преходящего создания ты интересен.

Итак, тебе нужно подтверждение объективности моего существования? Как я могу доказать, что существую?

Вместо того чтобы отвечать прямо, Двер продолжал рассуждать отвлеченно. Лениво подумал, что было бы интересно увидеть, как прямо перед ним зашевелятся нити.

Словно по твоему приказу? Забавная концепция.

Но почему бы и нет?

Приходи через пять дней. Ты увидишь, что за этот короткий промежуток все они переместятся и займут новое положение!

Двер презрительно усмехнулся про себя.

Недостаточно быстро, мой безответный друг? Ты видел, как существо-мульк передвигалось быстрей?

Да, но то был безумец, его свели с ума одиночество, большая высота и то, что камень был пропитан пси. Им овладела болезненная одержимость природой смерти и времени. Неужели ты ожидаешь от меня подобной же недостойной спешки?

Подобно Одному-В-Своем-Роде, этот мульк-паук каким-то образом может пользоваться памятью Двера, чтобы лучше строить фразы, более членораздельно говорить. Но Двер знал, что вслух разговаривать с ним не стоит. И заставил себя повернуться.

Подожди! Ты меня заинтересовал. Разговоры, которые мы ведем друг с другом, так медлительны. Ты мог бы назвать их вялыми. Мы без конца сравниваем мусор, который поедаем. И по мере того как мы стареем, эти медлительные разговоры становятся все более скучными.

Скажи, ты ведь из одной из тех фантастических рас, которые недавно поселились за горами? Тех, которые ходят и разговаривают, но почти ничего не строят?

Рети из-за спины Двера спросила:

— Что происходит?

Но он только знаком показал, чтобы она не приближалась к нитям мульк-паука.

Хорошо. Я подчинюсь капризу и сделаю это. Передвинусь для тебя!

Передвинусь, как не делал уже многие века.

Следи за мной, маленькая мерцающая форма жизни. Смотри сюда!

Двер оглянулся и увидел, как несколько нитей задрожали. Дрожь дур за дуром усиливалась, пока несколько самых крупных узлов не затянулись или не расплелись. Прошло еще несколько дуров, затем одна петля высунулась из воды, поднялась высоко, с нее капало, словно какая-то амфибия вынырнула из своего подводного дома.

Это было подтверждением не только реальности мульк-паука, но и здравого восприятия мира самим Двером. Но он подавил гордость и облегчение. Напротив, его охватило какое-то разочарование.

Молодой побег малого бу передвинется на

столько за несколько дней, думал он, не заботясь о том, чтобы спроецировать эти мысли на мульк-паука.

Ты сравниваешь меня с бу?

С бу?

Высокомерное насекомое! Это ты — фрагмент моего воображения! Ты всего лишь непереваренный кусок цемента или плохой стали, обеспокоивший мои сны.

Нет, подожди! Не уходи еще. Я чувствую, что могу убедить тебя.

Скажи, что тебе нужно. Скажи, что заставит тебя признать меня и немного поговорить со мной.

Двер почувствовал стремление обратиться непосредственно к пауку. Сообщить ему в форме просьбы свои желания. Но нет. Его многому научил опыт общения с Одним-В-Своем-Роде. Тот паук мог быть безумным, но сохранил многие свойства своего вида.

Двер знал, что паук не должен получать все легко. Поэтому изложил свою идею в форме фантазии мечты. Когда Рети снова попыталась прервать его, он жестом приказал ей молчать и продолжал рисовать как реальность то, что может убедить его в существовании паука. Что

именно способно произвести на Двера впечатление.

Мульк-существо казалось заинтересованным.

Правда?

А почему бы и нет?

Новый мусор, который ты имеешь в виду, уже привлек мое внимание. Эти большие груды чистого металла и летучих органических ядов — с такими мне давно не приходилось иметь дело.

Ты тревожишься, что этот мусор может снова улететь, заразить те части Джиджо, которые за пределами моей досягаемости? Боишься, что от них никогда не удастся правильно избавиться?

Не волнуйся больше, моя ответственная маленькая эфемерида! Я об этом позабочусь.

Предоставь это мне.

ОЛВИН

Я был прав! Фувнтусы — земляне!

С маленькими амфибиями я еще не разобрался, но большие шестиногие существа? Это дельфины. Такие, как в «Морском короле» или «Сияющем береге», только эти говорят и летают в космических кораблях! Как здорово!

И еще здесь есть люди.

Небесные люди!

Ну, по крайней мере несколько.

Я встретился с главной женщиной — ее зовут Джиллиан. Между прочим, она похвалила мой дневник. На самом деле она даже пообещала, если им удастся убраться отсюда и вернуться на Землю, найти мне агента и напечатать дневник.

Вы только представьте себе. Не могу дождаться, чтобы рассказать об этом Гек.

Но в обмен Джиллиан просит об одной услуге.

ЭВАСКС

О, как они увиливают!

Неужели это означает идти по Тропе, Ведущей Вниз?

Иногда разумная раса решает сменить курс, отвергает судьбу, избранную для нее патронами и кланом. Цивилизация Пяти Галактик предоставляет несколько возможностей для осуществления такого намерения. Но когда все они изменяют, всегда остается последнее убежище — дорога, ведущая назад, от межзвездного разума к животному. Дорога к второму шансу. К возможности начать все сначала, получить нового патрона.

Это Я/мы могу понять. Но должна ли эта дорога обязательно иметь промежуточную фазу — между разумным гражданином и бессловесным животным? Фазу, в которой эти полуразвившиеся виды становятся законниками?

Их послы стоят сейчас перед нами, цитируя параграфы галактических законов, которые сохранились в их священных преданиях. Особенно красноречив посланник г'кеков. Да, Мои кольца, вы узнаете в нем г'кека Вуббена, вашего «коллегу и друга» в те дни, когда вы были треки Асксом. О, как этот мудрец-среди-сунеров искусно пользуется логикой, доказывает, что его народ не несет ответственности за долги его рода перед нашим кланом, что он не подлежит правилам вендетты. Долгу уничтожения.

Груда, старший корабельный жрец, настаивает на том, что мы должны — ради формы — выслушать этот вздор, прежде чем продолжить справедливую месть. Но большая часть экипажа «Полкджи» на стороне капитана-лидера, гневные испарения мульчирующего сердечника которого становятся все сильней. Наконец капитан-лидер передает Мне/нам сигнал прекратить переговоры. Сигнал верному Эвасксу.

ДОВОЛЬНО! — прерываю Я Вуббена громким

тоном решительности оайлие. Все его четыре глазных стебелька удивленно сплетаются при нашем резком ответе.

ВАШИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ ОСНОВАНЫ НА НЕВЕРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ.

Они стоят перед нами/Мной, ошеломленные нашей отповедью, и молчат. Такое молчание больше подходит полуживотным, чем вся эта бесполезная болтовня. Наконец мудрец квуэн, Ум-Острый-Как-Нож, наклоняет свой сине-зеленый панцирь и спрашивает:

— Могу я спросить, о каких предпосылках идет речь?

Наше второе кольцо мысли начинает отчаянно дергаться, и нам приходится подавить этот бунт сильными болезненными ударами, не давая мятежному кольцу продемонстрировать цветные клетки. Держите себя в руках, приказываю Я своим составляющим. Не пытайтесь подавать знаки своим бывшим товарищам. Этим вы ничего не достигнете.

Мини— восстание лишает меня возможности говорить властным голосом. Поэтому когда Я в следующий раз произношу слова вслух, звучат они более обычно. Но их смысл от этого не становится менее суровым.

— Ваши ложные предпосылки состоят из трех частей, — отвечаю Я на вопрос синего квуэна. — Вы предполагаете, что в Пяти Галактиках по-прежнему властвует закон.

Вы предполагаете, что нас должны сдерживать процедуры и прецеденты последних десяти миллионов лет.

Но прежде всего самое неверное ваше предположение в том, что нам это не все равно.

ДВЕР

Недостаточно было просто подольститься к мульк-пауку. Нужно было подобраться ближе и все время присматривать, потому что у паука не было концепции спешки.

Двер чувствовал, как паук сосредоточивается, перегоняет жидкости и собирает силы с периферии, которая тянется лига за лигой к берегу Трещины. Само представление о размерах этого существа ошеломляло. Этот паук несравненно больше того горного безумца, который едва не поглотил Двера и Рети. Этот титан находится на последней стадии уничтожения большого города, на пороге достижения своей цели, а следовательно, и конца жизни. Тысячелетия назад

он, возможно, не обратил бы на Двера внимания, как занятый рабочий не обращает внимания на скребущуюся в углу мышь. Теперь скука сделала его внимательным к каждому новому голосу, предлагая на мгновение выход из вечной тоски.

Но Двер продолжал колебаться.

Почему я мог вступать в коммуникацию с Одним-В-Своем-Роде? А теперь и с этим пауком? Мы ведь такие разные — существа, предназначенные для противоположных стадий планетного цикла.

Его чувствительность только усилилась, возможно, потому, что он соприкасался с силовым полем робота. Но она присутствовала с самого начала и, может быть, именно ей он обязан своими превосходными достоинствами охотника.

Эмпатия. Интуитивная способность понимать потребности и желания живых существ.

Священные Свитки проклинают такие способности. Псиспособности. Они не рекомендуются представителям Шести Рас, которые хотят навсегда уйти из великого театра космоса. Поэтому Двер никогда не упоминал о своей, не говорил о ней ни Саре, ни Ларку, ни даже Фаллону, хотя думал, что старый охотник что-то заподозрил.

Делал ли это я раньше? Он задумался над тем,

как уговорил паука действовать. Мне всегда казалось, что у меня пассивная эмпатия. Что я только прислушиваюсь к животным и действую соответственно.

Может быть, я все это время незаметно влиял на них? Когда я выпускаю стрелу, моя ли легендарная меткость всегда заставляет ее попасть в цель? Или я направляю полет дичи так, чтобы она оказалась на пути стрелы? Заставляю ли я танигера повернуть влево, именно туда, куда попадет мой камень?

Почему он почувствовал себя виноватым. Как будто поступал неспортивно.

Итак. А что сейчас? Ты умираешь с голоду. Почему бы не созвать к себе рыбу и дичь, чтобы ее можно было взять голыми руками?

Но Двер откуда-то знал, что из этого ничего не выйдет.

Он покачал головой, готовясь заняться только самыми насущными проблемами. Прямо впереди округлые силуэты отгрызали неровные куски от звездного неба. Два звездных корабля, неподвижные, однако по-прежнему загадочные и смертоносные. Двер окунул палец в воду, попробовал и поморщился: какая-то отвратительная жидкость вытекала из обоих упавших кораблей

в болото.

Но вот чувствительный слух Двера уловил звуки, доносившиеся от большего корабля. Звон и тяжелые удары. Несомненно, экипаж круглосуточно занят ремонтом. Несмотря на уверения Рети, Двер совсем не был уверен, что при свете дня появится корабль ротенов и повиснет над головой, чтобы забрать и потерянных товарищей, и долгожданную добычу. Более вероятным казалось как раз противоположное.

Но в любом случае ему предстоит работа.

Пока не получу новых указаний от мудрецов, я должен действовать по плану Дэйнела Озавы.

Он сказал, что мы должны защищать Джиджо.

Звездным богам здесь не место, как не место и сунерам. И даже в большей степени.

Крик болотного вьюрка заставил Двера еще больше погрузиться в воду.

Это кричала, подражая птице, Рети. Она на наблюдательном пункте в буйурских руинах возле дюн. Двер осмотрелся поверх тростников и увидел светящиеся очертания — патрульный робот, посланный застрявшими в болоте нетреки, возвращался из своего спирального маршрута.

На этот раз паук почувствовал его тревогу и заинтересовался.

Еще мусор?

Стараясь оставаться отчужденным, Двер посоветовал ему заняться делом, а летающие предметы пусть его не беспокоят.

Твоя память утверждает, что один из таких парящих механизмов убил моего брата на высотах. Может, он и был безумцем, но его работа осталась незавершенной. Кто теперь ее закончит?

Справедливый вопрос. На этот раз Двер сформулировал ответ в словах.

Если мы переживем этот кризис, мудрецы посадят зародыш мульк-паука у озера. По нашему мнению, помогая уничтожать остатки буйуров, каждое поколение Шести оставляет Джиджо немного более чистой и компенсирует тот небольшой ущерб, который причиняем мы. Свитки говорят, что это может облегчить наше наказание, когда начнется суд.

Но не тревожься из-за этого робота. У тебя есть цель, на которой нужно сосредоточиться. Там, в корпусе большего корабля, есть трещина, отверстие.

Двер почувствовал, как шевелятся волосы на затылке. Прижался, безошибочно ощутив приближение гравитационного поля. Очевидно, это

более мощный робот, чем тот, который он едва не победил в схватке у поселка сунеров. Тот робот все еще скрывается в норе в дюне, а они с Рети взялись за его врагов.

Двер прижался, как животное, и даже попытался думать, как зверь, когда вода вокруг него задрожала, как барабан квуэнов. Закрыл глаза, но его преследовали видения. Искры летят от урского горна. Жгучая пена покрывает затонувшую деревню. Звездный свет блестит на коже странной рыбы, пасть которой, похожая на пасть нура, раскрывается в сухой усмешке.

Поле ослабло, неприятное ощущение прошло. Приоткрыв глаза, Двер увидел, что робот летит на восток вдоль фосфоресцирующей линии прибоя, а затем исчезает среди дюн.

Теперь у основания большего звездного корабля собралось много нитей; извиваясь, они поднимались все выше. Вся безумная идея основывалась на одном допущении — что система защиты корабля, и так уже поврежденная, будет настроена на обнаружение «неестественного», например, металлических предметов или источников энергии. В нормальных условиях простые растения и животные не представляют угрозы для корабля с его мощными стенами.

Сюда?

Вопрос паука сопровождался мысленным изображением рваной трещины в борту корабля нетреки — результата ответного выстрела Канна, когда его корабль уже был охвачен пламенем и падал. Зрительный образ, который воспринимал Двер, был нечетким, как во сне, видны были только самые главные детали. В то же время Двер ощущал сильный запах субстанции. Паук не знает, как работают машины галактов или из чего они сделаны — и какие именно разъедающие жидкости скорее всего уничтожат это осквернение невозделанного мира Джиджо.

«Да, сюда, — ответил мысленно Двер. — А также везде вокруг».

Кроме прозрачного окна для наблюдений, добавил он. Нет смысла настораживать эти существа, покрывая их окна извивающимися нитями. Пусть обнаружат сами утром. К тому времени, с помощью удачи Ифни, будет уже поздно.

«Помни», — начал он. Но паук прервал:

Знаю. Я использую самые прочные нити.

Мульк-моноволокно — самый прочный известный Шести материал. Двер собственными глазами видел, как на такой нити поднимали гондолы до самого верха горы Гуэнн. Но у звездно-

го экипажа могут быть инструменты, способные разрезать и такой прочный материал. Если только внимание не будет отвлечено.

Шло время. В лунном свете болото казалось живым и полным движений — везде рябь и рваные подергивания. Это вокруг корабля собиралось все больше нитей. Мимо Двера проползали змееобразные тросы, но он не чувствовал ужаса, к которому привык при контактах с Одним-В-Своем-Роде. Намерение — это все. Каким-то образом Двер понимал, что огромное существо не питает к нему зла.

Через неравные интервалы Рети предупреждала о возвращении робота. Двер опасался, что робот может обнаружить трусливую машину даников, которая прячется под песком. Если это произойдет, встревоженные джофуры могут выйти и залить болото ослепительным искусственным освещением.

Со всеми предосторожностями Двер обогнул корабль. Считая шаги, он мысленно перенесся в Серые Холмы, где сейчас Лена Стронг и Дженин Уорли объединяют род Рети с выжившими урскими сунерами, создавая единое новое племя.

Нелегкая задача, но если кому-то она под силу, то именно этим двум.

Тем не менее он жалел их. Должно быть, со смертью Дэйнела Озавы им совсем одиноко. А меня унесла в своих клешнях машина ротенов. Меня они тоже, наверно, считают мертвым.

Но у Дженин и Лены есть «наследство» Дэйнела Озавы: книги и инструменты, и им помогает урский младший мудрец — предводительница отряда уров. Даже оставшись одни, они могут справиться. И задача Двера — сделать так, чтобы никто не мог прилететь и помешать им.

Он знал, что его план рискован. Ларк, окажись он здесь, конечно, придумал бы что-нибудь получше.

Но здесь только я. Двер, дикарь с Джиджо. Не повезло планете.

Голос паука послышался, когда Двер оказался по другую сторону корабля, там, где к закрытому люку вела рампа.

Сюда тоже?

Сознание заполнилось изображением еще одной трещины в борту поврежденного корабля. Сквозь рваное отверстие лунный свет пробивался внутрь. Там виднелось множество механизмов. Становилось все теснее, по мере того как все новые нити проникали внутрь, с них капала разъедающая жидкость. Но Двер почувствовал,

что его внимание привлекают к чему-то глубже. К противоположной стене.

В этой стене тоже щель, и сквозь нее пробивается свет. Не слабое освещение, а резкое, синее и синтетическое, оно приходит из какого-то помещения внутри.

Корабль, вероятно, больше не герметичен.

Жаль, что это произошло не на высокогорье. Треки ненавидят холод. Проникающий внутрь ветер с ледников — как раз то, что здесь пригодилось бы!

Нет, ответил он пауку. Не проникай в освещенное пространство. Еще не время.

Голос серьезно и задумчиво ответил:

Это свет… он может помешать моей работе?

Двер подтвердил. Да. Свет может помешать.

И забыл об этом, потому что краем глаза уловил движение на юго-востоке. Огибая груды нитей мульк-паука, к нему приближалась темная фигура. Двигалась она украдкой.

Рети! Но она должна наблюдать.

Сейчас не время для ее импульсивных поступков. Менее чем через мидур взойдет большая луна, а им надо уйти раньше, чем нетреки очнутся и поймут, что происходит.

Он устремился к девушке, стараясь не шуметь.

Нити мульк-паука с какой-то сверхъестественной вежливостью освобождали ему путь. Девушка, очевидно, направляется к другому кораблю, тому некогда могучему небесному судну, с которого Кунн, преследуя загадочную добычу, бросал в Трещину бомбы. Двер и Рети с вершины дюны видели, как серебристая стрела упала в болото, а два человека были взяты в плен.

Это может произойти и с нами. Больше, чем когда-либо Двер пожалел, что пришлось оставить «урского мужа» Рети — ее совесть и голос здравого смысла.

Относительно этого света, который может помешать.

Думаю, ты хотел бы знать.

Я о нем позаботился.

Двер постарался отмахнуться от этого мысленного прикосновения: он пересекал открытое пространство, и все его чувства были насторожены. Когда ему удалось свернуть к двум поросшим тростником холмикам, положение слегка улучшилось: теперь с корабля нетреки его невозможно увидеть. Но где-то по-прежнему патрулирует охранный робот. Лишившись наблюдателя, Двер мог полагаться только на собственные чувства, которые должны предупре-

дить его о приближении робота.

Он до подмышек погрузился в воду, преодолевая глубокое место, и почувствовал предупреждающую дрожь.

За мной наблюдают.

Двер медленно повернулся, ожидая увидеть блестящее оружие безлицего убийцы. Но не машина с гладкими бортами висела над холмиком. Двер увидел наблюдающие за ним глаза — в самой высокой точке, на возвышении, которое могло быть стеной буйурского дома. Увидел оскаленные в улыбке острые зубы.

Грязнолапый.

Опять нур это сделал.

Когда-нибудь я посчитаюсь с тобой за те случаи, когда ты пугал меня до полусмерти.

На этот раз у Грязнолапого был спутник — маленькое существо, которое он держал в лапах. Какая-то недавняя добыча? Она не сопротивлялась, но крошечные зеленые глазки как будто смотрели с холодным интересом. Улыбка Грязнолапого приглашала Двера догадаться, кто его новый друг.

Но у Двера не было времени для игр.

— Наслаждайся, — пробормотал он и двинулся дальше, начал взбираться на грязный берег. И

как раз огибал в поисках Рети дальний угол, когда сзади послышался звук. Раскатились гулкие удары и звон. Двер присел и оглянулся на больший корабль.

Борт казался невредимым — гладкая колесница звездных полубогов, готовая в любое мгновение унестись в небо.

Но тут над рампой в борту появилась прямоугольная трещина, и из нее потянулись, как призраки в ночи, клубы едкого дыма.

Помеха устранена.

Мысленное прикосновение паука было полно чувства удовлетворенности.

Сквозь тучи сажи по рампе скатывались темные фигуры, визжа от боли. Двер насчитал трех нетреки, затем две спотыкающиеся двуногие фигуры, опиравшиеся друг на друга, когда убегали от ядовитых клубов.

То, что последовало, вызвало у Двера тошноту: груды разделились на отдельные извивающиеся кольца, соскальзывающие с воскового сердечника, который делал их единым существом. Один большой тор вырвался из мрака, он бежал на пульсирующих ногах без направления или руководства, за ним тянулся слизистый след и какие-то волокна. Тор упал в глубокую воду. Другое

беспомощное кольцо упало, глядя сразу во всех направлениях полными страха глазами, но тут его поглотили черные испарения.

Я не действовал так — с такой энергией и решительностью — с тех ранних дней, когда еще уцелевшие одушевленные машины буйуров пытались после отлета хозяев скрыться и размножаться среди развалин. Тогда мы были полны сил и свирепости, мы, мульк-агенты разрушения. Нам еще предстояли долгие века терпеливой эрозии.

Ты видишь теперь, как эффективно мы могли действовать в случае необходимости? Признаешь меня теперь, о уникальная молодая эфемерида?

Двер повернулся и побежал, разбрасывая пену.

Разведчик ротенов был расколот посредине, крылья его обломились. Двер отыскал люк и забрался внутрь. Металлическая палуба казалась холодной и чужой под его босыми ногами.

Внутри не было даже слабого лунного света, поэтому ему потребовалось время, чтобы отыскать в темном углу Рети.

Девушка доставала из шкафа ротенские сокровища и прятала в свой мешок. Что она ищет? Пищу? После всех тех ядов звездных богов, кото-

рые выплеснулись во время крушения?

— У нас нет на это времени, — крикнул он. — Надо убираться отсюда!

— Дай мне один дур, — ответила девушка. — Я знаю, это здесь. Кунн держал ее на одной из полок.

Двер высунул голову в люк и осмотрелся. Снова появился охранный робот, он висел над кораблем нетреки, ярко освещая болото внизу. Расходился густой дым, и Двер ощутил что-то сладкое во рту, от чего одновременно затошнило.

Неожиданно его чувства получили новый удар — звук. Воздух сотрясли несколько резких нот. Над водой натянулись линии, это сотни нитей, окружавших корабль, напряглись, как тросы праздничного павильона. Некоторые лопнули от напряжения и, извиваясь, отскочили. Одна из таких нитей ударилась о выжившую груду колец, отбросив верхние торы в болото. Нижние беспомощно и слепо дергались. Другие выжившие торопливо отступали глубже в болото.

Робот спустился, свет его прожектора сузился, превратился в режущий луч. Под этим нападением одна за другой лопались нити. Но было уже поздно, слишком поздно. Кто-то или что-то подрыло грязь под кораблем, и он начал погружаться

в мутный склеп, грязная вода с бульканьем устремилась в люк.

— Нашла! — закричала Рети; голос у нее был на редкость счастливый. Она присоединилась к Дверу у входного люка, прижимая к груди найденное сокровище. С тех пор как он впервые ее увидел, эта штука пережила много любопытных прикосновений и проверок, так что теперь ее даже в тусклом свете невозможно было принять за живое существо. Еще один проклятый робот, подумал Двер. Ифни-проклятая штука принесла ему больше неприятностей, чем он способен сосчитать. Но для девушки сунера это символ надежды. Первый предвестник свободы в ее жизни.

— Пошли, — сказал Двер. — Этот корабль — единственное убежище поблизости. Выжившие уже идут сюда. Нам нужно уходить.

Спускаясь в болото, Рети довольно улыбалась. Она послушно следовала за ним, как будто у нее больше не было необходимости восставать.

Двер знал, что должен быть доволен. Его план сработал на удивление удачно. Но он испытывал только ощущение пустоты.

Может, это потому, что я был ранен, избит, истощен и изголодался, и теперь мне все равно.

Или мне никогда не нравилась эта часть охо-

ты.

Та часть, когда приходится убивать.

Они отступили от обоих разрушенных кораблей в ближайшие заросли. Двер пытался выбрать лучший маршрут для отхода к дюнам, когда услышал голос.

— Привет. Мне кажется, нам нужно поговорить.

Двер был благодарен мульк-пауку. И если тот хочет, он должен с ним поговорить и признать его заслуги. Но он был слишком истощен для умственных усилий. Не сейчас, мысленно ответил он. Позже, обещаю, если мы переживем эту ночь.

Но голос настаивал. И Двер скоро понял: слова не заключены внутри его головы, они висят в воздухе, и у них низкий, знакомый тон. Они доносятся из пространства прямо над головой.

— Эй, люди в болоте. Вы меня слышите?

Голос затих, как будто говорящий отвернулся и обратился к кому-то еще.

— Вы уверены, что эта штука работает? — спросил он.

Удивленный, Двер обнаружил, что, вопреки здравому смыслу, отвечает на этот вопрос.

— Откуда мне знать, что работает, а что нет? Кто, во имя Джиджо, вы такие?

Теперь голос снова слышался отчетливо. С явным удовлетворением он ответил:

— Ага, хорошо. Значит, связь установлена. Это здорово.

Теперь наконец Двер увидел, что слова исходят от Грязнолапого, который сидит сразу над ним, решив приставать с этого нового насеста. И у нура теперь новый спутник — тот самый, с зелеными глазами.

Рети удивленно ахнула, а Двер неожиданно понял, что этот новый спутник удивительно напоминает ее птицу!

— Ну хорошо! — проворчал Двер. Бесконечные игры Грязнолапого истощили его терпение. — Уноси лапы или рассказывай, что происходит.

Тварь с зелеными глазами испустила низкий рокочущий звук, удивительно громкий для такого маленького объема. Двер замигал, удивленный поразительным сходством с ворчанием хуна.

— Хрр-р-м. Для начала позвольте мне представиться. Формальное имя, которое дали мне родители, Хф-уэйуо. Но вы можете называть меня Олвин.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПРИТЧА

— Мастер, — сказал ученик, — вселенная так сложна, что Создатель не мог сотворить ее одной своей волей. В составлении ее плана, в приказах ангелам исполнить его волю Он должен был пользоваться компьютерами.

Великий ученый долго обдумывал этот вопрос и наконец ответил отрицательно.

— Ты ошибаешься. Никакая реальность не может быть создана вычислительной машиной, которая находится в этой самой реальности. Бог не пользовался компьютерами при сотворении вселенной. Он пользовался математикой.

Ученик долго думал над этими мудрыми словами, но затем стал настаивать на своем.

— Возможно, это справедливо по отношению к планированию и сотворению мира — и к предвидению последствий его сотворения, но как же обслуживание и поддержание порядка? Космос обширен и очень сложен. Каждую фемосекунду нужно делать выбор, и соответственно живые существа сохранят жизнь или погибнут.

Как могут помощники Создателя следить за этими мириадами разветвлений без компьютеров?

И снова великий мудрец укоризненно покачал головой.

— Это решает Ифни, великая помощница Творца. Но ей не нужны сложные инструменты для решения местных проблем.

Именем Творца она правит миром при помощи игральной кости.

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

Когда все пятеро дельфинов собрались перед маленьким голографическим экраном, наблюдая в реальном времени, как проходит экспедиция, в маленьком подводном убежище стало тесно. Картины далекого нападения были нечеткими, но от них замирало сердце.

Брукида, Заки и Мопол теснились слева от Каа, но он острее ощущал присутствие справа Пипое: она работала грудным плавником, чтобы удержать глаза на одной линии. Ее присутствие нарушало умственное и гормональное равновесие Каа, особенно когда ее течением прижимало к нему. Для Каа это было ироническим подтвер-

ждением многосложной природы его разумного сознания: он одновременно больше всего хочет быть с ней и боится оказаться рядом.

К счастью, зрелище на экране позволяло отвлечься. Оно передавалось по тонкому волокну из скрытой камеры, расположенной в сотнях километров, на песчаном берегу над Трещиной. Низко нависали густые облака, превращая день в сумерки. Но при усилении наблюдатель мог различить в синей воде приближающиеся к берегу тени.

Неожиданно линия прибоя словно взорвалась, выбросила бронированные фигуры — шестиногие чудовища с горизонтальными цилиндрическими телами, заметно расширяющимися сзади. Фигуры устремились на берег, через береговое болото, стреляя по пути из лазеров. Нападающих сопровождали три летающих робота; они устремились к захваченному врасплох противнику, и с них еще капала вода.

Укрепление противника представляло собой всего лишь грубый матерчатый навес у подветренного борта космического корабля. Единственный сторожевой робот при виде нападающих взвыл и поднялся в воздух и тут же превратился в дымящиеся обломки, которые по-

грузились в болото. Выжившие джофуры могли только беспомощно смотреть на приближение нападающих. Глазные ячейки ошеломленно уставились, неспособные осмыслить подобное унижение. Возвышенные существа, захваченные в плен простыми дельфинами.

Самой младшей расой земного клана волчат.

Каа прекрасно себя чувствовал, наблюдая, как товарищи по экипажу справляются с этими ненавистными жирными грудами колец. Джофурский союз безжалостно преследовал «Стремительный» на звездных линиях. Эта скромная победа приносит почти такое же удовлетворение, как другой рейд на планете Оакка, где решительные действия позволили захватить вражескую базу с тыла и освободили «Стремительный» из еще одной ловушки.

Только тогда мне не пришлось следить издали. Я пилотировал корабль, чтобы забрать инженера Д'Аните, и всю дорогу приходилось уворачиваться от огня.

В те дни он еще был Каа «Счастливчиком».

Вместе с Пипое и остальными он наблюдал, как лейтенант Тш'т металлическими руками своей установки для ходьбы показывает вправо и влево, приказывая подчиненным отогнать пленных

к берегу, где из воды вынырнул китоподобный гигант, раскрывая огромную пасть.

Несмотря на густые облака, нападающим нужно было как можно больше сократить эту фазу, чтобы избежать обнаружения.

Один пленный джофур споткнулся в прибое. Составляющие его кольца дрожали, угрожая соскользнуть с соединяющего сердечника. Мопол при виде неприятностей врага радостно защелкал и забил плавниками так, что забрызгал потолок невысокого убежища.

Пипое послала Каа короткий сонарный щелчок, привлекая внимание к поведению Мопола.

— Понимаешь, что я имею в виду? Заметила она на сжатом тринари.

Каа кивнул в знак согласия. Все признаки болезни исчезли, сменившись первобытным возбуждением. Несомненно, Мополу хотелось участвовать в рейде, помучить мучителей.

Пипое, естественно, была недовольна. Ей пришлось в одноместных санях добираться сюда по незнакомым водам, полным пугающих звуковых теней, лишь для того чтобы диагностировать случай лихорадки кингри. Слово это в переводе на англик означало «симуляция». Космонавты дельфины знают много хитроумных способов,

как изобразить симптомы пищевого отравления, чтобы выдать себя за больного и не выполнять свои обязанности.

— Я так и думал с самого начала, — сказал ей еще раньше Каа. — Это решение Макани — на всякий случай прислать сестру.

Но это не смягчило Пипое.

— Долг лидера — создавать мотивации, — насмешливо ответила она. — Если работа трудная, мотивация должны быть сильней.

Каа все еще морщился от ее насмешек. Но ее слова вызвали у него и изумление: у Мопола нет причин симулировать болезнь. Несмотря на другие свои недостатки, этот член экипажа никогда не был замечен в лени. И условия на аванпосте приятнее, чем на «Стремительном», где большую часть времени приходится дышать раздражающей оксиводой и стараться уснуть в окружении причудливых сонарных эффектов, созданных водой под большим давлением. Здесь волны шелковистые, рыба вкусная, а работа — слежка за неприятелем — разнообразная и занимательная. Зачем Мополу изображать больного, если это означало оставаться в тесном подводном жилище рядом только с престарелым Брукидой?

На экране полдюжины ошеломленных джо-

фуров заводили в подводную лодку, а на берегу лейтенант Тш'т разговаривала с двумя местными людьми в грязном тряпье: молодым парнем и еще более молодой девушкой, которые казались очень истощенными и уставшими. Юноша хромал, в руках он держал лук и колчан со стрелами, а его спутница сжимала маленький сломанный робот.

Брукида воскликнул, узнав разведчика собственного изготовления, сделанного несколько месяцев назад и отправленного на берег в облике джиджоанской птицы.

Молодой человек указал на ближайшую дюну и что-то сказал: камера не уловила его слов. Почти сразу же три боевых робота землян окружили дюну и осторожно повисли над ней. Несколько мгновений спустя в туче песка появился другой робот, больше по размеру и явно пострадавший в предыдущей стычке. Он нерешительно остановился, как будто не в силах решить, сдаваться или самоуничтожиться. Наконец поврежденная машина поплыла к берегу, где дельфины в экзоскафандрах переносили на подводную лодку еще двух человек на носилках. Эти люди тоже были с ног до головы в грязи. Но под грязью видно было, что на более рослом мужчине одежда

галактического изготовления. Пленный робот повис над этим мужчиной и сопровождал его на борт лодки.

Последними поднялись на борт Тш'т и два человека. Юноша на мгновение задержался перед пустым люком, разинутым, словно пасть гигантского хищника. Но девушка излучала радость. Ноги не успевали нести ее через прибой, когда она бросилась внутрь.

Осталась только лейтенант Тш'т. Она смотрела вниз, на маленькое существо, лениво развалившееся на берегу, вычесывая свою гладкую шерсть и делая вид, словно перед ним все время в мире. Через громкоговоритель в своем скафандре Тш'т обратилась к странному существу:

— Ну, если хочешь идти, это последняя возможность.

Каа все еще трудно было примириться с увиденным. В течение двух недель наблюдал он за хунскими кораблями в порту Вуфон и видел бегающие по снастям маленькие фигурки. Не сразу он опознал в этих фигурках титлалов — расу галактических клиентов, чьи патроны, тимбрими, были самыми большими друзьями землян.

Кто бы мог винить меня? С хунами они ведут себя как умные животные, а не разумные существа.

Согласно дневнику молодого любителя приключений хуна Олвина, джиджоанцы называют их нурами. И нуры никогда не разговаривают.

Но этот на берегу заговорил! И к тому же с тимбримийским акцентом.

Могли ли Шесть Рас жить все это время, не подозревая, что прямо среди них есть еще одно племя сунеров? Неужели титлалы все это время разыгрывали отсутствие разума и ни разу себя не выдали?

Маленькое существо, казалось, испытывает терпение Тш'т и не торопится отвечать, но тут послышался новый голос, он доносился из открытого люка лодки. Камера повернулась туда, и в ее поле появилась высокая фигура, долговязая и белая, с чешуйчатыми руками и органом в виде дрожащего мешка под горлом, из этого мешка доносился низкий гулкий звук.

Олвин, понял Каа. Молодой автор воспоминаний, которые Каа читал несколько ночей подряд, знакомясь со странной цивилизацией беженцев.

Он, должно быть, «ворчит» на этого титлала.

Через мгновение маленькое существо оказалось на шагающем костюме лейтенанта, и Тш'т направилась на борт. А улыбающаяся морда создания словно говорила: ну уж раз вы наста-

иваете.

Люк закрылся, лодка начала быстро пятиться, погружаясь в воду. Но картинка не исчезла.

Оставшись наконец наедине, маленький робот-разведчик со «Стремительного» повернул камеру к дюнам. Мимо мелькали песчаные пространства: робот искал удобный наблюдательный пункт, место, откуда мог бы следить за двумя развалинами, которые когда-то были космическими кораблями, а теперь лежали в грязи, опутанные разъедающими нитями.

Несомненно, Джиллиан Баскин и корабельный совет глубоко интересуются теми, кто нанесет следующий визит в это место опустошения.

ДЖИЛЛИАН

Вступительные упражнения закончены. Тепловое покалывание охватывает плывущее тело от макушки до кончиков пальцев.

Теперь Джиллиан готова для первого глубокого нырка. Это нарушкана — «морская звезда» — вытянутые шея, руки и ноги, направленные во все пять точек компаса.

Дисциплина тела лежит в основе йоги невесомости. Джиллиан научилась этому на Земле,

когда они вместе с Томом изучали под руководством Джейкоба Демвы искусство выживания в галактике. «Плоть участвует во всем, что мы делаем, — однажды объяснил престарелый мастер-разведчик. — Нам, людям, нравится думать о себе как о разумных существах. Но чувства у нас всегда предшествуют разуму».

Это деликатная фаза. Нужно расслабить тело, чтобы вся кожа превратилась в чувствительную антенну. Но Джиллиан не может полностью расслабиться. Это означало бы выпустить на свободу накопившиеся печаль и одиночество.

Плывя в зоне невесомости, Джиллиан позволяет своему горизонтально расположенному торсу отвечать на притяжение объектов, находящихся за пределами бассейна, где-то на корабле и вне его. Их влияние проникает сквозь стены, и от него ее чувствительные нервы дергаются и зудят.

«Моменты судьбы» — так загадочные Древние называли подобные явления во время краткого посещения «Стремительным» Фрактальной системы.

Она так никогда и не видела того, кто произносит эти слова. Голос приходил откуда-то издалека, из-за пределов гигантского сооружения из игольчатого водородного льда. Фрактальная система

— это одно огромное сооружение, размером с солнечную систему, с крошечной красной звездой в центре. Никакой преследователь не нашел бы в этом обширном пространстве «Стремительный», если бы кораблю было предоставлено убежище.

У вас на корабле тяжелый груз, сказал этот голос. Мы никогда не фиксировали такой судьбоносный груз.

Поэтому вы понимаете, почему мы прилетели, ответила Джиллиан, когда стройный корпус «Стремительного» огибал фантастические кристаллы, чередующиеся с тенями протяженностью с планету. Корабль казался частичкой пыльцы в гигантском лесу.

Поистине, мы понимаем, какова ваша цель. Ваша просьба обдумывается. А тем временем можете ли вы осудить нас за отказ от приглашения побывать у вас на борту? Или даже просто прикоснуться к корпусу? К корпусу, который так недавно был освещен страшным светом?

Мы, живущие здесь, ушли из Пяти Галактик. Ушли от флотов, битв и политических интриг. Вы можете получить помощь, о которой просите, а можете и не получить — решение еще не принято. Но не ждите радостного приема. Ибо ваш груз пробуждает голод, страсти и одержимости

молодости.

Она попыталась разыграть невинность и непонимание.

Значение нашего груза преувеличивается. Мы с радостью передадим его тем, кто докажет свою беспристрастность и мудрость.

Не говори так! — потребовал голос. Не добавляй искушение к тому яду, который вы уже занесли к нам!

К яду?

В вашем трюме благословение и проклятие, заключил голос. Мы боимся, что ваше присутствие нарушит наш древний мир.

Как оказалось, «Стремительный» получил убежище всего на несколько недель, после чего конвульсии начали сотрясать всю Фрактальную систему; между гигантскими сооружениями, созданными для проживания квадрильонов, проскакивали искры. Хрустальные теплицы, размером с земную Луну, раскалывались, выплескивая в вакуум биомассу, которую они защищали. Откалывались куски размером с Юпитер, сверкающие освещенными окнами. Подобно сосулькам, сорванным сильным ветром, отлетали, сталкивались и взрывались ураганом бесшумной пыли. А тем временем взорвалась какофония голосов:

Бедные дети волчата, мы должны помочь землянам.

Нет! Уничтожить их, чтобы мы могли вернуться к спокойному сну.

Возражение! Сначала нужно вытянуть у них то, что они знают.

Да. А потом поделиться знаниями с нашими младшими братьями из союза Авейтер.

Нет! С Наследниками.

С Отрекшимися!..

Джиллиан вспоминает, как ее поразила эта разразившаяся буря мелочности.

Вот тебе и хваленая беспристрастность и отчужденность старости.

Но потом, когда все казалось потерянным, на короткое время вмешались сочувствующие силы.

Ледяное царство не то место, которое вы ищете.

Вам нужен совет, беспристрастный и мудрый. Ищите его у тех, кто еще более древен и мудр.

Там, где бушует прибой, ограждая ночь.

Торопитесь, молодежь. Воспользуйтесь этой возможностью. Бегите, пока еще возможно.

И неожиданно перед кораблем с Земли открылся проход — Щель в обширной массе водородного

льда, и за ней — усеянная звездами тьма. У «Стремительного» были лишь мгновения на то, чтобы пролететь, и этот выход оказался слишком краток и неожидан для Эмерсона Д'Аните, который уже начал свою отчаянную жертвенную вылазку.

Бедный Эмерсон. Из-за него сражались враждующие фракции, пока его корабль не был поглощен светом.

* * *

Все это вернулось к Джиллиан не последовательно, а одновременно, целиком, безвременное, когда она вспомнила слова…

Моменты судьбы.

Погрузившись в транс, она чувствует притяжение этих объектов. Тех самых, что причинили так много неприятностей во Фрактальной системе.

Они гладят ее члены — члены «нарушкана» — не физической силой, но ужасающей важностью своего существования.

Неожиданно «нарушкан» меняется на «аббушу» — «стрелку», левая рука Джиллиан указывает на массивный куб — переносную ячейку Галактической Библиотеки, окруженную холодным туманом за два коридора от нее. Пальцами мысли Джиллиан касается одной из жемчужных

фасет, украшенных гравировкой — символом со спиральными лучами. В отличие от ячеек с минимальными запасом программ, какие могли себе позволить волчата, эта предназначалась для могучего звездного клана. Вернись «Стремительный» домой только с этой добычей, его дорогостоящее путешествие вполне оправдалось бы.

Но этот куб казался наименее ценным среди грузов «Стремительного».

«Аббуша» перемещается на правую руку, ладонью вверх, как цветок, ищущий тепла, чтобы справиться с древним холодом Библиотеки.

Рука устремляется к теплу — противоположности старости.

Джиллиан слышит, что к ее личному святилищу приближается маленький слуга Киппи, и распрямляется. Амфибии кикви, жители водного мира Китрупа, ловко пользуются всеми шестью конечностями. И сопровождают работу жизнерадостными щелчками и чириканьем. Поверхностные мысли Киппи легко проследить, даже с ограниченными пси-способностями, как у Джиллиан. Киппи блаженно не подозревает, что его молодая раса оказалась втянутой в серьезный кризис, охвативший все Пять Галактик.

Что дальше? — Интересно, что?

Что дальше?

Что будет дальше? — Надеюсь, что-нибудь хорошее.

Джиллиан искренне надеется на то же самое. Ради кикви «Стремительный» должен отыскать уголок во вселенной, где еще сохраняются галактические традиции. Идеально было бы найти сильную благожелательную звездную расу, способную обнять и защитить юное племя амфибий, пока на звездных трассах дуют горячие ветры фанатизма.

Есть расы, достойные стать их патронами, помочь им, как никогда не помогали людям, пока кикви не смогут стать самостоятельными.

Джиллиан уже отказалась от надежды принять кикви в маленькую земную семью, состоящую из людей, неодельфинов и неошимпов, как надеялись вначале, когда «Стремительный» прихватил на борт небольшую группу способных к размножению жителей Китрупа. Зрелые предразумные виды — большая редкость, а это исключительная находка. Но сейчас земляне вряд ли способны защитить себя, тем более принимать на себя новую ответственность.

«Аббуша» снова меняется, переходит в «по-

пош»: ногу Джиллиан начинает покалывать; это значит, что в помещении появился еще кто-то. Появившегося сопровождает самодовольная ирония, похожая на слишком сильный запах духов. Это вращающаяся голограмма машины Несс с типичной для нее бестактностью вторгается в личное убежище Джиллиан.

Когда злополучная экспедиция отправлялась с Земли, Том решил, что неплохо было бы захватить с собой эту тимбримийскую машину. Ради Тома — ей его очень не хватало — Джиллиан подавила естественное раздражение, вызванное искусственным существом со спокойным и равнодушным голосом.

— Подводная лодка с отрядом и пленными на борту возвращается через нескольких часов, — сообщила машина Нисс. — Следует ли подготовить планы допроса, доктор Баскин? Или вы предоставите эту работу выводку детей-чужаков?

С того времени как Джиллиан поручила Олвину и Гек задачу интерпретирования, высокомерная машина как будто все время старается уколоть. Но пока дела идут неплохо. И Джиллиан знает, какие вопросы нужно задавать пленным людям и джофурам.

Больше того, у нее собственный способ подго-

товки. Как говаривал старый Джейк: «Как можно предвидеть, если вначале не запомнишь?»

Ей нужно побыть в одиночестве, без машины Нисс, без Ханнеса Суэсси, без сотни нервничающих дельфинов, которые пристают к ней, словно она их мать. Иногда это давление кажется ей тяжелее горы мертвых космических кораблей, окружающей «Стремительный» в этой темной пропасти.

Ответить словами — значит выйти из транса, поэтому Джиллиан вызывает эмпатический глиф копу. Ничего особенного — у нее нет врожденных способностей тимбрими, всего лишь предложение Ниссу найти себе уголок в кибернетическом пространстве и провести следующий час в симулированном самоповторении, пока она снова не вызовет.

Машина жужжит и возражает. Следует еще немало слов. Но Джиллиан позволяет им унестись, как уносятся прибоем плавающие обломки. Тем временем сама Джиллиан продолжает упражнение, перемещаясь к другому пункту компаса. Тому, который кажется тихим, как смерть.

Возвращается «аббуша», но теперь она устремлена к трупу, стоящему в дальнем углу ее кабинета, как мумия фараона. Мумия окружена

сохраняющими полями, которые — после трех лет и миллионов парсеков — по-прежнему обеспечивают ее неизменность. Мумия такая же, какой была, когда Том извлек древнего покойника из огромного брошенного корабля, плывшего в Мелком Скоплении.

У Тома всегда была склонность к собиранию дорогих сувениров. Но этот превзошел все.

Херби.

Ироническое имя для Прародителя, если это действительно Прародитель. Возможно, возрастом в два миллиарда лет и причина всех неприятностей «Стремительного».

Главная причина войны и смятения в дюжине спиральных рукавов.

Мы могли бы избавиться от него на планете Оакка, знала Джиллиан. Правильно было бы передать Херби Институту Библиотеки. И не только правильно, но и безопасно.

Но чиновники сектора оказались продажными. Многие библиотекари нарушили свою присягу и сами начали сражаться друг с другом — раса с расой, клан с кланом, и каждый стремился получить для себя сокровище «Стремительного».

И бегство стало долгом.

Ни одной галактической фракции нельзя поз-

волить овладеть вашей тайной.

Так приказал Террагентский Совет в единственном полученном «Стремительным» сообщении на дальнем расстоянии. Джиллиан знала текст этого приказа наизусть.

Проявление любой пристрастности приведет к катастрофе.

И может означать уничтожение земного клана.

«Моменты судьбы» тянут ее за конечности, переориентируя тело. Джиллиан плавает лицом вверх, глаза ее открыты, но она не видит металлические плиты потолка. Ее взор устремлен в прошлое.

В Мелкое Скопление. Она видит фалангу мерцающих шаров, обманчиво прекрасных, как прозрачные луны или плавающие пузыри жевательной резинки.

Затем засада у Морграна, огненные залпы могучих боевых кораблей, бесчисленных, как звезды. Все они пытаются поймать мошку.

Мошка улетела на Китруп, где так много было потеряно, включая лучшую часть ее души.

Где ты, Том? Жив ли ты еще где-то в пространстве и времени?

Затем Оакка, зеленая предательская планета,

где Институты потерпели поражение. И Фрактальная система, где Древние доказали, что возраст не ставит пределов вероломству.

Эта мысль как будто забавляет Херби.

«Древние? С моей перспективы эти обитатели огромной снежинки такие же дети, как и вы!»

Конечно, голос создан ее воображением, это оно вкладывает слова в уста, которые говорили, когда земной океан был лишен всякой жизни, кроме бактерий, когда Солнечная система была вполовину моложе.

Джиллиан улыбается, и «аббуша» преобразуется в «кунтатту» — смех среди бури мокрых вакуумных лучей.

Вскоре ей придется снова заняться решением такой задачи — как еще раз увести «Стремительный», уйти от преследования лающих псов. На этот раз потребуется что-нибудь особенное: ведь дредноут джофуров уже приземлился на Джиджо, а корпус «Стремительного» по-прежнему отягощен отражательной сажей.

Потребуется чудо.

Как они нас выследили? — гадала Джиллиан. Убежище казалось превосходным, все подходы к Джиджо закрыты, кроме одного, да и тот ведет через атмосферу гигантской углеродной звезды.

Расы сунеров проделали это успешно и прибыли сюда, не оставив следов. Где мы ошиблись?

Но упрекам нет места в йоге невесомости.

Они уничтожают невозмутимость и спокойствие.

Прости, Джейк, думает Джиллиан. Она вздыхает, понимая, что транса больше не будет. Можно выныривать и возвращаться к делам. Может быть, «Хикахи» принесет из своего рейда на поверхность полезные сведения.

Прости, Том. Может быть, когда-нибудь я смогу так очистить свое сознание, чтобы услышать тебя, переслать часть себя туда, куда ты ушел.

Джиллиан не желает считаться с самым вероятным — что Том мертв вместе с Крайдайки и остальными, теми, кого она вынуждена была оставить на Китрупе всего лишь в космическом скифе, который должен был унести их домой.

Процесс выныривания продолжается, мысли уходят в мир абстракций, облегчая Джиллиан возвращение к неприятной действительности.

И все же.

В процессе возвращения Джиллиан неожиданно ощущает новое прикосновение, щекотание в области затылочных позвонков и фолликул черепа. Это прикосновение ей знакомо. Она ощущала

его и раньше, хотя никогда оно не было таким сильным. Кто-то обращается к ней не поблизости, не в корабле, а откуда-то за его корпусом. Откуда-то из другой точки на планете.

В этом ощущении есть какая-то ритмичность и основательность, как в вибрациях, распространяющихся в плотной породе.

Если бы с нами был Крайдайки, он, вероятно, смог бы связаться, как связался с теми бедными созданиями, живущими в подземельях на Китрупе. А Том сумел бы расшифровать это послание.

Но она подозревает, что на этот раз столкнулась с чем-то новым. Корректируя свои первые впечатления, Джиллиан осознает: источник не в этом мире и не под ним, это часть планеты. Это аспект самой Джиджо.

«Нарушкан» ориентирует ее, как стрелку компаса, и неожиданно она ощущает странное, неспровоцированное смятение внутри. Ей требуется какое-то время, чтобы разобраться во впечатлениях. Но постепенно приходит узнавание.

Осторожно, как давно потерянный друг, не знающий, как его встретят, в ее сердце входит надежда.

ЭВАСКС

Неожиданно приходит новость. Слишком поспешно для того, чтобы наши кольца смогли интерпретировать еще горячий воск. Поэтому позвольте рассказать прямо.

Сообщение о катастрофе! Известие о несчастье!

Новость о потерях к востоку от этого горного хребта. Наш приземлившийся корвет — уничтожен!

Разногласия разрывают экипаж «Полкджи». Синтезирующие кольца испускают пары обвинений, а говорящие кольца обмениваются взаимными упреками.

Может ли эта трагедия быть виной корабля дельфинов, отомстивших своим преследователям? После хитроумных уходов из наших ловушек слава этого корабля распространилась на многие годы.

Но этого не может быть. Сканирование на больших расстояниях не обнаруживает никаких следов колебаний тяготения или энергетического оружия. Предыдущие сигналы свидетельствовали о каких-то неполадках на борту.

И однако коварных волчат не следует сбрасывать со счетов. Я/мы могу прочесть восковые следы, оставленные прошлым Асксом, — легенды о начальных годах джиджоанской Общины, особенно предания о войнах людей с урами. Эти рассказы свидетельствуют, что обе расы обладают исключительными способностями к импровизации.

До сих пор мы считали это совпадением — что здесь оказались люди, а у ротенов тоже слуги люди, и именно сюда явился корабль с планеты волчат. Казалось, три эти группы не имеют ничего общего, никаких общих мотивов, целей или возможностей.

Но что, если это намеренно?

Я/мы должен поговорить об этом с капитаном-лидером, как только груды с высшим статусом перестанут испускать испарения и позволят нам вставить свой дымок.

Готовьтесь, Мои кольца. Первая наша задача — допросить пленников.

ТШ'Т

Что мне делать?

Пока подводная лодка приближалась к про-

пасти и горе мертвых космических кораблей, Тш'т непрерывно обдумывала положение, в котором оказалась. Пока остальные члены экипажа «Хикахи» радовались удачному исходу рейда и с нетерпением ожидали встречи со «Стремительным», Тш'т думала о причаливании с усиливающимся ощущением ужаса.

Внешне все было хорошо. Пленники охраняются. Молодые любители приключений Олвин и Гек опрашивают Двера и Рети — людей-сунеров, которые умудрились каким-то образом победить джофурский корвет. Как только «Хикахи» благополучно миновала слой температурного скачка, Тш'т поняла, что ей и ее команде удалось нанести удар от лица Земли и уйти невредимыми.

Такой рейд — немалая заслуга командира. Кое-кто назовет Тш'т героем. Но внутри у нее нарастала тревога.

Ифни, должно быть, ненавидит меня. Худшее из всех возможных сочетание событий захватило меня в свои клешни.

— Минутку, — обрезала самка г'кек, которая присвоила себе имя героя древней земной литературы. Ее спицы дрожали от возбуждения, одним глазным стебельком она указывала на молодого человека, у которого на коленях лежали

лук и стрелы. — Ты говоришь, что прошел весь путь от Склона, чтобы найти ее скрывающееся племя, а она вернулась домой на борту небесной лодки даккинов.

Человеческая девушка, Рети, прервала:

— Даников, колесная дура! И что в этом удивительного? Я одурачила Кунна и всех остальных. Они поверили, что я готова стать одной из них. Конечно, я только ждала возможности…

Тш'т один раз уже слышала эту историю, поэтому на этот раз почти не слушала. Она отметила только, что эта «Гек» говорит на гораздо более правильном англике, чем девушка-человек. Но у нее на уме другие проблемы. Особенно интересует ее один из пленников, который находится в камере ближе к корме, — пленный космонавт может раскрыть немало тайн.

Тш'т через вживленное за левым ухом гнездо послала по нервам приказ. Ее механическое устройство для ходьбы ответило и понесло бутылкообразный клюв с мостика. Не отягощенное броней и оборудованием жизнеобеспечения, оно изящно пронесло Тш'т мимо дельфинов-зрителей. Фины были потрясены видом таких взъерошенных и грязных людей. А у девушки на лице шрам, который в любой земной боль-

нице можно устранить за день. Для членов расы патронов казались немыслимыми столь древний акцент и откровенное удивление при виде дельфинов.

Зато эти двое не находили ничего необычного в болтовне с Олвином и Гек, как будто существо на колесах и говорящий на англике хун столь же обычны, как пена на волне. Настолько обычны, что Рети и Гек пререкаются, как сверстники.

— Конечно, я привела сюда Кунна. Но только для того, чтобы узнать, откуда взялась эта машина-птица! — Рети погладила миниатюрного ура, который довольно изогнул шею под ее поглаживанием. — И мой план сработал, верно? Я нашла вас!

Гек ответила вращением всех четырех глазных стебельков — знаком сомнения и отвращения.

— Да, хотя это означало открыть расположение земного корабля и позволить твоему пилоту данику бомбить его с воздуха.

— Ну и что?

Тш'т со своей позиции у двери заметила, как самец человек обменялся понимающим взглядом с подростком хуном. Двер и Олвин только что познакомились, но уже сочувственно улыбались друг другу. Возможно, позже они обменяются впе-

чатлениями, расскажут, как умудряются жить с такими динамичными спутницами.

Тш'т находила разговор этих разнообразных голосов слишком сложным. Словно на борту настоящий зверинец.

Спор продолжался и после ухода Тш'т на мостик. Возможно, когда Джиллиан и Нисс будут анализировать каждое слово, запись этого разговора окажется полезной. Уже велась подготовка к допросу уцелевших джофуров с помощью техники, найденной в теннанинском кубе-библиотеке. Теннанинцы начали воевать с джофурами еще до того, как Соломон построил храм, и сумели разработать нужную технику.

Тш'т одобрила это намерение вначале.

Но Джиллиан собирается допросить и Кунна. А она слишком хорошо знает людей, чтобы ее можно было обмануть.

«Хикахи» — импровизированный корабль, собранный из частей, взятых от древних кораблей, которые усеивают дно Трещины. Тш'т проходила коридорами из разнообразных материалов, соединенных грубо сваренными плитами, и наконец добралась до камеры, где содержались два пленных человека. К несчастью, караульным оказался Каркаеттт, который некогда проходил

под руководством капитана Крайдайки программу тренировки мышления кининк. Тш'т не могла надеяться, что отошлет Каркаеттта по какому-нибудь поручению и заставит просто забыть обо всем. Он запомнит любое нарушение правил и распоряжений.

— Пончики спокойны, — доложил караульный. — Мы поместили поврежденный ротенский робот в холодильник. Позже мы с Ханнесом просмотрим его ячейки памяти.

— Отлично, — ответила Тш'т. — А как титлал?

Каркаеттт качнул гладкой серой головой.

— Ты имеешь в виду того, что говорит? Изолирован в каюте, как ты и приказала. А любимица Олвина, конечно, просто нур. Надеюсь, ты не велишь и ее запирать.

На самом деле Тш'т не была уверена, что понимает разницу между нуром и титлалом. Просто способность говорить? Но что, если они все это умеют, только держат в полной тайне? Титлал славится одной своей легендарной особенностью — он готов на все ради розыгрыша.

— Я хочу повидаться с пленниками людьми, — сказала Тш'т охраннику.

Каркаеттт передал сигнал открыть дверь. Согласно правилам, он сопровождал ее внутрь

камеры, нацелив оружие на пленных.

Оба человека лежали на койках с прикрепленными к рукам медицинскими пакетами. Они казались уже в гораздо лучшем состоянии, чем были в болоте, когда, кашляя и отплевываясь, цеплялись за грязный берег и старались не погрузиться в воду с головой. Младший выглядел еще более грязным и изголодавшимся, чем Рети. Это был худой молодой человек с черными волосами и шрамом под одним глазом. Джесс, называла его Рети, ее родич-сунер, и далеко не самая любимая ею личность.

Второй мужчина гораздо больше. Под грязью можно было разглядеть мундир. Как только Тш'т вошла, стальные серые глаза не отрывались от нее.

Как вы выследили нас на Джиджо?

Именно это Джиллиан, несомненно, спросит у путешественника даника. И именно этого вопроса Тш'т больше всего боится.

Успокойся, сказала она себе. Ротены знают только, что кто-то прислал сообщение из Фрактальной системы. Они не знают, кто его послал.

Да и стали бы они доверять эту тайну своим слугам даникам? Этот бедняга, должно быть, удивлен не меньше нас.

Но во взгляде Кунна была та же непоколебимая вера, какую она однажды видела у Миссионера — посланника, который когда-то принес сияющее послание истины в маленькую общину дельфинов у Бимини. Тш'т тогда была еще ребенком и плавала в волне, поднятой матерью.

Люди действительно любимые патроны расы неодельфинов, объяснял вовлекающий в новую веру в пещере, куда никогда не заглядывали туристы с аквалангами. Но всего лишь несколько столетий назад примитивные люди в кораблях охотились за китообразными и привели их на грань исчезновения. Возможно, впоследствии они вели себя лучше, но кто может отрицать, что их зрелость хрупка и неиспытана? Не желая проявлять неверность, многие неодельфины испытывают дискомфорт и думают, не существует ли кто-то или что-то, более мудрое и великое, чем человечество. Нечто такое, к чему может обратиться целый клан в опасные времена.

Ты говоришь о Боге? — спросил один из присутствующих дельфинов. И Миссионер ответил кивком.

В сущности, да. Все древние легенды о божественных существах, которые вмешиваются в земные дела, все великие учителя и пророки

могли бы подтвердить эту простую истину.

Земля не изолированная одинокая планета — дом странных волчат и их примитивных клиентов. Скорее это часть удивительного эксперимента. Я пришел к вам издалека, чтобы рассказать о нем.

За нами наблюдают очень давно. С любовью охраняют во время нашего долгого сна. Но скоро, очень скоро наступит время пробуждения.

КАА

Не было никаких признаков возвращения лихорадки у Мопола. Он казался в отличном расположении духа, когда на следующее утро вместе с Заки поплыл на восток, чтобы возобновить наблюдение за портом Вуфон.

— Видишь? С ним нужно было только поговорить построже, — с явной гордостью объясняла Пипое. — Мополу просто следовало напомнить о его долге.

Каа почувствовал скрытый упрек в ее словах, но предпочел его не замечать.

— Ты умеешь убеждать, — ответил он. — Этому, несомненно, учат в медицинских школах.

На самом деле он был убежден, что выздоров-

ление Мопола не имеет никакого отношения к лекции Пипое. Самец стенос слишком охотно соглашался со всем, что говорила молодая сестра, кивая пятнистой серой головой и постоянно повторяя: «Слушаюсь!»

Они с Заки что-то задумали, подумал Каа, глядя вслед этим двоим, уплывавшим к поселку хунов.

— Скоро мне нужно будет вернуться на корабль, — сказала Пипое, заставив Каа опустить узкую челюсть.

— Я думал, ты останешься на несколько дней. Ты согласилась взглянуть на вулкан.

Казалось, она насторожилась.

— Не знаю. Когда я уплывала, шли разговоры о перемещении «Стремительного» в другое укрытие. Преследователи подошли слишком близко.

Конечно, если галактические флоты уже зафиксировали присутствие корабля, перемещение «Стремительного» на несколько километров ничего не даст. Не поможет даже огромная груда брошенных космических кораблей, как только область поиска настолько сузится, что преследователи смогут применить химические искатели. Их приманит земная ДНК, как самца моли притягивают феромоны самки.

Каа повел плавниками — жест, соответствую-

щий пожатию плеч.

— Брукида будет разочарован. Он с нетерпением ждал возможности продемонстрировать свое собрание отбросов всех Шести Рас.

Пипое смотрела на Каа, сканировала его проникающим звуком, пока не обнаружила его внутреннюю искаженность.

Из ее дыхала вырвался смех.

— Ладно. Давай посмотрим эту твою гору. Все равно мне хочется поплавать.

Как обычно, вода оказалась прекрасной. Чуть солонее земной, но с приятным минеральным привкусом и легкой ионной маслянистостью, которая облегчает скольжение. Богатый кислородом уровень воздуха создавал впечатление, что можно плыть далеко за горизонт.

Гораздо более дружелюбный океан, чем на Китрупе или Оакке, где у океанов отвратительный ядовитый вкус. Дружелюбный, если, конечно, не обращать внимания на стоны, которые изредка доносятся из Помойки, как будто там внизу поселилось племя китов-безумцев и поет свои баллады без ритма и смысла.

Согласно дневнику Олвина, их главному источнику сведений о Джиджо, некоторые туземцы верят, что за континентальным шельфом живут

какие-то древние существа, свирепые и опасные. Эти намеки заставили Джиллиан Баскин приказать продолжить наблюдение.

Пока «Стремительный» не нуждается в пилоте, я могу продолжать играть роль тайного агента. И Пипое может уважать это занятие.

Помимо всех этих размышлений, Каа заново узнавал, как приятно плыть вдвоем с другим сильным пловцом, бить мощными плавниками, набирая с каждым толчком инерцию движения, а затем взмываться в дуге, словно взлетая. Истинное возбуждение и наслаждение плаванием никогда не достигается в одиночку. Два или больше дельфина должны двигаться в унисон, плывя в волне, поднятой другими. Когда это проделывается верно, поверхностное натяжение почти исчезает и все на планете сливается в целое без единого шва — от коры до скал и от моря до неба.

А дальше горький чистый вакуум?

Современный поэт мог бы провести такую экстраполяцию, но природным китообразным это никогда не приходило в голову — даже тем видам, которые способны разглядеть звезды, — пока люди не перестали на них охотиться и не начали учить.

Они изменили нас. Показали вселенную за солнцем, луной и приливами. Они даже превратили некоторых из нас в пилотов, ныряльщиков в бездонные дыры. Наверно, это искупляет грехи их предков.

Но кое-что никогда не меняется. Вроде полуэротических прикосновений белых шапок волн к плоти или пены горячего дыхания, соприкасающегося с воздухом. Эта прогулка дает то природное, живое наслаждение, которого ему так не хватает на борту «Стремительного».

К тому же это отличная возможность для возобновления ухаживания.

Если, конечно, она чувствует то же, что и я.

Если, конечно, я начинаю приобретать ее уважение.

Они приближались к берегу. Но могли судить об этом по эху, отражавшемуся от скал впереди. При каждом прыжке вверх можно было разглядеть окутанные туманом горные вершины. Скоро они достигнут тайной пещеры, где находится оборудование для наблюдения. И тогда Каа снова придется общаться с Пипое неуклюжими неадекватными словами.

Я хотел бы, чтобы это продолжалось бесконечно, подумал он.

Короткое сонарное прикосновение, и он понял, что Пипое чувствует то же самое. Она тоже тосковала по такому моменту освобождения примитивного.

Сонар Каа уловил присутствие на ближайших отмелях стаи псевдотунца, искушающего после невкусного затрака из синтерыбы. Тунец не вполне у них по пути, охота означала бы отклонение от курса. Тем не менее Каа произнес на тринари:

В летнем солнечном свете
Рыба привлекает, как съедобная
Сингулярность.

Каа гордился своей хайку, импульсивной, но построенной на игре слов, на смеси образов планетных и космических. Конечно, свободная охота официально не разрешена. Он ждал ответной реакции Пипое.

Когда мы минуем пропасть, или яркий риф,
Или черную дыру — что нас спасает?
Наш пилот!

От ее согласия сердце Каа расширилось: теперь он может надеяться.

Он повернул в сторону энергичного раннего ленча. И Пипое мощными ударами плавников легко удерживалась рядом с ним.

СУНЕРЫ
ЛАРК

Я бывал на борту летающей машины и раньше, говорил он себе. Я не простодушное дитя природы, пораженное металлическими дверями и искусственным светом.

Это место не должно пугать меня.

Стены меня не раздавят.

Но тело его не слушалось убеждений. Сердце отчаянно билось, и он не мог отдыхать. Ларк непрерывно испытывал ощущение, будто маленькая комната становится все меньше.

Он знал, что это иллюзия. Ни Линг, ни Ранн не проявляли никакого беспокойства из-за того, что оказались в замкнутом пространстве. Они привыкли к жестким серым поверхностям, но металлическое помещение кажется непереносимым тому, кто вырос под небом, закрытым только ветвями леса бу. Пластины пола передавали отдаленную вибрацию, ритмичную и непрекращающуюся.

Неожиданно Ларк понял, что это ему напоминает — механизмы на отцовской фабрике, мелющие и расплющивающие молоты, которые должны превратить обрывки ткани в белую равномерную массу. Именно эти удары гнали его в дикую местность, в долгие путешествия, в которых он изучал живые существа.

— Добро пожаловать на борт звездного корабля, сунер, — произнес Ранн, раздраженный головной болью и неудачей во время их схватки в озере. — Как тебе это нравится?

Все три пленника человека по-прежнему были во влажном белье: инструменты и оружие у них отобрали, мокрые костюмы заставили снять. По какой-то причине джофуры разрешили им оставить у себя симбионты-реуки, хотя свой Ранн снял, оставив красные пятна на висках: у стиснутого существа не было времени отцепить присоски для кормления.

По крайней мере никто не был ранен во время стремительного пленения, когда из гигантского корабля высыпала толпа конусообразных груд колец; каждый джофур передвигался на отдельной блестящей металлической платформе. Силовые поля прижимали воду озера, окружая плывущих людей углублениями. Парящие роботы потрески-

вали запасами сдерживаемой энергии, один из них даже нырнул под поверхность, преграждая попытку бегства; они подгоняли пленников вначале к одной из антигравитационных платформ, а затем в тюрьму.

К удивлению Ларка, их всех поместили в одну камеру. Согласно пересказам из мрачного прошлого Земли, обычной практикой было разделение пленников, чтобы сломить их дух. Но потом он понял.

Если джофуры подобны треки, они просто не могут представить себе концепцию одиночества. Одинокий треки был бы счастлив, и его кольца разговаривали бы друг с другом до возвращения Прародителей.

— Вероятно, они тщетно искали в своей базе данных информацию о землянах, — объяснила Линг. — До последнего времени такой информации почти не было.

Она подняла глаза.

— Суеверие волчат. Даже мы, даники, привыкли так думать. — Она посмотрела на Ранна. — Потребовался твой труд, тот, что вы написали с Утеном, чтобы убедить меня, что может быть и по-другому.

Ларк покраснел при этом комплименте, но

сдержал свое воображение. Он старался не смотреть на ее почти обнаженное тело. Белье не может скрыть его физическое возбуждение. К тому же вряд ли это подходящее время.

— Мне все равно трудно понять их отношение. Галакты должны ждать столетия, чтобы получить формальный отчет о нас?

— О, я уверена, что сильные кланы, такие, как соро или джофуры, имели доступ и к ранним отчетам. И с начала кризиса «Стремительного» отчаянно искали новые данные. На пример, их стратегические организации почти несомненно похитили и подвергли вивисекции несколько человек. Но вряд ли они могут незаконным путем получить самые последние сведения о каждом звездном крейсере. Это означало бы риск заражения бортовой Библиотеки. Полагаю, что экипаж этого корабля импровизировал, а это искусство не очень поощряется в галактическом сообществе.

— Но люди этому сообществу известны. Поэтому ваш корабль явился на Джиджо. Импровизируя и воспользовавшись возможностью?

Линг кивнула, потирая обнаженные плечи.

— Наши повелители роте… — Она замолчала, потом перефразировала мысль. — Внутренний Круг получил сообщение. Временная капсула,

настроенная на то, что ее уловит всякий корабль с рисунком сознания ротенов.

— Кто ее послал?

— Очевидно, на корабле дельфинов есть тайный верующий. Или находящийся в таком отчаянном положении, что нарушил приказ Терагентского Совета и решил поискать помощи у кого-то более сильного.

— Верующий… — Ларк задумался. — Верующий в даников, ты хочешь сказать. Но даники учат, что людей тайно воспитывают патроны ротены.

— И согласно традиции, это означает, что в случае необходимости экипаж дельфинов может также обратиться за помощью к ротенам, что этот бедняга, очевидно, и сделал.

— Как будто обратился к дедушке и бабушке, когда родители не справились с проблемой. Хрм.

Ларк уже знал отдельные моменты этой истории. Как первый корабль с экипажем из дельфинов отправился в разведывательный полет, чтобы проверить точность данных маленькой планетарной ветви, которую Земля получила от Института Библиотеки. Более цивилизованные кланы просто принимали информацию, накопленную предшествующими поколениями, особенно если она касалась далеких уголков все-

ленной, где исследования могли принести лишь небольшую выгоду.

Предполагалось, что полет будет самым обычным. Первый вылет, гарантированно удачный. Но затем где-то на исхоженных тропах «Стремительный» столкнулся с неизведанным, сделал открытие, которое свело с ума большие союзы. Возможно, это был ключ к переходам во времени, и он мог привести к неожиданному изменению древних истин, признанных всеми галактиками.

Говорили, что, когда это произойдет, только одна раса из десяти сможет совершить переход в новый век, как объяснял у лагерного костра вскоре после падения крепости Дуден хунский мудрец Фвхун-дау, глубоко изучивший архивы Библоса. Те, кто собирался выжить и перейти в следующую длительную стабильную фазу, естественно, захотели узнать как можно больше. Хр-р-рм. Да, даже сунер может понять, почему корабль землян столкнулся с такими неприятностями.

— Дельфин-даник, — удивлялся Ларк. — И вот этот верующий отправил тайное сообщение ротенам.

— Это не совсем точно. Англик не в состоянии передать искаженную логику коммуникации с помощью капсул времени. — Линг продолжала

разглаживать волосы. Они отросли после Битвы на Поляне и были все еще мокрыми от длительного пребывания в озере.

— Но ты прав: в послании от верующего дельфина объяснялось, где находился «Стремительный» — в одной из водородных зон, где поближе к звездным приливам скрываются многие старшие расы, после того как перестают принимать активное участие в делах галактик.

И что еще важнее — в послании говорилось, куда капитан корабля собирается его направить. — Линг покачала головой. — Это оказалось очень хитроумной версией Тропы сунеров. Трудный проход, слишком близко от свирепой Измунути. Неудивительно, что ваши Шесть Рас так долго оставались необнаруженными.

— Хр-р-рм, — по-хунски проворчал задумчиво Ларк. — В отличие от наших предков вы допустили, чтобы вас выследили.

Это вызвало реакцию Ранна, который мрачно сидел в противоположном углу камеры, поддерживая больную голову.

— Глупец! Мы ничего подобного не делали! — раздраженно сказал рослый даник. — Ты хочешь сказать, что мы не смогли повторить то, что совершила толпа трусливых сунеров?

— Оставив в стороне оскорбления, я согласна, — поддержала его Линг. — Кажется маловероятным, чтобы нас выследили. Ведь наш корабль не впервые прилетел на Джиджо.

— Как это? — спросил Ларк.

— Когда товарищи оставили нас — четверых людей и двух ротенов, чтобы выполнить биологическое изучение Джиджо, — я думала, что остальные будут поблизости в пространстве на случай, если корабль дельфинов прячется на каком-нибудь соседнем планетоиде. Но на самом деле у них была совсем другая цель.

На самом деле они отправились на поиски покупателя.

Ларк удивленно нахмурился.

— Буйура?[20] Но разве они еще существуют? Ты хочешь сказать, что ротенам понадобился буйур в качестве проводника, чтобы вернуться на Джиджо.

— Нет, совсем не буйура! — рассмеялась Линг, хотя смех ее звучал не очень весело. — Ты был прав насчет ротенов, Ларк. Они живут за счет обмена или продажи незаконно полученной информации, часто используя даников как агентов

---

[20] notes: 20

Ошибка Ларка основана на сходстве звучания английского слова buyer — покупатель с выдуманным Брином словом «буйур». — Примеч. пер

или посредников. Это была восхитительная и возбуждающая жизнь, пока ты не показал мне, как нас используют. А тут эти Шесть Рас. Несомненно, кто-нибудь заплатит за сведения о такой большой колонии преступников сунеров ничего личного.

— Я не обижаюсь. И конечно, многого стоили сведения о местонахождении корабля дельфинов. И вот… — Он с силой выдул воздух через ноздри: так поступает хун, выражая отвращение. — Твои хозяева решили продать нас всех.

Линг кивнула, пристально глядя на Ранна.

— Наши хозяева продали нас всех.

Рослый даник не смотрел ей в глаза. Он прижал ладони к вискам и негромко застонал. В этом стоне была боль и отвращение к предательству Линг. Потом Ранн отвернулся к стене, но не стал прикасаться к ее маслянистой скользкой поверхности.

— После всего, что мы видели, ты по-прежнему считаешь ротенов патронами человечества? — спросил Ларк.

Линг пожала плечами.

— Не могу так просто отмахнуться от доказательств, которые мне показывали в молодости. Эти доказательства охватывают тысячи лет. Ну,

во всяком случае, это может объяснить нашу историю, полную крови и предательства. Повелители ротены обратили на нас внимание, потому что наши темные души все время сворачивали с Тропы. Но может быть, мы именно таковы, какими они нас и возвысили. Мы выращены, чтобы быть прикрытием для шайки воров.

— Хрм. Это может освободить нас от некоторых других ответственностей. Тем не менее я предпочел бы быть волчонком, с невежеством в качестве единственного оправдания.

Линг кивнула и погрузилась в молчание. Может, думала о той грандиозной лжи, в которой провела всю жизнь. А Ларк тем временем обдумывал новые перспективы истории человечества. Это нечто большее, чем сухое перечисление событий, заимствованное из пыльных томов в архиве Библоса.

Даники утверждают, что все время вели нас, что Моисей, Иисус, Будда, Фуллер и другие были замаскированными учителями. Но если нам помогали — ротены или кто-то другой, то помощь нам оказывали очень неудачно.

Подобно трудному ребенку, который больше всего нуждается в открытом, честном, личном внимании, нам нужно было нечто большее, чем

несколько моральных панацей, туманных намеков и указаний вроде «Веруй» или «Будьте добры друг к другу». Морализаторских банальностей недостаточно для того, чтобы руководить буйными хулиганами, эти истины не предотвратили темных веков, рабства, холокоста двадцатого века или деспотии двадцать первого.

Все эти ужасы неважно рекомендуют не только учеников, но и учителей. Если только…

Если только мы действительно не проделали все это в одиночку.

Ларк испытывал те же чувства, что и во время разговора с Линг у озера мульк-паука. Его сознание было полно образом ядовитой, ужасной красоты. Он видел гобелен, сотканный за тысячи лет, — человеческую историю, видную с расстояния. Историю испуганных сирот, блуждающих в невежестве. Историю существ, достаточно умных, чтобы удивленно смотреть на звезды и задавать по вечерам вопросы, на которые ответом всегда было ужасающее молчание.

Иногда воображение в отчаянии производило страшные галлюцинации, фантастические объяснения или оправдания для любого зла, которое сильные причиняют слабым. Люди в невежестве вырубали леса, и их место занимали пустыни.

Фермеры выжигали растительность и распахивали землю — и исчезали целые виды. Во имя благородных причин велись войны, оставлявшие страшные развалины.

И однако посреди всего этого человечество каким-то образом начало объединяться, учиться искусству хладнокровия и спокойствия, смотреть вперед, в будущее, как брошенный ребенок самостоятельно учится ползать и говорить.

Стоять и думать.

Ходить и читать.

Заботиться, а потом становиться любящим родителем других.

Рожденный в мире изгнанников, чья хрупкая безопасность уже рассеялась, заключенный в недрах космического корабля чужаков, Ларк тем не менее заботился не о собственной безопасности и даже не о судьбе шести кланов изгнанников на Джиджо. В конце концов, в широком масштабе вселенной его жизнь вряд ли имеет особую ценность. Пять Галактик будут продолжать вращаться и после того, как исчезнет последний землянин.

Но Ларк чувствовал, как разрывается его сердце при мыслях об истории Homo sapiens, самоучек волчат с Земли. Эта история, полная радостей и

горестей, вызвала у него соленые слезы, вкусом напомнившие море.

Голос был знаком, ужасающе знаком.

— Рассказывайте нам немедленно.

Все три человека молчали, и допрашивающий джофур приблизился и навис над ними. Раскачивающаяся груда жирных колец издавала свистящие слова на англике, сопровождая их жидким бульканьем и слизистыми шлепаньями.

— Объясните нам: почему вы передали сигнал, который привел к вашему пленению? Вы пожертвовали собой, чтобы выиграть время для невидимых друзей? Тех, кого мы так настойчиво преследуем?

Эта груда представилась как «Эваскс», и частично ужас Ларка объяснялся тем, что он узнал знаки на кольцах — это были кольца бывшего высокого мудреца треки Аскса. Но в основании груды теперь было проворное кольцо на ногах, которое позволяло груде двигаться гораздо быстрее. И тестообразные трубки покрывали серебристые нити, которые вели наверх, к блестящему молодому кольцу, у которого не было ни каких-либо знаков, ни отростков. Но Ларк чувствовал, что именно это кольцо привело к превращению старого мудрого треки в джофура.

— Мы зафиксировали изменения в топоргическом временном поле, которое окружает корабль ротенов, — продолжал джофур. — Но эти изменения были в пределах вероятностных колебаний, и наши лидеры были слишком заняты другими делами, чтобы заниматься расследованием. Однако теперь мы/ Я ясно понимаю, чего вы хотели добиться этим трюком.

Это заявление не удивило Ларка. Насторожившись, могучие чужаки, конечно, раскроют примитивную уловку, которая позволяла захваченным даникам выйти из корабля. Он только надеялся, что Джени Шен, и Джими, и все остальные сумели уйти и добраться до сети пещер раньше, чем над ко коном времени, окружающим корабль ротенов, повис сторожевой робот.

Поскольку все три человека молчали, Эваскс продолжил:

— Логическая цепочка безупречна и раскрывает настойчивость, с которой вы, сунеры, пытались отвлечь нас от нашей главной цели на этой планете.

Короче, вы уводили нас в сторону.

Теперь Ларк удивленно поднял голову. Он обменялся взглядом с Линг: «О чем говорит этот джофур?»

— Все это началось несколько оборотов Джиджо назад, — продолжал Эваскс. — Хотя никому из других членов экипажа это не показалось странным, я удивился, когда высокие мудрецы так быстро и легко согласились на требования нашего капитана-лидера. Я не думал, что Вуббен и Лестер Кембел повинуются так быстро, открыв нам координаты главной крепости г'кеков.

Наконец Ларк заговорил:

— Ты имеешь в виду крепость Дуден?

Он все еще считал себя виноватым в том, что случайный компьютерный резонанс выдал расположение тайной колонии. Но Эваскс, очевидно, считал, что эта передача была послана целенаправленно.

— Правильно, крепость Дуден. Время прихода сигнала кажется сейчас слишком удобным и необычным. Натеки памяти, унаследованные от Аскса, указывают на отвратительный уровень взаимной преданности среди ничтожных выродившихся рас Джиджо. Эта преданность должна была помешать согласию с нашими требованиями. Мудрецы должны были бы тянуть время в надежде эвакуировать г'кеков, прежде чем выдать их местоположение.

— А зачем вам вообще нужно было ждать сиг-

нала? — спросил Ларк. — Если у вас была память Аскса, вы уже знали, где Дуден! Зачем еще спрашивать высоких мудрецов?

Впервые Ларк увидел то, что можно было бы назвать эмоциональной реакцией. Рваная дрожь пробежала по нескольким кольцам Эваскса, как будто они боролись с внутренними неприятными ощущениями. И когда Эваскс снова заговорил, голос его звучал напряженно.

— Причины неполноты нашего банка данных вас не касаются. Достаточно сказать, что заточение крепости Дуден было приятно командиру корабля «Полкджи», однако у Меня/нас, в этой груде колец, появились некоторые опасения. Слишком удобным кажется совпадение во времени.

— Что это значит?

— Я хочу сказать, что сигнал пришел как раз тогда, когда мы собирались отправить наш второй корвет на помощь первому, совершившему вынужденную посадку где-то за горами. Этот полет был отложен, поскольку мы узнали расположение крепости г'кеков. Корвет был снабжен топоргиком, чтобы иметь возможность напасть на наших кровных врагов прежде, чем хоть один из этих колесных паразитов смог уйти.

Ларк заметил, как Ранн и Линг многозначительно переглянулись. За горами. Даники отправили разведывательный корабль Кунна как раз в том направлении перед самой Битвой на Поляне. А теперь джофур сообщает, что они в том же направлении потеряли корвет?

Не потеряли. Вынужденное приземление. Тем не менее у них необычные приоритеты. Месть опережает спасение.

— После того как мы покончили с крепостью Дуден, были и другие неотложные дела. И тут, как раз когда мы возобновили подготовку к посылке помощи нашим приземлившимся родичам, возникло новое отвлечение. Я имею в виду вашу деятельность в озере. Вы нашли примитивный, но хитроумный способ подвергнуть вибрации топоргический кокон вокруг ротенского корабля. Вначале мы не обращали на это внимания, поскольку простые сунеры никогда не могли бы прорвать кокон.

Снова дрожь пробежала по кольцам существа, хотя на этот раз голос не смолк.

— Однако вскоре произошло нечто такое, что мы не смогли игнорировать. На поверхности озера, внутри нашего периметра, появились три человека! Это событие вызвало объявление

тревоги и надолго привлекло к себе наше внимание.

И теперь Я/мы совершенно уверен в ваших истинных намерениях.

Ларк удивленно смотрел на Эваскса.

Сразу после пленения они с Линг шепотом говорили о предательстве Ранна, который вынырнул на поверхность и с помощью компьютера привлек внимание джофуров. Линг попыталась прояснить возможные мотивы этого поступка:

— Верность Ранна нашим хозяевам более глубока, чем я себе представляла. Он знает, что у Шести Рас есть доказательства, которые способны разоблачить ротенов. И когда мы помогаем нашим товарищам сбежать, мы только ухудшаем положение, давая возможность новым даникам познакомиться с твоими аргументами, Ларк. С твоими доказательствами геноцида и других преступлений. И подобно мне, они могут быть переубеждены и выступить против наших повелителей.

Ранн готов пойти на уничтожение всех товарищей, на то, чтобы корабль вечно оставался в заключении, лишь бы этого не произошло. И по крайней мере клан ротенов будет в безопасности.

Объяснение Линг потрясло Ларка. Но это, услышанное от Эваскса, звучит еще более странно.

— Ты говоришь, что мы… хм… подвергли вибрации золотую оболочку вокруг затонувшего корабля, чтобы привлечь ваше внимание? И когда это не получилось, мы вынырнули на поверхность, чтобы поднять еще больший шум и чтобы вы наконец посмотрели в нашу сторону?

И только произнеся эти слова, Ларк неожиданно понял, что подобный сценарий имеет больше смысла, чем то, что произошло на самом деле. По сравнению с ним еще более невероятным казалось то, что примитивные сунеры найдут способ проникнуть в топоргическую ловушку или что даник предаст своих товарищей, чтобы оставить их в заключении. Но была одна логическая проблема.

— Но… — начал Ларк. — Но зачем нам идти на такой отчаянный поступок? Чему может служить такое самопожертвование?

Джофур раздраженно выдохнул.

— Это вам отлично известно. Однако, чтобы у нас была точно определенная база для переговоров, Я объясню.

Я/мы знаю вашу тайну, — сказал он Ларку. — Вы, несомненно, связываетесь с земным кораблем.

ОЛВИН

Дельфины никак не назвали эту гору брошенных космических кораблей. Груду обломков утраченной цивилизации, гниющую на дне Помойки.

Гек хочет назвать ее Атлантидой. Но на этот раз мне показалось, что ее предложению не хватает воображения.

Я предпочитаю название того загадочного места, которое так памятно описал великий Кларк. Семь Солнц. Место, где мой тезка нашел древние реликты давно забытых титанов, которые давно исчезли, бросив своих устаревших слуг.

Остатки великого прошлого, теперь утраченные между городом и звездами.

Мы теперь мало времени проводим вместе. Мы четверо из порта Вуфон. Четыре товарища, любителя приключений. Мы идем в разных направлениях под влиянием собственных одержимостей.

Ур-ронн проводит все время там, где вы и ожидаете, — в машинном отделении. Она с огромным желанием изучает механизмы корабля и очень подружилась с Ханнесом Суэсси. У меня впечат-

ление, что дельфины не так хороши в тонкой ручной работе, как уры, и Суэсси, кажется, рад, что она оказалась на корабле.

К тому же это самое сухое место на борту корабля. Но думаю, Ур-ронн все равно бы все время проводила там, даже если бы пришлось по колени погружаться в жидкую грязь. Здесь кузнец на своем месте.

Суэсси надеялся, что у нас могут найтись сведения, как избавить корпус «Стремительного» от толстого углеродного покрытия. Устная традиция говорит о звездной саже, которая отягощает каждый космический корабль, прилетевший на Джиджо курсом мимо Измунути. Но я никогда не слышал, чтобы какой-нибудь клан пытался убрать эту сажу. Зачем это было делать нашим предкам, если они сразу после прибытия топили свои ковчеги?

Почему бы просто не переоборудовать один из древних кораблей, лежащих на дне Помойки, и улететь на нем?

Ур-ронн говорит, что Суэсси и доктор Баскин обсуждали такую возможность. Но если бы эти корабли были способны хорошо летать, разве буйуры не взяли бы их с собой?

Ур-ронн надеется за свою помощь инженерам

получить в обмен их сотрудничество в выполнении поручения, которые мы получили, когда наша самодельная «Мечта Вуфона» впервые опустилась в море у Окончательной скалы. Уриэль просила нас найти тайник — оборудование, которое помогло бы высоким мудрецам справиться с чужаками из космоса.

Теперь мы больше знаем об этих чужаках — о крейсере ротенов, за которым последовал боевой корабль джофуров, и нам кажется невероятным, чтобы какой-то тайник смог помочь в борьбе с такими богоподобными и высокомерными захватчиками. И все равно теперь Уриэль и наши родители считают нас мертвыми — с того момента, как порвался шланг, подававший воздух на «Мечту Вуфона».

И все же Ур-ронн права. Клятва есть клятва.

Я понимаю, почему доктор Баскин не хочет, чтобы мы связывались с родителями. Но я должен уговорить ее попробовать.

* * *

Клешня большую часть времени проводит с кикви — теми самыми амфибиями с шестью конечностями, которых мы вначале приняли за хозяев корабля. Но на самом деле они нечто еще

более почитаемое и ценимое в Пяти Галактиках — добросовестные предразумные существа. У Клешни к ним склонность, потому что раса красных квуэнов тоже живет там, где волны встречаются со скалистым берегом. Но это лишь внешняя причина его увлечения ими.

Он говорит о строительстве новой подводной лодки для исследования Помойки. Не только этой груды мертвых космических кораблей, но и обширных, полных чудес затопленных городов, брошенных улетевшими буйурами.

И ему нравится тот короткий промежуток, когда он был капитаном «Мечты Вуфона». Но на этот раз он надеется получить новый экипаж. Проворные, послушные, любящие воду кикви подходят для этого идеально, особенно по сравнению с долговязым хуном, многословным г'кеком и боящимся воды уром.

Может быть, Клешня все еще надеется отыскать настоящих чудовищ.

Гек отказывается верить, что что-нибудь важное может происходить без ее присутствия. Как только мы вернулись с лейтенантом Тш'т, она занялась серьезным делом — допросом пленных джофуров, взятых на разбитом корабле-разведчике.

Согласно шпионским и приключенческим романам, искусство допроса тесно связано с умением играть словами. Нужно одурачить парня, которого допрашиваешь, и заставить его выболтать то, что он не собирался выдавать. И Гек считает, что именно в этом она особенно искусна. Что с того, что джофуры отличаются от треки? Она была уверена, что прорвет их упрямое молчание и заставит говорить.

Представьте же себе ее изумление, когда одно ее появление вызвало у них приступ ярости. Когда Гек вкатилась в их камеру, они начали бросаться на ограждающее поле, пытаясь добраться до нее! И помещение заполнилось запахом страшной ненависти.

Как ни странно, но это оказалось полезным! Ибо джофуры неожиданно утратили свою мрачную сдержанность и начали говорить. По преимуществу их выкрики на галдва и галпять казались проникнуты кипящим гневом. Однако тут же вмешалась эта подлая машина Нисс и начала отпускать намеки и оскорбительные предположения.

Гек повернула все четыре глазных стебелька в сторону вращающейся голограммы, когда та предположила, что джофурам могут отдать

этого вкусного г'кека, если только они согласятся сотрудничать! И вскоре наряду с клятвами отомстить и восклицаниями возмездия стала поступать полезная информация, вроде названия корабля и ранга их капитана-лидера. И еще один очень важный факт. Хотя их корабль кажется гигантом по сравнению со «Стремительным», корабль джофуров прилетел на Джиджо один.

Гек говорит: она знала, что Нисс блефует. Никто не собирался отдавать ее джофурам. Она победила, таков был ее план с самого начала.

Я молчу и делаю вид, что не замечаю зеленый пот, покрывающий ее глазные капюшоны. После этого разговора ей понадобится ванна.

В отличие от остальных я не могу устранить все сомнения.

Правильную ли сторону мы выбрали?

О, есть немало причин, почему нам следует стать на сторону этих беглецов. Люди — члены Шести Рас, и это делает дельфинов чем-то вроде наших двоюродных братьев. И правда, что «Стремительный» больше похож на наши сунерские крадущиеся корабли, чем на высокомерные дредноуты на хребте Риммер. И я вырос, читая земные романы. Мое сочувствие всегда на стороне слабых.

Тем не менее в уголке сознания есть нечто неизменное и не подлежащее сдаче. В конечном счете моя верность принадлежит семье, расе и клану и высоким мудрецам Общины Джиджо.

И кто-то из нас четверых должен помнить наши истинные приоритеты. Может прийти время, когда они вступят в противоречие с намерениями наших хозяев.

Чем я занимался все это время?

Во— первых, учился погружаться в корабельную базу данных в поисках исторических сведений о том, что произошло после Великой Печати. Даже эти дистиллированные рассказы кажутся пиром такой прирожденной ищейке информации, как я.

И однако я никак не могу изгнать из памяти этот большой, окутанный туманом куб. Иногда мне хочется проскользнуть в то холодное помещение и задать вопросы отраслевой Библиотеке — запасу знаний такому обширному, что по сравнению с ним весь архив Библоса кажется букварем для двухлетнего ребенка.

По пути с поверхности я ближе познакомился с Рети, этой вспыльчивой гордой девушкой-человеком, чье преступное варварское племя могло бы потрясти всю Общину сенсационным скандалом.

Я также разговаривал с охотником Двером, который вспомнил, как несколько лет назад посещал порт Вуфон. Пока врач Макани обрабатывала его раны, Двер рассказывал о своих путешествиях, но вскоре устал и заснул. Потом заснула и Рети, ее маленький «муж» свернулся рядом, положив ей на грудь стройную урскую голову.

По большей части мне нужно было ворчать.

Да, верно. Ворчать ради нура.

Моя собственная любимица Хуфу не знает, как реагировать на этого новичка, того самого, которого называют Грязнолапым. Увидев его в первый раз, она зашипела и он ответил ей шипением, точно как обычный нур. Это была такая нормальная реакция, что я даже усомнился в своей памяти. Неужели я действительно слышал, как Грязнолапый говорит?

Мне поручили развлекать его, пока он не решит заговорить снова.

* * *

Думаю, я в долгу перед ними — перед Джиллиан Баскин, и Тш't, и всеми дельфинами. Они спасли нас от гибели в пропасти, хотя мы бы вообще не упали в нее, если бы не их вмешательство.

Они вылечили мою больную спину, хотя рану я

получил, когда они разбили «Мечту Вуфона».

Они превратили наше приключение в настоящий эпос, но не позволяют возвращаться домой, опасаясь, что мы о нем расскажем.

Ну хорошо, черт побери! Я буду ворчать ради этого глупого нура. Он прихорашивается и делает вид, что истосковался по этому звуку — после нескольких месяцев, проведенных только в обществе людей.

Но вблизи я чувствую разницу. Я и раньше видел нечто подобное во взглядах незнакомых нуров, бродивших по порту Вуфон.

Вкрадчивое высокомерие.

Нечто вроде ленивого самодовольства.

Такое впечатление, будто он участвует в грандиозном розыгрыше. Таком розыгрыше, когда вы ничего не понимаете, пока у вас все лицо не оказывается в яйце.

ЭВАСКС

Пленники люди кажутся упрямыми, Мои кольца, они отказываются отвечать на вопросы. Или озадачивают нас откровенной ложью.

Вопрос:

Есть ли сходство между их поведением и тем,

как вы пытались обмануть Меня?

То, как вы расплавили многие восковые воспоминания, унаследованные нами от Аскса?

То, как ваш союз колеблется между неохотным сотрудничеством и попытками пассивного сопротивления?

Этого достаточно, чтобы вызвать неприятные вопросы.

ВАМ НРАВИТСЯ БЫТЬ ЧАСТЬЮ НАШЕГО НАМНОГО УЛУЧШЕННОГО ОБЩЕГО ЦЕЛОГО? НАШЕГО ЧЕСТОЛЮБИВОГО И ИЗЫСКАННОГО ЕДИНСТВА?

Да, большинство из вас выражает радость быть частью великого джофурского существа, а не просто скучной смесью треки. Но могу ли Я/мы быть действительно уверен, что вы/ мы любите Меня/нас?

Сам по себе этот вопрос, возможно, является симптомом безумия. Какой естественно созданный джофур позволит себе такие сомнения? Груда-священник «Полкджи» предсказывал, что этот эксперимент по гибридизации закончится неудачей, Священник пророчествовал, что бесполезно пытаться навязывать мастер-кольцо кольцам треки, закореневшим в своих ложных убеждениях.

Вдоль потревоженных наплывов полурасплавленного воска поднимается метафора.

Ты пытаешься сделать сравнение, о второе кольцо сознания?

А, да, Я/мы вижу его.

Попытка выплавить благородного джофура из колец треки — все равно что попытка приручить стаю диких зверей. Подходящая аналогия.

Жаль только, что эта метафора не помогает решить Мои/ наши проблемы.

Какие тайны скрываются за расплавленными участками? Какие воспоминания сознательно уничтожил высокий мудрец треки за те несколько полных напряжения моментов, когда Аскс преобразовывался? Я/мы могу сказать, что здесь, на этих участках нашего общего сердечника, находились важные сведения. Что-то такое, чего джофур не должен был узнать.

Но Я/мы это узнаю.

Я обязан это сделать.

* * *

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ:

Возможно, удастся извлечь эту информацию из недавно захваченных людей.

Тех, которые носят имена-ярлычки Ларк, Линг

и Ранн.

ВОЗРАЖЕНИЕ:

Груда-священник испускает раздраженные испарения. Он расстроен тем, как мало сведений о землянах содержится в нашей корабельной Библиотеке. У нас есть множество подробных описаний и рецептов сыворотки правды и иных средств, эффективных в обращении со множеством рас и видов, которые враждуют с великими джофурами, но в архивах нет никаких упоминаний такого средства для людей. Наша Библиотека явно нуждается в осовременивании, вопреки тому, что это относительно новая ячейка, ей не больше тысячи лет.

Груда-тактик, приписанная к планирующему штабу корабля, предлагает использовать технику допросов, разработанную для тимбрими. Эти дьявольские шутники — близкие союзники землян и передвигаются так же, как они, на двух ногах. Проверяя это предложение, мы испробовали на пленниках волны пси-принуждения, настроенные на волну тимбрими.

Но люди как будто ничего не воспринимают и не проявляют никакой реакции.

Тем временем капитан-лидер выпускает рассерженные испарения — едкие пары, которые

заставляют всех, кто свободен от дежурства, бежать подальше от него.

В чем причина такой злобы, Мои кольца?

Недавние новости из-за соседних холмов.

Дурные новости, подтверждающие наши страхи.

Катастрофа на востоке.

Наконец наш оставшийся корвет добрался до того места, где два дня назад упал его двойник. Я/мы все на борту «Полкджи» в отчаянии смотрели на передаваемые картины разрушений.

Разбитый корпус корабля погрузился в болото — в таком болоте может понравиться бродить треки, обдумывая восковые подтеки. Шел непрерывный дождь с ветром, пока приборы отыскивали уцелевших, но нашли мы только останки — в основном одиночные кольца, вернувшиеся в первобытное звериное состояние и вяло сидящие на грудах гниющей растительности, как будто они действительно примитивные предтреки.

Несколько этих выживших колец были собраны. Исследуя их сердечники, мы обнаружили лишь немного смутных следов памяти. Но этого достаточно, чтобы предположить, что нападение совершили дельфины. Они вышли из моря и устроили хаос среди наших братьев.

Как они смогли это совершить?

Потерпевший аварию корвет доложил, что его защитная система функционирует на уровне сорока процентов. Более чем достаточно, если ее сосредоточить против отчаянной вылазки землян. Даже под прикрытием заряженных молниями туч загнанная в угол добыча не могла совершить внезапное нападение. Но приземлившийся корабль не послал ни одного сигнала тревоги до того, как был самым загадочным образом захвачен.

И снова нас тревожат сомнения. Волчат считают примитивными, не более опасными, чем варвары сунеры, чьи предки заселили эту планету. Но эти самые земляне привели в смятение все Пять Галактик и неоднократно уходили от преследующих их могучих флотов.

Возможно, мы совершили ошибку, занявшись этим делом в одиночку. Ведь только один наш боевой корабль «Полкджи» теперь должен решить судьбу всего человечества.

Слухи-запахи пронизывают теперь «Полкджи», слухи о том, что наш капитан-лидер допустил серьезную ошибку. Тайные феромоны содержат предположение, что именно ошибки его торов, рассчитанных на принятие решений, привели

нас в неудовлетворительное положение. Нашего командира ослепила одержимость местью г'кекам, и он игнорировал высшие приоритеты.

В ярости от того, что наши вентиляционные системы заполнены мятежными молекулами, капитан-лидер стремится заполнить их собственными испарениями — горячей смесью гневных реакций. И запахи разгневанного господства затопляют все палубы.

Что теперь, Мои кольца?

Ага. Наше второе кольцо сознания выдвигает новую метафору, на этот раз сравнивающую нашего капитана-лидера с капитаном хунского корабля, который пытается подчинить встревоженный экипаж, заменяя громким голосом подлинное лидерство.

Очень интересно, Мои кольца, — такая параллель между поведением чужаков и корабельной политикой джофуров. Такие вспышки вдохновения делают этот раздражающий союз почти достойным.

Если только…

Вы ведь не применяете эту метафору также к вашему мастер-кольцу?

Не провоцируйте Меня. Вы предупреждены. Это будет ошибкой.

Наша проблема остается.

В отличие от груды-тактика Я/мы не приписываем удачу волчат необычной технологии или везению. Слишком много совпадений. Я убежден, что дельфины точно знали, в какой момент нападать, когда наше внимание было отвлечено другими событиями.

Заключение: расы варваров ДОЛЖНЫ БЫТЬ связаны с кораблем землян.

Пленные люди утверждают, что не знают ни о каких контактах с кораблем дельфинов. Они говорят, что их появление на поверхности озера — результат исключительно борьбы за власть между людьми и не имеет никакого отношения к кораблю, за которым мы охотимся.

Они лгут. Следует найти способы повышения уровня их сотрудничества.

(Если бы только я мог пронизать их обезьяньи сердечники серебристыми нитями, как мастер-кольцо пронизывает остальные компоненты груды, действующие сейчас в радостном единстве!)

Похоже, нам придется обратиться к классическим, варварским методам допроса.

Следует ли пригрозить людям телесным ущербом?

Применить ли к ним метафизические пытки?

Но капитан-лидер, вопреки моему опыту, решил, что будет применена техника, которая, как нам известно, оказывалась эффективной в отношении многих теплокровных рас.

Мы используем жестокость.

САРА

Снадобья треки заполнили ее приятной немотой, как будто она выпила несколько стаканов вина. Сара чувствовала, как действуют химикалии, прогоняя боль, давая ей возможность прийти в себя.

Через день после возвращения в мир она позволила Эмерсону выкатить ее инвалидное кресло на каменную веранду святилища кузнеца Уриэль, откуда открывался великолепный вид на уходящие на север и восток величественные вершины. К западу от гор дымка скрывала многоцветное чудо Спектрального Потока и Равнину Режущих Песков за ним.

Этот вид помог Саре отвлечься от ручного зеркала, которое лежало у нее на коленях — его дала ей Уриэль — и в которое она поглядывала все утро. Просторы Джиджо делали более ясным

увещевание Эмерсона: «Мир гораздо больше всех наших проблем».

Сара протянула зеркало человеку со звезд, который ловко спрятал его в рукаве своей просторной одежды. И когда Сара вслух рассмеялась, Эмерсон улыбнулся.

Какой смысл думать о царапинах и шрамах, решила она. В будущих днях шрамы не имеют значения. Все, кто выживет, должны будут трудиться и обрабатывать землю. У красивых женщин не будет преимуществ. Но преимущества будут у крепких.

Или эта удовлетворенность — результат действия в ее венах химических веществ? Снадобий, изготовленных Тиугом, мастером алхимиком из кузницы на горе Гуэнн. Когда перед заключением Великого Мира квуэны, уры, хуны и люди непрерывно воевали друг с другом, треки научились лечить другие расы. В последние годы тексты из Библоса помогли таким мастерам молекул, как Тиуг, пополнить практику новыми достижениями, с использованием таких слов на англике, как пептиды и энзимы, и вернуть часть тех достижений, от которых отказались их предки.

Но только они не могли заглянуть в какую-нибудь Библиотеку. Земные тексты послужили

отправной точкой. Базой для новых достижений.

Что иллюстрирует ее тезис, противоречащий общепринятому мнению. Шесть Рас не движутся назад по Тропе Избавления, по тому пути, по которому собирались пройти их предки, — они идут по собственному пути.

По соседству, в просторных помещениях за этим каменным парапетом, где в мастерских и лабораториях работники Уриэль трудятся у бассейнов с жидкой лавой, вырывая у природы ее тайны, масса других доказательств ее теории. Несмотря на свои страдания, Сара радовалась увиденному на горе Гуэнн: все это доказывает, что джиджоанская цивилизация начала развиваться в новом направлении.

Пока не появились звездные корабли.

Сара поморщилась, вспомнив то, чему они были свидетелями прошлым вечером, с этой самой веранды. Друзья устроили пир под звездами, радуясь ее выздоровлению. Хунские моряки из соседнего порта пели праздничные баллады, помощницы Уриэль изгибались в сложном танце, а миниатюрные мужья сидели у них на спинах и подражали каждому повороту и вращению. Серые квуэны, украсившие прочные хитиновые спины сверкающей перегородчатой эмалью,

делали импровизированные злые карикатуры на гостей, вырезая их своими крепкими зубами из камня.

Даже Ульгор разрешили принять участие, и она играла на виоле, извлекая из нее богатые вибрирующие звуки, к которым присоединился на своем дульцимере Эмерсон. Раненый звездный человек снова непредсказуемо запел, извлекая строки из какого-то неповрежденного участка памяти.

> *В доме на острове Файф жил мужчина со своей женой, и, поверьте мне, они были ужасно смешной парой.*
>
> *Потому что, к удивлению окружающих, они смотрели обоими глазами, а когда они говорили, у них шевелились языки.*

И вот, когда пир был в самом разгаре, его грубо прервали. Горизонт на северо-западе осветился множеством вспышек, очертивших отдаленную массу горы Блейз. Все бросились к перилам балкона.

Прошло несколько дуров, прежде чем послышался звук, приглушенный расстоянием. Сара представляла себе гром и молнию — как буря, ко-

торая недавно обрушилась на пустыню, барабаня по ее болезненному безумию. Но тут по спине Сары пробежал холодок, и она обрадовалась, что Эмерсон стоит рядом. Кто-то из учеников подсчитывал промежутки между вспышками и звуком.

Молодой Джома выразил мысли Сары.

— Дядя, гора Блейз взрывается?

Лицо Курта было мрачным и осунувшимся. Но ответила, покачав своей длинной головой, Уриэль.

— Нет, парень. Это не извержение. Я думаю… — Она всмотрелась в ядовитую пустыню. — Я думаю, это город Овун.

Обрел способность речи и Курт. И слова его звучали мрачно.

— Детонация. Направленная. Хорошо рассчитанная. Такую моя гильдия произвести не может.

Понимание происходящего подавило всякие мысли о сопротивлении. Уничтожают самый большой город на Склоне, а они могут только беспомощно наблюдать. Некоторые молились Святому Яйцу. Другие клялись отомстить. Сара слышала, как кто-то объяснял, почему эта жестокость совершается в ясную ночь — чтобы происходящее увидели повсюду на Склоне. Это

демонстрация несокрушимой силы.

Потрясенная ужасным зрелищем, Сара утратила дар связной мысли. Ее сознание заполнилось образами матерей — хунских матерей, матерей г'кеков, человеческих матерей и даже высокомерных квуэнских королев. Убегая от огня, рушащихся домов, они прижимают к себе детей. Это зрелище вращалось в сознании, как столб пепла, пока Эмерсон не дал ей двойную дозу эликсира треки.

И погружаясь в глубокий сон без сновидений, она подумала:

Слава Богу, что я не приняла предложение мудреца Теина, сейчас у меня могли бы быть собственные дети.

Но сейчас не время позволять себе глубоко любить.

Сейчас, при дневном свете, Сара обнаружила, что ее мозг работает как раньше, до несчастного случая, быстро и логично. Она даже смогла выработать общую картину ночного несчастья.

Джоп и Дединджер будут говорить, что нам прежде всего не нужно было строить города. Они скажут, что галакты оказали нам услугу, уничтожив город Овун.

Сара вспомнила легенды, которые читала ей

вслух мать. Это была книга народных преданий, восходящих к годам до контакта. В большинстве земных культур есть саги о предполагаемом золотом веке в прошлом, когда люди знали больше. Когда у них было больше мудрости и силы.

Во многих мифах описывались гневные боги, мстительно уничтожавшие результаты труда возгордившихся смертных, чтобы мужчины и женщины не считали себя достойными неба. Никакие доказательства не подкрепляли такие рассказы, но они настолько распространены, что должны быть связаны с чем-то глубоким и мрачным в человеческой психике.

Может быть, моя личная ересь всегда была лишь глупой мечтой, а мои представления о «прогрессе» основаны на вымышленных доказательствах. Даже если Уриэль и другие начали двигаться по другому пути, сейчас это кажется неважным.

В конце концов Дединджер оказался прав.

Как и в этих легендах, боги проснулись и готовы сбросить нас на землю.

Позже семафор принес подтверждение случившейся катастрофе. Это была та самая система зеркал, которая поразила Сару, когда она случайно уловила вспышку во время крутого подъема от

Кси. Используя код, основанный на упрощенном галдва, сигнал передавался извилистым маршрутом от одной вершины Риммера к другой и содержал в себе сжатый рассказ об опустошении на реке Гентт.

Несколько мидуров спустя появился и очевидец, он спустился с неба на крыльях сказочной фантастической птицы и приземлился на каменном парапете Уриэль. Из-под дрожащих крыльев появился юноша, отстегнул ремни после отчаянного полета над страшной пустыней, когда он перелетал от одного восходящего потока к другому, — в нормальное время такой подвиг вызвал бы настоящую сенсацию.

Но во время войны героизм и невероятные подвиги — это обычное состояние, подумала Сара, когда вокруг юноши собралась толпа. Дрожащей рукой юноша снял реук, который защищал его глаза во время полета над Спектральным Потоком. И когда на балкон вышла Уриэль, отдал ей принятую в милиции честь.

— Прежде чем напасть на город Овун, джофуры выдвинули ультиматум с двумя требованиями, — хриплым голосом рассказал он. — Первое требование — все г'кеки и треки должны собраться в специально отведенных зонах.

Уриэль с силой выдула воздух через ноздрю. Она как будто ожидала чего-то подобного.

— И каково второе требование ультиматума?

Ответа ей пришлось подождать. Подошла со стаканом воды Кефа, всадница из Кси, и пилот стал жадно пить, вода лилась по его подбородку. Большинство уров отвернулись от этого неприятного зрелища. Но Уриэль терпеливо ждала, пока он не закончил.

— Продолжай, — поторопила она, когда юноша с улыбкой вернул Кефе стакан.

— Хм, — начал он. — Джофуры требуют, чтобы высокие мудрецы сообщили, где находится корабль дельфинов.

— Корабль дельфинов? — Копыта Уриэль застучали по плитам. — Мы слышали смутные толки об этом. Слухи и противоречивые намеки ротенов. Джофуры пояснили, что они имеют в виду?

Курьер попытался кивнуть, и на этот раз к нему приблизился Тиуг и охватил голову юноши несколькими щупальцами. Тот поморщился, когда алхимик треки начал смазывать его обожженную и обветренную кожу своими выделениями.

— Кажется… Эй, осторожней! — Он попытался вырваться из стальных щупалец, потом решил

не обращать на треки внимания.

— Кажется, именно эти дельфины — добыча, которая в первую очередь привела сюда, в Четвертую Галактику, и ротенов, и джофуров. Больше того, джофуры утверждают, что мудрецы должны были поддерживать связь с кораблем землян. Либо мы выдадим его местоположение, либо нас ждут новые разрушения, начиная с города Тарек, потом меньшие поселки, пока не останется ни одного здания.

Курт покачал головой.

— Они блефуют. Даже галакты не могут отыскать все наши постройки в лесах, спрятанные под маскировочной тканью.

Курьер был настроен не так оптимистично.

— Повсюду есть фанатики, которые считают, что наступил конец. Некоторые верят, что джофуры — это посланцы судьбы, которые пришли, чтобы вернуть нас на Тропу. Все, что нужно таким придуркам, это разжечь костер где-нибудь возле здания и бросить в него фосфор. Джофуры уловят этот сигнал с помощью своего искателя радуги.

«Искатель радуги? — Сара удивилась. — О, он, наверно, имеет в виду спектроскоп».

Джома был в ужасе.

— Это возможно?

— Так уже было в нескольких местах. Кое-где местных взрывников взяли в заложники и заставили привести в действие свои заряды. Повсюду джофуры развернули базовые лагери, в каждом дюжина груд и три десятка роботов, и они сгоняют всех оказавшихся поблизости жителей на допрос. — Тон его был мрачен. — Вы даже не знаете, как вам повезло, что вы оказались здесь.

Но Сара сомневалась. Как могут высокие мудрецы согласиться на такие требования? Г'кеков собирают вовсе не для того, чтобы вернуть им звездный статус. А что касается треки, то смерть должна казаться им более приемлемой, чем уготованная для них судьба.

Потом этот «корабль дельфинов». Даже ученая Уриэль может только гадать, были ли действительно высокие мудрецы в контакте с группой беглых земных клиентов.

Возможно, это было следствием эмоциональной усталости или долговременным результатом снадобий Тиуга, но внимание Сары отвлеклось от печального рассказа пилота. Он продолжал описывать разрушения и смерть в Овуне, а Сара повернула свое кресло на колесиках и присоединилась к Эмерсону, стоявшему возле глайдера курьера.

Звездный человек гладил прозрачные крылья и тонкие распорки, улыбаясь восторженно при виде такой изобретательности. Вначале Сара подумала, что это тот самый маленький флаер, который она видела в витрине музея в Библосе, — последний сохранившийся с тех легендарных времен, когда вскоре после приземления «Обители» смелые воздушные разведчики помогали колонистам-людям выжить в первых войнах. Со временем это искусство было утрачено из-за отсутствия необходимых материалов.

Но эта машина новая!

Сара узнавала г'кекские узоры на тонкой ткани, шелковистой на ощупь.

— Это выделения треки, — объяснил Тиуг, который тоже оставил толпу, окружившую молодого вестника. Алхимик разделял предпочтение, которое оказывает Эмерсон делам, а не словам.

— Я/мы попробовал на вкус эту нить. Полимер обладает хитроумной волокончатой структурой, основанной на мульк-ткани. Несомненно, в предстоящих пидурах он найдет и другие применения, когда начнут осуществляться наши различные планы.

Вот оно опять. Намек на какие-то тайные замыслы. Планы, которые никто не торопится

объяснить, хотя у Сары уже возникают подозрения.

— Простите нас/меня за то, что прерываю ваши размышления, достопочтенные Сары и Эмерсоны, — продолжал Тиуг. — Но послание-запах только что активировало рецепторы моего пятого сенсорного тора. Упрощенный смысл таков: мудрец Пурофски хочет, чтобы вы находились рядом с ним.

Сара перевела неловкое высказывание Тиуга.

Иными словами, хватит валять дурака. Пора браться за работу.

Вернуться в логово тайн и загадок Уриэль.

Сара видела, что кузнец уже ушла вместе с Куртом, предоставив своей первой помощнице Урдоннел заканчивать расспросы курьера. Очевидно, даже такие ужасные новости отступают на второй план перед ее работой.

Расчетные проблемы орбитальной механики? — удивилась Сара. — По-прежнему не понимаю, чем это поможет нам в трудном положении.

Она поймала взгляд Эмерсона, и тот с явной неохотой оторвался от глайдера. Но потом, наклонившись к Саре, чтобы подоткнуть края ее одеяла, звездный путешественник посмотрел ей

в глаза и открыто улыбнулся. Затем его сильные руки покатили кресло по раме в глубь горы, к фантастическому Залу Вращающихся Дисков Уриэль.

Я чувствую себя как г'кек, когда так разъезжаю. Наверно, всем людям стоит провести неделю в таком положении, чтобы понять, какова жизнь других.

Сара удивлялась, как г'кеки могли передвигаться в своей естественной среде. Согласно легенде, это были плавающие в космосе искусственные колонии. Странные места, где многие привычные для поверхности планет представления не действуют.

Эмерсон старался не попадать в колеи, протоптанные в каменном полу бесчисленными поколениями уров. А когда миновали главный горн, с его вечными испарениями, ускорил шаг и постарался защитить Сару от волн вулканического жара своим телом.

На самом деле Сара была почти готова ходить самостоятельно. Но ей было необычно приятно на время наслаждаться переменой ролей.

Приходилось признать, что он в этой роли хорош. Может, у него просто была хорошая учительница.

В обычное время кресло Сары толкала бы Прити. Но маленькая шимпанзе была занята. Она сидела на высоком стуле в святилище Уриэль, держа в руках блокнот и карандаш, и чертила на листе разлинованной бумаги для рисования дуги. За рабочим местом Прити расстилалось обширное подземное помещение, заполненное трубами, шкивами и дисками, связанными кожаными ремнями и передачами, — целый лабиринт на деревянных лесах, поднимающихся к сводчатому потолку. В ярком свете карбоацетиленовых фонарей видны были крошечные фигуры, карабкающиеся по лесам, затягивающие, подкручивающие и смазывающие. Это были миниатюрные урские самцы, для которых впервые нашлась работа за пределами сумок их жен. И вот, присматривая за сложным «хобби» Уриэль, они получают еще и немалую плату.

Когда Сара в лихорадке впервые увидела это место, она решила, что это бред и она в бреду видит ад. Вращающиеся стеклянные диски начали петь ей.

Петь не звуками, а светом. Поворачиваясь, соприкасаясь краями, узкие лучи отражались от зеркальных поверхностей, блестя, как луна зимой в бесчисленных ледяных фасетах за-

мерзшего водопада. Но здесь была не просто великолепная произвольность. Тут была упорядоченность. Какой-то ритм. Некоторые вспышки появлялись и гасли с точностью часов, другие исполняли сложные, волнообразные циклы, как накатывающийся прибой. С обостренной чувствительностью освобожденного подсознания Сара узнавала всепроникающую гармонию форм. Эллипсов, парабол, цепных линий — нелинеарная серенада геометрии.

Это компьютер, неожиданно поняла она, еще не вполне овладев всеми способностями своего ищущего мозга. И впервые с ухода из древесного дома в деревне Доло она почувствовала себя в своей стихии.

Это другой мир.

Мой мир.

Математика.

БЛЕЙД

Он мог бы оставаться дольше, но после трех или четырех мидуров воздух в ножных пузырях становился затхлым. Даже взрослый квуэн должен дышать по крайней мере десять раз в день. Поэтому к тому времени как рассеянный солнеч-

ный свет проник в его мутное убежище, Блейд знал, что должен покинуть дно холодной реки, которая защитила его во время долгой ночной огненной бури. Он сражался с течением Гентта, вцепившись всеми пятью когтями в илистый берег, и поднимался до тех пор, пока не смог высунуть купол из-под грязной поверхности воды.

Такое впечатление, будто наступил судный день.

Легендарные башни города Овун пережили эпоху разрушения, а потом и полмиллиона лет дождя и ветра. Исчезли сложные машины, которые превращали город в полный жизни галактический аванпост. Их вместе почти со всеми оконными панелями увезли давно покинувшие планету буйуры. Но даже несмотря на десятки тысяч зияющих отверстий, уцелевшие корпуса оказались роскошными дворцами для шести рас изгнанников, они предоставили место для сотен квартир и мастерских, соединенных сложной системой деревянных мостов, рамп и маскировочной решеткой.

Теперь из грязи и пыли торчало только несколько обрубков. С неба горячо били солнечные лучи, показывая, насколько тщетными были все попытки замаскироваться.

Пробираясь по речному берегу, забитому обломками каменных блоков, Блейд постоянно встречал самые страшные отбросы — тела, плавающие у берега в воде, многочисленные куски тел, конечности двуногих, колеса г'кеков и торы треки. В манере квуэнов он не морщился и не испытывал отвращения, ступая на плавающие трупы, но только надеялся, что кто-нибудь организует сбор останков, чтобы подвергнуть их приличному мульчированию. А оплакивание мертвых ничего не даст.

Блейда больше встревожил хаос в доках, где на пирсы и прибрежные склады обрушилось несколько шпилей. Ни один корабль или лодка не казались неповрежденными.

Блейд ненадолго задержался, наблюдая за тем, как безутешные хуны осматривают свой некогда прекрасный корабль. Он на короткое время испытал прилив надежды, когда узнал корабль и увидел, что его деревянный корпус невредим! Но потом понял: все мачты и снасти исчезли. Из всех его пяти ножных щелей показались пузыри разочарования.

Только вчера Блейд купил билет на этот корабль. Теперь можно достать билет из промокшей сумки и выбросить в реку, где он присоединится

к другому мусору.

Очень многое из этого мусора еще вчера было живым, когда на звездном небе появился корабль галактических богов. Он прилетел, опередив собственную звуковую волну, и провозгласил о своем появлении громким гулом тормозящих двигателей. Потом сделал удовлетворенный круг над городом Овуном, невозмутимый, как жирная рыба-хищник.

Это зрелище показалось Блейду одновременно прекрасным и ужасным.

Наконец послышался многократно усиленный голос, провозглашающий требования ультиматума на напряженном, свойственном треки диалекте галдва.

Блейд побывал в слишком многих переделках, чтобы просто стоять и смотреть. Урок, усвоенный благодаря жизненному опыту, прост: когда кто-нибудь гораздо больше и сильней тебя начинает угрожать, поскорее убирайся. И он, не дослушав слова чужаков, присоединился к бегству благоразумных. И успел добраться до реки с запасом в несколько кидуров.

Но даже десять метров бурной коричневой воды над головой не могли скрыть от него последующее. Обжигающие лучи, резкие вспышки

и крики.

Особенно крики.

Теперь, под солнцем нового дня, Блейд обнаружил, что его сознание перегружено сценами разрушений. Самый большой город на Склоне, некогда полный жизни, центр искусства и торговли, теперь был совершенно разрушен. В центре города здания не просто обрушились, они превратились в пыль, которую ветер уносил на восток.

Неужели такая же участь постигла город Тарек, где приятная зеленая Рони встречается с ледяным Бибуром? Или деревню Доло, где расположена дамба и под ее защитой процветающий улей его теток и матерей? Хоть Блейд вырос среди людей, он обнаружил, что стресс подавил его способности к англику. И сейчас ему легче выражать мысли на галактическом шесть.

Моя ситуация — она кажется безнадежной.

К горе Гуэнн — туда не добраться на океанском корабле.

С Сарой и остальными — я не могу увидеться.

Такова судьба моего обещания, моей клятвы.

Поблизости из воды выходили другие квуэны, их куполы поднимались на поверхность, как разбросанные пробки. Самые смелые уже опередили Блейда и добрались до разрушенных улиц,

предлагая свои крепкие спины и сильные когти в помощь отрядам спасателей, которые обыскивали развалины башен в поисках уцелевших. Блейд видел также несколько красных и гигантских серых, которые, должно быть, пережили эту ужасную ночь не под прикрытием воды. Некоторые казались ранеными, все были покрыты пылью, но работали рядом с хунами, людьми и остальными.

Квуэн не чувствует себя спокойно, если у него нет дела, которое он обязан выполнить. Некоторые обязательства можно удовлетворить, подобно зуду, только когда служишь. На родине квуэнов этот инстинкт безжалостно эксплуатировался серыми матронами. Но на Джиджо положение изменилось, выработался иной тип верности. Верности не просто отдельному улью или королеве.

Не видя возможности выполнить свое обещание и увидеться с Сарой, Блейд сознательно переориентировал свои приоритеты и выработал новую краткосрочную повестку дня.

Трупы для него ничего не значат. То, что большинство населения города Овун погибло, его не трогало. Однако он ускорил движение и принялся помогать тем, кто отыскивает искорки жизни.

Выжившие и спасатели пробирались через обломки с исключительной осторожностью, так как каждый перевернутый камень мог представлять опасность.

Подобно большинству поселений, это тоже было в свое время заминировано гильдией взрывников, которые готовили город к уничтожению, если когда-либо придет предсказанный Судный день. Но когда он действительно пришел, то способ его проявления не был описан в Свитках. Не было строгих беспристрастных чиновников из великих Институтов, организующих эвакуацию и тщательное устранение следов, а потом определяющих вину каждой расы по тому, насколько далеко зашла она по Тропе Избавления. Напротив, с неба устремился неожиданный и жестоко бесстрастный каскад пламени, способный только убивать. Он воспламенил некоторые тщательно размещенные заряды, за которыми много поколений почтительно присматривали взрывники, а другие остались тлеть в развалинах и превратились в смертоносные ловушки.

Когда взорвался местный центр гильдии взрывников, огненный столб поднялся так высоко, что едва не задел джофурский корвет, заставив его торопливо отступить. И даже теперь, несколько

мидуров спустя после нападения, в разных частях города по-прежнему раздавались взрывы, уничтожая усилия спасателей и нагромождая новые груды развалин.

Положение улучшилось, когда в город прискакали добровольцы-уры из ближайшего каравана. Своим чувствительным обонянием уры определяли наличие и невзорвавшихся зарядов, и живой плоти. Особенно успешно находили они лежавших без сознания или заваленных людей, чей запах им казался чрезвычайно острым.

Проходили один за другим мидуры напряженной работы. К концу дня Блейд все еще принимал в ней участие, он тащил за веревку, помогая убрать неподдающиеся преграды с заваленного подвала. Временный руководитель отряда спасателей, хунский капитан корабля, гулко подавал ритмичные команды:

— Хр-рм, теперь тяните, друзья!.. Опять! Подается! И еще раз!

Блейд пошатнулся, когда каменный блок наконец подался. В открывшееся отверстие нырнули пара проворных лорников и маленький шимпанзе, и вскоре они вытащили ошеломленного г'кека с двумя сломанными колесами. Однако черепная коробка у него оказалась невредимой

и все четыре глазных стебелька извивались в танце удивленной благодарности. Спасенный казался молодым и сильным. А колеса можно починить, спицы отрастут сами.

Но где он будет до этого жить? — тревожился Блейд, зная, что г'кеки предпочитают городскую жизнь, а не соседние джунгли, куда бежало множество жителей Овуна. Будет ли его ждать мир, в который стоит возвращаться, или он будет переполнен созданными джофурами вирусами и охотничьими роботами, запрограммированными следовать старинной вендетте?

Группа собиралась возобновить свой бесконечный труд, когда треки, которому была отведена роль часового-наблюдателя, издал резкий крик. Он сидел на высокой груде обломков и смотрел одновременно во всех направлениях.

— Смотрите! Все устремите внимание в указанном направлении!

Пара щупалец указывала приблизительно на юг и запад. Блейд приподнял свой тяжелый панцирь и попытался что-нибудь разглядеть, но его купол был покрыт пылью, а поблизости не было воды, чтобы его промыть. Если бы у квуэнов было зрение получше!

«Но, Ифни, сейчас я согласился бы на слезные

железы».

В поле зрения появился объект, почти шарообразный, он неторопливо двигался на горизонте над лесом, покачиваясь, как облачко. Не обладая чувством перспективы, Блейд вначале не мог определить его размеры. Может быть, явился титанический джофурский боевой корабль, чтобы закончить работу? Блейд вспомнил рассказы о галактическом оружии, гораздо более мощном, чем то, что применил прошлой ночью корвет. Оружии, способном растопить кору континентов. И если чужаки намерены использовать такое оружие, никакая река не спасет.

Но нет, он увидел, что поверхность шара трепещет на ветру. Похоже, шар сделан из ткани и вообще он гораздо меньше, чем казался вначале.

За первым появились еще два шара. Блейд инстинктивно сменил органические фильтры купола, рассматривая шары в инфракрасных лучах. И сразу увидел, что под каждым шаром какое-то очень нагретое место, свисающее на тросах с шара.

Другие стоявшие поблизости и обладающие более острым зрением прошли через несколько реакций. Вначале это были страх и тревога, потом замешательство и, наконец, радостное

удивление, которое выразилось в резком смехе или низком ворчании.

— Что это? — спросил стоявший рядом красный квуэн, еще более ослепленный пылью.

— Мне кажется… — начал Блейд. Но тут вмешался человек, заслонивший глаза руками.

— Это воздушные шары! Клянусь Дрейком и Ур-Чоун, это воздушные шары с горячим воздухом!

Немного погодя даже квуэны смогли разглядеть, что висит под наполненными воздухом шарами. В плетеных деревянных корзинах стояли уры и управляли огнем, который периодически ярко вспыхивал. И тут Блейд понял, кто пришел, словно вышел из оранжевого садящегося солнца.

Кузнецы с горы Блейз, должно быть, видели ночную катастрофу из своего горного святилища. И пришли на помощь соседям.

Это казалось почти святотатством. Ведь Священные Свитки всегда говорили о роке, который придет со страшного открытого неба.

Но кажется, безоблачное небо способно приносить и спасение.

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

Теперь он был слишком занят, чтобы испытывать муки угрызений совести. И по мере того как деятельность на тайной базе становилась все более лихорадочной, у Лестера не было времени даже на чувство вины. Нужно было постоянно проверять трубы, переносящие растворы. Трубопровод извилисто пролегал через лес бу и переносил ядовитые жидкости, созданные группой синтезирующих треки, в высокие емкости, где они принудительно сгущались в адскую смесь.

Лестеру приходилось также проверять новую машину, которая разворачивала лигу за лигой прочный трос, обвивала вокруг массивных стволов бу, тем самым тысячекратно увеличивая его прочность.

Еще нужно было заниматься загорающимися жуками. Один из помощников Лестера нашел новое применение этим старым паразитам, опасным преобразованным буйурами насекомым, которых все Шесть Рас ненавидели, но которые теперь помогли решить сложную техническую проблему. Идея казалась перспективной, но тре-

бовалось ее проверить, прежде чем включать в общий план действий.

Шаг за шагом план прогрессировал — от дикой фантазии к отчаянному риску. Говорили, что местные хунские букмекеры принимают ставки только один к шестидесяти на то, что план удастся, и больше пока никто не предлагает.

Конечно, каждый раз как они решали проблему, ее сменяли три другие. Но это ожидалось, и Лестер смотрел на растущую сложность как на благо. Быть постоянно занятым — единственный способ избавиться от навязчивых картин, которые снова и снова возникают в памяти.

Золотой туман, опускающийся на крепость Дуден. Только погружение в работу позволяет на время забыть отчаянные крики г'кеков, захваченных ядовитым дождем, который лился с джофурского крейсера.

Крейсера, который он так беззаботно призвал, поддавшись своему величайшему пороку — любопытству.

Не вини себя, Лестер, на галсемь говорила Ур-Джа. Враг все равно вскоре обнаружил бы Дуден. А твои исследования принесли очень ценную информацию. Она помогла покончить с эпидемией квуэнов и хунов. Жизнь состоит из сделок и

обменов, мой друг.

Может быть. Лестер допускал, что события могли развиваться и так. Особенно если вы предполагаете, как делают многие, что бедные г'кеки все равно обречены.

Такого рода философия легче дается урам, которые знают, что лишь немногие их отпрыски смогут выжить. Мы, люди, горюем всю жизнь, если теряем сына или дочь. И если уры кажутся нам черствыми и бессердечными, неплохо бы помнить, что они нас считают нелепо сентиментальными.

Лестер пытался рассуждать как уры.

Но у него ничего не вышло.

Пришли новости от коммандос, которые смело проникли в глубину озера, образовавшегося на Поляне Собраний. Сержант Джени Шен доложила о частичном успехе. Удалось освободить нескольких даников из захваченного корабля, но остальных, включая молодого мудреца-еретика Ларка Кулхана, захватили джофуры. С точки зрения Лестера, полная неудача.

Что сейчас делают чужаки с бедным Ларком?

Мне не следовало соглашаться с его опасным планом.

Лестер понял, что у него нет темперамента во-

енного вождя. Он не может посылать разумных, как огонь в топку, даже если это цена победы.

Когда все это кончится — если, конечно, кто-нибудь уцелеет, — Лестер собирался уйти в отставку со своего поста в Совете Мудрецов и стать самым замкнутым ученым в Библосе, ползая, как привидение, мимо полок с древними томами. Или возобновить свою прежнюю практику медитаций в узком Каньоне Благословенных, где, как известно, земные заботы рассеиваются под сладким океаном отчужденного забвения.

Это звучит соблазнительно — возможность уйти от жизни.

Но пока у него слишком много дел.

Теперь Совет собирался редко.

Фвхун-дау, который всю жизнь изучал языки и обычаи знаменитых галактов, теперь отвечал за переговоры с джофурами. К несчастью, похоже, договариваться почти не о чем. Возможны только тщетные просьбы к захватчикам изменить их многокольчатые намерения. Фвхун-дау посылал неоднократные просьбы к тороидным чужакам, указывая, что высокие мудрецы ничего не знают о «корабле дельфинов», который все ищут.

Поверьте нам, о великие повелители джофуры, умолял хунский мудрец. У нас нет тайной связи с

вашей добычей. События, о которых вы говорите, никак не связаны друг с другом, это всего лишь ряд совпадений.

Но джофуры были слишком разгневаны, чтобы поверить в это.

В попытках переговоров Фвхун-дау помогал Горш, новый представитель треки в Совете. Но у треки, заменившего Аскса, не было никаких новых мыслей или предложений. Он был членом гильдии взрывников города Тарек, очень способным и ценным техническим специалистом, но ничего не знал о своих дальних родственниках джофурах.

Но Горш обладал особой способностью, которая оказалась необыкновенно полезной. У него было призывающее кольцо.

Переменчивые летние ветры разносили призывный запах треки по всему Склону, обращение Горша ко всем подготовленным грудам колец.

Приходите, приходите туда, где вы/мы необходимы.

Сотни треки уже стояли цепочкой жирных груд, которая растянулась почти на лигу, извиваясь меж стволов бу. Каждый доброволец сидел на отдельной роскошной груде разлагающейся материи, которую постоянно подбрасывали рабо-

чие команды, как подбрасывают поленья в топку парового двигателя. Пыхтя и дымясь от напряжения, химико-синтезирующая группа каплю за каплей отправляла блестящую жидкость в импровизированные желоба, сделанные из расколотых и выдолбленных стволов; получались ручейки, которые сливались в дурно пахнущий поток.

Неподвижные, бессловесные, они ничем не походили на разумные существа. Скорее высокие жирные пчелиные ульи, выстроенные в ряд вдоль дороги. Но наружность обманчива. Лестер видел, как по телу ближайшего треки пробегает разноцветная рябь — тонкая игра теней, которая вначале возникала между двумя соседними кольцами, как будто они непрерывно разговаривают друг с другом. Но затем создавался единый рисунок из света и теней в точках, которые ближе всего располагались к соседям с обеих сторон. Те груды, в свою очередь, отвечали изменениями на своей поверхности.

Лестер узнавал волнообразный мотив — это смех треки. Работники обменивались шутками и от кольца к кольцу, и от груды к груде.

«Они самые странные из всех Шести, — подумал Лестер. — И все же мы понимаем их, а они

нас.

Сомневаюсь, чтобы даже самые мудрые и высокоразвитые галакты могли то же самое сказать о джофурах. Там вся их передовая наука не может достичь того, чего мы достигли, просто день за днем живя рядом с треки».

Лестер мог заметить, что шутки грубоватые. Многие из этих работников — аптекари из поселков со всего Склона. Тот, что ближе всего к Лестеру, рассуждает, как еще можно использовать вещество, которое они готовят, возможно, как надежное средство от постоянной проблемы хунов — запора, особенно если применение средства сопровождается обильным теплом.

Так по крайней мере Лестер интерпретировал игру света. Но он не эксперт в нюансах и оттенках. И конечно, работники могут обмениваться грубоватыми шутками. Они напряженно работают день за днем и все еще отстают от графика.

Но с каждым мидуром по призыву запаха, посланного их мудрецом, прибывают все новые треки.

«Теперь нам остается надеяться, что джофуры слишком привыкли к высокой технологии и городскому образу жизни, чтобы пользоваться такими методами и определить наше местона-

хождение по запахам, приносимым ветром».

Мудрец квуэн — Ум-Острый-Как-Нож — несет на своей широкой синей спине все административные обязанности.

Надо размещать беженцев, организовать доставку припасов, распределять отряды милиции, подавлять вспышки гражданской войны между Шестью. Недавно удалось добиться большого успеха — подавить эпидемию, размножив образцы вакцины, которые Джени Шен принесла с озера Поляны, и с помощью курьеров на глайдерах разослав их по всему склону.

Но несмотря на такие отдельные успехи, социальная ткань Общины продолжала распадаться. Приходили новости об урских отрядах, которые пересекают официальные границы Склона, пытаясь уйти от судьбы, которая угрожает всем Шести Расам. Равнина Уоррил охвачена пламенем войны между темпераментными и вспыльчивыми урскими кланами. И плохие новости все продолжают поступать.

В последнем сообщении говорилось, что несколько ульев серых квуэнов открыто объявили о полном разрыве с Общиной, восстанавливая суверенитет над своими древними территориями. Подстегнутые разрушением города Овун,

некоторые серые принцессы даже заявили об отказе подчиняться собственному высокому мудрецу.

«Мы не собираемся слушаться какого-то простого синего, — сообщил один из серый ульев, унижая Ум-Острый-Как-Нож и восстанавливая древний фанатизм. Будешь давать нам советы, когда обретешь подобающее имя».

Разумеется, красные и синие квуэны никогда не пользуются именами как таковыми. Жестоко и высокомерно упоминать об этом недостатке, унаследованном от древних времен и других миров.

И что еще хуже, приходили сообщения, что ульи серых начали собственные переговоры с джофурами.

«Кризис может развести нас или свести».

Лестер проверял работу смешанного отряда квуэнов и хунов, который возводил хрупкие леса вокруг нескольких отобранных стволов бу. Только небольшая часть из отмеченных стволов было лишена ветвей и подготовлена, но отряд все лучше осваивался с незнакомой работой. Некоторые квуэны обладали опытом, унаследованным от бабушек, которые в древние времена строили страшные катапульты в городе Тарек, господствующем над двумя реками. Это продолжалось

до тех пор, пока длительная осада не покончила с древним правлением.

Такая бурная деятельность может быть обнаружена внимательным взглядом с неба. Но каждый отобранный ствол окружали другие, более высокие, поглощая суматоху морем великанской травы.

«Мы, во всяком случае, на это надеемся».

Работой руководили несколько уров и людей, они все время сверялись с древними чертежами, найденными в единственной редкой книге в Библосе, восходящей к дням до контакта. В книге излагалась технология волчат, в которой в течение уже многих миллионов лет не нуждались галактические государства. Бок о бок мужчины и женщины рядом с коллегами урами излагали причудливые концепции из книги, переводили необычные рецепты, адаптируя их к местным материалам и умениям.

Условия были спартанские. Многие добровольцы страдали от лишений. Чтобы достичь этого леса из высоких зеленых колонн, им пришлось преодолеть многие лиги по крутым горным тропам, как и прерии, уходящим в бесконечность.

Всех добровольцев объединяла одна цель — найти способ, с помощью которого Община

Шести Рас могла бы нанести ответный удар.

Ур— Джа металась между шумящими толпами, приводила хаос в порядок, убеждалась, что у синтезаторов-треки достаточно пищи и сырья и что каждый трос туго натянут. Из всех мудрецов Ур-джа наиболее подготовлена, чтобы вместе с Лестером руководить работами. Ее шкура стала пятнистой от старости, сумки высохли, но ум в узком черепе оставался острым — и более прагматичным, чем когда-либо у самого Лестера.

Из всех высоких мудрецов оставался только Вуббен.

Рассудительный и многознающий. Обладающий глубокой проницательностью. Предводитель расы, которую враг, ничего не забывающий и никогда не сдающийся, давно обрек на уничтожение. Из всех рас изгнанников племя Вуббена больше двух тысяч лет назад первым преодолело жестокие ветры Измунути и нашло на Джиджо убежище.

Колесные г'кеки — одновременно дружелюбные и загадочные.

Соседи, хоть и странные.

Хрупкие, но надежные.

Безлицые, однако открытые, как книга.

Как много потеряла бы без них вселенная!

Несмотря на то что им трудно передвигаться по неровным тропам, некоторые г'кеки добрались до далекой горной базы и теперь ткали прочные ткани или использовали свое острое зрение, чтобы делать мелкие части. Однако их мудреца нигде не было видно.

Вуббен отправился на юг, в святое место, в опасной близости от корабля джофуров. Там он тайно попытается вступить в контакт с самой высокой и святой силой на Джиджо.

Лестер тревожился о своем мудром друге со скрипучими осями, который отправился в опасный путь в одиночестве.

Но кто-то должен это сделать.

«Вскоре мы узнаем, были ли все это время глупцами или верили в то, что достойно нашей любви».

ФАЛЛОН

Полоска ослепительной белизны обозначала границу Спектрального Потока; здесь наклонная плита сверкающего камня исчезала под океаном ослепительных песчинок. К северу от этого пункта начиналась совсем другая пустыня, которая казалась менее враждебной сознанию и глазу,

но была столь же опасной. Пустыня, где жили только выносливые существа.

И очень опасные.

Когда следы сбежавшего еретика пересекли эту границу, они изменились. Больше не светились уникальными оттенками масляных красок, одновременно говоря правду и обманывая. Без всякого перерыва уходя вперед, следы становились простыми углублениями на равнине Режущего Песка, углублениями, которые постепенно разглаживались под ветром, ласкавшим дюны. Видно было только, что недавно здесь прошел двуногий гуманоид, прихрамывая на левую ногу.

Фаллон мог сказать еще одно: путник очень спешил.

— Мы больше не можем идти по следу, — сказал он своим молодым спутницам. — Наши лошади устали. И это царство Дединджера. Он знает его лучше нас.

Реза и Пана смотрели на песчаную пустыню в не меньшем отчаянии, чем он. Старшая всадница, крепкая рыжеволосая женщина, с ружьем через плечо, не согласилась.

— Мы должны идти вперед. Еретик знает все. Если он доберется до своей банды, они вскоре вместе с ним вернутся в Кси и нападут на нас.

Или выдадут наше местоположение чужакам. Этого человека нужно остановить.

Фаллон видел, что, вопреки этой решимости и ярости, на сердце у Резы было неспокойно. Несколько дней они преследовали Дединджера по знакомой им пустыне — обширной каменной плите, такой ядовитой, что осколок, застрявший в коже, может погрузить вас в дрожащую лихорадку. Место, совершенно лишенное жизни, где дневной свет вызывает перед незащищенными глазами удивительные зрелища: водопады и огненные пропасти, золотые города и сказочную пыль. Даже ночью не было отдыха, потому что и лунный свет мог заставить задрожать того, кто без предупреждения увидит эти призрачные тени краем зрения. Таковы были ужасные чудеса Спектрального Потока, в большинстве случаев более негостеприимной местности, чем лежащая впереди космическая пустыня. Такой негостеприимной, что мало кто из джиджоанцев осмеливался исследовать ее окраины. И поэтому тайна Кси оставалась нераскрытой.

Реза справедливо опасалась последствий, если Дединджеру удастся благополучно уйти и особенно если он заключит союз с ненавидящими лошадей урами, которые называют себя Урунтай.

К этому времени трудности и препятствия Спектрального Потока уже должны были остановить беглеца. Три преследователя ожидали, что схватят его еще вчера, если не позавчера.

«Это моя вина, — думал Фаллон. — Я был слишком самоуверен. Слишком нетороплив. Мои старые кости не выдерживают галоп, а я не разрешал женщинам скакать без себя».

Кто бы мог подумать, что Дединджер без всякой практики так хорошо научится ехать верхом, со смесью заботы и жестокости подгоняя украденную лошадь, так что бедное животное пало только за две лиги до границы?

И даже после этого он шел так быстро, что расстояние между ними почти не сокращалось. Иллии берегли своих драгоценных животных, а этот безумец умудрился пересечь местность, которая должна была бы убить его.

«Мы преследуем сильного, изобретательного противника. Я предпочел бы встречу с ледовым отшельником хуном или даже с серым чемпионом, чем с этим парнем, прижатым к дюне».

Конечно, постепенно Дединджер выдохнется, дойдет до предела сил и выносливости. Может, он в беспамятстве лежит сейчас за следующей дюной. Что ж, надеяться не вредно.

— Хорошо, — кивнул Фаллон. — Пойдем дальше. Но будьте осторожны. И готовы действовать быстро, когда я скажу. Пойдем по следу до темноты, потом, даже если не догоним его, вернемся.

Реза и Пана согласились с ним и послали лошадей вперед. Животные, прижав уши, без всякого энтузиазма ступили на песок. Они тревожно заржали. Лишенные цветового зрения и воображения, они обладали иммунитетом к ослепляющим картинам Спектрального Потока, но это царство ослепительной белизны им явно не нравилось. Вскоре все три человека сняли симбионтов реуков и надели темные очки урской работы с поляризованным покрытием из рыбьих мембран.

Ифни, какое ужасное место, думал Фаллон, наклоняясь в седле и всматриваясь в следы предателя. Но Дединджер здесь дома.

Теоретически это не должно было иметь значения. Перед тем как передать свой пост ученику, Дверу, Фаллон был главным разведчиком и следопытом Совета мудрецов, экспертом, который предположительно знает каждый гектар Склона. Но это всегда было преувеличением. О, он провел некоторое время в этой пустыне, познакомился с грубыми необразованными людьми, которые

живут под некоторыми полыми дюнами и зарабатывают на жизнь охотой.

«Но в те дни я был намного моложе. Это было задолго до того, как Дединджер начал проповедовать жителям песков, льстя им и убеждая в том, что только их образ жизни праведен. Они лидеры, им предстоит возглавить движение человечества по Тропе Избавления.

Я был глуп, считая, что все еще могу быть „разведчиком“ в этой местности».

И конечно, Фаллон был захвачен врасплох, когда им пришлось пересечь рокочущие пески.

След беглеца поднимался по склону дюны по дуге, по которой лошадям было бы трудно следовать. Фаллон решил срезать путь, сберегая время и энергию, но вскоре песок перестал смягчать удары лошадиных копыт. Напротив, каждый шаг сопровождался низким звуком, гулким, словно удары барабана. С проклятием Фаллон повернул назад. Учеником он однажды неразумно прыгнул в самую середину рокочущей дюны, и ему повезло, что она не обрушилась под ним. Тем не менее следующий пидур он провел, сжимая голову, в которой продолжало звенеть.

Пришлось осторожно отходить назад, а потом все-таки огибать препятствие.

«Теперь Дединджер знает, что мы его преследуем, — бранил себя Фаллон. Сосредоточься, черт возьми! У тебя есть опыт, пользуйся им!»

Он оглянулся на молодых женщин, чей тайный клан избрал его, чтобы он приятно провел среди них свою отставку, один из четырех мужчин на всех полянах Кси. Пана все еще очень молода, а вот Реза уже трижды делила с Фаллоном постель. В последний раз она была очень добра и сделала вид, что не замечает, когда он слишком быстро уснул.

«Они считают, что опыт и способность мыслить — предпочтительные черты их компаньонов мужчин, эти качества компенсируют убывающие силы. Но я сомневаюсь в разумности такой политики. Разве не лучше ли им было держать при себе молодого жеребца, вроде Двера?

Двер гораздо лучше подходит для такой миссии. Парень схватил бы Дединджера уже несколько дней назад, надежно связал бы и вернул.

Что ж, не всегда найдешь идеального человека, пригодного для любой работы. Надеюсь только, что Лестер и остальные мудрецы хорошо используют Двера. Он на редкость одарен».

Фаллон никогда не был так «естествен», как его ученик. В прошлом он компенсировал это

дисциплиной и вниманием к мелким деталям и подробностям. И никогда не позволял себе отвлечься во время охоты.

Но времена меняются, и человек утрачивает свои способности. Сегодня он не может не отвлекаться и не переноситься в прошлое. Что-нибудь всегда напоминает ему об ушедших днях, о прошлом, которое было так насыщенно и богато. О, каким он был в те времена, когда бежал по степи рядом с Ул-тичо, товарищем по охоте на равнинах, чья великолепная жизнь оказалась такой краткой. Эта дружба значила для Фаллона больше, чем отношения с любым человеком и до и после. Никто лучше не понимал тишину в его беспокойном сердце.

«Ул— тичо, радуйся, что не увидела этот год, когда все распадается. Наши времена были лучше, старая подруга. Джиджо принадлежала нам, и даже небо не представляло угрозы, с которой мы не могли бы справиться».

Следы Дединджера по-прежнему отчетливо видны, они огибают большую дюну. Отметки все более свежие, а хромота усиливается с каждым шагом. Беглец вот-вот упадет. Если он продолжит идти, то самое большее спустя мидур всадники его нагонят.

«И мы все еще на небольшом расстоянии от убежища с пресной водой. Неплохо. Мы еще выйдем из положения».

Предположения — это роскошь, которую могут себе позволить цивилизованные люди, но не воины или жители этой местности. В неуверенных следах Фаллон читал обнадеживающую историю и потому пренебрег основным правилом, которому сам учил Двера.

Они двигались по ветру, и поэтому запах не предупредил животных, когда они повернули и оказались на северной, затененной стороне дюны. И неожиданно услышали голоса — крики, полные гнева и опасности. И прежде чем зрение Фаллона успело адаптироваться, он и женщины оказались окруженными десятком нацеленных арбалетов, которые держали серые люди в плащах, тюрбанах и мембранных очках.

И тут Фаллон рассмотрел прямо впереди сооружение, убежище от непогоды, сложенное из неровных камней. И с опозданием уловил запах пресной воды.

«Новый колодец? Построенный после того, как я побывал здесь в молодости? Или я забыл об этом?»

Более вероятно, что жители пустыни рассказа-

ли главному разведчику не обо всех своих тайных убежищах. С их точки зрения, гораздо лучше, чтобы высокие мудрецы считали свои карты полными, а у них в то же время будет кое-что в запасе.

Медленно и осторожно поднимая руки от пистолета на поясе, Фаллон увидел Дединджера, обгоревшего на солнце и державшегося за последователей. Пустынный пророк дрожал, а окружающие осторожно лили в его потрескавшиеся губы воду.

«Мы были так близко!»

Это Фаллон должен был сейчас держать Дединджера. Так и было бы, если бы все повернулось немного по-иному.

«Простите», — молча извинился Фаллон перед Резой и Паной. На лицах женщин было удивленное, но мрачное выражение.

«Я старик и я вас подвел».

НЕЛО

Битва за Доло была связана с важными проблемами, но решающим поводом для нее послужил спор, кто будет спать этой ночью в помещении.

Большинство бойцов были очень молоды или

очень стары.

В случае победы победители станут обладателями пепелища.

В случае поражения побежденные с песнями двинутся на север.

Вначале силы были равны. Работников мастерских и их союзников квуэнов было примерно столько же, сколько фанатичных последователей Джопа. Обе стороны были рассержены, решительны и плохо вооружены — только палками и дубинками. Все мужчины, женщины и квуэны призывного возраста отсутствовали, выполняя свои обязанности в милиции. Они унесли с собой мечи и остальное оружие.

Но даже и при этом условии чудо, что в схватке никто не погиб.

Бойцы потной неорганизованной толпой окружали деревенское дерево встреч, толкали и били тех, кто всю жизнь был их соседями и друзьями, и поднимали такой шум, что не были слышны приказы предводителей с обеих сторон. Так могло продолжаться до тех пор, пока все не упали бы от истощения, но судьба схватки была решена, когда к одной из сторон неожиданно подошло подкрепление.

С ветвей леса тару, с тех площадок, где рос рос-

кошный, богатый протеином мох, уникальное место работы древесных фермеров, посыпались люди в коричневом. Джоп и его последователи поняли, что они в меньшинстве, на них нападают с флангов, они повернулись и убежали с усеянной обломками долины.

— Фанатики зашли слишком далеко, — сказал один пожилой древесный фермер, объясняя, почему его люди нарушили нейтралитет и вмешались. — Даже если у них был повод взорвать дамбу без указаний со стороны мудрецов, они вначале должны были предупредить бедных квуэнов! Убийство, совершенное во имя набожности, все равно преступление. Это слишком дорогая плата за проход по Тропе Избавления.

Нело все еще тяжело дышал, поэтому от имени ремесленников благодарность выразила Ариана Фу.

— Достаточно крови уже пролилось в воды Бибура. Теперь соседи должны держаться друг друга и залечивать раны.

Несмотря на то что она была прикована к инвалидному креслу, во время краткой схватки Ариана стоила десятерых воинов, при этом не нанеся ни одного удара. Ее почитаемый статус бывшего высокого мудреца означал, что никто

не решался ей противиться. Словно круг здравого смысла двигался в толпе, прерывая схватку, которая возобновлялась, как только Ариана проходила. Именно увидев ее, большинство фермеров решило спуститься с деревьев тару на помощь.

Никто не преследовал силы Джопа, которые на каноэ и импровизированных плотах переправились на другой берег Бибура и построились на высоком холме, отделявшем реку от болота. Здесь они продолжали вызывающе распевать строки из Священных Свитков.

Нело дышал с трудом. Ему словно наполовину вырвали ребра с одного бока, и он какое-то время не мог сказать, какие боли временные, а какие вызваны ударами палок и дубинок фанатиков. Но казалось, ничего не сломано, и теперь, когда сердце уже не грозило вырваться из груди, он почувствовал себя уверенней.

Итак, Доло отвоевана, подумал он, не находя причины радоваться победе. Грызущая Бревно умерла, умерли Джоби и половина помощников Нело. Теперь, когда мастерская исчезла вместе с дамбой и садками квуэнов, битва должна была решить, кто получит убежище в уцелевших строениях.

Рядом с аптекарем треки, на ровной полоске земли, был разбит импровизированный госпиталь. Некоторое время Нело провел, зашивая порезы прокипяченными нитками и накладывая компрессы и пластыри равно друзьям и недругам.

Лечение и зашивание едва началось, как с одного из воздушных мостиков, пронизывающих весь лес, спустился посыльный. Нело узнал местную девушку, долговязого подростка, которую никто не мог перегнать на воздушных путях. Все еще запыхавшись, она приветствовала Ариану Фу и передала сообщение от командира базы милиции, расположенной неподалеку.

— Два взвода будут здесь до наступления темноты, — гордо доложила она. — К утру пришлют палатки и другое оборудование, если джофуры не взорвут корабли.

Быстрый ответ, но собравшиеся встретили новость только глухим шумом. Любая помощь сейчас недостаточна и слишком запоздала, чтобы спасти богатую дружную общину деревни Доло. Неудивительно, что люди Джопа не оказывали сильного сопротивления и предпочли отступить: по их мнению, они все равно победили.

«Перед нами Тропа Избавления».

Нело сел на пень рядом с городским взрывником, чьи разрушительные заряды использовала толпа последователей Джопа. У Хенрика плечи обвисли, он молча смотрел поверх Бибура и развалин мастерских на марширующих на противоположном берегу фанатиков.

Нело подумал, такое же мрачное и осунувшееся у него лицо, как у Хенрика. Вероятно, нет. К собственному удивлению, Нело обнаружил, что ему хочется пофилософствовать.

— За всю жизнь никогда не видел такой сумятицы, — со вздохом сказал он. — Теперь нам все придется строить заново.

Хенрик только покачал головой, словно говоря: это невозможно.

Это, в свою очередь, вызвало у Нело волну негодования. Какое право имеет Хенрик жалеть себя? Потребности его профессии невелики. С помощью своей гильдии он в течение года может вернуться к делу. Но даже если семья Грызущей Бревно получит помощь от соседних квуэнских ульев и сумеет починить дамбы, пройдут еще годы, прежде чем удастся с помощью водяного колеса, турбины и зубчатой передачи использовать давление воды. И это будет только начало восстановления. Нело рассчитал, что весь остаток

жизни должен будет посвятить строительству мастерской, такой же, какой была его прежняя мельница.

Неужели Хенрик стыдится того, что его заряды были так неправильно использованы? Но как можно было сохранить их в такие времена, когда все пророчества оказываются неверными? Галакты действительно прилетели на Джиджо, но не так, как предвиделось. Месяц за месяцем двусмысленность смешивалась со злобой чужаков, сея розни среди Шести Рас. Джоп представляет одну реакцию. Другие ищут способы сопротивляться чужакам. Но в конечном счете никакая политика не имеет значения.

Следовало бы избрать третий курс — подождать и посмотреть. Продолжать жить нормальной жизнью, пока вселенная решает, что с нами делать.

Нело удивился собственному отношению. Прежнее отчаяние уступило место странному чувству. Не онемению. И определенно не возбуждению среди всех этих разрушений.

«Я ненавижу то, что здесь сделали.

И все же…»

И все же Нело чувствовал, как в нем пробуждаются ожидания. Он уже чувствовал аромат све-

жеспиленных деревьев и острый запах кипящей смолы. Слышал ритмичный гул, с каким молоты забивают клинья, видел опилки, разбросанные по земле. И мысленно уже начал создавать план лучшей мастерской. Лучшей мельницы.

«Всю жизнь я работал на фабрике, унаследованной от предков, изготовлял бумагу освященным временем способом.

Этим местом можно было гордиться. У меня было благородное призвание.

Но оно не было моим».

И хотя первоначальный план был создан первыми поселенцами с «Обители», еще одетыми в мантии звездных богов, в глубине души Нело всегда знал: «Я мог бы выполнить эту работу лучше».

Теперь, уже в пожилом возрасте, он получил шанс доказать это. Перспектива печальная, устрашающая и возбуждающая. И возможно, самое необычное, что он снова почувствовал себя молодым.

— Не вини себя, Хенрик, — участливо сказал он взрывнику. — Подожди, и увидишь. Все будет лучше, чем раньше.

Но взрывник только снова покачал головой. Указал за реку, где сторонники Джопа теперь дви-

гались к северо-западным болотам, неся на спине каноэ и другие грузы. И по-прежнему пели.

— Они унесли мои запасы пороха. Вытащили со склада. Я не мог их остановить.

Нело нахмурился.

— Но зачем он им? По земле и воде подходит милиция. Джоп здесь больше ничего не сможет взорвать.

— Они идут не вдоль реки, — ответил Хенрик. И Нело увидел, что он говорит правду.

— Но куда тогда? — вслух удивился он.

И еще до того, как Хенрик ответил, Нело неожиданно понял, каков ответ на его вопрос. И одновременно понял, что есть гораздо более важные проблемы, чем восстановление бумажной фабрики.

— Библос, — сказал взрывник, словно эхо, повторяя мысль Нело.

Бумажник молча замигал, неспособный оценить масштабы грядущей катастрофы.

— Милиция может их остановить?

— Сомнительно. Но даже если они это сделают, меня тревожит не только Джоп.

Он повернулся и впервые за все время посмотрел в глаза Нело. Взгляд его был мрачен.

— Ручаюсь, толпа Джопа не единственная, кото-

рая движется в том направлении. Прямо сейчас, когда мы об этом говорим.

РЕТИ

Чем ближе она знакомилась со звездными богами, тем менее привлекательными они казались.

Ни один из них и вполовину не так умен, как поедающий навоз глейвер, думала она, идя длинным коридором к корабельной гауптвахте. Должно быть, это из-за всех этих компьютеров и умных машин, которые варят вам еду, делают воздух, рассказывают сказки, убивают ваших врагов, подтыкают по ночам одеяло и предсказывают для вас будущее. Если будете на них слишком рассчитывать, ваш мозг перестанет работать.

С тех далеких дней, когда Двер и Ларк впервые привели ее с гор Риммер, полуголодную дикарку с широко раскрытыми глазами, восторгающуюся самыми простыми предметами на так называемом цивилизованном Склоне — от глиняной посуды до тканей и бумажных книг, Рети стала гораздо более циничной.

Конечно, это благоговение немедленно рассеялось, как только она попробовала настоящую роскошь на борту станции ротенов, где Кунн и

остальные даники льстили ей, много обещали и заставляли кружиться голову.

Долгая жизнь, сила и красота, избавление от всех болячек и шрамов, чистое безопасное место для жизни под защитой повелителей ротенов и все те чудеса, которые связаны с положением младшей богини, гуляющей меж звездами.

Потом она встретилась с ротенами, патронами человечества. Ее патронами, говорили они. Глядя на благосклонные лица Ро-кенна и Ро-пул, Рети позволила себе увидеть лица мудрых, любящих родителей — совсем не такие, какие она знала, когда росла в диком сунерском племени. Ротены казались такими совершенными, благородными и сильными, что Рети почти сдалась. Она едва не отдала им свое сердце.

Но это оказалось ложью. И не имеет никакого значения, действительно ли они патроны человечества или нет. Имеет значение лишь то, что ротены оказались не такими могущественными, как они утверждали. И этого она им никогда не простит.

Какая польза в защитнике, который не может защитить?

Все эти полгода Рети переходила от одной группы некомпетентных, не всемогущих существ к

другой — от племени, где родилась, к грязным идиотам из Общины Шести Рас. Затем от Общины к ротенам. А когда корвет джофуров победил маленькую разведочную лодку Кунна, она серьезно подумывала о том, чтобы пойти по болоту с поднятыми руками и предложить свои услуги отвратительным существам из колец. Вот что вывело бы из себя старину Двера!

В один момент, когда он бродил по грязи и разговаривал со своим другом сумасшедшим мульк-пауком, она уже направилась к рампе космического корабля, собираясь постучать в дверь. Конечно, джофуры, как и все остальные, захотят получить у нее важную для себя информацию.

В этот решающий момент ее удержало только зловоние — вонь, которая напомнила ей о загноившихся ранах и гангрене, — к счастью, как выяснилось позже, потому что джофуры тоже оказались не способны защититься от неожиданностей.

«Так что придется поискать другой способ убраться с этой кучи грязи. И кому какое дело, что подумает обо мне Двер? Я по крайней мере не ищу оправданий тому, что делаю».

Учителем Рети была дикая местность, и она научила девушку одному жестокому уроку —

необходимости выжить любой ценой. Рети росла, наблюдая, как одни твари пожирают других, а потом, в свою очередь, бывают пожраны более сильными. Ларк что-то говорил о «пищевой цепочке», но Рети называла это «горой убивающих». И каждый выбор, который она делала, был направлен на то, чтобы подняться выше на эту гору, надеясь, что следующий шаг приведет на вершину.

Так что, когда джофуры были побеждены и захвачены таинственными дельфинами, казалось вполне естественным поскорее сесть в подводную лодку и попросить убежища у своих «земных родичей». «И только посмотрите, где я оказалась. Под горой отбросов на дне моря, прячусь со стаей земных рыб, за которыми гонятся все чудовища и звездные боги космоса.

Иными словами, назад, к основанию горы. Обреченная всегда быть добычей, а не охотником.

Черт побери! Ну уж и выбрала я!»

Конечно, была и кое-какая компенсация.

Во— первых, дельфины как будто преклоняются перед людьми — как даники перед патронами ротенами. Больше того, экипаж «Стремительного» считает Рети и Двера «героями» за их действия

в болоте против джофурской небесной лодки. В результате она может свободно ходить по кораблю, включая возможность приближаться к закрытому входу в корабельную гауптвахту.

Короткое время обе двери оставались закрытыми, и Рети поняла, что охранники разглядывают ее с помощью своих инструментов. «Вероятно, заглядывают во внутренности, не проглотила ли я лазер или что-нибудь». Рети набрала полную грудь воздуха и выдохнула, чтобы подавить инстинктивный страх перед закрытым металлическим помещением. «Это пройдет, пройдет».

Этот трюк помог ей вынести годы жизни в своем диком племени, когда казалось, что со всех сторон ее окружают поражения и жестокость.

«Не веди себя как дикарь. Если другие могут выдержать жизнь в ящиках, ты тоже сможешь, хоть ненамного».

Наконец второй люк открылся, и перед Рети оказалась рампа, ведущая вниз, в помещение, заполненное по грудь водой.

Уф!

Она терпеть не могла смешанные помещения, которые составляют большую часть этого кораб-

ля, комнаты, наполовину заполненные водой, над которой протянуты мостики для ходьбы. Такие помещения предназначены одновременно и для плавающих, и для ходящих существ. Рети спустилась. Жидкость показалась ей теплой и напомнила о вулканических источниках дома, в Серых Холмах, но в ней было какое-то щекочущее ощущение, и когда двигаешься, поднимаются облака пузырьков. Изображая спокойную уверенность, Рети приблизилась к посту охраны. Там двум караульным помогал круглый робот, сразу нацеливший на нее антенны. Один из дельфинов был в шестиногой установке для ходьбы, но без брони с выпуклыми глазами. Эта установка дает возможность проходить и в сухие помещения корабля. У второго «фина» только упряжь с инструментами. Этот дельфин легкими движениями плавников удерживался перед многочисленными дисплеями.

— Чем могу помочь, мисс? — спросил первый дельфин, добавив сильный шлепок по воде хвостом.

— Я пришла еще раз допросить Кунна и Джесса. Думаю, что добьюсь от них больше, если буду одна.

Охранник с сомнением посмотрел на нее

одним глазом. Когда Рети на первом допросе сопровождала лейтенанта Тш'т, попытка вышла неудачная. Пленники были ошеломлены и неразговорчивы, в многочисленных повязках от ран и ушибов. Офицер дельфин пыталась вытянуть из Кунна сведения о том, что происходит в Пяти Галактиках, а Рети выдерживала полный горячей ненависти взгляд своего родственника Джесса, который произнес слово «предательница» и плюнул на пол.

«Кого я, по-твоему, предала, Джесс? — удивилась она, холодно глядя на него, пока он не отвел взгляд. — Даников? Даже Кунн не удивился, когда я перешла на другую сторону после того, как он со мной обращался.

Или ты считаешь, что я предала свой родной клан? Шайку грязных дикарей, в которой родилась и которая с этого самого дня ни разу не проявляла ко мне доброты?» По его взгляду она поняла, что это личное. Это она сделала так, что Джесса схватили, подвергли пыткам и заставили служить проводником Кунна. И то, что он закрыт в этой металлической коробке, тоже ее рук дело.

Это немного подбодрило ее. «Ты должен признать, Джесс, что я все-таки сумела произвести на тебя впечатление.

Но скоро дела пойдут еще хуже.

Я заставлю тебя быть благодарным».

Тем временем Кунн рассказывал Тш'т, что осада Земли продолжается, хотя ее несколько облегчает странный союз с теннанинцами.

— Но отвечая на твой главный вопрос, никакой амнистии со стороны Институтов не было. Несколько больших кланов заблокировали разрешение вашему кораблю благополучно вернуться домой.

Рети не знала, что это значит, но новость для дельфинов была явно плохой.

И тут в воздухе раздался новый голос. Он исходил от внезапно возникшей вращающейся абстрактной фигуры.

— Лейтенант, пожалуйста, вспомните инструкции. Пусть пленник объяснит, как его корабль выследил наш на этой планете.

Рети помнит, как по гладким серым бокам дельфина пробежала дрожь, возможно, признак раздражения язвительным тоном машины. Но Тш'т в знак покорности щелкнула челюстями и подошла ближе, нависнув над Кунном. Человеку со звезд некуда было отступать от приблизившейся угрожающей машины. Рети помнит, как на лбу даника выступил пот, свидетельствуя,

что его внешнее спокойствие — это только видимость. Они видела, как он устрашает других, и была довольна тем, что роли изменились.

И тогда это произошло. Отказала какая-то деталь в оборудовании, или установка для ходьбы сделала неверный шаг. Правая нога подогнулась, и тяжелый дельфин рухнул вперед.

Только мгновенная реакция спасла Кунна, иначе он был бы раздавлен. Когда подбежали стражники и помогли офицеру высвободиться, Тш'т была вся в ушибах, рассержена и не в настроении продолжать допрос.

«Но теперь я готова, — подумала Рети, когда один из охранников готовился следовать за ней по узкому коридору с номерами на каждом люке. — У меня есть план, и на этот раз Кунну и Джессу лучше меня послушаться».

— Вы уверены, что хотите сейчас это сделать, мисс? — спросил охранник. — Ночной цикл, и пленники спят.

— Именно этого я и хочу. Они со сна будут разговорчивей.

На самом деле Рети все равно, назовет ли Кунн имена всех адмиралов флотов Пяти Галактик. Ее вопросы будут скрывать коммуникацию на другом уровне.

Она была занята в отведенном ей на «Стремительном» помещении — уютной каюте, которую раньше занимала женщина по имени Денни Стадмен. Одежда этой женщины подошла Рети. На стене были снимки молодой женщины с темными волосами. Рети сказали, что хозяйка каюты пропала несколько лет назад на одной из чужих планет вместе с другими членами экипажа — людьми и дельфинами. На столе Денни оставила умную машину, которая разговаривала с Рети гораздо более дружелюбно, чем саркастический Нисс. Машина, казалось, с готовностью помогает Рети, рассказывает ей все о земном корабле и о том, что ее окружает.

«Я изучила проходы, ведущие от тюрьмы к наружному люку. Я могу назвать все лодки, которые у них здесь есть. И что самое главное, эти земные рыбы мне доверяют. Мой пароль сможет нас вывести.

И мне нужен пилот и кто-нибудь достаточно сильный и злобный, чтобы драться, если мы встретимся с неприятностями».

А еще нужна удача. Рети тщательно все рассчитала таким образом, чтобы вероятность встретиться с Двером была мала.

«Двер знает, что мне нельзя доверять, но я

уверена, что вдвоем Кунн и Джесс сумеют его одолеть».

Но при прочих равных условиях она предпочла бы, чтобы Двер не пострадал.

«Может, я время от времени даже буду думать о нем, живя высоко в какой-нибудь галактике».

Она мало что собиралась вспоминать на Джиджо.

ДВЕР

— Мне здесь не место, — пытался он объяснить, — и Рети тоже. Вы должны помочь нам вернуться.

— Куда вернуться? — Женщина казалась искренне удивленной. — В приморское болото, в общество ядовитых отходов и мертвых колец джофуров? И конечно, там появятся новые джофуры.

Дверу опять стало трудно говорить. Трудно сосредоточиться в замкнутом пространстве, которое они называют «корабельной каютой», где воздух кажется таким мертвым. Особенно в этом тускло освещенном помещении, заполненном странными предметами, назначение которых Двер и не надеется понять.

«Ларк или Сара здесь бы справились, но я чувствую себя потерянным. Мне не хватает новостей, которые приносит ветер».

Не помогало успокоиться и то, что сидящая напротив женщина — самая прекрасная из всех виденных Двером в жизни, с темно-рыжими волосами и постоянным печальным выражением светлых глаз.

— Нет, конечно, нет, — ответил он. — Есть другое место, где я необходим. И Рети тоже.

У ее глаз появились мелкие морщинки.

— Молодой хун Олвин хочет, чтобы мы дали знать его родителям, что он жив. И чтобы мы связались с урским мудрецом, отправившим их сюда. Они все хотят вернуться домой.

— Вы их отпустите?

— Как мы можем это сделать? Помимо того, что это подвергает опасности наш экипаж и выдает наше расположение врагам, мы угрожаем всей вашей культуре опасными знаниями, которые могут оказаться проклятием.

И все же…

Она замолчала. Ее взгляд заставлял Двера чувствовать себя ребенком.

— Да, в твоем голосе сдержанность. Осторожность, с которой ты говоришь о своей цели,

заставляет подозревать, что ты не имеешь в виду возвращение домой. Не в то мирное место, где тебя знают, где у тебя друзья и близкие, не в землю, которую вы называете Склоном.

Похоже, нет смысла что-то скрывать от Джиллиан Баскин, поэтому Двер только молча пожал плечами.

— Значит, племя девушки, — догадалась женщина. — Родичи Рети в Серых Холмах, где тебя ранило, когда ты голыми руками схватился с роботом.

Двер опустил взгляд и негромко ответил:

— Там мне кое-что нужно сделать.

— Ммм. Могу себе представить. Обязательства, по-видимому? Неисполненный долг? — Голос ее звучал мягко и отдаленно. — Видишь ли, я понимаю таких людей, как ты. В чем твои приоритеты?

Это заставило его удивленно взглянуть на нее. Что она хочет этим сказать? На ее лице была покорность и печаль плюс нечто похожее на узнавание, как будто она увидела в нем что-то знакомое, разбудившее ее печаль.

— Расскажи мне об этом, Двер. Расскажи, что ты должен сделать.

Расскажи о тех, кто от тебя зависит.

Может быть, подействовала формулировка вопросов или сила ее личности, но Двер понял, что больше не может утаивать свою историю. Те ее части, о которых он до сих пор молчал:

— о своей работе главного разведчика Общины, который должен следить, чтобы ни один колонист не уходил на восток, за Риммер, уберегая от заражения остальные районы Джиджо. Поддерживая священный закон;

— о том, как ему приказали нарушить закон и провести группу, которая должна будет приручить диких родичей Рети, — задание, которое должно обеспечить выживание людей на Джиджо на тот случай, если Склон будет очищен от разумной жизни;

— как они вчетвером: Дэйнел Озава, Двер, Лена и Дженин — узнали, что Серые Холмы больше не убежище, потому что Рети привела к своему родному племени воздушную колесницу даников;

— как Двер и остальные поклялись рискнуть жизнью, чтобы дать шанс племени сунеров… четыре человека против машины-убийцы и как их замысел удался, хотя это им дорого обошлось.

— Да, и несмотря на неравенство сил, — заметила Джиллиан Баскин. Повернула голову и обратилась к третьему присутствующему в

комнате.

— Полагаю, ты тоже там был. Расскажи, постарался ли ты помочь Дверу и остальным? Или, как всегда, оставался бесполезной помехой?

Рассказав свою печальную историю, Двер сам удивился собственному хохоту. Очень подходящие слова. Джиллиан Баскин хорошо знает нуров.

Грязнолапый прихорашивался на крышке застекленной витрины. В витрине странные предметы, освещенные изнутри и снабженные ярлычками, как в музее Библоса. Немного света попадало и другому экспонату, стоявшему вертикально поблизости, — мумии, предположил Двер. Когда они были мальчишками, Ларк однажды попытался напугать Двера картинками из книги. Там было показано, как в старину на Земле так готовили тела, вместо того чтобы правильно мульчировать их. Это тело отдаленно напоминает человеческое, хотя Двер знал, что это не человек.

Грязнолапый перестал облизываться и ответил на насмешку Джиллиан зубастой улыбкой. И Двер снова представил себе, что означает эта улыбка.

«Кто, я, леди? Разве вы не знаете, что я сражался

в битве и спас всем шкуры, включая свою собственную?»

После своего общения с телепатами мульк-пауками Двер не отвергал возможности, что это не просто его воображение. Нур не проявлял никакой реакции, когда он пытался мысленно разговаривать с ним, но это ничего не доказывает.

Джиллиан также использовала различные способы, пытаясь заставить нура заговорить, — вначале попросила Олвина смягчить Грязнолапого песнями-ворчанием, потом не подпускала его к молодому хуну, закрыв на несколько мидуров в своем темном кабинете в обществе древней мумии. Машина Нисс донимала нура на высоком диалекте галсемь, часто пользуясь обращением «дорогой родственник».

— Дэйнел Озава тоже пытался с ним разговаривать, — сказал Двер Джиллиан.

— Да? И тебе это показалось странным?

Двер кивнул.

— Есть народные предания о говорящих нурах и других существах тоже. Но я никогда не думал, что мудрец…

Она хлопнула по крышке стола.

— Кажется, я поняла.

Потом встала и принялась ходить по кабинету — это простое действие она совершала с охотничьей грацией, напомнившей Дверу повадки самки лиггера.

— Мы называем этот вид титлалом, и там, откуда я прилетела, они говорят непрерывно. Они действительно родственники машины Нисс — в некотором роде, потому что Нисс сделан нашими союзниками тимбрими.

— Тимб… Кажется, я о них слышал. Это не та первая раса, с которой Земля вступила в контакт после вылета первых кораблей?…

Джиллиан кивнула.

— И это оказалось очень счастливой случайностью. О, в Пяти Галактиках множество достойных рас и кланов. Пусть нынешний кризис не заставит тебя думать, будто все они злые или религиозные фанатики. Просто большинство умеренных кланов очень консервативно. Они сначала осторожно думают и лишь после длительных раздумий начинают действовать. Боюсь, слишком длительных, чтобы помочь нам.

Но не тимбрими. Они смелые и верные друзья. И еще, по мнению многих больших кланов и Институтов, тимбрими совершенно безумны.

Двер распрямился, заинтересованный и сму-

щенный.

— Безумны?

Джиллиан рассмеялась.

— Думаю, многие люди с этим согласятся. Эту особенность иллюстрирует легенда. Говорят, однажды Великая Созидательная Сила Вселенной, раздраженная проделками тимбрими, воскликнула: «Невозможно вообразить себе более нелепые существа!»

Однако тимбрими больше всего любят вызовы. И заявление Великой Силы они тоже восприняли как вызов. И когда получили официальный статус патронов, с лицензией принимать новые виды, они обменяли две совершенно нормальные расы клиентов на предразумный вид, с которым до тех пор никто ничего не мог сделать.

— Это нуры, — догадался Двер. Потом поправился: — Титлалы.

— Они самые. Существа, которые получают удовольствие от того, что расстраивают планы, мешают, удивляют и дурачат других, по сравнению с которыми сами тимбрими кажутся образцом уравновешенности. И это возвращает нас к нашему недоумению. Как они попали на Джиджо и почему они не говорят?

— Наши шимпанзе на Джиджо тоже не говорят,

хотя ваша машина Нисс показала мне движущиеся картины: на Земле они говорят.

— Г-м-м-м. Ну, это объяснить легко. Когда улетала «Обитель», шимпы, которых привезли с собой ваши предки, были еще не очень хороши в этом. В такой момент легко подавить их способности, чтобы люди могли делать вид…

Джиллиан щелкнула пальцами.

— Конечно.

На мгновение ее улыбка напомнила Двери о Саре, когда сестра работает над какой-нибудь сложной проблемой и неожиданно находит решение.

— Через несколько лет после контакта с галактической цивилизацией лидеры Земли поняли, что вступили в чрезвычайно опасную фазу. В лучшем случае мы с трудом удержимся, пока изучаем сложные правила древней и опасной культуры. — Она пожала плечами. — Казалось разумным обеспечить страховку. Посадить семя в таком месте, где человечество будет в безопасности, на случай если произойдет самое худшее.

Лицо ее на мгновение затуманилось, и Двери не понадобилась обостренная чувствительность, чтобы понять: где-то там, за Измунути, худшее произошло, и сейчас кажется, что убегающий

«Стремительный» тоже высаживает «семя».

Вот о чем говорил Дэйнел, когда сказал: «Люди прилетели на Джиджо не для того, чтобы пройти Тропой Избавления». Он хотел сказать, что у нас убежище тех, кто должен выжить, как бедные г'кеки.

— Когда люди привезли с собой шимпов, они, естественно, постарались приглушить их разумность. Если колония будет обнаружена, шимпы могут избежать наказания. Возможно, они даже смогут разбрестись по лесам и выжить в дикой местности на Джиджо, не замеченные судьями великих Институтов.

Джиллиан повернулась и посмотрела на Грязнолапого.

— Должно быть, то же самое проделали тимбрими! Тоже прокрались на Джиджо. Только в отличие от глейверов и остальных Шести Рас они не создали колонию. Они разместили тайный запас титлалов.

— И как мы с шимпанзе, отняли у них речь. — Двер покачал головой. — Но тогда… — Он показал на Грязнолапого.

Джиллиан на мгновение свела брови.

— Тайная раса внутри расы? Титлалы, обладающие полным разумом и прячущиеся среди

остальных? Почему бы и нет? В конце концов, ваши собственные мудрецы сохраняли секреты от других. Если Дэйнел Озава пытался разговаривать с Грязнолапым, это значит, что он что-то знал о титлалах, знал с самого начала и сохранил тайну.

Она с отсутствующим видом погладила гладкую шерсть нура. Грязнолапый перевернулся, подставляя брюхо.

— А каков ключ? — спросила она у него. — Какое-нибудь кодовое слово? Что-то вроде эмпатического глифа тимбрими? Почему ты один раз заговорил с Ниссом, а потом замолчал?

«И почему ты следовал за мной по горам и пустыням?» — молча добавил Двер, очарованный загадочным рассказом, хотя его сложность в сочетании с растущей клаустрофобией вызывала у него усиливающуюся головную боль.

— Прошу прощения, — сказал он, прерывая размышления Джиллиан. — Но не можем ли мы вернуться к тому, зачем я здесь? Я знаю, что проблемы, которые стоят перед вами, значительней и важней моих, и я помогу вам, если смогу. Но не вижу, как могу своим луком и стрелами помочь звездным богам.

Я не прошу вас рисковать кораблем, и мне не

хочется надоедать. Но если бы вы могли отпустить меня, ну, допустим, уплыть на берег, у меня там действительно есть дела.

И в этот момент титлал вскочил с выражением удивления на узкой морде. Шипы, которые обычно не видны в шерсти за ушами, ощетинились. Больше того, Двер готов был поклясться, что на мгновение увидел что-то в воздухе над Грязнолапым. Призрачный завиток, более разреженный, чем пар, который словно говорил по собственной воле.

«У меня тоже, — говорил он, очевидно, продолжая утверждение Двера. — И у меня есть дела».

Двер потер глаза. Он с радостью решил бы, что этот призрак — работа его воображения, еще одно последствие того тяжелого испытания, которое пережила его нервная система.

Но, должно быть, Джиллиан тоже это заметила. Она несколько раз мигнула, показала на встревоженную морду Грязнолапого и расхохоталась.

Двер смотрел на нее, потом почувствовал, что тоже не выдерживает. До этого момента он не составил окончательного мнения об этой земной красавице. Но всякий, кто способен довести Грязнолапого до такого, в полном порядке.

РЕТИ

По пути к камере пленников, куда ее сопровождал охранник, Рети разглядела в стенах несколько вентиляционных отверстий. Схемы показывали, что вся эта система оборудована множеством предохранителей, да и отверстия слишком малы, чтобы пленники могли протиснуться.

Но они вполне достаточны для маленького урского самца, вооруженного лазерным резаком.

План Рети рискован, и ей ужасно не хотелось посылать своего «мужа» в паутину труб. Но йии был совершенно уверен, что не заблудится.

Этот лабиринт не хуже вонючих проходов под травяными равнинами, фыркнул он, рассматривая голографический план. В нем даже легче пробираться, чем по туннелям корней, где приходится прятаться урским личинкам и самцам, когда они не могут спрятаться в сумке жены. Йии свернул свою длинную шею — жест пожатия плечами.

…не волнуйся, жена! Йии отнесет инструменты запертым людям, сделает все аккуратно!

Это будет самый решающий этап. Когда Кунн и Джесс окажутся за пределами гауптвахты, осталь-

ные препятствия можно будет быстро устранить. Рети была в этом уверена.

Над усиленными дверями двух камер горели красные огоньки. Рети знала, что в дальней содержатся кольца джофуров, захваченные в болоте. Маленький г'кек по имени Гек помогал машине Нисс их допрашивать. Рети ломала голову, стараясь включить их в свой план, но в конце концов решила оставить их там, где они сейчас.

«Этот корабль „Стремительный“ не посмеет нас преследовать, когда мы выведем наружу звездную лодку, но джофурский корабль может. Особенно если у этих колец есть способ связываться с товарищами по экипажу».

Когда охранник подошел к камере Кунна, Рети нащупала сложенный листок с инструкциями. Она писала их буква за буквой, напрягая до предела свое недавно обретенное умение писать. Она знала, что, должно быть, написала с ошибками, но в такие дни не стоит быть слишком разборчивым.

КУН Я МАГУ ВЫВИСЬТИ АТСЮДА ХОЧИШ УЙТИ

Такова была первая строчка записки, которую она собиралась ему передать, делая вид, что задает вопросы. Если пилот даник поймет ее замысел и согласится с ним, она уйдет, и тогда йии про-

тиснется своим маленьким гибким телом через вентиляционную систему. Тем временем Рети подобрала несколько подходящих мест, чтобы устроить пожар: в комнате отдыха и в грузовом трюме, — и отвлечь экипаж «Стремительного» от того района, где Кунн с помощью переданных ему инструментов будет выбираться из камеры. И если все пройдет хорошо, они направятся к входному люку, украдут звездную лодку и убегут.

«Но есть одно условие, Кунн. Ты должен согласиться с тем, что мы уберемся отсюда. Подальше от этих землян, от даников и ротенов, от джофурских чудищ и всего прочего. Уберемся с Джиджо».

Рети думала, что он согласится. «И если он или Джесс будут причинять мне неприятности, то поймут, что имеют дело совсем с другой Рети».

Охранник осторожно маневрировал своей установкой для ходьбы в узком коридоре. Долговязой машине пришлось сгибаться, чтобы он мог вставить ключ в замок. Наконец дверь скользнула в сторону, и Рети увидела две койки, на которых лежали укрытые одеялами люди.

— Эй, Кунн, — сказала она, пересекая узкое помещение и трогая его за плечо. — Проснись! Больше никаких откладываний и дурачеств. Они

хотят знать, как вы выследили их.

Одеяло соскользнуло, открыв гриву блестящих волос, но Кунн не двигался.

«Должно быть, его опоили, — подумала Рети. — Надеюсь, он спит не слишком крепко. Я не могу ждать!»

Она потрясла сильней, перевернула Кунна.

И с удивленным возгласом отскочила.

Лица даника было пурпурным. Глаза выпучились, а разбухший язык заполнял рот.

Охранник дельфин отчаянно запищал, инстинктивно перейдя на свой звериный язык.

Рети боролась с шоком. Она выросла со смертью, но теперь ей потребовалась вся сила воли, чтобы сдержать рвущийся из горла крик.

Каким-то образом она заставила себя повернуться ко второй койке.

САРА

О, доктор Фауст был хороший человек.
Он время от времени порол своих учеников;
И когда порол, заставлял танцевать,
Прыгать из Шотландии во Францию,

Из Франции в Испанию.

А потом снова начинал пороть!

Песня Эмерсона гулко звучала в Зале Вращающихся Дисков, где в узких столбах света летали пылинки.

Сара поморщилась, но звездный человек явно наслаждался этими взрывами, выбивавшимися из неведомых глубин его поврежденного мозга. Он смеялся, и смеялась толпа сопровождающих его урских самцов, карабкавшихся по лесам фантастической машины Уриэль, помогая ему настраивать каждую часть. Маленькие уры хихикали, восхищенные грубоватым юмором Эмерсона, и демонстрировали свою преданность, ныряя под вращающиеся диски, чтобы там затянуть петлю, тут поправить шкив, — всюду, куда он показывал быстрыми уверенными жестами.

Кто был инженером, навсегда им останется, подумала Сара. Иногда Эмерсон напоминал ей отца, который мог молчать целыми днями, работая на своей любимой бумажной фабрике и получая большее удовольствие от поэзии гудящих молотов и катков, чем от тонких белых листов, которые делают грамотность возможной в этом варварском мире.

Ей пришла в голову параллель.

Бумага подходит Шести Расам, которым нужно средство сохранения информации, которое невозможно обнаружить из космоса. Но у машины Уриэль такие же особенности — это аналоговый компьютер, который не может засечь спутник или космический корабль, потому что здесь не используется электричество и нет цифрового сознания. И прежде всего галактам и в голову не придет, что возможна такая причудливая конструкция.

И все же в своей необычности она так прекрасна. Неудивительно, что Саре приснились математические фигуры и уравнения, когда она впервые в перерывах своего бреда увидела это чудо. Каждый раз как диск поворачивался относительно соседних, его ось вращалась с различной скоростью в зависимости от радиального расстояния до точки контакта. И когда радиус менялся как независимая переменная, соответственно менялось и вращение, описывая нелинейную функцию. Удивительно простая концепция и дьявольски трудная для практического использования без долгих лет терпеливых испытаний и ошибок.

Уриэль впервые обнаружила эту идею в старин-

ной земной книге — концепцию, исключительно характерную для волчат и короткое время использовавшуюся в древних американо-евроазиатских войнах. Вскоре после этого люди изобрели цифровые компьютеры и отказались от прежней техники. Но здесь, на горе Гуэнн, урский кузнец развила ее до невиданной ранее степени. Большая часть ее огромного богатства и вся страсть ушли на то, чтобы заставить компьютер работать.

И еще урская торопливость. Они живут так мало, что Уриэль, должно быть, с самого начала считала, что не успеет закончить до смерти. Но что в таком случае будет делать со всем этим ее наследница?

Масса столбов, арок и лесов из бу поддерживала поворачивающиеся диски на должной высоте, образуя лабиринт, который уходил от Сары, почти заполняя обширное помещение. Давным-давно из этой пещеры вырвался поток магмы и потек по могучим склонам горы. Сегодня пещера была полна другим типом созидательной силы.

Световые лучи искусно использовались в этом математическом танце. Отражаясь от нужных дисков, пульсирующие отражения падали на полоску черного песка, который был разглажен на

полу. Каждая вспышка приводила к изменениям в песчинках, вызывая легкое передвижение. И там, куда лучи падали особенно часто, вырастали песчаные холмики.

Уриэль нашла способ использовать даже крабов-молний.

На Джиджо некоторые берега покрываются пеной, когда во время бурь эти пришедшие в возбуждение крошечные существа отбрасывают песок. «Мы думали, это действуют статические разряды в воздухе, заставляя их так вести себя. Но очевидно, это свет. Нужно будет когда-нибудь рассказать об этом Ларку».

Сара поняла кое-что еще.

Должно быть, эти крабы — еще один вид, созданный буйурами. Биоэнергетические слуги, вернувшиеся в природу, но сохранившие свои свойства даже после того, как генные инженеры улетели.

Какой бы ни была их первоначальная функция, сейчас крабы служили Уриэль, которая нервно стучала копытами, наблюдая, как движется песок под каскадом сверкающих лучей. Отдельные вспышки мало что значат. Именно сумма действий на определенном пространстве и в определенное время позволяла решать сложные

математические проблемы. Рядом с Уриэль на высоком стуле сидела Прити, маленькая шимпанзе, с блокнотом в руках. Высунув язык, она чертила, копируя изображение на песке. Сара никогда не видела свою помощницу такой счастливой.

Несмотря на впечатляющую изобретательность, сами решаемые уравнения не очень сложны. Используя простые приближения Деланси, Сара уже нашла примерные решения с погрешностью в десять процентов. Но Лестеру Кембелу нужны одновременно точность и аккуратность в широком ранге пограничных условий, включая меняющееся с высотой атмосферное давление. В таких расчетах таблицы, предлагаемые машиной, дают преимущество.

«Теперь я по крайней мере понимаю, зачем все это». Мысленно Сара представляла себе бурную деятельность в лесу под уходящими в небо стволами бу, толпы работников, потоки разъедающей жидкости и обсуждения на приглушенном архаичном научном диалекте.

«Они могут быть безумны — особенно Лестер. Вероятно, эти усилия ударят по нам и еще больше разозлят чужаков. Дединджер назовет это, наряду с семафорами, глайдерами, воздушными шарами и прочими новшествами, напрасными усилиями

обреченных.

Но попытка великолепна. И если они с нею справятся, я буду знать, что была права в своей оценке Шести. Наша судьба не предсказана ни Свитками, ни ересью Дединджера или Ларка, кстати.

Она уникальна.

И если мы все равно прокляты, я за то, чтобы попробовать».

Только одно все еще удивляло ее. Сара покачала головой и вслух спросила:

— Но при чем тут я?

Курт, взрывник из города Тарек, вел себя так, словно этот проект отчаянно нуждается в Саре, в ее профессиональной оценке. Но к тому времени как отряд прибыл из Кси, машина Уриэль была почти готова. Прити и Эмерсон очень помогли, заставив работать аналоговый компьютер. Полезными оказались и книги, которые Курт привез из Библоса. И Саре почти нечего было привнести в общие усилия.

— Хотела бы я знать, зачем Уриэль послала за мной.

Ответ послышался от входа в компьютерный зал.

— Это и правда единственное, чего ты не пони-

маешь? Но это очень легко, Сара. Уриэль совсем не посылала за тобой!

Говоривший, мужчина среднего роста, с белоснежной гривой и бородой в белых полосках, стоял снаружи, словно гул его ошеломлял. В его трубке тлели листья кауши — эта привычка распространена у самцов хунов, поскольку для большинства людей запах слишком силен. На ветерке у входа стоял мудрец Пурофски. Выдыхая, он вежливо отвернулся от Сары.

Она поклонилась старшему ученому, который среди коллег считался самым глубоким умом Общины.

— Мастер, если Уриэль не нужна моя помощь, зачем меня просили приехать? Курт говорил, что это очень важно.

— Правда? Важно? Что ж, Сара, вероятно, так оно и есть. Но несколько по-иному.

Пурофски посмотрел на лучи, отражающиеся от вращающихся дисков. Во взгляде его было восхищение достижением Уриэль.

— Математика должна приносить пользу, сказал некогда мудрец. Хотя простые расчеты подобны взламыванию двери, когда вы не можете найти ключ.

Пурофски всю жизнь посвятил поиску ключей.

— Это я послал за тобой, моя дорогая, — после паузы объяснил престарелый ученый. — И теперь, когда ты оправилась от несвоевременного падения с горного склона, я думаю, пора тебе объяснить почему.

Снаружи был еще день, но перед Сарой расстилалось звездное небо. Хитроумные линзы проецировали изображение звездного неба на вогнутые стены и потолок, создавая картину ночного неба в удивительном планетарии. Создательница этого планетария, предшественница Уриэль, позаботилась о том, чтобы даже слабое зрение позволило урам видеть созвездия во всех подробностях. На лице и одежде мудреца Пурофски звезды были словно украшения, а его тень образовала на картине неба туманность в форме человека.

— Начну с объяснения того, чем был занят после твоего отъезда из Библоса. Прошло уже больше года, верно, Сара?

— Да, мастер.

— Гм-м. Очень насыщенный год. И все же.

Он немного поработал челюстью, потом покачал головой.

— Подобно тебе, я разочаровался в прежней области исследований. И решил попробовать

расширить классические доконтактные геометродинамические формулы за пределы того состояния, в котором они находились, когда «Обитель» покинула Солнечную систему.

Сара удивленно посмотрела на него.

— Но мне казалось, вы хотите привести в соответствие доконтактную земную физику с галактическими познаниями. Доказать, что Эйнштейн и Ли сделали грубые, но правильные приближения, как теория Ньютона входит составной частью в теорию Эйнштейна.

Само по себе это было бы устрашающей задачей, и некоторые назвали бы ее безнадежной. Согласно материалам, которые имелись на «Обители», эксперты-чужаки, которых Террагентский Совет нанял, чтобы они обучили землян современной науке, отрицательно отнеслись к теории относительности пространства-времени. Галактические инструкторы считали суеверием доморощенную космологию, на которую опирались земляне, основу их первых примитивных космических кораблей, ползущих на досветовой скорости, пока земной космический корабль «Везарий» не наткнулся на неопределяемую гипераномалию, тем самым покончив с долгой изоляцией человечества. Последователи Эйнштейна так и не нашли

возможности полета быстрее, хотя в Библиотеке описано несколько способов, разработанных за миллиард лет.

После контакта земляне наскребли денег на покупку нескольких третьесортных кораблей, и старые математические модели Хокинса, Перселла и Ли были забыты. Стараясь доказать ценность доконтактной физики, Пурофски возложил на себя странную, возможно, безнадежную обязанность.

— Вначале у меня было несколько многообещающих результатов, когда я переформулировал теорию переходов Серрессими в терминах, совместимых с древним тензорным исчислением.

— Правда? — Сара наклонилась вперед в своем кресле. — Но как вы ренормализовали все квазиодновременные бесконечности? Вам пришлось бы предположить…

Но пожилой мудрец, подняв руку, остановил ее, не желая вдаваться в подробности.

— Если тебе действительно интересно, для этого будет много времени потом. А пока достаточно сказать, что вскоре я осознал бесперспективность такого подхода. Сейчас у Земли должны быть специалисты, которые гораздо лучше понимают общепринятые галактические модели,

чем я могу надеяться когда-либо понять. У них для работы есть ячейки Великой Библиотеки и подлинно современные компьютерные стимуляторы. Предположим, мне действительно удастся продемонстрировать, что наша старая физика была правильным, хотя и ограниченным приближением? Это даст основания для гордости, покажет, что волчата с самого начала шли по правильному пути. Но ничего нового это не даст.

Пурофски покачал головой.

— Нет, я решил, что нужен прорыв. Двинусь вперед со старым подходом к пространству-времени и посмотрю, смогу ли решить проблему, имеющую отношение к Джиджо, — Загадку Восьми Космических Кораблей.

Сара мигнула.

— Вы хотите сказать — семи? Почему за короткое время так много сунерских рас собрались на Джиджо, и при этом ни одна не была поймана? Но разве эта задача не решена? — Она указала на самую яркую точку на стене. — Примерно двадцать столетий назад Измунути начала заливать окружающее пространство углеродными частицами. Они как град, и их достаточно, чтобы с расстояния больше светового года изменить погоду на планете. Именно эта буря уничтожи-

ла патрульные роботы, оставленные на орбите Институтом Миграции, и поэтому крадущиеся корабли смогли проникнуть сюда незамеченными.

— Хр-рм, да, но этого недостаточно, Сара. Из настенных надписей, найденных в буйурских развалинах, мы знаем, что доступ в эту систему возможен с двух пунктов перехода. Второй пункт, должно быть, коллапсировал после отлета буйуров.

— Ну и что? Именно поэтому подействовало вступление Измунути! Единственный доступный для прохода маршрут, и великие Институты по плану будут вторично исследовать это пространство спустя эпохи. Совершенно уникальная ситуация.

— Уникальная. Хрм, и очень удобная. Такая удобная, что я решил собрать свежие данные.

Пурофски повернулся к картине, созданной планетарием, и на его покрытом тенью лице появилось задумчивое выражение. Прошло несколько дуров, и Сара поняла, что он забыл о ней. Такая отчужденность может быть прерогативой гения в замкнутых залах Библоса, но после всего, что он сказал, способна вызвать ярость! Сара резко сказала:

— Мастер! Вы говорите, что нужны свежие

данные. Неужели вы смогли увидеть что-то действительно важное в простом телескопе Уриэль?

Ученый мигнул, потом наклонил голову и улыбнулся.

— Знаешь, Сара, я нахожу поразительным, что мы оба провели последний год, исследуя непризнанные теории. Ты — своим отступлением в языки и социологию — да, я с интересом следил за твоей работой. И я — считая, что могу проникнуть в тайны прошлого с помощью грубых приспособлений, сделанных из переплавленного буйурского металлолома и расплавленного песка.

А знаешь ли ты, что, наблюдая за Измунути, я случайно обнаружил эти космические корабли? Те самые, что вызвали такую сумятицу на севере? Я увидел их, когда они переходили на орбиту, хотя мое предостережение не дошло вовремя до высоких мудрецов. — Пурофски пожал плечами. — Но вернемся к твоему вопросу. Да, я сумел кое-что узнать, используя аппаратуру горы Гуэнн.

Подумай снова об уникальных условиях Джиджо, Сара. Коллапс второго пункта перехода… углеродный ветер от Измунути… неизбежная притягательность изолированной, скрытой планеты для беженцев сунеров.

Подумай вот о чем: как могли существа с таким проницательным разумом, как буйуры, не заметить начальных симптомов этих изменений, которые происходили в близком пространстве?

— Но буйуры улетели полмиллиона лет назад! Тогда никаких симптомов могло не быть. Или они были слишком слабыми.

— Может быть. И тут вступают мои исследования. Плюс, я надеюсь, твой опыт. Ибо я почти уверен, что аномалии в пространстве-времени должны были быть заметны даже тогда.

— В пространстве-времени. — Сара поняла, что он намеренно пользуется термином старой земной физики. Настала ее очередь провести в молчании несколько дуров, глядя на пятна звезд и думая о том, что означают эти слова.

— Вы говорите об эффектах линзы?

— Умница, — одобрительно ответил мудрец. — И если я смогу их заметить…

— Тогда буйуры тоже могли и предсказали.

— Они словно прочли открытую книгу! Но это еще не все. Я пригласил тебя сюда, чтобы подтвердить другое, гораздо более зловещее предположение.

Сара почувствовала, что по ее спине, словно насекомое с миллионом ледяных лапок, пробе-

жала дрожь.

— Что вы хотите сказать?

Мудрец Пурофски на мгновение закрыл глаза. А когда открыл, в них словно вспыхнуло пламя.

— Сара, я считаю, что они с самого начала все это спланировали.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Незаконное заселение невозделанных планет существовало, сколько существуют хроники Пяти Галактик. У этой постоянно возникающей проблемы есть много причин, но наиболее распространенная из них — парадокс логики размножения.

У органических существ с бесчисленного количества разных планет есть одна общая черта — стремление к воспроизводству. У некоторых рас это проявляется как осознанное стремление к появлению потомства. У других это инстинктивное влечение к сексу или ксиму, причем без внимания к последствиям.

Какими бы различными ни были конкретные механизмы, общие последствия остаются одинаковыми. Предоставленные своим наклонностям, органические формы жизни начинают размножаться со скоростью, превышающей простое воспроизводство. И за очень короткий (по звездным стандартам) период времени рост населения приводит к тому,

что самоорганизующаяся и самоподдерживающаяся экосистема планеты не выдерживает (СМ. ПРИЛОЖЕНИЕ — ОТДЕЛЬНЫЕ ОТОБРАННЫЕ ПРИМЕРЫ).

Виды делают это, потому что каждый способный к размножению индивид является потомком длинной цепи успешно воспроизводившихся предков. Попросту говоря, те, кто лишен стремления к размножению, не становятся предками. Особенности, которые способствуют размножению, передаются потомкам.

Насколько нам известно, такой эволюционный императив заложен даже в экоматрицы основанных на водороде формах жизни, которые существуют параллельно с нашей кислорододышащей цивилизацией. А что касается Третьего Порядка — автономных машин, только строжайшее соблюдение жестких самоограничений помешало этим неорганическим видам угрожать расширяющимся воспроизводством, которое могло бы уничтожить жизнь в Пяти Галактиках.

У огромного большинства неразумных жизненных форм эта тенденция к

перевоспроизводству ограничивается голодом, хищниками и другими сдерживающими факторами, в результате возникает квазиустойчивое состояние псевдоравновесия. Однако предразумные формы часто используют свои недавно обретенные умственные способности, чтобы устранить соперничество и погрузиться в неограниченную оргию размножения, за которой следует истощение всех ресурсов. И если оставить их слишком долго без должного руководства, такие виды сами приводят себя к гибели в экологической катастрофе.

Это одна из СЕМИ ПРИЧИН, почему формы жизни сами по себе не могут эволюционировать до полного разума. Парадокс логики размножения означает, что кратковременные эгоистические интересы всегда побеждают долговременное планирование, если только извне патроны не привнесут разум.

Одна из первейших обязанностей патронов — добиться того, чтобы раса клиентов сознательно контролировала свое стремление к размножению,

и только при таком условии ей может быть предоставлен взрослый статус. И однако, вопреки всем предосторожностям, известны случаи, когда развитые разумные расы, обладающие высшим статусом, погружались в спазмы размножения, особенно в те периоды, когда временно ослабевает закон и порядок (СМ: ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН). Поспешные попытки колонизации/распространения приводили к опустошению целых галактических зон.

Согласно закону, наказанием для рас, которые создают такие эко-холокосты, может быть полное уничтожение, вплоть до самого основного генетического запаса.

По сравнению с этим незаконное заселение невозделанных планет — преступление средней тяжести. Наказание зависит от степени причиненного ущерба и от того, насколько благополучно предразумные формы выходят из этого процесса.

Тем не менее легко заметить, что парадокс логики размножения вполне

применим и здесь. Иначе зачем бы индивидам и видам многим жертвовать и рисковать возможностью подвергнуться строгому наказанию, чтобы тайно жить на планете, где им не место?

На протяжении десятков миллионов лет было найдено только одно решение этого вечного парадокса. Это решение заключается в постоянном применении прагматического предвидения в интересах всего общества.

Иными словами — в цивилизации.

Из «Галактического руководства для невежественных волчат землян», специального издания Института Библиотеки Пяти Галактик, 42 год ПК (после контакта) в частичное погашение долга от 35 года ПК

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» КАА

Они любили друг друга в скрытой пещере под береговыми утесами, под непрерывный рокот прилива, который выбрасывал пенные фонтаны,

способные долететь до вершин утесов.

Наконец-то! Каждый раз накатывающаяся на берег волна создавала гулкое эхо, как будто все ведущее к этому моменту было только прелюдией, простым переносом инерции через обширный океан, от одной полоски соленой воды к другой. Как будто волна может стать реальной, только когда ударится о камень.

Раскатистое эхо гулко отдавалось в укромной пещере. «Это я», — думал Каа, слушая, как пенные волны криком приветствуют свое краткое овеществление. Как берег завершает прилив, так и он чувствовал себя завершенным контактом с другим существом.

Вода проходила через открытый рот, все еще дрожа от их страсти. У тайного бассейна был ее вкус.

Пипое покачивалась рядом с Каа, гладя его грудным плавником, от чего у него покалывало кожу. Он отвечал прикосновением хвостового плавника и с радостью чувствовал, как она блаженно вздрагивает. Страсть после совокупления гораздо важнее и значительнее краткого танца спаривания. Это как разница между необходимостью и свободным выбором.

Могут ли горящие звезды

Кричать о радости громче,
Чем этот простой фин?

Хайку на тринари, как и полагается, вырвалась почти непроизвольно, не оформленная фронтальными долями мозга, которые тщательно формировали генные инженеры люди во время возвышения дельфинов. Щелчки и писки трехстишия отражались в гротах пещеры в то же мгновение, в которое рождались в сознании.

Ответ Пипое появился таким же путем, он был откровенно медлительным, с природной открытостью, которая не признает лжи.

Простота
Не лучшее твое качество, дорогой Каа.
Ты чувствуешь себя Счастливчиком?

Ее слова одновременно возбуждали и радовали. Она знала, как высоко он ценил свое прозвище. «Вот оно и вернулось ко мне», — радостно думал Каа.

И все было бы превосходно, момент беспорочного счастья, если бы что-то не мешало наслаждению. Дрожь, слабая и мерцающая, словно звуковая тень, создаваемая муреной или угрем, которые быстро уходят в ночь, оставляя за собой

еле заметный след.

«Да, ты вернул себе свое прозвище, — шептал слабый голос, как далекое моретрясение. Или как айсберг, стонущий в тысяче миль отсюда. Но чтобы сохранить, тебе придется его снова заслужить».

Когда Каа в следующий раз проверил перемещение разведчика-робота, тот почти добрался до верхней точки фуникулера горы Гуэнн.

Вначале решение Пипое остаться с ним было скорее профессиональным, чем личным. Она хотела помочь Каа провести специально сконструированный разведчик вверх по узкому деревянному монорельсу, который поднимался по неровному склону погасшего вулкана. И хотя бамбуковый рельс был чудом местного инженерного мастерства, Каа нелегко было проводить маленький робот мимо секций, заполненных грязью и отбросами. Ему и Пипое пришлось остаться лагерем в пещере и постоянно, сменяя друг друга, следить за продвижением робота, вместо того чтобы вернуться к Брукиде и остальным. Полностью автоматизированный прибор мог бы совершить восхождение и самостоятельно, на Джиллиан Баскин запретила его применение, потому что достаточно умную машину на берегу

могут засечь детекторы джофуров.

Момент торжества наступил, когда глаз камеры наконец добрался до конца рельса, миновал замаскированную станцию и пополз вниз по обработанным каменным плитам, таща за собой, как торопливый паук, тонкую линию связи. Каа заставил его ползти по потолку — это самый безопасный маршрут, к тому же позволяющий хорошо разглядеть внутренности мастерской.

В этот момент присоединились и другие наблюдатели. На «Стремительном» Ханнес Суэсси и его инженерная группа отпускали замечания по поводу просторных помещений, где кузнецы уры и квуэны использовали температуру лавовых бассейнов, опуская с них материалы для расплавления, сплавления и формования. На вопросы отвечала Ур-ронн, одна из четверых молодых гостей корабля, чье присутствие позволяло задавать эти вопросы. Ур-ронн давала объяснения на англике с сильным акцентом, причем о многом умалчивала. Ее услуги в качестве гида были частью соглашения, остальные условия которого будут выработаны позже.

— Не вижу Уриэль у горнов. — Голос Ур-ронн негромко звучал в приемнике Каа. — Наверно, она наверху, в помещении своего ховви.

Помещение хобби Уриэль. Судя по дневнику Олвина Хфуэйуо, Каа представлял себе сложную и бесполезную игрушку из палок и вращающегося стекла, что-то такое, что способно смягчить скуку существования в варварском мире. И ему казалось удивительным, что предводитель общества, которому грозит опасность, тратит время на претендующее на художественность творение Руби Голдберга,[21] если верить описаниям Олвина.

Ур-ронн сказала Каа, чтобы он продвинул робота в глубину мастерской, мимо нескольких похожих на лабиринт поворотов, потом через открытую дверь в полутемное помещение, где наконец стали видны легендарные аппараты.

Пипое удивленно присвистнула.

Подробное описание
Поражает неподготовленного
Интуитивной подозрительностью.

Да, согласился Каа, глядя на сводчатое помещение; полное пересекающихся балок и вспышек света, оно производило бы сильное впечатление даже на Земле. Описание Олвина не передает

[21] notes: 21

Рубен Голдберг — известный американский карикатурист. — Примеч. пер

всей сложности и единства этих вращающихся частей — достаточно одного взгляда, чтобы понять, что у всех этих движений есть единый ритм, контролирующий все. Каждый поворот, каждая рябь связаны с элегантным, постоянно меняющимся целым.

Сцена великолепная и абсолютно непонятная. Видно было, как по темным лесам движутся неясные фигуры, внося какие-то изменения. Несколько маленьких стремительных существ и по крайней мере одна двуногая форма, отдаленно напоминающая человека. Кроме того, голографическая передача создана для удобства существ с двумя смотрящими вперед глазами. Для дельфинов больше подошла бы панель со звуковыми передатчиками, способными улавливать параллакс.

Даже обычно сдержанный Ханнес Суэсси был поражен этим дворцом непрерывного мерцающего движения. Наконец вмешалась Ур-ронн.

«Я вижу Уриэль. Она вторая справа, в группе, которая стоит возле шимпанзе».

Рядом с шимпанзе с блокнотом в руках стояло несколько уров, которые следили за работой машины, нервно притопывая копытами. Случайные вспышки прыгали по их бокам, делая их

похожими на фавнов в лесу, но Каа видел, что Уриэль с седой мордой — самая старшая среди них. На их глазах шимпанзе показал кузнецу множество абстрактных дуг, вместо слов сопровождая демонстрацию жестами ручного языка.

— Как нам это сделать, «Стремительный»? — спросил Каа. — Просто начать говорить?

До последнего времени всем казалось, что «Стремительный» должен заниматься только своими проблемами. Но события сделали встречу с туземцами почти неизбежной — даже необходимой.

— Давайте послушаем, прежде чем сообщить о своем присутствии, — решила Джиллиан Баскин. — Я предпочла бы, чтобы на встрече присутствовало меньше свидетелей.

Иными словами, она хочет контактировать с Уриэль, а не с целой толпой. Каа послал робота вперед. Но прежде чем стали слышны слова уров, со «Стремительного» донесся новый голос.

— Прошу простить вмешательство, — послышался культурный голос машины Нисс. — Каа, пожалуйста, снова направьте камеру на сооружение Уриэль. Я хочу высказать предположение.

Джиллиан не возразила, и Каа заставил робота вторично посмотреть на обширные леса.

— Обратите внимание на полоску песка внизу, — продолжал Нисс. — Там, куда чаще всего падает свет, возникают аккуратные груды. Эти груды соответствуют фигурам, которые шимпанзе показал Уриэль.

Каа отвлекся: Пипое неожиданно хлестнула его хвостом.

— Кто-то приближается. Периферийные сканеры утверждают, что приближающийся организм обладает признаками джофура.

Вопреки возражениям Нисса, Каа заставил разведчика развернуться. И в дверях они увидели освещенный силуэт, который экипаж «Стремительного» научился ненавидеть, — заостренную коническую груду жирных пончиков.

Вмешалась Джиллиан Баскин.

— Всем успокоиться. Я уверена, что это всего лишь треки.

— Конечно, — подтвердила Ур-ронн. — Эта груда — Тиуг.

Каа вспомнил. Это «главный алхимик» кузницы на горе Гуэнн. Мастер химического синтеза Уриэль. Каа успокоительно коснулся Пипое и почувствовал, как она немного расслабилась. Согласно дневнику Олвина, треки — мирные существа, совсем не похожие на своих звездных

родичей.

И поэтому он был совершенно не готов, когда Тиуг повернул ряд своих похожих на драгоценные камни сенсоров наверх, по направлению к маленькому роботу-шпиону. Из его центрального вентиляционного отверстия поднялись клубы задумчивого желтого пара. Затем самое верхнее кольцо выпятилось.

…и неожиданно выпустило стаю летящих предметов, которые гневно устремились к глазу камеры! У Каа и остальных хватило времени, чтобы на мгновение увидеть насекомых — какую-то местную разновидность. Своими сложными глазами и быстро бьющимися крыльями насекомые рождали волны звука и света. Стая жужжащих созданий собралась, окружила линзы и приборы робота.

И через несколько мгновений на экране можно было увидеть только мерцающие статические разряды.

ДЖИЛЛИАН

Над столом для совещаний висело увеличенное изображение — маленькое существо, застывшее в полете, крылья бьются так часто, что видна

только радужная дымка, на которую больно смотреть. По сравнению с этим изображением сложная путаница спиральных линий машины Нисс казалась тусклой и абстрактной. В голосе машины слышалось раздражение.

— Может ли кто-нибудь из вас, местные дети, идентифицировать для нас это надоедливое существо?

Слова звучали достаточно вежливо, но Джиллиан поморщилась от высокомерного тона.

К счастью, Олвин Хф-уэйуо, по-видимому, не понял, что к нему относятся свысока. Молодой хун сидел рядом с подругой, его горловой мешок вибрировал: он ворчал на ультразвуковом уровне для обоих нуров, которые сидели на его широких плечах. В ответ на сардонический вопрос машины Олвин дружелюбно кивнул — этот человеческий жест казался у него совершенно естественным.

— Хрм. Это легко. Оса тайны.

— Генетически преобразованная игрушка вуйуров, — пояснила Ур-ронн. — Хорошо известное неудовство.

Гек, покачивая всеми четырьмя стебельками, разглядывала изображение.

— Теперь я понимаю, откуда у них такое на-

звание. Обычно они передвигаются так быстро, что нет возможности рассмотреть. Похоже на маленький реук с мембранами, превратившимися в крылья.

Ханнес Суэсси хмыкнул и постучал по столу левой рукой-протезом.

— Каково бы ни было происхождение этого существа, похоже, Уриэль хорошо защитила себя от шпионов. Наш робот теперь бесполезен. Решит ли она, что он послан джофурами?

Ур-ронн неуверенно пожала плечами, вернее, свила длинную шею.

— А кем еще? Откуда Уриэль знать о вас, если ов этом не сказали джофуры?

Джиллиан согласилась.

— Тогда она может уничтожить разведчика, если мы немедленно не заставим его говорить на англике. Нисс, можете вы с Каа передать сообщение?

— Мы работаем над этим. Контрольная панель посылает приказы, но эти так называемые осы как будто забили все частоты, мешая связи. Робот неуправляем.

— Черт побери. На то, чтобы послать другой, потребуются дни. — Джиллиан повернулась к Ур-ронн. — Кажется, нам трудно будет сдержать

обещание.

Ей очень не хотелось говорить это. Она с нетерпением ждала встречи с легендарным кузнецом с горы Гуэнн. Судя по всему, Уриэль исключительно умна и проницательна, и у нее очень большое влияние на джиджоанское общество.

— Есть другой выход, — предложила Ур-ронн. — Летите туда лично.

— Пока об этом нельзя и думать, — ответила лейтенант Тш'т. — Военный корабль врага немедленно обнаружит всякий летательный аппарат за пределами защитного водного покрова.

Тш'т, офицер дельфин, лежала на подушке в своем шестиногом устройстве для ходьбы. Ее длинное гладкое тело занимало конец зала для совещаний дальше всего от молодых сунеров; левым глазом она разглядывала членов совета корабля.

— Можете мне не поверить, но у нас есть и другие важные дела, кроме потери посланного Каа робота.

Джиллиан понимала причину раздражительности Тш'т. Ее доклад о предполагаемом самоубийстве двух пленников людей оставлял без ответов множество вопросов. Больше того, все острее становились проблемы дисциплины,

все больше дельфинов подписывались под так называемым «прошением о размножении».

Джиллиан старалась подкрепить моральное состояние экипажа, она разговаривала с дельфинами, слушала их жалобы, подбадривала прикосновением патрона. У Тома были к этому способности, как и у капитана Крайдайки. Шутка здесь, забавная притча там. И большинство финов, чем сложней обстановка, становились лишь преданней и решительней.

«Но видно, у меня таких способностей нет. Или бедный экипаж слишком устал после всего этого бегства».

Лучшие работники теперь за пределами корабля и трудятся почти круглосуточно, а она проводит часы с машиной Нисс, отбрасывая один отчаянный план за другим.

Одна из схем кажется менее ужасной.

«Вкусная, как назвал ее Нисс. Хотя и рискованная. Наше бегство с Китрупа по сравнению с этим было спокойным».

Следующий вопрос подняла корабельный врач Макани. В отличие от Тш'т она, пожилой дельфин-медик, не любила быть привязанной к машине. Обнаженная, только в небольшой упряжи для инструментов, она принимала участие в

совете, лежа в углублении с проточной водой у одной из стен зала для совещаний. Тело Макани блестело от множества пузырьков: все водные пространства «Стремительного» заполняла вода, насыщенная кислородом.

— Существует еще проблема кикви, — сказала она. — Ее необходимо решить, особенно если мы собираемся передвинуть корабль.

Джиллиан кивнула.

— Я хотела обсудить этот вопрос с… — Она посмотрела на мерцающий экран утраченного разведчика Каа и вздохнула. — С окончательным решением придется подождать, доктор. Продолжайте подготовку, и я дам вам знать.

Далее Ханнес Суэсси доложил о состоянии корпуса.

— Даже если мы отмоем его, как делаем сейчас, корабль будет двигаться даже медленнее, чем внутри пустого теннанинского крейсера. Медленнее, и все области вероятности будут забиты этим углеродным хламом.

— Значит, мы должны подумать о том, чтобы перебраться в один из брошенных кораблей?

— Это будет нелегко. Ведь «Стремительный» был специально подготовлен для существ, живущих в воде.

Зеркальный купол, в котором находились мозг и череп Суэсси, кивнул.

— Моя команда готовит лучшие из брошенных космических кораблей. — Из щели в шлеме послышался смешок. — Подбодритесь! Если поможет Ифни, кое-кто из нас еще сможет выбраться отсюда.

«Может быть, — подумала Джиллиан. — Но даже если мы выберемся из системы Джиджо, куда нам деться? Куда мы сможем бежать?»

Совещание закончилось. У всех, включая детей сунеров, была работа.

«А Двер Кулхан ждет меня в моем кабинете и снова будет просить разрешения отправиться на берег. Уплыть туда, если понадобится».

Чтобы вернуться в дикую местность, где он нужен.

Ее охватили противоречивые чувства. Двер почти мальчик. Тем не менее впервые за те годы, что «Стремительный» вынужден был оставить Тома на Китрупе, она испытывала нечто вроде физического влечения.

«Естественно. Меня всегда влекло к героям».

Она вспомнила, как в последний раз Том прикоснулся к ней, в ту последнюю ночь на металлическом острове в ядовитом море. Ночь

накануне его отлета на глайдере на солнечной энергии. Том собирался отвлечь внимание огромных боевых флотов, обмануть могучих врагов и создать проход, чтобы «Стремительный» мог уйти. Левое бедро Джиллиан время от времени все еще ощущало это прикосновение — именно здесь он в последний раз ласково коснулся ее, лежа в своем маленьком воздушном корабле и улыбаясь перед стартом.

— Я вернусь раньше, чем ты это узнаешь, — сказал Том. Если подумать, очень странное метафизическое выражение. А она часто об этом думала.

А потом он исчез, улетел на север, едва не задевая волны, над противоположными приливами Китрупа.

«Я не должна была его отпускать. Иногда нужно сказать герою: достаточно. Пусть кто-нибудь другой спасает мир».

Собираясь выйти из зала для совещаний, Джиллиан увидела, как Олвин, молодой хун, пытается прихватить обоих нуров. Самка его любимица, по всей видимости умное, но не обладающее разумом животное, вероятно, отпрыск местных природных титлалов, потомок тех, кто никогда не подвергался возвышению. Должно быть, тим-

брими запасли здесь, на Джиджо, генный бассейн своих любимых клиентов. Просто на случай, если с кланом произойдет что-то непредвиденное. Мудрая предосторожность, учитывая, сколько у них врагов.

А что касается второго нура, проклятия Двера и его спутника через половину континента, то сканирование мозга показало следы возвышения.

Раса, скрытая внутри расы, сохранившая все особенности, которые тимбрими выработали у своих клиентов.

Иными словами, титлалы — тоже подлинные сунеры, еще одна волна незаконных поселенцев, но под особой маскировкой. Так они могут даже избежать судьбы, которая ожидает родичей Олвина, Гек, Ур-ронн и Клешни.

Но этим все не может исчерпываться. Осторожность не очень характерна для тимбрими и их клиентов. Они не стали бы идти на такие хлопоты, только чтобы спрятаться. Должно быть, это часть чего-то гораздо большего.

Олвину не удавалось забрать Грязнолапого. Не обращая внимания на призывы, нур бродил по столу для совещаний и совал усатую морду во все, что осталось. Наконец титлал встал на задние лапы и принялся разглядывать застывшее изоб-

ражение, последнее переданное разведчиком Каа, — осу тайны.

— Нисс, — негромко позвала Джиллиан.

Рядом со щелчком возникло вертящееся абстрактное изображение.

— Да, доктор Баскин? Вы решили выслушать мое предположение относительно сложной машины Уриэль с вращающимися дисками?

— Позже, — ответила она и показала на Грязнолапого. Теперь Джиллиан видела, что титлал всматривается мимо расплывчатого изображения осы тайны во что-то за ней.

— Попробуй увеличить изображение. Узнай, на что смотрит этот маленький дьявол.

Она не стала добавлять, что и сама кое-что заметила. Нечто такое, что способен заметить только чувствительный к пси. Вторично ей показалось, что она видит слабое присутствие, смутное и эфемерное, плывущее над возбужденными черепными шипами Грязнолапого. Она не была уверена, но что бы это ни было, у него был знакомый привкус.

Можно назвать это сущностью тимбрими.

КАА

Больше в пещере делать было нечего. Робот казался мертвым.

И даже если он оживет, разговор с туземцами будет вестись со «Стремительного». А им пора возвращаться в убежище. Каа уже несколько дней не видел свою команду.

Человеческая пара могла бы задержаться перед тем, как покинуть грот, еще раз оглядеться, чтобы лучше запомнить место, где впервые занималась любовью. Но не дельфины. Как и их патроны люди, неодельфины способны испытывать ностальгию, но они умеют запасать звуковые изображения, как люди записывают изображения с помощью своих приборов. Присоединившись к Пипое под ярким солнечным светом за пределами грота, Каа знал, что они всегда могут снова посетить эту пещеру, просто сблизив крутые изогнутые лбы, воссоздавая уникальные звуковые образы в древней пропасти памяти, которую некоторые называют Сном Китов.

Приятно снова оказаться в просторном море, и Пипое рядом повторяет каждый прыжок и

изгиб тела. Движение после долгого заточения в тесных, забитых машинами помещениях равносильно радости.

Путь вперед тоже был великолепен, но насыщен сильным сексуальным напряжением. Теперь не было ни тайн, ни противоречивых желаний. Большая часть обратного пути прошла в блаженном молчании — словно у простой пары из доразумных дней, свободной от даров и тяжестей возвышения.

Наконец, когда убежище было уже близко, Каа неохотно вернулся к мыслительным ритмам на англике. Чтобы поговорить, он использовал неформальный диалект писков и щелканий, на котором дельфины общаются во время плавания.

— Ну вот и все, — послал он подводный звуковой сигнал во время следующей фазы погружения. — Снова дома, в кругу семьи, какой бы она ни была.

— Семья? — скептически повторила Пипое. — Может, только Брукида. А что касается Мопола и Заки, то разве ты не предпочел бы родственников пингвинов?

«Неужели мое мнение о них так очевидно?» Вынырнув, чтобы набрать воздух, Каа постарался

отделаться шуткой.

— О, нужно отдать должное этим двоим. Они могут поджечь океан, пока мы отсутствуем.

Пипое рассмеялась, потом добавила:

— Думаешь, они будут ревновать?

Хороший вопрос. Дельфины в отличие от людей с их сложной игрой эмоциональных обманов не могут скрывать личные отношения. Сканируя звуком внутренности друг друга, они могут не гадать, кто с кем спит.

«Зависть не была бы проблемой, если бы я с самого начала проявил свою власть как офицер и самец более высокого ранга».

К несчастью, привычка к подчинению и к уважению старших по рангу — недавняя концепция, навязанная людьми. В глубине души каждый самец дельфин испытывает древние порывы нарушить статус и бороться за свои права размножения.

«Выбор Пипое может укрепить положение Каа в местной иерархии. Хотя мне не следовало бы нуждаться в помощи, если я настоящий лидер».

— Ревность. — Он задумался, по-прежнему с силой ударяя по воде плавниками, увлекая Пипое в свою волну. — Эти двое очень сексуальны, так что, вероятно, будут испытывать ревность. Но по

крайней мере Мопол и Заки перестанут приставать к тебе с безнадежными предложениями.

С первого же дня появления Пипое молодые самцы неоднократно делали ей грубые предложения, даже сладострастно терлись о нее, пока их не прогонял Каа. Конечно, дельфины гораздо терпимее к подобному поведению, чем люди, — и Пипое способна постоять за себя, — но эта пара была так настойчива, что Каа приходилось колотить их хвостом, чтобы отогнать.

— Безнадежными? — насмешливо переспросила Пипое. — Теперь ты высказываешь предположения. Откуда ты знаешь, что я моногамна? Может, мне больше подходит небольшой гарем?

Каа раскрыл пасть и собрался укусить ее за ближайший грудной плавник, но проделал это медленно, чтобы она со смехом могла увернуться.

— Хорошо, — заметила она. — Турсиопы Тихого океана известны своими странностями. Но я предпочитаю спокойных и консервативных финов из Атлантики. Ты ведь из Подводного Майами? Вероятно, родился в старомодной семье с традиционным браком?

Каа хмыкнул в ответ. Даже англик с основой на сонаре дается с трудом во время быстрого

плавания.

— Один из вариантов семьи Хайнлайна, — подтвердил он. — Этот стиль больше подходит дельфинам, чем людям. А что? Подыскиваешь семью, чтобы войти в нее?

— М-м-м. Я бы предпочла начать новую. Всегда мечтала стать матриархом-основателем — если позволят хозяева Возвышения.

Это вечное большое Если. Ни один неодельфин не может иметь законное потомство без разрешения Террагентского Совета Возвышения. И хотя люди предоставили дельфинам необычную свободу, право голосовать и все права граждан, они все равно подчиняются древним галактическим законам.

А главный закон Возвышения гласит: совершенствуй своих клиентов или потеряешь их.

— Ты, наверно, шутишь, — ответил Каа. — Если кому-нибудь со «Стремительного» удастся вернуться домой из этого безумного путешествия, никому из нас, финов, больше не придется сдавать экзамен. Нас могут стерилизовать на месте за все те неприятности, что мы причинили. Или мы будем объявлены героями и всю остальную жизнь будем поставлять сперму, став отцами почти всего будущего поколения неофинов.

В любом случае никакой уютной семейной жизни. Ни для кого из нас.

Он сам не ожидал, что выйдет так иронично и горько. Но Пипое, должно быть, поняла, что он говорит правду. Она по-прежнему плыла рядом, но ее молчание говорило Каа, насколько она поражена.

Здорово. Все было так хорошо: эта удивительная вода, рыба, которую мы поймали на завтрак, наша любовь. Ну что стоило не мешать ей помечтать немного, представить себе счастливый конец? Сохранить фантазию, что мы еще можем вернуться домой и вести нормальную жизнь?

— Каа! — От возгласа Брукиды задрожало все маленькое убежище. — Я рад, что вы вернулись. Хорошо ли все прошло? Погоди, сначала я расскажу, что обнаружил, сопоставляя пассивные сейсмические эхо с места, где находится «Стремительный». Необработанные данные я передал в одну из старых программ Чарлза Дарта, чтобы получить томографическое изображение структурной зоны.

Все это стремительно, без пауз. Люди сказали бы «не переводя дыхания».

— Здорово, Брукида. Но отвечая на твой вопрос, наша вылазка прошла не так успешно, как

мы надеялись. У нас есть приказ собраться и свернуть лагерь. Джиллиан и Тш'т планируют переместить корабль.

Брукида покачал пятнистой серой головой.

— Разве это не рискованно? Можно выдать положение «Стремительного».

— Оно уже известно. Доктор Баскин полагает, что джофуры просто чем-то заняты, но долго это не будет продолжаться.

Каа должен был выяснить, что сунеры знают о подобных вещах. Может быть, кузнец Уриэль знает что-нибудь о планах джофуров. Никто не винит Каа в неудаче — во всяком случае, не вслух. Но он знал, что совет корабля разочарован.

«Я предлагал послать кого-то более подготовленного к шпионажу».

Он осмотрелся.

— А где остальные?

Брукида вздохнул с дрожью.

— Отправились покататься на санях Пипое. Или рвут сети местных хунов и квуэнов.

«Черт побери!» — выругался Каа. Он приказал Заки и Мополу не удаляться от купола больше чем на километр и следить за мониторами, уже установленными в порту Вуфон. И прежде всего они не должны были привлекать внимание

сунеров.

— Им стало скучно, — объяснил Брукида. — Теперь, когда на борту «Стремительного» Олвин и другие местные эксперты, наша команда не очень и нужна. Именно поэтому я принялся наблюдать за потоками лавы в зоне расположения корабля. С Китрупа это у меня первая возможность проверить идею, основанную на старых исследованиях Чарлза Дарта. Помнишь те странные существа, которые жили глубоко под корой Китрупа? Те самые, у которых непроизносимое название вида?

Пипое сказала:

— Ты имеешь в виду карранк-к?

Она прекрасно изобразила тон с двумя повышениями в конце, напоминающий шипение готового взорваться парового котла.

— Да, именно. И вот я все думал, какая экосистема может содержать их там внизу. Это заставило меня предположить…

Брукида замолчал. Все три дельфина повернулись и посмотрели на участок стены за ними, откуда послышался низкий скрежещущий звук. От дрожи у Каа заломило челюсти.

Вскоре все убежище стонало на звуковой частоте, которую Каа узнал.

— Сейсер! Кто-то нападает на купол!

— Упряжи!

По его приказу все бросились к стойке, где висели готовые к использованию упряжи с тяжелыми инструментами. Каа проскользнул в отверстие своего тщательно подогнанного аппарата и почувствовал, как гладко встают на место многие контрольные поверхности. К невральному гнезду за левым ухом подсоединился контрольный кабель. Он высвободил упряжь из стойки, и ожили руки-роботы. Упряжь Пипое высвободилась на мгновение позже.

В противоположной стене, выше и ниже уровня ватерлинии, появился грубый раскаленный прямоугольник.

— Они прорезают стену! — крикнула Пипое.

— Маски для дыхания! — приказал Каа. Из упряжи поднялся шланг и плотно закрыл ему дыхало. Запасенный воздух кажется еще более затхлым, чем та рециклированная атмосфера, которой они дышали под куполом. Каа послал невральный приказ активизировать резак и сейсер, которые в схватке могут послужить оружием.

Но инструменты не слушались!

— Пипое! — закричал Каа. — Проверь свои.

— Я помогаю Брукиде! — прервала она. — Его упряжь застряла!

Каа забил по воде плавниками, раздраженно запищав. И поскольку другого выхода не было, загородил ее своим телом от дальней стены.

Которая уже рухнула в облаке пены.

ДЖИЛЛИАН

— Я обнаружил несколько интересных вещей, — сказал Нисс, машина, когда Джиллиан проснулась после короткого искусственного сна. — Первая имеет отношение к этой удивительной туземной машине, построенной и управляемой урским лудильщиком Уриэль.

В своем затемненном кабинете Джиллиан смотрела на появившееся изображение колес, шкивов и дисков, вращающихся в радуге цветов. Поблизости древний труп — Херби, — казалось, разглядывает ту же сцену. Игра теней делала его загадочное мимуфицированное лицо улыбающимся.

— Попробую догадаться. Уриэль создала компьютер.

Нисс изобразил удивление. Его спиральные линии собрались в узел.

— Вы знали?

— Подозревала. Судя по рассказам детей, Ури-

эль не стала бы тратить время на что-нибудь бесполезное или абстрактное. Она хотела дать своему народу нечто особенное. То, от чего ее предкам пришлось отказаться.

— От обладания компьютерами. Хороший вывод, доктор Баскин. Уриэль нацелилась высоко — стать Прометеем. Принести своему народу огонь расчетов.

— Но без цифрового сознания, — заметила Джиллиан. — Компьютер, который невозможно обнаружить.

— Верно. В нашей захваченной ячейке Библиотеки я не нашел никаких указаний на подобное устройство. Поэтому я заглянул в доконтактное издание 2198 года «Британской энциклопедии». И прочел об аналоговых расчетах с помощью механических компонентов, которые на короткое время расцвели на Земле и которые имеют несомненное сходство с техникой, какую мы видим в зале вертящихся дисков Уриэль.

— Помню, я слышала об этом. Может, Том упоминал.

— А говорил ли он о том, что то же самое можно достичь с использованием простых электронных цепей? Сеть сопротивлений, конденсаторов и диодов может копировать множество уравнений. И

связывая такие устройства друг с другом, можно получить решение ограниченных проблем.

Стоит задуматься о военном потенциале подобных систем. Например, возможно управление оружием без цифровых приборов, такое оружие невозможно будет обнаружить.

Голограмма Нисса дернулась, и Джиллиан истолковала это как пожатие плечами.

— Но если бы эта идея была осуществима, она нашла бы отражение в Библиотеке.

Вот оно опять. Даже тимбрими разделяют это всеобщее убеждение: все стоящее за два миллиарда лет уже сделано. Это предположение почти всегда оказывается справедливым. Тем не менее волчата люди отвергают его.

— Ну и что? — поторопила Джиллиан, — Ты узнал, что рассчитывает Уриэль?

— А, да. — Линии задумчиво завертелись. — То есть, вероятно. Или скорее нет, не узнал.

— А в чем затруднение?

Нисс проявил раздражение.

— Трудность в том, что все алгоритмы, используемые Уриэль, земного происхождения.

Джиллиан кивнула.

— Естественно. Ее книги по математике происходят из так называемой Великой Печати,

когда знания человечества затопили эту планету — преимущественно в виде печатных текстов. Зеркальное отражение того, что Галактическое общество сделало с Землей. На Джиджо мы высвободили огромные знания, поглотившие все предшествующие убеждения.

Отсюда и недавнее причудливое происшествие — Джиллиан обсуждала достоинства литературных произведений Жюль Верна с не похожими на людей молодыми существами по имени Олвин и Гек, у которых нет ничего общего со скучными и тяжеловесными галактическими нормами.

Нисс согласился, наклонив вихрь из вращающихся линий.

— Вы уловили мои затруднения, доктор Джиллиан. Хотя мои создатели симпатизируют землянам, сами они были возвышены и стали полноправными галактическими гражданами в рамках общей традиции. Особенности моей программы уникальны, но я был создан в соответствии с установленными принципами, выработанными за долгие эпохи использования цифровых компьютеров. И эти традиции противоречат земным суевериям.

Джиллиан украдкой кашлянула. Нисс поклонился.

— Прошу простить. Я хотел сказать, «земным обычаям».

— Можешь привести пример?

Могу. Подумайте над противоречием между словами/концептами «дискретный» и «непрерывный».

Согласно галактической науке, всего можно достичь с использованием математики, складывая и вычитая, используя целые числа и рациональные дроби. Сложные арифметические алгоритмы позволяют нам, например, понять поведение звезды, разделив ее на мелкие частицы, моделируя эти частицы упрощенным способом, затем соединяя части. Таков цифровой способ.

— Для этого требуется огромная память и компьютерная энергия.

— Верно, но все это легко достижимо и достаточно для решения любой задачи, какую вы сможете поставить.

Теперь посмотрим на доконтактных волчат людей. Ваша раса провела много столетий в полуцивилизованном состоянии, вы готовы были задавать сложные вопросы, но у вас не было доступа к транзисторам, квантовым переключателям или бинарной обработке данных. До тех пор пока ваши гении Тюринг и фон Нейман не

открыли способности цифровых компьютеров, поколения ваших математиков должны были обходиться карандашом и бумагой.

А каков результат? Смесь гениального и глупого. Абстрактный дифференциальный анализ и кабалистическая нумерология. Алгебра, астрология и геометрическая топология. Большая часть этой смеси основана на нелепых концепциях, таких, как непрерывность, или на подходяще названных иррациональных числах, или на поразительном убеждении, что в каждом малом скрываются бесконечности.

Джиллиан раздраженно вздохнула.

— Вскоре после контакта лучшие умы Земли пытались объяснить нашу математику. Снова и снова доказывали мы, что она последовательна и логична. Что она работает.

— Но она не дает ничего, что не могли бы мгновенно решить подобные мне вычислительные машины. Галактические ученые отбросили все эти хитроумные уравнения как трюкачество и попытки найти кратчайший путь, а может, просто как бред дикарей.

Джиллиан кивком выразила согласие.

— Так уже было один раз, ты знаешь. В двадцатом веке после Второй мировой войны побе-

дители сразу разошлись по противоположным лагерям. Те специалисты, которых ты упомянул: Тюринг и фон Как-его-там, — они работали на Западе, помогая совершить нашу собственную цифровую революцию.

А тем временем Востоком правил диктатор, мне кажется, его звали Сталь.

— Согласно «Британнике», вы имеете в виду Сталина? Да, я вижу связь. До самой своей смерти Сталин по идеологическим причинам препятствовал развитию русско-советской науки. Он запретил работы генетиков, потому что они противоречили взглядам коммунистов на возможности достижения совершенства. Больше того, он подавил развитие компьютеров, называя это направление «декадентским». И даже после его смерти на Востоке многие по-прежнему считали, что расчеты грубы, неэлегантны и годятся только для приблизительных оценок. Для истины же нужна чистая математика.

— Так вот почему такое количество выдающихся математиков происходит из России, — усмехнулась Джиллиан. — Похоже на перевернутое изображение того, что произошло с Землей после контакта.

Нисс на мгновение задумался.

— На что вы намекаете, доктор? Что Сталин был отчасти прав? Что вы, земляне, правы? Что вы обнаружили то, что пропустила вся остальная вселенная?

— Кажется невероятным, верно? И все же разве не ничтожная вероятность того, что это правда, заставила твоих создателей направить тебя на корабль?

И снова линии завертелись.

— Хороший довод, доктор Баскин.

Джиллиан встала и начала проделывать серию физических упражнений. Короткий сон помог ей. Тем не менее ей предстоит решить сотни проблем.

— Послушай, — сказала она машине Нисс. — Есть ли цель, ради которой ты все это говоришь? Есть ли у тебя ключ к проблеме, которую пытается решить Уриэль?

Она показала на изображение колес, шкивов, кожаных ремней и вращающихся дисков.

— В одном слове, доктор? НЕТ.

О, я могу заключить, что Уриэль моделирует набор одновременных дифференциальных уравнений — если воспользоваться старинной терминологией волчат. Ранг рассматриваемых числовых величин кажется простым, даже триви-

альным. Я мог бы превзойти этот так называемый компьютер, используя всего одну квадрильонную долю своей мощности.

— Почему ты этого не делаешь?

— Потому что для решения вначале нужно расшифровать забытый язык. Мне нужен ключ, Розеттский камень, после чего все станет предельно ясно.

Короче, мне нужна помощь землян, чтобы выяснить значение выражений.

Джиллиан пожала плечами.

— Еще один прорыв. Но на этом корыте недостаток математиков. Со старой математикой забавлялись Крайдайки и Том. Я знаю, что то же делали Чарлз Дарт и Такката-Джим.

Она вздохнула.

— И Эмерсон Д'Аните. Он был последним, кто мог бы помочь тебе.

Джиллиан направилась к своей справочной панели.

— Наверно, можно просмотреть личные файлы, чтобы выяснить, нет ли еще кого.

— Возможно, это не необходимо, — прервал ее Нисс. — Возможно, удастся связаться с одним из упомянутых вами специалистов.

Джиллиан мигнула, не веря собственным

ушам.

— Вы поручили мне еще одно дело — на что смотрел этот хищный разумный титлал, которого называют Грязнолапым, в конце заседания совета. Чтобы выяснить это, я увеличил последнюю сцену, переданную камерой разведчика, прежде чем ее вывели из строя осы тайны.

Смотрите внимательно, доктор.

На большом экране появилось последнее изображение, присланное переставшей работать камерой. Джиллиан было физически болезненно смотреть на бьющиеся крылья насекомых, и она испытала облегчение, когда Нисс переместил фокус в угол поля, убрав с экрана ос тайны. Крупным планом стала видна часть машины кузнеца Уриэль — чудо изобретательности и находчивости.

«Я проходила курс старой математики до того, как поступила в медицинскую школу. Нисс может предоставить доконтактные тексты. Нужно только вдохновение. Какая-то интуиция волчат».

Но тут мысли ее прервались, ее увлекло яркое увеличенное изображение. Перед ней лабиринт импровизированных лесов, полный теней, в которых видны яркие вспышки.

Вся эта невероятная деятельность должна привести к чему-то очень важному.

Теперь Джиллиан видела цель Нисса — тени с мягкими очертаниями формы жизни, рискованно снующие по пересечениям тросов. Некоторые маленькие, со змееобразными торсами и множеством ног, в миниатюрных руках со множеством суставов у них инструменты.

«Миниатюрные уры, — поняла она. — Обслуживающая команда?»

Над этими возвышался больший силуэт. Джиллиан ахнула, поняв, что это человек. Но потом вспомнила.

Конечно. Люди — союзники Уриэль и искусные техники. Они также хорошо карабкаются на леса и в состоянии обеспечить работу машины.

Сейчас Нисс, должно быть, до предела использует свои возможности увеличения. Скорость увеличения замедлилась, и под разрешающей силой компьютера медленно начали исчезать тени. Вскоре Джиллиан поняла, что человек-мужчина, судя по форме шеи и плеч. Он на что-то показывает, может быть, дает задание маленьким урам.

Джиллиан увидела, что у него длинные волосы, зачесанные так, чтобы прикрыть страшный шрам. На мгновение она увидела неровную рану на виске…

Еще мгновение спустя изображение настолько

прояснилось, что стала видна улыбка.

Узнавание подействовало словно поток ледяной воды.

— Боже мой, не может быть!

Нисс был одновременно доволен и заинтересован.

— Вы подтверждаете сходство?

— Похоже на инженера Эмерсона Д'Аните.

Члена нашего экипажа, которого мы считали убитым Древними во Фрактальной системе.

Его разведочный корабль был окутан всепожирающим светом, когда «Стремительный» кружным маршрутом уходил на Джиджо.

У машины Нисс есть одна общая черта с ее создателями — глубочайшая любовь к сюрпризам. Теперь Нисс выразил свое удовольствие довольным гулом.

— Вы часто спрашиваете, как кто-нибудь мог последовать за вами в этот заброшенный угол вселенной, доктор Баскин.

Кажется, этот вопрос приобретает новые уровни значения.

КАА

Ему так и не удалось сразиться.

Да и как это было возможно, если все оружие отказало с самого начала? К тому же Каа не был уверен, что сможет причинить вред кому-нибудь из своего вида.

Очевидно, у нападающих таких ограничений не было.

Разрушенное убежище лежало далеко внизу, его обломки рассыпаны по континентальному шельфу. Вместе с Пипое и Брукидой Каа едва удалось увернуться от рушащихся стен, избежать водоворота металла и пены, только чтобы увидеть пистолеты хорошо вооруженных нападающих. Их погнали на поверхность, и теперь они тяжело дышали под лучами вечернего солнца.

Напротив, гладкое тело Мопола почти лениво лежало на скоростных санях, которые Пипое привела в убежище со «Стремительного». Мопол управлял двигателем и оружием импульсами, которые посылал через невральное гнездо. Поблизости в упряжи и полном вооружении плавал Заки. Он объяснял ситуацию.

— Вот какое дело, пилот. — Он произносил сло-

ва не очень отчетливо. — Вы трое будете делать, что говорят, иначе…

Каа покачал головой и нижней челюстью плеснул в глаза Заки воду.

Глупые угрозы от того,

Кто слишком часто смотрел кино!

Просто говори, придурок. Немедленно!

Мопол сердито зашипел, но Пипое рассмеялась над затруднением Заки. Теперь продолжать угрозы означало выполнить приказ Каа. Конечно, это не очень серьезная проблема, не полное поражение. Но Каа чувствовал, что сейчас нужно хоть немного вернуть инициативу.

— Мы… — Заки с силой выдул воздух и попытался продолжить. — Мы с Мополом больше не члены экипажа «Стремительного». Мы не вернемся назад, и вы не сможете нас заставить.

«Так вот в чем дело», — подумал Каа.

— Дезертирство! — возмущенно выпалил Брукида. — Бросить товарищей, когда они больше всего в вас нуждаются!

Мопол издал резкий звук отрицания.

— Наш законный срок службы кончился почти два года назад.

— Верно, — согласился Заки. — И мы никогда

не соглашались на это безумие — убегать, словно раненая кефаль, через всю галактику.

— Вы собираетесь стать сунерами, — заинтересованно сказала Пипое. — Жить дикой жизнью в этом море.

Мопол кивнул.

— Когда мы покидали корабль, кое-кто уже говорил об этом. Эта планета для нас рай. Весь экипаж должен сделать то же самое.

— Но если они не хотят, — добавил Заки, — то мы сделаем одни.

И добавил для выразительности хайку:

Шесть или семь кланов
Уже сделали это на берегу.
У нас есть прецедент!

Каа понял, что не сможет изменить их намерения. На его лучшие уговоры море ответит своей прекрасной минеральной гладкостью и соблазнительным эхом вкусной рыбы. Со временем дезертиры почувствуют, что им не хватает удобств цивилизованной жизни, или они соскучатся, или поймут, что даже в мире без крупных хищников есть свои опасности. В воде чувствовался слабый вкус изменчивости, и Каа подумал, видел ли кто-нибудь из мятежников настоящую

бурю.

Но разве другие поселенцы не сталкивались с такими же проблемами? Г'кеки, квуэны и даже люди?

— Джофуры могут вам сильно помешать, — сказал он.

— Мы рискнем.

— А если вас поймают Институты? — спросил Брукида. — Ваше присутствие — это преступление, которое может очень тяжело отразиться на…

Мопол и Заки рассмеялись. Даже Каа легко мог бы отвести этот довод. Ведь люди и шимпы уже на Джиджо. И если клан землян понесет коллективное наказание за это преступление, несколько дельфинов, живущих в море, вряд ли ухудшат положение.

— Так что вы собираетесь с нами делать? — спросил Каа.

— Ничего особенного. Вы с Брукидой можете свободно плыть к вашей драгоценной Джиллиан Баскин, если захотите.

— Но на это потребуется неделя! — возразил Брукида. А Каа пришлось удерживать невольную дрожь своих механических рук, когда он понял, на что намекает Заки. И прежде чем он справил-

ся со своим речевым центром, Пипое выразила его ужас.

— Только Каа и Брукида? Вы требуете, чтобы я осталась?

Мопол с такой радостью выразил согласие, что это было скорее похоже на гортанный дельфиний праязык, чем на тринари.

— Таков наш план, — подтвердил Заки. — Плохая у нас получится колония без единой самки.

Неожиданно Каа понял, что этот план разрабатывался давно. Приступ у Мопола должен был привлечь сюда с корабля одну из медсестер Макани. Почти все они молодые самки, и Пипое лучшая добыча.

— Вы хотите к своему дезертирству добавить и похищение? — спросила она не столько в страхе, сколько с интересом.

У Каа закипела кровь: Заки проплыл рядом с Пипое, перевернувшись и касаясь ее живота.

— Немного погодя ты не станешь это так называть, — пообещал Заки, переворачиваясь и оставляя за собой цепочку пузырей. — Со временем ты скажешь, что это твой самый счастливый день.

И тут терпение Каа кончилось. Он ударил плавниками и бросился.

Сначала темнота, потом все в тумане, в боли и оцепенении.

Инстинктивно тело Каа совершало все необходимые движения. Становилось вертикально. Высовывало дыхало над водой. Дышало. Снова погружалось. Позволяло разорванной личности снова медленно соединиться.

— Давай, мой мальчик, — говорил ему помогающий. — Еще немного.

Каа послушно плыл дальше, делал то, что велели. Этому учишься рано: если тебя ранили, всегда повинуйся помогающему. Это может быть твоя мать, тетка или какой-нибудь взрослый самец. Всегда рядом оказывается помогающий, иначе море поглотит тебя.

Со временем он вспомнил имя помогающего — Брукида. Начал вспоминать и своеобразный плеск воды недалеко от берега. Каа даже отчасти вспомнил, что привело его в такое состояние, что всякое представление о речи исчезло из сознания.

Была схватка. Он боролся против превосходящего противника, надеясь захватить его врасплох простой стремительностью и смелостью своего нападения.

Потребовался всего один удар концентриро-

ванного звука, чтобы отправить его в двойное сальто, причем дрожь сотрясала каждую мышцу. Парализованный, он смутно чувствовал, как уплывают два самца и уводят с собой его любовь.

— Тебе лучше? — спросил Брукида. Пожилой дельфин сонаром просветил внутренности Каа, проверяя его состояние. Затмевающие сознание тучи начали расходиться. Достаточно, чтобы вспомнить кое-что еще. Разбитое убежище — к нему не стоит плыть. Безнадежность преследования скоростных саней, даже если на них три пассажира, поскольку скоро ночь.

Травмированный мозг посылал приказы по невральной линии, и механические руки дергались. Каа сумел немного поднять голову, когда дышал в следующий раз, и узнал очертания береговых холмов. Брукида вел его ближе к туземному рыбацкому поселку.

— Мопол и Заки порвали все кабели и трансмиттеры в куполе. Но я считаю, что мы можем найти линии, ведущие к роботам-разведчикам в порту Вуфон, подсоединиться к ним и связаться с кораблем.

Хаотические мысли Каа постепенно приходили в порядок. Достаточно, чтобы понять, что говорит старый фин. Возвращение к разумности вызы-

вало противоречивые чувства. Он испытывал облегчение от того, что потеря временная, но тосковал по простоте, которая сейчас должна уйти, смениться срочными безнадежными делами.

Тринари вернулся легче англика.

Мы должны преследовать
Отродье сифилитических червей,
Пока их звуковой след еще свеж!

— Да, конечно, я согласен. Ужасное положение у Пипое, бедной девочки. Но сначала свяжемся со «Стремительным». Может, нам смогут помочь.

Каа понимал разумность этого предложения. Одним из принципов человеческой законности, который находил аналогии у естественных китообразных, была организация отрядов взаимопомощи и соблюдения закона. Когда совершается преступление против всей стаи, можно звать на помощь. Нельзя встречаться с трудностями в одиночку.

Он позволил Брукиде отвести его в место, где внизу, подальше от глаз наблюдателей с берега, проложены кабели. Гулкий прибой напомнил Каа счастливые утренние занятия любовью. Этот звук заставил его издать протестующий писк на праймале. Он протестовал против несправедли-

вости случившегося. Найти подругу и потерять ее в тот же день.

В воде вкус хунов и квуэнов, а также дерева и смолы. Каа отдыхал на поверхности, восстанавливая сознание, а Брукида нырнул, чтобы установить связь.

— Сейсер. Заки выстрелил в меня лучом из сейсера.

Смутно он сознавал, что Заки, возможно, спас ему жизнь. Если бы этот залп не остановил его, следующим, несомненно, выстрелил бы Мопол. И выстрелил бы из мощного оружия саней.

— Спас меня ради чего?

Ифни, скажи мне, в чем смысл?

Каа не считал, что у него снова есть прозвище.

Несколько часов — и оно снова исчезло. Она унесла его с собой.

Рядом вынырнул Брукида, оживленный, достигший быстрого успеха.

— Готово! Пошли, Каа. На линии Джиллиан. Она хочет поговорить с тобой.

В жизни иногда приходится делать выбор. Нужно выбрать, по какому течению плыть, какой прилив приведет к судьбе.

Иногда тебя разрывает на части, словно с двух сторон ухватили два гигантских кальмара, один

укусил за плавники, другой играет в перетягивание каната с твоим рылом.

Каа слышал приказ. Он понял его.

Но не был уверен, что сможет его выполнить.

— Мне очень жаль, что так случилось с Пипое, — сказала Джиллиан Баскин. Голос ее прорывался сквозь треск импровизированной линии связи, подключенной непосредственно к слуховому нерву Каа. Мы освободим ее и воздадим должное дезертирам, когда обстоятельства позволят. Поверь мне, это первостепенное дело.

Но сейчас важнее другое. От этого зависит наша жизнь, Каа.

Женщина помолчала.

— Я хочу, чтобы ты направился в гавань Вуфона.

Пора одному из нас появиться в городе.

СУНЕРЫ
ЭВАСКС

Мои кольца, наконец-то это произошло.

Радуйтесь! Вашему мастер-кольцу удалось наконец восстановить некоторые жирные воспоминания, которые вы/мы/Я считал навсегда утраченными. Эти ценные следы памяти, ко-

торые исчезли, когда храбрый и глупый Аскс растопил воск!

Этот акт неверно понятой преданности слишком на долгое время уменьшил полезность этой гибридной груды колец. Некоторые из экипажа «Полкджи» называли Меня/нас неудавшимся экспериментом. Даже капитан-лидер усомнился в этой попытке превратить дикого треки в нашего верного эксперта по джиджоанским проблемам.

Следует признать, что наши/Мои сведения о Шести Расах оказались неполными. Допускались ошибки вопреки/благодаря нашим советам.

Но теперь Я/мы вернул утраченные секреты! Вернул убеждения, некогда заполнявшие центр мульчи рассеянного существа, которое называлось Асксом.

Глубоко под расплавленным воском сохранилось несколько воспоминаний.

Не дергайтесь так! Вы должны радоваться такому важному открытию.

Яйцо.

До сих пор мы встречались только с высокомерием и самонадеянностью со стороны рас сунеров, задержками и неохотным сотрудничеством с высланными нами разведывательными группами.

Паразитов г'кеков не собирают в назначенных пунктах.

Нет миграции груд треки для оценки и преображения.

Рои роботов начали прочесывать местность в поисках групп г'кеков и треки и гнать их в огражденные места, где их можно сосредоточить в большем количестве. Но эта задача оказалась трудной и малоэффективной. Было бы гораздо удобней, если бы местные жители выполнили эту задачу.

И что еще хуже, эти падшие существа по-прежнему утверждают, что ничего не знают о нашей добыче — земном корабле.

Добиться большего сотрудничества оказалось трудно.

Нападения на населенные пункты встречены покорно. Население разбегается.

Их мрачная религия противопоставляет нам стоическую пассивность. Трудно внушить надежду тем, у кого ее никогда не было.

Но теперь у нас есть новая цель!

Имеющая для Шести Рас гораздо большее значение, чем любая из их деревень. Цель, которая способна убедить их в нашей безжалостной решимости.

Мы уже кое-что знали о Святом Яйце. Его излучения раздражали, искажая данные наших приборов, но мы считали это геологической аномалией. Пси-резонирующие формации известны на некоторых планетах. Вопреки местной мифологии, в нашей корабельной Библиотеке можно отыскать несколько аналогичных случаев. Редкий феномен, но доступный объяснениям.

И только теперь мы поняли, какова роль этого камня в местной религии. Для туземцев это центральный объект поклонения. Их «душа».

Как забавно.

Как патетично.

И как удобно.

ВУББЕН

Когда его престарелые колеса в последний раз катились по этой пыльной тропе, это было в обществе двенадцати дюжин одетых в белое паломников — лучших глаз, умов и колец всех шести рас, проходивших мимо крутых утесов и выбросов пара, чтобы попросить руководства у Святого Яйца. На то время, когда полная надежд процессия заставляла стены каньона вибриро-

вать в такт, в Общине сохранялись единство и мир.

Увы, прежде чем добраться до цели, группа оказалась в водовороте огня, кровопролития и отчаяния. И вскоре мудрецы и их последователи были слишком заняты выживанием, чтобы размышлять над невыразимым. Однако за все последующие недели Вуббен никак не мог забыть о недоконченном деле. О чем-то жизненно важном, но незавершенном.

Отсюда и его одиночное возвращение, хотя при этом его колеса оказываются слишком близко к кораблю джофуров. Оси Вуббена дрожали от трудного подъема, и он с тоской вспоминал храброго квуэна, который добровольно вызвался отнести его сюда в удобстве на широкой серой спине.

Но он не мог этого принять. Несмотря на возраст и скрип в колесах, Вуббен должен был прийти один.

Наконец он добрался до последнего поворота перед входом в Гнездо. Вуббен остановился, чтобы перевести дыхание и привести в порядок мысли перед предстоящим испытанием. Мягкой тряпкой он вытер зеленый пот со всех четырех век и глазных стебельков.

Говорят, что организм г'кеков не мог развиться

на планете. Наши колеса и тонкие конечности больше подходят искусственным мирам, где жили наши богоподобные предки, прежде чем сделали большую ставку, выиграли и все потеряли.

Он часто думал, каково было жить в огромном вращающемся городе, внутреннее пространство которого заполнено бесчисленными хрупкими дорогами, которые изгибаются, как витой сахар. Эти дороги разумны, они изгибаются, поворачивают и соединяются по вашему приказу, так что путь между двумя пунктами может быть прямым или великолепно изогнутым, как вам больше нравится. Жить там, где планета не давит на вас безжалостно дур за дуром от рождения до смерти, раздавливая ободья и забивая подшипники жесткой пылью.

Больше чем любой другой расе, г'кекам приходилось тяжело трудиться, чтобы любить Джиджо. Наше убежище. Наше чистилище.

Как только Яйцо дало знать о своем присутствии, стебельки Вуббена невольно сжались. От земли исходили колебания тайвиш. Спорадические рисунки дрожи становились все более напряженными, чем ближе он подходил к их источнику. Вуббен задрожал, когда новая волна

колебаний накатилась на него, погладила напряженные оси, заставила вибрировать мозг в прочном черепе. Слова, даже на галактическом два или три, не могут выразить это ощущение. Пси-эффект не вызывает галлюцинаций или драматичных эмоций. Скорее, возникает ощущение ожидания, оно постепенно усиливается, нарастает, как будто наконец начинает осуществляться какой-то долгожданный план.

Эпизод достиг высшего напряжения, но вот оно схлынуло, и в нем все еще не было связности, на которую Вуббен надеялся.

«Теперь начнем по-настоящему», — подумал он. Его двигательные шпульки задрожали, ведь им помогали только слабые толчковые ноги; оба колеса повернули от заходящего солнца к загадке.

* * *

Яйцо, округлый камень, возвышалось над головой и уходило на расстояние в половину полета стрелы, прежде чем начать закругляться. Столетие паломничества вырыло колею в слежавшейся пемзе, тем не менее Вуббену потребовался почти мидур, чтобы в первый раз обойти овоид у основания. Масса Яйца продавила углубление в боку

вулкана. По пути Вуббен поднимал тонкие руки и глазные стебельки в благословении, подкрепляя свою мысленную мольбу языком жестов.

«Помоги твоему народу», — просил Вуббен, настраивая свои мысли, гармонизируя их с вибрацией циклоида.

«Поднимись. Проснись. Вмешайся и спаси нас».

Обычно для связи требовалось больше одного просителя. Вуббен добавил бы свой вклад к терпению хуна, упорству квуэна, альтруистическому дружелюбию треки, а также к цепкости и ненасытности, которые делают такими похожими лучших людей и уров. Но передвижение такой большой группы могли бы заметить джофуры. Да он и не мог просить других рисковать быть пойманными в обществе г'кека.

С каждым оборотом вокруг Яйца он поднимал глазной стебелек и вглядывался в гору Ингул, чья вершина видна была за краем кратера. Фвхун-дау обещал поместить там семафорную группу, которая должна была дать сигнал при приближении угрозы — или если появятся шансы на договор с чужаками. Пока на вершине на западе не видно вспышек.

Но и другие отвлечения спутывали мысли.

В той же самой западной части неба повис Лусен; вдоль терминатора в форме полумесяца, который отделяет темную половину от светлой, видны яркие точки. Традиция утверждает, что это отражения от куполов, накрывающих города. Улетая, буйуры оставили их нетронутыми, поскольку на Лусене нет естественной экосистемы, которую нужно было бы восстанавливать. Время едва прикоснется к ним, пока этой галактике и ее мириадам звездных систем не придадут новый законный статус и в спиральных рукавах снова оживет торговля.

Как эти лунные города должны были искушать первых г'кеков, бежавших из своих покинутых космических жилищ, лишь на несколько прыжков опередив линчующие толпы. Пройдя бури Измунути и оказавшись наконец в безопасности, они увидели в этих куполах напоминание о доме. Обещание низкого тяготения и гладких ровных поверхностей.

Но такие места не могут служить долговременным надежным убежищем от безжалостных врагов. Для беглецов больше подходит поверхность планеты, с ее жизнеобеспечивающей системой и отсутствием необходимости в компьютерах. Сложная мешанина естественного

мира делала его надежным укрытием, где можно вести примитивный образ жизни и добывать пищу, как животные.

На самом деле у Вуббена было мало данных, чтобы представить мысли первых колонистов. Единственными письменными источниками того времени были Священные Свитки, а в них почти ничего не говорилось о прошлом, они рассказывали о необходимой гармонии на Джиджо и обещали спасение тем, кто пройдет Тропой Избавления.

Вуббен был известен своим глубоким знанием этих текстов и умением их цитировать. «Но на самом деле мы, мудрецы, уже сто лет назад перестали опираться на эти свитки».

Он продолжил свое одинокое паломничество, завершая четвертый обход, когда обрушилась новая волна тайвиш. Теперь Вуббен был уверен, что циклы становятся все более связными. Но было и ощущение, что гораздо большая сила еще спит под поверхностью — сила, в которой он отчаянно нуждается.

Деды хунов и квуэнов сохранили показания, что в последние дни Дрейка Молодого узор колебаний был необыкновенно мощным. Тогда Яйцо еще сохранило тепло своего рождения — оно

только что вышло из матки Джиджо. Тогда все шесть рас видели принудительные сны, которые убедили даже самых консервативных в том, что это истинное откровение.

В принятии огромного овоида сыграла свою роль и политика. Дрейк и Ур-Чоун в своих призывах истолковывали появление нового знамения таким образом, что оно укрепляло Общину.

Камень мудрости — дар Джиджо, знамение, санкционирующее и ратифицирующее Великий Мир, объявили они, и имели определенный успех. Отныне надежда стала частью обновленной религии, хотя из почтения к Свиткам само это слово использовалось редко.

Теперь Вуббен пытался найти надежду для себя, для своей расы и для всех Шести. Он искал признаки того, что великий камень снова оживает.

«Я чувствую, что это происходит! Только бы он проявил всю свою силу и сделал это быстро».

Но активность камня усиливалась по какому-то собственному ритму, с такой инерцией, которая заставляла Вуббена чувствовать себя насекомым, танцующим рядом с каким-то гигантским существом.

«Может быть, — размышлял Вуббен, — мое присутствие не имеет ничего общего с этими

переменами.

И в том, что произойдет, я совсем не буду участвовать».

БЛЕЙД

Ветер уносил его в неверном направлении.

Неудивительно. Погода на Склоне необычная уже больше года. Но и метафорически Шесть Рас подвержены действию ветров перемен. Тем не менее в конце длинного насыщенного дня у Блейда было достаточно оснований проклинать этот упрямый противный ветер.

К концу дня косые солнечные лучи превращали леса и рощи бу в панораму чередующихся теней и света. Вершины Риммера как фаланга гигантских воинов, их броня блестит под заходящим солнцем. Внизу обширное болото уступает прерии, которая, в свою очередь, становится лесистыми холмами. С большой высоты видно мало признаков обитания. Впрочем, Блейд ограничен неспособностью смотреть непосредственно вниз. Хитиновый панцирь его широкого тела не дает возможности посмотреть прямо на землю под ним.

«Хотел бы я хоть раз в жизни посмотреть, что

находится у меня под ногами!»

Его пять ног в этот момент ничем особенным не заняты. Когти висят в пространстве, иногда рефлекторно сжимаясь, тщетно пытаясь схватить воздух. И что еще более необычно, чувствительные органы вокруг рта не могут, как всегда, касаться земли и грязи, пробовать их текстуру. Они тоже бесполезно повисли. Блейд чувствовал себя немым и обнаженным в том направлении, которое квуэны меньше всего привыкли демонстрировать.

После взлета к этому привыкнуть было труднее всего. Для квуэна структура жизни определяется окружающей средой. Песок и соленая вода — для красного. Пресная вода и грязь — для синего. Мир каменных пещер — для величественных серых. И хотя у их предков были звездные корабли, квуэны Джиджо меньше всего подходят для полетов.

Открытая местность величественно уходила назад, а Блейд рассуждал, что он первым из своего рода за сотни лет поднялся в воздух.

«Какое приключение! Стоит рассказать о нем Грызущей Бревно и остальным матронам, когда я вернусь домой, за дамбу Доло. Личинки в темном логове захотят прослушать этот рассказ раз сорок или пятьдесят.

Если бы только путешествие было чуть беднее приключениями и более предсказуемо.

Я надеялся сейчас уже разговаривать с Сарой, а не плыть прямо в зубастую пасть врага».

Блейд слышал, как над его куполом и зрительной полоской ритмично, с предварительным шипением, раскрываются клапаны, затем следует волна жара. Не в состоянии пошевелиться или повернуть свое подвешенное тело, он мог только представлять себе, как над головой в плетеной корзине работает это урское сооружение, самостоятельно пополняет запасы горячего воздуха и поддерживает воздушный шар на определенной высоте.

Но не в определенном направлении.

Насколько позволяла технология кузнецов, все было автоматизировано, но избежать тирании ветра оказалось невозможно. В распоряжении Блейда было только одно средство управления — веревка, привязанная к ножу высоко над головой. Если он потянет за веревку, нож разрежет оболочку шара, выпустит горячий воздух, и шар начнет опускаться с постоянной скоростью — так уверяли кузнецы, — быстро, но не очень. И у него как у пилота была только одна обязанность: так рассчитать падение, чтобы оно завершилось в

достаточно большом количестве воды.

Но даже если он упадет на большой скорости, особого вреда его бронированному дискообразному телу не будет. Если ноги запутаются в веревках и порванной ткани и все это утащит его вниз, Блейд может задержать дыхание настолько, чтобы высвободиться и выбраться на берег.

Тем не менее было очень трудно убедить выжившие остатки совета, заседавшего в развалинах города Овун, позволить ему испытать эту безумную идею. Члены совета, естественно, не очень верили его утверждению, что их следующим курьером должен стать синий квуэн.

Но в последние дни погибло слишком много человеческих юношей и девушек, устремляясь на хрупких глайдерах. Уры на воздушных шарах ломали ноги и шеи. «А мне нужно только упасть в воду, и я гарантированно смогу выбраться. Нынешние жестокие обстоятельства сделали из меня идеального авиатора!»

Оставалась только одна проблема. Присоединяя Блейда к своему сооружению, кузнецы заверяли его, что в это время года ветер надежен, он дует прямо по долине Гентта. И в течение нескольких мидуров донесет его до озера Процветания. Оттуда потребуется небольшая прогулка пешком,

и к вечеру он доберется до ближайшей семафорной станции. И тогда его сообщения о том, что происходит в разрушенном Овуне, будут переданы потоком вспышек. После чего Блейд сможет утолить свой зуд деятельности и восстановить контакт с Сарой, как он и поклялся. Конечно, если она на горе Гуэнн.

Но ветер изменился меньше чем через мидур после взлета, И обещанная быстрая прогулка на восток превратилась в долгий крюк на север.

По направлению к дому, заметил Блейд. К несчастью, между ним и домом враг. При такой скорости его подстрелят еще до того, как он увидит деревню Доло.

И что еще хуже, он начинал испытывать жажду.

Какая нелепая ситуация, ворчал Блейд, наблюдая, как вечернее солнце сменяется звездами. Ветер периодически сменялся порывами в другом направлении. Несколько раз у Блейда оживала надежда, когда такие порывы относили его к вершинам, на которых он видел другие семафорные станции, передающие вспышки вдоль горной цепи. Очевидно, сегодня передается очень много сообщений, в основном на север.

Но как только в нужном направлении показы-

валось достаточно большое озеро, другой порыв ветра уносил шар в сторону острых скал и деревьев. Раздражение только обостряло жажду.

«Если так будет продолжаться, я буду настолько обезвожен, что прыгну в самую маленькую лужу».

Скоро Блейд понял, как далеко залетел. Когда последние солнечные лучи исчезали с самых высоких вершин, он увидел в горах ущелье, которое узнал бы каждый представитель Шести Рас на Джиджо. Это тропа, ведущая на Поляну Праздников. Здесь ежегодно собирается Община, чтобы отпраздновать — и оплакать — еще один год изгнания. Какое-то время после захода солнца компанию Блейду составлял яркий полумесяц Лусена, освещая холмы. Блейд думал, что поверхность по мере продвижения на северо-восток будет становиться ближе, но урский альтиметр как будто чувствовал изменение и добавлял жару, мешая шару столкнуться с дном долины.

Но потом зашел и Лусен, оставив Блейда в мире теней. Горы превратились в черные укусы, вырванные из звездного неба. Блейд остался наедине со своим воображением, которое рассказывало, что будут делать с ним джофуры.

Вырвется ли вспышка холодного пламени из

брюха жестокого корвета, который уничтожил город Овун? Разрежут ли его на куски звуковыми скальпелями? Или ему вместе с воздушным шаром суждено испариться при столкновении с каким-то защитным силовым полем? Барьером, который описан в причудливых земных романах?

Но что хуже всего — Блейд представлял себе «луч притяжения», который хватает его и тащит на пытки в созданный джофурами ад.

«Потянуть ли сейчас за веревку? — думал он. — Чтобы наши враги не узнали тайну воздушных шаров?»

До прихода на Джиджо квуэны никогда не смеялись. Но каким-то образом синяя разновидность усвоила эту привычку, приводившую в ярость серых королев, еще до того, как можно было бы обвинить в дурном влиянии хунов и людей. Ноги Блейда поджались, он издавал самые разнообразные свисты ножными щелями.

«Верно! Нельзя допустить, чтобы наша „технология“ оказалась во вражеских руках вернее, кольцах. Да ведь джофуры смогут делать собственные шары и использовать против нас!»

Каньоны негромко повторяли раскаты его хохота, и это эхо немного его подбодрило, как

будто есть аудитория, наблюдающая за его неминуемым расставанием со вселенной. Ни одному квуэну не хочется умирать в одиночестве, — думал Блейк, покрепче берясь за веревку. Один рывок — и он устремится к темной поверхности Джиджо. «Надеюсь только, кто-нибудь найдет останки, чтобы правильно от них избавиться».

И в этот момент он уловил слабый блеск. Он виден был прямо впереди, дальше в сужающейся долине, под горной тропой. Блейд старался сфокусировать свое зрительное кольцо и опять проклял слабое зрение, унаследованное от древнейших предков. Он всматривался в бледное свечение.

Неужели?..

Слабый свет напомнил ему отражение звезд в воде, и Блейд решил на несколько дуров задержать рывок веревки. Если это действительно горное озеро, у него будет совсем немного времени, чтобы рассчитать расстояние, включая скорость своего движения, и выбрать правильный момент для рывка. С моей удачей, это обязательно окажется ядовитое озеро мульк-паука. Но по крайней мере будет решена проблема мульчирования.

Блеск приближался, но его очертания казались необычно ровными, не похожими на природную

водную поверхность. Виден был овальный профиль, а отражения казались выпуклыми.

«Ифни и предки! — в отчаянии выругался Блейд. — Да это же корабль джофуров!»

Он в ужасе разглядывал гигантский шар.

«Такой огромный. Я думал, это часть местности».

Хуже того, Блейд проверил направление и скорость своего движения.

«Скоро я буду прямо над ним».

Ветер в спину усилился и ускорил его движение.

И тут у Блейда возникла идея, изменившая его представление о своей жестокой судьбе.

«Так— то лучше, — решил он. — Как в романе, который я читал прошлой зимой. Его написал до контакта человек. Воннегут. В конце романа герой делал смелый личный жест по отношению к Богу.

Тогда этот жест казался своевременным, а сейчас — тем более. Когда тебе грозит неизбежная гибель, а противник невероятно превосходит тебя, единственный выбор смертного — умереть вызывающе».

Это оказалось вполне возможно. Части рта квуэнов выполняют множество функций, включая

и сексуальные. Так что Блейд решил воспользоваться своей позой и подготовился появиться перед врагом самым оскорбительным образом.

«Посмотрите ЭТО в своей галактической Библиотеке!» — подумал он, соблазнительно размахивая своими органами чувств. Может быть, перед тем как его испепелить, джофуры заглянут в данные о звездных квуэнах и поймут, как он их оскорбил. Блейд надеялся, что его жизнь уйдет хотя бы на это. Его убьют в гневе, а не хладнокровно.

Волны щекочущих ощущений прокатились по его органам чувств, и Блейд подумал: «Может, опасность вызвала извращенное обострение стремления к спариванию. В конце концов, я лечу к огромному бронированному существу с обнаженными укромными местами.

Наверно, Грызущая Бревно оценила бы это сравнение».

Ветер подтолкнул его к боевому кораблю, такому огромному, что по размерам он соперничает с горами, и хитиновый панцирь закрыл его от Блейда. Последние моменты приближения он будет не виден. Блейд не находил эту иронию забавной.

И тут, к его величайшему удивлению, пока-

залось то, что ему так нужно. Озеро. Большое, запруженное огромным крейсером, затопившее Поляну Праздников гектарами растопленного снега.

«Если они меня не подстрелят, — не мог сдержаться Блейд, — если не заметят, я еще могу добраться».

Но как они могут не заметить приближающийся шар? Должно быть, уже засекли его своими божественными инструментами.

И действительно, щекочущее ощущение многократно усилилось, как будто органы Блейда поглаживали, потом в них словно впилась стая извивающихся червей шока. Но это не сексуальное возбуждение. Ощущение усилило боевые инстинкты, заставив клешни рефлекторно щелкнуть, словно схватившись с невидимым врагом.

«Мои органы чувств могут улавливать магнитные и электрические вибрации прячущейся в грязи добычи, — вспомнил Блейд. — Электромагнитные… Меня сканируют!»

Каждый раз как он выдыхал через ножные щели, проходил еще один дур. Озеро расширилось, и он знал, что теперь корабль непосредственно под ним. Чего они ждут?

И тут ему в голову пришла новая мысль.

«Меня сканируют, но могут ли они меня увидеть?»

Если бы он больше внимания уделял учебе в академии города Тарек. Хотя серые всегда лучше овладевали абстракциями — поэтому они и получали настоящие имена, Блейд подумал, что должен был настоять и прослушать курс основ физики.

Посмотрим. В человеческих романах часто говорится о «радарах» — радиоволнах, которые отражаются от отдаленных объектов и, например, выдают присутствие подбирающихся захватчиков.

Но хорошее отражение получается только от такой поверхности, которая отражает радиоволны. Металлическая или другая твердая.

Блейд быстро втянул зубы. Живот у него мягкий, и его многочисленные плоскости могут отразить лучи в разных направлениях. А воздушный шар на радаре должен быть не виднее обычного облака.

Теперь только бы урский альтиметр подождал подольше и не выбрасывал бы очередной язык пламени с ревом, который заполнит ночь.

Щекочущее покалывание усилилось, потом начало ослабевать. Чуть погодя прохлада погла-

дила нижнюю сторону тела Блейда, и он ощутил внизу присутствие большого массива воды. Осторожное облегчение сопровождалось тревогой, потому что холодный воздух увеличит скорость снижения.

«Пора? Потянуть за веревку, прежде чем включится пламя и выдаст меня?»

Вода манила. Блейду ужасно хотелось смыть пыль с дыхательных щелей. Но он сдержался. Даже если его внезапное падение с неба останется незамеченным, он окажется в самом неподходящем озере на Джиджо, глубоко внутри защитного периметра джофуров, который, вероятно, патрулируют сотни охотничьих машин. Роботы могли до сих пор не заметить его, потому что в них не могла быть запрограммирована возможность летающего квуэна. Но плавающего квуэна они определенно узнают.

Да и вода вызывала у него странное ощущение. Под ее поверхностью виднелись вспышки — необычные огоньки, укрепившие его решимость держаться подальше.

С каждым прошедшим дуром все яснее становилась справедливость такого решения: расстояние между Блейдом и гигантским дредноутом медленно увеличивалось, корабль гигантским

овалом с освещенными краями показался позади, создавая у Блейда ощущение чего-то сверхъестественного.

Неожиданно от гигантского шара отделилась ослепительно яркая точка и устремилась как будто прямо к Блейду.

Вот оно, подумал Блейд.

Но это оказался не тепловой луч. И не луч смерти. Яркая точка расширилась. Стала сверкающим прямоугольным отверстием. Дверь.

Очень большая дверь, понял Блейд, гадая, что может занимать так много места внутри гигантского звездного крейсера.

Очевидно — другой звездный крейсер.

Из гигантского ангара с низким гулом показалась стройная сигара. Вначале она двигалась медленно, потом все быстрее устремилась к Блейду.

«Понятно. Не уничтожение. Плен. Но зачем посылать за мной такой большой корабль?»

Может, они заметили его неприличный жест и поняли его лучше, чем он ожидал.

Блейд снова покрепче взялся за веревку. В последнее мгновение он вырвется из их лап или они застрелят его, когда он будет падать. Или его подхватит охотничий робот — под водой или на

суше. Но стоит попробовать. «По крайней мере напьюсь».

И опять ночное зрение причиняло ему неприятности. Попытка оценить скорость приближения крейсера оказалась тщетной. В раздражении мысли Блейда перешли с англика на более легкий галактический шесть.

«Этот ужасный призрак — я видел его раньше.

Это было последнее, что я видел, — когда он сжигал под собой город.

Город преступников — сунеров — моего народа».

Ноги Блейда спазматически дергались — корабль, не уменьшая скорости, приближался к нему.

«Что за...»

И продолжал двигаться, пронесся мимо в волне рассеченного воздуха.

Блейд чувствовал, как крюки урской стали вонзились в его тело во всех пяти точках подвешивания. Один якорь оторвался, разрезав, как бумагу, хитиновый панцирь. Теперь он бешено болтался: воздушный шар раскачивало на волне пролетевшего крейсера.

Мир стал едва различим, и Блейд понял, что такое настоящий полет.

Но тут джофурский корабль исчез, презрительно или равнодушно проигнорировав воздушный шар и его пассажира. Блейд в последний раз увидел его, когда корабль продолжал полет к вершинам Риммера, оставляя за собой след из волнующегося воздуха.

ВУББЕН

Немного погодя Вуббену почти удалось успокоиться, привести в порядок мысли и позволить резонансу тайвиша проникнуть в душу, смыть отвлечения и сомнения. Прошел еще мидур, еще один молитвенный обход, и медитация углубилась. После захода Лусена над головой развернулась обширная картина созвездий и туманностей. Мерцающая обитель богов.

Когда он приблизился к западной стороне, Вуббен уловил мерцание другого типа — равномерные вспышки, не похожие на блеск звезд. По-прежнему в трансе, Вуббен с трудом приподнял стебелек и узнал вспышки кодированного сообщения.

Потребовалось еще больше усилий и третий глаз, чтобы расшифровать сообщение.

Малый корабль/ смертоносный корабль джо-

фуров движется, передавали с горы Ингул, приближается к Яйцу.

Сообщение повторилось. Вуббен увидел, как на следующей вершине вспыхивают искорки, повторяя сообщение, и понял, что другие станции тоже передают его. Тем не менее сознание его было настроено на другую плоскость, мешая понять все значение переданного.

Вуббен снова погрузился в свои фантазии, притягивающие его к себе. Ему кажется, что он стоит на какой-то качающейся ленте, которая медленно извивается и вздымается, как волнующееся море.

Ощущение нельзя назвать неприятным. Вуббен скорее снова чувствовал себя молодым, растущим в крепости Дуден, безрассудно несущимся по качающимся подвешенным мостикам. Он чувствует, как гремят планки под колесами, несется высоко вверху по узкой дорожке без перил, а с обеих сторон смертельные пропасти. Спицы гудят, а он летит пулей, и все четыре стебелька вытянуты, чтобы максимально улавливать параллакс.

Это мгновение вернулось к нему целиком — не как далекое доброе воспоминание, но во всем своем великолепии. Самое близкое к раю ощущение,

которое он когда-либо испытывал на жесткой поверхности Джиджо.

Несмотря на возбуждение, Вуббен в глубине души чувствовал, что перешел какую-то границу. Теперь он един с Яйцом, он чувствует приближение массивного объекта с запада. Смертоносного предмета, самодовольного и ужасного, неторопливо приближающегося со стороны Поляны.

Неторопливо — по взгляду с борта.

Вуббен каким-то образом чувствует, как прижимают гравитационные поля, срывают листву с деревьев, проникают в саму почву Джиджо, тревожат древние скалы. Он знает даже самые мелкие подробности относительно экипажа в корабле — это существа со многими кольцами, гораздо более уверенные в себе и единые, чем треки.

Странные кольца. Эгоистические и одержимые.

Нацеленные на создание хаоса.

БЛЕЙД

Блейд понял, что альтиметр воздушного шара, должно быть, вышел из строя. Или кончается горючее. В любом случае автоматическая ре-

гулировка движения становилась все более хаотичной. Каждый выброс пламени сопровождали раздражающие рваные звуки, и частота вспышек все замедлялась.

Наконец они совсем прекратились.

За то время, пока шар летел в воздушной волне, поднятой крейсером, озеро осталось далеко позади. Теперь шар находился в узком ущелье и все более приближался к вершинам Риммера. Исчезла и последняя возможность дернуть за веревку и упасть в глубокую воду. Теперь внизу мелькали деревья, как зубья гребня, которым вычесываешь блох у любимого лорника.

«И я эта блоха».

Если предположить, что он выживет, когда снизу его зацепит какой-нибудь лесной гигант, его крики могут услышать и прийти на помощь. Но что они подумают, когда увидят квуэна на дереве?

Это популярная метафора невозможного, противоречивое сочетание — подобно плывущему уру, или скромному человеку, или эгоистичному треки.

Но похоже, сейчас год противоречий.

Висящий коготь задел вершину дерева. Блейд рефлекторно так стремительно отдернул его, что

все его тело развернулось. После этого втянулись все пять ног. Тем не менее в любой момент он ожидал нового удара.

Но вместо этого лес неожиданно кончился. У Блейда сложилось впечатление неровных утесов, его языка коснулся серный запах. И сразу показалось, что он начинает подниматься!

И жара. Ротовые органы чувств свернулись от потока горячего воздуха снизу.

Конечно, понял он. Пройди от Поляны несколько лиг на восток, и окажешься в стране гейзеров.

Шар поднимался, его опавшая оболочка теперь надувалась горячим воздухом снизу.

«Должно быть, в этот каньон меня втащил корабль джофуров. Это Тропа Пилигримов.

Тропа, ведущая к Яйцу».

Тело Блейда продолжало поворачиваться, шар все шел вверх. Для других существ это было бы тяжелым испытанием, но у квуэнов нет предпочитаемой пространственной ориентации. Квуэну не важно, в какую сторону он смотрит. Поэтому Блейд был готов, когда объект, который он искал, стал виден.

Вот он!

Корвет был прямо перед ним. Он остановился и теперь освещал прожекторами местность под

собой, кружась над местом, которое Блейд узнал. Это Гнездо.

Что он собирается делать?

Он вспомнил город Овун, где чужаки выбрали для нападения ночь: ужаса больше и зрительные эффекты ярче. Может, здесь у них такие же намерения?

Но ведь джофуры не могут сжечь Яйцо!

Блейд никогда не проявлял ни малейших пси-способностей. Но казалось, теперь с внешних частей тела внутрь, в лимфатический центр его существа, пробиваются какие-то чувства. Первым пришло ожидание. Затем что-то похожее на любопытство.

Наконец в быстрой последовательности он испытал узнавание, осознание и усиливающееся ощущение разочарования и скуки. Все эти ощущения пронеслись мгновенно, и он каким-то образом знал, что они исходят не от джофуров.

Действительно, то, что только что произошло: было ли это пси-оскорбление или неудавшаяся попытка контакта, — казалось, разгневало находившихся на борту крейсера, заставило их действовать. Прожекторы сузились, их рассеянные лучи стали игольчато-тонкими, ослепительно яркими. Потребовалось несколько дуров, чтобы

послышался звук несколько гулких раскатов. Цель Блейду не была видна, но от пункта соприкосновения поднимался столб дыма.

Блейд невольно резко свистнул и спазматически поджал ноги. Но впечатления боли, даже удивления не было. Потребуется нечто большее, гордо подумал он. Гораздо большее.

Конечно, джофуры могут превратить беззащитное Яйцо в расплавленную лужу. Их намерения теперь совершенно ясны.

Этот акт, даже больше, чем уничтожение Овуна, должен подорвать мораль Шести.

Блейд подгонял свой переносимый ветром экипаж, надеясь прибыть вовремя.

ЛАРК

Три человека в тюремной камере смотрели на панораму разрушений, но реагировали поразному.

Ларк смотрел на голографическое изображение с тем же благоговением и страхом, какие испытал несколько месяцев назад, когда впервые встретился с галактической техникой. Похоже, чтобы смотреть такие картины, нужна привычка, опре-

деленный способ видеть, и все это усваивается в детстве. То, что он на экране узнавал, — например, вершины Риммера, — как-то расплывалось. Необычная перспектива позволяла увидеть гораздо больше, чем окно такого же размера, особенно когда смотришь сверху на Святое Яйцо.

«Ваше упрямство — вместе и порознь — привело ваш народ к этому наказанию, — сказала высокая груда колец. — Разрушение городов не повлияло на вас, потому что ваши так называемые Священные Свитки учат вас суетности материальных предметов. Но теперь вы увидите, как наш корвет уничтожает ваше истинное основание».

Сверкающая игла коснулась Яйца. И почти немедленно Ларк ощутил на груди волну боли. Упав с криком, он рвал на себе одежду, пытаясь сорвать каменный амулет, который на ремешке висел у него на шее. Линг пыталась помочь ему, но не могла понять причины его боли.

Боль могла бы убить его, но вдруг кончилась так же неожиданно, как началась. Режущий луч исчез, оставив на боку Яйца дымящийся шрам.

Эваскс радостно булькал что-то о «сигнале» и «благодарной сдаче».

Ларк обернул одеждой осколок Яйца, чтобы

он не касался кожи. И только тут заметил, что его голова лежит на коленях у Линг, женщина гладит его лицо и говорит, что теперь все будет в порядке.

«Да, конечно», — подумал Ларк, узнавая ложь с благими намерениями. Но жест и теплый контакт оценил.

Зрение его прояснилось, и он увидел, что Ранн смотрит на него. В глазах рослого даника было холодное презрение. Он презирает Ларка за то, что тот так суеверно реагирует на повреждение обычного камня. И во взгляде его насмешка над Шестью Расами, которые так легко сдадутся, лишь бы не допустить вреда камню с пси-особенностями. Ранн уже продемонстрировал готовность принести в жертву самого себя и всех своих товарищей, чтобы защитить расу патронов. И явно считал отсутствие такой храбрости достойным презрения.

«Иди поцелуй ноги ротенов», — подумал Ларк. Но вслух ничего не сказал.

Корвет отвернул от Яйца. Камера показывала, что он набирает высоту, проносясь над темными хребтами.

Местность показалась знакомой. Ларк начинал узнавать ее.

Лестер Кембел. Они направляются прямо к Лестеру и к лесу бу.

Вот оно что. Мудрецы решили выдать загадочный проект, которым занимались несколько месяцев на своей тайной базе, лишь бы защитить Яйцо.

«Меня это не должно удивлять. В конце концов, ведь это наше святилище. Наш пророк. Наш провидец».

И все же он был удивлен.

На самом деле именно этого он меньше всего ожидал.

БЛЕЙД

Блейд молча торопил свой переносимый ветром шар, надеясь прибыть вовремя.

Для чего? Чтобы на несколько дуров отвлечь джофуров, дать, пока его сжигают, хоть немного времени Яйцу для отдыха, прежде чем возобновится нападение? Или еще хуже — чтобы лететь вверху, крича и размахивая ногами, тщетно пытаясь привлечь внимание существ, которые считают его не более значительным, чем облако?

В нем кипело раздражение. Боевые гормоны

вызывали автоматические реакции, заставляли купол убраться внутрь, защищая зрительное кольцо панцирем, оставляя вверху лишь гладкую бронированную поверхность.

Эта инстинктивная реакция имела смысл давным-давно, когда предразумные квуэны сражались когтями в прибрежных болотах на далекой планете, где их нашли и возвысили патроны. Но сейчас это досадная помеха. Блейд пытался успокоиться, дышать ровно, последовательно переходя от одной щели в ноге к другой по направлению часовой стрелки. Пришлось досчитать до двадцати, прежде чем купол настолько расслабился, что смог подняться и к Блейду вернулось зрение.

Зрительная полоска вращалась, разглядывая туманные каньоны, образующие лабиринт в этой части Риммера. И Блейд сразу понял две вещи.

За короткое время шар поднялся на большую высоту, и поле зрения расширилось.

И корабль джофуров исчез!

Но где?..

Блейд подумал, что он прямо под ним, в слепом пятне. Это вызвало в воображении фантастическую картину. Он увидел, как разрезает оболочку шара и сверху падает на крейсер! Приземляется с

грохотом и быстро движется по поверхности, пока не находит вход. Люк, который можно вскрыть, или стеклянное окно. Его можно будет разбить. А оказавшись внутри, на близком расстоянии, он им покажет.

А, вот он.

Героическое видение испарилось, как роса, когда он увидел корвет. Тот быстро уменьшался, направляясь на северо-запад.

Может, он уже покончил с Яйцом?

Внимательно вглядываясь, Блейд наконец разглядел на некотором расстоянии в противоположном направлении и огромный овоид. Теперь он был виден весь, включая шрам на боку. Рваная полурасплавленная линия светилась, бросая отблески цвета охры на каменные обломки у основания Гнезда. Тем не менее Яйцо выглядело относительно нетронутым.

Почему они улетели, не закончив работу?

Он по отражению звездного света проследил за полетом корвета.

Северо-запад. Он направляется на северо-запад.

Блейд пытался думать.

Там дом. Деревня Доло. Город Тарек.

И Библос, сразу подумал он, надеясь, что оши-

бается.

Возможно, самое плохое еще впереди.

ЭВАСКС

Угроза подействовала, Мои кольца!

Ценность нашего опыта доказана. Капитан-лидер и все груды — члены экипажа убедились в наших/Моих достоинствах. Как Я/мы и предсказывал, как только корвет начал разрезать их священный камень, пришел сигнал.

Это было то же самое цифровое излучение, которое они использовали, чтобы открыть местоположение города г'кеков. Так варвары попытались снова умилостивить нас. Они хотят любой ценой защитить свое каменное божество.

Посмотрите на пленных людей, Мои кольца! Один из них, местный самец, которого мы/Аскс некогда знали как Ларка Кулхана, стонет и дрожит при виде нападения на Яйцо, а на остальных двоих это зрелище не подействовало. Так контролируемый эксперимент показал, что Я/мы был прав относительно туземцев и их религии.

Наш корвет улетает от поврежденного Яйца, направляясь к новой цели, а женщина тем временем утешает Ларка.

Что они предложат нам на этот раз? Что-нибудь такое же удовлетворительное, как город г'кеков, теперь замороженный вместе с застывшими в нем образцами ненавистных паразитов?

Наша груда-главный тактик рассчитал, что сунеры не принесут в жертву то, что нам больше всего нужно, — корабль дельфинов. Пока не принесут. Вначале попытаются откупиться чем-то меньшим. Возможно, их легендарным архивом — жалким собранием примитивных сведений, грубо зафиксированных на листьях растений или на каком-то похожем на кору материале. Ничтожное сборище лжи и суеверий, которое эти слабоумные смеют называть библиотекой.

Ты удивленно дрожишь, о второе кольцо сознания? Ты не ожидало, что Я узнаю о второй самой большой ценности Шести Рас?

Поверь, Аскс очень тщательно постарался расплавить именно эти воспоминания. Информация пришла не от этой преобразованной груды.

Неужели ты искренне считало, что груда Эваскс — единственная попытка нашего капитана-лидера собрать сведения? Были и другие пленники, другие допросы.

Слишком много времени потребовалось, чтобы узнать об этом гнойнике контрабандных знаний

землян — о Библосе, и его точное расположение оставалось неизвестным. Но теперь Я/мы размышляю. Может, Библос — это именно то, чем они надеются откупиться от нас, обменяв свои архивы на «жизнь» Святого Яйца.

Если таково их намерение, они поймут, что ошиблись.

Мы сожжем книги, но этого недостаточно.

НИЧТО НЕ БУДЕТ ДОСТАТОЧНО.

В конечном счете даже корабль дельфинов. Хотя это будет хорошее начало.

БЛЕЙД

Северо-запад. Какая цель могла в этом направлении привлечь внимание чужаков?

«Почти все, что я знаю и что мне небезразлично, — заключил Блейд. — Деревня Доло, город Тарек и Библос».

За вершинами Риммера взошел бледный Торген. При его свете Блейд смотрел, как исчезает стройный удлиненный корабль, и знал, что потеряет его из виду задолго до того, как тот достигнет одной из этих целей. Теперь Блейду было все равно, куда несет его встречный ветер. Он не сможет увидеть, как гибнет все, что он любит.

За крейсером следовала цепочка крошечных вспышек: это расположенные на горных вершинах станции докладывали о его продвижении. Блейд расшифровал несколько обрывков на галдва и понял, что это не слова, а цифры.

«Удивительно. Мы очень хорошо описываем и измеряем нашу собственную гибель».

Приток боевых гормонов схлынул, и Блейд все сильнее ощущал физические неудобства. Там, где один из урских крюков разорвал хитиновый панцирь, выставив на холодный воздух нежную внутреннюю оболочку, нервы зудели. Блейд страдал от жажды, и это заставляло его сожалеть, что он не выносливый серый.

Шар вышел из теплого восходящего потока и перестал подниматься. Вскоре начнется пустыня, и он окажется в местности рваных теней.

Подожди дур.

Блейд старался сфокусировать свою зрительную полоску, глядя вслед далекому кораблю джофуров.

Он остановился?

Скоро Блейд понял, что не ошибся. Корабль снова неподвижно парил, заставляя ищущий луч сканировать местность внизу.

«Может, я ошибся? И следующая цель — совсем

не Библос или Тарек?»

Но там ничего нет! Только дикие холмы. Только одна тропа в бу.

Он удивленно смотрел, когда с горой под кораблем произошло нечто удивительное. На ней появились красноватые вспышки, словно болотный газ на топкой границе озера, подожженный статическим разрядом. Искры как будто распространялись посреди густых зарослей бу.

«Что теперь делают джофуры? — удивился Блейд. — Какое оружие используют?»

Искорки становились ярче, разгорались под гигантскими стволами. Корабль по-прежнему освещал местность лучом. Его будто забавляло, что из стволов местной растительности вырывается огонь. Потом корвет начал подниматься.

И когда первый раскат достиг Блейда, он неожиданно понял:

«Это совсем не джофуры! Это…»

Наконец корабль встревожился, начал пятиться. Луч его сузился до режущей иглы, проколол поднимающуюся колонну.

Мгновение спустя весь северо-западный горизонт озарился. С грохотом, сотрясающим ночь, волна за волной сверкающие трубы устремлялись в небо.

Ракеты, подумал Блейд. Это ракеты!

Большинство не попало в цель. Но рой снарядов был так велик, что точность не имела значения. Отступающий корвет не мог уничтожать их достаточно быстро, и три ракеты скользнули по его бокам.

А потом четвертая попала точно в цель. Боеголовка отказала, но удар был настолько силен, что одна секция корпуса отвалилась и, кружась, полетела вниз.

Остальные ракеты продолжали взрываться, не долетев до цели, или падали на землю и взрывались там, наполняя ночь ярким, но бесполезным освещением. И так много ракет не попало, что начинало казаться, будто поврежденный корвет сумеет уйти.

Но тут поднялась последняя ракета. Повернула и неторопливо ударила в самую середину корабля.

Ослепительный взрыв разорвал корпус, расколов корабль пополам. Блейду пришлось в разные стороны поворачивать свое зрительное кольцо, чтобы видеть, как обе половинки, словно чаши, полные огня, упали на лес.

Еще много мусора придется убирать, подумал Блейд, когда запылали несколько горных скло-

нов. Но тело его бурно реагировало, из всех щелей вырывался резкий торжествующий свист, соперничая с огненным фейерверком.

Блейд своим квуэнским зрением видел гибель корвета, но видел и то, что большинство ракет продолжают полет, — те из них, что не попали в корвет и не взорвались. Оставляя за собой красные мерцающие хвосты, они уходили в небо.

Блейд закричал еще громче, когда они закончили подниматься и устремились к Джиджо, словно град, падая на Поляну Праздников.

ЛЕСТЕР КЕМБЕЛ

Лес вокруг Лестера взорвался пламенем. Ракеты падали среди тайных площадок для запуска, распространяя волны жара и поджигая высокие колонны бу. На юге, там, где упал корабль, пылало зарево. Но Лестер оставался на поляне, куда со своим ассистентом г'кеком пришел, чтобы наблюдать за мерцающим небом.

Прискакал с докладом капрал ур.

— Нас окружает пламя. Мудрец, вам нужно бежать!

Но Лестер оставался неподвижен, глядя на пламенеющее небо. Голос его звучал глухо, словно

он подавился чем-то.

— Не вижу! Все ракеты сгорели? Или продолжают полет?

Молодой г'кек ответил, поднимая вверх стебельки:

— Многие полетели в нужном направлении. Несколько десятков еще в воздухе. Ваши расчеты верны. Но теперь мы больше ничего не можем сделать. Пора уходить.

Лестер неохотно позволил увести себя с поляны по заранее запланированному маршруту отступления среди бу.

Только очень скоро они поняли, что языки пламени преграждают дорогу. Лестеру и его спутникам пришлось отступать назад, мимо тайного рабочего лагеря, маскировочная ткань над которым уже пылала. Один за другим вспыхивали чаны с пастой треки вместе с самими треки. В облаках дыма видны были и другие фигуры, а весь труд многих месяцев, проведенных в создании этого тайного промышленного центра, погружался в огненный водоворот.

— Выхода нет, — вздохнул ур.

— Тогда спасайтесь, я приказываю!

Лестер оттолкнул самку ура, повторяя приказ, пока капрал со стоном не поскакал туда, где

пламя казалось ниже. Ур может выдержать такой переход. Лестер знал, что ему не стоит даже пытаться.

Вместе со своим молодым ассистентом он стоял в центре поляны, держа рукой одно дрожащее колесо.

— Все в порядке, — говорил он между приступами кашля. — Мы сделали то, что должны были.

Все рано или поздно кончается.

Теперь все зависит от Ифни.

ЛАРК

Первые голографические изображения приводили в замешательство, но эти новые ошеломили Ларка. Он не мог понять смысл увиденного: могучие трубы бу, их основания охвачены пламенем, их десятки, и они устремляются вверх, как рой раздраженных огненных жуков.

Далекая камера повернулась: это корвет пытался уйти от залпа самодельных ракет. Изображение наклонилось так неожиданно, что у Ларка свело внутренности и ему пришлось отвести взгляд.

Остальные казались не менее изумленными. Линг громко рассмеялась и захлопала в ладоши, а на лице Ранна удивление смешивалось с

отчаянием. Тогда происходящее должно быть хорошим. Ларк позволил вспыхнуть искорке надежды.

Эваскс, джофур, издавал булькающие звуки, одновременно отрывочно произнося на галдва:

— Нелепо, предательски, неожиданно, непредвиденно!

Его составное тело сотрясала дрожь — с верхушки до нижнего кольца. Большинство этих пожилых восковых торов были знакомы Ларку. Некогда они составляли друга, мудреца, доброго и умного. Но их захватило новое кольцо — блестящий молодой круг, черный и лишенный внешних особенностей, без придатков или органов чувств.

Линг и Ранн одновременно вскрикнули. Но когда Ларк повернулся, экран был пуст — словно пустая грифельная доска.

— Корвет уничтожен! — объяснила Линг. В голосе ее звучало благоговение и страх.

Джофур испустил резкий свист. Дрожь его перешла в конвульсии.

Линг возбужденно говорила что-то об «остальных ракетах». Но Ларк, направляясь к дрожащему джофуру, подумал: его единственное оружие — руки. Ну и что?

«Лестер, ты выкинул фантастический трюк,

свойственный волчатам. Аскс гордился бы тобой.

И точно так же старина Аскс хотел бы, чтобы я это сделал».

Он нацелил удар сжатого кулака в дрожащее мастер-кольцо.

Кто— то схватил его за руку и сдержал яростной хваткой. Ларк развернулся и вторым кулаком попытался ударить Ранна. Но упрямый даник только покачал головой.

— Что это докажет? Ты их просто рассердишь, туземный мальчишка. Мы остаемся здесь в их руках.

— Убирайся с моего пути, — проворчал Ларк. — Я хочу освободить своего друга треки.

— Твой друг давно умер. Если убьешь мастер-кольцо, вся груда распадется! Я знаю это, молодой дикарь. Я применял это на практике.

Ларк был настолько сердит, что готов был наброситься на мощного даника. Ранн почувствовал это и отступил, подняв обе руки в борцовской стойке.

«Да, — подумал Ларк, приседая. — Ты звездный солдат. Но может, дикарь знает кое-какие приемы, которых не знаешь ты».

— Прекратите вы оба! — крикнула Линг. — Нам

нужно подготовиться.

Она замолчала: по металлическому полу пробежала волна сильной дрожи. Где-то в огромном корабле ожили могучие силы.

— Защитные орудия, — определил Ранн причину гула. — Но во что они стреляют?

— Ракеты! — ответила Линг. — Я говорила, они летят сюда!

Ранн начинал понимать, что сунеры действительно угрожают кораблю. Он с проклятием бросился в угол камеры. Боевой корабль содрогался, его орудия бешено работали. Ларк позволил Линг поддерживать себя. Они держались друг за друга, слушая, как приближаются отдаленные разрывы. Невероятная острота ощущений, вызванная приливом гормонов, смешивалась с удовольствием от прикосновения Линг и осознанием приближающейся смерти.

Ларк обнаружил: он надеется, что в следующее мгновение его жизнь оборвется.

«Давай, Лестер. Ты можешь это сделать. Заканчивай работу!»

Осколок Яйца лежал у него на груди, в том месте, где остались ожоги от недавнего жара. Ларк свободной рукой сжал каменный амулет, ожидая встретить тепло. Но почувствовал, что

камень холодный, как лед. И такой хрупкий, что распадется от дыхания.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ИЗ ЗАПИСЕЙ ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Мы все чувствуем себя угнетенными. Позвонил от второй груды обломков Суэсси: только что у его команды произошел несчастный случай. Они пытались расчистить пространство вокруг старого буйурского перевозчика руды, когда произошло землетрясение. Окружающая гора брошенных кораблей сместилась, и один древний корпус обрушился на пару рабочих — Сатиму и Сап-пе. У них было время только в отчаянии бросить взгляд на рушащуюся стену, прежде чем она подмяла их.

Мы продолжаем получать болезненные раны. Наши лучшие товарищи, искусные и преданные, неизменно платят высокую цену.

А тут еще Пипое, которая всем приносила радость. Ужасная потеря, она похищена Заки и его приятелем. Если бы я только могла добраться до этой парочки!

Но пришлось солгать бедному Каа. Мы не можем тратить время на поиски Пипое по всему океану.

Это не значит, что мы ее бросим. Друзья вернут ей свободу — когда-нибудь. В этом я даю клятву.

Но наш пилот не будет одним из них.

Увы, боюсь, Каа больше никогда ее не увидит.

* * *

Макани закончила вскрытие Кунна и Джесса. Пленники, по-видимому, приняли яд, чтобы не отвечать на наши вопросы. Тш't винит себя в том, что не обыскала агента даников тщательней, но кто бы мог подумать, что Кунн так испугается любительского допроса?

И зачем ему понадобилось прихватывать с собой этого злополучного туземного мальчишку? Родич Рети вряд ли мог знать секреты, за которые стоило бы умереть.

Сама Рети ничем не может объяснить это событие. И так как допрашивать больше некого, она добровольно вызвалась помогать Суэсси, которому помощь определенно нужна. Макани считает работу хорошим терапевтическим средством для бедного ребенка: ведь она первой увидела эти страшные тела.

Но я все думаю. Какую тайну так стремился сохранить Кунн? В обычном состоянии я бросила бы все остальное, чтобы заняться этим. Но сейчас

слишком много дел: ведь мы готовимся передвинуться на новое место.

Впрочем, от пленников джофуров мы знаем, что с кораблем ротенов можно больше не считаться. Теперь перед нами другие, более настоятельные заботы.

Куб Библиотека сообщает об отсутствии всяческого прогресса в отношении этого символа — того самого, с девятью спиралями и восемью овалами. Теперь ячейка просматривает свои древнейшие файлы, а эта работа тем трудней, чем больше углубляешься.

В виде компенсации куб затопил меня сведениями о других недавних «сунерских проявлениях» — попытках основать тайные колонии на невозделанных мирах.

Большинство таких колоний быстро обнаруживаются патрулями Института Миграции. Джиджо — особый случай. Подход сюда ограничен, Измунути закрывает все окрестности, и на этот раз вся галактика объявлена невозделанной, так что инспекция ее — грандиозная задача.

Я удивилась: зачем оставлять целую галактику, когда базовая единица экологического восстановления — планета или в крайнем случае солнечная система?

Куб объяснил, что обычно подвергаются одновременному карантину гораздо большие объемы пространства. Кислороднодышащая цивилизация эвакуирует целый сектор или спиральный рукав, передавая его параллельной культуре дышащих водородом, этим загадочным существам, которых иногда называют общим именем занги. Это помогает разделять оба общества в физическом пространстве, уменьшая возможность трений.

И к тому же это позволяет поддерживать карантин. Занги непредсказуемы, они часто игнорируют мелкие вторжения, но могут стать свирепыми, если большое количество кислорододышащих появится там, где им не место.

Мы обнаружили корабли зангов перед тем, как миновать Измунути. Думаю, они приняли нас за «мелкое вторжение», поскольку оставили в покое.

Теперь обмен секторами и зонами приобретает больший смысл. Тем не менее я задаю кубу новый вопрос.

Была ли раньше когда-либо объявлена запретной целая галактика?

Ответ меня удивил.

Такого не было уже очень давно, по крайней

мере сто пятьдесят миллионов лет.

Где— то я уже слышала это число.

Нам говорят, что существует восемь порядков разума и квазиразума. Наиболее энергичный и шумливый из них — кислородная жизнь, или, как выразился Том, «мы бродим повсюду и ведем себя так, словно все принадлежит нам». Однако я была поражена, узнав, что водороднодышащих существ намного больше, чем кислороднодышащих. Впрочем, занги и им подобные большую часть времени проводят в плотных слоях юпитероподобных планет.

Некоторые утверждают, что они просто боятся контактов с кислородными типами.

Другие говорят, что они легко могут нас сокрушить, но как-то все у них до этого руки не доходят. Может, и дойдут в следующий миллиард лет.

Остальные порядки таковы: машины, меметики, квантовые существа, гипотетические существа, существа в отставке и трансцендентные существа.

Почему я говорю сейчас об этом?

Наши планы пришли в движение, и скоро «Стремительный» тоже двинется. Вполне вероятно, что через несколько дней мы будем мертвы или захвачены в плен. Если повезет, мы можем

ценой своих жизней добиться чего-нибудь достойного. Но шансы уйти кажутся исчезающе малыми.

И все же, а что, если нам это удастся? Ведь у джофуров в нужный момент могут выйти из строя двигатели. Они могут решить, что мы не стоим усилий.

Солнце может стать новой звездой.

В таком случае куда направится «Стремительный»?

Мы пытались найти справедливость и защиту у нашей собственной кислородной культуры — у цивилизации Пяти Галактик, но Институты оказались ненадежными. Мы обращались к Древним, но эти члены рас в отставке гораздо менее беспристрастны, чем мы рассчитывали.

В полной возможностей вселенной остается еще полдюжины — других «квазиразумных» порядков. Они чужды нам по мысли и сущности. Говорят, они опасны.

Но что нам терять?

«СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»

КАА

Стоило ему вынырнуть, чтобы подышать, как в воду ударялись метательные снаряды. Копья — грубое оружие, это полые деревянные стволы с наконечниками из вулканического стекла, но когда метко нацеленный гарпун задел его бок, Каа в рефлекторном крике потерял половину воздуха. Гавань, превратившаяся в тесную ловушку без выхода, гулко откликнулась на его болезненный стон.

Моряки хуны без труда передвигались в своих лодках при свете факелов, выполняя сложные приказы капитанов, исходившие из раздутых горловых мешков. Сети вокруг Каа затягивались, и поверхность воды гудела, как натянутый барабан. Узкий выход из гавани был уже перекрыт сетями.

И что еще хуже, туземцы получили подкрепление. Со стороны города слышался приближающийся стук ног, вооруженных когтями. В воду погружались существа в хитине, напомнившие Каа фильм ужасов про гигантских крабов. Красные квуэны, сообразил он, когда новые союзники стали помогать хунам закрыть выход из гавани под водой.

Ифни! Что сделали Заки и Мопол, чтобы туземцы пришли в такую ярость при виде дельфина? Ведь они так рассержены, что готовы убить при первой же встрече.

У Каа есть еще несколько хитростей. Время от времени он обманывал хунов, изображая вялость и медлительность, заставляя их раньше времени затягивать петлю, а потом вырывался в щель между ними, уклоняясь от града копий.

«Мои предки имели в этом деле большой опыт. Люди преподали нам урок задолго до того, как начали скальпелями резать нам головы».

Однако он знал, что в таком состязании китообразный не может выиграть. Лучшее, на что он может рассчитывать, это оттянуть конец.

Нырнув под одну из хунских лодок, Каа импульсивно раскрыл челюсти, вцепился зубами в весло и вырвал его из рук моряка, словно щупальце дьявольского осьминога. От толчка заболел рот, особенно нежные десны, но он прибавил сильный удар плавниками.

Гребец допустил ошибку — постарался удержать весло, но даже хун не может сравниться с Каа в силе. Последовал удивленный крик, затем всплеск, когда моряк с силой ударился о воду далеко от лодки. Каа выпустил весло и быстро

отплыл. Конечно, такой поступок не принесет ему популярности в глазах хунов. Но, с другой стороны, ему нечего терять. Каа уже не думал о своей миссии — вступить в контакт с Общиной Шести Рас. Теперь он боролся за выживание.

Следовало прислушаться к голосу сердца.

«Сейчас я должен был бы искать Пипое».

Решение по-прежнему мучило Каа, он чувствовал себя виноватым. Как он мог подчиниться приказу Джиллиан Баскин, каким бы срочным он ни был, вместо того чтобы стремительно плыть по океану, преследуя негодяев, которые похитили его подругу и любимую?

Что такое его долг, его клятва служить Земле по сравнению с этим?

После того как Джиллиан дала сигнал окончания связи, Каа на закате вслушивался в океан, улавливая далекие звуки быстро уходящих саней. Они еще были еле слышны на северо-западе. Звуки далеко распространяются в океане Джиджо: ведь здесь нет мириадов двигателей, которые превращают в какофонию земные моря. Сани уже очень далеко, не менее чем в ста километрах, и преследование кажется безнадежным.

Ну и что? Что с того, что успех маловероятен? Для героев книг и голофильмов это никогда не

было препятствием! Да и никакая аудитория не будет приветствовать героя, если он позволил невозможному встать на своем пути.

Может, именно это в тот болезненный момент остановило Каа. То, что это — такое распространенное клише. Все герои фильмов: люди и дельфины — просто забыли бы о товарищах, о стране и о чести ради любви. Настойчивая пропаганда всех романтических историй заставляла его сделать то же самое.

«Но даже если я, вопреки всем препятствиям, добьюсь успеха, что скажет Пипое, когда я освобожу ее?

Я ее знаю. Она назовет меня придурком и предателем и никогда больше не будет уважать».

И вот Каа после наступления ночь отправился в порт Вуфон. Все деревянные рыбацкие лодки были вытащены на берег и лежали под маскировочной тканью, которая скрывала их очертания, превращая в загадочные холмики. По-прежнему ненавидя себя за свое решение, он подплыл к ближайшей верфи, где два стражника опирались на что-то похожее на палки для ходьбы. Рядом сидел зевающий нур. В звездном свете Каа приподнялся на плавниках, чтобы начать приветственную речь, которую выучил наизусть и едва спасся от

смерти. Нырнув, он на несколько сантиметров опередил острые, как бритва, лезвия копий.

— Подождите, — крикнул он, вынырнув по другую сторону пирса. — Вы допускаете ужасную ошибку! Я принес новости о ваших потерянных детях! Сведения об Олви.

Он едва увернулся во второй раз. Стражники хуны его не слушали. Темнота едва спасла Каа от все растущего числа нацеленных в него копий.

Большой ошибкой было то, что он попытался вступить в контакт в третий раз. Когда и эта попытка не удалась, Каа попробовал уйти и с опозданием увидел, что дверь заперта. Выход из гавани перекрыт, и он оказался в ловушке.

«Вот и мое хваленое дипломатическое искусство», — думал он, молча пробираясь над самым илистым дном, и едва успел увернуться, когда его сонар коснулся бронированной фигуры впереди. Фигура приближалась, широко раскрыв острые когти.

«Добавим это к моим другим неудачам — как шпион, как офицер…» Мопол и Заки не могли бы так враждебно настроить туземцев, если бы он сумел удержать их в руках.

«…и как возлюбленный».

Каа знал, что хорош только в одном-единствен-

ном деле. И похоже, ему никогда больше не придется им заняться.

Спереди, со дна бухты, донесся странный звук. Каа свернул в поисках обхода. Он боялся, что скоро легкие не выдержат и ему придется вынырнуть на поверхность.

Но что-то странное было в этом звуке. Какая-то мягкость. Мелодичная, покорная печаль словно заполнила воду. Любопытство победило, Каа повернулся и выпустил сонарный луч, чтобы пробить муть, мешавшую видеть.

Хун!

Но что этот хун здесь делает?

Каа двинулся вперед, не обращая внимания на стылый воздух в легких, и разглядел в облаках мути высокую двуногую фигуру. Звуковые отражения подтвердили то, чему он не поверил на взгляд. Хун раздевался, снимал с себя одежду и связывал веревкой.

Каа догадался, что это самка: она чуть меньше ростом и горловой мешок у нее небольшого размера.

«Та, что я сбросил за борт? Но почему она не плывет назад к лодке? Я думал…»

Каа испытал своеобразное чувство, знакомое землянам со времени контакта, — когда кон-

цепция, которая кажется такой привычной и знакомой, неожиданно полностью теряет смысл.

Хуны не умеют плавать!

Олвин Хф-уэйуо в своем дневнике никогда этого не упоминал. Больше того, из дневника следовало, что его народ страстно любит корабли и море. И хуны не относятся безрассудно и бесцеремонно к жизни, оплакивают утрату близких даже глубже, чем люди или дельфины. Неожиданно Каа понял, что записки Олвина его обманули. Ведь Олвин, как обычный земной ребенок, не упоминал о том, что казалось само собой разумеющимся.

Чужаки. Кто бы мог подумать?

Он видел, как хун привязал одежду к левому запястью, другой конец поднес ко рту и выдохнул последний воздух, надув одежду, как воздушный шар. Она всплыла, но всего метра на два и остановилась, не достигнув поверхности.

Она не призывает на помощь, понял Каа, когда самка хуна опустилась на дно и принялась петь похоронную песню. Она просто делает так, чтобы ее тело смогли легче найти и вытащить на поверхность. Каа помнил по дневнику Олвина, что местные жители очень серьезно относятся к похоронным ритуалам.

К этому времени его собственные легкие нестерпимо жгло. Каа пожалел о том, что его аппарат для дыхания, укрепленный на упряжи, сгорел, когда в него выстрелил Заки.

Он слышал, что сзади к нему приближаются квуэны, но видел брешь в их линии и был уверен, что сумеет в нее проскользнуть. Попытался повернуть и воспользоваться этой краткой возможностью.

Дьявольщина, вздохнул он и двинулся в противоположном направлении, к умирающему хуну.

Потребовалось какое-то время, чтобы добраться до поверхности. А когда вынырнули, все тело самки дрожало от судорожных быстрых глотков воздуха. Из носовых отверстий выливались потоки воды, в то же время воздух входил в рот. Каа позавидовал такой возможности.

Он подтолкнул самку поближе к плавающему веслу, чтобы она могла за него ухватиться, потом повернулся и принялся разглядывать гавань, готовясь увернуться от нового залпа копий.

Но копий не было. И вообще почему-то поблизости не оказалось лодок. Каа опустил голову, испустил сонарный луч из крутого лба — и убедился, что все лодки действительно отошли.

Взошла луна — один из крупных спутников.

Теперь он мог разглядеть силуэты — хуны стояли в своих лодках и все смотрели на север, а может, на северо-запад. У самцов были раздуты горловые мешки, и низкое устойчивое гудение заполняло воздух. Казалось, они совершенно не замечают, что один из них только что непонятным образом появился из-под воды.

«Я думал, они все соберутся тут, будут кричать, бросать веревки, пытаться ее спасти. Еще один пример чуждого образа мыслей, вопреки всем земным книгам, прочитанным хунами». Каа пришлось подталкивать концом носа самку. Он помог ей добраться до пирса, чувствуя, как странная дрожь пробегает по спине.

На пирсе стояло множество жителей порта, огонь их факелов колебался на холодном ветру. Они куда-то смотрели или к чему-то прислушивались.

Дельфин может видеть не только под водой, но и над ней, но не так хорошо, как те, кто живет исключительно на суше.

Тем более чувства Каа были в смятении, и он почти ничего не различал в том направлении, куда все смотрели. Видел только очертания гор.

Компьютерный прибор, имплантированный в его правый глаз, поворачивался и приспосабли-

вался, пока Каа не смог разглядеть мерцающую звезду над высшей точкой гор. Эта звезда пульсировала, в частом ритме разгоралась и гасла. Вначале он ничего не понял, хотя последовательность вспышек чем-то напоминала галдва.

— Прошу прощения, — начал он, пытаясь воспользоваться странным бездействием туземцев. Что бы ни случилось, ему показалось, что появился шанс вставить слово. — Я дельфин, родственник людей, меня просили передать сообщение Уриэль.

Толпа неожиданно издала такой вопль, что у Каа отвисла чувствительная к звукам челюсть. Он различал обрывки отдельных выкриков.

— Ракеты! — крикнул один из зрителей на англике. — Мудрецы изготовили ракеты!

Второй полным удивления тоном сказал на галсемь:

— Один малый вражеский корабль уничтожен. Теперь ракеты летят к большому.

Каа мигал, ошеломленный напряжением жителей порта.

«Ракеты? Я правильно расслышал? Но…»

Толпа снова закричала.

— Попали! — крикнул кто-то. — Ударили!

Неожиданно пульсирующая звезда прервала

свое сообщение. И сразу все смолкли. Хуны стояли в мертвой тишине. Даже маслянистая вода бухты стихла, негромко плескалась о пирс.

Вспышки возобновились, и толпа разочарованно застонала.

— Он уцелел, он цел. Большой боевой корабль продолжает… — слышался негромкий голос треки из толпы на галдва. — Наши усилия потерпели неудачу.

И теперь приближается расплата.

СУНЕРЫ
ЛАРК

Момент, о котором молил Ларк, так и не наступил. Стены не раскололись, разорванные изготовленными туземцами боеголовками и стволами бу. Разрывы оставались далекими. Теперь, когда элемент внезапности исчез, гул защитных орудий джофуров звучал уверенней, из лихорадочного и панического стал самоуверенным, словно приближающиеся снаряды — всего лишь незначительная помеха.

Потом наступила тишина. Все было кончено.

Ларк выпустил осколок Яйца и высвободил Линг. Подтянул ноги, обхватил руками колени

и принялся жалобно раскачиваться. Никогда в жизни он не испытывал такого разочарования.

— О, это было близко! — выдохнула Линг, явно радуясь тому, что выжила. Ларк не винил ее. Она все еще надеется на бегство или на то, что ее обменяют на какого-нибудь пленника галактов. И все это станет лишь еще одним эпизодом в ее воспоминаниях. «Эпизодом, подобным мне, — подумал Ларк. — Воспоминанием об умном лесном парне, которого она однажды встретила на Джиджо».

Старый друг Харуллен мог бы увидеть в этой неудаче и положительную сторону. Теперь разгневанные джофуры могут уничтожить всякую разумную жизнь на Джиджо, а не только своих кровных врагов г'кеков. Разве это не соответствует вере Ларка? Его ереси?

«Шести Расам здесь не место, но они не заслужили и уничтожения. Я хотел, чтобы мы действовали разумно, достойно, мирно и по собственной инициативе. Без насилия. Без этих лесных пожаров и затопленных долин».

— Смотрите!

Он посмотрел на Линг. Та стояла и показывала на Эваскса. Груда по-прежнему тряслась, но одно среднее кольцо охватили сильные конвульсии. С противоположных сторон образовались

бьющиеся круглые выступы. Они постепенно увеличивались.

Мужчины присоединились к Линг, они, не веря своим глазам, смотрели, как выступы все увеличивались, приобретали кольцеобразную форму, теперь их удерживали только мембраны. Ноги нижнего кольца сгибались и разгибались.

Люди отскочили. Неожиданно Эваскс устремился вначале к бронированной двери, потом снова назад, трижды обежал камеру и обвис, как гора вялых трубок.

Среднее кольцо продолжало биться и извиваться.

— Что он делает? — удивленно спросила Линг.

Ларк глотнул, прежде чем ответить.

— Это влен. Можно сказать, роды. Треки делают это не часто, потому что опасности подвергается единство груды. Обычно они отращивают зародыши и оставляют их самостоятельно расти на груде мульчи.

Ранн ахнул.

— Роды? Здесь? — Очевидно, он больше знал о том, как убивать джофуров, чем об их жизненном цикле.

Ларк понял: кататония Эваскса была вызвана не только неожиданным ракетным нападением.

Шок только ускорил родовые конвульсии, которые все равно должны были начаться.

Мембраны начали разрываться. Одно из новых колец, размером почти с голову Ларка и темно-пурпурного цвета, начало вращаться. Второе, меньше по размеру и алое, появилось из слизистого нароста, за ним тянулась нить остро пахнущего маслянистого вещества. Оба новых кольца соскользнули по бокам родительской груды, поползли по металлическому полу в поисках тени.

— Ларк, посмотри на это, — сказала Линг. Он с трудом оторвал взгляд от тошнотворного зрелища мокрых новорожденных. Повернувшись к Линг, увидел, что она смотрит на пол.

— Когда он дур назад бегал взад и вперед, оставил след на полу.

«Ну и что?» — подумал Ларк. Он видел жирные пятна на металлических пластинах. Треки так часто делают.

И замигал, узнав буквы англика. Одна, две, три, четыре.

РЕУК

— Что это? — вслух удивился Ранн.

Ларк поднес руку ко лбу, где его симбионт реук в ожидании следующего исполнения долга

питался ничтожными долями крови из вен. При прикосновении он спустился на глаза, изменив окраску помещения.

И все сразу изменилось. До сих пор бока джофура казались просто окрашенными в бесформенные пятна. Но теперь на поверхности нескольких старых колец стали видны ряды букв.

«Ларк, — начиналась первая надпись. — Одно кольцо открывает дверь. Используй его. Присоединись к Шести».

Болезненный крик справа остановил Ларка. Такой крик не может издавать млекопитающее. Ларк повернулся и крикнул:

— Прекрати!

Над одним из новых колец стоял Ранн, занеся ногу для второго удара. Маленькое существо дрожало, из раны на его боку текла восковая кровь.

— А почему? — спросил даник. — Этим своим жестоким ракетным нападением вы, сунеры, подписали нам смертный приговор. Можно хоть немного отплатить за него.

Линг резко возразила своему бывшему товарищу:

— Дурак! Лицемер! Ты остановил Ларка раньше, а теперь это? Разве ты не хочешь выбраться отсюда?

Она наклонилась над дрожащим кольцом и осторожно протянула к нему руку.

А Ларк повернулся к груде, к составному существу, которое каким-то необычным образом и в ограниченном смысле сумело снова стать Асксом. Когда он принялся читать вторую строку, буквы уже расплывались.

«Отдай второе Фвхун-дау/ Лестеру. Он/ты/они должны».

На этот раз крик был человеческим.

Линг! Ларк повернулся и бросился ей на помощь.

В одной руке она держала маленькое раненое кольцо, а другой вцепилась в плечи Ранна. Мужчина даник душил ее сзади, обхватив руками за горло, перекрыв дыхание, а может, и зажав артерии.

Ранн слышал негодующий рев Ларка и легко развернулся, используя в качестве щита тело Линг и продолжая душить ее. На лице его было выражение наслаждения. Ларк сделал ложный выпад направо, затем набросился на звездного воина с другой стороны. Времени для демонстрации боевого мастерства не было, они упали на пол в путанице рук и ног.

Схватка была бы равной, если бы Линг не по-

теряла сознания. Но когда ее тело бесчувственно обвисло, Ларку одному пришлось противостоять тренированному бойцу. Ему удалось нанести несколько ударов, но вскоре он вынужден был только защищать свои уязвимые места. Наконец в отчаянии он охватил руками торс Ранна в борцовской хватке.

Противник был настолько в себе уверен, что мог потратить немного сил на насмешки.

— Дарвинистский варвар, — насмехался Ранн у самого уха Ларка. — Регрессировавшая обезьяна.

Линг умудрился и сам найти оскорбление:

— Ротены свиньи.

Ранн рявкнул и попытался укусить его в ухо. Ларк вовремя отвернул голову, потом ударил ею Ранна в лицо, разбив ему губу.

Неожиданно зловоние заклубилось вокруг их голов, липким болезненным ощущением заполнив Ларку ноздри. На мгновение он даже подумал, что это телесный запах даника. Или запах его дыхания.

Ранн смог высвободить руку и ударил Ларка по боку. Но боль казалась далекой, а удары — слабыми и неуверенными. Зловоние усилилось, в глазах начало темнеть, и Ларк понял, что на противника запах тоже подействовал.

И даже сильнее.

Через несколько мгновений железная хватка разжалась, и Ранн опустился на землю. Ларк согнулся, тяжело дыша. Сквозь дымку уходящего сознания он заметил источник зловония. Раненое кольцо треки забралось к Ранну на плечи и выдавливало еще одну дозу смертоносного вещества прямо на лицо звездного бога.

Надо остановить его, подумал Ларк. Излишек может не просто лишить Ранна сознания, но и убить его.

Но жизнь распределяется по приоритетам. Борясь с головокружением и сильным желанием уснуть, Ларк перекатился в поисках Линг. Он надеялся, что ее еще удастся вернуть к жизни.

БЛЕЙД

— Наиболее эффективными боеголовками оказались те, что были снабжены топоргическими капсулами с составом треки номер 17 и порошкообразным буйурским металлом. Огненные жуки достаточно хорошо поджигали сердечники ракет. Большинство тех, что не использовали огненных жуков, либо не взорвались, либо взорвались прямо на пусковых площадках.

Блейд слушал, как молодая женщина диктует отчет телеграфисту уру, удары которого по клавишам превращались в световые вспышки. Джени Шен морщилась: аптекарь прикладывал мазь к ее обожженной коже. Лицо ее было вымазано сажей, а от одежды пахло дымом. Голос Джени звучал сухо, как графит, и было видно, что говорить ей трудно, но она продолжала диктовать, словно опасалась, что вершина горы со станцией семафора станет первой целью мести джофуров.

— Наблюдатели сообщают, что лучше всего попадали в цель ракеты с шарами-посыльными на борту. Их использование было всего лишь случайной идеей Фвхун-дао, поэтому их было немного. Прежде чем все взорвалось, Лестер сказал, что нам следует заново проверить всех созданных буйурами животных, чтобы убедиться, нет ли у них других возможностей для применения.

В каменной хижине было тесно. Ракетная атака и последующие пожары вызвали потоки беженцев, хлынувшие через горные проходы. Блейду пришлось идти в толпе беглецов, чтобы добраться до милицейского аванпоста, где он смог бы сделать доклад о своих приключениях.

На станции он узнал множество поразительных новостей о том, что удалось сбить последний

джофурский корвет, и о том, что ни одной ракете не удалось долететь до главного корабля. Вспыхнувшие было надежды снова рассеялись, когда стало известно количество жертв, включая по крайней мере одного высокого мудреца Шести Рас.

Однако некоторое оживление сохранялось. Плохие новости ожидались. Но вкус победы обострялся своей полной неожиданностью.

Блейд помнил, как в облаках пламени падали половины разрушенного корабля, разжигая лесные пожары. «Я рад, что они упали на бу». Согласно Свиткам, различные экосистемы Джиджо не равны по своей ценности. Большое бу — хищный захватчик-чужак — подобно самим Шести. И ночной пожар не нанес планете тяжелой раны.

«Мне тоже», — добавил Блейд про себя, морщась: один из врачей г'кеков пытался вправить его сломанную ногу.

— Просто отрежьте ее, — сказал он врачу. — И вторую тоже.

— Но у вас останутся только три, — возразил г'кек. — Как вы будете ходить?

— Как-нибудь справлюсь. И новые отрастут быстрее, если отрежете до самого основания. Только давайте побыстрей, ладно?

К счастью, ему удалось приземлиться на две ноги, расставленные на противоположных сторонах от тела. Пришлось выбираться из путаницы тканей и обломков гондолы на трех. Освещенный луной склон оказался каменистым и крутым — ужасное место для квуэна в середине холодной ночи. Но манящие вспышки огней, передающих сообщения от вершины к вершине, подбодрили его, и он, хромая, сумел добраться до убежища.

«Итак, я все-таки смогу рассказать Грызущей Бревно о своих приключениях. Может, я даже запишу их. Нело позволит напечатать на небольшом печатном станке, потому что половина рассказа будет посвящена его дочери».

Блейд знал, что начинает бредить от жажды, боли и недостатка сна. Но если уснет, потеряет свою очередь сразу за Джени Шен. Командир станции, узнав о его полете на воздушном шаре, переместил его очередь вперед, сразу за официальным докладом о ракетном нападении.

«Мне следовало бы чувствовать себя польщенным. Но на самом деле все ракеты уже использованы. Даже если немного осталось, элемент внезапности пропал. И нам никогда снова не удастся напасть на джофуров.

Но мою идею еще не испробовали. А она срабо-

тает! Я — живое доказательство этого.

Нужно рассказать об этом кузнецам на горе Блейз».

Так он сидел и кипел от нетерпения, прислушиваясь к длинному, полному специального жаргона докладу Джени и стараясь быть терпеливым.

Когда началась ампутация, Блейд инстинктивно втянул купол, защищая зрительную полоску толстым слоем хитина, который мешал ему смотреть. Он пытался вернуться к тому времени, когда летел в небе первый из своего рода — после космических кораблей, что было так давно.

Но память квуэна недостаточно сильна, чтобы использовать ее как преграду на пути боли.

Трем сильным хунам пришлось держать его, чтобы врач мог сделать свое дело.

ЛАРК

Когда он пришел в себя, его встретил другой запах.

Первый был клейким и глухим. И когда заполнил помещение, мир исчез под толстым одеялом сладкой остроты.

Новый запах был горьким, резким, отталкива-

ющим, разрывающим бесчувственное состояние. Не было никакого переходного периода смутности. Ларк резко чихнул и рывком сел. Он мгновенно узнал камеру, ее металлический пол и стены, тесное отчаяние этого места.

Жирный пончик, пурпурный и все еще покрытый слизью, послал ему в лицо последние капли мутной жидкости. Ларк подавился и отпрянул.

— Я пришел в себя! Прекрати, пожиратель навоза!

Комната покачнулась, когда он повернулся, отыскивая, и обнаружил Линг прямо за собой. Она тяжело дышала от усилий, пытаясь сесть. Темные пятна показывали, где ее горло сжимал Ранн, едва не лишив жизни.

Ларк снова повернулся и поискал врага.

И тут же увидел босые ноги даника, торчащие из-за круглого корпуса Эваскса.

Эваскса? Или он все еще Аскс?

Груда колец дрожала. Из ран с обеих сторон стекал восковой гной. Здесь выделились новые кольца.

Надо выяснить. Попытаться поговорить с ним.

Но Ларк уже видел упорядоченность в дрожащих торах. Систематический ритм. Почти полную организованность. Из отверстия для речи

исходили булькающие звуки.

— С… с…стойте, люди Я/Мы ПРИКАЗЫВАЮ, требую послушания.

Голос звучал неровно, но с каждым проходящим дуром набирал сил.

Ларк встретился с ним взглядом. Мгновенное понимание.

Аскс на многое пошел, чтобы предоставить свои дары.

Нужно испытать их.

— Прекратите! — просил Эваскс. — Вы обязаны…

К счастью, тело джофура еще сохраняло оцепенелость. И когда мастер-кольцо пыталось привести его в движение, самое нижнее кольцо сопротивлялось.

«Аскс все еще сражается за нас», — понял Ларк, зная, что долго так продолжаться не будет.

— Воспользуйся пурпурным, — сказал он Линг, которая прижимала к себе больший новорожденный тор. — Аскс сказал, что он открывает двери.

Она с сомнением посмотрела на него, но поднесла кольцо к пластинке у двери. Они видели, как ее касался джофур, когда хотел выйти из камеры. Тем временем Ларк превратил свою порванную рубашку в подвязку и положил в

нее меньшее, алое, кольцо. То, что было жестоко ранено Ранном. То самое, которое Ларк должен доставить высоким мудрецам, если выживет.

Из— за Эваксса послышался стон. Это наконец приходил в себя воин даник. Давай! — молча торопил Ларк, хотя Линг, несомненно, никогда не использовала раньше такой ключ.

Пурпурное кольцо выпустило из пор возле самой пластинки несколько капель жидкости. Последовали щелкающие звуки: механизм двери как будто задумался.

Потом со слабым шипением дверь открылась.

Ларк вместе с Линг торопливо вышли, не обращая внимания на брань джофура, который пытался следовать за ними, пока дверь снова не закрылась.

— Куда теперь? — спросила Линг.

— Ты меня спрашиваешь? — Ларк рассмеялся. — Ты ведь говорила, что галактические корабли стандартизованы.

Она нахмурилась.

— У ротенов нет таких боевых кораблей, как это чудовище. У Земли тоже. Нам бы повезло, если бы мы увидели такой корабль издали, и еще больше повезло, если бы он нас не заметил.

Ларк чувствовал себя странно, стоя полуобна-

женным в коридоре чуждого корабля, полного необычными запахами. В любой момент в коридоре может показаться джофур или на них начнет охоту боевой робот.

Плиты пола задрожали, вначале слабо, затем все сильней.

— Попробуй угадать, — сказал Ларк, подбадривая Линг улыбкой.

Та ответила пожатием плеч.

— Ну, если пойдем в одном направлении, рано или поздно доберемся до корпуса. Пошли. Самое худшее — это стоять на месте.

Коридоры были пусты.

Изредка Ларк и Линг проходили мимо каких-то больших помещений, внутри которых находилось множество джофуров. Они стояли возле необычно изогнутых инструментальных панелей или смешивались группами, раскачивались и общались облачками выделений. Но груды редко передвигались. Ларк, как биолог, не мог не рассуждать.

Они потомки малоподвижных существ, почти сидячих. Даже с приобретением мастер-кольца они сохраняют некоторые прежние привычки, например, предпочитают работать на одном месте, в относительной неподвижности.

Ларку казалось невероятным это молчаливое продвижение мимо закрытых дверей на расстоянии полета стрелы, затем еще одного и третьего. Они пользовались кольцом, открывая на пути бронированные люки, и никого не встречали. «Аскс должен был принять это во внимание. Мы сможем добраться до выхода из корабля и...»

Ларк задумался.

«И что тогда? Если там будут небесные лодки или летающие платформы, Линг сможет понять принцип их действия, но как сможет она управлять приборами, предназначенными для щупалец джофуров?

Может, нам следует направиться в машинное отделение? Попытаться что-нибудь вывести из строя. Причинить хоть какой-то ущерб, прежде чем нас подстрелят».

Линг пошла быстрей, ее походка стала энергичной. Возможно, она что-то почувствовала за этими толстыми дверями и изогнутыми стенами, что-то такое, что подсказывало, что они уже близко.

Следующий люк отодвинулся в сторону — и без всякого предупреждения они столкнулись с первым джофуром.

Линг ахнула, а у Ларка едва не подогнулись

колени. Он почувствовал неудержимое желание повернуться и убежать, хотя это, конечно, уже поздно. Груда была больше Эваксса, составляющие ее кольца светились здоровьем и силой, каких Ларк никогда не видел у джиджоанских треки.

«Так выглядит Ранн по сравнению со мной», — тупо подумал Ларк.

Но в это мгновение его спутница подняла пурпурное кольцо, нацелив его, как пистолет, на большого джофура.

К груде устремилось остро пахнущее облачко.

Груда еще немного постояла, потом на множестве насекомоподобных ног прошла мимо людей и двинулась по коридору.

Ларк ошеломленно смотрел ей вслед.

Что это было? Сигнал распознавания? Искусно подделанный пароль для прохода?

Он представлял себе, как Аскс — та часть мудреца треки, которая где-то сумела скрыться, — следил за химическими кодами, которые используют джофуры при передвижении по кораблю. Но чего Ларк не мог себе представить, так это тип сознания, который здесь проявляется. Как можно сознательно спрятать личность внутри личности, когда вся власть принадлежит

мастер-кольцу?

Джофур завернул за угол. Он как будто шел по какому-то делу.

Ларк посмотрел на Линг. Их взгляды встретились, и оба одновременно перевели дыхание.

Входной шлюз был заполнен механизмами, хотя никаких лодок или летающих платформ не было. Беглецы закрыли внутреннюю дверь и заторопились к противоположной стене, чтобы приложить кольцо-ключ. Им не терпелось увидеть голубое небо и вдохнуть свежий ветер Джиджо. Если им повезет и этот выход обращен к озеру, они смогут прыгнуть в воду. Конечно, и после этого их побег могут остановить в любое мгновение, как только они окажутся внутри защитного периметра джофуров. Но сейчас все это казалось не важным. Оба чувствовали себя полными жизни и неудержимой энергии.

Ларк по-прежнему нес раненое красное кольцо, гадая, что должны будут сделать с ним мудрецы.

«Может, Аскс считает, что мы должны подобрать коммандос и вернуться с бомбами, используя кольцо для входа?»

Но мысли его оборвались, когда начал отходить большой люк. И первое, что они увидели, был не дневной свет, а звезды.

Тревога на мгновение охватила Ларка, но он тут же понял: это не космос, а ночь на Риммере. Поток холодного воздуха вызвал мгновенный прилив энтузиазма. «Я никогда не смог бы покинуть Джиджо, — подумал он. — Это мой дом».

Бледное сияние затмевало созвездия там, где неровная зубчатая граница пересекала небо — это были очертания гор на востоке. Скоро рассвет. Подходящее время для начала?

Линг протянула Ларку свободную руку, он взял ее, и вдвоем они подошли к выходу и заглянули вниз.

— Пока все хорошо, — сказала она, и Ларк разделил ее радость, увидев отражение звездного света в воде.

— Снаружи еще темно. Озеро поглотит тепло наших тел. И на этот раз нас не выдаст цифровое компьютерное сознание.

«Не будет и удобных трубок для дыхания, которые позволили бы нам оставаться в безопасности под водой», — едва не добавил Ларк, но не захотел ослаблять ее энтузиазм.

— Посмотрим, нельзя ли воспользоваться чем-то, чтобы спуститься к озеру, а не прыгать, — добавила Линг. Они вместе осмотрели полки с оборудованием по одну сторону от люка, и Линг

возбужденно воскликнула:

— Я нашла катушку стандартного троса. Теперь, если разберусь в приборах…

Линг принялась разглядывать катушку, но Ларк в это время ощутил изменение в низком гуле, который сопровождал их с того мгновения, как они покинули свою камеру. Гул становился выше и громче и вскоре заполнил весь воздух.

— Что-то происходит, — сказал Ларк. — Мне кажется.

И тут же корабль неожиданно дернулся, едва не сбросив их на пол. Линг выпустила барабан, который едва не ударил ее по ногам.

Из открытого люка послышался другой звук. Ужасный скрежещущий гул, как будто жаловалась сама Джиджо. Ларк узнал скрежет металла о камень.

— Ифни! — крикнула Линг. — Они взлетают!

Помогая друг другу, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие, они снова добрались до входного люка и выглянули наружу. И в ужасе увидели действие накопленной и внезапно высвобожденной силы.

Вот и прыгнули в озеро, подумал Ларк. Корабль джофуров величественно и бесстрастно поднимался, но критическими оказались первые

несколько десятков метров. Исчезла преграда, которая превращала затопленную долину во временное вместилище воды. И Праздничная Поляна мгновенно преобразилась в ревущий ураган. Затопленные деревья срывало с их размякших корней. Подмывало берега, и с них в воду падали камни. По мере того как корабль продолжал самодовольно подниматься, поток мутной воды и обломков устремлялся вниз, снося все на своем пути, обрушиваясь на ничего не подозревающие равнины.

«Слишком поздно, — понял Ларк. — Мы сбежали слишком поздно. И теперь захвачены внутри».

И словно подтверждая этот факт, у открытой двери загорелся огонек, и она начала закрываться. Должно быть, при подъеме сработал автоматический страховочный механизм. Ларк с трудом сдержал стремление прыгнуть в сужающуюся щель, вопреки смертоносному хаосу, который ожидал его внизу.

Линг схватила его за руку, когда они мельком увидели что-то блестящее и круглое — из-под воды показался гладкий продолговатый купол. Даже при предрассветном освещении они узнали корабль ротенов-даников, по-прежнему заклю-

ченный в кокон квантового времени.

Затем с грохотом и шипением люк окончательно закрылся, отрезав ветер. Захваченные внутри, беглецы смотрели на жестокий люк.

— Мы движемся на север, — сказал Ларк. Это было последнее, что он заметил, глядя на пролетающую внизу местность.

— Пошли, — прагматично ответила Линг. — Нужно найти где-нибудь в корабле место, где можно спрятаться.

НЕЛО

За несколько лиг до цели фанатики поняли, что они окружены. Ночь они провели на болоте, подсчитывая костры отрядов, верных высоким мудрецам. Зажатые между отрядами милиции из Библоса и преследующими силами Нело, мятежники на рассвете сдались.

Не было никаких церемоний, и у мятежников почти не оказалось оружия, которое нужно было бы сдавать. Всю их энергию отнял тяжелый марш по трясине, где когда-то в небо поднимались могучие башни буйуров. Оборванные и грязные, Джоп и его последователи неровной колонной направились к Библосу, выдерживая насмешки

недавних соседей.

— Иди посмотри, — подтолкнул Нело древесного фермера к утесу, с которого можно было взглянуть за широкую реку, все еще покрытую длинными тенями. Усиливающийся дневной свет открывал просторную пещеру, высеченную столетия назад земным кораблем «Обитель». Две дюжины массивных столбов поддерживали Каменный Кулак, повисший, как отсроченный приговор, над множеством больших деревянных зданий, каждое из которых было копией какого-нибудь знаменитого земного сооружения: Тадж-Махала, великой пирамиды Хеопса и Главной Библиотеки в Сан-Диего, Калифорния.

— Архивы уцелели, — сказал Нело своему противнику. — Ты хотел обрушить на них Кулак, но ничего не вышло. И через несколько лет я снова буду делать бумагу. Все было зря, Джоп. Жизни, которые ты погубил, уничтоженное добро. Ты ничего не добился.

Нело видел, как еще больше помрачнел Джоп, когда они достигли новой семафорной станции, установленной непосредственно против Библоса. Именно здесь они узнали о ракетном нападении, уничтожении одного корабля джофуров и предполагаемом повреждении другого. Молодые

солдаты милиции радостно кричали, узнав, что далекий «гром» прошлой ночью был на самом деле местью Шести Рас за бедных г'кеков.

Но у тех, что постарше, лица оставались мрачными. Капитан милиции предупредил, что это всего лишь одно сражение войне, которую Община Джиджо вряд ли может надеяться выиграть.

Нело отказывался думать об этом. Он выполнил поручение Арианы Фу, передав для передачи ее сообщение. Световые сигналы лучше передавать ночью, но, увидев имя Арианы на единственном листке бумаги, оператор тут же зажег лампу. Пока передавалось сообщение, капитан присматривал за подготовкой переправы через Бибур на ту сторону, где ждет душ и чистая одежда.

И сон, подумал Нело. Однако, несмотря на усталость, он чувствовал себя так молодо, как уже не чувствовал многие годы, как будто утомительная погоня по болотам сделала его моложе, превратила в сильного воина, каким он был когда-то.

Прислонившись к дереву, Нело ненадолго закрыл глаза, строя планы восстановления бумажной мельницы.

«Прежде всего нужно будет помочь синим восстановить дамбу. На этот раз устроим ее правильно. Меньше будем думать о маскировке и

больше о том, чтобы добиться получения большей энергии. Пока я в Библосе, смогу скопировать кое-какие чертежи».

Он резко поднял голову, услышав, как его зовет по имени ученик столяра из Доло. Парень читал ночные сообщения семафора, прикрепленные к стене.

— Я видел имя вашей дочери, — сказал Нело молодой человек. — Она на горе Гуэнн.

Нело сделал три неуверенных шага, и Джоп тоже. Древесный фермер тоже удивился. Но его отчаяние контрастировало с радостью Нело, услышавшего, что кто-то из его детей жив.

«Сара! — Мысли бумажника слегка путались. — Во имя основателей, как она оказалась на горе Гуэнн?»

Он торопливо направился к стенду, не терпелось узнать больше. Может, здесь есть сведения о Двере и Ларке!

В это время один из операторов внутри станции закричал. Тот, что посылал сообщение Арианы Фу, продолжал стучать ключом, но принимающий выбежал из станции. Это оказалась женщина средних лет, она размахивала листком бумаги с торопливой записью.

— Сообщение, сообщение! — кричала она, под-

бегая к капитану милиции.

— Сообщение от наблюдателей. Джофуры. Джофурский корабль летит сюда!

Корабль не парил и не падал. Он был слишком велик для этого.

Туча пыли сопровождала его полет над лесом или открытой местностью, но там, где небесная гора громоздко надвинулась на Бибур, воды оставались зловеще спокойными. Больше того, гладкая неподвижность выходила далеко за пределы тени корабля.

Лети дальше, молил Нело. Просто пролети мимо. Продолжай двигаться.

Но у огромного крейсера, очевидно, было дело именно здесь, он остановился непосредственно над рекой на виду у Великого Архива.

Теперь настала очередь Нело прийти в ярость: он увидел, как на лице Джопа появилось выражение мрачного удовлетворения. Кто-то донес, подумал Нело. Слухи рассказывали об эмиссарах джофуров, основывавших свои посты в маленьких поселках и властно требовавших сведений. Рано или поздно какой-нибудь фанатик или слепой последователь Свитков проболтался бы об этом месте.

Могучий боевой корабль не испускал смерто-

носные лучи. Не было и дождя бомб в отместку за младшего брата, погибшего прошлой ночью.

Вместо этого в борту раскрылись небольшие люки. Оттуда вылетели две дюжины роботов; они неторопливо опустились к воде, повисли на уровне роста хуна, потом построились и направились к Библосу.

Из большого корабля показалась вторая волна. Эта опускалась медленней на широких черных полированных летающих платформах. На этих плоских устройствах возвышались джофуры, как горки блинов, каждая на своей летающей сковородке.

И не успел отряд джофуров достичь стен скрытого города, как космический дредноут снова двинулся, повернулся массивным корпусом в том направлении, откуда прилетел, примерно на юго-юго-восток, и начал все быстрей набирать высоту. К тому времени как Нело потерял его из виду в лучах восходящего солнца, крейсер уже поднялся выше самых высоких облаков.

У реки собрались толпы, глядя на противоположный берег. Библос все еще был погружен в ночную тень. Роботы, по контрасту, ярко блестели, пока вместе со своими хозяевами джофурами не вошли под Каменный Кулак.

После этого Нело и всем остальным пришлось удовлетворяться словами капитана милиции, который смотрел в бинокль и рассказывал о происходящем.

— Каждый джофур входит в отдельное здание, охраняемый несколькими роботами. Некоторые входят через переднюю дверь, но один просто послал роботов, чтобы они пробили стену и вошли в пробоину.

Теперь они все внутри, а наши выбегают из домов! Люди, хуны, квуэны, вот один г'кек, его левое колесо дымится. Думаю, в него стреляли.

Толпа раздраженно гудела, но сделать что-нибудь было невозможно. Никто ничего не мог сделать.

— Вижу взводы милиции! В основном люди, с ними уры и хуны. У них ружья нового типа, с мульк-пулями. Они бегут к Зданию Наук!

Они разбились, как в засаде, и одновременно проникают в здание через противоположные двери.

Нело смотрел на ту сторону Бибура, сжимая кулаки. В то же время он гадал, почему большой боевой корабль добрался сюда, но не уничтожил центр интеллектуальной жизни Джиджо.

Наверно, у него есть и другие дела. И он все

равно вернется за высадившейся группой.

Оставалась одна надежда. Может, со вчерашней ночи осталось еще несколько ракет. И они попадут в крейсер до того, как он вернется.

Надежда всегда есть — хотя казалось маловероятным, что джофуров удастся обмануть вторично.

Он видел, как за рекой поток беженцев: ученых, библиотекарей, учеников — выливается из укреплений через отверстия для вылазок. Среди бегущих мало г'кеков. И треки тоже. Обе расы, очевидно, обречены оставаться внутри в ожидании своих разных, но одинаково ужасных участей.

Нело подумал:

«Что чужаки хотят сделать с нашей Библиотекой? Взять книги и унести с собой, чтобы почитать?

Как ни странно, эта своеобразная догадка имеет основания.

Ручаюсь, ракетное нападение дало им понять, что у нас есть еще козыри в рукаве. И неожиданно они заинтересовались тем, что мы знаем и как это узнали. И теперь просмотрят наши книги в поисках других неприятных сюрпризов».

В затененной пещере что-то происходило.

Через реку доносились щелкающие звуки. Несомненно, из Зала Наук.

— Выходят! — крикнул капитан, крепче сжимая бинокль. — Ружейные взводы, они отступают, несут с собой раненых, пытаются прикрыть друг друга. Они…

Он опустил прибор. Взгляд у него был мрачный, он стоял подавленный и молчал.

Капрал осторожно подобрала бинокль и продолжала рассказ.

— Мертвы, — было ее первое слово. — Вижу мертвых солдат. Они все лежат.

Толпа стихла. За Бибуром, казалось, больше ничего не движется, только иногда под Каменным Кулаком мелькали машины.

«Взрывники, — подумал Нело. — Почему они не привели в действие свои заряды?»

Величайшая тайна Шести Рас, самая безопасная крепость человечества на Джиджо, Библос был захвачен за несколько дуров. И теперь его драгоценные архивы в руках захватчиков.

ЭВАСКС

Значит, решено, Мои кольца? Загнали ли мы в последний угол ваше тайное сопротивление?

Можно ли считать, что больше восстаний не будет?

После недавней неприятности, когда вы, глупые кольца, умно/неразумно сумели совершить влен без ведома вашего мастер-кольца, наша груда-жрец предложила разобрать нас/ Меня. Жрец предложил извлечь до капли восковую память, чтобы узнать, куда могли деться два паразита-волчонка, которых вы (на короткое время, мятежно) высвободили в нашем замечательном корабле «Полкджи».

Но тут наша груда-тактик доложила, что, по данным телеметрии, Ларк и Линг почти несомненно покинули корабль: инструменты свидетельствуют, что люк автоматически открылся.

Люди хорошо плавают. И несомненно, оказавшись в озере, они решили, что достигли безопасности. Они не подозревали, что через мгновение поток увлечет их в водоворот разрушений после взлета нашего могучего «Полкджи»!

Забавная игра судьбы, драматическая ирония этого побега так понравилась капитану-лидеру, что был отдан приказ, перекрывающий желание груды-жреца. На какое-то время Мое/ наше единство в безопасности.

НО НЕ РАССЧИТЫВАЙТЕ НА ДОЛГУЮ

ТЕРПИМОСТЬ/ ПРОЩЕНИЕ, МОИ КОЛЬЦА!

Прощение за что, вы спрашиваете?

Вот теперь вы Меня тревожите. Неужели наш общий воск так сильно расплавлен? Неужели личность Аскса так сильно повредила нам своей второй попыткой самоубийства-амнезии? Мне следует напомнить вам о недавних событиях полуэлектронными процессами мастер-кольца?

Очень хорошо, Мои кольца, я это сделаю. И мы начнем снова, повторим опыт, который сделал нас полезными делу джофуров.

Вместе мы наблюдали за тем, как отряд из нашего корабля захватывал так называемую Библиотеку, которой пользуются варварские Шесть Рас. Хотя в битовом эквиваленте эта Библиотека содержит ничтожное количество информации, именно она источник хитростей волчат.

Их коварных планов, которые нам так дорого обошлись.

Странное событие произошло, когда Я/мы увидел эти грубые здания, построенные из срубленных деревьев и укрытые в искусственной пещере. Многие тайные восковые следы отозвались внезапным узнаванием! И приняв эти восстановленные следы, мы смогли раскрыть перед капитаном-лидером многие тайны этой

сокровищницы псевдознаний. Тайны, которые Аскс хотел сделать недоступными для нас.

Мы медленно восстанавливаем прежнюю репутацию и оценку. Рады ли вы этому, Мои кольца?

Как приятно чувствовать ваше немедленное согласие! Краткое восстание и последовавшая за ним попытка самоубийства амнезией, кажется, сделали вас более покорными. Вы больше не отдельные кольца треки, а часть великого целого.

Смотрите! Оставив отряд для захвата Библоса, наш могучий «Полкджи» обращается к своей главной задаче. Слишком долго позволяли мы себе отвлекаться/откладывать. Больше никаких переговоров с ворами ротенами. Никаких споров с варварскими расами. Всем Шестерым принесут разную судьбу наши наземные силы, рассеянные по всему Склону.

А что касается «Полкджи», мы возвращаемся к континентальной трещине, к этой океанской пропасти. К предполагаемому местонахождению корабля дельфинов.

РЕШЕНО. РОТЕНЫ ВСЕ-ТАКИ СЧИТАЛИ ВЕРНО.

Мы будем бомбить глубины, подвергая опасности корабль землян. Чтобы сохранить жизнь, они вынуждены будут подняться на поверхность и сдаться.

До сих пор капитан-лидер предпочитал торопливым действиям терпение. Мы не хотели уничтожить то, что ищем! Сначала узнаем его тайны. Поскольку ни один соперничающий клан или флот не появился на Джиджо, казалось, у нас достаточно времени.

Но это было до того, как мы потеряли оба корвета. До непрерывных оттяжек и проволочек.

Теперь мы готовы рискнуть!

С большим запасом глубинных бомб мы движемся к зоне, известной как Трещина.

ЧТО ЭТО?

УЖЕ?

ДЕТЕКТОРЫ ОБНАРУЖИЛИ ВПЕРЕДИ — ДВИЖЕНИЕ!

Радостный охотничий азарт охватил мостик. Это должна быть добыча, она выдает свое местоположение в торопливых поисках нового убежища.

Но тут управляемые на расстоянии приборы передают тревожную новость.

Зафиксированные нами колебания исходят не от одного корабля.

ИСТОЧНИКОВ ИЗЛУЧЕНИЯ ДЕСЯТКИ, СОТНИ!

САРА

Во время долгого спуска с горы Гуэнн Эмерсон казался оживленным, он прижимался лицом к искривленному окну маленького поезда, глядя на море.

«Что он чувствовал, если бы знал, с кем мы встретимся? — думала Сара, пока вагон быстрее скачущего ура проносился мимо древних лавовых потоков. — Радовался бы или попытался выпрыгнуть и убежать?»

Далеко внизу мириады солнечных отражений тянулись вдоль всей линии прибоя до самого затянутого тучами западного горизонта. Воды Джиджо казались спокойными, но Сару по-прежнему устрашал этот вид. Небольшое волнение этой обширной массы уничтожит все деревья и поселки на берегу. Спокойствие океана доказывало, насколько хороша эта планета для жизни — настоящая колыбельная видов.

«Я всегда надеялась увидеть это до того, как мои кости мусором уйдут в пропасть. Но не ждала, что приду сюда сначала верхом на лошади через Спектральный Поток, через вулкан и, наконец, на знаменитом канатном поезде, навстречу су-

ществам из легенд».

Несмотря на то что на горе Гуэнн в последнее время все спали очень мало, Сара чувствовала себя полной энергии.

Уриэль едва успела закончить свой аналоговый компьютер. Спустя несколько мидуров после отправки баллистических расчетов на север операторы семафора сообщили поразительные новости о последствиях.

Потрясающая победа ракет.

Обескураживающие неудачи ракетных запусков.

Лесные пожары, мертвые мудрецы, и Яйцо — раненое, замолчавшее, может быть, навсегда.

Поток с Праздничной Поляны, убивший или сделавший бездомными бесчисленное количество жертв.

И это еще не все. Среди многих других сообщений, приходивших всю ночь, были и такие, которые Саре перенести было особенно тяжело.

Она испытала душевный подъем, узнав о воздушных приключениях Блейда, так не подходящих для квуэна. Потом отчет ее отца вызвал в сознании картины разрушений деревни Доло, заставив ее поискать укромное место и посидеть, обхватив голову руками. Нело жив — это прекрас-

но. Но многие другие, кого она знала, погибли вместе с домом, в котором она выросла.

«Ларк и Двер, мы гадали, что произойдет, когда дамба рухнет. Но я никогда не верила, что это случится на самом деле».

На какое-то время волны горя заставляли Сару держаться в стороне от всех, потом кто-то сказал ей, что пришло срочное сообщение, адресованное в особенности ей — с санкции прежнего высокого мудреца Шести.

Ариана Фу, сообразила Сара, просматривая краткое сообщение. Ифни, кому сейчас интересны размеры корабля, в котором Эмерсон разбился в болоте? Какая разница, в какой колеснице он летал, когда был звездным богом? Теперь это искалеченная душа, захваченная на Джиджо, подобно всем нам остальным.

Так ли это?

После многих испытаний этой насыщенной событиями ночи Сара только собиралась немного поспать, когда более близкие события потрясли Уриэль и все ее окружение.

На рассвете капитан порта Вуфон прислал сообщение о чудовище в гавани. Рыбообразное существо, которое после некоторых взаимных недоразумений объявило себя родичем людей.

Больше того, существо утверждает, что у него есть послание к кузнецу.

Уриэль была полна радости.

— Маленькая шпионская камера, которая так нас испугала, это привор с земного корабля! Может, джофуры нас воовще еще не нашли!

Это очень важно. Сообщали, что небесный боевой корабль снова пришел в движение и, возможно, направляется к ним. Но Уриэль не могла эвакуировать свою мастерскую: в ней продолжалась работа над несколькими проектами, и работники никогда не были так заняты.

— Я немедленно отправляюсь на встречу с землянином, — объявила кузнец.

Не было недостатка в добровольцах для ее сопровождения. Сара ехала в первом поезде. Она наблюдала, как Прити пролистывает блокнот с рисунками Эмерсона и задерживается на изображении стройных фигур с плавниками на спинах и хвостах; эти фигуры извиваются в волнах. Рисунок, сделанный по памяти.

— Они выглядят не так, как я думала, — заметила Уриэль, изгибая свою длинную шею над плечом Прити. — До сих пор я знала о них только по описаниям в книгах.

— Надо было читать книги с картинками, —

рассмеялся взрывник Курт, подталкивая локтем племянника. Но Джома продолжал прижиматься к окну рядом с Эмерсоном. Они по очереди указывали друг другу на особенности быстро меняющегося ландшафта. Звездный человек был в своем постоянном хорошем настроении и ничем не показывал, что знает о цели поездки.

Сара знала, что ее тревожит. Помимо всех своих иных бед и печалей, она понимала: птице пора лететь к себе домой.

Глядя на полного силы человека, которого она вырвала из лап смерти, Сара не видела, что еще может предложить ему. Никакого лекарства для поврежденного мозга. Единственная надежда — на возвращение к цивилизации Пяти Галактик, даже несмотря на преследование могущественных врагов. Кто не предпочтет такую жизнь жалкому существованию на этом берегу?

«Наши предки, вот кто предпочел. Экипаж „Обители“ и всех остальных крадущихся кораблей».

Сара вспомнила, что сказал мудрец Пурофски всего несколько дней назад: «Это не случайность, Сара. Слишком много кораблей появилось на Джиджо за такой короткий срок».

«Свитки говорят о судьбе», — возразила она.

«Судьба! — презрительно фыркнул мудрец. — Слово, выдуманное теми, кто не понимает, как они очутились там, где находятся, и не видит, куда идет».

«Вы говорите, что знаете, почему мы очутились здесь, мастер?»

Несмотря на все недавние происшествия и трагедии, Сара обнаружила, что все еще потрясена ответом Пурофски.

«Конечно, знаю, Сара. Мне это кажется совершенно ясным.

Нас сюда пригласили».

ЭВАСКС

— Глупцы! — заявил капитан-лидер. — Все, кроме одного, излучения исходят от макетов торпед, которые просто подражают излучениям космических кораблей. Это стандартная обманная тактика в глубоком космосе. Но такая хитрость на близком расстоянии не поможет.

Используйте стандартную технику, чтобы отсеять обманные излучения.

НАЙДИТЕ КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ МЫ ИЩЕМ!

Ах, Мои кольца, видите ли вы, как цвета сбегают по гладким бокам нашего капитана-лидера?

Смотрите, какие они сверкающие, какие великолепные. Будьте свидетелями истинного достоинства джофурского гнева в его высшей форме.

Какое негодование! Какой эгоистический гнев! Оайлие гордились бы нашим командиром, особенно после того как мы услышали невероятную новость.

Это вовсе не макеты ракет.

Мириады объектов, которые мы зафиксировали, движущиеся из Трещины в открытый океан. КАЖДЫЙ ИЗ НИХ — НАСТОЯЩИЙ ЗВЕЗДНЫЙ КОРАБЛЬ!

Мостик затягивает испарение страха. Огромный флот из множества кораблей! Как землянам удалось раздобыть столько союзников?

Даже наш «Полкджи» не устоит перед таким количеством.

Нас превосходят во много раз!

ДВЕР

— Мне жаль, — сказала ему Джиллиан Баскин. — Решение пришлось принимать немедленно. Теперь нет времени для организации специальной высадки на берег.

Она казалась раздраженной, как будто не ожидала такой просьбы. На самом деле со второго дня на корабле Двер только об этом и просил.

Два человека плавали рядом в просторном, заполненном водой помещении, контрольной рубке звездного корабля «Стремительный». Мимо них по сферическому помещению проплывали дельфины, они дышали насыщенной кислородом водой, дышали легкими, модифицированными так, что стали почти их второй природой. У консолей и на своих рабочих местах они дышали под пузырями-куполами или через шланги, соединенные непосредственно с дыхалом. Двер эта среда казалась необычной, как во сне, но фины были в своей стихии. Напротив, Двер и Джиллиан, одетые в специальные костюмы, казались здесь совсем неуместными.

— Я здесь ничего хорошего не делаю, — повторил он, слыша слова, которые передавались в его шарообразный шлем. — У меня нет умений, которые вы могли бы использовать. Я едва дышу тем веществом, которое вы называете воздухом. И что еще важнее, меня ждут. Во мне нуждаются. Разве нельзя меня высадить в какой-нибудь лодке возле берега?

Джиллиан закрыла глаза и вздохнула — издала

короткий странный набор щелчков и стонов.

— Послушай, я понимаю твое положение, — сказала она на англике. — Но мне нужно думать о сотне жизней и на ставке нечто гораздо большее. Прости, Двер. Я могу только надеяться, что ты поймешь.

Он знал, что дальнейший разговор бесполезен. Один из дельфинов с мостика позвал ее, и вскоре Джиллиан уже разговаривала с этим дельфином и лейтенантом Тш'т, решая очередную проблему.

От гула двигателей «Стремительного» у Двера чесалась голова — возможно, остаточный эффект того обращения, какому подверг его робот даников. У него нет никаких доказательств, что дела пойдут лучше, если он окажется на берегу. Но его руки, ноги и легкие тосковали по дикой местности, по ветру в лицо и по ощущению неровной грубой поверхности под ногами.

Поперек мостика вспыхнула призрачная карта. Суша сероватыми границами с обеих сторон очерчивала подводный каньон — Трещину. Теперь глубоководная впадина полна движущимися огоньками, разбросанными, как огненные жуки, покинувшие свои ульи. Так показалось Дверу, когда свыше сотни древних буйурских

кораблей спустя полмиллиона лет ожили и покинули груды мусора, в которых так долго были заключены.

Тактика знакомая. Многие животные держатся вместе, чтобы смутить хищников. Двер восхищался хитростью Джиллиан и ее экипажа и желал им удачи.

«Но я не могу им помочь. Я здесь бесполезен. Она должна меня отпустить».

Если бы он отправился с ними, была бы возможность подвести обманный корабль поближе к берегу и выпрыгнуть из него.

Но нет, он не имеет права вмешиваться в планы Джиллиан.

«Черт побери, я привык действовать! Не могу быть пассивным наблюдателем!»

Придется.

Двер пытался набраться терпения, не обращать внимания на зуд: громоздкий костюм не дает почесаться. Он наблюдал, как расходятся огоньки, большинство направляется к выходу из Трещины, в огромную океанскую пропасть — саму Помойку!

— Двигатели звездного корабля! — объявил инженер-гравитик, взбивая хвостом воду и рождая облако пузырьков. — Пассивные детекторы

свидетельствуют о корабле класса «Нова» или выше, и корабль направляется к Трещине.

ЭВАСКС

Возникает осознание вместе со зловонием раздражения.

Огромный флот, которого мы на короткое время испугались, на самом деле для нас совсем не угроза. Это не боевые корабли, а списанные суда, давно брошенные как бесполезные для эффективного функционирования.

Тем не менее они нам мешают и скрывают нашу цель/добычу.

Туман разочарования прорывает поток властных феромонов.

ЗА РАБОТУ, приказывает наш капитан-лидер.

МЫ ИСКУСНЫ. МЫ МОГУЧИ. ТАК СДЕЛАЕМ ЖЕ ХОРОШО ВАШУ/НАШУ РАБОТУ.

РАЗГАДАЙТЕ ЗАГАДКУ. НАЙДИТЕ ДОБЫЧУ. МЫ ДЖОФУРЫ. МЫ ПОБЕДИМ.

ДВЕР

На дисплее появляется сверкающая точка, го-

раздо ярче и больше остальных, она находится выше воображаемой линии поверхности воды.

Должно быть, это боевой корабль, думает Двер. Его сознание пытается создать образ. Что-то огромное и ужасное. Когтистое и быстрое.

Неожиданно голос офицера у детектора становится резким.

— Они открыли огонь!

От яркой точки отделяются меньшие искорки.

Бомбы, понимает Двер. Он видел такое и раньше, но не в таком масштабе.

Лейтенант Тш'т выкрикивает предупреждение:

— Всем приготовиться к ударной волне!

САРА

После выхода пассажиров состав окружает отряд рабочих хунов, заполняя вагоны стопками сложенной ткани. С самого рассвета ткань отправляют в кузницу, срывая с кораблей все паруса. Но урский кузнец едва бросает взгляд на этот груз. Уриэль своей легкой походкой кентавра направляется к укромной бухте.

Густой соленый воздух на уровне моря подействовал на всех. Сара не отводила взгляда от

Эмерсона, который вдохнул морской ветер и прокомментировал песней:

Буря приближается,
Она придет ночью.
Ветер крепчает,
Надо получше затянуть снасти.

Куты и склады маленького порта прикрыты густыми зарослями дыни и нектарных вьюнков — изобильной роскошной растительностью, характерной для южного тропического климата. Но улицы пусты. Все либо работают на Уриэль, либо ушли к берегу, где собралась толпа возбужденных хунов и квуэнов. Несколько хунов: самцов и самок с бородами старшинства — стоят у самого берега и разговаривают с водой, пользуясь красноречивыми жестами. Но когда группа Уриэль приблизилась, два городских чиновника расчистили дорогу.

Сара продолжала наблюдать за Эмерсоном, на лице которого до последнего момента отражалось любопытство. Но тут из воды подняло гладкую голову скользкое серое существо.

Звездный человек остановился и смотрел, быстро мигая.

«Он удивлен, — подумала Сара. — Может, мы

ошиблись? И он не имеет ничего общего с кораблем дельфинов?»

Тут посланник китообразных еще выше приподнялся в воде, колотя по ней хвостом.

— Значит, это правда, — сказал рыбообразный землянин на англике с сильным акцентом, разглядывая Эмерсона сначала одним глазом, потом вторым.

— Рад видеть вас живым, инженер Д'Аните. Хотя это вряд ли казалось возможным, после того что случилось с вами во Фрактальном мире.

Признаюсь, не могу понять, как вы последовали за нами к этой забытой планете.

На лице Эмерсона отразились сильнейшие эмоции. Сара видела изумление, приступ любопытства и одновременно раздраженного отчаяния.

— К… К-К.

Отчаянная попытка заговорить кончилась стоном:

— А а… аххх.

Дельфина эта реакция как будто расстроила, он щелканьем выразил отчаяние состоянием человека.

Но Эмерсон покачал головой, обратившись к другим своим возможностям. И наконец нашел

способ выразить свои чувства — в бурной песне:

Как странны пути парадокса!

Он издевается над здравым смыслом!

Мы приводим множество мудрых изречений и каламбуров, Но ничто не превзойдет этот парадокс!

ДЖИЛЛИАН

Ультиматум забил все эфирные волны — скрежещущие звуки заполнили мостик «Стремительного», заставив зашипеть насыщенную кислородом воду. С каждой синтаксической фразой на галчетыре из воды поднимались тучи пузырьков.

Большинство неодельфинов, членов экипажа, читали перевод текста, подготовленный машиной Нисс. По главному голоэкрану плыли буквы англика и символы-глифы галсемь.

ВЫСЛУШАЙТЕ
И ВОСПРИМИТЕ НАШ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИКАЗ/ПРЕДЛОЖЕНИЕ!

Джиллиан слушала на оригинальном джофурском диалекте, надеясь выяснить что-нибудь дополнительное. Это был третий повтор с того времени, как вражеский дредноут начал переда-

чу из высоких слоев атмосферы.

ВЫ, КОГО МЫ ИЩЕМ, ВЫ СОВЕРШИЛИ ХИТРОУМНЫЕ МАНЕВРЫ, ДОСТОЙНЫЕ УВАЖЕНИЯ. В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ МЫ НЕ СТАНЕМ БОЛЬШЕ ТРАТИТЬ БОМБЫ. И ПРЕКРАТИМ БЕСПОЛЕЗНЫЙ ОСМОТР КОРАБЛЕЙ-МАКЕТОВ.

Такая перемена тактики ожидалась. Вначале враг посылал роботов в темные глубины, один за другим осматривая и уничтожая реактивированные буйурские корабли. Но Суэсси было очень просто установить мины-ловушки. При приближении робота каждый корабль самоуничтожался, прихватив с собой автомат.

Обычная иерархия боя, таким образом, была пересмотрена. Здесь, на Помойке, большие шумные корабли гораздо дешевле охотящихся на них роботов. У Суэсси наготове еще десятки кораблей, способных подняться из множества отдаленных друг от друга груд мусора. Сомнительно, чтобы джофуры могли позволить себе такие же потери роботов.

Была и оборотная сторона. Корабли-мишени — это отбросы; когда миллионы лет назад их оставили, они уже были в плохом состоянии. И только невероятная надежность галактического изготовления позволяла им еще оставаться

пригодными к использованию, хотя десятки и десятки их просто перегорели, усеяв дно Помойки своими мертвыми корпусами.

МЫ НЕ СМОГЛИ ЗАСТАВИТЬ ВАС И ТЕПЕРЬ ГОТОВЫ ПРЕДЛОЖИТЬ ЩЕДРЫЕ УСЛОВИЯ.

Именно эту часть Джиллиан слушала с особым вниманием, когда передача шла первые два раза. К несчастью, «щедрость» джофуров не привлекала. В обмен на информацию, карты и образцы со «Стремительного» капитан-лидер «Полкджи» обещал крионное заключение для экипажа с гарантией оживления и освобождения всего через тысячу лет. «После того как нынешние затруднения будут ликвидированы».

Иными словами, джофуры хотели получить тайны «Стремительного» и быть уверенными, что очень долго их больше никто не получит.

Пока продолжалась передача, к Джиллиан подплыла вторая по старшинству на корабле.

— Мы смогли предоставить большинство того, что запросила местная колдунья, — доложила Тш'т. Одним из результатов контакта с местными жителями был длинный список того, в чем отчаянно нуждалась Уриэль, урский кузнец.

— Несколько кораблей-макетов направлены к берегу, как вы приказали. Каа и его новая коман-

да разгрузят все, что просит Уриэль.

Лейтенант-дельфин ненадолго смолкла.

— Мне нет необходимости добавлять, что это увеличивает опасность для нас? Враг может зафиксировать эти передвижения и обратить внимание на хунский морской порт.

— Нисс предложил маневр для предотвращения этого, — ответила Джиллиан. — А как разделение экипажа? Как идет подготовка Макани?

Тш'т кивнула гладкой головой. Сделав перерыв в трудной подводной версии англика, она ответила на тринари:

Времена года меняют приливы,
Течение несет нас к нашей судьбе
И разделяет любящих.

К этому она добавила подчеркнутое заключение:

…навсегда.

Джиллиан поморщилась. То, что она планирует — это одна из многих ужасных возможностей, — перережет тесные связи в экипаже, который совместно начинал это великое испытание. Эпическое путешествие, о котором земляне будут слагать легенды и века спустя.

Конечно, если земляне после Времени Перемен еще будут существовать.

В сущности, у нее не было выбора. Половина неодельфинов из экипажа «Стремительного» проявляет все усиливающиеся признаки стрессового атавизма — утраты способностей, необходимых для логического мышления. Страх и усталость в конце концов сделали свое дело. Ни одна раса клиентов, такая молодая, как Tursiops amicus, не подвергалась столь тяжелым испытаниям так долго и, по существу, в одиночестве.

Пора принести жертву. Мы всегда знали, что приносить ее придется.

Помещение все еще дрожало от джофурских угроз. Если бы они исходили от какой-то другой расы, Джиллиан могла бы рассчитывать на элемент хвастовства или преувеличения, но в данном случае она буквально воспринимала все слова противника.

На голографическом экране горели угрожающие буквы.

МЫ ЕДИНСТВЕННЫЙ ГАЛАКТИЧЕСКИЙ БОЕВОЙ КОРАБЛЬ В ЭТОЙ ЗОНЕ. НИКТО НЕ ПРИДЕТ ВАМ НА ПОМОЩЬ. И НИКАКОЙ СОПЕРНИК НЕ ОТВЛЕЧЕТ НАС, КАК БЫВАЛО В ДРУГИХ СЛУЧАЯХ.

МЫ

МОЖЕМ ВЫЖИДАТЬ, ИССЛЕДУЯ И УНИЧТОЖАЯ КОРАБЛИ-ПРИМАНКИ
С БЕЗОПАСНОГО РАССТОЯНИЯ. ИЛИ, ЕСЛИ СТАНЕТ НЕОБХОДИМО, ЭТОТ БЛАГОРОДНЫЙ КОРАБЛЬ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЧЕСТИ ПОБЕДИТЬ В ОДИНОЧКУ И ПРИЗОВЕТ НА ПОМОЩЬ ДЖОФУРСКУЮ АРМАДУ — ОТТЯЖКИ ЛИШЬ УСИЛЯТ НАШ ГНЕВ. ОНИ УВЕЛИЧАТ ВРЕД, КОТОРЫЙ МЫ ПРИЧИНИМ ВАШИМ ЗЕМНЫМ РОДИЧАМ И ОСТАЛЬНЫМ СУНЕРАМ, КОТОРЫЕ НЕЗАКОННО ЖИВУТ НА ЭТОЙ ЗАПРЕТНОЙ ПЛАНЕТЕ.

Джиллиан подумала об Олвине, Гек и Ур-ронн, которые слушают в сухом помещении по соседству, и о Клешне, представляющем их на мостике, где он носится взад и вперед, щелкая красными когтями.

«Мы и так привлекли внимание к местным жителям, когда ротены каким-то образом выследили нас на Джиджо. Должен быть способ избавить их от наказания по нашей вине.

Скоро придет время покончить со всем этим».

Джиллиан снова обратилась к Тш'т.

— Когда придет наша очередь?

Лейтенант поговорила с офицером-тактиком и руководителем перемещений.

— Мы проскользнем между четверым и пятым

кораблями-макетами примерно через восемь часов.

Джиллиан взглянула на Клешню. Его красноватый панцирь весь был покрыт пузырьками, зрительная полоска бешено вращалась, с живостью молодости воспринимая окружающее. Местная молодежь должна радоваться тому, что скоро произойдет. И Двер Кулхан тоже. Надеюсь, он будет доволен, хотя это не совсем то, чего он хотел.

Джиллиан признавалась себе самой, что ей будет не хватать молодого человека, который напомнил ей о Томе.

— Ну, хорошо, — сказала она Тш'т. — Давай отвезем детей домой.

ЛАРК

Вдвоем они оказались полуслепыми, бредя по затхлым коридорам огромного корабля чужаков, полного враждебными существами. Линг больше Ларка знала о космических кораблях, зато именно Ларк не давал им окончательно заблудиться.

На стенах очень мало символов, поэтому их знания нескольких галактических диалектов оказались почти бесполезными. Напротив, от

каждого закрытого прохода на перекрестках исходил особый, уникальный запах, который чувствовался лишь на близком расстоянии. Как джиджоанец, Ларк ощущал некоторые из этих запахов и смутно определял феромоны-указатели — примерно так, как четырехлетний ребенок способен прочесть название улицы метрополиса.

Один запах напомнил ему тот, что издают прокторы-треки на Праздничной Поляне, когда им приходится прерывать драку или успокаивать разбушевавшегося пьяницу.

СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ, казалось, говорил этот знак. И Ларк уводил Линг подальше.

Однако цель определяла она. Ларк, с головой, полной запахов, охотно предоставил ей выбор цели. Несомненно, какую бы дорогу они ни выбрали, рано или поздно она приведет их назад — в тюремную камеру.

Еще три раза они сталкивались с одиночками джофурами. Но испарения пурпурного кольца делали их незаметными. Двери продолжали по приказу открываться. Дар Аскса оказался невероятно полезным. Слишком хорошим, на самом деле.

«Не думаю, чтобы он действовал долго, — рассуждал Ларк, пока они углублялись в сердце

вражеского корабля. — Аскс, вероятно, рассчитывал, что он понадобится нам на мидур или около этого, чтобы выбраться наружу. Как только экипаж узнает о бегстве пленников, эта уловка перестанет помогать. Джофуры используют контрмеры».

Но тут он понял.

«А может, никакой тревоги и не будет. Джофуры могут решить, что мы уже бежали с корабля.

Может быть».

Тем не менее каждая новая встреча с блестящей грудой колец в темных переходах заставляла Ларка чувствовать себя странно. Он всю жизнь был рядом с треки, но до сих пор не понимал, насколько отлично их сознание. Как странно для разумного существа смотреть прямо на вас и не видеть, просто потому, что вы издаете правильный запах.

На следующем перекрестке он принюхался ко всем ответвлениям и нашел указатель, нужный Линг, — простой запах, означающий ЖИЗНЬ. Он указал в этом направлении, и она кивнула.

— Как я и думала. Конструкция не очень отличается от грузового типового корабля семидесятой разновидности. Они держат это в центре.

— Что держат в центре? — спросил Ларк, но она

уже пошла вперед. У двух людей-беглецов было единственное оружие: у нее раненое красное кольцо треки, у него пурпурное.

Когда открылась следующая дверь, Линг на мгновение отступила от яркого света. Помещение было освещено гораздо ярче, чем полутемные коридоры. И воздух здесь гораздо лучше. Менее насыщенный, и с привкусом, который Ларк не смог определить. Первое впечатление — просторное помещение, полное разных цветов.

— Как я и надеялась, — кивнула Линг. — Стандартное расположение. У нас появляется шанс.

— Шанс на что?

Она всматривалась в помещение, и Ларк увидел лабиринт пересекающихся балок, покрытых самой разнообразной растительностью.

— Шанс выжить, — ответила Линг, взяла Ларка за руку и повела внутрь.

Их окружали джунгли, аккуратно организованные и размещенные. Вдаль уходили ряд за рядом полки и площадки, их обслуживали медленно передвигающиеся по рядам машины. Повсюду цветы, широкие листья, свисающие стебли. С некоторых зеленых тросов капала вода, и беглецы бросились к ближайшему и напились.

Теперь Ларк понял смысл запаха, который при-

вел их сюда.

В самом сердце ада они отыскали небольшой оазис. И в тот момент он показался им раем.

ЭМЕРСОН

Ему не хотелось идти к воде. В гавани слишком лихорадочная деятельность.

Встреча с Каа и другими друзьями не казалась радостной. Он узнал доброго старого Брукиду, и Туссито, и Ваттасети. Все они были рады встрече с ним, но слишком заняты, чтобы тратить время на разговоры.

Может, это даже к лучшему. Эмерсону было стыдно.

Стыдно, что он может приветствовать их только именами и еще изредка отрывком из песни.

Стыдно, что не может помочь в их усилиях: они выгружали из моря самый разнообразный хлам, давали указания помощникам Уриэль и отправляли материалы вверх к вершине горы Гуэнн.

Но больше всего ему было стыдно из-за того, что его самопожертвование в том огромном космическом городе, сделанном из снега, пушистом метрополисе размером с солнечную систему, который называется Фрактальной системой,

оказалось напрасным.

О, когда он вылетел на теннанинском разведчике, стреляя из всех орудий, чтобы отвлечь врага и дать возможность «Стремительному» ускользнуть, его поступок казался смелым и благородным. Перед тем как его окружили силовые поля, он бросил последний взгляд на любимый корпус в шрамах, который уходил в отверстие во льду, и молился, чтобы «Стремительный» смог уйти.

Джиллиан, подумал он. Может, она сейчас думает о нем. Вспоминает, как вспоминала Тома.

Потом его извлекли из маленького корабля Древние и по-своему с ним поработали. Исследовали и разглядывали. Искалечили его. Дали ему забвение.

И послали его сюда.

Очертания все еще скрыты дымкой, но теперь Эмерсон видит самую главную загадку.

«Стремительный» ускользнул и прилетел на эту заброшенную планету, только чтобы попасть в ловушку. Новое тяжелое испытание для экипажа, у которого не было ни одной передышки.

«Но зачем посылать сюда меня?»

Этот поступок Древних не имеет никакого смысла.

Всем было бы лучше, если бы он умер, как и планировал.

Вокруг толпилось все население хунского порта. Сара казалась занятой, постоянно о чем-то разговаривала с Уриэль или горячо спорила с седобородым человеком, ученым, имени которого Эмерсон не мог вспомнить.

Часто прибывали посыльные с полосками бумаги, на которые записывались сообщения семафора. Один раз галопом прискакал урский курьер, тяжело дыша, потрясенный доставленным известием. Вокруг Эмерсона слышались возгласы отчаяния, повторялось одно и то же слово — «Библос».

Все были расстроены и заняты, и поэтому никто не возразил, когда он выразил желание вернуться на поезде в кузницу Уриэль. Сара жестами дала ему понять, что он должен вернуться до заката, и он согласился. Очевидно, тогда что-то должно произойти. Сара отправила приглядывать за ним Прити.

Эмерсон не спорил. Он хорошо уживался с Прити. Они чем-то похожи. Грубоватые шутки маленькой самки шимпа, выраженные жестами, часто заставляли его смеяться.

«Эти рыбы наши родичи? — однажды жестами

выразила она, имея в виду занятых серьезных дельфинов. — Надеюсь, они вкусные».

Эмерсон рассмеялся. Две расы клиентов землян постоянно соперничали, и это соперничество казалось почти инстинктивным.

Во время подъема он разглядывал механизмы, которые по просьбе Уриэль предоставили Каа и остальные. Большинство похоже на хлам — галактические компьютеры низшего разряда, вырванные из консолей, которым могло быть сотни миллионов лет. Многие покрыты пятнами или слизью от долгого пребывания под водой. Мешанина приборов обладала одной общей чертой — они переоборудованы так, что их можно включить. Он видел это, потому что концы всех проводов обмотаны лентой, препятствующей включению. А в остальном похоже на груду мусора.

Ему хотелось сесть на пол и повозиться с этими приборами. Но Прити отрицательно покачала головой. Ей приказали не допускать этого. Поэтому Эмерсону пришлось смотреть в окно на далекие тучи, которые угрожающе наплывают с запада.

Он фантазировал, представляя себе побег, может быть, в Кси, тихое, пасторальное убежище, скрытое в обширной, полной цвета пустыне. Он

мог бы выращивать лошадей и играть, может быть, изготовлять простые инструменты, чтобы зарабатывать на жизнь. И как-нибудь обмануть себя, поверить, что жизнь еще имеет смысл.

Какое-то время он чувствовал себя полезным здесь, помогая Уриэль добиться результатов в Зале Вращающихся Дисков, но теперь в нем как будто больше никто не нуждается. И он чувствует себя обузой.

Будет гораздо хуже, если он вернется на «Стремительный». Вернется пустой оболочкой. Осколком. Его манила возможность излечиться. Но Эмерсон был достаточно умен, чтобы понять, что перспективы не обнадеживающие. У капитана Крайдайки была такая же рана, и корабельный врач не в силах был устранить непоправимый ущерб, причиненный мозгу.

Но может быть… дома, На Земле.

Он представил себе голубой шар, прекрасное видение, которое хранится в сердце.

В глубине души Эмерсон знал, что никогда больше не увидит Землю.

Поезд наконец прибыл. Настроение Эмерсона ненадолго улучшилось, пока он помогал работникам Уриэль разгружать вагоны. Вместе с Прити он вслед за урами и квуэнами пошел внутрь, по

длинным, извилистым коридорам, навстречу потокам теплого воздуха. Наконец они добрались до обширного подземного грота — пещеры с отверстием в противоположном конце, выходящем на север. Внутри виднелись разноцветные всплески, напомнившие Эмерсону Спектральный Поток.

Вокруг расхаживали рабочие. Эмерсон видел группы г'кеков, сшивавших большие полотнища прочной легкой ткани. Уры прилаживали клапаны, а квуэны мощными челюстями гнули трубы. В первую из изготовленных оболочек уже вливался нагретый вулканический воздух. Оболочка раздувалась, вскоре она превратится в шар.

Эмерсон смотрел на эту сцену, потом взглянул на груду хлама, присланного дельфинами.

И на его лице появилась медленная улыбка.

К его огромному удовлетворению, урские кузнецы обрадовались, когда он молча предложил помочь.

КАА

К наступлению ночи небо раскрылось, выпустив одновременно дождь и молнии.

Подводная лодка «Хикахи» задержалась перед входом в бухту Вуфона, дожидаясь, пока первые

капли дождя не начали пятнать хижины и верфи. Маскировочная ткань стала пестрой от капель, и подводная лодка направилась к берегу, к обусловленному месту встречи.

Каа плыл впереди, проводя лодку через узкий пролив между рваными рифами из полукораллов. Никто не смел отказать ему в этой чести. «Я по-прежнему главный пилот, — подумал он. — Со своим прозвищем или без него».

Тупоносый корабль повторил его поворот вокруг защитной полоски суши, а Каа продолжал плыть, мощными ударами хвоста посылая тело вперед. Это более древняя техника пилотирования, чем ныряние в специальных костюмах, не такая технологичная. Но предки Каа показывали морякам-людям путь к берегу таким способом, сколько помнит себя его раса.

Еще двести метров, «Хикахи», передал он с помощью сонара. Потом поворот направо на тридцать градусов. После этого еще триста пятьдесят метров до полной остановки.

Пришел холодный профессиональный ответ:

— Принято. Готовимся к причаливанию.

Когда корабль подошел к самому большому доку, команда Каа: Брукида и с полдюжины неодельфинов, которые прибыли с ним раньше

и помогали выгружать снаряжение для Уриэль, поймала брошенные с него тросы. На пирсе под мрачным небом ждала небольшая группа почетных граждан и чиновников. Зонтики защищали делегатов-уров, которые жались друг к другу и поводили длинными изгибающимися шеями. Люди и хуны обходились плащами и шляпами, а остальные просто не обращали на дождь внимание.

Какое-то время Каа был занят, давая указания рулевому, который корректировал положение корабля, потом выключил двигатели. В туче пены нос «Хикахи» встал вровень с пирсом. Двери лодки раскрылись, как улыбающиеся губы.

Ярко освещенный сзади, вперед вышел один человек. Высокая светловолосая женщина, гордая походка которой словно говорила, что ей мало что осталось терять. Жизнь ничего не может отнять у нее, кроме чести. Джиллиан Баскин долго смотрела на сушу Джиджо, впервые за долгие годы вдыхая свежий воздух.

Потом повернулась и поманила улыбкой и протянутой рукой.

Появились четыре силуэта: один приземистый, другой долговязый, третий на колесах и четвертый переступающий, словно нервный жеребец.

Каа знал высокого, хотя они никогда не встречались. Это Олвин, молодой писатель-«хьюмикер», подражатель людям, любитель Верна и Твена, чей дневник многое объяснил в странной смешанной культуре рас сунеров.

Ожидающие испустили радостный крик и бросились вперед.

Так — в объятиях родных, под непрерывным дождем — экипаж «Мечты Вуфона» вернулся домой..

* * *

Были и другие встречи — и расставания.

Каа отправился на корму, чтобы помочь Макани высаживать пассажиров. Каа помнил Макани моложе, теперь главный врач «Стремительного» как будто постарела и выглядела очень уставшей, когда присматривала за выросшей толпой неодельфинов, которые плескались и пищали за правым бортом корабля. Одни из них казались вялыми и апатичными, другие резвились с лихорадочной, взрывной энергией. Две сестры помогали Макани удерживать пациентов в южном углу гавани, изредка используя низковольтные разряды со своей упряжи, чтобы больные не разбегались. Регрессировавшие дельфины не

проявляли никаких признаков разумности.

Каа сосчитал их — сорок шесть — и почувствовал холодок тревоги. Такая большая часть экипажа «Стремительного»! Джиллиан должна быть в отчаянном положении, если собирается оставить их здесь. У многих, возможно, атавизм временный, и им на какое-то время нужны только мир и спокойствие.

«Ну, может, они их получат на Джиджо, — подумал он. — Если, конечно, планета будет к нам такой гостеприимной, какой выглядит. И если галакты оставят нас в покое».

Став самой последней нелегальной расой сунеров на Джиджо, дельфины имеют перед предшественниками определенное преимущество. Финам не нужны здания и не очень нужны инструменты. Только самые точные галактические приборы смогут уловить резонанс их ДНК на фоне органического варева жизни, да и то лишь на близком расстоянии.

«Да, преимущества есть, — признавал Каа. — Таким образом кое-кто из наших сможет выжить, даже если Земля и ее колонии не смогут. И если даже дельфинов здесь поймают, что с того? Как мы, земляне, можем попасть в большие неприятности, чем у нас есть сейчас?»

Каа читал о местной вере в Избавление. Виды, попавшие в трудное положение, могут получить второй шанс, вернувшись в предразумное состояние, чтобы новые патроны могли принять их и возвысить к лучшей участи. В качестве жизненной формы, использующей инструменты и орудия труда, Tursiops amicus насчитывают меньше трехсот лет. Глядя на толпу своих товарищей, бывших членов элитного экипажа звездного корабля, сейчас ведущих себя, как животные, Каа понимал, что дельфинам не понадобится много времени, чтобы достичь «избавления».

Он испытывал жгучий стыд.

Каа присоединился к Брукиде, который разгружал припасы Макани. Ему не хотелось встречаться с сестрами, которые могут пожалеть его из-за «утраты» Пипое. Теперь по крайней мере есть шанс отыскать ее. «Когда наша колония будет на месте, я смогу служить Макани разведчиком, патрулировать и исследовать и со временем найду Заки и Молола. Вот тогда мы и посчитаемся».

У кормового люка и после выхода последнего дельфина продолжалась разгрузка. Возбужденные крики заполнили гавань: это еще одна группа эмигрантов последовала за Макани к пункту сборки, на скалистом островке в центре

гавани. Проворные шестиногие амфибии с бахромой на жабрах. Переселенные с родного Китрупа, кикви, строго говоря, не являются сунерами. Это уже готовая предразумная форма — на самом деле истинное сокровище. Хорошо было бы с торжеством привезти их домой, на Землю, и обратиться в Галактический Институт Миграции с заявлением о принятии. Но теперь Джиллиан явно предпочитает оставить их здесь, где у них есть еще шанс.

Согласно плану, колония дельфинов и кикви несколько дней проведет в порту Вуфон, пока аптекари треки анализируют диетарные потребности новичков. Если необходимо, будут созданы новые груды треки, чтобы синтезировать нужные пищевые добавки. Затем обе группы направятся в поисках постоянного дома на каком-нибудь из островов в океане.

«Я иду, Пипое, — думал Каа. — Как только все будет организовано, ничто на Джиджо и в Пяти Галактиках не удержит меня».

Приятная мысль. Однако его тревожили другие мысли.

Джиллиан не просто освобождает корабль от не обладающих разумом пассажиров. Она оставляет на берегу всех, без кого может обойтись, ради их

безопасности.

Иными словами, женщина агент Террагентского Совета задумала что-то отчаянное и, вполне вероятно, смертельное.

У Каа было тревожное ощущение, что он знает, что именно задумала Джиллиан.

ОЛВИН

Думаю, воссоединение может быть неловким, даже если оно счастливое.

Не поймите меня неверно! Не могу представить себе более счастливого момента, чем когда мы вчетвером: Гек, Ур-ронн, Клешня и я — вышли из зияющей пасти кита-лодки и увидели затененные фонари нашего родного города. Мои чувства пронизало ощущение знакомого. Я слышал, как поскрипывают мусорные корабли у причалов на волнах прилива. Ощущал запахи дынных маскировочных зарослей и дым от соседней кухни — кто-то готовит похлебку чабваш. Мои магнитные мембраны щекотало знакомое присутствие горы Гуэнн, невидимой в темноте, но мощного источника воздействия на хунское ощущение формы и местности.

Но тут послышался крик-ворчание моего отца,

гулко доносящийся из тени, и ко мне устремились мать и сестры.

Признаюсь, первые мои реакции были не очень уверенными. Я был рад вернуться домой, увидеть и обнять их всех, но меня смущало внимание. К тому же было немного неловко впервые за несколько месяцев передвигаться без костыля. Когда наступил свободный момент, я поклонился родителям и протянул им пакет, завернутый в лучшую бумагу, какую я только смог найти на «Стремительном». В пакете мой детский позвоночник. Это очень важный момент. Ушел я непослушным ребенком. Вернулся взрослым, и мне предстояла важная работа.

Возвращение домой друзей было менее эмоциональным. Конечно, приемные родители Гек были рады ее возвращению из мертвых, но никто не ожидал от них, что они будут чувствовать то же, что мои родители, которые несколько месяцев назад потеряли единственного сына.

Клешня на мгновение скрестил когти с матроной из квуэнского улья, и на этом все кончилось.

А что касается Ур-ронн, то они с Уриэль едва обменялись приветствием. Тетке и племяннице было гораздо важнее побыстрее уйти из-под дождя. Они убежали в ближайший склад и сразу

занялись обсуждением какого-то проекта. Уры не любят тратить время зря.

Будет ли бессердечным, если я скажу, что не мог все внимание уделять своей семье? Даже когда родные счастливо обнимали меня, я продолжал смотреть по сторонам. Мне хотелось увидеть, что еще происходит. Ведь мне — и, возможно, Гек — предстоит рассказать будущим поколениям об этих событиях. Об этой судьбоносной встрече в доках.

Были и другие встречи.

Мой новый друг человек Двер Кулхан вышел из трюма «Хикахи» — высокий, такой же крепкий, как подросток хун. В толпе зрителей послышался крик, и к нему с широко раскрытыми объятиями бросилась молодая женщина. Увидев ее, Двер был ошеломлен, потом тоже ужасно обрадовался и обнял ее. Вначале я решил, что это возлюбленная, с которой он был долго разлучен, но теперь знаю, что это его сестра, у которой тоже нашлось что рассказать о собственных приключениях.

Дождь стал слабее. Вернулась Уриэль — в сапогах и черном плаще, который закрывал ее всю, кроме кончика морды. За ней несколько хунов подгоняли стадо четвероногих животных. Глейверы. Не меньше двух десятков тварей с

выпуклыми глазами толпились на пирсе, их опаловая шкура блестела. Несколько из них тащили в своих хватательных хвостах какие-то свертки, завернутые в ткань. Они не протестовали и без задержек направились к открытому люку подводной лодки.

Эту часть плана — обмен — я не понимал и до сих пор не понимаю. Мне совершенно непонятно, зачем беглецам землянам понадобились на борту глейверы.

Взамен Джиллиан Баскин попросила хунов вынести несколько больших ящиков. Я знал их содержание и почувствовал, как во мне возникает знакомое желание.

Книги. Сотни бумажных книг, только что напечатанных на борту «Стремительного». Не очень много по сравнению с ячейкой Галактической Библиотеки или даже с Великой Печатью, но ведь это новые книги — о современном положении в Пяти Галактиках и по другим проблемам по выбору Уриэль. Более чем достойная цена за стадо пожирающих насекомых глейверов!

Позже я связал этот обмен с оставленными в гавани Вуфона дельфинами и кикви и подумал: «В этой сделке гораздо больше, чем кажется сначала».

Я упоминал о рослом пленнике? Когда все направились на пир в большой зал, я оглянулся и увидел высокую фигуру, которую вели по пирсу к подводной лодке два настороженных ура. Фигура двуногая, но движется не как человек или хун, и я заметил, что руки у нее связаны. Кем бы ни был этот пленник, его поспешно ввели в «Хикахи», и больше я о нем не слышал.

Последняя встреча произошла полмидура спустя, когда мы все собрались в городском зале.

Согласно сложному плану, разработанному машиной Нисс, подводная лодка не должна была уходить немедленно, поэтому мы устроили банкет по обычаям джиджоанской Общины. Каждая раса сидела в углу шестиугольного помещения, приспособленного для ее надобностей, а отдельные индивиды могли направиться в центр зала, чтобы возобновить знакомства или обсудить природу вселенной. Пока Джиллиан Баскин беседовала с моими родителями и Уриэль, сестра рассказала, что происходило в порту Вуфон после нашего отплытия. Так я узнал, что наши школьные приятели отправились на север и вступили в отряды милиции, пока мы, четверо любителей приключений, занимались детскими исследованиями загадочных глубин. Некоторые наши

друзья погибли или потерялись в дымящихся развалинах города Овун. Другие, в основном квуэны, умерли во время эпидемии.

Болезнь хунов здесь, на юге, не смогла распространиться. Но перед поступлением вакцины один корабль поставили на якорь — в карантин, потому что у одного матроса были симптомы болезни.

И через неделю умерла половина экипажа.

Несмотря на серьезность рассказа сестры, мне трудно было уделять ему все внимание. Понимаете, я собирался с мужеством. Каким-то образом нужно сообщить семье новость, которая ей не понравится.

Я заметил в толпе Двера и его сестру, они сидели у огня и удивляли друг друга рассказами о своих приключениях. Радость встречи явно отравляла тревога, знакомая нам всем, — беспокойство о далеких любимых, судьба которых неизвестна. У меня было ощущение, что эти двое, как и я, знают, что времени осталось совсем мало.

Поблизости я увидел и нура, спутника Двера, Грязнолапого, того самого, которого Джиллиан называла титлалом. Он сидел на потолочной балке и разговаривал с другими нурами. И выражение у него было не нормальное беззаботное, а

тревожное. Теперь мы, Шесть Рас, знаем его тайну: титлалы — это раса, спрятанная внутри расы, еще одно племя сунеров, обладающих полным разумом и отдающих себе отчет в своих действиях. Может быть, некоторые жертвы прошлых проделок захотят отомстить этим маленьким бесенятам? Казалось, это самая меньшая из их тревог. Впрочем, я им не сочувствовал.

Добро пожаловать в реальный мир, подумал я.

В углу зала сидел Тиуг и выпускал облака испарений. Через каждые несколько Дуров синтезирующее кольцо треки выдавало еще один блестящий комок вещества, ценность которого Шесть Рас познали на собственном опыте. Например, прибавки, поддерживающие здоровье глейверов, и другие химические чудеса, которые пригодятся экипажу «Стремительного», если чудо позволит кораблю уйти. Если бы Тиуг закончил быстро, Уриэль могла надеяться сохранить своего алхимика. Но я готов был биться об заклад, что треки хочет улететь вместе с землянами.

Пир прервался, когда через кожаные ремешки дверной занавеси вошли два больших хуна со значками прокторов и ввели, крепко держа за руки, человека — мужчину, которого я раньше никогда не видел. Для своего вида он среднего

роста, со смуглой кожей и несчастным выражением лица. На лбу у него был реук, а волосы зачесаны так, чтобы прикрыть страшный шрам на виске. Сразу за ним с печальным выражением шел маленький шимпанзе.

Я был недостаточно близко, чтобы расслышать подробности, но позже узнал, что это давно потерянный член экипажа «Стремительного», чье появление на Джиджо оставалось загадкой. Он был на горе Гуэнн, помогал кузнецам Уриэль в работе над каким-то секретным проектом, когда неожиданно попытался бежать, украв летающую машину.

Когда стражники подвели его, лицо Джиллиан вспыхнуло радостным узнаванием. Она улыбнулась, хотя он морщился, словно боялся встречи. Смуглый человек повернулся, чтобы скрыть свою рану, но Джиллиан настойчиво взяла его за руки. И выразила радость от встречи с ним, поцеловав его в щеку.

Может быть, позже я узнаю больше о его роли во всем случившемся. Но сейчас времени нет, и я должен закончить рассказ до того, как «Хикахи» направится назад, к кораблю с экипажем из дельфинов. Поэтому хочу закончить кульминацией этого полного событий вечера.

Вбежал вестник. Его горловой мешок гулко и тревожно ворчал.

— Идемте! Идемте, чтобы увидеть необычное!

Все заторопились наружу и увидели, что дождь временно прекратился. В облаках образовался просвет, достаточно широкий, чтобы бледное жидкое сияние Лусена осветило склон горы Гуэнн. Показались острые огоньки звезд, и среди них один красный циклопический глаз.

Несмотря на передышку, буря совсем не закончилась. Тучи сгущались, сверкали молнии. На западе небо покрылось сплошной чернотой, оттуда постоянно доносились раскаты грома. Через мидур буря по-настоящему обрушится на берег.

Все начали показывать. Гек подкатилась к моей правой ноге и жестикулировала всеми четырьмя глазными стебельками, направляя мой взгляд к вулкану.

Вначале я не мог понять, что вижу. Смутные призрачные фигуры подпрыгивали и приплясывали вверху. Они становились преимущественно видны, когда изогнутые силуэты закрывали звезды. Иногда их освещали молнии, и тогда становились видны шарообразные очертания, заостренные книзу. Они казались большими и очень далекими.

Я подумал, не звездные ли это корабли.

— Воздушные шары, — сказала наконец Гек. В голосе ее звучало благоговение. — Точно как в «Вокруг света за восемьдесят дней».

Забавно. Гек в этот момент казалась более взволнованной, чем когда была на борту «Стремительного», среди всех этих сверкающих консолей и гудящих механизмов, Я смотрел на флотилию хрупких воздушных шаров и гадал, что за добровольцы настолько смелы, чтобы пилотировать их в такую ночь, окруженные мощными электрическими разрядами, причем выше рыщет безжалостный враг. Мы смотрели, как десятки шаров вылетают из тайных пещер горы Гуэнн. Один за другим они ловили свежий западный ветер и плыли мимо горы, исчезая из виду.

Я был недалеко от Джиллиан Баскин и потому услышал, что она сказала кузнецу Уриэль:

— Хорошо. Вы выполнили свою часть договора. Теперь пора выполнить нашу.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ВУББЕН

Раздавлен. Колеса оторваны или повреждены. Из корпуса, в который заключен мозг, вытекает смазка. Движущие шпульки разбиты и лежат на земле.

Вуббен лежит рядом со своим божеством, чувствуя, как уходит жизнь.

Кажется невероятным, что он все еще жив. Когда джофурский корвет жестоко ударил Святое Яйцо, Вуббен частично уже обошел его и находился за изогнутым боком, почти по другую сторону. Но узкий проход в Гнезде создавал сильную тягу, как в дымоходе, передавал жар и делал тщетными попытки убежать.

И теперь Вуббен лежит беспомощной грудой, сознавая два обстоятельства.

Выжившим г'кекам понадобится новый высокий мудрец.

И кое-что еще.

Яйцо еще живо.

Это его удивляет. Почему джофур не прикончил его? У него для этого хватило бы сил.

Может, джофуров что-то отвлекло.

Может, они еще вернутся.

Или их убедили уйти?

Ритм излучений Яйца казался приглушенным, но более четким и ясным, чем когда-либо. Вуббен подумал, не кажется ли это ему из-за приближения смерти. Или его разбитые шпульки, упавшие на камень, улавливают вибрации, которые неощутимы для нормальных чувств.

Хрустальная ясность призывает его, но Вуббена еще что-то непрочное привязывает к жизни. Теперь он понимает, что именно это всегда мешало мудрецам и мистикам полностью понимать священный овоид. Смертные, даже треки, вынуждены думать о продолжении, иначе нельзя правильно играть в игру существования. Но забота — это одновременно препятствие. Она влияет на чувства. Делает вас восприимчивым к шуму.

Он с радостью отказывается от этого препятствия. Сдача расчищает путь, открывает тропу, по которой он устремляется с радостью, как юноша, только что закончивший курс владения колесами и с энтузиазмом движущийся по рампе, на которой никогда не был. И ее повороты сменяются с зловещим великолепием.

Вуббен чувствует, как мир вокруг него стано-

вится прозрачным. И с абсолютной ясностью начинает постигать связи.

В легендах, в человеческих преданиях боги разговаривают с пророками, и то только на пороге смерти. Но великий камень ничего не говорит. Вуббен не слышит ни одного слова, не видит никаких образов. Однако он в состоянии проследить формы Яйца, его дрожащее единство. Как труба, Яйцо втягивает его, увлекает в недра Джиджо.

Это первый сюрприз. Исходя только из его формы, Шесть Рас считали Яйцо изолированным, что это овальный камень, вышедший из внутреннего жара Джиджо и ставший целиком частью верхнего мира.

Но это не так. Очевидно, оно все еще поддерживает связи с миром внизу.

Ошеломленное сознание Вуббена постигает царство под Склоном не как картину, но в его сущности, как огромное владение, пронизанное жаркими нитями лавы, подобными ветвям гигантского магмового леса. Эти ветви тянутся к растущим горным хребтам. А корни леса погружены в жидкие бассейны, невообразимо глубокие и широкие, безмерные пространства, где расплавленные скалы постоянно перемалываются активной планетой.

Но даже здесь сохраняется ритм. И Вуббен поражение узнает, каков источник этого ритма.

Мусор!

Глубоко под Склоном находится обширная плита из твердого камня, океанская платформа, ударяющаяся о континент и уходящая под него еще глубже, таща за собой вековые слои базальта в процессе медленной конвекции со слоями мантии. Для Вуббена этот процесс не является совершенно загадочным. Он видел иллюстрации в текстах из Библоса. Заползая, океанская плита оставляет за собой отбросы, пенную смесь воды и элементов жизни.

…и этот ритм.

Ритм мусора! Ритм древних зданий, сооружений, машин, всего того, что выброшено давным-давно, задолго до того, как буйуры получили лицензию на эту планету. Задолго даже до их предшественников.

Сами вещи давно исчезли, расплавились, стерлись, их атомы рассеяны давлением и жарой. Но каким-то образом что-то остается. Магма ничего не забывает.

Вуббен, потрясенный следствиями своего открытия, думает: мусор предположительно очищается. Когда мы бросаем свои кости и ин-

струменты в Помойку, все это должно быть очищено огнем Джиджо. И ничего не должно оставаться!

И однако кто он такой, чтобы сомневаться, если Джиджо решает запомнить каждую населявшую ее расу, которая пользуется ресурсами планеты, ее разнообразными формами жизни, а потом улетает согласно галактическому закону?

Так вот что ты такое? — спрашивает он у Святого Яйца. Концентрат памяти? Кристаллизованная сущность видов, которые были до нас и больше не существуют?

Трансцендентная мысль, однако она приносит Вуббену печаль. Его собственная раса на краю исчезновения. Ему хочется какого-то сохранения, какого-то убежища от забвения. Но для того чтобы достичь этого, нужно долго жить на тектонической планете.

А его вид большую часть своей разумной жизни провел в космосе.

Значит, ты совсем не заботишься о нас, живых существах, обвиняет он Яйцо. Ты подобно тому сумасшедшему мульк-пауку в горах, твое лицо обращено к прошлому.

И снова ни слова в ответ, ни образа. Напротив, Вуббен ощущает усиление связанности, которая

устремляется вверх, через каналы, разогретые трением, взбирается по влажным, перегретым скалам, и тут его сознание погружается в холодное темное царство — в морские глубины, самое закрытое место.

Помойка. Вуббен ощущает вокруг себя гигантские груды мусора, оставленные недавними волнами жизни. И даже с этими реликтами буйуров Яйцо тоже связано. Вуббен чувствует, что кладбище древних машин потревожено. Груды старинных отбросов все еще дрожат от недавнего вмешательства.

Нет никакого гнева. Нет даже намека на интерес. Но Вуббен ощущает реакцию, подобную какому-то удивительному рефлексу.

Море реагирует. Потревоженные груды мусора вызвали перемены в образовании волн и приливов, в испарениях и температуре. Словно спящий гигант, тяжело реагирующий на слабый зуд, зарождается сильная буря и устремляется одновременно к поверхности и ко дну океана, унося предметы туда, где им место.

Вуббен понятия не имеет, что так раздражает Помойку. Возможно, джофуры. Или то, что Шесть Рас перестали сбрасывать мусор? Но мыслит он все медленней по мере погружения вглубь. С

каждым проходящим дуром мирские тревоги все меньше заботят его.

Тем не менее кое-что еще остается. «И это все, что мы для тебя? — спрашивает он у планеты. — Зуд?»

Теперь Вуббен понимает, что Дрейк и Ур-Чоун ловко провели всех, когда сто лет назад объявили о своем «откровении». Яйцо не бог, не сознательное существо. Ро-кенн был прав, называя его частицей пси-активного камня, более сложной и упорядоченной, чем Спектральный Поток. Это концентрат, который оказался полезен для объединения Шести Рас.

Полезен во многих отношениях, но не достоин молитвы.

Мы ощущали то, что отчаянно хотели ощутить, потому что альтернатива была для нас неприемлема — признание того, что мы, сунеры, одиноки. И всегда были одни.

Это могло бы стать последней мыслью Вуббена. Но в самый последний момент пришло еще что-то. Проблеск значения, смешивающегося с затухающими вспышками нервной системы. В это последнее мгновение Вуббен почувствовал прилив непоколебимой уверенности.

Под спящими слоями лежат еще многие другие.

Слои, которые сознают.

Слои, которые знают.

Отчаяние не последний его спутник. Его в быстрой последовательности сменяют — ожидание, удовлетворение, осознание древнего плана, терпеливо разворачивающегося.

КАА

— А нельзя использовать кого-нибудь другого?

— Кого? Никого нет.

— Например, Каркаеттта.

— Он нужен Суэсси для работы с двигателями. Наша попытка бессмысленна, если двигатели будут работать ниже своих возможностей.

Безнадежно. Каа всегда считал, что это очень простое слово. Но, подобно концепции бесконечности, оно окружено широким рангом оттенков значения. Он раздраженно ударил по воде. «Ифни, неужели ты действительно захватишь меня в такую ловушку? И снова потащишь через всю вселенную, когда я так хочу остаться?»

Джиллиан Баскин сидела поблизости на причале. Вспышки далеких молний периодически освещали залив, показывая, что «Хикахи» уже закрыла грузовой люк, готовясь к отплытию.

— К тому же, — добавила Джиллиан, — ты наш главный пилот. Никто лучше тебя не подготовлен.

Приятные слова, но на самом деле у «Стремительного» были пилоты и получше.

— На Китрупе Кипиру должен был остаться с экипажем. Мне следовало увести скиф с Крайдайки.

Женщина пожала плечами.

— Что было, то было, Каа. Я верю, что ты способен вывести нас с этой планеты целыми и невредимыми.

А что потом? Каа испустил полный сомнений писк. Все понимают, что попытка почти самоубийственная. И на Китрупе шансы были против, но там по крайней мере боевые флоты ити, преследующие «Стремительный», отвлекались на схватки друг с другом. И в этом водовороте боев и смятения оказалось возможным обмануть преследователей, замаскировавшись, используя пустой корпус теннанинского дредноута. Тогда замысел потребовал большого мастерства и удачи.

Здесь, на Джиджо, в космосе нет осложняющего соперничества. Нет схваток, в сумятице которых можно было бы ускользнуть. Только один пре-

следователь, огромный и смертоносный, ищет измученную добычу.

Пока «Стремительный» в безопасности на дне океана, но какие у него шансы, когда он выйдет на поверхность?

— Не беспокойся о Пипое, — сказала Джиллиан, понимая истинную причину его нежелания. — С Макани остается несколько сильных финов. Многие из них друзья Пипое. Они не успокоятся, пока не найдут Заки и Молола и не заставят их отпустить ее.

К тому же, — продолжала светловолосая женщина, — разве Пипое здесь не лучше? Разве ты не хочешь использовать свое мастерство, чтобы обеспечить ее безопасность?

Каа смотрел на силуэт Джиллиан, понимая, что агент Террагентского Совета использует любые средства, чтобы заставить его согласиться. Если понадобится обратиться к чести Каа или даже к его рыцарским чувствам, Джиллиан Баскин не станет колебаться.

— Значит, вы это признаете?

— Что признаю?

— Что мы приманка, ничего больше. Наша цель — принести себя в жертву.

Женщина на причале молчала несколько се-

кунд, потом пожала плечами, высоко подняв их.

— Стоит попробовать, верно?

Каа задумался. По крайней мере она честна и откровенна — именно так подобает капитану обращаться со своим пилотом.

Целый мир, семь или восемь разумных рас, некоторые из них близки к исчезновению, и уникальная культура. Разве не стоит отдать жизнь за это?

— Наверно, стоит, — ответил он после паузы.

Джиллиан победила. Каа оставит сердце на Джиджо и с открытыми глазами полетит навстречу смерти.

И тут он вспомнил. Давным-давно она сделала точно такой же выбор. Приняла решение, которое все еще преследует ее во снах, хотя тогда тоже другого выхода не было.

Но Каа очень удивился, когда Джиллиан соскользнула с причала в воду, подплыла к нему и обняла руками за голову. Она благодарно гладила его, и кожа дельфина под ее руками вздрагивала.

— Я горжусь тобой, — сказала она. — Экипаж будет рад, и не только потому, что у нас лучший пилот в целой галактике.

Смущение польщенного Каа выразилось в сонарных вопросах, отразившихся от ближайшего

пирса. Джиллиан ответила на тринари, рассеивая его растерянность, создавая почти музыкальную мелодию:

На звездных линиях

Иногда рядом с пламенем цветут снежинки.

Разве ты не чувствуешь себя Счастливчиком?

РЕТИ

Инженер-дельфин кричал из люка корабля, извлеченного из груды мусора:

— Пошли, Рети! Нужно уходить немедленно, чтобы успеть на встречу!

У Чучки были причины для возбуждения. Его установка для ходьбы дергалась и дрожала в ответ на нервные импульсы, посланные через невральный клапан. В люке было очень тесно. Здесь находились также сани, которые должны перенести их от корабля-призрака назад к «Стремительному». Конечно, если все пойдет по плану.

«Только я больше не часть этого плана», — подумала Рети.

Стоя перед Чучки, за разделяющим их порогом люка, она сняла форменную рубашку, которую дали ей как почетному члену экипажа. Вначале этот дар радовал Рети — но только до тех пор, пока она не поняла, что земляне — всего лишь еще одна партия неудачников.

Рети бросила одежду в люк.

— Скажи доктору Баскин и остальным, что я им благодарна, но отныне пойду своим путем. Удачи. А теперь убирайся.

Чучки какое-то время смотрел на нее, не в силах двигаться или говорить. Но вот зажужжали сервомоторы. Установка для ходьбы двинулась.

— Нажимай на кнопку, йии! — закричала Рети через левое плечо.

В контрольной рубке ее «муж» нажал на кнопку аварийного закрывания люка. Внутренний люк закрылся, отрезав протестующий вопль Чучки. Вскоре цепочка пурпурных огоньков показала, что помещение заполняется водой. Открылся наружный люк.

Несколько дуров спустя она услышала шум двигателя, знакомый гул мотора саней, которые принесли их сюда. Гул стихал — машина удалялась. Рети закрыла наружный люк, чтобы помешать Чучки предпринять что-нибудь

«героическое». Некоторые все еще считают ее ребенком, а многие дельфины к тому же мистически привязаны к своим патронам людям.

«Но у меня все будет хорошо. Гораздо лучше, чем с этими придурками».

От люка вели несколько низких тесных коридоров, но лишь один был освещен цепочкой ламп. По этому коридору Рети вернулась в контрольную рубку, иногда останавливаясь, чтобы погладить панель или заглянуть в помещение, заполненное загадочными механизмами. Последние несколько дней она изучала этот корабль — некогда, по словам Чучки, грузовое судно буйуров. Несмотря на беспорядок, это был один из «лучших» восстановленных кораблей, способный не только поддерживать жизнь, но и маневрировать. Все это благодаря холодным стерильным водам Помойки, способствовавшим сохранности. Прочные галактические машины могут пролежать здесь без изменений целую вечность или пока Джиджо не затянет их внутрь, под поверхность.

«Теперь он мой, — думала Рети, разглядывая свою добычу. — У меня есть собственный звездный корабль».

Конечно, это всего лишь мусор. И вероятность того, что ей удастся на нем улететь, очень мала.

Но вероятность всегда была против нее с самого рождения в грязном племени дикарей, гордившихся своим отвратительным невежеством. И особенно с того времени, как она поняла, что предпочитает быть избитой, но не станет рабой какого-нибудь грубияна с гнилыми зубами и умом животного.

Потом Рети неоднократно испытывала разочарования. Но теперь она видела, что общего было во всех ее неудачах. У нее ничего не получалось потому, что она верила кому-нибудь — вначале мудрецам Общины, потом ротенам и, наконец, этому сброду — беспомощным землянам.

Но теперь все это в прошлом. Теперь она поступает так, как поступала всегда, — рассчитывает только на себя.

Контрольная рубка примерно тридцать шагов в ширину, в ней дюжина широких инструментальных консолей. Все темные, за исключением одной, ярко освещенной. К этой консоли подведены провода и импровизированные соединения. Поблизости на полу портативная установка создает голограмму — карту ближайшего окружения древнего корабля. На карте множество огоньков движется над хребтами и впадинами океанского дна.

Большинство кораблей-приманок идет на автопилоте, но некоторые обладают большей подвижностью, на них команды добровольцев, которые ведут корабли согласно плану, разработанному машиной Нисс. Ум Рети и ее проворные руки были полезны Чучки, они возмещали ей недостаток образования. И теперь она чувствовала, что имеет право на этот корабль.

…привет, капитан!

Ее единственный спутник приплясывал на инструментальной консоли, едва не наступая на клавиши и переключатели. Маленький самец ур приветствовал ее с искренней радостью.

…мы это сделали! Как пираты равнин! Как в легендах о воинах-тетках! Теперь мы свободны. Больше никаких нуров. Никаких кораблей с любящими воду рыбами!

Рети рассмеялась. Когда ей становится одиноко, рядом всегда оказывается йии. Он может ее подбодрить.

…куда теперь, капитан? — спросило миниатюрное создание. — Улетим с Джиджо? Направимся в какое-нибудь хорошее солнечное место — для перемены?

Она кивнула.

— Таков замысел. Только нужно еще немного

потерпеть.

Вначале «Стремительный» должен подобрать Чучки и остальных разбросанных работников. У Рети было впечатление, что земляне ждут каких-то событий на берегу. Но услышав ультиматум джофуров, она поняла: Джиллиан Баскин вскоре вынуждена будет действовать.

«Я им помогла, — размышляла она. — И не стану мешать их планам, ну, не очень помешаю.

Но в конечном счете все это не имеет значения. Все знают, что их поджарят, когда они попытаются улететь. Или их поймают джофуры, как лиггер хватает детеныша галлейтера.

Никто не может винить меня в том, что я пытаюсь отыскать свой выход из западни.

А если кто-нибудь винит?»

Рети рассмеялась при этой мысли.

«В таком случае пусть попробуют перепукать треки, а мне все равно. Этот корабль мой, и с этим никто ничего сделать не сможет!»

Она улетит с Джиджо — так или иначе, но улетит!

ДВЕР

Ночью небо трещало.

Через неравные промежутки волосы его внезапно вставали дыбом. Статические разряды гулко ударяли по оболочке шара, светло-синие огоньки бегали вверх и вниз по тросам, танцуя, как возбужденные чертенята. Однажды мерцающий зеленовато-белый шар больше мидура летел за ним по небу, повторяя каждый подъем, каждое падение и поворот по ветру. Двер не мог сказать, находится ли он в полете стрелы от него или в нескольких лигах. Призрак исчез, когда между ними прошел дождевой шквал, но Двер продолжал нервно поглядывать, ожидая его возвращения.

Грандиозные версии той же могучей силы вспыхивали во всех направлениях — но до сих пор с безопасного расстояния. Двер начал подсчитывать мидуры между каждой яркой вспышкой и последующим грохотом. Когда интервал становился меньше, гром сотрясал шар, как ребенок тряпичную куклу.

Уриэль установила приборы таким образом, чтобы шар летел над бурей, во всяком случае,

по приблизительным расчетам ее компьютера из вращающихся дисков. Буря разряжала свою ярость ниже, в плотных тучах, протянувшихся от горизонта до горизонта.

Тем не менее это означало, что приходится проходить и через освещенные луной разрывы в тучах. Вокруг возвышались могучие тепловые механизмы бури — кипящие тучи, чьи вершины касались границ пространства.

Безумно опасное, это зрелище было самым возбуждающим в жизненном опыте Двера — а может, и в опыте звездных богов Пяти Галактик. Дверу хотелось вскарабкаться по обшивке, чтобы лучше видеть величие природы. Чтобы ураган развевал его волосы. Чтобы кричать в ответ, когда кричит буря.

Но он не свободен. У него есть долг.

И поэтому Двер поступал, как ему велели, теснился в проволочной клетке, изготовленной кузнецами и привязанной к плетеной корзине, которая висит под огромным воздушным шаром. Металлическая оболочка предположительно должна защитить его от не слишком сильных ударов молнии.

А что, если молния разорвет сам шар? Или зажжет топливный цилиндр? Или…

Негромкое щелканье предупредило Двера, что нужно закрыть лицо: полдура спустя сработал датчик, прикрепленный к альтиметру. Столб пламени взвился вверх, пополняя шар горячим воздухом и удерживая его на безопасной высоте.

Конечно, эта «безопасность» лишь сравнительная.

— Теоретически этот экипаж может перенести тевя через Риммер и дальше, за Спектральный Поток, — объясняла ему кузнец. — После этого молнии уже не будут представлять опасность. Тогда ты сможешь покинуть клетку Фарадея и вести шар, как мы тевя научили.

«Как они меня научили за каких-то торопливых полмидура», — подумал Двер, одновременно поспешно готовя к старту последний шар.

Остальные шары намного опередили его — флотилия легких кораблей быстро разлеталась, подхваченная различными потоками воздуха, но все двигались в одном общем направлении. На восток — под действием почти ураганных ветров. Дважды он видел вспышки в том направлении. Такое пламя нельзя объяснить только молнией. Неожиданные всплески огня цвета охры свидетельствовали, что там далеко взорвался воздушный шар.

К счастью, на всех этих шарах нет экипажей, только инструменты, снятые с брошенных кораблей. Двер оказался единственным на Джиджо безумцем, согласившимся лететь в такую ночь.

Им нужен был доброволец, которого можно потерять. Кто-то должен наблюдать и доложить, удалась ли хитрость.

Он не сердился на Уриэль и Джиллиан. Вовсе нет. Двер создан для такой работы. Она необходима. И полет перенесет его примерно в нужный район.

«Туда, где во мне нуждаются.

В Серые Холмы».

Что могло произойти с Леной и Дженин за то время, что он провел в плену у безумного робота, сражался в болоте с джофурами, а потом оказался на борту земного корабля на дне океана? Сейчас женщины должны уже объединить племена сунеров людей и уров. И возможно, далеко увести их от бассейнов гейзеров, где встретил свою смерть Дэйнел Озава. Могут потребоваться месяцы, чтобы выследить их и найти, но это не имеет значения. У Двера есть лук и припасы. Его опыт позволит справиться с этой задачей.

«Мне нужно только оказаться приблизительно в том районе, допустим, в радиусе ста лиг и, доби-

раясь туда, не сломать шею. Я смогу охотиться и собирать пищу. Сберегу пасту треки на будущее, на случай если поиски затянутся до зимы».

Двер пытался обдумывать планы, решать проблемы, которые может предвидеть, сложности исследования и выживания в дикой местности. Но мысли его все время возвращались к безумному полету в ночном небе или к печальному расставанию, предшествовавшему этому полету.

Какое-то время они с Сарой пытались подобрать слова, рассказывали о своих приключениях, делились новостями о друзьях, живых и умерших. Она рассказала то немногое, что знала о Нело и их разрушенном родном поселке. Он описывал, как Ларк спас его во время снежной бури — так давно, что это казалось другим веком.

Но над их встречей все время нависало сознание, что она кратковременная. Каждому из них нужно будет уходить. У каждого дело с ничтожной надеждой на успех, но их призывает долг и любопытство. Двер всю свою взрослую жизнь прожил таким образом, но ему потребовались большие усилия, чтобы понять: сестра пошла по той же дороге, только в гораздо больших масштабах.

Он все еще может попытаться отговорить Сару

от ее намерения — возможно, самоубийственного — присоединиться к землянам в их отчаянной попытке прорваться. Но в том, как она держалась, было что-то новое — спокойная готовность, которая возвращала Двера в детство. Тогда они сопровождали Ларка в охоте за ископаемыми, и Сара была самой выносливой и неукротимой. Ее мысли всегда уходили за пределы его понимания. Быть может, наступило время ей шагнуть в те галактики, которые заполняют ее мысли.

— Не забывай о нас, когда станешь звездным богом, — сказал он ей перед последним объятием.

Она ответила хриплым шепотом:

— Передай мою любовь Ларку и… — Сара закрыла глаза и обняла его.-…и Джиджо.

Они цеплялись друг за друга, пока урский кузнец не сказала, что это последняя возможность улететь.

И когда шар взлетел, Двер увидел гору Гуэнн такой, какой никогда не видел. Молнии сверкали над Спектральным Потоком, вызывая иллюзорные картины, которые запечатлевались на сетчатке глаз.

Двер видел сестру — маленькую освещенную сзади фигуру у входа в пещеру. Она слишком горда, чтобы плакать. И слишком сильна, чтобы

притворяться. Каждый знал, что другого, вероятно, ждет забвение. Каждый сознавал, что это их последняя встреча.

«Я никогда не узнаю, жива ли она», — подумал Двер, когда тучи закрыли огромный вулкан, заполняя ночь сверкающими арками. Посмотрев вверх, в разрыв между тучами, он увидел часть созвездия Орла.

И вопреки боли разлуки Двер улыбнулся.

«Так лучше.

Отныне и до дня своей смерти я буду представлять ее себе там. Живущей в небе».

ОЛВИН

Как оказалось, мне ничего не пришлось объяснять родителям. Джиллиан и Уриэль уже поговорили с ними — до того, как настало время расставаться.

Они объяснили, что должны быть представлены все Шесть Рас. И пусть будет, что будет.

А я заслужил право представлять Джиджо. И мои друзья тоже.

Да и кто лучше подготовлен для рассказа о Джиджо?

Му-фауфк и Йоуг-уэйуо пришлось согласиться

с моим выбором. А разве Джиджо безопасней схватки с джофурами в космосе? К тому же у меня взрослый позвоночник. Теперь я могу принимать собственные решения.

Мама повернулась ко мне спиной. Я погладил ее острия, но она заговорила, не поворачиваясь ко мне:

— Спасибо, что вернулся из мертвых. Окажи нам честь своими детьми. Назови своего первенца в честь твоего двоюродного деда, который был капитаном «Ауф-Вубуша». Цикл должен продолжаться.

И с этими словами она позволила сестре увести ее. Ее приказ одновременно тронул и позабавил меня, и я подумал, смогу ли когда-нибудь его исполнить.

Папа, спасибо ему, оказался более философски настроен. Он сунул мне в руки сумку — все свое собрание книг авторов новой волны — писателей хунов, уров и г'кеков, которые недавно начали совершенно уникально выражать себя на печатных страницах.

— Это напомнит тебе, что не только люди создают нашу культуру. В гармонии не одна только линия, сын мой.

— Я это знаю, папа, — ответил я. — Я не совсем

хьюмикер.

Он кивнул, добавив низкое ворчание:

— Говорят, мы, хуны, до того, как наш крадущийся корабль пришел на Джиджо, были педантичными, скучными и тяжеловесными. Легенды утверждают, что у нас не было слова «веселье».

Если это правда — и если ты встретишься с нашими звездными родичами, расскажи им о море, Хф-уэйуо! Расскажи о том, как паруса ловят ветер. Этот звук недоступен никакому двигателю.

Научи их вкусу жалящей пены. Покажи им то, что никогда не показывали им наши патроны.

Это будет наш дар — нас, счастливых проклятых, — тем, кто не знает радости в небе.

У остальных расставание прошло легче.

Квуэны привыкли посылать своих самцов в рискованные предприятия ради блага всего улья. Впрочем, мать Клешни украсила его панцирь благородной мозаикой и оправила в хорошем стиле.

Уры больше всего заботятся о своей работе, о верности своим избранным друзьям и о самих себе. Ур-ронн не пришлось терпеть сентиментальность. Отчасти из-за дождя, они с Уриэль расстались очень быстро. Уриэль теряла свою

лучшую помощницу, но приобретала достойную компенсацию.

Приемные родители Гек попытались выразить печаль при расставании, но даже искренняя привязанность к приемной дочери не могла заставить их горевать. Хуны не люди. Мы не можем распространять самые близкие отношения на тех, кто не наш по крови. Наша привязанность глубже, чем у землян, но ограниченней. Может, это наш недостаток.

И вот мы впятером, как официальные представители и как взрослые, снова взошли на борт лодки. Я сменил позвоночник, Клешня сбросил детский панцирь, Ур-ронн не прихорашивалась, но мы все заметили, что ее сумки больше не девственно белые, но голубые и в них бьется и потягивается ее новый муж.

Гек сама принесла собственный символ взрослости — узкую деревянную трубку, запечатанную воском с обоих концов. Скромно выглядящая, это была, возможно, самая важная вещь, которую мы брали с собой со Склона.

Когда я вступил в подводную лодку, на плече у меня была Хуфу. Я заметил, что нур-титлал Грязнолапый тоже присоединился к нам, хотя казался определенно расстроенным. Может, его изгнали

остальные за то, что выдал их древнюю тайну? Или он, подобно нам всем, вознагражден великой честью — жить или умереть за Джиджо?

Когда большие двери закрылись, отрезав нас от гаванских фонарей, нашего поселка и грозового неба, Сара Кулхан стояла в шлюзе между своим шимпанзе и раненым звездным человеком.

— Что ж, сейчас по крайней мере гораздо удобней, чем в прошлый раз, когда мы погружались в выдолбленном бревне, — заметила Гек.

Из ножных щелей Клешни раздался негодующий свист.

— Хочешь удобств? Бедный маленький г'кек хочет, чтобы я унес ее на спине и уложил в постельку?

— Заткнитесь, вы ова! — рявкнула Ур-ронн. — Как Ифни могла дать мне в компанию таких невежд?

Я поворчал, чувствуя странное удовлетворение. Хуфу плотнее прижалась ко мне. Единственное, что осталось неизменным с тех наивных дней, когда мы были подростками и мечтали о приключениях в нашей «Мечте Вуфона», это перебранки моих друзей. Приятно сознавать, что есть кое-что и неизменное в пространстве и времени.

Увы, подлинную разницу между прежним по-

гружением и этим Гек не назвала.

Тогда мы искренне верили, что у нас есть хорошие надежды на возвращение.

На этот раз мы знали, что таких шансов нет.

ЭВАСКС

Гремит тревога! Инструменты громко предупреждают об опасности!

Смотрите, Мои кольца, как наш капитан-лидер отзывает роботов и те груды, что были заняты исследованием глубоководной траншеи.

Теперь у нас гораздо более серьезные заботы!

Много дней детекторы сознания просеивали глубины, пытаясь отделить добычу от многочисленных кораблей-макетов. Мне/нам даже пришло в голову, что земного корабля может и не оказаться среди этих движущихся огоньков! Оперировать на расстоянии кораблями они могут не через обычные электрические каналы, а пользуясь своей дьявольской способностью управлять звуками.

Я/мы учусь/учимся осторожности. Я не стал сразу излагать свое предположение капитану-лидеру.

Почему Я воздержался? Наше внимание при-

влекли некоторые соображения. Те, кто обладает властью, часто просят подчиненных говорить им правду и сообщать все свои предположения. Но на самом деле они не хотят слышать противоположное мнение.

К тому же наша груда-тактик утверждает, что шансы на обнаружение добычи очень велики. В худшем случае еще один день. А мы, на «Полкджи», можем немного подождать.

Могли, пока не обнаружили непонятное вторжение. И чужаки могут прийти только из Пяти Галактик!

— Их по крайней мере шесть шестерок!

Так заявляет оператор детектора сознания.

— Они висят почти неподвижно не более чем в пятнадцати планетарных градусах к востоку. Мгновение назад их здесь не было. А в следующее — они появились!

Офицер-связист испускает пары сомнения.

— Ни Я/мы, ни наши спутники ничего не заметили. Возможны две гипотезы: ошибаются либо наши торы, либо наши инструменты.

Но стандартная проверка не обнаруживает никаких неисправностей.

— Они могли подавить память наших спутников, — предполагает груда-тактик. — Наряду с

совершенной маскирующей технологией.

— Возможно, — прерывает другая груда, офицер-гравитик. — Но гравитику так легко не обмануть. Если здесь есть шесть шестерок кораблей, то они не больше судов типа шестнадцать. В таком случае они нам не пара. Мы немедленно можем уничтожить всю флотилию.

— Поэтому они действуют украдкой? — спрашивает капитан-лидер, выделяя феромоны, устанавливающие спокойствие в напряженной атмосфере. — Может, на пределе обнаружения поджидают подкреплений?

Мы не можем игнорировать такую возможность.

И когда мы начинаем величественно двигаться на восток, с бульканьем всплывает новая мысль. Полоска воска, выделенная нашим некогда мятежным вторым кольцом сознания.

В чем дело, Мое кольцо?

Ты вспомнило, как варвары сунеры вызывали наши корветы, и не один раз, а дважды, используя цифровое сознание, чтобы привлечь наше внимание?

Первый раз они попытались подкупить нас, указав место, где скрываются г'кеки.

А второй раз? А, да. Это была приманка, зама-

нившая наш корвет в ловушку.

ОЧЕНЬ УМНО, МОЕ КОЛЬЦО!

Да, но сравнение здесь не подходит.

На этот раз источников много.

Они сильнее, и цифровое сознание имеет все признаки примитивных корабельных компьютеров.

Но главное, Мое бедное кольцо, разве ты не слышало, что сказал наш оператор?

Эти сигналы не могут издавать отсталые суперы.

ОНИ ЛЕТЯТ!

САРА

— Гравитика!

Офицер дельфин забил плавниками.

— Признаки передвижения! Большой излучатель покидает свою стационарную позицию. Корабль джофуров движется на восток на двух махах. Высота десять километров.

Сара смотрела, как воспринимает эту новость Джиллиан Баскин. Новость соответствует плану, однако светловолосая женщина как будто никак не прореагировала.

— Хорошо, — ответила она. — Сообщайте мне

о любых изменениях вектора. Оператор макетов, вводите программу расхождения номер четыре. Начинайте медленно поднимать корабли.

Наполненное водой помещение не похоже ни на какой «мостик», о которых Сара читала в древних книгах. Земной корабль контролируется из помещения, куда люди могут войти только в аппаратах для дыхания. Все здесь рассчитано на дельфинов. Это их корабль, хотя им командует женщина.

От затхлого запаха у Сары свербит в носу, но когда она поднимает руку, чтобы почесаться, рука упирается в прозрачный шлем, в пятнадцатый раз заставляя ее вздрогнуть. От пузырчатой жидкости на обнаженных руках и ногах Сары мурашки. Но у нее в сознании нет места для раздражения, страха или клаустрофобии. Помещение, в котором она находится, слишком странное, чтобы вызывать такие привычные реакции.

Общие очертания и размеры «Стремительного» все еще остаются для нее загадкой. Она только раз бросила взгляд на корпус — когда смотрела в иллюминатор, а подводная лодка осветила прожектором место встречи, — и увидела загадочный, усеянный выступами цилиндр,

похожий на гигантскую гусеницу твелк. Черная поверхность корабля не отражала свет, а словно поглощала его. Когда Каа и другие дельфины в своих паукообразных установках для ходьбы выходили из лодки и направлялись на свои рабочие места, просторный входной шлюз был почти пуст. Из всех помещений корабля, кроме мостика, почти вся вода была выкачана, чтобы максимально уменьшить вес.

Стены дрожали в ритм с работой двигателей — далеких родственников тех, что были на фабрике ее отца или на пароходах города Тарек. Сходство глубокое, оно словно заложено в крови Сары.

— Боевой корабль проходит над горами Риммер. Вскоре уйдет с прямой линии наблюдения.

— На это не очень надейтесь, — напомнила Джиллиан экипажу. — У нас над головой их спутники. Продолжайте программу расхождения номер четыре. Каа, подведи нас к восточному краю группы.

— Слушаюсь, — ответил молодой пилот. Он легко шевелил плавниками и хвостом, не проявляя ни малейших признаков напряжения. — Суэсси докладывает, что двигатели работают нормально. Гравитика заряжена и готова.

Сара взглянула на ряд экранов, на которых

изображались другие части корабля. Вначале каждый дисплей казался невообразимо маленьким, но шлему потребовалось легкое движение глаз, и изображение, на котором она фокусировала зрение, тут же увеличивалось, становилось четким и трехмерным. На большинстве экранов пустые помещения, с еще влажными стенами. Недавно они были заполнены водой. Но машинное отделение полно лихорадочной деятельностью. Сара узнала Суэсси по уникальной внешности — торс из клинообразных плит, увенчанный сверкающим куполом, в котором заключено то, что осталось от головы. Одна человеческая рука устремлена к панели. Суэсси напоминает фину-оператору о каких-то необходимых действиях.

Та же самая рука обняла Эмерсона после причаливания «Хикахи». Рука дрожала, сжимая вернувшегося блудного звездного человека. Сара не знала, можно ли ей заплакать.

Эмерсон и Прити тоже там, своими проворными руками помогают Суэсси. Сара видела, как они работают в тени в сопровождении Ур-ронн. Молодая самка ура что-то подносит занятым инженерам. Эмерсон, занятый работой, казался чуть счастливей. В конце концов, на этих палубах и среди этих машин он провел много лет. Но с

самого возвращения на корабль Сара не видела его улыбки, к которой так привыкла. Впервые он, казалось, стыдится своего увечья.

Этим людям, должно быть, отчаянно нужна помощь, если они привлекли к работе шимпанзе, урского кузнеца и бессловесного калеку. Остальная молодежь из Вуфона тоже занята, выполняя поручения и присматривая за стадом глейверов, стараясь, чтобы животные в незнакомом окружении оставались спокойными.

«Кажется, я самая бесполезная из всех. Одно Яйцо знает, что я здесь делаю».

Винить нужно мудреца Пурофски, чьи космические рассуждения оправдывают ее пребывание на борту у отчаявшихся землян. «Даже если его рассуждения справедливы, что я могу сделать относительно планов буйуров? Особенно если наша миссия самоубийственна».

Офицер у детектора запищал, взбивая пузыри плавниками.

— Главный источник гравитики ускоряется! Корабль джофуров приближается к позиции подвижного наблюдателя.

«Подвижный наблюдатель, — подумала Сара. — Это Двер».

Она представила себе его, в хрупкой корзине,

одного в просторном небе, окруженного яростью природы, а гигантский корабль устремляется к нему.

«Укройся, младший брат. Сейчас начнется».

ДВЕР

Теперь, когда наконец Риммер оказался позади, буря немного стихла и на небе иногда были видны звезды. Просветы расширялись. Со временем Двер увидел на востоке бледное свечение. В сероватом свете внизу виднелась обширная равнина раскачивающихся острых стеблей-лезвий.

Двер вспомнил, как несколько месяцев назад шел по этой самой негостеприимной равнине, сопровождая Дэйнела, Лену и Дженин к Серым Холмам. От этого похода у него до сих пор шрамы: стебли разрезали одежду и тело.

Конечно, полет в воздухе — гораздо лучший способ путешествия. Разумеется, если переживешь удары молний, и раскаты грома, от которого ноют зубы, и ужасные соприкосновения с горными вершинами, торчащими в ночи, как гигантские зубы, готовые ухватить лакомый кусочек.

Возможно, передвижение пешком все же предпочтительней.

Двер немного отпил из бутылки с водой. Рассвет означает, что пора приготовиться. Когда первые лучи коснутся шаров, проснутся спящие механизмы и замкнут электрические цепи.

Сейчас джофуры уже должны двигаться.

Двер поднял руку и коснулся реука, который ему дали перед отлетом. Реук опустился на глаза, и тотчас окружающее изменилось. Контрасты усилились. Дымка на горизонте исчезла, и Двер смог посмотреть на восходящее солнце, увидел вдали с десяток воздушных шаров, уцелевших в буре, которая занесла их так далеко, и теперь разбросанных по всему восточному горизонту.

Двер достал из сумки на поясе четыре кристалла и вставил в корзину гондолы, так что каждый отражал косые лучи восходящего солнца. На поясе у него висел молоток, но он пока оставил его там, глядя мимо шаров и пытаясь разглядеть очертания Серых Холмов.

«Я иду, Дженин. Скоро буду, Лена.

Мне нужно только преодолеть еще несколько препятствий».

Он пытался представить себе их лица, глядя в будущее, а не в жестокое прошлое. В его рюкзаке лежит чувствительный камень, который оживет в канун зимнего солнцестояния, если произойдет

чудо и мудрецы дадут сигнал, что все в порядке. К этому времени Двер должен найти Лену и Дженин и помочь им подготовить изолированное племя к ожидающей его судьбе — возвращению на Склон либо к жизни в укрытии в дикой местности.

«В любом случае я подготовлен именно к такой работе. Я знаю, как выполнить такую обязанность».

Впрочем, он обнаружил, что не может успокоиться. По какой-то причине Двер почему-то вспомнил о Рети, этой вспыльчивой девушке сунере, которая решила остаться с экипажем «Стремительного». Неудивительно: больше всего в жизни она хочет улететь с Джиджо, а это казался наиболее вероятный, хотя и рискованный способ.

Но Двер думал об их совместных приключениях в прошлом: как их захватил робот даников, когда Двер переносил машину через реки, надевая ее как шляпу и используя свою нервную систему в качестве проводника силового поля.

И сразу понял. Это воспоминание не случайно. Не произвольная ассоциация.

Это предупреждение.

Холодок пополз по спине. Странно знакомое

ощущение.

— Дерьмо! — воскликнул он, поворачиваясь на запад.

Как раз вовремя, чтобы заметить, как что-то огромное, синее и круглое, похожее на лицо демона, пронеслось над вершинами Риммера и молча, обгоняя звук, устремилось к нему.

Все равно что увидеть полет стрелы, нацеленной точно тебе в нос. В мгновения звездный корабль вырос и заполнил собой весь мир.

Двер закрыл глаза, готовясь к столкновению.

Проходили кидуры — по два на каждый удар сердца. Примерно через двадцать кидуров гондола покачнулась от звукового удара, который сотрясал ее, словно гром.

Но только звук. Никакого столкновения.

Он, должно быть, пролетел мимо!

Двер заставил себя открыть глаза, повернуться.

И увидел его на востоке. Корабль летел к шарам.

Теперь Дверу стало видно, что гигант летит на большой высоте. Неминуемое столкновение было только миражом. Корабль миновал Двера больше чем на лигу и даже не заметил его.

Но шары-приманки он не может миновать,

подумал Двер. Они хорошо видны.

Блейд, его товарищ по детским играм, сообщил, что для инструментов джофуров шары кажутся прозрачными. Но это было ночью. Сейчас уже почти день. Конечно, сейчас они видят воздушные шары.

А может, и нет. Двер вспомнил, в какое возбуждение идея шаров привела машину Нисс, которая хорошо разбирается в джофурах. Может быть, Джиллиан Баскин хорошо знала, что делает.

Идея заключалась в том, чтобы сбить джофуров с толку. Заставить их искать предполагаемые вражеские корабли, которые приборы едва могут обнаружить.

И действительно, космический титан начал сбрасывать скорость, облетая местность по широкой спирали. Какая-то оболочка словно изгибала все световые лучи, проходящие в половине радиуса от гигантского шара. В реук было видно, что это что-то вроде щита — по-видимому, это и есть основа убеждения джофуров в своей неуязвимости.

Двер протянул руку к молотку на поясе и принялся ждать.

ЛАРК

Ему хотелось продолжать любить ее.

Да и кому не захотелось бы: ведь Линг так дрожала, так прижималась к нему с криками, которые противоречат ее образу утонченной звездной богини. Он тоже испытал сейсмический толчок страсти. Страсти, которая затрагивала что-то дикое внутри. Потом последовало благословенное освобождение, не оставившее ни одной разумной мысли.

Вопреки страшной опасности, заключенный в корабле, полном смертельными врагами, Ларк чувствовал себя прекрасно. Так хорошо он себя не чувствовал с…

Да вообще никогда в жизни. Почему-то кульминация не заставила его расслабиться, но наполнила энергией, возбуждением, какого он никогда раньше не испытывал. «Вот и конец моего обета безбрачия, — подумал он. — Конечно, обет давался ради Джиджо. А мы больше не на Джиджо».

Он потянулся к Линг. Но та остановила его поднятой рукой и села. Груди ее блестели от пота.

В глазах ее была настороженность. Уши дерга-

лись, прислушиваясь.

Их окружали джунгли — поддерживаемые решеткой лесов, заполняющей помещение больше искусственной пещеры Библоса. Лабиринт фантастической, невероятно разнообразной растительности почти заполнял все помещение. В дальнем углу, за которым, очевидно, хуже ухаживали машины, беглецы устроили себе гнездо. Линг, хорошо подготовленный космобиолог, без труда отыскала несколько видов фруктов и клубней, которые можно есть. Здесь они могут прожить недели или месяцы, а может, и весь остаток жизни. Если не вмешается вселенная.

Что она, конечно, и сделала.

— Они включили защитное поле, — сказала Линг. — И мне кажется, полет замедляется.

— Откуда ты знаешь? — Ларк прислушался, но не заметил никакой разницы в мешанине звуков, более сложной, чем в зеленых джунглях.

Линг натянула порванное платье — свою единственную одежду.

— Пошли, — сказала она.

Со вздохом он надел собственную рваную рубашку. Подобрал кожаный ремешок с подвешенным амулетом — осколком Яйца, который отколол еще ребенком. Впервые за многие годы

он подумал, стоит ли его надевать. Если корабль покинул Джиджо, может, и он теперь свободен от этого бремени любви-ненависти?

— Идем! — Линг уже шла по проходу в лесах, направляясь к выходу. В перевязи из оторванного куска ткани она несла раненый красный тор — одно из двух колец, данных Асксом.

Ларк надел ремешок на шею и протянул руку к мешку, в котором лежало пурпурное кольцо и другое их имущество.

— Иду, — ответил он, выбираясь из гнезда и думая, вернутся ли они в него когда-нибудь. Теперь Линг знала, где они находятся. Ларк принюхивался на перекрестках, пурпурное кольцо служило ключом, и поэтому им было нетрудно продвигаться на «север» по оси корабля. Дважды они ускоряли движение, пользуясь трубами-лифтами. У Ларка все переворачивалось в животе, когда его тело стремительно уносилось в темный туннель. Но приземление всегда было мягким. И что еще лучше, в пути они не встретили ни одного джофура или робота.

— Они на своих местах по боевому расписанию, — объяснила Линг. — Сюда. Их контрольная рубка должна находиться под этим уровнем. Если я права, должна быть обсервационная галерея.

Ларк уловил странно знакомый запах, подобный тому, что издают треки, входя в Библос.

Линг указала на один из редких символов, написанных на стенах. Она воскликнула:

— Я была права!

Ларк и раньше видел этот глиф — лучистая спираль с пятью изогнутыми рукавами. Даже падшие расы Джиджо знали, что он означает. Это Великая Галактическая Библиотека. Символ одновременно терпения и знаний.

— Быстрей! — торопила Линг, когда он прикладывал пурпурное кольцо к входной пластинке. Дверь отошла, давая доступ в тускло освещенное помещение. Свет сюда пробивался через широкое окно, прямо напротив двери. Потребовалось несколько шагов, чтобы пройти помещение и посмотреть через стекло на ярко освещенное пространство внизу. Зал, заполненный джофурами.

— У многих больших кораблей есть обсервационные галереи, как та, в которой мы сейчас, — негромко объяснила Линг. — Они для чиновников Институтов, если они оказываются на борту, скажем, в инспекционных поездках. Но почти все время на галерее находится только наблюдатель.

— Кто?

Линг показала налево, и Ларк увидел куб высотой примерно с рост человека, с единственной темной линзой посредине, направленной в сторону рубки джофуров.

— Это ИРП — или «исключительно регистрирующая память». Свидетель. Предполагается, что на любом корабле большого клана есть такой, особенно если корабль выполняет важное поручение. Устройство ведет запись, которая может храниться очень долго, чтобы последующие поколения после истечения определенного периода могли учиться на опыте всех рас.

— И каков же этот период?

Линг пожала плечами.

— Может, миллионы лет. Обычно слышишь о наблюдателях, отправленных на хранение, но я никогда не слышала, чтобы ИРП прочитывали в текущую эпоху. Когда формулируешь таким образом, кажется, что это противоречие в терминах. Типичное галактическое лицемерие. А может, я не улавливаю каких-нибудь тонкостей концепции.

«Мы с тобой в одинаковом положении», — подумал Ларк, тут же забывая о наблюдателе, как о куске камня.

— Посмотри, — сказал он, делая жест в сторо-

ну штаб-квартиры джофуров. — Эти большие экраны показывают, что происходит снаружи. Кажется, мы пролетаем над Риммером.

— По направлению к солнцу, — кивнула Линг. — Либо сейчас утро, либо…

— На Склоне нет ничего подобного этой прерии. Это ядовитая трава. Так что сейчас утро, и это восток.

— Видишь тучи? — спросила Линг. — Они расходятся, но была, должно быть, бу… — Она замигала и смолкла. — Слышишь? Джофуры возбуждены. Может, я смогу найти нужную кнопку и…

Неожиданно обсервационную галерею заполнили звуки. Крики и скрежет галдва с акцентом:

ПРИКАЗАНО
ОТКОРРЕКТИРОВАТЬ
НЕСОГЛАСИЯ/РАСХОЖДЕНИЯ
ВАШИХ РАЗЛИЧНЫХ ДОКЛАДОВ! ПОДТВЕРДИТЬ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРЕДПРИНЯТОГО ПЛАНА ПОИСКОВ! ОБЪЯСНИТЬ, ПОЧЕМУ НЕ МОЖЕМ ВЕРНУТЬСЯ К НАШЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ — ПОИСКАМ КОРАБЛЯ ВОЛЧАТ!

Ларк видел, как джофур на центральном помосте жестикулирует одновременно с появлением слов-глифов. Должно быть, это и есть командир. «Если бы только у меня было оружие, — подумал

он. — Но прозрачный барьер, наверно, слишком прочен для такого примитивного оружия, как джиджоанский топор или ружье».

Мы/я не можем рекомендовать оставление этого района, пока не будет подтверждена/опровергнута вероятность вражеских кораблей/малых судов, — ответила соседняя груда на менее властном варианте того же диалекта. — Поблизости зафиксировано цифровое сознание, неуловимое ни на какой другой волне! Полет без гравитики? Джофуры, великие и могучие, должны постичь/овладеть этой тайной ради собственной безопасности!

Вперед выступила еще одна груда, и Ларк почувствовал дрожь узнавания. Эта неловкая груда рваных колец некогда была высоким мудрецом треки, хотя в речи груды не слышалось непритязательной мягкости Аскса.

Я/мы предлагаю следующее рассуждение — показания индикаторов, которые мы преследуем, отчетливо пахнут хитроумным обманом. Вспомните оружие из огненных труб, которое дикие сунеры использовали против нашего корвета! Теперь наши товарищи из захваченного архива Библоса сообщают, что идентифицировали этот трюк волчат как «ракеты». Возражая офицеру-

тактику, Я/мы вынужден указать, что эти ракеты успешно летели без всякой гравитики! Я/мы далее предполагаю.

Прервала еще одна груда.

Локализация! Один из ближайших источников цифрового сознания оставался активным достаточно долго, чтобы мы смогли определить его местонахождение!

Командир выпустил облака пурпурных испарений.

ПРОДОЛЖАЕМ
ПО ВЕКТОРУ АТАКИ! ПОДГОТОВИТЬ ЯЩИК ЗАХВАТА ДЛЯ ПЛЕНЕНИЯ ИСТОЧНИКА! ПРИ ПОСЛЕДУЮЩЕМ ОСМОТРЕ УСТАНОВИМ, ЧТО ЭТО: ЗВЕЗДНЫЙ ВРАГ ИЛИ ЕЩЕ ОДНА УЛОВКА СУНЕРОВ. А ЗАТЕМ ВЕРНЕМСЯ К НАШЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ.

Груды колец реагировали так быстро, как никогда не двигаются треки, насколько мог судить Ларк. Замелькали базовые ноги и щупальца. Вскоре наружные мониторы показали стремительно несущуюся прерию, которую демонстрировали в разных областях спектра. И на одном экране смыкались концентрические круги.

— Захватывают цель, — объяснила Линг. Но в кругах как будто ничего не было. Только пустота.

Ларк сунул правую руку под рубашку, потрогал осколок Яйца.

— Я чувствую.

Линг потянула его за руку.

— Посмотри на крайний левый экран!

Он прищурился и разглядел что-то маленькое и круглое. Призрачная фигура, почти прозрачная. Маскировочная ткань, понял Ларк, узнавая эффект специализированной ткани г'кеков. И сразу понял. Джофуры устремились к объекту, почти невидимому на их экранах, потому что он состоит только из воздуха и ткани, предназначенной для рассеивания света.

Если бы его реук не впал от истощения в спячку! Сердце Ларка забилось чаще, туманный шар становился все больше. Амулет дрожал в ответ.

— Что это? — удивленно спросила Линг.

Прежде чем Ларк смог ответить, все устремленные вперед экраны неожиданно погасли.

Один из джофуров резко закричал. Несколько выпустили разноцветный пар. Командир изгибался и кричал:

ТРЕВОГА! АВТОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА! ВСЕМ ПОДГОТОВИТЬСЯ К ВОЗВРА…

ДЖИЛЛИАН

— Разрыв!

Один из офицеров «Стремительного», находившийся у детектора, возбужденно прокричал:

— Одна из наших бомб взорвалась прямо над джофуром!

Мостик заполнился радостными возгласами неодельфинов.

— Может, он уничтожил ублюдков, — с надеждой проскрипел кто-то.

Джиллиан призвала к спокойствию.

— Всем замолчать! Хлопушка способна лишь поцарапать его окраску. — Она несколько раз глубоко вдохнула. Наступил критический момент для принятия решения и всего плана.

— Выпускайте рой! — приказала она. — Поднимай нас, Каа. Точно как мы планировали.

— Слушаюсь! — Спина пилота напряженно изогнулась, он посылал приказы через свой невральный клапан. «Стремительный» отозвался немедленно, двигатели заработали в полную силу — впервые почти за год. Звук был оглушительный и, конечно, выдаст их, как только сенсоры джофура начнут работать.

Телеметрия показывала, что мотиваторы работают нормально. Джиллиан взглянула на экран, на котором было машинное отделение. Ханнес Суэсси метался по помещению, проверяя работу своей хорошо обученной команды. Даже Эмерсон Д'Аните казался поглощенным работой. Его длинные смуглые пальцы летали над приборной панелью первичного резонанса, прежним его рабочим местом во многих испытаниях. Речь казалась в этом случае необязательной, большее значение имеют вдохновение и тонкое осязание.

Может быть, и на этот раз корабль услышит победный баритон Эмерсона.

Если все отремонтированные приборы сработают. Если запасные части, снятые с брошенных кораблей, не подведут. Если корабли-макеты поведут себя, как планировалось. Если враг поступит, как мы надеемся, если, если…

Над головой напряженный купол контрольной рубки постепенно менял цвет. По мере подъема «Стремительного» сплошная чернота пропасти рассеивалась, уступала место королевской синеве, а потом светлой зелени. Звук двигателей сменил тон: океан неохотно выпустил корабль из своих тяжелых объятий.

«Стремительный» вырвался из воды, таща за

собой поток перегретого пара: корабль уже летел быстрее пули.

От подводной лодки назад в космос. Вот мы снова на месте.

Давай, старушка!

Давай!

РЕТИ

Пробудившись от полумиллионнолетнего сна, древний корабль дрожал и гремел. Вынужденный совершать яростные усилия, он ревел, как кричит в агонии раненый зверь.

Рети тоже закричала, зажав руками уши. Словно жестокие кулаки прибивали ее к изогнутому столбу, к которому она привязалась. С каждым ударом куски веревки и электрического кабеля врезались в кожу.

Йии высунул голову из сумки и посмотрел Рети в лицо.

…жена! Жена, не плачь! Не тревожься, жена!

Но его писклявый голос терялся в буре звуков. Скоро его слова перешли в протяжный вой.

Охваченная страхом перед ловушкой, Рети ногтями рвала веревку, пытаясь освободиться.

Переход из воды в воздух она так и не заметила.

На маленьком голографическом экране мелькнули пенные верхушки волн до самого берега, а потом облака.

Рети поползла по металлическому полу к входному люку, видя лишь узкий туннель в сплошной дымке боли.

ЭВАСКС

Эффект переставал действовать.

Я вынырнул из ошеломленного состояния, слепой и одинокий. Прошло еще немало дуров, прежде чем Я свел свои чувства в единство. В целеустремленность.

Посылая сигналы вдоль контрольных щупалец, Я установил связь с подчиненными кольцами. И вскоре получил доступ к различным чувствам и посмотрел во всех направлениях дергающимися и дрожащими глазными почками.

Здравствуйте, Мои кольца! Немедленно доложите и подготовьтесь к срочным передвижениям. Очевидно, мы испытали — и благополучно пережили — случай Возврата.

Чего?

Да, конечно, вы не знаете. Верно, Мои кольца? У вас не было возможности испытать этот неболь-

шой недостаток дара оайлие?

Существуют виды оружия, которые способны на короткое время лишить нас, джофуров, чувств. Во время этого краткого периода неспособности мы можем надеяться только на защиту роботов.

Неспособности к чему? — спрашиваете вы.

Я/мы осмотрелся. Мы больше не рядом с капитаном-лидером, но стоим у главной приборной панели, и наши щупальца оплетают руль пилота.

ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ?

Я приказываю щупальцам оторваться, и они повинуются. На экранах видно стремительное продвижение: это наш «Полкджи» летит над рваными изогнутыми каньонами. Ничего подобного Мои следы памяти не припомнят на Склоне. Индикаторы инерции показывают, что мы движемся на восток, все дальше от моря. Дальше от добычи.

Начинают оживать другие груды, по мере того как оправляется от Возврата их мастер-кольцо. Я торопливо привожу в движение наше нижнее кольцо, удаляясь от места пилота. Мы обходим капитана-лидера, который тоже приходит в себя от оцепенения.

По всей вероятности, остальные решили, что

наш сложный охранный робот, запрограммированный служить/защищать во время кратких перерывов Возврата, имеет достаточные основания, чтобы направить «Полкджи» в этом направлении. Изображая невинность, Я\мы наблюдаю, как пилот возвращается на свое место и берет на себя управление кораблем, останавливая этот стремительный полет и готовясь снова набрать высоту.

МОИ КОЛЬЦА, КАКОВА БЫЛА ВАША ЦЕЛЬ? ЧЕГО ВЫ СТАРАЛИСЬ ДОСТИЧЬ, ПОКА ВАШЕ МАСТЕР-КОЛЬЦО БЫЛО НЕ В СОСТОЯНИИ ДЕЙСТВОВАТЬ? РАЗБИТЬ НАС О ГОРУ, МОЖЕТ БЫТЬ?

Робот не позволил бы сделать это. Но изменить курс «Полкджи» — это было в вашей власти, верно?

Вижу, что мы еще не постигли искусство сотрудничества.

ДЖИЛЛИАН

Охваченная возбуждением от возможности снова лететь, Джиллиан тем не менее знала, что это не прежний «Стремительный». Для корабля класса «акула» он шел медленно и вяло. Планета удалялась с обескураживающей неторопли-

востью, сравнительно с прежней кроличьей стремительностью. Моторы Суэсси тут ни при чем. Все проклятая углеродная оболочка, заключившая корпус «Стремительного» в бесконечное количество тонн мертвого веса, забившее гребни вероятности и радиаторы гравитики, отбиравшее драгоценное время набора инерции движения на орбите. Минуты уязвимости.

Джиллиан взглянула на дисплей. Множество ярких точек свидетельствовало, что по крайней мере двадцать кораблей-макетов вышли из воды, еще с десяток поднимаются из своих древних могил, крича от радости — или боли — при этом нежданном массовом воскрешении. Группы кораблей-приманок разлетались в разных направлениях, действуя в соответствии с планом, хотя на их борту никого живого не было.

Пустые все, кроме одного.

Джиллиан подумала об этой девушке, Рети, самой заключившей себя в один из этих огоньков. Не лучше ли было бы ворваться в похищенный ею корабль? Или перепрограммировать его, так чтобы он вернул Рети на планету?

Нисс считал, что обе эти попытки могут удаться в небольшое оставшееся у них время. Но Олвин и Гек убедили Джиллиан не делать этого.

— Мы знаем, чего вы, земляне, добиваетесь этой попыткой прорваться, — сказала Гек.

Но вы вызвались участвовать добровольно?

— А почему бы и нет? Мы рисковали погружением в Помойку в полом древесном стволе. Все сунеры знают, что жизнь — это нечто такое, что получаешь лишь на время. И каждый должен сам выбрать, как провести ее.

Будущее наших семей и рас зависит от вашей попытки, доктор Баскин. Эта Рети сама выбрала свою судьбу. И пусть следует за своим выбором.

«Стремительный» продолжал ускоряться, а Джиллиан повернулась к дельфину, руководившему пси-оперативным отделом.

— Дайте мне знать, когда получите что-нибудь от наблюдателя, — приказала она.

— Пока никакого сигнала, — ответил фин. — И если вы меня спросите, то уже давно пора.

— Никто вас не спрашивает, — рявкнула Джиллиан.

Невольно она взглянула на джиджоанского математика Сару Кулха, чей брат полетел на воздушном шаре с нагретым воздухом, зная, что если его не погубит буря, то скорее всего это сделают джофуры. Сара плавала в облаке пузырьков, внимательно наблюдая. Но за визором ее шлема для

дыхания Джиллиан заметила слезу, сбежавшую по щеке молодой женщины.

Джиллиан не нужно дополнительное ощущение вины. Она изо всех сил пыталась размышлять прагматически.

«Я только хочу, чтобы парень не отдал жизнь ни за что. И это станет ясно… — Она еще раз взглянула на мониторы… — через несколько мгновений».

ДВЕР

Ослепительная вспышка ударила по реуку, заставив его отступить, почти погрузиться в кому. Но существо свое дело выполнило, спасло глаза Двера. Если не считать пурпурных пятен, вскоре восстановилось почти нормальное зрение.

Будет еще ударная волна, подумал он. После испытаний прошедшей ночи и утра шар может не выдержать новый удар.

Двер приготовил молоток, занес его над кристаллами, укрепленными в плетеной гондоле. И посмотрел на восток, пытаясь определить, какое сообщение посылать.

Все шары исчезли — неудивительно.

Но черт побери, а где же корабль джофуров?

Двер не может действовать без данных, поэтому он не стал ничего делать и продолжал лететь, пока гулкое эхо взрыва не пригнуло к земле острые травы Ядовитой равнины.

Шар выдержал. Отличная прочная урская работа. Взяв бинокль, Двер принялся осматривать горизонт в поисках корабля джофуров.

Может, воздушная мина его уничтожила? Джиллиан Баскин считала это почти невозможным. Никакое оружие из арсенала «Стремительного» не способно пробить защиту такого дредноута, даже если застанет его врасплох. Но в самый критический момент это может стать для неприятеля помехой.

Наконец Двер уловил отдаленный блеск. Казалось, корабль удаляется! У Двера появилась иллюзия, что джофуры летят к восходящему солнцу.

Он колебался, глядя на кристаллы-передатчики. Их только четыре. И никакой из заранее оговоренных кодов не соответствует происходящему — тому что враг покинет сцену боя. Он не летит в космос, не возвращается к Помойке, он даже не остается неподвижным, а отказывается от возможности найти корабль землян!

«Если я ничего не сообщу, они решат, что я

погиб».

Он подумал о Саре, и ему захотелось разбить сразу все кристаллы, просто чтобы успокоить ее.

«Но тогда они могут принять неверное решение, и вместо меня умрет она. Из-за меня».

В этот момент группы кораблей-макетов уже должны лететь за пределами атмосферы Джиджо, по спирали удаляясь от планеты. Джиллиан Баскин нужно решить, с какой группой улетать. И сигнал Двера должен был помочь ей сделать выбор.

Его раздражала невозможность принять решение. Снова поднеся к глазам бинокль, Двер отыскал корабль джофуров, крошечную точку на горизонте.

И тут он кое-что заметил.

Далекая точка перестала уменьшаться. Напротив, она словно неподвижно повисла над одним из рваных хребтов.

«Серые Холмы, — понял Двер. — Если бы я мог послать нужный сигнал, то начал бы спускаться именно там, где мне нужно!»

Сверкающая точка поколебалась, потом снова начала двигаться. Двер вскоре в этом убедился — она становилась больше. Джофуры летят назад!

«Теперь я знаю, что сообщать», — с удовлетво-

рением подумал он. Двер размахнулся и ударил молотком по второму кристаллу. На мгновение спину закололо. Но это ощущение быстро исчезло.

Выполнив наконец свой долг, Двер потянулся к веревке, выпускающей воздух. Корабль пройдет рядом, а у него единственная возможность маневрировать — это терять высоту.

Полегче, подумал он. Надо терять высоту медленно. Может, удастся добраться до холмов, прежде чем…

Огромный корабль мгновенно вырос и пронесся на запад, продолжая набирать высоту и разойдясь с Двером на сотни полетов стрелы.

Увы, на этот раз он обратил на шар внимание.

Пролетая мимо, огромный шар выпустил крошечную искорку. Она вначале немного поднялась, потом стала по дуге опускаться, приближаясь к шару. Дверу не нужно было разбираться в галактической технологии, чтобы узнать летящий к нему снаряд.

«Джиллиан говорила, что я могу привлечь внимание, когда передам сигнал».

Двер вздохнул, наблюдая, как точка поворачивает по пологой дуге и устремляется прямо к нему.

Ну что ж, подумал он, беря в руки свое главное сокровище — лук, изготовленный для него как главного следопыта Общины Шести Рас известным мастером в городе Овун.

И когда раздался взрыв, он был совсем не таким, как ожидал Двер.

ДЖИЛЛИАН

— Есть! — воскликнула она, радуясь новости.

Еще более обрадованная Сара закричала по-урски, узнав, что ее брат жив.

Сигнал также подтвердил предположение Джиллиан. Джофуры реагировали медленно, но именно так, как она надеялась.

Они предсказуемы, — заметил Нисс, чья вращающаяся голограмма возникла в воде, не подняв ни одного пузырька. Задержка означает только, что мы чуть больше опережаем их.

Джиллиан согласилась, но про себя добавила: «Нам нужно в десять раз больше времени, чтобы попытка удалась».

А вслух сказала пилоту:

— Вытащи нас отсюда, Каа. Держись с роем номер два. Держись за передним кораблем.

Пилот ответил:

— Слушаюсь!

Вскоре негромкий гул мотиваторов стал немного выше. Джиллиан посмотрела на экран машинного отделения. У команды Суэсси настроение неплохое. У нее на глазах Эмерсон Д'Аните откинул голову и запел. Джиллиан услышала только несколько слов, хотя песню подхватили другие.

Джиджо, Джиджо.

С войны мы отправляемся на войну!

Даже с поврежденным мозгом он умеет играть словами. Хорошо, что старина Эмерсон вернулся.

Наружные дисплеи показывали, что планета — сине-коричневый шар в тонкой оболочке жизнедающей воды — быстро уменьшается. Многочисленные зеленые пятна с четко очерченными краями показывали, где некогда располагались метрополисы, до того как эти места были сожжены и засеяны. Площадки, занятые болотом, лесом или прерией, все равно сохранили правильные очертания, и нужны еще многие эпохи, чтобы стереть их.

На Земле тоже есть такие шрамы, подумала Джиллиан. И их даже больше. Разница в том, что мы были невежественны и никаких мер не принимали. Нам пришлось в одиночку на

собственном горьком опыте учиться сберегать свой мир.

Джиллиан взглянула на Сару. Девушка глазами, полными боли и удивления, наблюдала, как ее родная планета превращается в маленький диск. Первая из сунеров, со времен предков столетия назад, она смогла посмотреть на свой дом с неба.

Убежище. Святилище для землян и остальных. Все они хотели спрятаться, укрыться от космоса, и каждая раса пыталась вернуть свое наследие особым образом.

И тут мы обрушили на них вселенную.

Джиллиан наблюдала, как лейтенант Тш'т переходит от консоли к консоли, вспышками сонора подбадривает дельфинов у приборов, отмечает всякий пробел во внимании. Такое тщательное наблюдение кажется необязательным. Ни один из членов команды на мостике никогда не проявлял ни малейших признаков атавизма. Это элитный экипаж, и всем этим финам гарантирована высокая квалификация в возвышении, когда они вернутся домой.

Если мы вернемся домой.

Если еще есть дом, который нас ждет.

Все знали истинную причину оставления на Джиджо половины экипажа вместе с кикву и

копиями записей «Стремительного».

У нас не очень много шансов на спасение, но, возможно, нам удастся отвлечь вселенную от Джиджо. Отвлечь ее внимание. Заставить снова забыть о сунерах.

Чтобы принести такую жертву, нужны мастерство и большая удача. Но если попытка удастся, какое это будет достижение! Не будет уничтожения г'кеков. Не будет насильственной трансформации треки. Нельзя будет обвинить и наказать Землю, если здесь обнаружат сунеров людей.

Если сработает, у нас на Джиджо будет полный набор землян: люди, шимпы и дельфины. И если что-нибудь ужасное случится дома, здесь в безопасности есть резерв.

Стоит попробовать. Результат все оправдает.

Конечно, как и все в космосе, он имеет свою цену.

Они миновали Лусен — на спутнике по-прежнему сверкают купола городов — и пролетели еще миллион километров, когда офицер у детектора объявил:

— Вражеский крейсер покидает атмосферу! Направляется вслед рою номер один!

На пространственной схеме видна точка, под-

нимающаяся с Джиджо, ярче и крупнее остальных. Корабль разгоняет свою огромную массу.

«Однажды мы тебя обогнали, — подумала Джиллиан. — Можем попробовать еще раз, хотя бы на время».

Даже отягощенный углеродным покровом, «Стремительный» какое-то время еще будет увеличивать расстояние между собой и преследующим боевым кораблем. Ньютонианская инерция тянет гигантский корабль джофуров назад — до тех пор, пока корабль не достигнет скорости, необходимой для гипердрайва на нулевом уровне.

И тогда преимущество перейдет к нему.

Если бы только пункт перехода был ближе. Джиллиан покачала головой, продолжая мечтать.

«Если бы только здесь были Крайдайки и Том. Они без труда вытащили бы нас, я уверена. А я могла бы спокойно удалиться в лазарет, лечить дельфинов от чесотки плавников и проводить время в размышлениях о загадках Херби».

Именно она приняла решение захватить с собой мумию возрастом в миллиард лет, несмотря на вероятность того, что «Стремительный» через несколько часов или дней может погибнуть. Она

не могла расстаться с этим реликтом, который Том с таким трудом отыскал во флоте призрачных кораблей в Мелком скоплении — еще в те горячие дни, до того, как вся цивилизация Пяти Галактик обратилась против «Стремительного».

Когда наивный экипаж ожидал благодарности за свое эпохальное открытие.

Скучного галакта ничем не удивишь, гласит тимбримийская поговорка. Если у тебя не приготовлено в кармане еще двенадцать сюрпризов.

Хороший совет.

К несчастью, ее запас сюрпризов иссякает.

Осталось всего несколько.

МУДРЕЦЫ

Теперь группа пилигримов больше знает о Святом Яйце.

Больше, чем знали Дрейк и Ур-Чоун, когда впервые увидели новорожденное чудо, только что, раскаленно-белое, появившееся из огненных объятий. Эти два знаменитых героя договорились использовать Яйцо в религиозных и политических целях. Как предвестник единства. Как божество.

Теперь у мудрецов есть документы, представ-

ленные кораблем дельфинов. Отчет, подкрепленный свидетельствами Великой Галактической Библиотеки, называет Яйцо «пси-активным геоморфом». Такой феномен наблюдается на нескольких населенных планетах, где восстановительные тектонические процессы протекают спокойно и где предыдущие циклы заселения обладали определенными временными и технологическими особенностями.

Фвхун-дау размышлял об этом, пока заново созванный Совет мудрецов приближался к священному месту, идя пешком, ползя или двигаясь на колесах. Все они по отдельности направились сюда, услышав призыв умирающего Вуббена.

И эти особенности иногда проникают через давление магмы и вулканическую жару.

На юге это проникновение хаотично и превратилось в Спектральный Поток. Но здесь условия допускали объединение. Кристаллизацию накопленных памяти и целей.

По крайней мере теперь он знает ответ на загадку, почему, вопреки начальным стычкам и вражде, все расы поселились именно на Склоне.

Мы были призваны.

Некоторые говорят, что это знание уничтожит обычаи прошлого, и Фвхун-дау соглашался с этим.

Старая вера, основанная на Священных Свитках и модифицированная последующими ересями, никогда больше не будет прежней.

Основа Общины Шести Рас изменилась.

Но сама по себе основа осталась.

Заново созданный Совет Шести вступил в узкий каньон. Некоторое время мудрецы провели здесь, оплакивая обожженные останки своего старейшего члена, путаницу хрупких нервов и тканей, прилипшую к изрытому черному боку Яйца.

Здесь они и похоронили Вуббена — единственного мудреца, удостоенного такой чести. А потом принялись за работу.

Вскоре к ним присоединятся другие. У преобразованного совета есть новые обязанности.

«Наконец мы знаем, кто мы такие, — молча думал Фвхун-дау, откидываясь, чтобы взглянуть на огромную изгибающуюся массу Яйца. — Но остаются другие вопросы. Такие, как почему?»

РЕТИ

Приборы отказывались повиноваться!

— Давай! — кричала она, колотя ладонью по голографическому экрану, а потом наобум переключая несколько рычажков.

Рети сама не знала, что будет делать, если ей удастся завладеть кораблем-приманкой. Вначале у нее путались мысли от поразительного зрелища Джиджо и космоса. Все настолько больше, чем она себе представляла. Но потом она выключила экран и занялась другими панелями и мониторами.

Здравый смысл подсказывал, что нужно оставить приборы в покое, и Рети наконец прислушалась. Она заставила себя отойти и присоединилась к йии у небольшого запаса продовольствия, которое выносила из саней, когда Чучки не видел. Рети гладила своего миниатюрного мужа, жуя брикет пищевого концентрата и обдумывая ситуацию.

Все корабли-макеты запрограммированы на то, чтобы улететь с планеты — к ближайшему «пункту перехода». Отсюда они могут выпрыгнуть из невозделанной Галактики Четыре и достигнуть далеких, полных движения транспортных линий, где кишат кислороднодышащие формы жизни.

Рети это вполне подходит, если она сумеет подать сигнал пролетающему мимо кораблю.

Старый корабль может стоить немногого, но по крайней мере этого хватит, чтобы оплатить перелет к следующей остановке.

Дальнейшее она представляла себе очень смутно. Вероятно, найдет какую-нибудь работу. У нее с собой по-прежнему маленькая обучающая машина, которая некогда принадлежала Денни Стадмен, так что ей нетрудно будет выучиться болтать на чужих языках.

«Я сумею стать полезной. Я всегда это умела».

Конечно, все зависит от того, доберется ли она до пункта перехода.

Джиллиан, вероятно, настроила приборы так, чтобы корабли-макеты привлекали внимание джофуров. Может, они издают какие-нибудь световые или звуковые сигналы, чтобы джофуры поверили, что на борту дельфины.

На какое-то время это может сработать. Вонючие кольца погонятся и будут тратить время, проверяя, что внутри.

Но Рети знала, что произойдет дальше. Со временем боги джофуры разгадают эту хитрость. Они поймут, что нужно искать и какой корабль их настоящая цель.

«Предположим, они разорвут на части половину кораблей-макетов. Получается вероятность пятьдесят на пятьдесят. Это в Ифни раз больше, чем у меня было на борту старого „Стремительного“. Как только они поймут, где настоящий

корабль, все остальные оставят и займутся делом».

Такова была в общем виде ее идея. С того момента, как нашла Кунна и Джесса мертвыми в тюремной камере, она знала, что должна как можно скорее убраться с корабля землян и идти своим путем.

«Лучше надо подумать, как подать сигнал, когда мы окажемся в цивилизованной галактике, — думала она. — Наверно, если просто посветить в окно, ничего не выйдет. Надо больше узнать о радио и о всяких гиперпространственных штуках».

И хотя обучающая машина удивительна и терпелива, Рети без всякого воодушевления думала о предстоящей работе или о том, что придется питаться пастой из древнего пищевого процессора, когда кончатся запасы со «Стремительного». Машина приняла обрезок ногтя, который скормила ей Рети, и через несколько мгновений выдала вещество, по вкусу точно как ноготь.

Ее мысли прервали чирикающие звуки. На верху голографического экрана вспыхнул огонек. Рети бросилась к машине.

— Включить изображение!

Над полом возникло трехмерное изображение. Какое-то время Рети ничего не могла понять. От

крошечного синего диска разлеталось пять групп ярких точек. Но вскоре она сообразила, что диск — это Джиджо и что группы кораблей-макетов уже покинули планету. Расстояние между группами увеличивалось с каждым дуром.

Одна точка, ярче остальных, держалась сзади. Она была не желтой, а красной. И на глазах поползла к одному из роев.

Должно быть, это корабль джофуров, сообразила Рети. Присмотревшись, она заметила, что эту большую красную точку сопровождает множество алых пятнышек, таких маленьких, что их с трудом можно разглядеть. И они словно нанизаны на нить.

Красная точка ускорялась, медленно сокращая расстояние между собой и намеченной добычей.

«Мне становится жаль тех, кто в этом рое. Скоро вонючие кольца их догонят».

Потребовалось еще какое-то время, чтобы Рети поняла неприятную истину.

Именно в этом рое движется и ее корабль.

Как всегда, повезло, пожаловалась она, понимая, что вселенная совсем о ней не думает.

ДВЕР

Все изменилось.

Только что его окружало небо. Горы, облака и прерии расстилались под плетеной гондолой. Над головой скрипел и раздувался урский шар.

С северо-запада к нему устремился сверкающий предмет, набросился, как хищник с неба, неудержимый после выбора добычи.

«Добыча — это я», — подумал Двер, оцепенев, как травяная мышь, которая, захваченная на открытом месте, знает, что спасения нет и у нее нет иного выхода, как смотреть на приближающуюся прекрасную крылатую Смерть.

Смерть устремилась к нему.

Он ощутил взрыв, яркую вспышку.

И оказался здесь.

Двер приходил в себя, окруженный золотистой дымкой.

«Я жив».

Ощущение молодого сильного тела сопровождалось раздражающим зудом и болью от недавних порезов и царапин.

Его одежда на месте. Гондола тоже — корзина,

сплетенная из высушенного речного тростника. Ее содержимое не повреждено.

Но вот о шаре этого сказать нельзя. Огромная оболочка сморщилась и лежит грудой ткани. Ее верхняя часть, по-видимому, срезана. А оставшаяся часть раскидана по внутренностям того, что, как понял Двер, является чем-то вроде тюремной камеры.

Шарообразная тюрьма. Теперь он видит ее отчетливо. Шар, внутренняя поверхность которого издает бледное золотистое сияние, в первое мгновение затрудняющее зрение.

— Ха! — К удивлению Двера, его первой реакцией была заинтересованность. В те последние моменты, когда на него падал снаряд, он попрощался с жизнью. И теперь каждое лишнее мгновение — это чистая прибыль. И можно его потратить по своему выбору.

Двер выбрал любопытство.

Он выбрался из корзины и осторожно опустил мокасины на золотистую поверхность. Ожидал, что она окажется скользкой, но материал, напротив, лип к ногам, так что каждый шаг давался с некоторым усилием. После нескольких пробных шагов Двер сделал еще одно поразительное открытие.

«Низ там, где я стою».

С новой позиции Дверу казалось, что гондола наклонилась и едва не падает на него.

Он присел, глядя на «пол» между ногами, преодолевая ожидаемую потерю ориентации. Не так плохо, как можно было подумать.

«Я привыкну. Это все равно что учиться ходить по леднику. Или заглядывать в пещеру, вися на конце веревки над утесами Опустошения».

Но тут он заметил кое-что еще. Глядя вниз, Двер разглядел что-то сквозь золотистую поверхность. Что-то блестит под ней, как далекая алмазная пыль. Драгоценности на темном фоне.

Он наклонился сильнее и заслонил глаза руками от света.

И сразу понял: алмазы — это звезды.

ЛАРК

Присев за издающим запахи обелиском, люди видели беспрецедентную картину того, что происходило в контрольной рубке корабля джофуров.

Ларк многое отдал бы за то, чтобы они оставались на спокойной «обсервационной галерее».

Поблизости возвышались груды влажных ко-

лец, испуская облака пара. Джофуры колдовали над светящимися приборами. Тяжелый насыщенный запахами воздух вызывал у Ларка рвоту. Линг, должно быть, было еще хуже: ведь она не выросла рядом с треки. Но она казалась такой же захваченной происходящим, как и он.

Плохая была идея, про себя ворчал он, вспоминая импульс, повинуясь которому они бросились прямо в яму с врагами.

Эй, смотри! Джофуры, кажется, парализованы! Давай спустимся из этого безопасного укрытия и выведем из строя их приборы, пока они не в состоянии действовать!

Но джофуры не оставались неподвижными долго. К тому времени как они с Линг преодолели половину контрольной рубки, несколько груд колец неожиданно начали пыхтеть и раскачиваться, приходя в себя. Машинные голоса начали докладывать обстановку ожившим хозяевам, и два человека едва успели присесть за грудой шпилеобразных предметов, напоминающих идеализированного джофура, но вдвое выше и сделанного из какого-то влажного волокнистого материала.

Ларк упал на пол. Ему хотелось только стать невидимым, закрыть глаза и позволить объек-

тивной реальности исчезнуть.

Отвечая его бешено колотящемуся сердцу, пурпурное кольцо задергалось в сумке из ткани. Ларк положил на него руку, и кольцо постепенно успокоилось.

— Кажется, я понимаю, что происходит!

Ларк оторвал взгляд от ног Линг и увидел, что она стоит, прислонившись к одному из влажных столбов, и смотрит на экран джофуров. Он схватил ее за левую руку и дернул вниз. Линг приземлилась рядом с ним на голый зад.

— Стань подобной букашке, — был его совет. В делах укрытия и выживания Линг есть чему поучиться у джиджоанского сунера.

— Хорошо, братец крыса. — Она кивнула с удивительным добродушием, потом энергично продолжила: — Некоторые их экраны настроены на спектры, которые мне недоступны. Но могу сказать, что мы в космосе и движемся к Измунути.

Ларк испытал приступ тошноты — ощущение, близкое к панике. В отличие от своих брата и сестры, которые в детстве постоянно говорили и мечтали о полетах к звездам, он никогда не хотел покидать Джиджо. Сама мысль об этом делала его больным. Чувствуя его состояние, Линг взяла

его голову в руки и погладила, но не перестала говорить, описывая охоту в космосе. А Ларк, как ни старался, не мог себе этого представить.

— Очевидно, поблизости от Джиджо оказался флот, — объясняла она. — Хотя не могу понять, как он мог здесь оказаться. Может, миновал Измунути, и теперь джофуры прогоняют эти корабли. Но загадочный флот как будто разделился на пять групп, и все порознь движутся к пылающей звезде. А оттуда, вероятно, к пункту перехода.

За этим кораблем тянется цепочка каких-то объектов, насколько я могу судить, все они привязаны к кораблю силовым полем. Не знаю, какова их цель. Но если у меня будет время…

Ларку захотелось вслух рассмеяться. Он отдал бы Линг весь мир. Всю вселенную! Но теперь ему хочется одного — вернуться в гнездо. В их маленькое зеленое убежище, где можно дотянуться до сладких фруктов и где никто их не найдет.

Головокружение у Ларка начало проходить, когда в помещении стало очень шумно.

— Что это? — спросил он, садясь. И не пытался удержать Линг, которая чуть приподнялась и выглянула.

— Это был орудийный залп, — пояснила она. — Джофуры выпускают снаряды в ближайшую

группу кораблей. Должно быть, очень уверены в себе: к каждому кораблю направили только по одному снаряду.

Ларк молча пожелал новым чужакам, кем бы они ни были, удачи. Если кому-то из них удастся уйти, они сообщат в Галактический Институт Миграции. И хотя Шесть Рас жили на Джиджо две тысячи лет, боясь именно этого, сейчас появление нейтральных судей гораздо лучше той судьбы, которую уготовили для джиджоанцев джофуры.

— Маленькие корабли пытаются совершить маневр уклонения, но у них ничего не получается, — сказала Линг. — Снаряды приближаются к ним.

РЕТИ

Она прокляла корабль из мусора за то, что тот не позволяет управлять собой.

Прокляла Джиллиан Баскин и дельфинов за то, что те поставили ее в положение, когда из-за их некомпетентности она оказалась в ловушке.

Прокляла джофуров за то, что те стреляют по кораблям-макетам, а не ищут нужную им добычу.

Но больше всего Рети проклинала себя. Ибо в конце концов, никого иного винить нельзя.

Обучающая машина объяснила, какие символы обозначают эти смертоносные стрелы, теперь отчетливо видные на дисплее и быстро приближающиеся.

Один за другим корабли за ней встречались с мстительными хищниками. Но янтарные точки не вспыхивали, просто меняли цвет, становились алыми. И каждый направлялся назад, на встречу с крупной красной точкой.

Корабль джофуров не поглощал своих пленников. Это отняло бы слишком много времени. Напротив, они выстраивались цепочкой, как хвост головастика, и следовали за могучим кораблем.

Рети удивилась. Может, они не хотят убивать. Может, им просто нужны пленные!

Если это так, то Рети готова. В одной руке она держала йии, в другой — обучающую машину, настроенную на галактический два — диалект джофуров.

И когда появился ее снаряд, Рети была спокойней, чем сама ожидала.

— Не волнуйся, йии, — сказала она, гладя своего маленького мужа. — Мы найдем что-нибудь такое, что им нужно, и заключим сделку. Только подожди и увидишь.

С отчаянной уверенностью она держалась, когда древний буйурский корабль неожиданно вздрогнул. Через мгновение его двигатели затихли и тут же исчезло притяжение к полу. И мягкая сила словно потянула ее к носу обездвиженного корабля.

Свет погас. Но Рети могла немного видеть. Осторожно скользя по наклонному полу, она последовала за источником освещения к открытому иллюминатору и увидела за ним мир светло-желтого рассвета.

— Неплохо быть мертвым, — сухо заметил йии.

Рети согласилась:

— Наверно.

Потом пожала плечами.

— По крайней мере увидим, чья возьмет верх.

ДЖИЛЛИАН

— Я нашел в Библиотеке ссылку на то, что называется «ящиками захвата», — объяснил Нисс. Это оружие предлагает умное решение дилеммы джофуров.

— Какое решение? — спросила Джиллиан.

— Мы полагали, что поставили их в затруд-

нительное положение. Им нужно осматривать каждый корабль-макет, чтобы найти нас! Неприятный и отнимающий много времени процесс.

А так джофурам нужно время лишь на посылку снарядов. Они могут двигаться и тащить за собой цепочку пленников.

— А разве добавочная масса не замедлит их продвижение? — спросил пилот Каа.

— Замедлит, и это нам на пользу. Но, увы, недостаточно, чтобы мы могли воспользоваться преимуществом, которое это дает нам.

Джиллиан покачала головой.

— Жаль, что мы не знали об этом в свое время, чтобы включить в наш план.

Нисс обиженно ответил:

— Большие кланы имеют доступ к оружейным файлам за весь миллиард лет галактической истории.

На мостике воцарилось молчание. Наконец заговорила Сара Кулхан. Ее голос усиливала лицевая пластина шлема.

— А что произойдет, если такой снаряд попадет в нас?

— Снаряд создает поле, того же типа, что топоргическая клетка, в которой ваши Шесть Рас видели корабль ротенов. Конечно, то поле метро-

вой толщины, а снаряды не могут нести столько псевдоматериала. Главный эффект ящика захвата заключается в подавлении цифрового сознания.

Сара посмотрела в замешательстве, и Джиллиан объяснила:

— Цифровое сознание можно уловить на расстоянии и подавить эффективными полевыми технологиями. Именно в этом главная причина того, что в Пяти Галактиках господствуют не машины, а органические формы жизни.

К несчастью, это означает, что корабли-макеты могут быть легко выведены из строя, если заключить их в тонкую оболочку искаженного пространства-времени.

Действительно, это идеальное оружие против восстановленных кораблей без экипажа. Джофуры могут быть злобными и ограниченными во многих отношениях, но в мастерстве и умении логично рассуждать им не откажешь.

Сара кивнула.

— Вы хотите сказать, что против «Стремительного» этот метод не сработает?

— Совершенно верно, — ответила Джиллиан. — Мы подготовили наши компьютеры к временной остановке без всяких последующих неудобств.

— Говорите о себе, — пробормотал Нисс.

— Как только нас окружит ящик захвата, члены органического экипажа могут с помощью простых инструментов растворить оболочку изнутри. Оцениваемое время перерыва, Нисс?

Голограмма завертелась.

— Мне бы хотелось иметь больше данных об экспедиции сунеров к кораблю ротенов. Они сообщили о сильных квантовых эффектах от топоргического слоя метровой толщины.

Но корабль джофуров посылает только тонкие пузыри. Если подготовиться, экипаж сможет освободить нас за несколько минут.

Каа и несколько дельфинов облегченно перевели дух. Но машина Нисс продолжала:

— К несчастью, когда мы выйдем из пузыря, джофурам станет известно, что в пойманном корабле есть живая добыча. И после этого наша восстановленная свобода будет поистине очень краткой.

ДВЕР

Вещество необычное на ощупь. Оно как будто слегка отталкивает руку, когда Двер подносит ее на несколько сантиметров. А потом притягивает. Ни то, ни другое не очень сильно. Он легко может

отдернуть руку.

И не может понять, почему ощущение кажется странно знакомым.

Двер обошел свою круглую клетку, время от времени останавливаясь и всматриваясь в звезды снаружи. Большинство созвездий он узнал, кроме одной полоски неба, которую невозможно увидеть со Склона. Так вот как выглядит южное небо. Перед ним, не затмеваемое атмосферной пылью, лежало скопление Одуванчик, обширное немигающее зрелище. Без золотистого барьера оно было бы еще внушительней.

Слава Ифни за этот барьер, напомнил он себе. Там нет воздуха.

В одном направлении небо было очень ярким, и он вначале его не узнал.

Потом понял — это солнце, уменьшенное и становящееся все меньше.

В противоположном направлении находится свирепый глаз Измунути. Красный блеск становился все сильней, и вскоре Двер смог различить диск. Но понимал, что до него гораздо дальше, чем до солнца. Говорят, Измунути — гигант среди звезд.

Со временем он заметил и другие объекты. Не звезды и не туманности, но сверкающие точки.

Вначале они казались очень далекими. Но в течение мидура постепенно приближались. Теперь их края стали видны не из-за слабого мерцания, а потому что они затмевали звезды.

Одна из этих точек — неровная сфера по направлению к Измунути, — должно быть, космический корабль. С каждым проходящим дуром она становилась все больше. И вскоре Двер узнал гиганта, который дважды пересекал небо над Ядовитой равниной, сотрясая своим прохождением его несчастный шар.

Перейдя на другую сторону своей камеры и посмотрев наружу, Двер увидел ряд желтых огоньков, еще ближе корабля. Их цвет заставил его сообразить: «Это такие же капсулы, как моя».

Когда он прижался к барьеру плотнее, спину и кожу головы закололо. Что-то похожее на ощущение, когда робот даников пропускал через его тело силовое поле, все еще непонятным образом изменив безвозвратно нервную систему.

«Что ж, я и до этого был необычным. Например, никто из моих знакомых не мог разговаривать с мульк-пауком».

Двер откинул голову, вспомнив наконец, что напоминало ему это вещество. Жидкость, которой безумный древний паук в горах — Один-В-Сво-

ем-Роде — запечатывал свои жертвы, уберегая бесценные коллекции от воздействия времени. Много месяцев назад такая оболочка едва не задушила Двера, когда он спасся из гнезда паука.

Странное ощущение овладело Двером. Сумасшедшая мысль.

«Я мог разговаривать с пауками — не только в горах, но с тем на болоте.

Интересно, означает ли это».

Он снова прижал руку к золотистому материалу, надавил, преодолевая начальное сопротивление, нажимая концами пальцев. Материал не поддавался.

Но Двер настроил сознание на такой же способ мышления, как когда разговаривал с мульк-существами. Раньше он всегда считал, что эту работу проделывает паук, но теперь понял: «Это моя способность. Мой особый дар. И клянусь Святым Яйцом, мне кажется, я смогу».

Что— то подалось. Сопротивление концам пальцев неожиданно исчезло, и они прошли наружу, как будто сквозь какую-то вязкую жидкость.

Неожиданный страшный холод обрушился на руку и одновременно ощущение, что тысячи вампиров пытаются через соломинки пить кровь

из жил. Двер отдернул руку. Пальцы покраснели и онемели, но в основном невредимы. Мембрана мгновенно затянула отверстие.

«Это мне повезло», — подумал Двер.

Когда посмотрел в следующий раз, корабль стал огромен. Гигантский зверь стремительно несся на него со спокойной охотничьей уверенностью.

«Я рыба на леске. И он меня вытягивает!»

По другую сторону раскачивались, едва не касаясь друг друга, плененные шары, нанизанные на невидимую нить. Расстояние их друг от друга быстро уменьшалось.

Двер немного посидел и подумал.

Потом начал собирать припасы.

МУДРЕЦЫ

Фвхун-дау повел следующий секстет, начав низким гулким ворчанием своего резонирующего горлового мешка.

Ум— Острый-Как-Нож последовала за ним, проворным языком работая на барабане-мирлитоне и усиливая звуки барабана синкопированным свистом из всех пяти ножных щелей.

Затем вступила Ур-Джа, прижав виолу к изгибу длинной шеи и создавая изогнутым смычком

двойную гармонию звуков.

После этого по старшинству добавляли свой вклад новые мудрецы от треки, людей и г'кеков. Они играли для огромного раненого камня в форме овоида. Вначале согласованность не очень получалась, но вскоре звуки слились в единстве того типа, которое способствует сосредоточенности сознания.

До сих пор все было традиционно. И другие секстеты за сто лет играли для Яйца. И среди них были гораздо более одаренные и музыкальные.

Только на этот раз положение было совершенно иным. И вообще не было группы из шести.

Были представлены еще две джиджоанские расы.

Первая из них — глейверы.

Регрессировавшая раса всегда могла свободно присутствовать, но уже несколько столетий глейверы не принимали участия в церемониях Общины — задолго до прибытия землян и определенно до прихода Яйца.

Но вот уже несколько месяцев глейверы ведут себя странно. И сегодня из кустов появилась маленькая самка и двинулась по Тропе Пилигримов сразу за Фвхун-дау, как будто шла к той же цели. Когда началась музыка, ее большие глаза забле-

стели, из искаженной гримасой пасти вырвались странные мяукающие звуки. Звуки, отдаленно напоминающие слова. В подвижном раздвоенном хвосте самка держала сделанную из шкуры животного грубую погремушку с перекатывающимися внутри камешками.

Не слишком хороший музыкальный инструмент, но, в конце концов, у глейверов очень давно не было практики.

Что должно было произойти, подумал Фвхундау, чтобы они отвернулись от блаженства Тропы Избавления?

На камне по соседству лежало восьмое существо. Время от времени оно переставало облизываться и оглядывало собравшихся. На абсолютно черной шкуре нура-титлала было два пятна — белые полоски под каждым глазом, и это усиливало его природное выражение скептического презрения.

Но мудрецы не обманывались. Нур пришел вслед за остальными, истощенный, оборванный и уставший. Видно было, что он бежал несколько дней. Заставить нура так напрягаться может только крайняя необходимость, а не обычное самодовольное любопытство. Уши существа непрерывно дергались, а светлые острые волоски

за черепом раскачивались, противореча выражению поддельной беззаботности.

Фвхун-дау заметил, что над беспечным существом начало возникать что-то непонятное, словно засветился воздух. Мудрецы изменяли гармонию, чтобы она резонировала с усиливающимся вмешательством, и на гладкой морде нура появилось выражение неуверенного удивления.

Охотно или нет, но теперь и нур участвовал в общем рисунке.

Он стал частью Совета Восьми.

В тесном резонирующем жилище Яйца они творили свое искусство, свою музыку.

И вскоре стало проявляться иное присутствие.

ЭВАСКС

Смотрите, Мои кольца, как хорошо развивается преследование!

Один беглый конвой уже ликвидирован, составляющие его суда присоединились к цепочке пленников. Эта растущая помеха мешает «Полкджи» развить полную скорость, но груда-тактик уверяет, что все суда, кроме самого последнего, будут захвачены до соприкосновения с бурями Измунути.

Чтобы ускорить продвижение, капитан-лидер приказал подтянуть поближе нить пойманных судов. Тогда ими смогут заняться роботы, и мы будем отбрасывать макеты один за другим.

Но вот груда у детектора сообщает данные, пришедшие с Джиджо, планеты за нами.

Новые следы цифрового сознания! Новые признаки работы двигателей!

Но капитан-лидер решает, что это лишь тщетная попытка отвлечь нас от преследования. Должно быть, земной корабль оставил за собой древние развалины, которые включаются на расстоянии через определенное время. Или оставленные на Джиджо сообщники пытаются привлечь нас на приманку. Но это не имеет значения. Как только беглые корабли окажутся на цепи, мы преградим землянам дорогу к Измунути.

Конечно, если бы из этой системы был не один выход, положение стало бы совершенно иным. Но так один большой корабль способен эффективно блокировать все отходы с Джиджо.

И возвратов больше не будет.

Все это правда. Однако Я/мы опасаюсь, что это еще не конец. Волчата могли отправить нас в напрасную погоню за кораблями-роботами, а сами

используют эту передышку, чтобы подыскать новое убежище где-нибудь в глубоких маскирующих водах Джиджо. Они могут даже оставить свой корабль, перенеся всю важную информацию на берег, где мы сможем ее отыскать, только уничтожив всю экосистему!

Конечно, груда-жрец не допустит такого вопиющего нарушения галактического закона. Но если такая решительная политика окажется необходимой, священник может быть смещен, а наблюдатель-свидетель уничтожен. И тогда мы будем безвозвратно связаны. В случае неудачи нас назовут бандитами, и мы навлечем позор на весь наш клан.

Но как можно даже думать о таком исходе?

Все предзнаменования с растущей уверенностью свидетельствуют, что в Пять Галактик уже пришло Время Перемен. Отсюда такая отчаянная активность великих кланов.

И если Институты действительно падут, некому будет расследовать преступления, совершенные на этой планете.

НЕ ДРОЖИТЕ ТАК, МОИ КОЛЬЦА. Разве Я неоднократно не заверял вас, что могучим джофурам суждено победить? И что вам/Мне суждено принести пользу?

Не следует думать о преступлении и наказании, если именно мы будем создавать новые правила.

Возможно, нам не придется возвращаться на Джиджо. Если добыча действительно перед нами, самые высокие стремления нашего союза вскоре будут в пределах достижимости щупальца.

Мы приближаемся ко второму конвою. И наши снаряды уже ушли.

ДВЕР

Могучий звездный корабль все приближался, а ему часто приходилось раздраженно ждать, пока желтые бусины с обескураживающей медлительностью не соприкоснутся. Закончив подготовку, Двер расхаживал взад и вперед, глядя во всех направлениях.

Со временем он усвоил технику перехода, и теперь каждый переход совершался быстрее. Он отталкивался от стены и перелетал разделяющее пространство.

Корабль джофуров надвигался, невероятно огромный. Когда его темная масса загородила полнеба, в его изогнутом борту открылось нечто вроде двери, оттуда вылетело несколько восьмиугольных фигур и направилось к тюрьме Двера.

Он узнал эти силуэты.

Боевые роботы.

Им потребовалось немало времени, чтобы приблизиться, и Двер понял, что до корабля еще большое расстояние. Не менее двадцати полетов стрелы. Тем не менее они появятся через несколько дуров.

Отойдя в тыл своей тюрьмы, он облегченно вздохнул. Плененные пузыри соприкасались! Желтые шары, они очень различаются по размерам, но ни один даже близко не приближается к величине боевого корабля. Большинство гораздо больше его собственного маленького шара.

Двер поискал, где его шар соприкасается с соседним. При каждом соприкосновении раздавалось низкое гудение.

Он застегнул комбинезон, который ему дали на «Стремительном»: костюм закрывал все, кроме рук, ног и головы. Дверу не приходило в голову попросить что-нибудь еще.

«Но сейчас космические перчатки и шлем мне бы очень пригодились».

Не важно. Когда сферы соприкоснулись в следующий раз, он правильно настроил сознание и прыгнул.

САРА

Когда от слишком долгого пребывания в насыщенной кислородом воде кожа сморщилась, Сара покинула контрольную рубку. Вообще ей не было смысла там находиться. Те же новости она может узнавать в своей удобной каюте, которая некогда была домом великого земного мудреца по имени Игнацио Метц.

Сара вытерлась и переоделась в простую корабельную одежду — облегающие брюки и пуловер. Такая одежда не станет затруднением даже для необразованного сунера. Но тем не менее это чудо мягкости и удобства.

Когда она попросила комнату представить ей тактическую картину, появилось трехмерное изображение, из которого стало ясно, что джофурский дредноут снова выбрал неправильный рой кораблей-макетов и заканчивает выпускать снаряды. Тем временем цепочка ранних жертв постепенно смешивалась с красным сиянием корабля, как будто тот поглощал их одного за другим.

По ее приказу экран показал цель «Стремительного» — сильно увеличенное изображение

красной звезды-гиганта. Ее протяженная нитеобразная хромосфера выходит за пределы обычной солнечной системы. Разбухшая поверхность Измунути кипела, выбрасывая языки ионизированного газа, богатые тяжелыми элементами, из которых состоит тело Сары.

Пурофски считает, что буйуры были способы изменять структуру звезды.

Но даже и без этой ужасной мысли картина была ошеломляющей. Мимо этого бушующего пламени прошли все крадущиеся корабли, принося свое незаконное семя на Джиджо вместе с многочисленными надеждами на будущие поколения. Эти ожидания распространялись от простого выживания для людей и г'кеков до попытки предков хунов удрать от своих обязанностей.

И все эти надежды рухнут, если «Стремительный» не сумеет миновать огонь Измунути.

Сара по-прежнему не имела никакого представления о том, как Джиллиан Баскин надеется спасти Джиджо. Позволит врагам схватить себя, а потом взорвет корабль, чтобы прихватить с собой и джофуров?

Храбрый план, но враг будет готов к этому и примет меры предосторожности.

Тогда что же?

Саре казалось, что она узнает, когда придет время.

Ей было жаль детей: Олвина, Гек и всех остальных. Но теперь они уже взрослые и добровольцы.

И мудрецы говорят, что это хорошее предзнаменование — то, что представители всех шести рас будут присутствовать при значительных происшествиях.

Но Сара оказалась на корабле не только поэтому.

«Пурофски сказал, что одному из нас придется рискнуть — ему или мне — и отправиться на „Стремительном“, хотя вероятность того, что корабль прорвется, очень невелика.

Один из нас должен проверить, правда ли это. То, что мы предположили относительно буйуров».

Вся работа ее жизни, все занятия математической физикой и лингвистикой как будто подтверждают заключения Пурофски.

Джиджо не случайность.

О, если углубиться в психологию, она может найти и другие мотивы своего настойчивого стремления оказаться на корабле.

Например, чтобы продолжать заботиться об Эмерсоне?

Но раненый звездный человек теперь с теми, кто его любит. Рядом с товарищами по команде, ради которых он много раз рисковал жизнью. Преодолев первоначальный стыд, Эмерсон нашел возможность стать полезным. Он больше не нуждается в Саре.

«Никто на самом деле во мне не нуждается.

Посмотри этому в лицо. Ты полетела из любопытства.

Потому что ты ребенок Мелины.

Потому что ты хочешь увидеть, что произойдет дальше».

ДВЕР

Хорошо, что он вспомнил о воздухе.

По ту сторону его не будет.

Протискиваясь через барьер, извиваясь и согнувшись петлей, Двер сумел создать туннель, ведущий из его личной сферы в следующую. Короткий ураганный порыв лишал его прежнюю камеру атмосферы, пока давление не уравновесилось. Тогда он протиснулся и позволил отверстию за собой закрыться.

Глаза Двера выпятились, пульс участился. Воздух сильно разредился, и он от давления почти на уровне моря за полдура словно перенесся на вершину высокой горы. В глазах плясали пятна. Организм долго такого не выдержит.

Была и другая причина торопиться. Покидая свою сферу с остатками воздушного шара, он заметил, как с противоположной стороны к барьеру прикоснулись какие-то тени. Джофурские роботы пришли осматривать первого пленника.

Имущество разбросано по полу новой камеры. Двер схватил свой импровизированный мешок и направился в единственное возможное убежище — на нос плененного звездного корабля.

Корабль ничем не напоминает массивный джофурский дредноут, скорее он похож на пару ложек, сваренных лицом друг к другу, причем выпуклость расположена впереди. К счастью, оболочка охватывает весь корабль, от кормы до носа. Под золотистой поверхностью виден ряд тусклых иллюминаторов.

И здесь есть дверь!

Двер собрался с силами, пригнулся и прыгнул к манящему люку. Проплыл разделяющее расстояние и сумел ухватиться за выступающую скобку левой рукой.

«Если тут нужен какой-то тайный код, я пропал».

К счастью, дельфины на каждом корабле установили стандартную процедуру входа и выхода. Он сопровождал их в нескольких экспедициях и помогал. Двер с радостью увидел, что установленный дельфинами входной механизм на месте. Он такой простой, что даже джиджоанский охотник его поймет.

Чтобы открыть, повернуть выступ.

Дверу везло. Выступ поворачивается.

«Если внутри есть воздух, ветер ударит мне в лицо. Если воздуха нет, меня втянет и я умру».

Пришлось упереться ногами в корпус и потянуть изо всех сил, чтобы сдвинуть люк. Поле зрения сузилось, и Двер понял, что через несколько мгновений потеряет сознание.

Неожиданно ему в лицо ударил ветер. Это воздух с силой вырвался из корабля.

Затхлый воздух. Вонючий, затхлый, влажный, удивительный воздух.

ДЖИЛЛИАН

Плохие новости не были неожиданными, однако она все же надеялась на лучшее.

Закончив нанизывать на нить очередной рой пленных судов, корабль джофуров ускорился, догоняя следующую группу.

И скоро стала ясна истина.

Удача наконец изменила «Стремительному».

Что ж, на этот раз они сделали правильный выбор, подумала она. Рано или поздно это должно было случиться.

«Стремительный» в поле зрения противника, и ему предстоит преодолеть еще немало миктааров гиперпространства, чтобы достичь безопасности.

МУДРЕЦЫ

«На Джиджо есть и другие, — подумал Фвхун-дау, зная, что и восьми недостаточно. — Со временем нужно будет пригласить новых колонистов — дельфинов.

Я читал в земных книгах о китообразных и о великой Мечте Китов. Какую музыку мы могли бы создать, если бы эти странные существа добавили свои голоса к нашему хору?

А после них — кто знает? Лорники, шимпы и зукиры? Кикви, которых издалека привезли дельфины? Какая смесь голосов! Может быть,

цивилизация все же достойна своего имени.

Все это впереди — сверкающие возможности, превосходящие всякое сравнение или предположение. А пока совет состоит из тех, кто заслужил место своим выживанием на Джиджо, создавая этот мир. Выращивая детей, все атомы организма которых исходят из обновленной коры материпланеты. И эти черты определяют музыкальную гармонию восьми.

С каждым вдохом мы вдыхаем Джиджо».

Так «ворчал» Фвхун-дау, издавая низкие вибрирующие звуки своим горловым мешком.

«Мы пьем ее воду. После смерти наши любимые опускаются в ее пропасть. И там мы присоединяемся к ритмам планеты».

Присутствие, присоединившееся к ним, было одновременно знакомым и ужасающим. Совет чувствовал его биение в каждой ноте флейты или мирлитона. Оно пронизывало треск погремушки глейвера и сухие эмпатические глифы титлала.

Поколениями Яйцо прикасалось к их мечтаниям. Его мягкая музыка была платой за каждое паломничество, помогая сплачивать единство Общины.

«Но на протяжении всех этих лет мудрецы знали. Оно спит. И мы не знаем, что произойдет,

когда оно проснется».

Просыпается ли Яйцо из-за того, что совет наконец обрел недостающие части? Или жестокие джофуры прервали его сон?

Фвхун-дау нравится думать, что к этому приложил руку его старый друг Вуббен.

А может, просто пришло время.

Отголоски постоянно усиливаются. Фвхун-дау ощущает их ногами. Они возникают под поверхностью и нарастают, достигая крещендо. Высвобождение накопленной энергии. И цели.

Какая энергия! Что произойдет, когда она освободится полностью? Его мешок пульсирует в ворчании, болезненней и сильней, чем когда-либо раньше.

Фвхун-дау представляет себе, как с титанической силой взрывается горная кальдера, выплескивая потоки лавы на измученные склоны Праздничной Поляны.

Однако, как выяснилось, высвобождение пришло лишь с легкой дрожью земли.

Но мудрецы содрогнулись, когда высвобожденная энергия устремилась вперед быстрее мысли.

СКЛОН

К Нело, стоящему на развалинах бумажной мельницы, утомленному и расстроенному долгим возвращением домой, оно пришло длинной последовательностью запахов.

Сладким запахом размельченной в пульпу ткани, исходящей паром на экранах для сушки.

Горячим запахом кожи его покойной жены, когда она после долгого дня заботы об их необычных детях обращала свое внимание и на него.

Запахом волос Сары, когда той было три года, — к этому запаху привязываешься, как к наркотику.

Нело тяжело опустился на остаток стены. За долю кидура он ощутил множество различных чувств. Что-то в нем лопнуло, и он заплакал.

— Дети мои, — плакал Нело. — Где вы теперь?

Что— то говорило ему, что их нет больше на планете.

К Фаллону, привязанному и лежащему в ожидании смерти в подземном логове хищного роула, ощущение пришло в виде множества образов.

Загадочные остролистые деревья на равнине Восхода, так далеко на восток, как не пробирался

никто другой.

Ледяные потоки северо-запада, огромные плывущие горы, со снежными башнями, высеченными ветром.

Мерцающие насмешливые галлюцинации Спектрального Потока и оазис Кси, куда ласковые иллии пригласили его провести дни своей старости, разделить с ними их тайны и благородных лошадей. Фаллон не плакал. Он знал, что Дединджер и его друзья за порогом этой пещеры в дюне слушают. И когда хищник вернется в логово, никакого удовлетворения от бывшего главного следопыта Общины они не получат.

Тем не менее поток воспоминаний подействовал на него. Фаллон уронил одну-единственную благодарную слезу.

«Жизнь имеет смысл только в твоих собственных глазах». Фаллон осмотрел свою жизнь и назвал ее хорошей.

Для Уриэль, занятой очередным срочным проектом, набежавшая волна была только нежелательной помехой. Напрасной тратой времени. Особенно когда все помощники отложили инструменты и уставились в пространство, испуская низкие почтительные стоны, или вздохи, или ржание.

Уриэль знала, что это такое. Благословение, на которое у нее был простой ответ.

Ну и что?

У нее слишком много дел, чтобы безрассудно тратить дуры на то, что не подвластно ее контролю.

Она сухо заметила на галдва:

Я рада, что ты наконец решилось.

Хвала тебе, о долгоживущее Яйцо. Ты наконец решилось действовать.

Но прости меня, если я не буду восхищаться слишком долго.

Ибо у многих из нас жизнь так коротка.

К Эвасксу — мгновение спустя и на расстоянии в пол световых года — оно пришло как короткая болезненная дрожь воска. Древнего воска, накопленного за многие джадуры прежней грудой — старым мудрецом треки.

Из общего сердечника груды невольно вырвался пар, миновал мастер-кольцо и плотным облачком выделился из верхнего отверстия.

Хвала судьбе.

Другие кольца отпрянули от Эваскса под действием уникальных запахов, порожденных джиджоанской почвой.

А старшая груда-священник автоматически

среагировала на этот запах, поклонившись и добавив:

Аминь.

ЛАРК

— Ларк, дай руку!

Он дрожал, пытаясь справиться с припадком, который начался так внезапно, заставив ухватиться за амулет, висящий на шее. Ларк крепко сжимал камень, даже когда тот начал жечь руку.

Прижавшись за странными обелисками, их единственной защитой в просторной контрольной рубке джофуров, Ларк не посмел закричать от боли. Он старался не биться, а Линг обеими руками пыталась разжать его кулак. Наконец камень высвободился, упал на пол, оставив запах сожженной плоти. И даже сейчас температура продолжала повышаться. Они пятились, а камень все больше разгорался. Он начал светиться, так что на него трудно стало смотреть.

— Нет! — хрипло прошептал Ларк, когда Линг, пригнувшись, потянулась к ремешку. К его удивлению, ремешок по-прежнему держался. Линг схватила его, дважды взмахнула над головой и словно выпустила из пращи осколок солнца.

Талисман Ларка по дуге пролетел над заполненным помещением к центру.

Последовал отчаянный свист, сопровождаемый волной запахов, таких подавляющих, что Ларка едва не вырвало.

— Какого дьявола ты… — начал он, но Линг потянула его за руку.

— Нам нужно отвлечение. Идем, это наш единственный шанс.

Линг мигнул, пораженный силой привычки. Он действительно рассердился на нее за то, что она бросила его амулет.

Ему даже пришлось подавить стремление броситься за этим проклятым камнем!

«Оставь его, и скатертью дорога», — подумал он и кивнул Линг.

— Хорошо, пошли.

ДВЕР

Внутри корабля-макета он упал на пол. Его вырвало, и он лишился того немногого, что еще оставалось в желудке.

Но посреди этого неприятного опыта другой, совершенно особый тип безориентации обрушился на Двера. На мгновение ему показалось, что в голову забрался Один-В-Своем-Роде и снова пыта-

ется заговорить. Странное головокружительное ощущение могло бы даже показаться приятным, если бы тело не сотрясалось от позывов к рвоте.

«Джофуры быстро покончат с моим маленьким урским шаром. И перейдут к следующему пузырю».

При нормальном тяготении, наверное, было бы невозможно подняться вдоль всей длины корабля и добраться до его кормы. Но Двер старался воспользоваться условиями, в которых оказывался, и вскоре научился летать.

ЛАРК

Они бежали по задымленному коридору, преследуемые гневными криками и редкими вспышками молний, когда взрывы сотрясали плиты пола. Волна воздуха ударила людей сзади, сбив их с ног.

«Мы это сделали», — подумал Ларк, решив, что враги применили какое-то оружие.

Однако, оглянувшись через плечо, он заметил, что роботы неожиданно повернули и направились в другую сторону! В шумную бурю клубящейся черной сажи, вылетавшей из контрольной рубки.

— Ты думаешь?... — начал он.

Линг покачала головой.

— Джофуры выносливы. Сомневаюсь, чтобы взрыв мог им что-нибудь сделать. Только на время вывел из строя.

«Что ж, — подумал он. — Ведь это был всего лишь кусочек камня».

Ларк остро ощущал его отсутствие.

Он помог Линг встать, по-прежнему опасаясь роботов, которые могут вернуться.

— Наверно, теперь они знают о нас.

Они снова побежали. Несколько дуров спустя Линг со смехом согласилась:

— Да, наверно, знают.

ДЖИЛЛИАН

Было зафиксировано пси-излучение, на мгновение охватившее всю планету. Вскоре после этого офицер у детектора сообщил об изменении картины на тактическом экране.

— Взгляните на это!

Джиллиан увидела. Положение корабля джофуров изменилось. Яркий красный диск на мгновение замерцал. «Хвост» из крошечных алых точек, который подтягивался все ближе к

кораблю, теперь расслабился и начал постепенно отходить.

«Похоже, враг выбросил все захваченные макеты. Могу лишь предположить, что они научились быстро оценивать добычу. Теперь корабли-макеты независимо двинутся к Измунути, а боевой корабль, освободившись от них, быстрее догонит нас».

Надежды Джиллиан, ожившие с приходом пси-волны, снова развеялись.

— Нам нужно приготовиться к последней схватке, — негромко сказала она.

Дельфины молчали. Ни одного сонарного щелчка. Они словно не хотели овеществлять этот момент, делать его реальным, издавая звуки.

— Минутку! — сказал Каа. — Джофур сбрасывает скорость! Возвращается, чтобы забрать выброшенную нить!

— Но… — Джиллиан замигала. — Неужели они упустили ее случайно?

Голограмма Нисса начала вращаться, потом абстрактным кивком согласилась с такой возможностью.

— Возможна гипотеза. Пси-волна, которую мы зафиксировали, была слишком слаба, чтобы подействовать на боевой крейсер, если только не

имела специального назначения.

— Объясни.

— Она могла послужить детонатором и — случайно или намеренно — ускорить высвобождение возможностей, которые уже существовали, допустим, на борту корабля джофуров.

— Иными словами, волна все-таки подействовала на них. Может, вызвала события, которые помешали…

— Именно. Если это заставило джофуров временно потерять контроль над цепочкой захваченных кораблей, они, конечно, вернутся, чтобы снова захватить их, хотя это и задержит их. Потому что заподозрят, что именно освобождение кораблей и было целью этой пси-волны.

— Иными словами, она станут еще тщательней проверять каждый ящик захвата. Гм-м-м.

Джиллиан кивнула, затем спросила:

— Много у них на это уйдет времени?

Каа забил плавниками.

— Довольно много. Однако недостаточно. Мы доберемся до короны Измунути, но враг будет так близко, что без труда сможет преследовать нас с помощью детекторов. Плазма для него не послужит помехой.

Джиллиан кивнула.

— Что ж, положение слегка улучшается. А одна-две хитрости еще улучшат его.

Дельфины понимающе зафыркали и снова принялись за работу, издавая уверенные щелчки. Именно так сказал бы Том в подобной ситуации.

Но на самом деле Джиллиан не знала, какой план был бы достоин его имени.

САРА

Говорили, что с Джиджо пришла пси-волна, но Сара ничего не ощутила.

Неудивительно. Из троих детей Мелины Двер всегда казался самым чувствительным, в то время как она, самая логичная из всех, никакой чувствительностью не обладала. И до недавнего времени совсем не интересовалась подобными проблемами.

А теперь подумала: «Может, это и есть то, что нам нужно искать, как сказал Пурофски?»

Сидя в своей каюте за рабочим столом, она обратилась к портативному компьютеру:

— Относительно этой пси-волны — есть ли у нас оценка ее гиперскорости?

— Только очень приблизительная. Она распространялась примерно со скоростью два миктаара

за мидур.

Сара попыталась сделать мысленный расчет, переводя в термины, которые знает лучше, например, световой год. Потом сообразила, что машина может все это представить графически.

— Покажи мне.

Появилась голограмма, на которой ее родная планета была представлена голубой точкой в нижнем левом квадранте. «Стремительный» — желтая вспышка вверху справа, его сопровождают другие точки, представляющие корабли-макеты второго роя. Алый конвой — корабль джофуров и плененные им корабли — тем временем возобновил преследование.

Компьютер наложил на эту картину сетку из пересекающихся линий. Сара знала, что это волновые векторы в гиперпространстве нулевого уровня. Математика достаточно простая. Но Саре потребовалось некоторое время, чтобы освоиться с трехмерным изображением. Потом она присвистнула.

— Это не обратный квадрат. Это даже не один сверх R. Волна была направленной.

— Сжатый направленный волновой пакет, резонирующий на первой, третьей и восьмой волнах.

Компьютер погрузился в пси-жаргон, который Сара не понимала. Но ей было достаточно увидеть, что пакет был направленным. И пик его проходил точно через «Стремительный» и его преследователя.

Это не могло быть совпадением. Это значит, что великая сила Джиджо точно знает, где находятся оба корабля, и…

Сара сдержала себя.

«Не хватайся за первую догадку, пришедшую в голову. Что, если мы совсем не были целью луча?

Просто оказались на пути между Джиджо и…»

Она вскочила на ноги.

— Покажи Измунути и пункт перехода!

Масштаб изображения изменился, уменьшился, так что теперь «Стремительный» находился на полпути к предполагаемой безопасности яростного красного гиганта.

А за ним складка пространства. Искажение ткани реальности. Место, куда направляешься, если хочешь неожиданно оказаться очень далеко.

И хотя нужны возможности компьютера, чтобы ясно показать его, пункт перехода не невидимка. Измунути выпячивается в его направлении, посылая охряные выбросы к этой дыре в про-

странстве.

— Когда пси-волна достигнет Измунути?

— Она уже достигла ее.

Сара с трудом глотнула.

— Тогда покажи мне предполагаемую… — Она порылась в памяти, ища слова, которые встречала в текстах, но сама редко использовала. — Покажи вероятные гиперотклонения, когда пси-волна достигла красного гиганта. Увеличь метастабильные области обращенных запасов энергии с потенциалом для стимулированной эмиссии на тех волнах, которые ты упомянул.

На лице Сары появились отблески многочисленных разноцветных линий и дуг.

Она широко распахнула глаза, на мгновение вокруг зрачков показались белки. Сара беззвучно произнесла одно слово.

Затем схватила ближайшую стопку бумаги — это оказалась лучшая бумага производства ее отца — и записала две колонки координат.

Джиллиан Баскин ответила на ее срочный звонок, хотя казалась занятой и слегка раздраженной.

— Сара Кулхан, у меня на самом деле нет времени.

— Есть, — убежденно ответила Сара. — Через

сорок дуров ждите меня в вашем кабинете. Вам обязательно нужно это услышать!

РЕТИ

Молодая женщина сидела в закрытой комнате. Она была совершенно одна, пока кто-то не постучал.

На самом деле она не была одна, с ней был йии.

Больше того, постучали не в дверь, а в окно у нее под ногами. Тем не менее это очень удивило ее. Рети подпрыгнула и постаралась отодвинуться от звука, который с каждым ударом становился все громче.

…он идет отсюда! — крикнул йии, указывая своей длинной шеей.

Рети сразу увидела, что он имеет в виду. Под окном скорчился какой-то силуэт, освещенный сзади золотистой дымкой, окружающей бесполезный корабль. Фигура с искаженными пропорциями держит какой-то тупой предмет и бьет им.

На этот раз в месте удара по стеклу пошли тонкие трещинки.

…враг прорывается!

Рети представила себе космических чудовищ, но не испугалась. Она не собирается отдавать свои владения захватчику — джофуру, роботу или кому угодно.

Еще один удар пришелся в то же место. Ясно, что нужно еще несколько ударов, чтобы причинить окну серьезные повреждения. Подбодренная тем, что увидела противника, Рети направилась к неясной фигуре. Прижалась к стеклу и выглянула наружу.

Вначале все расплывалось. Потом существо как будто заметило ее присутствие и тоже прислонилось к окну. Рети разглядела что-то вроде развевающегося купола из свернутой ткани. Она поняла, что это импровизированный шлем.

А внутри этого защитного пузыря…

— Аи! — крикнула она, отшатываясь, как от привидения.

А когда снова посмотрела, фигура снаружи начала делать отчаянные жесты, указывая в сторону корабля.

— А, да, — сказала она. — Я ведь заперла люк.

Рети энергично кивнула — так, чтобы гость смог увидеть, и вдоль наклонных стен заскользила к зажатой двери. Сняла брус, которым закрыла дверь изнутри, чтобы не дать Чучки вернуться.

Люк открывался медленно, давая Рети подумать, не обманули ли ее глаза. Может, это просто уловка какого-то существа, умеющего читать мысли и посылающего ей образы из ее прошлого.

Наконец открылась и внутренняя дверь, и ввалился Двер Кулхан, срывая импровизированную оболочку, которую он использовал как грубую жизнеобеспечивающую систему. К тому времени как Рети помогла ему перерезать приклеенные части, сорванные со многих кораблей вдоль цепочки, лицо его посинело. Молодой охотник тяжело дышал, а Рети отступила от него и смотрела. Наконец он настолько пришел в себя, что поднял голову и встретился с ее недоуменным взглядом.

— Мне следовало бы догадаться, что это ты, — покорным тоном произнес Двер.

А Рети в то же время сказала:

— Ифни! Неужели я никогда от тебя не избавлюсь?

ЭВАСКС

Нужно взвесить все возможные варианты и сделки.

На Измунути разворачивалась атмосферная

буря, а наша груда-тактик тем временем заявила, что потеряно ценное время.

Три цели-роя уходят впереди от нашего могучего «Полкджи».

Первый войдет в бурю, когда мы его настигнем.

Второй мы догоним в момент максимального гиперболического изменения инерции.

А третий?

Третий достигнет пункта перехода, и у него будет достаточно времени, чтобы перейти на иной, более высокий уровень гиперпространства.

Таким образом, саботаж в контрольной рубке создал серьезные проблемы для нашего капитана-лидера, который скоро должен вернуть себе свои способности. А тем временем тактик предлагает план.

МЫ ДОЛЖНЫ ВЫБРОСИТЬ ЯЩИКИ ЗАХВАТА, КОТОРЫЕ СДЕРЖИВАЮТ НАС.

Теперь они на курсе к Измунути. Если наша добыча находится внутри одной из мерцающих оболочек, она скоро должна будет проявить себя или рисковать уничтожением.

ОСВОБОДИВШИСЬ,
НАШ «ПОЛКДЖИ» НАПРАВИТСЯ ПРЯМО К ПУНКТУ ПЕРЕХОДА!

Таким образом мы сумеем расположиться между нашей добычей и путем ее спасения. Конечно, такое стремительное маневрирование приведет к некоторому мертвому ходу, но оно же положит конец всем надеждам землян, в каком бы рое они ни находились. А их последующая деятельность позволит нам установить, какой корабль управляется разумными существами, а не простой автоматической программой.

Охотничьи запахи заполняют наш мостик. Все стремятся к скорейшему завершению преследования. Для «Полкджи» будет чрезвычайно почетно победить землян, не обращаясь за помощью к великому клану. Добиться успеха там, где потерпели неудачу целые флоты. Как это будет великолепно!

А теперь за порученное нам дело, Мои кольца!

На нашем дредноуте есть вредители. И наш поврежденный/покрытый сажей мостик опозорен в присутствии библиотекаря/наблюдателя.

Вредители должны быть найдены. Я/мы признан наиболее квалифицированным для такой охоты, потому что Я/мы обладаю опытом общения с людьми.

Итак, каков наш первый шаг, Мои кольца?

Обратиться к пленному человеку!

К тому, который называет себя Ранном.

Он поможет найти своих прежних товарищей. Он уже проявил свою склонность к этому.

Возрадуйтесь, Мои кольца!

Таким образом мы докажем свою полезность и избежим расчленения. Если достигнем успеха, мастер-кольцо получит награду и повышение.

Дрожите в радостном предчувствии, Мои кольца! «Полкджи» направляется к очередной победе в космосе, а мы начинаем охоту внутри него.

ЭМЕРСОН

Двигатели говорят с ним на языке, который он по-прежнему понимает.

Когда он работает с калибраторами, может показаться, что он стал прежним. Хозяином машин. Прирожденным механиком. Человеком, который заставляет летать звездные корабли.

А потом что-нибудь напомнит ему. Письменный отчет на экране или голос робота, перечисляющего параметры. Прити не может служить ему переводчиком: язык жестов не способен передать тонкости гиперволновых трансформаций.

Товарищи уважают старания Эмерсона. Они радуются его желанию помочь и удивлены тем,

что это у него получается.

Но он теперь понимает, что они потакают ему.

Положение никогда не будет прежним.

Долгая вахта кончилась. Суэсси приказывает ему отдохнуть. Поэтому он вместе с Прити отправляется в трюм и навещает глейверов, чувствуя свое сходство с этими простыми существами, почти так же лишенными речи, как и он сам.

Олвин и Гек обмениваются издевками и остротами на англике, его родном языке, но он способен следить только за общим тоном их дружеского общения. Они внимательны к нему, но и здесь он не находит утешения.

Он ищет Сару и обнаруживает ее наконец в помещении для совещаний, окруженную штатом Джиллиан. В центре комнаты висит изображение гигантской яростной красной звезды, через ее пламенеющую оболочку проложены многочисленные орбиты. Некоторые проходят совсем близко, обещая с помощью эффекта пращи направить «Стремительный» к пункту перехода — изогнутому туннелю в пространстве. Тактика выглядит нелегким испытанием даже для такого пилота, как Каа. Но этот подход наиболее очевиден.

Нет никакого сомнения, что враг ожидает

именно такого маневра.

Другие орбиты не имеют смысла; огибая красный гигант, они уводят от дыры в пространстве. Уводят от единственного способа уйти из этой опасной части запретной галактики.

Позволить врагу первым достичь пункта перехода — такое решение кажется самоубийством.

С другой стороны, скорость, с которой приближается корабль джофуров, не оставляет «Стремительному» выбора. Может быть, Джиллиан и Сара собираются направиться в глубокий космос и скрыться среди обожженных скал, которые когда-то были планетами — до того как Измунути разбух и пожрал своих детей.

Эмерсон наблюдает за Сарой, поглощенной работой. Как будто никто не замечает такой самонадеянности и несоответствия — дикарка, родившаяся на Джиджо, дает указания ученым, летающим меж звездами. В такие времена идея значит больше опыта.

Наконец это несоответствие заставляет его улыбнуться и отчасти возвращает хорошее настроение. Он начинает испытывать оптимизм.

«В конце концов, разве и раньше не приходилось бывать в положении, когда все шансы против тебя?»

* * *

За мостиком есть обсервационный купол. Подняться туда можно только по витой лестнице, ступени которой расположены слишком близко друг к другу. Маленькое помещение осталось от тех, кто некогда владел «Стремительным» — до того, как его купили земляне и переделали с учетом потребностей дельфинов. Чтобы добраться до этого уютного местечка, требуется большая ловкость. Это тайное убежище Эмерсона.

В одном конце толстое кварцевое невероятно прочное выпуклое стекло позволяет посмотреть наружу. Здесь звездный свод обнажен, его ничто не затмевает, и он окружает Эмерсона вечной ночью. Нос корабля закрывает Измунути, но обширные местные галактические спирали сверкают, как бриллиантовые. Шаровые скопления похожи на диатом, фосфоресцирующих в освещенном луной море. Придя в себя на Джиджо, Эмерсон не думал, что сможет снова увидеть это зрелище. Увидеть вселенную.

Она вливается в него своим избытком красоты. Ее слишком много. И это причиняет боль.

Конечно, Эмерсон целый год провел в знакомстве с самыми разными видами боли, пока она не

стала чем-то вроде друга. Его союзником, помогающим высвобождать воспоминания. И когда он смотрит на звездный огонь, это происходит снова.

Он вспоминает вонь — сразу после крушения на Джиджо, когда горящую одежду погасила мутная болотная вода. Он смутно помнит, что только что участвовал в бою. Он предпринял отвлекающий маневр — принес себя в жертву, чтобы помочь спастись друзьям.

Но это неправда.

Это прикрытие истинной истории.

На самом деле Древние извлекли его из старого теннанинского истребителя. Они щупали его, исследовали. Много дней и недель они рылись в его мозгу, а потом посадили в маленькую капсулу. В трубу, которая стиснула.

Эмерсон стонет, вспоминая, как полет кончился падением на Джиджо, в ужасное болото, где его нашла Сара.

Он представляет себе Древних. Вернее, части их. Холодные глаза. Жесткие голоса, требующие забыть. Забыть и в то же время осуждающие на жизнь.

Я знаю, что вы солгали.

Приказ пытается подавить его волю. Боль ста-

новится такой сильной, какой он никогда не испытывал.

Боль примитивная, как окружающий его черный вакуум.

Как льющиеся космические лучи.

Как мириады квантовых слоев, подхватывающие каждый кварк и каждый лептон в его потрясенном организме.

Из-за этого он не может сфокусировать зрение, смотрит сквозь боль, которая превращает бесчисленные звезды в колющие иглы.

Но вот одна из этих точек обретает форму. Она извивается, бьется, движется зигзагами.

Плывет, соображает он. Приближается к нему, словно против течения, преодолевая мощный прилив. Фигура всплывает из памяти, но вместо того чтобы принести новое горе, это воспоминание словно рассеивает боль. Оно отталкивается сильными плавниками, и успокаивающий поток покрывает Эмерсона.

В фокусе оказывается лицо дельфина.

Капитан.

Крайдайки.

Это изуродованное лицо, под левым глазом у него глубокая рана. Слишком похожая на рану Эмерсона, чтобы быть совпадением.

Объяснение приходит к нему в звуках.

Мошенникам и лжецам

Не хватает воображения, Они жестоко воруют идеи!

Эмерсон сразу понимает смысл хайку на тринари. Древние каким-то образом прочли в его мозгу о ране Крайдайки. Казалось, это соответствует их целям, поэтому они нанесли пленному человеку такую же рану. Как можно лучше всего отпустить его и при этом быть уверенным, что он ничего не расскажет?

Но это все же оставляет открытым вопрос — зачем? Зачем они вообще его освободили, хотя это означает сумеречное существование?

Какие у них были мотивы?

Все в свое время.

Фраза вызывает у него улыбку, потому что он воспринимает ее так, как никогда не воспринимал раньше.

Простое, чистое значение.

…свое время.

Эмерсон, освободившись от боли, смотрит на галактику. Теперь он понимает, что боль тоже была иллюзией. Продуктом преувеличенного сознания собственного значения, которое враги использовали против него.

На самом деле океан ночи слишком велик и слишком занят, чтобы интересоваться его болью. Развивающаяся вселенная не может заниматься проблемами одного-единственного индивида, члена одного из низших порядков разумной жизни.

Зачем ей это?

И вообще привилегия ли это — существовать? В конечном счете он всем обязан космосу, а космос не обязан ему ничем.

Эмерсон умудряется воспользоваться последней возможностью связи со своим капитаном и другом. Ему все равно, призрак ли этот улыбающийся дельфин, мираж или какое-то чудесное подлинное изображение. Он знает только, что урок Крайдайки правдив.

Нет никакого препятствия, никакой раны или жестокого удара судьбы, которые нельзя было бы превратить в песню.

На мгновение Эмерсон ощущает музыку в каждом луче звездного света.

Когда зимний тайфун
Бросает в тебя
Песчинки,
Острые и сверкающие,

И мироздание,
Объединившись,
Бросает тебя
Во Время перемен,
В тот момент,
Когда перехватывает дыхание
И вытекает
Парящая кровь твоей жизни,
Осмотри этот яркий риф,
Мой дорогой друг,
Поищи дар,
Который можно передать другому,
Чтобы как-то заранее
Заплатить
За все данные тебе
Блага.
Ибо в свое время
Ты увидишь далеко впереди
На Береге Бесконечности
Новую перспективу.

ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС

Г'кеки — первая раса сунеров, прибывшая на Джиджо около двух тысяч лет назад. Возвышенные расой друли, г'кеки обладают биомагнетически приводимыми в движение колесами и глазными стебельками вместо голов. Большую часть своего периода разумности они жили не на планетах. Г'кеки исчезли во всех Пяти Галактиках и сохранились только на Джиджо.

Глейверы — третья раса сунеров на Джиджо. Возвышенные таннуктайурами, которые, в свою очередь, были возвышены буйурами, глейверы способны передвигаться на двух конечностях, у них опалесцирующая кожа и большие выпуклые глаза. Примерно в метр ростом, они обладают раздвоенным хватательным хвостом, который помогает их не очень эффективным рукам. Со времени незаконного поселения на Джиджо они регрессировали до состояния предразумности. Для некоторых глейверы — это блестящий образец для подражания, показывающий всем путь к Тропе Избавления.

Джофуры — организмы, напоминающие за-

остренную коническую груду пончиков; подобно своим родичам треки, джофуры состоят из сменяемых губчатых «сочных колец», обладающих ограниченным разумом. Объединившись, эти кольца создают разумное общинное существо. Специализированные кольца служат груде органами чувств, манипулирующими органами и иногда обладают поразительными химосинтезирующими способностями. В виде треки эта уникальная раса была возвышена поа. Позже фанатичные оайлие снабдили их «мастеркольцами», которые трансформировали треки в джофуров, своенравных и предельно честолюбивых.

Квуэны — четвертая раса сунеров на Джиджо. Возвышенные зошами, квуэны обладают радиально симметричным экзоскелетом с пятью ногами, вооруженными когтями. Их мозг частично располагается в убираемом центральном куполе. Мятежное племя квуэнов поселилось на Джиджо, чтобы сохранить древнюю кастовую систему, в которой серая разновидность поставляла королев-матриархов, а красная и синяя разновидности были слугами и ремесленниками. Условия на Джиджо, включая более позднее появление людей, привели к крушению этой системы.

Люди — самая молодая раса сунеров, прибывшая на Джиджо менее трехсот лет назад. «Волчата» люди эволюционировали на Земле, где, возможно, самостоятельно достигли стадии технологической цивилизации и примитивных космических полетов. Их величайшее достижение — возвышение неошимпанзе и неодельфинов.

Ротены — загадочная галактическая раса. Одна группа людей (даккины, или даники) верит, что ротены и есть утраченные патроны землян. Ротены — двуногие существа, крупнее людей, но с такими же пропорциями. Их считают плотоядными.

Тимбрими — гуманоидная раса, союзник земного клана. Известны своим умом и дьявольским чувством юмора.

Титлалы — раса, считавшаяся не поддающейся возвышению. Возвышены тимбрими.

Треки — вторая по времени раса незаконных поселенцев на Джиджо. Треки — это предшественники джофуров, сбежавшие от навязываемых им мастер-колец.

Уры — шестая раса сунеров на Джиджо. Пло-

тоядные кентавроподобные обитатели травянистых равнин; у них длинные гибкие шеи, узкие головы и лишенные плеч руки, которые заканчиваются проворными пальцами. Уры начинают жизнь в виде крошечных шестиногих личинок, которых матери выбрасывают из сумок и предоставляют самим заботиться о себе. Всякая личинка, дожившая до «детства», может быть принята в урское племя. Самки уров достигают размеров крупного оленя и обладают двумя сумками, в которых держат миниатюрных мужей, размером меньше домашней кошки. Самка, у которой должны родиться личинки, выбрасывает одного или обоих мужей, чтобы освободить место для потомства. Уры испытывают отвращение к воде в ее чистой форме.

Хуны — пятая волна поселенцев на Джиджо, двуногие всеядные со светлой чешуйчатой кожей и ногами, поросшими белой шерстью. Их позвоночники — это массивные полые сооружения, представляющие собой часть циркуляционной системы. Горловой мешок хунов, первоначально использовавшийся в брачных столкновениях, теперь применяется для «ворчания». Будучи возвышенными гушатса, хуны стали повсеместно известны как скучные и педантичные чиновни-

ки галактической культуры.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Англик — человеческий язык, созданный в двадцать первом веке с использованием многих английских слов, но под воздействием других доконтактных языков и модифицированный в соответствии с новейшим пониманием лингвистической теории.

Библос — крепость, в которой содержится архив, или собрание книг; нечто вроде объединения университета с центральной библиотекой; Библос оказал огромное влияние на джиджоанскую культуру.

Бибур — река, на которой стоит Библос; в городе Тарек сливается с Рони.

Буйуры — прежние законные обитатели Джиджо, внешне похожие на лягушек и известные своим умом, предвидением и мастерством в создании генетически преобразованных специализированных животных-инструментов. Улетели с Джиджо, объявленной невозделанной, почти полмиллиона лет назад.

Великая Печать — внезапное введение бу-

мажных книг, предпринятое людьми вскоре после прибытия на Джиджо.

Великий Мир — период усиливающегося взаимопонимания Шести Рас, приписываемый либо влиянию Библоса, либо появлению Святого Яйца и симбионтов реуков.

Взрывник — специалист по разрушению, который минирует поселки Шести Рас для быстрого их уничтожения в Судный День. Штаб-квартира гильдии взрывников расположена в городе Тареке.

Влен — редкая форма воспроизводства треки, при которой от взрослого отпочковывается маленькое кольцо.

Возвышение — процесс превращения предразумных животных в разумную расу, способную присоединиться к галактическому сообществу. Совершается расой патронов.

Волчата — уничижительный галактический термин, обозначающий расу, которая как будто возвысила себя сама до стадии космических полетов, без помощи патронов.

Галакт, галактический — личность, раса,

концепция или технология, возникшие в древней цивилизации Пяти Галактик.

Галактическая Библиотека — фантастически большое собрание знаний, накопленных в течение сотен миллионов лет. На большинстве галактических звездных кораблей и в галактических поселениях имеются квазиразумные «отраслевые Библиотеки».

Галактические Институты — большие влиятельные учреждения, предположительно нейтральные и не вмешивающиеся в межклановую политику. Институты поддерживают различные аспекты галактической цивилизации. Некоторым институтам свыше миллиарда лет.

Гентт — река к северу от горы Блейз.

Годы изгнания — эпоха, начавшаяся с прибытием на Джиджо первой расы сунеров.

Грок — слово на англике с неясным происхождением, обозначающее понимание явления или концепции во всей глубине. Синонимично шотландскому ken.

Гуэнн — вулкан, на котором расположена куз-

ница Уриэль.

Даники (даккины) — упрощенное произношение термина «даникениты»; направление общественной мысли и культуры, возникшее вскоре после установления первого контакта с галактической цивилизацией. Даники верят, что земляне были возвышены расой патронов, которые по неизвестным причинам предпочли оставаться неизвестными. Часть даников считает, что этой расой мудрых и загадочных патронов являются ротены.

Джадур — приблизительно сорок три часа.

Джиджо — планета в Четвертой Галактике. Дом семи рас сунеров: людей, хунов, квуэнов, уров, г'кеков, регрессировавших глейверов и «демодифицированных» джофуров, известных как треки.

Джофекка — планета — родина джофуров.

Доло — деревня на реке Рони, известная своей фабрикой по изготовлению бумаги.

Дуден — старейший и самый крупный поселок г'кеков.

Дур — примерно треть минуты.

«Ереси» — различные представления о судьбе Джиджо, разделяемые группами, которые не согласны с высокими мудрецами. Одни считают, что галактический закон справедлив и что Джиджо было бы лучше без «заражения» расами сунеров. Другие придерживаются более ортодоксального толкования Священных Свитков и полагают, что каждая раса должна искать спасения на Тропе Избавления. Одна из наиболее редких ересей называется «прогрессом».

Занги — водороднодышащая раса, ее представители внешне напоминают огромного моллюска. Живут в атмосфере газовых гигантов. Институт Миграции отвел весь район Джиджо этим водороднодышащим; разумные существа, которые дышат кислородом, не должны появляться здесь в течение долгого периода, пока эта зона считается невозделанной. Патрульные шары зангов, которых все боятся, изредка посещают Джиджо.

Земной клан — маленькое эксцентричное галактическое «семейство» разумных рас, включающее неошимпанзе, неодельфинов и их патронов-людей.

Зош — патроны квуэнов.

Зукиры — служебные животные, выращенные г'кеками, способные запоминать и повторять сообщения, но не такие умные, как неошимпанзе.

Измунути — гигантская красная звезда, опасно близкая к солнцу Джиджо; посылаемый ею углеродный ветер маскирует Джиджо от наблюдения со стороны Института Миграции.

Илия — матриархальное племя женщин-всадниц, живущее тайно на Спектральном Потоке.

Ифни — вероятно, вульгаризация английского infinity — бесконечность. В традиции космонавтов это имя богини удачи. Персонификация вероятности, или закона Морфи.

Каменный Кулак — огромная каменная плита над Библосом, подготовленная взрывниками; она должна уничтожить Библос в Судный День.

Кидур — примерно половина секунды.

Кикви — предразумная раса амфибий, живущих на Китрупе.

Китруп — водяная планета, богатая тяжелыми металлами, где «Стремительный» потерял капитана Крайдайки и многих других членов экипажа, уходя из смертоносной ловушки.

Клиенты — раса, отрабатывающая период служения патронам, которые возвысили ее из предразумной животной стадии.

Кси — оазис, луга посреди Спектрального Потока, где живут иллии.

Лорники — одомашненные животные, выращенные квуэнами в качестве слуг. Лорники радиально симметричны, обладают четырьмя ногами и четырьмя руками с тремя пальцами.

Лусен — самый крупный из трех спутников Джиджо.

«Мечта Вуфона» — подводная лодка, построенная Клешней с помощью Олвина, Гек и Ур-ронн. Оборудована кузнецом Уриэль.

Мидур — единица измерения времени. Примерно семьдесят одна минута.

Моргран — пункт перехода, где на «Стремительный» впервые напал флот фанатичных религиозных кланов.

Мульк-пауки — форма жизни, созданная для уничтожения зданий и технологических приспособлений на мирах, объявленных невозделанными.

Мульк-церемония — уничтожение мертвых тел, возвращение плоти в экосистему Джиджо. Обычно происходит путем поглощения плоти специализированными кольцами треки. Остатки, не поддающиеся переработке, рассматриваются как мусор и отправляются в Помойку.

Мусор — не поддающиеся биообработке материалы, которые сбрасываются в Помойку для рециклирования во внутреннем тектоническом огне Джиджо.

Неодельфины — возвышенные дельфины, клиенты человечества.

Неошимпы, неошимпанзе — возвышенные шимпанзе, первые клиенты человечества. Полностью возвышенные неошимпанзе могут говорить; «незавершенный» вариант — неошимпанзе, не умеющие говорить, — сопровождал людей на Джиджо.

Ниханик — один из доконтактных человеческих языков, возникший как гибрид японского и китайского-ханьского.

Нуры — умные, проворные и озорные существа, внешне похожие на выдру. Нуров невозможно приручить, но терпеливые добродушные хуны

могут использовать некоторых нуров на своих кораблях. Другие расы сунеров считают нуров надоедливой помехой.

Оайлие — «приемные родители» джофуров по возвышению, члены фанатичного союза Обейер. Как специалисты по генной инженерии, оайлие переработали биологию и психологию треки, добавив мастер-кольцо, которое превратило их в джофуров.

Оакка — планета, на которой расположена региональная штаб-квартира Института Миграции и на которой «Стремительный» едва избежал предательства и пленения.

«Обитель» — крадущийся космический корабль, который свыше двухсот лет назад привез на Джиджо людей сунеров.

Пассен — самый маленький спутник Джиджо.

Патроны — галактическая раса, которая возвысила по крайней мере один вид животных до полного разума.

Пидур — шесть в седьмой степени дуров, или приблизительно четыре дня.

«Полкджи» — боевой корабль джофуров, ко-

торый в поисках «Стремительного» приземлился на Джиджо.

Помойка — обширная подводная впадина, или зона изъятия, сформированная тектоническими плитами, которая проходит вдоль всего Склона. Мусор, накопленный разумными расами — от остатков скелетов до корпусов космических кораблей, — сбрасывается сюда, чтобы природные силы Джиджо унесли его под кору и переплавили.

Попугайская муха — своеобразное созданное буйурами насекомое, способное запоминать и повторять короткие сообщения. Первые люди на Джиджо усомнились в своей разумности, когда начали «слышать голоса».

Пориа — штаб-квартира даников, где небольшое человеческое население служит повелителям ротенам.

Праймал — полуязык, используемый естественными, невозвышенными дельфинами на Земле.

Прародители — легендарная первая разумная раса, которая два миллиарда лет назад начала цикл возвышения.

Пункт перехода — точка ослабленного пространства-времени, которая позволяет кораблю, правильно вошедшему в нее, лететь со скоростью быстрее скорости света.

Разрушитель — механическое приспособление, предоставляемое Институтом Миграции для устранения остатков технологической цивилизации на планете, объявленной невозделанной.

Раса — разумный клан на Джиджо, то есть г'кеки, глейверы, хуны, уры, треки, квуэны и люди.

Реук — симбионт квазигриб, который помогает Шести Расам «читать» эмоции и язык телодвижений друг друга.

Риммер — горный хребет, по которому проходит восточная граница Склона.

Святое Яйцо — загадочный массивный псиактивный камень, который появился из вулкана сто лет назад в сопровождении широко распространившихся видений и снов.

Священные Свитки — тексты неизвестного происхождения, единственные письменные материалы на Джиджо от отлета буйуров и до введения людьми печатных книг. Свитки учили

г'кеков и последующих колонистов необходимости скрываться, заботиться о планете и идти по пути Избавления.

Спектральный Поток — непроходимая пустыня в центре южной части Склона, считавшаяся необитаемой. Покрыта пластами разноцветного пси-активного камня и выступами фотоактивных кристаллов.

«Стремительный» — земной космический корабль с экипажем из неодельфинов. Открытие, сделанное «Стремительным», привело к беспрецедентному преследованию корабля десятками галактических фракций, которые стремились завладеть тайнами дельфинов.

Стрессовый атавизм — состояние, встречающееся у недавно возвышенных видов, когда под влиянием стресса индивид утрачивает высшие функции сознания.

Судный День — согласно пророчеству, день, когда Шесть Рас Джиджо будут подвергнуты суду за их преступления. Многие надеялись, что к этому времени их потомки будут подобны глейверам — невинными и далеко прошедшими по Тропе Избавления.

Сунеры — преступники, которые пытаются колонизировать планеты, объявленные галактическим Институтом Миграции невозделанными. На Джиджо термин применялся к тем, кто основывал новые поселения за пределами Склона.

Тарек — самый большой город на Склоне, на слиянии Рони и Бибура. Штаб-квартира гильдии взрывников.

Террагентский Совет — орган правительства межзвездного человечества, занимающийся вопросами взаимоотношений между земным кланом и галактическим сообществом.

Топоргик — псевдоматериал, состоящий из органически спрессованного времени.

Торген — один из спутников Джиджо.

Трещина — ответвление Помойки, расположенное в южном конце Склона.

Тропа Избавления — цель ортодоксальных религиозных сект на Джиджо, которые считают, что расы сунеров должны регрессировать до состояния предразумности. Только так могут они избежать наказания за колонизацию невозделанного мира и получить второй шанс

на возвышение. Глейверы уже вступили на эту Тропу.

Урчачка — родная планета уров.

Урчачкин — урский клан, который предоставил убежище женщинам и лошадям на Спектральном Потоке.

Фен — множественное число от «фин». Обозначение на англике неодельфинов.

Фрактальный мир, или Фрактальная система — место пребывания рас, покинувших цивилизацию Пяти Галактик. Огромное рассеянное сооружение, созданное из водородного снега, предназначенное для улавливания и использования энергии малой звезды.

Фувнтус — шестилапый вредитель на Джиджо, питающийся древесиной.

Хьюмикер — сленговое обозначение того, кто подражает людям, поскольку земные тексты попрежнему преобладают в литературе Джиджо, много лет после Великой Печати.

Шимпанзе, или шимпы — частично возвышенная разновидность, которая сопровождала людей на Джиджо. Шимпы не умеют говорить,

но способны общаться с помощью языка жестов.

Яйцо — см. Святое Яйцо.

Дэвид Брин
Небесные просторы

Террену Джекобсу Брину,
нашему исследователю и помощнику
в завершении работы

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Акеакемаи — дельфин, член экипажа «Стремительного».

Аскс — член Совета высоких мудрецов Джиджо, представляющий расу треки.

Баскин Джиллиан — агент Террагентского Совета и врач, исполняющая обязанности капитана космического корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов.

Вер'Кв'квинн — босс Гарри в Институте Навигации.

Гарри Хармс — неошимпанзе, разведчик Института Навигации.

Гек — г'кек, прозвище (подражание людям) сироты, выросшей в Вуфоне. Подруга Олвина.

Грязнолапый — дикий нур, прозванный так Двером Кулханом.

Двер — сын бумажника Нело Кулхана, брат Сары и Ларка, главный следопыт Общины Шести Рас.

Дор-хуниф — молодая самка хун, дочь Твафуануфа.

Древние — общее название «ушедших на пенсию» рас из Фрактального скопления.

Йии — самец ур, изгнанный из домашней сумки прежней супругой. Позже «женился» на девушке сунере Рети.

Каа — дельфин, второй пилот «Стремительного». Прежде был известен как Счастливчик Каа.

Каркаетт — инженер, помощник капитана «Стремительного».

Кивеи Ха'аоулин — торговец-синтианец.

Кипиру — прежний главный пилот «Стремительного», пропавший на Китрупе.

Клешня — красный квуэн, друг Олвина, вырезавший батискаф «Мечта Вуфона» из древесного ствола.

Крайдайки — дельфин, бывший капитан корабля «Стремительный» с экипажем из дельфинов. Пропал на Китрупе несколько лет назад.

Ларк — брат Сары и Двера, младший мудрец Общины Джиджо.

Линг — женщина-даник, биолог.

Макани — самка дельфин, старший врач корабля «Стремительный». Оставлена на Джиджо, чтобы заботиться об умственно регрессировавших членах экипажа «Стремительного».

Нисс — псевдоразумный компьютер, предоставленный «Стремительному» агентами разведки тимбрими.

Олвин — человеческое прозвище Хф-уэйуо, хуна-подростка из поселка Вуфон.

Орли Томас — генетически преобразованный агент Террагентского Совета, приписанный к «Стремительному», пропал на Китрупе вместе с группой Крайдайки. Муж Джиллиан Баскин.

Пипое — дельфин, самка; генетик и медицинская сестра со «Стремительного». Похищена на Джиджо.

Прити — неошимпанзе; служанка Сары, увлекающаяся математикой.

Ранн — предводитель людей-даников на борту корабля ротенов.

Рети — девушка-сунер, бежала из варварского племени в Серых Холмах.

Ро-кенн — «повелитель» ротен.

Сара — дочь бумажника Нело Кулхана, сестра Двера и Ларка, ученый-математик и лингвист.

Суэсси Ханнес — инженер со «Стремительного», превращенный в киборга Древними.

Твафу-ануф — хун, таможенник с базы Каззкарк.

Тиуг — алхимик-треки из кузницы на горе Гуэнн, активный помощник кузнеца Уриэль.

Тш'т — дельфин, самка, некогда четвертая по старшинству в экипаже «Стремительного»,

сейчас вместе с Джиллиан Баскин выполняет обязанности капитана.

Уриэль — ур, мастер-кузнец с горы Гуэнн на Джиджо. *Ур-ронн* — урская подруга Олвина. Участница экспедиции на «Мечте Вуфона», племянница Уриэль.

Хуфу — любимый нур Олвина.

Эваскс — груда колец джофур, трансформировавшаяся из прежнего мудреца Аскса путем добавления мастер-кольца.

Эмерсон Д'Аните — человек, инженер, ранее был членом экипажа корабля Террагентского Совета «Стремительный».

Часть первая
Пять Галактик

Какие эмблемы украшают носы наших быстрых кораблей?

Сколько спиралей вращается на носу каждого большого корабля, поворачиваясь снова и снова, символизируя наши связи? Сколько связей образует наш союз?

Одна спираль символизирует невозделанные планеты, спящие, медленно зреющие, томящиеся — где жизнь начинает свой долгий трудный подъем.

И из этого плодородия вырываются новые расы, готовые к Возвышению.

Вторая спираль символизирует звездные культуры, владеющие быстрыми кораблями, вначале как клиенты, затем как патроны, энергично преследующие свои юные желания — торгующие, сражающиеся и спорящие…

Стремящиеся вверх, пока не услышат зов манящих приливов.

Третья соответствует Древним, изысканным и утонченным, отказавшимся от звездных кораб-

лей ради жизни, полной размышлений. Уставшим от маниакальных стремлений. Теснящимся ради самоусовершенствования.

Они готовятся к встрече с Великим Сортировщиком.

Четвертая означает Высоких Непостижимых, слишком могущественных, чтобы мы могли их понять. Но они существуют!

Строят планы, охватывающие все уровни пространства и времени.

Пятая — это галактики, великие клубы мерцающего света, наши острова в стерильном космосе, окруженные загадочной тишиной. Они бесконечно вращаются, выкармливая все многочисленные порядки жизни, вечно их связывая.

Вернее, так нас заверяли…

ГАРРИ

Существует много разновидностей сигнала тревоги.

Одни призывают к вниманию, вырывая тебя из смертоподобного сна. Другие насыщают твои вены адреналином. На борту любого космического корабля есть сирены и гудки, которые предупреждают о столкновении, нарушении герметичности и о мириадах других причин неминуемой гибели.

Но сигнал тревоги, который услышал Гарри, был совсем иным. Это было легкое и жуткое поскрипывание по нервам.

Не торопись, словно шептал негромкий сигнал. *Я могу подождать.*

Но даже не думай снова уснуть.

Гарри перевернулся и с трудом взглянул на консоль рядом с подушкой. Многозначительно подмигивали светящиеся символы. Но те части его мозга, которые предназначены для чтения, были сконструированы недостаточно надежно. Им требовалось некоторое время, чтобы разогреться.

— Гух… — заметил Гарри. — Вух?

Сон по-прежнему не отпускал тело, утомленное долгой одиночной вахтой. Сколько дуров прошло с тех пор, как он упал на койку, дав себе клятву уйти со службы, когда закончится это дежурство?

Сон пришел быстро, но не принес покоя. Здесь, в Е-пространстве, сны Гарри всегда были полны видениями. В сущности, сны тоже были частью его работы.

В состоянии сна РЕМ Гарри даже посещал степи Хорста, где в детстве его всегда окружал пыльный горизонт. Заброшенная планета, на которой тяжелые темные тучи постоянно нависают над головой, но держат влагу в себе, почти не делясь ею с иссохшей почвой. Обычно после таких снов он просыпался с пересохшим ртом, с отчаянным желанием пить.

В других снах он видел Землю, шумную планету-город, переполненную высокими людьми: небоскребы и роскошная зелень запечатлелись в памяти за одно короткое посещение, много веков назад, в другой жизни.

Были еще кошмары с кораблями — огромными боевыми дредноутами и подобными спутникам ковчегами вторжения, освещенными звездным светом или окутанными темным свечением своих ужасающих силовых полей. Фрегаты-при-

видения, более ужасные, чем в реальной жизни.

Это были *самые нормальные* образы сна, которые находили себе место между необыкновенными видениями. Потому что по большей части сны Гарри были полны ошеломляющими, извивающимися *аллафорами*, возникающими в соответствии со странной полулогикой пространства Е. Даже защищенная каюта не была недоступна для щупалец контрреальности, проникавших через переборки в его сон. Неудивительно, что проснулся он ошеломленный, потерявший ориентацию, потрясенный сигналом тревоги.

Гарри смотрел на мерцающие буквы — каждая извивалась, словно спятивший живой иероглиф, жестикулируя на идеограмматическом синтаксисе галактического языка номер семь. Сосредоточившись, он перевел это сообщение на родной англик.

— Здорово, — сухим тоном заметил Гарри.

Очевидно, патрульный корабль снова приземлился.

— Просто замечательно.

Тон сигнала изменился. Оттолкнувшись от койки, Гарри босиком ступил на холодный пол и вздрогнул.

— Только подумать… мне говорят, что у меня *склонность* к такой работе.

Иными словами, нужно быть хотя бы частично спятившим, чтобы подходить для такой работы.

Стряхнув сонливость, он поднялся по лестнице на обсервационную платформу непосредственно над каютой — шестиугольное помещение в десять метров поперек с контрольной панелью в центре. Потянулся к кнопке сигнала тревоги и сумел отключить его, не приведя в действие вооружение и не выпустив атмосферу станции в пространство Е. Сводящий с ума гудок резко смолк.

— Ах… — Гарри вздохнул и едва не уснул снова прямо здесь, стоя за мягким командирским креслом.

Но тогда… если он опять уснет, то снова увидит сны.

Никогда не понимал «Гамлета», пока не получил это назначение. Теперь мне кажется, Шекспир побывал в пространстве Е, прежде чем написал «быть или не быть».

…уснуть? И видеть сны?..[22]

Старик Уилл, должно быть, знал, что бывают

---

[22] notes: 22
Шекспир. Монолог Гамлета. — Примеч. пер.

вещи похуже смерти.

Почесав живот, Гарри посмотрел на приборы. Никаких красных огней. Станция как будто функционирует нормально. Никаких крупных прорывов реальности. Со вздохом он сел в кресло.

— Режим наблюдения. Доложите о положении станции.

Загорелся голографический экран, в воздухе повисла синяя буква «Н» гротескового шрифта. От этой медленно поворачивающейся буквы послышался мелодичный голос:

Режим наблюдения. Единство станции в норме. Сигнал тревоги принят командиром станции Гарри Хармсом в 4-48-52 внутреннего времени по субъективной оценке…

— Я и есть Гарри Хармс. Почему бы не сказать мне чего-нибудь такого, чего я не знаю? Например, из-за чего сигнал тревоги, ты, неудачный предлог для парика на лыси…

Проклятие прервалось из-за чихания. Гарри тыльной стороной волосатой ладони вытер слезы.

Сигнал тревоги был дан из-за перерыва продвижения станции в пространстве E, невозмутимо продолжал голос. *Очевидно, станция застряла в*

аномальном регионе.

— Хочешь сказать, мы наткнулись на риф. Это я уже знаю. Но какой именно… — Он пробормотал: — Ну ладно, не важно. Пойду взгляну сам.

Гарри забрался к верху вертикальной занавески-жалюзи — такие жалюзи покрывали все шесть окон станции, просунул палец между двумя планками и развел их. Слегка поколебавшись, посмотрел одним глазом.

По крайней мере станция, кажется, приняла стандартный формат. Она не кит, не медуза, не аморфная капля, хвала Ифни. Иногда этот континуум оказывает на предметы очень странное, даже смертельное воздействие.

На этот раз контрольное помещение по-прежнему, как стеклянный купол, расположено на сплющенном белом сфероиде, открывая круговой обзор обширного метафорического царства, сомнительного, опасного, но никак не однообразного.

На удалении виднелись рваные черные горы, подобные эбеновым айсбергам; они величественно пронзали нечто напоминающее бесконечное море пурпурной травы. «Небо» красно-синего цвета, какой можно увидеть только в пространстве Е. И в нем дыры.

Пока все хорошо.

Гарри пошире развел планки, чтобы увидеть то, что ближе к нему, и удивленно замигал. Станция расположена на блестящей гладкой коричневой поверхности. И по всему пространству по крайней мере на километр во всех направлениях разлеглись толстые гигантские желтые морские звезды!

По крайней мере таково было первое впечатление. Гарри бросился к другому окну и опять выглянул. По эту сторону тоже морские звезды. Они покрывают поверхность так, что найти проход будет нелегко.

— Черт побери! — По опыту Гарри знал, что бесполезно пытаться перелететь над такими штуками. Если они представляют объекты в двух измерениях, преодолевать их тоже нужно в двух измерениях. Так действует аллофорическая логика в этой зоне пространства Е.

Гарри вернулся к контрольной панели и нажал кнопку. Все жалюзи отошли, неожиданно открыв панорамный вид. Горы и пурпурная трава на удалении. Коричневая гладкость ближе к станции.

И — да — станция полностью окружена морскими звездами. Желтые морские звезды со всех сторон.

— Фью! — Гарри содрогнулся. У большинства желтых чудищ по шесть лучей, хотя у некоторых по пять или по семь. И они как будто не движутся. По крайней мере это хорошо. Гарри терпеть не мог передвигающиеся аллафоры.

— Режим пилотирования! — приказал он.

С легким треском плывущее гельветическое «Н» сменилось курсивным «П».

— Слушаю, личность-командир. Куда направимся, Генри?

— Меня зовут Гарри! — рявкнул он. Возможно, на англике развязный тон режима пилотирования показался бы веселым и дружелюбным, но слова произносились на глупом галактическом семь. Однако единственная другая запрограммированная возможность — замена на галактический два, состоящий из свиста и щелканья. Даже на диалект губру. А Гарри не в таком отчаянном положении, чтобы испробовать это.

— Приготовься продвинуть нас над видимой плоской поверхностью с траекторией в два сорок градуса, с кораблем в центре, — приказал Гарри. — Очень медленно.

Как прикажете, босс-разумный. Приспосабливаю параметры интерфейса.

Гарри вернулся к окну и наблюдал, как станция

отрастила четыре огромных колеса с толстыми шинами. Вскоре они начали поворачиваться. Сквозь толстые кристаллические оконные панели донесся резкий скрип, словно проводишь рукой по намыленной стойке бара.

Как он и опасался, у шин почти не было сцепления с гладкой коричневой поверхностью. Однако воздержался от принятия контрмер. Сначала нужно посмотреть, что получится.

Движение постепенно ускорялось. Станция приблизилась к ближайшей морской звезде.

И тут Гарри охватило сомнение.

— Может, стоит сначала поискать такие штуки. Возможно, они где-нибудь указаны.

Некогда, в то время когда он был официально признан первым добровольцем-рекрутом с Земли, зачисленным в исследовательский отдел Института Навигации — он был полон сведений из учебных лент и идеализма, — то обычно сразу углублялся в записи, как только Е-пространство обрушивало на него новый символизм. В конце концов галактическая цивилизация кислорододышащих рас исследует, каталогизирует и разведывает этот странный континуум уже полмиллиарда лет. Объем знаний, содержащихся даже в его небольшой корабельной Библиотеке,

превосходит всю сумму человеческих знаний, накопленных до первого контакта с разумными обитателями космоса.

Впечатляющий запас… и, как оказалось, почти совершенно бесполезный. Возможно, он не в очень хороших отношениях со справочной личностью его Библиотеки. А может, проблема в том, что он происходит от земных обезьян. Во всяком случае, в пространстве Е он предпочитал доверять своим инстинктам.

Увы, у такого подхода есть серьезный недостаток. *Когда все перед тобой лопается, винить приходится только себя.*

Гарри заметил, что сутулится. Он выпрямился и сцепил руки, чтобы не чесаться. Но нервная энергия требовала выхода, поэтому он стал тянуть себя за большие пальцы. Один знакомый тимбрими как-то сказал ему, что такая привычка есть у многих представителей вида Гарри. Может быть, это симптом долгого трудного процесса Возвышения.

Передние шины достигли первой морской звезды. Обойти эту штуку невозможно. Остается только попытаться перебраться через нее.

При первом контакте Гарри затаил дыхание. Но прикосновение не вызвало никакой реакции.

Препятствие прямо впереди, шесть длинных плоских полосок коричневато-желтого пятнистого вещества, расходящихся от центрального шишковидного бугра. Передние шины заскользили, и станция приподнялась, подталкиваемая задними колесами.

Она слегка наклонилась. Гарри тревожно почесал грудь, стараясь высвободить тревожное ощущение узнавания. Может быть, «морские звезды» — недостаточно хорошая аналогия для этих штук. Впрочем, они кажутся знакомыми.

Угол увеличился. Задние колеса тревожно взвыли, тоже коснувшись желтой поверхности.

И тут, потрясенный узнаванием, Гарри закричал:

— Нет! Назад. Это *бана…*

Слишком поздно. Задние колеса продолжали визжать, скользкая желтая поверхность полетела из-под них, трение неожиданно совершенно исчезло. Гарри перевернулся, ударился о потолок, отлетел к дальней стене, а платформа вертелась, катилась, снова начала вращаться… пока не остановилась с глухим ударом. Вцепившись в переборку, Гарри большими пальцами ног держался за перила, пока тряска не прекратилась.

— О… моя голова… — простонал он, подни-

маясь.

По крайней мере все встало на место. Гарри добрался до консоли и принялся изучать показания приборов. Слава Ифни, станция почти не пострадала. Но Гарри слишком долго не прибирался, и теперь шарики пыли покрывали его шерсть с головы до ног. Он стряхивал их, поднимая облака пыли и вызывая свирепое чихание.

В тот момент когда станция сошла с ума, жалюзи автоматически закрылись, защищая глаза Гарри от потенциально опасных аллофоров.

Он мрачно приказал:

— Убрать жалюзи!

Возможно, резкие движения привели к переменам в местной фазе, заставив исчезнуть все эти отвратительные предметы. Так раньше случалось.

Не повезло, понял он, когда жалюзи ушли в промежутки между широкими окнами. Вид снаружи заметно не изменился. То же самое красновато-синее небо из швейцарского сыра расстилается над розовато-лиловыми пампасами, а на удалении мрачно возвышаются черные горы. По-прежнему его разведочный корабль находится на плоской вершине, окруженной со всех сторон желтыми многолучевыми фигурами.

— Банановые шкурки, — прошептал он. — Проклятые *банановые шкурки.*

Вот одна из причин того, что на таких кораблях бывает только один наблюдатель: когда несколько сознаний одновременно наблюдают за ними, аллофоры становятся еще более дикими и невероятными. «Объекты», которые он видит, это образы, созданные его сознанием и наброшенные поверх реальности, которую не может воспринять ни одно живое сознание. Реальности, которая изменилась и трансформировалась под воздействием его мыслей и ощущений.

Все это в теории звучит отлично. И ему следовало бы уже привыкнуть. Но Гарри тревожило то, что этот банановый аллофор уж слишком личный. Гарри терпеть не мог банальностей и стереотипов.

Он вздохнул и почесал бок.

— Стабильны ли все системы?

Все стабильно, хозяин пути командир Гарольд, ответил режим пилотирования. *В данный момент мы застряли, но, кажется, в безопасности.*

Гарри разглядывал обширные пространства за плато. На самом деле видимость в этом месте отличная. Особенно отчетливо видны дыры в

небе. И тут ему в голову пришла мысль:

— А нужно ли нам сейчас передвигаться? Мы можем наблюдать за всеми транзитными путями прямо отсюда, до конца назначенного срока, верно?

Как будто правильно. В данный момент незаконное передвижение не может остаться незамеченным нами.

— Хм-м-м. В таком случае… — Гарри зевнул. — Пожалуй, снова пойду спать. У меня такое ощущение, что понадобятся все силы, чтобы выбраться отсюда.

Очень хорошо. Спокойной ночи, наниматель-наблюдатель Хармс. Приятных снов.

— Как же, — пробормотал он на англике, оставляя обсервационную платформу. — И закройте эти проклятые жалюзи! Неужели мне самому нужно обо всем здесь думать? Не отвечайте на это! Просто… ну, не важно.

Даже закрытые, жалюзи не могут помешать прорывам. Между планками проскальзывают мерцающие архетипы, словно стремясь прорваться в период сна РЕМ. Впиваются в его сновидения, как мелкие паразиты.

Этому ничем не поможешь. Когда Гарри впервые получил назначение в пространство Е,

местный глава патрульной службы объяснил ему, что восприимчивость к аллафорическим образам — важная часть их работы. Размахивая тонкой, со многими суставами рукой, галактический чиновник на галшесть с нахаллийским акцентом признался, что удивлен назначением Гарри.

— Скептически мы были настроены, когда впервые услышали, что ваша раса может обладать полезными для нас особенностями.

Опровергнув наши сомнения, вы многого с тех пор достигли, наблюдатель Хармс.

Мы отныне присваиваем вам полный статус. Вы первый из своего вида, добившийся такой чести.

Вздыхая, Гарри снова забился под одеяло. Ему очень хотелось пожалеть себя.

Такой чести! Он с сомнением фыркнул.

Однако ему пока не на что особенно жаловаться. Его предупредили. И это не Хорст. По крайней мере он избавился от сухих однообразных пустынь.

И вообще только безумцы надолго сохраняют иллюзию, будто космос создан ради их удобства.

Существует множество противоречивых версий относительно того, кто много миллиардов

лет назад создал эту безумную вселенную. Но еще до того, как он принял решение посвятить свою жизнь работе в Институте, даже еще до того, как услышал о существовании пространства Е, Гарри пришел к одному заключению относительно метатеологии.

Несмотря на всю свою силу и славу, Создатель был не очень разумен.

По крайней мере не так разумен, как неошимпанзе.

САРА

Существует специальное слово-глиф.

Оно называет пространство, в котором совпадают три состояния материи — два жидких и третье твердое, как коралл.

В таком месте может образоваться нечто вроде пены. Опасной, обманчивой пены, которую переносят злополучные течения.

Никто добровольно не углубляется в это волнение.

Но иногда сила, именуемая отчаянием, *вынуждает благоразумных мореплавателей проложить курс по угрожающим отмелям.*

Стройная фигура проносится через внешние оболочки гигантской звезды. Похожий на гусеницу, с рядами когтеобразных выступов, которые впиваются в пространство-время, корабль настойчиво прокладывает курс сквозь жесткое сияние.

Разреженное пламя лижет обожженные борта из древнего керометалла, прибавляя новые слои покровов из необычной сажи. Щупальца плазмы пытаются прорваться внутрь, но пока их отражают защитные поля.

Однако со временем жара найдет доступ.

В середине корабля вращается узкое колесо, как обручальное кольцо на нервном пальце. Мимо пролетают ряды окон. Темные изнутри, они отражают звездный свет.

Но вот становится виден прямоугольник, освещенный искусственным сиянием.

Оконное стекло, которое позволяет смотреть в двух направлениях. Изнутри вселенной и внутрь ее.

Размышляя над водоворотом, Сара вслух произнесла:

— Мои преступные предки провели свой корабль через этот ад на пути к Джиджо… запутывая следы под покровом Великой Измунути.

Думая о грандиозных силах, действующих совсем рядом, Сара провела пальцами по хрустальной поверхности, которая не дает фотохимическому жару прорваться внутрь. Частью сознания, той, что выросла на книгах и математике, она в состоянии воспринять физическую сущность звезды, радиус которой больше годовой орбиты ее родной планеты. Красный гигант, разбухший в последней стадии, выбрасывает из своего котла в черный космос мешанину разогретых атомов.

Абстрактные знания — это замечательно. Но по спине Сары пробегает и холодок страха перед сверхъестественным: ведь она жила жизнью дикого сунера на варварской планете. Возможно, земной корабль «Стремительный» — беспомощная добыча, стремящаяся уйти от титанического охотника, который во много раз превышает его по размерам, тем не менее корабль с экипажем из дельфинов казался Саре богоподобным и внушал благоговение. Ведь он несет большую массу, чем все деревянные строения Склона вместе взятые. Живя в древесном доме над вечно шумящей водяной мельницей, она в самых невероятных снах не могла представить себе такое будущее — дикий полет через окраины адской звезды.

Особенно через Измунути, само имя которой внушает страх. Для шести рас, в ужасе жмущихся на Джиджо, это была решающая ступень на пути, ведущем вниз. Дверь, которая раскрывается только в одну сторону — по пути в изгнание.

В течение двух тысяч лет эмигранты в поисках убежища на Джиджо пролетали мимо гигантский звезды. Первыми, спасаясь от геноцида, прилетели г'кеки на колесах. Затем треки — мягкие и деликатные груды восковых колец, которые стремились скрыться от своих

собственных родственников-тиранов; за ними последовали квуэны, хуны, уры и люди. Все они селились на узкой территории между горами Риммер и берегом океана с его вечным прибоем. Каждая волна новых поселенцев отказывалась от космических кораблей, компьютеров и других высокотехнологичных устройств, отправляя все эти божественные машины в море, в глубочайшую пучину Джиджо. Порывая со своим прошлым, все шесть рас бывших звездных богов навсегда отказывались от неба и начинали простую деревенскую жизнь.

И так продолжалось, пока на беглецов наконец не натолкнулась цивилизация Пяти Галактик.

Рано или поздно этот день должен был прийти: так утверждали Священные Свитки. Никто из нарушителей законов не может прятаться вечно. Это невозможно в космосе, в котором больше миллиарда лет все заносится в каталоги, где такие планеты, как Джиджо, обычно объявляются невозделанными, чтобы они могли отдохнуть и восстановиться. Тем не менее мудрецы Общины на Джиджо надеялись, что у них есть еще время.

Время, для того чтобы расы изгнанников смогли подготовиться. Очиститься. Найти избавление. Забыть галактические ужасы, которые прежде

всего и сделали их изгнанниками.

Свитки предсказывали, что когда-нибудь явятся величественные чиновники галактических Институтов, чтобы судить потомков нарушителей. Но вместо этого космические корабли, которые в тот страшный год пронзили покровы Джиджо, принесли с собой несколько типов преступников.

Вначале это были генные грабители, затем их смертоносные враги и наконец беглецы с Земли, еще более злополучные, чем несчастные предки Сары.

Мне снились полеты в космическом корабле, думала Сара, представляя себе плазменную бурю снаружи. *Но ни одна фантазия не похожа на это: чтобы я оставила свой мир, своих учителей, своего отца и братьев и улетела с дельфинами в яростную ночь, преследуемая боевым кораблем, полным разгневанных джофуров.*

Рыбоподобные родичи землян, преследуемые в космосе эгоистическими родичами треки.

Это совпадение превышало возможности воображения Сары.

Ее рассуждения прервали слова на англике. Послышался голос, который всегда казался Саре слегка сардоническим:

Я закончил расчет гиперпространственного тензора, о мудрец.

Похоже, ваша предварительная оценка оказалась верной. Загадочный луч, вылетевший с Джиджо некоторое время назад, не только нарушил равновесие этой гигантской звезды. Он привел к изменениям в пункте связи измерений, который находился в заторможенном состоянии в половине миктаара от нас.

Сара мысленно перевела в привычные единицы, знакомые ей по архаическим текстам, по которым она училась.

Половина миктаара. В плоском пространстве это примерно одна двадцатая светового года.

Действительно очень близко.

— Итак, луч реактивировал пункт перехода. — Сара кивнула. — Я это знала.

Ваше предсказание было бы еще более впечатляющим, если бы я понял ваши методы. Люди известны способностью делать удачные догадки.

Сара отвернулась от страшного зрелища снаружи. Кабинет, который ей отвели, казался дворцом. Он просторней зала приемов в квуэнском улье, с роскошной мебелью, которая знакома Саре по описаниям двухсотлетней давности. Помеще-

ние некогда принадлежало человеку по имени Игнасио Мец, специалисту по генетическому возвышению дельфинов. Он был убит в одной из предыдущих опасных стычек «Стремительного». Настоящий ученый, а не варвар с академическими претензиями, как Сара.

И однако она здесь — испуганная, оробевшая и в то же время необыкновенно гордая. Первая из жителей Джиджо, за много столетий вернувшаяся в космос.

Голубое дергающееся пятно отлетело от приборов на столе и приблизилось к Саре. Эту ленивую извивающуюся фигуру Сара находила такой же высокомерной, как и ее голос.

Ваша так называемая математика волчат вряд ли способна предсказать подобные глубинные эффекты в континууме. Почему бы не признать, что это была просто счастливая догадка?

Сара прикусила губу. Она не доставит машине Нисс удовольствия своим горячим ответом.

— Покажи мне тензор, — резко приказала она. — И карту… график… чтобы были видны все три гравитационных колодца.

Даже в покорном поклоне голографического существа Саре почувствовалась насмешка.

Как прикажете.

Перед Сарой вспыхнул кубический дисплей со стороной в два метра, гораздо более яркий, чем плоские диаграммы на бумаге, с которыми она выросла.

В центре кипела, представляя Измунути, сверкающая масса, излучая гневные цвета. Щупальца огромной короны извивались, как волосы Медузы, выходя за пределы обычной солнечной системы. Но эти кружевные нити быстро поглощались новым возбуждением. За последние несколько мидуров что-то привело звезду в необычно возбужденное состояние. Циклопические бури начали выбрасывать комки густой плазмы, похожие на торнадо и устремляющиеся далеко в пространство.

И нам предстоит пройти через самые худшие их них, подумала Сара.

Как странно, что все это необыкновенное возбуждение вызвано пси-активным камнем на ее родной примитивной Джиджо. Однако Сара была уверена, что перемена каким-то образом вызвана именно Святым Яйцом.

Зеленая точка, уже наполовину погрузившаяся в это смятение, на фантастической скорости неслась к Измунути, нацеливаясь миновать звез-

ду очень близко; гиперболическая орбита этой точки обозначалась линией, круто огибающей гигантскую звезду. В одном направлении тонкая линия вела к Джиджо, откуда два напряженных дня назад «Стремительный» начал свой полет, вырвавшись на свободу в рое древних кораблей — груды мусора, лежавшего на океанском дне и реактивированного для последнего величественного полета в космосе.

Одна за другой эти развалины выходили из строя или оказывались пойманными врагом, пока не остался только «Стремительный», несущийся в поисках краткого убежища к огненной Измунути.

А что касается направления вперед… данные приборов, переданные с мостика, помогли машине Нисс рассчитать вероятное направление. Очевидно, Джиллиан Баскин решила воспользоваться притяжением, чтобы, как из пращи, закрутить корабль и направить его к галактическому северо-востоку.

Сара с трудом глотнула. Это ей первой пришло в голову направить корабль туда. Но чем дальше, тем больше она теряла уверенность.

— Новый п-пункт кажется не очень стабильным, — заметила она, прослеживая траекторию

корабля до левого верхнего угла голограммы, где в пустой зоне межгалактического пространства сплеталось несколько линий.

Реагируя на ее взгляд, монитор увеличил эту зону. Появились ряды светящихся символов, описывающих местную гиперпространственную матрицу.

Она предсказала это чудо — пробуждение чего-то древнего. Нечто чудесное. На короткое время показалось, что это именно то чудо, которое им необходимо. Дар Святого Яйца. Выход из ужасной западни.

Но изучая аналитические профили, Сара заключила, что космос совсем не собирается им помогать.

— Действительно есть линии связи, открытые в иные районы пространства-времени. Но они кажутся… недостаточными.

А что можно ожидать от линии связи, которой всего несколько часов? Той, что недавно вырвали из сна силы, которые мы не в состоянии понять?

После паузы машина Нисс продолжила:

Большинство линий, ведущих из этой точки связи, все еще шириной в постоянную Планка. Возникают некоторые перспективные маршруты, по которым, возможно, через несколько

недель мог бы безопасно пролететь космический корабль. Конечно, нам от них мало пользы.

Сара кивнула. Преследующий корабль джофуров не даст «Стремительному» столько времени. Могучий «Полкджи» уже отбросил цепочку захваченных старинных кораблей, чтобы все внимание сосредоточить на настоящем «Стремительном», постоянно держа земной корабль в фокусе своих сканирующих лучей.

— Чего же надеется добиться Джиллиан Баскин, направляясь к бесполезному…

Сара мигнула, начиная понимать:

— О! Понятно.

Она отступила, и дисплей вернулся к нормальному масштабу. В двух метрах от нее в противоположном углу аккуратные изгибающиеся линии показывали пространственное расположение второго пункта перехода. Знакомый, надежный и предсказуемый пункт, которым пользовались все крадущиеся корабли, минуя Измунути за последние два тысячелетия. Единственный быстрый выход из всего этого района Четвертой Галактики.

Но так было не всегда. Когда-то, когда Джиджо была центром торговли и цивилизации могучих буйуров, корабли пользовались двумя пунктами

перехода. Но когда Джиджо стала невозделанной планетой, один из этих пунктов закрылся. Это произошло полмиллиона лет назад и случайно совпало с отлетом буйуров.

Но у Сары и ее учителя мудреца Пурофски зародилось подозрение. Закрытие этого пункта перехода не было случайным совпадением.

Итак, мы заключаем, сказала машина Нисс, *что Джиллиан Баскин действительно собирается провести корабль через эту смертоносную ловушку.*

Сара снова посмотрела на дисплей в поисках врага. И нашла его в нескольких звездных диаметрах за Измунути — желтую точку, представляющую охотника, джофурский дредноут, чей экипаж стремится захватить земной корабль и его тайны. Отбросив все отвлекающие старинные корабли из груд мусора, «Полкджи» устремился к нормальному пункту перехода, уверенный, что сумеет отрезать «Стремительному» единственный путь отхода.

Но только теперь неожиданное открытие второго пункта перехода сбило с толку мощную груду колец, командовавшую огромным кораблем. Желтый след резко повернул: «Полкджи» стремительно терял инерцию, намереваясь вслед

за «Стремительным» пролететь через корону Измунути к новой двери в пространстве-времени.

Дверь, которая еще не готова к использованию, подумала Сара. На корабле джофуров, несомненно, тоже есть инструменты, способные прочесть потоки вероятности. Джофуры должны понимать, насколько опасно углубляться в новорожденный пункт перехода.

Но может ли командование «Полкджи» допустить это? «Стремительный» мал, маневрен, а пилоты-дельфины считаются лучшими во всех пяти галактиках.

И земляне в отчаянном положении.

Джофуры должны были заключить, что мы знаем о новом пункте перехода что-то такое, чего они не знают. С их точки зрения, мы вызвали его появление взмахом руки — или плавника. И если углубляемся в него, то потому, что знаем нить или линию, которой можно безопасно воспользоваться.

Они вынуждены последовать за нами, иначе рискуют навсегда потерять «Стремительный».

Сара кивнула:

— Джиллиан и дельфины… они приносят себя в жертву ради Джиджо.

Плотный клубок линий голограммы Нисса как

будто согласно кивнул.

Из всех возможностей эта кажется наилучшей.

Предположим, мы повернем и вступим в бой. Единственный вероятный исход — пленение или смерть, и к тому же погибнет вся джиджоанская цивилизация. Получив тайны «Стремительного», джофуры отправят отчет своему клану, потом разработают специальную программу для Джиджо, вначале уничтожив всех г'кеков, затем превратив Джиджо в собственную племенную колонию, развивая новые типы людей, треки и хунов в соответствии со своими потребностями.

Заставляя «Полкджи» следовать за нами к новому пункту перехода, доктор Баскин делает маловероятным получение пятью галактиками доклада о ваших шести расах изгнанников. И ваши соплеменники смогут еще какое-то время купаться в возвышенной планетарной грязи, продолжая и в последующих поколениях поиски смутного представления об избавлении.

Как это похоже на Нисса — превратить благородный жест в возможность оскорбления. Сара покачала головой. План Джиллиан одновременно величествен и страшен.

Он означает также, что часы и самой Сары

сочтены.

Какая напрасная утрата, вздохнул Нисс. *Этот корабль и его экипаж сделали эпохальное открытие, и теперь оно может быть утерянным.*

Время после торопливого отлета с Джиджо было таким лихорадочным, что Сара по-прежнему смутно представляла себе причину всего этого смятения — что сделал «Стремительный», чтобы вызывать такой гнев и преследование со стороны великих кланов известной вселенной.

Все началось, когда капитан Крайдайки привел корабль в самое маловероятное место в поисках древностей и автоматов, о которых нет указаний в Великой Библиотеке, объяснил искусственный разум. *Это было шаровое скопление без планет или сингулярностей. Крайдайки никогда не объяснял, по какой причине выбрал именно это место. Но его догадка оправдалась, когда «Стремительный» наткнулся на огромный флот брошенных кораблей, в великолепном молчании плывущих в открытом космосе. Образцы, взятые в этой великой армаде, а также сделанные там голограммы как будто намекают на разгадку тайн самой древней истории нашей цивилизации.*

Конечно, нашими находками следовало открыто поделиться с Институтами Пяти Галактик

во имя всей кислорододышащей жизни. И хрупкий нищий клан землян получил бы невероятно огромное вознаграждение. А также мои изготовители тимбрими. Но выгоду получили бы и все остальные расы и союзы, они смогли бы заглянуть в истоки нашей миллиардолетней культуры.

Увы, несколько могучих коалиций перехватили первое сообщение «Стремительного», расценив его как исполнение древнего пророчества. Они полагали, что новость означает наступление предсказанного ранее времени смятения и перемен, и в нем решающее преимущество получит тот, кто монополизирует открытие. И вместо торжественного приема вернувшийся из Мелкого скопления «Стремительный» обнаружил поджидающие его могучие флоты, стремящиеся захватить его тайны, прежде чем он достигнет нейтрального пространства. Несколько раз нас загоняли в угол, и мы спасались только потому, что орды фанатиков начинали свирепо сражаться друг с другом из-за права схватить нас.

Увы, в нынешней ситуации у нас нет такой возможности.

Мягко сказано. Джофуры могут спокойно преследовать «Стремительный», не опасаясь вме-

шательства. Для всей остальной цивилизации этот район пуст и недостижим.

— А бедный Эмерсон был ранен в одной из этих космических схваток?

Сара тревожилась за друга, молчаливого звездного путешественника, чью загадочную рану она лечила в своем древесном доме, прежде чем совершить вместе с ним эпическое путешествие по Джиджо и вернуть на корабль.

Нет. Инженер Д'Аните был захвачен членами касты отставников в месте, которое называется Фрактальным Миром. Это событие…

Неожиданно вращение линий прекратилось. Прошло несколько секунд, прежде чем оно возобновилось.

Офицер-наблюдатель докладывает о чем-то новом. О феномене, который до этого скрывало пламя Измунути.

Дисплей подернулся рябью. Неожиданно среди нитей и огненных выбросов кипящей атмосферы Измунути появилось множество оранжевых точек.

Сара наклонилась поближе:

— Что это такое? *Конденсированные объекты.*

Искусственные образования, обладающие способностью перемещаться в пространстве.

Иными словами, звездные корабли.

Сара открыла рот и дважды его закрывала, прежде чем смогла обрести дар речи.

— Ифни, да их сотни! Как мы могли раньше их не заметить?

Нисс обиженно ответил:

О великий мудрец, обычно никто не посылает сканирующие лучи в атмосферу настоящего гиганта, чтобы поискать за ней космический корабль. Наше внимание было устремлено в другом направлении. К тому же эти корабли только сейчас начали пользоваться гравитационной энергией, стараясь избежать новых солнечных бурь.

Сара продолжала удивленно смотреть. Она испытала прилив надежды.

— А могут эти корабли нам помочь?

И снова Нисс помолчал, сверяясь с показаниями удаленных приборов.

Это кажется сомнительным, о мудрец. Их вряд ли интересует наша схватка. Эти корабли принадлежат другому порядку пирамиды жизни, совершенно отличному от вашего… хотя их можно назвать моими дальними родственниками.

Сара, вначале не понявшая, покачала головой. Потом воскликнула:

— Машины!

Даже изгнанники Джиджо могут перечислить восемь порядков жизни, среди которых кислорододышащая жизнь считается одной из самых ярких и цветистых. И среди других порядков Священные Свитки смутно упоминают синтетические существа, холодные и загадочные, проектирующие и строящие друг друга в далеких углах пространства. Им не нужна твердая поверхность, чтобы стоять на ней, не нужен воздух, чтобы дышать.

Совершенно верно. Их присутствие явно связано с проблемами, не имеющими к нам отношения. Скорее всего механоиды с благоразумной осторожностью будут избегать контакта с нами.

Голос помолчал.

Поступают свежие данные. Кажется, флотилия испытывает сильные трудности в связи с новыми бурями. Некоторые мехоноформы больше нас нуждаются в спасении.

Сара всмотрелась в оранжевые точки.

— Покажи мне!

Используя данные сканирования на большое расстояние, дисплей начал головокружительно углубляться. Вокруг Сары словно закружились огненные нити, и ее взор достиг нужной точки

— одного из механоидных кораблей, который начал обретать форму на фоне разгневанного газа.

На пределе увеличения показалась блестящая трапециеобразная фигура, почти зеркальная поверхность, отражающая солнечный свет. От бурных конвенционных зон Измунути поднимались потоки горячих ионов, и очертания механоида становились расплывчатыми: он пытался уйти от этих потоков. Отсутствие перспективы компенсировали колонки многочисленных цифр, описывающих истинные размеры корабля — квадрата со сторонами в сотни километров и с исчезающе малым третьим измерением.

Вокруг механоидного корабля пространство словно вибрировало. Несмотря на свою неопытность, Сара узнала характеристики искажающего воздействия гравитемпорального поля. Относительно небольшого поля, если судить по дисплею. Возможно, подходящего для межпланетных скоростей, но не для того, чтобы избежать надвигающегося опустошения. Сара могла только сочувственно следить за тем, как тщетно пытается сопротивляться механоид.

Первый же удар разорвал хрупкий объект пополам… и продолжал разрывать, пока корабль не превратился в поток ярких разлетающихся

брызг.

Это не единственная жертва. Посмотрите, какова судьба других борющихся.

Дисплей вернулся к прежним размерам. На глазах у Сары еще несколько точек исчезли в потоках быстрой густой плазмы. Другие продолжали подниматься, пытаясь избежать водоворота.

— Кто бы они ни были, надеюсь, им удастся уйти, — прошептала Сара.

Как странно, что корабли-машины кажутся менее прочными, чем «Стремительный», чьи защитные поля способны в течение нескольких мидуров выдерживать воздействие звездной атмосферы, какие бы бури там ни бушевали.

Если бы они не смогли выдерживать потоки плазмы, то были бы бесполезны против оружия джофуров.

После краткого прилива надежды разочарование вызвало ощущение горечи во рту. Очевидно, с этой стороны никакой помощи ждать не приходится.

Сара видела определенную последовательность в своих приключениях за последний год: ее вынесло из пыльного кабинета, и она встретилась с чужаками, участвовала в сражениях, ехала верхом на легендарных лошадях, погружалась

в море и, наконец, приняла участие в бегстве звездного корабля. Вселенная как будто решила продемонстрировать ей чудеса, превосходящие воображение: гигантские звезды, пункты перехода, говорящие компьютеры, универсальные библиотеки… а теперь еще и картины другого *порядка жизни.* Загадочного вида, абсолютно не похожего на обширную, всепоглощающую цивилизацию Пяти Галактик.

Эти чудеса выходят далеко за пределы образа жизни интеллектуала-варвара на деревенской планете. И тем не менее космос собирался дать ей только возможность взглянуть.

Можешь смотреть, словно говорил он. *Но не можешь прикоснуться.*

Твое время почти истекло.

Опечаленная, Сара смотрела, как оранжевые точки отчаянно убегают от торнадо звездного жара. Еще несколько неторопливых кораблей поглотила поднимающаяся буря, их огни погасли, как залитые водой угли.

Кажется, Джиллиан и дельфины уверены, что мы выдержим короткий перелет через этот ад. Но исчезающие точки заставили Сару потерять уверенность. Разве машины не должны быть прочнее простой плоти?

Она собиралась спросить об этом Нисса, когда у нее на глазах дисплей снова изменился. Измунути замерцала, и когда изображение перестроилось, на нем появилось нечто новое. Ниже отступающих оранжевых точек появились три сверкающие фигуры. Они неторопливо и грациозно поднимались, блестя имперским пурпуром, выходя из пламени на пути «Стремительного».

— А это что? — спросила Сара. — Еще механоиды?

Нет, ответил Нисс тоном, в котором словно слышалось благоговение. *Это нечто совершенно иное. Мне кажется, это…* Компьютерная диаграмма деформировалась, распалась на части, похожие на сосульки. *Мне кажется, это занги.*

У Сары по коже поползли мурашки. Это слово из легенд, полных страха. На Джиджо его всегда произносят шепотом.

— Но… как… что они здесь делают?..

Прежде чем она смогла закончить вопрос, Нисс снова заговорил:

Прошу прощения за то, что прерываю вас, Сара. Исполняющая обязанности капитана доктор Джиллиан Баскин созывает срочное совещание совета корабля, чтобы обсудить новое развитие событий. Вы приглашены на совет.

Хотите, чтобы я от вашего имени извинился за отсутствие?

Но Сара уже направилась к выходу.

— Не смей! — крикнула она через плечо перед втягивающейся дверью, которая давала ей возможность пройти.

За дверью в обе стороны тянулся изгибающийся коридор, словно сегмент искаженного пространства-времени, уходящего вдалеке к вертикали. Это зрелище всегда пугало Сару. Тем не менее на этот раз она побежала.

ДЖИЛЛИАН

По какой-то причине бурная красная звезда напоминала ей Венеру.

Естественно, это приводило к мыслям о Томе.

Все напоминало Джиллиан о Томе. После двух лет его отсутствие все еще было открытой раной, и каждую ночь она рефлекторно искала его тепла. А днем все время ожидала услышать его сильный голос, предлагающий помочь в ее бесконечных тревогах. Во всех этих проклятых решениях.

Разве не достойно героя умереть, спасая мир?

Тихий внутренний голос подсказывал: *именно для этого существуют герои.*

Да, отвечала она. *Но мир ведь продолжает существовать, верно? И по-прежнему нуждается в спасении.*

С тех пор как вселенная разлучила их на Китрупе, Джиллиан твердит себе, что Том не может быть мертв. *Я бы это знала,* постоянно думает она, убеждая себя силой воли. *Через галактики и мегапарсеки я бы почувствовала, если бы он погиб. Том по-прежнему где-то там, вместе с Крайдайки, Хикахи и всеми остальными, которых мы вынуждены были оставить.*

Он сумеет благополучно вернуться домой… или ко мне.

Эта уверенность помогала Джиллиан выносить тяготы во время первого года бегства «Стремительного»… пока постоянные кризисы последних нескольких месяцев не поколебали ее уверенности.

И вот, сама не осознавая этого, она начала думать о Томе в прошедшем времени.

Он любил Венеру, думала она, глядя на разгневанные солнечные виды за корпусом «Стремительного». Конечно, атмосфера Измунути яркая, а у соседки Земли тусклая под вечным покровом кислотных облаков. Но есть и существенные черты сходства. Ужасная жара, страшные бури, отсутствие влаги.

Обе предлагают крайности надежды и отчаяния.

Джиллиан видит, как Том расправляет руки в космическом скафандре, охватывая панораму под горой Афродиты, указывая на мрачные низины. Вокруг фаланг титанических структур, уходящих к искаженному горизонту, пляшут молнии. Один затянутый тенью гигант за другим, новые просторы, охваченные работой по преобразованию Венеры. По преобразованию — шаг за

шагом — самого ада.

Разве это не замечательно? спросил Том. *Эта попытка доказывает, что и наш вид способен на мысли о далеком будущем.*

Даже с заимствованной галактической технологией на эту попытку уйдет больше времени, чем на все существование земной письменности и сельского хозяйства. Пройдет десять тысяч лет, прежде чем на выжженных равнинах появятся моря. Для нищих волчат это очень смелый проект, особенно учитывая то, что букмекеры са'ентов и клурнапов давали очень небольшие шансы на то, что земной клан проживет еще одно или два столетия.

Мы должны показать вселенной, что верим в себя, добавил Том. *Иначе кто в нас поверит?*

Его слова звучали хорошо. Благородно и величественно. И в то же время Том почти убедил Джиллиан.

Только с тех пор многое изменилось.

Полгода назад, во время краткой и ужасной остановки во Фрактальном Мире, Джиллиан сумела уловить слухи об осаде Земли, которая происходит в далекой Второй Галактике. Очевидно, сейчас букмекеры са'енты принимают ставки не на столетия, а на годы или джадуры

существования человечества.

И проект преобразования Венеры сейчас кажется не вполне уместным.

Нам было бы лучше оставаться фермерами, Тому и мне. Или учителями. Или помогать заселению Галафии. Не следовало прислушиваться к словам Джейка Демвы и Крайдайки. Этот полет приводит к гибели все, чего касается.

Включая бедных колонистов Джиджо — шесть рас изгнанников, которые заслуживают шанса без помех искать свою судьбу. Пытаясь найти убежище на этой запретной планете, «Стремительный» принес катастрофу племенам Джиджо.

Казалось, есть только один способ загладить эту вину.

Можем ли мы заманить джофуров за собой в этот новый пункт перехода? Каа должен создать убедительную траекторию, как будто мы знаем безопасную нить, к которой можно прикрепиться. Чудесную тропу, ведущую к спасению. Если мы все сделаем правильно, большие жирные груды колец последуют за нами! У них не будет выбора.

Поскольку кажется, что нет возможности благополучно доставить груз «Стремительного» домой, такой выбор вполне оправдан. И еще одна причина, которая кажется ядовитой и мстительной.

И мы прихватим с собой врагов.

Говорят, неминуемая смерть очищает рассудок, но в Джиллиан она вызывала только сожаление.

Надеюсь, Крайдайки и Том не очень разочарованы мной, думала она, подходя к двери зала для совещаний. *Я стараюсь, как могу.*

С тех пор как Джиллиан неохотно заняла место, на котором в более счастливые времена восседал Крайдайки, корабельный совет сильно изменился. В дальнем конце длинного стола единственный уцелевший офицер-дельфин, лейтенант Тш'т, искусно управляла шестиногим аппаратом для ходьбы; установка несла ее в ту нишу, в которой до гибели вблизи Китрупа размещал свой мощный корпус Такката-Джим.

Тш'т поздоровалась с главным инженером-человеком, хотя теперь Ханнеса Суэсси не узнала бы родная мать: большинство его органов заменено компонентами-киборгами, а на месте головы возвышается серебряный купол. Большая часть этой сверкающей поверхности покрыта тусклым декальцинированием, как в мотоциклах до контакта, и эта деталь делала Суэсси особенно дорогим экипажу. По крайней мере хоть у кого-то за эти годы непрерывного кризиса сохранилось чувство юмора.

Джиллиан остро ощущала отсутствие еще одного члена совета, своей подруги и коллеги-врача Маканай, которая с несколькими десятками дельфинов осталась на Джиджо. Остались те, кто страдал деволюционной лихорадкой или не был необходим для попытки прорыва. В сущности, дельфины основали седьмую незаконную колонию на этом невозделанном мире. Еще одна тайна, которую находящиеся на борту готовы защищать ценой своей жизни.

Тайны. Существуют и другие загадки, гораздо хуже защищенные.

Мысли Джиллиан перешли на предметы, находящиеся *в* ее кабинете. Некоторые из них достойны звездного выкупа. Простой намек на их существование уже привел в смятение Цивилизацию в Пяти Галактиках.

Прежде всего это труп, который она прозвала Херби. Тело чужака, такое древнее, как будто он уже миллиард лет улыбается какой-то шутке. Остальные реликты казались не менее привлекательными — или проклятыми. С тех пор как «Стремительный» начал собирать эти непонятные предметы, его преследуют беды.

«Предметы судьбы». Так назвал один из Древних загадочный груз «Стремительного», когда

корабль находился в Фрактальном Мире.

Может, так и надо. Все это причиняющие неприятности сокровища размажутся по всей протонной ширине, когда мы нырнем в новый пункт перехода.

По крайней мере она получит удовлетворение, видя, как в последнее мгновение меняется выражение Херби, когда со всех десяти измерений вокруг него сомкнутся узы реальности.

На одной из стен зала для совещаний появилось голографическое изображение Измунути, огромное клубящееся огненное облако больше орбиты Земли. Машина Нисс на галактическом семь с тимбримийским акцентом тем временем сообщала последние данные наблюдений:

Корабль джофуров отбросил последние корабли-макеты, предоставив им плыть в пространстве. Освободившись от этой тяжести, «Полкджи» стал проворней и направляется к новому пункту перехода. Он намерен достичь нового пункта связи раньше «Стремительного».

— Он может перегнать нас? — спросила на англике Джиллиан.

Голограмма Нисс задумчиво заклубилась.

Это кажется маловероятным, если только они не используют какой-нибудь рискованный

способ движения вероятности, что нетипично для джофуров. Они потратили много времени на полет к старому пункту перехода. Наш пролет вблизи самой Измунути может помочь нам прибыть первыми… хотя ничего хорошего это может нам не дать.

Джиллиан не обратила внимания на сарказм машины. Большая часть экипажа как будто поддерживает ее решение.

Когда нет другого выбора, смерть кажется терпимей, если увлекаешь за собой врага.

Ситуация с джофурами кажется стабильной, поэтому Джиллиан сменила тему:

— Что можешь сообщить о других кораблях?

О двух загадочных флотилиях, недавно обнаруженных в атмосфере Измунути? После консультаций с архивами по тактике я прихожу к выводу, что они действуют согласованно. Больше ничто не способно объяснить их близость. Они вместе летят, пытаясь уйти от неожиданной плазменной бури.

Возразил Ханнес Суэсси, голос его, низкий и хрипловатый, раздавался из серебряного купола.

— Механоиды и водорододышащие сотрудничают? Это кажется странным.

Вертящийся клубок линий сделал жест, похо-

жий на кивок.

Действительно. Различные порядки жизни редко контактируют. Но согласно нашей захваченной библиотечной ячейке, такое возможно, особенно если какой-нибудь чрезвычайно важный проект требует способностей двух или большего порядков, действующих совместно.

Новый член совета свистом попросил внимания. Каа, главный пилот, не пользовался аппаратом для ходьбы, поскольку ему нужна возможность в любой момент вернуться к своим обязанностям. Молодой дельфин плавал в узком наполненном водой туннеле, огибавшем стол для совещаний. Он заметил:

Может ли хоть какая-то причина
Под лунами, создающими приливы,
Объяснить такие аномалии?

Для усиления Каа плеснул плавниками, и вода зашипела °т пузырьков. Джиллиан перевела это свистящее-щелкающее стихотворение для Сары Кулхан, которая так и не овладела тринари.

— Каа спрашивает, какой проект может оправдать опасности погружения в звезду.

Сара ответила энергичным кивком.

— Возможно, у меня есть частичный ответ.

Молодая джиджоанка погладила черный куб

перед собой — личную алгоритмическую машину Джиллиан, которую та дала ей, когда Сара оказалась на борту.

— С тех пор как мы впервые засекли эти корабли, я все время думала, какие особенности Измунути могут привлекать жителей далеких систем. Например, моих собственных предков. После прохождения регулярного пункта перехода они прокладывали орбиту так, чтобы она проходила через внешнюю атмосферу гигантской звезды. И все крадущиеся корабли на Джиджо пользовались тем же методом, чтобы скрыть свой след.

Мы тоже думали об этом, невесело рассуждала Джиллиан. *Но я, должно быть, что-то сделала неверно, потому что ротены сумели последовать за нами и выдали местоположение наше и шести рас.*

Она заметила, что лейтенант Тш'т смотрит на нее. Упрекает в том, что привела «Стремительный» в такое трудное положение? Дельфин долго и пристально смотрел на нее, потом отвернулся, а Сара продолжила:

— Согласно этому обучающему устройству, звезды, подобные Измунути, производят в своей разбухшей атмосфере огромное количество тяже-

лых атомов. Особенно много углерода, который покрывает все оказавшиеся поблизости твердые предметы. Корабли наших предков прибыли на Джиджо, черные от этого вещества. «Стремительный», вероятно, единственный корабль, попытавшийся проделать это дважды: на пути туда и обратно. Ручаюсь, это вещество создало вам проблемы.

— Еще бы! — прогремел усиленный голос Суэсси. Ханнес постоянно боролся с растущим слоем углерода. — Это существо тяжелое, у него необычные свойства, и оно забивает все гребни вероятности.

Сара кивнула:

— Но подумайте: что, если кто-нибудь использует такое покрытие? Разве это не лучший способ собрать его?

Она снова погладила черный куб, передавая данные с него на большой дисплей. Хотя Сара провела на борту всего несколько дней, она начинала привыкать к удобству современных орудий и инструментов.

Перед советом появился похожий на зеркало прямоугольник, отражающий яркое свечение плоской поверхности под ним.

— Возможно, я невежественная туземка, —

заметила Сара. — Но мне кажется, что можно собирать атомы звездного ветра с помощью чего-то, обладающего обширной поверхностью и малой начальной массой. Такое устройство может даже не тратить энергию на отлет, оно просто движется под действием световых волн.

Лейтенант Тш'т прошептала:

— *Сссолнечный парус!*

— Так это называется? — кивнула Сара. — Представьте себе машины, прибывающие через пункт перехода в виде компактных объектов, спускающиеся к Измунути, затем разворачивающие такие паруса, чтобы на энергии звезды вернуться назад к пункту перехода, набирая по пути слои одномолекулярного углерода и другие элементы. Расход энергии на тонну вещества будет минимальным!

Вращающаяся голограмма Нисса продвинулась вперед.

Ваша гипотеза предполагает наличие экономичной техники для сбора ресурсов, причем механоидам понадобится всего лишь один пункт перехода для прилета и отлета. В индустриальных районах Пяти Галактик имеются дешевые альтернативы, но здесь, в Четвертой Галактике, в данное время промышленность ничтожна или

вообще не существует вследствие недавней миграции и объявления галактики невозделанной…

Нисс сделал короткую паузу.

Механоиды идеально подходят для такой работы по сбору Урожая, они способны быстро и легко создавать специальные версии для подобной работы. И с минимальной массой. Это объясняет, почему их двигатели и щиты кажутся хрупкими перед такой бурей. У них нет запаса прочности для неизведанного.

Джиллиан видела, что осталась только половина оранжевых точек, пытающихся уйти от тяготения Измунути, прежде чем их захватит плазма. Три пурпурные точки уже легко и грациозно поднялись к конвою механоидов.

— А как же занги? — спросила она.

Я предполагаю, что они и есть нанимателя механоидов. Наша Библиотека утверждает, что группы зангов иногда нанимают представителей порядка машин для специальных услуг. Время от времени то же самое делают великие кланы кислорододышащих.

— Что ж, похоже, их планы нарушены, — заметил Суэсси. — На этот раз немного груза доберется домой.

Дельфин в туннеле, наполненном водой, ис-

пустил задумчивое щелканье. Это не тринари, а звуки, которые дельфины издают, когда глубоко задумаются. Джиллиан по-прежнему чувствовала себя виноватой в том, что попросила Каа участвовать в этом полете: ведь это означало для него оставить возлюбленную в опасности на Джиджо. Но для ее отчаянного плана «Стремительный» нуждается в первоклассном пилоте.

Согласен, заключила вращающаяся голограмма Нисса. *Занги будут в дурном настроении после этой неудачи.*

— Из-за экономических потерь? — спросила Тш'т. *Из-за этого, но не только. Согласно Библиотеке, водорододышащие плохо реагируют на сюрпризы. У них более медленный метаболизм, чем у кислородной жизни. Все непредвиденное для них внутренне неприятно.*

Конечно, для создания, которое, подобно мне, запрограммировано на поиски нового, такое отношение кажется странным. Как без сюрпризов быть уверенным, что объективный мир существует? Можно предположить, что вселенная всего лишь один большой…

— Минутку, — прервала Джиллиан, прежде чем Нисс углубился в философские рассуждения. — Нас всех учили избегать опасных встреч с

зангами, предоставив контакт с ними специалистам их великих Институтов.

Совершенно верно.

— Но теперь ты говоришь, что они могут быть особенно сердиты? Может быть, раздражены?

Голограмма Нисса напряженно свернулась.

Доктор Баскин, после трех лет знакомства с вами, знакомства с тоном вашего голоса и образом мыслей, ваш последний вопрос вызывает тревожное ощущение.

Справедливо ли я опасаюсь? Вам кажется раздражительность загнов… привлекательной?

Джиллиан молчала, но позволила себе мрачно и загадочно улыбнуться.

ГАРРИ

На часах его личного времени прошло пять лет с тех пор, как он сделал невозвратный шаг, стоя среди добровольцев из пятидесяти чуждых рас и тщательно выговаривая слова выученной наизусть клятвы, написанной много веков назад какой-то давно исчезнувшей расой. После вступления в корпус наблюдателей жизнь Гарри не просто изменилась — она ушла от его генетического наследия, и теперь его верность принадлежит не родной планете, а возвышенному чиновничеству, которое уже было древним, когда его отдаленные предки все еще прятались в земных джунглях от динозавров.

Однако во время обучения его поражало, как часто другие студенты расспрашивали его о земном клане, чья история стала самой популярной межзвездной драмой. Сможет ли племя незащищенных, лишенных спонсоров волчат догнать звездную цивилизацию и не повторить обычной судьбы выскочек? Вопреки незначительности Земли этот вопрос вызывал многочисленные споры и рассуждения.

Каково это, спрашивали его другие новички,

иметь патронами людей, которые *сами себя научили* таким фундаментальным умениям, как речь, космические полеты и евгеника? Как неошимп, Гарри по своему статусу был ниже любого Другого клиента на базе, но он почти стал знаменитостью: одни относились к нему враждебно, другие восторженно, но почти все — с любопытством.

В сущности, он немного мог рассказать своим соученикам о террагентской цивилизации, потому что всего лишь год провел среди неошимпанзе, обладающих речью, прежде чем ушел из университета и записался в Институт Навигации. На самом деле он вел жизнь изгнанника.

Родился он в космосе, на борту террагентского разведывательного корабля. Смутные воспоминания о корабле «Пеленор» говорили Гарри об утраченном рае, полном высокотехнологических удобств, о теплом месте, где так приятно играть. Члены экипажа казались ему богами: офицеры-люди, рядовые-неошимы и неодельфины… а также веселый, похожий на дерево советник-кантен; все они были постоянно заняты своими делами и отвлекались от них, только когда ему хотелось приласкаться или быть подброшенным в воздух.

Но вот в один ужасный день его родители решили высадиться, чтобы изучать странное человеческое племя на отдаленной колониальной планете Хорсте. На этом кончилось участие Гарри в эпохальном полете «Пеленора» и началась та часть его жизни, которая вызывала у него жгучее раздражение.

Воспоминания о космических просторах и гудящих двигателях делались туманными и идеализированными. Во время детства на этой пыльной планете представление о космических полетах становилось все более волшебным. И когда Гарри наконец покинул Хорст, его поразила подлинная стерильная чернота между редкими звездными оазисами.

Я помню все это другим, думал он во время перелета на Землю. Конечно, эти воспоминания — всего лишь фантазии ребенка. В университете преподаватели учили его, что субъективные впечатления ненадежны. Они созданы мозгом, который хочет верить.

Тем не менее его жажда так и не была утолена. Стремление искать рай в других версиях реальности.

Бананы держали его в западне несколько дней.

Если бы аллафор был менее личным, Гарри

мог бы сопротивляться энергичней. Но образ слишком точно нацелен, чтобы можно было его игнорировать. После первого столкновения, когда станция едва не опрокинулась, Гарри решил подождать, прежде чем снова бросить вызов этому рифу.

К тому же это совсем неплохое место для наблюдений. В синергии между странным континуумом и его собственным мозгом местность проявлялась как высокое плато над обширным морем пурпурных щупальцев. На удалении по-прежнему возвышались черные горы, хотя некоторые дыры в небе превратились во впадины, как будто небесный купол собирался растаять или обрушиться.

Были здесь и формы жизни — в основном существа меметического порядка. Мимо шестиугольной платформы Гарри ползали, мелькали или мерцали какие-то фигуры, паслись или охотились друг на друга, а иногда сливались и проходили у него на глазах странные преобразования. В плоскости других измерений мемы могли существовать только как паразиты, живущие в сознании или в мыслительных процессах своих хозяев, физических существ. Но здесь, в пространстве E, в мире осязаемых идей, они были

свободны.

Твое воображение позволяет тебе выполнять обязанности наблюдателя, объяснял Гарри во время обучения Вер'Кв'квинн. *Но не поддавайся соблазну солипсизма, считая, что в пространстве Е что-то может произойти просто потому, что ты этого захочешь. Если будешь упрям или неосторожен, пространство Е способно прервать тропу твоей жизни.*

Гарри никогда в этом не сомневался. Глядя на ползающие по пурпурной степи мемоформы, он проводил время, размышляя о концептах, которые в них содержатся. Вероятно, ни одно из этих существ не обладает разумом, поскольку на этом уровне реальности подлинный разум встречается крайне редко. Однако каждая мемоформа, пересекающая поле его зрения, воплощает *одну мысль,* не связанную никаким органическим или электронным мозгом. Это отдельная самостоятельная идея с такой же структурной сложностью, как те, что порождает Гарри своими органами и генетическим кодом.

Может быть, вот та, прыгающая поблизости и похожая на двенадцатиногую антилопу, представляет собой абстракцию, отдаленно связанную со *свободой?* Когда летающее существо с неров-

ными краями начало преследовать антилопу, Гарри подумал, что охотник может представлять собой сложную версию *стремления.* Или он просто пытается поместить сложное и невообразимое в простые ниши, чтобы удовлетворить потребность едва развитого разумного сознания в упорядоченности?

Что ж, в человеческой природе все упрощать. Создавать стереотипы. Представлять себе, что можно вообразить невообразимое.

Местные мемоорганизмы занимательны, но время от времени под наблюдательным пунктом появляется кое-что еще, требуя пристального внимания.

Он всегда мог различить чужака. Чужаки передвигались неловко, словно их аллафорические формы — неуклюжие костюмы. Часто приближались хищные мемы, принюхивались в предчувствии вкусной концептуальной добычи и тут же стремительно убегали от резкого вкуса прочной материи. Металлические корабли или органические формы жизни, чужаки из других областей реальности, они не останавливаются, чтобы осмотреться, но торопливо пролетают мимо плавающих гор, стремясь найти убежище в небе из швейцарского сыра.

Гарри наслаждался этими мгновениями, когда зарабатывал свое жалованье. Стараясь говорить как можно точнее, он описывал каждого вновь появившегося своему партнеру, корабельному компьютеру, который находился у него под ногами, защищенный от враждебного воздействия Е-пространства. На базе специалисты расшифруют его показания и постараются установить, какой именно корабль пролетал мимо Гарри и куда он мог направляться. Тем временем они с компьютером и сами делали догадки.

Бортовые файлы памяти знакомы с таким образцом, сказало в одном случае плавающее «Н» — после того как Гарри описал особенно причудливого новичка, поднимавшегося на мириаде жестких сверкающих лап, словно ходячая солнечная вспышка. *Это как будто представитель квантового порядка разума.*

— Правда? — Гарри прижался к стеклу. Объект похож на хрупкую перистую спору зилма, которую ветер принес из далекого уголка Хорста. Тонкие стебельки ломались и испарялись, а тварь (корабль? одиночное существо?) торопилась к дыре в небе вблизи горизонта.

— Никогда не видел такой большой квант. Что он здесь делает? Мне казалось, они не любят

Е-пространство.

Попробуйте представить себе, что вы, органические, испытываете относительно жесткого вакуума: вы сохнете и гибнете в нем, если только не окружены слоями защитной технологии. Точно так же флуктуационные субъективности этого царства опасны для других порядков жизни. Пространство Е для существа квантового порядка еще отвратительней, чем для представителей порядка машин.

— Гм. Тогда почему он здесь?

Не могу понять, какое срочное дело побуждает его. Большинство квантовых существ поселяются в пенистых промежутках космоса, в местах, недоступных для зрения остальных вариантов жизни, подобно бактериям твоего родного мира, которые живут в скалах. Специалисты Института Библиотеки установили контакт в квантовым порядком меньше ста миллионов лет назад.

Могу только предложить, чтобы вы вежливо отвернули взгляд, разведчик Хармс. Квант явно испытывает трудности. Не нужно добавлять ему неприятностей, глядя на него.

Гарри поморщился при этом напоминании.

— А, верно. Принцип неопределенности!

Он отвернулся. Его работа в пространстве Е — наблюдать, но если наблюдать слишком внимательно, можно причинить вред.

И вообще его настоящая задача — наблюдать за менее экзотическими пришельцами.

Большинство увиденных им кораблей принадлежали водорододышащим: их легко опознать, потому что эти шарообразные корабли в любом континууме выглядят одинаково. По какой-то причине члены этого порядка любят находить короткий путь через пространство Е, хотя уровни А и Б гораздо эффективней, а пункты перехода позволяют перемещаться быстрей.

В тех редких случаях, когда Гарри замечал представителей собственного порядка кислорододышащих — великой и могучей цивилизации Пяти Галактик, — ни один из них не приближался к его наблюдательному пункту, чтобы защитить свой запрещенный маршрут в этом запретном месте.

Неудивительно, что эту работу поручили шимпу из самого низкого класса. Даже преступники, старающиеся прокрасться в невозделанную зону, были бы дураками, если бы попробовали использовать пространство аллофоров.

И я дурак, поставленный охранять его.

Но все равно это лучше сухих ветреных степей Хорста.

Все что угодно лучше Хорста.

Он и его родители были единственными представителями своего вида на этой планете, а это означало длительный процесс овладения речью, особенно трудный для молодого неошимпанзе. Марко и Фелисити были постоянно заняты своими исследованиями, и Гарри приходилось практиковаться с дикоглазыми детьми пробшеров, которые смеялись над его волосатыми руками и тем, что он рано начал заикаться. С раскрашенными лицами, раздражительные и вспыльчивые, они не проявляли ни одного из тех качеств, которых со слов родителей он ожидал в старшей расе. К тому времени как он понял, насколько отличаются люди на Хорсте, это уже не имело значения. Он поклялся покинуть не только Хорст, но вообще Террагентское сообщество. Отправиться на поиски странного и незнакомого.

Много лет спустя Гарри понял, что подобное же стремление могло руководить и его родителями. В юношеском гневе он не обращал внимания на их просьбы о терпении, на их неловкую любовь, даже на их благословение при расставании.

Сожаление — это видимость, прощение — ци-

вилизованная абстракция, лишенная боли или остроты.

Но другие воспоминания могли заставить его испытывать глубокие эмоции. Воспоминания о том, как ботбианской ночью он вслушивается в вой волков на сухих озерах, пятнисто освещенных лунами. Как он сидит на корточках у костра, а шаман пробшеров распевает странные сказания. Марко и Фелисити воспринимают их как почитаемые народные легенды, хотя эти племена обитают на Хорсте меньше шести поколений.

Его собственная разумная раса ненамного старше! Всего несколько столетий назад люди начали изменять генетику шимпанзе.

Кто дал им на это право?

Никакого разрешения и не нужно было. Галакты следовали такому образцу долгие эпохи: каждое поколение звездных существ выращивало следующее в процедуре, именуемой Возвышением.

В целом люди были лучшими хозяевами, чем многие… и он скорее предпочел бы быть разумным.

Нет. От земного клана его уводило не негодование, а своеобразная отчужденность. Бормотание мистиков пробшеров имело не больше значения,

чем отчаянные ходы Террагентского Совета, старающегося помешать перемалывающим силам подавляющей вселенной. Можно, конечно, сравнить искры, поднимающиеся от костра, со звездами, нависшими над головой. На первый взгляд они кажутся одинаковыми. Но какое значение имеет уголек в огромных масштабах вселенной?

Разве космосу не все равно, выживут ли люди или шимпы?

Даже в университете эти мысли тревожили Гарри. Связи его становились все менее прочными, пока не порвались одна за другой. И осталось только неопределенное желание найти что-нибудь постоянное и прочное. Что-нибудь заслуживающее быть всегда.

Поступив в Институт Навигации, под начало к Вер'Кв'квинну, он нашел это постоянное и никогда не жалел о своем решении.

Тем не менее Гарри удивляло, что и спустя годы к нему возвращаются видения пустынной планеты его юности. Хорст оставил глубокий след в его памяти. Его ветры в сухой траве. Запахи, которые осаждают обоняние, вцепляются когтями в носовые пазухи. В сознании запечатлелись картины: шаман, многоцветные пески, олени, прыгающие

звери, охотники с копьями.

И даже как официальный представитель галактической цивилизации, представляющий кислородный порядок на этом причудливом уровне реальности, где в каждом окне, словно картины Дали, мерцают аллафоры, Гарри по-прежнему видит столбы дыма, поднимающиеся от костров, тщетно пытаясь соединиться с далекими звездами.

ЛАРК

— Не сюда! — крикнула Линг.

Ее крик заставил Л арка остановиться, пробежав несколько метров по новому коридору.

— Но я уверен, что это лучший путь к нашему убежищу. — Ларк указал на тусклый изогнутый проход между серыми керамическими стенами. На борту лабиринтоподобного корабля джофуров на каждом перекрестке слышались сильные необычные запахи. Этот запах манил отчетливыми привкусами ЗЕЛЕНИ и УБЕЖИЩА.

— Я тебе верю, — кивнула Линг. — Поэтому мы и не должны идти туда. За нами могут следить.

Она больше не походила на звездную богиню, темные волосы коротко острижены, а светлая кожа покрыта сажей. В изорванной рубашке от своего некогда блестящего мундира Линг теперь кажется гораздо более дикой, чем жители Джиджо, которых она называла дикарями. В перевязи из ткани она несет алое кольцо, из которого, как из разрезанной сосиски, сочится жидкость.

Ларк понял, что она имеет в виду. С того времени, как они попытались повредить контрольную рубку дредноута, огромные джофуры и их слу-

ги-роботы преследуют их по всему гигантскому кораблю. И беглецы не должны привести преследователей к единственному месту, где можно найти пищу и убежище.

— Куда в таком случае? — Ларк не терпел открытых мест. Он сжимал их единственное оружие — круглую пурпурную трубку. Более крупная и здоровая, чем красная, она оставалась единственным ключом, чтобы открыть запертые двери и миновать стражников.

Линг гораздо лучше, чем он, знает звездные корабли. Но этот огромный корабль совсем другой. Она заглянула в темный туннель, изогнутый проход, который казался скорее органическим, чем искусственным.

— Просто выбери направление. Быстрей. Я слышу, они идут.

Бросив тоскливый взгляд в сторону их «гнезда», Ларк взял ее за руку и свернул под прямым углом направо, в другой проход.

Стены маслянисто блестят, каждый коридор или вход издает свой отчетливый запах, отчасти это заменяет полное отсутствие надписей. Хоть он и примитивный сунер, Ларк хорошо знал треки. У родичей джофуров совсем другая личность, но много общих физических черт. И, как урож-

денный джиджоанец, Ларк улавливал многие нюансы сложного языка запахов.

Несмотря на причудливые изгибы, он уже представлял себе общую схему гигантского корабля — это приплюснутый сфероид, набитый мощным оружием и приводимый в движение двигателями, способными искажать пространство несколькими способами. Остающееся пространство представляет собой лабиринт мастерских, лабораторий и загадочных помещений, которые ставили в тупик даже знакомую с межзвездными перелетами Линг. После того как они с трудом ушли из джофурской командной рубки, Ларк и Линг продвигались внутрь, назад в крошечный рай, где они спрятались после побега из камеры заточения.

В место, где они в первый раз любили друг друга.

Но груды жирных колец закрыли осевые падающие лифты, перекрыв легкий доступ к центру «Полкджи».

От этого весь корабль управляется неэффективно, немного погодя довольно объясняла Линг. *Они не могут рассылать экипаж по различным заданиям. Пока мы на свободе, мы причиняем им вред, Ларк!*

Он ценил ее стремление увидеть и хорошую сторону в их трудном положении. Даже если будущее кажется мрачным, Ларк чувствовал себя счастливым, пока находится рядом с ней.

Оглянувшись назад, Линг схватила его за руку. Звуки преследования раздавались все ближе. И тут Ларк и Линг услышали что-то с противоположного направления, за следующим резким поворотом.

— Мы в ловушке! — крикнула Линг.

Ларк бросился к ближайшей запертой двери. Ее сильный запах напомнил ему о базарных днях дома, когда на торговлю под навесами с грудами мульчи выставлялись на продажу недавно порожденные кольца треки.

Он направил пурпурное кольцо на пластину, чувствительную к запахам, и ерзающее создание выпустило струйку редкого тумана. *Давай делай свое дело,* молча торопил Ларк.

Их единственная надежда — в этом даре бывшего мудреца треки Аскса, который сумел ненадолго избавиться от господства джофурского мастер-кольца, чтобы вырастить два младенческих тора. Беглецы не имели понятия, для чего предназначено красное кольцо, но пурпурное чудо позволило им несколько невероятных дней оставаться сво-

бодными — с того самого мгновения, как боевой корабль стартовал с Джиджо в открытый космос по своему маниакальному делу.

Конечно, мы знали, что это не может продолжаться долго.

Дверной замок с мягким щелканьем принял кодированный химический ключ, дверь скользнула в сторону, позволив им через едкие испарения вбежать в тусклое помещение, разделенное многочисленными высокими стеклянными перегородками. Однако у Ларка не было времени разбираться во впечатлениях: в коридоре за ними прозвучал *человеческий* голос и послышался топот ног.

— Стойте! Глупцы, разве вы не понимаете, что делаете только хуже? Выходите, прежде чем они начнут использовать…

Закрывшаяся дверь отрезала гневные угрозы бывшего командира Линг. Ларк прижал пурпурного треки к внутренней чувствительной к запахам пластине, и кольцо начало испускать испарения — химические вещества, меняющие код замка. По опыту Ларк знал, что преследователям потребуется не менее полмидура, чтобы войти — если, конечно, они не пустят в ход тяжелые режущие инструменты.

Зачем это им. Они знают, что мы внутри в ловушке.

Его особенно раздражало то, что в угол его загнал Ранн. Третий человек-пленник перешел на сторону джофуров, возможно, рассчитывая тем самым освободить своих патронов богов ротенов из заключения на Джиджо. У Ларка не было выхода, поскольку пурпурное кольцо не окажет никакого воздействия на рослого даника.

Повернувшись, Ларк увидел, что стеклянные стены, которые тянутся от пола до высокого потолка, образуют гигантский виварий, а в нем — ряды извивающихся, дергающихся тварей.

Это крошечные кольца треки!

По прозрачным трубам в каждую нишу поступает коричневая, похожая на грязь жидкость.

Очищенная жидкая мульча. Детское питание. Мы в их яслях!

Само по себе кольцо треки не обладает разумом. На планете, где они эволюционировали, ползая в зловонных болотах, как хищные черви, одиночные кольца никогда многого не достигали. Только когда кольца треки начали соединяться и специализироваться, появился уникальный вид предразумной жизни, готовой к принятию и возвышению, которое и проделали их похожие

на моллюсков патроны поа.

Здесь экипаж «Полкджи» выращивает специализированные кольца, обладающие нужными навыками, чтобы стать членами экипажа.

Многообещающий способ воспроизводства. Несомненно, среди этих пульсирующих пончиков есть и мастер-кольца, созданные тысячелетия назад и преобразившие мирных рассудительных треки в непоколебимых грозных джофуров.

Ларк подпрыгнул, услышав раздающийся в узких проходах человеческий крик. С бьющимся сердцем он побежал, зовя Линг по имени.

Голос ее отражался от стеклянных стен.

— Скорей! Они меня загнали в угол!

Ларк обогнул виварий и наконец увидел ее. Линг пятилась от двух рослых джофурских рабочих, двигаясь в направлении ниши в дальней стене. *Это штат яслей,* сообразил Ларк. Каждая заостренная груда состояла по крайней мере из тридцати специализированных колец, она раскачивалась и шипела, достигая у основания двух метров в диаметре, и весила не меньше тонны. Восковые бока груд светились жизненной силой, какой никогда не бывает у треки дома на Джиджо, по кольцам пробегали многозначительные рисунки из света и темноты. Разноцветные

испарения поднимались из хемосинтезирующих пор, как щупальца манипуляторов, протягиваясь к Линг.

Она двигалась гибко, прыгая из стороны в сторону. Искала возможности использовать что-нибудь в качестве оружия. В глазах ее не было страха, и она не проявляла своей радости при появлении Ларка, не хотела привлекать к нему внимание.

Конечно, зрительные сенсоры джофуров смотрят одновременно во все стороны. Но с этим преимуществом связан и недостаток — медленная реакция. Первая груда все еще угрожающе нависала над жертвой, когда Ларк набросился на нее сзади. Каким-то образом подарок Аскса знал, куда направить поток едкого пара. Испарения окутали орган, подобный драгоценному камню, он быстро потускнел и задергался.

Вся груда задрожала, осела и застыла. Ларк не стал тратить времени, поворачиваясь ко второму врагу…

…но лишь обнаружил, что его правая рука зажата стальным щупальцем. Потянуло острым запахом ТРИУМФА: второй джофур подтягивал его к себе, продолжая сжимать.

Пурпурное кольцо дергалось в руке Ларка, но

химические брызги под невозможным углом, под выступающими кольцами джофура, не попадали в цель. Мастер-кольцо управляло другими кольцами с такой злобой и уверенностью, каких Ларк никогда не видел дома у спокойных треки. Сжатие становилось непереносимым, дыхание вырвалось в сдавленном болезненном крике.

Уши Ларка заполнились грохотом: дождь острых мокрых обломков обрушился на его спину.

Джофур испустил резкий вопль. И кто-то другой прокричал свирепое предупреждение на щелкающем стаккато галактического два:

Отпустить человека — ты должен.

Иначе остальные малыши — погибнут!

Сжатие отпустило ребра Ларка в то мгновение, когда он начал терять сознание. Джофур в неуверенности покачивался. Всматриваясь слезящимися глазами, Ларк увидел на большой груде осколки стекла, пол был мокрый. И тут он увидел Линг. Они присела в нескольких метрах, держа в руке согнутую металлическую трубу и угрожающе размахивая ею перед Другим виварием. Ларк не мог понять, где она нашла это оружие. Но на полу уже дергалось множество маленьких ко-

лец, вылившихся из одного вивария с кормящей мульчей. Некоторые пытались передвигаться на недоразвитых ногах или плавниках. Маленькие мастер-кольца размахивали чувствительными щупальцами, искали другие торы, чтобы господствовать над ними.

Ларк видел, что работник яслей колеблется в нерешительности.

Шум за дверью свидетельствовал, что экипаж «Полкджи» уже пытается открыть дверь. Очевидно, двум беглецам некуда деваться.

Джофур принял решение. Он выпустил Ларка.

Ларк удержался на подгибающихся ногах, не упал и нацелил пурпурное кольцо на сенсоры феромонов.

Через мгновение и второй работник присоединился к спячке первого.

Ну и ну, подумал Ларк. *Если это хрупкая нянечка, то не хотелось бы мне встретиться с их бойцом.*

Линг схватила его за руку и не дала упасть.

— Пошли, — торопила она. — Отдыхать некогда. У нас много дел.

— О чем ты говоришь? — попытался расспросить Ларк. Говорил он с трудом. Но Линг не дала ему опуститься на пол и отдохнуть.

— Я думаю, что знаю выход отсюда, — настойчиво сказала она. — Но будет тесновато.

Как и предсказывала Линг, грузовой контейнер оказался маленьким. Даже согнувшись вдвое, Ларк с трудом поместился в нем. Пурпурное кольцо ерзало в промежутке между его грудной клеткой и стеной.

— Я по-прежнему считаю, что ты должна идти первой, — пожаловался он.

Линг торопливо нажимала клавиши на сложной панели рядом с маленьким шаттлом.

— А ты умеешь это программировать?

Она права, хотя Ларку это не нравится.

— К тому же мы направляемся в неизвестность. Разве впереди не должен идти лучший боец?

Теперь Линг смеется над ним. Тот, кто пойдет первым, должен будет преодолеть сопротивление с помощью пурпурного дара Аксса или потерпит поражение. Физическая сила почти бесполезна против робота или взрослого джофура.

Ларк мимо Линг посмотрел на дверь яслей, где можно было увидеть красный блеск режущего факела. С его помощью с противоположной стороны проделывали отверстие. Очевидно, Ранн и джофуры отказались от попыток декодировать замок и решили использовать грубую силу.

— Но ты пойдешь за мной?

Вместо ответа она наклонилась и поцеловала его — вначале в лоб, благословляя, потом страстно в губы.

— Как тебе такое обещание? — спросила она, смешивая свое дыхание с его.

Линг попятилась, прозрачная крышка закрыла маленький контейнер, построенный для перевозки оборудования и образцов между мастерскими корабля джофуров. В Библосе, в джиджоанских архивах, была примитивная версия подобной системы: драгоценные бумажные книги и сообщения пересылались от библиотеки к библиотеке по узким трудам из бу.

— Эй! — крикнул Ларк. — Куда ты меня посы…

Шум и яркий блеск прервали вопрос и заставили Линг повернуться. Резак ускорил работу, как будто враг почувствовал необходимость торопиться. К ужасу Ларка, круг был почти закончен.

— Выпусти меня! — потребовал он. — Мы меняемся местами!

Линг покачала головой и возобновила программирование на панели.

— У нас нет выбора. Приготовься. Движение будет резким. Прежде чем Ларк мог снова возразить, часть стены с неожиданным грохотом упала. На

мгновение поле зрения заволокло облако дыма и искр. Но вскоре ворвутся воины джофуры… а Линг безоружна!

Ларк заколотил по прозрачной крышке, и тут в стремительной последовательности произошло несколько событий.

Линг опустилась на пол, где среди осколков вивария продолжали извиваться многочисленные маленькие кольца. Развязав перевязь, она осторожно опустила второй дар Аскса — раненое алое кольцо, — чтобы оно смешалось с остальными.

Среди клубов дыма в дверях показался высокий силуэт. Клинообразная фигура, несомненно, принадлежит Ранну, предводителю группы людей даников, поклявшихся в верности повелителям ротенам.

Линг встала. Оглянулась через плечо на Ларка, который в страхе за нее продолжал колотить по крышке.

Спокойно протянула руку к панели.

— Нет! Выпусти меня! Я…

Ускорение началось резко. Сложенное тело Ларка ударилось о стену.

Лицо Линг исчезло, и он полетел Ифни знает куда.

ДВЕР

— Они действительно ушли?

Двер прислонился к древнему, в неровностях окну. Всмотрелся в сверкающий ландшафт, чувствуя, что страшный холод космоса всего на расстоянии в палец от него.

— Не вижу никаких признаков, — ответил он Рети. — С твоей стороны тоже все чисто?

Его спутница, девушка лет четырнадцати, со шрамом на лице и с волнистыми волосами, прижалась к окну в противоположном конце пыльного помещения, когда-то бывшего контрольной рубкой великолепного корабля, но теперь похожего на грязную развалину.

— Ничего… если не считать кусков мусора, которые продолжают выпадать из этого ржавого ведра.

Она рукой ударила по ближайшей переборке. Из трещин в доисторических металлических стенах поднялись облака пыли.

Владельцы корабля, должно быть, очень странно устроены, поскольку окна для наблюдения располагались на высоте колена стоящего человека, а контрольные приборы находились на

высоких столбах посредине продолговатого помещения. Но какая бы раса ни владела когда-то этим кораблем, он, очевидно, был выброшен, как лом, свыше полумиллиона лет назад, когда оказался в огромной груде корпусов на дне Помойки под джиджоанским океаном.

Нахождение в ледяной воде способствовало сохранности. Тем не менее экипаж «Стремительного» совершил чудо, оживив десятки развалин для единственного недолгого полета. И, учитывая все обстоятельства, замечание Рети можно считать несправедливым.

Здесь есть воздух, думал Двер. *И машина, которая выдает пасту, пригодную в пищу… почти пригодную. Смерть нам не грозит. Пока.*

Не то чтобы положение ему очень нравилось. Но после того как в последние несколько дней он много раз был на волосок от смерти, Двер находил, что сохранение жизни и здоровья — это повод для удивления и радости, а не презрения и жалоб.

Конечно, у Рети свой, уникальный способ смотреть на мир. В конце концов ее молодая жизнь была гораздо более тяжелой, чем его.

я обнюхал каждый уголок этой старой лодки, послышался тонкий голосок, говоривший

на англике со свистящим оттенком и с ноткой торжества, *ни следа металлических чудовищ, ни одного! мы их всех испугали!*

Говоривший вышел на середину каюты на четырех миниатюрных копытцах — четвероногое, с двумя тонкими руками, как у кентавра, и длинной, извилистой, змееобразной шеей. Гордо подняв голову, маленький йи подошел к Рети и забрался в сумку у нее на поясе. Эти двое называют друг друга «мужем» и «женой»: такой союз был бы понятен джиджоанцу, но ошеломил бы гражданина цивилизации Пяти Галактик. Многословный урский самец и давно не мывшаяся, еще не достигшая половой зрелости девушка-человек — поистине странная пара. Двер покачал головой.

— Этим роботам наш свирепый вид нисколько не помешал. К тому же мы прятались в шкафу, испуганные до смерти, помнишь? — Он пожал плечами. — Ручаюсь, они не стали обыскивать корабль, потому что сразу увидели, что он пуст.

Ханнес Суэсси и его искусный дельфиний экипаж воскресили сотню лежавших на морском дне древних кораблей, чтобы замаскировать отлет «Стремительного» и дать землянам хоть небольшой шанс уйти от многократно превосходящего

их по силе дредноута джофуров. Присутствие Двера на одном из этих кораблей было результатом целой цепи случайностей. (Предполагалось, что сейчас он приземляется в воздушном шаре на горячем воздухе на Джиджо в районе Серых Холмов, выполнив свое старое обещание, а не удаляется в сплошной черноте от дикой природы, которую так хорошо знает.)

Но Рети планировала очутиться здесь! В ее изобретательном мозгу план захвата корабля зрел, должно быть, много недель, как теперь понял Двер.

— Эти жирные кольца выбросили нас, чтобы охотиться где-нибудь на дельфинов! Я знала, что это случится, — воскликнула Рети. — Теперь нам остается только направиться в Пять Галактик. Добраться до места, где большое движение, окликнуть какой-нибудь проходящий торговый корабль и заключить сделку.

Ее энтузиазм заставил его улыбнуться. Как легко разделывается Рети с осаждающими их проблемами! Такими, например, как тот факт, что все трое они примитивные джиджоанцы. Даже для блестящих Ларка и Сары, брата и сестры Двера, научиться управлять космическим кораблем было бы невероятно сложной задачей. А

ведь они младшие мудрецы в Сообществе Шести Рас. *А я всего лишь простой лесник! Как умение выслеживать зверей поможет нам перелетать от звезды к звезде?*

Что касается Рети, выросшей в диком племени изгнанников сунеров, то она всего несколько месяцев назад начала учиться читать.

— Эй, учитель! — приказала Рети. — Покажи, где мы!

К полу были прикреплены четыре серых ящика, соединенных проводами с древней контрольной панелью. Три из них оставлены дельфинами и запрограммированы на руководство кораблем в новом отвлекающем маневре. Четвертый ящик — портативный «советник», говорящая машина, которую дал Рети экипаж «Стремительного». Она уже показывала Дверу свою игрушку — до появления роботов джофуров.

Пассивные сенсоры действуют всего на семь процентов эффективности, ответил прибор. *Активные сенсоры вышли из строя. По этим причинам репрезентация будет соответственно неточной.*

Неожиданно между Рети и Двером возникло изображение… одна из тех волшебных голограмм, которые движутся и кажутся реальными.

В одном углу внизу гневный огненный шар — *Великая Измунути,* с суеверной дрожью понял Двер. Желтая точка в центре представляет их собственный несчастный корабль. Поблизости виднеется еще несколько желтых точек, которые медленно плывут вправо вверх.

Джофуры отпустили все захваченные корабли. Я полагаю, это означает, что они знают, где находится «Стремительный».

Двер подумал о Джиллиан Баскин, такой печальной и такой красивой, несущей бремя, которого ему никогда не понять. За то короткое время, что он провел на борту земного корабля, у него сложилось впечатление… Джиллиан думает, что нести это бремя ей уже недолго.

Но тогда к чему все это? Если нет никакой надежды уйти, зачем Джиллиан подвергает свой несчастный экипаж таким трудностям и страданиям?

Посмотрите на корабль джофуров, сказал учитель Рети. В правом верхнем углу появилась размазанная точка, которая быстро перемещалась налево, повторяя маршрут вблизи самой поверхности Измунути.

Он резко изменил направление полета и теперь движется на максимальной псевдоскорости

уровня С.

— А «Стремительный» ты можешь увидеть? — спросил Двер.

— Нет, не могу. Но судя по углу поворота «Полкджи», корабль землян закрыт красной гигантской звездой.

Рети сидела рядом с Двером на полу скрестив ноги, глаза ее горели отраженным светом голограммы.

— Забудь о землянах, — приказала она. — Покажи, куда мы направляемся!

Дисплей изменился, Измунути и джофурский фрегат скрылись из виду. Наверху голограммы появилось размытое пятно, скользкое на вид. Рядом видны были ряды символов и цифр — информация, которая могла бы иметь смысл для его сестры, но Дверу казалась просто пугающей.

— Это… *пункт перехода,* верно? — спросила Рети чуть дрогнувшим голосом. — Дыра, через которую мы пролетим в Пять Галактик?

— Да, в определенном смысле это дыра. Но этот пункт перехода не может служить линией прямого выхода из Четвертой Галактики — той, в которой мы находимся — в любую другую галактику. Чтобы осуществить это, мы должны проследовать вдоль какой-нибудь линии перехода

к другому гиперпространственному пункту связи. Гораздо большему и дающему возможность совершать длительные прыжки.

— Ты хочешь сказать, что нам придется несколько раз перепрыгивать из потока в поток? — спросил Двер, сравнивая этот полет с плаванием в каноэ по горной реке.

— *Ваша метафора имеет ограниченное сходство. Согласно новейшим навигационным данным, выход из этой галактики в более населенные районы может быть достигнут серией из пяти переходов, или трех переходных пунктов плюс два долгих прыжка через гиперпространство А, или через два трудных пункта перехода плюс один прыжок на уровне А и три на уровне В, или…*

— Достаточно, — сказала Рети, хлопнув руками, чтобы остановить машину. — Сейчас мне нужно только узнать, доберемся ли мы до пункта?

Последовала короткая пауза: машина думала.

— *Я обучающее устройство, а не корабельный навигатор. Могу только сказать, что наша псевдоинерция уровня С кажется достаточной, чтобы достичь периферии пункта перехода. И энергии корабля может хватить для перелета к одному из ближайших пунктов перехода.*

Рети не нужно было говорить. Довольное

выражение лица говорило за нее. Все идет в соответствии с ее изобретательным планом.

Но Двера не так легко обмануть.

Она, может быть, умна, подумал он. *Но в то же время безумней спятившего мульк-паука.*

Он знает это с того времени, когда они едва не погибли много месяцев назад в горах Риммер, захваченные древним существом, которое Двер называл Один-в-своем-роде. С тех пор смелость Рети стала походить на безрассудную манию. Двер полагал, что Рети жива только потому, что Ифни благоприятствует безумцам, бросая ради них особую кривую кость.

Он понятия не имел, что такое пункт перехода, но это кажется опасней, чем дразнить руола, тыча ему в морду зловонного червя.

Ну ладно, вздохнул Двер. *Сейчас делать нечего.* Как следопыт, он умел терпеливо ждать, позволяя природе идти своим курсом.

— Как скажешь, Рети. Теперь давай выключим эту проклятую штуку. Покажи мне еще раз пищевую машину. Может, мы сумеем научить ее выдавать что-нибудь получше этой жирной пасты.

ГАРРИ

Он переосмыслил станцию так, чтобы она выглядела наподобие марсианского паука — черное овальное туловище на тонких, как стебельки, ногах. Это было частью плана Гарри, как справиться с этими копиями банановых шкурок.

Обдумав положение и сверившись с архивом символических ссылок, он решил, что желтые штуки могут служить аллафорическим представлением искажений времени в малом масштабе, каждый такой завиток оборачивается вокруг нескольких пространственных измерений. Наталкиваясь на такой завиток, вы вначале почти не встречаете сопротивления. И вдруг, без всякого предупреждения, оказываетесь на скользком отвратительном поле, которое на большой скорости отбрасывает вас назад, к пункту вашего происхождения.

Если это теория справедлива, ему повезло, что он пережил первое столкновение в этими отвратительными тварями. Второй неверный шаг может оказаться гораздо более… энергичным.

Поскольку полет кажется в этой части пространства Е меметически невозможным, морфо-

логия паука лучшая идея, какая могла прийти Гарри в голову. Она предлагает воображаемую возможность маневрирования, чтобы избежать опасности: длинные паучьи лапы переносят станцию с одного устойчивого места на другое. Но переход будет рискованным, поэтому Гарри на несколько дней отложил попытку, надеясь, что риф аномальности претерпит еще одно изменение. В любой момент эти надоевшие «шкурки» могут просто раствориться или превратиться в нечто менее опасное. И пока у него сохраняется хороший вид на охраняемую территорию, лучше просто сидеть на месте и ждать.

Конечно, он понимал, почему на этот пост был назначен рекрут с Земли, относящийся к самому низкому классу. Вер'Кв'квинн сказал, что тесты Гарри свидетельствуют об идеальном сочетании цинизма и оригинальности и делают его лучшим кандидатом в наблюдатели в аллафорическом пространстве. Но по правде говоря, уровень Е непривлекателен для большинства кислорододышащих. Большие кланы цивилизации Пяти Галактик в лучшем случае считают его неприятной и причудливой странностью. Опасной и непредсказуемой. В отличие от уровней А, Б и Ц уровень Е предлагает немного кратчайших

путей, минующих обширный вакуум реального пространства. Всякий, кто спешит — или у кого есть инстинкт самосохранения, — выберет скорее пункты перехода, гипердрайв или мягкоквантовые туннели, а не пространство, в котором царствуют капризные субъективности.

Конечно, кислорододышащие — наиболее крикливые и исступленные представители восьми порядков жизни. Замечая водородников, кванты, мемоиды и другие экзотические типы, Гарри вел записи, фиксируя их безразличие к течению времени. *Они не считают время своим врагом, как считаем мы, кислородные типы.*

Его начальники в Институте всегда с жадностью принимали данные о подобных полетах, хотя Гарри не мог понять почему. Порядки разума редко взаимодействуют друг с другом, они словно занимают разные вселенные.

Тем не менее в этой странности можно спрятать что угодно, и именно эта особенность иногда привлекает сюда жизнь, основанную на кислороде. Иногда какая-нибудь фракция или союз посылают через пространство Е боевой флот, предпочитая испытывать неудобства, но застать противника врасплох. Или преступники могут надеяться тайно пройти по этому предательскому

царству. Гарри учили высматривать сунеров, генных грабителей, синтоворов и тех, кто старается обойти строгие правила миграции и Возвышения. Правила, которые до сих пор не позволяли космосу погрузиться в хаос и разрушения.

Гарри не питал иллюзий относительно своего статуса. Он знал, что его работа опасна и скучна и большие институты поручают ее клиентам самых незначительных кланов. Но он серьезно относился к своей клятве, данной Институту Навигации и Вер'Кв'квинну. И собирался всем сомневающимся показать, на что способен неошимп.

Эта решимость подверглась серьезному испытанию, когда он проснулся в следующий раз и всмотрелся через планки жалюзи. И, удивленно мигая, увидел ряды зубчатых зеленых хребтов, появившихся, пока он спал. Неторопливо разворачиваясь на равнине, они напоминали полупогруженный торс какого-то гигантского морского змея и уходили к обоим горизонтам, закрывая панораму пурпурной равнины.

Время здесь течет неторопливо, и могло пройти несколько псевдодней, прежде чем исчезнет преграда, закрывавшая вид. Гарри некоторое время смотрел, как медлительно поднимаются и опус-

каются завитки змея, гадая, какая комбинация реальности и его собственных мыслительных процессов могла породить такое видение. Если это и мемоид — еще одна самостоятельная живая абстракция, он достаточно велик, чтобы поглотить большинство других, более скромных идеализации, пасущихся поблизости.

Когда концепция сильно разрастается, становится ли она частью ландшафта? Сливается ли она с основанием пространства Е? Принимает ли эта «идея» участие в мотивации всего космоса?

Одно несомненно: когда нечто подобное встает на пути, он не в состоянии наблюдать за отведенной для него областью.

К несчастью, проклятые банановые шкурки по-прежнему окружают его станцию, как смертоносное аллафорическое минное поле. Однако очевидно, что пришло время передвинуться.

Когда он впервые попытался вручную управлять движением ног-стебельков, станция покачнулась. Очевидно, его высокая башня превышает пределы вертикальности в этом районе, где местные законы физики запрещают полеты. Сооружение накренилось и трижды едва не упало, прежде чем он приспособился.

Увы, передать управление станцией компью-

теру невозможно. «Режим пилотирования» в пространстве Е часто бесполезен: машины слепы и глухи к аллафорам, лежащим прямо перед ними.

— Ну, поехали, — сказал Гарри и осторожно двинул платформу вперед, поднимая одну паучью лапу, пронося мимо желто-коричневой «шкурки» и ставя на самое надежное место в пределах досягаемости. Проверив устойчивость, он переместил центр тяжести станции и переносил вес вперед, пока не почувствовал, что можно делать второй шаг.

Процесс похож на игру в шахматы: нужно думать на десять ходов вперед, потому что вернуться назад невозможно. «Обратимость» — бессмысленное слово в этом континууме, где *смерть* может быть всего лишь одним из атрибутов живого существа, а *энтропия* — еще один концепт, охотящийся в саванне идей.

Передвижение превратилось в медленный, напряженный процесс, скучный и поглощающий все внимание. Гарри стал еще больше презирать символы банановых кожурок. И использовал свою ненависть, чтобы усилить сосредоточенность, осторожно пробираясь посреди желтых эмблем скользкости и зная, что любой неверный

шаг может отбросить станцию к забвению.

Каким-то образом — он это знал — кожурки чувствовали его отвращение и ненависть. Их границы под его взглядом как будто слегка съеживались и становились отчетливей.

Нам не нужны для этой работы бесстрастные наблюдатели, объяснял Вер'Кв'квинн, когда Гарри приняли в корпус наблюдателей на базе Каззкарк.

Мы можем выбрать многих других, чье сознание более дисциплинированно. Они отчужденней, осторожней и во многих отношениях разумней. Такие добровольцы нужны повсюду. Но в пространстве Е больше подходит кто-нибудь вроде тебя.

Спасибо, ответил Гарри. *Вы хотите сказать, что я не должен быть скептичен, когда отправляюсь на задание?*

Командир отряда наклонил большую червеобразную голову. Шуршащие пластинки произносили слова на щелкающем галактическом пять.

Только те, кто проявляет скептицизм, готовы к истинным приключениям, продолжал Вер'Кв'квинн. *Но есть много разновидностей скептицизма. Твой скептицизм прочный, земной, внутренний. Вы, молодые земляне, восприни-*

маете окружающее лично, как будто космос особенно заинтересован в том, чтобы причинять вам неприятности. На большинстве уровней реальности это отъявленная ошибка гордости солипсизма. Но в пространстве Е это, возможно, единственный способ справиться с *идиосинкразическим космосом.*

После этого разговора Гарри испытал смешанные чувства — как будто только что получил смертельное оскорбление и одновременно высочайшую похвалу в жизни. И почувствовал еще большую решимость.

Возможно, Вер'Кв'квинн этого и добивался.

Я вас ненавижу, мысленно обращался Гарри к нелепым, оскорбительным желтым кожуркам. На каком-то уровне это могут быть нейтральные завитки пространства, описываемые холодными уравнениями. Но здесь они своим видом словно насмехались над ним, вызывая глубокое отвращение, и Гарри использовал его как преимущество. Он вел станцию так, словно каждый небольшой успех еще больше унижает реального врага.

Ему стало жарко, он вспотел. Проходил один напряженный час за другим, и густой острый запах постепенно заполнил купол.

Наконец проворным ловким движением Гарри

перенес свой экипаж через последнее препятствие и глубоко вздохнул, чувствуя себя уставшим, вспотевшим и торжествующим. Может быть, на каком-то уровне аллафоры поняли, что потерпели поражение, потому что в то же мгновение «шкурки» начали трансформироваться, желто-коричневые морские звезды отращивали иглы и завитки…

Гарри не стал ждать, чтобы посмотреть, чем они станут. Он приказал режиму пилотирования поскорее убираться отсюда.

Потребовалось какое-то время, чтобы миновать зеленое «морское чудовище», ныряя в промежутки между его разворачивающимися завитками. Переход заставил Гарри понервничать, глядя на участки гигантского торса этой ожившей концепции. Но вот наконец он может свободно передвигаться по открытой местности. Мимо понеслась пурпурная равнина. Гарри нацелился на самый перспективный наблюдательный пункт — коричневый холм, который выглядит достаточно постоянным и в то же время слишком голым и земным, чтобы привлечь голодных мемоидов. В таком месте он может остановиться и мирно возобновить исполнение своих обязанностей патрульного.

Возвышение находится на некотором удалении — не меньше нескольких мидуров субъективной протяженности. Тем временем окружающее пространство выглядит спокойным. Несколько замеченных Гарри аллафорических тварей торопливо уходили с его пути. Большинство хищных мемоидов не любит упрощенные запахи металла и других твердых веществ, которые вторгаются с других уровней реальности.

Гарри решил, что можно спуститься вниз и принять душ. Затем, расчесывая густые завитки волос, приказал автоповару приготовить что-нибудь поесть. Подумал, не поспать ли, но обнаружил, что все еще слишком напряжен. В таком состоянии сон будет полон видениями и не принесет отдыха. И вообще разумней присматривать, когда корабль движется. Режим пилотирования не может замечать все.

Решение оказалось верным. Поднявшись в купол, Гарри заметил, что его верный корабль гораздо ближе к цели, чем он ожидал. *Какой быстрый прогресс. Мы уже на полпути вверх по холму,* подумал Гарри, рассматривая местность в окна. *Превосходное место для наблюдений.*

И тут на приборной доске сразу несколько инструментов начали возбужденно гудеть.

Проверив показания, Гарри понял, что прямо впереди, за вершиной хребта, находится что-то состоящее преимущественно из прочной материи. Это не форма другого порядка жизни. Все подозрительно знакомые признаки, которые его научили замечать в поисках кораблей Цивилизации Пяти Галактик.

Кислородники, понял Гарри.

Попались!

Проверяя оружие, он испытал прилив возбуждения. Именно к этому его готовили. К встрече с собственным порядком жизни, который появляется в мире, где Нет места существам из протоплазмы. Гарри предвкушал удовольствие, которое испытает, когда остановит и станет осматривать корабль какого-нибудь напыщенного, высокомерного клана, вроде соро или танду. Придется им проглотить это оскорбление: ведь их поймает и будет проверять простой шимпанзе из клана земных волчат.

Ты здесь не для того, чтобы воевать, напомнил себе Гарри, готовя оборудование станции.

Главная твоя задача — наблюдать и докладывать.

Тем не менее он — представитель закона и обладает правом допрашивать кислородные

существа, которые оказываются на этом уровне. И вообще подготовка оружия — разумная предосторожность. Во время работы в пространстве Е разведчики часто исчезают. Конечно, нападение шайки преступников может показаться слишком приземленным по сравнению с пожиранием какой-нибудь самостоятельно передвигающейся идеей… но ты все равно будешь мертв.

Привидение не движется, с некоторым удивлением заметил Гарри. *Просто стоит на месте, чуть ниже вершины. Может, корабль сломался или столкнулся с какими-то неприятностями. Или еще…*

В голове у него возникла мысль о засаде. Привидение может поджидать его.

Но ведь оборудование Гарри специально подготовлено для использования на уровне Е, а у пришельцев могут быть только обычные корабельные инструменты. Вполне вероятно, что они вообще еще его не заметили.

Я могу захватить их врасплох.

Но по мере того как проходили дуры и псевдорасстояние до цели сокращалось, Гарри начал сомневаться в том, насколько хороша его идея. В этом континууме большинство кислородных существ нервничают. Может быть, испытывают

воинственность. И сюрприз может оказаться не таким уж выгодным. Он слишком поздно вспомнил, что станция по-прежнему выглядит как паук! Свирепо выглядящая, на длинных лапах, она делает огромные шаги. Такое устройство дает ему хороший обзор… и делает уязвимым для огня, если встреченные возьмутся за оружие.

Ну, менять что-либо уже поздно. Готов я или нет, начинается!

Переваливая через метафорический холм, Гарри включил транспондер распознавания, смело передавая символические ссылки на свой официальный статус и принадлежность к одному из высших институтов галактической культуры.

Пришелец появился на виду, заполнив переднее смотровое окно — приземистая продолговатая фигура, напоминающая бронированного жука с грозными клешнями. Эти клешни угрожающе протянулись к Гарри. Ряды длинных тонких эмиттеров над лбом жука раскачивались, как чувствительные антенны, вызывающе посылая навстречу Гарри агрессивные символические ответы на его вызов. Дергающиеся клубки материального значения стремительно преодолевали расстояние между кораблями. И когда первый клубок ударился о переднюю панель, послы-

шался хлюпающий звук, перешедший в крик, который заполнил все помещение.

СДАВАЙСЯ, ЗЕМЛЯНИН! СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО! КАПИТУЛИРУЙ ИЛИ УМРИ!

Гарри замигал. Он несколько дуров просто смотрел, держа руку на управлении оружием, а в окно продолжали стучать новые угрозы.

ПОКОРИСЬ! ПРИГОТОВЬСЯ К ВСТРЕЧЕ С ТВОИМИ СОЗДАТЕЛЯМИ! СПУСТИ ШОРТЫ! ЗОВИ НА ПОМОЩЬ ДЯДЮШКУ! СДАВАЙСЯ ВО ИМЯ ЗАКОНА!

Неожиданно Гарри издал низкий стон.

Должно быть, это Засусазу… мой сменщик. Неужели срок дежурства кончился?

Кто еще может сидеть на холме в пространстве Е, на открытом месте, как не еще один проклятый глупый доброволец Вер'Кв'квинна?

Об оконные щиты ударялись все новые оскорбительные клише, заставляя купол болезненно резонировать, и наконец Гарри ответил собственным залпом. Одно за другим он отправлял Засусазу красочные земные проклятия, удовлетворяя страсть коллеги к живописным земным ругательствам.

— Смейся, пока можешь, жабья морда! Проглоти и это, переросший комок слизи! Заплесневевший

сыр! — Он рассмеялся, отчасти облегченно, отчасти потому, что увлечение Засусазу показалось ему очень глупым.

Что ж, все, кто работает на Вер'Кв'квинна, в той или иной степени немного тронулись, подумал Гарри, стараясь быть великодушным. *Засусазу лучше многих других. Он по крайней мере любит небольшие сюрпризы.*

Тем не менее, обменявшись докладами со своим сменщиком и предоставив Засусазу распоряжаться в царстве идей, Гарри задумался над причиной своего чувство облегчения. Дежурство было трудным, и он заслужил отдых. Однако, несмотря на раздражение, опасность и одиночество пространства Е, он всегда испытывает некоторое разочарование, когда дежурство заканчивается. И можно возвращаться домой.

Домой? Может быть, проблема именно в этом слове.

Он подумал над ним, словно это концептуальная тварь, бродящая по пурпурной равнине.

Оно не может означать Хорст, так как я ненавижу каждую минуту, проведенную там. Или Землю, где я провел всего один год, в одиночестве и смятении.

Может ли домом служить база Каззкарк, если

другого дома у меня нет?

Может ли исполнять эту роль Институт Навигации, теперь, когда я должен служить ему верно, как служат роду или стране?

Гарри понял, что не знает, как определить это слово.

С того момента, как он впервые прилетел сюда с Каззкарка, все внешние ориентиры и приметы изменились. Тем не менее оставалось общее впечатление привычности и знакомства. Гарри никогда не опасался заблудиться.

И не очень удивился, когда красно-синее небо над головой постепенно наклонилось, соприкасаясь с «землей», подобно огромной опускающейся стене. Он принял на себя управление станцией. Осторожно, маневрируя вручную, ввел станцию в удобное отверстие в небе.

САРА

Мудрецы говорят нам, что с покорностью и смирением приходит особый душевный мир.

С отказом от борьбы за жизнь.

С отказом от надежды.

Впервые Сара по-настоящему поняла эти древние слова, наблюдая за тем, как Джиллиан Баскин решает, жить им или умереть.

Никто не сомневался в том, что светловолосая женщина, представитель Террагентского Совета, обладает правом, долгом и мудростью, необходимыми для того, чтобы сделать этот выбор — для себя самой и для всех на борту. Ни дельфины, ни Ханнес Суэсси, ни машина Нисс. Казалось, с этим согласен и немой друг Сары Эмерсон, хотя сама Сара сомневалась, насколько искалеченный бывший инженер понимает смысл лихорадочно вспыхивающих на голографическом дисплее огоньков вблизи изображения могучей Измунути.

Даже подростки из порта Вуфон — Олвин, Гек, Ур-ронн и Клешня — признают власть командира. И если Джиллиан считает нужным отправить «Стремительный» к несозревшему переходному

пункту — в попытке заманить за собой врага и спасти Джиджо, мало кто на борту этого побитого корабля проклянет ее решение. По крайней мере оно принесет конец бесконечным бедам.

Мы смирились. Я обрела мир, и доктор Баскин тоже.

Но теперь положение не кажется таким простым. Она Увидела альтернативу… и эта альтернатива хуже ада.

Деятельность экипажа на борту корабля была Саре по большей части совершенно непонятна — и на заполненном водой мостике, и в сухой комнате для совещаний, где дельфины передвигались в специальных устройствах для ходьбы.

Конечно, сведения Сары о галактической технологии устарели на два столетия: она приобрела их, читая на Джиджо немногие бумажные книги. Однако ее теоретическая подготовка оказалась удивительно пригодной для понимания условий местного пространства-времени. А вот практические дела экипажа ставили ее в полный тупик: дельфины передавали доклады о положении корабля по кабелям, вживленным прямо в мозг, посылали друг другу инфопакеты из крошечных клубков полуразумного света. А когда они говорили вслух, то обычно на арго из щелканий и

возгласов, не имевшем ничего общего ни с одним из стандартных галактических языков. Однако ничто не приводило Сару в большее изумление и благоговение, чем присутствие при попытках доктора Баскин получить информацию от захваченной ячейки Галактической Библиотеки.

Большой куб располагался в собственном помещении, окруженный ледяным туманом; на одной стороне куба изображена спираль с лучами, известная даже диким племенам на Джиджо. Внутри этих двенадцати граней и шести ограничивающих плоскостей находилось такое собрание знаний, которое делало архив в Библосе подобным одной слезинке по сравнению в огромным морем.

Джиллиан Баскин обращалась к Библиотеке, одетая в призрачное одеяние из иллюзий, ее стройная человеческая фигура скрывалась под созданным компьютером изображением чудовищного, с грубой кожей, существа — «тенанинца». Сара наблюдала из тени и только удивленно мигала, пока старшая женщина с помощью этой сложной маскировки на гортанном диалекте галактического шесть задавала вопросы о загадочных существах, известных как занги.

Но вопросы ее воспринимались не очень лю-

безно.

Берегись общения с другими порядками жизни, гудел холодный голос. Сара приняла это за ритуальное предупреждение.

Благоразумные контакты лучше всего проводить в глубине Величественной Чаши, где рожденные порознь могут благополучно сочетаться.

В этом глубоком месте различия стираются и рождается единство.

Но здесь, в черном вакууме, где пространство плоское и лучи света могут распространяться прямо, молодые расы не должны смешиваться с другими порядками. Здесь они подобны враждебным газам. Соединение может привести к воспламенению.

Пораженная пророческим тоном архива, Сара задумалась над тем, как его иносказательный язык напоминает тексты Священных Свитков, которые дома на Джиджо верующие читают вслух во время праздников. То же нежелание дать прямой ответ можно найти и во многих божественных книгах, которые она встречала в архиве Библоса, книгах, унаследованных от длительной земной ночи одиночества. Эти древние тома, различаясь во многом, одинаковы в

своей аллегорической двусмысленности и непонятности.

В науке — в подлинной науке — всегда есть способ уточнить вопрос, затруднить увиливание от прямого ответа. Природа, возможно, ответит не сразу, но по крайней мере всегда можно понять, когда начинаются отговорки и увиливания. Напротив, мистическая двусмысленность кажется величественной и поразительной, от нее по спине могут поползти мурашки. Но в конечном счете все сводится к уходу от прямого ответа.

Да, но у древних землян — и у первых джиджоанских мудрецов — было оправдание. Невежество. Иносказания и неясность естественны для тех, кто не знает другого пути. Однако я никогда не ожидала ничего подобного от Галактической Библиотеки.

С самого детства Сара мечтала о встрече с такой ячейкой. Она могла бы получить ответы на все загадки, которые смущали ее и ставили в тупик, могла бы погрузиться в облака очищенной мудрости, собранной великими мыслителями миллионов рас за миллиарды лет. И теперь чувствовала себя подобно Элли, обманутой шарлатаном из Изумрудного города.

О, знание должно быть здесь, это несомненно,

оно заключено в глубинах этого ледяного куба. Но Библиотека не хочет делиться им — даже с доктором Баскин в обличье военачальника благородного клана.

Гр-тутупф-маникхочеш, зангиш торгх мф, потребовала Джиллиан в своем облике теннанинского адмирала. *Маник-хофтупф, мф!*

Кнопка в ухе Сары перевела с эксцентрического диалекта.

— Мы понимаем, что занги по своей природе не любят сюрпризы, — говорила доктор Баскин. — Расскажи, какова их типичная реакция на один резкий шок, за которым последуют другие.

На этот раз Библиотека смягчилась, но лишь немного.

Термин «занги» относится к одному подвиду водорододышащих существ, который наиболее часто встречается в открытом пространстве кислородной жизни. Большинство водорододышащих редко покидают удобства плотных вихрей своих тяжелых планет…

Лекция продолжалась, приводилась информация, которую в обычном состоянии Сара нашла бы поразительно интересной. Но сейчас на это нет времени. Менее чем через мидур предстоит принять важнейшее решение.

Должен ли «Стремительный» продолжать полет к воскресшему пункту перехода? Проспав полмиллиона лет — с тех самых пор, как Четвертая Галактика была объявлена невозделанной и запретной для разумной жизни, — этот пункт скорее всего не пригоден для безопасного прохода. Тем не менее это жуткое воскрешение предлагало экипажу «Стремительного» возможность.

Решение Самсона. Обрушить крышу на врагов и на самого себя.

Однако теперь судьба предложила еще одну необычную возможность. Присутствие машин-коллекторов и кораблей зангов по-прежнему оставалось необъяснимым. Армада, собирающая урожай, казалась слабой, разметенной в смятении неожиданной бурей на Измунути. И все же… *Может быть, они помогут нам победить джофуров, и нам не придется приносить себя в жертву?*

Приказы Террагентского Совета делали очевидной главную задачу Джиллиан. На корабле есть сокровище — реликты огромного значения, которые могут дестабилизировать все Пять Галактик, особенно если их захватит один фанатичный клан. Бедная маленькая Земля не может нести ответственность за то, что один фанатичный

союз получит преимущества перед другими. Это самый верный путь к уничтожению Земли. Кораблю вместе с экипажем лучше погибнуть, чем позволить какой-нибудь злобной группе вроде джофуров захватить монополию. Особенно если действительно наступило предсказанное в пророчествах Время Перемен.

Но что если «Стремительный» каким-нибудь образом сможет передать свою обузу законным властям? В идеале это заставило бы великие институты и умеренные кланы покончить с колебаниями и принять на себя ответственность. До сих пор безжалостное преследование и повсеместные нарушения закона делали этот кажущийся простым шаг невозможным. Нейтральные силы оказались трусливыми и не хотели помогать «Стремительному» достичь безопасности. Но если все сделать правильно, успех принесет землянам триумф в эпических пропорциях.

Несомненно, проходящие часы не помогают Джиллиан принять окончательное решение. Она долго слушала сухую и напыщенную лекцию ячейки и наконец прервала ее:

— Не нужно еще раз говорить мне, что занги терпеть не могут сюрпризы! Мне нужен практич-

ный совет. Откроют ли они немедленно огонь, если мы к ним приблизимся? Или дадут нам возможность поговорить?

— Мне нужен протокол контакта!

Библиотека продолжала уходить от ответа или снабжала Джиллиан бесполезными подробностями. Сара стояла в таком месте, где ей не мешала теннанинская маскировка, и видела, что Джиллиан все больше напрягается и раздражается.

Есть другой источник, подумала Сара. *Еще кое-кто на борту, способный помочь нам с зангами.*

До сих пор она не решалась говорить об этой возможности. В конце концов у нее подозрительный источник. Падшие существа, чьи предки отказались от разума и знаний о пространственных дилеммах. Но теперь, видя, как проходят драгоценные дуры и растет раздражение Джиллиан, Сара поняла, что должна вмешаться.

Если нам не может помочь Великая Библиотека, может, стоит обратиться к неправдоподобным легендам.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

С тех пор как мы, смелые любители приключений, присоединились к землянам в их безнадежном поиске, я сравниваю наше положение с предыдущим путешествием в самодельной подводной лодке. Вначале это была небольшая летняя прогулка, но потом четверо подростков опустились на морское дно, а оттуда взлетели к звездам.

Конечно, наша маленькая «Мечта Вуфона» всего лишь выдолбленный ствол со стеклянным носом, едва вмещающий ура, хуна, квуэна и г'кека — и то при условии, что мы будем дышать по очереди. «Стремительный» в сравнении с нашей лодкой необыкновенно просторен, в него войдут все куты нашего порта Вуфон. На его борту удобства, о которых я даже не имел представления. Хотя всю молодость провел, читая груды земных романов о временах звездных перелетов.

И все же у этих двух путешествий есть сходство.

В каждом случае мы рисковали добровольно, бросаясь в бездну неизвестности, чтобы встретиться с неожиданными чудесами.

В обеих экспедициях у меня и моих друзей были разные задачи.

И, разумеется, на борту «Стремительного», как и в «Мечте Вуфона», у меня самая неприятная работа.

Смотритель животных. Это я.

Ур-ронн последовала своей страсти к машинам и сейчас помогает команде Суэсси в работе с двигателями.

Клешня выполняет поручения команды мостика. Он прекрасно проводит время, переходя от заполненных водой помещений в сухие и обратно. Ведь он амфибия, и он щелкает клешнями с типичным квуэнским энтузиазмом.

Гек счастливо вращает колеса. Она играет роль шпиона, размахивая всеми четырьмя глазными стебельками, чтобы вывести из себя пленных джофуров в их камере. Вид живого г'кека приводит их в ярость и заставляет выдать информацию, которую они в других условиях ни за что не выдали бы. Я называю это школой допроса *«ня-ня»*.

Всем троим приходится взаимодействовать с дельфинами, помогая им. И даже если скоро нас разорвет на кусочки, у Гек и остальных есть пока интересное занятие.

Но я? Я застрял в трюме, присматривая за

двадцатью блеющими глейверами и парой капризных нуров, все они вместе способны на разговоры не больше, чем квуэнские личинки.

Согласно машине Нисс, один из этих нуров должен быть весьма разговорчив. Это вообще не нур, а *титлал* — представитель звездной расы, которая выглядит как нуры, пахнет нурами и обладает таким же плутовским характером. Несколько титлалов все эти годы скрывались на Джиджо, и мы ни о чем не подозревали. Седьмая раса сунеров — незаконных поселенцев, они пользовались благами нашего Сообщества, но не позаботились формально присоединиться к нему.

Признаю, для этого требуется немалая сообразительность. Но Грязнолапый ведет себя точно так же, как моя любимица Хуфу. Бродит повсюду, ест все, что не заперто, и облизывает гладкую черную шерсть вплоть до пятнистых лап, по которым и получил прозвище. Все считают, что я специалист по уговариванию нуров, потому что хунские моряки нанимают нуров для помощи на парусных кораблях, и там они деловито снуют по снастям и реям, получая в качестве платы ворчание и кусочки пищи. Но я скажу: это только доказывает, как легко обмануть хуна. Тысяча лет. Вот как долго мы работали с этими проворными

существами, ни о чем не догадываясь.

А теперь они просят меня уговорить Грязнолапого снова заговорить.

Да, верно. И этот мой дневник будет опубликован, когда мы прилетим на Землю, и получит премию Шелдона.

Хуфу и Грязнолапый по-прежнему обмениваются сердитыми взглядами и ревниво шипят — впрочем, это обычное поведение нуров, которые еще не выработали понимание своего статуса. Тем временем я стараюсь заботиться об остальных своих подопечных.

В моем родном городе, на вулканическом берегу Склона, никогда не бывает много глейверов. Они любят рыться в гниющих отбросах и гнилых стволах, отыскивая жирные личинки, но на борту «Стремительного» ничего этого нет.

Доктор Баскин договорилась об обмене с кузнецом Уриэль: вместо этого небольшого стада на Джиджо осталось несколько десятков членов экипажа, образовав колонию дельфинов. Обмен кажется неравным. Глядя на глейверов, которые блеют и жмутся к стенам в углу трюма, я не могу представить себе, что их предки были могучей звездной расой. В их выпуклых глазах — каждый движется самостоятельно, осматривая металли-

ческие стены в поисках насекомых — нет ни следа разума. Согласно Священным Свиткам Джиджо, это делает четверолапые существа с опаловой кожей святыми. Они достигли высшей цели, к которой стремится любая раса сунеров, — добились опрощения, пройдя по пути Избавления.

Обновленные, очистившиеся от грехов предков, они смотрят в лицо вселенной с подлинной невинностью и готовы к новому началу. Так по крайней мере утверждают мудрецы.

Прошу прощения за то, что на меня это не производит впечатления. Видите ли, мне приходится убирать за этими вонючими тварями. И если какая-нибудь раса патронов примет на себя благородную задачу нового возвышения глейверов, им прежде всего придется позаботиться о гигиенических привычках.

На первый взгляд невозможно понять, что общего у этих грязных животных с привередливыми нурами. Но и те и другие любят, когда я раздуваю горловой мешок и испускаю низкий гулкий звук — хунскую песню-ворчание. С тех пор как у меня появились взрослые позвонки, голос мой стал низким и звучным и я им горжусь. И когда «Стремительный» делает неожиданный маневр и его гравитационное поле изменяется,

голос помогает мне успокаивать тварей.

Я стараюсь не думать о том, где сейчас находится корабль, который с невероятной скоростью проносится в огне гигантской звезды.

К счастью, редактируя дневник и внося в него дополнения с помощью маленького прибора — учителя-писца, который дала мне доктор Баскин, я могу одновременно ворчать. Я уже привык работать с буквами, которые плывут передо мной, а не ложатся на испачканную чернилами бумагу. Так работать гораздо удобней, менять и переставлять предложения — вручную или по приказу голосом. Тем не менее мне бы хотелось, чтобы машина перестала править мою грамматику и синтаксис! Я, конечно, не человек, но на Джиджо я один из лучших специалистов по англику, и мне совсем не нужно, чтобы нахальный компьютер называл мой язык «архаическим». Если когда-нибудь мой дневник будет опубликован в цивилизованном мире, я уверен, что мой колониальный стиль признают очаровательным, подобным старинным книгам Дефо и Свифта.

Все труднее бороться с раздражением, зная, что мои друзья в центре событий, а я застрял внизу, глядя на пустые стены, а для общества у меня — тупые животные. Я знаю, что, работая

здесь, высвобождаю одного из членов экипажа «Стремительного», в котором так не хватает работников. Тем не менее иногда мне кажется, что переборки вокруг меня смыкаются.

— Куда это ты уставился? — рявкнул я на Грязнолапого, видя, что он попеременно смотрит то на меня, то на строчки моего дневника. — Хочешь почитать?

Я повернул автописец так, чтобы плывущие слова устремились к лоснящемуся животному.

— Если вы, титлалы, такие умные, может быть, ты знаешь, о чем будет дальше мой дневник. Хрм?

Грязнолапый уставился на глифы-символы. От его выражения у меня дыбом встала щетина. Я задумался.

Интересно, много ли они помнят, этот тайный клан супер-нуров? Когда тимбрими создали тайную колонию своих клиентов на Джиджо? Должно быть, до того, как появились мы, хуны. Может быть, они прилетели даже раньше г'кеков.

Я, конечно, слышал много легенд о хитроумных тимбрими — звездной расе, которую очень не любят консервативные галакты за плутовской характер. Та же самая черта побудила их подру-

житься с землянами, когда этот наивный клан впервые вышел на звездные линии. В опасной вселенной невежество может быть фатальным, и Землю постигла бы типичная Судьба Волчат, если бы не помощь и советы тимбрими.

Но сейчас кризис охватил все Пять Галактик. Могучие союзы мстят друг другу за прошлые обиды. И, возможно, удача Земли и ее друзей подошла к концу.

Еще до встречи с землянами тимбрими, похоже, знали, что их враги объединятся и выступят против них. У них должно было быть сильное искушение оставить в каком-нибудь изолированном месте небольшую группу, прежде чем войны, случайности или предательство уничтожат главный расовый генетический запас.

Они думали о том, чтобы пойти по пути сунеров?

Я не специалист, но судя по тому, что я читал, кажется маловероятным, чтобы характер тимбрими позволил им удовлетвориться спокойной пасторальной жизнью на какой-нибудь захолустной планете вроде Джиджо. Людям это едва удалось, а они ведь гораздо ближе к почве.

Но если тимбрими сами не могут прятаться, они могут спрятать своих любимых клиентов.

Титлалы все еще мало известны. Они еще близки к своим животным корням. Небольшой генный бассейн может частично деволюционировать и сохраниться в безопасности на далекой Джиджо. Все приобретает странный смысл. Включая идею расы внутри расы — группу недеволюционировавших нуров, прячущихся среди остальных. Это охранники, черные глаза которых постоянно открыты в ожидании опасности… или возможности.

Глядя на Грязнолапого, я вспоминал рассказы Двера Кулхана — во время его краткого пребывания на борту, когда «Стремительный» скрывался на морском дне, — о том, как этот дикий зверь следовал за Двером через половину континента, постоянно высматривая и вынюхивая. Вечно оставаясь загадочным, раздражающим и совершенно бесполезным. Такое поведение сочетает в себе беззаботность нура с напряженным и устойчивым вниманием, достойным хуна.

Сейчас, когда он разглядывал последние строки моей прозы, на курносой хищной морде Грязнолапого как будто господствовало выражение разумной иронии — там как раз были рассуждения о природе титлалов. Его мускулистое тело слегка свернулось, и я вначале принял его

выражение за напряженный интерес. И почти представил себе, как нурские капризы неожиданно преобразуются в красноречие — может быть, глубокомысленные замечания или резкую критику моего сжатого стиля и композиции.

Затем, внезапно разрядив накопленную энергию, Грязнолапый прыгнул в толчею плывущих слов, начал ловко колотить их лапами направо и налево, уничтожая целые абзацы, прежде чем искусственное тяготение «Стремительного» не заставило его приземлиться на металлический пол. Но он тут же испустил воинственный клич и снова прыгнул.

— Не сохранять эти перемены! — с непривычной поспешностью крикнул я автописцу. — Пусть текст остается неизменным!

Мой приказ сделал второй прыжок Грязнолапого менее эффективным. Лишившись полупрочности, слова превратились в видимые сверкающие голографические изображения, которые не реагировали на физическое прикосновение. Грязнолапый бесполезно колотил лапами, носясь меж символами и разочарованно лая.

Немного погодя он приземлился на моем правом плече, а Хуфу лениво посмотрела на него с левого. Оба некоторое время прихорашивались,

потом начали тереться о мое горло, упрашивая поворчать.

— Ты меня ни на дур не обманешь, — сказал я, но как будто не оставалось ничего другого, как ликвидировать нанесенный ущерб, закончить запись в дневнике и дать им то, чего они хотят.

Я как раз делал это — пел для двух нуров и стада зачарованных глейверов, — когда машина Нисс передала сообщение.

Я по-прежнему не понимаю, почему этот язвительный разумный робот прерывает мои занятия именно так — без всякого предупреждения или приветствия, хотя я не раз жаловался, что это противоречит природе хуна. А торнадо вращающихся, переплетающихся линий каким-то образом болезненно действует на мое зрение. Ифни, мне и так тяжело было свыкнуться с мыслью о говорящем компьютере, хотя я читал о них в классических произведениях Нагаты и Эклара. Возможно ли, что у Нисса какие-то семейные взаимоотношения с Грязнолапым? Я бы предположил связь через посредство тимбрими. Об этом можно судить по их одинаковому презрению к правилам вежливости и способностью выводить из равновесия.

Я принес сообщение с мостика, провозгласила

вращающаяся фигура. *Хотя я не вижу в этом смысла, на мостике хотят видеть одного или двух ваших подопечных. Вы должны привести этих тварей немедленно. Член экипажа уже направляется сюда, чтобы заменить вас.*

Осторожно опустив Хуфу на пол, я взял на руки Грязнолапого, удобно устроив его на сгибе так, чтобы он не мог вырваться. Он казался послушным, но я не хотел рисковать. Меньше всего мне сейчас нужно, чтобы он по дороге на мостик метнулся бы куда-нибудь и принялся сотворять хаос на камбузе или прятался где-нибудь в трюме, пока «Стремительный» не разлетится на куски.

— А не расскажешь ли, к чему это все? — спросил я. Абстрактные линии как будто пожали плечами.

По какой-то причине доктор Баскин и мудрец Сара Кулхан полагают, что животные могут в нужный момент заговорить и помочь нам справиться с потенциально враждебными чужаками.

Я глубоко и раскатисто расхохотался.

Они еще надеются! Этот Ифни проклятый титлал говорит, только когда хочет, и вся вселенная может полететь в тартарары, а ему хоть бы что!

Линии сплелись еще теснее.

Я имею в виду не титлала, Олеин. Пожалуйста, опустите этого маленького мошенника и выслушайте меня.

— Но… — Я по-человечески недоуменно покачал головой. — Тогда кто же?..

Голограмма Нисс наклонилась в сторону стены, сделала попытку показать.

Вас просят привести одного или двух из этих.

Я смотрел на стадо тварей с выпученными глазами. Они блеяли и перебирали собственные отвратительные фекалии… «благословенные» священным забытьём, недоступные тревогам.

Так что эта часть записей в дневнике заканчивается большим вопросительным знаком.

Они хотят, чтобы я привел на мостик *глейверов.*

ЛАРК

Он носился по спутанным, похожим на кишки коридорам, выбирая направление почти наугад и лишь изредка останавливаясь, чтобы отдохнуть, прислонившись к переборке и тяжело дыша. Липкие запахи джофуров смешивались с его запахами отчаяния и презрения к самому себе.

Я должен был остаться с ней.

Немытое тело Ларка, все еще липкое от жидкостей яслей, продолжали двигаться, несмотря на усталость и голод, подгоняемое непрерывными звуками преследования. Но разум его словно увяз в трясине, его острота притупилась сожалениями. Он время от времени пытался вырваться из этого отупения и найти способ сражаться.

Ты должен подумать. Линг рассчитывает на тебя!

В сущности, Ларк даже не знал, где искать возлюбленную. Его представление о «Полкджи» было очень смутным — путаница коридоров, соединяющих странной формы помещения, более хаотичная, чем лабиринт внутри квуэнской дамбы. И даже предположим, он найдет путь назад к тюремной камере, откуда они с Линг

сбежали несколько дней назад. Теперь это место тщательно охраняется. Грудами колец джофуров, роботами и рослым человеком изменником.

Ранн будет ждать меня. Он точно знает, о чем я думаю… что я хочу освободить ее.

Увы, Ларк не человек действия, как его брат Двер. Превосходство противника парализует его. Он слишком умен и сразу видит слабости и недостатки любого своего плана.

Пока я на свободе, Линг еще может надеяться. И у меня нет права выдавать себя, неосторожно попав в какую-нибудь ловушку. Прежде всего нужно найти место, где я мог бы отдохнуть… может, найти что-нибудь поесть… а уже потом подумать о плане.

Используя пурпурное кольцо как универсальный ключ, Ларк осматривал многочисленные помещения вдоль своего извилистого пути, надеясь найти инструмент или сведения, которые можно было бы использовать против врага. Некоторые помещения были пусты. Другие заняты джофурами, но те не обращали внимания на помехи и открывшуюся дверь. Подобно своим родичам треки, джофуры сосредоточиваются на одном деле и медленно реагируют на вмешательство. Только однажды Ларк не успел исчезнуть.

Он заглянул в лабораторию, полную изогнутых прозрачных стеклянных трубок, в которых переливались и шипели разноцветные испарения. Неожиданно дорогу ему преградила массивная груда колец. Джофур только что отвернулся от инструментальной панели, и все его сенсорные кольца были активны. Из верхушки груды поднялось облако пара — возмущение вторжением шпиона-человека. По жирным торам пробегали полоски света и тени, выражая гнев и удивление. Если бы он остановился и подумал, у Ларка никогда не хватило бы смелости наброситься на эту устрашающую массу, размахивая своим единственным оружием перед десятском извивающихся щупалец. Щупальца старались охватить его, опускались ему на плечи.

Мастер-кольцо делает джофура честолюбивым и решительным, напомнил уголок ученого в сознании. *Но слава Ифни, во всех остальных отношениях они напоминают треки. Их медлительные нервы никогда не подвергались опасности нападения хищника в саванне.*

Но у джофура есть другие преимущества. Вокруг шеи и рук Ларка обвились чувствительные щупальца, и в это время дрожащий тор в его руках, последний дар деликатного Аскса, выпустил

облачко усыпляющего пара.

Однако на этот раз не было никакой реакции со стороны огромной конусообразной башни. Ее щупальца сжимали все крепче, тащили Ларка к блестящим маслянистым бокам.

Он чувствовал, как маленькое пурпурное кольцо еще трижды испускает потоки брызг, все разного запаха… от них перехватило горло и начало жечь глаза… но тут сильное сжатие груди вообще помешало дышать.

Трюк может больше не подействовать. Должно быть, распространили о нем сообщение. Выработали противоядие…

Но вот скользкий титан содрогнулся. Щупальца еще больше напряглись… потом расслабились, обвисли, и джофур опустился всей своей массой на пол, испустив низкий вздох и острый запах. Ларк с трудом начал дышать. Высвободившись из ужасных объятий, он побрел в сторону, вдыхая свежий воздух.

Они учатся. Каждый раз как пурпурное кольцо обманывает одного из них, они распространяют информацию и противоядие. Даже Аскс не мог предвидеть все возможные запахи, которые используют джофуры.

Большая груда казалась неподвижной, но Ларк

опасался, что она успела поднять тревогу. Он быстро осмотрел помещения в поисках других работников. Но существо было здесь одно.

Ларк уже собирался вернуться в коридор, но остановился. Его заинтересовала приборная доска, которая продолжала действовать. Над ней дрожали голографические дисплеи, переходя в такие полосы спектра, которые зрение Ларка почти не различало. Тем не менее он с любопытством подошел — и почувствовал нарастающее возбуждение.

Это карта! Он узнал общие приплюснутые очертания боевого корабля с его лабиринтообразными внутренностями. Изображение медленно поворачивалось. У него на глазах оттенки постепенно менялись.

Хотел бы я лучше быть знакомым с галактической технологией. До появления на Джиджо экспедиции ротенов-даников компьютеры были легендой, о которой можно прочесть в одном из пыльных томов архива Библоса. И даже сейчас он отчасти смотрит на них сквозь два столетия страха и суеверий. Конечно, даже опытная звездная путешественница Линг нелегко разобралась бы в этом приборе, приспособленном для использования джофурами. Поэтому Ларк решил не

притрагиваться к кнопкам и чувствительным панелям.

Но иногда многое можно узнать, просто наблюдая. *Вот этот яркий прямоугольник… Я знаю, что нахожусь в этом районе корабля. Может ли он означать именно это помещение?*

Символы на галактическом два, хотя на таком диалекте и с такими техническими терминами, что Ларку трудно было понимать. Тем не менее он смог отыскать охраняемую зону безопасности, в которой содержали их с Линг, когда их впервые привели на борт еще на Джиджо. От этого места распространялось глубокое «нагноение» синего цвета, оно двигалось на «север» вдоль главной оси корабля, заполняя одно помещение за другим.

Это схема поисков. Они загоняют меня в меньшее пространство… назад к контрольной рубке. И дальше от Линг.

Судя по неторопливому методичному продвижению, охотничьи роботы меньше чем через мидур дойдут до этого места. Перспектива пугающая, но появление определенности подбодрило Ларка. Теперь он знает свое положение. К тому же у него появилось немного времени, чтобы изучить карту в поисках выхода.

Если голод раньше не выведет из строя мой мозг. К несчастью, преследователи также отгоняют его от единственного знакомого ему места, где человек может найти пищу. Осмотрев лабораторию, он нашел кран, из которого идет вода. Линг называла это константой почти любого корабля кислорододышащих существ. Жидкость дистиллирована до полной чистоты и обладает странным вкусом. Но Ларк с жадностью напился, постарался вымыть изо рта множество корабельных запахов, прежде чем снова посмотреть на экран. Остальные изображения, помимо карты, были для него загадочны — какие-то мерцающие графики или каскады болезненных расцветок, которые невозможно осознать. Только одно показывало черное поле, усеянное множеством светящихся точек. *Мы с Линг видели нечто похожее в командирской рубке джофуров. Она назвала это звездной картой, на которой показано наше положение в пространстве и что происходит вокруг.*

У Ларка по-прежнему кружилась голова, когда он думал о том, что на головокружительной скорости летит через безвоздушное пространство. В отличие от Сары он никогда не мечтал о том, чтобы покинуть Джиджо. Ведь его дело — изучать

огромное разнообразие жизни этой планеты. Только война и хаос смогли оторвать его от этого дела. И лишь растущая страсть к Линг компенсировала утрату и отчужденность.

А теперь Линг не рядом с ним. Он чувствовал себя так, словно ему ампутировали что-то жизненно необходимое.

Он смотрел на дисплей — черную протяженность с отдельными точками-огоньками — и чувствовал страх перед этими невероятными масштабами. Здесь Джиджо затерялась бы как пылинка.

В центре устойчиво горела одна точка — Ларк предположил, что это джофурский дредноут. А большой, словно сплетенный из нитей шар в нижнем левом углу, должно быть, гигантская звезда. Но рядом не было знающей подруги, которая могла бы интерпретировать увиденное, и поэтому Ларк не понимал, что означают другие объекты, перемещающиеся по схеме. Вспыхивали символы на галдва, но у него не было опыта их интерпретации.

Он в раздражении уже хотел отвернуться, когда заметил кое-что еще.

Эта большая точка, вот здесь, рядом со звездой… она как будто направляется прямо к нам.

Интересно, дружественно ли она настроена.

ЭМЕРСОН

Ничто не может быть более естественным или знакомым, чем взгляд на звездную карту. Все равно что смотришь на собственное лицо в зеркале.

И даже более знакомое, потому что Эмерсон провел головокружительный год на примитивной планете, глядя на свое отражение в полированном металле и гадая, кто это смотрит на него в ответ, с этой зияющей раной над одним ухом и с изумленным выражением в глазах. Даже собственное имя было для него тайной до последних нескольких недель, когда начали возвращаться отрывки прошлого.

…отдельные воспоминания об удивительной Земле, о молодости, проведенной в целенаправленной подготовке, с решимостью, которая поражала его родителей, в стремлении подчиниться сверкающему соблазну пяти галактик.

…о его жизни в качестве инженера, превосходная подготовка которого позволила ему вести корабль между загадочными складками пространства-времени.

…о соблазне приключений, о дальнем полете со знаменитым капитаном Крайдайки, о пред-

ложении, от которого невозможно отказаться, даже зная, что это означает пролететь между челюстями Аида.

Все это и многое другое вернулось, когда Эмерсон узнал, как побеждать страшную боль, которая держала в плену его память, и стал возвращать все больше отнятого.

Но не лучшую часть. Не могучую силу речи. Не тот поток слов, который смазывает любую мысль и позволяет ей уноситься в изящной лодке синтаксиса. Без речи его сознание пустынно, оно опустошено агнозией — утратой способности распознавать образы, опустошено так глубоко, как глубока зияющая рана у него в левой части головы.

Но теперь Эмерсон знает, что его искалечили сознательно. Это такое страшное зло, что он едва способен осознать его границы и понять, какова должна быть месть за это.

И вдруг, непрошеное и неожиданное, это произошло снова. Какая-то смесь разума и эмоций привела к резкому повороту внутри, высвободив внезапный поток. И он вообразил оболочку из мягких звуков, которые гладят скорее кожу, а не уши. Эхо, которое он скорее чувствует, чем слышит.

С каждым поворотом
Циклоиды
В бесконечных
Измерениях
Приходит путаница
Кубических фигур,
Многосторонних,
Бесчисленных изображений —
Вечно несправедливых… вечно прекрасных.
Смотри, как они вертятся
Такие капризные,
Белые и пятнистые,
Полные смысла,
Но у тебя нет надежды
Постичь игру,
Бросая
Рискованные кости —
Бросая их высокомерно! Кости Ифни…

Эмерсон слегка улыбнулся, когда прорвалась эта ода на тринари — прорвалась, используя соединения его искалеченного мозга, которых

злобные Древние не коснулись своими ножами. Подобно стонущей мелодии Великого Спящего, ода резонировала целиком, тонами китовой мудрости.

И все же он знал, что это обещание — непрочная соломинка. Вряд ли она может служить основанием для надежды. Как будто вселенная даст ему возможность отомстить! Жизнь редко бывает такой уступчивой. Особенно по отношению к слабым, измученным и преследуемым.

Тем не менее Эмерсон был благодарен этой своей странной способности к поэзии. Это хоть и не инженерный жаргон, зато тринари отлично приспособлен для передачи иронии.

Через широкое прозрачное окно он наблюдал, как дельфины мечутся взад и вперед, мощными ударами плавников продвигаясь в заполненном водой командирском мостике «Стремительного», оставляя за собой следы в шипящей, перенасыщенной кислородом воде. Другие дельфины располагались в похожих на стойки боевых позициях, их гладкие головы окружены воздушным куполом, а невральные кабели соединяют их большой мозг с компьютерами и отдаленными инструментами.

Прозрачная панель дрожит под его пальцами,

передавая сонарные щелчки и стремительные инфовзрывы с противоположной стороны. Музыка совместных усилий. Симфония мастерства. Это лучшие члены отборного экипажа. Элита Tursiops amicus. Гордость земной кампании Возвышения, отобранные и подготовленные покойным капитаном Крайдайки, непревзойденные пилоты.

Лейтенант Тш'т уверенно принимает решения и отдает приказания команде на мостике. Рядом с ней лежит окруженный кабелями главный пилот Каа, его челюсти раскрыты, а запавшие глаза закрыты. Он всплескивает плавниками и ведет корабль так, словно это продолжение его тела. Каа помогают тридцать миллионов лет развития инстинктов — интуиции, накопленной с того времени, как его далекие предки покинули сушу ради жидкого царства трех измерений.

За Эмерсоном находится ситуационное помещение, оно тоже полно движения. Здесь дельфины перемещаются на роллерах или в установках для ходьбы — машинах, которые позволяют им проворно передвигаться по суше и делают их туловища еще более громоздкими по сравнению с двумя стройными двуногими. И тем не менее именно эти два человека руководят всей лихорадочной деятельностью. Две женщины, у

которых была совершенно разная жизнь, пока обстоятельства не свели их вместе.

Две женщины, которых Эмерсон любит, хотя никогда не сможет сказать им об этом.

Гудение двигателей меняет тон; Эмерсон чувствует, как корабль резко тормозит, пытаясь вписаться в гиперболическую орбиту, огибающую далекую гигантскую звезду, меняет курс для осуществления еще одной отчаянной догадки Джиллиан Баскин.

За одну из предыдущих таких догадок Эмерсон дорого заплатил в том огромном, сложно устроенном месте, которое называется Фрактальный Мир, в царстве ледяных сосулек, самая маленькая из которых шире планеты. Но он никогда не сердился и не винил Джиллиан в ее ошибке. Кто еще смог бы три года сохранять свободу «Стремительному», уходя от армад десятков фанатичных союзов? Он лишь сожалел, что его жертва оказалась напрасной.

Но прежде всего Эмерсон хотел помочь ей сейчас. Спуститься вниз, к этим гудящим моторам, и помочь Ханнесу Суэсси извлечь максимум псевдоскорости из натруженных гравистаторов. Но повреждения его мозга слишком велики. Изуродованная кора головного мозга больше не в

состоянии понимать смысл символов на горящих экранах, и он может руководствоваться только осязанием и инстинктом. Товарищи были добры к нему, давали ему легкие задания, но он вскоре понял, что ему лучше не мешать им.

Во всяком случае, Сара и Джиллиан что-то задумали. Ситуационная комната охвачена напряжением, обе женщины о чем-то спорят с вращающимся привидением машины Нисс.

Его спиральные линии тесно сплетаются. Очевидно, кульминация драмы приближается.

И вот Эмерсон остается зрителем, наблюдает, как на карте, изображающей отчаянные маневры «Стремительного», корабль уходит от упрямой хватки гигантской Измунути, пролетает через ураганы ионизированного жара, напрягает свои защитные поля и меняет курс, продолжая агрессивно продвигаться к скоплению бледных мерцающих огоньков.

Отряд кораблей… или чего-то ведущего себя, как корабли, движется в космосе по воле мыслящего разума.

Эмерсон слышал, как Сара помолчала, прежде чем произнести необычный термин на галшесть. Редко используемое слово, в котором слышится страх и благоговение.

Занг.

И неожиданно, вопреки своему недостатку, Эмерсон понимает, какой совет дает молодой джиджоанский математик. И вздрагивает. «Стремительному» не раз приходилось рисковать, но так — никогда. Даже попытка пройти новым пунктом перехода была бы лучше. Сама мысль об этом вызывает ответ из каких-то глубочайших участков мозга. Драгоценное, как бриллиант, единственное слово сверкает горячо и безнадежно.

Отчаяние…

Вскоре тактика «Стремительного» замечена.

Враг джофур — всего в двадцати пактаарах — начинает неожиданно поворачивать, сбрасывая псевдоскорость, чтобы перехватить «Стремительный» на его новом курсе.

А толпа других находится еще ближе.

Синие огоньки обозначают хрупкие машины-сборщики — Эмерсон видел графические изображения и узнал тонкие паруса. Сейчас половина беспомощных кораблей группы уже поглощена быстро расширяющейся солнечной бурей. Остальные лихорадочно набирают скорость, их недостаточно мощные двигатели ведут корабли к убежищу старого пункта перехода.

И среди этих хрупких огоньков движутся величественно четыре желтые точки, ускоряются, чтобы помочь осажденным механическим формам жизни. И вот неожиданный резкий поворот «Стремительного» мешает их усилиям.

Две желтые точки продолжают свои усилия по спасению, мечутся от одного сборщика к другому, забирают центральное ядро, предоставляя сгорать огромному хрупкому парусу.

Третья желтая точка поворачивает к кораблю джофуров.

А последняя направляется на перехват «Стремительного».

В ситуационной комнате все прерывают свои занятия, когда из громкоговорителей раздается резкий потрескивающий звук. Хотя Эмерсон потерял свои центры речи, его слух остается нормальным, и он сразу понимает, что это не похоже ни на один из галактических языков — или языков волчат, которые ему приходилось слышать.

Звук кажется воинственным, нервным и разгневанным.

С каждым взрывом этих звуков голограмма Нисса вздрагивает. Дельфины бьют плавниками, испускают стоны. Сара заткнула уши и закрыла глаза.

Но тут спокойно заговорила Джиллиан Баскин, своим сухим тоном успокаивая товарищей. И через мгновение помещение заполнилось звуками дельфиньего смеха. Сара улыбнулась, опустила руки, и даже путаные линии голограммы Нисса словно распрямились.

У Эмерсона все горело внутри: ему так хотелось узнать, что сказала Джиллиан, какая шутка избавила товарищей по команде от испуга. Но он мог различать лишь какофонию звуков, такую же непонятную, как послание другого порядка жизни.

Машина Нисс тоже произнесла несколько скрипучих звуков.

Эмерсон догадывался, что она пытается общаться с желтой точкой. Или, вернее, с тем, что представляет эта точка… одним из тех легендарных полужидких шаров, которые служат в качестве кораблей могучим и загадочным водорододышащим существам. Он вспомнил, как во время обучения его неоднократно предупреждали, что нужно избегать контактов с непредсказуемыми зангами. Даже тимбрими умеряли свой необузданный характер, когда речь шла об этих смертоносных загадках. Если этот занг воспринимает «Стремительный» как угрозу

— или если он сейчас просто раздражен, — шансы на выживание практически равны нулю. И обломки корабля землян вскоре присоединятся к хорошо перемешанным атомам в кипящей атмосфере Измунути.

Вскоре сканирование на предельное расстояние показало лицо неизвестного. При максимальном увеличении стало видно изображение, искаженное вихрями огненной плазмы, — объект приблизительно сферической формы, края которого странно рябили. Это изображение напомнило Эмерсону не мыльный пузырь, а скорее комок дрожащего жира, окруженный густыми теплыми потоками.

На глазах у Эмерсона на боку у шара образовался выступ. Он отделился и, казалось, поплыл куда-то в сторону.

И неожиданно взорвался.

Из огненного шара выскользнула узкая огненная полоска и понеслась к «Стремительному»!

На мостике и в ситуационной комнате взревели клаксоны тревоги. На пространственной карте возникла прямая линия, отходящая от желтой точки и быстро преодолевающая расстояние до орбиты земного корабля. Если это оружие, то Эмерсон никогда ничего подобного не видел.

Он подготовился к уничтожению…

…и перевел дыхание, когда луч скользнул сразу перед носом «Стремительного».

Лейтенант Тш'т сухо заметила:

Предупредительный выстрел

(Действия говорят гораздо громче слов) —

это было здорово.

Пока Эмерсон пытался разобраться в смысле этой хайку на тринари, дверь ситуационной комнаты открылась и показались три фигуры. Двуногий и мохнатый, ростом с туловище дельфина, с выступающим сквозь кожу ребристым позвоночником и висячими кожными складками под подбородком. Далее следовали две светлые спотыкающиеся фигуры, шли они, опираясь костяшками пальцев, как протошимпанзе, у них большие круглые головы и глаза хамелеона, которые старались смотреть во всех направлениях одновременно. Эмерсон и раньше видел хунов и глейверов, поэтому не обратил внимания на этот приход. Все смотрели, как Джиллиан и Сара напряженным шепотом обмениваются какими-то замечаниями.

Приказа не смотреть не было. Сара мрачно под-

жала губы, и Эмерсон понял. Сейчас у них больше нет выбора. Воспользоваться вторым пунктом перехода невозможно. Достигнуть его сомнительной безопасности первыми, раньше джофуров, не удастся. Не может «Стремительный» и спастись в глубоком космосе или попытать удачи на одном из уровней гиперпространства. Двигатели дредноута — лучшие, какие только может себе позволить богатый клан, — догонят «Стремительный» в любом случае.

Зангам совсем не обязательно уничтожать земной корабль. Им достаточно не обращать на него внимания, предоставляя грязным кислородникам решать свои мелкие распри.

Возможно, так и будет… или корабль-шар уничтожит их вторым залпом. Однако произошло нечто такое, что застало Эмерсона врасплох.

Возле высокого нура — Эмерсон вспомнил, что этого подростка зовут Олвин — вспыхнула голограмма Нисса и опустилась ниже, к ничего не понимающим глейверам. С тревожными звериными криками они отпрянули от плывущей сети спиральных линий… и тут Нисс начал передавать скрипучие звуки. Те самые, что несколько минут назад слышались из громкоговорителей корабля.

Быстро мигая, пара глейверов начала рефлекторно раскачиваться. Эмерсон готов был поклясться, что они удивлены не меньше его и вдвое сильней испуганы. Однако они, должно быть, находили эти звуки побуждающими к чему-то и скоро начали сопровождать их собственными криками, вначале негромкими и неуверенными, потом все с большей силой и энергией.

Экипаж испытал сильный шок. Главный оружейник, могучий дельфин-самец с пятнистыми боками, направил свой аппарат для ходьбы к глейверам, собираясь очистить помещение. Но Джиллиан запретила ему приближаться, она с глубоким интересом наблюдала за происходящим.

Сара захлопала в ладоши; она словно ожидала чего-то подобного.

На лице молодого хуна удивление сменилось пониманием. Из горлового мешка Олвина послышался негромкий раскатистый звук. Эмерсон разобрал только одно слово…

…легенда…

…но смысл его не понял, значение, как всегда, ускользало от него. Сосредоточившись, он едва не уловил это значение, но ему помешали воз-

обновившиеся вопли громкоговорителя. Занги продолжали свои непонятные угрозы, запрещая «Стремительному» быстрое приближение.

Эмерсон видел, что большой шар угрожающе пульсирует. От главного корпуса начал отделяться новый жидкий объект, больше первого; он уже светился гневным жаром.

Глейверы закричали громче. Они казались не такими, каких Эмерсон видел на Джиджо. Те всегда вели себя как хрюкающие животные. Но теперь было заметно нечто новое. Свет. *Знание.* Такое впечатление, словно начало осуществляться надолго отложенное задание.

По шару зангов побежала рябь. Громовые угрозы смешивались с криками глейверов в сложном танце звуков. Тем временем от корпуса корабля зангов уже отделился новый вырост, пульсируя едва сдерживаемым гневом.

Возможно, это будет уже не предупреждающий выстрел.

РЕТИ

— Наверно, этими пунктами перехода можно пользоваться по-разному.

Рети предполагала, что ее слова будут восприняты как предложение мира, как редкое признание собственной вины. Но Двер не собирался так легко простить ее.

— Не могу поверить, что ты считала, будто пара варваров сможет лететь по небу, как звездные боги. Таков был твой план? Украсть старый корабль, с которого все еще капает вода — ведь он целую вечность пролежал в груде мусора на Помойке, — и *пройти в дыру в пространстве?*

Рети постаралась сдержать привычный для себя сердитый ответ. Конечно, она не приглашала Двера присоединиться к ней на этом несчастном корабле. И он не предлагает никаких новых идей относительно того, что делать с кораблем возрастом в миллион лет, который едва удерживает воздух, не то что летит.

Тем не менее она понимала, чем он расстроен. Смерть смотрит в лицо этому слопи, так что он имеет право быть слегка раздраженным.

— Когда об этом говорили Беш и Ранн, у них все

звучало очень просто. Просто направляешь свой корабль в дыру и ныряешь в нее…

Двер фыркнул:

— Ну, Рети, ты уже это говорила. Нацелиться на пункт перехода? Да понимаешь ли ты, сколько поколений наших предков учились этому? А нам приходится обучиться за один-два мидура.

На этот раз Рети нечего было ответить. Маленький йии высунул из сумки голову на длинной шее и нацелился на руку Двера, собираясь ее укусить.

— Эй! — крикнул Двер, отдергивая руку.

видишь? насмехался маленький ур. *если вы будете продолжать ругаться, ничего хорошего это вам не даст, используйте эти мидуры, чтобы учиться! или просто жалуйтесь на судьбу, пока не умрете!*

Двер потер треугольный след укуса на руке, сердито глядя на миниатюрного самца. Однако острые зубы йии не разорвали кожу. Всякий живущий на Джиджо человек умеет отличить урский укус, который является просто предупреждением.

— Ну хорошо, — обратился он к Рети. — Ты ученица звездных богов. Поговори с умным компьютером, чтобы он нас спас.

Рети вздохнула. Дома, в дикой местности, именно у Двера всегда находились решения любых проблем. Он никогда не терялся. И таким он ей нравился больше, чем сейчас. Его угнетает простой факт, что он заперт в металлическом гробу и несется к смерти и разрушению. *Надеюсь, мне не придется нянчиться с ним всю дорогу до какого-нибудь цивилизованного мира. Когда все устроится, когда у нас будут удобные квартиры и множество механических рабов, чтобы удовлетворять все желания. Он будет у меня в большом долгу.*

Рети присела у маленького черного ящика, который дала ей Джиллиан Баскин на борту «Стремительного», — обучающего устройства, запрограммированного на разговор с совсем маленькими человеческими детьми. Свою задачу это устройство выполняло хорошо — оно объяснило основы устройства современного общества дикой девушке с захолустной Джиджо. И Рети, к своему удивлению, даже усвоила основы чтения и письма. Но когда дело дошло до пилотирования звездного корабля… ну, это совсем другое.

— Учитель, — сказала Рети.

Прямо над ящичком появилась маленькая голограмма — изображение полного мужского

лица с нарисованными карандашом усами и веселой улыбкой.

Здравствуй еще раз! Как настроение? Попробовала игры, которым я тебя научил? Помни: очень важно быть все время занятой и мыслить позитивно, пока не придет помощь.

Рети лягнула изображение ногой, но ее нога прошла через него, не встретив никакого сопротивления.

— Послушай, ты! Я тебе уже говорила, что нам никто не придет на помощь, даже если ты отправил призыв, в чем я сомневаюсь: ведь дельфины установили здесь только оборудование для полета.

Голограмма поджала нарисованные губы, выражая неодобрение действиями Рети.

Ну, это не причина для пессимизма! Помни, когда оказываешься в трудном положении, всегда нужно искать возможности превратить свое затруднение в преимущество. Почему бы нам не…

— Почему бы не вернуться к разговору о том, как управлять этой грудой мусора? — прервала Рети. — Я уже просила научить меня, как провести корабль через пункт перехода, который впереди. Давай займемся этим!

Учитель нахмурился.

Я уже попытался объяснить тебе, Рети, что этот корабль не в таком состоянии, чтобы преодолевать пункт перехода. Навигационные системы минимальны и не способны получать заранее информацию, необходимую для поиска нужных линий. Двигатели способны работать только на максимальной мощности или совсем не работать. И в следующий раз, когда мы их включим, они могут просто отказать. Главный компьютер деградировал до шестого уровня мышления. Это гораздо меньше того, что нужно для расчета гиперпространственных траекторий. По всем этим причинам попытка пересечения пункта перехода совершенно невозможна.

— Но нам больше некуда деваться! Корабль джофуров тащил нас туда, потом отпустил. Ты уже сказал, что у нас не хватает горючего, чтобы не упасть на звезду. Так что мы ничего не потеряем, если попробуем!

Учитель покачал головой.

Обычная рассудительность подсказывает, что любой наш маневр лишь помешает попыткам друзей/родственников/родителей нас отыскать…

На этот раз Рети вспыхнула.

— Сколько раз говорить тебе, что никто не придет нам на помощь! Никто не знает, что мы здесь. А если бы и знал, то всем все равно. И даже если не все равно, никто не сможет до нас добраться!

Учитель выглядел смущенным. Его эрзац-взгляд обратился к Двери, который выглядел более взрослым со своей недельной щетиной. Конечно, это еще сильнее разозлило Рети.

Это правда, сэр? Никто не в состоянии помочь?

Двер кивнул. Хотя он тоже побывал на борту «Стремительного», его всегда смущал разговор с привидением.

Что ж, ответил учитель, *полагаю, можно сделать только одно.*

Рети облегченно вздохнула. Наконец-то эта проклятая штука станет практичной.

Мне нужно удалиться и переговорить с корабельным компьютером, в каком бы состоянии он ни был. Я не создан и не запрограммирован для такой работы, но очень важно попытаться.

— Еще бы! — сказала Рети.

Несомненно. Нам нужно найти способ усилить возможности коммуникационной системы и отправить призыв о помощи.

Рети вскочила.

— Что? Ты что, не слышал меня, груда глейверского дерьма? Я только что сказала…

Не волнуйся, пока я буду отсутствовать. Будь храброй. Вернусь, как только смогу!

С этими словами маленький куб исчез, оставив Рети дрожащей от раздражения и гнева.

И положение совсем не улучшил смех Двера. Двер хохотал, свистел и фыркал, как ур. Поскольку ничего забавного не произошло, Рети решила, что он так ведет себя из презрения и злобы. Или это еще один пример того, что люди иногда называют *иронией,* если хотят, чтобы их поступки не выглядели глупыми.

Если не заткнешься, Двер, я добавлю тебе иронии, ударив по глупой башке!

Но он больше и сильнее… и за последние несколько месяцев он по крайней мере трижды спасал ей жизнь. Поэтому Рети только стиснула кулаки, дожидаясь, пока он перестанет смеяться и вытрет слезы с глаз.

Учитель молчал очень долго, и людям не оставалось ничего иного, как переругиваться друг с другом.

Когда дельфины поднимали корабль со дна моря, выбрав его из груды древних космических кораблей, они установили на нем самодельные

приборы. К приборам корабля кабелями были присоединены несколько загадочных ящиков, запрограммированных на то, чтобы послать этот корабль в небо вместе с десятками других развалин в попытке скрыть бегство «Стремительного». Но поскольку дельфины не думали, что на корабле могут оказаться зайцы, на ящиках были только минимально необходимые кнопки и шкалы. И без помощи учителя не было никакой надежды на то, что удастся увести корабль с его нынешней неуправляемой орбиты.

Поскольку делать было нечего, Рети и Двер пошли в переднюю часть корабля и смотрели сквозь окно на носу, изъязвленное миллионолетним пребыванием в Большой Помойке. Они старались разглядеть загадочную «вертящуюся дыру в пространстве», как называлась она в легендах сунеров о предках, — могучую дверь, через которую прошел каждый крадущийся корабль, принося с собой новую волну беглецов-поселенцев на запретную планету невозделанной галактики.

Вначале Рети не видела ничего особенного в мерцающем звездном пространстве. Но Двер показал ей:

— Вон там. Видишь? *Лягушка* изогнута.

Рети выросла в диком племени, скрывавшем-

ся в пустыне, где не было даже примитивных удобств, какими пользовались дома у Двера, на Склоне. Живя в грубой хижине, где свет давал только кухонный костер, она каждую ночь видела над головой созвездия. Но пока ее родичи рассказывали охотничьи предания об этих мерцающих на небе рисунках, она сама интересовалась только их практическим использованием: они могли показать путь на запад, куда она когда-нибудь сможет уйти от своего проклятого несчастного клана.

Двер, с другой стороны, был главным следопытом Общины Джиджо, он привык всматриваться в небо — откуда шесть рас постоянно ожидали прихода судьбы и суда. И он сразу замечал, когда что-то не так.

— Не вижу… — Она всмотрелась в сверкающие точки, на которые он показывал. — А! Несколько звезд… они собрались кружком и…

— И внутри нет ничего, — закончил он. — Совсем ничего.

Они какое-то время смотрели молча. Рети не могла отказаться от сравнения этой круглой черноты с раскрытой пастью хищника. Пасть быстро приближается, готовая поглотить корабль со всем его содержимым.

— Звезды вокруг него как будто расплываются, — заметила она.

Двер кивнул, издавая звуки хунского ворчания.

— Хр-рм. Моя сестра называет эту штуку чем-то вроде *изгиба вселенной,* где пространство все связывается узлами.

Рети фыркнула.

— Пространство пусто, придурок. Я узнала это, когда жила с даниками в их подземной станции. Там нет ничего такого, что могло бы изогнуться.

— Отлично. Тогда ты объясни, куда мы падаем. На этот раз решил ответить маленький Йии: *объяснить несложно, большой человек-мальчик, что есть жизнь?*

это переход от одной дыры к другой, а потом к третьей!

так входить внутрь лучше! йии вынюхает для нас хорошую нору.

хорошая, удобная нора — это счастье.

Двер мрачно взглянул на самца ура, но Рети улыбнулась и погладила его крошечную голову.

— Не объясняй ему, муж. Мы скользнем в эту штуку, скользкую, как грязный скинк, и выйдем из нее на главной спирали галактики номер один, где огни ярче, а кораблей больше, чем паразитов

на спине лиггера. Где звезды так близки друг другу, что могут сплетничать, и все так богаты, что им нужны компьютеры, чтобы подсчитать свои богатства!

Им нужны такие, как мы, Двер, — заверила она. — Они мягкие, а мы жилистые и крепкие, готовые к любому приключению. Мы займемся работой, для которой эти звездные жители слишком изнежены, и нам заплатят больше, чем стоит вся Община на Джиджо.

Вот увидишь, скоро мы будем жить отлично. И ты благословишь день, когда встретил меня.

Двер молча смотрел на нее. Потом — явно против желания — начал улыбаться. На этот раз его улыбка была Дружеской.

— Правда, Рети. Я скорее вернулся бы домой и выполнил несколько обещаний. Но, думаю, сейчас это маловероятно, так что… — Он снова посмотрел вперед на темный круг. Он на глазах рос. — Так что, может быть, ты и права. Нам повезет. Каким-нибудь образом.

Она понимала, что он делает вид, что верит. Двер считал, что силы, способные в мгновения уничтожить всю Джиджо, скоро разорвут их на части.

Ему следовало бы крепче верить, подумала Ре-

ти. *Что-нибудь обязательно произойдет. Всегда происходит.*

Поскольку делать было нечего, они считали проходящие дуры, обменивались замечаниями о том, как странно звезды растягиваются и расплываются по краям чудовищной штуки впереди. К тому времени как «учитель» Рети снова вернулся из своего черного ящика, дыра впереди выросла вдвое и занимала теперь четверть переднего окна. На крошечном пухлом лице учителя было написано торжество.

Успех! — возбужденно выкрикнул он.

Рети замигала.

— Ты хочешь сказать, что нашел способ управлять этой лоханью?

Гораздо лучше! Я сумел набрать больше энергии и увеличить ширину сигнала коммуникационной системы!

— Да? — Двер придвинулся. — И что? *И наконец получил ответ!*

Двер и Рети в недоумении посмотрели друг на друга. Потом Рети выругалась.

— Надеюсь, ты не вызвал этот проклятый джофурский корабль?

Это могло бы помочь экипажу «Стремительного». Но Рети не собиралась снова выступать в

роли приманки. Она предпочитала рискнуть и воспользоваться пунктом перехода, чем сдаваться этим грудам вонючих колец.

Боевой корабль за пределами досягаемости: он в атмосфере гигантской звезды, и там другие большие корабли заняты деятельностью, которую я не понимаю.

Спасители, которых я имею в виду, другие.

Учитель помолчал.

— Продолжай, — осторожно поторопил его Двер.

Вначале активные сканеры работали плохо и неохотно. Но я сумел их включить. И в это время заметил поблизости несколько кораблей, летящих к пункту перехода, как мы. После новых усилий мне удалось привлечь внимание ближайшего… и корабль слегка изменил курс и направляется к нам!

Двер и Рети едва не столкнулись, бросившись к кормовому окну. Некоторое время они смотрели, но, даже пользуясь указаниями учителя, Рети вначале ничего не увидела, кроме большой красной звезды. Даже на таком расстоянии она была больше ногтя на большом пальце, если вытянуть руку. А бурная атмосфера еще дальше протягивала свои торнадоподобные щупальца.

Двер показал:

— Вон там! На три румба выше Измунути и на два левее. Ты не можешь не увидеть.

Рети посмотрела в том направлении, но, вопреки его обещанию, ничего особенного не заметила. Ярко горели звезды…

И несколько звезд одновременно передвинулись, как стая птиц. Вначале переместились слегка влево, потом немного направо, но все время вместе, как будто сдвигался сам район неба, не в силах оставаться на месте.

Наконец Рети сообразила: все движущиеся звезды расположены в пределах слегка скошенного *квадрата.*

— Это не настоящие звезды… — приглушенно начала она.

— Это отражения, — закончил Двер. — Словно в зеркале. Но каким образом?

Учитель с удовольствием принялся объяснять.

Изображение, которое вы видите, создано огромным коллектором энергии. В Галактике Семь его называют нтове ту-никтун. *Или в земной традиции — солнечный парус.*

Этот метод используется преимущественно разумными, которые считают время менее значительным фактором, чем кислорододышащие.

Но сейчас они используют вспомогательные гравитационные двигатели, чтобы ускорить процесс, уходя от неожиданной бури в этой звездной системе. При данной псевдоскорости корабль сможет подобрать нас и сохранить при этом свое оптимальное расположение относительно пункта перехода, чтобы устремиться к своей неведомой цели. Двер протянул обе руки.

— Вау! Ты хочешь сказать, что те, кто пилотирует этот корабль, не дышат кислородом? Они даже не часть…

Цивилизации Пяти Галактик? Нет, сэр, не часть. Это машины, *со своей собственной космической культурой, отличной от моей или от солдат-роботов джофуров. У них очень странный образ жизни. Тем не менее они согласны взять нас с собой в пункт перехода. Это гораздо лучшая ситуация, чем та, что была совсем недавно.*

Рети с тревогой наблюдала за «парусом». Вскоре она разглядела гнездо каких-то сложных образований в самом центре гладкой зеркальной поверхности. Теперь, когда п-пункт находился с одной стороны, а корабль-машина — с другой, она не могла избавиться от ощущения, что оказалась в ловушке: с одной стороны пропасть, с другой — хищник.

— Эта штука… — начала она спрашивать пересохшим ртом. — Эта штука летит, чтобы спасти нас. А ты знаешь, что она здесь делала до того, как взорвалась Измунути?

Понять причины действий другого порядка жизни обычно очень трудно, объяснил учитель. *Но в данном случае ответ прост. Это класс существ, которых называют* сборщики/спасатели. *Такие машины собирают сырье, которое используется в различных строительных проектах. Должно быть, она использовала парус для сбора тяжелых атомов из богатых ветров звезды, когда началась буря. Но если существует возможность, сборщик будет собирать необходимые материалы из любого другого источника, в том числе плотного и конденсированного…*

Лицо учителя застыло, его искусственный голос замер. Пауза длилась несколько дуров.

— И любого другого источника, — негромко повторил Двер. — Например, брошенного корабля, плывущего в космосе?

Рети оцепенела.

Учитель не сказал: «Ууп!»

Но в этом не было необходимости.

Два молодых человека наблюдали, как разворачиваются крючья, когти и лезвия, когда могучие

поля охватили их корабль и потащили к темному отверстию в центре широкой протяженности рассеянного света.

ЛАРК

Что-то происходило.

Палуба дрожала и вибрировала. Сквозь губчатые стены доносились глухие удары, которые вначале ставили его в тупик.

Потом Ларк вспомнил, когда впервые слышал такие звуки — сразу после того как захватили их на Джиджо, когда шесть рас застигли своих мучителей врасплох, выпустив залп самодельных ракет.

На экране монитора он видел, как набитые взрывчаткой стволы вспыхивали в небе над Склоном, как духи мщения. Их были сотни, изготовленных лучшими ремесленниками шести рас и предназначенных для мести. Он помнил, как молился, чтобы эти огненные снаряды достигли цели — покончили с его жизнью и с жизнями этих жестоких захватчиков джофуров на борту их корабля.

Затем послышались гулкие звуки.

Защитный контрогонь, узнала Линг голос заговорившего оружия джофуров. Одна за другой местные ракеты испарялись, не долетев до цели… и Ларку пришлось смириться с тем, что он

остается в живых.

На этот раз резкие толчки сотрясали корабль в десять раз сильней.

Звучит лихорадочно. Интересно, с кем на этот раз сражаются жирные кольца.

Увы, преследователи не давали Ларку времени подумать об этом. Что бы ни происходило в пространстве за пределами корабля, охотничьи роботы продолжали свой безжалостный систематический поиск по извилистым коридорам, препятствуя любой попытке проскользнуть мимо них, постепенно загоняя его на север вдоль большой оси корабля.

Отряд роботов сопровождали свистящие солдаты джофуры, действуя группами по трое и больше. И в нескольких случаях он слышал и человеческий голос, выкрикивающий предложения, как побыстрее загнать другого человека.

Ранн.

У Ларка не было выбора. Поскольку в охоте участвует предатель, Ларк не может рискнуть, воспользовавшись помощью пурпурного кольца, полезность которого, вероятно, вообще подошла к концу. Поэтому приходилось возвращаться к тому месту, где они с Линг предприняли попытку саботажа, бросив в нервный центр джофурского

корабля маленькую бомбу, а потом с торжеством скрывшись в облаках дыма. Они бежали и смеялись, словно играют в шпионов; пользовались пурпурным кольцом как паролем и считали, что враг их не поймает.

Конечно, и в то время далеко не все было так уж забавно. Однако по контрасту с нынешним положением прошлое казалось Ларку беззаботным. И он все бы отдал, чтобы вернуться в это прошлое. Даже ползая полуголым, как насекомое-паразит, по кораблю чужаков, он был счастлив, потому что рядом была Линг.

Прошло больше суток с того времени, как он отдыхал в последний раз. Еда стала угасающим воспоминанием, и больше у него не было возможности обследовать встречные помещения — оставалась только напряженная настороженность загнанного животного, которое отчаянно пытается оттянуть неизбежное.

Загадочная вибрация усилилась, слышались и другие звуки, близкие и гулкие или далекие. К обычным для корабля джофуров острым запахам добавились новые, их разносила вентиляционная система. Некоторые из этих запахов были слишком сложны и необычны, чтобы он мог их расшифровать, однако *страх* и *отвращение*

почти идентичны с теми, которые он знает с детства, проведенного на Джиджо.

Что-то вывело экипаж из равновесия.

Ощущение тошноты предупреждало Ларка, когда менялось искусственное тяготение на борту, пол словно наклонялся, потом на мгновение с силой прижимался к подошвам ног. Устойчивый гул двигателей стал выше и напряженней. Ларк испытывал искушение проникнуть в ближайшее помещение и попытаться активировать видеоэкран — просто чтобы понять, что происходит. Но преследователи совсем близко, и любое помещение может стать ловушкой.

Несколько дуров спустя он ощутил нервную дрожь на шее — верный признак приближения роботов. Он обладал необычной чувствительностью к их поддерживающим полям, и эта чувствительность уже не раз спасала его. Запах приближающихся джофурских солдат укрепил решимость Ларка.

Назад по другому пути, и побыстрее!

Он двигался хоть и осторожно, но быстро, стремясь достичь одной из рамп, ведущих на следующий уровень. Конечно, с каждым шагом на север его территория сужается и остается все меньше возможностей. Вскоре его загонят в угол,

из которого нет выхода…

Ларк торопливо повернул за угол и резко затормозил, испустив вздох удивления и испуга.

Всего в нескольких метрах перед ним стоял Ранн. Рослый даник кричал в золотой браслет на запястье:

— Я нашел этого сукина сына!

Ларк повернулся и побежал по единственному оставшемуся свободным проходу, который казался незанятым врагами. Он слышал, как за ним Ранн кричит, перейдя на галдва — более подходящий для связи с джофурами, чем вульгарные проклятия на англике.

К этому месту идите быстрей. Добыча близко!

Ларк подумал, не остановиться ли. Найти уголок, в котором можно затаиться, а потом неожиданно напасть на Ранна, который побежит за ним. Лучше схватиться с одним изменником человеком, чем с толпой джофуров и их роботов, которые неуязвимы для его кулаков.

Но он предпочел остаться свободным, пусть всего лишь еще на несколько мгновений, и побежал по единственному оставшемуся пути отступления — узкому коридору, вероятно, никуда не ведущему.

Разумеется, возбужденные крики последовали за ним, и, увидев впереди тупик, Ларк понял, что он в ловушке. Впереди метрах в сорока глухая стена.

Он остановился у закрытой двери, дрожащими руками нащупал пурпурное кольцо и поднес его к чувствительной пластине замка. Кольцо выпустило струйку испарений, но либо оно истощилось, либо командир джофуров усвоил урок. Дверь оставалась прочно закрытой.

Ларк услышал довольный крик: с дальнего перекрестка его увидел Ранн. Но даник ждал остальных — джофуров и их машины, — прежде чем приближаться. Несколько дуров они смотрели друг на друга с взаимной ненавистью. Но тут Ранн улыбнулся: к нему присоединились джофур и два робота. И начали приближаться.

Неожиданно с противоположной стороны послышалось низкое гудение и пахнуло жаром. Ларк повернулся и попятился от переборки, которой заканчивался коридор. Глухая стена засветилась и начала выпячиваться внутрь. Ярко вспыхнул образовавшийся овал, с краев его закапал расплавленный металл, Ларку пришлось руками защитить глаза. Его затошнило от запаха, знакомого по посещению лаборатории

гильдии взрывников в городе Тареке, — запаха сероводорода.

Овал упал внутрь, и Ларк мельком увидел за ним другой изогнутый коридор, освещенный призрачным светом. Он повернулся, собираясь бежать, но волна горячих паров ударила ему в спину и сбросила на пол. Ларк руками больно ударился о палубу, а поток горячего воздуха пронесся над ним вдоль по коридору, к Ранну и его спутникам.

На мгновение Ларк услышал такой невероятно сильный звук, что совершенно онемел. Никакой информации, кроме боли, к нему больше не поступало… он только сознавал, что все еще жив. А когда снова открыл глаза, недоуменно замигал.

Он увидел, что впереди по коридору, где только что к нему уверенно двигались охотники, последние из них торопливо убегают. Ранн на бегу оглянулся, в глазах его был ужас; могучие джофурские воины старались как можно быстрее скрыться из виду. На перекрестке оставались только два робота, принявшие оборонительную позу, но не стреляющие — словно опасаясь попробовать.

Ларк знал, что должен быть признателен всему, что обратило его врагов в бегство. Однако ему

очень не хотелось поворачиваться и смотреть, что там появилось. *Заранее знаю, что мне это не понравится,* подумал он.

Запах гнилых яиц становился удушающим, слабое свечение заполнило коридор, оно распространялось выше лежащего Ларка и сопровождалось слабым, шепчущим звуком.

Набравшись храбрости, Ларк обожженной правой рукой оттолкнулся от пола, перевернувшись на спину.

Он стоял в нескольких шагах, сразу за проделанным в стене отверстием. Светящийся шар примерно трех метров в поперечнике, едва вмещающийся в коридор. Хотя у него был металлический бронзовый цвет, его поверхность словно переливалась и подергивалась рябью, когда шар двигался по коридору. Он скорее напоминал наполненный водой мешок, чем воздушный шар. Ларк вспомнил живые клетки, которые наблюдал *в* свой любимый микроскоп, когда у него и других мудрецов было время для приобретения знаний и они занимались тем, что на примитивном Склоне именуется наукой.

Клетка много больше его самого. Живая.

И однако Ларк сразу понял…

Это не та жизнь, которая мне знакома.

Существо с хлюпающими звуками неторопливо приблизилось к Ларку, окутало его ноги, начало подниматься вверх, лишив его подвижности, потом вызвав холодное оцепенение, которое быстро распространялось по телу, пронизывая до костей.

Часть вторая
Порядки жизни

Веками — с ухода благословенных Прародителей — некоторые наиболее глубокомысленные расы задумывались над проблемой множества.

Если жизнь так распространена и энергична здесь, в Пяти Связанных Галактиках, спрашивали они, не стоит ли искать ее следов повсюду?

Астрономы насчитали семьсот миллиардов других галактических колес, овалов и других обширных звездных конгломератов, причем некоторые из них больше нашей Первой Галактики. Кажется противоречащим всякой логике, что наши галактики — единственные, где возник разум.

Какая напрасная растрата потенциала, если это действительно так!

Конечно, это мнение разделяется не повсеместно. Многие из социально-религиозных союзов, составляющих нашу цивилизацию, настаивают на нашей уникальности, поскольку любая иная ситуация означала бы насмешку над величием наших Прародителей. Другие считают эти семь-

сот миллиардов галактик небесными покоями, в которых живут возвышенные трансценденты, закончившие длительный процесс совершенствования на этом плане реальности.

Многие пытались проникнуть через эту завесу с помощью научных инструментов, таких, как гигантские телескопы, нацеленные на наших молчаливых соседей. Установлено, например, что некоторые из этих целей издают ритмичный пульсирующий шум потрясающей сложности. Другие галактики кажутся выгоревшими, словно недавно там бушевал пожар, разрушивший одновременно почти все планетные системы.

И однако данные всегда кажутся двусмысленными, позволяя множество интерпретаций. Великая Библиотека полна описанием споров, длившихся веками.

Связаны ли другие галактики гиперпространственными пунктами перехода, как наши спирали, несмотря на огромные расстояния плоского пространства-времени? Самые лучшие наши модели и расчеты не дают определенных ответов.

Время от времени какая-нибудь молодая раса теряет терпение и начинает задавать эти вопросы Древним — тем мудрым видам, которые отказались от звездных кораблей, чтобы разви-

вать душу в Объятиях Приливов, чтобы перейти в следующий порядок жизни.

В зависимости от своего настроения, древнейшие либо игнорируют их вопросы, либо раздраженно отвечают.

Мы одиноки, отвечает одно сообщество достопочтенных.

Нет, мы не одиноки, возражает другое. Другие галактики подобны нашим, они кишат множеством разумных видов, в священном долге по очереди возвышая друг друга, потом обращая внимание на долг трансцендентности… как это делаем сейчас мы.

Одно сообщество древних утверждает, что знает иной ответ — что большинство островных вселенных заселяется внезапно — первой же расой, достигшей уровня звездных полетов. Эти первые расы заполняют все звездные системы, уничтожая или порабощая все другие формы жизни. Такие галактики бедны разнообразием, им не хватает мудрости, которую проявили наши благословенные Прародители, когда начали великую цепь Возвышения.

Это неверно, утверждает еще одно сообщество достопочтенных в своем игольчатом жилище, скрытом среди задумчивых приливов. Единство

цели, которое мы видим в таких галактиках, означает только, что они уже эволюционировали к цельности. Достигли высшей стадии, на которой все разумные существа образуют единый могучий сверхразум…

Наконец становится ясно, что все эти противоречивые ответы означают только одно из двух.

Либо Древние понятия не имеют, о чем говорят, либо…

Либо все эти различные ответы вместе составляют поучение. Проповедь. Основной урок.

Другие галактики — не наше дело! Вот чему нас учат. Мы должны вернуться к занятиям, подобающим молодым расам, должны сражаться, учиться, возвышаться, набираться опыта и сил для следующей фазы.

Каждый из нас, кто выдержит испытание, получит ответ, когда мы встретимся лицом к лицу с ослепительным светом Великого Сортировщика.

ГАРРИ

Кажется, космос не единственное место, где идеи живут своей собственной жизнью. Вернувшись, Гарри застал базу Каззкарк переполненной слухами. Необычные россказни бродили, подобно хищным паразитам, перепрыгивали от одного нервничающего существа к другому, расцветали в атмосфере заразительной тревоги.

Подведя свой разведочный корабль к северному полюсу планетоида, Гарри ввел его в щель, отведенную Институту Навигации, и со вздохом облегчения выключил двигатели. Все, чего он сейчас хочет, это спокойно проспать несколько дней без безжалостных истощающих сновидений. Но не успел он причалить и завершить протокол прибытия, как погрузился в водоворот сомнительных слухов.

Говорят, союз Отрекшихся раскололся на несколько еретических фракций, которые сражаются друг с другом, произнес на быстром галактическом четыре торговый представитель турмуджей, который стоял перед Гарри в очереди к иммиграционному контролю. *А Лига Благоразумных Нейтральных кланов наконец начала*

мобилизацию, объединив свои флоты под командованием парджи!

Гарри посмотрел на турмуджа, тощее, долговязое существо, которое словно целиком состоит из локтей и коленок, прежде чем ответить на том же языке:

Говорят? Кто говорит? Где именно? Какова вероятность?

Никакой вероятности! Это произнес дипломат ооломин, на края щупальцев которого были надеты специальные чашечки, чтобы предотвратить неосторожное распространение пыльцы. Стоящий за Гарри ооломин выразил свое презрение к сутулому турмуджу, выпустив поток оранжевой слюны, которая едва не задела руку Гарри.

У меня есть точные данные о том, что возвышенные и уважаемые парджи намерены вообще выйти из Лиги — и отказаться от участия в делах Галактики — из презрения к нынешнему состоянию хаоса. Эта благородная раса вскоре переместится в благословенную отставку, присоединившись к патронам своих предков в счастливом царстве приливов. Только регрессировавший дурак способен поверить в другое.

В представлении Гарри такая речь вряд ли совместима с дипломатией. Турмудж в раздражении

так быстро распрямил все свои руки и ноги, что его шишковатая голова ударилась о потолок. Морщась от боли, торговец вышел из очереди, пожертвовав своим местом.

О, понятно, подумал Гарри, еще раз посмотрев на существо за собой: очевидно, ауломин прекрасно разбирается в психологии других рас.

Только не пытайся то же самое проделать со мной, думал он. *Я не стану выходить из себя, даже если ты назовешь меня дядюшкой дельфинов.*

Дипломат, по-видимому, понял это и только помахал двумя щупальцами в универсальном жесте доброй воли. Оба передвинулись вперед.

Гарри достал свою переносную информационную пластинку и нажал кнопку, запрашивая у планетоидной ячейки Галактической Библиотеки новости. Ячейка очень мощная, поскольку на Каззкарке располагаются местные штаб-квартиры нескольких важных галактических институтов. Однако мастер-индекс ответил, что ничего не знает о расколе в союзе Отрекшихся. Больше того, согласно официальным источникам, влиятельные парджи по-прежнему активно занимаются галактическими проблемами, призывая к миру и сдержанности, убеждая воинственные союзы отозвать свои армады и разрешать нынешний

кризис с помощью медитации, а не войны.

Выходит, оба слуха неверны? В нормальное время Гарри едва ли усомнился бы в сообщении мастер-индекса. В цивилизации Пяти Галактик часто говорят, что ничего не происходит прежде, чем оно будет зафиксировано в Великой Библиотеке. Планета может взорваться прямо у тебя перед глазами, но это не будет установленным фактом, пока в углу экрана не появится знакомый глиф — спираль с лучами.

Но сейчас явно не «нормальные времена».

Поджидая своей очереди к стойке таможенника, Гарри подслушал, как продавщица семян, тальпу'ура, жалуется пилигриму гульдингару на то, как тошнотворно изменились торговые линии при пересечении Третьей Галактики. Гарри трудно было разбирать диалект тальпу'уры — синкопированный треск и щелканье крыльев, но, кажется, действительно несколько самых часто используемых пунктов перехода изменили период своей остилляции — связь либо прерывается, либо утрачена полностью.

Легкий паукообразный гульдингар ответил на том же диалекте, говоря через металлический аппарат, прикрепленный к ноге.

Эти объяснения кажутся сомнительными. В

сущности, это отговорки, которые позволяют сильным союзам попытаться захватить и монополизировать ценные гиперпространственные маршруты для собственных стратегических целей.

Гарри нахмурился. От беспокойства у него зачесалась шерсть под мундиром. Если происходит что-то связанное с доступностью переходных пунктов, эта проблема непосредственно касается Института Навигации. Он снова обратился к отраслевой Библиотеке, но нашел очень мало информации — всего лишь обычные советы путешественнику и предупреждение избегать некоторые маршруты.

Я уверен, Вер'Кв'квинн сообщит мне самые последние сведения. Если кто-нибудь знает, что происходит, то это старая змея.

Больше всего Гарри хотелось услышать новости об осаде Земли, но в очереди никто об этом не говорил. Несколько недель назад, когда он отправился патрулировать пространство Е, петля вокруг Земли и колоний Канкан затягивалась все туже. Несмотря на дружескую помощь тимбрими и теннанинцев, боевые флоты десятка фанатичных союзов на время отказались от взаимных стычек, объединившись и сделав блокаду еще

более тесной, задушив торговлю и связь родной планеты Гарри.

Гарри испытывал сильное искушение, но воздержался и не стал спрашивать об этом Библиотеку. В нынешней политической ситуации и с его все еще испытательным сроком неразумно слишком интересоваться своим прежним кланом. *Предполагается, что он больше не должен меня занимать. Теперь мой дом — Институт Навигации.*

Он миновал таможню, а следующее препятствие оказалось слишком знакомым — высокий мрачный хун в блестящем одеянии старшего патрона. Инспектор Твафу-ануф, со значком Института Миграции на плече, всматривался в информационную плату, по которой плыло множество символов, а сканеры тем временем прощупывали корабль Гарри. Каждый раз, возвращаясь с дежурства, Гарри приходилось выдерживать мрачный взгляд этого рослого двуногого самца, искавший малейшие признаки незаконного генетического груза, в то время как громадный хунский горловой мешок испускал презрительные ворчливые звуки.

Поэтому Гарри потрясло, когда на этот раз закоренелый бюрократ заговорил, используя такие

тона, которые могли показаться дружелюбными.

— Я заметил, что вы только что вернулись из пространства Е, — сказал инспектор на галсемь — космическом диалекте, который предпочитали земляне. — Хр-рм. С благополучным возвращением. Надеюсь, у вас было приятное интересное путешествие.

Гарри замигал, пораженный этим неформальным дружелюбным тоном. *Что случилось с этим снобом?*— удивился он.

Работники Института Миграции обычно ведут себя высокомерно и пренебрежительно. В конце концов их институт занимается делами космической важности: где кислорододышащие могут основывать колонии, какие планеты должны быть на время объявлены невозделанными и нетронутыми руками разумных. По сравнению с ними организация Гарри была «бедным родственником» с обязанностями, напоминавшими старую земную береговую охрану, — патрулирование гиперпространственных маршрутов, наблюдение за условиями пространства-времени и охрана торговых галактических линий.

— *Пространство Е — это царство сюрпризов,* — осторожно ответил Гарри. — *Но мое дежурство прошло без всяких неожиданностей. Спасибо за*

интерес.

Маленький пушистый *роусит* — слуга-клиент хуна — двигался рядом с хозяином, нацеливая на Гарри записывающее устройство и заставляя его еще больше нервничать. Тем временем инспектор приблизился и навис над Гарри, продолжая расспросы.

— Конечно, я расспрашиваю из личного любопытства, но не согласитесь ли просветить меня в одном деле? Не заметили ли вы во время патрулирования пространства Е особенно крупных мемоидов? Хр-р-рм. Возможно, концептуальных существ, способных выходить за пределы своего родного континуума и переходить… хр-р-рм… на другие уровни реальности?

Гарри почти инстинктивно насторожился. Подобно многим кислородным расам, хуны не выносят двусмысленных условий пространства Е и аллафоров, населяющих это странное царство. Неудивительно, учитывая их всем известное отсутствие чувства юмора и воображения.

Но откуда этот внезапный интерес?

Очевидно, необычная ситуация требует смеси формальной лести и уклончивости. Гарри обратился к привычной тактике *«да, бвана».*

Хорошо известно, что мемоорганизмы тес-

нятся в пространстве Е, как вакуумные ракушки, заражающие медленные фрейтеры, сказал он, переходя на галшесть. *Но увы <о существо старшего уровня патронов>, я видел только такие существа, которые позволяет разглядеть мой примитивный полувозвышенный мозг. Несомненно, эти впечатления слишком грубы, чтобы заинтересовать такое возвышенное существо, как вы.*

Гарри надеялся, что чиновник не заметит его сарказма. В теории все обязавшиеся служить Великим Институтам отказываются от прежней верности и предрассудков. Но со времени катастрофы при НуДауне все знают, что испытывают хуны по отношению к выскочкам из клана землян. Как неошимпанзе, представитель едва возникшей расы клиентов, обязанных служить людям, Гарри ожидал со стороны Твафу-ануфа только высокомерия и пренебрежения.

Вы, вероятно, правы в этом <о преждевременно развившееся, но многообещающее дитя>, послышался ответ хуна. *Тем не менее меня <слегка > интересуют ваши наблюдения. Возможно, вы видели каких-либо <особенно крупных или сложных> мемоидов, передвигающихся в <близком> соседстве с трансцендентными формами жизни?*

Информационную пластинку инспектор отвернул, но Гарри видел, как отражается ее свечение в гладких грудных чешуйках — знакомым голубым цветом разрешения. Проверка корабля Гарри завершена. И больше нет законных предлогов удерживать его.

Он снова поменял язык — на этот раз на англик, речь волчат.

— Вот что я вам скажу, Твафу-ануф. Окажу вам любезность и сделаю официальный запрос… от вашего имени, конечно.

Гарри нацелил собственную пластинку и нажал кнопку, прежде чем чиновник смог возразить.

В этом нет необходимости! Я спрашивал неформально, с целью…

Гарри с удовольствием прервал его.

— О, не нужно меня благодарить. Мы ведь все поклялись помогать друг другу. Поэтому я организую обычный межинститутский обмен и переправлю отчет к вам через штаб-квартиру Института Миграции. Подходит?

И прежде чем польщенный хун смог ответить, Гарри добавил:

— Отлично! Согласно протоколу прибытия и с вашего великодушного разрешения, полагаю, мне можно идти.

Маленький роусит торопливо уступил ему дорогу, и Гарри двинулся вперед, ожидая, откроется ли перед ним барьер.

Барьер скользнул в сторону, открыв проход на улицы Каззкарка.

Возможно, это какое-то извращение, но Гарри возбуждала перспектива жизни во времена опасности и перемен.

Почти половину оборота Галактики — многие миллионы лет — этот выдолбленный плывущий в пространстве камень был всего лишь сонным жилищем гражданских галактических чиновников, использующих часть доисторических туннелей, которые на сотни миль прорубила в скалах какая-то исчезнувшая раса. Но вот, спустя всего пятнадцать кидуров с того времени, как Гарри получил сюда назначение, планетоид преобразился. Катакомбы, которые пустовали с эпохи Ч'тх'терн, все более заполнялись: новые посетители прибывали ежедневно. И всего за несколько земных лет возник новый космополитический город, в котором каждый коридор и каждая пещера предоставляли чувствам смесь самых разных ощущений — редкое собрание почти всех представителей кислородных культур.

Какое удивительное совпадение! — сардониче-

ски думал Гарри. *Можно подумать, что все они ждали моего появления на Каззкарке.*

Конечно, истина несколько иная. В сущности, он один из самых незначительных разумных, проходящих по этим древним коридорам.

Проходящих… а также проползающих, пробегающих, проносящихся, проезжающих — назовите любую форму передвижения, и вы встретите ее здесь. Те, что слишком хрупки и не выдерживают тяготения в половину земного, передвигаются в изящных экипажах. Некоторые из них напоминают миниатюрные космические корабли. Гарри даже заметил с полдюжины представителей какой-то длиннорукой расы, внешне напоминающих гиббонов, с пурпурными перевернутыми лицами. Они перепрыгивали с одной балки на другую под самым высоким потолком. Ему хотелось посмеяться над их ужимками, но эта раса, вероятно, пилотировала космические корабли, когда люди еще жили в пещерах. У галактов редко бывает то, что Гарри называет чувством юмора.

Еще недавно большинство находящихся на Каззкарке носило форму Институтов Навигации, Миграции, Войны или Великой Библиотеки. Однако теперь существа в форме составляли меньшинство. На остальных были самые разнооб-

разные костюмы — от герметических скафандров и формальных одеяний с рунами, описывающими происхождение и достоинства патронов данной расы, и до совершенно нагих или одетых настолько скудно, что видна вся кожа, чешуя, перья или торс.

Когда он только еще поступил на службу, большинство галактов были не в состоянии отличить неошимпанзе от очистителя плюша, настолько малоизвестным и незначительным был клан землян. Но в последнее время все изменилось. И когда Гарри шел по улице, многие оборачивались и смотрели ему вслед. Существа подталкивали друг друга, обменивались репликами — явный признак того, что за время его отсутствия кризис «Стремительного» не разрешился. Очевидно, земной клан по-прежнему пользуется известностью, к которой не стремился.

Известное галактическое изречение ясно выражало суть проблемы.

Привлекать внимание могущественных — значит обрекать себя на опасность.

Тем не менее большую часть пути, пока он шел в помещение штаба, Гарри было легко затеряться в толпе. Он поражался тому, насколько более шумными стали улицы, с тех пор как он вылетел

на патрулирование.

С помощью своей информационной платы Гарри установил, что большинство из этих разумных — послы или участники торговых делегаций. Обычаи и законы цивилизации рушились в век дурных предчувствий, и расы, союзы и корпорации надеялись получить какое-нибудь преимущество. И в таком хаосе есть свои возможности, поэтому агенты маневрировали, разыгрывая сложные шпионские игры. Устанавливались и разрывались контакты. Предлагались взятки, нарушалась верность — и все это в таких сложных многосторонних гамбитах, что придворные интриги Медичи могли бы по сравнению с ними показаться играми в песочнице. Малые кланы не оказывали влияния на большую галактическую политику и не обладали мощными флотами, тем не менее их представители тоже толпились здесь, пытаясь стать полезными таким мощным силам, как расы клеш, соро или джофур, которые, в свою очередь, щедро тратили ресурсы, надеясь получить преимущество перед противниками.

Огромные суммы переходили из рук в руки, и экономика, обслуживавшая потребности послов и шпионов, процветала. Почти миллион свободных разумных и служебных машин заботился о

биологических нуждах гостей, предоставляя все: от определенного состава атмосферы до экзотических продуктов и интоксикантов.

Хорошо, что нам, шимпам, пришлось отказаться от части своего обоняния в обмен на участки мозга, создающие разум, думал Гарри, неторопливо идя по Большому пути — торговой Авеню у самой поверхности Каззкарка, протянувшейся от полюса до полюса; через каждые несколько километров прозрачные куполы разрывали скальную поверхность, демонстрируя изнутри ослепительные виды на галактическую спираль Пятой Галактики. Когда Гарри начал тренировки в Навигационном центре, этот проход был пустым и призрачным. Теперь все ниши заполняли магазины и рестораны, издавая такое многообразие запахов, что любая разумная раса обнаружила бы здесь что-нибудь ядовитое. Большинство посетителей проходило сложную антиаллергическую подготовку, прежде чем покинуть карантин. Тем не менее многие передвигались по Большому пути в респираторах.

Гарри находил все это опьяняющим. Через каждые несколько метров он ощущал новый запах. Некоторые вызывали чувство радости или всепоглощающего голода. Другие приводили на

край тошноты.

Немного напоминает Нью-Йорк, думал он, вспоминая свое краткое пребывание на Земле.

Слух тоже был перегружен. Слышались голоса на десятке стандартных галактических языков в бесчисленных диалектных вариантах, зависящих от того, с помощью каких органов производился звук. Звук — самый обычный посредник при торговых переговорах или передаче сплетен, и гудящий, щелкающий, жужжащий, стонущий на нескольких сотнях разновидностей языков Большой путь физически дрожал от волн интриг. Еще больше усложняли положение те, кто предпочитает зрительные сигналы, раскачиваясь, приплясывая и передавая на дисплеи послания, которые казались Гарри одновременно прекрасными и устрашающими.

А еще есть пси.

Использование «живого спектра» ограничивалось строгими правилами. Отъявленных нарушителей вылавливали бдительные детекторы. Тем не менее Гарри считал, что напряжение отчасти связано с общим фоном шума пси.

К счастью, неошимпы глухи к пси. Те самые особенности, которые делали его хорошим наблюдателем в пространстве Е, создавали имму-

нитет к какофонии мысленных вибраций, прямо сейчас заполняющих Каззкарк.

Разумеется, большинство «ресторанов» представляли собой просто защищенные места встреч, где могли происходить неформальные переговоры, иногда между кланами, которые в реестрах Института цивилизованной войны числятся смертельными противниками. Гарри заметил высокомерного, похожего на ящера соро, сопровождаемого небольшой свитой из клиентов пила и паха, который проскользнул в одно такое заведение. Владелец тут же вывесил сигнал «занято»… но оставил дверь полуоткрытой, словно ожидая еще одного посетителя.

Было бы интересно постоять и посмотреть, кто войдет, чтобы вести переговоры с матриархом соро, но Гарри заметил по крайней мере дюжину зевак, которые уже этим занимались, делая вид, что читают инфоплаты или разглядывают товары в витринах соседних магазинов, в то же время не упуская из виду приоткрытую дверь.

Гарри вспомнил неловкую попытку инспектора хуна расспросить его о пространстве Е. По мере того как рассеивалась вера в непогрешимость Институтов, все пытались найти дополнительные сведения, возможно, надеясь, что это немногое

окажется очень важным.

Гарри не должны принимать за еще одного шпиона. Особенно в форме. Некоторые другие системы могут проявлять признаки напряжения, утрачивая свой профессионализм и надежность, однако у Института Навигации безупречная репутация, и ее необходимо поддерживать.

Минуя один заполненный толпами перекресток, Гарри заметил пару енотовидных синтианских торговцев, раса которых известна необычным интересом к земному искусству и культуре. Они были слишком далеко от него, но это зрелище все же настолько отвлекло его, что несколько мгновении спустя он столкнулся с ощетинившимся, припавшим к поверхности ксатинни.

Дьявольщина, подумал Гарри, видя, что морда оцелота смотрит на него с нескрываемой ненавистью. Не тратя времени, Гарри вобрал голову в плечи и скрестил перед собой руки в позе раскаивающегося клиента. Одновременно он попятился, а ксатинни произнес напыщенную тираду на галсемь, резким тоном браня нарушителя приличий.

Объяснить это нахальное вмешательство! Раскаяться и искренне принести извинения!

Отметить это в длинном списке оскорблений, нанесенных твоим кланом никчемных…

Ксатинни не относились к сильным кланам, но всегда преследовали землян по причине, по какой всегда действуют хулиганы, — потому что это можно сделать безнаказанно.

Явиться в мои апартаменты для дополнительного наказания через три мидура по следующему адресу! Сорок семь в пятьдесят пятом коридоре у…

К счастью, в это мгновение по улице пронесся неловкий вриилх, направо и налево раздавая ритуальные извинения перед теми, кто не успел увернуться от его огромных двухметровых лап. Ксатинни с гневным воплем отпрыгнул, и вриилх отделил от него Гарри.

Воспользовавшись этим вмешательством, Гарри смешался с толпой.

Пока, кошечка, подумал он, на мгновение пожалев, что не обладает пси-способностями, чтобы отпустить на прощание оскорбление. Вместо этого позорного унижения он предпочел бы ударить ксатинни по пасти — и, может быть, оторвать ему несколько конечностей, чтобы улучшить аэродинамику ити. *Надеюсь, мы еще встретимся в темном переулке, где никто нас не увидит.*

Увы, самоконтроль — главное требование, которое Террагентский Совет предъявлял своим клиентам, прежде чем отпустить неошимпов без присмотра в космос. Маленький и слабый, клан землян не мог допустить никаких неожиданностей.

Да… и что хорошего принесла нам эта политика в конечном счете?

Дельфинам дали собственный космический корабль, и смотрите, что натворили эти умные рыбы. Стали причиной самого серьезного кризиса за Ифни знает сколько миллионов лет.

По правде говоря, Гарри слегка ревновал к дельфинам.

Помимо тех, кто явился на Каззкарк по официальным делам, на улицах и в гаванях планетоида было множество и других существ — беженцев из тех мест, которые затронул усиливающийся хаос, а также оппортунистов, альтруистов и мистиков.

Последние казались особенно многочисленными.

На большинстве планет проблемы философии или религии обсуждались неторопливо, споры переходили от одного поколения к другому и даже от расы патронов к клиентам, от них — к

их собственным клиентам, и так на протяжении целых эпох. Но Гарри замечал время от времени что-то лихорадочное в речах миссионеров, устроивших свои павильоны под Семьдесят седьмым куполом. Над головой сверкали туманности и скопления, а посланники самых разных религий предлагали свою древнюю мудрость… среди них наследники, ожидающие, трансценденты и отрекшиеся, а поблизости их одетые в красные одеяния служители из десятков рас грозили прохожим своей ортодоксальной интерпретацией Воли Прародителей.

Гарри знал, что никогда не поймет многие аспекты галактической цивилизации, сколько бы ни старался. Например, как могут великие союзы разумных рас на протяжении долгих эпох сражаться из-за незначительных догматических расхождений.

И он был не один в своем замешательстве. Многие величайшие умы Земли не могли понять смысла таких споров. Например, начала ли легендарная Первая Раса два миллиарда лет назад цепь Возвышения как проявление непреклонного физического закона — или как неотъемлемое свойство самоорганизующейся системы в псевдоэволюционирующей вселенной? Насколько

понял Гарри, все споры сходились к вопросу о том, как стала разумной кислородная жизнь и какова конечная ее цель в эволюции космоса.

— Ради этого не стоит убивать друг друга, — усмехался он. — Или позволять, чтобы тебя убили.

Однако и люди не могут считаться совершенно невинными. Бесчисленные толпы гибли из-за еще более несущественных различий на протяжении Темных Веков до Контакта, прежде чем вид самого Гарри увидел свет.

— А это что-то новое, — пробормотал он, останавливаясь в дальнем конце купола.

За стеклянными павильонами главных сект стояли ряды менее известных ересей, здесь проповеди читались в завешенных альковах или каменных нишах, а некоторые проповедники даже выходили просто на Большой путь, распространяя свои необычные верования.

— Убирайтесь отсюда! — кричал мрачный пии'уут со спиральной шеей и выпуклыми глазами. — Только в одном месте вас всех ждет спасение от надвигающегося конца. Там источник, из которого вы все происходите!

Гарри с трудом расшифровывал сказанное на галактическом три с сильным акцентом. Ис-

пользование коллективно-отвечающего падежа означает, что пии'уут имеет в виду спасение видов, а не индивидов. Даже у ереси есть свои рамки.

Говорит ли он, что каждая раса должна вернуться на свою родную планету? На тот комок грязи, где эволюционировали ее предразумные предки и были приняты какими-то патронами для Возвышения?

Или проповедник имеет в виду нечто более аллегорическое?

Возможно, он имеет в виду, что каждое звено в цепи Возвышения должно искать знания в собственном наследстве, отличном от наследия всех остальных. Это означало бы конец Институтов; каждая кислородная раса пошла бы своим путем.

Конечно, Гарри недостаточно подготовлен, чтобы обсуждать сложные проблемы галактической теологии, да ему этого совершенно не хочется. И смотреть на следующего проповедника гораздо интересней.

Евангелист-комад, с нижним торсом на трех ногах, но с гуманоидным верхним торсом и руками, выглядел жизнерадостным и дружелюбным. Широкий рот на его ящероподобной голове

был раскрыт в постоянной широкой улыбке, а длинные ресницы делали лицо почти обольстительным. Но единственная задняя мощная нога отбивала мрачный ритм, а комад тем временем на галшесть гремел, противореча своей жизнерадостной внешности.

Все наши <текущие прискорбные> социальные напряжения коренятся в <презренном, мерзком > заговоре врагов кислорододышащей жизни!

Смотрите, как наши великие расы и союзы истощают друг друга, тратя свою мощь, сражаясь друг с другом в поисках <неясных> намеков на <возможное, хотя и маловероятное> возвращение <давно исчезнувших> Прародителей/

Это выгодно только <враждебным непостижимым> водорододышащим! Ревнуя к нашей <быстрой, проворной> скорости и <высокому> метаболизму, они эпохами боялись нас, создавая свои <долгие, медленные, злобные> планы. И теперь они наконец готовы. Смотрите, как <злобные> гид рос готовят наш <коллективный> конец!

Кто не помнит, как <совсем> недавно нам пришлось отдать одну из наших пяти галактик? Всего полмиллиона лет назад <целая > Четвертая Галактика была объявлена «невозделанной»

и освобождена от всех <звездных> кислорододышащих культур. Никогда раньше Институт Миграции не соглашался на такую <огульную предательскую> отдачу территории, и последствия этого решения все еще чувствуются!

Нам говорят, что <в ответ > гид рос предоставили нам всю Пятую Галактику, но разве мы <ежедневно> не слышим разговоры о странных зрелищах и волнениях в нормальном пространстве, которые могут быть только результатом деятельности <вероломных > зангов?

А как же <вышедшие из строя > пункты перехода? Как же маршруты в гиперпространстве <уровня А и Б>, которые стали медлительными и ненадежными? Почему <великие, но подозрительно бездействующие > институты не рассказывают нам правду?

И комад закончил, указав слишком человеческим пальцем прямо на Гарри, который в своей форме казался удобным представителем Института Навигации. Покраснев под своей шерстью, Гарри торопливо попятился.

Жаль. Начинало становиться интересно. По крайней мере кто-то начинает жаловаться на то, как глупо ведут себя соро и другие сильные кланы. И выступление комад касалось будущего,

это не обычная одержимость прошлым. Да, конечно, оно слегка параноидальное. Но если в него поверят многие разумные, это может облегчить положение Земли и дать бедным дельфинам возможность вернуться домой.

Гарри показалось ироничным, что вольномыслящие комады в целом не любят землян. Со своей стороны, Гарри считал, что выглядят они неплохо и замечательно пахнут. Какая жалость, что это восхищение не взаимно.

Шум сзади заставил его повернуться — как раз вовремя, чтобы присоединиться к толпе, бегущей к ближайшей стене. У Гарри по спине пробежала дрожь, когда он увидел, кто приближается к куполу. Отряд из двадцати наводящих ужас, похожих на богомолов воинов танду, невооруженных, но снабженных смертоносными, острыми как бритва когтями, цепочкой двигался по середине бульвара; верхние, на стебельках, глаза воинов раскачивались под самым ребристым потолком. Все, кто их видел, старались побыстрей уступить Дорогу. Никто не оспаривал их право на проход, и ни один Продавец не пытался навязывать товары этим существам с Многочленными конечностями.

Перед самым отлетом в последнее дежурство

Гарри видел, как танду откусил голову упрямому паха, который отказался уступить ему дорогу. Почти немедленно предводитель группы танду наказал нападавшего, небрежно разорвав на кусочки его брата. Таким образом была восстановлена простая справедливость «око за око» и не потребовалось обращаться к властям. Тем не менее главный урок был всем предельно ясен.

Не мешайте нам.

Никакого следствия не было. Даже предводители паха признали, что такое безрассудное и смелое поведение граничит с самоубийством.

Пульс Гарри замедлился, только когда страшный отряд прошел мимо и свернул в переулок.

Пожалуй… не стану больше задерживаться, подумал он, неожиданно чувствуя себя угнетенным этим шумом и толчеей. *Вер'Кв'квинн будет плеваться желчью, если я немедленно не представлю ему отчет.*

Ему также хотелось расспросить старую змею обо всем, что видел и слышал с момента приземления, — о хунах, интересующихся пространством Е, о вышедших их строя п-пунктах, о проповеднике-комаде, который утверждает…

И сердце у него едва не выпрыгнуло, когда неожиданно плечо ему сжала костлявая рука

толще его предплечья. Тонкие белые пальцы, вооруженные присосками, держали осторожно, но прочно.

Гарри повернулся и увидел просторное серебристое одеяние на двуногой фигуре, которая должна весить не меньше метрической тонны. Голова напоминает резной нос корабля, но если фигуры на древних судах имели пару раскрашенных глаз, у этого существа их было две пары, одна над другой. Ниже располагалась плоская челюсть, похожая на таран греческой триремы.

Это… скиано… Гарри вспомнил то, чему его учили во время тренировок. Он не ожидал столкнуться с представителем этой расы на улице, тем более что скиано обратится непосредственно к нему.

Что же мне делать?— встревожился он, готовясь пройти еще через одну процедуру унизительного подобострастия и преклонения.

На широком плече скиано сидело похожее на птицу разноцветное существо, что-то вроде земного попугая.

— Прошу прощения за то, что так удивил тебя, брат, — мелодично произнес титан, предупреждая извинения Гарри.

Говорил он через специальный прибор, кото-

рый держал в другой огромной руке. Рот скиано не шевелился и не издавал ни звука. Напротив, мягкий свет струился из нижней пары глаз. И прибор преобразовывал его в звуки.

— Мне показалось, что ты выглядишь растерянным. Гарри покачал головой.

— Прошу прощения за то, что возражаю тебе, старший патрон. Твоя забота радует душу этого жалкого клиента. Но я знаю, куда иду. Поэтому — с благодарностью — я должен идти даль…

И тут насмешливым и резким тоном вмешалась птица:

— Идиот! Дурак! Не твое *тело.* Твоя душа! Твоя душа! Твоя душа!

Только теперь Гарри сообразил: разговор ведется на англике, языке волчат его родины. И он вторично внимательно посмотрел на птицу.

Поскольку полет предъявляет очень строгие требования к организму, пернатые летающие существа везде примерно одинаковой формы, на каком бы кислородном мире они ни возникли. И все же в этом случае ошибки не было. Перед ним действительно *попугай.* Настоящий. Типа «йо-хо-хо и бутылка рома…» И поэтому скиано казался еще более необычным.

Неправильное количество глаз, тупо подумал

Гарри. *Тебе следовало носить повязку на одном… вернее, на трех! И нога должна быть деревянная… а вместо руки крюк…*

— Действительно, моя добрая обезьяна, — продолжал через прибор бубнить скиано, соглашаясь с птицей. — Именно твоя душа в опасности. Ты уже подумал о спасении?

Гарри замигал. Он никогда не слышал, чтобы скиано занимались проповедями, тем более на англике и с земным попугаем в роли помощника.

— Ты говоришь обо мне? — переспросил он.

— Да, о тебе.

Гарри продолжал недоуменно мигать.

— Обо мне… *лично?*

Попугай испустил раздраженный вопль, но в глазах скиано как будто появилось удовлетворенное выражение. Звуки машины звучали торжествующе.

— Ну наконец-то хоть кто-то сразу ухватил концепцию! Впрочем, мне не следовало удивляться, учитывая твое благородное происхождение.

— Благородное происхождение? — повторил Гарри. Никто еще не обвинял его в этом.

— Конечно. Ты же с *Земли!* С благословенной родины Моисея, Иисуса, Будды, Магомета, Типле-

ра и Ваймберга-Чанга! Места, где в явном случае непорочного девственного рождения появились волчата — без вмешательства какой-либо грешной галактической расы, но как безупречный дар самого Космоса!

Гарри сделал шаг назад, изумленно гладя на скиано. Но тот продолжил:

— Планеты, с которой пришла благая весть, способная изменить вселенную. И ты, дорогой брат, пришел, чтобы помочь нам распространить эту концепцию!

Огромный евангелист наклонился к Гарри, демонстрируя пылкое рвение — как в звуках, так и в страстном огне глаз.

— Идею Бога, который любит каждого! Который считает важными не расу, не клан или любую великую абстракцию, но каждое существо, которое сознает себя и способно к самоусовершенствованию.

Творца всех, который обещает блаженство, когда мы воссоединимся с ним в пункте Омега.

Того, кто обещает блаженство — не коллективно, а каждой индивидуальной душе.

Гарри мог только ошеломленно мигать, потому что мозг и горло были охвачены оцепенением и он потерял способность говорить.

— Аминь! — закричал попугай. — Аминь и аллилуйя!

ДНЕВНИК ОЛВИНА

Теперь у меня появилась возможность хорошо разглядеть происходящее. Мои друзья — Ур-ронн, Гек и Клешня — в других частях корабля, и им приходится обходиться тем, что они видят на мониторах. Но когда мы уходили от Измунути, я стоял всего в нескольких метрах от доктора Баскин, видя то же, что видит командир.

Все происходило прямо передо мной.

Официально я находился на командирском мостике, чтобы присматривать за вонючими глейверами. Но эта работа сводилась к тому, чтобы время от времени кормить их синтетическими таблетками, которые у меня в сумке… и убирать, когда они пачкали. А в остальном я мог смотреть, слушать и гадать, как я все это опишу в своем дневнике. Ничто в моем прошлом — когда я рос в маленьком хунском рыбачьем поселке или читал старинные земные книги — не подготовило меня к тому, что происходило в эти напряженные мидуры опасности и перемен.

Меня вдохновляло присутствие Сары Кулхан. Она тоже сунер, родилась, как и я, на Джиджо и происходит от преступных колонистов. До этого

года она никогда не видела ни звездных кораблей, ни компьютеров. И однако предложения человека — молодой девушки — учитываются. Те, кто обладает властью, просят у нее совета. И она не теряется, когда разговор заходит о «периферических границах переходов» или о «квантовых уровнях реальности». (Мой маленький автописец передает эти слова по буквам — на случай, если вы запутаетесь.) И если один гражданин Склона может справиться с ситуацией, то я тоже смогу.

Да, но Сара дома была мудрецом и волшебницей, так что я возвращаюсь к тому, с чего начал, надеясь описать деяния звездных богов и отобразить зрелища, гораздо более необычные, чем то, что мы видели в глубинах Помойки. И передать сказанное на языках, которые я едва понимаю.

(На Джиджо, обсуждая технические проблемы, мы используем англик, потому что на этом языке написано большинство книг, доставшихся нам со времен Великой Печати. Но на борту «Стремительного» дела обстоят по-другому. Когда требуется научная точность, переходят на галсемь или галдва, используя слова-глифы, которые мне непонятны… и это показывает, как сильно регрессировали наши джиджоанские диалекты.)

Мяуканье глейверов — это нечто совершенно

иное. Не похоже ни на какую из слышанных мною раньше идиом! Усиленный и приукрашенный машиной Нисс, их шум уносится в небо, а ужасающий корабль зангов приближается к «Стремительному», намереваясь превратить его в рассеянные атомы атмосферы гигантской звезды.

И даже если золотистый шар блефует, если в самое последнее мгновение он отвернет и пролетит мимо, перед нам только возникнет новая смертельная опасность. Боевой корабль джофуров, который преследовал нас от самой Джиджо, теперь намерен отрезать от единственного выхода из этой разрываемой бурями системы.

Несомненно, Джиллиан Баскин проложила курс через строй демонов.

Глевейры продолжают вопить и лаять, проходят напряженные дуры.

И наконец водорододышащие ответили!

Их скрежет еще хуже. Но Сара хлопнула по панели пилота и воскликнула:

— Итак, легенда оказалась правдивой!

Ну хорошо, я тоже должен был знать эту историю. Признаю, я провел слишком много времени, поглощая древние земные романы, вместо того чтобы читать труды наших джиджоанских

ученых. Особенно собрания устных мифов и преданий, которые представляли наше культурное наследие до того, как в состав шести рас вошли земляне и вернули нам грамотность.

Очевидно, первое поколение беженцев глейверов разговаривало с г'кеками, которые уже находились на планете, и рассказывало что-то о причинах своего бегства от цивилизации Пяти Галактик. За столетия до того, как их раса вступила на тропу Избавления, глейверы объясняли причину своего добровольного изгнания.

Кажется, глейверы обладали способностями, которые придавали им большой вес среди звездных кланов. В древние времена они принадлежали к тем немногим расам, которые умели общаться с дышащими водородом! Они служили посредниками в сложных торговых переговорах, и это сделало их богатыми… но со временем они стали высокомерными и неосторожными. А этого никогда не следует допускать, когда имеешь дело с зангами.

И однажды их удача кончилась. Может, они обманули доверие, или приняли взятку, или не смогли вовремя заплатить долг. Как бы то ни было, последствия для них были очень серьезными.

В виде компенсации зангги потребовали то

единственное, что у глейверов осталось.

Их самих.

По крайней мере так излагала Сара легенду Джиллиан и всем нам остальным, а время уходило, глейверы вопили, а мы все больше сближались с грозным космическим великаном.

Вспоминая происходившее, я понимаю, что на самом деле глейверы не разговаривали с зангами. Ведь они достигли избавления и стали предразумными существами, почти лишенными дара речи.

Но у зангов долгая память, а наши глейверы как будто инстинктивно — на генетическом уровне — знали, как прокричать единственное имеющее смысл. Одну фразу, которая понятна их древним кредиторам.

Эй, это мы! Мы здесь! Это мы!

И к этому идентифицирующему воплю машина Нисс добавила простую просьбу:

Снимите джофуров с нашей задницы.

Помогите уйти отсюда. ,

Проходили тревожные мгновения. У меня вставала дыбом щетина на спине, когда я смотрел на приближающийся корабль зангов. И нервничал, как ур на берегу, играющий в догонялки с волнами.

И вот, в тот самый момент, когда он, казалось, нацеливается на то, чтобы прикончить нас, наш уничтожитель неожиданно свернул в сторону! Через громкоговорители донесся усиленный скрежет. Ниссу потребовалось несколько дуров и консультации с Библиотекой, чтобы предложить возможный перевод.

Идите с нами.

И вот наше грозное возмездие стало эскортом, показывающим дорогу. Уводящим «Стремительный» от гневного хаоса Измунути.

Мы заняли свое место в конвое, а корабль зангов, продолжая подбирать машины-сборщики, двинулся к старому пункту перехода.

А один из сопровождающих кораблей отвернул и направился наперерез нашему преследователю.

Сенсоры дальнего обзора показали противостояние двух титанов.

Даже на таком расстоянии, когда все расплывается, на это противостояние было страшно смотреть. Я слушал, как лейтенант Тш'т описывает происходящее Саре.

— Это адские снаряды, — объяснял офицер-дельфин, когда корабль джофуров полетел быстрей, забрасывая нового противника сверка-

ющими огненными точками.

Должно быть, этим жирным кольцам ужасно нужны дельфины, подумал я, *если они готовы сражаться с этим чудовищем, чтобы добраться до «Стремительного».*

Шар зангов даже больше джофура… неустойчивая сфера, скорее похожая на желатин или на ту густую жидкость, которая вытекает из раненого треки, чем на твердую материю. Однажды мне показалось, что я вижу какие-то тени, движущиеся внутри, как облака или огромные живые существа, плавающие в непрозрачной жидкости.

От тела корабля отделились небольшие клубки материи, похожие на капли, отлетающие от комка жира на раскаленной сковороде. Они двигались не с такой стремительностью, как снаряды джофуров. Казались более массивными. И неумолимыми.

Капли одна за другой раздувались, как воздушный шар, растягивая тонкую плоскость между двумя кораблями. Снаряды джофуров искусно маневрировали, пытаясь миновать препятствие, но почти все попадали в ту или иную каплю, вызывая ослепительную вспышку.

Одним холодным серым глазом следя со своей машины за сражением, Тш'т заметила:

— Занги, чтобы защититься, бросают вперед части своего вещества. До сих пор сами они агрессивных действий не предпринимали.

Помню, я подумал: *это значит, что у водородных спокойный характер и они не так склонны к ярости, как нам говорили наши мудрецы. Может быть, они только хотят задержать джофуров, чтобы мы успели уйти.*

Потом я передумал.

Допустим, эта помощь водородных братьев даст «Стремительному» возможность уйти. Для землян это здорово — может, и для Пяти Галактик тоже, но Джиджо от этого все равно не лучше. Джофуры смогут вызвать подкрепления и делать, что захотят, с жителями Склона. Перебьют всех г'кеков. Преобразуют бедных треки. Сожгут архивы Библоса и превратят Склон в свою частную генетическую ферму, превращая другие расы в послушных клиентов…

Предыдущий план Джиллиан — увлечь за нами корабль джофуров в двойное самоубийство — означал бы мою смерть и смерть всех остальных на борту, но моя родная планета была бы в безопасности.

Другой исход кажется мрачным и страшным. И я обнаружил, что негодую на светловолосую

женщину: она сделала выбор, спасающий мою жизнь.

Изменилось и мое мнение о дангах.

Чего вы ждете? Отвечайте огнем на огонь!

Джофуры — кислорододышащие существа, подобные мне, они дальние родственники, у них отчасти та же самая ДНК, распространившаяся по галактикам в глубочайшей древности, еще до того, как Прародители начали цепь Возвышения. И тем не менее я радуюсь их уничтожению подлинными чужаками. Существами странного, непостижимого порядка жизни.

Давайте, занги. Поджарьте большие отвратительные груды колец!

Но расстояние между двумя гигантами сокращалось, а дела шли по-прежнему. Шар обильно тратил свое вещество, чтобы преградить дорогу снарядам и смертоносным лучам с дредноута. Однако вопреки этому некоторые лучи и снаряды проходили, со страшной яростью обрушиваясь на корабль-шар. Взвивались фонтаны липкой материи и сгорали с великолепным сиянием. По бокам корабля зангов пробегали волны конвульсий. Но он продолжал продвигаться вперед, а глейверы вопили и, казалось, побуждали водородников продолжать.

— Приближается вход в п-пункт, — послышался усиленный голос дельфина. Голос слегка шипел, и это означало, что говорящий находится в воде, так что доносится этот голос скорее всего с мостика. — Всем подготовиться к переходу. Каа говорит, что наши проводники странно ведут себя. Они выбрали необычный курс сближения, так что нас может потрясти.

Джиллиан и Сара взялись за ручки кресел. Дельфины в ситуационной комнате включили магниты, так что ноги их машин для ходьбы прилипли к полу. Но мне и глейверам ничего не оставалось, как только смотреть по сторонам диким взглядом. На переднем экране я теперь видел, как звездный ландшафт прерывается абсолютно черным пятном. Созданные компьютером линии сплетались, на экране возникали цифры и глифы, от которых Сара возбужденно бормотала.

Я следил за кораблем перед нами. Первый шар зангов задрожал, делая крутой поворот в сторону этого пятна.

А потом *упал* в направлении, которое я не смог бы описать, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

До этого мгновения я и не подозревал, что такое направление существует.

Я быстро посмотрел на экран заднего обзора. Второй корабль-шар двигался в сторону, продолжая отражать удары, а корабль джофуров отчаянно действовал оружием ближнего поражения. Теперь оба гиганта находились почти рядом, скорость их сравнялась, и они продолжали лететь за нами.

Корабль зангов задрожал, по шару пробежала гигантская волна, разорвав его на несколько частей, тоже принявших шарообразную форму.

В этот момент я подумал, что все кончено.

Я решил, что джофуры победили.

Но вот два таких шара свернулись, почти как живые щупальца, и устремились к сверкающему металлическому корпусу. Прилипли к его поверхности. Стали расплываться. Просачиваться.

И несмотря на расстояние и плохую видимость, у меня создалось впечатление, что они проникают внутрь.

И тут изображение исчезло.

Я повернулся к главному экрану. Переход начался.

КАА

Умение провести звездный корабль через искаженную геометрию пункта перехода — это

настоящее искусство. Никакая машина или логический алгоритм одни не в состоянии это осуществить.

Часть этого искусства заключается в догадках, умении почувствовать, когда необходимо отключить боковые поля, удерживающие тебя на одной нити, и выбрать точный момент для перескакивания — этот момент занимает одновременно мгновения и века — через пустоту, более глубокую, чем вакуум… затем проворно прикрепиться к очередному тонкому разрыву непрерывности (на самом деле его не касаясь) и двигаться дальше к цели.

Даже спокойный п-пункт — это подлинный водоворот. Переплетение сверкающих арок и нитей-спагетти, сгибающих ткань пространства во множестве измерений.

Лабиринт ослепительных, волокнистых несовершенств.

Струноподобных трещин в зеркале творения.

Для тех, кто умеет разумно ими пользоваться, эти сверкающие линии представляют собой настоящее сокровище. Возможность быстро переместиться от одной галактики к другой, с ней связанной. Переместиться гораздо быстрей, чем через гиперпространство.

Но неосторожным и невнимательным эти нити сулят быстрый и огненный конец.

Каа больше любых других видов полета любил это перепрыгивание с нити на нить. Что-то в этом соответствовало глубинам природы неодельфинов.

Новые участки мозга, добавленные генетиками-людьми, позволяли ему рассматривать каждую нить как трещину в квантовой метрике, оставшуюся с тех времен, когда вселенная остывала в состоянии раздувшейся перегретой пены, съеживаясь, как многослойный торт, состоящий из множества уровней реального и гиперпространства. После этого остывания и сжатия оставались дефекты — границы и трещины, где физические законы искажались и где становились возможными кратчайшие пути. Каа мог рассуждать обо всем этом с помощью тех дисциплинированных мыслительных процессов, которые капитан Крайдайки называл инженерным мозгом.

Однако параллельно Каа использовал и более древние древние участки в глубине своего мозга. Древнейшие клочки серой материи, которые настроены на слушание — на то, чтобы услышать шуршащую структуру течения или циклоидный

ритм волны. Инструменты, которые способны проникать глубоко через топологические границы, поставляя данные, создающие *сонарные образы.* И Каа почти интуитивно чувствовал, когда заканчивается нить перехода и как самым удобным способом переместиться на соседнюю нить. И посылал «Стремительный» по новой сверкающей тропе к цели.

Томас Орли однажды сравнил этот процесс с «перепрыгиванием с одних несущихся санок на другие в самом центре грозовой тучи».

Крайдайки выразил это по-другому:

Сводящаяся воедино природа

Начинается и заканчивается, живет и умирает там,

Где прилив встречается с отмелью и небом…

Даже в начале экспедиции, когда капитан был с ними, а замечательный главный пилот «Стремительного» Кипиру проводил все самые сложные маневры, все соглашались, что ничто не сравнится с полетом в пункте перехода, когда за рулем Каа. Совершая отчаянно смелые ошеломляющие маневры, он, казалось, не способен допустить ошибку. Однажды, когда серия нелепо удачливых прыжков позволила ему побить миллионолетний рекорд и преодолеть расстояние от Танита до

Галафии за пять с четвертью миктааров, экипаж присвоил Каа особое прозвище.

«Счастливчик».

На тринари это слово-фраза означает нечто гораздо большее, чем на англике. Оно соответствует особому вкусу глубокого моря, глубинного царства случая, где Ифни бросает свои кости и древние спящие напевают свои песни, которые существовали еще до рождения звезд.

Это великая честь. Но говорят, что такие титулы, однажды завоевав, очень трудно удержать.

Каа начал терять свой во время фиаско на Оакке, на этой ужасной зеленой планете предательства, и после этого дела быстро пошли по наклонной. И к тому времени, когда «Стремительный» укрылся в туманной пропасти на дне океана Джиджо, почти никто не называл Каа Счастливчиком.

Но потом, в течение нескольких дней, судьба совершила лучший и самый жестокий поворот. Он нашел любовь… и потерял ее, когда долг увел Каа от любимой, на многие парсеки удалил от Пипое и продолжает удалять с каждой минутой.

И это в тот момент, когда она больше всего во мне нуждается.

Поэтому сейчас прыжки с одной сверкающей

нити на другую не доставляли ему радости. И поддерживал его только угрюмый профессионализм.

Каа учился не рассчитывать на свою удачу.

Заполненная водой контрольная рубка за ним казалась удивительно тихой. Не открывая глаза и не нарушая сосредоточенности, Каа чувствовал, как остальные неофины изо всех сил сдерживают свои рефлекторные сонарные щелчки, чтобы не отвлекать его.

У них есть основания нервничать. Этот переход не похож ни на какой другой.

Причина находится прямо перед «Стремительным» — огромный объект, который одно мгновение кажется Каа гигантской медузой… затем огромным спрутом, со щупальцами такого размера, каких не видел ни один звездный корабль. Вид его гибкой поверхности, преобразованной в процессе движения в п-пункте, заставлял Каа вздрагивать. Инстинкт побуждал Каа уходить, отключить поля и перескочить на первую подходящую нить, куда бы она ни вела, — лишь бы не видеть эту ужасающую фигуру.

Но это наш проводник. И если мы попытаемся свернуть, занги, несомненно, убьют нас.

Каа слышал, что из-за двери в соседнее сухое

помещение — ситуационную комнату — доносятся мяукающие звуки. Он узнавал крики глейверов, этих регрессировавших тварей с Джиджо, которые добровольно вернулись в животное состояние. Одного этого достаточно, чтобы вызвать нервную дрожь, даже если забыть о той неожиданной связи, которая оказалась у этих существ с иным порядком жизни. Эта связь дала «Стремительному» возможность уйти от ужасных джофуров, но какой ценой?

Мы спаслись от одного страшного врага, думал Каа. *Но только чтобы столкнуться с другим, которого боится вся галактическая цивилизация.*

На самом деле такие дилеммы стали обычными для корабля дельфинов. Казалось, вся вселенная полна только сковородками и огнем.

Они готовятся, подумал Каа, видя, как волны дрожи проходят по щупальцам спрута перед ним. Дважды уже такая дрожь предшествовала маневру прыжка. В обоих случаях потребовалось все его мастерство, чтобы без промедления перевести «Стремительный» на соседнюю струну непрерывности. Такого стиля перехода от нити к нити он никогда не встречал раньше. Они использовали линии, которые были скорее подобны времени, чем пространству, вызывая

волны микропричинности, от которых всех на борту начинало мутить. Метод зангов казался не более эффективным, чем другие. И каждый такой резкий маневр — и жгучий невральный рефлекс — вызывал у Каа стремление повернуть и делать так, как он привык и что имеет больше смысла.

Я мог бы доставить тебя вдвое быстрее, негодующе думал он, обращаясь к твари в форме спрута. *Только скажи, куда ты направляешься.*

Конечно, с того времени как он в предыдущий раз использовал этот пункт перехода, когда «Стремительный» уходил из ужасного Фрактального Мира, осуществляя последний отчаянный замысел капитана Крайдайки — использовать «тропу сунеров», найти убежище на далекой Джиджо, — с этого времени резонансы изменились. Когда вблизи Измунути открылся второй пункт связи, это каким-то образом повлияло и на первый. Тем не менее должен существовать более легкий путь, ведущий туда, куда нужно зангам…

Сонарные образы сфокусировались. Каа увидел впереди яркий пучок нитей… Гордиев узел, в котором совсем нет пространственных линий.

Уф! Этот призрачный узел и есть, должно быть, место, куда направляются занги, будь они прокляты.

И однако, внимательно вслушиваясь в звуковой портрет, Каа подумал, что начинает различать смысл в этой путанице…

Знаете, готов биться об заклад, я знаю, на какую нить они собираются перейти.

Каа сосредоточился. Для него это очень важно. На ставке не только долг и выживание. Или прославленная репутация неодельфинов как первоклассных пилотов, которая начала распространяться по всем Пяти Галактикам. Даже сохранение прозвища теперь не очень его занимало.

Для Каа значение имело только одно. Сделать свою работу. Благополучно доставить Джиллиан Баскин вместе с ее грузом. А потом вернуться на Джиджо. Вернуться к Пипое. Даже если это означает никогда больше не быть пилотом. Он включил сигнал тревоги, чтобы предупредить остальных.

Начинаем!

«Спрут» расплелся, готовясь к последнему прыжку.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

Затрудняюсь описать хотя бы одно мгновение нашего пребывания внутри пункта перехода.

В голову приходят сравнения. Как фейерверк в День Основателей. Или словно смотришь, как искусный урский лудильщик бросает во время волшебного представления сверкающую пыль взрывников, или…

Сдавайся, Олеин.

Из всего этого тошнотворного перехода я помню только полосы ярких лент на всех экранах мониторов. Сара Кулхан возбужденно восклицала, глядя, как у нее перед глазами на экранах оживают ее любимые уравнения, а более опытная Джиллиан Баскин удивленно и отчаянно ахала — и этот звук особенно тревожил меня.

Гравитационные поля плыли и сплавлялись. С инструментальных панелей сыпались искры. Метались в своих машинах для ходьбы неофины, направляя на раскаленные места струи инертного газа. И в целом путешественник, впервые оказавшийся в космосе, сообразил, что это совсем не типичный переход.

В сущности, я так ужасно себя чувствовал, что

почти ничего не замечал. Только широко развел руки, чтобы глейверы могли собраться и прижаться ко мне. Они жалобно мяукали. Но все мои попытки успокаивающе поворчать заглушал пронзительный рев двигателей «Стремительного».

Несомненно, это были худшие мидуры моей жизни, даже когда я сравниваю их с тем ужасным временем, когда мы с друзьями в разбитой «Мечте Вуфона» падали с подводного утеса, ледяная вода била мне в лицо, и мы опускались в холодный ад Помойки Джиджо.

Я помню крик дельфина «Начинаем!», и положение сразу стало еще гораздо хуже. Мой второй желудок прижало к сердцу. Потом я обнаружил, что не могу дышать, и все звуки вокруг прекратились.

Несколько бесконечных мгновений я чувствовал себя так, словно оказался в середине тюка хлопка бек. Как будто меня вырвали из вселенной, и я смотрю на нее с конца длинного туннеля или со дна глубокого-глубокого колодца.

Потом, так же неожиданно, я вернулся! Вокруг меня снова кишел космос. С моего позвоночника словно сняли огромную тяжесть, и я смог глубоко вдохнуть.

Мы, джиджоанские хуны, любим свои парусные корабли, подумал я, борясь с приступом тошноты. *На море нас никогда не мутит. Но наших предков, летавших меж звездами, должно быть, непрерывно рвало, если им часто так доставалось. Неудивительно, что легенды описывают их вечно недовольными брюзгами.*

Посмотрев вверх, я увидел, что Джиллиан и Сара уже встали и направляются к большому дисплею. Тш'т и остальные дельфины, управляя своими машинами для ходьбы, столпились за людьми, заглядывая им через плечи.

Все еще потрясенный, я встал и присоединился к ним. На главном экране быстро гасли клубящиеся цвета. Рев двигателей «Стремительного» стихал по мере того, как волнующиеся клубы на экране расходились, как половинки занавеса, открывая…

…звезды.

Я смотрел на незнакомые созвездия.

Звезды, которые на Ифни проклятом неисчислимом удалении от тех, что я знаю.

Как можно себя чувствовать, если неожиданно сбывается давний невозможный сон?

Олеин, ты теперь очень-очень далеко от дома.

Пока я дивился этому чуду, «Стремительный»

медленно поворачивался. Мимо плыл сверкающий небосвод — незнакомые скопления, туманности и спирали, свет которых может достичь Джиджо через тысячи или миллионы лет, и мы наконец увидели нашего сопровождающего — огромный корабль зангов.

И то место, к которому он нас привел. По ситуационной комнате пронесся вздох, словно все земляне одновременно испытали одинаковое чувство.

— О нет, — простонала лейтенант Тш'т. — Не может быть! Доктор Джиллиан Баскин вздохнула.

— Не верю своим глазам! Все эти страдания… и только для того, чтобы *вернуться сюда?*

Передо мной, постепенно заполняя весь экран, находилось зрелище, которое я тоже сначала не смог бы описать. Какая-то *структура,* почти такая же черная, как космос. И только когда Джиллиан приказала предельно усилить увеличение, эта структура стала выделяться на темном фоне, мерцая глубокими оттенками янтаря.

Выглядела она приблизительно сферической, но с остриями по всей поверхности. Похоже на семя бурра, которое вцепляется в шерсть на ногах, когда идешь подлеском. Сначала я решил, что это

еще один гигантский звездный корабль, опасно приблизившийся к нам.

Но потом понял: мы по-прежнему идем на большой скорости, но видимый размер этого сооружения меняется очень медленно.

Должно быть, действительно огромное, подумал я, подстегивая воображение. *Больше корабля зангов!*

Шар зангов кружил рядом со «Стремительным»; его дрожь заставляла меня нервничать. Через громкоговорители доносились скрежещущие звуки, от которых глейверы раскачивали свои большие головы, закатывали выпуклые глаза и мяукали.

Они говорят, что мы должны следовать за ними, перевела машина Нисс.

Лейтенант Тш'т, запинаясь, сказала:

— М-может, нам п-попытаться пройти к п-пункту перехода? Мы можем быстро повернуть. Снова нырнуть в него. Довериться Каа…

Джиллиан отрицательно покачала головой.

— Занги не позволят нам пройти и двух метров.

Плечи ее опустились в человеческом жесте покорности и несчастья, который ни один хун не в состоянии повторить. Очевидно, это место ей

знакомо, и никто на борту «Стремительного» не хотел посещать его вторично.

Я посмотрел на Сару Кулхан. Впервые моя соплеменница-джиджоанка казалась в таком же замешательстве, как и я. Она в явном смущении мигала, не в состоянии уловить огромные масштабы того, что открывалось перед нами.

Единственный присутствующий человек-мужчина издал странный звук. Это был немой Эмерсон д'Аните. Во время полета от Измунути он был особенно тих, молча изучая странные цвета п-пространства, как будто они для него имели больше смысла, чем слова.

Теперь, при виде огромного колючего шара, на лице его появилось то же изумление, что и на лицах товарищей по экипажу, но черты лица смуглого мужчины исказило еще какое-то сильное чувство. Сара быстро подошла к Эмерсону, взяла за руку и негромко заговорила.

Помню, я подумал: *Если это место привело землян в такое отчаяние, что они готовы были лететь на Джиджо, не удивляюсь, что они расстроились, вернувшись сюда.*

За мной знакомый голос произнес восторженно:

— Вот здорово!

Я повернулся и увидел, как Гек вкатывается в ситуационную комнату, устремив все возбужденно колышущиеся глазные стебельки на большой экран.

— Эта штука выглядит такой холодной! А что это?

За ней появился еще один мой приятель. На конце гибкой и длинной урской шеи показалась голова, ее единственная ноздря дрожала от неприятного запаха человеческого страха.

Показавшийся с другой стороны красный квуэн энергично протиснулся мимо Ур-ронн, которая стояла в нерешительности. Визор на куполе Клешни вертелся, наш друг возбужденно щелкал клешнями.

Конечно, мне следовало этого ожидать. Их сюда не приглашали, но если у моих друзей и есть общая черта, то это умение чувствовать неприятности и сразу направляться к ним.

— Эй, мохнатые ноги! — крикнула Гек, толкая меня в бок двумя стебельками, в то время как вторая пара пыталась пробиться сквозь толпу. — Сделай свое слишком большое туловище полезным. Проделай дорогу в толпе этих рыбьих тварей, чтобы я могла видеть!

Поморщившись, я понадеялся, что дельфины

слишком заняты, чтобы заметить ее нахальство. Чтобы не мешать экипажу, я наклонился, ухватился за оси колес Гек и поднял ее над толпой, чтобы ей лучше было видно. (Молодой г'кек весит немного, хотя спина моя к этому времени еще не совсем зажила. И каждый раз как Гек начинала возбужденно вертеться и ерзать, у меня побаливало.)

— А это что? — повторила Гек, указывая на огромный колючий шар.

Лейтенант Тш'т подняла гладкую голову с платформы своего механического устройства' для ходьбы и нацелила один темный глаз на мою подругу.

— Это место, где *рыбьи твари* перенесли большие страдания, прежде чем прилетели на вашу планету.

Будь я человеком, у меня от смущения загорелись бы уши. Но я хун, и поэтому стал горловым мешком издавать виноватое ворчание. Но Гек продолжала, ни на что не обращая внимания:

— Здорово! Какая огромная!

Самка дельфина коротко рассмеялась через свое влажное дыхало.

— Можно сказать и так. Сооружение объемом примерно в тридцать астронов, или триллион

кубических парсеков.

Гек беспечно пожала глазными стебельками.

— Ну да! Что бы это ни значило. Я скажу вам, что мне это напоминает. Похоже на колючую броню, покрывающую пустынных моллюсков.

— Внешность может быть обманчива, юная джиджоанка, — ответила лейтенант Тш'т. — Эта поверхность настолько мягкая, что ее можно резать деревянной ложкой. Если приблизишься и дохнешь на нее, место, которого коснулось дыхание, закипит. Ее средняя плотность такая же, как в снежной туче.

Звучит не слишком угрожающе, размышлял я. Потом заметил удивленное выражение лица Сары Кулхан. Наш молодой человеческий мудрец хмурился, глаза девушки переходили от одного дисплея к другому, потом вернулись к Тш'т.

— Инфракрасные… профили реэмиссии… Ты не говоришь, из чего на самом деле состоит эта штука…

Она смолкла, не в силах закончить фразу. Офицер-дельфин усмехнулся.

— Поистине. В центре этого мягкого сооружения, этого обманчивого ядовитого снежка, находится *звезда.*

Добро пожаловать, дорогие джиджоанские

друзья. Добро пожаловать во Фрактальный Мир.

ЛАРК

Он не чувствовал холода. Вовсе нет. Хотя, с точки зрения логики, должен был бы чувствовать.

Липкий туман окружил Ларка, со всех сторон его облепили мембраны, заставив согнуться почти вдвое, прижав колени к подбородку.

Ларк подумал, что так же должен чувствовать себя человек, снова помещенный в матку.

Вскоре стало очевидным и другое сходство.

Он больше не дышал.

Рот его был запечатан, и в ноздри вставлены прочные пробки. Ритмичные подъемы трудной клетки, мягкий шелест сладкого воздуха — эти всегда присутствующие фоновые звуки жизни, они исчезли!

И когда он это понял, паника едва не поглотила Ларка. Красный туман затянул все вокруг, предельно сузив восприятие. Ларк бился и извивался. Тело вначале ему не повиновалось, но он заставил его вдохнуть… и ничего не достиг.

Он попытался еще раз, отдавая приказы расслабленной диафрагме и грудной клетке. Спина Ларка изогнулась от усилий, и вот, минуя пробку в одной ноздре, пробилась тонкая струйка газа,

возможно, всего несколько молекул…

…с острым ядовитым запахом!

Ларк забился в неожиданных судорогах. Конечности его бились, внутренности переворачивало, он пытался опорожнить содержимое внутренностей в окружающий туман.

К счастью, желудок его был пуст — он уже несколько дней ел очень мало. Конечности стали ватными, онемели. Приступ миновал, оставив во рту ужасный вкус.

Ларк усвоил ценный урок.

Когда в следующий раз обнаружишь себя в позе зародыша внутри вонючего мешка и при этом не будешь дышать, пойми намек. Плыви по течению.

Ларк проверил свой пульс и убедился, что сердце по крайней мере еще бьется. Настойчивая резь в носу, знакомый ядовитый запах — этого достаточно, чтобы подтвердить, что жизнь продолжается, какой бы болезненной она ни была.

Поворачивая голову, чтобы осмотреться, Ларк вскоре заметил, что его мешок не единственный: еще множество таких плавает в каком-то просторном помещении. Сквозь туман он разглядел другие мешки из облепляющих их мембран. В большинстве находились большие конические

фигуры — джофуры, заостренные груды жирных колец; они еле заметно дрожали, а ноги нижних колец слабо двигались, пытаясь оттолкнуться, но не встречали никакой твердой поверхности. Некоторые из этих трекиподобных существ выглядели целыми, но другие явно разбились на более мелкие груды или даже на отдельные кольца.

От каждой клетки, в том числе и от его собственной, отходили узловатые кабели, похожие на щупальца мульк-паука. На самом деле одно такое щупальце проходило через прозрачную стенку клетки, обвивало левую ногу Ларка и оканчивалось на внутренней стороне бедра, ниже промежности.

Это зрелище вызвало второй приступ паники, с которым на этот раз Ларк попытался бороться с помощью своих лучших ресурсов — знаний примитивного ученого. Возможно, Джиджо — захолустная планета и у нее нет интеллектуальных ресурсов Пяти Галактик, но действующий разум может многое почерпнуть и на страницах бумажных книг.

Используй то, что знаешь. Пойми, что происходит!

Хорошо.

Прежде всего… похоже, что кабель, идущий к его ноге, соединяется с бедренной артерией. Наверно, через него Ларка пожирает кто-то… какой-нибудь космический вампир-лишайник из причудливой доконтактной фантастической книги. Но этот образ из романов-ужасов показался Ларку очень глупым, и он заподозрил, что правда в ином.

Основы жизнеобеспечения. Я плаваю в ядовитой атмосфере, поэтому они не могут позволить мне дышать, есть или пить. Должно быть, шлют кислород и питательные вещества прямо в кровь.

Кем бы «они» ни были.

А что касается этих плавающих мешков, то Ларк достаточно долго был полевым исследователем-биологом, чтобы догадаться, что видит контейнеры для образцов. И хотя рассмеяться не мог, чувство иронии позволило ему спокойно обдумывать положение. Он сам за время своей работы натуралистом поместил немало беспомощных живых существ в подобные контейнеры, изучая взаимоотношения сложной экосистемы Джиджо.

И если природа налагает наказания за подобные проступки, то личное чистилище Ларка

должно так и выглядеть.

Он постарался разглядеть что-нибудь в тумане, надеясь обнаружить среди пленников Линг. Однако ощущение одиночества подсказывало, что ее здесь нет.

Может, ей удалось бежать от Ранна и джофуров, когда эти желтые чудовища вторглись на «Полкджи». Если она смогла добраться до жизненного центра, то спряталась в листве и сейчас в безопасности в нашем гнезде. По крайней мере на время.

Он разглядел стены за туманом и решил, что это пространство больше дерева встреч у него дома, в деревне. По некоторым предметам обстановки и дисплеям на стенах он решил, что все еще находится на борту джофурского дредноута, но эту его часть захватили пришельцы и заполнили собственной ядовитой атмосферой.

В этом ключ. В знакомом отвратительном запахе. В яде, который нельзя вдыхать. Однако потрясенный мозг Ларка не мог сразу прийти к выводу. Для джиджоанца, даже для так называемого «ученого», все это пространство — царство ужасающих чудес.

Захватили ли они весь корабль?

Это казалось маловероятным, учитывая мощь

звездных богов-джофуров, но Ларк искал какого-то утешения в такой возможности. Эти родичи-треки означали для всех шести рас Джиджо только дурные новости, в особенности для бедных г'кеков. Для его родной планеты лучше всего было бы, если бы «Полкджи» никогда не добрался до дома и не смог сообщить, что нашел в далеком уголке Четвертой Галактики.

И однако не стоило ожидать, что такая перспектива будет радовать Ларка или заставит испытывать благодарность к своим новым похитителям.

Потребовалось какое-то время, чтобы Ларк понял: некоторые из них находятся поблизости.

Вначале он принял дрожащие фигуры за клочья тумана, немного более густые, чем окружение. Но эти клочья сохраняли постоянство и изолированность, хотя внешне казались жидкими. Он сравнил их с передвигающимися грудами пены на поверхности пруда… или с плотными облаками, величественно движущимися среди других, менее плотных. Несколько таких аморфных тел собрались вокруг ближайшего контейнера для образцов и осматривали находившегося внутри джофура.

Осматривают? Что заставляет тебя так

думать? Ты видишь у них глаза? Или вообще какие-нибудь органы чувств?

Плывущие клочья двигались неторопливо, перемещались в густом тумане, отращивая или убирая временные руки или ложноножки. Казалось, под их прозрачной оболочкой нет никаких постоянных органов или структур; было только ритмичное движение составляющих подъединиц, которые сходились, сливались или разъединялись с какой-то целью, которую он мог постичь.

Он вспомнил предыдущее амебоподобное существо, гораздо больше этих, то самое, что пробило переборку «Полкджи» и спугнуло Ранна и других преследователей, загнавших Ларка в угол. Казалось, это существо смотрело прямо на Ларка, прежде чем устремиться к нему и поглотить.

Что это может быть? Упоминала ли Линг когда-нибудь что-то такое? Не помню…

И сразу Ларк понял, где встречал раньше этот отвратительный запах. В Библосе… в Зале Науки… в той части огромного архива, которая была очищена от книжных полок, чтобы освободить место для химической лаборатории. Здесь небольшая группа мудрецов пыталась восстановить древние тайны, а финансировала их и поддерживала

джиджоанская гильдия взрывников.

Они пытались восстановить древние знания или открыть что-то новое. Гильдия, должно быть, была полна еретиками типа Сары. Верящими в «прогресс».

Я никогда не думал об этом раньше, но на Склоне оказалось множество отступников, с еще более нетрадиционными представлениями, чем мои. Со временем у нас, вероятно, произошел бы религиозный раскол, даже гражданская война, если бы в этом году с неба не спустились боги.

Он вспомнил Харуллена и Утена, своих хитиновых друзей, ставших жертвами коварства чужаков. Вспомнил Двера и Сару — они теперь дома, в безопасности. Он надеялся на это. Только ради них он бы взорвал этот могучий корабль, если бы это означало, что Джиджо снова скроется в благословенной неизвестности.

Мрачные размышления Ларка перешли от печального прошлого к загадочному настоящему и сомнительному будущему.

Проходило время, хотя у него не было способов его измерить, кроме ударов сердца. Вскоре считать удары стало скучно, но он продолжал, только чтобы чем-то заняться.

Я жив! Существа, которые здесь распоряжают-

ся, должно быть, нашли меня интересным — в каком-то отношении.

Ларк собирался разжечь этот интерес, чего бы это ни стоило.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ ДЖИДЖОАНСКИЕ ДРУЗЬЯ! ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ВО ФРАКТАЛЬНЫЙ МИР!

Такая фраза великолепно подошла бы для окончания этой главы моего дневника.

Момент был причудливо драматичный. Я ощущал трагическое разочарование экипажа «Стремительного»; ведь земляне бежали в адские глубины Джиджо, потеряли многих товарищей и лишь для того, чтобы вернуться в то самое место, которое причинило им такую боль.

Но то, что произошло потом, делало это переживание бледным, как тень, изгнанную молнией.

Возможно, это другая структура Крисвелла, предположил Акеакемаи, один из дельфинов-техников с мостика. *Ведь предполагается, что их существуют миллионы — только в одной этой галактике.*

Но эта надежда рухнула, когда Тш'т подтвердила, что расположение созвездий прежнее.

— К тому же каковы шансы, что еще один крисвелл будет находиться так близко возле пункта

перехода? Большинство их в далеких шаровых скоплениях.

— Нет, — продолжала Тш'т. — Наши друзья занги привели нас обратно по какой-то причине… чтоб они за это сгорели и испарились.

Мы, четверо с Вуфона, собрались в одном углу ситуационной комнаты, чтобы сопоставить наблюдения. Ур-ронн пообщалась со своими друзьями из инженерной команды. Чем возбужденнее она становилась, тем сильней слышался ее урский акцент. Она рассказывала нам, что узнала о колючем шаре.

— Он полый, с радиусом втрое больше орбиты Джиджо, и окружает звезду — красный карлик. Он так устроен, чтобы собирать все тепло, которое излучает звезда. Внутри тоже так, и все эти поверхности улавливают каждый луч звезды!

На самом деле то же самое можно достичь с помощью простой сферы, профессиональным тоном пояснила машина Нисс. Тут же появилось изображение полого шара, окружающего яркую точку.

Кое-кто из землян предсказал это еще до контакта и назвал такие сооружения…

— Сфера Дайсона! — воскликнула Гек.

Мы все уставились на нее. Она сплела несколь-

ко глазных стебельков — пожала плечами, по-человечески.

— Послушайте, приятели. Вспомните классическую сайенс фикшн.

Хуны соображают медленней г'кеков, но вот я тоже кивнул.

— Хр-рм… да. Я помню упоминание о ней в романах… хр-рм… Шоу и Аллена. Но идея казалась слишком фантастической, чтобы воспринимать ее всерьез.

Я замолчал. Конечно, когда видишь собственными глазами, приходится верить.

Как я как раз собирался объяснить, слегка обиженно продолжал Нисс, *концепт простой сферы Дайсона не удовлетворяет существенным геометрическим требованиям к такому сооружению. Позвольте мне объяснить.*

На новой картинке гладкий шар сменился колючим, похожим на кусок коралла, извлеченного рыбацкой сетью. Созданное компьютером изображение на наших глазах раскололось, обнаружив полое внутреннее пространство с маленькой звездой в центре. Но теперь ножеобразные выросты протянулись и внутрь, переплетаясь, как соперничающие ветви тропического дождевого леса.

Земляне в последние годы называли такое сооружение структурой Крисвелла. Иглы создают фрактальную форму, увеличивая площадь примерно в два в четвертой степени раз. Внутри складок больше, их назначение — увеличить поверхность, на которую падает солнечный свет, даже если он приходит под косым углом.

— А зачем? — спросил Клешня.

Чтобы увеличить количество окон, разумеется, ответил Нисс, как будто его слова все объяснили.

Главный ограничительный фактор здесь — энергия. Маленькое солнце излучает примерно десять в тридцатой степени эргов за секунду. Улавливая всю эту энергию и предоставляя каждому обитателю для использования щедрые мегаватты, это сооружение может предоставить удобное жилище населению в сто тысяч миллиардов разумных существ. Если энергии на одну душу будет тратиться меньше, сооружение способно вместить больше десяти квадрильонов.

Мы смотрели молча. Даже Гек была так ошеломлена, что лишилась дара речи.

Я пытался каким-то образом представить своим медлительным разумом эти невероятные числа.

Выразим это так. Если все клетки тела организма каждого из представителей шести рас на Джиджо неожиданно превратятся в самостоятельные разумные существа, общее число будет гораздо меньше того, что назвала машина Нисс. Это число значительно превышает количество звезд и планет во всех пяти галактиках.

(Разумеется, я подсчитал все это позже. А в то время мог только ошеломленно смотреть.)

Первой пришла в себя Ур-ронн.

— Кажется… тут тесновато, — заметила она.

На самом деле рост населения сдерживается количеством энергии и площадью способной ее улавливать поверхности. Напротив, объем жилого пространства не является серьезным ограничением. Помещения для жилья здесь очень просторные. У каждого разумного существа свое частное жилье по размеру больше вулкана, который джиджоанцы называют горой Гуэнн.

— У-гу-гу-гу-гу… — запинаясь, начал Клешня одновременно из всех своих ножных голосовых щелей, предупреждая мою реакцию. — Поселенцы это сделали… чтобы жить?

Голограмма Нисса свернулась абстрактным завитком нитей, каким-то образом передавая впечатление насмешливости.

Обитатели этого сооружения сочли бы термин «поселенцы» оскорбительным и уничижительным, мой молодой дорогой варвар. Большинство из них — это высшие существа, намного превосходящие тебя и меня. Фрактальные колонии заселены преимущественно представителями Древних, это порядок жизни «ушедших на пенсию». В этом месте — и примерно в миллиарде других таких же сооружений — старшие расы спокойно живут в относительном мире, уйдя от надоедливого шума и мелких споров более молодых кланов.

Дельфин поблизости насмешливо фыркнул, хотя я в тот момент не понял горькой иронии слов Нисса.

— Но кто это сделал? — спросила девушка-мудрец. — Какие материалы могут выдержать такую огромную конструкцию?

Картина изменилась, один ее участок вырос, и мы увидели небольшой фрагмент сооружения. С основания приблизительно круглой формы острия нацеливались на звезду, разветвляясь — сначала крупные ветви, потом помельче, еще мельче, и так без конца, пока глаз способен был улавливать. А между ними все пространство заполняли фасеточные помещения.

Внутренняя поверхность состоит преимущественно из крученого углерода, добытого из самых разных источников вроде самой звезды. Реакторы водородно-гелиевого синтеза на протяжении миллионов лет также производят много углерода. Углерод способен выдержать прямой солнечный свет. Больше того, он хорошо сопротивляется центробежным силам.

С другой стороны, внешние поверхности этого огромного сооружения в подкеплерианском динамическом состоянии. Поскольку они испытывают сильное притяжение внутрь, они должны хорошо выдерживать сжатие. Большая часть огромной ячеистой структуры, таким образом, состоит из металлического водорода со стабилизированными полями. Это наиболее распространенный элемент космоса, он смешивается с керамически-углеродным полиморфом. Этот строительный материал давным-давно взят у звезды с помощью магнитной индукции, на это ушла примерно десятая часть общей массы звезды — вместе с кислородом и другими элементами, необходимыми для основанной на протоплазме жизни. Устранение массы имело и побочный благотворный эффект: звезда сгорает медленнее и более предсказуемо.

Внешняя поверхность структуры Крисвелла такая холодная, что излучает тепло не выше средней космической постоянной.

В этот момент у меня уши словно раздулись. Наверно, Нисс полагает, что все, что он говорит, имеет смысл. Но хотя позже мы с друзьями много раз прослушивали заново его лекцию, постоянно консультируясь с автописцом о смысле того или иного слова, только Ур-ронн, казалось, хоть что-то поняла из этого объяснения.

Поистине мы оказались в царстве богов.

Я отвлекаюсь, потому что на вопрос, который возник у меня прежде всего, не было дано никакого ответа. А этот ответ не имел ничего общего с техническими подробностями.

Я хотел знать *почему!*

Если это чудовищное сооружение создано, чтобы вместить миллионы миллионов обитателей, то кто в нем живет? Зачем собирать такое количество существ в большой снежок, окружающий маленькую звезду? В этот «дом», такой мягкий и холодный, что я мог бы дыханием растопить его часть?

И все эти упоминания о водороде заставляли меня думать: а живут ли здесь занги?

Но прежде всего: что здесь случилось такого,

что заставляет экипаж «Стремительного» так бояться этого места?

Я видел Джиллиан Баскин, стоящую в одиночестве перед двумя большими дисплеями. Один в реальном освещении показывал Фрактальный Мир — как огромный черный диск. Как зубастую пасть, откусывающую целые созвездия.

На другом экране то же самое демонстрировалось в «смещенном инфракрасном свете» и напоминало голову красочной средневековой булавы, горящей цветом, похожим на кровь хуна. «Стремительный» продолжал двигаться в ночи, и булава становилась все больше и медленно поворачивалась. Корабль под небольшим углом сближался с ней. Я подумал, сколько глаз смотрит через огромные холодные окна, разглядывая нас с высоты опыта, уходящего в бесчисленные века прошлого. В лучшем случае такие существа могут считать нас чем-то вроде личинок. А в худшем — надоедливыми насекомыми.

Наш сопровождающий, гигантский корабль зангов, начал выпускать меньшие объекты — машины-сборщики, которые он сумел спасти из хаоса Измунути. Их паруса были измяты. Эти машины начали уходить по спирали, сближаясь с гигантской сферой, словно выполняя срочное

поручение.

Мне пришло в голову, что я стал свидетелем одновременной деятельности четырех великих порядков жизни. Водорододышащие занги, разумные машины, кислородные существа вроде меня самого и этот вид ушедших в отставку — существа, который мыслят такими грандиозными масштабами, что для них звезда — нечто вроде домашнего очага. Как уроженец Джиджо, я знал, что моя собственная культура примитивна в сравнении с возвышенной цивилизацией Пяти Галактик. Но сейчас мне пришло в голову, что даже на великие галактические институты можно смотреть как на простые муравейники — так смотрят на них те, кто расположен выше в эволюционной пирамиде.

Полагаю, я знаю, где нахожусь сам.

К доктору Баскин перед двумя экранами присоединился смуглый мужчина и бросил на нее взгляд, который, должно быть, передал больше, чем способны слова.

— Ты тоже это чувствуешь, Эмерсон? — негромко спросила она. — Что-то изменилось. Мне становится по-настоящему жутко.

Немой потер изуродованную голову, потом неожиданно улыбнулся и принялся насвисты-

вать отрывистую мелодию. Я не узнал мотив. Но Джиллиан рассмеялась.

— Да. Жизнь полна перемен, ты прав. И нам стоит быть оптимистами. Может, Древние за время нашего отсутствия слегка повзрослели. — Но ее невеселая улыбка делала такое предположение маловероятным. — Или что-то их отвлекло и они о нас забыли.

Мне хотелось узнать, о чем идет речь, подойти и потребовать объяснений. Но мне показалось неправильным сейчас нарушать ее невеселые раздумья. Поэтому я остался на месте и смотрел, как роботы-сборщики впереди кружат и исчезают за краем Фрактального Мира.

Немного погодя в интеркоме послышался встревоженный голос. Это был Олело, офицер-наблюдатель, и говорил он с мостика.

Уже какое-то время мы фиксируем газ, существенно более высокий в системе элементов, и какие-то особенные подписи, доложил дельфин. *Кажется, мы улавливаем отражения от зерен большого размера прямо перед нами плюс поток ионов, характерный для солнечного ветра.*

Доктор Баскин выглядела удивленной.

— Отражения? Отражения чего? Звездного света? Последовала короткая пауза.

Нет, мэм. Спектральные показатели соответствуют прямому освещению со стороны ближайшей звезды — карлика класса М8.

На этот раз удивление было не только на моем лице, но и на лице Эмерсона д'Аните. Мы оба не поняли ни слова — он из-за своего увечья, я — из-за варварского происхождения. Но для остальных эта информация, должно быть, значила очень много.

— Прямое излучение… но это может означать только… — Глаза доктора Баскин расширились в понимании и страхе. — О боже…

Ее прервал неожиданный сигнал тревоги. Все разговоры в помещении прекратились. Изображение на главном экране устремилось вперед, сосредоточилось на участке непосредственно перед «Стремительным», на той части огромного шара, которая появилась перед нами в результате вращения.

Гек расставила все глазные стебельки и хрипло произнесла:

— Ифни!

Неодельфины нервно раскачивали свои машины для ходьбы. Ур-ронн забила копытами, а Клешня продолжал повторять:

— Ну и ну!

Я ничего не сказал, но рефлекторно начал ворчать, чтобы успокоить нервничающих тварей рядом с собой. Как обычно, я, вероятно, был последним понявшим, что разворачивается прямо у нас перед глазами.

В поверхности сферы видна была огромная вмятина.

И через нее широкая полоса слабого красноватого света устремилась к звездам.

Видны были бесчисленные огоньки, всплески света, мигающие точки, как уголья, разлетающиеся от горящего дома.

Вперед выступила Сара Кулхан, наш джиджоанский мудрец.

— Сфера… она разорвана!

Отозвался с мостика тревожный голос Олело: *Подтверждаю… В структуре Крисвелла большая щель. Это… огромное отверстие… большая дыра, по крайней мере в астрон* или *два в поперечнике. Точно еще не могу сказать, но мне кажется…*

Последовала очередная долгая пауза. Мы ждали. Никто не произнес ни слова, все словно не дышали.

Да, подтверждаю, снова заговорил Олело. *Прямо сейчас разрушение продолжается.*

Что бы ни произошло в этом месте… оно проис-

ходит и сейчас.

ДЖИЛЛИАН

Панорама смерти приковала к себе ее внимание.

Одного у вас не отнимешь, произнес голос из вертящейся голограммы. *Когда вы, земляне, странствуете по космосу, то непременно оставляете за собой след.*

Ей нечего было ответить машине Нисс. Джиллиан надеялась, что, если будет молчать, голограмма исчезнет.

Но вихрь крутящихся линий, напротив, еще больше приблизился. Скользнул к ее левому уху и мягко и естественно заговорил на родном языке Джиллиан.

Два миллиона столетий.

Вот как долго, по утверждению Библиотеки, просуществовала эта структура, спокойно вращаясь вместе с галактикой как мирное убежище.

А потом какие-то волчата нанесли ей краткий визит.

Джиллиан ударила, но ее рука без всякого сопротивления прошла через голограмму. Абстрактный рисунок продолжал вращаться.

Путаница его линий отбрасывала призрачное свечение на ее лицо. Конечно, проклятый Нисс прав. «Стремительный» всем приносит несчастье, губит все, к чему ни прикоснется. Только здесь последствия его появления превосходят всякое воображение.

«Стремительный» в сопровождении огромного занга вошел в отверстие в грандиозной фрактальной раковине; через это отверстие впервые за многие эпохи пробивался красноватый солнечный свет. Приборы корабля во всех подробностях показывали страшные разрушения. Через отверстие выходил поток атомов и частиц, такой плотный, что слово «вакуум» в этом пункте утрачивало свой смысл. Инструменты свидетельствовали о значительном давлении атмосферы, которая начала сопротивляться продвижению корабля.

Были и обломки большего размера. Каа искусно маневрировал, избегая столкновений с этими кусками сооружения. Видны были гигантские клинья, в которых размещались шестиугольные помещения размером с астероид. За каждым испаряющимся обломком тянулся хвост пыли и ионов. Тысячи подобных искусственных комет освещали отверстие… такое гигантское, что Зем-

ле на ее орбите потребовался бы месяц, чтобы его пересечь.

Хоть и неохотно, доктор Баскин, закончил Нисс, *но признаю, что я поражен. Мои поздравления.*

Поблизости передвигались в своих установках для ходьбы неодельфины. В ситуационном помещении становилось тесно: персонал, освободившийся с вахты, собирался здесь, чтобы понаблюдать за зрелищем. Но Джиллиан окружало пустое пространство, словно крепостной ров, который никто не решался пересечь, кроме сардонической машины Нисс. Никто не испытывал возбуждения. Это место причинило землянам большие страдания, но масштабы разрушений были такими грандиозными, что ни у кого не возникало желания позлорадствовать.

Да это было бы и несправедливо. В предательстве, которое почти год назад обратило «Стремительный» в бегство, виноваты только несколько групп Древних. Другие, напротив, помогли кораблю землян уйти. И разве должны сотни миллиардов погибать из-за алчности немногих?

Не увлекайся, подумала Джиллиан. *Нет никаких доказательств того, что эта катастрофа*

как-то связана с нами. Возможно, это нечто совершенно независимое.

Но это казалось маловероятным. Такое совпадение не может быть случайным. Нужно какое-то объяснение.

Джиллиан вспомнила, чем кончилось предыдущее посещение. Что видели они в последние мгновения, когда едва ушли отсюда?

За нами, словно кто-то отворил дверь, начались насильственные стычки, и именно это дало нам возможность добраться до пункта перехода. Я видела, что были повреждены несколько ближайших фрактальных ветвей, сломаны окна, а различные секты сражались из-за маленького разведочного корабля Эмерсона, схватили его, и эта схватка помешала следовать за нами.

Друг Джиллиан дорого заплатил за свой смелый отвлекающий маневр, подвергся ужасным, невообразимо жестоким пыткам, прежде чем загадочным образом не был перенесен на Джиджо вслед за «Стремительным». Бывший инженер, лишенный речи, так и не смог объяснить, что с ним происходило.

Мы, испытывая чувство вины оттого, что оставили его, спешили побыстрей убраться, и никто и подумать не мог, что Древние и после

нашего ухода будут продолжать сражаться! Но почему? Какой цели может служить такой апокалипсис? Ведь мы унесли свой проклятый груз с собой.

Должно быть, последовало нечто страшное. Перед ними очевидное свидетельство. Потоки плазмы и столбы красноватой пыли… и бесчисленные длинные тени, отбрасываемые обломками — некоторые из этих обломков крупнее луны, но все они хрупкие, как снежинка.

Она вспомнила о первопричине всего этого — о сокровище, которое несет «Стремительный», о Херби, древнем трупе, который привлекал все ее внимание, подобно ворону По или призраку Банко[23] Фанатичные кланы стремятся захватить и монополизировать их тайну и тем самым получить какие-то преимущества во Времени Перемен.

Нельзя этого допустить. Приказ Террагентского Совета был совершенно ясен — вначале Крайдайки, а потом и сменившей его Джиллиан. Открытия «Стремительного» согласно древнему галактическому закону должны стать известны всем — или оставаться не известными никому.

---

[23] notes: 23

Персонаж «Макбета», призрак коварно убитого тана, являвшийся главному герою. — Примеч. пер.

Могучие расы и союзы могут нарушать этот старинный закон и надеяться, что это сойдет им с рук. Но уязвимый и слабый земной клан не смеет проявить даже признаков пристрастности.

В век усиливающегося хаоса у слабых и не имеющих друзей и союзников единственная надежда — закон. Люди и их клиенты должны сохранять верность галактическим институтам. Иначе можно потерять все. К несчастью, поиски нейтральной силы, которой можно было бы передать реликт, оказались более чем тщетными.

И не в том дело, что они не старались. Когда на Оакке выяснилось, что Великим Институтам доверять нельзя, Джиллиан пришла в голову удачная (так казалось в то время) мысль.

А почему бы не обратиться выше?

Она решила принести реликт сюда, в крепость существ, которые удалились от мелких мирских одержимостей, разрывающих цивилизацию Пяти Галактик. В одном из легендарных фрактальных миров преследуемые земляне смогут наконец найти бесстрастный совет и помощь от существ, которые в состоянии вмешаться и прекратить безумие младших кланов. Эти всеми уважаемые старшие разумные примут на себя ответственность за бремя, освободят «Стремительный» от

его пагубного сокровища и заставят все союзы кислорододышащих поделиться сведениями.

И тогда наконец уставшие дельфины смогут вернуться домой.

А я смогу отправиться на поиски Тома, куда бы он, Крайдайки и остальные ни направились после Китрупа.

Такова была теория, надежда.

Какая жалость,' что Древние оказались такими же капризными, отчаянными и коварными, как и их младшие родичи, которые по-прежнему живут среди горячих звезд.

Словно наш корабль зачумлен и несет с собой заразу из прошлого. Куда бы мы ни направились, разумные начинают вести себя так, будто лишились разума.

Мониторы, сфокусированные на ближайшем крае огромной раны, показали оболочку толщиной в несколько тысяч миль, не считая многочисленных выступов внутрь и наружу. Разворачивающуюся трагедию отчасти скрывал густой туман, но он не мог скрыть непрерывные конвульсии. На глазах у Джиллиан отрывались фрагменты структуры. Обламывались фрактальные ветви и улетали, вертясь в пространстве, сталкиваясь друг с другом и вызывая все новые

цепные реакции.

Обращенные к солнцу стороны обломков блестели, и это что-то напомнило Джиллиан.

Окна. Когда мы впервые оказались здесь… когда они открыли дверь и впустили нас… первое, что я заметила, это то, что внутренняя поверхность почти вся стеклянная. А под этими огромными панелями…

Она закрыла глаза, припоминая, как в телескоп стало видно, что каждая из этих ветвей — это целый мир. Одни представляют собой оранжереи и теплицы — каждая больше ее родного штата Миннесота, — в которых буйно растет зелень. Другие светятся городскими огнями, или в подернутых рябью морях плавают дворцы, или виднеются равнины сверкающего песка. Потребовался бы миллион расплющенных земель, чтобы покрыть такую поверхность, и даже это не выразило бы ее разнообразия. Можно провести годы, увеличивая изображение одного жилища за другим и все время находя что-нибудь новое и удивительное.

Ничего величественнее и прекраснее Джиллиан не видела.

И теперь все это распадается у нее на глазах.

Этот туман, с ужасом поняла она. Это не просто обломки структуры и частицы газа. Это жители.

Их мебель, их домашние животные, их одежда, домашние растения и семейные альбомы… Или что является эквивалентом всего этого у

Древних. Какой человек способен представить себе интересы, желания и стремления, которые важны для существ, видевших в Пяти Галактиках все, что можно видеть, и сделавших все, что можно сделать?

Но какими бы непонятными и непостижимыми ни были их надежды, все они стремительно рассеиваются. За короткое время, потребовавшееся «Стремительному», чтобы пройти отверстие, погибло больше живых существ, чем все население Земли.

От этой мысли кружилась голова. Персонализировать эту трагедию — значит сойти с ума.

— Кто-нибудь пытается остановить это? — хрипло спросила Джиллиан.

Машина Нисс помолчала, прежде чем ответить.

Некоторые очень стараются. Посмотрите на их усилия.

«Стремительный» наконец оказался в обширном внутреннем пространстве сооружения, и изображение на мониторе устремилось вперед.

Как и в прошлый раз, Джиллиан внезапно по-

чувствовала, что входит в огромное сводчатое помещение с яркими ломаными сталактитами и безмерными тенями. Хотя дальняя стена пространства находится в нескольких сотнях миллионов километров, она могла рассмотреть мельчайшие детали. Система распознавания образов улавливала ее внимание, усиливая и подчеркивая то, что она хотела рассмотреть.

Прямо впереди, как тлеющая лампада в центре базилики, тепло светилась карликовая звезда. Видимый диск более тусклый и красный, чем у таких звезд, вокруг которых вращается Земля или другие подобные ей планеты. Сняв поверхностный слой для строительства своего жилища, создатели этого места превратили звезду в превосходный домашний очаг, топлива в котором хватило бы на сто миллиардов лет. Прямой взгляд на этот диск не вызывал ощущения физической боли. Но плазменная поверхность звезды, спокойная при их первом посещении, теперь словно покрыта свежими ранами.

Там, где на поверхность обрушивались обломки, вспыхивали ослепительные точки.

Однако вскоре Джиллиан поняла, что такие падения — это скорее исключение. Большинство обломков перехватывалось и сжигалось синими

энергетическими лучами задолго до того, как они достигали фотосферы звезды.

Конечно, даже если им удается измельчить мусор, масса обломка все равно оседает в виде газа и со временем возвращается к звезде, у которой ее когда-то отняли. Термоядерное и атмосферное равновесие звезды все равно нарушается. Тем не менее количество столкновений и вспышек сокращается.

— Итак, система жизнеобеспечения все еще действует, — испытывая прилив надежды, заметила Джиллиан.

Да, но это все равно очень рискованно. И что еще хуже, система продолжает разрушаться.

Изображение на мониторе смазалось, фокус сместился и перенесся в далекий участок сооружения, где голубой энергетический луч занимался гораздо менее альтруистической работой, разрезая само жилище, обрубая огромные фрактальные ветви, разбивая окна и поднимая гигантские клубы пара.

Джиллиан выругалась и сделала шаг назад.

— Боже! Это настоящий геноцид!

Во время этой экспедиции мы получили печальный урок, согласилась машина Нисс. *Этот урок будет весьма интересен моим хозяевам тимбри-*

ми, если у меня когда-нибудь будет возможность доложить им.

Когда кислорододышащая раса удаляется от галактических дел и ищет покоя в одной из таких оболочек, она не всегда оставляет за собой предрассудки и привязанности молодости. Одни действительно ищут просветления и вдохновения, необходимые для достижения трансцендентности, другие остаются подверженными искушениям и сохраняют привязанность к прежним союзам.

Иными словами, Джиллиан была наивна, ожидая встретить в таком месте отчужденность и беспристрастность. Ведь здесь могут жить патроны — или прапрапатроны — тех кланов, которые сегодня преследуют Землю.

Она с ужасом смотрела, как какая-то фракция использует оборонительное оружие для нападения. Ведь это оружие создано для защиты всей колонии, а теперь его используют против противников.

— Ифни! Что мешает им так же поступить с нами?

Доктор Баскин, у меня нет ни малейшего представления, ответила вращающаяся голограмма. *Возможно, местные слишком заняты своими*

стычками, чтобы заметить наше появление.

Или это происходит из-за нашего сопровождающего.

На экране появилось изображение огромного корабля зангов, он находился всего в девяноста километрах. Корабль вздрагивал, когда о его полужидкие борта ударялся мрачный ветер, несущий газ и сажу. Поблизости плыли облака мелких частиц. Среди них видны были машины. Другие казались частями большого корабля, выполнившими какое-то поручение и теперь вернувшимися и соединившимися с основной массой.

Я подтвердил свое предыдущее предположение. Водородные существа объединили усилия с роботами-сборщиками и другими машинными существами в попытке укрепить и стабилизировать Фрактальный Мир.

Джиллиан кивнула.

— Поэтому они и находились возле Измунути. Собирали материалы для строительства. Это самый близкий источник углерода — всего в одном прыжке отсюда.

При нормальных условиях — да. Пока не разразилась непредвиденная буря, вызванная волной пси с Джиджо. Те сборщики, которых мы видели,

вероятно, лишь незначительная часть занятых в этом грандиозном предприятии.

— Значит, они восстанавливают сооружение. Коммерческая сделка.

Я так предполагаю. Поскольку кислородные существа оставили Четвертую Галактику, логично предположить, что

Древние обратились за помощью к ближайшему доступному источнику. Подтвердить это предположение, связавшись с базой данных Фрактального Мира?

— Не делай ничего подобного! Я не хочу привлекать к нам внимание. Если до сих пор нас никто не заметил, пусть так и будет.

Могу ли я напомнить, что не все группы в этом отставном порядке оказались враждебно настроенными? Без их помощи нам в первый раз никогда не удалось бы уйти. Возможно, если мы с ними свяжемся, они снова нам помогут.

Джиллиан решительно покачала головой.

— Меня по-прежнему тревожит, что в любую минуту могут показаться джофуры. Давайте решим наше дело с зангами и уберемся отсюда. От них что-нибудь есть?

Сара Кулхан считала, что у зангов есть какие-то древние претензии к расе глейверов…

какой-то долг, который нужно заплатить сейчас, когда глейверы вернули себе предразумную невинность. Но даже если это и так, как будет происходить выплата долга? Правильно и морально ли со стороны экипажа «Стремительного» передавать кислородные существа без формальной санкции соответствующих институтов? Будут ли глейверы в безопасности на борту корабля, который предназначен для иного порядка жизни?

И что еще важнее, позволят ли занги «Стремительному» уйти? Согласно кратким сведениям, содержащимся в Библиотеке, у водородных есть представления о чести и обязательствах, но у них совсем иная, искаженная логика. Они могут наградить землян… или избавиться от них, как от досадной помехи.

По крайней мере они притащили нас сюда не для наказания, как я опасалась. И не передали нас Древним. Пока не передали.

Джиллиан испытывала легкие угрызения совести. Она думает, как бы ускользнуть в своем крошечном корабле и спасти меньше ста жизней, а рядом с каждым ее вдохом погибают целые народы.

Еще одна причина, чтобы машина Нисс не связывалась с коммуникативной сетью Фрак-

тального Мира. Катастрофа должна быть как можно более абстрактной. Всего лишь космическим шоу со спецэффектами. Столкновением огромных безличных сил. И всякое напоминание о том, что это реальная смерть миллионов, приведет в отчаяние.

Это не наша вина.

Мы пришли с законной просьбой о помощи. Мы были в своем праве.

Конечно, «Стремительный» принес с собой проклятие из Мелкого скопления. Но откуда нам было знать, что безумие окажется таким заразительным?

Это не наша вина!

ТШТ

Сейчас самое время: все заняты зрелищем снаружи. «Стремительный» какое-то время останется неподвижным, и Тш'т не должна находиться рядом с доктором Баскин, делая вид, что командует вместе с ней кораблем, тогда как все знают, что она просто исполняет приказы.

Многие члены экипажа не стали уходить, когда кончилась их вахта. Находили предлог, чтобы остаться. Широко раскрытыми глазами они смотрели, как распадается великолепный Фрактальный Мир, быстрыми сериями щелчков обмениваясь мнениями, споря, сумеют ли лихорадочные усилия мириадов роботов-наемников спасти гигантский поврежденный мир. Прошло несколько часов, и пришлось приказать утомленным зрителям спуститься вниз и отдохнуть. Но когда ее собственная вахта кончилась, Тш'т немедленно ушла.

Может быть, у нее есть только эта возможность спуститься вниз и проверить свои подозрения.

Я знаю, Джиллиан приняла что-то или кого-то на борт, думала она. *В той маленькой деревушке на Джиджо, от которой счастливые хуны*

отплывают на своих примитивных парусных кораблях. Ночь была неспокойная, и я была занята, обсуждая технические проблемы с урским кузнецом. Но я знаю Акеакемаи. Он настоящий учительский любимец и сделает все, о чем попросит Джиллиан.

Он лжет или что-то скрывает.

Что-то приняли на борт так, чтобы я не видела.

Тш'т беспокоило, что она остается в неведении. Ведь считается, что она ближайшее доверенное лицо Джиллиан и такой же капитан корабля. И проявление недоверия ее встревожило. Особенно потому, что она это заслужила.

Нет никаких признаков, что кто-нибудь связал со мной смерть этих землян.

Тем не менее Тш'т тревожилась, спускаясь в своем устройстве для ходьбы по одному из главных коридоров «Стремительного». Коридор был пуст: трехлетние лишения заметно сократили экипаж.

Конечно, всегда сохраняется вероятность, что Джиллиан что-нибудь уловила этой своей пси-способностью. Она может заподозрить, что смерть Канна и Джесса не просто двойное самоубийство.

Тш'т старалась забыть тревожное зрелище двух человеческих трупов. Она сдержала дрожь, пробежавшую по ее спинным нервам, так что вздрогнула влажная кожа, а плавники ударились о мягкий поддерживающий гамак устройства для ходьбы.

Как ей хочется по-настоящему поплавать! Но во время отчаянной попытки бегства с Джиджо почти вся вода из корпуса корабля была выкачана. Земной корабль и так отягощен тяжелой углеродной оболочкой с огненной Измунути и ему нужна вся скорость, поэтому почти все жилые помещения и зоны отдыха теперь сухие. Вскоре возникнут длинные очереди в лазарет, неодельфины придут жаловаться на потертость кожи и поврежденные ребра. После долгих часов в дергающихся машинах для ходьбы даже в мягких подушках из энергетических полей чувствуешь себя так, словно выброшен на берег, покрытый острыми булыжниками.

Теперь нет доктора Маканай, она вместе с тремя сестрами осталась на Джиджо, чтобы заботиться о колонистах, и мне нужно думать о том, как помочь оставшемуся штату медиков справиться с возросшим количеством жалоб. Во что бы то ни стало нужно сохранить рабо-

тоспособность экипажа. Вот что возвышенная и могучая доктор Баскин предоставляет мне — все эти неприятные подробности управления кораблем и экипажем, пока сама размышляет над грандиозными проблемами политики и судьбы, ведя нас по Пяти Галактикам, испытывая то и это, уходя от одной катастрофы, чтобы попасть в следующую.

К горечи примешивалась страсть. Тш'т искренне любила Джиллиан, умение которой выводить «Стремительный» из неприятностей было почти столь же велико, как способность попадать в них. И Тш'т не возмущалась своими патронами-людьми. Без их неловких, хотя и доброжелательных усилий в области генной инженерии раса турсиоп никогда не проделала бы последний шаг, необходимый, чтобы из невинного умного животного превратиться в подлинно разумное существо, способное к межзвездным полетам… и тогда Тш'т никогда не увидела бы Нос Корабля, или Геркулесову Арку, или Мелкое скопление.

Террагентская культура предоставила неофинам больше прав, чем обычно получает раса клиентов в цивилизации Пяти Галактик. Большинство клиентов проводит сотню тысячелетий

в служении патронам. Учитывая обстоятельства, люди сделали все, что могли.

Но есть пределы того, на что способны волчата, подумала Тш'т, входя в двойной шлюз, ведущий в «сухое кольцо» «Стремительного».

Последний печальный эпизод доказывал это положение. Проведя всего несколько часов во Фрактальном Мире, Джиллиан Баскин решила проверить, пленники они или гости. Подождав, пока занги не покажутся занятыми — они присматривали за роем машин, занятых восстановительными работами, — она приказала Каа постепенно включить двигатели «Стремительного» и направить корабль в сторону отверстия, через которое пробивается манящий звездный свет.

Занг прекратил свои занятия, оставил роботов и с поразительной скоростью перерезал землянам пути отступления.

По-прежнему покрытый толстой оболочкой из звездной сажи, «Стремительный» не мог перегнать гигантский шар. Джиллиан признала это и повернула корабль назад, в грандиозное сооружение. Затем дала общий отбой. Кроме тех, кто находится на мостике, все получили приказ отдыхать. Корабль зангов вернулся к своему за-

нятию без видимого озлобления. И однако Тш'т чувствовала, что землянам преподали урок.

Люди стали разумными существами всего на несколько тысяч лет раньше нас, дельфинов. Это всего лишь мгновение в жизни вселенной. Не их вина, что они невежественны и неумелы.

Это только означает, что им необходима помощь. Даже если они слишком упрямы, чтобы просить о ней.

На лифте она поднялась на край широкого центробежного колеса, где вдоль коридора, словно изгибающегося в обоих направлениях, расположено множество пустых помещений. Колесо надето на «Стремительный» посередине корпуса и способно вращаться, создавая искусственную силу тяжести. Это необходимо в тех случаях, когда по какой-то причине экипаж отключает основное поле тяготения, например, если нужно глубоко просканировать пространство… или уйти от преследователей, скрывшись за поясом астероидов. Конечно, у такого устройства есть и свои недостатки. Когда корабль приземляется на поверхность планеты, как произошло на Китрупе, Оакке и Джиджо, большая часть помещений «сухого колеса» оказывается недоступной.

Для всех, кроме двуногих, которые умеют ис-

кусно подниматься.

Тш'т миновала закрытую дверь кабинета Джиллиан, где Многослойная защитная система охраняла сокровище Крайдайки — реликт, который принес столько неприятностей. Когда «Стремительный» на поверхности планеты, эта часть «сухого колеса» всегда является «дном». И дельфины постоянно пользуются соседними помещениями и мастерскими, а вот противоположная часть обычно оказывается недоступна. На самом деле экипаж о ней просто забывал.

Вот где на месте Джиллиан я бы что-нибудь спрятала.

Теперь колесо вращается, поэтому Тш'т без труда прошла по нему, миновала лаборатории, некогда использовавшиеся такими людьми, как Игнацио Мец, Денни Сюдман и неошимпанзе геолог Чарлз Дарт. Тш'т постоянно поднимала челюсть, прислушиваясь, как будто ожидала услышать призрачные шаги молодого юнги с Галафии Тошио Ивашика… или сильную уверенную походку погибшего Тома Орли.

Но все они исчезли. Все, вместе с Крайдайки и Хикахи. Мертвы или оставлены на ядовитом Китрупе — что практически и означает быть мертвым.

Они были лучшими из нас, и их отобрали у нас еще до того, как началось настоящее испытание. Как все было бы по-другому, если бы на борту по-прежнему находились капитан и все остальные! Командовать кораблем не пришлось бы Джиллиан Баскин и мне… врачу и младшему лейтенанту… которые и представить себе не могли, что им год за годом придется нести эту страшную тяжесть.

Тш'т чувствовала сильную усталость. Во сне она направляла свою щелкающую сонарную песню к Сну Китов, молила кого-то снять с нее эту ответственность, покончить с трудностями.

Мы со «Стремительного» превзошли свои возможности. Весь земной клан превзошел! В одном Джиллиан права. Нам нужны помощь и совет. Но разумные нам его не предоставят. Ни Великие Институты, ни Древние.

Джиллиан забыла великую истину, которая с детства известна почти каждому человеку и дельфину. Когда попадаешь в действительно трудное положение, нужно обратиться к своей семье.

С помощью невронального клапана Тш'т соединилась с системой жизнеобеспечения корабля и приказала проверить атмосферу во всех по-

мещениях «сухого колеса» напротив кабинета Джиллиан Баскин, в секторе, который находится «наверху», когда «Стремительный» на поверхности. Даже когда корабль в космосе, здесь дельфины обычно не появляются.

Ага! Так я и думала. Следы двуокиси углерода плюс несколько кетонов, немного метана и необычные спирты. Явные признаки присутствия кислорододышащего живого существа… хотя и не землянина.

И все это сосредоточено… здесь.

Она заставила свое устройство для ходьбы остановиться перед дверью с надписью «Опасные органические материалы» и усмехнулась шутке Джиллиан.

Легкое волевое усилие подняло рабочую руку. Рука протянулась к инструментальному поясу, сняла с него дрель и нацелилась на дверь, в том месте у ручки, где отверстие будет не так заметно. Единственным звуком было слабое жужжание. Резак двигался, испаряя и рассеивая отходы.

Тш'т размышляла о том, как искупить свое преступление. Ее растущий перечень предательств. Все началось, когда «Стремительный» в прошлый раз был во Фрактальном Мире и все начинали понимать, что Древние их разочаруют. Состояние

морали экипажа упало, и Тш'т решила, что ей пора действовать самостоятельно. Необходимо послать сообщение, связаться с единственным надежным источником помощи.

К счастью, во Фрактальном Мире действовали регулярные коммерческие почтовые линии. И пока Джиллиан парировала все усиливающиеся угрозы и проклятия со стороны Различных фракций порядка «ушедших на пенсию», Тш'т оказалось легко направить почтовый пакет, запрограммированный на полет по Пяти Галактикам, скрывая свой маршрут и постоянно изменяя его, пока не достигнет цели — капсулы времени с координатами, которые Тш'т запомнила давным-давно, еще в юности. А капсула отвечает на запросы только одной расы во всей вселенной.

К этому времени Джиллиан уже окончательно решила уйти из структуры Крисвелла и попытать счастья на «тропе сунеров» — скрыться в запретной Четвертой Галактике, проскользнуть мимо яркой гигантской звезды и найти убежище на планете под названием Джиджо.

Тш'т казалось, что ей легко будет организовать тайное свидание…

Резак прошел через дверь. Тш'т вернула руку

на место и пропустила через отверстие тонкую коммуникационную нить, которая, как кобра, вползла в закрытое помещение.

Открылся вид направо, потом налево, и Тш'т увидела высокую двуногую фигуру, сидящую на скамье перед небольшим столом.

Голова поднялась, словно существо уловило звук. А когда оно повернулось, Тш'т с трудом сдержала удивленный возглас.

Узкое скошенное лицо с выступающей вперед челюстью без подбородка, с большими оскаленными зубами.

Однако глаза и лоб удивительно человекоподобные. Глаза сощурились, заметив нить.

Голова торопливо отвернулась. Плечи поднялись, закрывая видимость. Тш'т увидела, как обе руки схватились за ящичек — специальное биосохраняющее устройство, предназначенное для содержания небольших животных, образцы экосистемы. Ловкие руки схватили что-то извивающееся. Тш'т не понимала, что происходит, но ей показалось, что существо поедает или обнимает извивающуюся тварь.

Плечи расслабились, руки опустились, высокая фигура распрямилась и изящно повернулась.

Лицо преобразилось. Теперь оно выглядело

благороднее человеческого. Более добродушно и весело, чем лицо тимбрими. Терпеливое и понимающее лицо божества.

Ну, ну. Это он. Он самый.

В нескольких местах лицо ротена дрожало, там, где маска-симбионт еще не улеглась окончательно — живое существо, которое стало частью лица ротена, предоставив красивые скулы, возвышенный подбородок и губы, прикрывающие зубы и искренне и великодушно улыбающиеся.

Миссионер.

Тш'т помнила его посещение Земли, много лет назад, когда была еще подростком и едва умела говорить. Словно это было вчера, увидела она его, читающего проповедь собравшимся в тайном подводном гроте новообращенным дельфинам.

Вселенная — очень одинокое место, говорил миссионер. *Но она не так опасна, какой кажется. Нынешнее правительство Земли состоит из дарвинистов и неверующих, но это не имеет значения. Вопреки пропаганде, воспитывающей у волчат гордость своими достижениями, помните, что вы не одни. Мы, тайно создавшие гены человечества, ведем его к великой цели, оставаясь верными мечте. Той же самой великой цели. Мы по-прежнему действуем за сценой, защищая,*

сохраняя, готовя к Дню.

И как мы любим наших клиентов людей, так же любим мы и вас. Наш клан особенный, и его будущее великолепно. Со временем дельфины будут играть очень важную роль. Особенно те из вас, кто изберет путь даников.

Было замечательно расти членом избранной секты, зная великую и успокоительную Истину. Конечно, Террагентский Совет провозглашает свободу совести, но на самом деле было бы нелепо раскрываться сейчас, слишком рано. Большинство дельфинов верит, что люди эволюционировали самостоятельно, без вмешательства извне. Конечно, нелепая вера, но слишком опасно открыто выступать против нее.

Даже среди людей и шимпов, где даникская вера более распространена, между конфликтующими кланами возникали споры. У многих были свои особые кандидаты на звание *тайного патрона человечества…* загадочную расу, которая Давным-давно возвысила Homo sapiens. Несколько галактических рас именовались «более вероятными», чем таинственные, мало кому известные ротены.

Поэтому Тш'т, учась в школе и тренируясь для участия в полете «Стремительного», держала

свое мнение при себе. Она ждала во время катастроф на Моргране, Китрупе и Оакке. Ждала до того дня, пока не поняла, что людям с задачей не справиться. Джиллиан Баскин — одна из лучших, но и она больше ничего сделать не сможет.

Время искать помощи у тех, кто выше на семейном древе.

Ротены будут знать, что делать.

Теперь в ее душе царило смятение. И она не знала, чего ожидать.

Я знала о симбионтах. Джиджоанцы видели ротенов без маски. Все это есть в их отчетах. И все же увидеть это лицо без маски самой…

Вид естественной внешности ротена шокировал. Тем не менее Тш'т все время вспоминала знакомую с детства теплую успокаивающую улыбку.

Я понимаю необходимость маски. Это вынужденный обман. Он ведь помогает ротенам лучше выполнять работу, вести землян к их судьбе.

А в счет идет только это.

— Ну? — спросил Ро-кенн, делая шаг к двери. Он сжал ладони, его длинные руки высовывались из рукавов купального халата, рассчитанного на высокого человека. Пленника, должно быть, тайно передали мудрецы Джиджо, после того как

захватили его в своем священном месте, которое называют Праздничной поляной. Возможно, он единственный уцелевший от смешанной ротенско-человеческой экспедиции, столкнувшейся с предательством и гибелью — вначале от шести рас, а затем экипажа боевого корабля джофуров.

Все слилось в сердце Тш'т. Стремление, которое владело ею с детства. Раздражение последних ужасных лет. Сознание своей вины перед Джиллиан. И гораздо более сильное чувство вины за убийство двух человек — даже если это делалось в интересах великой цели.

Она пришла сюда, намереваясь противостоять Ро-кенну. Потребовать объяснений случившегося.

Послание, которое я отправила… оно было настроено только на перехват ротенами. И в нем говорилось, куда направляется Джиллиан. Вы должны были тайно явиться на Джиджо… чтобы помочь нам. Спасти нас.

Теперь говорят, что вы преследовали джиджоанских сунеров. Включая людей. Говорят, вы продали людей джофурам за деньги на карманные расходы. Говорят, вы мошенники, обманывающие легковерных землян, чтобы использовать их как прикрытие и для мелкого воровства.

Одного из людей — пилота Кунна — я убила, чтобы сохранить нашу тайну. Но как я могу быть уверена…

Ничего она не смогла сказать. Слова застыли.

Вместо этого все ее внутренние переживания неожиданно слились в единое целое. Отчаяние, которое так долго господствовало в ней, уступило место своему истинному врагу.

Надежде.

Тш'т несколько раз глубоко вдохнула и только тогда обнаружила, что снова в состоянии говорить.

— Господин… я пришла покаяться.

Удивленное выражение на мгновение появилось на лице ротена, его левая щека дрогнула.

Затем на его лице появилась теплая улыбка, и глубокий мягкий голос произнес:

— Поистине, дитя теплых морей. Я здесь. Не торопись, я выслушаю тебя. И будь уверена, что, рассказав мне все, найдешь избавление.

ЛАРК

Интересно, сколько времени я уже здесь. Можно ли определить, прошли часы, дни… или месяцы?

Если они понимают так хорошо химизм моего тела, что могут сохранить мне жизнь, эти существа могут вывернуть мое сознание наизнанку и покопаться в нем. Они могут изменить мое восприятие времени, просто изменив метаболизм.

Это тоже показалось ключом. Ларку очень хотелось сопоставить с кем-нибудь свои наблюдения.

Особенно с Линг — так, как они это делали, когда были вначале соперниками, потом союзниками и наконец любовниками. Ему ужасно ее не хватало. Не хватало теплой кожи и богатого аромата, но больше всего — ее живого ума. Среди всех взлетов и падений именно ее непредсказуемый разум больше всего очаровывал Ларка. Он все бы отдал сейчас за возможность поговорить с ней.

Я должен был найти способ освободить ее от Ранна и джофуров. А теперь могу только рисовать фантастические картины, как Линг, одетая в космический скафандр, прорывается сквозь стену с лазерами в обеих руках и вытаскивает меня отсюда, чтобы мы могли улететь в каком-

нибудь похищенном…

Соблазнительное видение исчезло: Ларк понял, что что-то происходит. У него по спине поползли мурашки… он почувствовал, что за ним наблюдают. Ларк повернул голову… и рефлекторно вздрогнул. Большой клок… существо плыло вблизи барьера-мембраны, примерно сферическое, но с выступами и ритмичной рябью, которая каким-то образом свидетельствовала о жизни… и даже, может быть, о сознательном намерении.

Мимо проплывали клубы тумана, но существо удерживалось на одном месте, размахивая крошечными щупальцами, многочисленными, как шерстинки на ноге хуна.

Реснички, подумал Ларк, узнавая способ передвижения, используемый крошечными организмами, которые можно разглядеть только в микроскоп. Он никогда не слышал, чтобы этим способом пользовалось макросущество такого размера. И как биолог находил это очень странным.

Но любопытство сменилось изумлением, когда существо внезапно всосало машущие реснички. Принялось раздуваться налево и постепенно превратилось в цилиндр. Вмятины с обеих сторон углубились, прошли вдоль всей длины тела и

встретились на середине, образовав полую трубу, которая начала сгибаться в горизонтальном направлении. В одном конце собирались комья желтоватого вещества и вылетали наружу, заставляя существо быстро передвигаться вокруг прозрачной клетки Ларка.

Так оно трижды облетело клетку. У Ларка сложилось впечатление, что его разглядывают под всеми углами.

Там не обычный газ или пар, подумал он. *Но не похоже и на жидкость.*

У него было представление, что эта среда имеет какое-то отношение к гибкости существа, к его способности менять способ передвижения с ресничек на реактивное движение.

Там, где оно возникло, среда должна быть очень необычной. Я о таком не читал ни в каких архивах. Разве что…

Неожиданное осознание заставило Ларка широко раскрыть глаза, так что веки коснулись надетых поверх них крошечных шапочек. До сих пор Ларк даже не сознавал наличия этой защитной оболочки, но когда от его действия мимо проскользнуло несколько молекул, он заплатил за это потоком слез и глубокими гортанными стонами.

Однако это происшествие не прервало стремительный поток мыслей.

Водорододышащие! В древних свитках их называют одним из великих порядков жизни. Они делят Пять Галактик с кислородными типами, но живут совершенно обособленно от нашей цивилизации, держатся своих планет и интересов.

Конечно, это сверхупрощение. Даже из тех немногих текстов Библоса, в которых упоминалась водородная жизнь, было ясно, что каждая встреча двух миров с разным молекулярным устройством сопровождается большой опасностью. И минимизация таких контактов составляла главную задачу Института Миграции, который раздавал лицензии, имея в виду не только защиту невозделанных планет, но также и сокращение пространства, где возможна случайная встреча.

Джиджо в Четвертой Галактике. Сейчас здесь не должно быть никаких кораблей, кроме принадлежащих официальным институтам. Именно поэтому Джиджо стала подходящим кандидатом для тропы сунеров.

Один глаз все еще слезился, но Ларк прищурил второй и увидел, что существо замедлило движение и вернулось к шарообразной форме.

Может быть, передо мной их полицейский? Или

иммиграционный чиновник?

Под поверхностью существа образовалась полая вакуоля. Из нее вырывались пузыри, блестя странным поверхностным натяжением. Ларку пришло в голову сравнение: кто-то пукает под водой. Но это может быть и красноречивая лекция о космических законах, касающихся взаимодействия порядков жизни.

Может, он спрашивает, что я здесь делаю. Требует паспорт и визу. Каково мое последнее желание… и хочу ли я, чтобы мне завязали глаза…

Внутренняя полость постепенно увеличивалась, а само существо вытягивалось в сторону Ларка. Он разглядел внутри вакуоли несколько плавающих объектов — каждый из них вначале выглядел как миниатюрная версия большего существа. Эти объекты заняли различные позиции внутри полости и начали приобретать новые цвета и формы.

Да будь я…

Один стал голубым, цвета неба, но более глубокого, чем дома на Джиджо, оттенка. Он перестал рябить и затвердел, покрывшись симметричными выступами и наростами. Ларк даже увидел, как образуется миниатюрная эмблема — спираль с рукавами на вершине приплюснутого сферо-

ида. И сразу узнал почти совершенное подобие боевого корабля джофуров «Полкджи».

Понял. Коммуникация с помощью знаков и рисунков. А второй шар — это, наверно, корабль гидрос?

Догадка вскоре подтвердилась: Ларк увидел схватку двух космических гигантов, происходящую в пространстве не больше верхушки груды колец треки. Он зачарованно смотрел, как корабль джофуров открыл огонь по желтому шарику.

Вначале его выстрелы отразил рой неожиданно появившихся воздушных шаров. Но часть снарядов прошла через преграду, безжалостно обрушившись на противника, и корабль гидрос разлетелся на части, которые развевались, как разорванные знамена. Однако несколько из них сумели присоединиться к металлическому корпусу «Полкджи».

Так вот как они попали на борт. О таком виде схватки он никогда не читал и даже не видел во сне.

Голубой шарик перед ним расширился, и Ларк увидел продолжение схватки внутри. Из полудюжины пунктов вторжения разлетались желтоватые камешки, вначале быстро, потом

медленнее преодолевая сопротивление. Видел он и искорки на переднем фронте, вероятно, представляющие джофуров и их боевых роботов. Иногда одна или две такие искорки схватывались с желтым шариком. Но не погасали, а быстро направлялись к пункту сбора в тылу.

Пленники. Военнопленные.

Но когда это произошло еще с одним огоньком, Ларк почувствовал неожиданный укол в бедро.

Это я!

Это позволило ему понять кое-что еще.

Они не просто общаются со мной зрительно. Есть и химический компонент! Отчасти то, что я способен понять, связано с этой демонстрацией. Но они, должно быть, передают значения прямо по каналу питания, непосредственно мне в кровь.

Сознание этого факта могло бы испугать его или вызвать отвращение… если бы Ларка не охватило ощущение странного спокойствия. Несомненно, еще одно следствие молекулярного стимулирования. Как биолог, он был крайне заинтересован.

Должно быть, гидрос миллионы лет проводили эксперименты с нами, кислородниками. Конечно, это не обязательно помогает облегчить преодоление пропасти между двумя порядками, иначе они бы просто говорили со мной словами. Но я

уверен, что у них много разных возможностей.

Это позволяло посмотреть на положение с новой точки зрения. Всю свою профессиональную жизнь он изучал необыкновенное разнообразие миллионов кислорододышащих видов живых существ на одной-единственной планете. Но теперь понял, что перед ним существа, для которых разница между джофурами и людьми кажется почти несущественной.

Встречались ли они раньше с землянами? Это кажется маловероятным. Тем не менее они могут играть на мне, как на скрипке.

Ларк испытывал унижение… и подумал, не является ли и это реакцией, навязанной извне.

Не важно. Важно то, что они хотят, чтобы я учился. Они заинтересованы в том, чтобы я был жив и понял.

И на время с меня этого довольно.

ЭМЕРСОН

Может быть, он больше не инженер, но все еще способен оценить хорошую работу.

С тайного наблюдательного пункта за мостиком «Стремительного» ему отлично видны восстановительные работы. Перед Эмерсоном все грандиозное полое сооружение — от центральной звезды-очага до зияющей дыры, которая сейчас уродует этот величественный шар, открывая широкую полосу неприрученных звезд. Несмотря на отчаянные усилия больших машин, которые продолжают ставить заплаты и соединять разорванные поверхности, бесконечное количество обломков по-прежнему уходит сквозь дыру наружу, превращаясь в пыль, пар и армаду ярких комет.

Изъян в шаре напомнил ему о его собственном увечье, которое произошло в этом самом месте.

Эмерсон поднес дрожащую руку к месту за левым ухом. При его прикосновении тонкое, как пленка, существо вздрогнуло — это симбионт реук, которого он прихватил с Джиджо. Вместе с мазями, предоставленными аптекарями треки, этот реук отчасти причина того, что Эмерсон

не погиб от страшной раны и не превратился в живое растение. Маленькое существо оставило поверхностный кровеносный сосуд и отползло в сторону, позволив Эмерсону погладить шрамы, окружающие яму в голове. Не случайное повреждение, оно нанесено сознательно.

Именно здесь это и произошло год назад.

Здесь — он вспомнил, как садился в маленький боевой корабль, готовый принести себя в жертву и прикрыть отчаянную попытку бегства «Стремительного».

Здесь — он устремился вперед в этом крошечном разведчике, бросая вызов фракциям, требования и вымогательство которых опровергали репутацию Древних как мудрых и нейтральных существ… и его вызывающие возгласы сменились торжествующими, когда вмешалась другая группа Древних, открыв выход из большого шара и позволив Джиллиан и всем остальным уйти.

Здесь — состояние восторга быстро исчезло, когда его корабль перехватили могучие силовые поля, остановили, затем сняли броню, словно кожуру апельсина, и взяли его в плен, превосходящий всякое воображение.

Эмерсон по-прежнему смутно представлял себе, что произошло потом. Похитители тща-

тельно обработали его сознание, сделав всякие воспоминания мучительными. Большую часть прошедшего года он блуждал в тумане амнезии, прерываемой приступами острейшей боли, когда он пытался вспомнить.

И преодоление этого программирования стало его величайшей победой. Теперь Эмерсон владел собственным мозгом — вернее, тем, что от него осталось. Болевые рефлексы по-прежнему пытались помешать ему вспоминать, но он научился преодолевать их, не обращая внимания на боль. Эмерсон знал, что каждый приступ боли означает, что ему удастся Поставить на место новый кусочек головоломки и что тем самым он препятствует тем, кто это с ним проделал, достичь Цели.

Если бы он только знал, какова эта цель.

Лишившись значительных участков мозга, Эмерсон не мог в словах выразить иронию, которую чувствовал, сидя в своем тайном убежище и глядя на Фрактальный Мир. И хоть он немой, у него по-прежнему сложные и тонкие эмоции.

Например, он имеет полное право испытывать удовлетворение от тех разрушений, которым подвергается это место. Рои роботов вьются по краям отверстия, пытаясь укрепить их и восста-

новить конструкцию, и он должен желать им неудачи. Это была бы месть — пусть его мучители погибнут, пусть все их надежды развеются, все их труды, словно пепел, упадут на освобожденное солнце.

Но в глубине его души было что-то более сильное и древнее, чем гнев.

Любовь к красоте.

К умениям и мастерству.

К тому, что хорошо сделано.

Он все еще помнил тот день — века назад, — когда «Стремительный» впервые вошел в эту крепость «ушедших в отставку», полный наивных надежд, которые очень скоро будут преданы. Пораженные открывшимся великолепием, они — он сам, Каркаетт и Ханнес Суэсси — возбужденно спорили о назначении этого титанического сооружения, способного обмануть время и приручить звезду. Это казалось инженерным раем.

И он все еще это чувствует! Как ни странно, он восторгается умелыми действиями роботов. Эмерсон считал, что отомстил своим мучителям тем, что просто выжил. Пока «Стремительный» свободен, в этом холодном взгляде, должно быть разочарование, раздражение, гнев. Он помнит этот взгляд, устремленный на него, когда жесто-

кие инструменты рылись в его мозгу, отыскивая тайны, которых в нем не было…

Эмерсон содрогнулся. Почему Древние просто не убили его, когда закончили просеивать его мозг? Нет, они его изуродовали и каким-то неведомым способом забросили искалеченное тело на одинокую планету Джиджо.

Казалось, для этого потребовалось слишком много бесцельных стараний. И каким-то образом это особенное внимание повышало самооценку Эмерсона и сознание своей важности и необходимости.

И поэтому он хотел быть великодушным. И он желал успеха ремонтным механизмам, которые разматывали огромные, размером с луну, барабаны углеродной нити, плели сети, чтобы удержать острые фрактальные обломки — каждый больше планеты. Он аплодировал роботам-тягачам, которые, словно крошечные мошки, отворачивали огромные обломки, уводя от столкновений, способных вызвать новые бесчисленные трагедии. Возможно, сказывалось отсутствие слов, но для него обитаемая сфера была не столько сооружением, сколько живым существом, осознающим свое 'существование, раненым и борющимся за жизнь.

С помощью карманного терминала Эмерсон вызывал увеличение отдельных участков. Не способный отдавать команды с помощью клавиатуры, он обнаружил, что маленький компьютер можно программировать и другими способами. Ему приходилось пользоваться языком жестов, который, возможно, был разработан еще на Земле для страдающих афазией. Движения рук сочетались с подмигиваниями и простым указыванием, и обычно это передавало смысл того, что он хотел. И конечно, это было гораздо лучше его жалких попыток на Джиджо, когда общение с бедной Сарой часто вызывало у них обоих слезы тщетности.

И все же… он с теплом вспоминает эти месяцы. Планета сунеров была прекрасна, а незаконная колония шести рас глубоко тронула его своим странным счастливым пессимизмом. По этой причине и ради Сары он хотел бы что-нибудь сделать для джиджоанцев.

Вообще он хотел что-нибудь сделать для всех — для Джиллиан, для «Стремительного»… или даже для орд тяжело трудящихся роботов, которые стараются спасти сооружение, построенное еще до того, как по Земле бродили динозавры.

Сам он не может принести пользу и поэтому

вынужден быть зрителем огромной драмы, разворачивающейся снаружи.

Эмерсон»терпеть не мог быть зрителем. У него чесались руки. Он предпочел бы пользоваться ими.

Быстрой последовательностью миганий он вызвал изображение ситуационной комнаты, где Джиллиан встречалась с Сарой и четырьмя подростками с Джиджо. К ним присоединилась высокая груда восковых колец — Тиуг, алхимик треки с горы Гуэнн, который завершил собрание всех представителей шести рас. Последовала оживленная дискуссия, и Эмерсон увидел, как молодой центавроподобный урс по имени Ур-ронн показывает на стадо глейверов, которые мяукали и облизывали друг друга поблизости. Существа, предки которых летали меж звезд, но которые вернули себе невинность — метод, предписанный тем, кто хочет получить второй шанс.

Эмерсон не был уверен в том, какая здесь связь, но, очевидно, эти регрессировавшие существа имеют какое-то отношение к огромному круглому звездному кораблю, который привел сюда «Стремительный».

И он почувствовал гордость, когда в сознании всплыло слово. *Занги.*

Большой шар вначале казался равнодушным. Он только не давал «Стремительному» уйти, а в остальном сосредоточился на руководстве механическими наемниками, направлял их усилия по плетению обширных сетей из черной нити, которая должна была перекрыть гигантское отверстие. Но через день-два занги вынуждены были обратить внимание, и тогда к земному кораблю направились загадочные объекты, приблизились с разных сторон и продолжали разведку.

Затем занги отвели всех этих проныр, оставив вокруг земного корабля кордон. Однако экзотические стражники «Стремительного» не проявляли никакого интереса к неоднократным попыткам Джиллиан установить контакт.

Эмерсон вспомнил один из немногих фактов, известных о могучих водорододышащих, — они по-другому воспринимают время. Очевидно, занги считают, что пока они заняты своим делом, «Стремительный» может подождать.

И теперь он слушал, как Джиллиан советуется с туземцами, пытаясь разработать план.

Что, если мы просто посадим глейверов на шаттл и отошлем их? Удовлетворит ли это зангов? И будут ли глейверы в безопасности?

Предположим, ответ на оба вопроса положительный. Что говорит галактический закон о подобных ситуациях? Должны ли мы потребовать у зангов расписку?

Из всего этого потока слов для Эмерсона смысл имело только одно — занги. Остальные оставались для него непонятны. Но для него сам голос Джиллиан звучал музыкой.

Конечно, он всегда питал тайную страсть к доктору Джиллиан Баскин, даже когда на борту «Стремительного» жил ее муж Томас Орли, — то своеобразное безвредное увлечение. которое взрослый человек может легко контролировать и никогда не проявлять. По крайней мере не проявлять слишком откровенно. Жизнь несправедлива, но с ней можно примириться.

Увы, после того как Том героически исчез на Китрупе, это увлечение начинало все сильней сказываться на рассудительности Эмерсона. Он начал рисковать, стараясь соперничать с Орли. Пытался доказать ей, что он достойная замена.

Глупая попытка, но вполне естественная. И она оправдалась на Оакке, где чиновники Библиотеки и Института Миграции изменили своей клятве, попытавшись перехватить груз «Стремительного», чтобы передать его своим родным

кланам, а не всей цивилизации. Здесь Эмерсон начал безумную игру, и его смелость оправдалась, помогла победить в безнадежной ситуации — еще одно освобождение ненадолго, — чтобы улететь и продолжить борьбу.

Но здесь…

Он покачал головой. Просматривая на борту видеозаписи отлета «Стремительного», он понял, что его самопожертвование в небольшом теннанинском разведчике не имело почти никакого значения. Он еще не успел отлететь, не обращая внимания на просьбы Джиллиан вернуться, как перед «Стремительным» начали открываться ворота к спасению. Он все равно полетел бы на Джиджо, но в гораздо более комфортных условиях, если бы остался на борту и не попал в когти Древних.

Разглядывая края отверстия Фрактального Мира, он увлекся картиной спасательных действий. Эмерсон не мог больше опираться на числа и уравнения, но у него сохранился инженерный инстинкт, и этот инстинкт ожил при виде того, как машины укрепляют огромные участки льда и углерода. Он никогда не видел сотрудничества гидрос, кислородных существ и машин в таких масштабах.

И это зрелище делало космос более привлекательным.

Проходило время. Эмерсон больше не думал в терминах минут и часов — или дуров и мидуров, но ориентировался на неравные субъективные интервалы между голодом, жаждой или иными физическими потребностями. И тем не менее он начал испытывать напряженное ожидание.

Неуловимое ощущение, что что-то идет не так.

Какое-то время ему трудно было уточнить это ощущение. Дельфины на мостике казались спокойными. Все идет нормально. Ни на одном из экранов не видно признаков тревоги.

Совещание в ситуационной комнате прервалось, все разошлись по своим местам или наблюдали за обширными видами за бортом. Никто не казался встревоженным.

Эмерсон передал маленькому прибору свое желание воспользоваться ближними сканерами и осмотреть корабль и его ближайшее окружение. Он дважды проделал это, и странное ощущение усилилось. Однако он по-прежнему не мог его уточнить.

Вызвав Джиллиан, он увидел, что она тоже кажется обеспокоенной — словно какая-то мысль мелькает за порогом восприятия, но ускользает

от всех попыток ее уловить. Перед Джиллиан было голографическое изображение. Эмерсон заметил, что она разглядывает корпус корабля в районе хвоста.

Хмыканьем и жестами Эмерсон приказал изображение своего экрана переместить туда же. Камера прошла вдоль внешнего корпуса корабля, покрытого толстым слоем звездной сажи, и Эмерсон испытал усиливающееся облегчение. Если Джиллиан смотрит сюда же, значит, ему не показалось. Больше того, инстинкт подсказывает ей, что пока ничего серьезного не происходит. Если бы возникла серьезная угроза, Джиллиан уже начала бы действовать.

Эмерсон почувствовал себя еще лучше, когда изображение миновало выступы вероятности и приблизилось к корме корабля.

Для Эмерсона это послужило первым намеком.

То, что он стал чувствовать себя лучше.

Как ни иронично, но это его встревожило.

На Джиджо, когда он, слабый, в бреду, с искалеченным телом и поврежденным мозгом, пришел в себя в древесном доме Сары, одно удовольствие превосходили все остальные. Оно было сильней успокаивающих мазей аптекарей-треки. Сильней удовлетворения от возвращавшегося здоровья, от

ощущения силы в теле. Сильней удивительных видов, звуков и запахов Джиджо. Даже сильней мягкого любящего общества дорогой Сары. Одно благословение превосходило все остальное.

Это происходило, когда боль прекращалась.

Когда навязанная ему боль, запрограммированная в изувеченной коре головного мозга, неожиданно отпускала его — внезапное исчезновение врага ощущалось как своего рода экстаз.

Так происходило, когда он прекращал делать то, чего Не должен был делать. Например, пытаться вспомнить. Всякая попытка вспомнить вызывала волны острой боли. И вначале награда была даже еще более эффективной. Гедонистическое удовлетворение приходило после отказа от Попыток вспомнить.

И теперь Эмерсон испытывал нечто подобное.

О, это было не так интенсивно. Награды и антипатии проявлялись на гораздо более тонком уровне. Он вообще мог бы не заметить этого, если бы не битвы, проведенные на Джиджо, когда он учился упрямо преодолевать боль. Так преследуемая дичь обращается против хищника… и тогда охотник может стать преследуемым. Это был жестокий урок, но со временем он его усвоил.

Не… здесь… подумал он, с трудом формируя

слова, по одному за раз, чтобы ухватить свирепую решимость.

Возвращайся… назад…

Все равно что идешь против сильного ветра или плывешь против течения. Всякий раз как голографическое изображение приближалось к носу корабля, он испытывал в себе странное ощущение. Как будто сам концепт этой части «Стремительного» был необычным и почему-то неправильным. Все равно что пытаешься представить себе пятое измерение.

Больше того, очевидно, с компьютерами происходило то же самое. Инструменты упрямились. Как только изображение доходило до первого набора выступов, камера начинала отклоняться в сторону, пропускала цель и возвращалась к корме.

Эмерсон испустил поток проклятий и брани. Этот поток, богатый и выразительный, выходил так же легко, как когда-то, до ранения, вообще речь. Подобно песням или стихам, бранные выражения исходили из того участка мозга, который не был затронут Древними. Этот поток нецензурностей произвел на Эмерсона успокоительное воздействие, и он отвернулся от искусственных орудий и образов. И наоборот, прижался лицом

к выпуклому окну, сделанному из какого-то прозрачного, необыкновенно прочного материала, который не смогли воспроизвести самые передовые технологии Земли. Эмерсон посмотрел вперед, в сторону носа «Стремительного».

Впечатление такое, словно смотришь через собственное слепое пятно. Но он сосредоточился, сопротивляясь чувству отвращения с помощью приемов, которыми овладел на Джиджо.

И наконец ему удалось разглядеть в темноте какое-то движение.

Чувствуя его сильное желание видеть, симбионт реук скользнул вперед и вниз, покрыв своей пленкой глаза — переводя, усиливая, меняя цвета, пока Эмерсон удовлетворенно и удивленно не хмыкнул.

Вокруг носа «Стремительного» собрались какие-то объекты. Это роботы или существа, похожие на маленькие корабли. Они мечутся из стороны в сторону у той части корпуса, о которой, кажется, все забыли!

Эмерсон видел, как вспыхивают язычки яркого пламени. Отблески химического огня.

Он не стал тратить времени на проклятия. На четвереньках выбрался из своего обсервационного купола, построенного какой-то расой,

гораздо меньше людей, которая владела этим кораблем до того, как он через пятые руки не был продан невежественным волчатам, только что вышедшим из изоляции, такой глубокой, что вся вселенная дивилась, как это они выжили в одиночестве.

У него не было возможности рассказать о своем открытии. Не было слов, чтобы прокричать в интерком. Если он отправится в ситуационную комнату, схватит Джиллиан за плечи и заставит посмотреть вперед, она, вероятно, так и сделает. Но сколько времени на это потребуется?

Что еще хуже, это может означать риск для ее жизни. Какие бы средства ни использовали эти существа, нацеливая это свое заклинание, оно в чем-то сходно с той обработкой, которой подвергли его, и Эмерсон узнавал в этом знакомую безжалостность. Те, кто это делает, могут уловить настороженность Джиллиан и поспешно заставить замолчать, действуя через ее пси-способности.

Он не может рисковать и подвергать ее опасности.

Сара? Прити? Они его друзья и дороги ему. Та же самая логика справедлива и по отношению к другим членам экипажа «Стремительного». К

тому же у остальных слишком мало времени, чтобы быть полезными. Иногда приходится действовать самому.

Поэтому Эмерсон побежал. Он выбежал в просторный ангар — внешний шлюз, который заполняет нос «Стремительного». Все меньшие корабли, которые стояли тут на причале, когда «Стремительный» покидал Землю, теперь исчезли. Второй по размерам корабль и скиф потеряны на Китрупе вместе с Орли и остальными. И еще до этого капитанский катер взорвался в Мелком скоплении — это была первая ужасная цена, которую пришлось заплатить за сокровище Крайдайки.

Теперь в доке только маленькие теннанинские разведчики, взятые из старых кораблей, оживленных экипажем. Каким знакомым кажется вход в одно из этих бронированных суденышек. Он делал это однажды и раньше — включал двигатели, сражался с приборами, созданными для расы с гораздо более мощными руками, и привел в действие механизмы, которые направили кораблик по узкому рельсу в туннель и выбросили в…

Эмерсон постарался забыть об этом последнем старте, иначе решимость могла бы его покинуть.

Вместо этого он сосредоточился на экранах и шкалах приборов, показания которых больше не может читать, надеясь, что старые навыки, мастерство и удача Ифни помешают ему отлететь от приборов в тот момент, когда корабль минует внешние двери.

В его сознании возникла непрошеная песня-гимн пилоту, устремляющемуся в черную бездну, но Эмерсон стиснул зубы и не стал произносить ее вслух. Он был слишком занят для этого.

Если бы у него была возможность мыслить отчетливыми фразами, Эмерсон, возможно, удивился бы тому, что пытается сделать и как он сумеет помешать нападающим. На маленьком разведчике есть оружие, но год назад он не сумел с ним справиться. А теперь не может даже прочесть показания приборов.

Тем не менее он может поднять шум. Отвлечь нападающих. Сбросить их покров иллюзий и предупредить экипаж землян о грозящей опасности.

Но что это за опасность?

Не важно. Эмерсон знал, что его мозг больше не способен решать сложные проблемы. Если все, чего он добьется, это привлечет внимание зангов и заставит их обратить защитный гнев против нарушителей, этого будет достаточно.

Раненый Фрактальный Мир повернулся перед ним, когда шлюз закрылся и Эмерсон осторожно привел в действие двигатели корабля, направляя его в сторону нападающих. По мере приближения волны отвращения стремление повернуть назад все усиливались. Боль и удовольствие, отвращение и зачарованность — эти и многие другие чувства накатывались на него каждый раз-, как взор или мысли Эмерсона уходили от того, что делается впереди, наказывали каждую попытку сосредоточиться. Без опыта, полученного на Джиджо, он не сумел бы преодолеть такую концентрацию. Но Эмерсон многому научился. Он научился искать неприятностей — как ребенок все время трогает выпадающий зуб, привлеченный новыми приступами боли, пока старый зуб не уступит место новому.

Помог и маленький реук. Чувствуя его потребности, он продолжал менять цвета, передавая ускользающие образы, Добиваясь превращения их в отчетливые очертания.

Это машины.

Наконец он узнал десяток угловатых фигур, прикрепившихся к корпусу «Стремительного» в районе носа. Они вцепились, словно насекомые-стервятники в глаз беспомощного животного.

И если бы их целью было просто разрушение, все было бы уже кончено. Но у них должна быть более сложная цель.

Эмерсон узнал яркий огонь резака. Либо они пытаются прорезать борт корабля, чтобы ворваться внутрь, либо…

Или они что-то срезают. Может быть, берут образец. Но образец чего?

Эмерсон представил мысленно «Стремительный», подробный зрительный образ, на восприятие которых не распространялась речевая афазия. Это воспоминание было бессловным, почти осязаемым — после многих лет, проведенных в любви к этому старому корпусу, в такой любви, какая никогда не бывает у мужчины к женщине, — любви к кораблю, преобразованному и ставшему гордостью земного клана.

И сразу вспомнил, что лежит под этим сверканием.

Символ. Эмблема, которая предположительно помещается на все корабли кислорододышащих звездных рас.

Спираль с лучами — знак цивилизации Пяти Галактик.

И Эмерсона охватило ощущение несообразности. Вначале он подумал, что это еще один трюк,

еще одна попытка изменить его восприятие, заставить думать, что это и есть цель. К чему затрачивать столько усилий лишь для того, чтобы «Стремительный» лишился своего символа на носу?

Во всяком случае, машинам приходилось трудней, чем они рассчитывали. Толстый слой углерода, отягощавший «Стремительный», оказался чрезвычайно упрям и сопротивлялся всем попыткам команды Ханнеса Суэсси убрать его. Приближаясь, Эмерсон заметил, что и машинам пока удалось немного, они обнажили только небольшой участок корпуса корабля.

Затруднения чужаков его едва не рассмешили. Но тут он оглянулся и увидел.

Множество машин. Целые рои их, появляющиеся на фоне звезд. Несомненно, подкрепления, предназначенные для ускорения работы.

Пора действовать. Эмерсон потянулся к орудийной консоли, выбрав самые маломощные лучи, чтобы случайно не повредить «Стремительный».

Вот вам кое-что для начала, подумал он.

Искренне надеюсь, что это подействует.

Он был так сосредоточен на прицеливании, осторожно перемещая перекрестие, что даже не заметил того, что только что произошло в его

искалеченном мозгу.

Он использовал два отчетливых предложения, одно за другим, выразив в них свое чувство иронии и надежду.

ДЖИЛЛИАН

Словно раскаты грома, возникло осознание. Она отдала резкий приказ:

— Тревога!

В полупустых коридорах «Стремительного» прогремели клаксоны, и дельфины торопливо разошлись по своим боевым позициям. Постоянный гул двигателей изменил тон, это экипаж приводил в готовность силовые поля и оружие.

— Нисс, отчет!

Вертящаяся голограмма заговорила быстро, без привычной язвительности.

Мы как будто исподтишка подверглись псинападению, которое должно было отвлечь защитников «Стремительного», и органических, и приборы. То, что вы и я одновременно пришли в себя, свидетельствует, что источник воздействия был неожиданно уничтожен или отключен. Предварительные данные свидетельствуют, что использовано сложное логическое существо, чей меметический уровень должен относиться к классу не менее…

— Есть ли непосредственная опасность? — оборвала Джиллиан.

Я не фиксирую никаких оружейных импульсов, нацеленных на этот корабль. Но несколько находящихся по соседству автоматов обладают латентным энергетическим уровнем, который может быть опасен на близком расстоянии.

Но пока они как будто стреляют только друг в друга.

Джиллиан повернулась к дисплею, на который камера посылала изображение носа корабля… в направлении, противоположном тому, которое она рассматривала раньше, заподозрив какую-то неведомую опасность. Сердце ее забилось, когда она увидела, насколько все близко. Все могло бы уже кончиться, если бы нападающие не начали сражаться друг с другом. Сверкали яркие вспышки, паукообразные фигуры набрасывались друг на друга, неприятно близко отбрасывая тени.

— Где эти проклятые занги? — негромко спросила Джиллиан.

Сканируя пространство, где раньше находился корабль водорододышащих, инструменты не видели никаких его признаков… только волнующееся продолговатое облако движущихся ионов. *Возможно, это след работы их двигателей, а сами они улетели по какому-то срочному делу. И в любой момент могут вернуться.*

Ее сознание отшатывалось от другой возможности — что какое-то оружие вообще устранило зангов, убрало их из окрестностей. Оружие настолько мощное, что оставляет только след выведенных из состояния равновесия атомов.

В любом случае атака пси должна была скрыть от нас исчезновение наших защитников. Кто-то приложил массу усилий, чтобы мы какое-то время оставались на месте.

Она слышала, как включились двигатели Суэсси: это Каа начал пятиться от водоворота сражения. Но не успел он хоть немного удалиться, как рой сражающихся последовал за ним, словно привязанный к «Стремительному» невидимой нитью.

— Есть ли представление о том, что…

Никто из сражающихся не идентифицировал себя.

— Тогда чего они пытаются…

Похоже, некоторые группы стремятся похитить архив ИРП со «Стремительного».

— Архив «Стремительного»?..

Слова застряли в глотке. Джиллиан поняла и резко закрыла рот.

По закону каждый галактический корабль обязан нести на себе «наблюдателя» — устрой-

ство, записывающее основные события полета. Некоторые такие устройства весьма сложны. Другие — те, которые может себе позволить бедный клан, — примитивные приборы, способные только записывать местоположение корабля и идентифицировать другие корабли, оказывающиеся по соседству. Все эти устройства относятся к категории «только записывающих», то есть они могут записывать сведения, но прочесть эти сведения нельзя. По крайней мере нельзя в текущую эпоху. Предполагается, что со временем все эти сведения окажутся в бесконечных архивах Великой Библиотеки и будут впоследствии изучаться обитателями будущей эры, когда страсти текущей будут представлять только исторический интерес. И сразу Джиллиан поняла смысл нападения.

— Древние… должно быть, они открыли коды, которые позволяют им прочесть ИРП («исключительно-регистрирующую память»). И тогда они узнают, где побывал «Стремительный»!

Это позволит им пройти нашим маршрутом и отыскать Мелкое скопление.

Джиллиан испытывала смешанные чувства. С одной стороны, она негодовала; существа, которые вмешивались в ее сознание и хотели лишить

«Стремительный» его сокровища, вызвали у нее гнев. Ведь она сама и весь экипаж так давно защищают эти сведения, а Том и Крайдайки отдали за них жизнь.

Но с другой стороны, если бы похитителям удался их замысел, это решило бы многие проблемы. Какой-нибудь могучий клан наконец овладел тайной и, может быть, использовал ее для того, чтобы господствовать в следующей эпохе. Развернулись бы грандиозные битвы, создавались новые союзы, и, может быть, Земле и ее колониям было бы позволено вернуться на окраины истории и какое-то время оставаться незамеченной и в безопасности.

— Удивляюсь, что никто не пытался это проделать раньше, — сухо заметила она, наблюдая, как мини-сражение продолжает следовать за «Стремительным» в обширной полости Фрактального Мира.

Действительно, кажется логичным попытаться забрать «наблюдателя» с нашего носа. Могу только предположить, что у предыдущих наших противников не было средств для того, чтобы прочесть коды ИРП.

Если это так, что подтверждается нейтральность Института Библиотеки: самые богатые

кланы и союзы не в состоянии взломать печати. Джиллиан задумалась. Может быть, предательство на Оакке было случайным отклонением? Может, просто обычная неудачливость «Стремительного» привела его к встрече с редкими предателями. А в других местах представители институтов — достойные существа.

Если это так, стоит ли нам попытаться еще раз? — думала Джиллиан. *Может, направиться на Танит и еще раз попробовать сдаться властям?*

Тем временем Нисс продолжал задумчиво вращаться. Созданное тимбрими виртуальное существо выровнялось, прежде чем заговорить снова.

Им понадобилось много времени, чтобы, используя свое влияние старших членов порядка «ушедших в отставку», получить ключи. На самом деле…

Паутина вращающихся линий напряглась, выражая тревогу.

На самом деле это бросает пелену загадочности на наше предыдущее бегство отсюда.

— О чем ты говоришь?

Я говорю, что нам казалось, будто нам помогают альтруистически настроенные члены

этого порядка, во имя справедливости благожелательно спасающие нас от преследователей. Но подумайте, как легко все тогда прошло! Ведь мы так быстро нашли в Библиотеке сведения о так называемой Тропе Сунеров…

— Легко?! Да мне пришлось выдавливать эти сведения из захваченной ячейки, словно вино из камня! Это было…

Это было легко. Теперь ретроспективно я это вижу. Должно быть, нас заразили слабым мемо паразитом, чтобы перспектива полета на Джиджо показалась нам соблазнительной. К ближайшему убежищу с единственным входом и выходом. К святилищу, единственный выход из которого ведет назад, сюда.

Джиллиан мигнула. Неожиданно она поняла, к чему ведет машина.

Предположим, одна фракция надеется захватить ИРП «Стремительного», но знает, что потребуется время, чтобы раскрыть коды доступа. Нельзя позволить беглым волчатам оставаться доступными кому угодно. Кто-нибудь другой может перехватить добычу!

Лучше сохранить записывающее устройство, отправив его в укрытие, где его будет беречь инстинкт самосохранения экипажа, проверенного

на способность выживания. Собственного экипажа земного корабля.

Если бы мы сами не вернулись сюда, они, несомненно, прислали бы сообщение, заманивающее нас назад. План обладает особенностями — терпением и уверенностью, — которые выдают присутствие порядка «ушедших в отставку».

Но теперь они не сумели захватить то, что им нужно, и поняли, что их планы рушатся. Не все пошло так, как они планировали. У этой фракции есть враги. Больше того, обратите внимание, как им не хватает сил в катастрофе.

«Катастрофа» — подходящее слово. На глазах у Джиллиан схватка охватила все окружающее пространство. Тактические сенсоры свидетельствовали, что она все расширяется, доходя до края отверстия в структуре пространственного колодца.

— В таком случае, — задумчиво сказала она, — кто-нибудь доберется и до мощных дезинтеграторов. И приведет их в действие. Может, нацелит на нас. Пожалуй, нам пора отсюда убираться.

Доктор Баскин, пока мы разговаривали, я продолжал размышлять. Например, попытался связаться с нашим похитителем-защитником, кораблем зангов, но не смог. Самая вероятная

гипотеза — корабль уничтожен.

Джиллиан кивнула, придя к такому же заключению.

— Что ж, если он не приходит, я не собираюсь здесь ждать его.

Она громче заговорила в интерком:

— Каа! Давай полную скорость. Уходим к п-пункту! Пилот отозвался потоком быстрых щелчков:

Загнанные орками,

Прижавшись спинами к острому кораллу,

Посмотрим, как они пожирают планктон!

«Стремительный» начал пятиться, но битва последовала за ним. Детекторы свидетельствовали, что со всех сторон собираются новые рои машин. Однако промежуток медленно увеличивался.

Тут снова вмешалась машина Нисс:

Доктор Баскин, я обратил внимание на кое-что такое, что должно вас заинтересовать.

Пожалуйста, посмотрите.

Изображение на главном экране переместилось в угол яростной схватки. «Стремительному» приходилось наблюдать и более мощные сражения, но на близком расстоянии и эти вспышки и взрывы казались очень яркими и угрожающими. При вспышках видно было, что сражающиеся — в

основном машины, в них нет помещений, где бы мог находиться защищенный протоплазменный экипаж. Очевидно, различные фракции «ушедших в отставку» предпочитали воевать чужими руками, используя механических наемников и не рискуя собственной шеей.

И тут на экране показался объект, отличающийся от остальных, — стрелообразный, закругленный и бронированный. Джиллиан узнала очертания теннанинского разведчика.

— Ифни! — воскликнула она. — Он опять это сделал! *Если вы имеете в виду инженера Эмерсона д'Аните, то могу* сказать, *что внутренние сканеры утверждают: на корабле его нет. Я предполагаю, что он там, стреляет и почти все время* промахивается. *Органическим существам не следовало схватываться с механическими на близком расстоянии. Это не в ваших силах.*

— Постараюсь не забыть об этом, — сказала Джиллиан, не зная, что делать дальше.

ЭМЕРСОН

Поняв наконец, что почти ни разу не попал — и что никто не стреляет в него, Эмерсон отключил орудийную консоль. Очевидно, никто не считает его достойным внимания или усилий. То, что его так игнорируют, раздражало, но по крайней мере ни одна фракция, кажется, не собирается ему мстить за роботов, которых он поразил несколькими первыми удачными выстрелами.

Вокруг него кипела схватка. Машины сражались с машинами, и невозможно было не заключить, что за этой схваткой стоит кто-то.

К тому же Эмерсон вскоре заметил, что происходит и кое-что другое. Гораздо более важное и личное, чем то, что снаружи.

Сознание его было охвачено смятением.

В этом нет ничего необычного. Он привык к отсутствию ориентации. Но сейчас ощущение потери ориентации было особым. Как будто расходятся темные тучи бреда. Как будто все раньше было частью яркого сна, подчиняющегося извращенной логике. Как бредящий ребенок, он очень долго не понимал, что происходит вокруг. Но на мгновение свет проник в темный угол, в котором

он так давно находится.

Словно намек, еле уловимый запах, это продолжалось одно мгновение и исчезло.

Он заподозрил ловушку. Еще одно пси-отвлечение…

Но здесь что-то гораздо большее. Слишком напряженное ощущение радости. И полная опустошенность, когда это ощущение исчезло.

И потом, без всякого предупреждения, вернулось, но стало гораздо сильнее.

К нему вернулось нечто, чего он был долгое время лишен.

Нечто драгоценное, которое он не ценил, пока не потерял.

Я… я могу думать…

…Я снова могу думать словами!

И не только словами, но предложениями, целыми абзацами.

Я пилотирую теннанинскую боевую стрелу… «За мной находится „Стремительный“… Вокруг почти везде я вижу небесную арку Фрактального Мира…

Мгновенно ошеломляющий поток осознания заполнил Эмерсона. То, что он видел на Джиджо и впоследствии. Концепции, которые ускользали от него, потому что их невозможно выразить

только образами и чувствами, которым для выражения необходимо богатство абстрактного языка, чтобы включить их в сеть символов.

Его охватила печаль, когда он подумал о том, что хотел сказать Саре во время их долгого путешествия по Склону. И Джиллиан, когда вернулся на корабль опустошенным калекой. Два разных типа любви, которую он не мог выразить — или даже понять — до этого мгновения.

Но как это возможно? Мой мозг… они разрушили мои речевые центры/

По какой-то причине, закончив его допрашивать, Древние решили сохранить ему жизнь, но сделать так, чтобы он молчал. Средство они нашли, когда извлекли из него его собственные воспоминания о бедном искалеченном Крайдайки. И причинили ему такое жестокое увечье, в результате которого он едва не умер… и стал получеловеком.

Все это он с трудом понял еще на Джиджо, хотя и не мог выразить в словах. Но ответ не принес ему удовлетворения. Он не объяснял, какая жестокая логика стоит за таким поступком.

И тут он услышал.

Голос. Забытый до этого момента. Но он его сразу вспомнил.

Тот самый, который связан с холодным немигающим взглядом.

НЕТОЧНО. МЫ НЕ УНИЧТОЖИЛИ ЭТИ ЧАСТИ ТВОЕГО ОРГАНИЧЕСКОГО МОЗГА. МЫ ОТОБРАЛИ/ЗАИМСТВОВАЛИ/
ЭКСПРОПРИИРОВАЛИ НЕСКОЛЬКО ГРАММОВ ТКАНИ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ. НАША ПОТРЕБНОСТЬ БОЛЬШЕ ТВОЕЙ.

Бесстыдство этого утверждения едва не заставило Эмерсона завыть от ярости. Только привычная жесточайшая дисциплина позволила ему сдержаться и ответить, используя для этого пути, которыми он очень давно не пользовался. Голос его прозвучал непривычно, со странным носовым оттенком.

— Вы, ублюдки, искалечили меня, чтобы я не смог рассказать, что вы сделали!

Ответ сопровождался ощущением отчужденности и забавы.

ЭТО БЫЛО ЛИШЬ НЕБОЛЬШОЕ ПОБОЧНОЕ СЛЕДСТВИЕ. НА САМОМ ДЕЛЕ НАМ БЫЛА НУЖНА/НЕОБХОДИМА САМА ТКАНЬ. ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, ОНА ДЛЯ НАС ГОРАЗДО ВАЖНЕЕ ТЕБЯ КАК ЦЕЛЬНОГО СУЩЕСТВА… ХОТЯ БЫЛО БЫ НЕМНОГО ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ТЫ ПРИНАДЛЕЖАЛ К ДРУГОМУ ВИДУ. НО В НАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ

ОКАЗАЛСЯ ТОЛЬКО ОДИН ЗЕМЛЯНИН, ТАК ЧТО ТЕБЕ ПРИШЛОСЬ ПОНЕВОЛЕ СТАТЬ ДОНОРОМ.

Это объяснение привело Эмерсона в еще большее замешательство.

— Но как я смог заговорить теперь?

ЭТО ВОПРОС СВЯЗИ И БЛИЗОСТИ. МЫ ОСТАВИЛИ В ТВОЕМ МОЗГУ, В УГЛУБЛЕНИИ, ГДЕ НАХОДИЛСЯ ВЗЯТЫЙ УЧАСТОК, КВАНТОВУЮ РЕЗОНИРУЮЩУЮ ТКАНЬ. ОНА СВЯЗАНА С РЕЗОНИРУЮЩЕЙ ОБОЛОЧКОЙ ВЗЯТОГО У ТЕБЯ ОБРАЗЦА. И ЕСЛИ ТЫ ДОСТАТОЧНО БЛИЗКО, ПРИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ТВОИ НЕРВНЫЕ ПУТИ МОГУТ ВОЗОБНОВИТЬ НОРМАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ.

Эмерсон помигал. Прижавшись к изогнутому иллюминатору разведчика, он всматривался в темное пространство, разрываемое неожиданными взрывами.

ДА, КАПСУЛА ПОБЛИЗОСТИ, ЕЕ ПРИБЛИЗИЛ К ТЕБЕ РОБОТ. ТОТ, ЧТО КАЖЕТСЯ БЕЗВРЕДНЫМ И НЕ ПРИВЛЕКАЕТ ВНИМАНИЯ СОПЕРНИЧАЮЩИХ ФРАКЦИЙ.

НА САМОМ ДЕЛЕ РОБОТ МОЖЕТ ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПРИБЛИЗИТЬСЯ. И ТКАНЬ СНОВА МОЖЕТ СТАТЬ ТВОЕЙ НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСЛОВИЯХ…

Ему хотелось закричать на своих прежних

мучителей, заявить, что они не имеют права торговаться с ним из-за того, что у него же украли. Но они отмахнутся от его слов как от представления о честности, характерного для волчат. Сознание Эмерсона напряженно работало, покрывая параллельно огромные участки, используя старые логические пути и новые, приобретенные во время изгнания.

— Если я буду служить вам, то получу назад свои центры речи? Но в чем дело? Ваш прежний план потерпел неудачу?

НЕКОТОРЫЕ ИЗ НАС ПО-ПРЕЖНЕМУ СОХРАНИЛИ ВЕРУ/УВЕРЕННОСТЬ В ЭТОМ ПЛАНЕ. ХОТЯ ПЛАН ВСЕГДА БЫЛ РИСКОВАННЫМ — ПОПЫТКА ПОДКУПИТЬ ТОГО, КТО НАХОДИЛСЯ/БЫЛ ДАЛЕКО ОТСЮДА.

НО СЕЙЧАС, ВОПРЕКИ ВСЕМ ОЖИДАНИЯМ, ТЫ СНОВА ПОБЛИЗОСТИ ОТ НАС. И ЭТО ПРЕДОСТАВЛЯЕТ НОВУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЛЯ УСПЕХА.

— О, я просто не могу дождаться, чтобы послушать об этом, — заметил Эмерсон, но впервые понял, что сарказм до Древних не доходит.

КОНЦЕПЦИЯ ДОСТАТОЧНО ПРОСТА, ЧТОБЫ СУЩЕСТВО ТВОЕГО УРОВНЯ МОГЛО ЕЕ ПОНЯТЬ. ЕСЛИ ПОТОРОПИШЬСЯ, СМОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ/

ВОЗРА-ТИТЬСЯ НА БОРТ ЗЕМНОГО КОРАБЛЯ И ОТЫСКАТЬ

НУЖНУЮ НАМ ИНФОРМАЦИЮ. ПОСЛЕ ЭТОГО ПРОИЗОЙДЕТ ПРОСТОЙ ОБМЕН, И ТЫ ПОЛУЧИШЬ ТО, ЧТО ЖЕЛАЕШЬ.

Эмерсон постарался успокоиться, скрыть мысль, мелькнувшую в сознании. То, что он выражает в словах, должно пройти через комок протоплазмы, находящийся где-то там, в машине, пробирающейся между огненными лучами и взрывающимися минами. Кусочек его самого, который у него отняли.

— Значит, вы хотите заключить со мной сделку. Но год назад вы считали, что мое бесполезное тело вам больше не нужно. Но зачем вы тогда отослали меня на Джиджо? Почему я все еще жив?

Голос казался снисходительным, готовым предоставить объяснение.

СУЩЕСТВУЮТ ПОГРАНИЧНЫЕ УСЛОВИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ВОЛНОВЫХ ФУНКЦИЙ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЕ НА РАСХОДЯЩИЕСЯ ВО ВСЕХ НАПРАВЛЕНИЯХ МИРОВЫЕ ЛИНИИ. ТВОЕ ФИЗИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В БУДУЩЕМ — ОДНО ИЗ ТАКИХ ПОГРАНИЧНЫХ УСЛОВИЙ. НАШИ ДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНЫ СООТВЕТСТВОВАТЬ ИЗВЕСТНЫМ ФАКТАМ.

ОДНАКО В ИГРЕ МИРОВЫХ ЛИНИЙ ЕСТЬ ИЗВЕСТНАЯ СВОБОДА. РАСЧЕТЫ ПОКАЗЫВАЛИ, ЧТО НЕОБХОДИМО ПОМЕСТИТЬ ТЕБЯ БЛИЖЕ К ТВОИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ В ОПРЕДЕЛЕННОМ МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ РАВНОВЕСИЯ. ПОМЕЩЕНИЕ ТВОЕГО ТЕЛА НА ДЖИДЖО В ПРЕДЕЛАХ ДОСЯГАЕМОСТИ ТВОИХ КОЛЛЕГ КАЗАЛОСЬ НАМ АДЕКВАТНЫМ.

Эмерсон был поражен одновременно безграничной мощью и жестокостью, сквозившими за этой фразой.

— Вы… называете мое адское путешествие… *адекватным?* На это голос ничего не ответил. Вопрос Эмерсона мог быть и риторическим.

Он еще раз осмотрел дисплеи разведчика. Теперь цифры и глифы приобрели смысл, они свидетельствовали о том, что

«Стремительный» увеличивает скорость и удаление. Очевидно, Джиллиан снова пытается прорваться к звездам.

СОВЕРШЕННО ВЕРНО. В ТВОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ДУРОВ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ПРИМЕШЬ НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И НЕ ВЕРНЕШЬСЯ НА БОРТ, МЫ БУДЕМ ВЫНУЖДЕНЫ УНИЧТОЖИТЬ ЗЕМНОЙ КОРАБЛЬ И ВСЕХ ТВОИХ ТОВАРИЩЕЙ.

Эмерсон рассмеялся:

— Это значит, что ваши враги до вас добираются! Они уже почти захватили ИРП «Стремительного», прежде чем вмешалась ваша фракция. У них тоже найдется что сказать о ваших планах.

К тому же я важное пограничное условие, верно? Вы позволите мне жить в будущем вместе с моими друзьями или вся ваша игра причин и следствий распадется!

УСЛОВИЯ НЕ НАСТОЛЬКО ОТЧАЯННЫЕ, КАК ТЫ ПРЕДПОЛАГАЕШЬ, ЧЕЛОВЕК. НЕ ПРЕУВЕЛИЧИВАЙ СВОЕГО ЗНАЧЕНИЯ И НЕ ОБРАЩАЙСЯ С НАМИ НЕУВАЖИТЕЛЬНО.

Эмерсон громко рассмеялся.

— Или что? Вы меня накажете? Вы причините мне *боль?* Ему ответило молчание, но он понял, что его презрение на этот раз достигло цели. Презрение — слабое оружие, но они к нему не привыкли. Его слова задели их.

С другой стороны, Древние знают, что у Эмерсона нет выбора. Для него оставаться за пределами действий — это не вариант, если он может его избежать. Руки решили за него, включили двигатель разведчика и придали ускорение в сторону «Стремительного»… хотя Эмерсон ощущал ужас.

Что произойдет, когда он отдалится от робо-

та, несущего недостающую часть его самого? Последует ли робот за ним? Будет держаться поблизости, чтобы дать ему возможность мыслить?

Когда голос послышался снова, он был холодным и отчужденным.

МЫ ПЕРЕДАЕМ ТЕБЕ КОД ДЛЯ СВЯЗИ С НАМИ, КОГДА ТЫ ГОТОВ БУДЕШЬ ПРИНЯТЬ НАШЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Сознание Эмерсона заполнила последовательность цветов — простая последовательность, запечатлевшаяся в памяти. Даже если бы постарался, он не смог бы ее забыть.

И тут его мучители позволили себе прощальное замечание.

ОЧЕВИДНО, МЫ НЕДООЦЕНИЛИ ТВОЙ УРОВЕНЬ РАЗУМНОСТИ, ПОЛАГАЯ, ЧТО ПРОСТАЯ ОБРАБОТКА СОЗНАНИЯ СМОЖЕТ ИЗМЕНИТЬ ТЕБЯ. ПОЗДРАВЛЯЕМ С ОЧЕВИДНЫМ УПОРСТВОМ И ГИБКОСТЬЮ.

ТЕМ
НЕ МЕНЕЕ МЫ УБЕЖДЕНЫ В ДЕЙСТВЕННОСТИ НАШЕГО ПОСЛЕДНЕГО СТИМУЛА.

На этом голос смолк, хотя Эмерсон с ним еще не покончил.

— Позвольте сказать, что вы можете сделать со

своим Ифни проклятым предложением, вы, отродье отставных груд плесени! Ищите избавление в собственных клоаках, вы, дерьмоеды, лижущие грязь, адски проклятые…

Поток проклятий продолжался все время, пока Эмерсон проносился мимо групп роботов, которые резали и взрывали друг друга, не обращая на него никакого внимания. Он все бранился и бранился, наслаждаясь богатым потоком непристойностей, чувствуя, как слова вылетают изо рта, и продолжая это делать, пока можно. И с каждой секундой, с каждым новым словом все усиливалось ощущение победы.

Проклятия послужили ему пробным камнем. Заполняя маленькую каюту хриплым шумом, он цеплялся за дар речи, бросая вызов расстоянию и тем, кто посмеет снова отобрать У него этот дар.

Вскоре он заметил, что «Стремительный» сбрасывает скорость, замедляется, чтобы подхватить его. Это проявление верности согрело его, приемный шлюз открылся, выпустив поток знакомого приветливого света. Но Эмерсон продолжал выкрикивать свое мнение о Древних, об их предках, их характерах и о том, какое будущее им уготовано в великой пирамиде существования.

И только прикрепившись к ведущему лучу со

«Стремительного», Эмерсон замолчал настолько, чтобы кое-что вспомнить.

Проклятия не в счет.

Он мог это делать даже на Джиджо. Подобно пению и рисованию, брань рождается не в том участке мозга, который у него украли.

Эмерсон попытался сказать что-нибудь еще — о битве, о небе, заполненном обломками, о собственном усиливающемся страхе — и не смог.

Его мысли отчаянно метались, носились в поврежденном мозгу, пытаясь найти способность, которая мгновение назад была такой естественной и гибкой. Искусство всей жизни, которое эти негодяи отняли у него, затем вернули, но лишь на короткое время.

Это все равно что попытаться вытянуть ампутированную конечность. Призрак все еще есть. Намек на возможность. *Значения* заполняли его сознание, вместе с готовностью действовать, создавать фразы. Говорить.

Но какой-то ключевой элемент снова исчез, а вместе с ним и все то, что он надеялся и собирался сказать Саре. И Джиллиан.

Эмерсон упал в кресло, сконструированное для гораздо более крупного пилота, существо огромной физической силы, уважаемое в циви-

лизации Пяти Галактик. Руки его соскользнули с массивных рукояток, подбородок опустился на грудь, потоки слез неожиданно полились из глаз, затуманив все окружающее. Он чувствовал себя беспомощным, как ребенок. Как невежественный волчонок.

До этого мгновения Эмерсон считал, что привык к своей утрате. Но теперь он знал.

Всегда есть более глубокое место, где вы можете оказаться.

ДЖИЛЛИАН

Лейтенант Тш'т докладывала с мостика; в насыщенной кислородом воде от ударов ее хвоста поднимались потоки брызг.

— Инженер д'Аните на борту. Снова ускориться? Нерешительность, словно тяжелое животное, цеплялась за руки и плечи Джиллиан.

— Сенсоры уловили какие-нибудь признаки корабля зангов?

Голограмма машины Нисс выразила тревогу в своих тесно сплетенных линиях.

Водорододышащие существа могут быть уничтожены вместе со своим кораблем. Но даже если занги заняты где-то в другом месте, некоторые их этих сражающихся фракций, несомненно, объединятся, чтобы помешать нам уйти.

— Мы не знаем их мотивов, не знаем даже, сколько групп…

Судя по применяемым тактическим маневрам, я насчитал по крайней мере пять различных групп. Их силы состоят преимущественно из роботов типа солдат-сипаев, они получают инструкции из различных частей Фрактального Мира и действуют в пользу различных местных

группировок порядка «ушедших в отставку».

Нисс ненадолго смолк, потом продолжил: *Позвольте внести поправку. Я воспринимаю ШЕСТЬ разновидностей тактики. Одна группа как будто пытается открыть для нас путь к отходу. Кажется, среди сражающихся у нас все-таки есть союзники.*

— Так нам казалось и в прошлый раз, — ответила Джиллиан. — Эти помощники — достаточно ли они сильны, чтобы защитить нас?

Сомнительно. Критический момент наступит, когда мы будем проходить через самую узкую часть отверстия, проделанного в оболочке Фрактального Мира. В этом месте любая группа *может уничтожить нас, используя защитные лучи, которые мы видели раньше.*

Веселый повод для размышлений, когда «Стремительный» входил в коридор, полный обломков и сверкающих искусственных комет. Только на этот раз битва последовала за землянами, все пространство вокруг них было полно лучами и взрывами.

Джиллиан приказала Каа пройти всего в полумиллионе километров от одного рваного края огромной раны, прокладывая путь между обломками и тенями гигантских выступов.

— Может, они подумают дважды, прежде чем стрелять по нам из больших орудий, если мы будем близко к самой оболочке.

Отсюда были хорошо видны гигантские машины, пытающиеся укрепить разорванную структуру Крисвелла. Для этого они использовали сети, сплетенные из углеродных нитей, которые сматывались с огромных барабанов. Это были совершенно иные механизмы, автономные и разумные, — не рабы, а наемные работники.

Большинство барабанов уже почти опустели. Им не хватает материалов, подумала Джиллиан. *Все их усилия могут оказаться тщетными, если так будет продолжаться… особенно если разные группы Древних, вместо того чтобы помогать, будут сражаться друг с другом.*

Сзади послышался радостный дельфиний крик. Джиллиан вовремя повернулась, чтобы увидеть входящего в помещение Эмерсона д'Аните. Его голова и плечи повисли в явной депрессии.

— Ну, вот и наш герой… — начала Джиллиан. Но Сара Кулхан, не обращая внимания на радостные возгласы, бросилась вперед, чтобы обнять своего друга. Между ними прыгала маленькая неошимпанзе Прити, и вскоре Эмерсон был окружен со всех сторон. Возбужденно щелкали дельфины, их

установки для ходьбы поскрипывали и звякали. Подростки джиджоанцы: Олвин и его друзья — хлопали Эмерсона по спине, пожимали руки и говорили ему, какой он удивительный.

И хотя слова их ему были непонятны, общая атмосфера одобрения как будто слегка рассеяла его дурное настроение. Он встретился взглядом с Джиллиан, и она ответила ему на его робкую улыбку. Но тут вмешался Нисс:

Доктор Баскин, приближаются новые рои.

Она повернулась, чтобы посмотреть.

— Это тоже роботы-сипаи?

Нет… и это меня тревожит. Эти вновь прибывшие гораздо более опасные существа, Джиллиан. Это независимые строители-конструкторы. Автономные члены машинного порядка жизни…

— Покажи!

Новые машины были почти рядом, они приближались группами примерно по десять с двух противоположных направлений. Одни на экране были представлены красными точками, другие зелеными. Обе группы величественно перемещались в зоне боевых действий. И как доказательство их статуса ни один из сражающихся роботов не стрелял во вновь прибывших. Напротив, большинство торопливо убиралось

с их пути.

Плохо выглядит, подумала Джиллиан, когда зеленые вспышки приблизились на расстояние видимости. Предводители обеих групп напоминали гигантского морского ежа длиной почти в десятую часть «Стремительного», хотя в основном это были длинные придатки-ноги, которые дергались, когда механизм приближался к хвосту «Стремительного».

Столкновение через тридцать секунд!— выкрикнула с мостика Тш'т. *Открыть огонь?*

— Нет! — ответила Джиллиан. — Пока еще против нас никто не использовал оружие. И я не собираюсь начинать. Посмотрим вначале, что им нужно.

Один рой сосредоточился вокруг кормы «Стремительного». Несколько больших угловатых машин прикрепились к корпусу. И вскоре вокруг них возникло яркое свечение.

Они растворяют корабль! — воскликнул Нисс. *Скорость исчезновения материи превосходит тридцать тонн за секунду… и все увеличивается. Нужно отбросить их!*

Тш'т доложила, что один из больших лазеров нацелен, но Джиллиан приказала не открывать огонь.

— Ничего не делайте, пока я не скажу! Акеакемаи, покажи мне увеличенное изображение машин, которые находятся за теми, что прицепились!

Трудно было разглядеть что-нибудь сквозь поднятый туман. Но Джиллиан показалось, что она разглядела гигантский цилиндр. И что-то похожее на петлю.

— Это барабан! Как те, с которых сматывалась нить для ремонта. — Она повернула голову и крикнула: — Быстрей! Какова спектральная подпись удаленного материала? Это чистый углерод?

Короткая пауза. Когда Нисс заговорил снова, голос его звучал приглушенно: *Да, это углерод.*

— Насколько чистый?

Очень чистый. В парах совсем нет металла с истинного корпуса «Стремительного». Откуда вы узнали?

Джиллиан чувствовала себя так, словно сердце ее бьется в горле. Но паника начала рассеиваться.

— Эти большие парни не обращают никакого внимания на ссоры темпераментных кислородных существ. У них есть работа, которую необходимо сделать, и не хватает сырья. Наибо-

лее доступные запасы углерода исчезли, когда джиджоанцы каким-то образом вызвали бурю на Измунути. Но мы несем на себе слой того самого материала, который доставляли корабли-сборщики. Этот рабочий отряд, должно быть, почувствовал наш проход и прислал машины за материалом для восстановительных работ.

Подтверждаю, сказал Нисс. *Они медленно продвигаются вдоль корпуса, а испаряющийся материал всасывается и превращается в полиуглеродную нить. Сам корпус остается нетронутым.*

Из машинного отделения радостно отозвался Ханнес Суэсси. Он был очень доволен, узнав, что машины убирают покрытие, которое много месяцев ставило его в тупик.

— С такой скоростью мы очень быстро потеряем несколько мегатонн. И станем гораздо более легкими и проворными.

В это время в районе носа «Стремительного» появился и второй рой, тот, что изображался красными точками. Еще одна группа гигантских машин прицепилась к корпусу. Гости не проявляли никакого особого интереса к спиральному символу на носу.

Джиллиан кивнула.

— Думаю, сейчас они будут снимать покров с обоих концов. Будем молиться, чтобы сам корпус действительно остался нетронутым. Если нам повезет, их присутствие может помешать другим открывать по нас огонь, пока мы не приблизимся к п-пункту.

Нисс задумчиво завертелся.

Конечно, существует и другая опасность. Если во всем Фрактальном Мире окончательно рухнули закон и согласие, ничто не помешает различным фракциям «ушедших в отставку» сговориться со своими более молодыми родственниками с помощью гиперволн или капсул времени. \

— Иными словами, в любую минуту могут показаться боевые флоты соро, джофуров или танду. Здорово. — Джиллиан вздохнула. — Тем больше причин убираться отсюда…

Неожиданно вращающаяся путаница линий выпятилась — в выражении удивления.

— *Кое-что отличается,* провозгласил Нисс. *Группа на носу… она занимается не тем же, что на корме.*

Джиллиан шагнула вперед.

— Покажи!

Вначале сцена показалась знакомой. Несколько

длинноногих машин прицепились к покрытому слоем сажи корпусу «Стремительного», яркими лучами очищая поверхность. Но на этот раз в коллекторы не устремился молочный туман. И из задних концов машин не показалась черная нить, которая наматывалась бы на огромные барабаны. Напротив, с плотной оболочкой, которую приобрел «Стремительный» при проходе через атмосферу Измунути, что-то происходило. Под массивными механизмами рябил, и собирался за ними радужный покров, по мере того как они по спирали передвигались по корпусу.

Несколько минут все молчали. Это поведение было таким неожиданным и необъяснимым, что Джиллиан понятия не имела, как на него реагировать.

— Они… не убирают углерод. Они… *Преобразуют его во что-то,* согласился Нисс. Наконец послышался голос Суэсси. На вспомогательном экране появилось изображение киборга главного инженера. Хотя его голова теперь представляла собой зеркальный металлический купол, по телодвижениям Джиллиан догадалась, что у него есть теория.

— Эта сажа, которую нацепила на нас Измунути… да, оболочка почти исключительно из

чистого углерода. Но часть ее состоит из так называемых «шариков» и «трубок». И много вещества в состоянии алмаза Пенроуза. У этого материала весьма необычные свойства, как мы обнаружили, когда пытались его срезать на Джиджо. Все типы включений ведут себя как высокотемпературные сверхпроводники, плюс измененный коэффициент трения…

— Ханнес! — прервала Джиллиан. — Пожалуйста, переходи к делу.

Серебряный купол кивнул.

— Я просканировал поверхность, которую оставляют за собой эти машины. Она гораздо более единообразна, чем простая сажа. Шарики и трубки сплетаются друг с другом так, как я никогда не видел. Могу предположить, что те свойства, которые мы наблюдали раньше, многократно усиливаются.

Один из дельфинов произнес:

— Здорово! Значит, будет еще трудней соскребать! Джиллиан покачала головой.

— Но чего они добиваются? Запечатать нас внутри? Если так, у нас еще есть время для эвакуации экипажа через люки на корме. Возможно, мы сумеем найти убежище у первой группы машин.

— Наш передний лазер готов к выстрелу! — со-

общила Тш'т. Джиллиан сделала жест правой рукой, запрещая всякие действия.

И тут заговорил один из подростков с Джиджо. Маленькая г'кек на колесах, называющая себя Гек, могла все хорошо рассмотреть, потому что использовала все четыре глазных стебелька.

— Угу! — заметила она. — Похоже, наши новые гости тоже начинают сражаться.

Она показала вперед, где было видно, как сближаются вспомогательные корабли обеих групп. Потрескивала едва сдерживаемая энергия. Сканеры показывали, что остальные машины, поменьше, торопливо отступают от места столкновения.

Они используют нас как поле битвы. Могут ли дела идти еще хуже?

Джиллиан знала, что совершает ошибку, так формулируя положение. Не следует искушать Ифни, которая всегда готова предъявить новый поворот судьбы. —

Поблизости свернулась голограмма Нисса. Голос ее звучал негромко и удрученно.

Теперь нас сканируют со стороны самого Фрактального Мира. Те, что контролируют большие дезинтегрирующие лучи, начали поворачивать установки в нашу сторону. И вскоре мы можем

последовать за покойными зангами.

— Они рискуют попасть в жилое сооружение, как раз там, где оно наиболее уязвимо!

Очевидно, кое-кто считает, что стоит рискнуть, чтобы устрашить нас. Или они предпочитают уничтожить то, что не могут удержать.

Джиллиан видела, как действуют эти аннигилирующие лучи. «Стремительный» испарится в несколько секунд.

ЛАРК

Ужасные обстоятельства. Однако для биолога это настоящий рай. Тело Ларка находилось в вонючем пластиковом мешке, но мозг его лихорадочно работал, усваивая полученные уроки, меняя ограниченные взгляды на более широкую панораму жизни.

Он овладевал новой формой коммуникации, получая зрительные образы, усваивая значения и коннотации, которые посылались непосредственно в его систему кровообращения. Учил язык гормонов и влияющих на настроение пептидов. И воздействие было двусторонним. Когда Ларк понимал что-то новое, ему не нужно было говорить или даже кивать головой. Простой акт понимания вызывал соответствующие метаболические изменения, вброс знакомого эндорфина удовлетворения, и учитель-чужак тут же это фиксировал. Аналогично быстрые перемены вызывали также смятение или раздражение. И учитель менял свою систему передаваемых образов, пока Ларк не поймет, что ему показывают.

Необычный пассивный способ активного изучения.

Можно ли это назвать телепатией? — думал Ларк.

Однако этот метод одновременно казался медленным и грубым. Зрительные образы напоминали кукольное представление. От тела инструктора отделялись части и плавали в полости вакуоли, преобразуясь в модели или манекены, которые играли на маленькой сцене. Такие же образы можно было представить гораздо быстрее и ярче на одном их экранов дисплеев, которыми пользовалась Линг на Джиджо и на борту джофурского корабля.

Но независимо от эффективности этого способа Ларк вскоре понял, почему его похитители используют именно его.

Это связано с принципиальным отличием между тем, как водородные и кислородные существа смотрят на мир.

На первый взгляд эти два мира кажутся совершенно непохожими.

Биология обоих миров основана на молекуле углерода, но один использует активный химизм кислородной атмосферы, в то время как жидкая вода служит незаменимым растворителем. Такой способ жизни может существовать только в узких температурных и гравитационных пре-

делах. Обычно он возникает в тонкой оболочке из воды и атмосферы, окружающей землеподобные планеты. Выходя за пределы таких оазисов, кислородная жизнь вынуждена нести с собой в космос такие редкие условия.

Гораздо более распространена суровая среда — среда холодных гигантских планет типа Юпитера, Урана или Титана или даже обширные ледяные царства комет. Некоторые из "таких планет обладают огромным количеством водорода, а на других есть метан, аммиак или циан. Но у большинства из них одна общая черта — обширная плотная атмосфера и турбулентные конвектирующие слои, нечто вроде перекатывающихся слоев солнечной атмосферы. Создающее жизнь тепло обычно приходит *снизу*, от горячего планетарного ядра. Иногда на такой планете вообще нет «твердой» поверхности.

Поэтому большинство водородных существ обитает в просторном бурном небе. Верх и низ становятся огромными, почти неограниченными, сопоставимыми с двумя другими измерениями. И передвижение — не преодоление тяготения на машущих крыльях, а скорее использование восходящих и нисходящих потоков, плавание в таком плотном тумане, где давление такое же,

как на дне земных морей.

В таком царстве есть и свои преимущества. Неторопливо и грациозно перемещаются в поисках органической пищи огромные существа. Захваченный невероятными стремительными вихрями, только гигант может высвободиться и избежать падения в смертоносную глубину. И некоторые водородные существа вырастают такими огромными, что их можно разглядеть из космоса. Они напоминают титанические, обладающие свободным движением облака.

И здесь вступает в действие органическая химия — этот помощник всемогущего Создателя.

Начинает действовать Критик.

Эволюция.

На таких мирах, как и на кислородных типа Земли, начинает действовать логика воспроизводства и преимущества… хотя действует она по-другому.

Кислородная жизнь рассчитана на перенос водой сложных коллоидных молекул протеинов и аминокислот. Но слишком большое количество воды разрежает такие процессы и делает их бесполезными. Даже в теплом море необходима плотная упаковка — клетки — нужного размера для того, чтобы мог действовать механизм жиз-

ни. В течение двух миллиардов лет предельное биологическое достижение на ранней Земле заключалось в распространении в океане одноклеточных организмов, которые впитывали солнечный свет и пожирали друг друга, медленно совершенствуя свою молекулярную технику.

Но однажды одна клетка поглотила другую — и позволила ей продолжать жить. Примитивный одноклеточный организм поглотил сине-зеленую водоросль и в обмен на безопасную жилую площадь стал получать сахар как результат фотосинтеза. И такая кооперация дала необходимое преимущество в соперничестве с другими клетками.

И это был не единственный такой союз. Вскоре клетки объединялись в больших количествах, масса росла, образовывались временные или постоянные союзы, получавшие преимущество перед другими союзами. Возникли сложно устроенные организмы, и эволюция ускорилась.

Некоторые называют это пищевой цепочкой или танцем жизни. Я видел на Джиджо, как он исполняется во многих субокружениях и экосистемах. Растения используют фотосинтез, чтобы запасать пищевую энергию в карбогидратах. Травоядные питаются растениями.

Хищники охотятся на травоядных, завершая цикл и возвращая полученное в почву, когда испражняются или умирают.

Все это кажется хорошо отлаженным механизмом, где каждая часть рассчитана на взаимодействие с другими, но в то же время *имеется множество парадоксов. Все, что вначале кажется кооперацией, основано на соперничестве. И почти каждый акт соперничества происходит в рамках большей и более сильной системы, словно кооперация — ее врожденное свойство.*

Конечно, это сверхупрощенная картина. Иногда равновесие нарушается — какой-нибудь переменой в окружающей среде или когда перестают действовать природные ограничения одного компонента. Подобно раковой опухоли такой компонент побеждает в соперничестве и уничтожает ту самую экосистему, которая дала ему возможность процветать.

Тем не менее схема почти одинакова на миллионах маленьких плодородных планет. Возьмите плотные мешки насыщенной протеином воды. Предоставьте солнечный свет и минералы. Позвольте этим мешкам соперничать в игре жизни и смерти. Со временем начнут возникать все более сложные союзы. Кооперирующиеся группы

создадут органы, тела, стаи, племена, народы, планетарные сообщества… и все это приведет к капризной и раздражительной, но поразительной цивилизации Пяти Галактик.

История жизни, основанной на водороде, похожа, но сюжет принял несколько иной поворот.

На планетах типа Юпитера с самого начала возникли большие размеры. Огромные простейшие существа плавали в небе настолько просторном, что оно могло поглотить несколько сотен Джиджо. Эволюция заставила такие существа совершенствоваться, хотя и медленнее при низких температурах. И перемены не всегда приходили в результате воспроизводства и наследственности. Чаще какая-то часть огромного плывущего по ветру существа случайно натыкалась на новую химическую реакцию или способ поведения. Эта часть начинала расти, поглощая соседние и постепенно преобразуя все существо.

Смерть по-прежнему участвовала в этом процессе, но не так, как это происходило на Земле.

Для нас смерть — это количественное явление. У индивида могут быть потомки и могут не быть. Но и в том и в другом случае личное исчезновение постоянно преследует вас всю жизнь и неизбежно побеждает, как сильно бы вы ни

старались и какие бы новшества ни применяли.

Но для гидрос все явления качественные и неопределенные. Без четких границ смерть становится относительной. Пока преобразования проходят медленно и гладко, вы смотрите на них не с большим страхом, чем я на подстрижку своих волос.

Вместо того чтобы работать с крошечными соперничающими клетками, жизнь на планетах типа Юпитера с самого начала приобрела большие размеры. И не сосредоточилась на кооперации-соперничестве. *Я и другие* — известные здесь концепции, но различие между ними не играет такой центральной роли в существовании, как для кислородных существ.

Но как же вы организуетесь? — думал Ларк, подавляя раздражение. *Как распознаете объекты, цели, противников или идеи?*

Учитель Ларка не мог читать его мысли или воспринимать вопросы как отдельные предложения. Но, очевидно, в крови Ларка выделялся какой-то секрет, когда в его сознании возникал вопрос. Этот процесс медленный и не такой эффективный, как речь, включающий многократные повторы. И ни к чему не приводил.

В вакуоле бились части, отделялись от ро-

дительского тела, пульсировали, пересекая открытое пространство, сливались в нечто большее. Какое-то время Ларк наблюдал за тем, как эти маленькие объекты извиваются, создавая нечто новое ради его просвещения. И вдруг осознал лежащую за всем этим глубокую истину.

Эти крошечные подсущества. Они…

Волна дрожи проникла в его бедро, прошла по ноге в торс. Ощущение было совершенно уникальным, не похожим ни на что другое, и Ларк неожиданно понял, что ему сообщили *название.*

Это название он не мог бы произнести вслух ни на каком языке или даже в мыслях — поэтому он перевел его, как мог.

Представители.

В своем родном окружении водорододышащие существа не ищут в окружении возможности для обучения или завершения. Если одно огромное существо наталкивается на другое, это может привести к схватке — или к мирному взаимодействию, но с очень небольшими шансами на постоянное сотрудничество. Сильные ветры юпитерианского неба очень быстро размечут всякие союзы. И возвращение к месту встречи почти невозможно.

Однако развитие требует перемен. И вот для

бесед, оценки, понимания они обращаются… *внутрь* самих себя.

Окруженная обширными мембранами, сердцевина водородного существа представляет собой оазис спокойствия среди бушующих на планете бурь. Можно создавать отдельные защищенные помещения, и там какое-то время свободно расцветают маленькие подсущества, мириадами способов взаимодействуя друг с другом. Подобно сокровенным мыслям и фантазиям человека, эти представители могут встречаться, сталкиваться, разрабатывать бесчисленные сценарии ради блага целого. \

Модели.

Ларк взглянул на шар, плывущий сразу за его мембранным окружением. Он кажется самостоятельным, но теперь Ларк знал, что он тоже «представитель» чего-то гораздо большего — возможно, того огромного существа-корабля, которое принесло себя в жертву, чтобы под огнем джофуров проникнуть сюда.

Ларк неожиданно вспомнил то, что читал когда-то в одном из редких текстов по галактической ксенологии о водородном типе жизни, который называют зангами.

Их величайшая страсть — моделирование

планеты… вселенной… но не с помощью математики или компьютеров. Они делают это, создавая живые копии, модели, подобия внутри собственных тел.

Каким-то странным образом это показалось знакомым.

Как мы, люди, исследуем возможности будущего с помощью воображения.

Но здесь есть кое-то большее.

Поскольку мы начинаем жизнь как маленькие мешки воды — клетки, мы, кислородники, должны подниматься в сложном танце соперничества и кооперации, создавая коалиции и общества, постепенно становясь существами, способными руководить этим процессом с помощью Возвышения. Несмотря на все свои недостатки, наша охватившая все галактики цивилизация есть кульминация этих усилий.

От многих… к одному.

Гидрос действуют по-другому. Они начинают с больших, но одиноких существ, но одиночество вынуждает их разделиться, искать разнообразия внутри себя. От одного… к многим.

Эта догадка доставила Ларку неожиданное интенсивное удовольствие. Увидеть различия и сходства с совершенно иным порядком жизни

— дар, о получении которого он даже не мечтал. Этот дар превосходит его возможности спросить или предвидеть.

Ему страшно хотелось поделиться своим открытием, рассказать все Линг, услышать ее вдохновляющие замечания…

Неожиданно возникла печаль, равная только что. испытанному удовольствию. Оба чувства смешались, эта смесь полилась в его вены, разносимая бьющимся сердцем. Через мгновение она достигнет ног, и тогда…

Плавающее рядом существо-учитель неожиданно вздрогнуло. Шар задрожал, словно тоже получил порцию химикалиев, выделенных организмом Ларка в эти мгновения прозрения.

Не менее ста крошечных вакуолей открылись в шарообразном теле. И в каждой возник целый рой миниатюрных тварей, они взаимодействовали, смешивались, соединялись и разделялись. Ларк зачарованно смотрел на то, как прямо на его глазах «мыслит» занг. Все это было очень сложно и стремительно.

Смятение кончилось так же быстро и неожиданно, как началось. Все крошечные отверстия закрылись, мини-существа вернулись в главное тело. Учитель Ларка задрожал…

Сам Ларк почувствовал, как новая стимулирующая волна проходит через его ногу, теплое ощущение быстро распространяется по артериям и внутренностям — форма коммуникации такая интимная, что немыслимо никакое смущение.

Одобрение.

По крайней мере именно так Ларк интерпретировал эту молекулярную волну, надеясь, что он не выдумывает.

Одобрение и приветствие.

Одобрение, на которое отвечают взаимностью.

Немного погодя он потерял сознание. Неожиданная сонливость подсказала Ларку, что его хозяева хотят, чтобы он уснул. И он уснул.

Сознание вернулось почти так же быстро. Он понятия не имел, сколько времени прошло, знал только что его переместили.

Он больше не находился в просторном помещении вместе с другими пленниками и видимыми ядовитыми парами. Его прозрачный кокон перенесли в гораздо меньшее помещение. Были и другие перемены.

Окружавшие его мембраны съежились и облепили тело, как мешковатый костюм. Ларк обнаружил, что *стоит.* Возможно, его даже

заставили прийти сюда, двигая его телом, как марионеткой. Мысль показалась неприятной, но свобода потянуться и распрямиться из положения зародыша более чем компенсировала ее.

Он по-прежнему не мог дышать и должен был рассчитывать в обеспечении жизни на катетер в бедре, но окружение выглядело не таким туманным и не было ощущения близкого холода.

Ларк осторожно переступил с ноги на ногу и повернулся.

Поблизости висел один из зангов, хотя сказать, это ли его прежний учитель, было совершенно невозможно. Вероятно, нет. Этот напоминает боевой шар, такой, какой Ларк видел в коридорах «Полкджи», — существо, прорвавшееся сквозь стену, отпугнувшее Ранна и захватившее Ларка в плен. Вблизи можно было рассмотреть приспособления, необходимые водородному существу для защиты в ядовитом кислородном окружении. Блестели толстые защитные слои, и существо сохраняло шарообразную форму, идеальную для максимального сокращения поверхности.

Итак, мы оба заключены в скафандры. Снаряжены для встречи друг с другом на полпути. Только я по-прежнему присоединен пуповиной, и вы, приятели, можете отключить меня, как

лампочку, когда захотите.

Ларк посмотрел за занга и увидел в помещении нечто такое, на что раньше не обратил внимания.

Окно… выходящее наружу!

Стараясь не споткнуться, он направился к окну, чтобы взглянуть на звезды. Это будет первый непосредственный взгляд на звезды с тех пор, как они с Линг оказались на борту джофурского корабля, улетевшего с Джиджо.

Но вместо незнакомых созвездий его взгляд привлекло нечто гораздо более странное — объект, плывущий на темном фоне, похожий на колючий анемон, который можно встретить дома на горном лугу. Только на этот раз создавалось впечатление гигантского размера. Каким-то образом Ларк почувствовал, что этот игольчатый предмет размером с Джиджо… или даже еще больше.

Вскоре он смог разглядеть кое-что еще. Темный объект поврежден. Сквозь рваное отверстие в одном его полушарии вылетает поток искорок.

И «Полкджи» как будто на очень большой скорости направляется к этому отверстию.

Раньше занги, кажется, говорили, что не смогли захватить корабль. Может, им не хватило

ресурсов. По схемам выходило, что джофуры по-прежнему владеют двигателями, оружием и системой жизнеобеспечения.

Возможно, они направляются туда, где смогут получить помощь, чтобы избавиться от заражения зангами… и мной.

Или,, может быть, джофуры считают, что там найдут «добычу», о которой говорил Ранн, — корабль землян, который все ищут.

Ларк повернул голову, чтобы посмотреть на боевой шар. С какой целью его привели сюда? Чтобы показать эту сцену? Может, занги догадались, что Ларк не друг джофуров. И хотят заключить с ним союз? Если так, он с радостью согласится… на одном условии.

Вы должны помочь мне найти и освободить Линг. Дайте нам спасательную шлюпку или какой-нибудь другой способ убраться отсюда — либо назад на Джиджо, либо в другое безопасное место.

Если вы это сделаете, я буду вашей собакой, буду вынюхивать и преследовать своих.

Конечно, Ларк сознательно мыслил иронично. Только сравнительно с водорододышащими он мог назвать «своими» джофуров. Но такая сардоническая мысль, вероятно, слишком тонка для

зангов; вряд ли они могут понять по его крови.

Если мы хотим действовать вместе, нам потребуется гораздо лучший способ коммуникации.

Он смотрел на шар в ожидании какого-нибудь ответа или просто признаков понимания. Но вместо этого шар несколько мгновений спустя словно подпрыгнул в неожиданном возбуждении и удивлении. Волны нервного возбуждения проникли в организм Ларка через катетер.

Что? Что это!

Повернувшись, он увидел причину. И снова посмотрел в окно.

О Ифни…

Боевой корабль уже заметно приблизился к огромному Шероховатому шару, определенно нацеливаясь на отверстие в нем. Ларк заметил, что сооружение полое внутри и в центре его горит красноватый свет. Он понятия не имел, что это означает и что за огонь в середине. Что-то другое привлекло его внимание.

С одной стороны обширной пещеры видны были искры взрывов. Ларк видел, как обломилось несколько гигантских перьев или острых выступов и медленно начало отплывать, одновременно растворяясь. А само отверстие заметно

расширилось.

Разрушение как будто производили острые световые лучи, рождающиеся где-то внутри обширной полости. С десяток таких лучей сосредоточивалось в одном месте у края отверстия, вызывая появление ослепительно яркой точки. Отражения от этой точки вызывали большую часть разрушений поверхности.

Точки метались, иногда уходили от лучей, быстрыми прыжками удаляясь от края отверстия. И когда их нагонял луч, точка вспыхивала так ярко, что Ларку приходилось отводить взгляд.

Что происходит? Что там делается?

Снова он почувствовал, какой он в сущности невежественный дикарь. Мудрость совсем рядом — занг несомненно понимает смысл этого необычного зрелища. Но потребуется несколько мидуров терпеливых кукольных представлений, чтобы объяснить даже простейшие аспекты происходящего.

Пол под ногами Ларка неожиданно задрожал. Хозяева «Полкджи» что-то делали.

Ларк узнал низкий гул орудий.

Вскоре стали видны две группы сверкающих объектов, по дуге уходящих от корабля, с фантастической скоростью летящих к игольчатому

сооружению.

Это снаряды?

Ларк вспомнил, как Община Джиджо захватила врасплох джофуров, напав на их корабль со своими грубыми химическими ракетами. У него было ощущение, что эти огненные стрелы гораздо смертоноснее.

Вначале он подумал, что снаряды присоединятся к охоте на яркие точки. Но они пролетели мимо, направляясь внутрь, к источникам разящих лучей.

По организму Ларка пронесся еще один рой насыщенных смыслами коннотаций. На этот раз ему легко было понять критические замечания занга.

Торопливо.

Неразумно.

Они выдают себя.

Его учителя не одобряют действия джофуров. Но сейчас сделать ничего нельзя. Снаряды уже исчезли в гигантской полости.

Поскольку делать было нечего, Ларк продолжал нервно наблюдать и ждать.

Немного спустя яркие лучи один за другим погасли.

А их цели, продолжая светиться, направились

в открытое пространство, где навстречу им устремился «Полкджи».

ЭВАСКС

Спокойствие, мои кольца!

Прошу вас, воспитывайте спокойные размышления.

Уважайте мудрость нашего капитана-лидера.

Правда, эта возвышенная груда последнее время не в себе. Некоторые из ее колец-компонентов были серьезно ранены, когда вредители-люди проникли в наш контрольный центр и попытались саботировать его работу с помощью примитивной бомбы.

Правда, гораздо более серьезная зараза поразила наш гордый экипаж на нескольких палубах, заставив нас оставить и подвергнуть карантину несколько участков нашего дорогого «Полкджи», подвергшихся заражению зангами.

Правда, наши командные кольца издают странный запах, заставив несколько груд-священников испустить мятежные потоки испарений, распространяя бунтарскую заразу среди экипажа.

Тем не менее будьте уверены, что Я/мы остаюсь верным нашему командиру. Разве эта соединенная груда плохо подогнанных колец не создана в эксперименте, задуманном и осуществленном

по приказу нашего капитана-лидера? И если лидером станет другая груда, новый капитан может приказать быстро разобрать Меня/нас на составные кольца.

Мои кольца, Мне кажется, некоторые из вас недостаточно возмущены и разгневаны такой перспективой.

Поэтому позвольте Мне как вашему любимому мастер-кольцу напомнить вам (с помощью электрических разрядов боли/любви), что джофуры — совсем не такие составные существа, каким был один из вас на дикой Джиджо, когда из вас был составлен мудрец треки Аскс.

Мы/вы/Я сейчас гораздо величественнее.

С тех пор как вмешались великодушные оайлие и вырвали нашу расу из излишней скромности, клан джофуров приобрел огромную силу и известность среди соперничающих кланов цивилизации Пяти Галактик. И это особенно важно в наше время, когда знаки и пророчества указывают на приближающееся Время Перемен. С каждым джадуром становится все яснее, что наша судьба может измениться, отдав в наши руки ключи/намеки/координаты/реликты, которые находятся на корабле дельфинов.

Поэтому Я/мы согласился с решением капита-

на-лидера вмешаться!

Пусть старшая груда-священник болтает о законе и приличиях. Неужели нам нужно отойти в сторону и позволить землянам сгореть? После всего, что мы испытали, после того, как мы проследовали их по небесным просторам в пяти уровнях гиперпространства, теперь, когда добыча/приз перед нами, неужели мы позволим впавшим в панику членам порядка «ушедших в отставку» уничтожить величайшее сокровище в известном космосе?

Конечно, у нас нет законного статуса в Четвертой Галактике. Нет формального права стрелять по фрактальному убежищу, которое сейчас перед нами. Но то, что мы вынуждены действовать, их вина! Наш порядок жизни имеет полное право интересоваться земным кораблем и его содержимым — мы прямые потомки Прародителей, все еще проносящиеся по звездным линиям. «Ушедшие в отставку» должны заниматься своими делами, своими глубокими мыслями и запутанными философскими системами, готовить свою генетическую линию к трансцендентности и не вмешиваться в дела, которые их больше не касаются!

Один за другим наши сверхсветовые снаряды

достигают цели — внутренней оболочки сооружения... и один за другим гаснут и выходят из строя дезинтеграторы.

Смотрите! Последний из них потемнел, и теперь земной корабль перед нами, он в нашей власти.

Успех!

Земляне встревоженно бегут к пункту перехода, надеясь уйти к какому-нибудь неведомому убежищу. Но их надежды тщетны.

Мы здесь, и у нас хорошая позиция, чтобы обрушиться на них.

[24]

Этот вопрос задает наше второе кольцо сознания, испуская пары любопытства.

[25]

Те же самые вопросы приглушенно задают груды колец, ответственные за тактическую оценку. По бокам порождающих свет колец пробегают пастельные тона тревоги и озабоченности, а над контрольным центром поднимаются Испарения

---

[24] notes: 24

Но как это возможно?

[25] notes: 25

Поистине мы рады, что земляне пережили эти ужасные разрушительные лучи. Но как это им удалось? Разве не должны они были испариться в первые же мгновения, когда попали под Удар этих прожорливых лучей?

беспокойства. Кольца специалистов разогреваются, взаимодействуя с компьютерами, стремясь разрешить эту загадку.

Как землянам удалось выжить в таком страшном нападении?

Неужели это еще один вероломный трюк коварных волчат?

Может быть, они все еще находятся под защитой этих надоедливых зангов, которые нарушают фундаментальное правило: каждый порядок жизни должен заниматься своими делами?

Неужели водорододышащие рискуют армагеддоном из-за проблем, которые им безразличны и которых они не понимают?

Теперь старшая груда-священник открыто бросает вызов капитану-лидеру.

Пройдя вперед на своем нижнем кольце для ходьбы, эта возвышенная/священная груда бросает праведные обвинения.

ЭТО НЕВЫНОСИМО! ПОСЛАВ СНАРЯДЫ, ВЫ/МЫ ОПРЕДЕЛЕННО ПОГАСИЛИ ВСЯКУЮ ПРИВЯЗАННОСТЬ, КАКАЯ МОГЛА СУЩЕСТВОВАТЬ У ЭТОЙ КОЛОНИИ «УШЕДШИХ В ОТСТАВКУ» К НАШЕЙ РАСЕ, КЛАНУ, СОЮЗУ!

Капитан-лидер, возможно, чувствуя опасность ситуации, отвечает спокойно, испуская пары

уверенности.

Последствий будет немного.

Мы не нарушили закон, потому что эта посылка лучей была явным беззаконием согласно их собственному кодексу.

Мы действовали, защищая сокровище, которое необходимо всей кислорододышащей цивилизации.

Многие груды-члены экипажа испускают пары согласия. Но груда-священник не поддается уговорам.

НЕМНОГО ПОСЛЕДСТВИЙ? В ЭТОТ МОМЕНТ ВЗРЫВЫ ПРОДОЛЖАЮТ СОТРЯСАТЬ ИХ ЖИЛИЩЕ — ТАМ, КУДА ПАДАЮТ НАШИ СНАРЯДЫ! ОГРОМНОЕ СООРУЖЕНИЕ В ОПАСНОСТИ!

Невозможно отрицать, что это серьезный вопрос. Результатом могут быть судебные иски, которые будут разбираться в судах тысячи или даже миллионы лет. Тем не менее наш прославленный командир продолжает испускать пары уверенности.

Само присутствие болезнетворных землян уже разорвало социальную и физическую ткань обиталища. Всем обратить внимание. Наша корабельная Библиотека сообщает о сокращении населения этого убежища. Очень многие его оби-

татели уже покинули жилище.

Одни бежали в другие жилища «ушедших в отставку», подальше от опасного района, где проносятся волны страсти молодых рас.

Другие решили отказаться от своей отставки! И в данный момент присоединяются к нашему порядку жизни, ищут контактов со своими прежними клиентами, снова активно действуют в цивилизации Пяти Галактик.

Третья группа беженцев тоже переместилась. Они, опережая график, нацеливаются на достижение трансцендентности.

Почтительная тишина встретила новости, которые сообщил командир. И в этой груде среди наших/Моих объединившихся колец на короткое мгновение возникает единодушие. От мастер-кольца до самого скромного напоминания о прежнем Асксе все согласны в одном: Мне/нам/вам повезло, что мы живем в такое время. Принимаем участие в таких чудесах. Видим/наблюдаем/знаем события, которые в будущих эрах превратятся в легенду.

Наш капитан-лидер продолжает.

Поэтому, подобно пустой скорлупе яйца без зародыша, это обиталище совсем не так важно, как кажется. Всего лишь несколько триллио-

нов обитает в этом разрушающемся жилище. Не будем больше думать о его судьбе. И если от нас потребуют репараций, мы легко выплатим их из награды, которую получим, когда земной корабль будет в нашей власти, запечатанный джофурским воском!

Сторонники капитана-лидера громко и одобрительно кричат, испуская радостные пары. Однако Мой/наш вклад в это достижение кажется слабым, а радостным возгласам недостает энтузиазма. Некоторые из вас, кольца, сохранили слабость треки и с отчаянием думают о несчастьях этих «всего лишь нескольких триллионов».

Груда-священник безжалостно продолжает свои обвинения.

КАКАЯ ГЛУПОСТЬ! РАЗВЕ ВЫ ЗАБЫЛИ НАШИ СОБСТВЕННЫЕ ТРУДНОСТИ? МЫ НАДЕЯЛИСЬ/ОЖИДАЛИ НАЙТИ ЗДЕСЬ ПОМОЩЬ В ИЗБАВЛЕНИИ ДОРОГОГО «ПОЛКДЖИ» ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПЛЮС ЗАНГСКОЙ ЗАРАЗЫ. КАК МЫ ТЕПЕРЬ ПОЛУЧИМ ЭТУ ПОМОЩЬ И ПО КАКОЙ ЦЕНЕ?

Наш капитан-лидер свистит, выше поднимаясь на командирском помосте, явно теряя терпение и сдержанность. Подчиненные в страхе пятятся.

Ситуация под контролем. Занги изолированы. И пока карантин соблюдается, самое главное

— захватить земной корабль!

На других это может произвести впечатление, но крики и физические жесты не могут устрашить груду-священника. Напротив, почтенная груда колец приближается.

А КАК ЖЕ СВЯЗЬ? МЫ ПЛАНИРОВАЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МЕСТНЫЕ ГИПЕРПОЧТОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, ЧТОБЫ СВЯЗАТЬСЯ С НАШИМ КЛАНОМ/СОЮЗОМ.

ТЕПЕРЬ ЭТИ ВОЗМОЖНОСТИ УНИЧТОЖЕНЫ. КАК МЫ СООБЩИМ ВЫШЕСТОЯЩИМ О НАШИХ ОТКРЫТИЯХ/ВОЗМОЖНОСТЯХ НА ДЖИДЖО? КАК МЫ ПОЛУЧИМ ПОМОЩЬ В ПРЕСЛЕДОВАНИИ ЭТИХ ЗЕМЛЯН?

Подчиненные в страхе разбегаются от этого столкновения высоких благородных груд, которые теперь так близко, что могут прижаться великолепными жирными кольцами. Вокруг них вьются, переплетаясь, плотные подавляющие пары, устрашающие каждого меньшего джофура, которому не повезет попасть в сферу их действия. Вытягиваясь вверх, каждый великий деятель пытается устрашить другого.

Со своей удобной точки зрения, справа и немного сзади, Я/мы вижу, как боковой рукой-придатком капитан-лидер извлекает оружие. По

нашему жирному сердечнику пробегает дрожь ужаса.

МОИ КОЛЬЦА, НЕУЖЕЛИ ОН ВЫСТРЕЛИТ?

Неожиданно возвышенное столкновение прерывается. В разъедающем запахе, словно ледяной ветер, проносятся слова-глифы главного офицера-тактика, напоминающие нам о нашей цели.

— Земной корабль в пределах досягаемости! Скоро он пройдет мимо нас на пути к пункту перехода. Максимально благоприятная возможность перехвата через девяносто

ДУРОВ.

Подобно двум враждебным вулканам, решившим не извергаться — пока, наши великие повелители пятятся друг от друга. Их груды оседают и перестают испускать едкие пары.

Не все обязательно нужно формулировать в словах. Если мы сейчас достигнем успеха, ни в какой награде не будет отказано кораблю и его руководителям. И все проступки будут прощены.

Сканеры свидетельствуют, что ближайшее пространство заполнено обломками катастрофы. Видно также бесчисленное количество кораблей, покидающих терпящее бедствие жилище и устремляющихся к ближайшему пункту перехода.

Мы осторожно проверяем эти корабли на возможность опасности, ибо боевые суда других существ могут вмешаться, как помешали нам занги в последний раз, когда казалось, что земляне уже у нас в руках. Каждый корабль осматривается, но среди них нет таких, которые были бы достаточно близки или относились к классу, способному нам угрожать.

И волчата не пытаются скрыться среди этих кораблей, используя их как маскировку. В отличие от Джиджо здесь эта хитрость не сработает, поскольку мы держим их в поле своего зрения с тех пор, как прекратили действовать лучи Дезинтеграторов. И они, по-видимому, это понимают, потому что их единственная цель — скорость. Пытаются перегнать нас. Найти спасение в узловатых мировых линиях пункта перехода.

Но чтобы добраться туда, они должны миновать нас. С точки зрения логики, у них ничего не должно получиться.

И однако (как не устает напоминать наше/Мое второе кольцо сознания) в течение трех лет волчата и их клиенты оказывались неуловимыми. Всегда готовые выкинуть очередной трюк, достойный тимбрими, они разрушили замыслы всех великих союзов. И теперь до нас доходят

слухи, что тут и там, по всем Пяти Галактикам, начали действовать медлительные умеренные. И если это правда и если землянам удастся еще какое-то время уходить от нас, невозможно сказать, на что решатся парги и другие осторожные домоседы!

Да, Мои кольца. Ваш воск переполнен тревогой. И все же разве не будет слава нашего «Полкджи» ослепительней, когда мы, джофуры, добьемся успеха там, где другие потерпели поражение?

«Полкджи» направляет ультиматум, такой же, как тот, что отвергли земляне, когда мы своими лучами и бомбами преследовали их под океанскими водами Джиджо.

Сдавайтесь и отдайте все свои сокровища. В обмен наш могучий союз защитит Землю. Дельфиний экипаж, разумеется, будет интернирован. Но только на тысячу лет в замороженном сне. Затем, по истечении этого срока, дельфины будут отпущены в новую, преобразованную цивилизацию Пяти Галактик.

И снова вместо ответа мы слышим дерзкое молчание.

— Динамика земного корабля неудовлетворительна! — восклицает груда — наш офицер-тактик. — Корпус по-прежнему отягощен массой,

полученной во время многократных прохождений через атмосферу красного гиганта.

«Полкджи» тоже проходил через эту вредную атмосферу. Но земной клан может позволить себе только корабли меньших моделей, тогда как наш прекрасный корабль относится к высшему классу и окружен защитным полем, отбрасывающим нежелательные атомы.

[26]

[27]

Тише, Мои кольца!

Я послал убеждающие электрические разряды по щупальцам контроля, напомнив нашему второму кольцу сознания, чтобы оно занималось своими делами.

Хоть он и отягощен, преследуемый корабль летит быстро и хорошо пилотируется. Наш первый предупреждающий выстрел проходит слишком далеко и серьезно не воспринимается.

Тем временем груды-тактики спорят, как земной корабль вообще мог уцелеть.

Одна группа настаивает на том, что катастрофа, которую мы видели — лучи огромных, с планету

---

[26] notes: 26
Правда?

[27] notes: 27
Тогда почему занги смогли проникнуть на наш корабль?

размером, дезинтеграторов, сосредоточенные на крошечном корабле, — была обманом. Всего лишь световым представлением, которое должно было убедить нас, что корабль землян обречен. Преследователи отказались бы от своих намерений, а земляне тем временем спокойно улетели бы. Это поразительное предположение теперь разделяет большинство офицеров-тактиков «Полкджи», хотя делает нашу ракетную атаку глупой.

За нами огромное обиталище по-прежнему вздрагивает от этих ударов и других ран.

Это объяснение кажется правдоподобным, поскольку корабль дельфинов уцелел. Но меньшинство высказывается за необходимость осторожности. Возможно, мы были свидетелями чего-то реального. Чего-то подлинного. События, достойного внимания и тревоги.

Наш второй предупредительный выстрел точнее. Он проходит всего лишь на расстоянии в половину длины корпуса от носа добычи.

Наблюдается тревожное отличие.

Это провозглашает дежурная груда у детекторов, наблюдающих за состоянием противника.

Цель необычно резонирует. Профиль ее гиперскорости не такой, как был раньше, вблизи

красного гиганта. И нет обычного отражения от корпуса.

По приказу нашего капитана-лидера проводится глубокое сканирование, подтверждающее, что корабль того же типа и модели. Излучение двигателя идентичное. Пси-детекторы улавливают слабую течь из-за защитных экранов и сообщают об отчетливом следе землян.

Затем при максимальном увеличении мы/Я наконец видим…

Мои кольца, как он сверкает!

Он больше не черный, покрытый сажей, теперь корпус блестит так, словно только что сошел со стапелей.

Он кажется еще более совершенным, потому что отражения звезд от корпуса становятся ярче оригиналов.

Что это может означать?

Груда-старший священник негодующе кипит.

ПОСЛЕ ВСЕГО, ЧЕРЕЗ ЧТО МЫ ПРОШЛИ И ЧТО ВИДЕЛИ, ТОЛЬКО ПОЛНЫЙ ИДИОТ НЕ ОЖИДАЛ БЫ НОВЫХ ТРЮКОВ/ХИТРОСТЕЙ/ЧУДЕС.

ТОЛЬКО НЕЗАКОННОРОЖДЕННАЯ, НЕСФОРМИРОВАВШАЯСЯ ГРУДА НЕ ОБРАТИЛАСЬ БЫ ЗА ПОМОЩЬЮ.

Наш капитан-лидер вздрагивает и осторожно оседает на командирский помост. Из его вершины вырываются струи тревожных испарений.

Наконец, собрав все упорство своих соединенных колец, величественная груда приказывает нанести удар мощностью в одну десятую максимальной, чтобы лишить корабль землян подвижности.

Напевая тщательно отлаженную боевую песню, «Полкджи» направляет лучи страшной силы, нацеленные на уничтожение трех выступов вероятности нашей добычи. Огромная энергия пересекает расстояние между кораблями и наносит удар…

Не задавайте вопросов, Мои кольца. Просто делайте то, что я скажу.

Медленно, незаметно продвигайтесь к выходу.

Вот так. Двигайтесь неслышно, без единого звука. Не бросайте светов/теней. Не испускайте тревожных испарений.

Теперь, когда экипаж отвлечен зрелищем драмы/трагедии, молча уйдем, как скромный треки, каким вы когда-то были.

Отвечая на наш запах-пароль, бронированный люк откатывается в сторону, открывая выход из контрольной рубки. Бросив назад взгляд, мы ви-

дим, как толпа джофуров неуверенно топчется в густом тумане своих токсинов тревоги и страха.

Самые сильные испарения исходят от лужи расплавленного воска и жира — останков нашего прежнего капитана-лидера.

У груды-священника тоже, конечно, не было выхода. Когда наш энергетический луч потерпел неудачу… когда его энергия исчезла, каким-то образом поглощенная блестящей новой оболочкой земного корабля… смена руководства корабля стала неизбежной.

Такой же неизбежной, как распространение пространственной метрики в расширяющейся вселенной.

Конечно, погоня не прекратилась. Наша позиция предпочтительней. Корабль землян не может избежать нас, и мы способны проследить за ним, куда бы он ни направился. А тем временем на борту «Полкджи» имеется богатейшая ветвь галактической Библиотеки. В ее обширной памяти мы будем искать и, несомненно, найдем трюк, который они использовали, и средство, которое поможет нам нейтрализовать его.

Увы, Мои кольца, это не принесет ничего хорошего этой незаконнорожденной груде со слабо подогнанными кольцами.

И пока «Полкджи» на автопилоте продолжает следовать за земным кораблем, происходит перегруппировка и перераспределение власти, устраняются и понижаются те груды, которые имели неосторожность сохранить верность нашему прежнему командиру. Некоторые отделаются понижением в должности и перемещением. У других заменят мастер-кольцо.

Но все это не для бедного Эваксса: ведь вы/мы были вдохновенным изобретением старого капитана-лидера. В лучшем случае наши кольца будут использоваться как замена у солдат, раненных в схватке с зангами. В худшем мы будем мульчированы.

И теперь Я благодарен дикому умению скрываться, которые вы приобрели как сунеры/варвары/треки. Ваши движения удивительно незаметны, Мои кольца. Вы, несомненно, лучше джофуров умеете прятаться.

Люк гладко встает на место, а мы поищем какое-нибудь спокойное убежище, где сможем погладить воск… поразмышлять о своем выживании.

ДНЕВНИК ОЛВИНА

«Со временем к такому привыкаешь».

Эти слова Джиллиан Баскин все еще отдаются в пустотах моих позвонков, когда я торопливо записываю последние впечатления от пребывания во Фрактальном Мире.

Мне лучше поторопиться. Я уже чувствую, как усиливается напряжение моих хунских нервов по мере того, как «Стремительный» движется по нитеподобным «границам царств», которые сворачиваются внутри пункта перехода. Скоро этот странный способ передвижения приведет меня в такое состояние, что я не смогу работать. Поэтому позвольте кратко познакомить вас с теми ужасными происшествиями, свидетелем которых я был.

Самым странным был голос доктора Баскин, полный такой покорности, словно она простая джиджоанка, а не звездная богиня. Словно один из наших мудрецов читает священные свитки — то место, где предсказываются неизбежные страдания. Каким-то образом в ее словах невозможное становится ужасающе вероятным.

«Со временем к такому привыкаешь».

Но пока вокруг меня смыкаются переходные поля, а мурашки расходятся вверх и вниз по коже, я могу только надеяться, что это больше никогда не повторится.

Она сказала это меньше мидура назад, глядя на результат наших усилий.

На достижение, которого никто из нас не искал.

На катастрофу, которая разразилась просто потому, что мы оказались здесь.

На самом деле те, кто толпился в ситуационной комнате, видели два изображения Фрактального Мира, отраженных на гигантских экранах, изображения совершенно различные и в то же время оба истинные.

С точки зрения дикаря с Джиджо, чье представление о космических полетах сложилось при чтении земных книг двадцать второго века, написанных еще до контакта, все происходящее было очень странным и вызывающим смятение. Например, во многих таких книгах утверждалось, что полет быстрее света невозможен. А в других фантастических космических операх существование ПБС принималось как нечто само собой разумеющееся. В любом случае эта концепция была легко понятна. Такое происходит,

когда происходит. Каждая причина вызывает следствия. Каждое следствие имеет свою причину, вот и все.

Но на экране слева от меня события происходили в обратном временном порядке!

Мой автописец объяснил мне это, и, надеюсь, я его правильно понял. Похоже, что каждую микросекунду, как «Стремительный» возвращается в нормальное пространство с уровня Ц, фотоны попадают в корабельный телескоп, направленный назад, создавая изображение огромной «структуры Крисвелла», которое по мере нашего удаления становится все меньше и тусклее. Изображение также становится *старше,* поскольку мы перегоняем предыдущие световые волны. Согласно искаженной логике Эйнштейна, мы движемся назад во времени.

Я зачарованно смотрел, как гигантское обиталище на глазах становится все более целым. Поврежденные зоны восстанавливались. Страшные раны исчезали, отверстия сливались. И бесчисленные искорки свидетельствовали о кораблях, очевидно, возвращающихся домой.

Зрелище по-разному подействовало на моих друзей.

Гек вслух рассмеялась. Ур-ронн печально

фыркнула, а Клешня продолжал повторять: «Здорово-рово-рово!»

Я не мог винить их за эту реакцию. Такая последовательность была одновременно печальной и нелепой.

Справа Сара и Джиллиан смотрели на другое изображение, создаваемое гиперволнами всякий раз, как мы перескакивали на уровень Ц. Здесь у меня создавалось впечатление причудливой одновременности. Экран как будто рассказывал о том, что происходит с Фрактальным Миром прямо сейчас. Время передвинулось вперед, показывая последствия нашего насильственного бегства.

Последствия исходят от каждой причины.

Конечно, на самом деле все гораздо сложнее. Например, изображение все время менялось, словно версии какого-то рассказа, автор которого еще не решил, что именно изложить на бумаге.

Сара объяснила мне это так:

— Протоны передают медлительную правду, Олвин, в то время как гиперволны несут с собой *вероятности.*

Так что изображение представляло наиболее вероятный сценарий того, что происходит за нами. И каким бы малым ни был шанс, все равно

он существовал — шанс, что все это неправда. Возможно, все происходит не так.

Клянусь Богом, Ифни и Яйцом, я буду молиться за этот ничтожный шанс.

То, что мы видели сквозь дергающиеся статические разряды, было повестью о грандиозном разрушении.

Теперь уже не одна трещина проходила через громадную сферу. Хрупкая кожура шелушилась и отходила уже в районе нескольких ран. Новые трещины расширялись, ветвились прямо у нас на глазах, и из каждой струилось красноватое солнечное сияние цвета урской крови.

Сотни торчащих наружу спиц уже откололись, летели в пространстве, вращаясь, и с каждым мгновением отламывались все новые. Могу только догадываться, насколько хуже дела обстояли внутри оболочки. Теперь уже были сломаны миллионы окон размером с Джиджо, выставляя на космический вакуум леса, степи и океаны.

Сцена, переданная гиперволнами, менялась рывками, иногда словно возвращаясь к прошлому, иногда забегая вперед. От одного мгновения к другому отдельные разрушения оказывались на новом месте. Ни одна особенность не казалась постоянной или прочно детерминированной. Но

тенденция оставалась той же.

Я чувствовал, как мне в спину впиваются мелкие когти: это Хуфу и титлал, Грязнолапый, взобрались на противоположные плечи, терлись об меня и просили поворчать, чтобы улучшить им настроение. Может быть, шок заставил меня ответить нашей семейной версией Плача по Неотмеченному Уходу — это ворчание настолько древнее, что, вероятно, восходит ко временам до Возвышения, когда наше сознание не могло представить себе полный потенциал отчаяния.

Услышав этот низкий звук, доктор Баскин повернулась и посмотрела на мой вибрирующий горловой мешок. Мне говорили, что звездные люди не очень любят хунов, но Сара Кулхан что-то шепнула ей на ухо, и Джиллиан одобрительно кивнула.

Очевидно, поняла.

Несколько мидуров спустя, когда я уже кончил, в пространстве поблизости повисла вращающаяся голограмма Нисса.

Каа докладывает, что мы в десяти минутах от входа в п-пункт.

Доктор Баскин кивнула:

— Есть ли какие-нибудь изменения в нашем антураже?

Ее цифровой помощник как будто небрежно изогнулся.

Нас сопровождает множество кораблей, ответил механический голос. *Некоторые из них роботы, в большинстве кислорододышащие существа. На этих кораблях эмблемы-пропуска порядка «ушедших в отставку».*

Конечно, все они держатся на безопасном удалении от корабля джофуров.

Нисс немного помолчал, прежде чем продолжить:

Вы абсолютно уверены, что хотите проложить курс на Танит?

Рослая женщина пожала плечами.

— Я по-прежнему готова выслушать любое предложение. Кажется, мы испробовали все, включая попытку спрятаться в самом заброшенном уголке вселенной… без обид, Олвин.

— Я не обижаюсь, — ответил я, потому что ее характеристика Джиджо, несомненно, справедлива. — А что такое Танит?

Ответила машина Нисс:

Это планета, где расположено секторное управление Института Библиотеки. Самое близкое к Земле. Именно туда капитан Крайдайки в первую очередь отправил бы наши открытия,

если бы не погиб в результате насилия и предательства. Не имея другого выбора, доктор Баскин полагает, что мы должны вернуться к этому первоначальному плану.

— Но разве вы не пытались передать сведения Институтам? В том месте, которое называется Ваккой…

Оаккой. Действительно, два года нам пришлось уходить от преследования боевых флотов, чтобы осуществить эту попытку. Но безумие, охватившее нашу цивилизацию, проникло и туда. Монахи этого бюрократического братства, поклявшиеся быть верными своему ордену, нарушили клятву оставаться нейтральными и вернулись к прежней верности. Под влиянием старых обид — а отчасти, может быть, и огромного вознаграждения, которое предлагают за поимку «Стремительного» соперничающие кланы — они попытались схватить наш корабль и передать его своим родичам по крови и клану.

— Значит, Институтам тоже нельзя доверять. А в чем тогда разница в этот раз?

Доктор Баскин указала на меньший экран:

— Вот в чем, Олвин.

На экране было изображение боевого корабля джофуров, отныне центрального факта нашей

жизни. Огромный приплюснутый корабль цеплялся к нам, как дурной запах, всюду преследуя после первой неудачной попытки захватить «Стремительный». Даже с Каа за рулем экипаж считает невозможным уйти от него. Легче стряхнуть свою тень в солнечный день.

— Полученные нами приказы ясны. Ни при каких условиях нашу информацию не должна получить одна из фракций.

Поэтому мы направляемся в один из самых известных портов Второй Галактики?

В голосе Нисса слышалось сомнение. Но доктор Баскин никак не прореагировала на этот тон.

— Разве это не лучший для нас шанс? Направиться в такое место, где всегда большое движение и много кораблей, достаточно сильных, чтобы противостоять этому крейсеру? К тому же существует вероятность, что Оакка все-таки исключение. Отклонение. Может, чиновники на Танит не забыли свои клятвы.

Нисс невежливым звуком выразил сомнение.

Очень малая вероятность. Возможно, неожиданность заставит наконец действовать застывшее осторожное большинство галактических кланов, которые до сих пор были охвачены нерешительностью.

— Об этом мы мечтаем все время. И такое может случиться, если у синтианцев, парги и их союзников в этом районе окажется достаточно кораблей. Разве они не вмешаются, чтобы поддержать традиции и закон?

Оптимизм относится к числу ваших самых привлекательных свойств, доктор Баскин: только представить себе, что умеренные могут склониться к быстрому решению, которое может подвергнуть их смертельной опасности. Но теперь все видят, что Время Перемен близко. И раздумывают о выживании расы. Поддержание справедливости ради каких-то волчат будет не на первом месте в их приоритетах.

Гораздо вероятнее, что ваше внезапное появление спровоцирует всеобщее сражение за Танит, по сравнению с которым Китруп покажется небольшой стычкой. Полагаю, вы сознаете, что армады, осаждающие Землю, находятся всего в двух прыжках от Танит? И меньше чем через стандартный день они соберутся…

— Отказавшись от осады Земли? Ради этого стоит попытаться.

Вращающиеся линии голограммы напряглись и сжались.

Мы отклоняемся от главной проблемы, доктор

Баскин. Сомнительно, чтобы мы достигли цели. Джофуры нам этого не позволят. Можете быть уверены в этом.

Впервые за все время заговорила Сара Кулхан:

— А они могут нас остановить? Один раз попробовали, и не получилось.

Увы, мудрец Кулхан, наша временная неуязвимость долго не продлится. Джофуры были захвачены врасплох, и сейчас они, несомненно, сканируют корабельную базу данных в поисках уязвимых мест нашей удивительной брони.

Они имеют в виду поразительный новый покров, который теперь окутал весь корпус «Стремительного». Как невежественный джиджоанец, я не понимал, что делает эту оболочку такой необыкновенной, хотя отчетливо помню, как вокруг нас сомкнулся рой машинных существ — темные фигуры загадочно спорили о нашей судьбе, не побеспокоившись спросить согласия у каких-то волчат и сунеров.

Последними спорщиками оказались две группы восстановительных роботов: одна на корме снимала с поверхности корабля сырье — углеродную оболочку, а другая на носу превращала эту самую оболочку в слой, сверкающий, как стеклянный Спектральный Поток.

Между группами словно мелькали молнии. *Импульсы мемоприказаний,* распознал Нисс, посоветовав не смотреть на них, чтобы они каким-то образом не подействовали на наш мозг. Через несколько мидуров спор прекратился, причем ни одна из машин не казалась поврежденной. Но одна группа, должно быть, «передумала».

Неожиданно обе группы объединились и снова принялись за работу, завершив преобразование «Стремительного» вовремя, незадолго до того, как по нему ударил дезинегрирующий луч.

— А разве обязательно должно быть уязвимое место? — спросила доктор Баскин. — Сейчас мы неуязвимы, по крайней мере для лучей на дальнем расстоянии.

Она говорила уверенно, но я помню, как поражены были Джиллиан, Сара, Тш'т и все остальные, что пережили нападение. Только калека инженер Эмерсон д'Аните что-то хмыкнул и кивнул, как будто ожидал чего-то в этом роде.

Абсолютной защиты не бывает, возразил Нисс. *Все существующие разновидности оружия давно занесены в архивы Великой Библиотеки. Если какая-то техника кажется удивительной или чудесной, вполне вероятно, что от нее отказались давным-давно по какой-нибудь веской причине. И*

как только джофуры найдут эту причину, наш новый щит из преимущества сразу превратится в недостаток.

Людям и дельфинам это рассуждение явно не понравилось. Не могу сказать, что и я ему обрадовался. Но как можно против него возражать? Даже мы, сунеры, знаем одно из основных правил жизни в Пяти Галактиках…

Если чего-то нет в Великой Библиотеке, значит, это невозможно.

Тем не менее никогда не забуду этого мгновения, сразу после того как большие роботы-строители закончили работу и отлетели, оставив наш избитый корабль сверкать в пространстве, словно бриллиант.

«Стремительный» продолжал уходить через отверстие в оболочке Фрактального Мира, и вдруг в него одновременно с нескольких направлений словно вонзились огромные разрушительные копья! Прогремел сигнал тревоги, каждый луч как будто наносил по кораблю удар страшной силы.

Но мы не сгорели. Напротив, нас окутал необычный звук, словно ворчание какого-то глубоководного гиганта. Гек втянула все глазные стебельки. Клешня подобрал все пять ног, а Урронн свернула длинную шею, испустив низкий

урский вопль.

Все приборы сошли с ума… и все же мы не сгорели!

Вскоре большинство согласилось с первоначальным предположением Ханнеса Суэсси, который объявил, что лучи дезинтегратора, должно быть, были поддельными.

Просто наглядная демонстрация. Они должны были отпугнуть наших врагов и дать нам возможность уйти. Никакой другой ответ, казалось, не объясняет, почему мы уцелели.

Но лишь до того момента, когда по нашему кораблю ударили джофуры и их уничтожающие лучи тоже исчезли с тем же загадочным стоном.

И тогда мы поняли.

Кто-то оказал нам услугу… а мы даже не знаем, кого благодарить. Или это благодеяние скрывает новые несчастья, которые еще впереди?

В интеркоме послышался голос:

Вход в пункт перехода… через тридцать секунд.

Все в ситуацинной комнате повернулись к переднему экрану, на котором видна была путаница тьмы — первая в последовательности, которая унесет нас в отдаленные царства за пределами Четвертой Галактики. Об этих местах я и мои

друзья слышали только в легендах и сказаниях о звездных богах. Но мое хунское пищеварение уже готовилось к будущей тошноте. Помню, я думал о том, насколько лучше мне было бы на борту отцовского мусорного корабля. Я натягивал бы снасти и ворчал вместе со счастливым экипажем, а теплый ветер Джиджо гладил бы мне лицо и бросал на паруса соленую пену.

Повернувшись к гиперволновому дисплею, я обнаружил еще одного больше интересующегося нашим прошлым, чем будущим. Эмерсон, наш калека-инженер, с реуком на глазах, приветствовал меня кривой улыбкой. Я ответил хлопаньем горлового мешка.

Расплывчатое и дрожащее, изображение Фрактального Мира сверкало, как яйцо размером с солнечную систему, словно собираясь породить нечто молодое, горячее и свирепое. Сквозь' щели и трещины пробивался красный солнечный свет, а искры свидетельствовали о мощнейших взрывах, сотрясавших все гигантское сооружение, вызывая новые трещины.

Эмерсон вздохнул и поразил меня единственной фразой на англике, выразившей невероятную мысль.

— Что ж… легко пришли… легко уходим.

Двигатели корабля загудели, встречаясь с напряжением перехода, и Грязнолапый впился когтями мне в плечо. Но наше внимание оставалось прикованным к несчастному Фрактальному Миру.

Шар неожиданно раскололся сразу по всем трещинам, превратившись в мириады гигантских изогнутых обломков. Некоторые из этих обломков устремились в черное пространство, другие полетели навстречу огненному соединению.

Освобожденная после полумиллиарда лет покорного служения, маленькая звезда возбужденно вспыхнула, как будто празднуя возвращение каждого обломка — своего собственного вещества, возвращающегося домой.

И, снова свободная, она выбрасывала в небо огни.

Мой горловой мешок заполнился, и я начал ворчать надгробную песнь… хунский реквием по утонувшим в море, чей позвоночник никогда не будет найден.

Меня преследовали слова доктора Баскин:

«Со временем к такому привыкаешь».

Я по-человечески покачал головой.

Привыкаешь к такому?

Ифни, через что прошли земляне, если подоб-

ное кажется им повседневной работой?

И только подумать: я когда-то с тоской смотрел на звезды и мечтал о приключениях!

Впервые я по-настоящему понял один из важнейших уроков древнейших свитков Джиджо.

Самое сложное в этой вселенной — выжить.

Часть третья
Великий Сортировщик

Всем нашим клиентам в Пяти Галактиках/

Са'ентский букмекерский синдикат временно прекращает принимать ставки относительно осады Земли. Хотя мы по-прежнему предсказываем неизбежное поражение объединенных сил, защищающих родину волчат, условия стали настолько непостоянными, что наши предсказывающие машины не в состоянии вычислить разумные соотношения.

Для тех, кто уже сделал ставки, условия не изменяются: двадцать к одному за завоевание планеты в пределах одного оборота вокруг Солнца (три четверти танитского года); четырнадцать к одному за капитуляцию в течение четверти орбиты; пять к двум в пользу «достойной сожаления случайности», которая сделает экосистему нестабильной и приведет к исчезновению всей расы волчат; семь к одному в пользу того, что люди и их клиенты будут насильственно приняты в служение одним из больших кланов, в настоящее время осаждающих планету, таких,

как танду, кленнат или джуру.

Вопреки этим обманчиво постоянным ставкам, несколько беременных факторов уже сообщили событиям высокий уровень неопределенности.

1) Большие кланы, продолжающие осаду, подвержены предательствам и образованию новых коалиций. Их объединенные силы давно уже победили бы землян и их союзников тимбрими и теннанинцев, если бы сумели договориться о разделе полученной добычи. Но, напротив, среди осаждающих все время возникают непредсказуемые стычки (иногда вызванные хитрыми маневрами землян), которые замедляют приближение к Земле и делают предсказания более трудными, чем обычно.

2) Политический хаос в Пяти Галактиках распространяется с необычной скоростью. Например, давно откладываемый съезд Коалиции Умеренных Рас наконец собирается с сокращенной повесткой дня — как справиться с неограниченными амбициями наиболее фанатичных галактических союзов. Покончив с предварительными формальностями, Коалиция может в течение года выпустить через Институт Войны официальное предупреждение! И в течение года

после этого может быть создан объединенный флот Коалиции.

Вдобавок к Коалиции организуется несколько других союзов «умеренных». И организуется в такой спешке (даже дипломатия соро на этот раз не в состоянии помешать), что демонстрирует беспрецедентную быстроту умеренной части общества кислорододышащих.

Естественно, это произойдет слишком поздно, чтобы спасти Землю, но может привести к спасению нескольких разбросанных человеческих поселений.

3) В течение танитского года нет никаких сообщений о знаменитом дельфиньем корабле. Если вопреки всякой вероятности беглецам удастся благополучно передать свое сокровище в какое-нибудь нейтральное убежище, кризис может ослабнуть, прежде чем вызовет несколько войн в кислорододышащей цивилизации. Разумеется, это позволит покончить с нашей нынешней политикой — принятием ставок с выплатой авансом и наличными.

4) Коммерческое межзвездное движение, уже нарушенное так называемым «кризисом „Стремительного“, в последнее время страдает от „условий возбуждения“ на непредсказуемо высо-

ком уровне. Свыше тридцати важнейших пунктов перехода испытывают перегрузку. Институты приписывают это „необычным погодным условиям в гиперпространстве“, однако многие считают это еще одним признаком надвигающихся перемен.

5) Неожиданное распространение социорелигиозного фанатизма, включая внезапное возрождение культа Ифни, оказывает пагубный эффект на букмекерский бизнес по всем Пяти Галактикам. В связи с дополнительными расходами (защита наших собственных поселений от нападений флотов фанатичных предетерминистов) мы были вынуждены увеличить процент отчислений от всех ставок в нашу пользу.

Даже са'ентский букмекерский синдикат не может вести бизнес, как обычно, в преддверии предсказанного Времени Перемен…

ГАРРИ

Да, подумал он, *нелегко придется.*

Гарри обнулил свой компьютер, чтобы защитить его во время перехода. Окна закрылись ставнями, и сам Гарри защелкнул ремни, готовясь к перемещению в новый район пространства Е. Район, который очень долго считался недоступным.

Что ж, сам виноват: ведь вызвался добровольцем. Вер'Кв'квинн называет это «особым назначением». Но чем дальше я Углубляюсь, тем все больше мне это кажется самоубийством.

Вначале показалось, что ничего не произошло. Официальные инструменты бесполезны или ненадежны, поэтому Гарри следил за собственным самодельным *вериметрюм.* Этот прибор состоял из птицы оригами, сидящей на острие иглы из чистого металла, снятого непосредственно с поверхности Нейтронной звезды. По крайней мере так утверждал продавец, который продал ему эту игрушку на базаре в Каззкарке.

Гарри нервно следил за появляющимся на полоске бумаги извилистым следом иглы. Он мог только представлять себе, что происходит снару-

жи: объективная реальность таяла по углам его маленького разведочного корабля.

Волосатыми руками Гарри почесывал шерсть на шее и груди. Птица дрожала, словно пыталась вспомнить, как летать…

Неожиданно возникло ощущение падения. Содержимое желудка взбунтовалось. Последовало несколько толчков, затем сильная качка, словно на корабле в бурном море. Гарри вцепился в ручки кресла. В плечи ему впились ремни.

Своеобразная дрожь пробежала по палубе под босыми ногами Гарри — это автоматически включился якорь реальности. Этот звук заставляет нервничать, поскольку возникает только тогда, когда нормальные меры предосторожности не в состоянии справиться. Иногда только якорь реальности не позволяет ветрам случайности выбросить ваш корабль на отмель неочищенной реальности… или превратить ваше тело в нечто такое, чем вам лучше не быть.

Что ж… *иногда* это срабатывает.

Если бы только была возможность использовать здесь ТВ-камеры и посмотреть, что происходит.

Увы, по причинам, которые все еще непонятны галактическим ученым, живые существа, попа-

дая в пространство Е, способны воспринимать события только непосредственно, да и то со значительным риском.

К счастью, именно в тот момент, как содержимое желудка Гарри готово было присоединиться к посуде на полу, толчки ослабли. И через несколько секунд сменились мягким покачиванием.

Он снова взглянул на свой импровизированный вериметр. Бумажный лебедь выглядел устойчивым… хотя на обоих крыльях появились новые складки, которых раньше не было.

Гарри осторожно отстегнулся и встал. Широко расставив руки для равновесия, он подошел к окну и слегка приоткрыл жалюзи.

И ахнул, отскочив в испуге.

Разведочная платформа висела — по-видимому, без всякой опоры — высоко над обширной равниной!

С трудом глотнув, Гарри бросил второй взгляд.

Его наблюдательный пункт повернулся вправо, потом влево, словно точка зрения повешенного, открывая неясные дали и высоты. За вездесущей дымкой с трудом можно было различить гигантские шпили, крутые и симметричные, поднимающиеся мимо него с равнины внизу.

Затаив дыхание, Гарри ждал, пока не убедился,

что поверхность не приближается. Ощущения падения не было. Казалось, что-то удерживает его на этой высоте.

Пора узнать, что именно. Обогнув обсервационную палубу, он заглянул в заднее окно и увидел, что мешает ему упасть.

Станция подвешена к концу длинной блестящей нити, выходящей из отверстия в корпусе, которого он раньше никогда не видел. Но знакомый сине-полосатый рисунок свидетельствовал, что на самом деле это якорь реальности, проявивший себя в данном случае в таком очень подходящем виде.

Второй конец якоря, высоко вверху, как будто держится за край плоской поверхности, горизонтально уходящей вправо. Слева за пределами этой полуповерхности расстилается открытое небо. У Гарри сложилось впечатление, что высоко вверху, там, где он не может видеть, есть еще линеарные границы.

По крайней мере во время перехода физический облик станции не очень изменился. Под продолговатым корпусом по-прежнему свисают метафорические наклонные ножки, слегка покачиваясь в пространстве. Однако с его зрением что-то не так. Гарри потер глаза, но проблема не

в них. Почему-то все предметы за окном казались расплывчатыми. Например, он не узнает гороподобные колонны, хотя в этих гротескных предметах есть что-то знакомое, вызывающее в сознании туманные впечатления детства.

С тех пор как машины отобрали его как первого неошимпанзе, который будет тренироваться в качестве наблюдателя Института Миграции, ничего подобного он не испытывал. И понимал, что не стоит расспрашивать бортовую программу и с ее помощью пытаться понять, что это.

Район, куда ты направляешься, редко посещается, и для этого есть все основания, сказал ему Вер'Кв'квинн, когда он собирался. *Большинство особенностей, которые вырабатывают патроны в своих клиентах и которые позволяют им стать уравновешенными, разумными, целеустремленными звездными путешественниками, превращаются в недостаток в области, где не существует предсказуемости.*

Сейчас, вспомнив эти слова, Гарри покачал головой.

— Что ж, не могу сказать, что меня не предупреждали. Он повернул голову налево и приказал:

— Режим пилотирования.

Со слабым щелчком поблизости материализо-

валось знакомое «П».

К вашим услугам, Харви.

— Меня зовут Гарри, — в …надцатый раз поправил он со вздохом. — У меня нет агорафобии, так что можешь открыть жалюзи.

Корабль исполнил приказ, и Гарри сощурился от непосредственного соседства странного сочетания цветов, хотя дымка слегка приглушала их.

— Спасибо. Теперь, пожалуйста, проверь, позволяют ли условия этого метафорического пространства полет.

Проверяю.

Последовало такое долгое молчание, что Гарри скрестил пальцы. Полет делает продвижение гораздо легче… особенно когда висишь на веревке над милями и милями пустого пространства. Ему показалось, что он слышит, как щелкают двигатели, осторожно проверяя, какой вид передвижения здесь подходит, а какой бесполезен или даже опасен. Наконец вращающееся «П» как будто пришло к заключению.

Кажется, какая-то разновидность полета возможна, но не могу определить, какая именно. Никакие данные об аллафорической технике в моих файлах не помогают. Придется придумать нечто оригинальное.

Гарри пожал плечами. Там, где он находится, так поступаешь почти всегда.

— Ты определил нашу зону наблюдения?

Я чувствую недалеко от нас узкий туннель нормального пространства — в фигуративных единицах. Субъективно вы должны различать «внизу» сверкающую Авеню… примерно в четвертом квадранте.

Гарри подошел к указанному окну и посмотрел вниз вдоль неотчетливых гигантских фигур.

— Да-а-а… Кажется, я ее вижу. — Он едва разглядел слабо светящуюся линию. — Надо попробовать подобраться ближе.

Если найдем путь.

— Да, — согласился Гарри. — В этом-то все и дело.

Он тревожно провел пальцами по волосам на подбородке и голове, жалея, что давно уже как следует не расчесывался. На Хорсте, где он и его вечно занятые родители были единственными шимпами на всей планете, стремление вычесать вездесущую пыль из шерсти всегда казалось только вопросом личной гигиены. Только в школе Гарри узнал, какое это может приносить наслаждение, когда кто-то другой гладит, расчесывает, приглаживает щеткой и слегка дергает

тебя за волосы, так что их корни едва не кричат от удовольствия. И когда он вспоминает прошлое, ему больше всего не хватает теплого физического контакта взаимного расчесывания.

Жаль, что его родители слишком много говорили — от болтовни и сплетен до расспросов о каждом личном недостатке. Именно такие проблемы Гарри никогда не нравилось обсуждать. Его неловкое отсутствие открытости поразило земных шимпов, которые сочли его отчужденным, даже высоко-Мерным, в то время как Гарри считал их излишне любопытными. Внутренне он всегда оставался чужаком и никогда не отдавался полностью интимности колледжских кружков для расчесывания.

Гарри понимал, что оттягивает решение, но на самом деле не знал, с чего начать.

Значит, тебя тревожат слухи о неожиданных изгибах гиперпространства и нарушениях режима пунктов перехода, ответил Вер'Кв'квинн после того, как Гарри вернулся с последнего дежурства. *Эти феномены не входят в твою юрисдикцию. Однако кажется, что совпадение множества факторов делает необходимым поставить тебя в известность.*

— Позвольте высказать догадку, — сказал

Гарри. — Нарушения настолько велики, что их можно наблюдать даже в пространстве Е.

Весьма проницательная догадка, согласился Вер'Кв'квинн, издав клювом одобрительное восклицание на галдва. *Вижу, что прием тебя к нам был не игрой случая, а подтверждением моего собственного умения видеть суть и доказательством моей ценности для Института и готовности к быстрому повышению.*

Твое следующее дежурство начинается через один точка три стандартных дня.

После инструктажа это оставляет достаточно времени для ванны и доброго сна в его помещении в казарме. Конечно, он надеялся на более длительный отпуск. На базаре есть один массажист форуни, который так хорошо понимает скелетно-мускульную систему других рас, что отлично расслабляет узлы позвоночника Гарри… Увы.

Нервно почесывая подбородок, он дернул ногтем волосок и поморщился. Потом принялся рассматривать выдернутый волос.

Хорошо, что волосы у шимпанзе не отрастают длинными, как на лицах людей мужчин, если они их не сбривают. На Хорсте он видел шаманов пробстеров, у которых патриархальная борода

отрастала годами и тянулась по земле.

Гарри помигал, поняв, к чему ведет его подсознание. Он быстро повернулся и прижался к заднему окну, всматриваясь в голубую нить, на которой на огромной высоте висит станция. Вверху нить как будто исчезает, направляясь к краю одной из далеких горизонтальных плоскостей.

— Пилот, — сказал Гарри. — Хочу проверить, можно ли увеличить псевдодлину нашего якоря реальности. Можно его еще размотать?

Он уже максимально размотан, услышал он ответ. Гарри выругался. Идея казалась неплохой…

— Минутку. — сказал он. — Не будь слишком буквален. Ну хорошо, может быть, мы и не можем раскрутить якорь. Но все равно потрогай эту проклятую штуку. Может, удастся изменить ее длину каким-нибудь другим образом. Растянуть, например. Или заставить *расти.*

Он знал, что его указания неточны. Но иногда и такие неточные предположения помогают сделать идею более определенной.

Попробую и дам вам знать, ответил компьютер.

Последовала серия слабых гудящих звуков, затем неожиданный рывок, платформа устремилась вниз, и невесомость на мгновение снова

породила страх в груди Гарри. Но падение тут же кончилось, Гарри отбросило на командирское кресло, и он почувствовал, что его желудок снова заполняется.

— Х-х-х-х… — начал он. — Н-ну и как?

Топологические правила как будто допускают значительное растягивание. Говоря с практической точки зрения, это означает, что кабель может растягиваться, достигая почти любой длины с почти любой скоростью. Поздравляю, командир Хармс. Похоже, вы нашли способ маневрировать в этой субъективной вертикали.

Гарри заподозрил, что компьютер говорит с сарказмом, Но решил не обращать внимания: возможно, это ему просто показалось. Во всяком случае, из этой ловушки выбраться оказалось легче, чем с той вершины с банановыми кожурками.

И все же я чувствую себя в большей безопасности, когда понял применяемые здесь метафорические правила. Существуют причины, по которым патрульные корабли редко заходят в этот район. Многие из таких кораблей отсюда не возвращаются.

— Начни опускать нас, — приказал он. — Осторожно.

Полуплоскость наверху начала отступать, а «земля» приближаться с постоянной скоростью, и это кое-что напомнило Гарри… либо неотвратимую природу судьбы… либо набегающий поезд.

На Каззкарке у него было время расспросить об осаде Земли.

Его не должно было это интересовать. Решив посвятить свою жизнь монашескому Институту Навигации, Гарри должен был забыть все прежние привязанности и верность патронам. Но мало кому из разумных удавалось полностью перенести естественные привязанности. И работники Института часто украдкой разузнавали новости о «доме».

Когда у Гарри оказался свободный час между инструктажами, он отправился на базар, где продавец сплетен ле'4-2во принял его щедрую плату и провел в изолированную осмием комнату, в которой находилась краденая ячейка Библиотеки.

Нужную тему удалось найти легко — она заняла значительно более высокий уровень с того времени, как он смотрел в последний раз, — и подавалась под заголовком «Главные новости — квазисовременные события». Последние сообщения на галдва звучали мрачно.

Силы Земли и ее союзников были вынуждены

оставить Канаанские колонии, которыми теперь временно управляет адмирал соро.

Произошло вторжение на прекрасную, населенную дельфинами планету Галафия. Треть этой покрытой водой планеты была захвачена соединенными частями во главе с фракцией Братьев Ночи, в то время как другая клика тех же самых фанатичных воинов пыталась «освободить» оставшуюся часть.

Сама Земля была бы уже захвачена, а ее слабые силы разбиты, если бы не помощь со стороны тимбрими и теннанинцев… и постоянные разногласия в стане противника, отдельные группы там все время схватывались друг с другом. Но даже и в таких условиях конец казался неизбежным.

В примечании говорилось, что крошечное людское поселение на Хорсте оккупировано… страшными танду.

По спине Гарри пробежала дрожь. Упоминалось об эвакуации местного персонала, так что, может быть, Марко и Фелисити удалось бежать вместе с остальными антропологами. Но Гарри почему-то сомневался в этом. Его родители одержимы. Они вполне могли остаться, заявив, что захватчики не обратят никакого внимания на пару ученых,

занятых мирными исследованиями.

Но даже если все техники и трансформеры улетели, что будет с туземцами? С человеческими племенами, которые превратили свой «испытательный срок» в лицензию на освобождение от бесчисленных разнообразных социальных форм — многие из них подражали тому или иному тотему? Некоторые сознательно воспроизводили матриархальное устройство пчелиных ульев, другие подражали волчьим стаям, или львиным прайдам, или различным видам брака, которые можно отыскать в причудливых доконтактных романах. Большинство небольших племен пробстеров не интересовались ни технологией, ни галактической политикой.

Они совершенно беспомощны перед такими хищниками, как танду.

Покидая жилище продавца сплетен, Гарри старался забыть новости. Скоро победоносные ити будут ссориться из-за остатков поверженного земного клана. Если умеренные Распространят свою власть в Галактиках, будет несложно Убедить Институт Возвышения, что люди, дельфины и шимпы готовы к приему. Все три расы будут разъединены. Как Военные трофеи, каждая получит нового «патрона» для генетически-социального

руководства на протяжении следующей сотни тысяч лет.

Конечно, если мы «случайно» не вымрем в смятении. Так бывало и раньше — почти всякий раз как появлялась раса волчат, утверждающая, что поднялась к разуму без помощи со стороны. Поразительно, что земляне продержались так долго.

Ну, по крайней мере гориллы в безопасности. Теннанинцы не худшие из хозяев… если у вас должен быть хозяин.

Интересно, кто получит нас, шимпов, в качестве платы?

Гарри мрачно оскалился.

Они могут обнаружить, что мы приносим неприятностей больше, чем выгоды.

Во время следующего инструктажа у Вер'Кв'квинна он задал прямой вопрос:

— Связаны ли все эти гиперпространственные возмущения и аномалии… с войной из-за Земли?

Вместо того чтобы отругать Гарри за проявление интереса к своему родному клану, начальник отдела наблюдения уклончиво помахал щупальцем.

— Молодой коллега, важно помнить, что одна из величайших умственных опасностей, которые подстерегают разумное существо, это эготизм —

тенденция видеть все события в связи с собой или своей расой. Естественно, что тебе кажется, будто вся вселенная вращается вокруг трудностей твоего прежнего клана, каким бы незначительным он ни был.

Признаю, что события как будто подтверждают твое предположение. Известие о возможных реликтах Прародителей, найденных в тайном месте пользующимся дурной славой кораблем дельфинов, вызвало столкновения между самыми воинственными кислорододышащими кланами. Некоторые союзы захватили местные пункты перехода, и торговые маршруты прервались. Однако позволь тебя заверить, что выбросы энергии в происходивших до сих пор сражениях слишком ничтожны, чтобы воздействовать на глубинные космические связи.

— Но совпадение слишком одновременное.

— Ты принимаешь следствие за причину. Страх и гнев, которые сейчас окружают волчат, накапливались столетиями до того, как люди вступили в контакт с нашей культурой. Со случая у Футутуна мир поддерживался главным образом при помощи страха, а воинственные стороны тем временем вооружались и готовились к новой фазе. Увы, твой неудачливый родной клан вышел

на звездные линии в слишком неподходящее время.

Гарри несколько секунд мигал, потом кивнул.

— Вы имеете в виду Время Перемен?

— Да. Мы, в Институтах, уже в течение миллиона лет знали, что наступает новая эра большой опасности и смятения. Признаки этого включают перемены в отношениях кислородного и водородного порядков жизни… а также все более частые случаи спазмодического экспоненциального размножения в порядке машин, и все это требует строгих мер подавления. Даже среди кланов нашей собственной цивилизации Пяти Галактик мы видим усиление религиозного фанатизма.

Гарри вспомнил миссионеров и новообращенных на главных улицах Каззкарка, проповедующих самые разные толкования древнего пророчества.

— Груда суеверного вздора, — сказал он.

К его удивлению, Вер'Кв'квинн согласился, подчеркнуто Щелкнув клювом.

— То, что громко, не всегда справедливо, — объяснил босс. — Большинство кланов и видов предпочитают жить и Давать жить другим, развивая собственные дороги мудрости и предоставляя судьбе приходить в свое время. Какая

разница, вернутся ли Прародители в физической форме, или в Духовном перевоплощении, или вновь проявив себя в геноме Какой-нибудь невинной предразумной расы? Фанатичные союзы сражаются друг с другом из-за догм, однако большинство кислорододышащих рас хотело бы спокойно и устойчиво продвигаться к своему собственному расовому просвещению. Со временем будут найдены ответы на все вопросы, когда каждая раса присоединится к своим патронам и предкам в отставке… а потом и в трансцендентности… следуя великому призыву Объятия Приливов.

Вот оно опять, подумал тогда Гарри. Это фундаментальное основание почти любой галактической религии. Спасение возможно для *вида*, но не для индивидуального органического существа.

Кроме этого миссионера скиано, того самого, с попугаем на плече. Это была совершенно иная точка зрения. Подлинная ересь!

— Итак, молодой коллега, — закончил Вер'Кв'квинн, — постарайся понять, каким тревожным — и для фанатиков, и для умеренных — было сообщение о том, что твои злополучные родичи дельфины передали изображения, на

которых был космический флот Прародителей в одной из самых плоских частей галактического пространства-времени! Последствия этого открытия угрожали опровергнуть самую суть веры, разделяемой почти всеми кислорододышащими…

В этом месте Гарри был особенно внимателен. Но именно в этот момент помощник доложил, что еще один п-пункт в секторе Горгол Пятой Галактики вышел из строя, и у Вер'Кв'квинна больше не было времени для абстрактных дискуссий с подчиненными. Началась суматоха, и Гарри было приказано закончить инструктаж в отделе разведки. И у него больше не было возможности расспросить старую змею о ее заключительном интригующем замечании.

Что это за суть? Что именно в открытии «Стремительного» так всех расстроило?

Наконец платформа опустилась на «землю».

Поверхность оказалась относительно мягкой. Упругие ноги корабля приняли на себя его вес почти без толчка.

Ну, пока все хорошо. Земля не проглотила меня. Стадо паразитов мемов не собралось, пытаясь захватить мое сознание или *продать мне продукты, которые не были доступны в течение*

многих эпох.

Гарри терпеть не мог, когда такое происходило.

Он осторожно осмотрел обширную плоскую равнину, покрытую мягкими пушистыми цилиндрами. Они были похожи на поникшие кактусы с тонкими стеблями, стояли повсюду, насколько хватал глаз, прижимаясь друг к другу. Гарри с помощью ручного управления попробовал механической ногой прикоснуться к ближайшей группе. Цилиндры легко уступали давлению, а потом медленно распрямлялись.

— Можно ли убрать якорь реальности? — спросил он пилота.

В этом нет необходимости. Якорь уже вернулся в свою обычную нишу.

— Тогда что это такое? — спросил Гарри, указывая на голубой кабель, все еще вертикально уходящий в небо.

Подобная веревке метафора стала полупостоянной структурой. Если не возражаете, ее можно оставить на месте. Гарри смотрел на нить, потирая подбородок.

— Ну, наверно, это еще одна возможность убраться отсюда, если придется торопливо смываться. Отметь ее положение и давай двигаться.

Разведочная станция двинулась по равнине пушистых цилиндров. А Гарри тем временем переходил от окна к окну, нервно вглядывался, гадая, как этот известный своими опасностями район проявит себя.

Со всех сторон на далеком фоне вздымался десяток тонких, невероятно высоких башен. У некоторых поперечное сечение как будто квадратное, у других круглое или овальное. Гарри даже показалось, что он различает жесткую формальность в их расположении: каждая башня как будто находится в строго определенном месте относительно других.

Вскоре он понял, что странная голубоватая дымка не является следствием какого-то «тумана», мешающего смотреть; это недостаток самого зрения. Кажется, на этом участке пространства Е зрение действует на гораздо более короткое расстояние.

Здорово. Мне не хватало только частичной слепоты в таком месте, где реальность может буквально подобраться к тебе и укусить.

До того места, где он в последний раз видел Авеню, расстояние должно быть небольшим. Вначале осторожно, потом все уверенней Гарри ускорял движение станции по равнине пушистой

растительности, согнутой и переплетенной, как высокая трава. Эти «растения» не раскачивались на ветру, как трава-пила на Хорсте. Тем не менее они чем-то напоминали Гарри о бесконечных степях, где на рассвете пыльное небо вспыхивает, как факел, так что на него больно смотреть. От такой местности презрительно отказались его предки на Земле, вернувшись на деревья. Они разумно предоставили жгучее небо и режущую траву своих глупым родичам — приматам, которым не хватало здравого смысла даже на то, чтобы убраться с палящего полуденного солнца и которые позже стали людьми.

Согласно Великой Библиотеке, Хорст некогда был приятной планетой, с богатой, разветвленной экосистемой. Но много тысячелетий назад, еще до того, как земляне вышли в космос и столкнулись с галактической культурой, с несколькими планетами в секторе Танит произошло что-то ужасное. По древнему кодексу Прародителей естественные экосистемы священны, но в цивилизации Пяти Галактик время от времени это правило нарушалось. В происшествии при Футутуне сотни планет были разграблены недальновидными цивилизациями и остались дикими и пустынными.

Как и следовало ожидать, за такими случаями следовал возврат к маниакальной религиозности. Различные фракции обвиняли друг друга и требовали возвращения на истинную тропу Прародителей.

Но какова она, эта *истинная* тропа? За несколько миллиардов лет состарятся даже самые хорошо сохраняемые записи. За прошедшие эпохи накапливался шум, пока от загадочной расы, начавшей все это, почти ничего не осталось. Размышления и догадки подменили факты, догма вытеснила свидетельства. Умеренные пытались смягчить вражду между фанатичными союзами, слишком энергичная реакция которых во время происшествия при Футутуне грозила новой катастрофой.

И вот в такой ситуации появились земляне, вначале принеся своими забавными проделками волчат комичное отвлечение. Невежественные, невоспитанные, люди и их клиенты самим фактом своего существования раздражали великие кланы. Больше того, возвысив еще до контакта неодельфинов и неошимпанзе, люди получили право относиться к классу патронов и получать колонии; тем самым они сразу опередили многие более древние виды.

«Пусть вначале проявят себя на планетах ката-

строфы» — таково было всеобщее мнение. Если земляне окажутся достаточно компетентны, чтобы вернуть к жизни заболевшие биосферы, позже они могут получить лучшие планеты. Поэтому люди и их клиенты работали на Атласте, Гарте и даже на бедном Хорсте, завоевав неохотное уважение у планетных менеджеров.

Но стоило это немало.

Пустынная планета может изменить тебя, думал Гарри, вспоминая Хорст и почему-то испытывая печаль. Он спустился в камбуз, приготовил еду, принес ее на обсервационную палубу и принялся неторопливо есть, глядя, как мимо проплывают бесконечные изогнутые пушистые трубки. Он все еще пытался понять, почему все это кажется ему таким знакомым.

Мысли его вернулись на Каззкарк, где высокий проповедник пытался обратить его в свою странную ересь. Тот самый необычный скиано с попугаем на плече, который говорил о Земле как о священном месте, чьи страдания обещают спасение всей вселенной.

Разве ты не видишь сходства? Как должны были стать мучениками Христос, Али и преподобный Фенг, чтобы спасти человеческие души, точно так же грехи всех кислорододышащих форм жиз-

ни могут быть смыты только жертвой чего-то драгоценного, невинного и уникального. И этой жертвой будет твоя родная планета, мой дорогой брат шимпанзе!

Честь казалась сомнительной, и Гарри так и сказал, ища пути возможного бегства в толпу. Но скиано оставался неутомим, он постоянно подталкивал свой аппарат-переводчик, так что каждая вспышка его выразительных глаз громко переводилась прямо Гарри в лицо.

Слишком долго разумные существа были связаны прошлым — легендой о Прародителях! — мифом, который обещает освобождение расам, но ничего не дает индивидам! Каждая раса измеряет свой прогресс продвижением по лестнице Возвышения — от клиента к патрону, а затем через благородную отставку в нежные Объятия Приливов. Но сколько триллионов жизней были принесены в жертву по пути? И каждая такая жизнь драгоценна и уникальна. Каждая есть временная манифестация бессмертной души!

Гарри знал, что подмигивание — это для скиано естественная манера речи. Но это придавало дополнительную страсть каждой фразе переводчика.

Подумай о своей родной планете, о благородный

брат шимпанзе! Люди — это волчата, которые достигли разумности без Возвышения. Разве это не форма девственного рождения? Разве земляне вопреки своему скромному происхождению не возникли на сцене в период возбуждения и противоречий? Разве не увидели они то, что долго оставалось невидимым? Говоря то, что до них никто не смел сказать?

Страдаете ли вы теперь, земляне, из-за своей уникальности? Разве не слышим мы послания с этой замечательной голубой планеты, которой предстоит распятие? Послания надежды для всех живых существ?

Вокруг собралась толпа зевак, а скиано возвел руки к небу.

Не бойся за своих любимых, о дитя Земли!

Конечно, в предстоящих днях им грозят огонь и разрушения. Но их жертва принесет всем разумным новый рассвет — да, всем, даже другим порядкам жизни! Ложные идолы, воздвигнутые в честь мифических Прародителей, будут разбиты. Станет ясна ложность веры в Объятие Приливов. Все сердца обратятся наконец к истинной вере.

К волшебному Небу — обители единого вечного и любящего Бога.

В ответ попугай захлопал яркими крыльями и прокричал: *«Аминь!»*

Многие слушатели сердито переглядывались, слыша, как Прародителей называют «мифическими». Гарри, будучи центром внимания проповедника, чувствовал себя неловко. Если так будет продолжаться, мученики появятся, это уж точно! Казалось, только благородная репутация всех скиано сдерживает некоторых в толпе.

Чтобы облегчить положение, Гарри неохотно согласился принять от скиано миссию — быть посланником… в том маловероятном случае, если его следующая экспедиция приведет его в контакт с ангелом Господним.

Примерно час спустя — по субъективному корабельному времени — слева от Гарри в пространстве неожиданно возникла голубая буква «Н».

Включен режим наблюдения, капитан Хармс, послышался слегка самодовольный голос. *Имею удовольствие сообщить, что Авеню в непосредственной близости. Ее можно наблюдать в переднем квадранте.*

Гарри встал.

— Где? Я не…

Но тут же увидел и перевел дыхание. На фоне

странной Дымки выступала сверкающая полоса пятнистого света. Авеню, как гигантская змея, извивалась по поверхности, возникая из тумана слева и становясь невидимой справа. Чем-то она напомнила Гарри извивающееся «морское чудовище», которое он видел во время своей предыдущей разведывательной экспедиции, вблизи вершины с банановыми очистками. Но то было мемосущество, не более чем экстравагантная идея, воплощенная мысль, в то время как это нечто совершенно иное.

Авеню не подчиняется аллафорическим правилам пространства Е.

Строго говоря, она состоит из всего, что не является пространством Е.

Именно поэтому ее воспринимают камеры. Техники Института Навигации поместили на корабль множество сенсорных пакетов. Их нужно с интервалами разместить вдоль светящейся трубы, а потом забрать по пути назад, на базу. В идеале эти данные должны помочь штату Вер'Кв'квинна предсказывать гиперпространственные изменения в текущем кризисе.

Гарри нажал кнопку и почувствовал легкую дрожь: это вылетел первый пакет.

Теперь повернуть налево и выкладывать паке-

ты в этом направлении? Или направо? Казалось, ни одно из направлений не предпочтительней.

Что ж, он все еще представитель закона. Его другая обязанность — патрулировать пространство Е и выявлять преступную деятельность.

— Компьютер, отмечены ли следы какой-либо деятельности в этом районе в последнее время?

Сканирую. Нарушители должны пройти через этот участок Авеню, чтобы добраться до пересечения с Четвертой Галактикой. Любой крупный корабль, проходящий по Авеню или поблизости, оставит след, какой бы ни была в то время его аллафорическая форма.

Платформа приблизилась к яркой светящейся трубе. Во время патрулирования Гарри неоднократно видел Авеню, но никогда не был так близко к ней. Она казалась узкой, всего в два раза шире самой станции. В трубе на фоне абсолютной черноты сверкали мириады искорок.

Узкое змееобразное пространство заполнено звездами… и многим другим. В этом извилистом цилиндре заключена вся известная Гарри вселенная — планеты, звезды, все связанные галактики.

Какой топологической странностью должна была она казаться своим давно исчезнувшим

первооткрывателям! Удивительный способ обойти законы относительности! Необходимо только войти на одном перекрестке вблизи планетной системы и выйти на другом, в районе цели. В любой ячейке Галактической Библиотеки можно найти описание техники входа в пространство Е и выхода из него.

Но пространство Е — это непредсказуемый мир мета-психологической дикости и даже воплощенных нелепостей. Путешествие по Авеню до пункта назначения может быть очень коротким, а может быть и долгим. Расстояния и взаимное расположение здесь постоянно меняются.

Если путник найдет безопасное место выхода и правильно произведет переход, он может выйти там, где ему нужно. Конечно, если вначале выяснится, что он вообще покинул дом! Одна из причин, почему большинство разумных терпеть не могут пространство Е, это тот странный способ/ в котором здесь проявляется причинность. Если не будете осторожны, можете устранить причину собственного существования. Наблюдателям, таким как Гарри, нелегко бывает, вернувшись из полета, обнаружить, что они больше не существуют и никогда не существовали.

Гарри не одобрял пространство Е — и эта черта,

разумеется, была отмечена в его институтском досье. Но, очевидно, У работников Института были причины, чтобы готовить его к исполнению обязанностей именно здесь.

Платформа начала двигаться вдоль Авеню, временами °пускаясь на ножках-стебельках, приближая к поверхности инструменты, словно собака, идущая по следу. Набравшись Терпения, Гарри следил, как проплывают мимо, в близком Цилиндрическом континууме, незнакомые скопления.

У ближайшего края трубы на черном, испещренном искорками фоне появилась яркая желтая звезда. Она казалась такой близкой, когда платформа медленно проползала мимо, словно до нее можно дотронуться рукой. *Вероятно, есть небольшой шанс, что это Солнце, с Землей поблизости, слабая искорка в космосе. Но вероятность против этого миллиард к одному.*

Наконец станция остановилась. Наклонная буква как будто завертелась быстрее.

Я отметил недавний проход трех различных корабельных волн. Первый корабль проходил примерно год назад, второй вскоре после первого, преследуя его.

— Преследуя? — Это заинтересовало Гарри. То,

что след продержался так долго, свидетельствует, что район посещается очень редко… и возможно, говорит, что путники должны быть в отчаянном положении, чтобы решиться на это.

— А что за третий корабль?

Этот проходил недавно. Всего несколько субъективных дней назад. И есть кое-что еще.

Гарри нервно обхватил большие пальцы.

— Да?

Судя по волне, последний корабль принадлежит машинному порядку жизни.

Гарри нахмурился.

— Машина? В пространстве Е? Но как она может тут лететь? Или даже просто видеть, где… — Он покачал головой. — Куда она полетела?

Фигуративно налево… в том же направлении, что и наше.

Гарри принялся расхаживать по палубе. Приказы Вер'Кв'квинна совершенно ясны. Он должен разместить камеры так, чтобы они из пространства Е могли наблюдать за нормальным пространством, давая персоналу Института Навигации возможность увидеть, какие силы возмущения действуют в Пяти Галактиках. Но он ведь присягал и наблюдать за подозрительной деятельностью…

Ваши приказы, капитан Хармс?

— Будем преследовать! — выпалил Гарри еще до того, как решение было сформулировано в его сознании.

Прошу прощения. Я не запрограммирован… Гарри выругался.

— Включить режим пилотирования!

И не успела возникнуть в пространстве буква «П», как он показал:

— Сюда! Быстрей! Если поторопимся, еще успеем их догнать!

Платформа дернулась и повернула направо.

Слушаюсь, Гувер! Выступаем. Эгей!

На этот раз Гарри даже не поморщился. Программа раздражает его, но функционирует исправно. Даже тимбримии знают, где пределы шутки, хвала Ифни. Платформа, перебирая ногами, понеслась по саванне пушистой кактусоподобной растительности.

Слева проносилась Авеню, сверкающая труба, в которой находится все, что реально.

САРА

Сразу после того как «Стремительный» углубился в извилистые внутренности пункта перехода, положение заметно усложнилось.

В соседнем заполненном водой помещении Каа плавниками вздымал облака пузырьков, громко протестуя.

Здесь слишком тесно!

Сара знала, что жалуется он не на заполненный мостик «Стремительного», но на извилистый лабиринт за пределами корабля — путаницу струноподобных межпространственных границ, расходящихся по спирали во всех направлениях, словно бред безумного конструктора каруселей.

П-пункт действительно переполнен. Во время обычного перехода изредка можно заметить среди извилистых нитей отдаленные блестящие точки. Это по тому же сложному пути, соединяющему далекие звезды, проходит какой-то другой корабль. На этот раз создавалось впечатление, словно продираешься сквозь спутанные джунгли, и вокруг каждой ветки или лианы вьются бесчисленные светлячки.

На приборной панели постоянно вспыхивали

янтарные предупреждающие огни, и Каа приходилось маневрировать, чтобы не столкнуться с большими кораблями, движущимися по тем же узким туннелям. Промежутки очень незначительные, и когда пилот-дельфин проводил «Стремительный» совсем рядом с каким-нибудь гигантом, у Сары захватывало дух. Она видела мгновенные изображения на экране с нулевым увеличением. Бурные волны, поднятые проходящими кораблями, бросали «Стремительный», как щепку. Двигатели стонали от напряжения, изо всех сил цепляясь за бесценные линии.

Сара слышала полные благоговения слова Джиллиан:

— Неужели все эти корабли движутся от Фрактального Мира?

Машина Нисс ответила, отчасти сохранив свой дерзкий тон:

Очевидно, нет, доктор Баскин. Только примерно миллион кораблей пользуется сходной с нашей траекторией, уходя от той же катастрофы, которая обратила нас в паническое бегство. Но это лишь небольшая часть кораблей, проходящих в данный момент через эту пространственную матрицу. Остальные летят из других мест. Данные Библиотеки свидетельствуют, что данная

нить позволяет соединить свыше ста точек в нормальном пространстве, разбросанных по всей Четвертой Галактике.

Сара поразилась такому количеству кораблей, большинство из которых гораздо крупнее бедного «Стремительного». И все в благословенной Яйцом спешке стараются добраться туда, куда направляются.

— Я… мне казалось, что Четвертая Галактика пустынна.

С таким представлением она выросла. Обширное галактическое колесо, почти лишенное разумной жизни. Разве не затем ее предки явились сюда в замаскированных крадущихся кораблях, минуя строжайший карантин, чтобы поселиться на запретной Джиджо?

Пустынна, да. Но только относительно двух из великих порядков жизни, мудрец Кулхан. Относительно машинного разума и кислорододышащих звездных рас. Договор о миграции не требует эвакуации членов других порядков. Однако судя по тому, что мы наблюдаем, не будет слишком смелым предположение, что происходит всеобщая эвакуация.

Сара негромко выдохнула. Она поняла.

— Обитатели Фрактального Мира…

Были официально членами порядка «ушедших в отставку». Они мягко покачивались на волнах прибоя возле своего одомашненного солнца, очищая расовый дух и готовясь в следующей ступени.

Ступени, которую многие из них сейчас стараются достичь.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Джиллиан. *Это лучше проиллюстрировать визуально. Смотрите.*

На одном из больших экранов появилось дрожащее изображение, очень сильно увеличенное, — нескольких десятков кораблей, летящих в конвойном строю вдоль сверкающего края нити перехода. Корабли казались потрепанными. Изображение постепенно сфокусировалось, и Сара заметила, что потрепанный вид кораблей .объясняется их неровными поверхностями, словно состоящими из путаницы складок и выступов. Прямая противоположность гладкой обтекаемости.

Значит, геометрия структуры Крисвелла распространяется на все, вплоть до кораблей, подумала Сара. *Интересно, насколько далеко это заходит. До живой плоти на костях? До клеток организма?*

Изображение еще более увеличилось, переместившись на Нос передового корабля. На нем Сара и все находившиеся в ситуационном помещении увидели глифический символ, словно светящийся собственным светом. Он представлял собой несколько концентрических кругов.

Даже джиджоанский дикарь узнал бы в нем символ порядка «ушедших в отставку».

Теперь смотрите, что я наблюдал уже несколько раз. Беглецы из Фрактального Мира готовятся объявить о важном решении.

Сара почувствовала, что к ней подошел Эмерсон. Спокойно и непритязательно высокий раненый мужчина взял ее за руку, и они оба продолжали смотреть на этот роковой переход.

Передний корабль с неровным угловатым корпусом словно задрожал. Волны энергии прокатились вдоль всей его длины, начиная от кормы и собираясь у яркого символа на носу. На несколько мгновений свечение стало таким ярким, что Сара закрыла глаза.

Свет ослаб так же внезапно. Когда Сара посмотрела снова, глиф изменился. Исчезли круги. На их месте появились две соединенные короткие линии, встречающиеся под большим углом, как широкий треугольник без основания.

Знак соединения, провозгласил Нисс слегка приглушенным голосом. *Две судьбы встречаются под углом в сто четыре градуса.*

Джиллиан Баскин вздрогнула.

— Ага, — вот и все, что она сказала.

Сара подумала: *Терпеть не могу, когда она так делает.* Теперь ей надлежит попросить объяснения.

Но она не успела спросить, что означает эта загадочная смена эмблемы. Изображение переместилось, они увидели, как еще с несколькими кораблями в быстрой последовательности происходит такая же перемена: все они присоединились к передовому кораблю с символами из двух линий. Отделившись от прежних спутников, они образовали отдельную флотилию, которая двинулась вперед, словно в поисках нового назначения. И на следующем соединении линий перехода с вспышкой уровней вероятности перескочили узкий промежуток между линиями и унеслись Ифни знает куда.

Оставшиеся корабли продолжали изменяться и делиться. Снова по корпусам нескольких огромных судов пробежали волны энергии, корабли начали утрачивать свои равные очертания. Корпуса их, угловатые и неровные, словно

плавились, текли, а потом приобретали более гладкую универсальную форму… знакомую форму с симметричными гиперпространственными выступами, используемыми нормальными кораблями цивилизации Пяти Галактик.

Как и раньше, преобразование заканчивалось яркой вспышкой на носу. Только на этот раз, когда сверкание прекратилось, Сара увидела другой символ, сменивший концентрические круги, — спираль с лучами. Тот самый символ, который на носу «Стремительного».

Остальные, очевидно, решили, что их расовый дух еще не готов для трансцендентности. Они тоже решили отказаться от прежнего статуса «ушедших в отставку», но на этот раз чтобы присоединиться к обществу амбициозных враждующих звездных кланов кислорододышащих..

Возможно, они считают, что нужно завершить какое-то дело, прежде чем вернуться в Объятия Приливов.

Джиллиан серьезно кивнула.

— Этим незаконченным делом можем оказаться мы. Она повернулась к мостику.

— Каа! Держись подальше от любого корабля с галактической эмблемой!

Из заполненной водой контрольной рубки по-

слышался Дрожащий вздох на сложном тринари — выразительном поэтичном языке неодельфинов, который Сара только начала изучать. Ритмичные писки и щелканья, казалось, передают сдержанную иронию, и несколько присутствующих в ситуационном помещении усмехнулись остроумию пилота.

А Сара разобрала только одну фразу:

…кроме того, который кусает нас за хвост!

Конечно. Есть ведь еще один корабль со спиралью на н°су, и от него отделаться не так-то легко. Как тень следуя за земным судном — на расстоянии, которое большинство навигаторов сочли бы небезопасным, — джофурский дредноут постоянно виден на заднем экране. Без нового плотного защитного слоя Каа мог использовать полную силу двигателей, уходя от боевого крейсера в безумной гонке по нитям. Но сейчас это невозможно, «Стремительный» отягощен и маневрирует медленно, как торговый корабль.

Ну, без этого слоя мы поджарились бы при первом же ударе дезинтеграторов, подумала Сара. *И стали бы легкой добычей для джофуров. Так что, может быть, одно уравновешивает другое.*

Снова повернувшись к главному экрану, она наблюдала, как флотилия беженцев опять рас-

калывается. Те, что приняли спиральный галактический символ, начали отходить, направляясь назад, к страстям более молодой фазы.

От этого пункта перехода маршруты ведут во все четыре галактики. Те существа, что пилотируют корабли, несомненно, собираются присоединиться к своим прежним напарникам и клиентам.

Джиллиан фыркнула:

— Как дедушка и бабушка, возвращающиеся со Счастливых Акров, чтобы пожить с детьми и внуками. Интересно, насколько радостно их встретят?

Вращающаяся голограмма на мгновение застыла — выражение озадаченности. *Прошу прощения?*

— Не важно. — Джиллиан покачала головой. — Итак, мы видели, как у нас на глазах распался дом отставников, а его обитатели направились в трех разных направлениях. А как насчет этих? — Она показала на оставшиеся угловатые корабли, те, что сохранили первоначальный символ — концентрические круги.

Нисс возобновил вращение.

По-видимому, направляются к другой структуре Крисвелла. Расы-отставники не могут долго

находиться в том, что они именуют «мелким пространством». Они не любят космические перелеты и тоскуют об ощущении солнечных приливов. 0 поэтому предпочитают скрывать в глубине гравитационных колодцев, вблизи какой-нибудь прирученной звезды.

В данный момент я воспринимаю оживленную связь на коротких волнах… коммуникацию между кораблями… они расспрашивают друг друга об известных фрактальных общинах, где имеется достаточное пространство и солнечное излучение…

— Иными словами, они хотят знать, где в других домах отставников есть вакансии, чтобы заменить их убежище. Понятно.

Действительно. Но, кажется, им не очень везет. Большинство кораблей, которые мы сейчас видим, задают один и тот же вопрос.

— Что? Пришедшие из других входов? Они тоже ищут место для жизни? Но мне казалось, существуют десятки тысяч таких обиталищ, и в каждом достаточно места, чтобы…

Подождите немного. Мне нужно взглянуть на это.

Наступила тишина. Вращающиеся нити сплелись тесней, машина прислушивалась. И когда

снова заговорила, синтетический голос звучал тише, как будто изумленно.

Кажется, доктор Баскин, катастрофа, которую мы наблюдали во Фрактальном Мире, не изолированный эпизод.

Последовала новая долгая пауза, как будто Ниссу потребовалось проверить, подтвердить то, что он узнал.

Да, сказала наконец машина. *Странный и трагический факт подтверждается. По всей Четвертой Галактике происходит разрушение структур Крисвелла.*

Саре трудно было представить себе это. Катастрофа, свидетельницей которой она стала — фантастически огромное жилище, обиталище квадрильов, взорвалось у нее На глазах, — эта катастрофа не может повторяться повсеместно! И тем не менее корабли беженцев, пролетающие мимо Гордиевых узлов и изогнутых арок пункта перехода, отрывочно сообщали об одном и том же.

— Но… мне казалось, что все эти стычки и разрушения произошли из-за нас!

Я тоже так полагал, мудрец Кулхан. Но, возможно, это произошло потому, что мои создатели тимбрими заполнили матрицу моей

личности своим преувеличенным эготизмом и сознанием собственной важности. Однако существует и другое объяснение того, что произошло во Фрактальном Мире. Мы можем быть подобны муравьям, мечущимся под горящим домом, убежденным, что так происходит, потому что наша королева не отложила яйца.

Сара поняла, к чему клонит Нисс, и эта мысль ей не понравилась. Как ни страшно, когда тебя преследуют огромные силы, есть одно параноидальное утешение. Это подтверждает твою важность в грандиозном порядке мира, особенно если эти могучие существа готовы уничтожить собственный дом, лишь бы добраться до тебя. Но Нисс намекает, что их страдания во Фрактальном Мире были *случайны,* это небольшое второстепенное представление на фоне таких масштабных событий, что люди не могут даже понять всей картины.

— Но… но в таком случае… — начал маленький, похожий на краба квуэн — Клешня. — В таком случае, кто разрушил Фрактальный Мир?

Никто не ответил. Ни у кого не нашлось ответа, хотя Сара начала размышлять над одной возможностью. Такой тревожной, что она возникла у нее только в математической форме. Намек

на уравнения и пограничные условия, о которых она старалась думать бесстрастно… иначе последствия слишком глубоко потрясли бы ее, подорвав веру в стабильность самого космоса.

Тш'т, лейтенант дельфин, направила разговор в прагматическое русло.

— Джиллиан, Каа докладывает, что мы приближаемся к соединению, которое может доставить нас во Вторую Галактику. Ты по-прежнему хочешь лететь в Танит?

Светловолосая женщина устало пожала плечами.

— Если никто не заметил ошибок в моих рассуждениях.

Теперь машина Нисс снова заговорила сардоническим тоном:

Найти ошибки нетрудно. Вы посылаете нас в хаос и насилие, в ту часть вселенной, где наши враги наиболее многочисленны.

Нет, доктор Баскин. Не спрашивайте об ошибках.

Спросите) нет ли у кого идеи получше.

Джиллиан снова пожала плечами.

— Ты говоришь, что джофуры в любую минуту могут найти способ справиться с нашей новой защитой. Мы должны найти убежище, прежде

чем это случится. Всегда остается надежда, что Институты…

— Что ж, — вмешалась Тш'т. — Наша цель — Вторая Галактика. Сектор Танит. Планета Танит. Я прикажу Каа продолжать.

Теоретически клиент не должен прерывать патрона. Но Тш'т только старалась действовать эффективно.

В то же время Сара подумала: *Мы приближаемся к Земле. И скоро будем так близко, что Солнце будет видно невооруженным глазом, всего в нескольких сотнях парсеков, практически за углом.*

Может, мне никогда не удастся быть так близко к Земле.

Джиллиан кивнула.

— Да, пусть продолжает.

ГАРРИ

Примерно спустя один субъективный день после начала преследования нарушителей Гарри узнал, что прямо перед ним препятствие.

Быстро преодолевая странные области пространства E, °н старательно выполнял свою главную задачу — выкладывал пакеты с инструментами для Вер'Кв'квинна вдоль извилистой трубы, в которой находится вся пространственная вселенная. Все известные ему галактики, включая сложные гиперпространственные соединения, называемые пунктами перехода, лежат внутри Авеню. Когда он останавливался, чтобы взглянуть на нее, Гарри видел уникальную искаженную перспективу созвездий, плывущих туманностей, даже целых спиральных рукавов, сверкающих звездным светом и излучением возбужденного газа. Казалось странным, противоречащим всем интуитивным законам разума, что пространство, заключенное внутри трубы, неизмеримо больше окружающего его царства метафор.

Но к этому времени Гарри уже научился жить во вселенной, сложность которой превосходит

возможности его бедного рассудка.

Выполняя работу, порученную ему Вер'Кв'квинном, Гарри продолжал двигаться на максимальной разумной скорости, идя по следу, оставленному предыдущими посетителями этого экзотического царства.

Почему-то этот след вызывал у него подозрения.

Конечно, мне следовало бы затаиться и подождать, пока истечет назначенный Вер'Кв'квинном срок, затем собрать камеры и убираться отсюда, прежде чем эта зона метареальности не преобразуется снова, не растает вокруг моего корабля, прихватив меня с собой.

Так опасна и хрупка эта местная зона странных форм и искаженной логики, что даже мемосущества, представители естественного порядка жизни пространства Е, выглядели напряженными и встречались редко, как будто воплощенные идеи находили этот район таким же неприятным, как и сам Гарри. Он видел лишь несколько простых идей-существ, которые паслись на равнине пушистых кактусоподобных стеблей. И большинство из этих идей казались не более сложными, чем простое утверждение «Я существую».

Как будто вселенной не все равно.

Быстрый корабль легко шел по следу, оставленному предыдущими нарушителями. Объекты, состоящие из реальной материи, оставляют в пространстве Е отчетливые следы. С любого физического объекта, который посмеет вторгнуться в это царство чистых абстракций, постоянно отлетают крошечные кусочки, испаряются атомы. Это могут быть частица атмосферы из систем жизнеобеспечения или осколки металлического корпуса размером в шесть-семь атомов.

Постепенно след становился все теплее.

Интересно, зачем они явились сюда, думал Гарри. Самому старому следу около года… если можно доверять измерителю субъективной продолжительности, который оценивает скорость разложения здесь протонов, превращая их массу в микроскопические утвердительные заявления. Судя по профилю рассеивания, можно считать, что самый первый из прошедших здесь кораблей маленький, не больше его подвижной станции.

Они должны были быть в отчаянном положении, чтобы прийти сюда… или просто заблудились.

Второй след ненамного новее, это след гораздо большего корабля, хотя все же не такого массивного, как корвет. Он явно преследует первый

корабль.

Неоднократно проверив молекулы образцов, Гарри убедился, что оба корабля относятся к его собственному порядку жизни. Галактические космические корабли с представителями кислородного порядка жизни на борту, активные, энергичные, амбициозные и потенциально очень опасные жизненные формы.

Третий след какое-то время ставил его в тупик. Корабль проходил здесь недавно, может, всего несколько дней назад. Настоящее облако атомов все еще вилось за ним. Датчики, забирающие пробы и отходящие от корабля Гарри, как хемочувствительные антенны какого-нибудь насекомого, свидетельствовали о металлокерамических профилях, характерах для машинного порядка жизни.

Как сотрудник Института Гарри постоянно высматривал признаки подозрительного поведения со стороны машинных существ. Несмотря на запретительные программы, вживленные в них миллиарды лет назад, машины по-прежнему Подвержены вспышкам неконтролируемого размножения, хватая и используя любое доступное сырье, создавая копии самих себя в экспоненциально растущем темпе.

Конечно, такая проблема существует и у всех остальных порядков жизни, поскольку неограниченное распространение является общей чертой всего того, что можно назвать «жизнью». И кислородные существа приближали экологическую катастрофу Пяти Галактик, иногда допуская неограниченный рост населения и истощая ресурсы планет быстрее, чем те могут восстановиться. Отсюда и законы миграции, согласно которым обширные галактические зоны регулярно объявляются невозделанными, чтобы они смогли восстановиться. Но машинное размножение может быть особенно стремительным и ненасытным и часто начинается в темных уголках, куда никто не заглядывает. Однажды всего за десять миллионов лет волна самостоятельного воспроизведения набрала такую силу, что захватила все планетоиды в Третьей Галактике, превратив каждый грамм материи в длинные тонкие автоматы… которые затем принялись уничтожать *планеты.* Потребовалось создать коалицию остальных форм жизни, чтобы вмешаться и прекратить эту катастрофу.

Но машины были не единственной заботой Гарри. В такие времена, когда кислородная цивилизация разрывается внутренними распрями,

необходимо следить чтобы этим не воспользовались соперники — представители культуры водорододышащих.

Однако следы, которые уловил Гарри, казались скорее необычными, чем опасными. Большое количество металлических остатков позволяло предположить, что эта машина повреждена. Были и другие аномалии. Сенсоры станции улавливали аминокислоты и другие органические остатки. Возможно, небольшое количество кислородной жизни сопровождает корабль-машину. Может быть, в качестве груза? Иногда мехи используют биологические компоненты, которые устойчивей простых логических цепей и лучше выдерживают воздействие космических лучей.

Через каждый мидур Гарри приходилось останавливаться, чтобы выпустить очередной пакет Вер'Кв'квинна. Он старательно прицеливался, чтобы пакет попал в Авеню и начал собирать данные для техников Института. Гарри надеялся, что эти данные окажутся ценными.

Конечно, у босса и так хватает данных: инструменты установлены не только на гиперпространственных уровнях А, Б и Ц, но и во всех пунктах перехода. Больше того, все путники обязательно сообщают обо всем встреченном во время полета.

Зачем было посылать Гарри собирать информацию в таком странном месте? Но кто он такой, чтобы судить?

Я в самом низу тотемного столба. Могу лишь как можно лучше выполнять свою работу и не пытаться перехитрить шефа.

Во время предполетного инструктажа Гарри узнал, что на всех маршрутах Пяти Галактик наблюдаются признаки напряжения. Разрывы и отклонения стали настолько частыми, что торговля несет значительные убытки. Однако когда Вер'Кв'квинн попытался сделать запросы в высших сферах Института, отчетливого ответа он не получил. Только успокоительные и уклончивые заверения:

Эти происшествия не являются неожиданными.

Меры были приняты (очень давно) для решения этой проблемы.

Агенты вашего уровня не должны заниматься причинами или долговременными последствиями.

Исполняйте свои обычные обязанности. Защищайте маршруты. Охраняйте население. Продолжайте сообщать данные. Я прежде всего не допускайте паники. Вселяйте в общество

Уверенность.

Содержите оборудование в полной готовности.

Отмените все отпуска.

Инструкции такого типа не казались Гарри вдохновляющими. Даже Вер'Кв'квинн был встревожен — хотя, конечно, трудно судить о настроении сухопутного моллюска.

Ситуация заставляла Гарри снова и снова думать о его нынешнем дежурстве.

Возможно, Вер'Кв'квинн не получал у своих боссов разрешения на мой полет. Он направил меня, чтобы посмотреть на происходящее с перспективы, которую в штабе не могли предвидеть.

Гарри ценил доверие своего начальника… но в то же время тревожился из-за последствий.

Неужели все распадается? — думал он. *Может, проповедник скиано прав. Если это конец света, что еще можно делать, как не смотреть на состояние своей души?*

За мидур до отлета на это дежурство он со смешанными чувствами и с некоторой тревогой принял приглашение скиано посетить собрание его последователей. Зайдя в небольшой склад в дешевом районе Каззкарка, он увидел самых разных существ, входящих в необычную новую

секту.

Тут была пара дородных синтианцев — существ, традиционно симпатизирующих земным обычаям и концепциям, а также несколько маленьких вазунов, пучеглазый прингг, три пор'н'ата, полосатый ругуггл и…

Гарри помнит, как удивленно покачнулся в отчаянии, увидев толпу страшных Братьев Ночи! Братья, с мускулистыми руками и акульими лицами, были известны непостоянством своих религиозных импульсов, они становились последователями самых разных сект и фанатично следовали их заветам… пока не знакомились с другой сектой. Тем не менее Гарри поразило, что он видит их здесь, в таком смешанном обществе, рядом с существами, которые обычно не имеют никаких контактов с этим кланом.

Все эти разнообразные верующие собрались перед символом, который показался Гарри одновременно очень странным и тревожным, — это было голографическое изображение Земли, родины его вида неошимпанзе. Земля была изображена на фоне крестообразных исходящих от нее лучей. Голограмма повернулась, планета словно разбухла, а затем взорвалась, добавив свою суть к ярким лучам. Символическое изоб-

ражение дара просвещения, сделанного путем полного самопожертвования.

Несколько мгновений спустя планета чудесно воскресла, и цикл начался снова.

Нас учили, что цель жизни — наше совершенствование, проповедовал скиано, говоря вначале на диалекте галдва, сверканием собственных глаз, потом почти одновременно на галактическом семь — через автоматический переводчик в руке.

Несомненно, это справедливо. Эта истина переходит границы всех порядков и классов. После достижения разума жизнь не должна быть простым генетическим продолжением. Давным-давно Прародители учили, что наша высочайшая цель — сознание своей цели. Чтобы существование имело смысл, нужна цель. Цель, к которой должны стремиться наши жизни.

Но что совершенно в этой вселенной? Конечно, не материя, которая разлагается, со временем уничтожая даже величайшие создания, превращая грандиозные памятники в тусклые следы радиации. Любой индивидуальный организм стареет и со временем умирает. Некоторые достижения могут быть записаны и сохранены, но подлинные усовершенствования со временем

стираются и пропадают.

Даже космос, который мы воспринимаем своими органами чувств, кажется, обречен на энтропию и хаос.

Только виды со временем становятся лучше. Вначале слепая эволюция готовит путь на мириадах планет-детских, испытывая бесчисленные типы животных, пока не возникнут драгоценные предразумные формы жизни. Затем эти формы попадают в благословенный цикл принятия и Возвышения, получая Руководство со стороны тех, кто пришел раньше, и со временем ускоряя свое совершенствование.

До этого момента путь, указанный Прародителями, был хорошим и мудрым. Он означал, что планеты-детские священны и должны охраняться. Он обеспечивал передачу мудрости в бесконечном цикле воспитания.

А когда старшие виды научили всему, чему могли, достигнув высоких уровней вдохновения и проницательности? Тогда наступает их очередь уйти от жизни космических путников и искать расового совершенства в любящем Объятии Приливов.

Говорят, что и сами Прародители пошли по этому пути, в тиски гравитации, и ждут там все

новые генетические линии, которые достигнут полной трансцендентности.

Скиано стиснул свои снабженные присосками руки и наклонился к собравшимся.

Но единственный ли это путь к совершенству? Такой долговременный, ориентированный только на спасение видов взгляд кажется холодным, особенно в наши дни, когда осталось совсем мало времени. И молодые расы просто не успеют пройти прежним путем.

К тому же где здесь место для индивида? Конечно, большое удовлетворение получаешь, зная, что твоя жизнь прошла не напрасно, что следующее поколение будет лучше твоего и тем самым продвинется чуть ближе к совершенству. Но где награда для преданных, хороших и честных в этой жизни?

Ведь индивиду не предлагается ни продолжение, ни трансцендентность.

Поистине, друзья и товарищи, я здесь, чтобы сообщить вам, что такая награда существует! Она приходит из самого маловероятного места. Со странной маленькой планеты, где волчата поднялись к разуму самостоятельно, цельным и девственным путем, после долгого трудного Самовозвышения, и их полное одиночество смяг-

чали только песни китов.

Только это… и еще успокаивающее обещание, данное им единственным истинным Богом.

Обещание ужасное и прекрасное. То обещание, которое маленькая планета Земля вскоре исполнит, принеся себя в жертву ради всех наших грехов. Да, она пожертвует собой ради всех индивидуальных существ.

Это обещание спасения и вечной жизни.

После отправки последнего пакета у Гарри еще оставалось время до того, как начать их собирать, поэтому он снова занялся нарушителями.

Все трое держались вблизи Авеню… разумная предосторожность, поскольку обычные космические корабли не приспособлены для навигации в пространстве Е. Таким образом, у них сохраняется возможность нырнуть в реальную вселенную, если здесь, в царстве мемо, что-то пойдет не так.

Конечно, «нырок» в Авеню тоже связан с опасностями. Например, вы действительно можете появиться в одной из Пяти Галактик, и каждый атом будет правильно расположен по отношению к своим соседям… но все они будут разделены не ангстремами, а метрами, ваше тело приобретет размеры звезды и плотность самого разреженного вакуума.

Но даже если корабль и его экипаж сохранят физическое сцепление, вы можете появиться в районе пространства, далеком от всех бакенов или п-пунктов, и буквально станете заблудившимся и выброшенным на берег.

Корабль Гарри по сравнению с другими гибок и гораздо более приспособлен для такого странного способа передвижения. Он сконструирован специально для пространства Е, его пилотирует хорошо подготовленный живой наблюдатель, и он способен отыскать гораздо более безопасные пункты входа и выхода, чем сама Авеню.

Из кораблей, которые преследовал Гарри, его больше всего беспокоило машинное существо, вызывая нечто вроде жалости.

Оно здесь крайне уязвимо. Бедный мех должен почти вслепую нащупывать путь.

Гарри ускорил передвижение станции на полусогнутых ногах; ему было любопытно узнать, что может заставить машинное существо вторгнуться в пространство Е, идя по следу двух кораблей кислородников. Вскоре он начал отмечать следы цифрового сознания — явное доказательство действия компьютеров высокого уровня. Они постоянно и без маскировки работают где-то в глубине этой дымки.

Все равно что посылать открытое сообщение всем хищным мемо по соседству. Эй вы! Хищники. Придите и сожрите меня!

Гарри всматривался в дымку, чтобы получше разглядеть фантастически крутой *утес* впереди, серовато-белый, покрытый симметричными красноватыми пятнами. Неожиданная преграда поднималась вертикально, исчезая в тумане через несколько метров — или миль — над головой, а сверкающая, похожая на трубу Авеню словно уходила прямо в него!

Красновато-оранжевые пятна размещены строго геометрическими рядами, словно бесконечный строй боевых кораблей. Гарри с сомнением разглядывал их, пока пилот не определил, что это двумерная раскраска. И ничего больше.

Станция, покачиваясь, двинулась дальше по степи с пушистыми растениями, и вскоре Гарри увидел отверстие, достаточно широкое, чтобы пропустить Авеню. Остается еще небольшое пространство, которое позволяет войти разведочной станции или небольшому кораблю.

Кажется, кто-то здесь использовал энергетическое оружие, задумчиво сообщил режим пилотирования.

Теперь Гарри видел, что пещерообразное отвер-

стие расширено какой-то разрывающей силой. По краям отверстия разбегаются трещины. Среди пушистых цилиндров лежат обломки стены.

— Придурки! Их корабль был слишком велик, чтобы войти. И вместо того чтобы искать метафору, которая бы их пропустила, они проламывают дорогу!

Гарри покачал головой. Опасно пытаться силой изменить пространство Е. Гораздо лучше действовать, подчиняясь его необычным правилам.

Очевидно, это произошло год назад, когда больший корабль пытался преследовать меньший. Хотите включить режим наблюдения, чтобы установить, какое оружие использовалось?

Гарри покачал головой.

— На это нет времени. Мы явно имеем дело с идиотами… или фанатиками. И то и другое означает неприятности.

Гарри всмотрелся в черноту, окружающую Авеню. Несомненно, здесь еще одна граница перехода. И как только он ее пересечет, метафорические правила снова изменятся.

Вер'Кв'квинну это не понравится. Нет никаких гарантий, что, войдя, Гарри сможет вернуться тем же путем. А ведь предполагается, что его первейшей обязанностью являются пакеты с

инструментами.

После долгой паузы, проведенной преимущественно в почесываниях в стиле неошимпанзе, он хмыкнул и принял решение.

— Входим, — приказал Гарри. — Подготовиться к смене символов! — Он сел в кресло командира и пристегнулся. — Закрыть жалюзи и…

Курсивное «П» вспыхнуло ярче.

Предупреждение! Что-то приближается!

Гарри выпрямился и осмотрелся. Половину его поля зрения занимал крутой утес. В другой половине тянулась Авеню, уходя в ту сторону, откуда он пришел, по открытой равнине пушистых растений, насколько позволяла видеть дымка.

Дергая себя за большие пальцы, он вспомнил первое правило безопасности в пространстве Е. Если сомневаешься в незнакомце, сиди тихо и узнай, кто это, раньше, чем он узнает о тебе.

— Идентификация? Ты можешь сказать, что приближается?

Программа пилотирования колебалась всего лишь мгновение.

Объект неизвестен. Он приближается внутри зоны перехода.

Он в темной пещере прямо впереди! Значит, исключается нырок вперед, чтобы спрятаться.

Гарри поерзал, отчаянно ища подходящую идею.

— Нам нужно убраться из виду, — сказал он. — Но как? *Не могу ответить, если только мы не решим улететь. Вы*

Еще не нашли способ, Харви?

— Нет, черт тебя побери, не нашел! *Привидение приближается.*

Гарри кулаками ударил по ручкам кресла. Пора что-то придумать.

— Двигаемся к стене!

Станция отозвалась проворным галопом. Сунув руки и ноги в главные контрольные рукава, Гарри крикнул:

— Беру управление на себя!

И когда станция добралась до крутой стены, он протянул две передние ноги и заставил прижаться плоскими ступнями к гладкой поверхности.

Гарри затаил дыхание.

Затем, так естественно, словно она для это и создана, станция начала подниматься по стене.

ОЛВИН

Я должен поспешить с этим отрывком из дневника. Некогда отделывать стиль. И нельзя попросить автописца исправить грамматику или заменить слова. Мы уже на борту одной из теннанинских шлюпок, хотя все еще в «Стремительном»; стартуем меньше чем через мидур. Нужно записать побыстрее, чтобы копия осталась на корабле.

Понимаете, я хочу, чтобы экземпляр был у Джиллиан Баскин, потому что мы понятия не имеем, чем кончится наш полет. Нас отправляют в надежде на то, что шлюпка благополучно доберется до безопасности, а сам «Стремительный» двинется навстречу таким опасностям, которые никогда раньше не встречал. Но может получиться и наоборот. Если я чему-то и научился в наших приключениях, так это тому, что заранее ничего нельзя считать гарантированным.

К тому же доктор Баскин дала мне обещание. Если она уцелеет, а мы нет, она позаботится, чтобы мой дневник был опубликован на Земле или где-нибудь еще. Так что даже если я умру, то все равно стану настоящим писателем. И то, что я

написал, будут читать и через столетия и, может быть, на многих планетах.

Я думаю, это здорово и почти примиряет меня с разлукой, хотя прощаться с друзьями на борту корабля почти так же тяжело, как было с семьей на Джиджо.

Ну, по крайней мере один член экипажа отправляется с нами, он поведет наш маленький корабль. Доктор Баскин отдает нам своего лучшего пилота, чтобы мы благополучно добрались до цели.

— Кажется, первоклассный пилот не сделает ваш полет более безопасным, — сказала она нам. — Но с вами, ребята, должен быть Каа, если вы хотите получить хотя бы небольшой шанс.

Гек, конечно, замахала всеми четырьмя стебельками и начала протестовать тем особым жалобным тоном, который г'кек-подросток способен довести до совершенства.

— Нас изгоняют! — завывала она. — Именно в тот момент, когда начинается самое интересное!

— Это не изгнание, — ответила Джиллиан. — Вы выполняете важное и опасное поручение. Такое, для которого подготовлены только джиджоанцы. Поручение, которое сделает все, через что мы прошли, не напрасным.

Конечно, они обе правы. Я не сомневаюсь в том, что отчасти нас отсылают, потому что мы молоды и Джиллиан чувствует себя виноватой, что держит нас на борту, где с каждым дуром становится все опасней, причем опасность надвигается одновременно с десятка направлений. Она явно предпочитает, чтобы мы четверо, и особенно г'кек, оказались где-нибудь в безопасности, и поскорее.

С другой стороны, не думаю, чтобы она рассталась с Каа, если бы на это не было важной причины, которая помогла бы ей завершить свою миссию. Я верю, что она искренне хочет, чтобы мы благополучно пронесли нашу тайну через Пять Галактик и каким-то образом связались с Террагентским Советом.

— Раньше, только с людьми и дельфинами на борту, мы не могли этого сделать, — объяснила доктор Баскин. — Даже если бы нам тайком удалось добраться до какого-нибудь далекого порта, стоило нам заговорить, чтобы купить припасы или спросить о направлении, как нас тут же заметили бы. Земляне слишком известны, они пользуются слишком дурной репутацией, чтобы кто-нибудь из нас сегодня мог оставаться инкогнито.

Но кто обратит внимание на молодого ура? Или на маленького красного квуэна? Или на хуна, идущего по пристани? Вы типичные потрепанные звездные путники, продающие крупицы информации, подобранной по пути, чтобы оплатить проезд четвертым классом или чтобы по личному делу добраться до сектора Танит.

Конечно, Гек придется прятаться или маскироваться — вы можете перевозить ее в контейнере для животных, пока не достигнете безопасного места. Тимбрими защитят ее. Или, может быть, теннанинцы — конечно, если она примет условия договора и их напыщенные советы относительно проведения кампании расового усовершенствования. В любом случае слишком многое от нее зависит, чтобы рисковать.

Напоминание Джиллиан заставило Гек перестать протестовать против того, что ее «пересылают с места на место». Из всех путников у моей подруги больше всего оснований оставаться живой. Она единственный живой г'кек за пределами Джиджо, и поскольку джофуры могут уничтожить всех г'кеков у нас дома, похоже, ее призвание отныне не путешествия, а выращивание потомства. И эту перспективу она находила отрезвляющей.

— А как же Каа? — спросила Ур-ронн, покачивая гладкой длинной головой и говоря с заметным урским акцентом. — Трудно будет замаскировать БОЛЬШОГО дельфина. Мы должны носить его в вагаже?

Не обращая внимания на урский сарказм, доктор Баскин покачала головой.

— Каа не будет сопровождать вас по пути к Танит. Он слишком заметен. К тому же я дала ему обещание, и пора его выполнить.

Я собирался спросить об этом… какое обещание она имеет в виду… когда в ситуационное помещение вошла лейтенант Тш't, чтобы сообщить, что погрузка припасов для путешествия в шлюпке закончена.

Хуфу, мой любимый нур, сидела у меня на плече. Но ее разумный родственник, таинственный титлал по имени Грязнолапый, вылизывал шерсть на соседнем столе для совещаний, напоминая земное животное — выдру, если бы не белая щетина на шее и выражение крайней скуки и отвращения.

— Ну? — спросила у него Джиллиан, хотя с самого отлета с Джиджо он отказывается говорить. — Хочешь увидеться с тимбрими и доложить им, как обстоят дела на Джиджо? Или

отправишься с нами, за пределы нормальных порядков жизни?

Я думаю, формулируя таким образом, Джиллиан ожидала только одного ответа от любопытного титлала. Но меня не удивило, что она получила другой.

Титлал готов откусить кончик собственного хвоста ради хорошей шутки.

Думаю, нужно рассказать, как мы добрались до этого момента — торопливо снаряжая шлюпку, чтобы отослать ее подальше от того места, куда направляется «Стремительный».

Причина в том, что Джиллиан как будто получила гораздо лучшее предложение.

Или по крайней мере такое, от которого не смогла отказаться.

Как мы дошли до того, что наши пути расходятся?

Когда я остановился в прошлый раз, «Стремительный» несся по сложным линиям пункта перехода всего в нескольких десятках полетов стрелы от боевого корабля джофуров, который цеплялся за нас, как прыгун прерий цепляется за своего последнего детеныша. Казалось, у нас только один способ оторваться от врага — направиться прямо к штаб-квартире одного из больших

Институтов, где будет большое движение и множество других боевых кораблей поблизости. Если все получится, вскоре Институт объявит перемирие и защитит нас, прежде чем «Стремительный» будет уничтожен.

Конечно, трудный план, но лучше никто не смог предложить. И он не позволил бы джофурам использовать наши тайны против других кланов Пяти Галактик.

И вот мы здесь, несемся вдоль линии п-пункта, избегаем столкновений с кораблями с сотен разрушенных фрактальных миров, которые распадаются по всей Четвертой Галактике.

Не спрашивайте меня, почему и как это случилось, потому что я сам не понимаю. Но по крайней мере один из джиджоанцев представляет себе происходящее. Мудрец Сара как будто понимает, почему часть этих огромных кораблей меняет форму прямо у нас. на глазах — и не только форму, но и символ на носу.

Как я понял, некоторые из этих беженцев ищут новый дом для отставников, чтобы возобновить спокойную, полную размышлений жизнь. (Хотя, кажется, очень трудно найти свободные места.)

Другие решили отказаться от этого комфортабельного существования и на время нынешнего

кризиса вернуться к своим родичам в кислородном порядке жизни. Доктор Баскин хотела пройти вместе с этой толпой, которая пытается добраться до самых населенных зон Пяти Галактик.

Есть и третий выход, избранный меньшей частью — теми, кто счел себя готовым подняться на следующую ступень лестницы разума, к гораздо более высокому состоянию. Но мы считали, что нам эта группа не причинит препятствий.

Как же мы ошибались!

И вот мы здесь, в самом центре пункта перехода, у похожей на узел с петлей структуры, которую Каа называет *трансгалактической связью* и которая вытолкнет нас из старой Четвертой Галактики… когда это случится.

Прогремела тревога, мы свернули на новую нить, всю в петлях, и вот она перед нами.

Вначале я увидел плывущее облако света, бесформенное, без намека на внутреннее строение. Но когда мы приблизились, картина изменилась. У меня создалось впечатление гигантского существа со множеством извивающихся рук! Эти придатки устремлялись к нитям перехода, сходящимся к существу, и *срывали корабли, как ягоды с лозы!*

— . Ух… это нормально? — спросила Гек… без

всякой необходимости, потому что мы видели выражение лиц наших друзей с Земли. Они никогда ничего подобного не встречали.

Запинаясь, Клешня благоговейно спросил:

— Это Б-б-бог?

Никто не ответил, даже саркастическая машина Нисс. Мы неслись прямо к этой гигантской штуке, и у нас не было никакой возможности вовремя уйти от нее. Мы могли только смотреть и считать проходящие дуры, несясь навстречу сиянию в ожидании своей очереди.

Свет заполнил все небо. Огромный луч упал на нас… и неожиданно все начало происходить о-ч-е-н-ь м-е-д-л-е-н-н-о.

Странные ощущения распространялись из желудка, а кожа в то же время необычно оцепенела. «Стремительный» сдернули с нити перехода, и рев машин сменился шепотом. Все экраны заполнились белизной, в этом свете как будто не было никакого тепла. Парализованный страхом, я думал, что нас глотает какое-то голодное чудовище. А может, это бесстрастный природный феномен. Впрочем, какая разница?

Оттенок освещения настолько совершенен, обладает такой великолепной текстурой, что я неожиданно понял, что это может быть только

чистая и дистиллированная смерть.

Сколько длился этот переход, понятия не имею. Но постепенно ослепительный свет ослаб, и странные желудочные ощущения прошли. Двигатели «Стремительного» по-прежнему работали приглушенно, но время вернулось к нормальному ходу. И мы смогли отчетливо видеть.

Сара крепко держалась за Эмерсона, а Прити, маленький шимп, обнимала их обоих. Ур-ронн жалась к Гек и Клешне, а Хуфу и Грязнолапый всеми когтями вцепились мне в плечи.

Мы осматривались, пораженные тем, что еще можем это делать.

Экраны снова ожили, показывая, что мы по-прежнему внутри искривленных кишок пункта перехода… только мы больше не касались нити! Казалось, «Стремительный» окружает большой пузырь истинного пространства.

И не только «Стремительный». Со всех сторон, расположенные длинными рядами, висели другие космические корабли! Большинство гораздо больше нас. И все молча, по-видимому, чего-то ждали.

С опозданием рядом с нами наконец возникла голограмма Нисса. Путаница его линий казалась напряженной и встревоженной.

Я вижу только одну общую особенность у всех этих кораблей, сказал он. *На всех знак Единства. Символ, состоящий из двух линий, сходящихся под углом в сто четыре градуса. Эмблема Трансцендентности.*

Теперь, глядя на это белое сияние, мы видели, что оно каким-то образом *сортирует* корабли, которые снимает с нитей перехода. Некоторые — таких большинство — собираются вокруг светящегося шара и отправляются назад. И сразу исчезают, как будто торопятся сбежать в другие галактики.

Но примерно каждый сотый корабль отводится в сторону. Белое сияние как будто внимательно осматривает его со всех сторон, а потом большинство из осмотренных присоединяется к нашей фаланге избранных…

Кто мы, избранные? Пленники? Образцы? Кандидаты? Закуска?

К нашему облегчению, это последнее предположение не подтвердилось; мы увидели, что ближайший космический корабль внезапно запульсировал мягким свечением, проходя обратное преобразование. Через мгновение символ из двух линий снова сменился концентрическими кругами. И корабль сразу начал выходить

из строя, возвращаясь в поток улетающих беженцев.

— Струсили, — диагностировала как всегда милосердная в оценке других Гек. Пока мы наблюдали, то же самое произошло еще несколько раз. Но белое сияние продолжало добавлять все новых членов к нашим рядам.

Эмерсон д'Аните принялся настраивать дисплей дальнего обзора и вскоре хмыкнул, указывая на свое открытие — что наш пузырь локального пространства-времени не единственный! Поблизости было не меньше десятка других, а возможно, и гораздо больше. В некоторых находились угловатые, в форме фракталов корабли, как те, что рядом с нами. Другие были заполнены желтыми пузырчатыми фигурами, приблизительно шарообразной формы, которые иногда сливались или разделялись, словно капли жира.

— Занги, — определил Эмерсон, явно гордясь тем, что может вслух назвать эти комковатые объекты, как будто это единственное слово может рассеять наше недоумение и смятение.

— Гм, — начала Сара. — Кто-нибудь понимает, что тут происходит? Может, я что-то пропустила? Неужели нас ошибочно приняли за членов порядка трансцендентной жизни?

Лейтенант Тш'т мотнула большой пятнистой серой головой.

— Неплохое было бы повышение, — сардонически заметила она.

Действительно, согласился Нисс. *Большинство кислорододышащих существ проводит сотни тысяч лет в торговле, Возвышении, войне и звездных полетах, прежде чем чувствует призыв, отыскивает спокойную звезду и живет возле нее в Объятиях Прилива. Вступив в порядок «ушедших в отставку», такие существа могут провести здесь еще миллионы лет, готовясь к следующей ступени.*

Ур-ронн высказала предположение:

— Может, спросить у отрасли Вивлиотеки, которая у вас на ворту?

Вертящийся Нисс ответил:

В Галактической Библиотеке мало информации о порядке «ушедших в отставку», поскольку старейшие обычно говорят, что это не наше дело.

А что касается того, что происходит еще позже… что ж, тут мы погружаемся в область религии. Большинство главных культов Пяти Галактик как раз основано на этом пункте — что значит для расы перейти в трансцендент-

ность. Многие верят, что первыми по этому пути прошли Прародители, попросив остальных следовать за ними. Но…

— Но это не ответ на вопрос Сары, — закончила Джиллиан Баскин. — Почему *нас* отобрали, чтобы мы присоединились к сборищу? Может быть…

Она замолчала, заметив, что немой бывший инженер Эмерсон д'Аните жестами просит обратить внимание. Он все время постукивал себя по носу, потом указывал вперед, на окно, отделявшее ситуационное помещение «Стремительного» от мостика. Вначале никто ничего не понял. Затем Тш'т понимающе пискнула:

— Нос корабля? Помните, как фракция древних и машины переделали наш корпус, дав нам новое неизвестное оружие. А что, если они так же изменили и наблюдателя ИРП на борту? Никто из нас туда с тех пор не заглядывал. Может, там уже нет спиралей с лучами! Может быть, там…

Она не закончила. Мы все поняли, к чему она ведет. На носу «Стремительного» эмблема, которая делает нас теми, кем мы определенно не являемся.

Остальные нашли такое предположение вероятным… хотя никто не мог понять, зачем это понадобилось нашим благодетелям. Или какими

могут быть последствия, когда это установят.

Я смотрел на Джиллиан Баскин, стоящую впереди всех, и видел, что она не принимает эту теорию. У женщины, очевидно, было на уме что-то другое. Возможно, иное объяснение нашего пребывания здесь.

Вероятно, я был единственным, кто расслышал слово, произнесенное ею печальным и покорным тоном.

Я записываю это слово сейчас, хотя понятия не имею, что оно означает.

Вот что она сказала:

— *Херби…*

Итак, мы нашли себе общество.

Кажется, «Стремительный» все-таки отыскал убежище… своего рода. По крайней мере корабля джофуров не видно, хотя кто знает, не покажется ли он вновь. Во всяком случае, доктор Баскин решила не сопротивляться этому повороту колеса судьбы, но воспользоваться им и посмотреть, куда это нас приведет.

Но мы, из Вуфона, этого не увидим. Мы поднимемся на борт старой теннанинской звездной шлюпки — у которой на носу по-прежнему спиральный символ, — и пилот Каа благополучно выведет нас во Вторую Галактику. Это

будет нелегко. Особенно трудно прикрепиться к быстрой линии перехода из этого странного пространственного пузыря. И когда мы найдем какой-нибудь захудалый космопорт, где никто нас не заметит, это будет только началом наших трудностей.

Там, если позволит поворот кости Ифни, мы начнем действовать как посланцы Джиллиан, доставим нашу ценную информацию, а потом, может быть, подумаем и о том, как жить дальше.

Как и Гек, я испытываю смешанные чувства. Но что еще мы можем сделать? Только попытаться.

Тш'т уже закончила погрузку припасов в наш трюм. Каа в специальном пилотском седле бьет плавниками, ему не терпится начать полет. Те, кто остается, уже обняли нас и пожелали нам удачи.

— Пусть Джиджо гордится вами, — сказала нам мудрец Сара. Мне хотелось бы, чтобы она летела с нами и мы могли бы пользоваться ее мудростью. К тому же тогда были бы представлены все шесть рас Склона. Но если кто-то с нашей маленькой тайной планеты и должен увидеть, каковы *трансцендентные существа,* и не просто увидеть, но и понять хоть что-нибудь, так это она. Полагаю, дела обстоят именно так.

Тиуг, алхимик треки, испускает ароматные испарения. Этот запах смягчает наш страх и печаль расставания. Если треки спокойно встречает перспективу встречи со вселенной, полной джофурами, то я тоже могу спокойно отнестись к возможному столкновению с давно утерянными родственниками хунами — нашими далекими родичами, которые ведут комфортабельную жизнь могучих звездных богов, но никогда не читали Конрада, Эллисона или Твена. Бедняги!

— Надо назвать эту штуку, — настаивает Клешня, постукивая когтем по металлическому корпусу нашей шлюпки.

Ур-ронн кивает гладкой урской головой.

— Конечно, ей подходит только одно название.

Я соглашаюсь низким ворчанием. Поэтому мы все поворачиваемся к Гек, которая пожимает стебельками, частично выражая ту ответственность, которая отныне лежит на ней.

— Пусть будет «Мечтой Вуфона», — соглашается она, и таким образом наше решение становится единогласным.

Джиллиан Баскин ждет у входного люка, чтобы передать мне копию диска из моего автописца. Так что я должен закончить эту главу — такую необработанную и отрывистую.

Если на этом, дорогой читатель, моя история заканчивается, это означает, что «Стремительный» уцелел, а мы нет. У меня нет ни сожалений, ни жалоб. Просто помните о нас, если вам этого хочется.

Спасибо, доктор Баскин. Спасибо за приключения и за все.

Удачи.

И прощайте.

ГАРРИ

С тех пор как он впервые двинулся по этой равнине искривленной пушистой растительности к отдаленным узким пикам, поднимающимся к обширной нависающей плоскости, что-то в этом районе пространства Е показалось ему необыкновенно знакомым. Затылок Гарри постоянно и неприятно *щекотало* — таким образом неошимпанзе выражает ощущение дежа-вю.

Теперь он смотрел на ту же сцену с другого головокружительного угла: его разведочный корабль висел посреди голубоватой дымки на гигантском крутом утесе. Гладкую вертикальную поверхность покрывали бесчисленные красноватые рисунки, расположенные симметрично, словно следы армии чудовищ с плоскими ступнями.

— Что ж, — заметил Гарри голосом, хриплым от удивления. — Никогда не делал этого раньше. Кто бы мог подумать, что местные правила позволят большой машине подниматься вверх, словно паук по ст…

Гарри замолчал. Неожиданное осознание заставило его молча открыть и закрыть рот.

Не может быть!

Он посмотрел на повторяющийся рисунок на стене утеса, потом взглянул на далекие шпили, почти теряющиеся в дымке. Мысленное изменение масштаба сделало все предельно ясным.

Я… догадался бы раньше, если бы не расплывающиеся картины этого проклятого места.

Он чувствовал себя космически глупым. Гарри вслух застонал.

— Клянусь бородой Читы и грыжей Тарзана… это *комната* . Комната в каком-то проклятом доме!

Осознание позволило ему с опозданием сфокусировать восприятие.

Прерия пушистых растений? *Ковер!*

Высокие узкие шпили?

Ножки мебели. Л эта огромная плоская поверхность, с которой я упал раньше, должно быть, стол.

Рисунки на «утесе», вероятно, обои или какая-то их безвкусная замена. С такого близкого расстояния он не мог понять, земной ли это рисунок или чужой.

В этой зоне пространства Е бывает так мало посетителей, что она, должно быть, до моего появления находилась в сыром, непроявленном состоянии. Вся эта проклятая штука сосре-

доточилась вокруг образа, взятого из моего подсознания!

В прошлом дежурстве он думал о конструкции станции, снабженной длинными ногами, сравнивая ее с пауком. Может, именно эта мысль помогла сформировать такой причудливый личный субкосмос.

Если, конечно, я не лежу в бреду под тоннами обломков, там, куда упала станция сразу после прибытия.

В любом случае это показывает, почему разумные считают этот район пространства Е особенно опасным.

Наверно, так видят окружение в комнате насекомые — все расплывается в туманной дымке. Гарри подумал, а есть ли на стенах картины, ваза с фруктами на столе и котенок, мурлыкающий на диване.

Может, лучше не знать, чтобы пространство Е не воплотило и эти образы.

И только одна деталь противоречила впечатлению странной гигантской гостиной — Авеню, тонкая извилистая светящаяся труба, которая выходит из дымки, ползет по полу и уходит в стену под наблюдательным пунктом Гарри. Место, именуемое реальностью, где правят материя и

строгие физические законы.

Чувствую приближающуюся вибрацию, объявила станция. *С точки соединения-разрыва.*

Иными словами, из той мышиной норы, где Авеню устремляется к другой зоне пространства Е. Три нарушителя прошли этим путем, оставив отчетливые следы. Вначале, примерно год назад, протиснулся маленький корабль… за ним прошел преследователь, беззаботно проложив более широкий след. Оба следа свидетельствуют о кислородной жизни. Третий, более поздний след, оставляет противоречивое впечатление.

А теперь что-то движется в противоположном направлении.

Гарри посмотрел на оружейную консоль станции и увидел, что горит несколько огоньков… это значит, что оружие может здесь функционировать, хотя остается еще понять, каким именно образом.

— Что ж, посмотрим, получится ли у нас этот трюк снова, — вполголоса произнес он.

Пользуясь ручным управлением, он с глухим звуком прикрепил якорь реальности к стене. Затем, чуть нервничая, одну задругой отсоединил цеплявшиеся к стене ноги, так что станция повисла высоко над землей.

— Опускаемся! — Он приказал нити растянуться и остановился на высоте в два корпуса корабля над тем местом, где ковер соединяется со стеной. Авеню находилась совсем рядом, слева от него.

Что бы ни приближалось… оно не может быть много больше станции. Л большинство космических кораблей, которые посещают пространство Е, не приспособлены к нему. У меня есть преимущества, включая внезапность.

Рассуждения казались логичными. Гарри почти убедил себя.

Но логика — капризный друг, даже в привычной вселенной. В пространстве Е это всего лишь одна из многих игр, в которые вы играете символами и идеями.

Один из многих способов обмануть себя.

Вот оно! — сообщил режим пилотирования, когда что-то Показалось из темного туннеля.

Выглядело это жалко — нечто нелепо длинное и едва способное протиснуться сквозь туннель. Пришелец представлял собой цепочку соединенных петлями сегментов на жестких искусственных ногах. Он быстро выбрался из узкого прохода, потом свернул и прижался к стене, по его сегментам пробежала дрожь. У Гарри, смотревшего сверху, сложилось впечатление чего-то

раненого и испуганного, прячущегося, словно пытаясь перевести дыхание.

Ему не потребовалось включать режим наблюдения, чтобы понять, что это существо — машина. Ее выдавала жесткая формальность движений. Гораздо значительней тот факт, что пришелец не очень легко менялся. Любая другая форма жизни, попав в новый район пространства Е, тут же испытала бы преобразование, приспосабливая свое восприятие, свой *гештальт,* к новому окружению.

В этом царстве вера обычно создает среду.

Однако по самой своей сути машины есть высшая манифестация проявления физических законов. Источником их силы в реальности являются логичность и постоянство. А здесь эти же качества вредны. Столкнувшись с необходимостью приспособить форму к новому окружению, машина может это осуществить, только тщательно оценив новую обстановку, составить план и только затем начать его последовательно осуществлять.

Посмотрев в телескоп, Гарри увидел, что поверхность машины кишит маленькими подвижными объектами — это ремонтные роботы, они лихорадочно меняют форму машины, ре-

жут, отсоединяют, переставляют части. В этом процессе отпадают кусочки, рассыпаются по ковру. Атомный сенсор Гарри показывает целое поднимающееся облако частиц… очень скоро эти останки привлекут стервятников-мемо.

Совершенно очевидно, что это существо было когда-то звездным кораблем, жителем глубокого вакуума и тьмы. Удивительно, что машина вообще может приспособиться к такому окружению.

Сенсоры просигналили об аномальных показателях. Часть уходящих в окружающую среду частиц состоит из кислорода, азота и сложных органических соединений — признаков совершенно иного порядка жизни.

Минутку.

Гарри уже начал кое-что подозревать. Теперь он был совершенно уверен.

Это и есть тот третий нарушитель, которого он преследовал.

— Должно быть, столкнулся с чем-то неприятным, — вслух размышлял он. — С чем-то таким страшным, что побежал назад.

Режим пилотирования подтвердил его подозрения.

Обнаружено еще несколько привидений, приближающихся к границе разрыва с противоположной

стороны, быстро следуя за первым.

Гарри уже определил, что источник необычных следов находится в середине гусеничноподобной машины. *Жилое помещение.* Контейнер, содержащий атмосферу и другие жизненно необходимые материалы. Эти стеклянные полоски; должно быть, окна, хотя внутри слишком темно, чтобы можно было что-то разглядеть.

Очевидно, машина знала, что времени у нее немного. Перестройка ускорилась, но маленькие роботы начали перегреваться и падать на ковер, который уже медленно извивался, демонстрируя признаки звериного голода. Атомы редки в пространстве Е и долго здесь не задерживаются. Многие простые мемо находят частички материи питательными; они прибавляют немного подлинной реальности к живым абстракциям.

Тридцать дуров до появления новых пришельцев, подтвердил режим пилотирования.

Хотя работа не была закончена, машина-гусеница решила, что времени больше нет, и начала пятиться от сияющей Авеню.

Интересно, почему она не пытается вернуться в реальное пространство, просто прыгнув в Авеню. Конечно, так можно оказаться где угодно, и потребуются столетия, чтобы найти подходя-

щий гиперпространственный маршрут, но разве у ма шин не достаточно времени?

Он мог бы назвать несколько возможностей.

Может быть, она настолько повреждена, что не выдержит переход.

Или, может, органический груз не хочет провести столетия, плывя в космосе.

Машина испытывала большие трудности. Металлические ноги начали застывать или ломались и отпадали. Гарри представил себе раненое животное, напрягающее последние силы.

Он повернулся, чтобы посмотреть на преследователей. Их появлению предшествовал луч света, вырвавшийся из туннеля. В ответ задрожали нити ковра. Затем появилось первое существо.

У Гарри сложилось впечатление о бронированном черве со сверкающей головой, покрытой блестящими плитами. Хищник темных нор и безвоздушных глубин. Но это быстро изменилось. Существо стремительно преобразовывалось, осваиваясь с новой обстановкой. Наверху выросли органы зрения, внизу возникло множество псевдопод, и вскоре существо стояло на мириаде тонких щупалец, словно тысяченожка.

Скорее меганожка, решил Гарри.

Только один тип существа способен так быст-

ро приспосабливаться к пространству Е. Тот, для которого эта местность родная. Сложный мемохищник. Идея, возможно сама идея хищничества.

Первое существо уже приспособилось к правилам этой огромной комнаты, за ним толпилось еще несколько — члены охотничьей своры, торопящиеся наброситься на беспомощную добычу.

Это не мое дело, тревожно думал Гарри, дергая большие пальцы. *Мой главный долг — собрать инструменты Вер'Кв'квинна. Мой второй долг — проследить нарушителей и задержать их... но об этом мемо позаботятся и без меня.*

Но решимость Гарри поколебалась, когда он вспомнил, как слушал проповедь скиано; тот с импровизированной трибуны под голограммой распятой Земли провозглашал догматы новой необычной веры. Светом и звуком евангелист доказывал, что каждое живое существо должно искать спасения собственной души.

— Хотя наша секта только недавно вышла на бульвары и переулки Пяти Галактик, прежние религии уже считают нас угрозой для себя. Они пытаются помешать нам ограничениями и юридическими преследованиями, используя бессовестные средства, чтобы остановить наших

посланников. И прежде всего они утверждают, что мы проповедуем *эгоизм.*

Если есть положение, с которым согласны отрекшиеся, ожидающие, трансценденты и представители других традиционных религий, так это утверждение о том, что спасение должно быть достигнуто только видами и кланами, которые усовершенствуют себя, идя по пути Прародителей в Объятии Приливов. Каждое поколение должно бескорыстно трудиться, чтобы его потомки могли шаг за шагом подниматься выше. Как ужасно, если триллионы и квадрильоны начнут думать о себе! Но что, если освобождение может быть достигнуто каждым индивидуальным живым существом, благодаря вере в Бога, который над и за всеми известными уровнями реальности вселенной?

Что, если и Объятие Приливов должно остаться позади — ради последующей жизни, описанной в священных земных творениях? Разве не прекратят все трудиться ради прогресса расы? Откажутся от будущего ради духовной награды *сегодня?*

Нижний набор глаз скиано сверкнул.

— Ответ существует. Ответ Будды, Моисея, Иисуса и других великих пророков, которые

проповедовали на Земле в эру ее великолепного одиночества. Их ответ — наш ответ — заключается в том, что величайшим оружием спасения всегда было сострадание.

Даже сейчас, много дней спустя, Гарри все еще не мог прийти в себя от многосложного, многостороннего несоответствия проповеди скиано.

Жуя губу, он обратился к плывущему «П» — символу режима пилотирования.

— Сколько здесь охотников?

Число мемоидов пять, ответил режим пилотирования. *Два уже полностью трансформировались и возобновили преследование машины-нарушителя. Два еще преобразуются. Один остается в туннеле, ожидая своей очереди.*

Гарри видел, как два мемохищника быстро перемещались по псевдоковру, передвигаясь на миллионе рябящих щупалец, и догоняли поврежденную машину. Еще два на глазах завершили преобразование. Гарри пожалел, что побывал на проповеди скиано.

На самом деле он и сам не понимал, какие мотивы заставляют его действовать. Отчасти это, должно быть, сострадание. Но Гарри предпочитал винить кое-что иное.

Любопытство.

Если позволю разорвать эту машину стае голодных мнений, никогда не узнаю, что было у нее внутри.

Появился и начал преобразовываться пятый мемоид.

Гарри решительно выкрикнул и нажал кнопку, высвобождая якорь реальности и заставляя станцию опуститься на все восемь вытянутых ног с когтями.

Первый противник самый слабый.

Во время преобразования, приспосабливая свой концептуальный каркас к новому окружению, мемоид беспомощен. «Перефразируя себя в другую идиому» — как объяснял Вер'Кв'квинн во время обучения Гарри. В это время его связность слабеет, и он становится уязвимым для постороннего мнения.

Когда набросившаяся станция прокололо в нескольких местах его спину, испустив несколько критических замечаний, мемоид сразу отреагировал.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

КОЛЕБАНИЯ.

СОМНЕНИЯ.

В пространстве Е идея может держаться, не обладая мозгом, способным мыслить. Но только

если предположение настолько сильно, что способно верить в себя. Для такой самоуверенной концепции самый сильный яд — это сомнение, особенно если оно введено в нужное время и в нужном месте. Неспособный справиться с этими уколами, мемо задрожал и быстро растворился, и составляющие его предположения тут же поглотил ковер. Гарри смог заняться другими мемоидами.

Будь подобен пауку, думал он, готовя оружейную консоль. Его преимущества — внезапность и скорость… плюс тот факт, что все это подпространство пространства Е совсем недавно возникло как отражение какого-то образа в его собственном сознании — вероятно, детского воспоминания о какой-то гигантской гостиной.

Быстро приближаясь сзади к двум другим мемо, он решил поразить их лучами вовлечения. Это оружие кажется идеальным для нападения в пространстве Е, оно выбрасывает плотно сплетенные силлогизмы — логические аргументы, найденные в Великой Галактической Библиотеке за миллиарды лет ее существования.

Начинаем!

Гарри прицелился и выстрелил.

Оружие станции по внешности и действию

меняется в зависимости от местных условий. В других зонах пространства Е он посылал ядовитые лучи или выпускал сияющие опровержения, подобные огненным разрывам. Здесь полились потоки чистых аргументов, как нити липкой ткани, охватывая следующую пару хищных мемоидов.

Один из мемоидов споткнулся, его задние ноги застряли в видимых нитях убеждений, корпус его напрягся, разрываемый противоположными взглядами, собрался в шар и быстро превратился в пар.

Его партнеру повезло чуть больше. Захваченный сетью хищник успел вовремя остановиться. В тех местах, где его Касались ядовитые разногласия, обжигая бока, из ран, словно свирепые антитела, полились опровержения.'

Существо повернуло свой метафорический взгляд, продолжая выплевывать яд. Капли этого яда полетели к станции — по-видимому, неоспоримые доводы должны были убедить корабль Гарри перестать существовать. Он мог бы попытаться подстрелить их, или прихлопнуть, или даже выдержать нападение. Но Гарри уже избрал другую тактику. Воспользовавшись своим знанием местной зоны, он заставил станцию согнуть

все восемь ног, а потом прыгнул, пролетел над ядовитыми снарядами и приземлился за парой захваченных аллафоров.

Он летел несколько долгих секунд, глядя на мелькающий внизу ковер… летел так высоко, что уже начал беспокоиться о приземлении, особенно когда траектория вывела его близко к сверкающей Авеню.

Я еще не готов войти туда! Вероятность выживания при случайном столкновении не очень велика.

К счастью, заставив станцию свернуть в сторону, он сумел не попасть в сверкающую трубу. Приземление было жестким и неровным. Гарри отлетел к ближайшей переборке и больно ударился правым плечом. Что гораздо хуже, каюта наполнилась звуками чего-то разбивающегося. Зазвучал сигнал тревоги. Вспыхнули красные огоньки.

Морщась, он вернулся к контрольной панели и увидел, что при падении две ноги сломались, а третья сильно повреждена. Верный корабль, сильно хромая, встал, готовясь встретить новые вызовы.

Гарри по-прежнему чувствовал приток адреналина, он скалил зубы и улыбался свирепой

улыбкой шимпанзе.

Три готовы. Остаются два, с надеждой подумал он.

К несчастью, дальше будет не так легко.

Один из оставшихся хищников находился прямо "впереди, он уже набросился на беспомощную добычу, отрывая металлические плиты и самозабвенно расчленяя машину. Второй мемоид повернулся к Гарри. Он был насторожен и готов к встрече, его форма отлично приспособилась к местным условиям, напоминая свирепое насекомое, какое вам больше всего не хочется обнаружить под мебелью, — что-то ядовитое, когтистое. У Гарри создалось впечатление свирепой ярости, как будто его противник был воплощенным боевым духом.

Из пасти мемоида капали пенные аргументы и летели к Гарри.

Перескочить на этот раз невозможно, поэтому Гарри попытался отклониться сначала влево, потом вправо. Но, несмотря на эти отчаянные зигзаги, одна из капель ударилась о переднее окно и покрыла его слизью.

Гарри отвел взгляд, но его уже охватили волны дурных предчувствий.

Какого дьявола я здесь делаю? Я мог бы ле-

жать в своей постели в безопасности. Если бы оставался на Земле, у меня было бы общество возлюбленных, друзей, и мне не пришлось проходить такой долгий путь, чтобы умереть…

Сожаление было горьким, хотя Гарри понимал, что источник его — нападение чужака. К счастью, эмоция была обобщенной, рассеянной. Мемоид не знает, к какому типу существ относится Гарри, так что его мысли-яд не были точно нацелены. Пока не были. Увы, хищники такого уровня сложности обладают повышенной чувствительностью и быстро приспосабливаются к слабостям и уязвимым местам жертвы.

Гарри не собирался давать ему такую возможность. Он привел в действие еще один луч вовлечения, и станция снова выбросила сети липких аргументов. Но на этот раз цель проворно отскочила, избежала ловушки — быть может, применив какую-то уникальную аксиому. Несколько нитей, задевших его, просто соскользнули, не способные подвергнуть сомнению экзотические постулаты. Испытав лишь некоторое неудобство, мемоид изогнул спину и прыгнул — бросился к Гарри так стремительно, что у того не было никакой возможности отступить.

Пасть хищника зияла, но вместо клыков в ней

сверкали ряды острых спиральных винтов. Винты быстро вращались. Зрелище было страшное и способное лишить уверенности.

Он хочет наброситься на меня!

Гарри потянулся к оружейной консоли и нажал кнопку с надписью «Отвлекающие огни». Они не раз спасали его шкуру в предыдущих дежурствах, создавая ослепительные потоки сбивающих с толку данных; окутывая станцию, как висящая в воздухе мякина, они маскировали ее отход.

Но на этот раз эффект был разочаровывающим. Перед нападающим хищником возникло облако тумана, но это не замедлило его продвижения.

Если сомневаешься, приступай к физическим действиям, подумал Гарри, приводя в действие мини-пушку. Станция задрожала, снаряды на огромной скорости устремились к нападающему, который отпрянул, ревя и размахивая когтями. Но надежда вскоре рухнула: Гарри понял, что не причинил зверю заметного вреда. Напротив, хищник как будто перехватывал снаряды и прибавлял их материал к своей информационной матрице! Вращающиеся винты изменили цвет — с пастельно-голубого на темный, металлически-серый.

Гарри с проклятием прекратил огонь. Он толь-

ко добавил противнику сил.

Станция почти не вздрогнула, когда мемоид вскочил на нее. Сложная идея почти не обладает весом или инерцией. Но идеи могут изматывать, и эта так и делала, пробивая корпус вращающимися сверлами.

Гарри попробовал другие кнопки и рычаги, но ничего не действовало. Все оружие молчало или было преобразовано так, что не причиняло вреда адаптировавшемуся мемоиду.

В пространстве Е объект, состоящий из атомов, не выдержит долгого сопротивления живым идеям.

В стенах появилось несколько углублений, сквозь них ворвались вращающиеся лезвия. Мгновение спустя эти лезвия начали менять форму, превращаясь в маленькие живые существа. *Клещи,* подумал Гарри, который знал, что даже маленькие насекомые и пауки могут быть опасными паразитами. Хищник применил опасный трюк, используя логику этого подпространства против Гарри.

Гарри нажал последнюю кнопку, предназначенную для таких безнадежных ситуаций, как эта.

Контрольная рубка мгновенно заполнилась

голографическими изображениями, толпой существ, подражающих самым разным формам кислородной, водородной и машинной жизни. Одни из них передвигались ползком. Другие ходили, катились на колесах, тяжело топали, и все это напоминало какой-то пангалактический перекрестно-временной сверхреальный прием с коктейлями.

Десяток захватчиков-клещей разбежались в поисках концептуального ядра станции — самого Гарри. Отвратительные маленькие существа щелкали клешнями, пробираясь сквозь толпу имитаций разумных. Один из них напал на эрзац-занга, набросившись на плывущий желтый шар. Голограмма мгновенно охватила клеща, окутала плотным слоем антимемо. Последовал взрыв, и на палубу опустилась горстка пыли.

Они содержат немного реальной материи, понял Гарри. *Эти твари чрезвычайно опасны!*

Если одна из них укусит его, это подействует не только на его сознание. Она может запросто сжевать и его реальное тело.

Еще дважды нападавшие выбирали неверные цели и были Уничтожены. Но Гарри видел, что они становятся осторожней. Постепенно клещи учились игнорировать водородные и машинные

формы и обращали внимание только на организмы, основанные на кислороде.

Нужно действовать быстро. Но как? Как мне выбраться из этой переделки?

Если когда-нибудь вернется на базу, у него будет несколько предложений техникам, готовящим оружие станции. Но пока Гарри видел только одну возможность — попытаться Стряхнуть родительский мемоид, не дать ему контролировать клещей. Конечно, в корпусе станции останутся отверстия. Но будем решать по одной проблеме за раз.

Он не решался использовать ручное управление: это могло его выдать. Поэтому Гарри вызвал режим пилотирования.

Да, Герман? — отозвалось плавающее «П».

— Не приближайся ко мне! — сквозь сжатые зубы прошипел Гарри. — Держись на расстоянии и слушай. Хочу, чтобы ты начал качать и поворачивать станцию… случайным образом… попробуй стряхнуть этого Ифни проклятого чужака с корпуса!

Это нарушение правил безопасности.

— Я их отменяю! — сердито произнес Гарри. — Протокол действий в чрезвычайной ситуации. Действуй немедленно!

Разведочная платформа начала двигаться. Хотя две сломанные ноги мешали ей, большой мемоид ее не слишком отягощал: его реальная масса вряд ли превышает несколько сотен граммов, даже после того, как он проглотил снаряды Гарри. Хромота даже немного помогала, усиливая качку, когда станция начала продвигаться вперед, назад, направо, налево, потом завертелась и пьяной походкой побрела по ковру.

Несмотря на свою небольшую инерционную массу, мемоид этому явно не обрадовался. Ведь в конечном счете движения — это тоже форма информации. Гарри слышал слабые мяукающие звуки: хищник пытался крепче вцепиться, чтобы сохранить контакт со своими клещами.

К несчастью, качка действовала и на Гарри, бросая его взад и вперед. Голограммы автоматически подражали его движениям, но он знал, что скоро выдаст себя.

В одном окне он заметил большое машинное существо. Это тот самый нарушитель, которого он преследовал раньше и которому не место в пространстве, созданном мыслью.

Машина уже была разрезана на несколько частей последним хищником, который как раз сейчас добирался до ее обитаемой части…

Резкий поворот оторвал Гарри от этой скорбной сцены, отбросив к другому окну. Тому самому, которое все еще окрашено сожалением.

О, я сожалею, это уж точно.

Сожалею, что не явился сюда вооруженный каким-нибудь реальным мимическим оружием! Настоящим волчьим ядом для сознания. Болезненными идеями, которые гипнотизировали миллионы, прикрепляя только к одному виду реальности, делая гибкое сознание жестким, как камень.

Гарри был в этом уверен. Даже местные хищники, проворные и гибкие в абстрактном пространстве, стали бы концептуально хрупкими и уязвимыми, если бы подверглись воздействию соблазнительных мыслей Платона, или Маркса, или Эйн Ренд… Фрейда или Фомы Аквинского… Геббельса или Хаб…

Станция резко затормозила, прервав мысли Гарри и отбросив его к шкафу с припасами. Он вовремя заметил, что сюда же отбросило несколько клещей, движимых реальными компонентами своей массы. Два из них столкнулись с голограммами и были немедленно уничтожены.

Но еще два уцелели и ударились о стену рядом с Гарри. Восстанавливая равновесие, Гарри уви-

дел, что они его заметили и поворачиваются в его сторону.

Ого!

Он в ловушке, спиной к шкафу. Станция возобновила дикие движения, и клещи начали подползать с двух сторон, Щелкая клешнями и размахивая скорпионьими хвостами.

Гарри попытался очистить сознание. Предположительно, если владеешь мыслительной дисциплиной, можешь освободить сознание от ядовитых мыслей.

К несчастью, дисциплинированные в мыслительном отношении существа не годятся на роль наблюдателей в пространстве Е. Его взяли именно из-за его необузданного воображения, и теперь паразиты используют именно эту его особенность, чтобы покончить с ним.

— Гм… не заинтересуетесь ли, приятели, одной-двумя забавными мыслями? — Он говорил быстро, задыхаясь. — Как насчет такого: это утверждение — ложь!

Они щелкнули клешнями, и, казалось, мысль им понравилась.

— Тогда вот это… откуда вам известно, что вы существуете?

Полное презрение.

Черт побери, в старых телешоу такое срабатывало.

Конечно, для сложных мемо такие клише все равно что стрелы с каменными наконечниками против брони. А что, если попробовать концепцию, которую они не встречали раньше?

— Гм… кто-нибудь говорил вам о такой штуке, которая называется *состраданием?* Некоторые считают, что это подлинная дорога к спа…

Клещи готовились прыгнуть.

Станция снова резко повернула.

Неожиданно яркое сияние пробилось сквозь противоположное окно, заполнив контрольную рубку потоками *солнечного света.*

Гарри вздохнул.

— Да что мне стать мона…

Не успел он закончить фразу, как одновременно случилось несколько событий.

Оба паразита прыгнули.

Большой хищник мемо, цепляющийся за корпус, отчаянно закричал.

Дико вращающаяся станция столкнулась с Авеню. Это был скользящий удар, но мемоид оказался зажатым между станцией и Авеню и поневоле ощутил вкус реального континуума.

Мучительный вопль заполнил сознание Гар-

ри: хищник разорвался на клочки, выплеснув в агрессивном потоке все свое концептуальное содержание.

Лишенный родителя, один из клещей распался в прыжке. Но второй сохранял единство настолько долго, что успел впиться Гарри в спину.

Настала очередь Гарри закричать. Он вопил, чувствуя, как что-то вливается в его тело. Боль смела все рациональные мысли, пронзила его ягодицы и спину, затем, как палящий огонь, пробежала по всему телу. А глубоко внутри сомнения и неуверенность начали нападать на все его верования, на все положения, которые он считал истинными.

Станция пробила мембрану, окутывающую Авеню, вокруг Гарри засверкали солнца и галактики. Ему грозило преобразование входа.

Двигатели гудели, присоединившись к его отчаянному воплю.

Все мемо и голограммы исчезли. Через десяток небольших отверстий из станции выходил воздух. Но Гарри едва обратил на это внимание. Шатаясь на границе между царством живых идей и миром жестких универсальных законов, Гарри пытался ухватиться за что-нибудь. За свою суть. За сознание своего внутреннего мира.

За самого себя.

ЭВАСКС

Это не лучшее из возможных укрытий.

Тогда почему мы/Я избрал его, Мои кольца?

Почему из всех укромных уголков огромного боевого корабля мы спрятались в этом помещении со стеклянными стенами и инкубационными камерами?

Потому что это «дом»? Место, где мы начались?

Наше второе кольцо сознание опровергает это утверждение, напоминая, что большинство наших составляющих колец родилось в другом месте — в ароматных ямах мульчи с великолепной гниющей растительностью в примитивном поселке, который называется Дальнее Влажное Святилище, На одинокой Джиджо.

Это правда. Только три члена этой груды начинались здесь, на борту «Полкджи», в стерильной детской, где кормят и доводят до совершенства маленькие кольца с помощью контролируемых компьютером синтетических питательных веществ. Но ведь именно эти три кольца самые важные, не так ли?

* Наше мускулистое кольцо движения с проворными ногами.

* Наше кольцо запахов, которое делает возможным признание нас всем экипажем.

* И, конечно, ваше мастер-кольцо, самое драгоценное из всех. Самый существенный (Я) ингредиент, необходимый для преобразования скромного рассеянного треки в великолепно сфокусированного целеустремленного джофура.

Разве это недостаточная причина для ностальгии? Недостаточная для того, чтобы называть это помещение домом? (Хотя, кажется, недавно это помещение сильно пострадало и было торопливо отремонтировано.)

Что ж, давайте. Можете гладить воск памяти. Вспомните, как обстояли дела на Джиджо до перемены. Вспомните, как мы/Я учились понимать другие формы родительства из близкого знакомства с пятью расами.

В прошлом своем воплощении, как мудрец треки Аскс, мы/Я держали в своих щупальцах личинок квуэнов и г'кеков, а также младенцев хунов и людей, покачивали их, распространяли сладкие запахи-колыбельные, создающие счастливые сны.

Эти воспоминания сохранились, не расплавились при нашем насильственном преобразовании в Эваскса. И тем не менее Я смущен.

Что вы хотите доказать, мои кольца?

Что ни одна груда колец — треки или джофур — не могут знать родительскую любовь?

Мы составляемся из частей. Собираемся. *Изготовляемся*, как машина. Может, именно поэтому другие расы так нас ненавидят/завидуют.

Что? Вы говорите, что на Джиджо нет такой ненависти? Да, но подумайте, какую цену пришлось колонистам за это заплатить! Жизнь в невежестве. Хуже того, жизнь, обреченная на вечное пребывание в виде мирного треки, почти лишенного честолюбия. Разве вы не согласитесь, что жизнь не была такой яркой и насыщенной, когда вы составляли бедного уступчивого Аскса?

Согласны? Вы это признаете?

Что ж. Возможно, мы прогрессируем.

ЧТО? ЧТО ЭТО?

Вы хотите, чтобы Я, мастер-кольцо, признал что-то в обмен? Хотите, чтобы Я признал, что и в мономаниакальном образе жизни джофуров есть недостатки?

Нет, не нужно гладить недавний воск или заново проигрывать те ужасные события, которые мы наблюдали до бегства в это помещение. Раздражительные, агрессивные и яростные действия наших предводителей не вызывают вдохнове-

ния. Они не свидетельствуют о продвижении к просветлению.

Но какой у нас выбор? Мы, экипаж «Полкджи», должны преследовать корабль дельфинов! Их тайны могут пролить свет на время перемен, которое сейчас начинается в Пяти Галактиках. Если земляне действительно нашли реликты Прародителей в мелком шаровом скоплении, что может это сказать о пути, пройденном галактической цивилизацией за миллиард лет? Не перевернет ли это вверх ногами всю религиозно-генетическую иерархию?

ЧТО ВЫ ГОВОРИТЕ?

Наше второе кольцо сознания спрашивает: *а что, если?*

* А что, если древняя вера в Прародителей ложна?

* А что, если нам солгали относительно Объятия Приливов?

* А что, если какой-то другой клан сумеет завладеть «Стремительным» и первым познакомиться с его информацией?

Зачем разумным покрываться жиром и потом из-за таких непонятных и тривиальных вопросов?

Я… не знаю, что ответить.

Вопросы кажутся совершенно нелепыми… как если бы спросить, почему мы дышим кислородом, или усваиваем пищу, или размножаемся, или проявляем верность родичам и потомкам! Меня серьезно тревожит, что вы можете выражать подобные сомнения!

ВОЗМОЖНО,
НАМ/МНЕ ВСЕ-ТАКИ НЕ СЛЕДОВАЛО БЕЖАТЬ ИЗ КОНТРОЛЬНОЙ РУБКИ.

(В поисках убежища в этом темном/знакомом месте.)

Поистине, в нашем общем сердечнике сплетаются безумные, провокационные мысли, сомнения в главных джофурских верованиях. Больше того, став беженцем, я, кажется, уже не обладаю силой воли мастер-кольца, чтобы немедленно подавить все эти размышления.

МОЖЕТ БЫТЬ, НУЖНО БЫЛО РАЗРЕШИТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ ГЛАВНОГО СВЯЩЕННИКА РАЗОБРАТЬ НАС/МЕНЯ НА ЗАПАСНЫЕ ЧАСТИ.

Это могло бы стать моим величайшим служением «Полкджи» и всему великому клану джофуров.

Главное преимущество этого убежища в том, что корабельные сенсоры не могут отыскать следы нашего тела, потому что их маскируют

ряды прозрачных шкафов, полных маленькими кольцами всех разновидностей. Конечно, здесь есть ухаживающие за малышами роботы-няньки. Они доложат обо мне, но только если спросят с мостика. А пока такого запроса не будет, Я/мы, вероятно, будем здесь в безопасности, испуская властные феромоны, отдавая приказы машинам, делая вид, что имеем право распоряжаться здесь.

— — — — — — — —
— — — — — — — —
— — — — — — — —

Но есть еще одна опасность. Через неравные промежутки времени различные груды-джофуры приходят сюда, требуя запасные части.

В основном это солдаты. Высокие, грозные груды-воины, с ужасными ранами от сражения, продолжающегося в попытках изгнать захватчиков зангов с корабля. Треть палуб и зон «Полкджи» поражена этой инфекцией. В последнее время нам удалось добиться некоторого успеха, но бойцы, приходящие за заменой колец, поврежденных водородниками, свидетельствуют, что нам это дорого обходится.

К счастью, никто из этой касты не склонен спрашивать о причинах нашего/Моего присут-

ствия здесь… а мы стараемся не попадаться им на глаза.

Да, мои кольца. Наша поимка — только вопрос времени. Вскоре нам предстоит разборка. И мне любопытно, будут ли использоваться эти кольца и восковой сердечник для новых целей.

Вероятно, нет.

Мы проводим много времени у зрительно-обонятельных дисплеев, захваченные событиями, которые происходят на «Полкджи» после гибели нашего капитана-лидера.

Помните ли вы, мои кольца, как наш корабль углубился в искривленные внутренности пункта перехода, преследуя землян так искусно и настойчиво, что им никогда от нас не уйти?

Кольца — члены экипажа из исследовательского сектора докладывают о прогрессе в понимании необычного защитного слоя «Стремительного» — оболочки, которая помешала нашим лучам остановить дельфинов. Эта оболочка как будто обещает неуязвимость, но согласно нашей бортовой Библиотеке большинство галактов давно отказалось от такой техники! Как только противник узнает, как преодолеть такую защиту, это легко сделать. Только неожиданность сделала ее эффективной у Фрактального Мира.

Вскоре библиотекари обещают сообщить и контрмеры.

Тем временем вход в пункт перехода заполняется кораблями беженцев, и не только от раскалывающегося обиталища за нами, но и из сотен других! У каждого корабля эмигрантов есть три возможности: оставаться в Четвертой Галактике и искать убежища в каком-то другом колодце или сменить порядок жизни. Вернуться к звездной цивилизации Пяти Галактик… или еще больше погрузиться в Объятие Приливов. Захватывающе наблюдать за тем, как многие возвышенные Древние делают этот судьбоносный выбор, хотя это и не мешает нам упорно преследовать землян.

И тут мы сталкиваемся с *Сортировщиком.*

Существом из легенды.

Редким феноменом судьбы.

С облаком света, которое сортирует корабли. Одни отбирает. Другие отсылает по их маршрутам.

ПОМНИТЕ
ЛИ ВЫ НАШЕ УДИВЛЕНИЕ, МОИ КОЛЬЦА, КОГДА СОРТИРОВЩИК ВЫХВАТИЛ ЗЕМНОЙ КОРАБЛЬ И ПОМЕСТИЛ ЕГО СРЕДИ ТЕХ, КТО ПРЕДНАЗНАЧЕН ДЛЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ?

Помещения и коридоры «Полкджи» охвачены изумлением и ошеломлением. Кто мог вообразить, что такое случится? Дельфины — самая молодая лицензированная разумная раса в цивилизации Пяти Галактик. И такого исхода — по их достоинствам или по какой-то хитрости — не могло представить себе ни одно нормальное разумное существо!

И здесь наш новый капитан-лидер признал неизбежное. Был отдан приказ. «Полкджи» прекращает преследование.

Мы направимся в Первую Галактику на базу джофуров, чтобы очиститься от зангской заразы и доложить обо всем, что узнали. Мы не захватили корабль землян, но можем сообщить о его судьбе, и это тоже ценная информация.

Больше того, существует Джиджо, превосходный объект для колонизации! Когда мы сообщим ее местоположение родному клану, маленькая планета сунеров станет идеальным местом генетических экспериментов и эксплуатации. Источником богатства для всей расы. Одно окончательное уничтожение г'кеков оправдает все наши испытания.

Может быть, клан так обрадуется нашим достижениям, что этой гибридной груде, этому Эвасксу,

будет даровано прошение — если Я/мы сумею до того избежать расчленения.

Несмотря на явную неудачу в достижении главной цели, экипаж радуется. Хотя «Стремительный» от нас ушел, кажется, в этом нет нашей вины. Мы достигли большего, чем любой другой корабль в известном пространстве. И теперь можем вернуться домой.

Но тут происходит нечто поистине неожиданное.

Вы помните, мои кольца? Или воск-удивление все еще слишком свеж, чтобы воспоминание застыло?

Мы двигались в очереди к Сортировщику, ожидая, подобно многим другим, обычного быстрого возвращения в Первую Галактику.

Странный свет заполнил корабль, я и почувствовал, что нас *разглядывают.* Некоторые из наших/Моих колец — части прежнего Аскса — сопоставляют это с общением с удивительным камнем Джиджо, со Священным Яйцом.

Затем к нашему/Моему/всеобщему удивлению «Полкджи» был снят с нити перехода и помещен в строй отобранных! Избранных! Тех, чьи эмблемы свидетельствуют о глубочайшем погружении в Объятия Прилива, о предназначении для вели-

кой чести и просветления.

Так мы узнали о великой чести нашего нового состояния… и об ужасной боли, которую предстоит вынести. Но никто — от старшей груды-священника до воина самого низшего ранга — не может объяснить *почему*.

Почему мы были отобраны для такой чести?

Чести, которую мы не искали.

Чести, которая не принесла радости ни одной груде на борту благородного «Полкджи».

Я/мы вношу поправку. ОДНА ГРУДА ВЫРАЖАЕТ РАДОСТЬ. Некоторые кольца сознания, оставшиеся от Аскса, обрадовались новости!

Они считают, что это помешает «Полкджи» доложить о Джиджо. Необычное смешанное сообщество сунерских рас будет оставлено в мире, если этот боевой корабль не вернется домой.

На это вы надеетесь/верите, мои кольца?

Я бы привел вас в повиновение ударами любящей боли, чтобы изгнать из нашего общего сердечника подобную неверность, если бы не…

Если бы Сортировщик как будто не закончил свою работу! Армады, сосредоточенные им в свернутом пространстве, начали двигаться… рядами, колоннами, группами… все устремились по нитям перехода, раскалившимся от трения.

Вибрация и неожиданные толчки сотрясают «Полкджи» так сильно, что не помогают усилия наших могучих стабилизирующих полей.

А теперь, как будто всего этого недостаточно, начинает разворачиваться цепь тревожных сюрпризов.

Роботы продолжают ухаживать за инкубаторами, где растут на дистиллированных питательных веществах миниатюрные кольца всех форм, свойств и цветов. Со временем они превращаются в составные части новых груд джофуров.

Продолжают приходить солдаты в поисках замены колец для ходьбы, оружейных манипуляторов, хемосинтезирующих колец и даже тяжело раненных мастер-колец. Очевидно, смертельная схватка с зангами продолжается.

Тем временем Я/мы вижу на мониторах, как «Полкджи» вместе с роем кандидатов на трансцендентность оказывается в какой-то далекой звездной системе. Вокруг нас множество кораблей самой разной формы, от привычных звездных судов и угловатых машин до дрожащих шаров, которые нашему испуганному взгляду кажутся чрезвычайно зангскими!

В течение нескольких мидуров эта странная армада использует гиперпространственные

прыжки в пространстве Б, чтобы пересечь пропасть в несколько пактааров, обогнуть обширную туманность и добраться до следующего пункта перехода. Наконец конвой ныряет в этот вход, и начинается новый полет по нитям, между границами многомерного пространства, где само пространство давно свернулось из сырого вещества расширяющейся вселенной.

А Я/мы все это время остаюсь в темном углу детской, прячась от Моих/наших товарищей по экипажу… пока неожиданность почти не лишает нас сознания.

Мы смотрим на нового пришельца.

На того, кто появился в последний момент, представ перед нашими недоумевающими органами чувств.

Это самое странное существо, какое Мне/нам когда-либо приходилось видеть.

Появилось оно несколько мгновений назад, самым необычным путем — через трубу снабжения, прибыло в детскую в маленьком экипаже, созданном для доставки в детскую сырья и образцов, но отнюдь не разумных существ!

Выбралось, прежде чем мы могли что-то сделать, расправило длинные конечности, обнаружив существо с пропорциями Homo sapiens.

Действительно, торчащая вверху голова выглядит определенно человеческой. И знакомой.

Я/мы уставился, не правда ли, мои кольца? Несколько наших колец сознания, испуская пары узнавания, заставили наш орган речи произнести:

— Ларк! Это… действительно… ты?

Лицо тут же раскололось в непередаваемо-человеческой Улыбке. И когда оно/он заговорило, голос был нам знаком со времен Джиджо.

— Приветствую, почтенный Аскс… или мне следует называть Эваскс?

Несколько наших компонентов спорили о том, как ответить, а остальные пораженно смотрели на преобразованное тело ниже шеи. Ларк по-прежнему двуногий, передвигается на двух Длинных соединенных конечностях. Но только всю его плоть обтягивает прозрачная пленка, свисающая, как просторная одежда, вздымающаяся и колеблющаяся в болезненном полужидком ритме, от которого в моем центральном сердечнике прокатываются волны тошноты. Особенно большой мешок, похожий на горб или тяжелую ношу, висит на спине, причем Ларк нисколько не протестует против его присутствия.

Наши хемосинтетические кольца зафиксиро-

вали несколько отвратительных запахов, таких, как метан, циан и серный водород.

Несомненные запахи зангов!

От удивления ответ у нас получился несколько бессвязный.

— Я/мы… не можем сказать… назвать… какое имя больше подходит этой груде… в данный момент. Споры/разногласия об этом продолжаются… Однако… можно правдиво отметить, некоторые части нас/Меня/Я/мы… узнают… определенные части… тебя/Тебя…

Наш общий голос смолк. Ни англик, ни галсемь не были способны отразить подходящую/точную степень удивления. Начали исходить эмоциональные феромоны… и, к нашему удивлению, «Ларк/занг» легко ответил таким же способом!

От его новой кожи исходили молекулярные сообщения, вызывая мгновенное понимание Моих/наших кожных рецепторов.

ВЗАИМНОЕ УЗНАВАНИЕ ДРУЖЕСТВЕННЫЕ НАМЕРЕНИЯ ГОТОВНОСТЬ ИСКАТЬ РЕШЕНИЕ

В поисках источника этих обонятельных сообщений наши/ Мои сенсоры определили тороидной формы выступ на груди Ларка.

Пурпурное кольцо.

Кольцо треки, часть группового существа, стоя-

щего против нас!

Мы/я сразу узнали одно из малых колец, которые втайне несколько джадуров назад создал Аскс без ведома мастер-кольца, чтобы помочь Ларку и его спутнице сбежать.

Поглаживая восковую память о том времени, Я/мы осознал/вспомнил, что было и второе кольцо.

— Я оставил второе кольцо здесь, — объяснил Ларк, словно читая мои мысли. — Оно было ранено. Линг спрятала его в этой детской, чтобы о нем заботились и кормили. Поэтому я сюда и вернулся. Мои новые союзники хотят, чтобы я нашел маленькое красное кольцо. Они хотят знать, какова его цель.

Ему не нужно было объяснять, кто такие эти его «союзники». Джофур инстинктивно знает — а большинство унитарных существ нет, — что возможно объединить, и слить, и уравновесить самые разные компоненты, чтобы создать новое существо. В данном случае химера возникла как амальгама человека, треки и занга… ужасающий союз, но вполне вероятный.

— Ты… хочешь, чтобы мы/Я помогли тебе найти красное кольцо? — спросил Я.

Ларк кивнул.

— Оно способно принести мир на этот ко-

рабль…

Он немного помолчал, словно советуясь с самим собой, потом продолжил:

— Но есть кое-что еще. Я требую за участие в этом деле награды.

Мы должны освободить Линг.

ГАРРИ

В его последний кошмар ворвались голоса, отодвинув бред, полный нелепой болтовни и боли.

Мне кажется, он приходит в себя, произнес кто-то.

Гарри забился, повернул голову справа налево.

На мгновение, которое было для него вечностью, ему показалось, что его сознание обнажено, выброшено в пространство Е и стало плодородной почвой для колонизации паразитическими мемо — сложными, самонадеянными символическими существами, не похожими на то, что создается на

Земле, созданными специально для вторжения в его бессвязный бред. Даже теперь, когда начало появляться что-то похожее на сознание, странные фигуры продолжали толпиться и хихикать, более причудливые, чем что-либо рожденное органическим мозгом.

Каким-то образом — может, благодаря силе воли, а может, из чистого упрямства — он оттолкнул большинство их в сторону, прокладывая себе путь к бодрствованию.

— Ты уверен, что мы можем его отпустить? —

спросил другой голос, более высокий. — Только посмотри на его зубы. Он может быть опасен!

Первый говорящий казался спокойным, хотя и в его голосе слышалась неуверенность.

— Послушай. Ты ведь и раньше видела шимпов. Они наши друзья. Нам не могло повезти больше — после всего, через что мы прошли.

— Ты называешь *это* шимпом? — возразил второй. — Я никогда не проводила с ними много времени и не прочла так много книг, но ручаюсь, ни один шимп так не выглядит!

Именно это замечание, больше всего остального, заставило Гарри еще отчаянней сражаться с не отпускающей его сонливостью.

А что такого в моей внешности? Я в любое время готов сравнить свое лицо с лицом безволосой обезьяны!

Разумеется, голоса человеческие. Он узнал их, несмотря на незнакомый акцент.

Как люди оказались в пространстве Е?

Он попробовал открыть глаза, ударил резкий болезненный свет. Гарри застонал, прикрывая глаза рукой.

— Я…

В горле у него пересохло. Говорить было трудно.

— Я хотел бы… попить.

Их реакция его удивила. Более высокий голос произнес:

— Он говорит! Видишь? Это не может быть шимп. Бей его! Гарри с трудом открыл глаза в мир блеска и расплывающихся очертаний. Он сел и заметил, что две фигуры стремительно отпрянули. Молодые люди — самец и самка — грязные и оборванные.

— Эй! — прохрипел он. — Что значит, я не могу…

Гарри неожиданно замолчал, не в силах ни двигаться дальше, ни говорить. Он мог только смотреть на свою руку. Его собственную руку… поросшую редкой шерстью.

Стеклянистой *белой* шерстью.

Борясь с паникой, Гарри встал, пощупал себя, проверяя, нет ли ран или недостающих частей. К его величайшему облегчению, все важнейшие части тела оказались на месте. Но глаза его продолжали поворачиваться без его желания, отыскивая, что еще не так.

Белая шерсть… белая шерсть… с этим я могу жить, если больше ничего не изменилось…

Один из людей снова показался в поле его зрения. Мужчина, одетый в рваные тряпки, с

многодневной щетиной на щеках. Испытывая тревогу и смятение, Гарри смог только рефлекторно огрызнуться и попятиться.

— Эй, — успокаивающе сказал мужчина. — Полегче, мистер. Ты просил воды. Здесь есть немного, в этой фляжке.

В руке он держал какой-то предмет. Похоже на грязную бутылку из тыквы, заткнутую цилиндрическим обрубком дерева.

Что это? — подумал Гарри. *Какая-то шутка? Или мысленный мусор пространства Е?*

По-прежнему пятясь по палубе своей поврежденной разведочной станции, он выглянул в окно и заметил, что местность снаружи изменилась. Обширная равнина пушистого ковра стала желтой, а не бежевой, туман сгустился, скрывая все, кроме соседней груды металлических обломков, которые, дымясь, медленно растворялись в окружающих жадных растениях. Гарри хотел спросить, что случилось, сколько времени он был без сознания, откуда взялись эти люди и как они пробрались в его корабль. Возможно, он обязан им жизнью. Но он находился почти в истерическом состоянии и Мог только продолжать пятиться.

Белая шерсть… но это не все. Что-то еще непра-

вильно! Эти клещи что-то со мной еще сделали, я это знаю!

Теперь ему ясно были видны оба человека. У женщины — скорее девочки — ужасный шрам на лице. Она держит в руках гаечный ключ, размахивая им, как оружием. Парень удерживает ее, хотя он тоже явно смущен внешностью Гарри.

— Мы тебе не причиним зла, — сказал он. — Ты спас нас от чудовищ. Мы пришли и починили твой корпус. Послушай, меня зовут Двер, а это Рети. Мы люди… земляне. А ты можешь нам сказать, кто… и что… ты?

Гарри хотелось закричать. Спрашивать так, словно они слепы! Неужели патроны не узнают собственных клиентов? Даже с белой шерстью шимп все равно…

Он почувствовал неожиданную щекотку сзади. Конечно, за ним переборка, и он не может больше пятиться. Но ощущение пришло на мгновение раньше, и оно какое-то необычное, как будто стена поглаживает ему спину.

Моя спина.

Он был там — последнее, что он мог вспомнить, — маленький хищный мемоид, напавший на него сзади и впившийся в плоть, заполняя его сознание-тело волнами смятения и дезори-

ентации.

— Я хочу сказать… ты выглядишь так, что мог бы быть нашим родичем, — нервно продолжал юноша. — И ты говоришь на англике, так что, может быть…

Гарри его не слушал. С растущим ужасом он нервно щупал за собой левой рукой, коснулся переборки, двинул руку ниже.

Что-то начало подниматься навстречу его руке. Он ясно ощущал это. Что-то такое, что является частью его самого.

Змееподобное щупальце, покрытое шерстью, уверенно поместилось в его руке. Это казалось таким же естественным, как почесать собственную задницу или потянуть большие пальцы.

Ага, с некоторым облегчением подумал он. *Да это мой собственный проклятый хвост.*

Дыхание застыло у него в горле… потом вырвалось длинным печальным вздохом.

Люди нервно попятились, а вздох претерпел метаморфозу, словно мемо с собственным разумом, превратившись в хриплый, истерический хохот.

Когда он наконец спокойно принялся разглядывать собственное отражение в зеркале, результат оказался не таким уж плохим. В сущности белая шерсть казалась даже… ну… харизматической.

А что касается нового придатка, то Гарри с ним уже смирился.

Он, несомненно, способен приносить пользу, думал он. *Хотя предстоящие счета портного мне не очень нравятся.*

Конечно, все могло быть гораздо хуже. Паразит мемоид, проникший в его тело, умер спустя несколько мгновений после того, как его родитель взорвался, соприкоснувшись с материальной реальностью. И в последнем усилии он мог ухватиться за любую случайную мысль Гарри, используя ее для быстрой перемены. В пространстве Е то, как вы себя самого представляете, может иметь для вашей внешности неожиданные и драматичные последствия.

Но одно несомненно — в таком виде он никогда не сможет вернуться на Землю. Его назовут «обезьяной» — это самое невыносимое оскорбление.

Поступив в Институт Навигации, я думал, что, возможно, мне весь остаток жизни придется жить отдельно от своих. А теперь я принадлежу Вер'Кв'квинну еще больше, чем раньше.

По его приказу станция двинулась параллельно Авеню, хромая на максимально безопасной скорости, возвращаясь прежним маршрутом, чтобы подобрать инструментальные пакеты и

покончить с этим дежурством, прежде чем еще что-нибудь не случится.

У Вер'Кв'квинна есть одно хорошее качество. Старый моллюск вряд ли заметит разницу в моей внешности. Он думает только о работе.

Оставалась одна проблема.

Молодые люди.

Очевидно, Двер и Рети и были тем «органическим грузом», который несло несчастное машинное существо. Их маленький обитаемый корпус уже готов был подвергнуться нападению и быть разорванным прожорливым мемоидом-стервятником, когда появился Гарри. С их точки зрения, он был той самой кавалерией из пословицы. Рыцарем их книги сказок, прискакавшим на выручку в самый последний момент.

После того как последний мемоид сбежал, раздувшись от украденных атомов, они вернули ему долг. Уговорив умирающего меха использовать последние силы для сооружения мостика, они забрались в станцию Гарри и спасли его от удушья, когда он лежал, ошеломленный и лишившийся сознания.

Затем мех исчез, и его масса стала временным удобрением для этой истосковавшейся по материи пустыне.

— Мы так и не поняли, где оказались или почему он нас принес сюда, — объяснял Двер, с жадностью пожирая тройную порцию из рациона Гарри. — Машина не разговаривала с нами, хотя, кажется, понимала, когда я говорил на галдва.

Гарри смотрел на парня, зачарованный странной смесью дикаря и джентльмена в Двере. Тот не отрицал того, что он сунер, потомок преступников колонистов, больше двух столетий назад отказавшихся от технологии. Однако он может говорить и читать на полудюжине галактических языков и явно осознает ситуацию.

— Когда мех взял нас на борт возле гигантской красной звезды, мы подумали, что с нами все кончено. Свитки говорят, что машины, живущие в глубоком космосе, могут быть враждебными и иногда они враги нашего вида жизни. Но этот сделал для нас убежище, снабдил его воздухом и починил рециклер. Он даже спросил нас, куда мы хотим лететь.

— Мне кажется, ты упомянул, что он не говорил, — заметил Гарри.

Рети, подросток с шрамом на щеке, покачала головой.

— Один из роботов приходил к нам с куском металла, на котором были нацарапаны буквы.

Не знаю, почему он использовал такой способ: ведь у нас был маленький учитель, который мог с ним разговаривать. Но по крайней мере робот как будто понял, что мы ответили.

— И что же вы ответили?

Оба человека ответили одновременно.

Двер: Я попросил отнести нас домой.

Рети: Я сказала, чтобы он привел к нам более важных парней!

Они сердито посмотрели друг на друга, словно продолжая спор.

Гарри долго думал, наконец кивнул в знак понимания.

— Похоже на несовместимые приказы. Для вас или меня это означало бы необходимость выбора или нахождения компромисса. Но сомневаюсь, чтобы машина так поступила. Могу только высказать предположение, что она попыталась выполнить оба приказа одновременно. Конечно, ее определение терминов может быть совсем не тем, что вы имели в виду.

Молодой человек выглядел смущенным, поэтому Гарри покачал головой.

— Могу только точно сказать, что, когда я напал на ваш след, вы определенно не направлялись в вашу сунерскую колонию.

Рети довольно кивнула. —Ха!

— Но не направлялись вы и на Землю, или в один из Великих Институтов, или вообще к какому-нибудь могучему клану Пяти Галактик.

— Тогда куда же…

— В сущности, мех относил вас — со смертельным рис-Ком для себя самого — в такие таинственные измерения и Царства, что их трудно даже назвать. Кажется, он шел по Холодному следу двух…

Его речь прервал предупреждающий сигнал. Впереди еще один из пакетов Вер'Кв'квинна.

— Прошу прощения, — сказал он людям, которые, по-видимому, поняли, что ему предстоит заняться работой. Рети даже начала обращаться с ним с почтением, которое казалось преувеличенным, потому что исходило от патрона расы Гарри.

Он с помощью корабельных манипуляторов достал последний пакет, затем спрыснул его специальной жидкостью, чтобы убедиться, что к нему не прилипли микробы-мемоиды, и только потом спрятал. Поблизости звездным светом сверкала Авеню. Царство материальных существ и надежных физических законов всего в нескольких метрах, но Гарри не собирался нырять туда.

Его обратный маршрут кружной, но гораздо более безопасный.

Закончив свое дело, он посмотрел на Двера и Рети, этих двух потерпевших кораблекрушение, которых он спас… и которые, в свою очередь, спасли его. Они тоже потомки землян, а люди официально патроны, возвысившие расу неошимпанзе. Но по закону он им ничем не обязан. Больше того, его долг как представителя одного из Великих Институтов арестовать любого сунера, с которым он встретится.

Но что хорошего это даст? Он сомневался, что они настолько знают астродинамику, что могут сказать, где находится их тайная колония, так что допрос ничего не даст. Из того, что они рассказали до сих пор, следует, что их колония весьма необычна, в ней мирно уживаются полдюжины рас, которые в цивилизованном мире впиваются друг другу в глотку. В нормальное время это само по себе было бы важной новостью. Но сейчас, когда все Пять Галактик в смятении и навигационные линии распадаются, они легко проскользнут в бюрократические щели на базе в Каззкарке.

И Гарри был удивлен тому, насколько ему приятно услышать голоса, говорящие на родных

диалектах волчат. Хотя большую часть жизни он провел в одиночестве, Гарри испытывал странное возбуждение из-за того, что рядом люди. Ведь они почти из его рода.

Камера со щелчком легла на место. Проверив приборы, Гарри ощутил удовлетворение. *Этот пакет последний. Я знаю, другие разведчики ставили на то, что я не вернусь, тем более с успехом. Не могу дождаться, когда утру им нос… а также клюв, рыло, хобот или что там у них еще есть!*

Тяжело хромая, станция наконец отвернула от Авеню и направилась к тонким шпилям — Гарри теперь знал, что это ножки нескольких огромных метафорических стульев и гигантского стола. Это лучший маршрут для возвращения.

Интересно, долго ли эта зона сохранит свою сосредоточенность вокруг моего образа. Вернется ли к состоянию хаоса, когда я исчезну? Или это симптом того, о чем нас неустанно предупреждает Вер'Кв'квинн, — раздутого представления о собственном значении?

На самом деле Гарри знал, что он не первое материальное существо, прошедшее через эту зону недавно. До него и до этого несчастного меха прошли два других космических корабля — один преследовал другой.

Может быть, это все, он оглянулся на огромную мебель и другие *цацки* своей воплощенной гостиной, *приняло форму еще до моего появления? Не помню, чтобы когда-нибудь, даже в детстве, был в такой комнате. Может, образ предоставил один из проходивших до меня кораблей?*

Его тревожило, что он по-прежнему не имеет представления, зачем мех принес сюда Двера и Рети.

Он объединил два приказа-просьбы. Один — вернуть домой, другой — привести к «самым важным парням».

Гарри покачал головой, не в силах понять смысл случившегося.

Но одно несомненно. Миссионер скиано с ума сойдет, когда Увидит землян, нас троих, — двух настоящих людей и трансформированного шимпа, гуляющих по бульварам Каззкарка. Вот это будет сенсация!

Впереди показалась ножка стола, та самая, по которой Гарри надеялся подняться к избранному им входу, если, конечно, он все еще находится там, где инстинкт подсказывает Гарри… И если станция способна подниматься. И если…

В воздухе поблизости возник режим пилотирования — в пространстве повисла вращающаяся

курсивная буква «П».

— Да? — кивнул Гарри.

Боюсь, я должен доложить о движении в символическом левом направлении от нашего настоящего положения. К нам быстро приближаются крупные мемоидные существа!

Гарри застонал. Ему совсем не хотелось снова встречаться с представителями местного порядка жизни.

— Мы можем ускорить продвижения?

Да, с небольшим риском. На двадцать процентов.

— Пожалуйста, сделай это.

Станция двинулась быстрей… и с каждым шагом ее хромота словно усиливалась. Гарри взглянул на Рети и Двера, которые, как всегда, пререкались. Гарри это напомнило некоторые семейные пары, неразлучные и никогда не соглашающиеся. И он решил пока ничего им не говорить.

Пусть думают, что опасность миновала. По крайней мере еще немного.

Подойдя к правому окну, он всматривался в туман.

Нам нужно всего несколько минут. Послушайте, вы, звери-мемоиды! Оставьте нас в покое

хоть ненадолго!

Спина зачесалась, и Гарри уже собрался занести назад руку… но остановился: работу более эффективно проделал новый придаток. Хвост развернулся и почесал нужное место. Гарри казалось одновременно естественным и удивительным, когда он начинал двигаться словно по собственной воле.

Он заметил, что два молодых человека смотрят на него. У Двера по крайней мере хватило приличия, чтобы покраснеть.

Наплевать на вас, подумал Гарри и хвостом пригладил свою новую гладкую цвета слоновой кости шерсть. *Бедняги люди. С голой кожей… и голыми задницами.*

Но больше у него не было времени на прихоти.

Он различил в дымке движение. Несколько темно-серых существ. Огромные, гораздо больше мемоидов, с которыми он сражался раньше. В тумане они выглядели гладкими и закругленными, передвигаясь по обширному ковру, как толпа больших слонов.

И тут Гарри понял. Неправильная метафора. Когда они подошли ближе, он узнал эти быстрые резкие движения, выступающие уши и дергающиеся носы.

Мышь… проклятая гигантская мышь! Ифни, это все, что мне нужно было!

С отчаянием он понял: они вышли на след станции.

Режиму пилотирования Гарри отдал срочную команду вслух:

— Увеличить скорость! Нужно подняться на ножку до того, как они до нас доберутся!

На контрольной панели вспыхнули красные и янтарные огоньки, неровная походка станции стала еще быстрей. Перед ними возвышалась огромная, похожая на древесный ствол колонна, но Гарри чувствовал, что преследующие мемо совсем близко. Самоподдерживающиеся концептуальные формы гораздо сложнее и опаснее всего, что он когда-либо видел. Нелегко придется. Очень нелегко.

Боже. Не знаю, сколько я еще выдержу.

Часть четвертая
Кандидаты в трансцендентность

Наша вселенная, связанная звездными линиями — Пять Галактик — состоит из бесчисленных иерархий. Некоторые виды древние, обладающие мудростью и силой. Другие только начали свой путь к самопознанию.

И существует бесконечное количество степеней между ними.

Это не те условия, в которых природа производит справедливость. И не было бы никакой справедливости и защиты для слабых, если бы кодекс законов не смирял порывы сильных.

С этой целью мы унаследовали от Великих Прародителей много традиций и правил, формализующих отношения между патронами и их клиентами или между колонистами и неразумными существами, населяющими планеты. Иногда эти правила кажутся такими сложными и произвольными, что испытывают наше терпение. Мы утрачиваем представление о том, ради чего все это сделано. В недавнее время ученый из звездного клана землян (дельфин) предположил,

что дело очень просто и что все следует рассматривать в терминах пищевой цепочки.

Другой земной мудрец (человек) выразил это еще проще, выразив в виде того, что он назвал метазолотым правилом.

«Обращайтесь с низшими так, как вы бы хотели, чтобы высшие обращались с вами».

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Хотела бы я, чтобы с нами был Том. Ему бы это понравилось.

Загадка.

Ужасающее великолепие.

Стоя в своем темном кабинете, я смотрю сквозь узкое окно на сверкающее протяжение *тема,* окружающего «Стремительный», — фундаментального основания нашего континуума, элементарного ингредиента, из которого состоят все уровни гиперпространства, основы того, что мы именуем «вакуумом».

От этого зрелища мурашки бегут по коже. Невообразимо прекрасное зрелище. Но мысли мои по-прежнему мечутся. Я не могу успокоиться, чтобы оценить открывающийся вид.

В сердце у меня печаль и желание, чтобы Том смотрел рядом со мной. Я почти чувствую его руку у себя на талии, чувствую теплое дыхание его голоса, призывающего меня оставить в прошлом неприятные подробности, тревоги, опасности и сердечную боль, которые преследуют нас.

Никто не говорил, что в космосе будет легко и безопасно. Или что вообще легко подниматься из

примитивной грязи и смотреть в небо. Мы должны быть умными обезьянами, моя любимая, настоящими волчатами до конца. Но что-то внутри нас слышит призыв.

И мы должны спешить, чтобы увидеть.

Конечно, он был бы прав, если бы сказал так. Мне повезло увидеть так много чудес. И однако я отвечаю на его призрачный голос, как занятая жена может ответить мужу, погруженному в философские рассуждения и пренебрегающему домашними хлопотами.

О Том. Даже когда тебя окружают миллионы чудес, кто-то Должен заботиться и о мелочах.

И на борту этого хрупкого каноэ-долбленки этот кто-то — я.

Проходят дни, «Стремительный» по-прежнему движется в составе гигантского флота. Армада движущихся вместилищ — мне трудно назвать эти угловатые, размером в планету, фигуры кораблями — то несется по гиперпространству уровней А и Б, то ныряет в глотку какого-нибудь пункта перехода… невероятное стадо толкающихся бегемотов, движущихся по космическим нитям, которых нет ни на одной из наших карт.

Должно ли это меня удивлять? Сколько раз слышала я, как разумные существа — от соро и

пила до синтианцев и кантенов — высказывали благоговейное изумление перед обширностью и мудростью Галактической Библиотеки, в чьих архивах хранятся сведения, накопленные более чем за миллиард лет, с тех самых пор, как Библиотека была основана легендарными Прародителями?

Мы, молодые расы, считаем, что Библиотека знает все. И лишь изредка кто-нибудь упоминает ее ограничения.

Библиотека обслуживает только цивилизацию Пяти Галактик. Древнюю культуру кислорододышащих межзвездных путешественников, к которой мы, земляне, присоединились всего триста лет назад.

Для маленького бедного клана землян этого более чем достаточно! Настолько сложное и всеохватывающее общество, с его загадочными традициями, соперничающими союзами и почитаемыми Институтами, что трудно представить себе, что может существовать что-то помимо него.

Но за его пределами есть еще многое. По крайней мере еще семь порядков жизни существуют параллельно нашему — ппорядки, которые отличаются как потребностями и стремлениями, так и собственной мудростью.

Даже любопытные тимбрими советовали нам избегать контактов с этими незнакомцами, объясняя, что для нас это слишком сложно, невыгодно и опасно.

И по своему недавнему опыту я могу заключить только одним словом — *аминь.*

Конечно, общеизвестно, что старейшие кислорододышащие расы со временем умирают или «переселяются». Как и индивиды, ни один вид не бывает вечным. Цикл Возвышения, который является основой галактической культуры, целиком связан с восстановлением и обновлением. Передай дар разума, как он был передан тебе.

Не участвуя в этой игре, невежественные и отчаянно бедные, заботящиеся только о своих клиентах дельфинах и шимпах, мы, земляне, сосредоточились на начальных ходах, изучали правила, согласно которым должны действовать как ответственные патроны. Возможно, нам удастся избежать участи, которая обычно выпадает волчатам.

Начало очень важно.

Да, каждый союз или клан почтительно отзывается о тех, кто был до него. О тех, кто, подобно почтенным прапрадедам, выполнил свои обязанности по воспитанию других и обратился к

иным задачам, дорос до новых высот и новых горизонтов.

После того как мы избежали предательства на Оакке, я решила больше не доверять продажным Институтам и искать совета у кого-нибудь из тех почитаемых древних, о которых мы слышали. У существ, которые отказались от полета меж звездами ради полной размышлений жизни порядка «ушедших в отставку», закрывшись вблизи тусклой красной звезды.

События во Фрактальном Мире скоро преподали мне Урок. Отчужденность не означает беспристрастности. Так называемый порядок «ушедших в отставку» есть всего лишь прихожая для кислородных рас, которые больше не выносят трудностей плоского пространства-времени. Хотя они прячутся, как отшельники, в гравитационном колодце, стараясь Усовершенствовать свою расовую душу, это не обязательно Делает их терпимыми и мудрыми. После тяжелого опыта с Древними я готова была вернуться в Пять Галактик и снова Рискнуть контактом с кислородной цивилизацией.

Однако сейчас мы вопреки всякой логике или разуму оказываемся поневоле принятыми в трансцендентный порядок!

По крайней мере кажется, что именно это означает символ на нашем носу. Кто-то — или что-то — поместил у нас на носу этот символ — широкую полосу. Может быть, это злой розыгрыш.

Эмблема, означающая высокие духовные достижения плюс готовность отказаться от всех тревог.

В сущности она говорит: *Эй, посмотрите на нас! Мы готовы стать богами!*

Ну и ситуация! Я чувствую себя уличным ребенком, который украл смокинг, идентификационную карточку и каким-то образом проник на церемонию присуждения Нобелевских премий. И вдруг обнаружил, что сидит у сцены в ожидании своей очереди произнести речь!

И все, чего хочет сейчас этот уличный мальчишка, так это улизнуть отсюда незаметно, прежде чем его заметят взрослые и устроят ему взбучку.

Но уйти не так-то просто. Что-то типа инерционного поля окружает всю огромную флотилию, и мы беспомощно висим в орде гигантских транспортов. Больше того, наши навигационные системы не действуют. Мы не знаем, где находимся, не знаем, куда могли бы направиться.

Однажды, во время особенно гладкого пролета

через пункт перехода, Акеакемаи доложил, что окружающее поле как будто ослабло. Я приказала ему подвести «Стремительный» к краю роя, надеясь во время одного из цикличных прыжков выскользнуть в обычное пространство. Но стоило нам подготовиться к бегству, как Олело забила плавниками и предупреждающе свистнула. Нас сканировал луч с враждебного корабля!

Вскоре мы заметили джофурский дредноут, пробирающийся к нам в толпе огромных кораблей.

Когда-то этот корабль казался нам всемогущим. Но теперь он выглядит маленьким по сравнению с соседними гигантами. Его некогда сверкающий корпус покрыт пятнами, которые дрожат, словно волдыри. Тем не менее корабль по-прежнему очень силен, а его экипаж полон решимости преследовать «Стремительный». И стоит нам покинуть конвой, как джофуры нападут на нас.

Мы снова спрятались среди титанов, выжидая другой возможности.

Возможно, то, что поразило джофуров, со временем поразит и их.

Вселенная может произвести еще одно чудо.

Кто знает?

Может быть, мы станем *трансцендентами.*

Машина Нисс роется в нашей украденной Библиотеке в поисках сведений о необычной оболочке, покрывающей корпус «Стремительного». Эта оболочка одновременно защищает нас и отягощает. Началась она как толстый слой звездной сажи, собранной в атмосфере тлеющей углеродной звезды. Позже какая-то таинственная фракция преобразила этот покров — благожелательно или с каким-то тайным замыслом, — создала сверкающую броню, которая спасла нам жизнь.

Это разновидность брони, объяснил Нисс. *Она дает великолепную защиту от энергетического оружия — как мы драматично поняли во Фрактальном Мире. В поисках метода я установил, что этот метод активно использовался в боевых кораблях, пока примерно двести миллионов лет назад не был обнаружен очень серьезный недостаток, делающий такую защиту невозможной.*

— Какой недостаток? — спросила я.

Нисс объяснил:

Большинство сажи, улетающей от Измунути, состоит из молекул, которые вы, земляне, называете фуллеринами — или круглыми каштанами. Это открытые шарики и трубки, состоящие из шестидесяти и большего количества углеродных

атомов. Они имеют промышленное применение, особенно в виде полотен или плетеных кабелей. Именно поэтому роботы собирали это вещество у Измунути, приобретая материал для своих тщетных попыток восстановить Фрактальный Мир.

— Мы и так знали, что это вещество очень прочное, — ответила я. — Суэсси удалял его с огромным трудом. Но это еще очень далеко от противодействия дезинтеграторным лучам восьмого класса.

Нисс объяснил, что для преобразования этого слоя в другую форму нужна специальная обработка. Необходимые типы атомов улавливаются и удерживаются внутри трубок и шаров. *«Атомы необычной материи»* произнес бестелесный голос.

Признаю, что вначале я не поняла. Похоже, что некоторые элементы могут состоять не из обычных протонов, электронов и нейтронов. Они используют необычные разновидности кварков. Такие атомы следует заключать в оболочку, иначе они исчезают из нормального пространства, перепрыгивая на уровень Д или в другой субконтинуум, где чувствуют себя лучше.

Кажется жутким, что «Стремительный» окру-

жен таким веществом.

Но потом я решила, что еще более жутко быть мертвым.

Помню, как ожидала, что сейчас испарюсь, когда ударили эти мощные лучи. Но наша поразительная новая броня поглотила всю эту энергию, переместила каждый ее эрг в другой план реальности, безвредно рассеяла ее.

— Похоже на ловкий трюк, — заметила я. *Поистине, доктор Баскин,* ответил сардонически Нисс.

Но несколько сотен эпох назад кто-то открыл, как сделать это оружие бесполезным, направив поток в противоположном направлении. Превратив этот удивительный материал в огромную антенну и поглощая энергию гиперпространства, можно поджарить экипаж и все внутри корабля.

Так вот почему в Пяти Галактиках не нашлось никого достаточно глупого или отчаянного, чтобы использовать такую броню. Вначале она сработала, потому что джофуры были захвачены врасплох. Но у них на борту «Полкджи» есть собственная ячейка Библиотеки, не хуже нашей. И теперь они уже несомненно знают и готовы к новой встрече.

Надо каким-то образом избавиться от этой

оболочки!

Я попросила Ханнеса Суэсси подумать над этой проблемой. Тем временем у меня масса других проблем.

Прежде всего глейверы воют днем и ночью.

Перед тем как улететь вместе с Каа на маленькой шлюпке, Олвин Хф-Уэйуо научил нас, как заботиться о них и кормить этих регрессировавших потомков могучих межзвездных путешественников. Особенного в этом ничего нет. Их нужно регулярно кормить и раз в пять дней чистить их загон. Глейверы кажутся спокойными и довольными. Но как только Каа улетел, увезя в безопасность Олвина и его друзей, эти грязные маленькие существа начали орать и все продолжают.

Я спросила у единственной оставшейся с нами представительницы Джиджо, что это может означать, но такое поведение и Сару ставит в тупик. Поэтому могу только предположить, что дело в меняющемся составе огромного окружающего нас флота.

По мере того как мы пролетаем обширные просторы пространства и гиперпространства, к толпе присоединяются все новые шарообразные корабли, встают в ряд с прежними представи-

телями порядка «ушедших в отставку». Занги… и другие представители водородной жизни… теперь составляют примерно две трети армады, хотя в целом их корабли гораздо меньше монументальных судов кислородников.

Наши глейверы, должно быть, каким-то образом ощущают присутствие зангов. И это их возбуждает — причем трудно сказать, оживление это или страх.

Они не одни нервничают. Оставив столько товарищей на Джиджо, «Стремительный» кажется беспомощным… он стал похож на корабль-призрак. Нас окружает тайна, а впереди — полная неопределенность.

Однако могу сказать без преувеличения, что оставшиеся на борту дельфины великолепно справляются со своими обязанностями, действуют профессионально и преданно. После трех лет отсеивания у нас осталась небольшая часть отборного экипажа Крайдайки. Только те, кто обладает иммунитетом к умственному регрессу. Испытанные в горниле величайших тягот, они — перлы Возвышения, сокровища своего вида. И если мы вернемся домой, каждый получит неограниченную лицензию на размножение.

Что, разумеется, удваивает иронию.

Никто из этих финов не верит, что мы когда-нибудь увидим Землю.

Что касается Сары, то она много времени проводит со своей молчаливой маленькой шимпанзе Прити, с помощью портативного компьютера они чертят гиперпространственные карты и сложные пространственно-временные матрицы.

Когда я спрашиваю у машины Нисс, что они делают, это саркастическое существо отмахивается от их проекта, называя его *«сверхъестественным вздором»*.

Иными словами, Сара все еще надеется завершить труд своего учителя, соединив древнюю земную математическую физику с компьютерными моделями галактической науки, пытаясь понять смысл необычного и пугающего раскола, свидетелем которого мы стали. Тех конвульсий, которые сотрясают ткань большей части нашей вселенной.

— Мне не хватает какого-то элемента или ключа, — сказала она мне сегодня утром, выражая одновременно раздражение и то возбуждение, которое охватывает тех, кто занят любимой работой.

— И я думаю, имеет ли это отношение к Объятию Приливов.

Нисс, кажется, слишком легко отмахивается от усилий Сары — поскольку они не имеют соответствий в Великой Библиотеке. Но на меня ее смелость и ум производят впечатление, даже если она ошибается. И могу только сказать, что желаю ей успеха.

Всегда рядом с Сарой — с отчужденным тоскливым выражением во взгляде — бедняга Эмерсон смотрит, как ее пробные модели мелькают на дисплее компьютера. Иногда он щурится, словно пытаясь что-то вспомнить — что-то такое, что висит на кончике языка. Наверно, хочет помочь Саре. Или предупредить ее о чем-нибудь. Или просто выражает свои чувства к ней.

Приятно смотреть на их растущую взаимную привязанность — хотя должна признаться, что испытываю и легкую ревность. До несчастного случая с ним я не могла ответить на страсть Эмерсона. Но он всегда был мне дорог. И чисто по-человечески понятны мои чувства оттого, что его внимание устремлено в другую сторону. Но правда в том, что Саре теперь принадлежит единственный способный к деторождению мужчина на протяжении нескольких мегапарсеков. И как я могу не чувствовать себя более одинокой, чем всегда?

Да, Том. Я чувствую, что ты по-прежнему где-то здесь, вместе с Крайдайки бродишь по темным углам космоса. Я улавливаю слабое эхо твоего существования; ты несомненно создаешь все новые трудности и попадаешь в них. Делаешь окружающее еще более возбуждающим.

Допустим, это не мечты и не самообман — разве ты не чувствуешь мои устремленные к тебе мысли?

Разве не можешь ответить на них?

Я чувствую себя такой потерянной... в том «месте», где нахожусь.

Том, пожалуйста, приди и отведи меня домой.

Ну ладно, это проявление жалости к себе вычеркну позже. У меня по крайней мере есть общество Херби.

Добрый старина Херби — мумия, стоящая в углу моего кабинета и глядящая на меня пустыми глазницами. Гуманоидная, но в то же время несказанно чуждая. Старше большинства звезд. Загадка, которую Том приобрел ценой нескольких жизней. Невообразимо ценное сокровище, образ которого привел тысячи могучих кланов и союзов в состояние смертельного страха и заставил, нарушая все законы, преследовать бедный «Стремительный» по многослойному космосу,

пытаясь захватить его груз, прежде чем кто-то другой наложит на него руки-лапы-когти-клешни-щупальца.

Полученные мною приказы совершенно ясны. Доставить Херби — и остальные наши сокровища — «соответствующим властям».

Некогда я считала, что это означает Великую Библиотеку или Институт Миграции.

Но эти «нейтральные» институты нас обманули и предали, мы обратились к Древним — и едва не утратили все.

Что теперь?

«Соответствующие власти».

Понятия не имею, кто они во всей вселенной.

До сих пор я воздерживалась от упоминания о самых тревожных новостях. Но откладывать дальше нет смысла.

Вчера мне пришлось поместить под арест мою дорогую подругу.

Тш'т, вторую по старшинству на корабле, такую компетентную и надежную. Скалу, на которую я так долго опиралась.

У меня разрывается сердце, когда я смотрю на монитор и вижу, как она без конца плавает кругами по бассейну корабельной тюрьмы и смотрит на кодовый замок на двери.

Но что еще я могла сделать?

Как только я узнала о ее тайных делах, у меня не было выбора.

Как это произошло? Как я могла быть так слепа к предупреждающим сигналам? Например, когда несколько месяцев назад эти два пленника даника «совершили самоубийство». Нужно было расследовать это дело внимательней. Применить чувствительную аппаратуру. Но я предоставила следствие ей и занялась другими делами.

Но наконец я не могла не видеть очевидное. Особенно сейчас, когда она помогла другому, гораздо более опасному пленнику беж…

Пришлось несколько часов назад прервать последнюю запись в дневнике. (Конечно, я не наслаждаюсь этой темой.)

Кое-что вмешалось, и мне пришлось заняться другим.

В нашем положении произошла серьезная перемена.

Вмешалась машина Нисс и сообщила, что окружающее нас инерционное поле слабеет.

Армада наконец замедлялась, переходя с уровня А на уровень Б, а затем и Ц. И с каждым прыжком все длительней становилось пребывание в нормальном пространстве. Скоро сканеры

дальнего обзора показали, что мы, теряя скорость, приближаемся к голубой точке — по-видимому, нашей окончательной цели.

Спектральное сканирование, проведенное Олело, показало, что это *белый карлик*, невероятно плотный, с диаметром меньше сотой части нашего родного Солнца. Звезда находится на последней стадии своего существования и состоит преимущественно из пепла сгоревшего на протяжении прошлых эпох вещества. Это очень массивный и старый карлик, свечение которого объясняется гравитационным сжатием и которое может продолжаться еще двадцать миллиардов лет.

Мы обнаружили еще целый ряд аномалий — угловатые темные объекты, вращающиеся совсем близко к этой плотной древней звезде. Массивные структуры, настолько большие, что отбрасывают плотную тень, когда проходят мимо диска. Что они делают очень часто. Их много, прижатых так близко, что каждый оборот совершается за минуту.

Вскоре мы убедились, что это артефакты, находящиеся глубоко внутри гравитационного колодца.

Конечно, эта знакомая концепция, она напом-

нила мне о Фрактальном Мире у маленького красного солнца — этого убежища отставников. Действительно, у этого места много общего с тем огромным обиталищем. Только здесь масштаб расстояний в сотни раз меньше. Невероятное количество материи затолкано в этот колодец, в плотный туннель сжатого пространства-времени.

Тот, кто там живет, должен очень ценить свободное пространство.

Это существа другого порядка жизни, живущие в другом типе измерений. В тесноте, которую старейшие расы интерпретируют как любящее спасение.

Присоединившись к остальным в ситуационном помещении, я смотрела, как эта новая вариация старой темы постепенно вырастает перед нами.

— В каждой галактике существует несколько миллиардов белых карликов, — заметил Акеакемаи. — Если даже небольшая их часть так населена, количество трансцендентных существ невероятно. А с Земли до контакта ничего обнаружить нельзя.

Сара держала за руку Эмерсона, который смотрел на корабли конвоя, может быть, опасаясь

того, что они сделают, когда мы прибудем. Я сочувствовала ему. Мы все ждем этого.

Замедление продолжалось в нормальном пространстве, как доложила материализовавшаяся машина Нисс. Она закончила исследовать символ у нас на носу — широкую полосу, означающую наше незаконное пребывание в высшем порядке разума.

— Позволь высказать предположение, — сказала я, прежде чем вертящаяся голограмма начала объяснять. — Эмблема означает союз кислородных и водородных существ, наконец-то встретившихся.

Одно из моих немногих оставшихся удовольствий — удивлять высокомерную машину.

Откуда… откуда вам это известно? — спросила она.

Я пожала плечами — беспечный жест, скрывающий, что я просто угадала.

— Два сегмента, встречающихся под углом в сто четыре градуса. Это может символизировать только связи *молекулы воды.* Водород плюс кислород, соединяясь, создают самый фундаментальный ингредиент химизма жизни. Ничего загадочного.

Вращающиеся линии как будто качнулись..

Может быть, для вас, ответил Нисс. *Предубеждения землян, наверно, не настолько фиксированные. Но для меня это было настоящим шоком. После всех предупреждений, после бесконечных рассказов о том, как опасны занги… какие они нелогичные, раздражительные и ненадежные…*

Я пожала плечами.

— Маленькие мальчики обзывают маленьких девочек, и наоборот. Часто они не выносят общества друг друга. Но когда вырастают, начинают нуждаться друг в друге.

Аналогия поверхностная. Тем не менее сравнение имеет смысл!

Я часто размышляла об антагонизме кислородной и водородной жизни. Если они такие фундаментально различные, такие враждебные и несовместимые, как занги и их собратья умудряются сохранять мир с цивилизацией Пяти Галактик так долго? Почему одна сторона не уничтожит другую, вместо того чтобы неохотно сотрудничать в сложном порядке миграции и экоуправления, разделив спиральные рукава и космические линии с относительным минимумом насилия?

Действительно — как? Это казалось невероятным.

Если, конечно, все это не было разработано на более высоком уровне! На уровне, на котором оба вида жизни достигают наконец зрелости и способны найти общую почву.

Завершение, когда каждая сторона поставляет то, чего не хватает другой.

Итак.

Вот мы и здесь, в месте слияния и консолидации. В союзе, созданном среди сильных гравитационных течений, глубоко в Объятиях Приливов.

Кажется, нас пригласили. Остается только один вопрос. *Почему?*

ГАРРИ

Он ждал, что дома его встретят с поздравлениями; может быть, сам Вер'Кв'квинн или по крайней мере старшие помощники старого моллюска с нетерпением получат данные Гарри и послушают рассказ о его успешной миссии.

Необыкновенно трудной миссии, если говорить правду. Эпического путешествия в одно из самых трудных мест пространства Е, где он преодолел ужасные препятствия и даже привез с собой пару людей-сунеров вдобавок!

Предвкушая все это, он обнаружил, что Каззкарк охвачен хаосом.

На северном полюсе все причальные площадки были заполнены, кроме нескольких, предназначенных для официального использования. Приближаясь к одной из таких площадок, Гарри должен был прокричать свой код и добавить угрозы, прежде чем мрачный робот Института Миграции наконец указал ему щель, отведенную для кораблей Института Навигации.

За освещенными звездами приемными устройствами Гарри разглядел мириады судов беженцев, занимающих всю поверхность планетоида

от одного конца до другого, создавая плотную, сбивающую с толку путаницу теневых форм и стробоскопического света.

— Разве это не здорово, Двер? — прошептала девушка с обезображенным лицом — Рети, у которой при этом зрелище загорелись глаза. — Разве я тебе не обещала? Держись меня, и я приведу тебя к цивилизации! Так я сказала. Прощай, вонючая старая Джиджо, привет, галактика! Мы. больше никогда не будем грязными, голодными, бедными и никогда не будем скучать.

Гарри обменялся взглядом с другим человеком, высоким мужчиной. Оба человека явно ничего не понимают. Но в отличие от Рети Двер, по-видимому, знает это. В глазах его выражение страха и благоговения.

Примерно так же и я себя чувствовал, подумал Гарри. Звездные корабли расположены тесно, как разбитые стволы мурввы после сильной бури на Хорсте. *Нарушения стали, должно быть, значительно серьезней с моего отлета… если народ выбирает старый пыльный Каззкарк, чтобы здесь спасаться!*

Магнитные якоря притянули избитую разведочную станцию, которая с облегченным стоном наконец опустилась. Гарри тоже впервые с мо-

мента отлета почувствовал, как его оставляет напряжение, и свободно передохнул.

Снова дома… каким бы он ни был.

Переместив данные для Вер'Кв'квинна в портативное переносное устройство, он повернулся и подтолкнул гостей к шлюзу. В нормальное время, если бы он возвращался из разведывательного полета, эта пара стала бы настоящей сенсацией на сонной базе. Новость быстро бы разнеслась повсюду, и офицер, арестовавший сунеров, стал бы знаменит.

Остатки верности преследовали Гарри. В конце концов люди — патроны его собственной расы. Конечно, по закону они теперь должны быть ему безразличны. Но привычки изменяются с трудом.

К тому же Двер и Рети спасли мне жизнь.

И поэтому, когда они проходили по короткому туннелю в глубину планетоида, противоречие заставило Гарри сомневаться, а не испытывать торжество.

Все в таком хаосе. Может, мое сообщение о них останется незамеченным.

Он решил, что сможет с этим смириться.

Входной Атриум был полон шума и смятения, здесь толпились представители множества рас,

не обращая внимания на ритуал расового старшинства и интерклановый протокол, добиваясь принятия и надеясь найти убежище в становящемся все более опасным и непредсказуемым космосе. Институтский пропуск позволил Гарри миновать несколько преград, двигаясь впереди большой очереди с двумя людьми за собой. Тем не менее ему потребовалась большая часть мидура, чтобы добраться до последнего барьера с надписью ИММИГРАЦИЯ И КАРАНТИН. По пути он услышал кое-какие разговоры о том, что приводит в панику цивилизацию Пяти Галактик.

...три или четыре пункта перехода в секторе Ланингуш проявляют непоследовательность или катастрофическую пространственную рекомбинацию, — шипел на галсемь торговец тинуктгуппит, обмениваясь слухами с круглым п'орт'лом, глаза которого, расположенные на груди, тревожно блестели.

П'орт'л в ответ фыркнул — богатый, гармонично насыщенный звук.

— Я слышал, большинство уцелевших пунктов перехода захвачены местными союзами, которые налагают незаконные налоги на всякий прилетающий и улетающий корабль. В результате застряло очень много купцов, студентов, пили-

гримов и туристов, которые не могут вернуться домой.

К удивлению Гарри, два молодых человека не впали в панику и не испугались толпы. Рети счастливо улыбалась, поглаживая шею своего маленького урского «мужа», а Двер рассматривал многообразие форм жизни, время от времени наклонялся к девушке и шептал, указывая на чужака, которого узнал — возможно, по легендам, рассказываемым у лагерного костра в его родном племени. Гарри не ожидал такого космополитического отношения. Тем не менее Двер выдавал себя, сжимая в руке лук и стрелы. Он все-таки нервничал.

Гарри подумывал о необходимости конфисковать это примитивное оружие. Теоретически пленники не должны быть вооружены. Но он сомневался в том, что самый отъявленный галактический бюрократ узнает оружие в этом наборе прутьев, нитей и кусков обтесанного камня.

Кстати о галактических бюрократах, подумал он, подойдя к последней стойке. Этот мрачный хунский чиновник был на дежурстве в последний раз и оставался все таким же несносным. Несмотря на объявленное чрезвычайное состояние, Твафу-ануф хлопал своим богато рас-

крашенным горловым мешком на всякого, у кого обнаруживалась хоть малейшая неправильность в документах, и, не обращая внимания на протесты, возвращал посетителей в хвост очереди. Когда Гарри подошел к нему, хун казался уставшим и измотанным от работы.

Приготовься к сюрпризу, ты, мрачный старый бюрократ, подумал Гарри, представляя себе, как его новый цвет шерсти и хвост потрясут Твафу-ануфа.

К его разочарованию, хун едва взглянул на Гарри и снова повернулся к главному монитору. Очевидно, изменение цвета шерсти не сказывается на официальном статусе земного шимпанзе.

— А, хр-р-р-рм. Итак, наблюдатель Хармс снова навязывает свою нежеланную обезьянью внешность моим уставшим органам чувств, — заметил Твафу-ануф на галшесть с сильным акцентом. — Но только на этот раз — и это так же отвратительно — он привел с собой двух своих оборванных земных хозяев. Они наконец заберут вас домой, как непослушного ребенка?

Гарри почувствовал, как напряглись Двер и Рети. И поторопился ответить решительней и тверже, чем намеревался сначала.

— Твафу-ануф, вы превышаете свои полномо-

чия, в которые не входит оскорбление сотрудника Великого Института. Однако если вы нас немедленно пропустите, я воздержусь от выражения формального протеста.

Возможно, усталость после долгой успешной миссии придала голосу Гарри больше властности. К его удивлению, рослый хун, по-видимому, не собирался продолжать свои традиционные насмешки. Твафу-ануф поднял одну гигантскую руку.

— Хр-р-р. Покажите мне въездные идентификационные ярлычки людей. *Пожалуйста.*

Гарри покачал головой.

— Это образцы, предназначенные для исследований в Институте Навигации, и прибывают на Каззкарк под мою ответственность и по моим полномочиям. Можете провести биосканирование обоих человек, прежде чем пропустить нас. На это потребуется тридцать дуров. Правила не разрешают более длительную отсрочку. Или мне доложить непосредственно Вер'Кв'квинну?

Их взгляды встретились. Горловой мешок Твафу-ануфа раздулся, оттуда послышался низкий гулкий звук. Гарри знал, что его отругали на полутайном расовом диалекте. Но формально оскорбление не было нанесено, поскольку не

использовался официальный галактический язык; тем не менее несколько присутствующих, по-видимому, поняли язвительное замечание, переглянулись и стали выражать одобрение или неодобрение. С катастрофы на колонии НюДаун, столетие назад, всем было известно, что хуны терпеть не могут членов осажденного земного клана.

Двер Кулхан неожиданно расхохотался, и этот звук перекрыл низкий гул Твафу-ануфа, заставив того споткнуться и едва не упасть. Хун бросил удивленный взгляд на молодого человека, который сказал на англике — тоже неофициальном языке, который в эти дни понимают многие разумные:

— Ну, здорово сказано! Подождите с дур, пока я объясню этому бедному шимпу, как вы отозвались о его фигуре, предках и тому подобном!

Наклонившись к Гарри, Двер подмигнул и прошептал:

— Улыбайся и делай вид, что ты говоришь мне что-то для передачи этому придурку.

Гарри мигнул.

— Что такое ты пытаешься…

Двер снова выпрямился, громко расхохотался и показал на Гарри. Он как будто что-то хотел

сказать Твауф-ануфу, но не мог сдержать хохот.

— Он говорит… этот шимп говорит…

Рети с кислым выражением закатила глаза. Но Гарри мог лишь в немом изумлении смотреть, когда Двер глубоко вдохнул, посмотрел прямо на Твауф-ануфа… и начал подражать низкому хунскому ворчанию!

В глазах Двера даже появилось свирепое выражение, он продолжал издавать звуки, похожие на отрыжку, а инспектор в изумлении и отчаянии хлопал своим горловым мешком.

Наступила неожиданная тишина. Двер перевел дыхание и снова перешел на англик.

— Ну разве не здорово? Там, откуда я, любой шимп, который сказал бы такое, считался бы настоящим…

Гарри схватил Двера за руку и стиснул. Парень силен для человека, но ему, конечно, по силе не тягаться с шимпом. Двер послушно смолк, дружелюбно улыбаясь толпе. Никогда никто не слышал, чтобы землянин ворчал по-хунски. А уж тем более Гарри!

И тут вдобавок маленький «муж» Рети высунул из сумки свою урскую голову и презрительно зашипел на высокого хуна, вызвав еще большее изумление в толпе.

— Хватит! — воскликнул Твауф-ануф, ударив тяжелым кулаком по стойке, отчего открылась дверца. — Люди, говорящие по-хунски? Хуны, говорящие, как земляне? *Неужели весь космос спятил!* Убирайтесь отсюда! Идите!

Чиновник закрыл массивную голову руками, а Гарри, продолжая сжимать руку Двера, потащил его за собой. Они благополучно миновали контроль Каззкарка, и Гарри выпустил руку Двера, только когда входной Атриум остался позади.

Отступив на шаг, он, словно впервые, посмотрел на молодого человека.

После долгой паузы Гарри хмыкнул и коротко кивнул.

— У меня к тебе только один вопрос.

— Какой? — отозвался Двер.

— Ты можешь меня научить делать так, как сделал там?

Всегда можно так рассказать о событии, чтобы сделать его самым обычным.

Ожидая в приемной Вер'Кв'квинна встречи с боссом, Гарри мысленно пересматривал свой краткий отчет о встрече с Двером и Рети в пространстве Е, удаляя все намеки на то, что они с сунерской планеты. Нет необходимости скрывать факты. Кто еще, кроме подлинных землян,

способен понять, что у Двера домотканая одежда и неолитическое оружие?

Гарри мог даже доказать, что не нарушает свою клятву. Как бы не нарушает.

— Ваш корабль вышел из строя и вы утратили все свои личные вещи до того, как вас подобрало машинное существо, — твердил он паре. — Вы также испытали травму мозга, вызвавшую временную амнезию. Это согласно Традиции Помощи Путникам дает вам право на получение помощи. Возможно, этого хватит, чтобы оплатить воздух, воду и протеин, пока вы не найдете возможность зарабатывать сами. Поняли?

Двер серьезно кивнул, а Рети прошептала маленькому самцу-уру:

— Слышал, йии? Травма мозга. Да у Двера она постоянная.

«Муж» отозвался, попытавшись укусить ее левую руку, которую Рети вовремя отдернула. Гарри немедленно решил, что маленькое существо ему нравится.

— Я знаю кое-кого в Нижнем Городе, — сказал он. — Может, там найдут для вас подходящую работу. А пока вот вам чип со стандартной информацией о Каззкарке и прилегающем секторе, — продолжал он, передавая стерженек,

который Рети тут же сунула в свое самое драгоценное имущество — потрепанный обучающий компьютер земной конструкции. — Пока я внутри, старательно все изучите. Покончив с делами, я отведу вас в безопасное место. Но в обмен мне нужна ваша история — вся история, поняли? О вашем доме и обо всем.

Оба человека кивнули, и Гарри решил, что они его поняли.

Воздух заполнил музыкальный звук — уникальный ритм и мелодия, которые Гарри научился узнавать быстрей собственного имени.

Вызов. Штат Вер'Кв'квинна, должно быть, закончил просматривать его информацию, доставленную приборами, которые извне заглядывали в Реальный Космос.

Наконец-то, подумал он вставая. Два молодых человека уже были поглощены изображениями на экране обучающего устройства, поэтому Гарри ушел, не сказав им ни слова. Направляясь к кабинету босса, он испытывал растущее возбуждение. Успех последней миссии должен привлечь к нему внимание Института. Возможно, настолько, чтобы доверить ему большую тайну.

Может, кто-нибудь наконец объяснит мне, что, во имя Вероятностного Чистилища Ифни, у

нас происходит!

Прошло несколько мидуров, прежде чем он вышел из святилища Вер'Кв'квинна, чувствуя себя озадаченным и ошеломленным.

Он надеялся получить объяснение.

Теперь Гарри сомневался в том, что это была хорошая мысль.

Разве не всегда так? Боги учат нас осторожно высказывать свои желания. Иногда они осуществляются.

Были новости хорошие, плохие… и такие, которые способны привести в ужас.

Вначале его поздравили с тем, что он выжил в трудном путешествии. Изменение цвета шерсти и добавочный отросток тела — все это кажется незначительным по сравнению с тем, что испытали некоторые наблюдатели. Он получит очень щедрую денежную компенсацию, и больше работники Института Навигации об этом не говорили.

Что касается миссии, Вер'Кв'квинн не мог бы быть довольней. Используя своеобразную перспективу пространства Е, чтобы заглянуть в звездную вселенную, камеры Гарри зафиксировали прогрессирующее расширение подвакуума. Процесс, который быстро приводил к разры-

вам. Благодаря смелости Гарри местные ученые Вер'Кв'квинна теперь знали об этом процессе почти столько же, сколько известно начальству в штабе квадранта.

Но были и дурные новости.

Эти начальники, должно быть, уже какое-то время знали, что происходит. Однако до самого последнего мгновения откладывали объявление чрезвычайного положения. И даже сейчас стараются пригасить страх в обществе.

— Может, это заговор? — даже спросил в одном месте Гарри Вер'Кв'квинна.

Моллюскообразное существо забило несколькими щупальцами.

— Если это так, наблюдатель Хармс, то этот заговор включает всех высших руководителей *всех* главных институтов плюс большинство старших рас. Теперь, когда у нас есть свежие данные, мой штат смог получить больше информации от ячейки Великой Библиотеки, расположенной на Каззкарке, и эта информация поразительна.

Гарри с трудом глотнул.

— Какова же она?

— Очевидно, подобные события происходят не впервые! Меньшая версия подобного феномена случилась примерно сто пятьдесят миллионов

лет назад и вызвала временный или постоянный выход из строя семидесяти процентов всех пунктов перехода! Тогда общество тоже разрывалось социальными потрясениями и геноцидными войнами. Особенно пострадала Третья Галактика.

— Но… как можно было скрывать такие вещи? Библиотека… разве не предполагается, что она…

Вер'Кв'квинн отмахнулся от этого возражения как от слишком наивного.

— Лишь небольшое количество фактов замалчивалось. Сокрытие совершалось более тонко, изменялось пропорциональное соотношение событий, одни подчеркивались, другие преуменьшались.

Гарри был рад, что шерсть скрывает краску замешательства. Именно так поступил он сам, скрывая правду о Двере и Рети под грудой незначительных подробностей.

— Хаотическое состояние той эпохи всегда приписывалось межклановым войнам, которые на самом деле были не причиной, а следствием, — продолжал Вер'Кв'квинн. — И вообще мы привыкли к тому, что исторические записи чем дальше в прошлое, тем туманней становятся. И таким образом оказывается возможным не уделять должного внимания наиболее важному

событию — Крушению Гронина.

— Чему?

— Крушению Гронина. Прости, ты волчонок, и в твоих знаниях есть пробелы. Но большинство галактических детей знают, что Прародители вернулись в духовной форме примерно двести тридцать миллионов лет назад, чтобы защищать кислородные расы и провести их через глубочайший кризис. Межзвездная навигация стала ненадежной. Конфликты сокращали население. И лишь небольшое количество звездных кланов выжило, чтобы продолжить цикл Возвышения с новыми поколениями.

— Я… — Гарри нахмурился. — Мне кажется, я об этом слышал. Разве в этом виноваты не машины и занги?

— Поверхностное объяснение, которое большинство принимает не задумываясь. На самом деле ответ несколько иной. Нечто гораздо более значительное… и страшное.

И тут Гарри узнал третью и самую тревожную новость.

— Очевидно, недавние конвульсии — часть природной катастрофы масштабов, неслыханных со времен Крушения Гронина. И нам предстоит столкнуться со страшными несчастьями.

— На… насколько страшными?

Вер'Кв'квинн сплел несколько щупалец с присосками, таких сильных, что они могут гнуть сталь. Престарелый ученый, обычно невозмутимый, как нейтронная звезда, даже вздрогнул. Нужна была очень сильная воля, чтобы произнести несколько следующих слов.

— Кажется, наша цивилизация теряет целую галактику.

Гарри, все еще ошеломленный, вышел в прихожую.

Вер'Кв'квинн сказал, что у него уже есть назначение для Гарри. Его новые обязанности начинаются завтра — одновременно с повышением.

Что-то связанное с сообщением, полученным недавно с осажденной Земли. Предупреждение, отправленное всем институтским аутпостам. Старшие чиновники скрывали его, насколько возможно, но слухи о его содержании уже сеют панику в нескольких квадрантах.

Все это звучало захватывающе. Но сейчас даже обычно ничего не замечающий босс увидел, насколько устал Гарри. В голове у него шумело, и Вер'Кв'квинн приказал ему идти домой. Он заслужил отдых, прежде чем начинать снова.

Выйдя в богато отделанную прихожую, Гарри стоял долгое время, мигая и думая, что же он упустил.

Двер и Рети, понял он наконец.

Они должны были оставаться здесь и ждать меня.

Он посмотрел направо и налево.

Они исчезли!

Торопливо выйдя, он остановился на верху лестницы, ведущей в главное здание Института Навигации, и посмотрел на кишащие толпы, гадая, куда могли деться два человека. Люди, никогда не подвергавшиеся опасностям сложной галактической культуры, не представляющие, какие угрозы могут их ждать от представителей нескольких сотен темпераментных рас… и многие эти расы терпеть не могут землян.

САРА

Все сводится с вопросу о языке.

Можно только догадываться, что способно описать сознание, думала Сара.

В течение двух миллионов лет система организованных галактических языков помогала кислорододышащим расам общаться с минимальным взаимным непониманием. Эти языки представляют собой логичные структуры семантики, синтаксиса, грамматики и смысла. Но теперь Сара поняла, что у этих языков была и другая цель — *скрывать.* Сложные культуры технически передовых и разумных существ тем самым уводились от обдумывания определенных тем. Определенных возможностей.

Может быть, в этом кроется истинная причина уничтожения рас волчат, думала она. *Они могли смотреть, минуя слепые зоны. Видеть то, что не должно быть увидено.*

Этого нельзя было допустить.

Сквозь прозрачную панель Сара смотрела на рой гигантских иглообразных обиталищ, на огромной скорости вращающихся вокруг плотной древней звезды. Все они были выстроены по

радиальным линиям в поисках улетающих световых лучей, а их внутренние поверхности едва не касались невероятно яркой поверхности звезды. Всякий живущий там, глубоко внутри крутого гравитационного колодца звезды-карлика, должен испытывать чудовищные приливные силы, которые растягивают каждую живую клетку.

Конечно, именно в этом смысл жизни здесь.

В отличие от Фрактального Мира простой водородный металл не способен выдержать страшные напряжения этого места. Ханнес Суэсси попытался объяснить, какой тип укрепленного полем материала может противостоять таким силам, но сознание Сары отшатывалось от каскада непонятных терминов. Технология, намного выходящая за пределы ее варварского образования, казалась присущей богам.

Да, но *математика*... это совсем другое дело. Даже дома, вооруженная только карандашом и бумагой, она узнала множество возможностей описать бесчисленные способы, какими может складываться, сгибаться, разрываться пространство. Ее аналитические методы далеко выходили за пределы галактических традиций.

Теперь же, с помощью волшебных бортовых машин, Сара совершала подлинное волшебство.

Словом и жестом она заставляла появиться в воздухе сложные графики и чертежи. Тензоры раскалывались у нее на глазах. Трансформы Тарски и функции Такебаяши по малейшему ее капризу расправлялись с бесконечными интегралами, решая проблемы, которые не в состоянии разрешить ни один математический процессор.

Прити, маленькая помощница-шимпанзе, проворно создавала формы и линии, которые становились уравнениями.

Уравнениями, описывающими космос, находящийся в напряженном состоянии.

Хотела бы я, чтобы это увидел мудрец Пурофски, думала Сара.

Как будто расчеты и компьютеры ждали возможности вместе продемонстрировать свой потенциал. Объединившись под ее руководством, они осуществляли давнюю мечту ее учителя, доказывая уместность старинных земных концепций Эйнштейна и Ли.

Может быть, специалисты на Земле уже достигли того же самого — открыто или втайне. Но Сара чувствовала, что исследует девственную территорию. Эти концепции бросают свет на будущее — предсказывают катастрофу невообразимых размеров.

Что ж, по крайней мере теперь мы знаем: то, что произошло с Фрактальным Миром, не наша вина. Думаю, для Джиллиан это послужит утешением.

Доктор Баскин явно считала себя виновной в той катастрофе, которая постигла огромную хрупкую оболочку из водородного льда, погубив миллиарды ее обитателей. Казалось, это прямое следствие появления «Стремительного» — словно змея, совратившего рай. Но уравнения Сары свидетельствуют о естественном явлении, совершенно неизбежном и таком же бесстрастном, как землетрясение. И неудержимом, как ураган.

Неудивительно, что к нашему конвою присоединилось столько беженцев. По всем Пяти Галактикам, должно быть, разрушаются тонкие структуры Крисвелла, заставляя ушедших в отставку делать выбор: быстро возвращаться к порядку кислородной жизни, или переходить на следующий уровень, к трансцендентности… или остаться на месте и умереть.

Неспособные даже на краткое время оторваться от Объятия Приливов, многие решили остаться у своих маленьких красных звезд, хотя континуум вокруг изменялся, превращая их хрупкие ледяные дома в груды осколков.

Глядя вниз, на яркий плотный белый карлик, Сара задумалась. Затронет ли ухудшение условий и это тесное царство, где сверкающие иглы быстро вращаются вокруг сверхплотной звезды? Это гораздо более могучее сооружение, обитаемое древними почитаемыми расами и соединяющее в себе все лучшее из водородной и кислородной культур.

Конечно, члены трансцендентного порядка знают, что происходит. Мы по сравнению с этими мудрыми существами словно муравьи. У них должны быть средства защитить себя во времена перемен.

Мысль успокаивающая. К несчастью, Сара не переставала тревожиться.

Тревожили ее мысли о буйурах.

На следующем совещании штаба ее новости были встречены довольно прохладно. Хоть Сара и оправдала «Стремительный», доказав его невиновность в трагедии Фрактального Мира, доктор Баскин больше интересовалась тем, что произойдет дальше.

— Ты говоришь, что все эти разрывы — естественное следствие *расширения вселенной?*

— Совершенно верно, — ответила Сара. — Пространственно-временная метрика, включая

лежащий под всем *илем*, растягивается и слабеет, постепенно доходя до разрыва. Границы областей разрываются и разъединяются. Похоже на нарастающее напряжение, которое высвобождается во время землетрясения. Так называемые «нити», или потоки первоначальной матрицы, могут оказаться сдавленными, и это превращает пункты перехода в бесполезные водовороты, изолируя целые секторы, квадранты и даже галактики.

Старшая женщина покачала головой.

— Расширение вселенной происходит уже шестнадцать миллиардов лет. Почему это должно так неожиданно свалиться нам на голову?

В этот момент вмешалась машина Нисс. *Простой ответ на ваш вопрос заключается в том, что это происшествие… не уникально.*

— Как это?

Я хочу сказать, что такое уже случалось.

Позвольте пояснить, задав вопрос, доктор Баскин. Имеет ли для вас смысл этот символ?

Сара смотрела на появившийся над столом для совещаний символ — сложную форму с тринадцатью спиральными лучами и четырьмя овалами, пересекающимися друг с другом.

Джиллиан посмотрела на него. Потом ее рот мрачно скривился.

— Ты отлично знаешь, что имеет. Том нашел его выгравированным на борту тех кораблей, которые мы увидели в Мелком скоплении… так называемый *Призрачный флот.* Как только мы его увидели, у нас и начались неприятности.

Вежливо собрав свои линии, машина Нисс продолжала: *Тогда вы, несомненно, помните одну из обсуждавшихся возможностей — что Призрачный флот представляет посланцев из совершенно иной цивилизации. Цивилизации, полностью отделенной от связанных между собой галактик. Возможно, это экспедиция, которая пересекла мегапарсеки плоского открытого пространства, чтобы добраться до нас из совершенно иного круга жизни.*

Нисс дождался кивка Джиллиан.

Что ж, теперь я могу опровергнуть это предположение. Оно неверно.

Эти корабли скорее пришли из нашего прошлого… из прошлого, в котором не пять галактик были связаны между собой, а гораздо больше.

Вдоль одной из стен помещения для совещаний пролегала наполненная водой труба, в которой бил плавниками Акеакемаи, так что вокруг его гладкого серого тела постоянно поднимались облака пузырьков. Теперь, когда лейтенант Тш'т

находится под арестом, он стал старшим дельфином на корабле, и эта честь явно заставляла его нервничать.

— Больше? Ты хочешь сказать, что когда-то было… *семнадцать* галактик?

Да, семнадцать. И среди них тринадцать спиральных и четыре эллиптические. Но позже — насколько именно позже, данные очень противоречивые — их стало одиннадцать… потом семь… и наконец пять, известных нам сегодня.

Наступила тишина. Наконец, хотя его зеркальная внешность оставалась невозмутимой, запинаясь, заговорил Ханнес Суэсси:

— Но… но как же мы могли не знать о чем-то таком… таком?..

Таком огромном? Таком эпохальном и травматическом? Полагаю, что можно догадаться по вашему состоянию шока и удивления. Каждая утрата глубоко отразилась бы на обычно спокойном и консервативном обществе своего времени. Волны Разрушения, которые только что описала мудрец Кулхан, в прошлом могли быть еще сильней, причиняя неисчислимые бедствия и хаос. И выжившие веками были бы заняты тем, что собирали °сколки.

А теперь предположим, что в эти критические

моменты и после них проявляется более древний и мудрый разум и берет контроль над Великой Библиотекой. Ему не потребуется больших усилий, чтобы соответствующим образом стереть или изменить данные архивов… либо возложить вину за хаос на каких-нибудь преступников. Ну, например, на зангов, или на преступные кислородные кланы, или на неограниченное размножение машинных форм жизни.

— Но как можно было скрыть потерю целых галактик? *Это может быть легче, чем кажется. Когда это случилось* в*последний раз — Крушение Гронина, почти не было упоминаний о потерянных территориях, потому что Институт Миграции уже подготовился…* Сара встала.

— Эвакуировав их!

Она обратилась к Джиллиан и всем остальным:

— Трансценденты знали об этом заранее двести тридцать миллионов лет назад. Они приказали оставить две галактики, которые все равно должны были потерять, прежде чем начались разрывы. — Она смотрела в пространство перед собой. — Это объясняет загадку Четвертой Галактики! Почему все ее спирали недавно были объявлены невозделанными и все кислородные

формы жизни вынуждены были эвакуироваться. Причина не в необходимости восстановления экологии, а в том, что они заранее знали о предстоящих разрывах.

Голограмма Нисса словно пожала плечами — как будто теперь это совершенно очевидно.

По-видимому, старшие порядки жизни либо вступили в заговор с руководителями Великих Институтов, либо манипулировали ими, так чтобы главные представители кислородной цивилизации были готовы.

— Но ведь мы по-прежнему очень многого не понимаем, — возразила Сара. — Почему галактика, которой касаются изменения, должна освобождаться от звездных рас? Как это отражается на других формах жизни? Что дает…

Джиллиан Баскин прервала ее:

— Полагаю, вы поможете нам решить и эту загадку, мудрец Кулхан. Но эта новость сама по себе очень тревожна. Когда вы говорили о том, что одна галактика должна отколоться, я думала, вы имеете в виду ту, в которой Земля, — Млечный Путь. Это могло бы помочь объяснить, почему наша Земля так долго была изолирована. И почему поднялась такая суматоха, когда мы наконец вступили в контакт.

К машине Нисс отчасти вернулся прежний покровительственный тон.

С должным уважением, доктор Баскин, умерьте свою врожденную человеческую склонность к солипсизму. Несмотря на небольшое волнение, вызванное этим маленьким кораблем, вселенная отнюдь не вращается вокруг вашего вида.

Сара находила эту отповедь высокомерной и несправедливой. Но Джиллиан кивком согласилась с ней.

Суэсси доложил о попытках сбросить оболочку корабля, слой, который спас его от опустошающего оружия, но теперь как будто превратился в смертный саван. Он едва не оказался смертельным два часа назад, когда «Стремительный» сделал попытку выйти из воронки гравитационного колодца белого карлика, украдкой отходя от роя «кандидатов на трансцендентность».

К несчастью, его поджидал корабль джофуров «Полкджи». И сразу напал. Испустив сложный комплекс гиперпространственных резонансных лучей, враг вызвал ответную реакцию необычных атомов внешней оболочки «Стремительного», превратив этот слой в огромную антенну, вытягивающую энергию из пространства Д! Как и предсказывал Нисс, температура начала подни-

маться. Плиты палубы заметно нагрелись, и не было никакой возможности отвести это тепло.

Лишенный эффективных средств защиты, «Стремительный» не мог даже вырваться из притягивающего поля «Полкджи», чтобы снова нырнуть в колодец и затеряться среди Множества кораблей, по спирали неумолимо приближающихся к белому карлику. Если бы нападение продолжалось, землянам пришлось бы сдаться… или свариться живьем.

И тут неожиданно от роя отделился корабль зангов, передавая код опознания, который снова заставил глейверов громко залаять в трюме. С явным раздражением «Полкджи» снял поля притяжения и попятился от кораблей-«представителей», которые отделились от большого шара и направились к «Стремительному».

Земляне облегченно готовились к встрече со своими спасителями.

— Вероятно, пора попрощаться с нашими маленькими друзьями, — сказала Джиллиан Баскин. Глейверам предстоит встретиться с судьбой, которая была для них определена давным-давно.

Стадо четвероногих с готовностью направилось к шлюзу. Сара мысленно попрощалась с ними.

Пусть это принесет вам избавление, о котором

мечтали ваши предки, когда высаживались на Джиджо. Необычная, но достойная цель. Объединить то, что было разъединено. Преодолеть пропасть, помочь кислородным и водородным снова стать одним целым.

Теперь она понимала, как эти две цивилизации могли сосуществовать так долго, вопреки антипатии своей молодой звездной фазы. Они были предназначены друг для друга, как супруги, которые обнаруживают сходство только после брака.

Больше того, это объясняет, почему известный космос не переполнился машинами. Объединившись, кислород и водород оказывались сильнее кремния и металла, они не позволяли цифровому сознанию победить и использовать каждый клочок материи в пяти связанных галактиках.

Такой аккуратный, такой совершенный план, даже романтичный — по-своему. Можно подумать, что создатели вселенной имели этот план в виду.

Глядя на то, как улетают глейверы — в прозрачных сверкающих пузырях-оболочках, — Сара завидовала определенности их роли. Их явному значению. В данный момент они величайшее достижение Джиджо, ценные участники чего-то невероятно благородного. Они вносят свою

мудрую простоту как вклад, который поможет совершить великолепное слияние.

С их уходом «Стремительный» словно опустел.

Суэсси доложил о неудаче. Материал, покрывающий корпус, невозможно устранить ни одним из имеющихся в распоряжении экипажа методов.

Те, кто дал «Стремительному» эту оболочку, не только спасли нам жизнь во Фрактальном Мире. Они также позаботились, чтобы мы не смогли уйти из конвоя.

«Полкджи» ждет, готовый напасть на «Стремительный», если тот попробует улететь. Поэтому не оставалось иного выбора, кроме как сопровождать конвой кандидатов, по спирали приближаясь к огромному копьеобразному обиталищу. Акеакемаи выразил свою покорность в хайку на тринари.

Мы готовы? Или нет? Вырванные из благословенного сна, Слушаем зов глубин!

Эмерсон д'Аните вслух рассмеялся, несмотря на свой изуродованный мозг. Но Саре пришлось за переводом обратиться к портативному компьютеру. И даже с его помощью она не уловила всех нюансов этого орнаментированного, основанного на интонациях языка.

Готова ли я? Стать трансцендентом?

Сара гадала, что это значит, но могла представить себе только образ обширного мудрого разума, холодный интеллект, сосредоточенный в гибридных организмах, растянутых приливами, обдумывающий такие глубокие мысли, по сравнению с которыми любимые уравнения Сары кажутся ресничками какой-то примитивной бактерии. Если даже такие существа найдут способ инкорпорировать людей и дельфинов в свой сложный мозг, Сара не находила такую перспективу привлекательной.

Наверно, это всего лишь трюк Древних — как отнятие у Эмерсона части мозга или превращение Ханнеса в киборга. Шутка, которую мы поймем, только когда достигнем этих сверкающих игол.

Приняв отчет Суэсси, доктор Баскин сосредоточилась на практических проблемах.

— Какие физические опасности нас ожидают при приближении к белому карлику?

— Сильное ультрафиолетовое излучение, — ответил С'тат, один из инженеров Суэсси. Он говорил из своего устройства для ходьбы в дальнем конце стола. — Но наша броня выдерживает его как будто без труда.

— А как насчет растущего тяготения? Замедлятся ли наши часы?

— Да. Поле достаточно интенсивно, чтобы изменить течение времени. — Акеакемаи кивнул, и из его дыхала вырвалась цепочка пузырей. — Но менее чем на один процент.

Джиллиан кивнула.

— А гравитационный *градиент?* Сара проделала вычисления.

— Прилив здесь на несколько порядков сильней, чем во Фрактальном Мире. Вы испытаете ощущение растягивания по всему телу. Не думаю, чтобы это было приятно, хотя говорят, что древние разумные находят это ощущение неотразимо привлекательным.

Джиллиан снова кивнула.

— Знаменитое *Объятие Приливов.* Чем дольше развивается раса разумных, тем больше она к этому стремится и тем хуже переносить полеты в плоском пространстве. Именно поэтому мы так редко сталкиваемся с трансцендентными формами. Неудивительно, что они считаются отдельным порядком жизни.

— Отдельным, — согласился Суэсси. — Но по-прежнему готовым вмешиваться в дела более молодых рас.

Сара видела, как Джиллиан пожала плечами. Она как будто говорила: *«К чему беспокоиться о том, что невозможно изменить?»*

— Итак, это трансцендентность. Всякая возвышенная раса, пережившая звездную молодость, постепенно оказывается в таком месте. И кислородники и водородники. Со всех связанных галактик они собираются возле белого карлика, чтобы достичь… чего? Нисс, ты знаешь?

Линии завертелись, рисунок их постоянно менялся.

Ваш вопрос занимал теологов в той «подростковой» культуре, которую мы называем домом.

Некоторые верят, что трансцендентные существа находят в Объятиях Приливов вечную молодость.

Другие говорят, что старшие проходят через таинственный портал, следуя за благословенными Прародителями в лучшее царство. Как вы знаете, самые незначительные расхождения в таких вопросах могут вызвать вспышку гнева у вспыльчивых кланов, таких, как соро или танду…

— Ты нам будешь о них говорить! — мрачно проворчал Ханнес. — Ифни проклятые фанатики!

Так кажется вам — и моим создателям тим-

брими, и вообще всем умеренным кланам, которые полагают, что трансцендентный порядок — совсем не их дело. Когда придет наша очередь, мы все равно узнаем правду.

Но следует напомнить вам, что «фанатики», о которых вы упомянули, это самые могучие расы, мириады их звездных кораблей летают по всем трассам. Они обладают огромным влиянием и действуют быстрее умеренных. В настоящее время их флоты осаждают Землю и преследуют наш корабль с тех пор, как мы ушли из Мелкого скопления.

Сара видела, как Джиллиан наклонилась вперед. Ее лицо в свете, который отбрасывала вращающаяся голограмма, казалось осунувшимся.

— Ты к чему-то ведешь. Выкладывай.

Я хочу сказать, что этот корабль — «Стремительный» — подвергся преследованию и испытал ужасные лишения, потому что представляет собой опасность и оскорбление почитаемым традициям Пяти Галактик.

Реликты и данные, которые находятся на вашем корабле, угрожают самой основе веры.

— Это мы и так знаем, — ответила Джиллиан. — Могу ли я предположить, что ты установил причину этого?

Спираль линий Нисса расширилась, почти коснувшись лица светловолосой женщины.

Да, мне кажется, я это установил.

Похоже, ваше открытие воскрешает древнюю ересь, которая уже миллионы лет считается мертвой.

Ересь, утверждающую, что все, во что верит наша цивилизация, неправильно.

ЛАРК

В глубине боевого корабля джофуров положение опять изменилось.

На этот раз Ларк побывал в Жизненном Сердечнике «Полкджи» — месте, которое напоминало густой, но ухоженный лес. Здесь роскошная зеленая растительность аккуратно расположена на металлических леса, она очищает воздух и воду и служит экипажу джофуров так же эффективно, как все другие машины.

Теперь, однако, здесь путаница буйной растительности, джунгли, в которых растения и автотрофы со множества планет вырвались с отведенных им мест и переплелись, совершенно закрыв леса, в анархическом биогенезисе.

Среди этой густой растительности Ларк увидел мелькающие маленькие фигуры — какие-то животные, которых раньше здесь определенно не было. Может, они во время смятения сбежали из какого-то бортового зверинца? Или компьютер сознательно освободил их в тщетной попытке восстановить контроль над миниатюрной экосистемой, которая с каждым проходящим мидуром становится все более дикой? Продвигаясь в глуби-

ну, Ларк даже заметил маленьких стервятников, похожих на отдельные джофурские кольца. Они, извиваясь, перемещались среди растительности в поисках гнилья. Их бледная расцветка выражала невинность и простоту целей. Ни у одного не было и намека на разум или на стремление соединиться с другими кольцами.

Ларку новая внешность Жизненного Сердечника показалась усовершенствованием. Он вырос на планете, где природе позволено самой находить равновесие — сложный баланс, неизбежно неточный, но действующий лучше всякого заранее намеченного плана. И хоть у каждого обитателя планетной экосистемы были враги, которые охотились с помощью когтей и клыков, в результате возникала кооперация, и каждый организм получал собственную роль, помогая всей системе процветать.

Как наша группа необычных союзников, подумал он, вспомнив, какая любопытная экспедиция пробирается к сердцу джофурского корабля. *Мы можем не доверять друг другу, но, поскольку выбора у нас нет, мы вынуждены действовать вместе.*

Пробираясь сквозь густые заросли, Ларк остановился у лозы со спелыми вьющимися персиками

— этот фрукт распространен на таком количестве кислородных планет, что никто не мог бы сосчитать. Сорвав один плод, он поднес его ко рту, но ему пришлось подождать, пока слои липкой мембраны не раздвинутся, чтобы он смог укусить. Красный сок потек по языку и между зубами, капая на подбородок и насыщая вкусовые пупырышки замечательным ощущением. Ларк жадно проглотил еще несколько плодов. Это его первая приличная еда за несколько дней.

Пассажир — модифицированный шар занг, который покрывает все его тело как какая-то вторая кожа — как будто уловил недовольство Ларка. У левого глаза сформировалось Щупальце, и внутри этой желатинообразной массы возникла вакуоля. В ней появились маленькие «представители»-шары и стали исполнять микроскопическую пантомиму, общаясь с Ларком на зангский манер.

Ларк покачал головой.

— Нет, я не неблагодарен. Я понимаю, что вы кормили меня из массы своего тела, так что я выжил. Но прошу меня простить, если я предпочитаю еду, которая не пахнет гнилыми яйцами!

Он был совершенно уверен, что его слова — звуковые колебания воздуха — не имеют для

чужаков никакого смысла. Такой тип языка, абстрактного и структурированного, для существ-шаров столь же чужд, как представление о ходьбе на двух ногах, укрепленных изнутри прочными костями. Ларк догадывался, что существо следит за движениями его глаз, определяя, в каком порядке он подсознательно устремляет глаз на каждого маленького «представителя». В результате возникает грубая форма телепатии, о которой ему никогда не приходилось ни слышать, ни читать.

«Представители» снова завертелись в вакуоле-театре.

— Да, хорошо, — ответил Ларк. — Знаю. Пошли дальше. У нас мало времени.

Впереди густая листва зашуршала. Ларк осторожно потянулся за своим лучшим оружием — пурпурным кольцом, которое по его приказу распространяет обонятельные пароли, иногда позволяющие одолеть джофурских охранников или боевых роботов. Хотя эффективность кольца снизилась, маленький тор все же сокращает количество неизбежных стычек и делает возможным это путешествие в глубине вражеских позиций.

Сквозь чащу протискивалась неуклюжая фигу-

ра. Широкая в основании и заостренная вверху, она обладала зловещими очертаниями джофура.

Или треки, напомнил себе Ларк, прячась в тени. И даже когда фигура настолько приблизилась, что можно было разглядеть идентифицирующую расцветку, Ларк не был уверен, какое слово подходит лучше. Сложное существо когда-то было Асксом, любимым мудрецом треки, потом стало высокомерным джофуром Эвасксом. Теперь же оно не отзывается ни на то, ни на другое имя. По восковой пирамиде из жирных колец пробегает разноцветная рябь: это отдельные сегменты продолжают спорить друг с другом.

Внутри этой башни вырабатываются новые соглашения, и мастер-кольцо больше не обладает полным контролем.

Вполне вероятно — в любой момент, — будет принято решение возобновить верность капитану-лидеру «Полкджи» и сообщить о присутствии Ларка воюющему экипажу. Но пока решение еще не принято. А тем временем продолжается странное осторожное сотрудничество занга, человека и груды колец. Свободного союза коллективных существ. Ларк решил называть странное создание «Х» — пока оно само не примет решение.

Быстро пробежали волны тени и света, и груда

прошептала на галактическом шесть из своего устройства для речи на самом верху:

— Я/мы/Я сумел осуществить назначенное мне дело — присоединился к терминалу на рабочем месте агронома. (Сам агроном находился где-то в другом месте, получив на время чрезвычайного положения боевое задание.) Мое/наше задание — разузнать новости — удалось выполнить.

— Да? — Ларк шагнул вперед. — Ты узнал, где находится Линг?

Он надеялся найти ее в Жизненном Сердечнике, возле того места, где они были счастливы — слишком ненадолго.

Сложное существо дернулось. По его гофрированной восковой плоти ползали десятки маленьких алых колец, питаясь выделениями. Для экипажа «Полкджи» эти такие невинные на вид кольца представляли собой заразу, более страшную, чем вторжение зангов.

— Что касается людей — Линг и Ранна, — то о них новых сведений нет. Относительно их последнего местоположения — Я/мы установил квардрант корабля… тот, что отрезан двадцать мидуров назад, когда новые занги проникли через корпус.

Новость о подкреплении водорододышащих

повлияла на пассажира Ларка совсем не так, как он ожидал. Существо-шар вздрогнуло, выражая сильное желание избегать контакта с вновь пришедшими, пока их не удастся рассмотреть с безопасного расстояния.

Вот оно что, подумал Ларк. *Значит, среди гидрос тоже существуют фракции, народы, расы… как бы их ни назвать. И, подобно нам, собственных родичей они опасаются больше, чем чужаков. Полагаю, это не должно меня удивлять.*

Во время длительного кружного пути из детской все три странных союзника неоднократно задерживались, чтобы посмотреть на экраны. Там передавались сообщения, которые должны были держать джофурских солдат в курсе того, что происходит снаружи. Когда Х пытался описать белый карлик и объяснить, что известно о трансцендентной жизни, занг выглядел встревоженным. Его явно тревожило то, что водородные и кислородные существа постепенно смешиваются, сливаются в крутом гравитационном колодце, где встречаются приливы. Очевидно, пассажир Ларка находил эту новость тревожной.

Ты тоже не понимаешь, что происходит, как и я? — спросил Ларк занга. Потребовалось несколько попыток, чтобы получить ответ, — Ларк все

еще осваивал необычный способ коммуникации. Но постепенно, немного подрожав и успокоившись, существо ответило утвердительно.

Даже у гидросуществ возникают трудности при общении с их богами. Кажется, таков закон природы.

— Но у тебя есть последние координаты Линг? — спросил он у Х.

— Есть. Этот сектор достижим… если мы решимся. Ларк кивнул. Он должен как-то убедить своих спутников, что стоит рискнуть.

— А другой вопрос, которым ты должен был заняться? По груде жирных тороидов пробежала череда теней — выражение сожаления, такого глубокого, что существо показалось почти прежним Асксом. Отвечая, оно переключилось на галактический семь.

— Увы, с твоей точки зрения… а может, и моей/нашей, новости ужасные. Во время долгого пути корабля от злополучного обиталища отставной расы к этому жилищу трансцендентных рас, в нескольких случаях «Полкджи» определял положение соседних звезд и выпускал капсулы с сообщениями. По крайней мере три из этих капсул могли выбраться из конвоя и направиться к избранным местам цивилизации Пяти Галактик.

Иными словами, джофуры сумели сообщить своему клану о Джиджо.

Все об уцелевших г'кеках.

О беглецах-треки, которые так долго избегали господства мастер-колец.

И о людях и других расах, пригодных для тайных экспериментов и манипулирования без помех со стороны закона и других ограничений.

У Ларка повисли плечи. На сердце у него было так тяжело, что пассажир занг, встревоженный состоянием его обмена веществ, начал задавать вопросы.

Джиджо погибла, понял Ларк.

Конечно, так или иначе этого всегда можно было ожидать. Но неприятности «Полкджи» делали возможным — пусть и маловероятным, что страшный боевой корабль встретит ужасный конец, не успев сообщить о своих открытиях в Четвертой Галактике. Именно поэтому они с Линг отказались от безопасности своего уютного гнезда, надеясь вызывать смятение на командном мостике врага.

Надо было оставаться здесь, любить друг друга и есть фрукты, пока они нас не нашли бы или пока не кончилась бы вселенная.

Теперь у него ничего не осталось, кроме же-

лания отыскать Линг и побыть вместе с ней, сколько еще возможно… И, если удастся, причинить вред врагу.

К счастью, оружие у него в руках. Дар хитроумного старого мудреца треки Аскса.

Красное кольцо. То, что Линг спрятала в детской, прежде чем была схвачена. Оно, должно быть, было запрограммировано Асксом как хищник, размножилось и распространилось по инкубаторам, заполняя множество пустых ниш. И когда раненые в схватках с зангами джофуры приходили за запасными частями, они получали потомков этого самого кольца.

Мутировавшую форму мастер-кольца, с отличиями, которые мог разработать только умный старый аптекарь-мудрец, применяя знания, полученные треки за две тысячи лет изгнания. Трюки, с которыми просвещенные джофуры никогда не сталкивались.

Вскоре военная удача им изменила. Вместо того чтобы отбивать джофуров, они начали терять территорию. Войска были поражены странной эпидемией. Приступы сомнения или множественного мышления в стиле треки поражали тех, кто раньше был исключительно эгоистичен и целеустремлен. Некоторые пораженные гру-

ды распадались, индивидуальные компоненты расползались в поисках своих путей. Другие начинали задумываться, или впадали в оцепенение, или начинали произносить громкие тирады и испускать острые необычные запахи.

У некоторых появились новые и совершенно неожиданные мысли.

Если бы нам удалось распространить заразу поближе к командному мостику, прежде чем они начали действовать.

Но джофуры быстры, умны и выносливы. Отступив и организовав карантин, они сумели сохранить контроль над жизненно важными функциями корабля.

Но они едва успели это сделать. В остальном же на «Полкджи» воцарился хаос. Невозможно стало заранее сказать, как будет выглядеть следующая палуба или коридор. Ослабленные схватками, обе стороны, казалось, в состоянии только удерживать свои территории, не в силах двинуться дальше.

— Еще одна проблема заслуживает обсуждения, — продолжал Х. — Я/мы получил эту информацию, прослушивая командирский канал. Отчеты свидетельствуют о серьезном замешательстве на командирском мостике. Ка-

питан-лидер и груда-священник спорят о смысле сообщения.

— Какого сообщения?

— Это *предупреждение,* недавно переданное по Пяти Галактикам. Если оно справедливо, то предвещает зло огромному количеству рас и кланов, но особенно этому кораблю и его разнообразным обитателям.

— Кто послал предупреждение? — спросил Ларк.

— Родная планета твоей собственной расы, Ларк Кулхан. Осажденная Земля, которой грозит уничтожение.

Очевидно, полагая, что ему нечего терять, Террагентский Совет недавно распространил еретическую теорию, объясняющую недавние сотрясения Пяти Галактик. Эта гипотеза высказана земными мудрецами, соединившими математические уравнения волчат с галактической наукой. Теория настолько дерзкая, вытекающие из нее следствия настолько тревожны и пугающи, что Великие Институты вынуждены были лихорадочно распространить опровержение. Настолько лихорадочно, что теория землян сразу стала гораздо правдоподобней.

Реакция на нее была такой сильной, что неко-

торые кланы уже вооружаются, чтобы снять осаду, а другие склоняются к войне и геноциду! Сражения флотов у Земли стали в десять раз ожесточенней.

Ларк слушал, вначале не в состоянии даже реагировать, только не меньше десяти раз удивленно мигнул.

— Но… что…

Он покачал головой, вызвав слегка нервную реакцию у пассажира-пузыря.

— О чем предупреждение?

Существо, которое он назвал Х, выпустило струю ароматного пара, выразив в манере треки благоговение и страх.

— В нем утверждается, что Великие Институты скрывают страшную опасность. Что большинство связей между нашими Пятью Галактиками могут перестать функционировать и погубят неподготовленных. И в результате будет потеряно много великого и благородного.

Больше того, если земляне правы (а не пытаются разыграть отчаянный трюк), мы, на борту «Полкджи», находимся в самой большой опасности. Именно здесь, в священном месте, где трансцендентные существа ищут просветления в Объятиях Приливов.

ДВЕР

Вначале он подумал, что найти Рети будет нетрудно.

Как человек может спрятаться на Каззкарке? Куда бы ни пошел Двер, все оборачивались и смотрели на него самыми разнообразными зрительными органами. На него показывали разными конечностями и щупальцами, и каждый его шаг сопровождали комментарии на десятке галактических диалектов. Очевидно, земляне пользуются большой славой.

И даже если никто на Каззкарке не знает, какой неприятной может быть Рети, девушка обязательно привлечет к себе внимание. Это верно, как то, что звезды — это огонь. За все время, что он знаком с этой юной сунеркой, правило никогда не подводило.

Двер инстинктивно предпочитал скрытность. Ему хотелось незаметно пройти по этому шумному месту, просторному, как каньон, но в то же время вызывающему клаустрофобию, как лес бу, с тонкой крышей, которая не позволяет драгоценной атмосфере рассеяться в пространстве. Такое окружение само по себе заставляло нервничать

— и без толпы чужаков, спорящих или жестикулирующих, а потом неожиданно замолкавших при его появлении.

Я никогда не любил толпу. Но, по словам Гарри Хармса, это всего лишь маленький аутпост. Не могу представить себе настоящий город.

Двер старался не смотреть, отчасти потому что это невежливо, а также чтобы не выглядеть деревенщиной. Среди рассказов на ночь, которые ему читала мать, был один о таком невинном выходце из деревни, который приезжает в мегаполис, где его обирают городские хищники.

К счастью, мне нечего хотеть или красть, думал он, подсчитывая свои преимущества.

На шумном перекрестке Двер остановился и задумался.

Куда бы я пошел на месте Рети?

Ничего этого не случилось бы, если бы он был бдителен. Ожидая Гарри в Институте Навигации, Двер оставил

Рети, чтобы сходить в туалет. Это заняло некоторое время: пришлось изучать разнообразные механизмы, предназначенные для удаления отходов самых разных видов. Выйдя из туалета — испачканный и мокрый после нескольких неудачных попыток, — он выругался, увидев, что

Рети исчезла, а дверь, выходящая на шумную улицу, открыта.

Гарри рассердится, подумал он, выходя наружу и надеясь увидеть ее. Он на мгновение увидел уходящую за угол двуногую фигуру и побежал за ней, но вскоре потерял в путанице боковых улиц.

Нужен план. Двер задумался над перечнем приоритетов Рети.

Номер один — убраться с Джиджо и постараться, чтобы никто не мог ее туда вернуть.

Дверу казалось, что этого она уже достигла. Но Рети может подумать, что Гарри слишком много знает. Шимп может выяснить, где находится Джиджо, и даже заставить их туда вернуться. Рети не захочет, чтобы такое случилось.

Номер два — заработать на жизнь. Показать свою ценность для кого-нибудь влиятельного, чтобы больше никогда не голодать.

Тут Двер ничего не мог придумать. У девушки с собой компьютерный учитель плюс данные о Каззкарке, сообщенные Гарри. Может, она что-то придумала, пока Двер ходил в туалет?

Номер три — избавиться от шрама. Рети никогда не забывала о шраме, который уродовал ее лицо. Это след жестокого обращения с ней, когда

она жила в Серых Холмах. Сам Двер не очень замечал этот шрам. На Джиджо он видел и похуже. К тому же всякий, кто любит или ненавидит Рети, Делает это из-за ее характера и силы воли.

Но она хотела бы позаботиться о своей внешности как можно быстрей.

Возможно ли это на Каззкарке? Ведь люди не живут здесь постоянно. Есть ли здесь возможности восстанавливать человеческую плоть?

А почему бы и нет? В компьютерах могут храниться знания бесчисленного количества специалистов. И медицинские сведения займут первое место. Никогда заранее не известно, представитель какого вида посетит аутпост, так что нужно быть готовым ко всему.

Двер понимал, что основывается на недостаточной информации. С детства слышал он рассказы о могучей цивилизации, от которой отказались его предки. Но реальность ошеломила его.

Может, следовало подождать Гарри. Я знаю Рети, а он знает Каззкарк. Нам лучше действовать вместе, чем раздельно.

Решив вернуться, Двер неожиданно испытал незнакомое ощущение потери ориентации. Потребовалось какое-то время, чтобы подобрать для него слово.

Я… заблудился.

Такого с ним никогда не случалось! Не случалось дома. Он всегда знал направление на север, а в голове при каждом шаге или повороте разворачивалась своеобразная мысленная карта. Но здесь, на планетоиде, сознанию не хватало знакомых признаков. Двер понятия не имел, где оказался.

Он стоял у каменной стены, пытаясь сориентироваться, а мимо мелькало множество разнообразных странных форм жизни. Не обращая на них внимания, он пытался сосредоточиться, но этому мешала усиливающаяся паника.

Мне казалось, что после пространства Е я способен привыкнуть ко всему. Может, я и сунер, но не дикарь. Я вырос в окружении других рас. Но это… это все…

Этот шум, толчея, запахи, ощущение присутствия таких разнообразных разумных существ — некоторые из них ненавидят людей, — от всего этого хотелось забиться в ближайшую нору и никогда не выходить из нее.

Сколько бы продолжалось такое состояние, Двер не знал. Но неожиданно в поле его зрения показалась большая мохнатая фигура, не такая высокая, как человек, и гораздо более округлая, с

заросшими шерстью щеками и гривой жестких коричневых волос. Мощное двуногое, отдаленно напоминающее млекопитающее, оскалило острые зубы. Двер принял это за смертельную угрозу, но тут существо загудело, произнося приветствие на англике!

— Ну, ну! Чтоб я так жила и дышала мятой! Человек? Ну, ну! Поистине человек, здесь, в такое время! Никогда не испытывала такого удовольствия раньше… до кризиса, когда царил мир! Пожмемся?

Существо протянуло мясистую лапу, мощные когти нервно выставлялись и тут же втягивались. Двер замигал. Он припомнил о древней земной традиции, когда люди пожимали друг другу ладони. Эта традиция была давно оставлена, потому что не нравилась большинству чужаков. Он нервно протянул левую руку — ту, которой ему будет меньше недоставать, если существо ее откусит. От «пожимания» осталось ощущение неловкости, и оба были явно рады, когда оно закончилось.

— Прошу простить мое невежество, — сказал Двер, пытаясь воспроизвести формальный поклон, принятый всеми видами, который несколько раз видел на Джиджо. — Но не скажешь ли мне, кто… или что…

Он замолчал, видя, как покраснело стоящее перед ним круглое существо. Кожа под коричневой шерстью стала красной. Двер решил, что нанес оскорбление, но тут существо начало ритмично пыхтеть, явно пытаясь подражать человеческому смеху.

— Правда? Ты меня не узнал? Не узнал *синтианца?* А ведь мы лучшие друзья людей! Самые лучшие! Ну, ну. Были До нынешнего кризиса. Признаю. Когда смерть льется, подобно звездному свету, дружба испытывается на прочность. Я, которую называют Кивеи Ха'аоулин. Это я признаю. Ты меня не возненавидишь за это?

Двер кивнул. Синтианец? Да, он что-то о них слышал… и Даже смутно помнил картинку в старой книге. Ее показывал ему Фаллон, когда обучал началам галактоксенологии в архивах Библоса. Действительно, эта раса была известна своим хорошим отношением к Земле — в прошлом, до того, как на Джиджо улетела «Обитель». Но с тех пор могло произойти очень многое.

— Это я должен извиниться, Кивеи Ха'аоулин, — ответил Двер, стараясь как можно точнее воспроизвести услышанное имя. — Я испытал… нечто вроде повреждения мозга в глубоком космосе. Несчастный случай, при котором я потерял

все свое имущество.

Синтианец обвел взглядом потрепанный наряд Двера и остановился на изготовленном квуэнами луке и колчане со стрелами.

— *Все* имущество? Значит, этот прекрасный протоаборигенский лук… тебе не принадлежит? Ты не можешь его продать?

Двер несколько секунд смотрел на синтианца. Если верить Гарри Хармсу, ни один галакт не в состоянии узнать в этом отличном резном дереве оружие. Но этот узнал примитивное оружие с первого взгляда и явно хочет его заполучить! Вся его фигура словно излучала жадное желание.

Коллекционер, понял Двер. *Энтузиаст.* Он встречался с такими на Джиджо. По какой-то причине сразу ожили его инстинкты следопыта и охотника. В конце концов торговля по своим законам очень напоминает джунгли. Паника исчезла, Двер почувствовал знакомую уверенность в себе.

— Ну, ну, — сказал он, стараясь подражать речи собеседника. — Может, я и преувеличил. Признаю, что сумел сохранить одну-две вещи после кораблекрушения. Несколько особых вещей.

— Несомненно, сокровищ, — откликнулся синтианец, и по его горбатой спине пробежала

заметная дрожь. — Что ж. Среди своих я известна любовью к ранним земным вещам. Я могла бы помочь тебе сбыть эти вещи. А это? Это поможет тебе из бедняка, потерпевшего крушение, превратиться в богатого звездного путешественника! Ты мог бы купить билет и улететь куда-нибудь из этого жалкого места.

Не дожидаясь ответа, синтианец схватил Двера за руку.

— Ну, ну! Поговорим еще? Кивеи Ха'аоулин знает поблизости очень хорошее место, где можно поесть. Хорошая пища! Там хорошо говорить о сокровищах и о новостях со звезд! Пойдем?

Двер правой рукой потер лоб. На Джиджо лук — несомненная ценность. За глуповатым поведением Кивеи Ха'аоулин скрывается острый взгляд и способность понять истинную ценность вещи. Кто знает, сколько способен заплатить любитель за подлинную примитивную вещь с Земли?

Не хочется с ним расставаться, но это поможет мне больше узнать и, может быть, найти Рети.

Подгоняемый не только голодом, но и любопытством, Двер кивнул.

— Принимаю твое гостеприимство, Кивеи Ха'аоулин. Пойдем поговорим о многом.

И не обращая внимания на враждебные взгляды и ропот со всех сторон, он пошел за своим новым другом, надеясь на лучшее.

ЭМЕРСОН

Из своего тайного прозрачного убежища он видел, как мимо проносятся бесчисленные звезды… а также и другие огоньки, которые на самом деле были огромными кораблями. Пространство по соседству настолько заполнилось, что один невооруженный взгляд открывал сотни сверкающих снежинок или жидко переливающихся пузырей. Во все уплотняющейся толпе мимо кораблей из Фрактального Мира пролетали шары зангов, и все по спирали устремлялись к единой цели — горячему белому диску, окруженному роем гигантских игл, которые едва не задевали его поверхность.

Эмерсон решил туда не смотреть. Одна только мысль об этой цели так же нестерпима, как ее яркий блеск.

Он знал, что должно произойти вскоре, еще до прибытия «Стремительного». Он напряженно работал, чтобы подготовиться к этому.

Лишенный речи, Эмерсон лишь смутно представлял себе, почему «Стремительный» оказался здесь, почему корабли зангов так дружелюбно смешиваются с кислородными существами, ко-

торых всегда сторонились… а иногда с которыми и сражались. Глядя на то, как разговаривают Джиллиан и Сара, видя их наморщенные в сосредоточенности лбы, Эмерсон пытался уловить в звуках «ва-ва» какой-нибудь смысл. Но многие из постоянно повторяемых ими фраз типа «Объятия Приливов» не вызывали в его поврежденном мозгу никакой реакции. Наверно, это имеет какое-то отношение к постоянной тенденции тела растягиваться в определенном направлении, когда ноги нацелены в сторону белого карлика.

Но отдельные слова казались понятными — хотя бы отчасти.

— Объятие, — шептал он, наслаждаясь чувственным ощущением.

Несколько часов назад Эмерсон сидел рядом с Сарой, она прижималась головой к его плечу, и они вместе наслаждались моментом спокойствия. Он гладил ее волосы — это стало привычным способом помочь ей сбросить напряжение дня, постоянных стремлений с помощью математики вырвать у вселенной ее тайны. Это приятный долг. Он с радостью дал бы ей все, в чем она нуждается.

За исключением того, чего она захотела сейчас.

С помощью мягких намеков Сара стыдливо дала ему понять о своей готовности к новой близости… но он вынужден был отвергнуть это предложение. Высвобождаясь из ее теплых объятий, Эмерсон видел в ее взгляде вопрос. Тревогу, что он не находит ее привлекательной. Тревогу, что раны лишили его мужских желаний. Тревогу из-за того, что осталось так мало времени, чтобы двое слились в одно.

Как ей объяснить? Требуются слова, фразы, целые тома, чтобы оправдать отказ от такого естественного желания, от стремления тел проделать то же, что уже сделали сердца. Раздраженно он искал *песню,* которая подошла бы, но ничего не нашел. И только смог, прежде чем сбежать в свое звездное убежище, коснуться щеки Сары и взглядом выразить всю искренность своей любви.

С сексуальностью у Эмерсона все было в порядке. Он очень хотел доказать ей это. Но не сейчас. Предстоит столкновение, и ему потребуются все силы. Сильное животное стремление может помочь ему в предстоящих испытаниях, напомнив о приоритетах, о которых забыл поврежденный мозг.

План его был неизбежно груб, поскольку без слов ему трудно было мыслить. Зрительно пред-

ставляя себе определенные действия, телесные движения, чувства и образы, он получал общее представление о том, чего следует ожидать и как реагировать, когда наступит время.

Оно должно наступить скоро. Эмерсон понимал пространственные диаграммы, и по мере того как «Стремительный» углублялся в гравитационную воронку белого карлика, ему становилась ясна одна истина. Точка, от которой нет возврата, будет достигнута тогда, когда корабли станут настолько близки друг к другу, что ни один не сможет отойти на нормально работающих двигателях. Джиллиан нужно вырваться до этого момента или навсегда расстаться с внешним космосом — царством открытого вакуума, где живут молодые расы. Где заполненное звездами небо пересекают сверкающие корабли.

Та же самая логика применима и к тайным фракциям Древних.

Им нужно действовать быстро, или они будут захвачены…

Эмерсон резко остановился — потом осторожно продолжил мысль.

…или… быть… пойманными… вместе с нами, внизу, в этом обиталище трансцендентных существ, и быть не в состоянии больше вмеши-

ваться в дела Пяти Галактик.

Из его горла вырвался низкий звук. Несмотря на то что он этого ждал, неожиданное возвращение речи заполнило его смесью печали, радости и страха.

Слова… слова снова вернулись!

Но на этот раз Эмерсон был лучше подготовлен. Много дней он запасал воспоминания, старательно улавливал обрывки сказанного другими в надежде все сопоставить, когда наступит момент.

Попробую предположить. Эмблема означает единство водородной и кислородной жизни, которые наконец встретились…

…брошенные корабли, которые мы нашли в Мелком скоплении, должно быть, пришли из нашего прошлого… когда связано было больше пяти галактик.

…предположим, более древние и разумные существа обнаруживали свое присутствие после каждого разрыва… контролируя Великую Библиотеку… стирая сведения в архивах, изменяя их… или указывая «виновных»…

…вот в чем трансцендентность. Всякий вид, который был возвышен и выжил во время взрослой фазы… оказывается здесь, в этом месте…

Те, что снабдили «Стремительный» оболочкой, не только спасли нам жизнь… они позаботились, чтобы мы оставались в конвое до самого дна колодца…

…чтобы мы не могли высвободиться…

Так много мыслей возникло одновременно! Словно слепому удалили с обоих глаз катаракту, и все закрывающий вечный туман сменила предельная ясность. Однако многие концепции казались странно знакомыми! Как будто уже какое-то время толпились у самого порога понимания, их готовили неповрежденные части мозга, массировали, и нужно было только появление предложений, чтобы все встало на свои места.

Эмерсон с радостью провел бы часы, просто стоя здесь, позволяя гравитационным приливам направлять голову к небу, а в это время в его сознании гремели и объединялись мысли, как накопленная кровь. Но ему не дали такой возможности.

Послышался голос — одновременно отчужденный и насмешливый. Далекий, но издевательский.

МЫ ЗАМЕТИЛИ, ЧТО ТЫ НЕ ВЫЗЫВАЛ НАС, ХОТЯ МЫ СНАБДИЛИ ТЕБЯ КОДОМ ВЫЗОВА, ЧТОБЫ

ТЫ СМОГ ПОЗВАТЬ НАС, КОГДА БУДЕШЬ ГОТОВ СОГЛАСИТЬСЯ С НАШИМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ.

Эмерсон не стал всматриваться в пространство снаружи между блестящих огоньков. Темный корабль, должно быть, подошел незаметно, и тщетно было бы пытаться увидеть его. Напротив, он сразу начал действовать, вытолкнул свое тело из узкого прозрачного убежища, скользнул вниз по ступеням, предназначенным для другой расы в другое время.

— Мне любопытно было узнать, насколько сильно вам нужно то, о чем вы просите, — неслышно ответил он. Здесь средство связи не звук. Древние наблюдают за украденным у него клочком серой материи, каким-то образом поддерживая ее контакт с остальным мозгом. И когда эти части сближаются, появляется поток слов. *Его* слов.

Слов, которые они сразу могут прочесть.

МЫ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНЫ ТЕБЕ ОБЪЯСНЯТЬ. ДОСТАТОЧНО ТОГО, ЧТО НАМ НУЖНО, А ТЫ В СОСТОЯНИИ ЭТО ПРЕДОСТАВИТЬ.

Пробираясь по коридору, Эмерсон вытащил из кармана маленький, изготовленный вручную инструмент со светящимся индикатором. Для сооружения этого простого орудия не нужны

слова и не нужно было задумываться над его значением.

— Что, приятели, время кончается? — спросил он у своих мучителей, членов расы «ушедших в отставку», чей дом погиб при катастрофе Фрактального Мира. Отставников, чья хваленая беспристрастность не выдержала испытания.

— Подождите еще немного и станете трансцендентами, хотите вы того или нет. Данные, которые вы ищете, ничего вам не дадут. Вы не сможете ничего сообщить своим друзьям в Пяти Галактиках.

В голове послышался ледяной ответ:

МЫ ЭПОХАМИ КУЛЬТИВИРОВАЛИ ТЕРПЕНИЕ. ВСЯ ЭТА СУМАТОХА, ЭТИ ПОСПЕШНЫЕ ДЕЙСТВИЯ… ВСЕ ЭТО ОЧЕНЬ НЕПРИЯТНО. МЫ ЗАБЫЛИ, КАК СТРЕМИТЕЛЬНО ВСЯКОЕ ДЕЙСТВИЕ ИСКАЖАЕТСЯ СВОИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ.

Эмерсон завернул за угол и миновал шлюз, двигаясь по указаниям своего самодельного прибора.

— Да, вся эта неопределенность, должно быть, сводит вас с ума. Так скажите мне, каково это — почти получить доступ в трансцендентный порядок — вашу цель на протяжении миллионов лет и в последний момент отказаться от нее лишь

для того, чтобы украсть несколько битов информации из жалкого корабля землян? Разве вас не искушает стремление вернуться к прежней одержимости? Отдаться Объятию Приливов?

Ответ пришел только после долгой паузы. Эмерсон тем временем продолжал бежать по длинным, почти пустым коридорам «Стремительного».

ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ, КАК ТЯЖЕЛО УДЕРЖИВАТЬСЯ.

ГРАВИТАЦИОННОЕ РАСТЯЖЕНИЕ ТАКОЕ ЧУВСТВЕННОЕ, ЧТО НИКАКИЕ СЛОВА, НИКАКИЕ ФИЗИЧЕСКИЕ ОЩУЩЕНИЯ НЕ МОГУТ ЭТОГО ОПИСАТЬ.

— Попытайтесь, — посоветовал Эмерсон. — Что это за Объятия Приливов?

ТЫ СЛИШКОМ МОЛОД, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ ЭТО. В ОБЪЯТИИ ЧУВСТВУЕШЬ СВОЕ ЕДИНСТВО СО ВСЕМ КОСМОСОМ. ЭТО УТЕШИТЕЛЬНО ФИЛОСОФСКИ И НА УРОВНЕ ВЕРЫ. В ЭТОМ МУДРОСТЬ И ЗНАНИЯ, НАМНОГО ПРЕВОСХОДЯЩИЕ ВЕЛИКУЮ БИБЛИОТЕКУ ИЛИ ДАЖЕ ТО, ЧТО МЫ ЗНАЛИ ВО ФРАКТАЛЬНОМ МИРЕ.

— Правда? Тогда почему бы просто не направиться туда? — Теперь его голос, отражающийся от пустых стен, наполнился язвительностью. —

Совершите мудрый и благородный поступок. Примите свой диплом. Закончите наконец обучение, черт побери! Верните мне мой мозг. Верните жизнь, которую украли у меня.' Отправляйтесь в свой рай с чистой кармой и совестью!

В ответе почти слышалось раскаяние.

В НОРМАЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ТВОЕЙ МОЛЬБЫ БЫЛО БЫ ЭТИЧНО. НО СЕЙЧАС НА СТАВКЕ ГОРАЗДО БОЛЬШЕЕ, И ЭТО ВЫНУЖДАЕТ НАС…

Наступила новая длительная пауза.

МИНУТКУ. МЫ ФИКСИРУЕМ ЧТО-ТО В ТВОЕМ ЭМО-ТИВНОМ ТОНЕ. В ТВОИХ МАНЕРАХ…

Эмерсон испытал странное, щекочущее ощущение, как будто кто-то царапает или прокалывает левую часть его мозга. А когда голос послышался снова, в нем звучали новые, негодующие нотки.

ТЫ НАУЧИЛСЯ ОБМАНЫВАТЬ И ОТВЛЕКАТЬ ВНИМАНИЕ. ОЧЕВИДНО, МЫ БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕМ СКАНИРОВАТЬ ТВОИ МЫСЛИ ПРИ ПОМОЩИ МОНИТОРИНГА СЛОВ И ГЛИФОВ. ТО, ЧТО ТЫ ГОВОРИШЬ, КАЖЕТСЯ РАЗУМНЫМ, НО НА САМОМ ДЕЛЕ ТВОИ СЛОВА ДОЛЖНЫ ОТВЛЕЧЬ. ЗАДЕРЖАТЬ НАС.

ОТКРОЙ ТО, ЧТО ТЫ СКРЫВАЕШЬ! ОТКРОЙ ИЛИ ИСПЫТАЕШЬ БОЛЬ!

Эмерсон стиснул зубы, изо всех сил стараясь не рассмеяться и не показать глубину своего презрения. Но древнее мастерство приподняло завесу. И часть скрывавшегося под ней стала видна. Древние не могли извлекать из его сопротивляющегося сознания факты, но хорошо представили себе его отношение.

МЫ ВИДИМ, ЧТО ВСЕ ФОРМЫ УБЕЖДЕНИЯ В ТВОЕМ СЛУЧАЕ НЕПРИМЕНИМЫ. ТЫ УШЕЛ ЗА ПРЕДЕЛЫ БОЛИ — МНОГИЕ ОТСТАВНИКИ УЧАТСЯ ЭТОМУ ВЕКАМИ. ТЫ НЕ СТОНЕШЬ И НЕ ЦЕПЛЯЕШЬСЯ ЗА ТО, ЧТО ОТОБРАНО У ТЕБЯ. НИКАКОЙ СОБЛАЗН, НИКАКАЯ ВЗЯТКА НЕ ЗАСТАВЯТ ТЕБЯ ПРЕДАТЬ ДРУЗЕЙ И НАПАРНИКОВ ПО КЛАНУ. ТЫ ДАЖЕ НЕ ПОПЫТАЛСЯ УКРАСТЬ ДАННЫЕ, О КОТОРЫХ МЫ ТЕБЯ ПРОСИЛИ.

ВСЕ ЭТО, ВОЗМОЖНО, ВОСХИТИТЕЛЬНО, ОСОБЕННО В ВОЛЧОНКЕ. ПОИСТИНЕ В ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ МЫ ПОЛУЧИЛИ БЫ УДОВОЛЬСТВИЕ, КОМПЕНСИРУЯ ТЕБЕ ТВОИ ИСПЫТАНИЯ И РАЗМЫШЛЯЯ О ДОСТОИНСТВАХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.

НО У НАС СЛИШКОМ ВАЖНОЕ ДЕЛО, А ВРЕМЕНИ МАЛО. ИНФОРМАЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАШЕЙ!

Приборчик в руке Эмерсона показал новое направление. *Вверх.* Он остановился под открытым

люком в потолке. Сверху лился свет.

Все еще надеясь на оттяжку, Эмерсон выпалил:

— Позвольте угадать. У вас есть запасной план — на случай, если я не дам то, что вам необходимо.

РАСЧЕТЫ, ОСНОВАННЫЕ НА ПРЕДЫДУЩИХ НЕВРАЛЬНЫХ СКАНИРОВАНИЯХ, ПРЕДСКАЗЫВАЛИ ОЧЕНЬ НЕБОЛЬШУЮ ВЕРОЯТНОСТЬ ТВОЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА. ВЕДЬ ТЫ НЕ ДУМАЕШЬ, ЧТО МЫ МОГЛИ РАССЧИТЫВАТЬ ТОЛЬКО НА ЭТУ ХРУПКУЮ НАДЕЖДУ?

Слушая это бормотание, Эмерсон сунул приборчик в карман и прыгнул, ухватившись за край люка и подтягивая ноги, чтобы втиснуться в узкий служебный трубопровод. Про себя благодаря низкое тяготение, он снова справился с прибором, прежде чем двинуться по туннелю, выложенному трубопроводами и кабелями.

…ЕСТЕСТВЕННО, МЫ НЕ ТАК ГЛУПЫ, ЧТОБЫ РАССЧИТЫВАТЬ ТОЛЬКО НА ТЕБЯ.

Опасаясь, что Древние разорвут связь, он выкрикнул:

— Подождите! Я все еще могу вам помочь. Но вы должны понять… мы, люди, терпеть не можем, когда нас оставляют в темноте. Вы не скажете мне, зачем вам так нужны данные «Стремительного»?

Что такого особенного в этом дурацком флоте из древних кораблей, который мы обнаружили?

Именно этот вопрос преследовал беглецов землян все три долгих адских года.

О, поверхностный ответ легок. Когда Крайдайки и Орли передали изображения из Мелкого скопления, они вызвали религиозный раскол в Пяти Галактиках. Соперничающие кланы и союзы, которые враждуют веками, выслали боевые флоты, чтобы захватить образцы «Стремительного» — и особенно координаты покинутого флота, — прежде чем их получат соперники.

Некоторые утверждали, что призрачная армада — это и есть благословенные Прародители, вернувшиеся к потомкам спустя два миллиарда лет. Но если это так, зачем реагировать так резко? Разве в таком случае, как только все узнают истину, не уладятся все догматические разногласия?

Эмерсон почувствовал колебания. Потом легкий оттенок согласия, как будто голос ждал, что еще произойдет. А тем временем, чтобы провести время, можно еще немного поговорить с умным волчонком.

ВСЕ ЭТО ИМЕЕТ ОТНОШЕНИЕ К ОБЪЯТИЮ ПРИЛИВОВ. К ТОЙ ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ТЯГЕ, КОТОРУЮ ИСПЫТЫВАЕТ КАЖДАЯ ДРЕВНЯЯ РАСА,

КОГДА УТРАЧИВАЕТ ИНТЕРЕС К МАНИАКАЛЬНЫМ СТРАНСТВИЯМ В ЗВЕЗДНЫХ КОРАБЛЯХ. МЫ ВСЕ СЛЕДУЕМ ЭТОЙ ТЯГЕ, ЗАБЫВАЯ О СВОИХ ПРЕЖНИХ РАЗЛИЧИЯХ, ЧТОБЫ СОБРАТЬСЯ ВБЛИЗИ МАЛЕНЬКИХ КРАСНЫХ ЗВЕЗД, ГДЕ НАШЕ СОЗНАНИЕ МОЖЕТ РАСТИ И ОЧИЩАТЬСЯ.

ЗАТЕМ, ОТ МЕСТ ОТСТАВКИ, МНОГИЕ ПЕРЕХОДЯТ К ТАКИМ МЕСТАМ, КАК ЭТО, ГДЕ МИРНО СОЕДИНЯЮТСЯ КИСЛОРОДНЫЕ И ВОДОРОДНЫЕ СУЩЕСТВА, ДОКАЗЫВАЯ, ЧТО ДЕЙСТВУЕТ ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ ПЛАН…

Эмерсон услышал негромкий голос, доносившийся откуда-то спереди. Он осторожно опустил прибор и быстро пошел на звук. Из другого кармана достал небольшое приспособление — то самое, что несколько дней назад украл из кабинета Джиллиан Баскин.

…ХОТЯ КУДА ОБЪЕДИНИВШИЕСЯ РАСЫ УХОДЯТ ОТСЮДА, КАКАЯ СУДЬБА ИХ ЖДЕТ, ВСЕГДА ОСТАВАЛОСЬ ТАЙНОЙ. БОЛЕЕ МОЛОДЫЕ КЛАНЫ БЕСКОНЕЧНО СПОРЯТ ОБ ЭТОМ, НО ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ФОРМЫ ЖИЗНИ НИКОГДА НЕ ОБЪЯСНЯЛИ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ПОТОМ. В НАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ЕСТЬ ТОЛЬКО НАМЕКИ И НЕОБЫЧНОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ ИЗ…

Сосредоточившись, чтобы скрыть свои мысли, Эмерсон завернул за угол и неожиданно увидел впереди *звездный свет*, пробивающийся сквозь прозрачную панель. Он знает это место. Здесь находится главный коммуникационный лазер, широкая труба, занимающая почти все пространство, нацеленная в широкое окно.

Снаружи окно затянуто необыкновенным, метровой толщины покровом, абсолютно прозрачным, одновременно чудесным и смертоносным.

Рядом с трубой стоял человек и работал над открытой панелью доступа. Эмерсон узнал гибкое мастерство этих рук, которые с помощью инструментов проделывали операции над системой лазера. Одна рука определенно искусственная, а остатки головы заключены в зеркальный купол. Подобные киборг-компоненты спасли жизнь главного инженера «Стремительного» во Фрактальном Мире. Щедрый дар другой, более дружелюбно настроенной фракции Древних — так по крайней мере тогда считал экипаж.

Рядом с Суэсси большой информационный датчик и несколько кристаллических ячеек — достаточно, чтобы вместить все с таким трудом завоеванные данные «Стремительного».

— Привет, Ханнес, — громко произнес Эмер-

сон.

И в то же мгновение произошло одновременно несколько событий.

Взревели сервомоторы. Фигура повернулась, сжимая в руке факел-резак с ослепительно белым языком пламени. Не видя лица старого друга, Эмерсон мог только догадываться, как тот собирается воспользоваться резаком.

Тем временем с удивленным шипением, которое пронеслось в голове Эмерсона, словно удар электричества, голос прервал объяснения. Эмерсон закричал, инстинктивно схватившись за виски. Но эта реакция длилась мгновение. Стиснув зубы, он направил украденный плазменный пистолет в блестящий купол — голову Суэсси.

— Прекрати или я немедленно выстрелю! Ты знаешь, что на меня боль не подействует.

Факел сразу погас.

ПО ПРАВДЕ ГОВОРЯ, ТЕПЕРЬ МЫ ВИДИМ, ЧТО ДВАЖДЫ СОВЕРШИЛИ ОШИБКУ, СЧИТАЯ ТВОЮ РЕАКЦИЮ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩЕЙСЯ. НАШИ КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ ПОСТОЯННО НЕДООЦЕНИВАЮТ
ТВОЮ ЗВЕРИНУЮ ХИТРОСТЬ. ВОЗМОЖНО, ЭТА СПОСОБНОСТЬ ПРИСПОСАБЛИВАТЬСЯ УКРЕПИЛАСЬ В ТЕБЕ НА ПЛАНЕТЕ СУНЕРОВ?

— Лесть ничего вам не даст. Но вы правы, там я научился некоторым новым способам мышления. Вы должны послушать, как я ругаюсь. Или пою.

МОЖЕТ БЫТЬ, В ДРУГОЙ ЖИЗНИ. ИТАК, ТЫ ВЫЧИСЛИЛ, КТО МОЖЕТ БЫТЬ НАШИМ ВТОРЫМ АГЕНТОМ. ТЫ ПРИСОЕДИНИЛ К НЕМУ ДАТЧИК, ЧТОБЫ НАЙТИ, КАК ТОЛЬКО МЫ ПОЯВИМСЯ?

| Эмерсон кивнул.

; — Что-то такое казалось мне вероятным. Единственный человек, с которым вы могли поработать, был Ханнес.

I МЫ НЕ ИЗМЕНЯЛИ ЭТО ИСКУССТВЕННОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО. ТЕ, КТО ЕГО РЕМОНТИРОВАЛ, ДЕЙСТВОВАЛИ ИСКРЕННЕ. НО ПОЗЖЕ МЫ ПРОНИКЛИ В ЭТУ ФРАКЦИЮ И ПОЛУЧИЛИ КОДЫ ДОСТУПА. ПОСКОЛЬКУ ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ ВАЖНО, ПОЗВОЛЬ ЗАВЕРИТЬ, ЧТО ОН НЕ ИСПЫТЫВАЕТ БОЛИ. ВСЕ ПРОИСХОДЯЩЕЕ КАЖЕТСЯ ЕМУ ДУРНЫМ СНОМ.

— Какое сочувствие с вашей стороны! — отозвался Эмерсон.

ТЫ СЧИТАЕШЬ НАС ЖЕСТОКИМИ. ОДНАКО, ПОСКОЛЬКУ РЕЧЬ ИДЕТ О СУДЬБЕ МНОГИХ РАС И ТРИЛЛИОНОВ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ, У НАС ЕСТЬ ПРИЧИНЫ…

— Я вижу только, что вы трусы! Вы испытываете тягу к Объятию Приливов и боитесь отдаться ей. Боитесь совершить ошибку!

УПРОЩЕНИЕ, НО ДОСТАТОЧНО БЛИЗКО К ИСТИНЕ.

ИСТОРИЯ

ТАКАЯ ПРЕКРАСНАЯ, ТАКАЯ СОВЕРШЕННАЯ — КИСЛОРОДНЫЙ И ВОДОРОДНЫЙ ПОРЯДКИ ЖИЗНИ СОЕДИНЯЮТСЯ В ЭЛЕГАНТНОМ МИРЕ, СЛИВАЮТСЯ В ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ВОРОНКЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ, —

ЧТО НИ ОДИН КАНДИДАТ НЕ УСОМНИЛСЯ В ПРИНЯТИИ ЭТОГО ПУТИ, ПО КОТОРОМУ С НЕЗАПАМЯТНЫХ ВРЕМЕН ШЛИ ЕГО ПРЕДКИ. ОТДАЧА СЕБЯ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ — ПРЕДЕЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ИСТИНЫ И ВЕРЫ.

НО В ЭТОМ КАК РАЗ ГЛАВНОЕ ЗАТРУДНЕНИЕ! ДЛЯ НЕКОТОРЫХ ИЗ НАС ВЕРЫ НЕДОСТАТОЧНО. НЕКОГДА СУЩЕСТВОВАЛА ДРУГАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ЕРЕСЬ, КОТОРАЯ НАЗЫВАЛА ОБЪЯТИЕ ПРИЛИВОВ ПО-ДРУГОМУ.

Эмерсон кивнул.

— Система рециклирования. Вас тревожит, что этот белый карлик может оказаться чем-то вроде океанской траншеи на Джиджо — вроде Большой Помойки. Изящный способ отделаться от старых

и дать дорогу новым! Да, в этом больше смысла, чем в представлении о мистическом входе на какой-то более высокий уровень реальности!

В чужаках теперь ощущалась глубочайшая печаль, какое-то непостоянство, капризность мышления, невероятные у таких древних и многознающих существ.

ОТКРЫТИЕ, СДЕЛАННОЕ ТВОИМ КОРАБЛЕМ С ЭКИПАЖЕМ ИЗ ДЕЛЬФИНОВ В МЕЛКОМ СКОПЛЕНИИ… ВОТ ИСТИННАЯ ПРИЧИНА, ВЫЗЫВАЮЩАЯ УЖАС…

Неожиданно голос смолк. Эмерсон нервно сжался: палуба под его ногами задрожала. Дрожь все усиливалась, росли ее сила и напряжение.

— Вы нападаете на нас! — обвиняюще крикнул он. — Ваши разговоры должны были только отвлечь меня, пока вы…

Голос прервал его:

ТЫ БЫЛ ПРАВ: МЫ ИСПОЛЬЗОВАЛИ ТАКТИКУ ОТТЯГИВАНИЯ. НО ПОДРУГОЙ ПРИЧИНЕ. ДРОЖЬ, КОТОРУЮ ТЫ ЧУВСТВУЕШЬ, ПРОИСХОДИТ ОТ РАЗРЫВОВ САМОЙ ТКАНИ КОСМОСА. ЭТО ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОГО ПРОЦЕССА, КОТОРЫЙ УНИЧТОЖИЛ НАШЕ ЖИЛИЩЕ, НАЗЫВАЕМОЕ ВАМИ ФРАКТАЛЬНЫМ МИРОМ.

ПРОЦЕСС РАЗРУШЕНИЯ ВСЕ УСКОРЯЕТСЯ.

— Сара думает…

МЫ С ИНТЕРЕСОМ СЛЕДИЛИ ЗА ЕЕ РАБОТОЙ. ПОХОЖЕ, ОНА ЗНАЕТ, ЧТО СКРЫВАЛИ ТРАНСЦЕНДЕН-ТЫ, — ЧТО СВЯЗИ НАШИХ ГАЛАКТИК БУДУТ РАЗОРВАНЫ… ТА САМАЯ СЕТЬ, КОТОРАЯ ОБЕСПЕЧИВАЕТ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ…

Страшное утверждение. Но Эмерсона встревожило кое-что иное, сказанное голосом.

— Тактика оттягивания? Зачем? Я ведь уже помешал Ханнесу…

Он выругался.

— *Ну конечно!* Вы, Древние, ничего не оставляете на волю случая. У вас был и третий план. Запасной план для запасного плана. Что это? Скажите мне!

ИЛИ ЧТО? ЗАСТРЕЛИШЬ СВОЕГО ДРУГА? МЫ УЖЕ НЕСКОЛЬКО ДУРОВ НАЗАД МОГЛИ ЗАСТАВИТЬ ЕГО НАБРОСИТЬСЯ НА ТЕБЯ. МЫ РАССЧИТАЛИ, ЧТО, ОБЛАДАЯ СКОРОСТЬЮ И СИЛОЙ КИБОРГА, ОН УСПЕЛ БЫ ПРЕДУПРЕДИТЬ ТВОЙ ВЫСТРЕЛ. ВЕРОЯТНОСТЬ ЭТОГО ТРИДЦАТЬ ПРОЦЕНТОВ. С НАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, СТОИЛО ПОПРОБОВАТЬ.

ТОЛЬКО К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ НАШ ТРЕТИЙ АГЕНТ УЖЕ ПОКИНУЛ КОРАБЛЬ.

— Ваш.,, третий агент?

МЫ ДОГОВОРИЛИСЬ С САМКОЙ-ВОЛЧОНКОМ. ЗА КОПИЮ ВАШЕГО КОРАБЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА МЫ ПОМОГЛИ ЕЙ СБЕЖАТЬ.

ЧТОБЫ ОНА МОГЛА ВСТРЕТИТЬСЯ СО СВОИМИ БОГАМИ.

Протиснувшись мимо неподвижного Суэсси, Эмерсон прижался к окну и посмотрел наружу.

Нос «Стремительного» слева от него, именно там был очищен от необыкновенного покрова один из шлюзов, чтобы можно было выходить. Само отверстие Эмерсон не видел. Но в нескольких сотнях метров от корабля он увидел маленькое судно — спасательную шлюпку, которая как раз поворачивала в темное пространство.

В черную полосу, закрывающую звезды.

Мысли Эмерсона метались. Мыслительные процессы развивались несравненно быстрей, чем до ранения. Тем не менее ему потребовалось несколько мгновений, чтобы понять…

— Лейтенант Тш'т! Вы вытащили ее из корабельной тюрьмы и помогли бежать!

ПРОСТОЕ ЗАРАЖЕНИЕ ВАШЕГО БОРТОВОГО КОМПЬЮТЕРА МЕМОИДАМИ. ГОРАЗДО ТРУДНЕЕ БЫЛИ
ФИЗИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ, КОГДА ПОНАДОБИЛОСЬ

ПОМОЧЬ ЕЙ ВОЙТИ В ТЕ ПОМЕЩЕНИЯ, ГДЕ ДЖИЛЛИАН БАС-КИН СКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ. ПРИШЛОСЬ КОНТРОЛИРОВАТЬ ДЕЙСТВИЯ СУЭССИ, ЧТОБЫ УКРАСТЬ ДАННЫЕ, А ПОТОМ ДАТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБОИМ АГЕНТАМ УНЕСТИ ИХ РАЗНЫМИ ПУТЯМИ.

И ВОТ НАКОНЕЦ, ВОПРЕКИ ТВОЕМУ ВМЕШАТЕЛЬСТВУ, МЫ ГОТОВЫ НАЧАТЬ ОБРАБОТКУ ДАННЫХ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, КОТОРОЕ ОПРЕДЕЛИТ СУДЬБУ БЕСЧИСЛЕННЫХ МНОЖЕСТВ.

ЭТО ПРИВОДИТ НАС В ВЕЛИКОДУШНОЕ НАСТРОЕНИЕ,
И МЫ МОЖЕМ ПРОСТИТЬ ПРИЧИНЕННЫЕ ТОБОЙ НЕУДОБСТВА. ИЗ УВАЖЕНИЯ К ТВОЕЙ ЗВЕРИНОЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ МЫ ХОТИМ ЗАГЛАДИТЬ

ПРИЧИНЕННЫЙ УЩЕРБ. РАССТАВАЯСЬ, МЫ ОСТАВЛЯЕМ ТЕБЕ НЕЧТО ТАКОЕ, ЧЕМУ ТЫ ОБРАДУЕШЬСЯ…

Голос внезапно оборвался: налетела еще одна волна дрожи. От нее по коже у Эмерсона поползли мурашки. Дрожь затронула его пищеварительную систему, заставив произвести несколько громких взрывов.

Звезды снаружи дрогнули, и вместо черной полоски появилось знакомое очертание.

Крадущийся корабль класса «галуфин», определил он. Дорогая, но очень удобная галактическая конструкция.

— Что… — послышался рядом голос. Ханнес Суэсси застонал, к нему вернулось сознание. — Что я здесь делаю? Что происходит?

У Эмерсона были другие дела, кроме необходимости ввести друга в курс происходящего. Пространственные флуктуации подвели загадочных Древних. Теперь, когда маска с них сорвана, они отказались от всяких претензий на скрытность и устремились навстречу маленькой шлюпке, чтобы подобрать Тш'т и информацию, которую она везет с собой. Дрожь, которая заставила дрожать корпус «Стремительного», подвела и их.

Вся окружающая обширная армада «кандидатов в трансцендентность» начала раскалываться! Волны спрессованной материи разрывали ее ряды, сталкивая фаланги огромных кораблей. Эмерсон видел, как столкновения — и сверкающие взрывы — распространяются от одной группы на другую: корабли кислородных существ преждевременно сталкивались с кораблями водородных, высвобождая огромные количества энергии.

И среди этого хаоса происходило нечто еще бо-

лее тревожное. По крайней мере с точки зрения Эмерсона. Его способность к речи ушла, потом вернулась, на короткое время Усилившаяся и вышедшая за пределы человеческих возможностей, вызывая поток необыкновенных ассоциаций.

Голос молчал, но Эмерсон продолжал воспринимать впечатления существ, которых он называл Древними. Ощущение глубокой озабоченности, постепенно переходящей в тревогу, за которой следовало отчаяние.

Рывками ускоряясь и неожиданно замедляясь, борясь с возмущениями пространства, их крадущийся корабль постепенно сближался со спасательной шлюпкой. Небо освещалось страшными взрывами, неисчислимое количество живых существ погибало на самом пороге своей трансцендентной цели, а мучители Эмерсона упорно пытались принять на борт изменницу — лейтенанта дельфина.

— Я себя чувствую так… словно меня кто-то использовал, — прошептал Суэсси, подходя и выглядывая в окно. — Хотелось бы мне, чтобы ты мог говорить, парень. Мне не помешало бы небольшое объяснение.

Эмерсон посмотрел на Суэсси, потом на еле заметный крадущийся корабль… потом снова на

друга и сразу — на большой лазер.

— Ханнес… — начал он, но тут ему пришлось ждать, пока способность говорить снова вернется. Он знал, что каждое возвращение может стать последним.

— Ханнес, мы должны лазером сжечь те два корабля!

Ханнес удивленно смотрел на ставшего неожиданно красноречивым друга. Повернув голову-купол, он посмотрел туда, куда показывал пальцем Эмерсон.

— Какие, эти? А почему бы не связаться с доктором Баскин и не использовать боевые лазеры…

Центр речи снова отказал, оставив Эмерсона в тупой немоте, не в состоянии объяснить, что враг с помощью мемоидов несомненно вывел из строя контрольные системы любого оружия, чтобы обеспечить себе безопасный отход.

Исключительно силой воли он заставил себя произнести еще несколько слов.

— Нет… времени. Делай! Делай это!

Сверкающий купол кивнул. Суэсси сделал свой характерный жест — пожал плечами.

— Хорошо. Но ты должен мне помочь. Эта штука не предназначена для стрельбы по космическим кораблям.

Они сразу принялись за работу в том общем согласованном ритме чрезвычайной ситуации, который вырабатывался издавна — от римской триремы и к первым подводным лодкам и тем примитивным космическим кораблям, что люди впервые направили в Млечный Путь, надеясь встретиться с дружелюбной вселенной. Эмерсон обнаружил, что неспособность говорить не сказывается на работе, если он позволяет действовать вместе рукам и глазам. Каким-то образом руки сами знали, какое соединение нужно поменять, какие изменения внести. Когда Ханнес говорил, руки Эмерсона отвечали ему так, словно все понимали.

Это позволяло сознанию Эмерсона со странной отчужденностью наблюдать за тем, как в коридорах «Стремительного» прогремели сигналы тревоги, призывая экипаж на боевые позиции. Ханнес явно стремился присоединиться к своей инженерной команде, но так велико было их взаимное доверие, что он на слово поверил Эмерсону: эта работа гораздо важнее.

И Эмерсон вдвойне обрадовался, что не был вынужден застрелить друга.

— Отлично! — наконец сказал Суэсси. — Начинаем.

Лазер загудел, и температура в маленьком помещении резко *упала* на несколько градусов: пульсирующая энергия устремилась в пространство.

Эмерсон сразу увидел, что первый импульс прошел мимо цели, растворившись во вспышках окружающей «Стремительный» катастрофы; эти вспышки с каждой минутой становились все ярче и ужасней.

Громко бранясь, Эмерсон переключил несколько контрольных кнопок, минуя компьютер, и начал вручную нацеливать лазер; он руководствовался только зрением.

Тем временем крадущийся корабль продолжал бороться с волнами пространства-времени и наконец подошел к спасательной шлюпке с лейтенантом Тш'т. Корабли столкнулись, панели корпуса с одной стороны смялись, но прочная, построенная теннанинцами шлюпка выстояла. И вскоре поверхность большего судна словно растаяла, втягивая внутрь спасательную шлюпку.

Тш'т и украденный ею груз теперь в распоряжении тех, кто так упорно стремился к обладанию ими.

Стараясь справиться с громоздким лазером, Эмерсон испытывал смешанные чувства. Хотя он

ненавидел Древних за их черствость, особенно за то, как они искалечили его и других, чтобы добиться своего, он отчасти понимал их рационализм. И без слов мог представить себе панику, лежавшую в основе всех их действий.

В конечном счете, после прохождения молодой, горячей, звездной фазы, каждой расе приходилось решать, спускаться ли в воронку, которая как будто приветствует все готовые к этому души. То место, где объединяются кислородные и водородные культуры, готовясь двигаться дальше.

Но куда дальше?

Подавляющее большинство полагало, что это нечто более великое и благородное, чем все существующее в космосе. Место, куда давно ушли благословенные Прародители.

Но существовало и меньшинство, придерживавшееся другого мнения.

На Джиджо Эмерсон узнал нечто глубокое и примитивное о циклах жизни. Уловил метафору, которая сохранилась в его сознании, несмотря на потерю дара речи.

Образ глубочайшего участка морского дня.

И одно-единственное слово.

Мусор.

Он нажал гашетку.

Лазер снова застонал — ниже самого низкого хунского ворчания и воинственней крика урского воина. Звук сопровождала внезапная волна холода.

Что-то вспыхнуло в ночи! Искра уничтожения. Огонь осветил один конец крадущегося корабля, корму, которая содрогалась от взрывов.

И сразу к Эмерсону вернулись слова. В его мозг ворвался голос, в котором слышались недоумение и боль.

ДА ПОНИМАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО НАДЕЛАЛ? УЛЕТАЯ, МЫ СОБИРАЛИСЬ ПОСЛАТЬ ТЕБЕ ЦИЛИНДР. ТОТ УЧАСТОК МОЗГА, КОТОРЫЙ ТАК ТЕБЕ НУЖЕН. НАМ НЕ НУЖЕН БЫЛ БЫ НИ ОН, НИ ТЫ.

ТЕПЕРЬ ТВОЕ СОКРОВИЩЕ ПОГИБНЕТ ВМЕСТЕ С НАМИ, КОГДА МЫ УПАДЕМ В УМИРАЮЩЕЕ БЕЛОЕ СОЛНЦЕ.

Было видно, как смертельно раненный крадущийся корабль уже устремился по крутой траектории вниз, а двигатели «Стремительного» направляли его в противоположном направлении.

— Я это знаю, — вздохнул Эмерсон. Столько надежд превратилось в пепел, когда он выстрелил из лазера. Особенно его мечта о разговоре с Сарой. О том, как он рассказывает ей, что у него

на сердце. И даже просто о том, как сохраняются мысли, сейчас такие гибкие и естественные, такие легкие и острые. Гладкие, изящные мысли, которые несколько мгновений спустя, когда то, что у него было украдено, а потом возвращено, погибнет навсегда, снова станут жесткими.

НО ПОЧЕМУ? ПО-СВОЕМУ, ПРИМИТИВНО, НО ТЫ ПОНИМАЕШЬ НАШУ ТРЕВОГУ. ТЫ РАЗДЕЛЯЕШЬ НАШЕ НЕДОВЕРИЕ К ОБЪЯТИЮ ПРИЛИВОВ. ТЫ ДАЖЕ ПОЛАГАЕШЬ, ЧТО МЫ ПРАВЫ! НЕУЖЕЛИ НЕЛЬЗЯ БЫЛО ДАТЬ НАМ ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРАЯ НАМ ТАК НУЖНА? ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ УЗНАТЬ ПРАВДУ О СВОЕЙ СУДЬБЕ? ЗНАЛИ, КАКОЙ ПУТЬ ВЫБРАТЬ?

Пока есть возможность, Эмерсон обдумывал объяснения.

Рассказать о приказе Террагентского Совета: тайны Мелкого скопления должны принадлежать всем расам… или никому?

Разгневанный уголок сознания побуждал сказать, что это Пиррова месть: он мстит за то, что с ним сделали, как бы оправданы ни были эти действия.

На самом деле ни одна из этих причин не оправдывает совершенного им убийства. И пока «Стремительный» содрогался от новых волн

пространства-времени, с трудом пробираясь в лабиринте сталкивающихся угловатых кораблей и пылающих зангских шаров, Эмерсон понял, что может дать Древним один ответ.

Правильный ответ.

Ответ одновременно логичный и совершенно справедливый.

— Потому что вы не попросили, — объяснил он, чувствуя, как дар речи окончательно покидает его.

— Вы… не сказали… пожалуйста.

ГАРРИ

Вначале поиски ни к чему не привели.

Каззкарк представляет собой лабиринт тунелей, где легко может скрыться разумный. И теперь, когда мирное спокойствие институтского аутпоста исчезло, как воспоминание, положение еще больше ухудшилось. Даже после того как планетоид начал содрогаться от пространственно-временных волн, на него продолжали прибывать беженцы. Все нервничали, и полицейские роботы отдела общественной безопасности были постоянно заняты.

И когда дело коснулось поиска двух исчезнувших землян, Гарри был полностью предоставлен самому себе.

Первый след он нашел, подслушав, как торговец-синтианец хвастливо рассказывает в баре о только что заключенной выгодной сделке. Он приобрел первоклассные реликты волчат, которые сможет перепродать коллекционерам.

Легкое чувство вины — я испытываю, потому что заплатил слишком низкую цену за эти великолепно изготовленные подлинные предметы, хрипло говорил торговец на галактическом

шесть.

В их подлинной туземной природе я не сомневаюсь. Это стало ясно с того момента, как я запрограммировала свой сканер в поисках следов использования и телесных выделений. Результат? Полное отсутствие технослед ов или других признаков подделки! Подлинное туземное орудие/инструмент, потертое в примитивной борьбе за выживание в варварских условиях.

Что? Что ты говоришь? Хочешь посмотреть это удивительное приспособление? Разумеется! Вот оно. Обрати внимание на элегантные изгибы и дуги, на искусное использование животных и растительных материалов, свидетельствующее о негалактической разумности в полном, неприкрытом виде!

Этот человек, который раньше владел артефактами, он говорит о повреждении мозга. Должно быть, это совершенно лишило его представления о ценности! Он оправится от космической амнезии, но осознание того, насколько больше он мог бы получить, будет неприятно для бедного волчонка. Теперь я получу выгоду и признание в кругах любителей.

Особенно теперь, когда главный источник таких реликтов — Земля — через несколько джа-

дуров несомненно исчезнет в огне.

Этих слов Гарри уже не слышал. Он уже обошел пол-Каззкарка в поисках Рети и Двера в районах самых бедных беженцев, когда услышал обрывки разговора, пойманные его хитроумной шпионской программой.

Используя свои новые служебные полномочия, он приказал произвести сканирование всех звуковых приемников, разбросанных по планетоиду; бесчисленное количество разговоров просеивалось по принципу отбора ключевых слов. До сих пор компьютер устанавливал только самые тривиальные корреляции. Но вот синтианец за несколько дуров перечислил почти все ключевые слова — все, кроме имени Двера!

Гарри вызвал несколько роботов поддержки. Возможно, помогал новенький значок кометы на воротнике или ощущение срочности, но Гарри протискивался сквозь толпу, не обращая внимания на шокированные взгляды существ из старших классов патронов.

Он наконец пришел в нужное место и увидел, что у входа в бар, предлагающий слабые токсикорелаксанты, его дожидается несколько полицейских роботов. Вокруг собралась толпа зевак.

Задний выход охраняется, разведчик-майор Хармс, доложил один из роботов. *Клиенты внутри как будто ничего не подозревают. У некоторых спрятано оружие таких типов, с которыми мы в состоянии справиться с неплохой вероятностью успеха.*

Гарри хмыкнул:

— Я предпочел бы гарантированный успех, но ничего не поделаешь. Держитесь поближе ко мне. Пусть все видят вас, когда мы войдем.

Ему очень хотелось достать свое оружие, но Гарри предпочел покончить с делом по возможности вежливо.

— Ну хорошо. Пошли.

В баре сидело с полдесятка синтианских торговцев, все они выглядели одинаково в своей серой шерсти с темными полосками на лицах. Все полные, с мощными плечами, с животами, перетянутыми поясом с сумками. Гарри сразу увидел того, кто ему нужен. Перед ним на столе лежали гладкий лук и колчан со стрелами, все сделанное из отличного резного дерева и кости. Когда торговец потянулся к этим предметам, Гарри спросил, где он их взял.

Кивеи Ха'аоулин ответила воинственно, негодующе, тоном несправедливо обвиненной. Гарри

больше двадцати дуров слушал, как синтианец громогласно порицает «незаконное прослушивание и хулиганов-бюрократов». Гарри наконец прервал его и напомнил, что Каззкарк — исключительная собственность Великих Институтов и в настоящее время находится под действием законов военного времени. Больше того, не хочет ли торговец вскрыть свой грузовой трюм, чтобы его содержимое было самым тщательным образом сопоставлено с официальным грузовым манифестом?

Воинственное выражение сразу покинуло енотовидное лицо синтианца. Гарри их раньше никогда не встречал, но они постоянные персонажи дневных голодрам на Земле и стереотипно изображаются как жизнерадостные, полные энтузиазма — и абсолютно эгоистичные существа.

Понадобилось некоторое время, чтобы оценить предложение Гарри, и он сразу перешел на неплохой разговорный англик.

— Что ж, разведчик-майор. Вам нужно только попросить. Отвести вас на то место, где я встретился с Двером Кулханом? Да, но должен вас предупредить. Он может выглядеть по-другому. Если вы его найдете. Когда мы расстались, он расспрашивал. Узнавал, где можно сделать кос-

метическую хирургическую операцию. Как будто собирался изменить внешность и скрыться!

Пока они торопливо шли по главному бульвару, Гарри говорил в свой микрофон, узнавая, в каком местном заведении по исправлению тела проводилась работа над человеком с того времени, как Кивеи Ха'аоулин в последний раз видела Двера.

Он также связался со штаб-квартирой. Через четыре ми-дура Вер'Кв'квинн назначил срочное собрание всего местного штата Института Навигации.

Вернее, того, что осталось от штата. Большинство разведчиков и старших помощников уже были разбросаны по всему квадранту со срочными поручениями, приказывая кораблям всевозможных размеров эвакуировать изолированные аутпосты, посылая буи, чтобы свернуть движения с вышедших из строя пунктов перехода, и наблюдая за надвигающимся на Пять Галактик хаосом.

Особенно тревожными были сообщения о вспышках насилия между кислородными кланами или между разными порядками жизни. Особенно ожесточенная схватка произошла в секторе Коркуомин между одной из наиболее

закрытых водорододышащих культур и огромным роем машинных существ; обычное место жизни машин в глубоком космосе оказалось настолько разрушено, что огромное количество незарегистрированных мехов начали просачиваться в места, запретные для них по условиям договоров. И столкновение было таким яростным и жестоким, что использовалось оружие беспрецедентной мощности, разрывающее стены, которые разделяют различные уровни пространства; в результате вихри из гиперуровней А и Б начали проникать в «нормальное» пространство, вызывая хаос во всем, чего коснутся. Были даже сообщения, что *меметические* формы жизни выступают в качестве союзников той или иной стороны, а может, просто пользуются смятением, чтобы поместить свои идеограмматические матрицы в новых хозяев, заполняя поле битвы мятежными сенсорными впечатлениями, вынашивая идеи, слишком сложные и странные для органического или электронного сознания.

И вот среди всего этого Вер'Кв'квинн по-прежнему не дает Гарри нового поручения. Он слишком неопытен и недипломатичен, чтобы поручить ему командование крупным отрядом, но в то же время слишком ценен, чтобы использовать в

каком-нибудь небольшом деле.

Поддерживай со мной связь, все время говорит ему Вер'Кв'квинн. *Полагаю, вскоре нам понадобится твой опыт в пространстве Е.*

Торговец-синтианец указал на одну из боковых улиц, где продавалась одежда и различные личные принадлежности.

— Здесь я в последний раз видела человека, он попрощался, сжимая кошелек, полный галмонетами за нашу сделку, торопясь истратить только что приобретенное состояние.

— Галмонеты? — переспросил Гарри. Конечно, гораздо лучше было бы, если бы Двер расплачивался кредитами или марками: их легко можно проследить по торговой сети. — Сколько ты ему заплатил?

Кивеи Ха'аоулин попыталась отказаться отвечать, ссылаясь на коммерческую тайну, но вскоре поняла, что это бесполезно.

— Семьдесят пять полуединиц. Гарри стиснул кулаки и прорычал:

— Семьдесят пять! За подлинный земной артефакт доин-дустриальной эры? Ты, бессовестный…

Он продолжал красноречиво бранить синтианца, поскольку торговец явно ожидал этого.

Всякое другое поведение уязвило бы его гордость. Но думал Гарри уже о другом. Он не собирался рассказывать Кивеи Ха'аоулин, что драгоценные лук и стрелы сделаны гораздо позже, чем та считает. В сущности это контрабандный предмет из нелегального сунерского поселения, вырезанный квуэнскими зубами и закаленный на урском горне.

Его прервало сообщение компьютера. Очевидно, недавно один из магазинов тела навешала молодая землянка, которая заплатила наличными за срочную косметическую операцию. Ничего необычного. Всего лишь стандартное выращивание нового профиля из числа тех, что приготовлены в магазине для самых разных видов разумных.

— Пошли! — сказал Гарри синтианцу. Тот попробовал возразить, но увидел яростное выражение глаз Гарри и поземному выразительно пожал плечами.

— Конечно, разведчик-майор Хармс. Я к вашим услугам.

К несчастью, нужный магазин находился довольно далеко за площадью Веры. Чтобы добраться до него, придется пройти через толпу миссионеров и верующих, возбужденных

известиями о том, что происходит в Пяти Галактиках.

Многое изменилось с тех пор, как Гарри в последний раз побывал здесь. Тогда тут возвышались аккуратные павильоны, в которых вежливые прислужники и последователи старомодными способами проповедовали свои догмы, в традиционных ритмах уверенности и терпения. Поскольку большинство галактических сект нацеливалось на переубеждение целых рас и кланов, ударение всегда делалось на бесконечных повторах — нужно «показать флаг» и дать возможность другим разумным постепенно и неторопливо привыкнуть к Другому взгляду на свое назначение. Индивиды имеют значение только как средство передачи идей, распространяя их в своей расе или клане.

Во время последнего посещения Гарри эта атмосфера терпеливой настойчивости уже исчезала. Теперь, когда перемежающаяся подпространственная дрожь заставляет качаться каменные стены, эта атмосфера словно полностью рассеялась.

Просторное помещение, принадлежавшее некогда нескольким мирным религиозно-философским союзам — наследникам, поглощенным,

трансцендентам, — теперь заполняли возбужденные толпы. Безупречно четкие границы сминались, слушатели бросались к громко кричащим священнослужителям, одетым в яркие платья и проповедующим с шатких платформ, вздымающихся к высокому потолку. Их усиленные голоса в переводах на по крайней мере дюжину галактических языков звучали так громко, словно силой звука можно переубедить слушателей. Каждая сторона отчаянно пыталась заглушить другую, и Гарри с трудом различал что-то помимо повсеместного гула. Это, однако, не мешало толпам; в воздухе словно потрескивало от перенасыщения эмоциями.

Это место должно кишеть невидимыми псиволнами и эмфатическими глифами, понял Гарри, радуясь тому, что его собственные умственные способности развивались в другом направлении и он благословенно невосприимчив к таким раздражителям. *У тимбрими, застрявшего в этой толпе, вероятно, поджарились бы щупальца от этих безумных вибраций.*

На площади были и другие изменения. Группы наследников и поглощенных были вооружены палками, дубинками, резаками и другими импровизированными орудиями и откровенно

враждебно смотрели друг на друга. Гарри даже показалось, что он заметил за прозрачным занавесом несколько движущихся угловатых фигур, огромных, похожих на богомола.

Он содрогнулся, узнав эти фигуры.

Танду.

Далее Гарри и Кивеи Ха'аоулин миновали павильоны ожидающих и отрекшихся… вернее, развалины этих павильонов. На земле лежали обгоревшие остатки знамен — молчаливое свидетельство того, насколько ожесточенным стало древнее соперничество. Теперь, когда судный день казался совсем близок, это соперничество перестало быть поверхностно терпеливым и теоретическим.

Среди развалин осторожно пробирались несколько последователей ожидающих: преимущественно паукообразные гулдингары и вархисти с толстыми рогами. Их защищали наемные роботы из какого-то местного агентства безопасности. Вархисти казались особенно настроенными на месть.

Тем временем обе стороны улицы были заполнены шумом и спорами. На предельной скорости пронесся на восток отряд полицейских роботов и исчез за углом по какому-то срочному делу.

Гарри посмотрел вдоль улицы, и ему показалось, что он заметил в тени несколько стервятников, раздевающих труп.

Вдоль главного Пути с севера на юг за шаткими кафедрами стояли проповедники и криками привлекали к себе внимание. Мрачные новообращенные пии'ооты все еще были там, где Гарри видел их в прошлый раз; вытягивая свои спиралевидные шеи и выпячивая глаза, они на непонятных диалектах говорили о том, что все расы должны вернуться к своей естественной природе — что бы это ни означало.

Гарри заметил также евангелиста комада, чья неискренняя улыбка стала еще шире, когда он встретился с Гарри взглядом. Для выразительности комад затопал своей третьей задней ногой.

— *Вот!* — крикнул он, указывая костлявыми пальцами. — Смотрите, как мимо проходит еще один землянин, доказывая, что эта опасная инфекция не погибнет, когда ее родная планета будет наконец захвачена и подвергнута справедливому суду. Нет, друзья. Этого не произойдет, даже когда Земля будет секвестирована, а ее богатый генный бассейн по справедливости разделен между праведными. Потому что земляне расползлись среди нас, как заразные вирусы!

Разве вы уже сегодня не видели многочисленные свидетельства их злого влияния? Даже здесь, на Каззкарке, волчата и их безумные последователи сеют злобную ложь и клевету, возрождая древние эгоистичные ереси, подрывая наше общее представление о судьбе, уничтожая основы нашего общества и изображая наших почитаемых предков презренными глупцами!

Продолжая выражать свою ненависть к клану Гарри, комад все «улыбался» и помахивал обманчиво соблазнительными ресницами, создавая впечатление, которое означало нечто совершенно противоположное его намерениям. Казалось знаменательным, что гнев этого фанатика, первоначально обращенный к водорододышащим, теперь был перенесен на бедный маленький земной клан.

Гарри это показалось несправедливым и каким-то искусственным, поскольку все и так полагали, что Земля падет через несколько дней или недель, если не часов. Тем не менее он почувствовал опасность, исходящую от группы последователей комада. Если он останется, эмблема Института Навигации может его не защитить.

— Подожди! — сказала Кивеи Ха'аоулин, когда Гарри потянул торговца за руку. — Я нахожу аргу-

менты этого разумного весьма убедительными! Его риторика прекрасна. Логика кажется мне неопровержимой.

— Очень смешно, Кивай, — проворчал Гарри. — Пошли! *Немедленно!*

Явно восхищенный собственным остроумием, синтианец довольно хмыкал. Племя Кивеи — энтузиасты, но прежде всего прагматики. Подобно другим расам «умеренного большинства», их не интересуют религиозные споры о природе трансцендентности, они предпочитают заниматься своим делом, предоставляя судьбе самой о себе заботиться. При прочих равных условиях они были бы счастливы разделить со всеми знаменитое «открытие „Стремительного“ и даже заплатили бы Террагентскому Совету неплохое вознаграждение за открытие, чтобы все было по-хорошему.

Увы, умеренное большинство известно также своей медлительностью и нерешительностью. Со временем оно, возможно, перестанет колебаться и думать, спасать Землю или нет, хотя к тому времени помощь способна будет только пошевелить пепел.

Говоря о том, что пора заняться делом, Гарри надеялся, что это последняя толпа религиозных фанатиков. Но не успели они с Кивеи завернуть

за угол, как увидели, что путь им преграждает еще большая толпа! Она уходила вперед и в обе стороны, заполняя перекресток под куполом, где раньше находился рынок органопитательных веществ.

Разнообразие разумных существ ошеломляло: от тощих, похожих на прутья зитлтов до пар неуклюжих брмасов. Изумленный взгляд натыкался на таких разумных, о расах которых Гарри раньше только слышал. Настоящий лес необычных конечностей, голов, торсов и сенсорных органов смешивался и сливался, так что трудно было сказать, где кончается одно существо и начинается другое.

Запах был такой густой и тяжелый, что Гарри едва не потерял сознание.

Многие зрители пользовались портативными мониторами, чтобы разглядеть далеких миссионеров, которые отсюда казались тусклыми серебристыми очертаниями на приподнятой сцене. Другие устремляли разнообразные глаза к десяткам больших видеоэкранов, подвешенных высоко на каменных стенах. С них лилась речь на разных диалектах.

Часть толпы протискивалась вперед в поисках чего-то такого, что можно получить только при

непосредственном контакте.

— Странно, — заметил Кивеи Ха'аоулин. — Я насчитал несколько расовых типов, которые обычно не склонны к религиозному рвению. И еще несколько таких, чьи кланы находятся в состоянии идеологического конфликта друг с другом. Посмотрите вон туда. Турмудж ожидающий и Тальпу'ур наследник зачарованно стоят рядом. Интересно, какое концептуальное волшебство могло их так зачаровать.

— Какая разница! — нетерпеливо ответил Гарри. Ему хотелось успеть в магазин тел до закрытия, чтобы след не остыл. — Ифни! Да нам никогда не пробраться через эту толпу!

Он уже собирался предложить повернуть назад и идти в обход, когда его внимание привлекли звуки проклятий на англике. Высокое, похожее на верблюда существо повернулось и разглядывало Гарри черными, как уголь, глазами.

Это был дж'8лек, представитель звездной нации с такой долгой историей ненависти к землянам, что рука Гарри сама собой дернулась в поисках оружия.

Но этот дж'8лек сделал нечто совершенно неожиданное. В течение нескольких дуров он просто смотрел на Гарри, а потом неожиданно со-

гнул свою длинную шею, поклонившись жестом глубочайшего уважения! Отталкиваясь всеми четырьмя мощными ногами, существо принялось расталкивать толпу, расчищая начало прохода перед Гарри и его спутником.

Пораженные, они пошли по этому проходу, но то же самое произошло снова! Раз за разом какой-нибудь зритель замечал Гарри и торопливо начинал подталкивать тех, что стояли перед ним, чтобы они уступили дорогу. Никто не возражал и не спорил. Даже представители старших линий патронов, существа высшего ранга, покорно уступали дорогу как перед равными.

Шимпу, ростом в полтора метра, такое поведение показалось особенно необычным и даже пугающим. Казалось, какая-то сила разделяет перед ним море высоких чужаков, и он понятия не имел, что ожидает его по другую сторону толпы. И он бы меньше нервничал, если бы все вокруг не были такими чертовски вежливыми и предупредительными.

Вот это заставляло его особенно нервничать!

Он находится в середине толпы и может только изредка бросить взгляд на большие экраны. Но вскоре стал слышен голос проповедника на галактическом семь, и Гарри споткнулся, неожи-

данно узнав этот голос.

...каждый понимает, почему великие и могучие религиозные союзы пришли в ярость от новости, которую недавно сообщила священная жертвенная планета. От дара, посланного нам с удивительной и обреченной Земли.

Дара истины!

Соединив галактическую науку со своей собственной хитроумной математикой, волчата раскрыли тайну, которую высшие чиновники Институтов многие эпохи старались скрыть, тайну, известную могучим существам из порядков «ушедших в отставку» и тра с нцендентов. Конвульсии, сотрясающие сейчас Пять Галактик, это часть естественного процесса! И нам следует радоваться этому, а не бояться!

Гарри сразу узнал манеру речи и понял смысл необычного выступления.

Это был проповедник скиано! Тот самый, что проповедовал просто на улице, не в состоянии заплатить даже за кафедру в переулке. Используя экстравагантные метафоры, он сравнивал человеческую природу волчат, предположительно поднявшихся к разуму без вмешательства расы патронов, с «девственным рождением». Гарри вспомнил крупную голову с выступаю-

щим вперед большим носом, с двумя парами напряженных сверкающих глаз. Скиано пророчествовал, что Земля подвергнется своего рода распятию, она умрет ради блага остальных, а потом снова духовно воскреснет.

Теперь Гарри понял, почему толпа расступается перед землянином, даже перед простым шимпанзе (у которого нервно подергивается хвост).

Увы, это знание его не утешило. Очевидно, скиано вызвал волну общественной истерии. Гарри натолкнулся на религиозное собрание одной из самых странных ересей, готовых распространиться по Пяти Галактикам!

Заинтересованная и зачарованная, Кивеи Ха'аолин с энтузиазмом двинулась вперед, словно компенсируя растущее нежелание Гарри, действуя как мажордом, сообщая всем и каждому, что за нею идет *землянин!*

А шепотом между тем она советовала Гарри пользоваться удачей, пока она их не оставила.

— Ну, ну! Тебе следует взбодриться, малыш! Раз уж космос распадается, можно тем временем хотя бы повеселиться!

Не очень характерное для синтианца отношение. Но фатализм служит сильным противоядием от трусости.

На этот раз Гарри решил согласиться с рассуждениями Кивай. Он расправил плечи, стараясь выглядеть с достоинством, приличным прямоходящему существу: его патроны люди подарили шимпам такую походку наряду с даром речи и разумом. Он пригладил светлую шерсть и даже позволил себе гордо задрать хвост.

Неожиданно толпа кончилась. Они с Кивай оказались перед высокой платформой, на которой могли сидеть почетные посетители, с удобством наблюдая за зрелищем.

Гарри хотелось только одного: уйти отсюда и возобновить поиски сбежавших сунеров. Но единственная свободная тропа вела как раз к этой платформе. Вместе с Кивай они начали подниматься туда, слушая необычные рассуждения скиано.

… почему могучие союзы и Древние так сопротивляются идее Бога, который любит каждую личность? Бога, который считает важными не клан или расу, но каждое отдельное существо, сознательное и способное к состраданию?

Неужели они считают, что такая идея может положить конец Возвышению или усовершенствованию видов?

Ерунда.' Все это будет происходить по воле

свободных индивидов/ Будет совершаться независимыми душами, которые верят в себя и в личное избавление — когда каждый разумный встретится с Создателем Всего и достигнет полного завершения в пункте Омега!

Гарри слышал и раньше эту странную смесь древних земных верований, часто несовместимых друг с другом, пересмотренную, чтобы отвечать распространенным страхам при виде того, как устойчивая галактическая цивилизация на глазах распадается. Скиано добавил гениальный мазок — планета волчат в роли искупляющей жертвы, он воспользовался тяжелым положением Земли, в то же время ничем не помогая ей спастись от разгневанных боевых флотов.

Но если Гарри считал эту проповедь странной, то нечто еще более странное поджидало его в рядах почетных посетителей. Это был не кто иной, как его старый противник, портовый инспектор, который сидел съежившись и явно желая быть совсем в другом месте.

Гарри приветствовал рослого хуна, громко назвав его по имени.

— Твафу-ануф! Это и правда вы? Пришли немного расширить свой горизонт? Решили, что пришло время увидеть свет?

Увидев Гарри, Твафу-ануф содрогнулся. Жалобно подергав своим элегантно раскрашенным горловым мешком, он указал на сидевшую рядом молодую самку.

— Мое присутствие здесь… не добровольное. Моя… хр-рм… моя *дочь* заставила меня прийти.

Гарри едва сдержался, чтобы не захохотать. Если и есть у хунов привлекательная черта, так это преданность своему потомству. Гарри дивился, как такая привлекательная особенность могла возникнуть у расы мрачных, пуританских, негибких бюрократов.

Пока Гарри наслаждался неловким положением Твафу-ануфа, скиано продолжал свою проповедь:

Сегодня мы видим, как сильные пытаются скрыть правду и соперничают за право уничтожить Благословенную Землю. Почему? Потому что их тревожит Большая Ошибка.

Так называемая «ересь» была подавлена давным-давно. Но правду можно только скрыть, ее нельзя уничтожить.

И теперь они боятся, что все разумные наконец поймут…

Миссионер сделал драматичную паузу.

…что хваленое Объятие Приливов — это объ-

ятие лжи!

Толпа, должно быть, уже знала суть послания. Но когда это было произнесено вслух, по собравшимся пронесся стон.

Это дало Гарри возможность еще немного помучить бедного чиновника.

— А как насчет этого, старина? — спросил он. — Поколение за поколением трудятся, испытывают мучения, никогда не веселятся лишь для того, чтобы их отдаленные потомки могли прыгнуть в черную дыру и оказаться в раю. Но что, если там, по другую сторону сингулярности, ничего нет? Если все эти труды ни к чему?

Твафу-ануф жалобно обвис, а его дочь наклонилась вперед, возбужденно вглядываясь туда, где в свете прожекторов взад и вперед расхаживал скиано.

…но есть другой путь спасения! Который не требует жизни на дальних горизонтах пространства и времени. Который приходит к каждому из нас, если только мы откроем…

Дочь Твафу-ануфа повернулась к своему спутнику, сильному на вид молодому самцу хуну, руку которого она с явной привязанностью сжимала. На ее плече сидел маленький роузит и смотрел на черное, похожее на хорька существо на спине

у молодого хуна. Еще одно необъяснимое и ироничное явление: животные любят хунов, чего не скажешь о разумных.

Молодые хуны явно в периоде ухаживания — это выглядело бы трогательно, если бы не неизбежный исход: еще одно поколение мрачных угнетателей.

Зачем вообще хуны пришли на это странное собрание? Это противоречит самой их сути!

Гарри рефлекторно среагировал на толчок своего спутника.

— Посмотри туда! — указала Кивеи Ха'аоулин. — Это не один из тех землян, что ты ищешь?

Гарри всмотрелся в конец освещенной сцены, где стояли помощники скиано в развевающихся синих и золотых одеяниях. Среди них видна была невысокая человеческая фигура, одетая так же; она распоряжалась, посылая прислужников в толпу с тарелками для сбора пожертвований.

Гарри удивленно замигал.

Рети!

Ванна сама по себе преобразила бы девушку-сунера. Великолепная одежда сделала еще больше. Но Гарри видел, что и лицо ее изменилось. Там, где раньше по щеке и челюсти проходил шрам,

теперь блестела гладкая розовая кожа.

Значит, посетителем мастерской по изменению тел был совсем не Двер. Мне следовало догадаться,

Рети, должно быть, бродила по Каззкарку, пока не нашла группу, которая сочла ее ценной, культ, иконой которого стала голубая планета волчат. Судя по внешности, она теперь занимает какое-то важное положение. Если Гарри и встречался с тем, кто способен выжить в любой обстановке, так это именно Рети.

— А теперь, — сказала Кивеи Ха'аоулин, — мы завершили круг. Теперь вы воссоединитесь, а я могу уйти.

Гарри собрался задержать синтианца… когда заметил, что аудитория снова волнуется. Толпа расступается, как Красное море. По проходу, между расходящимися, расползающими, отпрыгивающими существами, двигалась стройная фигура в серовато-коричневой одежде, которая словно расплывалась перед глазами. И когда фигура откинула капюшон из домотканой материи, показались взъерошенные волосы Двера Кулхана, блестящие, словно его. темные глаза.

Что ж, он, должно быть, кое-что истратил из своих семидесяти монет, подумал Гарри, заметив

в руке молодого человека небольшое электронное приспособление. Двер держал его так, как туземцы Хорста держат лозу, когда ищут воду. На руке у Двера самодельный прибор из согнутых металлических трубок и гибких полосок кожи. Ни один галакт не распознает в этом устройстве оружие, но Гарри узнал очень опасную ручную катапульту, которая в близком бою опасней лука и стрел. А на поясе у молодого человека висел длинный нож в ножнах.

Для любого существа, не землянина, Двер выглядел совершенно спокойным, не обращающим внимания на толпу. Но Гарри видел напряжение в плечах Двера, который продолжал идти к помосту по проходу в расступающейся толпе. Кивеи снова начала отодвигаться, но любопытство победило осторожность, и синтианец остался и смотрел на приближающегося человека.

— Ну, ну... — снова и снова повторяла Кивеи, нервно облизывая усы.

Двер коротким кивком приветствовал Кивеи, он не казался рассерженным тем, что его обманули — к явному облегчению синтианца.

Подойдя к Гарри, он выключил маленький прибор.

— Вы очень разумно поступаете, капитан Гар-

ри, нося при себе личный маяк. Я заплатил за несколько уроков, как нацеливать прибор на ваш сигнал. Дома мы с такой целью используем жуков-нюхальщиков.

Гарри пожал плечами. Он не думал, что это подействует. Но, очевидно, сунеры умеют приспосабливаться.

— Рад, что вы оба здесь, — сказал он, кивком указывая на Рети.

Двер посмотрел на сцену, где видна была Рети с попугаем скиано на плече; толпа в это время запела необычно привлекательный гимн на смеси полудесятка галактических диалектов с медлительным звучным англиком. Хотя зрачки у него слегка расширились, на лице Двера не видно было удивления.

— Следовало бы догадаться, — сказал он, покачав головой. — И как же вы собираетесь вытащить ее оттуда, не начав мятеж этих…

Молодой человек неожиданно смолк. Челюсть у него отвисла… потом он снова закрыл рот.

— Не могу поверить, — прошептал он. Потом с выражением мрачной решительности сказал: — Прошу прощения, капитан Хармс. Мне нужно кое-что сделать немедленно.

Гарри мигнул.

— Но… что…

Двер миновал его, молча и ловко сбросив верхнюю одежду. Быстрыми проворными движениями связал рукава и капюшон, получился импровизированный мешок, который молодой человек держал в руке. Протискиваясь к первому ряду почетных гостей, он не обращал внимания на протесты сидевших сзади. Пение толпы заглушало все жалобы. Двер миновал Твафу-ануфа и его дочь и направился к третьему хуну — молодому самцу. Похожее на выдру животное наконец что-то почувствовало. Хотя смотрело оно в другую сторону, из черной шерсти на шее поднялась острая щетина. Животное начало поворачиваться, чтобы посмотреть назад блестящими черными глазами. В глазах появилось удивленное выражение узнавания, и в этот момент Двер прыгнул.

Чтоб меня побрили! — подумал Гарри, глядя, как извивается это животное в руках Двера, щелкает зубами и бессильно шипит. Двер сунул его в мешок, но видно было, что внутри животное продолжает дергаться, пытаясь освободиться.

Это титлал! — Гарри показалось, что проворное гибкое существо ему знакомо, но размер кажется неподходящим. *Миниатюрный титлал… на плече у хуна!*

Неудивительно, что он не узнал сразу. По размерам титлал примерно с шимпанзе. Они совсем не домашние животные. Это разумные, владеющие речью звездные путники, которых на Земле хорошо знают и которыми восхищаются. К тому же, подобно своим патронам тимбрими, они терпеть не могут хунов!

В голову Гарри пришло возможное объяснение. Неужели Двер спасает детеныша титлала из плена?

Теория тут же рассыпалась, когда третий хун повернулся, увидел Двера и громко заворчал — радостно и удивленно. Мешок продолжал дергаться, а зрители тем временем стали свидетелями беспрецедентного в анналах цивилизации Пяти Галактик зрелища — человек и хун радостно обнялись, словно давно не встречавшиеся братья из одного дома-города.

Они нашли место, чтобы поговорить, за решеткой, поддерживающей платформу для почетных гостей. Гарри пораженно слушал, как рослый друг Двера превосходно говорит на разговорном англике, хотя и с древним акцентом.

Олвин излучал энтузиазм, радость жизни, и это казалось для него совершенно естественным, хотя Гарри раньше никогда не видел, чтобы хун

вел себя таким образом.

— Хр-р-р. Когда я видел тебя в последний раз, Двер, ты висел под воздушным шаром с горячим воздухом, готовясь в одиночку сразить боевой корабль джофуров. А как ты оказался здесь?

— Это долгая история, Олвин. И не будь капитана Хармса, мы бы сюда никогда не добрались. Означает ли это что «Стр…

Двер неожиданно замолчал и покачал головой, меняя фразу:

— Означает ли это, что нашим *друзьям* удалось добраться до пункта перехода?

Впервые в жизни Гарри увидел, как хун пожимает плечами — удивительно изящный и выразительный жест для такого долговязого существа.

— Да, удалось. В некотором смысле. — Его татуированный горловой мешок раздувался и опадал. — Сейчас могу только сказать, что это тоже долгая история.

Синтианец Кивеи внес предложение.

— Я знаю неподалеку хорошее заведение, где предлагают еду и добрую выпивку рассказчикам хороших историй, пусть даже и очень долгих. Может, пойдем туда…

Двер не обратил на Кивай внимания.

— А твои друзья? Ур-ронн? Гек? Клешня? Тиуг?

— Они в порядке — и *друг,* который привез нас сюда, тоже. Но ты ведь понимаешь, что одним из нас легче показываться в обществе, чем другим.

Двер кивнул, и Гарри понял, что они говорят с подтекстом.

Минутку, задумался он. *Если Двер и Рети сунеры с какой-то тайной колонии, но знакомы с этим хуном, это значит…*

Он забыл о своей мысли, услышав, как Олвин ответил на какое-то замечание Двера веселыми звуками, удивительно похожими на смех.

— Значит, ты наконец поймал старину Грязнолапого. Молодой человек поднял дергающийся мешок.

— Да. И не выпущу его оттуда, пока не получу ответа на несколько вопросов.

Олвин снова рассмеялся — а Твафу-ануф заметно задрожал от смущения. Но дочь чиновника, казалось, восхищается этим звуком. С необычным для хунов энтузиазмом она представилась как Дор-хуниф и удивила обоих землян, предложив обменяться рукопожатиями.

— С тех пор как он появился, Олвин все время рассказывает о вашей удивительной планете Шангри-ла, — сказала она Дверу. — Где много рас

живут в мире и где хуны научились плавать под парусами.

Ее возбуждение казалось таким же странным, как картина, неожиданно возникшая в воображении Гарри, — хуны, плывущие по морю в кораблях под дождем соленых брызг.

Шангри-ла?[28] — подумал Гарри.

Ну конечно, это маскировка настоящего названия планеты сунеров. Но почему именно это название? Почему взятое из земной литературы?

А кстати, каким образом у хуна оказалось имя Олвин?

Судя по звукам, проповедь скиано наконец подошла к концу. Гарри обратил на это внимание остальных.

— На этот раз я согласен с Кивай. Надо пойти в какое-нибудь укромное место и поговорить, прежде чем я буду докладывать в штаб. Но сначала прихватим Рети…

Он замолчал, чувствуя, что что-то изменилось. Подошвами ног Гарри ощутил еще одну волну дрожи; такие волны уже несколько джадуров сотрясают Каззкарк. Но на этот раз в волне был

---

[28] notes: 28

Название таинственной страны в Тибете, с которой связано множество преданий и легенд. — Примеч. пер.

новый ритм.

Нарастающая напряженность.

Другие тоже почувствовали это. Хуны пошире расставили ноги с широкими ступнями, а из мешка, в котором Двер держал пленника, донесся негромкий вой. Площадка для почетных гостей тряслась, пыль поднималась к каменной крыше — единственной преграде между живыми существами и вакуумом снаружи.

Положение ухудшается, подумал Гарри.

Когда в соседней стене появилась трещина и начала расширяться, он еще раз пересмотрел оценку.

Положение очень серьезное. Действительно серьезное.

КАА

— Пилот, проснись! Быстрей! Ты нужен!

Как рыба с крючком в челюсти, которую грубо вытягивают из воды, Каа почувствовал, что слова пронзают его сон, разрывая звуковой образ Пипое.

Она плыла рядом с ним. Вернее, рисунок эха и сонарных щелчков, отразившихся от стен, создал подобие грациозной фигуры, беспечно покачивающейся рядом, так близко, что, казалось, ее можно коснуться. Их тела окружало ласковое море Джиджо, и они плыли вперед, обнаженные и свободные.

Дельфины спят только одним полушарием. Но в этом эпизоде была сила и энергия настоящего Китового Сна, окутавшего Каа ощущением присутствия возлюбленной и планеты, на которой они надеялись счастливо жить вместе.

И когда ворвался этот надоедливый голос, разбивая благословенную иллюзию, Каа почувствовал, что у него снова отбирают Пипое. Он пришел в себя и оказался в чистилище из жесткого металла, в мегапарсеках от возлюбленной.

Каа раздраженно забил плавниками в запол-

ненном водой углублении своего приспособления для ходьбы. Он еще не вполне пришел в себя от тревожного сна, но сумел сфокусировать правый глаз и увидел Гек, существо, чья фигура кажется невероятным соединением органических и металлических частей. Раскатываясь на колесах, молодая самка г'кек возбужденно размахивала всеми четырьмя глазными стебельками и бессвязно рассказывала о чем-то таком, что ее чрезвычайно расстроило.

Просыпающиеся дельфины с опозданием начинают понимать англик, особенно после погружения в Сон Китов, но на этот раз гнев помог Каа быстро дать сердитый ответ.

— Я сказал, чтобы меня не тревожили… за исключением чрезвычайного положения!

И тут наконец понял лихорадочный крик Гек.

— Это и есть чрезвычайное положение! — завывала она. — Я только что проснулась и увидела, что Клешня…

— Да? — спросил Каа посылая невральный сигнал, который приводит в действие установку для ходьбы. — Что с ним?

Г'кек уже выкатилась из маленькой каюты, два ее глаза были устремлены вперед, другие два — назад, на Каа.

— Пошли быстрей! Клешня *умирает!*

Маленький красный квуэн лежал возле шлюза — похожая на краба фигура с пятью ногами, расставленными симметрично, как у морской звезды. Несколько 'клешней все еще спазмодически щелкали и вздрагивали, но никаких других движений не было. Когда Каа ближе подвел свою установку для ходьбы, направляя переднюю камеру, чтобы получше взглянуть, он увидел следы отвратительно выглядящего вещества типа сукровицы; это вещество вытекало из-под широкого хитинового панциря.

— Что случилось? — с тревогой спросил Каа. Гек выпалила:

— Откуда мне знать? Говорю тебе, я была в шкафу, который ты мне дал как укрытие. Пыталась уснуть, потому что ты мне не разрешил выходить из корабля. А когда вышла, он был такой!

— Но… разве ты не знаешь, что с ним? Можешь что-нибудь сделать?

— Я всего лишь г'кек, это не делает меня врачом, как не всякий дельфин — пилот. Нужно позвать на помощь!

Каа вслушивался в неровное дыхание больного квуэна. Вызывающая отвращение жидкость вытекала из всех подмышек, где расположены

нежные голосовые щели. Очевидно, бедняга задыхается.

— Мы… — Каа покачал большой серой головой. — Мы не можем этого сделать.

— Что? — Гек откинулась назад так резко, что оба ее колеса подпрыгнули. Спицы загудели, она смотрела всеми четырьмя глазами. — Мы больше не в дикости, рыбья голова. Здесь *цивилизация!* Там, за шлюзом, есть все что угодно. То, о чем мы на Джиджо читали только в книгах, вроде *больниц* или *автодоков.* Они его спасут!

Каа чувствовал гнев молодого г'кека. Понимал, как Гек привязана к товарищу. И сочувствовал ей. Но ответ мог быть только один.

— Мы не можем привлекать к себе внимания. Ты это знаешь. Если кто-нибудь заподозрит, что на борту этого корабля дельфин, его разрежут на части, чтобы добраться до меня. Придется ждать возвращения Олвина и Ур-ронн. Они могут выходить, не опасаясь привлечь внимание. А еще лучше, когда вернется Тиуг, этот алхимик сможет…

— Да на это уйдут мидуры! Ты знаешь, что у Олвина появилась подружка. Тиуг шпионит за джофурами, а Ур-ронн с каждым разом задерживается все дольше и дольше, разговаривая с

инженерами!

Таков был их план: трое действуют как разведчики и послы, разузнавая, что происходит на базе Каззкарк и в Пяти Галактиках вообще. Если возможно, они установят контакт с немногими союзниками Земли или найдут способ заплатить за перелет во Вторую Галактику. Доставляя послание Джиллиан Баскин Террагентскому Совету, они одновременно попытаются разузнать о своих видах, найти способ зарабатывать на жизнь для себя и своих друзей.

Гек права. Олвин и Ур-ронн с каждым разом задерживаются все дольше. Клешня так долго не продержится.

— Прости, — сказал Каа. — Мы не можем рисковать всем ради небольшого шанса…

— Наплевать на риск и на то, большой шанс или нет! Это не важно!

Ее глазные стебельки раскачивались и переплетались в яростном гневе. Она продолжала ругать Каа, но он знал, что должен быть тверд — ради нее даже больше, чем ради себя самого. Теперь всем г'кекам на Джиджо грозит геноцид, намеренное уничтожение разгневанными джофурами, продолжающими древнюю вендетту, и эта маленькая самка может быть единственной

надеждой целой расы. В холодильнике корабля хранится пробирка с семенной плазмой, и Гек где-нибудь в укрытии, под защитой надежных опекунов, может еще иметь потомство и возродить свой вид.

Конечно, сама Гек не о таких приключениях мечтала, но она клялась, что понимает важность своей роли. Понимала до сих пор, пока не обнаружила, что ради нее нужно отказаться и от дружбы.

Личная верность. Любовь. Эти качества должны перевешивать все другие соображения, горестно думал Каа, а Гек продолжала наскакивать на него, снова и снова требуя, чтобы он открыл дверь.

Воспитанная на земных романах, она испытывает те же чувства, что и я. Только самая плохая личность поставит прагматизм выше личной привязанности, оставит того, кто ему небезразличен, на смерть… или на нечто еще худшее… даже если с точки зрения логики это «правильно».

Так мысленно бранил себя Каа, а Гек делала это вслух, так что маленькая контрольная рубка заполнилась звуками ее воплей.

Но он не сдастся.

Так или иначе, но вскоре спорить было не о чем. Несколько дуров спустя Клешня умер.

Гек не хватало ни сил, ни воли, чтобы избавиться от тела. Пришлось этим заниматься Каа. С помощью свой установки для ходьбы он перетащил квуэна к рециклеру. Гек отвернула три глаза от этой ужасной сцены, но последний стебелек продолжал дрожа смотреть, словно оцепеневший.

Как это могло произойти? — тревожился Каа, посылая приказы через невральный клапан и заставляя установку действовать как продолжение тела. *Может, кто-то напал на корабль? Или это вызвано болезнью, о которой мы слышали… той самой, что погубила множество квуэнов на Джиджо?*

Но если это так, как мог заразиться Клешня?

Неожиданно Гек удивленно вскрикнула. Ее свистящий крик заставил Каа повернуться, оторвавшись от своего тяжелого занятия. Он посмотрел, куда она показывает, на то место палубы, где лежал Клешня.

Тут они оба увидели своего рода рисунок, отчасти закрытый ужасными выделениями. Рисунок был вырезан в металлическом полу.

— Он… он… — Гек запиналась. — Он вырезал

это зубами, когда умирал! Бедный Клешня не мог ни ходить, ни говорить, но мог еще двигать ртом, когда лежал на полу!

Каа смотрел, пораженный отчасти силой челюстей квуэна, отчасти тем мастерством, которое видно было в этом последнем действии умиравшего.

На рисунке было изображено существо, гуманоидное, но свирепое, с худыми впавшими щеками и маленьким ртом. Каа сразу узнал эту фигуру.

— *Ротен!*

Раса коварных преступников и притворщиков, создавших среди людей культ, заставивших верить, что они и были патронами земного клана и богами, которым должны поклоняться земляне.

И тут он вспомнил. Такое существо было на борту «Стремительного»! Пленник, которого тайно посадили на корабль в порту Вуфон. Повелитель ротен по имени Ро-кенн, источник множества несчастий шести рас Джиджо.

— Он спрятался где-то здесь на борту! — кричала Гек. — Оставался в укрытии, пока мы не сели, а потом вышел и убил бедного Клешню, чтобы добраться до шлюза!

Каа сразу подумал о катастрофических последствиях. Как бы он ни был умен. Ро-кенн не мог

совершить такой побег в одиночку. Ему должен был помочь кто-то на «Стремительном». Больше того, если этот ротен сейчас на Каззкарке, все их планы в опасности.

Спокойней, сказал он себе. *Ро-кенн не может обратиться к властям. Преступления, которые он совершил на Джиджо, хуже всего, что сделали сунеры.*

Да, но он может обратиться к одному из больших фанатичных кланов или союзов и попытаться продать им информацию о «Стремительном» и Джиджо. В крайнем случае сообщит другим ротенам.

— Нам нужно побыстрее связаться с Олвином и Ур-ронн, — сказал Каа. И увидел, что на этот раз Гек с ним согласна.

Но сделать это не так-то легко. Казалось, все линии связи забиты. Положение стало еще хуже, когда обрушилась вторая волна подпространственных колебаний, заставив планетоид раскачиваться, резонируя, как большой пустой колокол.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЖИЛЛИАН БАСКИН

Вселенная охвачена трагедией. Только сейчас, когда она начала распадаться, я наконец увидела ироническую и ужасающую красоту ее космического рисунка.

Как и во Фрактальном Мире, мы окружены неожиданной катастрофой, намного грандиозней, чем я могла себе представить.

Далеко под нами, вблизи плотного ядра массивной древней звезды, мы видим огромные вращающиеся обиталища в форме игол, каждое из них больше луны; они сделаны из сверхпрочного божественного вещества, способного противостоять мощным приливным напряжениям. Однако теперь мы видим, что напряжения стали слишком велики и сооружения трансцендентов сбрасывают внешние оболочки, как хрупкую кожуру, и дрожат под ударами волн; пространственные конвульсии сотрясают эту часть Четвертой Галактики.

По словам Сары и машины Нисс, это симптомы гигантского разрыва, подобного которому не было уже четверть миллиарда лет.

Разрыв еще сильнее подействовал на армаду

«кораблей-кандидатов», сопровождающих «Стремительный» и по спирали устремляющихся вниз, к домам-иглам. То, что было упорядоченной процессией, в которой в великом и замечательном союзе торжественно соединялись два порядка жизни — кислородный и водородный, — быстро распадается в хаосе и взрывах.

Так близко расположены друг к другу угловатые корабли и шары, они двигаются такими плотными упорядоченными рядами, что каждая волна гипергеометрического разрыва бросает один ряд на другой. Столкновения вызывают ослепительные взрывы, убивая бесчисленные миллионы и сбивая все новые корабли с курса.

И однако, несмотря на эти ужасные события, лишь несколько кораблей присоединились к «Стремительному» в попытке уйти, начали с трудом подниматься к выходу из лабиринта, ища относительной безопасности в глубоком космосе. Кажется, притяжение приливов не так-то легко преодолеть, когда разумные ощутили это глубочайшее наслаждение. Как звери в гонке, неудержимо стремящиеся к территории, на которой происходит спаривание и которая теперь охвачена огнем, большинство кораблей продолжает идти по курсу, все более ускоряясь

в воронке, навстречу Объятию, к которому они так страстно стремятся.

Неужели такова конечная цель разумной жизни? Веками добиваясь того, чтобы стать разумными, способными размышлять, мудрыми (и все такое), неужели все расы кончают тем, что поддаются неумолимому инстинкту? Желанию такому сильному, что они продолжают двигаться к цели, видя, как она распадается у них на глазах?

Наконец, впервые за эти три долгих года, я начинаю понимать те преследования, которые выдержал «Стремительный» — да и вся Земля тоже. Ибо наше открытие в Призрачном Флоте действительно представляет собой вызов, шокирующую ересь, которая поражает в самое сердце систему галактических верований.

Большинство галактов — и водорододышащих тоже — считают, что подлинная трансцендентность есть окончательная судьба тех, кто соединяется в Объятиях Приливов. Что-то должно ждать за этим порогом... так они считают бесчисленные века. Иначе зачем вселенной было создавать такой элегантный способ фокусирования, собирания и очищения самого лучшего в обоих порядках жизни?

Конечно, это и есть великая тропа, о которой говорили Прародители, когда уходили два миллиарда лет назад.

Но в таком случае что это за Призрачный Флот, с его загадочными символами и намеками на поразительную древнюю истину?

Где мы его нашли?

В «мелком» шаровом скоплении, тусклом и почти лишенном металлов, плывущем одиноко на самом краю Второй Галактики. В месте, таком плоском, что даже молодые расы испытывают слабое нервное отвращение. Нечто вроде ползучей агорафобии. Такие места очень редко посещаются, поскольку здесь не может быть ничего интересного ни для одного порядка жизни, даже для машин.

(В таком случае… какая догадка… какой намек… что привлекло туда Крайдайки? Направил ли он туда «Стремительный», потому что в Великой Библиотеке почти ничего не было о нем, как и о Земле?

Или было что-то еще за его решением? За выбором, который в то время казался таким странным?)

Теперь я наконец понимаю, почему наши враги — танду, соро, джофуры и все остальные — так

всполошились, когда «Стремительный» передал первые изображения Призрачного Флота… и среди прочего изображение Херби.

Если это поистине реликты великих Прародителей, запечатанные на бесчисленные эпохи в защищенных полями кораблях, что это говорит об Объятии Приливов? Неужели раса основателей, самая первая и самая мудрая, отчаянно пыталась избежать этого притяжения? Неужели Прародители спрятались в таких глубоких местах? Если это так, то они должны были знать нечто ужасное.

Возможно, они совсем по-другому представляли себе Объятие. Не как путь к трансцендентности, а как огромное устройство для избавления от ненужного мусора. Средство рециклирования, переработки этого мусора, как Большая Помойка на Джиджо.

Как природный способ избавления от старых порядков жизни, чтобы дать место новым.

Стоя в своей стеклянной витрине, Херби улыбается мне через стол. Эта странная гуманоидная улыбка мумии была моим самым близким спутником с тех пор, как исчез Том. Иногда я разговариваю с Херби.

Ну что, старина? Это и есть большая шутка?

Поняла ли я наконец, почему ты все время улыбаешься?

Или мне предстоит снять еще немало слоев?

И узнать много ужасного и удивительного?

Нелегко выводить корабль из ловушки без его лучших пилотов. Рой кораблей вокруг кажется бесконечным, он уходит далеко за пределы любой солнечной системы. Масса этих кораблей приближается к масштабам больших планет! Словно диск, окружающий новорожденную звезду и обогащающий ее материей.

Откуда пришли все эти «кандидаты»?

Может быть, такое же происходит повсюду? Во множестве мест? Даже если небольшая часть старых белых карликов служит домом для таких собраний, это означало бы миллионы подобных мест, окруженных мигрантами, готовыми войти в рай, вопреки растущему смятению, столкновениям и взрывам.

С *практической точки зрения «Стремительный» не может предпринять гиперпространственный прыжок, пока мы не освободимся от этих массивных кораблей и действия их могучих двигателей.*

Но даже если мы выберемся наверх, нас поджидает джофурский дредноут. Время от времени

мы замечаем его, он преследует нас, как упорный хищник, искалеченный и умирающий, но стремящийся во что бы то ни стало добраться до добычи. И если нам удастся добраться до открытого места, придется считаться и с этой опасностью.

Если бы только мы могли избавиться от этой смертоносной оболочки и вернуть «Стремительному» его прежнее проворство!

У Ханнеса насчет этого появилась новая идея, и он работает над ней вместе с Эмерсоном д'Аните. Это что-то связанное с большим коммуникационным лазером.

Бедняга Эмерсон пытается нам что-то объяснить — напевает мелодии и рисует картинки, но мы смогли только понять, что недавно ему удалось отразить еще одно нападение мемоидов на «Стремительный» и в ходе этого уничтожить изменницу — Тш'т.

Не могу ничего с собой поделать. Я горюю по своей подруге. О милой подруге, которая во всех предыдущих кризисах была со мной рядом. Бедная Тш'т считала, что поступает правильно, когда ищет помощи у богов.

И вот теперь еще один призрак преследует меня ночами, врываясь, как безжалостный дельфин,

в мои сны.

Большая новость в том, что машине Нисс недавно удалось совершить прорыв. Она наконец сумела получить доступ к коммуникационным сетям трансцендентов.

Как и следовало ожидать, это очень плотная и сложная система, настолько же превосходящая галактическую технологию, как ручной компьютер превосходит абаку. Она так долго оставалась недоступной, потому что только в небольших пограничных областях использует классическую электронику и фотонику. Основные расчеты совершаются на квантовом уровне в таких обширных масштабах, что могут использовать высокоспрессованные гравитационные поля.

Здесь такие поля недоступны, заметил Нисс. Даже среди игольчатых обиталищ, вращающихся над самым сердцем плотной звезды, потенциал на много порядков слабее.

Мы сталкиваемся с чем-то гораздо большим. С тем, центр чего расположен далеко отсюда.

Конечно, нам сразу пришло в голову, что это наша возможность. Наша надежда связаться с «высшими властями», как и приказал Террагентский Совет. Существа, которые предали нас во Фрактальном Мире, так называемые Древние,

подобны младенцам по сравнению с разумом, пользующимся этой сетью. Все признаки свидетельствуют, что это вершина достижений жизни.

Однако я не решаюсь просто отдать данные, полученные нами в Мелком скоплении. Слишком часто мы в прошлом разочаровывались. Возможно, трансценденты тоже испытывают тот же страх — что Объятия Приливов представляют собой смертельную ловушку.

И если им придет в голову отомстить нам, мы все равно что хомяк против боевого танка.

— Давайте сначала зададим простые вопросы, — предлагаю я. — Есть ли предложения?

Первой высказывается Сара Кулхан.

— Спросите о буйурах! Они там внизу? Стали ли буйуры трансцендентами?

В последнее время Сара одержима этой последней расой, законно обладавшей Джиджо. Расой генетических манипуляторов, которые как будто заранее знали, что сунеры вторгнутся на их планету и что наступит Время Перемен.

Даже такой простой вопрос будет трудно перевести. Возможно, так и не удастся представить матрицу таким образом, чтобы ее кто-нибудь заметил, тем более потрудился ответить, пре-

дупредил Нисс. Но я попробую.

Конечно, мы рискуем привлечь внимание еще более могущественных врагов. Но шансы все равно против нас, так что стоит попробовать.

Тем временем наш астроном дельфин Зуб'даки докладывает дурные новости относительно роя кораблей кандидатов.

Он не думает о гиперпространственных разрывах ткани реальности. Это дело Сары. Интерес Зуб'даки привлекает сам белый карлик и то огромное количество материи, которое приближается к звезде, как мусор, плавающий в бурном водовороте.

— Что будет, когда корабли достигнут цели? — спрашивает он. — Что, если они не встретятся с домами-иглами?

Что, если иглы не собираются их удерживать?

Боюсь, моя первая реакция была жесткой: зачем нам думать о судьбе толпы гигантов, несущихся к могиле, которую сами выбрали? Как у муравьев, наш долг сбежать. Выжить.

Но я все же собираюсь выслушать, что он скажет.

Какая разница, если прибавится еще одно основание для тревоги? Я давно перестала считать их.

ЛАРК

Соединение оказалось необычным, радостным и нервным.

Ларк давно мечтал об этом — о встрече с возлюбленной — и теперь смотрел на Линг через пропасть, гораздо более широкую, чем несколько разделяющих их метров.

Линг плавала в пузырящемся вареве, в густом рое дергающихся, пульсирующих предметов, которые неторопливо двигались за большой прозрачной мембраной — в раздувшейся массе, которая заполняет большую часть просторного помещения и через несколько коридоров уходит в другие районы корабля.

Вдобавок к человеческой фигуре Линг Ларк заметил по крайней мере одну дергающуюся личинку квуэна и несколько видов животных с Джиджо и других планет. Он узнал множество колец треки и бесчисленные извивающиеся зеленые штуки, которые некогда были растениями.

В кипящей похлебке жизни плавали и пузыри, подергиваясь, как амебы или желатиновые воздушные шары. И хотя цвет и текстура этих пузырей не походят на ту оболочку занга, кото-

рая окружает самого Ларка, он видел, что они родственники.

Несмотря на семейное сходство, его пассажир очень нервно реагировал на появление «родственников». Занг пытался заставить его бежать. Но Ларк был непреклонен, заставляя неповинующиеся ноги нести его к Линг.

Ее обнаженное тело было облеплено многочисленными пульсирующими существами. *Симбионты,* подумал Ларк. Несколько таких существ закрывали рот и нос Линг, другие соединялись непосредственно с кровеносной системой. Несколько недель назад такое зрелище вызвало бы у него мурашки на спине, но теперь эта концепция была ему знакома и привычна, как дыхание. Просто более продвинутая версия системы, соединяющей его с зангом.

Приближаясь, он ловил взгляд Линг, пытаясь вступить с ней в контакт. Может быть, эта огромная клетка просто включила ее в себя ради какой-то грубой биохимической цели, как *органеллу,* чтобы служить общей цели? Или она сохраняет внутри свою сущность?

Пассажир Ларка протянул к его левому глазу псевдопод и образовал вакуолю в поле его зрения. Внутри этого маленького пространства прыгали

и вращались сотни «представителей», передавая Ларку предложение, смысл которого сводился к необходимости побыстрее убираться отсюда.

— Перестань ныть, трус, — с отвращением ответил Ларк. — На Джиджо мы узнали, что старых врагов можно превращать в друзей. К тому же чем иным ты можешь предложить заняться?

Каким-то образом он был понят, занг убрал «представителей», втянув их в свое тело.

И действительно, невозможно вернуться на базу этого существа на другой стороне корабля. Между ними обширное дикое пространство. «Полкджи» теперь кишит разными тварями, ползающими по коридорам, прогрызающими стены, преобразуя их в гротескные фигуры и чуждые формы. Пока жизненно необходимые системы остаются целыми. Они все еще под контролем уцелевших джофуров, сообщения которых становятся все более паническими, но кто знает, сколько еще они продержатся?

Он почувствовал, что к нему приближается что-то большое. Третий член их группы.

— Ты прав, Ларк, — произнесла груда блестящих колец; она дрожала: это кольца-компоненты продолжали спорить друг с другом.

— Это огромное макросущество как будто

должно расширяться, пока не заполнит весь «Полкджи». Мы должны бежать, но куда? Путь привел нас сюда. Наша/моя/твоя/наша судьба явно здесь. Давай узнаем, что ему нужно. Каковы его цели. Чего оно здесь добивается.

Ларк увидел внутри желатинообразной массы признаки перемены. Глаза Линг, казавшиеся безнадежно пустыми, начали проясняться, и постепенно ее взгляд сфокусировался на разделяющей их мембране.

И сразу в нем мелькнул огонь узнавания! Хотя рот ее был прикрыт симбионтом, невозможно было не узнать улыбку. Линг протянула вперед руки. Обрадовалась его появлению. Приветствовала его.

— Что ж, посмотри на хорошую сторону, — заметил Ларк, хотя его пассажир занг дрожал в страхе и покорности. — Кажется, здесь интересно. Может, кое-что и узнаем, а?

Когда они приблизились, гигантская мембрана не пыталась схватить их. Напротив, она слегка отшатнулась, потом словно осторожно принюхалась, как будто поддаваясь на уговоры. Ларк протянул руку, потрогал ее поверхность. Поверхность прохладная, но прикосновение к ней приятно и каким-то непонятным образом

возбуждает.

И тут он принял решение. Образовалась вмятина, в форме туннеля или входа.

Ларк не колебался. Он шагнул вперед, к своей любимой.

Кажется, инстинкт не подвел его. Было что-то глубоко естественное в этом слиянии.

Теоретически водородный и кислородный порядки несовместимы, у них разный химизм, различная энергетика, и существуют они в совершенно разных температурных пределах. Но жизнь хорошо умеет решать сложные проблемы. Симбиоз позволяет двум и большему числу организмов объединять свои способности и совершать то, что не под силу одному. Так произошло, когда первые клетки соединились в земных океанах, образовав союзы, более жизнеспособные, чем отдельные составляющие их части.

Ларк вскоре привык к мысли, что такое же могло происходить и на более высоком уровне, особенно под руководством дальновидного разума.

Во всяком случае, когда его окружил рой этих «органелл», он думал только об одной из них, чья ласка заставила его почувствовать себя как дома в этом необычном месте — лучше, чем он

чувствовал себя в своей постели на Джиджо.

Я рад, что мы по-прежнему функционируем на тех уровнях, которые только и имеют значение, заметил он.

Линг свернулась рядом с ним, делая максимальным контакт их плавающих тел. Ответ ее пришел не как звук, но непосредственно, словно переданный жидким окружением.

Типично мужское отношение. Если сексуальные органы удовлетворены, все остальное не имеет значения.

Он мигнул.

А твои разве нет?

Она ответила сладострастным потягиванием, очевидно, вполне удовлетворенная. Ее кожа все еще дрожала в ритме их напряженного занятия любовью.

Часть Ларка — не знающая покоя мысль — думала, как макросущество может воспользоваться сексуальными страстями людей. Конечно, он был благодарен за эту новую фазу существования. Но уж если начал мыслить, не мог остановиться.

А что случилось с Ранном? — спросил он.

Это еще один человек на борту, тот самый воин-даник, который поставил свои способности на службу джофурам. Ларк не мог расслабиться,

зная, что где-то поблизости враг.

Не тревожься из-за Ранна. Он больше нам не помешает.

Когда он посмотрел на нее, Линг пожала плечами, подняв облачко пузырей.

Он тоже поглощен. Матери не понравился его вкус. Но она не тратит зря хороший материал, поэтому поручила ему другую работу. Недавно я видела несколько органов Ранна — ногу и легкое, мне кажется, — инкорпорированные в какую-то органеллу.

Ларк содрогнулся, испытывая благодарность, что он показался макросуществу «вкусным».

Ты называешь его матерью?

Она кивнула, потому что не было необходимости объяснять. Это название столь же подходит, как и всякое другое. Хотя, очевидно, аспектами его природы были доброта и желание кормить. Но были и жестко прагматические аспекты.

Ларк почувствовал, что занг, его прежний компаньон, который теперь плавал рядом в виде отдельного шара, с ним согласен. Теперь их соединяла только узкая трубка, присоединенная к левому боку Ларка, но даже она может скоро раствориться, когда они привыкнут к своим различным ролям в этом новом мире. Занг все

еще испытывал неуверенность, хотя можно было бы ожидать, что он будет привычней себя чувствовать в этом мире плавающих форм, где пузырчатые представители скользили взад и вперед, создавая разнообразные яркие модели.

На удалении в туманной дымке виднелось еще одно существо, которое успело приспособиться. Груда восковых колец треки, та, что когда-то была Асксом, потом джофуром по имени Эваскс, стояла на полу, окруженная пузырями, мембранами и ползающими симбионтами. Судя по пробегающим по его бокам разноцветным волнам, Ларк мог судить, что это существо наслаждается так, как никогда в жизни. Что может быть естественней для треки, чем стать частью чего-то большего и гораздо более сложного, частью составного существа, в котором каждому кольцу, каждой частице отводится особая роль?

Ларк по-прежнему гадал, как это все организовано. Существует ли общий контролирующий разум вроде джофурского мастер-кольца? Или у каждого компонента есть право голоса? Обе модели симбиоза существуют в природе… и в политике.

У него было ощущение, что такие подробности предстоит еще выработать. «Мать» еще не приня-

ла окончательную форму.

Пошли, потащила его Линг за руку. *Я хочу кое-что показать тебе.*

Ларку потребовалось немного времени, чтобы привыкнуть к передвижениям в новой среде. По большей части это были движения, похожие на плавание, хотя в некоторых местах среда становилась настолько плотной, что ноги их касались пола, позволяя использовать более присущий человеку способ — ходьбу. Но между берегом и морем не было четкой границы. Все смешивалось, как мысли, которые у него с Линг стали общими.

Ведя его за собой, Линг наконец указала на пучок щупалец, исходящий от одной точки. Щупальца извивались и переплетались. Многие были соединены с дергающимися фигурами — Ларк видел еще одну личинку квуэна, несколько колец треки… и фигуру, похожую на кентавроподобного ура, свернувшегося в позе зародыша и окруженного чем-то вроде зародышевого мешка. Эту фигуру он не узнал, хотя помнил, что «образцы» уров были захвачены джофурами на Джиджо. Бока ура равномерно вздымались, он спокойно дышал, и Ларк увидел в его трех глазах сознание.

Были и другие кислородные существа. Некото-

рых он узнавал по рисункам из бумажных книг, которые просматривал когда-то дома в архивах Библоса, другие были ему незнакомы. Все были облеплены симбионтами и связаны с шарами зангами и другими. Самое странное заключалось в том, что никто как будто против этого не возражал.

Здесь мать подключается к информационной сети, объяснила Линг, показывая то место, из которого исходили щупальца. Всмотревшись в полутьму, Линг узнал панель одного из главных компьютеров «Полкджи».

Линг взяла три щупальца и протянула одно из них Ларку, второе — зангу.

Посмотрим, что происходит снаружи.

Необычный способ получения информации. Отчасти невральный, отчасти визуальный, он также подключал части мозга, с которыми у Ларка связано воображение; при этом возникающие картины создавали то же впечатление, какое бывает у мечтаний.

Это имело смысл. Для всех водородных существ мышление — это процесс моделирования, они заставляют меньшие части своих тел играть определенные роли и разрабатывать сценарий, доводя его до логического завершения. С помо-

щью Занга, у которого уже был в этом опыт, Ларк вскоре научился воспринимать мир так, словно он и есть объект внимания.

Я «Полкджи»… прежде гордый боевой корабль высокомерного племени джофуров.

Теперь я разделен на множество частей. Мой джофурский экипаж, доблестный, но смятенный, изолирован в районах, которые считает самыми важными… в машинном отделении, в оружейных помещениях и в системе жизнеобеспечения.

Под руководством целеустремленных мастер-колец джофуры готовятся дать последний бой ненавистным захватчикам… и в то же время продолжают преследовать добычу. Гонятся за земным кораблем, даже если это преследование приведет их в ад или в рай.

Ларк испытал прилив необычных чувств — невольное уважение к неустрашимым джофурам. Способность выжить в катастрофах, одной за другой, показывала, почему их племя приобрело такое влияние среди энергичных и воинственных звездных кислородных кланов. То, что они хотя бы ненадолго могли сопротивляться силам, гораздо более древним и мудрым, чем они сами, было впечатляющим достижением.

Тем не менее Ларк надеялся, что они вскоре

потерпят поражение.

Линг руководила им, осторожно обратив внимание на то, что происходит за измятым корпусом.

Ларк на мгновение содрогнулся от неожиданных впечатлений, он словно попал в центр гигантского торнадо!

Их окружал колоссальный циклон, вертящийся рой массивных объектов; сверкая и взрываясь, эти объекты спускались в воронку, ведущую к тусклому белому пламени маленькой звезды.

Ларк вскоре обнаружил, что база его знаний больше не ограничена сведениями, полученными примитивным образованием джиджоанского сунера, захолустного биолога, выросшего на бумажных книгах. Требовалось лишь легкое усилие воли, чтобы проникнуть в сознание Линг и уловить факты, корреляции, гипотезы, которые позволяют объяснить увиденное. А помимо Линг, в его распоряжении и другие архивы, менее знакомые, но столь же доступные.

Неожиданно Ларк рванулся вперед, к этому гигантскому циклону спускающихся космических кораблей, и отождествил себя с ними.

Я рой кандидатов, миграция избранных, отобранных из отставников обеих цивилизаций

— кислородо— и водорододышащей.

Отобранных, чтобы наконец объединиться.

Уставших от бесцельной борьбы и трудностей плоского пространства и реального времени.

Завлеченных и соблазненных обманчивым очарованием Объятия Приливов.

Вполне осознающих катастрофические разрывы, происходящие в Пяти Галактиках.

Понимающих, какие опасности ждут впереди.

Тем не менее я устремляюсь внутрь. Соединяюсь со множеством подъединиц. Создаю уникальное единство из того, что было только перспективным сырьем. Интегрирую то лучшее, что есть у кислородных и водородных существ.

Надеюсь на то, что ждет впереди, и гадаю о нем…

Теперь Ларк видел весь контекст, в который был включен «Полкджи». Это часть гораздо более обширного процесса. Такое же слияние жизненных форм должно происходить в миллионах кораблей… только, может быть, более мирно, с меньшим сопротивлением со стороны экипажа, который гораздо лучше подготовлен к этому, чем бедные джофуры.

И тем не менее невольно Ларк улавливал оттенки отчаяния и тревоги. Это величественное

собрание кандидатов в трансцендентность должно быть спокойным и упорядоченным. А вместо этого с каждым проходящим дуром становилось все более тревожным и разорванным. Искры, которые раньше казались такими веселыми, на самом деле ужасные взрывы. Среди кораблей все быстрее распространяется насильственная смерть.

И снова Линг показала, и сознание Ларка последовало этому указанию. Их объединенное внимание устремилось *вниз,* к источнику тяготения и света, где вокруг плотной звезды вращались бесчисленные изящные обиталища.

По видимости, эти жилища-иглы тоже испытывали сильное напряжение. На глазах у Ларка и Линг отламывались куски, больше горы, и растворялись под давлением притяжения.

И все же Ларк не испытывал боли, тревоги или ощущения опасности.

Неудивительно! — сообразил он. *Эти иглы совсем не жилища. Это врата в другое место!*

Линг кивнула.

Если подумать, то это было вполне предсказуемо.

Ларк устремил свое сознание, словно нападающего ястреба, к одному из растворяющихся

сооружений, длинному и узкому, похожему на копье. Хотя от него отламывались куски внешней оболочки, сорванные гиперволнами хаотичных колебаний, Ларк откуда-то знал, что эти части не имеют значения. Всего лишь временные жилища и поддерживающие структуры. И когда они отрывались, обнажалось центральное ядро, сверкающее так, что больно смотреть.

Его воображение-сознание появилось как раз в тот момент, когда один из «кандидатов» — полностью преобразованное соединение угловатого корабля и корабля-шара — закончил свой длинный спуск по спирали и быстро приближался к игле, минуя языки плазменного пламени от белой звезды. Огромный гибридный корабль, в котором теперь полностью слились водородная и кислородная цивилизации, падал в раскрытые врата, все более ускоряясь, словно захваченный каким-то сильным полем тяготения.

Неожиданно корабль как будто скользнул в сторону, в узкий разрез в пространстве-времени.

Этот разрез оставался открытым всего несколько мгновений. Но Ларку этого было достаточно, чтобы заглянуть внутрь.

Первым впечатлением внутри была плотная вращающаяся тьма. Темный шар, на поверхно-

сти которого мелькали отдельные крошечные вспышки. Ларк каким-то образом ощущал, как сворачивается вакуум, как пространство оборачивается вокруг этого шара, как искажаются созвездия, лежащие за ним.

Это нейтронная звезда, заметила Линг. *Она давно уже истратила все свое горючее. И теперь сжалась до размеров гораздо меньше белого карлика — меньше десяти километров в диаметре! Гравитационное притяжение под ее поверхностью так велико, что атомные ядра смешиваются с окружающими их облаками электронов, образуя «дегенеративную материю».*

Искры, которые ты видишь, — это вспышки гамма-лучей, для нашего удобства сделанные видимыми. Каждая вспышка представляет собой зерно размером, вероятно, с бактерию, которое разогналось почти до скорости света, прежде чем коснуться поверхности.

В любой галактике полмиллиарда подобных плотных реликтов… и примерно каждые тридцать лет возникает новый. Но лишь немногие нейтронные звезды обладают свойствами, подходящими для трансцендентного порядка. Звезды, которые хорошо себя ведут. Вращаются быстро, но обладают несильным магнитным полем.

Ларк преодолел свое удивление.

Как может растущее стремление к приливам быть удовлетворено простым белым карликом? Конечно, они перемещаются к местам, где поля еще сильней.

Итак, мириады кораблей кандидатов, окружающие «Полкджи», только проходят внутрь! Они используют белый карлик как место встречи, где можно соединиться и преобразоваться, подготовиться к следующей фазе.

Когда в следующий раз открылся разрез в пространстве-времени, Ларк снова бросил в него свою мысль, понесся на несущей волне обширной информационной системы, словно морская блоха на вершине цунами. Он хотел узнать, какова жизнь, устроенная для себя трансцендентными существами в таком месте.

Нейтронную звезду, словно густая дымка, окутывал туман, касаясь самой ее поверхности.

Обиталища, определила Линг.

Ларк пытался присмотреться внимательней, но мешала огромная скорость, с какой эти объекты вращались над гладкой темной поверхностью. Каждый оборот занимал ничтожную долю секунды, гравитационные поля здесь такой напряженности, что разорвали бы любой объект

размером больше нескольких метров.

И хоть сознание его обострено материю, существуют пределы восприятия органического мозга.

Но… мысленно он запинался. *Когда водородная и кислородная жизнь смешиваются, в результате все равно органическое вещество… основанное на воде. Организмы с жидким химизмом. Как такие существа могут выжить там внизу?*

И словно его вопрос послужил приказом, их внимание устремилось наружу, в окружающее пространство, дальше от нейтронной звезды, где теперь можно было разглядеть невероятную толпу темных веретенообразных объектов, расположенных ровными рядами.

Ларк чувствовал присутствие *металла,* эти металлические создания ждут своей очереди в том терпеливом молчании, которое может родиться только в обширных глубинах межзвездного вакуума.

Неожиданно он понял.

Машины!

Прибыл третий порядок жизни. Отвечая на какой-то непреодолимый зов, лучшие и высшие представители этого порядка собрались, чтобы участвовать в новом единстве.

В новом типе брака.

В пространстве появилась узкая щель, открывая вход от места сбора у белого карлика. И снова с неба спустился объединенный корабль, принеся груз слившихся жизненных форм.

И с ним объединились несколько десятков поджидающих машин, создав кокон ослепительно яркого света.

Никакого сопротивления не было. Расширившееся эмпатическое восприятие Ларка не улавливало ни страха, ни покорности. Только готовность к преобразованию.

Биолог в нем восхищался элегантностью и естественностью этого процесса, хотя отдельные подробности оставались непонятными и расплывались даже в его обостренном восприятии.

Мгновенно в блеске яркого огня все преобразилось. И было поглощено.

То, что выпало из этой вспышки, казалось всего лишь дождем искр, которые быстро устремились навстречу сжатию — навстречу горячему объятию — гравитационных полей нейтронной звезды.

Голова у Ларка кружилась в благоговении. Он вернулся в реальный мир, привлеченный взглядом Линг.

Это оно и есть? Здесь все достигает вершины? Здесь сливаются кислородные, водородные и машинные существа и устремляются к плотному черному солнцу, чтобы пребывать там вечно?

Линг покачала головой.

Глубже я не смогла проникнуть. Но, рассуждая логически, я прихожу к другому выводу.

Подумай об этом, Ларк. Три порядка жизни слились. Эти три известны как самые свирепые. Умеющие лучше всех манипулировать материей и энергией. По крайней мере теперь мы знаем, почему они оказались способными так долго сосуществовать… ведь у них общая цель, и ни один не может достичь ее без других.

Но существуют и другие порядки. Больше жизненных стилей разумных существ, чем только три! Например, квантовые существа и метамемо. И еще ходят слухи о таких порядках, которые не упоминаются в Великой Библиотеке. Простая логика — и эстетика — заставляют предположить, что этот процесс должен быть продолжен. К нему должны присоединиться и другие. На каком-то другом уровне, помимо того, который мы только что видели.

Ларк мигнул.

Еще какой-то уровень? Но что может нахо-

диться дальше…

И сразу понял.

Разделяя его понимание, маленький занг по соседству выделил отвратительно пахнущие испарения — эквивалент отчаянного вопля — и съежился. Но Ларк только кивнул.

Ты говоришь о черных дырах.

Непрошеный поток информации ворвался в его сознание, открывая множество типов «дыр», неведомых науке, — мест, где плотность материи превышает порог возврата, где тяготение становится настолько сильным, что не выпускает ни свет, ни любую другую информацию. Только немногие сингулярности подходят для целей, описанных Линг. Только небольшие, массой в несколько десятков типичных звезд. Бездонные колодцы, на крутых склонах которых возможны наиболее сильные приливы… и где само время почти останавливается.

В таких узких зонах, за пределом горизонта событий черной дыры, различия между материей и энергией стираются. Причинность нарушается, уходя из-под власти Ифни. При правильных условиях здесь могут слиться все порядки жизни, создавая варево чистого разума. Разума в его наиболее чистой форме.

Если все срабатывает.

Ты права, это логично и эстетично. Даже прекрасно в своем роде.

Но у меня есть вопрос, Линг.

Каково наше место в этой грандиозной схеме?

Я имею в виду тебя и меня!

Все эти существа в окружающих нас кораблях могут быть готовы к такой судьбе… если, конечно, выдержат напряжения при переходе на новый уровень. В конце концов они ведь провели века, очищая душу, готовясь к такой трансформации.

Но мы с тобой оказались здесь случайно! Просто мы были в неправильном месте в неподходящее время. Нам здесь не место!

Линг вложила свою руку в его, и Ларк ощутил в глубине сознания ее теплую улыбку.

Тебе не нравится наше новое гнездо, любимый?

Он сжал ее руку в ответ.

Ты знаешь, что нравится. Просто трудно посмотреть вперед, на новую ступень, слиться с каким-нибудь звездно-компьютерным механоидом, потом сжаться до размеров горошины и наконец…

Она легким мысленным прикосновением остановила его, это успокаивающее прикосновение прогнало зарождающуюся панику.

Все в порядке, Ларк. Не волнуйся.

Сильно сомневаюсь, чтобы мы продолжали идти дальше по этой тропе.

Тем более что у джофуров найдется что сказать по этому поводу.

САРА

Полученный ответ не помог Саре перестать тревожиться. Поблизости вращалась голограмма Нисса, и девушка наморщила сосредоточенно лоб.

— Черт побери! Я надеялась узнать, что ублюдки стали трансцендентами.

В голосе компьютера прозвучало удивление. *Могу ли я спросить, почему вас тревожит судьба какой-либо определенной старшей расы?* Сара нахмурилась еще сильней.

— Буйуры — это не любая раса. Когда им принадлежала лицензия на Джиджо, они прославились своим умом и изобретательностью. Можно сказать, что они были тимбрими своего времени, только их манипулирование политикой и влиянием, их игры были гораздо тоньше… и у них была способность заглядывать гораздо дальше, чем нужно просто для хорошего розыгрыша.

От имени моих тимбримийских создателей спасибо за комплимент, саркастически ответил Нисс. Но Сара научилась не обращать внимания на разыгрываемые машиной проявления различного настроения: все это заложено сознательно,

чтобы раздражать людей. Ее действительно интересовала раса шутников, которые вполне могли пошутить так, чтобы последствия сказались через миллион лет. Этих терпеливых шутников, жертвами розыгрышей которых мог стать и ее народ — шесть рас Общины Джиджо.

— Ты уверен, что трансценденты тщательно ведут записи? — спросила она. — Может, буйуры проходили через другой белый карлик, другую воронку смешения, когда переходили на иной уровень?

Вы не понимаете природу квантовых расчетов, сухо заметил Нисс. *Каждая часть трансцендентной сети находится в постоянном контакте со всеми другими частями. Для них не существует различий в пространстве и даже во времени. Любой трансцендент знает все, что знают остальные. Мы говорим о том, что ближе всего напоминает человеческое представление о Всезнающем Боге… по эту сторону пункта Омега.*

Сара хмыкнула и заговорила с характерным акцентом деревенских фермеров Джиджо:

— До сих пор я видела с десяток уровней так называемых звездных богов, и ни один из них не произвел на меня впечатления. Как бы высоко ни поднималась жизнь, похоже, ее повсюду со-

провождает мелочность.

Такая молодая и такая циничная, вздохнул Нисс. *Но, во всяком случае, вопрос, направленный вами в сеть, получил ответ. Трансценденты не лгут, мы можем быть уверены, что буйуры еще не присоединились к ним.*

Новость рассердила Сару. Казалось, она нашла решение проблемы, которая в последнее время все больше ее занимала. Чем глубже она погружалась в уравнения, моделируя конвульсии, от которых содрогается сейчас космос, тем яснее ей становился один факт.

Математика слишком элегантна, слишком прекрасна, чтобы все галактическое общество упустило из виду эти корреляции. Каким бы ограниченным и ленивым ни было большинство, обязательно найдется кто-нибудь, кто придет к аналогичным заключениям. К такому же способу заглянуть за жалюзи.

И всякий, кто проделал бы это, разорвал бы покров тайны и заранее знал о приближающемся пространственно-временном кризисе. О наступлении времени, когда все гиперпространственные тропы изменятся и воцарится хаос.

Все больше фактов убеждало Сару, что буйуры должны были знать это. И они планировали

будущее так, чтобы сунеры оказались в системе Джиджо после того, как Четвертая Галактика будет объявлена невозделанной и подвергнется эвакуации. Выход из строя одного из двух пунктов перехода, вспышка Измунути и создание тем самым отличной воронки для тех видов, которые попадут в ловушку, — это все их рук дело.

Есть и еще много других совпадений, размышляла *Сара. Например, почему все группы скваттеров поселились на Склоне, вопреки своему воинственному характеру. Предполагается, что так произошло из-за Священных Свитков, но я полагаю, что действовали другие силы.*

Яйцо. Оно незаметно действовало на наших предков, еще за два тысячелетия до того, как вышло из земли.

Но зачем останавливаться на этом? Не могли ли буйуры выбрать нужные расы, направить их крадущиеся корабли на Джиджо, чтобы получилась нужная смесь?

Например, не подействовали ли они таким образом, чтобы джофуры начали безжалостно истреблять г'кеков, что заставило остатки этой некогда счастливой, процветающей звездной расы бежать, искать убежища за мрачным, немигающим глазом Измунути? И не они ли осво-

бодили некоторых джофуров от мастер-колец и создали преображенных треки, которые вынуждены были бежать на Джиджо и подружиться с г'кеками?

Когда поверишь в теорию заговора, начинаешь всюду видеть совпадения, каждое из них становится новым доказательством — и тогда возникают новые предположения. Например, можно винить буйуров во всем, что произошло с

Землей за последние несколько тысяч лет. Потому что тьма, невежество, боль и изоляция помогли человечеству стать тем, чем оно сейчас является, и со временем заставили направить крадущиеся корабли в дальние уголки космоса. Направить спасательные корабли, такие как «Обитель», в надежде сохранить образцы человечества в надвигающейся катастрофе.

Неужели все это организовали буйуры, чтобы получить нужные ингредиенты своего шедевра на Джиджо?

Сара покачала головой. Если продолжить эту теорию, довести ее до пункта, который невозможно доказать, кончится это паранойей.

Прослушивая сеть трансцендентов, мы узнали кое-что еще, объяснил Нисс. *Вблизи окраин Солнечной системы происходит титаническая*

битва звездных флотов. Даже усиленная недавно появившимися смелыми союзниками, оборона Земли на грани катастрофы. Вскоре дорога перед фанатиками будет открыта.

И когда они захватят голубой дом вашей расы, Сара, будет нереалистично надеяться на пощаду.

Пока Сара искала ответы, продолжались попытки спастись.

Покрытый «волшебной» оболочкой, «Стремительный» потерял скорость. За рулем не было Счастливчика Каа, и Акеакемаи и другие дельфины с трудом медленно уводили корабль наверх, подальше от звезды белого карлика.

Вокруг них теснилась величайшая транспортная пробка всех времен, водоворот постоянных столкновений на огромной скорости, приправленный остатками мощных взрывов. Большинство кандидатов старались сохранить курс, упорно, вопреки столкновениям и волнам хаоса, опускаясь по спирали, некоторое количество кораблей, как и «Стремительный», пыталось уйти. Их было достаточно, чтобы нарушить ряды и уничтожить всякие остатки порядка. Чтобы пройти через такой водоворот, нужно нечто большее, чем благосклонность Ифни. Нужно настоящее чудо.

Но даже если земному кораблю удастся выйти в открытый космос, придется считаться с поджидающими джофурами. И остается прежняя проблема — надо найти во вселенной безопасное убежище.

Через все ситуационное помещение Сара посмотрела на Джиллиан Баскин. Старшая женщина разговаривала с гладкой сине-серой фигурой, которая находилась за прозрачной перегородкой, в той части помещения, которое заполнено водой. Это был дельфин астроном Зуб'даки, он что-то объяснял на англике, но таким высоким тоном, что Сара не могла его услышать. Однако судя по тому, как опустила плечи Джиллиан, новости плохие. Лицо у нее побледнело и осунулось.

Возможно, это наши последние мгновения, подумала Сара. *Мне следовало провести их с Эмерсоном, а не тонуть в теориях древних преступлений и космических катастроф, с которым все равно никто ничего не может сделать.*

Увы, Эмерсона нет поблизости. Вопреки своей инвалидности, инженер с поврежденным мозгом распоряжался всеми техниками, которых смог ему выделить Ханнес Суэсси. Они отказались от попыток снять опасную оболочку «Стремительного» и теперь работали с коммуникационным

лазером. Хотя идея Эмерсона по-прежнему была непонятна большинству членов экипажа, Джиллиан одобрила проект — отчасти для того, чтобы персонал, не находящийся на дежурстве, имел чем заняться и о чем подумать.

Хотела бы я иметь такое же убежище… способ оставаться занятой, делая вид, что это важно. Но единственная знакомая мне технология — это изготовление бумаги. Я знаю, как пользоваться примитивными расплющивающими молотами и получать энергию от маленькой водяной мельницы Нело. Я всего лишь шаман, способный произносить заклинания. Я владею только примитивным земным искусством расчетов.

Подошла с несколькими листами бумаги Прити. На бумаге гиперпространственные нити, искаженные и растянувшиеся почти до разрыва. Чувствуя настроение хозяйки, маленькая помощница-шимпанзе отложила бумаги в сторону и забралась к Саре на колени.

Дорогая милая Прити, думала Сара, поглаживая обезьяну. *Ты немая, а земные шимпы уже умеют говорить и управлять космическими кораблями. Но как мне хотелось бы вытащить тебя отсюда. Если бы нам удалось добраться до*

Земли, ты бы там всех поразила.

Продолжая разговор с Зуб'даки, Джиллиан быстрыми движениями руки вызывала голографические изображения других дельфинов, среди них Акеакемаи и главного астрогатора Олело; те слушали несколько мгновений и начинали возражать так громко, что Сара уловила несколько отрывков на смешанном тринари-англике.

— …мы движемся настолько быстро, насколько в данных обстоятельствах позволяет благоразумие. Было бы безрассудно и опрометчиво бросаться вперед в этой сумятице.

Сара не слышала ответа доктора Баскин, но он произвел сильное впечатление на Акеакемаи, у которого глаза выпучились в почти человеческом выражении удивления. Раздражение сменило вечную «улыбку», которая как будто постоянно свойственна неодельфинам.

Сара осторожно сняла Прити с колен и опустила на палубу. Потом встала и направилась к разговаривающим, чувствуя, как с каждым проходящим дуром растет напряжение.

— Н-н-но, — заикался Акеакемаи. — А как же трансценденты? Они никогда не позволят, чтобы такое произошло!

Что произошло? — удивилась приближающая-

ся к говорящим Сара.

Неожиданно появилась голограмма машины Нисс, завертелась в воздухе рядом с Джиллиан Баскин.

У меня плохие новости, объявила она. *Врата закрылись. Больше ни один кандидат в них не принимается.*

— Я этого боялась, — сказала Джиллиан. — Разрывы пространства вывели из строя их механизм. Теперь кораблям остается только собираться у поверхности белого карлика.

Это уже происходит. Все большее количество кораблей-кандидатов завершает трансформацию и выходит на низкую тесную орбиту. Однако… Голограмма изогнулась и наклонилась. *Насчет врат вы ошибаетесь. Они не потеряли способность функционировать. Да, они больше не посылают кандидатов в следующее царство. Но это происходит потому, что теперь у них другая задача.*

— Покажи нам! — потребовала Сара, хотя отдать приказ должна была Джиллиан. Но та кивнула, и появилось многомерное изображение. Все объекты были представлены в логарифмической шкале, что позволило видеть события в подробностях.

Внизу, у белого карлика, огромные корабли толпились, как стадо встревоженных животных, их орбиты все больше приближались к яркому пламени. На глазах у Сары подлетали новые корабли, и диск, окружающий звезду, становился все плотнее и шире. Каждый вновь прибывший пытался пройти на другой уровень. В сказочное место, к какой-нибудь далекой нейтронной звезде, где можно снова пройти трансформацию и вернуться в объятия могучих приливов.

Но проходы туда исчезли! Только что игольчатые сооружения деловито направляли кандидатов к цели. Но теперь все они оставили свои позиции; можно было увидеть, как они медленно уходят вверх, предоставив опоздавших их судьбе!

Врата ослепительно и многоцветно сверкали, напомнив Саре Спектральный Поток — пустыню пси-активного камня дома на Джиджо, где одного взгляда достаточно, чтобы помутилось сознание. Постоянно поднимаясь, каждая игла прокладывала тропу в рое спускающихся кораблей, заставляя их лихорадочно маневрировать, чтобы освободить дорогу; за иглами воцарялось смятение. Даже те остатки порядка, которые сохранялись в этом рое пилигримов, быстро ис-

чезали. За каждой гигантской иглой следовала цепочка взрывов, похожих на фосфоресцирующие диатомы, кипящие в темном море, когда их преследует хищник.

— И одна из этих штук идет почти прямо на нас! — воскликнул астроном.

Джиллиан отдала резкий приказ.

— Выводите нас отсюда, и к дьяволу благоразумие! Максимальная скорость!

Акеакемаи ответил подчеркнутым шлепком хвоста.

Слушаюсь!

Почти сразу двигатели «Стремительного» напряженно взревели. Сара чувствовала под ногами зловещую дрожь и необычное напряжение в спине: это силовые поля пытались компенсировать увеличившуюся нагрузку.

— Вы, конечно, понимаете, что это напрасно, — заметил Зуб'даки. — Даже если сумеем избежать столкновений и уйдем от джофуров, все равно ничего не получится. Чтобы спастись от предстоящей катастрофы, «Стремительному» нужно находиться в нескольких световых годах отсюда.

— О чем ты говоришь? — спросила Сара. — Какая катастрофа?

Но прежде чем астроном дельфин смог отве-

тить, она ахнула и сделала шаг назад.

На голографическом изображении было видно, как одни огромные копьеобразные врата быстро поднимаются, оставляя за собой хаос. Казалось, они пройдут совсем рядом. В столкновениях и взрывах гибли триллионы, а «врата» безмятежно двигались вперед и вверх.

Но только на этот раз Сара увидела…

— Они стреляют по кораблям!

Действительно, по-видимому, иглообразный объект не удовлетворялся катастрофой, которая оставалась за ним. Поднимаясь, он нацеливал мощные лучи, словно жестокие сверкающие колесницы, в соседние корабли.

И это не аномалия. Так же вели себя все остальные иглы, уходя от белого карлика.

Сара почувствовала, как Прити взяла ее за правую руку. Ошеломленная этой оргией разрушения, намного более кровавой и опустошительной, чем то, что произошло во Фрактальном Мире, она могла только смотреть и дивиться.

Хотела бы я, чтобы Эмерсон был рядом и мы вместе встретили бы конец.

И прежде чем их настигла волна взрывов и детонации, прежде чем сверкающее чудовище направило к «Стремительному» ослепительные

лучи света, в голову Саре смогла прийти еще только одна мысль.

Простите меня… но Боже… как это прекрасно!

ДНЕВНИК ОЛВИНА

Как мне выразить радость, которую я испытываю? Или печаль, которая одновременно пронзает мою напряженную пульсирующую спину?

Иногда жизнь кажется слишком ироничной. Вселенная вокруг нас может раскалываться. А я благословляю удачу Ифни: ведь она позволила мне найти любовь и теплый прием среди своих. А тем временем бедный Клешня — ведь это его идея послужила началом приключений, которые привели нас сюда, — встретил безвременную смерть на самом пороге цивилизации — просто потому, что оказался в неподходящее время в неправильном месте.

Разведчик-майор Хармс хотел обратиться в полицию, чтобы отыскать убийцу, но пилот Каа просил его не делать этого. Расследование покончило бы с нашим укрытием, открыло бы всем присутствие на Каззкарке дельфина и сунеров. Прежде всего следует защитить Гек как единственного уцелевшего г'кека за пределами Джиджо — хотя она сама ужасно раздражена тем, что оказалась в таком положении. Гек самая

разгневанная из нас, она кричит и требует любой ценой отомстить за Клешню.

Я вынужден был согласиться с Каа. И все равно сейчас, когда закон и порядок повсюду нарушаются, сомнительно, чтобы расследование к чему-нибудь привело.

— Я пущу по следу несколько ищеек, — заверил разведчик-майор Хармс. — И запущу охотничью программу, которая будет высматривать на мониторах все похожее на ротенов — на случай, если Ро-кенн будет настолько неразумен, что открыто выйдет на улицы. Но я уверен, что он уйдет в подполье. Ротены славятся своим умением маскироваться и скрываться.

— Или он уже попросил убежища у одного из больших кланов, — добавил Каа. — Может, как раз сейчас торгуется, за сколько продать «Стремительный» и Джиджо.

В ужасе от такой возможности, Гарри попросил Каа переместить наш маленький корабль в доки Института Навигации и спрятать за его собственным, так необычно выглядящим судном.

— Вы должны понять, — объяснил он. — В нормальных обстоятельствах я бы так никогда не сделал. Я ведь дал клятву. Моя верность прежде всего принадлежит Институту и цивилизации

Пяти Галактик. — Потом Гарри выразительно пожал плечами. — Но сейчас я не совсем понимаю, что это значит.

Признаюсь, сначала было очень трудно смотреть, как он говорит, и громко и удивленно не ворчать при этом! Я понимал, что не следует удивляться красноречиво говорящему шимпанзе. Особенно такому стройному и высокому, с элегантной белой шерстью и проворным хвостом. Очевидно, его раса много приобрела за несколько столетий генетического Возвышения — с тех пор как «Обитель» покинула Землю, привезя на Джиджо его немых родичей.

— Во всяком случае, — продолжал майор Хармс, — в докладе, который вы отвезете Терагентскому Совету, будет содержаться полный набор биоопределителей Ро-кенна. Возможно, Совет пустит по его следу нескольких своих знаменитых *межзвездных агентов.* Я уверен, что ублюдок заплатит за все, что сделал. Не волнуйтесь.

Смелое утверждение. Даже Гек оно слегка умиротворило.

Но если вспомнить все, что мы слышали об осаде Земли, насколько вероятно его осуществление?

Еще до смерти Клешни наше великолепное товарищество начало распадаться.

На прошлой неделе Ур-ронн встретилась с п'ун м'ангами — владельцами торгового корабля, птицеподобными существами с щетиной вместо перьев; единственный их орган, способный манипулировать предметами, это клюв. Экипаж корабля оказался в затруднительном положении. «Наемные руки» покинули их, чтобы на время кризиса вернуться домой. И эти существа обрадовались возможности нанять взамен ура, хотя Ур-ронн призналась им-, что ее техническая подготовка ограничена.

Но поскольку на основных торговых маршрутах пилотирование совершается автоматически, а большинством обычных дел занимаются роботы, экипажу нужен был только кто-нибудь разумный, способный переносить предметы, выполнять поручения и дергать за нужные рычаги, если машины окажутся недостаточно гибкими. И этого для такой неутомимой работницы, как Ур-ронн, оказалось вполне достаточно: ведь ее проворные руки справятся с любой задачей. После рабского труда на Уриэль в кузнице на горе Гуэнн для нее это будет детской игрой.

Я попросил Твафу-ануфа взглядом хунского

чиновника просмотреть контракт, проверить все подробности, и он сказал, что контракт удовлетворительный. П'ун м'анги высадят Ур-ронн на третьей своей остановке в порту, куда часто заходят урские корабли, и она сможет связаться со своей расой. А по пути приобретет опыт и заработает несколько кредитов.

Надеюсь, она не загонит до смерти своих бедных нанимателей вопросами.

— По крайней мере на корабле тепло и сухо, — сказала Ур-ронн, посетив своих новых нанимателей. — Нет этой Ифни проклятой влажности, от которой постоянно приходится здесь прятаться! И п'ун м'анги не пахнут так отвратительно, как земляне!

Каа ответил насмешливым дружелюбным фырканьем. Во время пути из Четвертой Галактики эти двое много времени провели вместе, говоря о технике и излагая друг другу свои беды. Сомневаюсь, чтобы пришлось когда-нибудь еще встретить такую необычную дружбу: живущий в воде дельфин и не терпящий воды ур замечательно поладили.

— Буду держать все три глаза открытыми, чтобы не пропустить земной или тимбримийский корабль и отдать это. — Она похлопала по сумке

под левой рукой. Внутри находился экземпляр отчета Джиллиан Баскин, зашифрованный кодом Террагентского Совета.

(У меня спрятан второй экземпляр. Кто знает, кому из нас удастся передать первым? Если, конечно, космос будет благоприятствовать… а Земля уцелеет.)

Мне было грустно, когда Ур-ронн улетала на корабле п'ун м'ангов. Прощаясь, мне хотелось схватить ее, поднять так, чтобы все четыре копыта оторвались от земли, и стиснуть в хунском объятии. Но я знаю, что наши расы по-разному относятся к подобным вещам. Уры не сентиментальны и не склонны к ностальгии.

Конечно, Ур-ронн любит Гек и меня — в манере своего племени. Может быть, она будет время от времени с добром вспоминать нас.

Но жизнь ее вскоре станет занятой и сосредоточенной.

Меня ей будет не хватать не так, как мне ее.

Таков мир.

После отлета Ур-ронн ко мне вернулся другой спутник.

После многих мидуров тщательных расспросов Двер наконец добился от Грязнолапого, чего хотел. Наконец маленький нур *заговорил,* при-

знался в том, что мы давно подозревали, — что несколько столетий назад тимбрими поместили на Джиджо колонию своих любимых клиентов. Хотя большинство нуров частично регрессировало и разучилось говорить, тайная группа среди них сохранила разумность полностью. Это и были *титлалы.*

Грязнолапый согласился сообщит Дверу кодовые слова и фразы, которые позволят покончить с этой тайной. Такова цена, которую Грязнолапый заплатил за свою свободу. Он хотел каким-нибудь образом связаться с тимбрими и сообщить о том, что произошло на Джиджо. Поскольку его цель совместима с моей, малыш будет сопровождать меня в пути.

Двер кажется довольным. Думаю, ему очень хотелось избавиться от Грязнолапого раз и навсегда, прежде чем они с Каа отправятся в долгий обратный путь на Джиджо.

И прежде чем все распадется.

Пять Галактик дрожат и содрогаются; приближается момент разрыва.

Дрожь космоса усиливается, по древним стенам планетоида пробегают трещины, и становится очевидным, что даже изолированный Каззкарк больше не убежище и не спасает от таких кон-

вульсий. Половина обычных космических линий уже вышла из строя, и многие пользуются обходными маршрутами, чтобы добраться домой, пока это еще возможно.

Среди этих улетающих наиболее необычно выглядят священнослужители, одетые в голубые и золотые платья, распространяющие свою причудливую веру — ту, что сосредоточена не на спасении видов и рас, а отдельных личностей. Веру, в которой центральную роль играет Земля как планета-жертва.

Эта секта провозглашает свою любовь к Земле, в то же время радуясь ее распятию.

Не знаю, проповедуется ли эта вера в миллионах других мест или единственный ее апостол — скиано. В любом случае кажется, эта религия задела струнку, которая резонирует в наши тревожные времена. Миссионеры, разлетаясь в космосе, чтобы проповедовать слово, кажется, радуются хаосу и потрясениям более древних религий.

И в центре всего этого, выступая в качестве главного помощника и мажордома скиано, Рети, молодая девушка сунер, которая даже на далекой Джиджо казалась такой неукротимой и дикой. Преображенная пластической хирургией и новой

одеждой, она распоряжается верующими, даже умудренными звездными путниками, как высокомерный повелитель какого-нибудь древнего клана патронов.

И они повинуются ей! Почтительно кланяются, даже когда попугай у нее на плече отпускает язвительные замечания.

Никогда не видел более высокомерного, уверенного в себе человека.

А сам скиано медленно расхаживает, и в одной из пар его глаз мерцает странный свет, в то время как другая смотрит на далекий горизонт.

Естественно, Двер попытался убедить Рети расстаться с этой группой фанатиков. Но она не согласилась, даже когда Гарри пообещал переправить ее на свою родную планету, в колонию, далекую от нынешних неприятностей, где она сможет найти покой и уют среди своих.

Гарри и Двер были раздражены. Но, откровенно говоря, я нахожу непреодолимое упрямство Рети понятным. Она почувствовала, как приятно считать себя ценной и жить среди тех, кто тебя ценит.

Я тоже.

Пора кончать записи. Дор-хуниф ждет меня в доме своих родителей, где вечером соберутся

члены местной хунской колонии. Будет ужин и поэзия. Вполне обычное событие у нас на Джиджо, но, очевидно, для моих новых родичей звездных богов — очень новое и смелое.

Теперь нужно порыться в ящике с книгами, которые я привез с Джиджо, и выбрать, что буду читать сегодня. В прошлый раз это были Мелвилл и Кусто, но, кажется, многие цивилизованные хуны с трудом понимают человеческих авторов. Кажется, мне потребуется время, чтобы научить их ценить достоинства Жюля Верна и Марка Твена.

Они хотят, чтобы я проворчал им оды Чуф-вуф'иво и Фвхун-дау; в них мелодраматически воспеваются туго натянутые на прочных мачтах паруса, корабли с острыми носами, бросающие вызов ветру и соленым брызгам в бурном море. Мой отец был бы горд, узнав, что хунское литературное возрождение на Джиджо, так долго затмевавшееся земными авторами, наконец нашло восторженную аудиторию среди наших отдаленных звездных родственников.

Это очень приятно. И все же я удивлен.

Как это возможно?

Вы только подумайте, какая в этом ирония! Мы с Гек всегда мечтали о том, как романтично

и удивительно лететь в космических кораблях. Но для этих цивилизованных хунов космические корабли — всего лишь удобное транспортное средство, скучный перерыв для перелета от одного назначения к другому, когда они занимаются своими обычными делами, которые много лет назад поручили им наши патроны гутатса.

Так почему же сейчас они так восприимчивы к ворчанию надежды и радости? Подействовало ли растущее смятение в космосе? Или что-то ждало в глубине, под тусклой оболочкой угнетающей бюрократической скуки?

Неужели простой образ парусного корабля способен пробудить это спящее внутри?

Если это так, то пробуждение могло никогда и не произойти. Ни один цивилизованный хун не станет добровольно рисковать жизнью в море. Сама мысль об этом будет отброшена как абсурдная. Баланс не сходится. Учитывая риск, хуны никогда даже не попробуют.

К тому же какой хун умеет плавать? Ничто в нашем генеалогическим древе логически не говорит, как возбужденно поднимаются позвонки хуна при виде зимних айсбергов на фоне изорванного бурей горизонта, какие песни поют снасти и паруса, словно мать, ворчащая ребенку.

Лишь на Джиджо, когда наши предки отказались от своих божественных инструментов вместе с долгом и обязанностями, возложенными на них гутатса, смогли они открыть для себя все это.

По справедливости нужно сказать, что, вероятно, патроны желали нам добра. Ведь в конце концов мы обязаны им разумом. Галактическое сообщество устанавливает строгие стандарты, которым должны следовать старшие расы, когда возвышают клиентов, делая из них трезвых надежных взрослых. Гутатса использовали самые сильные черты нашей расы: верность, преданность семье — и с их помощью определили для нас узкий курс. Дорогу к благоразумной одержимой ответственности.

И только сейчас Дор-хуниф и ее родители начинают понимать, как обманули нас наши патроны. Лишили нас величайшего сокровища. Мы только сейчас обнаруживаем, как это хорошо — прогулять уроки и отправиться на реку.

Отправиться на Джиджо, где хуны наконец вернули себе украденное.

Наше детство.

ЛАРК

Врата трансцендентов как будто закончили миграцию и теперь поднимаются со своего прежнего положения у поверхности белого карлика. Теперь все эти огромные иглообразные объекты движутся по более высоким траекториям, за внешними пределами роя кандидатов.

Для космических путешествий это сравнительно небольшое расстояние. Но, проходя его, они сотворили убийственный хаос. Внизу находится кипящий котел огня и смятения: миллионы космических кораблей отчаянно борются за выживание. Уже затронутые волнами разрыва, все главные маршруты галактических спиралей совершенно перепутались, они переплетаются и разбиваются на мириады буйных водоворотов. Резонанс двигателей пересекается и интерферируется, создавая поля взаимного притяжения, и корабли неожиданно начинают сближаться. И когда один гигантский корабль начинает маневрировать, пытаясь избежать столкновения, взрывается другой оказавшийся поблизости.

Вдоль всей плотно забитой воронки видны взрывы, превращающие то, что было мыслящей

материей, в белое плазменное пламя.

И словно для того чтобы сделать положение еще хуже, каждая из гигантских игол во время своего короткого путешествия испускает силовые лучи, которые подхватывают несколько десятков кораблей, очевидно, отобранных случайно, и тащит их за собой, как телят на конце лассо.

И те из оставшихся неизбранными, кто случайно касается этих огненных щупалец, мгновенно испаряются.

Зачем?— спросил Ларк, ошеломленный этим зрелищем. *Зачем они это делают?*

Он рассчитывал, что Линг объяснит: ведь она звездный путешественник и много времени прослушивала информационную сеть трансцендентов. Но в данном случае она была так же поражена и испугана.

Не могу догадаться… Может, они уже набрали нужное количество кандидатов и решили, что остальные не нужны… Или волны хаоса слишком сильны, и им пришлось отказаться от отправки остальных кандидатов на новый уровень.

Ларк покачал головой, сместив одного из симбионтов, который поселился здесь недавно и пожирал последние волосяные фолликулы.

Но это не объясняет такое жестокое отнятие

жизни! Там внизу разумные существа! Их там квадрильоны! И каждое из них — член древней расы, которая веками совершенствовала себя, чтобы попасть сюда…

Линг взяла его за руку и погладила, прижалась к нему.

Даже и так, Ларк, по сравнению с трансценденталами они все равно что животные. Их можно потратить. Особенно если их уничтожение служит высшей цели.

Он несколько раз мигнул.

Высшей цели? Какая цель может оправдать…

Он смолк, почувствовав, как кто-то знакомый пытается связаться с ними с помощью окольных мысленных путей сети. Вскоре Ларк узнал своего бывшего учителя… затем врага… и наконец просто друга.

«Х», видоизмененный треки, проводил собственное независимое исследование и теперь хотел рассказать о своих находках.

Джофуры больше не верят, что смогут вернуться в свой клан или завершить миссию. Больше того, они понимают, что у них мало времени. Вскоре макросущество, частью которого все мы стали, то самое, которое вы называете «матерью», завоюет весь «Полкджи», проникнув в

машинное отделение, где находится последний очаг сопротивления прежнего экипажа. И когда это произойдет, они перестанут быть джофурами — по крайней мере по их собственному ограниченному определению.

Прежде чем это произойдет, они решились на драматические заключительные действия. Это будет последним актом мести.

Ларк послал мысль наружу, воспринимая зрительно некогда могучий боевой корабль и его окружение. Благодаря удаче или безупречному мастерству пилота «Полкджи» до сих пор удавалось избегать столкновений с роем кандидатов. Теперь между кораблем и глубоким космосом, звездным ночным небом, по которому время от времени пробегает волна хаоса, лежит только рваный край вращающегося диска. Теперь, когда дорога расчищена, перспектива бегства соблазняет. Но уцелевшие члены экипажа «Полкджи» знают, что этого никогда не будет. Мать поглотит их, включит в новое гибридное существование задолго до того, как они достигнут пункта перехода. Если вообще п-пункт пригоден к использованию.

Звуки двигателей отзывались в жидком окружении, в них слышалась нота глубокой реши-

мости. Ларк ощутил траекторию «Полкджи» — и понял, что она направлена прямо к одной из гигантских игл!

Все это время борьбы и смятения джофуры упрямо стремились к первоначальной цели. Они никогда не теряли след земного корабля.

Этот корабль прямо перед нами, охваченный световой паутиной трансцендентов.

Бросив взгляд по сторонам, Ларк убедился, что каждая большая игла окружена роем захваченных кораблей, окутанных слоями свечения. Прослушивая сеть, невозможно установить, какова цель этой странной деятельности, но вскоре Ларк ощутил слабый резонанс, как будто исходящий от одного из плененных кораблей.

Что-то очень знакомое.

Линг присоединилась к нему. Вдвоем они сфокусировали взгляд, что-то *щелкнуло,* и сеть заполнилась звуками.

Человеческий голос, мрачный, но решительный.

— …повторяем. Мы не выбирали такую участь. Мы не законные члены роя кандидатов. Мы не принадлежим к порядку «ушедших в отставку». Нам нет никакого дела до Объятия Приливов, и мы не хотим испытывать трансцендентность ни

в какой форме.

Долг призывает нас во Вторую Галактику. Пожалуйста, отпустите нас! Просим выпустить нас из этого обреченного места, пока это еще возможно.

Повторяем. Мы не выбирали такую участь…

Ларк ощутил мысленное прикосновение треки, воспринял мысль, которая текла, как гладкий ручеек расплавленного воска.

Как интересно. Очевидно, земляне отобраны для исполнения почетной задачи. Для какой-то службы или работы, которая кажется достойной высшему разуму. Однако они просят освободить их от этого отличия, чтобы возобновить обреченный полет в мире опасности и печали!

Тем временем оставшиеся джофуры направляют «Полкджи» вперед с единственной целью — не допустить, чтобы земляне ощутили вкус трансцендентности, которую не заслужили/

Предстоит конфронтация. И будет любопытно наблюдать за ней.

Ларк оценил отчужденность треки, хотя скорее всего от «Полкджи» просто отмахнутся, как от надоедливой мошки, он испарится, столкнувшись с невообразимо превосходящими силами.

И задумался над тем, как избежать подобного конца.

А нельзя ли связаться со «Стремительным» через сеть?

Линг кивнула.

Почему бы и нет? Лишь на несколько мгновений.

Друг треки тоже согласился:

У меня/нас есть своя/наша собственная причина желать этого. Давайте действовать вместе и попытаемся установить связь.

ГАРРИ

Когда рухнула большая галерея на южном полюсе и несколько тысяч обитателей оказались в смертоносном вакууме, высшие руководители Каззкарка наконец уступили неизбежному. Они издали долгожданное распоряжение.

Эвакуация!

— Мои исследования — проверка древнейших, самых защищенных архивов Великой Библиотеки — свидетельствуют, что условия во время Крушения Гронина были, вероятно, аналогичны, — сообщил Вер'Кв'квинн после того, как Гарри доложил о своей последней миссии.

С высокого балкона главного здания Института Навигации они смотрели на толпы, движущиеся по улицам к разным пунктам выхода. Они устремлялись к кораблям, которые привезли их сюда. Вер'Кв'квинн лениво махнул псевдоподом и продолжил свои размышления о прошлом.

— Тогда, как и сейчас, вначале Институты все отрицали. Позже, по приказу высших порядков жизни, они скрыли правду от нашей цивилизации, пока не стало слишком поздно для любых согласованных приготовлений. И сейчас

развернулся бы тот же сценарий, если бы не предупреждение, пришедшее с Земли. Без него у большинства галактических рас не было бы никакой возможности подготовиться.

— Многие кланы не обратили внимания на это предупреждение, — заметил Гарри. — Некоторые из них слишком заняты, нападая на Землю, чтобы слушать.

После мрачной паузы он продолжал:

— Вероятно, все эти пространственные возмущения не скажутся на осаде Земли?

Вер'Кв'квинн бросил свой взгляд спрута на разведчика шимпанзе, как будто пытался увидеть признаки измены и отказа от преданности Институту.

— Это кажется маловероятным. Мы полагаем, что по крайней мере тридцать процентов п-пунктов Второй галактики будут частично функционировать. Конечно, в самой высшей точке кризиса метрические нарушения распространятся по всем уровням гиперпространства. И горе-кораблю, который попытается достичь псевдоускорения, пока это происходит! Но для больших боевых кораблей, окружающих сейчас твою родную планету, это не помеха. Оставаясь в нормальном пространстве и воздерживаясь от

использования вероятностного оружия, пока разрывы не прекратятся, они будут в безопасности.

Естественно, мы полагаем, что в Четвертой Галактике последствия будут гораздо более серьезными. Гарри кивнул.

— Именно туда вы и посылаете меня.

— Ты отказываешься? Я могу послать кого-нибудь другого.

— Да? Интересно, как вы найдете того, кто согласится в такое время проникнуть в пространство Е?

Ответом Вер'Кв'квинна было красноречивое молчание. Из всего сохранившегося штата только Гарри обладает необходимым опытом и способностями, которые позволяют надеяться на успех в этом странном царстве живых идей.

— Ну что ж, — хмыкнул Гарри. — Какого дьявола! Почему бы и нет? Вы говорите, что у меня будет достаточно времени, чтобы выложить вдоль Тропы до самой Четвертой Галактики инструментальные пакеты и вернуться до наступления кризиса?

— Конечно, определенный риск есть, — признал Вер'Кв'квинн. — Но мы совместили наши традиционные расчеты с новыми данными с использованием техники волчат, с теми матема-

тическими уравнениями, которые содержатся в послании с Земли. Оба метода как будто говорят одно и то же. Главный разрыв произойдет после твоего возвращения.

Снова наступила долгая пауза.

— Конечно, я полечу, — наконец хрипло сказал Гарри. Низкий вздох. Нервное сплетение щупалец.

— Я знал, что ты согласишься.

— Ради Пяти Галактик, — добавил Гарри.

— Да. — Голос Вер'Кв'квинна дрогнул. — Ради цивилизации… Пяти Галактик.

Внизу на бульварах Каззкарка основной исход как будто закончился. Роботы-уборщики возились с грудами мусора и обломков от такого количества торопливых отлетов. Гарри шел в сопровождении робота-«осла»; робот вез капсулы Вер'Кв'квинна, которые нужно будет разместить в пространстве Е. Телеметрия этих пакетов многое расскажет о напряжениях, разрывающих сейчас ткань пространства. Возможно, в следующий раз — через сто миллионов лет — происходящее станет более понятно.

А следующее время обязательно будет. Чем больше расширяется вселенная, тем сильнее растягиваются древние перемычки, связывающие

галактику с галактикой, чтобы наконец лопнуть. После каждого такого разрыва количество п-пунктов сокращается, из связи становятся беднее, а скоростные линии подпространства — все более недоступными.

Старея, космос становится менее интересным и более опасным. В дни Прародителей все должно было казаться таким близким *и доступным,* думал Гарри. *Это было время волшебства, когда прокладка курса между двумя точками в семнадцати связанных галактиках была самым обычным делом.*

Он расправил плечи.

Ну ладно. По крайней мере приму участие в чем-то важном. Даже если Вер'Кв'квинн преувеличивает мои шансы на возвращение.

Когда он впервые прилетел сюда из школы подготовки, Каззкарк казался безупречно чистым. Теперь в коридорах постоянно висит пыль, поднятая со стен землетрясениями и волнами хаоса, которые через все более краткие промежутки сотрясают весь сектор. Они стали настолько частыми, что Гарри их едва замечает.

Это свидетельствует, что со временем даже ненормальное начинает казаться нормальным.

Подходя к докам, он увидел большую группу

хунских клерков и членов их семей. Они несли багаж, тащили антигравитационные тележки, готовясь к отлету на одну из своих родных планет. Как и следовало ожидать от хунской процессии, двигалась она в полном порядке. Но что-то в этой группе показалось Гарри необычным. Эти хуны кажутся не такими скучными, более оживленными.

Дело в их одежде!— понял Гарри. *Олеин приучил их носить гавайские юбки!*

Действительно, примерно треть этих высоких двуногих отказалась от обычных бело-серебряных одеяний и завернулась в платья с изображением ярких цветов и тропических растений; одежда разрезана сзади, чтобы дать место выступам на спине. Терпеливо дожидаясь очереди, группа согласованно ворчала, и коридор дрожал от звуков, которые казались гораздо более живыми, чем обычные хунские песни, похожие на надгробный плач.

Одна произнесенная на галшесть фраза даже заставила Гарри споткнуться.

Ручаюсь, на англик это нужно перевести как «йо-хо-хо!».

У некоторых старших хунов был растерянный, даже обиженный вид. Но более молодые — под-

ростки — распевали, с энтузиазмом раздувая горловые мешки.

Они пели жизнерадостную балладу о переходе, о готовности встретиться с новым.

За углом, спрятавшись за хунами, стояла странная фигура, похожая на невысокого приземистого джофура. Это был Тиуг, алхимик-треки с Джиджо. Он сопровождал Олвина на следующем этапе его приключений.

Проходя мимо. Гарри попытался поймать взгляд Олвина, но парень был поглощен своей ролью проводника, которому есть чему поучить горожан. Рядом с ним была Дор-хуниф, а на широких плечах сидела пара титлалов. Стараясь выглядеть беспечным, Олвин прислонился к одному из завернутых в ткань упаковочных ящиков, бдительно следя за его содержимым.

На глазах у Гарри край брезента сдвинулся. И из темноты под брезентом показался один глаз на колеблющемся стебельке. За ним попытался протиснуться другой стебелек, чтобы взглянуть на окружение.

Не прерывая своего бодрого ворчания, Олвин широкой ладонью сгреб оба бродячих стебелька и сунул их назад. И постарался прочнее закрепить багаж. Ящик вздрогнул, как будто внутри кто-то

протестующе завозился. Но Олвин лишь плотнее прижал его, дожидаясь, пока все стихнет.

— Эхой! — крикнул первый в очереди хун, когда ворота, ведущие к кораблям, открылись. — Сюда! Начинаем!

Гарри постарался протиснуться. Он протискивался изо всех сил, прошел метров пятьдесят и понял, что его бока больше не выдержат. Тогда он завернул за каменный угол, прижался к стене и захохотал.

Причал для официальных лиц был почти пуст. Высшие чины Библиотеки, Институтов Миграции, Торговли и Войны уже улетели, и причалы опустели. Оставался только штат Вер'Кв'квинна; его сотрудники участвовали в спасательных миссиях или расставляли предупреждающие буи, чтобы оградить опасные зоны. Благородное дело. Гарри лучше провел бы время так же, помогая спасть жизни и штопать распадающуюся ткань галактического общества. После окончания основных разрывов Институт Навигации должен будет способствовать восстановлению, организовать новые торговые маршруты.

Но Вер'Кв'квинн сберег меня для этой миссии. Полагаю, старый спрут знает, что делает.

Впереди находилась почтенная наблюдатель-

ная платформа Гарри, его корабль, специально сконструированный для полетов в мимических джунглях пространства Е. И хотя дело предстояло опасное, Гарри обнаружил, что идет быстрее, испытывая странное возбуждение и стремление к действиям.

Он начал про себя напевать и тут же узнал мелодию. Так ворчали новые родственники Олвина, готовясь к отлету.

Мелодия оказалась заразительной.

И подходящей для путников.

Это песня предчувствия.

Пока Гарри грузил в трюм инструменты Вер'Кв'квинна, планетоид снова начали сотрясать волны. Древние каменные стены стонали от резонанса, и палуба и переборки станции тоже начали сильно дрожать. Когда с верхней полки упал незакрепленный ящик, Гарри едва успел увернуться. Да и успел он только благодаря слабой псевдогравитации Каззкарка, но ящик сильно ударился, разбился, и содержимое разлетелось на осколки.

Подметая, Гарри прислушивался: не звучат ли сирены, объявляя о прорыве вакуума. Только спустя несколько дуров у него улеглась вставшая дыбом шерсть. Очевидно, оболочка дока выдер-

жала — на этот раз.

Гарри вышел, чтобы подойти к прочному небольшому кораблю теннанинской постройки, припаркованному сразу за его станцией. Пройдя через шлюз, он крикнул пилоту:

— Каа! Готовы к взлету? Я вылетаю меньше чем через мидур, если вы все еще хотите лететь со мной.

Из-за приборной консоли в шестиногой установке для ходьбы показался гладкий серый дельфин. Каа выглядел уставшим. Он неделями уже не плавал. И лишь несколько часов сна проводил в небольшом бассейне; все остальное время приходилось лежать на плавающей постели установки.

— Для меня недостаточно быстро, — сказал пилот. — Увы, я все еще жду возвращения Двера.

Гарри огляделся.

— Дьявольщина! — проворчал он. — И куда же делся Двер?

Из задней двери послышался новый голос; слова на англике звучали елейно, почти соблазнительно.

— Ну, ну! Я бы предположила, что молодой человек пытается — в который раз! — убедить свою самку — Рети — отправиться с ним. Вы считаете

по-другому?

Из одной крошечной каюты показалась Кивеи Ха'аоулин и начала пробираться мимо груды припасов, накрытых грузовой сетью. Синтианец настоял на том, что будет сопровождать Каа, несмотря на предупреждение, что путешествие только в один конец. На самом деле всякое возражение только укрепляло его решимость. Кивеи даже предложила оплатить все продукты и прочее необходимое Каа в пути.

Она не верила, что так называемый «большой разрыв» неизбежен.

Все эти неприятности минуют, в блаженной уверенности говорила она. *Я не говорю, что все останется прежним. Пока Институты и большие кланы столетиями будут разбираться в случившемся, правила относительно маленьких сунерских колоний не будут так строго соблюдаться. И относительно контрабанды! Разве вы не чувствуете, какие здесь кроются деловые возможности? Я стану коммерческим агентом Джиджо, да! В абсолютной тайне, как доверенное лицо шести или семи рас, я буду поставлять на рынок коллекционеров примитивные артефакты, и все мы разбогатеем!*

Гарри видел, как алчность борется с характер-

ной синтианской осторожностью. Со временем Кивеи разрешила этот конфликт полным отрицанием: она отказывалась признавать, что возмущения могут фундаментальным образом изменить космос. Гарри испытывал вину за то, что поддался ее уговорам. Но синтианские торговцы могут быть исключительно упрямы и преодолевают любое сопротивление. К тому же Каа нуждается в припасах.

Кивеи склонилась к грубому рисунку, нацарапанному на палубе Клешней, — к изображению убийцы квуэна, который, вероятно, уже улетел с Каззкарка и теперь плетет свои сети где-нибудь в другом месте.

— Да, Двер отправился за Рети. Я только что прослушивала коммуникационные каналы и получила срочное сообщение парня.

Каа ударил хвостом.

— Ты мне не сказала!

— Пилот, ты был занят предполетной проверкой и тому подобным. К тому же я сама собралась идти, чтобы помочь молодому человеку! Великодушно, верно? Хотите идти со мной, разведчик-майор Хармс?

Гарри сощурился. Окно для взлета через мидур. Но парень попал в неприятности…

— Двер не сказал, в чем дело? Синтианец потер живот — нервный жест.

— Сообщение не вполне понятно. Очевидно, он считает, что необходимы срочные действия. Иначе девушка погибнет.

Они нашли молодого джиджоанца на соседнем складе. Он прятался за грудой пустых ящиков. Одетый в темный плащ, он раздраженно наблюдал за собранием разумных в сорока метрах от себя.

Пустые грузовые контейнеры были украшены синими и золотыми лентами — это праздничный фон, на котором выступал миссионер скиано. Он стоял, окруженный двумя десятками последователей из разных рас. Голова скиано возвышалась над всеми верующими, напоминая массивный корабельный нос. Одна пара глаз непрерывно сверкала, словно освещая путь в теплой ночи.

Большинство посвященных уже рассеялось по просторам галактики, разнося послание о возможности личного спасения, но немногие остались с лидером и распевали гимны, от которых у Гарри по спине пробегал холодок.

— В чем дело? — спросил он, проходя мимо Двера. Он сразу заметил Рети, маленькую человеческую фигурку, сидящую в стороне от остальных.

Лицо ее было освещено сиянием портативного компьютера.

— Осторожней! — рявкнул Двер, схватив Гарри за воротник и с силой дернув его назад.

— Эй! — протестующе крикнул Гарри, и тут же несколько маленьких стрел впились в соседний ящик, разбрасывая по сторонам щепки.

Гарри замигал.

— Кто-то в нас стреляет!

Двер осторожно выглянул за угол, потом сделал Гарри и Кивеи знак, что они могут к нему присоединиться. Он показал на пару одетых в синее верующих — это были джелло и паха. Они настороженно стояли у помоста, и выражение у них было предупреждающее. Обе расы возвышены как воины, с прирожденными способностями к участию в вооруженных конфликтах. И хотя теперь они последователи религии, провозглашающей мир, им поручено было дело, достойное их способностей. У джелло в руке была палка с металлическим острием, а паха держал ручную катапульту, какую Двер уже видел раньше.

— Интересно, — сказала Кивеи. — Отказавшись от более сложного оружия, они пользуются военным искусством волчат. Несомненно, их научила Рети. Возможно, новая вера сделала их более

открытыми к новому.

Гарри отмахнулся от нелепых комментариев Кивеи.

— Они не хотят, чтобы мы приближались. Почему? — спросил он у Двера.

— Меня предупредили, чтобы я больше не беспокоил Рети. Говорят, я ее *отвлекаю.* Они не могут убить священного землянина. Но поскольку «участь землян — страдать за нас всех», они готовы сломать одну-две кости. На вашем месте я был бы осторожен.

Гарри не сумел справиться с раздражением.

— Послушай, Двер, у нас нет времени. Рети решила остаться с теми, кто ее любит и заботится о ней. Это гораздо больше, чем имеют многие в этой вселенной, и, наверно, больше, чем она получит, если пойдет с нами. Пора позволить ей самой делать выбор.

Двер кивнул.

— В обычное время я бы с тобой согласился. Хватит с меня Рети. Ничего больше мне не нужно, как позволить ей идти своей дорогой. Но возникает одна проблема. Положение может быть не совсем таким, каким ты его описал.

Гарри вопросительно приподнял брови.

— Да? Как это?

В ответ Двер указал:

— Посмотри направо, за платформу. Видишь там что-то? За занавесом?

Тяжело вздохнув, Гарри всмотрелся в раздувающуюся цветную ткань между двумя массивными столбами, сразу за медитирующими последователями скиано.

— О чем ты говоришь? Я не…

Он смолк. Что-то там движется. Вначале очертания напомнили ему угловатую машину, с острыми лезвиями для резания или косьбы. Но вот случайный ветерок на мгновение отвел занавес, обнажив очертания существа, похожего на богомола.

— Ифни!.. — прошептал Гарри. — Зачем там прячется танду?

В одном он совершенно уверен: ни один танду никогда не присоединится к ереси скиано! Бессмертие какой-то абстрактной души не так привлекательно, как возможность крушить врага и навязывать волю своей расы непокорному космосу. До сих пор ритуалы и закон сдерживали эти импульсы: танду редко убивали открыто, без покрова галактической законности. Но что, если цивилизация рухнет? Ходили слухи о тайных базах, полных бесчисленными воинскими яйцами,

готовыми немедленно вылупиться.

— А почему эти паха и джелло просто стоят? — вслух удивился он. — Они, наверно, не знают…

Кивеи прервала его:

— Знают. Обратите внимание, что они стоят спиной к занавесу, на обращая внимания на то, что происходит с этой стороны. Очевидно, получили приказ. Танду сюда пригласили нарочно.

Нарочно? Гарри нервно потянул себя за пальцы… но тут у него появилась мысль.

— Кивеи, дай-ка твою переносную информационную табличку.

Синтианец послушался, и Гарри начал отдавать приказы портативному устройству. Используя свои полномочия, он распорядился, чтобы поисковые программы подключились к связям компьютера Рети. Если повезет, он сможет скоро…

— Готово! — воскликнул он, и спутники подошли ближе. На левой половине экрана неожиданно появилось изображение молодой женщины, с лицом, приглаженным недавней хирургической операцией. А на правой стороне — копии таблиц, которые она внимательно изучала.

— А что теперь? — спросил Двер. — Использовать эту линию, чтобы поговорить с ней?

Гарантирую, она рассердится и отключит нас.

Гарри пожал плечами.

— Я надеялся вначале кое-что разузнать. — Он рассматривал правое изображение. — Похоже на список планет, куда их культ разослал своих эмиссаров. В основном это торговые планеты, с хорошими пространственными связями и космополитическими культурами, которые не подавляют необычные взгляды. Они не глупы. Но не понимаю, какое отношение это имеет к…

Он замолчал, видя, что на лице Рети появилось самодовольное выражение. Она удовлетворенно сказала:

Вот эта прекрасно подходит!

Она держала компьютер в одной руки и чуть наклонила его, так что изображение дернулось. Гарри на мгновение увидел синий занавес и лица верующих; их взгляды были устремлены куда-то вдаль. Картинка застыла, Рети остановилась и громко произнесла, так, чтобы перекрыть голоса поющих:

Господин, я выбрала себе место. Видишь, я отметила прямо здесь!

Камера повернулась вверх, на мгновение показалось изображение многоцветного земного попугая, сидящего на массивном плече. Рети

поправила наводку, нацелив экран прямо на впечатляющую голову скиано. За таранообразным подбородком верхняя пара глаз сияла, как прожекторы, устремленные к потомству, а нижняя блуждала в поисках абсолютной истины.

Рети продолжала:

Это З'орнуп! Я уверена, ты слышал о таком месте. Здесь подходящая атмосфера и все прочее, так что я не заболею. Есть также торговый пост людей — на случай, если я соскучусь по своим. Но это маловероятно. Но думаю, лучше не делать слишком поспешных выводов, верно?

Ты уже направил туда небольшую миссию, но я вижу, что планета находится в хорошем месте, к ней ведет много космических линий, и отсюда можно посылать в любое место новообращенных. Я считаю, что З'орнуп нуждается в апостоле более высокого ранга, верно? То есть во мне! Я воспользуюсь последним коммерческим шаттлом, который направляется в Третью Галактику. Он уходит через полмидура, так что с твоего разрешения…

Неподвижный взгляд скиано наконец слегка затуманился. Нижняя пара глаз повернулась к Рети.

Такое место недостойно тебя, мое дорогое ди-

тя волчонок. Я не позволю, чтобы ты занималась повседневными делами, проповедуя и дыша тем же воздухом, что и неверующие…

Но я…

Тебя ждет более достойная награда, продолжал миссионер напыщенным догматическим тоном. *Я имею в виду твоих собственных древних святых и пророков. Иисуса, и Исайю, и Магомета, и Будду… всех великих мудрецов твоей благословенной расы, чьи муки во тьме позволили им увидеть то, что остается незаметным для живущих при свете.*

Я это знаю, господин. Поэтому позволь мне идти и распространять слово…

Конечно, эти пророки допускали ошибки, записывая свои слова. Как могли они точно отразить такое великолепие с помощью примитивных чернил и бумаги, пользуясь языками, больше похожими на крики животных? Тем не менее судьба говорила их устами. Огонь, который они зажгли, воспламенит другие пожары, распространит свет истины повсюду среди обрушивающихся вокруг нас руин.

Я согласна! Поэтому позволь мне…

Но увы, сам я не увижу землю обетованную, этот апофеоз. Подобно Моисею, я должен рань-

ше пройти временную Валгаллу. Мои труды истощили эту бедную плоть. Время искать вознаграждения, которое было мне обещано во сне. Пройти обряд очищения и двигаться прямо в рай!

Рети ответила сразу и безжалостно:

Это здорово. Счастливого пути. Теперь насчет З'орнупа…

Награда манит меня, громогласно продолжал скиано. *Личное спасение, намного превосходящее Объятия Приливов. И все же… я не могу избавиться от тревожного предчувствия. Всели необходимое я сделал? Что, если, придя, я увижу, что хранители врат не узнают меня, мои странное тело и лицо? После того как они столько времени посвящали только землянам, готовы ли они впустить на небо души нелюдей?*

Могучая голова покачивалась справа налево.

Мне пришло в голову, что хранители врат будут любезней, если я прибуду с эскортом, в сопровождении того, кто выскажется в мою пользу.

Картинка на экране дрогнула, как будто держащие компьютер руки задрожали от неожиданной догадки, а ритмичное пение достигло кульминации и смолкло. Послышался хриплый и нервный

голос Рети.

«Путешествие», о котором ты говоришь… это не миссия проповедника? Ты собираешься умереть!

Ответ заставил Гарри содрогнуться.

Да, покинуть эту оболочку. В сопровождении обращенных, чтобы продемонстрировать свою ценность… и плюс человек, подлинный волчонок с планеты-жертвы. Этот человек поручится за меня перед всеми ангелами и святыми.

Гарри так сильно дернули за плечо, что он едва не упал. Двер с силой сжимал его руку. Он показал.

— Занавес…

Кивеи испустила низкий отчаянный стон. Занавес распахнулся, и показался величественный воин танду, раскрашенный и одетый для ритуального убийства. Он приближался к верующим, подняв все шесть рук и размахивая сверкающими лезвиями.

Вместо того чтобы обороняться, оба солдата-верующие — паха и джелло — присоединились к толпе, которая стояла полумесяцем, спокойно глядя на своего лидера в центре этого серпа.

Рети, которая тщетно билась в мощных объятиях скиано, неожиданно застыла и с испугом

посмотрела наверх, а попугай закричал, расправив крылья.

— Вызовите полицейских роботов! — сказала Кивеи. — Церемония не вполне добровольная. Я дам показания.

Как будто это что-то даст, думал Гарри, следуя по пятам за стремительно бегущим Двером. *Закон распадается. К тому же помощь все равно опоздает.*

В таком случае разумно спросить, чего надеется добиться Двер. Разве что стать еще одной жертвой жертвенной церемонии!

Юноша джиджоанец остановился в двадцати метрах от верующих. Отбросив плащ, он поднял свой складной лук, который привез с далекой планеты. Стрела была уже наложена на тетиву.

— Он мой! — далеко сзади кричала Кивеи. Ее явно больше расстроило воровство, чем предстоящее ритуальное убийство. — Ты украл его из моего отделения. Я требую немедленного возврата или подам жалобу!

За то время, пока Кивеи произносила свою нелепую угрозу, танду приблизился к намеченным жертвам, высоко поднял лезвия — и Двер трижды стремительно послал одну стрелу за другой.

Гарри догнал молодого охотника.

— Так ты не причинишь вреда танду! У него нет ни одного слабого места…

Он замолчал, видя, что маленький снаряд изменил курс. Вместо того чтобы попасть в палача, он пролетел далеко от него и попал в скиано! Два глаза погасли, из них торчали деревянные стрелы с каменными наконечниками. Третья исчезла в открытой пасти миссионера: он как раз собирался закричать.

Руки скиано конвульсивно дернулись. На мгновение все, кроме одной, разжались, но Рети зубами впилась в эту руку и высвободилась. Высвободившись из его спазмодических объятий, она увернулась от попытавшегося схватить ее паха, потом свернула в совершенно неожиданном направлении — *под колючие ноги танду и между ними!*

Гарри махал руками.

— Сюда, Рети!

Танду испустил ужасающий крик. Нанятый на определенных условиях, он был вооружен только тем оружием, которое пригодно для ритуального семейного убийства. Сопротивление в договор не входило. Это означает нарушение контракта!

Его крик эхом отразился в переулках Каззкарка, призывая товарищей отомстить за оскорбление.

А тем временем взмахом одного лезвия танду снес голову паха.

Могучий воин джелло инстинктивно схватил свою палку с заостренным металлическим наконечником и, прежде чем пришла его очередь получить удар серпообразного ножа, ударил по одной руке танду, потом по другой. Тем временем— еще два верующих — летающий глоуоувис и зиу8 с мощными когтями на ногах — забыли о цели церемонии. Отвечая на древний инстинкт, они набросились на танду и начали рвать его сверху и снизу, избегая в то же время лезвий.

И среди этого ада Двер продолжал стрелять, по одному отключая сенсорные придатки гиганта.

Гарри хотел сказать Дверу, чтобы он поберег стрелы. Такая тактика редко помогает в борьбе с танду. Но тут Рети наконец выбралась из толпы и бросилась к краю платформы. Чувствуя, что свобода впереди, она сделала еще два шага и приготовилась прыгнуть.

У Гарри перехватило горло: он увидел, что танду нацелился на нее. С острых лезвий уже капала разноцветная кровь.

И тут ударила новая волна хаоса. Пол конвульсивно вздрогнул и вздыбился, как раненое животное. Облака пыли поднялись от рушащихся

стен и развевающихся на ветру пестрых знамен. В отдалении завыла сирена.

Гарри беспомощно смотрел, как Рети шатается на краю платформы и падает среди множества лихорадочно размахивающих рук и ног.

Он попытался броситься вперед и подхватить ее — понимая, что не успеет.

До самого последнего мгновения, до удара головой о мостовую, Рети сопротивлялась. Она не стонала и не кричала, не хотела доставлять вселенной такое удовольствие. И меньше всего она собиралась жаловаться на неудачу.

ДЖИЛЛИАН

Люцифер означает «носитель света». Мысль пришла незваная, в то время как сияние лилось в окно, играя на лице.

Ангелы светятся ярко… но не всегда они добрые.

Зрелище напомнило Джиллиан, сколько прекрасного и ужасного видела она за последние годы и месяцы. И как много привычных представлений пришлось ей пересмотреть.

Например, она вспомнила тот момент, когда глубоко внутри пункта перехода земной корабль встретился с Великим Сортировщиком, который отбирал из бесчисленного количества кораблей кандидатов на трансцендентность. Этот огромный сияющий призрак напомнил Джиллиан могучего серафима, который в Судный День отделяет праведных от грешников. И никто не был удивлен больше нее, когда ослепительный шар энергии выделил «Стремительный» из толпы кораблей, подхватил его и отвел в сторону для цели, которую Сортировщик не позаботился объяснить.

Может быть, сейчас мы это узнаем, поду-

мала она. Действительно, существует явное «семейное» сходство между прежним «ангелом» и гигантской иглой-вратами, которая протянула свои сверкающие щупальца и обнимает несколько десятков избранных кораблей. Такое поведение вызвало у Джиллиан неприятное воспоминание о пауке, который деловито укутывает добычу, откладывая ее про запас.

Все остальные корабли представляли собой объединение кислородной и водородной жизни, все они были выдернуты из роя, окружающего белый карлик. «Стремительный» по сравнению с ними миниатюрен — крошечная гусеница рядом с мячом для игры на пляже. Но и у него свое одеяние из сверкающих вздымающихся нитей.

— Материал неизвестен, — заметил Ханнес Суэсси. — Не могу получить никаких данных при помощи инструментов.

Машина Нисс высказала предположение.

Кто-то, наверно, все время готовил это для нас. Еще во Фрактальном Мире. Оболочка, которую мы получили, должна была служить буфером, а может, и клеем — между нашим хрупким металлическим корпусом и этой новой субстанцией… чем бы она ни была.

Джиллиан покачала головой.

— Может, это другой вид защитной брони.

Молчание длилось несколько секунд; все смотрели на экран заднего обзора. У всех появилась одна и та же мрачная мысль.

Скоро что-то произойдет. Что-то такое, что требует невероятно мощной «защиты».

Но по крайней мере предыдущая оргия разрушения как будто закончилась — внизу, там, где недавно двигались по орбитам миллионы кораблей, выстроенных рядами и колоннами, как вежливые пилигримы, дожидающиеся своей очереди войти в святилище. Эта процессия была смята, сметена, раздавлена. И теперь лишь редкие вспышки свидетельствовали, что еще один «кандидат» не устоял перед силами, которые уже испепелили миллионы, оставив на их месте варево из газа, пыли и ионов.

Теперь древнюю звезду окружало воронкообразное облако, затмевая его сверкающий белый диск.

Согласно Зуб'даки, это облако обладает очень своеобразными особенностями. Оно не продержится долго и даже не будет спускаться по спирали в течение месяцев или недель.

Облако обломков почти не обладает угловым моментом, объяснял астроном-дельфин. *По*

мере продолжения внутренних столкновений все различные тангенциальные скорости уравновесятся. И когда это произойдет, вся масса просто рухнет вниз — почти одновременно!

Его спросили, когда это произойдет, и ученый дельфин ответил:

Скоро. И когда это случится, у нас будет лучшее место на величайшем космическом шоу.

Глядя на туманное торнадо, в котором распылены надежды бесчисленных рас и индивидуальных существ, товарищи Джиллиан понимали, что шоу скоро начнется. Акеакемаи с сомнением вздохнул, возвращаясь к первоначальному вопросу Джиллиан.

— Защитная броня… против того, что произойдет?

Дельфин сменил язык и выразил свои сомнения на тринари.

Когда боги
В своем могуществе Начинают верить
В собственные лозунги —
В свою мудрость,
Всезнание, В свою силу
И неуязвимость, —
Тогда природа,
Мудрая и терпеливая, Преподносит божествам

Урок,
Тогда природа, Проницательная и знающая, Показывает богам,
Что у каждого свои ограничения…
Великие мечтатели
Должны оседлать цунами!
А для трансцендентов? Сверхновая!

Джиллиан одобрительно кивнула. Для дельфина прекрасное воображение.

— Крайдайки был бы горд, — сказала она. Акеакемаи забил хвостом, сдержанно воспринимая похвалу.

Ирония способствует хорошей поэзии.

— Прошу простить мое невежество в звездной физике, — начала Сара Кулхан, — но я ее изучаю, так что позвольте убедиться, что я все поняла верно.

Когда это огромное облако мусора и трупов наконец опадет, оно на десять процентов увеличит массу горячего карлика, оказавшись на его плотной раскаленной поверхности. Этот карлик уже почти достиг предела Чандрасекара. Огромное количество нового материла уплотнится до невероятной величины, начнется поверхностное ядерное слипание, которое в свою очередь вызовет…

…образование того, что земляне называют «сверхновой типа один», вмешалась машина Нисс, неспособная противиться запрограммированному стремлению прерывать других.

Обычно это происходит, когда с гигантской звезды срывается большое количество материи и быстро падает на соседний белый карлик. Однако в данном случае в качестве катализатора выступит плоть некогда живых разумных существ! Материя их тел позволит разжечь погребальный костер, который на мгновения затмит всю эту галактику и будет виден до пределов вселенной.

Джиллиан показалось, что в голосе созданной тимбрими машины звучат истерические нотки. Запрограммированный так, чтобы постоянно искать новое и удивительное, Нисс, очевидно, дошел до предела того, что способен вынести.

— Согласна. Кажется, шансов на выживание нет, какой бы ни была наша защита. Однако совпадение кажется слишком необычным, чтобы его игнорировать.

— Совпадение? — переспросил Суэсси.

— Отказ от момента углового движения кажется слишком совершенным. Трансценденты, должно быть, предприняли меры, чтобы это произошло. Они убили оставшихся кандидатов специально

— чтобы вызвать предстоящий взрыв.

— Что в таком случае? Остается главный вопрос — почему мы здесь, смешиваем свои атомы с другими несчастными жуками, зверями и прочими беднягами?

Джиллиан пожала плечами.

— Не знаю, Ханнес. Очевидно, нам предстоит сыграть какую-то роль. Но какую именно? Кто знает?

Зуб'даки не ожидал коллапса массы по крайней мере в течение двадцати часов. Возможно, нескольких дней.

— Падение может приостановить давление радиации по мере разогрева звезды, — объяснил дельфин. — Это может повлиять на весь процесс зажигания. Конечно, если они не нашли решение и этой проблемы.

Ему не нужно было объяснять, кто такие «они». Поблизости висела светящаяся игла-врата, размером с земную Луну, продолжая окутывать паутиной из загадочных прозрачных нитей несколько плененных судов.

Убедившись, что кризис не произойдет немедленно, Джиллиан решила немного отдохнуть у себя в кабинете. Войдя в полутемное помещение, она бросила взгляд на древний труп, улыбаю-

щийся в своем стеклянном гробу.

— Похоже, наши мучения скоро кончатся, Херби. Наступает конец, который сотрет все наши беды.

Разумеется, тощий труп ничего не ответил. Джиллиан вздохнула.

— Ну ладно. У Тома было любимое изречение. Если тебе действительно нужно уходить, можешь…

Ее слова подхватил баритон:

…можешь уходя хлопнуть дверью.

Джиллиан быстро повернулась, слегка присев. Сердце забилось от удивления. Кто-то — или что-то — стоит в тени. Высокая двуногая фигура, с широкими плечами, как у сильного мужчины.

— Кто… кто здесь? — спросила Джиллиан. Голос казался необыкновенно знакомым.

Тот, кого вам не следует опасаться, доктор Баскин. Сейчас я выйду на свет.

И когда он вышел, сердце Джиллиан забилось еще быстрей. Она сделала шаг назад, прижав руку к груди. Эта клинообразная фигура вызывает одновременно надежду и ужас. Джиллиан хрипло сказала:

— Т-том?..

Он с готовностью улыбнулся. У него всегда

была такая улыбка — слегка мальчишеская. Поза расслабленная, но в то же время готовая ко всему. И эти знакомые руки, способные выполнить тысячи дел.

Голова — черные волосы с седой прядью — слегка наклонилась, как будто немного разочарованная ее реакцией.

Джилл, неужели ты так легковерна, что веришь всему, что видишь?

Джиллиан попыталась справиться с бурей эмоций, особенно с накатившей волной страшного одиночества: надежда, возникшая на мгновение, тут же рассеялась. Если бы это действительно был Том, она узнала бы об этом, даже не видя его. И все же это утомленное лицо кажется таким знакомым, на нем следы испытаний, по сравнению с которыми бледнеют ее собственные неприятности. Ей хотелось броситься к нему и удержать. Хоть ненадолго забыть о своих тревогах.

Даже зная, что это ложь.

— Я… не настолько наивна. Полагаю, совершенно ясно, кто вы на самом деле. Скажите… образ Тома вы взяли из моего сознания? Или…

Она бросила взгляд на свой стол, на голографическое изображение мужа рядом с портретом Крайдайки и с другими, теми, кого она знала и

любила на Земле.

Немного того и другого, голос прозвучал, когда Джиллиан слегка отвернулась. *Наряду со многими другими источниками. Нам казался полезным такой подход, объединяющий похожесть с напряжением и сожалением. Может быть, немного жестоко. Но способствует сосредоточенности.*

Вы сосредоточились?

— Я вас слушаю, — ответила она, поворачиваясь лицом к посетителю… и тут ее поджидал новый сюрприз.

Том исчез! На его месте стоял Джейкоб Демва, пожилой глава разведывательной службы Террагентского Совета, благодаря которому и стала возможна отправка корабля с экипажем из дельфинов. «Стремительный» — в такой же мере дело его, как Крайдайки. Темная высохшая кожа свидетельствует о многих годах, проведенных в космосе, в перелетах от одного земного аванпоста к другому, в попытках оттянуть неизбежный конец расы волчат.

Отлично, сказал гость голосом старого Джейка… хотя каких-то оттенков юмора и одновременно сварливости ему не хватало. *Потому что я могу использовать только очень малую часть своего сознания. Есть множество других дел,*

которые требуют немедленного завершения.

Джиллиан кивнула.

— Могу себе представить. Вы, трансценденты, должны быть ужасно заняты, убивая триллионы разумных существ, чтобы запалить свой космический факел. Скажите мне, ради чего умирают все эти бедняги? Это религиозная жертва? Или что-то более практичное?

А нужно ли выбирать? Можно сказать, что и то и другое. И ни то, ни другое. Эту концепцию трудно объяснить с помощью символов вашего дискурсно-символического языка.

Почему-то она ожидала такой ответ.

— Вероятно, это правда. Но все равно спасибо за то, что не использовали слова «грубый» или «примитивный». И до вас многие напоминали нам, как низко мы находимся в пирамиде жизни.

Призрак Джейка Демвы улыбнулся, все морщинки разбежались в нужных местах.

В ваших словах звучит горечь. После контактов с так называемыми Древними не могу вас в этом винить. Эти существа ненамного древнее вас и вряд ли знают больше. Такие незрелые души часто бывают высокомерны несоразмерно со своими подлинными достижениями. Они пытаются показать, как высоко поднялись, унижая тех, кто

под ними. В своем собственном дневнике, доктор Баскин, вы приводите сравнение с «муравьями, которые суетятся под ногами богов».

Но на самом деле подлинный разум должен быть способен на эмпатию даже по отношению к «муравьям». Используя лишь малую часть своего сознания, я могу с вами говорить таким образом. Ведь быть добрым — это совсем немногого стоит, особенно когда эти усилия оправдываются.

Джиллиан мигнула, не в силах решить, чувствовать ли ей себя благодарной или оскорбленной.

— Ваше представление об избирательной доброте… приводит меня в ужас.

Двойник Демвы пожал плечами.

Иногда ничего нельзя изменить. Эти составные существа, которые недавно умерли — те самые, чья масса и другие их принадлежности сейчас составляют густое облако, — они своей смертью послужат гораздо лучше, чем если бы стали младшими трансцендентами. Здесь и во многих других местах по всему известному космосу они точно в нужный момент зажгут маяки, зажгут их в то мгновение, когда судьба на очень короткое время откроет окно, позволив небесам общаться.

Джиллиан сосредоточенно наморщила лоб.

— Маяки? Нацеленные куда? Вы, трансценденты, и так владеете всем в пределах Пяти…

Неожиданно ей пришла в голову догадка.

— *Наружу?* Вы хотите связаться с другими, за пределами Пяти Галактик?

Демва как будто одобрительно замурлыкал: *Вот видите? Простые рассуждения доступны даже муравью.*

Действительно, целью этого грандиозного предприятия является отправка сообщения из одного района неба в другой. С тем взрывом, который вскоре произойдет здесь, на мгновение превзойдя своей яркостью всю вселенную, мы можем отправить приветствие.

— Но…

Но! Вы собираетесь возразить, что мы можем сделать это в любое время! Для таких существ, как мы, легко создавать сверхновые, зажигать их как сигнальные огни.

Это правда! Но этот метод слишком медлителен, сигнал слишком насыщен шумом для сложного сообщения. Это все равно что крикнуть всей вселенной: «Я здесь!»

Однако огромное большинство соседних галактик сохраняет загадочное молчание или излучает колебания, которые мы не в*состоянии*

разгадать даже с помощью наших лучших моделей. В любом случае эта загадка не может быть разрешена отдельными слабыми лучами света.

Избегая пристального взгляда лже-Демвы, Джиллиан в задумчивости смотрела на дальнюю стену. Наконец она сказала:

— Ручаюсь, это имеет отношение к Большому Разрыву, предсказанному Сарой. Многие старые соединительные линии — подпространственные каналы и п-пункты — начали разрываться. Четвертая Галактика может совершенно оторваться.

Она сжала кулаки.

— В этом должна быть какая-то возможность, которая возникает только во время разрыва, когда все уровни гиперпространства перепутываются. Окно во времени, когда…

Посмотрев на своего гостя, Джиллиан увидела, что он снова преобразился. Теперь Джейка Демву сменил образ *матери Тома.*

Мэй Орли, укутанная в термальную одежду, чтобы защититься от холодной миннесотской зимы, с лыжными палками в руках, улыбнулась ей.

Продолжай, моя дорогая. Что еще ты предполагаешь?

Раньше, до того, как она отправилась в этот

долгий, насыщенный происшествиями полет, такая быстрая трансформация могла бы смутить Джиллиан, заставить ее нервничать. Но после нескольких лет разговоров с машиной Нисс она научилась не обращать внимания на грубое вмешательство, как утка не замечает дождя, падающего ей на спину.

— Окно во времени, когда пространственные связи становятся прочнее обычных! — Она указала пальцем на трансцендента. — Когда можно перебросить физические объекты через непроходимую пропасть между скоплениями галактик. Словно бросаешь послание в бутылке, надеясь на морские течения.

Прекрасная метафора, одобрила ее эрзац-свекровь. *Действительно, разрыв подобен могучей всепожирающей волне, способной в мгновение преодолеть мегапарсеки. Сверхновая, которую мы зажигаем, станет рукой, бросающей в море бутылки.* Джиллиан глубоко вдохнула: ей пришло в голову следующее предположение.

— Вы хотите, чтобы «Стремительный» стал одной из этих бутылок.

Точно! — Трансцендент восхищенно зааплодировал. *Ты, как и наши модели и расчеты, предполагаешь изменение в процедуре. Добавив*

к смеси волчат, мы на этот раз получаем совершенно необходимый ингредиент. Возможно, это предотвратит неудачу, которой заканчивались все наши предыдущие попытки, те случаи, когда мы пытались отправить послание через обширную плоскую пустыню, разделяющую наши соединенные галактики и мириады других небесных спиралей, которые мы видим, но с которыми никак не можем связаться.

Джиллиан больше не могла выдерживать вкрадчивого присутствия Мэй Орли. Она закрыла глаза — отчасти для того, чтобы дать возможность трансценденту снова изменить облик… но также и потому, что была ошеломлена. Колени подгибались: она начинала понимать.

Вместо неминуемой гибели в страшном взрыве ей предлагают приключение — самый необычный исследовательский полет, и Джиллиан чувствовала себя так, словно ее сильно ударили в живот.

— Вы… готовили это давно, верно?

Как только оправились после самого первого зарегистрированного кризиса, сразу после ухода Прародителей, когда было разорвано наше счастливое сообщество семнадцати Галактик. Все эти века мы стремились восстановить контакт с

потерянными братьями.

Произнося эти слова, голос изменился, стал грубее. И серьезнее.

Эта боль мучительней всего, что вы можете себе представить. Именно по этой причине — прежде всего — мы позаботились, чтобы звездные расы покинули Четвертую Галактику. Чтобы на этот раз потеря была менее болезненной.

Открыв глаза, Джиллиан увидела, что теперь трансцендент предстал в виде Чарлза Дарта, ученого шимпа, исчезнувшего на Китрупе вместе с Томом, Хикахи и десятком других членов экипажа.

— Вы действительно помните такие давние события? *Живя глубоко в Объятиях Приливов, кружа по орбитам внутри образований, которые вы называете «черными дырами», мы достигаем нескольких результатов. В этом царстве невероятного тяготения мы способны делать квантовые расчеты неизмеримо большого масштаба, соединяя возможности всех порядков жизни. С любовью и заботой мы воспроизводим события прошлого, создаем альтернативные реальности, даже определяем судьбы космоса.*

Джиллиан сдержала приступ истерического смеха. Такие громкие слова из уст шимпанзе!

К ней вернулся самоконтроль, но трансцендент как будто ничего не заметил, продолжая объяснение.

Есть еще одно следствие жизни у горизонта событий, где пространство-время сжимается так плотно, что даже луч света не может вырваться. Ход времени для нас замедляется, а в остальной вселенной время продолжает бешено нестись.

Другие, минуя нас, погружаются в сингулярности, очертя голову ныряют в неведомые глубины, следуя собственным представлениям о судьбе, но мы остаемся на страже, неподвластные энтропии, мы ждем, наблюдаем, экспериментируем.

— Другие минуют вас… — повторила Джиллиан, быстро мигая. — Ныряют в черные дыры? Но кто…

На лице ее вместе с осознанием появилась мрачная улыбка.

— Вы говорите о других трансцендентах! Клянусь Богом, вы ведь не единственные высшие, верно? Все порядки жизни смешиваются у черных дыр: гидрос, кислородники, машины и все остальные — собираются у самого большого прилива. Но для большинства из них история на этом не заканчивается, верно? Они продолжают

двигаться — уходят в сингулярности! Перенесет ли это их в лучшую вселенную или превратит в мусор — они предпочитают идти вперед, а вы, парни, остается сзади.

Почему? — спросила она, переходя к сути. — Потому что боитесь? Потому что вам не хватает смелости, чтобы посмотреть в лицо неизвестному?

На этот раз трансформация произошла прямо у нее на глазах. Многоцветный вихрь, каким-то образом говорящий о раздражении. И мгновение спустя вихрь превратился в ее отца, давно мертвого, но сейчас выглядящего так, как в самом конце. Отец лежит на больничной постели, он исхудал, измучился и неодобрительно смотрит на нее.

Я бы подумал, доктор Баскин, прежде чем насмехаться над могущественными существами, мотивы действий которых для вас недоступны.

Она кивнула.

— Справедливо. Прошу прощения. Не выберете ли другую форму? Эта…

В мгновенной вспышке посетитель превратился в ротена, одного из тех преступников, которые утверждают, что они патроны землян и смогли создать культ. Из последователей этого культа

они набирают помощников в своем мошенничестве. Джиллиан поморщилась. Это напоминание о той тяжелой ситуации, которая сложилась дома, когда угрозы и опасности с каждым годом, месяцем и днем громоздятся все выше.

Теперь, когда я объяснил вам вашу роль, нужно обсудить некоторые другие проблемы, продолжал эрзац-ротен. *В ваш компьютер введено несколько программ — кое-какие предосторожности, которые нужно предпринять, чтобы вам было удобней в предстоящем переходе. Новая оболочка, которой мы окружили ваш корабль, вполне разумна и способна на многое. Она защитит вас во время взрыва звезды, поглотит большую часть тепла и ударной волны, когда вас отбросит в на гиперуровень намного ниже…*

Джиллиан прервала его:

— А что, если мы не хотим в этом участвовать?

Существо в облике ротена улыбнулось — от этой дружеской улыбки Джиллиан стало холодно.

Разве приключения и слава — недостаточные мотивации? Тогда попробуем кое-что другое.

В данный момент защита Земли рушится. Вскоре враги захватят вашу родную планету, затем все ее колонии и даже тайные убежища, в которых отчаявшиеся земляне пытаются

обеспечить безопасность немногим. Только вы, на борту «Стремительного», сможете нести семена своих видов, своей культуры, унести далеко от этих хулиганов-мальчишек, которые убьют или обратят в рабство всех людей и дельфинов. Разве ради предков и потомков вы не обязаны это сделать? Ведь у вас появляется возможность сохранить свою линию вдалеке от всех опасностей.

— Но насколько это вероятно? — спросила Джиллиан. — Вы ведь сами признали, что раньше никогда не получалось.

Расчеты говорят, что на этот раз, когда к нашему рецепту добавлены волчата, вероятность успеха намного больше. Я уже сказал об этом.

Джиллиан покачала головой.

— Мне жаль. Искушение сильное, но у меня приказ. Долг…

Долг перед Террагентским Советом? Трансцендент как будто заколебался.

— Да… но и перед всей моей цивилизацией. Цивилизацией Пяти Галактик. Возможно, для вас это муравейник. И вы правы: сейчас не лучшее время, и правят «хулиганы-мальчишки», которых вы упомянули. Но тимбрими и кое-кто еще полагают, что это может измениться, если использовать верные стимулы.

Она кивком указала на Херби, древний реликт, доставшийся «Стремительному» в Мелком скоплении.

— Правда может тонизировать — даже тех, кто боится. Ротен кивнул, и черты его начали растворяться в новой трансформации.

Достойная похвалы позиция молодой и благородной расы. Хотя, конечно, наши потребности важнее цивилизации капризных звездных примитивов.

Во всяком случае, время почти кончилось… как вам предстоит узнать самим.

Пока Джиллиан размышляла над смыслом его последнего замечания, черты лица посетителя оставались неясными.

Неожиданно на ее столе прозвенел звонок связи. Появилось небольшое голографическое изображение. Это был Зуб'даки. Серая голова дельфина выглядела возбужденной и встревоженной. Казалось, он не видит, что Джиллиан не одна.

— Доктор Баскин!

— Да? В чем дело, Зуб'даки?

— События ускоряются непредвиденным образом. Вам стоит прийти и посмотреть!

У Джиллиан внутри все перевернулось. В нор-

мальном состоянии она тут же отозвалась бы на этот призыв. Но сейчас ей трудно было представить что-нибудь более важное во всей вселенной, чем этот разговор с трансцендентным божеством, которое управляет их жизнью.

— Нельзя ли немного подождать? Я сейчас занята… Темные глаза дельфина астронома слегка расширились, он словно не верил услышанному.

— Доктор… позвольте объяснить. Я говорил, что падение обломков задержит световое давление. По мере того как белый карлик разогревается, его усиливающееся излучение отталкивает коллапсирующий диск, замедляет поступление новой материи. В результате сверхновая вспыхивает не сразу.

Но кое-что изменилось! Газ и пыль начали *слипаться!* Вся масса консолидируется в небольшие плотные шарики! Образуются триллионы и квадрильоны таких камешков.

— Ну и что? — Джиллиан пожала плечами. Присутствие посетителя не давало ей сосредоточиться. Он как раз остановился перед стеклянной витриной, разглядывая Херби. Черты трансцендента продолжали колебаться, как будто он проходил новое превращение. Джиллиан поняла, что он пытается выглядеть так, как когда-то

выглядел Херби — до того, как мумия провела миллиард лет в Мелком скоплении.

— Что? Вы спрашиваете что? — Зуб'даки в ужасе запинался. — Это означает, что облако таких камешков пропускает свет! И падает на звезды. Ничто не мешает этому падению! Огромная масса движется вниз с ужасной скоростью!

Джиллиан кивнула.

— Итак, сверхновая вспыхнет быстро и одновременно.

— И с беспрецедентной силой!

Пока она разговаривала с Зуб'даки, посетитель как будто испытывал трудности с нахождением подходящей внешности: в фигуре Херби от него что-то ускользало. Или трансценденты слишком заняты другими проблемами, чтобы использовать больше мощность компьютеров на такое несущественное дело.

Джиллиан покачала головой.

— Полагаю, мы присутствуем при действии суперкомпетентной технологии, Зуб'даки. Очевидно, все это было подготовлено заранее. Может быть, задолго до нашего рождения. Скажи мне, каковы новые оценки времени начала коллапса.

В голосе дельфина прозвучало раздражение.

— Вы меня не поняли, доктор. Падение уже…

Голос астронома стих, прерванный резкими сигналами тревоги. Дельфин повернул голову. За ним стали видны фигуры, быстро движущиеся в разных направлениях. Это члены экипажа занимали позиции по боевому расписанию. Затем изображение Зуб'даки исчезло.

Вместо него появилось вращающееся торнадо машины Нисс.

— В чем дело? — спросила Джиллиан. — А сейчас что случилось?

Нисс слегка пригнулся, как будто начиная замечать присутствие ее гостя. Потом голограмма вздрогнула и как будто совершенно забыла о трансценденте.

Я… должен доложить, что на нас снова нападают.

Джиллиан мигнула.

— Нападают? Кто?

А кто, по-вашему? Наш старый рок — корабль джофуров «Полкджи». Хотя он явно поврежден и трансформирован, но приближается быстро и уже начал излучать колебания на резонансной частоте пространства Д. Наш корпус снова превращается в принимающую антенну…

— Замолчи! — крикнула Джиллиан, размахивая перед собой руками. — Это безумие! Разве

джофуры не видят, что здесь происходит? И не знают о нашей защите?

Нисс знакомо пожал плечами.

Понятия не имею, что знают или чего не знают джофуры. Такая настойчивость на пороге гибели граничит с безумием. И однако факты остаются. Температура нашего корпуса уже начала расти.

Джиллиан повернулась к гостю, чье лицо гуманоидной амфибии стало прекрасным, оно чуть ли не светилось. В любое другое время это стало бы одним из самых сильных впечатлений в жизни Джиллиан, но сейчас она едва бросила на него взгляд.

— Ну? — спросила она.

Что ну, доктор Баскин? — ответил трансцендент, поворачиваясь к ней. В реконструкции ее давнего спутника, этого допотопного трупа, по-прежнему было что-то незавершенное.

— Ну… вы собираетесь нас защитить? *А вы просите нас о защите?*

Она от удивления едва смогла заговорить.

— Мне казалось… вы приложили такие усилия, отбирая и готовя нас…

Машина Нисс удивленно дрогнула.

Вы разговариваете со мной? С вами кто-то

есть? Мои сенсоры не способны…

Раздраженным взмахом руки Джиллиан приказала своему искусственному помощнику исчезнуть. А сама удивленно смотрела на трансцендента, который с каждым мгновением становился ярче.

Такие вложения требуют уверенности, доктор Баскин. Способны ли волчата выжить, преодолевая пропасть между небесами? Хватит ли вам мужества, чтобы выдержать то, что вас ожидает? Сможете ли вы перенести встречу с теми, кого встретите, когда окажетесь в далеких галактиках?

Теперь ее посетитель сиял, завершив преобразование из мумии в нечто подлинно божественное.

Нам кажется, что необходима еще одна, последняя, проверка. Для подтверждения вашей храбрости.

Джиллиан прикрыла глаза, и все же свечение было слишком ярким, оно проходило сквозь руку, и она увидела очертания собственных костей. Голос посетителя пронзил ее кожу, он теперь звучал в душе.

Вам предстоит выдержать еще одно испытание… в немногие оставшиеся мгновения… перед

тем, как вселенная изменится.

ЛАРК

Несмотря на отдельные перерывы, отдаленный голос слышался четко, резонируя в сознании.

...нужно обсудить некоторые другие проблемы... кое-какие предосторожности, которые нужно предпринять, чтобы вам было удобней в предстоящем переходе... новая оболочка... защитит вас во время взрыва звезды... когда вас отбросит на гиперуровень гораздо ниже...

Работая вместе с Линг и другими членами материнского консорциума, он наконец достиг цели — сумел просеять невероятно сложную сеть трансцендентов и найти что-нибудь настолько простое, что может понять органическая жизнь. Пока это был лучший результат после всех усилий. Объяснение — на чистом англике — того, что высшие существа надеются получить от всего этого смятения.

Очевидно, они воспользуются редким состоянием космоса, чтобы направить специально модифицированные корабли, перебросить своих посланников через невероятную пропасть, разделяющую отдельные скопления галактик.

Добавив к смеси волчат, мы на этот раз по-

лучаем… предотвратит неудачу, которой заканчивались все наши предыдущие попытки… когда мы пытались отправить послание через обширную плоскую пустыню, разделяющую наши соединенные галактики и мириады других небесных спиралей, которые мы видим, но с которыми никак не можем связаться…

Ларк чувствовал, как нарастает возбуждение в жидкой среде, в которой плавают они с Линг и множество других организмов-симбионотов. «Мать» явно была возбуждена и встревожена полученными новостями. Он знал это отчасти и потому, что его собственные тревожные мысли способствовали формированию этого общего настроения.

Линг дала знать о своем присутствии. Повернув голову, он увидел, что она плывет к нему в живой среде. Подплыв, Линг взяла его за руку. И в момент этого контакта он воспринял ее сознание, узнал новые страшные известия.

Ты это чувствуешь? Мастер-кольца решили напасть и уничтожить «Стремительный», каковы бы ни были последствия!

Ларк удивленно мигнул. Попробовал сам мысленно проникнуть в сеть «Полкджи», нашел командную частоту джофуров, и вскоре худшие

его опасения подтвердились.

Груда-священник и новый капитан-лидер достигли полного согласия. С мрачной решимостью они направили «Полкджи» по новому, смертоносному курсу. Нападали, независимо от последствий.

Но чего они надеются достичь? Вмешательство в дела трансцендентов только заставит эти могучие существа прихлопнуть корабль — и всех нас па его борту, — как надоедливую мошку!

Линг кивнула, и Ларк понял, что сам ответил на собственный вопрос. С точки зрения командира джофуров, это предоставляло последний шанс уничтожить гибридный водородно-кислородный сверхорганизм, который захватил большую часть корабля. Очевидно, джофуры предпочитают сдаче гибель со славой.

Это самоубийственное решение опечалило Ларка. Если бы они просто подождали вспышки сверхновой! Ему так хотелось увидеть это невероятное явление, почувствовать, как первый сверхплотный поток нейтрино пронизывает тело, предвещая новый рассвет. Рассвет, который разгонит ночь на мириадах планет.

Конечно, мать не собиралась терпеливо дожидаться этого. С одобрения всех разумных членов

сообщество немедленно начало наступление на сохранившиеся укрепления непреображенных джофуров. Вскоре Ларк начал испытывать ярость битвы: обе стороны обменивались огненными ударами в коридорах «Полкджи», еще более повреждая стены корабля. Нервные окончания Ларка реагировали на каждую рану или смерть физической болью. Очень личной болью.

Мать вот-вот прорвется в машинное отделение, заметила Линг. *Но мы можем не успеть отключить двигатели, чтобы спасти землян… или предотвратить гнев трансцендентов.*

Сопротивление было отчаянным, груды колец и роботы упорно противостояли нападению. Но шары зангов и другие члены материнского сообщества продолжали натиск, смело преодолевая линии обороны джофуров.

Надо им помочь, подумал Ларк, и Линг кивнула. Оба они чувствовали, что резервы матери на пределе. Сейчас не время оставаться позади.

И все же, когда они уже собрались присоединиться к схватке, что-то удержало их. Сопротивление, которое остановило Ларка.

Это был не приказ. Скорее общее решение — общее чувство всех остальных компонентов симбиоза. Согласие с тем, что нельзя рисковать

двумя людьми.

Они лучше послужат своим умом и опытом, проникая в сеть и снова попытавшись связаться.

Ларк неохотно признал разумность такого решения. Вместе с Линг он вернулся к работу, открыл каналы, которые они обнаружили раньше.

Нам кажется, что необходима еще одна, последняя, проверка… для подтверждения вашей храбрости…

Еще одно испытание… перед тем как вселенная изменится…

Ларк выдохнул, и в густой среде повисла цепочка пузырей.

Вот оно что. Трансценденты продолжают действовать, они до самого последнего мгновения пытаются усовершенствовать свой эксперимент. А может, «боги» просто забавляются за счет бедных землян. В любом случае они не будут защищать «Стремительный» от этого последнего нападения. Напротив, они позволят «Полкджи» напасть и потом оценят результаты.

Времени на исследования не было. Частью сознания Ларк продолжал следить за падением огромной массы обломков.

Края этого облака на огромной скорости уже коснулись поверхности белого карлика, и эта

поверхность закипела. Ее начали пересекать концентрические волны синего пламени, выбрасывая назад в космос языки плазмы, предвестники предстоящего грандиозного фейерверка.

Тем временем с командного мостика «Полкджи» несся поток незакодированных оскорблений, направленных против экипажа «Стремительного». А корпус земного корабля уже превратился в приемную антенну, выкачивающую энергию из других сложенных слоев пространства.

И тут послышался знакомый голос.

Это был старый друг Ларка, треки с Джиджо, который когда-то был Асксом, потом Эвасксом, а теперь стал мудрым многокомпонентным существом, которое называлось просто «Х».

Мне наконец удалось установить контакт с компьютером земного корабля, объявило это гибридное существо.

Поздравляю, ответил Ларк. *Ты послал информацию, которую собирался передать?*

С чувством удовлетворения Х подтвердил, что это сделано. Все, что известно о мастер-кольцах джофуров, теперь передано в бортовую базу данных «Стремительного», включая инструкцию по выращиванию красных колец — того самого типа, который способен успешно сопротивляться

эгоцентрическому господству.

Но что хорошего может дать эта информация? Даже если «Стремительный» выдержит это нападение и последующий звездный взрыв, трансценденты забросят его далеко от Пяти Галактик, пустят по космической приливной волне туда, где нет ни одного джофура.

Х никак не показывал, что понимает это несоответствие.

Вас может заинтересовать кое-что еще из того, что я узнал. На борту земного корабля есть пассажир. Теперь его считают одним из почитаемых лидеров. Это человек, знакомый вам обоим.

Ларк чувствовал за этими словами боль и иронию. Направив волю на указанную тропу, он установил контакт с личными файлами «Стремительного» и узнал, о данных какого человека говорил Х.

Сара!

От изумления он содрогнулся. По бокам прокатились маленькие водовороты, Линг сжала его руку, чтобы помочь преодолеть шок.

Но что моя сестра там делает… так далеко от Джиджо? Как она попала в такую переделку?

Удар оказался еще сильней, потому что одновременно мать выдала оценку температуры на

борту «Стремительного». Она достигнет критической величины через полмидура.

А вскоре после этого вся вода на борту корабля с экипажем из дельфинов закипит.

ЭМЕРСОН

Тревога как будто застигла всех на командном мостике «Стремительного» врасплох.

Остальных так тревожила разгневанная, разбухающая звезда—и загадочные действия соседней иглы-врат, — что они как будто забыли об угрозе от более низменного врага.

Но он не забыл.

Эмерсон понимал, что этого нельзя делать. Он и раньше имел дело с джофурами и знал их упорство — целеустремленность, приданную этой расе беззаботными патронами, проводившими Возвышение. Эти патроны так и не сумели оценить все последствия вносимых ими изменений. И когда началось нападение, Эмерсон был к нему готов.

Не владея речью и письмом, он не мог читать надписи на мониторах или судить об истинной природе оружия джофуров. Но подробности не важны. Он понимал, что каким-то образом враг разогревает «Стремительный». Стены и палубы уже испускают волны неприятного тепла. И хотя маленькое солнце еще не готово взорваться, корабль получает огромные количества энергии.

Сара взяла его за руку, и он почувствовал себя виноватым: чтобы уйти, ему пришлось оттолкнуть ее. Но Эмерсон решил, что лучше попытаться спасти ей жизнь, чем оставаться рядом и поджариться вместе.

Он побежал по жаркому коридору и на бегу кричал, надеясь, что автоматический интерком передаст его простое сообщение:

— Суэсси!.. Каркаетт!.. Пора, пора, пора!

Придут ли они? Так много пришлось работать, чтобы осуществить его идею, применив двухсотлетней древности технологию к новым проблемам выживания. Он продолжал беспокоиться. Они могли просто успокаивать его, работать вместе с ним, только чтобы быть занятыми до конца…

Пробравшись по туннелю системы жизнеобеспечения, Эмерсон наконец достиг небольшого помещения, где в последний раз встречался с Древними… и почувствовал облегчение, видя, что Суэсси и два инженера-дельфина уже здесь, собрались вокруг большого лазера. Они разговаривали друг с другом на родном инженерном жаргоне. Эмерсон больше не понимал их коротких энергичных реплик, но речь их тем не менее звучала для него как музыка.

Изящная музыка компетентности.

Ханнес повернул свой зеркальный купол и задал Эмерсону вопрос. Настолько простой, что его смогли понять сохранившиеся центры речи.

— Да! — Эмерсон энергично кивнул. — Делайте… это!

Ханнес повернул ручку, и лазер неожиданно откатился на своем основании — он засвистел и напрягся, как огромный зверь, готовый к действиям.

Эмерсон передвинулся, чтобы иметь возможность посмотреть вдоль массивного ствола: ему было интересно взглянуть, куда уходит энергия.

Но он увидел только звезды.

На соседнем экране видна была красная точка, представляющая джофурский корабль «Полкджи», который подходит к «Стремительному» с другой стороны.

Конечно, с Древними ему повезло. Нужна была удача, чтобы враг оказался в пределах досягаемости. Да и могучая защита боевого корабля способна отразить даже такой мощный удар.

Эмерсон пожал плечами. Не важно. Ему не нужно уничтожать корабль джофуров, чтобы нанести им поражение.

Он ощутил холодный ветерок. Вздрогнул и

увидел, что над дыхалами у дельфинов возникают туманные облачка, как индивидуальные замерзшие фонтаны. Собственное его дыхание тоже начало конденсироваться. Через несколько мгновений в небольшом помещении стало заметно холоднее, и Ханнес приказал всем уходить. Пора дать возможность машине действовать, как было запланировано.

Тем не менее Эмерсон задержался, наслаждаясь потоком ледяного воздуха, который вентиляторы разносят теперь по всему кораблю. Он представил себе луч лазера в виде гигантского насоса, выкачивающего тепло с такой же скоростью, с какой оно поступает, а потом выбрасывающего назад в космос. И улыбнулся тому, что древняя земная технология нанесла поражение галактам — как и когда-то давно, в пасти разъяренного солнца.

У меня… еще есть… они… — Он посмотрел на свои руки.

Но когда улыбка стала шумной — застучали зубы, Эмерсон наконец позволил Ханнесу и остальным утащить себя в обитаемую зону.

Там его ждет Сара.

И теперь у них есть возможность побыть вместе.

Пока не взорвалась звезда.

ДЖИЛЛИАН

— Вы никогда не вызывали добровольцев, — обвиняющим тоном сказала она своему гостю.

Трансцендентное существо вернулось в ее кабинет, собравшись из пылинок и частиц воздуха — может быть, чтобы возобновить разговор или поздравить Джиллиан с хитроумным трюком, разыгранным инженерами «Стремительного». Они создали *лазер-рефрижератор,* устройство для выбрасывания тепла за борт. И всю энергию, которую враг направлял из пространства Д, это устройство возвращало назад.

Мало кому из галактов требовалось такое грубое, безвкусное, *волчачье* приспособление. Оно казалось нелепо примитивным, вроде ракет или самолетов, приводимых в движение пропеллером. Но когда двести лет назад люди начали впервые исследовать глубины собственного солнца — они занялись этим из чистого любопытства, — трюк с использованием лазера в противоположном направлении оказался полезным и спасительным.

Вскоре после появления гость словно подплыл к Джиллиан. Это было существо с блестящей

серой кожей, с коротким мощным хвостом; его плавники действительно подняли своими ударами ветер, сбросив бумаги со стола Джиллиан. Еще более сгустившись, существо приняло облик самого близкого друга Джиллиан среди дельфинов лейтенанта Хикахи, той самой, кто вместе с Томом и Чарлзом Дартом осталась на Китрупе.

Прежде чем трансцендент заговорил, Джиллиан закончила свое обвинение.

— Вы говорите, что вам нужны волчата, чтобы добавить нужный ингредиент к своему посланию в другие галактики. А вам не приходило в голову спросить? Я знаю землян. Вы нашли бы тысячи, миллионы добровольцев для такого путешествия! Даже если бы заранее было известно, что предстоит слияние с гидрос, машинами и другими ужасными тварями. У нас всегда было достаточно свихнувшихся и любителей приключений. Да они заплатили бы любую цену, лишь бы увидеть далекий горизонт.

Эрзац-дельфин лениво повернулся на бок, словно наслаждаясь новым ощущением.

Мы это запомним, сказал он так похоже на голос Хикахи, что у Джиллиан заныло в груди. — *И, может быть, воспользуемся вашим советом… когда вопрос возникнет в следующий раз…*

Она посмотрела на него и коротко, сухо рассмеялась.

— Конечно. Когда будет предстоять новый разрыв, через сто миллионов лет!

Для тех, кто живет вблизи подлинных сингулярностей, это не так долго. Для нас, тех, кого вы называете «трусами» за то, что мы не ныряем в неизвестное, а задерживаемся на границе черной дыры.

— Послушайте. — Джиллиан подняла руку. — Я уже извинилась за это. Мне кажется, что теперь нам лучше прекратить…

Преследование? Гость изогнул свое подобие тела. Джиллиан приподняла брови.

— Вы уже знаете…

Что вы собираетесь сказать? Ваши поверхностные мысли легко прочитываются. Но даже без использования пси мы можем делать хорошие оценки, основанные на изучении вашего поведения в различных обстоятельствах. Наши модели недавно были пересмотрены. Хотите знать, что предсказывают наши последние расчеты?

Она осторожно ответила:

— Слушаю.

Двойник Хикахи одним черным глазом посмотрел на Джиллиан.

Вы собираетесь отклонить честь быть нашими посланниками. Вы будете утверждать, что вас удерживают ваши обязательства, которые невозможно игнорировать.

Джиллиан пожала плечами.

— После нашего последнего разговора всякий догадался бы об этом. Предположим, я отклоняю ваше предложение. Как вы на это ответите?

Я скажу, что у вас нет выбора. Ваш корабль уже окружен средством для передвижения и одновременно защитой, он готов воспользоваться возможностью, когда поблизости откроется щель в пространстве-времени. Если повезет, вы сможете проникнуть за грани известной цивилизации. От такой подготовки легко не отказываются. Ваш отказ не будет принят.

Джиллиан горько вздохнула.

— Полагаю, мне следовало ждать такого ответа. Итак, что говорят ваши модели о моем следующем ответе?

Существо в облике дельфина рассмеялось.

Вы ответите угрозами.

Вы скажете, что готовы взорвать свой корабль… или каким-то другим способом помешать доставке послания.

Джиллиан почувствовала, что краснеет. Имен-

но таким был бы ее следующий ход. Отчаянный ход. Но за то короткое время, что было в ее распоряжении, она ничего другого не придумала.

— Вероятно, это что-то вроде клише.

Естественно, мы приняли во внимание все подобные возможности. В данном случае наш анализ показывает, что вы будете блефовать. При необходимости выбора между приключением, с одной стороны, и несомненным уничтожением — с другой, вы несомненно выберете приключение/

Джиллиан опустила плечи. Трансценденты быстро учатся, а обладая невероятной расчетной мощностью, они могут моделировать целые альтернативные реальности. Неудивительно, что они предвидят любой ее план, разработанный ограниченным человеческим разумом.

— Так вот оно как? — спросила она. — У нас нет выбора. Мы направляемся в далекую галактику, хотим этого или нет.

Ваша линейная догадка справедлива лишь отчасти. Действительно, выбора у вас нет. В этом отношении вы правы, доктор Баскин. Мы можем заставить вас и ваш экипаж принять участие в полете, и тут вы ничего сделать не можете.

Гость покачал гладкой серой головой, начиная новую трансформацию. Очертания Хикахи стали

туманными. Ее тело начало растягиваться.

Но мы моделируем не только ваше сегодняшнее поведение. Мы определяем, что вы можете сделать дальше… в течение будущих недель, месяцев, годов — все время, пока не прибудете в далекое царство.

Джиллиан мигнула.

— Вы заглядываете так далеко вперед?

С высокой степенью вероятности. И тут наши модели сообщают о возникновении проблемы. Если у вас будет достаточно времени, вам в голову придет кое-что еще. Вы осознаете, что можно получить не только приключение, но и возможность отомстить! Возможность навестить далекое царство и одновременно отплатить тем, кто против воли отправил вас в это далекое путешествие.

Джиллиан могла только ошеломленно смотреть, как трансцендент заканчивает превращение — становится другим дельфином, с более длинным и сильным телом, чем у Хикахи, со шрамом на месте страшной раны у левого глаза.

Крайдайки, с легкой дрожью поняла она.

— Я… не… не понимаю, о чем вы говорите. Если только… Джиллиан глотнула и постаралась сосредоточиться. Но под властным взглядом ки-

тообразного это было трудно сделать.

— Если только вас тревожит, что мы о вас расскажем тому высокому разуму, который встретим по ту сторону.

На этот раз гость ответил не на англике. Двойник прежнего капитана «Стремительного» приподнял изуродованную голову и испустил поток щелчков и писков, заполнив ее кабинет звуками стихотворения на тринари.

Какая месть
Может быть длительней,
Чем жестокость
Клеветы,
Произнесенной разгневанными
Потомками,
Бросающими вызов
Своим далеким предкам?
Можете ли вы избежать
Смертного приговора времени?
Или жестокого трения Энтропии?
Мы знаем лишь один
Безошибочный способ
Достичь успеха
И стать бессмертными —
Если хочешь
Жить вечно,

Вначале заслужи любовь
И преклонение
Тех, кто пойдет
Дальше,
Они будут произносить
Твое имя,
Даже когда
Остынут звезды.

Джиллиан смотрела на двойника своего старого друга и командира. Дельфин-капитан выглядел таким подлинным, таким осязаемым, словно можно протянуть руку и погладить его теплый серый бок — изуродованный, но непреклонный.

— Это… первая поистине разумная мысль, которую я услышала от вас, боги… — сказала она. — Как будто… вы действительно…

Трансцендент прервал ее. Его гладкое тело начало растворяться, складываться, превращаясь в огненный шар. *А вы… уверены… что я… не?..* Она замигала, не уверенная в окончании.

— Подождите! — воскликнула Джиллиан. — Что произойдет? Что вы собираетесь…

Гость неожиданно исчез. Но в ее сознании он на мгновение задержался, мягко прошептав:

У нас много дел… и слишком мало времени…

Помещение заполнил резкий свист. Возникло

голографическое изображение Акеакемаи, находящегося на капитанском мостике.

— Джиллиан! Зуб'даки говорит, что падение массы ускорилось! Взрыв может произойти через несколько минут!

Она кивнула, чувствуя себя усталой и не готовой быть свидетелем конца вселенной. Или даже ее части.

— Сейчас буду, — ответила Джиллиан, поворачиваясь к двери. Но снова послышался взволнованный голос пилота.

— Дело не в этом, — лихорадочно продолжал он. — Большая игла-врата… она…

Последовал громкий звук. Джиллиан увидела стремительное передвижение на мостике, офицеры метались, перемещаясь с помощью мощных ударов хвостов.

— Нисс! — приказала Джиллиан. — Покажи мне, что там происходит!

Неожиданно возникла новая голограмма — с видом ближайшего пространства.

Большую часть сцены занимала игла трансцендентов размером с планету. Один из ее боков теперь светился так ярко, что на него больно было смотреть, он гневно отражал свет звезды-карлика — кипящий пожар, быстро приближающийся к

Армагеддону.

Джиллиан сразу увидела, что взволновало Акеакемаи. Игла *раскалывалась*. И при этом вырвавшиеся лучи охватили три соседних объекта.

Вспыхнули надписи, идентифицирующие цели.

Первая из них — «Стремительный». Джиллиан почувствовала, как содрогнулся корпус, когда его коснулся луч.

Вторая — боевой корабль джофуров.

И наконец — один из шарообразных кораблей-«кандидатов», теперь окутанный какой-то туманной массой.

Все три корабля начало втягивать внутрь.

А потом лучи, словно острым скальпелем хирурга, начали разрезать все три корабля.

«X»

Чувствуете ли вы это, мои кольца? О все другие мои «я»?

Как ты, Ларк?

И ты, Линг?

Чувствуете ли вы, как мать — то макросущество, в котором мы все объединились, дергается в страхе, когда лезвия режут корпус «Полкджи»? Чувствуете ли вы, как отделяются далекие стены и переборки, как в вакуум выбрасываются воздух, жидкости и живые существа? На несколько мгновений кажется, что наступило время нашей гибели.

Пришел наконец наш/мой/ваш конец.

Но заметьте! Чувствуете ли вы неожиданное изменение настроения?

Мы/я/вы осознаем истину, и мать радуется.

Эти лучи-скальпели режут быстро и избирательно. У «Полкджи» отнимают лишь несколько небольших фрагментов.

Инструменты сообщают, что в корпусе земного корабля «Стремительный» точно так же проделано лишь несколько небольших отверстий.

Но третьей жертве повезло меньше!

Ближайший могучий шар — гигантский корабль-кандидат, уже готовый к эпическому путешествию — разрезан и вскрыт! Все наши кольца и сегменты в ужасе и благоговении смотрят, как его содержимое приносится в жертву — тысячи разумных гибридных существ выбрасываются, как внутренности только что пойманной рыбы… остается только сверкающая оболочка.

И эта живая оболочка стремительно движется к «Полкджи»!

Теперь наше внимание устремлено к разгневанному солнцу.

Как давно вращается оно в мире? Свидетель молодости галактики, звезда-карлик давно покончила с кратким периодом юности и перешла к спокойной отставке. Если ее оставить в покое, она может еще двадцать миллиардов лет медленно сжиматься. Поскольку у нее нет по соседству другой звезды, она никогда не получила бы прибавку массы, необходимой для экстатической смерти.

Но только теперь эта необходимая масса появилась!

Подобно пилигримам, стремящимся к святилищу, миллионы звездных кораблей ответили на призыв Великого Сортировщика. Они прибыли, выстроились вежливой спиральной очередью в

поисках избавления и повышения… но встретили смерть на самом пороге трансцендентности. Их тела, спрессованные в плотные шары, теперь падают на звезду, привнося новый фермент, доводя соотношение материи и энергии до требуемой величины.

До точки, от которой нет возврата.

Мои кольца… многие из вас были когда-то членами Аскса, этого старого мудреца треки.

На Джиджо вам не нужно было думать о подобных вещах. Вместо того чтобы размышлять о границе Чандрасекара и излучающей непрозрачности, мы/вы/я разрешали споры, которые возникали между деревнями и племенами. Мы давали консультации враждующим урским, человеческим и квуэнским семействам. Мы целые дни проводили на какой-нибудь ароматной груде мульчи, счастливо ведя внутренний спор.

Теперь мать предоставляет самую обширную информацию, дает доступ к бортовой Библиотеке «Полкджи», захваченной у джофуров.

Поэтому я/мы/вы знаем все о *критическом пороге* и *катастрофическом коллапсе,* который должен вскоре произойти, за ним последует грандиозный «скачок», когда большая часть массы бедной звезды выбросится со скоростью света.

Вначале возникнет поток нейтрино. Не так много, как в «сверхновой второго типа». Но вполне достаточно, чтобы эти фантомные частицы передали температуру и инерцию любому телу на расстоянии в десять орбит Джиджо. (Мы находимся гораздо ближе!) Далее пойдут рентгеновские и гамма-лучи… а потом и другие формы излучения. Их будет так много, что передние волны, устремляясь в космос с яркостью триллиона солнц, создадут собственное гравитационное поле.

И наконец, то, что останется от бедного «Полкджи», сотрясет ударная волна протонов, нейтронов, электронов и ионов, придав ускорение в сто тысяч G.

Неудивительно, что трансценденты полагают, будто это событие проделает дыры в космическом *теме.* Очевидно, именно к этому они стремятся. Это будет нечто вроде погребального костра. Достаточно яркого, чтобы перебросить семена через величайшую пустыню.

Вы слышали последние новости, мои кольца?

Ларк и Линг передают то, что узнали, подсоединившись к сети трансцендентов.

Объяснение недавней жестокой хирургической операции, проделанной лучами-скальпелями!

Очевидно, высокие существа в последнее мгновение изменили свои планы.

Быстрые импровизации не в их обычае, но сейчас они лихорадочно работают. Переделывают. Изменяют комбинации.

И мы являемся объектом их неожиданного намерения!

Мы ошеломленно наблюдаем, как две тонкие полоски материи выдвигаются из земного корабля и направляются к нам, оставляя за собой отверстия, которые тут же закрываются. Эти тонкие трубы тянутся к «Полкджи»… и одновременно с другой стороны приближается сверкающая живая оболочка корабля-шара.

Дельфины, говорит Линг, узнавая содержимое цилиндров, взятых со «Стремительного». *Примерно с десяток. Добровольцы, которые присоединяются к нам вместе с запасом ген и архивом культуры…*

С головокружительной скоростью трубы входят в подготовленные для них отверстия. *И вовремя.* Сразу вслед за этим оболочка покрывает «Полкджи», окружает энергетическим единством.

Все компоненты матери — даже недавно захваченные офицеры-джофуры — содрогаются от шока, когда масса светящихся щупалец подхва-

тывает наш преображенный корабль, проникает в него, связывает, превращает в вибрирующее, пульсирующее целое.

Нечто нетерпеливое. Свернувшееся и готовое к тому, что будет дальше.

Вы чувствуете агонию умирающих богов?

Игла-врата дергается, мерцает, притягивая к себе «Стремительный». Светясь и коллапсируя внутрь, врата трансцендентов изгибаются, создавая мощные поля, заставляя пространство сворачиваться вокруг себя, образуя туннель. Прямой путь.

Импровизированный маршрут, который позволяет землянам спастись.

Успеют ли они это сделать?

Возможно, все-таки это похоронный звон не по нам.

Многочисленные организмы, составляющие мать, провели голосование. Согласились почти все.

Именно такое решение приняли бы мы, если бы трансценденты нас спросили. (Вероятно, они своим моделированием предвидели это.)

Наш союз представляет собой дистилляцию. Комбинацию порядков жизни. Мешанину, полную свойственной гибридам энергии. С необыч-

ной приправой вкуса Земли и Джиджо наше сообщество представляет собой такой подбор ингредиентов, который позволит нам достичь успеха там, где другие терпели поражение.

Преодолеть непреодолимое.

Объединить необъединяемое.

Привнести в космос большее разнообразие… и сделать его единым.

Мы чувствуем, как новые щупальца «Полкджи» протягиваются, сжимают ткань пространства, поджидая мгновения, когда пронесется следующая ударная волна.

Величайшая волна хаоса.

Великий Разрыв.

Правильно ли рассчитали время трансценденты? Хватит ли у них мастерства произвести взрыв в тот момент, когда «Полкджи» способен будет подхватить волну?

Да, мои кольца и все другие мои я.

Я/мы/я/вы не можем дождаться этого.

Белый карлик содрогается.

Он всего в десять тысяч километров в диаметре. Искра зажигания пронесется со скоростью звука — несколько тысяч километров в секунду. Это означает, что потребуется меньше дура…

«Стремительный» напрягается, пытаясь до-

стичь спасительного туннеля.

Давай, Сара!

Ты справишься!

Давай!

Каждая проходящая секунда кажется вечностью — земной корабль устремляется к мерцающему спасению.

Неожиданно наши сенсоры, устремленные к солнцу, регистрируют ослепительную вспышку!

Невероятно яркий огонь на безумной скорости проносится' по измученной поверхности звезды, как мгновенное пламя спички.

Потом…

Вы чувствуете их, мои кольца?

Нейтрино, проходящие через воск.

Какое странное ощущение! Словно вспоминаешь завтра.

Мы отправляемся…

Часть пятая
Время Перемен

Некоторые порядки жизни более других склонны к контактам.

Члены квантового порядка не обладают ощущением места и времени. Во всяком случае, они не так, как мы, воспринимают эти свойства. Хотя они готовы к обмену информацией, однако обычно не понимают наших вопросов, а мы не понимаем большинство их ответов. Должен существовать какой-то общий контекст, чтобы слово «значение» приобрело смысл. По сравнению с квантовыми существами общение с водорододышащими, машинами и даже наиболее связными разумными мемо кажется почти тривиальным.

Однако некогда член разумной расы тоувинтов прервал свидание старейших в пространстве Д и задал одному из квантовых существ простой и наивный вопрос.

— Чего нам ожидать?

Ответ миллионы лет приводил в замешательство ученых. Без колебаний странное существо ответило:

— Всего.

ГАЛАКТИКИ

Фронт фотонов сверхновой коснулся «Стремительного» у самого входа в черный туннель — спасительной тропы, предоставленной загадочными трансцендентами.

Загремели сигналы тревоги, закричали дельфины, когда сзади ударили потоки обжигающей энергии, сминая обычные защитные поля, насыщая каждый квадратный метр пространства большим количеством тепла, чем обычное солнце даст за всю свою жизнь. Эта вспышка почти мгновенно испарила бы «Стремительный».

Но земной корабль напоминал кита, кожа которого обросла толстым слоем ракушек. Это необычное вещество оболочки светилось, охотно поглощая разрушительный свет.

Сара ухватилась за Прити и Эмерсона. Кости ее и костный мозг в костях пронизывала дрожь. Ослепляющая буря вывела из строя все наружные камеры, но сенсоры сообщали о невероятных потоках фотонов и нейтрино, которые испускала звезда на пределе выносливости… а может, в экстазе. В реальном времени взрыв длился миллисекунды, но протяженные поля

«Стремительного» позволяли экипажу видеть последовательные этапы процесса словно в замедленной съемке.

— Наша волшебная оболочка производит впечатление, — заметил Суэсси. — Но это еще только фотоны. Неизвестно, выдержит ли она следующие удары. Больше солнечной массы настоящей материи — фотонов и тяжелых ядер… они пронесутся здесь со скоростью света…

Сара достаточно разбиралась в физике, чтобы понять, какой кулак вот-вот обрушится на них. *Каждый атом кислорода и углерода моего тела проходил через такие конвульсии… варился на солнце, потом был выброшен в космос, прежде чем сконденсироваться в планеты, животных, людей.*

Теперь ее собственная звездная пыль может вернуться в космическую смесь, возможно, начать новый жизненный цикл на другой, еще не родившейся планете. Слабое утешение. Но у нее есть и другое.

Ларк.

Я получила его послание — перед тем как оболочка окружила «Полкджи», расправила свои щупальца, готовясь подхватить волну гиперреальности в тот момент, когда галактики

навсегда разойдутся.

Сейчас его корабль, должно быть, уже подхвачен приливом отдачи. Он устремился навстречу великому приключению.

Ирония происшедшего заставила ее улыбнуться. Из трех детей Нело один Ларк никогда не мечтал о том, чтобы покинуть свою любимую Джиджо. Но именно он увидит в космосе больше, чем даже трансценденты! Закоренелый холостяк, он со своей подругой может стать родоначальником нового человечества в какой-нибудь далекой галактике.

Прощай, брат. Пусть Ифни приглядывает за тобой.

Забавляйся.

Впереди тянулся спасительный туннель, пещера, полная необычными, наводящими ужас спиралями. Сара взглянула на Эмерсона. Несколько мгновений назад, когда последний град раздавленных Древних упал на измученную поверхность белого карлика, он произнес одно слово:

— *Мусор!*

…и улыбнулся, словно видя поражение смертельного врага. Кто-то считал субъективные секунды до удара волны материи:

— четырнадцать… тринадцать… двенадцать… Акеакеами произнес:

— Почти добрались…

Плавники пилота бились, направляя «Стремительный» к убежищу.

— Почти…

Напряжение было так велико, что Сара мысленно устремилась к той области, над которой сохраняла контроль. К области математики. К проблеме, недавно обнаруженной, — когда Джиллиан уговаривала трансцендентов взять «Полкджи» и отпустить «Стремительный».

В паутине тензоров бесконечности Сара столкнулась с препятствием, которое никак не могла обойти. Описание волн хаоса казалось совершенно необходимым. Но согласно моделям трансцендентов, оно не имело смысла!

Мне казалось, я установила окончательную истину, когда предсказала разрыв галактик как следствие расширения вселенной. Но сейчас я вижу — какая-то дополнительная сила движет события быстрей, чем ожидалось.

И смысл получался только при одном необычном предположении.

Что-то приближается. Что-то титаническое.

Подробности неясны, но Сара знала одно об этом вмешательстве.

Его не найдешь ни в одном гравитационном колодце. Нужно искать где-то в другом месте, в плоском пространстве. Далеко от Объятия…

«Стремительный» сильно вздрогнул. Сила и продолжительность дрожи возросли. Кто-то закричал.

— Волна материи!

На краткий миг время словно мелькнуло…

И в мгновение ока Сару окружили какие-то дергающиеся желтые фигуры. Эмерсон обнял ее так, словно наступил конец света. И она подумала, что так оно и есть.

Затем радостно закричала Прити, весело засвистели дельфины. В последующей суматохе и толчее Сара заметила — тревожная дрожь прекратилась. Исчезла! Ее сменил радостный рев освобожденных двигателей.

Снова загорелись экраны, показывая просторы необычно искаженного *илема* — мимо мелькали стены благословенного туннеля.

— Мы это сделали! — послышался возбужденный усиленный голос Суэсси.

Мы… сделали?

Сара с некоторым раздражением поняла, что,

погрузившись в математику, прозевала мгновение торжества и спасения.

Какая же я рассеянная, подумала она и принялась с силой целовать Эмерсона.

ПРОСТРАНСТВО Е

Казалось, профессия требовала от Гарри одиночества.

Теперь я знаю, почему в пространство Е Вер'К в 'квинн всегда посылал одиноких разведчиков. Здесь несколько сознаний способны создать опасность. И смутить.

Во время предыдущих поездок в царство живых идей он, оказываясь на новой территории, обнаруживал, что местная матрица кристаллизуется вокруг идей, исходящих из его собственного сознания. Поскольку поблизости больше никого, кроме стад местных мемоидов, не оказывалось, было не важно, что ожившие идеи говорят о его подсознании.

На этот раз на станции находится пять сильных личностей из четырех различных рас. И Гарри удивлялся с того момента, как его корабль вынырнул из плывущего пурпурного тумана и зашагал на длинных паучьих лапах.

Туман рассеялся, как занавес, раздвинутый любопытными пассажирами. Двер, Каа и Кивеи Ха'аоулин прижались к окнам контрольной рубки. Двер побывал в пространстве Е и раньше.

Остальные были поражены видом этого знаменитого мистического пространства.

Вы бы не смотрели так жадно, если бы видели то, что приходилось видеть мне.

Но Гарри все же не стал закрывать жалюзи. Может быть, никогда в жизни они больше не увидят пространство Е.

Это может оказаться и моим последним путешествием.

Вскоре туман настолько рассеялся, что стала видна равнина, покрытая кубами, пирамидами, наклонными плоскостями и более сложными геометрическими фигурами. По крайней мере так выглядели эти объекты вначале.

Но стоило ему внимательней всмотреться в один из них, как объект начал *таять*, потом собрался, принимая новые, более округлые формы. Вскоре Гарри увидел с обеих сторон выступы, похожие на… уши! Потом приплюснутый нос. Несколько мгновений спустя появился рот, полный желтоватых зубов. Рот улыбнулся ему — улыбкой одновременно непривлекательной и знакомой.

Он проверил показания инструментов. Мимический монолит на расстоянии примерно в тридцать псевдокилометров! Очевидно, он сам только что привел в действие механизм

образования этой гигантской скульптуры, напоминающей его голову и возвышающейся над самыми грандиозными земными скульптурами. Посмотрев направо и налево, он увидел, что во всех направлениях возникают скульптуры синтианца, дельфина и человека. И скоро насколько хватал глаз видно было только копии Каа, Двера и Кивеи.

— Ну, ну, — заметил обрадованный синтианский купец, похлопав обеими руками себя по животу. Не разбудить ли Рети, чтобы она смогла участвовать в этом увековечивании в мегамасштабах?

Гарри покачал головой, и гигантская скульптура скопировала его раздраженное выражение.

— Ради Ифни, пусть бедняжка оправляется от сотрясения. К тому же такие вещи обычно долго не сохраняются. Большинство этих больших мемо скоро снова растворится в *илеме*, как только исчезнет стимулировавший их появление хозяин.

— Но иногда они не исчезают? Есть ли шанс, что они сохранятся надолго?

Гарри пожал плечами, удивляясь, почему это так заинтересовало Кивеи.

— Я видел разные штуки — криптоформы

и застывшие образы из далекого прошлого. Вер'Кв'квинн говорит, что овеществленные мемообразы иногда бывают прочнее всякой реальной материи, как идеи, которые навсегда закрепляются в живом мозге. Думаю, в пространстве Е существуют концепты, которые переживут все протоны и кварки, всю звездную вселенную.

Кивеи смотрела на ряды холмов и гор, большинство из которых имели ее собственную самодовольную закругленную внешность.

— Правда? — В голосе ее звучала надежда.

Двер и Каа рассмеялись. Но Гарри покачал головой.

— Пора двигаться, — сказал он. — Пока ничего не случилось.

До сих пор мало что происходило в соответствии с планом.

Вначале этот мятеж и суматоха на складе в Каззкарке. Пока Двер прикрывал отступление дождем стрел, Гарри и Кивеи сумели унести потерявшую сознание Рети и при этом не попасть под ножи рассвирепевшего воина танду. В соседних переулках слышались звуки подходящего подкрепления: это новые злобные воины шли на помощь товарищу, а планетоид в это время сотрясали волны хаоса.

В последний раз посмотрев назад, Гарри увидел последние мгновения миссионера скиано: его швырнули во взорвавшееся круглое изображение Земли, голубой «планеты-жертвы».

До самых причалов Института их преследовали неприятности: каменные стены начали рассыпаться и рушиться, повреждая стоящие на причалах корабли. Звуки тревожных сирен говорили о неизбежности прорыва вакуума. Гарри загнал всех на борт и вывел свою станцию с привязанным сзади маленьким кораблем Каа перед тем, как начал рушиться потолок. К тому времени как он добрался до главного выхода, не было смысла в соблюдении протокола эмиграции. Стена, преграждавшая выход, растворилась, открыв просторы необычно мерцающих звезд.

Потребовалось какое-то время избегать рои опасных обломков, прежде чем удалось сделать простой гиперпрыжок на небольшое расстояние. Тем временем волны хаоса продолжали раскачивать планетоид.

Даже если я уцелею в этой последней миссии, не имеет смысла лететь сюда с отчетом.

Существуют и другие базы Института.

И говорят, что в такое время безопасней быть на планете.

Наконец волны хаоса улеглись, хотя Гарри знал, что худшее еще предстоит. Каззкарк исчез из виду. И Гарри надеялся что старый спрут Вер'Кв'квинн каком-то образом сумел с него убраться.

Потом все пошло как-то неправильно. Гарри сообщил Каа координаты и предоставил опытному пилоту провести их через десяток прыжков уровня Б, потом через небольшой п-пункт, который уже был провозглашен опасно неустойчивым.

Новаторские маневры Каа во время прыжков каким-то образом помешали им быть разорванными, разрезанными, поджаренными или испарившимися. Тем не менее это была дикая, нервная гонка. Половину времени Гарри бранил китовых и их предков до самого миоцена.

Наконец они достигли намеченного пункта входа — особого места, темнее черноты, где стены между разными уровнями реальности утончаются настолько, что их можно преодолеть. Настала очередь Гарри взять на себя управление. Вскоре реальность замерцала, и они оказались в царстве живых идей.

Гарри с облегчением покинул область гигантских статуй и перебрался в местность, поросшую бесконечными пучками оранжевой «травы»

— каждый ее стебелек представлял собой какой-нибудь фундаментальный концепт, растущий вне любого языка или сознания хозяина.

При более близком знакомстве прерия оказалась изъеденной и обесцвеченной. Видны были большие изломанные и обожженные полосы, как будто здесь прошлись землетрясения или пожары. Очевидно, и пространство Е не обладает иммунитетом к волнениям, сотрясающим пять связанных галактик. Даже на стадах мемоидов это отразилось. Гарри видел несколько больших табунов, несущихся галопом по дрожащей земле под угрожающе волнующимся небом.

Пассажиры удивленно смотрели в окна, а Гарри тем временем выбрал курс на Космическую Тропу. Он должен найти ту ее часть, которая выходит в Четвертую Галактику, и как можно быстрее выложить пакеты с инструментами. К счастью, эти новые приборы не нужно забирать. Гарри оставит их на месте, и здесь они будут уничтожены. А их предсмертные крики сообщат штату Вер'Кв'квинна ценные данные о Великом Разрыве. На этот раз, пообещал босс, информация будет широко распространена, ее не будут держать в тайне для последующего использования старшими расами и звездными богами.

Это было главной причиной, почему Гарри согласился принять участие в миссии. Забота о событиях, которые произойдут через сто миллионов лет, может показаться странной. Но по какой-то причине он отождествлял себя с разумными существами той далекой эпохи. Может быть, его усилия хоть частично спасут их от того ужаса незнания, который сейчас проносится по Пяти Галактикам. Даже если «боги» того времени будут отдаленными потомками шимпанзе, а штат Института Навигации этого будущего века будет состоять из потомков сегодняшних блох. Тех самых, что поселились в его шкуре и заставляют испытывать постоянное стремление почесаться…

Капитан Хармс, сказала вращающаяся круглая фигура, появившаяся в неуютной близости от его носа. *У меня есть новости! Ваша цель находится в непосредственной близости. Мои поздравления! И позвольте добавить, что это было насто…*

Гарри коротким кивком головы прервал излияния режима наблюдения. Бросившись к окну, он всмотрелся в постоянный туман пространства Е… и увидел тонкую извилистую светящуюся полоску прямо впереди.

— Ну что ж, хоть что-то для разнообразия про-

ходит правильно, — произнес он.

Выкладывая инструменты, он одновременно найдет на Тропе удобное место, переведет Каа и остальных в маленький корвет и вытолкнет корабль в нормальное пространство по возможности близко к их цели. У него самого может едва хватить времени, чтобы вернуться назад к цивилизации, прежде чем все начнет сотрясаться.

Рети была непреклонна.

С того момента как она вошла в контрольную рубку, одну руку прижав к голове, а другой поглаживая своего маленького урского «мужа», Рети сделала абсолютно понятным одно.

Она не вернется на Джиджо с Двером и остальными.

— Может, вы скучаете по грязи и толпе варваров с низкой технологией, но я не хочу больше слышать об этом месте. Я возвращаюсь с Гарри!

И все. Никакой благодарности за спасение жизни. Никакого упоминания о прежней религии, никаких расспросов о своем недавнем гуру. Только яростная решимость, преодолевающая любое сопротивление.

Такая молодая и такая непреклонная. Я встречал людей с такими сильными личностями. Они все из тех, кто меняет мир — к лучшему или к

худшему.

Но у большинства из таких людей есть черта, совершенно отсутствовавшая у Рети. Они понимают прагматическую ценность такта. Конечно, Рети выросла среди дикарей. В цивилизации она научится правилам жизни в обществе, приобретет умение заключать союзы, осуществлять свои желания, и, возможно, даже кому-то будет нравиться.

Но в ее плане было одно затруднение.

— Буду честен, мисс. Существуют неплохие шансы на то, что я сумею доставить вас в Четвертую Галактику, даже в нужный сектор. Но потом мои собственные шансы выжить…

Рети рассмеялась.

— Не говори мне о шансах! Я не думаю о шансах с тех пор, как меня едва не сожрал галлейтер, когда я навсегда убегала от своего племени. Мы с йии останемся рядом с твоим волосатым боком, если не возражаешь. И даже если возражаешь.

Остальные помочь не могли. Каа с помощью спектрального анализатора всматривался в Тропу, полную темными туманностями и сверкающими звездными скоплениями, искал красноречивый огонек особенно грозной звезды. Кивеи разглядывала равнину мемо, очевидно,

пытаясь заставить появиться больше собственных изображений.

Двер только закатил глаза. Он не собирался снова вмешиваться в жизнь Рети.

— Ну хорошо, — вздохнул Гарри. — Только обещай не мешать. И не стонать, если окажешься не там, где хочешь.

Рети кивнула.

— Лишь бы не Джиджо.

Сигнал сообщил о том, что еще один пакет с инструментами ушел в изгибающуюся Тропу. Если повезет, инструменты Вер'Кв'квинна займут нужные позиции до удара основной волны хаоса. Тогда останется только выпустить Каа и остальных вблизи обозначенного на карте п-пункта и пожелать им удачи.

Он предложил Кивеи возможность передумать.

— Тебе не обязательно отправляться в Четвертую Галактику. После разрыва связей больше не будет сообщения с…

Кивеи со смехом подняла мясистую руку.

— Прошу, не нужно больше сказок о «постоянном разрыве». Разведчик-майор, вас ввели в заблуждение. Пять галактик всегда будут…

Станция резко остановилась. Резкий писк за-

ставил всех посмотреть на Каа, который бил плавниками так, что раскачивалось его устройство для ходьбы.

— Идите сюда! — крикнул дельфин. — Посмотрите на это!

Гарри и Кивеи присоединились к Каа у окна. Каа с помощью своего невронального клапана создал луч-указатель и нацелил его на сверкающую Тропу.

— *Вот она!*— В голосе пилота звучало удовлетворение. — Я ее нашел.

Двер спросил:

— Измунути?

— Да! Сразу за тем продолговатым облаком ионизированного водорода. Спектральное соответствие очень точное. Соответствуют и окружающие звездные формации.

— Ух ты, — сказал Двер. — Думаю, я могу даже разглядеть одно-два знакомых созвездия. Они, конечно, искажены.

Каа приподнял гладкую серую голову и счастливо защелкал. И хотя Гарри с трудом владел тринари, смысл он понял.

Было бы достаточно выполнить долг, Помогая земному клану.

Было бы достаточно спасти Пипое

И провести с ней остаток жизни.

Было бы достаточно помочь спасти Джиджо И снова ощутить соленый вкус ее вод.

Все это и многое другое

Сделало бы меня счастливым.

Но все эти радости означают,

Что я возвращаю себе свое прозвище!

Кивеи всматривалась в пространство, усеянное огоньками.

— Значит, солнце Джиджо?..

— Прямо здесь! — Каа посмотрел темным глазом на Гарри. — Майор Хармс, если введете нас здесь, сколько пактааров будет отделять нас от…

Внимание Гарри привлек неожиданный удар в плечо. Он повернулся и увидел Рети, которая держала на сгибе руки своего урского спутника. Маленькое существо — «муж» Рети, — изогнув гибкую длинную шею, всматривалось в тропу.

— Майор Хармс, можем ли мы задать вам вопрос?

— Не сейчас, Рети. Мы принимаем важное решение. Она кивнула.

— Знаю. Но йии увидел кое-что, на что вам тоже следует взглянуть. — Она показала на извилистую трубу в том направлении, откуда они пришли. — Там что-то происходит.

Гарри распрямился.

— О чем ты?

— Я хочу сказать, что за последние несколько дуров там произошло три-четыре очень ярких… О, вот еще одна! — Она мигнула, когда яркий свет ударил в глаза. — Это нормально? Могут ли звезды так неожиданно начать светиться? Мне показалось, что вы должны знать…

— Режим наблюдения! — крикнул Гарри. — Просканируй неожиданные звездные взрывы на Тропе. Определи, иллюзии ли это пространства Е или подлинное происшествие в Четвертой Галактике.

Парящий символ заклубился лишь на мгновение.

Взрывы обладают спектральными характеристиками и яркостью необычно высокоэнергетических сверхновых класса CH1. Такие взрывы воздействуют на межпространственную мембрану, которую вы называете Тропой.

— Это я вижу! — выпалил Гарри. Гигантская извилина начала двигаться. Вблизи каждого неожиданного взрыва она содрогалась и вздымалась.

Параметры безопасности подсказывают, что благоразумно было бы удалиться от границы.

Кивеи возразила:

— Но сверхновые так себя не ведут! Каждая вспышка — это. изолированное астрофизическое событие!

— Мне это не нравится, — добавил Двер.

— Может, следует сделать, что говорит голос, — предложила Рети. — Попятимся. Вернемся в нормальное пространство. Найдем убежище на какой-нибудь планете и переждем, пока взрывы не кончатся…

— Забудь об этом! — крикнул Каа. — Хармс, ты должен выполнить обещанное!

Гарри кивнул.

— Хорошо. Все, кто собирается на Джиджо, отойдите к шлюзу, ведущему на корвет. Нам потребуется несколько дуров…

Фраза оборвалась, потому что вспыхнула еще одна голубая звезда — на этот раз слева от них, почти рядом с границей, — на мгновение ее свечение усилилось в миллионы раз, заполнив каюту ослепительным светом.

Скорость света не стала помехой для последовавших нарушений причинности. Какая-то метрическая волна ударила по мясистой внутренней поверхности Тропы, заставив ее корчиться и вздыматься, как измученную змею. Периметр

выпятился в пространство Е, быстро теряя цвет; рядом возникали новые выступы, извиваясь, как псевдоподы в муках. Несколько таких выступов окружили станцию и спазмодически дергались.

Возможно, такое нападание со стороны сверхновой слишком личное. Но у Гарри не было времени думать об иронии такого масштаба.

— Подготовиться к переходу! — крикнул он; в его голосе звучал ужас.

Вся Тропа мгновенно засветилась, и Гарри понял, что его оценки неверны.

Разрыв начинается.

У пассажиров было время только для того, чтобы ухватиться за что-нибудь; звездная вселенная с ужасным стоном подхватила корабль Гарри и выбросила его в мир атомов.

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА

Джиллиан знала только двух пилотов, которые смогли бы сманеврировать в таких пространственных условиях.

Кипиру и Каа. Оба начинали три года назад полет в составе отборного экипажа Крайдайки.

Теперь оба исчезли. Каждый отправился туда, где больше всего нужен.

Удачи тебе, Кипиру. Она послала свое пожелание в пространство, минуя мириады сверкающих звезд. *Куда бы ни решили отправиться Том и Крайдайки, пожалуйста, помоги им добраться до безопасной гавани.*

Что касается Каа, то она испытывала вину с тех пор, как заставила его улететь с Джиджо, оставить Пипое, которая так в нем нуждается. Согласно расчетам Сары, возвращение в Четвертую Галактику будет опасным, потребует всего его мастерства и щедрой помощи со стороны его знаменитой удачи.

Я знаю, ты это сделаешь, Каа. Желаю тебе плавать рядом с Пипое и всю жизнь оставаться любимцем Ифни!

Условия повсюду не так тяжелы, как в Четвер-

той Галактике. Однако пространство цивилизации везде находится в натянутом, возбужденном состоянии. Институт Навигации продолжал запрещать маршруты, пока не кончились сигнальные маяки, затем разместил смелых добровольцев вдоль всех известных маршрутов. Они до хрипоты кричали на подпространственных частотах, направляя движение по безопасным путям. С бесчисленных планет с отчаянными спасительными миссиями устремлялись флотилии, теряя корабли и экипажи в водоворотах пространства.

Это была Галактическая Цивилизация — в лучших своих проявлениях. Именно это позволяло надеяться, что она переживет хаос и станет еще сильней. После того как все уляжется. Через несколько тысяч лет.

А тем временем четыре оставшиеся галактики представляли собой хаотическую картину. Многие кланы и союзы забыли свои мелкие дрязги и помогали друг другу, но другие пользовались воцарившимся смятением, чтобы грабить, вымогать или решать старые споры. Как ядовитая рябь, распространялись религиозные ереси, раздувая древнюю вражду.

И куда же сейчас направляется «Стремитель-

ный»? Прямо к сцене самой жестокой фанатичной войны. И мы молимся, чтобы успеть до того, как борьба закончится. Все равно что из огня да в полымя.

На скорость «Стремительного» Джиллиан не могла пожаловаться. Вероятно, сейчас у нее самый быстрый корабль всей кислорододышащей цивилизации.

Не уменьшая достоинств Ак еакемаи, все же без Кипиру и Каа путь занял бы месяцы. Пришлось бы двигаться в обход. И мы застали бы только пепел, когда добрались бы до цели.

Хорошо, что нам помогают извне.

Эта «помощь» обволакивает ощетинившийся цилиндр земного корабля словно вторая кожа — одеяло из сверкающих щупалец, которые поглаживают разнообразные метрические структуры космического континуума, выбирая, чувствуя курс, скорость и уровень подпространства, чтобы найти самый подходящий маршрут. Не сдерживаемое предупредительными маяками и сигналами опасности, полуразумное облачение направляет «Стремительный» путями бурь неразрешимой гипергеометрии. Даже Кипиру не в состоянии был бы совершить такие прыжки.

Великие трансценденты могли не покидать

свое уютное Объятие Приливов; они редко появлялись за пределами горизонта событий черной дыры, чтобы вмешаться в судьбу более молодых рас. Но их слуги определенно умеют летать. И, может быть, эта помощь хоть немного уравновешивает неудачи «Стремительного» за прошедшие три года. Однако после того как они едва ушли от близкого взрыва сверхновой, Джиллиан перестала классифицировать чудеса на хорошие, плохие… и просто непонятные.

Просто приведите нас домой вовремя, думала она, не заботясь о том, слышат ли ее трансценденты.

К тому времени как «Стремительный» миновал тройной маяк Танит, Джиллиан поняла, что невозможное вот-вот произойдет.

Мы снова увидим Землю… хотя, может быть, только издали.

Когда экран заполнило золотое Солнце, начали попадаться все новые маяки, оставленные чиновниками разных институтов.

ПУТНИКИ, ОСТОРОЖНО! ВЫ ВСТУПАЕТЕ В ЗОНУ КОНФЛИКТА, ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ ЗАРЕГИСТРИРОВАННОГО ПО ПРАВИЛАМ ВОЙНЫ!

СОВЕТУЕМ: НЕМЕДЛЕННО ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НА ТАНИТ!

ЕСЛИ У ВАС ЕСТЬ ЗДЕСЬ ДЕЛО,
СВЯЖИТЕСЬ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ИНСТИТУТА ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ВОЙН, ЧТОБЫ УЗНАТЬ ПАРОЛЬ ПРОХОДА
ИЛИ ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬСЯ В КАЧЕСТВЕ ЕЩЕ ОДНОГО
УЧАСТНИКА КОНФЛИКТА — СОЮЗНИКА ЗЕМЛЯН ИЛИ ИХ ПРОТИВНИКА.
СЛЕДУЮЩИЕ РАСЫ/ГОСУДАРСТВА/КЛАНЫ/СОЮЗЫ ПРОВОЗГЛАСИЛИ КАМПАНИЮ МЕСТИ ПРОТИВ КИСЛОРОДНОГО КЛАНА, ИЗВЕСТНОГО ПОД НАЗВАНИЕМ «ЗЕМНОЙ»…

Так продолжалось какое-то время, перечислялись группы, принимающие участие в осаде родной планеты Джиллиан, — длинный, устрашающий список. Очевидно, после многолетних споров о том, кто захватит Землю, соро, танду, джофуры и остальные договорились объединиться и разделить добычу.

Число зарегистрированных союзников людей очень невелико. Верными землянам оставались тимбрими и дорого заплатили за эту верность. Отважные теннанинцы тоже. Материальную помощь — оружие, но не солдат — контрабандно предоставляли п'ортли, зуги и синтианцы, а также часть союза Ожидающих. Недавно на-

чали прибывать корабли с добровольцами, присланные новой группой, которая называет себя священнослужителями.

В сообщении Института войны содержался также длинный перечень протестов, внесенных соро и остальными. Они жаловались на «хитрости волчат», которые свели на нет несколько попыток привести корабли на расстояние досягаемости огнем; результатом были большие потери и гибель нескольких десятков боевых кораблей; все это было вызвано оружием, упоминаний о котором нет в Великой Библиотеке. Следовательно, незаконно таким способом убивать своих будущих убийц!

Эта часть сообщения заставила Джиллиан гордо усмехнуться… но, очевидно, набор «хитростей» у землян истощился. В сущности, земляне отступили к самой Луне и заняли круговую оборону.

Сообщение Института Войны заканчивалось обещанием применить все правила войны, как только конфликт подойдет к своему неизбежному завершению.

— Эти правила! — фыркнул Суэсси. В прошлом Институт Войны формализовал конфликты, превратив их в безопасный спорт, когда стороны ради чести или получения привилегий выставля-

ли своих бойцов-защитников. Но сегодня, когда воцарившийся хаос привел к ослаблению законов, боевые флоты, осаждающие Землю, могут делать что угодно. Отравить газом земные города. Пленить и «принять» граждан Земли. Все, кроме вреда биосфере планеты. Но даже это преступление может сойти с рук в развернувшемся хаосе.

Были и хорошие новости. Очевидно, так называемая Коалиция Умеренных решила наконец выступить против осады и собирала силы для участия в конфликте. Первые воинские части могут появиться через несколько недель, если их не задержат разрывы маршрутов.

Мы слышали такие обещания и раньше, с горечью подумала Джиллиан.

Нисс сообщил, что букмекеры (которые, несмотря на великий Разрыв, не прекратили свои операции) ставят на то, что Земля долго не продержится.

— Что ж, в последнее время многое изменилось, — сказала Джиллиан экипажу, когда корабль устремился к полю битвы у родной звезды. — Посмотрим, сможем ли и мы внести кое-какие изменения.

Планы ее оставались гибкими и зависели от условий вблизи Земли.

Возможно, удастся сорвать осаду, используя отвлекающий маневр. В конце концов именно ее корабль и есть та награда, за которой все так долго гоняются. Прежде всего именно сообщение о находке «Стремительного» в Мелком скоплении и вызвало всю эту ярость. И теперь, когда свежо еще воспоминание о Великом Разрыве, а апокалиптические пророчества бродят по галактикам, принося больше вреда, чем волны хаоса, эта страсть не утихла. Смятение по-прежнему царит в каждом секторе и квадранте, и догматические союзы считают еще более необходимым раньше соперников проникнуть в тайну Прародителей.

Что, если «Стремительный» неожиданно возникнет перед силами осаждающих, выступит против атакующих, начнет насмехаться над ними, а потом повернет и попытается убежать в неспокойную галактику? Не уведет ли он за собой могучие боевые флоты, предоставив Земле так необходимую ей передышку? Если повезет, это оживит вражду между танду и другими радикальными фанатиками, так что робкие «умеренные» наконец поймут, что необходимо вмешаться.

Такой шаг может вступить в противоречие с полученными Джиллиан приказами Террагентского Совета. Ей приказали скрываться. И прежде

всего не допустить, чтобы данные, добытые Крайдайки, попали не в те руки. «Стремительный» должен передать информацию только квалифицированным беспристрастным инстанциям или сделать это тогда, когда жители Пяти Галактик… теперь, вернее, Четырех Галактик договорятся, как совместно ими воспользоваться.

Что ж, я постаралась выполнить этот приказ! Какая инстанция может быть более «квалифицированной и нейтральной», чем смешанное сообщество, которое теперь владеет бывшим боевым кораблем джофуров «Полкджи»? Консорциум посланников нескольких порядков жизни, отобранных трансцендентами, чтобы представить всю нашу макрокультуру в каком-то далеком царстве?

Все образцы, взятые в призрачном флоте, включая загадочный улыбающийся труп Херби, теперь находятся на борту преображенного корабля и уносятся за пределы досягаемости самых ревностных фанатиков. Возможно, они поразят далекую цивилизацию или даже дадут возможность найти ответы на вопросы об этой загадке.

Теперь от Мелкого скопления остались только координаты. Да и те хранятся в безопасном месте.

Джиллиан охватило возбуждение. Она знала его причину.

Свобода.

Вместе с остатками экипажа «Стремительного» она чувствует себя свободной от тяжелого бремени. Ответственность висела на них всех, подобно савану, заставляя убегать и прятаться, как преследуемая дичь.

Но теперь все изменилось.

Мы теперь солдаты. И все.

Солдаты Земного клана.

ГИПЕРПРОСТРАНСТВО

После Великого Разрыва все начало воссоздаваться. Удивительная структура — многосложная структура пространства-времени — снова соединялась.

Специалисты Вер'Кв'квинна предупреждали Гарри. Когда все соединительные линии лопнут и большинство пунктов перехода коллапсирует, отдача будет всего сильнее в Четвертой Галактике. Вдобавок все известные уровни гиперпространства — от А до Е — более или менее отойдут друг от друга, как кожа, сходящая с линяющей змеи, и двинутся каждый своим путем.

Я не только потерял всякую надежду вернуться домой, думал он во время последующей дикой гонки. *Мы все можем навечно застрять в каком-нибудь жалком углу единственного спирального рукава. Может, даже одной солнечной системы!*

И это, конечно, при условии благополучного возвращения в нормальное пространство.

Станция Гарри дрожала и стонала. Все жалюзи гремели в своих рамах, а в толстых прозрачных панелях появились трещины. Снаружи водоворот нитей перехода извивался, как подвергаемые

пытке черви, дергаясь в агонии. Пространственно-геометрические линии, вырванные из своих креплений, яростно хлопали, сталкиваясь и разрезая друг друга на куски.

Самое неподходящее время для того, чтобы в стремлении превысить скорость света находить кратчайшие пути, которые за много эпох уже стали рутинными. Попытки обмануть Эйнштейна превратились в опасное преступление.

Гораздо безопасней было бы просто выбраться в нормальное пространство и переждать последствия разрыва вблизи какой-нибудь звезды на пригодной для обитания планете. В худшем случае — если полеты быстрее скорости света станут невозможны — будет по крайней мере место где жить. Но Каа не желал и слышать об этом. С того момента как они выбрались из пространства Е, дельфин взял на себя управление, покинув бесполезный теперь корвет, и направил станцию Гарри к ближайшему пункту перехода — в умирающий водоворот — в отчаянной попытке найти путь к единственному месту, которое он теперь называл домом.

Гарри никогда не видел такого великолепного пилотирования — или хотя бы вполовину такого безумного. Его короткая и широкая станция вряд

ли похожа на спортивный корабль, но Каа делал невероятно резкие повороты, прыгал между сверкающих нитей, как опьяневший гиббон, который бежит по горящему лесу, перепрыгивая с одной ветки на другую. Каа непрерывно бил хвостом по своей плавучей платформе. Глаза у него остекленели и впали, потоки информации проходили через невральный клапан. Из черепа с высоким куполом вырывался поток щелкающих звуков, иногда прерываемый отдельными словами.

Чаще всего Гарри слышал слово «Пипое». Выполнив свой долг перед «Стремительным» и Землей, Каа теперь знал только одно — он должен встретиться с любимой.

Гарри сочувствовал ему. *Я хотел бы только, чтобы он спросил нашего согласия, прежде чем пускаться в этот безумный рейд.*

Никто не решался нарушить сосредоточенность Каа. Даже Рети молчала, нервно поглаживая своего маленького урского мужа. Кивеи Ха'аоулин сидела скорчившись и что-то бормотала про себя. Может, жалела, что поддалась жадности и не прислушалась к предупреждающему внутреннему голосу.

Только Двер казался слишком равнодушным, чтобы испугаться. Молодой охотник прижался

спиной к контрольной консоли, ногой упирался в окно, оставив обе руки свободными. И пока за окном впечатляюще распутывался гордиев узел космических линий, Двер спокойно полировал свой лук.

Что ж, вероятно, все что угодно может показаться разрядкой, подумал Гарри. *После зрелища одновременной вспышки множества сверхновых, после того как Тропа схватила вас как раненое чудовище, можно спокойней относиться к чему-нибудь такому привычному, как пожар в космосе.*

Каа громко крикнул и направил корабль к большой нити, свободный конец которой бился, испуская поток ужасных искр! Рети закричала. Гарри тошнило, тошнота грозила опустошить его внутренности. Он закрыл глаза, приготовившись к столкновению…

…и покачнулся, когда ничего не произошло.

Не было даже дрожи. Слышалось только негромкое гудение двигателей.

В страхе и любопытстве Гарри отвел руки от глаз.

За оконными панелями, покрытыми вмятинами, сияли звезды. Рисунок из мягких огоньков. Устойчивый. Постоянный.

Ну, почти. Одна полоса странно подмигивала: это мимо проносилась волна искаженной метрики. Убывающее возбуждение хаоса все еще заставляло вакуум вздрагивать. Но насколько это лучше ямы со сверкающими красными змеями!

За станцией, быстро уменьшаясь, виднелся пункт перехода, из которого они только что вышли. Он был обозначен вспыхивающими красными символами.

НЕ ВХОДИТЬ, сверкала созданная компьютером надпись.

ВХОД ОКОНЧАТЕЛЬНО ВЫШЕЛ ИЗ СТРОЯ.

ВНУТРИ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЕ УСЛОВИЯ.

Не могу поверить, подумал Гарри, давая себе слово обнять Каа при первой же возможности… а также *застрелить* пилота, если тот попытается еще раз войти в такой п-пункт.

В противоположном направлении вырастал красный диск гигантской звезды.

— Измунути? — догадался Гарри.

Каа все еще что-то бормотал про себя. Но Двер энергично кивнул.

— Я узнал бы ее повсюду. Хотя по сравнению с прошлым разом, когда мы пролетали мимо, буря улеглась.

Рети бурно реагировала на эту новость.

— Нет! — Стиснув кулаки, она направилась к Гарри. — Ты обещал, что я не вернусь назад! Поверни корабль. Отвези меня к цивилизации!

— Кажется, ты не понимаешь, в чем проблема, — ответил Гарри. — Нам повезло бы, если бы мы добрались до любой обитаемой планеты. Очевидно, ближайшая — это…

Молодая женщина зажала уши.

— Не буду слушать! Не буду!

Гарри посмотрел на Двера, который пожал плечами. Агрессивная реакция Рети на реальность напомнила Гарри расу под названием эписиархи. Это клиенты могучих танду, которые могли использовать пси — плюс силу собственного эго, — чтобы изменить небольшой окружающий участок вселенной, сделать условия более для себя подходящими. Некоторые ученые утверждают, что для этого нужна только достаточно сильная воля плюс высокое мнение о себе. Если это так, Рети может забросить их на мегапарсеки от этого места в своем отчаянном стремлении больше не видеть планету, на которой родилась.

Каа приподнял свою бутылкообразную голову. Черные глаза пилота прояснились, и он объявил:

— Мы не можем оставаться здесь. До Джиджо

еще больше светового года. Потребуется десяток прыжков через пространство А. Или пятьдесят… если воспользуемся уровнем Б.

Гарри вспомнил предсказание, сделанное штатом Института Навигации, — что разрыв сделает использование всех гиперуровней гораздо более трудным. В Четвертой Галактике они могут совсем разъединиться и отойти друг от друга, оставив в промежутках абсолютную черноту нормального пространства, Эйнштейнов космос, где причины и следствия строго соответствуют ползучей скорости света.

Но это расхождение не произойдет немедленно. Возможно, быстрые слои еще какое-то время поддаются использованию.

— Попробуй пространство Б, — посоветовал он. — У меня предчувствие, что нам в пути придется часто и быстро оттуда выскакивать.

Каа мотнул большой головой.

— Хорошо. Это твой корабль. Пространство Б…

И еще раз свистнув, пилот снова сосредоточился на своем невральном клапане, направляясь в область, где только сверхъестественное мастерство китообразных может быть единственной надеждой.

Гарри чувствовал, как станция готовится к

первому прыжку.

Я бы помолился, подумал он, *если бы вселенная уже не стонала от боли.*

Почти с самого начала они видели тревожные признаки разрушения — обломки многочисленных космических кораблей, потерпевших крушение на этом самом маршруте, в прыжке от Измунути к Джиджо.

— Кто-то проходил тут до нас, — заметил Двер.

— И совсем недавно, судя по всем данным. — В голосе Кивеи звучал страх. — Похоже, целый флот больших кораблей. Должно быть, оказались захвачены в гиперпространстве, когда произошел разрыв.

Результаты были катастрофическими. Измунути постепенно уходила назад, солнце Джиджо становилось все ярче, а приборы Гарри свидетельствовали об огромных размерах погибшей армады. Некоторые обломки корпусов еще светились от огненной гибели.

— Я вижу два основных типа кораблей, — определил Гарри, вглядываясь в аналитический перископ. — Один — это джофуры. Второй… не могу сказать.

На самом деле трудно было на чем-нибудь сосредоточить взгляд, потому что корабль самого

Гарри подпрыгивал и дрожал. Когда сверхъестественный инстинкт подсказывал пилоту, что приближается новая волна хаоса или хлопающая складка пространства Б угрожает сомкнуться вокруг самой себя и раздавить все находящееся внутри, Каа выводил корабль в нормальное пространство.

Преодоление этой нестабильной зоны гиперреальности — очень небольшое расстояние по прошлым стандартам — превратилось в серию безумных ускорений и прыжков. И положение с каждым дуром становилось все хуже. Каждый прыжок требовал все большей сосредоточенности, все больше напрягались ревущие двигатели. И все же остановиться было невозможно. Необходимо было как можно быстрее снова вернуться в гиперпространство, потому что уровень Б в любое мгновение мог окончательно отсоединиться, и они застрянут во многих световых месяцах от убежища. И задолго до того как маленькая группа Гарри преодолеет это огромное расстояние плоского пространства, кончатся пища и воздух.

Жаль, что мы, земляне, не последовали за своей ранней догадкой насчет ракет — после того как установили контакт с цивилизацией Пяти Галактик. Казалось, это самая нелепая из всех

технологий волчат — с помощью грубой силы разгонять корабли до скорости света. Ведь в Великой Библиотеке содержится столько способов сократить путь. Кому нужны такие экстравагантные трюки?

Ответ очевиден.

Нам нужны. Теперь они понадобятся всякому, кто захочет летать по Четвертой Галактике — отныне и навеки.

Но по крайней мере очевидны признаки продвижения. Каждый прыжок зримо приближает их к теплому здоровому солнцу. Однако напряженные моменты, когда приходилось проскакивать мимо разбитых кораблей, тянулись медленно.

— Думаю, корабль джофуров связался со своим командованием, когда преследовал «Стремительный», — заключил Двер. — Подкрепление подошло в самый неблагоприятный момент, как раз во время разрыва.

— Нам стоит порадоваться, — отозвалась Кивеи. — Не хотелось бы жить под властью джофуров.

— Гм, — заметил Гарри. — Это означало бы, что весь их флот был захвачен в гиперпространстве в самое неподходящее время. Но, мне кажется,

целый отряд мог бы добраться благополучно. И теперь поджидает нас на Джиджо.

Ужасная перспектива — столько перенести лишь для того, чтобы быть захваченными лишенными чувства юмора грудами жирных колец.

— Что ж, — сказал Двер после еще нескольких головокружительных прыжков, когда желтая звезда уже походила на солнце. — Теперь ждать осталось недолго.

Он прижался к окну, так же желая увидеть Джиджо, как Рети хотелось отвратить приговор судьбы.

ЗЕМЛЯ

Солнечная система была усеяна обломками более чем двух лет войны — разбросанными напоминаниями об ожесточенном сопротивлении волчат, которое стало полной неожиданностью для захватчиков, ожидавших легкой победы. Слухи об этой борьбе доходили до экипажа «Стремительного» даже в далеком Фрактальном Мире. Очевидно, эта оборона уже стала легендарной.

Облака ионов и обломков свидетельствовали о пути, пройденном отступающими в глубь системы… испарившиеся участки ледяного пояса комет… все еще дымящиеся кратеры на Тритоне и Нереиде… несколько кусков рваного металла размером с астероид на орбитах вокруг Урана.

Должно быть, было замечательное зрелище. Жаль, что я его пропустила.

Недавно, когда произошел большой разрыв, появились новые обломки. Кораблям, которые во время бури, сопровождавшей катастрофу, пытались использовать любые маневры скорости быстрее света, повезло, если они добирались до нормального пространства в целости. Орбита Сатурна представляла собой мусорный двор, и

вскоре вокруг Солнца должно возникнуть новое кольцо.

К несчастью, дальнее сканирование свидетельствовало о наличии достаточного числа больших кораблей, чтобы закончить дело. Десятки огромных дредноутов — среди них несколько титанов даже по сравнению с «Полкджи» — собрались в боевом строю у новой линии фронта, слишком близко к голубой искорке Земли.

Первый сторожевой отряд окликнул «Стремительный» задолго до орбиты Цереры. Странная смешанная группа состояла из корветов и фрегатов танду, соро и горуфов, объединившихся в непрочный союз. Несмотря на то что приборы все еще регистрировали волны хаоса, корабли были настороже. И когда «Стремительный» не ответил на их запрос и продолжал двигаться к Солнцу, ближайшие корабли открыли точный смертоносный огонь.

Силовые лезвия устремились к «Стремительному» — но лишь скользнули по его бортам. Тепловые лучи были спокойно поглощены и без всякого ущерба для корабля перенесены на другие уровни пространства-времени.

Если неудача расстроила врага, он открыто этого не проявил. Приблизившись, несколько

передовых кораблей выпустили множество могучих разумных снарядов, которые на огромной скорости понеслись к «Стремительному». По словам Суэсси, это самая большая опасность. Энергетическое оружие для новой оболочки «Стремительного» не опасно. Но *физический удар* может поразить все материальное, если будет силен и нанесен достаточно быстро, тщательно рассчитанной последовательностью сотрясений.

И словно сознавая эту опасность, разумная оболочка «Стремительного» начала действовать. Замелькали щупальца, как окружающие бактерию реснички. С их размахивающих концов срывались тучи маленьких объектов и устремлялись навстречу залпу. При предельном увеличении эти необычные перехватчики выглядели как облачка дергающейся протоплазмы, абсолютно черной, но несомненно живой.

Овеществленные концепции, объяснила бестелесная машина Нисс; голос ее звучал нервно и слегка испуганно. *Разрушительные программы, способные сделать любую машину временно враждебной себе самой. Им даже не нужно вступать в контакт с компьютерными базами данных, они делают это путем физического контакта.*

— Ты говоришь о независимых мемо! — ответила Джиллиан. — Мне казалось, они не могут существовать в реальном пространстве без хозяина, которых их несет в себе…

Очевидно, в этом мы ошибались. Нисс «пожал плечами»: его линии стремительно завертелись. *Помните, что трансценденты представляют собой смесь всех порядков жизни. Частично они и сами мемо.*

Джиллиан кивнула, соглашаясь признать невероятное.

Расширяющийся рой мемо столкнулся с приближающимся залпом, но вначале никаких последствий этого столкновения не было заметно. На мостике «Стремительного» напряжение усилилось: еще несколько секунд снаряды продолжали сближаться с кораблем…

…лишь для того, чтобы резко свернуть, миновать земной корабль и устремиться вдаль, взрываясь и озаряя вспышками пояс астероидов.

Дельфины восторгались, но Джиллиан заявила, что успокаиваться рано. Она помнила предупреждение трансцендента, побывавшего в ее кабинете.

Не обманывайте себя иллюзией неуязвимости. Вам дали некоторые преимущества. Но они огра-

ничены.

Разумно не забывать, что вы не боги.

Вернее, пока еще не боги…

И Джиллиан на это не рассчитывала. Вскоре враг поймет, что не стоит посылать снаряды к кораблю, защищенному ордами хищных идей. Или нападет еще большими силами.

Все же полагаю, цель оправдывает мемо, подумала она с легкой иронической улыбкой, вспоминая мужа. Тому эта игра слов понравилась бы.

Сейчас, в самой гуще боя, ей не хватало его до ощущения физической боли, словно годы и килопарсеки ничего не значат и они только вчера расстались.

Следующий ряд кораблей — истребителей — тоже не добился успеха. Несколько снарядов с них все разорвались поблизости, но нескоординированно. Защитный слой «Стремительного» поглотил ударную волну.

Когда Акеакемаи попросил разрешения ответить огнем, Джиллиан ответила отказом.

— Возможно, нам удастся повредить несколько кораблей, — сказала она. — Но они заметят, что у нас сравнительно с обороной скромные возможности для нападения. Я предпочитаю, чтобы они

считали, что у нас и то и другое очень мощное. Настолько, что мы можем позволить себе не обращать на них внимания.

Навстречу «Стремительному» выступил новый отряд — на этот раз могучие крейсеры. Тем временем гигантские дредноуты вблизи Земли начали перестраиваться, образуя полую оболочку, острие которой устремлено к кораблю Джиллиан. Ожили громкоговорители, послышалась речь на нескольких формальных галактических языках. Командиры объединенного флота делали последнее предупреждение.

НАЗОВИТЕ СЕБЯ ИЛИ БУДЕТЕ УНИЧТОЖЕНЫ.

Джиллиан удивилась: ,

Неужели после того, как вы гонялись за нами до края вселенной, мы настолько изменились, что вы не узнаете свою добычу — пришедшую в ваше логово?

Она приняла решение:

Пора покончить с молчанием. Ответить на их вызов собственным.

Нажав кнопку, она отправила заранее подготовленное послание. Составление этого послания требовало полной сосредоточенности. Джиллиан готовила его с той минуты, как «Стремительный» за миллисекунды до удара кулака сверхновой

углубился в темный холодный туннель. Отчасти мысль об этом послании пришла Джиллиан во время разговора с трансцендентом.

Не только они одни могут играть иллюзиями, подумала она тогда. Из всех трюков, разыгранных ее богоподобным гостем, меньше всего произвела на нее впечатление последовательность зрительных образов, изображающих всех ее близких: от Тома и Джейка Демвы до Хикахи и Крайдайки.

Миражи стоят недорого.

Если земляне в чем-то и сравнились с галактической технологией, так это в умении манипулировать оптическими образами.

Игра началась с одной из ее старейших масок, с той, которую она обычно использовала, чтобы одурачить украденную ячейку «Библиотеки».

Неожиданно в голографическом пространстве появился величественный теннанинский адмирал, он прошел вперед, взъерошив острия на локтях и плечах, раздувая экстравагантную головогрудь и прочищая голосовые щели раскатистым *барррампф,* прежде чем заговорить на уверенном стандартном галактическом шесть, обращаясь к тем, кто осаждает Землю.

Братья! Высокие патроны звездной цивилизации, потомки великих Прародителей! Я выступаю

перед вами в критический момент выбора. Вы, вместе со всеми своими клиентами и друзьями по клану, можете получить большую выгоду или пострадать в зависимости от решения, которое примете в следующие мгновения.

Пришло время развеять ложную веру. Ваше присутствие здесь (мой клан проявил великую мудрость, сопротивляясь ему) — это вызов судьбе. И не принесет вам ничего, кроме горестей, невероятных трудностей и лишений, которыми вселенная в избытке снабжает упрямцев.

Поистине очень хорошая теннанинская речь, помпезная и правдоподобная. Но главное здесь совсем не правдоподобие.

Нет, это замаскированный вызов, который должен вывести их из себя.

Эрзац-адмирал продолжал:

Обдумайте факты, мои введенные в заблуждение братья.

Номер один.

Кому Прародители доверили реликты величайшей ценности и глубочайшего значения?

Вам? Или Древним, которых вы почитаете?

Произнося эти слова, теннанинец начал расплываться, делая это гораздо красочней и тревожней, чем трансцендент. (Целью ее гостя было

сосредоточить мысли Джиллиан, а ее цель скорее напугать… чем рассердить.)

Адмирал закончил трансформацию и превратился в совершенно иное существо, которое теперь, серое и блестящее, плавало в воздухе, неотличимое от капитана Крайдайки в его лучшем харизматическом виде — до того как несчастье навсегда искалечило его прекрасную гладкую голову.

Нет, не вам! Прародители не открыли свои тайны ни вам и никакому другому благородному клану или союзу!

Нет, Призрачный Флот явился одному из таких, как я!

И изображение Крайдайки ударило хвостовым плавником для усиления.

Члену самой младшей из всех рас клиентов. Расы, способности которой заставили бы любых старших патронов стремиться принять ее, но которая гордо именует себя членом земного клана волчат!

Обдумайте далее такой факт. Вспомните, как земной корабль «Стремительный» уходил от вас, как разрушал все хитроумные планы своего пленения! Даже когда вы подкупили и поставили себе на службу Великие Институты, разве помог

вам этот акт предательства?

Фигура снова начала меняться, негромко и насмешливо продолжая:

(Скажите, братья. Догадываетесь ли вы, какой корабль сейчас устремился навстречу вам, насмехаясь над вашей хваленой мощью?

Нужны ли вам еще намеки? Или достаточно?)

Теперь Крайдайки сменил человек. Мужчина. Джиллиан попыталась в качестве образца использовать Тома, но это оказалось слишком тяжело. Поэтому она остановилась на старине Джейке Демве… что было, вероятно, лучшей идеей. Соро сразу узнают Демву: он во многих случаях был их настоящим проклятием.

Факт номер три. Вопреки огромным затратам и бесчисленному количеству жизней, потерянных при попытках покорить родину землян, чего вы до сих пор достигли? Только того, что о землянах ходят легенды. Даже на пороге несомненного успеха можете ли вы быть уверены, что это не еще одна из хитростей землян?Хитрость, которая должна еще больше истощить ваши резервы? И сделать неожиданное торжество землян еще более значительным в глазах других?

Даже если вы победите и погибнет последний человек, а все дельфины и шимпанзе будут при-

няты в какой-нибудь лишенный чувства юмора, сухой и скучный клан, выдержите ли вы удар тех, кто придет отомстить за мученицу Землю?

Задайте себе этот вопрос. Не воскреснут ли волчата еще более сильными? Либо во плоти, либо в виде новых идей? Идей, которые определят приходящую Новую Эру, направят галактическую культуру по пути, который вы себе даже представить не можете?

«Стремительный» содрогнулся. Огни мигнули. На других экранах Джиллиан увидела короткую схватку: мимо пронеслась флотилия крейсеров, продолжая непрерывно стрелять. Либо они догадались использовать самый тупые из своих снарядов, либо на этот раз их просто слишком много. Как бы то ни было, с десяток снарядов прорвался, сдетонировав очень близко.

Суэсси поднял вверх большой палец, показывая, что удар недостаточно сфокусирован, чтобы причинить вред. Но этот случай показал, что защита «Стремительного» на пределе.

Но пока враг об этом не знает. Пусть еще немного считает, что мы на все это не обращаем внимания.

А Джейк Демва между тем таял, сменившись представителем той древней расы, которую

«Стремительный» встретил в огромном ледяном жилище, именуемом Фрактальным Миром. Без перерыва мрачный персонаж продолжил монолог:

Возьмите факт номер четыре. Кто из вас сумел предсказать Великий Разрыв? Вы все так консервативны. Так верите своим старшим, что понятия не имеете, как Древние манипулировали Великой Библиотекой и другими институтами! В своих собственных целях они держали цивилизацию Пяти Галактик в невежестве. Мы и не думали предупреждать вас, сообщать, что такие пространственно-временные разрывы происходили и раньше.

Однако предупреждение пришло. И даже когда вы осаждали Землю, ее обитатели выполнили свой гражданский долг, распространили тревожное сообщение, основанное на их альтернативной математике.

И разве совпадение то, что наибольший ущерб пришелся на долю тех, кто не обратил внимания на это предупреждение? Ослепленных своим презрением к науке волчат, тех, кто предпочел упрямую идеологию прагматизму?

(Вы догадались, братья? Вычислили, кто стремится вам навстречу? Дерзко. Не проявляя долж-

ного к вам уважения. Вы поняли/почувствовали/ощутили то самое, к чему вы так стремились… и чего в тайне боялись?)

Крейсеры выстроились за «Стремительным», отрезав путь к отступлению. Впереди грозная армада отказалась от осадного строя, чтобы встретить этот новый вызов, она расходилась, окружая дерзкого пришельца непроходимой стеной огня.

Они разговаривают друг с другом, сообщила машина Нисс. *От корабля к кораблю. Гораздо больше дискуссий, чем можно ожидать от кораблей, идущих в бой. Все закодировано, но могу сказать, что спор очень горячий.*

Возможно ли, что они не поняли ваши намеки и насмешки, доктор Баскин? Возможно, вы поскромничали. Может, прямо сказать им, кто мы?

Джиллиан покачала головой.

— Успокойся. Вероятно, они спорят, как лучше прикончить нас.

У «Стремительного» оставалась только одна надежда. Такой строй заставляет врага сосредоточивать огонь в очень узкой зоне или рисковать повредить друг друга. Если земной корабль сумеет скрыть свое точное расположение, залп может чуть сместиться и не пробьет оболочку, дарован-

ную трансцендентами. А потом, в суматохе вслед за залпом, корабль сможет повернуть и уйти. И если повезет, противник настолько удивится, что даст «Строительному» небольшую фору… прежде чем вся свора с лаем бросится за ним.

Цель простая: выиграть время, дать Земле краткую передышку, возможность быстро перевооружить укрепления на Луне — и, может быть, эвакуировать перед концом немногих матерей с детьми.

— Они готовятся к залпу! — крикнул офицер-наблюдатель, а потом пропищал на дельфиньем праймале: *«Идут акулы!»*

Джиллиан осязаемо почувствовала, как сотни скоростных снарядов покидают свои стартовые шахты, направляясь к «Стремительному». У многих ведь пси и вероятностные боеголовки, а не просто заряды уничтожения.

Защитная оболочка «Стремительного» выпустила тучи контрмемо, но на этот раз было ясно, что этого недостаточно.

— Ты знаешь, что нужно делать, — обратилась Джиллиан к Акеакемаи, доверяя его мастерству свою жизнь. Это работа не столько для пилота, сколько для талантливого специалиста по геометродинамике.

Больше ничего не оставалось делать, как ждать уничтожения. Поэтому Джиллиан повернулась к сцене, разыгрываемой внутри голографического экрана. Ту же самую сцену видели на мостиках всех боевых кораблей.

Последний из созданных ею образов — образ Древнего — начал растворяться. А голос (здесь Джиллиан повторила трюк, которому научилась у трансцендента) — голос продолжал звучать, намеренно покровительственный, раздражающий, приводящий в ярость и полный абсолютной уверенности.

Видите ли вы символ на носу корабля? Разве это знакомая вам эмблема пяти спиральных рукавов? Или вместо нее что-то другое? Понимаете ли вы природу новой оболочки?

И тем не менее ваши сканеры должны увидеть за ней обычный старый корпус. А в нем членов экипажа землян.

Ну что? Может ли ваше сознание разрешить эту загадку? Это несоответствие? Есть ли у него объяснение?

Образ наконец снова застыл, он принял вид, который Джиллиан записала во время разговора с Трансцендентом. Этот образ должен был окончательно покончить с уверенностью врага.

Если только одна картинка Херби, мумии возрастом в миллиард лет, привела в смятение половину фанатиков всех Пяти Галактик, что же сделает теперь этот оживший образ? Облаченная в живую плоть, отдаленно гуманоидная амфибия загадочно и невероятно широко улыбалась, и в ее улыбке чувствовалась жестокая эмпатия.

Ну, глупые малыши: Теперь-то вы можете сделать вывод из того, что видите…

Акеакемаи вмешался резким свистом.

— Удар через девяносто секунд. Давайте сделаем это! Джиллиан мигнула. Двигатели «Стремительного» взвыли, вырывая корабль из нормального пространства.

Жаль, подумала она. *Жаль, что все произошло слишком рано. Я бы хотела посмотреть это шоу до конца.*

Теоретически можно перехитрить врага, уйдя в гиперпространство.

К несчастью, эта идея старше большинства звезд. Военное искусство давно усвоило подобную тактику. И когда «Стремительный» прыгнул, то же самое сделали и все снаряды, которые без труда определили, куда направляется корабль.

Акеакемаи играл двигателями, буквально заставляя старый разведочный корабль прыгать

между известными слоями, которые все еще проходят под Второй Галактикой.

В отличие от Четвертой Галактики, различные уровни гиперпространства здесь еще доступны, хотя и менее, чем раньше. Джиллиан рассчитывала на это отличие, которое может сбить с толку приближающиеся снаряды. А если повезет, вмешаются и волны хаоса, последствия Великого Разрыва, они исказят пространство и собьют смертоносные машины со следа.

Увы, не потребовалось много времени, чтобы понять, что она совершила смертный для любого командира грех. Предположила, что у нее глупый враг.

В пространстве Б, где все звезды превратились в крошечные радуги, офицер-наблюдатель отчаянно крикнул:

Мины! Они заполняют пространство ми…

Акеакамаи тут же совершил второй прыжок, но несколько снарядов успели взорваться, ударив «Стремительный» волной, так что корабль перескочил в пространство А.

Джиллиан охватило странно знакомое ощущение этой области, словно каждое направление, куда бы она ни повернулась, становилось туннелем, предлагающим кратчайший путь до самого

дальнего горизонта. И в конце каждого такого туннеля диск единственного величественного вращающегося солнца.

— Пятьдесят секунд, — главным образом для себя произнес Ханнес Суэсси.

Еще мины! — послышался ненужный крик: громовые удары заполнили корабль, до предела напрягая поглощающую энергию новую оболочку «Стремительного». Температура начала повышаться, на коже Джиллиан заблестел пот.

В прежней форме мы бы уже испарились, подумала она в те страшные мгновения, которые потребовались для перескока в пространство Д.

Не самое подходящее место для короткого пути. Все вокруг кажется далеким, словно смотришь в обратную сторону бинокля.

К несчастью, пространство Д тоже населено, здесь живут представители квантового порядка жизни, мерцающие полу-фигуры, которые становятся тем более неопределенными, чем больше на них смотришь. И стоило «Стремительному» появиться, как вокруг собралось множество таких аморфных существ.

Наши враги, должно быть, наняли этих своих союзников, чтобы охранять заднюю дверь. Машину Нисс такая предусмотрительность, кажется,

заинтересовала.

Джиллиан видела, как испаряются под этим новым нападением части оболочки трансцендентов.

— Уведи нас отсюда…

Предвидя ее приказ, Акеакемаи еще раз на полную мощность включил двигатели… и в этот момент ударили снаряды.

ДЖИДЖО

Каа выбрался из последнего прыжка прежде, чем пространство Б окончательно исчезло.

От этого прыжка у Гарри заныли все нервы в теле, и воздух с болезненным криком вырвался из легких.

Даже когда переход кончился и дрожащие пассажиры станции поняли, что чудесным образом вернулись в нормальный континуум, у них продолжала раздражающе дергаться кожа. Гарри дрожащими руками вытер слезы с глаз. Он совершенно точно знал, в какое мгновение пространство Б окончательно отделилось от Четвертой Галактики и куда-то улетело, предоставив миру атомов, потерявшему соседей, одиноко жить дальше.

Ощущение такое, словно у тебя что-то ампутировали. Незаметное присутствие, которое всегда, всю жизнь ощущалось на заднем фоне, теперь навсегда исчезло.

Как раз вовремя выбрались, подумал Гарри, когда прояснилось зрение. И поразился чуду, совершенному Каа в его последнем проявлении пилотского мастерства.

Прямо впереди висел голубой шар, окруженный тонкой оболочкой влажного воздуха. Между дугами океана выдавались континенты, пятнисто коричневые и зеленые. Видны были молнии, пляшущие над облаками и горными вершинами вдоль всего терминатора.

— Джиджо, я полагаю, — сказал Гарри, а про себя добавил: *Мой новый дом.*

— Да, — ответил Двер. — Добро пожаловать. Хорошо вернуться домой.

Судя по его напряженной позе, молодому человеку не терпелось вернуться на лесные тропы, которые он так любит. Очевидно, где-то там, в диком лесу, его ждут две молодые женщины, считающие себя его «женами». Двер не хотел объяснять ситуацию, но явно стремился побыстрее вернуться к ним. Это было очевидно.

Л как же я? — думал Гарри. *Теперь вряд ли можно рассчитывать на карьеру в Институте Навигации. Даже если в Четвертой Галактике сохранятся немногие гиперпространственные линии, никому здесь не нужен разведчик в пространстве Е.*

Он посмотрел на голубую планету, которая приближалась со скоростью улитки — теперь эта относительная скорость определяется толь-

ко инерцией и кинетической энергией. Без микропрыжков, которые делают возможным пространственно-временной подход, приземление может быть трудным и опасным.

Разумеется, у них очень хороший пилот. Так что эта проблема не очень волновала Гарри. Но когда станция сядет, она, возможно, больше никогда не поднимется. Антигравитация основана на уравновешивании сил нескольких слоев гиперпространства. Теперь, когда большинство этих слоев исчезло, генераторы поля, вероятно, никогда не смогут преодолеть сильное притяжение Джиджо.

Скорее всего отныне я на всю жизнь привязан к планете.

Ну по крайней мере это жизнь.

Джиджо выглядит намного лучше пыльного Хорста. В сущности, она красивей даже Земли.

И там есть неошимпы… хотя из более ранней ветви, которая не умеет говорить. Но в остальном, говорит Двер, они вполне цивилизованные.

Гарри вздохнул:

Думаю, то, что я «обезьяна, которая умеет говорить», сделает меня выдающимся.

Это… и еще моя белая шерсть…

…и мой… хвост.

Этого оказалось достаточно, чтобы он хрипло рассмеялся. Какая ироническая перемена положения по сравнению с Землей, где болтливые ученые шимпы считали его неразговорчивым и медлительным. Здесь партнерши и товарищи по расчесыванию вряд ли будут надоедать ему сплетнями.

Для разговоров у меня будет шесть рас «Общины Джиджо» — или восемь, если считать дельфинов и титлала. А скоро шимпы станут девятой.

Он посмотрел на Каа, чье пилотское мастерство привело их сюда в безопасности и почти в нормальном состоянии. Дельфин так стремится поскорее погрузиться в теплые прибрежные воды — и найти свою Пипое, что нужно будет его уговаривать, чтобы он сначала сел на суше и дал всем возможность высадиться.

— Ну, ну, — заметила Кивай Ха'аоулин, — очень привлекательная маленькая планета. Полагаю, я могу позволить себе немного передохнуть, оценивая ее коммерческие возможности.

Гарри покачал головой. Синтианец явно считает, что скоро все вернется к норме. Ради него самого Гарри надеялся, что Кивеи до конца жизни сохранит эту веру и будет жизнерадостной

и безумной, потому что весь остаток жизни ей придется провести здесь, в этом уголке Четвертой Галактики.

Каа мотнул тесно-серой головой и удивленно произнес:

— Корабли!

Гарри бросился к своим приборам.

— Я их вижу. Они преимущественно за нами. Твои последние безумные прыжки провели нас мимо них. И мы доберемся до Джиджо на несколько недель раньше.

Всмотревшись внимательней в данные, он добавил:

— В основном небольшие: спасательные шлюпки, разведчики, шаттлы. Наверно, уцелевшие с тех флотов, что были во время разрыва застигнуты в пространстве Б. — Он помолчал, нервно потягивая себя за большие пальцы. — Они направляются к единственному убежищу в пределах видимости. К тому же месту, что и мы.

Двер вздохнул:

— Так что даже если за время нашего отсутствия джиджоанцы сумели справиться с джофурами, опасность сохраняется.

Гарри кивнул. По стандартам его прежней цивилизации силы приближающихся ничтожны.

Некоторые корабли не долетят. Другие сгорят в атмосфере Джиджо. Тем не менее останется столько, что его маленькая станция с ними не справится. И вскоре джиджоанцев ждут настоящие трудности.

Он понял, что предстоящее столкновение может иметь далеко идущие последствия.

Если только на других невозделанных планетах Четвертой Галактики нет сунерских колоний, эта планета может оказаться единственным местом, где кислорододышащие сохраняют знания и опыт, необходимые для полетов к звездам.

Даже если гиперпространство полностью отрезано, культуре все равно когда-нибудь станет тесно на Джиджо. Эта культура в состоянии заполнить всю галактику, начав новую традицию Возвышения, когда встретит на пути перспективные виды.

Возможные следствия ошеломили Гарри.

Тот, кто в этом году установит свой контроль над Джиджо, будет определять мораль — весь социальный этос — будущей звездной цивилизации.

Гарри уже готов был посвятить свою жизнь одной общине. Кажется, отдых его не ждет. Прежде чем вкусить пищи и воздуха Джиджо, он должен решиться стать частью этого нового мира и счи-

тать его проблемы своими.

Судя по тому, что я слышал, Община шести рас на Джиджо производит впечатление. Если Двер и Рети — а также Олеин и Ур-ронн — ее типичные представители, джиджоанцы так просто не сдадутся.

Гарри погладил консоль своей верной старой станции.

И мы сможем им немного помочь.

Спиральная орбита снижения привела их на темную сторону Джиджо, под большой луной, которую Двер назвал Лусен. Гарри вскрикнул, увидев линию ярких вспышек вдоль границы между днем и ночью. На безвоздушной поверхности полумесяцем блестели города. Но тут же он сообразил.

Отражения. Солнечный свет, отразившийся под углом от поверхности. Эти купола молчаливы и безжизненны. Такими они остаются с того момента, как их покинули легендарные буйуры — сколько веков назад? Полмиллиона лет?

Но все же зрелище отличное, признал он. *И, возможно, когда-нибудь…*

Резкий возглас заставил его обернуться.

Рети стояла у противоположного окна, упрямо отказываясь смотреть на мягкую красоту своей

родной планеты. Мрачно скрестив руки, она не обращала внимания на крики своего «мужа», миниатюрного самца ура, которого звали йии. Маленький кентавр стоял на подоконнике, приплясывая на четырех тонких ногах; вытянув длинную шею, он ущипнул ее за плечо, потом показал наружу.

смотри, жена! посмотри на это зрелище!

— Я видела это и раньше, — мрачно ответила Рети. — Природа. Горы, кусты и грязь. Много грязи. Ни электричества, ни компьютеров, но вся грязь, какую только можно найти…

не природа! — прервал ее йии. *повернись и посмотри на огни!*

Рети упрямилась. Но остальные поторопились узнать, что увидел малыш.

— Погасить внутренний свет, — приказал Гарри, чтобы освещение обсервационной рубки не мешало смотреть наружу.

Внизу расстилалась ночная Джиджо. Этот темный покров когда-нибудь расцветет огнями городов новых поколений, чем бы ни закончилась предстоящая битва. Но сейчас Гарри даже с помощью приборов не видел никаких признаков разума.

Что ж, шесть рас давно прячутся, подумал

он. *Должно быть, хорошо научились к этому времени.*

Интересно гадать, какая именно звездная цивилизация вырастет из Общины шести рас, с ее традициями защиты окружающей среды и терпимости, с ее спокойным индивидуализмом, когда наступит время появления новых идей. Нечто весьма интересное, если, конечно, Община выживет в предстоящем кризисе.

Вначале Гарри не увидел ничего такого, что объяснило бы возбуждение йии. Но тут Двер подтолкнул его и указал направо.

— Смотри. Искра.

— Как красиво, — заметила Кивеи.

Похоже на мерцающий уголь, вылетевший вверх из лагерного костра, осторожно и очень медленно поднимающийся в атмосфере.

— Режим наблюдения, — приказал Гарри. — Сосредоточиться на аномалии, на которую я смотрю, и увеличить.

Компьютер просканировал его глаза, определил фокус внимания и выполнил приказ. На голографическом изображении появился объект. Ничего более странного Гарри, несмотря на годы исследований невероятных мемических уголков пространства Е, не видел.

Длинная тонкая труда медленно поднималась заостренным концом вверх… и из ее хвоста вырывалось горячее белое пламя.

— Похоже… на горящее дерево, — удивленно произнес Кивеи.

— Это не дерево, — поправил Двер. — Это бу! Любопытство победило, и Рети наконец повернулась — едва успев заметить, как погасло пламя. И пока тонкий объект продолжал подниматься, приборы Гарри определяли его размеры. Он оказался во много раз больше станции!

Неожиданно объект, напоминавший по форме карандаш, разделился надвое. Задняя часть, продолжая дымиться, отлетела в сторону, и из тыльного конца передней части снова вырвалось белое пламя.

Кивеи удивленно прошептала:

— Но какое природное явление…

не природное, глупый енот! — крикнул йии. *это ракета из бу, изготовленная урами-людьми-треки! ракета приветствует возвращение Рети домой!*

Гарри мигнул раз, второй. Потом улыбнулся.

— Будь я проклят! Так и есть. Многоступенчатая ракета, изготовленная из полого ствола дерева… или как ты там его назвал, Двер.

Он снова вызвал компьютер.

— Увеличить передний конец. Ту его часть, что дальше всего от огня.

Подобно острию копья, ствол слегка расширялся, прежде чем заостриться к концу. Он медленно вращался вместе с остальной частью примитивной ракеты.

Мгновенный блеск рассказал все. Панель из стекла какого-то типа. Слабый свет, льющийся изнутри. Пара силуэтов. Змеиная шея. И клешни краба.

Тут станция повернулась, и все пошатнулись. Каа доложил, что они входят в атмосферу планеты.

— Пора пристегиваться! — приказал пилот. Вскоре их окружит другой тип пламени. И если они выдержат стремительное падение, смогут выйти на прочную почву.

Но Гарри и все остальные еще мгновение оставались неподвижными, глядя на пролетающую ракету. Компьютер рассчитал ее траекторию и доложил, что она нацелена на ближайший спутник Джиджо.

И тут заговорила Рети. Она топнула, но на этот раз не в раздражении. На лице ее было радостное выражение.

— Здорово! — воскликнула она. — Знаете, что это значит? Гарри и Двер покачали головой.

— Это значит, что я не буду вечно прикована к Джиджо! Это значит, что можно улететь с этого жалкого комка грязи. Можете биться об заклад на ящик с мусором вашего деда, что я этим воспользуюсь!

Ее глаза горели так же, как этот уголь, который постепенно исчезал из виду. И даже когда Гарри заставил ее сесть и пристегнуться, Рети дрожала от стремления и решимости.

— Я это сделаю, чего бы ни стоило.

Улечу, как только эта грязная старая вселенная мне позволит.

Гарри согласно кивнул. Меньше всего хотел бы он встать на пути у Рети.

— Я уверен, что ты это сделаешь, — сказал он без малейших покровительственных ноток в голосе.

Окно затянулось языками пламени: это Джиджо приветствовала их.

ДОМ

Ужасные раны покрывали борта потрепанного корабля, когда он готовился вернуться в нормальное пространство. Большая часть выступов стасиса на бортах «Стремительного» провисла или вообще испарилась. Вращающееся колесо, создающее искусственное тяготение, сплавилось с корпусом.

А что касается защитной оболочки, которая спасла экипаж, дар трансцендентов, искрясь и дергаясь, сполз с корабля, как смелое умирающее существо.

Джиллиан теперь не хватало этой потерянной дружбы. Она горевала и из-за других несчастий. А теперь и из-за утраченной надежды.

Мы собирались избежать гибели и увести за собой врага подальше от Земли.

Враги собирались помешать нам и уничтожить.

Похоже, и мы и они получили, что хотели.

Суэсси находился внизу, в машинном отделении, вместе с Эмерсоном и остальными механиками пытаясь вернуть двигателям их прежнюю мощь. В нынешнем состоянии кораблю едва хва-

тит энергии, чтобы добраться до единственного уровня пространства, где нет мин — и других смертельных опасностей, поджидающих со всех сторон.

Нет, мы возвращаемся, чтобы лицом к лицу встретиться с живыми врагами. Такими же кислородными существами, как мы.

По крайней мере можно будет сдаться и договориться, чтобы с членами экипажа обращались как с военнопленными. Разумеется, если победители не начнут немедленной драки из-за добычи.

Конечно, сама Джиллиан не может допустить, чтобы ее взяли в плен. Информация, которая у нее в голове, не должна попасть в руки врага.

Она глубоко вздохнула. Девяностосекундная схватка едва не закончилась победой. Ее тактика почти удалась. Каждый раз как взрывалась мина, или нападала толпа квантовых существ, или проносилась новая волна хаоса, аккуратные ряды приближающихся снарядов теряли стройность, количество их уменьшалось и их разрывы становились неэффективными, уходили в сторону.

Но все равно пришлось очень тяжело.

Наконец «Стремительный», окруженный тучами обломков, вынырнул в нормальном про-

странстве. Джиллиан знала, что храбрый старый корабль не выдержит теперь столкновения с корветом или вооруженной спасательной шлюпкой, не говоря уже о поджидающей его армаде.

— Передать сигнал перемирия, — приказала она. — Сообщите, что мы готовы обсуждать условия капитуляции.

Темная воронка машины Нисс поклонилась — знак уважения.

Как прикажете, доктор Баскин. Будет исполнено.

Пока команда мостика напряженно трудилась, заменяя перегоревшие модули, все экраны были затянуты пеленой ионизированных остатков и радиации. Первым объектом, появившимся из тумана, оказалась пара гравитационных углублений — небольшая рябь в пространстве-времени.

Земля и Луна… поняла Джиллиан. *Мы так близко.*

Вскоре на гравитационных дисплеях покажутся и другие объекты, соперничающие со спутниками по массе и силе.

Напряженный момент вернул Джиллиан на годы назад, в прошлое, когда они обнаружили Призрачный флот, когда они с Томом были так молоды и рады возможности служить на благо

земного клана в обществе своего друга Крайдайки. Было немного похоже на это. Их окружил туман, «Стремительный» осторожно продвигался в густом молекулярном облаке в далеком месте, которое называется Мелким скоплением.

Межзвездное захолустье.

Место, где не должно быть ничего интересного для межзвездного путешественника.

Но у капитана была догадка.

И вскоре, вынырнув из тумана, они увидели…

Ничего.

Джиллиан замигала, к ней вернулось мрачное настоящее. По мостику пронесся недоверчивый гул. Все удивленно смотрели в пустоту.

Напряженно гудя, двигатели «Стремительного» сумели вывести корабль из тучи обломков, туман рассеялся настолько, что стало видно окружающее пространство.

Ни следа огромной грозной флотилии.

Ни одного боевого корабля.

— Но… я…

Джиллиан смолкла, не в состоянии закончить фразу. Кто-то другой должен был завершить ее мысль.

— Куда все делись? — спросила Сара Кулхан, которая побелевшей дрожащей рукой сжимала

Прити.

Никто не ответил. Как можно на это ответить? Что сказать?

Несколько минут, пока сенсоры уходили все дальше, на мостике царило молчание.

— Множество обломков, но в пределах кубического астрона я не вижу .никаких кораблей, — доложил наконец офицер-наблюдатель. — Но, думаю, они могут прятаться за Луной, готовые к нападению.

Джиллиан покачала головой. Армада гигантских дредноутов вряд ли поместится за лунным диском. К тому же зачем прятаться, поджидать в засаде беспомощную добычу, которая не в состоянии сопротивляться? «Стремительный» не может уйти, и в честной схватке его побьет и щенок.

— Я фиксирую большое количество недавних гипервпадин в окружающем фоновом поле, — добавил Акеакемаи. — Это следы двигателей. Совсем недавно отсюда ушло много больших кораблей. Думаю, они уходили очень быстро!

Пока экипаж «Стремительного» восстанавливал сенсоры, машина Нисс снова появилась возле Джиллиан вращающимся пучком линий.

— Не хотите ли выслушать предположение, доктор Баскин?

— Давай!

Мне кажется, ваше небольшое голографическое послание имело неожиданные последствия. Оно должно было разгневать наших врагов, но позвольте указать на другую возможность.

Оно их страшно напугало.

Джиллиан фыркнула:

— Этот вздор, который я выдумала? Да ведь это чистый блеф и хвастовство. Даже ребенок ему не поверит! Ты хочешь сказать, что вся эта толпа продвинутых галактов, со всеми их бортовыми библиотеками и сложными разумными системами, не догадалась о правде?

Линии напряглись, к Ниссу вернулась прежняя насмешливость.

— Нет, доктор Баскин. Я не это хочу сказать. Я хочу сказать, что такой примитивный волчонок, как вы, застигнутый эмоциями критического перехода, не может осознать всей истины, которая кроется в его «блефе и хвастовстве».

Но галакты это осознали. Может быть, всего мгновение спустя после залпа по «Стремительному». Или позже, когда почувствовали, что мы возвращаемся, выдержав то, что невозможно выдержать… и начали передавать простое предложение о капитуляции.

— Но это было… — Джиллиан запиналась. — Я не имела в виду *их* капитуляцию…

Во всяком случае, союз распался… испарился… каждая группа вернулась домой.

Джиллиан не могла поверить.

— Ты выдумываешь. Не может быть.

Нисс «пожал плечами» — вращающиеся линии дернулись и сдвинулись.

К счастью, вселенной все равно, верим мы или нет. Главный вопрос в том, достаточно ли наши враги испуганы, чтобы совершенно отказаться от своей цели, или они просто отступили, чтобы перегруппироваться, связаться со своими властями и подготовиться к новому нападению.

Откровенно говоря, я подозреваю последнее. Тем не менее кажется, здесь произошло нечто очень значительное, доктор Баскин.

По всем стандартам вы должны принять вердикт истории.

Это слово необычно звучит на борту потрепанного корабля. Так что я понимаю, почему вам трудно произнести его вслух.

Позвольте сделать это за вас.

Это называется победой.

Показались силы Земли, они медленно, осторожно выходили из своих укреплений, словно

подозревая какую-то смертельную хитрость. С обожженных горных вершин, из расплавленных кратеров поднимались в небо тупорылые корабли со шрамами от бесчисленных битв. Они лучами обшаривали все уголки Солнечной системы. И недоверчиво разглядывали последний оставшийся корабль, чьи очертания на первый взгляд показались незнакомыми.

— Держись подальше, — приказала Джиллиан пилоту. — Не делай резких маневров. Будем терпеливы. Пусть привыкнут к нам.

Акеакемаи согласился:

— Мы передаем транспондерный код «Стремительного». Но пройдет какое-то время, прежде чем они разберутся. А до этого я предпочитаю, чтобы эти парни не нервничали.

Мягко сказано. Эти потрепанные корабли больше двух лет выдерживали натиск ужасных танду и других знаменитых воинов. И Джиллиан не хотела бы, чтобы ее уничтожили свои только потому, что у них дернутся пальцы на гашетке.

Она так долго ждала, что может подождать еще немного.

Джейку Демве не понравится, в каком состоянии возвращается «Стремительный», думала она. *Без двух третей экипажа и без образцов, до-*

бытых в Мелком скоплении. Он неделями будет меня допрашивать, стараясь определить, где могут быть Крайдайки и Том и что может их задерживать так долго.

С другой стороны, она вернулась на Землю с богатыми дарами.

Например, данные о том, как победить мастер-кольца джофуров.

И информация о кикви на Китрупе, которых мы можем сделать новыми клиентами нашего растущего клана.

И симбионты реуки с Джиджо, которые помогают понять друг друга. Плюс все то, что мы с Ниссом узнали, расспрашивая захваченную ячейку Галактической Библиотеки.

И было еще многое другое.

Террагентский Совет захочет знать все о забытой колонии на Джиджо и об экспедиции «Полкджи». Обе группы столкнулись с серьезнейшими опасностями, однако обе нашли решение, которое так долго ищет Совет: потомки земного клана могут выжить за пределами галактической цивилизации, даже если когда-нибудь погибнет Земля.

Есть еще много тем для разговоров, так что Джиллиан придется годами докладывать Совету.

Все, что мы узнали о других порядках жизни, например. Особенно о возвышенных трансцендентах.

Какими бы могучими и всеведущими ни были эти богоподобные существа, после встречи с ними Джиллиан ощущала нечто похожее на жалость. Оказывается, они не древнейшие и величайшие порождения жизни, они только спрятались от жизни в односторонних сингулярностях в поисках лучшего.

Трусы, назвала она их в момент раздражения. Теперь она признает, что это несправедливо, хотя в такой характеристике и есть доля истины.

Они захвачены Объятием Приливов. И в то же время не хотят окончательно поддаваться его притяжению — то ли в высшее пространство, то ли в какую-то всеобщую систему переработки. И поэтому просто ждут, думают и планируют, пока время течет мимо. И делают исключение, только когда им кажется необходимым принести в жертву мириады младших форм жизни для достижения своих целей.

В целом такую компанию она не хотела бы пригласить к себе на ужин.

Когда дымка, оставшаяся после битвы, рассеялась, Джиллиан впервые после Китрупа при-

казала убрать потрескавшиеся и сплавившиеся броневые листы с иллюминаторов, что позволило ей постоять под мерцающим Млечным Путем — таким привычным рисунком созвездий, что они успокоили бы даже какого-нибудь пещерного человека, чья жизнь проходила в тяжелой борьбе за существование всего десять тысяч лет назад.

Скорость света медлительна, но неумолима, думала Джиллиан, глядя на сверкающие аллеи галактики. *Через несколько тысяч лет эта звездная картина расцветится бесчисленными вспышками. Сверхновые принесут первую часть послания трансцендентов.*

Простое послание, но настолько важное, что даже она способна его понять.

Приветствуем вас. Мы здесь. А кто еще есть здесь?

Джиллиан заметила, что Эмерсон, чьи обязанности в машинном отделении подошли к концу, торопливо направляется к Саре. Пара остановилась поблизости вместе с молчаливым спутником шимпом и смотрела на то же самое зрелище, обмениваясь чем-то личным.

Конечно, молодая женщина с Джиджо — еще один дар Земле, настоящее сокровище. Она, на основе только своего математического вдох-

новения, совершенно независимо предсказала Великий Разрыв. Одно это — впечатляющее достижение, но Сара идет дальше, она делает новые поразительные предположения, утверждая, что разрыв сам по себе — всего лишь *симптом.* Не симптом расширения вселенной, как утверждают земные ученые, но чего-то гораздо более сложного и необычного. Чего-то «приходящего из-за пределов нашей контекстуальной структуры», что бы это ни означало.

Сара полагает, что разгадка связана с судьбой таинственной расы, которая называется буйурами.

Джиллиан покачала головой. Ну, отныне этими проблемами могут заниматься другие. Опытные профессионалы с Земли — и десятка дружественных рас. Пусть они имеют дело с темными проблемами, а она снова станет простым врачом, целителем. Ведь к этой роли она и готовилась.

Больше до самой смерти никогда ничего никому не буду приказывать. Ни разу. Что бы ни говорили о моих достижениях в этом полете, я никогда больше не приму на себя команду.

Отныне я буду спасать жизни индивидов. Космос пусть спасает кто-нибудь другой.

В сущности она уже нашла своего первого па-

циента.

Как только начальник шпионов отпустит меня, я сосредоточусь на помощи Эмерсону. Попытаюсь вернуть ему дар речи. Надеюсь, на Земле уже проделаны нужные исследования, но даже если еще нет, я разорву небо пополам, чтобы их завершить.

Подгоняет ли ее сознание вины? Стремление исправить хотя бы отчасти ущерб, который принесли ее приказы? Или просто иметь удовольствие смотреть, как эти двое — Сара и Эмерсон — говорят друг с другом не только сердцем, но и умом.

Видя, как они держатся за руки, Джиллиан наконец слегка расслабилась.

Сердца достаточно. Оно выдержит.

К ней обратился Акеакемаи:

— Восстановлена двусторонняя голографическая связь, доктор Баскин. Идет передача.

Большой голографический дисплей неожиданно засветился, на нем показалась контрольная рубка приближающегося боевого корабля. Это корабль теннанинского производства. Большая часть экипажа — люди, но перед камерой сидит тимбрими, с острыми очертаниями прямоугольного красивого лица. Чувствительные к эмпатии

щупальца колышутся за ушами.

…и мы находим ваши утверждения невероятными. Предоставьте доказательства, что вы действительно земной корабль «Стремительный». Повторяю…

Казалось, так легко удовлетворить это требование. Она столько лет напряженно трудилась, чтобы такой контакт стал возможен. Но Джиллиан почему-то не хотелось подчиняться.

После недолгого размышления она поняла почему.

Для любого человека существуют два царства: одно — Земля, второе — «где-то там».

Пока я в космосе, я могу воображать, что нахожусь близко к Тому. Что мы оба заблудились. Оба блуждаем по Пяти Галактикам. И хотя нас разделяют мегапарсеки, кажется, только вопрос времени, когда мы обнимем друг друга.

Но как только я ступлю на почву старой Земли, я окажусь дома. Земля окружит меня, а космос станет чем-то далеким. Огромной пустотой, в которой он потерялся — вместе с Крайдайки, Хикахи и остальными. Они где-то там преодолевают опасности, а я могу лишь стараться найти себе занятие и не чувствовать себя одинокой.

Джиллиан постаралась ответить тимбрими.

Она хотела бы, чтобы это сделал кто-нибудь другой, чтобы кто-нибудь снял ношу с ее плеч. Чтобы она ощутила горькую радость конца изгнания.

И тут ее неожиданно выручил чей-то голос. Это был Эмерсон д'Аните. С улыбкой глядя на голограмму, он запел:

Давайте радоваться жизни! Человек рожден для веселья!

Его стремления,

Его пустые оправдания

Только волнуют чувства и туманят мозг.

Худые или полные,

Мы прыгаем и скачем,

Так что давайте веселиться.

Веселье есть торжество

Мысли над материей,

Мы все вернемся домой и наконец посмеемся!

СУДЬБА

Компоненты-занги были лучше подготовлены к тому, чтобы воспринимать все философски. Существа машины, входящие в макросущество, называемое матерью, тоже.

И в водородной, и в машинной цивилизациях широко распространено представление о том, что так называемая «реальность» — это всего лишь вымысел. Все — от величайшей галактики до самого маленького микроба — есть просто часть большой модели. «Модели», которая создана для решения какой-то великой проблемы или сложной головоломки.

Конечно, вполне естественно, что оба порядка жизни пришли к одинаковому заключению. Занги подошли к созданию моделей оригинально, образуя их в собственных телах. Машины делают это в виде программ, переносимых цифровым сознанием. Но в целом это одно и то же. И, наконец объединившись, они нашли общий взгляд на жизнь.

Мы — и все то, что мы видим вокруг себя, включая могущественных трансцендентов, — существуем лишь как часть грандиозного сценария,

как модель какого-то компьютера более высокого уровня, возможно, иного плана существования или чего-то вроде Пункта Омега, где кончается время и все достигает своего завершения.

В любом случае не имеет смысла гадать о своем значении. Космос, который мы воспринимаем, лишь один из бесчисленных рассматриваемых параллельных вариантов, которые незначительно отличаются друг от друга. Словно в шахматной программе, рассматривается каждый ход и в мельчайших подробностях учитываются все возможные последствия.

Так объясняли Линг и Ларку положение другие компоненты матери. Даже джофуры-треки признавались, что им нетрудно воспринять такое представление, поскольку их сознательная жизнь включает множество мысленных экспериментов, проплывающих в капающем воске, который окружает их сердечник.

Только людям и дельфинам — членам консорциума — трудно было принять этот образ, но по разным причинам.

Зачем?— спрашивал Ларк.

Зачем тратить на это огромные ресурсы? Чтобы рассчитать лучший из возможных миров?

Ну а когда они его найдут… что они сделают с

результатом?

И что сделают с мириадами моделей, созданных в ходе эксперимента?

Что они сделают с нами?

Вопрос как будто поразил компоненты-занги, но не машины, которые с необычной откровенной удовлетворенностью ответили Ларку.

Вы, кислородники, одержимы собственным значением.

Конечно, все эти модели проиграны, оценены и отброшены. Наше ощущение существования — всего лишь иллюзия. Проявление моделированного времени.

Ларку такое отношение показалось ужасным. Но Линг только усмехнулась, согласившись с дельфинами, которые лишь недавно присоединились к сообществу на борту и явно считали весь этот метафизический спор нелепым.

Олело, предводитель группы бывших членов экипажа «Стремительного», суммировала их точку зрения в хайку на тринари:

Вслушайтесь в гром
Прибоя на том рифе
И скажите мне, что он нереален!

Ларк по нескольким причинам радовался по-

явлению на борту новичков. У них любопытный, свежий взгляд на вещи. И они поддерживают сторону кислородных существ в бесконечном споре. Впереди еще много дискуссий за те субъективные годы, которые проведет в пути «Полкджи», прежде *чем* достигнет цели.

Он с помощью своих новых чувств связался с одним из внешних приборов и снова бросил взгляд на космос. Вернее, на то, что здесь называют космосом.

Мало кто видел такое. Чернота, которая совершенно не похожа на обычный, яркий черный цвет. Не видно ни одной эллиптической или спиральной галактики в обычной форме — как скопление светящихся точек. С этой точки зрения не видно звезд, и, если постараешься, можно разглядеть лишь легкую рябь.

Все кажется плоским, эфемерным, едва ощутимым — как грубо сделанная модель подлинной вещи. В сущности «Полкджи» более не часть этой вселенной. Скользя по внешнему *илему*, преображенный корабль движется с волной, которая не состоит ни из материи, ни из энергии, ни даже из несформировавшейся метрики. После консультаций с другими и изучения материалов бортовой библиотеки Ларк мог лишь сказать, что

корабль движется на раскачивающейся складке *контекста.* Того фона фундаментального закона, из которого некогда возникла вселенная, когда возмущение принципа неопределенности Гейзенберга позволило произойти неожиданному взрыву, названному Большим Бэнгом.

Это появление Чего-то из Ничего.

То, что он сейчас видит, — не вещи и не объекты, а вихри причинных связей, присоединяющих одну возможность к другой.

За кораблем, уменьшаясь с каждым дуром, видны несколько таких перекрестков, еще извивающихся от недавнего разъединения. Разрыв древних связей.

Ларк почувствовал, как рядом с его сознанием скользнуло сознание Линг, воспринимая то же, что и он. Немного погодя Линг подтолкнула его.

Все это позади. Давай смотреть вперед, туда, где наша судьба.

Хотя на этой плоскости не существует ничего осязаемого — ни материи, ни мемо, ни даже направления, — Линг тем не менее ощущала, где «вперед»… куда они направляются. По словам трансцендентов, это большое скопление галактик в полумиллиарде парсеков от Второй Галактики. Оттуда давно приходят загадочные

сигналы, намекая на существование разума. Возможно, там другая великая цивилизация, с которой можно вступить в контакт. Можно поделиться. Поздороваться.

Единственным ее проявлением — в восприятии Ларка — был клубок едва заметно светящихся изгибов и спиралей. Слабый намек на место, где тоже могут существовать гипердвигатели, пункты перехода и все удобства, которые сопровождают жизнь разумных живых существ.

Мы увидим это, прислала свою мысль Линг. *И многое другое. Ты рад, что мы полетели?*

В отличие от дельфинов трансценденты не спросили у Ларка, чего он хочет. Но он чувствовал себя замечательно.

Да, я рад.

Мне не хватает кое-кого. И Джиджо. Но кто бы отказался от такой возможности?

На самом деле некоторые отказались. Джиллиан Баскин, которую удержало сознание долга. И Сара, чью любовь он всегда будет ощущать. Послав дюжину дельфинов, Баскин передала с ними и другие дары, которые отправятся на «Полкджи»: архивы «Стремительного», генетические образцы, собранные во время длительной исследовательской миссии.

И еще один предмет.

Ларк посмотрел на самого уникального члена материнского консорциума, заключенного в золотистый кокон *топоргического* застывшего времени. Древний труп, возможно, в миллиард лет возрастом, который путешествовал с невезучим экипажем «Стремительного» с того самого посещения Мелкого скопления.

Его зовут Херби.

Загадочная улыбка мумии словно говорила о всезнании. И о полной уверенности в себе.

— Это ваш самый драгоценный реликт? — спросил Ларк в лихорадочные мгновения перед взрывом сверхновой, когда переносились образцы со «Стремительного» и защитная оболочка «Полкджи» сомкнулась вокруг них.

Херб и я много времени провели вместе, ответила Джиллиан. *Но мне кажется, важнее, чтобы он отправился с вами, друзья. Он способен рассказать о нас далекой цивилизации больше, чем целая Библиотека.*

Женщина с земли выглядела уставшей, но непреклонной, как будто чувствовала, что ее испытания скоро кончатся.

К тому же если «Стремительный» выдержит предстоящее, я думаю, что Херби не незаменим.

Я знаю, где можно раздобыть еще много таких.

Ларк вспомнил это загадочное замечание, глядя на проносящееся мимо свечение — нити и связки, которые всегда остаются скрытыми за задником великой трагикомедии жизни. Почему-то это напомнило ему хорошо разработанный и гладко разворачивающийся сюжет. Сюжет, в котором он продолжает участвовать, хотя все связи и все нити причинности разорваны.

Кто-то скользнул рядом с плавающими людьми. Дельфин, длинный, гладкий, со множеством шрамов. Их тела слегка покачнулись от волны, поднятой ударами его хвоста. Они почувствовали присутствие рядом мощного сознания, вместе с ними глядящего на пустоту за корпусом «Полкджи».

Вскоре их новый спутник пропел комментарий.

Даже когда позади
Остались Древние,
Трансценденты
И боги,
Кто может сказать,
Что ждет нас в небесных просторах?

Линн восхищенно вздохнула, Ларк кивнул. Он повернулся, чтобы поздравить дельфина с умением так великолепно подытожить их общее впечатление.

И замигал, потому что увидел лишь пустую полоску в богатом материнском органическом вареве.

Он мог бы поклясться, что рядом плыла большая серая тень, гладкая, теплая, такая близкая, что ее можно коснуться! Но этого дельфина среди вновь прибывших он не встречал.

Рядом никого не было.

И пройдет много лет, прежде чем Ларк снова услышит этот голос.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я считаю, что писателю не следует застревать в одной особенной «вселенной», снова и снова рассказывая об одних и тех же героях и обстоятельствах. Чтобы не «протухнуть», я стараюсь не писать подряд две книги об одной и той же «вселенной». Но трилогия Бури Возвышения («Риф яркости», «Берег бесконечности» и «Небесные просторы») представляет исключение. Заранее я никогда не решаю «написать трилогию», но эта работа по мере продолжения приобретала текстуру и все нарастающую сложность. Так бывает в жизни. Когда бросаешь камень в пруд, рисунок разбегающихся кругов может казаться ясным. Но брось еще несколько камней подряд, и рисунок изменится так, как ты себе и представить не мог. Реалистичное повествование примерно такое же. Усложения и последствия разбегаются во всех направлениях.

Меня много раз спрашивали о моей серии «Возвышение». Это определенно не первый случай, когда писатель размышляет о возможностях генетического изменения животных, не обладающих разумом. Среди примеров «Остров доктора Моро»,

«Планета обезьян» и серия «Инструменталии» Кордвайнера Смита. Я вырос, восхищенно читая эти книги и произведения многочисленных последователей этих писателей. Но я заметил также, что авторы таких историй обязательно считают, будто «хозяева»-люди всегда поступают максимально злобно и глупо. Иными словами, если мы изменяем животных, чтобы усилить их интеллект, то это всегда делается, чтобы поработить их и жестоко с ними обращаться.

Не поймите меня неверно! Эти истории с их моралью помогли продвинуть наше коллективное сознание к эмпатии и терпимости. Однако я считаю, с известным оттенком иронии, маловероятно, чтобы наша цивилизация не стала жестоко относиться к новым разумным существам потому, что эти книги сделали свое дело.

В серии «Возвышения» проблема переносится на новый уровень. Допустим, мы генетически преобразуем шимпов, дельфинов и других животных, сделаем это с лучшими намерениями и предоставим им право голоса и гражданство в нашей многообразной культуре. Разве при этом не возникнут проблемы? Достаточно интересные, чтобы стоить одной-двух историй? На самом деле я ожидаю, что мы когда-нибудь действительно

пойдем по этому пути. Одиночество рано или поздно заставит нас предпринять попытку Возвышения. И когда обезьяна заговорит, кто посмеет сказать: «Верните ее в прежнее состояние»?

Пора подумать о дилеммах, которые встанут перед нами, даже если мы поведем себя разумно.

Как «Великолепное время года» позволило мне исследовать широкий круг отношений, возникающих при самоклонировании, так Вселенная Возвышения дает шанс поэкспериментировать с различными представлениями о межзвездной цивилизации. И поскольку это совершенно беззастенчивая космическая опера, оба эти представления могут быть сведены и доведены до высокой степени! Например, если мы предполагаем возможность передвижения быстрее скорости света, я иду дальше и изобретаю десяток способов обмануть Эйнштейна. Чем больше, тем веселей!

Во многих произведениях предполагается, что, когда мы выходим на звездные линии, все уже готово к большим приключениям. (Например, злодеи хоть и опасны, но всегда существует возможность победить их с помощью какого-нибудь отважного героя.) На самом деле в нормальном состоянии в любой части вселенной все нахо-

дится в равновесии. Положение такое же, каким стало очень давно. Это равновесие закона или, может быть, смерти. Мы можем быть самыми первыми, как в моих «Хрустальных сферах». Или можем опаздывать, как в книгах о Возвышении. Но очень маловероятно, чтобы мы встретились с чужаками как равные.

Еще одна тема этой серии — сохранение окружающей среды. То, что мы делаем с Землей, заставляет меня думать, не прошел ли по галактике «лесной пожар», экологический холокост, развязанный предшествующими звездными расами, которые беззаботно использовали населенные планеты и их «Галактическая империя» перегорела за какие-нибудь десять тысяч лет. (Заметьте, как часто в фантастических романах слышен крик: «Давайте заполним галактику!» И если так действительно происходило несколько раз, возможно, это и есть объяснение очевидной пустоты: кажется, в данный момент в галактике немного голосов, если вообще не один.)

Галактика может очень быстро «перегореть», если не существует правил, регулирующих использование колонистами планет и заставляющих их мыслить долговременно, а не в терминах своих современных эгоистических интересов.

Вселенная Возвышения показывает одну такую возможность. Что касается неприятных особенностей некоторых из моих галактов — их одержимости прошлым или фанатизма, например, — то все же приоритет отдается сохранению планет, обиталищ и потенциальной разумной жизни. В результате возникает шумная, энергичная, полная ссор вселенная, заполненная жизнью в гораздо больше степени, чем при других предпосылках.

Кстати, я не думаю, чтобы мы жили в такой дикой экстравагантной Вселенной Возвышения. Но мне кажется, что, наряду с серьезными проблемами, забавно поиграть и в такое царство.

Громоздите чудеса друг на друга!

И ждите. Их будет еще больше.

БЛАГОДАРНОСТИ

Хочу поблагодарить проницательных и откровенных читателей, познакомившихся в рукописи с отдельными частями этой книги, особенно Стивена Джонса, Стайна Сигурдс-сона, Рубена Краснопольски, Дэмиена Салливана и Эриха Р. Шнайдера. Очень помогли также Кевин Лено, Ксавье Фэн, Рей Рейнольде, Эд Аллен, Ларри Фредриксон, Мартин Фогг, Даг Макэлвин, Джозеф Трела, Дэвид и Джой Криспы, Карло Джоджа, Брэд Де Лонг, Лесли Матесон, Сара Милкович, Джеррит Керквуд, Энн Келли, Анита Гулд, Данкан Одом, Джим Панетта, Нэнси Хэйс, Роберт Болендер, Кэтлин Хол-ланд, Маркус Сарофим, Майкл Тайс, Пэт Мэннион, Грег Смит, Мэтью Джонсон, Кевин Конод, Пол Ротемунд, Ричард Мэйсон, Уилл Смит, Грант Свенсон, Ройан Эгнор, Джейсон М. Робертсон, Майка Олтман, Роберт Херт, Ма-нодж Касичайнула, Энди Эшкрофт, Скотт Мартин и Джеффри Слостад. Полезные наблюдения сделали профессора Джозеф Миллер и Грегори Бенфорд. Роберт Колкинбаш составил словари. Роман много выиграл благодаря проницательности и помощи со стороны моего агента Ральфа Вичи-

нанцы, а также Пэт ЛоБрутто и Тома Дюпре из «Бэнтам букс».

Последняя песня Эмерсона взята из финала оперы Джу-зеппе Верди «Фальстаф».

Некоторые идеи книги зародились не в моем искаженном воображении. Фрактальный Мир, эта грандиозная структура, сплошные пушистые острия, предоставляющие гораздо большую поверхность (для окон), чем любая сфера Дайсона, описан доктором Дэвидом Крисвеллом в его пророческой работе «Межзвездная миграция и опыт человечества», изданной Беном Финни и Эриком Джонсом (Издательство Калифорнийского университета).

Как обычно, книга была бы гораздо беднее без мудрого и очень человечного вклада моей жены — доктора Черил Бригхем.

А теперь… подарок![29]

Я однажды уже поступил так — после послесловия к «Земле». Небольшая развязка — рассказ после окончания истории — для тех, кто внимательно прочел последние строки книги. Мы навещаем одного из героев спустя примерно

---

[29] notes: 29

В оригинале использовано словоlagniappe, обозначающее подарок, который традиционно вручается покупателю в знак успешного завершения сделки. — Примеч. пер.

год после Великого Разрыва и делаем попытку связать хотя бы несколько (из очень многих) разорванных нитей.

Наслаждайтесь.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ (РАЗВЯЗКА)

Морская вода на Хурмуфте солоней, чем на Джиджо.

Ветры дуют неустойчиво, но необычно ритмичными порывами, поэтому идти короткими галсами опасно и трудно.

Пока вы не уловите последовательности. После этого вы улавливаете темп и чувствуете каждый порыв. Легко придерживая руль, можно оседлать бриз и заполнить паруса, так что корабль понесется, едва касаясь верхушек волн!

Когда я в первый раз сделал это с Дор-хуниф на борту, она вопила так, словно сама Смерть поднялась из глубин, чтобы лично ей пропеть Песню Призыва. К тому времени как мы вернулись в новую пристань, промокшие с ног до головы, она так дрожала, что я подумал, что зашел слишком далеко.

Как я ошибался! Как только мы переступили через порог нашей маленькой прибрежной куты, она схватила меня и мы целых три мидура занимались любовью! Несколько дней после этого у меня болели позвонки.

(Вскоре я понял, что цивилизованные хуны

редко испытывают порывы опьяняющего возбуждения. На Джиджо это было частью повседневной жизни и помогало уравновешивать инстинктивную хунскую осторожность. Но у наших звездных родичей такая спокойная, устоявшаяся жизнь — за исключением короткого периода течки раз в году, — что они вряд ли думают о сексе! К счастью, Дор-хуниф понравился этот новый подход — как урам сразу понравилась лава.)

Увы, у нас все меньше времени для совместных романтических путешествий. Бизнес разрастается; по высокогорьям, где тысячи лет располагаются хунские поселки, с аккуратными городскими улицами, далеко от прибоя, распространяется новость. Думаю, что после всего этого времени накопилось очень много напряжения. А может, это связано с тем, как недавно были потрясены Пять Галактик. В любом случае очень многие, особенно молодое поколение, готовы для разнообразия испытать нечто новое. Что-то такое, чему нас не учили наши патроны гутатса.

Ежедневно к нашему дому на пустынном берегу прибывают все новые группы, выходят из своих летающих экипажей и смотрят на сверкающую лагуну. Их явно пугает такое количество воды, они с детства усвоили урок: океан *опасен.*

Конечно, любой хунский бухгалтер знает, что риск может быть оправданным, если выгода превышает потенциальные потери.

Требуется всего одно короткое плавание по ветреному заливу, чтобы убедить большинство.

Бывают вещи, которые стоят небольшого риска.

Мой тесть занимается подробностями нашего бизнеса. Твафу-ануф ушел в отставку со своего поста в Институте Миграции, чтобы управлять нашим маленьким домом отдыха, встречаться с инвесторами, получать разрешения на использование среды и брать в аренду как можно большие участки берега, прежде чем другие хуны поймут их истинную ценность. Он все еще считает наше предприятие безумным и сам ни за что не заходит на палубу. Но всякий раз как старик просматривает счета, я слышу, как он начинает счастливо ворчать.

Его нынешняя любимая песня? *«Что нам делать с пьяным моряком»!*

Меня слегка тревожит, что ни волшебные образы Мел-вилла, ни джиджоанская морская поэзия Фвхун-дау не произвели на Твафу-ануфа такого впечатления, как несколько земных застольных песен. И когда он переходит к той части, где го-

ворится о том, как пьянице бреют брюхо ржавой бритвой, балки дрожат от его голоса.

Кто бы мог подумать?

Я теперь очень занят — даю уроки мореходного дела и почти все изобретаю заново с самого начала, так что у меня нет времени заниматься литературой. Мой дневник не открывается много джадуров подряд. Кажется, моим детским честолюбивым стремлениям стать знаменитым писателям придется подождать. Может быть, в другой жизни.

На самом деле я нашел лучший способ изменить моих собратьев хунов. Принести в их жизнь немного счастья. Изменить их репутацию скучных ограниченных бухгалтеров. И, может быть, сделать их немного более приятными соседями.

На Джиджо хуны нравятся всем другим расам! Надеюсь, что увижу, как и здесь будет то же самое. На звездных линиях цивилизации.

А литературное возрождение в хороших руках. Вернее, в хороших *глазных стебельках.*

Гек уступила и согласилась с частью предназначенной для нее роли.

— Хорошо, у меня будут дети, — заявила она. — Если дадите мне достаточно хунских нянек, чтобы их выращивать. Я сама ведь воспитана

хунами, и посмотрите, что из этого вышло!

В прошлом я бы ответил на это насмешливой шуткой. Но без Клешни и Ур-ронн все стало иным. К тому же я теперь женат. Скоро буду отцом. Пора научиться такту.

Гек пришлось согласиться забеременеть, потому что она единственная, кто может вернуть расу г'кеков в Четыре Галактики. Но от второй части плана — жить в тайне и уединении, прячась от старинных врагов своей расы, — она отказалась решительно.

— Пусть придут! — кричит она, вращая колесами и размахивая глазами, готовая встретить всю джофурскую империю и всех остальных, кто помог уничтожить ее племя. Не знаю. Возможно, дело в ее растущей известности, или в той свободе движений, которую она ощущает, когда носится по ровным тротуарам города Хармуфта, или во все большем количестве студентов, посещающих ее салон по изучению земной и джиджоанской литературы. Но она теперь редко приходит на берег, а когда приходит, я мидурами слушаю ее, не вставляя ни слова.

Может быть, она права. Наверно, я становлюсь еще одним скучным старым хуном.

Или проблема в том, что все г'кеки неуступчи-

вы, а Гек способна на компромиссы еще меньше других. Она не понимает, что нужно встречать жизнь на полпути. Любое изменение, которое вы вносите во вселенную, вызывает соответствующую перемену в вас самих.

Я принес своим звездным родичам дары Джиджо — приключения и детство. Они, в свою очередь, научили меня ясности и спокойствию, какие приносят дом, очаг и мелодичные ритуалы, унаследованные от туманного прошлого, прежде чем наша раса ступила на путь Возвышения или подумала о далеких звездах.

Теперь звезды стали еще дальше. С тех пор как Пять Галактик неожиданно стали четырьмя, половина пунктов перехода и межпространственных троп стали неустойчивыми, и многие такими и останутся на протяжении всей нашей жизни. Потеряно бесчисленное количество кораблей, разорваны торговые связи, и теперь планеты вынуждены рассчитывать только на собственные ресурсы.

Полагаю, это означает, что пройдет немало времени, прежде чем мы получим весточку от Ур-ронн. Я уверен, что она замечательно проводит время где-то там, работая с инженерами всех рас, по длинную шею погрузившись в проблемы,

которые необходимо решить.

Уры не сентиментальны, но я надеюсь, она время от времени вспоминает нас.

А о Клешне я могу только сказать, что мне его ужасно не хватает.

Иногда приходится уступать.

Смерть всегда была одной огромной, безнадежно непреодолимой пропастью. Теперь появилась и другая. Когда окончательно оторвалась Четвертая Галактика, все живое ощутило это на самом глубинном органическом уровне. Даже на планетах это ошеломило многих. И много дней все ходили словно в оцепенении.

Ученые полагают, что последствия разрыва в самой Четвертой Галактике должны ощущаться еще сильнее, но точно мы этого не знаем, потому что теперь все это гигантское звездное колесо стало для нас навсегда недосягаемо. А вместе с ним и Джиджо. Мои родители. Мой дом.

Есть, конечно, и компенсация. Приятно представить себе дельфинов, весело плавающих в шелковых водах Вуфона, играющих в перегонялки с мусорным кораблем моего отца, а потом подплывающих к берегу, чтобы при свете Лусена поговорить о поэзии.

Конечно, Община Шести Рас может теперь по-

рвать Священные Свитки и перестать прятаться от неба. Потому что законы цивилизации Пяти Галактик на Джиджо больше не распространяются. Быть может, жители Джиджо уже разобрались с захватчиками джофурами. А может, перед ними новый кризис. Но все равно бремя вины, унаследованное от предков, больше не тяготит нас. Обитатели Склона больше не нарушители — не *сунеры.*

Джиджо принадлежит им, и они должны теперь заботиться о планете и защищать ее.

Я верю, что у них все получится. С небольшой помощью кости Ифни.

Кстати, о необычных колонистах. Ко мне пристает маленькая, похожая на выдру тварь, требует еще одного одолжения.

Грязнолапый, как только признался, что умеет говорить, принялся болтать непрерывно. Он все время хочет знать, не появился ли в порту Хурмуфта корабль тимбрими или любой другой из Второй Галактики. Нетерпение Грязнолапого очень характерно. Хотя он называет себя *титлалом,* для меня он всегда останется *нуром.* Я доказываю это, раздувая горловой мешок и начиная ворчать. Он тут же присоединяется к моей любимице Хуфу у меня на плечах, и вскоре они

сворачиваются, забыв обо всем на свете.

— Он никогда от нас не уйдет, — предсказывает Дор-хуниф. И действительно, Грязнолапому нравится повседневная работа на яхте, нравится карабкаться по снастям и парусам, жевать лакомства и отпускать ядовитые замечания в адрес сухопутных пассажиров.

Но я до конца не уверен. В этом маленьком создании горит огонь. Он подобен человеку, у которого есть цель, или уру с устройством, которое тот хочет попробовать. Грязнолапый никогда не успокоится, пока не кончит начатое.

Насколько я знаю титлалов, это связано с шутками. С какой-то очень долговременной и отчаянно забавной шутке… конечно, если вы не ее объект.

Мне кажется, однажды мы проснемся и обнаружим, что он исчез — и все наши снасти связаны узлами. Это его манера говорить до свидания.

Сейчас, когда я пишу это, Грязнолапый сидит у меня на плече, загадочно улыбается и наслаждается моими рассуждениями, не давая разгадки.

Хватит. Слезай, маленький мошенник! Нас ждут клиенты. Ветер свежий, и вдоль серебристого горизонта плывут облака.

Давай поможем окоченевшим старым хунам

понять, что такое жизнь.

ПЕРЕЧЕНЬ РАЗУМНЫХ РАС

Г'кеки — первая раса сунеров, прибывшая на Джиджо около двух тысяч лет назад. Возвышенные расой друли, г'кеки обладают биомагнетически приводимыми в движение колесами и глазными стебельками вместо голов. Большую часть своего периода разумности они жили не на планетах. Г'кеки исчезли во всех Пяти Галактиках и сохранились только на Джиджо.

Глвйверы — третья раса сунеров на Джиджо. Возвышенные таннуктайурами, которые, в свою очередь, были возвышены буйурами, глейверы способны передвигаться на двух конечностях, у них опалесцируюшая кожа и большие выпуклые глаза. Примерно в метр ростом, они обладают раздвоенным хватательным хвостом, который помогает их не очень эффективным рукам. Со времени незаконного поселения на Джиджо они регрессировали до состояния предразумности. Для некоторых глейверы — это блестящий образец для подражания, показывающий всем путь к Тропе Избавления.

Джофуры — организмы, напоминающие заостренную коническую груду пончиков; подобно

своим родичам треки, джофуры состоят из сменяемых губчатых «сочных колец», обладающих ограниченным разумом. Объединившись, эти кольца создают разумное общинное существо. Специализированные кольца служат груде органами чувств, манипулирующими органами и иногда обладают поразительными химосинтезирующими способностями. В виде треки эта уникальная раса была возвышена поа. Позже фанатичные оайлие снабдили их мастер-кольцами, которые трансформировали треки в джофуров, своенравных и предельно честолюбивых.

Квуэны — четвертая раса сунеров на Джиджо. Возвышенные зошами, квуэны обладают радиально симметричным экзоскелетом с пятью ногами, вооруженными когтями. Их мозг частично располагается в убираемом центральном куполе. Мятежное племя квуэнов поселилось на Джиджо, чтобы сохранить древнюю кастовую систему, в которой серая разновидность поставляла королев-матриархов, а красная и синяя разновидности были слугами и ремесленниками. Условия на Джиджо, включая более позднее появление людей, привели к крушению этой системы.

Люди — самая молодая раса сунеров, прибывшая на Джиджо менее трехсот лет назад. Волчата-

люди эволюционировали на Земле, где, возможно самостоятельно, достигли стадии технологической цивилизации и примитивных космических полетов. Их величайшее достижение — возвышение неошимпанзе и неодельфинов.

Ротены — загадочная галактическая раса. Одна группа людей (даккины или даники) верит, что ротены и есть утраченные патроны землян. Ротены — двуногие существа, крупнее людей, но с такими же пропорциями. Их считают плотоядными.

Треки — вторая по времени раса незаконных поселенцев на Джиджо. Треки — это предшественники джофуров, сбежавшие от навязываемых им мастер-колец.

Уры — шестая раса сунеров на Джиджо. Плотоядные кентавроподобные обитатели травянистых равнин; у них длинные гибкие шеи, узкие головы и лишенные плеч руки, которые заканчиваются проворными пальцами. Уры начинают жизнь в виде крошечных шестиногих личинок, которых матери выбрасывают из сумок и предоставляют самим заботиться о себе. Всякая личинка, дожившая до «детства», может быть принята в урское племя. Самки уров достигают размеров крупного оленя и обладают двумя сумками, в которых

держат миниатюрных мужей, размером меньше домашней кошки. Самка, у которой должны родиться личинки, выбрасывает одного или обоих мужей, чтобы освободить место для потомства. Уры испытывают отвращение к воде в ее чистой форме.

Хуны — пятая волна поселенцев на Джиджо, двуногие всеядные со светлой чешуйчатой кожей и ногами, поросшими белой шерстью. Их позвоночники — это массивные полые сооружения, представляющие собой часть циркуляционной системы. Горловой мешок хунов, первоначально использовавшийся в брачных столкновениях, теперь применяется для «ворчания». Будучи возвышенными гушатса, хуны стали повсеместно известны как скучные и педантичные чиновники галактической культуры.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аллафор — метафорическая интерпретация, предпринятая некоторыми разумными особенностями пространства Е.

Англик — человеческий язык, созданный в двадцать первом веке с использованием многих английских слов, но под воздействием других доконтактных языков и модифицированный в соответствии с новейшим пониманием лингвистической теории.

Буйуры — прежние законные обитатели Джиджо, внешне похожие на лягушек и известные своим умом, предвидением и мастерством в создании генетически преобразованных специализированных животных-инструментов. Улетели с Джиджо, объявленной невозделанной, почти полмиллиона лет назад.

Возвышение — процесс превращения предразумных животных в разумную расу, способную присоединиться к галактическому сообществу. Совершается расой патронов.

Волчата — уничижительный галактический термин, обозначающий расу, которая как будто возвысила себя сама до стадии космических по-

летов, без помощи патронов.

Галакт, галактический — личность, раса, концепция или технология, возникшие в древней цивилизации Пяти Галактик.

Галактическая Библиотека — фантастически большое собрание знаний, накопленных в течение сотен миллионов лет. На большинстве галактических звездных кораблей и в галактических поселениях имеются квазиразумные «отраслевые Библиотеки».

Галактические Институты — большие влиятельные учреждения, предположительно нейтральные и не вмешивающиеся в межклановую политику. Институты поддерживают различные аспекты галактической цивилизации. Некоторым институтам свыше миллиарда лет.

Даники — упрощенное произношение термина «даникениты»; направление общественной мысли и культуры, возникшее вскоре после установления первого контакта с галактической цивилизацией. Даники верят, что земляне были возвышены расой патронов, которые по неизвестным причинам предпочли оставаться неизвестными. Часть даников считает, что этой расой мудрых и загадочных патронов являются ротены. (Иногда даккины.)

Джадур — приблизительно сорок три часа.

Джиджо — планета в Четвертой Галактике. Дом семи рас сунеров: людей, хунов, квуэнов, уров, г'кеков, регресировавших глейверов и «демодифицированных» джофуров, известных как треки.

Дур — примерно треть минуты.

Занги — водорододышащая раса, ее представители внешне напоминают огромного моллюска. Живут в атмосфера газовых гигантов. Институт Миграции отвел весь район Джиджо этим водорододышащим; разумные существа, которые дышат кислородом, не должны появляться здесь в течение долгого периода, пока эта зона считается невозделанной. Патрульные шары зангов, которых все боятся, изредка посещают Джиджо.

Земной клан — маленькое эксцентричное галактическое «семейство» разумных рас, включающее неошимпанзе, неодельфинов и их патронов-людей.

Измунути — гигантская красная звезда, опасно близкая к солнцу Джиджо; посылаемый ею углеродный ветер маскирует Джиджо от наблюдения со стороны Института Миграции.

Илем — ткань самой реальности, основа всего.

Ифни — вероятно, вульгаризация английского infinity — бесконечность. В традиции космо-

навтов это имя богини удачи. Персонификация вероятности, или закона Морфи.

Кидур — примерно половина секунды.

Кикви — предразумная раса амфибий, живущих на Китрупе.

Китруп — водяная планета, богатая тяжелыми металлами, где «Стремительный» потерял капитана Крайдайки и многих других членов экипажа, уходя из смертоносной ловушки.

Клиенты — раса, отрабатывающая период служения патронам, которые возвысили ее из предразумной животной стадии.

Мидур — единица измерения времени. Примерно семьдесят одна минута.

Моргран — пункт перехода, где на «Стремительный» впервые напал флот фанатичных религиозных кланов.

Неодельфины — возвышенные дельфины, клиенты человечества.

Неошимпы, неошимпанзе — возвышенные шимпанзе, первые клиенты человечества. Полностью возвышенные неошимпанзе могут говорить; «незавершенный» вариант — неошимпанзе, не умеющие говорить — сопровождал людей на Джиджо.

Нуры — умные, проворные и озорные существа,

внешне похожие на выдру. Нуров невозможно приручить, но терпеливые добродушные хуны могут использовать некоторых нуров на своих кораблях. Другие расы сунеров считают нуров надоедливой помехой.

НюДаун колония — планета, колонизированная землянами до установления контакта с галактической цивилизацией в нарушение неизвестных тогда законов миграции. Обитатели планеты были насильственно выселены чиновниками ху-нами при поддержке джофуров и других представителей сил закона.

Оакка — планета, на которой расположена региональная штаб квартира Института Миграции и на которой «Стремительный» едва избежал предательства и пленения.

Объятие Приливов — квазипристрастие, которое заставляет старшие расы стремиться к ощущению гравитационного растягивания вблизи очень плотных звезд.

Патроны — галактическая раса, которая возвысила по крайней мере один вид животных до полного разума.

Пидур — шесть в седьмой степени дуров, или приблизительно четыре дня.

«Полкджи» — боевой корабль джофуров, кото-

рый в поисках «Стремительного» приземлился на Джиджо.

Помойка — обширная подводная впадина, или зона изъятия, сформированная тектоническими плитами, которая проходит вдоль всего Склона. Мусор, накопленный разумными расами — от остатков скелетов до корпусов космических кораблей, — сбрасывается сюда, чтобы природные силы Джиджо унесли его под кору и переплавили.

Порядки жизни — семь типов разумной жизни, известные в Пяти Галактиках:

кислорододышащие — члены галактической культуры, включая людей;

водорододышащие — живут в атмосферах малой плотности и обладают медленным обменом веществ. Обычно обитают на планетах газовых гигантах, плавая меж облаков и создавая модели внешнего мира;

«ушедшие в отставку» — бывшие расы патронов, состарившиеся и отошедшие от галактических дел;

машины — самовосстанавливающиеся разумные механизмы. Обычно держатся областей с высокой радиацией или глубин космоса, которые не нужны водородным и кислородным цивили-

зациям;

трансценденты — расы, «перешедшие» на высший уровень. У галактов существует много различных верований относительно этой стадии жизни. Предполагается, что первыми трансцендентами стали Прародители;

мемоиды — странные организмы-«мысли», живущие преимущественно в гиперпространстве Е;

квантовые существа — организмы, открытые всего сто миллионов лет назад, живущие между плоскостями вселенной и не вступающие в контакт с галактическим сообществом. Кажется, их образ жизни связан с квантовой неопределенностью.

Существуют значительные разногласия относительно числа порядков жизни. Многие полагают, что их больше восьми. Контакты между различными порядками жизни опасны и обычно не поощряются.

Праймал — полуязык, используемый естественными, невозвышенными дельфинами на Земле.

Прародители — легендарная первая разумная раса, которая два миллиарда лет назад начала цикл возвышения.

Пространство Е — опасная гиперпространственная область, в которой стирается разница

между сознанием и реальностью. Самостоятельные концепции могут существовать здесь вне мозга или компьютера, которые их содержат или обдумывают. См. аллафор.

Пункт перехода — точка ослабленного пространства-времени, которая позволяет кораблю, правильно вошедшему в нее, лететь со скоростью быстрее скорости света.

Реук — симбионт квази-гриб, который помогает Шести Расам «читать» эмоции и язык телодвижений друг друга.

Святое Яйцо — загадочный массивный пси-активный камень, который появился из вулкана сто лет назад в сопровождении широко распространившихся видений и снов.

«Стремительный» — земной космический корабль с экипажем из неодельфинов. Открытие, сделанное «Стремительным», привело к беспрецедентному преследованию корабля десятками галактических фракций, которые стремились завладеть тайнами дельфинов.

Стрессовый атавизм — состояние, встречающееся у недавно возвышенных видов, когда под влиянием стресса индивид утрачивает высшие функции сознания.

Структура Крисвелла — фрактальная струк-

тура, созданная для того, чтобы охватить маленькую красную звезду и улавливать всю ее энергию. Такая форма предоставляет максимальную «оконную площадь» в отличие от простой сферы Дайсона.

Сунеры — преступники, которые пытаются колонизировать планеты, объявленные галактическим Институтом Миграции невозделанными. На Джиджо термин применялся к тем, кто основывал новые поселения на пределами Склона.

Террагентский Совет — орган правительства межзвездного человечества, занимающийся вопросами взаимоотношений между земным кланом и галактическим сообществом.

Топоргик — псевдоматериал, состоящий из органически спрессованного времени.

Фен — множественное число от «фин». Обозначение на англике неодельфинов.

Фрактальный Мир или Фрактальная система — место пребывания рас, покинувших цивилизацию Пяти Галактик. Огромное рассеянное сооружение, созданное из водородного снега, предназначенное для улавливания и использования энергии малой звезды.

Хьюмикер — сленговое обозначение того, кто подражает людям, поскольку земные тексты по-

прежнему преобладают в литературе Джиджо, много лет после Великой Печати.

Шимпанзе, или шимпы — частично возвышенная разновидность, которая сопровождала людей на Джиджо. Шимпы не умеют говорить, но способны общаться с помощью языка жестов.

Яйцо — см. Святое Яйцо.

Дэвид Брин
Искушение

Об авторе

Дэвид Брин (р. 1950), физик по образованию, живет в Энсинитасе, штат Калифорния. Информацию об авторе можно найти на xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20190521182144_30"www.davidbrin.com. Первой его публикацией стал роман «Прыжок в солнце» («Sundiver», 1980), вышедший годом позже защиты диссертации. Роман «Звездный прилив» («Startide Rising», 1983) удостоен премий «Хьюго» и «Небьюла». Премией «Хьюго» также отмечен роман «Война за Возвышение» («Upüft War», 1987). Рассказы Брина представлены в сборниках «Река времени» («The River of Time», 1986), «Чуждость» («Otherness», 1994), «Приходит Завтра» («Tomorrow Happens», 2003). В основном писателя интересует будущее, где условия жизни человека улучшены и есть место героическим подвигам. Не так давно вышел комикс «Пожиратели жизни» («The Life Eaters», 2004), созданный на основе повести «Тор встречает Капитана Америку» («Thor Meets Captain America», 1986).

Хотя Брин известен как автор твердой НФ (один из знаменитых «трех Б»: Брин, Бенфорд,

Бир), он не всегда придерживался требований жанра. Как отметил Джон Клют: «Он пишет истории, в которых физические законы, управляющие Вселенной, попираются своенравно, самым беспощадным образом». Оптимизм, умение произвести впечатление, лишенная высокопарности манера письма приближают творчество Брина к традиции Джона Кэмпбелла и Роберта Хайнлайна.

В начале его карьеры никто бы и не подумал ставить Брина в один ряд с мастерами космической оперы. Только к концу 1990-х его цикл «Возвышение» («Uplift») был назван космической оперой (прежде его относили к более уважаемым жанрам твердой и приключенческой фантастики). Брин заявил: «Серия „Возвышение" о далеком будущем, став весьма популярной, подвигла меня на создание новой трилогии на ту же тему: „Риф яркости" (brightness Reef, 1995), „Берег бесконечности" („Inftmty's Shore", 1996) и „Небесные просторы" („Heaven's Reach", 1998). Вместе с предыдущей трилогией „Прыжок в солнце", „Звездный прилив" и „Война за возвышение" они образуют приключенческий кластер в самых смелых традициях космической оперы.... Хотя я надеюсь, что идеям этих произведений присущ

настоящий научно — фантастический размах». Брин является одним из первых писателей нового поколения НФ (пришедший после К. Дж. Черри и передавший эстафету Лоис Макмастер Буджолд), предпочитающих создавать смелую космическую оперу.

Как-то у М.Джона Гаррисона, ведущего специалиста по британской НФ xmlns:l="http://www.w3.org/1999/xlink" l:id20190521182144_31">www.zone-sf.com/mjharrison.html спросили в интервью: «На ваш взгляд, в чем разница между американскими и британскими НФ и фэнтези? Есть ли точки соприкосновения, или Кен Махлеод, Иэн Бэнкс и Чайна Мъевилъ пишут нечто кардинально отличное от, скажем, работ Дэвида Брина, Дэна Симмонса и Джорджа Мартина?» Гаррисон ответил: «Трудно представить, что может быть общего между Брином и Махлеодом или Брином и Мьевилем. Если книга — это некий товар, который надлежит продать, то, без сомнения, существует разница между британской и американской прозой, фантастическая она или нет. Я склонен думать, что мы здесь делаем нечто совершенно отличное от того, что создают американские коллеги, — хотя, к счастью, никто из нас и понятия не имеет, что именно».

Сейчас идет спор, является ли новая космическая опера широкомасштабным феноменом НФ, как мы пытаемся доказать на страницах данной антологии, или же все самое лучшее в фантастике — британского происхождения и политически обусловлено движением левых. Слава провидению, спор может продолжаться бесконечно долго, и, поскольку никто с точностью не может дать определение космической опере, оставим новую космическую оперу в покое.

В противоположность основным традициям жанра, Брин склонен делать главными героями своих произведений людей заурядных. В 1997 году в интервью для «Locus» он сказал: «Одним из принципов, которыми я руководствуюсь, является тот, что и простые люди могут быть вовлечены в героические события. Даже если в наличии есть протагонисты-супергерои, я склонен делать из них настоящих слэнов. xmlns:xlink="http://www.w3.org/1999/xlink" xlink:href="#id20190521182144_32">[32] Я не выношу всю эту „сверхчеловечину", помешательство на сверхлюдях, переполняющее фантастические романы. Я считаю, главный герой не должен быть таким знающим и умеющим, таким повергающим в благоговейный ужас, что даже два

десятка гениев с грудой мускулов, работающих круглыми сутками, не могут тягаться с ним...»

В повести «Искушение» (1999), входящей в цикл «Возвышение», человечество использует разумных дельфинов для колонизации планеты, поскольку дельфины хорошо переносят космические перелеты. На данной планете живут порождения генной инженерии: левиафаны, которые бороздят океаны, населенные многими разумными расами, оказавшимися в этом мире задолго до людей. Впервые повесть была опубликована на страницах антологии «Далекие горизонты» («Far Horizons»), и в предисловии Брин отметил: «Говорят, нельзя иметь все сразу. Например, если в рассказе много действия, то мало философии. Если в нем речь идет о науке, будут страдать характеры. Особенно часто это утверждают о главном жанре фантастики, иногда называемом космической оперой. Можно ли изобразить грандиозные приключения и героическую борьбу на фоне роскошных декораций будущего, включающих взрывающиеся планеты и яркие спецэффекты, и тем не менее написать нечто, достойное называться романом?

Я принадлежу к числу тех, кто считает, что стоит попробовать, — и попробовал в цикле

романов „Возвышение", действие которых происходит в опасном будущем несколько сот лет спустя, в космосе, который люди только начинают понимать».

В одном из интервью Брин сказал: «Каждая история в саге о Возвышении касается аспектов извечного спора добра и зла или смутной области между ними. В последней работе я затронул тему коварного, высокомерного, но вполне распространенного заблуждения, будто слова важнее действий». Его личный комментарий к публикуемой повести: «В „Искушении", сюжет которого ответвляется от сюжета „Берега бесконечности", — мы сталкиваемся с извечной, болезненной идеей, давним искушением принимать желаемое за действительное. Разумные дельфины приходят к убеждению, что наука и искусство могут образовывать гармоничный сплав. Мы сами способны сочетать искренность и экстравагантное самовыражение. Мы не должны ограничивать свои возможности».

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА ВСЕЛЕННАЯ ВОЗВЫШЕНИЯ

Говорят, нельзя иметь все сразу. Например, если в рассказе много действия, то мало философии. Если в нем речь идет о науке, будут страдать характеры. Особенно часто это утверждают о главном жанре фантастики, иногда называемом космической оперой. Можно ли изобразить грандиозные приключения и героическую борьбу на фоне роскошных декораций будущего, включающих взрывающиеся планеты и яркие спецэффекты, и тем не менее написать нечто, достойное называться романом?

Я принадлежу к числу тех, кто считает, что стоит попробовать, — и попробовал в цикле романов «Возвышение», действие которых происходит в опасном будущем несколько сот лет спустя, в космосе, который люди только начинают понимать.

Начал я с правдоподобного допущения, что люди могут начать генетически изменять дельфинов и шимпанзе, придавая этим умным животным завершающий толчок, необходимый, чтобы стать нашими партнерами. В дебютном

романе «Прыжок в Солнце» я рассказываю о том, как три земные разумные расы обнаруживают, что могучая межзвездная цивилизация уже давно занимается тем же самым. Следуя древнему завету, каждый вышедший в космос клан в цивилизации пяти галактик ищет перспективных новичков для «возвышения». За эту услугу новая раса клиентов обязана определенный период служить патронам, а затем сама начинает искать, кому можно передать дар разума.

За этой благостной картиной прячется немало зловещих тайн, которые раскрываются в последующих романах. В «Звездном приливе» и «Войне за Возвышение» — оба романа получили премию «Хьюго» — описывается ударная волна, раскачивающая галактическое сообщество, когда скромный земной звездный корабль «Стремительный» с командой из сотни неодельфинов и нескольких людей отыскивает ключи к миллиарднолетнему заговору.

Моей целью было насытить серию элементами, которые нравятся читателям фантастики, например, не одним способом преодолевать эйнштейновское ограничение на передвижения быстрее света, но сразу полудесятком таких способов. В качестве декорации я использовал

пять галактик, причем за кулисами таились и другие. Действующие лица — люди, дельфины и шимпанзе — подбирались таким образом, чтобы вызвать сочувствие и, как я надеюсь, сообщить запоминающиеся идеи.

После промежутка в несколько лет, занятого другими проектами, я вернулся к широкому холсту с новой трилогией «Буря Возвышения», состоящей из трех сюжетно связанных романов: «Риф Яркости», «Край бесконечности», «Небесные просторы». В этих романах продолжают описываться приключения и испытания экипажа «Стремительного», но также рассказывается об уникальном милитаристическом обществе на Джиджо, планете в изолированной четвертой галактике; эта планета объявлена «невозделанной», разумные существа не имели права вмешиваться в развитие ее биосферы. Вопреки этому закону на запретный мир тайно прилетает несколько кораблей, привозя колонистов полудесятка рас, и у каждой группы есть очень существенный повод бежать от опасности, грозящей ей дома. После первоначальных недоразумений и стычек шесть народов Джиджо, включая изгнанников-людей, заключают мир, объединяя усилия в попытке создать процветаю-

щую культуру на своей любимой планете, в то же время скрываясь от космоса… до того дня, пока с неба не обрушиваются новые неприятности.

Пришло «Время Перемен», раскачивая самодовольную цивилизацию пяти галактик. Никто не может считать себя в безопасности, и нет больше ничего определенного. Нельзя доверять ни истории, ни законам, ни биологии, ни даже физике.

Во Вселенной что-то происходит, и все говорит о том, что наступает конец света.

В этом новом рассказе «Искушение» я вскрываю еще один слой этой разворачивающейся саги и изображаю небольшую группу беженцев-дельфинов, которые узнают, какие опасности могут скрываться в очень привлекательном предложении: вам предлагают то, что вы всегда хотели.

Дэвид Брин

МАКАНАЙ

Океан Джиджо гладил ей бока, словно прикосновением носа матери или лаской любовника. Может, это и проявление неверности, но Маканай казалось, что чуждый океан мягче и вкуснее вод Земли, ее родины, которую она не видела уже семь лет.

Легкими ударами мощных плавников Маканай и ее спутник легко удерживались рядом с огромной стаей рыбоподобных существ — с красными плавниками, фиолетовыми жабрами и длинными прозрачными хвостами, которые сверкают в наклонных лучах солнца, как искры плазмы за звездным кораблем. Стая тянется бесконечно, питаясь плавучими облаками планктона, согласованно перемещаясь по прибрежным отмелям, словно медленно извивающееся тело гигантской змеи.

Эти существа прекрасны… и очень вкусны. Стройное серое тело Маканай ловко повернулось, выхватив из кишащей массы одно существо и вызвав этим только легкую рябь среди его соседей. Такой небрежный стиль охоты, должно быть, нов для Джиджо, потому что существа как будто

не замечают дельфинов. Упругая плоть по вкусу напоминает экзотические сардины.

— Не могу подавить чувство вины, — произнесла Маканай на подводном англике — языке щелканий и писков, очень хорошо приспособленном к подводному царству, где звук важнее света.

Спутник Маканай плыл рядом со стаей брюхом вверх; его спинные плавники вяло заработали, когда он тоже схватил одно из существ.

— При чем тут вина? — спросил Брукида, а жертва тем временем билась в его узких челюстях. Впрочем, ее биение не препятствовало потоку слов-глифов, поскольку пасть дельфина не участвует в создании звуков. Быстрая серия сонарных импульсов исходит из его лба. — Ты стыдишься того, что живешь? Того, что приятно снова оказаться на просторе, а теплое море трется о твою кожу и волны навевают тебе сны? Неужели тебе не хватает стоячей воды и затхлого воздуха на корабле? Или мертвых эхо твоей тесной каюты?

— Не говори глупости, — ответила Маканай. После трех лет, проведенных в тесноте земного исследовательского корабля «Стремительный», она чувствовала себя как зародыш, зажатый в

чреве. Освободиться из этого чистилища — словно родиться заново, — Просто мы наслаждаемся тропическим раем, а наши товарищи в это время…

— ..продолжают полет в космосе, терпя все неудобства, преследуемые злобными врагами, на каждом повороте глядя в лицо смерти. Да, знаю.

Брукида выразительно вздохнул. Престарелый геофизик перешел на язык, более приспособленный для выражения ядовитой иронии:

Зимняя буря тратит
Всю свою силу на риф,
Не трогая лагуну.

Хайку тринари выразительны и суховаты. В то же время Маканай не могла не сделать врачебное заключение. Она обнаружила, что сонарные образцы речи ее старого друга насыщены полутонами праймала — природного полуязыка китообразных, которым пользуются на Земле дикие дельфины Tursiops truncatus. Представители современного вида amicus должны избегать этого языка, чтобы их сознание не подвергалось искушению пойти по древним путям. В этом языке таятся ритмы животной чистоты.

Маканай встревожилась, уловив элементы

праймала в речи Брукиды, одного из немногих своих товарищей с непострадавшей психикой. Большинство дельфинов на Джиджо в той или иной степени страдали стресс-атавизмом. Утратив мыслительные способности, необходимые инженерам и космическим исследователям, они больше не могли помочь «Стремительному» в его отчаянном бегстве через пять галактик. Логичным решением казалось высадить небольшую колонию на Джиджо; Маканай должна была в мягкой мирной обстановке присматривать за регрессировавшими товарищами, а остальные члены экипажа устремились к далеким новым кризисам.

Она и сейчас слышит их, охотящихся за обильной добычей всего в ста метрах. Тридцать неодельфинов, выпускников самых престижных университетов. Лучшие специалисты, отобранные для этой экспедиции, — теперь они резвятся и пищат и думают только о пище/сексе/музыке. Их примитивные призывы больше не смущают Маканай. После того, что пережили ее товарищи после отлета с Земли — они отправлялись в рутинный исследовательский полет, который вместо предусмотренного одного занял целых три адских года, — удивительно, что они вообще

сохранили здравый рассудок.

Такие страдания истощили бы человека и даже тимбрими. А нашей расе всего несколько столетий. Неодельфины храбро вступили на долгий путь Возвышения. Мы еще неуверенно держимся за разум.

И прежние тропы все еще манят нас.

Высадившись вместе с пациентами, Маканай узнала местную религию шести рас, которые тайно поселились на этой изолированной планете. В центре этой религии — концепция тропы Искупления. Считается, что спасение может быть найдено в благословенном невежестве, в отсутствии разума.

Достичь этого не на словах, а на практике оказалось очень трудно. Из всех шести «недавних» рас, которые незаконно прилетели на эту планету и искали убежища в простоте, пока это удалось только одной, и Маканай сомневалась, чтобы человеческие поселенцы смогли бы когда-нибудь вернуться к невинности животных, как бы отчаянно ни старались. В отличие от возвышенных рас люди сами трудным путем заработали свой разум на старой Земле; каждая новая способность, каждое новое вдохновение стоили им тысяч трудных тысячелетий. Они могут стать

невежественными и примитивными, но никогда не опростятся. Никогда не обретут невинность.

Но для нас, неодельфинов, это просто. Мы такое короткое время пользуемся инструментами — в качестве дара от наших человеческих патронов, дара, который мы не просили. Легко отдать то, что получил без борьбы. Особенно если соблазнительно зовет альтернатива — Сон Китов, — зовет всякий раз, как ты засыпаешь.

Соблазнительное убежище. Сладкая западня безвременности.

Маканай слышала щелкающие сонарные излучения. Это ее помощники, добровольцы, полностью сохранившие сознание, старались удержать регрессировавших вместе. Здесь все так спокойно, но никто не знает, какие опасности таятся в обширном океане Джиджо.

У нас и так потерялись уже трое. Бедная маленькая Пипоу — и ее два злополучных похитителя. Я обещала Каа послать группу, чтобы освободить ее. Но как? Заки и Мопол намного нас опередили, и в их распоряжении половина планеты, чтобы укрыться.

Сейчас ее ищет Ткетт, и как только пациенты окажутся в безопасности в постоянном поселении, мы расширим поиски. Но теперь они могут

уже быть на другой стороне Джиджо. Единственная надежда для Пипоу — каким-то образом сбежать от этих идиотов и приблизиться к нам, чтобы мы услышали ее призыв о помощи.

Маканай и Брукиде пора возвращаться, чтобы, в свою очередь, охранять невинных счастливых пациентов. Но ей не хотелось возвращаться. Она нервничала.

В ее пасти вода отдавала легким металлическим привкусом — привкусом ожидания.

Маканай поворачивала чувствительную к звукам голову в поисках разгадки. И наконец уловила далекую дрожь. С запада слабый знакомый резонанс.

Брукида этого еще не заметил.

— Что ж, — сказал он, — думаю, очень скоро мы полностью сольемся с этим миром. Спустя несколько поколений наши потомки перестанут пользоваться англиком или любым галактическим языком. Мы снова будем безвинными и невежественными, готовыми к открытию и вторичному Возвышению. Интересно, какими будут наши новые патроны.

Друг Маканай слегка насмехался над ней, описывая горькую и одновременно сладкую участь этой колонии в мире, словно нарочно созданном

для китообразных. В мире, где комфорт — самый надежный способ достичь быстрого упадка их дисциплинированного разума. Без постоянных угроз и вызовов Сон Китов, несомненно, снова овладеет ими. Казалось, Брукида спокойно воспринимает такое будущее, и это тревожило Маканай.

— У нас по-прежнему есть патроны, — заметила она. — И на самой Джиджо есть люди.

— Да, люди. Но необразованные. У них нет научных знаний, необходимых для того, чтобы и дальше вести нас. Так что единственным возможным выбором для нас остается…

Он замолк, уловив наконец усиливающийся звук с запада. Маканай узнала характерное гудение скоростных саней.

— Это Ткетт, — сказала она. — Возвращается из разведывательного маршрута. Давай послушаем, что он нашел.

Ударив плавниками, Маканай вырвалась на поверхность, выдохнула пену и отработанный воздух из легких, глубоко вдохнула сладкий кислород. Потом развернулась и поплыла в сторону звука двигателя. Брукида поплыл за ней.

За ними стая пасущихся рыбойдов только подернулась мелкой рябью в своем бесконечном

танце, раскачиваясь и питаясь тем, что предоставляет щедрый океан.

У археолога была своя форма душевной болезни — мечтательность.

Ткетт получил приказ остаться и помогать Маканай отчасти потому, что его знания не были нужны «Стремительному» в его отчаянном бегстве по известной Вселенной. Компенсируя горечь изгнания, он выработал у себя одержимый интерес к Великой Середине — огромной подводной свалке, куда древние разумные обитатели Джиджо сбросили почти все искусственные объекты, изготовленные на планете, когда покинули ее полмиллиона лет назад.

— Когда мы вернемся на Землю, я представлю замечательный отчет, — рассуждал он, очевидно, в полной уверенности, что все их беды минуют, он вернется домой и опубликует результаты своих открытий. Это особая разновидность психического расстройства, без признаков стресс-атавизма или регресса. Ткетт по-прежнему превосходно владеет англиком. Работа его безупречна, а поведение доброжелательно. Он приятен, функционален и при этом совершенно безумен.

Маканай встретила его сани за километр от стада. Ткетт остановился здесь, чтобы не трево-

жить пациентов.

— Нашел какие-нибудь следы Пипоу? — спросила она, как только он выключил двигатель.

Ткетт — удивительно прекрасный образец Tursiops amicus, с пятнами на скользких серых боках. Постоянная дельфинья улыбка обнажала два ряда абсолютно белых конических зубов. Оставаясь на платформе управления саней, Ткетт покачал слева направо гладкой серой головой.

— Увы, нет. Я прошел примерно две сотни километров по слабым следам, которые мы засекли на сонаре далекой разведки. Но стало ясно, что источник звуков — не сани Заки.

Маканай разочарованно фыркнула.

— Тогда что это? — В отличие от громогласных морей Земли на этой невозделанной планете не должно быть шума двигателей в термально-акустических слоях.

— Вначале я воображал самые невероятные причины вроде морских чудовищ или джофурской подводной лодки, — ответил Ткетт. — Но тут мне открылась истина.

Брукида нервно кивнул, шумно выдувая пузыри из дыхала.

— И ч-ч-что же?

— Должно быть, это космический корабль.

Древний хлам, который едва не разваливается…

— Конечно! — Маканай ударила хвостом. — Не все эти древние развалины поднялись в космос.

Ткетт печально сказал, что теперь это кажется совершенно очевидным. Когда «Стремительный» сделал попытку скрыться, оставив Маканай и ее пациентов на планете, земной космический корабль прятался в рое древних кораблей, которые инженеры-дельфины восстановили из груды отбросов на океанском дне. Хотя поверхность Джиджо сегодня представляет собой невозделанное царство дикарских племен, в глубоких подводных каньонах по-прежнему лежат тысячи поврежденных брошенных космических кораблей и других остатков от того времени, когда этот сектор четвертой галактики был центром цивилизации и торговли. Несколько десятков этих развалин были реактивированы, чтобы обмануть врага «Стремительного» — страшный джофурский боевой корабль, но, очевидно, некоторые корабли не смогли своевременно подняться со дня моря. И теперь обречены бесцельно плыть под водой, пока не откажут двигатели, и тогда они снова погрузятся в темные глубины.

А что касается остального, то оставшимся на планете неизвестно, удалось ли бегство «Стреми-

тельного», увлекшего за собой в глубины космоса страшный дредноут. По крайней мере без него Джиджо кажется гораздо более дружелюбной планетой. Пока.

— Следовало ожидать этого, — продолжал археолог. — Когда я отплыл от шума прибоя, мне показалось, что я слышу шум по меньшей мере трех таких бесцельно плывущих кораблей. Как подумаешь, это так печально. Древние корабли, не стоившие даже попыток использовать их, когда буйуры покинули Джиджо. Они ждут в ледяной водной могиле последнего шанса взлететь в небо. И не могут им воспользоваться. Навсегда застряли здесь.

— Как мы, — проговорила Маканай. Ткетт, казалось, не слышал.

— Мне хотелось бы вернуться и взглянуть на такой брошенный корабль.

— Зачем?

Улыбка Ткетта по-прежнему была очаровательной и заразительной… что в данных обстоятельствах казалось еще более безумным.

— Я бы использовал его как научный прибор, — сказал большой неодельфин.

Маканай почувствовала, что ее диагноз полностью подтверждается.

ПИПОУ

Плен оказался не таким тяжелым, как она опасалась.

Он был гораздо хуже.

У природных доразумных дельфинов иногда молодые самцы договаривались изолировать самку от стада, увести ее подальше для совокуплений — особенно если у нее начинался период гона. Действуя совместно, такие дельфины монополизировали совокупление с самкой и гарантировали успех своего воспроизводства, даже если она явно предпочитала местных самцов ранга альфа. Этот древний обычай сохранялся у диких дельфинов: у них были и традиции, и нечто вроде первобытной чести, но они не могли усвоить концепцию закона — кодекса, по которому должны жить все, потому что у сообщества есть память, превосходящая память любого индивида.

Однако у современных, возвышенных дельфинов amicus существует закон! И когда молодые хулиганы дома иногда пытались совершить подобное, их поведение называлось насилием. И влекло за собой суровое наказание. Как и у

сексуальных маньяков среди людей, таких преступников ждала стерилизация.

И угроза наказания действовала. Спустя три столетия проявления образцов наименее желательного дикого поведения встречались все реже. Однако возвышенные неодельфины — все еще молодая раса. И время от времени сильный стресс мог вернуть ее представителей на древние пути.

А мы, члены экипажа «Стремительного», постоянно находились под сильным стрессом.

В отличие от других товарищей, которые под постоянным давлением утратили способность к разумному мышлению и к современному восприятию, Заки и Мопол поддались атавизму лишь частично. Они по-прежнему могут разговаривать и управлять сложными механизмами, но больше это не вежливые, почти застенчивые рядовые матросы, с которыми она познакомилась, когда «Стремительный» под командованием капитана Крайдайки впервые поднялся с Земли и космос еще не взорвался вокруг корабля.

Отвлеченно она понимала, какой ужасный стресс привел их к такому состоянию. И, возможно, если бы предоставилась возможность убить Заки и Мопола, Пипоу нашла бы такое наказание слишком суровым.

С другой стороны, стерилизации для них мало.

Несмотря на то что дельфины и люди относятся к общей культуре и у них общие предки среди земных млекопитающих, они на многое смотрят по-разному. Пипоу больше раздражало похищение, чем насилие. Она была скорее рассержена, чем травмирована. Полностью избежать их пыла ей не удавалось, но с помощью различных трюков — играя на взаимной ревности или изображая недомогание — ей удавалось на долгие периоды избавляться от нежеланного внимания.

Но если я узнаю, что они убили Каа, я съем их внутренности на ленч.

Проходили дни, и ее нетерпение росло. Время Пипоу приближалось. Мой контрацептивный имплант скоро выдохнется. Заки и его приятель мечтают населить Джиджо своими потомками, но я не хотела бы подвергать планету такому проклятию.

И она решила попытаться бежать. Но как это сделать?

Иногда она заплывала в узкий пролив между двумя островами, куда привели ее похитители, и лениво плыла, прислушиваясь. Однажды Пипоу показалось, что она услышала что-то отдаленно знакомое — слабое щелканье далекой стаи

дельфинов. Но оно исчезло, и Пипоу решила, что ей послышалось. Заки и Мопол несколько дней вели сани на предельной скорости, она была привязана к саням. Только потом остановились они у этого незнакомого архипелага и сняли с нее повязку, которая делала ее невосприимчивой к звукам. И теперь она понятия не имеет, как вернуться к берегу, у которого поселилась группа Маканай.

Сбежав от этих двух придурков, я, возможно, до конца жизни обреку себя на одиночество.

Ну хорошо, ты стремилась к жизни исследователя. Может существовать участь и похуже этого прекрасного мира, вкусной экзотической рыбы, когда проголодаешься, купания в незнакомых приливах и вслушивания в ритмы, которых не слышал ни один дельфин.

В ее фантазиях была ядовитая красота, и от этого Пипоу чувствовала себя одинокой. Ей было грустно.

В океане звучало эхо гнева, двигателей и странных шумов. Конечно, все дело в перспективе. На шумной Земле эти волны казались бы необыкновенно тихими. Земные моря насыщены звуками транспорта, большая часть этих звуков связана с неодельфинами, которые постепенно приняли

на себя управление семью десятыми земной поверхности. Они занимались добычей ископаемых в глубинах, разведением рыб, присмотром за священными глубокомысленными простаками, которых именуют китами, и все большая ответственность ложилась на возвышенных финов, использующих катера, подводные лодки и другое оборудование. Вопреки непрерывным попыткам уменьшить шум, родная планета оставалась очень шумным местом.

Джиджо по сравнению с ней кажется детским садом. Естественные звукопроводящие термальные слои доносят звуки прибоя, обрушивающегося на далекие берега, и постоянные стоны мелких тектонических подвижек на океанском дне. Собственная подводная фауна Джиджо испускает мириады фырканий, щелканий, свистов. Здесь рыбоподобные существа возникли в ходе эволюции или были завезены колонистами, такими как древние буйуры. Некоторые отдаленные громыхания намекают даже на существование огромных животных, медленно и лениво передвигающихся в глубине… возможно, думающих свои долгие медлительные думы.

Дни переходили в недели, и Пипоу научилась различать органические ритмы Джиджо, под-

черкнутые оглушительным грохотом, когда самцы отправлялись на прогулку в санях, разгоняя стаи рыб или несясь вдоль береговой линии с красными огнями индикаторов. При таких темпах машина долго не выдержит, думала Пипоу, хотя продолжала надеяться, что один из них раньше сломает себе шею.

Если она уплывет, Заки и Мопол легко выследят ее с санями или без них. Даже когда они оставляли груды мертвой рыбы гнить на плавучих водорослях, а потом пьянели от разложившихся туловищ, эти двое никогда не становились настолько неосмотрительными, чтобы позволить ей украсть сани. Один из них постоянно лежал на санях. И поскольку у дельфинов в сон по очереди погружается только одно полушарие, их совершенно невозможно застать врасплох.

Но вот, пробыв в плену уже два месяца, Пипоу уловила поблизости нечто новое.

Впервые она услышала это, когда ныряла в глубину в поисках вкусного местного краба с мягким панцирем. Похитители забавлялись в километре от нее, ведя сани по сужающимся кругам вокруг испуганной стаи серебристых рыбоидов. Но когда Пипоу ушла ниже пограничного термального слоя, отделяющего теплую поверхностную воду

от холодной воды на глубине, шум саней неожиданно стал почти не слышен.

Благословенная тишина вдобавок к кулинарным наслаждениям. В последнее время Пипоу часто ныряла.

Однако на этот раз погружение в глубину не только избавило ее от шума саней. Оно принесло также какой-то новый звук. Отдаленный рокот, канализированный колеблющейся средой. С растущим возбуждением Пипоу узнала шум двигателя! Но таких ритмов она не слышала ни на Земле, ни в других местах.

Удивленная, она быстро вынырнула, заполнила легкие свежим воздухом и снова нырнула, чтобы вслушиваться дальше.

Глубоководное течение отлично переносит звук, поняла она, не рассеивая его, а фокусируя. И в то же время скрывает звуковые колебания. Даже сенсоры саней не могут их уловить.

К несчастью, это означает также, что она не может сказать, как далеко источник звука.

Если бы у меня был дыхательный аппарат… если бы не нужно было подниматься на поверхность за воздухом… я могла бы далеко проплыть, прячась за этим термальным барьером. А так, когда я вынырну, чтобы вдохнуть, они легко обна-

ружат меня с помощью дальнего сканирования.

Некоторое время Пипоу слушала и наконец приняла решение.

Кажется, оно приближается… но медленно. Источник все еще далеко. Если сделаю попытку сейчас, далеко не уйду. Они меня настигнут.

Однако она не должна позволить Мополу и Заки уловить новый звук. Если придется ждать, нужно их отвлечь, дожидаясь удобного случая.

Есть только один способ добиться этого.

Пипоу поморщилась. Поднявшись на поверхность, она выразила отвращение с помощью вульгарной полухайку тринари:

Пусть солнце выжжет ваши спины,

Пусть жесткий песок оцарапает вам брюхо,

Пока вы не почувствуете дикий зуд.

Как от хорошего триппера!

МАКАНАЙ

Послав приказ с помощью устройства нервной связи, Маканай сложила инструменты своей упряжи в углубление и сделала знак, что осмотр окончен.

Вождь кикви, маленький самец с пурпурным жаберным кольцом вокруг головы, на метр погрузился под воду, расставив все четыре перепончатые руки в жесте благословения и благодарности. Потом повернулся и повел свое племя назад, к ближайшему острову, где у них было поселение. Маканай чувствовала удовлетворение, глядя вслед строю маленьких амфибий, размахивающих копьями с каменными наконечниками.

Кто бы мог подумать, что мы, дельфины, самая молодая зарегистрированная в пяти галактиках разумная раса, сами станем патронами всего лишь несколько столетий спустя после того, как люди начали возвышать нас.

Учитывая все обстоятельства, кикви на Джиджо развивались очень хорошо. Вскоре после того, как их выпустили на коралловый атолл недалеко от берега, они начали размножаться.

В нормальных условиях какая-нибудь из стар-

ших рас нашла бы предлог, чтобы отобрать кикви у дельфинов и самой ввести такой перспективный предразумный вид в одно из богатых древних семейств, которые правят кислорододышащими цивилизациями пяти галактик. Но здесь, на Джиджо, дела обстоят по-другому. Они отрезаны от межзвездной галактической культуры с ее обширным, сбивающим с толку комплексом ритуалов, по сравнению с которым древнекитайский императорский двор кажется песочницей для малышей. В положении отрезанного от всех есть свои преимущества и недостатки.

С одной стороны, Маканай не находится под постоянным стрессом, убегая от огромных боевых флотов чужаков, чьи приспособления и устройства недоступны пониманию землян.

С другой стороны, больше нельзя посещать симфонии, оперы или пузырчатые танцы.

Больше никогда не придется ей сносить насмешливое высокомерное отношение патронов, которые считают дельфинов чуть более умными, чем обычные животные.

Но не проведет она больше ни одного ленивого воскресенья в своем уютном жилище в космополитическом Подводном Мельбурне, где за ее окнами в коралловых садах плавают стада

разноцветных рыбок, а она тем временем жует пирожки с лососем и смотрит по телевизору «Двенадцатую ночь» — вся труппа состоит исключительно из дельфинов.

Маканай заброшена на необитаемую планету и скорее всего проведет на ней весь остаток жизни, присматривая за двумя небольшими группами колонистов и надеясь, что они будут в безопасности до наступления новой эры. Века, когда обе группы смогут продолжить свой путь Возвышения.

Если считать, что удастся наладить добычу металла, то кикви, очевидно, неплохо вписались в новое место. Конечно, их следует научить племенным табу против уничтожения на охоте какого-нибудь вида местной фауны, чтобы их присутствие не стало проклятием нового мира. Но умные маленькие амфибии уже проявляют определенное понимание, выражая эту концепцию на своем собственном эмфатическом полуязыке:

##Редкое драгоценно!##

##Не есть/охотиться на редких/драгоценных/рыб/зверей!##

Есть/охотиться только на тех, ко-

торых много!##

Маканай чувствовала свою долю участия в этом. Два года назад, когда «Стремительный» собирался покинуть ядовитый Китруп, прячась в корпусе разбитого таннанинского боевого корабля, Маканай взяла на себя ответственность заманить проходящее мимо племя кикви с помощью их же записанных призывов, и группа любопытных кикви прошла через главный шлюз «Стремительного» непосредственно перед тем, как окружающая вода закипела от выхлопов оживших двигателей корабля. То, что тогда казалось простым актом жалости, превратилось в нечто вроде любовной связи, так как дружелюбные маленькие амфибии вскоре стали любимцами всего экипажа. И может быть, заслужили право жить в более подходящем месте, чем этот несчастный Китруп. Приятно, что «Стремительный» совершил в своей безнадежной трагической миссии хоть одно доброе дело.

А что касается дельфинов, кто может усомниться в том, что им хорошо в теплом море Джиджо? Как только узнаешь, какие рыбоиды съедобны, а каких следует избегать, жизнь превращается в выбор предпочтительного блюда, затем всплеск и отдых. Конечно, ей не хватает голозвукового

устройства, с его громким воспроизведением китовых песен и барочных хоралов. Но здесь она получает удовольствие, слушая океан, чья звуковая чистота почти так же прекрасна, как его вибрирующая текстура.

Почти!..

Реагируя на слабое ощущение, Маканай повернула свою чувствительную к звукам челюсть справа налево.

Вот оно! Она снова это услышала. Отдаленное громыхание, которое в подводной какофонии Земли могло бы остаться незамеченным. Но здесь оно явно выделяется на фоне нормального шума течений и приливов.

Ее пациенты — несколько десятков дельфинов, которых стресс-атавизм низвел до детской невинности, — называют такие шумы буджум. Или используют восходящую трель на дельфиньем праймале — ту самую, которая обозначает неведомых чудовищ глубин. Иногда эти далекие шумы как будто действительно намекают на существование огромных живых существ, грохочущих низким басом, самодовольно уверенных, что все обширное море принадлежит им. А может, это просто шум разлаженного двигателя какого-нибудь брошенного корабля, бесцельно

блуждающего в океанской безмерности.

Оставив за собой атолл кикви, Маканай поплыла к подводному куполу, в котором они с Брукидой и несколькими сохранившими разум санитарами устроили базу, откуда можно следить за подопечными. Приятно будет хоть ненадолго уйти от непогоды. Прошлой ночью пришлось обходиться без обычных удобств: она присматривала за пациентами во время бури. Тревожное испытание.

Мы, современные неодельфины, избалованны. Потребуются годы, чтобы мы снова привыкли жить на природе, без жалоб принимая то, что она посылает нам, не строя амбициозных планов ее завоевания.

Эта человеческая сторона в нас должна угаснуть.

ПИПОУ

На следующее утро она предприняла попытку к бегству.

Заки спал с похмелья на большом пласте водорослей, а Мопол уплыл на санях, гоняясь за несчастными пингвино-подобными морскими птицами, которые пытались кормить своих птенцов поблизости от наветренного берега острова. Казалось, это подходящая возможность, но главная причина, по которой Пипоу выбрала именно этот момент, была простой. Поднырнув под пограничный термальный слой, Пипоу установила, что отдаленный рокот ослабел, он словно свернул в сторону, затихая с каждым часом.

Теперь или никогда.

Пипоу надеялась сначала украсть что-нибудь с саней. Инструментальную упряжь, например, или дыхательную трубку, и не только из практических соображений. В нормальной жизни мало кто из неодельфинов проводит целый день, не пользуясь киберинструментами, которые контролируются нервной связью с полушариями мозга. Но уже несколько месяцев два ее «мужа» не позволяют ей ни к чему подсоединяться. И

невральный клапан за левым глазом зудел от того, что им не пользуются.

К несчастью, Мопал почти всегда спит на платформе саней, оставляя ее только для еды и испражнений.

Он будет очень несчастен, когда сани наконец выйдут из строя, подумала Пипоу, и эта мысль слегка утешила ее.

Итак, решение принято, кости Ифни брошены. Пипоу пустилась в путь с теми способностями и оборудованием, какими снабдила ее природа. Совершенно нагая, устремилась она в неведомое море.

Для Пипоу побег начинался совсем не так, как в человеческих романах или голофантазиях. В таких историях героине труднее всего приходилось в начале, когда нужно было уйти. Но тут Пипоу не мешают ни стены, ни запертые комнаты, ни собаки, ни проволочная изгородь. «Охранники» позволяют ей уходить и приходить, когда вздумается. В таком случае проблема не в начале, а в том, чтобы выиграть как можно больше времени, прежде чем Мопол и Заки поймут, что она убежала.

Сначала ей помогало скрыться погружение под пограничный термальный слой. Обнаружить

ее можно, только когда она выныривает, чтобы перевести дыхание. Но долго так плыть она не может. Дельфины вида tursiops не приспособлены к жизни глубоко под водой, и в глубине ее скорость втрое ниже той, что она способна развить на поверхности.

Поэтому, когда остров еще был виден сзади на горизонте, Пипоу прекратила красться в глубине и предприняла серьезную попытку убежать — с помощью мощных изгибов тела и ударов плавниками она устремилась в сторону солнца, изредка ныряя поглубже, чтобы уточнить направление к далекому грохоту.

Было восхитительно скользить по вершинам волн, извлекая из организма все, на что он способен. Пипоу вспомнила, как в последний раз неслась так — рядом с ней был Каа, и тогда воды Джиджо казались теплыми, сладкими и полными возможностей.

Хотя она старалась свести к минимуму звуковые низкочастотные пощелкивания, но все же позволила себе несколько всплесков, проверяя препятствия впереди и играя с окружающей водой, воспринимая отражения звука от вызванной солнцем конвекции, позволяя звукам окутывать себя, словно колеблющимися воспоминаниями.

Звуковые сигналы Пипоу оставались мягкими и тихими — не громче колебаний, создаваемых ее бьющим хвостом, но постепенно рисунок их становился все сложней: мозг Пипоу приспособился к ритму движения. Вскоре возвращающиеся волны ее собственных звуков стали смешиваться с отражениями звуков течений и приливов, создавая звуковые образы.

Большинство этих образов оставались очень неясными, какие видишь, когда плывешь на краю сна. Но иногда несколько изображений сливались, образуя нечто большее. Сложное эхо словно изгибалось и поворачивало, когда изгибалась и поворачивала она сама. Такое впечатление, будто рядом плывет призрачный спутник, плывет там, где зрением воспринимаются только солнечные лучи и пустое море.

Каа, подумала Пипоу, узнав пыл, с каким призрак режет носом волну.

Дельфину не обязательно умереть, чтобы вернуться призраком… хотя это помогает. Иногда для этого нужна только яркость духа, а дух у Каа, несомненно, был очень ярким.

А может, близкий звуковой призрак рожден исключительно воображением Пипоу.

На самом деле дельфинья логика не видит про-

тиворечия между этими двумя объяснениями. Сущность Каа может действительно находиться здесь — и не находиться — в одно и та же время. Но реальность это или мираж, Пипоу была рада, что ее возлюбленный снова рядом с ней, там, где ему и полагается быть.

Как я по тебе соскучилась, подумала она.

Англик — неподходящий язык для фантомов. Вообще человеческая грамматика для них не годится. Возможно, именно поэтому бедные двуногие так редко общаются со своими утраченными любимыми.

Гость Пипоу ответил более двусмысленным, истинно дельфиньим способом:

Пока цветут водоросли
Пока под лунными лучами
Раскрываются их цветы
Я буду плыть рядом с тобой

Пипоу была удовлетворена этим. Какое-то время ей казалось, что рядом с ней плывет настоящий спутник, ее любимый, подбадривая ее, разделяя ее скорость. Вода перед ней раздавалась, ласкала бока, как настоящий возлюбленный. Но вдруг вмешался новый звук. Далекий рев двигателя развеял все иллюзии.

Пипоу неохотно затихла, заставив смолкнуть звуковые отражения, окружившие ее дыхало. Исчезли отражения, исчез и ее призрачный товарищ. Вода словно почернела, и Пипоу сосредоточилась, прислушиваясь.

Вот оно.

За ней, доносится сзади. Звуки двигателя, слишком знакомые, и быстро приближаются по поверхности моря.

Теперь они знают, поняла Пипоу. Заки и Мопол знают, что я убежала, и идут за мной.

Больше она не стала тратить времени. Поплыла еще быстрей, чем раньше. Теперь скрытность больше не нужна. Остается соревнование в скорости, выносливости и удаче.

ТКЕТТ

Ему потребовались день и ночь, чтобы приблизиться к источнику таинственных колебаний, ведя сани на предельной скорости. Маканай приказала Ткетту не перенапрягать двигатель, поскольку никаких запасных частей у них нет.

Будь осторожен, — говорила пожилая дельфинья самка-врач, давая разрешение на эту экспедицию. — Узнай, что это такое… может быть, это брошенный космический корабль, который вернули к жизни Суесси и инженеры. Если это так, не приближайся к нему. Немедленно возвращайся с сообщением. Мы обсудим, что делать дальше.

Ткетт не собирался нарушать приказ. Во всяком случае, не буквально. Но если эти грохочущие звуки действительно издает корабль, возникает множество возможностей. Что, если удастся в него забраться и взять на себя управление?

Даже если он не может летать, то может плавать в океане. Я мог бы использовать его для подводных исследований и посетить Великую Середину.

Великая Середина — это гигантская подводная

впадина, куда буйуры сбросили большинство остатков своей могучей цивилизации, собираясь покинуть Джиджо, чтобы вернуть планете статус невозделанной. Упаковав все то, что они собирались взять с собой, последние обитатели планеты с помощью титанических машин снесли свои города, а все здания и машины сбросили в бездну, где медленное тектоническое движение увлечет обломки внутрь, переплавит и преобразует в новые руды. А когда-нибудь в будущем, когда Джиджо будет открыта для законного поселения, этими рудами воспользуются новые обитатели.

Для археолога Середина — это возможность всей жизни.

Я так много узнаю о буйурах! Мы сможем обследовать целые классы их орудий, каких не видел ни один землянин. Буйуры были богаты и могущественны. Они могли позволить себе все достижения цивилизаций пяти галактик, тогда как новички земляне вынуждены довольствоваться только остатками. Даже то, что выбросили буйуры — их игрушки и сломанные машины, — представит Земному Совету бесценные данные.

Ткетт не был дураком. Он хорошо знал, что думают о нем Маканай и Брукида.

Они считают меня спятившим, потому что я

надеюсь вернуться домой. Потому что верю, что мы еще увидим Землю, почувствуем вкус ее воды в своих челюстях и снова услышим звуки прибоя Рангароа.

Или прочитаем лекцию в университете. Или погрузимся в богатство информации земной сети, со скоростью света обмениваясь мыслями с плодородной цивилизацией. Или будем вести дискуссии с теми, кто разделяет твои интеллектуальные пристрастия.

Он записался в состав «Стремительного», чтобы сопровождать капитана Крайдайки и дельфиний элитный экипаж в величайшем приключении, какое предстояло когда-либо группе китообразных. Это последняя проверка новой разумной расы. Но теперь Крайдайки исчез, вероятно, он мертв, а новый командир «Стремительного» изгнал Ткетта с корабля в момент самого острого кризиса. Маканай может смириться с тем, что ее отнесли к «несущественной» части экипажа, но Ткетт кипел от негодования, плавая в теплом, отвратительно спокойном море, в то время как его товарищи по-прежнему смотрят в лицо невообразимым опасностям среди окровавленных звезд.

Сзади послышался голос и помешал Ткетту еще больше погрузиться в жалость к самому себе:

#Дай мне дай мне ДАЙ МНЕ
#удовольствие толчка рыла
#удовольствие доброй драки!#

Этот резкий звук доносился с тыльного помещения саней, и Ткетт от неожиданности забил плавниками. Так легко оказалось забыть о молчаливом пассажире. Чиссис говорила редко, да и то исключительно на примитивном протоязыке — дельфиньем праймале.

Ткетт подавил раздражение. В конце концов, Чиссис больна. Как и у нескольких других членов экипажа, ее современное сознание не выдержало давления длительного испытания «Стремительного» и нашло убежище в более древних путях мысли. Надо быть снисходительным, хотя Ткетт не мог себе представить, как можно отказаться от наслаждения рациональностью, каким бы настойчивым ни казался призыв Сна Китов.

Немного погодя Ткетт осознал, что его спутница не просто бессмысленно болтает. Должно быть, Чиссис поняла смысл его сонарных щелканий. И, очевидно, разделяет его негодование по поводу решения Джиллиан Баскин оставить их на Джиджо.

— Ты тоже хотела бы оставаться в космосе? —

спросил он. — Хотя и не можешь больше сидеть за приборной панелью? И даже зная, что боевые корабли Джофура и другие страшилища окружили «Стремительный», готовясь к нападению?

Он говорил на подводном англике. Большинство регрессировавших его не понимали. Но Чиссис испустила с платформы в задней части саней звуковой поток, похожий на грохот двигателя, поток вызывающий:

#Бей джофуров! Бей акул!
#БЕЙ ИХ!#

И, сопровождая этот вопль, донесся сонарный поток, который испускали жировые слои лба Чиссис, создавая вокруг Ткетта облако иллюзий. Он на мгновение увидел Чиссис в пускающем пузыри носу торпеды класса «минога». Чиссис вела торпеду к огромному кораблю чужаков, окруженному полями, которые выводят из строя цифровые управляющие системы. Она ведет свой смертоносный снаряд с инстинктом и природной способностью, унаследованными дельфинами от предков.

Утрата речи, очевидно, не лишила «регрессировавших» ни храбрости, ни изобретательности. Ткетт рассмеялся. Джиллиан Баскин допустила

большую ошибку, оставив здесь Чиссис.

Очевидно, чтобы иметь сердце воина, совсем не обязателен ум инженера.

— Неудивительно, что Маканай позволила тебе сопровождать меня, — произнес Ткетт. — Ты оказываешь дурное влияние на остальных, верно?

Настала ее очередь рассмеяться, и смех ее звучал точно, как его. Воинственный призыв, единственное, что оставили мастера Возвышения. Глубокий крик китообразных, бросающих вызов трезвой Вселенной, которая многое воспринимает слишком серьезно:

#Быстрее быстрее БЫСТРЕЕ!

#Двигатели зовут нас…

 # Предлагают прокатиться… #

Этот крик затронул что-то глубоко запрятанное в Ткетте, и дельфин невольно хлестнул хвостом. Без колебаний он увеличил скорость и понесся навстречу загадочному объекту, чья песня заполнила море.

ПИПОУ

Она чувствовала, что Заки и Мопол догоняют ее. Может быть, они придурки, но знают, чего хотят, и умеют вести сани на предельной скорости, не теряя ее из виду. Поняв, что она убежала, они погнались за ней на санях, пользуясь сонарами дальнего обзора, которыми снабжена машина. И каждый звук их мотора она ощущает, словно легкий укус в спину. Теперь они точно знают, где она. И шум должен устрашить ее.

И он подействовал. Не знаю, сколько я еще выдержу, думала Пипоу, в то время как тело ее горело от усталости. Каждый изгиб спины, каждый прыжок вперед требовал все большего и большего напряжения. Больше никаких радостных ощущений, шелковая поверхность волн стала цепкой, она лишала Пипоу с таким трудом завоеванной инерции движения. Снова и снова приходилось ускоряться.

Казалось, по сравнению с водой жестокий вакуум космоса предоставлял большие возможности. Что приобретаешь, то у тебя сохраняется. Даже мертвый остается на траектории, вечно стремясь вперед. Космические путешествия способствуют

развитию концепции «прогресса». Старомодным дельфинам эта концепция казалась нелепой, да и современным трудно к ней привыкнуть.

Должно быть, я очень близка к звуку, что бы его ни производило. И могла бы сказать точно, если бы эти проклятые паразиты сзади выключили свой сонар и дали мне возможность спокойно прислушаться!

Конечно, этот гудящий грохот должен лишить ее ориентации. Теперь Пипоу улавливала только отдельные звуковые глифы цели, и то лишь тогда, когда ныряла под звуконепроницаемый термальный слой. А это она делала как можно реже, потому что погружения замедляли ее продвижение вперед.

Звук двигателя саней приближался. Теперь они слишком близко. В любой момент Заки и Мопол могут пронестись мимо нее, потом начнут приближаться по спирали, загоняя ее, словно беспомощное морское существо, а сами будут фыркать и наслаждаться своим мачо, своим ощущением силы.

Придется подчиниться… придется перенести их наказание… терпеть их укусы и шлепки, пока они не поверят, что я стала покорной коровой.

Но все это расстраивало Пипоу не так, как вы-

вод, который она сделала из своего вторичного пленения.

Видимо, это означает, что мне придется убить одного из них. Этого она надеялась избежать. И в старину убийства среди дельфинов случались редко, а инженеры-генетики постарались создать у них врожденное отвращение к убийству. Пипоу хотела избежать такого исхода. Достаточно будет просто убежать.

Она не знала, как это сделает. Пока не знала. Я все еще офицер земного космического флота, хотя они и считают себя дикими животными. Трудно ли мне будет это сделать?

Отчасти она понимала, что фантазирует. Возможно, таким способом подсознание пытается рационализировать предстоящую капитуляцию. Можно сдаваться немедленно, прежде чем истощение отнимет остаток сил.

Нет! Нужно продолжать двигаться.

Пипоу застонала, удваивая усилия, устремившись вперед с помощью мощных ударов хвостового плавника. Каждое мгновение продолжающейся погони означает для нее еще немного свободы. Немного достоинства.

Конечно, так не может продолжаться вечно. Хотя возбуждение и негодование заставляли делать

все новые и новые броски, скорость постепенно падала: организм тратил последние резервы. Дрожа, Пипоу перешла на легкое скольжение, хватая воздух измученными легкими.

Плохо. Я ее слышу… ту подводную штуку, которую ищу… она недалеко от меня.

Но Заки и Мопол ближе…

Пипоу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что термальный барьер заглушает звуки существа внизу. Если она слышит его сейчас, пусть слабо, значит, оно…

Пипоу задрожала. Она почувствовала, как взбухает вода вокруг нее, словно ее раздвигает какое-то огромное существо. И тут же поняла, в чем дело. Одновременно она услышала сзади торжествующий крик Заки.

Оно прямо подо мной. Эта штука! Проходит внизу, во тьме.

У нее было лишь несколько мгновений на принятие решения. Судя по давлению воды, штука эта огромная и находится глубоко внизу. Но Пипоу не способна сейчас нырять: каждый вдох причиняет ей боль.

Она услышала и почувствовала, как мимо пролетели сани, видела на спине машины двух своих мучителей; они улыбались, проносясь в

опасной близости. Инстинкт заставлял ее повернуть и бежать либо погрузиться под воду, пока выдерживают легкие. Но все это ей не поможет, поэтому она осталась на месте.

Они еще немного будут наслаждаться своей победой, подумала Пипоу, надеясь, что они настолько самоуверенны, что не станут применять сканер. Да и вообще, что она может сделать на таком расстоянии?

Трудно поверить, что они до сих пор не уловили никаких сигналов от гиганта внизу. Тупые самцы. Все их усилия сосредоточены на погоне за ней.

Заки и Мопол дважды обошли ее по кругу, каждый раз подходя все ближе, насмехаясь и болтая.

Пипоу по-прежнему с трудом вдыхала воздух, чувствуя себя истощенной. Но больше ждать нельзя. И когда они начали приближаться в третий раз, она сделала последний вдох, изогнула спину и носом вперед погрузилась в глубину.

В последнее мгновение она хвостом махнула преследователям. Она надеялась, что этот ее жест они будут вспоминать с сожалением и чувством вины.

Тьма поглотила свет, Пипоу продолжала уходить вглубь, пока позволяет скромный запас воздуха. Скоро ее окружила полная темнота. Но

теперь, миновав пограничный слой, она больше не нуждалась в освещении. Ее ведут звуки, глухой гул чего-то огромного, самодовольно и плавно движущегося сквозь мир, никогда не знавший солнечного света.

ТКЕТТ

У него было несколько причин желать заполучить космический корабль, даже такой, который не способен летать. Например, такой корабль давал возможность посетить Великую Середину и исследовать ее чудеса. Частично управляемый корабль мог также оказаться полезным шести расам Джиджо, которые, как говорили, терпят поражение в кровопролитной войне с агрессорами джофурами.

Ткетт также полагал, что такая машина поможет отыскать и спасти Пипоу.

Прекрасная молодая самка-медик, одна из помощниц Маканай, была похищена вскоре после отлета «Стремительного». Никто уже не надеялся отыскать ее, поскольку океан просторен и у двух дельфиньих дебилов, Заки и Мопола, было множество возможностей, чтобы спрятать ее. Но расследование показало, что преступники бежали на санях. С другой стороны, корабль — даже развалина, пролежавшая полмиллиона лет на океанском дне, — способен покрыть гораздо большую территорию и слушать своими большими подводными сонафонами, уловив красноречивые

шумы Пипоу и ее похитителей. Возможно даже найти в воде следы земной ДНК. Ткетт слышал, что такая техника продается на галактических рынках, однако стоит очень дорого. Но кто знает, какие чудеса буйуры считали на своих кораблях самым обычным делом?

К несчастью, след становился то отчетливей, то слабел.

Иногда Ткетту казалось, что шум совсем рядом — это водные слои так причудливо передавали звуки. Но потом звуки совершенно исчезали.

Ткетт испытывал раздражение, но готов был попытаться еще раз. И когда Чиссис возбужденно принялась выкрикивать на праймале, что большой зверь бродит на юго-западе, он с готовностью повернул сани в том направлении.

И скоро был вознагражден. На контрольной панели загорелись индикаторы, по невральному каналу, соединяющему сани с клапаном, имплантированным за левым глазом Ткетта, пошли сигналы. Вдобавок к шуму, другие аномалии свидетельствовали, что где-то прямо впереди и примерно в ста метрах внизу движется огромная масса.

— Вероятно, нам стоит посмотреть, что это такое, — сказал Ткетт пассажирке, которая за-

щелкала в знак согласия.

#Ищи ищи ищи ЧУДИЩЕ.#

И Чиссис рассмеялась, радуясь своему уму. Однако несколько минут спустя, когда они погружались в пучину моря, вслушиваясь и всматриваясь в то, что освещали лучи прожекторов, она прекратила щелкать и молчала, как могила.

Великие Спящие! Ткетт удивленно и благоговейно смотрел на возникший перед ними предмет. Не похоже ни на один корабль, который ему приходилось видеть. Гладкие металлические борта словно уходили в бесконечность, гигантская машина тяжело двигалась по дну, поднимая муть тысячами блестящих кристаллических ног.

И словно уловив их появление, медленно раскрывался огромный шлюз — Ткетт надеялся, что их встречают доброжелательно.

Это совсем не восстановленный космический корабль. Ткетт начал догадываться, что набрел на нечто совершенно иное.

ПИПОУ

Грудная клетка разрывалась.

Легкие Пипоу заполнились бьющейся болью, она заставляла себя уходить все глубже, гораздо глубже, чем позволяет рассудок, хотя от усталости она едва не теряла сознание.

Море в глубине совершенно черное. Глаза не различают ничего. Но зрение под водой не самое главное чувство. Сонарные щелчки, которые она испускает, делаются все быстрей; Пипоу с помощью чувствительной челюсти улавливала их отражения.

Какое огромное… подумала она, уловив первые отраженные звуки.

Отражения звуков начали соединяться, и Пипоу содрогнулась.

Не похоже на металл. Форма… скорее искусственная, чем… По спине пробежал холодок ужаса: она поняла, что своими очертаниями эта штука впереди напоминает огромное живое существо! Гигантская масса плавников и бьющихся щупалец, похожая на чудовища из тех сказок, которые по вечерам рассказывают дельфиньим детям, чтобы удержать их на лежбищах вблизи

больших земных портовых городов. То, что находилось перед Пипоу и плыло над дном каньона, казалось гораздо больше и страшнее гигантских спрутов, которые сражаются с кашалотами, самыми могучими среди китообразных.

Но Пипоу, изгибая спину, ударяя плавниками, продолжала погружаться. Ее охватило непреодолимое любопытство. И вообще она ближе к этому существу, чем к поверхности, где ее ждут Заки и Мопол.

Могу и узнать, что это такое.

Любопытство — это единственное, ради чего еще стоит жить.

Когда к ней протянулось несколько щупалец, в ее сознании оставался только вопрос о смерти.

Интересно, что я встречу по ту сторону.

МАКАНАЙ

Дельфины, ее пациенты, все одновременно с криками очнулись от послеобеденной сиесты.

Маканай и ее помощники присоединились к Брукиде, который был на дежурстве; они быстрыми кругами плавали вокруг испуганных регрессировавших, мешая им в панике уплыть в открытое море. Пациенты медленно успокаивались, приходя в себя от общего кошмара.

На Земле так бывало нередко: подсознательные щелканья двух или нескольких спящих дельфинов иногда налагались друг на друга и взаимодействовали, создавая ложное эхо. Призрак чего-то ужасного. То, что китообразные спят только одним полушарием, не помогает. Напротив. Это каким-то образом лишь усиливает диссонанс, делая иллюзорные звуковые образы еще страшнее.

Большинство пациентов разучились говорить и способны издавать только испуганный писк на праймале. Но был с десяток пограничных случаев, эти пациенты, возможно, даже со временем вернут себе способность речи. И вот один из этих пациентов нервно простонал что-то о Ткетте и

городе заклинаний.

Другой нервно щелкал, снова и снова повторяя имя Пипоу.

ТКЕТТ

По крайней мере в этой машине есть внутри воздух, подумал он. Мы можем здесь выжить и кое-что узнать.

Больше того, огромное металлическое сооружение — крупнее бывают только самые гигантские космические корабли, — казалось, проявляет услужливость. Как только сани вошли в просторный шлюз, металлические стены перед ними расступились. Пол опустился, образовав бассейн. Таким образом Ткетт и Чиссис смогли выйти из тесной рубки и поплавать вокруг. Приятно оказаться на просторе, хотя Ткетт опасался, что допустил ошибку, войдя в корабль.

Маканай приказала осмотреть объект снаружи и сразу вернуться с докладом. Но ведь они рассчитывали найти один из древних маленьких космических кораблей, которые инженеры «Стремительного» восстановили из груды обломков на дне моря. Как только Ткетт увидел огромное цилиндрическое сооружение, движущееся по морскому дну на мириаде гусеничных лап, блестящих, словно хрустальные стержни, он понял, что ничто на Джиджо не удержит его от

проникновения внутрь.

Раздвинулась еще одна стена, обнаружив уходящий вперед ровный канал — вода внизу, воздух вверху; преобразуясь на глазах, канал манил к себе дельфинов. Каждая панель с блестящей прозрачностью шкуры осьминога меняла цвет, словно каждый оттенок цвета передавал какой-то смысл. Чиссис нервно била хвостом: сквозь щели в стенах начали появляться разные предметы. Время от времени на длинном подвижном стебле высовывалось нечто вроде кинокамеры и смотрело на них, когда они проплывали мимо.

Даже буйуры не могли выбросить такое чудо, думал Ткетт, наслаждаясь своей фантазией: он привозит это диво домой на Землю. В то же время инструменты его упряжи задрожали, отвечая на нервные импульсы: это мозг дельфина посылал сигналы. Никакого оружия — на случай, если здешние хозяева проявят враждебность, — у него нет.

Коридор наконец привел в просторное помещение с такими изогнутыми стенами и потолком, что трудно было определить его истинные размеры. Внутрь торчали бесчисленные выпуклости и шпили, половина из них погружена в воду, остальные подвешены в воздухе. Все они соеди-

нены кабелями и нитями, сверкающими, как паутина, в солнечный день покрытая росой. На многих ветвях висят сверкающие шары, кубы или додекаэдры, похожие на геометрические плоды, — размером от полуметра до двойной длины дельфиньего рыла. Чиссис испустила вопль, окрашенный страхом и благоговением:

#коралл который кусает! коралл кусает кусает!

#Смотри, существа, пронзенные кораллом!#

Поняв, что она имеет в виду, Ткетт ахнул. Висячие «плоды» прозрачны. И в них существа, которые движутся… дергаются, прыгают, бегают, размахивают руками и ногами в своих тесных помещениях.

Приспособительное оптическое устройство правого глаза дельфина зажужжало, увеличивая изображение ограниченных хрустальными стенами помещений. В то же время из его лба понесся поток нервных сонарных пощелкиваний, бесполезный в воздухе, словно пытаясь отыскать смысл этой загадки.

Не могу поверить!

Он узнал волосатое существо в прозрачной

клетке.

Ифни! Это хун. Миниатюрный хун!

Быстро просканировав окружение, он обнаружил представителей других видов… четырехлапых урсов с нервно подергивающимися длинными шеями, похожими на мускулистых змей… миниатюрных трейки, которые подобно своим джофурским кузинам напоминают высокие заостренные груды пончиков… и крошечные версии колесных г'кеков, бешено вращающих свои колеса, как будто они действительно куда-то движутся. В сущности, здесь были представлены все шесть рас Джиджо — беглые кланы, незаконно поселившиеся на этой планете за последние две тысячи лет. Всех их можно было увидеть здесь, и все они были представлены уменьшенными копиями.

По спине Ткетта пробежал холодок, когда он увидел несколько сфер с крошечными стройными двуногими фигурами. Люди с планеты Земля — размером с летучую мышь, представители расы, которая много столетий сражалась против одиночества и невежества, едва не уничтожив при этом свой мир, пока не повзрослела настолько, что смогла повести к истинному разуму остальные земные кланы. Перед изумленными

глазами Ткетта представители расы патронов были сведены к прыгающим и кувыркающимся карликам в стенах свисающей хрустальной сферы.

ПИПОУ

Смерть не может быть такой земной… и не может причинять боль таким знакомым способом. Возвращаясь к сознанию, Пипоу ни на минуту не усомнилась в том, где находится. Это прежний космос жизни и боли.

Пипоу помнила морское чудовище, этого длинного гиганта из плавников, щупалец и фосфоресцирующих чешуек — более километра длиной и почти такой же ширины; размахивая крыльями подобно скату-манте, это чудовище скользило над морским дном. И когда оно протянуло к ней свои щупальца, Пипоу и не подумала убегать к поверхности, где ее ждет рабство. Слишком поразили ее образы — и звуковые, и зрительные — этого истинного левиафана.

Щупальце оказалось мягче, чем она ожидала, оно подхватило несопротивляющееся тело и потащило к раскрывающейся клювообразной пасти. Когда ее тащили между двумя челюстями с острыми краями, Пипоу позволила тьме окончательно поглотить себя — за мгновение до конца. И последней ее мыслью была хайку тринари:

Высокомерие получает ответ
Когда каждого из нас призывают
Снова вернуться в пищевую цепь!

Но, как оказалось, она продолжала жить. Ожидая, что превратится в измельченную пищу для огромных внутренностей, она вместо этого обнаружила себя в другом мире.

Вначале мир расплывался. Совершенно очевидно, что она лежит в небольшом бассейне. Потребовалось несколько мгновений, чтобы зрение сфокусировалось. Между тем из изумленных сонарных щелканий образовалось отражение, которое, непрошеное, окружило Пипоу философией тринари.

В поворотах жизненного цикла,
Приводимого в движение настойчивостью Солнца и Луны,
Однажды весной буря может перебросить тебя
За рифы, в которых нет пролива,
И ты окажешься в неведомой лагуне,
Где плавает ядовитая колючая рыба
И насмехается над тобой, заброшенной и одинокой…

Неподходящее стихотворение-мысль, и Пипоу резко оборвала его, чтобы такая жестокая соническая воображаемая поэзия не вызвала у нее панику. Туман тринари очень цепок. Его удается рассеять только отчаянными усилиями, и он оставляет ощущение страшного предупреждения.

Поднявшись на поверхность, Пипоу высунула голову из воды и осмотрела бассейн, окруженный буйной густой растительностью. Во все стороны тянулись густые джунгли; поверх потолок грубой структуры, он накрывает джунгли и их маленьких обитателей — от летающих насекомоподобных до карабкающихся по деревьям существ, которые украдкой выглядывают из-за скрывающих их листьев и теней.

Среда обитания, сообразила Пипоу. Существа, живущие здесь, конкурируют друг с другом, охотятся друг на друга, умирают и составляют знакомый бесконечный цикл синергии. Самые большие космические корабли часто включают экологические самовосстанавливающиеся системы, естественным образом поставляющие кислород и пищу.

Но это не космический корабль. Не может им быть. Огромное сооружение, которое я видела,

не может летать. Это морское чудовище, приспособленное к подводному миру, И оно должно быть живым!

Но не может ли гигантское животное содержать в себе живую экологию, подобную бактериальным культурам, которые помогают самой Пипоу переваривать пищу?

Что теперь? Я должна каким-то образом принять в этом участие? Или просто начинаю участвовать в необычном процессе поглощения пищи?

Она решительно оттолкнулась плавниками. Дельфин без инструментов не очень подвижен в подобной среде. Ее обезьяньи кузены — люди и шимпанзе — чувствовали бы себя лучше. Но Пипоу была настроена исследовать этот мир, пока есть силы.

Из маленького бассейна вел пролив. Может, за поворотом скрывается что-то интересное.

ТКЕТТ

Одна из колючих ветвей начала сгибаться, приближаясь к водной поверхности, где ждали они с Чиссис. На конце ее в одной из сфер находилось двуногое существо. Это урс. Изгибая шею, он всматривался блестящими черными глазами.

Ткетт кое-что знал об этом виде. Например, урсы не выносят воду в открытой жидкой форме. Самки урсов размером со взрослого человека, но эта казалась меньше маленьких самцов, от носа до хвоста в ней не больше двадцати сантиметров. В цивилизациях пяти галактик урсы известны как замечательные инженеры. Людям не нравится их запах (чувство это взаимно), но отношения между двумя звездными кланами всегда были сердечными. Среди преследователей землян урсов не было.

Ткетт не знал, почему группа урсов несколько столетий назад явилась на эту планету, основав тайную и незаконную колонию. Ведь Институт Миграции объявил планету заповедной. Как одна из шести рас, урсы теперь скачут по прериям Джиджо, пасут стада и работают с металлом в своих кузницах, где используется тепло вулкани-

ческих бассейнов лавы. И то, что один из урсов оказался здесь, под поверхностью моря, пугало Ткетта и ставило его в тупик.

Существо, казалось, не подозревает о присутствии дельфинов, наблюдающих за ними снизу. По некоторым внутренним отражениям Ткетт догадался, что прозрачность шара односторонняя. Видны были беглые сцены-отражения на противоположной внутренней стене. Ткетт разглядел холмистую местность, поросшую раскачивающейся травой. Скакали урсы так, будто никакие стены их не ограничивали.

Сфера опустилась ниже, и Ткетт увидел, что она забита бесконечным количеством микроскопических нитей, пересекающих крошечное помещение. Многие нити заканчивались в теле самки урса, особенно в подошвах ее плоских копыт.

Имитаторы сопротивления! Ткетт понял принцип, хотя никогда не видел такого его применения. На Земле проводились подобные эксперименты. Люди и шимпы надевали скафандры и шлемы и заходили в помещение, в котором пол состоял из миллионов игл, и каждая игла контролировалась компьютером. И когда посетитель шел по вымышленной местности — изобра-

жение ее он видел в очках своего шлема, иглы поднимались и опускались, имитируя какую-то грубую поверхность под ногами. Очевидно, все эти маленькие помещения действуют по тому же принципу, но гораздо более усовершенствованному и сложному. Огромное количество нитей касалось всех участков поверхности тела, позволяя чувствовать, как ветер ерошит шерсть урса или как ощущается в руке грубая поверхность инструмента… возможно, даже восхитительные ощущения совокупления.

К Ткетту и Чиссис спустилось еще множество стеблей, на конце каждого — виртуально-реальные плоды с одним существом. Были представлены все разумные расы Джиджо, хотя и уменьшенные в размерах. Чиссис особенно возбудилась, увидев миниатюрных людей, бегающих, отдыхающих или занятых какими-то непонятными делами. Ни один из них, казалось, не знал, что за ним наблюдают.

Все это вызывало неприятное и пугающее ощущение, однако сами субъекты не казались смущенными или испуганными. Напротив, они были энергичны, деятельны, заинтересованы тем, чем занимались. Возможно, они даже не знали истины о своем странном существовании.

Чиссис фырканьем выразила свою тревогу, и Ткетт с ней согласился. Что-то странное в том, как эти микросреды демонстрируются им по очереди, словно разум или разумы, контролирующие весь огромный аппарат, что-то объясняют или хотят начать общение.

Цель — произвести на нас впечатление?

Ткетт немного подумал и неожиданно понял, что все это должно обозначать.

…присутствуют все разумные расы Джиджо…

На самом деле это уже не так. Теперь на планете есть еще одна разновидность мыслящих существ, самая молодая разумная раса из официально зарегистрированных цивилизацией пяти галактик.

Неодельфины.

Конечно, регрессировавшие, подобно бедной Чиссис, разумны лишь отчасти. И Ткетт не питал иллюзий относительно того, что думает доктор Маканай о его собственном душевном состоянии.

Тем не менее по мере того как стебель за стеблем представлял свой плод двум дельфинам, демонстрируя миниатюрные существа внутри — все занятые и, очевидно, вполне довольные своим существованием, — Ткет начинал чувство-

вать, что его заманивают, его уговаривают.

— Великий Ифни… — вслух произнес он, пораженный тем, что предлагает гигантская машина. — Она хочет, чтобы мы во все это влились!

ПИПОУ

Следующий бассейн, в котором она оказалась, окружала деревня из маленьких сплетенных из травы хижин.

Слово «маленький» не вполне подходит для их описания. Существа, появившиеся из хижин и кишевшие на берегу, смотрели на Пипоу широко раскрытыми глазами, расположенными в головах меньше трети нормального размера.

В основном это были люди и хуны… а также несколько трейков и глейверов… все расы, чьи родичи нормального размера живут всего в нескольких сотнях километров отсюда, на западном континенте Джиджо, известном под названием Склон.

Эти лилипуты поразили Пипоу; сами же они еще больше были удивлены ее появлением и смотрели на нее испуганно. Я для них словно кит, поняла она, заметив, что многие потрясают копьями и другим оружием.

Они показывали на ее длинное серое тело, и до нее доносились взволнованные разговоры. Это означает, что их мозг достаточного размера для обладания речью. Пипоу заметила, что головы

существ непропорционально велики, отчего эти люди похожи на детей… пока не разглядишь волосатые, покрытые шрамами торсы мужчин или женские груди, набухшие от молока для голодных младенцев. С каждым мгновением шум становился все громче и возбужденней:

Пипоу заговорила, начав с англика, языка вновь возвышенных, который широко используется на Земле. Ее генетически модифицированное дыхало произносило звуки отчетливо и членораздельно.

— Привет, др-р-рузья! Как поживаете?

Она получила ответ, но не тот, на который надеялась. Толпа на берегу торопливо попятилась, испуская испуганные крики. Пипоу показалось, что она разобрала несколько слов на устаревшем диалекте галактического семь, поэтому попробовала этот язык.

Приветствую! Я принесла вам новости о мирном прибытии и дружелюбных намерениях!

На этот раз собравшиеся едва не сошли с ума, возбужденно прыгая и кувыркаясь, хотя вначале трудно было понять, выражение ли это радости или негодования.

Неожиданно толпа расступилась и стихла, от ряда хижин приближалась новая фигура. Это был

хун ростом выше остальных карликов. На нем был сложный головной убор, а его раскрашенный горловой мешок под подбородком дрожал и вибрировал, испуская гулкие звуки. Его сопровождали два помощника — люди, — один из которых бил в барабан. Остальные жители деревни повели себя удивительно. Все они опустились на колени и закрыли уши. Вскоре Пипоу различила усиливающийся гомон.

Они гудят. Думаю, они пытаются не слышать, что говорит этот важный парень!

На краю бассейна хун поднял руки и начал петь на необычном варианте галактического шесть.

Духи неба, я призываю вас вашим именем… Катаранга!

Духи воды, я прошу вашей помощи… Дупуссиен!

Моим знанием ваших тайных имен я приказываю вам собраться и окружить чудовище. Защитите народ Истинного Пути!

Так продолжалось некоторое время. Вначале Пипоу растерялась, она словно смотрела документальный фильм о каком-то древнем человеческом племени или о проб'шерах с пла-

неты Хорст. Но потом начала замечать кое-что странное. Из джунглей, окружающих деревню, на гудящих крыльях вылетали насекомоподобные существа. Вначале несколько, потом все больше и больше. Они кружили вокруг поющего шамана, образуя рой в форме спирали.

Тем временем боками Пипоу ощутила водную рябь: собирались еще какие-то существа — на этот раз водные — и направлялись к ближайшей к шаману точке берега.

Не могу в это поверить, подумала Пипоу. Одно дело, когда первобытный шаман пытается вызвать силы природы. Совсем другое — чувствовать, что эти силы отвечают, и отвечают быстро, недвусмысленно зловещим угрожающим поведением.

Представители обоих роев, летающего и плавающего, начали делать стремительные вылазки в сторону Пипоу. Спинными плавниками она ощутила острые болезненные уколы, такие же уколы чувствовались и внизу, на животе.

Они нападают на меня!

Осознание этого вывело ее из ошеломленного состояния.

Пора убираться отсюда, подумала она, когда все больше крошечных существ начало кидаться на

нее со всех направлений.

Пипоу развернулась, послав к берегу волну, которая заставила шамана прервать пение и с криком спасаться бегством. И резким толчком на большой скорости начала уплывать.

ТКЕТТ

Когда он уже подумал, что увидел достаточно, один из хрустальных плодов наклонился особенно низко, к самой поверхности воды, и остановился на уровне глаз Ткетта и Чиссис. Стены плода задрожали… и раздвинулись!

Обитатель, крошечный г'кек с колесами на оси по обе стороны от заостренного туловища, подкатил к щели и посмотрел на дельфинов глазами на четырех стебельках. Стебельки начали раскачиваться, когда он смотрел на Ткетта. Потом голосом высоким, но твердым, существо заговорило на галактическом семь, правда, с сильным акцентом.

Мы знаем, что в мире появилась новая раса поселенцев. Но представьте себе наше удивление, когда мы узнали, что новички плавают и нашли нас раньше, чем мы нашли их! Великое Яйцо еще Не посылало призывный зов. И специальный робот-коллектор не был послан на берег, чтобы отобрать образцы. Как умно с вашей стороны прибыть вовремя. Ведь остались лишь дни или недели до того предсказанного момента, когда эта Вселенная расколется!

Чиссис нервно задышала, заполняя стерильное помещение быстрым щелканьем, а Ткетт сильно ударил по воде узкой челюстью.

— Я… понятия не имею, о чем ты говоришь, — запинаясь, ответил он.

Глазные стебельки миниатюрного г'кека переплелись. У Ткетта сложилось впечатление, что существо советуется с кем-то. Затем оно подкатилось еще ближе, расплело стебельки и помахало ими Ткетту.

Если тебе нужно объяснение, ты его получишь.

ПИПОУ

Внутри гиганта тянулись один за другим окруженные растительностью бассейны, соединенные настоящим лабиринтом водных путей. Вскоре Пипоу совершенно заблудилась и начала сомневаться, сумеет ли найти обратную дорогу к пасти чудовища.

Большинство природных зон представляло собой густые джунгли, хотя встречались скалы и пространства, похожие на травянистые степи. Пипоу миновала также несколько деревень с крошечными обитателями. В одном месте в листве виднелось множество рамп и мостиков, все это напоминало фантастического размера американские горки, размещенные среди ветвей. По дорожкам этого удивительного сооружения из дерева скользили на своих колесах многочисленные г'кеки.

Пипоу старалась проплывать мимо деревень незаметно, но ей редко удавалось избегать внимания. Однажды ее преследовал отряд воинов, они ехали на спинах существ, похожих на черепах, стреляли крошечными стрелами и выкрикивали проклятия на странном жаргоне,

который она едва понимала. В другой раз к ней устремился роскошно и ярко разодетый воин-урс, он слетел с берега на летающем ящере, который великолепно размахивал крыльями и из пасти которого вырывались крошечные, но пугающие языки пламени. Пипоу торопливо уплыла, и воин продолжал кричать ей вслед, вызывая «морское чудовище» на битву.

Казалось, она очутилась в мире, населенном существами столь же подозрительными, сколь миниатюрными. Несколько раз встречала шаманов и жрецов, стоящих на берегу, жестикулирующих и ритмично выкрикивающих что-то. Они призывали стаи пчелоподобных насекомых, которые начинали жалить Пипоу, и ей приходилось поскорей уплывать. Пипоу окончательно упала духом… и вскоре приплыла в просторный бассейн, по которому плавало множество маленьких лодок под ярко раскрашенными парусами.

К ее удивлению, на этот раз владельцы лодок при виде ее начинали кричать удивленно и радостно, без страха или гнева! С растущей надеждой она последовала за их приглашением к берегу, где под укреплениями великолепного маленького замка на деревянный причал вышла ей навстречу целая делегация.

Предводитель, человек в серой одежде и высокой заостренной шапке, улыбался, делая приветственные жесты, и заговорил на старинном варианте англика:

— Многие забыли сказания Первых. Но мы узнали тебя, благородный дельфин! Мы помним о тебе из сказаний, передаваемых с начала времен. Как удивительно, что ты явился к нам как раз сейчас, когда приближается Время Перемен. Именем Духовных Предводителей мы предлагаем тебе наше гостеприимство и множество слов власти!

Пипоу обдумывала все увиденное и услышанное. Слова? Что ж, слова могут послужить неплохим началом. Ей пришлось несколько раз выдуть воздух, прежде чем истратить достаточно нервной энергии, чтобы появилась возможность заговорить.

— Ну хорошо. Не можете ли начать с того, чтобы во имя Ифни рассказать мне, что здесь происходит?

ДАРИТЕЛИ ЧУДЕС

Время Перемен пришло. Мирам предстоит разойтись.

Галактики, недавно связанные кратчайшими путями времени и пространства, скоро рассеются. Древняя цивилизация — включая все планеты, с которых вы пришли, — перестанет существовать. Больше она не будет господствовать в этой части космоса.

Изолированное, это звездное королевство, состоящее из миллиардов звезд и ранее известное под названием галактика четыре, скоро найдет свою новую судьбу, начнет новый яркий век. Было предсказано, что Джиджо даст семена великолепной культуры, не похожей ни на что предшествовавшее. Шесть… теперь уже семь разумных рас, тайно пришедших на эту планету, все беглецы. Они таились, подобно преступникам, на запретном берегу. И они расцветут так, как не в силах показать никакое самое яркое воображение. Они станут основателями великого и удивительного. Предтечами звездных рас, которые населят этот плодородный звездный водоворот.

Но каким будет это общество? Простой копией шумного, непрерывно пререкающегося, яростного конгломерата, существующего в «цивилизованном» мире? Основанного на так называемых науках? На физике, кибернетике и биологии? Мы знаем, что одержимость этими науками ведет к бездуховности. Культура, лишенная юмора, управляемая упрощенцами, которые обо всем судят на основании соотношения цена/прибыль и которые не знают истинных ценностей!

Должно быть нечто гораздо лучшее.

Вспомни, как смотрят на мир недавно возвышенные разумные расы — смотрят с детским удивлением! Что, если можно навсегда удержать это восприятие?

Для тех, кто впервые овладел речью, она сама по себе великолепна и обладает могучей силой. Искусство слов включает в себя все, что может когда-либо понадобиться! Не забывая о прежних животных обычаях, молодые расы используют вновь обретенную способность к самовыражению способами, которые не доступны старшим, более «мудрым» разумам.

Особенно хороши в этом отношении люди, которые провели долгие века в одиночестве на изолированной Земле. У них есть множество

названий для этой системы удивительных причин и следствий, традиций, которые возникли во множестве земных племен. Но почти все эти системы имеют общие особенности:

— представление, что мир населен духами, живущими в каждом камне, ручье или дереве;

— готовность воспринимать все события, даже сильные бури и передвижения планет, как имеющие личное отношение к наблюдателю;

— убеждение, что на природу могут воздействовать те, кто обладает особыми силами зрения, голоса или мозга, и эти способности возвышают их обладателя над простыми смертными;

— глубокая вера в силу слов, с помощью которых можно управлять миром.

"Магия» — вот слово, которым люди обозначили такой способ восприятия Вселенной.

Мы считаем, что это лучший способ, который порождает драматичность, приключения, яркость и романтику.

Но магия может существовать во множестве форм. И по-прежнему идут споры об отдельных деталях…

РАЗЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУШЕНИЕ

Вначале Ткетту это объяснение показалось странным и непонятным. Какое отношение имеет оно к необычной подводной машине, чьи внутренности заполнены хрустальными плодами, содержащими разумные существа, каждое из которых словно получает огромное удовольствие от того, что способно воспринимать только оно?

Тем не менее, как археолог, он обладал определенными знаниями прошлого земных племен, и постепенно в его сознании возникло понимание.

— Вы… вы используете технологию, чтобы дать каждому индивиду его личный мир! Н-н-но в этом есть нечто гораздо большее, верно? Вы хотите сказать, что каждый хун, или человек, или трейк внутри этих хрустальных шаров обладает способностью создавать чары? Они не только манипулируют воображаемыми объектами, не только видят иллюзии… они выкрикивают заклинания и видят, как они осуществляются?

Ткетт несколько раз мигнул, стараясь свыкнуться с этой мыслью.

— Возьмем эту женщину. — И он носом показал на ближайший куб, в котором среди густого облака щупалец сопротивления улыбалась женщина-человек. — Если у нее есть враг, она может слепить глиняную фигурку, воткнуть в нее булавку и произнести заклинание боли?

Маленький г'кек покрутил колеса и ответил приподнятым голосом:

— Ты совершенно прав, о проницательный дельфин! Конечно, ей приходится проявлять творчество. Полезны талант и сильная воля. И она должна твердо придерживаться традиций своего имитируемого племени.

— То есть правила произвольны.

Глаза на стебельках грациозно качнулись.

— Произвольны, но изящны и постоянны. И есть еще одно совершенно обязательное требование. Прежде всего пользователь должен безусловно верить в магию.

Пипоу мигала, глядя на миниатюрного колдуна, стоящего в тени сказочного замка.

— Ты хочешь сказать, что жители этого мира могут с помощью только слов командовать птицами, насекомыми и другими животными?

Она много раз сама была свидетельницей этого, но слышать объяснение тем не менее было

странно.

Человек в сером кивнул, говоря быстро и серьезно:

— Особые слова! Сила тайных имен. Условия, которые должен сохранять в тайне каждый пользователь.

— Но…

— Прежде всего большинство животных повинуется только тем, у кого врожденный талант. Индивидам, обладающим большой силой воли. Если бы они подчинялись любому, в основе колдовства были бы страх и зависть. Если каждый будет способен это сделать, оно вскоре утратит всякую ценность. Чудо бледнеет, когда становится повседневным.

Говорят, в древней цивилизации именно такой была технология. Вспомни, что произошло вскоре после того, как люди научились летать. Скоро все летали в небе, и люди воспринимали это чудо как нечто само собой разумеющееся. Как это трагично! Здесь такого не случается. Мы храним чудеса как редкостный и ценный источник.

Пипоу фыркнула.

— Но все это… — Она слегка ударила по воде челюстями, забрызгав джунгли и крутые утесы за ними. — От всего этого несет технологией!

Например, этот нелепый огнедышащий дракон. Очевидный результат биоинженерии! Кто-то создал это существо как… как…

— Как эксперимент? — Одетый в серое маг снисходительно кивнул. Борода его затряслась, и он продолжил горячо говорить своим писклявым голосом:

— Это никогда не было тайной! С того времени, как среди шести рас Джиджо были отобраны наши предки, мы знали, что наша цель — помочь буйурам усовершенствовать их главный план.

Ткетт пораженно отпрянул, забил плавниками в воде. Он удивленно смотрел на многоглазое существо, которое только что объяснило ему суть странного музея миниатюр.

— Б-б-б-буйуры! Они покинули Джиджо миллион лет назад. Как они могли знать о человеческой культуре, тем более создать такую сложную…

— Разумеется, ответ очень прост, — ответил маленький г'кек, глядя несколькими глазами на стебельках из своей раздвинувшейся хрустальной оболочки. — Наши буйуры никогда нас не покидали! С того времени, как первый корабль с беженцами опустился на Джиджо, они незаметно наблюдают и управляют процессом, готовясь к предсказанному дню, когда силы природы

перережут все нити связи между четвертой галактикой и остальными.

Г'кек поклонился в своем хрустальном шаре.

— Отличная догадка, мой друг дельфин. Хотя, конечно, истина гораздо сложнее. Настоящий буйур весит больше тонны и слегка напоминает земную лягушку!

— Тем не менее ты… — настаивал Ткетт.

— Я имею честь служить посредником…

— ..убедить вас, дельфинов, новых и очень перспективных обитателей Джиджо, присоединиться к нам. Для вас это величайшая возможность яркой жизни, полной приключений, и судьбы, насыщенной чудесами!

Маленький колдун улыбнулся, и Пипоу догадалась, что окружающие ничего не слышали или не поняли. Может быть, они заткнули уши, чтобы защититься от силы слов мага. Или здесь очень редко пользуются англиком. Может быть, это «язык силы».

Пипоу поняла также, что ее одновременно испытывают и предлагают ей сделать выбор.

В этом мире наше существование очень неопределенно. Маканай не уверена, что маленькая стая наших регрессировавших переживет следующую

зиму, даже с помощью других колонистов с суши. Да и у шести рас хватает своих трудностей, они отражают нападение пришельцев с Джофура.

Приходится признать, что предложение очень соблазнительно. Пережив несколько недавних бурь на Джиджо, Пипоу понимала, насколько привлекательна перспектива для уцелевших членов экипажа «Стремительного» поселиться в уютном подводном жилище — предпочтительно с большими пространствами открытой воды — и позволить буйурской технологии уменьшить их до размеров, пригодных для новой жизни. Все равно хуже трехлетнего ада в тесных помещениях бедного «Стремительного» не будет.

Предположительно, в будущем, когда эксперимент завершится, их потомкам вернут их истинный размер — после многих поколений, проведенных среди чар и заклинаний.

Это должно у нас хорошо получиться, думала Пипоу. Мы, дельфины, мастера артистического словесного выражения. В конце концов, что такое тринари, как не наш собственный способ словами убеждать мир? Уговаривать его воспринять яркие звуковые эхо и сноподобные образы? Убеждать видеть смысл так, как видим его мы, китообразные?

До Пипоу дошла вся соблазнительность этого предложения.

Какая у нас альтернатива? Предположим, мы найдем способ вернуться к цивилизации, зачем нам возвращаться домой? Нас ждет тяжелая участь — в лучшем случае трудная работа, когда требуется отдать полжизни, чтобы овладеть навыками, полезными в технологическом обществе.

Реальная жизнь и вполовину не так хороша, как в рассказах, которые мы читаем в учебниках. Всякий рано или поздно узнает, что мир полон разочарований — Вселенная, в которой добро редко бывает красивым, а зло не обязательно представлено горящими красными глазами. Сложное общество, полное компромиссов и способов извлечения выгоды, различных комитетов и политических противников, всегда обладающих гораздо большей властью, чем они, по твоему мнению, заслуживают.

Кто не предпочтет место, где космос можно уговорить дать тебе все, что ты хочешь? И где достаточно пожелать, чтобы желание осуществилось?

— У нас уже есть два добровольца вашей почитаемой расы, — сказал Г'кек, заставив Ткетта

удивленно вздрогнуть. Взмахнув глазными стебельками, колесное существо вызвало появление над водной поверхностью голограммы.

Ткетт сразу увидел двух больших самцов дельфинов, спокойно лежащих в сетчатых гамаках; над ними суетились крошечные механизмы, натягивая сеть из какого-то прозрачного материала. Чиссис, до этого задумчиво молчавшая, неожиданно узнала эту пару и закричала на праймале:

#Пойманы! Пойманы в сеть, как они того и заслуживают!

#Глупый Заки — противный Мопол!#

— Ифни! — воскликнул Ткетт. — Кажется, ты прав. Но что с ними делают?

— Они уже приняли наше предложение, — уклончиво ответил посредник. — Скоро эти двое будут жить в мире голографических и сенсуальных наслаждений на борту другой экспериментальной станции. Их будущее обеспечено, и позволь заверить тебя — они будут счастливы.

— Ты уверен, что эти двое не на борту этого корабля, близко от меня? — нервно спросила Пипоу, глядя, как Заки и Мопол превращаются в крошечное изображение после волшебной фразы и взмаха руки мага.

— Нет. Твои спутники последовали за призывом из соседней экспериментальной клетки — их чувствам она представлялась гигантом, напоминающим ваших земных голубых китов. После того как их приняли на борт, предварительный осмотр показал, что им лучше будет жить в мире чистой фантазии. Они с готовностью приняли наше предложение.

Пипоу кивнула, шокированная не только полным отсутствием собственных эмоций — положительных или отрицательных, — вызванных окончательным избавлением от мучителей. Они ушли из ее жизни, и это было все, что ее интересовало. Пусть Ифни решит, как рассматривать их будущее — как пожизненное заключение или как своего рода рай.

Что ж, теперь по крайней мере в их распоряжении любая самка, какую только пожелают, поахала она. Я счастливо от них избавилась.

Но сейчас важнее сосредоточиться на других проблемах.

— А что вы запланировали для меня? Серый волшебник убеждающе развел руки.

— Ничего пугающего или обременительного, о достопочтенный друг дельфин! В данный момент мы просто просим тебя сделать выбор!

Присоединишься ли ты к нам? Мы никого не заставляем. Но как можно отказываться? Если тебя не устраивает один стиль жизни, выбери другой! Выбирай любой из многочисленных зачарованных миров и будь уверен, что твои потомки займут достойное место среди создателей чудес, которые установят новый порядок среди миллионов солнц.

Ткетт видел последствия, далеко выходящие за рамки самого предложения. План буйуров — его размах, поразительные масштабы их замысла — на время лишил его дара речи.

Они собираются запустить целую галактическую цивилизацию, основанную на том, что считают идеальным образом жизни. Очень скоро, после того как так называемое «Время Перемен» оборвет старые межгалактические связи, буйуры освободятся от всяких ограничений закона и обычаев, которые правили кислорододышащими цивилизациями в течение последнего миллиарда лет.

И тогда с этой планеты поднимется новая волна кораблей, с экипажами из представителей семи рас Джиджо, ими будут командовать смелые капитаны, колдуны и короли… помесь тем старой сайенс фикшн и фэнтези… они устремятся

навстречу приключениям! В течение нескольких столетий они будут сражаться с опасностями, развеивать угрозы, открывать и возвышать новые виды. Постепенно люди, урсы, трейки и остальные станут почитаемыми лидерами в галактике, вечно заполненной высокой драмой.

В этом царстве самый страшный ужас будет вызывать скука. Спокойствие станет самым тяжелым преступлением. Об этом позаботятся его подлинные хозяева буйуры.

Подобно великому волшебнику из страны Оз, манипулирующему рычагами из-за занавеса, буйуры с помощью своей высочайшей технологии будут поставлять чудеса. Вам нужны драконы? Они с помощью генной инженерии создадут их. Тайные фабрики будут создавать морских чудовищ и кислотнодышащих чужаков, всегда готовых к битве.

Это будет галактика, управляемая волшебниками, мастерами спецэффектов! Вечный парк чудес, обитатели которого пользуются волшебными заклинаниями, вместо того чтобы изобретать и собирать то, что им нужно. Колдуны и монархи заменят скучных законодателей, порыв вытеснит расчет, а списки тайных имен встанут на место физики.

И потомки наши не станут задавать слишком много вопросов и не посмеют отдернуть занавес, чтобы выставить волшебника из страны Оз на всеобщее обозрение. Те, кто попытается это сделать, не будут иметь потомков!

Окруженные искусными махинациями, люди со временем забудут о существовании законов природы.

Они будут процветать в ярких вымышленных королевствах, вечно выступать в героические походы, триумфально возвращаться из них или храбро умирать… но никогда не станут спрашивать почему.

Ткетт размышлял об этом, заполняя окружающую воду всплесками и сонарным щелканьем. Чиссис, которая большую часть сложного объяснения г'кека не поняла, раскачивалась поблизости в такт мыслям Ткетта.

Наконец он решил, что понял подлинный смысл предложения.

Ткетт подплыл к хрустальному кубу, подняв один глаз так, что он стал вровень с миниатюрным представителем могучих буйуров.

— Думаю, я понял, что здесь происходит, — сказал он.

— Да? — оживленно спросил маленький

г'кек. — И каково твое мудрое мнение, о друг дельфин? Что ты думаешь о нашем великом плане?

Ткетт высоко поднял голову, взбив воду и испустив громкий хохот из дыхала. В то же время его щелкающий лоб выпустил сардоническую хайку тринари:

Иногда болезненные натуры
Создают своими узкими мозгами
Истинно глупые шутки!

Некоторые аспекты предложения очень неприятны, как, например, самодовольное и вечное превосходство буйуров в грядущем мире. Однако Пипоу испытывала искушение.

В конце концов, что ждет нас здесь, на Джиджо? Рабство у джофуров? Или убежище в благословенной тупости, которое обещают мудрецы, если мы последуем так называемым Путем Искупления? Разве это предложение — не чудесный выход, позволяющий отказаться от выбора между двумя этими в равной степени нежелательными судьбами?

Она попыталась забыть о своих опасениях, сосредоточившись на преимуществах плана буйуров. А их, этих преимуществ, много. Например, жизнь в космосе, где скрытая технология

исправляет ошибки природы. Разве не жестоко со стороны Творца создать Вселенную, в которой не исполняются самые пылкие желания? Вселенную, в которой на молитвы получают ответ только в глубине души? Ведь план буйуров усовершенствует эту Вселенную для миллиардов и триллионов. Для всех обитателей галактических цивилизаций. Трудно охватить великодушие таких размеров.

Она сопоставила это честолюбивое предложение с культурой, которая ожидает выживших членов экипажа «Стремительного», если им удастся вернуться домой, в четыре галактики, где мириады соперничающих раздражительных и капризных рас бесконечно ссорятся друг с другом. Слишком полагаясь на древнюю Библиотеку развитых технологий, они редко создают что-нибудь истинно новое. И самое главное — в этом мире стремления индивида всегда подчиняются потребностям нации, расы, клана или философии.

И с этой точки зрения будущее, предлагаемое буйурами, выглядит предпочтительней.

Какая-то часть сознания продолжала настаивать: Это наша единственная возможность. Что, если мы найдем альтернативу этому превращению в односторонних…

Пипоу яростно отбросила это сомнение, убрала в самые далекие отделы сознания.

— Я хотела бы узнать больше, — сказала она серому колдуну. — Как насчет моих товарищей? Остальных дельфинов, живущих на Джиджо? Разве они вам не нужны?

— Нужны, чтобы создать генетически разнообразную колонию, — согласился представитель буйуров. — Если ты согласишься присоединиться к нам, мы попросим тебя вначале попытаться убедить остальных.

— Просто из любопытства: а что будет, если я откажусь? Колдун пожал плечами.

— Твоя жизнь будет продолжаться, как раньше, так, словно ты никогда с нами не встречалась. Мы полностью сотрем из твоей памяти воспоминания об этом посещении, и тебя отправят домой. Позже, когда у нас будет возможность усилить наше предложение, мы пошлем в вашу стаю своих представителей. Но ты услышишь наше предложение словно в первый раз.

— Понятно. И опять — у тех, кто откажется, воспоминания будут стерты… до следующего вашего возвращения. Похоже, вы оставляете за собой большие преимущества в наборе новообращенных.

— Может быть. Тем не менее мы никого не заставляем присоединиться к нам вопреки своему желанию. — Маленький человек улыбнулся. — Так каков твой ответ? Поможешь передать послание твоим товарищам? Мы чувствуем, что ты нас понимаешь и симпатизируешь нашим попыткам создать лучший мир. Поможешь обогатить Великое Блюдо Объединенных Рас деликатесным дельфиньим привкусом?

Пипоу кивнула:

— Я передам ваше послание остальным.

— Отлично! На самом деле ты уже начала, даже не выходя за пределы нашего поселения. Могу тебе сообщить, что двое твоих соотечественников находятся на борту одного из соседних судов… кажется, эти двое с трудом способны оценить чудеса предлагаемой нами жизни.

— Неужели Заки и Мопол! — Пипоу оттолкнулась спинными плавниками и нервно защелкала. Она не хочет иметь с ними ничего общего.

— Нет, нет, — успокоил ее волшебник. — Пожалуйста, подожди немного спокойно, мы откроем канал между судами, и ты сама увидишь.

ТКЕТТ

— Здравствуй, Пипоу, — обратился он к возникшему впереди изображению. — Я рад, что ты хорошо выглядишь. Мы все очень беспокоились о тебе. Но, увидев Мопола и Заки, я понял, что ты должна быть где-то поблизости.

На голограмме видна была стройная молодая самка дельфина; выглядела она действительно прекрасно, хотя и казалась слегка уставшей; ее бассейн окружали джунгли, на берегу виднелся миниатюрный замок. Ткетт мог бы многое сказать о стиле «эксперимента» на борту именно этого корабля, просто наблюдая за толпой собравшихся на берегу туземцев. Некоторые были одеты как рыцари в доспехах, они сидели верхом на конях, а крестьяне в живописных нарядах снимали шляпы, приветствуя проезжающих дам и господ. Совсем другой подход, чем тот, что в этом корабле со свисающими хрустальными плодами — полупрозрачными обиталищами, в котором каждый погружен в виртуальную реальность.

Но базовый принцип тот же самый.

— Привет, Ткетт, — ответила Пипоу. — Это Чиссис с тобой? У вас обоих все в порядке?

— Вполне, я думаю. Хотя чувствую себя героем какого-то глупого патерналистского розы…

— Разве это не замечательно? — прервала Пипоу, не давая Ткетту закончить. — Мечтатели многие века создавали свои утопии. Но эта действительно р-р-работает!

Ткетт удивленно смотрел на нее, не в силах поверить собственным ушам.

— Неужели? — спросил он. — А как же свободная воля? Буйуры предоставят все, что тебе нужно.

— А как же истина?

— Существует много истин, Ткетт. Бесчисленное количество субъективных интерпретаций, которые расцветут в будущем, заполненном потрясающим разнообразием.

— Вот именно — субъективных! Это древнее и п-п-п-пре-зренное искажение слова «истина», как тебе отлично известно. Разнообразие замечательно, конечно. Действительно, может существовать много культур, много форм искусства, даже много стилей мудрости. Но истина в том, чтобы найти то, что реально, что в данных условиях повторяется и поддается проверке, нравится тебе это или нет.

Пипоу пренебрежительно фыркнула.

— А в чем же здесь забава?

— Жизнь предназначена не для забавы и не для того, чтобы получать что хочешь. — Ткетт чувствовал, что у него выворачивает внутренности и в пищеводе появляется горькая желчь. — Пипоу, есть такое понятие — взросление! Это значит постигать, как на самом деле устроен мир, вопреки тому, что ты о нем думаешь. Объективность означает, что я принимаю утверждение: Вселенная не вращается вокруг меня.

Иными словами, жизнь — это ограничения.

— Которые преодолеваются с помощью знаний! С помощью новых инструментов и умений.

Инструментов, сделанных из мертвой материи, сконструированных компьютерами, произведенных в огромных количествах и проданных в магазинах.

— Да! Комитеты, группы, организации и предприятия — все это состоит из индивидов, которым приходится ежедневно подавлять свое эго, чтобы сотрудничать с другими людьми, и идти при этом на бесчисленные компромиссы. В детских фантазиях все совсем по-другому. Не это мы храним в глубине души, Пипоу. Я это знаю! Но именно взрослые и приводят мир в движение.

— И что плохого в том, чтобы купить чудо в

магазине? Мы принимаем как должное чудеса, за которые наши предки отдали бы свои плавники. Разве не этого они хотели для нас? Ты предпочитаешь мир, в котором все лучшее предназначено для колдунов и королей?

Ткетт почувствовал резкий толчок в бок. Боль заставила его повернуться, хотя он был по-прежнему очень сердит и слегка сбит с толку.

— В чем дело? — резко спросил он у Чиссис, хотя знал, что маленькая самка не сможет ему ответить.

Она попятилась от его мощного корпуса и гнева и приняла положение покорности, опустив рыло. Но из ее лба послышался краткий всплеск ядовитого праймала:

#дурак дурак дурак дурак

#дурак продолжает говорить по-человечески

#а море старается научитъ#

Ткетт замигал. Чиссис выразила свою мысль очень ясно. Похоже на детское стихотворение-дразнилку тринари, которой его научила в детстве мать.

С огромным трудом взяв себя в руки, он заставил себя задуматься.

А море старается научить…

Это обычный для дельфинов оборот речи, означающий, что нужно заглянуть под поверхность, открыть скрытое значение.

Ткетт снова повернулся к голограмме, сожалея, что она создана существами, слишком полагающимися на зрение и не обращающими внимание на тонкости звуковой трансмиссии.

Подумай об этом, Ткетт, продолжала Пипоу, словно их разговор и не прерывался. Дома мы, дельфины, самая молодая разумная раса бедного презираемого клана, и нам постоянно угрожает опасность быть завоеванными или уничтоженными. Теперь же нам предлагают положение наверху нового пантеона, выше только сами буйуры.

Больше того, мы как раз для этого подходим! Подумай о том, как чувства дельфинов способны расширить возможности колдовства. Наши основанные на звуках сны и картины воображения. Наше любопытство и бесстрашное стремление к приключениям. И это только намек на возможности, которые могут перед нами открыться…

Ткетт сосредоточился на изменчивом фоне. На меняющихся импульсах, стонах и щелканьях, которые создают среду речи каждого дельфина.

Вначале кажется, что Пипоу испускает самую обычную смесь сонарных и создаваемых дыхалом призвуков.

Потом он различил одну-единственную фразу на праймале… вплетенную в логическую ткань разумной речи:

#спи об этом спи об этом спи об этом спи об этом#

Вначале смысл фразы ускользал от него. Казалось, он подкрепляет остальные аргументы Пипоу. Так зачем делать из него секрет?

Но тут он догадался о другом значении. О чем-то таком, о чем не подумали даже могущественные буйуры.

ПИПОУ

Отплытие из подводного поселения было гораздо веселым и живописным, чем прибытие.

Над головой летали драконы, изрыгая языки пламени, но воспринимались они очень дружелюбно. Целые флоты кораблей, начиная от каноэ и кончая украшенными драгоценными камнями галерами, на которых трудились потные гребцы, сопровождали ее из бассейна в бассейн. На берегу местные колдуны разыгрывали в ее честь грандиозные спектакли — к испугу и благоговейному восторгу зрителей. А Пипоу плыла мимо рыбьих стай, чья чешуя казалась неестественно яркой.

Смешение культур шести рас создало необыкновенное разнообразие, и каждая деревня поражала уникальностью своего архитектурного стиля. Создавалось общее впечатление гордости и яростного соперничества. Однако сегодня все распри, все раздоры, героические поиски и благородные кампании — все это было забыто, чтобы можно было посмотреть на нее.

— Видишь, как мы предчувствуем успех твоей миссии, — заметил серый колдун, когда они достигли последнего помещения. В космическом

корабле здесь много места занял бы шлюз, холодный и металлический. Но здесь, когда открылась огромная пасть, неожиданно впуская ветер и солнечный свет, почувствовалась жизнь.

Очень любезно с их стороны, что они поднялись на поверхность, избавив меня от неудобств подъема из бездны.

— Передай другим дельфинам, что их ждет радость! — крикнул вслед Пипоу маленький маг, когда она через раскрытые челюсти выплывала к свету. — Расскажи им о яркости и приключениях! Скоро дни экспериментов кончатся, и все это примет полный размер, и вся Вселенная будет нашим домом!

Пипоу растопырила плавники, тормозя, и оглянулась на маленькую фигуру с широко распростертыми руками; послушные живые существа образовали вокруг ее головы светящийся нимб.

— Обязательно скажу, — заверила она.

Пипоу повернулась и углубилась в холодное море, устремляясь к утренней встрече.

ТКЕТТ

Он пришел в себя и с удивлением обнаружил, что плывет на полной скорости, прыгая и ныряя под широкие океанские волны, ритмично и мощно работая плавниками.

В других обстоятельствах пробуждение в стремительном движении могло бы сбить с толку. Но с обоих боков Ткетта плыли два дельфина, абсолютно синхронно повторяя каждый его прыжок и нырок. Это позволяло ему буквально спать на плаву.

Как долго это продолжается?

Он не знал. Похоже, час или два. А может, и дольше.

За собой Ткетт слышал низкое гудение двигателя саней, следовавших за тремя дельфинами на автопилоте.

Почему мы не пользуемся санями? удивился он. В крайнем случае три дельфина входят в рубку. И тогда они быстрее добрались бы до Маканай и доложили…

Он вынырнул, выдыхая затхлый воздух и вдыхая свежий, совершая каждое движение с безупречным совершенством, в то время как мозг

его работал в необычном смятении.

…доложили бы, что Мопол и Заки мертвы.

Мы нашли Пипоу живой и здоровой, она плыла в открытом океане.

А что касается звуков «двигателя», который мы должны были исследовать…

Ткетт был почему-то уверен, что за этим скрывается какая-то история. История, которую позже объяснит Пипоу. Когда решит, что настало время.

Нечто удивительное, процитировал он, сам не понимая откуда. Словно ниоткуда устремлялся поток энергии, готовя Ткетта к восприятию, когда Пипоу сообщит дельфинам хорошую новость.

Он сам не понимал, откуда знает это, но был уверен, что за ними следуют не только сани.

— Добро пожаловать в мир живых, — приветствовала его Пипоу на сжатом подводном англике после очередного выныривания.

— Спасибо… что-то я не очень соображаю.

— Что ж, неудивительно. Ты очень долго полуспал. Можно сказать, что ты полупроспал нечто очень важное.

Что-то в ее словах зажгло в нем яркую искру — подействовало, как отключенный предохранитель, нарушив плавное скольжение Ткетта

в воде. Он вошел в воду под неверным углом и болезненно ударился мордой. Потребовались немалые усилия, чтобы снова занять место между двумя самками и двинуться в ритме группы.

Я… спал. Я проспал.

Вернее, проспала только половина его.

И он начинал постепенно понимать, почему это так важно.

В цивилизации пяти галактик очень мало разумных, живущих в воде, думал он, потянув за одну из ниточек, соткавших покрывало его спокойствия. Думаю, буйуры никогда и не догадывались…

В черепе слева направо прокатилась волна боли, словно часть мозга, до сих пор затекшая, внезапно ожила.

Буйуры! Мгновенно хлынули воспоминания. Хлынули неровным потоком.

Начиная свой эксперимент, они не рассчитывали на расу водоплавающих. Они слишком много времена провели на океанском дне. У них не было возможности изучить нас. Подготовиться к встрече.

И в особенности они не учли, как работает мозг китообразных.

Дышащее воздухом животное, живущее в воде,

сталкивается с особой проблемой. Даже после миллиона лет эволюции в водной среде дельфинам постоянно грозит опасность утонуть. Поэтому сон для них далеко не простая задача.

Они решили эту задачу так: полушария мозга дельфина спят по очереди.

Подобно людям, дельфины обладают сложной внутренней жизнью, их психика состоит из множества временных или постоянных подличностей, которые должны уживаться друг с другом в пределах одной личности. Этот союз стал еще более проблематичным, когда люди — генные инженеры — стали превращать невозделанных дельфинов в разумную расу. В противопоставлении полушарий сосредоточено особенно много трудностей и проблем, включая сложнейшие беседы и согласования двух половинок.

Но иногда это оказывается преимуществом.

То полушарие, которое знало о буйурах — оно спало, когда на другое полушарие была наложена амнезия, — обладало гораздо меньшими языковыми способностями. Поэтому вначале удалось выразить в словесном виде только некоторые концепции. Ткетту приходилось повторять зрительные и звуковые образы, объединяя и экстраполируя их, поддерживая сложный обмен

вопросами между двумя половинами самого себя.

Это дало ему более глубокое проникновение в проблему и позволило по-настоящему оценить таких, как Чиссис. Я был бесчувственным ублюдком, понял Ткетт. Эта мысль выразилась в виде невысказанного извинения в сонарных эхо. И когда в следующий раз они одновременно взвились в воздух, Чиссис коснулась его боком. В этом прикосновении было прощение.

— Итак, — заметила Пипоу, когда прошло достаточно времени и мысли Ткетта обрели четкость, — мы договорились, что скажем Маканай?

Ткетт собрался с решимостью.

— Мы расскажем ей все… и еще кое-что! Чиссис согласилась с этим.

#Скажите им скажите им
#Насмешники над чудищами
#Обещают все что угодно
#Но отбирают свободу!#

Ткетт фыркнул. Какая элегантность тринари в этом всплеске праймала, созданном маленькой самкой, она напоминает экспрессивность поэта и исследователя; такой была Чиссис до того, как три года в аду на борту «Стремительного» приве-

ли ее к регрессу. Кажется, один уголок начинает поворачиваться в противоположном направлении. Может быть, это только вопрос времени и постепенно все члены экипажа вернутся к полному разуму… и ко всем тревогам, которые связаны с этой радостью.

— Что ж, — заметила Пипоу, — с какой-то точки зрения буйуры предлагают нам даже больше свободы. Наши потомки имели бы обширный круг личных выборов. У них было бы больше возможностей осуществить свои желания. Больше мечтаний осуществилось бы.

— Но в виде фантазий и эскапизма, — отозвался Ткетт. — Буйуры превратили бы всех в эготистов… в солипсистов! В реальном мире приходится расти постепенно и учиться общаться с окружающими. Встраиваться в культуру. Уметь быть членом команды, становиться партнером. Ифни, какие усилия требуются для хорошего брака! Очень тяжелая работа и множество компромиссов, и все это приводит к результатам, которые каждый в отдельности не мог себе даже представить!

Пипоу коротко удивленно свистнула.

— Ай да Ткетт! Мне кажется, ты в своем пуританском, с плотно закрытыми клапанами стиле

— романтик.

Чиссис присоединилась к мягкому дразнящему смеху Пипоу, так что он стереофонически доносился с обеих сторон. Человек в таком положении покраснел бы. Но дельфины не могут скрыть свои эмоции друг от друга и редко пытаются это сделать.

— Серьезно, — продолжал Ткетт. — Я буду сражаться с буйурами, потому что они намерены бесконечно держать нас в детском манеже, лишая права взрослеть и, самим постигать устройство Вселенной. Магия, возможно, романтичней науки. Но наука честна… и она действует.

— А ты, Пипоу? Ты почему?

Последовала долгая пауза. Потом Пипоу ответила с поразительной злостью:

— Терпеть не могу все это королевско-волшебное дерьмо! Неужели кто-то должен править, потому что его отец был помпезным правителем? Неужели все птицы, рыбы и звери должны повиноваться тебе только потому, что ты знаешь тайные слова и не желаешь делиться ими с остальными? Или потому, что у тебя громкий голос, а твой эготизм сильней, чем у остальных?

— На Земле мы боролись за то, чтобы освободиться от таких нелепых представлений… или

люди по крайней мере боролись. Они никогда не помогли бы нам, дельфинам, подняться к звездам, если бы предварительно не порвали с такими дурацкими представлениями.

— Хочешь знать, почему я буду сражаться с буйурами, Ткетт? Потому что там место для Молола и Заки. Один из них сейчас воображает себя суперменом, а другой — морским царем.

Три дельфина плыли молча, а Ткетт размышлял, что означает их решение. По всей вероятности, сопротивление окажется тщетным. Ведь буйуры невообразимо могущественны, да и готовились полмиллиона лет. И предложение их заставляет померкнуть все предыдущие искушения. Среди шести рас на берегу — да и в маленькой колонии дельфинов — многие предпочтут принять это предложение и станут помогать принудительно делать новый мир полным волшебных чудес.

У нас никогда не было такого врага, понял Ткетт. Такого, который пользуется нашей величайшей слабостью, предлагая осуществить все наши мечты.

Конечно, одну возможность они не стали обсуждать. Может быть, они видели только поверхностный слой гораздо более сложного плана… может быть, исключительно длинного и

абсолютно несмешного розыгрыша.

Не важно, думал Ткетт. В любом случае нам нужно сражаться, иначе мы никогда не станем достаточно сильными и мудрыми, чтобы «понять» шутку. И никогда не сможем отплатить буйурам чем-то подобным. Не сможем, если они будут контролировать нас тайными рычагами, как волшебник из страны Оз.

На какое-то время их охватило настроение мрачной безнадежности. Все молчали, но сонарные пощелкивания всех троих объединялись и растворялись вдалеке. Возвращавшееся эхо словно приносило подтверждение моря о серьезности их положения.

Никаких шансов. Но все равно — удачи!

Наконец маленькая Чиссис прервала мрачное молчание: весь последний час она напряженно сочиняла собственный философский глиф тринари.

В каком-то смысле это было предуведомление: она готова вернуться к трудностям разумности.

В то же время глиф представлял собой ее манифест. Оказывается, у нее была другая причина бороться с буйурами. Причина, которую не выразили Пипоу и Ткетт, хотя у них она вызвала глубокий отклик.

И неясные туманы мечты,

И ослепительно яркое сияние дня

Предоставляют сокровища ищущему,

Дают возможность бесценных вдохновений.

Одно дает открытое, честное знание

И мастерство, творящее чудеса.

Но другое (столь же необходимое)

Переполняет душу и заставляет биться сердце.

Зачем нам их эрзац-магия?

Зачем нам их вымышленные чудеса?

Бог и Ифни создали космос.

Он полон чудес… давайте жить ради них!

Пипоу восхищенно вздохнула:

— Я не могла бы сказать лучше. К черту старых уродливых лягушек! Мы создадим свою магию!

Они устали, и солнце уже уходило за горизонт, когда увидели вдали очертания берега и уловили дельфинью болтовню. Но трое продолжали быстрое движение в шелковых водах Джиджо.

Несмотря на все свидетельства логики и чувств,

день по-прежнему казался утром.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я редко пишу две научно ориентированные «космические» книги подряд. Есть так много возможностей, так много декораций для рассказов, и мне нравится чередовать более «взрослые» романы с такими, где действие происходит на земле в почти вероятном будущем. Тем не менее моя серия романов о Возвышении, действие которых происходит в далеком будущем, оказалась достаточно популярна, что заставило меня недавно написать трилогию: «Риф Яркости», «Край бесконечности», «Небесные просторы». Вместе с тремя более ранними романами — «Прыжок в Солнце», «Звездный прилив» и «Война за Возвышение» — они рассказывают о многочисленных приключениях в гордом незабываемом стиле космической оперы… хотя я надеюсь, что к энергии и фантастическому порыву примешиваются и некоторые мысли.

На одном уровне в этих книгах рассматриваются моральные, научные и эмоциональные следствия «Возвышения» — попытки с помощью генетической инженерии ввести высших животных в нашу цивилизацию, придав им

человеческие мыслительные способности. Этой концепции касались многие другие авторы (например, Г.Д. Уэллс, Пьер Буль, Мэри Шелли и Кордвайнер Смит), но все они подходили с одной стороны, полагая, что этот процесс приводит к печальным результатам: люди, наделяющие животных этим даром, сами безумны и заканчивают установлением грубых взаимоотношений «хозяин-раб» со своими созданиями.

Конечно, таков один из возможных (и презренных) исходов. В этих произведениях здоровая мораль. Но такой подход полностью выработан, поэтому я выбрал другой. Что, если когда-нибудь человек, ведя животных к разуму — а я верю, что когда-нибудь это осуществится, — будет руководствоваться моралью современного либерального общества? Исполненные возвышенной гипертерпимостью и насыщенной чувством вины тревогой, неужели мы сможем погубить своих клиентов добротой? Гораздо важнее то, что этот новый вид разумных существ столкнется с собственными реальными проблемами, даже если с ним будут хорошо обращаться. Приспособление будет тяжелым. Чтобы вызвать симпатию к тяжелой борьбе новых существ, совсем не обязательно изображать их рабство.

Когда я обдумывал концепцию Возвышения, мне пришло в голову, какой она может показаться чуждым существам, которые многие эпохи уже странствуют меж звезд, встречая бесчисленные предразумные жизненные формы и давая каждой из них толчок, создавая новые поколения звездных путешественников, которые то же самое Проделают с другими, и так далее. В результате возникла поразившая меня картина гигантской галактической культуры. Такая культура имеет огромные преимущества, но, возможно, склонна к своего рода культурному консерватизму — одержимости прошлым. Теперь предположим, что с этой обширной древней культурой сталкивается молодой клан землян, не только людей, но также дельфинов и шимпов. Как встретят новичков? Как будут с ними обращаться? И как будем реагировать мы?

В очень многих фантастических сюжетах предполагается необъяснимое состояние нарушения равновесия; люди неожиданно сталкиваются с чужаками, которые находятся как раз на нужном уровне развития, чтобы стать интересными соперниками или чужаками. Но на самом деле обычным состоянием будет состояние равновесия — равновесия закона и, может быть, смерти.

Мы можем оказаться Первой Расой, как рассматривается в моем рассказе «Хрустальная сфера», или поздними пришельцами, как изображено в серии «Возвышение». Но в любом случае мы вряд ли встретимся с чужаками как с равными.

Моим вторым мотивом при создании этой серии была экология. То, что мы сейчас делаем на Земле, заставляет меня опасаться, что в галактике уже могут существовать районы «лесных пожаров» — экологических катастроф. Обычный фантастический сюжет изображает смелых поселенцев, кричащих: «Давайте завоюем Вселенную!» Дикий фронтир — весьма многообещающий образ, но безрассудное распространение может в считанные годы создать экопустыни. Если так уже случалось в прошлом, это могло бы объяснить, почему ученые не слышат в галактике ничьих голосов. Такого развития события можно было бы избежать, если бы что-то регулировало порядок освоения планет колонистами, заставляя их учитывать долговременные последствия. Вселенная Возвышения представляет одну возможность, как это могло бы происходить. Несмотря на всю свою непостижимость и временами отвратительность, мои галакты на первое место ставят сохранение планет, поселений и

потенциала новой разумной жизни. В результате возникает шумная, драчливая Вселенная, однако заполненная многообразием, которого в противном случае не было бы.

Конечно, очень интересной была задача проникновения в головы шимпов и неодельфинов. Концепция Возвышения предоставляет автору почти неограниченные возможности. Если характеры кажутся излишне человеческими, то это естественный результат генетического и культурного воздействия, которое потребовалось, чтобы сделать их членами земной культуры. Но с этой безопасной почвы я продолжал свои исследования, обратившись к более древним и естественным инстинктам приматов и китообразных, одновременно облагораживающим и таким, которые могут привести в смущение гордого человека — так призрак древней дочеловечности иногда тревожит мужчин и женщин современной эры. В неодельфинах я в особенности старался объединить последние научные данные о моделях познания, свойственных китообразным, с моими собственными воображаемыми экстраполяциями их «культурной» и эмоциональной жизни.

Наконец, подобно любому хорошему сюже-

ту, каждый роман о Возвышении имеет дело с борьбой добра и зла — или с неясной областью между этими двумя понятиями. Одна из концепций, которые я рассматривал в последнее время, заключается в коварном и высокомерном, но одновременно очень распространенном предположении, что слова важнее действий.

Столетиями идет спор между теми, кто верит, что идеи в своей сути опасны и пагубны, и теми, с другой стороны, кто считает, что мы можем вырастить из смелых детей зрелых взрослых, способных критически воспринимать и оценивать каждую идею с ее достоинствами и недостатками. Даже сегодня существуют политические течения, которые полагают, что некая элита (правая или левая) должна защищать массы от опасных образов и впечатлений. Те же самые люди часто учат, что «подумать о чем-то то же самое, что сделать это».

Очевидна связь с этим возрождения «волшебства» в фантастической литературе. Главные герои, обладающие магическими способностями, всегда лучше, сильнее и могущественнее других — не потому, что заслужили этот статус с помощью подготовки, стараний, споров, но потому, что некая истинно волшебная сила или

власть поставила их выше остальных. В таких фантастических обществах сила либо наследуется, либо коренится во всепоглощающем эго сверхчеловека, в его способности все подчинять своей воле. С презрением отвергаются или забываются объединенные усилия профессионалов, которые принесли в этом столетии подлинные чудеса науки и свободы. Те, кто способен создавать волшебные слова, изображаются более могущественными, чем те, кто способен на дела, особенно если эти слова тайные, могущественные и, конечно, не подлежащие передаче простым невежественным крестьянам. Такой тип литературы отвергает принцип равенства западной цивилизации, обращаясь к более древним традициям, которые восхваляли и оправдывали власть элиты над народом.

В моем рассказе «Искушение» — ответвлении от сюжета «Края бесконечности» — мы сталкиваемся с древним зловредным представлением, с вечным искушением мысли, осуществляющей желания. Дельфины приходят к выводу, что можно объединить науку и искусство. Мы можем объединить честность с экстравагантным самовыражением. Мы не ограниченные существа.

Но до настоящего времени огромный вред

причиняют те, кто считает, что главное — принуждение.

Не все субъективно. Главное — то, что в реальности. Главное — это истина. Это по-прежнему слово, обладающее глубоким смыслом.

Дэвид Брин